РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 11

Часть 3

Москва – 2016

ББК 60ю54
66.75 (2 Рос)
Р 76

Редакционный совет

И.А. Андреева – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *Ю.М. Арский* – академик РАН, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, *И.В. Зайцев* – д.и.н., врио директора ИНИОН РАН, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *Е.В. Попова* – к.э.н., академик РАЕН, заместитель генерального директора ОАО «Институт экономики и развития транспорта», председатель Комитета по содействию модернизации и технологическому развитию России ТПП РФ, *С.А. Шуванов* – председатель Совета МОД «Российская служба мира», директор Центра культур народов БРИКС, *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

Л.А. Аносова – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *Г.В. Кухтин* – первый заместитель председателя МОД «Российская служба мира», *О.А. Махова* – к.э.н., доцент Российского экономического университета, *Д.О. Мешков* – д.м.н., зав. сектором Национального НИИ общественного здоровья, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, заместитель директора по науке Института природных и технических систем РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор.

Инициаторы Форума: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Российское общество социологов, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Комитет по содействию модернизации и технологическому развитию России ТПП РФ, Союз малых городов России, Академия геополитических проблем, Всероссийский конгресс «СЕЛО-XXI», Международное общественное движение «Российская служба мира», Инновационное агентство Республики Башкортостан, Клуб субъектов инновационного и технологического развития, журналы «Россия и современный мир», «Инновации», «Информационные войны», «Экономические стратегии».

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд.
Р 76 науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – 813 с.
ISBN 978-5-248-00837-7

Рассматриваются проблемы стратегического проектирования социально-экономического развития России, национальных интересов России в изменяющемся мире, модернизации российской экономики на основе инновационного и технологического развития, качества власти и управления, регионального развития, модернизации российского здравоохранения, образования и науки, проблемы молодежной политики. В ежегоднике представлены материалы экспертного опроса, проводимого в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения», а также нескольких научно-практических мероприятий, проведенных по тематическому профилю Форума, - Всероссийской научно-практической конференции «Импортозамещение и конкурентоспособность российской экономики», Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и будущая Россия», Круглого стола «Стратегия развития страны и консолидация российского общества» и др.

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

ББК 60.54
66.75 (2 Рос)
Р 76
ISBN 978-5-248-00837-7
© ИНИОН РАН, 2016

Содержание

Стратегия развития России в XXI веке

Бирюков А.В.
Технологический прорыв как фактор общественной консолидации в России 10
Ворожихин В.В.
Что нужно России для достижения благоприятного будущего 12
Захаров В.К.
Общие исторические данности как императивы государственной политики современной России 18
Казанцев Н.М.
Стратегический капитализм: сравнительный опыт реализации американских и отечественных стратегий 25
Козырев А.А.
Приоритеты стратегии опережающего развития 30
Комков Н.И.
Поэтапный переход к корректировке псевдорыночной модели экономики России 33
Конашев М.Б.
О «Программе альтернативного (некапиталистического) развития страны» 41
Краснопольский Б.Х.
Региональные социумы как важнейший фактор консолидации общества (На примере Дальнего Востока России) 47
Курабцев В.Л.
Стратегические возможности России; «Русская идея» XXI века 49
Левашов В.К., Шушпанова И.С.
Стратегия устойчивого консолидированного развития российского общества и государства: Измерения и принципы 54
Ложко В.В.
Человеческий капитал – главный ресурс консолидации российского общества как стратегического субъекта российского развития 62
Морозов Ю.В.
Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии 68
Москвич Ю.Н.
Поиски нового видения стратегии для России: Проблемы, ограничения и возможности 74
Новиков А.И.
Экономическая и социальная модернизация как условие неоиндустриального развития России 78
Орлов А.И.
Освободить экономическую теорию от извращений 82
Ройзенман Ф.М.
Инновационное и прогрессивное развитие России путем построения новой общественно-экономической формации – «Солидаризм» (Модель формации и стратегии её построения) 88
Самостроенко Г.М.
Стратегия развития страны как условие консолидации российского общества 92
Сараф М.Я.
Сохранение целостности национального культурного пространства как необходимое условие выхода из кризисных состояний общества 94
Цымбал В.И.
Обеспечение устойчивости успешного развития государства и общества в РФ 97
Шеляпин Н.В.
Образ будущего как фактор консолидации российского общества 102

Национальные интересы в изменяющемся мире

Аветисян П.С., Заславская М.И., Галикян Г.Э.
Единое образовательное пространство в контексте евразийской интеграции: Проблемы и перспективы 106

Авцинова Г.И.
Общественная безопасность в современной России: Понятие и политика обеспечения 114
Валовая М.Д.
Основные тренды, виды и уроки интеграции в условиях формирования региональных мегапроектов 119
Венидиктов С.В.
Интеграционные приоритеты Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе 123
Воржецов А.Г.
Консолидация современного российского общества: Реальность и перспективы 128
Гаврилова И.Н.
Возможна ли консолидация современного российского общества? 132
Дышин А.В.
Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области разработки месторождений топливно-энергетических ресурсов на Дальнем Востоке России 133
Комлева Н.А.
Контракция российского геополитического пространства: Основные технологии преодоления 136
Котилко В.В.
Пространственная безопасность и размещение производительных сил 141
Кочетов Э.Г.
Brexit, далее везде: Судьба интеграционных группировок – уход в другие координаты 147
Криштапович Л.Е.
Метафизика Евразийского союза 152
Левашов В.К., Шушпанова И.С.
Измерение устойчивого развития российского общества 158
Митрофанова И.В.
Экономические связи Юга России и Украины в новых геополитических условиях: Свободное падение? 168
Морозов Ю.В.
Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России 174
Морозов Ю.В.
Значение мягкой силы России и Китая для центрально-азиатских партнеров по ШОС 182
Радзиевский В.А.
Историческая деонтология и субнациональный подход 191
Раков С.Е.
Война ценностей 199
Сараф М.Я.
Национальное культурное пространство как театр информационных войн 207
Семченков А.С.
«Цветные революции» как угроза региональной безопасности: Специфика и пути противодействия 209
Федотовских А.В.
Возможности сотрудничества государств – участниц Евразийского союза в Арктической зоне России 213

Импортозамещение и конкурентоспособность российской экономики

Анохина М.Е.
Условия экономического роста АПК на современном этапе 216
Беденко В.Г., Иванов В.Н., Бакулин Л.А., Зулин Б.Д.
Результаты выполнения программы импортозамещения ООО «ШИХ» в области производства химических препаратов для кожевенной и меховой промышленности 222
Белокрылов К.А.
Экономико-правовые риски системы госзакупок в условиях реализации стратегии импортозамещения 225
Белокрылова О.С., Чернышенко И.И.
Модернизация Института контрактных отношений в контексте политики импортозамещения 230
Белостоцкий А.А.
Импортозамещение как фактор устойчивого развития агропромышленного комплекса в условиях международных санкций 233
Васильева Л.В.
Зарубежный опыт импортозамещения: Тенденции государственного регулирования 237
Гурова И.П.
Импортозамещение в странах Евразийского экономического союза 242
Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М.
О поиске эффективных решений по импортозамещению детской продукции потребителям регионов ЮФО и СКФО на базе ассортиментной политики 248
Дарда Е.С.
Российское продовольственное эмбарго как фактор развития сельскохозяйственного производства 254

Ерохина Е.В.
Механизмы развития внешнеэкономических связей российских регионов в условиях импортозамещения (На материалах Калужской области) 257
Зеленцова Л.С.
Механизм реализации концепции импортозамещения: Анализ и перспективы 263
Зудин Н.Н., Кузык М.Г., Симачев Ю.В.
Зарубежный опыт проведения политики импортозамещения: На кого равняться? 267
Игнатова Т.В.
Каузальный спектр импортозамещения: Девальвация, санкции, реиндустриализация 274
Коннова Е.В.
Формирование рынка продукции сельскохозяйственного машиностроения: Проблемы импортозамещения 277
Кузнецов В.И.
О статистическом изучении импортозамещения в России 281
Линецкий А.Ф., Толмачев З.Л.
Импортозамещение в Свердловской области как важнейший фактор экономической стабильности региона 283
Марченков Г.А.
Состояние инвестиционных процессов в тракторном машиностроении: Проблемы импортозамещения 287
Молчанова Н.П.
Проблемы финансирования импортозамещения в российской экономике 290
Орлова Е.Р., Бочарова И.Е., Вершинина А.В.
Анализ некоторых проблем импортозамещения и внедрения инновационных технологий 296
Осипов В.С.
Формирование институциональных условий для реализации политики импортозамещения 300
Павлов К.В.
Развитие традиционных промыслов как фактор импортозамещающей модели модернизации экономики региона 308
Положихина М.А.
Изменения в промышленной политике и промышленности России под воздействием санкций 314
Пястолов С.М.
Вопросы технологической безопасности: Актуальность импортозамещения 318
Рева Д.В., Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В., Кораблина С.Ю.
О возможностях сегментирования отечественных рынков по импортозамещению обуви в регионах ЮФО и СКФО 323
Рева Д.В., Прохоров В.Т., Осина Т.М.
О возможностях инновационных решений для импортозамещения продукции лёгкой промышленности в регионах ЮФО и СКФО 331
Симановская М.Л., Силантьева Е.С.
Теоретические аспекты импортозамещения на продовольственном рынке России 338
Солдатова И.Ю.
Импортозамещение как фактор развития роста эффективности сельских территорий 343
Тепина Ю.В., Козаченко П.Н.
О перспективах производства конкурентоспособной и востребованной продукции легкой промышленности на предприятиях ЮФО и СКФО 349
Цветкова Н.Н.
Импортозамещение, модернизация экономики и конкурентоспособность: Опыт стран Востока и проблемы России 351
Шутьков А.А.
Ресурсно-инновационная модель импортозамещения: Проблемы формирования и реализации 359
Щербина Т.А.
Особенности государственной политики импортозамещения в России в сфере аппаратного и программного обеспечения 364

Модернизация экономики России

Абрамов М.Д., Кашин В.А.
Введение прогрессивной шкалы НДФЛ – обязательное условие развития экономики 369
Белозерова С.М.
Об условиях преобразований в промышленности и развитии новых социально-экономических отношений 375
Беляков А.А., Туруев И.Б.
О необходимых структурных реформах экономики 381
Ибрагимов-Бамматули Х.И.
Субсидиарное управление собственностью как условие устойчивого роста экономики 384
Клочкова Е.Н.
Развитие информационного общества и конкурентоспособность экономики: Международный и отечественный опыт 386

Кожевина О.В.
Использование стандартизации в стратегическом корпоративном управлении компаниями с государственным участием 393
Павлов К.В.
Этноменеджмент как составная часть этноэкономики 398
Солдатова И.Ю.
Государственная поддержка конкурентоспособности и модернизации сельскохозяйственной продукции России 407
Хузмиев И.К.
Об энергетической безопасности и энергосбережении 411

Инновационно-технологическое развитие: Современное состояние и перспективы

Акимов А.В.
Развитие робототехники – новая задача ЕС 416
Башилов А.М.
Видеороботизация агротехнологических процессов в растениеводстве и животноводстве 419
Богдан Н.И.
Интеллектуальный капитал как фактор современного роста и инновационного развития: Международная практика и задачи стран ЕврАзЭС 424
Бондарева Н.Н.
Состояние и перспективы развития роботизации: В мире и России 430
Докучаева Г.П.
Обращение ко всем заинтересованным в возрождении и развитии текстильной промышленности России 436
Клейнхоф И.А., Клейнхоф А.Э.
Методологические аспекты реализации стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации 439
Кохно П.А., Кохно А.П.
Развитие технологических процессов в промышленности с учётом снижения затрат прошлого труда 443
Кульков И.В., Герасимов В.И.
О совместном проекте Российской академии наук, Центра ЮНИДО РФ и Делового клуба ШОС «Технологическое развитие агропромышленного производства России» 449
Павлов К.В.
Оценка эффективности инноваций и инвестиций интенсивного и экстенсивного типа 453
Сливицкий А.Б.
Система уровней готовности технологий как оптимальная модель организации и финансирования процесса создания научно-технического задела в российской промышленности 461

Качество государственного управления и конкурентоспособность государства

Игнатова Т.В., Мартыненко Т.В.
Трансформация принципов и критериев управления государственной собственностью 470
Лихтин А.А.
Актуальные методы и инструменты по повышению эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти 473
Молчанова Н.П.
Особенности формирования финансовой политики России в новой экономической реальности 476
Орлов Ю.Ф.
Коррупция: Основания, законы функционирования, математические модели социодинамики 484
Разумовский В.А.
Финансовый контроль инновационных проектов, использующих государственную поддержку 493
Хузмиев И.К.
О системе управления территорией....497

Становление социального государства в России: Современные реалии и перспективы

Гриценко Н.Н.
Основные положения, принципы социального государства и механизмы их реализации 501
Крюкова О.С.
Праздники России в концептосфере национальной идентичности 508
Лившиц В.Н., Тищенко Т.И., Фролова М.П.
Бедность и неравенство – общемировые проблемы и их российские особенности 511
Павлов Б.С., Бердник Л.П.
Как выживают уральские бомжи: Фрагменты социологического анализа (Мониторинг 1992–2015 гг.) 516

Тимощук А.С.
Реформа уголовно-исполнительной системы России в контексте персонализма 527

Демографические процессы и сбережение нации

Апанасенко Г.Л.
Фундаментальные основы стратегии обеспечения здоровья и сохранения нации 531
Дзуцев Х.В., Дибирова А.П.
Отношение граждан Республики Северная Осетия – Алания к проблеме наркомании 533
Сигарева Е.П., Пучкова Ю.М.
Статистический и социологический анализ репродуктивного выбора женщин России при наступлении беременности 544
Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю.
Демографическое разнообразие регионов России в мировом контексте 552

Молодежь и будущая Россия

Аникина А.В.
Сельский туризм и занятость на селе: Инновационный потенциал молодежи 560
Бормотов И.В.
Ценностный мир молодежи: Особенности и проблемы 564
Волосков И.В.
Пути рационализации системы ценностей российского студенчества 568
Евстифеева Е.А., Рассадин С.В., Филиппченкова С.И., Дьяченко Я.О.
Личностный потенциал современной российской молодежи как основа гармонизации межэтнической медиации 570
Ершов Б.А.
Значение деятельности русской православной Церкви для современной молодёжи в России 572
Задонская И.А.
Молодежная политика как социальный фактор развития молодежи 575
Кусмарцев М.Б.
Патриотическое воспитание молодёжи как ключевой приоритет в обеспечении инновационно-технологического развития России: Опыт Волгоградской области 580
Легостаева Н.И.
Демонстративно-потребляющая молодежь 584
Лутовинов В.И.
Стратегия развития системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на ближайшую перспективу 587
Малик Е.Н.
Политико-правовые аспекты консервативной модернизации государственной молодежной политики в современной России 593
Павлов Б.С., Бердник Л.П., Разикова Н.И., Павлов Д.Б.
Социально-экономическое самочувствие молодёжи на Урале в условиях рыночных преобразований: Опыт социологического мониторинга (1989–2016 гг.) 598
Павлов Б.С., Бондарева Л.Н., Сарайкин Д.А., Павлов Д.Б., Матюшенко Я.И.
Молодые селяне на Урале в преддверии переселения в город (Социологический ракурс анализа) 608
Родионова Н.В.
Механизмы рурализации экономики России, обеспечивающие локальную консолидацию и безопасность молодежи 617
Тесленко А.Н.
Самоорганизация и самоуправление студентов в контексте гражданского общества 625
Ушамирский А.Э.
К проблеме субъектности молодежи 628
Филоненко Ю.В., Ковалев В.С.
Социальные нормы в экономической деятельности молодежных общественных организаций региона (На примере Ростовской области) 631

Цивилизационная, национальная и политическая идентичность: Реалии, проблемы, перспективы

Адилова Л.Ф.
Теоретические подходы к процессу формирования имиджа 635
Криштапович Л.Е.
Белорусский путь – вместе с Россией 639

Крюкова О.С.
Образ Украины в русле героики гражданского романтизма русской литературы первой трети XIX века 652
Крюкова О.С.
Украинская тематика в творчестве Н.С. Лескова, В.Г. Короленко, А.И. Куприна 660
Никовская Л.И.
Особенности консолидации российского общества (На основе анализа различных срезов общественного сознания) 668
Радзиевский В.А.
Украинские реалии: Анализируя прошлое и настоящее 674
Радовель М.Р.
Перспективные возможности воздействия на ценностную сферу социума: Корреляционно-каузальный подход 680
Щенникова К.Ю.
Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России 686

Наука и общество

Бородай И.С.
Научно-организационные подходы к оптимизации информационно-библиотечного обеспечения в условиях евроинтеграции 689
Водичев Е.Г.
Реформы в науке: Нужен ли новый базовый закон? 692
Игнатова Т.В., Марадудина В.Ф.
Участие научного сообщества в публичном управлении проектами государственно-частного партнерства 695
Камнев А.Н.
Стратегия НТР России и концепция развития гидробиологии в России (Часть первая) 700
Орлов А.И.
Число цитирований – ключевой показатель эффективности научной деятельности 708
Яницкий О.Н.
Смена парадигмы в экосоциологии: теория и практика 714

Модернизация образования и инновационное развитие России

Анисимова А.Э., Гагельстром А.О.
Российское высшее образование и рынок труда 717
Доморацкий А.В.
Вы стали счастливым обладателем вуза! Что дальше? К Рассуждениям о перспективных моделях инновационного развития высших учебных заведений 726
Ермаков В.Г.
Педагогические аспекты безопасности личности, общества и государства в современных условиях 732
Комаров А.А.
Предложения по совершенствованию учебного предмета «Технология» 737
Михайлов В.В.
О пользе и вреде образования для жизни: К вопросу о содержательном реформировании образования 739
Романович Н.А.
Новая востребованность инженеров в России и престижность технического образования 745

Регионы и города России

Аминов И.Р.
Влияние региональной элиты на развитие политической системы Российской Федерации 750
Ерохина Е.В.
Анализ развития регионов сибирского Федерального округа: Оценка и стратегические перспективы 752
Майкова Э.Ю., Симонова Е.В.
Практики инициативного бюджетирования как инструмент консолидации местных сообществ 761
Митрофанова И.В., Родионова Е.В.
Региональное стратегическое планирование: Новый закон, новые подходы 763
Молчанова Н.П.
Финансовые проблемы инвестирования в России в новых экономических условиях 769
Ноженко Д.Ю.
Особенности подходов к оценке эффективности государственных программ в регионах России 775
Трофимова И.Н.
Социально-экономический потенциал и перспективы инновационного развития территорий 780

Худякова Т.С., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В.
Программно-целевой подход к развитию малого и среднего предпринимательства в российских регионах (На примере курганской области) 784
Хузмиев И.К.
К вопросу о стратегии развития СКФО 788
Царьков
Стратегии регионального развития и консолидация общества 794
Цукерман В.А., Горячевская
Добыча и переработка минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны Российской Федерации как основа экономической безопасности страны 800
Цукерман В.А., Козлов А.А.
Согласование государственной и корпоративной инновационной политики развития промышленного сервиса в Арктике 806
Черкасов П.С.
Региональная жилищно-строительная политика для формирования качества жизни населения как цели региональных стратегий 809

Бирюков А.В.
к.и.н., доцент Российского нового университета
a-birioukov@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В РОССИИ

Ключевые слова: *модель развития, мега-проект, технологическая конкурентоспособность, глобальный технологический трансфер, сравнительное преимущество.*

– Фундаментом консолидации должна быть история и география страны. В случае с Россией речь идет о расположении на Севере Евразийского континента, а также об адекватном восприятии наследия Российской империи и Советского Союза. Наши предки жили и строили общество в сложных условиях Севера и с учетом евразийской идеологии. Конечно, на каждом историческом этапе национальные задачи не были идентичными, но величие, героизм, подвижничество, коллективизм и милосердие присутствовали в числе цементирующих общественных ценностей. С учетом предшествующего опыта и реалий современности и прогнозов на обозримое будущее необходимо четко представить национальную модель развития. Ее широкое публичное обсуждение станет главным инструментом консолидации Российской Федерации. Именно донесение до каждого гражданина основных идей национальной модели позволило бы придать целостность основанной на модели стратегии национального развития и избежать разрозненности в ее понимании и реализации. Думается, что стратегия должна объединять в цепь последовательных действий идеи лидерства и динамичного наверстывания или опережающего и догоняющего развития. При этом опережение, как представляется, могло бы быть включено в качестве ключевого звена.

– Для обеспечения опережающего развития необходима стратегия национального технологического роста. На наш взгляд, она является результатом инклюзивной конвергенции, которая в полной мере нашла отражение в китайском опыте, хотя молчаливо практикуется в современном мире достаточно широко.

– Важнейшим фактором наращивания технологического потенциала России является включение в глобальные процессы в качестве субъекта развития. При этом мы должны отдавать себе полный отчет в том, что «коллективный Запад не пылает любовью к нашей стране». Его действия против СССР, а также история с санкциями против России в настоящее время об этом со всей очевидностью свидетельствуют. Однако это вовсе не значит, что открытость отменяется. Наоборот, ее значение нарастает. Особенно значимым становится отношение к международной конкурентной технологической среде. И здесь следует подчеркнуть обязательность эндогенной составляющей технологического развития. Россия должна уметь производить все, повышая качество производства и укрепляя технологический суверенитет.

– Чтобы дополнить взгляд в прошлое видением будущего важно культивировать мега-проекты. Этот способ консолидации общества связан с продвижением инициатив, приближающихся по значимости к «полету Гагарина». К числу таких мега-проектов можно было бы отнести комплексное освоение Севера страны, создание евразийского моста под условным названием «Из Европы в Азию» в направлениях Запад – Восток и Север – Юг, а также создание крупнейшего международного научно-образовательного центра в самом широком смысле этого слова. Все эти мега-проекты, имея целью национальное развитие, протекают в глобальном контексте, прежде всего в рамках «Большого евразийского партнерства».

– Такого рода масштабные инициативы тесно связаны с технологическим прорывом. Они требуют индустриализации на новой технологической основе, включая создание промышленного ядра. Особое внимание следовало бы уделить транспортному и энергетическому машиностроению, станкостроению и приборостроению с использованием механизмов глобального технологического трансфера, а также роботизации, автоматизации производства и конвергенции ИКТ и промышленных процессов. Кроме того, потребуется реальное укрепление национальной научной, инженерной и образовательной школы и прекращение действий, ослабляющих научно-образовательный статус страны.

– Каждый мега-проект должен быть разработан с учетом его консолидирующей силы и воспитательного значения. В этой области особую роль следует обращать на активность пропаганды и агитации. При этом никакой лжи. Речь идет о правде, в которой наша сила. Главное создавать общественную атмосферу позитивного отношения к мега-проекту и по возможности участвовать в его реализации.

– Еще один способ консолидации общества – сосредоточение усилий его членов на сравнительных преимуществах страны, которые лежат в основе успешного национального развития. В этой связи по каждому преимуществу необходимо составить и широко публично обсудить национальную план, направленный на капитализацию преимущества и его эффективное использование. Это целесообразно сделать с помощью СМИ и Интернета. В результате каж-

дый гражданин должен знать эти основы, их надо публиковать в печати, преподавать в школе, создавать документальное кино, писать художественную прозу, как это делалось в СССР.

– К числу сравнительных преимуществ России, в частности, относятся:

1) Масштабы территории, уникальные природные ресурсы, мощные бореальные леса и запасы пресной воды. Эти факторы имеют глобальное значение с точки зрения выживания планеты;

2) Достижения в области энергетики, включая АЭС на быстрых нейтронах, как основа жизнедеятельности человечества. Постиндустриальная энергетика является важным направлением «зеленой экономики»;

3) Сельскохозяйственный потенциал, позволяющий стать житницей, обеспечивающей жизнедеятельность значительной части человечества, прежде всего соседей России;

4) Транзитный потенциал России и развитие евразийского коридора. Взаимодействие с Китаем и Индией, а также, возможно, с ЕС в реализации этого преимущества;

5) Вклад России в высокие гуманитарные технологии, являющиеся ключевым направлением шестого технологического уклада.

– И последнее по форме, но не по значимости. Президент России В.В. Путин говорил, что нравственная катастрофа, которую испытывает наша держава, требует сосредоточить усилия на **воспитании россиян.** Эта серьезная задача должна стать неотъемлемым компонентом социализации граждан, как говорится, с младых ногтей – не только в семье, но и в школе и других общественных институтах, включая церковь.

– При этом следует иметь в виду, что технологический прорыв требует не только знающих, но и высоко моральных людей, потому что научно-технический прогресс не прощает бездушного и поверхностного отношения.

Список литературы

1. Бирюков А.В. Современные международные научно-технологические отношения. Монография. – М.: РосНОУ, 2014.
2. Бирюков А.В. К вопросу о влиянии научно-технического прогресса на международные отношения в цифровую эпоху // Ежегодник ИМИ – 2015. Вып. 3 (13). Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы. – М.: ИМИ МГИМО, 2015. – С. 103–115.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
4. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
5. Цыганов В.В. Адаптивные механизмы и высокие гуманитарные технологии. Теория гуманитарных систем. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2012.

Ворожихин В.В.
к.э.н., в.н.с. Финансового университета

ЧТО НУЖНО РОССИИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ БЛАГОПРИЯТНОГО БУДУЩЕГО

Ключевые слова: *благоприятное будущее; инновационное развитие, стратегическое управление; сложность.*
Keywords: *suitable future; innovative development, strategic management; complexity.*

Инновации как возможности развития стран в новом мире

В условиях существенной трансформации мироустройства принципиально меняются факторы, определяющие успех. Развитие сегодня требует согласования внешнего и внутреннего потенциалов развития, решения проблем и реализации возможностей развития как во внутрисистемной, так и во внешней среде. Необходимо обеспечить конкурентоспособность и безопасность на всей траектории развития. *Безопасность – это обеспечение достижения благоприятного будущего.*

Развитие, как и конкуренция, стало сложным:

– развитие (когнитивное) определяется на основе видения благоприятного будущего, формируются цели и механизмы, требования к группам технологий, которые должны развиваться;

– развитие (технологическое) определяется физически, технологически и экономически освоенным пространством. Разрабатываемые технологии в истории использовались как основа формирования социально-экономических систем;

– конкуренция проявляется в виде сложных форм конкурентного партнерства, когда агенты, конкурирующие на одних рынках, сотрудничают на других, а спектр взаимодействий крайне динамичен.

Изменения в своей совокупности сформировали «*большие вызовы*» (*grand challenges*), принципиально меняющие условия научно-технологического и социально-экономического развития, к которым относятся[1]:

– информационный потоп – невозможность обработки 80% текущей информации, более 90% которой создается за очередные два года;

– соответствующая потеря важнейших знаний о происходящих трансформациях мироустройства;

– изменение схемы работы с информацией: от «запомнил-обработал» к «обработал-запомнил»;

– необходимость во внешней информации – она составляет 2/3 от всей нужной для успешной работы предприятия информации;

– изменение схемы принятия решений и значимых ограничений: анализ сменяют полномасштабные итеративные исследования нового мира, бизнес вынужден исследовать, какая информация значима и необходима, специалисты по информационным технологиям от работы по структурированию данных переходят к формированию платформ для исследований. Ограничением становится не объем доступной памяти, а производительность информационных систем;

– формируется новая – четвертая парадигма вычислительного знания, соответствующая принципиальному росту значения интеллектуальных информационных технологий, компьютерных систем, социальных технологий, взаимосвязям глобального научного мира и взаимодействию информационных научных ресурсов (Д. Грей, 2006);

– существенное изменение претерпевает мир в связи с переходом значительной группы стран к развитию, основанному на инновациях. Необходимо учитывать уровень экономического развития стран, в которых находятся производства сложной высокотехнологичной продукции, а также рынков сбыта – в соответствии с классификацией WEF выделяются стадии развития стран с факторно ориентированной экономикой, экономикой на основе эффективности и инноваций, а также две области перехода между стадиями. Сравнительные преимущества стран уступили пальму первенства по влиянию конкурентоспособности, однако сегодня в соответствии с формированием глобальных цепочек добавленной стоимости определяющими становятся возможности научного, технологического и социально-экономического развития[2]. При этом меняется характер промышленного и социально-экономического развития. Мир сегодня переживает промышленную революцию 4.0 и формирует переход к цифровой экономике;

– трансформационная парадигма оценки, сформированная в 1998 г. донной Мертенс, предполагает изменение базовых философских оснований оценки, т.е. критериев, на основе которых происходит оценка ситуации, переопреде-

[1] Шмид А.В. Big Data: Революция в области философии и технологий принятия корпоративных решений – Презентация на круглом столе CNews Conferences и CNews Analytics «Big Data: возможность или необходимость». 26 марта 2013 г.; The fourth paradigm: data-intensive scientific discovery / Ed. By T. Hey, S. Tansley, K. Tolle. – Washington: Microsoft Research, 2009; Шваб К. 4-я промышленная революция – https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/; Mertens, D. Research and Evaluation in Education and Psychology. SAGE Publications, 2010. – 552 p. The Global Competitiveness Report 2012–2013, WEF, 2012, 545 p

[2] The Future of Manufacturing: Driving Capabilities, Enabling Investments / WEF, UNIDO. 2014. – 40 p.

ляется система показателей, изменения которых позволяют судить о развитии сложных активных систем, вводя критерий *справедливости*;

– реализуется *кризис сложности*[1] – традиционные научные представления устаревают, знания становятся ложными, реализуется развитие экспертного – доверительного – знания, теряющего научный характер, во многих сферах происходит утрата позитивного характера знаний. Неверное использование научного знания становится значимым риском. Происходит переход на новую глубину знания, которое становится меж- и трансдисциплинарным, не вмещаясь в границы предметной нарезки эпохи индустриального этапа развития.

В экономике кризис сложности приводит к формированию понятия турбулентной экономики, в сфере управления подавляющее большинство экспертов-практиков, признанных научных авторитетов и высокопоставленных и иных чиновников не владеют адекватными приемами управления для работы со сложными активными системами, отсутствуют необходимые инструменты для работы со сложностью, соответственно органы управления и ЛПР не могут принять необходимые стратегические решения – растет число решений, принимаемых на основе интуиции.

Современные упрощенные проекционные модели устаревают к моменту создания, а сложность их принципиально не соответствует быстрорастущей сложности мира. Необходимо отказаться от традиционной высокой степени редукции при формировании модели управления сложной активной системой – нужны многомодельные комплексы с использованием нечеткой логики и нейронных сетей, мягких и недоопределенных моделей.

С каждой ошибкой зона возможных решений уменьшается, а сложность их растет – соответственно, вероятность их нахождения уменьшается. После определенного кризисного значения спасение системы и восстановление ее устойчивости становится невозможным без работы на принципиально ином уровне сложности – при другой глубине знаний и скорости исследования (процессы быстротечны), что требует создания специального инструмента управления. Завершается формирование института оценки регулирующего воздействия (ОРВ), использующего 40-летний опыт стран ЕС в сфере оценки. Очередная усовершенствованная редакция ОРВ, представленная 19 многостраничными документами, опубликована на сайте Еврокомиссии 19 мая 2015 г.[2] Но развитие методик и инструментария продолжается.

Развитые страны сформировали связанную систему международных стандартов, в которые входит около 40 тыс. документов. Многие стандарты предварительно проходят апробацию как национальные стандарты США и других развитых стран.

В свете истощения доступных запасов ТЭР с низкой стоимостью и климатических изменений на Земле обостряются конфликты за доступ к воде и энергетическим ресурсам. Комплексная безопасность Nexus рассматривает вопросы энергообеспечения, продовольственной безопасности и доступа к воде как единую взаимосвязанную систему проблем[3].

Происходит смена основного типа капитала – место финансов занимают знания. Возрастает роль человека как исключительного источника и носителя нового капитала.

Происходит переход к когнитивному развитию на основе видения благоприятного будущего[4].

Однако и развитые страны пока не справились с «большими вызовами»: действующая совершенная система управления в социальных системах гасит кризисы, циклы, волны, которые сегодня составляют суть реалий. Фактически все время мы, а особенно историки экономики, изучали не экономику, а историю управленческих ошибок.

Возрастает значимость качества принимаемых решений:

– простые решения для сложных систем приводят при реализации к *изменениям для ряда агентов условий существования*, для некоторых нарушаются условия устойчивости жизнедеятельности;

– агенты вынуждены либо *противодействовать* регулирующим воздействиям, вплоть до криминальных способов, либо пытаться *перестроиться*, что в условиях существования рыночных барьеров входа и выхода и обострения конкурентной борьбы чревато существенным ущербом, часто приводит к гибели агентов;

– углубление глобализации приводит к ужесточению глобальной гиперконкуренции в сложных формах *конкурентного партнерства* с непредсказуемой периодичностью взаимодействия на разных рынках в разные периоды времени;

– *зона возможных благоприятных решений* для большинства агентов сужается, экосистемы теряют устойчивость, будущее становится неопределенным;

– изменение рынков также приводит к изменению распределения доходов на рынках. Статистическое распределение близится к обострению и увеличению доли лидеров, а также к *сокращению доходов менее конкурентоспособных агентов – «победитель получает все».*

В совокупности проблемы и возможности развития, необходимость обеспечения конкурентоспособности и безопасности, *а также ограниченность времени, в течение которого требуется перейти на новую модель и траекторию инновационного развития страны,* обусловливают чрезвычайную актуальность разработки системы предложений по стратегическому развитию и регулированию научной, научно-технической и инновационной деятельности. Необходимы новые глобально конкурентоспособные инструменты и механизмы управления, включающие этапы планиро-

---

[1] Ворожихин В.В. О сущности и проблемах стратегического управления // Экономика. Налоги. Право. 2015. – № 3. – С. 38–44.

[2] http://ec.europa.eu/smart-regulation/

[3] http://www.iisd.org/pdf/2013/wef_nexus_2013.pdf

[4] Ворожихин В. Технологии управления – основа мирового технологического развития на этапе формирования когнитивного уклада // Сборник докладов «Технодоктрина-2014». – М.: МОО Русто, 2015. – С. 390–392.

вания, осуществления, оценки результативности и эффективности, внедрения результатов и поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Недопустим новый цифровой разрыв на основе интеллектуальных информационных и прогностических технологий – Россия потеряет технологический и экономический суверенитет.

Актуальность выполнения исследований по данной теме также определяется рядом обстоятельств:

1. Все, что может быть придумано, будет придумано. Это ставит задачу формирования постоянного направления опережающего развития пространства права: непрерывной опережающей разработки нормативно-правовых актов для новых пространств: информатика, космос, работа по совершенствованию человека, освоение океана, пустынь, подземного пространства, новые технологии с глобальными последствиями, новые социальные технологии, включая нефинансовые механизмы общественной координации, регулирование жесткости конкуренции в борьбе за благоприятное будущее.

2. Неготовность человечества принять новые знания и технологии. Нужен план спасения от неофеодализма и Нового Средневековья, неоевгеники, климатических катастроф и других угроз самому существованию человека. Нужно переопределить траектории развития человечества с точки зрения сохранения и обеспечения стабильности жизни каждого человека.

3. Сегодня мы должны заложить основы управления будущим, облик которого можем только представить. Чтобы работать с будущим и проектировать развитие, исходя из видения благоприятного будущего, нам необходимы инструменты, подобные продвинутым сложным глобальным моделям FuturICT, IHS, мультиагентным системам, описывающим жизнь каждого человека и рассматривающих его как сложную систему.

Особенности предстоящего этапа развития

Следует отметить ряд обстоятельств, принципиально ускоряющих развитие науки, технологий и инноваций, повышающие их значимость.

– Размножение информации и рост сложности и скорости развития систем

Любое отличие от ранее имеющейся информации или знания приводит к формированию соответствующих проекций (реплик) на все направления научных исследований. Как правило, новая информация может быть использована или применима в рамках научных теорий, модельных расчетов или гипотез. В ходе рассмотрения и исследования, как правило, появляется новая информация, становящаяся источников для других направлений исследований. Количество измерений и направлений исследований быстро увеличивается, что приводит к меж- и трансдисциплинарным знаниям. В случае формирования новых измерений ранее полученные результаты требуют уточнения и зачастую могут быть опровергнуты или подвергаться сомнению, что рождает значительное количество гипотез, теорий, расчетов и сообщений о них. Другим важным проявлением развития сложности и информационного потопа является *персонализация знаний* (каждый из исследователей знаком лишь с частью мирового знания, причем эти части не совпадают). В результате при обработке одной и той же информации формируются принципиально разные проекции и гипотезы. Сложность системы мирового знания и скорость появления новой информации нелинейно нарастают, причем можно предположить взрывной характер роста информации, знаний и новых технологий.

– Мониторинг ведущих инновационных компаний мира

Развитие интеллектуальных информационных технологий, суперкомпьютеров, высокоскоростного Интернета привело к возможности формирования систем глобального мониторинга. Одним из направлений, представляющих крайний интерес в условиях сложных форм конкурентного партнерства, является мониторинг инноваций, деятельности ведущих инновационных фирм мира. Американская компания Quid с начала 2010 года к апрелю 2011 г. собрала информацию для оценки перспектив 35 тысяч фирм и исследовательских групп, работающих в области новых технологий. База данных Quid росла на 120 тысяч документов ежедневно. Помимо этих исследований существуют разнообразные рейтинги ведущих инновационных компаний мира, выделяемые как по значимости для общих глобальных трендов глобального развития, так и по отраслевым сферам.

– Формирование самосогласованных направлений развития науки, технологий и инноваций

Ряд высоких технологий и наука в целом начинают проявлять свойства «самосогласованности»: развитие знания непосредственно приводит к развитию технологий и инструментов для проведения дальнейших исследований в данном направлении. Примерами такого развития является развитие электроники и космических технологий. Для электроники характерно выполнение закона Мура – каждые 2 (1,5 в современной формулировке) года количество транзисторов, размещаемых на кристалле интегральной схемы, удваивается. Удивительно, что закон продолжает действовать по настоящее время при видимых технологических ограничениях – всегда появляется новейшая технология, позволяющая поддержать его действие.

Для комических технологий характерно проявление свойств интегрирования всех технологий, которые по определению являются менее сложными, поскольку их результаты применяются в принципиально самых сложных космических устройствах в жестких условиях. С другой стороны, космические разработки позволяют использовать новые технологии и продукты во многих других отраслях, прежде всего в авиации и автомобилестроении.

– Развитие мощных современных систем моделирования и прогнозирования

Сегодня быстро развиваются методология и возможности моделирования, опирающиеся на интеллектуальные информационные технологии, развитие семантического Интернета и суперкомпьютерные сетецентрические системы. Рассмотрим два примера формирования современных систем моделирования и прогнозирования.

В Европе стартовала уникальная программа FuturICT, в которой планируется объединить усилия сотен лучших ученых в Европе в 10-летней программе с запрошенным финансированием 1 000 000 000 EUR для изучения социальной жизни на Земле. *Ускоритель знаний* FuturICT является невиданным междисциплинарным многопрофильным международным научным дерзанием с фокусированием на техно-социо-экономико-экологических системах. Цель – понять и управлять сложными, глобальными, социально интерактивными системами, с акцентом на устойчивости и эластичности. Среди участников 25 стран, а также два международных центра.

Известен первый успешный опыт применения модели глобальной экономики IHS[1] Economic Simulation Engine для регулирования процессов на рынках нефти[2]. В глобальной модели увязаны модели экономик 75 стран всех частей света, использующие 250–500 показателей на горизонте в 30 лет с ежеквартальным обновлением, охватывающих более 95% мирового валового продукта с учетом всех движущих сил. За счет применения ключевых инноваций:

– подробные связи между реальной и финансовой экономикой;

– акцент на природном ресурсе и его ограниченности;

– широкое использование демографических переменных и индикаторов устойчивого развития;

– подтверждение неопределенности и риска, и их влияние на поведение

результатом для бизнес-применений являются возможности[3]:

– предвидеть влияние изменений цен на сырье, обменных курсов, денежно-кредитной и финансового политики, широкий спектр других переменных;

– определить будущие возможности сценарных прогнозов спроса;

– оптимизировать портфель с эталоном ROI через различные сценарии;

– построить отказоустойчивый бизнес на основе анализа влияния сценариев по всей бизнес-цепочке.

В этой связи следует подчеркнуть необходимость создания отечественной интерактивной интеллектуальной управляющей системы, пока в модели IHS не реализован ряд новаций, и принципиально возможно создание *конкурентоспособной отечественной модели.*

– Изменение плотности связей и формирование гиперсвязного мира

Мир стал системой многих взаимосвязанных миров, мультисетевой системой с многочисленными измерениями.

В картину мира вернулся человек во всем многообразии и сложности, который на этапе индустриального разнообразия был винтиком, который подкручивала рука руководителя. Винтик управлял винтиком, система в целом была механизмом, который управлялся ЛПР, имеющим свое личное, основанное на частичном знании, видение мира.

При этом алгоритме простого управления многие агенты нижнего уровня попадали в зону, не совместимую с поддержанием жизненного цикла. Они или исчезали, или вынуждены были войти в конфликт с системой. Система по мере усложнения все чаще пробуксовывала и становилась все менее эффективной. Рычаги управления перестают действовать.

Помимо 150 связей, характерных для уровня развития связи человека индустриального этапа и соответствующего уровня психологической нагрузки[4], сегодня мы просматриваем через Интернет огромное количество информации по связям с малыми группами, предприятиями торговли, СМИ и т.д.

Уровень взаимного проникновения информационных потоков стал принципиально иным, уровень взаимозависимости, а следовательно, и значимости сетевых механизмов общественной координации, называемого *гетерархией*, резко возрос, изменились характеристики масштабности, значимости и скорости реализации принимаемых решений – наш мир по мере усложнения стал *гиперсвязным*. Переживаемый этап может быть назван по-разному: край нашего времени, точка стратегического перелома, определение вектора будущего развития, мост в будущее.

В связи с бурным развитием технологий, рынков, ростом скорости и сложности глобальной экономической системы, многоуровневостью и разными скоростными (временными) характеристиками национальных экономик и отраслей, наличием предприятий, которые принципиально отличаются уровнем развития, образованием новых и изменением характеристик традиционных коммуникаций и рисков, потерей знаний о текущих трансформациях современные оценки часто просто не отвечают реалиям. Существует ряд механизмов, которые крайне затрудняют оценку и требуют проведения прикладных исследований, создания специальных инструментов для работы со сложными многоуровневыми мультисетевыми структурами – другими словами, углубления знания.

– Вирусный механизм распространения рисков[5]

Избирательность влияния рисков определяется в соответствии с чувствительностью проблемных сфер системы, ее слабыми и сильными сторонами, дисфункциями, дисбалансами и дисгармонией системы в целом, определяющими способность к трансформации системы в ответ на вызовы.

Вирусный механизм распространения глобальных рисков приводит к тому, что на конкретного агента могут оказывать влияние риски, к которым он априори был нечувствителен. К рискам данного вида могут оказаться чувствительными другие агенты, с которыми поддерживаются плотные связи. Если они находятся в состоянии, близком к потере устойчивости, воздействие глобального риска может привести к формированию усиленной реакции системы, выражающейся в принципиальном изменении установившихся ранее связей.

---

[1] Одна из трактовок аббревиатуры IHS – ссылка на Иисуса от трех первых букв имени Иисуса на греческом языке, ΙΗΣΟΥΣ.

[2] https://www.ihs.com/pdf/IHS_Economic_Simulation_Engine_159372110913044932.PDF

[3] https://www.ihs.com/products/global-link-economic-model-and-scenarios.html

[4] Число Данбара. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Число_Данбара

[5] Ворожихин В.В. Компьютерное прогнозирование рисков на основе вирусной теории рисков // Межотраслевая информационная служба. 2015. – № 2 (171). – С. 46–51.

Вследствие реакции на риски происходит трансформация систем и их элементов, происходят структурные, процессные и функциональные изменения. Помимо внутренних происходят и внешние изменения, проявляющееся, прежде всего, как изменение числа и характеристик связей – формируются новые условия взаимодействия, новые вызовы для стран в среде с новыми связями.

С учетом вирусного механизма распространения рисков экономическая среда приобретает новые свойства, которые должны быть учтены при анализе:

глобальное формирование рисков и распространение их действий через экономические сети;

значимость воздействий определяется плотностью связей;

распространение изменений с разными скоростями и темповыми характеристиками – гетерохронность «вирусных» последствий глобального риска;

локальная реализация рисков в звене, имеющем повышенную чувствительность, связанную с имеющимися дисбалансами;

трансформация всех звеньев цепочек с различной чувствительностью при непосредственном воздействии конкретного вида рисков и влияния соседей;

избирательность влияния рисков в соответствии с чувствительностью проблемных сфер конкретных территориальных и технологических элементов систем.

Трансформация элементов систем связана с локальными PESTEL-условиями, в которых SWOT-свойства определяются сложившимися дисфункциями элемента и микросреды. Следует отметить, что в настоящее время PESTEL-анализ требует дополнения учетом условий, связанных с состоянием и динамикой управленческой (G), информационной (I) и оценочной (V) сред.

– Комплексная оценка эффективности и потенциала

Система показателей комплексной оценки состояния сложных систем, стратегий, программ, проектов их развития требует многовекторного, многоуровневого, мультисетевого описания.

Оценка должна строиться как интегральная оценка сценариев реализации мегапроекта, дифференцированная для внутренних проектов. В качестве критериев оценки могут использоваться: время и темповые характеристики (скорость выхода на рынок в условиях глобальной конкуренции); риски; стоимость; альтернативные издержки; экономическая эффективность; результативность (достижение целей стратегии); устойчивость (надежность); инновационность (создание и сохранение потенциала развития, обеспечение и реализация возможностей развития); системность решения (комплексность, сложность); трансформационная оценка. Этот список может быть расширен.

Комплексная система критериев оценки позволяет на единой методологической базе проводить оценку разнородных проектов, входящих в единый мегапроект.

Для различных этапов развития (реализации стратегии) значимость и взаимозависимость этих критериев могут меняться так же, как и для отдельных проектов, входящих в единый мегапроект.

– Гиперсвязность с финансовыми рынками

Еще одной проблемой является гиперсвязность рынков с финансовыми рынками. Рынки связаны напрямую как товарные через инвестиции, сформировался рынок вторичных финансовых бумаг, а сами рынки привлекательны для вложений свободных финансовых средств. Вырученные экспортерами средства являются источником приобретения технологий, товаров и услуг на других рынках.

В целом складывается мультисеть со своими агентами, своей инфраструктурой, интенсивностью и гетерохронными параметрами связей, меняющимся влиянием внешней и внутренней среды, имеющая ряд неопределенных и не учитываемых факторов влияния, которые станут существенными лишь на определенных этапах развития.

Этой теме посвящено значительное количество работ, однако практический результат оценки крайне показателен для рынков нефти и повторяется из года в год: из 150-200 прогнозов годовой цены нефти оправдывается 1–2. Их авторы целый год считаются гуру прогнозирования, но на следующий год гуру становятся другие специалисты.

Фактическое изготовление – *этап производства глобальных цепочек создания стоимости* – становится относительно стандартизированным и его экономический эффект снижается, в то время как в пред-производственном (например, R&D и конструирование) и пост-производственном (например, маркетинга и логистики) сегментах сосредоточены относительно большие объемы добавленной стоимости[1].

Глобальная цепочка создания стоимости (ГЦС) предлагает три основных пространства, на которых может разворачиваться конкуренция:

– *Конкуренция за концепцию*: на глобальном рынке производства и потребления исследования и разработки (R&D), брэндинг и дизайн (создание продукта) могут быть существенным компонентом конкурентоспособности и добавленной стоимости товарной цепочки. Это требует конкретных научных, технических и дизайнерских (эстетических) разработок, ресурсов знаний.

– *Конкуренция за процессы*: Снижение затрат производителей привело к высокому уровню конкурентоспособности в производстве, снижению прибыли, а также общего уровня вклада в добавленной стоимости.

– *Конкуренция за рынки*: в сегменте логистики, распределения, маркетинга и продаж/послепродажного обслуживания реализуются мероприятия, которые генерируют наибольшую добавленную стоимость.

Большинство ГЦС также связаны через сети общих возможностей и знаний. Например, через системы автоматизированного проектирования (САПР).

[1] The Future of Manufacturing: Driving Capabilities, Enabling Investments / WEF, UNIDO. 2014. – 40 p.

Производственные возможности определяются в терминах учреждений, капитала, инфраструктуры, технологий и навыков. Отсутствие части из них требует создания открытых цепочек для замещения или переориентации на другие продукты.

Возможности создания благоприятного будущего России

В современном мире конкурентоспособность государств определяется уровнем развития науки, технологий, инноваций и образования. Первоочередной мерой формирования комплексной системы развития является создание комплексного и конкурентоспособного управления, разработка которого невозможна вне системного анализа мультисетевой полиаспектной многоуровневой среды науки, технологий и инноваций, определения ее влияния на экономику и социум и обратного влияния, которое проявляется как эффект Эдипа[1] и его аналог для бизнеса: при обдумывании и обсуждении происходит саморазрушение сценариев развития с нежелательным исходом и самореализация сценариев, ведущих к благоприятному будущему.

У России имеется возможность критического анализа и использования наработок развитых стран, а также использования уникальных отечественных разработок для моделирования, среди которых в первую очередь следует отметить «мягкие»[2] и «недоопределенные»[3] модели.

Необходимо сформировать модели для каждого международного стандарта, а также для их совокупности, что позволит согласовать мероприятия по гармонизации техносферы с развитыми странами, не подвергая рискам экономику страны.

Важнейшим условием успешного развития является создание системы стратегического управления, конкурентоспособной по отношению к системе стратегического управления США, с упором на развитие системы определения приоритетов в соответствии с моделью «больших вызовов» и системы долгосрочного прогнозирования и планирования[4].

Необходим гибкий интерактивный подход к *выбору критериев и определению показателей оценки*:

– внешние и внутренние изменения приводят к изменению значимости многочисленных факторов влияния, а пороговые явления свидетельствуют о принципиальном изменении механизмов взаимодействия;

– необходим постоянный пересчет влияния совокупности внешних и внутренних факторов влияния на взаимодействующих агентов и их связи при обнаружении значимых отклонений параметров, а также применяемых моделей;

– устойчивость сложных систем, состоящих из многих агентов с высокой плотностью связей, ниже в силу большего внутреннего разнообразия и наличия большего числа агентов, среди которых находится больше также их число с высокой чувствительностью к конкретным изменениям (рискам).

Нужен интегральный уровень оценки рисков, учитывающий перераспределения рисков – фрагментированные пороги не работают и вводят в заблуждение.

Сложный мир имеет свои проекции: материальную, виртуальную, духовную и творческую. Все проекции являются многоуровневыми, мультисетевыми и мультиагентными. При их описании необходимо учитывать этапы жизненного цикла и полихронность (принадлежность к разному экономическому времени) агентов и гетерохронность (разнотемповость) их связей.

Функционально-структурный анализ превращается в анализ функций-процессов-структур-форм, PEST – анализ в PESTELGIV (политика-экономика-социум-технологии-экология-право-управление-информация-оценка).

Возможность работы с огромными сложно связанными потоками информации и знаний, использование их в виде конкретных технологий и инноваций без потери целостности восприятия требует создания масштабного специфичного инструмента, применимого для регулирования сфер науки, технологий и инноваций как сложных взаимозависимых активных систем, подходов, принципов и методологии его использования в условиях глобальной гиперконкуренции, ограничения доступа к исследованиям и технологиям развитых стран, применения санкций, в условиях низких доходов крупнейших корпораций и бюджета Российской Федерации.

Насущным требованием для формирования благоприятного будущего России становится создание и применение человеко-компьютерных систем (ЧКС) для формирования проектов развития, оценки эффективности и рисков, а также регулирования связей между экономическими агентами в сферах науки, технологий и инноваций.

Для достижения конкурентоспособности России необходимо создать конкурентоспособную концепцию развития, разработать и реализовать конкурентоспособные процессы, которые позволят занять желаемое место на глобальных рынках. Слабость экономики и финансов может быть восполнена созданием принципиально иной и более эффективной системы регулирования с дополнительным использованием нефинансовых механизмов общественной координации.

---

[1] Гендин А. М. «Эффект Эдипа» и методологические проблемы социального прогнозирования // Вопросы философии. – М., 1970. – № 4. – С. 80-89.

[2] Арнольд В. И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. – М.: МЦНМО, 2004. – 32 с.

[3] Нариньяни А.С. Недоопределенные модели и операции с недоопределенными значениями. – Новосибирск, 1982. – 33с. – (Препр./ АН СССР. Сиб. отд-ние ВЦ; № 400).

[4] Ворожихин В.В. Прогностические системы США. – http://spkurdyumov.ru/forecasting/prognosticheskie-sistemy-us-obzor/ 03.05.2014

Захаров В.К.[1]

ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННОСТИ КАК ИМПЕРАТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *общество, типы бытия общества, мемы типов бытия, бытийная сущность (феном) общества, исконная сущность (менталитет) общества, сущность (формат) общества, сферы бытия общества, форматная и сферная классификация государств, цивилизации и формации, форматные и сферные исторические данности России, императивы правильной государственной политики.*

Введение

Исходным положением статьи является представление о том, что воспроизведение и обновление человеческого бытия определяется отражением всего предыдущего бытия в общественной памяти как сознательной, так и подсознательной (*номологическое кредо*)[2].

Поэтому в статье описывается устроенность России по важнейшим сферам её бытия. Из этого описания вытекает, что Россия обладает следующими тремя общими исторически сложившимися данностями: *мировым своеобразием*, *внутренней хрупкостью* и *внешней уязвимостью*. В соответствии с номологическим кредо эти общие данности оказывают чрезвычайное влияние на будущее бытие России. Следовательно, они являются императивами правильной государственной политики современной России. В общих чертах, эта политика должна быть самостоятельной, ненасильственной, объединяющей и защищающей.

Часть 1. Общество и его сущности

Типы (виды, способы) бытия

Материальный* **(*т.е. вещественный и мысленный*) *мир*** (на данный момент времени) можно обобщённо определить как совокупность, включающую в себя: 1) *природный мир* (как *вещественный*, так и *мысленный*) Земли и Вселенной*;* 2) *надприродный мир* (как *вещественный*, так и *мысленный*), созданный **человечеством** в процессе его бытия. Под ***обществом*** будем далее понимать любую систему, обязательно включающую в качестве деталей часть человечества и всю связанную с этой частью человечества часть материального мира.

Прошедшее или настоящее материальное бытие любого общества может быть сведено к отдельным (т.е. выделяющимся, явно различимым) **совокупностям**, называемым далее ***типами* (*видами, способами*) *бытия* (*жизнедеятельности*)**.

Относительно среза по настоящему моменту времени, слева от которого – *прошлое время*, а справа – *будущее время*, все типы бытия данного общества можно подразделить на следующие классы. Один класс типов составляют ***неотипы бытия****,* т.е. те типы, которые зародились в прошлом и **воспроизводились** вплоть до недавнего времени. Подкласс класса неотипов составляют ***стереотипы бытия***, которые зародились весьма давно. Про них, благодаря их воспроизводству на достаточно длинном промежутке времени, можно судить, что они в некотором будущем ещё будут воспроизводиться. Подкласс класса стереотипов составляют **а*рхетипы бытия***, которые зародились в глубокой древности. Про них, благодаря их воспроизводству на очень длинном промежутке времени, можно уверенно судить, что они ещё очень долго будут воспроизводиться в данном обществе в будущем вплоть до неотменяемости.

Памятный образ типа бытия

Полное представление о типе бытия практически не осуществимо. Поэтому в мысленном мире каждого общества, осуществлявшем или осуществляющем данный тип бытия, полное представление заменяется некоторым частичным, обобщённым и усреднённым ***узнаваемо-передаваемым представлением*** или иначе ***памятным образом* (*ме-***

---

[1] Захаров Валерий Константинович – д.ф.-м.н., профессор кафедры теоретической информатики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор многочисленных научных публикаций по вопросам общественного развития, в том числе по социальной философии и социальной психологии, философии истории, экономике, теории государства и государственного управления, геополитике, политологии, россиеведению, а также по концептуальным и математическим моделям государства и его учреждений. Лауреат Ломоносовской премии. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

[2] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. − М.: «Onebook.ru», 2016. – С. 7.

[*] **«Материя»** − обобщающее слово, восходящее к словам **«мать»**, **«матерь»** и пр. А у матери невозможно **отделить** вещество от мысли. Поэтому разделение мира на «материю» и «дух», на «материю» и «сознание» является грубо искусственным.

мом**[*]**) этого типа бытия, включающем в себя ***памятный образ* (*мем*) *исходного состояния среды***, при котором происходило возникновение этого типа бытия[1]. Последний памятный образ будем называть короче ***исходным образом среды***.

В меме типа бытия (данного общества в данный момент времени) выделяются: *сознательная часть*, и *подсознательная часть*. Обе части не отделены строго друг от друга: происходит переход из одной части в другую. Не забывающаяся сознательная часть постепенно пополняет подсознательную часть. А забывающаяся сознательная часть в случае необходимости пополняется подсознательной частью.

Подсознательная часть передаётся из поколения в поколение по индивидуальному биолого-генетическому наследованию. Сознательная часть передаётся из поколения в поколение как поднятием из наследованной подсознательной части, так и социокультурным вменением и образно-словесным обучением.

Бытийная и исконная сущности общества

Систему, порождённую **всеми** типами бытия, **осуществляемыми** данным обществом (в данный момент времени), будем называть ***бытийной сущностью* (*феномом, строем*) *этого общества*** (*в данный момент времени*). Систему, порождённую мемами **всех** типов бытия, **осуществлявшихся или осуществляемых** данным обществом (к данному моменту времени включительно), будем называть ***исконной сущностью* (*менталитетом, духом, настроем*) *этого общества*** (*в данный момент времени*).

Систему, порождённую бытийной сущностью (феномом) и исконной сущностью (менталитетом) **вместе,** будем называть ***сущностью* (*форматом*) *данного общества*** (в данный момент времени)[2].

Полное описание сущности (формата) общества в данный момент времени – задача практически непосильная. Обычно исследователи занимаются выделением в формате общества как системы отдельных **подсистем**, порождённых соответствующими типами бытия и их мемами и называемых далее ***сферами* (*областями*) *бытия общества***. Исследователями по типам бытия обычно выделяются следующие **бытийные сферы общества**: *биологическая*, *психологическая*, *географическая*, *демографическая*, *технологическая*, *экономическая*, *политическая*, *общественная*, *культурная*, *научная*, *идеологическая* и пр. Часть идеологической сферы составляет *религиозная сфера*, к которой можно отнести типы создания мысленных представлений о существовании мысленных сверхъестественных сущностей (душ, духов, богов и т.д.), типы общения с ними, типы посредничества между ними и верующими и т.п.

Номологическое кредо

Выше были изложены основы новой объяснительно-предсказательной **науки о воспроизведении и обновлении человеческого бытия**, названной автором ***номологией*** (от греческого слова «***номос***», означающего «обычность, устроенность»[**]). Исходным положением номологии является представление о том, что **воспроизведение и обновление человеческого бытия определяется отражением всего предыдущего бытия в общественной памяти как сознательной, так и подсознательной (*номологическое кредо*)**[3].

Часть 2. Форматная и сферная классификация государств. Цивилизации и формации

Некоторые способы форматной и сферной классификации государств

Далее ***государство*** будем понимать в самом широком смысле как государство-страну, т.е. как устроенное общество, состоящее из *содержательной*, *обеспечительной*, *учётной*, *совокупной распорядительной* и *верховной* подсистем, в котором *верховное управление* осуществляет верховная подсистема по отношению к совокупной распорядительной подсистеме; *ведомственное управление* осуществляют ведомства совокупной распорядительной подсистеме по отношению к соответствующим укладам содержательной, учётной и обеспечительной подсистем и *побудительное управление* осуществляют уклады учётной и обеспечительной подсистем (по распоряжению соответствующих распорядительных ведомств) по отношению ко всем подсистемам[4].

Естественно, что каждому государству присущ свой формат. Однако, несмотря на то, что в каждый исторический момент времени имеется весьма большое число государств, в силу взаимодействия между ними и борьбы за существование многие из них имеют весьма близкие форматы, и потому общее число таких ярко отличимых форматов гораздо меньше числа всех государств. Тем более сказанное верно при сравнении государств не по совокупным форматам, а по отдельным бытийным сферам.

Рассмотрим ниже некоторые способы форматной и сферной классификации государств.

Бытийные цивилизации. Систему всех государств, обладающих близкими форматами, можно назвать ***бытийной цивилизацией***, а сам этот усредненный формат – ***способом государственного бытия***. Например, на родовом

---

[*] Термин **мем** образован от латинского слова «**memoria**», переводящегося на русский язык словом «**память**».

[1] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: «Onebook.ru», 2016. – С. 19.

[2] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: «Onebook.ru», 2016. – С. 27–28.

[**] **Номос** – термин Карла Шмитта, обозначающий обычность, устроенность любого пространства (географического, политического, экономического, культурного и пр.). Противопоставляется **хаосу**, как необычности, неустроенности.

[3] Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: «Onebook.ru», 2016. – С. 7.

[4] Там же, с. 46-53.

и племенном этапах выделяются такие большие бытийные цивилизации, как *цивилизация оседлых земледельцев, цивилизация кочевых племен, цивилизация лесных охотников, цивилизация приморских рыбаков-охотников* и т.д. Это понятие цивилизации **обобщает** понятие цивилизации, данное А. Тойнби[1].

Согласно С.Г. Киселёву основным инстинктом цивилизаций является поглощение других цивилизаций[2].

Культурно-духовные цивилизации. Если среди всего формата государства (нома) рассматривать только сферу, связанную с духовной, культурной, познавательной и другими видами деятельности, то при таком подходе выделяются ***культурно-духовные цивилизации***, а присущие им усредненные культурно-духовные сферы известны как ***культурно-исторические стили*** в смысле Н.Я. Данилевского[3].

Общественно-экономические формации. Если рассматривать только сферу, связанную с хозяйственной (в том числе производственной) деятельностью, то совокупность всех государств (номов), обладающих близкими хозяйственными сферами, тождественна введенному К. Марксом понятию ***общественно-экономической формации***, а сама эта усредненная сфера тождественна понятию ***способа хозяйствования*** (***производства***)[4].

Гео-эко ценозы. Если рассматривать только сферу, связанную с хозяйственной (в том числе производственной) деятельностью в **конкретной** природной среде, то совокупность всех государств (номов), обладающих близкими природно-хозяйственными сферами, тождественна введенному Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотовым понятию ***гео-эко ценоза***, а саму эту усредненную сферу можно назвать ***способом гео-эко хозяйствования***[5]. Например, на родовом и племенном этапах выделяются такие гео-эко ценозы, как *ценозы оседлых земледельцев, ценозы кочевых племен, ценозы лесных охотников, ценозы приморских рыбаков-охотников* и т.д.

Геополитические формации. Если рассматривать только внешнеполитическую сферу, то совокупность всех государств (номов), обладающих близкими внешнеполитическими сферами, можно назвать ***геополитической формацией***, а саму эту усредненную сферу – ***номосом геополитического бытия*** (***гео номосом***)[6].

В частности, геополитики выделяют два особенных гео номоса: *островной гео номос* (*гео номос моря*) и *материковый гео номос* (*гео номос суши*). Отметим, что первым гео номосом обладают Великобритания, Япония, Австралия, США и др. Россия, наоборот, обладает вторым гео номосом.

Согласно геополитикам происходит извечное **наплывное изъятие** островной гео формацией ресурсов материковой гео формации за счёт использования островных преимуществ, к которым относятся: 1) большее число степеней свободы при передвижении по воде в любом направлении по сравнению с передвижением по суше только по проторенным и освоенным дорогам; 2) меньшая трудозатратность при передвижении по воде за счёт умелого использования даровой энергии ветра и за счёт уменьшения силы трения; 3) меньшая зависимость от тылового обеспечения при передвижении по воде за счёт большей грузоподъёмности и за счёт использования морских пищевых ресурсов; 4) возможность параллельного совместного передвижения по воде по сравнению с вынужденным последовательным передвижением по узким дорогам; 5) возможность быстрого отходного рассеяния по морю в случае необходимости.

Ясно, что применение наплывного изъятия является более действенным при постоянном **изменении** способов наплыва и изъятия, застающих материковые государства врасплох. Поэтому островному гео номосу свойственна большая изменчивость с упором на новизну. Это означает, что островная гео формация делает **время** своим важным ресурсом.

Часть 3. Исторические данности России

В этой части мы опишем устроенность России по важнейшим сферам её бытия и вытекающие из неё общие исторические данности, оказывающие чрезвычайное влияние на её **будущее бытие**.

Гео-эко ценозная устроенность России

Гео-эко ценоз, к которому относится Россия в настоящее время, описывается следующими признаками.

Россия не только самая **северная**, но и самая **холодная страна** в мире[7]. В настоящее время территория считается *пригодной* для жизни людей, если: а) среднегодовая температура на ней не опускается ниже +2°С; б) она расположена не выше 2 км над уровнем моря. По относительному количеству пригодных территорий Россия занимает пятое место после США, Бразилии, Китая и Австралии. Более того, пригодные территории протянулись узкой полоской

---

[1] Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.-СПб.: Прогресс, Культура-Ювента, 1998.

[2] Киселёв С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. – М.: Известия, 2002. См. также: Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2015; Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – С. 175–177.

[3] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Наука, 1991.

[4] Семёнов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003.

[5] Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

[6] Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000; Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М.: Логос, 2000.

[7] Афанасенко И.Д. Русская цивилизация. История развития. – СПб: СПбГУЭФ, 2006. – С. 219.

вдоль её южных границ с запада на восток[1]. Это часть территории России получила название *основной полосы* (*основной зоны*) *расселения населения*.

Огромные части страны (более половины) являются в настоящее время полностью непригодными для проживания, поскольку они находятся в зоне вечной мерзлоты, а также в болотно-низинной или гористой местности, а некоторые заняты непроходимой тайгой[2].

Соответственно указанному обстоятельству население сосредоточено в западной и южной частях страны. Основная полоса расселения имеет клинообразный вид, вытягиваясь на восток вдоль южных границ (вдоль Транссиба), при чрезвычайно низкой плотности населения Сибири и Дальнего Востока. Одновременно это сопровождается явно избыточным ростом численности населения Москвы и Санкт-Петербурга, а также стеканием редкого населения восточной части страны в несколько крупных городов Сибири.

Однако такое перетекание населения из северных и восточных регионов на юг и запад страны приходит в противоречие с тем, что основные **неосвоенные** природные запасы страны находятся как раз в Сибири и на Дальнем Востоке, где их практически некому добывать и перерабатывать[3]. Более того, чрезвычайная вытянутость страны в широтном направлении делает перевозки грузов и людей очень дорогими[4]. Всё это вынуждает управляющий слой страны, исходя из близорукой хозяйственной «выгоды», отдавать предпочтение внешним рынкам и использовать приезжую рабочую силу в ущерб собственному долговременному освоению и обустройству страны. А это, в свою очередь, влечёт огромные риски для существования такой разрозненной и необустроенной страны.

Из всего описанного выше следует, что в своём гео-эко ценозе Россия представлена, по-видимому, только вместе с Канадой, и их способ гео-эко хозяйствования **разительно** отличается от всех остальных мировых способов. Именно это вынуждает Россию и Канаду развиваться только соответственно своему собственному способу гео-эко хозяйствования[5]. Никакое заимствование и следование «передовым» образцам здесь никак не может помочь, поскольку этих образцов просто нет. Однако даже Канада не может служить для России образцом развития, т.к. она развивается в очень тесном пограничном взаимодействии с США, входящем в совершенно другой гео-эко ценоз. В качестве успешного образца можно было бы взять Норвегию, но как прекрасно показано А.П.Паршевым[6], она сильно отличается от России и Канады из-за наличия тёплого течения Гольфстрим, омывающего её северное побережье.

Геополитическая устроенность России

Описанная выше чрезвычайная разрозненность страны в географическом, климатическом и гео-эко ценозном отношениях и чрезвычайная инфраструктурная несвязность её территории, сопровождаемая чрезвычайной широтной вытянутостью, северным положением внутреннего пространства и чрезвычайной протяжённостью трудно защищаемых границ, делают Россию особенно уязвимой в геополитическом отношении и с запада, и с востока, и с юга, и с севера.

Несмотря на то, что Россия обладает протяжённой морской границей, это не наделяет её особенностями островного гео номоса. Чёрное и Балтийское моря являются почти внутренними морями, не говоря уже о Каспийском море. Незамерзающих портов за исключением Мурманска, Севастополя, Новороссийска и Туапсе практически нет. Северный Ледовитый Океан не даёт пока никаких степеней свободы. А использование возможных степеней свободы Тихого Океана пока весьма ограничено и затруднено низкой заселённостью Дальнего Востока. Поэтому Россия так и остаётся **в материковой геополитической формации**.

Более того, даже в своей материковой геополитической формации Россия представлена в **единственном** числе, и её номос геополитического бытия **разительно** отличается от всех остальных мировых номосов.

Формационная устроенность России

Относительно общественно-экономической формации ясно, что Россия (после советского зигзага) вернулась в состав капиталистической формации, причём на этапе трансгосударственных рынков. Современной России в этой формации присуще резкое разделение на очень узкий ***имущий класс***, имеющий **средства** для бессовестного изъятия части труда других людей, и чрезвычайно обширный ***неимущий класс***, часть труда которого изымается и присваивается имущим классом. Это влечёт за собой потенциальную конфликтность указанных обществ России.

Идеологическая устроенность России

Теистические общества России. Относительно идеологической сферы ясно, что Россия **примыкает**, по крайней мере, к четырём религиозным цивилизациям. В восточно-христианской цивилизации верующее христианское об-

---

[1] Афанасенко И.Д. Русская цивилизация. История развития. – СПб: СПбГУЭФ, 2006. – С. 221.

[2] Макар С.В., Глушкова В.Г. Экономика природопользования. – М.: Юрайт, 2011. – С. 196–201.

[3] Там же, с. 203–205.

[4] Голубчик М.М., Макар С.В., Носонов А.М., Файбусович Э.Л. Социально-экономическая география. – М.: Юрайт, 2015. – С. 105–110.

[5] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – С. 670.

[6] Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. – М.: Крымский мост-9Д, НТЦ «ФОРУМ», 2001.

щество России является равноправным действующим лицом. В мусульманской цивилизации верующее мусульманское общество России является полностью вторичным и зависимым от духовных центров мусульманского мира. Относительно иудейской и буддийской цивилизаций положение, по-видимому, сходное с предыдущим.

Атеистическое общество России. Относительно идеологической сферы также ясно, что Россия **примыкает** к атеистической цивилизации, и атеистическое общество России пока является равноправным самостоятельным центром ***атеизма***, как культурно-научного мировоззрения, не нуждающегося для **объяснения** любых бытийных явлений в привлечении дополнительных мысленных ***сверхъестественных*** сущностей, т.е. не обнаруживаемых в повторных воспроизводимых испытаниях одинаковым образом многими наблюдателями ни с помощью органов чувств человека, ни с помощью созданных человеком приборов.

Атеистическое (безбожественное) мировоззрение является **первичным исходным** мировоззрением со времени происхождения человека, как биологического вида. В то время древние люди ещё не обладали развитым изощренным мышлением, способным отделить от окружающего природного мира какой-либо надприродный мысленный мир.

Полевые наблюдения, проведённые после великих географических открытий, о мировоззрениях «диких» народов, показывающие наличие в этих мировоззрениях представлений о сверхъестественных мысленных сущностях, не опровергают высказанного выше суждения, поскольку эти «дикие» по сравнению с европейцами народы уже обладали более развитым мышлением, чем мышление древних людей.

Отметим, что развитие мышления общества совсем не означает безусловный переход к теистическим (божественным) мировоззрениям. Прекрасным примером является Китай, где так и сохранилось исходное атеистическое мировоззрение, усложнённое и развитое с помощью введения совсем других (не сверхъестественных) мысленных сущностей.

Атеистическое мировоззрение считает всю мировоззренческо-идеологическую сферу атеистического общества **итогом** его самостоятельного исторического эволюционно-революционного развития. Эта сфера создаётся посредством личного творчества членов общества, последующего многовекового совокупного обсуждения, обобщения, усреднения и сглаживания предлагаемых личностных мировоззренческо-идеологических представлений и конечного приятия и признания подавляющим большинством членов общества полученных обобщённых представлений. Она может быть даже **очертана пророками общества**, проделавшими такое обобщение самостоятельно без участия каких-либо сверхъестественных сущностей. Эта мировоззренческо-идеологическая сфера атеистического общества называется ***совестью* (*своей вестью*, *своей ведой*) *этого общества***, хранящейся в его сознании и подсознании.

Архетипы совести атеистического общества и их архемемы задают основные пределы его бытия, выходить за пределы которых считается **безнравственным**, **несправедливым**, **нечестным**, **не ладным**, **не вольным**, **не свободным** и т.д. Неотипы выхода за пределы совести противоречат архемемам совести и приводят к **угрызениям совести** как способу выхода из этого противоречия.

Конфликтность идеологических обществ России. Как указано выше, основным инстинктом цивилизаций является поглощение других цивилизаций. Поэтому, по крайней мере, пять указанных мировоззренческо-цивилизационных обществ России время от времени предпринимают **наступление** друг на друга. В результате происходит перераспределение этих обществ на территории страны и изменение в них количества и состава приверженцев. Указанные общества также неоднородны, и происходит борьба одних частей с другими. Иногда происходит совместное наступление указанных теистических обществ России на её атеистическое общество. Иногда происходит обратное наступление. К сожалению, население России во время этих наступлений сокращается.

Культурная устроенность России

Относительно культурной сферы известно, что после принятия христианства Россия находилась под сильнейшим воздействием византийской духовно-культурной цивилизации. Однако после Смутного времени, которое некоторые исследователи рассматривают как ожесточённую войну между коллективным Западом и Россией, в которой Запад одержал верхушечную победу, городская (и в особенности столичная) Россия примкнула к центрально-европейской культурной цивилизации на подчинённой основе, где и продолжает оставаться до сих пор без всяких надежд на равноправность культурных влияний.

А исконная культура провинциальной и крестьянской России оказалась полностью заброшенной и практически никак не связанной с чуждой культурой российского «образованного класса».

Указанное крупное многосотлетнее культурное размежевание вдобавок осложняется наличием в стране большого количества разнообразных местных **этно-религиозных** культурных обществ. Кроме того, всё население страны в последние десятилетия оказывается под сильнейшим подавляющим воздействием американской музыкальной массовой культуры. Это привело к заметному угнетению и торможению связного причинно-следственного мышления и разумения населения, особенно его молодой части.

Всё это многообразие культурных обществ России влечёт за собой их неизбывную потенциальную конфликтность.

Три общие исторические данности России

Из общего описания наличной устроенности России, сделанного выше, вытекает, что Россия обладает следующими тремя общими исторически сложившимися данностями: ***мировым своеобразием***, ***внутренней хрупкостью*** и

внешней уязвимостью. Эти общие исторические данности являются **итогом** всего предыдущего бытия страны. Согласно номологическому кредо, приведённому выше, они же оказывают чрезвычайное влияние на её будущее бытие.

Часть 4. Общие исторические данности как общие государственные императивы современной России

Общие исторические данности и самостоятельная ненасильственная государственная политика

Описанное выше чрезвычайное **своеобразие** страны по мировоззренческим, культурным, национальным, формационно-хозяйственным, гео-эко природным, геополитическим и пр. сферам бытия показывает, что её сущность **разительно** отличается от сущностей любых других государств мира. Это означает, что в своей бытийной цивилизации Россия представлена в единственном числе, т.е. она сама является **отдельной цивилизацией**.

Отсюда вытекает, что Россия волею исторически сложившихся обстоятельств «**обречена» на собственный путь развития, вытекающий из её своеобразной исторически сложившейся сущности**, и поэтому отличный от любого заимствованного со стороны «прогрессивного», «модернизационного», «цивилизованного» и пр. пути; и в частности отличный от **догоняющего** пути и **вписывания** в международное разделение добычи сырья, его промышленной переработки и их технологического, финансового и научного обеспечения.

Поэтому **перевод** страны на **несобственный** путь существования может происходить только при **ощутимом изменении** её бытийной среды и только посредством внутренне-внешнего **отклоняющего насилия**.

При этом указанная выше **внутренняя хрупкость** России, заключающаяся в потенциальной конфликтности её обществ во всех перечисленных сферах бытия, **обеспечивает** особенную **податливость** страны ко всем **насильственным преобразованиям**, поскольку они мгновенно переводят потенциальные конфликты в действительные.

История страны показывает, что любое осчастливливающее **насилие** над страной, осуществлённое **вопреки её исторически сложившейся сущности**, что петровское вбивание её в «европейское окно», что большевистское вбивание в «светлый коммунизм», что либеральное вбивание в «глобальный цивилизованный рынок», только приводило к неисчислимым людским страданиям и к вымиранию населения. Осчастливливающее **внутреннее насилие** обычно проводилось в интересах идеологически сплочённой «исторически продвинутой» «прогрессивной», «модернизационной», «цивилизованной» и пр. десятой части населения страны и применялось к остальным разобщённым «исторически отсталым» девяти десятым частям населения, презрительно называемым **историческими пережитками**. Эта **идеологически побуждаемая** «продвинутая» часть без всякого нравственного колебания отвергала исторически сложившуюся сущность страны, и поэтому, в конце концов, приводила страну в исторический тупик, ставивший её на грань исчезновения.

Более того, указанная выше **внешняя уязвимость** России во многих из перечисленных сфер бытия **обеспечивает** дополнительную **податливость** страны ко всем внешним **насильственным преобразованиям**. Например, внутренне-внешнее либеральное вбивание России в «глобальный цивилизованный рынок» было в огромной степени обеспечено внешней уязвимостью СССР в мировоззренческо-идеологической и культурной сферах.

Поэтому внутренняя хрупкость и внешняя уязвимость **совместно** используются очень часто и внутренними, и внешними насильственными преобразователями для облегчения достижения своих целей.

Внутренняя хрупкость и объединяющая государственная политика

Указанная выше внутренняя хрупкость требует ***объединяющей государственной политики***. Эта политика должна объединять все потенциально конфликтные общества России. Поэтому она должна строиться на какой-либо общей объединяющей идеологии, задаваемой какой-либо общей объединяющей целью.

В рамках объединительной (синтетичной) идеологии, разработанной автором[1], **цель существования России в XXI веке** (после всех крайностей XX века) можно задать целевым объединительным установочным идеалом «***И я, и мы, и наша страна должны процветать!***». Этот идеал составляет высший целев**о**й уровень. Подчинённый ему средственно-целев**о**й уровень задаётся средственно-целевым объединительным установочным идеалом «***Честное дело на вольной земле для созидания блага, приумножения рода, возвышения духа, устроения лада и удержания мира***».

Возможно ли достижение этих целей к концу века, имея в качестве **начальных условий** сложившиеся общие исторические данности? Опыт последних полутора веков показывает, что это является труднейшим делом. В качестве обнадёживающей опоры мы исходим из того ***екклезиастического тезиса***, что никаких чрезвычайных изменений бытийной среды человечества, качественно **отличных** от изменений, происходивших в двухсотлетнем **прошлом**, в нашем столетии не предвидится. Поэтому нет особых оснований готовиться к чему-то совершенно новому, не имеющему никаких аналогов в этом прошлом. А опыт выживания российского общества за это время накоплен поистине огромный. И чрезвычайно важно именно на него и опираться при выработке и проведении соответствующей государственной политики.

---

[1] Захаров В.К. Объединительная (синкретичная) идеология для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. – № 11. – С. 2–13; Захаров В.К. Объединительная (синкретичная) идеология для России (окончание) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. – № 13. – С. 2–13.

Внешняя уязвимость и защищающая государственная политика

Указанная выше внешняя уязвимость требует ***защищающей государственной политики***.

Поэтому Россия, как субъект мирового бытия, должна продолжать делать то, что начиналось в глубоком прошлом и стало частью её исконной сущности. А именно:

1) **осваивать** своё жизненное пространство в соответствии **только со своими устремлениями**, используя **и внутренние, и внешние** источники развития;

2) **оберегать** своё жизненное пространство и свои устремления от разрушительного воздействия носителей антагонистических (несовместимых) бытийных сущностей;

3) **втягивать** в своё жизненное пространство и в свои устремления носителей совместимых бытийных сущностей.

Поэтому взаимодействие России с внешним миром должно быть **прагматически и суверенно многовекторным**.

В частности, «Необходимо **преодолеть загипнотизированность глобализацией** и международной конкурентоспособностью. Надо быть готовыми к тому, что значение внешней торговли в российской экономике на протяжении следующих десятилетий будет снижаться, а не расти. Такие идеи, как межконтинентальный транспортный транзит, предусматривающий ориентацию российской экономики на обслуживание чужих транспортных потоков, создание экспортных анклавов по снабжению других государств энергоресурсами, следует рассматривать как противоречащие национальным интересам России. Создание экспортного производства не эквивалентно развитию экономики. Это в основном развитие чужой экономики. **Главный источник спроса должен находиться внутри страны.** Не нужно решать «задачи адаптации российской промышленности к глобальному рынку»»»[1].

«***Развитие сателлитной экономики, несмотря на быстроту отдачи, представляет собой экономический тупик и приглашение обогащаться игрокам со стороны***»[2].

Для России стратегически разумным было бы «... производство нефти на продажу, по мере направления газа на развитие собственной промышленности в рамках своей экономики дешёвого и обильного энергоносителя»[3].

Из приведённых соображений следует, что Россия не должна вступать ни в какие **долговременные** политические или экономические союзы ни с какими **крупнейшими** геополитическими центрами: ни с Западом в лице США или Европы, ни с Востоком в лице Китая или Японии, поскольку они в соответствии со своими **собственными** устремлениями будут по своему **осваивать и присваивать** российское жизненное пространство и его достояния[4].

---

[1] Лавровский И.К. Перенастройка. Россия против Америки. – СПб.: Питер; М.: Русь-Олимп, 2010.

[2] Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 143.

[3] Там же, с. 144.

[4] Захаров В.К. Бытийная идея России: логика необходимости? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. – № 13. – С. 62–70. Захаров В.К. Бытийная идея России // Всероссийская научная конференция «Национальная идея России» (12 ноября 2010 г.). Материалы. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 513–528.

Казанцев Н.М.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Ключевые слова: *стратегический капитализм, новая экономическая стратегия победы, холодная капиталистическая война, гиперконкурент, формы капитализма.*

Keywords: *Strategic Capitalism, New Economic Strategy for Winning, Capitalist Cold War, hypercompetitor.*

Стратегический капитализм – так назвал свою новую книгу[2] Ричард Д`Авени профессор бизнес-школы при Дартмутском колледже[3], в которой он показал операциональный смысл этого понятия и методы ответа на один из крупнейших гиперконкурентных вызовов, с которым столкнулись США — ростом и развитием Китая. В книге – новые реалии глобального капитализма и практические стратегии гиперконкуренции между могущественными нациями. Для оборота «the hypercompetition between powerful nations»[4] перевод как «гиперконкуренция между могущественными государствами» будет неполон, поскольку природа гиперконкуренции не сводится к действиям государства. В гиперконкуренции первичны действия субъектов частного права, экономических субъектов, государство действует как помощник институтам частного права — компаниям, транснациональным корпорациям, которые учреждены, как правило, частными лицами, а не публичными властями. Бизнес создает новые формы и методы гиперконкуренции, государство содействует их осуществлению, и через это получает большую или меньшую роль в глобальных экономических и политических процессах.

Капитализм обновился через стратегическое планирование и маневрирование. Из устных источников в научных кругах можно сделать вывод, что, например, в США есть понятие циклов национального развития, которые в разных странах различны, но это всегда период, в течение которого происходит смена стратегических ценностей народа таким образом, чтобы вернуться к повторению тех, которые были популярны для самосознания и осуществления в начале этого цикла. В США, этот цикл оценивается примерно в 80 лет. Надо сказать, что и в России в школе М.И. Туган-Барановского имелись подобные исследования. В самом деле, сейчас, через 100 лет после Первой мировой войны, появились снова панимперские и панмонархические движения, несмотря на прошлое дезертирство Николая II в военное время с высшего военного поста верховного главнокомандующего. Предшествующий всплеск панимперства в российском народе был как раз перед вступлением России в Первую Мировую войну в 1914 году, в связи с панимперскими идеями защиты братской Сербии, а теперь – Донбасса. Эти циклы – не следствие планирования, они закономерны, хороший инструмент для планирования и манипулирования нацией в целях закрепления её в соответствующей исторической нише глобального миропорядка, в одних случаях, или содействия её развитию и доминированию в мире, в других.

Эти два случая различаются друг от друга тем, какой тип институтов доминирует в праве каждой из наций. Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон в своей книге[5] выявили два различных типа институтов. Это по их терминологии, инклюзивные и экстрактивные институты. Преобладание первых из них показывает, что перед нами система, в которой гражданин и бизнес свободны, а государство им помогает конкурировать и побеждать на мировых рынках. Доминирование вторых, экстрактивных институтов указывает на государство, элита которого экстрактирует, изымает из экономики, бизнеса и граждан ценности и накапливает их в виде собственных частных состояний в своей, но чаще в других странах с правлением инклюзивных институтов. Экстрактивные государства обеспечивают пребывание своих наций и граждан в исторических нишах доноров-производителей, по формуле В.И. Ленина – в пролетарских государствах. Инклюзивные государства не только предоставляют свои гражданам включенность во власть и экономическую

---

[1] Казанцев Николай Михайлович – д.ю.н., к.э.н., профессор, зав. отделом экономико-правовых проблем государственного и муниципального управления Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ., личные профессиональные интересы – стратегическое управление, приоритетные тематические направления Института – развитие отечественного законодательства – гражданского и публичного. E-mail: nmkazantzev@gmail.com

[2] D'Aveni R.A. Strategic Capitalism: The New Economic Strategy for Winning the Capitalist Cold War. – New York etc.: McGraw Hill, 2012. В русских переводах уже сложилась традиция именовать автора Д`Авени, хотя фонетически точнее было бы его называть Д`Эвени.

[3] Один из восьми университетов США, в которых обучается национальная элита и которые принято называть Лигой Плюща. В этих самых дорогих по обучению университетах США учится будущая элита науки, политики и бизнеса. Стены эти старейших в США университетов (из них пять основаны ранее МГУ им. М.В. Ломоносова) увиты плющом. В Древнем Риме молодого человека, правильно делающего карьеру, уподобляли плющу, который вьется вокруг и опирается на могущественного патрона.

[4] Указ. соч., с.4.

[5] Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: Сбербанк, 2015. – С. 71–75 и др.

свободу, но и, рано или поздно, в глобальное экономическое доминирование в человечестве. Отметим, что лидерское будущее США в XX веке Генри Томас Бокль предвидел уже в середине XIX в.[1].

Спектр методов содействия национальному бизнесу со стороны государства очень широк – от международной конкурентоспособности национального законодательства и правопорядка до финансовой помощи бизнесу, наконец, от операций частных военных компаний до официального применения национальных вооруженных сил. Здесь показателен опыт ядерной бомбардировки Японии, в конечном счете, по результатам которой в Японию пришли не только американские компании, как например, Проктер энд Гэмбл, но и американские инклюзивные институты, позволившие Японии не только развиться до высших форм современной научно-промышленной экономики, но и создать конкурентную угрозу на внутренних рынках США.

Японии в исключительной степени удалось воспользоваться плодами четвертой индустриальной революции. Иное дело, – как это отметил в своем выступлении на Санкт-Петербургском экономическом форуме 2016 года профессор Массачусетского технологического института Лорен Грэхэм, – Россия, которой не удалось пожать плоды этой индустриальной революции, несмотря на то, что именно русские инженеры сделали ключевые изобретения XX века – такие как электролампочка Яблочкова, радио Попова, лазерные технологии (две Нобелевские премии), технология гидроразрыва пласта, первый в Европе электронный цифровой компьютер акад. АН СССР С.А. Лебедева. И при этом, Россия оказалась в числе тех стран, которым не удалось экономически воспользоваться плодами четвертой индустриальной революции. Отставание этих стран от стран, «пожавших плоды этой индустриальной революции», только возрастает. Л. Грэхэм назвал причину такой неудачи России – несформированы современные демократические общество и культура, т.е. не созданы условия, в которых только и может совершаться успешная инновационная деятельность по воплощению изобретений в коммерческие продукты, по его словам их не было ни в царской России, ни в советской, ни в нынешней[2].

Другой, но по сути, тот же самый ответ может быть взят из книги Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, посвятившей целую главу анализу экономического роста в условиях экстрактивных институтов, на примере в СССР показав, что такой рост характеризуется неустойчивостью затуханием[3]. В СССР был устойчиво затухающий рост. Следует вспомнить, что в Госкомизобретений СССР ежегодно подавалось до 360 тыс. заявок на регистрацию, из которых до одной трети регистрировалось, а в нынешней России таких заявок подается не более 30 тыс. в год.

В связи с многочисленным цитированием, начиная с Р. Д`Авени, необходимо обратить внимание на понятие формы капитализма и то, что капитализм может иметь множество различных форм. Поскольку в книге выдвинута концепция стратегического капитализма, автор вкратце рассматривает и другие, говоря о *четырех дженерик-формах капитализма – lassez-faire или свободной конкуренции*, *капитализме социального рынка*, *управляемом капитализме* (экономическая система в нем управляется технократами через комитеты совместно государством и частным бизнесом в целях благополучия наемного труда и могущества экономики посредством долгосрочного планирования и финансирования научных исследований и разработок и промышленных инноваций). Цель управляемого капитализма не в повышении эффективности использования капитала и труда, а в накоплении общественного благосостояния так, чтобы государство могло развивать свою экономическую или военную мощь перед лицом иностранных наций и их корпораций. Наконец, четвертая форма, *филантропический капитализм*, его цель – создать национальные конкурентные преимущества в сфере нематериальных активов и благ через посредство перераспределения налогов и вложений в учреждения и фонды, финансирующие культуру, знания, стиль жизни и другие нематериальные ценности. Капиталистической системой автор называет экономику, в которой фактически смешаны эти четыре формы капитализма. Далее он вводит понятие *стратегического капитализма* как созданного через упреждающую, неидеологическую ориентацию правительства управлять конкуренцией капиталистических систем как для благополучия людей, так и нации в целом. Всеобщая цель, по формулировке Д`Авени состоит в том, чтобы *стратегически целенаправленно опережать и превосходить или разрушать конкурирующие капиталистические системы, которые совершили главные вмешательства в благосостояние и власть стратегической нации*, сознательно вести свою национальную экономику по направлению к лучшим долговременным конкурентным позициям и формировать мировой экономический порядок сообразно стратегическим выгодам нации и её союзников.

Советский перевод Капитала К. Маркса должен был преодолеть многие языковые трудности, особенно в толковании ключевого понятия капитала и вслед за ним капитализма. Перевод, согласно которому капитал – это самовозрастающая стоимость, был признан каноническим, несмотря на его абсурдность. Стоимость – это всегда объем затрат, издержки, и если капиталом признавать всё то, что содержать в эксплуатации приходится все дороже и дороже, то никакого капитализма, тем более богатеющего с каждым днем, на такой идее построить невозможно. Но можно построить советский социализм как самораззоряющуюся экономику по мере отмирания административной диктатуры над ней после сталинского ЦК КПСС. В действительности капитал – это самовозрастающая ценность, а его самовозрастание аналогично возрастанию на основе природного полового инстинкта поголовья любого стада животных, которые будут плодиться и размножаться как на воле, так и в неволе. Но, капитал будет капиталом (а значит, и возрастать) лишь в том случае, если он принадлежит какому-либо правовому субъекту, а потому он подвержен учету и границам местонахождения. Поэтому всякие отношения собственности влекут капитализм, а в случае государственной собственности – государственный капитализм. В этом смысле капитализм – универсальный способ развития экономики, опирающийся на естественные природные инстинкты человека и иных животных, простирающиеся от питания,

[1] Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Пер с. англ. – СПб., 1856.

[2] Вам нужно молоко без коровы // Аргументы недели. – М., 2016. – № 24 (515), 23 июня. – С. 6.

[3] Указ. соч., с. 143–164, 172 и др.

размножения до целесообразной деятельности. А социализм – строй, при котором общество находится в собственности государства посредством правящей им партии – это коллективное рабовладение совершенно подтверждает предсказание Ф.Достоевского о социализме в его романе «Бесы»: Все рабы и в рабстве равны – устами Шигалева.

Примечательно выработанное Р. Д`Авени на этой основе понятие капиталистической холодной войны[1] как противоборства двух или более капиталистических систем для выяснения кто из них устанавливает правила, а кто их исполняет. Предусмотренный итог капиталистической холодной войны состоит в том, что победитель устанавливает правила для глобальной системы финансов, торговли, международного регулирования, рынков интеллектуальной собственности и других экономических активностей, которые способствуют росту и благосостоянию этого правоустановителя и его народа. Понятно, что эта доктрина *легитимирует возобновление и продолжение холодной войны с Россией* и с другими неприсоединившимися когда-то и теперь и неподчинившимися государствами.

Следовательно, холодная война – нормальное состояние в отношениях между лидирующими странами, а также и в отношениях лидера с любой страной, стремящейся преследовать собственные национальные интересы без согласования их с лидером. Этот второй из двух типов отношений характеризует позицию США к России, лидер которой на Петербургском экономическом форуме подчеркнул единственность США в качестве супердержавы, чем прекратил тридцатилетнюю риторику о многополярном мире.

Признанный теоретик в университетах Лиги Плюща[2] Р. Д`Авени назван Советом директоров корпораций[3] одним из семи теоретиков стратегии в мире, а Немецким деловым еженедельником — одним из пяти американских ученых, которые наиболее существенно влияют на будущее практического менеджмента. Ричард А. Д'Авени был также назван в числе 25 лучших бизнес-мыслителей в мире такими знаменитыми масс-медиа как CNN, Forbes, Times (Лондон), Harvard Business Review и Times (Индии), а также по итогам рейтинга Thinkers 50 (50 мыслителей)[4].

Ричард Д`Авени нацелил свою книгу «Стратегический капитализм» на американскую победу в гиперконкуренции с Китаем, при этом он не избегает говорить о слабостях США в этой конкуренции. Так в разделе, озаглавленном «Поворотный путь истории», он пишет[5]: «Китай является тем, что можно назвать hypercompetitor (гиперконкурент). Он имеет *новую систему капитализма*, которая разрушает работу американской системы, я бы даже сказал, роет подкоп под неё. В индустрии, создавшей промышленность, он с ходу превзошел много стран, часто благодаря крутой деловой практике, и это большинство развитых стран не приняли бы, если бы Китай не был бы столь велик. … я полагаю, что Китай оказывает американскому народу содействие в развитии, ибо конкурируя, наносит им современный экономический удар точно в цель. Большой вопрос – останутся ли в этом состоянии Соединенные Штаты или они смогут встать после этого удара на ноги».

Понятие гиперконкуренции стало исследоваться и обсуждаться с момента выхода в 1994 г. книги Ричарда д'Авени «Гиперконкуренция: управление динамикой стратегического маневрирования»[6]. В ней автор показывает, что стратегия конкурирования на мировых рынках посредством т.н. конкурентных преимуществ, получивших обоснование в трудах К. Портера,[7] устарела, поскольку любое конкурентное преимущество уже не может сохраняться долго. *Очевиден пример России, которую отечественные эксперты в 2005–2007 годы признавали энергетической империей и сверхдержавой, а теперь её экономика не может выйти даже на нулевые темпы роста, при существенном сокращении обрабатывающей промышленности и уровня народного потребления*.

Правовые меры американской гиперконкуренции с Китаем кратко сформулированы президентом 815,8-миллиардной долларовой сталелитейной корпорации Nucor Corporation, Даниэлем ДиМикко[8], членом Совета производителей США. России придется конкурировать с Китаем по этим же трем, названным Д. ДиМикко, направлениям: борьба с недобросовестной торговой практикой гиперконкурента, выработка национальной промышленной политики и развитие промышленного производства, а также инвестирование и развитие промышленной инфраструктуры.

Однако решение этих долговременных задач нельзя отнести к числу победоносных мер и маневров стратегии гиперконкуренции. Такие методы Д`Авени рассматривает на примере истории конкурирования США и Японии в 1970–1980-е годы в части книги, озаглавленной «История – это гиперконкуренция». Ученый показывает, как США победили в гиперконкуренции с Японией, хотя в 70-е годы японские товары и фирмы превосходили американские даже на внутренних американских рынках. Этот пример весьма поучителен для нынешнего кризиса в России, поскольку *имеется изрядное сходство стратегических действий, маневров и победоносных институтов у США в обоих случаях.*

---

[1] Capitalist Cold War.

[2] См.: http://daveni.tuck.dartmouth.edu/

[3] Corporate Executive Board – ассоциация топ-менеджеров и консультационная компания, которая изучает актуальные проблемы менеджмента и маркетинга и предоставляет своим членам информацию о лучших практиках и возможности повышения эффективности компаний; членами ассоциации являются около 2400 менеджеров со всего мира, количество исследовательского и административного персонала составляет более 2000, штаб-квартира находится в Вашингтоне.

[4] Он консультировал первых лиц двух стран из G-7, Европейский парламент, французский Сенат, членов королевской семьи Саудовской Аравии, а также вице-президента Индонезии, давал консультации более чем 30 высших руководителей компаний из списка журнала Fortune и Global 500 и семи семьям миллиардеров из в списка Forbes100 – сотни самых богатых людей в мире.

[5] Перевод здесь и далее наш – Н.К.

[6] D`Aveni. R. Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering. – New York: The Free Press, 1994. – P. 57.

[7] См., например, Портер К. Международная конкуренция. – М., 1993.

[8] Журнал Harvard Business Review номинировал Mr. DiMicco в качестве одного из 100 наиболее успешных руководителей (CEO) в мире.

Соединенные Штаты, начиная с президентства Рональда Рейгана, поворачивали ситуацию с Японией в свою пользу. Политическим давлением установили добровольно принятые цели для импорта Японией американской продукции и ограничения японского экспорта, сбалансировав американо-японскую торговлю[1]. Новый подход США к капитализму *постепенно затормозил Японию*. США сократили свои издержки, улучшили качество продукции, стали более активными, разрушили японские стратегии, и подорвали японские конкурентные преимущества. Так как зазор между качеством японской и качеством продукции США сократился, потребители отметили убывающую отдачу при покупке японских товаров. В то же время японское, основанное на консенсусе, принятие решений об ограничении инноваций и изменений привело к тому, что японцы уже не могли делать смелые шаги, чтобы превзойти американцев, которые они делали прежде[2].

Соединенные Штаты *форсировали такие изменения в Японии, которые сделали эту страну менее конкурентоспособной*. Например, до 1980-х годов шестидневная рабочая неделя была общепринятой, но Соединенные Штаты в целях экономической борьбы с Японией обратились в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и в Международную организацию труда (МОТ) с предложением сделать пятидневную рабочую неделю международным стандартом. Работники наслаждались большей свободой, производительность упала. Система образования Японии столкнулась с тем же давлением, и страна начала с 1992 г. переходить на пятидневку. Это привело к снижению мотивации учиться, трудолюбия, выносливости и интеллектуальных способностей школьников, и эти факторы постепенно ограничивали японскую корпоративную производительность.

Соединенные Штаты вынудили Японию присоединиться к мировому финансовому рынку. Это больше, чем что-либо подорвало мощь японской экономической машины. Финансовый кризис Японии произошел следующим образом. Поначалу Банк Японии сохранял процентные ставки на низком уровне, чтобы кредитовать японские фирмы с небольшим капиталом. Япония также снизила процентные ставки, чтобы помочь Соединенным Штатам при обвале фондового рынка в 1987 году. Бросовые процентные ставки вынудили покупателей недвижимости взвинчивать цены в Японии. В свою очередь, банки предоставили миллиардные кредиты покупателям, которые были готовы вложить их в дело. Тем не менее, Банк Японии был, в конечном счете, вынужден повысить процентные ставки, чтобы войти в глобальную финансовую систему. Цены на недвижимость упали. Министерство финансов ужесточило правила по объему сделок с недвижимостью. Банк Японии затем повысил процентные ставки до 6 процентов. Цены на недвижимость и фондовый рынок рухнули. *Здесь напрашивается сравнение с уровнем т.н. ключевой ставки Банка России в 10% и её деструктивными последствиями для российской обрабатывающей промышленности, сократившейся на одну треть.*

Банковский сектор Японии, втянутый в кредитный кризис, уже не мог питать экономику развития страны. Японские компании не имели доступа к капиталу, поскольку банки кредитовали лишь фирмы, которые считались слишком большими, чтобы потерпеть неудачу. *И здесь аналогия с российской экономической практикой Банка России и правительства.* Мало денег осталось для долгосрочных инвестиций в сфере финансирования научных исследований и разработок и для модернизации. Многие фирмы столкнулись с высокой долговой нагрузкой и низкими темпами роста.

Слияния слабых фирм, организованные правительством, часто порождали еще больших лузеров. Это усугубило кризис. Американские процедуры и процессы, такие как банкротство, рейдерство, или ликвидация могли бы вернуть деньги в систему для продуктивных инвестиций достаточно быстро, но они были фактически табу в Японии, – пишет Д`Авени. Япония получила серьезные финансовые проблемы на многие годы. Ее государственный долг вырос более чем вдвое, – больше, чем в любой другой развитой стране, достигнув 230 процентов от ВВП в 2011 году. Несмотря на то, что массивный долг не синхронизирован с кризисом, японские граждане держат большую часть этого долга в ценных бумагах. И Япония продолжает страдать от бремени задолженности. Дефицит государственного бюджета сдерживает восстановление экономики. Помимо всего прочего, США добились того, что Япония, как Japan Inc., не пойдет на второй капиталистический цикл развития. С точки зрения laissez-faire капитализма, Япония уже не сопоставима с Соединенными Штатами в эффективном распределении капитала, сырьевом росте ВВП или обеспечении роста ценности акций у акционеров. Однако Япония не пала по всем измерениям[3] – в ней низкий уровень безработицы (4,2 процента), продолжительность жизни увеличилась на 4,2 года с 1989 года, страна имеет положительное сальдо торгового баланса в размере $ 50 млрд. с Соединенными Штатами. Японский фондовый рынок ослабел, равно как и рост ВВП, но Япония сохранила хороший уровень жизни, и он остается высоким, третьим в мире, на этом этапе капиталистической гиперконкуренции.

Управляемый капитализм с его олигополиями был японским вызовом. США правили миром экономически в течение почти трех десятилетий, но японский капитализм разрушил их экономическую власть. В свою очередь, эра Рейгана с laissez-faire капитализмом в новой форме, разрушили лидерство японского капитализма. Так каждая новая версия капитализма подрывает или разрушает предыдущую версию. Это гиперконкуренция между странами и она осуществляется посредством новых правовых форм экономической свободы.

Знаменательно то, что российские авторы, цитируя статью швейцарского профессора Манфреда Бруна[4], рассматривают гиперконкуренцию исключительно как состязание частных компаний на рынках, они не видят в этом яв-

---

[1] Указ. соч. Ch. Hypercompetition Between Nations, p.8.

[2] D'Aveni R.A. Strategic Capitalism: The New Economic Strategy for Winning the Capitalist Cold War. – New York etc.: McGraw Hill, 2012. – P. 11–12.

[3] Fingleton E. The Myth of Japan's Failure // New York Times. 2012. – January 6.

[4] Брун М. Гиперконкуренция: характерные особенности, движущие силы и управление // Менеджмент и маркетинг. – № 3/98. – http://vasilievaa.narod.ru/20_3_98.htm

лении состязания народов и наций, национальных правопорядков и стоящих за ними государств[1]. Отечественное понимание гиперконкуренции не достигло того операционального смысла, который можно было бы применять для решения задач конструирования её стратегий, хотя публикации на эту тему есть[2].

Анализ зарубежных научных трудов по этой теме позволяет видеть, что гиперконкуренция не сводится к соперничеству фирм, она выражает собой конкурентную борьбу народов и наций, в которой используются любые эффективные формы – от соперничества фирм на глобальных рынках, манипулирования финансовым и международным правопорядками, до холодной и гибридных войн, ведущихся частными военными компаниями, и, конечно, полномасштабной войны и, наконец, до военного и миротворческого факторства, когда страна – стратегический манипулятор дипломатическими, политическими, экономическими и масс-культурными мерами вводит две или более страны в военное столкновение, а затем факторствует в установлении мира при своем контролирующем посредничестве в отношении каждого из враждовавших субъектов.

Конкуренция компаний, возвысившихся до транснациональных, не могла не привести к следующему этапу развития конкуренции, капитализма и общества – конкуренции наций. Знаменательна позиция профессора А.К. Субботина, который пишет, что «применительно к страновой конкуренции гиперконкуренцию можно определить как ожесточенную, часто бескомпромиссную *борьбу за выживание* той или иной страны, которая стремится сохранить свой суверенитет, территориальную и социальную целостность, свои собственные человеческие и природные ресурсы и допуск к таким ресурсам за рубежом, не позволить разрушить свою национальную идентичность, которая складывалась в основном в течение последнего тысячелетия, несет и развивает свои национальные традиции, культуру, только ей присущие качества, человеческие ценности и социальные установки»[3].

Это определение правильное, но ограниченное, поскольку оборонительное, и оно характеризует отечественную максиму национальной конкуренции. Конкуренция понимается как борьба за выживание в тех странах, которым еще очень далеко до постановки задач даже регионального лидерства и влияния на сопредельные нации и экономики. Однако эта пассивистская ограниченность доктрины гиперконкуренции имеет источник в виде конституционной нормы, а именно, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, гласящей, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты … прав и законных интересов других лиц…». Следовательно, права и свободы человека и гражданина Российской Федерации могут быть ограничены в целях защиты законных интересов как других граждан, так и неграждан Российской Федерации. Такая конституционная конструкция прав и свобод человека и гражданина РФ, конечно, влечет единственную форму конкуренции – борьбу за выживание, поскольку не только право на свободное предпринимательство, но и право частной собственности, владеть, использовать и распоряжаться своим имуществом (ст. 35 Конституции РФ), могут быть ограничены федеральным законом. И, если не законом, то правоприменительной практикой, в том числе и судебной, в целях, например, защиты интересов в получении законной прибыли зарубежными инвесторами. Простой пример ограничения таких прав даёт Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», который ограничивает конституционные права граждан на местное самоуправление в целях извлечения законной прибыли государственной или частной управляющей компанией.

Ограничение прав и свобод граждан влечет ограничение суверенитета государства. Если для русских юристов XIX века, например, Б.Н. Чичерина было понятно, что государство – это абсолютный союз народа, а, следовательно, всех его граждан и понятно, что если некая политическая партия необратимо захватывает власть в таком государстве, то она вместе с уничтожением государства как абсолютного союза народа, уничтожает его суверенитет.

В той степени, в какой правовые ценности доставляют большие или меньшие возможности для создания, обращения и осуществления ценностей экономических, культурных, моральных, религиозных, они сами обладают большей или меньшей ценностью и правовым значением. Соответственно и государства, которые выступают хранителями и осуществителями таких высоких рациональных правовых ценностей получают в истории человечества большее значение и обретают большие экономические размеры, побеждают в гиперконкуренции и выражают собой стратегический капитализм как самовозрастающую ценность человеческой личности, созданных ею институтов, государств, цивилизаций, товаров и услуг для потребления.

В условиях гиперконкуренции наций важна сплоченность самой нации как безусловного равенства граждан перед законом и судом в абсолютном союзе народа на основе неумаляемых прав человека. Советская попытка сплотить нацию вне права и закона, посредством единоверческой идеологии, повредила логику правосознания российских народов и провалилась. Предстоит долгий путь восстановления правового рассудка и нравственности людей и становления нации как всеобщего правового равенства граждан перед законом и судом.

---

[1] См.: например, Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. Гиперконкуренция // Экономические стратегии. – М., 2002. – № 4. – С. 36–41. – http://www.ageev.net/2002/08/ giperkonkurenciya/

[2] См.: Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. Гиперконкуренция // Экономические стратегии. – М., 2002. – № 4. – С. 36–41. – http://www.ageev.net/2002/08/ giperkonkurenciya/, а также Дятлов С.А., Чекмарев В.В. Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации и развития экономических систем // Вестник Костромского государственного университета. 2012. – № 6. – С. 66–77 и др.

[3] Субботин А.К. Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран-лидеров современного мира. Предисл. акад. РАН В.Л. Макарова. – М.: URSS, 2012. – С. 20.

Козырев А.А.
к.э.н., профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС
kosyrew@mail.ru

ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *стратегия, конкурентные преимущества, стратегические приоритеты, инновационное развитие, научно-промышленная политика, инновационное государство.*

Keywords: *strategy, competitive advantage, strategic priorities, innovative development, scientific and industrial policies, innovative state.*

Экономические и политические события последних двух лет поставили перед российскими учеными очень остро вопрос о том, как перейти от догоняющего (копирующего чужой опыт) развития к опережающему? На наш взгляд, адекватный ответ можно найти, разработав и реализовав *стратегию опережающего развития*.

В первую очередь, это должна быть грамотная, отвечающая строгим научным требованиям *стратегия*[1]. Полностью разделяем точку зрения В.Л. Квинта: «Хотя в России есть хороший опыт разработки нескольких корпоративных и региональных стратегий, но в целом самая большая беда в том, что в России нет грамотной единой общегосударственной, сориентированной на национальные приоритеты, ресурсно-обеспеченной стратегии»[2].

Следующий этап – методологически правильное определение национальных приоритетов, их точная формулировка. Стратегическими национальными приоритетами, в соответствии с теорией стратегирования, являются те, по которым у страны существуют или за короткие сроки могут быть сформированы *конкурентные преимущества.* На них должны быть сконцентрированы ресурсы, поскольку появляется возможность обеспечения не догоняющего, а *опережающего* развития.

По проблеме определения национальных приоритетов существует множество различных точек зрения. Мы полагаем, что одним из ключевых национальных приоритетов является *инновационное развитие экономики*, которое обеспечивает переход к инновационной модели развития.

Как свидетельствует мировой опыт, те страны, которые в своем развитии сделали ставку на инновации, обеспечили себе устойчивый рост, даже при условии нестабильности глобального рынка.

Определенное движение в данном направлении наметилось и у нас. В 2011 г. был принята национальная Стратегия инновационного развития на период до 2020 г. – документ, в котором переход к инновационному развитию определяется как главная цель государственной политики в области развития науки и технологий, достижение которой является необходимой предпосылкой модернизации экономики и обеспечения конкурентоспособности отечественного производства[3]. Однако, принятие этого, безусловно, важного для развития страны документа, было обесценено двумя ошибками. Одна – управленческая – обусловлена отсутствием системного подхода к управлению макроэкономическими и социальными процессами. Совершенно очевидно, что данный документ должен быть лишь одним из структурных элементов системы управления научно-техническим развитием. Здесь мы солидарны с позицией, согласно которой инновационная стратегия должна являться одним из важнейших элементов *научно-промышленной политики*[4].

Другим существенным недостатком принятой в 2011 г. Стратегии инновационного развития страны на период до 2020 года является формулировка приоритетов. На наш взгляд, данные приоритеты могли быть приоритетами *любой* государственной программы, так как звучат весьма абстрактно. К примеру, такой ключевой приоритет, как развитие человеческого капитала, кадрового потенциала инновационной экономики.

Еще хуже обстоит дело с выполнением основных целевых индикаторов инновационного развития страны за первые два года реализации Стратегии. Специалисты отмечают, что здесь основными недостатками являются: сальдо технологического экспорта и импорта (с недостатком в 800%); коэффициент изобретательской активности (недостаток 111,1%); внутренние затраты на исследования и разработки от ВВП (недостаток 102,7%); количество вновь соз-

[1] Козырева Л.Д., Козырев А.А. Ведущая роль государства в разработке и реализации стратегии инновационного развития. – http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Koval_10_2015.pdf; Россия в современном мире: взгляд социолога. Материалы научно-практической конференции X Ковалевские чтения Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. – СПб., 2015. – С. 144.

[2] Квинт В.Л. У России нет четкой стратегии развития, отсюда наши беды // Аргументы и факты. 2015. – № 41. – http://www.aif.ru/money/economy/vladimir_kvint_kak_rossii_vyrvatsya_vperyod

[3] Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 года № 2227-р. – http://docs.cntd.ru/document/902317973

[4] Модели и методы инновационной экономики / Сб. научных трудов под ред. К.А. Багриновского и Е.Ю. Хрусталева. Вып.8. – М.: ЦЭМИ РАН, МАОН, 2015. – С. 184.

данных малых инновационных предприятий при поддержке Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (недостаток 58,8%); удельный вес средств, полученных от выполнения научной, научно-технической деятельности, в общем объеме средств ведущих российских университетов (недостаток 47,8%); доля сектора высшего образования во внутренних затратах на исследования и разработки (недостаток 43,8%); доля России в общемировом количестве публикаций в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (недостаток 40,1%); доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций – всего (недостаток 37%); удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций (недостаток 21,1%); доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства (недостаток 8,7%). В среднем, нереализованным осталось 30-40% от запланированного[1]. На наш взгляд, такое громадное «недовыполнение» говорит о нереалистичности планов, серьезных ошибках в планировании целевых показателей.

Как представляется, при определении приоритетов любого развития, в том числе и инновационного, необходим анализ существующих проблем, анализ «угроз и рисков». Сегодня такой ключевой «угрозой», проблемой в инновационном развитии остается *утратившая актуальность структура народного хозяйства*. Прежде всего торможение вызывается преобладающими в XX веке отраслями, определявшими ранее научно-технический прогресс. Сегодня они не способны к ускоренному развитию. При этом западные страны, создававшие экономику знаний в качестве стратегического приоритета в течение последних 50 лет, демонстрируют устойчивый экономический рост[2].

Экономика знаний представляет собой отрасли науки, информационных технологий и биотехнологий, здравоохранения и образования. К 2014 г. ее доля в ВВП стран Западной Европы достигла 35%, в США – 45%. В России сфера экономики знаний развивается заметно медленнее с долей в ВВП – 15%[3].

Причиной низкой степени развития экономики знаний в нашей стране является не только научно-техническое отставание, но и противоречивая государственная политика, а также отсутствие системы стратегий развития. Позитивным и заслуживающим заимствования представляется опыт тех стран, в которых экономический и социальный рост обеспечен инновациями, государство берет на себя риски, не желательные для бизнеса. Расходы на всю инновационную цепочку от базовых исследований до внедрения в производство имеют трансформирующую силу. Так появляются новые рынки и сектора, например, биотехнологии, Интернет, нанотехнологии, чистая энергия[4]. Именно по этой причине за рубежом принят подход, пересматривающий роль государства в экономике[5].

Именно государство должно направлять развитие экономики к новейшим «техно-экономическим парадигмам», как следует из примера целого ряда стран. В процессе реализации стратегий «каждая страна, каждый регион должны коллективно определить направления производства и инноваций, и это должно поддерживаться адекватной правительственной политикой. Бизнес, правительство и общество должны стремиться к консенсусу»[6].

Нельзя не отметить ведущую роль государства в области правового обеспечения образования и функционирования малых предпринимателей, фокусирующихся на инновационные области. Подобная роль формализуется в особенностях освобождения от налогов, предоставлении государственных грантов инновационным предприятиям, стимулировании учебных и научных центров к инкубированию инновационных предприятий. Подобные центры могли бы реализовывать разработки научных сотрудников[7]. За рубежом имеется немало примеров реализации взаимодействия университетов, промышленности и государственного управления.

Наряду с правовым обеспечением инновационной активности важна роль государства в создании и поддержании национальной инновационной системы. В свою очередь национальную инновационную систему составляют региональные инновационные системы, и подобный подход позволяет сглаживать неравномерность развития регионов и сочетать различные региональные конкурентные преимущества.

Еще одна насущная потребность инновационного развития заключается в наращивании социального потенциала, формировании «культуры инноваций» (Й. Шумпетер). На наш взгляд и здесь может проявиться ведущая роль государственной стратегии.

Формирование инновационной модели развития происходит под влиянием ряда факторов, главными из которых являются: создание институциональной основы инновационного развития, диверсификация экономики, обогащение творческого потенциала рабочей силы, спрос на работников высокой квалификации, ограничении монополии на разработку новых товаров и услуг. При этом происходят серьезные изменения в социальной структуре общества, свя-

---

[1] Полянский С.Н. Оценка реализации стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года на конец первого этапа // Актуальные проблемы управления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (16–18 дек. 2014 г.). – Тамбов, 2014. – С. 145–149.

[2] Козырева Л.Д., Козырев А.А. Ведущая роль государства в разработке и реализации стратегии инновационного развития. – http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Koval_10_2015.pdf; Россия в современном мире: взгляд социолога. Материалы научно-практической конференции X Ковалевские чтения Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. 2015. – С. 145.

[3] Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. – М., 2014. – № 4. – С. 9.

[4] Мадзукато М. Инновационное государство // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – Т. 13, № 4. – С. 200.

[5] Там же, с. 201.

[6] Перес К. Бизнес, правительство и общество должны стремиться к консенсусу. – http://www.ng.ru/ng_politics/2010-10-19/11_peres.html

[7] Иванов Н. Социальный контекст инновационного развития // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2013. – № 5. – С. 20.

занные с увеличением доли среднего класса. Кроме того, возрастает роль гражданского общества, его институтов и государство включается в качестве субъекта в инновационный процесс.

Национальный инновационный потенциал понимается, как «способность страны осуществлять производство и коммерциализацию потока новых для мира технологий в долгосрочной перспективе»[1]. Следовательно, формирование национальной стратегии, основанной на инновационном развитии, как приоритете, будет способствовать опережающему развитию страны и формированию «инновационного государства».

[1] Furman J.L., Porter M.E., Stern S. The determinants of national innovative capacity // Research Policy. 2002. – Vol. 31, N 6. – P. 899–933.

Комков Н.И.
д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИНП РАН

ПОЭТАПНЫЙ ПЕРЕХОД К КОРРЕКТИРОВКЕ ПСЕВДОРЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *модель, экономика, прогноз, реформирование, национальные цели, развитие.*

Стремительный, скачкообразный переход от модели «развитого социализма» к модели открытой рыночной экономики, формируемой на демократических принципах вызывал как в начале 90-х годов, так и спустя более чем 20 лет неоднозначные суждения, споры и разногласия в оценках правильности сделанного страной выбора. Масштабы обсуждения и острота противоречивых оценок неоднократно изменялись на протяжении всего пройденного периода построения рыночной экономики в России. Протестные выступления в 1993 году (завершившиеся расстрелом Белого дома), в 2010-х годах в Москве, Санкт-Петербурге и в других крупных городах РФ не повлияли ни на выбор политического устройства страны, ни на радикальные изменения принятой квазирыночной модели экономики.

Добровольный уход Ельцина Б.Н. с поста Президента РФ и выбор в качестве Президента Путина В.В. не привел ни к кардинальным изменениям в политическом курсе, ни в экономической модели РФ. Их сохранению во многом способствовала благоприятная для формирующейся рыночной экономики в России конъюнктура на мировых сырьевых рынках, где увеличился и вплоть до 2008 года устойчиво рос спрос на углеводороды, металлы, древесину. Спрос на природные ресурсы сопровождался ростом мировых цен. Этот период известный российский экономист Лившиц В.Н. назвал «тучным периодом» [1], когда многие противоречия и недостатки были не заметны на общем благополучном фоне роста экономики с темпом около 7% ВВП в год.

Сложившаяся в России неолиберальная модель экономики оказалась крайне неустойчивой к кризисным явлениям в мировой экономике, сформировавшимся в 2008 году после крушения банковской системы в США. Из крупных стран наиболее пострадала от кризиса 2008 года именно Россия – в 2009 году ВВП РФ сократился почти на 8%, внешняя торговля снизилась на 40%, объем инвестиций уменьшился почти на 20%, сократились золотовалютные резервы, выросла безработица и др.

В этот период отчетливо проявились недостатки неолиберальной модели экономики, основы которой были заложены ранее и нашли свое отражение в Конституции России, законодательной базе, в составе сформировавшихся институтов, обслуживающих экономические и социальные процессы, а также в механизмах управления и регулирования экономики (рис. 1). Поэтому переход к другой модели экономики и даже ее корректировка сопряжены со значительными трудностями и масштабными реформами.

Рисунок 1

Необходимо отметить, что переход к социалистической модели экономики в 1917 году, а также выбор прямо противоположной модели – капиталистической в 1991 году были основаны на политических предпочтениях без учета национальных интересов, сложностей и потерь, возникающих при смене модели. Также важно, что выбранные модели экономики в России принципиально мало изменялись в процессе их последующего функционирования. На рис. 2 представлена динамика развития отдельных стран, имеющих смешанную (государственную и рыночную) экономику [2]. Важно отметить, что в 1998 году Россия была ближе других стран к «стандартам капиталистической экономики», измеряемой по трем основным показателям, но выгоды от этой близости Россия не получила. Более того, Китай в том же году более осторожно, чем РФ расставался с особенностями социалистической модели, постепенно увеличивая к 2010 году долю частной собственности, открывая свои рынки и наращивая децентрализацию управления экономикой с учетом собственных национальных интересов.

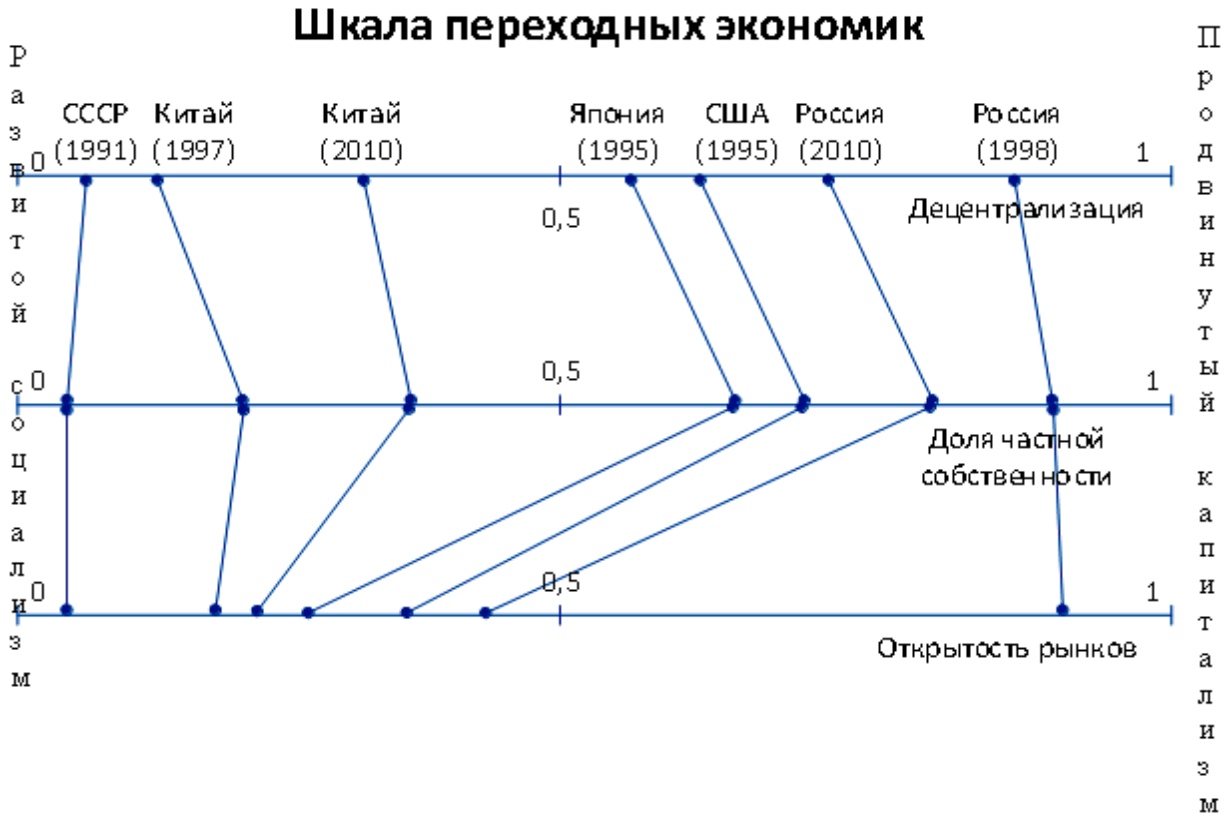


Рисунок 2

Полностью восстановиться после кризиса 2008 года экономика России не смогла, а резкое снижение цен на углеводороды и последовавшие в 2014 году санкции со стороны США, стран ЕС и Японии способствовали не только снижению темпов ВВП, но и их переходу в область отрицательных значений. Текущее состояние экономики РФ, причины сформировавшихся недостатков и возможные меры их устранения приведены в табл. 1. Перечисленные меры носят достаточно радикальный характер, а возможность их последовательного введения подробно рассмотрена далее и представлена в табл. 1.

Таблица 1

Состояние развития экономики РФ

Недостатки социально-экономического развития	Причины формирования недостатков	Меры по устранению недостатков
Ухудшение большинства социально-экономических показателей (падение ВВП 2–4%, снижение уровня доходов – 10%, 30%, рост безработицы на 10-15%	Низкие темпы роста ВВП, падение мировых цен на нефть. Санкции США и стран ЕС, экспортно-сырьевая модель экономики.	Изменение механизма управления экономикой и реальный переход к инновационной модернизации
Чрезмерная налоговая нагрузка; НДС стимулирует ресурсодобычу	Низкая ВДС перерабатывающих и обрабатывающих отраслей; системная поддержка экспорта ресурсов	Налоговое стимулирование перерабатывающих и обрабатывающих отраслей
Высокие тарифы на газ, электроэнергию и транспортные перевозки, ЖКХ	Неэффективное антимонопольное регулирование и управление компаниями, ошибки реформирования РАО ЕЭС, РЖД	Изменение руководства антимонопольных структур и законодательства в этой сфере
Недостаток денежной массы в экономике России	Ориентация при финансовом регулировании в основном на сдерживание инфляции; ограничение роста ВДС экспортом сырья	Сена руководства финансовыми службами на федеральном уровне и изменение законодательства (ЦБ и др.)
Неконтролируемый экспорт финансов в оффшоры	Неблагоприятная бизнес-среда, неэффективный контроль утечки капиталов	Сочетание усиления контроля за финансовыми потоками и прозрачностью финансовых схем

Анализ опыта развития экономик промышленных стран, избравших смешанную экономику, свидетельствует о регулярной настройке экономик в этих странах на свои национальные интересы. При этом учитывается опыт в такой настройке экономик другими странами, но успешные страны учитывают прежде всего свои национальные интересы. К числу перспективных национальных целей РФ могут быть отнесены следующие:

– Стабильно высокая доля затрат на науку (2,0–2,5% ВВП), затраты компаний 40–70% в затратах на науку.

– Прогрессивная шкала налогообложения доходов.

– Высокая социальная составляющая в затратах бизнеса.

– Гармоничное развитие всех секторов полного технологического цикла: «добыча – переработка – обработка – конечное потребление».

– Доступное для большинства населения высшее образование.

– Доступное медицинское обслуживание.

– Достаточный для обеспечения независимости страны и возможности отражения внешних угроз национальным интересам оборонный потенциал.

– Межконфессиональная гармония.

– Контролируемое населением качество управления экономикой, регионами, муниципалитетами и государственными компаниями.

– Высокая доля интенсивных факторов в росте ВВП – 60–80%.

– Независимость судебных и правоохранительных органов от субъективных оценок властных структур и бизнеса.

– Гармонизация централизации управления с местным самоуправлением.

Порядок настройки модели национальной экономики РФ представлен на рис. 3. Этот порядок был положен в основу дорожной карты перехода от сложившейся ресурсно-экспортной модели развития (табл. 2). При реформировании модели экономики РФ дорожная карта предполагает три этапа, а главным условием такого реформирования является поиск ответа на первоочередной вопрос – «как» приближаться к целям национального социально-экономического развития. При этом важно сформировать перечень мер, принимаемых по каждому направлению развития. Такой перечень мер следует определять на основе сценариев развития, предполагающих построение взаимосвязанной совокупности мер, ориентированных на социально-экономическое развитие. Формирование таких сценариев следует проводить с учетом перспектив технологической модернизации экономики России, в настоящее время значительно уступающей в этом отношении мировому уровню [4].

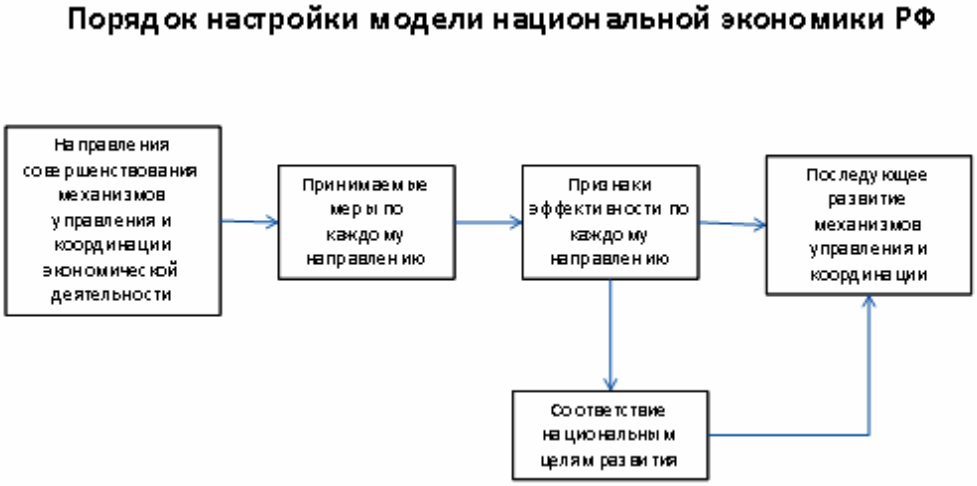


Рисунок 3

Технологическое развитие мировых экономик во многом определялось предпочтениями в пространстве основных видов ресурсов: энергия + материалы + труд. Постоянно наращиваемые экономикой объемы энергоресурсов создавали предпосылки для мирового промышленного развития на основе создания машин, оборудования, разнообразных материалов, зданий и сооружений. Достигнутые масштабы промышленного производства и высокие темпы его обновления привели к дефициту энергоресурсов и мировому энергетическому кризису в начале 70-х годов прошлого века, острота которого усиливалась политическими решениями и установками со стороны отдельных стран. Эти события повлияли на разработку и создание энергосберегающих технологий и дальнейший рост масштабов промышленного производства.

Отработка технологий до уровня простых операций повлияла на перемещение многих промышленных производств из развитых в развивающиеся страны, обладавшие дешевыми людскими ресурсами. Ускоренное развитие промышленными странами прежде всего информационных технологий, используемых для управления крупномасштабными системами и комплексами систем привело к созданию современных средств связи и росту сферы услуг. Такое развитие технологий и рост сферы услуг повлияли на решение ряда промышленных стран на обратное возвращение многих промышленных производств из развивающихся стран в развитые.

Таблица 2

Дорожная карта перехода от ресурсно-экспортной к прогрессивной модели развития

Направления совершенствования основных компонент модели	Принимаемые меры	Признаки эффективности принимаемых мер	Последующее развитие механизмов
1) Повышение качества управления экономикой, компаниями и проектами	Раздельное проектирование механизмов управления и их исполнение	Введение ответственности за неэффективное управление	Согласование механизмов управления на всех уровнях
2) Длинные (инвестиционные) деньги	Снижение ставок в КБ до 5%	Создание сети инвестиционных банков	Доступные долгосрочные инвестиции
3) Приоритетные проекты с гарантированным исполнением	Освобождение от налогов на 5 лет	Страхование проектов	Симулирование добросовестного исполнителя
4) Устойчивый (поддерживаемый государством) спрос на инновационную продукцию	Регулирование таможенных тарифов	Субсидирование потребления отечественной инновационной продукции	Устойчивый и регулярно поддерживаемый спрос
5) Участие компаний в заказах и финансировании инноваций	Компании частично финансируют проекты	Компании полностью финансируют проекты	Кооперационный механизм финансирования проектов
6) Создание благоприятной среды для бизнеса	Пересмотр законодательства	Снижение уровня налогов и уровня коррупции	Выход на стандарты благоприятной среды
7) Контролируемое обществом управление развитием	Прозрачность и отчетность за реформы	Регулярное обсуждение и оценка итогов развития	Предложения общества по новым реформам
8) Анализ и оценка конкурентоспособности технологий	Создание методики и введение практики оценки	Обязательные оценки конкурентоспособности	Оценка динамики конкурентоспособности
9) Гармоничное развитие основных секторов экономики	Увеличение масштабов перерабатывающих отраслей	Рост масштабов обрабатывающих отраслей	Рост масштабов конечной продукции
	1 этап	**2 этап**	**3 этап**

Однако, простое копирование ранее перемещенных промышленных производств в поисках дешевой рабочей силы в развивающиеся оказалось неэффективным без масштабной автоматизации выполнения большинства операций, управляемых работами, компьютерами и микропроцессорами. Следовательно, экономия энергии сначала привела к экономии материалов, а затем и к экономии живого труда. Сейчас наступает период технологического развития, когда одновременно должна производиться как экономия энергии, так и материалов, и труда, а также становится определяющим снижение воздействия промышленного производства и среды обитания человека на окружающую среду. Усиливается контроль и усложняется мониторинг воздействия деятельности человека на окружающую среду во всех критических точках: в Арктике и Антарктиде, мировых океанах, горных массивах и ледниках и др.

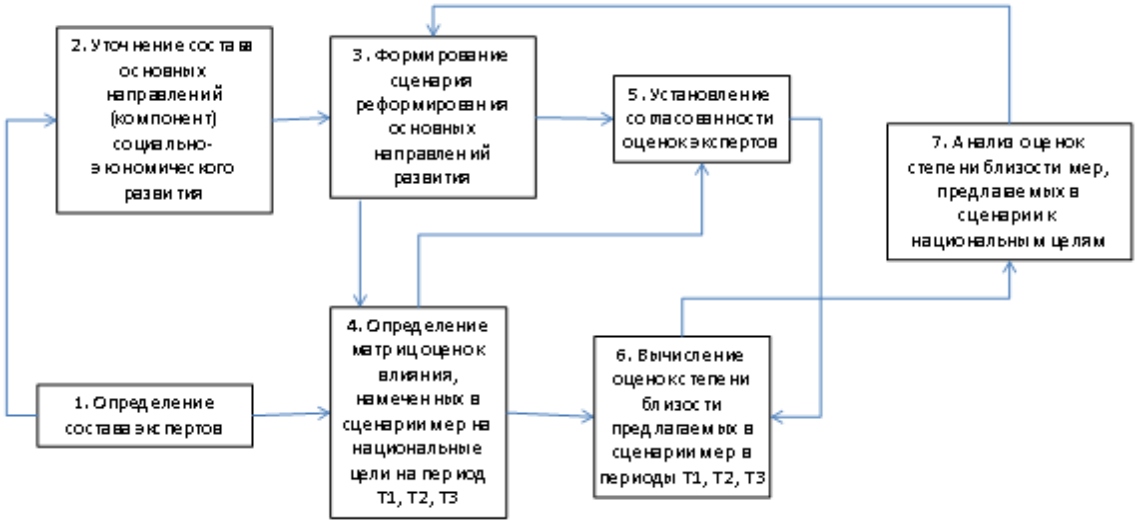
Уровень технологического развития добывающего сектора РФ уступает мировому, но его значительные масштабы несколько нивелируют такое состояние, когда компании РФ, уступая в эффективности и качестве управления (производительность труда, уровень потерь и др.) превосходят многие зарубежные компании в объемах добычи и поставки на рынки.

Уровень технологического потенциала сектора перерабатывающих отраслей РФ также значительно уступает мировому. Достигнутая в России глубина извлечения светлых компонент составляет 70% на лучших НПЗ, а в США и странах ЕС эта величина достигает 95%. В современной нефте- и газохимии количество технологических пределов составляет 6–7 , а в РФ на большинстве перерабатывающих производств в РФ это число не превышает 3–4.

Экологически опасными и экономически расточительными являются огромные объемы промышленных отходов, накопленных угольной электроэнергетикой и многочисленными горнорудными предприятиями. Эти запасы, хранящиеся в отвалах, занимающих огромные площади, по своим объемам достигают 30 млрд. т. В промышленно развитых странах (США, страны ЕС) оперативно перерабатывается до 90% всех отходов. В России созданы отечественные эффективные технологии переработки промышленных отходов, но их масштабное применение сдерживается из-за нехватки инвестиционных средств и административных барьеров.

Обладание РФ огромными запасами природных ресурсов не привело к мировому технологическому лидерству в этом секторе экономики. Более того, Россия значительно уступает мировым лидерам (США и Норвегия) в эффективности полезного извлечения углеводородов, так в РФ коэффициент извлечения нефти (КИН) составляет в послед-

национальным целям



Порядок действий по формированию сценариев, мер и оценок их близости национальным целям

Рисунок 4

Формирование сценариев развития, состава предлагаемых мер и оценка близости основаны на экспертных оценках. При формировании состава экспертов используются известные правила [4, 5, 6], которыми определяется количество экспертов по каждому направлению (2–3 человека) и устанавливаются требования к квалификации экспертов.

Перед началом проведения экспертного опроса, который целесообразно проводить ежегодно, уточняется состав основных направлений (компонент) социально-экономического развития страны. К их числу на начальном этапе могут быть отнесены следующие:

– Финансовый сектор;
– Промышленный сектор – добыча;
– Промышленный сектор – переработка;
– Промышленный сектор – обработка;
– Жилищно-бытовой сектор,
– Социальный сектор;
– Инновационный сектор;
– Судебно-правовая система;
– Правоохранительные органы;
– Оборонный потенциал.

Для формирования сценариев социально-экономического развития могут использоваться различные подходы [5, 6], а наиболее предпочтительным является системный сценарный подход, методические основы которого изложены в работах [7]. Каждый сценарий должен завершаться перечнем мер, реализуемых в этом сценарии. Для оценки влияния этих мер ан приближение может использоваться порядковая шкала, позволяющая на качественном уровне устанавливать соответствие степени близости в диапазоне от [–5, …, о, …, +5], а признаки этих оценок представлены в табл. 3.

Таблица 3

№№ п/п	Качественный признак влияния	Количественная оценка
1.	Очень сильно отрицательно	– 5
2.	Сильно отрицательно	– 4
3.	Отрицательно	– 3
4.	Почти отрицательно	– 2
5.	Слабо отрицательно	– 1
6.	Нейтрально	0
7.	Слабо положительно	1
8.	Почти положительно	2
9.	Положительно	3
10	Сильно положительно	4
11.	Очень сильно положительно	5

Область отрицательных значений [–5, –1] соответствует уменьшению степени приближения к обозначенной национальной цели, а область положительных значений [5, 1] предлагает увеличение степени приближения к цели.

Для совокупности перечисленных в сценарии мер эксперты формируют оценки соответствия, на основе которых составляются матрицы $\|A^{T_1}\|$, $\|A^{T_2}\|$, $\|A^{T_3}\|$ для каждого периода T_1 = 1–3 года, T_2 = 4–6 лет, T_3 = 7–10 лет.

Каждая матрица образуется на основе пересечения вектора строк N, отражающих направления развития и вектора столбцов, соответствующих целям национального развития M, следовательно $A = N \times M$

Оценки экспертов, проверяемые на согласованность с использованием коэффициента конкордации Кендалла [5], а среднее арифметическое согласованных оценок экспертов для каждого элемента матрицы используются в качестве исходной оценки, т.е. $a_{ij}^{T_1} \in \|A^{T_1}\| : \sum_{s=1}^{S} a_{ij(s)}^{T_1} = a_{ij}^{T_1}$, где индекс s – соответствует оценке s-м экспертом элемента матрицы $a_{ij}^{T_1}$, S – число экспертов.

Для каждой j-й цели находятся оценки степени близости:

$$V_j = \sum_{i=1}^{n} a_{ij}, \quad j=1,2,...,m$$

Между исходными и найденными оценками находится величина приближения к j-й цели:

$$\Delta_j^{T_1} = V_j^{T_1} - V_j^{T_0}, \quad \Delta_j^{T_{21}} = V_j^{T_2} - V_j^{T_0}, \quad \Delta_j^{T_3} = V_j^{T_3} - V_j^{T_0}, \quad j=1,2,...,m$$

Далее анализируются последовательности

$$\Delta_1^{T_1}, \Delta_2^{T_1}, .., \Delta_m^{T_1},$$
$$\Delta_1^{T_2}, \Delta_2^{T_2}, .., \Delta_m^{T_2},$$
$$\Delta_1^{T_3}, \Delta_2^{T_3}, .., \Delta_m^{T_3} \quad (1)$$

Если все элементы (1) положительны, то предложенный сценарий, рассматриваемый с учетом влияния на достижение национальных целей, признается позитивным сценарием. Наличие отрицательных элементов является основанием для пересмотра рассмотренного сценария и перехода к поиску нового.

Анализ использования предлагаемого механизма реформирования модели экономики учитывал три возможных сценария: мягкий, жесткий и радикальный (табл. 4). Их формирование основано на использовании возможной степени радикальности реформирования, в которой предполагается смена кадров, изменение функций и механизмов, введение новых институтов и упразднение существующих, корректировку законов и изменение конституции. Такие изменения в той или иной степени могут коснуться содержания основных компонент экономической модели (табл.4). В данном примере рассмотрены три сценария, а количественные (порядковые) оценки на основе экспертных оценок сотрудников ИНП РАН представлены только для двух сценариев – мягкого и жесткого.

Для получения оценок влияния радикального сценария на цели национального развития необходимо учесть опыт реализации нерадикальных сценариев – мягкого и жесткого.

Таблица 4

№№ п/п	Степень радикальности реформирования / Компоненты модели экономики	Смена кадров (СК)	Функции и механизмы (ФиМ)	Институты (И)	Законы (З)	Конституция
1	Финансы	СК		ФиМ, И	ЗЗ	
2	Управление		СК	ФиМ, И, З	З	
3	Налоги		СК, ФиМ		З	
4	Промышленность		СК	ФиМ	З	
5	Сельское хозяйство		СК	ФиМ	З	
6	Инновации	СК	СК	ФиМ	З	
7	Оборона		СК, ФиМ		З	
8	Образование	СК	СК	ФиМ	З	
9	Медицина	СК	СК, ФиМ		З	
10	Пенсии		СК, ФиМ		З	
11	Малые предприятия		СК	ФиМ	З	

Анализ полученных оценок в соответствии с правилами, изложенными ранее показывает, что мягкий сценарий, когда изменяется только кадровый состав управленцев и руководителей, перспективен только в ближайшей перспективе, а дальнейшее его сохранение без изменения функций, механизмов институтов управления и законодательства может отрицательно повлиять на приближение к целям национального развития (табл. 5). Жесткий сценарий более радикален, но его реализация сталкивается со многими рисками как на федеральном, так и на региональном уровнях. Их снижение и преодоление требуют скоординированной работы бизнеса, экспертов и Правительства.

Таблица 5

		Мягкий сценарий		**Жесткий сценарий**	**Радикальный сценарий**		
№№ п/п	Перспективные национальные цели развития						
1	Затраты на науку	1	–1	–1	2	2	2
2	Прогрессивное налогообложение	2	–1	–1	2	3	2
3	Социальная ориентация	0	0	–1	1	1	1
4	Гармоничное развитие секторов экономики	0	1	0	1	2	2
5	Доступное высшее образование	0	0	0	0	1	1
6	Доступная медицина	1	0	0	0	1	1
7	Достаточный оборонный потенциал	1	1	1	2	2	2
8	Межконфессиональная гармония	0	0	0	1	1	1
9	Контролируемое качество управления	1	0	0	1	1	1
10	Модернизация и интенсивное развитие	0	1	0	2	2	2
11	Независимость судебной и правоохранительной систем	0	–1	0	0	1	1
	Количественная оценка сценария	6	0	–2	12	17	16

Ожидаемые результаты выполнения выбранного для последующей реализации сценария могут рассматриваться как цели, а процесс их достижения – в виде целевого проекта. Возможные способы достижения этих целей могут соответствовать мероприятиям и отдельным работам, принятым в технологии целевого управления проектами [8]. Для оценки реализуемости сформированного целевого проекта могут использоваться традиционные параметры: время, стоимость и ожидаемый риск [9]. Их значения могут использоваться как базовые параметры при выборе окончательного варианта выбора сценария.

Заключение

– Достигнутое экономикой России состояние определяется ее ресурсной направленностью, что приводит к сильной зависимости от динамики мировых цен на ресурсы, внешних угроз и санкций.

– Переход к новой экономической стратегии, отвечающей требованиям гармоничности развития основных секторов экономики и устойчивости к внешним вызовам возможен путем реформирования основных компонент экономической модели.

– Такое реформирование предпочтительно осуществлять поэтапно путем формирования возможных сценариев, оценки, анализа и мнений экспертного сообщества.

– Предлагаемый методический подход при последующем использовании может нуждаться в улучшении с учетом более совершенных способов измерения степени близости компонент экономической модели к целям национального развития.

Список литературы

1. Лившиц В.Н., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Оптимизация парадигмы государственного управления как крупномасштабное инвестиционное мероприятие. Управление развитием крупномасштабных систем. Материалы восьмой международной конференции. Т. 1. – М.: ИПУ РАН, 2015.
2. Годзинский А.М., Комков Н.И., Гаврилов С.Ю. Управление развитием социально-экономических систем. – М.: МГУ, 1999.

3. Комков Н.И. Селин В.С., Цукерман В.А. Инновационная экономика. Энциклопедический словарь. – М.: Макс-Пресс, 2012.
4. Методические основы и организация научно-технологического прогнозирования в развитых странах. – М.: Макс-Пресс, 2013.
5. Литвак Б.Г. Экспертная информация: методы получения и анализа. – М.: Радио и связь, 1982.
6. Комков Н.И., Бакланов А.О., Ерошкин С.Ю. Организационно-методические основы технологического прогнозирования. – М.: МГТУ «Станкин», 2008.
7. Модели и методы анализа и синтеза сценариев развития социально-экономических систем. Кн. 1-2. – М.: Наука, 2012.
8. Александров Н.И., Комков Н.И. Моделирование организации и управления решением научно-технологических проблем. – М.: Наука, 1988.
9. Комков Н.И., Луговцев К.И., Якунина Н.В. Информационная технология формирования и управления реализацией инновационных проектов // Проблемы прогнозирования. – М., 2012. – № 3.

Конашев М.Б.
к.б.н., гл.н.с. СПбФ ИИЕТ РАН
mbkonashev@mail.ru

О «ПРОГРАММЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО (НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО) РАЗВИТИЯ СТРАНЫ»

Ключевые слова: *программа альтернативного (некапиталистического) развития России.*
Keywords: *program of alternative (noncapitalistic) development of Russia.*

Все или почти все от крайних либералов до крайних патриотов и левых (как в кавычках, так и без) согласны в том, что нынешняя политика «правящей элиты» не отвечает их собственным интересам и интересам страны (как они эти интересы, само собой разумеется, понимают). Все или почти все согласны также с тем, что эта политика ведет страну не просто в тупик, а к гибели. Наконец, все или почти все предлагают сменить эту политику на ту, которая будет отвечать их собственным интересам и интересам страны (опять же, как они эти интересы понимают)[1].

Принципиальное и наиважнейшее отличие левых без кавычек от всех остальных несогласных с нынешней правительственной политикой состоит в том, что они предлагают сменить эту политику на ту, которая будет отвечать интересам большинства населения страны и в первую очередь интересам большинства трудящихся – тех, кто собственно и создает каждодневно все материальные и духовные богатства страны. Только благодаря им, их труду, их способностям, их уму и их совести страна еще существует. Только им, создателям всего, и должно принадлежать все, ими созданное.

Какой тогда должна быть эта самая новая, в их интересах и в интересах страны политика? Ответ на этот вопрос должны дать сами трудящиеся, совместно выработав, приняв и претворив в жизнь свою политику и в первую очередь свою Программу развития страны. Трудящиеся, являющиеся работниками умственного труда, различные специалисты, от экономистов и демографов до историков и политологов, политические и общественные деятели действительно думающие о стране, о тех проблемах, которые необходимо решить правильно и успешно, чтобы страна не только существовала, но и развивалась, становясь благоустроенным домом для каждого, а не только особняком для избранных за семью заборами, не раз и давно предлагали власти, своим коллегам и общественности различные собственные идеи, рекомендации, концепции и программы, которые бы, по их мнению, обеспечили такое развитие в интересах каждого гражданина, в интересах человека. Эти предложения имеют разную степень проработанности и обоснованности. Частично они дополняют и перекрывают друг друга, но уже в настоящее время могут быть соединены в несколько вариантов концептуально единого целого, в программы, которые принципиально отличаются от проводимого ныне неолиберального курса и которые после широкого общественного и научного обсуждения и доработки могут стать основой для принципиально новой политики в интересах большинства тружеников и большинства населения страны – подлинной альтернативы политике сохранения и развития «периферийного капитализма» в России. Одна из таких предлагаемых программ, «Программа альтернативного (некапиталистического) развития страны» (сокращенно, ПАРС) предусматривает:

1) в экономической сфере:

– возврат всех или наиболее крупных банков, в первую очередь Центрального банка и Сбербанка, в собственность государства, и введение ежегодных отчетов этих банков перед президентом и Государственной Думой РФ;

– исключение государственной поддержки оставшихся частных банков;

– запрет вывода финансов за рубеж, введение государственной монополии на операции с валютой, мораторий на выплату долговых финансовых обязательств российского государства;

– передачу под личный контроль и ответственность президента РФ вопроса эмиссии денежных знаков;

– деприватизацию (национализацию) всех без исключения природных ресурсов страны, стратегически важных отраслей промышленности и входящих в их структуру предприятий с одновременной передачей этих предприятий в долгосрочную безвозмездную аренду труженикам этих предприятий или в совместную собственность с государством – полную или частичную (паритетное владение коллективом работающих и государством);

– восстановление и развитие общенародного (государственного) сектора экономики до размеров, устойчиво гарантирующих выполнение государством социальных и оборонных функций;

– законодательный запрет торговли землями сельскохозяйственного назначения, природоохранных и рекреационных территорий;

[1] См. например, Бабкин К. Экономике России нужна реиндустриализация. 22.03.2016. – http://izvestia.ru/news/606974 22.03.2016.

– пересмотр Трудового кодекса с целью восстановления утраченных прав наёмных работников и создаваемых ими профессиональных союзов, безусловного ограничения произвола работодателей (в частности, возврат к 8-часовому рабочему дню и 40-часовой рабочей неделе, минимальному двухнедельному оплачиваемому отпуску и т.п.);

– законодательное закрепление минимального размера оплаты труда, пенсий и стипендий на уровне не ниже двойного фактического прожиточного минимума (в частности, за счёт специального налога на крупный отечественный и иностранный бизнес) и создания специального эффективно работающего контрольного совместного механизма исполнительной власти и общественных организаций);

– введение премиальной системы для тех работников, которые вносят свои предложения по улучшению качества производства и его модернизации;

– введение прогрессивной шкалы подоходного налога с послаблением для тех собственников, кто вкладывает прибыль в модернизацию производства и в науку;

– разработку и реализацию плана нового «ГОЭЛРО», направленного на создание современной материально-технической базы благосостояния общества и его развития;

– подъём до уровня не ниже 5% бюджета ассигнований на фундаментальную и прикладную науку и распределение бюджета при участии общественных организаций научных работников;

– разработку и принятие специальных национальных и региональных программ по жилищному строительству, восстановлению сельского хозяйства и развитию дорог всех видов;

– восстановление бесплатной системы здравоохранения;

– восстановление бесплатной системы образования и распределения по контрактам закончивших вузы и техникумы на государственные и частные предприятия;

– переобучение безработных и частично занятых с последующим гарантированным трудоустройством на вновь создаваемых или имеющихся предприятиях;

2) в политической и информационной сферах:

– заявительный порядок регистрации партий и политических объединений;

– возможность выдвижения кандидатов на всех выборах при одном условии – достоверности данных о кандидатах и выдвижении кандидатов любыми инициативными группами, собравшими в их поддержку минимально репрезентативное число подписей (например, 1 тыс. подписей для местных и 10 тысяч для федеральных выборов);

– принятие закона о местных и федеральных референдумах для решения наиболее важных вопросов любыми достаточно большими инициативными группами (например, 10 тыс. подписей для местных и 100 тыс. для федеральных референдумов);

– вынесение на референдум первоочередных вопросов о деприватизации (национализации) ключевых, в первую очередь сырьевых, предприятий, а также о создании полномочных органов местного самоуправления;

– создание общественного канала, в управляющий совет которого входили бы на паритетных началах все политические партии и общегражданские движения или их коалиции с определенной минимальной численностью;

– предоставление долгосрочных государственных кредитов на льготных условиях политическим партиям, общественным движениям и религиозным конфессиям на создание ими собственных СМИ и ликвидации тем самым фактически существующей политической цензуры и политики «двойных стандартов» в средствах массовой информации;

– создание официального канала законодательной и исполнительной власти (президентской, думской и правительственной, с равным освещением деятельности всех трех ветвей власти);

3) в области внешней политики:

– развитие и укрепление таможенного союза и единого экономического пространства СНГ на принципах, обеспечивающих интересы трудящихся;

– проведение референдума об объединении до конца 2018 г. в единое Союзное государство Белоруссии, России и Казахстана в случае согласия на проведение таких же референдумов в этих государствах;

– развитие Евразийского союза с переходом во взаимных расчетах на национальные валюты и создание в перспективе для таких расчетов единой евразийской валюты;

4) в военной сфере:

– поддержание «ядерного щита» на уровне, гарантированно обеспечивающем ответный удар с причинением неприемлемого урона для любого противника, включая блок НАТО и его участников;

– перевооружение вооруженных сил в течение 5 лет исключительно вооружением отечественного производства;

– комплектацию частей вооруженных сил со сложным техническим оборудованием на профессиональной контрактной основе только гражданами РФ по государственным контрактам;

– законодательное исключение возможности создания частных армий.

В ходе предварительного обсуждения ПАРС в разных формах весной и летом 2016 г. был высказан ряд сомнений и замечаний, некоторые из которых стоит рассмотреть особо, как в виду их частой повторяемости в связи с теми или иными основными положениями, вошедшими в ПАРС, так и из-за принципиальной важности самих этих положений.

Прежде всего, следует сказать о том, какие наиболее важные черты должна иметь любая альтернативная программа развития страны в интересах большинства населения и, в первую очередь, в интересах большинства трудящихся. Такая программа, или программы, если их несколько, должна быть известна и понятна населению, убедительна, и при этом научно обоснована, являться результатом всесторонних, комплексных исследований, понимания актуальных проблем России и их причин, современного состояния страны, ее исторического пути и того места в мире, в котором она оказалась на данный момент. Если и не все, то большая часть предложений по альтернативному разви-

тию страны, сделаны в результате именно таких исследований. По меньшей мере их нельзя не принимать во внимание и, тем более, игнорировать, не желая никого слушать и ничему учиться, продолжая де факто следовать маршруту, разработанному, если воспользоваться известным публицистическим выражением, в «вашингтонском обкоме».

Обоснование необходимости ПАРС и неотложности ее реализации кратко заключается в следующем. Все 25 лет «возрождения России» в стране проводилась почти беспрерывно и неуклонно, по сути, одна и та же политика, затронувшая и трансформировавшая не в лучшую сторону практически весь общественный организм, все сферы общества от экономики до здравоохранения, образования, науки и культуры в целом. Определение этой политики в экономике как неолиберальной и даже ультранеолиберальной вполне применимо и ко всем остальным областям. Однако правильнее и точнее называть ее политикой демонтажа советских государственных и общественных институтов, идей и ценностей и искусственного насаждения капитализма, его реставрации. Термин «реставрация» часто вызывал и вызывает возражения на том основании, что его использование подразумевает наличие того, что реставрируется, пусть и в самом начальном и деформированном состоянии, тогда как в СССР не было ничего капиталистического, что можно было бы реставрировать. Правда, еще задолго до «развала СССР», утверждалось, что в Советском Союзе никакой не социализм, а государственный капитализм[1]. Эта точка зрения разделялась некоторыми авторами и в постсоветской России[2]. Но если бы это было так, то никакой «революции наоборот», или «контрреволюции» в 1991 г. не понадобилось бы.

В определенном смысле, наверное, можно говорить о новом или вторичном образовании капитализма в недрах советского «реального социализма», о его, так сказать, втором пришествии. Действительно, начиная в основном с 1970-х гг., заново образуется капиталистический уклад в виде подпольных, т.е. криминальных частных капиталов, принадлежавших т.н. «цеховикам», нелегальным капиталистам[3]. Важной экономической особенностью этого капиталистического уклада было то, что действительно «цеховой» капитал, возникавший за счет производств разного вида ширпотреба, являвшихся по своей организации и технологии производства на самом деле «цехами», т.е. малыми мастерскими или своего рода современными мануфактурами, не являлся главной составной частью этого уклада. Большая часть капитала создавалась путем банального воровства и перепродажи части продукта, создававшегося на государственных предприятиях, промышленных или сельскохозяйственных. Это была кража и перепродажа не только алмазов и других драгоценностей, хлопка и некоторых других видов сырья, полуфабрикатов и готовой продукции (отсюда нашумевшие в свое время «хлопковое» и другие «дела»), но и кража и перепродажа того, что уже тогда на Западе и позднее в постсоветской России относили к «рынку услуг». Этот вид капитала был не только доходнее, но и разрушительнее для общества и государства, поскольку торговали тем, на что официально была государственная монополия. В частности, должностями в государственном и партийном аппарате, в т.ч. в правоохранительных органах. Эта подразновидность капиталистического уклада была более, если можно так выразиться, криминальной, т.к. торговали элементами системы, которая как раз должна была обеспечивать соблюдение закона и эффективную борьбу с преступностью любого вида.

В целом, подчеркнем это еще раз, современный российский капитализм вырос из незаконного, преступного бизнеса, и уже поэтому его природа преступна. Но эта его преступная природа разрослась многократно в период т.н. приватизации общегосударственной советской собственности. Хотя бы потому, что сам процесс приватизации был задуман и проведен как жульническая махинация, с огромными потерями для страны[4], что в частности получило отражение в Аналитической записке Счетной палаты РФ[5]. Технология этой приватизации была создана, а затем и сам процесс проведен, благодаря преступному сговору криминала, номенклатурщиков разного ранга и либералов-псевдодемократов, в основном представлявших собой разного рода лиц «свободной профессии», а фактически комбинаторов а ля Остап Бендер, или несостоявшихся управленцев и научных сотрудников наподобие А.Б. Чубайса. По мнению академика РАН, д.э.н. О.Т. Богомолова поправка к закону о приватизации, внесенная Б.Н. Ельциным по просьбе А.Б. Чубайса, отменив именную приватизацию и обезличив ваучеры, открыла простор «для огромных злоупотреблений и фактически позволила сосредоточить общенародную собственность в руках кучки администраторов, которые раньше управляли предприятиями»[6]. Все прогнозы О.Т. Богомолова относительно развала отечественной экономики сбылись. Но они, как и два его обращения (вместе с четырьмя другими российскими академиками РАН) к президентам РФ с письмами о необходимости радикального изменения экономического курса[7] были проигнорированы.

Преступным этот сговор был не только потому, что номенклатура сговорилась с криминалом, но еще и потому, – и это сильно отягчающее обстоятельство, – что по долгу службы обязанная охранять и приумножать общегосударст-

---

[1] Cliff T. State Capitalism in Russia. – L.: Pluto Press, 1974. Русский перевод: Клифф Т. Государственный капитализм в России. – М., 1991.

[2] См. например: Островский А.В. Существовал ли социализм в СССР? // Альтернативы. – М., 2011. – № 4. – С. 152–153.

[3] См., например: Киран Р., Кении Т. Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР. – М.: Алгоритм, 2010.

[4] См., например: Букреев В.В., Рудык Э.Н. Приватизация в России: былое и думы или кто виноват и что делать? // Альтернативы. – М., 2005. – № 2. – С. 112–129; Лисичкин В.А. Черная приватизация. – М.: Алгоритм, 1997. – 140 с.; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. – М., 2003. – С. 55–76; Шнайдер Н.И. Приватизация в оценках населения и экспертов // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. – № 317. – С. 151–153.

[5] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. – М.: Олита, 2004. – С. 185.

[6] Ваучеризация в России ...к чему она привела? – http://subscribe.ru/group/rossiya-evropa-amerika-dalee-vezde/7141527/

[7] Запесоцкий А.С. 14 августа. Ушел из жизни замечательный друг Университета, выдающийся экономист академик Олег Богомолов. 14.08.2015. – http://www.gup.ru/events/news/detail.php?ID=181196/

венную собственность, материальные и иные богатства, она путем обмана, подлога и других действий, подпадавших под целый ряд статей уголовного кодекса, вплоть до статьи о государственной измене, присвоила это богатство, разделенное между подельниками и превращенное в частный капитал. Как неоднократно писалось, была приватизирована целая страна, поделенная на т.н. «национальные» удельные княжества, а те в свою очередь – на неофеодальные поместья. На процент от этого капитала приватизаторы, самоназвавшиеся «правящей элитой», и существуют. Возникшему таким образом номенклатурно-криминальному капитализму придали внешний гламурный блеск, но его природа от этого нисколько не изменилась. Именно эта природа есть главная, сущностная причина неуклонной и все ускоряющейся деградации страны во всех областях.

Не только мышление, но и образ действий, алгоритм преступного бизнеса таков, что исключает в принципе саму возможность сколько-нибудь серьезного прогресса в какой бы то ни было сфере. Криминальный капитал таков, что прибыль получает не через развитие средств производства, а через их захват, нещадную, вплоть до абсолютного износа и разрушения эксплуатацию, по возможности распродажу за бесценок их остатков, и захват новых «лакомых кусков». Этот алгоритм усугубляется наложением на него основного алгоритма мышления и действий выходцев из номенклатуры. Поскольку они привыкли только «управлять» и распределять, и никогда ничего не создавали, их образ мышления и действия, образ жизни в принципе паразитичен, каковым и остается до сих пор во всех бывших республиках СССР, наиболее показательным примером чего является Украина[1]. Ни на какой другой они по природе своей не способны, что и доказывается результатами их деятельности почти за четверть столетия.

Соответственно самая главная цель ПАРС, ее сверхзадача – остановить процесс «реставрации капитализма», деградации и разрушения страны, и, остановив, заложить основы для преобразований в интересах большинства граждан, в действительных национальных интересах страны. В краткосрочной перспективе реализация программы позволит сохранить и укрепить суверенитет России, поднять уровень благосостояния граждан и их социального обеспечения, пенсий и пособий, восстановить социальную справедливость, нравственность народа и его культуру[2]. Для достижения этих целей требуется провести преобразование номенклатурно-криминального, искусственного вторичного капитализма и устранение обусловленных самой его сущностью негативных для большинства граждан и страны результатов, т.е. осуществить контрреставрацию. Следовательно, в первую очередь необходимо лишить криминально-номенклатурный капитал его основной питательной основы, решительно и быстро «перекрыв ему кислород». А поскольку такой основой были и остаются спекулятивные финансы, т.е. попросту украденные у народа, у всех других граждан деньги, их и необходимо вернуть в первую очередь, одновременно закрыв все возможные канала их бегства за рубеж, а также их подпитки из-за рубежа. Именно поэтому ПАРС и предусматривает:

1. Национализацию всей банковской системы и замену «деревянного» рубля на новый рубль или червонец.
2. Запрет на вывоз капитала за рубеж всем без исключения корпорациям и частным лицам.
3. Возвращение безусловной государственной монополии на валютные операции.

По тем же причинам национализации и деприватизации подлежат все без исключения природные ресурсы страны, объекты и предприятия стратегического значения, энергетические системы, транспортные коммуникации, федеральные, системообразующие СМИ, все сферы и предприятия, относящиеся к национальной безопасности страны[3].

По тем же причинам, а также чтобы вырвать экономику России из «нежных» объятий транснационального капитала, необходим немедленный и безусловный выход России из ВТО, введение предельно жестких мер по охране существования и прогрессивного развития экономики страны в целом, отдельных отраслей и предприятий. В целях ускорения этого развития и повышения производительности труда необходимо создать для национализированных предприятий и для предприятий, остающихся в частной собственности, такие условия, которые бы стимулировали их ориентацию на использование научных достижений и изобретений, на развитие новаторства в коллективах предприятий. В комплекс таких мер могло бы войти снижение налога и предоставление специального инновационного («внедренческого») кредита тем предприятиям, которые переходят на новые технологии, премии сотрудникам, вносящим рационализаторские предложения, создание специального Общенационального фонда научного развития, из которого бы выделялись средства на переход предприятий на новые технологии или на создание новых предприятий, а также средства для обучения и гарантированного трудоустройства работников с морально устаревших и технологически изношенных предприятий, подлежащих закрытию. Наконец, нужны специальные программы научно-технической стратегии развития страны, ее постоянной модернизации, включая модернизацию отраслей и предприятий, поиска и разработки новых технологий.

Основные возражения против национализации, независимо от того, какими способами и в какой форме ее предлагают проводить и для чего, сводятся к трем «страшилкам»:

– национализированные предприятия менее эффективны, чем частные;

– национализация – это те самые «благие намерения», которые ведут и всегда приводят в ад, это дорога в новый тоталитаризм, включая новый ГУЛАГ;

– национализация приведет неизбежно к серьезнейшему сопротивлению, включая насилие, и, скорее всего, к гражданской войне.

---

[1] Шахин Ю.В. Парафеодальное поведение господствующего класса в республиках СНГ // Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона, М.Б. Конашева, М.П. Кропоткина. – М.: Культурная революция, 2013. – С. 323–325.

[2] Обращение к согражданам. 15.11.2014. – http://deprivat.ru/load/obrashhenie/1-1-0-1

[3] Там же.

Как таковые эти возражения при ближайшем рассмотрении открывают истинное лицо и истинные интересы противников национализации и сторонников сохранения «статус-кво», достигнутого «правящей элитой». В самом деле, в действительности, во многих случаях как раз государственные предприятия более эффективны чем частные национализированные, что было неоднократно доказано, в т.ч. для предприятий, которые были денационализированы согласно политике М. Тэтчер[1].

Такими же заведомо ложными являются и утверждения о том, что национализация является основой тоталитаризма. В целом ряде стран, начиная с той же послевоенной Великобритании[2], национализация не привела ни к тоталитаризму, ни даже к эрозии демократии, а, напротив, послужила одним из важных залогов прогресса обществ и установления подлинного суверенитета страны. Одной из максимально изученных национализаций, доказывающих это, является национализация в Индии[3].

Наконец, утверждение о неизбежности сопротивления и, в конце концов, гражданской войны. Возможность и высокая вероятность сопротивления частных собственников, т.е. попросту капиталистов, их обслуги, и другой, кормящейся с «барского стола» публики, вплоть до вооруженного, в т.ч. в виде попытки государственного переворота, очевидна. Возможность, но не неизбежность. При определенных условиях это сопротивление может закончиться, едва начавшись, либо при надлежащем применении превентивных мер, и вовсе не начаться. Но самое главное, что этот аргумент является инструментом шантажа и приводится явно в интересах противников национализации, а лица, его приводящие, исходят из допустимости и, более того, предпочтительности сохранения преступного ограбления большинства населения и их бесправного положения. Иначе говоря, они оказываются на стороне собственников, не потому, что у тех имеются действительно некие неотъемлемые и вечные права на созданную ими самими собственность, а потому, что эти собственники угрожают применить насилие в случае любой попытки или даже намека на попытку вернуть когда-то украденное в общее достояние. Какие-либо комментарии к такой защите частной собственности, нажитой исключительно «непосильным трудом», излишни.

Поэтому, когда адепты сохранения неолиберальной политики в своих выступлениях и публикациях категорично утверждают, что всякая иная политика, особенно предусматривающая национализацию, есть нереализуемая утопия, им справедливо возражают: вы претендуете на то, чтобы и дальше управлять страной, но не способны обеспечить устойчивое и прогрессивное развитие страны, интересы большинства ее населения. Тогда уступите занимаемое вами место тем, кто может это сделать!

Общегосударственные доходы, которые будут поступать в случае национализации, а также прогрессивный налог на доходы предпринимателей и корпораций, в т.ч. зарубежных, действующих на территории страны, вклады граждан в Общегосударственный фонд развития, с привязкой ежегодных выплат по вкладам к результатам экономического развития страны за прошедший год позволят в течение пяти лет осуществить меры, которые невозможно реализовать при сохранении нынешнего неолиберального курса. В число таких мер, в первую очередь, входят:

– выдача каждому гражданину РФ «именного социального пая», юридически закрепляющего его право собственности на равную со всеми другими гражданами долю национальной собственности страны. Принципиальное отличие от чубайсовского ваучера начала 1990-х гг., изначально задуманного как один из инструментов «легального» захвата и присвоения общенародной собственности, в том, что «именной социальный пай» является средством развития экономики и подъема благосостояния всех граждан страны. Согласно авторам идеи он «выдается гражданам России с момента рождения, является именной ценной государственной бумагой, не подлежит продаже, не закладывается, не передается по наследству и третьим лицам в управление (кроме Общенародного Паевого Фонда, ОПФ). Ликвидность Социального Пая обеспечивается стратегическими активами страны, государственным резервным накопительным фондом, фондом будущих поколений и золотовалютным резервом страны, которые при этом остаются не тронутыми»[4];

– возврат к общегосударственному пенсионному обеспечению с поэтапным, в течение пяти лет повышением уровня пенсий до 55% от уровня средней заработной платы по стране в зависимости от трудового вклада (общий стаж и средняя зарплата за годы работы, включая премии и иные денежные вознаграждения);

– предоставление всем молодым гражданам, вступившим в брак, готового жилья с погашением его стоимости в течение 25 лет, или беспроцентного кредита для приобретения жилья на такой же срок;

– восстановление бесплатного дошкольного и школьного воспитания и образования в течение трех лет, поэтапно, с сокращением оплаты за детские сады и ясли на треть в каждый последующий год;

– восстановление бесплатного высшего образования с обязательством последующей трехлетней работы по распределению, от которого освобождаются те выпускники, на которых поступят заявки от государственных и частных предприятий;

– возврат к бесплатному медицинскому обслуживанию в течение пяти лет;

---

[1] См., например: Васинская И.А. Внутренняя экономическая политика первого правительства Тэтчер, 1979–1983. Дисс. на соискание уч. степени к.и.н. – М., 2000. – С. 22. См. подробнее: Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. – М.: Наука, 1996; Riddell P. The Thatcher Decade: How Britain has changed during the 1980s. – Oxford; Cambridge: Basic Blackwell, 1989.

[2] Kelf-Cohen R. British nationalization, 1945-1973. [L.]: Macmillan, [1973]. – XI, 288 p.

[3] См., например: Agrawal Bh.Pd. Commercial banking in India after nationalization: a study of their policies and progress. – New Delhi: Classical Publishing Co: distributors, Classical Publishers & Distributors, 1981; Chawla A.S. Nationalization and growth of Indian banking. – New Delhi: Deep & Deep Publications, 1987; Shanker Sh. K. Welfare state and bank nationalization in India. – Delhi: Macmillan, India, 1982.

[4] Обращение к согражданам. 15.11.2014. – http://deprivat.ru/load/obrashhenie/1-1-0-1

– восстановление государственной монополии на производство и торговлю алкогольной, табачной и иной продукции, содержащей наркотические вещества.

В ходе предварительного обсуждения ПАРС некоторые из тех, кто в основном или в целом оценивал ПАРС положительно, в то же время высказывали сомнения относительно возможности ее принятия и реализации, указывая на то, что «правящая элита» не пойдет на отказ от проводимой ею политики ни при каких условиях, а те, в чьих интересах разработана и предлагается ПАРС, не способны добиться изменения нынешней политики, принятия и реализации ПАРС.

Некоторые авторы настаивали и настаивают до сих пор на том, что нужно поэтапно, буквально, шаг за шагом «выращивать» группы социально и политически активных граждан, способных на «большую политику», набирая их из активистов разного рода протестных и гражданских движений. Однако весь многолетний опыт подобной стратегии показал однозначно, что дальше своей «кочки», т.е. проблемы, их волнующей, протестующие, как правило, не идут. Причина такой непреодолимой ограниченности проста: освоить какой-либо вид деятельности и приобрести соответствующее ему мировоззрение можно только через освоение именно этого вида деятельности. Нельзя научиться плавать, не участь плавать, и не на берегу, а в самой воде. Нельзя стать субъектом исторического действия, не совершая действительно исторического действия. Нельзя добиться новой, альтернативной «большой» политики, не создавая эту самую политику и, тем самым, не приближая рождение нового мира.

Иначе говоря, новый субъект социального и политического действия может возникнуть лишь в процессе превращения «Программы альтернативного (некапиталистического) развития страны» из комплекса пусть и хороших, но отдельных теоретических предложений, в предмет и средство практического политического действия, а ее принятие и реализацию в цель этого действия.

Краснопольский Б.Х.
д.э.н., профессор, руководитель Представительства Института экономических исследований ДВО РАН в г. Москве

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЦИУМЫ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)[1]

Ключевые слова: *региональные социумы; Дальний Восток России; природа, человек, общество.*
Keywords: *regional societies; Russian Far East; nature, person, society.*

Региональная и индивидуальная атомизация, разобщение, центробежные тенденции в России растут по вектору «от Москвы до самых до окраин». Это вполне естественно, учитывая природно-географические особенности страны. Например, что касается Дальнего Востока, то издавна на его территории проживали люди с самостоятельными устремлениями и традициями, способные создавать и развивать свои хозяйства по типу отдельных хуторов, что было рассчитано в основном на собственные силы и единение с природой, а не на какие-то далекие от них национальные общественные интересы. Эти интересы проявлялись в их реальной жизни в основном все нарастающими налогами, которые нужно было платить для содержания, по их мнению, огромной армии нахлебников в виде различных государственных чиновников и служилых людей.

В период становления социализма в нашей стране была предпринята попытка разрушить эти представления об общественных интересах весьма серьезными вливаниями граждан, в основном молодежи, из центральных территорий на Дальний Восток, которые действительно совершили героические поступки по созданию промышленного потенциала в данном регионе. Национальная безопасность страны на дальневосточных рубежах была защищена и в конфликте с японскими милитаристами. Но затем разрушение Советского Союза с его целевыми ориентациями именно на приоритет общественных интересов над частными, всеобщая победа в России крайнего индивидуализма в его разнообразных проявлениях резко оживили центробежные тенденции в консолидации общества, которые разрастаются «не по дням, а по часам». А без принципа общественных приоритетов установить какой-то консенсус между общественными, частными и личными интересами для поддержания федерального устройства государства практически невозможно, тем более в таких приграничных и географически удаленных и разрозненных регионах как Дальний Восток.

В последние десятилетия произошло смещение центра политической и экономической жизни России в региональные социумы, усиление влияния региональных проблем на общую ситуацию в стране. Это побудило федеральные органы к восстановлению властной вертикали и проведению различных административных реформ, целью которых стали ослабление регионального сепаратизма, протекционизма, централизация финансовых ресурсов при попытках более четкого разделения полномочий между всеми уровнями власти [1, 2]. Были приняты различные государственные целевые программы по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и Забайкалья. Все это дало определенные результаты, но говорить о кардинальных сдвигах в этом плане пока не приходится [3].

По нашему мнению, такая ситуация возникает потому, что нет достаточно четкого представления о субъектах, процессах и корневых интересах в органических связях между *природой, человеком и обществом*, этой основной триадой научного представления об общественном устройстве мира [4, 5]. Перенесение акцента в этом плане на природно-хозяйственные процессы в регионах, что диктуется базовыми потребностями человека, делает региональные социумы основными реализаторами этого подхода. Консенсус в отношениях этих трех составляющих общественного развития может быть достигнут в первичном плане с максимальным эффектом именно на региональном уровне, в первую очередь в области природно-хозяйственных отношений, что затем может быть перенесено и на уровень всего общества, включая и политические отношения, и вопросы безопасности. Именно поэтому можно считать, что достижение первичного консенсуса в региональных социумах является важнейшим фактором создания прочных общественных связей в консолидации общества и в стране в целом.

На рис. 1 отображены принципиальные связи субъектов и процессов в формировании общественных связей и консолидации общества на национальном и региональном уровнях.

[1] Доклад подготовлен в исполнение проекта «Синтез социально-экономического, научно-технического и институционального прогнозов развития Дальнего Востока России» программы НИР ДВО РАН № 8 «Фундаментальные проблемы долгосрочного устойчивого развития Дальнего Востока России во взаимодействии с национальной и субглобальной социально-экономическими системами».

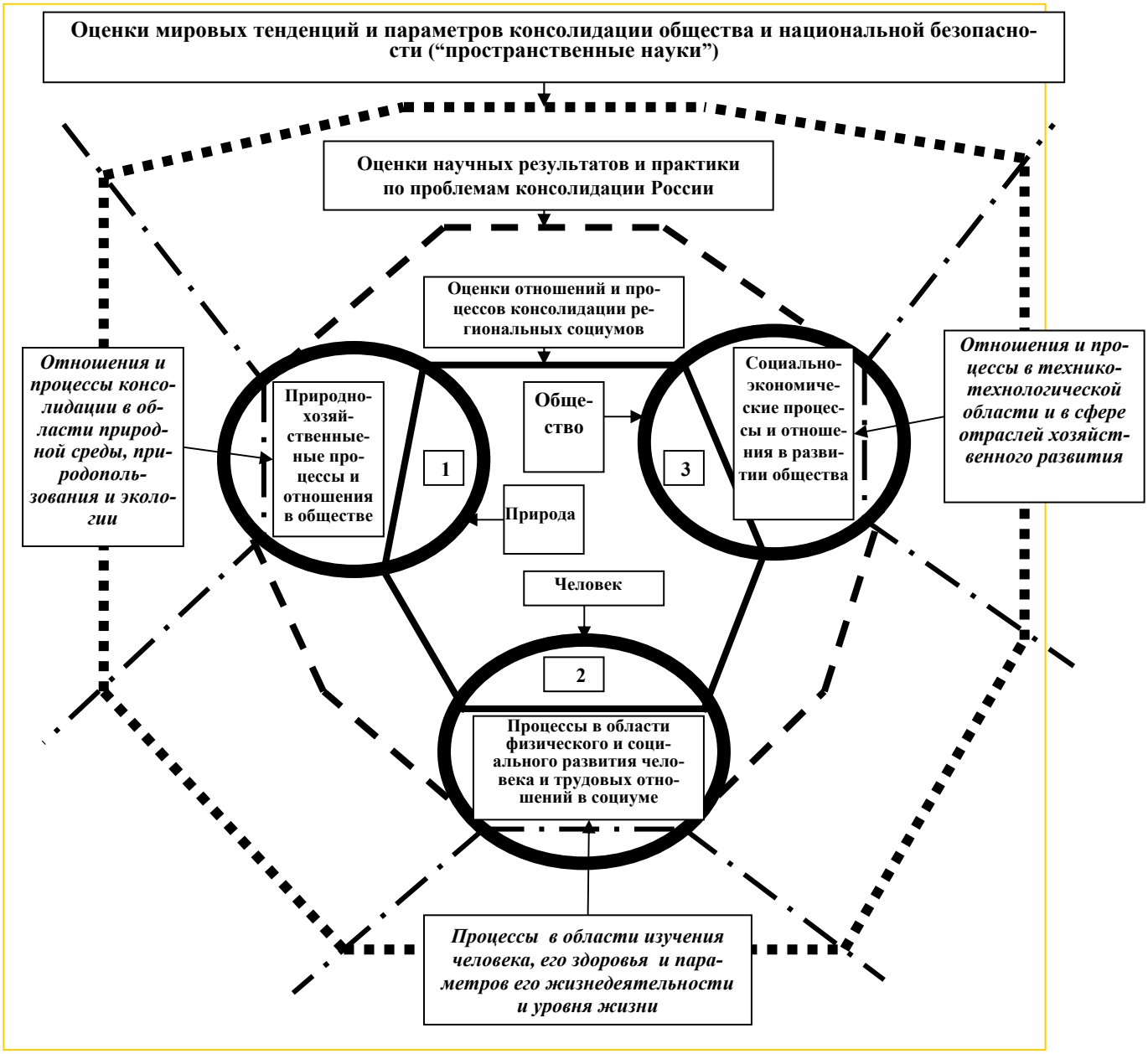


Рисунок 1.
Принципиальная схема консолидации общественных связей на базе триады «*природа-человек-общество*» с акцентом на первичные природно-хозяйственные отношения

Список литературы

1. Арутюнова Е.М. Общественно-политическое участие и консолидация общества в полиэтнических российских регионах // Социологическая наука и социальная практика. – М., 2016. – Т. 4, № 2. – С. 91–106.
2. Великая Н.М. Проблемы консолидации общества и власти. – http://ecsocman.hse.ru/data/988/803/1217/008_velikaya.pdf
3. «Единая Россия» призвала регионы к консолидации // Политика 09 – Информационно-аналитический портал. 2015. – 25 ноября. – http://politika09.com/politika/edinaya-rossiya-prizvala-regiony-k-konsolidatsii/
4. Краснопольский Б.Х. Инновационно-технологическая инфраструктура и государственно-частное партнерство в развитии Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – Вып. 7, ч. 1. – С. 379–384.
5. Краснопольский Б.Х. Эволюционно-синергетическая интерпретация методологии и методики пространственной экономики // Современные проблемы пространственного развития (Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга). – М.: СОПС, 2012. – С. 194–202.

Курабцев В.Л.
д.филос.н., профессор Московского государственного областного университета kurabtsev@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ; «РУССКАЯ ИДЕЯ» XXI ВЕКА

Ключевые слова: *стратегия, «русская идея», развитие России, Православие, духовная цивилизация, консолидация.*

Keywords: strategy, *«Russian Idea», development of the Russia, Orthodoxy, spiritual civilization, consolidation.*

Стратегические возможности России опираются на онтологические реалии нашей цивилизации и нашей истории, которые, разумеется, необходимо понять адекватно. Невозможно говорить о стратегии России без учета таких национальных факторов, как *вера, надежда и любовь,* которые порождают в народе и его лидерах истинную пассионарность – энтузиазм, стремление к самопожертвованию, беззаветную преданность общему делу. Невозможно говорить о стратегии России без учета особенностей ее развития, например, таких, что «либеральные идеи были всегда слабы в России и у нас никогда не было либеральных идеологий, которые получали бы моральный авторитет и вдохновляли»[1]. Невозможно говорить о стратегии России тем, кто не любит Россию и русское: их удел – высказываться неистинно или существенно ошибаться. Им остается только пытаться исказить пути неуправляемой (Западом) и неуничтожимой цивилизации. Например, разрушать единство народов и территорий.

Поэтому стратегическая эффективность огромной России требует для своего осуществления достаточной степени единства, консолидации всех народов и всего общества. А суть консолидации, или достижения *социальной солидарности* **(«онтологического единства «мы»»)** хорошо обозначил С.Л. Франк: это «близость человека к человеку, взаимное «знакомство» и непосредственное уважение друг к другу и вообще непосредственное ощущение членов общества, как живых людей, наличие «человеческих» токов в обществе есть некий живительный сок, присутствие которого одно только гарантирует подлинно устойчивое и прочное единство общественного бытия»[2]. Такой общий ток, безусловно, был, например, в императорской России (прежде всего, на основе Православия); и в Советской цивилизации (на основе интернационализма и коммунистической идеологии).

Это живое и «прочное единство», к счастью, наблюдается и сегодня в нашей особой и во многих смыслах мощной стране. Причем стране, о которой Н.А. Бердяев совершенно справедливо говорил: «Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями»[3].

Действительно, Россия – это огромная **антиномическая цивилизация**, и ее идеал, самое вероятное, должен быть сформулирован исключительно антиномически. Гегель точно подметил суть подобного «идеала»: «Истинный идеал не *должен* быть действительным, а *есть* действительный, и единственно только он и действителен»[4].

В нашем случае это означает, что в качестве антиномической цивилизации, Россия – *и поликонфессиональная, и православная* держава*; и полиэтническая, и русская* страна; *и страна с недостаточной «средней культурой», и страна высокой культуры мирового значения; и «догоняющая цивилизация», и, несомненно, передовая цивилизация* (в том числе в религиозно-нравственном смысле). Передовая Россия – это наши успехи в военных и космических инновациях, в теоретических науках, в ряде технологических прорывов, в добыче полезных ископаемых и другом.

Россия – это особая, можно сказать, ***духовная, антиномическая*** **цивилизация** с особым мессианистским (византийским) архетипом, способная спасти (морально, социокультурно, духовно) не только себя, но и едва ли не весь мир.

Только в нашей цивилизации «ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою»[5]. Но бывает и совсем иной движитель: например, гуманист В.Г. Белинский готов был из сочувствия к страданиям народа «снести голову хотя бы сотням тысяч». Чем он гуманнее Нечаева или Бакунина? Бердяев пишет и скорее не ошибается: «Белинский – предшественник большевистской морали»[6].

Наше чувство мессианской избранности непосредственно связано с «патологией» геополитического пространства, с великими культурно-историческими свершениями и потенциями, с трудностями и страданиями нашего бытия, с невозможностью жить без Господа Бога Иисуса Христа. Крест России на редкость тяжел, но и по-настоящему пре-

---

[1] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMKA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 30.

[2] Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 114.

[3] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, с. 15.

[4] Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 2001. – С. 191.

[5] Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2, кн. 1. – М.: Русская книга, 1993. – С. 421.

[6] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 34.

красен: он научил народ и отдельных людей *выживать*, когда это невозможно; *жить*, когда трудно и плохо; *развиваться*, когда в это не приходиться верить. И это обусловило такое великое явление на Земле, как русский дух. Наш мессианизм втайне и явно ожидает великого улучшения и обновления земной жизни; «и на нашей улице праздника»; в конце концов, торжества Небесного Иерусалима. Немудрено, что мы соблазнились «Царством Небесным» на Земле, ища Правды, Справедливости, Лучшего и доверяя яростным обличителям неправды Российской империи.

«Русский коммунизм… есть деформация русской идеи,… принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы»[1]. **Идеи спасения русского народа, славян и всего человечества.** Он связан с русскими традициями, причем «не только хорошими, но и очень плохими»[2]. К числу плохих традиций Бердяев относит установку на тоталитарное объяснение всего и вся. А также традиции народнической борьбы с использованием террора; антиномию жестокости и сострадания в душе русского человека и другое.

«Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа (*выделено. – В.К.)***»**[3]. Нечто подобное («неотвратимое») произошло, вероятно, и в 1991 году.

Прав ли Н.А. Бердяев, сделавший такой вывод? Вероятно, не совсем. Да, мы, догматики и «тоталитаристы», готовы были к догматическому обновлению. Но готовы были и к другим аттракторам: конституционной монархии, демократической республике с постепенным усилением централизованной власти, к православно-демократическому как бы социализму. Но случилось иначе, причем, несомненно, по Божьей воле. Говоря православным языком – ***народ получил наказание от Бога.*** Как были наказаны евреи – геноцидом, особенно от Древнего Рима, и рассеянием в первые века нашей эры.

«Неотвратимая судьба России» – это, скорее, ее традиции. Русские по традиции не принимают безбожного буржуазного «счастья» западных стран. Оно кажется нам каким-то плоским и недостойным смысла жизни. Мы ожидаем чего-то грандиозного и в корне преображающего грешную жизнь. Но при этом, снова антиномически, с удовольствием посещаем европейские страны и комфортные курорты, стремимся к высокому уровню жизни.

Но без Бога, без Его откровений о России, – к этому приходят очень многие, – мы не представляем себе бытие личное, семейное и всей России. ***Поэтому, антиномически, Россия навсегда – и буржуазная страна, и небуржуазная.***

Для нас характерно не слишком благожелательное отношение к «богатым» и нередко лишь частичное одобрение «власти капитала». Русские писатели и философы экзистенциально обнажают пороки капиталистического образа жизни. «Обличение буржуазности Запада – традиционно-русский мотив»[4]. Возможно, А.С. Панарин открыл одну из причин этого: у России «историко-эсхатологический темперамент – неспособность целиком жить настоящим и принимать статус-кво»; «Россия имеет призвание звать в будущее»[5], можно сказать, некое *не-буржуазное будущее.* И это одна из причин такой фанатичной веры многих россиян в «научную» идеологию большевиков, а на рубеже 90-х гг. – в прозападные обещания и прогнозы демократов.

Россия не слишком способна на сомнительный выбор Запада – вместо родства человека-Персоны с Богом выбирать (причем по гибельной нарастающей) свободу «личности». Право первородства, которое возжелал Иаков, нам с очевидностью ближе чечевичной похлебки Исава. **То есть Россия и Запад устремлены, в существенной степени, в *различных* направлениях.**

По этим причинам фундаментальные основы Русской цивилизации, включая ее консолидацию, видятся следующим образом:

1. Это *теоцентристская* основа, особенно **христоцентристская**. Н.А. Бердяев хорошо понимал этот аспект: «Бог в центре. Все далекое от Бога провинциально. Жизнь делается плоской, маленькой, если нет Бога и высшего мира. В таком мире, лишенном измерения глубины, нет и настоящей трагедии»[6]. Даже достаточно далекие от Православия люди оказываются по-своему выразителями «православной формации» нашей души. Это и Станиславский, и Чехов, и Шолохов, и Шостакович и так далее. Отлученный от Церкви Лев Толстой остался в существенной степени русским и православным писателем и мыслителем. А крупнейших большевиков Бердяев нередко называл «типически русскими людьми» (но, вероятно, проявившими только некоторые начала русской души, например, яростно-энергийное (деятельностное) начало). Причем можно сказать, вероятно, и так – с элементом светско-демонической активности. Большевики нашли нечто в русском сердце и переключили его с режима как бы православной свечечки в режим «пламенного мотора», причем с крайней жестокостью и насилием по отношению ко многим.

Но парадигма Православия осталась и всегда остается в русской душе, хотя бывает сильно разбавлена мирскими заботами и ценностями. Эта православная парадигма – вовсе не «симулякр», а, как объяснял В.Ф. Эрн, *мистическая реальность духовного бытия народа*, которая пробивается даже у тех, кто восстает на веру. Многие в России уже с XVIII–XIX-го веков охлаждались в вере и теряли веру по разным причинам. И восставали так, что и мать родную не пожалеют. Например, Добролюбов «теряет веру, пораженный злом, несправедливостью, страданиями жизни»[7].

---

[1] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 126.

[2] Там же, с. 126.

[3] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 93.

[4] Там же, с. 29.

[5] Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М.: МГУ, 1999. – С. 197.

[6] Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1991. – С. 168.

[7] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, с. 41.

Тем не менее, саму «русскую идею», как полагал Бердяев, можно кратко выразить так: это **всечеловечность,** или «единая мысль о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира»[1]. Эту тему не обошел, вероятно, ни один мыслитель и деятель России. Например, Достоевский размышлял о спасении каждой заблудшей души, стоящей перед невидимым Крестом. А большевики жаждали «спасения» пролетариата, народа (то есть своей «всечеловечности»), ради которого можно переступить мораль, заповеди, фундаментальные ценности того же народа. История продемонстрировала, что воспрявшая Россия, как правило, обязательно (как нечто непреодолимое) – печется и о спасении мира и человечества. Можно поверить нашим богословам, которые связывают победу СССР над сатанинским Гитлером с усиленными молитвами св. Серафима Вырицкого и других святых; с помощью чудотворных икон, особенно Казанской иконы Пресвятой Богородицы.

Есть, впрочем, и опасность, связанная с обязательным христоцентризмом: этот истинный выбор может быть сопряжен с таким догматизмом, что не останется места и воздуха культурному творчеству, новым допустимым концептам жизни и другому. Христоцентризм не должен стать «тоталитарной системой мысли и жизни, охватывающей решительно все»[2].

2. Вторая основа – *патриотоцентристская*, которая включает в себя не только этнический патриотизм, но, прежде всего, общероссийский и русский патриотизм. Не-патриот в России – обязательно маргинал и мало уважаемая личность.

Россия стала (с 1453 года – года падения Константинополя) всемирным центром Православия (истинного христианства) и «третьей», окончательной Римской (или «Византийской») империей. То есть **и духовной «Византией», и светской «Византией».** Как заметил А.С. Панарин, «Россия всегда представляла собой не обыкновенное национальное государство, а особый тип славяно-православной цивилизации, «третий Рим»»[3]. Даже наши недоброжелатели вынуждены были отмечать исключительность и мировое значение русского народа и России (например, Ф. Энгельс в позднем периоде творчества конца XIX-го века).

Это, по-видимому, как-то чувствовали и цари, и императоры, и даже генеральные секретари партии. Как-то чувствовал и простой народ, сражавшийся с «басурманами», «фрицами» и прочими врагами. Этот патриотоцентризм явно перекликается с понятием духовного национализма И.А. Ильина: «Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду»[4]. Но часто встречается среди русских патриотов и такая позиция (Н.А. Бердяева): «Сам я горячо люблю Россию, хотя и странною любовью, и верю в великую, универсалистическую миссию русского народа»[5].

Мессианизм русских, как правило, подразумевает исполнение каким-то образом этой «универсалистической миссии». Таким было, согласно Г.В. Флоровскому, и «утопическое мессианство» марксистов (мировая пролетарская революция, построение коммунизма не только в СССР, но и во всем мире). Россия, действительно, – одна из «наиболее амбициозных в духовном отношении держав, несущая неистощимый мессианский и профетический импульс»[6].

3. Третья основа – *культуроцентристская*, то есть укорененность в исконных культурных традициях и ценностях, выпестованных каждым народом на родной земле, но особенно общероссийских ценностях. Культура широко растекается в своих проявлениях – от стыдливости до бесстыдства; от жалостливости до безжалостности; от благочестия до демонизма и сатанизма. *Русская культура сдвинута в сторону духовно-нравственного сегмента культуры.*

Поэтому для россиян чрезвычайно значима кириллица, русский язык, русская мораль и нравственность, великая русская история и великая русская культура. Хотя, конечно, и здесь наблюдается антиномия: с одной стороны культура интеллигенции, особенно творческой, в качестве «очень тонкого и хрупкого культурного слоя»[7], а с другой стороны – культура широких масс с недостаточными культурными возможностями и запросами. И еще одна антиномия: высокого напряжения культурное творчество русских талантов и гениев и традиционное в России «религиозное, моральное и социальное **сомнение** (*выделено. – В.К.*) в оправданности культуры»[8]. В России возможны вопросы такого рода: а не противоречит ли актерская профессия самому духу Православия? А где границы дозволенного и недозволенного в творчестве?

Для нас, конечно, значима и мировая культура. Мы понимаем Достоевского, говорившего о двойственности нашей любви – не только к Руси, но и к Европе с ее «драгоценными камнями» (культурных артефактов, музеев, мостовых и др.).

4. Это также *этноцентристская* основа, то есть единство с родным этносом и любовь к нему, *но* в союзе и дружбе с другими этносами, особенно русским. Понятие «этноцентризм» можно связать с определением народа у Освальда Шпенглера: «Для меня народ – это *единство души*»[9], порожденное событиями истории (правда, у Шпенглера – «великими событиями истории»).

---

[1] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 83.

[2] Там же, с. 24.

[3] Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М.: МГУ, 1999. – С. 84.

[4] Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2, кн. 1, с. 364.

[5] Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии), с. 369.

[6] Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории, с. 15.

[7] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, с. 15.

[8] Там же, с. 39.

[9] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – С. 169.

Те народы России, которые соблазнялись недружественным путем, всегда получали серьезный исторический урок.

Этноцентризм народов Европейского Союза совсем иной – он размыт из-за чувства «европейскости», безбрежной и неразумной толерантности, мультикультурализма, сотрудничества с США.

5. Это *природоцентристская* основа, то есть глубинная привязанность и любовь к родной земле, природе, ее флоре и фауне, рельефу, климату и другому. За матушку-землю русский человек, как правило, всегда готов к самопожертвованию.

Для западного человека природоцентризм менее актуален: он часто космополитичен, готов переселиться совсем в другое место. Он забывает о ценностях родной культуры и языка, родной истории, родной религии и природы. Многие переходят или хотят перейти на английский язык; сменить идентичность.

6. Это *лидероцентристская* основа, то есть традиционная опора российских этносов и социальных общностей на *близкого* им лидера (этнического, политического, религиозного и т.д.), особенно лидера общероссийского. Когда приходит разочарование в старом лидере (часто это связано с его устранением), народ немедля влюбляется и полностью доверяет новому лидеру.

Можно назвать и другие основы, например, моралецентристскую и др.

Соответственно, стратегические линии развития России выстраиваются в опоре на фундаментальные основы нашей цивилизации:

1. На приспособленную к условиям России успешную современную экономику, встроенную в мировую экономику. Причем наше будущее видится антиномически: **и постиндустриальная держава, и духовно-нравственная держава, духовно-нравственный Центр мира.**

На это указывают следующие метафизические знаки: Россия признавалась **Божьей избранницей (**об этом говорили св. Серафим Саровский, св. Иоанн Кронштадтский и другие**);** и Россия была периодами руководима мощными **разумно-деятельностными силами и личностями** (Петром Великим, Екатериной Великой, Александром II и др.).

Г.В. Флоровский полагал, что со времен европеизации Петра Великого «русская душа… растягивается в напряжении между… церковным и мирским»[1]. Выбор из этой антиномии чего-либо одного для России всегда означал какие-либо существенные потери: чрезмерный акцент на духовном ослаблял материальную культуру, а чрезмерный акцент на мирском (как у советских коммунистов) производил духовные опустошения и, в конце концов, погибель страны. То же, как правило, наблюдалось у отдельного человека нашей цивилизации. Поэтому нужно находить *меру* между Русью Святою и Русью Культурною.

2. На сильное государство Российское, с эффективным лидером и хорошо работающей вооруженной составляющей. Но *без «гипертрофии государства»* (Н.А. Бердяев).

Г.В. Флоровский об этой «полицейской» гипертрофии написал следующие слова: ««Полицеизм» есть з а м ы с е л построить и «регулярно сочинить» всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя, ради его собственной и ради «общей пользы» или «общего блага»»[2]. Права и свободы человека, социальных групп и слоев тут явно принижаются.

Поэтому Россия в XXI веке, снова антиномически, должна сохраниться как свободная страна, однако без чрезмерности предоставляемой свободы; как национально-патриотическая держава, но без национальной узости и эгоизма; как единая и крепкая цивилизация, но *без тоталитарных перекосов* и тем более акцентов. Нам не нужна страна, в которой, как написал Бердяев об СССР 30-х гг., помимо хорошего, «интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства»[3]. А В.В. Розанов написал: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею **железный занавес** (*выделено. – В.К.*)»[4]. В 1917–1921 гг. ушло Самодержавие; ушло старое Православие; ушла Белая Гвардия; ушло Казачество; ушел православный Русский народ. Ушло Купечество; Промышленники; Дворяне; религиозные Философы, некоммунистическая Интеллигенция.

3. На единый российский народ, в котором со временем могут сглаживаться противоречия между социальными слоями и этносами. И СССР показал возможности такого союза и дружбы, показал «новую историческую общность – советский народ», но, к сожалению, на основе временной и утопической идеологии. Национализм, на «зоологических» (согласно Н.А. Бердяеву) лозунгах «зова» крови и почвы и соответствующих ценностей, с легкостью взял реванш на постсоветском пространстве, когда ослабли контролирующие силы бывшей державы.

При этом этнически монолитная Россия должна способствовать *и* самореализации активно-деятельностных личностей из любого народа, *и* способствовать исправлению, к сожалению, многочисленных несовершенных людей (неприкаянных, склонных к порокам, криминалу и так далее). Пример такой заботы – св. Иоанн Кронштадтский, который для подобных личностей организовал в конце XIX века в Кронштадте (куда в обилии ссылались нетрудовые элементы) «Дом Трудолюбия», где люди находили приют, учились и зарабатывали себе на жизнь.

4. На традиционные религии, особенно Православие. Св. Иоанн Кронштадтский, который обладал великой прозорливостью, чудотворением и другими чудесными способностями, мысль о значении Православия в России выразил так: «Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, дотоле она будет могущественна и

[1] Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 3-е издание. – Paris: YMCA-PRESS, 1983. – С. 83.

[2] Там же, с. 83.

[3] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 8.

[4] Розанов В.В. Уединенное. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. – С.427.

непоколебима»[1]. На это указывает реальная сила Казанской иконы Пресвятой Богородицы, иконы Владимирская, Тихвинская и другие. Есть много правды в поговорке: на войне и в старости (то есть перед лицом смерти) атеистов не бывает.

5. На традиционный патриотизм, который М. Цветаева выговорила так: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью»[2]. То есть эта реальность связана с внутренним и очень сердечным бытием России в человеке. Наш патриотизм, в отличие от многих других, – по-прежнему жив, человечен и очень глубок.

6. На традиционные этнические культуры (особенно общероссийскую культуру) и этносы, которые не вдруг пришли на чужие территории, а проживали на них сотни или тысячи лет. Жили с неизменным взаимоуважением и согласием, нередко с общими семейными союзами. Скрепляющей основой Русской цивилизации был и остается, по преимуществу, русский народ и его культура.

7. На охраняемую российскую природу, которая является и материальной, и духовной основой всей жизни и деятельности народа. Россия обязана сохранить свою великую и разнообразную природу. И, антиномически, должна быть охвачена и цивилизационным комфортом, и обладать обилием очагов дикой, чистой природы.

И тогда произойдет предсказанное Бердяевым: «Россия должна выйти <…> на арену всемирной истории, как **определяющая духовная сила** (*выделено. – В.К.*)»[3]. Возможно даже – определяющая духовная и светская сила; ведущая мировая цивилизация, **цивилизация спасения.**

Укрепляя наш дух, духовную и материальную культуру, мы вправе надеяться, что желанное России и всем народам развитие и миропорядок состоятся наилучшим образом, то есть *по Божьей воле.*

И в завершении хочется сказать словами И.А. Ильина: «Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее в *Боге* и видим ее такою, какой она была *на самом деле*»[4]. То есть любимой Святой Русью, духовной надеждой человечества. А реально Россия *антиномически* должна стать, во-первых, **развитой супердержавой со свободным обществом;** и, во-вторых, **цивилизацией спасения, с прочной духовно-нравственной основой** (для всего мира). Возможно, такой культурно-исторический тип задуман Высшей силой для самореализации России. И он же – «русская идея» XXI века.

[1] Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. – М.: Институт Русской цивилизации, 2012. – С. 101.

[2] О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 5.

[3] Бердяев Н.А. Об отношении русских к идеям // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 123.

[4] Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2, кн. 1. – С. 110.

Левашов В.К.,
Шушпанова И.С.[1]

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО КОНСОЛИДИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ИЗМЕРЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ[2]

Ключевые слова: *гражданское общество; социальные риски; устойчивое развитие общества; правовое государство; социальное государство; потенциал гражданского общества.*

Keywords: *civil society; social risks; sustainable development of society; constitutional state; the welfare state; capacity of civil society.*

Практика и теория социального государства в единстве гражданского общества и правового государства, которая складывалась из многих составляющих социальной реальности, отражает сущность и логику развития социально-политических процессов, происходивших в мире на протяжении многих веков. Социализация государства и этатизация общества результируются в эффектах проявления и становления социального государства, протекают как медленный, сквозь века идущий процесс солидаризации и практической реализации жизненных интересов членов общества – граждан посредством оптимизации правовых институтов собственности и механизмов демократического управления.

Государство возникло как гарант гражданских отношений, в основе которых лежат отношения собственности. Институт собственности развивается по законам социального мира – устойчивость государства зависит от единства многообразия социально-экономических форм собственности и поддержания актуального баланса интересов граждан, обладающих этой собственностью.

Эффективное государство возникает при условии взаимодействия членов общества, свободно организованных в исторически сложившемся социально-национальном пространстве, с политикой государства, направленной на согласование интересов, создание материальных условий, трудовой мотивации и духовных факторов реализации потребностей. В каждой стране социальное государство проходит свой исторический путь развития и принимает свои особые национальные формы.

Государство необходимо рассматривать как общественный феномен, который возникает в процессе становления социально-ориентированной системы ценностей и трудовой мотивации деятельности в интересах большинства членов общества и устойчивого развития цивилизации на планете.

Общепринятая и распространенная точка зрения заключается в том, что гражданское общество выстраивается снизу. Этот процесс получил название «социализация». Его смысл – трансляция ценностей и интересов общества институтам государства, превращение их в своих агентов действия (см. рис. 1).

Отметим, что пропорция функций этатизации и социализации дает нам множество моделей гражданского общества, между полюсами «западная модель» (гражданское общество строится снизу) и «восточная модель» (гражданское общество строится сверху). Между этими полюсами занимает свое место и российская модель практики гражданского общества. В зависимости от конкретно-исторического момента, эпохи пропорция «этатизация – социализация» меняется как на Западе, так и на Востоке. Моделей много, но все они ведут к одному результату. В центре социетальных усилий социума оказывается государство, которое преобразовывается из традиционного (демократия меньшинства) в гражданское (демократия большинства).

Ключевой и определяющей категорией в этом диалектическом процессе становится категория «большинство граждан». Именно большинство граждан в повседневной жизни должно строить гражданское общество и участвовать в его управлении. В этой связи огромное значение приобретают механизмы общественного контроля, их действенность, распространенность и оперативность работы.

Отстроить такую инфраструктуру гражданского общества возможно и нужно, особенно в условиях тонущего в коррупции государственного аппарата. Строительство станет успешным, если оно будет выстраиваться на нескольких принципах.

Первый принцип – принцип сетевой вертикальной и горизонтальной интеграции. Гражданские институты вертикальной и горизонтальной демократии должны пронизать и консолидировать систему отношений общества и государства, превратить традиционную пирамиду, вертикаль власти в горизонтально-вертикальную сеть или сферу власти.

---

[1] Левашов Виктор Константинович – д.соц.н., руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН. E-mail: analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

Шушпанова Ирина Сергеевна – к.соц.н., доцент, с.н.с. Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН. E-mail: analytic@ispr.ras.ru, i.s.shushpanova@mail.ru

[2] Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

Диалектика гражданского общества

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО – диалектический процесс социализации государства и этатизации общества, превращающий население в граждан, обладающих признаками отношений собственности, политической, социальной, экономической, духовной гражданской культуры.

ДЕМОКРАТИЯ МЕНЬШИНСТВА **ДЕМОКРАТИЯ БОЛЬШИНСТВА**

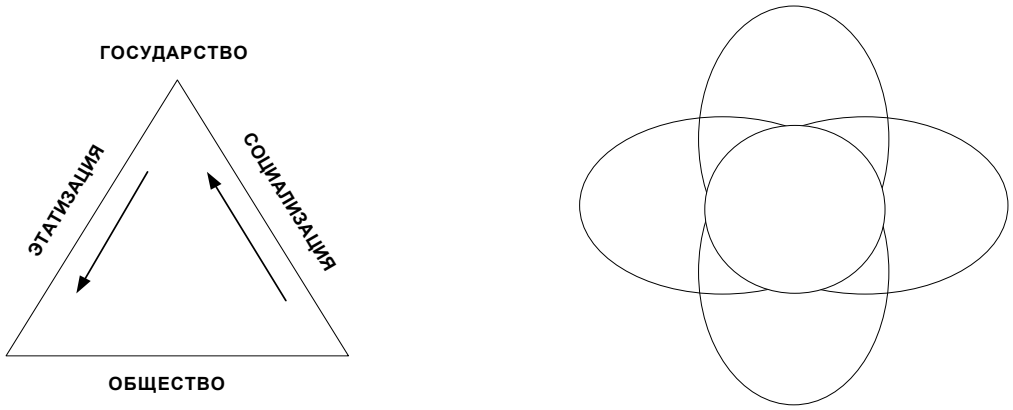


Рисунок 1.
Диалектика гражданского общества

Второй принцип – открытый, транспарентный характер процессов управления и контроля. Все планы, все бюджеты, вся статистика становятся открытыми. Эта информация должна быть в открытом доступе для каждого гражданина.

Третий принцип – широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), массовая компьютеризация инфраструктуры гражданского взаимодействия. Новые технологии и инновации шестого технологического уклада взрывают закрытый вертикальный мир власти индустриального и постиндустриального обществ. Технологическая революция в очередной раз на новом витке развития преобразует структуру, производительные силы социума.

Новая интеграция, транспарентность, массовая социально-политическая коммуникация на основе ИКТ – принципы гражданской демократии XXI века.

Традиции, уходящие вглубь веков, и масштабные заделы в социально-политической реальности, работающие на социальное государство, имеет российское общество. Сердцевиной этой социальной традиции – технологии, развивавшейся многие века, является служение народу и Отечеству, контроль за исполнительной властью – чиновничеством, бюрократией, чрезмерным обогащением в ущерб интересам общества.

Гражданское общество в той или иной стране проявляется как социальная реальность в многообразии социально-политических признаков. Среди них выделяют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество не может возникнуть. Во-первых, в социальном государстве, которым согласно Конституции РФ является Россия, потенциал гражданского общества определяется совокупностью мнений граждан, которые считают, что государство проводит экономическую политику в интересах большинства граждан, т.е. в интересах демократического общества. С этим признаком соотносится второй признак – совокупность мнений респондентов, о том, что государство выражает интересы большинства граждан в стране. Третий актуальный признак, по которому в обществе не прекращаются острые дискуссии – в чьих интересах в стране проведена приватизация? Четвертый признак – самоидентификация среднего класса по семи признакам: образование, профессия квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике. Пятый признак – прямая самоидентификация среднего класса. Шестой признак – самооценка денежных доходов населения. Седьмой признак – выполнение государством своих обязательств по охране прав и свобод граждан. В графическом виде величина измеренного с помощью семи социологических индикаторов гражданского потенциала общества[1] отобразится на графике индексом – площадью многоугольника (см. рис. 2).

[1] В статье приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – д.соц.н. В.К. Левашов. Исследовательский коллектив: к.соц.н. И.С. Шушпанова, с.н.с. В.А. Афанасьев, с.н.с. О.П. Новоженина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2015 г. проведены при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00166-а «Социологический мониторинг “Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.”)» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Рисунок 2.
Индекс гражданского потенциала общества в России (S_0)

В совокупности своих базисных фундаментальных признаков этот индекс показывает величину сущностного ядра функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества. Средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период измерений составляет 6,7 процентных пунктов.

Вокруг этого ядра образуются оболочки гражданского общества, которые в своих измеренных значениях отражают проявления других признаков жизнедеятельности гражданского общества. В своей совокупности измерений ядро и оболочка составляют эмпирическую модель гражданского общества в России.

Первая оболочка эмпирической модели показывает обеспечение государством норм демократической жизни в обществе. Индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе составлен из семи признаков – совокупности мнений граждан о соблюдении: равенства всех граждан перед законом, соблюдения личной безопасности, прав человека, социальных гарантий, свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова. Российские граждане достаточно критически оценивают деятельность государства на этом поприще. Наибольшие оценки на всем протяжении измерений респонденты выставляют усилиям властей на трех направлениях деятельности: обеспечение свободы политического выбора (67%), свободы слова (63%), терпимости к чужому мнению (54%). Причем все три индикатора заметно потеряли в своих значениях за период с начала экономического кризиса 2008 г., а затем «подросли» к июню 2015 г. Парадоксальность социополитической ситуации заключается в том, что именно на этих направлениях деятельность государства критикуется в большей степени как со стороны левых, так и со стороны правых партий. Согласно данным декабрьского исследования 2015 г. большинство респондентов считали, что государство лучше всего выполняло основные обязанности по «обороне страны» (82%), «обеспечению мира и поддержанию мирового порядка» (66%), «налогообложению и взиманию налогов» (61%), «сотрудничеству и укреплению связей с СНГ» (58%).

Остальные четыре простых индикатора имеют меньшие значения, но большую динамику изменений: социальные гарантии (рост с 3 до 52%, в декабре 2015 г. – 42%), соблюдение прав человека (рост с 4 до 43%, в декабре 2015 г. – 40%), личная безопасность (рост с 3 до 37%, в декабре 2015 г. – 28%), равенство всех граждан перед законом (рост с 8 до 25%, в декабре 2015 г. – 23%). Показательно, что граждане выше оценивают те направления деятельности государства, которые связаны с отменой политических, идеологических, информационных запретов. Здесь потребовались радикальные директивные действия политиков. Формирование условий для реализации социальных гарантий, соблюдения прав человека, безопасности и равенства граждан перед законом требует не только политической воли, но и значительных объемов материальных, интеллектуальных, организационных, временных усилий и ресурсов. Среднее значение индекса за весь период наблюдений составило – 11,3%, что и определило площадь первой оболочки гражданского общества.

Вторая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом, который составлен из индикаторов: регулирование производства и распределения товаров и услуг, обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан, раз-

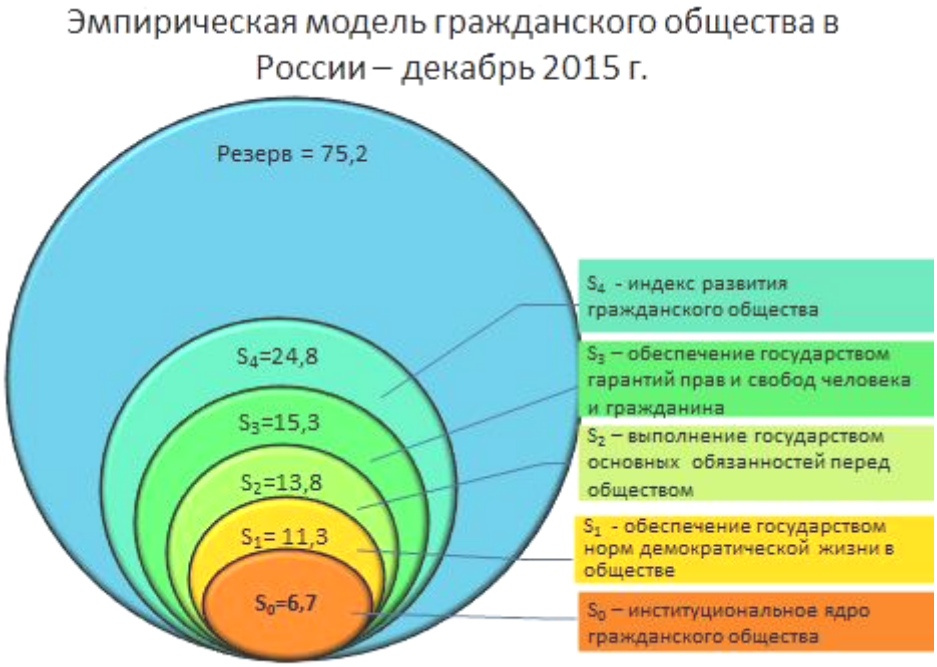
витие науки, культуры и образования, охрана природы и использование ресурсов, налогообложение и взимание налогов, охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, оборона страны, обеспечение мира и поддержание мирового порядка, сотрудничество и укрепление связей с СНГ, защита жизни и прав соотечественников за границей, интеграция в мировую экономику, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Средняя величина индекса выполнения своих обязанностей перед обществом за весь период наблюдений составила – 13,8%.

Третья оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека гражданина: равенство перед законом и судом, свобода мысли и слова, право на выбор профессии, право на получение информации, право на отдых, защита государством материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию, право на жилье, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на бесплатное образование, право на судебную защиту прав и свобод гражданина.

Средняя величина индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина составила за весь период наблюдений – 15,3%.

Наконец, четвертая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется с помощью индекса мнений граждан о развитии гражданского общества как оценка гражданами восьми сущностных критериев развития гражданского общества: правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан, право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом, политическое и идеологическое разнообразие политических партий, общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан, открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом, свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение, демократия, свобода политического выбора, самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д. Средняя величина индекса развития гражданского общества составила за весь период наблюдений 24,8%.

Эмпирическую модель развития гражданского общества в нашей стране можно представить в форме концентрических окружностей, каждая из которых величиной своей площади выражает среднее за период наблюдений числовое значение индекса. Как отмечалось выше, индекс ядра модели агрегирован из индикаторов, которые отражают мнение граждан по поводу сущностных сторон своей жизни в российском обществе, но без смысловой увязки в вопросе с проблематикой гражданского общества. Площадь каждой предыдущей окружности учитывается в последующей (см. рис. 3).



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Рисунок 3.
Эмпирическая модель гражданского общества в России – декабрь 2015 г.

Как видно из динамики представленных индексов (см. рис. 4), все они имеют тенденцию к росту, т.е. российское гражданское общество расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны – 75,2%. К современному историческому моменту развития российское гражданское общество в конкретных социально-политических формах своего бытия оказалось приблизительно на четверти вечного пути к идеальному гражданскому обществу.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

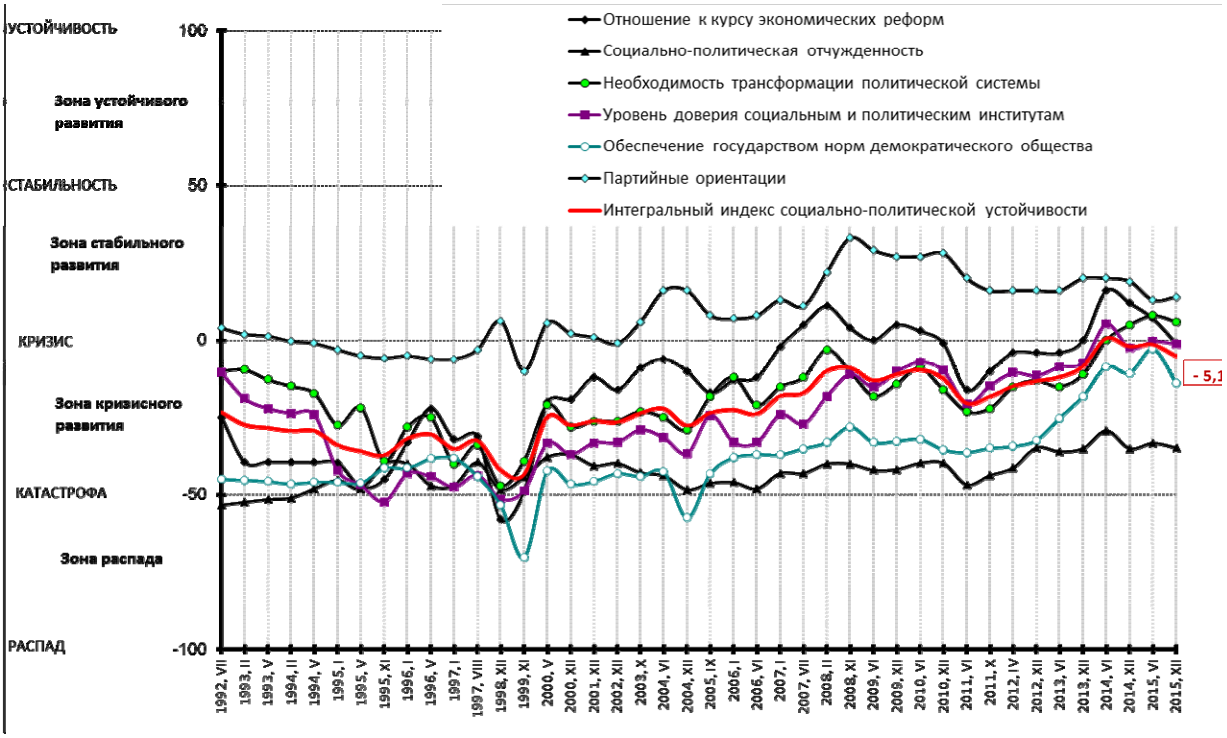
Рисунок 4.
Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России

Понятие «устойчивость» в приложении к гражданскому обществу («социальная устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества вплоть до распада. Социальная устойчивость в соответствии со структурой областей общественной жизни слагается из социально-экономической, социально-политической, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости. Все эти сферы общественной жизни при их несомненной связи являются относительно самостоятельными. В наших работах о развитии российского общества конца XX – начала XXI века разрабатывается проблематика «социально-политической устойчивости» и проводится сравнение ее динамики с динамикой социально-экономической устойчивости. В этой работе мы опираемся на результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого коллективом исследователей под руководством автора в Институте социально-политических исследований РАН в 1992–2016 годах. Перспективы устойчивого развития российского общества во все возрастающей степени зависят от внешних условий, от процессов, которые происходят в формирующемся планетарном социуме и трансформирующейся системе мирового хозяйства.

В период перестройки и радикальных реформ проблемы достоверного научного отражения отношения населения к происходящим социальным изменениям приобрели особое значение. Глубина, масштабность и неоднозначность результатов социальных и политических преобразований поставили вопрос о теоретическом обосновании и создании адекватной российским условиям социологической измерительной системы устойчивости общества, ее количественных показателей.

Социально-политическая реальность в каждый конкретный момент отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов и т.д., которые могут быть исследованы методами эмпирической социологии. При этом, конечно, нужно учитывать, что каждый конкретный индивид со своим сознанием как бы «вмонтирован» в общую систему социально-политических связей. Социально-политические отношения выражаются через интересы и изменяются в процессе деятельности, имеющей целью удовлетворение потребностей и интересов различных классов, групп, слоев общества и отдельных индивидов.

Перевод вербальных определений в квантифицируемые показатели предполагает создание системы социальных индикаторов, которые измеряются эмпирическими методами, в том числе с помощью репрезентативных опросов общественного мнения, и поэтому могут служить свидетельством выражения интересов тех или иных субъектов социально-политических отношений и общества в целом. Эта система строится из шести отдельных социологических индикаторов, каждому из которых придается своя шкала значений, в своей совокупности они использованы авторами для построения интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ). Обобщенное выражение динамики индикаторов социально-политической сферы представлено в сконструированном континууме за весь период наблюдений (см. рис. 5).



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Рисунок 5.
Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Из графика видно, что большинство индексов имеют отрицательное значение, и находятся в зоне, которая обозначена как зона кризисного развития. Каждый из показателей как бы «высвечивает» определенную сторону социально-политической жизни российского общества со своими особенностями проявления. Общая тенденция массового отчуждения населения от проводимых реформ выразилась в том, что большая часть российского общества определенно осознала для себя проигрыш от их осуществления. Будучи отстранённой от управления собственностью и практически только на выборах участвуя в демократических процедурах, подавляющая часть населения не доверяет новым группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, олигархам, коррумпированной верхушке бюрократического аппарата. Низко доверие к должностным лицам госаппарата, милиции, всех правоохранительных органов. Время от времени обостряется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политикой радикальных либеральных реформ противопоставляет себя обществу, а общество, исчерпав внутренние резервы выживания, не поддерживает асоциальную направленность проводимых преобразований.

Мониторинг общественного мнения, безусловно, является зеркалом социальных изменений. Но это зеркало не даёт точного знания динамики общественного сознания взятого в целом. Используемые в социологии эмпирические методы опроса населения дают возможность оценить изменения в материальных условиях жизни, потребностях населения лишь косвенным образом через их отражение в сознании людей. Сопоставление динамики интегрального индекса социально-политической устойчивости (субъективного показателя) с основными объективными показателями, характеризующими изменение состояния экономики, дает следующую картину: (см. рис. 6).

Анализ динамики объективных социально-экономических и субъективных социально-политических показателей развития российского общества в период радикальных реформ показывает, что в стране происходило противоборство двух социально-политических тенденций. Первая определяется совокупным действием тех социальных и политических сил, которые отражали стремление во что бы то ни стало продолжить курс радикального либерального реформирования. За этой тенденцией стоит сравнительно небольшая часть общества: крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы и которая «обменяла» старые властные привилегии на собственность и доходы с собственности.

Стратегия устойчивого развития гражданского общества и правового государства возникает в ходе диалектического процесса формирования современной политической культуры. В содержании и формах политической культуры гражданского общества идут динамичные изменения. Они выражаются в:

- переходе от культуры физического и социополитического господства к культуре согласования в системе отношений «человек-общество-природа»;
- замещении принципа «знание – сила» на «знание – возможность действия в интересах жизни», «знание – жизнь»;
- замещении антропосферной модели развития на биосферную;
- переходе от элитарной к массовой политической коммуникации;
- переходе от демократии меньшинства к демократии большинства;
- сочетании вертикали и горизонтали власти в многомерной сетевой демократии;

• замещении представительной демократии демократией массового прямого участия;
• департизации и децентрализации аппарата государственной власти.

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3a.xls; Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Рисунок 6.
Динамика экономического и социально-политического развития российского общества в 1996–2015 годах

К настоящему времени в сложной диалектике общества стали проявляться социально-политические императивы, следование которым позволило бы обеспечить социальную интеграцию российского гражданского общества и социального государства в процессе устойчивого развития:

• отказ от квазилиберальной идеологии реформирования и переход к научно-обоснованной стратегии и политике социально интегрированного устойчивого развития;

• принятие Президентом, Правительством и Федеральным Собранием РФ на согласованной основе плана запуска и восстановления народного хозяйства России, создания рабочих мест в высокопроизводительном секторе экономики;

• инициирование процессов конституционного строительства, позволяющего создать широкую социальную базу для коэволюции демократического правового государства и гражданского общества;

• принятие чрезвычайных законов и создание в Генеральной прокуратуре следственных органов, подчиненных Федеральному Собранию и Прокурору РФ, по борьбе с преступностью и коррупцией, действующих по эффективно зарекомендовавшему себя в международной практике принципу «чистой политике – чистые руки»;

• ревизия старой и создание новой государственно-регулируемой и национально-ориентированной кредитно-финансовой и налоговой систем, обеспечивающих накопление и увеличение отечественных и иностранных инвестиций в экономику России;

• ревизия государственной собственности и пересмотр приватизационных проектов в тех случаях, когда они противоречат социальным интересам и ведут к ослаблению экономического и человеческого потенциалов страны;

• императивное использование социальных критериев и учет социальных последствий при принятии управленческих решений;

• создание и формирование подлинных органов народовластия, которые явились бы механизмами социальной солидарности и интеграции политического разума и воли политиков с созидательной энергией общества;

• опора в экономической стратегии на сектор передовых, базовых и наукоемких отраслей промышленности;

• использование позитивного мирового и отечественного опыта системно-планового реформирования социально-экономических отношений;

• приоритет развития наукоемких отраслей промышленности над финансовым и посредническим капиталом, нейтрализация его негативного влияния на процессы инвестирования производственных отраслей экономики;

• провозглашение государством монополии внешней торговли по тем товарным позициям экспорта и импорта, где эта мера принесет быстрый социально положительный результат;

• провозглашение новой региональной экономической политики, в основе которой лежали бы объективные потребности населения территорий и страны в целом, а не групповые и субъективные интересы;

• создание в обществе эффективных материальных и моральных стимулов для большинства граждан России путем превращения их в реальных собственников и вовлечение в активное управление и распоряжение собственностью.

Социологический и политологический анализ процессов в российском обществе показывает, что в ходе рыночных реформ столкнулись две логики действий: логика ортодоксального либерализма «господства над природой», войны с природой ради искоренения бедности во имя богатства и новая логика коэволюции и баланса человека, общества и природы. В российском обществе и государстве идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития, продолжается процесс социализации государства и этатизации общества – формирования социального государства. Сегодня важнейшими задачами являются изменение доминирующей нетрудовой мотивации деятельности на трудовую, декриминализация общественных отношений, борьба с коррупцией. Противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнедеятельности проявляется как на национальном, так и на глобальном уровнях. Старый, потребительский способ жизнедеятельности человечества неминуемо ведет к материальной и духовной деградации для большинства граждан. Новый – открывает перспективу для живущих и будущих поколений.

Русское национальное и гражданское самосознание, впитало в себя ценности и традиции тысячелетнего исторического опыта социокультурной коммуникации с другими народами, сформировало социополитическое ядро культуры самого большого в мире государства эпохи модерна и постмодерна. Российское сознание на протяжении последних четырех веков формировалось в условиях сменяющих друг друга военных побед и поражений. Многократное чередование социальных и экономических подъемов и спадов в развитии, периодическое прохождение общества и государства через кризисы и катастрофы, социополитические «оттепели» и «зимы» создали сущностное своеобразие великой русской политической культуры, привели к закалке и стойкости русского духа: знаний, памяти, ценностных ориентаций, убеждений, веры и воли. Время и интенсивный исторический опыт выковали русский национальный характер и его стратегию жизни: довольствоваться малым и собирать ресурсы для великого – во имя правды и социальной справедливости. Эта жизненная патриотическая гражданская стратегия продолжает работать и сегодня в обстановке «радостей» и «ужасов» современного российского капитализма, в условиях разворачивающихся процессов цивилизационной глобализации.

Ложко В.В.[1]

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ – ГЛАВНЫЙ РЕСУРС КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *человеческий капитал, консолидация российского общества, глобализация, социально-экономическое развитие России, система средств воздействия на общество, рыночная экономика, применение западной идеологии, «Стратегия национальной безопасности США», «Стратегии национальной безопасности России», стратегические ресурсы российского общества, главный цивилизационный ресурс, философско-идеологические основания необходимости изменения качества человеческого капитала регионов России, конструктивная регионализация, законы информации, природы и общества.*

Keywords: *human capital, consolidation of Russian society, globalization, social-economic development of Russia, system of tools for social impact, market economy, application of western ideology, «Strategy of national security of USA», «Strategy of national security of Russia», strategic resources of Russian society, main civilization resource, philosophic-ideological basis of necessary change quality human capital of Russian regions, constructive regionalization, laws of information, nature and society.*

Стратегическим основанием необходимости консолидации российского общества для развития страны и обеспечения ее национальной безопасности стала новая реальность наступивших в конце прошлого столетия процессов глобализации, которая очевидно имеет как конструктивную, так и деструктивную стороны и системно, внешне и внутренне воздействует на нашу страну, государство, общество и экономику. В этих противоречивых условиях глобализации, как отмечает известный польский экономист Г.В. Колодко, «определяющим является экономическое содержание глобализации, имеющее специфические последствия для таких сфер, как культура, идеология, политика»[2]. Поэтому крайне важно, чтобы адекватная экономическая теория стала ключевым условием грамотной экономической и управленческой практики, обеспечивающей формирование и эффективную реализацию стратегии устойчивого и безопасного социально-экономического развития России.

1. Глобализация и система средств воздействия на общество

Конструктивная глобализация (КГ) формировалась как интеграция мирового сообщества с целью решения глобальных и локальных социо-эколого-экономических проблем, а точнее информационно-природно-общественных проблем и обеспечения необходимых процессов в этих областях в соответствии с их концептуальными аксиоматическими законами. Точнее потому, что искусственно деформированная мировоззренческая парадигма возвысила существующую неадекватную экономику над информацией, природой и обществом.

Деструктивная глобализация (ДГ) формировалась в виде интеллектуальной активной экспансии западной (американской) идеологии как механизма изменения сознания руководства и населения национальных государств с целью их подчинения и управления в интересах дальнейшего развития сформировавшейся гегемонии корпоративного глобального капитала, главной целью которого является постоянное наращивание власти, собственности и денег. Основной механизм – развитие и распространение по всему миру всепоглощающей, всеподавляющей идеологии и практики ультралиберальной рыночной экономики, рыночного фундаментализма, противоречащего законам информации, природы и общества, доказавшего по существу свою несостоятельность и не имеющего права на существование. В этом смысле рыночная экономика – глобальный искусственный деструктивный проект изменения экономического сознания и формирования экономической зависимости всех стран мирового сообщества от субъекта, позиционирующего себя как глобальный центр управления миром.

Следует обратить особое внимание на то, что ДГ сопровождается системой из шести приоритетных средств воздействия на общество (ССВО).

1. *Информация мировоззренческого характера* является основой методологии субъективного познания объективных явлений. Мировоззрение – совокупность принципов взглядов и убеждений, определяющих отношение человека к окружающему его миру, к себе, к информации, природе, обществу. Деформированное мировоззрение вносит изменения (искажения) в миропонимание, в культуру мышления и может нарушать полноту управленческой деятельности (полноту власти). Уровень и качество мировоззрения определяют полноту власти в обществе и его существование,

[1] Ложко Валерий Васильевич – к.м.н., заместитель главного редактора Евразийского международного научно-аналитического журнала «Проблемы современной экономики», научный руководитель Санкт-Петербургского института управления развитием человеческих ресурсов. E-mail: Vlozhko@mail.ru

[2] Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Г.В. Колодко; вводная глава Р.С. Гринберг. – М.: Магистр, 2012. – С. 29.

функционирование и развитие (СФР), соответствующее или не соответствующее законам информации, природы и общества (ЗИПО). Мировоззрение, не наносящее ущерба процессам СФР – ЗИПО, следует считать нравственным мировоззрением (НМ).

2. *Информация летописного, хронологического характера* позволяет понимать направленность процессов и соотносить друг с другом отрасли культуры в целом и отрасли знания. Известные факты искажения хронологии и фальсификации истории были предназначены для получения власти и собственности в интересах конкретных правителей (работа европейских «историков» Скалигера и Петавиуса представила возможности фальсификации всемирной истории уже в XVI веке).

3. *Информация фактоописательного характера*: описание частных процессов и их взаимосвязей, которое образует религиозные вероучения, светские идеологии, технологии и фактологию всех отраслей науки. В результате ее применения открываются одни и закрываются другие перспективы развития общества и его отраслей деятельности. Так либеральная идеология приводит к доминированию свободы над справедливостью, а рыночный фундаментализм дает искаженное представление о необходимости доминирования рынка и потребления над производством и справедливым распределением, технологических укладов над духовно-культурными.

4. *Информация экономического содержания* действует на общество через несправедливую стоимость товаров и услуг, системное присвоение глобальным капиталом прибавочной стоимости в мировом экономическом пространстве, через финансовый диктат, преобладание международного ростовщичества и биржевой спекуляции над процессами производства, формирующего и обеспечивающего экономическую систему, справедливого распределения, справедливого обмена, необходимого и достаточного потребления. Так работает псевдоцивилизационная система либеральной рыночной идеологии так называемой рыночной экономики, рыночного фундаментализма.

5. *Средства геноцида настоящих и будущих поколений*: угрозы применения ядерного оружия, применение наркотиков, алкоголя, табака, загрязнителей окружающей среды, глобальное развитие и применение средств фарминдустрии (большинство лекарственных средств имеет множество противопоказаний, сами они вызывают многие болезни), пищевых и биологических добавок, косметики, парфюмерии, развитие и применения генной инженерии и биотехнологий, средств противодействия закону разнообразия биосферы и т.д.

6. *Военное оружие*: быстродействующее, но недостаточно эффективное средство воздействия по устойчивости результатов, которое чаще используется странами, не обладающими достаточным умением воздействовать на уровне более высоких приоритетов.

Скрытая реализация ССВО в прошлом в настоящее время сменилась открытой декларацией со стороны США необходимости доминирования американской мощи.

В феврале 2015 года была принята новая «Стратегия национальной безопасности США». Главная ее идея – глобальное американское лидерство. Безопасность США достигается в полной мере только при установлении системы абсолютного американского доминирования. «Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности, – декларируется в документе, – должна начинаться с одной неоспоримой истины – Америка должна быть лидером. Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать». «Мы, – поясняется в документе, – будем лидировать, используя все инструменты американской мощи». Доминирование Соединенных Штатов предусматривает три воздействующих составляющих американской мощи — военной, экономической и ценностной. Положения Стратегии, иллюстрируют основные принципы обеспечения лидерских позиций американской администрации.

Военное лидерство: «Соединенные Штаты будут применять военную силу, при необходимости используя ее в одностороннем порядке, когда этого потребуют наши непреходящие интересы. Порог для применения военной силы будет выше, когда прямая угроза нашим интересам отсутствует». Даже в тех случаях, когда угроза их интересам отсутствует, США заявляют о готовности нанести односторонний военный удар по любой стране.

Экономическое лидерство: «Для сохранения нашего устойчивого лидерства нам необходимо сформировать контуры нового мирового экономического порядка, который будет и впредь отражать наши интересы и ценности». «Хотя конкуренция будет обязательно, мы не верим в неизбежность конфронтации. В то же время, конкуренцией мы будем заниматься с позиции силы». Сложившаяся американоцентричная модель экономики и финансов уже не устраивает США. Выдвигается цель нового экономического порядка, при котором гегемония американской нации (т.е. глобального капитала) приобретет абсолютный характер. Применение силы также предусматривается в случае сопротивления со стороны экономических конкурентов.

Ценностное лидерство: «Чтобы эффективно лидировать в мире, переживающем значительные политические изменения, Соединенные Штаты должны сохранять верность нашим ценностям дома и продвигать всеобщие ценности за рубежом… Американские ценности являются отражением всеобщих ценностей, которые мы отстаиваем во всем мире…». Вновь декларируется универсальность американских ценностей, распространяемых во всем мире, в противоположность ценностям национальным. По отношению к государствам, сохраняющим свою ценностную идентичность, это означает угрозу в виде внешней идеологической экспансии под вывеской универсальных ценностей.

Таким образом, на российское общество сегодня направлен комплекс внешних и внутренних средств воздействия с целью подавления и управления в интересах гегемонии корпоративного глобального капитала и США, провозгласивших себя мировым лидером, который определил ИГИЛ и Россию в качестве своих собственных главных угроз и готов применять все средства идеологической, экономической и военной борьбы.

Ответом на американскую Стратегию явилось принятие 31 декабря 2015 года новой «Стратегии национальной безопасности России». По сравнению с предыдущей версией в ней вместо смыслов глобального партнерства и толерантности используются уже понятия фактически начавшейся второй «холодной войны».

Шагом вперед в осознании угроз российской государственности стал ряд новых положений Стратегии:

- определение США и консолидированного Запада как противников;
- определение мировой борьбы на уровне ценностей и моделей общественного развития;
- осознание использования манипуляционных и коммуникационных технологий в геополитических целях, в т.ч. путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории;
- задача противодействия иностранным пропагандистским структурам, отражения угрозы «цветных революций»;
- задача необходимого роста оборонного потенциала, повышения мобилизационной готовности страны;
- задача преодоления высокой зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, незащищенности национальной финансовой системы от действий иностранного капитала;
- задача снижения банковских ставок, обеспечения устойчивости курса рубля;
- задача снижения уровня социального и имущественного неравенства;
- задача защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Следует отметить, что либеральная идеология, рыночная экономика, рыночный фундаментализм на высшем уровне власти пока еще не осознаны как механизмы ДГ и угрозы социально-экономическому развитию России.

Не осознана и более сильная сущностная внутренняя угроза в виде методологической несостоятельности российского общества и государственной власти, которая проявляется в неспособности выявления и осмысления основных фактических угроз развитию страны, национальной безопасности и в бессмысленном анализе и борьбе с многочисленными последствиями основных угроз.

Это заключается в том, что не осознаны базовые факторы воздействия на общество, вызвавшие его системный кризис, а последствия искаженно принимаются за причины. Поэтому борьба со следствиями, а не причинами по существу исключает возможность их устранения, а значит, и выход из системного кризиса. При этом не сформирована достаточная система мер, предупреждающих даже основные внешние и внутренние угрозы. В государстве и обществе отсутствует осознание необходимости концептуальных основ власти как высшего уровня управления государством. Отсутствие собственных концептуальных основ власти приводит к невольной ориентации системы государственного управления на реализацию идей и концепций, разрабатываемых и применяемых внешними центрами управления, которые упоминались выше.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия сформировалось открытое мировое противостояние двух разнонаправленных цивилизационных сущностных идеологий-процессов на основе систем ценностей:

– созидание (организация – негэнтропия), конструирование будущей цивилизационной системы ради достойного качества жизни большинства на основе высшей системы ценностей;

– разрушение (дезорганизация – энтропия) чуждых цивилизационных систем ради лучшей жизни меньшинства на основе преобладающей системы ценностей либеральной рыночной идеологии, ради наращивания власти собственности и денег корпоративного глобального капитала, концептуальное управление которого реализует «запрет на жизнь» для большинства через ССВО.

Основой обеспечения национальной безопасности должна стать дальнейшая разработка и реализация стратегии как системы мер противодействия не только новым, существующим и осознаваемым внешним и внутренним угрозам, но и реально исторически сформировавшемуся комплексу средств негативного воздействия на общество.

2. Стратегические ресурсы российского общества. Главный цивилизационный ресурс

Для противодействия внешним и внутренним угрозам, обусловленным ДГ и ССВО, необходимо понимать и правильно использовать стратегические ресурсы российского общества.

Три группы стратегических системообразующих ресурсов общества. В соответствии с современными взглядами[1], конкурентоспособность любого государства определяется тремя группами ресурсов.

Первая группа ресурсов: ресурсы духовно-культурного уклада (цивилизационная матрица): культурно-ценностные ресурсы, моральные ресурсы, информационные ресурсы накопленных знаний.

Вторая группа ресурсов – главные цивилизационные ресурсы: человеческий капитал, научные ресурсы, технологические ресурсы.

Третья группа ресурсов – ресурсы так называемого «экономического образа мышления»: административные ресурсы, финансовые ресурсы, сырьевые ресурсы.

Очевидно, что качество ресурсов третьей группы напрямую зависит от качества ресурсов второй группы, а тех от первой. Следует понимать, что цивилизационная матрица представляет собой совокупность генетических кодов этноса, определяемых ими архетипов национального сознания, которые задают содержание и направление цивилизационных алгоритмов[2].

---

[1] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. Пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006.

[2] Леонова О.Г. Россия и мир в XXI веке // Россия и мир в XXI веке. Материалы научного семинара. Вып. № 4. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 57.

Главный цивилизационный ресурс – человеческий капитал.

В связи с нарастающими процессами деструктивной глобализации роль человека и человеческого капитала (ЧК) в справедливом осуществлении процессов общественного хозяйства многократно возрастает. Еще большее значение с этих позиций имеет качество человека и его ЧК. Это особенно значимо в экономике и всех социальных процессах. В них ЧК является главным стратегическим цивилизационным ресурсом. Еще К. Маркс, в своих размышлениях «о природе и сущности человека», показал, что главным базисом всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений является сам человек[1].

Четыре сферы общества, производящие свой основной продукт.

Модель сферной структуры общества развивалась философской наукой в течение столетий и озвучена в ранних работах К. Маркса («Немецкая философия», «Экономические рукописи», 1857–1859 гг.). Философское осмысление отдельных сфер осуществлялось уже античными философами и продолжалось вплоть до современности. В нашей концепции каждая из сфер осуществляет производство своего продукта: гуманитарно-социальная – людей (человеческий капитал); духовно-информационная – информацию, знания (интеллектуальный капитал); организационно-политическая – государственные, коммерческие и общественные организации, партии (административный и идеологический капитал); товарно-сервисная – средства производства (физический капитал), предметы потребления, технологии, услуги.

Человеческий капитал и его главные качества – способности.

Для формирования ЧК необходимо, чтобы человек обладал базисными способностями: жизнеспособностью, способностью к конструктивному созидательному мышлению, способностью к адаптации, работоспособностью, способностью к обучению.

Полноценное СФР человека в системе ИПО требует формирования в структуре ЧК интегральных способностей: способности к формированию и жизнепримененению собственной системы ценностей, основанной на знании законов СФР – ИПО; способности к формированию и применению нравственного мировоззрения; способности к формированию и реализации конструктивных человеческих коммуникаций; способности к холистически детерминированному, биосферно допустимому взаимодействию с природной средой; способности к генерации и реализации новшеств в процессе СФР; способности к созидательному управлению КЖ.

Потребности являются вспомогательной подсистемой, обеспечивающей основную, первичную систему способностей.

Одной из ключевых проблем для формирования качества ЧК является проблема соотношения и взаимообусловленности способностей и потребностей человека, которая до настоящего времени научно не разработана и требует философско-экономического осмысления и практического приложения.

3. Новые философско-идеологические основания необходимости изменения качества человеческого капитала регионов России как ключевого ресурса, способного обеспечить консолидацию и развитие страны, общества и государства

Известно, что философия, выполняя две группы функций – мировоззренческие и методологические – исходит из принципа закономерности, утверждающего регулярный, упорядоченный характер отношений детерминации. Вместе с тем закономерный характер действительности означает подчиненность объективным законам всех предметов, явлений и процессов в своем возникновении и существовании. Знание законов является основой целенаправленной практической деятельности людей.

Исключительно важной классификацией законов, которым подчинены все процессы, предметы и явления представляется их деление на законы существования, функционирования и развития (СФР)[2]. Рассматривая жизнь (Ж) как процесс закономерной действительности следует понимать ее смысл в подчиненности и соответствии законам СФР. Следовательно, категории существования, функционирования и развития представляют с философских позиций смысловую структуру сущности жизни – ее структурно-функциональный код (Ж = С + Ф + Р).

В философии принято делить мир на три основные сферы: мышление, природу и общество. В каждой из них действуют свои законы. Мышление можно отнести к более широкой философской категории – информации. В настоящее время появилось достаточно емкое, интегральное его определение[3] – «информация – это вселенская анимированная семиотическая система, содержащая в качестве банка данных: антропный принцип, категории, законы сохранения; смыслы; сферу ценностей». Коротко – это язык мира как живого целого. Н. Винер[4] определил информацию как «…обозначение содержания, черпаемого нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему и приведения в соответствие с ним нашего мышления…». Во всех процессах человеческой жизни проявление смыслов – понимание преобразует информацию в знания. Важно понимать, что в сферах идеального и материального это универсальная реалия, проявляющая себя в них как процесс, функция, мера и свойство. На основании изложенного следует делить мир не по старой схеме, а на сферы информации, природы и общества, каждая из которых управляется своими законами (ЗИПО).

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2 Издание второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1955–1974.

[2] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 498.

[3] Полонников Р.И. Феномен информации и информационного взаимодействия. (Введение в семантическую теорию информации). – СПб.: Изд-во СПИИ РАН, 2001. – С. 14–15.

[4] Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Иностранная литература, 1958.

Обратим внимание на философскую категорию «качество», которая необходима при исследовании качества ЧК и, обеспечивающей его системы – качества жизни. Оно представляет собой внешнюю и внутреннюю определенность, систему характерных черт предметов, теряя которую предметы перестают быть тем, чем они есть. На сущностном уровне предмета качество выявляет его структуру, основной закон связи элементов его системы. Так, применительно к системе капитализма, был выявлен его основной экономический закон получения прибавочной стоимости посредством эксплуатации наемного труда. При этом большее качество человеческого капитала при определенных условиях может дать большую прибавочную стоимость.

Исходя из смысловой структуры сущности жизни, в своем исследовании[1] мы представили определение «качество жизни» (КЖ), которое с учетом нового понимания необходимо изложить следующим образом: качество жизни населения как главная цель и результат социально-экономического развития представляет собой систему объективных условий существования, функционирования (деятельности) и развития человека и общества, оцениваемую по степени их соответствия принятым в государстве и обществе нормативам, стандартам и высшей системе ценностей (жизни, соответствующей ЗИПО). Учитывая смысловую структуру сущности жизни (С + Ф + Р) мы предлагаем новое понятие в виде полной функции управления (У), в том числе полного управления качеством жизни. В этом случае она будет представлять УС+УФ+УР, вместо сегодняшнего УФ, как принято в действующей экономике.

Необходимо отметить, что философское понятие ценности – это не любая значимость явления, а его конструктивная (по нашему мнению) положительная значимость, которая своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы[2]. Учитывая такое понимание ценности, мы приходим к тому, что жизнь человека (процесс С + Ф + Р) и управляющие ею законы (ЗИПО), объединенные с нравственным императивом, представляют собой по существу высшую систему ценностей (ВСЦ). Такое понимание требует нового осмысления не только экономики и социального развития, но и их стратегических целей – качества жизни и качества человеческого капитала.

Закон (императив) нравственности[3] предусматривает: предотвращение (не нанесение) человеком ущерба себе, ближайшему окружению, обществу и среде обитания (ни мыслью, ни словом, ни делом); гармонию духовных и материальных устремлений и действий; баланс прав и обязанностей. Таким образом, господствующая в обществе нравственность, как его важнейшая ценность, и соответствующее ей мировоззрение определяют общественное благосостояние, движение к разорению или достатку любой страны или даже цивилизации. Нравственность является главным связующим элементом ключевых способностей человека и представляет собой общее выражение тех свойств человеческой природы, которые выполняют функцию регулятора отношений между членами общества независимо от их социального, национального, конфессионального и других статусов. Общество, не осмыслившее нравственную обусловленность деятельности в экономической и любой другой области, очевидно, не имеет будущего.

С методологических позиций для анализа качеств ЧК важна категория детерминизма (Д), которая отражает зависимость вещей, событий, процессов, состояний от тех факторов, которыми они определены в своем существовании и изменении, которые ответственны за характеризующие их признаки. По нашему мнению, целесообразно предложить концепцию холистического детерминизма (ХД), которая предполагает единую взаимообусловленную систему бытия сфер информации, природы, общества (человека) как живого целого, управляемую всеобщими законами существования, функционирования и развития, а в каждой из сфер общими законами – законами информации, природы и общества. В такой системе КЖ и качество ЧК тесно взаимосвязаны.

Разделение общества по отношению к знаниям реализуется в двух ключевых видах человеческой деятельности (труда) – управленческой (властной) и исполнительской.

Этот процесс исходит из ключевой аксиомы: тот, кто управляет другими, должен знать больше их. Пирамида управления обществом (власти) по закону иерархии имеет три основные структуры:

– высшее властное управление (властно-управленческий капитал);

– административно управленческая элита (административно-управленческий капитал);

– все население (человеческий капитал гражданского общества страны).

Пирамида владения знаниями также иерархически определяет не только отношение к знаниям, но и уровень благополучия, положение в обществе, качество жизни:

– полное знание для высшего властного управления (концептуальное, методология, фактология);

– ограниченное, неполное знание для административно-управленческой элиты (фактология);

– фрагментарное и искаженное знание для всего населения.

Так реализуется аксиоматический закон: в силу знания законов СФР-ИПО, их понимания и умения реализовать это знание человек работает на себя, а в силу отсутствия этого – на тех, кто знает, понимает и умеет больше.

Альтернативой деструктивной глобализации для РФ является конструктивная национальная регионализация. В условиях влияния на российскую экономику мощных процессов деструктивной части глобализации – агрессивного, подавляющего глобального капитализма – стратегически важно в России формировать свою основу экономики: адекватную собственную экономическую философию. Такая философия может и должна способствовать формированию научных основ конструктивной экономической регионализации.

---

[1] Ложко В.В. Стратегия обеспечения общественного здоровья в интересах повышения качества жизни населения // V Национальный конгресс по профилактической медицине и валеологии. Материалы научного форума.16-20 июня 1999 г. – СПб., 1999. – С. 23–24.

[2] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 410.

[3] Чигирев В.А. Нравственный путь безнравственной цивилизации. – СПб., 2006. – С. 4–72.

Основным объединительным и консолидирующим базисом должно стать новое содержание и активное формирование «социального государства» как системы социально адаптированных регионов, его составляющих. Новое смысловое содержание заключается в понимании, осознании необходимости и практической реализации трансформационного перехода от преобладающей пассивной функции социального обеспечения населения, к преобладающей активной функции расширенного воспроизводства главного продукта основной сферы общества (социально-гуманитарной) и всех остальных обеспечивающих его сфер – ЧК при рациональном сохранении сегодняшней социальной функции. Т.е. трансформация из непроизводительной потребляющей сферы в производительную создающую свой продукт – ЧК как главную составляющую национального богатства и новые возрастающие его качество и стоимость.

Д.С. Львов (2000 г.) в своем докладе на заседании Президиума РАН показал структуру объемов и стоимости национального богатства РФ: 50% – человеческий капитал, 40 – природный капитал, 10% – воспроизводимый капитал. Однако рыночная идеология, имплантированная в российскую экономику, требует от России преобладающего вложения инвестиций в ВК и осуществляет это не путем вложения средств в реальный сектор экономики, а преимущественно в спекулятивные биржевые процессы финансового рынка. Монопольное положение в этой сфере занимают иностранные финансовые структуры, доля которых колеблется от 60 до 90% (вес российского финансового рынка 0,6% от мирового). При этом отсутствие поддержки стабильности курса рубля ЦБ способствовало активности спекулянтов. Даже рост ставки ЦБ никого не остановил, т.к. на обвале многие хорошо заработали – прибыль доходила до сотни процентов годовых. В результате деньги стали покидать реальный сектор и втягиваться в спекулятивную ловушку. Экономика и социальная сфера России в очередной раз понесли колоссальные потери. Таковы результаты деятельности высшего менеджмента государства, руководствующегося деструктивной мировоззренческой моделью либеральной рыночной идеологии.

Другой важнейшей проблемой, связанной с качеством человеческого капитала и качеством жизни, является не решенная ни теоретически, ни практически проблема нравственного баланса жизнедеятельности человека, реализующаяся через категории справедливости и свободы. По существу в начале воспроизводственного цикла человека, общества и его хозяйства (производство – распределение – обмен – потребление), который представляет собой аксиоматический закон экономики, находятся способности человека, которые в начале реализуются в производстве, а затем на всех последующих этапах цикла. Потребности реализуются только в случае реализации способностей человека в этом цикле. Поэтому потребности, стоящие в конце цикла, могут быть удовлетворены только в результате реализации массовых способностей. Если нет производства и справедливого распределения, то не может быть и реального обмена и холистически детерминированного и демографически обусловленного потребления. Применяя философские категории, следует отметить, что этапы производства и распределения в воспроизводственном процессе детерминированы категорией «справедливость», а этапы обмена и потребления – категорией «свобода». При этом производство и распределение первичны, а обмен и потребление вторичны. В случае этического экономического процесса («этической экономики»), в сущности, должно работать соотношение категориальных процессов по формуле: «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» + «СВОБОДА» = 1. При этом по закону детерминизма, «свобода» детерминирована «справедливостью». В системе так называемой «рыночной экономики» действует соотношение: «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»< «СВОБОДА»

Расчеты стоимости человеческого капитала в российской экономике не проводятся. Единственная известная работа по психологическому измерению человеческого капитала[1], проведенная сотрудниками кафедры политической психологии СПбГУ в двух субъектах РФ, показала, что характеристики качества человеческого капитала недостаточны для обеспечения нормальных этических экономических процессов, процессов нравственного управления в государстве и обществе, процессов адекватного социального развития в условиях глобализации.

Таким образом, консолидация общества, управление его развитием и обеспечение национальной безопасности требуют создания основ концептуального управления во взаимообусловленных ключевых областях, отсутствующих в настоящее время. К ним относятся:

1. Разработка и реализация концепции и стратегии управления государством, обществом и его хозяйством, осуществляемых на основе ориентации на высшую систему ценностей, а также исходящих из осознания и учета системы средств воздействия на общество.

2. Разработка и реализация концепции и стратегии обеспечения существования, функционирования и развития трех системообразующих групп ресурсов общества.

3. Разработка и реализация концепции и стратегии расширенного воспроизводства главного цивилизационного ресурса – нового человеческого капитала с новыми качествами, без которого невозможно достичь целей стратегического управления в двух предыдущих ключевых областях.

[1] Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. Опыт психологического измерения человеческого капитала / Под науч. ред. проф. Юрьева А.И. – СПб., 2009.

Морозов Ю.В.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КИТАЯ, РОССИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *Россия, Китай, США, Центральная Азия, Новый шелковый путь, Один пояс и один путь, Большой Центральная Азия, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС.*

Keywords: *Russia, China, the USA, the Central Asia, the New Silk Way, One Belt – One Way, the Big Central Asia, SCO, CSTO, Eurasian Economic Union.*

Экономические концепции Китая для Евразии

Три года тому назад (16 сентября 2013 г.) выступая в Астане, Председатель КНР Си Цзиньпин представил мировому сообществу проект для Евразии – «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), имеющий стратегическую перспективу[2]. С точки зрения китайских стратегов перспективность реализации ЭПШП обусловлена складывающимися мировыми тенденциями.

Первая – в условиях XXI века развивающиеся страны постепенно укрепляются в роли основных «драйверов» мировой экономики. Речь в данном случае идет о Китае, России и о других государствах БРИКС, которые становятся постепенно лидерами экономик в Азии, Латинской Америке и Африке. В то время как страны Запада увязли в трясине инициированных ими кризисов на Украине, Ближнем Востоке и Северной Африке и борьбой с миграционными потоками оттуда.

Вторая – появление этих «драйверов» способствует становлению новых центров экономического развития мира. При этом его центр постепенно сдвигается на просторы между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Центрально-Азиатский регион (ЦАР) становится мостом, связывающим Европу и Азию, где на постсоветском пространстве Россия является естественным лидером, Китай же претендует на лидерство в азиатском мире и заинтересован в стабильной Евразии, где он стремится развивать экономическое сотрудничество со странами региона.

Третья – активизация регионального сотрудничества является реакцией на смену уходящего миропорядка однополярного мира. Неудача американской «сверхдержавности» заставляет другие страны теснее интегрироваться друг с другом. Речь идет не только об укреплении региональных экономических связей, но и о создании новых валютных союзов, чтобы совместными усилиями решить глобальную проблему – гегемонию доллара в мировой экономике. Этому, в частности, способствует недавнее вхождение китайского юаня в число мировых резервных валют.

С учетом этих тенденций Председатель КНР во время своих визитов в 2013 г. в страны Центральной и Юго-Восточной Азии выдвинул инициативу по реализации ЭПШП и «Морского Шелкового пути XXI века» в рамках исполнения единого проекта «Один пояс и один путь». Проект предполагает создание стратегических опорных пунктов для развития внутренних районов государств, участвующих в его реализации, что будет способствовать экономическому преуспеванию стран вдоль «Великого шелкового пути» и содействовать сотрудничеству между цивилизациями. Для этого правительство КНР разработало документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века». В нем определено основное содержание международного сотрудничества, которое включает 5 пунктов: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами[3]. В перспективе «Один пояс и один путь» свяжет материки Азии, Европы и Африки. С одного конца этого пути будут находиться активные «драйверы» Восточной Азии, с другого – развитые экономики стран Европы, а между ними – обширные территории государств ЦАР со значительным потенциалом экономического развития. Для их сближения планируется создать транспортный мост между Европой и Азией, включающий коридоры экономического сотрудничества «Китай–Монголия–Россия», «Китай – Центральная Азия – Западная Азия» и «Китай–Индокитай». В их основу лягут крупные международные маршруты с опорными точками в ключевых городах и в торгово-экономических и производственных зонах.

Основные наземные маршруты ЭПШП пролягут из Китая через Центральную Азию (ЦА) и Россию до Балтийского моря; через ЦА и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; через Юго-Восточную и Юж-

[1] Морозов Юрий Васильевич – к.в.н., в.н.с. Института Дальнего Востока и Института США и Канады РАН, профессор Академии военных проблем. E-mail: morozovyury51@yandex.ru.

[2] Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. – М., 2014. – № 7.

[3] Проект «Экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь XXI века». Госкомитет по делам развития и реформ, МИД и министерство коммерции КНР. Издано Госсоветом КНР в марте 2015 г.

ную Азию к Индийскому океану. Экономические коридоры «Китай–Пакистан» и «Бангладеш-Китай–Индия–Мьянма» также будут связаны с проектом «Один пояс и один путь». А морские направления планируется развивать из портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и Тихого океана, через Северный Ледовитый океан до Европы. На этих акваториях будут созданы безопасные маршруты с узловыми точками в важнейших портах.

Укрепление многостороннего взаимодействия Китай планирует за счет использования преимуществ таких механизмов, как ШОС, Китай–АСЕАН, АТЭС, Форум «Азия–Европа», Диалог по сотрудничеству в Азии и ряда других международных организаций с участием Китая. Реализуя проект по возрождению «Шелкового пути» Пекин старается перенести экономический центр мира в сторону Азии, где Китай является основным «драйвером».

Евразийская интеграция: взгляд из России

Китайские инициативы в рамках проекта «Один пояс и один путь» воспринимаются в России с интересом. Тем не менее, Москва в своих проектах предпочитает использовать термин «евразийская интеграция» и старается сохранить традиционное влияние в одном из важных регионов Евразии – ЦА, для чего у неё есть основания.

Во-первых, существующая политическая система большинства государств ЦА гораздо ближе к российской, чем какой-либо другой – зачастую в республиках ЦА копируют различные институты и элементы законодательства РФ. При этом подход стран ЦА к проектам, касающимся их судьбы, весьма прагматичен. Он варьирует от страны к стране, но в целом можно констатировать, что в республиках ЦА готовы поддержать проект любой стороны, если он выразится в финансовых и иных инвестициях, и не будет подрывать основы существующего строя. Поэтому они не особо поощряют западные программы «гуманитарного содействия развитию общества» и всячески поддерживают российские проекты, направленные на развитие их экономик. Это касается и магистрали ЭПШП протяженностью более 12 тыс. км, которая позволит государствам ЦА выйти к Балтийскому морю и обеспечить развитие узловых участков на своей территории. Москва также играет положительную роль в поддержании баланса сил в регионе[1].

Во-вторых, стандартом на железных дорогах России и стран ЦА является колея 1520 мм. Она шире, чем колея 1435 мм, распространённая в Китае, США и Европе[2]. В свое время это было сделано с целью обеспечения стабильности пути при его эксплуатации и повышения скорости поездов без модернизации подвижного состава, а также – для затруднения противнику снабжения войск в случае их вторжения в Россию. Единство стандартов колеи на железных дорогах России и ЦА облегчает перевозку тяжелых грузов на большие расстояния без существенной задержки на перевалочных станциях.

И, наконец, *в-третьих,* стратегические интересы России и Китая в ЦА не противоречат друг другу и близки по вопросам безопасности границ, борьбы с терроризмом, поддержания региональной стабильности и политического взаимодействия, направленного на ограничение присутствия США в регионе, противодействие курсу на «демократические реформы», ведущему к «цветным революциям». Пекин признает интересы РФ в ЦА, что увязывает его политику в регионе с сотрудничеством с Москвой.

Евразийскую интеграцию и укрепление в ней своей роли Москва планирует посредством использования таких многосторонних механизмов, как ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, и ряда других организаций, где Россия играет одну из ключевых ролей. К этому следует добавить, что 8 мая 2015 г. главы РФ и КНР подписали совместное заявление по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС. Это позволяет Москве с одной стороны – облегчить решение застарелой проблемы российских дорог и развития инфраструктуры страны, с другой – укрепить российско-китайское сотрудничество на Евразийском континенте. Для этого был создан рабочий механизм по состыковке ЭПШП с ЕАЭС и подписан меморандум между РФ и КНР о строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань – Пекин, сопряженной с БАМом и Трансибом[3]. По территории РФ также пройдет автодорога «Китай – Западная Европа». Запуск этой платной трассы запланирован на 2019 г., стоимость российского отрезка пути составит около 6 млрд. долл.[4]. Реализация этих проектов может стать ключевым драйвером роста не только для экономики России, но и для стран Центрально-Азиатского региона.

Американские концепции и программы в Центрально-Азиатском регионе

Иной характер имеет деятельность Соединенных Штатов в этом регионе. Им выгодна дезинтеграция евразийского пространства за счет поддержки сепаратистских движений и провоцирования внутренних конфликтов (все это можно наблюдать на Украине, где при поддержке США был осуществлен госпереворот). Это позволяет Вашингтону усиливать свое влияние на ситуацию в регионе и теснее сплачивать государства Евразии вокруг НАТО, где США доминируют.

Если же говорить о ЦА и примыкающем к ней Прикаспию, то здесь Соединенными Штатами, прежде всего, движут экономические интересы, ибо этот регион обладает стратегическими ресурсами – нефтью, газом и ураном. Так, доказанные запасы нефти в ЦА составляют около 27 млрд. т (второе место после запасов в Персидском заливе).

---

[1] Евразийский союз. – http://ruxpert.ru/ТС

[2] Железнодорожная колея в разных странах. – http://www.bygeo.ru/materialy/karty/713-zheleznodorozhnaya-koleya-v-raznyx-stranax.html

[3] http://moscowbeijing.ru/ru/ru-analytics/ru-infrastructure/kogda-i-kak-okupitsya-zheleznaya-doroga-moskva-kazan-pekin

[4] Зозуля В. Шелковый путь – поворот на Россию. – Москва; Пекин, 2016. – С. 12–13.

Из них материковые запасы – 8,5 млрд. т, а запасы газа оцениваются в 5,5 трлн. куб. м[1]. В акватории Каспийского моря оценки запасов нефти колеблются от 2,3-4,5 млрд. т до 5,4 млрд. т. Прогнозные запасы – от 16 млрд. до 32 млрд. т[2]. Эти запасы почти в 2 раза превышают ресурсы Северного моря и примерно равны запасам Северной Америки, т.е. сопоставимы с ресурсами крупнейших нефтеносных районов мира[3]. В условиях возрастающего значения ядерного фактора, как гаранта от силового давления, особое значение региону придает наличие запасов урана. На Казахстан приходится почти 25% мировых запасов урана, крупные урановые месторождения есть в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии.

И, наконец, расположение ЦАР на стыке евроазиатских транспортных магистралей является важным фактором не только его экономической, но и стратегической значимости, что особенно привлекает США. Местоположение ЦА, являющейся сердцевиной Евразии, позволяет контролировать практически все его области и влиять на их безопасность. Наиболее ярким примером американского влияния на региональную безопасность стала война в Афганистане. Под прикрытием лозунга «глобальной борьбы с международным терроризмом» Вашингтон начал активно действовать в направлении проникновения в данный регион и укрепления своего влияния на все стороны развития расположенных в нем стран, чтобы обеспечить там реализацию собственных планов. Для этого Вашингтоном были разработаны различные теоретические концепции.

Так, в 2005 г. была разработана концепция «Новый шелковый путь» которая тесно связана с концепцией «Большой Центральной Азии» (БЦА), которая активно используется Центральным Командованием ВС США. Обе концепции связаны с именем главы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса Ф. Старра. В журнале «Foreign Affairs» за июль-август 2005 г. он высказался за создание «Партнерства по сотрудничеству и развитию БЦА» – регионального форума по осуществлению серии программ под эгидой США. Их суть сводится к развитию государства ЦА и ИРА, но без участия РФ, КНР и Ирана.

Цель форума – содействовать превращению Афганистана и региона в целом в зону государств с рыночной экономикой, светскими и открытыми системами государственного управления, поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном[4]. Активное участие Пентагона в этом проекте дает основание полагать, что он направлен на военно-стратегическое объединение ЦА и Афганистана под эгидой США. Со временем планируется вовлечение в БЦА и других государств.

Это соответствует замыслам США, связанным с реализацией более крупного геополитического и экономического проекта – «Большим Ближним Востоком», включающий в себя регионы Ближнего и Среднего Востока, Кавказ и бассейн Каспийского моря. Иначе говоря, – пространство, которое охватывает области, богатые ресурсами и удобные для их транзита коммуникационные коридоры. По сути, американские стратеги планируют установить через Афганистан более тесные связи государств ЦА с Индией и Пакистаном с тем, чтобы ослабить их ориентацию на Москву и Пекин[5].

О влиянии этих идей на Белый дом говорит то, что в октябре 2005 г. госсекретарь США К. Райс реорганизовала южно-азиатский отдел Госдепартамента, передав ему вопросы пяти центрально-азиатских государств. В апреле 2006 г. на слушаниях по политике США в ЦА в Комитете по международным делам Палаты представителей Конгресса помощник госсекретаря Р.Баучер, опираясь на идеи Ф.Старра, пошел гораздо дальше, доведя их до откровенного идеологического прикрытия продвижения американского влияния в регионе. В своем докладе он ясно дал понять, что не считает Россию и Китай ведущими игроками по установлению связи между Центральной и Южной Азией. Вашингтону также важно «увести» нефть ЦА и с китайского направления – в сторону рынка, контролируемого биржами в Нью-Йорке, Лондоне, Токио и Сингапуре[6]. Эти и другие обоснования изоляции России и Китая приводятся в труде «Стратегия Шелкового пути: XXI век»[7]. А на практике – нефть из Казахстана поставляется на Запад в обход России по нефтепроводам «Европа – Кавказ – Азия» и «Баку-Тбилиси-Джейхан», являющиеся элементами американского «Нового Шелкового пути».

Придавая геополитическую завершенность перечисленным процессам, госсекретарь США К. Райс в свое время обсуждала с президентами Афганистана, Пакистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана возможность создания региональной организации, которая ориентировалась бы на США и стала бы противовесом ШОС. В рамках реализации этого проекта США выделили странам региона 1,4 млн. долл. для «облегчения таможенных процедур»[8]. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан были приглашены США к участию в программе НАТО «Партнерство ради мира», Вашингтон также пообещал им ежегодно увеличивать финансирование сотрудничества в военной области. В её рамках американцами ведется работа в таких областях, как подготовка кадров, техническое содействие реализации про-

---

[1] Jarbussynova Madina B. Central Asia: Threats and Challenges // Conference on Central Asia, Global Terrorism and Asia-Pacific Security. 2009.

[2] Якубовский В.Б. Геоэкономическое значение Центрально-азиатского региона. Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. – М.: ИДВ РАН, 2005. – С.109.

[3] Иванов Э.М. Экономические отношения России со странами Центральной Азии / Российский Институт стратегических исследований. – М., 2006. – 127 с.

[4] Starr Fr.S. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. – July/August. – http://www.cfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html

[5] Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. – М.: ИДВ РАН, 2016. —376 с.

[6] Оценка современной политической ситуации в России. – http://www.dumaem.ru/index.php?iq=st_show&pr_id=3&rm_id=2&tm_id=5&st_id=928&lid=0&

[7] Парамонов В. Геополитика и Центральная Азия. – http://www.irex.ru/press/pub/polemika/05/par/

[8] Быков П. Большая Игра обязательно закончится. – http://archive.expert.ru/expert/05/05-40-86

граммы «Каспийский страж» и т.д. Особое внимание уделяется подготовке батальонов по стандартам НАТО, военные контингенты из республик ЦА совместно со странами альянса несли службу в ИРА и Ираке.

Однако реализация идей БЦА столкнулась с серьезными трудностями, так как во многом эти идеи были основаны на перспективе быстрой стабилизации ситуации в Афганистане и готовились после того, как президент Дж.Буш-мл. объявил в 2004 г. о победе над терроризмом. Но по мере осложнения ситуации в ИРА в последующие годы о многих американских планах и программах пришлось забыть.

На этом фоне в 2009 г. была выдвинута уточненная концепция «Нового шелкового пути». В статье, написанной Ф. Старром совместно с А. Качинсом, они вновь провозгласили необходимость для Афганистана стать «круговой развязкой на Новом шелковом пути от Индии до Юго-Восточной Азии, с шоссе и железными дорогами, ведущими на север, юг, восток и запад». В качестве примера можно привести строительство **кольцевой дороги** в ИРА протяженностью 3362 км, которая использовалась для решения военных задач, включая вывод войск западной коалиции из Афганистана[1].

Идея «Нового шелкового пути» в последней интерпретации несколько смягчена: роль Китая и России не исключается, но основным по-прежнему признается направление на Южную и Юго-Восточную Азию. А акцент на строительстве дорог, свидетельствует о том, что американская стратегия в Афганистане рассматривает эту страну, прежде всего, как **«транзитный коридор»**. Для этого была создана «Северная распределительная сеть» – транспортная инфраструктура в северном (через Узбекистан, Казахстан, и Таджикистан) и северо-западном (через Туркменистан) направлениях. Тем не менее, большинство экспертов считают идеи Ф.Старра нереализуемыми в связи со сложной обстановкой в Афганистане.

В целом, анализируя подходы уходящей администрации Б. Обамы к политике в ЦА, можно выделить четыре момента.

Первый – политика Вашингтона по-прежнему нацелена на формирование БЦА, а также на вовлечение стран региона в сферу своего влияния. В ее рамках американская администрация рассматривает ЦА как объект расширения «зоны ответственности», которая охватывает «дугу нестабильности» (Афганистан, Иран, Пакистан) и ряд других государств региона.

Второй – решения, принимаемые Б. Обамой на этом направлении, починены сохранению военного присутствия в ИРА, в качестве стратегического плацдарма по отношению к Ирану и КНР и решения афгано-пакистанских проблем. Это обусловливает увеличение помощи Афганистану и Пакистану в подготовке их армий и сил безопасности и совместные действия против талибов и сил ИГИЛ. 5,5 тысяч военнослужащих США будут находиться в ИРА и после 2016 г.

Третий – присутствие США в Афганистане существенно сокращается, поэтому курс Вашингтона в регионе будет формироваться в контексте ограничений ассигнования на оборону и решения новых геополитических задач. 9 февраля 2016 г. Минобороны США опубликовало проект оборонного бюджета на 2017 год. В нем есть несколько особенностей: в 2017 г. оборонный бюджет составит 583 млрд. долл. (сокращение на 1,9%). При этом будут увеличены расходы на военные действия за рубежом; проект перечисляет пять угроз для Соединенных Штатов: со стороны России, Китая, КНДР, Ирана и ИГИЛ. В нем особо отмечается, что основная угроза будет исходить от Китая и России. В связи с этим особое значение придается бюджету на исследования, связанные с новой военной стратегией США – Third Offset, цель которых — получить военное и технологическое преимущество над Россией и Китаем в долгосрочной перспективе[2].

И *четвертый* – ряд кризисов последнего времени, разразившихся в других регионах мира, вытесняет Центральную Азию из американской повестки дня. Кампания против «Исламского государства» в Сирии и Ираке, кризис на Украине, гражданские войны в Йемене и Ливии, вступление в действие ядерного соглашения с Ираном и противостояние усиливающемуся напору Китая превосходят по своему значению события в Центрально-Азиатском регионе. Поэтому значение Центральной Азии для американских интересов постепенно уменьшается[3].

В перспективе в этом регионе Вашингтон будет использовать имеющиеся рычаги влияния, и делать упор на политику «мягкой силы» и «стратегии непрямых действий». Приоритетным направлением будет сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном. Следует ожидать, что новая администрация США усилит свое «наступление» на государства ЦА и попытки выдавить оттуда Россию и Китай. Эта преемственность вытекает из поддержки, выраженной Б. Обамой разработанному администрацией Дж. Буша плану БЦА[4].

Подводя итоги американской политики в регионе, можно сказать, что на ближайшую и среднесрочную перспективу цели США в отношении стран ЦА вполне конкретны. Они включают удержание их в орбите американской региональной и глобальной стратегии через экономическое, военно-политическое, идеологическое и культурно-гуманитарное влияние. При этом Вашингтону крайне нежелательно усиление в регионе других держав, в частности России и Китая. Поэтому он будет стремиться реализовать в регионе комплекс первостепенных задач, в том числе, в *экономической сфере* – получение доступа к энергоресурсам ЦА и прилежащим районам их добычи и контроль маршрутов их поставки на мировые рынки; создание условий для организации, при необходимости, сырьевой блокады Китая; обеспечение контроля над стратегическими запасами урановой руды. В *военно-политической сфере* – сохранение военно-

---

[1] Нессар О. Афганистан: от экономики войны к экономике добрососедства. – http://afghanistan.ru/doc/22371.html

[2] Ватанабэ Ёсикадзу. Военная конкуренция США, России и Китая. – http://inosmi.ru/military/20160229/235569386.html

[3] Румер Е., Сокольский Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии 3.0. – http://inosmi.ru/politic/20160321/235793015.html

[4] Морозов Ю.В. Американская политика и стратегия в локальной войне в Афганистане и их влияние на региональную безопасность. – М.: ИСК РАН, 2015. – 200 с.

го присутствия в ИРА с целью удержания плацдарма для возможного вмешательства в дела Пакистана и Ирана, сдерживания Китая и оказания давления на Россию; обеспечение возможности оперативного реагирования на ситуацию в странах ЦА. В *идеологической сфере* – подталкивание процессов демократизации в странах ЦА по западному образцу и поощрение их властей в строительстве государств по модели союзной США Турции.

В ходе решения этих задач Вашингтон осуществляет меры, направленные на постепенный вывод стран региона из-под влияния Пекина и Москвы; поэтапное включение государств Азии в торгово-экономические союзы, находящиеся под американским контролем, а также вовлечение их в более активное сотрудничество с НАТО. Это обусловливает появление новых, либо сохранение существующих проблем для КНР, препятствующих реализации их интеграционных проектов в Евразии.

Проблемы, препятствующие реализации проектов Китая и России в Евразии

Американские концепции в Евразии создают для Китая препятствия на пути осуществления его интеграционных проектов. Базовым в данном случае является китайско-американское «соперничество-партнерство». В США уже не отрицают тот факт, что американо-китайское сотрудничество постепенно сходит на «нет» из-за существования ряда других серьезных проблем: Тайвань, Тибет, Северная Корея, права человека, рост военной мощи КНР и т.д.

Китай в свою очередь озабочен созданием США системы ПРО в Тихом океане, эмбарго на поставки «чувствительных» технологий, громадным дисбалансом в торговле[1]. Кроме того, из-за политики, проводимой Вашингтоном в Афганистане, обозначилась реальная угроза того, что террористы и сепаратисты начнут проникать из ИРА в КНР, что негативно повлияет на безопасность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где планируется прокладка маршрутов ЭПШП. Также Вашингтон препятствовал участию Пекина в «Соглашении о Транстихоокеанском партнерстве» в АТР, которое было подписано в Атланте в 2015 г. 12 странами, включая Канаду (!)[2]. Китай не фигурирует и в другом американской проекте – «Трансатлантическом союзе». На Ближнем Востоке основной экспорт нефтересурсов в Китай идет по Персидскому заливу, который находится под контролем ВМС США. Блокада этого маршрута может поставить Пекин в зависимость от Вашингтона в принятии решений по реализации проекта «Один пояс и один путь». Увеличение военной мощи Южной Кореи, наличие военной базы США в Японии и процесс милитаризации этой страны также вызывают озабоченности китайских стратегов.

В свою очередь, если КНР попытается решить территориальные проблемы в Южно-Китайском море и присоединить Тайвань силовым путем, это усилит опасения соседних стран и США. В этой связи их отношения с Китаем будут развиваться по формуле: сосуществование, сотрудничество, соперничество и, в крайнем случае, регулируемая конфронтация[3]. Все это сказывается на прокладке маршрутов из портов Китая в южную акваторию Тихого океана.

На этом фоне «разворот в Азию», который провозгласила Москва после введения санкций, не идет дальше деклараций. У правительства РФ нет достаточного финансового обеспечения планов опережающего развития Дальнего Востока и для прокладки транспортного маршрута ЭПШП – из Китая на европейские рынки. Тем не менее, Москва хотела бы, чтобы Китай проложил большую часть «Шелкового пути» по территории России. Однако Пекин анализирует и маршруты выхода в Европу в обход России (через Казахстан, Турцию, Азербайджан и Грузию). Это совпадает с планами Евросоюза, который также рассматривает возможности выхода в ЦА не через Россию, а через Турцию и Кавказ для реализации там своих экономических планов.

Прибалтийские страны соревнуются между собой и с Россией за возможность стать для Китая логистическим центром, имеющим выход к Балтийскому морю[4]. Они рассчитывают заместить российские порты своими морскими гаванями для грузов ЭПШП. Пока что выигрывает в борьбе за «шелковый» грузопоток Литва: были подписаны соглашения между китайской корпорацией China Merchants Group (CMG) и Клайпедской свободной экономической зоной, а также с Клайпедским портом. CMG планирует построить в Клайпеде логистический парк, а также инвестировать средства в порт и стать управляющим одного из его терминалов. В конце 2015 г. бизнес-делегация из Китая посетила Латвию, где директор CMG Ху Женг сообщил о планах Китая инвестировать в литовские порты после анализа их возможностей. Эстония также видит свои порты частью «Шёлкового пути», ибо они по сравнению с Литвой обладают более модернизированной инфраструктурой. В таких условиях российские порты, конкурирующие за грузы с прибалтийскими гаванями, рискуют остаться на периферии ЭПШП. Однако, транзит грузов в Европу через прибалтийские государства, обладающие «суррогатной суверенностью», несёт высокие риски для Китая. По словам А. Карпова «если им скажут перекрыть транзит — они его перекроют»[5].

Белоруссия тоже претендует на роль хаба на пути грузов из КНР в Европу. Для этого Минск активно укрепляет сотрудничество с Литвой и Латвией. Хотя ещё в 2012 г. президент Белоруссии А. Лукашенко заявил о намерении перенаправить грузопотоки с Прибалтики на порты Ленинградской области и Калининграда, но это был всего лишь политический ход. Такой подход белорусскому бизнесу диктует прагматизм и нынешняя тарифная политика РЖД: везти груз из Белоруссии до Прибалтики ближе, чем до российских морских гаваней, а, следовательно – дешевле. А когда

---

[1] Холбрук Р. Проблемы американо-китайских отношений // The Wall Street Journal. – http://inosmi.ru/world/20050531/219983.html

[2] Яту Чун. Китай и ТРР // Китай. 2015. – № 11. – С. 28.

[3] Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 21. – С. 34–45.

[4] http://regnum.ru/news/economy/2049222.html?utm_source=infox.sg

[5] Итоги 2015: Россия убивает порты Прибалтики, а Белоруссия и Китай — спасают. ИА REGNUM от 6 января 2016.

Москва закрыла зону свободной торговли с Украиной, Минск такую зону сохранил, обеспечивая приток в Россию украинских товаров. Наконец, Беларусь отказала России в размещении авиабазы. Все это прямо противоречит выполнению положений Договора о Союзном государстве России и Белоруссии, где в Статьях 2 и 17 сказано, что «целями Союзного государства являются проведение согласованной внешней политики… и единой торговой и таможенной политики в отношении третьих стран…, совместное использование военной инфраструктуры…»[1].

Для России сохраняются и другие межгосударственные проблемы, препятствующие реализации её интеграционных проектов в Евразии. Самые опасные и затратные – с Украиной, которая желает участвовать в реализации ЭПШП, и чьи основные транспортные коридоры обращены к Европе. Однако финансовый дефолт Украины не позволит реализовать эту идею в ближайшем будущем. Плюс к этому Россия начала реконструкцию и строительство железнодорожных путей в обход территории Украины[2].

У России есть и другие конфликты. С Болгарией – по поводу отказа от строительства по дну Черного моря газопровода «Южный поток», с Румынией – из-за вступления этой страны в НАТО, с Молдавией – по поводу Приднестровья. Фактически заморожены отношения со странами Балтии, Польшей и Великобританией. Вялотекущими, но представляющими реальную опасность для интеграционных проектов Москвы, являются торговые отношения с партнерами по ЕАЭС – Казахстаном и Белоруссией.

И ещё одна проблема – реализацию проекта ЭПШП по территории РФ предлагается осуществлять за счет внутренних ресурсов России, а также Китая. Однако понижение цен на энергоносители, санкции и общая экономическая конфронтация, внесли изменения в инвестиционную политику РФ и привели к обесцениванию рубля. Экономические показатели страны за 2015 г. снизились в среднем на 4%, доходы населения вдвое больше — на 8–10%. При этом экономическая политика РФ по-прежнему плотно привязывает рубль к цене на нефть, которая постоянно падает. Одновременно растет инфляция, в 2015 г. она утроилась по сравнению с 2012 г., достигнув 15,5%[3].

И на этом фоне РФ регулярно реструктурирует свои зарубежные кредиты. Всего за годы своей государственности Россия простила должникам около 140 млрд. долл. – сумму, которая 3–4 раза покрыла бы дефицит бюджета страны в 2015–2016 гг. и превышает все трансферты российским регионам с 2000 по 2015 г.[4] Часто такое списание долгов часто случается не к месту. Так, РФ простила долг вполне обеспеченному Вьетнаму (9,5 млрд. долл.), где пришлось расстаться с военной базой в Камрани. Ливии (4,6 млрд. долл.) с ее внушительными запасами нефти – незадолго до убийства М. Каддафи; богатому нефтью Ираку (12 млрд. долл.) – после того, как там воцарился прозападный режим. Между тем денег, прощенных этим странам, с лихвой бы хватило на все российские проекты евразийской интеграции. При таком подходе РФ к кредитам зарубежным странам возникает закономерное опасение, что планы Москвы по интеграции в Евразию и состыковки ЕАЭС с ЭПШП могут остаться на бумаге.

Тем не менее, выход есть. Для решения существующих проблем с китайскими и центрально-азиатскими партнерами по проекту ЭПШП идеальной площадкой могла бы стать ШОС. Специфика центрально-азиатского измерения ШОС заключается в том, что эти государства в отношениях с Россией и Китаем одновременно выступают субъектами политики в сферах экономики, безопасности, и объектами российско-китайских инициатив. Подобный объектно-субъектный характер отношений обусловлен, с одной стороны, независимым статусом государств ЦА, имеющих право на независимую политику, с другой – разностью экономического и политического потенциала этих государств по сравнению с Россией и Китаем. Их экономическое превосходство позволяет Пекину во взаимодействии с Москвой инициировать в регионе проекты, особенно с учетом того, что в настоящее время в рамках ШОС слабо продвигается многостороннее экономическое сотрудничество. Развивая это сотрудничество в рамках ЭПШП, российско-китайские отношения в Евразии получат новый импульс, а совмещение механизмов взаимодействия ШОС и ЭПШП даст возможность использования китайских ресурсов для развития государств ЦА и России. В связи с этим представляется, что программа создания «экономического пояса Шелкового пути» могла бы стать катализатором многостороннего экономического сотрудничества государств ШОС и проводиться под эгидой этой организации, при координации со схожими программами других международных институтов, таких как ПРООН и ЮНЕСКО.

И последнее – как показывает анализ складывающаяся ситуация в Евразии – у России, по существу, нет надежных стратегических партнеров. В такой ситуации наша страна оказывалась неоднократно, но каждый раз с достоинством выходила из этого положения. Опыт последнего времени, помноженный на исторический опыт доказывает, что только сильные и боеспособные Армия и Военно-Морской Флот России способны обеспечить мирное развитие нашей страны и избавить от внешнего вмешательства в её интеграционные планы в Евразии. Ибо в мире по-прежнему считаются только с сильным в военном и экономическом отношении государством.

---

[1] Договор о создании Союзного государства РФ и РБ от 8 декабря 1999 года. – http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/

[2] «Шелковый путь» в обход колючей Украины. Pravda.Ru от 06.01.2015

[3] Аганбегян Абел. Густой навар. Кто больше пострадал в кризис – население или бизнес? // Аргументы и Факты. – М., 2016. – № 6, 10 февраля.

[4] Трегубова Е. Прощённые миллиарды // Аргументы и Факты. – М., 2104. – № 30, 4 марта.

Москвич Ю.Н.[1]

ПОИСКИ НОВОГО ВИДЕНИЯ СТРАТЕГИИ ДЛЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевые слова*: стратегическое управление, системы принятия решений, видение будущего, картины мира, мировоззрение, технологическая революция, модернизация образования, человеческий, социальный и культурный капитал.*

Keywords: *strategic management, systems of the decision making, vision of the future, picture of the world, outlook, technological revolution, modernization of education, human, social and cultural capital.*

Введение

Будущее становится всё более актуальной темой дискуссий и обсуждений в России. С одной стороны пришло время. 25 лет трудных перемен и реформ позади, и для новых поколений России нужен конкретный проект будущего. Проведенные нами исследования студентов, предпринимателей и экспертных групп Красноярска убедительно свидетельствуют об этом[2]. Подавляющее большинство студентов (89% студентов естественнонаучных направлений обучения и 83,3% студентов-гуманитариев) хотели бы, чтобы проект будущего был в нашей стране. С другой стороны глобальный экономический кризис и ожидания скорой четвертой технологической революции[3] до предела обострили вопрос о ближайшем будущем России. В качестве механизма построения образов будущего и путей их реализации был выбран удобный для современных российских экономистов, людей власти и политиков понятийный язык стратегического управления корпораций[4]. В этом подходе под стратегическим управлением понимается разработка и реализация действий, ведущих к долгосрочному превышению уровня результативности деятельности фирмы над уровнем конкурентов, а под стратегией понимается образ организационных действий и управляющих подходов, используемых для достижения организационных задач и целей организации, в случае общероссийской стратегии – задач и целей всей страны. Очевидно, что справиться с такой многомерной задачей в условиях постоянно меняющегося мира совсем непросто. Это хорошо видно на примере подготовки стратегии развития России (несколько объявленных сроков её подготовки уже позади. Несколько проектов стратегии развития Красноярского края, одного из ключевых регионов развития страны, также отложены. Новый проект[5], который должен по замыслу разработчиков стать частью общероссийской стратегии, также не вызывает большого энтузиазма у элит края и также может быть отложен до лучших времен. Наступят ли они вообще? Что стоит за этим? В данной работе делается попытка анализа возникшей ситуации, проблем и ограничений стратегического прогнозирования и планирования.

Мир сегодня

Бесспорно мир, в котором мы живём, стал более сложным и менее предсказуемым. Эпоха эйфории от нежданного рога изобилия нескольких технологических революций постепенно сменяется общей тревогой. Количество «узловых проблем» за последние 40 лет существенно возросло, их число, по мнению К.К. Колина, уже достигло 50 и новые угрозы охватывают все сферы нашей жизни – взаимоотношения человека с природой, его поведение в обществе и развитие самого человека[6]. Ключевой особенностью нового рукотворного мира является его самостоятельность, осо-

---

[1] Москвич Юрий Николаевич – к.ф.-м.н., профессор кафедры менеджмента организации, заместитель проректора по науке и международной деятельности Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: yumoskvich@mail.ru; moskvich@kspu.ru

[2] Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н. Виртуальные и реальные лики инновационных лидеров: Красноярские ожидания и пределы роста // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 1: Сб. научных трудов / ИНИОН РАН. Редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М., 2010. – С. 276–284; Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н. Культурные и ментальные запросы инновационного развития и ценности студенческой молодежи // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии. Гл. ред. Л.В. Скворцов. Вып. 6. Часть 2. – М., 2012. – 355–363 с. Вып.: Молодые ученые в современной России / Отв. ред. Хлебников Г.В., Шкаев Д.Г. – (Сер. Проблемы человека). – С. 122–139.

[3] Schwab K. The Age of Adaptation. – https://www.project-syndicate.org/commentary/technological-economic-transformation-by-klaus-schwab-2015-02?barrier=true.

[4] Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.

[5] Проект Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года. – http://www.krskstate.ru/2030/plan

6 Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2014. – № 1. – С.8-9.

бость, независимость от своих создателей, людей породивших его. Глобализация, как рукотворная планетарная интеллектуальная машина, начинает выходить из-под контроля её творцов и созидателей[1]. Высокая скорость и плотность экономических и социальных изменений создает большое число неопределенностей в оценке трендов развития. Возникающие картины мира становятся недолговечными, виртуальными[2]. Прежнее устойчивое видение мира расплывается. Прогнозы на основе быстро устаревающих теоретических знаний заменяются игрой случайностей, интригой, стечением большого числа факторов развития. Новый мир по многим своим особенностям превращается в турбулентный мир, законы управления которым человечеству ещё предстоит открыть.

Источником нарастающих изменений становятся новые приобретенные человечеством знания и созданные на их основе технологии. Известный исследователь Р. Кроуфорд еще в начале 90-х годов прошлого века прочески сформулировал новую роль знаний и технологий в судьбе мира: «...новое знание приводит к возникновению новой технологии, что, в свою очередь, приводит к экономическим изменениям, что, в свою очередь, приводит к социальным политическим изменениям, что, в итоге, приводит к созданию новой парадигмы или нового видения мира»[3]. Таким образом, источником ускоряющегося процесса глобальной турбулентности являются возрастающее качество образования и ускоряющийся процесс нарастания генерации научных знаний и их использования в полезных и не отторгаемых нововведениях (инновациях). Беличье колесо изменений мира, запущенное всеобщим образованием и научно-техническим прогрессом в настоящее время может только ускорять свой ход.

Овладеть этим процессом могут лишь люди, способные установить контроль над этой постоянно обновляемой средой обитания, тем самым превращая возникший по воле человека турбулентный мир в высокоорганизованный устойчивый мир[4]. Важной вехой на этом пути становится создание новых технологий стратегического планирования будущего.

Вызовы системам управления

Наибольший удар по благополучию сформировавшихся в XX веке систем управления нанес экономический кризис 2008 года и его последующие проявления. Именно этот не спрогнозированный кризис отчетливо выявил всю неустойчивость традиционных систем управления, иррациональность и неэффективность принимаемых решений. По мнению В.Е. Лепского, в значительной степени это обусловлено целым набором различных сформировавшихся в последние десятилетия факторов[5]:

1) «резким возрастанием динамичности социальных процессов;

2) высоким темпом обновления знаний, который влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, а также типов и способов коммуникаций;

3) снижением роли нормативного подхода, когда фактически нормой становится выход за пределы нормы;

4) «размыванием» устоявшихся традиций и резким возрастанием сложности процессов личностной идентичности субъектов принятия управленческих решений».

С этой точки зрения основной причиной кризиса современных систем управления является возникшее в современной науке новое явление, связанное с тем, что «реальности, с которыми имеют дело конкретные субъекты управленческой деятельности, оказываются ненаблюдаемыми для классической науки». Иными словами, научные исследования не поспевают за динамичным развитием мира, причем как традиционные классические науки об обществе, так и их более современные части, такие как кибернетика второго порядка; синергетика, когнитивный подход, рефлексивный подход и т.д.

Существенную роль играют также и процессы глобализации, выводящие многие процессы принятия решений, в первую очередь финансовых и экономических, из-под законодательного контроля конкретных государств. Глобализация фактически создала большие новые возможности для широкой «свободы от» всего, что ранее было под контролем, обеспечив тем самым большие, чем прежде пространства для принятия эгоистических групповых решений различных экономических, финансовых и управленческих элит, усиливая различные формы их социального паразитизма.

Продолжение такой стратегии поведения людей, принимающих решения, объективно ведет к быстрому истощению ресурсов Земли и нарастанию масштабных социотрясений из-за увеличивающегося неравномерного перераспределения этих ресурсов. В соответствии с недавно проведенными исследованиями6 сохранение нынешних темпов мирового развития, потребления и распределения благ, неизбежно ведёт к тому, что человечество в ближайшее время

---

[1] Юрьев А.И. Глобализация как новая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок // Россия. Планетарные процессы / Под ред. В.Ю. Большакова – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – С. 250.

[2] Москвич Ю.Н. Мерцающие картины глобального мира как искушение и вызов для теорий управления // XII Всероссийское Совещание по проблемам управления. ВСПУ-2014. Москва 16-19 июня 2014. – С. 7797–7802.

[3] Crawford P. In the era of Human capital: The Emergence of Talent, Intelligence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it means to Managers and Investors. – New York: Harper Business, 1991.

[4] Москвич Ю.Н. «Глобальная турбулентность» и путь к «Человеку разумному» // Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: Философия – Наука – Образование: сборник статей Второй Всероссийской научной конференции «Сибирский философский семинар». – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – С. 147–149.

[5] Лепский В.Е. Философия управления и развития в контексте научной рациональности (субъектно-ориентированный подход) // Философия и управление: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.М. Розин. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 134–166.

[6] Motesharrei Safa Rivas J., Kalnay E. Human and nature dynamics (HANDY): Modeling inequality and use of resources in the collapse or sustainability of societies // Ecological Economics. 2014. – N 101. – P. 90–102.

имеет все шансы последовать примеру многих прежних цивилизаций Земли, не доживших до наших дней. Очевидно, что прежние технологии неограниченного развития мира и всех его частей становятся сильнейшими факторами глобального риска и должны быть заменены стратегиями устойчивого (или более точно, поддерживающего) развития.

Базовые основы оптимистических стратегий

Список глобальных проблем в настоящее время так велик, что сам по себе может усиливать как энтузиазм творцов, так и пессимизм реалистов. В самом деле, в течение короткого времени необходимо:

– как минимум в пять раз увеличить рост эффективности, для того чтобы обеспечить достойную жизнь для всех на Земле[1];

– в несколько раз увеличить число социальных, технических и технологических инноваций, обеспечивающих рост эффективности экономики и социальной устойчивости. Иными словами, беличье колесо творения необходимых новшеств должно максимально ускорять свой ход;

– изменить системы управления так, чтобы они смогли обеспечивать устойчивое развитие, поддерживающее уровень жизни всех живущих людей;

– сохранить наше общее жизненное пространство – Землю для последующих поколений;

– создать гуманитарные основы разработки оптимистических стратегий развития[2].

Очевидно, что в той или иной форме эти цели и задачи должны быть включены в более краткосрочные стратегии развития отдельных отраслей экономики и отдельных стран, в том числе и России. Однако для этого необходимы совместимые ценности и повышенный уровень взаимного доверия, что на данном этапе развития мира является серьёзной проблемой, и по крайней мере в известных проектах стратегии развития России ещё не присутствует. Пока в них доминирует исторически значимая цель для нашей страны догоняющего развития, во многом теряющая свой смысл в парадигме новой волны технологического развития – четвертой промышленной революции с ее масштабными экономическими и социальными последствиями, требующими опережающего развития системы управления, экономики, в целом всего общества. Возникает необходимость обновления уже состоявшегося в заметной части нового образования и подготовки одновременно нескольких поколений к новой меняющейся реальности[3]. Фактически наступает новая эра – эра адаптации и стратегии развития должны это учитывать уже сейчас. Они сами должны также адаптироваться к новым вызовам времени.

В основе любой претендующей на положительный эффект стратегии лежит деятельность людей, видящих своё самоосуществление не в настоящем, а в будущем. С философской точки зрения эти люди являются сторонниками философской теории индетерминизма. Они воспринимают мир как мир, в котором будущее не предопределено, и люди могут сами созидать, творить его, создавая оптимистичные стратегии будущего и разрабатывая на их основе реалистичные проекты своей деятельности. Эти люди обладают большой фантазией, изобретательны и настойчивы в достижении поставленной цели. В настоящее время они могут называться в зависимости от политического и эмоционального отношения по-разному: стремящимися к обновлению, революционерами, реформаторами, людьми перемен. От их численности, активности, творчества во многом зависит реализуемость любой стратегии, направленной на модернизацию. В проекте «Перспективы глобальных изменений: подход TARGETS»[4] эти люди были названы **«индивидуалистами»**. Их главными особенностями являются убежденность в творческой предприимчивости, изобретательности людей и в способности природы к восстановлению. Возникающие проблемы, от социальных до экологических, могут быть всегда преодолены новыми технологиями. Им противостоят согласно данному подходу сторонники равенства человека и природы – **«эгалитарианцы»** – пессимистично воспринимающие окружающий мир, искренне убежденные, что разрешить имеющие проблемы, спасти страну и мир в целом можно только на основе приостановки развития и возврата к не опасному для окружающей среды образу жизни. Сторонники компромисса и внешнего регулирования, большинство из них люди власти и люди при власти – **«иерархисты»** – полагают, что главным в решении всех проблем является партнерство и оптимальное управление, которые способны ограничить воздействие на природу и на эгоистическое поведение человека. Эта точка зрения, безусловно, характерна для управленческих элит и её уязвимое место – неясность как на основе этого подхода может быть реализовано справедливое распределение ресурсов для всех, каким образом заложить в стратегиях развития максимальную мотивацию для их эффективной реализации. По этой причине любая дискуссия о будущем, о стратегиях и путях достижения желаемого будущего имеет ярко выраженные черты борьбы нескольких начал, своего рода борьбы «добра» и «зла»: «нового» и «старого», «будущего» и «улучшенного прошлого» при выжидающем молчании заметного числа не определившихся и повышенной активности сторонников компромисса и внешнего присвоенного или делегированного управления.

---

[1] Вайцзеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 368 с.

[2] Аткиссон А. Поверьте Кассандре. Как быть оптимистом в пессимистическом мире; пер. 2-го англ. изд. В.В.Дедюхина; под ред. Н.П.Тарасовой. – М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2012. – 264 с.

[3] Москвич Ю.Н. Образовательная стратегия накануне новой технологической революции: роль человеческого и культурного капиталов в развитии России и её регионов // Образовательные стратегии и инициативы в этнокультурном развитии регионов Большого Алтая: материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 14 апреля 2016 года / Под ред. И.Р. Лазаренко. – Барнаул: АлтГПУ, 2016.

[4] Аткиссон А. Поверьте Кассандре. Как быть оптимистом в пессимистическом мире; пер. 2-го англ. изд. В.В. Дедюхина; под ред. Н.П.Тарасовой. – М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2012. – 264 с.

Философские картины мира и, соответственно, мировоззрения у всех этих активных групп людей принципиально различны и по этой причине самоценны и устойчивы. Возникает трудно разрешимая проблема: как совместить несовместимое, как побудить сторонников разных картин мира и мировоззрений искать и находить пространства согласия для того, чтобы действенная стратегия развития была исполнена и достигла желаемого результата. Стратегия, в конечном счете, должна быть стратегией, т.е. долговременной программой деятельности с возможными творческими изменениями в тактике достижения поставленной стратегической цели.

Поиски процедур согласия

Избежать непрерывной мировоззренческой борьбы «добра» и «зла» можно несколькими способами.

Первый наиболее применяемый в реальной российской практике: сохранить в стратегиях развития только экономические цели и задачи, представив желаемые социальные и гуманитарные ожидания в самом общем приемлемом для различных групп виде. По многим причинам эта технология исчерпала себя, и новые стратегии неизбежно двигаются к своим новым форматам, заметное место в которых начинают занимать индексы человеческого развития. Однако этот путь неизбежно порождает новые риски мировоззренческих войн с неизбежностью переходящих в политические. Разработка востребованных временем стратегий в этом случае становится уделом политики и может легко заходить в тупик, что собственно говоря, и наблюдается в последние годы в России.

Второй путь состоит в создании новых коммуникативных технологий подготовки планов будущего. Главное в них: как создать пространства согласия разных точек зрения на обновление страны в исторически сжатые сроки (например, за 15 лет, до 2030 года, как заявлено авторами нового проекта стратегии развития России).

Важно при этом отметить, что главными действующими лицами изменений по сути своих картин мира и мировоззрений являются предприимчивые новаторы-индивидуалисты и активные сторонники компромиссов и переговоров всех со всеми. Люди, бьющие всегда и везде тревогу об опасностях перемен, являются в этом подходе не противниками как прежде, а важнейшим звеном принятия ответственных решений. Данная триада поиска, критического анализа и принятия стратегического решения как о судьбе страны, так и судьбе её конкретного региона должна стать новым механизмом систем управления. Для повышения уровня доверия и готовности к взаимодействию необходимо, чтобы сильные и слабые стороны каждого из конкурирующих между собой участников диалога и спора о приоритете именно его картины мира и именно его стратегии действий должны быть хорошо известны всем. Фактически речь идет о создании иной чем раньше технологии согласования приоритетных целей и задач развития страны на фоне как реальных угроз, так и реально возможных выигрышей. Неизбежное включение в стратегии развития гуманитарных целей обязывает вводить в их разработку и необходимые цели преодоления дефицитов развития современного российского общества, например, устранения низкого уровня доверия между людьми[1], так и наращивание востребованного временем человеческого (в психологическом смысле) капитала[2], и остающегося пока в тени культурного капитала (привычки, традиции, ценности), с необходимыми для модернизации культурными основами[3]. Фактически, речь может идти о некой совокупности стратегий развития страны, объединенных взаимосогласованной системой стратегических приоритетов развития, направленных на реализацию солидарного проекта будущего.

Очевидно, что эти приоритеты должны стать неотъемлемой частью современного образования, поскольку знания о технологиях принятия современных управленческих решений являются важнейшим дефицитом образовательных программ подготовки новых поколений специалистов в различных областях деятельности[4]. Своевременная и профессиональная подготовка критической массы «воспитанных для успешной жизни» в Новом мире людей с разным типом мышления и картиной мира становится важнейшей геополитической и стратегической задачей любого современного развивающегося государства[5]. Наличие достаточно большого числа таких людей позволит реально использовать их знания, способности и творчество для разработок реалистичных и позитивных стратегий развития сейчас и в новом, приносящем большие неожиданности, будущем.

В настоящее время людям разных взглядов необходимо сделать первые совместные шаги к иному формату и видению стратегий развития страны, мира и человека.

---

[1] Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 564 с.

[2] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: учеб. Пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006. – 512 с.

[3] Кувшинова О. В России начинается когнитивный диссонанс // Ведомости. 2016. – № 4092, 9 июня.

[4] Москвич Ю.Н., В.С. Диев В.С.. Образование на пути к новым берегам: поиск ответа на глобальные вызовы. // Вестник КГПУ имени В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – № 2(24). – С.14–24.

[5] Москвич Ю.Н. Образование и воспитание в постиндустриальном мире: трудный путь к новой реальности // Культура и этика нового мира / Отв. ред. Ю.Н. Москвич [Серия: Библиотека актуальной философии], Вып. 6. – Красноярск: Литера-принт, 2009. – 286 с. – www.dialog21.ru; Москвич Ю.Н. Образование и меняющиеся картины мира: поиск пространств согласия ради будущего // Образование и социализация личности в современном обществе: материалы X Международной научной конференции «Образование и социализация личности в современном обществе» / Ред. кол. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – 548 с.

Новиков А.И.
д.э.н., профессор, в.н.с. Владимирского филиала РАНХиГС

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *демодернизация, единение народа, обновление России, реиндустриализация.*
Keywords: *de-modernization, national unity, update Russia, reindustrialization.*

Признавая позитивные процессы в сфере внешней политики России, мы отмечаем проблемы внутреннего характера. Участники Московского экономического форума и Санкт-Петербургского экономического конгресса (март 2016) констатировали, что реформирование экономики в России привело к целому ряду негативных последствий. В чем это проявилось?

Участники Московского экономического форума (2016) констатировали, что мир находится в зоне турбулентности. Глобальные изменения климата вызывают стихийные бедствия и неурожаи, экологические проблемы делают менее доступной здоровую пищу. Усиление террористической угрозы лишило безопасности все части мира, неконтролируемая миграция становится проблемой для большинства стран, безработица нарастает несмотря на нехватку квалифицированных кадров, общемировые и региональные кризисы влияют на экономики все сильнее. В мире нет адекватного решения этих проблем, а страны выбирают путь противостояния вместо сплочения.

Процессы, происходящие в экономике России за последние 25 лет под лозунгами реформирования и повышения эффективности, привели к целому ряду негативных последствий. Наиболее существенные из них, по мнению Г. Клейнера, следующие: [1, с. 34].

1. *Деиндустриализация* – радикальное сокращение объема и уровня обрабатывающей промышленности. В отношении этого можно привести с десяток примеров закрытия некогда передовых предприятий этой сферы как в стране, так и в мире. Эти процессы затронули не только машиностроение, но и электронную, химическую и другие виды промышленности.

– *Десайентизация и деструктуризация* – разнаучивание, разрушение единой структуры науки и производства. Значительная часть проектно-конструкторских бюро заводов и фабрик, а также научных учреждений и организаций уже прекратила свое существование, а их помещения и лабораторные корпуса переданы в аренду коммерческим структурам. Примером может служить уникальное производство станков для тяжелой промышленности «Завод тяжелого станкостроения» в г. Иваново. Поэтому в программах возрождения конкурентной промышленности следует предусматривать возобновление, особенно в машиностроительном комплексе, необходимых технологических и проектно-конструкторских разработок, без чего невозможно добиться конкурентоспособности отрасли.

– *Деинституализация* – разрушение системы институтов, обеспечивающих функционирование промышленного сектора экономики. На примере Владимирской области – это отраслевые научно-исследовательские институты в различных отраслях народного хозяйства, например, институты двойного назначения вроде ОКБ «Радуга», институты в сфере тракторного машиностроения, двигателестроения, химической промышленности (ВНИИСИМС) и т.д.

Безусловно, все эти процессы самым негативным образом отразились на развитии народно-хозяйственного комплекса как страны, так и отдельных регионов. Перестройка экономики – экстремальный режим ее функционирования, характеризующийся резкой сменой складывающихся годами устоявшихся связей и взаимоотношений. Переход от одной экономической системы к другой предполагает изменение структуры того, что умирает и рождается вновь. Рассмотрим более подробно процессы деиндустриализации. По нашему мнению, произошли следующие процессы:

а) *дезорганизация процесса производства*. Дезорганизация производства – это отсутствие жесткого менеджмента, что неминуемо ведет к экономическому упадку. Изучение современного мирового опыта однозначно свидетельствует, что ни одна экономически развитая страна мира конца XX – начала XXI в. не имеет модели стихийной рыночной экономики. Система рыночных отношений должна находиться под непосредственным влиянием государственной экономической политики и чувствительных регуляторов действия макро- и микроэкономических структур;

б*) деградация технологий*. В подтверждение этого можно привести вопиющий пример, когда в России отказались от обработки земли тракторами и иными средствами механизации и перешли на обработку лопатами;

в) *деквалификация труда и деградация рабочей силы.* Производительность промышленного и аграрного труда в России сократилась по сравнению с советским периодом, по данным В. Симчеры, в 2 раза. [2, с. 35];

г) *декомпилирование* – упрощение продукта производства. В условиях разрушительной инфляции были сокращены высокотехнологичные рабочие места. Уникальные станки с числовым программным управлением или модернизированные ткацкие станки (на Ивановской ткацкой фабрике «Восьмое марта», на Струнинской фабрике Владимирской области «5-й Октябрь») оказались не востребованными и по цене металлолома продавались в Среднюю Азию.

д) мы наблюдаем сочетание *деинтеграционных и дезинтеграционных* процессов. Дезинтеграция охватила почти всю экономику страны.

Выйти из этого трудного экономического положения в очередные фазы цикла в условиях депрессии экономики или остановки устарелого товаропроизводства, острой нехватки фондов накопления и потребления с соответствующим замораживанием инвестиционной и инновационной деятельности будет делом архисложным. Мы стали свидетелями противофаз: весь мир развивается в условиях углубления разделения труда на базе интеграционных процессов, а в республиках бывшего СССР проявилась прямо противоположная тенденция – взрывная дезинтеграция их экономик.

Относительно процессов дезинтеграции Доминик Стросс Кан – (бывший директор-распорядитель МВФ) на Московском экономическом форуме (2016 г.) отметил, что западные советники и эксперты, к сожалению, подтолкнули постсоциалистические страны рецептами «невмешательства» к анархическим реформам и экономическому упадку. Они игнорировали тот факт, что экономическая победа в войне систем была достигнута «смешанными экономиками», в которых государство играет существенную и даже решающую роль. С этими выводами ученого и политического деятеля нельзя не согласиться.

В 1996 г. вышел фундаментальный научный труд «Реформы глазами американских и российских ученых» (вышедший под общей редакцией академика О.Т. Богомолова), в котором приняли участие всемирно известные американские ученые, в том числе пять лауреатов Нобелевской премии (Кеннет Дж. Эрроу, Лоуренс Р. Клейн, В. В. Леонтьев, Дуглас С. Норт, Джеймс Тобин), а также группа выдающихся ученых-экономистов Российской академии наук. Они отметили неоправданно высокие негативные последствия постсоциалистической трансформации в России на основе принципов радикально-либерального реформирования.

После присоединения Крыма в 2014 г., с одной стороны, у России появились дополнительные социальные обязательств перед населением полуострова, с другой, – против России были выдвинуты экономические санкции. Данные события, в сочетании с падением цен на нефть, породили в России экономический кризис. Учитывая, что кризис 2014–2016 гг. в России приобрел угрожающий характер, проблемы экономической стабилизации и оживления имеют первоочередное стратегическое значение. Обостряются дефициты государственного бюджета и платежного баланса. Резко сокращена инвестиционная и инновационная деятельность в развитии производства и внутреннего рынка. Падение платежеспособного спроса потребителей становится все более острым.

Одновременно в России в системе общественных отношений произошли положительные изменения, а именно – наметилась духовная консолидация народа. Если до перестройки Советский Союз как государство представлял собой самостоятельную цивилизацию, то и Россия в последние годы стала восприниматься как особая цивилизация.

Сегодняшнее стремление России занять достойное место в современном мире, выстроить новую модель государственности и международных отношений с опорой на мощный многовековой культурно-цивилизационный фундамент заставили современных политиков, исследователей и публицистов вернуться к теме патриотизма. То есть речь идет, во-первых, о заключении политического соглашения, во-вторых, о формировании новой социально-экономической платформы.

Учитывая, что в стране активизируется процесс пространственно-временной консолидации, мы считаем, что с точки зрения государственно-патриотической идеологии должны найти свое место процессы пробуждения национального самолюбия, национальной воли, национального достоинства.

Базисом новой модели государственно-патриотической идеологии можно признать следующие тезисы: а) любовь к Родине, своему народу, его традициям; б) Родина начинается с каждого конкретного человека. В связи с такой постановкой можно выдвинуть концепцию объединительной идеи – *«новый образ России».*

Формирование новой социально-экономической платформы связано с решением следующих задач:

1. Требуется выработать новый образ России. Сейчас государству предстоит четко определиться, к какому типу рыночной экономики мы стремимся. Как уже отмечалось, понятие «рыночная экономика» весьма расплывчато и не отражает качественных особенностей того или иного социально-экономического и государственного строя. Однако без рынка, без сбыта готового товара, возмещения его стоимости (совокупных затрат и прибыли), покупки нужных производственных ресурсов не могут вообще происходить непрерывные воспроизводственные циклы, общий экономический оборот и развитие. Безальтернативность рыночных отношений с этой точки зрения очевидна.

Торговля свойственна любому обществу. Даже деформированная система социализма не могла существовать без рынка, несмотря на попытки его искусственного свертывания силой административной власти.

Модели «рыночной экономики» в современном мире достаточно разнообразны. Скажем, во французской модели очень большую роль в управлении экономикой, включая производство и перераспределение ВНП, играет государство. В шведской, наоборот, минимально влияние государства в сфере производства, но огромно – в сфере перераспределения доходов, имеющего по-настоящему социалистический характер. Япония отличается многовековыми традициями совместной групповой деятельности с высокой степенью организации и дисциплины в каждом коллективе. Американская модель, внешне наиболее либерализованная, характеризуется могущественным государственным влиянием не только на внутреннюю, но и на мировую экономику, оссуществляемым при помощи валютно-финансовых и банковско-кредитных регуляторов.

По убеждению многих участников Московского и Санкт-Петербургского экономических форумов 2016 г. продолжение политики либерализации российской экономики «обрекает Россию на долгие годы прозябания в условиях хаоса и внутренней нестабильности». Не случайно, заседание экономического Совета при Президенте РФ в мае 2016 г. в научных кругах связывалось с большими ожиданиями. Однако после издания Указа Президента «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» от 30.06.2016 №306 стало ясно, что и в этот раз победило либеральное крыло Правительства.

2. Мы глубоко убеждены, что в настоящее время складываются благоприятные условия для формирования системы мер стратегического характера, направленных на противодействие негативным процессам и активизацию следующих процессов:

а) *реиндустриализация*. Ее необходимость признается С. Глазьевым, С. Бодруновым [3, 4], отдельные фрагменты этого процесса нашли отражение и в наших работах [5].

Формирование высокоразвитой и высокоорганизованной современной реиндустриальной экономики требует соответственно высших форм и отношений собственности, систем хозяйствования новейшего типа, устанавливающихся в ходе последовательного эволюционного развития, создания разветвленной инфраструктуры, основанной на новейших технологических и организационно-управленческих разработках.

Модернизация действующих и создание качественно новых производств, осуществляющиеся на базе и в меру реальных накоплений и инвестиций, требуют введения жесткого менеджмента. Как правило, экономического выигрыша в конкуренции товаропроизводителей достигает тот, кто способен обеспечить больший объем прибыли не за счет искусственного вздувания цен, как поступают естественные монополии в России, а, наоборот, благодаря выпуску массы более дешевых и более качественных товаров и услуг, продаже их наиболее широкому кругу потребителей.

б) реструктуризация. Требуется структурная перестройка экономики на новейшей основе, которая должна, по нашему мнению, начинаться немедленно.

Во-первых, это связано с инвестиционными и инновационными возможностями государства и предпринимательских структур, степенью их мотивации и активности в радикальных преобразованиях – экономических, структурных, экологических и технологических.

Во-вторых, должна быть обеспечена всесторонняя поддержка формирования активной рыночной среды, приоритетных сфер экономической деятельности, системы социальной защиты и развития высоких духовных качеств человека.

В-третьих, требуется вхождение в экономически выгодные интеграционные и кооперационные связи, поиск надежных инвесторов.

в) реорганизация процесса производства. Структурная перестройка народного хозяйства России ставит ряд принципиально новых требований.

Во-первых, необходимо ускорить запуск остановившихся во время обострения кризиса производств и осуществить конверсию оборонных отраслей, предприятий и объединений, их переориентацию на создание и приобретение новейших технологий для переоснащения производства продукции под запросы внутренних и внешних рынков, а также организовать непосредственный выпуск высокотехнологичных товаров, особенно когда это возможно без коренной капиталоемкой модернизации. Именно предприятия и объединения оборонного комплекса призваны и могут поднять общий технологический уровень нашего производственного потенциала и производства до конкурентоспособного уровня на внешних рынках.

Во-вторых, по опыту многих высокоразвитых стран мира нужно провести диверсификацию капитала в больших промышленных объединениях и на предприятиях, преобразовав их в кластерные хозяйственные системы. Это, с одной стороны, повысит их экономическую устойчивость, несмотря на конъюнктурные колебания, а с другой – обеспечит более полное использование их ресурсного потенциала, уменьшит размеры безработицы, ибо рабочие и инженерно-технический персонал, высвобожденные из основного производства, могут быть востребованы в возрождающихся научных центрах.

В-третьих, государство через посредство своих правительственных структур может сглаживать и снимать противоречия и противоборства. Речь идет о сбалансированности добывающих и перерабатывающих отраслей, развитии энергетики с наращиванием производственных и социальных сфер, их инфраструктуры и т.д. Как показывает мировой опыт, открытая рыночная экономика на современном этапе ее развития не является стихийной, ее регулирует государство, используя рычаги финансово-кредитной и налоговой политики, политики инвестиций и цен, валютного и денежного регулирования, бюджетной и таможенной политики и других механизмов государственного воздействия.

г) ресайентизация. Предстоит трансформировать систему экономического и инженерно-технического образования, подготовку и переподготовку кадров для предпринимательской деятельности в принципиально новых условиях обостряющейся рыночной конкуренции. Весьма важно дать молодым специалистам профессиональные знания, научить умению принимать высокоэффективные хозяйственные решения и осуществлять конкретные действия по претворению их в жизнь. Речь идет об умении самостоятельно выбирать цели, методы и средства достижения высоких результатов хозяйствования.

д) реинституционализация – предполагает бесперебойное функционирование предприятий.

Известные ученые В.Л. Макаров и Г.Б. Клейнер, опираясь на исторический и современный опыт России и зарубежных стран, сделали попытку определить российскую модель демократического общества с интенсивным инвестированием в человеческий фактор в процессе общественной эволюции и повышения качества жизни [6].

Это предполагает, по нашему мнению, социокультурную модернизацию российского общества. В соответствии с методикой, принятой Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН, социальная модернизация отражается в росте производительности труда, в подъеме уровня жизни населения, в повышении уровня знаний, возможностей их производства и популяризации [7].

Особенности России как претендента на роль «государства-цивилизация» состоит в том, что в процессе развития осуществляются две различные стадии модернизации. Первичная модернизация соответствует индустриальному развитию общества, но на нее накладывается вторая или вторичная модернизация, присущая информационному или постиндустриальному обществу, основанному на современных наукоемких технологиях. Взаимосвязь этих стадий

получила название интегрированной модернизации. В соответствии с вышеприведенной методикой определение уровня первичной модернизации конкретного территориального образования (страны, региона) производится на основе 10 индикаторов, а показатели вторичной модернизации рассчитываются на основе 16 параметров.

Исследования, выполненные во Владимирском филиале РАНХиГС по Владимирской области в 2012 г. дали следующие результаты [8, С. 285-292]:

– индекс первичной модернизации – 95,5;
– индекс вторичной модернизации – 62,5;
– интегрированная модернизация – 76, в том числе:
– экономический индекс – 40,8;
– социальный индекс – 77,3;
– индекс знаний – 55;

Таким образом, в процесс подготовки и осуществления глобальных хозяйственных преобразований входят: во-первых, четкое научное обоснование стратегических целей, методов, средств и темпов реформирования; во-вторых, составление на этом основании конкретных задач по каждому направлению с обоснованием эффекта; в-третьих, разработка инженерных проектов с новейшими технологиями и технико-экономическими обоснованиями новых или модернизированных хозяйственных систем; в-четвертых, реализация проектов и введение объектов в эксплуатацию. Все это и составляет настоящую научную основу созидательных реформ.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России // Экономической возрождение России. – М., 2015. – .№ 4 (46). – С. 34–37.
2. Симчера В. Об эффективности использования национальных ресурсов // Общество и экономика. – М., 2003. – № 7–8.
3. Глазьев С.Ю. О политике развития российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2014. – Т. 18. – С. 165–211.
4. Бодрунов С. Реиндустриализация экономики как стратегический приоритет России // Экономика качества. 2014. – № 4.
5. Новиков А.И. Новый модерн в системе экономического и социального развития. Раздел монографии «Россия и современный мир – цивилизованные вызовы в условиях глобализации. – Новосибирск: Сибак, 2015. – С. 6–73.
6. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. – М.: Экономика, 2006.
7. Хэ Чуаньци. Введение // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Гл. ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011.
8. Плеханов Е.А. Состояние социокультурной модернизации во Владимирской области // Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: теория и практика реализации. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2012. – С. 285–292.

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики МГТУ
prof-orlov@mail.ru

ОСВОБОДИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ОТ ИЗВРАЩЕНИЙ

Ключевые слова: *управление хозяйством, экономическая теория, Аристотель, солидарная информационная экономика, информационные технологии, принятие решений.*

Keywords: *property management, the economic theory, Aristotle, solidary information economy, information technology, the decision theory.*

Согласно Российскому индексу научного цитирования, являюсь одним из наиболее цитируемых исследователей по тематике «Экономика. Экономические науки». Это дает мне моральное право высказать свою отрицательную оценку адекватности распространенных ошибочных взглядов о пользе т.н. «рыночной экономики». Для обеспечения успешного социального и экономического развития России необходимо освободить отечественную экономическую теорию от «рыночных» извращений, перейти к современным концепциям на основе информационно-коммуникационных технологий.

Однако сначала надо вернуться к истокам.

1. Аристотель – основоположник экономической теории

Весьма актуальны для современной экономической теории взгляды Аристотеля. Его размышления являются поразительно современными.

В книгах по истории экономической мысли обычно пишут так: «Первым, кто подверг анализу экономические явления и попытался выявить закономерности развития общества стал древнегреческий мыслитель Аристотель (384-322 г. до н.э. – согласно традиционной хронологии). Поэтому его можно с полным правом назвать первым экономистом в истории науки» [1].

Выделим обоснованные Аристотелем положения, на которых базируется экономическая теория.

Аристотель дал определение понятию «экономическая теория» (краткая форма – «экономика»). По Аристотелю «экономика» – наука о разумном ведении хозяйства. В современных терминах речь идет об организации производства и экономике предприятий, объединений организаций и предприятий, государственном и муниципальном управлении, поскольку Аристотель обсуждает управление хозяйствующими субъектами разного уровня – предприятие (сельскохозяйственное, производство в городе), город (полис), регион (сатрапия), государство [2].

Аристотель ввел специальный термин «хрематистика», под которой он понимал деятельность, направленную на приобретение выгоды, извлечение прибыли, на накопление богатства, в отличие от «экономики» – деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей, т.е. на производство и приобретение благ для дома и государства. Хрематистику как форму организации хозяйства Аристотель считал противоестественной. Его особое негодование вызывал процент, который он расценивал как самую противоестественную форму дохода.

В настоящее время хрематистика – это прежде всего деятельность банков, фондовых бирж и других структур, действующих по схеме «деньги – деньги», без производства товаров и услуг.

В последние столетия произведена подмена понятий – хрематистику с целью ее оправдания некоторые допущенные к преподаванию и законотворческой деятельности лица стали называть экономикой. Как в нормативно-правовых документах, так и в массовом сознании закрепилось положение о том, что цель коммерческого предприятия – извлечение прибыли, в то время как по Аристотелю его цель – удовлетворение потребностей людей.

Вслед за Аристотелем мы полагаем, что деятельность, направленная на извлечение прибыли, является противоестественной, вредной для общества. Экономическая деятельность всегда направлена на удовлетворение потребностей людей, в отличие от хрематистики.

Эффективному решению современных проблем государственной политики и управления предприятиями мешают широко распространенные неадекватные представления о рациональном ведении хозяйства. По оценке ведущего американского исследователя П. Друкера, 1873 г. – «конец эры либерализма – конец целого столетия, на протяжении которого политическим кредо была политика невмешательства в экономику» [3]. Но и сейчас, 150 лет спустя, архаичное представление о рациональности рыночных отношений, о «невидимой руке рынка» широко распространено в России и мешает инновационной модернизации систем управления. Это представление было внедрено в начале 90-х годов победителями в холодной войне с целью закрепить победу.

Анализируя природу денег, Аристотель настаивал на том, что деньги являются результатом соглашения между людьми и «в нашей власти сделать их неупотребительными»… Вслед за Аристотелем мы полагаем, что ведение хо-

зяйства вполне возможно без денег. Наш опыт работы в качестве руководителя (менеджера) в Группе авиакомпаний «Волга-Днепр» показал, что в управленческой деятельности решение финансовых вопросов составляет лишь небольшую часть.

Однако на период перехода от современности к будущему хозяйству использование денег целесообразно. Согласно Аристотелю, если деньги относятся к «экономике» – то это символ стоимости, обусловленный законом или обычаем, а если к «хрематистике» – то они выступают как реальный представитель неистинного богатства.

Необходимо освободить экономическую теорию от извращений хрематистики, развивать и излагать ее в соответствии с Аристотелем как науку о деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей. Современные термины «экономика предприятия и организация производства», «экономика, организация и управление предприятиями и отраслями», «менеджмент (т.е. управление людьми)» лучше соответствуют взглядам Аристотеля, чем рассуждения о макроэкономическом равновесии и финансовых рынках. Экономику в современном понимании следует рассматривать как раздел менеджмента. Однако номенклатура научных специальностей поставлена с ног на голову – менеджмент в ней лишь часть одной из экономических специальностей. При обучении бакалавров ситуация несколько лучше – есть направление «экономика» и есть направление «менеджмент», т.е. термины «экономика» и «менеджмент» являются равноправными.

Укажем на отдельные черты дальнейшего (после Аристотеля) развития представлений об экономике и хрематистике.

Френсис Бэкон предупреждал: «Противоестественно, чтобы деньги рождали деньги» [4, с.445]. Отметим: Ф. Бэкон против хрематистики, против процента.

Робинзон Крузо (согласно роману Дефо), попав на необитаемый остров, успешно организовал свое хозяйство. Для этого он разрабатывал методы организации производства, вел управленческий учет, прогнозировал и планировал. Вполне естественно, что Робинзон управлял своим предприятием без использования денег.

Жюль Верн в романе «Таинственный остров» рассказал о том, как успешно работали инженер С. Смит и его товарищи. Они вышли на современный им научно-технический уровень, не обращаясь к хрематистике, поскольку само понятие прибыли было их коммуне чуждо.

Генри Форд в книге «Моя жизнь. Мои достижения» [5] писал: «…Задача предприятия – производить для потребления, а не для наживы или спекуляции… Работу на общую пользу ставь выше выгоды…». Выделим мысль Форда: цель производства – удовлетворение потребностей, а не получение прибыли.

Совсем не случайно один из наиболее продуктивных и известных современных экономистов проф. В.Н. Лившиц присоединяется [6] к чеканным формулировкам Джона Мейнарда Кейнса: «Алчность – грех, давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна» [7, с. 67] (см. также рецензию [8] на замечательную по своей глубине и охвату книгу В.Н. Лившица [6]).

2. Основополагающее значение информационно-коммуникационных технологий в экономике

Какими интеллектуальными инструментами можно пользоваться, чтобы организовать производство, исходя из потребностей? Такие инструменты, позволяющие справиться со сложностью системы потребностей, появились сравнительно недавно.

Эффективные механизмы принятия и реализации экономических решений, очевидно, должны опираться на современные информационные технологии. База разработки таких технологий – кибернетика (вспомним работы Н. Винера, А.И. Берга, Н.Н. Моисеева, многих других).

В послевоенные годы в нашей стране, как и во всем мире, разрабатывались различные типы автоматизированных систем управления. Наиболее грандиозный проект – в начале 1960-х гг. В.М. Глушков предложил правительству СССР создать Общегосударственную автоматизированную систему управления экономикой страны (ОГАС), для чего, по его оценкам, требовалось как минимум 15–20 лет и 20 млрд. тогдашних рублей, однако выигрыш стоил того: ОГАС давала реальный шанс построить самую эффективную экономику в мире. В.М. Глушков писал [9]:

«Отныне только «безмашинных» усилий для управления мало. Первый информационный барьер или порог человечество смогло преодолеть потому, что изобрело товарно-денежные отношения и ступенчатую структуру управления. Электронно-вычислительная техника – вот современное изобретение, которое позволит перешагнуть через второй порог. Происходит исторический поворот по знаменитой спирали развития. Когда появится государственная автоматизированная система управления, мы будем легко охватывать единым взглядом всю экономику. На новом историческом этапе, с новой техникой, на новом возросшем уровне мы как бы «проплываем» над той точкой диалектической спирали, ниже которой, отделенный от нас тысячелетиями, остался лежать период, когда свое натуральное хозяйство человек без труда обозревал невооруженным глазом».

Своеобразная ОГАС, хотя и куда более скромная по масштабам, была введена на практике в другом уголке Земли – в Чили, во время президентства Сальвадора Альенде. Один из основоположников кибернетики Стаффорд Бир разработал автоматизированную систему управления национализированными предприятиями Чили. Проект получил название «Киберсин» [10]. Он представлял собой автоматизированную систему сбора и обработки информации, которая состояла из четырех основных компонент: «Кибернет» – система связи (на основе телексов), «Киберстрайд» – компьютерные программы, «Чико» – математическая модель чилийской экономики – и ситуационная комната, из которой велось управление (зал с экранами, на которых отображалось в виде графиков и схем состояние экономики Чили). Можно было управлять производством всей страны в реальном времени (каждым конкретным предприятием), сразу же видеть результаты принятых решений и при необходимости вносить поправки. Кроме того, в каждом насе-

ленном пункте создавались «опросные пункты», где производился автоматизированный опрос населения по поводу принимаемых мер. Эти центры были включены в систему «Киберсин», и правительство быстро узнавало реакцию населения на очередное нововведение. Разработки Бира дают прообразы (прототипы) для следующего этапа развития информационных систем управления предприятиями и их объединениями – интегрированными производственно-корпоративными структурами, а также регионами – муниципальными образованиями, субъектами федерации, Россией, международными объединениями, Землей в целом.

3. Солидарная информационная экономика – современная экономическая теория

Солидарная информационная экономика – новая экономическая теория, разработанная для замены устаревшей рыночной экономики (economics).

Перманентный отечественный и мировой экономический кризис выявил необходимость немедленной разработки новых организационно-экономических механизмов управления экономическими системами. Организация производства должна быть основана на адекватной экономической теории.

Мы знаем (обоснование дано в наших работах по солидарной информационной экономике), что этой теорией не может быть рыночная экономика (economics). Нужна другая теоретическая основа. По нашему мнению, следует исходить из солидарной информационной теории (вначале использовался термин «неформальная информационная экономика будущего») – новой базовой организационно-экономической теории, разрабатываемой в Научно-образовательном комплексе «Контроллинг и управленческие инновации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана в рамках научной школы МГТУ им. Н.Э. Баумана по экономике и организации производства.

Солидарная информационная экономика построена на основе экономики предприятия (инженерной экономики), теории управления (современного менеджмента, теории активных систем и принятия решений), современных информационных технологий.

Первая статья по этой новой организационно-экономической теории «Неформальная информационная экономика будущего» [11] появилась в Интернете 11 июня 2007 г.[1] По солидарной информационной экономике изданы десятки материалов конференций, статей в научных журналах. В теме «Публикации по солидарной информационной экономике (неформальной информационной экономике будущего)» дана информация о 44 публикациях – статьях и тезисах[2].

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии бурно развиваются. Многочисленные работы посвящены конкретным проблемам развития информационных технологий управления. Вопросам информационного обеспечения солидарной информационной экономики посвящены разработки коллектива молодых исследователей, выпустивших специальный номер журнала «Великое кольцо» [15]. В названии журнала подчеркивается связь с идеями И.А. Ефремова [16]. В частности, один из основных авторов журнала И. Герасимов считает, что информационные технологии управления уже на сегодняшнем этапе позволяют разработать и внедрять интегрированные информационно-управляющие системы, предназначенные для координации людей, ресурсов, потребностей, предложений; объединения в рабочие группы по реализации экономических проектов; установления прямых связей между производителями и потребителями; оптимальной координации инициатив и проектов в масштабе всего общества. К конкретным функциям в рамках экономического блока можно отнести: учет и распределение ресурсов, обмен экономическим опытом и технологиями, выявление потребностей населения в товарах и услугах, формирование коллективов новых хозяйствующих субъектов, аккумулирование и распределение инвестиций, координацию действий трудовых коллективов, публичную оценку потребителями работы хозяйствующих субъектов, ведение публичного диалога между потребителями и производителями товаров и услуг, публикацию жалоб добросовестных хозяйствующих субъектов на деструктивные действия официальных и неофициальных паразитических структур, выработку схем оптимального ресурсообмена и планов экономического развития [17].

Новым по сравнению с временами В.М. Глушкова и С. Бира является широкое распространение сетевых технологий, позволяющее аппаратно реализовать право граждан на участие в принятии касающихся их решений. Не менее важным, чем участие в экономической жизни, является наделение всех граждан возможностями по непосредственному участию в политическом управлении обществом. Это, в частности, формирование общественных советов и рабочих групп по коллективному изучению и решению тех или иных социальных проблем, оценка качества работы должностных лиц, разработка, обсуждение и оценка нормативных документов, выдвижение собственных предложений и доведение их до управленческих структур, организация публичного диалога между административными органами и населением, обсуждение кандидатов на выборные должности, публикация сведений о характеризующих личность граждан совершенных ими социально значимых действиях, мобилизация населения на акции прямого гражданского волеизъявления… Качественно новым уровнем по сравнению с разрозненными сайтами фирм и административных учреждений должны стать интегрированные порталы целых секторов экономики и территорий. Эти порталы должны обладать выраженной обратной связью, формироваться по единым стандартам, подчиняться принципу «открытой архитектуры», быть соединенными между собой каналами регулярного обмена данными и находиться под контролем формируемых населением общественных советов различных уровней.

---

[1] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=570. Этот пост начинает тему, которая с ноября 2012 г. называется «Солидарная информационная экономика» и включает 137 материалов (на 16.07.2016), собравших 109,5 тыс. просмотров.

[2] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=951. Отметим недавние статьи [12–14].

Оставшиеся с прошлых веков привычные принципы управления как экономикой, так и государством входят во все большее противоречие с возможностями в сфере технологий управления, предоставляемые прогрессом информационных технологий. Падает роль представительной демократии, при которой подавляющее большинство граждан делегируют полномочия по принятию решений специалистам-депутатам. Возрастает роль неформальной, «роевой» деятельности, как противовеса иерархическим структурам. На основе современных информационных технологий и методов разработки и принятия управленческих решений возникла возможность и необходимость реализации идеи В.М. Глушкова и Ст. Бира.

В перспективе путем предварительного обсуждения и планирования можно будет снять проблему нерационального производства товаров и услуг. Управление организацией предполагает необходимость плана. Делегирование полномочий не отменяет централизацию принятия решений. Отметим, что в рамках плановой системы можно смоделировать любые рыночные отношения, а потому плановое хозяйство заведомо не менее эффективно, чем рыночное. Основная критика плановой системы в масштабах государства базировалась на невозможности произвести необходимое количество вычислений, в результате плановые решения запаздывали и не могли охватить необходимую номенклатуру товаров и услуг. Как показали шотландские экономисты В. Пол Кокшотт и Аллин Ф. Коттрелл [18, 19], современные информационные технологии снимают эти проблемы. Отметим, что с плановым подходом несовместимо перевыполнение плана, планирование от достигнутого.

Прогнозы развития информационно-коммуникационных технологий [20, 21] позволяют обосновать дальнейший рост значения таких технологий в управлении экономическими процессами и организации производства. Следовательно, информационная экономика в целом и солидарная информационная экономика прежде всего адекватны состоянию современного и будущего народного хозяйства.

3. Роль теории принятия решений и экспертных технологий в солидарной информационной экономике

Среди составляющих солидарной информационной экономики есть одна, требующая дальнейшей теоретической проработки. Это – выявление потребностей и стратегическое планирование, если короче – целеполагание. Потребности можно (частично) упорядочить от самых необходимых до желательных в мечтах, но не являющихся необходимыми.

Полезен классический научный результат – пирамида иерархии человеческих потребностей по Маслоу (см., например, [22]). Согласно нему иерархия человеческих потребностей (пирамида) состоит из семи уровней:

1) физиологические потребности (пища, вода, сон, половое влечение и т.п.);

2) потребность в безопасности (стабильность, порядок, зависимость, защита, свобода от страха, тревоги и хаоса);

3) потребность в любви и принадлежности к общности (семья, дружба, свой круг);

4) потребность в уважении и признании (компетентность, достижение успеха, одобрение, признание, репутация, статус, слава);

5) познавательные способности (знать, уметь, понимать, исследовать);

6) эстетические потребности (гармония, порядок, красота);

7) потребность в самоактуализации (реализация своих целей, способностей, развитие собственной личности).

Обычно именно в такой последовательности человек удовлетворяет свои потребности. Пирамида иерархии человеческих потребностей по А. Маслоу постепенно демонтируется в условиях глубокого кризиса и состояния войны.

Только первые два уровня пирамиды Маслоу связаны преимущественно с материальными (физическими) потребностями, остальные естественно назвать моральными (духовными) потребностями. Управление хозяйством, следовательно, должно обеспечить удовлетворение потребностей всех уровней и видов. В настоящее время разработаны технологии для удовлетворения материальных потребностей, а для духовных потребностей таких общеизвестных технологий нет. Например, достаточно ясно, как выявить потребности в пище (с учетом как достижений науки о питании, так и субъективных вкусов и предпочтений) и как подойти к удовлетворению этих потребностей. Как зафиксировать эстетические потребности, не вполне ясно (например, сколько нужно театров на каждую тысячу человек).

Общепризнанно, что при принятии управленческих решений необходимо учитывать не только экономические, но и технологические, социальные, экологические, политические факторы [23]. Экономика в целом – служанка общества, выполняет его требования [24]. Цели общества первичны, экономические механизмы вторичны, предназначены для реализации потребностей общества [25]. Несмотря на очевидность сказанного, иногда пытаются экономические факторы считать основными, например, ставить во главу угла прибыль (обычно не уточняя, какой именно тип прибыли из многих [26] имеется в виду).

Цели общества определяются потребностями общества. Исходим из того, что эти потребности могут быть сформулированы и согласованы обществом. Из множества индивидуальных и групповых предложений в результате обсуждений и компромиссов могут быть выявлены потребности общества в целом. Для малой группы (семьи, клана) выявление общих потребностей миллиарды раз осуществлялось в истории человечества. По мере роста масштаба человеческой общности применялись различные варианты агрегирования потребностей – сходка общины, новгородское вече [27], власть самодержца, представительная демократия, использование государственных органов. Решение общегосударственных задач должно сочетаться с обеспечением прав и свобод отдельных граждан и групп. Однако до недавнего времени не было видно путей решения основной проблемы – учета и согласования мнений всех заинтересованных лиц из-за большого их числа. Развитие информационных технологий позволяет использовать необходимые вычислительные ресурсы. Теория и практика разработки и принятия управленческих решений, в частности, методы

экспертных оценок, дают возможность разработать эффективные справедливые процедуры выявления общественных потребностей.

Стихийное развитие идет именно в этом направлении, особенно если рассматривать его в масштабе столетий. Значит, нужны работы (к ним относится и наша), нацеленные на прогнозирование развития методов принятия решений в больших системах. О масштабе необходимых управленческих инноваций говорит то, что в результате разработки методов выявления потребностей общества будет фактически устранено государство как посредник между физическими лицами и обществом – произойдет отмирание государства с заменой его на непосредственное народоправие.

При управлении хозяйственной системой (предприятием, корпорацией, государством) самое сложное – целеполагание. Какие потребности удовлетворять, другими словами, как сформулировать цель, поставить задачу оптимизации? Фантасты (как и футурологи, исследователи будущего, разработчики моделей развития человечества) предложили различные варианты решений. Например, И.А. Ефремов описал будущее общественное устройство, подобное структуре человеческого мозга: постоянно действующий форум со своими исследовательскими и координационно-ассоциативными центрами [16]. Спроектировать подобную систему разработки и принятия управленческих решений – задача современной теории принятия решений, интенсивно использующей информационные технологии.

Если цель поставлена, то для ее достижения можно и нужно разработать оптимальный план (в натуральных единицах измерения) и отследить его выполнение. Методологически это более простая задача, чем выявление потребностей. Но и здесь до недавнего времени не хватало вычислительных мощностей. К настоящему времени составление оптимального плана производства и распределения продукции и услуг в масштабах Земли в целом – вполне решаемая задача, как показывает теория [18, 19] и опыт крупных транснациональных компаний.

Необходимы развернутые научные исследования. Например, от использования разовых экспертных исследований целесообразно переходить к постоянно действующим сетям экспертов. От ряда распространенных предрассудков придется отказаться. Речь идет о троянских технологиях обучения и многообразных экономических догмах массового сознания [28], о других предрассудках, обсуждаемых в наших публикациях по различным вопросам солидарной экономической экономики.

Список литературы

1. Агапова И.И. История экономической мысли. – М.: ЭКМОС, 1998. – 248 с.
2. Аристотель. Экономика. Кн. 1–3 // Вестник древней истории. 1969. – № 3. Перевод с древнегреческого и латыни Г. А. Тароняна. – http://ancientrome.ru/antlitr/aristot/index.htm
3. Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении: Пер. с англ. – М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 380 с.
4. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – 582 с.
5. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. – М.: Попурри, 2009. – 352 с.
6. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 640 с.
7. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков (1931) // Вопросы экономики. 2009. – № 6. – С. 60–69.
8. Орлов А.И. Как нам реорганизовать хозяйство России? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2015. – № 19 (304). – С. 51-60.
9. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. – М.: Статистика, 1975. – 160 с.
10. Бир Ст. Мозг фирмы. – М.: Радио и связь, 1993. – 416 с.
11. Орлов А.И. Неформальная информационная экономика будущего // Неформальные институты в современной экономике России: Материалы Третьих Друкеровских чтений. – М.: Доброе слово: ИПУ РАН, 2007. – С.72-87.
12. Орлов А.И. Роль солидарной информационной экономики в модернизации России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 1. – С. 111–117.
13. Основные идеи солидарной информационной экономики – базовой организационно-экономической теории // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 112. – С. 52–77.
14. Орлов А.И. Функционалистско-органическая (солидарная) информационная экономика – экономика без рынка и денег // Biocosmology – neo-Aristotelism (Биокосмология – нео-Аристотелизм). Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2015. – Vol. 5, N 3-4. Summer/Autumn. – С. 339–359.
15. Великое кольцо. Журнал инновационного отдела при МГК СКМ РФ. Январь 2007. – № 1. – С. 1 – 24. – http://rusprogressivelib.files.wordpress.com/2009/11/vk1.pdf
16. Ефремов И.А. Туманность Андромеды. – М.: Эксмо, 2009. – 768 с.
17. Герасимов И. Интернет, Open Source и Открытое сетевое общество. 2008. – http://www.interface.ru/home.asp?artId=9835
18. Cockshott W. Paul and Cottrell Allin F. Information and Economics: A Critique of Hayek. November 1996. – http://ricardo.ecn.wfu.edu/~cottrell/socialism_book/hayek_critique.pdf
19. Кокшотт П. Расчёт в натуральной форме: от Нейрата до Канторовича. 15 мая 2008. Перевод С. Маркова под ред. С. Голикова и Д. Левыкина – http://ricardo.ecn.wfu.edu/~cottrell/socialism_book/hayek_critique.pdf
20. Орлов А.И. Прогноз развития информационно-коммуникационных технологий // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 116. – С. 435–461.
21. Орлов А.И. Профессиональные стандарты, информационно-коммуникационные технологии и управление в ракетно-космической промышленности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 118. – С. 305–332.
22. Орлов А.И., Федосеев В.Н. Менеджмент в техносфере. Учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2003. – 384 с.
23. Орлов А.И. Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. — 475 с.
24. Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование, эконометрика и статистика в техническом университете // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Естественные науки». – М., 2012. – № 1. – С. 106–118.

25. Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование при решении задач управления хозяйственными единицами // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. – № 87. – С. 637–664.
26. Экономика предприятия: учебник / А.П. Аксенов, И.Э. Берзинь, Н.Ю. Иванова и др.; под ред. С.Г. Фалько. — М.: КНОРУС, 2011. — 352 с.
27. Хруцкий К.С., Карпов А.В. Новгородское вече – к вопросу об изменении методологии изучения ключевого для Российской истории феномена: альтернатива биокосмологического подхода // Biocosmology – neo-Aristotelism. Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2014. – Vol. 4, N 4. – P. 502-540.
28. Орлов А.И. Экономические догмы массового сознания. – http://orlovs.pp.ru/main.php#maindogm

Ройзенман Ф.М.[1]

ИННОВАЦИОННОЕ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ПУТЕМ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ – «СОЛИДАРИЗМ» (МОДЕЛЬ ФОРМАЦИИ И СТРАТЕГИИ ЕЁ ПОСТРОЕНИЯ)

Ключевые слова*: ускорение развития, системный кризис, общественно-экономические формации, модель будущей формации, стратегии построения формации.*

Keywords*: acceleration of development, systemic crisis, socioeconomic formation, model of the future formation, strategy of formation construction.*

Введение. В настоящее время совершенно очевидно, что частная (капиталистическая) и государственная (социалистическая) общественные системы являются не эффективными и требуется построение новой, более прогрессивной общественной формации.

Для разработки модели этой новой формации был использован открытый и опубликованный автором в 1975 году закон всеобщего ускорения развития в природе и обществе [1]. Согласно этому закону, каждый следующий цикл развития в определенное число раз короче предыдущего цикла: в планетарном (геологическом) развитии – в 1,3 раза, в биологическом развитии – в 2,3 раза и в общественное развитии – в 3,3 раза. Открытие автором закона всеобщего ускорения развития в природе и обществе зарегистрировано Международной комиссией по научным открытиям Европейской академии естественных наук (EANW, Ганновер, Германия) – диплом № 01-2015.

С использованием этого закона, при составлении статьи 1975 года был сделан расчетный прогноз о том, что самая массовая, в то время, в мире, по численности населения, социалистическая формация закончится в 1992–2002 годах. Когда этот прогноз подтвердился достаточно точно, по той же формуле был сделан и *опубликован в 2002 году следующий прогноз – о завершении формации развитых стран в 2015–2025 годах* [2]. Причина этого – в *глобализации*, при которой национальные правительства развитых стран потеряли возможности государственного регулирования частного бизнеса, который вывел свои предприятия в другие страны (Азии, Африки и др.). В результате этого произошел возврат к условиям раннего (дикого) капитализма, о которых писал К. Маркс: «*При 100% прибыли капитал становится агрессивным, а при 300% прибыли готов на любые преступления в мире, даже под страхом виселицы*». В настоящее время 147 Транснациональных компаний владеют 40% мировой собственности. По данным МВФ, ежегодная невыплата налогов Транснациональными компаниями составляет от 100 до 200 миллиардов долларов.

Начавшийся в 2008 году мировой кризис явился прологом к фундаментальному кризису смены общественно-экономических формаций, и этот кризис в настоящее время нарастает. За 4 дня (с 4 по 8 января 2016 года) индекс Dow Jones – основной показатель деловой активности в мире – рухнул более чем на 5% (EPA/JUSTIN LAN НЬЮЙОРК). Этот *обвал фондового рынка в США, как отметили эксперты, стал самым серьезным за 119 лет*, согласно статистике, которая ведется в *FactSet* с 1897 года. На крупной мировой Шанхайской фондовой бирже индекс *Shangai Composte* потерял 7,32%. Индекс *Shenzhen Component,* который является основным индикатором деловой активности на торговой площадке в Шеньчжене, упал на 8.35%. В результате этих падений индексов торги на китайских фондовых биржах были досрочно остановлены.

Как отмечают эксперты телекомпании CNN, *у предпринимателей, подобных миллиардеру Джоржу Соросу, это вызывает опасения повторения кризиса 2008 года. При этом Д. Сорос отметил, что, возможно, этот кризис будет страшнее кризиса 2008 года.*

Преодоление кризиса путем построения новой общественно-экономической формации. Для предотвращения катастрофической революционной смены формаций, как это было в буржуазную и социалистическую революциях, автором была *разработана и опубликована модель новой, грядущей в 2015–2025 годах общественно-экономической формации (названа – «солидаризм»), и разработаны стратегии планомерного и быстрого построения этой модели* [5].

Новая общественно-экономическая формация может получить преимущественное развитие, если она превосходит предыдущую формацию более высокими экономическими и социальными показателями, а также – успешным решением экологических и демографических проблем.

Особо следует отметить важную проблему – *обеспечение высокой нравственности людей.* Как отмечал великий мыслитель Густав Лебон: «*Величие народов зависит главным образом от уровня их нравственности*». Но обеспечение высокой нравственности – это очень сложная задача. Жизнь показывает, что от природы и воспитания полностью

[1] Ройзенман Феликс Моисеевич – д.г.-м.н., академик Российской и Европейской академий естественных наук, член Российского геологического общества, автор 200 публикаций, 4 изобретений, первооткрыватель 70-ти месторождений 18-ти полезных ископаемых (металлических, неметаллических и жидких). E-mail: feliksmr@gmail.com

нравственными людьми являются 5-10% населения. Абсолютно безнравственными – тоже 5–10% людей. Остальные 80–90% будут поступать в зависимости от условий, в которые их поставили. Так, в средние века, во время «охоты на ведьм» священники установили, что доносчик на «ведьму» получит её имущество. В результате доносов погибли 100 000 ни в чем не повинных женщин (для средних веков – огромное количество!). Потом доносы стали не выгодными, и прекратились. Точно также, в 1937 году власти СССР сделали выгодными доносы на «врагов народа». От эгоистических доносов пострадали – миллионы ни в чем не повинных людей. Потом доносительство перестали поощрять, и доносы резко сократились.

Таким образом, одной из основных задач будущей общественно-экономической формации, это *создать условия, чтобы быть нравственным человеку было выгодно, в том числе – материально*.

Модель новой общественно-экономической формации. *Разработанная модель новой общественно-экономической формации (названа «солидаризм») включает гармоничное сочетание государственной собственности в стратегических областях, частную собственность и самую массовую (более 70% работников) артельно-кооперативную систему (народных предприятий).*

Можно отметить следующие положительные примеры артельно-кооперативной системы.

Новая экономическая политика (НЭП) в России. На основе статьи Ленина «О кооперации» в 1923–1929 годах осуществлялась Новая экономическая политика. К 1929 году кооперацией было охвачено 28 млн. крестьян. На долю кооперативов приходилось 50% сельскохозяйственной продукции и 70% сельскохозяйственного машиностроения. Количество кооперативов в Советской России (29 000) превышало их суммарное количество в мире. Фундаментальные успехи НЭПа были признаны во всем мире, и введенный в Советской России золотой червонец был сразу признан в мире как сильная валюта. Но в 1929 году НЭП, по политическим мотивам, был Сталиным И.В. ликвидирован, после чего начался голод, от которого умерли более 4-х миллионов человек.

Старательские артели в СССР и России. Организованная Вадимом Тумановым в 1956 году старательская отрасль добыла 5000 тонн золота. Производительность труда в старательских артелях была выше в 5–6 и более раз, чем на государственных предприятиях. Как было отмечено Тумановым В.И, *человек нравственно очень положительно менялся при работе в артели.* Старательские артели Туманова В.И. показали также огромное преимущество (по качеству и производительности) при строительстве автомобильных дорог. Так, взяв подряд на строительство 12 километров Московской кольцевой автомобильной дороги (МКАД), артельщики выполнили эту работу, запроектированную *на один год* государственной автомобильной организацией, *за 28 дней*, при очень высоком качестве автодороги.

Союз собственников-совладельцев «Шукты» (Дагестан). Организованный в 1985 году Магомедом Чартаевым, на месте колхоза, Союз «Шукты» построен по принципам: *«Каждый гражданин является собственником результата своего труда, совладельцем природных ресурсов по праву рождения и собственником своей доли в общественном капитале».* По данным М. Чартаева: «*Производительность труда у нас выросла в 64 раза..., поэтому уровень жизни в нашем союзе примерно на порядок выше, чем в среднем по стране ... Но главный результат – не доходы, не прибыль, а заинтересованность работников в результатах своего труда и успехах своего соседа… В нашем союзе рождаемость в 6 раз превышает смертность… Наш союз является большой, дружной семьей*». Следует отметить, что за 11 лет работы – в 1985–1996 годах, валовая продукция в «Шукты» увеличилась в 18 раз, урожайность с гектара – в 5 раз, поголовье скота – в 3 раза, материальные затраты на обслуживание транспорта уменьшились в 20 раз, численность управленцев уменьшилась в 8 раз.

Сельскохозяйственные кооперативы Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании обеспечивают более 90% продовольствия в своих странах. Показательно, что по данным ООН, по «*Индексу человеческого развития*» Норвегия занимает 1 место в мире, Дания – 10 место, Швеция – 12 место из 187 стран. Средняя зарплата в Норвегии (4600 долларов в месяц) – самая высокая в мире. ВВП на душу населения в Норвегии – 80 810 долларов – самый высокий в мире. В Норвегии образование и медицинское обслуживание – бесплатное и на очень высоком уровне.

Кооперативы в Германии (в энергетике, сельском хозяйстве, в банковской сфере, здравоохранении, торговле), объединенные в «*Свободный комитет кооперативных союзов*», включают 20 миллионов работников (25% от всей численности населения Германии). Пайщиками и клиентами этих организаций являются 80% фермеров, 60% ремесленников, 75% торговых посредников. Обслуживаются они такими крупными банками, как Volksbank и Raiffeisenbank (существует с 1847 года).

Федерация кооперативов «Мондрагон» (Испания). Наиболее полные и успешные социально-экономические результаты достигнуты в крупной испанской федерации кооперативов «Мондрагон» (260 предприятий, 100 000 работников, годовой оборот 17 миллиардов евро). Федерация производит бытовые электроприборы (лидер в Испании), космическую технику, робототехнику, горные экскаваторы, дорогие автобусы и другую продукцию. В федерацию входят также банки и торговые фирмы, в том числе – 300 кооперативных супермаркетов.

Для расширенного воспроизводства был создан Предпринимательский отдел, который разбит на 7 подразделений: 1) Исследовательский центр – для изучения конъюнктуры рынка; 2) Промышленный отдел; 3) Сельскохозяйственный отдел; 4) Консалтинговый отдел; 5) Аудиторский отдел; 6) Информационный отдел; 7) Отдел городского строительства.

Банк Федерации (Народная Касса) вместе с кооперативами финансирует создание производственных предприятий, учебных и научно-исследовательских заведений, строительство домов для работников, детских домов.

В Федерации «Мондрагон» созданы научно-исследовательский и конструкторский институты, а также – два научных кооператива.

В Федерации – более 100 начальных школ, которыми руководят совместно учителя и родители. Также имеются 14 колледжей, из которых 4 – университетского уровня, специализирующиеся по инженерному образованию, по бизнесу, менеджменту, по социальным программам и педагогике.

Народная Касса финансирует обучение кооперативной молодежи в лучших университетах Европы. Научно-конструкторские институты Федерации обеспечивают повышение квалификации. Созданы курсы повышения квалификации.

Для решения социальных проблем в Федерации «Мондрагон» создан Социальный Совет. При Совете созданы самостоятельные страховые и пенсионные компании. В частности, решаются семейные проблемы. Так, для малолетних детей работников создана сеть детских садов. Также решаются проблемы по трудоустройству женщин, которых в Испании неохотно берут на работу частные предприятия. Так, созданы кооперативы по приготовлению пищи и по доставке ее на дом, в учреждения, в рестораны, детские сады, школы и др.

Очень важным показателем работы «Мондрагон» является то, что ***Федерация взяла на себя все социальные и образовательные функции***. Так, *Федерация строит комфортабельные дома для всех семей своих сотрудников, сама осуществляет пенсионное обеспечение своих работников, образование: от среднего – до университетского, медицинское обслуживание, работу детских учреждений.*

Как отметил известный журналист Вадим Белоцерковский: *«Мондрагон» это маленькое государство в государстве, мини-государство будущего».* Соотношение зарплат между руководством предприятий и рядовыми работниками, в среднем, 5 : 1, что в 10 раз меньше, чем на капиталистических предприятиях. Кроме зарплаты, работники получают свою долю от прибыли предприятия, которая зачисляется на их личные счета в банке Федерации. При выходе на пенсию работники получают со своего счета очень крупные суммы (иногда – миллионные).

В отличие от акционерных обществ, в которых фактическими хозяевами являются владельцы контрольных пакетов акций (обычно это частные инвесторы), *на предприятиях «Мондрагона» – полная демократия: один человек – один голос*, в том числе – при ежегодных выборах и перевыборах руководителя предприятия. При этом участие в выборах не только право работника, но и его обязанность. Важно отметить, что *в Федерации все инвестиции осуществляет свой банк, именно поэтому вся прибыль делится только между работниками Федерации*.

Главной причиной высокой конкурентоспособности «Мондрагон» является то, что *производительность труда на предприятиях Федерации на 15–25% выше, чем на частных предприятиях.* Это связано с тем, что *социально-экономическая система, организованная в Федерации «Мондрагон», создала необходимые благоприятные условия для того, чтобы быть нравственными, добросовестными и инициативными работникам было выгодно (в том числе – материально*).

В Федерации «Мондрагон» коррупция объективно отсутствует, в связи с отсутствием чиновников.

Важно отметить, что *Федерация «Мондрагон» получают значительную поддержку от Правительства Испании*. Так, в связи с тем, что все социальные функции Федерация осуществляет сама, *уровень налогообложения предприятий Федерации в 3,5 раза ниже, чем у коммерческих организаций*. Кроме того, *20% инвестиций в образование нового предприятия Федерации «Мондрагон» обеспечивает Правительство Испании из «Фонда борьбы с безработицей».*

Общее состояние кооперативного движения в современном мире. Кооперативы во всем мире создали более 100 млн. рабочих мест, но кооперативная система еще не стала доминирующей.

Для массового и эффективного развития кооперации необходима специальная законодательная и финансовая поддержка со стороны государства, как это было при НЭПе и как это осуществлено в Испании для Федерации кооперативов «Мондрагон».

О роли малого и среднего частного бизнеса. В настоящее время широко распространено ошибочное мнение о том, что выход из кризиса обеспечит массовый малый и средний *частный* бизнес. Но в действительности, как убедился автор, бывший в течение 40 лет организатором и руководителем государственных, кооперативных и частных (ЗАО и ООО) предприятий, для руководства даже малыми предприятиями требуется значительный комплекс знаний и умений: в экономике, финансах, законодательстве, в прогнозировании конъюнктуры своей продукции и в других сферах деятельности; также надо иметь способности руководить даже небольшим коллективом работников. Таким талантом, как показывает практика, обладают не более 10 процентов работников. Показательно, что в Германии, самой успешной стране в Европе, малыми и средними предпринимателями являются 10 процентов работников, в России – около 6% работников.

О роли акционирования работников. В качестве одного из способов создания у работников мотивации к повышению производительности труда, на некоторых частных предприятиях производится акционирование работников. Но обычно рядовые работники-акционеры являются бесправными, так как при голосовании на общем собрании предприятий решающий голос принадлежит тому, у кого имеется *контрольный пакет акций*, а это, как правило – частный инвестор или группа частных инвесторов. Поэтому при акционировании предприятий больше 60% акций должны принадлежать работникам предприятия.

О благоприятных условиях для построения самой прогрессивной формации «солидаризм» – в России. Согласно классической книге Густава Лебона «Психология народов и масс» (1895 г.), судьба народов в основном определяется их психологией. Эта психология формируется многими столетиями, и, сформировавшись, существует в народе также многими столетиями, несмотря на смены государственного устройства. Правда, как отмечал Г. Лебон, на короткое время (примерно на 20 лет) во время смены государственного устройства психология народа нарушается, но потом восстанавливается и существует еще многие столетия. И когда в России стала происходить «перестройка», стало заметно, что исторически известный, в мире, общинный характер русского народа нарушился (люди стали более

замкнутыми, менее общительными и доброжелательными). Но в последние несколько лет, по наблюдениям автора и многих других людей, стало отмечаться в России возвращение к общинной психологии. Это является важным положительным фактором для успешного построения в России новой общественно-экономической системы – «солидаризм», с ведущей ролью общественных, артельно-кооперативных, народных предприятий. Следует отметить, в двух крупнейших политических оппозиционных партиях (КПРФ и «Справедливая Россия»), получивших на выборах в Госдуму 2011 года 21.3 миллиона голосов и имеющих 32.4% мандатов в Госдуме, в последние годы создание массовых артельно-кооперативных, народных предприятий стало одним из важнейших принципов в программе работы этих партий. Также положительными факторами для построения новой социально-экономической системы – «солидаризм», являются интеллектуальные и природно-ресурсные преимущества России.

Возможные сроки построения новой общественной формации. Как показывает исторический опыт (выход США из Великой Депрессии, НЭП в Советской России, «Немецкое промышленное чудо» после 2-й мировой войны), при объединении усилий государственной власти и народа, построение новой, более прогрессивной общественно-экономической системы происходит за 6–7 лет.

Массовая информационная политика. Для построения новой формации необходима массовая информационная работа для ознакомления населения страны и государственного руководства с новой национальной идеей. Как отмечал К. Маркс: *Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами.*

В настоящее время такой национальной идеей России может стать построение новой социально-экономической системы – «солидаризм», с ведущей ролью артельно-кооперативных, народных предприятий.

Стратегии построения «солидаризма».

Экологическая стратегия основана на том, что как было установлено автором и Беловым С.В. (академиком РАЕН, лауреатом Государственной премии в области науки и техники), причиной увеличения количества и разрушительности природных катастроф является не техногенная деятельность человечества, как это установлено в международных протоколах: Киотском и Монреальском, а *ускорение и увеличение геологической активности земных недр*. Для спасения людей в опасных геологических зонах и для существенного снижения ущерба от природных катастроф автором разработаны специальные и эффективные мероприятия [3,6].

Минерально-сырьевая стратегия основана на разработанной автором принципиально новой методике высокоточного глубинного прогноза месторождений, что в 10 раз повышает эффективность горно-геологической отрасли. Использование этой методики прогноза привело к открытию руководимыми автором геологическими экспедициями в районах Якутии, Кольского полуострова, в Карелии и на Урале 70-ти месторождений 18-ти полезных ископаемых со стоимостью минерального сырья (в недрах) 30 миллиардов долларов, добыто полезных ископаемых на 3 миллиарда долларов [4].

Заключение. *Для предотвращения революционной смены общественно-экономических формаций и для выхода России на новый, прогрессивный социально-экономический уровень, необходимо построение системы новой общественно-экономической формации – «солидаризма», с гармоничным сочетанием государственной собственности в стратегических областях, частной собственности и самой массовой – артельно-кооперативной системы (народных предприятий). Исторический опыт показывает, что при объединении сил народа и государственной власти, на это потребуется 6 – 7 лет. И для достижения этого у России есть исторически сложившийся общинный менталитет народа и все необходимые природно-ресурсные и интеллектуальные основания.*

Список литературы

1. Ройзенман Ф.М. О некоторых особенностях развития в геологической форме движения // Изв. вузов. Геология и разведка. 1975. – № 1.
2. Ройзенман Ф.М. Мы живем в мире, где все ускоряется // Природно-ресурсные ведомости. 2002. – № 43–44.
3. Ройзенман Ф.М. Наша судьба – предопределение земных недр // Природно-ресурсные ведомости. 2003. – № 45–46.
4. Ройзенман Ф.М. Условия образования и количественный локальный прогноз месторождений. – М.: Щит-М, 2004.
5. Ройзенман Ф.М. Как без катастрофических революций перейти к новой общественной формации // Новая газета. – М., 2009. – № 4.
6. Ройзенман Ф.М., Белов С.В. Земля и человек: загадки и закономерности. – М.: Изд-во МЮИ, 2006.

Самостроенко Г.М.
д.э.н., профессор, Орловский государственный университет

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ КАК УСЛОВИЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *стратегия развития, консолидация общества.*
Keywords: *development's strategy, consolidation of society.*

Необходимым условием консолидации общества является наличие национальной идеи, которая должна быть отражена в отчетливо сформулированной цели развития страны. Без наличия продуктивной национальной идеи и внятной цели ее достижения надеяться на объединение различных слоев населения страны практически невозможно.

Средством достижения цели является стратегия, которую следует рассматривать в качестве достаточного условия консолидации общества. Без реальной стратегии цель недостижима в принципе. Поэтому стратегию развития страны с полным на то основанием можно считать достаточным условием консолидации общества.

Существует множество определений стратегии [1, с. 16–20]. Задаче консолидации общества, по нашему мнению, в наибольшей степени соответствует следующее определение: стратегия есть план, руководство, ориентир или направление развития, дорога из настоящего в будущее [1, с. 16]. Иными словами, стратегия предполагает формирование соответствующего плана, который будет положен в основу организации работы по достижению цели развития страны.

При этом стратегия как достаточное условие консолидации общества должна обеспечивать не просто работу, а соработничество различных слоев общества в процессе ее реализации. Именно совместная работа на пользу всей страны способствует объединению ее населения.

Для максимального использования потенциала стратегии развития страны в консолидации общества необходимо, прежде всего, опираться на не потерявшие актуальности ленинские принципы планирования. В соответствии с одним из них стратегия развития страны должна разрабатываться с расчетом на максимально отдаленный период. Горизонт, охватывающий значительный период времени, будет служить важной основой консолидации заинтересованных в обозначенной стратегии развитии страны слоев общества. К сожалению, этому требованию не соответствует ни «стратегия 2020», ни разрабатываемая в настоящее время стратегия до 2030 года. Достойным подражания примером реализации данного принципа может служить стратегия развития Токио, рассчитанная на 70 лет, или же 50-летняя стратегия развития Китая.

Второй из ленинских принципов требует, чтобы стратегический план был составлен в расчете на максимальный успех. Исторический опыт развития нашей страны свидетельствует, что именно серьезные задачи способствуют сплочению членов общества, кровно заинтересованных в судьбе и процветании Родины. К сожалению, трудно назвать консолидирующими общество планы, основанные не на определении вдохновляющих и мобилизующих перспектив развития, а на пассивном прогнозировании результатов воздействия факторов внешней среды.

Консолидировать общество стратегия развития страны будет способна в том случае, если каждый гражданин сможет увидеть в ней свое место, свое участие, свою перспективу. И чем больше стратегия развития будет учитывать интересы и запросы различных слоев общества, тем сильнее будет проявляться ее объединяющая сила. В этом отношении важно обеспечить участие широких слоев населения в обсуждении долгосрочной стратегии развития страны. Организация данного процесса – отдельный и достаточно сложный вопрос, однако давно известен консолидирующий результат как участия в разработке программы действий, так и последующая совместная работа по ее выполнению.

Чтобы реализовать консолидирующую роль стратегии развития страны среди различных слоев общества, объективно имеющих различный уровень подготовки и восприятия, целесообразно представлять ее в виде триады, включающей концепцию развития, макромодель развития, а также конкретизирующих ее стратегических программ [2]. Для улучшения восприятия стратегии развития среди различных слоев общества можно также представить ее в категориях жизненного цикла [3].

По нашему мнению, подобный подход к представлению стратегии поможет любому заинтересованному члену общества достаточно ясно понять перспективы развития страны, соотнести с ними свои замыслы и планы, а также сделать осознанный выбор в отношении собственных жизненных и трудовых планов. Можно полагать, что консолидация общества будет обеспечена в случае гармонизации стратегических замыслов и планов большинства его членов и стратегии развития страны в целом. Понятно, что желаемая гармонизация не сможет затронуть всех без исключения членов общества, что не лишает их права также сделать осознанный выбор в отношении собственных жизненных и трудовых планов.

Таким образом, стратегия развития страны по праву может рассматриваться в качестве мощного инструмента консолидации демократического и истинно свободного общества.

Список литературы

1. Минцберг,Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / Под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб: Питер, 2000. – 336 с.
2. Садков В.Г., Самостроенко Г.М. Концептуально-методические основы стратегического планирования и их воплощение в федеральном законодательстве // Системная модель российского общества XXI века и корректировка реформ: общество, которое мы выбираем. Материалы международной научной Интернет-конференции: ноябрь 2002 – апрель 2003 г. – Орел: ОрелГТУ, 2003. – С. 63–70.
3. Самостроенко Г.М. Жизненный цикл стратегии развития // Инновации. – СПб., 2002. – № 9–10. – С. 70–71.

Сараф М.Я.
д.филос.н., профессор Московского государственного института культуры
ssaraf@yandex.ru

СОХРАНЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *культурное пространство, нация, консолидация общества.*

Со времен формирования наций и национальных государств их культурные пространства постоянно укреплялись как в плане общей консолидации, так и в плане расширения (в виде анклавов, влияний и т.п.). Войны и социальные конфликты, конечно, влияли на этот процесс, но в принципе его не разрушали. Начало XXI века резко изменило ситуацию. Среди самых острых вызовов современности можно назвать угрозу распада культур и цивилизаций. До недавнего времени в свете экономических и военных угроз, безусловно сохраняющих свою актуальность, она была различима не столь ясно, хотя философия в лице О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Кассирера и др. давно обращала на нее серьезное внимание.

Выведение этой угрозы на первый план вызвано, во-первых, тем, что одной из общих тенденций глобализации является усиление роли транс- и наднациональных корпораций, объективно заинтересованных в ослаблении национальной государственности. Другое обстоятельство – это беспрецедентный подъем массовой эмиграции, вызвавший реальное беспокойство о целостности национальных культурных пространств. Это обстоятельство глубокого культурного кризиса Европы, многие века игравшей, пусть и не всеми признаваемую, роль цивилизационного лидера, что нашло выражение в укорененности идеологии европоцентризма. Одно из наименее ожидаемых выражений этого кризиса проявилось в существенном ослаблении той исторической формы социальной общности, создание которой было одним из самых значительных достижений цивилизационного процесса – нации и национального самосознания.

Существуют два различных подхода к определению понятия нации, Первый трактует ее как исторически сложившуюся государственно-гражданскую общность, как целостное социально-политическое образование, второй – как форму развитой этнической общности, обусловленную единой биологической, кровнородственной основой. И тот, и другой подходы имеют свои серьезные резоны, и в продолжающихся уже едва ли не полтора столетия дискуссиях ни один из них не уступил аргументам другого. Однако я полагаю, дело здесь отнюдь не в логических доводах и безупречности рационально-теоретических построений, а в интересах, которые могут или не могут быть достигнуты в конкретном историческом контексте определенными социальными группами при том или ином понимании нации.

Главными условиями формирования и жизни наций являются: общность территории, представляющая возможности для ведения общей хозяйственной деятельности; общая система коммуникаций, где первенствующую роль играет язык; и общее правовое пространство, обеспечивающее в принципе равные условия гражданам государства в их самодеятельности.

Если исходить из того, что основной характеристикой всякой социальной общности является ее способность к самовоспроизводству, а культура выступает как система воспроизводства человека и способ его бытия, то способ бытия нации, то есть способ ее исторического существования, собственного воспроизводства и развития есть национальная культура. Вся эта сфера охватывается содержанием понятия национального культурного пространства. Оно выражает сложную динамическую систему форм осуществления общественного воспроизводства, исторически сложившихся в определенных этнонациональных ареалах и в условиях национальной государственности, и является устойчивым образованием, которое формируется на основе условий и характера трудовой деятельности, проявляя себя в однотипных, или в близких типах способов отношения людей к природе, в образе жизни, в национальном характере, в национальном менталитете, в мировосприятии, в характере и способах освоения жизненного пространства.

Структура культурного пространства, если подходить схематически, определяется, прежде всего, такими инвариантными параметрами, как территориальная распространенность (которая, однако, не всегда совпадает с границами национального государства), содержание и способы воспитания и образования. Она строится как взаимопритяжение своих духовных центров и центростремительных интенций периферий. Реперными точками такого образования выступают паттерны культурных (и национальных) героев и синодики праздников. С этой точки зрения следует, что ослабление, а тем более разрушение, любого из элементов этой схемы ведет к ослаблению или даже к утрате воспроизводственных способностей нации. Впервые в истории национальные культуры в своем стихийном историческом развитии могут утратить способность к самовоспроизводству.

Новейшая история показывает, что наиболее интенсивно такие тенденции развиваются в Европе. Начались они, конечно, давно, но сегодня стали представлять собой реальную опасность. В странах Западной Европы определенным их катализатором послужила с энтузиазмом встреченная концепция мультикультурализма, которая, как ожидалось, обещала решение вопросов межэтнического и межнационального гражданского сотрудничества. Потребовались зна-

чительные геополитические изменения, вызвавшие прямо-таки цунами миграций, чтобы ошибочность этой концепции стала очевидной.

Мультикультурализм обернулся стремительным расширением социально-этнической анклавности, направленной не столько на интеграцию в европейское культурное пространство, сколько на его ограничение и даже вытеснение. К тому же он оказался сопряженным с принципом толерантности, этой священной коровы современного либерализма, который обращен не столько к сотрудничеству, сколько к вежливой терпимости к иному, то есть к отстраненности от него. Толерантность действительно является важным элементом социальных отношений, но в условиях низкого уровня агрессивности и отчужденности в социуме, ибо она не активна. Не трудно видеть, что целостность европейского культурного пространства находится в серьезной опасности, оно может стать периферийным и фрагментарным, поскольку его воспитательно-образовательные и гражданско-правовые системы могут стать необязательными и даже невостребованными в заметно меняющейся этнодемографической структуре общества.

Дело осложняется еще и тем, что наиболее активное противодействие таким тенденциям и процессам сегодня оказывают силы правой политической и националистической направленности, обращенные к прошлому и не способные предложить никаких идей, которые бы содержали образ потребного для мирового сообщества будущего и тем способствовали гражданскому и культурному сотрудничеству. Это путь к возведению демаркационных линий и границ, к неоархаике и неопочвенности. А каких-либо внятных программ разрешения цивилизационного кризиса никто не может предложить ни в плане социальной теории, ни, тем более, в плане политическом и управленческом. Великолепная социокультурная идея Объединенной Европы сейчас оказалась сильно размытой. Правда, отсюда не следует, что она иллюзорна или утопична. Скорее всего, она не утратит своей привлекательности, но для этого потребуются существенные геополитические изменения и формирование новой мировой структуры экономических и политических отношений, которая позволит артикулировать национальные интересы их участников.

Целостность национального культурного пространства подвергается опасности и в Европе восточной. Речь идет, прежде всего, о России и Украине. Раскол культурного пространства СССР был одним из главных механизмов распада страны, одна из первых задач которого состояла в разрушении структуры связей с культурными и духовными центрами. Наиболее действенным в этом отношении стала этнонациональная автономизация регионов с выдвижением на первый план фактора конфессиональности. Столь же действенным стал и сопряженный с ним фактор языковый. Собственно все деструктивные процессы последней трети прошлого – начала нынешнего веков начинались с агрессивных дискуссий о языке: о языковом шовинизме, о вреде двуязычия (причем, именно в отношении русского языка), о соответствии (несоответствии) языка и используемого алфавита и т.п. Масла в огонь подливали не менее агрессивные интерпретации исторических и культурных фактов. За этим следовал пересмотр (или, по крайности, призыв к пересмотру) исторических дат и имен. И, естественно, диверсификация общенациональной системы образования, идеологически обеспечиваемая необходимостью свободы и разнообразия ее форм и методик.

Следует считать большим достижением, что России удалось в значительной мере справиться с этими деструктивными тенденциями, объективно ведущими и к ее политическому и территориальному распаду. Правда, справиться не без потерь. Здесь стоит заметить, что преодоление внутреннего раскола российского общества и достижение декларируемого единства нации есть вопрос не упрямого идеологического ретроградства «красных» и новейшего либерального демократизма «белых». Это вопрос о воссоздании единого национального культурного пространства, в котором его опорами, несущими конструкциями стали бы не времянки исторических этапов и фрагментов, но его культуровоспроизводящие силы и потенции. Разумеется, этого нельзя добиться, если не проявлять постоянного внимания к формированию соответствующего поля гражданско-правовых отношений, этого необходимого (но не достаточного) основания национального культурного пространства в условиях современной цивилизации.

Процессы, происходящие в современной Украине (а также в Молдавии, и не только), с беспрецедентной остротой показывают, что разрушение национального культурного пространства является главным инструментом подчинения общества интересам кланов и корпораций. Начинается этот процесс с игры на понижение значимости реперных пунктов культурного пространства (исторических дат, имен и артефактов) как демократический плюрализм (свобода мнений, слова, общественных объединений и т.п.) с целью их нивелирования и элиминации с одновременным замещением их на гипертрофированные аналоги, анимированные из подходящих к политической конъюнктуре фрагментов национальной истории. Успех этой работы обеспечивается последовательным разрушением системы сложившихся культурных связей и, прежде всего, разрывом с духовными центрами. Так, одним из наиболее сильных ударов в этом направлении можно считать самопровозглашение Киевского патриархата и разрушение им духовного единства российской церковности.

Основные фронты открываются по линии языкового противопоставления (сюда же относятся действия, связанные с ограничением и фильтрацией информационных каналов, художественной культуры, образовательных программ и т.п.), а также по линии общественной нравственности (изменение критериев добра и зла, допустимого и недопустимого, дружеского и враждебного). Таким образом, осуществляется одновременная перестройка всей структуры национального культурного пространства.

Но, если вернуться к нашему исходному тезису о том, что культура есть система воспроизводства человека, а национальная культура – система воспроизводства нации, то вопрос станет о том, насколько такое «культурное строительство» может его обеспечить. Тем более, имея в виду то обстоятельство, что столь спешно возводимое самостоятельное культурное пространство стран, о которых идет речь, имеет весьма сомнительный фундамент. Весьма трудно сшить в единое полотнище национальной культуры культурные пространства западноукраинских, центральных и юго-восточных регионов. А Крым попросту отказался от участия в таких авантюрах. То же и в Молдавии, где Гагаузия и Приднестровье совсем не настроены следовать либералистским иллюзиям. В конечном счете, единственной пер-

спективой оказывается интеграция Молдовы в Румынию, то есть утрата национальной идентичности – итог прямо противоположный провозглашенным целям.

Другое дело, когда речь идет о формировании общеевропейского культурного пространства. Здесь у России, Украины, Молдавии, Грузии интересы в принципе совпадают и открываются самые широкие перспективы сотрудничества, для чего еще есть необходимые предпосылки. Однако сейчас мы находимся от этой цели гораздо дальше, чем в конце прошлого века.

Цымбал В.И.
д.т.н., профессор РАНХиГС

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В РФ

(рабочие материалы к заседанию круглого стола в Общественной палате РФ 29.06. 2016 г. «Стратегия развития страны и консолидация российского общества»)

Ключевые слова: *общество и государство, население и элиты, развитие и безопасность, войны нового типа, устойчивость управления и управленческих структур, математическая модель иерархической системы управления.*

Тема, обозначенная инициаторами круглого стола, безусловно, актуальна. Тем не менее, она должна быть уточнена, естественно, не во вред делу, а на пользу.

1. Прежде всего, правомочен вопрос: Кто должен ответственно заниматься развитием нашей страны, определять стратегию и тактику, осуществлять рутинное, каждодневное управление ею? Ответ: Без всякого сомнения, государство. У него для этого есть органы власти и ресурсы, выделяемые в его распоряжение народом, обществом.

Но только ли государство? Несмотря на огромную армию избираемых и назначаемых управленцев, на обилие органов, все аспекты управления они охватить не могут. В законе о стратегическом планировании в РФ упомянуто кроме государства ещё и общество. Но кто его на это поведёт? Если пользоваться термином «консолидация» (сплочение), то вопрос остаётся: вокруг чего или вокруг кого сплотимся?

– Вокруг партии? Какой? По историческим меркам, совсем недавно, в нашей прежней стране была единая партия. Ум, честь и совесть нашей эпохи, руководящая и направляющая сила – как только её ни преподносили! Хваталась за всё, а в итоге «профукала» главное – страну. Теперь у нас партий много. А уверенности в абсолютной рациональности управления страной больше не стало.

– Вокруг Конституции? В принципе – да! Но у нас был опыт отторжения первой Конституции новой России, которую первый президент сам и нарушил в 1993 году, что признал даже Конституционный суд.

– Вокруг Президента РФ? Безусловно! Но у нас был и другой опыт, когда перед выборами 1996 года авторитет президента упал почти до нуля. Однако он и его окружение сумели сохранить власть без консолидации общества. А вскоре, не справляясь с парированием внешних и внутренних угроз, президент был вынужден передать власть другому лицу. Хорошо, что общество этого преемника поддержало конкретными действиями. Кроме того, вокруг президента и так есть «окружение». Нужны ли ему дополнительно консолидировавшиеся силы?

Так что, если говорить об общем случае, общество должно консолидироваться вокруг собственного, т.е. общественного мнения, скрупулёзно учитывая интересы всех граждан и, на этой основе, участвовать в управлении, осуществляемом государством, руководствуясь как его, так и собственными устремлениями по всем аспектам.

Прежде всего, ввиду отрицания в нашей Конституции государственной идеологии, нужна общественная идеология и ответы на вопросы: Что мы строим или развиваем? К чему стремимся? Куда идём? Ответы нужны не в виде законов, а в виде явно сформулированных рекомендаций гражданам и властным структурам!

Конечно, хорошо было бы всем нам сейчас, не спеша разобраться с проблемами, целями, устоями нашей жизни и спланировать наше светлое будущее. Да только запаса спокойного времени для этого у нас нет! **Война!** Как ни страшно это признавать.

2. Нынешнюю эпоху называют по-разному, но всё чаще – эпохой «информационных» и «гибридных» войн. Эти и всякие иные прилагательные используют в популярных книгах, даже в справочниках[1], рассчитанных на военных экспертов и на политиков. В изданиях для массового читателя пишут просто о «новых» войнах[2].

Но в большинстве публикаций нет ответа на важнейший военно-политический вопрос: Почему жители многих стран лишены возможности самим определиться с вопросом о том, как им жить? Почему в череде «новых» войн, происходивших за последние четверть века, есть «успешные», но не для жителей, а для посторонних зачинщиков этих войн? Это, например, войны в Ираке, Югославии, Тунисе, Египте, Ливии. В них системы государственного и общественного управления жертв агрессии не устояли под натиском разнородных, комплексно применённых внутренних и внешних факторов, в том числе «нового» типа. Власти перечисленных государств потерпели поражения. Судьбы их былых лидеров: Хусейна, Милошевича, Бен Али, Мубарака, Каддафи печальны.

Но есть и такие войны «нового» типа, которые пошли явно не по сценарию, начертанному жертвам агрессии извне. Это, например, война в Сирии, отчасти на Украине и опосредованно – в России.

---

[1] Military Balance. – London: The International Institute for Strategic Studies, 2015; 2016.

[2] Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М. Изд-во ИЭП им. Гайдара, 2015.

О развязывании «войны» нового типа против России, а не просто давления на нас санкциями, можно говорить на том основании, что согласно взглядам американских экспертов экономико-политические санкции также относятся к средствам ведения современных войн[1]. Обсуждение характера «новых» войн и возможного противодействия им не ново. Уместно упомянуть некоторые материалы такого обсуждения более чем 20-летней давности[2], а также соответствующий раздел в недавно вышедшем ежегоднике[3]. Новейшие результаты на эту тему были озвучены на очередной конференции по международной безопасности в Москве 27–28 апреля этого года.

Если рассматривать события применительно к Сирии и к России, то зачинщики «новых» войн использовали вроде бы тот же, опробованный в других странах, комплекс разнородных факторов. Лидеры Сирии и России тоже объявлены «изгоями», не устраивающими пресловутый «Запад». Но они остаются на своих постах. Почему? Население подвергалось явным лишениям, будоражилось взрывными смесями фактов и лжи о своём руководстве. Но не взбунтовалось. Почему? Для ответа на поставленные вопросы рассмотрим некоторые соображения, касающиеся военно-экономической роли народов, элит, их лидеров, а также в целом структур управления, осуществляющих власть. При этом, признавая приоритет неформальных морально-политических факторов, ограничимся формализуемым анализом структур. Он представляется тоже важным.

3. Начнём с утверждений, которые часты в политических публикациях. Нам твердят, что в современном мире всё зависит, прежде всего, от ведущих государств (лидеров) и от их элит[4]. Используют даже такое понятие как «класс, объединяющий глобальное сообщество элит»[5], и утверждают, что, например, Всемирный экономический форум уже можно рассматривать как транснациональный орган, выражающий интересы международного капитала и готовящийся к глобальному экономическому управлению.

Да и ожидания тех событий, которые «заполыхали» в начале 2014 года на Украине, но направлялись явно против России, были недвусмысленными. Тогда в России нашлись лица, которые разоткровенничались, выражая особые интересы ряда представителей наших элит[6].

Прежде всего, автором указанной статьи была отмечена «непомерная цена», которую якобы заплатил В. Путин (он был назван персонально) за присоединение к РФ «депрессивной территории с разрушенной инфраструктурой и высокой криминализацией». Так было сказано о Крыме, в котором, как известно, многие годы властвовали и хозяйничали другие персоны. История проблемы автором не рассматривается. Не сказано о том, что при создании ООН и включении в эту организацию Украины полуостров не входил в её состав. Он лишь впоследствии был передан ей руководством СССР, причём отнюдь не легитимно. Не упомянута в статье и геостратегическая значимость Крыма для РФ. Хотя для осознания этого достаточно было вспомнить крымскую войну 1853–1856 годов, которая началась с «безуспешной, бесполезной и бесчеловечной» (по словам адмирала Корнилова) бомбардировки Одессы и высадки на полуострове 27 тыс. англичан и 28 тыс. французов. Впоследствии численность группировки возросла до 200 тыс. за счёт усиления её Турцией. Заметим, что и теперь, вопреки волеизъявлению населения Крыма, злобствуют против него более всего наследники тех же агрессоров, оказавшиеся в составе НАТО.

А ведь есть на Земле и другие места, например, Гибралтар, географическое положение которого ценится больше, чем состояние тамошней экономики. Совсем недавно об этом напомнил вооружённый конфликт между кораблями Испании и Великобритании. В основополагающем документе 2015 года о стратегии безопасности Великобритании этот остров не забыт[7]. И Испания, со своей стороны, о нём помнит.

Но вернёмся к цитируемой нами статье: «… впервые за все годы правления Путин совершил шаги, которые выгодны ему, но невыгодны его окружению. На Западе, куда они, судя по их заявлениям по ТВ, вовсе и не собирались, находятся их семьи, недвижимость, счета. Могут ведь найти! С Западом у многих из них связаны планы на будущее: замок в Испании, пара миллиардов – что ещё нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость? А сейчас самолёт стоит, а лететь некуда. Вряд ли это приведёт к дворцовому перевороту, но в целом ситуация внутри наших элит становится более напряжённой – это то ружьё, которое рано или поздно выстрелит».

Не будем гадать, в кого, по мнению автора, выстрелит пресловутое ружьё, и где он сам рассчитывает встретить свою старость. Граждан РФ беспокоят другие вопросы. И главный из них звучит так: Неужели члены наших элит неизбежно уподобятся своим коллегам из Украины, предавшим Януковича, тоже, заметим, не слывшего праведником?

Граждан РФ, судя по многим опросам, беспокоит другое – ощущение того, что извечные угрозы для их национальной безопасности и самобытности в последнее время усилились и стали явными. Возможно, именно этими ощущениями и объясняется высокий рейтинг российского Президента, несмотря на ошибки, которые он, естественно, совершает, замыкая (к удовлетворению безответственных чиновников) большинство государственных дел лично на себя.

---

[1] Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The Political Economy of Economic Sanctions // Chapter 27 in Handbook of Defense Economics. – Vol. 2, Defense in a Globalized World. 2007.

[2] Специальный выпуск информационно-аналитического бюллетеня «Информационная безопасность России». – М.: Клуб «Реалисты», 1998.

[3] Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. – М.: Изд-во ИЭП им. Гайдара. 2016.

[4] Косоруков А. Глобальное сообщество элит: классовое и сетевое измерение // Национальная безопасность. 2014. – № 2. – С. 227–234.

[5] http://www.weforum.org

[6] Ср.: Гозман Л. Пейзаж между битвами // Ведомости. – М., 2014. – 13 мая.

[7] Маринин А. Стратегия национальной безопасности и обзор стратегической обороны и безопасности Великобритании // Зарубежное военное обозрение. – М., 2016. – № 4.

Спустя два года после событий на киевском «майдане», выяснилось, что так же, как автор упомянутой статьи, на Западе рассуждали многие. Недавно немецкие СМИ отметили следующее[1]: «По сообщению Die Welt, политики Запада исходили из мысли, что последовательное давление на Владимира Путина заставит его пойти на уступки или приведет к крушению режима. Вскоре выяснилось, что это предположение не имеет ничего общего с реальностью. Считалось, что после экономических санкций в России возмутятся население и политическая элита, но власти до сих пор пользуются доверием населения и элит». Продолжим цитирование: «Западные политики не могли себе представить, что такой подход не только не расколет население России, но и сплотит его около властей. Кроме того, согласно опросам населения, россияне считают, что бунт – это весьма нежелательный сценарий развития событий. В этом смысле они хотят остаться в стороне от серьезных социальных потрясений и встать на защиту спокойной жизни для своих детей». Казалось бы, ситуация выяснена.

Но нет, от намерения расколоть единство россиян зачинщикам «новых» войн отказаться не хочется. Продление санкций кажется недостаточным. И вот как бы нежданно обнародованы данные Международного консорциума журналистов-расследователей (ICIJ). В них содержится информация об офшорных «грехах» многих лиц, в том числе из «ближнего круга» Президента РФ[2]. Сама по себе эта публикация – дело, бесспорно, полезное. Но упоминание в ней Путина – «холостой выстрел». Ведь именно он сам ещё в 2013 г. выступил с требованиями к российским чиновникам и бизнесу о прекращении пагубной практики уводить средства в офшоры. И россияне об этом знают. Верят ли в безупречную искренность Президента и его «ближнего круга»? Это другой вопрос. Наверное. Но совершенно очевидно, что такое общественное мнение россиян нуждается в усилении.

Сложнее с суждениями об устойчивости всей системы государственного управления и, в частности, о «скованности» положения нашей элиты. Это интересует многих и в РФ, и за её пределами. Упомянем публикацию[3] независимого исследовательского центра. В ней сказано, что в системе государственного управления РФ сейчас верх взяли «силовики», хотя оборона и безопасность – всего лишь часть общего государственного управления.

4. Тип структур у «силовых» систем, как известно, «армейский». И если они у нас превалируют – значит, что-то положительное в них есть. А зачинщики «гибридных» и иных «новых» войн, которые ошиблись в своих планах, чего-то недопонимают в найденных россиянами противоядиях от попыток устроить социальный бунт. Представляется, что для понимания происходящего необходимо более серьёзное исследование, возможно даже математическая модель. Что же при этом следует учесть?

Во-первых, **неоднородность общества и консолидацию элит**. Современные аналитики структурируют элиты, различая их разновидности: политические, профессиональные, имущественные, идеологические, культурные, образовательные и т.д. В сентябре 1994 г.[4] Е.Т. Гайдар назвал в качестве основной угрозы для тогдашней РФ то, что наша бюрократия хищнически устремится к обогащению. Гайдар считал главной задачу «разделения власти и собственности», пресечения обогащения бюрократов.

Увы, в реальности именно это и произошло. А в ещё большей степени наблюдалось обратное стремление собственников, особенно крупных, – во власть. Кроме того, туда же устремились не только чиновники и бизнесмены, но и «элитные» спортсмены, деятели искусства, а также криминалитет. Не было забыто ими и стремление в научную элиту – но, конечно, не за знаниями, а за престижными званиями. Так что при упрощённом моделировании можно считать нынешнюю элиту в РФ как бы **единой**.

Во-вторых**, размерность.** В общем случае модель «армейского» типа должна охватить всех: от высшего должностного лица до нескольких миллионов человек, причастных, включая пресловутую ленинскую «кухарку», к решению проблем государственного управления. Применительно к армии это касается не только военнослужащих, но и иных должностных лиц, систем их восполнения, обеспечения всеми видами довольствия и т.д. Аналогично у чиновничества. В целом численность управленческой системы, как считается, исчисляется сотнями тысяч человек, а венчает её группа из нескольких десятков высших должностных и не должностных лиц, в частности, «окружение» Президента. В СМИ опубликованы списки лиц, персонально подпавших под международные санкции и «засветившихся» в офшорах.

В-третьих**, параметры структуры.** Коль скоро, согласно оценкам социологов, в государственном управлении РФ господствуют «силовики», то за основу модели следует брать иерархическую систему с количеством уровней порядка 10 (и даже более) и строгой «подчинённостью» сверху донизу. Заметим, что такая иерархия характерна как для армии, так и для криминальных элит (от «козырного туза» и вниз – до армады «шестёрок»).

Исходя из перечисленных и ряда более «мелких» требований к модели нами был выбран широко известный в математике «инструмент» – сходящиеся целочисленные ряды[5]. Основная формула и таблица комментариев к ней представлены ниже.

$$SUM\ (n) = 1+X/1! + X^2/2! + X^3/3! + ... + X^n/n! + \ldots;\ SUM(\infty) = e^X$$

---

[1] http://rusplt.ru/sub/arhiv-populyarnogo/etimi-russkimi-chtoto-24268.html?utm_content=52504&utm_medium=tizer&utm_campaign=landing&utm_source=mail_news

[2] http://newsru.com/russia/10may2016/offshoreleaks.html

[3] Волков Д. Настроения российских элит после Крыма / Московский центр Карнеги. 2015. – Ноябрь

[4] Гайдар Е. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. – СПб.: Норма, 1997. – 224 с.

[5] Ряд // Математический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1988.

Таблица 1

Комментарии к основной формуле и параметрам математической модели

Обозначение	Наименование	Комментарии к формуле и параметрам модели
n	Номер члена ряда по порядку.	«Обозначает» номер иерархического уровня в моделируемой иерархической системе
m	Параметр иерархической «пирамиды».	Моделирует среднее количество субъектов (участников системы управления) данного уровня, «подчинённых» одному элементу вышестоящего уровня.
M_n= m^(n-1)	Количество элементов	Моделируемое среднее количество лиц-управленцев на n-ом иерархическом уровне.
X	Главный параметр ряда, задающий динамику сумм	Характеризует общую закономерность изменения значений «управленческого потенциала» U_n или, иначе, «авторитетности» совокупностей членов системы управления на соответствующих уровнях.
P_n =X^n/n!	n-е слагаемое ряда	Значение частного «вклада» всех участников n-го уровня управления в общий управленческий потенциал.
U_n= SUM(n)	Сумма членов ряда от 1 до n-го, стремящаяся при n → ∞ к U∞.	Условное выражение суммарного «управленческого потенциала» от 1-го (лидера) до n-го уровня иерархии. С ростом **n «**управленческий потенциал» тоже растёт, стремясь к своему предельному значению.
$A_n = U_n / U\infty$	Относительная доля уровня	Относительная доля вклада управленцев n-го уровня иерархии в общий управленческий потенциал
$P_{n1}= P_n/M$	Доля 1 элемента	Частный управленческий потенциал одного члена n-го уровня иерархии
^ и !	Символы	Знак возведения в степень и «факториал»

5. При «настройке» модели выяснилось, что даже столь незначительный состав параметров позволяет смоделировать многие виды систем государственного управления: от предельно «авторитарной» при X=1 до «беспредельно анархичной» при увеличении X. Расчёты по выбранному иллюстративному варианту {n=1, 2, 3,…11… ∞; m= 5; X=4}, приблизительно адекватному наблюдаемым явлениям, представлены ниже в табл. 2.

Из анализа результатов расчётов в иллюстративном варианте следует, что подбор параметров модели позволяет избежать подавляющего влияния первого члена иерархии над остальными. В то же время, управляющий потенциал более низких, особенно средних уровней иерархии совокупно превосходит полномочия лидера, что заставляет его «считаться» с ними, не только комплектовать систему компетентными кадрами, но и контролировать, проявляя заботу. Не случайно назначение на генеральские и равные им должности в РФ осуществляет глава государства. Таким же важным представляется ужесточение контроля над доходами и имуществом лиц высшего уровня. Станет ли это приближением системы к рекомендациям Гайдара о необходимости разделения бизнеса и власти? – жизнь покажет.

По-видимому, руководству России удалось «связать» наши управленческие элиты с государством, причём не «страхом», а такой постановкой дела, при которой ключевым управленцам **не выгодно выпадать** из занимаемого ими положения в иерархии. Да и моральные факторы в последнее время начинают играть цементирующую роль.

Таблица 2

Результаты расчётов в иллюстративном варианте

n	M	Слагаемое Pn	Сумма Un	Доля уровня An, %	Доля Pn1
1	1	4	5	7,3262	7,3262
2	5	8	13	14,6525	2,9305
3	25	10,667	23,667	19,5369	0,7815
4	125	10,667	34,333	19,5369	0,1563
5	625	8,533	42,867	15,6293	0,0250
6	3 125	5,689	48,556	10,4196	0,0033
7	15 625	3,251	51,806	5,9540	0,0004
8	78 125	1,625	53,432	2,9770	→ 0
9	390 625	0,722	54,154	1,3231	→ 0
10	1 953 125	0,289	54,443	0,5292	→ 0
11 …	9 765 625	0,105	54,548	0,1925	→ 0
∞	∞	→ 0	54,598	→ 0	→ 0

6. Управленческие возможности нижних уровней (большинства граждан), а именно они и составляют основу общества, не велики, но и выпускать из вида их интересы нельзя. Ведь состав иерархий не просто обновляется «снизу вверх». Он зыбок и, как показывает жизнь, легко «перетряхивается». А в условиях охвата большинства людей современными информационными средствами, граждане не могут не возбуждаться, если они оказываются в условиях несправедливости и лжи. Они должны иметь каналы доведения информации «снизу вверх», минуя иерархические этажи и предотвращая «фильтрацию» информации. В настоящее время работают «механизмы» регулярных общений Президента РФ с гражданами. Наверное, эти механизмы нуждаются в совершенствовании на новейшей информационной базе. Как нуждаются в пересмотре пришедшие с Запада суждения о якобы универсальной социальной стратификации современных обществ.

Что касается математической модели, то она продуктивна даже в простейшем виде. Однако её и не следует переоценивать. Она всего лишь показывает, что достаточно устойчивые варианты управления «армейского» типа существуют. И их использование на практике, особенно, подчеркнём, в критических ситуациях может быть эффективным во время войны, хоть и «нового» типа!

Вместе с тем, у иерархий есть недостатки, доказанные теоретически и на практике. Для интенсивного развития любой страны **в мирных условиях** полезен отход от иерархического управления в пользу более прогрессивных методов[1]. Это касается и полномочий лидера и правил его назначения (переизбрания).

Вместе с тем, наблюдая «помои», выливаемые претендентами на власть, например, в США, вряд ли логично нам копировать подобную практику, учитывая к тому же, что «дурно пахнущий» лидер (кто бы ни победил в этом государстве) будет рекомендован их системой также и на роль лидера в мире. Нужна ли россиянам такая суперструктура?

У зарубежных государств, включая США, нам многое можно и нужно позаимствовать кроме бессовестных политических «игр». В частности, заслуживает внимания гармоничное сочетание иерархической командной системы управления безопасностью с системой бизнес-управления высокотехнологичным развитием равно необходимых стране видов производств: и средств обеспечения обороны, а главное, востребованной гражданской продукции.

7. Сейчас наша страна опять оказалась «на распутье». Ищет рациональные пути развития, устойчиво успешного. И снова пришла пора, на наш взгляд, вернуться к рекомендациям, ранее сформулированным (перед выборами 1996 г.), но тогда проигнорированным, как сделать рациональным управление экономикой РФ[2]. Более чем авторитетные международные эксперты, подписавшие тогда совместное обращение к будущему руководству РФ, достойны поимённого упоминания и в нынешнем году. Это Кеннет Эрроу, Василий Леонтьев, Лоуренс Клейн, Джеймс Тобин и Роберт Солоу. Их поддержали многие достойные российские учёные. Основной тезис рекомендаций экономистов звучал так: **«Правительство должно понять – основой рыночной экономики является конкуренция, а отнюдь не отношения собственности»**.

Из этого проистекали и частные рекомендации, поныне остающиеся актуальными:

Нужна состязательность в том, кто сделает лучшую продукцию, нужную потребителям, стране. Если не будет конкуренции, то получится только разворовывание имущества приватизированных предприятий и вздувание цен частными монополиями.

Для предотвращения криминализации экономики необходимы «сильные» государственные действия. В кризисных условиях государство должно действовать так же активно, как действовал президент США Ф. Рузвельт в годы «великой депрессии». Его администрация, например, не боялась национализировать банки и организовывать общественные работы.

Необходим «социальный контракт» между правительством и обществом в смысле обеспечения пенсиями, бесплатными школами, больницами и т.д.

Нужен не просто собственник, а эффективный собственник, который бы приумножал имущество фирмы, а не разбазаривал его. Значит, он, прежде всего, должен разбираться в существе производства. Главным менеджером должен быть инженер, а в новейших отраслях – учёный.

Но нас опять стараются вернуть к вопросу о том, на какую бизнес-элиту надо делать ставку. Автор статьи[3] в основном правильно оценивает ситуацию: «Сложившаяся в России с начала 2000-х годов модель управления экономикой и обществом держалась на договоренностях трёх элитных групп: федеральной бюрократии, олигархического бизнеса и силовиков. До 2003 года между ними сохранялся относительный баланс сил. После «дела ЮКОСа» соотношение сил изменилось в пользу федеральной бюрократии и силовой элиты, а после 2011–2012 годов – на фоне страхов повторения в России сценариев «арабской весны» – силовики стали доминирующей элитной группой».

Но, зададимся уточняющим вопросом: какие такие страхи, если уже идёт война? Хоть и не традиционная, специфическая, новая, но война!

Рассмотрим: что же рекомендуют нам делать? Поскольку «в 2000-е годы в стране возникли ещё три влиятельные социальные группы – успешный средний бизнес, региональная бюрократия и элиты бюджетного сектора», то их интересы тоже должны стать главными. «Эти группы сформировались благодаря росту внутреннего рынка и увеличению бюджетных расходов, они гораздо более массовые. По сравнению с 1990-ми годами сегодня им есть что терять, и одновременно представители этих групп хорошо понимают, как можно работать в российской реальности. Необходимо включить представителей этих новых групп в диалог о путях развития страны».

Включить можно, но в этом ли главный фактор? А как быть с обществом в целом?

Как свидетельствует опыт передовых государств, для успехов страны необходимы не только предприниматели и инвесторы. Нужны ещё научные знания, технологии и их непрерывное обновление, осуществляемое творческими личностями. Нужны труженики, овладевшие новыми технологиями. Забота именно о них должна быть одной из главных функций государства. Без этого устойчиво успешного развития не бывает!

Кто и когда выслушает творцов прогресса при определении стратегии нашего развития? Пользуясь образной терминологией знатока путей развития нынешнего капитализма[4], уточним вопрос: «саранчи или пчёлы» должны определять будущее?

Ответ очевиден: только совместно, всем обществом, а не усилиями элит может быть осуществлён выбор путей к устойчиво успешному будущему, а затем и достигнуто такое будущее!

---

[1] Бевер М. Управление: очень краткие сведения. Пер. с англ. – М.: Дело; РАНХ и ГС, 2015.

[2] Орлов А.Н., Орлов А.А. Нобелевские лауреаты – за государственное регулирование экономики // Обозреватель. – М., 1998. – № 1. – С.44–46.

[3] http://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/07/5755375f9a79473065ef264a

[4] Малган Дж. Хищники и творцы в капитализме будущего / Пер. с англ. И. Кушнарёвой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 400 с.

Шеляпин Н.В.
к.соц.н., доцент Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург
nikol-pr@mail.ru

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *футурология, образ будущего, консолидация общества, аксиодемия.*

Консолидация общества невозможна без осознания исторически сложившейся территории, на которой проживал, проживает и будет проживать данный народ, а также без осознания исторического времени существования данного народа в прошлом, настоящем и будущем. В современной России успешно преодолеваются духовный и идейный кризис 1990-х годов. В настоящее время большинство российских граждан четко осознают национальные границы своего государства и идею собственной страны. Территориальная целостность страны становится важной ценностью общественного сознания. Российское государство вновь получило четкое очертание не только на географических картах, но и в умах реально существующих людей. Так же в наше время происходит формирование целостной исторической концепции генезиса, развития и существования российского государства. Для большинства современных россиян прошлое страны уже является предметом гордости и, в некоторых случаях, дает примеры для подражания. История вновь становится образцом моделей героического поведения как отдельно взятых индивидов, так и всей нации. Данная установка позитивно сказывается на патриотическом воспитании подрастающего поколения и является важнейшим фактором консолидации современного общества.

При этом следует отметить, что современное российское общество еще не сформировало целостную и признанную большинством концепцию будущего. Образ будущего является важнейшим фактором развития общества. Картина будущего – это определенный ориентир, некий маяк, который направляет активность отдельно взятых индивидов и целые социальные, политические, экономические, культурные и духовные процессы в определенное русло развития. Идея будущего предлагает обществу понятные и одобряемые большинством картины развития социальной системы и конкретные цели для данного развития. Образ будущего должен выступить в качестве стимула для эволюции и прогресса всей российской социальной системы. Говоря об образе будущего, следует вспомнить исторические подходы, создававшие футурологические концепции в прошлом.

Первая доктрина, предлагающая образ будущего в российском социуме, была создана еще в XV веке и многим известна, как доктрина «Москва – третий Рим». Эта идея вытекала из религиозного мировоззрения, но предлагала обществу и государству конкретные пути развития, которые часто были продиктованы необходимостью противостоянию внешней угрозе государству. Доктрина «Москва – Третий Рим» воспринималась как некая сила, удерживающая мир от зла, следовательно, служба государству воспринималась и как религиозная, и как мирская задача любого подданного русского царства. Каждый человек, согласно данной концепции, должен был служить православному государству, православному царю и выполнять царские указы и приказы начальства как особую метафизическую задачу. Такое объяснение давало вполне конкретную и рациональную установку на сохранение государства, расширение его территории и службу данному государству, которая приравнивалась к службе Богу. Данная концепция имела исторический смысл и общественное значение благодаря религиозному сознанию, которое было в то время доминирующим.

На стыке XVII–XVIII веков всеобъемлющее религиозное сознание постепенно стало уступать место рациональному мышлению. В общественно-политической мысли стали выкристаллизовываться интересы как отдельно взятых социальных групп, так и всего государства. В это время в России проходят глобальные политические, социально-экономические, военные и промышленные реформы. Эпицентром этих реформ стало царствование Петра Великого. В 1721 году Петр Первый был провозглашен Императором (кстати, в этом году, 2 ноября, исполняется 295 лет этой годовщине). Россия стала империей, и теперь служение государству стало восприниматься не как религиозный долг, а как естественная задача каждого человека, без которой невозможно благосостояние страны. Поэтому образ будущего уже представлялся не в качестве некого мистического Третьего Рима, в предтече Царства Божьего, а в виде общественного прогресса, связанного с развитием и процветанием государства.

К 1917 году эта «государчественная» идея во многом утратила свою популярность в результате бюрократизации, расслоения общества, отсутствия социального и духовного единства между верхами общества и народными массами. Государство и его руководство уже не воспринималось в качестве носителей религиозных ценностей, а государственная политика была весьма неэффективна в самых разных областях жизнедеятельности. В сложившейся ситуации общественное сознание утратило образ прогнозируемого и понятного будущего. Общество охватил духовный кризис, который оно не смогло преодолеть. События Революции 1917 года во многом были поиском светлого будущего, которое должно было быть понятным и одобряемым большинством.

Одной из самых сильных сторон коммунистической идеологии был образ будущего. Представление о коммунизме как о царстве счастья и всеобщего благоденствия в течение долгих лет привлекало самых разных людей. Мно-

гие поколения были готовы преданно служить как определенным идеям, так и руководящим органам ради построения общества счастливого будущего.

К сожалению, в данный период истории государство и общество не смогло решить ряд важнейших задач, связанных с благосостоянием населения и успешным экономическим ростом страны. Советский Союз технологически отставал от ведущих стран Запада, не создавал собственные оригинальные культурные проекты и часто не был в состоянии удовлетворить реальные потребности человека. Многоуровневые стройки коммунизма так и не привели к достижению желаемой цели. Постепенно был утрачен сам образ светлого будущего и вера в него. В результате, коммунистическая идеология и Советский Союз не смогли ответить на объективные внешние и внутренние вызовы, что привело к крушению коммунистической идеологии и самого Советского государства.

В наше время общество нуждается в новом образе будущего. Попытка использовать в этом поиске чисто религиозные доктрины или вернуться к советскому наследию не имеет успеха. Сознание современного человека в России ориентировано на достижение реальных успехов и предполагает полноценное развитие собственной индивидуальности. Вместе с тем, российское общество не приемлет прозападных либеральных сценариев развития страны, ведущих через современные глобальные системы к потере собственной идентификации. Для российского сознания неприемлем эгоизм и эгоцентризм современной Западной постмодернистской и пострелигиозной цивилизации. Опыт 1990-х годов учит российских граждан тому, что современные западные страны заинтересованы, прежде всего, в экспансии на российскую территорию и в контроле над природными и экономическими ресурсами России. В настоящее время российское общество нуждается в создании такого образа будущего, который, с одной стороны, будет способствовать поступательному развитию страны, ориентируя отдельно взятого человека и общество на те сценарии развития, которые будут для них наиболее предпочтительны, а с другой стороны, такие сценарии будущего должны вытекать из достижений социальной науки и фактически являться научными прогнозами. В связи с вышесказанным, особый интерес представляет концепция российского философа и писателя-футуролога А.В. Гилояна – Аксиодемия. Аксиодемя (от греч. «axia-ценность» и «demos» – народ). По мнению автора, основной целью его концепции является потребность в преодолении социально-экономического, политического, культурного и духовного кризиса всего современного человечества. Создавая свою доктрину, Артур Гилоян исходит не из субъективного волюнтаризма и личной оценки реальности, а из серьёзного анализа современных цивилизационных процессов. Делая прогноз о реальности глобального общечеловеческого кризиса, он предлагает эффективные меры по преодолению кризисных явлений, путём глобальных социальных реформ, которые стихийно уже проводятся правительствами разных стран в наши дни. Основные реформы социума Артур Гилоян предлагает провести по следующим направлениям: 1. справедливая земельная реформа, 2. введение интеллектуального и морального ценза для государственных служащих и руководства государства путём создания Наблюдательного совета из числа компетентных экспертов, 3. создание семейно-брачных отношений нового типа, 4. воспитание детей на основе нового научного мышления и специального глубокого развития творческой активности.

Основные принципы данной концепции были изложены в авторской книге Артура Гилояна «Отражение жизни», которая вышла в свет в 2012 году в Санкт-Петербурге. В этой книге автор систематизировал свои взгляды и создал целостное философское учение. В 2014 году Артур Гилоян ввёл в научный обиход термин «аксиодемия». Таким образом, концепция Гилояна получила название аксиодемия. Автор считает, что его концепция поможет преодолеть мировой системный экономический кризис и построить более эффективную модель мировой экономики. Правильная земельная реформа, по мнению Гилояна, обеспечит минимальный уровень благосостояния, необходимый для жизни современного человека, и, при этом, даст толчок для предпринимательской инициативы и экономического развития. Научная организация выборов и тестирования кандидатов на различные государственные посты и контроль за любыми представителями власти, в том числе и за Президентом страны, со стороны Наблюдательного совета, состоящего из экспертов, сделает власть прозрачной и эффективной. Согласно Гилояну, внешние социальные конструкты (экономика, культура, религия) на протяжении человеческой истории являются основными при выборе обществом определенного принципа политического устройства. Критерием для определения правильности или неправильности политического режима служат две категории – уровень научного развития и наличие природных ресурсов. В XXI веке становится ясно, что демократическая политическая система ведет не к гуманизации, а к монополизации государствами-сверхдержавами всех сфер общественной жизни, что проявляется в целом ряде черт социальных процессов: решении вопросов геополитики, создании искаженных институтов народного представительства и видимости их функциональности, распределении мировых финансовых потоков и контроле мирового рынка. Эта монополизация обусловлена их военным и финансовым превосходством над другими странами. Все чаще разжигаются социальные конфликты с целью развязать военные действия и повысить этим экономический и политический уровень военных сверхдержав. Происходит расхождение между осмыслением заданного времени цикла социальных процессов, составляющих и той реальностью, в которой происходит сам процесс выполнения обязанностей и решения социальных проблем. Исторически не существовало политической системы, способной осуществить «мир во всем мире». История и жизнь показывают, что государства с авторитарным или тоталитарным режимом запечатлелись в памяти человечества как образцы произвола, преследования невинных лиц, не принимающих режима. Монархия как форма правления не создает условия для свободного и поступательного развития. Абсолютная власть подавляет, сводит идеи и новшества к минимуму, стараясь сохранить уже существующее. Для гармоничного эволюционного развития социума необходим политический плюрализм. Наличие абсолютной власти при различных политических режимах и формах правления (монархия, республика; демократический, авторитарный, тоталитарный и пр.) создает предпосылки как для гражданских войн, так и мировых, а также для имущественного расслоения, создавая «пропасть между людьми». Государство должно создавать условия для максимальной автономности граждан, мобильности социальных процессов, минимально огра-

ничивая человека законодательством. Таким образом, по нашему убеждению, чем выше ощущение свободы личности, тем сильнее государство. Современная демократическая система правления – это некая система государственной власти, основой которой является капитал. Механизм демократии не способен реализовать декларируемые политические права и свободы, поэтому во власть приходят политики, чьи личные и профессиональные качества не соответствуют занимаемым должностям, и, таким образом, создают обманчивый эффект делегирования народных интересов. Экономической основой демократии является частная собственность и капитализм. При частной собственности люди в своих интересах развивают свой бизнес, развивая тем самым экономику своего государства, но при этом параллельно происходит значительное социальное расслоение и безработица, неизбежно ведущие к общественным противоречиям и социальным потрясениям. Государство для выхода из сложившегося положения вынуждено выплачивать различные пособия для временного сдерживания общественных разногласий и параллельно находит выход через вмешательство во внутреннее устройство других государств путем оказания экономического и военного давления. В итоге формируется система «контроль без контроля». Таким образом, сращивание политики и бизнеса приводит к дестабилизации системы государственного управления. Вследствие чего обнажается противоречивая сущность прошлого и искаженное представление о будущем. Данную проблему можно охарактеризовать при помощи следующего афоризма – «Внизу – страшно, наверху – счастье – это и есть демократия», а «в ней жизнь с золотыми монетами висит на трухлявой веревке». А.В. Гилоян для построения гармоничного будущего общества предлагает провести земельную реформу в интересах большинства. Проект земельной реформы, по мнению Гилояна, способствует развитию экономики, освоению заброшенных и излишних территорий, находящихся в частной собственности и стимулирует бизнесменов к самосовершенствованию, развитию своего дела и созданию новых рабочих мест. При системе Аксиодемии функционируют ГСК (государственные страховые компании), находящиеся в структуре исполнительных органов государственной власти страны. ГСК – учреждение, способствующее реализации земельной реформы.

Государственные компании разных стран действуют согласно общему механизму функционирования Аксиодемической модели государства.

Государственная страховая компания возложит на себя обязанности по распределению земельных ресурсов, обмену выделенной частной собственности и организации смены территории ведения бизнес-проектов (на основе согласования интересов граждан различных государств и при наличии постоянной регистрации). ГСК отдает гражданам землю в аренду под целевое использование. Человек берет в аренду у государства участок на 25 лет либо посредством аукциона, либо без него.

Каждые 3 года предоставляется итоговый отчет о деятельности арендатора и используемой площади. Если предприятие убыточно, срок аренды после каждого итогового отчетного периода, равного трем годам, сокращается на 3 года. В случае прибыльности предприятия срок аренды «замораживается» на той отметке, с момента которой предприятие начало приносить доход. Для поддержки бизнес-инициатив на начальном этапе, т.е. от одного до трех лет, в зависимости от формы бизнеса, эти правила не распространяются. Бизнесмен может продать свое дело на любой стадии своего развития вместе с землей, либо сдать в аренду по той цене, которую сам определит, и государство не может вмешиваться в этот процесс т.к. в этот момент и проект и земля практически являются собственностью бизнесмена:

– если он продает свое дело в стадии проекта, покупатель обязан осуществить этот проект, при этом сроки, оговоренные с ГСК по договору аренды земельного участка, сохраняются;

– если бизнесмен продает функционирующее предприятие, то покупатель может продолжить это дело на тех условиях, которые ранее арендатор заключил с ГСК. ГСК (Государственные страховые компании) обязаны строго установить площадь земли, выделяемой в частную собственность (примерно 300 квадратных метров каждому гражданину, достигшему совершеннолетия). А также обеспечивать людей первичным жильём в виде кредитования через банковские системы (с установленными минимальной и максимальной суммами кредита для постройки жилья в соответствии с одной из трех категорий комфортности) под символический процент.

Жилье первого уровня комфортности – 780 000 руб. (2 этажа по 50 кв. м.);

Жилье второго уровня комфортности – 1 140 000 руб. (2 этажа по 59 кв. м.);

Жилье третьего уровня комфортности – 1 400 000 руб. (2 этажа по 65 кв. м.).

Человек сам вправе выбирать уровень комфортности, в зависимости от своего желания, при этом отталкиваясь от своего материального состояния, он может вложить дополнительные средства и реализовать свой индивидуальный проект дома. Главным условием является то, что строящееся жилье не может, по своей оценочной стоимости, быть меньше минимальной суммы кредита и должно соответствовать государственным стандартам. Дома будут строиться по технологиям будущего из стеклообразных материалов с применением солнечной или ветровой энергий, что позволит сделать их более экономичными и экологичными.

ГСК обязуется обеспечивать граждан работой, что будет давать им возможность постепенно погашать кредит в соответствии со своими индивидуальными условиями. Подобная система организации частной собственности призвана оказывать благотворное влияние в преодолении кризиса в настоящем и в будущем. Предоставляемая земля находится вокруг городов-миллионников в радиусе 15–25 километров. У жителя, в собственности которого есть земельный участок, появляется возможность найти в городе-миллионнике работу, в том числе заниматься бизнесом. Тем самым постепенно стираются социально-экономические различия между центром и провинцией. На территории каждого города-миллионника в обязательном порядке отводится определенная площадь для постоянного обеспечения жителей сельскохозяйственной продукцией.

Между земельными участками остается государственная территория шириной в 7 метров, разделяющая площади собственников и предназначенная для «зеленых зон». Данная площадь не может использоваться для личных нужд. Помимо этого выделяется отдельный участок на детские сады, продовольственные центры и места оказания медицин-

ской помощи. Частная собственность предназначена обеспечить человека землей в той стране, гражданином которой он является, без возведения коммерческих объектов. На данной территории можно построить дом и вести приусадебное хозяйство для личных нужд, обеспечивая реализацию минимальных потребностей, что во многом способствует снижению финансовых затрат. Такой принцип позволит сохранить равенство между гражданами государства независимо от их материального состояния.

В чем преимущества представленной системы распределения земель в Аксиодемических государствах:

– стабилизируется в целом обстановка в обществе по вопросам передачи земель в частную собственность;

– устраняется расслоение в обществе, связанное с землей, что позволяет бизнесмену в полной мере реализовать свои возможности;

– снимается психологическое напряжение у человека, который при этом избавляется от ощущения зависимости и постепенно снижается уровень коррупции, т.к. стремление к личному обогащению сверх меры уйдет на второй план;

– обеспечивается пополнение государственного бюджета, вследствие чего снижается уровень инфляции. Таким образом, концепция аксиодемии создаёт гармоничную картину будущего, которая вполне соответствует психологическим и культурно-мировоззренческим установкам российского общества при учёте исторических традиции, ценностей сегодняшнего времени и потребности ориентиров для поступательного развития российской социальной системы, а также предлагает идейные ориентиры другим обществам и цивилизациям.

Аветисян П.С.,
Заславская М.И.,
Галикян Г.Э.[1]

ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[2]

Ключевые слова: *система высшего образования, единое образовательное пространство, интеграционные процессы, страны ЕАЭС, Болонский процесс, модернизация высшего образования.*

Keywords*: higher education system, united education space, integration processes of the countries EAEC, the Bologna process, modernization of higher education.*

Введение

После распада Советского Союза вот уже более двадцати лет в странах постсоветского пространства идет процесс поиска путей становления собственной системы общественного устройства в условиях диалектического единства между вызовами глобализации и стремлением сохранить свою самобытность и традиционность в мировом, региональном и локальном измерениях. Подобные противоречивые тенденции весьма характерно выразились в появлении термина «глокализация», введенном Роландом Робертсоном, раскрывающим неразрывное единство между тенденциями к «глобализации» и «локализации»[3]. Институт образования одним из первых вбирает в себя противоречивость тенденций развития общественных систем. По словам проф. П.С. Аветисяна «Образовательная политика каждого из государств мирового сообщества сегодня представляет собой диалектическое единство и противоречие субъективного (национального) и объективного – процесса глобализации, детерминирующих реформы»[4]. Анализируя ситуацию, сложившуюся в странах евразийского пространства в сфере образования на трех уровнях общественных отношений – макро (общественный), мезо (институциональный) и микро (индивидуальный), мы можем выделить целый ряд общих закономерностей, связанных с процессами трансформации этих обществ в постсоветский период. Анализ этих процессов выявляет чаще всего отсутствие ясно сформулированного видения национальных доктрин образования, недостаток финансирования и экономическую нестабильность в рассматриваемых странах, а также целый ряд иных как явных, так и скрытых факторов, препятствующих как интеграционным процессам, так и оптимальному развитию национальных систем высшего образования.

В странах постсоветского пространства создалась весьма хаотическая ситуация с точки зрения логики принятия управленческих решений в сфере высшего образования. С одной стороны, реформирование направлено на взаимную в рамках постсоветского пространства интеграцию, с другой стороны, реорганизация систем высшего образования направлена на европеизацию и интеграцию местных университетов в европейскую систему высшего образования в соответствии с Болонскими принципами, и, наконец, модернизация образовательных систем евразийских стран должна быть направлена на сохранение национальной специфики и местных традиций.

Проблемы интеграции образовательных систем стран евразийского экономического сообщества в единое образовательное пространство

Необходимость интеграции образовательных систем различных стран является одним из актуальных трендов современного развития мирового сообщества. Понятно, что вызовы глобализирующегося мира не оставляют шанса на

[1] Аветисян Паркев Сергеевич – д.филос.н., к.ф.-м.н., профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук России, Российской академии естественных наук, проректор по науке Российско-Армянского (Славянского) университета. E-mail: pavetisyan@rau.am.

Мария Игоревна Заславская – д.соц.н., профессор, профессор кафедры прикладной социологии Ереванского государственного университета. E-mail: zaslavm1@gmail.com

Галикян Гагик Эдуардович – к.филос.н., доцент, заведующий кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета. E-mail: ggkgal@gmail.com

[2] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы развития РАУ в рамках научного проекта «Проблемы и приоритетные направления модернизации систем высшего образования РФ, РА и других стран ЕАЭС в контексте современных интеграционных процессов».

[3] Бауман 3. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Весь мир, 2004. – С. 42.

[4] Аветисян П.С. Формирование образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция). – Ереван: Гитутюн НАН РА, 2007. – С. 248.

выживание изолированных образовательных систем, и объединительная парадигма, по крайней мере, дает возможность их существования и продуктивного взаимодействия для дальнейшего развития. «В контексте … проблем и противоречий традиционных систем образования формирование единого образовательного пространства государств СНГ является не только ответом на вызовы глобальной экономики, политики, но и мощным инструментом консолидации обществ на постсоветском пространстве и за его пределами. В частности, формирование единого образовательного пространства СНГ как объективно обусловленный процесс находится в непосредственной связи с теми требованиями, которые предъявляет к образованию даже не сегодняшний, а завтрашний день», – пишет П.С. Аветисян[1]. Вызовы современной политической конъюнктуры ставят новые задачи перед интеграционными процессами. Сейчас на повестке стоит выработка приоритетных направлений и конкретных шагов для реализации возможностей экономической евразийской интеграции и, как следствие, создание основ и основных принципов по формированию единого евразийского образовательного пространства, в деле развития которого следует учитывать не только новые реалии, но и прошлые уроки попыток интеграции в единое образовательное пространство СНГ.

В пользу необходимости создания единого евразийского образовательного пространства имеется целый ряд объективных аргументов, таких, в частности, как существование в течение более полувека единого образовательного пространства, устоявшиеся традиции сотрудничества в едином языковом пространстве, общие вопросы адаптации к новым социально-экономическим реалиям и т.д.

Вместе с тем, ряд экспертов выделяет следующие основные проблемы, осложняющие процесс евразийской интеграции систем высшего образования. К первой группе проблем эксперты относят преодоление «наследия» советской образовательной системы, традиционно характеризуя его как тормозящее процессы реформирования[2]. Ко второй группе проблем эксперты относят факторы, возникающие в процессе реформирования системы, а именно: отсутствие необходимой инфраструктуры, обеспечивающей модернизацию образования; слабость законодательной базы как на национальном уровне, так и на межгосударственном уровне, проблемы финансирования образования[3]. Третью группу проблем можно отнести к специфике экономического и социального развития каждой из стран евразийского пространства и отсутствию единого подхода к реорганизации системы образования, а также отсутствию стратегий интеграции систем высшего образования стран ЕАЭС в единое пространство при сохранении специфики национальной идентичности[4].

При этом в качестве одного из действенных механизмов выхода из кризиса образовательных систем стран ЕАЭС и их интеграции на евразийском пространстве чаще всего негласно рассматривается механизм их европеизации. Иными словами, евразийская интеграция априори связывается с унификацией образовательных систем через европейскую интеграцию. Однако недостаточная продуманность решений в деле реорганизации высшего образования, отсутствие интеграционной образовательной парадигмы в каждой отдельной стране, недостаточная продуманность национальных доктрин образовательной системы приводят во многом к простому копированию опыта европейских стран, подражанию управленческим решениям соседних стран без учета собственной социокультурной специфики, переводу проблем в системе образования на популистский уровень без достаточного научного анализа последствий принимаемых управленческих решений.

Эту закономерность можно проиллюстрировать на примере внедрения Болонских принципов в национальные системы высшего образования стран постсоветского пространства.

Перспективы евразийской образовательной интеграции посредством европеизации образовательных систем постсоветских стран

Процесс реорганизации высшего образования на институциональном уровне в соответствии с Болонскими принципами идет практически во всех странах ЕАЭС. Отметим, что Болонские принципы на первый взгляд прописаны достаточно четко, и сводятся, в основном, к таким положениям, как введение двухуровневого образования, введение кредитной системы, контроль качества образования, расширение мобильности, обеспечение трудоустройства выпускников, обеспечение привлекательности европейской системы образования[5].

Обратимся к вопросу внедрения двухуровневого образования. В понимании реорганизации системы высшего образования в сторону европейской интеграции на территории стран постсоветского пространства как аксиома принималась необходимость ломки старой системы академических степеней (специалист – кандидат наук – доктор наук) и внедрение академических степеней бакалавра – магистранта – докторанта. В постсоветских странах началась радикальная ломка старой системы и не всегда внятно обоснованный переход на 6-летний цикл обучения специалиста (4 года бакалавриата + 2 года магистратуры) и некий аналог кредитной системы, что повлекло за собой внушительные финансовые расходы.

---

[1] Аветисян П.С. Формирование образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция). – Ереван: Гитутюн НАН РА, 2007. – С. 34.

[2] Пирогов А.И., Краснова Г.А., Филиппов В.М. Тенденции развития реформ высшего образования в странах СНГ. – М.: РУДН, 2008. – С. 20.

[3] Там же, с. 21.

[4] Там же.

[5] См., например: Кислицын К.Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России // Знание. Понимание. Умение. 2010. – № 11. Высшее образование для XXI века.

Между тем, в самой Европе, в странах – участницах Болонского процесса, процесс унификации академических степеней трактуется далеко не так однозначно, как в странах постсоветского пространства[1]. По мнению ряда экспертов «единая модель «бакалавр – магистр» не сможет удовлетворять требованиям XXI века. Большинство вузов Европы к такой модели не готовы, и этому … есть ряд причин»[2]. В самой Европе отношение к Болонскому процессу весьма неоднозначно. В Италии целый ряд университетов отказался от двухуровневого образования, в частности, Bologna Law School, Pavia Law School[3]. По словам проф. МГУ Дмитрия Малешина «В Болонском университете юристы хорошо знают латинский язык и предпочитают использовать слово profanatio, обосновывая отказ от двухуровневой модели образования. Нам остается надеяться, что у нас со временем все получится с юридической магистратурой, либо придется выбирать между «оболонят» и profanatio»[4].

В разных европейских странах имеется своя система академических степеней, на получение которых в разных областях знания требуется разное количество лет обучения. Общее число таких степеней в разных системах высшего образования насчитывает более нескольких десятков[5]. «Архитектура национальных систем, и унитарных, и бинарных, может быть очень сложной. В одной стране может существовать до 100 различных академических квалификаций и столько же программ обучения, связанных множеством «мостов». Важно отметить, что потенциальная европейская структура квалификаций не может быть проще, чем самая сложная из входящих в нее национальных систем»[6]. Сами модели европейского высшего образования также не универсальны. Можно выделить по крайней мере две основных модели европейского высшего образования: англосаксонскую «атлантическую» (или американскую) модель и континентальную европейскую модель[7]. Следовательно, и вопрос о европеизации высшего образования той или иной страны должен фактически трактоваться не столь прямолинейно, как это происходит во многих странах ЕАЭС, что можно проследить в целом ряде аналитических обзоров[8]. Ситуацию во многом можно охарактеризовать словами проф. МГИМО, заведующей кафедры Мировых политических процессов Марии Лебедевой: «В тех случаях, когда … происходит включение в Болонскую систему, возникает альтернатива: либо имитировать успешность перехода на Болонскую систему и «подогнать» реальность под выделенные параметры, либо исходить из здравого смысла и игнорировать, по крайней мере, часть предлагаемых рекомендаций»[9].

В этой связи интересен опыт реформ системы высшего образования в Грузии, который во многом может послужить предостережением от необдуманного внедрения инноваций в систему образования. Грузия пошла по пути внедрения кальки англосаксонской системы высшего образования. В результате была упразднена академическая степень доктора наук, и все доктора и кандидаты были приравнены к степени Доктора философии (PhD). Более того, в целях уменьшения уровня централизации высшего образования была упразднена Высшая аттестационная комиссия, присуждающая ученые степени, и эта функция была передана Ученым советам действующих университетов. В результате сложилась ситуация, которую охарактеризовал в своем аналитическом обзоре чл.-корр. РАН Аскольд Иванчик следующими словами: «В Грузии, однако, как и в России, существует множество университетов, научный уровень которых ниже всякой критики, и эти университеты, как и все остальные, получили право присуждать степень. Очень скоро докторская степень в Грузии полностью утратила квалификационное значение, которое должна иметь. Напротив, авторитет степеней, полученных до реформы, возрос: говоря о степени своего коллеги, грузинские ученые теперь уточняют, когда она была получена. В результате в Грузии к настоящему моменту по сути дела есть лишь один диплом, имеющий квалификационное значение, — магистерский. Докторская степень сохраняет такое значение лишь формально: она полностью дискредитирована»10. Согласно Д. Малешину «получается, что двухуровневая система практически не имеет никакого отношения к улучшению качества образования. Это сугубо геополитический проект, выступающий скорее средством в международной конкуренции в образовательной сфере. Его предназначение – пре-

---

[1] См., например, Академические степени в странах – участницах Болонского процесса: Информационные материалы / Сост. В.И. Богословский, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.

[2] Шеховцов А.Н., Шеховцова Н.А. Традиции Болонского университета и современный болонский процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. – № 1. – С. 151–157.

[3] Малешин Д. Магистральное заблуждение: О кризисе юридического образования и глобальной конкуренции // Новая газета. – М., 2015. – № 87, 14 августа. – http://www.novayagazeta.ru/comments/69543.html

[4] Там же.

[5] См., например, http://www.regionacadem.org/index.php?view=article&catid=13%3A2011-09-05-18-16-48&id=56%3A2011-12-26-08-59-57&format=pdf&option=com_content&Itemid=8&lang=ru

[6] Шеховцов А.Н., Шеховцова Н.А. Традиции Болонского университета и современный болонский процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. – № 1. – С. 154.

[7] См.: Аналитическая справка о государственной политике в сфере управления высшим образованием в странах ОЭСР и ЕС и институциональных моделях управления университетами в новых условиях функционирования высших учебных заведений. – http://comparative.edu.ru/9080/PortalWeb/document/show.action;jsessionid=E1AB0F467D43F0A66F7102000D265D63/document.id=1239

[8] См., например, Степанова Е. Обсуждение успешности Болонской реформы в российском образовании // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. – № 4. – С. 56–60; Джапарова Р.Н. Дальнейшее реформирование системы высшего образования в Кыргызстане: концептуальное видение на период до 2020 г. // Реформа. – Бишкек, 2009. – № 1. – С. 58–66; Готовность белорусского высшего образования к вступлению в ЕПВО: Альтернативный доклад. 2014 / Общественный Болонский комитет. – http://eurobelarus.info/files/userfiles/5/OBK-Belarus_RA_2014.pdf; Реформирование высшего образования в Казахстане и Болонский процесс: информационные материалы для практических действий. – Алматы, 2009 и др.

[9] Лебедева М.М. // Болонский процесс: проблемы и перспективы. – М.: Оргсервис, 2006. – С. 4.

[10] Иванчик А.И. Реформы образования и науки в России и в Грузии: кому надо и кому не надо подражать. – http://archives.colta.ru/docs/14183

доставление естественных конкурентных преимуществ вузам, осуществляющим образовательную деятельность на английском языке»[1].

Этот аспект имеет непосредственное влияние на реализацию еще одного болонского принципа – стимулирования студенческой мобильности. Вызовы для евразийского образования этого аспекта болонского процесса можно охарактеризовать в контексте российского образования следующим образом: «Чтобы мобильность – эта безусловная ценность и неоценимое благо – Болонского процесса стала реальностью российского образования, самого этого процесса совершенно недостаточно. Второе условие ее реализации – экономический рост. Нужны деньги на то, чтобы поехать студенту в Европу, ибо Европа никому не обязана подавать милостыню, и платить надо нам самим. А с другой стороны, наше образование совсем не привлекательно, чтобы иностранцы, узнав о том, что у нас можно получить степень бакалавра, рванули за большие деньги учиться в Россию. … Устаревшая материальная база (как образовательная, так и социальная), низкооплачиваемый – и потому малоквалифицированный – преподавательский труд, отсутствие самой элементарной безопасности студента в условиях повышенной криминогенности поведения родного образованного общества. Так что, пока, к сожалению, мы от Болонского процесса получим только трудности, включая отъезд самых талантливых студентов за границу»[2]. Другой аспект – это то, что чрезмерное стимулирование мобильности также влечет непредсказуемые последствия. На примере современных европейских университетов изменившуюся социокультурную атмосферу можно охарактеризовать следующими словами Михаила Маяцкого, исследователя при Фрибургском университете в Швейцарии: «весь новый университетский режим зиждется на мобильности, возведенной в самоцель. Студент, который получил и бакалавра, и магистра в одном университете или, чего доброго, на одном отделении факультета, да еще и не съездив на пару семестров за границу, — отныне рассматривается как безынициативный лентяй»[3]. А следствием этого является появление разнородных по составу студенческих групп, в особенности, в магистратуре, где преподаватель вынужден преподавание реализовывать для каждого студента в соответствии с его уровнем знаний и спецификой его образования. Приходится часто отказываться от групповой работы, что не способствует повышению качества образования. В этом контексте проблему можно проиллюстрировать вопросом координатора по Болонскому процессу МГИМО проф. Г.И. Гладкова: «Не может ли сложится так, что, к примеру, социолог в одной стране будет знать одних авторов и их теории, а в другой – совсем иных и другие социологические теории, и потом, когда два бакалавра окажутся за одним столом в магистратуре, они почти не будут профессионально понимать друг друга?»[4].

Еще более проблемной является ситуация, связанная с коммерциализацией университетов. Согласно мнению Г.Э. Галикяна, целый ряд факторов реформирования высшей системы образования приводит к тому, что «…выдвигается (как альтернатива «Гумбольдта»[5]) новая прагматическая модель университета, которая должна «в полной мере» адаптировать университет к современным условиям, развивая концепцию «предпринимательского» университета»[6]. «Из «фабрики мыслей» университеты превращаются в «фабрики информации», а вернее, – в универсамы по ее рекламе и продаже, в «предпринимательские университеты»[7]. По мнению экспертов «на процесс коммерциализации образования наиболее существенное влияние оказывают, с одной стороны, проводимая Европейским союзом образовательная политика, с другой стороны, стремление Всемирной торговой организации вовлечь образование в условия рынка. ЕС воспринимает образование в первую очередь как фактор, определяющий степень конкурентоспособности и динамичности развития экономики страны, как фактор соперничества на глобальном рынке труда … Образовательная политика большинства государств СНГ нацелена на скорейшее включение национальных образовательных систем в рыночную среду. Это подтверждается разработкой и реализацией в СНГ новых либеральных экономических механизмов...»[8]. Ясно, что страны ЕАЭС в настоящее время не могут составить достойную конкуренцию университетам европейского пространства в аспекте вложений в систему образования, и коммерциализация университета в постсоветских странах стремительно развивается. Между тем, в европейских странах в рамках «континентальной» модели университеты финансируются в основном из государственного бюджета, обеспечивая, в частности, бесплатное образование, как в Германии, а в рамках «англосаксонской» модели – через сложную структуру налогообложения и поощрения меценатства.

На индивидуальном уровне последствия этой коммерциализации можно охарактеризовать словами Э. Фромма «Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и постижению как таковым, а знание того, что повышает меновую стоимость — вот побудительный мотив получения более широкого образования»[9]. Отсюда на микроуровне воз-

---

[1] Малешин Д. Магистральное заблуждение: О кризисе юридического образования и глобальной конкуренции // Новая газета. – М., 2015. – № 87, 14 августа. – http://www.novayagazeta.ru/comments/69543.html

[2] Докучаев И.И. Шесть принципов Болонской декларации и российское образование // Ученый совет. 2014. – № 10. – С. 75–82.

[3] Маяцкий М. От Болоньи до Болоньи, или Тупиковый процесс // Пушкин. 2009. – № 2. – С. 23–27. – http://www. russ.ru/pushkin/Ot-Bolon-i-do-Bolon-i-ili-tupikovyj-process

[4] Гладков Г.И. Болонский процесс в России: «дорожная карта» // Болонский процесс и его значение для России. – М.: РЕЦЕП, 2005. – С. 79–80.

[5] Фундаментальные принципы модели классического университета Гумбольдта – это академическая свобода и единство преподавания и исследования (см., например, Строгецкая Е.В. Идея и миссия современного университета // Вопросы образования. 2009. – № 4. – С. 61–87).

[6] Галикян Г.Э. Новая модель университета: возможна ли она? // Научный потенциал. 2015. – № 2 (19). – С. 3–7.

[7] Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. – М.: Алетейя, 2009. – С. 146.

[8] Власов А.В., Пивовар Е.И. Некоторые аспекты реформы высшей школы на постсоветском пространстве // Центр по изучению стран постсоветского зарубежья РГГУ. – http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=42

[9] Фромм Э. Человек для себя. – М.: Коллегиум, 1992. – С. 78–79.

никает еще одна проблема: снижение престижности в обществе статуса преподавателя, который по своей функциональности начинает приравниваться к статусу продавца знаний, а значит, и снижается моральное право преподавателя как агента социализации. Между тем, проблема актуальна не только для стран постсоветского пространства. Профессор Пизанского университета Стефано Гардзонио полагает, что «жесткое применение принципов производительности, функционирование университета как предприятия, преобладание менеджерского подхода над чисто культурно-познавательным, могут быстрыми темпами привести в кризисное состояние некоторые дисциплинарные области»[1].

«Преподаватель университета вынужден искусственными методами создавать привлекательность учебной дисциплины для студента, который еще недостаточно ориентируется в своей предметной области. Повышение интереса к предмету у студентов начинает основываться на механизмах рыночной логики, апеллированию к поверхностным характеристикам, которые могут затронуть интерес у потребителя…, преподавание научных дисциплин в системе высшего академического образования начинает приобретать целевые установки привлечения как можно большего числа студентов, часто в ущерб их профессиональной подготовке»[2]. «Преподаватель вынужден, согласно законам рынка, «упаковать» свой предмет в «привлекательную для студента упаковку», которая не предусматривает демонстрации таких характеристик дисциплины, как сложность, трудность усвоения, необходимость больших временных затрат на понимание материала и т.п. Ясно, что покупатель, особенно мало искушенный в торговле, постарается приобрести товар по возможно низкой цене и в возможно более красивой упаковке. И, как следствие, мы видим тенденции все более набирающей силу зрелищности в системе образования в противовес содержанию»[3]. Однако, по словам проф. А.М. Новикова, преподаватель «…добивается успеха не песнями и плясками, не «показательными уроками», а повседневным трудом, своей компетенцией, силой своего интеллекта и характера…»[4].

Происходит в определенном смысле унификация списка «модных» дисциплин, рассчитанных на привлечение большего количества студентов, особенно в области бизнеса и менеджмента, который старается включить в свои учебные планы всякий университет, старающийся не отставать от модных сейчас трендов. «В своей Теории необразованности Конрад Лисманн саркастически замечает, что торжествующая «ориентация на жизнь» привела к такой униформизации университетских программ, что всякая потребность в мобильности скоро отпадет. В каком университете сегодня не встретишь курса «Business & Ethics» (или его более лаконичного собрата «Business Ethics»)? Какие гуманитарные факультеты не оборачивают свои почтенные и такие разные науки в якобы лучше продаваемые упаковки *à la Cultural Studies*?», – пишет М. Маяцкий[5].

Недостаточно продуманные нововведения в систему высшего образования создают целый ряд проблем в процессе университетского обучения. Так, по мнению преподавателей точных наук, изобилие образовательных методов, технологий и целевых установок на постоянную их изменчивость и модернизацию вовсе не гарантирует качество профессиональной подготовки студента современного вуза. Точные науки более консервативны в том смысле, что они включают в себя определенную фундаментальную составляющую, трудно поддающуюся инновациям[6]. Можно, конечно, из года в год пытаться по-новому доказать фундаментальные математические теоремы, как привнесение инновации в процесс обучения математическим наукам, однако, польза от таких нововведений кажется весьма сомнительной[7]. Возникает противоречивая ситуация, связанная с «внутренним конфликтом институтов инновации и образования, поскольку институт образования по сути своей консервативен. Чтобы транслировать знание, необходимо достичь его определенной устойчивости»[8].

И это во многом определяется тем, что «в современном университете существует фундаментальное противоречие между прагматическими стремлениями и идеальным смыслом, иначе говоря, между аппаратом управления и про-

---

[1] Bratti M., Checchi D., de Blasio G. Does the Expansion of Higher Education Increase the Equality of Educational Opportunities? Evidence from Italy / Research paper. – Bonn, 2008.

[2] Заславская М. Особенности преподавания количественных методов в социологии // Вестник ЕГУ. Социология, экономика. – № 3 (18). – Ереван: ЕГУ, 2015. – С. 21–29.

[3] Там же.

[4] Новиков А. М. Инновации в образовании: «за» и «против» // Инновационное образование : теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 дек. 2011 г. / Редкол.: С.А. Аксючиц и др. – Минск: АПО, 2011. – С. 155.

[5] Маяцкий М. От Болоньи до Болоньи, или Тупиковый процесс // Пушкин. 2009. – № 2. – С. 23–27. – http://www.russ.ru/pushkin/Ot-Bolon-i-do-Bolon-i-ili-tupikovyj-process

[6] О ситуации в университетах в отношении точных наук свидетельствуют сравнительные данные о проходных баллах по различным специальностям в вузах Армении, с которыми можно ознакомиться на сайте Министерства Образования и Науки РА – http://www.edu.am/index.php?menu1=484&menu2=486&arch=1, а также на сайте Ереванского Государственного Университета – http://ysu.am/uploaded/2015.pdf. В России также проблема весьма актуальна. По словам ректора МГУ В.А. Садовничего, самыми популярными факультетами МГУ остаются экономический, государственного управления и факультет иностранных языков и регионоведения (см.: http://www.online812.ru/2011/08/01/003/). В отношении профессии инженера и специалистов в области точных наук эту проблему для российского общества озвучил Д. Медведев несколько лет назад: «К сожалению, престиж этих профессий за определенные годы очень сильно поблек» (см.: http://www.online812.ru/2011/08/01/003/). Такая же ситуация складывается и в других странах постсоветского пространства, в частности в Казахстане конкурс на гуманитарные специальности в разы превышает конкурс на точные и естественные науки. Подобную информацию можно проследить по статистике, касающейся конкурсов в различные вузы страны по специальностям за 2015 год (см.: http://www.krsu.edu.kg/abit/a_rating).

[7] Заславская М. Особенности преподавания количественных методов в социологии // Вестник ЕГУ. Социология, экономика. – № 3 (18). – Ереван: ЕГУ, 2015. – С. 21–29.

[8] Курманов А. В. Использование инновационных образовательных технологий как ключевой критерий развития личности педагога // Инновационное образование: теория и практика / Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 дек. 2011 г. / Редкол.: С.А. Аксючиц и др. – Минск: АПО, 2011. – С. 115.

фессурой»[1]. Вообще говоря, можно предположить, что во многих аспектах общественных отношений необходимость легитимации в институциональной среде (рассматриваемой в мировом масштабе) приводит к «излишнему» администрированию, часто негативно сказывающейся на внутренней идентичности. Легитимация через давление окружающей среды – это конкретный процесс стандартизации, увеличивающий способность выживания университетов, когда сам процесс и становится главной целью. За всем этим проблема самосовершенствования становится менее актуальной, и тем самым, наблюдается потеря университетами тренда в развитии собственной уникальности. Она заменяется стремлением занять определенное место в системе рейтингования университетов или стремлением повысить свой рейтинг. При этом «большую часть ресурсов и усилий университеты затрачивают на то, чтобы занять более высокую строчку в рейтинге эффективности исследований согласно критериям их качества и, как следствие, уделяют меньше внимания контролю релевантности исследований, преподаванию, обучению и другим функциям высшего образования»[2]. Однако нужно признать, что рейтинги – неотъемлемая часть процесса стандартизации и выступают они «нормативной системой оценки, направленной на формирование систем высшего образования в соответствии с однозначно заданными критериями»[3]. Последствием всего этого становится меньшая ориентированность университетов на совершенствование собственных механизмов и подходов для саморазвития. С другой стороны, ориентация университета на примеры организации вузов, занимающих верхние строчки в рейтингах, задача весьма непростая. Не умаляя значения подобной тенденции, в особенности, учитывая тот факт, что для постсоветского образовательного пространства это было, может быть, единственным шансом вписаться в «мировую лигу» высшего образования, в то же время отметим, что это может привести и приводит к тому, что в этом соревновании университеты постсоветского пространства во многом проигрывают и скорее всего будут проигрывать, так как «…лучшие исследователи и наиболее качественные исследования сосредоточены в нескольких университетах, что снижает шансы других университетов создать исследовательские мощности высокого уровня в избранной области науки; тем самым рейтинги способствует еще более резкой иерархизации высших учебных заведений»[4]. Это, как показывает действительность, вынуждает правительства постсоветских государств создавать специальные условия для вхождения «элитных» национальных университетов в лучшую сотню. Между тем, анализ методологии оценок рейтинга университетов показывает целый ряд недостаточно объективных критериев оценки вуза в различных, в том числе и престижных системах рейтингования, в методике построения которых можно проследить определенные политические факторы, влияющие на конкретные результаты рейтингования[5]. Таким образом, реформирование евразийских вузов в целях повышения рейтинга в той или иной системе, не всегда способствует повышению эффективности их работы.

О некоторых последствиях реформирования образовательных систем

Резюмируя вышеприведенный анализ, обратимся к исследованиям, оценивающим результаты воздействия реформирования на качество образования. Отметим, что количество подобных исследований весьма скудно, и, несмотря на одну из целевых установок Болонского процесса, такую, как повышение качества образования, критерии оценки качества образования весьма спорны, слабо разработаны и расплывчаты. Анализ стран мира по Индексу уровня образования (Education Index), комбинированному показателю Программы развития Организации Объединенных Наций (UNDP)[6] показывает весьма удручающую динамику для многих стран ЕАЭС. Например, Армения с 2012 по 2013 снизила показатель уровня образования, спустившись с 56-го на 63-е место[7], Казахстан – с 35 на 44. Напротив, Беларусь, которая формально еще не присоединилась к Болонскому процессу, поднялась в рейтинге с 52-го на 21-е место; Россия улучшила свой показатель с 49-го до 36-го места[8]. Однако, в самой России оценка проводимых реформ весьма противоречива. Например, согласно экспертному опросу, проведенному Центром научной политической мысли в сентябре 2015 года среди 154 представителей различных научных отраслей, кандидатов и докторов наук, профессоров, по сравнению качества подготовки выпускников учебных заведений до и после присоединения России к Болонской системе, эффективность системы образования ухудшились более чем в два раза (см. рис.1).

Многие эксперты связывают проблемы трансформации систем образования как на институциональном, так и на индивидуальном уровне с общественными трансформациями на макроуровне. О механизмах реализации Болонского процесса в странах Европы симптоматично замечание проректора МГУ В. Миронова: «любопытно, что инициаторами Болонского процесса выступили министры образования, а не сами образовательные структуры»[9]. В этой связи проф. МГИМО, эксперт по вопросам образования Татьяна Панфилова пишет о ситуации в России: «Драматизм нынешнего положения вещей я усматриваю в том, что для проведения реформ в системе образования создан особый слой чинов-

[1] Барнетт Р. «Осмысление университета» // Alma Mater. 2008. – № 6. – С. 50.

[2] Тайхлер У. Многообразие и диверсификация высшего образования // Вопросы образования. 2015. – № 1. – С. 30.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См., например, Harvey L. Rankings of Higher Education Institutions: A Critical Review // Quality in Higher Education. 2008. – Vol. 14, N 3, November. – P. 186–207.

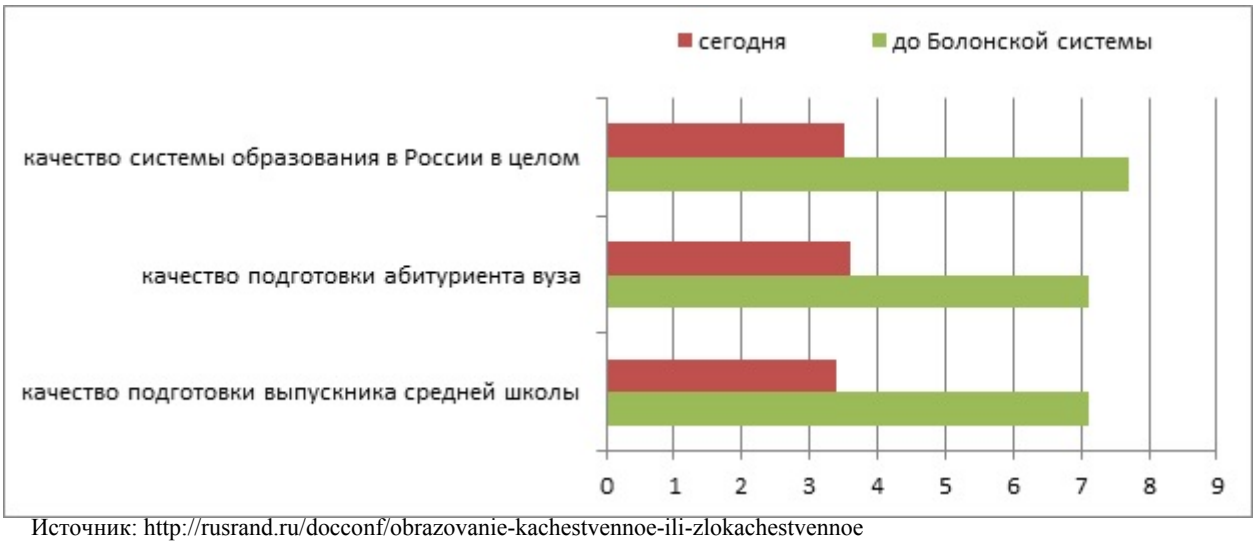
[6] Индекс измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня образования ее населения по двум основным показателям: 1. Индекс грамотности взрослого населения (2/3 веса); 2. Индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образования (1/3 веса). См.: http://nonews.co/directory/lists/countries/education

[7] См.: http://nonews.co/directory/lists/countries/education

[8] Там же.

[9] Миронов В. Болонский процесс и национальная система образования // Мировой Общественный Форум «Диалог цивилизаций». Вестник, 2006. – № 1. – С. 236–245.

ников, поставленных над учебным процессом ради “тотального управления” им. Тем самым они, во-первых, приобретают самодовлеющее значение; а во-вторых, они будут проводить реформы во что бы то ни стало, даже если их результатом станет разрушение системы образования, превращение образовательных учреждений в экономические корпорации. Их способность критически оценивать предпринимаемые действия резко снижена, если не сказать “атрофирована”»[1].



Источник: http://rusrand.ru/docconf/obrazovanie-kachestvennoe-ili-zlokachestvennoe

Рисунок 1.
Экспертная оценка результатов реформы системы образования

Похожая ситуация сложилась во многих странах евразийского пространства. Реформы проводятся чаще всего без скрупулезного анализа их последствий и оценки тех выгод и потерь, которые они дают. Отчеты по вопросам интеграции представляют собой чаще всего перечень договоров как на государственном, так и на институциональном уровнях без представления реальных результатов их реализации. В этом контексте примечательно мнение проф. А.М. Новикова, который считает, что «система образования по своей природе консервативна. Она не может и не должна «шарахаться» из стороны в сторону в зависимости от политической, экономической и т. п. конъюнктуры»[2]. По мнению ученого, любые нововведения в процессе образования необходимо тщательно подготавливать, выверять и проводить согласно требованиям научного эксперимента[3]. А.М. Новиков считает, что «инновации должны быть продуманными, выверенными, научно обоснованными. А то, что мы имеем сегодня — это лишь мода, «трескотня» по поводу «инноваций», что ведет не к созиданию, а к разрушению»[4]. И действительно, «отсутствие тщательно продуманного понимания вектора трансформаций системы высшего образования ведет не к созданию собственной модели, а к разрушению старой устоявшейся модели со своими плюсами и минусами и созданию некого подобия модели образовательной системы, часто просто копирующую процедурные, формальные аспекты действующих моделей в других странах и акцентированию количественных показателей в деле реорганизации высшего образования»[5].

Заключение

Таким образом, поле для евразийской интеграции образовательных систем весьма противоречиво, оно вобрало последствия многих малопродуманных шагов по трансформации институтов высшего образования, разнородных по своей направленности, мало согласованных, во многом носящих формально-показной характер. В свете проведенного анализа можно заключить, что трансформационные процессы в образовательных системах стран евразийского пространства могут растерять суть вектора евразийской интеграции, раствориться в процедурных нововведениях и погоне за показной деятельностью. Фактически идея единого евразийского образовательного пространства может вылиться в очередной политический проект, когда реальные выгоды от сотрудничества утонут в море разнонаправленных и по сути своей бесцельных нововведений.

В результате проведенного анализа мы можем заключить следующее:

– Назрела необходимость создания Координационного центра для реализации дальнейших шагов в направлении создания евразийского образовательного пространства на основе сетевой структуры, а не иерархической модели

[1] Панфилова Т.В. Реформирование высшего образования в России: демократизация или бюрократизация? // Общественные науки и современность. – М., 2010. – № 4. – С. 65–72.

[2] Новиков А.М. Инновации в образовании: «за» и «против» // Инновационное образование: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 дек. 2011 г. / Редкол.: С.А. Аксючиц и др. – Минск: АПО, 2011. – С. 151.

[3] Там же, с. 152.

[4] Там же, с. 157.

[5] Заславская М. Особенности преподавания количественных методов в социологии // Вестник ЕГУ. Социология, экономика. – № 3 (18). – Ереван: ЕГУ, 2015. – С. 21–29.

«центр-периферия». Для этого целесообразно, чтобы Центр функционировал как представительство всех стран евразийского пространства на паритетной основе.

– Необходимо создание международной исследовательской группы по вопросам образования, целью которой будет исследование и предложение конкретных шагов по реорганизации образовательных систем в направлении их интеграции для каждой страны или региона евразийского пространства, оценка возможных рисков от их реализации и прогнозирование дальнейшего развития интеграционных образовательных процессов на евразийском пространстве.

– Целесообразно стимулировать интеграцию образовательных систем евразийского пространства не в направлении унификации образовательных услуг, а наоборот, диверсификации предметных областей образовательной сферы, которые должны коррелировать с основными нуждами рынка труда в конкретном регионе, отражать социально-культурную специфику региональной образовательной системы и представлять экономический интерес как для конкретного региона, так и в перспективе всего объединения в целом.

– Необходимо выработать совместную политику по отношению к проблемам международного рейтингования университетов с целью выработки приоритетных направлений трансформации образовательного пространства стран ЕАЭС с учетом как возможностей стран-участниц, результатов и достижений уже реализованных трансформаций, так и стимулирования перспективного развития университетов в едином образовательном пространстве.

Авцинова Г.И.[1]

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ключевые слова*: безопасность, общественная безопасность, гражданское общество, молодежь, протестная активность, информационная война, политическая социализация, обеспечение общественной безопасности, взаимодействие гражданского общества и государства, консолидация общества.*

Keywords: *safety, public security, civil society, youth, protest activity, information warfare, political socialization, public security, the interaction of civil society and the state, the consolidation of society.*

В статье внимание будет сфокусировано на раскрытии следующих положений, анализ которых автор считает наиболее теоретически, практически и политически востребованными в современных условиях России в контексте поиска направлений обеспечения безопасности страны и общественной консолидации:

1. В современных условиях актуализация проблем обеспечения общественной безопасности должно быть предметом особого внимания со стороны представителей власти разного уровня, а также структур гражданского общества;

2. Перманентное совершенствование деструктивными силами методов вовлечения молодежи в протестные акции, использование технологии «мирного гражданского неповиновения» в качестве пускового механизма смены политического режима, властвующей элиты и разрушения существующей институциональной и ценностной системы, объективно обусловливает необходимость смены парадигмы взаимодействия власти и гражданского общества;

3. В условиях беспрецедентной информационной войны необходимы новые подходы к процессу политической социализации и управление этим процессом.

Исследование безопасности сопряжено с большими трудностями. В анализе этого многомерного феномена необходимо считаться с его сложной структурой. В научной и справочной литературе выделяют национальную, социальную, экономическую, государственную, военную, информационную, экологическую, техногенную, демографическую, культурную, правовую, продовольственную и многие другие виды безопасности. Многомерность феномена обусловливает и многообразие методологических подходов к трактовке его сущности и содержания. Философский подход позволяет сфокусировать внимание исследователей на общеметодологических аспектах и принципах безопасности, однако этот исследовательский инструментарий не столь популярен. Например, в «Новой философской энциклопедии»[2] это понятие вообще отсутствует. Институциональный и политико-правовой аспекты нацеливают на изучение положений Конституции, Федеральных законов, материалов Национальных Стратегий и Концепций развития, деклараций, обращений, совершенствование нормативно-правовой базы, анализ функций государственных, общественных институтов и организаций. Набирают популярность культурологический, психологический, идеологический, духовно-нравственный, биологический, медицинский, продовольственный подходы к анализу безопасности.

В подавляющем большинстве публикаций, в том числе в официальных документах, безопасность определяется как «состояние защищенности». В качестве примера сошлемся на типичное определение этого понятия в «Социологической энциклопедии». Безопасность – «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», «предполагающее установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнерства»[3]. В «Политической энциклопедии»[4] акцент делается на обеспечение реальной защищенности социума от опасностей, угроз и других неблагоприятных факторов. Безопасность – это «состояние **надежной (**выделено мною – АГИ**)** защищенности жизненно важных интересов и коренных основ существования личности, общества и государства, а также мирового сообщества от внутренних и внешних угроз».

Акцентуация на компоненте защищенности, который переносится на ту или иную сферу или общественный сегмент (экономику, культуру, политику, военную, образовательную, технологическую области и др.), отражает традиционные характеристики безопасности как состояния, при котором отсутствует или минимизирована опасность. Ценность такого подхода состоит в том, что внимание фокусируется на отсутствии условий и агентов, вносящих дис-

---

[1] Авцинова Галина Ивановна – д.филос.н., профессор, профессор кафедры политологии и международных отношений Российского государственного социального университета. Сфера научных интересов – радикализм, социокультурные аспекты политических процессов и отношений, социальные инновации, социальная политика, социально-правовое государство, гражданское общество, взаимодействие гражданского общества и государства. E-mail: avtsinov@rambler.ru.

[2] См.: Новая философская энциклопедия. В 4-х т. / Научно-редакционный Совет академик РАН В.С. Степин, член-корр. РАН А.А. Гусейнов, д. полит. н. Г.Ю. Семигин. Т. 1. – М.: Мысль, 2000.

[3] См.: Социологическая энциклопедия. В 2-х т. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – Т. 1. – С. 83.

[4] См.: Политическая энциклопедия. В 2-х т. / Рук. научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – С. 104.

функцию и дестабилизацию в деятельность властных структур и институтов гражданского общества. Однако данная теоретическая конструкция не реалистична, ибо в политической деятельности всегда есть угрозы, опасности и риски. Более того, это – один из самых рискогенных видов деятельности. Кроме того, состояние защищенности не всегда адекватно отражает реальную ситуацию, объективные процессы и тренды развития. Например, эффективная государственная информационная и пропагандистская политика, дозированная для широкой общественности, может создать у населения иллюзию военной мощи, непобедимости государства, самого справедливого политического строя, самой профессиональной элиты и т.д., субъективно обусловливая чувство защищенности.

В документе «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации», принятом в 2013 году, обеспечение общественной безопасности провозглашается одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности страны. В документе под общественной безопасностью традиционно понимается «состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[1]. И в новом документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года безопасность ассоциируется с состоянием «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, … достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие» страны[2].

Иной подход к анализу интересующего нас феномена представлен в Энциклопедическом словаре «Безопасность Евразии». В нем безопасность трактуется как «состояние, явные и латентные тенденции развития и условия жизнедеятельности социума», его структур и институтов, при которых «обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование»[3]. Автор солидаризируется с позицией тех исследователей, кто трактует безопасность не как отсутствие опасностей, а как способность государственных и общественных структур адекватно реагировать на новые вызовы и риски, непосредственно угрожающие стабильности и развитию социума в целом и отдельным его сегментам. Более эффективным является подход, при котором на первый план выходит не общественная сфера, в которой необходимо обеспечить безопасность, а сама безопасность: безопасность государства, безопасность личности, безопасность общества, безопасность дорожного движения, безопасность предоставления медицинских услуг и т.д. В таком подходе феномен безопасности предстает как система гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие всего общества и отдельных сфер в результате эффективной деятельности соответствующих структур.

Сложности вычленения ценностно-смыслового ядра феномена безопасности обусловлены еще и тем, что ее разновидности тесно связаны между собой и обусловливают друг друга, что нашло адекватное отражение в «Стратегии национальной безопасности России до 2020 года». Однако частичное совпадение решаемых задач по трансляции и защите национальных, государственных интересов институтами и структурами, призванными обеспечить установление той или иной разновидности безопасности, привело к понятийно-категориальной путанице. Особенно это относится к понятиям «государственная безопасность» и «общественная безопасность». В «Стратегии национальной безопасности России» и ряде других официальных документах, а также в научной и публицистической литературе государственная и общественная безопасность не всегда четко разграничиваются, употребляются нередко как совпадающие и заменяющие друг друга понятия, что теоретически и практически оправдано лишь отчасти.

В 2013 году в «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» состояние общественной безопасности в стране характеризовалось «как нестабильное»[4]. Несмотря на предпринимаемые государством и обществом усилия, направленные на борьбу с противоправными деяниями, в документе констатировалось, что «необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут»[5]. В условиях новых цивилизационных вызовов и рисков, диффузии внутренних и внешних угроз безопасности, активизации попыток деструктивных сил сформировать негативный имидж России, дестабилизировать социально-политическую ситуацию, стимулировать экстремистскую идеологию, сепаратистские процессы и деятельность радикальных организаций внутри страны в обеспечении устойчивого развития государства на первый план выходит задача обеспечения именно общественной безопасности. Сложная криминогенная обстановка, высокий уровень коррупции, социального расслоения народа, опасность террористических атак и др. характеризуют внутриполитическую ситуацию. Политика транзита либеральной модели демократии, насильственной смены политических режимов в ряде государств с целью насаждения западных либеральных ценностей в иную, отличную от западной, социокультурную среду, привлечение структур гражданского общества к организации акций консолидированного протеста населения, активно осуществляемая сегодня на международной арене, предъявляет новые требования к обеспечению общественной безопасности.

На основании вышесказанного, можно дать следующее определении. Общественная безопасность – это целенаправленная, консолидированная деятельность государственных и общественных институтов по адекватному реагированию на новые вызовы и риски, созданию необходимых внутренних и внешних условий, обеспечивающих поступательное, динамичное развитие социально-политической системы, перманентный диалог всех заинтересованных сто-

---

[1] См.: http://www.kremlin.ru/acts/news/19653

[2] https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html

[3] См.: Безопасность Евразии – 2002. Энциклопедический словарь-ежегодник / Автор идеи и концепции, руководитель проекта В.Н. Кузнецов. – М.: Книга и бизнес, 2003. – С. 49.

[4] http://www.kremlin.ru/acts/news/19653

[5] Там же.

рон по выработке консенсусных технологий презентации и реализации интересов личности, общества и государства, сохранение и развитие гражданского мира, согласия, культурного и духовного наследия страны. Определение не претендует на бесспорность, что не исключает, а предполагает поиск новых ракурсов и подходов в попытках выявить сущность этого многогранного феномена. В авторском определении общественная безопасность трактуется не как защищенность от возможных вызовов и угроз, что вольно или невольно ориентирует на пассивность (кто-то или что-то обеспечит эту защищенность), а как целенаправленная и консолидированная деятельность по созданию условий, при которых эти угрозы будут минимизированы.

В современных условиях появились новые, эффективные формы выражения протестных настроений и протестной активности с использованием Интернета, социальных сетей, привлекающие молодежь (флешмоб, перформанс, хеппенинг, наномитинг). Появление новых методов вовлечения молодежи в протестные акции, нередкое использование институтов гражданского общества не для созидательных, а для деструктивных акций, успешное применение технологии «мирного гражданского неповиновения» в качестве пускового механизма смены политического режима объективно обусловливает необходимость смены парадигмы взаимодействия власти и гражданского общества. Сложившаяся с учетом национальных традиций российская модель гражданского общества нацелена на создание системы обеспечения интересов «общего» в отличие от западной модели, предполагающей объединение усилий каждого в интересах отдельной личности. И та, и другая модель функционирования гражданского общества не может быть однозначно эффективной или не эффективной. Западная модель олицетворяет больший динамизм и мобильность, ибо, реализовав свои интересы, совпадавшие на определенном этапе с интересами того или иного сообщества, индивид начинает искать другую общественную группу (организацию, союз, сообщество, ассоциацию), цели которой на данный момент совпадают с интересами дальнейшего развития личности. В российской модели доминантой является объединение людей для достижения общей цели, общего интереса, общего блага. При этом четких представлений о том, каков его личный, частный интерес в общегосударственном интересе может быть и не сформировано.

В 90-е годы в России было широко распространено мнение, что зрелость гражданского общества (кстати, термин и феномен гражданского общества – это продукт западной цивилизации) выражается в степени противостояния и противодействия власти. Это мнение не преодолено и сейчас. Характер взаимодействия институтов государства и гражданского общества оказывает непосредственное влияние на функционирование многоуровневой системы обеспечения общественной безопасности. Расширение влияния гражданского общества на процесс принятия и реализации политических решений, рост значимости общественного самоуправления, самоорганизации общества должны соответствовать новым требованиям консолидации общества. В условиях современной России приоритетное значение имеет определение реальных возможностей и степени гражданского участия в выявлении проблем и эффективных форм взаимодействия государства и институтов гражданского общества, которое возможно только в рамках сбалансированного подхода, исходя из особенностей функционирования данных институтов и специфики решаемых ими задач. Гражданское общество и государство, при всем их отличии, взаимодействуют друг с другом и зависят одно от другого. Без государства гражданское общество существовать не может, а государство без развитого гражданского общества не является демократическим. Разрушение государственности так же губительно для общества, как и дискриминация или блокирование его гражданской жизни. В реальной жизни разделение гражданского общества и государства достаточно условно. Недопустимо их антагонистическое противопоставление, хотя между ними и существуют определенные объективные противоречия, но они относятся к числу общецивилизационных. Каким бы демократичным ни было государство, оно всегда стремится к расширению сферы своего влияния, сферы своих полномочий, такова сущность этого политического института. Общество, ограждая себя от необоснованных, неоправданных притязаний со стороны государства, минимизируя стремление государственных институтов постоянно расширять сферы своих притязаний, контролировать всех и все, вырабатывает собственную систему сдержек и противовесов, свои механизмы ограничения деятельности государства. Это объективно обусловливает необходимость совместной выработки механизмов взаимодействия и согласования интересов, что возможно только в режиме перманентного преодоления возникающих противоречий между государственными и гражданскими институтами, властью и обществом. В режиме же их противостояния невозможно достичь гармонизации и реализации частных и общественных интересов, свободной конкуренции и социального равновесия в обществе, прав личности и гражданской ответственности. В науке разграничение этих сфер необходимо для того, чтобы исследовать механизмы общественной жизни, степень свободы и несвободы индивидов, определить уровень политического развития. Главное во взаимоотношениях государства и гражданского общества – это постоянное преодоление противоречий между ними в процессе перманентного диалога, выработка механизмов согласования интересов большинства, нахождение путей оптимального общественного взаимодействия и развития. Гражданское общество и государство призваны от поколения к поколению обеспечивать воспроизводство социально-политического и социокультурного пространства страны, создавать благоприятные условия самореализации индивидов и коллективов, способствовать гармонизации в реализации частных и общественных интересов и потребностей. Поэтому теоретически дискуссионным и политически недальновидным является противопоставление этих двух ведущих субъектов общественно-политической жизни, ассоциирование зрелого гражданского общества только со степенью его критичности в отношении государства и размахом протестных акций против его решений и действий. Конструктивный диалог и сотрудничество государства и гражданского общества вовсе не исключает, а предполагает конструктивную критику власти, ее решений и действий, общественного контроля над выполнением принятых решений. Эффективность такого контроля сегодня демонстрируют члены ОНФ. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года ставится задача консолидации гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как гуманизм, свобода, суверени-

тет, государственная целостность страны, межнациональный мир и согласие, социокультурное единство многонационального народа России, уважение семейных и конфессиональных традиций[1].

В современном мире появляются новые угрозы общественной безопасности, среди которых наиболее негативное воздействие на общество и личность оказывают угрозы деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур. Информационное пространство существенно повышает требования к качеству «человеческого фактора», ибо халатность, непрофессионализм, безответственность, корысть, ошибки и неточности одного человека могут повлечь за собой ошибки на уровне системы, иметь фатальные последствия. В условиях беспрецедентной информационной войны против России система выявления и анализа информационных угроз должна перманентно совершенствоваться. Информационная война вносит существенные коррективы и в процесс социализации подрастающего поколения. В подавляющем большинстве трактовок, закрепившихся на уровне учебников, словарей, справочных изданий социализацию связывают с приобщением и адаптацией человека к обычаям, ценностям и традициям общества. В информационную эпоху циркулирующая в обществе информация должна контролироваться. Сегодня не столько адаптация к среде, сколько выработка умений и навыков защищать, развивать и транслировать национальные ценности должны стать главной целью и смыслом процесса социализации. С учетом информационных угроз и вызовов, возрастающих в геометрической прогрессии, автор предлагает следующее определение социализации. Это перманентный процесс формирования и мониторинга усвоения личностью базовых коллективных ценностей, выработки умений и навыков их трансляции и защиты на всех уровнях взаимодействия личности и общества, осуществляемый государством, гражданскими институтами и личностью с целью воспитания гражданина с активной жизненной позицией, способного сделать осознанный выбор и нести за него ответственность. Субъект социализации может и должен быть не только объектом, но и активным актором, оказывающим воздействие на структурирование ценностей, жизненных позиций и ориентиров других акторов. Государство аккумулирует взаимодействия всех агентов социализации, определяет их общий вектор действий, который направлен на формирование и усвоение ценностей господствующей политической идеологии и культуры, лояльное отношение к правящему режиму. Гражданское общество усиливает состязательность и конкурентность этого процесса, что обусловливает возрастание вероятностного характера социализации. Различные социальные группы имеют специфические оценки политических реалий, выстраивая отношения агентов социализации исходя из своих предпочтений, возможностей, ресурсов, убеждений включения личности в политическую жизнь. Нередко конкуренция агентов социализации между собой и с государством рассматривается как однозначно позитивный фактор. Плюрализм позволяет человеку иметь альтернативные варианты выбора и реализации индивидуальной жизненной траектории развития. При этом важно, чтобы главные институты социализации создавали единую иерархическую систему, действовали в единой системе ценностей и координат. Трансляция акторами процесса социализации прямо противоположных смылообразующих идей и ценностей приводит к «разорванности» этого процесса, что содержит большую опасность социальных аномалий и девиаций, дисфункций и дестабилизации. Беспрецедентные масштабы информационной войны требуют консолидации всех сил и ресурсов на основе общенациональных ценностей и приоритетов для адекватного противодействия информационным атакам, своевременного отражения информационной экспансии и формирования гражданина, способного к постижению и совершенствованию своего индивидуального бытия, пониманию фундаментальных жизненных смыслов, освоению новых форм политического позиционирования интересов государства и человека. Конструктивное взаимодействие государства и гражданского общества должно быть направлено на формирование патриотизма, сопричастности общему делу, самодостаточности личности, способной на социально значимые поступки и деятельность на благо Отечества, национальной гордости и ответственности за судьбу страны. В брошюре «Промывание мозгов. Изложение русского руководства по психополитике», изданной еще в 1955 году, констатировалось: «Если вы сможете убить национальную гордость и патриотизм в подрастающем поколении, вы завоюете эту страну». Умение гармонично сочетать личные и общественные интересы через осознание государственных интересов, понимать свою роль в событиях и процессах государственной, общественной значимости, блокировать разрушительные тенденции и поддерживать созидательные приобретают особую значимость в условиях информационной войны.

На современном этапе в обеспечении общественной безопасности первостепенная роль принадлежит корректировке политического курса в направлении создания более благоприятных условий жизнедеятельности для широких социальных слоев, разработки и реализации долгосрочных программ в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения с учетом специфики развития российского социума. Представителям власти необходимо более оперативно реагировать на неудачные проекты реформирования с целью их корректировки (например, в области здравоохранения, образования, введения ЕГЭ и др.) Это позволит реализовать политику и идеологию общественного согласия, вселить уверенность в перспективы лучшего будущего.

Автор считает непродуктивной идею возрождения государственной идеологии, высказанную некоторыми исследователями и практиками. Помимо того, что эти предложения противоречат действующей Конституции РФ, важно и еще одно обстоятельство. Идеология как форма корпоративного мышления, транслирующая и навязывающая обществу свою систему ценностей, которая преподносится как единственно возможная, изжила себя. Сегодня наблюдается «идеологическая конвергенция», диффузия идеологий, заимствование идей, поэтому в современном мире нет «чистого» либерализма или консерватизма или социализма. Современные либералы давно признают регулирующую роль государства, планирование, социализированный рынок, консерваторы взяли на вооружение идею развития и изменений, а социалисты не отрицают важности многообразия форм собственности, в том числе частной, эффективность

[1] https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html

эволюционного развития общества вместо революционного пути. На Западе тактико-стратегическая деятельность и либералов, и консерваторов базируется на единой ценностной основе. Но общество не может существовать без системы ценностей, оно всегда нуждается в «великом, смыслообразующем мифе» (Ж. Сартр), требует «идеологической уверенности, без этого не будет консенсуса, не будет смысла намерениям» (Г. Лодж). При сохранении идеологического плюрализма, в обществе должна быть сформулирована и транслирована общая система консолидационных ценностей, позволяющих формировать ответственного, активного, социально ориентированного гражданина, обладающего чувством собственного достоинства, гордости за страну, уважительного отношения к ее истории, дееспособным мироощущением.

В современных условиях количество национально-ориентированных интеллектуалов существенно возросло по сравнению с 90-ми годами XX века, когда, напротив, доминировали западно-ориентированные интеллектуальные слои, транслировавшие западные, либеральные технологии и ценности, как единственно возможные и эффективные для любой, в том числе и российской политической и социокультурной среды. Сегодня блок национально-ориентированных интеллектуалов, бюрократии и социально ориентированного бизнеса может и должен стать инициатором и интегратором широкомасштабного компромисса. Корпоративная организация общества, при сохранении гибких, но подвижных границ между корпорациями, коррелирует с российскими традициями служения общественному идеалу, идеям солидаризма. Особое значение имеет формирование влиятельного политического центра, который является гарантом политической устойчивости. Такая задача активно обсуждалась в 90-е годы, однако в тот период она осознавалась скорее как перспектива, нежели как реальность. Конечно, и сегодня существует много проблем: социальное неравенство, имущественное расслоение общества, являющееся, по славам В.В. Путина «запредельным», тотальная коррупция, несоблюдение принципа социальной справедливости, появление новых видов неравенства (информационного, территориального, анклавизация городов) и др. Однако, несмотря на нерешенные задачи, проведение консолидационной политики возможно. Социологические исследования фиксируют консолидированную позицию россиян по вопросам внешней политики, широкую поддержку внешнеполитического курса государства: вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ, зимняя Олимпиада 2014 года и Параолимпийские игры, гуманитарная помощь Донецку и Луганску, активная деятельность России на международной арене по урегулированию украинского кризиса и т.д. Переориентация массового сознания россиян на проблемы мировой политики и международных отношений обеспечила серьезные подвижки в общественном мнении и настроениях, высокую консолидацию общества, рост поддержки власти, что, но мнению автора, не исключает новой волны протестных акций, но создает хорошую основу для продолжения консолидационной политики. Мнение экспертов о неустойчивости тенденции гомогенизации общественного сознания, которое может легко изменить свой вектор и перейти от массовой поддержки власти к массовым протестам против ее решений и действий весьма популярно, тем важнее совместные усилия власти и общества по нейтрализации этих и других негативных тенденций.

В проведении консолидационной политики важно сбалансированное следование традициям институционализма и политического участия. Российская и зарубежная политическая практика свидетельствует о том, что в случае доминирования традиции конституционализма политическая система функционирует достаточно устойчиво. Политическая мобилизация и расширение круга лиц, участвующих в политике, происходит осознанно, более или менее постепенно, а формы протеста не разрушают существующую институциональную и ценностную системы. Политическая система успевает адекватно реагировать на требования политических акторов, вырабатывать принципы и нормы их артикулирования и агрегирования. В случае неконтролируемого вовлечения акторов в политику, усложненного недостаточным развитием культуры гражданского участия, организация политической жизни крайне затруднена, а получение консенсусного результата с наименьшими социальными издержками проблематично. Политическая система не всегда успевает реагировать на темп и характер политической мобилизации социальных слоев. Доминирование традиций расширенного политического участия над институционализацией неизбежно ведет к дисбалансам, дисфункциям, дезорганизации, продуцируя конфликтность во взаимодействии политических акторов между собой и властью. «Заявка» на участие в политике не всегда сопровождается попытками изменения привычных каналов артикуляции, агрегирования и презентации своих интересов, отказа от собственных амбиций, форсированных средств достижения целей. Это существенно затрудняет разработку и реализацию компромиссной линии поведения со стороны представителей власти и общества, достижение общенационального согласия, реализацию срединной модели политического курса, ориентированного на равноудаленность от крайностей, стимулирует неконвенциональные формы политического участия и взаимодействия. Позитивный результат может быть достигнут, если следовать практике объединения в единые коалиции, блоки, союзы радикальных и умеренных правых и левых групп. Эта задача сложная, но выполнимая. Внутри таких объединений радикально ориентированные силы могут быть нейтрализованы более умеренными[1], а конкурирующие группировки вынуждены транслировать более умеренные позиции, идеи и методы решения поставленных проблем. Важно, что в случае победы и радикальные, и умеренные силы политического спектра, будучи объединенными в едином блоке, разделяют ответственность за принятые решения и возможные последствия от их реализации.

[1] Идея была высказана известным французским политологов М. Дюверже. в работе «Идея политики. Применение силы (власти) в обществе». – Лондон, 1978.

Валовая М.Д.
д.э.н., профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова,
Лауреат Премии правительства РФ
в области образования

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ, ВИДЫ И УРОКИ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕГАПРОЕКТОВ

Ключевые слова: *региональная экономическая интеграция, Европейский союз, интеграционные модели, Евразийский экономический союз, НАФТА, МЕРКОСУР, КАРИКОМ, АСЕАН, ЭКОЦАС, закономерности интеграции, опыт региональных интеграционных объединений, мегапроекты.*

Сегодня появились новые центры геополитической и геоэкономической мировой архитектуры. Глобализация и интеграция стали основными трендами развития мировой экономики. Важной частью этого глобального процесса, охватившего все регионы мира, стало формирование экономических союзов.

Итогом 20 лет совместных действий евразийских государств, направленных на развитие сотрудничества и интеграции, стало создание Евразийского Союза, который начал функционировать с 1 января 2015 г. Сегодня в него уже входят пять государств: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия.

Создание Евразийского экономического союза вывело евразийский интеграционный проект на качественно новый уровень, открыло широкие перспективы для экономического развития, создало дополнительные конкурентные преимущества на глобальной арене. Это позволит нашим государствам эффективно вписаться в современную глобальную экономику, снизить экономические риски и воспользоваться преимуществами международной системы торговли.

Для успешного его развития важно учитывать опыт других интеграционных объединений как успешный, так и негативный. До появления Евразийского союза реально действующей интеграционной моделью был ЕС, на который, несмотря на все трудности им переживающие, до сих пор равняются и в Евразии, и в Латинской Америке, и в других частях света. Ведь в мире существуют различные варианты подходов к интеграции, всевозможные формы региональных объединений (например, НАФТА, МЕРКОСУР, КАРИКОМ, Андское сообщество, АСЕАН, ЭКОЦАС и др.). И их опыт тоже может быть полезен.

Многообразие «форм и видов» региональных объединений

В основе создания Европейского Союза лежало три ключевых мотива – во-первых, обеспечить восстановление разрушенных войной экономик западноевропейских стран, во-вторых, на основе общности экономических интересов обеспечить снижение рисков повторного военного конфликта между странами-победительницами (Великобритания и Франция) и побежденными (Германия, Италия), в-третьих, создать экономический и политический блок против СССР на европейском континенте. Таким образом, в проекте европейской интеграции с самого начала были тесно переплетены военно-политические, политические и экономические факторы.

Уже в первых работах А. Спинелли – лидера европейского федералистского движения, опубликованных в разгар Второй Мировой войны, было сказано, что для объединения Европы необходим резкий поворот в сторону федеративной модели[1]. А. Спинелли утверждал, что ни одна из властей соответствующего уровня не должна располагать какими-либо преимуществами, а полномочия местных, региональных, национальных органов и органов европейского масштаба должны сочетаться и дополнять друг друга[2].

В мае 1948 г. в Гааге состоялась встреча представителей европейских государств, в ходе которой оформилось два подхода к европейскому объединению – федеративный и межгосударственный (были представлены соответственно итальянской и британской делегациями). Для достижения компромисса генеральным комиссаром планирования французского правительства Жаном Монне по заданию министра иностранных дел Робера Шумана был разработан план, публично представленный 9 мая 1950 г. («план Шумана»). Переговоры по плану продолжались с июня 1950 г. по апрель 1951 г. 18 апреля 1951 г. в Париже Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали договор (сроком действия 50 лет) о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) для содействия разви-

[1] См.: Pistone S. Altiero Spinelli and the strategy for the United States of Europe // The European Union: readings on the theory and practice of European integration / Ed. by B.Nelsen and A.Stubb. – Boulder: Reinner, 1994. – P. 69–75.; European integration: theories and approaches / Ed. by H.Michelmann, P.Soldatos. – Lanham (MD): University Press of America, 1994. – P. 8.

[2] См.: Fontaine P. Europe in ten points. 2nd ed. – Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 1995. – P. 5.

тию угледобывающей и металлургической промышленности. Рабочими органами ЕОУС, являвшегося наднациональным институтом, были Совет министров и Ассамблея.

Ж. Моннэ – активный сторонник межгосударственной интеграции в рамках ЕС – отмечал: «...политический союз Европы должен строиться шаг за шагом, так же как и осуществление экономической интеграции. В один прекрасный день этот процесс приведет нас к Европейской федерации...»[1].

При этом, понимание того, что децентрализация там, «где это необходимо», станет позже одним из основополагающих принципов Маастрихтского договора о Европейском союзе – принципом субсидиарности.

Так как с экономической точки зрения деятельность ЕОУС была весьма успешной, на конференции в Мессине (Италия) 1–2 июня 1955 г. представителями шести стран был поставлен вопрос об углублении и расширении интеграционного взаимодействия. По решению конференции был создан комитет экспертов для подготовки соответствующего плана. В мае 1956 г. глава этого комитета министр иностранных дел Бельгии Спаак выдвинул идею создания Европейского агентства по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Эти предложения были одобрены, и 25 марта 1957 г. в Риме состоялось подписание договоров о создании Евратома и ЕЭС с неограниченными сроками действия. В 1967 г. путем слияния рабочих органов трех сообществ (ЕОУС, Евратома и ЕЭС) образовалось единое Европейское сообщество.

В феврале 1986 г. в Люксембурге был подписан Единый европейский акт (ЕЕА), вступивший в силу с 1 июля 1987 г. Он предусматривал расширение полномочий Комиссии Европейского сообщества путем увеличения числа вопросов, решения по которым принимаются большинством голосов, а также создание к 1992 г. единого рынка. Также ЕЕА узаконил Европейское политическое сотрудничество (система консультаций с целью проведения согласованной политики в международных отношениях) и определил Европейский Совет как основной инструмент интеграционного процесса, установив периодичность встреч (2 раза в год).

27 февраля 1992 г. был подписан Маастрихтский договор о Европейском Союзе (ЕС), утвердивший структуру «трех опор» ЕС. Фактически ЕС создавался не как полностью единая конструкция (с единой правосубъектностью, компетенцией и т.д.), а как сумма трех автономных правопорядков – трех «опор». Данные «опоры» географически охватывали одни и те же страны, управлялись одними и теми же руководящими органами, но функционировали по разным правилам с большим или меньшим ограничением государственного суверенитета. Первая «опора» ЕС – это Европейские сообщества, функционирующие на основании собственных учредительных документов. Вторая «опора» – общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ); третья «опора» – сотрудничество правоохранительных и судебных органов в уголовно-правовой сфере (СПСО).

2 октября 1997 г. был подписан Амстердамский договор, вступивший в силу 1 мая 1999 г. Согласно Амстердамскому договору была расширена компетенция ЕС во внутренней политике, регулировалось правовое положение граждан, расширялись функции ЕС в социальной политике, расширялся круг вопросов совместной внешней политики и политики безопасности, предусматривались новые функции по регулированию международных кризисов, а также укреплялись позиции Европейского парламента и Европейской Комиссии. В декабре 2000 г. на саммите Европейского совета в Ницце был подписан Ниццкий договор, который вносил изменения в работу органов ЕС в связи с его грядущим расширением. В силу Ниццкий договор вступил 1 февраля 2003 г. после ратификации его всеми странами-участницами, (ирландское население одобрило его только со второго раза). Параллельно с углублением интеграции шло расширение состава её участников. В 1973 году в ЕЭС вступили Великобритания, Дания и Ирландия. В 1981 г. присоединилась Греция, в 1986 г. – Португалия и Испания, в 1995 г. – Австрия, Финляндия и Швеция, в 2004 г. – Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония, в 2007 г. – Болгария и Румыния.

Подписанный на саммите ЕС в 2007 г. «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» (Лиссабонский договор) признал единую правосубъектность Европейского Союза, в том числе на международной арене (за счет упразднения Европейских Сообществ и структуры «трех опор»). В соответствии с данным договором, вступившим в силу 1 декабря 2009 г., ЕС получил право заключать международные соглашения по всем аспектам своей компетенции от собственного имени, была значительно усилена роль Европейского парламента, а вопросы внешней торговли (Общей торговой политики) были отнесены к общей сфере внешней деятельности ЕС. Тем самым был сделан важный шаг на пути перехода ЕС к стадии политической интеграции. Но увлечение политикой привело ЕС к тяжелейшему кризису.

И сегодня, ЕС переживает нелегкие времена, ярким свидетельством этому стало решение Великобритании о выходе из Союза. Об уроках, которые следует нам учесть, мы еще поговорим ниже.

Интеграционные проекты в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна начали развиваться с февраля 1960 г., когда был подписан договор Монтевидео об образовании Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ). В 1965 г. была создана Карибская ассоциация свободной торговли (КАСТ). Специфика интеграционных проектов в этом регионе связана с разнородностью латиноамериканских государств по уровню экономического развития. Уровни экономического развития стран региона с самого начала существенно различались.

Особенностью региона является географическое соседство с США. Регион включает в себя 33 государства (9 в Латинской Америке и 24 в Карибском бассейне), размеры и уровень экономического развития которых крайне неоднородны. ВВП самой большой экономики региона, Бразилии, более чем в 5 тыс. раз превышает ВВП самой маленькой экономики региона, островного государства Содружество Доминики. По показателям ВВП Бразилия в 2 раза больше Мексики, в 5,5 раз больше Аргентины и в 44,7 раз больше Доминиканской Республики. При пересчете ВВП на душу населения лидером региона становится Содружество Багамских островов, а аутсайдером Республика Гаити.

[1] Monnet J. A ferment of change // Journal of common market studies. 1962. – N 1. – P. 211.

Первый этап латиноамериканской интеграции, который продолжался примерно 20 лет, с 1960-х по 1980-е гг., характеризовался доминированием протекционистской внешнеэкономической политики. Но попытки построения форматов глубокой интеграции были неудачны из-за политических противоречий между странами-членами и низкой емкости их рынков, обусловливающей отсутствие значимых выгод от экономического объединения.

Кризис в 1980-х гг., связанный с мировым экономическим спадом привел страны региона к отходу от протекционистской внешнеэкономической политики. В ноябре 1991 г. возникла новая интеграционная группировка МЕРКОСУР (Южноамериканский общий рынок), объединивший экономических лидеров региона: Бразилию и Аргентину, а также Уругвай и Парагвай. МЕРКОСУР является исключительно межправительственной структурой, в ней нет наднациональных органов, как в Андском сообществе или КАРИКОМ.

В противовес интеграционным инициативам, объединяющим страны с развивающимися экономиками, США предложили альтернативную модель интеграции, ориентированную на полную либерализацию торговых отношений, но при этом институционально ограниченную форматом зоны свободной торговли. Реализовать данную модель удалось в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА, 1994 г.). Включив Мексику, в сферу своего интеграционного объединения, США планировали распространить модель NAFTA на всю Америку в рамках проекта Панамериканской зоны свободной торговли, однако в 2000-х гг. данный проект потерпел неудачу.

В регионе Восточной Азии в настоящее время действуют два консолидированных центра реализации интеграционных инициатив. АСЕАН возникла в 1967 г. в результате подписания «Декларации АСЕАН» («Бангкокской декларации»). В качестве задач АСЕАН Бангкокская декларация провозглашала содействие «экономическому росту, социальному прогрессу и культурному развитию» путем налаживания более эффективного сотрудничества в «области сельского хозяйства и промышленности, расширения торговли, включая изучение проблем международной торговли отдельными товарами, улучшения транспортных и коммуникационных возможностей и повышения жизненного уровня своих народов»[1]. Деятельность АСЕАН в первые годы существования позволяла заключить, что она старалась позиционировать себя как организация многопрофильного межгосударственного сотрудничества на базе солидарности культурно и этнически близких стран.

Главной целью созданного в 1989 г. форума стран Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС) стало углубление сотрудничества в области региональной торговли, стремившихся оживить экономическую интеграцию между собой. С 1993 г. основной формой организационной деятельности АТЭС являются саммиты глав государств и правительств стран и территорий, входящих в этот форум.

Спецификой интеграционных процессов в Африке является то, что их участниками являются развивающиеся страны, большинство из которых имеют низкий уровень ВВП на душу населения и преимущественно сырьевую специализацию экономики. Характерным примером является Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС), создание которого связано с Браззавильским договором 1964 г., провозгласившим создание Таможенного и экономического союза Центральной Африки (ТЭСЦА). На саммите в декабре 1981 г. лидеры государств ТЭСЦА согласились создать более широкое экономическое сообщество стран Центральной Африки. ЭКОЦАС было основано 18 октября 1983 г. странами-членами ТЭСЦА (к которому в декабре того же года присоединилась Экваториальная Гвинея), Сан-Томе и Принсипи и членами Экономического сообщества Великих озер (основано в 1976 г. Демократической Республикой Конго, Бурунди и Руандой). Ангола долгое время оставалась наблюдателем и только в 1999 г. стала полноправным членом ЭКОЦАС.

ЭКОЦАС начало функционировать в 1985 г., но в течение многих лет фактически бездействовало вследствие финансовых трудностей, конфликта в районе Великих озер и гражданской войны в Демократической Республике Конго, в которую Руанда и Ангола были вовлечены на противоположных сторонах.

Стратегической целью ЭКОЦАС является «достижение коллективной автономии, подъём уровня жизни населения входящих в него стран и поддержание экономической стабильности посредством гармоничного сотрудничества». Для этого была поставлена цель создания Центрально-африканского общего рынка, однако движение к достижению данной цели осуществляется не в рамках ЭКОЦАС, а в рамках «параллельной» организации – Центрально-африканского валютно-экономического сообщества (ЦАВЭС), членами которого являются Камерун, Центрально-Африканская Республика, Чад, Республика Конго, Экваториальная Гвинея и Габон.

Уроки интеграции

Закономерности интеграции хорошо известны: этапность, конвергенция экономических показателей, наднациональность, наличие внятной конечной цели, разумный баланс между углублением процесса и расширением его географической сферы. Нарушение этих закономерностей приводит к кризису объединения. Что, например, и произошло с Европейским союзом. Сегодняшние лидеры ЕС своими действиями нарушили все закономерности интеграции, причем все сразу. Известно, что по мере продвижения к все более высоким ступеням интеграции и снятия внутренних барьеров негативные воздействия остающихся барьеров начинают ощущаться все сильнее. Экономическая политика в одной стране все сильнее влияет на партнеров, что может вызывать с их стороны защитные действия.

Среди экспертов нет единства, какая степень конвергенции необходима для конкретного этапа интеграции, ни даже понимания, что первично – конвергенция показателей, или конвергенция политик.

[1] Bangkok Declaration // ASEAN Documents Series. 1967–1988. – Jakarta: ASEAN Secretariat, 1988. – P. 28–29.

А ведь именно реальные показатели экономического развития определяют цели экономической политики. Как жить с единой валютой, ориентированной прежде всего на низкие темпы инфляции, если в странах совершенно разная ситуация по темпам роста и занятости?

В итоге по таким показателям, как прирост ВВП или промышленного роста степень разобщенности сегодня в Европе выше, чем в 1999-м, а значит, государствам сложно иметь одинаковые цели экономической политики, а соответственно, и единую валюту.

Известно, что во всех без исключения случаях, когда страны по тем или иным причинам заявляли формат интеграции более глубокий, чем это было оправдано в сложившейся политико-экономической ситуации, планы интеграции оказывались не выполненными. Так произошло с попытками построения ТС в Андском сообществе и ЭКОЦАС, ОР и ЭВС в КАРИКОМ и АСЕАН. Даже в тех случаях, когда цели «глубокой» интеграции были достигнуты (ЕС, частично МЕРКОСУР), их реализация заняла значительное время. Быстрый успех может сопутствовать проектам создания ЗСТ в рамках модели «нового регионализма», однако, как показывает опыт АСЕАН, в случае значительных различий в структуре интересов стран-членов и этот процесс может занять существенное время. Постановка реалистичных интеграционных задач и корректный учет фактора времени, таким образом, являются важным фактором успеха интеграционных проектов.

Принципиальным для успеха интеграции является сходство стран-участниц по уровням развития. Это необходимо для обеспечения общности интересов по широкому кругу вопросов экономической политики, что позволяет осуществлять переход к более глубокой интеграции.

Объединение стран с одинаково низким доходом на душу населения (которому часто сопутствует схожая сырьевая структура экономики) на практике оказывается бесперспективным: взаимодополняемость экономик оказывается слишком низкой, что обусловливает невысокие темпы роста объемов торговли. Именно эти факторы во многом и обусловили, неуспех объединений в Латинской Америке и Африке.

Исключительно важным фактором успеха интеграции является высокий уровень взаимодополняемости национальных экономик. Максимальный уровень взаимодополняемости характерен для развитых стран, имеющих диверсифицированную структуру экономики и ведущих между собой активную внутриотраслевую торговлю. Достаточно высокий уровень взаимодополняемости может наблюдаться между экономически развитыми и развивающимися странами, специализирующимися на производстве высокотехнологичных капиталоемких товаров и услуг, с одной стороны, и трудоемкой продукции и сырья, с другой.

Необходимо отметить роль политических мотивов интеграции. Даже самый выгодный в экономическом плане интеграционный проект не будет реализован в ущерб интересам безопасности.

Все это позволяет сделать выводы о том, что формы взаимодействия могут быть различными. Это и интеграция, подразумевающая наличие наднациональных органов, как в ЕАЭС. И экономическое и общегуманитарное взаимодействие государств, не имеющих общих структур, как в БРИКС. И экономическое сопряжение интересов, как ЕАЭС и Экономического пояса великого Шелкового пути (ЭПВШП).

На фоне замедления роста мировой экономики, развитие экономической интеграции, функционирование интеграционных мегапроектов, могут быть ключевыми источниками диверсификации и роста экономик. Расширение торгово-экономических связей, взаимодействие экономик и растущих рынков, формирование новых коммуникаций могут придать большей стабильности мировой экономике.

Происходящие интеграционные процессы во всем мире, в том числе и на евразийском континенте, непосредственно затрагивающие интересы России, обусловливают необходимость в более тесном и глубоком сотрудничестве и партнерстве между региональными интеграционными объединениями. Поиск современных источников роста в сегодняшних кризисных условиях создал бы новый шанс взаимно отказаться от стереотипов, задействовать накопленный потенциал конструктивного, взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Глобализация и интеграция – основные тренды современного развития мировой экономики, и формирование экономических союзов является важной частью этого глобального процесса, охватившего все регионы мира.

Мир уже понимает, что устойчивость модели глобального развития будет зависеть как от внутренней эффективности самих структур, так и от эффективности диалога и коммуникаций между ними.

Венидиктов С.В.
к.ф.н., доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь
venidiktov@institutemvd.by

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Республика Беларусь, интеграция, стратегическое развитие, коммуникационное пространство.*

Keywords: *Eurasian Economic Union (EAEU), the Republic of Belarus, integration, strategic development, communication space.*

Для Республики Беларусь Евразийский экономический союз является приоритетным интеграционным проектом, реализация которого способствует обеспечению экономической и социальной стабильности. Интеграция в рамках ЕАЭС имеет объективный характер, что обусловлено общностью геополитических и геоэкономических национальных интересов на основе «исторической и социокультурной общности, пространственной близости, ценностных и ментальных ориентаций» [17, с. 34]. Общей целью выработки единой стратегии эволюции ЕАЭС является определение дополнительных источников развития Союза за счет реализации интеграционного потенциала. Задачей государств ЕАЭС становится выход на новые источники роста, сопряженный с развитием инновационной экономики, базирующейся на шестом технологическом укладе. Формируемая в современной Евразии модель взаимодействия представляет собой «инновационный тип международного сотрудничества государств, для совместного решения глобальных проблем современного мира» [14, с. 7].

Экономическая интеграция, «связана с интеграцией в сфере инноваций и технологий, по сути, является пусковым механизмом иных сфер интеграции – в сфере науки, образования и культуры, что придает интеграционным процессам в ЕАЭС глубинный и системный характер» [15, с. 23]. В настоящее время уровень инновационного развития государств ЕАЭС свидетельствует о наличии национальных ограничений к осуществлению технологического рывка в среднесрочной перспективе: в Глобальном индексе инноваций Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), входящей в структуру ООН, Россия занимает 43 место, Беларусь – 79, Армения – 60, Казахстан – 75, Киргизия – 103 место [16]. Поддержка инновационных разработок затруднена в связи с недостатком финансовых, технологических, интеллектуальных ресурсов: согласно данным Всемирного банка, «доля совокупных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в ВВП составила в Республике Армения – 0,3%, Республике Беларусь – 0,7, Республике Казахстан – 0,16, Кыргызской Республике – 0,16, Российской Федерации – 1,1% (для сравнения, в Израиле – 4%, США и Германии – 2,8 и 2,9% соответственно)» [11, с. 33].

Сценарии евразийской интеграции, представленные в современных исследованиях, сводятся к следующим: 1) инерционный («продленный статус-кво», основанный на рисках «недоинтеграции»): относительно независимое развитие экономик участников ЕАЭС, постепенное снятие барьеров в движении товаров, услуг, капитала, рабочей силы, сопровождающееся незначительными темпами коммуникационной интеграции; 2) фрагментарный («транзитно-сырьевой мост», основанный на использовании существующих конкурентных преимуществ Союза): ЕАЭС выступает привлекательным пространством для развития экономических связей, производственной кооперации между иными интеграционными структурами (в первую очередь, ЕС и АСЕАН), источником роста является экспорт сырьевых ресурсов; 3) максимальный («новый центр силы», являющийся реакцией на текущие и долгосрочные мировые тренды и вызовы экономического развития): создание благоприятных условий для модернизации экономик государств ЕАЭС, при котором глубокие структурные изменения приводят к замедлению экономического роста на начальном этапе интеграции, однако значение коммуникационной составляющей взаимодействия растет [11].

Потенциальный экономический эффект между инерционным и максимальным уровнем интеграции оценивается более чем в 200 млрд. долларов США, эффект для каждого участника ЕАЭС к 2030 г. должен составить около 13% ВВП, дополнительный приток иностранных инвестиций к 2030 г. – около 90 млрд. долларов США, рост объемов нефтегазового экспорта ЕАЭС – 71,3 млрд. долларов США (прирост 11,6%) [9]. Основными источниками интеграционного роста в долгосрочной перспективе являются рост взаимной торговли, увеличение нефтегазового экспорта и сокращение доли импорта из третьих стран, рост прямых иностранных инвестиций (взаимных и из третьих стран).

Существенное влияние на выбор стратегии развития ЕАЭС оказывают глобальные риски и вызовы, указанные в Решении Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) № 28 от 16 октября 2015 г.: усиление глобальной конкуренции, сокращение рынков, неблагоприятная внешняя конъюнктура, неблагоприятная социально-демографическая ситуация, изменение баланса рабочей силы, необходимость ускоренного технологического развития, исчерпание конкурентных преимуществ России и Казахстана (сырьевая ориентация экономик) и необходимость переориента-

ции экономик [9]. В этом же документе указаны стратегические направления развития интеграции: 1) обеспечение макроэкономической устойчивости; 2) создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности (в качестве интеграционного инструмента здесь выступает обеспечение информационного взаимодействия в рамках национальных механизмов «единого окна» и координация развития данных механизмов); 3) инновационное развитие и модернизация экономики, сопровождающееся ростом доли высокотехнологичного экспорта, коммерциализацией научных разработок, трансфером технологий из высокоразвитых стран; 4) обеспечение доступности финансовых ресурсов и формирование эффективного финансового рынка ЕАЭС путем проведения согласованной валютной политики, информационной интеграции биржевого пространства; 5) инфраструктурное развитие и реализация транзитного потенциала с использованием потенциала создания ЕИП; 6) развитие кадрового потенциала, связанное с развитием высокотехнологичных секторов, требующих междисциплинарного подхода и высокой коммуникативной культуры; 7) ресурсосбережение и повышение энергоэффективности; 8) региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество) с постепенным переходом от двустороннего к многостороннему формату, что будет способствовать формированию новых производственных связей, развитию малого и среднего бизнеса; 9) реализация внешнеторгового потенциала, развитие сотрудничества с третьими странами и интеграционными объединениями, международными организациями, для которого важнейшее значение приобретает институциональное, организационное и информационно-аналитическое обеспечение продвижения продукции ЕАЭС, необходимое для роста доверия внешних партнеров и инвесторов [9]. Упомянутое решение ВЕЭС принято в результате осмысления опыта иных интеграционных объединений, национальных стратегий стран-участниц ЕАЭС, последствий экономического кризиса, актуальной ситуации в регионе и в мире, позиции экспертных и бизнес-кругов [11].

В период председательства в 2015 г. в Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии, Беларусью были определены приоритеты: «дальнейшее укрепление добрососедства, развитие экономического сотрудничества, содействие продвижению четырех основополагающих экономических свобод Союза: свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [10]. В обращении Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко к главам государств ЕАЭС (13 января 2015 г.) названы приоритетные для Беларуси направления евразийской интеграции: 1) переход к согласованной (в перспективе – к единой) промышленной и агропромышленной политике; 2) ускорение разработки и принятия основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Союза; 3) практическая реализация положений Договора, предусматривающих совместные действия по развитию экспорта; 4) выработка концепций формирования общих рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов; 5) развитие интеграционных процессов в сфере услуг; 6) развитие таможенно-тарифной и нетарифной защиты единого таможенного пространства (в контексте вступления государств-членов ЕАЭС в ВТО); 7) выработка действенных механизмов функционирования ЕАЭС в условиях применения одним из государств-членов односторонних мер защиты рынка в отношении третьих государств (имеются в виду ограничительные меры, введенные Россией в отношении Украины, а также Евросоюза); 8) координация взаимодействия в сфере санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер, защиты прав потребителей [10].

Проведение Республикой Беларусь интеграционной политики основывается на стратегических целях развития суверенного государства, многомерности и поливариантности, межкультурном диалоге и межнациональном согласии. Экономика Беларуси имеет наибольший среди всех государств ЕАЭС уровень интеграции с евразийскими партнерами, на которые приходится более 50% внешнеторгового оборота республики, поэтому заинтересованность в скорейшем извлечении выгоды от интеграции является закономерной. На первом заседании Межправительственного совета ЕАЭС 6 февраля 2015 г. премьер-министр Беларуси Андрей Кобяков среди приоритетов выделил устранение изъятий в свободном движении товаров, согласование промышленной и агропромышленной политики, формирование понятия «товар произведен в ЕАЭС», совместное наращивание экспорта и приятие мер по импортозамещению. Особое внимание уделяется выполнению обязательств по предоставлению государствами ЕАЭС информации о ходе переговоров о вступлении в ВТО: «[Если] белорусская сторона не будет понимать, как идут переговоры ее партнеров с ВТО, то будет считать себя свободной от согласований и принятия дополнительных обязательств, связанных со вступлением в ВТО своих партнеров» [8]. Одной из задач является выработка согласованной экономической политики в условиях действия санкций со стороны США и ЕС, которые осложняют развитие глобальной экономики, активируя дезинтеграционные механизмы. В этой связи о результатах экономической интеграции в ЕАЭС свидетельствуют данные Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР): в то время как за 2015 г. взаимные инвестиции в СНГ снизились на 12%, взаимные прямые иностранные инвестиции в ЕАЭС выросли с 24,8 до 25,1 млрд. долларов США [12].

По предложению Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева как председателя ВЕЭС 2016 год был объявлен годом углубления экономических отношений ЕАЭС с третьими странами и ключевыми интеграционными объединениями: «ЕАЭС мы видим открытым сообществом, органично интегрированным в мировую экономическую систему» [1]. Сейчас многие государства воспринимают ЕАЭС в качестве перспективного интеграционного объединения с емким внутренним рынком и значительными возможностями в качестве производственной и инвестиционной площадки. Стратегическое пространство ЕАЭС не ограничено исключительно географическими и актуальными интеграционными рамками: создание зон свободной торговли (как, например, с Вьетнамом), непреференциальное торгово-экономическое сотрудничество с третьими странами значительно расширяют направления коммуникационного взаимодействия. Сейчас активно идет поиск форм экономического сотрудничества с Китаем, Монголией, Перу, Чили, интерес к евразийскому рынку выражают государства Северной и Южной Америки, Африки, Азии, ЕС: «евразийская интеграция отвечает интересам и Евросоюза, поскольку устраняет дезинтеграцию постсоветского пространства, что является основной причиной сегодняшней неустроенности наших народов» [6, с. 46–47].

Президент Российской Федерации Владимир Путин также неоднократно отмечал, что для эволюции интеграционного объединения необходимо системно выстраивать отношения с внешними партнерами, «сконцентрировать усилия на дальнейшем углублении экономических связей Союза с другими странами и интеграционными объединениями» [1]. Новый уровень отношений партнерства позволит решать масштабные экономические задачи, привлекая к сотрудничеству новых участников. Свободное передвижение товаров и услуг в рамках ЕАЭС соответствует инициативе «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), выдвинутой китайским руководством в 2013 г. В ее основе – принципы координации в политической сфере, развитие системы транспортной коммуникации, торговли, повышение скорости и качества экономических операций, взаимодействие в энергетической сфере (прогнозируется, что к 2040 г. около 60% мирового спроса на энергию будет приходиться на Азию), а также запуск механизмов народной дипломатии. Сотрудничество с Китаем (как прямое, так и опосредованное деятельностью ЕАЭС) для Беларуси перспективно с точки зрения торговли и инвестиций (запуск белорусско-китайского индустриального парка, использование транспортных магистралей ЭПШП, проходящих через республику, и строительство транспортно-логистического хаба).

Осенью 2015 г. главы государств ЕАЭС пришли к соглашению о необходимости взаимодействия правительств и Евразийской экономической комиссии по вопросам участия в формировании ЭПШП. В результате ЕЭК при участии экспертного и бизнес-сообщества должна была подготовить проект дорожной карты развития отношений ЕАЭС и КНР, однако модель взаимодействия участников евразийской интеграции с Китаем пока не отличается определенностью. В то же время отдельные китайские исследователи утверждают, что в краткосрочной перспективе ЕАЭС может угрожать интересам Китая в Средней Азии, укрепляя переговорные позиции участников евразийской интеграции в энергетической и иных сферах.

Разновекторное взаимодействие ЕАЭС с интеграционными объединениями относится, скорее, к долгосрочной перспективе. В среднесрочной перспективе реально сотрудничество с отдельными государствами по отдельным отраслям, проектам, товарам, как в сфере торговли, так и в направлении производственной кооперации. Стратегическая перспектива создания единого экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока», в которое на принципах равноправия и соблюдения баланса интересов вошли бы государства ЕС и ЕАЭС, может привести к ликвидации «ненужной конкуренции и разделительных линий, <…> навязанного ложного выбора «либо с нами – либо против нас [7, с. 8]. Идея создания Большого Евразийского партнерства (БЕП), обладающего колоссальным ресурсным, интеллектуальным, технологическим потенциалом, впервые высказанная Владимиром Путиным в 2010 г., в настоящее время выглядит труднореализуемой в связи с кризисом в отношениях России и ЕС, а также внутренними проблемами Единой Европы. Тем не менее, ЕАЭС остается третьим по значимости торговым партнером ЕС, находясь в структурной зависимости от «евразийского» углеводородного сырья; не до конца раскрыт потенциал инвестиционных связей, имеется заинтересованность стран ЕАЭС в трансфере европейских технологий.

Евразийская интеграция способна противостоять и такому геополитическому риску как снижение (потеря) суверенитета государства на международной арене, невозможность противостоять влиянию внешних сил [2, с. 24]. Подобным образом решается задача превращения ЕАЭС в международный центр политического влияния, возможную альтернативу однополярному миру. В этой связи отметим, что ЕАЭС, представляющий собой объединение суверенных государств, проводящих независимую внешнюю и внутреннюю политику, нуждается в четких механизмах наднационального регулирования, которые неизбежно будут формироваться и усиливаться, исходя из прагматичных соображений [15]. Уже сейчас Евразийская экономическая комиссия (единый регулирующий орган) фактически обладает наднациональными полномочиями, принимая имеющие обязательный характер решения, которые входят в договорно-правовую базу ЕАЭС. Создание институциональной среды в ЕАЭС происходит в достаточно сложный экономический период, что создает представление о малой эффективности интеграционного проекта. К тому же, передача части суверенных прав стран ЕАЭС наднациональным институтам, на наш взгляд, должна происходить с учетом опыта интеграции в ЕС, где невозможность учета национальных интересов в конечном итоге привела к усилению дезинтеграционных тенденций. Следовательно, проведение интеграционной политики в государствах ЕАЭС должно осуществляться с учетом ряда условий: 1) своевременность и актуальность конкретных мер; 2) учет общих национальных приоритетов; 3) учет фактора взаимного влияния экономик и информационных систем; 4) гармонизация законодательства; 5) взаимовыгодность; 6) вклад интеграционного фактора в достижение общего экономического благополучия [11, с. 26–27].

Таким образом, евразийская интеграция в XXI в. из идеологизированного проекта превратилась в данность, политические и экономические проявления которой во многом определяют перспективы трансформации постсоветского пространства: «В современных условиях формируется новая специфика геополитического положения Беларуси, которое является своеобразным феноменом на евразийском континенте. В основе этого процесса лежит инновационная коммуникация нового политического союза <…>, оказывающая существенное влияние на весь современный мир» [13, с. 310]. ЕАЭС уже сегодня обладает значительным ресурсным и хозяйственным потенциалом, уникальной транзитной перспективой, имеет выгодное сочетание географических, социально-экономических и демографических факторов [5]. Поэтому для получения максимальной выгоды от реализуемого интеграционного проекта необходимо согласование не только экономической, но и информационной, научной, технической, образовательной и иной политики, которая «могла бы стать мощным рычагом структурной перестройки экономики, повышения производительности труда, насыщения общего рынка конкурентоспособной продукцией. Это должна быть политика опережающего развития, основанная на концентрации ресурсов стран-партнеров по евразийскому интеграционному процессу на ключевых компонентах нового технологического уклада (развитие биоэкономики, квантовых, фотонных, когнитивных, аддитивных и нанотехнологий, систем искусственного интеллекта, отечественной элементной базы и другие)» [3, с. 2]. Снятие таможенных, визовых, коммуникационных и иных барьеров создает условия для интенсификации инновационного взаимодействия в ЕАЭС, однако само по себе не является гарантом эффективности последнего. Беларуси, Казахстану

и Армении еще предстоит пройти этап устранения политических разногласий (например, в отношении конфликта в Нагорном Карабахе), которые в настоящее время не оказывают существенного влияния на интеграционные процессы, однако в условиях дальнейшей конвергенции экономик нерешенные противоречия будут проявляться все очевиднее.

В этой связи перспективы стратегического развития ЕАЭС определяются следующими предпосылками: 1) возможностью реализации интеграционных мер и действий (в том числе, структурных) на основе долгосрочных ориентиров экономической политики государств ЕАЭС, направленных на поддержание макроэкономической стабильности и повышение конкурентоспособности; 2) формированием единого рынка на основе дополняющих друг друга механизмов; 3) интеграционным потенциалом сфер экономик, обеспечивающих мультипликативный эффект; 4) либерализацией условий доступа продукции стран ЕАЭС на внешние рынки, улучшением инвестиционного климата [9]; 5) поступательным развитием единого информационно-коммуникационного пространства союза.

Формирование коммуникационного пространства ЕАЭС происходит в парадоксальных условиях недостаточного понимания, но лояльного отношения населения стран-участниц к объединению рынков. Проведенное в 2014 г. исследование позиции российского общества относительно интеграционных процессов на евразийском экономическом пространстве показало, что 70% опрошенных положительно воспринимают проект ЕАЭС. Уровень поддержки ЕАЭС в Казахстане составляет по различным данным от 55% (позиция Интернет-пользователей) до 85% (данные Казахстанского института стратегических исследований). Однако около 7% респондентов высказали опасение относительно попадания в политическую зависимость от России (несмотря на отсутствие в союзе политических институтов и паритетный механизм принятия решений) [18].

В ходе исследования «Беларусь-2030», проведенного в конце 2014 г., более 50% респондентов выразили уверенность, что развитие ЕАЭС будет способствовать расширению рынков сбыта белорусских товаров и услуг, получению финансовой поддержки в условиях экономической нестабильности, доступу к энергоносителям по низким ценам, к инновационным технологиям, распространению практики обмена специалистами: «Многие жители Беларуси считали, что государства-члены ЕАЭС получат возможность пользоваться преимуществами низких цен на многие товары, а также снижением расходов, связанных с транспортировкой грузов; динамичнее развивать рынки за счет увеличения конкуренции; повышать производительность труда; увеличивать объемы экономики за счет роста спроса на производимые товары» [5, с. 19].

Несколько иными были результаты исследования Центра интеграционных исследований Евразийского Банка Развития: по итогам 2015 г. уровень поддержки участия в ЕАЭС со стороны населения России и Казахстана составил 78 и 80% соответственно. В Армении отмечается рост доли граждан, относящихся безразлично или отрицательно к участию страны в ЕАЭС, уровень поддержки составил 56 %. Участие страны в ЕАЭС оценили положительно 60% белорусов. В Кыргызстане зафиксирован самый высокий уровень общественной поддержки евразийской интеграции, который увеличился с 50% в 2014 г. до 86% в 2015 г. Анализ позиций в разрезе возрастных групп показывает, что молодежь Казахстана и Армении от 18 до 34 лет положительно рассматривает членство своих стран в ЕАЭС чаще, нежели взрослое население; молодежь Беларуси и России, напротив, реже [4]. В отношении необходимости создания общих евразийских институтов (денежная система, армия, законодательство и т.д.) четкая позиция у граждан ЕАЭС отсутствует. Наибольший взаимный интерес в последних опросах демонстрируют жители стран – инициаторов ЕАЭС: России, Беларуси и Казахстана. В 2012–2013 гг. в эту группу взаимно выбирающих друг друга стран входила еще и Украина, но к 2015 г. она полностью вышла из интеграционного ядра. Объединительное влияние ЕАЭС, с одной стороны, и дезинтегрирующее воздействие кризиса российско-украинских отношений, с другой, постепенно приводят к более жестким границам интеграции и в массовом сознании [4].

Ожидания от интеграционных процессов в Евразии бизнес-сообщества Беларуси выглядят следующим образом: 1) безбарьерная среда; 2) ясность, транспарентность, простота регулирования; 3) сокращение различий в экономиках; 4) модернизация, обновление бизнес-моделей; 5) ориентация на лучшие практики (ЕС как аналог); 6) внутренняя специализация; 6) совместный выход на рынки третьих стран; 7) стимулирование развития бизнеса; 8) единый финансовый рынок и доступность финансовых ресурсов [11, с. 19]. К нерешенным коммуникационным проблемам относится невысокий уровень делового доверия, недостаточно развитая коммуникационная инфраструктура. Изучение отношения малого и среднего бизнеса Беларуси к процессу интеграции в Евразии показало существование противоречивой тенденции: с одной стороны, респонденты убеждены в открытии новых возможностей для экспорта, с другой стороны, более 60 % опрошенных считают, что их продукция не сможет быть конкурентоспособной на евразийском рынке [383].

Исследование, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в начале 2016 г., показало, что 61,8% граждан Беларуси известен ЕАЭС, 29,7% – владеют фрагментарной информацией, 8,3 % – не знают ничего. Полностью поддерживают интеграцию Беларуси с другими странами ЕАЭС более половины населения, не поддерживают – 9,4%. В целом, отмечается высокая степень неопределенности понятий «Евразийский экономический союз» и «интеграция» [5]. На бытовом уровне отношение граждан к интеграционным процессам формируется, исходя из собственного опыта, а не предоставляемой СМИ информации. Результаты социологических исследований показывают, что проблемные ситуации у граждан Беларуси возникают «при покупке товаров народного потребления – 58,3%, пересечении границы – 47,3, туризме – 45,8, трудоустройстве (трудовая миграция) – 22,8, получении образования – 9,2, оформлении документов, связанных со вступлением в брак, разводом, регистрацией и т. п. – 6,9, переезде на постоянное место жительства – 3,8%» [5, с. 20]. Позиция граждан в отношении интеграционных процессов важна с точки зрения готовности населения реализовывать политические решения в рутинных практиках, создавая интеллектуальный и финансовый капитал, формируя эффективное производство ЕАЭС [11].

Таким образом, стратегическое развитие ЕАЭС направлено на превращение его в центр притяжения инноваций, инвестиций, высококвалифицированных кадров и производства конкурентоспособной продукции, что предполагает как создание условий для обеспечения экономического роста государств Союза, так и создание эффективной системы межгосударственной коммуникации в рамках интеграционного объединения. Формирование отраслей будущего, консолидация межгосударственных ресурсов для роста социального капитала, развитие благоприятной социальной среды являются показателями эффективности последней. Коммуникационная координация становится одним из ключевых факторов проявления интеграционных эффектов: выравнивания уровня развития государств-членов ЕАЭС, адаптации к вхождению в глобальную экономическую систему, обеспечения «четырех свобод» (свободы движения товаров, лиц, услуг и капитала), повышения конкурентоспособности экономик (в т. ч. в результате транснационализации мер).

Список литературы и источников

1. Главы государств ЕАЭС на заседании ВЕЭС подвели итоги и обозначили перспективы развития Евразийского экономического союза // Сайт Евразийского экономического союза. – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-06-2016-1.aspx
2. Глущенко В.В. Теория государства и права: системно-управленческий подход. – Железнодорожный; ООО НПЦ «Крылья», 2000. – 416 с.
3. Итоговый документ совместного заседания Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации и Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – http://mobile.council.gov.ru/media/files/41d5780b5ce20f3489f7.pdf
4. Как жители ЕАЭС относятся к интеграции? // Звязда: информационный портал. – http://www.zviazda.by/be/news/20160125/1453739335-kak-zhiteli-eaes-otnosyatsya-k-integracii
5. Котляров И.В. Евразийская интеграция в социологическом измерении // Thesaurus: зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. С.В. Венідзіктава. – Вып. 3. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. – Магілёў: Магілёўскі інстытут МУС, 2016. – С. 12–22.
6. Криштапович Л.Е. Евразийский союз как национальная идея // Thesaurus: зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. С.В. Венідзіктава. – Вып. 3. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. – Магілёў: Магілёўскі інстытут МУС, 2016. – С. 40–48.
7. Лавров С.В. Выступление на Первом форуме молодых дипломатов (Москва, 25 апреля 2014 г.) // Международная жизнь. – М., 2014. – № 5. – С. 5–20.
8. Маненок Т. ЕАЭС: нужна работа над ошибками // Белорусы и рынок: еженедельная газета. 2015. – 9–15 марта, № 9 (1142). – http://www.belmarket.by/ru/314/30/25373/%D0%95%D0%90%D0%25.
9. Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза: Решение Высшего Евразийского экономического совета, 16 октября 2015 г., № 28 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=F91500290
10. Обращение к главам государств – членов Евразийского экономического союза // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-k-glavam-gosudarstv-chlenov-evrazijskogo-ekonomicheskogo-sojuza-10649
11. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2015. – 69 с.
12. Петров Н. Рецепт стабильности // Звязда: официальный сайт издания. –http://www.zviazda.by/be/news/20160411/1460393780-recept-stabilnosti
13. Слука О.Г. Беларусь в евразийском коммуникационном пространстве: геополитическая стратегия // Журналістыка–2013: матэрыялы XV міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 5–6 снеж. 2013 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – С. 310–312.
14. Слука О.Г. Эволюция евразийского информационного пространства // Thesaurus: зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. С.В. Венідзіктава. – Вып. 3. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. – Магілёў: Магілёўскі інстытут МУС, 2016. – С. 3–12.
15. Шугуров М.В. Концептуальные основания общей инновационной политики ЕАЭС // Thesaurus: зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. С.В. Венідзіктава. – Вып. 3. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. – Магілёў: Магілёўскі інстытут МУС, 2016. – С. 22–33.
16. Эксперты ООН назвали самые инновационные страны мира // РБК: информационное агентство. – http://www.rbc.ru/economics/16/08/2016/57b3082f9a7947a29e68c136
17. Яскевич Я.С. Евразийская интеграция в контексте вызовов глобализации // Thesaurus: зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. С.В. Венідзіктава. – Вып. 3. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. – Магілёў: Магілёўскі інстытут МУС, 2016. – С. 33–40.
18. 70 процентов россиян поддерживают Евразийский экономический союз // Интернет-портал СНГ. – http://www.e-cis.info/news.php?id=9789

Воржецов А.Г.
д.филос.н., профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского государственного технологического университета

КОНСОЛИДАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *консолидация общества, национальная и цивилизационная идентичность, политическая модернизация, развитие России.*

В условиях ориентации российского руководства на проведение всесторонней модернизации в стране особое значение имеет определение сущности модернизации и традиционного общества. Модернизацию можно определить как переход от традиционного общества к современному. Под традиционным обществом необходимо «понимать социокультурную целостность, внутренне ориентированную на равновесное состояние, минимизирующую воздействие окружающей среды, будь то среда природная или социально-историческая». И «главная характеристика традиционного общества – ориентация на статику». А «современное общество можно описать как имманентно динамическое, то есть располагающее внутренними источниками развития»[1].

По мнению И.Г. Яковенко, «в России живут два народа». И «одному нужна сакральная истина, гарантированная сакральной властью». А «другой народ востребует ситуации, в которых он сам формирует пространство мировоззренческих…ценностей и вырабатывает линию собственного поведения». По существу «битва модернизации и архаики проходит через каждого из нас»[2], а «общество расслаивается на носителей традиционного сознания и людей модерна»[3].

Следует отметить, что «Россия в 1990-х годах явно оставалась разорванной страной, и западно-славянофильский дуализм оставался неотъемлемой чертой национального характера»[4]. И граждане России в целом были разделены так же, как и российская элита. Так, «в 1992 году из 2069 опрошенных в европейской России 40% респондентов заявили, что они «открыты для Запада», 36 – сочли себя «закрытыми для Запада», в то время как 24% не определились с позицией». А «на парламентских выборах 1993 года реформистские партии набрали 34,2% голосов, антиреформистские и националистические – 43,3, центристские – 13,7%»[5].

И в настоящее время раскол между сторонниками «особого пути» России и европейского не преодолён. Так, по результатам Всероссийского опроса, проведённого сотрудниками Института социологии РАН в 2011 году, на вопрос «Какой путь развития России Вы считаете оптимальным?» 40% опрошенных предпочли особый путь, а 30% – европейский»[6]. По данным Всероссийского опроса, проведённого сотрудниками Института социологии РАН в октябре-ноябре 2014 года, такая тенденция в целом сохранилась. Соотношение сторонников «особого пути» России и европейского стало 2:1[7]. В качестве отражения этого спора в массовом сознании можно рассматривать ответы на вопрос о том, является ли Россия в полной мере европейской страной или она представляет собой особую евразийскую цивилизацию.

Авторы исследования разработали специальную методику, которая позволяет оценивать культурно-психологическую дистанцию между различными странами и их населением[8]. Впервые данная методика была опробована в 1998 году. Полученные тогда результаты говорили о том, что в культурном отношении россияне отождествляли себя с Западом[9]. И применительно к экономике у основной массы респондентов (более 50%) российская экономика 1990-х го-

---

[1] Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. – М.: Новые знания, 2014. – С. 73–74.

[2] Там же, с. 64.

[3] Там же, с. 317.

[4] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – С. 90.

[5] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – С. 90.

[6] Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Институт РАН, 2011. – С. 175.

[7] Российское общество и вызовы времени. Книга первая (под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова). – М.: Весь мир, 2015. – С. 307 – 308.

[8] В качестве инструмента оценки использовались специальные 11-балльные оценочные шкалы, крайние точки которых (1-ая и 11-ая позиции) символизировали противоположные друг другу «цивилизационные полюса» – Запад (США, Германия, Франция) и Восток (Китай, Индия). Респондентам предлагалось отметить на шкале ту позицию, которая, по их мнению, соответствует положению России. При этом оценки производились дифференцированно по трём основаниям – культура, экономика и национальный характер.

[9] См.: Россия на рубеже веков. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 228–229.

дов ассоциировалась с Китаем и Индией. А что же касается национального характера, то в этом случае основная масса ответов (55%) расположилась в трёх центральных клеточках шкалы – точно посередине между Западом и Востоком. Такой результат интерпретировался как признание россиянами своей «евразийской идентичности»[1].

Исходя из того, как менялся мир за последние 15 лет и уровень симпатий к различным странам мира, можно было бы предположить, что по мере охлаждения россиян к странам Запада и роста симпатий к Индии и Китаю значения полученных показателей будут сдвигаться к Востоку. Однако в действительности процесс развивался несколько иначе. На самом деле три его составляющие (культура, экономика и национальный характер) изменялись в разных направлениях. И в результате этого в настоящее время имеет место достаточно неожиданный результат, который выходит за рамки тех цивилизационных противопоставлений, которыми оперировали западники, славянофилы и евразийцы. При этом произошло сближение различных автохарактеристик российского социума. Так, если раньше россияне по культуре отождествляли себя с Европой, по экономике с Азией, а по социально-психологическим особенностям и менталитету позиционировали себя на равном удалении от этих полюсов, то в настоящее время они образуют очень похожие друг на друга распределения[2].

Таким образом, некий евразийский вектор на «социоснимке» российского массового сознания в самом деле просматривается. Это – с одной стороны. А с другой стороны, нельзя сказать, что он является доминирующим. Когда россиян прямо спрашивают об их гипотетической евразийской идентичности, то в последние годы они действительно склоняются к её признанию. Однако когда слово «евразийский» не произносится, а идентичность зондируется косвенным образом (через культуру, экономику, национальный характер), то получается довольно своеобразная картина, которая не укладывается ни в какие теоретически артикулированные схемы. А «современная Россия предстаёт не чисто европейская, и даже не евразийская, а, если можно так выразиться, европейско-евразийская страна»[3].

Однако в работах российских учёных преобладают представления о России как особой цивилизации. Более того, предпринимаются попытки даже конституционно закрепить статус России как самостоятельной цивилизации. По мнению авторов научного макета новой Конституции РФ, «Россия является самостоятельной страной-цивилизацией – русской (российской) цивилизацией»[4]. На наш взгляд, неоднозначным является вывод авторов о том, что Россия является самостоятельной страной – цивилизацией. Известные зарубежные учёные-специалисты по проблемам цивилизаций придерживаются других мнений. Английский исследователь А. Тойнби одной из пяти живых цивилизаций считал «православно-христианское, или византийское общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России» [5].

Американский учёный С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» отметил, что «цивилизация является наивысшей культурной общностью людей, которая определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей»[6]. Он выделил восемь цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, исламскую, западную, православную, латиноамериканскую и африканскую. По мнению С. Хантингтона, «в интересах США и европейских стран признать Россию как стержневую страну православной цивилизации»[7], к которой относятся также такие страны, как Болгария, Греция, Сербия, Румыния, Молдова, Украина, Беларусь.

Таким образом, Россию можно считать стержневой страной православной цивилизации. Это – с одной стороны. С другой стороны, Россия является европейско-евразийской страной. Причём в Европе идут процессы сближения западной и православной цивилизаций. Формируется интегративная цивилизация. И Россия может занять своё место в становлении и функционировании такой цивилизации с учётом её особенностей. Научное обоснование таких процессов будет способствовать сближению позиций российских учёных, а затем и значительной части российского общества.

Позитивное отношение россиян к Президенту РФ В.В. Путину обеспечивает устойчивость существующего общественно-политического режима, способствует консолидации российского общества[8]. Следует отметить, что большинство наших сограждан гордится своей страной. Для большинства россиян главными предпосылками возвращения России в число ведущих мировых держав является решение внутренних социально-экономических и культурных проблем. Во-первых, по мнению большинства россиян (58%) необходимо модернизировать экономику, сделав её конкурентоспособной. Во-вторых, важно повысить благосостояние российских граждан. Иначе говоря, величие России, по мнению её жителей, должно «коваться», прежде всего, внутри страны, а не за её пределами[9].

Эмпирическое обоснование имеет утверждение о том, что западные санкции консолидировали российское общество и вызвали сходную реакцию у всех без исключения социальных групп, составляющих массовые слои населе-

---

[1] См.: Россия на рубеже веков. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 228–229.

[2] См.: Российское общество и вызовы времени. Книга первая (под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова). – М.: Весь мир, 2015. – С. 310.

[3] Там же.

[4] Научный макет новой Конституции России / Под общей редакцией С.С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 262.

[5] Тойнби А.Дж. Постижение истории: перевод с англ. – М.: Прогресс, 1991. – С. 33.

[6] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – С. 18.

[7] Там же.

[8] Российское общество и вызовы времени. Книга первая (под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова). – М.: Весь мир, 2015. – С. 323.

[9] Там же, с. 269.

ния[1]. Для консолидации российского общества большое значение имеет решение ряда принципиальных задач. Во-первых, кардинально изменилось за последние 15 лет соотношение бедного и небедного населения (соответственно соотношение 70 на 30% изменилось к 30 на 70%). Во-вторых, доля россиян, в целом удовлетворённых своей жизнью, стала устойчиво преобладать над долей неудовлетворённых. В-третьих, восстановление территориально-исторической справедливости, связанное с воссоединением Крыма с Россией, укрепило в обществе чувство гордости за страну, доверие к институтам государственной власти[2].

Определяющее значение для консолидации современного российского общества в среднесрочной перспективе может иметь разработка, обсуждение и реализация программы политической (демократической) модернизации в России. Осенью 2009 года Президент РФ Д.А. Медведев заявил: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии»[3]. Таким образом, речь идёт о политической модернизации как определяющем направлении всесторонней модернизации.

На современном этапе трансформации российского общества «изменения, модернизация политической системы естественны и даже необходимы»[4]. Президент РФ В.В. Путин отметил, что «для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии». И «при этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всём мире»[5].

Однако до сих пор не разработана программа политической модернизации в России. И одной из важных причин отсутствия таковой программы является кризис в общественных науках. До сих пор учёные-обществоведы не пришли к консенсусу по оценке пути общественно-политического развития России, её политического режима и политической системы, по отношению к Конституции РФ.

Об этом свидетельствуют и результаты целевых опросов преподавателей общественных наук вузов Казани по проблемам политической модернизации в России[6]. На вопрос: «Какой путь развития России Вы считаете оптимальным?» 43% опрошенных в 2013 г. и 46 – в 2014 г. предпочли «особый» путь развития России. 40 респондентов в 2013 г. и 32% – в 2014 г. являлись сторонниками европейского пути России.

На вопрос «Какой политический режим функционирует в России?» 10% казанских преподавателей в 2013 г., 10 – в 2014 г. и 21% – в 2016 г. предпочли демократический режим; 11% – в 2013 г., 34 – в 2014 г. и 28% – в 2016 г. являлись сторонниками демократически-авторитарного режима. За авторитарно-демократический режим высказались 51% опрошенных в 2013 г., 38 – в 2014 г. и 26% – в 2016 г. За авторитарный режим высказались 16% опрошенных в 2013 г., 12 – в 2014 г. и 20% – в 2016 г.

По некоторым важным проблемам политической модернизации достигнуто определённое согласие. Так, 51% (2013 г.), 50 (2014 г.) и 44% (2016 г.) преподавателей считают, что необходимо внести изменения в Конституцию РФ, направленные на достижение оптимального разделения ветвей государственной власти в РФ. 80% (2013 г.), 78 (2014 г.) и 60% (2016 г.) респондентов являются сторонниками комплексной судебно-правовой реформы с целью создания независимой судебной системы в стране. На вопрос: «Какая из перечисленных идей может со временем превратиться в общенациональную, общероссийскую?» 49% преподавателей (2013 г.) выбрали идею демократического и социального государства. 54% опрошенных (2014 г.) считают, что идея демократического и социального государства может объединить большинство россиян. 46% преподавателей (2016 г.) считают, что общественный договор в РФ может быть разработан на основе ценностей и ориентиров демократического и социального государства.

На основе анализа данных целевых опросов преподавателей-обществоведов и некоторых других источников можно сформулировать контуры программы политической (демократической) модернизации в современной России, которые могут стать предметом обсуждения учёных-обществоведов и политиков. Определяющее место в такой программе должна занять конституционная реформа, направленная на реализацию принципа оптимального разделения ветвей государственной власти с целью определённого перераспределения полномочий между Президентом РФ, Правительством РФ и Государственной Думой, а также восстановления в полном объёме таких функций Государственной Думы как контрольная и формирование правительства на партийной основе. Другой проблемой в осуществлении политической модернизации в стране является проблема формирования крупных политических партий доктринального типа – консервативной, социал-демократической и социал-либеральной на основе модернизации существующих партий, а также укрупнения близких по идеологии партий. Доктринальные партии должны включить в свои программы стратегические цели российского государства, сформулированные в ст. 1,7 Конституции РФ (демократическое и социальное государство), а также разработать свои «дорожные карты» перехода к такому типу государства. В ближайшее время следует внести изменения в закон о партиях. Необходимо увеличить минимальную численность партий с 500 до 5–10 тысяч человек.

---

[1] Российское общество и вызовы времени. Книга первая (под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова). – М.: Весь мир, 2015. – С. 330.

[2] Там же, с. 331–332.

[3] Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. – М., 2009. – 13 ноября.

[4] Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. – М., 2012. – 13 декабря.

[5] Там же.

[6] Целевые опросы были проведены в феврале 2013 г., в марте 2014 г. и в апреле 2016 г. по линии Центра социального и политического прогнозирования (руководитель проф. Воржецов А.Г.) Было опрошено каждый раз по 100 преподавателей-обществоведов трёх крупнейших вузов Казани (Федерального университета, национальных исследовательских университетов – технологического и технического).

Одной из самых важных проблем политической модернизации является создание независимой судебной системы в стране. Для её решения следует провести комплексную судебно-правовую реформу, включая реформирование всех правоохранительных органов. Для решения проблемы взаимоотношений власти и бизнеса следует разработать и принять комплекс законов, направленных на достижение равноправных отношений между властью и бизнесом и на развитие малого и среднего предпринимательства в стране. Необходимо изменить систему подоходного налога – заменить «плоскую шкалу» с налоговой ставкой 13% на многоступенчатую прогрессивную шкалу. Существенным представляется и решение превращения средств массовой информации в четвёртую власть, независимую от трёх ветвей власти. Необходимо реформировать избирательную систему в стране. Формировать избирательные комиссии только из представителей партии, участвующих в выборах. Отменить дополнительные фильтры для выборов губернаторов и мэров городов. Осуществить переход к электронному голосованию на выборах. Перенести единый день голосования с сентября на март. Обсуждение этих и других проблем политической модернизации России в 2017 году на разных уровнях может привести к разработке целостной Программы политической (демократической) модернизации, Программы перехода России к демократическому и социальному государству. С одной стороны, такая Программа могла бы иметь особое значение для реализации Программы социально-экономического развития страны на среднесрочную перспективу[1]. С другой стороны, такая Программа сможет консолидировать российской общество на основе ценностей демократического и социального государства, на основе ценностей свободы, справедливости и патриотизма.

[1] Такую программу планируют разработать и представить Президенту РФ в середине 2017 года.

Гаврилова И.Н.
д.и.н., независимый эксперт
gavrilova-sovet@yandex.ru

ВОЗМОЖНА ЛИ КОНСОЛИДАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА?

Ключевые слова: *государство, гражданское общество, условия развития, дезинтеграция.*
Keywords: *state, civil society, development conditions, disintegration.*

Консолидация общества возможна лишь при наличии определенных условий, среди которых ключевыми являются следующие: единство большинства населения страны в понимании социальной справедливости; близость в общем взгляде на историческое наследие; сходство культурологических установок и ценностей, в том числе идеологический плюрализм, не переходящий в идеологическую конфронтацию. Важным также выступает беспрепятственное развитие самоорганизации населения, гражданского общества, если речь идет о демократическом государстве, а также возможность конструктивного межсекторного взаимодействия.

Создание этих условий обусловлено реальным стремлением государства обеспечить таковые, включая неукоснительное следование конституционным принципам и нормам, равенство всех граждан перед законом, поддержание таких политических и экономических отношений, которые не приводили бы к обострению имеющихся социальных противоречий и усилению политического отчуждения, а, напротив, вели бы к их сглаживанию. При этом с усложнением жизни общества роль государства в силу разнообразных причин все более возрастает, включая его ответственность за развитие общественных отношений.

Для многонационального и поликонфессионального общества важнейшее значение имеет интернациональный подход в проведении государственной национальной политики, обеспечивающий солидарность представителей всех этносов и народов, а также ее взвешенное освещение в СМИ, препятствующее обострению межнациональной и межконфессиональной напряженности, которая может присутствовать на бытовом уровне в любом обществе. Светский характер государства, безусловно, способствует межнациональному миру; прежде всего, это относится к образовательной системе.

Общественной консолидации способствуют многие факторы, среди которых немалую роль играет осознание людьми своей принадлежности к различным типам социума: к поступательно развивающемуся, или так называемому лидирующему сообществу, к стагнирующему либо к регрессирующему, стремительно отстающему сообществу, которые по-разному формируют идеалы и устремления людей, что находит свое отражение в их поведенческой практике, и которые основываются на самооценке людей и шансах ее повысить.

Консолидация общества предполагает сочетание объективных и субъективных факторов, выбор приоритетов, в том числе социальной политики, имеющей определяющее значение для развития общества и государства, поскольку она должна служить целям гармонизации общественных отношений, хотя в современной российской практике этого не происходит.

Вообще дезинтеграция, как выражение отсутствия консолидации общества, проходит по многим скрепам общества, направлениям его жизни: в сфере народного хозяйства, науки, культуры и т.д. Потому преодоление этой опасной тенденции предполагает системный подход и выработку совместных решений государства и общества в отношении путей и механизмов его осуществления, что означает требование кардинального изменения государственного управления.

Все вышеперечисленное говорит о невозможности в современной России преодолеть раскол в обществе, усиливающуюся поляризацию населения и социальную напряженность, создать необходимые условия для консолидации российского общества. Более того, не проглядывает даже осознание правящей элитой необходимости что-то менять в общественных отношениях для преодоления дезинтеграции и деградации (итоги приватизации надолго останутся незаживающей раной, а качество управления столь плохо, что признается самим правящим классом). Гражданское же общество в России слабое, развивается в крайне неблагоприятных условиях, говорить о действенном межсекторном взаимодействии не приходится, что также отрицательно сказывается на возможности общественной консолидации, следовательно, на состоянии национальной безопасности страны. Не менее проблематично и развитие в России местного самоуправления, что в условиях большой территории и многообразия регионов крайне опасно.

Дышин А.В.[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Ключевые слова: *Дальний Восток, Китай, топливно-энергетический комплекс, коксующийся и энергетический уголь, сотрудничество.*

Keywords: *Far East, China, fuel-energy complex, coking and thermal coal, cooperation.*

Начиная с заседания Совета безопасности Российской Федерации, которое состоялось в декабре 2006 года, в средствах массовой информации нашей страны активно обсуждается тема развития территорий Дальнего Востока Российской Федерации. По площади районы Дальнего Востока России примерно равны странам ЕС, а население составляет порядка 8 млн. чел., при этом население только одной провинции Хэйлунцзян КНР по данным 2014 года превышает 40 млн. чел. при площади провинции 710 тыс. кв. км.[2].

Доля районов Дальнего Востока России в общероссийском валовом региональном продукте (ВРП) составляет примерно 6%, доля в товарообороте страны составляет примерно 5,2%[3]. Понятно, что за этими цифрами скрывается экономическая отсталость огромных территорий.

Реальная угроза утраты значительных территорий, по площади сопоставимых с европейской частью страны и богатых полезными ископаемыми, требует принятия адекватных мер в ближайшее время. Вопрос заключается в отсутствии в государстве ресурсов для решения проблем развития Дальнего Востока, которые накапливались веками. К этим проблемам можно отнести следующие проблемы.

Во-первых, слабое развитие инфраструктуры, особенно социальной.

Во-вторых, недостаток финансовых средств для развития Дальнего Востока, фактически происходит освоение отдельных месторождений и отдельных видов ресурсов, при этом уровень развития социальной и производственной инфраструктуры в районах Дальнего Востока значительно уступает соответствующим показателям в западных районах страны.

В-третьих, слабая обеспеченность кадрами, особенно квалифицированной рабочей силой. Из-за экономического кризиса и экономических санкций, а также низкого уровня жизни ежегодно тысячи молодых специалистов уезжают на постоянное место жительства либо в западные районы страны, либо за рубеж. Данные проблемы можно решить путем сотрудничества со странами БРИКС.

Международный опыт показывает, что в настоящее время существуют страны, богатые природными ресурсами, которые достаточно эффективно развивают экономику так называемого «ресурсного типа», к числу этих стран относятся Австралия и Канада. Плотность населения в некоторых районах этих стран достаточно небольшая, прежде всего в районах канадского Севера, она сопоставима с районами Дальнего Востока России. Опыт освоения территорий, богатых природными ресурсами в этих странах, представляет определенный интерес и для нашей страны.

К числу перспективных адресатов поставок российских энергоресурсов, несомненно, относятся страны БРИКС, прежде всего Китайская Народная Республика. Во-первых, несмотря на некоторое замедление темпов экономического развития, промышленности КНР и частному сектору требуется много угля. Несмотря на то, что Китай занимает 1-ое место в мире по запасам угля, многие месторождения находятся в труднодоступных районах, а для освоения других месторождений требуются значительные средства, которые Китай не может выделить в условиях мирового экономического кризиса.

Во-вторых, промышленность КНР достаточно активно развивается, ей необходимы энергетические угли, которые хотя и имеются в стране, однако себестоимость их добычи достаточно высока, поэтому приходится покрывать потребности за счет импорта, в том числе за счет импорта из восточных районов России. В табл. 1 представлены данные по изменению в структуре импорта энергоносителей компаниями КНР.

[1] Дышин Алексей Викторович – к.э.н., доцент кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института-Школы региональных и международных исследований ДВФУ. E-mail: dyshin.av@mail.ru

[2] Zhongguo tongji nianjian (Статистический ежегодник КНР). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2014. – С. 617.

[3] Таможенная статистика внешней торговли. – customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=23059&itemid=1977/

Таблица 1

Изменения в структуре импорта энергоносителей компаниями КНР (в процентах)[1]

Наименование	2000 г.	2010 г.	2014 г.
Доля импорта в потреблении энергоносителей компаниями КНР	9	13	17
Доля энергоносителей в экспорте из России в КНР	49	60	72

КНР и Россия добились развития двусторонних отношений во многих областях, включая экономику, политику, научно-техническое, культурное сотрудничество и другие области. Между двумя странами имеется соответствующая правовая база для развития двустороннего сотрудничества, которая включает соглашения о развитии торговли, рыболовства, о гарантиях инвестиций, о предотвращении двойного налогообложения, о культурных обменах, о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, а также о сотрудничестве в военно-технической области и некоторые другие соглашения.

Большую роль в развитии сотрудничества между двумя странами играет Российско-китайская комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в состав которой входят отраслевые комитеты и подкомиссии.

Если рассматривать экономические отношения между КНР и Российской Федерацией, то они отличаются определенной взаимной дополняемостью. Китай добился больших успехов в области создания промышленной и гражданской инфраструктуры, в развитии информационных технологий, в нефтехимии, в развитии обрабатывающей промышленности. Российская Федерация, в особенности районы Дальнего Востока, обладают большими запасами топливно-энергетических и минеральных ресурсов, включая значительные запасы нерудных металлов, которые активно используются в радиоэлектронной промышленности.

С нашей точки зрения, география объектов сотрудничества в области топливно-энергетического комплекса может быть расширена. Имеются хорошие возможности для сотрудничества сторон в развитии угольной промышленности в районах Дальнего Востока России, в особенности в области освоения месторождений угля в Южной Якутии.

Республика Саха (Якутия) занимает основное место по энергетическому потенциалу среди районов Дальнего Востока России. Разведанные запасы угля в районах Южной Якутии составляют 4609,5 млн. тонн, в том числе запасы углей коксующихся марок составляют 4056,5 млн. тонн, запасы энергетических углей составляют 553,0 млн. тонн[2]. Якутия обладает значительными прогнозными запасами различных марок углей, которые можно рассматривать в качестве базы для развития не только угольной, но и химической и металлургической промышленности страны в целом.

Кроме этого, среди районов Дальнего Востока Якутия занимает первое место по добыче угля, на ее долю приходится более 35% угля, добываемого на Дальнем Востоке страны. Уже сейчас предприятия Якутии являются основными экспортерами коксового концентрата в страны АТР. В ближайшие несколько десятков лет в мире, прежде всего в странах АТР, ожидается прирост потребления энергоносителей, в том числе угля. В настоящее время АТР уже превратился в крупного потребителя энергоресурсов в мире.

На долю стран АТР приходится более 33% потребления первичных энергоресурсов, включая более 30 – сырой нефти, более 13 – природного газа и более 57% угля. Данные баланса углей, составленного по Дальневосточному федеральному округу, показывают, что на период до 2020 года на Дальнем Востоке прогнозируется рост добычи угля, однако не прогнозируется рост его потребления, тем более что уже сейчас на Дальнем Востоке наблюдается избыток производимой электроэнергии, а ТЭС являются основными потребителями угля. По этой причине объем экспорта угля за рубеж, прежде всего в страны АТР, может увеличиться до 34 млн. т к 2020 году, при этом речь идет о высококачественных углях, являющихся дефицитными за рубежом[3].

Крупнейшим месторождением высококачественного коксующегося угля в Якутии является Эльгинское месторождение. Его прогнозные запасы превышают 2,2 млрд. т. Особенностью данного месторождения является его геологическая структура, которая включает пласты угля шириной до 15 метров с промежуточными отложениями шириной в несколько метров[4]. Расположено данное месторождение в Юго-Восточной Якутии, в центральной части Токинского угольного бассейна на расстоянии 415 километров восточнее города Нерюнгри.

Данное месторождение соединено железнодорожной веткой с Байкало-Амурской магистралью, длина ее составляет 321 километр. На месторождении имеется вся необходимая производственная инфраструктура. Эльгинское месторождение можно разрабатывать открытым способом, в этом случае себестоимость продукции будет гораздо дешевле, чем при использовании шахтного способа добычи.

Кроме того, открытый способ добычи угля является более безопасным, чем шахтный способ. Уголь, добываемый на Эльгинском месторождении, является высококачественным, в нем содержится большое количество летучих веществ, он характеризуется высокой степенью текучести, высокой теплотворной способностью, в нем мало азота, фосфора и серы.

---

[1] www.eurasiancommision.org

[2] Ембулаев В.Н., Тонких А.И. Научно-методические основы организационно-управленческой деятельности в угольной промышленности Дальневосточного экономического региона. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – С. 96.

[3] Хафизов И.В. Роль Эльгинского проекта в развитии Республики Саха (Якутия) // Аналитический вестник. 2012. – № 38. – С. 48.

[4] Потенциал Востока России. – Хабаровск, 2007. – С. 61.

Для сотрудничества имеются определенные предпосылки, поскольку в настоящее время решается вопрос о создании в Южной Якутии территорий опережающего развития, одна из которых будет включать Эльгинское месторождение.

Иностранным предпринимателям, действующим на данных территориях, будут предоставлены соответствующие льготы. Дополнительные льготы будут предоставляться на местном уровне по линии Правительства Республики Саха (Якутия).

Комлева Н.А.[1]

КОНТРАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ключевые слова: *геополитическая контракция, типы геополитической контракции, причины контракции, технологии выхода из состояния контракции, геополитическое пространство, типы геополитических пространств.*

Геополитическое сжатие, или контракция, это ухудшение количественных и качественных характеристик геополитических пространств[2] определенного актора. Если экспансия – это приобретение, то контракция – это потеря. Классическая геополитика рассматривала контракцию применительно к географическому пространству государства и трактовала данный феномен как потерю некоторой части его объема в результате войны. Согласно постклассической геополитике контракция происходит также и в экономическом, информационно-кибернетическом и информационно-идеологическом пространствах.

Основные технологии преодоления геополитической контракции коррелируют с причинами и технологиями ее осуществления. Каковы же основные причины контракции и соответствующие им технологии преодоления состояния геополитического сжатия применительно к современной России? Рассмотрим данные факторы применительно к основным типам геополитических пространств.

Контракция *географического пространства* определенной страны выражается: 1) в утрате части ее территории (акватории) и переходе ее под юрисдикцию другого государства (государств), 2) в потере реального контроля над определенной внутренней территорией (акваторией), сохраняющей юридический статус принадлежности к данному государству. Пример первой формы контракции в географическом пространстве: отпадение от России в ходе распада СССР территорий бывших советских социалистических республик и преобразование этих территорий в самостоятельные международно-признанные государства. Пример второй формы геополитической контракции – утрата Россией в 1996–2000 гг., согласно Хасавюртовским соглашениям[3], реального контроля над территорией Чеченской Республики, юридически остававшейся в составе РФ.

Особо подчеркнём, что контракция в географическом пространстве, как правило, сопровождается контракцией в пространстве экономическом и – особенно – информационно-идеологическом, превращаясь в последнем в ощущение (на уровне социальной психологии) и осознание (на уровне идеологии и науки) так называемой социальной травмы[4], глубина которой соответствует размерам и значимости утраченной территории.

«Пространственное чувство» нации (выражение Ф. Ратцеля[5]) настоятельно требует удовлетворения в виде возврата утраченного – или хотя бы некоей компенсации за него, заглаживающей нанесённую социальную травму. Это может быть достигнуто следующим образом: 1) буквальное возвращение утраченного географического пространства в состав данного государства; 2) установление реального контроля над утраченной территорией, юридически принадлежащей другому государству; 3) создание широкого политического и/или экономического союза, частично восстанавливающего если не контроль, то определённую степень влияния на политическую и экономическую сферу жизни государства, содержащего данную территорию в настоящий момент времени.

Обращаясь к историческому опыту России, можно привести следующие примеры лечения географической травмы (контракции географического пространства) указанными выше тремя способами.

Первый способ: буквальное восстановление утраченной территории в составе данного государства. Это возможно либо посредством аннексии (и, скорее всего, войны), либо посредством сложного переговорного процесса. При этом надо особо отметить коннотацию термина «аннексия» – насильственное присоединение, т.е. возвращение в одностороннем порядке, через несогласие и даже сопротивление государства-оппонента. В этом смысле присоединение Крыма к России в 2014 г. – уникальный случай, который нельзя напрямую классифицировать как аннексию в ее классическом понимании. Вооруженное насилие в его буквальной форме применено не было, оно присутствовало как весомая потенциальная угроза. Наличествовало реально выраженное в правовом поле – через всенародный референдум –

---

[1] Комлева Наталья Александровна – д.полит.н., профессор, директор Центра геополитического анализа, г. Екатеринбург.

[2] Автор выделяет четыре основных геополитических пространства: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. См.: Комлева Н.А. Несколько замечаний относительно природы и типологии геополитических пространств // Пространство и время. 2014. – № 1 (15). – С 90–101.

[3] Хасавюртовские соглашения (Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. Совместное заявление от 31 августа 1996 г.). // Политика. – http://www.politika.su/doc/hasavurt.html

[4] Основы теории социальной травмы разработаны в трудах П. Штомпки, Н. Смелзера, Дж. Александера и Р. Айермана.

[5] См.: Ратцель Ф. Политическая география. Народоведение. Глава 1. Государство как организм, тесно связанный с землей // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. – СПб: Питер, 2007. – С. 15–36.

волеизъявление населения Крыма о возвращении в состав России (около 96% проголосовавших[1]). В то же время, разумеется, никакого согласия Украины на возвращение Крыма России не было, как, впрочем, и реальных попыток, насильственных или через двусторонний переговорный процесс, изменения сложившейся ситуации «ухода» Крыма из состава Украины. В плане выхода России из контракции, вызванной распадом СССР, возвращение Крыма явилось ярким воплощением возвращения статуса великой державы и заявкой на обретение в будущем статуса глобальной сверхдержавы.

Второй способ: установление реального контроля над утраченной территорией, юридически принадлежащей другому государству. Территория Польши, утраченная Россией после распада Российской империи в начале прошлого века, фактически вернулась под её полный контроль в 1944–1945 гг. после вступления советских войск на территорию Польши в ходе Второй мировой войны и создания в Москве Польского комитета национального освобождения (июль 1944 г.), взявшего на себя функции временного правительства Польши. Оставшись формально суверенным государством, Польша (1944–1952 гг. – Польская Республика, 1952–1989 гг. – Польская Народная Республика) находилась под плотным военным, экономическим и идеологическим контролем со стороны СССР вплоть до «бархатной революции» 1989 г.

Третий способ: создание широкого политического и/или экономического союза, частично восстанавливающего определённую степень влияния на политическую и экономическую сферу жизни государства, содержащего данную территорию в настоящий момент времени. Примером является создание Содружества независимых государств (СНГ) в декабре 1991 г. Первоначально формируясь как союз, противостоящий тогдашнему руководству СССР во главе с президентом М.С. Горбачёвым и его курсу во внутренней и внешней политике, в настоящее время СНГ является совокупностью государств[2], внутри которой Россия пытается осуществлять частичный контроль определённых экономических и политических процессов, включая сотрудничество в сфере обороны. Пример экономического союза государств – бывших республик СССР – Евразийский экономический союз (ЕАЭС)[3]. На официальном сайте ЕАЭС в качестве одной из его основных задач постулируется «проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики»[4].

Сжатие *экономического пространства* выражается в 1) значительном или даже катастрофическом спаде производства товаров и услуг; 2) утрате контроля над определенным сектором глобального или регионального рынка (рынков) или над данным рынком (рынками) в целом.

Контракция экономического пространства современной России является прежде всего следствием экономических санкций со стороны США, ЕС, Австралии, Канады, Японии и некоторых других стран, введённых в 2014 г. после присоединения Крыма к России. Под санкциями оказались практически все системообразующие банки страны, нефтедобывающие компании, основные предприятия ВПК. Санкции направлены прежде всего на ключевой сектор российской экономики – нефтяной комплекс. Блокируется доступ к технологиям для освоения арктических, сланцевых и трудноизвлекаемых месторождений нефти. Санкции, установленные в отношении российского банковского сектора, затрагивают довольно значительную его часть – более 50% суммарных активов. Произошло резкое сужение географической и продуктовой диверсификации российского агропродовольственного импорта, ослабление сырьевой и производственной базы пищевых отраслей[5]. Потери от санкций составили в 2015 г. 3,7% ВВП[6]. Проблема ещё и в том, что уровень самообеспеченности отечественного рынка отдельными видами промышленной продукции и до введения санкций был крайне низок, и к 2020 г., тем более находясь под санкциями, его не удастся преодолеть[7].

Основных способов выхода из состояния экономической контракции два:

1) структурное преобразование экономики, направленное как на достижение состояния стабильного прогрессивного развития этой сферы, так и на уменьшение её зависимости от внешних экономических факторов;

2) импортозамещение: а) ориентация на новые рынки и новых экономических партнёров; б) организация самообеспечения «санкционными» товарами и услугами.

Не будучи экспертом в вопросах экономики, автор ограничится следующим толкованием сути и содержания структурных реформ в экономике: «Структурные реформы экономики – это ... преобразования, способные обеспечить

---

[1] Чуров отметил, что крымчане успешно провели референдум в такие сроки // РИА Новости. – http://ria.ru/politics/20140319/1000162870.html

[2] В состав СНГ в настоящий момент входят Республика Азербайджан, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан; Украина и Туркменистан на правах ассоциированного членства.

[3] Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

[4] Евразийский экономический союз. Общая информация. // Евразийский экономический союз. Официальный сайт. – http://www.eaeunion.org/#about

[5] Последствия введенных санкций для экономического развития России / Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы». – http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html

[6] Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России / Институт экономики РАН. – http://inecon.org/docs/Kheifets_paper-2016.pdf

[7] Последствия введенных санкций для экономического развития России / Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы». – http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html

устойчивый экономический рост»[1]. Подробное изложение сущности и «дорожных карт» осуществления структурных реформ в российской экономике содержится в Указе Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 426 «Об Основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий» (с изменениями и дополнениями)[2], Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. (принята распоряжением Правительства РФ в 2010 г.)[3], Стратегии социально-экономического развития страны до 2020 года[4]. В мае 2016 г. создана особая рабочая группа Экономического совета при Президенте Российской Федерации по направлению «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост»[5].

В рамках реализации в России политики импортозамещения также приняты определённые законодательные акты: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности"»[6] и Распоряжение Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1948-р «Об утверждении плана мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 гг.»[7]. Работа ведется одновременно по двум направлением: стимулирование национальной промышленности и ограничивающе-запретительные меры по ввозу.

В пространстве *информационно-идеологическом* геополитическая контракция – это замещение части традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества[8] или превращение данных ценностей и идеологических конструктов в маргинальные при установившемся доминировании ценностей и идеологических конструктов другого общества.

В данном случае, на наш взгляд, особо важна именно технологическая сторона процесса замещения, и главную роль в ней играют так называемые «настройщики». (Термин предложен Г. Тардом в 1895 г.[9]) «Настройщики» – это источники психологических стимулов, действующих одновременно на всё общество или его значительную часть и тем самым работающие в качестве синхронизаторов настроений членов общества. «Настройщики» способствуют складыванию такого элемента массового сознания, как «чувство общности судьбы» (К. Левин)[10].

«Настройщиками», способствовавшими геополитической контракции России в информационно-идеологическом пространстве на рубеже XX–XXI вв., стали: 1) «перестройка» середины 80-х – начала 90-х годов прошлого века с её отказом от первенствующей роли КПСС и коммунистической идеологии в политике и общественном сознании, переход к «общечеловеческим ценностям», т.е. ценностям либеральной идеологии и практикам капиталистического способа производства и общества массового потребления; 2) распад СССР и мировой системы социализма, 3) десоветизация, деиндустриализация, а также деградация науки, системы образования и в целом социальной политики в постсоветской России. «Чувство общности несчастливой судьбы» сформировалось под влиянием как «фактов социальной жизни», так и целенаправленной пропаганды. Информационно-идеологическое пространство России на рубеже XX–XXI вв. сжалось почти до минимального объёма. «Ценности теряют ценность <…> Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся»[11]. Следствием сформированности фактора «общей несчастливой судьбы» – или, в иной терминологии, ощущения перенесённой глубокой социальной травмы – стала «своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения единой идентичности»[12]. Имплантация западных идеологических конструктов и западных ментальных ценностей внутрь информационно-идеологического пространства постсоветской России была эффективной, поскольку, в том числе, строилась на ком-

---

[1] Попик А.А. Структурные реформы как фактор повышения инвестиционной активности в национальной экономике. Дисс. … канд. экон. наук // dslib.net Библиотека диссертаций. – http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/strukturnye-reformy-kak-faktor-povyshenija-investicionnoj-aktivnosti-v-nacionalnoj.html

[2] Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 426 «Об Основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. – http://base.garant.ru/10200911/

[3] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Консультант Плюс. – http://cnb.uran.ru/userfiles/2227r.pdf

[4] Стратегия 2020. Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года. – http://strategy2020.rian.ru/

[5] Утверждены Положение о рабочей группы Экономического совета по направлению «Приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост» и её состав. – http://www.kremlin.ru/acts/news/51925

[6] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности"» // Гарант. Информационно- правовое обеспечение. – http://base.garant.ru/70643464/#ixzz46upLa8QP

[7] Распоряжение Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1948-р Об утверждении плана мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 гг. // Гарант. Информационно- правовое обеспечение. – http://base.garant.ru/70758674/#ixzz46uqAXVWt

[8] В реальности доминирующие идеологическое конструкты принадлежат не просто обществу в целом, но правящему классу этого общества.

[9] Тард Г. Социальная логика. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – С. 319.

[10] См.: Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой. – М.: Смысл, 2001. – 421 с.

[11] Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – М., 2001. – № 1. – С. 11.

[12] Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 11.

пенсационной технологии преодоления социальной травмы — так называемой инновационной стратегии, состоящей в быстром восприятии новых навязанных ценностей[1].

В случае геополитической контракции информационно-идеологического пространства «настройщиками» выхода из этого состояния, т.е. событиями, создающими чувство общности великой и достойной «общей судьбы» и связанные с этим оптимистические настроения массового сознания, являются некие значимые социальные действия, выражающие и отражающие общие достижения большинства людей данного социума. Для России второго десятилетия нашего века такими настройщиками стали: 1) «война 08.08.08», которая со стороны России предстаёт формой вооружённой защиты грубо попираемых прав малого народа (осетин в Грузии); 2) прекрасно проведённая и ярко оформленная зимняя Олимпиада 2014 г., призванная утвердить за Россией имидж успешной страны с богатой и достойной историей; 3) присоединение Крыма в 2014 г., трактуемое как акт восстановления исторической справедливости в отношении русских в качестве «разделённого народа»; 4) вооружённая помощь Сирии в 2015 г. в борьбе с террористической организацией «Исламское государство»; 5) практика «Бессмертного полка» – ежегодного (с 2012 г.) и всё более массового шествия в День Победы с портретами предков, участвовавших в Великой Отечественной войне на стороне Красной армии. Известный кинорежиссёр К.Г. Шахназаров о значении акции «Бессмертный полк» (2015 г.): «Вообще у меня ощущение, что на наших глазах, если хотите – в прямом эфире, произошло рождение новой российской нации. <…> Мне нравится, что в основе нашей национальной самоидентификации лежит Победа. Между прочим, это не всякой нации дано. Нацию можно создать лишь на основе победы. <…> В этом смысле Россия абсолютно интуитивно пришла к той самой национальной идее, про которую четверть века все талдычили и которую все искали. Это идея Великого Подвига и Великой Победы»[2].

Все эти месседжи продуцируют создание эмоции, которую генерал де Голль называл grandeur, величие, и без которой он не мыслил существования самодостаточной и успешной Франции. Данные месседжи «работают» на формирование grandeur россиян в целом, причём важно подчеркнуть, что русская составляющая grandeur в наибольшей степени встроена в православное сознание с его идеей социальной справедливости в качестве атрибута Божьего мира как такового. Исследование, проведённое Институтом социологии РАН в 2012 г., показало: россияне в своём большинстве считают, что «жить стоит только ради какой-то большой, общественно значимой цели»[3], при этом «мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль консолидирующей идеи»[4]. В то же время россияне воспринимают современное российское общество как «несправедливое» и «неправильное»[5]. Последнее свидетельствует о том, что в информационно-идеологическом пространстве процесс выхода из контракции начат, но не завершён. Для завершения этого процесса необходимы достижения не только в области внешней политики, но, прежде всего, успехи по выходу из контракции в экономическом пространстве, в том числе в сфере промышленного развития и социальной политики[6]. «Конец травмы», согласно концепции П. Штомпки[7], на уровне общества знаменует собой создание новой групповой идентичности, т.е. формирование целостной системы ценностей, норм и убеждений, которые будут передаваться следующим поколениям. На личностном уровне он означает возрождение индивидуальной идентичности, связанной с ощущением своего места именно в данной социальной системе.

Информационно-кибернетическое пространство данного общества испытывает сжатие в форме вытеснения его программного продукта и кибернетических технологий с мировых и/или региональных рынков. Относительно российского информационно-кибернетического пространства можно сказать, что ситуация контракции здесь минимальна, поскольку этот тип геополитического пространства большим объёмом и не обладал. «Доля России на мировом рынке электронной техники и компонентов составляет не более 0,1-0,3%, на мировом рынке информационных услуг доля России составляет приблизительно 0,2%. Вклад ИКТ в экономический рост России заметно ниже (приблизительно в три раза!) соответствующих показателей развитых стран»[8]. При этом «основная часть оборудования, его материальной базы и программных продуктов производятся за рубежом и там закупаются»[9]. ИКТ (информационно-коммуникативные технологии) в России стали особенно интенсивно развиваться после «разоблачений Сноудена»[10],

---

[1] Об основных технологиях преодоления социальной травмы в информационно-идеологическом пространстве см.: Асташов А.Б. Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. / Отв. ред. А.П. Логунов; Рос. гос. гуманит. ун-т, Фак-т истории, политологии и права, Каф. истории и теории ист. Науки. – М.: изд. РГГУ, 2011. – С. 44–55.

[2] Шахназаров К.Г. Что им не нравится? // Историк. Журнал об актуальном прошлом. – http://историк.рф/journal/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D0%BD%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%81%D1%8F/

[3] Горшков М.К. Указ. Соч., с. 5.

[4] Там же, с. 6.

[5] Там же, с. 10.

[6] Горшков М.К. Реформы в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. – М., 2011. – № 10. – С. 3–11.

[7] См.: Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. // Социологические исследования. – М., 2001. – № 2. – С. 10–11.

[8] Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Анализ качественных особенностей динамики развития российского рынка ИКТ. Структурный подход // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Серия: Экономика, инновации и менеджмент. 2013. – № 3 (100). – С. 251.

[9] Там же.

[10] Сотрудник (до 2009 г.) Агентства национальной безопасности (АНБ) США Э. Сноуден в 2013 г., используя некоторые американские СМИ, раскрыл данные о слежке со стороны АНБ США с помощью специальной программы PRISM за миллионами пользователей Интернета, в том числе – за высокопоставленными политиками стран Запада.

касающихся степени развития кибер-шпионажа в мире. Тем не менее ещё до событий, связанных со Сноуденом, правительство РФ озаботилось развитием ИКТ[1]. В 2010 г. принята Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)»[2]. В России имеются компании-разработчики ИКТ, работающие на мировом уровне. Например, «Т-Платформы» – российский разработчик широкого спектра ИТ-оборудования и ведущий поставщик решений и услуг для высокопроизводительных вычислений[3]. Идёт процесс импортозамещения на российском рынке программного обеспечения (ПО) – с 1 января 2016 года государственные органы обязаны закупать отечественное программное обеспечение, вошедшее в специальный список, при этом покупка иностранного ПО разрешена только в случае отсутствия российских аналогов. Подробное описание процесса развития российских ИКТ и достижений в этой сфере (по нашей терминологии – сведения об объёме и ландшафте информационно-кибернетического пространства РФ) можно найти на сайте Руксперт[4].

Таким образом, геополитическая контракция, в том числе контракция российского геополитического пространства как её частный случай, имеет свои закономерности и технологии осуществления. Равным образом существуют закономерности и технологии выхода из состояния геополитической контракции. При этом на первое место – либо как первая цель геополитической агрессии в любом из геополитических пространств, либо как база выхода из геополитической контракции – выступает самоидентификация нации как победителя, т.е. нации, адекватно осознающей вызовы времени и успешно решающей встающие при этом задачи.

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) / Министерство экономического развития Российской Федерации. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/infOrientedSoc/doc20080207_01; Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // КонсультантПлюс. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/e26832f0246ec65942dfa2b4fbb2ddf208194056/

[2] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» // КонсультантПлюс. – http://www.consultant. ru/document/cons_doc_LAW_162184/

[3] Введен в эксплуатацию первый российский суперкомпьютер за рубежом // Око планеты. Новости, аналитика, информация. – http://oko-planet.su/science/sciencenews/312056-vveden-v-ekspluataciyu-pervyy-rossiyskiy-superkompyuter-za-rubezhom.html

[4] Российский IT-сектор // Руксперт. – http://ruxpert.ru/%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%E8%E9_IT-%F1%E5%EA%F2%EE%F0

Котилко В.В.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, гл.н.с. СОПС
kotilko@yndex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Ключевые слова: *ноосфера, окружающая среда, экологизация, возобновляемые и не возобновляемые ресурсы, ущерб, устойчивое развитие.*

Keywords: *noosphere, environment, greening, renewable and non-renewable resources, damage, sustainable development.*

По нашему мнению, **пространственная безопасность** – это геополитическая устойчивость и геоэкономическая стабильность, которая может поддерживаться на протяжении длительного времени, при соблюдения определенных и обоснованных на каждом этапе социально-экономического развития предельных значений параметров безопасности, периодически меняющихся в ходе мониторинга достигнутого состояния, опережая появляющиеся со временем вызовы и риски с целью своевременного принятия необходимых мер для их нейтрализации и снижения возможного ущерба.

Под пространственно-устойчивым безопасным развитием следует понимать **такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений различных государств и их экономических союзов удовлетворять свои собственные потребности**. Пространственная стратегия устойчивого развития направлена на достижение гармонии между людьми, обществом, производством, природой, экологией и сложившимися государствами с их стремлением к совершенствованию и модернизации. Пространственное устойчивое развитие должно быть не только экологически безопасным, но и в одинаковой степени быть направленным как на выживание человечества, так и на сохранение природы. Первое означает возможность постоянно поддерживаемого сбалансированного развития, при котором наши потомки имели бы не меньше возможностей по сравнению с настоящим поколением по удовлетворению своих потребностей в природных ресурсах. Второе означает сохранение биосферы как естественной основы всей жизни на Земле, сохранение её устойчивости и естественной эволюции.

Важнейшим критерием пространственно-экологического и устойчивого развития в мире является достижение стратегического баланса между геополитическими устремлениями различных государств, деятельностью человека и поддержанием воспроизводящих возможностей биосферы, тогда деятельность человека не будет приводить к необратимым нарушениям в природе. Однако, обсуждая содержание понятия «Пространственная безопасность» и его увязки с терминами «устойчивость» и «экологическая безопасность», неправильно сводить все вопросы только к проблемам геополитики и экологии, хотя понятно, что они являются основными. Переход к пространственно-устойчивому развитию государства требует кардинальных преобразований, в центре которых – пространственная экологизация всех основных видов деятельности человечества, самого человека, изменение его сознания и созидание нового «устойчивого общества», переход от военного противостояния к инновационно-пространственному развитию и сотрудничеству.

Для перехода к политике пространственной безопасности и экологически-устойчивому развитию государств необходимы управленческие решения и действия, которые должны с опережением приниматься в условиях риска и неопределенности. Управление должно исходить из принципа упреждения (предосторожности): «В целях защиты окружающей среды в соответствии со своими возможностями государства широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды» (Декларация по окружающей среде и развитию).

Пространственно-устойчивое развитие может быть реализовано лишь в случае кардинальных структурных изменений в планетарных масштабах. Необходима качественно новая пространственная модель развития цивилизации, основанная на понятии сферы разума, глобально управляемого ноосферогенеза.

Стратегической целью пространственной безопасности и устойчивого развития России и стран СНГ является повышение уровня и качества жизни населения на основе научно-технического прогресса, динамичного развития экономики и социальной сферы при сохранении воспроизводственного потенциала природного комплекса страны как части биосферы Земли, а также технологического потенциала в интересах нынешнего и будущих поколений.

Основными предпосылками пространственной безопасности и устойчивого развития России являются: большая территория с сохранившимися невозобновляемыми природными ресурсами и естественными экосистемами, человеческий потенциал, геополитическое местоположение и экономические ресурсы. Для достижения пространственной безопасности и устойчивого развития необходимо в максимальной степени сохранять территории с естественными экосистемами, рационально использовать невозобновляемые природные ресурсы и человеческий потенциал, а также – в

силу особой демографической ситуации – направлять экономические ресурсы на развитие человеческого потенциала во всех регионах страны.

В ходе реализации интеграционных процессов в России и странах СНГ должны быть заложены основы новой пространственной стратегии, опирающейся на достижение пространственной безопасности, формирование инновационной экономики, обеспечивающей эффективное воспроизводство и обладающей потенциалом долгосрочного динамичного роста, позволяющей решать задачи повышения уровня и качества жизни, модернизации производственного аппарата, сохранения целостности и безопасности стран, что потребует усиления экономической функции государства, связанной с необходимой корректировкой рыночного механизма и его регуляторов с позиций региональной специфики.

Последовательный переход России и стран СНГ к пространственной безопасности и устойчивому развитию должен осуществляться в соответствии с принципами, изложенными в Декларации и других документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), а также в материалах девятнадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк,1997). Вместе с тем, принимая свою национальную пространственную стратегию безопасного и устойчивого развития, Российская Федерация трансформирует общие принципы в соответствии с конкретными геополитическими условиями, с учетом своих глобальных и региональных интересов и особенностей.

Новая пространственная стратегия отличается от стратегии экономического роста, прежде всего тем, что будущая цивилизация не должна разрушать окружающую природу, а должна "вписываться" в биосферу, учитывать законы ее развития и вытекающие из них ограничения и запреты. Новая модель взаимодействия природы и общества претендует на гармонизацию взаимоотношений с природой, что означает соединение социально-экономических принципов с пространственной и экологической безопасностью в единую социоприродную систему пространственно-устойчивого развития.

Парадокс заключается в том, что все эти проблемы в совокупности ранее обосновывались во многом забытом в настоящее время перспективном документе, который назывался «Генеральная схема развития и размещения производительных сил». Об этом нам всем напомнил 100-летний юбилей одной из старейших организаций страны – Совета по изучению производительных сил (СОПС).

Опираясь на использованные в Генсхемах методы обоснования комплексного развития и размещения производительных сил, уже в наше время, в условиях разрыва экономических связей в ходе развала СССР и в условиях санкций учеными СОПС были разработаны методы и алгоритмы расчета показателей экономической безопасности отраслей, регионов и страны в целом в увязке с проблемами стран СНГ.

Особое внимание следует обратить на методы оценки влияния разрыва хозяйственных связей России с другими странами с позиций экономической безопасности. Последние должны служить сигналом для выработки мер и вмешательства как федеральных, так и региональных органов власти с целью преодоления негативных тенденций и восстановления требуемого уровня экономической безопасности.

Отсюда следует вывод о необходимости совершенствования методики оценки экономической безопасности страны и ее регионов. Эта методика исходит из того, что утрата значительной части традиционных внешних рынков Российской Федерации (рынков стран СНГ) и санкции могут привести к такому состоянию развития экономики нашей страны и ее регионов, которое достигнет предельного (порогового) значения и приведет к снижению общего экономического потенциала, а, следовательно, скажется на уровне экономической безопасности России, ее регионов и всего Содружества.

Нахождение порогового значения экономической дестабилизации в России предлагается начать с определения предельного уровня снижения экономической активности, объемов производства, разрыва производственно-хозяйственных связей Российской Федерации со странами СНГ в первую очередь в разрезе отраслей, определяющих стратегию развития государства.

Для этого целесообразно осуществить ряд последовательных взаимоувязанных шагов с целью выявления кризисных регионов и промышленных центров России:

На I этапе из совокупности агрегированных видов продукции, представленной в разрезе межотраслевых и отраслевых комплексов (топливно-энергетического, металлургического, химического и машиностроительного) выбираются такие виды продукции и сырья, которые определяют уровень экономической безопасности и степень сохранения российской государственности.

На II этапе анализируется специфика размещения стратегической продукции по субъектам Федерации; используя показатели, характеризующие экспортный и импортный потенциал регионов, определяется приоритетность их вывоза и ввоза в другие регионы России и страны СНГ, то есть дается оценка наполнению внутреннего и внешнего рынков.

На III этапе используя балансовый метод, рассчитывается внутренняя потребность субъектов РФ в продукции (в разрезе основных комплексов) и определяется количественная зависимость между вывозом, ввозом, производством и потреблением в региональном разрезе.

На IV этапе определяется доля рынка СНГ в общей структуре вывоза продукции в разрезе Федеральных Округов и субъектов Федерации – в рамках решения проблемы распределения совокупного вывоза продукции (включая экспорт в дальнее зарубежье) по сформированным товарным рынкам стран Содружества, включая государства, входящие в ЕАЭС.

На V этапе опираясь на метод группировок субъектов Федерации, осуществляется отбор субъектов РФ, основываясь на отклонениях от средней величины удельного потребления ресурсов (продукции) в расчете на единицу валового внутреннего продукта (или на товарную продукцию промышленности).

На VI этапе определяются пороговые пределы вывоза продукции различных комплексов из базовых регионов, решая по каждому виду продукции балансовую задачу, удовлетворяющую требованиям стабилизации (не снижения) внутренних потребностей или не снижения определенной величины экспорта (регион экспортно-ориентированный).

На VII этапе определяются пороговые пределы (допустимые значения) ввоза продукции из стран СНГ в регионы России из одних регионов РФ в другие с тем, чтобы не подорвать собственное производство.

На VIII этапе рассчитываются пороговые пределы функционирования производства в субъектах России с учетом ряда допущений и ограничений:

■ в экспортно-ориентированных регионах – стабилизируется внутреннее потребление и ограничивается ввоз продукции;

■ в импортно-ориентированных регионах – рассчитывается пороговый предел потребления продукции при стабилизации производства и отказа от вывоза продукции.

На IX этапе осуществляется ранжирование регионов, и выделяются те из них, которые в наибольшей степени пострадали от падения производственно-технологических связей или санкций, доведя уровень снижения экспортно-импортного потенциала до предельно допустимого уровня, то есть до кризисной ситуации, повлиявшей на экономическую безопасность; определяются кризисные экономические зоны и «дуги».

На X этапе определяются основные потоки движения стратегической продукции (сырья) между регионами России и государствами СНГ с тем, чтобы выявить, какие из них достигли предельно допустимого уровня в разрезе Федеральных округов, отраслевых и межотраслевых комплексов стратегического назначения.

На XI этапе анализируется влияние порогового предела функционирования производства на ситуацию в кризисных регионах (зонах) с целью оценки количественного и качественного состояния производственно-хозяйственных связей России с государствами СНГ и предотвращения негативного влияния их на экономическую безопасность; разрабатывается концепция формирования экономических связей стран СНГ, мероприятия и механизм, содействующий их интеграции с позиции решения проблем стран Содружества, исходя из требований снижения ущерба от возникающих рисков сотрудничества.

В ходе исследования нами рекомендуется система алгоритмов, последовательное применение которых позволяет реализовать на практике разработанную методику оценки последствий разрыва экономических связей вследствие экономических санкций и выявления кризисных производств и регионов (зон), влияющих на уровень экономической безопасности России.

В основе расчетов уравнение балансовой зависимости [2]

$$Q + V = QВН + Э,$$

где:

Q – объем промышленного производства стратегической продукции в регионе;

V – объем импорта (ввоза) стратегической продукции;

QВН – объем внутреннего потребления данной продукции;

Э – объем экспорта (вывоза) продукции стратегического назначения за пределы региона.

В качестве корректирующих показателей используется следующая система взаимозависимых коэффициентов:

С – коэффициент удовлетворения внутренних потребностей региона за счет собственного производства. $C = Q : QВН$;

Ci – коэффициент, характеризующий зависимость производства от импортных поставок или от ввоза из других регионов. $Ci = V : QЗН$;

С2 – коэффициент, характеризующий экспортную ориентированность производства продукции стратегического назначения в регионе (или вывоз ее в другие субъекты РФ). $C2 = Э : Q$.

В каждом конкретном случае рассматривают конкретные условия: $C = 1$, $C > 1$, $Э = V$, $Э > V$. В зависимости от поставленной задачи решается соответствующее уравнение балансовой зависимости:

$$C = 1 + (Э\text{-}V) : QВН\ ;\ C > 1 + (Э\text{-}V) : QВН\ ;\ (Э\text{-}V) : QВН > 0$$

В качестве показателя ранжирования субъектов РФ по их экспортному (вывозному) или импортному (ввозному) потенциалу используют коэффициент следующего вида:

$К = (Э\text{-}V) : QВН$;

при $К > Q$, $Э > V$ – выявляется экспортный потенциал субъекта РФ по вывозу продукции стратегического назначения за пределы региона-производителя;

при $К < Q$, $Э < V$ – определяется импортная зависимость региона от поставок стратегического вида продукции из других регионов России или стран СНГ.

Методы оценки пороговых (предельных) значений

Экспериментальные расчеты позволили рекомендовать такие алгоритмы, системное применение которых к продукции стратегического назначения позволяет определить предельно допустимый уровень экспорта (вывоза) и импорта (ввоза) продукции в натуральном выражении или определить пределы снижения экспорта и импорта с позиций экономической безопасности России:

значение (1:C) x (3:V) < 1 характеризует экспортную направленность региона, а зависимость (1:C) x (3:V) > 1 – импортную зависимость региона, где С – удовлетворение потребности района в продукции за счет производства.

Предельно допустимая величина достигается тогда, когда Э = С x V. Эта формула получается в результате следующих преобразований:

$$(1 \times Э) : (C \times V)\text{-}l > O, (Э\text{-}C \times V) : (C \times V) > O,$$
$$Э\text{-}C \times V > 0.$$

Использование предложенных алгоритмов позволило определить предельное значение показателей по всем регионам России в разрезе основных производств (товаров), непосредственно влияющих на состояние экономической безопасности России.

Опираясь на данный методический подход или различные его модификации региональные органы власти могут систематически отслеживать ситуацию с предельными величинами по товарам и ресурсам стратегического назначения с тем, чтобы своевременно реагировать на изменения количественных параметров и предотвратить негативные последствия от возникающей критической ситуации по стратегическим видам продукции.

Предлагаемый метод определения предельных пороговых значений требует корректировки, если ситуация в экономике региона или отрасли коренным образом изменилась или произошло существенное расширение производства в результате крупных инвестиционных вливаний. В этих случаях конкретные величины предельных значений по регионам и видам продукции должны пересматриваться, что повлечет за собой изменения порогового предела показателя.

Исходя из экономических интересов России, были выбраны приоритетные направления в разрезе отраслей и отдельных видов продукции, которые требуют государственной поддержки, обеспечения поставок на экспорт при условии удовлетворения внутренних потребностей.

Из всей совокупности агрегированных видов продукции для выявления предельно-допустимого уровня снижения экономической активности регионов были выделены следующие продукты стратегического назначения:

- по топливно-энергетическому комплексу – бензин автомобильный, дизельное топливо и топочный мазут;
- по металлургическому комплексу – прокат черных металлов, трубы стальные;
- по химическому и нефтехимическому комплексу – химические волокна и нити, синтетические смолы и пластические массы;
- по машиностроительному комплексу – грузовые и легковые автомобили, трактора, автомобили специального назначения.

Оценка кризисных регионов и экономических зон

Примененная модификация балансового метода, увязывающая предельно допустимое снижение уровня связей и производства основных видов продукции стратегического назначения, позволила выявить достаточно устойчивые связи, разрыв которых на межгосударственном и межрегиональном уровнях приводит к утрате жизненно важных источников экономического роста.

В связи с этим требуется обратить особое внимание не только на кризисное состояние с производством продукции стратегического назначения в разрезе межотраслевых комплексов, но и выявить конкретные кризисные регионы и зоны, ситуация в которых, в первую очередь, влияет на уровень экономической безопасности России в целом.

Выявленные кризисные регионы неравномерно размещены по территории России.

Кризисные регионы образуют кризисные зоны, которые преимущественно охватывают южные европейские и азиатские части страны, образуя своеобразные «кризисные дуги», оказывающие негативное влияние не только на близко расположенные регионы, но и на национальную и экономическую безопасность России.

Концепция формирования приоритетных экономических связей России и ее регионов, а также стран СНГ, в первую очередь, опирается на меры по ликвидации кризисных явлений, появившихся в отраслях и производствах стратегического назначения, а также на особое внимание к экономическим связям субъектов РФ и кризисных экономических зон, ситуация в которых влияет на уровень экономической безопасности России в целом.

При обеспечении предпосылок для экономического роста должны учитывать сложившиеся реалии на внутригосударственном и межгосударственном уровнях. В этой связи представляет интерес использование методических приемов первой Генеральной схемы, позволяющие оценить риски и финансовые разрывы доходов и расходов регионов России.

В ходе исследований источники региональных рисков учеными СОПС были классифицированы следующим образом:

(1) риски утраты постоянного источника дохода (прежде всего безработица);

(2) риски снижения уровня доходов;

(3) риски неплатежеспособности домашних хозяйств;

(4) риски ограничений физического доступа к жизненно важным товарам и услугам;

(5) риски в сфере безопасности.

В результате были сделаны следующие основные выводы.

Риск наступления неплатежеспособности домохозяйств, высокий по Российской Федерации в целом, в отдельных регионах с высокой долей вероятности может реализоваться в форме массовой неплатежеспособности, что с учетом введения в действие с 1 июля 2015 года законодательства, предусматривающего банкротство физических лиц,

может привести к значительному количеству банкротств. Данный фактор является крайне опасным в связи с возможным повышением вследствие этого социально-политической напряженности.

Самая тяжелая, критическая ситуация с неплатежеспособностью домохозяйств сложилась в настоящее время в Республике Ингушетия и Республике Калмыкия. Критическая ситуация также характерна для Карачаево-Черкесской республики, Республики Бурятия, Республика Тыва и Республика Алтай.

Географически критические зоны в целом локализуются в двух больших ареалах – национальные республики Северного Кавказа и национальные республики Юга Сибири. Области и края, расположенные вокруг этих республик, также отличаются повышенным уровнем показателей риска наступления неплатежеспособности домохозяйств.

Сложившиеся ареалы критических зон возникшего потенциала массового наступления неплатежеспособности домохозяйств могут провоцировать многочисленные противоречия между различными социальными группами, в числе которых можно выделить межнациональные противоречия, межконфессиональные противоречия, противоречия между богатыми и бедными регионами и противоречия между столицами и периферией.

Рискам неисполнения бюджетных обязательств (сокращение бюджетных расходов в ходе исполнения) в большей степени подвержены регионы с относительно низкой долей дотаций в структуре доходов регионального бюджета (менее 20%). При этом для регионов с относительно высокой долей поступлений по налогу на прибыль в структуре доходов (более 20%) в качестве опережающего показателя риска снижения расходных обязательств может быть использован темп роста поступлений (к соответствующему периоду предыдущего года) в среднем за анализируемый период.

В ходе исследований учеными СОПС был сделан вывод о том, что рискам неисполнения бюджетных обязательств в большей степени подвержены регионы с относительно низкой долей дотаций в структуре доходов регионального бюджета. Это означает, что мы имеем дело с отрицательными стимулами, действие которых мотивирует субъекты федерации не к наращиванию местных источников доходной части своих бюджетов, а к усилению дотационности, так как именно в этом случае региональный бюджет становится более устойчивым, и риски неисполнения им расходных обязательств сокращаются.

На основе произведенного анализа и прогноза изменений показателя рисков на 2015 и 2016 гг. мы пришли к выводу, что риск наступления неплатежности домохозяйств возникает вследствие ряда факторов, связанных с объемом и интенсивностью изменений масштабов доходов и обязательств домохозяйств.

Значительные риски существенного снижения реальных денежных доходов населения и роста уровня общей безработицы экономически активного населения в 2015–2016 годах присутствуют в регионах Российской Федерации с низким потенциалом импортозамещения. В свою очередь, умеренные риски существенного снижения реальных денежных доходов населения и роста уровня общей безработицы экономически активного населения прогнозируются по регионам Российской Федерации со средним (на уровне близком к среднероссийскому) потенциалом импортозамещения.

В целом, к субъектам Российской Федерации со значительными или умеренными рисками существенного снижения реальных денежных доходов населения и дестабилизации на региональных рынках труда относятся, с одной стороны, крупнейшие экономические центры страны – города Москва и Санкт-Петербург, промышленно развитые регионы с мощным экономическим потенциалом (Московская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Новосибирская области, Красноярский края, Республика Татарстан и др.), старопромышленные регионы Центральной части России (Владимирская, Ивановская, Тверская, Тульская, Ярославская области) и, с другой стороны, преимущественно сырьевые субъекты Российской Федерации, включая Мурманскую, Иркутскую, Кемеровскую, Магаданскую, Сахалинскую области, республики Коми, Саха (Якутия), Забайкальский край, Ханты-Мансийский – Югра, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа.

Рискам снижения реальных доходов населения в наибольшей степени подвержены два субъекта федерации – Калининградская область и Республика Алтай. Кроме того, в зоне риска по разным показателям, характеризующим высокие уровни риска снижения реальных доходов населения, находятся Еврейская автономная область, Амурская, Архангельская, Калужская и Кемеровская области, Республика Карелия, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания.

Проведенный анализ рисков локального повышения цен позволяет сделать следующие основные выводы:

– повышение федерального индекса цен увеличивает разброс региональных индексов и количество превышений порогового значения;

– для базового индекса потребительских цен характерна высокая концентрация случаев превышения федерального показателя (превышения более чем в три раза в 2013–2015 годах имели место в 11 регионах);

– накопленные превышения регионального показателя стоимости минимального набора продуктов питания над аналогичным общефедеральным показателем имеют широкий географический охват; их отличает высокая степень сезонности и волатильности.

Наиболее проблемными регионами в плане локальных вспышек роста цен являются Республика Бурятия, Магаданская область, Брянская область, Смоленская область, Калининградская область, Краснодарский край, Ивановская область, Республика Ингушетия, Хабаровский край. С точки зрения превышения общефедерального уровня региональным показателем стоимости минимального набора продуктов питания наиболее проблемные регионы – Кабардино-Балкарская Республика, Калужская область, Камчатский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

С точки зрения риска увеличения безработицы необходимо выделить 9 субъектов федерации, в которых уровень безработицы наиболее высок (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Тыва, Карачаево-

Черкесская Республика, Республика Калмыкия, Республика Алтай, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Забайкальский край), а также 4 субъекта федерации с наиболее высоким темпом роста безработицы после 2008 года (Челябинская область, Республика Мордовия, Свердловская область и Республика Адыгея).

Выполненный анализ состояния и прогноза локальных цен дает основание считать, что главными факторами возникновения локальных ценовых рисков являются:

– уровень инфляции и курс национальной валюты;

– величина и динамика потребительских цен;

– величина и динамика прожиточного минимума.

Региональные особенности локального роста цен проявляются также в зависимости от специфики локальной потребительской корзины, затрудненного транспортного сообщения с другими регионами страны, действия сугубо местных факторов (например, приостановки деятельности тех или иных производителей потребительских товаров или монополизации локального рынка), а также проявлений регионального монополизма в сфере производства и сбыта продукции.

Анализ тенденций развития экономики и социальной сферы в стране и ее регионах дает основание считать, что сложившиеся тенденции возникновения локальных ценовых рисков будет сохраняться в краткосрочном периоде.

С целью предотвращения или снижения локальных рисков цен предлагается:

• проведение постоянного мониторинга цен, ценовой политики, что позволит разработать меры по снижению или предупреждению локальных ценовых рисков;

• отслеживание цен, устанавливаемых клиентами-посредниками и их реакции на ценовые изменения в отраслях и регионах;

• формирование постоянной клиентуры локальных рынков и ее приверженности к приобретению продукции, что будет обеспечивать устойчивость ее сбыта;

• разработку ценовой политики, учитывающей сезонные изменения в спросе, предотвращение возможности возникновения ценовых рисков; приспособления к возможности возникновения ценового риска; оптимизация или снижения степени негативного влияния ценового риска.

Предотвращение возможности возникновения ценовых рисков предполагает отказ от действий или внедрения мероприятий, которые могут сопровождаться ценовым риском.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» использует термин «экологическая безопасность». Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». Федеральный закон от 10.07.2001 № 92-ФЗ «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории».
2. Котилко В.В. Пространственная и экологическая безопасность на основе критериев экологичности и устойчивого развития // Социально-экономические и экологические аспекты развития регионов и муниципальных образований: проблемы и пути их решения: материалы международной научно-практической конференции 31 марта 2016 г. – М.: РАЕН; Росинформагротех, 2016. – С. 37–40.
3. Котилко В.В. Пространственная безопасность и Генсхема размещения производительных сил // Экономист. – М., 2016. – № 6. – С. 68–77.
4. Адамеску А.А. Первая Генеральная схема: опыт объединения научных организаций для обоснования размещения производительных сил. – М.: СОПС, 2016. – С. 326.
5. Котилко В.В. Модернизация России и стран СНГ. – М.: Самполиграфист, 2014. – 266 с.
6. Вишнякова В.С., Котилко В.В., Пашенных Ф.С., Удод В.И. Прогноз расходов консолидированного бюджета субъектов РФ. – М.: Самполиграфист, 2015. – 318 с.
7. Котилко В.В., Вишнякова В.С., Полынев А.О. Риски и финансовые разрывы регионов России в условиях санкций. 2016. – 245 с.
8. Котилко В.В., Пашенных Ф.С., Джантаев Х.М. Приграничные регионы России и опыт развития приграничных районов за рубежом. – М.: РУДН; СОПС, 2016. – 233 с.

Кочетов Э.Г.
д.э.н.

BREXIT, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ: СУДЬБА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК – УХОД В ДРУГИЕ КООРДИНАТЫ

Brexit – выход Великобритании из Европейского Союза – дал повод и тему для написания данной краткой статьи. К этому процессу приковано внимание мировой общественности, это событие заполонило газеты, TV, задействовало мнение многочисленных экспертов и аналитиков, дипломатов, политических деятелей и т.д.

По своей сути это событие – феномен: казалось бы, ничто не предвещало ломку устоявшейся интеграционной структуры, но в том-то и фокус, что в мире подспудно идут неумолимые процессы, они прорываются на поверхность бытия и дают повод к многочисленным вопросам: – Что это было? И что за спусковые крючки, запустившие механизм Brexit? И не является ли он симптомом развала мировых интеграционных группировок вообще, или это начало их качественного преображения в новейшие системы мирового обустройства? И, наконец, каковы движущие мотивы (пружины) зарождения, развития и выхода на поверхность подобных процессов? И, естественно, встает вопрос – насколько страна, «выломившаяся» из интеграционной системы, почувствует себя (или станет) действительно суверенной, независимой и т.п.

Поразмышляем об этом: выскажем некоторую догадку (гипотезу) о природе случившегося.

* * *

«…Ничего нет вечного под луной…!». Все течет, все меняется, и нет возможности входить в одну и ту же «воду времени» дважды! Эту мысль нам заронил Гераклит и с тех пор мы приглядываемся ко всему и вся – *интеграционные группировки* не исключение! Они имеют свой цикл жизни, свое течение в развитии и свой «сход» с исторической арены.

Свидетельство тому – как далекие, так и близкие к нам события. Так, на Европейском континенте мы наблюдаем титанические сдвиги в интеграционной системе – Великобритания «выламывается» из, казалось бы, монолитного и незыблемого Европейского Союза; на евразийской платформе идут интенсивные процессы интеграционных преобразований, не миновала этого процесса в целом мировая система – на горизонте зарождение и развитие новых форм интеграционного объединения усилий для совместного решения национальных и региональных задач, таких как широтные геоэкономические пояса, мировые «блуждающие» кластерно-сетевые системы, новые очаги инновационного роста и т.д.

Но как эти процессы соотносятся с феноменом Brexit – попробуем поискать ответы на это с теоретической и практической «точек и углов» зрения[1].

Мировая система в преддверии новой фазы развития: начало – качественное преображение интеграционных группировок

Чтобы уяснить суть мировых интеграционных событий и их перспективы, прежде всего следует иметь в виду то, что они проходят в рамках ***глобальных общемировых тенденций***, получивших в последнее десятилетие мощное развитие: иначе говоря, следует взглянуть на эту проблему с позиций глобалистики и геоэкономических теоретических и методологических воззрений[2].

---

[1] «Угол зрения» на эту проблему преломляется у меня через две своеобразные, тесно увязанные между собой методологические призмы-проблемы, а именно: «Призма первая – геоэкономическая» и «Призма вторая – эволюция государственных форм» (их я в самом кратком виде привожу в статье «Интеграционные группировки на мировой арене и их генезис (общий теоретический и методологический контур)» в разделе: *«Две методологические призмы, проясняющие логику «европейского интеграционного сдвига»* (см.: Информационно-аналитический портал viperson.ru 09 августа 2016).

[2] Суть воззрений показана в работах автора по геоэкономике и глобалистике: Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. – М.: Прогресс, 2001; Геоэкономика (освоение мирового экономического пространства). – М.: Норма, 2012. 6-е изд.; Геоэкономика. Энциклопедия. – М.: Эдитус, 2016; Геоэкономический атлас мира. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 1(13). – М.: ИД Новый век, Институт микроэкономики, 2002; Стратегия развития: геоэкономическая модель // Безопасность Евразии. 2000. – № 1 и др.

В максимально сжатом виде это дано в Большой Российской Энциклопедии: «…Э.Г. Кочетов предложил концепцию (1999) освоения геоэкономического пространства и реализации национальных интересов в условиях пульсации мирового хозяйства под воздействием «блуждающих» интернационализированных воспроизводственных ядер...» (БРЭ, т. 6, Геоэкономика, с. 657–658).

Эти тенденции связаны с выходом мировой хозяйственной системы на геоэкономическую (кластерно-сетевую) парадигму развития. Сами интеграционные процессы и субъекты интеграционных группировок «впитали» в себя геоэкономическую природу и испытывают серьезнейшие трансформации под воздействием общих закономерностей геоэкономического развития.

Теперь, вооружившись такой методологической «оптикой», можно пройтись по вышеотмеченному сюжету и дать несколько тезисов-акцентов.

I. Появление интеграционных группировок на мировой арене обусловлено рядом факторов. Набор факторов в историческом плане постоянно меняется. Они придают интеграционным группировкам ту или иную ***главенствующую окраску***: либо геополитическую, либо цивилизационную, либо военно-стратегическую, либо экономическую и т.д. И это при том, что любая интеграционная группировка несет в себе в той или иной мере вышеприведенные характерные черты. И здесь выделим центральный момент – *та или иная черта довлеет над интеграционной группировкой, становится приоритетной.*

В этом отношении интеграционные группировки отличаются друг от друга, ибо имеют существенные различия в целях, задачах и механизмах функционирования. Но что их объединяет, так это присущая им геоэкономическая и геофинансовая составляющая, которая неизменно здесь в определенной пропорции «обитает» и выступает как принципиальная основа не только функционирования, но и как вообще способ существования интеграционных группировок.

Иными словами:

1) Как бы геополитика и геостратегия не окрашивали всю интеграционную группировку в цвет *хаки* (цвет милитаризма), рано или поздно такой статус становится явно обременительным для группировки в целом или для отдельных ее частей (стран): перемалывание ресурсов в угоду геополитических, идеологических, военно-стратегических задач и целей становится неподъемным (невыносимым). И тогда начинается процесс придавливания этой «окраски» (черты), она не становится приоритетной и значимой. В рамках интеграционной группировки усиливаются другие ее составляющие и она качественно преобразуется в рамках новой конфигурации, в новых координатах, в новой сфере.

2) Здесь следует учитывать один существенный нюанс. Все выше отмеченные черты, «компоненты» интеграционных группировок в условиях всеобъемлющего процесса глобализации имеют в той или иной мере одинаковый характер – сетевой, вот почему следует говорить не о том, что разрушается интеграционная группировка путем «выламывания» из нее отдельных участников, а о том, что начинается процесс переформатирования интеграционных группировок: идет смена приоритетов, их функционирование начинается в новых координатах.

3) Как бы ни развивалась мировая палитра интеграционных группировок, наиболее жизнеспособными, жизнестойкими и востребованными временем являются геоэкономические интеграционные группировки, которые ярко проявили себя на современной мирохозяйственной арене.

II. Геоэкономический и геофинансовый «окрас» различных интеграционных группировок ярко проявил себя в ходе их становления и развития:

а) произошло качественное переформатирование сложившихся воспроизводственных ареалов «мирового роста» и вслед за ними «перекладка» мировых финансовых потоков, а также появление новых;

б) глобализация финансовых потоков идет параллельно с совершенствованием механизма финансового «перетока»;

в) сами финансовые потоки под воздействием целей и задач функционирования интеграционных группировок принимают сугубо характерные черты, связанные с тактикой и стратегией интеграционных группировок как среднесрочного плана, так и плана на длительную перспективу – не заставило себя ждать появление высоких геоэкономических и геофинансовых технологий и оперирование ими на геоэкономическом атласе мира.

3. Центральным, доминирующим вектором (стержнем) геоэкономических интеграционных группировок выступает интернационализация ресурсов как принцип консолидации национальных, региональных и глобальных ресурсов в целях национального и регионального развития и совместного решение тактических и стратегических задач.

4. При этом в качестве основного элемента для решения этих задач служит формирование мировых очагов роста, в которых формируются инновационные проекты и куда устремляются и финансовые потоки мировых (глобальных) игроков на геофинансовом поле. В этих очагах идет формирование интернационализированных мировых воспроизводственных систем: на «растянутых» производственно-технологических цепочках (линейках) идет формирование и перераспределение мирового дохода.

5. Этот процесс «материализации», делового наполнения интеграционных группировок посредством появления все новых и новых масштабных национальных, региональных и глобальных проектов, востребовал финансовое опосредование на всех стадиях их реализации. В этот процесс втягиваются различные интеграционные группировки, что в конечном итоге размывает их обособленность от мировых дел и глобальных проблем, подвигает их переформатированию на базе новых приоритетов. А это, в свою очередь, предъявляет счет к устаревшим понятиям (категориям) – открывается дорога к фундаментальному переосмыслению воззрений, моделей, механизмов, понятий.

6. Динамика инновационного развития мира неудержимо влечет к себе финансовые потоки, что связано с перегруппировкой (перекомпоновкой) основных финансовых игроков на мирохозяйственной арене. Это, в свою очередь, служит мощным импульсом к формированию «новых» интеграционных группировок и распаду (дезинтеграции) «старых» – мы являемся свидетелями новейшего глобального процесса, в основе которого лежит интеграция и дезинтеграция интеграционных группировок.

7. Дезинтеграция есть результат перегруппировки внутри мировой экономической и финансовой системы. Этот феномен (процесс) отображает естественный ход мирового развития с выходом на решение все новых и новых задач в

эпоху неудержимого инновационного и производственно-инвестиционного (ИВЯ-системы!) вектора, устремленного в будущее.

8. Многоаспектность и многовекторность деятельности интеграционных группировок со всей очевидностью выдвигают на передний план проблему своевременности научных исследований их природы, основных атрибутов и категорий, на основе которых развиваются интеграционные группировки. Среди первостепенных задач – проблема глобального охвата современной геофинансовой системы. Речь идет о ее структурировании, придании ей такой формы, которая бы более выпукло показывала:

– геоэкономическую природу трансграничности финансовых потоков;

– трансформацию под их воздействием основополагающих экономических и финансовых понятий (категорий);

– место и роль национальных систем в мировой геоэкономической и геофинансовой системе;

– стратегию оперирования на мирохозяйственной арене и др.

Вышеотмеченные задачи тесно увязаны:

– с формированием геоэкономического атласа мира и его локальных частей в их электронной (компьютерной) версии;

– с внесением серьезных корректив в институциональную структуру геоэкономической и геофинансовой систем, в их организационно-функциональные построения.

9. Со всей силой дал о себе знать финансовый дуализм – расслоение финансовых потоков на реальные и виртуальные составляющие. Наличие виртуальных финансов в мировых финансовых потоках существенно деформирует мирохозяйственную систему, привносит в нее кризисное «схлопывание» финансово-экономических систем. Во весь рост поднялась проблема «очищения» мировых финансов от их виртуальных составляющих и выработка кардинальных мер в этом отношении.

10. Не менее актуальной становится проблема поиска нового эквивалента, как нового реального соизмерителя товарной массы, услуг и капитала. Цены теряют связь со стоимостной основой. «Закачка» в мировую денежную массу спекулятивных элементов, суррогатов на волне искусственно подогреваемой конъюнктуры ведет к инфляционному буму, подрыву конкурентоспособности и т.д. В этой ситуации время от времени идет всплеск тезаврационной активности. При этом наряду с традиционными предметами тезаврации (накоплением драгоценных металлов в виде слитков, монет, ювелирных изделий) в тезаврационную орбиту вплетаются новейшие компоненты нематериального свойства (произведения искусства, уникальные свидетельства истории и т.п. вплоть до экзотических предметов и т.д.).

11. Для устойчивого функционирования глобальной финансовой системы необходимо формирование финансовых «демпферов» в лице «Геофинансовых фондов мирового равновесия», «Кодекса экономического и финансового поведения на мировой арене», формирования «Новых институтов финансовой ответственности» и т.д.

12. Чтобы удержать естественный ход развития интеграционных процессов, основные характерные черты которых приведены выше, следует обратить внимание на возникающие серьезные внутренние противоречия и способы их преодоления. Когда присутствующие в композиции любой интеграционной группировки те или иные составляющие (геополитические, идеологические, цивилизационные, военно-стратегические и т.д.) начинает довлеть над самой геоэкономической (кластерно-сетевой) природой интеграционного союза, то, чтобы сохранить эту природу интеграционная группировка начинает преобразовываться (переформатироваться) в новую конфигурацию, вплоть до выхода некоторых его участников из состава группировки.

13. В этом плане дезинтеграция может трактоваться как высокая геоэкономическая технология перегруппировки экономических сил. Но когда начинается этот процесс, то очень важно сохранение системы сложившихся трансграничных кооперационных воспроизводственных связей и функционирования трансграничных финансовых потоков, ибо в современную эпоху невозможно производство высококонкурентной продукции на «коротких» воспроизводственных цепях, зажатых в национальных рамках. Здесь возможна только транснациональная «перекладка» их на новых инновационных принципах и в новых пространственных сферах.

* * *

Как обручи держат дубовую бочку с молодым вином, так и вышеотмеченные базовые геоэкономические и геофинансовые установки выступают в качестве мощного каркаса интеграционных группировок, придавая им устойчивость и гибкость в быстро меняющейся мировой политической и экономической конъюнктуре.

Интеграционные группировки старой (геополитической, идеологической, военно-стратегической и подобной) «закваски» востребовали геоэкономические новации и неудержимо двинулись к геоэкономическому переформатированию на новейшей теоретической и методологической основе.

Заключительные акценты

Как в российской, так и в зарубежной литературе проблеме международной интеграции, казалось бы, уделено значительное внимание. Однако этот процесс в свете глобализационной тенденции, охватившей практически все сферы гуманитарного знания о мире, нас окружающем, предстает в ином виде нежели ***традиционная трактовка*** интеграции на международной арене.

Эта трактовка сводилась к тому, что те или иные интеграционные группировки (союзы, унии, ассоциации, альянсы и т.д.) компоновались как замкнутый и конечный набор субъектов международного общения, как «механическая» сумма определенных государств (стран), имеющих свою юрисдикцию, четкие государственно-административные границы и систему международного регулирования отношений между ними в различных сферах. И любая инте-

грационная группировка имела по своему контуру такого же плана жесткие границы с выработкой как внутреннего, так и внешнего кодекса поведения с другими интеграционными группировками, отдельными странами и т.д.

Проще говоря, подобные интеграционные группировки зарождались, развивались и перестраивались на политической карте мира, на который нанесены компоненты для таких группировок – отдельные страны. По большому счету, это ***линейно-плоскостная система формирования интеграционных группировок*** на мировом политическом поле как дань старовестфальской системе членения нашего мира (для Европы это 1648 год!).

С развитием *процесса глобализации* и науки ее опосредующей – *глобалистики* – меняется представление о самой природе и процессах возникновения и развития интеграционных группировок.

Brexit есть 1) ***симптом перерождения*** европейской интеграционной группировки, размывания первоначальных целевых установок (а, стало быть, экономической природы объединения) под воздействием непосильной милитаристской ноши; 2) ***реакция на опасность экономического истощения***; 3) «нащупывание» и уход в иные интеграционные конфигурации мировой (глобальной) системы.

Здесь вступает в свои права ***объемно-пространственная методология отображения мира и его институциональной структуры***. Речь идет о ***геогенезисе***[1], в рамках которого выстраивается объемно-пространственная система под названием «***геоэкономический атлас мира*** (***ГАМ***)»[2]. В нем политическая карта мира является только одной из страниц мирового атласа. Над этой страницей выстраивается (реет) набор других мировых страниц: страница мировых финансовых потоков; производственно-инвестиционная страница; инновационная страница, таможенная страница; страница мировых ресурсов; экологическая страница; цивилизационная страница; культурологическая и этнонациональная страницы и т.д., и т.п. И на каждой такой странице формируются свои интеграционные группировки, границы которых не совпадают с границами политической карты мира. Их закономерности построения, динамика развития и перестройка не совпадают с динамикой и перестройкой административно-государственных границ субъектов мирохозяйственного общения, нанесенных на политическую карту мира.

В лице вышеотмеченных страниц ГАМ открываются новые горизонты для ухода в них традиционно сформированных на политической карте мира интеграционных группировок в целом или их составных частей.

Это ярко проявляется, например, на странице финансовых мировых потоков, а также на производственно-инвестиционной странице геоэкономического атласа мира. Здесь центральный принцип построения таких группировок – кластерно-сетевой с гибкими (пульсирующими) границами. Речь идет о блуждающих интернациональных воспроизводственных ядрах (ИВЯ-системах).

И вот здесь-то и кроется разгадка феномена дезинтеграции сложившихся интеграционных группировок: если они «выдавливаются» с «нижележащей» страницы ГАМ (в частности, с политической карты), значит, подготовлены и созрели условия выхода их в целом, или отдельных их частей (государств, стран, структур) в новые горизонты – на новые страницы ГАМ.

Это, в принципе, применимо к любой сложившейся и развивающейся интеграционной группировке, дальнейшее развитие которой тяготит пребывание в старых интеграционных структурах. И они уходят «вверх» на новую страницу мировой геологистической системы – т.е. на новую страницу геоэкономического атласа мира.

* * *

Итак, Brexit как симптом, а далее везде: судьба интеграционных группировок – уход в другие координаты. Это не только факт, сводимый к тому, что Великобритания выламывается из интеграционной группировки, а скорее свидетельство того, что «покачнулась» европейская интеграционная платформа в целом, и Brexit здесь выступает как первый симптом общемировых региональных и мировых преобразований – на мировую арену заступают «Новые люди», новые парадигмы, новые «точки зрения» на мировое обустройство. К этому все шло, медленно, но неотвратимо: ситуация с мировыми интеграционными процессами все более отражала усиление напряжённости во взаимоотношениях участников по принципиальным, базовым статьям миропонимания, все более доходила до предела. И вот, наконец, – предел! и «снизу постучали» (*по Станиславу Ежи Лецу*) и платформа ЕС пришла в движение. А кто постучал? ***Постучала Парадигма Мирового Преображения, построенная на началах гуманитарной космологии, здравого смысла, разума, интеллекта – иными словами, на жизнеутверждающих началах человека***[3]. Со всей очевидно-

---

[1] **Геогенезис** (Geogenesis) – 1) составная часть (частный случай) *космогенеза*; 2) пространственно-философская методология осознания (постижения), восприятия и отображения глобального мира, методологическая основа глобалистики; синтез подпространственных форм, выделенных по функциональному признаку, в единое целостное пространство; новая методологическая призма, через которую рассматривается процесс глобализации. Генезис выступает как новая методологическая основа, новейшая «оптика» понимания современной архитектоники мира (подробнее о *геогенезисе* см.: *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика. Энциклопедия. – М.: Эдитус, 2016. – С. 67–68.

[2] Более подробно с философией объемно-пространственного восприятия мира и построения на этой основе «Геоэкономического атласа мира» читатель может ознакомиться в работах автора: *Кочетов Э.Г.* Геоэкономический атлас мира. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 1(13). – М.: ИД Новый век, Институт микроэкономики, 2002.

[3] С этим читатели могут познакомиться, заглянув в книги автора: Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). Научная монография. – М.: Деловая литература, 2006. – 160 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.viperson.ru> 25 мая 2009); Космологизация: новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии. Научная монография. – М.: Международные отношения, 2014. – 912 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.viperson.ru> 30 января 2014); МИРЫ. Пролегомены к философии преображения ЧЕЛОВЕКА и его бытия в МИРАХ гуманитарного космоса. Научная монография. – М.: Международные отношения, 2015. – 560 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.

стью надвинулась проблема пересмотра мировых, политических, экономических, управленческих моделей мироустройства.

viperson.ru> 09 апреля 2015); Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография. – М.: Экономика, 2011. – 733 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.viperson.ru> 02 августа 2011); Набат! Человек в современном мире: Научная монография. – М.: Эдитус, 2015. – 160 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.viperson.ru> 08 октября 2015); Оберегатели. Интеллектуальная среда, взлелеявшая парадигму мирового преображения. Научная монография. – М.: Эдитус, 2015. – 388 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.viperson.ru> 18 декабря 2015); Темы! Пролонгация поиска и праксиология мирового преображения: Научная монография. – М.: Эдитус, 2016. – 430 с. (Полный текст книги представлен на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru: <www.viperson.ru> 29 августа 2016).

Криштапович Л.Е.[1]

МЕТАФИЗИКА ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Общеизвестно, что Президенты России и Белоруссии Владимир Путин и Александр Лукашенко квалифицировали разрушение СССР как геополитическую катастрофу XX века. На V Всебелорусском народном собрании белорусский лидер вновь подчеркнул, что «крушение Советского Союза действительно было крупнейшей геополитической катастрофой». Эту же мысль Александр Лукашенко повторил 30 сентября 2016 года, отвечая на вопросы студентов Пекинского университета. В частности, он сказал: *«Я однозначно рассматриваю распад Советского Союза как катастрофу, которая имела и имеет негативные последствия во всем мире. Ничего хорошего от распада мы не получили»* [1].

И здесь возникает сакраментальный вопрос: может ли геополитическая катастрофа служить основанием независимости Белоруссии? Почему катастрофа является независимостью – невозможно понять. Только абсолютно неграмотные или сошедшие с ума люди могут утверждать подобное. Но ведь общественному сознанию постсоветской республики как раз и навязывается этот неграмотный или сумасшедший взгляд, будто бы Белоруссия после крушения Советского Союза стала независимой и суверенной державой. Даже с точки зрения здравого смысла, элементарной логики должно быть понятно, что после геополитической катастрофы на постсоветском пространстве образовались не новые независимые государства, а лишь политические осколки, лишенные действительных признаков государственной независимости и самостоятельности. Глупо смешивать политические вывески постсоветских образований, на которых написана их государственность, с их реальным суверенитетом. Собственно говоря, это признает и Президент Белоруссии Александр Лукашенко, который на V Всебелорусском народном собрании сказал, что после этой геополитической катастрофы «создавались предпосылки, чтобы Белоруссия была под внешним управлением. В те годы народу Белоруссии предстояло отстоять свой суверенитет». Разумеется, это относится не только к Белоруссии, но и ко всем другим постсоветским осколкам, в том числе и самому большому – России.

Если приводить некоторые исторические аналогии, чтобы понять сущность геополитической катастрофы XX века и тех условий, в которых оказались народы якобы новых независимых государств, следует обратиться к эпохе феодальной раздробленности и существовавших в то время удельных княжеств. Формально это были суверенные государства. А фактически – политические осколки некогда единого Древнерусского государства. В чем выражалась несостоятельность формального суверенитета удельных княжеств? В том, что они находились под внешним управлением. Северо-Восточная Русь под золотоордынским игом, а Юго-Западная Русь (нынешняя Украина и Белоруссия) под польско-литовским. Отстаивая, защищая свой удельный суверенитет, свой удельный интерес, правители удельных княжеств тем самым отстаивали раздробленность или, выражаясь современным языком, дезинтеграцию своей общерусской земли, то есть сохраняли условия, при которых их удельные княжества продолжали находиться под внешним управлением. Почему Куликовская битва считается поворотным пунктом в истории русского народа? Потому что Дмитрий Донской на Куликовом поле защищал не только свое Московское княжество, но и все другие русские княжества, не только свою московскую землю, но и всю Русскую землю. На Куликовом поле родилось Русское государство. Ровно через сто лет, в 1480 году, великий князь московский Иван III разрывает в присутствии послов татарского хана его грамоту. Этим актом ордынское иго или внешнее управление на русских землях официально объявлено прекращенным.

В чем историческое значение для белорусов и украинцев разделов Речи Посполитой в конце XVIII века? В том, что Белоруссия и Украина окончательно освободились от польско-шляхетского ига или внешнего управления и, воссоединившись со всей Русской землей, восстановили свою цивилизационную суверенность и этническую идентичность, возвратились в свою общерусскую историю. И хотя польская шляхта, используя пропольские симпатии Александра I, стремилась продолжить свое внешнее управление на украинских и белорусских землях, тем не менее, 24 октября 1795 года является знаменательным днем в белорусском историческом календаре, когда польско-шляхетское иго на белорусских землях было официально ликвидировано.

Аналогично обстоит дело и на постсоветском пространстве. Как бы руководители так называемых новых независимых государств не распространялись на тему суверенитета и независимости, объективно их удельные государства находятся под внешним управлением США и Евросоюза. Будь это рекомендации Международного валютного фонда или так называемых неправительственных аналитических центров, или какие-то иные формы западного доминирования на постсоветском пространстве. Возьмем, к примеру, Украину. Так называемую евроинтеграцию Украины объективно исповедует меньшинство украинцев. Ядро их состоит из мелких торговцев, чиновников, литераторов, певцов и певичек, представителей многочисленных экспертных сообществ, для которых перспективы евроинтеграции сопря-

[1] Криштапович Лев Евстафьевич – д.филос.н., профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

жены с выгодами власти и больших денег, даже если все это будет основано на махровом бандеровском фашизме. Очевидно, что украинской евроинтеграции как некоего народного движения не существует, есть только работа преимущественно полуинтеллигенции (от одного берега отплыли, а к другому не приплыли), деятельность эта своекорыстная, эгоистическая, поддерживаемая идеологически, дипломатически, политически, финансово США и Евросоюзом. Это хорошо видно на примере «добровольческих» батальонов «Азов», «Айдар», «Днепр», которые представляют собой не армейские формирования, а самые настоящие военизированные банды, где грабеж, истязания, избиения беззащитных людей возводятся в ранг евроинтеграционной государственной политики. Все это напоминает времена петлюровщины в годы Гражданской войны и бандеровщины во время Великой Отечественной войны.

Например, 4 марта 1919 года петлюровский атаман Семесенко, стоявший под Проскуровом, отдал приказ своей запорожской бригаде перебить еврейское население. И началось избиение. Пьяные разбойники во главе со своими офицерами врывались в мирные дома и вырезывали поголовно целые семьи. С утра до вечера перебили 3 тыс. человек. Только один человек был убит пулей – православный священник, старавшийся остановить извергов. Все остальные были зарезаны.

Так же действовали бандеровцы в Волынской резне, когда головорезы из «Украинской повстанческой армии» в 1943 году осуществили массовое уничтожение польского гражданского населения. В результате бандеровских зверств погибло до 100 тыс. человек. Польский сенат 8 июля 2016 года, а затем и польский сейм признали Волынскую резню геноцидом и установили 11 июля днем памяти жертв геноцида, совершенного бандеровцами против польского населения [2]. Архивы изобилуют документами, неопровержимо доказывающими связь ОУН и ее УПА с немецкими захватчиками, в частности, с абвером. Заместитель начальника отдела «Абвер-2», полковник Э. Штольц в своих показаниях на Нюрнбергском процессе отмечал, что «для подрывной деятельности нами был завербован видный украинский националист Бандера Степан, которого после капитуляции Польши мы освободили из тюрьмы». На основе ОУН был образован ряд формирований – «Нахтигаль», «Роланд», «СС-Галичина», которые вместе с фашистами вели войну против украинского народа.

26 мая 1991 года современные бандеровцы открыли памятник погибшим воинам украинской дивизии «Галичина» на горе Жбир в Львовской области, где в 1944 году выставленная немцами против Красной Армии эта дивизия потеряла свыше 5 тысяч солдат. Инициаторы открытия памятника погибшим бандеровцам лицемерно умолчали о красноречивой детали: была у этой украинской дивизии существенная приставка – «СС», носителей которой Международный военный трибунал в Нюрнберге объявил преступниками перед человечеством. Эти «дивизийники» клялись на верность не Украине, а Адольфу Гитлеру. Вот выдержка из присяги: «Верно служить Адольфу Гитлеру как великому фюреру новой Европы». В формированиях СС, личным приказом ее шефа рейхсфюрера Гиммлера было запрещено употребление слова «Украина» и его производных. Вот что собой представляло в действительности бандеровское национально-духовное возрождение Украины в годы Великой Отечественной войны. Как верно указывал крупнейший российский историк Александр Молчанов, «это уже позже появились сказки о «защите украинских национальных интересов», о «борьбе за свободу украинского народа», а полстолетия назад бандеровцы превращали города и села Украины в настоящий ад, истязали матерей и детей, нещадно истребляли физически и заполняли колодцы трупами украинцев и русских, евреев и поляков» [3, с. 265-266].

Аналогично действуют последыши петлюровцев и бандеровцев в наше время на Юго-Востоке Украины. Во втором докладе «Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение», подготовленном Фондом исследования проблем демократии, говорится, что **«практика пыток и бесчеловечного отношения со стороны Службы безопасности Украины (СБУ), украинских Вооруженных сил, Национальной гвардии и других соединений Министерства внутренних дел Украины, а также незаконных вооруженных формирований, таких как «Правый сектор», не только не прекратилась, но приобретает все более масштабный и системный характер»** [4, с. 4]. Фашистский характер таких формирований подтвержден и в Докладе Совета ООН по вопросам прав человека. В нем говорится, что «ультранационалистические группы и другие вооруженные формирования, такие как «Правый сектор», «Свобода» и «Самооборона» должны быть признаны незаконными и их нужно разоружить, расформировать и подвергнуть судебному преследованию или подчинить закону» [5, с. 4].

В 14 Докладе ООН, посвященном соблюдению прав человека на Украине, отмечается, что «граждане страны подвергаются пыткам в застенках СБУ… В стремлении скрыть эти злодеяния, СБУ в конце мая 2016 года не допустила сотрудников миссии ООН в свои секретные тюрьмы, где находятся незаконно задержанные» [5, с. 4].

Французский журнал «Nations Presse», характеризуя социально-политическую ситуацию на Украине, отмечает, что она напоминает последние дни третьего рейха. В частности, говоря о мобилизации на Украине, он пишет: «Кампания по вербовке проводится правоэкстремистскими группировками «Правый сектор», «Патриот Украины», УНА-УНСО в сотрудничестве с Министерством внутренних дел. Множество лагерей, находящихся недалеко от Львова и Киева, уже принимают сотни этих «добровольцев» для того, чтобы их обучить, «закалить» и сделать убийцами в интересах глобалистов» [6].

Итальянское средство массовой информации «Agora Vox», описывая неприглядную политическую действительность Украины, констатирует: «Европа закрывает глаза на все: на бомбардировку беззащитного населения, ревизионистскую переоценку роли Бандеры и его соратников – кровавых убийц евреев и поляков по всей Европе во время Второй мировой войны. И хотя ксенофобские и антисемитские сторонники Петлюры и Бандеры вновь получили оружие на украинской земле, даже Германия, до сих пор являющаяся олицетворением коллективной вины за ужасы нацизма, упорно молчит, принимая как лучшего союзника на востоке Европы страну, где даже в 2015 году вы рискуете жизнью только потому, что ваши родители говорят на языке, отличающемся от государственного» [7].

Французский сенатор Натали Гуле в эфире радио «Франс–Интер» заявила, что «в Днепропетровской области Украины расположен лагерь по подготовке террористов «Исламского государства». Представьте себе, лагерь подготовки прямо возле нас, который финансируется всей этой противозаконной торговлей людьми, предметами искусства» [8].

Грегор Гизи, лидер «Левой партии», выступая в Бундестаге 13 марта 2014 года, без обиняков назвал членов нового кабинета министров Украины фашистами: «Вице-премьер, министр обороны, министр сельского хозяйства, министр по экологическим вопросам и генеральный прокурор – фашисты! Глава Совета национальной безопасности – основатель фашистской партии «Свобода» [9]. Нынешний спикер Верховной Рады Украины Андрей Парубий вместе с Олегом Тягнибоком – один из учредителей партии «Свобода», которая до 2004 года прямо называлась социал-национальной, то есть нацистской партией. «Де-факто, парламент Украины возглавляет откровенный нацист» [5, с. 3].

Американский журналист Финниан Каннингем признает, что «войска США и НАТО сотрудничают с неонацистской властью в Киеве и продолжают очернение России» [10].

Общий вывод объективной журналистики и политики: «По факту, на Украине установился фашистский режим латиноамериканского типа, который серьезно угрожает всем цивилизованным странам. Собственно, бандеровцы, активно участвующие в гражданской войне, и не скрывают, что хотели бы вести войну и на территории России. Запад же посылает на Украину своих военных инструкторов и боевую технику. Получается, что Западу и, прежде всего, США выгодна именно полуфеодальная фашистская милитаристская Украина» [11].

А сейчас, после этих признаний западных журналистов и политиков, поставим вопрос: можно ли говорить о территориальной целостности такого государства, власть в котором фактически принадлежит фашистам и террористам, извергам рода человеческого? И когда руководители США и Евросоюза патетически восклицают о недопустимости нарушения территориальной целостности Украины с точки зрения международного права – это то же самое, что соглашаться с недопустимостью нарушения территориальной целостности гитлеровской Германии. При такой логике Адольф Гитлер имел такое же право апеллировать к международным принципам признания территориальной целостности своего Рейха, как и Петр Порошенко своей неньки – Украины. Ведь оба они, в конечном счете, реализовывали так называемую политику евроинтеграции.

В этом плане показателен уровень политического мышления и нравственного поведения современной западной политической элиты, которая так любит произносить слова о европейской и демократической Украине, об укреплении сотрудничества и партнерства с ней. Представьте себе ситуацию: Сталин, Рузвельт, Черчилль в своих политических выступлениях и дипломатической фразеологии на полном серьезе говорят о наших фашистских партнерах и необходимости урегулирования, развязанной гитлеровцами войны, исключительно путем переговоров, соблюдая при этом территориальную целостность Третьего Рейха. На этом фантасмагорическом предположении видно, насколько современная политическая элита лишена как умственного соображения, так и нравственного достоинства. А все потому, как справедливо заметил немецкий политолог Арно Кленне, «Украина нужна США как поле битвы с Россией» [12].

Поэтому вся эта евроинтеграция нынешней власти на Украине – это лишь камуфляж, которым современные бандеровцы прикрывают факт внешнего управления страной США и Евросоюзом. Опять же все это было в истории Украины. В 1918 году деятельность правительства Центральной Рады сводилась к тому, как указывали украинские социалисты-революционеры, чтобы быть «лакеем германской реакции», эти правители, отстаивая свою евроинтеграцию, выразили немецкому барону Мумму готовность «отказаться от своей социальной программы, лишь бы получить согласие Германии на их пребывание у власти». Правда, это им не помогло. Кайзеровские оккупанты дали им пинка под зад и посадили на место украинского правителя свою марионетку гетмана П. Скоропадского. На место немецких оккупантов в 1919 году пришли французские. И опять же такое же отсутствие достоинства проявило «правительство» Украины по отношению к французам. В декларации, представленной французскому командующему в Одессе весной 1919 года за подписью Петлюры и Директории, эти представители «украинской власти» согласились передать в руки французского генерала контроль над внутренней и внешней политикой Украины, заведование финансами, путями сообщения и вообще всеми отраслями управления и экономической жизни страны. Современная евроинтеграция нынешней «украинской власти» ничем не отличается от такой же евроинтеграции их предшественников. Различие только в том, что вместо немцев и французов, заведование Украиной осуществляют США. Как говорится, хрен редьки не слаще.

Такую же покровительственную политику, какую Запад проводит в отношении бандеровцев на Украине, он же реализует и в отношении радикальных исламистов, то есть террористов. «Не секрет, что «Аль-Каида», «Братья-мусульмане» создавались при активном участии спецслужб США и Великобритании. Вашингтон оказывал информационную, дипломатическую и военную помощь различным радикальным группировкам в Ливии и Сирии. Как заявил недавно командующий войсками Ирана Хасан Фирузабади, у Тегерана есть сведения, что США сейчас самолетами поставляют оружие, продовольствие и деньги «Исламскому государству» [11].

Здесь важно понимать кровнородственную связь между капитализмом и терроризмом. И проявилась эта связь еще в незапамятные времена. Колониальная политика Запада – это наиболее рельефное проявление террористической сущности капитализма. Известное выражение Уинстона Черчилля, что «голод в Бенгалии в 1943 году был вызван тем, что местное население размножается как кролики» [13, с. 24] относится к общей террористической традиции западных политиков, привыкших возлагать вину на жертвы колониального управления. Бизнес, как известно, не признает ни законов, ни морали, ни прав человека, а только прибыль. Бизнес по своей природе аморален и криминален. Европейская колонизация Америки свелась к уничтожению американских индейцев. В результате пятисотлетней войны или самого длительного Холокоста в истории человечества было уничтожено 95 из 114 миллионов коренных жителей нынешних территорий США и Канады [14, с. 1]. Для иллюстрации: в 1864 году полковник американской армии по

имени Джон Шевинтон, расстреливая из гаубиц очередную индейскую деревню, сказал своим офицерам: «Я пришел, чтобы убивать индейцев, и считаю, что это право и почетная обязанность. И необходимо использовать любые средства под небом Бога, чтобы убивать индейцев» [14, с. 3]. Думаете, это осталось в прошлом? Заблуждаетесь. Военный аналитик американского телеканала Fox News, генерал Боб Скейлз в прямом эфире 11 марта 2015 года откровенно заявил, что «США должны убивать как можно больше русских в Донбассе» [15]. Вот вам и вся западная демократия!

Поэтому все диатрибы западной политической элиты о борьбе против международного терроризма – это мистификация, предназначенная для того, чтобы скрыть террористическую сущность своей капиталистической системы, которая именно и порождает это мировое зло. Ведь бороться против международного терроризма означает необходимость борьбы против капитализма. Эту связь между терроризмом и западной экономической системой признают сами западные средства массовой информации. Вот что констатирует французский сайт Boulevard Voltaire: «*Сегодня снова у нас с российским народом одинаковые враги. Речь идет о радикальном исламизме и неолиберальном глобализме. С первого взгляда, это разные вещи, но в действительности речь идет о двух руках одного монстра – опухоли на теле современного мира, мультинациональных элитах, владеющих деньгами*» [16]. По словам этого издания, приоритетом для французских властей всегда было победить Башара Асада, поэтому они поставляли оружие «Фронту ан-Нусра» – филиалу «Аль-Каиды» в Сирии» [16]. Вот почему глобальный капитализм, породивший международный терроризм, экономически неэффективен, политически неразумен и морально несостоятелен. Британская журналистка Сара Юен справедливо указывала, что «западные силы могли бы остановить ИГИЛ уже завтра, если бы хотели. Но они не хотят – потому что им это выгодно. Так же, как выгодны были войны в Ираке и Афганистане для Блэра и Буша. Сегодня это факт. Это доказано. Мы все это знаем. И мы все несем ответственность, что все эти годы мы молчали» [17]. «Европейский выбор» бандеровцев и радикальный исламизм, подчеркивают объективные эксперты, имеют много общего. Неонацизм на Украине и «Исламское государство» на Ближнем Востоке являются двумя сторонами единого террористического плана Вашингтона по противодействию установлению многополярного мироустройства. Постоянный представитель Сирии в Организации Объединенных Наций Башар Джаафари, выступая на экстренном заседании Совета Безопасности ООН (25 сентября 2016 года), совершенно справедливо подчеркнул эту связь между терроризмом и западным глобализмом. В частности, он сказал, что *«созыв экстренного заседания СБ ООН* (по инициативе США, Англии и Франции – Л.К.) – *это наглядный посыл, сигнал террористам, которых причисляют к умеренной оппозиции. Это сигнал о политической поддержке и намерении продолжать поддерживать эти силы»* [18]. Эту истину подтверждают сами террористы. «США поддерживают боевиков террористической группировки «Джабхат ан-Нусра». Об этом в интервью немецкому изданию Kolner Stadt-Anzeiger заявил полевой командир этой экстремистской организации Абу аль-Эзз (Abu Al Ezz). Военные эксперты из Турции, Саудовской Аравии, Израиля и США помогают «Джабхат ан-Нусре» в использовании спутников и ракет, а также ведении разведки» [19]. Вот наглядный пример альянса западных глобалистов с тиранническими режимами Аравийского полуострова, развязавших террористическую бойню в Сирии и на Украине.

Должно быть понятно, чтобы покончить с внешним управлением США и Евросоюза над нынешними удельными землями постсоветского пространства, постсоветские руководители должны осуществить свою общеземельную Куликовскую битву, должны возвратить свои удельные образования в русло общерусской истории.

Евразийский союз – это и есть метафизическое Куликово поле, на котором сегодня происходит освобождение нашей земли от западного внешнего управления, а следовательно, восстановление, обретение реальной независимости и суверенитета Белоруссии, России и других постсоветских земель. Союзное государство Белоруссии и России положило начало современной Куликовской битве, интеграции на постсоветском пространстве, возвращению в свою общерусскую историю. В этом и заключается сущность белорусского пути, белорусской модели развития. Белорусский путь – это путь отказа от удельного интереса, от навязываемого «европеизма», путь на интеграцию, на общенациональный, стратегический интерес, справедливость, дружбу народов, то есть всего того, что было характерно до геополитической катастрофы. Белорусский путь – не причина кризиса в нашей республике, как об этом любят разглагольствовать всевозможные квазиевроинтеграторы и псевдореформаторы, наоборот, благодаря белорусской модели удалось самортизировать, смягчить разрушительные последствия геополитической катастрофы, которая является главной причиной кризиса для всех бывших союзных республик.

Отсюда должна быть понятна неприемлемость так называемой евроинтеграции, «Восточного партнерства», ассоциаций и всех других программ евроатлантического сотрудничества, которые навязываются Западом постсоветским республикам. Ибо эта квазиевроинтеграция основывается на геополитической катастрофе, исходит из политики консервации внешнего управления на наших землях путем закрепления дезинтеграционного состояния постсоветского пространства. Тем более продолжать талдычить о евроинтеграции, когда граждане Великобритании на референдуме 23 июня 2016 года проголосовали за выход своей страны из Евросоюза, то же самое, что искать вчерашний снег. В этом плане разговоры наших экспертов об «интеграции интеграций», об интеграции от Владивостока до Лиссабона не только наивны, но прямо-таки антидемократичны. Ибо, как совершенно верно в свое время указывал Владимир Ленин, Соединенные Штаты Европы, то есть нынешний Европейский союз, либо невозможны, либо реакционны. Другими словами, евроинтеграция осуществляется на основе принципа глобализма (империализма), то есть однополярного мироустройства, а евразийская интеграция на основе принципа диалога цивилизаций, то есть многополярного миропорядка. Как нельзя соединить однополярное мироустройство с многополярным, так невозможно сопрягать евразийскую интеграцию с евроинтеграцией. Настаивать на «интеграции интеграций» – значит становиться на дорогу разрушения государственности России, Белоруссии и других постсоветских стран.

Евросоюз в его нынешнем административном и социально-политическом обличье – это сугубо бюрократическое, олигархическое, империалистическое, реакционное образование. Зададимся вопросом: кто выступает в под-

держку Евросоюза и его европейских ценностей? Это евробюрократия и европлутократия, евросоюзовские неофиты – руководители прибалтийских республик, Польши, Румынии, а также такие «европеоиды», как бандеровские псы на Украине и им подобные деятели в других постсоветских республиках. То есть те якобы евроинтеграторы, которые как раз характеризуются бюрократизмом, ксенофобией, русофобией, неофашизмом, полнейшим антидемократизмом и отсутствием всякой политической порядочности. Как тут не вспомнить Иисуса Христа, который как будто специально говорил в отношении этих евроинтеграторов: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Разумеется, граждане тех европейских государств, где еще существуют политические приличия и сохранились элементы демократии, не хотят видеть рядом с собой не только азиатских и африканских мигрантов, но также ни новых членов Евросоюза, ни ассоциаций с Украиной, ни фарисейских политиков и циничных плутократов в своих странах. Евросоюз, обнаживший свое реакционное, антидемократическое лицо, логично идет к своему распаду. И чем быстрее это произойдет, тем скорее оздоровится экономически, политически, нравственно весь Европейский континент. Факт остается фактом: кэмероны, меркели, олланды, юнкеры, шульцы, туски – вся эта лицемерная, словоблудливая шайка оказалась у разбитого корыта. Им чудилось, что они поймали золотую рыбку, которая будет без конца удовлетворять их жадность и наглость, а они будут светиться лучезарными улыбками и посмеиваться над простотой своих граждан, верящих в европейскую демократию, но на самом деле весь этот евросоюзовский бомонд ничем не отличается от пушкинской глупой старухи. Итак: Евросоюз гол и никакое новое платье политических мошенников уже не скроет его безобразного вида от взора всех честных людей.

Современная система международных отношений складывается в геополитической борьбе двух концепций и политик – однополярного и многополярного мироустройства. За однополярный мир выступают США и их вассалы в лице англосаксонских стран, новых членов Европейского союза, Японии, Израиля и реакционных режимов на Аравийском полуострове. Подавляющее же большинство стран мирового сообщества стоит на позиции признания принципа многополярности в международных отношениях. Главные из этих стран – Россия, Китай, Индия, Бразилия.

В чем видится основное препятствие на пути укрепления и развития Евразийского союза? В том, что лидеры так называемых новых независимых государств не понимают главного, что подлинная независимость возможна лишь при признании общеевразийского интереса в качестве приоритетного интереса своих стран. Продолжая же настаивать на сохранении своих удельных суверенитетов, они тем самым лишают свои страны возможности подлинного суверенитета и независимости. Растаскивать общенациональный, общеевразийский интерес по удельным квартирам – значит продолжать оставаться в ситуации геополитической катастрофы, находиться под внешним управлением западной бюрократии и олигархии. Парадоксально, но именно политику геополитической катастрофы отстаивает министр иностранных дел Белоруссии Владимир Макей, который на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Польши Витольдом Ващиковским заявляет следующее: «Что касается принципиальных наших подходов, мы не собираемся отрываться от России. Мы понимаем, что в экономическом плане Белоруссия достаточно сильно зависит от этого, но мы хотим уйти от этой сильной зависимости, быть менее зависимыми от одного государства, что особенно ущербно в периоды финансово-экономических кризисов» [20]. Ну и логика! Казалось бы, в условиях кризиса надо еще теснее объединяться, сплачиваться, а министр фактически предлагает разъединяться, то есть оставаться в ловушке геополитической катастрофы. Также алогично его рассуждение о роли НАТО в Европе. Оказывается, Владимир Макей не воспринимает продвижение НАТО как военную угрозу для Белоруссии, но считает это вызовом и думает о методах адекватного реагирования на эти события [21]. Как будто от замены слова угроза словом вызов дело меняется в корне – и НАТО вместо агрессивного блока американской военщины становится некой абстрактно понимаемой и, может быть, даже принимаемой организацией. Владимиру Макею прежде чем было соглашаться стать министром иностранных дел следовало бы поучиться русскому языку и узнать, что есть слова-синонимы, различающиеся по написанию и совпадающие по содержанию. Тогда бы он понял, что между угрозой и вызовом нет принципиального различия.

Пора заканчивать ламентации об изъятиях и ограничениях в Евразийском союзе, необходимо подняться на уровень стратегического понимания безальтернативности евразийской интеграции, ведущей к созданию единого Союзного государства как полноценного субъекта мирового сообщества и многополярного миропорядка.

Список литературы

1. Лукашенко расценивает распад СССР как катастрофу. – http://www.news.tut.by/politics/514222.html
2. Сенат Польши объявил Волынскую резню геноцидом. – http://www.materik.ru/rudric/detail.php.24549; Польский сейм признал геноцид поляков со стороны украинских националистов. – http://www.kprf.ru/politindx/157175.html
3. Молчанов А.И. Россия. Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пущи». – СПб.: Владимир Даль, 2006. – Т. 2.
4. Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение. Второй доклад. – М.: Фонд исследования проблем демократии, 2015.
5. Выступление Петра Симоненко на семинаре «Глорификация нацизма – преступление или право». В рамках 32-сессии Совета ООН по правам человека (Женева, 29 июня 2016 года) // Коммунист Беларуси. 2016. – 2–8 июля.
6. Французский журнал Nations Presse: Мобилизация на Украине напоминает последние дни третьего рейха. – http://www.kprf.ru/international/ussr/140962.html
7. Итальянское СМИ «Agora Vox»: Украинские нацисты на пороге Европы. – http://www.kprf.ru/international/ussr/141905.html
8. Французский сенатор раскрыла логово боевиков ИГ в сердце Украины. – http://www.zazubr.org/2016/04/03/30228
9. Выступление Грегора Гизи в Бундестаге 13.03.2014. – http://www.youtube.com/watch
10. Каннингем: на Украине США провоцируют войну с Россией. – http://www.regnum.by/news/1919817.html

11. Бандеровцы и исламисты на службе у США. Фашисты на Украине и сторонники «халифата» на Ближнем Востоке имеют одних покровителей. – http://www.kprf.ru/international/capitalist/142011.html
12. Немецкий политолог Арно Кленне: Украина нужна США как поле битвы с Россией. – http://www.kprf.ru/international/ussr/140796.html
13. Доклад о развитии человека за 2004 год. Культурная свобода в современном многообразном мире. – М.: Весь мир, 2004.
14. Задорнов М. Американо-индейский холокост // Советская Россия. – М., 2015. – 6 июля.
15. Скейлз ведет антироссийскую пропаганду на деньги Пентагона. – http://www. regnum.ru/news/polit/1905294.html
16. 16.Boulevard Voltaire поставил Олланду ультиматум: союз с Россией или отставка // http://www.russian.rt.com/notv/2016-07 (дата доступа 29.08.2016).
17. Британская журналистка Сара Юен: «Почему я не поставлю в профиль французский флаг». – http://www.kprf.ru/international/capitalist/148641.html
18. Сирия: инициаторы заседания СБ ООН подали сигнал поддержки террористам. – http://www.news.tut.by/world/513507.html
19. Боевик «Ан-Нусры» рассказал журналистам о помощи Вашингтона. – http://www.lenta.ru./news/2016/09/26/us_aid/
20. Макей в Польше: Мы хотим уйти от сильной зависимости от России. – http://www.news.tut.by/politics/515492.html
21. Макей: Минск не воспринимает продвижение НАТО как прямую военную угрозу, но считает это вызовом. – http://www.news.tut.by/politics/515389.html

Левашов В.К.,
Шушпанова И.С.[1]

ИЗМЕРЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[2]

Ключевые слова: *гражданское общество; социальные риски; устойчивое развитие общества; социальное государство; потенциал гражданского общества.*

Keywords: *civil society; social risks; sustainable development of society; the welfare state; capacity of civil society.*

Двадцать пять лет реформ прошли в череде социально-экономических и политических кризисов, каждый из которых являлся результатом не только экономической конъюнктуры, но и результатом системных просчетов и неадекватной экономической политики. Российское общество и государство продолжают испытывать доминирующее воздействие политической идеологии и экономических практик англо-американского либерализма. В условиях нерегулируемой стихийной конкуренции постсоветской глобальной политической реальности реализация принципов политического и экономического либерализма приводит к росту материальных и духовных диспаритетов и дефицитов, противоречий между человеком, обществом и природой и, в конечном итоге, к неустойчивому развитию.

В настоящее время происходит поиск новых моделей развития, которые бы соответствовали времени глобальных вызовов. Два важных обстоятельства определяют этот процесс. Во-первых, глобальный характер производства и рынков определил конечные границы и масштабы возможных моделей жизнедеятельности. Они уже не могут быть запущены на условиях безграничных ресурсов, вовлекаемых в производство. Такое ресурсное ограничение определяет второе важное обстоятельство. Новая модель развития не может в своей конструкции и режимах работы копировать модель либеральной экономики США, основанной на диктате экономических и политических интересов. И, тем не менее, под видом реформ системы международного сотрудничества они продолжают отстаивать ортодоксальные либеральные модели своего мирового господства. Транстихоокеанское торговое партнерство, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство и Соглашение в области торговли услугами – ответ США на политику независимой локальной регионализации: АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, БРИКС. Стратегическая цель новой американской инициативы по переустройству мира – поставить под свой контроль всю систему глобальных отношений в сферах хозяйственной и социальной жизнедеятельности, включая кредитно-денежную политику, инвестиционную и судебную практики, вопросы коммерческой тайны и контрафактной продукции, сферы СМИ, ИКТ, Интернета, специальных информационных услуг, образования, медицины и социальной защиты. В стратегической перспективе речь идет о демонтаже принципа национального государства, установленного Вестфальским миром, и мягкого его перехода под юрисдикцию англосаксонского прецедентного права.

Будущая сбалансированная по диспаритетам и дефицитам глобальная модель и режим устойчивого развития должны и будут выстраиваться не только на принципах конкуренции, но и кооперации и согласия. Механизмы конкуренции переводятся в режим управляемого регулирования производства и потребления. Конкуренция перерастает в кооперацию в ее многообразных формах, которая не может вырастать без отношений доверия как императивного правила новой этики социально-культурного взаимодействия стран, наций, поколений, бизнесов, всего гражданского общества и правового государства. Доверие как стержневое качество новой этики создает условия для ее системной цельности, в основе которой просматриваются характерные черты русских и российских духовных и производственных практик – справедливость, коллективизм, религиозная толерантность и патриотизм. В этом отношении российские традиции жизнедеятельности органично корреспондируют с глобальными вызовами, которые в своей остроте и рисках проявления требуют объединения и координации усилий всей мировой цивилизации.

В поиске тенденций новых форм глобальной солидарности обратимся к последним данным эмпирических исследований рисков устойчивого развития российского общества. В наших работах о развитии и состоянии российского общества конца XX – начала XXI века разрабатывается проблематика «социально-политической устойчивости» и проводится сравнение ее динамики с динамикой социально-экономической устойчивости. В этой работе мы опираемся на результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого коллективом исследователей под руководством В.К. Левашова в Институте социально-политических исследований РАН в 1992–2016 годах.

---

[1] Левашов Виктор Константинович – д.соц.н., руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН. E-mail: analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

Шушпанова Ирина Сергеевна – к.соц.н., доцент, с.н.с. Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН. E-mail: analytic@ispr.ras.ru, i.s.shushpanova@mail.ru

[2] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00289 Социологический мониторинг «Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях кризиса и санкций» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг», проект № 16-03-18035 «Организация и проведение полевого этапа социологического исследования на тему: “Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг”».

Современная социально-политическая ситуация в российском обществе во многом определяется действием политических, экономических и социальных факторов, которые проявились в предшествующие периоды. Состояние и динамика настроений российского гражданского общества тесно связаны с внешней и внутренней политикой государства, складывающейся под влиянием мировой рыночной конъюнктуры, международных противоречий и санкций, введенных странами Запада.

Основные угрозы и риски социально-политической устойчивости развития российского общества отражаются во мнениях, суждениях, оценках, измеряемых с помощью социологических методов. Результаты социологического мониторинга показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономического положения оставался на довольно высоком уровне и практически не изменил своего характера за прошедшие двадцать пять лет. Основной социально-экономической тревогой российского общества по-прежнему остается дороговизна жизни. Большинство граждан оценили гражданское общество в России как дорогое для жизни общество.

По данным исследования в июне 2016 г. главными тревогами массового сознания являлись «дороговизна жизни» (59%), «произвол чиновников» (32%), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (31%) и «безработица» (30%). Далее структура тревожности сложилась следующим образом: «повышение цен на продукты питания» (29%), «разделение общества на богатых и бедных» (28%), «безопасность близких» (26%), «страх перед будущим» (21%), «экологическая обстановка» (19%), «падение нравов, культуры» (19%), «преступность» (18%), «терроризм» (16%), «наркомания» (15%), «алкоголизм» (15%), «ухудшение положения пенсионеров в обществе» (14%), «высокая инфляция» (13%), «закрытие, простой предприятий» (12%), «обострение межнациональных отношений» (11%), «экономические санкции против России» (8%), «задержка выплаты зарплаты, пенсий» (8%), «ухудшение отношений с США и Европой» (7%), «мировой экономический кризис» (7%). Наименьшие значения за все годы проведения мониторинга зафиксированы у следующих показателей: «экологическая обстановка», «падение нравов, культуры», «преступность», «экономические санкции против России» и «ухудшение отношений с США и Европой». Максимально высокого значения достигли показатели тревожности «страх перед будущим» и «ухудшение положения пенсионеров в обществе» (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов
***Вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»* (РФ, % от числа опрошенных)**

	Дороговизна жизни	Произвол чиновников	Повышение тарифов на услуги ЖКХ	Безработица	Повышение цен на продукты питания	Разделение общества на богатых и бедных	Безопасность Ваша и Ваших близких	Страх перед будущим	Экологическая обстановка	Падение нравов, культуры	Преступность	Терроризм	Наркомания	Алкоголизм
1992, VII	–	–	–	-	–	-	–	–	22	13	44	–	–	–
1993, XI	70	–	–	24	–	22	–	–	26	–	51	–	–	–
1994, II	58	–	–	24	–	20	–	–	34	–	50	–	–	–
1995, I	60	–	–	21	–	17	–	–	31	–	43	–	–	–
1995, XI	56	–	–	14	–	13	–	–	21	–	32	3	–	–
1997, I	41	–	–	14	–	-	–	–	24	–	28	–	–	–
2001, XII	66	32	–	31	–	33	–	–	33	32	51	27	42	17
2002, XII	67	27	–	29	–	33	–	–	32	27	49	29	26	17
2003, X	60	29	44	25	–	22	31	–	33	25	44	31	32	18
2005, IX	60	29	46	22	–	23	33	–	29	26	32	26	29	20
2006, I	55	31	43	25	–	27	28	–	31	25	36	24	30	20
2006, VI	62	32	45	27	–	30	32	–	36	30	40	20	31	23
2007, I	58	32	46	22	–	27	29	–	37	29	36	17	31	25
2007, VII	50	29	39	21	–	26	28	–	42	33	41	21	34	28
2008, II	57	31	48	18	–	27	26	–	38	27	36	15	30	27
2008, VI	58	29	42	16	40	22	27	–	38	27	32	12	27	22
2008, XI	58	28	35	23	36	22	24	–	32	29	32	16	26	19
2009, VI	50	28	36	32	34	20	22	–	31	26	28	9	22	22
2009, XII	48	33	31	25	32	19	25	–	32	31	34	17	26	25
2010, VI	51	31	38	26	29	20	25	–	32	26	33	24	23	22
2010, XII	53	35	43	29	39	18	27	–	33	27	30	15	22	20
2011, VI	56	33	36	29	31	27	25	–	33	24	29	18	23	24
2011, XI	56	33	42	28	31	22	22	–	25	24	33	14	24	23
2012, IV	49	41	40	27	30	25	24	–	31	27	33	14	25	23
2012, XII	51	44	43	24	29	24	24	–	24	26	31	13	22	22
2013, VI	50	37	45	25	31	27	19	–	28	29	30	14	19	22
2013, XII	46	37	38	22	26	26	25	–	23	28	33	22	23	24
2014, VI	45	31	38	20	27	22	23	17	23	22	24	19	19	21
2014, XII	50	29	35	21	27	24	23	18	20	23	22	12	19	16
2015, VI	55	33	30	27	32	22	23	14	20	21	17	8	17	17
2015, XII	58	33	31	28	34	24	26	19	22	19	19	23	13	13
2016, VI	59	32	31	30	29	28	26	21	19	19	18	16	15	15

Динамика тревожности респондентов
(РФ, % от числа опрошенных) ***Продолжение таблицы***

	Ухудшение положения пенсионеров в обществе	Высокая инфляция	Закрытие, простой предприятий	Обострение межнациональных отношений	Экономические санкции против России	Задержка выплаты зарплаты, пенсий	Ухудшение отношений с США и Европой	Мировой экономический кризис
1992, VII	–	–	–	26	–	–	–	–
1993, XI	–	–	–	11	–	–	–	–
1994, II	–	–	32	10	–	–	–	–
1995, I	–	–	30	10	–	–	–	–
1995, XI	–	–	19	6	–	–	–	–
1997, I	–	–	22	7	–	39	–	–
2001, XII	–	–	28	21	–	19	–	–
2002, XII	–	–	19	15	–	21	–	–
2003, X	–	–	16	8	–	11	–	–
2005, IX	–	–	14	8	–	11	–	–
2006, I	–	–	13	10	–	9	–	–
2006, VI	–	–	14	11	–	9	–	–
2007, I	–	–	14	11	–	9	–	–
2007, VII	–	–	10	10	–	7	–	–
2008, II	–	–	13	8	–	7	–	–
2008, VI	–	25	8	9	–	5	–	–
2008, XI	–	26	12	10	–	7	–	–
2009, VI	–	19	15	9	–	11	–	16
2009, XII	–	14	14	9	–	7	–	14
2010, VI	–	13	14	8	–	7	–	9
2010, XII	–	11	11	9	–	7	–	7
2011, VI	–	16	14	10	–	7	–	4
2011, XI	–	11	13	10	–	7	–	7
2012, IV	–	10	14	11	–	7	–	4
2012, XII	–	11	14	12	–	9	–	6
2013, VI	–	12	12	13	–	7	–	4
2013, XII	–	11	13	15	–	9	–	6
2014, VI	12	10	11	17	–	6	–	6
2014, XII	12	13	11	15	–	7	13	7
2015, VI	13	13	12	13	11	6	10	6
2015, XII	13	14	13	14	10	8	8	8
2016, VI	14	13	12	11	8	8	7	7

Примечание: (–) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

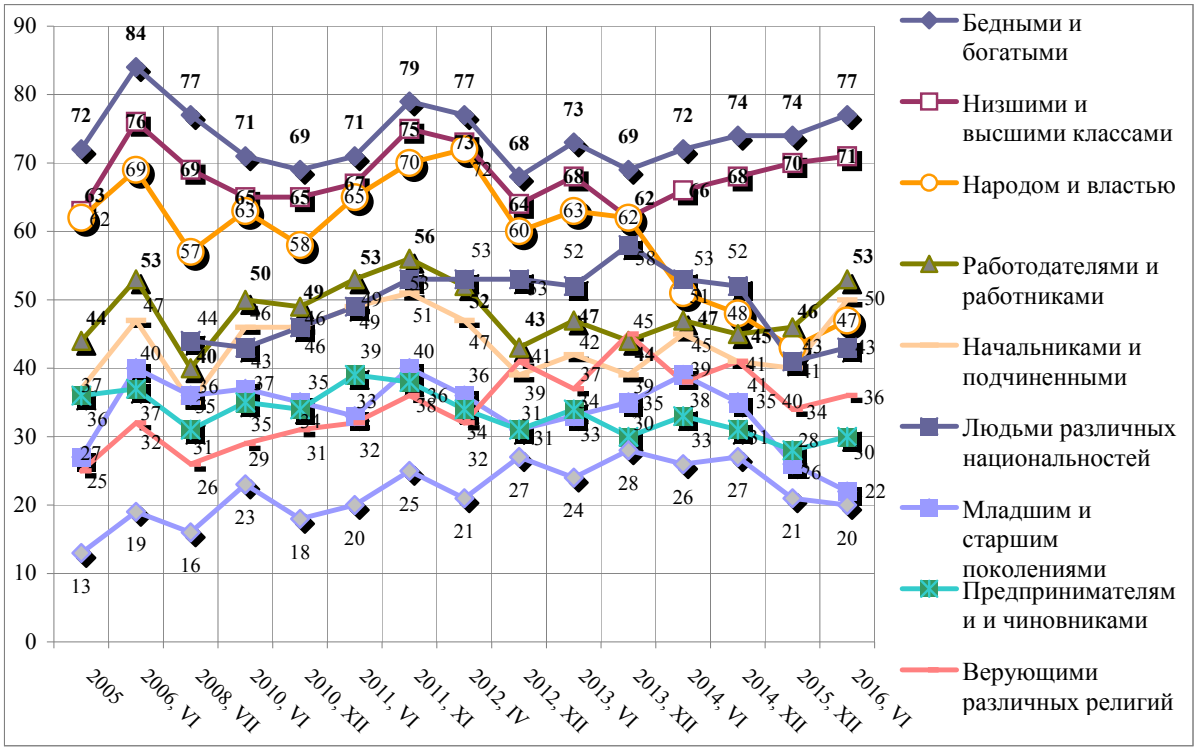
Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Следующим компонентом измерения социально-политических рисков устойчивого развития общества является уровень противоречий и неприязни между гражданами. В июне 2016 г. большинство граждан считали, что в российском обществе значительны противоречия и неприязнь «между бедными и богатыми» (77%) и «между низшими и высшими классами» (71%). Рост значений этих двух индикаторов продолжается с 2013 г. Далее по нисходящей следуют значения индикаторов противоречий и неприязни между: «работодателями и работниками» (53%), «начальниками и подчиненными» (50%), «народом и властью» (47%), «людьми различных национальностей» (43%). Противоречия и неприязнь «между верующими различных религий» сегодня считают значительными 36% респондентов, «между предпринимателями и чиновниками» – 30%, «между младшим и старшим поколениями» – 22%. На последнем месте – противоречия «между верующими и неверующими» (20%) (см. график 1).

За десять лет измерений заметно снизились противоречия и неприязнь между народом и властью (с 69% до 47%), бедными и богатыми (с 84% до 77%), низшими и высшими классами (с 76% до 71%) (значения измерений в июне 2006 г. и в июне 2016 г.)

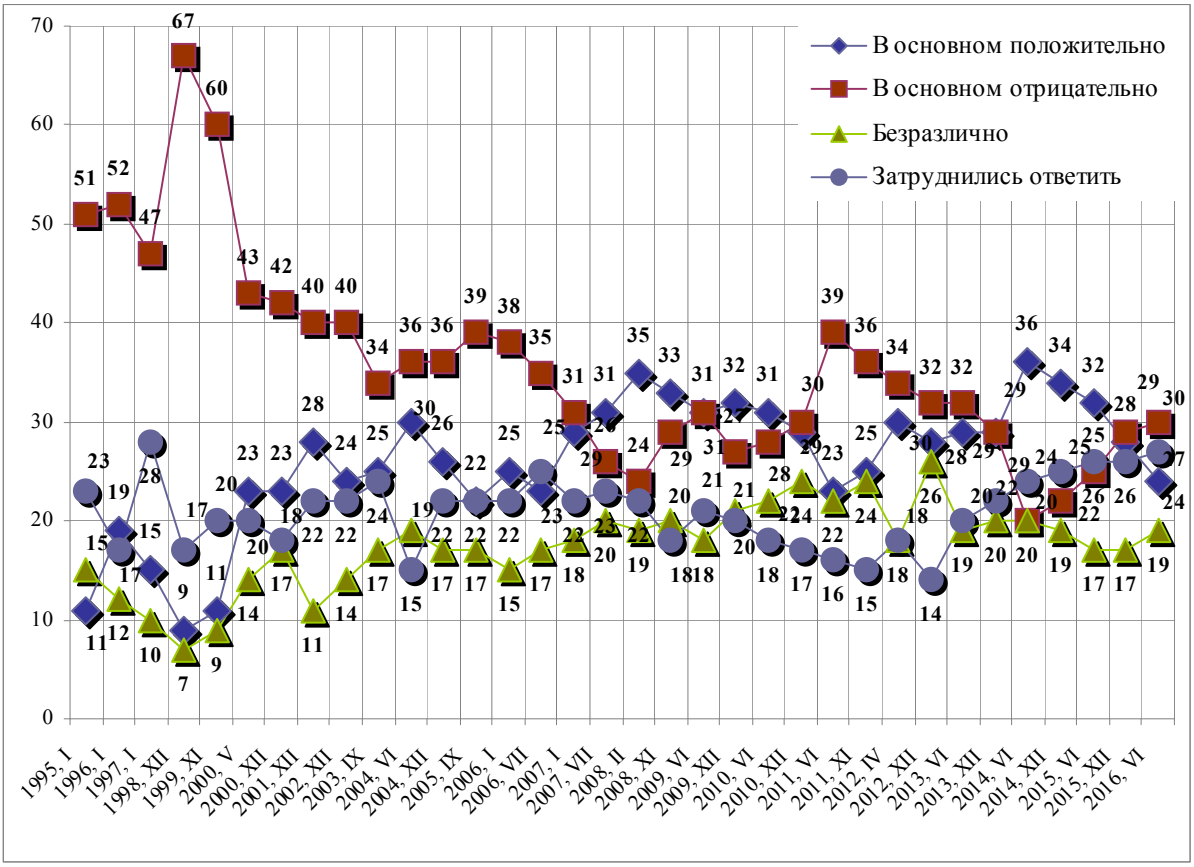
За двадцать лет измерений динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ претерпела существенные положительные изменения. Количество граждан, отрицательно относящихся к курсу реформ, сократилось с 52% до 20%, а положительно оценивающих реформы увеличилось с 19% до 24%. В июне 2016 г. реформы оставались вне интересов и внимания 46% граждан, которые потеряли интерес к экономической политике государства, не воспринимают или не понимают ее итоговых результатов (см. график 2).

График 1.
Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия и неприязнь в современном российском обществе (вариант ответа «значительны») *(РФ, % от числа опрошенных)*



Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 2.
Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ
(РФ, % от числа опрошенных)

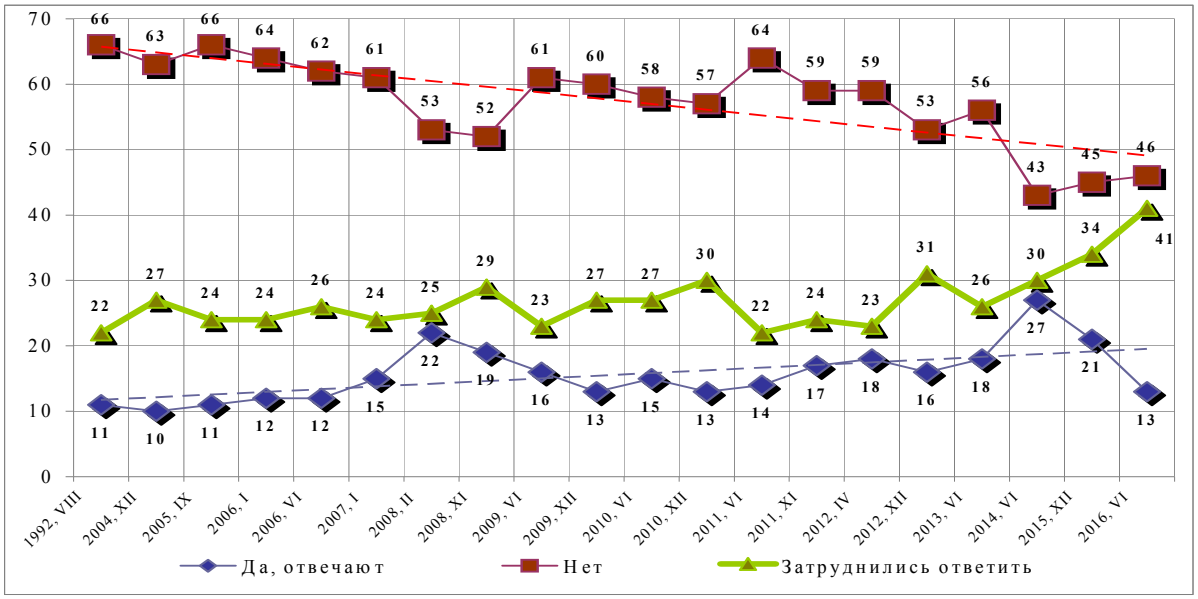


Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По данным исследования 13% граждан считали, что реформы отвечают интересам большинства населения, 46 – имели противоположное мнение и 41% затруднились ответить на вопрос (см. график 3). Наблюдения за двадцать че-

тыре года показывают сохранение позитивной тенденции: число считающих, что экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения страны, уменьшилось с 66 до 46%.

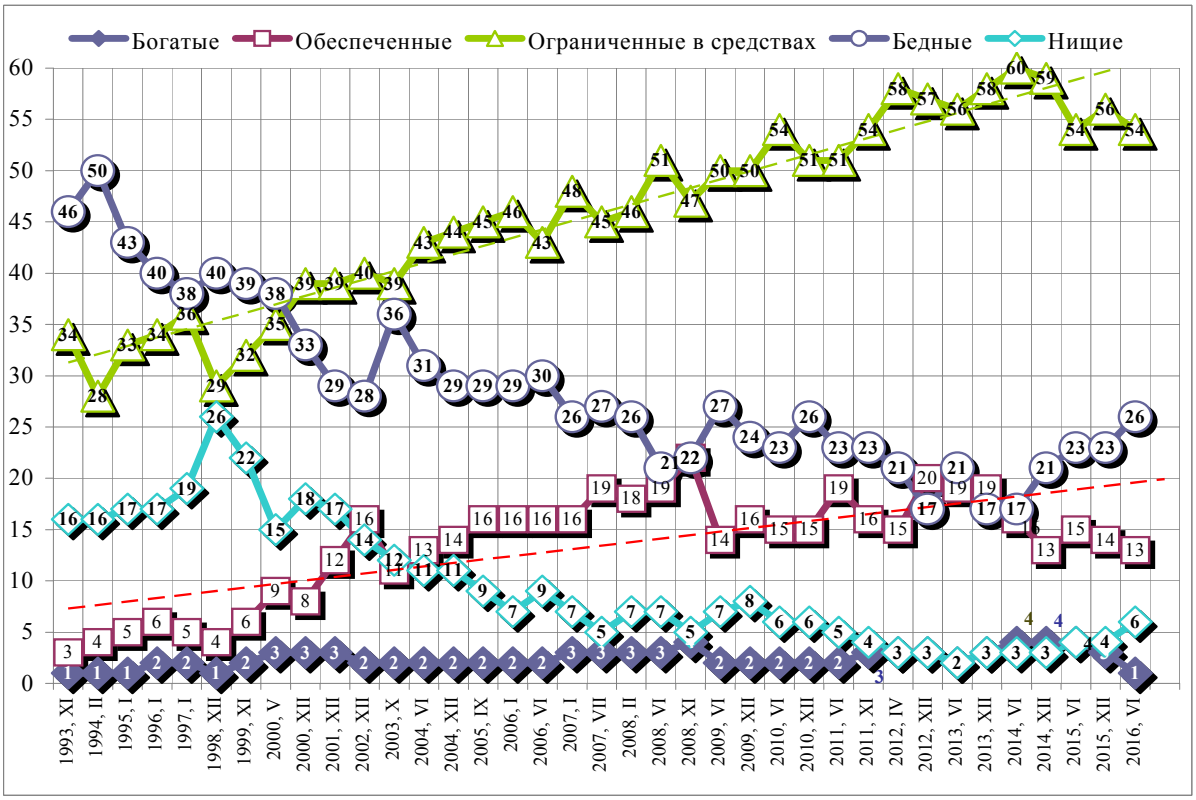
График 3.
Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения нашей страны *(РФ, % от числа опрошенных)*



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Экономическое положение большинства российских граждан остается тяжелым, хотя за двадцать три года проведения реформ произошли значительные изменения в лучшую сторону (см. график 4). С 16% до 6% (июнь 2016 г.) уменьшилось число граждан, которые по самооценке, живут в условиях нищеты, с 3 до 13% возросло количество «обеспеченных» – тех, кто может позволить купить себе большинство товаров длительного пользования. Число «ограниченных в средствах»» граждан, у которых денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды возросло с 34 до 54%. С 46 до 26% снизилось количество «бедных» – тех, кому денег хватает только для приобретения необходимых продуктов и одежды. Число «богатых», имеющих возможность купить все, осталось на уровне 1%.

График 4.
Самооценка денежных доходов респондентов *(РФ, % от числа опрошенных)*



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Примечание: Вопрос: «Какая из вышеприведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – «денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать»; «Обеспеченные» – «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей»; «Ограниченные в средствах» – «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды»; «Бедные» – «денег хватает только на приобретение продуктов питания»; «Нищие» – «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания».

Анализ значений индикатора классовой самоидентификации фиксирует рост рисков устойчивого развития российского общества в отношении усиления социального дифференциации и расслоения (см. табл. 2). К среднему классу в июне 2016 г. себя относили 40% россиян, к низшему классу 29%, к высшему – 1%. Затруднились ответить 30% респондентов. За двадцать один год измерений с 37 до 29% снизилось количество граждан, относящих себя к низшему классу, а число россиян, относящих себя к среднему классу, осталось на уровне 39% – 40%. В июне 2016 г. к среднему классу себя относили 40% россиян, к низшему классу 29%, к высшему – 1%, затруднились ответить 30% респондентов. За прошедший год произошло существенное сокращение числа граждан, относящих себя к среднему классу (на 9 п.п.) и одновременный рост числа россиян, идентифицирующих себя с низшим классом (на 6 п.п.). Можно предположить, что негативные последствия кризиса и санкций сказались на условиях и качестве жизни респондентов. Произошло сокращение группы респондентов, относящих себя к среднему классу.

Таблица 2

Самоидентификация классовой принадлежности респондентов
***(Вопрос: «Сейчас становится привычным относить людей к низшему, среднему или высшему классам. К какому классу Вы себя относите?»)* (РФ, % от числа опрошенных)**

	К высшему классу	К среднему классу	К низшему классу	Затруднились ответить
1994, II	1	39	37	23
1995, I	1	42	38	19
1995, XI	1	32	49	18
1999, XII	1	35	42	22
2000, XII	1	41	40	18
2001, XII	1	45	33	21
2002, XII	1	43	39	17
2003, X	1	52	31	16
2006, VI	2	49	33	16
2007, I	3	52	31	15
2008, II	1	50	36	13
2008, VI	1	46	28	26
2008, XI	1	53	26	19
2009, XII	2	49	31	18
2010, VI	1	53	27	19
2010, XII	1	51	28	21
2011, XI	2	52	26	20
2013, VI	2	52	28	18
2014, VI	3	59	18	19
2015, VI	2	49	23	26
2016, VI	1	40	29	30

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По мнению большинства граждан, мировой экономический кризис существенным образом отразился на материальном положении их семей. В июне 2015 г. у 51% респондентов материальное положение семей ухудшилось, у 41 – не изменилось, у 2% – улучшилось. Всего 6% респондентов затруднились ответить на вопрос. По сравнению с декабрем 2013 г. наблюдается резкое увеличение с 33 до 51% количества граждан, у которых ухудшилось материальное положение семей (см. табл. 3). Существенно снизилось количество россиян, считавших, что материальное положение их семьи не изменилось (с 51 до 41%).

Таблица 3

Мнение респондентов о том, как мировой экономический кризис отразился на материальном положении их семьи *(РФ, % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	2008, XI	2009, VI	2009, XII	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2013, VI	2013, XII	2015, VI
Материальное положение улучшилось	2	3	2	3	2	3	7	3	2
Материальное положение ухудшилось	46	58	45	50	48	47	36	33	51
Материальное положение не изменилось	29	33	45	40	44	46	49	51	41
Затруднились ответить	23	6	8	7	6	4	8	13	6

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В оценках материального положения своей семьи через 5 лет респонденты разбились на три примерно равные по численности группы: на тех, у кого материальное положение улучшится, останется без изменений и ухудшится (см. табл. 4). Согласно результатам исследования, в июне 2015 г. на значительное улучшение материального положения своей семьи через 5 лет рассчитывали 4% россиян, шестая часть респондентов ожидали улучшения своего материального положения (16%). На стабильное состояние своего материального положения надеялись 18%, ухудшение и существенное ухудшение прогнозировали соответственно 15 и 5% россиян. Наибольшее число респондентов затруднились ответить (42%). У большинства респондентов вследствие мирового экономического кризиса материальное положение ухудшилось.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каким, по Вашему мнению, будет материальное положение вашей семьи через 5 лет?» ***(РФ, % от числа опрошенных)***

Варианты ответов	2005, IX	2012, XII	2015, VI
Значительно улучшится	3	4	4
Улучшится	17	22	16
Останется без изменений	23	34	18
Ухудшится	15	13	15
Существенно ухудшится	3	1	5
Затруднились ответить	38	26	42

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Главными причинами экономического кризиса в стране граждане в первую очередь называют слабость российской экономики, падение мировых цен на нефть, ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства (см. табл. 5). В декабре 2015 г. главной причиной разразившегося в России экономического кризиса 46% опрошенных граждан считали «слабость российской экономики», 40% – «падение мировых цен на нефть», 28 – «ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства», 26 – «ошибки и неправильные действия руководства Центробанка и экономического блока Правительства РФ», 23 – «экономические санкции против России», 16 – «кризис мировой финансовой системы», 15 – «зависимость экономики России от Федеральной резервной системы США», 6% – «запрет на ввоз продовольственных товаров в Россию из Евросоюза и США». Затруднились ответить – 14% респондентов. В этой связи для России задача локализации и минимизации эффектов мирового финансового кризиса становится главным фактором устойчивого развития российского общества.

Таблица 5

Мнение респондентов о том, каковы главные причины разразившегося в России экономического кризиса ***(РФ, % от числа опрошенных)***

Варианты ответов	2015, VI	2015, XII
Падение мировых цен на нефть	37	40
Слабость российской экономики	36	46
Ошибки и неправильные действия руководства Центробанка и экономического блока Правительства РФ	29	26
Экономические санкции против России	29	23
Ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства	24	28
Кризис мировой финансовой системы	15	16
Зависимость экономики России от Федеральной резервной системы США	13	15
Запрет на ввоз продовольственных товаров в Россию из Евросоюза и США	9	6
Затруднились ответить	14	14

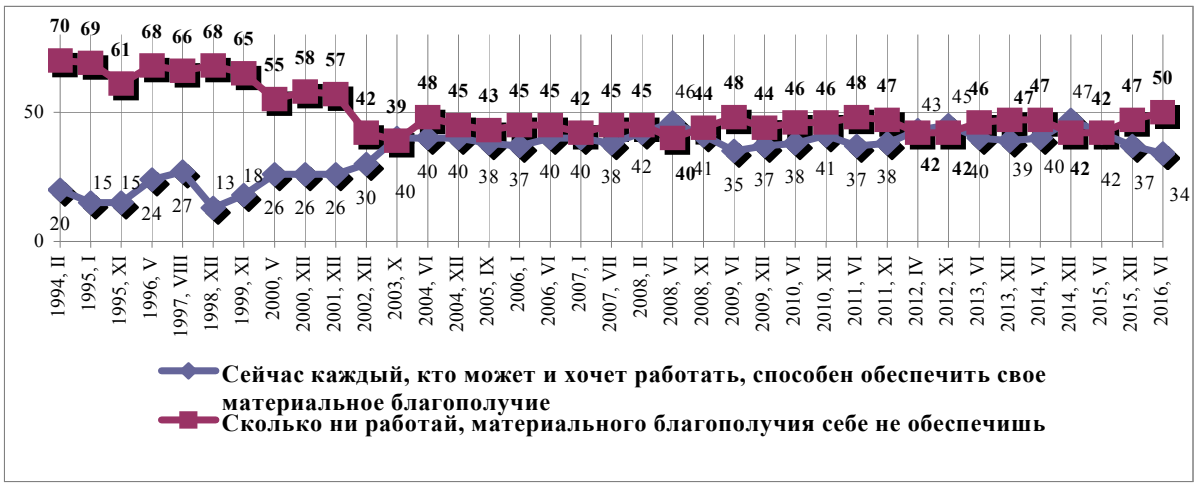
Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько вариантов ответов.
Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Сложный индикатор социально-политической отчужденности общества и государства отражает направления развития устойчивости общества, характеризуя возможные риски. Обострились социополитические риски устойчивости общества в сфере трудовой мотивации. В июне 2016 г. 34% считали, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (за полтора года снижение на 14 п.п.) и 50% утверждали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (за полтора года рост на 8 п.п.). С декабря 2014 г. снизилось число граждан, считающих, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие».

Социополитические риски устойчивости общества, связанные с отчуждением общества от государства, в еще большей степени проявляются в сфере политической жизни: 71% респондентов считали, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Только десятая часть граждан высказала точку зрения о том, что «большинство из нас могут повлиять на политические процессы» (11%). По-прежнему сохранялась большая дистанция между российским обществом и властью.

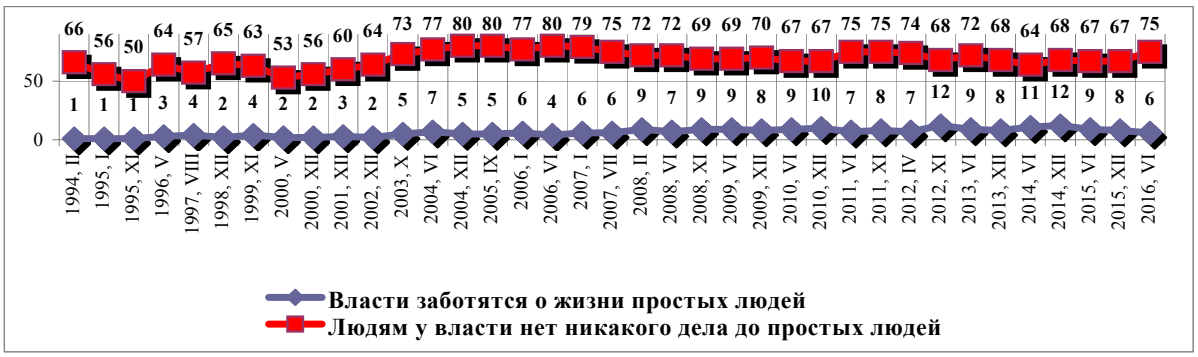
По мнению 75% опрошенных, «людям у власти нет никакого дела до простых людей», 40% респондентов считали, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России». Противоположных взглядов придерживались лишь 6 и 12% респондентов соответственно. За полгода количество россиян, считающих, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», возросло с 67 до 75% (см. графики 5–8).

График 5
Суждения респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных)



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 6
Суждения респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных)



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 7
Суждения респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных)

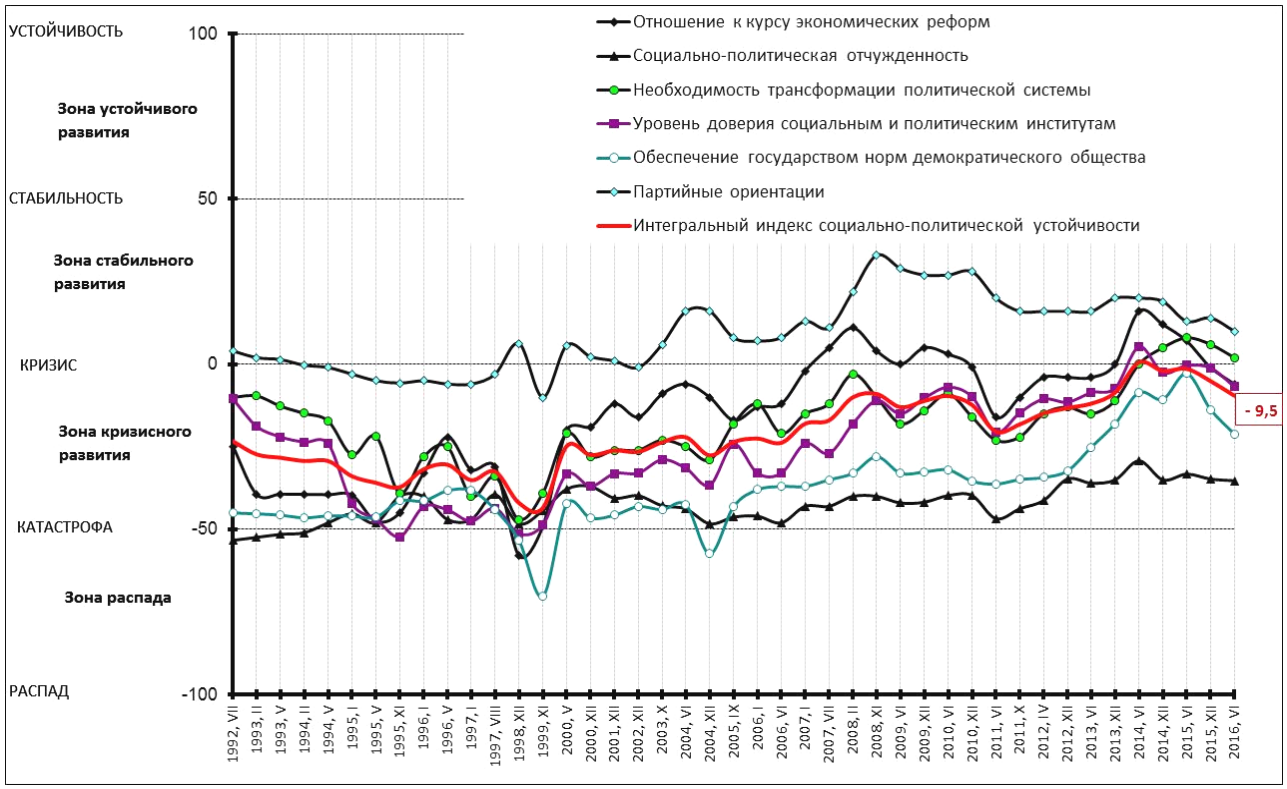
Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 8
Суждения респондентов о жизни в стране (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В нашем исследовании понятие «устойчивость» в приложении к обществу («социальная устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества вплоть до распада. При устойчивом социально-политическом развитии в системе отношений «гражданское общество – государство» происходит самоподдерживающееся оптимальное при данных условиях и в стратегическом научно планируемом будущем согласование интересов, что создает для всех субъектов и институтов системы социально-политических отношений режим устойчивого развития.

Согласно нашим измерениям, начиная с декабря 1999 г., социально-политическая устойчивость развития российского общества стала повышаться. К июню 2014 г. интегральный индекс социополитической устойчивости достиг положительного значения (0,57) и вошел в зону стабильного развития. Однако в конце 2014 г. значение индекса вернулось в зону кризисного развития. В июне 2016 г. индекс социополитической устойчивости составил – 9,5 (см. рис. 1).



Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Рисунок 1.
Динамика значений индекса и индикаторов социально-политической устойчивости развития российского общества

Главный эффект неолиберальных реформ и экономических кризисов, которые в России совместились и переросли к настоящему моменту в системный институциональный кризис реформ, заключается в том, что российское общественное сознание и большая часть политического класса постепенно избавились от ряда иллюзий, которые были сформированы в предыдущие годы. Главная из них – об императивном позитивном эффекте либеральных реформ. Долгое время в обществе и политическом классе доминировало мнение, что вступив на путь либеральных рыночных реформ, Россия автоматически получает гарантии стабильного устойчивого экономического развития в будущем. Социально-политическая реальность 2016 года доказала, что на уровне политического класса это суждение явилось стратегическим заблуждением, а на уровне общественного и массового сознания иллюзией – результатом политической наивности и манипуляций. Постепенно пришло понимание той ситуации, что никто не ждал Россию на мировых рынках с распростертыми объятиями. Современная система мирохозяйственных связей продолжает в целом функционировать на принципах жесткой экономической конкуренции. Когда необходимо, эта экономическая конкуренция за ресурсы и рынки перерастает в военно-политическое противостояние.

За тридцать лет перестройки и рыночных реформ, с момента их провозглашения на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1985 году, страну, экономику и общество по крайней мере шесть раз сотрясали экономические и финансовые кризисы. Последний мировой экономический кризис 2008 года, который чуть не обрушил мировую финансовую систему, укрепил в общественном сознании мнение, что страна потеряла экономический суверенитет, а надежды на то, что неолиберальные реформы принесут стабильность и процветание, являются иллюзией. Граждане поняли, что их благосостояние теперь напрямую зависит от мировой политической конъюнктуры, а государство и общество стали стратегически уязвимы в своем выборе путей развития.

Вторая иллюзия, с которой рассталось российское общественное сознание – это комплекс вины, неполноценности, неправедного исторического социального, политического прошлого. На протяжении последних трех десятилетий в российском обществе искусственно культивировался комплекс политической вины как русских, российских царей, так и советских вождей. Преследовалась цель руинизации русской российской истории, слома политической воли и

сноса на свалку всего слоя русской политической культуры. Но оказалось, что при живом народе – носителе этой культуры это невозможно осуществить, не разорвав страну и русский мир на части с кровью и огромными человеческими потерями. Граждане почувствовали и поняли, что превращение иллюзии «побежденной России» в реальность означает конец мирной жизни, а значит, и конец страны в ее нынешней геополитической и геоэкономической конфигурации. Общество не согласилось с таким замыслом.

К началу 2016 года, несмотря на продолжающийся кризис развития, мы наблюдаем процесс социально-политической консолидации на Кавказе, в Крыму и в целом в стране. Этот процесс не закончился и является результатом динамики русской, советской, российской политической культуры в единстве знаний, убеждений и действий. Особенностью этой культуры является то, что она сформировалась в условиях многовекового внешнего политического давления. Русский российский национальный политический характер зарождался на просторах северных территорий, в материальных и духовных ограничениях, проходя через периоды кризисов и мобилизаций. Закалка победами и поражениями, политическими зимами и оттепелями укрепила стремление к воле, независимости и свободе. Ядром этой культуры, стержнем этого характера является стремление к суверенитету на этом обширном евразийском пространстве. В этих качествах проявляется фундаментализм русского мира.

Его разрушение до основания – очень трудоемкая работа. Она требует колоссальных материальных и временных ресурсов. В настоящее время нет оснований полагать, что удастся стратегически собрать и направить эти ресурсы в нужное место и в нужное время. В силу такого понимания актуальной социально-политической ситуации произошло разрушение еще одной иллюзии о том, что Запад и США одержали победу в «холодной войне». Россия осталась самой большой страной на планете с ядерным оружием и громадным ресурсным и человеческим потенциалом. На ее территории нет оккупационных войск. Рационально ли в этом случае говорить о ее разгроме и какой-либо победе? Вряд ли. Навязываемый принцип «горе побежденному» оказался неприменим к нашей стране. Российское общественное сознание не приняло эту пропагандистскую установку и поняло, что только опора на собственные силы дает стране гарантии на будущее независимое развитие.

В условиях продолжающегося кризиса в обществе наблюдается процесс материальной экономии и мобилизации. В первую очередь граждане экономят на основных фондах: отложены покупки новых квартир, дач, машин и дорогостоящей техники. Пришлось отказаться от заграничного отдыха и запланированного ремонта. Актуализировались тревоги потери работы, повышения цен на продукты питания и услуги, роста тарифов ЖКХ, транспорта, расходов на детей, образование. Экономят граждане, заработная плата которых в рублях не привязана к доллару. Получатели долларовых заработных плат и дивидендов – выиграли, привычек не меняют, стиль жизни остался прежним. И такое положение начинает раздражать часть элиты и граждан. К внутренней политике у населения растет недоверие. В частности, усиливается критика в адрес антикризисной политики экономического блока правительства РФ.

Оппозиция совершила концептуальную ошибку, начав по западным традициям и технологиям кампанию против политических личностей, в частности против В.В. Путина. В общественном сознании политический образ В.В. Путина накрепко связан с образом российского государства. Такова особенность политической традиции и актуальной политической культуры. Глобальные политические тенденции развития событий в Сирии, на Ближнем Востоке, США, Китае не позволяют говорить о возможном снижении политического авторитета В.В. Путина, команде которого удается достаточно оперативно и эффективно отвечать на краткосрочные угрозы.

Спусковым крючком европейских революций и переворотов являлась провальная логистика продовольствия и хлеба в столицах. Угроза пустых прилавков и голода заставила граждан выйти на улицы Парижа в 1789 году, Петрограда в 1917 году, Москвы в 1991 году. Представить что-то подобное в современных условиях Российской Федерации, где органы власти в центре и на местах стараются тщательно и аккуратно отслеживать и контролировать проблему продовольственной безопасности, вряд ли возможно.

В целом, в начале 2016 года общество и государство, несмотря на кризис и санкции, находились в состоянии динамического социально-политического равновесия. Гражданское общество в своем большинстве устойчиво продолжает поддерживать В.В. Путина и проводимый им политический курс, накапливая вопросы о перспективах своего будущего устойчивого социально-политического и социально-экономического развития.

Митрофанова И.В.
д.э.н., гл.н.с. Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН; профессор кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета
mitrofanova@volsu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЮГА РОССИИ И УКРАИНЫ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ?[1]

Ключевые слова: *Южный федеральный округ, Украина, экспорт, импорт, внешнеторговый оборот, интеграция, инвестиционные проекты, Донбасс, риски.*

Keywords*: Southern Federal District, Ukraine, export, import, foreign trade turnover, integration, investment projects, Donbass, risks.*

Общие инвесторы, инвестиционные проекты, товарные и технологические цепочки до недавнего времени тесно связывали хозяйственнее комплексы южных регионов России и Украины. Общий внешнеторговый оборот ЮФО с Украиной составлял более $4 млрд. Многие южные компании-газели, такие, как «Роствертол», НЭВЗ, «Глория Джинс» и др., имели свои постоянные интересы на Украине. Понятно, что затягивание современного политического кризиса на Украине создало непредвиденные факторы риска для юга России. Начало конфликта привело к взрывной волне роста миграционного потока русских украинцев в приграничные, в том числе южные регионы России. Затягивание же кризиса приведет к обострению экспортного риска: для большинства крупных предприятий ЮФО фактически закрыто «экспортное окно»[2].

Уже в 2013 г. структура торговли ЮФО с Украиной заметно трансформировалась. Для сравнения: в 2013 г. регионы ЮФО импортировали украинских товаров на $2,21 млрд., стоимость экспортных операций составила $1,9 млрд.; в 2012 г. объём импорта составлял $2,69 млрд., а экспортировано на Украину продукции на $1,42 млрд. Такая ситуация противоречила общероссийскому тренду: экспорт из России на Украину в 2013 г. сократился на 15%, в основном за счёт снижения поставок газа. В структуре экспорта ЮФО на Украину также доминируют углеводороды, но не газ, а нефть и нефтепродукты – и по этой статье в 2013 г. объём вывоза увеличился более чем на четверть (с $1 до $1,26 млрд.). Основными поставщиками топлива для регионов Украины выступали Краснодарский край, Волгоградская область, где расположены крупные нефтеперерабатывающие заводы[3].

В конце 2013 г. наметилась тенденция к значительному сокращению поставок топлива из ЮФО на Украину, которая явно не сводится к сезонным колебаниям потребления горючего. В первые два месяца 2014 г. падение продолжалось: нефти и нефтепродуктов из ЮФО на Украину было вывезено на $206,2 млн., а за тот же период 2013 г. – на $245,4 млн. Основной вклад в это внёс Краснодарский край, у которого в 2013 г. доля углеводородного экспорта на Украину приблизилась к 80%. За первые два месяца 2014 г. торговый оборот Кубани с Украиной составил всего $28,1 млн. (почти вчетверо меньше, чем за аналогичный период 2013 г.). Одних только углеводородов из Краснодарского края в январе-феврале 2013 г. было вывезено на Украину на $75,2 млн., к концу 2014 г. эта статья резко снизилась.

Украинский кризис негативно влияет и на состояние предприятий несырьевого сегмента экономики ЮФО, где в 2013 г. по ряду экспортных статей наблюдалась высокая динамика роста поставок на Украину. В частности, удобрений на Украину было вывезено почти на 25% больше, чем в 2012 г. (основной экспортёр – Краснодарский край), локомотивов – больше на 50%, стекла и стекольной продукции – почти в 2 раза больше (за счет Ростовской области), а экспорт продукции плодоовощной переработки превысил показатели 2013 г. в 3 раза за счёт донских предприятий.

В неуглеводородном сегменте экспорта на Украину в 2013 г. активно проявила себя Ростовская область. В значительной мере этот процесс был простимулирован политикой донских властей по развитию приграничного сотрудничества в рамках проекта Еврорегион «Донбасс», который первоначально объединял Ростовскую, Донецкую и Луганскую области.

Для целого ряда донских предприятий экспорт на Украину был действительно антикризисной мерой. Так, производители стеклотары начали поставлять больше своей продукции соседям в связи с ужесточением российского «пивного» законодательства и последовавшим сокращением потребления и производства пива. Например, завод «Ак-

[1] Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПР, проект «Сравнительный анализ социально-экономического ущерба приграничным регионам России и Украины и оценка сценариев межрегионального взаимодействия в изменившейся геополитической ситуации» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № I.13 П «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья»» (0256-2015-0095).

[2] См.: Проценко Н., Кисин С. Первые потери // Эксперт Юг. 2014. – № 10−12.

[3] Кризис на Украине – это надолго. – http://expert.ru/south/2014/12/krizis-na-ukraine--eto-nadolgo/

тис» (г. Новочеркасск) в 2013 г. увеличил экспорт на Украину на 32%. Объём заказов на 2014 г. был сопоставим с 2013 г., но в начале 2014 г. некоторые колебания в процессе отгрузки продукции для украинских партнёров стали уже ощутимыми. Лишь отчасти это можно объяснить сезонностью, основную роль сыграл политический кризис на Украине.

В группе риска – машиностроение Юга, которое закупало на Украине комплектующие и узлы. Так, в 2011 г. между российской ГК «Ростех» и двигателестроительным заводом «Мотор Січ» (Запорожье) был подписан пятилетний контракт на поставку вертолётных двигателей на общую сумму $1,2 млрд., часть из которых предназначалась для «Роствертола» (Ростов-на-Дону). Со временем украинские двигатели могут быть заменены отечественными, например, продукцией отечественной Объединённой двигателестроительной корпорации, но, как минимум, в среднесрочной перспективе.

Сегодня есть признаки некоторой стабилизации российской экономики. Но одновременно есть ряд серьезных нерешенных структурных вопросов. Ряд отраслей, в которых за 2014–2015 гг. произошло наибольшее сжатие рынка, продолжают оставаться в зоне риска. Это автопром, железнодорожное машиностроение, строительство, легкая промышленность[1]. Так, железнодорожное машиностроение – одна сфера тяжёлой промышленности, где у Ростовской области были налажены тесные контакты с Украиной. В 2007 г. «Трансмашхолдинг», в структуру которого входит Новочеркасский электровозостроительный завод (НЭВЗ), выиграл конкурс на приобретение 76% акций основного производителя тепловозов в СНГ – компании «Луганстепловоз». Предполагалось, что это предприятие совместно с НЭВЗом начнёт производство в г. Луганске магистральных электровозов серии 2ЭС5К «Ермак» для рынка стран содружества. Роль НЭВЗа в этом проекте заключалась в поставке более 50% комплектующих – главным образом комплектов электроаппаратов, тяговых и вспомогательных электрических машин, которых в принципе не делают на Украине. В перспективе планировалось снизить российское участие до 35–40% комплектующих, фактически воссоздав луганское предприятие, которое осталось без заказов находящихся в перманентном кризисе Украинских железных дорог.

Однако под давлением украинской группы «Приват» результаты конкурса были аннулированы, а «Луганстепловоз» вернули на баланс Фонда госимущества Украины. «Ермак» же начали выпускать в г. Новочеркасске уже без участия несостоявшегося украинского партнёра. В 2010 г. «Трансмашхолдинг» повторно выиграл конкурс на приобретение «Луганстепловоза», который постепенно должен был интегрироваться в состав группы, приняв на себя часть заказов для НЭВЗа. Однако представители группы «Приват» оспаривают право собственности на предприятие, и вопрос о контроле над заводом стоит остро.

Основное сокращение импорта из Украины в ЮФО в 2013 г. произошло за счёт значительного падения ввоза продукции металлургии, и здесь Юг существенно опередил общероссийские показатели. Если в целом по России объём импорта чёрных металлов из Украины в сравнении с 2013 г. снизился на 7,2%, а металлоизделий – на 24%, то регионы ЮФО в 2013 г. сократили ввоз украинского металла примерно на 25% (с 943 до $741,8 млн.); по металлоизделиям снижение составило более 30% (с 250,6 до $170,5 млн.). Основным импортёром по этим статьям являлась Ростовская область, на долю которой приходилось более 70% ввоза чёрных металлов и около 85% ввоза металлоизделий из Украины в ЮФО[2].

Обеспокоенность украинских экспертов по поводу экспорта металлургической продукции в Россию понятна, как понятно и то, что добровольно украинский бизнес от российского рынка отказываться не будет. Однако проблемы прогнозируемы: со стороны российского бизнеса – в случае возбуждения антидемпингового расследования против украинской арматуры или фасона, со стороны украинского бизнеса – из-за сложной ситуации в банковской системе, что чревато проблемами с обеспечением платежей, сбоями в работе российских банков и их «дочек» на Украине. Кроме того, девальвация рубля негативно сказалась на конкурентоспособности в России украинской арматуры.

В среднесрочной перспективе перебои с поставками на металлургические предприятия могут привести к дефициту сырья, изменению работы металлургических и энергетических агрегатов, что в результате повысит их степень износа и увеличит вероятность технических аварий. Но со временем выпадающий импорт украинской продукции может быть восполнен за счёт мощностей российской металлургии. Однако не исключено и резкое снижение объёмов российского металлургического экспорта на Украину и транзитных потоков в направлении украинских портов.

Сокращение украинского импорта имеет и позитивное следствие. Украинские предприятия давно держат заниженные цены по всему спектру поставок, в частности, металлу и металлоконструкциям, продуктам питания, а также рабочей силе. Поэтому активное препятствие импорту в Россию с украинской стороны навредит производителям, а российские предприятия, напротив, не будут ощущать украинского демпинга.

При сохранении новым правительством Украины финансовой дисциплины значительных угроз для экономических связей российского и украинского бизнеса не было бы, контакты сохранялись бы.

По данным таможенной статистики, внешнеторговый оборот ЮФО в 2015 г. составил $19,7 млрд. (65,8% к уровню 2014 г.). Положительное сальдо торгового баланса – $5,9 млрд. (2014 г. – $9,1 млрд.). Торговый дефицит по итогам 2015 г. сохранился только в Адыгее. ВЭД осуществляли 5657 участников ВЭД ЮФО (2014 г. – 5605), в том числе 4740 юридических лиц (2014 г. – 4550). Удельная стоимость, приходящаяся на одного участника ВЭД, уменьшилась в 2015 г. по сравнению с 2014 г. с 5,3 до $3,5 млн.

---

[1] Помощник президента: Несколько отраслей российской экономики находятся в зоне риска. – http://www.rosbalt.ru/federal/2016/05/25/1517331.html

[2] См.: Проценко Н., Кисин С. Первые потери // Эксперт Юг. 2014. – № 10−12.

В 2015 г. на страны дальнего зарубежья приходилось 87,9% товарооборота ЮФО (2014 г. – 86,0%). Основными торговыми партнерами (в порядке убывания стоимости товарооборота) были: Турция, *Украина,* Италия, Китай, Египет, Израиль, Корея, Германия.

В 2015 г. экспорт ЮФО оценивался в $12,8 млрд. (65,6% к уровню 2014 г.). Крупнейшими торговыми партнерами в экспорте являлись (по убыванию стоимости): Турция, Италия, *Украина,* Египет, Корея, Израиль, Мальта, Швейцария, Саудовская Аравия. Основные объемы экспортных поставок в 2015 г. обеспечили Краснодарский край (48,0% стоимости), Ростовская (35,1%) и Волгоградская (13,6%) области.

Товарная структура экспорта в основном представлена минеральными продуктами – 46,6% стоимости (2014 г. – 55,5%), продовольственными товарами и сельхозсырьем для их производства – 34,8% (2014 г. – 26,7%), металлами и изделиями из них – 10,2% (2014 г. – 8,3%), химической продукцией – 4,3% (2014 г. – 2,9%), машиностроительной продукцией – 2,2% (2014 г. – 3,5%).

Экспорт нефтепродуктов осуществляли участники ВЭД Краснодарского края, Волгоградской и Ростовской областей; угля – Ростовской и Астраханской областей, битумных смесей – Ростовской и Волгоградской областей. Основные торговые партнеры ЮФО (по убыванию стоимости): Италия, Турция, Корея, *Украина*, Израиль, Швейцария, Мальта.

Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (злаки, жиры, масла, остатки и отходы пищевой промышленности, овощи, табак и табачные изделия) для их производства составил $4,4 млрд. (85,5% к уровню 2014 г.). Ведущие экспортеры сельскохозяйственных товаров – участники ВЭД Ростовской области (59,5% стоимости) и Краснодарского края (32,5%). Основные торговые партнеры ЮФО (по убыванию стоимости): Турция, Египет, Саудовская Аравия, Иран, *Украина.*

Экспорт химической продукции (продукты неорганической химии; удобрения, пластмассы и изделия из них; фармацевтическая продукция; органические химические соединения; изделиям из каучука и резины, прочие) составил $553,7 млн. (98,2% к уровню 2014 г.). Ведущие экспортеры продуктов органической и неорганической химии, каучука и резины – Волгоградская область, удобрений – Краснодарский край, пластмасс и изделий из них – Ростовская область. Основные торговые партнеры ЮФО (по убыванию стоимости): *Украина,* Турция, Бразилия, Венгрия, Польша, Азербайджан, США, Сербия, Германия.

В 2015 г. экспорт машиностроительной продукции составил $283,4 млн. (в 2,4 раза меньше объемов 2014 г.). В числе профилирующих товарных групп: суда, лодки и плавучие конструкции, оборудование и механические устройства, электрические машины. Ведущие экспортеры машиностроительной продукции – Ростовская область (65,1% стоимости), Краснодарский край (24,9%) и Астраханская область (7,5%). Основные торговые партнеры (по убыванию стоимости): Мальта, *Украина,* Турция, Иран, Литва, Италия, Узбекистан, Египет, Болгария[1].

В 2015 г. импорт ЮФО превысил $6,9 млрд. (66,3% к уровню 2014 г.). Крупнейшие торговые партнеры в импорте (по убыванию стоимости): Китай, Турция, *Украина,* Германия, Индонезия, Италия, Эквадор, Египет, США, Испания. Основные объемы импорта в 2015 г. обеспечили Краснодарский край (54,0%), Ростовская (28,8%) и Волгоградская (12,7%) области.

Товарная структура импорта: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье для их производства – 40,4% стоимости, машиностроительная продукция – 25,0%, металлы и изделия из них – 11,9%, химическая продукция – 8,4%.

Под влиянием экономической и геополитической ситуации в географической направленности продовольственного сегмента импорта ЮФО обозначились новые тенденции: появление новых торговых партнеров (ввоз томатов из Сенегала, картофеля и лука – из Пакистана, сыров – из Аргентины, цитрусовых – из Мексики); наращивание объемов импортных поставок из отдельных стран (яблок и груш – из ЮАР, Бразилии, Чили, Македонии, Боснии и Герцеговины; овощей – из Азербайджана, Ирана).

В 2015 г. импорт машиностроительной продукции (оборудование и механические устройства; суда, лодки и плавучие конструкции; электрические машины и оборудование; средства наземного транспорта) составил $1,7 млрд. (в 2 раза меньше объемов 2014 г.) Ведущие импортеры машиностроительной продукции – Ростовская область (41,7% стоимости), Краснодарский край (26,9%) и Волгоградская область (20,5%). Основные торговые партнеры ЮФО (по убыванию стоимости): Китай, Германия, Италия, *Украина,* Испания, Румыния, США.

В 2015 г. импорт металлов и изделий из них (черные металлы и изделия из них) составил $822,9 млн. (62,6% к объемам 2014 г.). Ведущие импортеры этой категории товаров – Ростовская область (38,2% стоимости), Волгоградская область (30,9%), Краснодарский край (27,7%). Основные торговые партнеры ЮФО (по убыванию стоимости): *Украина,* Китай, Германия, Япония, Турция, Польша.

Импорт химической продукции (пластмассы и изделия из них; прочие химические продукты; экстракты дубильные или красильные; каучук, резина и изделия из них; органические химические соединения) составил $583,8 млн. (66,0% к объемам 2014 г.). Ведущие импортеры химической продукции – Ростовская область (40,2%), Краснодарский край (39,0%), Волгоградская область (19,3%). Основные торговые партнеры ЮФО (по убыванию стоимости): Китай, Германия, Турция, Италия, США, *Украина,* Польша, Испания[2].

Таким образом, Украина остается партнером южных регионов по экспортно-импортным контрактам по ряду товарных групп, однако отрицательная динамика заметна: снижение импорта из ЮФО на Украину в 2 раза и экспорта –

[1] Таможенная статистика внешней торговли. Южный федеральный округ. IV квартал 2015 г. – Ростов-на-Дону: Южное таможенное управление, 2015. – С. 3−6.

[2] Там жес. 6−9.

в 3 раза в 2015 г. по сравнению с показателями 2013 г., при этом колебания по регионам в ряде случаев более значительные (см. табл.).

Таблица 1

Динамика экспорта и импорта между регионами Южного федерального округа России и Украиной в 2013-2015 гг.[1]

Регионы ЮФО / Годы	Экспорт, тыс. долл. США				Импорт, тыс. долл. США			
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2013 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2013 г.
ЮФО, млн. долл. США	1918,2	1357,9	965,3223	↓ в 1,99 раз	2211,5	1499,2	707,395	↓ в 3,13 раза
Республика Адыгея	2073,8	2246,0	2572,6	124 %	2722,7	4304,1	3851,8	142 %
Астраханская область	1520,2	527,5	1083,5	71,3 %	5700,1	3190,5	1731,2	↓ в 3,3 раза
Волгоградская область	973848,1	817775,7	389987,4	↓ в 2,5 раза	297075,0	153921,8	69812,8	↓ в 4,26 раза
Республика Калмыкия	615,2	нет данных	998,8	↑ в 1,63 раза	14415,9	6266,6	170,6	↓ в 84,5 раза
Краснодарский край	475604,01	240893,88	141343,2	↓ в 3,37 раза	356841,57	245166, 66	101847,7	↓ в 3,51 раза
Ростовская область	464564,6	296657,7	429336,7	93%	1534777,4	1086318,7	529980,9	↓ в 2,9 раз

Помимо экспортно-импортных контрактов, Украину и регионы юга России связывали совместные инвестиционные инициативы. Например, один из наиболее заметных совместных инвестиционных проектов − создание производственных площадок корпорации «Глория Джинс» в Луганской области. По данным украинских источников, компания в связи с известными событиями сократила производство в этом регионе в 2013 г. на 40%.

У украинского бизнеса давно вызывали интерес металлургия и угольная промышленность юга России. На Кубани именно на инвестиции украинского бизнеса был построен завод металлоконструкций (г. Краснодар), открытый в 2011 г. на площадке завода имени Седина, мощностью 100 тыс. тонн продукции в год, собственник – группа «Индустриальный союз Донбасса» (ИСД). Его продукция востребована, в первую очередь, кубанским девелопментом и стройками черноморского побережья Кавказа. Кроме того, в активную стадию реализации вступило строительство крупного металлургического завода в г. Армавире (ИСД).

Несколько лет назад металлургический комбинат «Запорожсталь» приобрёл угольный комплекс в Восточном Донбассе, который включал шахту «Быстрянская № 1–2» и Шолоховскую центральную обогатительную фабрику, для добычи и обогащения коксующихся углей марки ОС. В качестве их потребителей выступали металлурги самой «Запорожстали» и Новолипецкого металлургического комбината. Шахту Быстрянская № 1–2» планировалось запустить в течение 2014 г, в её строительство собственник был намерен инвестировать 4 млрд. руб.

В июле 2012 г. холдинг «Донбасская топливно-энергетическая компания» (ДТЭК) купил у компании «Ростовский антрацит» донские шахты «Дальняя», «Обуховская» (с горно-обогатительной фабрикой) и № 40 с совокупными промышленными запасами угля, по разным оценкам, от 50 до 136 млн. тонн. Инвестиционные планы украинского бизнеса предусматривали пятикратное (с 500 тысяч до 2,5 млн. тонн в год) увеличение добычи антрацита на этих шахтах. Одним из главных покупателей энергетических углей была Новочеркасская ГРЭС, ежегодные потребности которой превышают 3 млн. тонн топлива. Однако «промайданная» политическая ориентация руководителей ДТЭК, демпинговая рыночная политика украинских угольщиков, которых ранее дотировало государство, способны внести коррективы в интересы российских энергетиков. НчГРЭС вполне может переключиться на закупки антрацита у конкурирующих с ДТЭКом российских Южной угольной компании и «Донского угля»[2].

Развитие еврорегиона «Донбасс» было одним из ключевых элементов экономической политики правительства Ростовской области ЮФО. В конце января 2014 г. в Луганске состоялось присоединение к еврорегиону четвёртого участника – Воронежской области, заинтересованность в сотрудничестве проявляли Одесская, Харьковская, Днепропетровская области, а руководство Запорожской области предлагало создать ещё один еврорегион («Азов») при своём участии. В рамках еврорегиона «Донбасс» уже было заявлено несколько трансграничных проектов экономического сотрудничества, например, создание железнодорожно-автомобильных терминалов с функциями интермодальной обработки грузов и логистических центров на границе. Российская сторона предлагала также сформировать на территории Ростовской области (Миллерово и Матвеев Курган) сеть индустриальных парков, резидентами которых могли бы стать ряд сельхозперерабатывающих, логистических и горнодобывающих предприятий обеих стран[3].

---

[1] Рассчитано автором по: Таможенная статистика внешней торговли ЮФО и его субъектов (2013-2015 гг.). Официальный сайт Федеральной таможенной службы Южного таможенного управления. – http://yutu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26313:2015-03-26-08-03-28&catid=204:2014-&Itemid=228; http://yutu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26752:2015-06-11-06-04-53&catid=225:2015-&Itemid=261

[2] См.: Нурышев Г.Н. Современная Украина в геополитическом измерении // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. – № 2 (6); Матишов Г.Г. Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014.

[3] См.: Павлов К.В., Ляшенко В.И., Котов Е.В., Митрофанова И.В. Методика оценки развития постиндустриальной и неоиндустриальной моделей региональной модернизации (на примере Донбасса Украины) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». 2016. – № 1 (180); Котова Л.А. Форсайт в пространственно-экономической трансформации еврорегиона «Донбасс» // Региональная экономика. Юг России. 2013. – № 2; Котова Л.А., Селютин В.В. Концепция коэволюции преобразований в еврорегионе «Донбасс» // Региональная экономика. Юг России. 2014. – № 3.

Но в конце февраля 2014 г. в силу военно-политического конфликта обстановка в сопредельных регионах резко обострилась. Были отправлены в отставку главы Донецкой и Луганской областей, которыми в 2010–2011 гг. и было подписано с Ростовской областью соглашения о создании еврорегиона «Донбасс». Сегодня понятно, что этот мегапроект под большим вопросом, как и перспективы приграничного сотрудничества в рамках еврорегиона «Донбасс», ранее концентрирующего 40% товарооборота Ростовской области с Украиной.

В то же время, несмотря на перманентность украинского кризиса, у предприятий самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик Юго-Востока Украины и южных компаний России немало взаимных интересов в налаживании связей с бизнес-сообществом, в частности, с приграничной Ростовской областью.

По неподтвержденным данным, часть промышленного потенциала ДНР И ЛНР утрачена (табл. 2).

Таблица 2

Состояние некоторых промышленных предприятий ЛНР и ДНР

Предприятия	Состояние
Луганский машиностроительный завод	вывезен в Россию
«Сотый завод»	вывезен в Россию
Завод по выращиванию кристаллов для микроэлектронной промышленности (уникален в своем роде)	вывезен в Россию
Луганский завод горноспасательного оборудования «Горизонт»	вырезан на металлолом
Лугцентрокуз	производство остановлено, восстановить его невозможно из-за маленького напряжения в контактной сети, не позволяющего запустить электропечи
Трансмаш	производство заморожено
Луганстепловоз	производство остановлено
«Полипак»	вывезен в Россию
«Маршал»	вывезен в Россию, на территории завода обустроена рембаза и стоянка для артиллерии
Луганский трубопрокатный завод	производство остановлено, завод вырезается на металлолом
Вторчермет	порезан на металлолом
Луганский завод прокатных валков:	частично разрушен, большинство уцелевших станков готовится к вывозу в Россию
Брянковский рудоремонтный завод	Полностью распилен на металлолом
Чернухинское вагонное депо	порезано на металлолом (включая вагоны и подъездные пути)
Оборонный завод космической промышленности «Юность»	вывезен в Россию
Луганский литейно-механический завод	порезан на металлолом

Источник: составлено автором.

Однако большинство донецких предприятий сохранили свои мощности. По заявлению властей ЛНР и ДНР, есть предприятия, которые находятся в зоне боевых действий, их временно пришлось остановить. Есть производства, где мощности загружены на 10–15%. Есть стратегия развития, есть чёткое понимание, в течение какого срока их мощности будут загружены: в ближайшее время – до половины, а по ряду предприятий – до 70–80%[1].

По данным отчета совместной миссии ЕС, ООН и Всемирного банка, объем инвестиций, необходимых для восстановления Донбасса, объектов инфраструктуры, социальных объектов и тех объектов, которые серьезно пострадали, составляет $1,5 млрд., причем основная часть указанной суммы должна пойти на восстановление инфраструктуры и социальных объектов – $1,257 млрд., еще $135 млн. – на содействие экономическому восстановлению и $126 млн. – на гражданскую безопасность[2]. По мнению российских экспертов, указанная сумма существенно занижена.

Власти ДНР и ЛНР выражают готовность поддержать конкретные бизнес-проекты. Российскому предпринимательскому сообществу, в первую очередь, бизнесу ЮФО, необходимо обратить внимание на возможности развития бизнеса на территории этих республик. В частности, донецкие власти заинтересованы в создании вблизи границы с Россией центра оптовой торговли, ориентированного на снабжение ДНР и ЛНР продуктами питания и товарами первой необходимости. Крайне востребованы поставки в аптечные сети двух республик лекарственных препаратов российского производства. Со своей стороны, донецкие предприятия могут сыграть хорошую роль в реализации политики импортозамещении для России.

Первые контакты по импортозамещению с российскими предприятиями уже есть. Так, достигнута договорённость о поставке продукции одного из донбасских предприятий (экскаваторных зубьев из высокопрочного белого чугуна) производителю экскаваторов из Петербурга. Предприятия Донбасса готовы наладить выпуск и другой продукции из этого высокопрочного сплава для российской машиностроительной отрасли, в том числе для «Ростсельмаша», а также для предприятий угольной промышленности.

Развитие экономических связей юга России с Донбассом имеет и явно выраженный гуманитарный аспект. Сейчас ЛНР и ДНР находятся в ситуации экономической и энергетической блокады со стороны Украины, которая, вопре-

[1] Донбасс призвал южнороссийский бизнес // Эксперт Юг. 2015. – № 11–12 (351). – http://expert.ru/south/2015/11/donbass-prizval-yuzhnorossijskij-biznes/

[2] Калиновский И. Сколько стоит восстановление Донбасса // Expert Online. 2015. – 25 февраля. – http://expert.ru/2015/02/25/skolko-stoit-vosstanovlenie-donbassa/

ки минским договоренностям, только усиливается. Украина не возобновила поставки газа, пытаясь оправдать такие действия разрушенными газотранспортными магистралями. Кроме того, единственным легальным способом доставки продуктов питания остается гуманитарная помощь России.

В то же время подписание Украиной европейских техрегламентов в рамках договора о евроинтеграции резко усложнит ситуацию, поскольку стране больше не понадобятся ни собственная промышленность, ни собственное население: для перехода предприятий на новые регламенты нужны громадные инвестиции, а людей придётся переучивать в соответствии с новыми требованиями. Прямой ущерб российской экономике от реализации соглашения об ассоциации Украины с ЕС составит порядка 100 млрд. руб. Под удар попадают целые сектора российской промышленности и АПК. Потери затронут экономику Белоруссии и Казахстана. Обнуление Украиной пошлин на импорт из стран ЕС приведет к существенному росту поставок европейских товаров на украинский рынок[1]. Менее конкурентоспособная украинская продукция будет вытесняться на рынок Таможенного союза, в большей степени на российский рынок. Нельзя сбрасывать со счетов также риск противозаконного реэкспорта на общий рынок Таможенного союза продукции стран ЕС под видом украинских товаров.

[1] См.: Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014; Матишов Г.Г. Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности. Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015; Путин оценил ущерб экономики России от ассоциации Украины с ЕС в 100 млрд. рублей // Газета.Ru. – http://www.gazeta.ru/business/news/2014/08/26/n_6426753.shtml; Харина О.А. Проблемы формирования новых контуров европейской безопасности в контексте «украинского кризиса» // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. – Вып. 4 (12).

Морозов Ю.В.[1]

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ РОССИИ

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Красная Армия, антигитлеровская коалиция, фронт, наступление, оборона, потери.*

Keywords: *Second World War, Red Army, anti-Hitler coalition, front, attack, defense, losses.*

Введение

Выступая на параде, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Президент России В.В. Путин отметил, что гитлеровская авантюра стала ужасным уроком для всего мирового сообщества. И сейчас, спустя 70 лет, история вновь взывает к нашему разуму и к нашей бдительности[2]. Ибо для многих стран мира Вторая мировая война еще не стала «далекой» историей, ее итоги до сих пор оказывают непосредственное влияние на современные геополитические процессы. Анализ тенденций их развития после Второй мировой войны показывает, что мироустройство XX в., определенное странами-победителями на Ялтинской и Потсдамской конференциях, подвергается трансформации – происходит передел сфер влияния между нынешними национальными и региональными «центрами силы», претендующими на лидерство в современном мире[3].

Информационная война против России, движущие силы и сферы приложения усилий фальсификаторов истории

Изменению геополитической обстановки в мире в конце XX в. способствовал крах Советского Союза и биполярной системы международных отношений эпохи «холодной войны», которые и привели к установлению однополярного мира во главе с США и их союзниками. При этом Российская Федерация как правопреемник СССР продолжает оставаться тем государством, которое проводит суверенную от Запада политику и является тем цивилизационным полюсом, который открывает окно возможностей для построения многополярной системы международных отношений. Поэтому у апологетов сохранения однополярного мира существует объективная заинтересованность в том, чтобы занизить роль России в международных делах в рамках «нового прочтения» итогов Второй мировой войны, которое позволило бы перевести Россию из разряда страны-победителя в разряд **государства-агрессора.** И эти попытки длятся вот уже 70 лет, причем в нынешних условиях они, как никогда прежде, становятся более заметными.

Так, в связи с событиями на Украине и в Сирии, резко усилилась информационная война Запада против России, масштабы которой сейчас превосходят самые мрачные периоды «холодной войны» против СССР[4]. Этому отчасти содействует «кибернетическая революция» в информационном пространстве, которая повлекла за собой внедрение во все сферы жизни мирового сообщества различных систем, основанных на применении электронных устройств[5]. Роль указанных устройств стремительно растет – они сделались ключевым средством достижения политических и иных целей в информационной войне. Разрушительная мощь информационно-психологического воздействия на все слои общества настолько велика, что оно может поставить под сомнение не только историю государства, но и сам факт правомерности его существования как цивилизационной общности. **Этим и пользуются фальсификаторы истории, стремясь внедрить в сознание человечества новую версию событий: Запад** в предлагаемой концепции нового прочтения истории Второй мировой войны является ***спасителем человечества*** от чумы XX в. – тоталитаризма (в форме нацизма и «сталинизма»), а Российская Федерация предстает *наследником агрессивной тоталитарной советской империи*. Такие вымыслы характерны для политиков и историков, которые стремятся сделать свою карьеру на возобновлении разжигания национальной и расовой вражды. Для этого они проводят либо подтасовку фактов, которые несут основную смысловую нагрузку в исторических событиях, либо извращают их. Подобные методы также популярны в случаях, когда необходимо обосновать правомерность своих претензий на ведущую роль в современном

---

[1] Морозов Юрий Васильевич – к.в.н., в.н.с. Института Дальнего Востока и Института США и Канады РАН, профессор Академии военных проблем. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

[2] Выступление Президента России на параде, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. 09.05.2015. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49438

[3] Морозов Ю.В. Влияние военной политики США на обеспечение стабильности в Центральной Азии и на национальные интересы России в регионе // Россия и Америка в XXI веке. 2012. – № 3. – С. 21–34.

[4] Польскому министру объяснили, кто освобождал Освенцим. 21.01.2015. – http://www.ntv.ru/novosti/1291958

[5] Современная армия. – http://www.modernarmy.ru/article/282/informacionnaya-voina

обществе некими историческими событиями. Поэтому в основе кампании по пересмотру роли СССР во Второй мировой войне лежит отнюдь не тяга к историческим изысканиям, а **интересы элит Соединенных Штатов и** западноевропейских государств, а также элит ряда государств постсоветского пространства, заинтересованных в том, чтобы доказать миру, что решающая роль в достижении коренного перелома в войне принадлежит именно западному сообществу.

Так, американский историк Х. Болдуин считает, что исход Второй мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»). В частности – операция «Маркет Гарден» в Голландии, высадка англо-американских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй на Тихоокеанском театре военных действий. Из битв, выигранных Красной Армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву[1]. Аналогичный характер имеют концепции западногерманских историков Г. Якобсена и Г. Доллингера, которые насчитывают 7 «поворотных пунктов войны»[2]. Существуют и другие варианты «решающих битв» и «поворотных пунктов». И во всех этих концепциях западных историков предпочтение отдается Тихоокеанскому и Североафриканскому театрам военных действий, а советско-германскому фронту отводится второстепенное место[3].

В указанных концепциях старательно обходится тот факт, что в войне **подавляющее большинство европейских стран участвовали на стороне** нацистской **Германии**. Так, Италия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Норвегия, Хорватия, Австрия, Испания и Дания добровольно принимали участие вместе с германским Вермахтом в походе на Восток. Причем помимо безвозвратных потерь, понесенных ими на советско-германском фронте, в плен Красной Армии попало почти 500 тыс. представителей европейских государств, что примерно соответствует численности 4–5 общевойсковых армий (!). Эти и другие европейские государства также поставили на службу Третьему рейху (добровольно или принудительно) всю свою экономику[4].

После прекращения существования Варшавского Договора для ряда восточно-европейских стран представилась уникальная возможность перейти из разряда **побежденных союзников Германии** в разряд ее жертв. В первую очередь в этом была заинтересована элита тех государств, которые вместо социалистического пути развития избрали западный путь. До этого они почти 50 лет находились на иждивении Советского Союза, который оказывал им всестороннюю помощь в восстановлении жизни после войны, способствовал развитию экономического и военного потенциалов. Когда же в СССР началась перестройка, в результате которой позиции России на международной арене пошатнулись, элиты восточно-европейских стран тут же предпочли западное покровительство. А для избавления от моральных и материальных долгов перед Советским Союзом (и в дальнейшем – Россией) эта элита стала придерживаться западной концепции итогов Второй мировой войны.

Как известно, особую активность на этом поприще проявляет Польша. Ее элите важно сохранить то место, которое она недавно заняла в западном сообществе, и одновременно усилить свое влияние в Евросоюзе и НАТО. И чтобы доказать свою верность антироссийскому курсу, польский Сейм 23 сентября 2009 г., к примеру, принял резолюцию, в которой квалифицировал освобождение Красной Армией в сентябре 1939 г. оккупированной поляками земли Западной Украины и Западной Белоруссии как агрессию против Польши. Тем самым впервые на официальном уровне **СССР был объявлен агрессором**, развязавшим Вторую мировую войну совместно с Германией[5].

У влиятельных прозападных сил на постсоветском пространстве также есть причины переписывать историю Великой Отечественной войны. В результате распада СССР в Украине, Молдове, Грузии и Прибалтике к власти пришли националисты. В ту пору их главной задачей было удержание власти и завоевание расположения Запада. Чтобы сохранить свою «независимость» от Москвы, им было необходимо не только найти «сильного хозяина» (вступить в НАТО), но и создать внутри государств силы противодействия любым попыткам интеграции с Россией.

Однако совместная борьба народов этих стран против фашизма была одним из главных препятствий на этом пути, она не разъединяла, а напротив – объединяла их. Выход был только один: внедрение в общественное сознание «нового» взгляда на войну: это была схватка двух империй – Германии и СССР, в противоборство которых попали малые страны. В этих условиях искажение правды о войне стало необходимым, потребовался **миф о** советской оккупации. В связи с этим, к примеру, в 2010 г. литовский Сейм ввел даже уголовную ответственность за отрицание оккупации Литвы СССР[6].

Аналогичную ситуацию можно сегодня наблюдать на Украине, где издаются документы, содержание которых является однобоким и не представляет никакой научной и исторической ценности. Однако посредством этих документов в сознание украинцев вбрасывается искаженная информация о войне и утверждения о пресловутом «порабощении Украины Москвой». Главными ярлыками, которые навешиваются всему советскому периоду Украины – геноцид и тоталитаризм со стороны России. Стремясь унизить тех граждан Украины, которые воевали против фашизма, националисты презрительно называют их «ватниками» и «колорадами» (по аналогии с георгиевской ленточкой – символом

---

[1] Baldwin H. Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. – New York, 1966.

[2] Jacobsen H., Dollinger H. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. Bd. 4. Die Ausweitung zum Weltkrieg 1941/42. – München, 1968.

[3] Косаченко Н.А., Березовский И.Е., Стародубцев Д.М. К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны в западных СМИ. – http://sibac.info/16411

[4] Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. – М.: АСТ, 2000. – С. 301–302.

[5] Косаченко Н.А., Березовский И.Е., Стародубцев Д.М. К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны в западных СМИ. – http://sibac.info/16411

[6] Литовский сейм ввел уголовную ответственность за отрицание преступлений СССР. – http://www.chaspik. spb.ru/world/litovskiy-seym-vvel-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-otritsanie-prestupleniy-sssr/#ixzz3UQeVoDED

героизма в войне), а пособников нацистов возводят в ранг национальных героев. К примеру, во Львове в 2014 г. был установлен памятник С. Бандере – одному из инициаторов создания Украинской повстанческой армии, которая воевала с Красной Армией[1]. Бандеровские мемориалы сооружались и во Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях. Однако отношение к памятникам было неоднозначное, несколько раз их разбивали[2].

В российской элите также есть группировка, незаинтересованная в исторической правде об итогах Отечественной войны. Это **«офшорная аристократия»,** сформировавшаяся в «лихие 90-е годы» прошлого века, состоящая из узкого круга приближенных к власти того времени бизнесменов и коррумпированных чиновников. Они получили свои баснословные богатства в результате «прихватизации», им нет никакого дела до истории страны[3]. Через офшоры финансы этой **«аристократии» выводятся на Запад, там же приобретается недвижимость, там же их дети получают западное образование. И все это неслучайно, все ради того, чтобы при необходимости, в крайнем случае, найти уютное пристанище в западных странах.** Поэтому им какой-то конфликт с Западом из-за неправильной трактовки истории совершенно не нужен. Соответственно, и противодействие фальсификации истории противоречит интересам **«офшорной аристократии»**, а защищать свои интересы она умеет прекрасно. Особенно опасны для российского общества те лица, кто в органах власти и бизнес-сообществе РФ рядится в одежды «ура-патриотов», на деле являясь представителями «офшорной аристократии».

У фальсификаторов истории существует несколько методик искажения правды об истории Второй мировой войны в глобальном информационном пространстве. При этом основным направлением их действий является внедрение в сознание мировой общественности «теории о равной ответственности гитлеровского и сталинского режимов за развязывание войны», обусловливающей пересмотр итогов Второй мировой. И это стремление поддерживается на самом высоком уровне. Так, в 2008 г. президент США Дж. Буш заявил, что «германский национал-социализм и русский коммунизм – два зла XX века». А президент Польши Л. Качиньский приравнял фашистскую Германию и СССР, однозначно высказавшись 1 сентября 2009 г. в том духе, что «Вторую мировую войну развязали Германия и Советский Союз»[4].

Впрочем, подобные утверждения далеко не новость. Они, как правило, основываются на так называемом «Пакте Молотова – Риббентропа» или Договоре о ненападении между СССР и Германией от 23.08.1939, который фальсификаторы истории демонстрируют в качестве своего основного аргумента.

При этом как в Европе, так и в США старательно умалчивают о фактах безответственной политики западных стран накануне войны, когда США, Великобритания и Франция пытались сдержать Гитлера, понемногу отдавая ему части Центральной и Восточной Европы в надежде на столкновение Германии и СССР. Западные политологи как бы внезапно «забывают» про Мюнхенский договор и расчленение Чехословакии в сентябре 1938 г., когда рухнула не продержавшаяся и 5 лет система европейской безопасности, с таким трудом выстроенная в 1935 г. Замалчивается и то, что Великобритания и Франция *раньше СССР* подписали с Германией декларации о ненападении, нанеся тем самым «удар в спину» нашей стране. До этого события советское руководство неоднократно предлагало им согласовать свою внешнюю политику по отношению к Германии, но каждый раз натыкалось на стену молчания. Поэтому германо-советский договор о ненападении был лишь *ответной реакцией* Москвы на Мюнхенский сговор.

Действенным инструментом в руках фальсификатов истории является Интернет, который в XXI в. стал доступен практически каждому человеку на планете. На его пространстве фальсификаторы истории публикуют самые невероятные объяснения давно известным фактам истории. Цель одна – заполнить головы плохо информированных людей самыми изощренными вымыслами об итогах Второй мировой войны. При этом ими учитывается то, что нынешнее молодое поколение часто почти ничего не знает о борьбе советского народа против фашизма, о тех громадных жертвах, которые он понес в этой борьбе.

Другим примером негативного воздействия на сознание молодежи являются компьютерные игры в Интернете, посвященные Второй мировой войне. В частности – игра Company of the Heroes 2 канадской студии Relic. В ней игроку предоставляется возможность, выступая в качестве бойца Красной Армии, производить следующие действия: убивать мирное население, играть в штрафные батальоны, стрелять в спину наступающим войскам и расстреливать пленных. Тем самым подспудно игроку внушается мысль о том, что все это в порядке вещей, все так и было во время войны.

Справедливости ради отметим, что в ходе войны отдельные факты изнасилований, мародерства и грабежа действительно были, однако они жестко пресекались руководством Красной Армии. Например, когда ее войска вступили на территорию Восточной Пруссии и Силезии, советским командованием были приняты меры в целях предотвращения насилия по отношению к мирным гражданам. 19 января 1945 г. Верховный Главнокомандующий подписал указ о недопущении грубого отношения к местному населению. Соответствующие приказы были отданы Военными советами фронтов, командующими армиями, командирами дивизий и пр. Например, приказом Военного совета 2-го Белорусского фронта предписывалось мародеров и насильников расстреливать на месте преступления[5].

Помимо Интернета не менее важными по значимости сферами приложения усилий фальсификаторов истории являются телевидение, кинематограф и радио. На просторах этого информационного пространства последовательно, не прекращаясь ни на минуту, идет идеологическая война, в которой упорно насаждается мысль о том, что все победы

---

[1] Во Львове устанавливают памятник Степану Бандере. – http://ua.rian.ru/politics/20071009/77785278.html

[2] http://www.km.ru/world/2014/04/13/pamyat-o-velikoi-otechestvennoi-voine/737271-vo-lvovskoi-oblasti-razbili-pamyatnik

[3] Шишкин И. Фальсификация истории и интересы российской элиты. – http://www.regnum.ru/news/polit/1414246.html

[4] Уразова С.А. Особенности организации банковской деятельности на территории СССР в период Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. 2009. – № 47. – С. 81–91.

[5] Насилие_в_отношении_мирного_населения_Германии_в_конце_Второй_мировой_войны. – https://ru.wikipedia.org/wiki

Красной Армии – это всего лишь выдумки советских историков. К примеру, *сразу же после окончания войны* западные телеканалы CNN и CBS в своих выпусках стали пересматривать ее итоги в пользу западной антигитлеровской коалиции. В кинематографе также преувеличиваются действия английских войск в Северной Африке и американских морских пехотинцев на Тихом океане. Особенно в этом преуспел Голливуд. В таких фильмах как «Пёрл-Хабор», «Спасти рядового Райена», «Ярость» и некоторых других далеко на второй план отодвигаются события на советско-германском фронте, где решались судьбы человечества.

В области печатной продукции на прилавках магазинов не только в западных странах, но и на постсоветском пространстве регулярно появляются книги, которые не имеют ничего общего с реальными фактами Второй мировой войны. Однако именно они представляются в качестве «реальной» истории и занимают лидирующее положение по тиражам изданий. В них реальные события, подтвержденные архивными документами, часто подменяются фактами из различного рода мемуаров и дневников участников боевых действий на фронтах, которые не могут носить объективный характер, поскольку основываются на личных переживаниях ветеранов войны и субъективном отношении к минувшим событиям. Используется и «новое» прочтение архивных источников, когда происходит намеренное искажение исторических фактов.

И такие «новые» трактовки активно внедряются в учебную литературу для подрастающего поколения. Так, в западноевропейских и американских учебниках истории уже давно пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли победы англо-американских войск. А такие события как Сталинградская битва, ставшая началом коренного перелома в ходе Второй мировой войны, битва на Курской дуге, победа в которой дала стратегическое превосходство на всех фронтах, последующие освобождение Европы от нацизма советскими войсками – все это описывается как бои местного значения, не являющиеся переломными в ходе мировой войны.

Профессор Академии военных наук РФ В.Ю. Милюков, проанализировав учебники по истории России, рекомендованные Министерством образования и науки РФ, указывает: «В освещении событий Отечественной войны в учебниках акцент сделан на наши поражения, причем этот материал подается более объемно и эмоционально. В них отсутствует материал о подвигах советских людей на фронте и в тылу; не приводятся данные о массовом героизме, искаженно дается ответ об итогах и уроках войны»[1]. Как же такое могло случиться в нашей стране, наиболее пострадавшей в ходе мировой войны против фашизма?

Ответ предельно прост, он лежит в 1990-х гг., когда в Россию хлынули различные западные фонды, предлагая всевозможные услуги. Так, американский фонд Open Society Fund, возглавляемый Дж. Соросом, предложил свои услуги Минобразованию России и стал безвозмездно финансировать выпуск учебников по истории для средних и старших классов. В этих так называемых «учебных пособиях» Вторая мировая война описана как абсолютный триумф англосаксов, а такие важнейшие события как Сталинградская битва и битва на Курской дуге перечисляются через запятую. Образовательную помощь Дж. Сорос также оказывал и продолжает оказывать странам Прибалтики, Грузии, Украине и Японии. Интересно, что для Японии история войны также была полностью переписана с учетом местной специфики. Поэтому после знакомства с «новоделом» большинство японцев ныне стали считать, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки – дело рук… Советского Союза (!). Конечно, эти и другие фальсификации итогов Второй мировой войны опровергаются фактами истории, которые, как сказал классик, является упрямой вещью.

Упрямые факты Второй мировой войны

В таких науках как история и военное дело существует ряд объективных показателей, характеризующие значимость для мирового сообщества тех или иных событий. Применительно к ведению военных действий двух и более геополитических сил к таким показателям относятся: характер войны; размах операций на театре военных действий; привлекаемые силы и средства; уровень военного искусства; экономический, научный и иные потенциалы противостоящих сил; роль союзников в достижении победы; потери сторон и ряд других показателей. Пользуясь объективными данными, даже не профессионал в области истории и военного искусства может непредвзято оценить роль Советского Союза и западных сил по антигитлеровской коалиции в разгроме фашисткой Германии.

Во-первых, по такому показателю, как привлекаемые силы и средства противостоящих группировок войск на театре войны, главным и решающим фронтом во время всей Второй мировой войны был советско-германский фронт. Против Красной Армии сражались от 60 до 80% всех войск Вермахта. И, как уже отмечалось, против СССР вели борьбу союзные с Германией страны. Общее количество их дивизий на советско-германском фронте колебалось от 190 (лето 1941 г.) до 268 дивизий (начало контрнаступления советских войск под Сталинградом). И даже когда Германия была уже накануне разгрома, против Красной Армии продолжали действовать 183 дивизии.

В то же самое время против американо-английских войск в Северной Африке в 1941–1942 гг. находилось… 15 дивизий (из них 4 немецких и 11 итальянских). В Италии в 1943–1945 гг. количество немецких дивизий колебалось от 7 до 31. В Западной Европе после открытия Второго фронта количество немецких дивизий колебалось от 60 до 75[2].

Приведенные данные объективно свидетельствуют о том, что главные силы Германии и ее сателлитов находились на советско-германском фронте.

---

[1] Милюков В.Ю. Традиции и инновации в военно-патриотическом образовании учащихся в современной России. – http://urokiistorii.ru/2082

[2] Вторая мировая война 1939–1945 гг. – Минск: Харвест, 2011. – 288 с.

Во-вторых, по таким показателям, как размах операций и уровень военного искусства, доказательством передового характера советской стратегии и тактики явился победоносный исход Великой Отечественной войны. При этом размах стратегического наступления советских войск постоянно нарастал: если в 1941–1943 гг. оно проводилось на линии до 50% части стратегического фронта, то в последующие годы войны наступательные операции охватывали весь советско-германский фронт, а глубина наступления увеличилась за время войны с 150 до 1 100 км. Иная картина наблюдалась в немецко-фашистской армии. Начав в 1941 г. наступление на всем советско-германском фронте, гитлеровцы уже весной и летом 1942 г. наступали только на юго-западном направлении. Глубина наступления немцев также все время уменьшалась: от нескольких сотен километров в 1941 г. до четырех десятков километров в 1943 г.

Проблема создания стратегической обороны советским полководцам также была успешно решена: в 1943 г. под Курском при попытке прорыва обороны Красной Армии рухнула наступательная стратегия Вермахта. Теперь уже немцы были вынуждены перейти к стратегической обороне. Однако сделать эту оборону непреодолимой они так и не смогли до конца войны. Таким образом, с одной стороны, налицо триумф советского военного искусства в вопросах стратегического наступления и обороны, а с другой – полный крах наступательных и оборонительных операций Вермахта.

Что касается размаха операций американо-английских войск на сухопутном театре действий, то достаточно взглянуть на карту территорий стран Западной Европы, которые по своей площади меньше, чем одна Ленинградская область СССР. Соответственно и глубина, и широта действий американо-английских войск во Франции, Бельгии и Италии не идут ни в никакое сравнение с показателями на советско-германском фронте, где до открытия Второго фронта в Западной Европе против советских войск действовало в 15–20 раз больше немецких дивизий, чем против англо-американских войск. С середины 1944 г. это соотношение изменилось, но все равно на советско-германском фронте немецких дивизий было в 1,8–2,8 раза больше, чем в Западной Европе[1]. При этом Красная Армия уничтожила, взяла в плен и разгромила 566 немецких дивизий и 100 дивизий – сателлитов Германии. В то время как Англия и США разбили в Западной Европе, Северной Африке, Италии 176 дивизий.

Тем не менее, после победы над фашизмом западные историки (особенно в Англии и США), нисколько не считаясь с этими фактами, стали говорить о якобы решающей роли в достижении победы Англии и США. Так, Р. Смит отмечает, что США не только возглавили борьбу союзников, но и «изгнали Гитлера с Запада и победили Японию», а затем делает прямолинейное заключение без всякого доказательства, что США – творец победы в войне[2]. Близок к нему и Э. Цимке, утверждающий, что на Востоке и Западе Германия держала равное количество войск, а значит, и вклад в победу равнозначный.

Данные, приведенные в фундаментальном труде «Вторая мировая война 1939–1945 гг.», убедительно свидетельствуют об обратном: «Для восполнения потерь немецкое командование было вынуждено посылать на советско-германский фронт большое количество людского пополнения, вооружения и техники, перебрасываемых с других фронтов. Только за период с декабря 1941 г. по май 1942 г. на советско-германский фронт прибыло и сформировано на фронте в общей сложности 68 дивизий; в течение 1943 г. – 67 дивизий; в 1944 г. – 179 дивизий»[3].

В-третьих, основой победы в войне против фашизма явился массовый героизм и самоотверженность советских воинов. Их движущей силой явилось понимание справедливого характера войны и необходимость любой ценой победить агрессора. При этом они внесли решающий вклад в освобождение от фашистского ига народов многих стран: Австрии, Болгарии, Венгрии, Норвегии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии. Всего в освобождении стран Центральной и Юго-Восточной Европы участвовало около 7 млн. советских солдат и офицеров[4]. Могилы советских солдат находятся на территории 12 стран мира и служат постоянным напоминанием их народам о подвиге советского воина-освободителя. В связи с этим генерал Шарль де Голль в свое время заявлял: «Французы знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении»[5]. При этом следует заметить, что президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль были бы не прочь видеть Францию в числе побежденных держав, выставив ее союзницей Германии. Ибо с точки зрения формальной законности, главой Франции в те времена был маршал Анри-Филипп Петен, а не де Голль. Причем руководители Англии и США долго игнорировали де Голля на том основании, что другие французские политики, участвовавшие в движении Сопротивления, претендовали на руководящую роль в стране. Решающую роль в том, что де Голль был признан лидером Сопротивления, и что Франция не вошла в число побежденных стран – союзников Германии, а стала державой-победительницей – сыграл лидер Советского Союза И. Сталин. И об этом также не следует забывать.

В-четвертых, важной составляющей победы над Германией была экономическая мощь Советского Союза, которую обеспечивали труженики тыла. Советское государство уже к середине 1942 г. перестроило всю свою экономику на военный лад. Она по темпам роста военного производства и способности обеспечить всем необходимым действующий фронт во многом превосходила экономику Германии, которая была переведена на военное положение еще задолго до начала войны[6]. Так, в период нападения Германии на СССР наша страна имела в 3–4 раза меньше металла,

---

[1] Великая Отечественная война: вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1984. 430 с.

[2] Смит Р. От «Да» к «Нет»: как американская дипломатия превратила Россию из потенциального союзника в стратегического противника. – http://dossierdip.interaffairs.ru/index.php/analitika/item/818-818

[3] Вторая мировая война 1939–1945 гг. – Минск: Харвест, 2011. – 288 с.

[4] Великая Отечественная война: вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1984. – 430 с.

[5] http://www.otvoyna.ru/statya18.htm

[6] Ческидов Б.М. Финансовое обеспечение Победы в Великой Отечественной войне // Финансы и кредит. – М., 2010. – № 23. – С. 75–79.

угля и электроэнергии, чем Германия вместе с ее сателлитами. Тем не менее, за годы войны советская промышленность превзошла германскую не только по количественным, но и по качественным показателям, выпустила 112,1 тыс. боевых самолетов; 102,8 тыс. танков и САУ; 482,2 тыс. орудий.

Экономическую помощь Советскому Союзу в борьбе с фашизмом оказывалась поставками по ленд-лизу техники и вооружения из США. Этот факт преподносится американскими историками как решающий экономический вклад Соединенных Штатов в победу над Германией. Однако из официальных данных следует, что за все время войны США поставили в СССР 14 450 самолетов и около 7 тыс. танков. А советская промышленность только в последние 3 года войны производила ежегодно более 30 тыс. танков и самоходных орудий, до 40 тыс. самолетов. По другим номенклатурам поставки по ленд-лизу от уровня их производства в СССР составляли в процентном отношении: автоматы – 1,7%; пистолеты – 0,8; снаряды – 0,6; мины – 0,1%. Невелика была и доля поставок американского продовольствия. За всю войну Советский Союз получил из Соединенных Штатов около 70 млн. пудов зерна, тогда как сам СССР заготовил за это время 4312 млн. пудов. Если взять общие поставки промышленных товаров союзников (включая Англию), то они составили всего 4% от советской промышленной продукции.

Таковы упрямые факты истории, и, следовательно, говорить о том, будто ленд-лиз решающим образом обеспечил победу СССР в войне, значит сознательно извращать их. Здесь важно отметить еще одно обстоятельство. Несмотря на то, что с первых дней войны президент США Ф. Рузвельт заявлял о всемерной помощи Советскому Союзу, США сравнительно долго занимали *выжидательную позицию* в оказании нашей стране конкретной помощи. Еще дольше они тянули с открытием Второго фронта[1]. Договоренность об открытии Второго фронта была достигнута, как известно, в 1942 г. в ходе советско-американских переговоров, а открыт он был 6 июня 1944 г., когда англо-американские войска высадились в Нормандии (Северная Франция), а американские войска – в Южной Франции 15 августа. Конечно, тем самым были спасены многие жизни американских солдат. Понятно также, за счет кого это было сделано.

В-пятых, важную роль в достижении победы над фашизмом играли научные кадры СССР, которые решали важнейшие научно-технические проблемы оборонного значения. При этом война показала творческую мощь советской науки. К примеру, танк Т-34, РЗСО «Катюша», советские самолеты-штурмовики были признаны лучшими образцами военной техники и вооружения в годы войны. Большой вклад в их создание внесли В.Г. Грабин, В.А. Дегтярев, И.И. Иванов, С.В. Илюшин, Ж.Я. Котин, Н.А. Кучеренко, С.А. Лавочкин, А.И. Микоян, А.А. Морозов, Ф.Ф. Петров, С.Г. Симонов, Ф.В. Токарев, А.Н. Туполев, А.С. Яковлев и многие другие конструкторы мирового значения.

В-шестых, официальными данными о потерях противоборствующих сторон в войне в научном сообществе считаются данные, изданные под руководством Г. Кривошеева в 1993 г.[2] Согласно уточненным в 2001 г. данным, эти потери были следующими:

- безвозвратные людские потери Красной Армии и Флота составили 7,3 млн. военнослужащих. При этом за освобождение стран Европы от фашизма отдали жизни: в Польше – 600 тыс. советских воинов; Чехословакии – 140 тыс.; Венгрии – свыше 140 тыс.; Румынии – 69 тыс.; Восточной Германии – 102 тыс.; Австрии – 26 тыс. Всего – свыше 1 млн. солдат и офицеров. Общие демографические потери СССР (включающие мирное население на оккупированной территории и смертность на остальной территории СССР от невзгод войны) составили 26,6 млн. чел.;
- безвозвратные людские потери Германии составили 6,5 млн. военнослужащих. Причем на советско-германском фронте в личном составе немцы потеряли в 4 раза больше, чем в боях с англо-американскими войсками. Велико и различие в потерях техники и вооружения. На советско-германском фронте гитлеровцы потеряли до 75% своих танков и штурмовых орудий (107 тыс. ед.), свыше 75% авиации (77 тыс. ед.), 74% артиллерии (48 тыс. ед.). В общей сложности Германия лишилась во время войны 13 600 тыс. чел., из них в войне против СССР – 75% ее людских потерь и 73% совокупных потерь. Людские потери стран – союзниц Германии составили 806 тыс. военнослужащих погибшими (включая 137,8 тыс. погибшими в плену);
- общие суммарные потери на Втором фронте вооруженных сил Англии и США составляли 2316 тыс. чел., что примерно равно 60% от их общих суммарных потерь во всей Второй мировой войне[3].

Таким образом, за освобождение мира от фашизма была заплачена немалая цена, причем самые большие потери выпали на долю СССР – около 26,6 млн. чел. Другие страны потеряли в этой войне гораздо меньше. К примеру, США потеряли 300 тыс. чел.[4]. Однако для окончательной победы во Второй мировой войне объединенным силам антигитлеровской коалиции было необходимо не только разгромить военную силу Германии на Западном театре военных действий, но и одержать победу над ее союзником на Дальневосточном театре военных действий – милитаристической Японией.

Вклад Советского Союза в разгром милитаристической Японии

На Западе, особенно в США, фальсификаторы истории безапелляционно утверждают о «символическом вкладе» СССР в победу над милитаристской Японией. Как же обстояло дело в действительности?

Прежде всего, следует учитывать исторический факт – о вступлении СССР в войну с Японией постоянно и настойчиво просили И. Сталина непосредственно Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Они понимали, что без этого война затя-

[1] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – С. 619–620.

[2] Потери Советского Союза. – http://www.soldat.ru/doc/casualties/book

[3] Урланис Б.Ц. История военных потерь. – СПб: Полигон, 1994. – С. 228–232.

[4] Цена победы советского народа в Великой Отечественной войне. – http://www.e-reading.link/chapter.php/97818/74

нется надолго, приведет к неминуемым большим потерям со стороны союзнических войск. Это было обусловлено тем, что несмотря на достигнутые к лету 1945 г. существенные успехи войск и сил флота США и Великобритании в войне против Японии, стратегическая ситуация для последней оставалась совсем не безнадежной. Об этом свидетельствуют такие факты:

- к августу 1945 г. Япония продолжала обладать самой крупной сухопутной армией на Дальневосточном театре военных действий, полностью сохранившей свою боеспособность;
- продолжали функционировать стратегические коммуникации Японии с Северным Китаем, Манчжурией и Кореей, а также в ее внутренних водах;
- практически не пострадал Манчжуро-Корейский военно-экономический район, который служил надежной базой для оборонительных действий ВС Японии[1].

При этом численность войск США и Великобритании, находящихся на Дальневосточном театре военных действий, была недостаточной для высадки десантов на Японские острова, а для переброски необходимых сил и средств из Европы требовалось значительное время. Американское командование подсчитало, что для десантной операции на острова потребуется сосредоточить группировку численностью не менее 5 млн. чел. Это означало, что было необходимо увеличивать имеющуюся группировку войск более чем в 2 раза. При этом завершение военных действий на Японских островах планировалось к концу 1946 г. Причем, по прогнозам экспертов США, потери их войск могли бы достигнуть до 1 млн. чел.[2]. Поэтому американское командование добивалось прямого участия СССР в войне против Японии и настаивало на том, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские». Как отмечал генерал Д. Макартур: «Американские войска не должны высаживаться на острова Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Манчжурии». А начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл выражался еще определеннее: «Возможность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать» [3].

Действительно, с точки зрения стратегии и оперативного искусства, единственным путем к полному разгрому Японии являлось уничтожение ее группировки сухопутных войск в метрополии и на материке. Решить эту задачу без СССР было бы невозможно. Поэтому **главным фактором, заставившим Японию сдаться, было то, что Советский Союз, в соответствии с Ялтинскими договоренностями, объявил вместе с союзниками ей войну,** а после отказа сложить оружие за 3 недели (!) разгромил миллионную Квантунскую армию, принудив Японию к капитуляции. Благодаря этому народы Северо-Восточного Китая и Кореи получили свободу. Всего в освобождении Манчжурии и Кореи принимали участие более 1,5 млн. советских воинов[4].

Таким образом, советская группировка войск оказала решающее влияние на ход и исход военных действий в странах Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана – прежде всего тем, что Красная Армия сыграла решающую роль в разгроме союзников Японии – фашистской Германии и ее сателлитов на советско-германском фронте.

Если даже абстрагироваться от непосредственных военных действий, то факты убедительно подтверждают: Советский Союз и раньше вносил значительный вклад в дело разгрома дальневосточного союзника Германии. Начиная с 1937 г., СССР регулярно осуществлял поставки вооружения, боеприпасов и иных материальных средств Китаю, оказывающему военное сопротивление Японии. Для этого с Китаем было подписано ряд торговых соглашений и контрактов. В частности, 16 июня 1939 г. был подписан советско-китайский торговый договор, касающийся поставок материальных средств из Советского Союза. Они шли по морю и через провинцию Синьцзян, при этом второй путь являлся приоритетным из-за морской блокады китайского побережья.

Кроме того, в 1937–1940 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников. Всего же в эти годы там работало свыше 5 тыс. советских граждан. Благодаря усилиям специалистов из СССР в боевых действиях против японских оккупантов резко упали потери в китайской армии. Так, если в первые годы войны китайские потери убитыми и ранеными составляли 800 тыс. чел. (5:1 по отношению к потерям японцев), то за второй год они сравнялись с японскими (300 тыс.)[5]. Тем не менее, после окончания войны с Японией президент США Г. Трумэн вдруг заявил, что «русские не внесли в нее никакого военного вклада»[6]. Этот тезис тут же взяли на вооружение многие западные историки, вслед за Трумэном ставшие утверждать, что действия России не имели большого военного значения, поскольку они начались за 5 дней до того, как японское правительство приняло решение о капитуляции, вызванное ядерной бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, после которых Советскому Союзу осталось лишь «прибрать к рукам территорию». Некоторые даже договорились до того, что СССР поспешил начать военные действия под влиянием результатов бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, так как опасался быстрой капитуляции Японии.

Эти интерпретации фактов истории войны на Дальневосточном театре военных действий усиленно поддерживались Пентагоном для обоснования претензии США на безусловное господство в бассейне Тихого океана. Как заявлял главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Японии генерал Д. Макартур: «Поскольку вой-

---

[1] Аксененко С. Великая ложь о Великой войне. – http://www.hrono.ru/statii/2010/aks_vov.php

[2] Великая Отечественная война: вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1984. – 430 с.

[3] The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. – P. 1.

[4] Великая Отечественная война: вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1984. – 430 с.

[5] Там же.

[6] Уроки Второй мировой войны и основные направления фальсификации ее итогов. – http://xreferat.ru/35/1751-3-uroki-vtoroiy-mirovoiy-voiyny-i-osnovnye-napravleniya-fal-sifikacii-ee-itogov.html

на на Тихом океане велась и была выиграна исключительно вооруженными силами США, они же – должны обеспечить завоеванный мир в этом районе и в послевоенный период»[1].

Заключение

Таким образом, искажение фактов истории Второй мировой войны – одна из основных тем в современной информационной войне против России, правопреемнице Советского Союза. Главной целью фальсификаторов истории ставится искажение ее истины для сохранения однополярного мира, планомерное разрушение основ построения многополярного мира. Для этого проводится коренной пересмотр уроков и итогов Второй мировой войны. В своих концепциях фальсификаторы истории ставят на одну доску идею коммунистов (всеобщее социальное равенство) – с идеей расового превосходства национал-социализма. Россия же представляется правопреемницей «агрессивной тоталитарной системы», с которой «демократически настроенным» странам ничего общего иметь нельзя. Такие манипуляции преследуют одну из главных целей информационной войны против России – ведение пропаганды превосходства политики и стратегии англосаксов в годы войны и полное забвение подвигов советского народа в ней[2].

Сокрытие критически важных фактов и событий, значимых для мировой общественности, погружение ценной информации в массив информационного мусора, стремительное нагромождение чудовищной лжи – эти и другие приемы позволяют успешно манипулировать общественным мнением в выгодном Западу направлении. Причем осуществляется дезинформация всеми возможными путями: через средства массовой информации, Интернет и систему образования, где намеренно искажаются исторические события. Для достижения поставленных целей используются и другие области информационного воздействия на международное сообщество.

И в связи с этим задачей номер один для экспертного сообщества не только в России, но и для зарубежных объективных аналитиков является защита правды об истории Второй мировой войны от ее фальсификаторов. Это трудная и кропотливая работа, которая несет на себе большой груз ответственности. Тем не менее, правду об истории Второй мировой войны необходимо аргументировано доводить нынешним поколениям жителей нашей планеты.

[1] Уроки Второй мировой войны и основные направления фальсификации ее итогов. – http://xreferat.ru/35/1751-3-uroki-vtoroiy-mirovoiy-voiyny-i-osnovnye-napravleniya-fal-sifikacii-ee-itogov.html

[2] Цена победы советского народа в Великой Отечественной войне. – http://www.e-reading.link/chapter.php/97818/74

Морозов Ю.В.[1]

ЗНАЧЕНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ И КИТАЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ПАРТНЕРОВ ПО ШОС

Ключевые слова: *гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», культура, образование, неправительственные организации (НПО), Россия, Китай, США, Иран, Турция, Япония.*

Keywords: *humanitarian cooperation, «soft power», culture, education, non-governmental organizations (NGO), Russia, China, USA, Iran, Turkey, Japan.*

Введение

В наше время репутация государства на международной арене, формируемая в том числе и с помощью инструментов «мягкой силы» (МС), является важным условием для привлечения и приращения идеологических и материальных ресурсов страны. **Тем не менее, до** сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегменты, единой трактовки МС нет[2].

Экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «народной дипломатии» и СМИ.

В китайской политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов: 1) культурный диалог со странами-партнерами; 2) несиловое лидерство (обусловленное экономическими успехами) в развивающемся мире и оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; 3) проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в том числе и через Институты Конфуция и СМИ[3].

«Простое» гуманитарное сотрудничество (ГС), «народная дипломатия», а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом – это «три кита», на которых обычно и зиждется «мягкая сила». Это триединство может быть реально возведено в ранг МС только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом – мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, согласно которой это государство четко будет представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несиловыми методами. «Мягкая сила» – это не только гуманитарное сотрудничество, «народная дипломатия» (НД) и имидж-мейкерская работа государства с целью овладения умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus vivendi* и *modus operandi* страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания.

Автор, учитывая существующие разночтения термина «мягкая сила», позволил себе там, где это не нарушает смысла повествования, заменять его термином «гуманитарное сотрудничество» для вящего понимания излагаемого. При этом он подразумевает, что гуманитарную деятельность страны по своей значимости можно поставить в один ряд с его внешнеполитической и экономической активностью, направленной на обеспечение государственных интересов за рубежом.

Гуманитарное сотрудничество в постсоветской Европе как сфера проявления различных политических сил: уроки для России

После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» «статус-кво» нарушаться не будет и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию ГС с бывшими республиками СССР. Она финансировала там свои мероприятия «мягкой силы» по остаточному принципу, в расчете на то, что молодые государства экономически и исторически и так прочно связаны с Россией.

Запад же во главе с США, в нарушение устных договоренностей – явно или тайно – действовал. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций (НПО) он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами общественное сознание,

[1] Морозов Юрий Васильевич – к.в.н., в.н.с. Института Дальнего Востока и Института США и Канады РАН, профессор Академии военных проблем. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

[2] Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и в Центрально-Азиатском сегменте ШОС // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2014. – № 5. – С. 30–41.

[3] Резгенова Д.Б-О. Исторический опыт стратагемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. – http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/86152. – С. 16–17.

культуру и даже мировоззрение. В силу этого ряд государств европейского региона стал переориентироваться от РФ в сторону США и ЕС. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, продвигать имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно.

Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем – и Грузией. И когда Россия в 2008 г. оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан от очевидного агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в иностранных СМИ – то есть в глазах «мировой общественности» – была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. Так ей был дан серьезнейший урок на тему роли и значения информационных и имиджевых технологий.

В 2011 г., в преддверие украинского кризиса, США увеличили финансирование своих НПО, действующих на Украине, более чем в 2 раза. Результатом стала интенсификация процессов объединения НПО в разветвленные сетевые структуры. Американцы и их партнеры создали плацдарм внутри страны: обосновавшиеся на Украине разнообразные фонды и институты, как правило, «неправительственные» и «независимые» по названию, на деле финансируются из бюджета правительств западных государств.

В целом, Вашингтон потратил более 5 млрд. долл. на помощь Киеву в достижении целей, реализация которых должна была «стать залогом благосостояния и демократичности Украины»[1]. Но эти средства были предназначены не только для формирования прозападного курса страны.

Главная цель финансирования – осуществление русофобского, да еще с неонацистской начинкой проекта по отрыву Украины от России по аналогии с произошедшим ранее со странами Восточной Европы и Балтии. Они, вступив в НАТО, стали «запевалами» в антироссийской риторике, игнорируя все то, что было сделано нашей страной для их освобождения из-под ига фашизма во время Второй мировой войны и восстановления из руин в послевоенное время. И какие же меры, спросим себя, предприняла Россия для того, чтобы не допустить повторения грузинского сценария применительно к Украине и сохранить положительный имидж в глазах зарубежной общественности?

Москва избрала тактику невмешательства во внутренние дела Украины. Киеву разъяснялись экономические последствия, к которым привело бы заключение соглашения об ассоциации Украины с ЕС в версии, предлагавшейся к подписанию на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Единственное что позволила себе Москва – это восстановить историческую справедливость, присоединив к РФ Крым после проведения там референдума по соответствующему вопросу.

Данный шаг в конечном итоге вызвал глубокий кризис в отношениях Москвы и Киева на фоне активной поддержки Вашингтоном и Брюсселем прозападного выбора Украины. Россия была обвинена во всех проблемах украинского общества и в глазах мировой общественности вновь стала «агрессором». Перманентные изменения в составе политической элиты Украины и происходящие под влиянием внешнего фактора (частично европейского, очень редко – российского и всегда – американского) также сыграли деструктивную роль.

Казалось бы, по сравнению с США, у России в диалоге с Украиной есть более весомые «козыри» не только в экономической, но и в гуманитарной сфере: общая история и культура, многочисленные диаспоры и трансграничные родственные узы и многое другое, что неразрывно связывает россиян и украинцев. Для сохранения и укрепления этих связей Москве было необходимо не только задействовать потенциал структуры МИД РФ – Россотрудничества, но и активно противостоять антироссийской пропаганде и практике хотя бы путем работы по развитию культурного присутствия РФ на Украине через скоординированную реализацию гуманитарных, образовательных и лингвистических проектов.

Увы, если что и было сделано Москвой в этом направлении, то по сравнению с усилиями Запада этого оказалось явно недостаточно.

И если по тем или иным причинам Россия недооценила важность соответствующей деятельности в Европе, то ей следует не упустить из внимания ситуацию на другом форпосте российских интересов – Центральной Азии (ЦА), где наращивают влияние не только Запад, но и иные внерегиональные силы. Эта необходимость связана в том числе и с решимостью РФ переориентировать вектор ее экономического и политического развития с Запада на Восток, в частности, ввиду западных санкций, наложенных в связи с воссоединением Крыма и России.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центральной Азии: существующие проблемы и возможные пути их решения

В сфере культурно-гуманитарного взаимодействия со странами Центрально-азиатского региона (ЦАР) Россия больше сориентирована на государства-члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в Организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС – Китая.

Большой пласт населения центрально-азиатских стран-членов ШОС продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение – «ступенькой» для карьерного роста и выхода в мир. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20% их населения. Тесные культурные связи РФ со странами ЦА позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦАР является более высокой, чем в других постсоветских странах. Так, в Казахстане она составляет 84%, Узбекистане – 85, Кыргызстане – 84, в Таджикистане – 90%[2].

[1] Панов В. «Мягкая сила» крушит Украину. – http://www.stoletie.ru/politika/magkaja_sila_krushit_ukrainu_325.htm

[2] Согласно опросам, проводившимся центрами «Ижтимоий Фикр», SIAR – Bishkek и Gallup в 2003–2008 гг.

Такие показатели были достигнуты в том числе благодаря работе в регионе Россотрудничества, Фонда «Русский мир», Кыргызско-российского и Таджикско-российского университетов, филиалов российских вузов, а также других российских гуманитарных структур.

Концептуальным основанием нынешнего ГС с государствами Центральной Азии является тезис, сформулированный Президентом РФ В.В. Путиным в 2012 г. – о необходимости расширять образовательное и культурное присутствие России в мире и особенно в странах, где часть населения говорит на русском языке или понимает его. В этом тезисе нашли свое место ключевые аспекты ГС – развитие сети культурных центров за рубежом, наращивание диалога в образовательной, лингвистической и других сферах.

За последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с 18 государствами, в частности, со странами центрально-азиатского региона – Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится и Китай.

В ближайших планах – учредить культурные представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и в Худжанде (Таджикистан). При этом организация подобных центров – не самоцель. Главная сфера приложения усилий – это люди, местные аудитории, уже обретенные и потенциальные друзья России, соотечественники и их организации, студенты и школьники, лица, изучающие русский язык, литературу и искусство. Для них работают библиотеки в российских центрах культуры, проводятся концерты и иные массовые мероприятия, действуют курсы русского языка.

В 2014 г. была принята комплексная Стратегия расширения гуманитарного влияния России в мире. Она призвана сформулировать подходы и задачи в сфере «мягкой силы». Этот документ является беспрецедентным для РФ. В некоторых вопросах его разработчики вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и подсмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитивного имиджа России в ЦА и обоснование притягательности сотрудничества с РФ.

Так, одним из препятствий является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы советского/российского образования*. Во многих странах ЦА был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало перезагруженность оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостаточностью числа учителей и уровня их подготовки. При поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центрально-азиатских абитуриентов.

И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последних 15 лет не снизилось, однако существенно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. Так, среди обладателей стипендии «Болашак» вузы ЕС выбрали 46,6%, США – 29, а РФ – только 9,5% молодых людей. При этом на центрально-азиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные – Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Например, в исламских странах учится 2,3 тыс. таджиков, что гораздо больше студентов из Таджикистана в России. Многие третьи страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения[1].

Тенденция свертывания обучения на русском языке, сопровождающаяся желанием центрально-азиатской молодежи получить высшее образование в западных и восточных вузах, диктует необходимость дополнительной поддержки изучения русского языка. Однако ряд инициатив РФ в этой области наталкивается на проблемы с местным законодательством, а также восприятием в определенных кругах стран ЦА политики России как «возвращения к традициям Советского Союза».

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах ЦА показывает растущую потребность расширения в регионе сети образовательных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в школах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке и применять иные формы включения школьников из стран ЦА в российское образовательное пространство.

Все это представляется важным для привлечения наиболее перспективной молодежи к получению образования в России. При этом средства, выделяемые на обучение студентов, остаются в РФ, так как они вкладываются в российские вузы. Привлекая студентов из ЦА, наши высшие учебные заведения повышают свой международный рейтинг, учитывающий количество студентов из зарубежных стран.

Для того чтобы обучить русскому языку и поддержать эти знания среди населения ЦАР, естественно, должны активизироваться курсы русского языка. Необходимо также распространять методики и пособия для его самостоятельного изучения. В каждой центрально-азиатской столице желательно открыть центры переподготовки и повышения квалификации учителей русскоязычных школ.

Если говорить о *научно-образовательном сотрудничестве* РФ со странами ЦА, то его интенсивность по сравнению с кооперацией с западными партнерами остается невысокой. Продолжающейся финансовый кризис негативно отражается на взаимодействии в этой сфере.

Для исправления сложившегося положения видится целесообразным создание межгосударственных исследовательских центров и формирование смешанных научных групп для проработки совместных проектов по темам, пред-

[1] Морозов Ю.В. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной области: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. 2009. – № 4. – С. 69–72.

ставляющим взаимный интерес. Представляется достижимым привлечение финансовых средств российских госкорпораций, заинтересованных в развитии на территории ЦА полезных для РФ отраслей НИР. Небесполезной и не требующей масштабного финансирования является организация семинаров, конференций, Интернет-форумов и т.д. Могут быть задействованы возможности Университета ШОС, на базе которого целесообразно создание нескольких научных центров. Внести вклад в расширение сотрудничества способна и реализация кыргызской идеи о создании Межакадемического научного совета с целью углубленной интеграции и координации интеллектуальных усилий академических кругов РФ и стран ЦА. Полезным видится и расширение практики совместных проектов по грантам научных фондов. Однако в России очень мало *Фондов поддержки гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии.* Хотя и существуют Росзарубежцентр и Фонд «Русский мир», но этого явно недостаточно. Нет в России и НПО, которые работали бы исключительно в Центрально-азиатском регионе. А ведь там уже активно функционируют фонды К. Аденаура, Ф. Эберта, Макартуров, Карнеги, Сороса и другие западные НПО, затраты которых в ЦА увеличиваются год от года. Это способствует росту влияния в регионе стран ЕС и НАТО. Государства ЦАР, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

Проблемы поддержки соотечественников, проживающих в ЦА, заключаются, прежде всего, в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор на пространстве ШОС не решена проблема двойного гражданства, и только с Таджикистаном у России есть соответствующее соглашение. А соотечественники из других центрально-азиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем, ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве – это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема – слабость организационной базы, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание координационных советов, объединяющих все или большинство организаций соотечественников в каждой стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом Советы должны иметь информационное обеспечение: Интернет-сайт, либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов. Положительным примером здесь может послужить Кыргызстан, где 63-м местным организациям соотечественников удалось создать единый Координационный совет.

Одной из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии.* Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа, и какие специальности нам нужны (информация в основном исходит от друзей и родственников, уже побывавших в России). Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обусловливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда. Они часто пополняют ряды криминальных элементов, провоцирующих коррупцию, допускают и другие нарушения российского законодательства.

Правовое, а значит, и уважительное обращение с мигрантами – это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Крайне полезным видится создание в странах ЦА центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для пребывания на территории РФ. Зная язык и законы России, мигранты смогут получать юридическую защиту. Также представляется целесообразным открытие единой центрально-азиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Россией в этом направлении уже предпринят ряд практических шагов, хотя пока и не масштабных. Так, в 2013 г. в Москве на базе Россотрудничества был проведен круглый стол «Создание системы подготовки и проведения государственного тестирования иностранных граждан за рубежом», а также онлайн-семинары в РУДН – «Организация тестирования за рубежом» и «Валютное законодательство».

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами.* Гуманитарная деятельность западных и восточных стран и их организаций/союзов развивается по нарастающей.

Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России. Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и выстраивает политику таким образом, чтобы она открыто не задевала интересы РФ.

США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в ЦАР, а также растущую там роль КНР, в лице которой США видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон открыто нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центрально-азиатских стран[1].

Роль Турции в гуманитарном диалоге со странами ЦА носит двойственный характер. С одной стороны, страна отстаивает геостратегию Запада, стремясь наглядно продемонстрировать ему свою лояльность и целесообразность посреднической роли в ЦА, а с другой – Анкара продвигает на пространстве ЦАР собственные интересы. Историче-

[1] Морозов Ю.В. Афганистан после 2014 года: стабильность для государств ШОС или новый виток напряженности в Центрально-Азиатском регионе? // Проблемы Дальнего Востока. 2013. – № 2. – С. 94–115.

ская, культурная и языковая близость к тюркоязычному населению центрально-азиатских государств; «прозападный» имидж светской мусульманской страны, а также поддержка США способствуют расширению турецкого влияния в регионе, в том числе в гуманитарной сфере.

Иран обозначил свое присутствие в ЦА, прежде всего, в экономической области, что в принципе отвечает интересам государств региона. Однако имидж ИРИ как страны «воинствующего ислама», претензии Тегерана на лидерство в мусульманском мире, чрезмерная идеологизация его внешней политики не способствуют популярности Ирана в Центральной Азии.

Начиная с 1991 г. на гуманитарном пространстве ЦА проявилась Япония. Она стала проводить в регионе дни своей культуры, а с 1999 г. – предоставлять студентам из Центральной Азии стипендии для обучения в японских университетах. Правительство Японии учредило в Алматы Центр развития человеческих ресурсов, который проводит различные культурные мероприятия, организует курсы по изучению японского языка и подготовке менеджеров и т. д. Токио также начал выдавать гранты на цели развития культурно-образовательных и спортивных учреждений в ЦАР.

Можно сделать вывод о том, что интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих интересам РФ целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, России крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно принести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией, или США.

Развитие ШОС и рост ее авторитета в мире также ставят вопрос о необходимости усиления российского влияния на образовательном и культурном пространстве Организации. При этом следует обратить особое внимание на то, что Китай проявляет к вопросу применения МС в отношении государств-членов ШОС все больший интерес.

«Мягкая сила» Китая в сотрудничестве с центрально-азиатскими государствами-членами ШОС

Создание ШОС в 2002 г. планировалось Китаем для несилового, юридически фундированного, взаимоприемлемого проникновения КНР на экономическое пространство ЦА. И в этом смысле ШОС есть плод китайской «мягкой силы». Данный посыл можно аргументировать и тем, что Пекин предложил для Организации протоидеологическую платформу: тезис о «Шанхайском духе», подразумевающий гармоничный мир, взаимодоверие, взаимовыгоду, равноправие, учет мнений друг друга с помощью консультаций, уважение многообразия культур и стремление к совместному развитию[1].

ШОС – это организация, которой КНР не хочет придавать роль военного союза, то есть инструмента «жесткой» силы. На пространстве Шанхайского форума Пекин допускает возможность применения «жесткой силы» только вынужденно, дискретно и в исключительных случаях (массированные выступления террористических сил). Пожалуй, можно сказать, что ШОС для Китая представляет собой и некий зачаток и попытку формирования «умной силы», то есть способности адекватно, уместно и эффективно сочетать в международных отношениях силу «мягкую» и «жесткую».

Одним из наиболее известных и масштабных «мягкосиловых» проектов Пекина является создание глобальной сети Институтов Конфуция (ИК). К 2020 г. Китай планирует открыть тысячу таких учреждений[2]. Обвинениям в том, что ИК выполняют разведывательную функцию и имеют своей целью вытеснить Тайвань из международного гуманитарного общения (т.к. в этих институтах китайская иероглифическая письменность преподается в упрощенном виде, принятом в КНР, а не в полном написании, употребляемом на Тайване), можно противопоставить тот умиротворяющий аргумент, что увеличение числа ИК на всех континентах является одной из форм открытости Китая внешнему миру[3].

И, конечно же, Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. По нашим оценкам, он тратит на соответствующие цели до 10 млрд. долл. в год. Из них 7 млрд. долл. – на зарубежное вещание (радио, ТВ, другие СМИ), вплоть до использования электронных рекламных щитов. Миллионы долларов направляются на финансирование Институтов Конфуция, образовательных проектов, обмен студентами и преподавателями. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная (публичная) дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике[4].

Китайская мировая «образовательная экспансия» как механизм «народной дипломатии», да и МС в целом, развивается достаточно успешно: по данным ЮНЕСКО, число китайских студентов за рубежом составляет 14% от общемирового показателя, превращая Китай в крупнейшего «поставщика» студентов-иностранцев. В США наибольшее количество обладателей степени PhD неамериканского происхождения приходится на выходцев из КНР[5]. В Китай

[1] Сайт агентства «Синьхуа». – http://russian.news.cn/2012-12/28/c_132069167.htm

[2] Roasa D. China's soft power surge. – http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/11/18/chinas_soft_power_surge&hl=ru&gl=ru&strip=0

[3] Там же.

[4] Seib Ph. China: The First Soft Power Superpower. – http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/china-the-first-soft-power-superpower_b_1552545.html

[5] Lee A. Civic ties help shape China's soft power // China Daily. 02.10.2012. – P. 7. – http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2012-02/10/content_14578454.htm

возвращается только треть обучившихся[1], но это, видимо, не особенно беспокоит Пекин, в частности, потому, что оставшиеся специалисты представляют собой ресурс и резерв «мягкой силы» КНР за рубежом.

В целом, в мировой политологии в качестве факторов успешности МС называются наличие общедоступных и привлекательных культурных ценностей и удачной внутренней модели развития, обеспечивающей устойчивый экономический рост и единство общества, эффективных политических институтов, привлекательного международного имиджа, качественного образования и здравоохранения, технико-технологического прогресса и проведение дружественной внешней политики. В Китае немало специалистов, разделяющих эту точку зрения[2].

Китайская МС сейчас более эффективна не на западном направлении, а в «третьем мире». Но Центральная Азия – это тот островок мировой развивающейся зоны, где «мягкосиловое» влияние РФ превосходит соответствующее влияние Китая. Пекин это прекрасно понимает, вынужден считаться с этим фактом и поэтому интенсифицирует создание специальных гуманитарных программ для государств Шанхайского форума: в частности, по подготовке специалистов по ШОС, обучению их китайскому языку, увеличению числа стипендий для студентов из центрально-азиатских стран.

Поэтому для России в Центрально-азиатском регионе важно не столько убедить его население в своей международной привлекательности (РФ и так достаточно заманчива для него своим «работодательным» потенциалом), сколько восстановить единое с ним культурное пространство, во многом опирающееся на сохранение русского языка. Здесь возможности у РФ есть. Так, в Казахстане, по данным Gallup, рейтинги новостных программ на русском в разы выше, чем у аналогичной продукции на казахском языке. В странах ЦАР смотрят либо ретранслируемые российские каналы, либо закупленную местными телевещателями российскую продукцию. В свое время репортажи и передачи российских каналов оказали заметное влияние на рост антиамериканских настроений в Киргизии и изменение статуса авиационной базы «Манас».

В регионе пользуется спросом и русскоязычная печатная продукция: так, в Казахстане 75–90% книг, поступающих в продажу, ввозятся из России. В Киргизии на российские научные и научно-популярные книги приходится примерно 70–75% библиотечных фондов в Бишкеке[3]. Сохранение русского языка в Центральной Азии – мощное конкурентное преимущество, которое трудно переоценить.

Не стоит забывать о гуманитарной силе самого массового из искусств – кино. Следует поддерживать интерес к русскому языку с помощью продукции нашей киноиндустрии, продумать возможность осуществления совместных кино- и телепроектов и поощрять проникновение ТВ-каналов из стран ЦА в Россию.

Ввиду указанных выше обстоятельств у РФ больше возможностей для представительства на культурно-образовательном, кинематографическом и телевизионном рынке ШОС, особенно в ее центрально-азиатском сегменте, чем у Китая, и это также следует использовать. У КНР есть трудности в продвижении своей гуманитарной продукции за рубеж в силу специфики китайского менталитета и образа жизни, особой сложности языка, в ряде случаев – в отсутствии общей культурно-исторической базы со странами-реципиентами. А в области киноэкспорта у КНР просто нет достаточного опыта. Так, в 2011 г. китайская киноиндустрия выпустила 791 фильм, но только 52 оказались пригодны для продажи за рубеж. Из них 50 картин было снято в совместном формате, поэтому истинно китайской «культурным продуктом» оказались только 2 фильма. Кроме того, в Китае было снято 15 тыс. серий телесериалов (самый высокий показатель в мире в 2011 г.), но выручка от экспорта этого вида кинопродукции оказалась вдвое меньше, чем заработала Южная Корея, изучившая запросы массового иностранного телезрителя[4].

Значение ГС для двух ее «стержнеобразующих» государств – России и Китая можно проиллюстрировать положениями дискуссии двух экспертов: российского В.Ларина и китайского – Гао Чжунъи[5]. Так, известный российский ученый В.Л. Ларин считает вопрос о состоянии российско-китайских гуманитарных связей гораздо более важным, нежели совершенство экономических отношений двух стран, поскольку пока «самым слабым звеном нынешней конструкции» российско-китайского стратегического партнерства ему видится отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Российский эксперт полагает, что и китайские, и российские школьные программы и учебники дают примитивные знания о стране-соседе, из которых в дальнейшем складывается неверное или негативное восприятие друг друга. В этой связи В.Ларин подчеркивает значение подготовки истинных профессионалов – специалистов-синологов и в Китае – русистов, которых пока катастрофически не хватает.

Гао Чжунъи считает, что многие крупные проекты сотрудничества тормозятся именно из-за недопонимания, и по этой же причине с трудом набирает обороты двустороннее инвестиционное взаимодействие, часты торговые трения[6].

Тем не менее, российско-китайские культурные связи имеют достаточно крепкий фундамент, возведенный еще во времена великой дружбы КНР и СССР. В Китае признают, что страны ЦА находятся под большим влиянием русской культуры и что именно русский язык служит универсальным языком общения в регионе. На официальном уров-

---

[1] Китай занял первое место в мире по числу отправляющихся ежегодно на учебу за границу граждан. – http://russian.people.com.cn/31517/7951840.html

[2] Li Mingjiang. China Debates Soft Power. – http://cjip.oxfordjournals.org/content/2/2/287.full

[3] Сафронова Е.И. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 161–182.

[4] Peng Kan. How to hard sell China's soft power // China Daily. 26.10.2012. – P. 9. – http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2012-10/26/content_15848154.htm

[5] Сайт Консульства КНР в Хабаровске. – http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t201780.htm

[6] Там же.

не китайцы стараются рассматривать это обстоятельство в позитивном ключе, поскольку оно-де создает в ШОС «уникальные условия для содействия обмену и сотрудничеству в гуманитарной сфере»[1].

За годы своего существования ШОС удалось заложить фундамент сотрудничества в области культуры, образования, защиты окружающей среды и ликвидации последствий стихийных бедствий. С 2005 г. реализуются документально закрепленные планы многостороннего культурного взаимодействия. Некоторые «общешосовские» мероприятия имеют четкую периодичность. Например, перекрестные Дни культуры в государствах-членах ШОС, ежегодные фестивали культуры и искусства стран Организации.

Во время официального визита Президента России В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. между РФ и КНР был подписан целый ряд важных документов, среди которых можно выделить три, относящиеся к гуманитарной сфере. Это Меморандум о взаимопонимании между Российско-Китайским инвестиционным фондом и компанией «Vcanland» в отношении учреждения фонда по инвестированию в отрасль недвижимости для пожилого населения и туризма; Соглашение о сотрудничестве между общественными организациями «Деловая Россия» и China Federation of Industrial Economics; Меморандум о взаимопонимании между министерствами образования РФ и КНР о сотрудничестве по проекту создания российско-китайского университета Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским технологическим университетом. Этим стороны выразили свое намерение придать их гуманитарному взаимодействию стабильно-долгосрочный характер.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

На глобальном уровне Россия и Китай являются стратегическими партнерами. В ООН и во многих других международных организациях КНР и РФ занимают сходные или совпадающие позиции по целому ряду мировых проблем. Тем не менее, развитие ситуации на международной арене и деструктивные действия Запада, создающие препоны для РФ и КНР в их внешнеполитических инициативах, обостряют вопрос о совершенствовании стратегического партнерства двух стран. Надо учитывать вероятность того, что при неблагоприятном развитии событий Москва и Пекин в одиночку не смогут успешно решать возникающие проблемы.

Для поддержки совпадающих интересов Китая и России в ЦА целесообразны совместные усилия по возведению своего рода гуманитарного кордона западным акциям и по превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности, путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Страны Центральной Азии, Китай и Россия являются носителями богатых традиций и обычаев, удивительной истории, и поэтому можно признать, что их сотрудничество открывает пути для межцивилизационного диалога. Отметим крайнюю желательность следующих китайско-российских инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС. Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе бывший в то время Президентом РФ Д.А. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств-членов и наблюдателей ШОС суть происходивших событий на Кавказе. Это свидетельствует о том, что, *во-первых*, даже не все лидеры государств имели полное представление о юго-осетинском кризисе, а *во-вторых,* что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках Организации до сих не создано единой информационной сети, и в ее центрально-азиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел. Можно вспомнить, как предвзято освещались и освещаются в США и странах ЕС события на Украине, в Андижане и на Тибете, ситуация вокруг иранской ядерной программы, а также положение в Афганистане[2].

В плане выправления ситуации в медийной сфере, очевидно, что первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия должно стать формирование единого “информационного поля” ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В связи с этим, целесообразным видится создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News), либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран-участниц ШОС, но и наблюдателей и партеров по диалогу. Важным представляется и основание печатного органа ШОС, например, доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации.

Эти и другие меры в исполнении российско-китайского «дуэта» могли бы повысить взаимопонимание между народами и снизить возможность искажения политики РФ и КНР и деятельности ШОС в целом.

Сотрудничество в области здравоохранения. Со дня своего основания ШОС декларирует необходимость сотрудничества в области здравоохранения. Но поскольку эта сфера во многом – конкурентная отрасль, то кооперация стран Организации в этом направлении носила (и носит до сих пор) дискретный характер. Правда, на саммите глав государств ШОС в Шанхае в 2006 г. Секретариату было поручено разработать план взаимодействия ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать целевую экспертную группу, действующую на постоянной основе, что пока не принесло ощутимых результатов.

---

[1] Обзор: гуманитарное сотрудничество – одна из динамично развивающихся сфер взаимодействия в рамках ШОС. – http://russian.people.com.cn/31521/4471375.html

[2] Морозов Ю.В. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной области: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. 2009. – № 4. – С. 69–72.

Необходимость наращивания сотрудничества в здравоохранной сфере диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы больниц из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего[1].

Следует отметить, что к настоящему времени страны ЦА с помощью международных здравоохранных организаций достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности, туберкулезом. Тем не менее, вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым, и он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС.

Еще одним фактором эпидемического риска является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацей торговли продовольствием. При массовом производстве и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особо остро для ШОС встает вопрос о качественности санитарного контроля на границах, состояния экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясомолочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания[2].

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Распространение ВИЧ/СПИД ускоряется ростом внутривенного потребления наркотиков в ЦА. На долю потребителей инъекционных наркотиков приходится 70–90% новых случаев СПИД/ВИЧ в регионе, при этом инфицируется в основном молодежь. Комбинированная инфекция ТБ/СПИД снижает выживаемость и увеличивает затраты на медицинскую помощь. В Россию из ИРА ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, а число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18% ввозящихся наркотических средств[3].

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), имеющей задачей создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам государств-членов ШОС в любой стране-участнице Организации. В системе ШОЗ, основные усилия по созданию которой, видимо, придется предпринять России и Китаю, можно было бы проводить обучение и стажировку специалистов из стран-членов и наблюдателей ШОС, обмениваться опытом и идеями.

Создание ШОЗ – это задача средне- и даже долгосрочного характера, поскольку для ее выполнения понадобится не только отладка практического взаимодействия и договорное обеспечение новой структуры, но и весьма значительные инвестиции.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов по исследователю биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе туберкулеза, полиомиелита, чумы, малярии; а также для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей, проведения действенного эпидемиологического мониторинга, повышения ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ. Профилактика, выявление и лечение болезней эпидемического характера – весьма актуальная и важная задача для многих стран ШОС, учитывая то, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОС по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем. Представляется целесообразным и привлечение стран ШОС к практике здравохранных учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС и МЧС России – на страновом.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам. Особенно страдают от их последствий экономически менее успешные страны региона, а также ряд провинций КНР.

В 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощь у соседей, что не только не решает проблему, но и затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и тренинга и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенных катастроф.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и совместным с Пекином спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управления ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны Организации по долевому принципу.

---

[1] Сафронова Е.И. 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 96–123.

[2] Сафронова Е.И. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 161–182.

[3] Назаралиев Ж. Евразийский защитный зонт против афганского экстремизма. – knews.kg/columnist/32027_jenishbek_nazaraliev_evraziyskiy_zaschitnyiy_zont_protiv_afganskogo_ekstremizma

Сопутствующая задача здесь – создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств.

Сотрудничество в области экологии. Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это крупнейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приаралье, но и на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить контрдизастерные мероприятия при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др.

В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградационным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты – «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с международными структурами, в частности, с ЮНИСЕФ, ЮПФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Крупный казахстанский дипломат Б. Нургалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз подчеркивал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: *«Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС… присоединятся дружественные страны и институты системы ООН…, можно добиться прогресса в … реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населения и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, восстановления биоразнообразия*»[1].

В заключение следует отметить, что задействование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание положительного международного имиджа нашей страны. Если Россия не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей МС, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие также и в ЦАР и заметно потеснить нашу страну с занимаемых ею позиций.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центрально-азиатского региона устойчиво продолжается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» есть важная предпосылка успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом. России следует незамедлительно принять меры по усилению ее «мягкосиловых» позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это преимущество, и гуманитарное сотрудничество может быть эффективным механизмом выполнения этой задачи.

Авторитет ШОС в мире растет. Организация все более становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала ШОС.

[1] Официальный сайт ШОС. URL: http://www.sectsco.org/ru123/show.asp?id=81

Радзиевский В.А.[1]

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕОНТОЛОГИЯ И СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова*: Украина, история, нацизм, деонтология, культура, культурология.*
Keywords*: Ukraine, history, deontology, Nazism, culture, culturology.*

На Украине некоторыми политическими, общественными и научными деятелями осуществляется попытка смены ментальной парадигмы с перезагрузкой идентификационной матрицы, поэтому продолжается ревизия истории с новыми «национальными гранднарративами» и «украинскими неодискурсами», что особенно заметно в требованиях к молодежи[2]. Для школьников – «упор на патриотизм»[3]: украинские песни и рисунки, спецмультики, «флешмобы, квесты и пр. А изучать историю государства и украинского народа советуют с помощью Института национальной памяти, известного своими весьма националистическими воззрениями»[4]. Кабинеты истории и географии надо украсить «правильными» картинами, «а кабинеты литературы – облагородить цитатами украинских писателей»[5]. Для старшеклассников «период СССР назвали «оккупацией», а современным политикам посвящают целые главы. Эксперты детям навязывают националистическую трактовку[6] истории и культуры. Причем популярная теперь тема «оккупация СССР» – это всего лишь верхушка айсберга.

Многие помнят время СССР и не готовы, например, отбеливать то, что осуждал Нюрнбергский процесс. Планируется ли в субнациональном подходе переписать всю историю? Свидетелей у далекого прошлого точно нет, а достижения техники позволят сфальсифицировать многое и бессовестно, и аморально прославить даже несуществующие успехи, выдуманные события и псевдоисторических личностей.

Взрослых порой тоже легко удивить и ввести в заблуждение. И не только далеким прошлым, но даже перспективой ближайшего личного будущего. Например, «плательщиков за коммуналку зовут служить в миротворческом континенте НАТО за границей, обещая высокие зарплаты и соцпакет»[7]. В платежных квитанциях за коммуналку указана зарплата в 1000–1200 евро. В реальности контрактник может оказаться не в Конго, Сербии или Либерии, а на Донбассе со значительно меньшей (где-то раз в десять, при зарплате «порядка 3 тыс. грн»[8]) оплатой и т.д.

На Украине нужна, – кроме уже традиционных юридической и медицинской деонтологии, – как минимум, еще и историческая. Историческая деонтология может сформироваться как наука об истинном и моральном изложении нашего великого и славного прошлого. Основной принцип у исторической деонтологии, как и у любой иной, – новой (педагогической, психологической, культурологической, искусствоведческой и т.д.), да и старой – деонтологии, должен быть традиционным: «Не навредить». Не повредить, не напортить и не нашкодить современникам и потомкам, в том числе ложной информацией (подменять аргументацию, «терять» даты, забывать героев и т.д.), историческими фальсификациями, культурологической и философской тенденциозностью и другими многочисленными «случайными ошибками» и «изощрёнными подлогами» в гуманитарной сфере знаний.

Немало учёных освещали проблему культурной деградации и исторической памяти. Среди них: П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, А. Толочко, В. Король, В. Орленко, Н. Щербак и другие. Их позиции мы будем учитывать в изложении.

Украинская культура велика и славна. Она, как и наша неповторимая, величественная и доблестная история, не нуждается в досужих выдумках, вымышленных достижениях и несуществующих успехах, в «новых моделях» альтернативных вариаций. Например, УССР была основательницей ООН и вела активную международную деятельность. В УССР было ядерное оружие, авто-, судо- и авиастроение, космическая и иные высокотехнологические отрасли промышленности, были узаконены украинский язык и государственность.

Коммунистическое большинство в парламенте УССР 24 августа 1991 г. провозгласило государственную независимость. По существу история УССР – прекрасный старт и успешный пролог к истории нынешней Украины, а также трамплин в переходе от общерусской (и малороссийской ее составляющей) идентичности к нынешней украинской

---

[1] Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики, член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия, академик Украинской технологической академии.

[2] Школьников обяжут выращивать гибриды и делать зарядку патриотов // Вести. 2016. – 27 июля. – С. 1.

[3] Там же, с. 4.

[4] Там же.

[5] Там же, с. 4. Ср. Рябоконь А. Школам составили список правильных песен // Вести. 2016. – 11 мая. – С. 3.

[6] Маркин Я. В школах расскажут о Порошенко в истории // Вести. 2016. – 12 августа. – С. 4.

[7] Через ЖЭКи агитируют воевать в Конго // Вести. 2016. – 15 августа. – С. 1.

[8] Там же, с. 4. Сравним с прошлогодней тенденцией (Бондарева А., Мележик Л., Кучкина А. ИГИЛ в Украине вербует студентов и бойцов АТО // Вести. 2015. – 7 октября. – С. 4).

самоидентификации. Отсюда возможно «утверждение приоритетов этнической идентичности (гиперидентичность)»[1]. Базисом гиперидентичности всегда и везде является этноцентризм со всеми его последствиями и перспективами. Отсюда – поиск врагов, национальный фанатизм, противостояния «мы» и «они», агрессивность, неадекватность, псевдопатернализм, ненависть, жестокость, с перспективой создания своеобразных химерических квазидержав, фейковых «субнациональностей» и эфемерных «контрцивилизаций» как деструкций и аномалий и т.д.

Анализ многих украинских СМИ первой половины 2016 г., в значительной степени отражающих украинские реалии, свидетельствует о том, что фундаментальное место в них занимает национальная проблема. В СМИ часто акцент делается на вопросах титульной нации, на многолетней северо-восточной культурной экспансии, на имперской политике Москвы в области культуры и на усиливающейся угрозе (в т.ч. и социокультурной) со стороны России. Проведенные нами в Киеве опросы в 2015–2016 гг. (интервьюировано 400 респондентов) свидетельствуют, что для многих киевлян проблемы личной и национальной безопасности являются первоочередными. Почти половина опрошенных (более 40%) отдают предпочтение национальным вопросам перед социальными, есть и такие (около 15%), кто боится интервенции северного соседа. Традиционные названия Украины – «Русь», «Малороссия» и другие во многих СМИ почти забыты (будто запрещены).

За сто лет люди действительно стали украинцами, и некогда новаторское и небывалое открытие-откровение Леси Украинки «зовемся просто украинцы»[2] стало нормой. Не только в XVII или в XVIII столетиях украинцы были, во-первых, православными, а, во-вторых, «царскими подданными и членами определенного сословия»[3], они такими в значительной степени были еще и в начале XX века. Именно советское время, выпячивая классовые приоритеты, сыграло и на национальных (в том числе как своеобразный противовес религиозным и некоторым иным духовным устоям) особенностях.

Советская Украина со всеми независимыми атрибутами (свой герб, флаг, гимн и т.д.) стала колыбелью современной суверенной Украины. Не очень устойчивыми по сравнению с традиционной, общерусской закваской оказались и такие составные социалистического сознания, как народы-братья, республики-сестры и Родина-мать.

Классовое сознание, отказываясь от подлинных народных истоков (славянское единство, православие, конструктивная патриархальность, народность, общие корни, духовная общность, гражданская консолидация, общеимперское братство и др.) породило даже на личностном уровне деформированное сознание. В процессе капитализации у отдельных людей развились и традиционно порицаемые качества (эгоизм, гордыня, своя «независимость», пронырливость, продажность и т.д.), приведшие к реальным общественным трансформациям.

Не только в отдельных «эфемероидных» головах нашего «эфемеридного» времени происходит отказ от подлинного исторического прошлого. На Украине осуществляется отказ «от топонимики, связанной с Россией… зазвучали призывы запретить колбасу “Московскую”, “Кремлевскую”, “Останкинскую” или, например, сыр “Российский”»[4]. Поэтому «в немилости» колбаса «Императорская», паштет «Московский», горчица «Российская», пельмени «Сибирские». Не смущает и то, что «95 процентов торговых марок – старые советские названия» (И. Гема)[5]. Экс-депутат от «Свободы» Р. Андрейко «призвал заняться продуктовой декоммунизацией» на государственном уровне»[6]. Единомышленники поддержали: «нужно декоммунизировать все»[7]. Так сыр «Российский» будет сыром «Волынским». Главное все переименовать. В начале 2016 г. в центре Киева «открылось кафе с патриотическим названием «На Майдане», где обещают скидки для АТОшников»[8], там, например, «бандеровская закуска» стоит недешево – 100 гривен. Экс-боец расформированного «за жестокие пытки»[9] батальона «Торнадо» 1 апреля 2016 г. открыл кафе «Каратель», оформив его в стиле АТО. Там, любуясь флагами Украины и добровольческого батальона «Азов» «будут встречаться бойцы»[10]. В меню «Карателя» находим «Жаренные снегири», «Красная угроза», люля-кебаб «Новороссия», «Славянка мясная от Кровавого пастора», телячьи почки «Циничный бандера», салат «Апалченец Грил», коктейли «Свобода слова», «Маргарита Тетчер», «Конча-Заспа», «Кровавый пастор», «Регианал»[11]. Революционные названия есть и у других напитков («Шпиталь Майдана», «Самооборона Майдана», «Швидка медична допомога Майдана», члены «Правого

[1] Нагорна Л. Національна ідентичність в Україні. – К.: ІПіЕНД, 2002. – С. 39

[2] Там же, с. 80.

[3] Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. – К., 2000. – С. 73.

[4] Рябоконь А. В Украине хотят начать декоммунизацию продуктов // Вести. 2016. – 16 мая. – С. 6.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Сорокин М. В доме профсоюзов – «бандеровские закуски» // Вести. 2016. – 10 марта. – С. 7.

[9] Петик М, Николаев В., Касьянова И. В доме профсоюзов появился «Каратель» // Вести. 2016. – 4 апреля. – С. 6.

[10] Там же.

[11] Там же. Вспоминается, как в городе Николаеве в 2014 г. даже на школьной ярмарке Первой украинской гимназии, организованной в помощь воюющим на Донбассе бойцам, предлагали «сознательные» сладости с русскими и украинскими названиями. Среди них – пирог «Бандерівський», «Сирники з москалем», «Солодкий Ляшко на Донбасі», пирожки «Танки на Москву», «Жёлто-голубые звезды Кремля», запеканка «Мозги Жириновского», бесплатно давали всем попробовать вишнёвый компот под названием «Кровь российских младенцев» и т.д. (Воронцов А. «Сладкая ярмарка» // Родительский комитет. 2014. – № 12 (49). – С. 7). При этом необходимо напомнить, что большинство украинцев традиционно отличались высокой нравственностью и многими положительными качествами. Среди них – мудрость, доброта, хозяйственность, миролюбие, справедливость, человеколюбие, рассудительность, образованность, открытость, сострадательность и отзывчивость.

сектора» зарегистрировали марку «Народный Майдан»). Название «Майдан» дают фирмам недвижимости, туристическим компаниям, продуктам питания, напиткам, фирмам-перевозчикам и т.д.[1]

Пересмотр истории предусматривает не только украинизацию и декоммунизацию. В отдельных частях постсоветского, а шире – постимперского пространства, как «необходимый» деформированный вариант проводят «оправданную» духовную русофагию и завуалированную русофобию[2]. Вводят новые даты: «Два года со дня освобождения Мариуполя от пророссийских террористов» (13 июня), «Два года со дня освобождения Краматорска от пророссийских террористов» (5 июля), «Два года со дня освобождения Славянска от пророссийских террористов» (5 июля) и т.д.[3] Проходили шоу и концерты.

Идеологические новации важны для дальнейшего «правильного» осмысления прошлого и программирования грядущего (в том числе и новым «просветительско-воспитательным» направлением – отечественной культуроникой, создаваемой на стыке истории, культурологии, социологии, педагогики и психологии). В начале июня этого года был очередной пример. 11 июня 2016 г. был особый праздник – по Киеву прошли участники ЛГБТ-движения: украинский гей-прайд удался по-европейски. Гомофилию поощряли и рекламировали отдельные участники Майдана и военных действий на востоке (например, реклама в Киевском метро). Исполнена воля и условия доброжелателей из ЕС. Борцы за «новое равенство» и «толерантность к секс-меньшинствам» радовались, что марширующих сторонников ЛГБТ-движения было где-то вдвое больше, чем думали координаторы (З. Кись), но не дремали и гомофобы[4]. Еще в 2015 г. были сделаны шаги к гей-партнерству: ноябрьское распоряжение «Кабмина о том, чтобы в 2017 году уравнять гей-пары и обычные в правах на имущество и наследство»[5], обсуждали и «гомофобный мотив преступления». В июле 2015 г. «представители нетрадиционной ориентации расписались в ЗАГСе, чем создали прецедент в Украине»[6]: «мужчина (транссексуал) был одет в свадебное платье, а женщина (лесбиянка) – в костюм жениха»[7].

Другое знаковое празднование произошло 30 июня 2016 г. в центре Киева, в «Украинском доме», когда некоторые якобы «сознательные» («свідомі») помпезно и не стесняясь отметили 75-ю годовщину образования союзной Гитлеру «Украинской державы»[8]. Об этом торжественно сообщило не только киевское агентство УНН, но и многие другие СМИ. Создавалось впечатление, что столицу пленили многочисленные последователи С. Бандеры.

30 июня 1941 г. в оккупированном фашистами Львове соратник Степана Бандеры Ярослав Стецько зачитал по радио «акт о восстановлении Украинской Державы». «Украинская Держава» националистов объявила себя союзницей А. Гитлера в «походе на восток»[9]. Глава Конгресса украинских националистов В. Брацюнь сказал, что «возрождение современного украинского государства было бы невозможным и немыслимым без национального чина 30 июня 1941 года… Он фиксирует нашу связь между историей и национальной традицией. Сегодня мы отдаем высшую дань уважения всем создателям этого акта»[10]. Тогда же в главном музее Украины – Национальном музее истории открыли выставку к 125 годовщине со дня рождения Е. Коновальца – основателя Организации украинских националистов и агента Абвера. Сделаем краткий экскурс в недавнюю историю.

Целью гитлеровцев было расширение Европы на восток. Согласно А. Розенбергу, – «именно из-за этой причины (осуществлялась – В.Р.) идея построения украинства в политическую силу против Москвы, что было обдумано перед войной 1941 г.»[11]. По свидетельству американского дипломата У. Буллита, немецкая пропаганда накануне войны полностью велась «в украинском националистическом духе»[12]. Однако украинские националисты становились не младшими братьями нацистов, а недочеловеками, которых приравнивали к неграм и даже к зверям. Не помогала и нацистская пропаганда, пытающаяся показать Германию «защитником» и «спасителем» Украины, а Гитлера – «фюрером-освободителем».

Лицемерие, двуличие и лживость обычно всегда характерны для оккупантов и их пособников. До начала нацистской агрессии на СССР А. Розенберг говорил: «Нужно сделать все возможное, чтобы разбудить, наконец, украинское национальное самосознание, при этом надо действовать с большой заботой и вниманием»[13]. Необходимо отметить разжигание на Украине русофобии и антисемитизма, особенно «бытового антисемитизма» с обвинением во всех

---

[1] Революционные названия – напиткам // Вести. 2015. – 23 декабря. – С. 3.

[2] Ср. Буковский Д. Когда Одесса и Днепр заговорят на украинском языке // Деловая столица. 2016. – 6 июня. – С. 2.

[3] Милиневский Н., Шевченко А. Летом свечки на ТВ могут гореть два месяца // Вести. 2016. – 26 мая. – С.9.

[4] Николаев В., Байвидович О. Марш равенства: спецпоезда и избиения // Вести. 2016. – 13 июня. – С. 6.

[5] Харченко А. Скандал с гей-парами // Вести. 2016. – 14 марта. – С. 4.

[6] Стасенко А. Женихом была она, а невестой – он // Вести. 2015. – 17 июля. – . 7.

[7] Там же.

[8] В Киеве помпезно и не стесняясь отметили 75-ю годовщину образования союзной Гитлеру «Украинской державы» // Славянские новости. 2016. – 15–29 июля. – С. 8.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні . – Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. – С. 542.

[12] Стафійчук І.П. Могутня зброя партії: Ідеологічна, масово-політична робота Компартії України по мобілізації трудящих УРСР на відсіч ворогу (1941-1944). – К.: Вища школа, 1985. – С. 141.

[13] Центральний державний архів вищих органів влади та управління України) (далее – ЦДАВО України; в переводе на русский язык – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины – прим В.Р.). – Ф. КМФ-8. – Оп. 1. – Од. зб. 171. – Арк. 113.

бедах евреев и коммунистов, в т.ч. «большевистско-еврейский режим Кремля», что вызывало отклик у отдельных украинских крестьян[1].

Зная, что Гитлер относит украинцев к «семье кроликов»[2] и, согласно нацистскому лидеру, «любые знания, данные им, в лучшем случае превращаются в полузнание»[3], Г. Гиммлер в украинском вопросе был прям: «Принципиальная линия для нас абсолютно понятна – этому народу не надо давать культуру»[4].

За попытками национального, социального и религиозного успокоения и маневрирования гитлеровцы не могли скрыть бесчеловечное и антигуманное отношение к «низшим расам», в т.ч. и к славянам. Только в Бабьем Яру до 12.10.1941 г. было убито около 51 тысячи человек, в 1941 г. оккупанты уничтожили более 85 тысяч киевлян[5]. Кроме массовых расстрелов, множество народа обрекли на нищету, голодание и медленную смерть. Так, в Харькове на 1 сентября 1942 г. насчитывалось более 70 тысяч граждан, которые не работали и не получали даже минимального пищевого обеспечения[6]. В селах, кроме обязательных поставок для немецкой армии, вводили натуральные сборы и до десятка денежных налогов (с хозяйства, с животных, включая котов и собак, был даже налог «за освобождение» и т.д.), двойные и тройные стандарты, «ценовые ножницы», другие методы «законного ограбления» украинцев (разные поборы нацистов). Это заставляет вспомнить о «законном беззаконии» и «культурном бескультурии» в историческом контексте, об аномии, особенно в ее культурно-историческом преломлении.

Кроме украинских националистов, идейную подпитку фашистам оказывали и антимосковские религиозные структуры (сектанты, автокефалисты и греко-католики). Руководитель украинских автокефалов П. Сикорский провозглашал, что «каждый способный к труду украинец должен с наибольшей радостью ехать в Рейх и исполнять свою обязанность перед немецким народом»[7]. Лидер украинских греко-католиков А. Шептицкий приветствовал нацистских головорезов. Массовый вывоз людей в Германию происходил преимущественно из Украины. Только с 1.04 по 24.07.1942 г. в Рейх было завербовано (не считая Галиции) около 1 млн. человек. В конце 1942 г. из Киева было депортировано в Германию около 11% населения. Известна также тайная операция по депортации детей в возрасте от 10 до 14 лет под названием «Сено». Нацисты осуществляли методы геноцида, культуроцида и этноцида не только по отношению к русским и евреям, но и к украинцам[8].

Документ «Условия работы для иностранных работников в Германии», датированный 15.04.1943 г., превращал украинских гастарбайтеров в людей низшего сорта. В этом документе отмечалось, что: «Все пункты условий касаются всех иностранных рабочих, но забота о русских и украинских эмигрантах запрещена»[9]. Основным отличием украинских невольников от русских было ношение на груди орнаментированного эллипса со стилизованным трезубцем[10]. Лживая пропаганда – встречи крестьян с А. Розенбергом на Украине, красивые листовки с фальшивыми обещаниями и т.д. – разбивалась о суровую и жестокую правду жизни. Украинцы работали в Германии, а условия их содержания приводили к массовой смертности депортированных, как и к вымиранию населения Украины. Генерал-комиссар Г. Шене писал, что в Рейхскомиссариате «Украина» значительно более низкий уровень жизни населения «в сравнении с Рейхскомиссариатом «Остланд», в состав которого входили бывшие Прибалтийские республики СССР»[11].

Глава рейхскомиссариата «Украина» Э. Кох учил подчиненных, что на Украине «мы имеем дело с народом неполноценным во всех отношениях»[12], а одна из целей Вермахта – сокращение численности украинцев, иначе немцы будут «прижаты к стене биологической силой украинского народа»[13].

В перспективе украинские земли должны были стать немецкими колониями, а украинцы – «освободить место для немцев»[14]. Фашисты и их сателлиты внушали своим местным вассалам нацистские идеи и идеологемы, боясь подлинного патриотизма и страшились пробуждения общерусского национального сознания и всерусской народной государственности. Несмотря на мастерскую агитацию, разжигание ненависти к Москве и русским, напоминания о голоде 1932–1933 гг., о репрессиях и ужасах красного террора, народ понял, что при новых «освободителях» жить значительно хуже. Отступавшие оккупанты боялись массовых восстаний. А. Розенберг предлагал Гитлеру ввести на Украине должность рейхспрезидента и создать Национальный комитет. Й. Геббельс, подчеркивая, что победа Гитлера в интересах всей Европы, в официальных публикациях запрещал называть славян «варварами», «зверями» и «неграми»[15].

---

[1] Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГО України; в переводе на русский язык – Центральный государственный архив общественных объединений Украины). – Ф.1. – Оп. 22. – Од. зб. 61. – Арк. 13.

[2] Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. – Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. – С. 533.

[3] Там же, с. 513.

[4] Ленська В.В. Фашистська шкільна політика на окупованій території України // Український історичний журнал. 1990. – № 10. – С. 81.

[5] Кучер В.І. Україна 1941-1945: трагедія народу за фасадом Священної війни: Монографія / Кучер Володимир Іванович, Потильчак Олександр Валентинович. – К.; Біла Церква: ТОВ «Білоцерковдрук», 2011. – С. 338.

[6] Там же, с. 186.

[7] Кучер В.І. Цит соч., с. 234.

[8] Подробнее: Радзиевский В. А. Судьба Украины в планах Третьего рейха // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств: Научный журнал. 2014. – № 2 (19), июнь. – С. 168–172.

[9] ЦДАВО України. – Ф. 3206. – Оп. 1. – Од. зб. 38. – Арк. 4.

[10] ЦДАГО України. – Ф. 166. – Оп. 3. – Од. зб. 147. – Арк. 25

[11] Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні . – Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. – С. 231.

[12] Кучер В.І. Цит соч., с. 305.

[13] Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні..., с. 251.

[14] Кучер В.І. Цит соч., с. 308.

[15] Там же, с. 318.

При этом Э. Кох подчеркивал: «Мы – господствующий народ, а это означает, что расово самый простой немецкий рабочий биологически в тысячи раз ценнее в сравнении с местным населением»[1].

Массовые убийства (за смерть одного немца могли повесить сто невинных людей), коллективная ответственность (в т.ч. сожжение сел, расстрелы детей и т.д. за действия третьих лиц) и прочие жестокости отражали нацистскую «справедливость» и расовую теорию. Довоенные большевистские репрессии и несправедливость поблекли в сравнении с бесчеловечными, кровавыми оргиями гитлеровских изуверов. Нацисты, желающие учредить новый мировой порядок (в т.ч. Украину без украинцев), проиграли. Не удалось усилить оккупацию Украины с помощью голландцев, норвежцев и французов.

Идея великой Украины становилась все больше антиукраинской. Э. Кох озвучил идею нацистского истеблишмента: «необходимо остановить биологическую силу славян», а украинцев надо держать в «состоянии примитивном и полезном для нашей работы»[2]. Невольно напрашиваются исторические параллели.

Климат, земля, здоровое и красивое население стали объектом зависти многих нацистов. Так, например, М. Борман, дивясь крепости и дородности славянских детей, боялся этнического натиска русских (он не выделял отдельно украинцев, считая их частью единого русского народа). Поэтому на оккупированных территориях поощрялись аборты и противозачаточные средства.

Нацисты понимали, что Украина – один из оплотов восточнославянского мира и не только европейской культуры. Свидетельство тому – не только творчество всемирно известных Н. Гоголя и В. Вернадского, великих Д. Туптало (св. Димитрий Ростовский) и Г. Сковороды, но и произведения киевлян М. Булгакова и М. Волошина, писателей-соавторов Ильфа и Петрова, А. Ахматовой и И. Бабеля (родились в Одессе), В. Даля (уроженец Луганска), Н. Некрасова – уроженец Немирова (Винницкая область), выходца из Житомира – В. Короленко, из Донецкой области – В. Гаршина, из Ровненской области – Н. Островского и других, включая Т. Шевченко и И. Котляревского. Вспоминаются достижения ученых Харькова и Донецка, Днепропетровска и Одессы, духовное значение Киево-Печерской, Почаевской и Святогорской лавр, освоение украинских черноземов (их оккупанты вывозили в 1942–1943 гг.), карпатских лесов и т.д.

Даже «забывая» на Украине творчество советских (якобы далеких от Украины и «неукраинских») деятелей культуры (М. Шолохова, А. Твардовского, К. Симонова и многих других знаковых и всемирно известных личностей) нельзя не отметить, что в советской Украине развивалась своя культура. Отсюда – П. Тычина, П. Панч, М. Рыльский, В. Сосюра, Л. Первомайский, И. Кочерга, А. Головко и сотни других талантливых мастеров пера, кисти, сцены и т.д. Можно было гордиться украинским «внутренним экспортом» в СССР и утверждать, что УССР якобы кормила весь Союз, вспоминая старые анекдоты. Например, Раиса Горбачева звонит мужу и просит хорошей колбасы. Ей привозят. Хочет вкусного хлеба с маслом. Ей доставляют. Затем желает кофе, но не получает: «На Украине не растет кофе», – оправдывается Михаил Горбачев. В современной Украине ненависть некоторых к «москалям» подталкивает их к идее переименовать не только Киевский музей русского искусства (чтоб избавиться от немилого для них слова «русский»), а шире – изменить названия всего, что как-нибудь связано с Россией.

С весны 2014 г. носителей георгиевских лент на Украине стали называть «колорадами». А ведь награды миллионов украинцев, сражавшихся с фашистами, содержат цвета георгиевской ленты. Не кощунственно ли косвенным образом Георгия Победоносца, чье имя носит георгиевская ленточка с древнерусских времен, сопоставлять с колорадским жуком? Георгиевские символы присутствовали на просторах нынешнего СНГ задолго до II Мировой войны. Пример – не только на картине «Возвращение» (в триптихе «Жизнь») выдающегося украинского художника Ф. Кричевского.

Символы святого Георгия были и в атрибутике тех, кто гнал вояк-иезуверов, пытавшихся имплементировать деструктивные человеконенавистнические идеи, убивших тысячи советских учителей и врачей (разных национальностей), возвратившихся домой доблестных воинов-победителей, более трех тысяч еврейских интеллигентов Львова и свершивших много других «подвигов»[3].

Вызывает недоумение и термин «ватники». В ватниках, стеганках и душегрейках женщины и девушки, потерявшие в Великой Отечественной войне отцов, мужей и женихов, и подростки ФЗО (фабрично-заводское обучение) и ремесленных училищ поднимали из руин и Донбасс, и всю страну, и не вина, а беда мирных жителей Донбасса (особенно детей, женщин и стариков), что их вернули к тяжелой обстановке военных и послевоенных лет.

В 2016 г. украинская пресса преимущественно негативно представляет РФ, а бойцов АТО как героев, истинных патриотов и борцов за соборную, европейскую Украину. Ополченцы же изображаются как предатели, враги и сепаратисты. Известные глашатаи, везде ища «руку Москвы», забывают отметить истинных своих хозяев и заокеанских спонсоров, окармливающих многие украинские СМИ[4]. Почему «о том, кто финансирует демократическую прессу, умалчивают»?[5]

---

[1] Кучер В.І. Цит соч., с. 320.

[2] Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні**..**, с. 614.

[3] Харченко А. В Польше снова говорят о геноциде // Вести. 2016. – 6 июля. – С. 5. Ср.: Гордасевич Г. Степан Бандера: людина і миф. – Киев: КМ Publishing, 2015. – 352 с.; Харченко А. Польский сенат обвинил ОУН-УПА в геноциде // Вести. 2016. – 11 июля. – С. 2; Харченко А. В Сейме требуют сноса Бандеры в Украине // Вести. 2016. – 22 июля. – С. 3.

[4] Корзуб Т., Кучкина А. Укол Соросом: файлы о Майдане слили в сеть // Вести. 2016. – 16 августа. – С. 2.

[5] Там же.

Крайности страшны: некоторые посягают не только на единство, соборность и целостность великой, нераздельной европейской страны, но и на гимн Украины. По мнению отдельных исследователей[1], гимн сложен для восприятия. «Частица «не» с глаголами не усваивается мозгом, мы слышим «умерла Украина»»[2] Денис Папкин отмечает: «Гимн не просто депрессивен. Он еще и актуализирует это состояние на момент звучания, происходит рефлективное подкрепление комплекса неполноценности»[3]. В целом, гимн УРСР был откликом на произведение «Ще не вмерла Україна» и не случайно он начинался словами «Живи, Украина, прекрасная и сильная, в Советском Союзе ты счастье нашла». УССР даже в припеве гимна позиционировалась как «советская держава», внушая и на подсознательном уровне идею суверенитета. Конечно, теперь – в свете писаний «украинских» богов Перуна, Симаргла и Купаноса – моднее искать свою страну и мифологию со сверхразвитыми древлянами, полянами и «иже с ними» в глубокой древности. Язычество украинцев самое «поганское» и «языческое», только весь мир знает древнегреческую, древнеримскую и различную восточную мифологию. Можно «посочувствовать» тем, чьи несуществующие сказки «уничтожили москали», хотя почему-то киевские (и вообще древнерусские) былины сохранились в России, а не на Галиции и не на Волыне. Сказаниям самых великих «древних укров» только предстоит завоевать Вселенную небывалой историчностью и философской глубиной. А так как украинские идолы и кумиры только «варганятся и склеиваются», а древнейшие мифы Галактики лишь выдумываются, приходиться на Украине работать с подручным материалом.

Каково теперь узнавать о древнейшей и полукатолической (?!) Украине, об «украинце» «крестителе Руси-Украины», святом князе Владимире Великом и о его детях, «украинских» князьях Борисе и Глебе? Но не получится и из северной русички (скорее всего рожденной в Пскове) равноапостольной княгини Ольги «слепить» духовную соратницу Степана Бандеры. Глупо (а с точки зрения православной духовности еще и кощунственно) звучит версия о том, что святой князь Ростовский, страстотерпец Борис и анафематствованный церковью Иван Мазепа были единомышленниками. Надо владеть особым «историческим чутьем» и «культурологическим футуризмом», чтобы князя Муромского, святого страстотерпца Глеба попытаться поставить в один ряд с Симоном Петлюрой.

В СССР при Хрущеве хотели перегнать США, а в наше время на Украине многим людям хорошо бы не потерять самих себя. Принято считать, что «от себя не убежать», но все больше людей идут в мир миражей и иллюзий. Даже искусственно создаваемая культурная атмосфера подталкивает к этому. За запретом православного канала в начале июля (с православной телекомпанией «Союз» под запрет попали телеканалы «Охота и рыбалка», «Психология 21», «Улыбка ребенка» и др.[4]) уже слышны даже разговоры о запрете на Украине подлинной традиционной духовности – православной церкви Московского патриархата, да и ряда иных кому-то неугодных организаций. Недопустимы нарушения конституционных и иных прав граждан и надо обходиться без политизации и профанации важных событий не только XX века.

Субнациональный подход часто напоминает «белую горячку», «тифозный бред» или «предсмертную агонию»: в лучшем случае, многое подается вверх тормашками, переставляется с ног на голову, шиворот-навыворот, тяп-ляп и косо-криво. Это напоминает не просто исторический подлог, а культурный теракт, духовную диверсию, антинародную пропаганду, оккупацию сердец и поражение интеллекта.

Существуют очень спорные суждения. Ниже приведем некоторые из них. Якобы «в головах и душах многих современных украинцев свершается великая Чернобыльская катастрофа, последствиями которой станет мутация сознания (пораженная русофобией и ненавистью к своему подлинному прошлому), духовная онкология, культурное белокровие с поражением духа, захватом мозга и последующее неотвратимое вымирание. Излечим ли шизойдный рак? Есть ли шанс на прозрение?» Неужели правы те, кто, на наш взгляд, довольно радикально утверждает, что «есть всего два пути: либо малоросс – украинец – малоросс, либо малоросс – украинец – вымерший вид? Первое подразумевает общерусское единство. А такой вариант второго пути, как «извращенный, гомофилийный евроинкубатор» себя почти дискредитировал, но стать изолированной камерой евроатлантического электронного концлагеря (с чипами во лбу или на руке перед окончательным издыханием) вполне реально». По мнению апологетов подобных суждений, где-то (и не в одном месте) на планете в наше непростое время «наметилась тенденция тотального обмана».

Каждый в меру своего развития может сделать личные выводы над вышепреведенными «болезненными» и очень даже дискуссионными мнениями.

Горько и больно констатировать, что с беспроблемными поездками в Европу у украинцев не складывается[5], зато, увы, на чёрном рынке в Украине продают паспорта ЕС за 2–10 тысяч евро, уволенные силовики идут в бандиты, а «продажу оружия крышуют офицеры»[6]. За $ 15 тысяч якобы чиновники и врачи отдадут малыша из роддома в другую семью, оформив документы[7]; пенсионная реформа «осчастливит» многих: у всех «накопления за десятки лет могут

[1] Захарова А. Нашему гимну не хватает оптимизма // Сегодня. 2013. – 12 ноября. – С. 5.

[2] Там же, с. 5.

[3] Там же, с. 5.

[4] Подробнее см.: http://zn.ua/UKRAINE/v-ukraine-zapretili-rossiyskiy-pravoslavnyy-kanal-a-takzhe-ohotu-i-rybalku-2182

[5] Доспехова Е. Почему украинцев перестали пускать в Европу // Деловая столица. 2016. – 13 июня. – С. 22.

[6] Харченко А. Наши в Евросоюзе торгуют липовыми паспортами // Вести. 2016. – 2 июня. – С. 5; Маркин Я. Уволенные силовики идут в бандиты // Вести. 2016. – 28 апреля. – С. 4; Маркин Я., Харченко А., Разенкова М. Продажу оружия крышуют офицеры // Вести. 2016. – 28 июля. – С. 2.

[7] Медведева А. Ребенок на продажу // Вести. 2015. – 16 августа. – С. 5.

превратиться в пыль. И пенсионер все равно останется с минимальной пенсией»[1] (это может стать намного печальнее, чем история с «украденными» в начале 1990-х вкладами СССР), а «35–50-летние получат минимальные пенсии»[2].

Летом 2016 г. «Закон Савченко» вернул на улицы банды 1990-х, прохожих обирают фейковые полицаи, а воры в законе пытаются диктовать свою волю, активизируются платные курсы «медвежатников», через колл-центры продают наркотики, лжекопы расширили «сферу услуг»[3], но настоящие полицейские «справиться с конкурентами не могут»[4]. Среди очагов криминала даже Крещатик, у людей доминирует страх войны и бедности, а в зоне отчуждения (около 90 км от Киева) построят ядерный могильник[5].

Несмотря на вышеупомянутые и многие иные сложности, очень хочется верить в мудрость и в грядущее благополучие великого, терпеливого, благородного, гостеприимного и хлебосольного украинского народа, а также в дальнейшее плодотворное развитие одной из богатейших духовных традиций мира – прославленной, жизнеутверждающей, великолепной, высокодуховной и человеколюбивой украинской культуры.

Политика современных союзников нынешней власти сводится, похоже, к тому, «чтобы в случае полномасштабной войны РФ застряла на территории Украины»[6]. Даже М. Саакашвили в июне 2015 сказал: «Даже если Украина будет экономически расти 4% следующие 20 лет, через 20 лет мы дойдем до уровня 2013 года»[7]. За этот год жизнь у большинства украинцев заметно ухудшилась[8]. Поэтому, при изменении тенденций к лучшему, до уровня 1990 г. Украина, вероятно, дойдет не раньше, чем через 50 лет. Иначе со временем придется учить, что не только Н. Гоголь – «подлый ренегат»[9], а его «Тарас Бульба» является «оскорбительным памфлетом на Украину»[10], но и Т. Шевченко станет «русофилом», а его русскоязычный «Дневник» – «вражеской литературой оккупантов». Потому и становится столь острым вопрос исторической деонтологии, как важнейшего противоядия от тлетворного и смертоносного субнационального подхода.

Украинская культура – одна из богатейших в Европе, украинский народ – талантливый, трудолюбивый и мирный. В украинской истории и культуре много знаковых дат и событий, множество славных имен и героических свершений. Великие представители Украины прославились далеко за ее пределами (в Европе, Северной и Южной Америке, Австралии и Азии). Украина богатая прекрасными песнями, мелодичным языком, чудесными танцами, искусной резьбой по дереву, неповторимой архитектурой (казацкое барокко и т.д.) и многочисленными жемчужинами изобразительного искусства (народные картины «Казак Мамай» в различных вариациях, иконы и др.), кулинарными шедеврами (борщ, вареники, галушки и пр.), изысканными вышивками, писанками и иными уникальными творениями культуры (узоры, орнаменты, бытовые росписи и т.д.). Больно, что на щедрой, великой и гостеприимной Украине отдельные политиканы пытаются культивировать комплексы неполноценности, ущербности и недоразвитости, прикрывая их псевдовеличием и квазипатриотизмом.

Украинцам как талантливой и выдающейся европейской нации, безусловно, есть, что вспоминать, чем гордиться и кого прославлять. Не только в Древней Руси столица могущественного государства великого и святого князя Ярослава Мудрого – великий «богоспасаемый, богохранимый, приснопамятный и преславный град» Киев – был больше и значительнее тогдашних грязных Парижа и Лондона. Где тогда были «гордые» Берлин и Варшава? Общеизвестно, что и в советской Украине многие украинцы были светилами мировой науки и культуры (Е. Патон, А. Богомолец, А. Довженко, Н. Амосов, П. Толочко и сотни других).

Даже в «темные века» после татаро-монгольского нашествия и в период долгого польско-литовского гнета уровень духовности на украинских землях был намного выше, чем на многих территориях западной, северной и центральной Европы вместе взятых. Ни в одной мировой столице нашей планеты нет такого духовного центра, каким в Киеве является Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра. В крупнейших городах мира у нее нет аналогов, в частности, по количеству нетленных мощей и мироточивых глав, по изобилию совершенных чудес и необычайных событий (в их позитивном смысле и значении).

Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра вполне могла бы стать святыней с особым духовным статусом, отдельной культурной «страной-территорией», центром всемирной всеправославной святости, «православным Ватиканом».

Киево-Печерская Лавра является украшением и гордостью не только Киева, Украины и Европы, но и «молитвенным щитом» всего нашего «бренного» мира.

---

[1] Козуб Т. Пенсионная реформа: сэкономят на 35летних // Вести. 2016. – 16 мая. – С.4.

[2] Там же.

[3] Маркин Я. «Закон Савченко» вернул на улицы банды 90-х // Вести. 2016. – 6 июля. – С. 3; Маркин Я. Прохожих обирают фейковые копы // Вести. 2016. – 7 июля. – С. 4; Андреев В., Маркин Я. «Воры в законе поставили властям ультиматум» // Вести. 2016. – 8 июля. – С. 3; Кучкина А. В Украине появились курсы «медвежатников» // Вести. 2016. – 14 июля. – С. 4; Маркин Я. Наркотики продают через колл-центры // Вести. 2016. – 4 июля. – С. 4; Маркин Я. Лжекопы начали оформлять ДТП // Вести. 2016. – 1 августа. – С. 4.

[4] Маркин Я. Лжекопы начали оформлять ДТП // Вести. 2016. – 1 августа. – С. 4.

[5] Вести. 2016. – 5 июля. – С. 6; Вести. 2016. – 28 июля. – С. 6; Вести. 2016. – 4 августа. – С. 2.

[6] Вишневский Ю. Зачем Альянс готовит нас к большой войне // Деловая столица. 2016. -18 июля. – С. 14.

[7] Михо: до уровня 2013 года Украина дойдет за 20 лет // Вести. 2015. – 16 июня. – С. 4.

[8] Насколько мы обеднели // Вести. 2016. – 17 августа. – С. 2.

[9] Краплюк П. Таємний агент Микола Гоголь, або про що розповідає «Тарас Бульба». – Львів: Видавництво Старого Лева, 2016. – С. 15.

[10] Там же.

«Всесильные» Вашингтон и Брюссель, Страсбург и Нью-Йорк, как и многие современные лукаво разрекламированные и умело «раскрученные» мегаполисы мира, всегда уступали многовековому и величественному Киеву по очень многим культурно-историческим параметрам и показателям. На Украине и в ее великой культуре есть много такого, чего нет в США и во всем «диком» Новом Свете.

Вероятно, для социокультурных и иных улучшений нужен для начала кардинальный поворот во многих головах. Необходимо отказаться от лживых исторических и философских парадигм, осознать свои ошибки и отбросить модели, когда вместо общечеловеческих ценностей приоритетом становятся некие групповые стереотипы и маркеры (классовые, национальные, территориальные и др.).

Опасность современных основных идеологем и дискурсов субнационального подхода таит в себе не только необъективность, предвзятость, ангажированность, псевдоисторичность, квазипатриотичность и антинаучность, но и сеет плевелы вражды, агрессии, зла, братоубийства, ненависти и может привести к трагедиям, по сравнению с которыми поблекнут даже тяжкие беды Великой Отечественной войны.

Раков С.Е.[1]

ВОЙНА ЦЕННОСТЕЙ

Ключевые слова: *общечеловеческие ценности, Мировой обзор ценностей, моральные ценности, культура, религия, семейные ценности, общество, либеральные ценности, ООН, нейронет, война ценностей.*

Keywords: *human values, universal values, World Values Survey, WVS, moral values, culture, religion, family values, society, liberal values, UN, neuronet, war of values.*

Настоящая статья является продолжением серии статей, показывающих, как выведенная из законов природы теория общечеловеческих ценностей даёт ответы на веками нерешаемые вопросы. Причём, эти решения и ответы универсальны для всего многообразия признанных в мире культур, религий, политических взглядов и поэтому незаменимы как в международных отношениях, так и в повседневном общении между людьми.

Мировой Обзор Ценностей (World Values Survey; WVS) – это всемирный научно-исследовательский проект, в рамках которого, начиная с 1981 года, с помощью всемирной сети специально подготовленных социологов, проводятся национальные опросы почти в 100 странах, охватывающие около 90% населения мира. Эксперты WVS измеряют, отслеживают и анализируют такие ценности, как поддержка демократии, толерантность к иностранцам и этническим меньшинствам, поддержка гендерного равноправия, роль религии и изменения религиозности, влияние глобализации, отношение к окружающей среде, работе, семье, политике, национальной и культурной идентичности, безопасности и субъективной оценке благополучия.

Анализ данных WVS, сделанный политологами Рональдом Инглехартом и Кристианом Вельцелем, показывает, как десятки обществ расположились на глобальной культурной карте (рис. 1) [4].

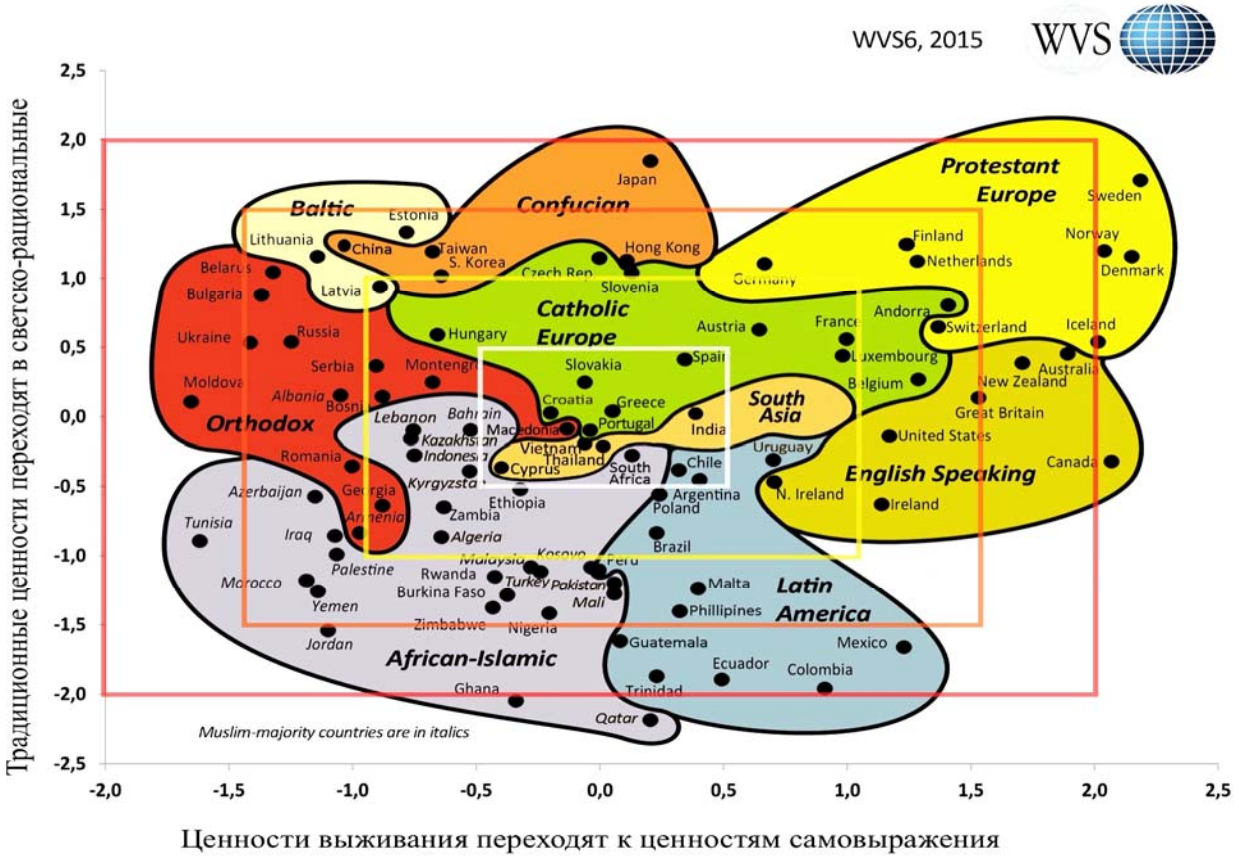


Рисунок 1

В ходе обсуждения с разными людьми полученного в результате глобальных исследований самого дорогостоящего в мире «цветка ценностей» были сформулированы следующие выводы:

[1] Раков Сергей Евгеньевич – независимый эксперт, автор книги «Общечеловеческие ценности», занявшей, по версии Российского общества социологов, третье место среди монографий, опубликованных в 2015 году. E-mail: rakovse@yandex.ru

Страны, сосредоточенные в центре графика (на пересечении нулевых отметок координат), живут в более сбалансированном и гармоничном для человека обществе. Находясь на равном удалении от крайних точек координат, им проще найти взаимопонимание как со странами, отдающими предпочтение *традиционным ценностям,* таким как религия, преемственность поколений, уважение к власти, традиционным семейным ценностям и отвергающими разводы, аборты, эвтаназии и самоубийства [4], так и со странами, сделавшими свой выбор в пользу с*ветско-рациональных ценностей***,** уделяющими меньше внимания религии, традиционным семейным ценностям и власти. Развод, аборт, эвтаназию и самоубийство они считают относительно приемлемыми [4]. Также в странах, находящихся в центре графика, не стоит вопрос *выживания* с точки зрения экономической и физической безопасности [4], а их *ценности самовыражения* не скатились к однополым бракам (авторы проекта к ценностям самовыражения почему-то отнесли и охрану окружающей среды, и рост толерантности к иностранцам, геям, лесбиянкам, а также гендерное равенство и рост спроса на участие в процессе принятия решений в экономической и политической жизни) [4].

Страны, оказавшиеся на «лепестках», имеют свои национальные особенности в выборе ценностей. Поэтому им сложнее находить общий язык особенно с диаметрально расположенными от них на графике странами. Например, Россия – США, Китай – США, Европа – исламские страны. Действительно, культурные, моральные и религиозные ценности в разных точках планеты, у разных народов изначально развивались независимо друг от друга, а направление их развития, в первую очередь, определялось условиями выживания людей на занимаемых ими территориях, что очень точно подтвердило исследование WVS.

Мировой круг разброса ценностей ограничен и плотно прижимается к нулевым отметкам координат, поэтому люди всегда имеют возможность договориться между собой. На приведённом WVS графике отчетливо видно, почему Россия и США сегодня общаются через католическую Европу.

Удивительным является тот факт, что только что сделанные нами выводы – абсолютно неверны с точки зрения учёных, потративших много лет на проведение данного исследования. Они считают, что если страны захотят стать экономически благополучными, как, например, Швеция, то начать им нужно с замены своих культурных, религиозных, моральных ценностей на либеральные. А с помощью «цветка ценностей» они доказывают, что все человечество в своём развитии движется от нижнего левого угла вправо вверх к протестантской Европе. Действительно, если вы откроете на сайте WVS динамический график, то увидите, как в зависимости от результатов, проведённых в разные годы волн опроса, «цветок ценностей» смещается вправо и вверх относительно осей координат [4].

Такое смещение происходит по двум причинам:

Во-первых, в список продвигаемых WVS либеральных ценностей включены общечеловеческие ценности, например, защита окружающей среды, за которую любой человек на планете проголосует положительно. Заслуга в получении популярности и в доказательстве значимости этой темы для людей принадлежит Римскому клубу, который потратил более сорока лет на то, чтобы люди обратили внимание на растущий в результате их хозяйственной деятельности список глобальных проблем. Для подготовки докладов на эту тему клубом привлекались ученые со всего мира, разных национальностей, политических и религиозных взглядов. Это благодаря их усилиям с каждым годом все большее количество людей голосует во время опроса WVS за защиту окружающей среды, а в результате автоматически получается, что они отдают свои голоса либеральным идеологам и тем самым сдвигают мировой график ценностей к либеральным ценностям с их геями и лесбиянками. Надеемся, что это сделано непреднамеренно, в противном случае, называя вещи своими именами, это научный подлог. Общечеловеческие ценности принадлежат всем партиям, всем религиям, всем культурам, всем людям на планете Земля.

Во-вторых, нужно обратить внимание на то, что начало деятельности WVS (1981 год) совпало с началом массированной пропаганды, проводимой либеральными СМИ, с помощью которой «вместо защиты прав и свобод человека либерализм перешёл к защите прав заключённых, сексуальных меньшинств, умалишённых и других категорий граждан, чьи права именно потому и поставлены под вопрос социальными институтами, что входят в конфликт с правами других людей» [1]. За прошедшие десятилетия были вложены огромные средства на продвижение «цветной» революции по всему миру и на снижение роли семейных ценностей. Это, безусловно, дало искусственный результат в движении графика мировых ценностей в сторону либерализма.

В защиту института семьи выступили религиозные деятели всех мировых конфессий (кроме протестантской церкви). В октябре 2015 года Синод епископов Римско-католической церкви в Ватикане одобрил заключительный доклад, в котором сохраняется запрет на однополые браки [14]. А опросы исследователей WVS стали тут же фиксировать снижение религиозности во всем мире.

Ценность «семья» – одна из семи общечеловеческих ценностей и, как все остальные, является жизненно важной для всего человечества. Если люди перестанут создавать семьи, рожать и растить детей, то человечество как вид уже в следующем поколении прекратит своё существование. Если, конечно, речь не идёт об искусственном выращивании людей, которым в том же инкубаторе в мозг будет вживлён чип. В своём интервью Ольга Четверикова, доцент, преподаватель МГИМО, со ссылкой на Эрика Шмидта, главы Google, сказала, что «интернет уже неэффективен для осуществления связи между конкретными людьми, и поставлена задача – создать нейронет. Нейронет – это одна из наиболее активно продвигаемых программ, которую в первую очередь будут применять на наших детях, так как подчёркивается, что она очень эффективна для использования в процессе обучения». Далее был сделан вывод, что «на самом деле вместо образования создаётся инструмент по контролю над сознанием через чипирование, то есть подготовка человека к принятию всемирного электронного государства и мирового правителя, если говорить языком геополитики» [15].

Чтобы ответить на вопрос, как стоящая в стороне от остального мира на обсуждаемом графике мировых ценностей группа людей способна навязывать свои индивидуальные ценности всему населению Земли, отметим, что деятельность WVS финансируется Фондом трехсотлетия Банка Швеции, Агентством международного развития Швеции

(SIDA), Национальным научным фондом США, Фондом Фольксвагена, Немецким научным фондом (DFG) и Министерством иностранных дел Нидерландов. Все перечисленные страны расположены в правом верхнем углу «цветка ценностей».

Теперь нет необходимости объяснять, почему экспорт новых европейских ценностей в исламский мир привёл последних к гражданским войнам, а затем к их объединению под флагами ИГИЛ, с целью продвижения с помощью оружия уже исламских ценностей по всему миру, включая Европу.

Если вы считаете, что вас и ваших близких «война ценностей» не коснётся, то вы ошибаетесь, так как на сайте WVS сказано, что результаты их исследования часто используют правительства по всему миру, ученые, студенты, журналисты, международные организации и учреждения, такие как Всемирный банк и Организация Объединенных Наций.

В качестве примера рассмотрим итоговый документ саммита ООН, проходившего в сентябре 2015 года в Нью-Йорке. Этот документ, содержащий 17 целей и 169 задач, одобрили более 150 мировых лидеров, в том числе, главы государств и правительств, назвав его планом устойчивого развития всего человеческого сообщества до 2030 года [7].

Эти 17 целей отражены на рисунке 2.

Рисунок 2

Социальный статус автора этой статьи двумя словами можно определить, как семьянин и учёный. А в целях устойчивого развития ООН вы не найдете ни защиты семейных ценностей, ни развития науки. Видимо, круг этих ценностей по каким-то причинам не попал в названный перечень целей ООН, как не попали в него ценности миллиардов верующих жителей планеты, партийных и общественных деятелей, спортсменов, работников культуры и искусства... Но если вы сравните продвигаемый WVS перечень либеральных ценностей с 17-ю целями ООН, то станет понятно, что «война ценностей» уже пришла в ваш дом, так как лидеры всех государств, выполняя утверждённые в ООН цели развития, будут до 2030 года продвигать либеральные ценности в своих странах.

Большинство людей уже живут в мире, который не понимают и который оказался для них не предсказуемым в своём развитии. По непонятным причинам люди вынуждены ломать свою жизнь, веками отлаженные культурные, моральные, религиозные ценности и делать то, что не должны были делать. Воюют между собой – Украина, Сирия. Рвут годами создаваемые взаимовыгодные экономические связи – Россия – Европа. О социальной катастрофе для миллионов беженцев с Ближнего Востока и севера Африки, а, как следствие, и для жителей Европы, говорят сейчас во всём мире.

В это же время экологические международные встречи в Париже (за которые люди, с помощью технологии WVS, отдали свои голоса либералам) оказались формальными и непродуктивными. Люди так и не услышали главный призыв учёных Римского клуба о создании новой концепции мира, согласно которой «человечество либо кардинально изменит свой курс, либо погибнет вместе с планетой, давшей ему жизнь». Поэтому продвигаемый сегодня определённой группой людей либеральный сценарий развития мира теоретически будет определять, как нам жить до 2030 года.

Что делать?

1. Изготавливая бриллиант ценностей, нужно очень точно провести грань между общечеловеческими ценностями и приобретаемыми людьми в течение своей жизни культурными, моральными, религиозными, политическими и профессиональными ценностями.

1.1. Общечеловеческие ценности потому и называются общечеловеческими, что они не зависят от возраста, времени и места проживания, от культурной, религиозной, политической, социальной принадлежности людей, а также от их пола, расы, национальности. Поэтому для определения общечеловеческих ценностей были использованы темы жизнедеятельности человека. То есть все то, чем занимаются все люди на Земле после того, как проснутся, и до того, как снова уснут. Эти темы были собраны из тем, по которым обращаются граждане и организации на сайты своих

президентов, сайт ООН, на сайты общественных, религиозных организаций. Для исследователя продуманные, прописанные и независимые обращения граждан имеют гораздо больший вес, чем проводимый социологами WVS дорогостоящий опрос граждан на улице. Главным было – ни одну из тем не упустить. После этого всем темам присваивались определённые коды, в соответствии с которыми их группировали. Окончательный результат, отраженный в таблице, привел к тому, что нет необходимости более подробно рассказывать о компьютерной обработке данных, так как его мог логически сформулировать любой человек на планете.

Таблица 1

Сгруппированные темы жизнедеятельности человека [10, с. 8]

Все темы жизнедеятельности человека	Названия групп
Темы, связанные с физическим здоровьем человека: экология, питание, физическая культура, спорт, медицина и здравоохранение	Здоровье
Темы, интеллектуально формирующие личность: образование, наука, культура, IQ и т. д.	Интеллектуальное развитие
Темы, связанные с природой: природные ресурсы, включающие в себя флору и фауну, а также созданная человеком для проживания инфраструктура	Среда проживания
Темы, которые в современном мире напрямую связаны с деньгами: экономика, доходы населения, социальная поддержка, промышленность, строительство, сельское хозяйство, предпринимательство, безработица и т. д. или физическое и интеллектуальное воздействие человека на среду	Благополучие или деятельность
Природные катаклизмы, техногенные катастрофы, а также криминал, коррупция, рейдерство, наркомания. Сюда же включены правоохранительные органы: полиция, прокуратура, суд, армия...	Безопасность
Семейные темы: любовь, планирование семьи, рождение ребенка, приемные дети, отношения в семье	Семья
Общественная, религиозная, политическая, государственная деятельность	Общество

Темы жизнедеятельности человека этим списком исчерпываются, и поэтому больше никаких групп не добавишь. А подобранные к этим семи группам названия – это и есть полный перечень общечеловеческих ценностей. Подробное доказательство этого вывода см.: [10, с. 3–12].

Общечеловеческие ценности *– это система ценностей, выполняющая роль повседневных ориентиров, которые использует человек для полноправной жизни в обществе и жизни общества на Земле, независимо от его пола, возраста, расы, национальности, этнических традиций и религиозных убеждений, эпохи и места проживания, от его политической, экономической и социальной принадлежности.*

Потеря любой из этих ценностей ведет к потере смысла человеческой жизни. А угроза потери любой из них заставит любого человека приложить все мыслимые и немыслимые усилия для её защиты и восстановления [10, с. 10].

Особо следует отметить, что темы жизнедеятельности человека могут меняться, делиться, дополняться, развиваться, а **общечеловеческие ценности всегда остаются неизменными. По этой причине на социологических графиках они не могут смещаться с течением времени,** так как:

они не зависят от времени проживания. Они появились вместе с зарождением человеческого сообщества, не изменились до наших дней и не будут меняться в дальнейшем;

их нельзя запретить, изменить, модернизировать. Даже Конституцией... Попробуйте написать в основном законе, что целью страны является больное и необразованное общество или уничтожение окружающей среды и безработица...

они одинаково воспринимаются и принимаются всеми людьми, независимо от их национальности, религиозной, политической, социальной и культурной принадлежности, возраста, пола и места проживания, так как потеря любой из общечеловеческих ценностей приведет к гибели всего человеческого сообщества;

их не нужно никому навязывать, объяснять, доказывать, так как они рождаются, развиваются (насколько может себе позволить и позволяет сам человек) и умирают вместе с человеком. Благодаря этому свойству нет необходимости тратить время и силы на их продвижение. Их достаточно только озвучить, и сразу становится ясно, как хотят и должны жить люди на планете Земля [11, с. 105–106].

1.2. Наоборот, набор «приобретаемых» в течение жизни ценностей у каждого народа и у каждого человека индивидуальный. Он является, в первую очередь, отражением их уровня воспитания и образования, их «интеллектуальным паспортом». Во вторую очередь, в более глобальном масштабе – отражением огромного разнообразия итогов интеллектуальной деятельности, осуществляемой в разных точках планеты, в разные эпохи развития людьми, изучающими окружающий их мир природы, развитие человеческого сообщества, а в современном мире ещё и влияние экономической деятельности человека на окружающую среду. Это бесценное наследие нашло своё отражение в национальных культурах, науках, в религиозных учениях и заповедях, законах, основанных на выработанных веками моральных ценностях. **В отличие от общечеловеческих ценностей весь этот перечень приобретённых знаний, по мере его развития и совершенствования, постоянно изменяется.** Динамика этих изменений объясняет, почему объём знаний, передаваемый из поколения в поколение сначала в семье, далее в процессе обучения и социализации человека в обществе, приводит к разному восприятию происходящих в мире явлений разными поколениями.

Очень важно понимать, что вектор развития приобретаемых ценностей, при отсутствии внешнего (искусственного) влияния на него, всегда направлен к общечеловеческим ценностям. На приведённом WVS графике отчетливо видно, что мировой круг разброса ценностей ограничен и плотно прижимается к нулевым отметкам координат.

А идеологически индивидуализирующие себя страны расположились на «лепестках цветка ценностей» по разные стороны от начала координат, отражая свою индивидуальность.

2. Нельзя допускать замены общечеловеческих ценностей на приобретаемые моральные, культурные религиозные... ценности, созданные людьми.

Общечеловеческие ценности – это созданный природой стандарт восприятия людьми окружающего мира и общения между собой [11, с. 102], а приобретаемые ценности являются только способом накопления и передачи опыта и знаний по защите и развитию семи общечеловеческих ценностей.

Если сравнить наше определение общечеловеческих ценностей с определениями, содержащихся в опубликованных работах по данной тематике, то увидим, что философский разбор понятия «общечеловеческие» все авторы описывают одинаково и по смыслу аналогично нашему, то есть «общечеловеческие» – независимые от пола, возраста, расы, национальности, этнических традиций и религиозных убеждений, эпохи и места проживания, от политической, экономической и социальной принадлежности.

Немного сложнее – с понятием «ценности». Авторы не обременяют себя его разбором и тем самым совершают сразу две ошибки:

Во-первых, они не задумываются о единой системе измерения (оценки) ценностей (в нашем случае – это жизнь всего человечества).

Во-вторых, они популяризируют близкие для себя моральные, религиозные, культурные и даже профессиональные и политические ценности, считая, что по ним должны жить все люди на Земле. А это прямое противоречие определению понятия «общечеловеческие», с которым все они изначально были согласны [11, с. 105].

В качестве примера такой двойной подмены рассмотрим самое распространённое определение общечеловеческих ценностей в российском Интернете, опубликованное в Википедии: «Общечеловеческие ценности – теоретически существующие моральные ценности, система аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности» [2].

В «Новейшем философском словаре» [13], где опубликовано оригинальное определение Н.Г. Севостьяновой, первая строчка: «теоретически существующие моральные ценности» – отсутствует. Кто-то из участников Википедии, занимаясь личным творчеством, модернизировал труд ученых. А в результате нарушено правило Википедии о точности цитирования:

среднестатистический читатель приходит к выводу, что общечеловеческие ценности существуют только теоретически, да и моральные ценности у людей могут значительно отличаться;

различные идеологи (например, Френсис Фукуяма с либеральными ценностями или ИГИЛ со своим пониманием морали) пытаются заполнить образовавшийся вакуум, считая, что именно их моральные ценности должны стать общечеловеческими, что, в свою очередь, приводит к бесчисленным конфликтам и непрекращающимся войнам на Земле.

Что же касается самого оригинального определения, то очень красиво и достаточно для понимания Надежда Григорьевна расписала понятие «общечеловеческие», а понятие «ценности», как и у большинства авторов, не проанализировано и подменено понятием «культура».

Обратившись к словарям, мы обнаружим, что:

одного, всеми признанного определения слова «культура» нет. По оценкам исследователей сегодня существует около тысячи определений культуры. Поэтому читатель думает, что и всеми признанных общечеловеческих ценностей не существует;

категория «культура» обозначает содержание совместной жизни и деятельности людей, представляющее собой биологически ненаследуемую созданную людьми искусственную среду... [6]. То есть, это приобретаемая в процессе обучения человека, созданная людьми ценность. Так же как в случае с религиозными и моральными ценностями у каждого народа культурные ценности свои.

В качестве яркого примера, наглядно показывающего противоречивость обсуждаемого определения, приведу цитату немецкого мыслителя XVII века С. Пуфендорфа. Он употребил термин «культура» применительно к «человеку искусственному», воспитанному в обществе, в противоположность человеку «естественному», необразованному, или дикарю. При этом Пуфендорф указывал, что дикарь культурой не владеет, а «человек искусственный» – владеет [5]. Таким образом, первобытные люди не были образованными и, тем более, культурными людьми, но в рассматриваемом нами определении Надежда Григорьевна пишет, что понятие общечеловеческих ценностей «…**не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества**…». Поэтому восприятие общечеловеческих ценностей только через культуру (как ценность) вступает в прямое противоречие с понятием «общечеловеческие», как не зависящие от времени проживания.

Также для сравнения, в Философском энциклопедическом словаре **понятие «культура» означает исторически определенный уровень развития общества...** [3, с. 292–293]. Выделенные цитаты имеют абсолютно противоположенный смысл, что является ещё одним доказательством того, что поиск общечеловеческих ценностей только через культуру – это тупиковое направление.

Антропологи выделяют более семидесяти «культурных универсалий», общих для всех культур элементов, среди них: возрастная градация, календарь, соблюдение чистоты, приготовление пищи, кооперация труда, танцы, декоративное искусство, образование, этика, этикет, семья, празднества, законы, медицина, музыка, мифология, число, кара-

тельные санкции, личное имя, религиозные ритуалы и др. [6]. Это как раз то, что отличает людей и делает их не похожими друг на друга.

При определении общечеловеческих ценностей нужно смотреть намного шире. Для примера обратимся к понятию «окружающая среда» (точнее, к её главной составляющей – природные ресурсы: воздух, вода, солнечный свет и энергия, притяжение Земли и т.д.). Это в первую очередь жизненно важная для людей ценность, причем не зависящая от пола, расы, возраста, времени и места проживания, от их культурной, социальной, религиозной и т. д. принадлежности, а значит, – общечеловеческая ценность. А благоприятные условия для жизни человека сложились на Земле намного миллионов лет раньше, чем появились люди и, тем более, понятие «культура».

С помощью таблицы «Сгруппированные темы жизнедеятельности человека» можно математически точно объяснить парадокс обсуждаемого определения. Согласно таблице, культура – это одна из 50-ти тем (т.е. 0,02) жизнедеятельности человека. А если учесть, что одной, всеми безоговорочно признанной культуры не существует и попытаться выдвинуть только одну какую-либо культуру на роль общечеловеческих ценностей, то эти две сотые нужно ещё разделить на количество известных культур. Тогда итоговое значение устремится к бесконечно малой величине. Именно поэтому это тупиковое направление и приводит только к бесконечным спорам и, как минимум, в 50 раз принижает роль общечеловеческих ценностей в жизни людей.

В этой же таблице культура вместе с образованием и наукой образуют группу «Интеллектуальное развитие», которое по философским меркам, очевидно, обладает намного большим объемом, чем одна культура. Тем не менее, даже оно претендует только на 1/7 часть от общечеловеческих ценностей.

Подводя итог, отметим, что для того, чтобы представить культурные ценности в качестве общечеловеческих ценностей, необходимо доказать:

что культура для всех людей важнее здоровья, образования, науки, деятельности и благополучия, окружающей среды, безопасности, семьи и общества;

что такая культура реально существует и всеми признана.

Совсем другое дело, если все приобретаемые ценности рассматривать как способ накопления и передачи между людьми опыта и знаний по защите и развитию общечеловеческих ценностей. Без такого механизма, эмпирически созданного людьми в виде культурных, моральных, религиозных ценностей и закреплённых в законах, запретах, табу, правилах, указах, канонах, заветах, нормах и т.п. общечеловеческие ценности не смогли бы сохраниться в человеческом обществе и тем более развиваться.

Также ни в коем случае нельзя забывать об этическом восприятии людьми понятия «общечеловеческие ценности». Обычно разговор об универсальных ценностях начинают с Платона или Аристотеля, которые стремились выделить перечень ценностей для создания облика идеального человека. Именно этическое восприятие общечеловеческих ценностей так важно людям. Поэтому самое большое количество исследовательских работ на эту тему написано людьми, занимающимися образованием и воспитанием молодёжи.

С точки зрения теории общечеловеческих ценностей у каждого человека может быть своя индивидуальная, выработанная им в течение жизни, система ценностей, которая зависит от возраста, уровня образования, от его культурной, моральной, религиозной, профессиональной, политической, социальной и т.д. принадлежности. С помощью этой системы человек, получая постоянно растущий объем информации, ориентируется в изменяющемся мире, формирует свое отношение к происходящему в словах и поступках [11, с. 102]. Поэтому важно, чтобы набор приобретаемых человеком ценностей не позволял ему нарушать общечеловеческие ценности других людей.

3. Приобретаемые людьми моральные, культурные, религиозные, политические профессиональные ценности не должны:

нарушать общечеловеческие ценности;

существовать отдельно от общечеловеческих ценностей и развиваться в отрыве от них.

3.1. Тезис Френсиса Фукуямы о том, что «...для мирного сосуществования культур некоторая общая система ценностей просто необходима», самим автором используется:

во-первых, для создания у людей понимания, что сегодня общечеловеческих ценностей не существует;

во-вторых, что народам Земли они жизненно необходимы;

в-третьих, для продвижения либеральных ценностей взамен якобы не существующих общечеловеческих.

Понятие «либерализм» происходит от латинского liberalis – свободный. Если из предлагаемого учёными WVS перечня либеральных ценностей убрать принадлежащие всем людям на Земле общечеловеческие ценности, а именно: здоровье, интеллектуальное развитие, окружающую среду, благополучие или деятельность, безопасность, семью и общество, то отличительными ценностями либерализма останутся: толерантность к геям и лесбиянкам, допустимость разводов, абортов, эвтаназий и самоубийств. Несмотря на всю абсурдность для большинства жителей Земли такого понимания свободы, ученые WVS, начиная с 1981 года, фиксируют результаты своего труда в ежегодном смещении «цветка ценностей» в сторону либерализма. А вышеперечисленные мировые финансовые учреждения, зная, что у человечества на Земле есть более серьёзные проблемы, всё это время финансируют не только этот проект, но и СМИ, продвигающие выводы WVS по всему миру, а также политиков, утвердивших в ООН либеральные ценности в качестве «плана устойчивого развития» всего человечества до 2030 года.

Причину постановки такого масштабного эксперимента над людьми следует искать не на поверхности. Например, для реализации идеи нейронета необходимы самовыражающиеся индивидуалисты, без рода и племени. В поисках самовыражения и своей индивидуальности одинокий человек сам придёт да ещё оплатит своё чипирование. Сами шведы здесь ни при чём. Просто стоящий в стороне набор ценностей североевропейских народов более всего подхо-

дит и поэтому используется в качестве переходного этапа в изменении сознания всего человеческого сообщества в сторону отказа сразу от двух общечеловеческих ценностей – семьи и общества.

3.2. Для сравнения определение свободы, с точки зрения теории общечеловеческих ценностей, дано в определении высших ценностей человека, которое звучит так: «Чтобы любой человек на планете *жил* и был *свободен,* у него должны быть реализованы все семь общечеловеческих ценностей, а именно:

Физическое здоровье.

Интеллектуальное развитие.

Благоприятная окружающая среда.

Деятельность и благополучие.

Безопасность.

Семейные ценности.

Общество, основанное на концепции защиты и устойчивого развития этих же семи общечеловеческих ценностей» [11, с. 105].

Мир не знает такого сообщества, в котором полностью отсутствовала хотя бы одна общечеловеческая ценность.

4. Гражданское устройство, с точки зрения общечеловеческих ценностей, в каждом государстве может быть любым и зависит лишь от желания его граждан. Главное, чтобы его целью была защита и развитие общечеловеческих ценностей, как в его внутренней, так и во внешней политике [12]**.**

И в Южной, и в Северной Корее общечеловеческие ценности одни и те же...

5. Необходимо заменить временно действующий сегодня Устав ООН на новый и окончательный, основанный на защите и развитии семи общечеловеческих ценностей.

Создание общества, основанного на концепции защиты и устойчивого развития семи общечеловеческих ценностей – это и есть единственная цель, стратегия развития, модель и механизмы взаимодействия и сотрудничества стран АТР, БРИКС, ЕС, ШОС и других международных союзов и организаций, включая ООН, а также межнациональных, межконфессиональных и политических движений [11, с. 105].

В современном мире при:

устремившемся в бесконечность росте численности населения планеты;

постоянно растущем числе мировых глобальных проблем;

современных мировых интеграционных процессах

когда-то созданные в разных точках планеты с целью объединения людей в государства моральные, культурные и религиозные ценности теперь все чаще становятся причиной, а в ряде случаев намеренно используются для создания непонимания и конфликтов между людьми [12].

Очевидным становится вывод, что для решения глобальных социальных проблем сегодня необходимы консолидированные усилия всего человечества, а для создания такой мотивации мирового сообщества в помощь моральным, культурным и религиозным ценностям, отражающим интересы лишь разрозненных групп людей, должны прийти общечеловеческие ценности [12].

* * *

Сегодня мы наблюдаем последние всплески борьбы идеологий, так как с выявлением общечеловеческих ценностей как универсального инструмента в общении людей и в их профессиональной деятельности на Земле процесс конвергенции мировых идеологий, о котором писал Евгений Примаков, завершился [8]. Поэтому у людей остаётся всего одна нерешенная проблема, о которой пока крайне редко пишут в газетах и которую не обсуждают в Интернете. Дело в том, что общечеловеческие ценности не совместимы с существующей мировой финансовой системой. Они не могут сосуществовать даже параллельно.

Вся история развития человеческого сообщества – это «война ценностей». Любые попытки людей ограничить хотя бы одну из семи общечеловеческих ценностей заканчивались провалом (рабовладельческий строй, крепостное право, колониальные режимы, фашизм). Именно инстинктивная защита и развитие общечеловеческих ценностей спасали человечество от самоуничтожения.

Современный мир – не исключение. Поэтому в раздираемом глобальными проблемами человеческом обществе необходимо не инстинктивно использовать, а научиться сознательно ориентироваться на общечеловеческие ценности как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Эта статья показывает, что методы порабощения людей с использованием науки, экономики и международного права стали более утончёнными и изощрёнными. Надеяться на то, что люди, унаследовавшие мировую финансовую систему, вместо получения любой ценой прибыли и реализации своих планов по созданию из большинства людей биороботов с единым центром контроля, обучения и управления кинутся создавать общечеловеческие ценности, пока не приходится. По этой причине все большее число политиков, общественных организаций и религиозных деятелей встают на защиту общечеловеческих ценностей. Так, 9 января 2012 года Папа Римский Бенедикт XVI призвал международное сообщество установить новые правила, которые укрепили бы общечеловеческие ценности во время кризиса в Европе и США, также он отметил, что общечеловеческие ценности должны стоять над законами, регулирующими экономическую жизнь [9].

В современном противостоянии закодированного на получение прибыли человечества и природы именно семь общечеловеческих ценностей стали новой концепцией мира, согласно которой человечество в очередной раз изменит свой курс и не погибнет вместе с планетой, давшей ему жизнь.

Список литературы

1. Беляков А. Либерализм. – http://works.doklad.ru/view/CTkeAJVMBYU/3.html
2. Wikipedia. Общечеловеческие ценности. – http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Общечеловеческие_ценности
3. Ильичев Л. Ф. Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 292–293.
4. Inglehart R., Welzel C. World Values Survey (WVS). – http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp Additionally «Findings & Insights»
5. Лалетин Д.А. Культурология. 1.4. Проблемы определения культуры. Воронеж, ВГПУ УДК 008(075.8) ББК 71я7 Л20, 2008. – http://window.edu.ru/resource/040/78040/files/Utchebnik%202008_2.pdf
6. Маркова А.Н. Культурология. История мировой культуры / Под ред. профессора А.Н. Марковой. – http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook804/01/part-002.htm
7. ООН. Саммит по устойчивому развитию 2015 года. – http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2015/09/какие-из-целей-устойчивого-развития-н/
8. Примаков Е.М. Выступление на международной конференции «Россия в мире силы XXI века». – http://oko-planet.su/politik/politikmir/170414-obrazy-rossii-i-mira-vne-ideologii.html
9. Pope Benedict. Holy Father's Annual Address to the Diplomatic Corps. – Vatican City, 2012. – http://www.news.va/en/news/holy-fathers-annual-address-to-the-diplomatic-corp
10. Раков С.Е. Общечеловеческие ценности. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015.
11. Раков С.Е. Общечеловеческие ценности – это созданный природой стандарт восприятия людьми окружающего мира и общения между собой // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 11–13 ноября 2015 г.) / [отв. ред. И.Г. Кузина]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. – С. 102- 106.
12. Раков С.Е. Общечеловеческие ценности – естественное решение межнациональных и межконфессиональных противоречий, и не только народов России // Политическое образование. – М., 2015. – http://www.lawinrussia.ru/node/348660
13. Севостьянова Н.Г. Общечеловеческие ценности // Новейший философский словарь. Главный научный редактор и составитель – Грицанов А.А. – http://www.e-reading.club/chapter.php/149350/846/Gricanov_-_Noveiishiii_filosofskiii_slovar%27.html
14. Synod 2015. The Final Report of the Synod of Bishops to the Holy Father, Pope Francis. Part 3, Chapter 3. – Vatican City, 2015. – http://www.vatican.va/roman_curia/synod/documents/rc_synod_doc_20151026_relazione-finale-xiv-assemblea_en.html#The_Family_and_Pastoral_accompaniment
15. Четверикова О.Н. За реформой образования в России стоят спецслужбы США, 2015. – http://ya-russ.ru/za-reformoj-obrazovaniya-v-rossii-stoyat-specsluzhby-ssha/

Сараф М.Я.
д.филос.н., профессор Московского государственного института культуры
ssaraf@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ТЕАТР ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Ключевые слова: *информационное общество, культурное пространство, информационные войны.*

Современный тип цивилизации зачастую называют информационным обществом. Сформировалось и чрезвычайно динамично развивается единое мировое информационное пространство, именно информационный ресурс начинает играть определяющую роль в современных социокультурных процессах и определяет их эффективность. Главный культурологический результат информационного производства состоит в создании новых видов деятельности и новых отношений. Актуализация ценностных и смысловых измерений составляет особенность конструктивно-гуманистической функции информационного производства. Но вхождение культурного измерения в производственную сферу приводит к существенному изменению сложившихся в обществе материальных и духовных структур.

Возникают сложные проблемы соотношения и взаимодействия информационного общества и информационной культуры с исторически сложившимся национальным культурным пространством. С одной стороны, очевиден процесс интеграции национальных культурных пространств в общемировое культурное пространство. С другой стороны – столь же очевидны тенденции к сохранению и укреплению автономности и самобытности национального культурного пространства именно в его информационной составляющей, что, прежде всего, определяется различиями национальных интересов и необходимостью их защиты. Некоторые авторы даже считают, что единое информационное пространство стало своеобразным средством дискриминации национального общества, его культуры. В таком мнении есть определенный резон, особенно если учитывать появившуюся очень серьезную угрозу сетевых войн, для которых возможность использования информационных технологий является одним из наиболее эффективных средств.

Национальное культурное пространство становится основным театром информационных войн, которые могут развертываться на том или ином участке, но могут охватывать и всю его континуальность. Например, информационные войны могут иметь локальный, ограниченный характер, будучи средством конкурентной борьбы в той или иной сфере – экономической, политической, спортивной и т.п. Но информационные войны обретают всеобщую масштабность при столкновении коренных национальных интересов. В этом случае главной их задачей становится разрушение целостности национального культурного пространства противной стороны. В первую очередь речь идет о разрушении системы смыслообразующих ценностей и, следовательно, об ослаблении и разрушении воспроизводственных функций культуры. Главными объектами информационного воздействия становятся индивидуальное сознание, где целью является возможно большая его автономизация и фрагментаризация, доминирующие формы общественного сознания, где целью служит разрушение общественного идеала, и доминирующие формы и способы деятельности, где целью является разрушение жизненных смыслов и ориентаций.

Поскольку культурное и информационное пространства органическим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены, то в условиях массового информационного производства культурное пространство относительно легко фальсифицируется, что открывает самые широкие возможности для ведения информационных войн. Поэтому весьма актуальна задача анализа их взаимодействия.

Можно выделить несколько групп задач в области взаимодействия культурного и информационного пространств. Первая из них состоит в защите прав и свобод человека в получении информации и пользовании ею в интересах своего духовного развития и сотрудничества с обществом. Вторая группа может быть обозначена как информационное обеспечение национальной культурной политики, проводимой государством. Сюда входят задачи по защите систем образования, науки, просвещения и всех форм культурной самодеятельности населения. Острая актуальность этой проблематики достаточно хорошо осознается в отечественной общественной науке. Силы, управляющие глобализационными процессами, во главе с США, развязали настоящую информационную войну против стран (и, прежде всего, против России), выступающих за многополярный порядок и сбалансированное решение самых важных проблем современного человечества.

Одна из основных целей этой войны состоит в подрыве гражданско-патриотического духа суверенных наций, для чего используются транснациональные и национальные средства массовой информации и глобальные информационные сети, способные активно воздействовать на мировоззрение, правосознание, менталитет и ценностные установки как индивидов, так и различных социальных групп. Тревогу вызывает и то обстоятельство, что определенная часть интеллектуальных элит, одни по недомыслию, другие из откровенно конъюнктурных соображений активно насаждают чуждые национальной культуре идеи и ценности. А есть и прямые агенты влияния, выполняющие работу по разрушению целостного национального культурного пространства и присущей ему системы приоритетных ценностей,

причем разрушительная работа в духовной сфере с иезуитским коварством подается как забота о духовном возрождении. Проводятся и откровенно диверсионные акции, среди которых наиболее беспардонными и агрессивными являются попытки фальсификации национальной истории и дискредитация национальных идеалов и героев. Целостный и целенаправленный комплекс подобного агрессивного разрушительного, но, как это ни парадоксально, плохо замечаемого вторжения в национальное культурное пространство в настоящее время квалифицируется как сетевая война. Главное и самое опасное следствие сетевой войны состоит в разрушении национального пространства как такового во всех его измерениях – экономическом, политическом, социальном, духовном. Тем самым национальное культурное пространство лишается своей субстанциональности и тоже перестает существовать как значимый фактор сообщности.

Разумеется, все это не может оставаться вне внимания и не вызывать противодействия, в том числе и обеспечиваемого спецслужбами. Здесь речь идет, прежде всего, о хорошо поставленной работе аналитических центров, способных давать квалифицированные и в правовом отношении безупречные рекомендации для корректировки национальной политики в области культуры. Совершенно необходимой оказывается разработка мер защиты от агрессивного интерфейса и виртуальной реальности асоциального содержания, от психо-энерго-информационного давления на людей, побуждающего к социально опасным действиям.

Особую важность имеют задачи по развитию средств связи и массовой информации, обеспечение и защита накопления, сохранности и эффективного использования национальных информационных ресурсов. Сюда же, вероятно нужно включить и тот комплекс задач, которые возникают в связи с необходимостью защиты информационных систем и ресурсов от несанкционированного доступа. Эта сторона дела приобретает все более острую актуальность, поскольку является одной из наиболее опасных возможностей расхищения и фальсификации национального культурного достояния.

Не менее важная сторона дела состоит в том, что нынешнее состояние и направленность процессов глобальной информатизации несет в себе возможности ограничения, лимитирования перспектив развития стран и регионов, оказавшихся в технологической зависимости. Появился даже термин – «информационный неоколониализм», выражающий такого рода тенденции. Быстрый прогресс информатизации порождает новый тип социального неравенства. Формируются новые национальные и транснациональные социальные группы, которые в силу известных причин становятся владельцами и распорядителями информации, технологий и средств информации. То есть возникают новые, так сказать, инфосословия, воздействие которых на всех остальных в социокультурном отношении будет намного превосходить возможности господствующих сословий прошлых времен. Насколько эти новые социальные сословия окажутся способными и готовыми к формированию единого информационного пространства как целостного пространства культуры? Какова будет мера их социальной ответственности? Насколько они окажутся способными и готовыми осуществлять культурный прогресс?

Это вопросы, на которые в настоящее время нельзя дать сколько-нибудь уверенных ответов. С одной стороны, информатизация объективно ведет к новому типу и новому уровню грамотности, что делает необходимой, так сказать, новую культурную революцию, первым этапом которой, как обычно, является ликвидации неграмотности (в данной случае компьютерной). Это, конечно же, расширяет возможности социальной самодеятельности. С другой стороны, известно, что массовая грамотность сопровождается и усилением стереотипизации массового сознания, которая в складывающихся условиях приобретает беспрецедентный масштаб, открывая невиданные возможности для манипулирования индивидуальным и общественным сознанием.

Вопросы обеспечения безопасности национального культурного пространства оказываются, таким образом, не только остроактуальными, но и все более усложняющимися. Они требуют глубокого системного анализа и разработки общенациональной стратегии безопасности культуры, научно обоснованной методологии анализа тех социокультурных процессов, которые имеют доминирующее значение для современного этапа исторического бытия нации и как необходимое условие ее консолидации.

Семченков А.С.
д.полит.н., профессор Московского государственного университета путей сообщения
andsem4@yandex.ru

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СПЕЦИФИКА И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: *цветная революция, дестабилизация, угроза, региональная безопасность, терроризм, экстремизм.*
Keywords: *color revolution, destabilization, threat, regional security, terrorism, extremism.*

В последнее время в связи с дестабилизацией социально-политической и экономической обстановки в Югославии, Египте, Ливии и особенно Сирии «цветные революции» стали рассматриваться политическим и военным руководством ряда стран не только как угрозы национальной, но и международной безопасности. Такого подхода придерживается и военно-политическое руководство России, что отражено в текущих редакциях Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации. В качестве вызова военной безопасности «цветные революции» оцениваются в Военной доктрине Республики Беларусь[1]. При этом, если в данных документах сформулированы общие взгляды на эту угрозу, то в выступлениях глав органов власти, обеспечивающих безопасность РФ и ее союзников по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), «цветные революции» рассматриваются более детально.

Так, по мнению С.К. Шойгу, феномен «цветных революций» становится существенным фактором дестабилизации обстановки во многих регионах мира. Под видом распространения демократии происходит навязывание народам чуждых ценностей. Социально-экономические и политические проблемы отдельных государств используются для замены национально ориентированных правительств режимами, которые контролируются из-за рубежа. Они в свою очередь обеспечивают своим покровителям беспрепятственный доступ к ресурсам этих государств.

В каждом конкретном сценарии поводы для внешнего вмешательства были разные, однако алгоритм «цветных революций» универсален: информационное воздействие – военное давление – смена политического руководства и изменение внешнеполитического и экономического вектора государства. Если сменить власть в стране «ненасильственными» методами не удаётся, то создаются условия для вооружённого противостояния и смещения неугодного правительства силой. Технологии «цветных революций» могут применяться в любом международном регионе, в противостояние в котором вовлекаются приграничные страны[2].

Как полагает В.В. Герасимов, в современных условиях глобализации, размывания границ, развития информационно-коммуникационных технологий разрешение межгосударственных противоречий осуществляется за счет гибридных методов – комплексного применения невоенных мер с минимальной опорой на военную силу. Среди этих методов – подрыв военного и экономического потенциала страны-жертвы агрессии, информационно-психологическое давление на ее руководство и население, активная поддержка внутренней несистемной оппозиции, манипуляция протестным потенциалом общества, партизанские и диверсионные способы вооруженной борьбы.

Все эти методы находят свое применение в рамках «цветных революций» – организованных извне государственных переворотов, в которых осуществляется воздействие на общественное сознание государств-объектов агрессии посредством ресурсов сети Интернет и при необходимости – поддержка экстремистских и террористических организаций, вооруженное вторжение в страну-жертву под видом миротворчества и кризисного урегулирования.

Государство, потерпевшее поражение в этой борьбе, зачастую оказывается в условиях политического и экономического хаоса, гибели мирного населения, роста преступности, массовой неконтролируемой миграции. Яркий пример использования гибридных методов – это конфликт в Сирии[3].

Говоря о последствиях «цветных революций», Ю.В. Жадобин считает, что дестабилизировать обстановку можно как в бедной, так и богатой стране, хотя более подвержены этому государства, в которых отсутствует твёрдая власть, обратная связь между ней с народом, процветает коррупция и подмена национальных интересов личными.

В условиях «цветных революций» не действует механизм миротворчества, нет чёткой границы между противоборствующими сторонами: вооруженными силами, с одной стороны, и повстанцами, наёмниками частных военных компаний, боевиками радикальных партий, молодёжных и международных террористических организаций, с другой.

---

[1] См.: Молчанов В. Ответ на вызовы времени // Красная звезда. – М., 2016. – 2 августа.

[2] Шойгу С. Глобальная безопасность и региональная стабильность / Тихонов А. «Цветные революции» – угроза миру // Красная звезда. – М., 2014. – 23 мая.

[3] Герасимов В. По опыту Сирии // Военно-промышленный курьер. – М., 2016. – 9 марта. – № 9 (624).

Опасными последствиями «цветных революций» для национальной и региональной безопасности являются потеря новой властью контроля над сохранностью вооружений и военной техники, их хищение, беспрецедентный рост незаконной торговли оружием, попадание в руки террористов и экстремистов оружия массового поражения и технологий его изготовления. Возможно разрушение базирующейся на международных договорах межгосударственной системы контроля военной деятельности, появление «серых зон» – территорий государств, на которые не распространяются меры контроля над вооружениями, например, по Договору об обычных вооружённых силах в Европе. Это позволяет сделать такие территории плацдармом для неограниченного сосредоточения группировок войск и новейших вооружений, создания баз подготовки иррегулярных вооружённых формирований.

Результатом применения военной силы в «цветных революциях» служат и гуманитарные катастрофы, благоприятствующие росту числа беженцев, торговле людьми, деятельности трансграничных преступных групп и наркокартелей. Информационная борьба в «цветных революциях» влечет за собой подъем национализма и ксенофобии, поощряемую отдельными государствами легализацию неонацистских организаций, противостояние держав, сопровождающиеся ростом военного производства и расходов, численности войск, интенсивности боевой подготовки и модернизацией военной инфраструктуры[1].

Таким образом, «цветные революции» стали рассматриваться как угроза международной безопасности, преимущественно на ее региональном уровне. В то же время фиксируется тенденция постепенного приобретения ею глобального масштаба. Эксперты подчеркивают неотъемлемость фактора военной силы для данной разновидности государственных переворотов, рассматриваемых на примерах, прежде всего, Ливии и Сирии. Динамика «цветной революции» включает несколько этапов.

На первом этапе субъект дестабилизации (отдельные иностранные государства, их союзы) стремится разжигать имеющиеся в государстве-жертве агрессии и зачастую скрытые межэтнические, межконфессиональные, социальные и территориальные противоречия, углубляя линии внутренних расколов.

На втором этапе эти противоречия из латентных проблем превращаются в открытые, и возникает противостояние оппозиции и экстремистов, якобы выражающих интересы дискриминируемого большинства, и власти, представляющей привилегированное меньшинство.

На третьем этапе в случае активного сопротивления правящего класса передать власть оппозиции и экстремистам противостояние переходит в фазу гражданской войны. Иностранная великая держава или коалиция держав начинает оказывать дипломатическое и иного рода давление на правительство нестабильной страны с тем, чтобы оно отказалось задействовать имеющиеся у него силы для восстановления законности и правопорядка. По мере развертывания оппозицией и экстремистскими организациями военных действий против правительственных войск иностранные государства как третья сила в конфликте начинают оказывать экономическую и военную помощь первым. Их бесперебойно снабжают боеприпасами, вооружением и военной техникой, материальными средствами для дальнейшего ведения военных действий.

На четвертом этапе коалиция иностранных держав может провести военную операцию с целью разгрома правительственных войск и прихода к власти оппозиции и экстремистских сил. Содержание военной операции, проводимой коалицией, составляют масштабные действия вооруженных формирований оппозиции и экстремистов, частных военных компаний, авиационные и ракетные удары, боевые действия военно-морских сил и сил специальных операций. Военные действия ведутся в воздушной, наземной, морской и информационной сферах борьбы. Широко используются космические средства и беспилотная авиация. Действия формирований оппозиции и экстремистов и вооруженных сил коалиции четко организованы, согласованы и увязаны между собой по целям, задачам, времени и объектам. Границы фронта и тыла оказываются размытыми, боевые действия ведутся на всей территории страны преимущественно в городах. Террор в отношении их населения принимает массовый характер, сама война становится криминализованной. В целом, подобные военные операции сочетают как классические действия, так и иррегулярные формы вооруженной борьбы[2].

Обобщая сценарии «цветных революций», в их динамике следует выделить следующие ключевые моменты: 1) создание сети-субъекта угроз политической стабильности, включающей как несистемные оппозиционные организации, так и экстремистские формирования; 2) инициирование повода для протеста – обвинение власти в проведении несправедливой и нечестной политики; 3) агитация населения структурами сети по различным каналам коммуникаций, включая сеть Интернет; 4) создание широкого по своему составу протестного социально-политического движения; 5) проведение акций протеста участниками движения; 6) осуществление провокаций против власти, использование эффекта «жертвы» для привлечения дополнительных сторонников; 7) подготовка и проведение митингов в центре столицы и крупных городов с призывом к неконституционной смене власти; 8) в случае невосприимчивости правящей элиты к требованиям протестующих – проведение диверсионно-террористических действий, вооруженных столкновений с правоохранительными органами и войсками, переходящих в асимметричный внутригосударственный конфликт; 9) если в асимметричном внутригосударственном конфликте правительство близко к победе над террористическими и экстремистскими силами, то поддерживающие их иностранные государства осуществляют вооруженное вторжение на территорию нестабильной страны. Внутригосударственное столкновение перерастет в военный конфликт или войну того или иного уровня.

---

[1] См.: Жадобин Ю. Сущность «цветных революций» / Тихонов А. Откуда исходят угрозы миру // Красная звезда. – М., 2014. – 28 мая.

[2] Зарудницкий В. Военные аспекты «цветных революций» / Тихонов А. Откуда исходят угрозы миру // Красная звезда. – М., 2014. – 27 мая.

В настоящее время в рамках ОДКБ реализуется ряд направлений обеспечения региональной безопасности, смежных с противодействием «цветным революциям». Это противодействие терроризму, урегулирование внутригосударственных конфликтов и недопущение беспорядков (например, в Кыргызстане), обеспечение безопасности в киберпространстве, борьба с производством и распространением на территории стран-участниц наркотиков. Однако пока не приходится утверждать, что государства-участники ОДКБ полностью готовы к предупреждению и отражению угроз «цветных революций». По-прежнему вызывает озабоченность распространение в зоне коллективной ответственности ОДКБ, в первую очередь, в Центральной Азии, активности экстремистских и террористических организаций, рост торговли наркотическими веществами, особенно с учетом нестабильной обстановки в Афганистане, некоторые провинции которого могут оказаться под контролем боевиков запрещенного в России «Исламского государства».

Помимо этого в сфере экономической безопасности стоит учитывать сохраняющиеся кризисные явления в экономиках стран ОДКБ, зависимость доходной части бюджетов некоторых из них от экспорта энергоресурсов. Последнее обстоятельство влечет риски недофинансирования ряда государственных программ в случае дальнейшего падения цены на нефть и вытеснения стран ОДКБ с зарубежных нефтегазовых рынков[1]. Росту потенциала социального взрыва в этих странах могут способствовать проводимые органами исполнительной власти несвоевременные и неадекватные изменения в пенсионном обеспечении, работе и доступности учреждений здравоохранения, сфере науки, дошкольного, среднего и высшего образования.

При оценке ситуации в миграционной сфере и области межэтнических отношений многие эксперты справедливо указывают на негативные тенденции, связанные с ростом численности трудовых мигрантов среди населения России, прежде всего, в городах. Сообщества мигрантов из среднеазиатских республик стали благоприятной средой для пропаганды исламистских идей и формирования опорных пунктов террористических сетей на территории России (в этой связи вспомним операции Федеральной миграционной службы и МВД РФ на Апраксином дворе в Санкт-Петербурге и на Даниловской набережной в Москве в начале 2013 г., нейтрализацию правоохранительными органами банды ГТА в 2014 г. и др.). Не меньшую опасность представляют и создаваемые трудовыми мигрантами в России замкнутые этнические анклавы, члены которых зачастую вступают в конфликты с местным населением[2].

В сфере государственной и общественной безопасности обстоятельством, ясно свидетельствующим о появлении угроз «цветных революций», стало широкое распространение сетей экстремистских, прежде всего, исламистских организаций за пределами среднеазиатских республик. На территории России были выявлены разветвленные структуры по вербовке и мобилизации исламистов. Появились случаи VIP-террора в форме убийств и покушений на жизнь видных религиозных деятелей традиционного ислама (шафиитского и ханафитского мазхабов)[3]. Тревогу вызывает и вполне реальная опасность объединения несистемной оппозиции и экстремистов националистического толка.

Говоря о **мерах противодействия «цветным революциям»**, следует отметить, что в этой сфере государствами-участниками ОДКБ уже выработан определенный подход. Он представляет собой симметричный ответ государства на действия радикальных оппозиционных (а также террористических и экстремистских) структур в форме их силового, организационного или информационного подавления. Данный подход разрабатывался еще в СССР, апробирован в Армении, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане и предполагает реализацию комплекса оперативных, оперативно-поисковых, оперативно-технических и следственных мероприятий с привлечением разведывательных, контрразведывательных и полицейских сил.

К данным мероприятиям относятся: агентурная работа в структурах радикальной оппозиции (а также террористов и экстремистов), контроль над деятельностью их лидеров, членов и иностранных эмиссаров, получение сведений о целях и программах этих структур; контроль над студенческими и молодежными организациями, ликвидация нелегальных молодежных объединений; сбор данных о незаконной торговле оружием, ликвидация складов оружия, баз боевиков; контроль над обстановкой в регионах страны, сбор сведений о распространяемых среди населения слухах; создание под контролем спецслужб псевдооппозиционных и нелегальных организаций; контроль над религиозными сектами, масс-медиа; проведение систематических оперативных и оперативно-технических мероприятий в отношении сторонников экстремистских организаций, проверка подозрительных лиц; профилактика и борьба с терроризмом, охрана объектов критической инфраструктуры государства; централизованное руководство всеми силами и средствами, используемыми для пресечения акций политической дестабилизации[4].

На основе данного подхода осуществляется и сотрудничество органов безопасности, полиции, вооруженных сил, служб ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем перечисленные выше действия осуществляются преимущественно внутри стран ОДКБ и их целесообразно дополнить **мерами коллективного характера**.

Во-первых, сохраняет свое значение развитие потенциала ОДКБ по **урегулированию незавершенных этнополитических, межконфессиональных и межклановых конфликтов** как предпосылок дестабилизации обстановки в странах-участницах организации. Вполне подходящим здесь может быть опыт России (его организационная, дипломатическая и силовая составляющие) по урегулированию внутригосударственного конфликта в Сирии, в которой работает центр по примирению враждующих сторон и реализуются гуманитарные операции.

---

[1] Мусин М., Эль Мюрид. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами. – М.: Книжный мир, 2013. – С. 25 − 67.

[2] Ивановский А. Миграция как военная угроза // Военно-промышленный курьер. – М., 2013. – № 16 (484); Эль Мюрид. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. – М.: Книжный мир, 2013. – С. 64 – 121; Медведев С. Миграция: новые угрозы // Красная звезда. – М., 2013. – 30 мая; Родин И., Самарина А. Новая пятая колонна // Независимая газета. – М., 2013. – 31 мая.

[3] Сулейманов Р.Р. Ислам и политика // Красная звезда. – М., 2012. – № 189, 194, 199.

[4] Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. – М.: ОЛМА-ПРЕСС образование, 2006. – С. 233, 236−239; Почепцов Г.Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным революциям». – М.: Европа, 2005. – С. 46−47, 59−60.

Во-вторых, для **ограничения деструктивной политической активности некоммерческих организаций** целесообразно предпринять определенные меры в правовой сфере. Так, государствами-участниками ОДКБ вслед за Россией могут быть приняты законы о регулировании деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов, с возможностью приостановления и прекращения их деятельности.

В целях противодействия финансированию деструктивной деятельности некоммерческих организаций, активности террористических и экстремистских структур представляется востребованным сотрудничество государств-участников ОДКБ в области финансового мониторинга, борьбы с отмыванием доходов от торговли наркотиками, теневыми механизмами перечисления зарубежных пожертвований, введения санкций против государств-спонсоров.

Мерой обеспечения региональной информационной безопасности, направленной на недопущение дестабилизации социально-политической обстановки в странах ОДКБ, может стать создание сопряженных между собой систем выявления деструктивной активности несистемной оппозиции, террористических и экстремистских формирований, некоммерческих организаций в социальных сетях и Интернет-пространстве в целом. В этом плане в странах-участницах организации продуктивным стало бы внедрение под эгидой Консультационного координационного центра по вопросам реагирования на компьютерные инциденты ОДКБ систем мониторинга, анализа и продвижения информации в социальных сетях, создание государственных систем обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы. В информационной сфере также востребовано проведение кампаний по признанию мировым сообществом нелегитимной практики применения военной силы без санкции ООН.

В-третьих, в сфере **противодействия терроризму и экстремизму** целесообразно дальнейшее развитие Коллективных сил быстрого развертывания, Коллективных сил оперативного реагирования и Коллективных авиационных сил ОДКБ, готовых к борьбе с диверсионными и террористическими формированиями, в частности, джихадистскими сетями.

Для повышения уровня защищенности объектов критической инфраструктуры (особенно энергетики, промышленности, связи и транспорта) от террористических угроз полезным представляется сотрудничество правоохранительных органов и ведомств по защите населения от природных и техногенных угроз государств-участников в рамках механизма коллективного реагирования на чрезвычайные ситуации.

Наряду с этим также следует развивать сотрудничество участников ОДКБ по борьбе с терроризмом с Шанхайской организацией сотрудничества и партнерство по этим вопросам с отдельными государствами в Евразии. Результативной мерой может быть и проведение совместных антитеррористических операций на территории заинтересованных государств за пределами зоны ответственности ОДКБ. Это позволило бы ликвидировать военную, производственную, транспортную инфраструктуру и ряд формирований террористических организаций, снизив, тем самым, угрозу дестабилизации политической обстановки в странах ОДКБ.

Сохраняется необходимость усиления таможенного контроля, ограничения импорта рабочей силы из третьих стран, ликвидации этнических анклавов в населенных пунктах, прежде всего в городах стран ОДКБ. В сфере обеспечения пограничной безопасности приоритетной задачей является скорейшее завершение мероприятий по обустройству внешних границ государств ОДКБ, а также восстановление войсковой охраны и защиты границы некоторых стран-партнеров России, прежде всего, Таджикистана (таджико-афганского участка), повышение пограничного и миграционного контроля для предотвращения проникновения и возвращения на территорию стран-участниц экстремистов – участников исламистских вооруженных и банд-формирований, террористических групп.

В-четвертых, для **снижения ущерба национальным экономикам стран-участниц ОДКБ от возможной международной изоляции**, санкций и торговых ограничений важным шагом послужит дальнейшая интеграция этих государств в рамках ЕАЭС, реализация комплекса мер по деофшоризации бизнеса, создание национальных платежных систем. Помимо этих мер с государствами-спонсорами «цветных революций» целесообразно установить торгово-экономические, научно-технические и прочие связи и отношения на основе принципов асимметричной взаимозависимости.

Поскольку возможность вооруженной агрессии государств-спонсоров «цветной революции» не исключена полностью, востребованным становится дальнейшее укрепление создаваемой ныне объединенной системы противовоздушной обороны, совместной системы радиационной, химической и биологической защиты ОДКБ от террористических атак, а в случае роста военных угроз – формирование коалиционных группировок войск в регионах коллективной безопасности (по образцу белорусско-российской группировки).

Федотовских А.В.[1]

ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИЦ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ

Ключевые слова: *Евразийский Союз в Арктике; арктическая экономика; международной сотрудничество в Арктике; популяризация арктических проектов.*

Keywords: *The Euroasian Union in the Arctic; Arctic economy; international cooperation in the Arctic; promoting of the Arctic projects.*

Арктика – зона стратегических интересов России, но международное арктическое сотрудничество – одно из приоритетных направлений государственной внешней политики. В принятой в феврале 2013 г. редакции внешнеполитической концепции РФ четко конкретизированы основные подходы к международному сотрудничеству в Арктике. В документе указано, что Россия открыта к взаимовыгодному сотрудничеству и с внерегиональными игроками при уважении ими независимости, суверенных прав и юрисдикции арктических государств в Арктике[2].

Одной из наиболее влиятельных организаций, регулирующих международное сотрудничество в Арктике является Арктический Совет. В состав Совета входят восемь приарктических стран, включая Россию. Полноправными участниками Совета среди приграничных с Россией стран являются Финляндия и Норвегия, имеющие с нами сухопутные границы, а также США, отделенные водной границей. Именно с этими странами реализуются совместные программы по защите уникальной природы Севера, подписано Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении, планируется подписание Соглашения о предотвращении разливов нефти в Арктике[3].

В числе приграничных с Россией стран, имеющих статус наблюдателей в Арктическом совете, – Китай, Польша и Япония, сотрудничество с которыми носит различный характер по динамике и содержанию. Активность их в Арктике растет, несмотря на географическую удаленность и отсутствие выхода к северным морям. Страны Евразийского Союза, кроме России как основного игрока в Арктике на международном уровне, не входят в состав Арктического совета и практически не принимают участия в программах освоения этого региона, что можно считать большим пробелом.

Евразийский Союз испытывает очередную проверку на прочность в связи со сложной внешнеполитической обстановкой, и для его укрепления необходимо развитие не только базовых экономических, таможенных и миграционных соглашений, но и новые векторы. Таким вектором может стать реализация совместных проектов в Русской Арктике – культурных, экономических и геополитических. В этом процессе даже публичная дипломатия и общественные проекты могут быть частью как Арктической официальной дипломатии, так и новым направлением в рамках Евразийской интеграции.

Арктика представляет для России стратегический интерес с различных точек зрения, среди которых: национальная и внутренняя безопасность, охрана окружающей среды, устойчивое развитие, развитие сотрудничества и взаимодействия с государствами, имеющими интересы за Полярным кругом. Примером такой кооперации может стать Арктический вектор Евразийского Совета, прежде всего Казахстана и Беларуси.

---

[1] Федотовских Александр Валентинович – к.э.н., PhD, профессор РАЕН, член Президиума Координационного совета РСПП по развитию Северных территорий и Арктики, член рабочей группы «Социально-экономическое развитие» Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, член Полярной комиссии Русского географического общества, член Международного экспертного Совета по сотрудничеству в Арктике (IECCA), член Правления Союза промышленников и предпринимателей Красноярского края. Профессиональные интересы: экономика Крайнего Севера и Арктической зоны России; Арктическое законодательство, искусственный интеллект; территориальный маркетинг; экономика аэрокосмического комплекса России. Подробная информация – на личных страницах в научных социальных сетях: http://scipeople.ru/users/fedotovskikh https://www.researchgate.net/profile/Alexander_Fedotovskikh E-mail: chief@nrd.ru

Координационный совет Российского союза промышленников и предпринимателей по развитию Северных территорий и Арктики создан в мае 2014 г. для решения актуальных вопросов инвестиционного, научно-технического и социально-экономического развития Крайнего Севера и мер стимулирования экономик северных регионов. В Совет входят руководители отделений РСПП и компаний, ведущих деятельность в регионах Крайнего Севера и Арктической зоны РФ. В составе Президиума Совета работают президент Союза промышленников и предпринимателей Мурманской области Сергей Веллер и председатель Союза «Северные промышленники и предприниматели» Александр Федотовских, входящие в рабочие органы Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. В настоящее время одной из основных задач Совета является участие в разработке ФЗ «Об Арктической зоне РФ» и внесение предложений по улучшению социально-экономического положения арктических регионов в государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года». Страница Совета в сети: www.rspp.ru\arctic

[2] Коваль В.П., Лыжин Д.Н. Геополитические интересы государств в Арктике / Российский институт стратегических исследований. – 12.09.2013. – http://riss.ru/analitycs/3853/

[3] Информация со страниц официального сайта Арктического Совета. – http://www.arctic-council.org/index.php/ru/

Научный и общественный потенциал Казахстана и Беларуси, являющихся основными партнерами России, может быть востребован в большей степени, чем сейчас. И направлений такого сотрудничества для преодоления разногласий, возникающих в процессе интеграции, предостаточно. Примеры такого сотрудничества есть, но они, к сожалению, носят единичный характер.

Первый большой успех усилий государств и некоммерческих экологических организаций Евразийского Союза по арктической теме пришелся на 2011 г. Россия, Беларусь и Казахстан отказались от тюленьих шкур и ввели запрет на импорт и экспорт шкур гренландского тюленя, поддержав инициативу Международного фонда защиты животных (IFAW). Против такого решения выступала Канада, ведь Россия являлась крупнейшим рынком для канадских продуктов из тюленя с долей до 90%[1].

В 2014 г. на Бованенковском нефтегазоконденсатном месторождении, расположенном в 40 километрах от побережья Карского моря, вместе работали юноши и девушки из студенческих строительных отрядов России и Беларуси. Их объединили не только экономические интересы, но и северная романтика.

Весной 2015 г. состоялась первая казахстанская лыжная экспедиция на Северный полюс. Ее участники водрузили на самой крайней северной точке планеты флаг страны и Ассамблеи народа Казахстана. Новый этап Арктического взаимодействия Евразийского Союза был намечен на 3–10 апреля 2016 г., время старта нового проекта МЭД «Живая Планета» – II Международной полярной экспедиции «Открытая Арктика 20/16» на острова Гренландия, Исландия и Шпицберген с участием стран Евразийского экономического союза: России, Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана.

В ноябре-декабре 2015 г. в шести городах России и Казахстана состоялись выставки-презентации Ямальского проекта «Карские экспедиции», посвященного 70-летию Победы. О жизни и новых проектах в Русской Арктике узнали жители столицы Северо-Казахстанской области Казахстана – Петропавловска.

В рамках V Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», прошедшего в декабре 2015 г. в Петербурге, республика Коми и Беларусь презентовали совместный продукт – вездеход «МАС» (рис. 1), являющийся плодом научного и инженерного сотрудничества специалистов двух стран.

Источник: http://www.belgaz.by

Рисунок 1.
Вездеход «МАС»

В данный момент основная сборка происходит в Минске, однако в ближайшее время автомобиль предполагается собирать и в Сыктывкаре[2]. Главный конструктор вездеходов МАС – Владимир Драбо, известный путешественник, глава фонда поддержки экстремальных экспедиций «Полюс» в Беларуси, мастер спорта.

Примеров такого сотрудничества может быть гораздо больше. Для этого необходима реализация совместного Арктического Евразийского проекта не только для развития социально-экономических механизмов, но и для преодоления противоречий между странами, укрепления межнациональных и межэтнических связей, в т.ч. и с циркумполярной цивилизацией. Включение в программы работы органов, отвечающих за действия в рамках Евразийской интеграционной модели, таких пилотных мероприятий как пресс-конференции, форумы, выставки, семинары по проблемам Арктики позволят расширить участия стран ЕАЭС в проектах экономической интеграции и освоения региона. Реализация проектов организаций научно-технической сферы и НКО при финансовой поддержке государств-участников

[1] Россия, Беларусь и Казахстан отказались от тюленьих шкур // Арктика-Инфо. – 20.12.2011. – http://www.arctic-info.ru/news/20-12-2011/rossia--belarys_-i-kazahstan-otkazalis_-ot-tulen_ih-skyr

[2] Коми и Беларусь разработали вездеход для Арктики // Арктика-Инфо – 10.12.2015. – http://www.arctic-info.ru/news/10-12-2015/respybliki-komi-i-belarys_-razrabotali-vezdehod-dla-arktiki

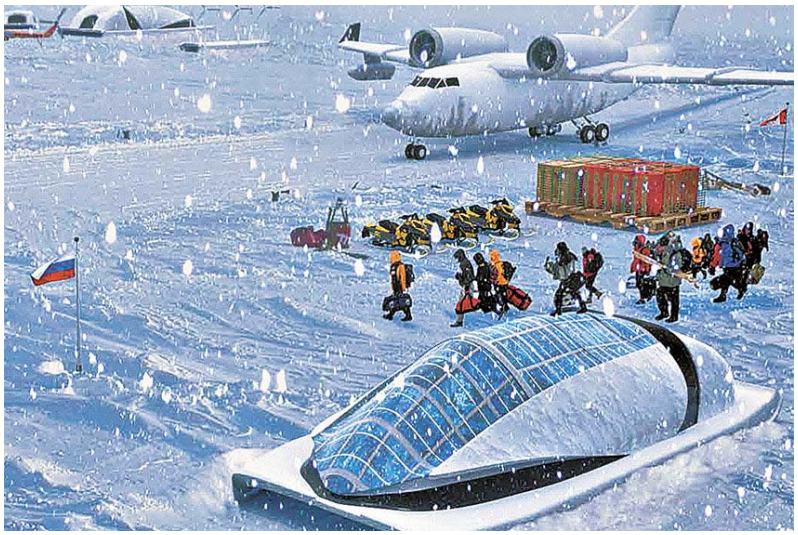
Совета будет способствовать расширению контактов и внедрению инновационных технологий. В первую очередь, это изучение изменения климата в Арктике, прогнозы последствия таяния льда.

Важно вовлекать в диалог общественных активистов, молодых лидеров, представителей народов Крайнего Севера, образовать Молодежный Арктический Евразийский Совет, наподобие Школы молодежной дипломатии, созданной в 2014 г. Посольством Республики Казахстан в РФ совместно с Высшей школой экономики.

С точки зрения геополитики, государства, заинтересованные в многополярном развитии мирового пространства, должны поддержать глобальные арктические проекты России, выступающей не только за развитие новых ресурсов, энергетики и экономики в целом, но и за создание сбалансированного многополярного мира. Такими государствами с полным правом можно считать государства-члены Евразийского Союза. Одним из ключевых направлений их сотрудничества может стать создание единого рынка углеводородов, тем более что на перспективу в ближайшие 30 лет именно Арктические регионы России станут ключевым поставщиком нефти и газа.

В мае 2016 г. главы стран ЕАЭС достигли принципиальной договоренности и одобрили концепцию такого рынка с 2025 г. Эксперты утверждают, что сегодняшние интересы участников – России и Казахстана с одной стороны и Белоруссии с другой – прямо противоположны, но в долгосрочной перспективе выиграют все государства, особенно в рамках сотрудничества с Китаем и Индией, которые недавно приглашены в состав Евразийского Союза. Кроме того, страны Евразийского Союза могут принять участие не только в проектах потребления, но и разработки новых месторождений нефти и газа как на суше, так и на арктическом шельфе. Действительно, считается, что освоение Сибири и Арктики – исключительный национальный интерес именно России. Однако вовлечение во всесторонние проекты развития государств-союзников будет способствовать взаимному укреплению и сближению государств в рамках ЕАЭС.

Второе по значимости глобальное направление сотрудничества – научное. Несмотря на непростую ситуацию в этой области, поле для взаимодействия – огромное. В марте 2016 г. в РГО презентовали проект Международной арктической станции – аналога МКС, но на Северном полюсе. Инициатор – полярный путешественник из Норвегии Инге Солхейм уверенно заявил, что, основываясь на арктических технологиях, применяемых в России, станция заработает в 2017 г. (рис. 2). В штате станции планируется работа 28 человек – ученых из России, Норвегии, Америки, Великобритании, Канады, Швеции, Финляндии, Японии и Казахстана[1].



Источник: International ice station.

Рисунок 2.
Международная арктическая станция

В число совместных научно-исследовательских и информационных проектов также можно включить создание Единого Евразийского информационного Арктического центра, наподобие создающегося сейчас Европейского Центра Информации об Арктике за Полярным кругом. В рамках ЕАЭС можно создать общие проекты по освоению космоса, в частности, проект создания Арктического космического исследовательского центра. А стартом таких работ сделать программу популяризации арктических проектов в неарктических государствах Евразийского Союза.

И тогда Россия, как обладательница самой значительной территории в Арктике, станет страной, объединяющей множество государств-союзников, а тезис «Арктика – территория мира» станет еще более близким к действительности.

[1] МКС на полюсе // Российская газета. Столичный выпуск. – М., 2016. -№ 6923 (55), 16 марта. – https://rg.ru/2016/03/16/v-moskve-predstavili-proekt-mezhdunarodnoj-arkticheskoj-stancii.html

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

Анохина М.Е.[2]

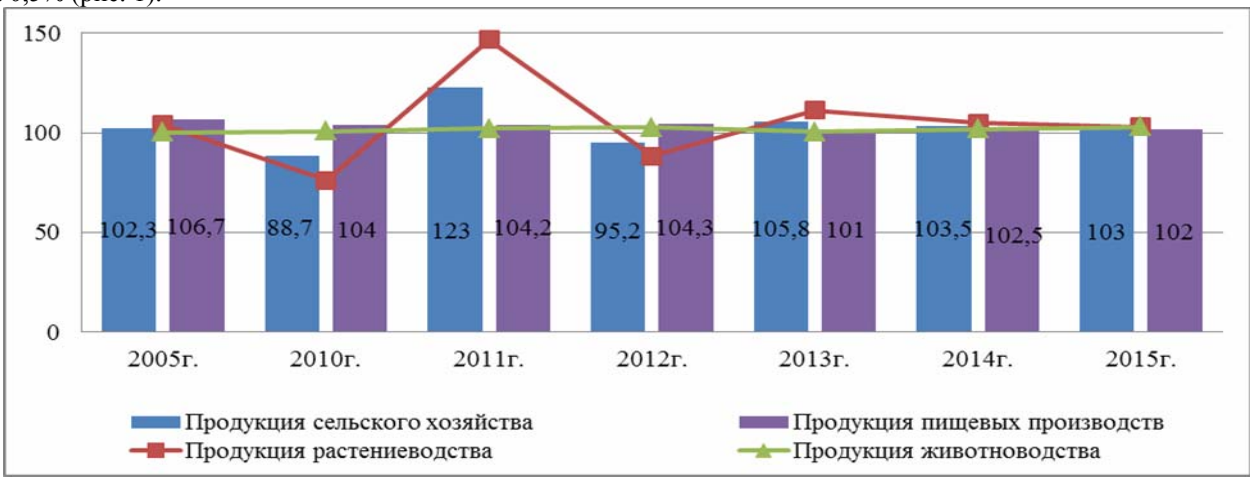
УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА АПК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова*: экономический рост АПК; факторы, детерминанты и условия экономического роста; аграрное страхование; налоговая нагрузка в сельском хозяйстве; финансово-кредитный механизм АПК; финансово-экономическая устойчивость сельскохозяйственных организаций; система жизнеобеспечения на селе.*

Keywords: *economic growth of the agro-industrial complex; factors, determinants and conditions of economic growth; agricultural insurance; the tax burden in agriculture; financial and credit mechanism of agriculture; financial and economic sustainability of agricultural organizations; the life-support system of rural territories.*

Изменение политической и экономической ситуации в глобальном масштабе актуализирует для России проблему экономического роста агропромышленного комплекса. Обеспечение положительной экономической динамики АПК следует рассматривать как задачу стратегического характера, решение которой позволит не только достичь необходимого уровня самообеспечения продовольственными товарами, но и даст импульс развитию всей экономической системы посредством формирования агроэкспортного потенциала страны.

Реализуемый подход к управлению экономическим ростом АПК не является стратегически верным, т.к. не позволяет обеспечить устойчивость экономической динамики и не способствует формированию потенциала роста. В 2015 году рост аграрной отрасли замедлился на 0,5%, темп роста продукции пищевых производств также сократился на 0,5% (рис. 1).



Источник: данные Федеральной службы государственной статистики и Министерства сельского хозяйства Российской Федерации

Рисунок 1.
Индекс производства продукции АПК в 2005–2015 гг., % к предыдущему году

Основные причины невысокой экономической динамики агропромышленного производства на современном этапе, не позволяющей обеспечивать жизненно важные функции АПК как подсистемы народнохозяйственного комплекса, обусловлены отсутствием баланса между параметрами экономического роста на уровне факторов, детерминант и условий роста. При значительном потенциале АПК на уровне факторов роста (природно-биологические ресурсы, трудовые ресурсы, капитал) экономическая динамика не обеспечивается за счет детерминант роста (инвестиционно-инновационные, технологические, структурные, инфраструктурные) по причине их недостаточности и несоответствия по содержанию современному уровню агропромышленного производства. Такой дисбаланс является следствием создаваемых условий роста, которые не позволяют достичь уровня и соотношения факторов и детерминант роста для

[1] В этом разделе публикуются материалы одноименной Всероссийской научно-практической конференции, которая была проведена 14 сентября 2016 г. в рамках Второй международной специализированной выставки «Импортозамещение 2016».

[2] Анохина Марина Егоровна – к.э.н., доцент кафедры организационно-управленческих инноваций Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: marina_anokhina@mail.ru

устойчивой динамики АПК. Условия экономического роста АПК в первую очередь формируются системой аграрного страхования и налогообложения, финансово-кредитным механизмом, системой жизнеобеспечения на селе.

Страховая защита, как условие экономического роста АПК, определяет его инвестиционную привлекательность, обеспечивает рациональное использование ресурсов и способствует повышение эффективности производства агропромышленной продукции. Сельскохозяйственное страхование в силу высокого риска деятельности и невысокой привлекательности отрасли в 2014 г. составило всего лишь 1,7% в сумме страховых премий и 1,1% в сумме выплат по договорам страхования[1]. Коэффициент выплат по сельскохозяйственному страхованию с государственной поддержкой в период 2005-2014 гг. значительно варьировал (от 0,17 до 0,72), имея общую тенденцию к снижению (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения страховых премий и страховых выплат в области сельскохозяйственного страхования, осуществляемого с государственной поддержкой

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Страховые премии, млрд. руб.	6,4	5,8	7,7	8,8	9,2	8,8	13,7	10,7	12,1	14,6
Страховые выплаты, млрд. руб.	4,3	3,3	4,1	5,3	4,5	6,4	3,8	4,9	3,5	2,6
Коэффициент выплат	0,67	0,57	0,54	0,6	0,48	0,72	0,27	0,45	0,28	0,17

Источник: Доклад о состоянии рынка сельскохозяйственного страхования, осуществляемому с государственной поддержкой, в Российской Федерации в 2014 году: Информационная брошюра – М.: Минсельхоз России, ФГБУ «ФАГПССАП», 2015. – 40 с.

Основным видом сельскохозяйственного страхования в анализируемый период было страхование урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений. Сумма уплаченных страховых премий в растениеводстве имеет устойчивую тенденцию роста на общем фоне снижения выплаченного страхового возмещения (рис. 2). В 2015 году снизилось вдвое по сравнению с 2014 годом число хозяйств, принявших участие в страховании посевов и посадок многолетних насаждений, посевная площадь застрахованных культур уменьшилась на 35,2%. В денежном выражении падение рынка страховых услуг в сфере производства продукции растениеводства достигло 29%[2]. Главная причина – неэффективная модель аграрного страхования в соответствии с Федеральным законом №260-ФЗ, исключающим наиболее востребованную сельскохозяйственными товаропроизводителями страховую защиту от частичной утраты урожая.

С 2013 года в сельскохозяйственном страховании с государственной поддержкой осуществляется страхование сельскохозяйственных животных. При общей положительной динамике в 2013–2014 гг. количества заключенных и просубсидированных договоров страхования (138,2%), количества застрахованных животных (105,3%) следует отметить крайне низкий уровень страховых выплат по отношению к страховой премии (1,1%) (рис. 3). В 2015 году емкость рынка страхования животноводства с государственной поддержкой увеличилась по сравнению с 2014 годом на 3,2%, субсидии из бюджетов всех уровней возросли на 3%. Однако только 163 хозяйства из 345 застрахованных заявили об убытках, из них получили страховую выплату 41,5%. Таким образом, страховщики отказывали в выплатах подавляющему числу сельскохозяйственных товаропроизводителей.

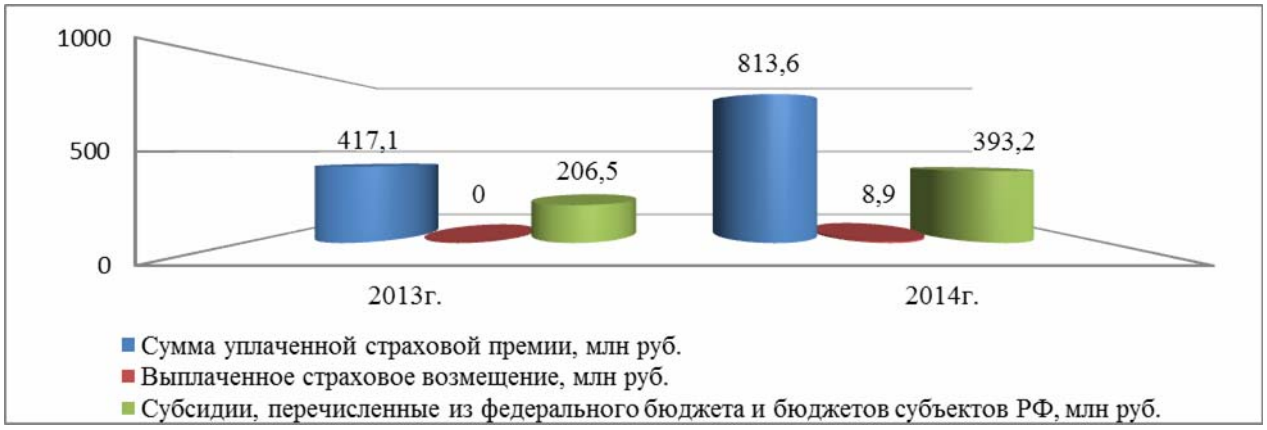
Источник: данные Федерального агентства по государственной поддержке страхования в сфере агропромышленного производства. – http://www.fagps.ru/index.php/deyatelnost/otchety-o-deyatelnosti

Рисунок 2.

Соотношение перечисленных сельскохозяйственным товаропроизводителям субсидий и выплаченных страховых возмещений к уплаченным страховым премиям по заключенным и просубсидированным договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур и многолетних насаждений

[1] Доклад о состоянии рынка сельскохозяйственного страхования, осуществляемого с государственной поддержкой, в Российской Федерации в 2014 году: Информационная брошюра – М.: Минсельхоз России, ФГБУ «ФАГПССАП», 2015. – С. 8.

[2] Национальный доклад «О ходе реализации в 2015 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». – http://mcx.ru/news/news/show/50734.355.htm



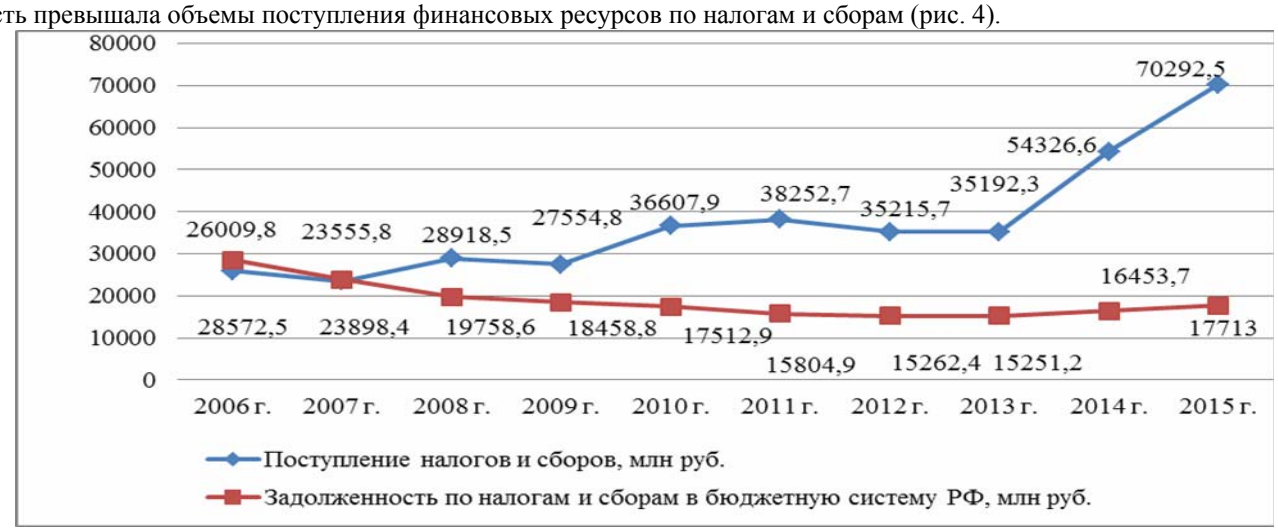
Источник: Доклад о состоянии рынка сельскохозяйственного страхования, осуществляемого с государственной поддержкой, в Российской Федерации в 2014 году: Информационная брошюра – М.: Минсельхоз России, ФГБУ «ФАГПССАП», 2015. – 40 с.

Рисунок 3.

Соотношение перечисленных сельскохозяйственным товаропроизводителям субсидий и выплаченных страховых возмещений к уплаченным страховым премиям по заключенным и просубсидированным договорам страхования сельскохозяйственных животных

Вывод: действующая концепция страхования урожая и животных в части установленных критериев наступления страхового случая, определения страховой премии[1] не позволяет обеспечить тот уровень страховой защиты сельскохозяйственных товаропроизводителей, который является необходимым для воспроизводственных процессов в аграрной сфере и ограничивает ее экономический рост.

Система налогообложения в аграрном секторе, учитывая специфику сельскохозяйственного производства, должна выполнять роль механизма справедливого распределения доходов в обществе, обеспечивать снижение налогового бремени на сельскохозяйственных товаропроизводителей и создавать условия для расширенного воспроизводства, активизации инновационной деятельности, решения социальных задач. Необходимо отметить, что за анализируемый период 2006–2015 гг. задолженность по налогам и сборам сельскохозяйственных товаропроизводителей снизилась в 1,47 раза. При этом поступления по налогам и сборам, полученным от организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере сельского хозяйства возросло в 2,46 раза. Только в 2006 г. и незначительно в 2007 г. задолженность превышала объемы поступления финансовых ресурсов по налогам и сборам (рис. 4).



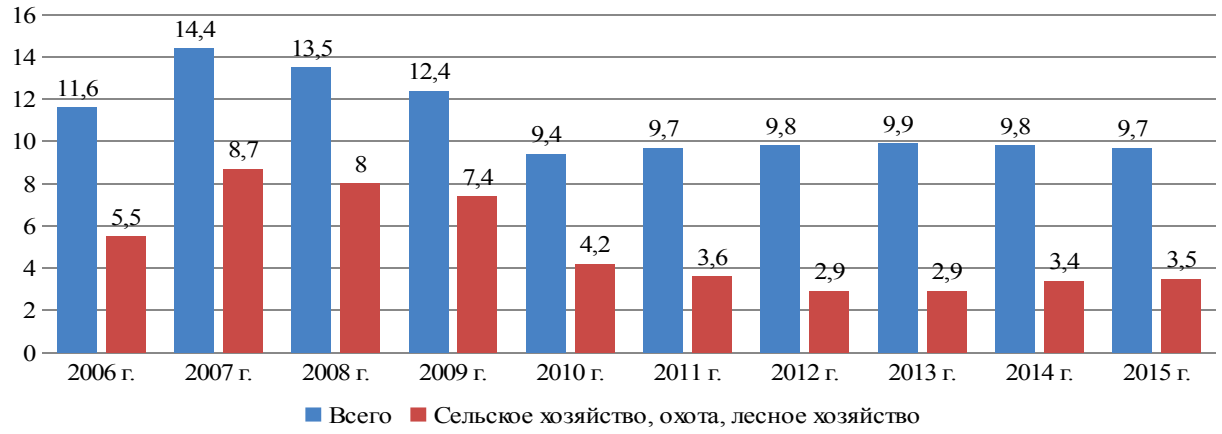
Источник: Данные Федеральной налоговой службы. – http://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Рисунок 4.

Динамика поступлений налогов и сборов и задолженности по налогам и сборам по организациям, занятым в сфере сельского хозяйства, охоты

Следует признать, что налоговая нагрузка в сельском хозяйстве существенно ниже среднего показателя по Российской Федерации и имеет тенденцию к снижению (рис. 5). Однако если учесть невысокий уровень рентабельности сельскохозяйственного производства, наличие достаточно большого количества убыточных хозяйств и соответственно рассчитать налоговую нагрузку к сальдированному финансовому результату за вычетом субсидий, к сумме прибыли, полученной в прибыльных организациях и чистой прибыли, то можно отметить, что уровень реальной налоговой нагрузки значительно превышает официальный (табл. 2). Отрицательное значение показателей налоговой нагрузки свидетельствует об убыточной деятельности хозяйствующих субъектов в аграрной сфере.

[1] №260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования» определяет, что применяемая при расчете тарифов и предназначенная для страховых и компенсационных выплат часть страховой премии не может быть меньше 80% (ст. 4, п. 8).



Источник: О налоговой нагрузке по видам экономической деятельности. Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70995536/#ixzz3n2pcMXwR

Рисунок 5.
Уровень налоговой нагрузки в 2006–2015 гг., %

Таблица 2

Уровень реальной налоговой нагрузки в сельском хозяйстве в 2006–2015 гг.

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Отношение налоговых поступлений к финансовому результату за вычетом субсидий, %	194,6	47,3	163,5	–96,9	–69,0	–952,7	200,4	–47,7	228,39	121,61
Отношение налоговых поступлений к сумме прибыли в прибыльных организациях, %	35,5	20,9	26,9	27,9	32,9	29,0	22,5	27,3	20,7	21,25
Отношение налоговых поступлений к чистой прибыли, %										

Источник: Рассчитано по данным Федеральной налоговой службы и Федеральной службы государственной статистики.

Значительное искажающее влияние на показатели налоговой нагрузки оказывают бюджетные субсидии. При этом, безусловно, имеет место положительная тенденция в уровне сопоставления объемов налогового бремени организаций, занятых в сфере сельского хозяйства, и полученных ими объемов субсидий из бюджетов всех уровней (рис. 6). Однако такое соотношение данных показателей не позволяет обеспечить выполнение целевых параметров экономической динамики АПК в области интенсификации агропромышленного производства, инновационного характера его развития, формирования эффективной системы жизнеобеспечения на селе.

Источник: Рассчитано по данным Федеральной налоговой службы и Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

Рисунок 6.
Соотношение налогового бремени и субсидий из бюджетов всех уровней в сфере ведения сельскохозяйственной деятельности в 2006–2015 гг.

Одним из основных условий обеспечения экономического роста АПК является доступность кредитных ресурсов, которые формируют экономическую базу технико-технологической модернизации отрасли, позволяют решать социальные проблемы села. Специфика аграрного производства делает необходимым создание специальных условий кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей. Общее положение в сегменте аграрного кредитования остается сложным, заемные ресурсы для большинства сельскохозяйственных предприятий являются недоступными. Кредиторская задолженность в течение всего анализируемого периода значительно превышала уровень выручки от продажи товаров, работ и услуг в АПК (рис. 7).

Источник: Рассчитано по данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

Рисунок 7.
Соотношение выручки от продажи товаров, работ, услуг и кредиторской задолженности сельскохозяйственных организаций

Основным инструментом кредитной политики в АПК является механизм субсидирования процентной ставки по кредитам, полученным агропроизводителями в российских кредитных организациях. Имеет место высокая востребованность краткосрочных кредитов, что при недостаточных объемах инвестиционных кредитных ресурсов не позволяет сформировать адекватную воспроизводственную базу, необходимую для динамичного роста АПК. В целом в 2015 году объем выданных кредитных ресурсов увеличился на 3,4% при уменьшении на 2% инвестиционных кредитов.

Неэффективность финансово-кредитного механизма АПК обусловливает недостаточную финансово-экономическую устойчивость сельскохозяйственных организаций, которая проявляется в значительной доле убыточных предприятий, низком уровне рентабельности их деятельности, высокой их зависимости от кредиторов (табл. 3).

Таблица 3

Динамика основных показателей финансово-экономической устойчивости сельскохозяйственных организаций РФ в 2006–2015 гг.

Показатель	2006 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Доля убыточных организаций в общем числе сельскохозяйственных организаций, %	34,7	27,4	20,0	26,8	22,6	19,6	16,9
Уровень рентабельности по всей деятельности без субсидий, %	2,6	–5,4	–0,4	1,4	–5,2	6,3	10,9
Просроченная задолженность по обязательствам сельскохозяйственных организаций, млрд. руб.	64,8	32,2	34,7	38,5	43,0	40,9	38,7
Коэффициент текущей ликвидности, %	158,4	179,4	167,1	162,7	179,2	180,2	181,7
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	–13,5	–37,0	–33,3	–34,0	–17,1	–23,8	–14,2
Коэффициент автономии, %	49,0	36,1	41,7	39,5	35,6	44,2	44,8

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

В свою очередь сложная финансовая ситуация в АПК предопределяет минимизацию затрат на создание и развитие социальных условий экономического роста агропромышленного производства (табл. 4).

При этом важно понимать, что социальные потрясения чреваты куда более значимыми издержками, чем затраты на их предотвращение. Социальное положение современного отечественного крестьянства достаточно близко к состоянию социального потрясения. Об этом свидетельствует огромная дифференциация между городом и деревней, отсутствие элементарных условий жизнедеятельности на селе, падение социального оптимизма сельского населения. Социологические исследования показывают, что 14% жителей села намериваются в ближайшие 2–3 года переехать на постоянное место жительства в город, 27,9% задумываются об отъезде. Среди молодежи эти показатели значительно

выше – 26,6 и 37,6% соответственно[1]. Все это приводит к устойчивому снижению численности сельского населения. За последние 13 лет сельское население уменьшилось на 2,3 млн. чел. Следует добавить, что в настоящее время за чертой бедности в сельской местности проживают более 6 млн. человек, среднедушевые располагаемые ресурсы в сельских домохозяйствах в 1,6 раза ниже, чем в городских.

Таблица 4

Основные показатели социальных условий экономического роста АПК

Показатели	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Среднегодовая численность занятых в экономике – всего	66,8	67,6	67,7	68,0	67,9	67,8	68,5
Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве, млн. чел	6,7	6,1	6,0	5,9	5,8	5,7	5,5
Доля в общей численности занятых по экономике в целом	10	8,9	8,8	8,7	8,6	8,4	8,0
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет,%							
городское население	63	64,4	65,4	66,5	66,3	66,9	66,8
сельское население	56,2	57,8	59,4	60,2	60,2	60,6	60,5
Располагаемые ресурсы в среднем на одного члена, руб.							
городского домохозяйства	6529,5	16265,1	18291,1	20405	23645	25347,5	26381,6
сельского домохозяйства	3604,7	10128,6	11745,8	13320,3	14191,7	15802,3	16174,5
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м^2							
в сельской местности	21,9	24,0	24,5	24,8	24,7	25,0	25,6
в городских поселениях	20,4	22,1	22,5	22,9	22,9	23,3	24,0
Благоустройство жилищного фонда водопроводом, %							
сельская местность	43	48	49	49	52	54	57
городская местность	88	89	90	90	90	85	91
Благоустройство жилищного фонда горячим водоснабжением, %							
сельская местность	22	25	26	27	28	30	33
городская местность	79	80	80	80	81	77	81
Благоустройство жилищного фонда канализацией, %							
сельская местность	34	39	39	40	41	43	45
городская местность	86	87	87	88	88	84	89

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики и Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

Сельский жилищный фонд лишь на 26% оборудован всеми видами благоустройства, площадь ветхого и аварийного жилищного фонда в 1,5 раза больше, чем в 2000 году и в 2 раза по сравнению с городом. Численность организаций здравоохранения в сельской местности имеет устойчивую тенденцию к сокращению – с 2000 года число поликлиник уменьшилось на 65%, фельдшерско-акушерских пунктов – на 22%, станций скорой помощи – на 11%[2]. В 2015 году в соответствии с ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» был предпринят ряд действенных мер, которые позволили увеличить по сравнению с 2014 г. на 175% ввод общей площади жилых помещений, на 160% приобретение жилья для молодых семей и молодых специалистов, в 2,5 раза ввод в действие ученических мест в общеобразовательных организациях. Однако система жизнеобеспечения на селе не соответствует потребностям сельских жителей, что приводит к катастрофическому сокращению уникального генофонда сельского населения страны, исчезают тысячи сельских населенных пунктов, пустеют значительные российские территории, утрачивается социальный контроль.

Таким образом, современная ситуация хозяйствования АПК с особой очевидностью демонстрирует несистемный характер принимаемых мер по восстановлению агропромышленного производства в стране, который в первую очередь обусловлен отсутствием соответствующих условий экономического роста отраслевого комплекса. Если в ближайший год не будут реализованы программные мероприятия по созданию условий экономического роста АПК, предполагающие получение доступа к дешевой ликвидности, снижение налогового давления на предприятия отрасли, развитие рынка аграрного страхования, формирование системы жизнеобеспечения на селе, то уже к 2018 году может иметь место стагнация в агропромышленном производстве.

[1] Ушачев И.Г. Агропродовольственный сектор России в условиях санкций: проблемы и возможности. Доклад на Московском экономическом форуме 25 марта 2015 года. – С. 17.

[2] Доклад об устойчивом развитии сельских территорий Российской Федерации. – http://www.mcx.ru/documents/document/show/26308.htm

Беденко В.Г.,
Иванов В.Н.,
Бакулин Л.А.,
Зулин Б.Д.[1]

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГРАММЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ООО «ШИХ» В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА ХИМИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ ДЛЯ КОЖЕВЕННОЙ И МЕХОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: *кожевенная промышленность, меховая промышленность, химические препараты, импортозамещение.*

Keywords: *leather industry, fur industry, chemical materials, import substitution.*

Общество с ограниченной ответственностью «Шебекинская индустриальная химия» (ООО «ШИХ») работает на рынке химических препаратов для кожевенной и меховой промышленности Российской Федерации (РФ) и стран СНГ уже более 20 лет. За прошедшие годы создана собственная база по производству современных составов различного назначения, включающая в себя:

– научно-исследовательскую лабораторию по разработке рецептур и технологии получения химических препаратов для кожевенной и меховой промышленности;

– недавно созданный опытно-экспериментальный участок обработки кож от вет-блю для отработки препаратов красильно-жировальных процессов и отделки различных артикулов;

– технологический отдел, состоящий из опытных технологов кожевенного производства, осуществляющих технологическое сопровождение использования наших продуктов более чем на 70 кожевенных и меховых заводах;

– производственные установки для промышленного выпуска различных препаратов мощностью более 6 тыс. тонн в год;

– удобную погрузочно-складскую инфраструктуру.

В начале 2015 года в связи с санкционной политикой ряда западных стран по отношению к РФ ООО «ШИХ» во взаимодействии с Российским союзом кожевников и обувщиков и Департаментом химико-технологического и лесопромышленного комплекса Минпромторга РФ разработало собственную программу импортозамещения, целью которой является создание рецептур и выпуск современных препаратов на базе имеющегося отечественного сырья и частичная замена импортных препаратов ведущих зарубежных фирм. При выборе таких базовых препаратов в первую очередь учитывалось мнение главных технологов кожевенных заводов, а также наличие надежной сырьевой базы. Разработанные препараты соответствуют европейским экологическим стандартам (Reach – регламент по химическим веществам № 1907/2006) и по потребительским свойствам приближены к соответствующим импортным продуктам.

Основные направления программы импортозамещения ООО «ШИХ» и полученные результаты по состоянию на 01.05.2016 представлены в табл. 1. Из таблицы видно, что в период 01.01.2015 – 01.05.2016, ООО «ШИХ» произвело и поставило на кожевенные и меховые предприятия РФ и СНГ более 3 300 тонн альтернативных химических материалов, что является существенной долей в общем объеме потребления.

Таблица 1

Основные направления программы импортозамещения ООО «ШИХ» и полученные результаты по состоянию на 01.05.2016

№ п/п	Назначение химических материалов	Название наиболее популярных импортных препаратов, фирма-изготовитель	Оценка годового объёма использования препаратов в РФ и СНГ, тонн	Название препаратов-аналогов, разработанных ООО «ШИХ»	Стадии импортозамещения и объемы выпуска (01.01.2015 – 01.05.2016) препаратов ООО «ШИХ»
1	2	3	4	5	6
	Смачиватели-обезжириватели различного назначения на основе ПАВ		2180–3200		961 тонна

[1] Беденко Владимир Григорьевич – д.х.н., председатель совета директоров ООО «ШИХ». E-mail: vgbedenko@gmail.com. Иванов Виктор Николаевич – к.х.н., главный научный консультант. E-mail: razrabotkashix@yandex.ru. Бакулин Леонид Алексеевич – директор кожевенного направления. E-mail: bakulin@list.ru. Зулин Борис Дмитриевич – начальник лаборатории. E-mail: boris.zulin@gmail.com

1	2	3	4	5	6
1.1.	Ускоритель отмоки и смачиватель для шкур КРС	Eusopon W, BASF; Barron A, TFL	250–350	СН-ОВ	Закончен цикл исследовательских и опытных работ, внедрен на 15 заводах в объеме 248 тонн.
1.2.	Смачиватель-обезжириватель для шкур КРС	Suprolan ON, Zschimmer & Schwarz	800–1200	СН-22Ш, СН-22	Закончены исследовательские и опытные работы, внедрен на 12 заводах в объеме 222 тонны.
1.3.	Обезжириватель для свиных шкур и шкур МРС	Suprolan ON, Zschimmer & Schwarz	600–800	СН-31, СН-22Ш, СН-СПК, СН-СП	Закончены исследовательские работы, продолжаются промышленные испытания. Внедрен на 8 заводах в объеме 417 тонн.
1.4.	Ускоритель отмоки для меховых шкур	Betol-N, Lowenstein	150–250	ИОТ (с бактерицидным эффектом)	Продолжаются промышленные испытания, внедрен на 4 заводах в объеме 7 тонн.
1.5.	Смачиватель-обезжириватель для меховых шкур	Betol-A, Lowenstein; Betol-N2, Lowenstein	400–600	СН-305, СН-306, Нега	Проводятся исследовательские работы, опытно-промышленное внедрение на 6 заводах в объеме 67 тонн.
	Средства для устранения борушистости		1 100 – 1 600		457 тонн
2.1.	Жидкая товарная форма	Mollescal LS, BASF; Erhavit SP, TFL; Erhavit MB, TFL	800–1200	Вега РЛЕ, ПС	Закончены исследовательские и опытные работы, внедрен на 15 заводах в объеме 391 тонны
2.2.	Порошкообразная товарная форма	Erhavit DMC, TFL; ATR 36, Adler	300–400	Вега С, АС, АС2	Закончены исследовательские и опытные работы, внедрен на 4 заводах в объеме 66 тонн.
	Средство для обеззоливания	Desencolante E93, D86, Cromogenia	200–400	Вега Е 93	Проводятся расширенные производственные испытания.
	Средства для повышении основности при хромовом дублении	Plenatol HBE, Cromogenia; Dolotan MHP, Zschimmer & Schwarz	250–350	Базамин	Закончены исследовательские работы, продолжаются промышленные испытания, внедрен на 5 заводах в объеме 41 тонны.
	Додубливающие и наполняющие препараты		5500–6800		680 тонн
5.1.	Полимерные на основе акрилатов	Relugan RE, BASF; Magnopal PGN, TFL; Novaltan MAP, Zschimmer & Schwarz, Novaltan SHN, Zschimmer & Schwarz; Sellasol CR, TFL	1600–1800	Евросинтан РСН-40, 40 В, Евросинтан НП-1	Продолжается совершенствование состава, внедрение на 19 заводах в объеме 268 тонн.
5.2.	Растительные дубители	Quebracho, Аргентина Mimosa, ЮАР	1500–1700	Экомин-5 (частичная замена)	Закончены исследовательские и опытные работы, внедрен на 30 заводах в объеме 384 тонны.
5.3.	На основе протеиново-минеральных компонентов	Basyntan FO, BASF; Syntan FP124, Smit&Zoon; Tafigal V, Zschimmer & Schwarz; Sellasol HFN, TFL	1500–1700	Евросинтан ФО, ФП, Экомин Н, Д, НЛ	Проводятся промышленные испытания на 7 заводах, внедрены на 3 заводах в объеме 28 тонн.
5.4.	На основе меламиновых смол	Жидкие: Relugan DLE, BASF, Drasil 924, Cognis	200–400	Евросинтан МВ (37 % сухих)	Закончены исследовательские и опытные работы, проводятся промышленные испытания на 4 заводах.
		Порошкообразные: Syntan LF 187, Smit&Zoon; Relugan DLF, BASF; Tafigal HK, Zschimmer & Schwarz	500–800	Евросинтан М-2, НК	Закончены исследовательские работы, начато внедрение на 2 заводах, заканчиваются промышленные испытания на 5 заводах.
5.5.	На основе дициандиамидной смолы	Syntan DF 585, Smit&Zoon	200–400	Евросинтан Д-2	Начато внедрение на 2 заводах.
6.	Жирующие композиции различного назначения		3000–6000		911 тонн

1	2	3	4	5	6
6.1.	Для производства хромовых кож на основе сульфированных и сульфитированных жиров	Ensul BM 80, AM 90 Zschimmer & Schwarz	1000–2000	СМХ-473, 467, 500	Внедрены на 8 заводах в объеме 188 тонн.
6.2.	Полусинтетические электролитоустойчивые композиции	Pelgrassol SP2, Zschimmer & Schwarz; Coripol F, TFL	500–1000	СМХ-Э, М	Внедрены на 7 заводах в объеме 128 тонн.
6.3.	Синтетические электролитоустойчивые композиции	Pellastol X, Zschimmer & Schwarz; Coripol DX-902, TFL	1000–2000	СМХ-470	Массово внедрен на 25 заводах в объеме 545 тонн.
4.	На основе лецитина	Provol BA, Zschimmer & Schwarz; Syntol LC, Smit&Zoon	200–400	СМХ-6	На ряде заводов проводятся промышленные испытания, внедрен на 4 заводах в объеме 30 тонн.
6.5.	На основе ланолина	Coripol BZW, TFL; Sulphirol WS, Smit&Zoon; Provol 100, Zschimmer & Schwarz	150 – 300	СМХ-707	Проводятся промышленные испытания.
6.6.	На основе катионных продуктов	Polyol LDW, Smit&Zoon	150–300	СМХ-КТ	Внедрен на 10 заводах в объеме 20 тонн.
7.	Выравниватель при крашении кож и меха	Colorfix US, Cromogenia; Euroxol H58, Colorantes; Level P, Lowenstein	100–200	СН-УС	Начато внедрение на 3 заводах в объеме 8 тонн.
8.	Антистатик для меховых кож	Textatic, Texapol	50–100	СН-А	Начаты промышленные испытания.
9.	Пигментные концентраты для покрывного крашения	Roda, TFL; Lepton, BASF; Neossan, Clariant; PC-****, Pielcolor; PP-*****, Stahl	250–350	ПК казеиновые и бесказеиновые	Разработаны и испытаны составы, внедрены на 25 заводах в объеме 189 тонн.
10.	Пенетраторы для отделочных материалов	Sarpen 820, 821, Sarchem; PP 8620, PP 8060, Pielcolor	50–150	ПП-22, АП-60, РК-20, СН-П, ОН-21	Проходят промышленные испытания, внедрены на 5 заводах в объеме 20 тонн.
11.	Восковая эмульсия для отделочных составов	AA 4554, Pielcolor	100–150	СКБ	Продолжается совершенствование состава, внедрена на 5 заводах в объеме 14 тонн.
12.	Предгрунт для финишной отделки	Fi-50, Stahl; Melio Grunt HU, Clariant	150–250	Экофиллер	Внедрен на 8 заводах в объеме 35 тонн.
13.	Компакты для финишной отделки спилка, юфти, нарезных кож	Smitbase 5040, Smit&Zoon; CP 2818, Pielcolor	400–500	Компакт АНК	Продолжается совершенствование рецептуры, начато внедрение на 5 заводах.
14.	Водно-нитроцеллюлозный эмульсионный лак для финишной отделки	LA 6020, 6190, Pielcolor; Sarlac NW 246, Sarchem; Hicalac 3160, Haryana	300–600	ВЛ	Заканчиваются исследовательские работы по созданию рецептуры.

Белокрылов К.А.[1]

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ СИСТЕМЫ ГОСЗАКУПОК В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ[2]

Ключевые слова: *экономические санкции против России, стратегия импортозамещения, госзакупки, экономико-правовые риски.*

Современный поворот национальной экономики к реализации четко выраженной стратегии импортозамещения обычно датируют введением экономических санкций западных стран против России в связи с украинскими трагическими событиями в 2014 г. Однако, по нашему мнению, этот поворот начался несколько ранее – уже в 2012–2013 гг. начали расти объемы производства большинства видов отечественных продовольственных товаров (табл. 1). Эти позитивные тенденции отражали реализацию принятой стратегии снижения зависимости страны от масштабного импорта, повышения степени национальной продовольственной и, в целом, экономической безопасности. Конечно, санкции и ответные меры России определили объективную необходимость замещения запрещенного импорта отечественными товарами.

К тому же особенностью современной политики импортозамещения является ее совпадение по времени с осуществлением реиндустриализации на основе разработки новой промышленной политики[3]. Подчеркнем, что реиндустриализация – это не специфика России, она является общеэкономической стратегией, ставшей особенно характерной после глобального кризиса 2008-2009 гг. для развитых стран, осуществляющих решоринг[4] (возврат ранее выведенных за рубеж производств). Возрождение отечественной промышленности на территории развитых стран после мирового финансового кризиса – первого кризиса постиндустриальной экономики, показавшего чрезвычайную неустойчивость экономики с доминированием сферы услуг, обусловило рост производства промышленной продукции в США и ЕС. Она столкнулась на рынках с китайскими, индийскими, малазийскими товарами, что привело к перенасыщению рынков, торможению азиатских и других развивающихся экономик, падению спроса на энергоносители и цен на них, прежде всего, на нефть. Это, фактически, проявилось во второй волне кризиса, начавшейся в РФ в 2015 г. и сохранившейся в 2016 г., хотя темпы падения ВВП снижаются (99,1% в 1 полугодии 2016 г.[5]).

Для России реиндустриализация еще более значима, чем для развитых стран вследствие незавершенности формирования четвертого (индустриального) технологического уклада и произошедшей в процессе рыночных преобразований 1990-х годов масштабной деиндустриализации национального производства. Отметим, что процессы реиндустриализации ускоряются не только в центре, но и в российских регионах, некоторые из которых выдвигаются в регионы-лидеры по динамике промышленного производства. Так, в Ростовской области прирост промышленной продукции в 2015 г. составил 54,6%, а за январь-август 2016 г. 15,9%[6], что существенно выше, чем по России в среднем (рис. 1).

Совмещение процессов реиндустриализации и импортозамещения обеспечивается в Ростовской области успешной реализацией ряда импортозамещающих проектов:

– производство высокотехнологичных тканей из синтетических волокон АО «БТК Групп», обеспечивающее локализацию в России различных вариантов отделки тканного и трикотажного полотна и снижение зависимости швейного производства от импортных поставок (объем инвестирования 3653 млн. руб., запущен в 2015 г.);

– производство пьезокерамики на базе АО «Таганрогский завод «Прибой» (стоимость проекта 562 млн. руб.), позволяющее обеспечить приборостроительные предприятия России современными пьезоматериалами и изготовленными на их основе пьезоэлементами (запуск в 2016 г.);

– производство нового комбайна RSM 161 на заводе «Ростсельмаш», в конструкции которого реализованы более 20 запатентованных инновационных решений, обеспечивающих его соответствие самым современным мировым стандартам по техническому уровню, экологическим и эргономическим требованиям (общая стоимость проекта более 1200 млн. руб., запущен в 2015 г.);

---

[1] Белокрылов Кирилл Анатольевич – к.э.н., доцент экономического факультета, руководитель Пилотного центра госзакупок ЮФУ. E-mail: kbelokrylov@sfedu.ru

[2] Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-32-00055/16 «Механизм участия институтов гражданского общества в повышении эффективности системы государственных закупок в РФ».

[3] Федеральный закон «О промышленной политике в РФ» от 31декабря 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/

[4] More Than a Third of Large Manufacturers Are Considering Reshoring from China to the U.S. Press Releases April 20, 2012 http://www.bcg.com/media/pressreleasedetails.aspx?id=tcm:12-104216.

[5] Социально-экономическое положение России в январе-августе 2016 года. – М.: ФСГС, 2016. – С. 6.

[6] Индекс промышленного производства. Ростовстат. – http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/indicators/?id=b6f83c0047097399af76bf87789c42f5

– инвестиционный проект по производству генераторов и электродвигателей для тепловозов на ООО «ПК «НЭВЗ», позволяющий отказаться от закупки продукции производства ГП «Электротяжмаш» (г. Харьков, Украина) (запуск 2016 г.);

– выпуск изделий промышленной электроники – преобразователей для железнодорожного транспорта и телекоммуникаций на ООО «Гринмакс» (г. Азов) (стоимость проекта 835 млн. руб., запущен в 2016 г.).

Таблица 1

Динамика производства импортозамещающих продуктов[1]

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Мясо крупного рогатого скота подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное	43,0	38,6	36,0	41,6	41,1	47,4
Свинина парная, остывшая, охлажденная	755	815	942	1232	1438	1624
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	57,6	61,6	58,5	67,5	87,7	107
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы,	2774	3028	3405	3610	3979	4320
Мясо парное, остывшее, охлажденное и субпродукты пищевые домашней птицы	1669	1777	2097	2230	2458	2699
Мясо подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное и субпродукты пищевые домашней птицы	1061	1240	1293	1368	1507	1599
Изделия колбасные	2439	2486	2533	2502	2476	2443
Рыба живая, свежая или охлажденная, в т.ч.	1151	1395	1399	1461	1167	930
рыба живая	601	702	740	704	540	302
рыба свежая или охлажденная	550	693	659	757	627	628
Ракообразные немороженые; устрицы; водные беспозвоночные прочие, живые, свежие или охлажденные	39,8	42,8	44,5	52,7	55,3	46,5
Филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и молоки рыбы свежие или охлажденные	16,7	16,1	16,1	18,6	21,1	16,1
Рыба (кроме сельди) мороженая, печень, икра и молоки рыбы мороженые	2292	2356	2337	2434	2347	2540
Филе рыбное мороженое	71,7	86,2	94,3	108	110	121
Сельдь всех видов обработки	456	470	515	496	475	439
в том числе мороженая	377	392	440	426	401	374
Рыба (кроме сельди) соленая	33,6	33,8	42,7	46,1	39,2	33,2
Рыба (кроме сельди) копченая	57,1	59,4	61,4	63,7	61,2	54,5
Рыба сушеная и вяленая	16,5	16,4	16,2	17,7	16,9	16,3
Изделия балычные	3,3	3,5	3,7	4,2	4,0	3,0
Морепродукты пищевые	84,2	88,3	97,7	104	120	91,4
Цельномолочная продукция, млн. тонн	10,9	10,7	11,3	11,5	11,5	11,6

Рисунок 1.
Сравнительная динамика промышленного производства в РФ и Ростовской области

Следует отметить, что примеры наложения процессов реиндустриализации (точнее, первичной индустриализации) и импортозамещения имеются и в недавней мировой экономической истории[2]. Стратегия импортозамещающей индустриализации, целью которой является создание местного производства ранее импортируемых товаров для замену импорта промышленных товаров импортом оборудования и техники[3], была доминирующей стратегией в третьем

[1] Составлена по данным: Федеральная служба государственной статистики. – www. gks.ru

[2] Bessam H.-E., Gadow R., Arnold U. Industrialization Strategy Based on Import Substitution Trade Policy // Designing Public Procurement Policy in Developing Countries. – London: Springer Science, 2012. – P. 53–90.

[3] Felix D. Monetarists, structuralists, and import-substituting industrialization: a critical appraisal // Business Economics. 1965. – N 1 (10). – P.137–153.

мире в 1960-е годы[1]. Ее новый вариант с несколько трансформированной целевой установкой – замена традиционного сырьевого экспорта экспортом продукции[2] – был предложен Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком как доминирующая стратегия для новых развивающихся стран и эффективно реализован в осуществлении индустриализации, ориентированной на импортозамещение «азиатскими тиграми» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), а также Мексикой, Китаем, странами Юго-Восточной Азии, обеспечившими протекционистскую защиту местных молодых отраслей от международной конкуренции для того, чтобы дать им возможность приобрести опыт[3].

Для нашей страны в настоящее время эта протекционистская защита является вынужденной вследствие реализуемых уже более 2 лет жестких финансово-экономических санкций США, ЕС и ряда других стран против России и введенного РФ продовольственного эмбарго. Наряду с этими прямыми протекционистскими мерами политика импортозамещения, совмещенная со стратегией реиндустриализации, осуществляется посредством реализации многообразных косвенных мер, в качестве которых эффективно используются масштабные (более 33% ВВП в 2015 г.) закупки товаров, работ услуг для государственных, муниципальных нужд и нужд регулируемых организаций. Поэтому существенную роль в развитии отечественных импортозамещающих производств играет государство, с одной стороны, обеспечивая существенную финансовую поддержку через новый институт – Фонд развития промышленности, а с другой, – через существенную реструктуризацию всей системы закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд.

Однако результаты ряда проведенных исследований[4], мониторинг системы государственных закупок Министерском экономического развития[5], проверки Счетной палаты[6] показывают, что она является источником многообразных экономических и правовых рисков, важнейшим из которых выступает риск коррупции. Хотя введение рыночных механизмов в систему закупок продукции, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд изначально было направлено на предотвращение коррупции[7], тем не менее громкие дела в Оборонсервисе, Олимпстрое, Министерстве транспорта свидетельствуют о том, что именно система госзакупок стала наиболее коррумпированной. На наш взгляд, это обусловлено рядом факторов. Прежде всего это непрерывных рост объемов государственных расходов – на 5,5% даже в сложном 2016 г., когда доходы государства существенно снизились в условиях кризисной ситуации (хотя с четко тестируемой тенденцией минимизации темпов снижения ВВП) в национальной экономике и падения нефтяных цен на мировых рынках, вследствие чего доля доходов от нефти и газа в федеральном бюджете снизилась с 51% в 2013–2014 гг. до 44 – в 2015 г. и, как ожидается, снизится до 35% в 2016 г.

Вторым рискогенным фактором в системе госзакупок является рост дефицита бюджета – только федерального с 1% в 2015 г. до 3%, планируемых на 2016., но уже за 1 квартал 2016 г. он составил 712,9 млрд. руб. или 3,7% ВВП. Это повышает, прежде всего, финансовый риск смещения сроков получения бюджетных средств традиционно на декабрь, что обусловливает специфическую конфигурацию годовой траектории инвестиционной активности в России (рисунок 2) – с традиционным пиком в ноябре-декабре, либо вовсе перенесение поступлений из бюджета на следующий год.

В 2015 г. только закупки государства составили 6,8 трлн. руб. (рост 10%)[8] (без муниципальных закупок и закупок регулируемых организаций), а в целом 22 % ВВП поступает на рынок государственных закупок, который является тем самым одним из важнейших инструментов реализации государственной экономической политики и, в частности, промышленной.

С целью ориентации системы государственных и муниципальных закупок, осуществляющей удовлетворение потребностей субъектов государственного сектора, на обеспечение импортозамещения в последние годы введен ряд ограничений или прямой запрет на закупку для нужд госсектора ряда видов товаров зарубежных производителей.

---

[1] Waterbury J. The long gestation and brief triumph of import-substituting industrialization // World Development. 1999. – N 2 (27). – P. 323–341.

[2] Karunaratne N. Export oriented industrialization strategies // International economics. 1980. – N 15 (5). – P. 217–223.

[3] Mazumdar D. Import-substituting industrialization and protection of the small-scale: The Indian experience in the textile industry // World Development. 1991. – N 19 (9). – P. 1197–1213.

[4] Белокрылова О.С. Методы снижения рисков коррупции в системе государственных и муниципальных закупок // Journal of Economic Regulation. 2015. – Т. 6, № 4; Гуцелюк Е.Ф. Определение признаков наличия коррупционных рисков в извещении и документации о закупках для государственных и муниципальных нужд // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. – № 2. – С. 122–127.

[5] Доклад о результатах мониторинга применения Закона № 44-ФЗ в 2015 году. – http://naiz.org/Мониторинг%2044ФЗ%20итоги%202015.pdf

[6] Счетная палата проверила госзакупки и нашла «утечку» в офшоры. 24.04.2015. – http://провэд.рф/economics/finances/25282-schetnaya-palata-provepila-goszakupki-i-nashla-utechku-v-ofshory.html

[7] Указ Президента РФ № 305 от 08.09.1997 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14009/2011a123b16a58aa919bb52261df7e3ee94ca6e3/

[8] Минэкономразвития предложило постепенно отказываться от ограничения госзакупок импорта // Ведомости. – М., 2016. – 3 февраля; Объем закупок вырос в 2015 г. на 10%. – http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depfks/2016160105

1) Оценки данных с исключением сезонного фактора осуществлены с использованием программы "DEMETRA 2.2". При поступлении новых данных статистических наблюдений динамика может быть уточнена.

Рисунок 2.
Траектория инвестиционной активности в течение года в РФ[1]

Следует отметить, что некоторые преференции отечественным (региональным, местным) производителям легитимны и вне современной вынужденной[2] политики импортозамещения. Так, в соответствии с Методическими рекомендациями по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)[3] заказчик обязан при проведении закупки провести «анализ рынка, который должен охватывать всю логистическую цепочку, все категории расходов с определением причин неконкурентоспособности и потенциала для расширения местных поставок»[4]. Кроме того, целесообразно было бы использовать в этом отношении опыт других стран, обязав заказчика выявить местные и импортные компоненты, и что еще важнее, импортные товары, за поставку которых представляется сравнительное преимущество для местного снабжения, и районы, в которых наблюдается неконкурентоспособность местной базы снабжения или/и возникает необходимость увеличить безопасность поставок. Характеристики, сильные и слабые стороны поставок в этих районах должны быть проанализированы, в том числе с точки зрения оценки местных и импортных цен, структуры затрат и факторов стоимости поставок местных и зарубежных поставщиков, детерминант конкурентного преимущества[5].

Следует при этом отметить и негативные эффекты стратегии импортозамещения, реализуемой через госзакупки: в долгосрочном периоде запреты, особенно на закупки оборудования и технологий, на наш взгляд, провоцируют расширение экономического риска усиления консервативности используемых технологических систем, снижения качества продукции вследствие неограниченности по времени действия введенных протекционистских мер, а с другой стороны, роста стоимости контрактов вследствие снижения уровня конкуренции на торгах. Этот негативный эффект четко проявился в 2015 г., когда цены госконтрактов вследствие импортозамещения возросли на 40%[6].

Для компенсации этих негативных эффектов Постановлением Правительства РФ от 18.07.2016 № 684 внесены изменения в Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 1224, в соответствии с которыми отменены ограничения закупок товаров, происходящих из иностранных государств, для нужд обороны страны и безопасности государства для **МВД, ФСБ, ФСО, СВР и Управления делами Президента**.

Помимо запретов и ограничений по ряду товарных позиций стратегия импортозамещения реализуется также через расширение преференций отечественным производителям в процессе госзакупок. Согласно законодательству,

[1] Федеральная служба государственной статистики. – www.gks.ru

[2] Белокрылова О.С. Институциональная модернизация стратегии экономического развития в условиях принуждения к импортозамещению // Journal of Economic Regulation. 2014. – Т. 5, № 3. – С. 6-13.

[3] Приказ Министерства экономического развития РФ от 2 октября 2013 г. N 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)» // Система ГАРАНТ. – http://base.garant.ru/70473958/#ixzz4MeUMOQ5f

[4] Watermeyer R. Linking Developmental Deliverables to Public Sector Contracts // Designing Public Procurement Policy in Developing Countries. – London: Springer Science, 2012. – P. 42.

[5] Department of Public Enterprises // Introduction to the competitive supplier development programme. Republic of South Africa, 2007. – http://www.dpe.gov.za/res/DPE1.pdf

[6] Минэкономразвития предложило постепенно отказываться от ограничения госзакупок импорта // Ведомости. – М., 2016. – 3 февраля.

при проведении электронных торгов для иностранных участников цена понижается на 15% по сравнению с ценой, на которой остановился аукцион[1]. Но если последнее предложение сделано российским товаропроизводителем, то цена не изменяется. При проведении конкурса и запроса предложений при помощи понижающего коэффициента также обеспечивается преимущество российского товаропроизводителя в цене. При определении победителя с позиции цены для российских товаропроизводителей-участников торгов она снижается на 15%, и эта сниженная цена сравнивается с офертами иностранных участников торгов. Если в этих условиях побеждает российский производитель, то контракт заключается по первоначальной цене, без вычета 15%-ного снижения. Следовательно, эта преференция используется лишь для оценки заявок. Однако такие преференции, обеспечивая эффективную государственную поддержку отечественных производителей в сложных экономических условиях, объективно провоцируют рост экономического риска роста цен государственных контрактов по закупкам.

Сохраняются достаточно высокие правовые риски в системе госзакупок, обусловленные некомпетентностью заказчиков (хотя, например, в Пилотном центре госзакупок ЮФУ только в 2015 г. проведено повышение квалификации более 5600 государственных и муниципальных служащих Ростовской области и др. регионов РФ. Однако согласно мониторингу контрактной системы Минэкономразвития РФ в 1 полугодии 2016 г. неэффективными признаны около 5 тыс. процедур определения поставщика на сумму более 92,7 млрд. руб.[2], что свидетельствует о недостаточном уровне квалификации заказчиков.

Введение с 1 января 2014 г. единой контрактной системы государственных и муниципальных закупок повысило степень конкурентности рынка государственных закупок, поскольку число участников на одни торги выросло с 2,5 в 2014г. до 3 в 2015 г. и 3,2 в первом квартале 2016 г., что также свидетельствует о его растущей эффективности. На наш взгляд, это снижает экономические риски для общественного сектора, обеспечивая повышение качества удовлетворения общественных потребностей, в частности за счет растущей централизации закупок.

Централизация закупочной деятельности снижает правовой риск некомпетентности заказчика, особенно сельских поселений, муниципальных учреждений системы образования и здравоохранения. Централизация закупок, например, для всех учреждений системы образования Сальского района Ростовской области обеспечивает:

– получение экономии от масштабов закупок;

– повышение эффективности закупок вследствие повышения уровня профессионализма централизованного заказчика;

– сокращение издержек: приобретение стандартизованных продуктов позволяет исключить дублирование стратегических, управленческих, операционных и административных функций, эффективно обосновать начальную (максимальную) цену контракта, к примеру, при получении коммерческих предложений;

– снижение правовых рисков и рисков оппортунистического поведения заказчиков (риска коррупции) вследствие повышения квалификации персонала, освобожденного в рамках работы централизованного органа от иных, не относящейся к закупочной сфере деятельности; обеспечения соответствия компетенций закупщиков требованиям профессионального стандарта специалиста в сфере закупок;

– снижение риска появления противоречий и ошибок в документах, способствуя большей четкости, измеримости, прозрачности, подотчетности закупочных процедур.

В централизованных системах закупок концентрация человеческого капитала и опыта позволяет собрать команду профессионалов для исследований рынка, подготовки документации, совершенствования закупочных стратегий. Еще один положительный эффект централизации проявляется при закупке стратегических товаров. Связанные с такими товарами решения влияют на деятельность всего закупающего органа, особенно, когда речь идет о частных организациях. В государственном секторе в эту категорию попадают закупки для оборонной промышленности, здравоохранения и так называемые «зеленые» закупки. Централизация влечет большие выгоды при снабжении сетевых отраслей – повсеместном внедрении инновационных стандартов, программного обеспечения и т.д.

Таким образом, поскольку важнейшим фактором достаточно высоких экономических и правовых рисков в системе госзакупок является нестабильность и противоречивость законодательства, непредвиденные действия государственных органов, неопределенность государственной закупочной политики, то, на наш взгляд, значимым механизмом снижения неопределенности будущего, а значит, и коррупции выступает централизация принятия управленческих решений. Так, в целях усиления контроля по основным этапам закупок муниципалитета осуществляется централизация этих функций контроля в Администрации г. Ростова-на-Дону на основе создания новой структуры – департамента конкурентной политики. Очевидно, аналогичные уполномоченные органы целесообразно создавать на муниципальном уровне, прежде всего в сельских районах.

[1] Приказ Минэкономразвития РФ от 25 марта 2014 г. № 155 г. «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – http://www.rg.ru/2014/05/21/tovary-dok.html

[2] Доклад о результатах мониторинга применения Закона № 44-ФЗ в 1 полугодии 2016 г. – С. 3. – http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depfks/20160729

Белокрылова О.С.,
Чернышенко И.И.[1]

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ[2]

Ключевые слова: *санкции, контрсанкции, импортозамещение, контрактная система, государственные закупки, модернизация, инновации.*

Keywords: *sanctions, contrsanctions, import substitution, contract system, government procurement, modernization and innovation.*

Темпы развития российской экономики снизились с 1,3% роста ВВП в 2013 году до 0,6% в 2014 году, а в 2015 году они стали отрицательными –3,7%)[3] вследствие существенного падения мировых цен на нефть с 106,85 долл. за баррель до 67,99 долл.[4] и введения экономических санкций США, ЕС и другими странами против России. Эти факторы, а также ответные контрсанкции (самоналоженное продовольственное эмбарго) со стороны России вызвали значительное падение курса рубля по отношению к иностранным валютам и в дальнейшем привели к стремительному росту инфляции, которая в 2015 году составила 112,6% (для сравнения: в 2014 году индекс потребительских цен составил 111,4%, в 2013 году – 106,5%)[5], снижению реальных доходов населения и, следовательно, снижению потребительского спроса. Для компенсации негативного воздействия всех этих внешних факторов Правительство Российской Федерации обозначает политику импортозамещения как один из приоритетов для России, выделяя в качестве ее важнейшего инструмента институт контрактных отношений.

Институт контрактных отношений в контексте системы государственных закупок определяет нормы и правила контрактного взаимодействия государства и бизнеса[6] по поводу обеспечения общественных потребностей государственных и муниципальных нужд. Исходной институциональной основой формирования системы контрактных отношений взаимодействия государства и бизнеса в сфере государственных закупок стал Указ Президента РФ от 7 августа 1992 г. № 826 «О мерах по формированию Федеральной контрактной системы». В настоящее время этот масштабный институт[7] (объемы государственных, муниципальных закупок и закупок регулируемых организаций в 2015 г. составили 27 трлн. руб.) регулируется Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее 44-ФЗ) и множеством необходимых нормативных правовых актов, дополняющих Закон и не противоречащих ему. Следует отметить, что в законодательных актах, предшествующих 44-ФЗ, контрактные отношения не конкретизировались особо, кроме государственного и муниципального контракта. Формируемая контрактная система агрегирует процессы планирования, осуществления и инфорсмента госконтрактов по закупкам[8], обеспечивая концентрацию 5,3 трлн. руб. только государственных закупок без учета контрактов, сведения о которых составляют государственную тайну и не размещаются в открытом доступе, что составляет более 10% ВВП страны[9], расходуемых на государственные закупки продукции и услуг теперь в основном отечественных производителей. Система госзакупок, безусловно, является одним из эффективных механизмов, используемых государством для смягчения и преодоления экономического кризиса,

---

[1] Белокрылова Ольга Спиридоновна – д.э.н., профессор кафедры экономической теории ЮФУ. Область научных интересов: экономическая теория, институциональная экономика, экономика труда, региональная экономика, аграрная экономика, экономическая политика, экономика образования, общественный сектор, промышленная политика, реиндустриализация, импортозамещение, государственные закупки. E-mail: belorylova@mail.ru, obelokrylova@sfedu.ru. Чернышенко Иван Иванович – магистрант ЮФУ. Область научных интересов: экономическая теория, институциональная экономика, экономическая политика, общественный сектор, импортозамещение, государственные закупки. E-mail: chegevan@hotmail.com

[2] Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-32-00055/16 «Механизм участия институтов гражданского общества в повышении эффективности системы государственных закупок в РФ».

[3] Социально-экономическое положение России в 2015 году. – М.: ФСГС, 2016. – С. 6.

[4] Финам.ру. – http://www.finam.ru

[5] Социально-экономическое положение России в 2015 году. – М.: ФСГС, 2016. – С. 6.

[6] Белокрылов К.А., Кетова Н.П. Институциональная структура взаимодействия государства и бизнеса. – Ростов н/Д: Содействие-21 век, 2010.

[7] Указ Президента РФ от 7 августа 1992 г. № 826 «О мерах по формированию Федеральной контрактной системы» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 1992 г. – № 6. – С. 321.

[8] Аверкиева Е.С., Белокрылов К.А. Модернизация общественного сектора: совершенствование институциональных условий функционирования государственных учреждений // Journal of Economic Regulation. 2013. – Т. 4, № 3.

[9] Доклад о результатах мониторинга применения Закона № 44-ФЗ в 2015 году. – М.: Минэкономразвития России, 2016. – С. 3.

поддержки бизнеса. В частности, это связано с обширной номенклатурой государственных потребностей, обеспечиваемых продукцией большей части отраслей российской экономики и весомой долей госзакупок в ВВП страны.

Институциональные изменения в контрактной системе предполагают принятие нормативных правовых актов и внесение поправок в действующее законодательство с целью поддержания системы в целом и отечественного предпринимательства как доминантного субъекта системы госзакупок. Институциональные изменения, связанные с импортозамещением в системе государственных закупок, закреплены распоряжением Правительства РФ от 27 января 2015 г № 98-р и на данный момент касаются: нужд обороны страны и безопасности государства, так называемый гособоронзаказ[1]; машиностроения[2]; медицинских изделий[3]; программного обеспечения[4]; товаров легкой промышленности[5]; лекарственных препаратов[6].

Эти действующие в настоящее время шесть правительственных актов и один ведомственный акт целеориентированы на уменьшение доли зарубежной продукции и услуг, закупаемых для удовлетворения потребностей общественного сектора. Некоторые из перечисленных выше товаров запрещено приобретать при наличии российского аналога. Сюда входит продукция для нужд оборонного комплекса, программное обеспечение. Для других государственных закупок (например, лекарств и медицинских изделий) действует принцип «третий лишний», когда закупка у иностранного поставщика запрещена при наличии двух российских аналогов. Кроме того, отечественные участники торгов имеют 15-процентное ценовое преимущество при закупках продуктов питания, посуды, оборудования.

В ряде работ показано, что в целом импортозамещение обеспечивает значительный рост отечественного производства, создание новых рабочих мест[7], однако в долгосрочной перспективе в странах Латинской и Южной Америки наблюдалось снижение выхода продукции и темпов роста производства: в 1940-1950 гг. рост ВВП в странах Латинской Америки составлял 5 %, а к 1968 г. вследствие реализации политики импортозамещения упал до 4,5%. Исследователи объясняли это потерей преимущества страны от специализации и международной торговли[8]. В России институт импортозамещения находится на этапе своего становления[9]. Следует отметить, что в 2015 г. вследствие ограничения закупок более низкой по цене продукции зарубежных компаний ряда отраслей средняя стоимость контрактов, заключенных на поставку продукции, на которую распространяются меры поддержки, возросла с 856 тыс. руб. до 1,199 млн. руб.[10], то есть на 40%, а неограниченные по времени протекционистские меры неизбежно приведут еще и к снижению качества продукции.

Если рассматривать институт импортозамещения вне системы государственных закупок, то импортозамещение в целом становится возможным только в случаях:

– конкурентоспособности выпускаемой продукции как по качеству, так и по рыночным ценам предприятиями;

– наличия производственных мощностей для производства продукции высокого качества.

Однако до настоящего времени четкая стратегия модернизации института контрактных отношений в контексте реализации вынужденной политики импортозамещения еще не выработана. По сути, государство в каких-то случаях обязывает, а в отдельных рекомендует покупателям в лице его представителей (государственные и муниципальные

---

[1] Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 1224 «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2013 г. – № 52. – С. 7206 (часть 2).

[2] Постановление Правительства РФ от 14 июля 2014 г. № 656 «Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2014 г. – № 29. – С. 4157.

[3] Постановление Правительства от 30 ноября 2015 года №1289 «Об ограничениях и условиях допуска, происходящих из иностранных государств лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2015 г. – № 49. – С. 6981

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2015 года № 102 «Об установлении ограничения допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2015 г. – № 6. – С. 979.

[5] Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 791 «Об установлении запрета на допуск товаров легкой промышленности, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд и дополнительного требования к участникам закупок таких товаров» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2014 г. – № 34. – С. 4660.

[6] Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2015 г. – № 47. – С. 6600.

[7] В сельскохозяйственной отрасли Латинской Америке произошло увеличение ежегодного прироста занятых с 1,3 млн. чел. (1950–1960 г.) до 1,5 млн. чел. (1960–1969 г.)

[8] Bauer W. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations // Latin American Research Review. 1972. – Vol. 7, N 1. – P. 99.

[9] Миронова О.А. Стратегические аспекты реализации политики импортозамещения // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. – № 1-3. – С. 32–36.

[10] Доклад о результатах мониторинга применения Закона № 44-ФЗ в 2015 году. – М.: Минэкономразвития России, 2016. – С. 27.

учреждения) пользоваться отечественной продукцией, которая зачастую по качеству существенно уступает[1] иностранным аналогам, но без использования дополнительных инструментов и механизмов для осуществления успешной политики импортозамещения. Следовательно, производителям не выгодно улучшать показатели качества и цены своей продукции, так как в любом случае они найдут рынок сбыта. По нашему мнению, модернизация института контрактных отношений в контексте политики импортозамещения должна обеспечивать синергию с такими инструментами и механизмами политики как:

– изменение тарифных обязательств – в настоящее время Россия, как член ВТО, снизила тарифные пошлины в отношении отдельных видов оборудования, но, на наш взгляд, список оборудования со сниженными тарифными пошлинами целесообразно расширить;

– развитие национальных стандартов качества, прежде всего в машиностроении, что обеспечит снижение импорта некачественной продукции;

– поддержку проектов импортозамещения целесообразно осуществлять за счёт государственных субсидий на исследовательские и конструкторские работы, техническое перевооружение, а также субсидирование НИОКР в рамках инвестиционных проектов.

Эффективным шагом по пути модернизации института контрактных отношений в контексте политики импортозамещения, на наш взгляд, является также внесение изменений в действующее законодательство, связанных с созданием благоприятных условий для инновационных компаний при доступе к системе государственных закупок, который совместно с институтом импортозамещения обеспечивает возможность производства отечественной продукции высокого качества. Это обусловлено тем, что на закупку услуг, связанных с научными исследованиями и экспериментальными разработками в области естественных и технических наук[2], в 2015г. было затрачено 134 257 млн. руб.[3] из общей суммы государственных закупок 6 469 675,2 млн. руб., что составляет 2,1% от всех средств, реализованных в системе госзакупок. При этом проведенный нами анализ номенклатуры закупаемых услуг не выявил инновационных разработок, в основном госзаказчики закупали услуги по осуществлению авторского надзора за производством работ по реставрации.

На наш взгляд, эффективной закупке инновационных разработок препятствуют следующие проблемные зоны в системе госзакупок:

1) отсутствуют механизмы закупки, снижающие риски поставщика в процессе разработки) инновационной продукции, такие как поэтапные выплаты;

2) слишком жестко установленная спецификация, прописываемая в закупочной документации, которая снижает заинтересованность потенциальных поставщиков. Например, в американской системе госзакупок существует такая форма описания технических характеристик предмета закупки, как «указание о целях». Оно используется в тех случаях, когда государственный заказчик считает необходимым предоставить оференту максимальную свободу выбора инновационных решений для достижения цели, заданной в приглашении;

3) слабый спрос на инновационный продукт и отсутствие мотивации к созданию инновационного продукта;

4) барьеры к участию в госзакупках малого инновационного бизнеса;

5) отсутствие признаков, определяющих инновационность в законодательстве.

Таким образом, модернизация института контрактных отношений в условиях рецессии не дала должного результата. Но институт импортозамещения не только в госзакупках, но и в национальной экономике России в долгосрочной перспективе может стать толчком к развитию качественных локальных продуктов, если государство сможет обеспечить синергию доступных предлагаемых нами механизмов и инструментов. Это особенно важно на сегодняшнем этапе выработки норм и правил, осуществляемых преимущественно методом проб и ошибок. Предлагаемый в работе механизм закупки инновационных разработок является лишь одним из множества вариантов модернизации института контрактных в контексте политики импортозамещения.

[1] Например, многие программы, представленные в реестре российских программ имеют меньший функционал по сравнение с зарубежными аналогами.

[2] Код ОКПД 72.1 и 73.1, ОКПД 2 не рассматривался авторами.

[3] Официальный сайт единой информационной системы в сфере закупок. – http://www.zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html

Белостоцкий А.А.
к.э.н., доцент Юго-Западного государственного университета
alybel@rambler.ru

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

***Ключевые слова**: импортозамещение, устойчивое развитие, международные санкции, агропромышленный комплекс, субсидирование государственных программ.*

Проблема эффективного импортозамещения в Российской экономике не нова и периодически поднимается в правительственных и бизнес-кругах. Задача, которая была озвучена Президентом РФ В.В. Путиным 6 августа 2014 года в Указе № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», заключается в увеличении доли присутствия отечественных товаров на внутреннем рынке за счет требуемого качества продукции и приемлемых для покупателя цен[1].

Импортозамещение, конечно, охватывает все отрасли российской экономики, но именно в сельскохозяйственной отрасли, оно способно ускорить её развитие, а соответственно увеличить объем выпуска сельскохозяйственной продукции и долю сельскохозяйственной отрасли в структуре российской экономики, так как на данный момент импортная зависимость составляет 4% по картофелю, 30 – по говядине, около 20 – по молочной продукции, по свинине – 20, по куриному мясу – 10%.

Начиная с 2000 года и до подписания Указа Президента РФ и Постановления Правительства РФ импорт основных продовольственных товаров по многим направлениям постоянно повышался, что, соответственно влияло на отечественный рынок сельскохозяйственной продукции, его конкурентоспособность и уровень прибыли[2].

В связи с введенным Россией эмбарго на импорт отдельных видов продовольствия из ряда стран мира глава правительства дал поручение скорректировать государственные программы с целью увеличения собственного сельхозпроизводства.

Развал российского сельского хозяйства в начале 90-х годов стал причиной резко возросшего импорта продовольствия в Российской Федерации. Импорт, естественно, влиял на эффективность производственно-хозяйственной деятельности российских сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Естественно, импорт потребуется заменить отечественными продовольственными товарами, и это сегодня главная задача отечественного агропромышленного комплекса.

Сельское хозяйство современной России обладает значительным потенциалом: свыше 40% черноземов мира, 20% пресной питьевой воды, ведущее место в мире занимает производство минеральных удобрений, свыше 100 млн. га пашни и другие факторы.

Органами государственной власти на федеральном уровне и в субъектах РФ за последние 3–5 лет приняты меры экономико-правового характера, направленные на стратегическое развитие сельского хозяйства, технологическую модернизацию пищевой и перерабатывающей промышленности, социальное обустройство сельских территорий.

Отметим, что при постоянном росте импортной продукции неизменно увеличивались расходы федерального бюджета на развитие сельского хозяйства (рис. 1).

На решение этих задач направлена Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации №717 от 14 июля 2012 г.) и другие правовые акты аграрного законодательства[3].

Общий объем финансирования мероприятий Государственной программы в 2013-2020 годы составит за счет средств федерального бюджета 3 573 379 866,50 тыс. руб.

Фактический объем финансирования по программным мероприятиям в 2003-2013 гг. составил 345930,39 млн. руб. (115,2% к плановому объему), кассовые расходы федерального бюджета – 67462,44 млн. руб. (99,94% к предусмотренным бюджетным назначениям).

---

[1] Замещая импорт. – http://www. zimport.ru

[2] Указ № 560 от 06.08.2014 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

[3] Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации № 717 от 14 июля 2012 г.) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: официальный сайт. – http://www.mcx.ru/

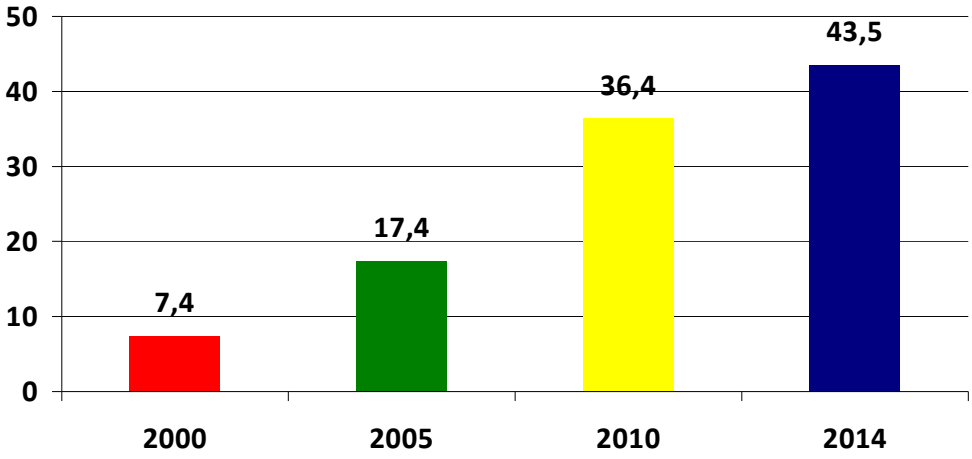


Рисунок 1.
Импорт продовольствия в РФ, млрд. долл.

Финансовый механизм реализации программных мероприятий предусматривает софинансирование за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, внебюджетных источников. Правила распределения и предоставления средств федерального бюджета на реализацию программных мероприятий утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2002 г. № 858 (рис. 2).

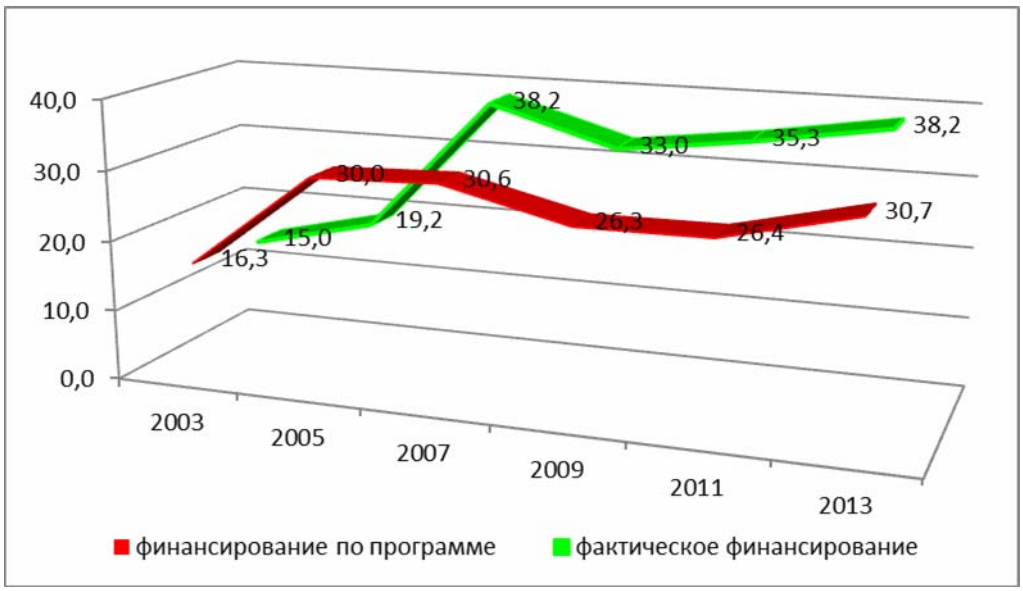


Рисунок 2.
Финансирование программных мероприятий за счет всех источников в 2003–2013 гг., млрд. руб.

Распределение субсидий между субъектами Российской Федерации по отдельным направлениям программы осуществлялось исходя из численности сельского населения, с учетом обеспеченности соответствующей инфраструктурой, а также наличия бюджетных ресурсов, предусмотренных в законах о бюджетах субъектов Российской Федерации на софинансирование программных мероприятий.

Из консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию программных мероприятий было направлено 136 563,86 млн. руб. (107,6% к плановым показателям), внебюджетных источников – 141 904,09 млн. руб. (135,5%). Общий объем финансовых ресурсов в 2013 году по сравнению с 2003 годом увеличился в 2,5 раза, в том числе за счет средств федерального бюджета – в 5,9 раза, за счет средств консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации – в 2 раза, внебюджетных источников – в 2,1 раза.

За 2003–2013 гг. на выполнение программных мероприятий предусматривалось направить за счет всех источников 300 255,45 млн. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 68 577,73 млн. (22,8%), консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации – 126 921,55 млн. (42,3%), внебюджетных источников – 104 756,17 млн. руб. (34,9%)[1].

Доля государственной поддержки в общем объеме ресурсного обеспечения программы к 2013 году выросла в 1,8 раза по сравнению с 2003 годом, что позволило уменьшить нагрузку на региональные бюджеты при сохранении принципа софинансирования.

[1] Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. – http://www1.minfin.ru/

Кроме того, в эти годы государственная поддержка была предусмотрена на реализацию четырех мероприятий, за счет средств субъектов Российской Федерации финансировалось семь. В 2006 году с участием господдержки реализовывалось девять программных мероприятий. Объем средств федерального бюджета увеличился более чем в 3 раза по сравнению с 2003 годом (табл. 1).

Таблица 1

Предоставление средств федерального бюджета на реализацию программы по федеральным округам Российской Федерации

Субъекты	Предусмотрено соглашениями с субъектами Федерации, млн. руб.	Фактическое финансирование, млн. руб.	Выполнение, %
Российская Федерация в том числе по федеральным округам:	67269,83	67256,16	99,98
Центральный	13650,21	13644,25	99,96
Северо-Западный	2992,8	2992,78	99,99
Южный	8011,88	8011,19	99,99
Северо-Кавказский	7338,43	7338,43	100
Приволжский	18881,39	18878,67	99,99
Уральский	3324,55	3320,79	99,89
Сибирский	9951,31	9950,79	99,99
Дальневосточный	3119,26	3119,26	100

В целом, за указанный период субъекты Федерации на 1 руб. государственной поддержки из федерального бюджета смогли привлечь 4,1 рублей из региональных и внебюджетных источников.

Удельный объем финансового участия регионов в реализации мероприятий программы, предусмотренный соглашениями с субъектами Российской Федерации, превышен на 54,3%.

Эффективность реализации Государственной программы в целом оценивается исходя из достижения установленных значений каждого из основных показателей (индикаторов) как по годам по отношению к предыдущему году, так и нарастающим итогом к базовому году.

Поддержка и регулирование сельскохозяйственного производства в развитых государствах обеспечивается за счет государственного финансирования, которое выше стоимости получаемого продукта в 1,5–2 раза; в Европе на достаточно высоком уровне сформирована система целевых цен, которые способны гарантировать определенный уровень прибыли производителям сельскохозяйственной продукции (табл. 2).

Таблица 2

Уровень государственной поддержки сельского хозяйства, долл.

Наименование	Субсидии на 1 га	Общий объем господдержки
РФ (124 млн. га)	36	4 млрд. долл. (разрешённый в рамках ВТО уровень господдержки для России составляет 9 млрд. долларов)
США (165 млн. га)	145	24 млрд. долл.
ЕС (121 млн. га)	890	108 млрд. долл.
Китай (124 млн. га)	1185	147 млрд. долл.
Япония (5 млн. га)	12860	64 млрд. долл.
Швейцария (0,4 млн. га)	14500	6 млрд. долл.

Объём запрещённого Россией экспорта из Европы составляет 5 млрд. евро. Учитывая, что Россия была вторым по величине импортером аграрной продукции Европейского Союза, ряд европейских сельскохозяйственных отраслей пострадали существенно: это в первую очередь овощи и фрукты, масло и сыры. Годовой ущерб от российского эмбарго по имеющимся прогнозам составит 5–10 млрд. евро в год.

Вопрос о привлечении в экономику агропромышленного комплекса инвестиций стоит остро не только на федеральном, но и на региональном уровне, так как именно инвестиции играют значительную роль в поддержании и наращивании экономического потенциала и обеспечении продовольственной безопасности страны. Однако современная российская деловая среда является не достаточно благоприятной для привлечения инвестиций в реальную экономику, так инвестиционные ресурсы распределяются между регионами крайне неравномерно, в основном концентрируясь в крупных мегаполисах и богатых природными ресурсами регионах.

Для решения задач подъема экономики аграрного сектора, обеспечения экономического роста на долгосрочную перспективу необходим комплексный подход к проблеме привлечения инвестиционных ресурсов и активизации инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов.

На примере Курской области видно, что инвестиционная политика в регионе реализуется по различным направлениям, что позволяет решать как общие, стратегические задачи по развитию экономики и социальной сферы региона, так и конкретные проблемы, имеющиеся в отрасли агропромышленного комплекса, в частности отрасли животноводства, особенно в складывающихся условиях международных экономических санкций и импортозамещения сельскохозяйственных товаров.

Стратегия импортозамещения диктует постепенный переход от производства простых товаров к наукоемкой и высокотехнологичной продукции путем повышения уровня развития производства и технологий, а также соответствующей профессиональной подготовки и образования широких слоев населения. Для реализации эффективной национальной политики импортозамещения необходимо продолжать расширение доступа малого и среднего бизнеса к закупкам госкомпаний.

В целом в Курской области экономический потенциал является базой по созданию благоприятных условий для развития бизнеса и привлечения инвестиций. В 2012 году инвестиции в основной капитал составили порядка 60 млрд. руб. с увеличением почти в 1,5 раза в сопоставимых ценах к уровню 2008 года, в 2014 году – 70,7 млрд. руб. или 100,1% к уровню 2012 года.

Значительный объем производства продукции приходится на долю крупных аграрных компаний, с которыми заключены 22 соглашения о сотрудничестве. В рамках заключенных соглашений вложения инвестиционных компаний и холдингов в агропромышленный комплекс Курской области в 2012 году составили 32 млрд. руб. Прогнозными показателями развития агропромышленного комплекса Курской области и импортозамещения отдельных видов сельскохозяйственной продукции на период до 2020 года предусмотрено увеличить объем производства овощей до 181 тыс. тонн, а овощей защищенного грунта, как основного источника свежей продукции во внесезонный период – до 40 тыс. тонн. В этих целях проводится работа, направленная на импортозамещение овощей защищенного грунта. Внедрение современных, ресурсосберегающих технологий в растениеводстве, интенсификация всех технологических процессов, с применением которых возделывается 65 процентов зерновых, 80 процентов масличных культур, все посевы сахарной свеклы во многом обеспечивается обновлением машинно-тракторного парка и умелым его использованием. Вопросам импортозамещения сельскохозяйственной техники уделяется большое внимание – сельхозтоваропроизводители региона в прошедшем году приобрели техники отечественного производства на 35 процентов больше, чем в 2013 году. А уровень приобретения зерноуборочных комбайнов производства Ростсельмаш в 2014 году увеличился на 90%.

По инициативе Администрации области, начиная с 2006 года и по настоящее время 24 сельскохозяйственных предприятия в 20 районах реализовали крупные инвестиционные проекты по реконструкции и новому строительству животноводческих комплексов. Объем инвестиций составил более 55 млрд. рублей. Построено 84 производственных площадки, из которых 72 мясных и 12 молочных. В связи с импортозамещением отдельных видов сельскохозяйственной продукции в 2014 году хозяйствами всех категорий произведено 386,3 тыс. тонн мяса, что на 100 тыс. тонн или на 35% больше уровня 2013 года. 55 процентов общего баланса мяса занимает свинина[1].

Проведенные Администрацией области мероприятия в рамках реализации Государственной программы в животноводстве позволили создать около 5 тыс. новых рабочих мест с заработной платой более 20 тысяч рублей. Программные мероприятия по развитию животноводства будут направлены на дальнейшее увеличение объемов производства продукции животноводства, стабилизации и наращиванию поголовья сельскохозяйственных животных. Так, например, в 2015 году прогнозировалось произвести не менее 400 тыс. тонн мяса и 330 тыс. тонн молока. Достижение таких показателей невозможно без инфраструктурных преобразований на селе, а приоритетами Государственной программы развития сельского хозяйства до 2020 года являются повышение благосостояния, уровня жизни и занятости граждан, устойчивое развитие сельских территорий.

Немаловажно еще и то, что ориентация на развитие сельского хозяйства и обеспечение продовольственной безопасности предполагает наличие профессиональных кадров и воли руководства в решении ими же поставленных задач. Однако сосредоточенность большинства региональных органов отраслевого управления на поддержке стратегически приоритетных для региона отраслей сельского хозяйства и отсутствие внимания к глубокой переработке непродовольственного сельскохозяйственного сырья, не позволяет создать основу для диверсификации сельской экономики и стимулировать развитие занятости населения сельских территорий.

Эффективное импортозамещение, динамичное и эффективное развитие сельского хозяйства в условиях международных санкций должно стать не только общеэкономической предпосылкой успешного решения большинства накопившихся в отрасли производственных, финансовых, социальных проблем, но и способом системного согласования установок на удвоение валового внутреннего продукта, сокращение бедности и повышение продовольственной безопасности страны, то есть должно обеспечить успешную реализацию всего комплекса целей социально-экономического развития страны в рассматриваемой перспективе.

В животноводстве решение задачи ускоренного наращивания производства мяса и молока позволит повысить уровень потребления населением этих продуктов при одновременном их импортозамещении. Более оптимистические возможности связаны с развитием свиноводства и птицеводства.

Для этого необходимо создать такие условия, когда отечественный сельхозтоваропроизводитель имел бы возможность размещать свою продукцию в региональных торговых сетях, и эта продукция была бы конкурентоспособной как по стоимости, так и по качеству.

В этих условиях невозможно обойтись без государственной поддержки отечественного АПК, так как на сегодняшний день доля бюджетных средств в финансировании отрасли составляет лишь 1,1%, что не способствует и развитию современных научных исследований и научно-технического прогресса в данной сфере.

[1] Официальный сайт Администрации Курской области. – http://www. rkursk.ru/

Васильева Л.В.
к.э.н., в.н.с. Финансового университета
vasilieval@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ[1]

Ключевые слова: *импортозамещение, протекционизм , модели импортозамещения, государственное регулирование, механизмы регулирования.*

Keywords: *import substitution, protectionism, the model of import substitution, state regulation, regulatory mechanisms.*

Понятие «импортозамещение» не имеет однозначного толкования, поскольку это живой процесс, проходящий в своем развитии различные этапы в соответствии со стратегией государства. Многие исследователи считают, что на первоначальном этапе – этапе защиты внутреннего рынка, это процесс сокращения или полного прекращения импорта определенных товаров путем их замещения отечественными аналогами (с подобными или более высокими потребительскими свойствами и стоимостью не выше импортных)[2].

В мировой экономике политика импортозамещения проводилась в следующих ситуациях:

– в период индустриализации для защиты отечественного производителя, обеспечения потребностей внутреннего рынка и экономического роста;

– как мера противостояния при внешнем давлении (санкции) для обеспечения экономической безопасности страны;

– как следствие сознательного идеологического решения при выборе пути автаркии государства с целью сохранения территориальной целостности и/или правящих режимов.

История показывает, что политика импортозамещения может приносить как положительные результаты, так и отрицательные.

Исторический ракурс

Необходимость импортозамещения как стратегическое направление промышленной политики была осознана рядом государств при поиске путей уменьшения разрыва между индустриально развитыми и развивающимися странами[3]. Концепцию импортозамещения предложил аргентинский экономист Рауль Пребиш, согласно гипотезе которого, отставание в экономическом развитии стран третьего мира является следствием их зависимости от продажи сырья и сельхозпродукции своим бывшим метрополиям: цены на экспорт готовой продукции с высокой добавленной стоимостью растут быстрее, чем цены на экспорт природных ресурсов. С течением времени разрыв только увеличивается. В качестве альтернативы существовавшему механизму внешнеэкономических отношений Пребиш предложил осуществление индустриализации на основе импортозамещения. Суть такой политики заключалась в оказании активной государственной поддержки машиностроению и другим национальным промышленным производствам, в ограничении импорта, в постепенном переходе от экспорта сырья к производству готовой промышленной продукции[4].

Активно процесс импортозамещающей индустриализации как государственной политики начался в 40–60-е годы XX в. в Латинской Америке и длился почти полвека. Явной причиной этого стал кризис 1929–1933 годов, обрушивший спрос на экспортируемые национальные товары: кофе и хлопок Бразилии; зерно и мясо Аргентины; медь Чили и др. Возникший по причине этого дефицит валютных средств для закупки импортных промышленных товаров и сопутствующие этому процессы резко обозначили необходимость обеспечения экономической независимости. Приоритетом промышленной политики стало импортозамещение для обеспечения защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции со стороны Северной Америки. Первоначально Аргентина, затем Мексика и Бразилия активно меняли экономическую политику. Постепенно география использования стратегии импортозамещения расширилась за счет стран Африки и Азии.

---

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-02-50045.

[2] Лукьянчук Е. Импортозамещение: зарубежный опыт // Аптека. 2011. – № 15 (786), 18 апреля. – http://www.apteka.ua/article/magazine/786

[3] Казначеев П. Об иллюзиях импортозамещения. К чему ведет самоизоляция нефтяной экономики? – https: http://www//slon.ru/posts/52426

[4] Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?. [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В.В. Вольского, И.К. Шереметьева]. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 221 с.

Модели импортозамещения

В настоящей работе мы исследуем зарубежный опыт реализации стратегии импортозамещения в период проведения индустриализации, когда формировалась целенаправленная промышленная политика государств, и в рамках ее обозначались соответствующие принципы и подходы, определяющие национальные особенности этого процесса. В экономической литературе, обобщая применяемые подходы государственного регулирования промышленной политики, выделяют две основные классические модели импортозамещения – латиноамериканскую и восточноазиатскую.

Латиноамериканская модель

В латиноамериканских странах, исторически первыми вступившими на путь импортозамещения, государственное регулирование этого процесса заключалось в проведении протекционистской политики в отношении к отечественному товаропроизводителю и сворачиванию внешнеэкономических отношений. Было принято решение о введении высоких ввозных пошлин на товары, которые могла производить национальная растущая индустрия и снижении цен на продукцию собственного производства. Государственная поддержка заключались в выдаче дешевых кредитов, установлении квот на импорт, поддержании фиксированного обменного курса. Одновременно происходил процесс национализации экономики, создания государственных монополий в стратегически важных отраслях (нефтегазовая промышленность, электроэнергетика, железнодорожный транспорт, связь). Формировался мощный государственный сектор экономики. Ограничение импорта и насыщение внутреннего рынка отечественными товарами позволяло удерживать средства в регионе и использовать их как источник модернизации промышленности.

Принципиальным отличием данной модели импортозамещения от восточноазиатской является затяжной характер протекционистских мер, что впоследствии негативно сказалось на результатах. Эффект от принятых мер на первом этапе проявился довольно быстро: например, уже в начале второй половины XX века Бразилия оказалась в числе мировых лидеров по темпам экономического роста (в основном за счет легкой и пищевой промышленности). Но со временем, при развитии тяжелой промышленности, стало очевидно, что введение таможенных барьеров недостаточно для роста индустрии. Строительство заводов и поддержание их деятельности требовали все больше и больше ресурсов, а неконкурентная продукция и в целом нерентабельное производство не могли их окупить. Развитие новых отраслей основывалось не на их реальной конкурентоспособности, а на административной поддержке. Ресурсы распределялись неэффективно, имело место лоббирование интересов отдельных предприятий. Усиление национальных монополий привело к снижению конкурентоспособности экономики.

Определенные успехи такой политики в плане укрепления национальной промышленности все же не устранили ее технологического отставания. «Тепличные» условия протекционизма, отсутствие реальной конкуренции привели к неэффективному производству. В большинстве случаев не удалось структурировать национальную экономику и внутренний рынок, а предприятия «молодой индустрии», поддерживаемые на правительственном уровне различными способами, так и не стали конкурентоспособными. Отечественные товары не имели спроса на внешнем рынке, экспорт сокращался и, соответственно, уменьшался объем валютной выручки. Утрата государством своих позиций в международной торговле означала и утрату возможностей для усовершенствования производственно-технологической базы. Снижение экспорта и дефицит платежного баланса негативно отразились на темпах экономического роста. Все это привело к гиперинфляции, стремительному росту национального долга и фактическому банкротству государств[1].

Ярким примером негативного следствия такого реформирования является экономика Аргентины, одной из самых успешных в мире стран до Второй мировой войны: за 25 лет реформ, к середине 70-х годов, она оказалась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. Затем следовал такой же по длительности период попыток восстановления через преодоление резкого падения ВВП (на 20%). Это привело к ухудшению экономической ситуации по всем направлениям (снижение темпов роста производства, сокращение инвестиционной активности, усиление инфляции, снижение уровня жизни населения и др.). При этом поставленная цель – повышение качества продукции и конкурентоспособности на внутреннем рынке не была достигнута. Опыт латиноамериканских стран свидетельствует, что период длительного протекционизма обычно приводит к противоположному эффекту. Практическое отсутствие конкурентной среды снижает мотивацию развития у отечественных производителей, что приводит к технологическому отставанию[2].

Таким образом, результаты импортозамещающей политики в Латинской Америке, основанные на протекционизме и закрытости от мирового рынка, оказались противоречивыми. В последующем эти страны, вынужденные длительное время восстанавливать свою экономику после периода ее стагнации, переориентировались на создание открытой экономики: снижение импортных тарифов, создание конкурентной обстановки на внутреннем рынке.

---

[1] Шамхалов Ф.И. Опыт импортозамещения продукции оборонной промышленности в зарубежных странах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. – Вып. № 2–2. – С. 15–29. – http://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-tulskogo-gosudarstvennogo-universiteta-ekonomicheskie-i-yuridicheskie-nauki

[2] Миронова О.А. Импортозамещение: зарубежный опыт и уроки для России. – http://research-journal.org/economical/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uroki-dlya-rossii; Красильщиков В.А. Пределы импортозамещения. Опыт Латинской Америки и перспективы России. – http://www.ng.ru/ideas/2015-06-17/5_america.html; Васильева Л.В. Опыт импортозамещения в странах БРИКС // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире. Тр. I Международной научно-практической конференции / ИНИОН РАН. Отдел науч. сотрудничества; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2016. – С. 14–19.

Восточноазиатская модель

Более успешной в долгосрочной перспективе признается политика стран Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Республика Корея, Тайвань, Китай и др.), развивавшихся, по определению японского экономиста Канаме Акамацу, по модели «летящих гусей». Эти страны в своем развитии следовали примеру других стран, находящихся непосредственно перед ними в иерархии технологической эволюции. Целью их политики также была индустриализация экономики. Но достигалась она не путем длительного жесткого протекционизма при помощи внешнеторговых ограничений и дискриминации импорта, а путем наращивания экспортного потенциала страны. Принципиально важно, что чистое импортозамещение имело короткий период действия и протекционизмом сочетался с товарной и географической диверсификацией экспорта. Здесь так же, как в странах Латинской Америки, в первую очередь стали поднимать легкую и пищевую промышленности. Но на следующем этапе (преобразования тяжелой промышленности) производство уже не было замкнуто на внутренний рынок, а ориентировано, прежде всего, на экспорт, на мировые рынки.[1]

Успех такого подхода имеет объяснение с позиций теории рыночной экономики. На первом этапе преобразований, характеризующимся избытком рабочих рук и нехваткой капитала на международном рынке, конкурентоспособность достигается в трудоемких секторах. По мере роста сбережений и повышения уровня образования создавался резерв капитала и квалифицированной рабочей силы для развития наукоемких и высокотехнологичных секторов. В итоге все это способствовало повышению конкурентоспособности всей экономики. Важную роль в этом сыграли транснациональные корпорации, оценившие привлекательность региона по многим факторам (географическое положение, стабильность политической ситуации, трудолюбие населения и др.) и размещавшие здесь своё производство.

В реализации восточноазиатского варианта преобразований в промышленности можно выделить три этапа. Целью первого этапа (собственно – импортозамещение) было создание новых производств и отраслей. В этот период для поддержки и защиты слабого национального производителя применялась система протекционистских мер. Важным обстоятельством является то, что такой режим был недолговременным, поскольку негативным последствием его является искусственная изоляция и неизбежная деградация внутреннего ранка, когда теряются мировые стандарты качества.

На следующем этапе, по мере укрепления позиций бизнеса в приоритетных отраслях, акцент государственного регулирования перемещался на всемерное поощрение экспорта при одновременном снижении таможенных барьеров. Именно в этом – своевременном переходе на экспортно-ориентированную модель экономики – видят успех стран Восточной Азии исследователи. Государственная поддержка оказывалась уже не всем отечественным производителям новых отраслей, а избирательно – тем из них, которые вышли на внешние рынки или готовы выйти в ближайшей перспективе.

На третьем этапе, когда отрасли (предприятия) достигли устойчивых позиций на внешнем рынке, государство отходит от активной промышленной политики и поддержки даже экспортно-ориентированных отраслей и предприятий – бизнес способен развиваться самостоятельно[2]. Для реализации этой экспортно-ориентированной стратегии импортозамещения были созданы «экспортные платформы» – зоны или ниши в экономике со специальным регламентом развития, открытые для иностранных инвесторов и интегрированные в глобальную экономику. Они были оснащены соответствующей инфраструктурой, имели гарантии стабильности законодательства, налоговые и таможенные преференции. Существовало несколько вариантов таких платформ (институтов развития и поддержки экспорта): экспортно-промышленные зоны, таможенное хранение, специальные экономические зоны и система возврата таможенных пошлин. Государственное регулирование осуществлялось на макроэкономическом уровне путем стимулирования экспорта трудоемкой продукции, в основном с помощью удержания обменных курсов.

Таким образом, общим для стран Восточной Азии было то, что они в начале своего индустриального развития непродолжительный период опирались на политику импортозамещения, основанную на протекционизме, а затем плавно переходили в развитию экспорта – выводу на внешний рынок новой продукции. Эти меры позволили им укрепить национальную экономику и создать основу для реализации экспортно-ориентированной стратегии. Опыт восточноазиатских стран по применению политики импортозамещения считается достаточно успешным, так как это позволило им выйти из отсталых стран в передовые.

Одним из ярких примеров успешности восточноазиатской модели является динамика развития Тайваня, реализовавшего комбинированную стратегию наращивания конкурентных преимуществ отечественного производства. Исходную стратегию «летящих гусей» Тайвань модернизировал с учетом имеющегося потенциала и укрепления позиций на мировом рынке, избежав, таким образом, ограничений как стратегии «летящих гусей», так и «импортозамещения», используя одновременно преимущества и той, и другой. В итоге за счет роста экспорта в Тайване было получено более 50% ВВП. Для сравнения, в КНР и Индии этот показатель составил 5–8%, в Таиланде 14–16%, в Южной Корее – 42–45%[3].

Кроме того, второй составляющей успеха Тайваня была его инвестиционная политика: в 70-е годы XX века страна превратилась в чистого экспортера капитала, а в 1990-х годах его объемы были эквивалентны 4–5% ВВП. При

---

[1] Шамхалов Ф.И. Опыт импортозамещения продукции оборонной промышленности в зарубежных странах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2009. – Вып. № 2-2. – С. 15–29. – http://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-tulskogo-gosudarstvennogo-universiteta-ekonomicheskie-i-yuridicheskie-nauki

[2] Гаман-Голутвина О.В. Страны БРИК: элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Политическая концептология. 2014. – № 3. – С. 117–153.

[3] Миронова О.А. Импортозамещение: зарубежный опыт и уроки для России. – http://research-journal.org/economical/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uroki-dlya-rossii

этом инвестиционная экспансия жестко контролировалась. Проводя курс на последовательную финансовую либерализацию, не допустили значительного притока «горячих денег», которые в подобной ситуации разрушали экономику ряда азиатских стран и стран с переходной экономикой. Таким образом, по опыту «догоняющего развития» восточноазиатских стран, успех в экономическом развитии базируется на наращивании экспорта одновременно с процессом импортозамещения.

Дискуссии

Ретроспективный анализ развития зарубежных стран показал, что применение стратегии импортозамещения неоднозначно влияет на состояние экономики. Этот процесс требует гибкого государственного регулирования и своевременной смены вектора с учетом меняющихся условий внешней и внутренней среды с тем, чтобы шло технологическое развитие в условиях открытой экономики как условие обеспечения конкурентоспособности.

Периодически возникают дискуссии по поводу эффективности применения политики импортозамещения. Оспаривается ее целесообразность в плане оптимального использования мировых ресурсов, ограниченность и неравномерность распределения которых неизбежно влияет на структуру экономики, возможности ее диверсификации и масштаб производства[1].

Сложившееся международное разделение труда и интеграционные процессы в производстве породили так называемый «феномен глобальных цепочек добавленной стоимости» (ГЦДС), что в принципе усложняет процесс импортозамещения для любой страны. В производстве готовой продукции могут участвовать несколько национальных производств и по мере увеличения звеньев ГЦДС и углубления специализации каждого из них все сложнее организовать собственное производство ранее импортируемых компонентов или привлечь иностранные инвестиции к дополнительной локализации.

Справочно: на сегодняшний день в России более 75% предприятий обрабатывающей промышленности зависит от поставок импортного сырья, оборудования и технологий. Дополнительная сложность еще и в том, что имеющееся оборудование имеет значительный износ.

Кроме того, стратегия, направленная на уменьшение конкуренции со стороны мирового бизнеса, однозначно приводит к снижению конкуренции и на внутреннем рынке. А это уже в целом снижение эффективности национальной экономики.

Предложения для российский экономики

Наше исследование показало, что каждая страна определяет для себя стратегию проведения импортозамещения: одни по интенсивному варианту (увеличение экспорта), другие – по экстенсивному (уменьшая объем импорта). Изучение опыта зарубежных стран в плане реализации стратегии импортозамещения и выявление тенденций государственного регулирования этого процесса, позволяет разработать предложения по адаптации соответствующих мер и механизмов к российским реалиям:

1) В первую очередь, по выбору стратегии импортозамещения. Промышленная политика, ориентированная на использование мер протекционистского характера, должна сочетаться с диверсификацией экспорта, основанного на развитии нового бизнеса, конкурентоспособного на мировом рынке.

2) Необходимо выстраивание полноценной нормативно-правовой базы, регулирующей процесс импортозамещения. В настоящее время она достаточно фрагментарна, нет развития этого процесса во взаимосвязанных документах на всех уровнях.[2] Системное решение этой проблемы нужно проводить на прочной плановой основе. Существующие отраслевые планы содействия импортозамещению в промышленности и сельском хозяйстве разработаны на двухтрехлетний период. Это первый шаг. Поскольку процесс реально займет длительное время, потребуется разработка федерального, региональных и отраслевых пятилетних планов импортозамещения.

3) Поскольку стопроцентное импортозамещение в России (да и ни в одной стране мира) неэффективно, и его невозможно обеспечить по объективным причинам, имеет смысл выделить секторальные приоритеты. В частности, как один из подходов, ранжировать отрасли по их значимости с позиций обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности на мировом рынке. В первой группе объединить наиболее важные с этой точки зрения отрасли и в них проводить жесткую политику вытеснения импорта отечественными товарами (оборона, космос и т.п.). Во второй группе отраслей, имеющих относительно невысокую импортозависимость, осуществлять выборочное замещение (атомная промышленность, авиастроение, металлургия, целлюлозно-бумажное производство, сельское хозяйство и др.). Соответственно, в третьей группе отраслей скажется эффект перехода на отечественную продукцию по мере развития предыдущих, экспортно-ориентированных локомотивов всей модернизации. Целью политики импортозамещения должно быть создание условий для диверсификации отечественного производства и экспортного профиля, а не полная замена импорта. Мировой рынок обладает гораздо более высоким потенциалом для роста российской экономики, чем внутренний.

---

[1] Берсенев П. Политика импортозамещения: история, принципы, примеры. 2012. – 13 марта. – http://www.bel-jurist.com/page/import-substitution

[2] Об утверждении плана содействия импортозамещению в промышленности: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.09.2014 № 1936-р.

4) Перестройку промышленного производства осуществлять с упором на освоение наукоемких технологий, внедрение результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

5) Поддерживать открытость экономики и партнерство с дружественными странами (например, с Южной Кореей, КНР, Сингапуром и др.), в частности, для приобретения передовых технологий и получения прямых иностранных инвестиций от ТНК.

6) Придерживаться вектора увеличения экспорта высокотехнологичных отраслей, начиная в первую очередь с отраслей, уже имеющих разработки мирового уровня. Как пример, разработки в области безопасности в виде облачных решений, BI и OCR (Parallels, Prognoz, Kaspersky Lab и Abbyy).

7) Гибко сочетать административные рычаги и рыночное саморегулирование, не утрачивая способности государства влиять на ценообразование для контроля тарифной политики монополий. Спекулятивное установление цен и тарифов приводит к низкой рентабельности или даже убыточности предприятий обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, которые должны обеспечить импортозамещение.

8) При помощи государственной поддержки усилить роль бизнеса и его активность (по опыту Китая, которому удалось вывести на глобальный рынок целый ряд компаний мирового уровня – в частности, компанию Huawei).

9) Развивать масштабные инфраструктурные проекты, которые могут стать главными драйвером роста (строительство скоростных автомобильных и железных дорог и аэропортов, развитие морских портов и др.). Создание производственной и инновационной инфраструктуры (технополисов. технопарков, территориальных производственных кластеров, бизнес-инкубаторов и др.).

Гурова И.П.
д.э.н., профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО МИД России
igurova@mail.ru

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: *ЕАЭС, проникновение импорта, торговый баланс, замещение импорта.*
Keywords: *EAEU, import penetration, trade balance, import substitution.*

Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются активными участниками международной торговли товарами и услугами. В 1990–2010 гг. в результате либерализации внешней торговли произошло значительное увеличение импорта и экспорта.

Таблица 1

Страны ЕАЭС: внешняя торговля товарами и услугами, млн. долл.

Страны	1994		2000		2014	
	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт
Армения	434	229	966	447	5468	3319
Белоруссия	3199	2761	8087	7641	43795	43 312
Казахстан	-	-	8970	10 341	56 212	85 408
Киргизия	497	-	654	573	6435	2690
Россия	66 474	75 973	61 709	114 792	429 048	563 507

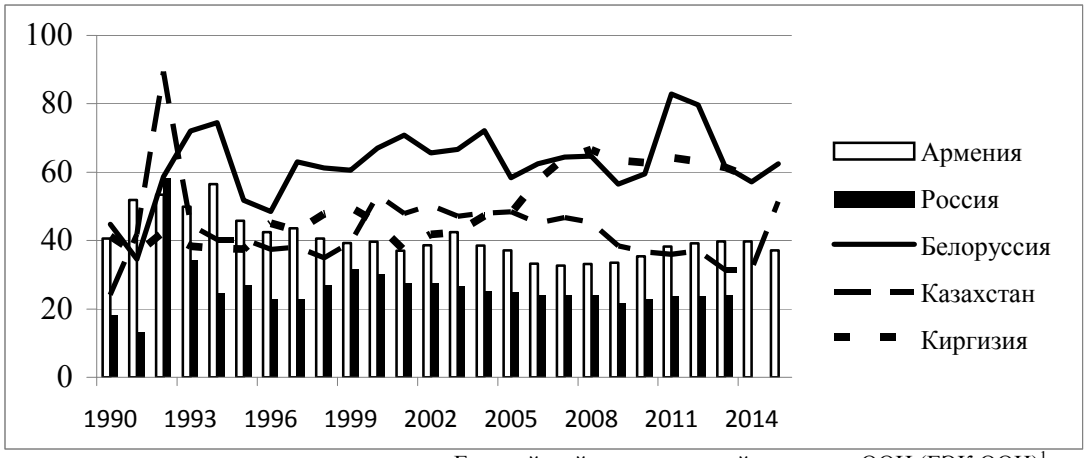
Источник: составлено автором на основе данных ЮНКТАД.[1]

В странах ЕАЭС уделяется большое внимание развитию экспорта и мерам по его государственной поддержке. В России принята Государственная программа «Развитие внешнеэкономической деятельности», определены «Основные направления развития экспорта на период до 2030 года», в том числе стратегия диверсификации национального экспорта, и сформирована целостная система реализации государственной политики и приоритетов в экспортной сфере. В Белоруссии утверждена Национальная программа развития экспорта, в Армении – Стратегия экспортно-ориентированной индустриальной политики, в Казахстане – Программа «Экспорт 2020», в Киргизии – План Правительства по развитию экспорта. Осуществляя национальные программы, страны стремятся к расширению экспортных рынков, увеличению несырьевого экспорта, диверсификации экспорта и повышению конкурентоспособности отечественной продукции. Более того, Ст. 41 «Меры по развитию экспорта» Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривает совместные меры по развитию экспорта: страхование и кредитование экспорта, международный лизинг, продвижение понятия «товар Евразийского экономического союза» и введение единой маркировки товара Союза, выставочно-ярмарочную и экспозиционную деятельность, рекламные и имиджевые мероприятия за рубежом.

Вместе с тем, выход на мировые рынки открыл доступ к разнообразным товарам, производимым в мировой экономике, и позволил улучшить удовлетворение потребностей населения, предприятий и организаций в странах ЕАЭС за счет импорта. В настоящее время импорт товаров и услуг играет заметную роль в этих экономиках, характеризуемую высокими значениями индекса проникновения импорта. Показатель указывает, в какой степени импорт удовлетворяет внутреннее потребление (включая конечное потребление домохозяйств, органов государственного управления, некоммерческих организаций, и валовое накопление капитала), рассчитываемое как разность ВВП и чистого экспорта (формула 1): $\frac{M}{GDP-X+M}$ (1)

где X – совокупный экспорт товаров и услуг, M – совокупный импорт товаров и услуг, GDP – ВВП страны. Наиболее высокий показатель, в отдельные периоды превышающий 80%, наблюдается в Белоруссии, в Киргизии – рост показателя до значений, приближающихся к 70%, а в Казахстане и Армении – неустойчивое снижение показателя до 30–40%. Наименьшая зависимость экономики от импорта – в России, где в последние годы показатель не превышает 25% (рис. 1).

[1] Trade trends. UNCTADStat. – http://unctadstat.unctad.org



Источник: составлено автором на основе данных Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН)[1].
* данные для Киргизии за 1990–2014 гг., для России – за 1990–2013 гг.

Рисунок 1.
Показатель проникновения импорта в странах ЕАЭС в 1990–2015 гг.*, %

Однако следует отметить, что в России, несмотря на умеренные значения макроэкономического индекса проникновения импорта, в отраслевом разрезе по многим товарным позициям наблюдается абсолютная зависимость от ввоза из-за рубежа. Например, по данным Минпромторга России, импорт составляет 100% от потребления по таким товарам как оптическое волокно для производства оптических кабелей, газотурбинные установки мощностью от 100 до 200 МВт, ветрогенерирующие установки[2], генераторы для тепловозов, рефрижераторные контейнеры[3], бурильные шахтные установки, оборудование для изготовления химических волокон[4], электродвигатели, термопласавтоматы[5], по значительному числу товарных позиций в гражданском авиастроении[6], в автомобильной промышленности[7] и в других отраслях.

Высокий уровень проникновения импорта в экономиках Белоруссии, Киргизии, Армении частично объясняется закономерностью, описанной в аналитической публикации ОЭСР: «Уровень проникновения импорта обычно выше в малых экономиках, так как они более открыты в мировой экономике и имеют особенности в специализации. Они становятся более зависимыми от импорта, поскольку не могут специализироваться во многих отраслях. В долгосрочном периоде, если проникновение импорта растет более быстрыми темпами, чем внутренний спрос, и не сопровождается эквивалентным ростом экспорта, это может означать ухудшение конкурентоспособности»[8].

В этих странах не удалось избежать негативных последствий роста импорта, так как отечественная продукция обладает низкой конкурентоспособностью на мировых рынках и темпы роста экспорта значительно уступают темпам роста импорта, что приводит к усугублению проблемы торгового дефицита. В то время как в России активный баланс во внешней торговле наблюдается постоянно, а в Казахстане – с 2002 г., Киргизия и Армения имеют хронический торговый дефицит (рис. 2)[9]. В Белоруссии в последние годы удалось преодолеть дефицит во внешней торговле и приблизиться к равновесному значению.

[1] UNECE Statistical Database. Economy. Globalization Indicators. – http://w3.unece.org

[2] Об утверждении плана по импортозамещению в отрасли энергетического машиностроения, кабельной и электротехнической промышленности Российской Федерации: Министерство промышленности и торговли РФ: Приказ № 653 от 31 марта 2015 г. – http://minpromtorg.gov.ru

[3] Об утверждении плана по импортозамещению в отрасли транспортного машиностроения Российской Федерации: Министерство промышленности и торговли РФ: Приказ № 660 от 31 марта 2015 г. – http://minpromtorg.gov.ru

[4] Об утверждении плана по импортозамещению в отрасли тяжелого машиностроения Российской Федерации: Министерство промышленности и торговли РФ: Приказ № 654 от 31 марта 2015 г. – http://minpromtorg.gov.ru

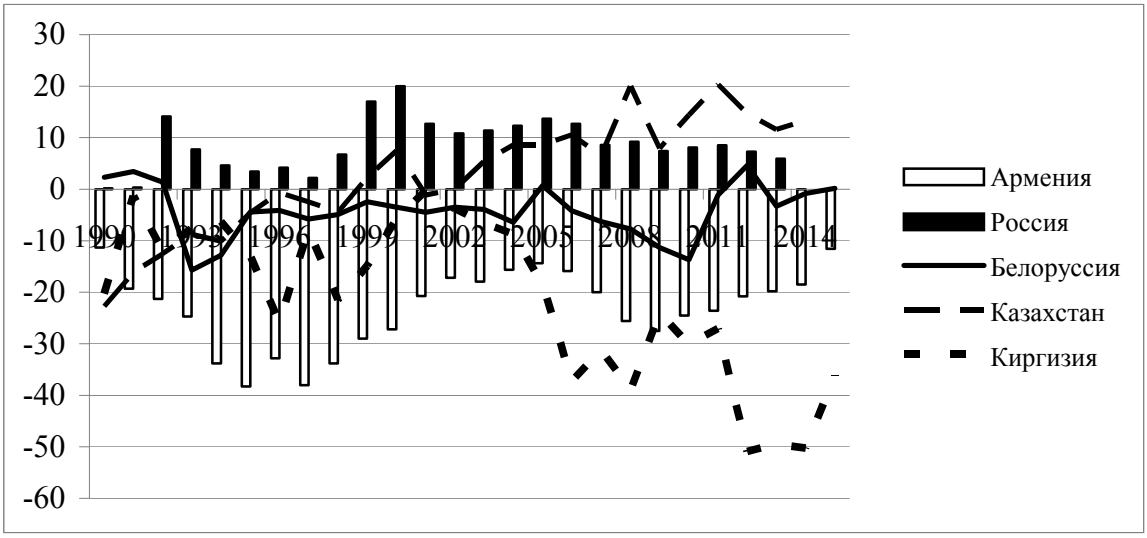
[5] Об утверждении плана по импортозамещению в станкоинструментальной промышленности Российской Федерации: Министерство промышленности и торговли РФ: Приказ № 650 от 31 марта 2015 г. – http://minpromtorg.gov.ru

[6] Об утверждении плана по импортозамещению в отрасли гражданского авиастроения Российской Федерации: Министерство промышленности и торговли РФ: Приказ № 663 от 31 марта 2015 г. – http://minpromtorg.gov.ru

[7] Об утверждении плана по импортозамещению в автомобильной промышленности Российской Федерации: Министерство промышленности и торговли РФ: Приказ № 648 от 31 марта 2015 г. – http://minpromtorg.gov.ru

[8] Measuring Globalisation: OECD Economic Globalisation Indicators 2010 / OECD. 2010. – P.76.

[9] Для сравнительного анализа торгового баланса используется относительный показатель, характеризующий отношение разности экспорта и импорта к ВВП: $\frac{X-M}{GDP}$, где X – товарный экспорт, M – товарный импорт, GDP – ВВП страны.



Источник: составлено автором на основе данных Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН)[1]
∗ данные для Киргизии за 1990-2014 гг., для России – за 1990–2013 гг.

Рисунок 2.
Отношение торгового баланса к ВВП в странах ЕАЭС в 1990–2015 гг.∗, %

Стремясь преодолеть несбалансированность внешней торговли, правительства Киргизии, Казахстана и Белоруссии уже в конце 1990-х гг. начали осуществлять политику сокращения импорта на основе импортозамещения. В Белоруссии импортозамещение рассматривается как важнейший фактор достижения сбалансированного развития экономики страны. Государственная программа была разработана и утверждена в 1997 г. В дальнейшем на ее основе были разработаны отраслевые и региональные программы, а также перечень импортозамещающих товаров. Для стимулирования проектов применяются следующие меры государственной поддержки:

1) предоставление бюджетных ссуд и займов;

2) предоставление государственных гарантий государственным предприятиям по кредитам, выдаваемым банками республики в белорусских рублях;

3) выделение средств за счет централизованных инвестиционных ресурсов на платной основе на принципах срочности и возвратности в размере 30% от общей сметной стоимости импортозамещающих проектов, обеспечивающих производство по ценам, не менее чем на 30% ниже цены импортируемой продукции;

4) оказание финансовой поддержки малым предприятиям путем частичной компенсации по договорам финансовой аренды (лизинга) в части оплаты банковских процентов за пользование лизингодателем заемными средствами на приобретение объекта лизинга для реализации импортозамещающего проекта[2].

В настоящее время «рациональное импортозамещение» является одним из направлений повышения эффективности экономики Белоруссии[3]. В стране действует единая схема, в соответствии с которой выделено три группы товаров. К первой группе относятся товары, аналоги которых производятся в стране, однако, либо они значительно уступают по качеству импортным товарам, либо объемы их производства недостаточны для удовлетворения внутреннего спроса. В отношении этой группы задача импортозамещения заключается в повышении конкурентоспособности отечественных товаров и расширении их производства. Вторая группа включает товары, которые не производятся в стране: для производства отечественных аналогов создаются новые мощности. Основным способом освоения новой продукции признано привлечение частных инвесторов и транснациональных корпораций. Третья группа – это товары «критического импорта», т.е. необходимые экономике страны, производство которых на данном этапе правительство Белоруссии признало экономически нецелесообразным (например, некоторые виды металлургической продукции, отдельные виды потребительской электротехники). Перечень товаров по программе импортозамещения периодически пересматривается. В частности, в 2008 г. в него было включено 788 товарных позиций (промежуточные и инвестиционные товары – 396, потребительские товары – 392), из них: в первую группу – 293, во вторую – 317 (в т.ч. частично товары первой группы), в третью – 256 позиции. Ежегодно правительство устанавливает контрольные цифры: например, в 2016 г. планируется реализовать импортозамещающие проекты с достижением объема выручки от реализации продукции не менее 600 млн. долл. ежегодно в промышленном производстве и сфере услуг за счет внебюджетных источников.

В Киргизии в 1998 г., накануне присоединения к ВТО, была принята Государственная программа «Экспорт-импорт до 2002 года», направленная на увеличение и развитие экспорта, совершенствование его структуры, и на развитие производства импортозамещающей продукции, на уменьшение зависимости республики от импортных поступ-

[1] UNECE Statistical Database. Economy. Globalization Indicators. – http://w3.unece.org

[2] Углов В., Давыденко Е. Оценка и адаптация импортозамещающей политики Республики Беларусь международным требованиям // Журнал международного права и международных отношений. 2006. – № 4. – С. 83.

[3] О мерах по повышению эффективности социально-экономического комплекса Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь № 78 от 23 февраля 2016 г.

лений. Значительное импортозамещение предусматривалось в сельском хозяйстве, в пищевой промышленности и в машиностроительной отрасли. Аналогичные программы в стране принимались в 2002 и 2007 гг.

В настоящее время приоритетным направлением внешнеторговой политики Киргизии является развитие экспорта. В Плане Правительства Кыргызской Республики по развитию экспорта на 2015–2017 годы определены секторы экономики, нуждающиеся в государственной поддержке: туриндустрия, производство овощей и фруктов, мясной и молочной продукции, текстиля и швейных изделий, бутилированной воды. Они выделены по следующим критериям: 1) текущее состояние экспорта; 2) условия внутреннего предложения; 3) тенденции мирового рынка; 4) воздействие сектора на социально-экономическое развитие страны (занятость, доходы населения, производство добавленной стоимости). Основными направлениями поддержки экспорта являются финансирование торговли, упрощение процедур для экспортеров, поддержка и развитие инфраструктуры качества, обеспечение доступа к торговой информации и продвижение товаров на внешние рынки. Особенность программы поддержки экспорта в Киргизии заключается в ориентации в основном на субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП).

В Казахстане к импортозамещению приступили в конце 1990-х гг. с целью развития отечественного производства и его диверсификации. В 1999 г. была поставлена задача разработать Концепцию политики импортозамещения, а в 2000 г. была принята Программа импортозамещения в отраслях легкой и пищевой промышленности на 2001–2003 годы. В настоящее время задачи по замещению импорта формулируются в рамках Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан, являющейся частью промышленной политики страны. До присоединения к ВТО программа индустриализации, основанная на замещении импорта, позволила добиться определенного успеха в диверсификации экономики за счет применения высоких импортных пошлин[1]. В настоящее время в Казахстане в целях поддержки отечественных товаропроизводителей активно используется система госзакупок. В период осуществления Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития в 2010–2014 гг. отечественные товары, работы и услуги составили 56,6%, а доля местного содержания в закупках увеличилась с 48,2 до 63,1%.

В Армении проблема импортозамещения рассматривалась в составе стратегии по сокращению бедности с целью создания рабочих мест и стратегии устойчивого развития сельского хозяйства с целью обеспечения продовольственной безопасности. В результате стимулирования местного производства удалось добиться определенных результатов в замещении импорта[2]. Основной способ преодоления превышения импорта над экспортом – диверсификация структуры экспорта и повышение доли наукоемкого производства. В машиностроительном комплексе предусмотрено создание высокотехнологичных производств, обеспечивающих импортозамещение и повышение доли экспорта[3].

В России, также как и в других государствах ЕАЭС, приоритет во внешнеторговой политике отдается развитию экспорта и его диверсификации[4]. Однако положительные эффекты рыночного импортозамещения, проявившиеся как результат девальвации российской валюты в 1998 году, показали возможности макроэкономического роста на основе замещения импорта. В настоящее время включение импортозамещения в число первоочередных задач государственной политики в России обусловлено обострением политических разногласий между мировыми державами, введением санкций и контрсанкций, интересами экономической безопасности. В России для реализации программы в 2015 г. создан специальный институт: Правительственная комиссия по импортозамещению. Это координационный орган, который обеспечивает согласование действий органов государственной власти всех уровней в целях реализации государственной политики в сфере импортозамещения, обеспечения снижения зависимости отраслей промышленности от импорта.

Обеспечение продовольственной независимости России, ускоренное импортозамещение в отношении мяса, молока, овощей, семенного картофеля и плодово-ягодной продукции – основная цель Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Ее главная задача – стимулирование роста производства основных видов сельскохозяйственной продукции и производства пищевых продуктов, направленное на импортозамещение[5]. В целях импортозамещения в гражданских отраслях промышленности Министерство промышленности и торговли утвердило 20 отраслевых планов, содержащих 1553 позиции, в реализации которых осуществляется мониторинг 1719 проектов[6]. Основными критериями для отбора проектов являются приоритеты экономической безопасности, наличие платежеспособного спроса на продукцию, а также степень критичности. Отраслевые планы содержат номенклатуру позиций промышленной продукции, по которым к 2020 году максимальный объем импорта не должен превышать плановых значений. Утверждены 16 межведомственных рабочих групп по снижению зависимости отраслей от импорта оборудования, комплектующих и запасных частей, работ и услуг иностранных компаний и использования иностранного программного обеспечения.

---

[1] Kazakhstan Assessment of Costs and Benefits of the Customs Union for Kazakhstan. First Report under the Study of International Practice of Integration / Customs Union. Document of the World Bank. Poverty Reduction and Economic Management Unit. Europe and Central Asia Region. Report No. 65977-KZ. November 24, 2012. – P. IX.

[2] Growth and poverty reduction in Armenia: achievements and challenges / Enrique Gelbard [et al.]. – Washington (D.C.): International Monetary Fund, 2005. – P. 89.

[3] Обзор торговой политики Армении за 2012 год: Содружество независимых государств. Исполнительный комитет. – www.e-cis.info/foto/pages/23521.doc

[4] Гурова И.П., Зыкова Е.В., Склярова Е.Б. Диверсификация российского экспорта // ЭКО. 2007. – № 9. – С. 29–42.

[5] Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Министерство сельского хозяйства РФ. Официальный Интернет-портал. – http://mcx.ru

[6] Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2016 год и основных результатах деятельности за 2015 год. – М., 2016. – С. 120–126.

Для государственной поддержки импортозамещения используются ключевые инструменты промышленной политики: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование внешней торговли, государственные закупки, стандартизация и оценка соответствия, налоговое стимулирование, специальные инвестиционные контракты. Основным механизмом, мотивирующим частных инвесторов на участие в развитии промышленного потенциала и на создание новых производств в России, является государственная поддержка специальных инвестиционных контрактов. Кроме того, используются льготные займы Фонда развития промышленности, субсидии на компенсацию затрат на НИОКР в рамках комплексных инвестиционных проектов, а также инструменты, предусмотренные в рамках отраслевых госпрограмм. Одним из направлений стимулирования промышленного развития являются преференции при госзакупках, к их числу относятся: приоритет товаров российского происхождения, а также условия, запреты и ограничения на импортную продукцию[1]. Приняты нормативно-правовые акты, которые запрещают или ограничивают допуск импортных товаров к госзакупкам для удовлетворения потребностей в продукции оборонно-промышленного комплекса, машиностроения, легкой промышленности, в медицинских изделиях, лекарственных средствах, пищевых продуктах и программных средствах. Важно отметить, что в России запреты и ограничения не распространяются на продукцию, импортируемую из стран Евразийского экономического союза[2]. Более того, российская инициатива заключается в том, что государства-члены ЕАЭС могут принять участие в российской программе импортозамещения, в совместном производстве оборудования и комплектующих более чем в 25 отраслях, прежде всего, в машиностроении, электронной и легкой промышленности, сельском хозяйстве [3].

Страны ЕАЭС объединены устойчивыми торговыми связями, которые характеризуются высоким уровнем интенсивности[4], на основе внутриотраслевой торговли сохраняются благоприятные предпосылки для развития производственной кооперации в различных отраслях промышленности[5]. Однако национальные программы по импортозамещению носят автономный характер, они все еще не учитывают возможности евразийской интеграции. Пока еще не преодолена проблема, отмеченная в аналитической справке Евразийской экономической комиссии «О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности»: отсутствует направленность на формирование общего внутреннего рынка, «государства-члены Таможенного союза и ЕЭП рассматривают внутренние рынки друг друга с позиций доступного и емкого экспортного рынка, тогда как свои национальные внутренние рынки предусматриваются ими для импортозамещения собственной продукцией»[6].

Более того, следует отметить, что сохраняется настороженное отношение к конкуренции на внутренних рынках со стороны стран-партнеров. Двойственное отношение к евразийской интеграции обозначено в «Государственной программе индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы» в части анализа сильных и слабых сторон, возможностей и угроз в сфере индустриального развития (SWOT-анализ). С одной стороны, доступ к рынку Таможенного союза, наряду с рыночными возможностями в Китае, Центральной Азии и прикаспийских государствах, рассматривается как возможность, но с другой стороны, усиливающаяся на внутреннем рынке Казахстана конкуренция со стороны компаний из стран Таможенного союза – как угроза, наряду с такими тенденциями, как негативное влияние глобальных и региональных кризисных явлений на развитие экономики и промышленности страны, изменяющаяся конъюнктура на мировых сырьевых рынках, участие в ВТО[7].

В 2015 г. Евразийский межправительственный совет принял документ, координирующий промышленную политику стран ЕАЭС, – «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза»[8]. Это решение направлено на объединение усилий стран по сокращению технологического отставания и развитию экспорта совместно произведенной продукции на рынки третьих стран и взаимодействию на этих рынках. Аналитики Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) предполагают, что в процессе его реализации будет решаться задача диверсификации производства, вовлечения в оборот предприятий, способных обеспечить замещение импорта по ключевым позициям, а также ориентированных на экспорт. Приоритет импортозамещения они обосновывают необходимостью обеспечения в сложившихся условиях потребностей ЕАЭС за счет собственного производства, повышения локализации производств в целях снижения негативного влияния иностранных компонентов на рост цен на

---

[1] Формы государственной поддержки промышленности. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Минпромторг России. http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/GP_razvitie_promyshlenosti_povysh_konkurentosposobnosti[1].pdf

[2] Следует отметить, что Ст. 88 «Цели и принципы регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок» Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривает предоставление государствам-членам национального режима в сфере закупок.

[3] Путин пригласил страны ЕАЭС в российскую программу импортозамещения. – https://lenta.ru/news/2016/05/31/invitation/

[4] Гурова И.П. Региональная торговля и торговая интеграция СНГ // Евразийская экономическая интеграция. 2009. – № 2. – С. 89–101.

[5] Гурова И.П., Ефремова М.В. Внутриотраслевая и межотраслевая торговля СНГ // Евразийская экономическая интеграция. 2012. – № 3 (16). – С. 30–39.

[6] Аналитическая справка «О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности». Евразийская экономическая комиссия. – http://eec.eaeunion.org

[7] Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы: Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 9 июня 2014 года № 627. – https://tengrinews.kz

[8] Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: Евразийский межправительственный совет. Решение от 8 сентября 2015 года № 9. – http://docs.cntd.ru/document/420301148

продукцию, производимую в странах ЕАЭС[1]. В импортозамещающей политике, направленной на стимулирование развития промышленных предприятий за счет потенциала внутреннего рынка, предлагается сформировать целевые установки импортозамещения и осуществлять координацию политики импортозамещения, включая обеспечение единых правил игры на общих рынках в отношении предоставления промышленных субсидий и снятия барьеров, развитие кооперационного сотрудничества, применение стимулирующих мер торговой, таможенно-тарифной политики, конкурентной политики в области государственных закупок, технического регулирования, развития предпринимательской деятельности, транспорта и инфраструктуры, а также использование лизинга[2].

Евразийская интеграция развивается в соответствии с общими закономерностями, характерными для современного мирового хозяйства, однако имеет целый ряд политико-экономических особенностей, которые пока еще недостаточно изучены[3]. В вопросе о координации усилий стран ЕАЭС в области импортозамещения необходимо учитывать не только общие интересы, но и специфические приоритеты каждой страны, обусловленные особенностями социально-экономического и политического положения. Для Белоруссии, Армении и Киргизии – это в первую очередь проблема относительного сокращения импорта с целью преодоления проблемы дефицита торгового баланса, для Казахстана – достижение целей индустриального развития, для России – обеспечение экономической безопасности в период обострения разногласий между крупнейшими мировыми державами. Реалистичность предложений по координации политики импортозамещения в рамках ЕАЭС определяется тем, в какой степени они обеспечивают баланс интересов стран-участниц.

[1] Промышленная политика ЕАЭС: от создания к первым результатам / Под ред. С.С. Сидорского. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2015. – С. 36.

[2] Там же, с. 40.

[3] Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 1. – С. 130–143.

Давтян Г.Г.
аспирант Института сферы обслуживания и предпринимательства филиала Донского государственного технического университета (ИСОиП (ф) ДГТУ), Шахты
Прохоров В.Т.
д.т.н., профессор ИСОиП (ф) ДГТУ
Осина Т.М.
к.т.н., доцент ИСОиП (ф) ДГТУ

О ПОИСКЕ ЭФФЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЮ ДЕТСКОЙ ПРОДУКЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЯМ РЕГИОНОВ ЮФО И СКФО НА БАЗЕ АССОРТИМЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: *сегментирование, спрос, ассортиментная политика, себестоимость, прибыль, комфортность, ценовая ниша, ценовая эластичность, востребованность, конкурентоспособность, рынок.*
Keywords: *segmentation, demand, assortment policy, cost, profit, comfort, price niche, price elasticity, demand, competitive market.*

Ассортимент детской обуви должен ориентироваться на покупателей с разным уровнем дохода, для этого при производстве обуви необходимо использовать кожу для верха разного качества: дорогостоящую, такую как шевро или более дешёвую – свиную кожу хромового дубления, обувь из которой можно носить на «выход», а придя домой снимать для того, чтобы ножки ребёнка отдыхали.

Также при разработке ассортимента надо учитывать и то, что девочек в ЮФО и СКФО рождается больше чем мальчиков, так что обувь для девочек должна выпускаться в большем объёме, чем обувь для мальчиков.

Если производители обуви для детей будут руководствоваться всеми вышеперечисленными рекомендациями авторов, то покупатели получат возможность, в зависимости от своего материального положения, отдать предпочтение продукции той или иной ценовой категории, изготовленной с учётом климатических особенностей ЮФО и родовых характеристик его населения.

Формирование ассортимента – проблема конкретных товаров, их отдельных серий, определения соотношений между «старыми» и «новыми» товарами, товарами единичного и серийного производства, «наукоемкими» и «обычными» товарами, овеществленными товарами, или лицензиями и «ноу-хау». При формировании ассортимента возникают проблемы цен, качества, гарантий, сервиса, собирается ли производитель играть роль лидера в создании принципиально новых видов продуктов или вынужден следовать за другими изготовителями.

Формированию ассортимента предшествует разработка предприятием ассортиментной концепции. Она представляет собой направленное построение оптимальной ассортиментной структуры, товарного предложения, при этом за основу принимаются, с одной стороны, потребительские требования определенных групп (сегментов рынка), а с другой, – необходимость обеспечить наиболее эффективное использование предприятием сырьевых, технологических, финансовых и иных ресурсов с тем, чтобы производить изделия с низкими издержками [2].

Ассортиментная концепция выражается в виде системы показателей, характеризующих возможности оптимального развития производственного ассортимента данного вида товаров. К таким показателям относятся: разнообразие видов и разновидностей товаров (с учетом типологии потребителей); уровень и частота обновления ассортимента; уровень и соотношения цен на товары данного вида и др.

Система формирования ассортимента включает следующие основные моменты:

– Определение текущих и перспективных потребностей покупателей, анализ способов использования обуви и особенностей покупательского поведения на соответствующем рынке;

– Оценка существующих аналогов конкурентов;

– Критическая оценка выпускаемых предприятием изделий в том же ассортименте, что и в п.п. 1 и 2, но уже с позиции покупателя;

– Решение вопросов, какие продукты следует добавить в ассортимент, а какие исключить из него из-за изменений в уровне конкурентоспособности; следует ли диверсифицировать продукцию за счет других направлений производства предприятия, выходящих за рамки его сложившегося профиля.

– Рассмотрение предложений о создании новых моделей обуви, усовершенствование существующих;

– Разработка спецификаций новых или улучшенных моделей в соответствии с требованиями покупателей;

– Изучение возможностей производства новых или усовершенствованных моделей, включая вопросы цен, себестоимости и рентабельности;

– Проведение испытаний (тестирование) обуви с учетом потенциальных потребителей в целях выяснения их приемлемости по основным показателям;

– Разработка специальных рекомендаций для производственных подразделений предприятия относительно качества, фасона, цены, наименования, упаковки, сервиса и т.д. в соответствии с результатами проведенных испытаний, подтверждающих приемлемость характеристик изделия или предопределивших необходимость их изменения.

– Оценка и пересмотр всего ассортимента [3].

Планирование и управление ассортиментом – неотъемлемая часть маркетинга. Даже хорошо продуманные планы сбыта и рекламы не смогут нейтрализовать последствия ошибок, допущенных ранее при планировании ассортимента.

Оптимальная структура ассортимента должна обеспечивать максимальную рентабельность с одной стороны и достаточную стабильность экономических и маркетинговых показателей (в частности объем продаж), с другой стороны.

Достижение максимально возможной рентабельности обеспечивается за счет постоянного мониторинга экономических показателей и своевременного принятия решений по корректировке ассортимента.

Стабильность маркетинговых показателей обеспечивается, прежде всего, за счет постоянного контроля за ситуацией на рынке и своевременной реакции на изменения, а также за счет упреждающих действий.

Кроме того, важно, чтобы наименований продукции было не слишком много. Для большинства российских предприятий основной резерв оптимизации ассортимента до сих пор заложен в значительном сокращении ассортиментного ряда. Слишком большой ассортимент плохо сказывается на экономических показателях – появляется много позиций, которые по объемам продаж не могут выйти даже на уровень безубыточности. В итоге общая рентабельность сильно падает. Только исключение нерентабельных и малорентабельных позиций из ассортимента может дать компании увеличение общей рентабельности на 30–50%.

Кроме того, большой ассортимент распыляет силы компании, затрудняет грамотное предложение товара клиентам (даже сотрудники отдела продаж не всегда способны объяснить разницу между той или иной позицией или наименованием), рассеивает внимание конечных потребителей.

Здесь будет уместным напомнить о психологии восприятия информации человеком. Человек, делая выбор, сначала выбирает 5–7 вариантов на основании такого же количества критериев. Если продавец предлагает большее количество критериев выбора, покупатель начинает испытывать дискомфорт и самостоятельно отсеивает незначимые, с его точки зрения, критерии. То же происходит и при выборе собственно товара. Теперь представьте, что происходит, если перед человеком сотня практически не отличимых (для него) товаров, а купить ему нужно один. Люди в такой ситуации ведут себя следующим образом: либо вообще отказываются от покупки, так как не в состоянии сопоставить такое количество вариантов, либо предпочитают то, что уже брали (или что кажется знакомым). Есть и еще одна категории людей (около 7%), любители новинок, которые наоборот выберут что-то, что еще не пробовали.

Таким образом, с точки зрения покупателя (для обеспечения спокойного выбора из поддающихся восприятию вариантов) ассортимент должен состоять не более чем из 5–7 групп по 5–7 наименованиям, т.е. весь ассортимент с точки зрения восприятия оптимально должен состоять из 25–50 наименований. Если наименований объективно больше, то выход состоит в дополнительной классификации.

Считается общепринятым, что покупателю нужен широкий ассортимент. Но на деле получается, что для производителя широкий ассортимент – это сотни наименований продукции, а для потребителя – 7 наименований уже более чем достаточно.

И таким образом потребителю нужен вовсе не широкий ассортимент, а необходимое для него разнообразие [4].

Если предприятие исповедует подход широкого ассортимента, то достаточно провести анализ продаж, посмотреть статистику, чтобы убедиться, что лидерами продаж являются 5–10, от силы 15% наименований, все остальные позиции продаются очень мало, спрос на них невелик, хотя издержки мало отличаются от издержек по лидерам продаж. Возникает ситуация, когда несколько наименований «кормит» весь широкий ассортимент предприятия. И это далеко не всегда оправдано с точки зрения обеспечения полноты ассортимента (любимый аргумент продавцов), то есть наличие различных наименований для покрытия максимально возможных вариантов потребностей клиентов. На практике получается, что полнота вполне обеспечивается, даже если сократить существующий ассортимент вдвое и даже втрое. Главное, в данном случае – правильно классифицировать весь товар и добиться того, чтобы в ассортименте были представлены товары из каждой возможной группы данной классификации. Причем чем больше оснований для классификации компания сможет выделить, тем более взвешенным будет решение. Так, классификация товаров может быть по удовлетворяемым потребностям клиентов, по функциональному назначению товара, по выгоде для компании.

Особое значение в такой ситуации имеет то, какую роль играют те или иные позиции ассортимента. Для этого продукцию можно классифицировать по следующим группам:

1. А – основная группа товаров (которые приносят основную прибыль и находятся в стадии роста);

2. Б – поддерживающая группа товаров (товары, которые стабилизируют выручку от продаж и находятся в стадии зрелости);

3. В – стратегическая группа товаров (товары, призванные обеспечить будущую прибыль компании);

4. Г – тактическая группа товаров (товары, призванные стимулировать продажи основной товарной группы и находящиеся в стадии роста и зрелости);

5. Д – разрабатываемая группа товаров (товары, не присутствующие на рынке, но готовые к выходу на рынок);

6. Е – товары, уходящие с рынка (которые не приносят прибыли и их необходимо снимать с производства, выводить с рынка) [5].

После этого, необходимо определить долю каждой группы в общем объеме продукции. Для устойчивого положения компании в структуре ассортимента группа товаров А и Б должна составлять не менее 70%.

Таким образом, это дает возможность оценить имеющийся ассортиментный набор в компании и, соотнеся его с получаемой прибылью, оценить правильность планирования ассортимента, его сбалансированность.

К тому же не всегда увеличение объема товаров групп, приносящих основной доход, будет способствовать увеличению прибыли компании. Здесь важно обращать внимание на остаток нереализованных товаров (какое увеличение он даст и возможность его дальнейшей реализации).

Планирование объёмов производства – одна из важных проблем ассортиментной политики. В экономике широко используется прогнозирование будущих расходов и доходов на основе калькулирования себестоимости продукции по переменным затратам. Суть этого метода заключается в том, что затраты предприятия делятся на постоянные и переменные в зависимости от степени их реагирования на изменение масштабов производства.

Основу постоянных затрат составляют затраты, связанные с использованием основных фондов (основного капитала). К ним относятся затраты на амортизацию основных фондов, аренду производственных помещений, а также заработная плата управленческого персонала, отчисления на социальные нужды этого персонала. Основу переменных затрат составляют затраты, связанные с использованием оборотных средств (оборотного капитала). К ним можно отнести затраты на сырье, материалы, топливо, заработную плату производственных рабочих и отчисления на их социальные нужды.

Необходимо подчеркнуть, что совокупные постоянные затраты, являясь постоянной величиной и не завися от объёма производства, могут изменяться под воздействием других факторов. Например, если цены растут, то совокупные постоянные затраты тоже возрастают.

Метод калькуляции по величине покрытия предусматривает расчет только переменных затрат, связанных с производством и реализацией единицы продукции. В основе его лежит расчет средних переменных затрат и средней величины покрытия, которая представляет собой валовую прибыль и может быть рассчитана как разница между ценой продукции и суммой переменных затрат. Ограничение себестоимости продукции лишь переменными затратами упрощает нормирование, планирование, контроль за счет резко уменьшившегося числа статей затрат. Преимуществом данного метода учета и калькуляции затрат является также значительное снижение трудоемкости учета и его упрощение.

При применении метода калькуляции по величине покрытия целесообразно использовать такие показатели, как сумма покрытия (маржинальный доход) и коэффициент покрытия.

Суммой покрытия (маржинальным доходом) называется разница между выручкой от реализации и всей суммой переменных затрат. Сумму покрытия можно рассчитать и по-другому – как сумму постоянных затрат и прибыли. Расчет суммы покрытия позволяет определить средства предприятия, полученные при реализации выпускаемой продукции, с тем чтобы возместить постоянные затраты и получить прибыль. Таким образом, сумма покрытия показывает общий уровень рентабельности как всего производства, так и отдельных изделий: чем выше разница между продажной ценой изделия и суммой переменных затрат, тем выше сумма его покрытия и уровень рентабельности.

Коэффициентом покрытия называется доля суммы покрытия в выручке от реализации или доля средней величины покрытия в цене товара.

Также важно определить, при каком объёме продаж окупятся валовые затраты предприятия. Для этого необходимо рассчитать точку безубыточности, под которой понимаются выручка или объём производства, обеспечивающие покрытие всех затрат и нулевую прибыль. Т.е. выявляется минимальный объём выручки от реализации продукции, при котором уровень рентабельности будет больше 0,00%. Если предприятие получает выручку больше той, которая соответствует точке безубыточности, значит, оно работает прибыльно. Сравнивая эти два значения выручки, можно оценить допустимое снижение выручки (объёма продаж) без опасности оказаться в убытке. Выручка, соответствующая точке безубыточности, называется пороговой выручкой. Объём производства (продаж) в точке безубыточности называется пороговым объёмом производства (продаж). Пороговый объём продаж зависит от цены реализуемой продукции.

Чтобы оценить, насколько фактическая выручка превышает выручку, обеспечивающую безубыточность, необходимо рассчитать запас прочности (процентное отклонение фактической выручки от пороговой). Для определения воздействия изменения выручки на изменение прибыли рассчитывают показатель производственного рычага. Чем выше эффект производственного рычага, тем более рискованным с точки зрения уменьшения прибыли является положение организации.

Для разделения общих затрат на постоянные и переменные воспользуемся методом высшей и низшей точек, который предполагает следующий алгоритм:

– Среди данных об объёмах производства различных видов обуви и затратах на её выпуск выбираются максимальные и минимальные значения;

– Находятся разности между максимальными и минимальными значениями объёма производства и затрат;

– Определяется ставка переменных затрат на одно изделие, путем отнесения разницы в уровнях затрат за период к разнице в уровнях объёма производства за этот же период;

– Определяется общая величина переменных затрат на максимальный и минимальный объём производства путем умножения ставки переменных затрат на соответствующий объём производства;

– Определяется общая величина постоянных затрат как разность между всеми затратами и величиной переменных затрат.

Пример 1 [4–5].

Минимальный объём производства приходится на выпуск модели А – 500 пар, максимальный – на выпуск модели Б – 1600 пар.

Минимальные и максимальные затраты на производство обуви моделей А и Б соответственно составляют 179 465 руб. (358,93500) и 428 180 руб. (428,181000). Разность в уровнях объёма производства составляет 1100 пар (1600-500), а в уровнях затрат – 248 715 руб. (428 180–179 465). Ставка переменных затрат на одно изделие составит 226,1 (248715/1100). Общая величина переменных затрат на минимальный объём производства составляет 113 045 руб. (226,1500), а на максимальный объём – 361 760 руб. (226,11600). Общая величина постоянных затрат 179 465–113 045=66 420, 428 180-361 760=66 420. Таким образом для нашего примера величина постоянных затрат составит 66 420 руб. и распределятся они между выпускаемыми видами обуви пропорционально полной себестоимости каждого вида продукции.

Прибыль от продажи модели А является отрицательной величиной. Однако прежде чем принимать решение об исключении данного вида обуви из ассортимента, необходимо рассчитать прибыль от реализации всех производимых видов продукции. При этом важно, чтобы сумма выручки превышала сумму переменных затрат.

Решение примера сведем в табл. 1.

Таблица 1

Решение примера 1

Показатель	Значение, руб.
1. Выручка от реализации	951 008
2. Переменные затраты	798 132
3. Постоянные затраты	66 420
4. Сумма покрытия, 1–2	152 876
5. Коэффициент покрытия, 4/1	0,16
6. Пороговая выручка, 3/5	415 125
7. Запас прочности, %, (1–6)/1*100	56,35
8. Прибыль	86 456
9. Эффект производственного рычага, 4/8	1,77

Посмотрим, как изменится прибыль предприятия при отказе от производства убыточной модели А. В таком случае выручка фирмы сократится на объём выручки от реализации данного вида продукции, и её размер составит 753 508 руб. (951 008–197 500).

При этом также сократятся совокупные затраты предприятия на сумму переменных затрат, необходимых для производства и реализации обуви марки А. Эта величина будет равна 164 290 руб. Поскольку постоянные затраты не зависят от объёма выручки, отказ от производства обуви марки А не повлияет на их общую величину.

Таким образом, совокупные затраты предприятия без производства марки обуви А составят 633 842 руб. (798 132–164 290). И организация не получит убытка в ходе своей деятельности (753 508–633 842=119 666 руб.). Использование метода калькуляции средней величины покрытия позволяет принимать решение о целесообразности дальнейшего производства обуви марки А.

Средняя величина покрытия для обеих марок обуви является положительной. Если предприятие снизит выпуск обуви марки А на одну единицу, оно потеряет 66,6 руб. из покрытия постоянных затрат. Исключение из производства всего объёма выпуска данной марки приведет к потерям в размере 33 300 руб. (50 066,6). Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что обувь марки А следует сохранить в ассортименте.

Таким образом, принимать решение, основываясь только на величине полных затрат и прибыли на единицу продукции, не всегда целесообразно, ибо в конечном результате предприятие может потерять прибыль. Теперь рассмотрим ситуацию (пример 2), когда предприятие планирует выпуск новой продукции – модель В в объеме 1700 шт. по цене 467,40 р. за 1 пару. Однако производственные мощности данной организации пригодны для производства только 4000 пар обуви. И если оно собирается наладить производство обуви модели В, ему придется отказаться от выпуска 500 пар других моделей. Возникает вопрос: следует ли вводить в ассортимент новую продукцию, и если да, то производство какой продукции следует сократить?

Средняя величина переменных затрат по новому виду продукции составляет 375,34 руб. Тогда средняя величина покрытия равна 92,06 руб. (467,40–375,34). Увеличение прибыли предприятия за счет производства обуви модели В составит 156 502 руб. (170 092,06). Среди всех производимых предприятием видов обуви наименьшую среднюю величину покрытия имеет модель Б (66,6 руб.). Если отказаться от производства 500 пар обуви, то организация потеряет 33 300 руб., в то же время от производства обуви марки В предприятие дополнительно получит 156 502 руб. Выигрыш предприятия от изменения в ассортименте составит 123 202 руб. (156 502–33 300). Проследим как изменятся запас прочности, эффект производственного рычага и прибыль предприятия в случае включения в ассортимент выпуска обуви модели В (табл. 2).

Приведенные данные показывают, что в результате обновления ассортимента положение предприятия улучшилось:

– прибыль увеличилась с 86 456 руб. до 158 690 руб.;

– запас прочности увеличился на 14,14% (70,49–56,35);

– эффект производственного рычага уменьшился на 0,35 пункта (с 1,77 до 1,42).

Таким образом, в системе калькуляции себестоимости по переменным затратам, прибыль отражается как функция от объема продаж, а в системе полного распределения она зависит как от производства, так и от реализации.

Таблица 2

Решение примера 2

Показатель	Значение, руб.
– Выручка от реализации	1 745 588
– Переменные затраты	1 520 478
– Постоянные затраты	66 420
– Сумма покрытия, 1–2	225 110
– Коэффициент покрытия, 4/1	0,13
– Пороговая выручка, 3/5	515 046
– Запас прочности, %, (1–6)/1*100	70,49
– Прибыль	158 690
– Эффект производственного рычага, 4/8	1,42

Обе рассмотренные системы имеют свои преимущества и недостатки. Так, например, когда объем производства превышает объем реализации, в системе полного распределения затрат будет показана более высокая прибыль. В случае же, когда объем продаж превышает объем производства, более высокая прибыль будет отражена в калькуляции себестоимости по переменным затратам. Однако при калькуляции себестоимости по переменным затратам, информацию для принятия решения можно получить при значительно меньшем числе расчетов. Выбор за руководством предприятия, чтобы своевременными и эффективными действиями обеспечить своему предприятию устойчивое положение в условиях нестабильного спроса. Особенно это важно при изготовлении всего ассортиментного ряда детской обуви и при работе с покупателями – с мамами и детьми, создавая им все условия для удовлетворения их интересов.

Список литературы

1. Евсеева К.Г., Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В., Кораблина С.Ю. О поиске эффективного сегментирования отечественного рынка ЮФО и СКФО востребованной и конкурентоспособной обувью // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. – С. 312–320.
2. Рева Д.В., Давтян Г.Г., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. Формирование условий по импортозамещению обуви в регионах ЮФО и СКФО // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. – С 320–327.
3. Рева Д.В., Давтян Г.Г., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. О возможности рандомизации для обоснованного сегментирования отечественных рынков регионов ЮФО и СКФО детской обувью // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ,2016. – С. 327–335.
4. Рева Д.В., Давтян Г.Г., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. О влиянии ассортиментной политики и инновационных решений на производстве импортозамещаемой обуви для потребителей регионов ЮФО и СКФО // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ,2016. – С. 374–382.
5. Рева Д.В., Давтян Г.Г., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. Возможности ассортиментной политики по сегментированию рынков регионов ЮФО и СКФО импортозамещаемой обувью для потребителя // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. – С. 390–397.

Дарда Е.С.
к.э.н., доцент Российского экономического университета

РОССИЙСКОЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ЭМБАРГО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *сельское хозяйство, продовольственное эмбарго, импортозамещение.*
Keywords: *agriculture, food embargoes, import substitution.*

Указом Президента Российской Федерации Путина В.В. 6 августа 2014 г. в ответ на введенные против России рядом западных стран санкции введен запрет на ввоз в страну сельскохозяйственной продукции (мясные и молочные продукты, рыба, овощи, фрукты и орехи), который затронул ряд стран Евросоюза, США, Канаду, Австралию, Норвегию, Исландию, Албанию, Черногорию и Лихтенштейн. В результате только за первый год после введения эмбарго импорт в Россию из этих стран свежей и охлажденной рыбы сократился на 66%, мяса птицы – на 44, сливочного масла – на 38, сыров и творога – на 37, замороженной говядины – на 37%.

В первые шесть месяцев 2016 г. данная тенденции сохранилась: сокращение объемов импорта замороженной говядины составило 19,1%, мясо птицы – 11,1, живой рыбы – 83,1, рыбы и ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных – 5,7%.

Вместе с тем, по ряду товаров наблюдалось увеличение импорта за счет перераспределения экспорта из других стран. Так, в 2015 г. увеличение объема импорта мяса крупного рогатого скота (свежего и охлажденного) составило 1,3%, а в первом полугодии 2016 г. прирост импорта составил уже 13,6%. по сравнению с объемами аналогичного периода 2015 г. Также за январь-июнь 2016 г. наблюдалось нарастание объемов импорта свинины свежей, охлажденной и замороженной (123,2% от уровня аналогичного периода предыдущего года), молока и молочной продукции (за исключением специализированного безлактозного молока и специализированной безлактозной молочной продукции для диетического лечебного питания и диетического профилактического питания) – 109,5%. Наиболее значительный рост объемов импорта наблюдался по мясу соленому, в рассоле, сушеному и копченому, которого было ввезено на территорию Российской Федерации за первые шесть месяцев 2016 г. в 9,9 раза больше, чем в аналогичном периоде 2015 г.

Изменение объемов ввозимых санкционных товаров оказало существенное влияние на структуру товарных ресурсов (рис. 1). Рассматривая долю импорта в общем объеме товарных ресурсов по отдельным товарным группам можно отметить, что с момента введения санкций доля импортного сыра сократилась с 48% в 2013 г. до 23,3% в 2015 г., говядины с 59% до 48%, масла животного с 35,9 до 25,5%, мяса птицы с 26,2 до 13,4%.

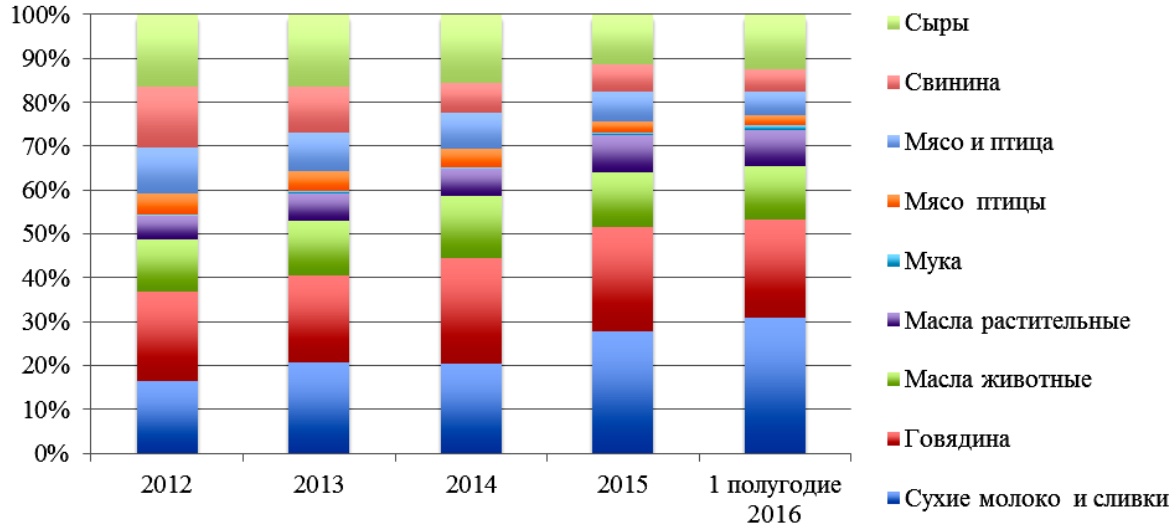


Рисунок 1.
Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в 2014–2016 гг.

Таким образом, введенное продовольственное эмбарго позволило сформировать благоприятные условия для осуществления предпринимательской деятельности, поскольку ограничения на импорт сельскохозяйственной продукции существенно снизили насыщенность рынка и вызвали снижение предложения сельскохозяйственной продукции, вследствие чего возрос неудовлетворенный спрос на продукцию данного сегмента рынка. Сельхозпроизводители получили благоприятные условия, обусловленные расширением спроса на отечественную сельскохозяйственную про-

дукцию, что привело к росту деловой активности и, как следствие, значительному росту объема сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем, необходимо отметить, что к моменту введения продовольственного эмбарго сельское хозяйство Российской Федерации было интенсивно развивающимся сектором экономики, и введенные санкции сыграли роль катализатора дальнейшего роста.

Исторически в развитии сельскохозяйственного производства в постсоветский период можно выделить два этапа: первый приходился на 90-е годы прошлого века и характеризовался кризисными явлениями со значительным сокращением объемов производства сельскохозяйственной продукции. За первые годы переходного периода (с 1990 по 1998 гг.) объемы сельскохозяйственного производства сократились практически на 50%, в том числе сокращение объемов производства продукции растениеводства составило 41%, животноводства – 50,7%. Аналогичный характер динамики прослеживался и по отдельным видам сельскохозяйственной продукции. Так, падение валовых сборов сахарной свеклы за 1990–1998 гг. составило 66,6%. Начиная с 1997 г. формируется положительная тенденция: в среднем за год валовый сбор увеличивался на 7,9% или 1660,9 тыс. тонн. Наибольший рост наблюдался в 2011 г., когда валовый сбор сахарной свеклы вырос в 2,14 раза и столь высокие показатели валового сбора сахарной свеклы сохранялись до 2015 г. Основными факторами, обусловливающими значительный рост производства сахарной свеклы, явились увеличение посевных площадей и высокая урожайность, которая в 2013 г. достигла своего максимального значения за всю историю России – 432 ц/га. Следует отметить, что стремительное развитие отрасли оказывает положительное влияние на продовольственную безопасность страны, поскольку позволяет сформировать устойчивую сырьевую базу сахарной промышленности.

Россия всегда занимала лидирующие позиции в мире по валовым сборам зерна: в 1990 г. зерна и зерно-бобовых было собрано 116 675,67 тыс. тонн, однако, реструктуризация экономики в целом, и сельского хозяйства в частности, привела к тому, что к 1998 г. валовый сбор сократился до 47 771 тыс. тонн, т.е. падение составило 59%. С 1999 г. наблюдается рост валового сбора зерна в среднем за год на 4,7% или на 3354 тыс. тонн.

Наиболее кризисоустойчивым растениеводческим производством оказалось выращивание подсолнечника, овощей и картофеля: валовый сбор овощей при незначительном сокращении в период с 1990 по 1994 гг. в размере около 7%, имел устойчивую положительную тенденцию и к 2015 г. достиг 156,0% от уровня 1990 г.

Аналогичный характер динамики прослеживался и в валовых сборах подсолнечника: в 1990 г. объемы производства составляли 3427 тыс. тонн; за период с 1990 по 1994 гг. объемы производства сократились на четверть, но затем наступил этап стабильного роста – в среднем за год валовый сбор подсолнечника увеличивался на 6% и к 2015 г. составил 9260 тыс. тонн. Таким образом, по сравнению с 1990 г. производство подсолнечника выросло в 2,7 раза: в 2014 г. было произведено 4,5 млн. тонн растительного масла, но на внутреннее потребление пошло лишь 2,3–2,5 млн. тонн. Экспорт за последние несколько лет почти удвоился, и, по нашему мнению, в дальнейшем такая динамика сохранится.

Валовый сбор картофеля в период 1990–1997 гг. был устойчиво высоким и составлял в среднем 35 956 тыс. тонн за год. С 1998 г. наблюдалось резкое падение – в среднем за год валовый сбор составлял 29 019 тыс. тонн. Данная динамика в значительной степени была обусловлена высокой долей личных подсобных хозяйств на рынке этой продукции: в 1990 г. на долю личных подсобных хозяйств приходилось производство около 66% картофеля и 30% овощей, а в 2000 г. уже 90% картофеля и 75% овощей. В 2015 г. крупные сельхозпроизводители занимают утраченные позиции на рынке овощей и картофеля, а также укрепляются крестьянские (фермерские) хозяйства, но доля личных подсобных хозяйств на рынке остается значимой и составляет 67% производства овощей и 77,6% производства картофеля.

Говоря о развитии сельского хозяйства с позиции обеспечения продовольственной безопасности страны, основное внимание целесообразно уделить животноводству, поскольку именно продукция животноводства удовлетворяет потребности населения в мясе, молоке, яйцах, меде, а также является поставщиком сырья для других секторов экономики. Однако, как было отмечено ранее, именно животноводческий комплекс страны наибольшим образом пострадал в переходный период.

Так, к 2000 г. объемы производство молока составляло лишь 58% от уровня производства 1990 г. В этот период наблюдалось устойчивое ежегодное сокращение в среднем на 2345,6 тыс. тонн за год или на 5,3 процентных пункта. Наибольшее сокращение производства наблюдалось в 1992 г., когда падение составило 4,7 млн. тонн от уровня прошлого года или 9,1 процентных пункта. Дальнейшая динамика указывает на отсутствие каких-либо позитивных тенденций, т.е. с 2000 г. наблюдается процесс стагнации производства молока. На сегодняшний день в молоке и молокопродуктах Россия обеспечивает себя только на 60%.

Аналогичная ситуация сложилась и в производстве мяса: в течение 1990–2000 гг. объем производства скота и птицы на убой в убойном весе сократился более чем в половину и составил в 2000 г. 42,7% от уровня 1990 г. В среднем за год объемы производства падали на 9 процентных пункта или 644,3 тыс. тонн. При этом наибольшее по абсолютному значению, падение наблюдались в 1995 г. и составило 15 процентных пунктов от уровня предшествующего года. Начиная с 2000 г. наблюдается устойчивый рост объемов производства мяса (в среднем за год увеличение составляло 5,1%). Следует отметить, что интенсивный рост объемов производства мяса происходил, в основном, за счет производства мяса птицы – за последние 16 лет они выросли более чем в 6 раз.

Еще один стратегически важный продукт с позиции обеспечения продовольственной безопасности – яйцо, которое не только используется как продукт питания, но и является важным сырьем для дальнейшего развития птицеводческого производства. Следует отметить, что производство данного вида продукции животноводства оказалось наиболее кризисоустойчивым: падение объемов его производства продолжалось до 1996 г. и составило всего треть от

объема производства 1990 г., а наибольшее падение производства пришлось на 1995 г., когда оно сократилось на 10% от уровня предыдущего года.

Начиная с 1997 г. наметился ежегодный стабильный рост объемов производства яиц и к 2015 г. объем производства вырос на треть от уровня 1996 г., но так и не достиг уровня 1990 г. Данный характер динамики во многом обусловлен особенностями отрасли: с одной стороны короткие сроки производственного процесса в значительной степени увеличивают оборачиваемость оборотного капитала, а, с другой стороны, мясо птицы и яйцо более востребованы на рынке, вследствие своей ценовой доступности, что делает данное производство более рентабельным по сравнение производством свинины или говядины.

Начало второго этапа приходится на конец 1990-х – начало 2000-х годов, когда тенденции изменяются и начинается процесс роста сельскохозяйственного производства. Начиная с 1999 г. объемы производства сельскохозяйственной продукции входят в зону положительных приростов, однако не дают устойчивой положительной тенденции, а периоды роста сменяются периодами падения.

За последние 15 лет развитие сельского хозяйства России характеризуется интенсивным ростом производства растениеводческой продукции и некоторых отдельных видов продукции животноводства. В целом, за рассматриваемый период, рост сельскохозяйственного производства составил 152,4%, при этом производство продукции растениеводства выросло на 63,5%, а животноводства на 35,4%[1].

Рассматривая более детально тенденции сельскохозяйственного производства, следует отметить, что рост объемов производства отдельных видов растениеводческой продукции: зерновых, картофеля, сахарной свеклы и подсолнечника позволил достичь такого уровня, когда стал возможен экспорт. Животноводство развивалось не столь интенсивно, что обусловлено рядом причин: значительное сокращение (до 60%) поголовья сельскохозяйственных животных, отсутствие достаточного объема инвестиций и государственной поддержки[2]. Исключение составляют свиноводство и птицеводство, за период с 2000 г. производство свинины выросло на 88,4% или 1395,7 тыс. тонн, а производство мяса птица – в 5,4 раза и достигло уровня 4161,4 тыс. тонн.

В 2015 г. показатели по зерну, сахару, растительному маслу выполнены, а значительный рост производства зерна и подсолнечника позволил увеличить объем экспорта до 20–30%. Аналогичная ситуация сложилась и в производстве сахара, что было достигнуто за счет стремительного роста сырьевой базы.

Крайне важным фактором развития сельскохозяйственного производства стала утвержденная Указом Президента Российской Федерации в январе 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, ключевой позицией которой стало обеспечение продовольственной безопасности, развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов. В области производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия усилия должны концентрироваться на следующих направлениях: повышение почвенного плодородия и урожайности, расширение посевов сельскохозяйственных культур за счет неиспользуемых пахотных земель, реконструкция и строительство мелиоративных систем, а также ускоренное развитие животноводства[3].

В данном контексте, говоря о продовольственном эмбарго, как об одном из факторов развития сельскохозяйственного производства, можно отметить, что только за первое полугодие 2015 г. производство продуктов питания (включая табак и напитки) выросло по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 2% (без табачных изделий рост составил 2,5%). Особенно отличились производители сыров, которые показали рост на 27,5%. На 26% увеличилось производство овощных консервов, на 13,2 – мяса, на 11,4 – птицы, на 8,5 – питьевой воды, на 5,8% – рыбы и продуктов из нее[4].

По данным Росстата в 2015 г. валовые сборы пшеницы выросли на 3,5%, кукурузы – 16,2, гречихи на – 30,1, зернобобовых культур – на 7,3%. Также стабильный рост показали отдельные виды технических культур, картофель и овощи как открытого, так и закрытого грунта. Положительная динамика наблюдалась и по основным видам продукции животноводства: в 2015 г. по сравнению с 2014 г. рост производства мяса составил 4,4%, яиц – на 1,7%.

По состоянию на середину августа 2016 г. в России собрано зерна 77,4 млн. тонн, в том числе пшеницы 53,5 млн. тонн, что превышает показатели того же периода 2015 г. на 26,2 и 21,3% соответственно. Международный совет по зерну (IGC) повысил прогноз по производству зерна в России до 110,8 млн. тонн с 98,1 млн. тонн ранее, при этом производство пшеницы прогнозируется на уровне 70 млн. тонн[5].

За первые семь месяцев 2016 г. производство мяса выросло на 7,6%, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, яиц – на 2,1%.

Несмотря на положительные моменты, следует отметить и ряд проблем, которые затрудняют дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства. На современном этапе около 95% семенного фонда страны, 100% племенных яиц кур и индюшек, используемых в производстве, закупается за рубежом. Все это в значительной степени

---

[1] Darda E.S., Sadovnikova N.A. Agriculture in Russia: structure and progress trends // Biosciences Biotechnology Research Asia Frequency. 2014. – Vol. 11, N 3. – http://www.biotech-asia.org/vol11no3/agriculture-in-russia-structure-and-progress-trends/

[2] Евстигнеева А. IGC повысил прогноз по производству зерна в России до 110,8 млн. тонн // Агроинвестор. 2016. – сентябрь. – http://www.agroinvestor.ru/analytics/news/24172-igc-povysil-prognoz-po-proizvodstvu-zerna-v-rossii-do-110/full/

[3] Дарда Е.С. Статистические аспекты современного состояния продовольственной безопасности Российской Федерации // Повышение открытости отечественной статистики: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику – Дню работника статистики. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016.

[4] Кого наказали антисанкции. – https://www.gazeta.ru/business/food/2015/08/03/7667813.shtml

[5] Евстигнеева А. IGC повысил прогноз по производству зерна в России до 110,8 млн. тонн // Агроинвестор. 2016. – сентябрь. – http://www.agroinvestor.ru/analytics/news/24172-igc-povysil-prognoz-po-proizvodstvu-zerna-v-rossii-do-110/full/

делает развитие отрасли крайне зависимым от политической ситуации в мире. Также следует отметить, что введение санкций западных стран против Сельхозбанка и Сбербанка привело к сокращению объемов «дешёвых» кредитов и, как следствие, к снижению доступности кредитных средств для сельхозпроизводителя.

Однако продуманная государственная политика, направленная на поддержку отечественного сельхозпроизводителя позволила не только избежать кризиса в данном секторе экономики, но и способствовала интенсивному развитию. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что введение продовольственного эмбарго стало не только фактором развития сельского хозяйства России, но и ключевым элементом восстановления системы продовольственной безопасности страны.

Ерохина Е.В.
д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики и организации производства, МГТУ НИУ, филиал в г. Калуге
eev_bmstu@rambler.ru

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ (На материалах Калужской области)

Ключевые слова*: внешнеэкономические связи, импортозамещение, конкурентное производство, динамика экспортно-импортных операций, инновационная активность, региональное развитие, Калужская область.*

Стратегическая программа развития внешнеэкономических связей Российской Федерации должна базироваться на обеспечении ее суверенитета, гарантировании национальной внешнеэкономической безопасности. Всю разветвленную совокупность внешних связей следует основывать на строго эквивалентном, взаимовыгодном обмене, международном разделении и кооперации труда. Внешнеэкономические связи (ВЭС) являются важным фактором, который оказывает значительное влияние на динамику и устойчивость развития национальной и региональной экономик. Он формирует структуру экономики и определяет эффективность ее функционирования. Чем более интенсивны ВЭС, тем больший импульс, как правило, получает внутреннее экономическое развитие государства, региона, субъекта Федерации.

Сегодня, когда сохраняются внешние ограничения и санкционное давление Запада на различные отрасли российской экономики, а также необходимость реализовывать стратегию импортозамещения, остается актуальной задача развития экспортно-импортных сегментов производства в регионах РФ. В предстоящий среднесрочный период необходимо обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического роста на уровне не менее 5%, провести технологическую модернизацию и модернизацию инфраструктуры, социальных и государственных институтов, отвечающих на вызовы современного мирового развития, сформировать конкурентоспособную и эффективную экономику и на данной основе достичь достойного уровня жизни российских граждан, соответствующего статусу России как одной из ведущих мировых держав XXI века[1].

В Послании Президента Федеральному Собранию РФ[2] отмечается, что для реализации наших планов и выполнения основных социальных обязательств государства, сформулированных в указах Президента в мае 2012 г., необходимо ответить на вопрос, что мы будем делать в экономике, в финансах, в сфере социального развития и, главное, каким будет стратегический курс страны. Россия, как известно, открыта для мира, для сотрудничества, для привлечения зарубежных инвестиций, для реализации совместных проектов. Но главное – понимать, что наше развитие зависит, прежде всего, от нас самих. В регионах необходимо создавать новые технологии и конкурентную продукцию.

Не секрет, что конкурентное производство до сих пор сосредоточено главным образом в сырьевом и добывающем секторах. Необходимо менять структуру экономики, решать масштабные задачи в сфере безопасности и социальном развитии, создавать современные рабочие места и повышать качество и уровень жизни людей. В регионах страны есть успешные предприятия в промышленности, в сельском хозяйстве, в малом и среднем бизнесе. Задача – обеспечить ускоренный рост числа таких компаний во всех отраслях. На достижение этой цели должны быть направлены программы импортозамещения, поддержки экспорта, технологического обновления производств и подготовки профессиональных кадров. Для решения насущных проблем необходимо сформировать дополнительный запас прочности в промышленности, в финансовой системе, в подготовке современных кадров. Для этого у нас есть ёмкий внутренний рынок и природные ресурсы, капиталы и научные заделы. Есть талантливые, умные, трудолюбивые люди, способные быстро учиться новому.

В настоящее время экспертное сообщество обсуждает различные сценарии модернизации отечественной экономики, проведение политики импортозамещения и повышение конкурентоспособности. Политика импортозамещения в России осуществляется на федеральном и региональном уровне и является одной из структурных составляющих политики в области обеспечения национальной и экономической безопасности страны[3].

Однако следует подчеркнуть, что тотальное импортозамещение в нашей стране сегодня невозможно и неэффективно, хотя в большинстве секторов и сфер экономики России оно является объективной необходимостью. Кроме того, положительный эффект от импортозамещения может стать заметным только в среднесрочной и долгосрочной

[1] Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2018 г. Утверждено Председателем Правительства РФ Д. Медведевым 31.01.2013 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141585/

[2] Ежегодное послание Президента В. Путина Федеральному Собранию 04.12.2014 г. – http://www.rg.ru/sujet/5339/index.html

[3] Голубев А. Отечественные инновации как условие национальной безопасности России // Проблемы теории и практики управления. – М., 2014. – № 5. – С. 8–24.

перспективе. В краткосрочном плане замедление и падение темпов экономического роста в российских регионах, и, соответственно, снижение показателей, характеризующих уровень жизни населения, становится неизбежным. В сложившихся сложных социально-экономических условиях правительства многих регионов проводят курс на расширение межрегиональных и внешнеэкономических связей.

Направления развития внешнеэкономической деятельности Калужской области

В последние годы Правительство Калужской области проводит активную внутреннюю и открытую внешнюю политику, направленную на создание в регионе оптимальных условий для привлечения в экономику области инвестиций, инновационных технологий и создания наукоемких производств. Динамично развиваясь, Калужская область не замыкается в своих границах, а использует все возможности наладить и улучшить взаимовыгодные отношения с другими регионами, странами и зарубежными партнерами. Приоритетными направлениями развития региональной внешнеэкономической деятельности на длительную перспективу являются:

- обеспечение интеграции региональной экономики в систему мирового хозяйства;
- совершенствование товарной структуры экспортно-импортных операций (увеличение в экспорте доли продукции наукоемких производств, машиностроения, приборостроения, лесопереработки, агропромышленного комплекса);
- обеспечение доступа предприятиям региона к мировым рынкам технологий и информации, машин и оборудования, минерально-сырьевых ресурсов, капитала, трудовых ресурсов;
- использование прогрессивных форм международного торгово-экономического сотрудничества;
- продвижение экономически и инвестиционно привлекательного имиджа Калужской области за ее пределами;
- экономическая безопасность области при сохранении принципа свободы предпринимательства и соблюдении интересов региона.

Для активизации международного сотрудничества целесообразно развивать наиболее эффективные формы и инструменты: (1) организация бизнес-миссий для инновационных и экспортно-ориентированных предприятий региона; (2) формирование комплексной имиджевой политики Калужской области, в том числе брендинга региона, брендинга экспортно-ориентированных предприятий; (3) повышение эффективности выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности; (4) развитие торгово-экономического сотрудничества по линии торгово-промышленных палат и различных международных ассоциаций[1].

Торгово-экономическая деятельность Калужской области

Торгово-экономическая (внешнеторговая) деятельность представляет собой предпринимательство в области международного бизнеса и является оной из главных форм внешнеэкономической деятельности. Внешняя торговля опосредует практически все формы внешних связей и составляет основу внешнеэкономической деятельности хозяйствующего субъекта. В зависимости от направления товарных потоков в торгово-экономической деятельности выделяют различные формы: экспортные и импортные операции , реэкспортные и реимпортные операции, туризм, деловой туризм и др.

Рассматривая внешнеэкономический (торговый) потенциал региона как совокупную способность создавать и производить конкурентоспособную продукцию на экспорт, «продвигать» её на внешние рынки, выгодно реализовывать там товары и обеспечивать требуемый уровень обслуживания, проанализируем показатели внешней торговли Калужской области по экспорту и импорту со странами дальнего зарубежья и странами, входящими в Содружество независимых государств (СНГ) (табл. 1).

Таблица 1

Показатели внешней торговли Калужской области за 2005–2014 гг. (в фактически действовавших ценах; млн. долл. США)

Год	Со странами дальнего зарубежья		Со странами СНГ	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
2005	86,2	301,1	81,6	134,6
2010	136,4	5892,2	234,4	145,1
2011	183,9	7895,0	251,7	213,2
2012	149	8234	590	155
2013	106,2	7231,6	594,8	216,2
2014	103,4	5734,7	523,4	202,0

Источник: Таблица составлена автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Анализ показателей внешней торговли Калужской области за период 2005 – 2014 гг. со *странами дальнего зарубежья* показывает, что с 2005 г. по 2011 г. включительно наблюдались высокие темпы роста экспорта (213%) и импорта (2622%). Наивысший показатель по экспортным операциям приходится на 2011 г., после чего объемы экспорта

[1] Приоритеты развития региональной внешнеэкономической деятельности Калужской области. – http://www.admoblkaluga.ru/sub/econom/invest/vnesheconom/

существенно сократились. Темпы роста экспорта за период 2011–2014 гг. составили 56%. За рассматриваемый период максимального объема импортные операции региона достигли в 2012 г., а затем наступил спад, связанный с общеэкономической и политической ситуацией в мировом хозяйстве.

Оценка показателей внешней торговли Калужской области за период 2005–2014 гг. со *странами СНГ* показывает неуклонный рост экспорта вплоть до 2014 г., а объемы импортных операция за тот же период показывали переменную динамику: то рост, то падение. За десятилетие объем экспорта вырос в 6,5 раз, а импорт увеличился в 1,5 раза.

Проведем сравнительный анализ товарной структуры экспорта и импорта Калужской области за 2013–2014 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Товарная структура экспорта и импорта Калужской области за 2011–2014 гг. (млн. долл. США)

Группы товаров	2011	2012	2013	2014
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье				
Экспорт	13,0	16,0	20,9	26,1
Импорт	151,1	169	184,6	211,8
Продукция топливно-энергетического комплекса				
Экспорт	7,0	11,4	14,0	15,0
Импорт	137,0	23,8	57,9	93,8
Продукция химической промышленности, каучук				
Экспорт	26,5	55,3	54,9	45,7
Импорт	269,4	312	370,3	409,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия				
Экспорт	36,5	32,7	39,5	40,6
Импорт	47,5	58,2	73,7	64,8
Металлы и изделия из них				
Экспорт	19,9	56,9	70,0	76,6
Импорт	508,8	557	615,5	474,9
Машины, оборудование и транспортные средства				
Экспорт	319,0	550	474,1	400,2
Импорт	6865,3	7110	5950,6	4469,3

Источник: Таблица составлена автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Анализ товарной структуры внешней торговли Калужской области за 4 года показал следующее. Во-первых, темпы роста экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья превысили 200%, при этом темпы роста импорта были существенно ниже (140%). Во-вторых, также активно рос экспорт продукции топливно-энергетического комплекса (за 4 года темпы роста 214%), а объемы импортных поставок продукции ТЭК сократились на 43,2 млн. долл. В-третьих, отмечен рост экспорта продукции химической промышленности в 1,7 раза (на 19,2 млн. долл.), а рост импорта превысил 1,5 раза (на 139,8 млн. долл.). В-четвертых, значительно (по сравнению с экспортом) вырос импорт древесины и целлюлозно-бумажных изделий (за 4 года темпы роста 136%). В-пятых, экспорт металлов и изделий из них вырос на 56,7 млн. долл., а импорт в 2014 г. по сравнению с 2011 г. сократился на 33,9 млн. долл. В-шестых, наиболее существенная разница в стоимостном выражении между экспортом и импортом машин и оборудования из всех групп товарной структуры Калужской области. В 2011 г. превышение импорта машин над экспортом составляло более 20 раз. В 2014 г. по сравнению с 2011 г. доля импортных машин, оборудования и транспортных средств, ввезенных на территорию Калужской области, сократилась на 2396 млн. долл. При этом на 81,2 млн. долл. выросли экспортные поставки машин и оборудования.

Оценка внешнеторгового оборота Калужской области за 2015 г.

Анализируя внешнеэкономическую деятельность Калужского региона, следует отметить, что она существенно отличается по качественным и количественным показателям в зависимости от района. В регионе 311 муниципальных образований, в том числе 24 района, 2 городских округа, 26 городских и 259 сельских поселений. По итогам 2015 г. внешнеторговый оборот Калужской области составил 3481,5 млн. долл., что составило 57,2% по сравнению с 2014 г., в том числе экспорт – 299,9 млн. долл. (94,3%), импорт – 3181,6 млн. долл. (55,2%). Внешнеторговый оборот Калужской области со странами СНГ составил 161,9 млн. долл. (55,1%). Основная доля товарооборота приходилась на страны дальнего зарубежья (95,3%). Доля экспортируемых товаров в страны СНГ и страны дальнего зарубежья – 41,0% и 59,0% соответственно.

В 2015 г. основными товарными группами экспорта в страны СНГ были машины, оборудование и транспортные средства (70,7 млн. долл.); металлы и изделия из них (25,5 млн. долл.); продукция химической промышленности, каучук (8,5 млн. долл.). Экспортные товарные группы в страны дальнего зарубежья: машины, оборудование и транспортные средства (83,3 млн. долл.); металлы и изделия из них (28,8 млн. долл.); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (22,1 млн. долл.). Доля импортируемых товаров из стран СНГ и стран дальнего зарубежья – 1,23% и 98,77% соответственно.

В 2015 г. основными товарными группами импорта из стран СНГ были металлы и изделия из них (9,7 млн. долл.); машины, оборудование и транспортные средства (9,6 млн. долл.); минеральные продукты (8,8 млн. долл.), а из

стран дальнего зарубежья: машины, оборудование и транспортные средства (2339,1 млн. долл.); металлы и изделия из них (278,3 млн. долл.); продукция химической промышленности, каучук (257,3 млн. долл.). Сальдо торгового баланса в Калужской области сложилось отрицательное в размере – 2881,7 млн. долл.[1]

Перспективным для внешней торговли остается ориентация импорта на закупки передовых технологий, инвестиционного и инновационного оборудования. В ближайшем будущем область будет придерживаться главным образом импортозамещающей стратегии, особенно в отношении потребительских товаров и продовольствия.

Проанализируем динамику экспорта и импорта технологий и услуг технического характера во внешнеэкономической деятельности Калужского региона за 2005–2014 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Оценка экспорта и импорта технологий и услуг технического характера Калужской области за 2005–2014 гг. (тыс. долл. США)

Год	Экспорт			Импорт		
	число соглашений	стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	поступление средств за год, тыс. долл.	число соглашений	стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	выплаты средств за год, тыс. долл.
2005	39	5062,5	2875,3	38	12 683,8	12 635,1
2010	74	11 355,3	6960,7	137	103 149,6	102 044,1
2011	86	11 780,3	6828,9	144	127 953,7	127 776,9
2012	105	12 489,1	6665,2	177	183 984,0	180 143,1
2013	75	14 084,8	4668,2	166	283 564,8	275 618,9
2014	93	26 031,5	9391,5	192	457 016,2	196 443

Источник: Таблица составлена автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Торговля технологиями с зарубежными странами охватывает все коммерческие сделки по экспорту и импорту технологий и услуг технического характера, включая сделки филиалов, представительств подразделений действующих на территории региона иностранных организаций, имеющих самостоятельно заключенные контракты (договоры) с иностранными партнерами (нерезидентами) по обмену технологиями.

Оценка экспорта и импорта технологий и услуг технического характера в Калужской области имеет положительную динамику. За 2005–2014 гг. наблюдалось увеличение числа соглашений по экспорту (+54), постоянное увеличение стоимости предмета соглашения (+20 969 тыс. долл.) и поступлений средств (+6516,2 тыс. долл.). В течение рассмотренного периода также выросло число соглашений по импорту (+154), увеличилась стоимость предмета соглашения (+444 332,4 тыс. долл.), выплаты средств выросли (+ 183 807,9 тыс. долл.).

По итогам 2015 г. торговыми партнерами Калужского региона были 108 стран мира. Основные из них: Германия, Китай, Словакия, Япония, Венгрия, Республика Корея, Австрия, Франция, Испания, Украина, Чешская Республика, Бельгия, Польша, Италия, внешнеторговый оборот с которыми составил более 82,1% всего внешнеторгового оборота Калужской области.

Оценка внешнеторгового оборота Калужской области за 1 квартал 2016 г.

За I квартал 2016 г. внешнеторговый оборот Калужской области составил 888,9 млн. долл. (по отношению к I кварталу 2015 г. увеличение составило 9,3%), в том числе экспорт – 116,7 млн. долл. (увеличение на 95,5%), импорт – 772,1 млн. долл. (увеличение на 2,4%). Внешнеторговый оборот Калужской области со странами СНГ составил 68,6 млн. долл. (увеличение на 66,8%). Основная доля товарооборота приходилась на страны дальнего зарубежья (92,3%). Доля экспортируемых товаров в страны СНГ и страны дальнего зарубежья – 40,5 и 59,5% соответственно. Основные товарные группы экспорта в страны СНГ: машиностроительная продукция (25,4 млн. долл.); металлы и изделия из них (4,8 млн. долл.); продукция химической промышленности, каучук (4,4 млн. долл.). Экспортные товарные группы в страны дальнего зарубежья: металлы и изделия из них (31,9 млн. долл.); машиностроительная продукция (24,8 млн. долл.); древесина и целлюлозно-бумажные изделия (4,4 млн. долл.).

Доля импортируемых товаров из стран СНГ и стран дальнего зарубежья – 2,8 и 97,2% соответственно. Основные товарные группы импорта из стран СНГ: машиностроительная продукция (6,1 млн. долларов США); прочие товары (5,5 млн. долларов США); металлы и изделия из них (4,0 млн. долларов США), а из стран дальнего зарубежья: машиностроительная продукция (559,6 млн. долларов США); продукция химической промышленности, каучук (65,1 млн. долларов США); металлы и изделия из них (64,9 млн. долларов США). Сальдо торгового баланса **за I квартал 2016 г.** сложилось отрицательное в размере – 655,4 млн. долл.

По итогам I квартала 2016 г. торговыми партнерами региона были 96 стран мира. Внешнеторговый оборот с основными партерами составил почти 81% всего внешнеторгового оборота Калужской области. К основным партнерам относятся: Германия, Китай, Словакия, Чешская Республика, Япония, Франция, Венгрия, Республика Корея, Беларусь, Украина, Казахстан, Польша, Швеция, Испания, Бельгия.

[1] Приоритеты развития региональной внешнеэкономической деятельности Калужской области. – http://www.admoblkaluga.ru/sub/econom/invest/vnesheconom/

В соответствии с соглашениями о принципах торгово-экономического и культурного сотрудничества Правительство Калужской области сотрудничает с правительством Провинции Шэньси Китайской Народной Республики, Региональным советом Лимузена Французской Республики, администрацией Штата Теннеси Соединенных Штатов Америки, Гомельским областным исполнительным комитетом Республики Беларусь, Акиматом Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан и Министерством экономики Республики Молдова.

Тесные экономические, культурные и дружеские взаимоотношения Калужской области развиваются с Федеральной Землей Саксония (ФРГ). С 2004 г. действует Декларация намерений об экономическом сотрудничестве в административной и производственной сфере между Калужской областью и Рейнским округом Нойс (Германия). С 2006 г. между Калужской областью и Правительством Свободного государства Саксония (Германия) действует регламент Объединенной российско-немецкой рабочей группы по вопросам развития сотрудничества в отраслях «Машиностроение», «Автомобилестроение», «Железнодорожная техника», «Биоэнергетика» и др.

Показатели инвестиционной деятельности

В сфере инвестиционного развития, создания благоприятного инвестиционного климата Калужской области, действительно есть, чем гордиться (табл. 4).

Таблица 4

Основные показатели инвестиционной деятельности Калужской области за период: 2006 г. – июль 2016 г.

Наименование показателя	Значение
Количество заключенных соглашений с инвесторами и инвестиционных проектов, включенных в реестр инвестиционных проектов за период 2006 г. – июль 2016 г.	169
в том числе в 2016 г.	6
Планируемый объем инвестиций по заключенным соглашениям и по инвестиционным проектам, включенным в реестр инвестиционных проектов за период: 2006 г. – июль 2016 г., млрд. руб.	472,7
в том числе в 2016 г.	3,6
Количество рабочих мест, предполагаемых к созданию по заключенным соглашениям и по инвестиционным проектам, включенным в реестр инвестиционных проектов за период: 2006 г. – июль 2016 г., чел.	45 518
в том числе в 2016 г.	278
Осуществлено капитальных вложений за период: 2006 г. – июль 2016 г., млрд. руб.	362,8
Количество созданных рабочих мест за период: 2006 г. – июль 2016 г., чел.	25 257
Количество открытых предприятий за период: 2006 г. – июль 2016 г., шт.	92
в том числе в 2016 г., шт.	5

Сегодня Калужская область – один из экономически наиболее развитых субъектов РФ. Регион занимает лидирующие позиции в России по темпам роста промышленности, объемам инвестиций на душу населения, темпам роста реальных доходов населения. За 15 лет регион из депрессивного стал территорией с лучшими условиями для развития бизнеса. Природа успеха – не только выгодное географическое положение, но и грамотная инвестиционная политика, профессионально выстроенные программы поддержки традиционных производств и пр.

На территории Калужской области реализованы 16 индустриальных парков и 2 площадки Особые экономические хоны (Боровск, Людиново). В основе социально-экономического развития области кластерный подход. Сегодня активно развиваются 7 кластеров: автомобильный, фармацевтический, транспортно-логистический, авиационно-космический, туристический, агро- и ИТ – кластеры.

Импортозамещение и инновационная активность

Не секрет, что российские регионы не являются технологическими лидерами в инновационной динамике современного мира, отставание от развитых экономик составляет от 20 до 50 лет. Реализация стратегии импортозамещения в регионах РФ без опоры на инновации невозможна. Для успешного проведения политики импортозамещения необходимо провести технологическую модернизацию и модернизацию инфраструктуры, социальных и государственных институтов. Импортозамещение в условиях отсутствия развитой конкуренции ведет к деградации промышленного, сельскохозяйственного производства, к регрессу инновационной активности. Ждать быстрого положительного эффекта от импортозамещения ошибочно и говорить о существенном скором прорыве в этом направлении рано, т.к. в большинстве регионов РФ низкий уровень технологичности промышленности. Преобладает четвертый технологический уклад, в то время как ведущие страны уже активно осваивают шестой. На фоне развития глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала, в ближайшей и долгосрочной перспективе ожидается новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста[1]. Общеизвестный факт: если импортозамещение не подкрепляется инновационным развитием, то оно имеет объективные пределы. Известно, что инновационная активность (ИА) российских регионов за последние годы крайне сдержанна и наблюдается тенденция

[1] Ерохина Е.В. Роль передовых производственных технологий в инновационном развитии регионов России // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 12. – С. 42–51.

к ее постепенному снижению[1]. Это видно на примере и Калужской области, которую сегодня называют регионом-лидером. Ряд показателей, характеризующих развитие науки и инноваций в Калужской области, за последние годы представлен в табл. 5.

Таблица 5

Показатели развития Калужской области за период 2006–2014 гг.

Показатели	2006 г.	2011 г.	2014 г.
Численность исследователей с учеными степенями	992	934	855
Доктора наук, чел.	205	204	189
Кандидаты наук, чел.	787	730	666
Выпуск из аспирантуры, чел.	81	109	112
Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации	10	24	9
Выпуск из докторантуры, чел.	2	1	-
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации	1	-	-
Подано патентных заявок на изобретения	133	124	78
Выдано патентов на изобретения	113	89	100
Инновационная активность организаций, %	13,3	7,9	9,7
Объем инновационных товаров, работ, услуг, %	5,6	4,6	2,7
Поступление прямых иностранных инвестиций, млн. долл.	2011 г. 19	2013 г. 376	46

Представленные в таблице показатели характеризуют развитие региона-лидера. Если это так, то каковы же показатели у регионов, которые в число лидеров не входят?

Заключение

В экономическом развитии регионов РФ накоплены структурные дисбалансы: во-первых, снижение доли инвестиций в структуре ВВП, во-вторых, рост зависимости экономики от нефтегазовых доходов, в-третьих, ухудшение качественных и количественных показателей расходов бюджетной системы. Что делать в этой ситуации? Необходимы реальные меры поддержки отраслей оказавшихся в зоне риска, в первую очередь автомобилестроение, легкая промышленность, строительство, железнодорожное машиностроение и др. Только изменив структуру экономики регионов, можно решать масштабные задачи в сфере безопасности, социальном развитии, создавать современные рабочие места и повышать качество жизни людей. Надо дать возможность бизнесу (и прежде всего малому и среднему) развиваться. На достижение этой цели должны быть направлены программы импортозамещения и поддержки экспорта, технологического обновления производств и подготовки профессиональных кадров.

Необходимо укреплять доверие между властью и бизнесом, улучшать деловой климат в стране, и здесь есть большая проблема, существенное препятствие – коррупция, которая мешает инновационному развитию страны в целом и ее регионов[2].

Проблемы импортозамещения, формирования эффективной инновационной модели развития экономики России в настоящее время рассматриваются на разных уровнях управления: макроэкономическом, мезо-региональном и микроэкономическом. Однако невозможно рассматривать их в отрыве от социально-политических реалий сегодняшнего дня. В зависимости от действия и масштабов факторных величин возможны различные сценарии развития страны и ее регионов. Надо четко понимать, что факторные величины накладываются друг на друга и часто дают отрицательный синергетический эффект при попытках изменить ситуацию на поле экономических, политических и в конечном счете инновационных проблем.

Процессы импортозамещения носят сложный комплексный характер, имеют как положительные, так и отрицательные стороны, о чем свидетельствует опыт зарубежных стран, широко проводивших эту политику в XX веке. Однако, несмотря на весьма неоднозначное отношение к политике импортозамещения, как стимулятору развития национальной экономики, следует согласиться с тем, что в условиях современной России разумное применение данной стратегии может способствовать и развитию самых высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью. Следует стремиться к тому, чтобы импортозамещение не только способствовало насыщению внутреннего рынка, но и стимулировало развитие выпуска товаров и услуг, конкурентоспособных на мировом рынке, обладающих экспортным потенциалом, а для этого необходима структурная перестройка народнохозяйственного комплекса в регионах страны.

[1] Ерохина Е.В. Формирование действенных механизмов поддержки инновационного развития региона (на материалах Калужской области) // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – Липецк, 2015. – № 9 (22). – С. 82–85.

[2] Ерохина Е.В. Проблемы доверия при создании российской инновационной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 19 (208). – С. 32–39.

Зеленцова Л.С.
д.э.н., профессор, заместитель директора Института отраслевого менеджмента Государственного университета управления
zelentsovals@yandex.ru

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Ключевые слова**: антикризисный план, банки, источники инфляции, импортозамещение, модернизация, образовательная система, фактор формирования нового качества экономики.*

Современная российская экономика формируется на основе взаимодействия трех основных составляющих. Это банки, реальный сектор экономики и образовательная сфера. Кризис, охвативший экономику России в 2008 г. плавно перешел в 2013 г., а «Антикризисный план Правительства» запоздало обнародован лишь 28 января 2015 г. И сразу подвергся критике как не способный решить многие проблемы в экономике. Секвестированию подвергается буквально все, кроме банков, которым фактически передано право распределять деньги, предназначенные для поддержки малого и среднего бизнеса, всего реального сектора экономики[1]. В результате планируемый в 2015 г. экономический рост не состоялся, что заставило Правительство РФ пересмотреть многие неотложные мероприятия в Плане на 2016 год. Но год на исходе, а запланированные результаты не достигнуты.

Итак, **банки**, призванные аккумулировать и приумножать финансы страны, на самом деле стали основным источником инфляции в России. Вместе с тем, из 60 пунктов «Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.» 16 прямо или косвенно посвящено пакетной помощи банкам, и без того жирующим на бедах реального сектора экономики и населения страны. Меры, направленные на поддержку банковской сферы, не отвечают интересам реального сектора экономики, поскольку:

– основной принцип деятельности российских банков – ростовщичество, по сути и по форме, что абсолютно не характерно для развитой рыночной экономики. Создаются кабальные схемы для заемщиков, коллекторы для выбивания долгов, отчуждение имущества, словом, наши банки – это возврат в средневековье и никакой цивилизации;

– российская банковская система не располагает достаточным капиталом для масштабного кредитования реального сектора экономики и имеет структуру пассивов, не способствующую долгосрочным инвестициям, в силу этого банковский сектор не удовлетворяет потребности экономики в кредитных ресурсах. В результате растет внешний долг;

– при получении кредитов привилегированное положение занимают предприятия торговли и застройщики под сдачу в аренду площадей различного назначения, благодаря быстрому обороту финансовых средств, в ущерб долгосрочному кредитованию в реальный сектор экономики. Тем самым поддерживается развитие спекулятивного капитала, доминирующего над реальным сектором экономики.

– интересы банков не совпадают с интересами предпринимательства в малом бизнесе, в результате банковские структуры отказываются давать деньги на развитие бизнеса малым предприятиям, обосновывая это высоким риском, малыми кредитными суммами и низкими доходами. В результате имеем высочайшие процентные ставки, которые невозможно погасить даже при нормальном функционировании, очень сжатые сроки, слабые гарантии. При этом министр финансов «А. Силуанов, возглавляющий Совет директоров Агентства по страхованию вкладов сообщил, что утвержден список из 27 банков для докапитализации через облигации федерального займа»[2].

Понятно, что во время кризисов степень устойчивости банков уменьшается, но, если банки не работают цивилизовано с реальным сектором экономики, откуда взяться капитализации. И уже известно, что многие банки лишились лицензии за 2016 год, даже из числа ТОП – 100.

Следовательно, антикризисные меры, направленные на поддержку банковской сферы, мало что дали малому и среднему бизнесу. Как указал президент Ассоциации региональных банков, председатель комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству Госдумы РФ Анатолий Аксаков на заседания Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), которое состоялось 8 июля 2016 года в г. Чебоксары «предприятия реального сектора очень нуждаются в финансовых ресурсах, но российская банковская система показывает отрицательные темпы роста кредитования. Доля кредитов в общем объеме активов кредитных организаций менее 50%, еще полтора года назад они составляли 60%. То есть, банки сдерживают кредитование. С одной стороны,

[1] Корнилов, А. Реалии российской экономики и упущенные шансы. – http://hrazvedka.ru/guru/realii–rossijskoj–ekonomiki–i–upushhennye–shansy.html

[2] Хрысева А.А. Проблемы и перспективы развития российской экономики в рамках объединения БРИКС / А.А. Хрысева, Е.В. Оникова // Известия Волгоградского технического университета. 2013. – Т. 16, № 11. – С. 39–43.

это результат снижения спроса, так как высоки ставки и требования к заемщикам. С другой стороны, банки тоже перестраховываются, изучают риски и очень аккуратно выдают кредиты. Это вполне объяснимо, так как растет просрочка во всех секторах: по кредитам предприятиям – с 6,2 до 6,8%, малому бизнесу – с 13,5 до 15,3%, физ. лицам – с 8,1 до 8,8%. В результате по итогам первого полугодия объем кредитов предприятиям снизился на 5,8%, физ. лицам – на 1,1%»[1].

Представляется, что следовало бы учесть следующие моменты, которые имеют стратегическое значение.

1. Установление в законодательном порядке для банков нормы объема кредитования реального сектора экономики.

2. Обоснованное снижение рыночных процентных ставок, удешевление кредита для среднего бизнеса.

3. Бесплатное кредитование малого бизнеса в промышленном и сельскохозяйственном секторах на сроки, не менее чем на 5 лет.

4. Предоставление кредитов по программе отрицательного кредитования «минус 10%» для производств переработки продукции сельского хозяйства, решающих проблему импортозамещения в обеспечении населения страны высококачественным и экологически чистым питанием, проблему продовольственной безопасности страны.

5. Налоговая мотивация банков в виде снижения ставки налога, вплоть до освобождения от его уплаты на период кредитования: среднего бизнеса – по пониженным ставкам, малого бизнеса – по нулевым и отрицательным ставкам.

6. Укрупнение банков на основе слияния небольших банковских структур в целях увеличения капитала для кредитования реального сектора экономики.

7. Финансирование импортозамещающих программ в промышленности (особенно в машиностроении) через государственные целевые инвестиционные фонды, а не через банковскую систему. При условии снижения бюрократических барьеров и упрощения процедуры оформления займов.

Реальный сектор экономики – эта монетарно задавленная «основа» развития страны в «Плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.» представлена только в 3-х пунктах, в остальных случаях он присутствует в графе «ожидаемых» и ничем не обоснованных результатов.

Пагубные последствия политики отказа от собственного производства в пользу импорта более качественной и конкурентоспособной продукции и технологий таковы, что за последние 20 лет:

– объем производства сельскохозяйственной продукции и его удельный вес в ВВП Российской Федерации сократился более чем в 4 раза;

– общий объем промышленного производства за эти годы сократился почти на треть, причем основное сокращение произошло за счет высокотехнологичных отраслей, включая практически все отрасли промышленности, выпускавшие продукцию конечного спроса, которые обеспечивали обществу самую высокую мультипликацию ВВП;

– сырьевая направленность российской экономики на фоне снижения доли машинотехнической продукции привела к сильной зависимости нашей жизни, в том числе госбюджета, от внешнеэкономической конъюнктуры на основные сырьевые товары российского экспорта. Даже в сравнении с развитыми сырьевыми странами (Австралией, Канадой, Нидерландами) в России гипертрофированно развиты добыча полезных ископаемых, нефтепереработка и оптовая торговля (в наших условиях оптовая торговля – это, в основном, перераспределение прибыли внутри добывающих холдингов), а недоразвиты здравоохранение, образование и многие виды услуг, в том числе финансовые[2]:

– рост российской экономики обеспечивался за счет опережающего развития отрасли услуг, в основном за счет развития новых отраслей: Интернет-технологии, мобильная связь, банковские услуги, юридические и нотариальные, девелоперские, рекламные, консалтинговые, маркетинговые, брокерские и т.д.; не связанных с реальным сектором экономики.

По свидетельству журнала «Форбс», составившего список самых прибыльных и перспективных сегментов малого бизнеса, реальный сектор экономики в нем не присутствует. В этот список вошли следующие виды и сферы деятельности: **частные аудиторы; мануальные терапевты; специализированные клиники; бухгалтерские услуги; частные стоматологи; налоговые расчёты; стоматолог-ортодонт; адвокатские конторы;** бурение нефтяных и газовых скважин, сдача в аренду нежилых помещений, оценка недвижимости, сдача в аренду мини-складов и камер хранения, страховые агентства, кредитные посредники, **мелкое кредитование; частные управляющие, окулисты, и т.п.**[3]

В новой версии антикризисного плана достаточно полно учтены критические замечания, однако вызывает сомнение реализуемость этого плана, поскольку выделенные на бумаге финансовые средства обосновываются либо увеличением собираемости доходов, либо вообще не показываются источники покрытия предполагаемых расходов. 2015 год показал снижение динамики основных экономических показателей (табл. 1).

---

[1] Аксаков А. Доступность финансовых услуг для предприятий реального сектора экономики: проблемы и возможности. – http://www.mirfinansov.ru/events/sobytiya/promyshlenniki-i-bankiry-gotovyatsya-k-rostu-ekonomiki-v-2017-godu/

[2] Ляльков С.Ю. Реализация интенсивной модели развития банковской системы России в контексте основных ориентиров // Экономика и Право. 2014. – № 10. – С. 39–44; Сырьевая экономика в России задушила несырьевую. – http://www.finmarket.ru/main/article/3257805; Фурсов А. «Реформа» образования и ее подоплека. – http://www.dynacon.ru/content/articles/556/

[3] ТОП-20 самых прибыльных видов малого бизнеса. – http://www.aif.ru/money/business/top-20_samyh_pribylnyh_vidov_malogo_biznesa

Таблица 1

Динамика основных экономических показателей в 2008–2015 гг., % к предыдущему периоду[1]

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ВВП	105,2	92,2	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	96,3
Индекс промышленного производства	100,6	90,7	107,3	105	103,4	100,4	101,7	96,6
Обрабатывающие производства	100,5	84,8	110,6	108	105,1	100,5	102,1	94,6
Продукция сельского хозяйства	110,8	101,4	88,5	123,0	95,2	105,8	103,7	103,0

По итогам пяти месяцев 2016 года впервые за последнее время по стране показатель промышленного индекса стал немного повышаться, однако это далеко от прогнозируемого роста.

В сложившейся ситуации, прежде всего, следует осознать, что:

1) импортозамещение – не цель, а результат экономического развития страны;

2) основу принимаемых решений по экономическому развитию страны должны составлять: Системность; Комплексность; Логичность;

3) иммигранты не решат наших внутренних проблем, а высокие технологии все меньше места оставляют неквалифицированным работникам;

4) приоритеты экономического развития страны должны определяться в соответствии с комплексом обоснованных критериев.

Например, в условиях объявленных ответных российских санкций, развитие любой отрасли сопряжено с ростом потребности в высокотехнологичных рабочих местах и специализированном оборудовании, новых технологиях, что в свою очередь потребует роста производства обрабатывающей техники (станков), а, следовательно, восстановления и ускоренного развития машиностроения. Остро встанут вопросы кадрового обеспечения, что потребует перестройки образовательной системы. На рис. 1 показан сценарий, по которому должна строиться логика развития любой отрасли экономики страны.

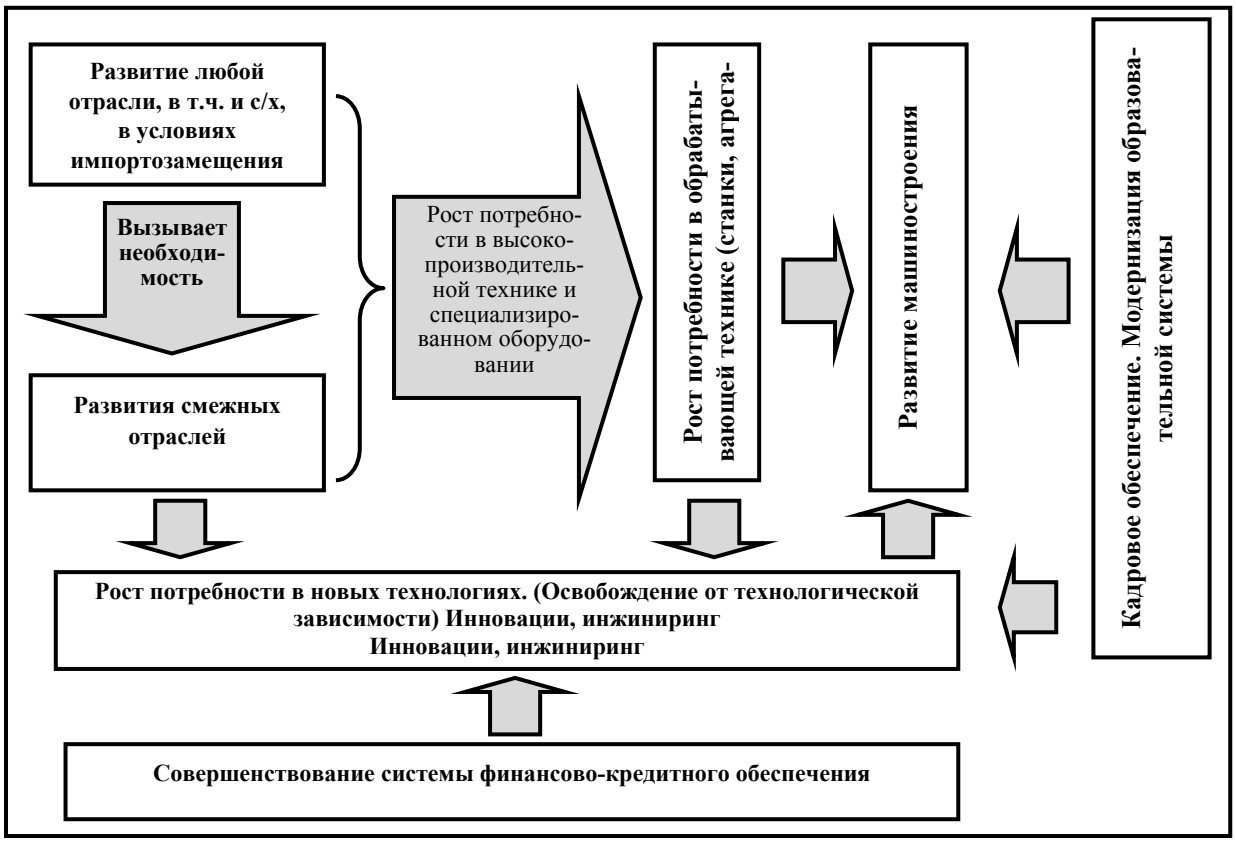


Рисунок 1.
Логическая цепочка реализации концепции импортозамещения

Таким образом, логику импортозамещения следует выстраивать, четко определяя приоритеты развития и прослеживая взаимосвязь и взаимовлияние со смежными отраслями и сферами деятельности. В качестве приоритетных критериев импортозамещения могут быть приняты:

1. Продовольственная безопасность.
2. Экономическая безопасность.
3. Эффект мультипликации.
4. Влияние на развитие других отраслей.

[1] Источник: Росстат. – http://www.iep.ru/files/text/trends/2015/04.pdf

5. Объем требуемых инвестиций.
6. Инвестовосприимчивость.
7. Импортоемкость.
8. Зависимость от импорта.
9. Технологическая зависимость.
10. Технологический потенциал.
11. Доля экспорта.
12. Экспортный потенциал.
13. Потенциал конкурентоспособности.
14. Нагрузка на бюджет.
15. Степень износа основных производственных фондов (ОПФ).
16. Способность к возрождению.
17. Обеспеченность высококвалифицированными кадрами.
18. Обеспеченность рабочими кадрами.
19. Доля научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).
20. Степень коммерциализации собственных разработок.

Третья составляющая экономического развития – это **образовательная система**, разрушаемая как важнейший фактор формирования нового качества экономики и общества. В «Плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. и в 2016 г.» подготовке кадров для развития экономики России не уделено внимания вообще!

Ситуацию, сложившуюся в образовательной сфере, особенно в сфере высшего образования, можно охарактеризовать словами Андрея Фурсова «Получается, что как в частном, так и в общем «реформа» образования не просто препятствует модернизации, а блокирует ее, лишая будущего – модернизацию и общество. Сохранение курса на проводимую «реформу» образования и одновременно призывы к модернизации есть не что иное, как проявление когнитивного диссонанса»[1]:

– колоссальные усилия и время тратятся на разработку паспортов компетенций, забывая, что без взаимодействия с работодателем по созданию эффективной производственной базы практики такие компетенции не выработать;

– государственный образовательный стандарт более проповедует академизм и эфемерный универсализм в образовании, в то время как все большее значение приобретают такие компетенции, как способность нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности, владение практическими навыками работы, способность к самостоятельному принятию решений, работоспособность и высокая трудовая дисциплина;

– возрастают требования к доходам по научно-исследовательской деятельности и консалтингу (в ущерб образовательному процессу) в то время, как в реальном секторе экономики, если затраты на обучение относятся на себестоимость, то затраты на консалтинг и хоздоговоры можно погасить только из прибыли, которой фактически нет;

– в отсутствии необходимых кадров импортозамещение может стать неразрешимой проблемой, поскольку: технологическое отставание отечественной промышленности сложилось, в основном, из-за отсутствия высококвалифицированных кадров; перекос в сфере образования, привел к дефициту рабочих и инженерно-технических кадров, а также специалистов НИОКР.

В этой связи, требуют безотлагательного решения такие вопросы, как.

1. Модернизации системы непрерывного профессионального образования: школа (обучение рабочим профессиям, создание учебно-производственной базы) – профессионально-технические лицей – техникум – колледж – вуз (производственная база практики на основе взаимодействия с реальным сектором экономики, филиалы кафедр на производстве, совместные предприятия) – дополнительное профессиональное образование.

2. Формирование «инновационно-образовательных предприятий» как первичных производственных ячеек экономики[2].

3. Воссоздание в новом качестве системы распределения выпускников и обеспечение условий для их закрепления за организациями (социальные программы, жилье и т.д.).

4. Возврат ускоренных форм целевой подготовки кадров для импортозамещающих отраслей.

5. Открытие новых направлений подготовки кадров в области инженерно-управленческого и НИОКР образования.

6. Профессионализация образования в области менеджмента и инженерии. Менеджер или инженер-профессионал должны быть сертифицированы, что предполагает: наличие высшего образования; интернатуру; сдачу экзаменов по установленным дисциплинам, которые проводятся советами по лицензированию; опыта практической работы от 2-х до 4-х лет; нескольких отзывов от сертифицированных специалистов. Таким образом, выделяется пять уровней образования и квалификации: бакалавриат, магистратура, интернатура, сертификация (регистрация, лицензирование) и аттестация (аккредитация). Все пять уровней пронизаны отраслевой спецификой, но при этом соблюдены требования профессионализма, что очень важно для повышения конкурентоспособности отечественного промышленного производства[3].

---

[1] Гоженко К.Н. Экономика знания – императивная основа инновационной трансформации сферы образовательных услуг: автореферат дис… д-р экон. наук / Кисловодский институт экономики и права. 2012; Сырьевая зависимость экономики – основной риск российского рынка http://top.rbc.ru/finances/20/03/2009/288314.shtml

[2] http://www.pravda.ru/news/economics/finance/banks/ 23–01–2015/1245398–abc–Weg1Pla.dpuf

[3] Зеленцова Л.С. Профессионализация управленческого образования – вызов времени / Л.С. Зеленцова, В.Б. Воронцов // Вестник Университета. – М., 2014. – № 18. – С. 81–86.

Зудин Н.Н.
эксперт Межведомственного аналитического центра
n_zud@mail.ru
Кузык М.Г.
к.э.н., руководитель направления Межведомственного аналитического центра
m_kuzyk@mail.ru
Симачев Ю.В.
к.т.н., Экспертный Совет при Правительстве РФ
ysimachev@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: НА КОГО РАВНЯТЬСЯ?

Ключевые слова: *импортозамещение, импортозависимость, экономическая политика, зарубежный опыт.*

Введение

Сегодня в экономической политике России взят курс на масштабное импортозамещение практически во всех секторах экономики, обусловленный как обострившейся геополитической обстановкой, так и внутренними структурными проблемами. В настоящее время этап деклараций можно считать пройденным, поскольку уже довольно активно развиваются в сторону содействия развитию импортозамещения существующие инструменты государственной поддержки, а также вводятся новые меры соответствующего профиля. Стоит отметить, что в России уже предпринимались попытки проведения политики импортозамещения (пусть и не столь масштабные как в настоящее время), в частности с конца 1990-х годов значительные усилия государства были направлены на стимулирование локализации зарубежных производств, в особенности в автомобилестроительной отрасли. Тем не менее, отечественная промышленная политика и, в частности политика импортозамещения, характеризуется достаточно слабой практикой учета уроков мирового опыта, а расширение инструментария поддержки хоть и основано на зарубежных примерах, носит скорее экстенсивный характер и слабо учитывает национальные особенности [Дежина, Симачев, 2013].

Интересно, что за рубежом политика импортозамещения, по крайней мере, в ретроспективе, на длительном временном интервале показала свою несостоятельность, и фокус в экономической стратегии наиболее эффективных с точки зрения развития стран сместился в сторону стимулирования экспорта. Именно поэтому при анализе зарубежного опыта важно уделять внимание не только политике импортозамещения, но также и «переходу» на политику стимулирования экспорта, способную значительно ускорить страновой экономический рост.

Цель данного исследования – на основании анализа зарубежной практики реализации политики импортозамещения сформулировать соответствующие уроки для России. Для достижения данной цели предполагается решить ряд задач:

– провести анализ наиболее показательных страновых практик в разрезе результатов реализации политики импортозамещения и/или политики стимулирования экспорта;

– выделить основные черты моделей экономического развития, основанных на реализации политики импортозамещения и/или политики стимулирования экспорта;

– с учетом «конструкции» политики импортозамещения в России сформулировать рекомендации для ее успешной реализации.

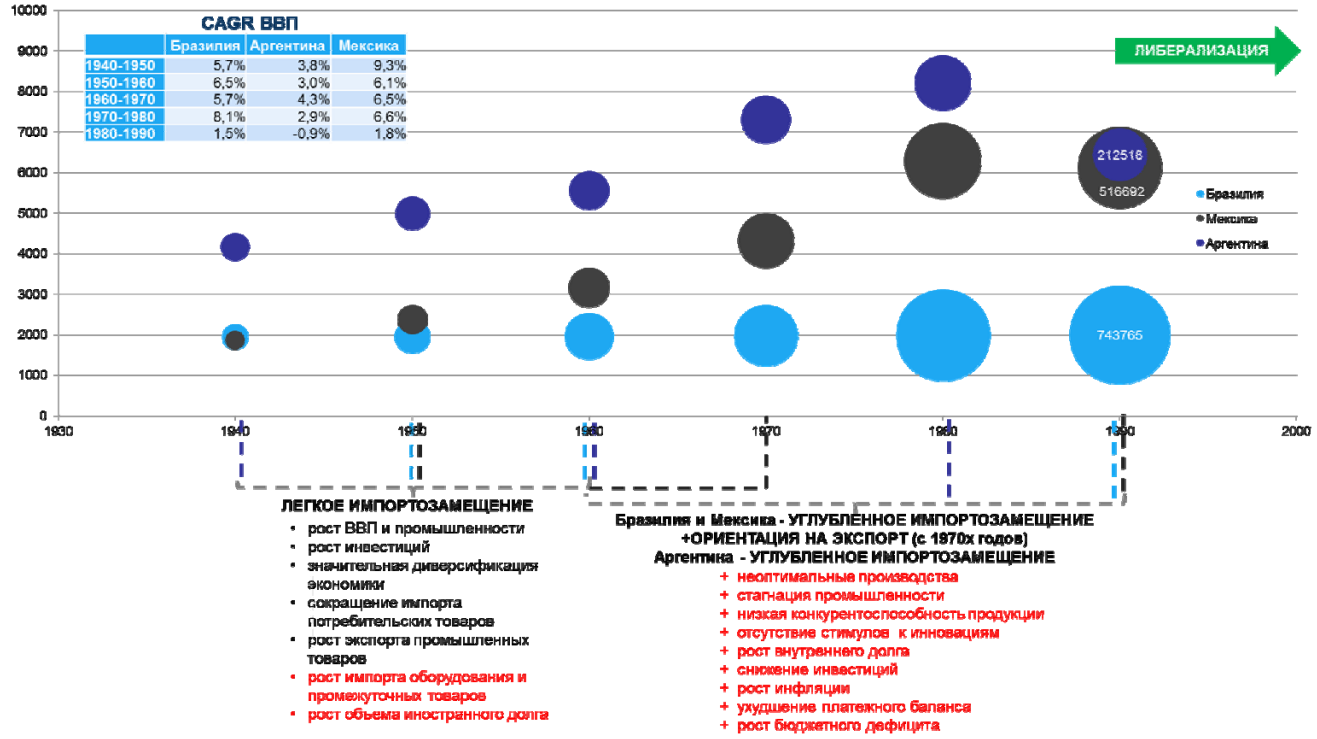
Зарубежный опыт. Эволюция политики импортозамещения

В рамках данного исследования мы рассмотрели наиболее показательные примеры стран Латинской Америки (Бразилия, Мексика, Аргентина), Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур), а также уделили внимание ряду крупных азиатских стран (Китай, Индия, Иран). Хотя список стран является далеко не исчерпывающим, опыт проведения политики импортозамещения и/или политики стимулирования экспорта рассматриваемых стран представляется нам наиболее ярким, по ним имеется существенный объем информации и, что самое важное, в отношении роли политики импортозамещения и/или политики стимулирования экспорта в экономическом развитии данных стран высказывались различные точки зрения, что позволяет нам получить объективные выводы. Период оценки охватывает 1940–1980-е годы, то есть непосредственно этап политики импортозамещения и ранний этап политики стимулирования экспорта, когда наиболее явно проявились положительные и отрицательные стороны соответствующих моделей развития. Результаты экономической политики рассматриваемых стран сопоставлялись как на основе макроиндикаторов (объем ВВП, объем ВВП на душу населения, среднегодовые темпы роста (compound annual growth

rate – CAGR)), так и на основе более специфических параметров (зависимость от импорта, оптимальность производства и т.д.).

Характер проводимой политики импортозамещения в существенной мере может быть отражен с использованием понятий «легкое (производство одежды, обуви, текстиля и т.п.) и тяжелое (производство электрооборудования, транспортное машиностроение и т.п.) импортозамещение».

В Латинской Америке (рис. 1) в 1940-е годы Аргентина, а позднее, в 1950-е Мексика и Бразилия инициировали легкое импортозамещение, проходившее в схожих отраслях экономики (производство текстиля, одежды, продуктов питания и т.п.). Период проведения легкого импортозамещения продолжался примерно до 1960-х годов (1970-х годов для Мексики). В данный период в рассматриваемых странах происходил рост экономики, их диверсификация, сокращение зависимости от импорта на рынке конечной продукции, но при этом экономическое положение становилось менее устойчивым за счет накопления долга и увеличения зависимости от импорта на рынке промежуточных и инвестиционных товаров.



Источник: на основе [Baer, 1972; Ros, 1993; Bruton, 1998; Maddison, 2003; Kwon, 2009; Kehoe, Meza, 2012; Neumann, 2013; Debowicz, Segal, 2014].

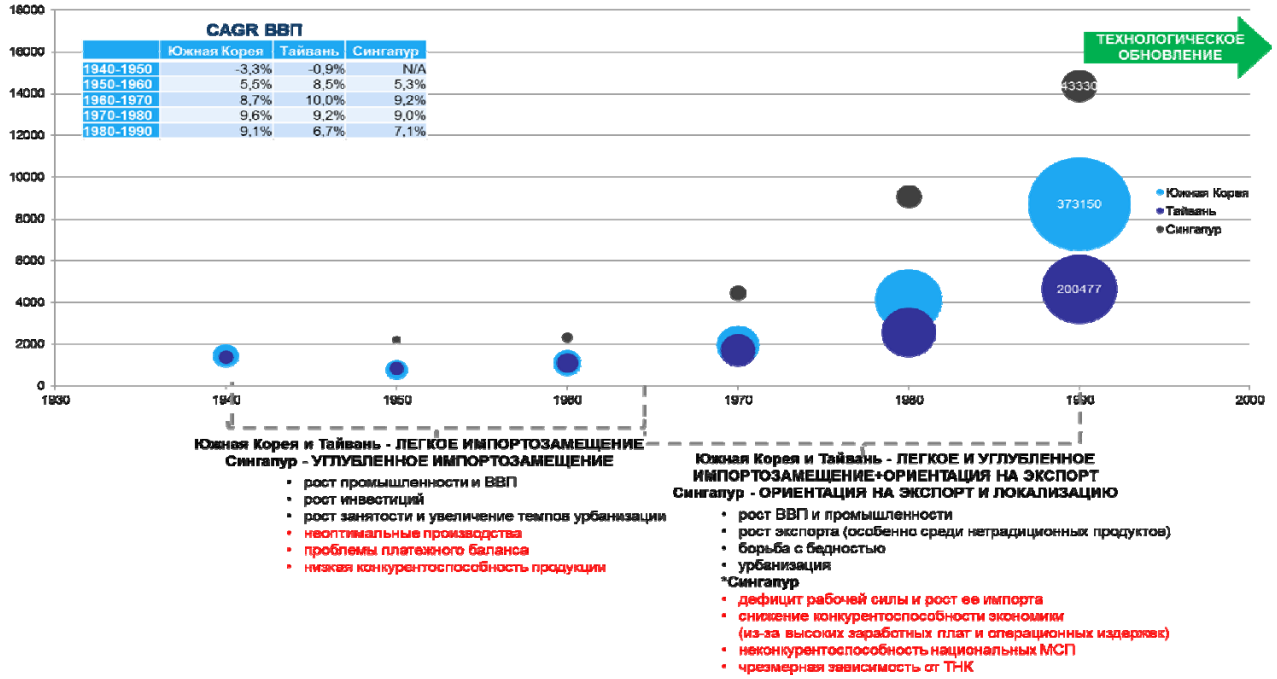
Примечания: ВВП на душу населения (ось У) и ВВП (размер круга)

Рисунок 1.
Развитие экономической политики в странах Латинской Америки в 1940–1980-е годы

На волне успеха легкого импортозамещения страны Латинской Америки после 1960–1970-х годов начали углублять политику импортозамещения[1] и реализовывать ее преимущественно в транспортном машиностроении и в химической промышленности. Тем не менее, к концу второго периода, к девяностым годам (в Аргентине к восьмидесятым), негативные проявления традиционной модели начали перевешивать положительные, и страновые темпы развития значительно сократились. Среди, пожалуй, наиболее значимых «провалов» можно отметить неоптимальные производства и неконкурентоспособность национальной продукции на мировом рынке. Впоследствии правительства стран региона разочаровались в политике импортозамещения и не без рекомендаций экспертов из развитых стран существенным образом либерализовали свои экономики, что практически свело на нет все усилия по развитию национальной промышленности [Prebisch, 1959; Baer, 1972; Ros, 1993; Bruton, 1998; Kwon, 2009; Kehoe, Meza, 2012; Neumann, 2013; Debowicz, Segal, 2014].

Страны Юго-Восточной Азии также применяли стратегию импортозамещения до середины 1960-х годов (см. рис. 2). Если Южная Корея и Тайвань начали импортозамещение с его легкого варианта, то Сингапур был вынужден начать с углубленного импортозамещения, поскольку испытывал недостаток в рабочей силе, необходимой для трудоинтенсивных легких отраслей промышленности. В середине 1960-х годов страны Юго-Восточной Азии осознали, что ориентация исключительно на внутренний рынок исчерпала себя и начали ориентировать свою промышленность на экспорт. При этом Южная Корея и Тайвань продолжали осуществлять определенный протекционизм в отношении приоритетных отраслей. Экспорто-ориентированное развитие в целом продолжалось до 1990-х годов, а затем страны данного региона, осознав важность не только экстенсивного развития путем ориентации на экспорт, но также и интенсивного, инициировали масштабную политику по технологическому обновлению промышленности [Baer, 1972; Bruton, 1998; Galbraith, Kim, 1998; Weiss, 2005; Yue, 2005; Zhu, 2006; Kwon, 2009; Kinney, 2010;Neumann, 2013; Zonooz, 2013].

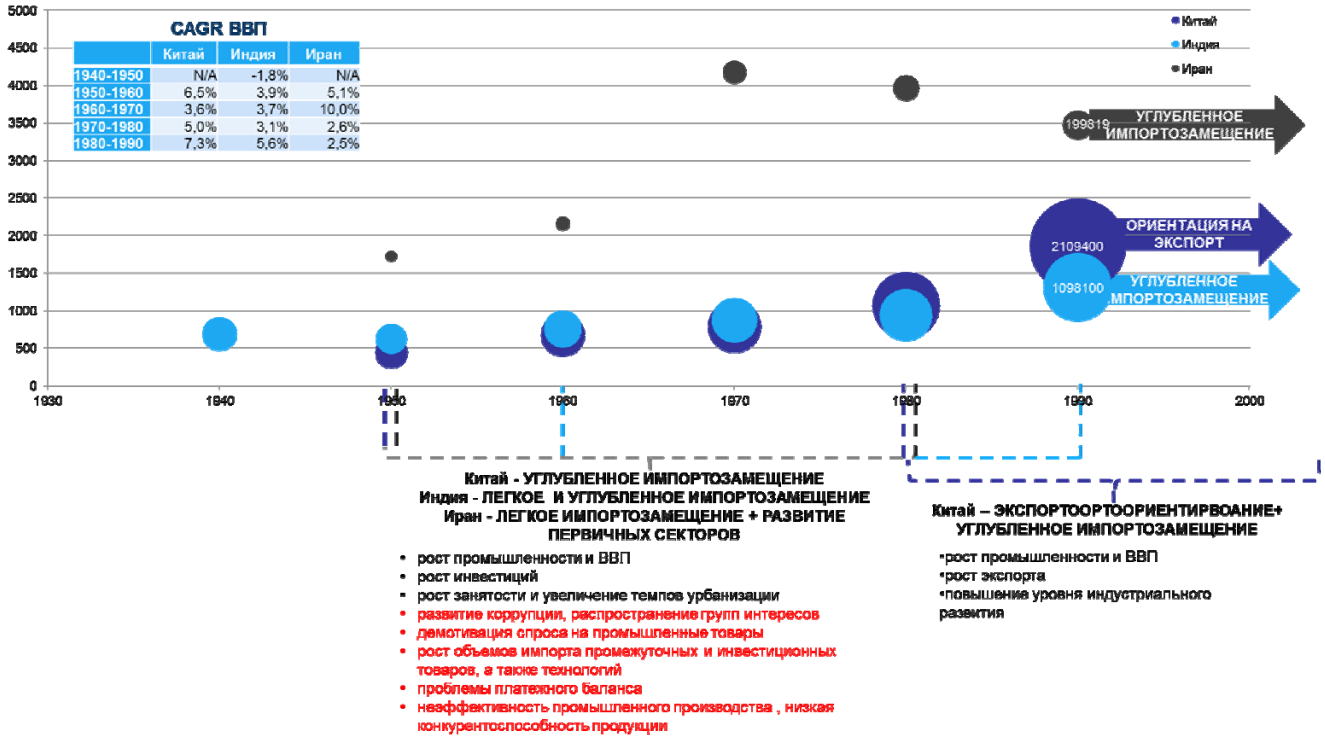
[1] Иногда тяжелое импортозамещение называют углубленным.



Источник: на основе [Baer, 1972; Bruton, 1998; Galbraith, Kim, 1998; Maddison, 2003; Weiss, 2005; Yue, 2005; Zhu, 2006; Kwon, 2009; Kinney, 2010; Neumann, 2013; Zonooz, 2013]

Примечания: ВВП на душу населения (ось У) и ВВП (размер круга).

Рисунок 2.
Развитие экономической политики в странах Юго-Восточной Азии в 1940–1980 годы



Источник: на основе [Yamin, 1975; Maddison, 2003; Zhu, 2006; Kwon, 2009; Kinney, 2010; Kaur, Singh, 2013; Zonooz, 2013; Debowicz, Segal, 2014; Bin, 2015; Русакович, Лебедева, 2015].

Примечания: ВВП на душу населения (ось У) и ВВП (размер круга)

Рисунок 3.
Развитие экономической политики в крупных азиатских странах в 1940–1980 годы

Крупные азиатские страны в рассматриваемый период сконцентрировались главным образом на политике импортозамещения (см. рис. 3). Данная стратегия практически без изменений продолжалась до 1980-х годов (1990-х в Индии). Как и в Латинской Америке, в крупных азиатских странах наблюдались положительные результаты политики импортозамещения (рост ВВП, промышленного производства и т.д.), но из-за более длительного периода ее реализации укоренились группы интересов, которые помимо традиционного набора недостатков – увеличение зависимости на рынке промежуточных и инвестиционных товаров, неконкурентоспособность национальной продукции и т.д. – обусловили дополнительные проблемы, в частности высокий уровень коррупции. Что примечательно, Китай начал с уг-

лубленного варианта политики импортозамещения, а его стратегия развития периода 1950-1980 годов получила название «экстремальной» ввиду того, что осуществлялась в максимально закрытой и изолированной экономике. В 1980-х годах, сконцентрировавшись на стимулировании экспорта продукции легких отраслей промышленности, Китай сразу продемонстрировал внушительный рост ВВП на душу населения, во многом преодолев недостатки предыдущей модели развития [Yamin, 1975; Zhu, 2006; Kwon, 2009; Kinney, 2010; Kaur, Singh, 2013; Zonooz, 2013; Debowicz, Segal, 2014; Bin, 2015; Русакович, Лебедева, 2015].

Традиционная и новая модель экономического развития

На основе анализа зарубежного опыта мы хотели бы с некоторой долей условности выделить две базовые модели экономического развития, основанные на политике импортозамещения и/или экспорто-ориентированного роста (см. табл. 1). В качестве ключевых составляющих моделей мы определили специализацию, или фокус, характер протекционизма и, что немаловажно, специфику процессов обучения и модернизации. Новая модель характеризуется гибкой, чувствительной к внутренним и внешним факторам, а также рациональной (опирающейся на фактические и потенциальные сравнительные преимущества) специализацией; учетом интересов бизнеса и значительными усилиями по ограничению влияния групп интересов при реализации протекционистской политики и, что самое важное, налаженными процессами модернизации и обучения, обеспечивающими «здоровое» развитие производств посредством притока квалифицированных кадров и новых технологий. Традиционной модели, являющейся своего рода антиподом новой, свойственны излишняя закрытость экономики и фиксированные приоритеты развития; «ренто-ориентированный протекционизм», способствующий нерациональному распределению ресурсов; слабое развитие процессов модернизации и обучения в условиях чрезмерной защиты национального рынка от международной конкуренции и отсутствия стимулов технологического обновления у компаний, обусловливающих низкую конкурентоспособность национальной продукции.

Таблица 1

Сопоставление традиционной и новой модели экономической политики

Традиционная модель (страны Латинской Америки, крупные азиатские страны)	Новая модель (страны Юго-Восточной Азии)
Фокус	
внутренний рынок – ориентация исключительно на внутренний рынок приводила к сокращению возможностей экономии на масштабе и низкой конкурентоспособности национальной продукции на мировом уровне; промышленность – ориентация исключительно на развитие промышленности, в особенности обрабатывающей, подразумевала «выкачивание» средств из секторов-доноров, в частности из сельского хозяйства. Истощение секторов-доноров приводило, во-первых, к снижению возможностей обеспечения потребностей населения, что демотивировало спрос на промышленные товары, во-вторых, к снижению возможностей обеспечения потребностей промышленности в части входной для производства продукции, что приводило к простаиванию мощностей, и, в-третьих, к стагнации экспорта, вследствие чего исчерпывались денежные ресурсы, необходимые для импорта инвестиционных и промежуточных товаров, а также для финансирования затратной политики импортозамещения.	мировой рынок – изначальная ориентация на внутренний рынок, позволившая «набрать силу» национальной промышленности, затем дополнялась ориентацией на внешний рынок, что приводило к достижению значительных экономий на масштабе, конкурентоспособной на мировом уровне продукции, привлечению существенных иностранных инвестиций и локализации технологий; разные сектора – развитие не только промышленности, но также и смежных секторов, в особенности сектора сельского хозяйства, позволило избежать не только негативных последствий традиционной модели, но и ослабить процессы дифференциации доходов и урбанизации.
Протекционизм	
чрезмерный – создал «тепличные» условия для некоторых секторов национальной промышленности и не способствовал перетоку капитала от неэффективных производств к эффективным; «слепой» – многие страны стали «забывать» об изначальном фокусе на индустриализации, в частности на импортозамещении, направленном на диверсификацию экономики и дальнейшее встраивание в мировую цепочку создания стоимости, и сосредоточивать свое внимание на продвижении автаркии в контексте формирования экономической системы; беспорядочный – не учитывал потенциальные сравнительные преимущества секторов при их приоритизации, а распределение инвестиций и уровня защиты часто основывалось на основе региональных этнических стереотипов; подверженный группам интересов – ориентировался на интересы отдельных промышленников и создавал внутри государственной системы благоприятную среду для развития коррупции; постоянный – защита отраслей/секторов осуществлялась на постоянной основе, а статус кво поддерживался из-за сильного влияния групп интересов; фрагментарный – происходило слабое развитие прямых и обратных связей приоритетных секторов со смежными отраслями.	разумный – дополнялся активным реформированием внутренних рынков и экспортными стимулами, основывался на текущих и потенциальных сравнительных преимуществах; независимый – предоставление поддержки практически не зависело от конкретных лиц, решения о мерах и объемах поддержки принимали кооперативно при учете интересов бизнеса; обоснованный – распределение инвестиций в промышленность, рабочих мест и привилегий осуществляется на основе разработанных эффективных экономических критериев; временный – защита осуществлялась до того момента, как возникали свидетельства о достижении необходимого уровня конкурентоспособности отрасли/сектора, затем происходило стимулирование их экспорто-ориентированного развития. Кроме того, со временем государство все меньше вмешивалось в экономику, а лишь следило за поддержанием благоприятной бизнес-среды; интегральный – целевые сектора были интегрированы в структуру экономики и обладали хорошо развитыми прямыми и обратными связями со смежными отраслями.

Модернизация и обучение	
– недостаточное регулирование иностранных инвестиций в области технологического обмена – импорт капитала и иностранные инвестиции регулировались недостаточно для обеспечения трансфера технологий, технологических изменений и максимизации знаний для международной конкуренции; – импорт зарубежных технологий – не происходила имитация и адаптация технологий, а предприятия характеризовались низкой инновационной активностью. Все это приводило к неэффективности производства и к неконкурентоспособности их продукции; – отсутствие индустриальной базы для внедрения технологий – отсутствие соответствующих машин и оборудования, а также достаточно развитой инфраструктуры не позволяли быстро и эффективно внедрять новые технологии; – неактивное развитие образования – не была создана рабочая сила достаточной квалификации для удовлетворения нужд развивающейся промышленности, а неэффективные отрасли не предъявляли необходимый спрос на образование, вследствие чего практически все квалифицированные кадры эмигрировали в развитые страны.	– стимулирование притока технологий – импорт капитала и иностранные инвестиции сильно регулировались и ориентировались на локализацию технологий и максимизацию технологических и управленческих знаний для конкуренции на мировом рынке; – имитация и адаптация зарубежных технологий – снижалась технологическая зависимость и увеличивались технологические компетенции страны. Инновационная же активность предприятий позволяла производить конкурентоспособную продукцию; – активное развитие производственной инфраструктуры – происходило быстрое внедрение новых технологий, а также активное развитие промышленности; – акцентированное развитие образования – несмотря на то, что во многих стран был накоплен довольно внушительный человеческий капитал, они, тем не менее, продолжали осуществлять масштабные инвестиции в образование, а промышленность и образование были синергетическим образом связаны.

Источник: Baer, 1972; Bruton, 1998; Weiss, 2005; Kwon, 2009; Ogujiuba et al., 2011.

Важно отметить, что «рецепт» успеха новой модели помимо избегания недостатков традиционной заключался не столько в каком-то конкретном из перечисленных факторов, сколько в их комбинировании. Так, рост промышленности был устойчивым на протяжении длительного промежутка времени не только благодаря государственной поддержке предприятий или отраслей/секторов, но также и благодаря инвестициям в развитие системы образования. В результате этого спрос и предложение на рынке трудовых ресурсов были сбалансированы.

Политика импортозамещения в России

Рассматривая признаки принадлежности к той или иной модели в российской политике импортозамещения (см. табл. 2), можно отметить, что официально декларируется ориентация не только на внутренний рынок, но и на внешний [Медведев, 2016]. Тем не менее, де факто текущие инструменты поддержки ориентируются преимущественно на освоение внутреннего рынка [Мантуров и др., 2016], а поддержка экспорта, по нашим наблюдениям, не имеет первостепенного значения в приоритетах экономической политики. Что касается осуществляемого в отношении приоритетных отраслей и секторов экономики протекционизма, то центральной идеей проводимой политики импортозамещения является снижение доли импорта в себестоимости производимой продукции [Мантуров и др., 2016], что вовсе не означает снижение качественной зависимости от конкретных зарубежных поставщиков. При этом официальная точка зрения [Медведев, 2016] справедлива: в рамках политики импортозамещения в настоящее время нужно не только ставить своей целью «фронтальное» ограничение импорта (вместо создания новых конкурентоспособных производств), но и учитывать критическую значимость импортных компонентов и оборудования для производства отечественной продукции. Однако на практике данные тезисы до настоящего времени, на наш взгляд, не реализовались в достаточной мере, а в текущей повестке речь шла преимущественно не о создании новых производств, а о дозагрузке уже существующих мощностей. Крайне уязвимой чертой осуществляемого протекционизма (что в большой степени «роднит» его с традиционной моделью), на наш взгляд, также является его выборочность – ориентация на поддержку конкретных проектов и/или конкретных производств [Мантуров и др., 2016; Медведев 2016]. Это создает угрозы лоббирования интересов со стороны конкретных промышленных предприятий, снижения эффективности производств и их инновационной активности, а также «локальности» проводимых мероприятий. Важно отметить, что, несмотря на наличие достаточно большого количества признаков новой модели, практически все они «искажены» негативным влиянием традиционной.

Таблица 2

Импортозамещение в России. Признаки моделей

Традиционная модель	Новая модель
Фокус	
- активное стимулирование закупок национальной продукции - замещение частного спроса государственным	– наличие инструментов стимулирования экспорта, НО ПРИ ЭТОМ не первостепенное значение поддержки экспорта в государственной политике и как следствие небольшие объемы экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью – ориентация приоритетных отраслей на экспорт, НО ПРИ ЭТОМ невысокая национальная составляющая в экспортируемой продукции ряда отраслей – развитие не только обрабатывающей промышленности, но и других отраслей, в частности с/х

Протекционизм	
– государственная поддержка ориентирована на «фронтальное» ограничение импорта, а не на снижение импортозависимости компаний – недостаточная проработка проектов импортозамещения с позиции конкурентоспособности осваиваемой продукции и окупаемости затрат – недостаточная координация между государственными и предпринимательскими структурами при реализации проектов импортозамещения, наличие бюрократических проволочек при разрешительных и таможенных процедурах	– наличие представителей прогрессивной экономической элиты в системе государственного управления, НО ПРИ ЭТОМ значимая роль традиционных групп интересов
Модернизация и обучение	
– низкий уровень инновационной активности отечественных компаний, импорт технологий, нераспространенная практика их имитации – нехватка высококвалифицированных кадров, НО ПРИ ЭТОМ наличие существенного потенциала развития человеческого капитала	– стимулирование локализации зарубежных производств, НО ПРИ ЭТОМ существенные ограничения для иностранного капитала в ряде отраслей

Источник: составлено авторами.

Что касается специфических черт проводимой политики импортозамещения (см. табл. 3), то озвучиваемые главные мотивы перехода на нее – исчерпание восстановительной модели развития 2000-х годов с ее структурными проблемами, санкции и снижение цен на нефть как доселе главного источника дохода [Медведев, 2016] – вместе с дополнительными, в частности угрозами национальной безопасности, представляются нам логичными, обоснованными и изначально задающими верный вектор развития политики импортозамещения. Обращая внимание на зарубежный опыт, важно отметить, что для России характерно комбинирование мотивов стран как Латинской Америки, так и Юго-Восточной Азии.

Таблица 3

Импортозамещение в России. Специфические черты проводимой политики

Российские специфические черты политики импортозамещения	Страна/Регион со схожей чертой	Оценка
Мотивы инициирования политики импортозамещения		
де факто ориентация на догоняющее развитие	Латинская Америка	–
истощение научно-технической базы по ряду направлений	Южная Корея	+
приспособление к изменившимся условиям мировой торговли (цена на нефть)	Латинская Америка	+
чрезмерная волатильность экономической системы	Сингапур	
угрозы национальной безопасности	Южная Корея, Тайвань	+
Структура политики импортозамещения		
политика импортозамещения «стартовала» с ее углубленного варианта	Бразилия	–
ориентация на потребности и соответственно на поддержку крупных государственных отраслевых гигантов	Латинская Америка, крупные азиатские страны	+-
государственная «установка» на развитие ОПК как потенциального сектора-лидера в экономике	Бразилия (автомобильная промышленность)	+-
ответные санкции		+-
Характер реализации политики импортозамещения		
государственная «установка» на сокращение доли импорта в себестоимости продукции в качестве целевого показателя эффективности		–
государственная «установка» на замещение импорта не в отрасли в целом, а среди конкретных видов продукции		+-
преимущественное встраивание политики импортозамещения в текущую систему мер и инструментов		+

Источник: составлено авторами.

Российская политика импортозамещения по своему содержанию вбирает в себя опыт стран-приверженцев импортозамещения (страны Латинской Америки и крупные азиатские страны), в отношении относительной эффективности которой мы, как минимум, ставим знак вопроса. Так, опыт углубленного импортозамещения Китая показал свою несостоятельность, а избыточное присутствие крупных предприятий в экономике сейчас уже оценивается даже государственными деятелями как неэффективное[1].

Характер же реализации политики импортозамещения, в России, что интересно, является специфическим и не сходным с зарубежными моделями. В то же время, несмотря на выбор управленчески более эффективной системы реализации данной политики (встраивание в текущую систему мер и инструментов), характер реализации российской политики импортозамещения в целом не способствует достижению поставленных экономических целей – превалирование «фронтального» подхода (ориентация на долю импорта в качестве главного КПЭ политики импортозамещения,

[1] По мнению А. Кудрина: «Госкомпании в их нынешнем виде, скорее, являются тормозом развития. Госкомпании не тратят сопоставимых с мировыми корпорациями сумм на инновации. Они должны в течение ближайших лет усвоить этот механизм». Подробнее см.: Коммерсант. Лента новостей от 23.09.2016, 12:28. – http://kommersant.ru/doc/3097604

замещение конкретных видов продукции и т.п.) над стратегией качественной трансформации российской экономики (акцент на снижении зависимости предприятий от конкретных поставщиков, технологическое обновление существующих мощностей и создание новых производств) – все это создает во многом ложное впечатление об успехе.

Выводы

(1) Политика импортозамещения приводит к экономическому росту, но его устойчивость в долгосрочном периоде определяется своевременным «переключением» на внешний рынок – то есть, ориентацией на экспорт.

(2) Ориентация на национальные сравнительные преимущества приводит к увеличению отдачи от политики импортозамещения и долгосрочным положительным эффектам.

(3) Развитие определенных отраслей/секторов экономики не должно происходить за счет безмерного выкачивания средств из других. Кроме того, финансирование политики импортозамещения следует основывать не только на внутренних, но и на внешних источниках.

(4) Начало политики импортозамещения с углубленного варианта чревато «консервацией» отставания в отсутствие налаженного процесса трансфера технологий: наличие отложенных экономических эффектов в сочетании с выкачиванием средств из других секторов или привлечением долговых источников способно привести к перевесу отрицательных эффектов.

(5) Старт с «легкого» варианта не случаен в мировой практике: стимулирование внутреннего спроса и получение средств для финансирования импортозамещения позволяет создать базу для дальнейшего экономического развития.

(6) Реализуя политику импортозамещения нельзя заставлять предприятия закупать неконкурентоспособную входную для производства национальную продукцию. В масштабах всей экономики это чревато отрицательной синергией: неконкурентоспособностью не только секторов-поставщиков, но и секторов-потребителей более высоких переделов.

Завершая данное исследование, хотелось бы переосмыслить его название. Россия часто ориентируется на зарубежный опыт конкретных стран. Вопрос же должен стоять иначе: не на кого, а на что ориентироваться, какие успешные практики применять?

Список литературы

1. Дежина И.Г., Симачев Ю.В. Связанные гранты для стимулирования партнерства компаний и университетов в инновационной сфере: стартовые эффекты применения в России // Журнал новой экономической ассоциации. – М., 2013. – № 3(19). – С. 90–122.
2. Мантуров Д., Никитин Г., Осьмаков В. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 9. – С. 40–49.
3. Медведев, Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 10. – С. 5–30.
4. Русакович В.И., Лебедева Д.В. Иран: развитие в условиях санкций и опыт для России // УЭкС. 2015. – № 6 (78).
5. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics / OECD. – Paris, 2003.
6. Baer W. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations // Latin American Research Review. 1972. – Vol. 7, N 1. – P. 95–122.
7. Bruton H.J. A reconsideration of Import Substitution // Journal of Economic Literature. 1998. – Vol. 36. – P. 903–936.
8. Bin S. China's trade development strategy and trade policy reforms: overview and prospect / International Institute for sustainable development. Draft Paper. 2015.
9. Debowicz D., Segal P. Structural Change in Argentina, 1935–1960: The Role of Import Substitution and Factor Endowments // The Journal of Economic History. 2014. – Vol. 74, N 1.
10. Galbraith J. K., Kim J. The Legacy of the HCI: An Empirical Analysis of Korean Industrial Policy // Journal of Economic development. 1998. – Vol. 23, N 1.
11. Kaur I. N., Singh N. China, India and Industrial Policy for Inclusive Growth / University of California, Santa Cruz. Dept. of Economics, Working paper. 2013.
12. Kehoe T. J., Meza F. Catch-up Growth Followed by Stagnation: Mexico, 1950–2010 / Federal Reserve Bank of Minneapolis, Research Department. Working Paper.№ 693. 2012.
13. Kinney L. The Role of international trade in industrialization: the experience of India and South Korea. Unpublished paper. 2010.
14. Kwon, J. Import substitution at the regional level: application in the United States. Unpublished paper. 2009. – http://www.frbatlanta.org/documents/news/conferences/10smallbusiness_kwon.pdf
15. Neumann S. Import substitution industrialization and its conditionalities for economic development – a comparative analysis of Brazil and South Korea / Central European University, Master thesis. 2013.
16. Ogujiuba K., Nwogwugwu U., Dike E. Import substitution industrialization as learning process: Sub Saharan African experience as distortion of the «good» business model // Business and Management Review. 2011. – Vol. 1(6). – P. 8–21.
17. Ros J. Mexico's trade industrialization experience since 1960: a reconsideration of past policies and assessment of current reforms / UNU/WIDER Working Paper. N 186. 1993.
18. Weiss J. Export Growth and Industrial Policy: Lessons from the East Asian Miracle experience / ADB Institute Discussion Paper. N 26.
19. Yamin M. Import substitution and the growth of manufacturing in Iran, 1955–72. A thesis submitted for the degree of Master of Arts. University of Durham. 1975.
20. Yue C.H. The Singapore Model of Industrial Policy: Past Evolution and Current Thinking / Paper for presentation at the Second LAEBA Annual Conference, Buenos Aires. 2005.
21. Zhu T. Rethinking Import-substituting Industrialization. Development Strategies and Institutions in Taiwan and China / UNU-WIDER Research Paper. N 76. 2006.
22. Zonooz B.H. An Overview of Industrial Policies in Iran and Korea in 1960–2012. 2013.

Игнатова Т.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
tignatova@uriu.ranepa.ru

КАУЗАЛЬНЫЙ СПЕКТР ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: ДЕВАЛЬВАЦИЯ, САНКЦИИ, РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: *импортозамещение, девальвация, санкции, реиндустриализация, экономическая безопасность, глобальный кризис.*
Keywords: *import substitution, devaluation, sanctions, reindustrialization, economic security, global crisis.*

Импортозамещение в России является постоянным процессом, интенсивность которого определяется складывающейся экономической ситуацией, влиянием как внешних, так и внутренних причин, как объективных, так и субъективных факторов. Развитие машиностроения в имперской России во второй половине XIX века – начале XX века, ускоренная индустриализация в СССР 20–30-х гг. XX века с точки зрения увязки с зависимостью от внешних рынков проходили именно как процессы импортозамещения. На современном этапе усиление тенденций импортозамещения носит, на наш взгляд, преимущественно вынужденный характер. Основными причинами импортозамещения в 2014–2016 гг. являются, с одной стороны, специфические ситуационные явления и процессы: девальвация национальной валюты – рубля, действие международных санкций и российских антисанкций, а с другой, реиндустриализация как технологически базисный способ выхода из структурного кризиса российской экономики.

Рассмотрим отличия текущей российской ситуации от классического развертывания импортозамещения в Аргентине по рецептам Пребиша. Индустриализация на основе импортозамещения (Import Substitution Industrialisation – ISI) заключалась в активной поддержке аргентинским правительством национального машиностроения и других промышленных производств. Как отмечают Папахчян И.А., Лисовская Р.Н., основным приоритетом декларировалась «опора на собственные силы», ради которой правительство выдавало аргентинским компаниям дешевые кредиты, квотировало импорт, вводило валютный контроль и жестко фиксированный обменный курс. «Параллельно происходило огосударствление экономики, были созданы государственные монополии в нефтегазовой промышленности, железнодорожном транспорте, электроэнергетике, связи и других отраслях. За экономические эксперименты с импортозамещением Аргентина заплатила высокую цену. В результате она получила низкую конкурентоспособность, галопирующую инфляцию, колоссальный национальный долг и фактическое банкротство государства, которое не в состоянии было субсидировать убыточные производства»[1].

В Российской Федерации импортозамещение развивается как ответ на международные санкции, при этом правительство не проводит политику дешевых кредитов, не разворачивает курс на дальнейшую постепенную приватизацию государственных активов, поддерживает низкий уровень государственного внешнего долга. Поэтому, на наш взгляд, не следует искать аналогии с импортозамещением и его последствиями в Аргентине. Сбалансированная поддержка импортозамещения может способствовать восстановлению докризисных темпов роста экономики, созданию новых рабочих мест, установлению внешнеэкономических связей с новыми партнерами.

Иная трактовка импортозамещения представлена в работе Ждановой С.Т., согласно которой импортозамещение может носить упреждающий или реактивный характер. «Если оно является упреждающим, то товары выпускаются таким образом, чтобы не пустить конкурирующих зарубежных поставщиков на рынок. В случае реактивного импортозамещения происходит вытеснение иностранных поставщиков. Политика импортозамещения, проводимая нашим правительством, не является ни реактивной, ни упреждающей, так как обусловлена уникальной ситуацией в современной российской экономике. Вопрос импортозамещения поднимался и ранее, так как очевидно, что избыток импорта вредит нашей экономике, делает её зависимой, подавляет отечественного производителя. Но в настоящий момент эта проблема актуальна, как никогда раньше, что обусловлено антироссийскими санкциями и ответным эмбарго»[2].

На наш взгляд, текущее импортозамещение в России все-таки можно отнести к реактивному, отметив при этом, что реактивный характер обусловлен не столько экономическими, рыночными причинами и конкурентной борьбой, а политическими причинами, логикой международного противостояния в борьбе санкций.

Наиболее ярко процессы импортозамещения протекают **в сфере сельского хозяйства и производства продуктов питания**. Они призваны защитить внутренний рынок от резкого подорожания продовольственной корзины из-за

[1] Папахчян И.А., Лисовская Р.Н. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 111. – С. 598–614.

[2] Жданова С.Т. Импортозамещение как экономическая мера в условиях антироссийских санкций // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2016. – № 1 (15). – С. 14.

цен импортируемых продуктов. В России увеличилось производство сыра, фруктов, овощей, свинины, мяса кур, индейки, что позволило не допустить резкого сокращения поставки продовольственных товаров в розничную сеть, а также по государственному заказу.

Импортозамещение в сельском хозяйстве позволит устранить явные преференциальные перекосы, приводящие к нарушению принципов государственного регулирования внешнеторговой деятельности, содержащихся в соответствующем законе РФ, в частности принципа равенства прав участников внешнеторговой деятельности. Так, ранее в России «для западных экспортеров были созданы чрезвычайно благоприятные условия. Например, в 2005 году по льготной таможенной пошлине ввозилось 1090,4 тыс. т мяса птицы, 430 тыс. т – говядины и 467,4 тыс. т свинины. Помимо этого было принято соглашение с США, названное «сделкой века», которое предусматривало увеличение до 2009 года квот на мясо всех видов более чем на 200 тысяч тонн. Сверх этого объема разрешалось беспрепятственно импортировать мясную продукцию по более высокой пошлине. Причем льготный налоговый режим должен был расширяться, а со временем льготы распространяться на весь импорт. В Россию животноводческую продукцию поставляли более 11 тыс. предприятий со всего мира, в том числе из Европейского сообщества – 4096. Российский же производитель практически не допускался на мировой рынок. Лишь 12 предприятий были аттестованы на право поставок продукции животноводства, в т.ч. 9 молокозаводов и 3 мясокомбината, перерабатывающие в основном оленину»[1].

Однако в этом секторе есть не только позитивные подвижки, что обусловлено высокой зависимостью российского сельского хозяйства от зарубежного семенного материала в сфере овощеводства и производства фруктов, длительным циклом выращивания крупного рогатого скота и производства говядины. Продовольственная инфляция наблюдается постоянно, хотя и не в таких масштабах, какой могла бы быть при отсутствии российских санкций.

Следует согласиться с мнением Шагайда Н. о том, что «сохраняющийся высокий уровень продовольственной инфляции обусловлен преимущественно макроэкономическими факторами: девальвация рубля, с одной стороны, сократила издержки сельхозпроизводителей и пищевой промышленности, а с другой – привела к подорожанию импортных ресурсов для сельскохозяйственного и пищевого производства, а также повысила рентабельность экспорта продовольствия. Кроме того, замена поставщиков и импортозамещение, связанные с ограничением ввоза продовольствия из ряда стран, далеко не всегда ведут к снижению цен на соответствующую продукцию. Ослабление конкуренции со стороны импорта также не способствует стабилизации цен. При этом следует иметь в виду, что, за исключением отдельных секторов, российское сельскохозяйственное производство является конкурентной отраслью, а доля сырья, в том числе сельскохозяйственного, в структуре розничных цен продовольственных продуктов редко превышает 50%»[2].

В современных условиях импортозамещение в сельском хозяйстве Ростовской области как конкурентной отрасли требует ориентации на лучшие практики других регионов, в частности, ближайшего региона-конкурента – Краснодарского края. Подобный бенчмаркинг необходим в поиске рациональных путей обновления основных фондов, разработке мероприятий областных властей по поддержке сельхозпроизводителя в условиях сокращающихся бюджетных возможностей через системы гарантий и страхования.

Следует также учитывать, что развитие импортозамещения не только на основе недоиспользуемых мощностей, но и за счет технологического перевооружения предъявляет новые требования к квалификации работников, а высококвалифицированные работники, в свою очередь, имеют повышенные ожидания по отношению к условиям труда и проживания. Поэтому областным органам власти и управления следует разработать ряд мер, направленных на «повышение миграционной привлекательности сельских территорий региона на основе формирования новых стандартов среды проживания в сельской местности, сохранения ее уникальности и социокультурного наследия, что позволит привлечь квалифицированные кадры»[3].

В российском **машиностроении** процессы импортозамещения протекают неоднозначно. Во-первых, сегодняшняя ситуация – это уже вторая волна импортозамещения за последние 10 лет, первая наблюдалась в 2009–2010 гг. после девальвации рубля 2008 г. Во-вторых, расширение производства и экспорта машиностроительной продукции в результате сокращения внутренних издержек при девальвированном рубле сдерживается сильной зависимостью от импорта нового оборудования в целях технического перевооружения. Фактически импортозамещение сдерживается сократившимися инвестиционными возможностями, в том числе и из-за международных санкций на поставку оборудования в Россию, а также сузившегося потока иностранных инвестиций в отрасль.

Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. отмечали, что «подавляющую часть времени на протяжении последних 20 лет коэффициент структурной независимости обрабатывающих производств, и в частности машиностроения, ухудшался. Этот процесс выражался в увеличении импортной зависимости в производстве машин и оборудования, формировании элементов «импортной инфраструктуры», которая развертывается в крупных машиностроительных регионах России и в городах-мегаполисах»[4]. Данное утверждение справедливо и для машиностроительной отрасли Ростовской области.

Рассмотрение каузального спектра современного импортозамещения в Российской Федерации частично подтверждает вывод Титова А.В. о сомнительности того, что вынужденное импортозамещение в результате объявленных

---

[1] Милосердов В.В. Санкции, эмбарго продовольствия, импортозамещение // Экономика сельского хозяйства России. 2014. – № 11. – С. 13–20.

[2] Шагайда Н. Продовольственная инфляция: основные факторы и особенности // Экономическое развитие России. 2015. – Т. 22, № 2. – С. 24–28.

[3] Матвеева Л.Г., Чернова О.А. Конкурентное импортозамещение как императив развития АПК в условиях экономических санкций // Региональная экономика. Юг России. 2016. – № 1 (11). – С. 59–67.

[4] Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Структурный анализ промышленной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 41 (278). – С. 26–40.

экономических санкций станет эффективным и масштабным. «Для достижения значительного эффекта снижения зависимости от импорта необходима активная государственная деятельность по планомерному осуществлению импортозамещения за счет формирования прогрессивной технологической структуры отечественной экономики и внедрения инноваций. При этом необходимо максимально использовать возникшие в результате введения экономических санкций дополнительные возможности и учитывать существующие ограничения»[1].

Частично мы признаем данный вывод потому, что эффективным импортозамещение действительно назвать нельзя с учетом его преимущественно устаревшей технологической базы, но масштабным, особенно в сфере сельского хозяйства, производства одежды и обуви, – можно. В данном случае мы наблюдаем краткосрочные и долгосрочные эффекты, причем с точки зрения восполнения и насыщения рынка, даже ныне разворачивающееся импортозамещение можно признать и эффективным. Хотя бы с количественных позиций, но не с качественных.

Импортозамещение, вызванное санкциями, также сильно повлияло на структуру российского экспорта. Так, «доля сырья в структуре российского экспорта за 2015 г. снизилась с 72 до 62%. Ключевая для конкурентоспособности экономики доля в экспорте машин и оборудования выросла с 3,7 до 6%. Объем поставок этой группы в долларах увеличился на 12,9%. У значительной части промышленной продукции велика доля импортных комплектующих, поэтому реакция производителей на слабый рубль оказалась неравномерной. Воспользоваться сложившейся конъюнктурой смогли лишь предприятия, чья продукция и раньше была востребована за рубежом»[2]. Однако следует учитывать, что улучшение структуры экспорта проходит на фоне резкого сокращения его объемов.

Проведенный анализ причин импортозамещения, характерного для очередного кризисного этапа развития российской экономики, позволяет прогнозировать его развертывание как преимущественно реактивного процесса в направлении переноса центра тяжести от сельского хозяйства к обрабатывающим производствам при условии долгосрочного сохранений международных санкций. Снятие санкций либо их поэтапное сокращение существенно затормозит объективно необходимый процесс импортозамещения.

[1] Титов А.В. Импортозамещение в условиях действия международных финансово-экономических санкций: история вопроса и современное состояние проблемы // Экономические науки в России и за рубежом. 2014. – № 15. – С. 52–55.

[2] Горшков В.Г., Денисов М.С., Колыханов Д.А. Современные вызовы российской экономике: кризис и санкции (взгляд на проблему) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. – № 1 (43). – С. 64–68.

Коннова Е.В.
аспирант ИПР РАН
evkonnova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: *рынок, сельскохозяйственное машиностроение, конкурентоспособность, агромашиностроение, ВВП, рентабельность, продовольственная безопасность, национальная безопасность, импортозамещение, импортозависимость, девальвация, кредит, инвестиции.*

Keywords: *market, agricultural engineering, competitiveness, agromechanical engineering, GDP, profitability, food security, national security, import substitution, import dependence, devaluation, credit, and investments.*

На формирование рынка продукции предприятий сельскохозяйственного машиностроения оказывает влияние множество факторов таких как: технологическая потребность сельскохозяйственных товаропроизводителей, природно-климатические особенности региона, демографическая ситуация региона, экономическая и политическая ситуация и еще множество других факторов, под влиянием которых формируется спрос и предложение. В РФ под влиянием таких факторов рынок сельскохозяйственных материально-технических средств переживает тяжелые времена: снижение отечественного производства до небывалого минимума, рост доли импортной продукции на внутреннем рынке. Эти тенденции зародились еще 25 лет назад.

Свое развитие рынок продукции предприятий сельскохозяйственного машиностроения получил в 30-е годы XX века, когда были построены основные заводы по производству сельскохозяйственных машин и тракторов. В тот период наша страна была основным производителем сельхозмашин в мире. Почти вся закупка продукции предприятий сельхозмашиностроения дотировалась государством. Спрос был обеспечен госзаказами. Ухудшение положения дел на рынке продукции машиностроения пришлось на 90-е годы. Из-за падения спроса производители сельхозмашин оказались в тяжелом финансовом положении. Недостаток инвестиций привел к износу производственных фондов, к сокращению объемов выпускаемой продукции. Тотальная приватизация сельхозмашиностроения привела к тому, что из 650 действующих предприятий основной объем сельскохозяйственной техники производят и предлагают на рынок только 35. За 25 лет рынок продукции отечественных предприятий сельскохозмашиностроения сократился более чем в 60 раз. Наглядно демонстрирует ситуацию на рынке диаграмма 1.

Диаграмма 1.
Приобретение новой техники агропроизводителями

Конечно, государство предпринимало меры по сохранению рынка и в 2000-х годах наблюдалось постепенное его восстановление, однако эта тенденция была нарушена в 2012 году в связи со вступлением России в ВТО. Требования ВТО оказали существенное влияние на российский агропромышленный комплекс: ведение бизнеса в отрасли усложнилось, сократилось прямое субсидирование отрасли. На объем спроса на сельскохозяйственные машины оказывают влияние размеры посевных площадей. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в

период с 1990 по 2005 год размеры посевных площадей неуклонно сокращались, затем до 2015 года наступила относительная стабильность. Сегодня показатель занимаемых пахотных земель в РФ самый низкий среди крупнейших сельскохозяйственных стран и составляет 5% общей площади земель России (рис. 1).

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рисунок 1.
Общая посевная площадь

Усугубляет ситуацию высокая доля импорта (от 57 до 78%) и соответственно низкая доля отечественной продукции предприятий сельхозмашиностроения. По данным ВНИИЭСХ объем импорта достиг практически годового объема производства агротехники.

Эффективному развитию рынка продукции предприятий сельхозмашиностроения России препятствует ряд системных проблем:

- низкая рентабельность и как следствие недостаток собственных оборотных средств, недостаток капитала для пополнения и обновления производственных фондов, низкая оплата труда и как следствие низкая квалификация кадров.
- Высокая стоимость заемных средств, небольшой срок кредитования, ужесточение требований по залогам, периодичность погашения кредита без учета сезонности. Ставка банковского кредита в РФ выше, как минимум, в 4 раза ставок предлагаемых банками Европы, США.
- Технологическая отсталость большей части предприятий агромашиностроения. Более 75% производственного фонда эксплуатируются более 10 лет, что сказывается на качестве и технологичности продукции и обусловливает низкий спрос на продукцию.
- Рост цен на сырье и энергоресурсы негативно отражается на рентабельности и на конечной цене продукции.
- Снижение стоимости нефти и как следствие сокращение бюджета на финансирование программ, в том числе по развитию сельскохозяйственной отрасли. Текущий бюджет страны в значительной мере сформирован на основе экспортной выручки от продажи нефти.
- Отсутствие роста экономики РФ в 2014-2105 гг., что привело к сокращению покупательной способности и спроса населения на продукты питания и как следствие к сокращению спроса на агротехнику.
- Санкции и понижение кредитного рейтинга закрыли доступ к зарубежному капиталу, стоимость которого ниже отечественного. В связи с этим произошло сокращение инновационной деятельности, строительства производств, сокращение источника подъема экономики.
- Девальвация рубля привела к удорожанию стоимости импортного сырья и комплектующих, что повлияло на рост цены конченого продукта и на снижение рентабельности производителей сельхозтехники.
- Неплатежеспособность сельхозтоваропроизводителей, вследствие чего снижается спрос.

Помимо неблагоприятных факторов на рынок оказывают влияние и положительные факторы. Так, благоприятное влияние на рынок продукции предприятий сельхозмашиностроения оказало Постановление Правительства № 1432 от 27 декабря 2012 г. о предоставлении субсидий на возмещение части затрат на производство и реализацию сельскохозяйственной техники, Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы».

Девальвация рубля, приведшая к росту цен на сырье и комплектующие, оказала и некоторое положительное влияние на рынок. Производители стремятся замещать импортное сырье и комплектующие отечественными аналогами, что приводит к увеличению спроса на отечественное производство и НИОКР. Из-за снижения рентабельности и роста цен импортных сельхозмашин, ожидается резкое сокращение импорта и увеличение спроса на отечественную продукцию.

Увеличение спроса на отечественную продукцию ожидается также благодаря созданию единого Реестра инновационных продуктов, технологий и услуг, рекомендованных при формировании списка государственных закупок в

рамках закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6] и № 223-ФЗ от 18.07.2011 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [7].

Введенные санкции в отношении России и ответные санкции России так же оказали положительное влияние на рынок отечественной продукции: запрет на поставки продуктов питания из-за рубежа обусловил рост отечественного производства, а также рост спроса на средства труда.

В рамках восстановления отрасли Минпромторг России 22.12.2011 г. утвердил приказом № 1810 Стратегию развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года, в которой дана оценка состоянию отрасли и определены приоритетные направления политики государства по отношению к сельхозмашиностроению в средне- и долгосрочной перспективе. Стратегия имеет цель трансформировать отрасль в передовой сектор промышленности, который обеспечит российский агропромышленный комплекс высокоэффективными предметами труда отечественного производства.

План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году принятый, 20.04.2015 Правительством РФ, определил ключевым направлением поддержку импортозамещения и экспорта несырьевых товаров, что должно оказать благотворное влияние на восстановление рынка. Немаловажное значение имело Распоряжение Правительства РФ от 02.10.2014 № 1948-р Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы и запрет на ввоз сельхозпродукции до 06.08.16 (Указы Президента № 560 от 06.08.14, № 320 от 24.06.15).

В соответствии с распоряжением Правительства №1651-Р от 28.08.14 был создан Фонд развития промышленности, одна из целей которого состоит в финансировании на возвратной основе новых инновационных производств сельхозмашин и оборудования.

Однако реализованных мероприятий недостаточно для восстановления рынка отечественной продукции предприятий сельскохозяйственного машиностроения. Сегодня он находится на своем историческом минимуме. У рынка агротехники имеется высокий потенциал для устойчивого развития, в первую очередь, за счет снижения доли импорта с 50 до 20%. При снижении объемов импорта возникает дополнительный спрос на отечественную сельхозтехнику

Для импортозамещения экономика России располагает достаточными производственными ресурсами и мощностями, сырьем, топливом и энергией, сельскохозяйственными угодьями, трудовыми ресурсами с достаточно высокой квалификацией, научным потенциалом и т.д.

Угрозу для российского импортозамещения представляет отсутствие кредитных дешевых долгосрочных средств, недостаточный объем инвестиций, рост импорта из Китая дешевой сельхозтехники.

Необходимо в кратчайшие сроки реализовать ряд мероприятий по сокращению импорта и восстановлению рынка продукции предприятий сельскохозяйственного машиностроения:

1) увеличение объемов кредитования по пониженным ставкам, с минимальными требованиями по залогу, со сроком кредитования не менее 5 лет, и с графиком погашения основного долга, учитывающим сезонный характер деятельности сельхозпроизводителей.

2) внедрение системы государственных гарантий по оплате приобретаемых сельхозпроизводителями агромашин и оборудования при наступлении неблагоприятных погодных условий. Государство, по нашему мнению, должно нести солидарную ответственность с сельхозпроизводителями при наступлении сложных погодных условий, приводящих к низкой рентабельности сельхозпроизводства.

3) повышение ввозных пошлин на сельхозмашины, которые не производятся в РФ. Снижение ввозных пошлин на запчасти, непроизводимые на территории РФ и используемые отечественными производителями сельхозмашин.

4) увеличение объемов дотаций, субсидий, льгот для производителей сельхозмашин, осуществляющих разработки и внедрение инновационной продукции.

5) предоставление налоговых льгот для производителей сельхозмашин, которые проводят НИОКР, а также осуществляют инвестиции в обновление усовершенствованных производственных фондов. Это будет способствовать совершенствованию технологий производства, активизации инновационных процессов, экономическому росту и социальному развитию сельского хозяйства.

Мультипликативный эффект этих мер будет в разы выше инвестиций, потраченных на реализацию названных мероприятий.

Список литературы и источников

1. Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года. – http:// www.soyuzagromash.info/documents/id192
2. Шутьков А.А. Аграрная политика: социально-экономические проблемы // АПК: экономика, управление. 2011. – № 5. – С. 3–9.
3. Миронова Н.Н. Формирование и использование производственного потенциала в АПК. – М.: НИБ, 2007.
4. Резниченко С.М. Государственная поддержка устойчивого развития аграрного сектора // Труды КубГАУ. 2012. – Вып. № 1 (34). – С. 20–26.
5. Полухин А. Траектория развития рынка сельхозтехники стран-членов ЕАЭС // АПК: экономика, управление. 2015. – № 105. – С. 80–84.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. N 1408, 4 апреля. Ст. 1652.

7. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1), 25 июля. Ст. 4571.
8. Березинская О., Ведев А. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 1.
9. Федеральный закон от 20.04.2015 № 87-ФЗ «Об отчете Правительства Российской Федерации и информации Центрального банка Российской Федерации о реализации плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // Российская газета. – М., 2015. – № 85, 22 апреля.
10. Фальцман В.К. Конкурентоспособность России на рынках большой Европы и мира. Колл. монография Института Европы РАН. – М.: Весь мир, 2014.
11. Мамикоян М. Сильные компании увеличивают производство даже без субсидий // Бизнес России. 2014. – № 12 (166).
12. Крылатых Э.Н., Мазлоев В.З. и др. Национальная экономика: обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации. – М.: Инфра-М, 2014.

Кузнецов В.И.
д.э.н., профессор Российского экономического университета

О СТАТИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: *импортозамещение, деиндустриализация, производственные мощности, использование персонала, рост промышленного производства, спрос.*

Keywords: *import substitution, de-industrialization, production capacity, use of personnel, industrial production growth, demand.*

Деиндустриализация рассматривается как опасная тенденция для экономики любой страны. Она сопровождается потерей производственных мощностей, потерей квалификации специалистов и рабочих, которые являются важнейшим ресурсом, необходимым для развития общества. Кроме того, зависимость от импорта и потеря значительной части национального рынка представляют угрозу для национальной экономической самостоятельности и национальной безопасности. В самом деле, при определенных условиях (снижение доходов от продажи нефти и газа, экономические санкции, сокращение экономических связей с Украиной) экономика страны может оказаться уязвимой, а точка зрения, согласно которой все можно купить в рамках международного разделения труда, неправильной. В этих условиях импортозамещение становится приоритетным направлением.

Нельзя не принимать во внимание факт, что полное отсутствие импорта не стимулирует отечественных производителей повышать качество продукции и реализовывать ее по достаточно низким ценам. Вместе с тем стратегия международной диверсификации, проводимая практически всеми корпорациями, позволяет им реализовывать продукцию по низким ценам на протяжении продолжительного периода времени. Это может привести к уничтожению национальных производителей продукции. Таким образом, государство должно в той или иной мере защищать внутренний рынок, используя различные инструменты: таможенно-тарифные (пошлины), нетарифные (лицензирование ввоза, квоты).

Мировой опыт показывает, что передислокация производственных мощностей за рубеж ведет к росту безработицы и умиранию некогда процветающих моногородов. Это приводит к серьезным социальным последствиям и требует от государства разработки мер социальной поддержки безработных и их семей. Например, в США за счет вытеснения национального производства импортом потеряно в металлургической промышленности 116 800 рабочих мест, в металлообрабатывающей – 113 900, машиностроении – 546 400, в производстве электрооборудования – 573 600, транспортном машиностроении – 450 600. Эта тенденция прослеживается в производстве предметов потребления. Производство на территории США импортируемых туда товаров позволило бы обеспечить занятость 3,1 млн. рабочих[1]. В России в период проведения рыночных реформ наблюдались процессы замещения отечественной продукции импортной, абсолютное сокращение численности занятых в промышленности и уменьшение доли занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике. Вместе с тем причины этих процессов отличались от существующих в других странах. Так, причиной переноса части производственных мощностей за рубеж обычно является высокая ставка почасовой оплаты труда. Однако в России средние почасовые ставки существенно не отличаются от ставок, характерных для стран с дешевым трудом. Наполнение рынка импортными товарами приводило к снижению спроса на отечественную продукцию, что сопровождалось ухудшением использования производственных мощностей, персонала, увеличением безработицы. Одновременно наблюдались такие процессы, как увеличение степени износа основных фондов, ухудшение возрастной структуры оборудования в промышленности, снизился профессиональный уровень персонала.

Вопросы импортозамещения не являются новыми. Проблемы импортозамещения оказались в центре внимания российских экономистов после финансового кризиса 1998 года. В этот период удорожание импорта из-за падения курса рубля привело к расширению сбыта российской продукции, что улучшило положение промышленности и загрузку занятых в ней работников. Импортозамещение способствовало развитию прежде всего обрабатывающих производств в 1999–2000 гг. Отечественные товары стали привлекательнее не за счет существенного улучшения их качества, а за счет существенного удорожания импортных товаров. В условиях девальвации рубля значительная зависимость от импорта приводит к росту цен. В этот период улучшилось использование работников промышленности, снизилась скрытая безработица. В самом деле, рост промышленного производства приводит к улучшению использования персонала. Наоборот, сокращение производства приводит к ухудшению использования и росту скрытой (латентной) безработицы. В самом деле, при падении производства высвобождение происходит с запаздыванием и в меньшей степени, чем падение объема производства. Например, высвобождение основных рабочих должно соответствовать сокращению

[1] Качалин В., Лащенко Н. Управление занятостью в США // Проблемы теории и практики управления. – М., 1997. – № 3. – С.68–69.

производства, высвобождение же служащих, специалистов и руководителей практически не зависит от изменения объема производства. Таким образом, рост производства обычно сопровождается ростом производительности труда. Именно после кризиса 1998 года наблюдался прирост объема продукции, причем исключительно за счет роста производительности труда. Эти показатели можно рассматривать как индикаторы импортозамещения. Следует отметить, что наблюдалось улучшение использования производственных мощностей в промышленности, которые в тот период еще не были утрачены. Очевидно, что долгое недоиспользование производственных мощностей приводит к их утрате и делает невозможным их быстрое восстановление. Эта проблема проявилась уже в последнее время и является отличительной чертой динамики импортозамещения в настоящее время от процессов, протекающих после 1998 года. Предлагалась концентрация усилий на замещении импорта, особенно в легкой промышленности, пищевой, машиностроении и металлообработке – отраслях, в которых зависимость от импорта наиболее высока. Однако замещение импорта становится значительным фактором, только если создается дополнительный спрос на товары местного производства по крайней мере в 3 раза больше замещаемой величины импорта. Это требует значительного увеличения реальной заработной платы[1].

Индекс промышленного производства рассчитывается в соответствии с Приказом Федеральной службы государственной статистики от 8 мая 2014 г. № 301 «Об утверждении Официальной статистической методологии исчисления индекса промышленного производства». Это агрегированный индекс производства по видам деятельности (отраслям) «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа, воды». Для высокотехнологичных отраслей «обрабатывающая промышленность», «авиационная промышленность», «судостроение» и отраслевой группы «топливно-энергетический комплекс» за исключением «транспортирование по трубопроводам» осуществляется мониторинг хода исполнения Плана мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания, модернизации высокопроизводительных рабочих мест (Приказ Федеральной службы государственной статистики от 23 марта 2015 года № 118). В разные периоды времени отмечается разнонаправленность динамики ключевых составляющих промышленного производства. Несмотря на рост в отдельные месяцы, нельзя говорить об устойчивой тенденции восстановления обрабатывающей промышленности. Например, у обрабатывающих производств индекс промышленного производства в мае 2016 г. по сравнению с апрелем 2016 г. снизился и составил 98,7 %.

Добыча полезных ископаемых в мае 2016 г. по сравнению с апрелем 2016 г. увеличилась на 2,5%. По виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в мае 2016 г. по сравнению с апрелем снижение сохранилось и составило 13,8 процента (индекс равен 86,2%). У обрабатывающих производств индекс промышленного производства в июне 2016 г по сравнению с маем увеличился на 5,5% и составил 105,5%. Добыча полезных ископаемых в июне по сравнению с маем снизилась и составила 98,2%. По виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в июне 2016 г. по сравнению с маем снижение составило 9,4% (индекс составил 90,6%). У обрабатывающих производств индекс промышленного производства в июле 2016 г. по сравнению с июнем снизился на 1,4% (составил 98,6%) после увеличения в июне на 5,5%. Добыча полезных ископаемых в июле по сравнению с июнем увеличилась на 3% и составила 103 % после снижения в июне на 1,8%. По виду деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в июле 2016 г. по сравнению с июнем наблюдался рост на 0,5% после снижения в июне на 9,4%. Анализ выпуска важнейших видов продукции показывает устойчивый рост пищевой промышленности, отмечается увеличение производства мяса и плодоовощной продукции. В последние годы наблюдались инвестиции в пищевую промышленность (в отрасль с относительно быстрой окупаемостью и поэтому привлекательной для инвесторов). Устойчивый рост наблюдается по широкому спектру химической продукции, включая фармацевтические и парфюмерно-косметические изделия.

Девальвация рубля и удорожание импорта и, следовательно, повышение конкурентоспособности отечественных товаров не привели к росту промышленного производства. Таким образом, ситуация существенного роста промышленного производства, которая наблюдалась после кризиса 1998 года не повторилась. Одна из причин спада промышленности состоит в снижении реальных доходов населения и недостаточном потребительском спросе. Таким образом, в условиях девальвации рубля значительная зависимость от импорта приводит к росту цен, а снижение реальных доходов населения и недостаточный спрос ограничивают рост промышленного производства и импортозамещения.

[1] Факторы экономического роста в России // Проблемы теории и практики управления. – М., 1999. – № 5. – С. 122–124.

Линецкий А.Ф.,
Толмачев З.Л.[1]

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: *промышленность, импортозамещение, экономическая стабильность, регион, государственная поддержка, внешнеэкономическая деятельность (ВЭД).*

Keywords: *industry, import substitution, economic stability, region, governmental support, foreign economic activity (FEA).*

Для поддержания устойчивого развития любого субъекта Российской Федерации в среднесрочной перспективе стратегической целью является выявление и создание условий для стабильного функционирования основных элементов экономики. К таким элементам могут быть отнесены: инновационность, промышленность, наличие развитой транспортной и торговой инфраструктуры, научный потенциал и др.

Специфика географического расположения и исторического восприятия Свердловской области как источника металлургической и иной промышленной продукции предопределила экономическую специализацию региона на промышленном производстве.

Свердловская область является одним из наиболее развитых индустриальных регионов Российской Федерации. Уровень концентрации промышленного производства на территории области в четыре раза превышает среднероссийские показатели. Доля промышленного комплекса составляет около 30% в структуре ВРП Свердловской области. В связи с этим темпы развития промышленности являются определяющими для развития экономики региона в целом[2].

Отличительная особенность структуры промышленности – высокий удельный вес базовых отраслей: металлургии (49,8%) и машиностроения (19,8%). Металлургический комплекс Свердловской области играет значительную роль в производстве металлопроката страны. В общероссийском производстве чугуна область занимает более 10%, прокате черных металлов – более 11, стали – 12, в том числе трансформаторной стали – 40, стальных труб – 23, черновой меди – 33, глинозема – 60,7, титановых сплавов и изделий – 100%[3]. В числе 399 подотраслей машиностроительного комплекса можно выделить энергетическое, металлургическое, горнодобывающее, подъемно-транспортное, железнодорожное, химическое и нефтяное машиностроение, электротехническую промышленность, приборостроение. Вместе с тем, промышленность региона относится к весьма диверсифицированной ввиду наличия крупных производственных объектов иных промышленных отраслей.

В условиях нестабильной экономической ситуации в стране Свердловская область по итогам 2015 года сохранила промышленные показатели на уровне среднероссийских (индекс промышленного производства в регионе – 96,3%, в Российской Федерации – 96,6%). Объем отгруженной промышленной продукции составил 1737,4 млрд. рублей, что на 13,6 п.п. выше уровня 2014 года[4].

Согласно опросу работников крупнейших промышленных предприятий региона наиболее значимыми факторами, ограничивающими рост промышленного производства в Свердловской области, сегодня являются неопределенность экономической ситуации и недостаток финансовых средств (их выделили 48 и 47% респондентов соответственно). Среди остальных факторов можно отметить конкурирующий импорт, недостаточный спрос на продукцию на внутреннем рынке, изношенность и отсутствие оборудования, высокий процент коммерческого кредита[5].

С точки зрения дальнейшего развития реального сектора экономики области именно снижение влияния данных факторов должно являться ключевым направлением работы органов государственной власти.

Проводимая органами власти работа в данном направлении выражается, во-первых, в информационно-консультационной поддержке предприятий по участию в государственных программах РФ и программах федеральных институтов развития. В 2015 году на федеральном уровне поддержано около 70 проектов промышленных пред-

---

[1] Линецкий Александр Фёдорович – д.э.н., доцент, профессор Уральского государственного экономического университета, в.н.с. в.н.с. Института экономики УрО РАН. E-mail: lin-af@mail.ru; Толмачев Захар Леонидович – аспирант Уральского государственного экономического университета, главный специалист Министерства промышленности и науки Свердловской области. E-mail: tolmachyov.z@mail.ru

[2] Ужицкий А.В. Современные подходы к поддержке реального сектора экономики региона в условиях кризиса на примере Свердловской области // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика / Оренбургский филиал РАНХиГС; Институт экономики УрО РАН. Вып. 5. – Оренбург, 2016. –С. 398–402.

[3] Путеводитель инвестора. Свердловская область // PricewaterhouseCoopers. 2015. – 48 с. – http:// http://www.pwc.ru

[4] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. – http://sverdl.gks.ru

[5] Статистические данные Министерства промышленности и науки Свердловской области // Внутренняя база данных. – Режим доступа: внутренняя сеть М-ва промышленности и науки Свердловской области.

приятий Свердловской области на сумму более 3 млрд. рублей. В частности, в Фонд развития промышленности от Свердловской области поступило 122 заявки организаций. По числу заявок регион занял второе место среди всех регионов России.

Важной составляющей стимулирования развития промышленной деятельности остается поддержка предприятий со стороны органов государственной власти субъекта РФ. В 2015 году предоставлены субсидии из областного бюджета субъектам промышленной и инновационной деятельности в рамках государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года» на сумму 168,1 млн. рублей[1]. Основной мерой такой поддержки являлось субсидирование процентной ставки по кредитам.

В современных условиях одним из основных инструментов поддержки промышленности является синхронизация планов развития индустриального комплекса субъектов Российской Федерации с федеральными программами развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности[2].

В 2015 году Минпромторгом России утверждены 19 отраслевых планов мероприятий по импортозамещению. Данные планы содержат конкретную номенклатуру продукции, которая представлена на российском рынке иностранными поставщиками. Аналогичные документы приняты во многих регионах России.

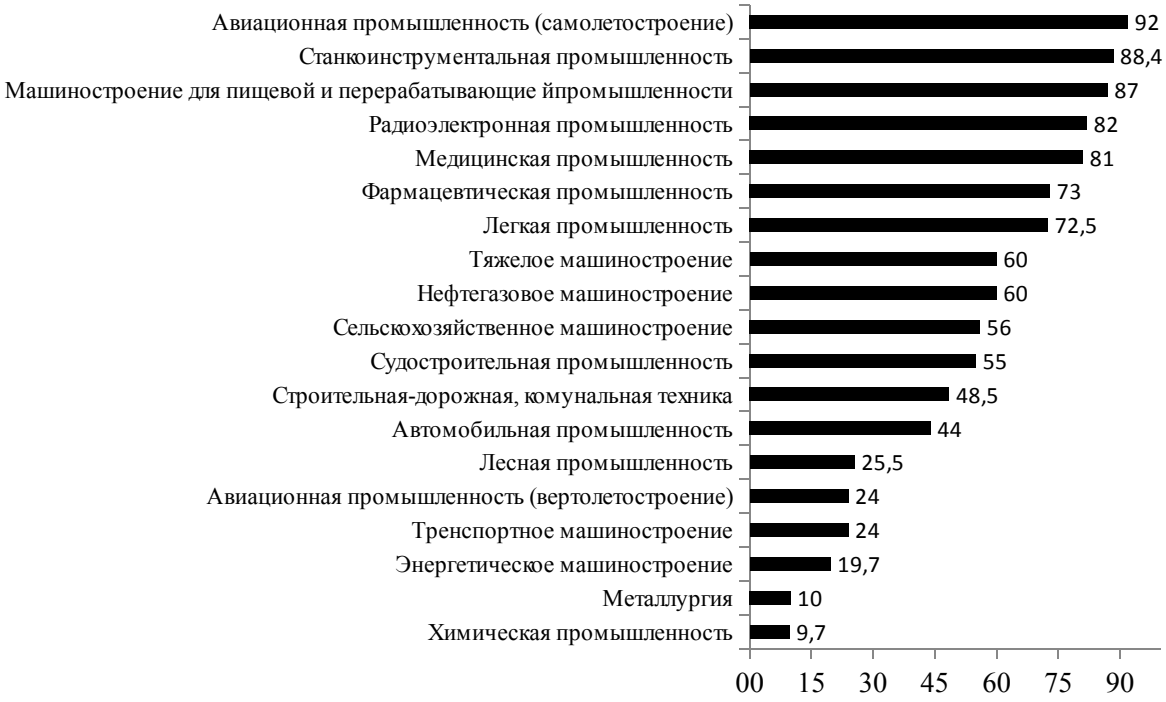


Рисунок 1.
Уровень импортозависимости различных отраслей промышленности России, в процентах[3]

2014 год можно считать началом системной работы по развитию импортозамещения в промышленном комплексе Свердловской области, заключающейся в принятии и поэтапной реализации мер, направленных на увеличение производства импортозамещающей продукции. 30 декабря 2014 года в составе государственной программы по развитию промышленности принята Подпрограмма «Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Свердловской области».

Данный программный документ включает в себя 19 финансовых и нефинансовых мероприятий, направленных на содействие развитию импортозамещения и научно-производственной кооперации в регионе.

Целью подпрограммы является рост валового регионального продукта на основе увеличения объемов производства и сбыта конкурентоспособной импортозамещающей продукции промышленного комплекса Свердловской области.

Реализация данных мероприятий направлена на обеспечение импортозамещения в промышленном комплексе региона в соответствии с производственными компетенциями, которыми обладает регион[4].

---

[1] Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года: постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1293–ПП. – http://www.consultant.ru.

[2] Ужицкий А.В. Современные подходы к поддержке реального сектора экономики региона в условиях кризиса на примере Свердловской области // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика / Оренбургский филиал РАНХиГС; Институт экономики УрО РАН. Вып. 5. – Оренбург, 2016. –С. 398–402.

[3] Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. – http://minpromtorg.gov.ru

[4] Линецкий А.Ф., Ужицкий А.В., Толмачев З.Л. Развитие экспортного и импортозамещающего потенциала производителей медицинских изделий на Среднем Урале // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2015. – Т. 14, № 3. – С. 395–412. – http://vestnik.urfu.ru

В соответствии с программным документом в целях развития импортозамещения через внутриобластные кооперационные связи Министерством промышленности и науки Свердловской области в 2015 году было организовано 15 крупных выездов на площадки ведущих компаний с участием потенциальных комплектаторов, а также представителей академической и вузовской науки. В каждом выездном мероприятии участвовали до 50 организаций. По итогам данных мероприятий предприятиями подтверждаются конкретные потребности в поставках, ремонте и модернизации оборудования. Успешно решаются вопросы проведения совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Проведённый анализ факторов, ограничивающих рост промышленного производства в Свердловской области, и принимаемых органами власти на уровне региона мер по стимулированию импортозамещения позволяет выработать ряд рекомендаций для обеспечения стабильности экономики региона.

Стоит отметить, что импортозамещение не должно ограничиваться лишь размерами внутреннего рынка. Производимые товары в дальнейшем должны конкурировать и на международном рынке. Импортозамещение при этом стоит воспринимать не только как ограничение допуска иностранной продукции на внешний рынок, но и как инструмент дальнейшего экспорторасширения.

Это мнение подтверждается и другими исследователями, которые подчеркивают, что «формирование инновационной экономики идет по пути импортозамещения инновационной продукции на внутреннем рынке страны и ориентации на ее экспорт – на внешних рынках»[1].

Для построения эффективной работы в части поддержки развития предприятий-производителей промышленной продукции со стороны государственных органов власти предлагается введение отдельных отраслевых программ развития, предусматривающих наиболее востребованные инструменты поддержки в сложившихся финансово-экономических и геополитических условиях. В частности, программы стимулирования импортозамещения и развития экспорта.

Целесообразно в качестве одной из норм данной программы ввести лимитирование предоставляемых средств областного бюджета на одно юридическое лицо в размере 20% от бюджетных средств, предусмотренных на соответствующую субсидию. В связи со спецификой Свердловской области, где большинство предприятий представляют собой малый и средний бизнес, такой подход помог бы «подтянуть» их к крупным производителям, а также дать стимул к дальнейшему развитию.

Отметим, что инвестиционные проекты, предоставляемые предприятиями для получения субсидий, в большинстве своем относятся к улучшению уже существующих производств, т.е. они направляются в те сегменты, где уже есть определенный потенциал. В этой связи для стимулирования производства представляется целесообразным включить в вышеупомянутую планируемую программу регламентацию пропорций распределения средств на переоснащение производства, его расширение, внедрение результатов НИОКР, стимулирование внешнеэкономической деятельности (ВЭД) (см. рис. 2).

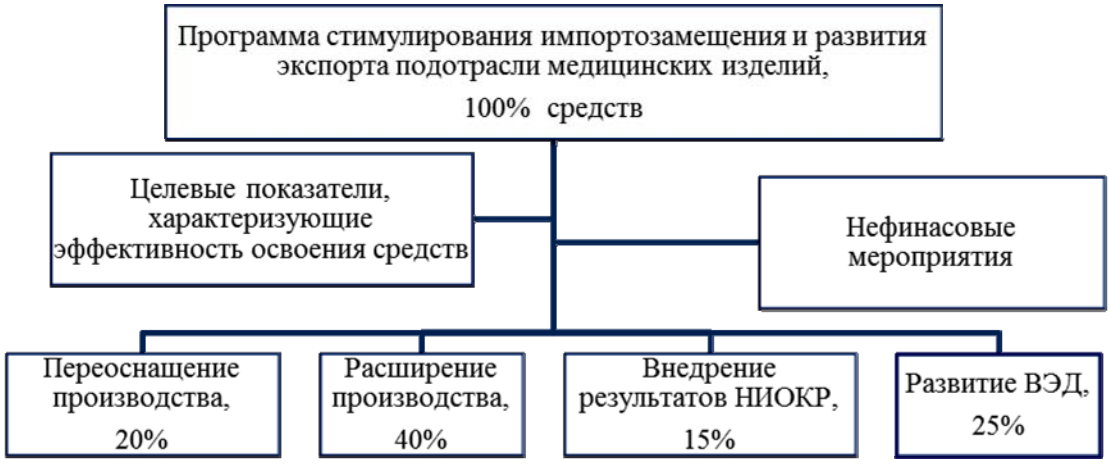


Рисунок 2.
Схема потенциального распределения субсидий по отдельным отраслевым программам стимулирования импортозамещения и развития экспорта[2]

В такой форме предложенная система финансирования ориентирована на расширение производства и развитие внешнеэкономической деятельности предприятий. Увеличение объемов производства медицинской промышленности позволит повысить величину чистой прибыли для предприятий и, соответственно, налоговых поступлений в федеральный и региональный бюджеты.

[1] Фальцман В.К. Приоритеты структурной политики: импортозависимость, импортозамещение, возможности экспорта инновационной промышленной продукции // ЭКО. – 2014. – № 5. – с. 162–180.

[2] Линецкий А.Ф., Ужицкий А.В., Толмачев З.Л. Развитие экспортного и импортозамещающего потенциала производителей медицинских изделий на Среднем Урале // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2015. – Т. 14, № 3. – С. 395–412. – http://vestnik.urfu.ru

В зависимости от приоритетов промышленной политики и достигнутых результатов коэффициенты распределения средств можно при необходимости менять ежегодно.

Текущие разработки в отрасли могут создать основу для ее развития, поэтому первоначально на проведение и внедрение результатов НИОКР можно выделить незначительную часть средств.

Одновременно в последующие два-три года совместно с увеличением доли на внутреннем рынке стоит предпринимать попытки освоения внешних рынков. Средства, направляемые на развитие ВЭД, в большей мере должны представлять собой субсидирование получения специальных сертификатов, необходимых для продвижения отечественной техники за рубеж; частичное компенсирование средств, потраченных на выставочно-ярмарочную деятельность; проведение работ по изучению рынков и прочее.

Таблица 1

Целевые показатели эффективности освоения средств[1]

Подраздел	Показатель
Переоснащение производства	
	– Увеличение стоимости основных производственных фондов (ОПФ), млн. рублей
	– Коэффициент обновления основных производственных фондов, процентов
	– Доля импортного оборудования в структуре ОПФ, процентов
	– Уровень износа ОПФ, процентов
Расширение производства	
	1) Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, млн. рублей
	2) Чистая прибыль, млн. рублей
	3) Объем налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации, млн. рублей
	4) Отношение внебюджетных средств, привлеченных на реализацию инвестиционного проекта, к объему субсидии, единиц
Внедрение результатов НИОКР	
	– Доля инновационной продукции в производстве, процентов
	– Отношение государственных субсидий к объему собственных средств, направленных на проведение и внедрение результатов НИОКР, единиц
Развитие ВЭД	
	– Темпы роста экспорта, процентов
	– Доля экспорта в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, процентов
	– Рентабельность экспорта, процентов
	– Увеличение числа международных сертификатов, единиц
	– Увеличение числа контрагентов на внешнем рынке, единиц
	– Доля экспортируемых видов продукции в общем ассортименте производимой продукции, процентов
	– Удельный вес экспорта в приросте объемов производства, процентов
	– Коэффициент экспортоориентированности, процентов
Общие показатели для региона	
	– Доля промышленного производства в валовом региональном продукте региона, процентов
	– Увеличение экспорта промышленной продукции региона, млн. рублей

Реализация предлагаемых мероприятий будет способствовать развитию импортозамещения промышленной продукции в Свердловской области, позволит повысить конкурентоспособность и создать экспортный потенциал производителей продукции.

Подводя итоги, можно отметить, что переориентация экономики на потребление внутренней продукции, а также на создание продукции, сопоставимой по качеству с зарубежной, носит длительный по времени характер и может быть осуществлена при постоянном контроле данного процесса и применении упомянутых мер на протяжении не менее чем трех-пяти лет, то есть в среднесрочной перспективе. Обязательной мерой является обеспечение достаточного финансирования для развития импортозамещения и поддержания наиболее технологичных отраслей.

В настоящее время развитие промышленности является определяющим фактором в формировании устойчивой экономики Свердловской области. Анализ предоставляемых мер государственной поддержки хозяйствующих субъектов показал, что регион стремится поддержать глобальные промышленные компетенции в части импортозамещения. Кроме того, применяемые меры носят системный характер, что во многом будет способствовать снижению негативных явлений в экономике региона.

[1] Ввиду ограниченности объема настоящей статьи формулы расчета представленных целевых показателей в ее рамках не приводятся.

Марченков Г.А.
аспирант ИПР РАН
martschenkow@mail.ru

СОСТОЯНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТРАКТОРНОМ МАШИНОСТРОЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: *импортозамещение, тракторостроение, сельскохозяйственное машиностроение, отрасль, материально-технического обеспечение, машинно-тракторная станция, транспорт.*

Важнейшей подотраслью машиностроения является тракторное машиностроение. Тракторостроение России – наукоемкая отрасль со множеством этапов-переделов, на каждом из которых образуется добавленная стоимость. В производстве тракторов задействовано много смежных отраслей – металлургия, химическая, нефтехимическая, шинная. Использование этих недорогих, экономичных, неприхотливых самоходных машин широчайшее – для прокладки дорог, для погрузки, для перевозок, в технологических операциях по возделыванию сельскохозяйственной продукции. Тракторы используется в дорожном строительстве, лесной отрасли, коммунальном хозяйстве. Трактор является символом такой ведущей отрасли как сельское хозяйство. Основными потребителями продукции тракторостроения являются сельскохозяйственные предприятия. По данным сайта agroinfo.com в России в 2014 году было выпущено 83% сельскохозяйственных тракторов, а в 2013 году 78%[1].

С начала 1990-х годов парк тракторов имеет тенденцию к резкому сокращению.

Таблица 1

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях по Российской Федерации, тыс. штук

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	Абсолютное снижение 1990–2015 г.
Наличие сельскохозяйственной техники на к. г.:								
Тракторы	1365,6	1052,1	746,7	480,3	310,3	247,3	233,6	1132,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

Трактора применяются для предпосевной, химической обработки почвы, предпосевного внесения удобрений, для полива, для защиты растений, для производства и заготовки кормов. Одним из факторов снижения производительности труда является низкая техническая вооруженность сельскохозяйственных предприятий. Приведем цитату экс-министра сельского хозяйства Российской Федерации, доктора экономических наук Н. Фёдорова: «Действительно, скажем, в растениеводстве можно посадить самые элитные, суперэлитные семена, внести удобрения по научно рекомендованным, обоснованным нормам. Но если из-за сельхозтехники, состояния её (физического износа или морально устаревшего состояния) мы уборку урожая будем проводить не в течение 10 суток, а в течение 30 суток, то потери доходят до 50%. То есть начинаем уборку урожая – у нас прогноз урожая 25 центнеров с гектара, а завершаем, бывает, 15, а то и 12 центнеров с гектара» [6]. Одним из наиболее значимых показателей, характеризующих состояние технической вооруженности сельского хозяйства, является количество тракторов на 1000 га пашни.

Таблица 2

Количество тракторов на 1000 га пашни (штука)

1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
10,7	9,3	7,4	5,5	4,2	3,9	3,6	3,5	3,3

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – http://cbsd.gks.ru/#

Тракторостроение может придать агропромышленному комплексу России новый толчок для развития.

Ситуация со спадом в производстве тракторов и замещение отечественных марок на импортную продукцию недопустима по следующим причинам:

1) Продукция тракторостроения имеет большие перспективы и нерационально отдавать этот рынок заграничным производителям;

2) Тракторостроительная отрасль является элементом агропромышленного комплекса и несет ответственность за продовольственную безопасность страны;

[1] http://agroinfo.com/rossijskij-rynok-selxoztexniki-v-2014-godu-1603201505/

3) Трактор – продукция материало- и наукоемкая. Производство одного трактора задействует целую цепочку производств других отраслей народного хозяйства;

4) Тракторостроение сохранило опыт и знания по разработке, производству и дальнейшему техническому обслуживанию недорогой, качественной продукции;

5) Разномарочная, неунифицированная импортная техника представляет сложность в обучении и обслуживании ее;

6) Низкая стоимость владения отечественным трактором, по сравнению с импортными аналогами, представляет огромное преимущество и экономию оборотных средств для конечных пользователей.

Основная тенденция в современном тракторостроении – создание конструкций машин, обеспечивающих условия труда и отдыха, экологическую безопасность, позволяющих применять интенсивные технологии, увеличивать производительность труда, экономичных. В тракторостроении большое внимание уделяется использованию новейшей электроники и мощной гидравлики.

Для развития экономики в целом и тракторостроения в частности особую значимость приобретает улучшение инвестиционного климата и повышение инвестиционной активности. Ключевым фактором укрепления национальной экономики является рост инвестиций. В российском законодательстве принято следующее определение инвестиций – «это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественное право, имеющую денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта» [1]. Инвестиционный процесс – взаимосвязанная последовательность действий по планированию инвестиционной деятельности, финансированию инвестиций и получение финансового эффекта в результате инвестиций.

Полноценное взаимодействие субъектов инвестиционного процесса, инвесторов, заказчиков, подрядчиков и пользователей является базисным фактором успешности реализации инвестиций. Одной из причин замедления выпуска готовой продукции служит ориентация на собственные источники инвестиций. Повышенные ставки кредитования российских банков, ограничения фондирования зарубежных финансовых структур не позволяют использовать и заемные источники инвестиций. Сохраняется возможность получения финансовой государственной поддержки, но объем ее не так велик. Так в программе поддержки сельскохозяйственного машиностроения на 2016 год определена цифра в 9,91 млрд. руб. за счет предусмотренных в федеральном бюджете и 10,0 млрд. руб. за счет дополнительных источников [3]. Вся сумма поддержки сопоставима с кадастровой стоимостью 1 крупного московского торгового центра.

Господдержка может иметь характер тарифного и нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности. Ярчайшим примером нетарифного регулирования является Указ Президента РФ № 560 от 06.08.2014 г. С вступлением его в действие началась политика усиления импортозамещения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Указ ориентирует не только на ограничение ввоза продукции сельского хозяйства, но также и на реформирование сельскохозяйственного производства и смежных отраслей, к которым относится тракторостроительная промышленность.

В стране имеются предпосылки для проведения импортозамещения во многих отраслях, но в таких отраслях как тракторостроение и сельскохозяйственное производство уже существует опасность запаздывания с принятием оперативных мер. Правительство Российской Федерации начало подготавливать системные меры уже после окончания кризиса 2008–2009 годов. Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России до 2020 года была утверждена 22 декабря 2011 года. В стратегии рассмотрено текущее состояние отрасли, отмечена роль сельскохозяйственного машиностроения в продовольственной безопасности страны, проанализирована инвестиционная активность отрасли. Используя матрицу Бостонской консалтинговой группы (БКГ) эксперты отнесли сельскохозяйственное машиностроение России в отраслям с инерционным развитием. На начало 2012 года характеристики выглядели так – «рынок характеризуется высокой открытостью к импорту, низкой (или неэффективной) поддержкой государства и ориентированностью отечественных производителей исключительно на внутренний рынок; производственные мощности в большинстве своем находятся в неудовлетворительном состоянии, инвестиционная активность в отрасли крайне низка, а государство практически не присутствует на рынке, равно как не оказывает какой-либо значимой поддержки». Широчайший опыт использования матрицы БКГ говорит о том, что у сельскохозяйственного машиностроения России, в том числе и тракторной промышленности 2 пути: 1) продвижение по пути «выживания», предполагающее методы регулирования государством импорта, не превышающим 30% рынка и развитие производства, ориентированного исключительно на внутренний рынок; 2) выбор модели «экспорт технологий». Она характеризуется открытым внутренним рынком и экспортоориентированностью производства. Яркими примерами стран, развивающихся по этой модели, являются Германия, Франция, Канада. Одним из двигателей этой модели является открытость, конкурентность, а также огромные вложения в модернизацию и НИОКР. Сегодня российские трактора востребованы, в основном, исключительно на рынках государств, входящих ранее в СССР, и единично – стран-участников бывшего СЭВ. Это объясняется традиционными предпочтениями, дешевизной и низкой стоимостью обслуживания российских тракторов. Но российская продукция испытывает жесточайшее давление со стороны зарубежных производителей в закавказском регионе и в Центральной Азии. Причинами этого является повышенная надежность и льготное финансирование из стран-конкурентов. Существующий модельный ряд и его потребительские качества не полностью удовлетворяет запросы отечественных и зарубежных эксплуатантов.

Несмотря на резкое снижение тракторного парка РФ потенциал для его увеличения имеется. Потенциал определяется двумя факторами – имеющимися ресурсами и потребностью инновационного развития.

Россия располагает богатейшим земельным фондом. Из-за объективных сложностей (климатические условия, транспортная удаленность) не весь он может быть одномоментно использован, т. к. удельные затраты на обработку будут во многих случаях выше чем у стран-конкурентов, однако при полноценном его использовании абсолютные

цифры урожаев могут вывести нашу страну на 1–3 места в рейтинге производителей зерновых, картофеля и других традиционных культур.

Одним из важнейших факторов развития отраслей промышленности и агропромышленного комплекса является его материально-техническое обеспечение. Так, на заседании Правительственной комиссии по импортозамещению, министр сельского хозяйства Российской Федерации, доктор экономических наук А. Ткачев заметил: «Хочу привести пример: в Европе энергонасыщенность, обеспеченность на 1 гектар – 5 лошадиных сил, у нас – 1,5, то есть нам надо ещё лет 10 активной работы и поддержки, но самое главное, что мы на правильном пути. Крестьяне это поддерживают всячески и с удовольствием работают на отечественной технике, которая стала значительно лучше (это все отмечают), дешевле в два-три раза. И, конечно, это уникальный шанс через технику привести новые технологии, а значит, увеличить и урожайность» [5]. Увеличив выпуск тракторов, страна получит не только повышение показателей сельскохозяйственной продукции, но и прирост выручки в смежных отраслях, стабилизацию социальной жизни на селе. Для производства одного трактора необходимо задействовать специалистов металлургической, стекольной, аккумуляторной, кабельной, шинной отраслей. Добавленная стоимость будет оставаться в границах России. Одним из методов быстрого восстановления сельскохозяйственного машиностроения является возрождение положительного опыта работы машинно-тракторных станций (МТС) при стопроцентном государственном участии. При создании МТС государство может контролировать объем приобретаемой техники, ее ассортимент, давать плановые задания заводам-производителям. В процессе эксплуатации регулировать величину платы за использование техники, в зависимости от урожайности продукции.

В рамках реализации стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России должны быть осуществлены следующие инновационные мероприятия:

1) Создание семейства колесных сельскохозяйственных тракторов с мощностью двигателя 35–250 л.с.;

2) Разработка и организация производства энергонасыщенных сельскохозяйственных тракторов с мощностью 250–500 л.с. с автоматической трансмиссией и высоким уровнем локализации производства;

3) Создание и запуск в серийное производство трактора шарнирно-сочлененной компоновки мощностью 450–600 л.с. с электрической трансмиссией.

Выводы. Импортозамещение – длительный процесс замены товаров, производимых за рубежом, на аналогичные по качеству, путём их производства на территории страны и достижения такого уровня культурного производства, который позволит экспортировать товары за пределы таможенных границ. Исторический опыт говорит о том, что несистемная работа по импортозамещению не позволит добиться результатов по полноценному восстановлению промышленности и дальнейшему экспорту соответствующей продукции. Для успеха импортозамещения необходимо выбрать ресурсно-инновационную модель развития. Опираясь на земельные ресурсы, обновленный технический парк, транспортную инфраструктуру и человеческий капитал, можно увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции, одновременно загрузив мощности сельскохозяйственного машиностроения и смежных отраслей. Для получения инновационных решений требуется устранить дефицит инженерных кадров и модернизировать учебно-производственные базы учебных заведений.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ / – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/
2. Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/38809
3. Программа поддержки сельскохозяйственного машиностроения на 2016 год. http://government.ru/media/files/YqTFA6CXM0CjWhwxX8q47l6nXGc8wrIA.pdf
4. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации Приказ от 22.12.2011 № 1810 «Об утверждении стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года». – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=145647&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.834796142004063#0
5. Заседание правительственной комиссии по импортозамещению. – http://government.ru/news/21577/#ptz
6. Совещание о развитии производства современной сельхозтехники. – http://government.ru/news/10969/
7. Пичурин И.И., Блинов Д.В. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – 144 с.
8. Шутьков А.А. Ресурсно-инновационная стратегия импортозамещения: проблемы формирования и реализации / соавт. С.А. Шутьков // Экономика сел. хоз-ва России. 2016. – № 1. – С. 11–19.

Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор Финансового университета
NPMolchanova@fa.ru

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: *замещение импорта, финансирование, кластеры, инвестиции, продовольственная проблема.*

Актуальность проблемы. Функционирование российской экономики в новых экономических условиях выдвигает на первый план разработку стратегических и тактических аспектов финансирования импортозамещения, как одного из ключевых вопросов для отечественных товаропроизводителей. Для развития производства в отраслях АПК в тех регионах Российской Федерации, где значительный удельный вес занимает сельское хозяйство, данная задача становится приоритетной. Главными целями политики импортозамещения являются внедрение инновационных технологий в процессе проведения технической модернизации и стимулирование роста объемов производства экономическими и финансовыми методами в отраслях региональной экономики (в первую очередь, сельского хозяйства и промышленности). Улучшение конечных результатов работы хозяйствующих субъектов возможно, в том числе, и за счет освоения выпуска новых конкурентоспособных видов продукции с относительно высокой добавленной стоимостью. Для практического осуществления заявленных целей необходимо применение инновационных подходов, производство наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Названные приоритеты могут быть успешно реализованы только при наличии достаточных по объему и диверсифицированных по источникам поступления финансовых ресурсов.

Анализ современного состояния. Приоритетная роль в финансировании импортозамещения отводится бюджетным средствам. В разделах государственных (федеральных и региональных) программ представлены крупные инновационные мероприятия, для реализации которых предусматривается выделение финансовых ресурсов. При соответствующих согласованиях и обосновании экономической целесообразности возможно их перераспределение для поддержки инвестиционных проектов в сфере импортозамещения. Гарантированное получение бюджетных средств становится возможным посредством включения одобренного для реализации инновационного проекта в перечень мероприятий государственной программы (как правило, регионального уровня). Такой подход создает основания для надежного финансового обеспечения объекта инвестирования. Одно из ключевых условий состоит в соблюдении конкурентных принципов при отборе инновационных проектов. Принципиально важной является подготовка экспертных заключений о приоритетном характере инвестиционных предложений, их экономической и социальной эффективности, а также высокой значимости для региональной экономики [1, с. 235].

Решение ключевых задач по замещению импорта в отраслях АПК проводится по различным направлениям, одним из которых является внедрение организационных инноваций, направленных на применение современных технологий глубокой переработки зерна. Изучение информационных источников приводит к заключению о необходимости активизации работы по данному направлению, поскольку оно связано с производством сложных по своему составу продуктов для пищевой промышленности и потребительских товаров для населения, которые в настоящее время производятся в ограниченном количестве, либо практически не производятся в России. «Доля ввозимых в страну из-за рубежа продуктов глубокой переработки зерна и другого сельскохозяйственного сырья достаточно высока в объеме внутреннего потребления. Например, в структуре российского рынка крахмала доля импортного крахмала составляет более 20%. Стоимость импорта различных видов крахмалов, глюкозы и глюкозно-фруктозных сиропов, лизина, лимонной кислоты, пшеничной клейковины и других продуктов в последние несколько лет ежегодно составляет около 300 млн. долл. США» [2, с. 70–71]. По оценке Российского зернового союза, развитый сектор глубокой переработки ориентировочно через 10 лет мог бы абсорбировать до 8 млн тонн урожая производимых в стране зерновых культур [3], среднегодовой сбор которых имеет тенденцию к росту и в 2016 году может превысить 110 млн. тонн.

Проводимая в данном направлении политика позитивно влияет на формирование цены и конъюнктуру продукции отраслей АПК на внутреннем и внешних товарных рынках. Высокие урожаи зерновых культур в России в течение ряда лет позволяют изменить концепцию развития аграрного сектора экономики, а именно: наращивать добавленную стоимость, полученную от переработки исходного сырья и увеличивать экспорт на международные рынки высокотехнологичных продовольственных продуктов. Достижение коммерческих результатов создает основания всем хозяйствующим субъектам – активным участникам рыночных отношений – для получения экономического эффекта, повышения устойчивости бизнеса, увеличения прибыли, наращивания рентабельности производства. Помимо этого, создание новых инновационных производств сопровождается достижением социального эффекта (введением дополнительных рабочих мест, улучшением условий труда, налаживанием культуры производства) и, в конечном итоге, способствует поддержанию социальной стабильности в обществе.

В этой связи актуальным становится применение новых инструментов для поддержания предпринимательской инициативы и повышения инвестиционной привлекательности территорий. В решении приоритетных задач по обеспечению продовольственной безопасности государства весомая роль отводится поддержке формирующихся в отраслях АПК инновационных территориальных кластеров. В экономической литературе встречаются различные формулировки термина «кластер». Обобщая взгляды различных ученых, территориальные кластеры можно представить как «группы географически соседствующих и взаимодействующих предприятий (организаций) по производству какой-либо однородной продукции (либо выполнению работ, оказанию услуг) и связанных с ними хозяйствующих субъектов, которые характеризуются общей направленностью экономической деятельности на достижение конечного народнохозяйственного результата» [4, с. 134–135].

Анализ отечественной и зарубежной практики приводит к выводу о том, что, во-первых, формирующиеся кластеры «становятся привлекательными для внедрения частных инвестиций и предпринимательской инициативы в сферу научных исследований и разработок; во-вторых, хозяйствующие субъекты смогут сохранить, а в дальнейшем и повысить свою конкурентоспособность не только на внутреннем, но и на мировом рынке товаров и услуг; в-третьих, продуктивная экономическая деятельность будет способствовать возникновению синергетического эффекта и более оперативному решению целого спектра социальных проблем на региональном уровне управления» [4, с. 133–134].

Помимо изложенного выше значимыми предпосылками, влияющими на финансирование импортозамещения в регионах России, являются: наличие базовых факторов производства, к которым относятся климато-географические условия, природные ресурсы (для сельского хозяйства особую важность имеет наличие высокопродуктивных земельных угодий); количественные и качественные характеристики человеческого капитала (численность экономически активного населения, уровень образования, состояние здоровья и др.); уровень развития региональной экономики и наличие сформированной производственной инфраструктуры (результативно работающих сельхозпроизводителей в лице коллективных предприятий, индивидуальных предпринимателей, фермерских хозяйств, а также развитой производственной базы, высокотехнологичных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции); состояние социальной сферы и степень удовлетворения потребностей населения региона в объектах социальной инфраструктуры; уровень развития коммерции и предпринимательской деятельности; степень эффективности рыночного взаимодействия и устойчивость финансовых отношений в бизнес-сообществе; возможность интеграции территориального хозяйственного комплекса в межрегиональные и международные экономические связи.

Инновационные территориальные кластеры как группы географически соседствующих предприятий и связанных с ними организаций, характеризуются общностью экономической деятельности, развитыми финансовыми отношениями, в которых хозяйствующие субъекты эффективно взаимодействуют и дополняют друг друга. Результатом развития кластерного подхода применительно к различным видам экономической деятельности должно стать максимальное использование конкурентных преимуществ российских регионов и, как следствие, общий рост их финансового потенциала.

Возникающие в отраслях АПК инновационные территориальные кластеры создаются для решения стратегической задачи по поддержанию системы продовольственной безопасности административно-территориальных образований Российской Федерации. В качестве позитивного примера можно привести формирующийся инновационный территориальный кластер в Миллеровском районе Ростовской области на базе ООО «Амилко». Целью его создания является замещение импорта сложных крахмалосодержащих и сахаристых продуктов, которые не производятся в России. К ним относятся пищевая кристаллическая глюкоза, натуральные сахарозаменители и высококачественные крахмалы. Кроме этого, в процессе реализации данного проекта создается техническая база для производства ряда востребованных высокотехнологичных продуктов для животноводства и кормопроизводства.

Структурно данный кластер организован согласно требованиям, установленным Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» [5]. В его состав входят: 1) аграрные предприятия, производящие сельскохозяйственную продукцию; 2) предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности; 3) учебные заведения, занятые подготовкой специалистов и повышением квалификации кадров в системе профессионального образования для предприятий агропромышленного комплекса; 4) организации смежных и обслуживающих отраслей, кооперирующиеся с участниками данного кластера по видам экономической деятельности.

Рекомендации по финансированию импортозамещения и поддержке формирующихся кластеров. Выполненный анализ позволяет заключить, что порядок финансирования импортозамещения в современной российской экономике нуждается в серьезном совершенствовании. Инвестирование инновационных проектов коммерческими организациями возможно за счет собственных средств, которые, как правило, ограничены и в основном направлены на поддержание текущих хозяйственных потребностей. Альтернативными источниками инвестирования являются заемные и привлеченные средства. К сожалению, они не всегда оказываются доступными для коммерческих организаций определенных организационно-правовых форм, вследствие законодательных ограничений по условиям их предоставления. Для поднятия результативности хозяйственно-финансовой деятельности нужно использовать конкурентные преимущества, которыми в той или иной мере обладает каждая коммерческая организация. Важным фактором в борьбе за инвестиционные ресурсы является конкуренция как объективная основа рыночного хозяйствования. Кроме этого, менеджерам высшего звена необходимо оперативно реагировать на изменения в налоговом законодательстве, которые могут как благоприятствовать, так и препятствовать привлечению дополнительных источников финансирования инвестиций.

Необходимо проводить финансовую политику таким образом, чтобы формирующиеся кластеры стали привлекательными для внедрения частных инвестиций и предпринимательской инициативы в сферу научных исследований и

разработок. В этом случае хозяйствующие субъекты смогут повысить свою конкурентоспособность не только на внутреннем, но и на мировом рынке товаров и услуг, более оперативно решать социальные проблемы работников и территории базирования.

В процессе формирования инновационных территориальных кластеров сохраняется значимость различных факторов, которые целесообразно учитывать в процессе практической деятельности: организационных, экономических и финансовых. Влияние организационных факторов проявляется как наличие весомого административного ресурса. Экономические факторы имеют значение при выборе и применении различных методов и инструментов. Финансовые факторы важны при определении механизма финансирования инвестиционных проектов. Известно, что собственные финансовые ресурсы хозяйствующих субъектов АПК ограничены. В этой связи тактической задачей региональных органов государственной власти становится привлечение внимания предпринимателей (малого и среднего бизнеса) к участию в создании надежной финансовой базы в проектах по импортозамещению. Эффективным средством решения финансовых проблем при инвестировании кластеров является, на наш взгляд, предоставление бюджетных средств путем использования механизма целевых межбюджетных субсидий в форме адресной поддержки. Накопленный опыт свидетельствует, что продвижение кластерных проектов невозможно без участия федерального центра, так как для бюджетов субъектов Российской Федерации характерно наличие дефицита финансовых ресурсов и преобладание краткосрочных финансовых обязательств.

В этой связи следует учитывать сформировавшиеся различия в зарубежной и отечественной практике финансового обеспечения кластерных инициатив. Если в европейских странах приоритетной является финансовая поддержка совместных проектов в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и кооперации, то в России финансирование направляется преимущественно на создание объектов инновационной инфраструктуры и организацию деятельности управляющих организаций формирующихся кластеров.

Субсидирование развития кластеров, как форму финансирования кластерных проектов, начали применять в нашей стране в 2012 году. В 2013 и 2014 годах распределение средств субсидий, предоставленных из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий в рамках программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров, выглядело следующим образом. 2013 год: 1,3 млрд. рублей федеральных субсидий получили 13 кластеров; 2014 год: субсидии в сумме 2,5 млрд. рублей получили 25 кластеров. При этом, на развитие инфраструктурных проектов (строительство дорог, канализационных коллекторов, очистных сооружений, сетей газо- и теплоснабжения, водопроводов, больниц, школ, спортивных комплексов и др.) было направлено примерно 74 процента выделенных средств, и лишь около 26 процентов – на обеспечение деятельности специализированных организаций, осуществляющих методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития кластеров (табл. 1).

Таблица 1

Распределение средств субсидий, предоставленных в 2013 и 2014 годах из федерального бюджета Российской Федерации бюджетам регионов на реализацию мероприятий программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров

Направления поддержки	Объем субсидии, млн руб.	
	2013	2014
Разработка и содействие реализации проектов развития кластера, выполняемых совместно 2 и более организациями-участниками	155,16	175,79
Оказание содействия организациям-участникам кластера в выводе на рынок новых продуктов	39,96	157,24
(услуг), развитии кооперации организаций-участников в научно-технической сфере, в том числе с иностранными организациями		
Профессиональная переподготовка, повышение квалификации и проведение стажировок работников организаций-участников кластера (в том числе за рубежом)	135,04	233,22
Проведение выставочно-ярмарочных мероприятий, а также участие представителей организаций-участников кластера в выставочно-ярмарочных и коммуникативных мероприятиях (форумы, конференции, семинары, круглые столы) в Российской Федерации и за рубежом	16,51	104,18
Развитие инновационной и образовательной инфраструктуры	923,67	1814,77
Развитие инженерной и социальной инфраструктуры	29,66	14,80
Итого	**1300**	**2500**

Источник: составлено на основе данных Министерства экономического развития Российской Федерации.

Из представленного материала можно сделать вывод, что финансовая составляющая современной кластерной политики состоит из двух частей. Во-первых, это создание финансовой базы для мероприятий, которые необходимо профинансировать в обязательном порядке, вне зависимости от позиции бюджетной классификации; во-вторых, это средства, направляемые на содержание управляющих организаций кластерных проектов. Поэтому сущность политики формирования кластеров оценивается экспертами как «посевной венчур». Данное понимание связано с тем, что количество кластерных проектов в различных регионах систематически возрастает, и в условиях ограниченности бюджетных средств объем их финансирования в расчете на каждый из проектируемых кластеров сравнительно небольшой.

Однако, несмотря на существующие научные обоснования, в процессе реализации антикризисной программы Правительства в 2016 году, объективно возникают проблемы в обеспечении реализуемых инвестиционных проектов за счет внебюджетных средств. Сложившееся положение потенциально может привести к определённым негативным последствиям. Например, при расходовании финансовых ресурсов региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления в ряде случаев концентрируют свое внимание не на поддержке задач опережающего кластерного развития территорий, а на нивелировании текущих инфраструктурных и социальных проблем. При этом вполне вероятно смещение приоритетов в направлении решения острых вопросов функционирования муниципальных образований, уровень социально-экономического и инфраструктурного развития которых существенно отстает от накопленного потенциала создаваемых территориальных кластеров. Названные и некоторые другие моменты могут снижать социально-экономическую эффективность реализуемых кластерных проектов.

Таким образом, следует заключить, что финансирование кластерного развития, которое предусматривается в различных программах (государственных и целевых, федеральных и региональных), имеет многоаспектный характер. Одна из проблем состоит, однако, в том, что возможности комплексной поддержки формирующихся территориальных кластеров в определённой степени могут быть ограничены в связи с их отраслевой (продуктовой) направленностью. Финансовый аспект кластерной политики до настоящего времени не в полной мере ориентирован на учёт приоритетных направлений развития кластеров в рамках конкретных территорий – как правило, в пределах одного или нескольких муниципальных образований. Кроме этого, пока еще не сформировалось понимание того, что при разработке финансовых прогнозов и планов на кратко- и среднесрочный периоды нужно, в первую очередь, учитывать достаточно жесткие бюджетные ограничения как на федеральном, так и на региональном уровнях управления. Следовательно, при изучении финансовых проблем импортозамещения необходимо ориентироваться на тенденции развития национальной финансовой системы России, которая в условиях новой экономической реальности претерпевает существенную трансформацию [6, с. 221–223].

В современный период для каждого субъекта хозяйствования актуальным становится дифференцированный подход к определению приоритетных направлений формирования и использования финансовых ресурсов. Повысить финансовую обеспеченность реализуемых инвестиционных проектов возможно за счет внебюджетных средств. Наиболее приемлемые варианты сочетания средств, получаемых организациями из различных источников (как бюджетных, так и внебюджетных) для финансирования проектов возникают в процессе задействования механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Концептуальный подход к ГЧП основан на улучшении взаимодействия всех участников и заинтересованных сторон (органов государственной власти, предпринимательского сообщества, представителей науки, образования и культуры). Особое внимание следует уделять финансовому участию бизнеса в строительстве инфраструктурных объектов. При налаживании взаимовыгодного сотрудничества будут созданы надежные основы для лучшей организации, более качественного и своевременного исполнения инновационных проектов в сфере импортозамещения.

Рациональное использование (с точки зрения состава и структуры) внутренних ресурсных источников позволяет более эффективно решать острые проблемы импортозамещения и улучшения продовольственного обеспечения населения России. Объединение финансовых потенциалов государственных и предпринимательских структур для софинансирования расходов на проектирование и строительство объектов (не только производственных, но и инфраструктурных) априори будет способствовать сглаживанию проблем, которые закономерно появляются в процессе инвестирования. Высокая эффективность мер, предусматриваемых ГЧП-соглашениями, особо подчеркивается в научных публикациях: «ГЧП-проекты являются механизмом привлечения, прежде всего, финансовых средств частного сектора, направленных, в первую очередь, на развитие капиталоёмких инфраструктурных проектов в социально значимых отраслях, что особенно актуально в условиях недостаточности бюджетного финансирования» [7].

Отечественная практика применения ГЧП претерпевает определенные трансформации при формировании инновационных производственных и территориальных кластеров. Согласно положениям Государственной программы Российской Федерации [8] и документу «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» [9], инновационные кластеры создаются в увязке с процессом формирования технологических платформ и реализацией программ инновационного развития компаний с государственным участием. Осуществляемый на практике в связи с этим перечень действий содержит комплекс организационных и экономических мер, а также новаций в направлениях и инструментарии проводимой финансовой политики. Создание кластеров рассматривается как одно из ключевых направлений в совокупности мер по подъему технического уровня производства и распространению нового технологического уклада в экономике нашей страны.

До начала 2010-х годов в России направление, связанное с глубокой переработкой зерна, практически не развивалось. В настоящее время создаются и функционируют соответствующие производства в Белгородской, Ростовской, Рязанской, Тульской областях, Пермском крае и некоторых других субъектах Российской Федерации. Согласно проводимым оценкам, от 8 до 10 проектов строительства новых предприятий находятся на разных стадиях разработки и реализации [10, с. 36–37]. Названное обстоятельство обусловливает практическую сложность работы по финансиро-

ванию инновационных производств. В этой связи актуальной становится задача создания надежной финансовой базы для развития данного прогрессивного сектора региональной экономки. На сложившуюся ситуацию негативно влияет отсутствие достаточных по объему собственных финансовых ресурсов хозяйствующих субъектов АПК в условиях ограниченной доступности (по объективным причинам) к привлечению заемных средств. Например, согласно статистике портала «Банки.ру», средние процентные ставки по кредитам для юридических лиц в России за период с апреля по ноябрь 2015 г. колебались в интервале от 17 до 19% (табл. 2). При этом максимальные ставки достигали 28%, минимальные – 12% и предоставлялись организациям только в случае наличия банковских гарантий или поручительства третьих лиц. Таким образом, возникали затруднения в процессе инвестиционной деятельности.

Таблица 2

Средняя процентная ставка по кредитам для бизнеса в России

Дата (2015 г.)	01.04.	01.05.	01.06.	01.07.	01.08.	01.09.	01.10.	01.11.
Ставка (%годовых)	19,9	18,36	19,91	19,2	18,8	17,4	17,82	17,8

Источник: статистика портала «Банки. ру». – http://www.banki.ru

Следует отметить, что в настоящее время, несмотря на некоторое снижение процентных ставок российских банков по кредитам для коммерческих организаций и бизнес-проектов, сложившиеся тенденции в динамике их среднего уровня в основном сохраняются. Привлечение заемных средств хозяйствующими субъектами объективно затруднено вследствие высоких процентных ставок по кредитам коммерческих банков. Это осложняет практику финансирования инновационных производств и препятствует своевременному выполнению запланированных объемов строительно-монтажных работ на нормативном уровне. По названным причинам вероятность заимствования кредитных ресурсов хозяйствующими субъектами довольно низкая. Вследствие изложенного, кредитный метод финансирования инвестиционных проектов не является в должной степени востребованным. Хозяйствующие субъекты, как правило, избегают масштабного привлечения кредитных ресурсов коммерческих банков для целей инвестирования. Однако, несмотря на это, в реализуемых проектах по импортозамещению имеет место высокий удельный вес кредитных ресурсов (от 40 до 70%) в общем объеме инвестиций.

Применение заемных средств как источника финансирования импортозамещения можно активизировать при более широком использовании зарубежного опыта, применяя механизмы льготного кредитования, практикуя снижение стоимости обслуживания кредита и т.п. В этой связи перспективным направлением представляется предоставление хозяйствующим субъектам государственных кредитов. Для этого инструмента характерными признаками являются низкие процентные ставки.

Активизация деятельности по импортозамещению объективно связана с регулированием инновационной деятельности в отраслях АПК. Для улучшения существующего положения следует применять различные формы государственной поддержки (в первую очередь здесь имеется в виду задействование механизмов финансирования государственных и целевых (федеральных и региональных) программ). Весомую роль может также сыграть активное финансовое участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в инфраструктурном сопровождении инновационных проектов. Важное значение по-прежнему отводится институту государственных гарантий и субсидирования процентных ставок, однако для полноценного использования данного инструментария нужно совершенствовать законодательные основы хозяйственной деятельности в Российской Федерации [11, с. 37-38].

Изложенное выше приводит к выводу о необходимости проведения тщательных экономических обоснований при определении предполагаемых объемов заимствований. Эту работу нужно проводить, основываясь на предусмотренном проектом объеме производства инновационной продукции. Как показывает практика, задействование финансовых ресурсов на основе коммерческих кредитов будет рациональным в следующих случаях: а) ожидаемые поступления от проекта, на который предполагаются заимствования, превышают стоимость кредита; б) привлеченные средства являются вложениями, позволяющими поднять имидж компании, способствовать ее дальнейшему развитию и получить дополнительные объемы финансирования. Таким образом, в условиях новой экономической реальности обостряется соперничество между субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями за привлечение инвестиций.

Заключение. В современной отечественной экономике вероятность заимствования кредитных ресурсов хозяйствующими субъектами довольно низкая, а кредитный метод финансирования инвестиционных проектов не является в должной степени востребованным. В качестве рекомендуемых мер для активизации работы по импортозамещению можно предложить:

1) более широкое использование зарубежного опыта, применение механизмов льготного кредитования, практики снижения стоимости обслуживания кредита и т.п.;

2) предоставление хозяйствующим субъектам государственных кредитов;

3) применение различных форм государственной поддержки (например, задействование механизмов финансирования государственных и целевых (федеральных и региональных) программ;

4) активное финансовое участие органов государственной власти субъектов РФ в инфраструктурном сопровождении инновационных проектов;

5) использование механизмов государственных гарантий и субсидирования процентных ставок.

Замещение импорта сложных крахмалосодержащих и сахаристых продуктов, не производящихся в России, становится одним из компонентов долгосрочной государственной политики в сфере АПК. Для стабилизации экономической деятельности коммерческих организаций, входящих в состав формирующихся кластеров, необходимо прораб-

тать вопросы, связанные с обеспечением финансовыми ресурсами, объемы которых должны быть достаточными для всего периода реализации инновационных проектов. Возможное совершенствование экономических условий хозяйствования в значительной мере связано с обновлением нормативной правовой базы и созданием многоканальной системы финансирования кластерных инициатив, на основе достижения оптимального соотношения в использовании государственных (бюджетных) и частных (внебюджетных) средств. Роль инновационных территориальных кластеров в поддержании сбалансированного экономического положения хозяйствующих субъектов в национальном хозяйстве становится весьма значительной, поскольку они призваны способствовать решению стратегической задачи по поддержанию системы продовольственной безопасности административно-территориальных образований Российской Федерации.

Список литературы

1. Молчанова Н.П. Финансовые основы эффективной региональной инвестиционной политики // Аудит и финансовый анализ. 2014. – № 6. – С. 232–238.
2. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Финансовые аспекты замещения импорта в России: региональный опыт создания кластеров // Экономика. Налоги. Право. 2016. – № 2. – С. 69–76.
3. Булавин Р. Некому финансировать. Заводы глубокой переработки зерна окупаются за 5 лет, но ни один пока не построен // Агроинвестор. 2013. – № 6 (65). – http://www.agroinvestor.ru/markets/article/12244-nekomu-finansirovat
4. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Финансовый аспект в управлении формированием и развитием территориальных кластеров // Вопросы управления. 2016. – № 1 (19). – С. 132–141.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров». [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Финансовая система в национальной экономике России: становление и развитие // Аудит и финансовый анализ. 2016. – № 1. – С. 217–225.
7. Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнерство и его роль в реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования // Credo new. 2013. – № 3. – С. 30.
8. Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.03.2013 г. № 467-р [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. Утверждены Правительством Российской Федерации 31.01.2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Никитин И.А., Парамонова М.Н., Тефикова С.Н., Белокопытов И.А., Труфанова Ю.Н. Импортозамещение продуктов глубокой переработки крахмалсодержащего сырья на базе кластера «Амилко» в Ростовской области // Хлебопродукты. 2016. – № 1. – С. 36–38.
11. Molchanov I.N., Molchanova N.P. Import substitution in Russia: agrarian cluster creation and development of service activities // Экономика и предпринимательство. 2016. – № 8 (73). – С. 36–39.

Орлова Е.Р.
д.э.н., проф., зав. лаб. ФИЦ ИУ РАН
orlova@isa.ru
Бочарова И.Е.
инженер-исследователь ФИЦ ИУ РАН
Вершинина А.В.
к.э.н., с.н.с. ФИЦ ИУ РАН
anna-ver@mail.com

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

Ключевые слова: *импортозамещение, инновационные технологии, рекреационные территории, инфраструктура, туристская деятельность.*

В последнее время некоторые термины употребляются средствами массовой информации существенно чаще, чем другие, например, «импортозамещение», «инновационные технологии», «рекреационные территории». Экономический словарь так трактует эти понятия.

Импортозамещение – уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством производства, выпуска в стране того же или аналогичного товара.

Инновационные технологии – наборы методов и средств, поддерживающих этапы реализации инновации (нововведения).

Рекреационные территории представляют собой природную, ландшафтную, историческую, этнографическую, культурную среду, часть наследия региона.

Разбор вышеперечисленных понятий был вызван тем, что не так давно авторам пришлось проводить экспертизу заявки на организацию конференции под названием «Развитие инновационных технологий импортозамещения в рекреационных регионах России (на примере Краснодарского края и республики Крым)». Мы долго пытались понять смысл и суть тематики данной конференции. И вот, что у нас получилось.

В своей заявке грантозаявитель следующим образом формулирует актуальность поставленной задачи.

«На сегодняшний день политика импортозамещения в рекреационных регионах Российской Федерации остается одной из острых проблем. Использование инновационных технологий импортозамещения рекреационных регионов – важнейший фактор в выявлении резервов роста для других сфер экономической деятельности».

Нашему авторскому коллективу в определенной степени приходилось заниматься рассматриваемой тематикой. В начале этого года в журнале «Аудит и финансовый анализ» нами напечатана статья «Экспорт и импортозамещение в туристической отрасли России», где достаточно подробно были рассмотрены проблемы импортозамещения в туристической отрасли, в первую очередь, в рекреационных зонах. Несколько лет назад мы опубликовали ряд статей по общему направлению «Инновации и их место в экономике России». Кроме того, с 2012 года нами читается курс лекций «Инновационная политика фирмы и планирование инвестиционных ресурсов» в университете «Дубна». В том числе, в данном курсе анализируются инновационные технологии, используемые в самых различных отраслях экономики.

Все вышесказанное говорит о достаточной степени погруженности авторов во весь спектр обозначенных заявкой вопросов. Поэтому считаем целесообразным пройтись по ним более подробно.

Действительно, импортозамещение важно практически для всех отраслей и регионов, в том числе и для рекреационных зон. Не вызывает сомнений и то, что за инновационными технологиями стоит будущее. Следующий технологический уклад базируется именно на инновационных и информационных технологиях. Рекреационные территории необходимо развивать, причем это относится не только к республике Крым и Краснодарскому краю.

Но давайте все-таки попробуем понять, насколько актуально именно такое словосочетание: «Инновационные технологии импортозамещения в рекреационных регионах».

Попытаемся сформулировать, для каких отраслей рекреационных территорий Крыма и Краснодарского края наиболее существенны проблемы импортозамещения, и определить, где здесь есть место инновационным технологиям.

Как уже было оговорено, рекреационные территории представляют собой природную, ландшафтную, историческую, этнографическую, культурную среду, часть наследия региона [1]. Они обладают эколого-экономическими характеристиками, благоприятными для создания пансионатов, домов отдыха, санаториев, турбаз, кемпингов и т.д.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке грантов Российского Фонда Фундаментальных Исследований (16-06-00098 и 16-06-00229).

Согласно Земельному кодексу РФ, к землям рекреационного назначения, относятся:

– земли, предназначенные и используемые для организации отдыха, туризма, физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности граждан;

– земельные участки, на которых находятся дома отдыха, пансионаты, кемпинги, объекты физической культуры и спорта, туристические базы, стационарные и палаточные туристско-оздоровительные лагеря;

– дома рыболова и охотника, детские туристические станции, туристские парки, лесопарки, учебно-туристические тропы, трассы, детские и спортивные лагеря, другие аналогичные объекты;

– земли пригородных зеленых зон, установленных по соглашению с собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами и арендаторами, которые могут использоваться на основе сервитутов (прав ограниченного пользования имуществом).

Из вышесказанного ясно, что большая часть деятельности на рекреационных территориях связана с туристической индустрией.

Существует множество различных подходов к рассмотрению туристической индустрии. На наш взгляд, структура, приведенная в работе [2], представляется достаточно реалистичной.

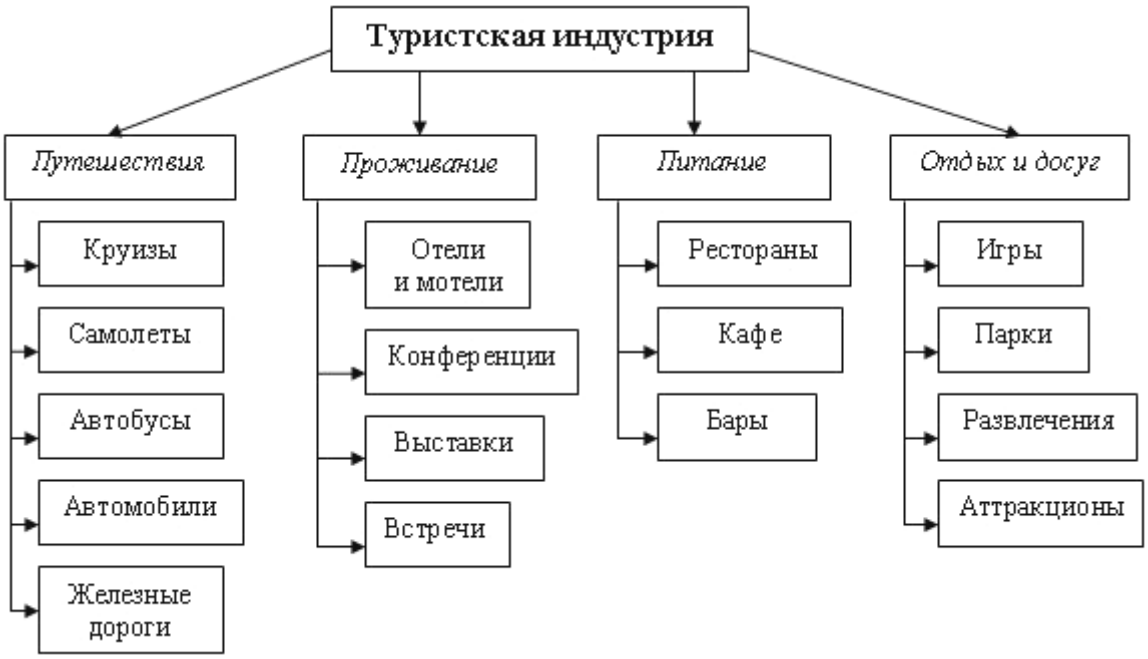


Рисунок 1.
Структура туристской индустрии [2]

Ориентируясь на приведенную в данной публикации структуру, перечислим основные, по нашему мнению, проблемы, характерные для туристической индустрии, в том числе и для рекреационных территорий [3]. К этим проблемам относятся:

1. Недостаточно развитая инфраструктура как производственная, так и социальная.
2. Малое количество и недостаточная развитость сетей гостиниц и апартаментов разных ценовых категорий.
3. Отсутствие нормального налогообложения, стимулирующего туризм.
4. Недостаточно серьезное отношение к сфере туризма со стороны государства и местных властей.
5. Недостаточно развитая система офисов по туризму и предложений по возможностям российского туризма.
6. Практически полное отсутствие серьезного отношения к индустрии уборки территорий.

Решение вышеперечисленных проблем существенно повысит привлекательность российского внутреннего туризма, т.е. будет способствовать импортозамещению в рекреационных регионах.

Теперь хотелось бы понять, какое место занимают инновационные технологии в решении вышеперечисленных проблем.

1. *Недостаточно развитая инфраструктура*[1]. Как известно, в состав инфраструктуры включают строительство, ремонт и реконструкцию дорог, портов, складов; транспорт, энерго-, водо-, теплоснабжение, связь; систему канализации; учреждения здравоохранения, образования и культуры, туризма и спорта. В каждом из инфраструктурных направлений есть место инновациям. Но следует отметить, что помимо инновационных технологий здесь уместно

[1] **ИНФРАСТРУКТУРА** (от лат. infra – под, структура) – совокупность отраслей, предприятий и организаций, входящих в эти отрасли, видов их деятельности, призванных обеспечивать, создавать условия для нормального функционирования производства и обращения товаров, а также жизнедеятельности людей. Различают **производственную** и **социальную** инфраструктуру. В инфраструктуру включают дороги, связь, транспорт, складское хозяйство, внешнее энергоснабжение, водоснабжение, спортивные сооружения, озеленение, предприятия по обслуживанию населения. Иногда к инфраструктуре относят науку, образование, здравоохранение.

применять и традиционные технологии, причем заимствование зарубежного опыта вряд ли отрицательно отразится на росте комфортности рекреационных территорий.

2. *Недостаточная развитость сети гостиниц и апартаментов*. Хотя за последнее время количество гостиниц, в том числе, и сетевых, несколько увеличилось. Причем появились и сугубо российские варианты. Но их число и качество не всегда полностью удовлетворяют требования отдыхающих, особенно по соотношению цена-качество. Решение данной проблемы может существенно способствовать импортозамещению. Однако инновационные технологии в данном случае являются лишь сопутствующими.

3. *Отсутствие стимулирующего туризм налогообложения*. Эта проблема остается достаточно острой. Здесь нужно рассматривать, как минимум, два аспекта. С одной стороны, облегчить налоговое бремя для резидентов туристско-рекреационных кластеров, а с другой, ввести туристический налог для отдыхающих, как это делается во многих западных странах. По мнению экспертов, это поможет развитию внутреннего туризма в стране. Место инновационных технологий здесь мало просматривается.

4. *Недостаточно серьезное отношение к сфере туризма со стороны государства и местных властей.* Следует отметить, что за последнее время отношение государства к туристической отрасли несколько изменилось.

В статье 3 «Принципы государственного регулирования туристской деятельности» **деятельность государства формулируется следующим образом:**

«Государство, признавая туристскую деятельность одной из приоритетных отраслей экономики Российской Федерации, содействует туристской деятельности и создает благоприятные условия для ее развития;

определяет и поддерживает приоритетные направления туристской деятельности; формирует представление о Российской Федерации как стране, благоприятной для туризма; осуществляет поддержку и защиту российских туристов, туроператоров, турагентов и их объединений».

Будем надеяться, что слова не разойдутся с делом. Но пока бюджетные вложения в сферу туризма производятся по остаточному принципу. В условиях экономического кризиса люди в первую очередь склонны отказаться от поездок и расходов на туризм [3]. Но место инновационных технологий здесь также просматривается не очень ясно.

5. *Недостаточно развитая система офисов по туризму и предложений по возможностям российского туризма.* Надо отметить, что, на наш взгляд, в Краснодарском крае и республике Крым ситуация по данному направлению за последнее время значительно улучшилась: появились офисы по туризму, разнообразные сайты, более широко внедряются передовые IT-технологии для бронирования всех видов туристических услуг. Для решения данной проблемы прикладываются значительные усилия, но как показывает практика, их пока недостаточно. У нас все еще практически отсутствует система продвижения имеющихся в стране природных, культурных объектов и туристской инфраструктуры. Профессиональный уровень сотрудников туриндустрии также зачастую находится не на высоте. В том числе для повышения эффективности деятельности по данному направлению необходимо применение и инновационных технологий.

6. *Отсутствие серьезного отношения к индустрии уборки территорий* Проблема уборки и утилизации мусора существует по всей России: ни в одном крупном городе (даже в Москве и Санкт-Петербурге) она не решена полностью. К сожалению, это относится и ко всем рекреационным территориям. Как и по всей стране, здесь уместно применение инновационных технологий сбора, вывоза и утилизации мусорных отходов. Инновационные технологии вывоза и утилизации строительных и твердых бытовых отходов, а также продуманная логистика, могут позволить снизить затраты на вывоз мусора и повысить привлекательность территорий. Но опять-таки речь идет не об инновационных технологиях импортозамещения, а об инновационных технологиях, помогающих решить одну из проблем рекреационных территорий, способствуя инвестиционной привлекательности региона и тем самым импортозамещению на данной территории.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Словосочетание «Инновационные технологии импортозамещения в рекреационных регионах» является недостаточно корректным и не имеет глубокого смысла.

2. Оправдано говорить о более широком применении инновационных технологий для решения проблем, стоящих перед рекреационными территориями.

3. Отнюдь не все проблемы развития рекреационных зон решаются в первую очередь за счет внедрения инновационных технологий. Большая их часть может быть решена при совершенствовании законодательной базы, повышения уровня образования.

4. В каждой из шести перечисленных проблем, характерных для рекреационных регионов, есть место инновационным технологиям – это и уборка мусора, и создание сетей гостиниц, и улучшение инфраструктуры, и повышение профессионального уровня работников рекреационных зон.

5. Инновационные технологии – вещь полезная, но они не являются панацеей практически ни для одной отрасли российской экономики, в том числе и для решения проблем импортозамещения рекреационных регионов.

Список литературы

1. Кретова В.А., Павлова С.А. Отраслевые проблемы при инвестировании рекреационного бизнеса в Тверском регионе. – http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/07_2009/07.pdf
2. Фролова Т.А. Экономика и управление в сфере социально-культурного сервиса и туризма. Конспект лекций. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011.
3. Орлова Е.Р., Мельник Е.П., Бочарова И.Е. Роль туристической отрасли в экономике России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2015. – № 28 (313). – С. 2–9.

4. Бочарова И.Е., Дарменко А.А., Орлова Е.Р. Экспорт и импортозамещение в туристской отрасли России: возможности и проблемы // Аудит и финансовый анализ. – М., 2016. – № 1. – С. 387–391.
5. Федеральный закон от 2 марта 2016 г. N 49-ФЗ. В статью 1 настоящего Федерального закона внесены изменения, вступающие в силу с 1 января 2017 года. – http://base.garant.ru/136248/1/#block_1001#ixzz4Hh9d7q55

Осипов В.С.
д.э.н., PhD (Brit), зав. сектором институтов государственного управления Института экономики РАН, гл.н.с. ГосНИИ системного анализа Счетной Палаты РФ
vs.ossipov@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: *импортозамещение, реиндустриализация, убывающая и возрастающая отдача, матрицы структуризации промышленной политики, институциональное поле.*
Keywords: *import substitution, reindustrialization, decreasing and increasing returns, matrix of structuring of industrial policy, institutional field.*

Этапы промышленной политики

Политэкономическое исследование процесса замены одного фактора производства иным представляет особый интерес, так как позволяет вырабатывать промышленную политику в условиях экстремумов экономического развития и неординарных хозяйственных ситуаций.

С начала XX века «за первые 13 лет общий объем ВВП вырос почти вдвое»[1]. Следует отметить, что рост достигался в основном за счет расширения объемов промышленного производства, поэтому *первым временным промежутком промышленной политики* следует назвать период, пришедшийся на время правления последнего российского императора и до момента начала первой мировой войны в 1914 году.

Второй этап промышленной политики условно приходится на начало периода реализации плана ГОЭЛРО и сталинскую индустриализацию. Хотелось бы отметить, что для этого периода была характерна замена фактора капитала фактором труда, именно в этом заключался основной смысл репрессий – организация огромных масс трудящихся за сравнительно малое жалование (если таковым можно назвать питание в лагерях). Тем не менее, к концу правления И. Сталина СССР превратился в промышленно развитую державу – победителя фашизма и одну из двух супердержав в мире. Мы не отделяем дальнейший период развития до 1991 года, так как, фактически, он имеет инерционный характер по отношению к импульсу сталинской индустриализации.

Третий важный этап промышленной политики приходится на реформенный период 1991–2013 годов (условно хочется назвать этот период «промышленная политика: версия 0.0). Мы выделяем этот период, так как именно в это время Россия потеряла свою промышленность в некоторых отраслях народного хозяйства практически полностью, а в некоторых частично, причем все-таки, существенно[2]. Показательно заявление одного из идеологов экономических реформ этого периода В.Мау: «десять лет назад я говорил, что лучшая промышленная политика – ее отсутствие»[3].

Можно утверждать, что разрыв межотраслевых и внутриотраслевых связей в этот период привел к примитивизации экономики, сокращению эффективности и конкурентоспособности национальной экономики России.

Четвертый этап промышленной политики нам хотелось бы связать с законом «О промышленной политике в Российской Федерации»[4]. Именно этот документ призван заложить основы новой промышленной политики в стране. Разумеется, институциональные условия, международная обстановка, глобализация, оказали существенное влияние на идеологию новой промышленной политики для того, чтобы наша страна могла занять достойное место в международном разделении труда.

Отметим, что на сегодняшний день сервисно-сырьевой характер экономики свидетельствует о месте России в глобальных цепочках ценности как сырьевой страны.

---

[1] Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды. – М.: Наука, 2006. – С. 139.

[2] Осипов В.С. Реиндустриализация и формирование институциональных полей как факторы сокращения сельской бедности // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина. – М., 2014. – № 2. – С. 68–72; Осипов В.С. Анализ институциональных условий развития российской промышленности // Вестник экономической безопасности. – М., 2014. – № 1. – С. 11–15; Скрыль Т.В., Осипов В.С. Устойчивое экономическое развитие: аспекты промышленной политики // Экономика и предпринимательство. – М., 2016. – № 1–2 (66–2). – С. 719–726.

[3] Ивантер А. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. – М., 2014. – № 21 (900). – С. 53.

[4] Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

Формирование глобальных цепочек ценности: убывающая и возрастающая отдача

Рыночные отношения реализуется не просто в актах обмена между участниками таких отношений и не только в отраслевом аспекте, но и в совокупности связанных между собой операций производственного цикла, выстроенных по технологической цепочке производства, распределения и реализации товара. В каждой операции, в каждом звене цепочки ценности, продукт получает изменение или перемещается с целью увеличить стоимость для производителей и ценность для потребителей.

Р. Каплински утверждает, что внутри глобальных цепочек ценности возникает конкуренция за те ее участки, которая дает наибольшую рентабельность[1]. Эту же мысль приводит в своей книге Э. Райнерт[2], называя политику промышленно развитых стран специализацией на отраслях с возрастающей отдачей, а политику стран третьего мира – специализацией на отраслях с убывающей отдачей. Они задаются вопросом о том, как можно определить, где начинается цепочка стоимости – со сборки продукта или с производителей сырья?

Существует мнение, что однозначного ответа не может быть на такие вопросы, однако, мы придерживаемся иной точки зрения, согласующейся с мнением Р. Каплинского. Мы считаем, что любая цепочка ценности начинается с получения первичного сырья и завершается потреблением продукта и утилизацией остатков его потребления. Безусловно, каждая цепочка ценности требует своего исследования, так как она уникальна по своей конфигурации и составу участников-звеньев цепочки. Они различаются также и по вкладу в конечный продукт, по вкладу в удовлетворение потребностей потребителя и по вкладу в добавленную стоимость и прибыль от реализации конечного продукта, как это показано на рис. 1.

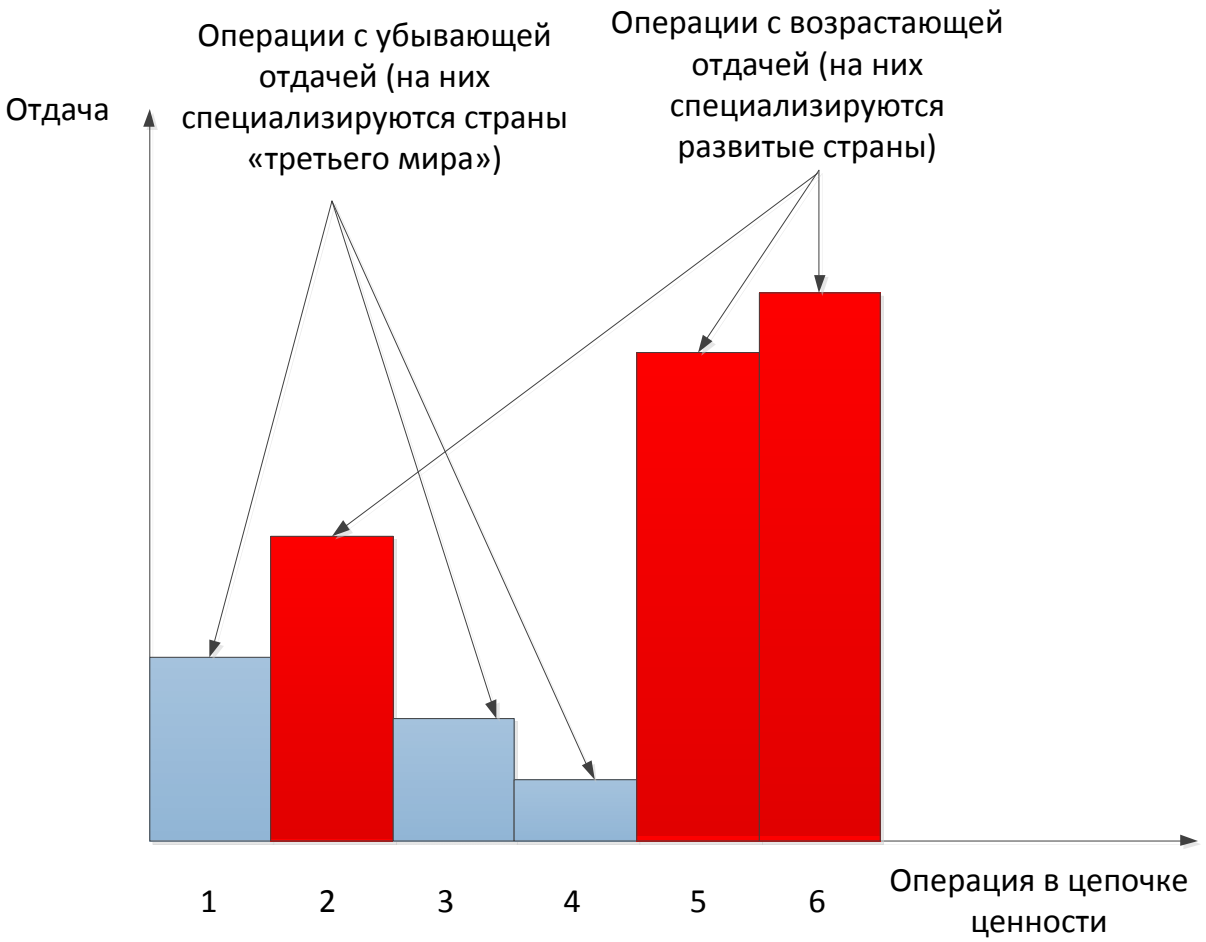


Рисунок 1.
Отдача операции в цепочке ценности

Нам хотелось бы продемонстрировать схематично эту мысль для того, чтобы показать ценность промышленной политики в современных условиях специализации на отраслях с возрастающей отдачей. Необходимо не только учитывать характер отрасли (убывающая или возрастающая отдача), но и стадию цепочки ценности с максимальной доходностью.

Промышленно развитые страны, богатые страны по Э.Райнерту, специализируются на тех стадиях передела или технологического процесса, которые дают наибольшую доходность, а те стадии, которые дают меньшую доходность,

[1] Каплински Р. Распространение положительного влияния глобализации: анализ «цепочек» приращения стоимости // Вопросы экономики. – М., 2003. – № 10. – С. 4–26.

[2] Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

остаются для «производства» бедным странам. Как только жизненный цикл операции с высокой доходностью подходит к концу (т.е. снижению доходности), богатая страна переносит его производство в бедную страну (по аналогии с отверточным производством). Да, бедная страна получает производство, рабочие места и даже относительный рост благосостояния населения, однако, страны «третьего мира» таким путем никогда не достигнут благосостояния стран «первого мира».

Поэтому прав Э. Райнерт, утверждая, что богатые страны именно специализируются на богатстве, а бедные страны – на бедности.

Убывающая отдача характерна в первую очередь для сырьевых отраслей, примитивных отраслей и сельского хозяйства, в которых экстенсивный способ производства превалирует над интенсивным. Даже в развитых странах сельское хозяйство существенно субсидируется из государственного бюджета. Возрастающая отдача характерна для высокотехнологичных отраслей промышленности, для которых интенсивный тип производства более характерен.

Таким образом, в результате принятия рецептов Вашингтонского консенсуса, страны «третьего мира» потеряли свою промышленность, так как слишком быстро открылись мировым рынкам. Приток на национальный рынок импортных товаров в первую очередь погубил промышленность, что привело к снижению доходов населения (ведь возрастающая отдача была потеряна, а убывающая отдача осталась), что привело к снижению доходов в сельской местности, так как сократился совокупный спрос.

Здесь уместно вспомнить модель, предложенную И.-Г. фон Тюненом. Его идея кругов хорошо демонстрирует связь между отраслями народного хозяйства и воздействие их друг на друга. Собирательство и охота находятся на удалении от города, ближе к нему находится сельское хозяйство, а в центре – промышленность.

Сокращение отраслей промышленности и возрастающей отдачи приводит к тому, что страна теряет возможность обеспечить экономический рост в долгосрочной перспективе. Именно эта проблема сейчас стоит на повестке дня в России: при высоких ценах на сырьевые ресурсы и значительном потоке финансовых ресурсов от их продажи, экономический рост сокращается, так как население не предъявляет спрос на товары – резко сжался совокупный спрос из-за снижения доходов населения вследствие безработицы. Кроме того, примитивные продукты и услуги могут оплачиваться более-менее высоко только тогда, когда иные отрасли с возрастающей отдачей генерируют потоки средств в экономику. Например, дворник в Никарагуа, Италии и США за одну и ту же работу при той же интенсивности труда, будет получать различную заработную плату. Таким образом, производительность труда может не возрастать не только по причине лености работников, но и по иным причинам – структурным.

Вследствие этого происходит отток наиболее квалифицированных кадров в другие страны. Формируется негативная ситуация роста затрат на образование и науку при отсутствии увеличения, а зачастую и снижении, объемов промышленного производства, что ведет к оттоку квалифицированных кадров за рубеж. Получается, что бедная страна, специализирующаяся на отраслях с убывающей отдачей обеспечивает отрасли с возрастающей отдачей других стран платежеспособным спросом, а кроме того, снабжает эти страны квалифицированными кадрами, готовыми работать за меньшие заработные платы, чем местные специалисты. Двойной отток – капитала и кадров, дает серьезный толчок развития и экономического роста тем странам, которые специализируются на промышленном производстве и медленно уничтожает отрасли экономики в бедных странах.

Мы видим, что П. Самуэльсон оказался не прав, когда утверждал, что при открытии мировых рынков произойдет выравнивание доходов во всех странах. Расслоение народов по доходам все возрастает, бедность в некоторых странах перерастает в нищету.

Реиндустриализация в новых условиях: матрицы структуризации промышленной политики

Новая промышленная политика или новая индустриализация или реиндустриализация состоит в том, чтобы сформировать институциональные условия для развития промышленности в России. Фактически, необходимо рассматривать варианты структурных сдвигов в материальном производстве.

Такие варианты предлагаются представителями как либерального направления экономической политики, так и консервативного. Как обычно мы имеем разнонаправленные варианты, что с одной стороны свидетельствует о дискуссионности вариантов промышленной политики, но, с другой стороны, о необходимости осторожного ее осуществления, так как ошибки, прогнозируемые представителями обоих течений, могут иметь фатальный характер.

Так, например, В. Радаев предлагает свой вариант экономической политики в легкой промышленности[1]. Принимая во внимание теорию Каплинского, Радаев отмечает, что «…низшие переделы в легкой промышленности, связанные с переработкой сырья… почти неизбежно будут перемещаться в страны, где выращивается хлопок»[2]. Также автор отмечает, что в связи с большими запасами углеводородов, России стоит специализироваться на выпуске технических тканей.

Представители «консервативного» крыла или кейнсианского направления считают необходимым поддержать экономический рост в стране за счет массированных бюджетных инвестиций в инфраструктурные проекты. Петербургский экономический форум показывает, что внимание к кейнсианским рецептам есть, во всяком случае, инфраструктурные проекты действительно начали финансировать из ФНБ и иных бюджетных источников. Замена частных инвестиций бюджетными в ситуации отсутствия первых вполне оправданна, но необходимы стимулы для привлече-

[1] Радаев В. Можно ли спасти российскую легкую промышленность // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 4. – С. 17.

[2] Там же, с. 31.

ния частного капитала и создания условий для постепенной замены бюджетных инвестиций частными, иначе эффект вытеснения вкупе с инфляцией могут дать обратный желаемому эффект.

В этой ситуации для активизации предпринимательской инициативы вполне оправданно предложение Министерства промышленности и торговли РФ «ввести для новых предприятий льготы до 2025 года для стимулирования развития промышленных проектов»[1].

Считаем необходимым поддержать любые меры, направленные на улучшение инвестиционного климата в стране и развитие частнопредпринимательской инициативы: как экономические, так и институциональные меры.

Тем не менее, считаем также, что бессистемные и научно необоснованные мероприятия не могут дать ожидаемого эффекта, так как экономическая наука содержит в себе интересный парадокс: одни и те же инструменты экономической политики в разные периоды времени срабатывают по-разному. Следует согласиться с В. Мау, который правильно указывает на то, что «рецепт экономического успеха всегда индивидуален»[2].

Для систематизации и структуризации промышленной политики по наиболее важным направлениям, на наш взгляд, необходимо отталкиваться от системы потенциалов экономики страны.

Рисунок 2.
Матрица структуризации промышленной политики в зависимости от имеющихся объемов факторов производства

Имея достоверные данные о том, какие факторы производства имеются в стране и каков их объем, можно предложить инструменты промышленной политики, направленные на использование факторов, по которым имеются устойчивые конкурентные преимущества и реализовывать мероприятия по привлечению недостающих факторов. В негативном случае мы получаем набор разнонаправленных действий, порой взаимоисключающих влияние друг друга на результирующий показатель.

Объем
ИЗБЫТОК
Фактор
производства

В период сталинской индустриализации, в связи с изоляцией страны от внешнего мира (о причинах мы не упоминаем) СССР столкнулся с матрицей структуризации промышленной политики представленной на рис.3.

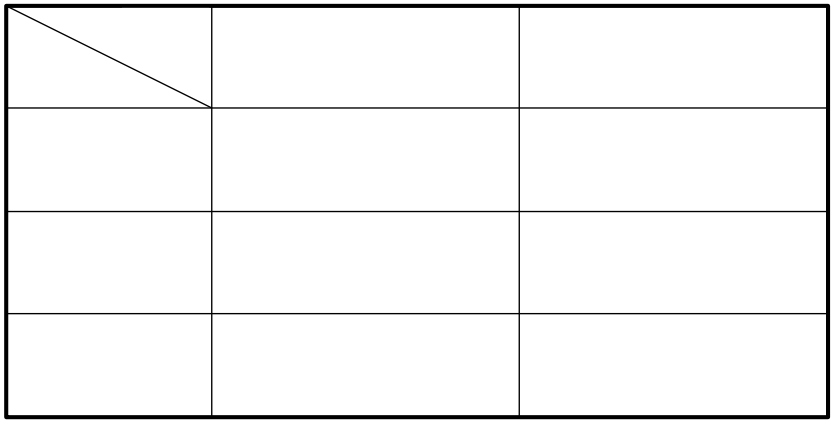


Рисунок 3.
Матрица структуризации промышленной политики СССР в зависимости от имеющихся объемов факторов производства в период сталинской индустриализации

КАПИТАЛ

Это сочетание избытка факторов труда и земли и недостаток фактора капитала привело к репрессивной политике по отношению к населению страны. Мы убеждены, что именно в этом причина сталинский репрессий – иначе нельзя было «превратить» избыточный фактор труда в фактор капитала. Фактически, за счет карательного аппарата фактор труда частично заменил собой фактор капитала и создал условия для его развития.

[1] Налоги: каникулы для новеньких // Эксперт. – М., 2014. – № 23 (902). – С. 4.

[2] Ивантер А. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. – М., 2014. – № 21 (900). – С. 55.

Оставляя в стороне морально-этическую и гуманитарную составляющую процесса репрессий и, безусловно, осуждая репрессивную политику, нельзя не признать ее успеха в плане модернизации аграрной, разрушенной двумя мировыми войнами страны.

Современная Россия имеет иную матрицу структуризации промышленной политики.

Рисунок 4.
Матрица структуризации промышленной политики современной России в зависимости от имеющихся объемов факторов производства

Мы имеем избыточный фактор земли и недостаток факторов капитала и труда. Фактор труда стал недостаточным как вследствие неблагоприятной для демографии экономической политики период 1991–2006 гг. (алкоголизация населения, разрушение промышленного сектора и безработица, как ее следствие и др.), так и вследствие эмиграции экономически активного населения, можно сказать – «предпринимательски активного» в страны развитой рыночной экономики. На сегодняшний день в этом плане мы столкнулись с классической «ловушкой среднего уровня дохода».

В результате реализации национального проекта «Демография» есть надежда получить новые трудовые ресурсы. Но пока, на сегодняшний день, мы имеем слишком дорогую рабочую силу, что не дает возможности развивать промышленность. Дополнительным фактором, усиливающим указанную тенденцию, стало разрушение системы профессионально-технических училищ. В результате, например, в Московском регионе стало практически невозможно найти рабочих-сварщиков. В основном сварщики приезжают работать на московские предприятия из регионов – Владимирской, Ярославской, Тверской областей.

В указанных структурных условиях, имея избыточный фактор земли необходимо рассматривать концепцию ее рационального использования для восполнения факторов труда и капитала в конкурентных условиях. Здесь важную роль могут сыграть международные особые экономические зоны по примеру Белорусско-Китайской зоны. Значительный интерес к созданию таких зон проявляют власти Республики Сингапур, Республики Корея, Китайской Народной Республики. При выделении участков земли Россия имеет возможность создать территориально локализованные точки роста, которые могут стать контурами будущего институционального поля вокруг таких экономических зон.

Фактически, в сложившихся условиях нашим устойчивым конкурентным преимуществом на ближайшую перспективу может стать именно фактор земли. Однако его использование должно быть ориентировано не только на частичное восполнение недостатка факторов труда и капитала, но на создание условий для развития факторов труда и капитала в России.

Возвращаясь к отраслевым особенностям промышленной политики, следует отметить, что важным на современном этапе развития становится свойство отрасли генерировать убывающую отдачу или возрастающую отдачу по методологии Э. Райнерта. Как следует из схемы на рисунке 1, примитивное производство (стадии 1, 3, 4) имеет меньше возможностей для разработки и внедрения инноваций, в то время как инновации высокотехнологичных отраслей дают колоссальный прирост отдачи (стадии 2, 5, 6). Последние же невероятно привлекательны для частных инвестиций, так как норма прибыли в них значительно превышает среднерыночный уровень. Специализация на отраслях с возрастающей отдачей или на операциях с максимальной доходностью привлекает частные инвестиции, в то время как специализация на отраслях с убывающей отдачей и/или операциях с низкой доходностью частные инвестиции привлечь не может. Именно поэтому отверточное производство, в частности, в автомобильной промышленности не является позитивным вкладом в экономическое развитие.

Если принять во внимание вышеизложенные аргументы, то становится понятно, что проблема притока частных инвестиций может быть решена не косметическим реформированием экономики – так называемыми структурными реформами, которые проводятся уже третий десяток лет без видимых успехов, не свободной конкуренцией и другими элементами рецептов Вашингтонского консенсуса – а развитием местной промышленности, способной охватить значительные территории. Уместным будет и изменение налоговой политики со смещением основного налогового бремени на сырьевые отрасли с убывающей отдачей в пользу субсидирования отраслей промышленности с возрастающей отдачей. Следует также учитывать, что доходы работников промышленности формируют совокупный спрос на продукты сельского хозяйства и иных отраслей с убывающей отдачей и придают им импульс к развитию в кейнсианской традиции.

Целью деятельности правительства, таким образом, должно стать не столько открытие рынков для иностранных товаров, сколько формирование благоприятной среды для создания собственной промышленности – реиндустриализации экономики страны.

Обоснование принципов реиндустриализации или новой индустриализации в литературе широко представлено, но нам хотелось бы остановиться на структурных элементах среды, в которой новая индустриализация может быть реализована. Совершенно очевидно, что строительство заводов и фабрик по всей стране без привязки к каким-либо многокритериальным совокупностям факторов бессмысленно и даже не возможно. Однако и тут существует при всей оправданности многоступенчатого построения оптимального плана размещения национального хозяйства необходимость формирования институциональных полей для притока частных инвестиций.

Институциональное поле в промышленной политике

Институциональное поле – это локализованная определенными экономическими условиями площадка взаимодействия, на которой хозяйствующие субъекты с различными организационными возможностями выстраивают систему поведенческих правил по отношению друг к другу и к потребителю с наибольшим экономическим эффектом.

Важно отметить, что структурно институциональное поле напоминает модель И.-Г. фон Тюнена, но сопровождается при этом синергетическим эффектом между соседствующими отраслями с разной отдачей. Одновременно необходимо обеспечивать рост конкурентоспособности продукции, сопровождая его ростом реальных доходов населения, а не их снижением как это принято сейчас, когда конкурентоспособность понимается как достижение низкой цены продукта за счет снижения затрат на оплату труда при производстве продукта. Установление такого ограничивающего условия для конкурентоспособности моментально возвращает нас к идеям Й.А. Шумпетера, его «инновациям» и идеи созидательного разрушения. Специализация на отраслях с возрастающей отдачей, развивающихся на основе новых знаний (отсюда необходимость развития науки и образования), – основа для реиндустриализации страны.

Тот факт, что совершенная конкуренция препятствует притоку частных инвестиций, так как она «снижает» цену до уровня издержек, лишает смысла инвестирование в отрасли, подверженные совершенной конкуренции и убывающей отдаче.

Дополнительной защитой от совершенной конкуренции для сохранения в сравнительно длительном временном промежутке возрастающей отдачи в данной сфере производства могут способствовать патенты, создающие, фактически, ситуацию монополии на время действия патента. В этом смысл инноваций с экономической точки зрения. Патенты создают несовершенную конкуренцию в шумпетерианской традиции.

Институциональное поле структурно представляет собой основу для сети взаимодействия бизнеса, науки и образования, и потребителей.

Примером программы формирования таких институциональных полей может послужить принятая «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»[1] (далее – Стратегия 2025). Условием успешной реализации Стратегии 2025 названо «комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестиционных проектов, в первую очередь на территории опережающего экономического роста». Мы видим, что Правительство не только определило в Стратегии 2025 приоритетные направления развития указанного региона, но и приоритетный инструмент реализации – государственно-частное партнерство. Фактически, в результате своеобразного SWOT-анализа ситуации на Дальнем Востоке стали понятны сильные и слабые стороны ситуации, риски и угрозы, а также возможности и конкурентные преимущества. Причем основной угрозой назван разрыв кооперативных связей между регионами Дальнего Востока, отмечено, что только в южных районах Дальнего Востока наблюдается некоторая связь за счет транспортной и энергетической инфраструктуры. Тем не менее, сетевые формы организации промышленности предлагаются в Стратегии 2025 в качестве базовых. Особые экономические зоны и проекты государственно-частного партнерства очевидно являются сетевыми формами организации бизнеса при участии государства и общества.

Фактор устойчивого конкурентного преимущества участников сетевых структур определяется соединением конкурентных преимуществ участников сетевых структур, их синергией. Инструментом формирования такого устойчивого институционального поля является целенаправленное координирование деятельности участников сетевой структуры силами самих участников. Самоорганизация выступает здесь, по нашему мнению, главным двигателем формирования институционального поля.

Трудовые ресурсы нуждаются в сохранении, обучении рабочей силы, создании интеллектуального ресурса общества, способного развивать производство на современном этапе развития экономики. Здесь имеет существенное значение кроме высокой заработной платы еще и процесс постоянного обновления знаний через систему профессиональной переподготовки, повышения квалификации. Фактически, мы говорим о непрерывной системе образования и управлении знаниями и талантами для целей развития производства.

Подготовка средств производства заключается в модернизации и/или реконструкции оборудования, введении нового более эффективного оборудования, материалосберегающего и энергосберегающего оборудования. В сфере производства как стадии воспроизводственного процесса происходит постоянное совершенствование использования факторов производства, организации производства. Здесь особое значение имеет оптимальная конфигурация средств

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

производства, а также сочетание средств производства и рабочей силы, введение эргономичных рабочих мест, экономия факторов производства.

В постпроизводственной сфере воспроизводственного процесса обычно рассматривают потребление созданного в процессе производства продуктов, а также восстановление производственных ресурсов, использованных в процессе производства и восстановление нарушенной природной среды.

Хотя мирохозяйственные процессы и оказывают существенное влияние на воспроизводственный процесс, тем не менее, особое внимание мы уделяем в нем именно воспроизводству производственных отношений, как внутреннему фактору обеспечения конкурентоспособности. Производственные отношения выражаются отношениями между производителями продуктов, а также между производителем и рабочей силой.

Производственные отношения претерпевают постоянные изменения с каждым новым воспроизводственным процессом, так как информационные технологии, глобализация и научно-технический прогресс требуют постоянного обновления и расширения номенклатуры производимых продуктов (конкретных видов благ) и одновременного расширения объема производства абсолютных видов благ.

Важно отметить, что производственные отношения обладают особыми свойствами, в частности, они не заданы рамками в конкурентном взаимодействии, а средства, способы и механизмы такого взаимодействия складываются в процессе взаимного согласования действий участников воспроизводственного процесса. Важно отметить, что институциональное оформление механизмов производственных отношений характеризуется не только неформальными соглашениями, но сопровождается также и оформлением соответствующих прав собственности на ресурсы и будущие доходы, что, однако, никак не влияет на постоянное сближение в рамках конкурентного взаимодействия участников воспроизводственного процесса.

В процессе воспроизводства производственных отношений участники конкурентного взаимодействия дифференцируются по степени их значимости для производства конечного продукта (выделяются якорные или ядерные предприятия, предприятия-инноваторы, периферийные предприятия), и так формируются «статусные иерархии внутри сетевой структуры. Более того, сущность рынка в этой ситуации выражается в постоянном воспроизводстве отношений статусной иерархии в сетевой структуре. Н. Флигстин отмечает, что «стабильный рынок – это рынок, на котором идентичность и статусная иерархия фирм (доминирующих и претендентов) хорошо известны, а концепция контроля, направляющая действия акторов, которые управляют этими фирмами, разделяется всеми участниками».

Структура институционального поля определяется взаимным расположением участников рынка, которые производят продукт внутри сетевой структуры и цепочки ценности.

Даже самая простая модель рынка, характерного для классической экономической теории, обязательно включает покупателей и продавцов продукта и концентрирует внимание на отношениях между ними, анализируя их взаимовлияние. Продукт в относительно развитой рыночной экономике движется по более длинному технико-технологическому циклу.

Таким образом, формируются так называемые организационные поля.

Создание институционального поля для реиндустриализации является прерогативой государства. Однако для реиндустриализации это необходимая, но не достаточная мера. Необходимо формирование сетевых структур на основе взаимодействий, а для этого предприниматели должны быть уверены в положительном развитии ситуации в стране. Но сегодня такой уверенности, очевидно, нет, отчего отток капитала продолжается.

Для обоснованного прогнозирования нужна параметризация сбалансированности развития страны, а управленческие решения должны приниматься по факту выявления дисбалансов развития.

Эта сбалансированность даже при изменении внешней среды, на которое сетевая структура будет вынуждена отреагировать изменением внутренней среды, не позволит институциональному полю разрушиться, в силу действия зависимости от ранее избранного пути «path dependence» или «эффекта колеи». Конечно, последнее действует в ситуации, когда внешнее воздействие не носит характера абсолютного разрушения. В ситуациях, когда институты формируют поведение, институционализированные правила и поведенческие убеждения и поведение, мотивируемое ими, образуют равновесие.

Нам представляется интересным также рассмотреть опыт некоторых стран, использовавших стратегию развития местной промышленности с возрастающей отдачей, причем разными способами, но все же протекционистскими по своему характеру.

Во-первых, это Южная Корея, которая столкнувшись с проблемой выхода на мировой рынок своих промышленных товаров, воспользовалась стратегией импортозамещения. Здесь не только возникает возможность для развития отраслей с возрастающей отдачей, но и возможность воспользоваться уже существующими институциональными структурами – инфраструктурой рынка, ранее использованными для реализации импортных товаров. Решена автоматически проблема организации рынка сбыта товаров, так как он уже существует и, возможно, даже не потребуется его перестройка[1].

Во-вторых, это опыт Финляндии, где политика импортозамещения выражалась в том, что иностранный инвестор не мог напрямую инвестировать средства в обрабатывающую промышленность без специального разрешения Министерства промышленности. Причем разрешение предусматривало запрет на осуществление тех видов деятельности, в которых иностранный инвестор мог составить конкуренцию местным производителям.

[1] См. подробнее: Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М.: Прогресс, 1972. – С. 373.

Наконец, опыт Ирландии, которая из сельскохозяйственной страны превратилась в самые короткие сроки в страну с передовыми информационными технологиями и резко повысила свое благосостояние за счет переключения на отрасль с возрастающей отдачей, опередив многих европейских партнеров.

«Независимость можно укрепить лишь при условии, чтобы большая часть средств производства, необходимых для национальных программ капиталовложений, производилась внутри страны»[1].

Отсюда становится понятно, что целенаправленная политика государства на создание местной промышленности на основе формирования условий для ведения бизнеса в виде институциональных полей способна стимулировать совокупный спрос на внутреннем рынке и дать толчок развитию сельского хозяйства и иных отраслей с убывающей отдачей посредством расширения платежеспособного спроса на их продукцию со стороны работников отраслей с возрастающей отдачей. Хотелось бы подчеркнуть необходимость именно параллелизации этих процессов, ибо их последовательное исполнение не даст желаемого результата.

Пока же следует согласиться с мнением Э. Райнерта, что промышленно развитые страны специализируются на богатстве – отраслях с возрастающей отдачей и операциях цепочки ценности с максимальной доходностью, а бедные страны продолжают специализироваться на бедности – отраслях с убывающей отдачей и операциях цепочки ценности с минимальной доходностью. Фактически, мы наблюдаем процесс олигополистической глобализации, при которой указанные негативные для стран третьего мира тенденции получают свое институциональное закрепление.

[1] См. подробнее: Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М.: Прогресс, 1972. – С. 375.

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики Камского института гуманитарных и инженерных технологий, г. Ижевск
kvp_ruk@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ КАК ФАКТОР ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩЕЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Ключевые слова: *региональные особенности, территориальные факторы, импортозамещающая модель модернизации, традиционные промыслы в российских республиках, Удмуртская Республика, стадии роста конкурентоспособности, региональная экономика.*

Keywords: *regional features, territorial factors, import substitution model of modernization, traditional crafts in the Russian republics, Udmurtia, stage of growth competitiveness, regional economy.*

Модернизация, техническое перевооружение и прогрессивная структурная перестройка российской экономики на основе использования новейших инновационных технологий (в т.ч. нанотехнологий, биотехнологий и т.п.) являются важнейшими условиями эффективного инновационного развития страны и роста конкурентоспособности отечественной продукции. Все это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов и действительно осуществить структурную перестройку отечественной экономики, о необходимости которой говорится уже очень давно.

В условиях применения против России так называемых экономических санкций, которые негативно сказываются на темпах роста отечественной экономики, не любая модель модернизации экономики является эффективной. Очевидно, что особенно эффективным вариантом будет импортозамещающая модель модернизации, о чем в последнее время неоднократно говорил в своих выступлениях Президент России В.В. Путин.

При осуществлении модернизации большое значение имеет учет региональных и отраслевых особенностей. Так, например, в республиках, которых в РФ насчитывается 22 (т.е. практически четвертая часть всех субъектов РФ), одной из важнейших форм модернизации будет являться возрождение народных промыслов, некогда развиваемых титульными нациями этих республик, что также будет способствовать процессу импортозамещения. В Удмуртской Республике к таким промыслам относится льноводство, которое здесь интенсивно развивалось и в царский период развития страны (конец XIX – начало XX веков), и на первых этапах (20–30-е годы XX века) существования советской власти. В эти периоды времени Удмуртия входила в тройку регионов, являющихся крупнейшими в стране производителями льна и изделий из него.

Лен в условиях Удмуртии является традиционной технической культурой и возделывание его на территории республики началось еще в глубокой древности [2]. В Удмуртии уже в первой половине XIX века широкое развитие имела домашняя промышленность. Женщины пряли, ткали шерстяные ткани и холсты, шили одежду, вязали, вышивали. Крестьянские ткани вывозились за пределы края. В 1837 г. вятский губернатор отмечал, что из льна в уездах выделывалось 2,5 млн. аршин холста, который отправлялся в Архангельск, где его охотно покупали иностранные торговцы. В середине XIX века из губернии уже вывозилось около 15 млн. аршин, в том числе в Казань для мешков – около 800 тыс. аршин холста. В это же время предпринимались меры по усовершенствованию крестьянского ткачества, в связи с чем палата государственных имуществ выписала самопрялки и усиленно внедряла их среди крестьянок.

После социалистической революции выращивание льна-долгунца в республике продолжилось. В отдельные годы площади под посевами льна достигали 60 тыс. га. В послевоенный период посевные площади под лен в Удмуртии резко сократились. В настоящее время руководством республики ставится задача возрождения льноводства и постепенное доведение его объемов производства до прежних параметров. Для этих целей выделяются определенные финансовые ресурсы, в связи с чем достаточно быстрыми темпами идет возрождение этой отрасли производства.

В настоящее время лен выращивается в 15 районах Удмуртии, в основном в северной ее части, и площади, занятые посевом льна, в последнее время составляют около 15 тыс. га. По этому показателю республика находится на втором месте в России после Тверской области, а по сбору льна – на третьем месте. Удельный вес, который занимает Удмуртская Республика, в общей площади посевов льна по России, составляет 12%, а удельный вес валового сбора льноволокна – около 10%. В целом льняной комплекс Удмуртии включает 45 коллективных и фермерских хозяйств, 2 льносеменоводческие станции и 15 льноперерабатывающих заводов. Общее представление о развитии льняного комплекса региона в последнее время дает табл. 1 [4].

Таблица 1

Развитие льняного комплекса в Удмуртской Республике

Показатель	1990 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Посевные площади, всего, тыс. га,	18,2	12,5	11,4	9,1	10,3	12,6	14,8
Производство льноволокна, всего, т.	5648	5549	5897	5692	5832	5974	6126
Урожайность льноволокна, ц/га	4,1	5,1	6,1	6,7	6,9	7,1	7,4

Из табл.1 видно, что во второй половине двухтысячных годов показатели, характеризующие общую площадь посевов льна в регионе, существенно снизились. Это объясняется рядом причин, в т.ч. мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг., а также тем обстоятельством, что льнокомбинаты России резко снизили закупочные цены в это время, делая ставку на более дешевое привозное волокно, в основном из Китая. По этой причине у льнозаводов страны в тот период накопились значительные долги перед фермерско-крестьянскими хозяйствами, занимающимися выращиванием льна. Еще одной причиной сложного положения в отрасли явилось неполное финансирование целевой программы из бюджета Удмуртской Республики (около 60% от запланированного). Из местных муниципальных бюджетов вообще было выделено всего лишь около 3% от планируемой суммы. Лишь из федерального бюджета деньги были выделены практически в полном объеме.

Для преодоления сложившейся ситуации в регионе в последнее время стали осваивать новые инновационные технологии производства продукции глубокой переработки льна, т.е. конечного продукта, позволяющего перерабатывать волокно, производимое льнозаводами Удмуртии и выпускать востребованную конкурентоспособную на российском и мировом рынках продукцию. С 2007 г. реализуется республиканская программа «Развитие льняного комплекса Удмуртской Республики», мероприятия которой направлены на увеличение производства льняной продукции и повышение эффективности производства на предприятиях льняного комплекса республики [7]. Значительную роль здесь могут сыграть районные общества потребительской кооперации, которые в свое время оказали существенное влияние в процессе культивирования льна.

В результате принятых мер ситуация в льняном комплексе региона стала существенно улучшаться и, начиная с 2010 г., общие площади посевов льна-долгунца в республике стали существенно увеличиваться (см. табл. 1). В Удмуртии есть опыт более глубокой переработки короткого волокна, доля которого составляет здесь около 80% (предприятия первичной переработки льна производят и короткое, и длинное волокно). Так, например, в ОАО «Можгинский льнозавод» выпускается нетканое иглопробивное полотно (ватин), в ООО «Шарканский льнозавод» и в ООО «Мичуринский льнозавод» Кизнерского района Удмуртии выпускается нетканое иглопрошивное полотно. В ООО «Лен-Сервис» налажено производство крученых изделий: каната, веревки, шпагата.

Возрождение льняной отрасли региона требует комплексного подхода [10]. В связи с диспаритетом цен на промышленные средства производства и сельскохозяйственную продукцию, а также в связи с необходимостью государственной поддержки льняного производства, предполагающего возмещение затрат на приобретение минеральных удобрений и топливно-смазочных материалов, в рамках республиканской комплексно-целевой программы «Развитие льняного комплекса Удмуртской Республики» предоставляется субсидия на производство льна в размере 1200 руб. на тонну льноволокна, а из федерального бюджета дополнительно выделяется еще 3000 руб. субсидии на каждую тонну льноволокна.

Целенаправленное и комплексное решение проблемы программным методом должно привести к выполнению задач системного развития льняного комплекса региона, что будет способствовать:

– повышению производственного потенциала, в т.ч. технической и технологической оснащенности предприятий в области льноводства;

– внедрению новых интенсивных технологий возделывания льна с целью дальнейшего увеличения его производства;

– внедрению льноперерабатывающими предприятиями высокопроизводительного, ресурсосберегающего оборудования с целью увеличения выработки и повышения качества льноволокна;

– обеспечению занятости на селе и развитию кадрового потенциала на предприятиях льняного комплекса региона.

Общества потребкооперации могли бы увеличить объемы производства также и таких традиционных для удмуртов народных промыслов, как пчеловодство, лесные промыслы, отхожие промыслы (выделка рогож, циновок, кулей, крашение шерстяных, бумажных, холщевых тканей и пряжи). В других республиках России похожая ситуация – в них можно развивать другие виды полузабытых народных промыслов, нередко называемых этноэкономикой. У башкир, например, традиционными народными промыслами были коневодство и кумысоделие, которые в последнее время также интенсивно возрождаются. В Республике Башкортостан общества потребкооперации также могли бы существенно разнообразить свою деятельность, участвуя в развитии этих традиционных промыслов [6]. Таким образом, процесс модернизации экономики кроме технологического аспекта включает также этнический, социальный, экологический, этический, эстетический и иные аспекты, а развитие народных промыслов у титульных наций республик в составе России будет способствовать реализации экономической политики импортозамещения в целом по стране и ее отдельным регионам, а также развитию импортозамещающей модели модернизации экономики страны.

Однако, несмотря на то, что о необходимости модернизации как основы роста конкурентоспособности российской экономики говорится давно, реальные результаты этого процесса еще очень далеки от требуемых стандартов. Недостаточно высокие темпы этого процесса связаны с рядом факторов, в том числе с ограниченными ресурсами и

резервами модернизации [8]. Как известно, для осуществления структурной перестройки и технического перевооружения экономики требуются значительные ресурсы: финансовые, материальные, инновационные, трудовые. Откуда их взять?

Опыт государств, эффективно модернизировавших свою экономику, свидетельствует о том, что нередко важнейшим условием успешной модернизации являются иностранные инвестиции. Так, например, в коммунистический Китай уже не одно десятилетие вкладываются значительные средства из-за рубежа (только из США в общей сложности туда в последнее время поступили десятки миллиардов долларов). В Чили, реформирующую свою экономику на основе монетарных принципов еще со времен правления генерала Пиночета, также поступили значительные объемы иностранных инвестиций.

В этой связи можно вспомнить о достаточно быстром послевоенном восстановлении разрушенной войной экономики ряда европейских стран вследствие финансовой помощи на основе реализации плана Маршалла. Однако в России, несмотря на предпринимаемые усилия, к сожалению, иностранные инвестиции не сыграли той роли, которую от них ожидали. В условиях мирового финансово-экономического кризиса возможности использования зарубежных инвестиций как одного из важнейших источников осуществления модернизации и структурной перестройки российской экономики еще более сократились, так как значительно уменьшились объемы имеющихся на международном финансовом рынке свободных денежных средств. Кроме того, следует иметь в виду, что использование зарубежных источников как основы модернизации народно-хозяйственного комплекса наряду с очевидными позитивными последствиями имеют и негативные.

Так, например, новые индустриальные страны – Аргентина, Бразилия и Мексика для осуществления индустриализации и технического перевооружения своих экономик преимущественно в 70-е годы XX века осуществили займы огромных финансово-кредитных средств – в итоге каждая страна в общей сложности оказалась должна более 100 млрд. долларов, а вместе эти три государства оказались должны развитым странам более 330 млрд. долларов. Вследствие этого данные страны на протяжении последних десятилетий являлись крупнейшими в мире должниками (а в недалеком прошлом подобная ситуация имела место и в Южной Корее), из-за чего в них нередко наблюдалась высокая инфляция, значительная девальвация национальной валюты, социально-экономическая и политическая нестабильность.

Для повышения уровня конкурентоспособности продукции и экономической эффективности российской экономики большое значение имеет также разработка теоретических проблем изучения влияния структурной перестройки и технического перевооружения производства на рост его эффективности при рыночных отношениях. В этой связи заметим, что проблемами экономического роста, выявления различных стадий, этапов экономического развития занимались многие крупные отечественные и зарубежные ученые. Наряду с широко известными у нас в стране формационным и цивилизационным подходами за рубежом много внимания уделяется и другим научным концепциям, например процессу движения экономики от аграрной к индустриальной и постиндустриальной стадиям. Согласно одной из новых и известных теорий экономического развития, развиваемой, в частности Майклом Портером, экономический рост представляет собой движение в сторону усложнения источников конкурентных преимуществ и укрепления позиций в высокоэффективных отраслях и сегментах народнохозяйственного комплекса. Данный процесс сопровождается быстрым ростом эффективности всей экономики. Уровни экономического развития различных стран можно представить в виде некоторого ряда стадий развития конкуренции. Эти стадии различаются по специфическим источникам достижения конкурентоспособности на мировом рынке, а также по видам и степени развития успешно функционирующих отраслей. Учитывая, что вопросам повышения уровня конкурентоспособности российских предприятий как основе решения экономических, социальных и демографических проблем страны уделяется в настоящее время первостепенное значение, имеет смысл стадии конкурентоспособности рассмотреть подробнее.

Выделяют четыре особые стадии конкурентоспособности национальной экономики, соответствующие четырем основным движущим силам, или стимулам, определяющим ее развитие в отдельные периоды времени:

1) факторы производства;

2) инвестиции;

3) нововведения;

4) богатство.

На трех первых стадиях происходит рост конкурентоспособности национальной экономики, что, как правило, сочетается с ростом благосостояния. Четвертая стадия означает постепенное замедление роста и, в конечном счете, спад. В соответствии с данным подходом осуществляют классификацию отдельных стран по уровню конкурентоспособности их индустрии в мировом хозяйстве.

Ни одна страна, по существу, не миновала первую из перечисленных четырех стадий развития экономики, т.е. стадии развития конкурентоспособности на основе факторов производства. В настоящее время на этой стадии находятся почти все развивающиеся страны, а также постсоциалистические страны (в том числе и Россия) [5]. То же самое можно сказать о некоторых странах (Канада, Австралия) с высоким уровнем благосостояния, обладающих значительными природными богатствами.

Поскольку Россия находится в настоящее время на первой стадии, охарактеризуем ее подробнее. На данной стадии практически все национальные отрасли, успешно действующие на мировом рынке, достигают своих преимуществ в конкурентной борьбе почти исключительно благодаря основным факторам производства: природным ресурсам или избыточной и дешевой рабочей силе. Экономика на этой стадии весьма чувствительна к мировым экономическим кризисам и изменению валютных курсов, которые приводят к колебаниям спроса и относительных цен. Она также оказывается чрезвычайно уязвимой в случае потери имеющихся факторов и быстро меняющегося лидерства

отраслей (достаточно вспомнить августовский кризис 1998 г.). Как свидетельствует мировой опыт, обладание большими запасами природных ресурсов хотя и может обеспечить высокий доход на душу населения в течение довольно продолжительного периода, однако не является достаточным основанием для устойчивого роста эффективности экономики. Поэтому лишь немногие страны сумели преодолеть эту первую стадию факторов производства.

На второй стадии конкурентное преимущество экономики базируется на готовности и способности национальных фирм к агрессивному инвестированию. Фирмы вкладывают средства в современное, эффективное оборудование и технологию, которое можно приобрести на мировом рынке. Инвестиции также направляются на покупку лицензий и создание совместных предприятий. Причем, нередко приобретаемые техника и технология на поколения отстают от лучших мировых образцов, так как лидеры международной конкуренции стараются не продавать технику последнего поколения. В послевоенный период на вторую стадию удалось перейти Японии и позже – Южной Корее. В экономике Тайваня, Сингапура, Испании и в меньшей степени Бразилии присутствуют лишь некоторые признаки достижения стадии инвестиций, причем не все страны, развивающиеся в этом направлении, преуспевают [14].

Россия тоже пошла по этому пути, однако пока больших успехов добиться ей не удалось. Приведем некоторые факты. Хотя еще во времена горбачевской перестройки впервые стали создаваться совместные предприятия (СП) на территории нашей страны, в настоящее время в России в сравнительном аспекте создано относительно немного совместных предприятий. Нет и того притока иностранных инвестиций, на который рассчитывали российские теоретики (Егор Гайдар, Евгений Ясин и пр.) в начале затеваемой ими монетарной реформы (в начале 90-х годов прошлого века). И дело не только в сравнительно небольших объемах иностранных инвестиций. Поступающие из-за рубежа инвестиции в основном вкладываются не в ключевые отрасли экономики (машиностроение, сельское хозяйство, отрасли производственной инфраструктуры) и даже не в отрасли, являющиеся «полюсами» роста, а преимущественно в сырьевые отрасли и пищевые. Важно и то, что процесс привлечения иностранных инвестиций в регионы России осуществляется неравномерно. Зарубежный капитал преимущественно концентрируется в Центральном районе, и, прежде всего в Москве и Московской области, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке [13]. В этой связи возникает вопрос, а так ли уж нам надо было выбирать этот вариант развития, тем более что наряду с определенными плюсами ему присущи и существенные недостатки. Прежде всего, это возможная высокая внешняя государственная задолженность России. Особенно очевидны недостатки этого варианта развития в условиях экономических санкций, которые применяют развитые страны Запада в отношении России в настоящее время и действие которых по существу нацелено на ослабление российской экономики в обозримом будущем.

По мнению автора, гораздо эффективнее для России выбрать иной путь – перейти с первой сразу на третью стадию, тем более что такой опыт в мировой практике уже имеется. Хороший пример тому – Италия, где потерпели неудачу все попытки следовать инвестиционной модели развития. В 60-е годы XX века Италия совершила скачок от первой стадии факторов сразу к третьей стадии нововведений. По темпам роста экономики она уступала только Японии [1]. Способность экономики избежать второй стадии инвестирования и, тем не менее, успешно развиваться требует наличия в историческом прошлом страны длительных периодов индустриальной активности, оставивших след в национальной системе образования, производственных навыках и т.п.

Но все это имело место в истории не только Италии, но и России. Достаточно сказать, что только в регионах Урала еще совсем недавно успешно развивались инновационные отрасли. Таким образом, российская экономика, опираясь на основные факторы, через определенный период может непосредственно перейти к третьей стадии нововведений, минуя вторую стадию инвестирования. У нас для этого есть все основания. Действительно, одной из особенностей третьей стадии нововведений является то, что национальные фирмы не только применяют и улучшают иностранную технику и технологию, но и создают новые. Напомним в этой связи, что в России еще в социалистический период было немало отраслей и видов производств, занимающих ведущие позиции в мире по уровню технической оснащенности. Таким образом, Россия по некоторым параметрам уже находится на третьей стадии (здесь нелишне добавить, что рассматриваемая здесь теория о стадиях экономического развития, как и любая другая теория, отражает действительность лишь с некоторой степенью условности – в реальности обычно в экономике любой достаточно развитой страны одновременно можно найти элементы, характерные для различных стадий, поэтому рассматриваемая нами теория применима лишь в целом, при выявлении сущности процесса).

Завершая рассмотрение проблемы о выборе возможных путей дальнейшего развития России, необходимо еще раз констатировать, что естественный, обычный для многих стран вариант перехода от первой стадии факторов ко второй стадии инвестирования у нас, как уже было показано, по большому счету не осуществляется. Главной причиной этого является, скорее всего, боязнь западных бизнесменов вкладывать крупные капиталы в нестабильную российскую экономику. В этой связи более предпочтительным является путь перехода от первой стадии факторов сразу к третьей стадии нововведений, минуя вторую стадию инвестирования (точнее, использовав лишь некоторые элементы, присущие этой стадии, т.к. полностью ее «перепрыгнуть» не удастся), тем более что уже похожий скачок России приходилось осуществлять – процесс индустриализации в послереволюционный период, а в настоящее время в России к тому же имеется немало новейших наукоемких производств. От предложенного варианта развития особенно выиграют регионы с традиционно высоким наукоемким потенциалом. Особенно это актуально, как уже отмечалось нами, в настоящее время в связи с действием экономических санкций против России.

Как бы то ни было, в Россию вряд ли в обозримом будущем из-за рубежа потекут значительные инвестиции. Еще меньше надежды на то, что в страну придут качественные инвестиции в виде новых технологий и инноваций – известно, что многие ведущие страны и, прежде всего, США, опасаясь усиления России, препятствуют проникновению в нее инвестиций инновационного характера. Сказанное, однако, вовсе не означает, что вообще следует отказаться от зарубежных инвестиций – разумеется, нет, но, во-первых, всегда следует учитывать их эффективность и иннова-

ционную новизну и, во-вторых, основную ставку в любом случае придется делать на внутренние резервы и источники. Следует добавить, что в отечественной истории известны случаи осуществления технического перевооружения экономики на основе преимущественно собственных источников – это всесоюзные сталинские лотереи и выпуски облигационных займов, а также индустриализация советской экономики 30-х годов XX века, осуществленная в значительной мере за счет перекачки финансовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность [3].

В настоящее время внутренние ресурсы для осуществления модернизации российской экономики следует искать, по мнению автора, в большем использовании получаемых доходов в сырьевых секторах на общеэкономические цели за счет увеличения рентных платежей, во введении прогрессивной шкалы налогообложения на доходы, во всемерной экономии государственных средств, а также в более активном привлечении в реальные сектора экономики финансовых ресурсов, имеющихся у населения. Все это потребует радикального изменения системы хозяйственного права, налогообложения, а также введения усиленного государственного регулирования общественного развития. Очень важно также увеличить государственное финансирование фундаментальных и прикладных научных исследований, а также опытно-конструкторских разработок (следует учитывать, что наукоемкие технологии и производства, также как и вся сфера НТП, постоянно дорожают, что является объективной мировой тенденцией).

В этой связи нелишним будет напомнить и о том, что ведущие в технологическом плане современные государства, такие как Япония и Южная Корея, еще в середине XX века были весьма отсталыми (южнокорейская экономика вообще была разрушена после окончания корейской войны и раздела единой Кореи на два государства – Северной и Южной Кореи, а ВВП Японии 1950 году было меньше ВВП США более чем в 30 раз, тогда как уже в середине 80-х годов отставание было всего в 2 раза). Успехи и Японии, и Южной Кореи (начиная с 80-х годов XX века эта страна демонстрировала самые высокие темпы роста ВВП в мире) в значительной мере связаны с высокой нормой накопления капитала, особенно начиная с 60-х годов (эта норма достигала 25% от объема национального дохода).

Такая высокая норма накопления капитала в значительной мере была обусловлена политикой всемерной экономии, которая проводилась правительствами этих стран в тот период времени. Подобный вариант хозяйственной политики следует проводить и в России в настоящее время (к сожалению это не вяжется с той гламурной роскошью, которую демонстрируют наши бизнесмены, особенно олигархи – напомним, что, несмотря на финансово-экономические проблемы, число долларовых миллиардеров в России увеличилось почти вдвое).

Рост нормы накопления капитала, необходимой для осуществления модернизации и технического перевооружения российской экономики, можно достигнуть также и путем создания разветвленной системы государственного стимулирования системы НИОКР, в том числе на основе введения на предприятиях обязательных нормативов внедрения новых и новейших технологий (напомним, что в последнее время коэффициенты выбытия и обновления основных фондов существенно снизились по сравнению с социалистическим периодом) [9].

При определении факторов и условий осуществления модернизации следует учесть ее многовариантный характер. Так, варианты технического перевооружения экономики прежде всего могут отличаться сроком, временем реализации. В этой связи можно вспомнить разные варианты технического перевооружения, связанные с процессом индустриализации. Как известно, выделяют три варианта индустриализации: 1) когда ставка делается на развитие легкой и пищевой промышленности (так называемый капиталистический вариант индустриализации); 2) ставка делается на развитие тяжелой промышленности (социалистический вариант индустриализации); 3) вариант индустриализации, когда нет четкой направленности на развитие какой-то одной группы отраслей промышленности. Как правило, ставка на капиталистический вариант индустриализации приводит к более долгому периоду технического перевооружения экономики по сравнению с социалистическим вариантом индустриализации. Кроме выделения разновидностей индустриализации, связанных с внутренними факторами, выделяют два типа – экспортоориентированный и импортозамещающий варианты индустриализации, связанные с внешними факторами. Импортозамещающая модель модернизации, которую нередко называют также неоиндустриализацией, особенно актуальна в России в настоящее время в связи с введенными экономическими санкциями со стороны западных развитых государств [12].

Существует немало вариантов модернизации российской экономики. В виде двух крайних вариантов предлагаются следующие:

– ставка на высокие технологии и преимущественное инвестирование в наукоемкие производства, прежде всего на основе ВПК;

– ставка на первоочередное развитие гражданских отраслей, потребительского сектора, ресурсосберегающих технологий преимущественно традиционного типа.

В последнем случае развитие потребительского сектора становится мощным стимулятором для развития инвестиционного сектора, однако этот путь более длительный с точки зрения вхождения в постиндустриальную эпоху. На наш взгляд, в России должен быть реализован некий средний вариант в виде в виде рационального сочетания этих двух крайних вариантов модернизации.

Выбор того или иного варианта модернизации российской экономики зависит от многих факторов: потенциала страны, степени его технологического развития, внешнеэкономической ситуации, в том числе действия экономических санкций против России в настоящее время и многих других. Так, вспомним, что в связи со сложной внешнеполитической ситуацией, сложившейся в 30-е годы XX века, в СССР как необходимый и единственно возможный в то тяжелое время был выбран ускоренный вариант индустриализации, когда ставка была сделана на преимущественное развитие тяжелой промышленности и ВПК.

Учитывая, что в настоящее время Россия относится к группе так называемых «догоняющих» стран, отечественным предприятиям, по мнению автора, также целесообразно выбрать модель модернизации со сравнительно небольшим сроком ее осуществления, так как в противном случае развитые страны в своем технико-экономическом развитии

снова уйдут далеко вперед, а Россия вновь окажется на периферии развитого мира. Причем поскольку особых инвестиций из-за рубежа в ближайшее время ждать не приходится, ставку придется сделать преимущественно на внутренние резервы и факторы. В этих условиях сырьевой сектор должен сыграть роль ядра [11], локомотива развития всей российской экономики (в противном случае мы рискуем получить очередное – после Венесуэлы и Нигерии теперь уже российское «нефтяное проклятие», когда полученные от нефтяного бизнеса доходы просто проедаются, причем преимущественно классом имущих).

Для этого периода характерно действие так называемого структурного парадокса, так как улучшение отраслевой структуры экономики в будущем можно будет достигнуть лишь при временном ухудшении ее в настоящее время в связи с неизбежным увеличением доли ВВП, приходящейся на добывающие отрасли и производства. При этом ставка должна быть сделана на жесткие меры государственного регулирования экономики, ибо классические либеральные методы монетарного типа в условиях «догоняющей» экономики еще более отдаляют уровень развития российского НТП от мирового уровня.

Выбору оптимальной модели модернизации российской экономики может также помочь разработка общей теории модернизации экономики, в которой на основе изучения международного и отечественного опыта осуществления технического перевооружения и структурной перестройки экономики будут выявлены типы и модели модернизации, предложены подходы к классификации различных инноваций (в частности, помимо всего прочего, на наш взгляд целесообразно выделять также инновации экстенсивного и интенсивного типа [6]), а также определены условия, особенности и факторы выбора оптимальной модели модернизации в разных странах. В частности, ретроспективный анализ развития российской экономики свидетельствует о том, что крупные реформы, проводимые в стране (реформы Петра I, реформы Александра I и Александра II, Столыпинская реформа, периоды социалистической индустриализации и коллективизации страны), завершались позитивным образом лишь при условии их поддержки не только «снизу», но и «сверху». В настоящее время руководство страны прекрасно понимает, что без реализации серьезных экономических реформ, целью которых является модернизация экономики (особенно ее импортозамещающая модель) просто не обойтись. По существу с этим связана проблема выживания России как великого государства. Все это также следует учесть при разработке общей теории модернизации экономики. Скорейшее развитие основных положений и закономерностей общей теории модернизации позволит создать методологическую основу для разработки эффективного варианта технического перевооружения и структурной перестройки отечественной экономики.

Выводы. Таким образом, процесс модернизации экономики кроме технологического аспекта включает также этнический, социальный, экологический, этический, эстетический и иные аспекты. Развитие народных промыслов у титульных наций республик в составе России будет способствовать реализации эффективной экономической политики импортозамещения в целом по стране и ее отдельным регионам, а также развитию импортозамещающей модели модернизации экономики страны в целом.

Список литературы

1. Государственное финансирование научно-технического прогресса в развитых капиталистических странах / А.В. Жемчужникова, А.В. Толкушкин, И.А. Кравченко и др.: монография. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 239 с.
2. Гришкина М.В. История Удмуртии. Первая половина XIX века: учебник. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 80 с.
3. Засухин А.Т. Интенсификация производства: монография. – М.: Экономика,1975. – 183 с.
4. Капитонова О.А. Экология Удмуртской республики: учебное пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 381 с.
5. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды: монография. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.
6. Павлов К.В. Модернизация и инновационное развитие экономики на разных уровнях управленческой иерархии: монография. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 344 с.
7. Павлов К.В. Особенности модернизации старопромышленных регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 28. – С. 11–24.
8. Павлов К.В. Патоинституты, патоинституционализм и модернизация российской экономики // Проблемы теории и практики управления. – М., 2013. – № 7. – С. 126–134.
9. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике: монография. – М.: Магистр, 2009. – 461 с.
10. Павлов К.В. Старопромышленные регионы: социально-экономические и экологические особенности функционирования и развития: монография. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 344 с.
11. Павлов К.В. Ядро экономических систем и эффективная хозяйственная политика: монография. – М.: Магистр, 2009. – 191 с.
12. Прокофьев К.Ю. Инновационный потенциал региона: сущность, структура // Региональная экономика: теория и практика. 2013. – № 30. – С. 12–19.
13. Строева О.А. Развитие инновационной деятельности в регионе: теория, методология и практика: монография. – Тамбов: ТГУ, 2013. – 142 с.
14. Халевинская Е.Д. Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. – М.: Экономистъ, 2004. – 303 с.

Положихина М.А.
к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ САНКЦИЙ

Ключевые слова: *антироссийские санкции; импортозависимость; политика импортозамещения; нефтедобывающая отрасль; машиностроение; результаты импортозамещения; проблемы импортозамещения в России.*

С осени 2014 г. западные страны после нескольких месяцев разрозненных инициатив приступили к реализации скоординированного пакета антироссийских секторальных санкций, в первую очередь касающихся нефтедобывающей и оборонной отраслей России [Все санкции Запада…, 2015].

В России санкции со стороны западных стран вначале рассматривались как неблагоприятное, но краткосрочное явление. Однако их неоднократное продление (а также отсутствие прогресса в разрешении ситуации на Украине и сохранение расхождений позиций между Россией и западными партнерами) превратили санкции в долгосрочную проблему отечественной экономики. Более того, санкционный режим стал формировать новые условия деятельности («правила игры») для российских предприятий.

Следует также признать, что секторальные санкции затронули национальные экономические интересы страны и наглядно продемонстрировали слабость отечественной промышленности – ее зависимость от поставок зарубежных технологий и оборудования. Справедливости ради надо отметить, что такая ситуация сложилась не сегодня. Наследие «сырьевой державы» Россия приняла от Советского Союза. Но если на момент распада СССР существовали значительные производственные и технические мощности, то к настоящему времени российский научно-технический потенциал существенно сократился, а многие наукоемкие технологии утеряны. В 1990-х годах научные исследования практически не велись, отрасли промышленности деградировали. В результате сейчас Россия закупает оборудование, медикаменты, продукты питания, одежду и много другое. Как свидетельствует таможенная статистика, почти 70% товаров импортируется из дальнего зарубежья [Импортозамещение – путь преодоления…, 2014].

Хотя перечень российских импортозависимых позиций обширен – от редкоземельных металлов до селедки, – но особенно тяжелое положение, как выяснилось, складывается с продукцией машиностроения. По оценкам (по состоянию на 2014 г.), доля импорта в производстве сельхозтехники составляет от 50 до 90% (в зависимости от вида деталей), в тяжелом машиностроении – до 50%, в авиастроении – 80% [Импортозамещение в России: предпосылки…, 2016]. Ведущие предприятия химической промышленности страны не могут найти внутренних производителей, способных поставить оборудование, необходимое для обновления устаревших мощностей. А в компонентах российских спутников приборы и модули отечественного производства составляют всего около 30% – но из-за них случается 95% поломок и отказов. От одной трети до половины крупных отечественных предприятий испытывает проблемы с оборудованием, при этом внутреннее производство не обладает достаточными возможностями для обеспечения их передовой техникой и технологиями [Загашвили В.С., 2016, с. 53]. Уязвима и основа российской экономики – топливно-энергетический комплекс (ТЭК), поскольку здесь не развиты сервисные структуры (геологоразведка и т.д.), а нефтегазовые предприятия зависят от импортных технологий и оборудования [Импортозамещение – путь преодолеть…, 2014].

Необходимость противостоять возникшим из-за санкций угрозам и возместить наносимый ими ущерб экономики России потребовала активизации действий государственных органов власти и принятия ответных стратегических решений. Одним из таких действий стало изменение промышленной политики и курс на *импортозамещение.* Данное направление предполагает приоритетное развитие (а в случае России – часто возрождение) производств, ориентированных на внутренний рынок. В настоящее время в промышленности под этим подразумевается: 1) локализация в стране производства ранее импортируемой продукции; 2) создание новой продукции, аналогичной или превосходящей зарубежную по своим параметрам, адаптированной к отечественным климатическим и географическим условиям (так называемое импортоопережение) [Импортозамещение – путь преодолеть…, 2014]. В определенной степени это означает отход от представлявшейся прежде предпочтительной экспортной ориентации промышленности[1].

Необходимо отметить, что в общем импортозамещение не является новым явлением для России. Всю историю отечественного «догоняющего» развития можно представить как ход промышленного/индустриального импортозамещения. Специфика современной ситуации состоит в том, что в данном случае меры по импортозамещению высту-

[1] Хотя непреодолимой границы между импортозамещающими и экспортоориентированными производствами не наблюдается. Как свидетельствует мировой опыт, успешно осуществленное импортозамещение вполне может стать основой для последующего развития экспорта.

пают как ответные действия со стороны России в конфронтации с западными странами. Поэтому они носят вынужденный и срочный характер, определяются требованиями национальной безопасности.

Для реализации политики импортозамещения в августе 2015 г. было принято решение о создании специальной правительственной комиссии и утверждено соответствующее положение (Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 785 и распоряжение Правительства РФ от 04.08.2015 № 1492-р). Распоряжением Правительства от 30.09.2015 № 1936-р утвержден План содействия импортозамещению в промышленности. К 2016 г. Минпромторгом России было утверждено 20 отраслевых планов импортозамещения, охватывающих 2200 технологических направлений промышленности и определяющих меры стимулирования предприятий, принимающих участие в реализации этих программ [Импортозамещение в России: предпосылки…, 2016]. И вполне ожидаемо, что основное внимание в правительственных документах уделяется вопросам обеспечения оборудованием, прежде всего топливно-энергетического и оборонного комплексов.

Выполнение планов импортозамещения в отечественной промышленности только начато, и об их результатах говорить рано. Итоги 2015 г. позволяют дать лишь некоторые оценки последствиям западных санкций и проведения импортозамещающей политики.

Так, введенные санкции не сказались на уровне добычи нефти и газового конденсата в России – в 2015 г. она составила 534,1 млн т (при прогнозе в 525 млн. т). Страна по этому показателю сохранила 1 место в мире[1]. Благодаря задействованным механизмам льготирования выросла добыча в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, на континентальном шельфе (на 17,3 % по сравнению с 2014 г., или до 19 млн. т) и на месторождениях с трудноизвлекаемыми запасами (на 1,2 %, до 33 млн. т). Капитальные вложения в нефтедобычу также показали рост (9,6 %) и составили 1,08 трлн. руб., возросли и масштабы эксплуатационного бурения на 11,7 %, до 22 152 тыс. м (при снижении объемов разведочного бурения почти на 18%, или на 176 тыс. м, до 818 тыс. м) [Новак А.В., 2016].

Реализация политики импортозамещения позволила активизировать деятельность ряду крупных отечественных предприятий, прежде всего в машиностроении и нефтехимии. Начал действовать ряд новых заводов. Есть успехи в авиа- и судостроении (особенно важные в производстве двигателей), производстве программного обеспечения и телекоммуникационного оборудования [Импортозамещение в России: предпосылки…, 2016; Левин Б.Г., 2016; Литовкин А., 2016].

Можно сказать, что в 2015 г. был создан некоторый задел импортозамещения в промышленности. Хотя принятые программы пока не привели к значимым результатам, говорить о подлинном технологическом прорыве не приходится. По мнению аналитиков, наша страна остается в роли догоняющего, а по сути, отстает все больше и больше. Она пытается отвечать на вызовы в лучшем случае сегодняшнего, а то и вчерашнего дня, в то время как мировые лидеры думают даже не о завтра, а о послезавтра [Андрианов В., 2016].

Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть следующие стратегические последствия санкционного режима для промышленной политики и промышленности России.

Во-первых, санкции *способствовали отказу от ускоренного освоения арктического шельфа России* (хотя решающую роль в этом вопросе сыграло падение цен на углеводородное сырье). В Энергостратегии до 2035 г. и Генсхеме развития нефтяной отрасли РФ до 2035 г. прежние планы по добыче нефти и газа на шельфе будут пересматриваться в сторону снижения. Ожидать начала добычи нефти и газа на новых шельфовых месторождениях ранее 2025 г. нет оснований. Сейчас из-за низких цен на нефть и газ освоение шельфовых месторождений замедлилось во всем мире. Большинство из них при ценах на нефть ниже 90 долл. за баррель просто нерентабельны [Стакан наполовину: пуст или…, 2015; Россия отказалась от планов…, 2016]. Для России эта конъюнктурная задержка выгодна из-за ее технической неготовности к реализации подобных проектов. Да и с точки зрения экологии они (как и добыча сланцевой нефти) весьма небезопасны [Россия отказалась от планов…, 2016; Костюченко С.Л., 2016].

Перспективы высоко затратных и экологически опасных проектов освоения арктического шельфа и сланцевой нефти представляются еще менее реалистичными в свете происходящего в настоящее время в отечественной геологии пересмотра представлений о природе углеводородного сырья. В соответствии с новой парадигмой, нефть и газ относятся к возобновляемым полезным ископаемым нашей планеты. Биосферная концепция связывает их существование с современным круговоротом углерода и воды, обобщая имеющиеся теории органического и минерального образования углеводородов [Баренбаум А.А., 2014, с. 14]. Осознание возобновляемости нефти и газа ведет к значительным организационным, экономическим и техническим преобразованиям в нефтегазовой отрасли и экономике в целом. В качестве таких уже можно предположить изменение в оценке запасов углеводородного сырья, снижение внимания к разведке новых месторождений в труднодоступных районах и к освоению трудноизвлекаемых запасов, рост интереса к старым нефтегазоносным районам. Таким образом, отказ от ускоренного освоения шельфовой и сланцевой нефти позволяет России а) предотвратить очередной этап экстенсивного развития отрасли; б) сэкономить значительные средства; в) вписаться в новый «поворот» научно-технического прогресса.

Во-вторых, санкции *способствовали развитию российского машиностроения и производства программных продуктов*. Хотя нельзя отрицать ущерб, который нанесли санкции отдельным компаниям.

Некоторые западные эксперты считают, что санкции снизили способность России реализовывать собственные геоэкономические и геостратегические интересы (по крайней мере, в краткосрочном измерении), но их воздействие неоднородно по разным направлениям. В частности, финансовый сектор оказался более уязвимым, чем промышленность [Aalto P., Forsberg T., 2015].

[1] В 2014 г. в России было добыто 526,7 млн. т. нефти и газового конденсата.

Саму идею развития производства импортозамещающей продукции в России можно рассматривать и как вариант политики самообеспечения, и как новую, «усеченную» редакцию курса на модернизацию экономики, одним из направлений которой выступает *диверсификация производства*. Фактически, речь идет об очередной попытке «слезть с нефтяной иглы» или, в более широком контексте, «сойти» с траектории ресурсо-ориентированного развития. Однако в современных реалиях осуществить диверсификацию производства, тем более в сжатые сроки, крайне сложно. Хотя, как показала практика, осуществить диверсификацию производства в России в благоприятных условиях вообще невозможно – для этого в таких условиях нет никаких стимулов. В свете этого, санкционный режим благоприятствует возрождению, диверсификации и модернизации отечественной промышленности.

При этом значительная инерционность деятельности бюрократии ЕС и отсутствие повода для снятия санкций (из-за невыполнения минских соглашений по Украине) способствуют сохранению санкционного режима, что, в свою очередь, поддерживает политику импортозамещения в России в краткосрочной перспективе. Но даже при ее продолжении для достижения действительно значимого позитивного результата для экономики требуется преодолеть ряд существующих организационных или институциональных проблем внутри страны.

Реализация импортозамещающих проектов требует *стабильного и долговременного финансирования*, а также совместной работы органов власти и бизнеса, *сочетания рыночных и административных инструментов регулирования*.

Эксперты справедливо отмечают, что выполнение программы импортозамещения во многом тормозится из-за недостатка инвестиционных ресурсов, т.к. экономический спад не способствует активизации капиталовложений [Загашвили В.С, 2016, с. 52]. В этих условиях государство может стимулировать спрос на отечественное оборудование. Механизм правительственной комиссии по импортозамещению уже создает некоторые условия для консолидации спроса на продукцию нефтегазового машиностроения на внутреннем рынке. Так, начавшийся диалог между отечественными изготовителями и потребителями нефтегазового оборудования и технологий позволил сформировать список взаимный требований и претензий. В частности, практически все предприятия и компании отмечают приемлемость цены, но низкое качество выпускаемой продукции.

Для содействия внедрению и развитию новых технологий в ТЭК (в более узком смысле – в нефтегазовом машиностроении) специалисты предлагают создать хозяйствующий субъект, который взял бы на себя их разработку, доработку и внедрение (т.н. «Корпорацию развития нефтегазового машиностроения и нефтегазовых технологий») [Комков Н.И. и др., 2015]. Представляется, что это очередная попытка преодолеть старый порок отечественной экономики – отсутствие *эффективной системы превращения научных разработок в серийное производство.* В советский период эту проблему пытались решить за счет развития отраслевой науки (наряду с фундаментальной) и функционирования научно-производственных объединений. В настоящее время вопрос связи науки и производства стоит еще более остро. Ряд звеньев инновационного цикла недостаточно развит (в частности, венчурное финансирование), важность развития других недооценивается (пример – положение в патентоведении). Необходимость согласованного функционирования всего инновационного комплекса в должной степени не осознается. А реализуемые реформы в научной сфере уже ставят под угрозу саму возможность проведения фундаментальных исследований.

Как свидетельствует мировой опыт, системная, продуманная и долгосрочная государственная политика импортозамещения не только обеспечивает национальную безопасность, но и позволяет создать новые точки роста в экономике. Однако без создания действенной системы внедрения инноваций никакие программы (импортозамещения, диверсификации производства, модернизации и т.д.) не приведут к реальному технологическому прорыву.

Список литературы

1. Андрианов В. Импортозамещение: весь пар в гудок? // Нефтегазовая Вертикаль. Национальный отраслевой журнал. – М., 2016. – № 10. – http://www.ngv.ru/magazines/article/importozameshchenie-ves-par-v-gudok/
2. Баренбаум А.А. Научная революция в проблеме происхождения нефти и газа. Новая нефтегазовая парадигма // Георесурсы. Научно-технический журнал. – М., 2014. – № 4(59). – С. 9–16. – https://geors.ru/media/pdf/02_Barenbaum_.pdf
3. Все санкции Запада против России // ТАСС. Международная панорама. – 03.04.2015. – http://special.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1055587
4. Загашвили В.С. Диверсификация российской экономики в условиях санкций // Международная экономика и международные отношения. – М.: ИМЭМО, 2016. – Т. 60, № 6. – С. 52–60. – http://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2016/52-60_Zagashvili_.pdf
5. Импортозамещение в России: предпосылки, проблемы и перспективы / ЕИКЦ. Полезная информация. – М. – 28.04.2016. – http://www.euroinfocenter.ru/set-eikc/poleznaya-informaciya/importozameshchenie-v-rossii-predposylki-problemy-i-perspektiv
6. Импортозамещение – путь преодоления зависимость от Запада // Экономика и ТЭК России. Новости. – 02.12.2014. – http://www.tek-russia.com/news/article/111
7. Комков Н.И., Кротова М.В., Сутягин В.В., Володина Н.Н. Разработка стратегических альтернатив импортозамещения оборудования ТЭК (на примере оборудования для нефтегазового комплекса) // Технодоктрина 2014. Итоговый сборник докладов 1-го Всероссийского форума технологического лидерства России 02-04 ноября 2014 г., Москва; Челябинск: МОО «Русто», 2015. – С. 616–622.
8. Костюченко С.Л. Импортозамещение: какие проблемы стоят за ним в геологоразведочном сервисе // Neftegaz.RU. Аналитика. Госрегулирование. – 11.04.2016. – http://neftegaz.ru/analisis/view/8402-IMPORTOZAMESchENIE-kakie-problemy-stoyat-za-nim-v-geologorazvedochnom-servise
9. Левин Б.Г. Компания «ГридПоинт Дайнамикс» провела анализ ситуации в нефтегазовой ИТ-отрасли в секторе «Поиск, разведка и разработка месторождений» // Neftegaz.ru. Аналитика. Проекты. – 26.04.2016. – http://neftegaz.ru/analisis/view/8409-Kompaniya-GridPoint-Daynamiks-provela-analiz-situatsii-v-neftegazovoy-IT-otrasli-v-sektore-Poisk-razvedka-i-razrabotka-mestorozhdeniy
10. Литовкин А. Россия преодолела зависимость от Украины по вертолетным двигателям // Известия. Армия. – 23.06.2016. – http://izvestia.ru/news/619188

11. Новак А.В. ТЭК России. Итоги-2015. Впереди – время эффективных действий по развитию отрасли // Бурение и нефть. – М., 2016. – № 5. – http://burneft.ru/archive/issues/2016-05/3
12. Россия отказалась от планов интенсивной добычи нефти и газа на шельфе // Бурение и нефть. Пресс-салат. – 20.06.2016. – http://burneft.ru/main/news/13643
13. Стакан наполовину: пуст или полон? // Экономика и ТЭК России. Новости. – 20.12.2015. – http://www.tek-russia.com/news/article/2065/
14. Aalto P., Forsberg T. The structuration of Russian's geo-economy under economic sanctions // Asia Europe Journal. – Berlin: Springer Verlag, 2015. – Vol. 13. – 18 p. – http://link.springer.com/article/10.1007/s10308-015-0446-6/fulltext.html

Пястолов С.М[1]**.**

ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: *исследования науки и техники, безопасность, безопасность технологий.*
Keywords: *science and technology studies, security, technology safety.*

Беспокойство о безопасности вновь, после сравнительно небольшого перерыва, вышло на повестку дня «развитых» стран (так, недавно правительство Германии объявило гражданам о необходимости приготовления «неприкосновенных запасов»[2], похожие меры обсуждаются/предпринимаются и в других странах). Чаще всего в таких случаях объявляется о необходимости тестирования систем технологической безопасности в контексте подготовки к вероятному климатическому коллапсу.

Заметим, кстати, что страхи по поводу возможных техногенных/ климатических/ тектонических катастроф стали нагнетаться по мере ослабления страхов, обусловленных возможностью военных конфликтов между ядерными державами (СССР исчез с политической карты мира, и мир перестал быть ареной противостояния «антагонистических» систем). Как выясняется, обязательства гаранта глобальной безопасности оказываются слишком обременительными для одной страны, даже для такой как США. Кроме того, эксперты отмечают, что вновь самоопределившийся мировой лидер пытается использовать проблематику общей безопасности в своих политический интересах, в частности, для произвольных манипуляций мировым общественным мнением и выделения «ответственных» и «прогрессивных» стран, с которыми только и возможно сотрудничество в жизненно важных сферах, сегодня это, прежде всего, области высоких технологий.

Экономические и политические санкции стали одним из способов манипуляций, и, как видно из анализа текущих событий, уровень ответственности тех юридических и физических лиц, на которых возложены обязанности международных арбитров, определяется степенью их зависимости от центров силы (военной, административной, рыночной), сложившихся за последние десятки и сотни лет. При этом интересы народов различных стран принимаются во внимание исключительно в соответствии с их положением в рейтингах экономической, технологической, предпринимательской конкурентоспособности. Это очевидно актуализирует проблематику импортозамещения не только в плане продуктов – продовольственных и непродовольственных, но, в первую очередь в плане технологий, проектов и стратегий развития. Много вопросов возникает уже не только в связи с тем, что нужно искать замену тем технологиям и продукции, поставки которых из-за рубежа сокращаются, но также и в связи с тем, что импорт некоторых сложных (системных, институциональных и т.п.) наукоинтенсивных продуктов, не только не прекращен, но и в ряде случаев навязывается с целью сделать потребление такого рода продукта безальтернативным.

В предварительной методологической части заметим, что, действительно, существуют фундаментальные причины нарастания (рост рисков) и появления новых опасностей в общественной, технологической и иных сферах, обусловленных эффектами т.н. «временного дисхроноза функционирования людей и техники»[3], а также проявлениями меркантилизма, стремления к краткосрочной максимизации целевых показателей транснациональных компаний. Такие социо-технические и институциональные факторы в комплексе усугубляют ситуации «фундаментальной неопределенности» в глобальных эко- и техносферах и произвольно задаваемой непредсказуемости в отдельно взятых секторах.

Существенным аспектом общей безопасности становятся вопросы защиты данных и уязвимости систем безопасности, как для социо-экономических систем в целом, так и для отдельных компаний. Действительно, проникновение информационных технологий во все сферы общественной жизни, кроме того, что создает новый уровень зависимости от соответствующих технологий, также генерирует риски кибервойны, формирует новое восприятие угроз в области технологической и общественной безопасности в целом.

Отмеченное международной статистикой сокращение оборонных бюджетов в развитых странах по-своему влияет на технологическую безопасность. Этот факт в ряду прочих факторов усиливает экономическую конкуренцию среди производителей оборонных отраслей, и они начинают менять свои отношения с имеющимися и потенциальными партнерами, предлагая им такие варианты технологических решений, которые ранее не предлагались из соображе-

[1] Пястолов Сергей Михайлович – д.э.н., профессор, гл.н.с. Центра НИИ по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН. E-mail: Ibs-piast@mail.ru

[2] См., например: Правительство Германии утвердило новую концепцию гражданской обороны. – http://www.newsru.com/world/24aug2016/civildefense.html

[3] Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования. – М., 2015. – № 10. – С. 22–30.

ний государственной безопасности. Но такое поведение создает новые возможности для реализации враждебных действий в рамках т.н. гибридных войн.

Наряду с сокращениями военных расходов развитых стран[1], их рост наблюдается в Африке (2014: 5,9% по всему континенту; 7,6% – по северной Африке); Центральной Америке и Карибском бассейне (9,1%); Восточной Азии (6,2%); Океании (6,9%); Ближнем и Среднем Востоке (5,2%); рост военных расходов в странах Восточной Европы достиг 8,4% (Отчет «СИПРИ 2014»[2]). Однако перераспределение военных расходов означает лишь то, что США и их союзники изменили стратегию, важное место в которой теперь занимает теория «управляемого хаоса». Практическим следствием теории стала практика гибридных войн, в арсенале которых существенное место занимают кибернетические инструменты. Инструментарий в этом случае включает средства и методы, позволяющие оказывать неосязаемые воздействия, которые могут навредить как международной коммерции отдельной страны, так и ее военной инфраструктуре. По существу, следует вести речь не о сокращении военных расходов мирового гегемона, а о перераспределении средств: какая конкретно сумма направляется ежегодно на военные цели с учетом разработок в киберпространстве сказать сложно, известно однако, что расходы на *Hume-Tech* (это, в частности, комплексные разработки в области генетических, биологических, фармакологических, электронных и других технологий) глобальных корпораций на порядки превышают расходы на *Hi-Tech*.

Такого рода новые технологии, в отличие от технологий предшествующего уклада, не столь зависимы от объема физических активов (материальных средств производства), и это практически обнуляет технологические достижения и накопления, которые составляют сегодня богатство промышленно развитых стран. Вместо этого, кибертехнологии обещают сравнительные преимущества отдельным интеллектуальным элитным группам, даже независимо от их включенности в технологические цепочки и наличия промышленной инфраструктуры.

Таким образом, изменилась сама природа войны: уже нет необходимости в явных военных действиях и крупномасштабном насилии, не меньшего эффекта можно достичь за счет тонкого, но все же разрушительного, воздействия на информационные ресурсы конкурента, который может неожиданно стать врагом в конфликтной ситуации.

Если же говорить о «явно опасных» технологиях, то следует заметить, что, например, военные аппаратные средства и комплексы сами по себе являются только средством обеспечения чьей-либо безопасности и, одновременно с этим, усиление опасности для другого. Следовательно, существенным для успеха собственных стратегий является планирование безопасности и формирования соответствующих организационных инфраструктур на базе понимания военных доктрин и стратегий противников.

Особенностями современных стратегий является то, что их военные составляющие все сложнее выделять из спектра экономических, политических, идеологических (в т.ч. стратегий культурной экспансии, включая распространение паттернов потребления).

«Мир переходит от информационных войн к войнам, основанным на способностях извлечь и применить знания глобального информационного пространства» – пишет вице-президент Лиги содействия оборонным предприятиям России В. Рубанов[3]. Стремление контролировать технологизированное киберпространство с целью информационного доминирования – вот ключевая характеристика нового типа войны. Соответственно, не уничтожение вооруженных сил противника определит победу, а подавление его «морально-психического состояния и способности к принятию адекватных решений». Р. Шафранский, эксперт ВВС США, описывает врага в этом контексте «как множество отдельных разумов», а высшие ценности составляют его потенциал сопротивления нации. Таким образом, диспозиции противников следует описывать в терминах энергоинформации – психоисторической/ментальной энергии.

Если «системы знаний и представлений»[4] оказываются целями информационной войны в соответствии с современными военными доктринами, то состояние России как социо-эко системы в данном аспекте оставляет желать лучшего[5]. При этом до недавнего времени наш противник имел преимущество в информационной войне, его влияние оказывалось таким образом, что многие о нем не догадывались, и до сих пор значительная часть российских администраторов считает, что они принимают решения или совершают действия, исходя из своих интересов. Однако на самом деле это – только краткосрочные интересы, в долгосрочной же перспективе (хотя бы от 20 лет и далее) собственные российские интересы либо вообще не просматриваются, либо потенциально достижимые результаты, очевидно, будут им противоречить.

В качестве иллюстрации предлагается рассмотреть пример одного из институциональных инструментов технологического развития. Это т.н. «комплексные международные партнерства в науке, технологиях, инновациях (КМПНТИ) (complex international science, technology and innovation partnerships), опыт которых за прошлые два десятилетия оценивают, в числе других групп экспертов, С. Фотенгауер и др.[6] Рассматривается конкретный пример четырех партнерств Массачусетского института технологий – МИТ. Авторы, в частности отмечают, что новое поколение

---

[1] В США падение составило 6,4%, в Западной и Центральной Европе – 1,9%, в Южной Америке – 1,3%, в Юго-Восточной Азии – 0,4%.

[2] http://nvo.ng.ru/notes/2015-11-27/5_sipri.html / СИПРИ (SIPRI – *Stockholm International Peace Research Institute*) – независимый международный институт исследований проблем мира и конфликтов, вопросов контроля над вооружениями и разоружения.

[3] http://www.aif.ru/onlineconf/1392946

[4] Там же.

[5] Подробнее см., например: Пястолов С. Метафизика «системной модернизации» // Экономист. – М., 2016. – № 3. – С. 46–54.

[6] Pfotenhauer S. M., Wood D., Roos D., Newman D. Architecting complex international science, technology and innovation partnerships (CISTIPs): A study of four global MIT collaborations // Technological Forecasting & Social Change. 2016. – N 104. – P. 38–56.

партнерств отличается от традиционных форм несколькими важными свойствами. Во-первых, они, как правило, представляют собой соглашения по укреплению исследовательского потенциала одной из сторон, то есть, это – ограниченные по времени договорные обязательства. В отличие от университетских кампусов или совместных программ, они не предусматривают постоянного «оффшорного присутствия» и, как правило, поддерживаются правительством страны, оказывающей гостеприимство. Во-вторых, они обычно комбинируют совместные действия в области исследований с рядом коммерческих услуг, которые один партнер оказывает другому. В-третьих, они размещают деньги местных налогоплательщиков в целях финансирования исследования (и других действий) совместно и в университете иностранного партнера, что все еще в основном резко контрастирует с практиками финансирования исследований и формирования институтов во многих странах.

В-четвертых, партнерства «типично сложны», и это означает, что они одновременно обращаются к целям в образовании, исследованиях, инновациях, формировании институтов, осуществлении политической реформы и другим. Это отличается от более традиционных форм международных университетских взаимодействий, которые обычно сосредоточиваются только на одном из этих аспектов, например, в форме студенческих обменов, двойных программ получения ученой степени или сотрудничества отдельных исследователей. В-пятых, они имеют тенденцию быть *крупномасштабными* инициативами, которые могут длиться до 20 лет, вовлечь сотни людей, стоить десятки и сотни миллионов долларов (не учитывая потенциал развития инфраструктуры) и нередко объединяют множество учреждений в подобной консорциуму структуре.

Эти крупномасштабные университетские товарищества – элемент набора инструментов стратегической политики, направленной на становление и укрепление потенциала того, что называется «сложным партнерством» (КМПНТИ). Говоря в общем, учитывая ограниченность смыслов, передаваемых терминами, это гибридная комплексная и крупномасштабная структура, формирующая институциональные условия и осуществляющая усилия в сфере консультирования, финансирования и проведения научных исследований. Кроме того, КМПНТИ не ограничены партнерствами с университетами, но существуют в расширяющемся спектре других институциональных и секторных форм и параметров.

Например, страны, впервые проводящие космические исследования, сегодня строят свой первый спутник, как правило, с помощью иностранных партнеров (компаний, правительственных учреждений, университетов). Аналогично, свою первую атомную электростанцию, страны, как правило, строят с партнерами в ядерных державах.

Исследования КМПНТИ группой Фотенгауэра и др. вполне совместимы с интерпретирующими подходами к стратегическому анализу – такими, как, например, в Исследованиях науки и техники (Science and Technology studies – S&T): всесторонняя картография стратегического выбора, воплощенного комплексом инициатив S&T создает здравую эмпирическую опору для интерпретаций выбора в сопоставлении с постоянными социо-техническими проекциями и ожиданиями социального окружения, в итоге способствуя «*совместному производству научно технического уклада и общественного строя*».

Отмечены три важных характеристики данной политики: университетский центризм, международные взаимодействия и сложность. Инновационная политика все более и более затрагивает различные аспекты международных взаимодействий. Недавние публикации подчеркивают важность технологического трансфера, при этом возможности извлечь выгоду из технологического приобретения, в конечном счете, зависят от местных навыков и абсорбционной способности, так же как от способности приспособить технологии к условиям местного контекста. В то время, как сотрудничество может принять много форм, большинство исследований сосредоточилось на определенном уровне сотрудничества в исследованиях, таком как со-авторство или сети (со-)цитирований, даже при том, что их ограниченность достаточно широко признана. Намного меньше внимания обращается на сотрудничество на институциональном или национальном уровнях.

Известно, например, что интернационализация в инновационной деятельности все более и более связывается с вопросам международной трудовой мобильности. Так, число мобильных студентов в мире удвоилось между 2001 и 2011 гг. и достигло приблизительно 4,3 млн. чел., и, по оценкам, превысит 8 млн. чел. к 2025 г.[1] Как следствие, многие страны – доноры пытаются встретить этот вызов «международного императива» и стать странами-реципиентами, что позволит им извлекать выгоду от притока умных, мобильных людей в их университеты и на рынки труда.

Также следует отметить, что расширяющийся спектр публикаций постепенно раскрывает новые горизонты – от относительно простых линейных моделей послевоенного времени и более позднего дифференцирования между «толчком», «растягиванием», интерактивными способами ведения инновационной деятельности, к более свежим взглядам на структуры инновационных систем, которые подчеркивают, как различные части системы служат обеспечению дополнительных функций. Также отмечается постепенная эрозия институциональных границ в инновационной сфере.

Однако наряду с тенденциями к объединению в рамках единого «пространства исследований», эксперты по технологической безопасности отмечают и противоположную тенденцию – «отчуждения в группе развивающихся стран в быстро изменяющемся мире, который является все более и более информационно-сетевым и взаимозависимым». В докладе СИПРИ 2004 года такое отчуждение названо «новой проблемой в общем контексте глобальной безопасности, в котором технология играет важную роль»[2]. В связи с ней в новом свете раскрывается вопрос о контроле экспорта и доступе к технологиям – военным и двойного назначения, нераспространения и разоружения.

---

[1] См.: Pfotenhauer e.a., p. 40.

[2] Technology and Security in the 21st Century. A Demand-side Perspective. SIPRI Research Report N 20. – New York: Oxford University Press, 2004.

Член Индийского национального совета по безопасности, профессор А.Малик (Amitav Mallik, специалист в области физики твердого тела) исходя из вышеизложенного, предлагает сохранить «режим прямого доверия в области безопасности» только для «ответственных и демократических государств», а «страны-изгои» и «негосударственные игроки» должны быть «подвергнуты «всеобъемлющим мерам», в рамках существующей системы контроля экспорта»[1]. Для «ответственных и демократических государств» индийский профессор предлагает разработать специальные критерии оценки «ответственной собственности на технологии»: (Responsible Ownership of Technology – ROOT). Такая система «международной аттестации» отдельных государств «относительно их зрелости в работе с тонкими технологиями» призвана «точно настроить технологические средства управления будущего» таким образом, чтобы международный экономический рост и глобальная безопасность не оказались под угрозой. «Система аттестации» также будет использована для установления «более высоких заборов» на пути распространения высоких технологий с тем, чтобы уменьшить их количество «на основе общего согласия» избранных участников соглашения, «для обеспечения длительной международной стабильности и коллективной безопасности»[2].

Глобальная идея проектов, подобных проекту ROOT, по сути, заключается в замене технологических *средств* технологическими *системами* управления, что, по всей видимости, должно придать статус объективности получаемым оценкам и рекомендациям. Стандарты и оценочные процедуры «выравнивают игровую площадку» и, казалось бы, снижают возможности обретения конкурентного преимущества для отдельных игроков, однако, по факту, оказывается, что этой возможности лишаются в основном те, кто вступает в игру (как, например, не займут первых мест в мировом рейтинге университетов те, кто меньше публикует на английском языке). По описаниям ряда конкретных случаев, ситуации часто напоминают известную в экономической теории модель отношений на рынке несовершенной конкуренции для доминирующей фирмы и ее последователей.

Заметим, что различные «системы аттестации», разработанные на базе принципов доминирующих сегодня экономических моделей, т.е. на принципах/идеологии методологического индивидуализма, активно применяются в практике многих международных и межправительственных организаций. Одной из таких систем является «Глобальный индекс инноваций» (The Global Innovation Index – GII). Место Российской Федерации в этом рейтинге (2016/2015 гг.): Общий рейтинг = 38,50/39,32 (место в общем рейтинге = 43/48); Эффективность затрат на инновации = 0,65/0,74 (место в рейтинге эффективности = 69/60)[3]. По результатам ранжирования 2015 года пятерку наиболее инновационных в мире стран составляют Швейцария, Соединенное Королевство (Великобритания), Швеция, Нидерланды, и Соединенные Штаты Америки (США). Китай, Малайзия, Вьетнам, Индия, Иордания, Кения, Уганда, и группа других стран определены как лидеры в своих группах.

Если же к этим «объективным» оценкам добавить анализ текущей мировой политики и высказываний первых лиц ведущих мировых держав[4], то предположение о том, что Россия окажется в круге «избранных» – достойных принимать решения о распространении/экспорте высоких технологий/критических технологий двойного назначения, получает очень мало оснований.

Обсуждение и выводы по выше приведенным тезисам включают следующее. Действительно, равновесие военных потенциалов, которое стремятся обеспечить мировые лидеры, будет поддержано, в первую очередь, уникальными достижениями и решающим вкладом в сфере высоких технологий. «Легальное» использование оружия массового поражения какой-либо реальной стратегической силой станет практически невозможным и, если такое случится, это будет объявлено как действия террористов.

Достаточно реальными какое-то время будут оставаться угрозы применения конвенциального «умного оружия», энергетического и некоторых других новых видов оружия. Мнения разработчиков приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации поддерживают данные заключения. В соответствующий перечень входят: безопасность и противодействие терроризму, науки о жизни, наносистемы, информационно-телекоммуникационные системы, перспективные виды вооружения, военной и специальной техники, рациональное природопользование, транспортные и космические системы, энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика[5].

Но, не менее серьезными оказываются и опасности, обусловленные текущими явлениями в сфере науки и технологий, в частности тем, что т.н. «цифровая революция» и свободное распространение технологических знаний резко снижает эффективность контроля экспорта высокотехнологичной продукции двойного назначения. А это требует не просто ответных реакций, как, например, программы импортозамещения в критических технологиях и продуктах, а кардинальной смены самой парадигмы научно-технологического развития (вспомним о стремлении наших партнеров к совместному «производству научно технического уклада и общественного строя» и ответим сами себе на вопрос –

[1] Technology and Security…, p. 131–135.

[2] Technology and Security…, p. 134.

[3] The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation. World Intellectual Property Organization; European Competitiveness Initiative, INSEAD; The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development. World Intellectual Property Organization; European Competitiveness Initiative, INSEAD.

[4] См., например: Глава МИД Великобритании допустил превращение России в страну-изгоя. – https://news.mail.ru/politics/27303425/?frommail=1

[5] См.: Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 07.07.2011 №8999. – http://www.kremlin.ru/acts/bank/33514

каковы наши представления о желаемом общественном строе?). К сожалению, такие моменты почти не видны в спектре усилий, направленных на обеспечение технологической безопасности в России.

«Технократический уклон государственной научной политики» – считают эксперты Института социально-политических исследований РАН, – «содержит отложенные риски, связанные со снижением качества научного обеспечения управления социальными переменами и гуманитарным развитием. Примером, наглядно иллюстрирующим значимость учета таких рисков, является трагическая история распада СССР, которая в немалой степени оказалась связанной с неготовностью общественных наук адекватно ответить на запросы государства и общества в области экспертного обеспечения общественно-политических и социально-экономических реформ»[1].

Специалисты в области теорий управления не так давно ввели в научный оборот понятие «Организационная нескладуха» (ОН) (Organizational zemblanity), которая получается как результат сочетания «блестящего идиотизма» (smart idiocy) и «безответственного оптимизма» (reckless optimism)[2]. Диагноз ОН для экотехносистемы означает, в частности, неизбежность серьезного сбоя и большую вероятность катастрофы.

В задачу данного доклада входило – показать наличие серьёзных угроз национальной безопасности в сфере гуманитарных технологий. К сожалению, можно привести немало свидетельств того, что в этой сфере российские администраторы пользуются преимущественно заимствованными технологиями и продуктами (*Hume – Tech*). Если же не признать в связи с этим необходимость соответствующего импортозамещения – это будет выглядеть, по меньшей мере, как проявление «безответственного оптимизма».

Задачи обеспечения технологической безопасности следует решать в контексте не только конкуренции национальных экономических систем и транснациональных корпораций, но и на уровнях цивилизационных укладов, способов и техник мышления, принципов познания. По существу, здесь необходим своеобразный «квантовый скачок» в развитии теорий разработки и распространения технологий, обеспечения безопасности различных типов. Развитие данного теоретического направления в России находится до сих пор на стадии становления, и к этим вопросам мы еще вернемся на последующих этапах нашего исследования.

[1] Яник Л.Л., Попова С.М. О некоторых практических вопросах управления процессами корректировки приоритетных направлений развития науки, техники и технологий в Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. – Вып. 48, февраль. – С. 152.

[2] В статье Giustiniano L., Pina e Cunha M., Clegg S. Organizational zemblanity // European Management Journal. 2015. – P. 1–15. – http://dx.doi.org/10.1016/j.emj.2015.12.001 – этот феномен исследуется на примере катастрофы лайнера «Коста Конкордия» в январе 2012 г.

Рева Д.В.
аспирант Института сферы обслуживания и предпринимательства филиала Донского государственного технического университета – ИСОиП (ф) ДГТУ, Шахты
Давтян Г.Г.
аспирант ИСОиП (ф) ДГТУ
Прохоров В.Т.
научный руководитель, д.т.н., профессор ИСОиП (ф) ДГТУ
Осина Т.М.
к.т.н., доцент ИСОиП (ф) ДГТУ)
Тихонова Н.В.
д.т.н., профессор Казанского национального исследовательского технологического университета
Кораблина С.Ю.
к.т.н., доцент МГУДТ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СЕГМЕНТИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЫНКОВ ПО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЮ ОБУВИ В РЕГИОНАХ ЮФО И СКФО

Ключевые слова: *сегментирование, спрос, рынок, импортозамещение, ассортиментная политика, ассортиментный ряд, ценовая ниша, точка безубыточности.*

Keywords*: segmentation, demand, market, import substitution, assortment policy, product range, price niche, break-even point.*

В традиционной схеме формирования ассортимента закладывалась дифференциация, основанная на классификации обуви по трём признакам:

– назначению (бытовая; специальная);

– половозрастному признаку (основа – ГОСТ 3927-88. Колодки обувные – пинетки, для ясельного возраста, малодетская, дошкольная, для школьников-девочек, девичья, для школьников-мальчиков, мальчиковая, женская, мужская);

– условиям эксплуатации (род профессиональной деятельности, сезонность, климатическая зона).

Опираясь на другие источники, обувь по своему назначению можно разделить на бытовую (повседневную, модельную, домашнюю) и специальную (производственную, спортивную, ортопедическую, медицинскую).

Однако такое деление ассортимента имеет ряд существенных недостатков. Оно не позволяет выявить группы населения с различными стилем, уровнем жизни и вкусовыми предпочтениями. Деление же по половозрастному признаку подразумевало различные антропометрические характеристики потребителей в зависимости от возраста и пола, но не учитывало возрастные отличия стиля жизни и приоритеты потребностей.

Потребности населения в товарах формируются исторически. Они определяются уровнем развития общественного производства, благосостоянием и культурой общества и могут меняться с течением времени.

Характеристика ассортимента включает в себя такое понятие как *мобильность*. По определению маркетинга мобильность – неотложное исполнение принятых решений, проведение исследований в строго установленные сроки.

Применение термина «мобильность» в отношении обувного ассортимента заключается в быстрой сменяемости моделей ассортимента в зависимости от конъюнктуры рынка и требований потребителей, предъявляемых к обуви.

В практике маркетинга существует также принцип, учитывающий степень экстравагантности или консервативности потребителей. По своей реакции на новые явления потребителей делят на пять категорий:

– суперноваторы (2,5%);

– новаторы (13,5%);

– обыкновенные (34%);

– консерваторы (34%);

– суперконсерваторы (16%).

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, такую дифференциацию необходимо также учитывать при формировании структуры ассортимента [2].

По степени приверженности к брендам потребителей можно разделить на следующие группы:

– безоговорочные приверженцы – это потребители, которые постоянно покупают товар одной и той же фирмы;

– терпимые приверженцы – это потребители, которые привержены к двум-трём товарным брендам;

– непостоянные приверженцы – это потребители, переносящие свои предпочтения с одного бренда на другой;

– странники – это потребители, не проявляющие приверженности ни к одного фирме.

Такое разделение потребителей целесообразно использовать, когда товар покупается с краткосрочной периодичностью, например, один раз в неделю или месяц [3].

Принцип экономической дифференциации потребителей практически рекомендуется осуществлять по уровню доходов, и наличию того или иного имущества (автомобиль, недвижимость и т.д.). Одним из наиболее распространённых способов такой дифференциации продукции, используемых на зарубежных рынках, является деление ассортимента по ценовым точкам.

Формирование ассортимента обуви с учётом её конкурентоспособности – это сложный процесс, осуществляемый с учётом действия целого ряда факторов, исследование которых должно базироваться на анализе существующего рынка обуви, а также на прогнозировании тенденций в социальной, экономической и производственной областях.

Формированию ассортимента предшествует разработка предприятием ассортиментной концепции. Она представляет собой направленное построение оптимальной структуры обувной высококачественной продукции, при этом за основу принимаются с одной стороны, необходимость обеспечения наиболее эффективного использования предприятием сырьевых, технологических, финансовых и иных ресурсов с тем, чтобы производить изделия с низкими издержками, а с другой – удовлетворения требований определённых групп потребителей с учётом их особенностей и возможностей [7].

Для создания конкурентоспособной высококачественной продукции обувным предприятиям требуется расширять и обновлять ассортимент, обеспечивать высокую динамику сменяемости моделей, увеличивать объёмы и повышать эффективность модельно-конструкторских проработок, качество и удовлетворённость населения обувью.

При разработке или обновлении ассортимента обувное предприятие обязано учитывать не только свои возможности, но и наличие на рынке обуви аналогичного назначения конкурирующих фирм, а также предпочтения покупателей в отдельных сегментах рынка.

Нельзя говорить о качестве или конкурентоспособности обуви вообще без учёта потребностей покупателей определённой группы на рынках соответствующего типа. Рынки обувных товаров представляют собой разнородную совокупность покупателей, имеющих различные вкусы и предпочтения [8].

Деятельность по выделению потенциальных групп потребителей конкретных видов товаров называется *сегментацией рынка*. [9] Сегментация концентрируется на различиях в поведении разных типов покупателей (потребителей) на соответствующих рынках. Для обувных предприятий сегментация покупателей является основанием для корректировки существующей структуры ассортимента обуви или для разработки новых моделей.

Таким образом, сегментация рынков обуви является важной составляющей и началом работ по обеспечению конкурентоспособности современной обуви. Практическое её значение состоит в том, что конкретизация типов потребителей создаёт предпосылки для корректировки и обновления структуры и ассортимента обуви, совершенствования технологии и организации производства.

Рынок обуви является составным элементом экономических отношений, основными участниками которого являются, с одной стороны, производители обуви, а с другой – потребители. В качестве товара на этом рынке выступает обувь, представляющая собой одну из наиболее сложных групп непродовольственных товаров с весьма разнообразным ассортиментом.

Обувь является одним из важнейших товаров, выпускаемых лёгкой промышленностью РФ и импортируемых из-за границы. От правильного определения количества и качества моделей, производимых обувными предприятиями, от конкурентоспособности ассортимента зависят степень удовлетворения спроса потребителей, прибыльность и рентабельность организаций. Результатом взаимодействия составных частей рынка (спроса, предложения, цен на обувь) является возможность предложения максимально удовлетворить спрос на продукцию по конкретной цене. [10]

Таким образом, значение рынка обуви состоит в удовлетворении потребностей населения. Соответственно, развитие рынка приводит к повышению уровня обеспеченности отдельного члена общества. Рынки состоят из покупателей, а покупатели отличаются друг от друга самыми разными параметрами: по своим потребностям, финансовым и другим возможностям, местоположению, покупательским взглядам и покупательским привычкам. В этом смысле Южный и Северо-Кавказский федеральные округа представляют наибольший интерес для сегментирования рынка из-за однородности совокупного потребителя, одинакового реагирующего на товар и способы его оценки для приобретения. Характеристика регионов с сегментированием рынка представлена в таблицах 1 и 2, а их географическое расположение – на рис. 1. Учитывая климатические особенности двух округов, а именно, сравнительно мягкий и влажный климат в зимний период, повышенную температуру в летний период и комфортные условия в осенне-весенние периоды, необходимо с учётом этих особенностей формировать ассортиментную политику изготовления такого ассортиментного ряда обуви, чтобы гарантировать её спрос и востребованность не только за счёт ценовой политики, но и обеспечивая потребителям, особенно детям, комфортность и предупреждение возникновения у них патологических отклонений стоп. К сожалению, сегодня наполнение рынка импортной продукцией не обеспечивает устранение этих проблем, что провоцирует импортозамещение обуви, чтобы удовлетворить спрос потребителей этих субъектов именно в такой обуви, которая удовлетворяла бы их по всем аспектам, а предприятиям-изготовителям – получение устойчивых технико-экономических показателей с гарантией социальной защиты населения этих регионов [11].

При сегментировании рынка предприятия подразделяют большие разнородные рынки на меньшие (и более однородные) сегменты, которые можно обслужить эффективнее, в соответствии со специфическими потребностям этих сегментов. Обувным предприятиям для успешной реализации выпущенной продукции в первую очередь необходимо произвести сегментацию потребительского рынка и определить целевой сегмент этого рынка.

В общем смысле под сегментированием рынка понимается процесс разделения рынка на группы потребителей по заранее определённым признакам, что позволяет сконцентрировать средства на наиболее эффективном сегменте

рынка. Сегмент рынка – однородная совокупность потребителей, одинаково реагирующих на товар и способы его представления [12].

Целевой сегмент (рынок) – сегмент, выбранный в результате исследования рынка сбыта той или иной продукции или услуги, характеризующийся минимальным расходами на средства продвижения товара и обеспечивающий предприятию основную долю результата её деятельности (прибыли или других критериев цели выхода предприятия на этот рынок).

Сегментация рынка обуви в ЮФО и СКФО может осуществляться как на основе одного, так и с последовательным применением нескольких показателей.

Итоги сегментирования анализируемого базисного рынка обуви Южного и Северо-Кавказского федеральных округов можно представить в виде таблицы рейтинговых оценок. Сегмент, набравший в итоге минимальную сумму мест, является наиболее привлекательным.

В результате анализа таблиц 1 и 2 выявлены одна республика, город федерального назначения, два края и три области, где наблюдается наибольшая сегментация потребительского рынка из двух округов: Республика Крым – 2,25. г. Севастополь – 2,4. Ростовская область – 2,5%, Краснодарский край – 2,65, Астраханская область – 2,7, Волгоградская область – 3,25, Ставропольский край – 5,4 % [13].

Однако при проведении сегментирования необходимо учитывать цели сегментирования. [14]

При создании новых предприятий в регионах ЮФО и СКФО по производству обувной продукции необходимо исходить из спроса на весь ассортиментный ряд обуви, чтобы обеспечить потребителей этих регионов востребованной и конкурентоспособной продукцией.

Таблица 1

Критерии сегментирования рынка обуви для субъектов ЮФО и СКФО

Субъект сегментирования	Объект сегментирования	Сегментация по численности	Сегментация по уровню доходности	Сегментация по размеру средней заработной платы
Все предприятия, производящие либо собирающиеся производить обувь на территориях Южного и Северо-Кавказского федеральных округов	Южный и Северо-Кавказский федеральные округа РФ	Чем больше количество населения сегмента, тем выгоднее для предприятия	Чем выше доходность каждого жителя, тем больше шанс на приобретение продукции предприятия	Чем выше заработная плата жителя, тем больше шансов, что он потратит её на обувь

Таблица 2

Итоги сегментирования потребительского рынка ЮФО методом суммы мест с учётом коэффициентов весомости

Наименование территориальной единицы	Население тыс. чел.	Площадь, км^2	Рейтинговые позиции			
			доходность, балл×0,45	зарплата, балл×0,30	численность, балл×0,25	Сумма баллов, %
Южный федеральный округ, в. т.ч.						
Республика Адыгея	451,5	7792	3,6	2,1	2,75	8,45
Астраханская область	1018,6	490 24	0,9	0,3	1,5	2,7
Волгоградская область	2545,9	112877	1,35	0,9	1,0	3,25
Республика Калмыкия	278,8	74 731	4,95	2,4	3,25	10,6
Краснодарский край	5513,8	75 485	1,8	0,6	0,25	2,65
Республика Крым	1907,1	26 100	1,3	0,5	0,45	2,25
Ростовская область	4236,0	100 967	0,65	1,25	0,6	2,5
Город федерального значения Севастополь	416,3	864	1,65	0,55	0,2	2,4
Всего	16 368,0	447 821				

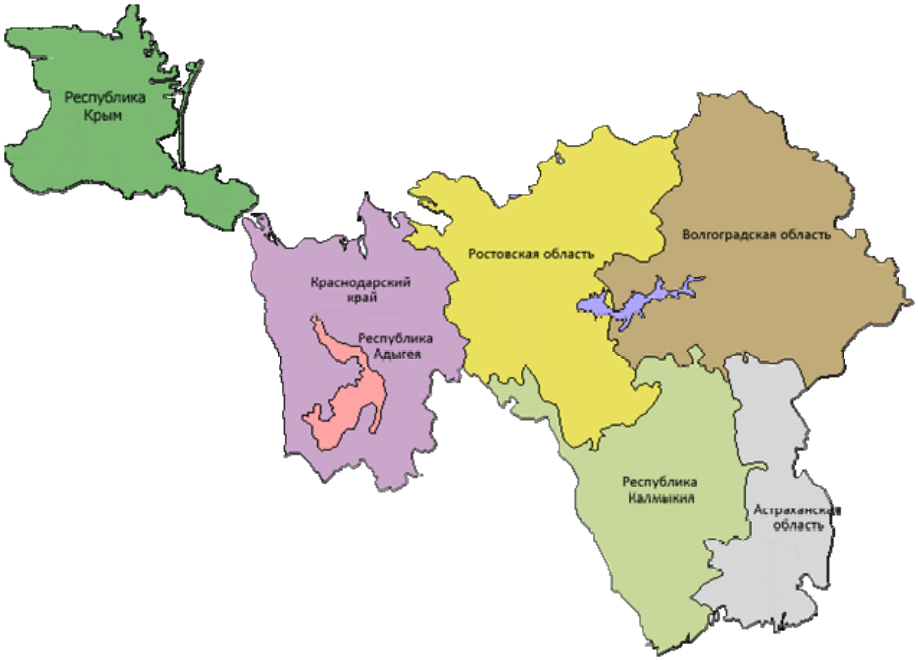
Таблица 3

Итоги сегментирования потребительского рынка СКФО методом суммы мест с учётом коэффициентов весомости

Наименование территориальной единицы	Население тыс. чел.	Площадь, км^2	Рейтинговые позиции			
			доходность, балл×0,45	зарплата, балл×0,30	численность, балл×0,25	Сумма баллов, %
Северо – Кавказский федеральный округ, в т.ч.						
Республика Дагестан	3015,7	50 270	4,5	3,9	1,25	9,65
Республика Ингушетия	0,473	3628	5,4	1,8	2,5	9,7
Кабардино-Балкарская Республика	0,862	12 470	2,7	3,6	1,75	8,05
Карачаево-Черкесская Республика	0,468	14 277	4,05	3,3	3	10,35
Республика Северная Осетия – Алания	0,704	7987	2,25	3,0	2,0	7,25
Ставропольский край	2,802	66 160	3,15	1,5	0.75	5,4
Чеченская Республика	1,394	15 647	5,85	2,7	2,25	10,8
Всего	9718	170 439				

В итоге сегментирования определено, что население двух округов распределено по территории неравномерно. Доходы населения гораздо меньше, чем в среднем по России. При формировании ассортимента обуви также следует учесть тот факт, что большая доля населения – сельские жители. Кроме того, необходимо учитывать национальные особенности жителей этих субъектов, их традиции.

Для эффективной работы отечественных предприятий по производству конкурентоспособной детской обуви целесообразно предусмотреть использование инновационных гибких технологических процессов, использование универсального и многофункционального оборудования, разнообразные методы крепления низа обуви, развернуть колодочное производство, производство техоснастки, фурнитуры, производство вспомогательных материалов, что позволит существенно снизить затраты на ее производство и повысить конкурентоспособность не только на рынках Южного и Северо-Кавказского федерального округов (ЮФО, СФО), но и на внутренних рынках других регионов России, гарантируя ее устойчивый спрос и реализацию, тем самым обеспечивая менее болезненную и более эффективную замену одной модели обуви на другую, гарантируя образование новых рабочих места в рамках малых и средних предприятий, то есть их социальную защиту.



а) Южный Федеральный округ; административный центр – г.Ростов-на-Дону, площадь 348,5 км^2, население 1119875 человек

б) Северо-Кавказскии Федеральныи округ; административныи центр – г. Пятигорск, площадь 97,0 км^2, население 145448 человек

Рисунок 1.
Характеристика субъектов Федеральных округов

В таблице 4 представлены критерии оценки рентабельности производства обуви.

Таблица 4

Критерии оценки рентабельности производства обуви

Вид обуви	Выпуск, покрывающий затраты на производство, %/пар		Прибыль от продаж, тыс. руб.	Убыток от продаж, тыс. руб.
1	2		3	4
Мужская обувь				
Зимние ботинки (модель А)	100	15 752	2825,44	–
	80	12 601	2260,23	–
	60	9451	1695,22	–
Весенние полуботинки (модель Б)	100	15426	2730,7	–
	80	12 340,8	1727,51	–
	60	9255,6	724,44	–
Летние туфли (модель В)	100	15512	1713,77	–
	80	12409	943,54	–
	60	9307	123,47	–
Осенние полуботинки (модель Г)	100	13433	2068,81	–
	80	10 746,4	1161,72	–
	60	8059,8	254,64	–
Детская обувь				
Зимняя обувь (модель А)	100	31 020	2962,09	–
	80	24 816	800,84	–
Осенняя обувь (модель Б)	100	34 844	2068	–
	80	27 875,2	104,54	–
Весенняя обувь (модель В)	100	30810	1422	–
	80	24 648	–	340,72
Летняя обувь (модель Г)	100	26 488	1537,63	–
	80	21 190	–	1324,72
Женская обувь				
Летние туфли (модель А)	100	12 656	1648,68	–
	80	10 125	739,69	–
	60	7594	–	169,31
Осенние ботинки (модель Б)	100	11 925	2490,13	–
	80	9540	1329,09	–
	60	7155	168,05	–
Зимние сапоги (В)	100	10 362	4508,29	–
	80	8290	2913,36	–
	60	6217	1317,64	–
Весенние туфли (модель Г)	100	14 235	14 235	–
	80	11 388	11 388	–
	60	8541	8541	268,84

При разработке стратегии производства конкурентоспособных изделий из кожи будет организовано производство обуви с использованием не только механизированных инновационных технологических процессов с использованием нанотехнологий, но, что особенно востребовано для регионов ЮФО и СКФО – использование ручного труда, что обусловлено желанием производителей удовлетворить спрос на эксклюзивную продукцию не только для элитного, но и для массового потребителя [15].

Система формирования ассортимента включает следующие основные моменты:

- определение текущих и перспективных потребностей покупателей, анализ способов использования обуви и особенностей покупательского поведения на соответствующем рынке;
- оценка существующих аналогов конкурентов;
- критическая оценка выпускаемых предприятием изделий в том же ассортименте, но уже с позиции покупателя;
- решение вопросов, какую продукцию следует добавить в ассортимент, а какие исключить из него из-за изменений в уровне конкурентоспособности; следует ли диверсифицировать продукцию за счёт других направлений производства предприятия, выходящих за рамки его сложившегося профиля;
- рассмотрение предложений о создании новых моделей обуви, усовершенствование существующих;
- разработка спецификаций новых или улучшенных моделей в соответствии с требованиями покупателей;
- изучение возможностей производства новых или усовершенствованных моделей, включая вопросы цен, себестоимости и рентабельности;
- проведение испытаний (тестирование) обуви с учётом потенциальных потребителей в целях выяснения их приемлемости по основным показателям;
- разработка специальных рекомендаций для производственных подразделений предприятия относительно качества, фасона, цены, наименования, упаковки, сервиса и т.д. в соответствии с результатами проведённых испытаний, подтверждающих приемлемость характеристик изделия или предопределивших необходимость их изменения.

Планирование и управление ассортиментом – неотъемлемая часть маркетинга [16]. Даже хорошо продуманные планы сбыта и рекламы не смогут нейтрализовать последствия ошибок, допущенных ранее при планировании ассортимента. Оптимальная структура ассортимента должна обеспечивать максимальную рентабельность с одной стороны и достаточную стабильность экономических и маркетинговых показателей (в частности, объём продаж), с другой стороны. Для стратегического управления производством востребованной продукции необходимо: изучать спрос на выпускаемую обувь и совместно со специалистами сбыта, производства и снабжения вырабатывать решения по снятию моделей с производства и обновлению ассортимента; исследовать рынки сбыта в различных регионах, и различные формы организации сбыта, изучать потенциальных покупателей; изучать реакцию покупателей на опытные партии обуви в специализированных магазинах; совместно с планово-экономическим отделом разрабатывать положения по собственной ценовой политике, изучать влияние цены на реализацию для различных регионов, развивать политику мотивации оптовых покупателей за объёмы заказов, долговременность договоров и т.п.; прогнозировать возможные изменения обстановки и вырабатывать решения по стратегии поведения в новых условиях; координировать противоречивые требования производства и сбыта; организовывать и изучать эффективность рекламной деятельности. Достижение максимально возможной рентабельности обеспечивается за счёт постоянного мониторинга экономических показателей и своевременного принятия решений по корректировке ассортимента. Стабильность маркетинговых показателей обеспечивается, прежде всего, за счёт постоянного контроля за ситуацией на рынке и своевременной реакции на изменения, а ещё лучше – принятие упреждающих действий. Кроме того, важно, чтобы наименований продукции было не слишком много. Для большинства российских предприятий основной резерв оптимизации ассортимента до сих пор заложен в значительном сокращении ассортиментного ряда. Слишком большой ассортимент плохо сказывается на экономических показателях – появляется много позиций, которые по объёмам продаж не могут выйти даже на уровень безубыточности. В итоге общая рентабельность сильно падает. Только исключение нерентабельных и малорентабельных позиций из ассортимента может дать компании увеличение общей рентабельности на 30–50%.

Кроме того, большой ассортимент распыляет силы предприятий, затрудняет грамотное предложение товара клиентам (даже сотрудники отдела продаж не всегда способны объяснить разницу между той или иной позицией или наименованием), рассеивает внимание конечных потребителей.

Здесь будет уместным напомнить о психологии восприятия информации человеком. Реальность такова, что среднестатистический человек способен единовременно воспринять не более 5–7 (реже до 9) смысловых конструкций. Таким образом, человек, делая выбор, сначала выбирает эти самые 5–7 вариантов на основании такого же количества критериев. Если продавец предлагает большее количество критериев выбора, покупатель начинает испытывать дискомфорт и самостоятельно отсеивает незначимые, с его точки зрения, критерии. То же самое происходит и при выборе собственно товара. Если перед человеком сотня практически не отличимых (для него) товаров, а купить ему нужно один, он либо отказывается от покупки, так как не в состоянии сопоставить такое количество вариантов, либо предпочитает то, что уже покупал (или что кажется знакомым). Есть и ещё одна категории людей (около 7%), любители новинок, которые, наоборот, выберут что-то, что ещё не пробовали. [17]

Таким образом, с точки зрения покупателя (для обеспечения спокойного выбора из поддающихся восприятию вариантов) ассортимент должен состоять не более чем из 5–7 групп по 5–7 наименованиям, т.е. весь ассортимент с точки зрения восприятия оптимально должен состоять из 25–50 наименований. Если наименований объективно больше, то выход состоит только в дополнительной классификации. Считается общепринятым, что покупателю нужен широкий ассортимент. Этот самый широкий ассортимент часто обозначают даже как конкурентное преимущество. Но на деле получается, что для производителя широкий ассортимент – это сотни наименований продукции, а для потребителя – 7 наименований уже более чем достаточно. Таким образом, потребителю нужен вовсе не широкий ассортимент, а необходимое для него разнообразие. Если предприятие ориентировано на широкий ассортимент, то достаточно провести анализ продаж, чтобы убедиться, что лидерами продаж являются 5–10%. Все остальные позиции продаются очень мало, спрос на них невелик, хотя издержки мало отличаются от издержек по лидерам продаж. Создается ситуация, когда несколько наименований «кормит» весь широкий ассортимент предприятия. И это далеко не всегда оправдано с точки зрения обеспечения полноты ассортимента (любимых аргумент продавцов), т.е. представления различных наименований для покрытия максимально возможных вариантов потребностей клиентов. На практике получается, что полнота вполне обеспечивается, даже если сократить существующий ассортимент вдвое и даже втрое. Главное, в данном случае правильно классифицировать весь товар и добиться того, чтобы в ассортименте были представлены товары из каждой возможной группы данной классификации. Причём чем больше оснований для классификации компания сможет выделить, тем более взвешенным будет решение. Так, классификация товаров может быть по удовлетворяемым потребностям клиентов, по функциональному назначению товара, по прибыли от продаж. Особое значение в такой ситуации имеет то, какую роль играют те или иные позиции ассортимента. Для этого продукцию можно классифицировать по следующим группам: А – основная группа товаров (которые приносят основную прибыль и находятся в стадии роста); Б – поддерживающая группа товаров (товары, которые стабилизируют выручку от продаж и находятся в стадии зрелости); В – стратегическая группа товаров (товары, призванные обеспечить будущую прибыль компании); Г – тактическая группа товаров (товары, призванные стимулировать продажи основной товарной группы и находящиеся в стадии роста и зрелости); Д – разрабатываемая группа товаров (товары, не присутствующие на рынке, но готовые к выходу на рынок); Е – товары, уходящие с рынка (которые не приносят прибыли и их необходимо снимать с производства, выводить с рынка). После этого, необходимо определить долю каждой группы в общем объёме продукции. Для устойчивого положения предприятия в структуре ассортимента группа товаров А и Б должна составлять не менее 70%.

Таким образом, это даёт возможность оценить имеющийся ассортиментный набор на предприятии и, соотнеся его с получаемой прибылью, оценить правильность планирования ассортимента, его сбалансированность.

Осуществление предложенных авторами мер приведет к устранению дефицита на отечественную детскую обувь, делая её не только и не столько конкурентоспособной, и востребованной, но главное – безопасной и комфортной для стопы ребенка, гарантируя ему защиту от образования патологических отклонений.

Список литературы

1. Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. О возможностях ассортиментной политики по импортозамещению в регионах ЮФО и СКФО конкурентоспособной и востребованной обувью // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 65–69.
2. Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. Возможности ассортиментной концепции для импортозамещения продукции предприятий лёгкой промышленности регионов ЮФО и СКФО // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 69–76.
3. Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. О возможностях ценовой эластичности для импортозамещения детской обуви на рынках регионов ЮФО и СКФО // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 76–83.
4. Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. О взаимосвязи объема реализации продукции предприятий лёгкой промышленности с её ценой на их устойчивое финансовое положение // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 83–90
5. Давтян Г.Г., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. возможности новой методики оценки технологичности предприятий легкой промышленности по эффективному использованию инновационных решений при производстве востребованной продукции // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 90–98.
6. Евсеева К.Г., Загребельный С.О., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. О возможностях кластерного подхода по обеспечению предприятиям лёгкой промышленности регионов ЮФО и СКФО устойчивого финансового положения // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 98–102.
7. Евсеева К.Г., Загребельный С.О., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. Взаимосвязь ассортиментной политики и формирование кластера для наполнения региональных рынков ЮФО и СКФО импортозамещаемой обувью // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 102–107.
8. Загребельный С.О., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. О возможностях инновационных решений при импортозамещении продукции предприятий лёгкой промышленности регионов ЮФО и СКФО // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 107–114.
9. Загребельный С.О., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. Об особенностях формирования конкурентоспособности продукции регионов ЮФО и СКФО на основе концепции их партнерских отношений // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 114–123.
10. Ширшов Е.Е., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Волкова Г.Ю., Тихонова Н.В. Особенности формирования ассортимента детской обуви для потребителей регионов ЮФО и СКФО // Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития, 30–31 мая 2016 года, г. Санкт-Петербург. – СПб.: КультИнформПресс, 2016. – С. 197–204.
11. Рева Д.В., Прохоров В.Т. Новый подход к оценке технологичности заготовки верха обуви при выборе эффективного способа изготовления обуви // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской науки и индустрии. Образование–наука–производство»: сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 289–312.
12. Ворожцов И.И., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. О возможностях ассортиментной политики по наполнению отечественных рынков импортозамещающей обувью // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской науки и индустрии. Образование–наука–производство» : сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 325–335.
13. Гетманова Э.Ф., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В., Шрайфель И.С. Импортозамещение обуви за счет обоснованного решения ассортиментной политики с учетом обеспечения потребителей востребованной обувью // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской науки и индустрии. Образование–наука–производство»: сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 335–341.
14. Евсеева К.Г., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Резванова Л.Н., Тихонова Н.В. О преимуществах инновационных технологий для сегментирования рынков конкурентоспособной и востребованной обуви // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской науки и индустрии. Образование–наука–производство» : сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 341–349.
15. Загребельный С.О., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. О возможностях отечественных производителей по наполнению рынков конкурентоспособной и востребованной детской обувью // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской

науки и индустрии. Образование–наука–производство» : сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 349–359.
16. Рева Д.В., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Нарожная И.Г., Тихонова Н.В. Формирование импортозамещаемого ассортимента обуви для отечественных рынков // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской науки и индустрии. Образование–наука–производство» : сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 364–371.
17. Сохань И.С., Кораблина С.Ю., Прохоров В.Т., Осина Т.М., Тихонова Н.В. Влияние инновационного наполнения технологического процесса производства всего ассортиментного ряда обуви на его эффективность // II Международная научно-практическая конференция «Модели инновационного развития текстильной и легкой промышленности на базе интеграции университетской науки и индустрии. Образование–наука–производство» : сборник статей. 23–25 марта 2016 г.; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – С. 386–391.

Рева Д.В.
аспирант Института сферы обслуживания и предпринимательства филиала Донского государственного технического университета – ИСОиП (ф) ДГТУ, Шахты
Прохоров В.Т.
научный руководитель, д.т.н., профессор ИСОиП (ф) ДГТУ
Осина Т.М.
к.т.н., доцент ИСОиП (ф) ДГТУ)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИННОВАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ ДЛЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ЛЁГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАХ ЮФО И СКФО

Ключевые слова: *ассортимент, инновационные технологии, универсальное и многофункциональное оборудование, прибыль, рентабельность, оптимальная мощность, минимальная себестоимость, постоянные и переменные затраты.*

Keywords*: assortment, innovative technology, versatile and multi-functional equipment, profit, profitability, optimum power, lowest cost price, fixed and variable costs.*

Повышение востребованности и конкурентоспособности продукции обувных предприятий является одним из важнейших направлений реального экономического рост, как в России, так и в регионах ЮФО и СКФО. Поэтому сложившаяся ситуация привела к необходимости выпуска продукции оригинального ассортимента с учетом национальных и климатических особенностей данных регионов и совершенствования метрологического обеспечения испытания обувных и кожевенно-галантерейных изделий для повышения качества производимой продукции в рамках импортозамещения.

Но недостаточно просто производить продукцию на территории ЮФО и СКФО, необходимо обеспечить развитие и расширение в будущем, что возможно при учете интересов всех участников, разработки конкурентоспособного ассортимента, внедрения инновационного технологического процесса с использованием более производительного универсального и многофункционального оборудования, совершенствования метрологического контроля обувных и кожевенно-галантерейных изделий, заинтересованности и поддержки региональных, муниципальных и федеральных властей.

Химизация способствовала переходу к сборке обуви из узлов, из предварительно обработанных деталей, что привело к созданию и внедрению инновационных технологических решений, в том числе полуавтоматических линий, автоматизированного оборудования с микропроцессорным управлением.

Химизация также способствует созданию ресурсо- и энергосберегающих технологий. При всем своем разнообразии прогрессивные ресурсосберегающие технологии имеют общие особенности: они носят преимущественно малооперационный характер и отличаются малоотходным производством. Химическая технология изделий из кожи как раз и соответствует этим требованиям. Например, при литьевом методе образование формованной подошвы происходит при минимальной величине отходов (всего до 1%), а при вырубке резиновых подошв из пластин величина отходов доходит до 30%.

Следует иметь в виду, что химические методы технологии изделий из кожи отличаются значительно меньшим количеством операций по сравнению с традиционными ниточными: до 50–70 операций технологического цикла вместо 150–180 в случае изготовления обуви рантовым методом крепления.

Химизация обувного производства способствует улучшению эстетических, влагозащитных, фрикционных и других свойств обуви, что позволяет повысить конкурентоспособность выпускаемой продукции. В последнее время под влиянием химизации появились принципиально новые виды обуви, например спортивная, которая изготовляется литьем в виде пластмассовой внешней скорлупы со вставленным в нее внутренним чулком. Возможно, это обувь будущего, которая в корне изменит всю технологию ее производства, приведет к полной автоматизации самого процесса.

Другим методом – маканием – можно изготовлять обувь, объединяя создание материала верха обуви с одновременным формованием самой обуви. Это также принципиально новый прогрессивный метод химической технологии изделий из кожи.

При классификации методов химической технологии изделий из кожи следует исходить из того, что они связаны с процессами переработки, формования и отделки различных полимерных материалов, таких, как натуральные и искусственные кожи, пластмассы, эластомеры, пленочные и текстильные материалы, картоны, дерево и т.п. В основе этих методов лежат такие процессы химической технологии, как прессование, склеивание, сварка, литье, отделка и др.

Методы химической технологии обычно классифицируют по ряду признаков. Например, по физическому состоянию материала при формовании полимеров:

– находящихся в вязкотекучем состоянии – литье под давлением, экструзия, прессование, спекание и т.д.;

– находящихся в высокоэластическом состоянии — вакуумирование, пневмоформование, горячая штамповка и др.;

– находящихся в твердом состоянии (кристаллическом или стеклообразном; здесь учитывается способность проявлять вынужденную высокоэластичность – штамповка при комнатной температуре, прокатка и др.) и др.

– с использованием растворов и дисперсий – ротационное формование пластизолей, литьё под давлением пластизолей, формование изделий маканием;

– с использованием олигомеров – метод жидкого формования, макание и др.;

По методу формуемых материалов методы можно классифицировать как переработку:

– термопластов – литье под давлением, экструзия, формование с раздувом и вакуумированием;

– желатинируемых паст – макание, литье, литье под давлением;

– каучуков и реактопластов – прессование, литье под давлением;

– полиуретанов – литье, литье под давлением.

В результате химизация способствует росту производительности труда и снижению трудоемкости при изготовлении изделий из кожи. В табл. 1 приведены данные фабрики «Скороход» о трудоемкости изготовления обуви различными методами крепления (трудоемкость оценивалась относительно наиболее трудоемкого метода – рантового, который был принят за 100). Совершенно очевидны преимущества химических методов крепления (клеевого, вулканизационного, строчечно-литьевого) перед традиционными (рантовым – ниточным, гвоздевым – штифтовым).

Таблица 1

Сравнительные коэффициенты трудоемкости изготовления обуви различными методами крепления

Вид и род обуви	Метод крепления	Материал подошвы	Коэффициент трудоемкости
Полуботинки мужские	Рантовый	Кожа	1,00
	Рантово-клеевой	Резина, кожа	0,85
	Гвоздевой	Кожа	0,69
	Клеевой	Кожа	0,47
Туфли летние детские	Строчечно-клеевой	Кожа	0,68
Ботинки малодетские	Доппельный	Кожа	0,59
Сапожки детские	Доппельно-клеевой	Резина	0,53
Ботинки мальчиковые, домашняя обувь с текстильным верхом	Горячая вулканизация	Резиновая смесь	0,5
Туфли женские с текстильным верхом	Строчечно-литьевой, или литьевой	ПВХ	0,13

Что же является главным сегодня для достижения успеха на рынке множества новых и уже давно существующих фирм, мелких, средних и крупных предприятий, многие из которых не так давно были мелкими, для многочисленных коммерческих структур и совместных предприятий? Это способность фирмы предоставить потребителю обувь более высокого качества, чем ранее, и притом за ту же или меньшую цену.

Современное производство или, как его ещё принято называть, производство мирового класса должно отвечать следующим требованиям:

– обладать большей гибкостью, способностью быстро менять ассортимент изделий. Жизненный цикл продуктов стал как никогда коротким, разнообразие ассортимента изделий – выше, а серийность продукции, объём партий разового выпуска – меньше. Отсюда производство, ориентированное на выпуск массовой, стандартизированной продукции (строго соответствующей стандартам, спецификациям, техническим условиям), не способное постоянно приспосабливаться к запросам реальных, часто небольших групп потребителей, нынче обречено на вымирание;

– использовать новые формы контроля, организации и разделения труда, учитывающие усложнившуюся технологию производства;

– опираться на комплексное управление качеством. Требования к качеству не только возросли, но и изменили характер принятия решений: мало выпускать хорошую продукцию, необходимо ещё думать об организации послепродажного обслуживания, о предоставлении в высшей степени индивидуализированным в своих запросах потребителям дополнительных фирменных услуг;

– одновременно повышать качество продукции и снижать издержки. Если прежде можно было предлагать потребителю менее качественный товар по более низкой цене и, наоборот, высокому качеству всегда соответствовала высокая цена, то сегодня ситуация изменилась. Более высокое качество продукта должно обеспечиваться за счёт той же более низкой цены [1].

Сейчас в нашей стране сложилась ситуация, когда большая часть населения имеет весьма скромный доход, и именно она является потенциальным покупателем обуви массового производства.

Решение задач стиля, маркетинга, рекламы позволит отечественной обуви массового производства быть затребованной этим широким сектором населения России. Малые же и средние обувные предприятия должны обеспечить обувью более доходную часть населения, впрочем, как и высокоавтоматизированные производственные комплексы.

За последние годы абсолютный прирост производства кожаной обуви постоянно увеличивается, на обувных предприятиях обновляется ассортимент обуви с учётом спроса населения, увеличивается выпуск модельной и утеплённой обуви, обуви с верхом из кожи белого цвета и натуральной лаковой кожи, нарядной обуви для детей.

Правильное определение качества, последовательность и системное управление качеством даёт производителю решающее преимущество в конкурентной борьбе за потребителя. Казалось бы, всё просто, однако простота в равной

степени гениальна и обманчива. Общий план решения проблемы определяет вектор движения, расставляет факторные приоритеты деятельности – не более.

Продукт, произведённый человеком, двойственен по своей природе, он объединяет естественные свойства сырья и признаки, привнесённые в него трудом человека. Товар обладает рентной стоимостью и добавленной стоимостью. В данном контексте важна не стоимость – она служит количественным эквивалентом качества товара вообще, а результат труда – в виде преобразования естественного состояния предмета. У продукта человеческой деятельности имеется естественный, базисный, уровень и надстроечный, привнесённый. Отсюда и необходимость дуалистического восприятия качества продукта, что не надо толковать примитивно как двойное качество. Качество товара одно, но в нём сопряжена производственная двойственность продукта.

У качества товара несколько творцов. Это – модельер, конструктор, технолог, менеджер; их квалификация, опыт измеряется без проблем. Другие – тоже в пределах доступности, только измерение их затруднено, особенно если речь идёт о потребителе.

Своё понимание качества товара разрабатывают конструктор, технолог, менеджер (их можно скомплексировать), они связаны общим интересом производителя. У покупателя особый подход к качеству. Как потребитель, он не уверен в добропорядочности производителя. К тому же у покупателя есть свои вкусы, резоны, обусловленные реальной покупательской возможностью.

Наиболее серьёзным противоречием, по-видимому, остаётся расхождение в образах качества изделия у производителя и потребителя. Особое значение различного подхода к качеству производителя и потребителя закономерно. Они главные субъекты системы экономических отношений, у них общая цель – изделие. Первые изготавливают его, вторые – потребляют, но у них разные мотивы, обусловленные различным положением в системе и культурой восприятия цели.

Производитель создаёт товар, однако не товар – конечная цель производителя, а реализация продукта. Непосредственная связь производителя с потребителем потому и локальна, что отрицательно сказывается именно на производителе. Продавец загораживает потребителя от производителя, и производитель вынужден ориентироваться не на рынок, а на рыночную конъюнктуру, чаще всего искусственно формируемую спекулянтом и рекламой.

Производитель в отличие от продавца за информацию отвечает и по закону, и своей профессиональной репутацией. Продавец манипулирует информацией как считает нужным – производитель стеснён ответственностью, к тому же рынок нередко диктует ему правила отношений.

Какой выход для производителя? Выход один – непосредственное присутствие на рынке и значительные инвестиции в воспитание и просвещение потребителей. В одиночку одолеть такую программу сложно, объединившись, – абсолютно реально. Отечественный производитель имеет всё необходимое для того, чтобы вытеснить с розничного рынка спекулянта. Он располагает профессиональным опытом, квалифицированными кадрами, научно-технической поддержкой, определённым доверием покупателей, возвращающихся к прежним, дореформенным, приоритетам, что активно эксплуатируют недобросовестные производители и на что закрывает стыдливо глаза власть, не желающая возвращаться к советскому опыту. Кондитеры, мясоделы, виноделы бессовестно пользуются советскими брендами, подменяя их суррогатами. Возвращаются на рынок бренды вятских, оренбургских, ивановских, некоторых московских и ленинградских предприятий. Тенденция возвращения интереса обретает устойчивость.

Наполнение технологических процессов по производству конкурентоспособной и востребованной обуви для потребителей регионов ЮФО и СКФО является затратным. Использование универсального и многофункционального оборудования формирует технологический процесс таким образом, что позволяет изготавливать весь ассортиментный ряд обуви высокого качества и с разной ценовой нишей.

Но в этом случае необходимо найти решение, которое позволило бы производителю иметь инструмент для оценки эффективности инновационных процессов. Такое решение возможно, если в каждом случае использовать для такой оценки коэффициент эффективности, значение которого как коэффициента конкордации (W), будет применяться в пределах $0 \le K_{эф} \le 1$. Если его значение стремится к единице, то это значит, что производителю удалось найти самое оптимальное решение, если же его значение стремится к нулю – то требуется анализ причин такого неудовлетворительного итога и поиск ошибок, спровоцировавших получение такого результата. [3–4]

Коэффициент эффективности технологического процесса вычисляется по формуле:

$$K_{эф} = K_{ПТ} \cdot K_{з}^{\ i} \cdot P_s \cdot C \cdot S_{общ} \quad (1)$$

– Производительность труда ($К_{ПТ}$)

$$K_{ПТ} = \frac{P}{H_{выр}} \quad (2),$$

где Р – задание потока, пар;

$H_{выр}$ – норма выработки проектная, пар.

– Загрузка рабочих ($Кз^{i}$)

$$K_{з}^{\ i} = \frac{Ясд^{P}}{Ясд^{Ф}} \quad (3),$$

где $Ясд^{P}$ – расчетное число рабочих, чел.;

$Ясд^{Ф}$ – фактическое число рабочих, чел.

– Выпуск обуви на 1 м^2 (P_s)

$$P_s = \frac{P}{S_{пр}} \quad (4),$$

где $S_{пр}$ – площадь производственная, м^2.

– Стоимость оборудования на единицу задания потока (С)

$$C = \frac{T}{P} \quad (5),$$

где Т – стоимость оборудования, руб.

– Суммарная расценка ($S_{общ}$)

$$S_{общ} = \sum_{i=1}^{n} S^i \quad (6),$$

где S^i – расценка на i-й операции;

n – количество операций.

Для выбора оптимальной мощности авторами разработано программное обеспечение, которое позволяет производителям на основе инновационного технологического процесса с использованием универсального и многофункционального оборудования, изготавливать весь ассортиментный ряд обуви с минимальными, средними и максимальными затратами, что создает основу для варьирование ценовой нишей, в том числе за счет постепенного увеличения доли отечественных комплектующих при производстве изделий из кожи с существенным уменьшением затрат на его изготовление.

Оптимальная мощность – мощность, при которой обеспечивается наиболее полная загрузка исполнителей на большинстве операций.

При этом в качестве критериев для обоснованного выбора оптимальной мощности при формировании алгоритма оправданно было выбирать именно те критерии, которые оказывают наибольшее влияние на себестоимость готовой продукции, а именно:

1) процент загрузки рабочих, %;

2) производительность труда одного рабочего, пары;

3) потери по заработной плате на единицу продукции, руб.;

4) удельные приведенные затраты на 100 пар обуви, руб.

Из четырёх приведенных критериев, по-нашему мнению, основными являются производительность труда 1 рабочего и удельные приведенные затраты.

Производительность труда 1 рабочего – важнейший трудовой показатель.

Производительность труда – показатель, характеризующий результативность труда. Производительность труда измеряется количеством продукции, выпущенной работником за единицу времени.

От уровня и динамики производительности труда зависят в той или иной степени все основные показатели эффективности производства и все трудовые показатели: производство продукции, численность работников, расходование заработной платы, уровень оплаты труда и т. д.

Для повышения производительности труда первостепенное значение имеют внедрение новой техники и технологии, широкая механизация трудоемких работ, автоматизация производственных процессов, повышение квалификации рабочих и служащих, особенно при внедрении инновационных технологических процессы на базе универсального и многофункционального оборудования.

Удельные приведенные затраты — показатель сравнительной экономической эффективности капитальных вложений, применяемый при выборе лучшего из вариантов решения технологических задач.

Приведенные затраты – сумма текущих затрат, учитываемых в себестоимости продукции, и единовременных капитальных вложений, сопоставимость которых с текущими затратами достигается путем умножения их на нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений. В таблицах 2 и 3 приведены расчеты оптимальной мощности для диапазона от 300 до 900 пар для мужской и женской обуви для всего ассортиментного ряда обуви. Анализ полученных характеристик для трёх вариантов заданного технологического процесса при изготовлении всего ассортиментного ряда обуви подтвердил эффективность программного продукта для оценки предложенного инновационного технологического процесса с использованием универсального и многофункционального оборудования. Так при диапазоне в пределах 300–900 пар наилучшим по заданным критериям является объем выпуска 889 пар (для мужской) и 847 пар (для женской). Если предложенные региональными и муниципальными органами власти двух округов – ЮФО и СКФО – производственные площади по нормативным показателям не позволят реализовать рассчитанные объемы производства, то в этом случае выбирается тот вариант оптимальной мощности, который приемлем, например, объем выпуска 556 пар, что соответствует нормативным показателям для предложенных производственных площадей и характеризуется наилучшими значениями обозначенных критериев, формирующие себестоимость всего ассортиментного ряда обуви. Авторами были разработаны сводные технологические процессы на сборку заготовки верха обуви и на сборку обуви соответственно на 12 моделей мужской и на 12 моделей женской обуви.

Таблица 2

Расчёт оптимальной мощности с диапазоном 300-900 пар на примере мужской обуви

Мощность	Вид оборудования	Оптимальная мощность, пар в смену	Производительность труда 1 рабочего, пар	Процент загрузки рабочих, %	Потери по заработной плате на единицу продукции, руб.	Удельные приведенные затраты на 100 пар обуви, руб.
300–500	1	500	28,09	61,39	13,68	6735,36
500–700	1	556	27,73	69,14	9,83	6404,71
700–900	1	889	28,09	77,20	6,42	5236,17
300–500	2	500	28,09	61,39	13,68	6728,68
500–700	2	556	27,91	68,70	9,97	6083,28
700–900	2	889	28,09	77,20	6,42	5240,72
300–500	3	500	28,09	61,39	13,68	7533,95
500–700	3	700	28,12	67,28	10,56	6734,02
700–900	3	889	28.09	77,20	6,42	5876,59

Для оценки эффективности производственной деятельности обувного предприятия необходимо проанализировать годовые результаты работы предприятия по производству мужского и женского ассортимента обуви.

Таблица 3

Расчёт оптимальной мощности с диапазоном 300-900 пар на примере женской обуви

Варианты мощности	Вид оборудования	Оптимальная мощность, пар в смену	Производительность труда 1 рабочего, пар	Коэффициент загрузки рабочих, %	Потери по заработной плате на единицу продукции, руб.	Удельные приведенные затраты на 100 пар обуви, руб.
300–500	1	500	27,73	62,18	13,40	6980,5
500–700	1	700	27,73	69,14	9,83	6277,43
700–900	1	847	27,73	74,50	7,54	5673,49
300–500	2	500	24,45	63,90	14,11	7630,92
500–700	2	556	27,73	69,14	9,83	6404,71
700–900	2	812	25,64	75,40	7,77	6060,55
300-500	3	500	27,00	61,74	14,02	7827,12
500–700	3	556	29,32	68,21	9,71	6607,65
700–900	3	847	27,00	74,70	7,66	6341,05

Проведённые расчёты свидетельствуют о том, что при 100 % реализации мужской и женской обуви в указанный период времени покрываются не только затраты на производство и реализацию продукции, но и остаётся прибыль в размере 3697,4 тыс. руб. Это свидетельствует об эффективной деятельности предприятия, а также о правильной маркетинговой и ассортиментной политике. Рентабельность продукции составляет 14,9 %.

Обувные предприятия должны ориентироваться как на внешние (предприятия потребителей, конкуренция, рыночная конъектура и др.), так и на внутренние факторы, такие как объём сбыта, рентабельность, покрытие основных затрат и др. Однако невозможно учесть и предусмотреть все ситуации, которые могут возникать при реализации обуви, т.е. некоторые модели обуви на определённом этапе уже не пользуются спросом.

Таким образом, регионы, на территории которых будут организованы инновационные центры, в том числе и обувные, будут лидерами экономического развития, определяют конкурентоспособность экономики этих регионов, обеспечивают социальную защиту населению этих регионов.

В условиях рыночной экономики для выживания в постоянно меняющейся экономической среде обувным предприятиям необходимо ориентироваться на целевую аудиторию:

– увеличение суммы прибыли как результат роста объёма реализации продукции, снижение её себестоимости и повышение качества продукции.

Чтобы получить желаемую прибыль в условиях, когда цены на обувь и объемы производства диктуются рынком, предприятие всегда стоит перед выбором, какую продукцию и сколько производить с точки зрения затрат на её изготовление и с учётом платёжеспособности потенциальных покупателей.

Наличие качественной, конкурентоспособной обуви является необходимой предпосылкой высокоэффективного функционирования обувного предприятия.

Важным критерием конкурентоспособности обуви на рынке является её стоимость с соответствующим её качеством и покупательская способность населения.

Основным критерием жизнеспособности и доходности предприятия является прибыль, для увеличения прибыли в первую очередь необходимо снижение себестоимости обуви.

От соотношения изменения затрат по каждой статье калькуляции зависят изменения полной себестоимости, которая включает все затраты на производство и реализацию обуви.

Важным фактором, влияющим на уровень затрат на производство обуви является изменение ассортимента и технологического процесса.

Выбор технологии, способной эффективно реализовывать намеченные цели в условиях жесточайшей конкуренции, обеспечит гарантию, что разработанный ассортимент обуви будет выбран покупателем и позволит предприятию получить максимальную прибыль.

Для решения данной задачи необходимо наиболее широко использовать литьевой метод, который обеспечивает изготовление (производство) всего ассортиментного ряда обуви высокого качества при различной рентабельности отдельных видов обуви для удовлетворения спроса различных групп населения.

В затратах на производство обуви наибольший удельный вес составляют расходы на сырье и основные материалы, а затем на заработную плату и амортизационные отчисления.

Производство обуви литьевым методом возможно с применением искусственных и синтетических кож и текстильных материалов, что позволит снизить себестоимость и получить большую прибыль, т.к. ассортимент этих материалов является более дешёвым и намного разнообразнее. [5–7]

Снижение себестоимости за счёт изменения цен на материалы ($\Delta C_ц$)определяют по следующей зависимости:

$$\Delta C_ц = \left(\frac{N^i_{отч} \cdot Ц^i_{пл}}{N^i_{отч} \cdot Ц^i_{отч}} \cdot 100 - 100\right)\gamma_ц, \quad (7)$$

где $N^i_{отч}$ – норма расхода i-го вида материала до внедрения нового метода крепления;

$Ц^i_{пл}$ и $Ц^i_{отч}$ – цена 1 дм^2 i-го вида материала до и после внедрения нового метода соответственно, руб.;

$\gamma_ц$ – удельный вес материалов, на которые изменилась цена, %.

Ещё одним из факторов снижения себестоимости является сокращение трудоёмкости, которое обеспечивается литьевым методом, от которого зависят расходы по статье «Основная и дополнительная заработная плата производственных рабочих со страховыми взносами во внебюджетные фонды».

Экономия по заработной плате (ΔЗП) определяется по следующей зависимости:

$$ΔЗП = \left((S_1 - S_2)1 + \frac{Д}{100}\right)\left(1 + \frac{СВВФ}{100}\right), \quad (8)$$

где S_1 и S_2 – расценка до и после внедрения нового метода, руб.;

Д – дополнительная заработная плата производственных рабочих, %;

СВВФ – страховые взносы во внебюджетные фонды, %.

При этом, для внедрения литьевого метода необходимо применение более дорогостоящего оборудования (литьевой машины), что повлияет на увеличение себестоимости обуви за счёт повышения затраты на амортизационные отчисления и ремонтный фонд (по статье «РСЭО»).

Увеличение себестоимости за счёт применения дорогостоящего оборудования ($\Delta C_{РСЭО}$) рассчитывается по следующей зависимости:

$$\Delta C_{РСЭО} = \frac{ΔК \cdot f}{100}, \quad (9)$$

где К – стоимость оборудования необходимого для литьевого метода, тыс. руб.;

f – размер амортизационных отчислений и на ремонтный фонд, %.

Общее снижение себестоимости ($\Delta C_{общ}$):

$$\Delta C_{общ} = \Delta C_ц + ΔЗП - \Delta C_{РСЭО} \quad (10)$$

Клеевой метод.

t_1 = 1,1 ч. P_1 = 400 пар.

$P^1_{год}$ = 98800 пар.

Литьевой метод

t_2 = 0,678 ч. P_2 = 700 пар.

$P^2_{год}$ = 172900 пар.

$$ΔЗП = (\rho_1 - \rho_2)\left(1 + \frac{Д}{100}\right)\left(1 + \frac{СВВФ}{100}\right) \quad (11),$$

$$ΔЗП = (98{,}41 - 56{,}18)\left(1 + \frac{10{,}76}{100}\right)\left(1 + \frac{30}{100}\right) = 47{,}85 \text{ р.}$$

Искусственная и синтетическая кожа

$$\Delta C_м = (17{,}27 \cdot 12{,}1 - 17{,}27 \cdot 7{,}5) + 30 = 79{,}44 р + 30 = 109{,}44 \text{ р.}$$

$$\Delta C_{РСЭО} = \frac{42000000 \cdot 0{,}18 \text{ ч}}{172900} = 43{,}72 \text{ р.}$$

$$Э_{у.ч.} = \Delta C_{общ} = (47{,}8 + 79{,}44 - 43{,}72)172900 = 14449253р$$

$$Э_{у.ч.} = \Delta C_{общ} = (47{,}8 + 109{,}44 - 43{,}72)172900 = 1963253р$$

$$Т_{ок} = \frac{\Delta К}{Э_{у.ч.}} \quad (12)$$

$$Т_{ок} = \frac{42000000}{14449253} = 2{,}91\ (ч)\ г.$$

$$Т_{ок} = \frac{42000000}{9636253} = 2{,}14\ (ч)\ г.$$

При использовании текстильных материалов экономия на детали верха составляет еще большую величину – 120,89 р. Экономия по ЗП 67,1р. Экономия условно-годовая составит – 24944283 р.

Срок окупаемости будет равен:

$$Т_{ок} = \frac{42000000}{24944283} = 1{,}7\ (года).$$

Снижение трудоемкости составляет:

t_1 = 1,1 ч. и t_2 = 0,678 ч

$$a = \frac{1{,}1 - 0{,}628}{1{,}1} 100 = 42{,}91\ \%.$$

Рост производительности труда и при неизменной численности рост объема производства (b):

$$b = \frac{100 \cdot 42{,}91}{100 - 42{,}91} = 75{,}1\ \%.$$

Выпуск в год до внедрения 98800 пар, после внедрения 172900 пар.

Для получения прибыли предприятие должно постоянно отслеживать удельный вес затрат на изготовление востребованного многоассортиментного выпуска обуви.

Применение литьевого метода позволит предприятию в условиях рыночных отношений получать такой объём прибыли, который позволит ему не только прочно удерживать свои позиции на рынке сбыта своей обуви, но и обеспечивать динамичное развитие его производства в условиях конкуренции, обеспечивая импортозамещение обуви в этих регионах в полном объёме.

Список литературы

1. Управление производством конкурентоспособной и востребованной продукцией: / В.Т. Прохоров [и др.]; под общ. ред. д.т.н., проф. В.Т. Прохорова. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2012. – 280 с.
2. Средство обеспечения устойчивых технико-экономических показателей деятельности обувных предприятий регионов ЮФО и СКФО / Л.П. Вдовина, В.Т. Прохоров, Т.М. Осина, Е.Н. Мелешко, Н.В. Осацкая // Памяти В.А. Фукина посвящается: сб. науч. статей и воспоминаний.– М.: МГУДТ, 2014. – Ч. 3. – С. 32–41.
3. Влияние движения денежных средств на эффективность работы кластера, сформированного на базе обувных предприятий ЮФО и СКФО / Л.Г. Грецкая [и др.]; под общ. ред. д.т.н., проф. В.Т. Прохорова. – Шахты: ФГБОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2012. – 354 с.
4. О поиске эффективных средств влиянии денежных потоков на результаты деятельности обувных предприятий регионов ЮФО и СКФО / Ю.М. Поезд, С.Ю. Полухина, Т.М. Осина, Е.В. Компанченко, Е.Н. Мелешко // Инновационное развитие лёгкой и текстильной промышленности» (ИНТЕКС-2014): тезисы докладов Всероссийской научной студенческой конференции. – М.: ФГБОУ ВПО «МГУДТ», 2014. – С. 116.
5. Революция качества: через качество рекламное или через качество реальное: монография / В.Т. Прохоров [и др.]; под общ. ред. д.т.н., проф. В.Т. Прохорова; ИСОиП (филиал) ДГТУ. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2014. – 384 с.
6. Современные подходы по обеспечению спроса на продукцию обувных предприятий Южного Федерального Округа монография / В.Т. Прохоров и др.; под общей редакцией проф. В.Т. Прохорова – Шахты: Издательство ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2010. – С. 29–137
7. Экономика регионов: тенденции развития: монография / А.Н. Бирюков, Е.В. Борило, О.И. Глущенко, Т.М. Осина. – Воронеж: ВГПУ, 2014.– 159 с.

Симановская М.Л.,
Силантьева Е.С.[1]

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ РЫНКЕ РОССИИ

Ключевые слова: *импортозамещение, импортозависимость на продовольственном рынке, теории международной торговли, теории национального воспроизводства, продовольственная безопасность, теории конкурентных преимуществ, реиндустриализация, неоиндустриализация в продовольственной сфере, рыночные, ресурсные, институциональные конкурентные преимущества российского бизнеса на продовольственном рынке.*

Keywords: *import substitution, dependence on import in the food market, theories of international trade, theories of national reproduction, food security, theories of competitive advantages, reindustrialization, neoindustrialization in the food sphere, market, resource, institutional competitive advantages of the Russian business in the food market.*

Проблема рационального уровня импорта и осуществления импортозамещения является важной для развития экономики страны, она тесно переплетается с вопросами рационального международного разделения труда и экономической безопасности, конкурентоспособности различных представителей национального бизнеса. Проблема импортозамещения на продовольственном рынке России особенно актуализируется в современных условиях в связи с обострением политической ситуации и введением продуктового эмбарго на товары основных импортеров. Импортозамещение как последовательная политика фирм и государства требует широкого исторического и теоретического осмысления.

Исторические аспекты импортозависимости на продовольственном рынке России

Импортозависимость продовольственного рынка современной России связана с проблемами, возникшими еще в прошлом веке, а именно: огосударствлением сельского хозяйства, невозможностью удовлетворения спроса населения на продовольствие, искусственным занижением цен на сельскохозяйственную продукцию.

В конце XIX – начале XX века Российская империя занимала особое место на продовольственном рынке Европы, лидируя в производстве зернового хлеба. В России производилось свыше половины выращенной в мире ржи, пятая часть мирового урожая пшеницы, треть ячменя и четверть овса. Советский Союз продолжил экспорт зерна вплоть до конца 1950-х годов, несмотря на неурожайные годы и голод в сельской местности. Основной задачей экспорта являлось получение валюты, которая была необходима для индустриализации страны, а затем и для восстановления разрушенного Великой отечественной войной народного хозяйства.

Крайне тяжелыми для сельского хозяйства были последствия коллективизации. Курс на коллективизацию включал в себя три главные задачи: осуществление социалистических преобразований в деревне, обеспечение снабжения любой ценой быстро растущих в ходе индустриализации городов, развитие системы принудительных работ, в которую были вовлечены «спецпереселенцы»- высланные кулаки и члены их семей. Несмотря на краткосрочный эффект, благодаря которому государству удалось поднять сбор и экспорт зерна для финансирования индустриализации, в конечном счете коллективизация привела к сокращению валового поголовья скота, массовому голоду 1932–1933 годов, а главное, к ослаблению экономических стимулов развития сельскохозяйственного производства, отчуждению крестьян от собственности и результатов своего труда, слому традиционных хозяйственных и экономических связей. Эту линию в определенной мере продолжил Н.С. Хрущев, борясь с личными подсобными хозяйствами, которые были главным источником доходов колхозников. Отток населения из сельской местности продолжился.

Все это привело сельское хозяйство СССР к тому упадку, который проявился в 60-е годы XX века. СССР из нетто-экспортера продовольственной продукции превратился в нетто-импортера. Импорт зерна осуществлялся за счет средств, полученных от экспорта сырья – прежде всего нефти и газа, а также товаров промышленного производства. Государство, сохраняя низкие цены на продукты питания, дотировало тем самым отечественных потребителей в нарастающих масштабах. В 1989 году доля дотаций в розничной цене на основные продукты питания доходила до 80%. При этом опросы общественного мнения на селе показывали, что вести самостоятельное хозяйство хотело лишь 10–15% сельских жителей.[2]

---

[1] Симановская Микаэла Леонидовна – к.э.н., доцент кафедры Стратегического планирования и экономической политики факультета Государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: msimanovskaya@yandex.ru SPIN-код РИНЦ: 6613-5288

Силантьева Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры Стратегического планирования и экономической политики факультета Государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: the_best_kat@mail.ru SPIN-код РИНЦ: 8498-7763

[2] Серова Е.В. Аграрная реформа в России переходного периода. – http://www.ru—90.ru/

Распад СССР сопровождался либерализацией цен, либерализации внешней торговли, ликвидацией системы государственных закупок в аграрном секторе, отменой обязательных планов производства для сельхозпредприятий, субсидий и льгот для сельского хозяйства. В ходе приватизации земли за 1992–1994 годы было роздано около 12 миллионов земельных участков. Порядка 300 тысяч домохозяйств воспользовалось своим правом выйти из коллективных хозяйств и организовать собственные семейные фермы. Но при этом до 40% зарегистрированных сельхозпроизводителей в России фактически не вели хозяйственной деятельности. В результате на рынке сохранялась высокая доля низкорентабельных производителей, а Россия получала продовольственную гуманитарную помощь.

В 1994–1998 годах политику либерализации внешней торговли стал вытеснять аграрный протекционизм. Россия ввела минимальные гарантированные цены, импортные тарифы и квоты, экспортные субсидии, перестала получать гуманитарную помощь. Появились первые данные об экспорте зерна.

Импортозамещение как явление наблюдалось впервые в Российской Федерации после сильной девальвации рубля, произошедшей в 1998 году. Девальвация рубля привела к кризису национальной экономики, однако при этом в 1998 году объём импорта в Россию сократился, а возросший после кризиса спрос на отечественную продукцию был достаточно легко удовлетворён на экстенсивной основе за счёт незагруженных производственных мощностей. Вызванное девальвацией снижение импорта стало важнейшим фактором экономического роста.

В 1998–2013 годы правительство стало применять комплекс мер, способствующих развитию аграрного сектора национальной экономики. Расширялись меры внешнеторгового протекционизма. Стала увеличиваться доля расходов на сельское хозяйство в государственном бюджете. В 2006 году аграрный сектор впервые был назван в числе приоритетов развития страны. В конце декабря того же года были приняты Закон «О развитии сельского хозяйства» и введена государственная программа развития аграрного сектора. В 2009 году была создана Объединенная зерновая компания, которая была призвана стать крупнейшим экспортером российского зерна.

В 2014 году правительство РФ ввело продовольственное эмбарго против ряда стран-экспортеров и официально был объявлен курс на импортозамещение продуктов питания.

Многие аспекты проблемы импортозамещения нашли свое выражение в тех или иных экономических теориях. Как говорил немецкий физик, иностранный член-корреспондент Петербургской АН Густав Роберт Кирхгоф (1824–1887гг.): «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Импортозамещение в аспекте теорий международного разделения труда и международной торговли

В экономической теории существует два различных подхода к возможности импортозамещения: за счет мер протекционизма и за счет увеличения страновой конкурентоспособности и конкурентоспособности национальных компаний. Политика протекционизма, адептами которой выступали меркантилисты, предполагала строгий государственный контроль над всей экономической сферой, создание сложнейшей системы таможенных пошлин, налогов, квот и иных барьеров, которые создавали монопольные выгоды национальным компаниям.

С критикой теорий протекционизма выступала классическая экономическая теория свободного рынка. Согласно теории абсолютных преимуществ, страны экспортируют те товары, в производстве которых они имеют абсолютное преимущество, и импортируют те товары, в производстве которых преимущество принадлежит их торговым партнерам. В соответствие с данной теорией импортозамещение есть результат развития свободной конкуренции, повышения производительности труда. По мнению А. Смита, от свободной торговли пострадают только производители неконкурентоспособной продукции, но страна в целом от этого только выиграет.[1]

При формировании товарной структуры торгового баланса важно исходить из теории относительных преимуществ Д. Рикардо, согласно которой страна получит выгоду, если сосредоточит ресурсы в производстве тех товаров, где она добилась относительно большей эффективности; выгодность торговли нужно определять не путем сравнения затрат на производство экспортного товара с затратами на производство товара, импортируемого из другой страны, а с потенциальными затратами на производство товара, замещающего импорт, если бы стране-импортеру его пришлось производить самой[2].

В современных условиях идеи Д. Рикардо нашли свое продолжение в теории торговли «виртуальной водой». Данную концепцию разработал Джон Энтони Аллан. Он ввел понятие «виртуальная вода» — это объем воды, заключенный в продовольствии или других продуктах, необходимый для их производства[3]. Например, для того, чтобы вырастить один килограмм пшеницы необходимо затратить около 1000 литров воды, следовательно, «виртуальная вода» этого килограмма пшеницы составляет 1000 литров. На аграрный сектор приходится более 70% совокупного потребления водных ресурсов, поэтому страна, не обладающая необходимыми водными запасами, должна производить и экспортировать продукцию, требующую минимальных водных затрат и при этом импортировать водоемкие продукты питания.

Для проведения импортозамещения на продовольственном рынке Российской Федерации необходим поиск баланса между замкнутой системой полного самообеспечения и свободным рынком.

---

[1] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007.

[2] Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Эксмо, 2012.

[3] Allan J.A. Virtual water: An Essential Element in Stabilizing the Political Economies of the Middle East // Forestry & Environmental Studies Bulletin. – New Haven: Yale University, 1998. – N 103. – P.141–149.

Проблема импортозамещения в рамках выбора национальной воспроизводственной модели

Важно отметить, что импортозамещение является комплексной проблемой национального воспроизводства, которая касается не только конечного продукта, но и всей цепочки создания ценности.

Поэтому для решения вопроса импортозамещения целесообразно привлечение инструментария межотраслевого баланса. Теоретические подходы к идее межотраслевого баланса были представлены В.В. Леонтьевым[1]. Учёный показал, что коэффициенты, выражающие связи между отраслями экономики, достаточно стабильны и их можно прогнозировать. Теория «Межотраслевого баланса» была разработана как действенный инструмент при анализе и прогнозировании структурных взаимосвязей в экономике.

Поскольку либерализация экономики в 90-е годы привела к деиндустриализации целого ряда отраслей национального производства, необходимость проведения импортозамещения ставит перед правительством вопрос о реиндустриализации экономики, то есть проектировании и развертывании внутренних индустриально-технологических цепочек на всем пути создания продукции.

Надежной базой для осуществления импортозамещения является проведение последующей политики неоиндустриализации, то есть перехода к новой модели экономического роста, основанной на производстве конкурентоспособной инновационной продукции (преимущественно с использованием отечественных наукоемких технологий). Это соответствует идее М. Портера о том, что главное, на чем может основываться концепция конкурентоспособности на уровне страны – способность промышленности постоянно развиваться и производить инновации[2].

При проведении в России политики реиндустрилизации с последующей неоиндустриализацией в продовольственном секторе важно учесть опыт стран Латинской Америки, которые осуществили «импортозамещающую реиндустриализацию». Ее основной задачей являлся переход от экспорта сырья к производству готовой агропромышленной продукции с применением мер жесткой протекционистской политики. Импортозамещение в агропромышленном комплексе было вполне успешным. В 1990–2011 годах при росте населения на 35% производство пшеницы в Южной Америке увеличилось на 60%, картофеля – на 64%, риса – вдвое, мяса – на 144%, тростникового сахара – в 2,5 раза, кукурузы – почти втрое, а сои – больше чем в 4 раза[3]. Достижению таких результатов способствовало использование странами Латинской Америки передовых технологий и увеличение капиталовложений в НИОКР.

Импортозамещение в аспекте теорий конкурентных преимуществ

Российские предприятия на продовольственном рынке по всей цепочке создания ценности (сельскохозяйственные производители, переработчики, торговые предприятия) имеют определенный конкурентный потенциал, который можно оценить с позиций современных рыночной, ресурсной и институциональной теорий конкурентных преимуществ организации.

Рыночная концепция конкурентных преимуществ исходит из того, что для обеспечения компанией своей конкурентоспособности, ей необходимо занимать выгодную позицию в отрасли. Родоначальником данной концепции был И. Ансофф. Он предложил модель стратегического позиционирования фирмы, основанную на концепции стратегического планирования деятельности компании на рынке[4]. Его идеи развил М. Портер, применивший к стратегическому планированию теорию организации отраслевых рынков, модели различных типов конкуренции и маркетинговый инструментарий[5]. В концепции М.Портера стратегия понимается как позиционирование бизнеса в стабильной и хорошо определенной отраслевой структуре. В соответствие с концепцией рыночного позиционирования, российские фирмы должны выбирать сферу деятельности, результат которой не только ценен для потребителей, но и где компания способна позиционировать себя в конкурентном окружении наиболее эффективным образом.

Рыночным конкурентным преимуществом российского бизнеса на продовольственном рынке является территориальная асимметрия обеспечения населения продовольствием. В отдельные регионы Российской Федерации импорт продовольствия нерентабелен, что связано с высокими логистическими издержками поставщиков. С территориальной асимметрией связана и ориентированность большинства торговых предприятий, работающих в России на взаимодействие с локальными производителями. В связи с этим важно обратить внимание на необходимость и целесообразность участия на российском продовольственном рынке не только крупных агрохолдингов и торговых сетей, но и малого и среднего бизнеса – фермеров, переработчиков сельскохозяйственной продукции, предприятий торговли. Они занимают значительный удельный вес на продовольственном рынке России.

Ресурсная теория конкурентных преимуществ, получила развитие в последние десятилетия. Согласно данной теории, приоритетным провозглашается то направление развития компании, в котором имеющийся комплекс уникальных ресурсов и способностей фирмы стратегически соответствует отраслевым задачам. В краткосрочной перспективе конкурентоспособность фирмы зависит от ценовых и потребительских характеристик ее ключевых продуктов, но в условиях глобальной конкуренции в долгосрочной перспективе – основывается на способности создавать с

---

[1] Леонтьев В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // Плановое хозяйство: Ежемесячный журнал. – М.: Госплан СССР, 1925. – № 12. – С. 254-258.

[2] Портер М. Международная конкуренция. – М: Международные отношения, 1993.

[3] Статистика Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАОСТАТ). – http://faostst.fao.org/site/339/default.aspx

[4] Ансофф И. Новая корпоративная стратегия (пер. с англ. С. Жильцова; под ред. Ю.Н. Каптуревского). – М.: Питер, 1999.

[5] Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. – М.: Альпина Паблишер, 2011.

более низкими издержками и быстрее чем конкуренты ключевые компетенции, на основе которых рождаются непредвиденные ранее продукты[1].

В современных исследованиях выделяют две основные группы ресурсов: физические и нематериальные. Однако наличие ресурсов само по себе не является конкурентным преимуществом, а становится им в результате внутрифирменных взаимодействий[2]. Среди ресурсных конкурентных преимуществ российских производителей можно назвать незадействованные производственные мощности. По данным Российского зернового союза, при экспорте зерна в 30 миллионов тонн (2014 год), инфраструктура России была потенциально способна обработать до 50 миллионов тонн зерна для экспорта, при этом в структуре экспорта выросла доля высококачественной пшеницы 3-го класса с высоким содержанием протеина[3].

Один из основных тезисов ресурсных теорий состоит в том, что ресурсы являются достаточно гетерогенными между фирмами, то есть уникальными и одновременно недостаточно мобильными.[4] Однако копирование ресурсов или организация доступа к ним для конкурентов могут быть не столь затруднительным и предоставлять фирме только временные преимущества. Одним из труднокопируемых нематериальных ресурсов является человеческий капитал компании. Производство в России потенциально привлекательно с позиции дешевого труда достаточно квалифицированной рабочей силы. Интересно отметить, что еще в 2012 году Ernst & Young опубликовал доклад, в котором говорилось о том, что инвесторов в России больше всего привлекает дешевая и квалифицированная рабочая сила, а также развитие внутреннего рынка[5]. Важным нематериальным активом также является сложившаяся за многие годы лояльность потребителей к российским брендам, знакомым с детства, таким как, например, «Красный Октябрь».

С точки зрения **институциональной концепции конкурентных преимуществ** экономический потенциал фирмы определяется также различными факторами, имеющими институционально-социальную природу: межфирменными связями, формальными и неформальными легитимными структурами, привычками, стереотипами и моделями поведения, нормами, ценностями, традициями и установками[6]. Институциональный подход базируется на представлении о том, что конкуренция в современном мире несет существенный элемент кооперации, проявляющийся в деятельности компаний в рамках сетевых образований. В современной экономике для создания дополнительных конкурентных преимуществ, компания должна эффективно интегрироваться в окружающую среду и сетевые взаимосвязи с другими фирмами, государством и субъектами гражданского общества[7].

Одним из институциональных конкурентных преимуществ является кооперация различных субъектов продовольственной сферы, которая осуществляется в различных формах.

Сельскохозяйственная кооперация. О большой роли кооперации для развития сельского хозяйства России в начале XX века писал выдающийся русский ученый А.В. Чаянов[8]. Большой опыт сельскохозяйственной кооперации накоплен в европейских странах. Кооператив – это организация, созданная на базе добровольного членства для совместной хозяйственной деятельности, основанной на объединении имущественных паевых взносов. Сельхозкооператив может быть создан в форме сельскохозяйственного производственного кооператива или сельскохозяйственного потребительского кооператива (СПК). В современных российских условиях в решении проблемы импортозамещения особое значение придается развитию СПК, которые призваны выполнять координационные функции между сельскохозяйственными производителями и другими звеньями аграрно-промышленного комплекса. СПК осуществляют, с одной стороны, снабжение необходимыми средствами производства и сопутствующими услугами от мелиоративных до финансовых. С другой стороны, они обеспечивают устойчивый сбыт продукции. Это особенно важно для развития малого и среднего сельскохозяйственного предпринимательства, так как сегодня эти функции монополизированы крупными коммерческими структурами.

Поэтому государство оказывает поддержку развитию СПК. По данным Министерства сельского хозяйства РФ, в 2016 году на мероприятия грантовой поддержки из федерального бюджета было направлено 900 млн. рублей, средства получили 150 кооперативов из 42 регионов. Однако, несмотря на господдержку и явные преимущества, которые дает сельхозтоваропроизводителям кооперация, в стране с большим трудом создаются и работают кооперативные объединения. По данным Министерства сельского хозяйства России, количество зарегистрированных сельскохозяйственных потребительских кооперативов за период с 2007 по 2015 годы в РФ увеличилось в 4 раза, и на 1 января 2016 г. составило 6293 кооператива, а вот доля фактически работающих на сегодня – всего 60,8%[9]. Объем кооперативных услуг, оказываемых сельхозтоваропроизводителям, ничтожно мал.

Сетевая кооперация российских производителей в рамках отраслей. Усилилась кооперация российских производителей в рамках отраслей. Ярким примером подобной кооперации является Ассоциация производителей и

---

[1] Hamel G., Plaharad C.K. The Core competence of Corporation // Harvard Business Review. 1990.

[2] Кастосов М.А. Экономия ресурсов и эффективность производства. – М: НИИЭИР, 1993.

[3] Российский Зерновой Союз. http://grun.ru/

[4] Hunt Sh.D. A General Theory of Competition: Resources, Competences, Productivity, Economic Growth. – Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2000.

[5] Ernst & Young. http://www.ey.com/RU/ru

[6] Оливер К.. Устойчивое конкурентное преимущество: комбинация институционального и ресурсного подходов // Реферативный журнал. Серия 2. Экономика. – М., 1998. – № 4.

[7] Симановская М.Л., Силантьева Е.С. Импортозамещение в аспекте экономических теорий // Государственное управление. Электронный вестник. – М.: Факультет государственного управления МГУ, 2016. – № 56. – С. 198–219.

[8] Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М.: Экономика, 1989.

[9] Министерство сельского хозяйства РФ. – http://www.mcx.ru

поставщиков продовольственных товаров «Руспродсоюз», объединяющая более 400 российских производителей и занимающаяся продвижением их интересов. Руспродсоюз входит в состав Межотраслевого экономического совета, разрабатывающего стратегию развития продовольственного отрасли. На его базе был принят «Кодекс добросовестных практик», регулирующий взаимоотношения торговых и продовольственных организаций.

Кооперация с представителями международного бизнеса. В то же время, осуществляется кооперация российских организаций с представителями международного бизнеса, функционирующего на территории РФ. Так, открыв на территории вологодского филиала «Нестле Россия» свой новый цех по производству детских каш, компания Нестле обязалась закупать сырье для производства у местных фермеров.

В свою очередь, государство стремится поддержать российских производителей[1]. Для этого был принят ФЗ «О торговле», защищающий в определенной мере интересы малого и среднего бизнеса, регулирующий взаимоотношения между торговыми организациями и поставщиками и носящий протекционистский характер для национальных производителей и поставщиков продуктов питания. Одной из защитных мер малого и среднего бизнеса на продовольственном рынке является ограничение рыночной доли сетей в регионах на уровне 25%[2]. Но при этом, по мнению экспертов Торгово-промышленной палаты РФ, ситуация дефицита современных форматов торговли создает многообразие проблем и сложностей во взаимоотношениях торговли и поставщиков[3].

Заключение

Исторический анализ формирования продовольственной сферы в России показал, что проблема импортозависимости Российской Федерации возникла еще в прошлом веке и связана с государственным сельским хозяйством, невозможностью обеспечения потребительского спроса, искусственным занижением цен на сельскохозяйственную продукцию и последующей либерализацией, которая привела к разрушению агропромышленного комплекса. В статье рассмотрена проблема импортозамещения в аспекте различных экономических теорий. В рамках теорий международной торговли существуют две основные модели импортозамещения: за счет протекционистских мер и за счет повышения конкурентоспособности национальной экономики в условиях международного разделения труда.

Для воссоздания современного комплекса АПК необходимо проведение государством грамотной экономической политики и повышение конкурентоспособности российского бизнеса. Анализ продовольственного рынка РФ показал, что российские компании обладают конкурентным потенциалом и имеют определённые рыночные, ресурсные и институциональные конкурентные преимущества. В связи с этим, актуально системное применение инструментария теорий конкурентных преимуществ на практике для анализа путей повышения конкурентоспособности национальных сельскохозяйственных производителей и переработчиков продуктов питания, а также торговых предприятий с целью создания добросовестной производственно-торговой среды, обеспечивающей продовольственную безопасность населения и позволяющей развиваться российским компаниям различной величины.

---

[1] Симановская М.Л., Силантьева Е.С. Государственная поддержка конкурентоспособности малого и среднего бизнеса на российском продовольственном рынке // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, 29–31 мая 2014 г.: Материалы. – М.: Инфра-М, 2015. – С. 161–166.

[2] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381- ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

[3] Ежегодный доклад «Потребительский рынок России: итоги 2014 года, перспективы на 2015 год». – М.: Торгово-Промышленная Палата Российской Федерации, Комитет по развитию потребительского рынка, 2015.

Солдатова И.Ю.
д.э.н., гл.н.с. ВНИИ экономики и нормативов, профессор Высшей школы бизнеса ЮФУ, Ростов-на-Дону
sold@aaanet.ru

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: *ускоренное импортозамещение; рост эффективности сельских территорий, внутренние и внешние факторы роста, продовольственная безопасность, зарубежные санкции; модернизация, инвестиции и инновации; государственная поддержка; региональные программы и субсидии.*

Keywords: *accelerated import substitution; increasing of the efficiency of rural areas, internal and external factors of growth, food security, foreign sanctions; modernization, investment and innovation; governmental support; regional programs and subsidies.*

Импортозамещение представляет собой замену иностранных товаров на товары, произведенные российскими компаниями. Социально-экономическая политика импортозамещения, безусловно, способствует созданию дополнительных рабочих мест, стимулирует появление новых компаний и предпринимателей и т.д. Цель п**рограммы импортозамещения заключается в создании благоприятных условий для производителей России.**

В программе Правительства РФ по импортозамещению особое место отведено с**ельскому хозяйству**. В России был принят запрет на ввоз на территорию некоторых видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [1]. Эти антисанкции помогут преодолеть зависимость российского рынка сельскохозяйственной продукции от импорта. В июне 2014 года принято решение о продлении этого запрета еще на год – до 6 августа 2015 года. Был расширен перечень стран, ввоз продовольствия из которых в Россию запрещен [3; 1].

К положительным моментам этой государственной программы нужно отнести: 1) у производителей появилось больше возможностей реализовывать свою продукцию; 2) расширяется внутреннее производство продуктов, попавших под запрет (мясо крупного рогатого скота, живая рыба, молоко, овощи, фрукты, колбасы и т.д.). К отрицательным моментам государственной программы следует отнести то, что 1) аналоги в России не являются конкурентоспособными по качеству и 2) производственные мощности предприятий не способны в полной мере удовлетворить спрос на продукцию.

Импортозамещение в России должно быть обеспечено в минимальные сроки. Это определяется задачами обеспечения национальной безопасности и суверенитета России, роста конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и повышения её качества. Для этого необходимо осуществление ряда дополнительных мер:

1. увеличение финансовой государственной поддержки, направленной на повышение эффективности сельских территорий;
2. увязка государственной поддержки сельского хозяйства с задачами обеспечения продовольственной безопасности и суверенитета России;
3. восстановление сельскохозяйственного производства на заброшенных сельскохозяйственных угодьях, технико-технологическая модернизация отрасли, существенное изменение экономических условий на рынке материально-технических ресурсов;
4. расширение доступа сельскохозяйственных товаропроизводителей к рынку конечных потребителей, развитие кооперации;
5. увеличение объемов мелиоративных работ;
6. социальное, культурное, экологической развитие, улучшение условий жизни на селе.

Сельское хозяйство России в современных условиях стабильно развивается, несмотря кризисную ситуацию в российской и мировой экономике. В марте 2016 года Минсельхоз утвердил перечень из 464 инвестиционных проектов по импортозамещению на общую сумму около 266 млрд. рублей. Инвестиции в основном направляются в строительство овощехранилищ, переработку плодов и ягод, молочное скотоводство и переработку, птицеводство, мясное скотоводство и свиноводство.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал на развитие отраслей АПК (в фактически действовавших ценах)[1]

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Инвестиции в основной капитал на развитие сельского хозяйства*, млрд. руб.	256,9	276,2	307,1	313,8
% к предыдущему году	116,7	107,5	111,2	102,2
% к общему объему инвестиций в основной капитал на развитие экономики России	3,0	2,9	2,3	2,3
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб. (1995 г. – трлн. руб.)	186,8	201,8	233,4	244,4
% к предыдущему году	99,2	102,2	115,6	104,7

Таблица 2

Импорт основных продовольственных товаров, тыс. т

Виды продовольственных товаров	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Мясо свежее и мороженое	1614	1406	1285	1012
Мясо птицы свежее и мороженое	688	531	523	453
Рыба свежая и мороженая	791	739	775	649
Молоко и сливки сгущенные	238	163	220	194
Масло сливочное и прочие молочные жиры	134	118	135	147
Подсолнечное масло	115	17	18	8,8
Сахар-сырец	2086	520	530	666
Сахар белый	285	68	69	285
Злаки	444	974	1302	930
Мука и крупы	120	68	123	-
Макаронные изделия	59	81	94,7	105
Картофель	711	461	448	690
Томаты	717	800	853	-
Яблоки свежие	1206	1279	1352	1050
Фруктовые и овощные соки	278	264	244	237
Импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья, млрд. долл.	36,5	40,4	43,1	39,7

Государственная поддержка сельского хозяйства ощутимо возрастает (см. табл. 3) [4; 26]. Индекс производства сельскохозяйственной продукции в России в I квартале 2016 года вырос на 2,8% по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Государственная поддержка приобретает особое значение в условиях рисков продовольственной безопасности, экономической, социальной, политической, природно-климатической, образовательной и внешней турбулентности, международных нарастающих санкций, усиливающихся интеграционных тенденций.

Однако рост цен на продовольственном рынке является существенным (табл. 4) [4; 22]. Риски в повышении эффективности сельских территорий сопряжены с низким уровнем доходов значительной части населения, инфляцией, неразвитостью инфраструктуры, износом основных производственных фондов, дефицитом социальных и производственных кадров в сельском хозяйстве, неэффективной системой управления, ухудшением воспроизводственных возможностей у производителей.

Таблица 3

Показатели реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах к предыдущему году), %	88,7	123,0	95,2	105,8	103,7
Индекс производства продукции растениеводства (в сопоставимых ценах к предыдущему году), %	76,2	146,9	88,3	111,2	105,0
Индекс производства продукции животноводства (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году	100,9	102,3	102,7	100,6	102,1
Индекс производства пищевых продуктов, включая напитки (в сопоставимых ценах к предыдущему году), %	104,0	104,2	104,3	101,0	103,3
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства (к предыдущему году), % **	90,9	111,6	102,7	105,1	94,5
Рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий), %	8,3	11,8	12,1	13,0	16,2
Среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве (по сельскохозяйственным организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства), руб.	11097	13030	14935	16853	19243

[1] Рассчитано автором по данным российской статистики.

Таблица 4

Средние потребительские цены на продовольственные товары, руб./кг на конец года

Продовольственные товары	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Говядина	197,6	234,69	248,47	244,55	4 272,28
Свинина	198,35	210,89	220,09	214,8	272,36
Мясо птицы, кроме куриных окорочков	105,14	103,57	117,26	107,03	136,14
Колбаса вареная	235,96	270,28	288,23	302,94	310,54
Масло сливочное	239,55	256,48	260,89	308,92	357,54
Масло подсолнечное	72,60	76,79	78,51	75,47	78,09
Молоко цельное, 1 л	31,99	32,52	33,88	38,64	43,81
Сыры сычужные твердые и мягкие	263,20	273,43	272,57	326,89	388,81
Яйца куриные, дес.	38,56	41,25	43,34	56,01	58,76
Сахар-песок	40,62	30,22	31,58	32,32	44,97
Мука пшеничная	21,45	19,76	25,19	26,83	29,46
Хлеб и хлебобулочные изделия из пшеничной муки высшего сорта	42,60	45,36	50,51	55,11	58,75
Рис шлифованный	42,14	40,65	39,80	43,51	53,03
Макаронные изделия	47,77	46,18	48,87	50,67	55,18
Картофель	28,94	14,26	16,07	23,18	26,66
Капуста свежая белокочанная	28,22	10,61	15,65	17,30	25,55
Лук репчатый	27,41	16,03	16,70	21,36	26,47
Яблоки	62,37	63,59	62,54	63,26	76,70

По мере насыщения рынка российским, отечественным продовольствием, цены будут снижаться и стабилизироваться.

Рост производства послужил эффективной базой для реализации требований Доктрины продовольственной безопасности РФ [5; 1–38], по многим показателям достигнуты установленные в ней пороговые значения обеспеченности внутреннего рынка отечественной продукцией.

Низкая доступность кредитных ресурсов – это фактор, мешающий развитию импортозамещения. В период с января по сентябрь 2015 года объем краткосрочного кредитования сельскохозяйственных организаций вырос на 24%, однако ситуация с кредитованием в регионах по-прежнему сложная: хозяйства либо закредитованы, либо не имеют залоговой базы для получения кредита. Осенью 2014 года была утверждена программа поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории РФ на основе проектного финансирования [6; 1–28].

Практически все программы государственной поддержки рассчитаны на софинансирование, то есть часть средств должна выделяться из бюджета соответствующего субъекта РФ либо из внебюджетных источников. Некоторые регионы не могут обеспечить предоставление даже необходимых 10–15% средств, поэтому деньги приходится возвращать в федеральный бюджет. Кроме того, повышение цен на сельскохозяйственную продукцию приводит к сокращению потребления ее населением. Рост цен связан, в том числе, с использованием для производства продукции в России импортной техники.

Для мониторинга процессов импортозамещения и развития сельского хозяйства необходима достоверная информация о ситуации в отрасли. Для ее получения проводится Всероссийская сельскохозяйственная перепись [7; 1–34].

Согласно анализу, результаты которого представлены в Докладе о мировом развитии на 2014 год [12; 42–45], для повышения качества социальной защиты, общественных благ и государственной политики, имеющих основополагающее значение для содействия управлению рисками, государство может руководствоваться в своих действиях несколькими ключевыми принципами. Пять представленных ниже принципов основываются на международном передовом опыте, они актуальны для различных видов риска. Но их следует адаптировать к существующим условиям импортозамещения в России. Авторская концепция включает восемь принципов (см. табл. 5 [12;41-43]):

1) обеспечивать ускоренное импортозамещение в условиях международных санкций;

2) обеспечивать реализацию Доктрины продовольственной безопасности;

3) влиять на инфляцию, интеграционные процессы, с целью обеспечения устойчивого роста продовольствия;

4) избегать нарастания неопределенности или ненужных рисков;

5) создавать надлежащие стимулы, побуждающие людей и учреждения к самостоятельному планированию без перекладывания рисков на других;

6) ориентироваться на долгосрочную перспективу в вопросах управления рисками при создании институциональных механизмов, не ограниченных рамками политических циклов;

7) повышать гибкость в рамках четкой и предсказуемой институциональной структуры;

8) защищать уязвимые слои населения, создавая при этом стимулы для роста их экономической активности при сохранении устойчивости бюджета.

Таблица 5

SWOT анализ импортозамещения как фактора роста эффективности сельскохозяйственных территорий[1]

Strengths (сильные стороны)	Weaknesses (слабые стороны)
Возможность эффективного управления внутренними и внешними рисками ускоренного импортозамещения, обеспечения продовольственной безопасности, независимости сельского хозяйства России; Стратегия риска, включающая четыре компонента: знания, защиту, страхование и адаптацию; Симбиотические отношения между государством, гражданским обществом, частным сектором и международным сообществом в преодолении возможностей риска в сельском хозяйстве; Использование зарубежного и отечественного передового опыта.	Понижение уровня благосостояния, трудового потенциала; Снижение уровня инвестиций; Экологическая, природная неблагоприятная ситуация (наводнения, засухи и т.д.), глобальное потепление, природные катаклизмы; Безработица, инфляция, отток молодых кадров в сельском хозяйстве России;
Opportunities (возможности)	**Threats (угрозы)**
Повышение устойчивости к рискам сельского хозяйства на основе сбалансированного подхода, мер структурной политики, предупредительных мер, страхования, просвещения, обучения и эффективных норм регулирования; Институциональная структура, позволяющая принимать обоснованные меры управления рисками сельского хозяйства; Возможность синергии, альтернативных решений и реализации приоритетов управления различными видами риска в различных ситуациях с неизменной целью – стимулировать развитие сельского хозяйства России; Управление инструментами риска (повышение информированности, страхование урожая, диверсификация занятости и т.д.) в целях созданию новых возможностей для социально-экономического роста в сельском хозяйстве.	Международные санкции в сельском хозяйстве; Сокращение инвестиций в сельское хозяйство России; Снижение курса рубля

При обеспечении интегрированной продовольственной безопасности государств ЕАЭС не обойтись без скоординированной сельскохозяйственной политики. Принятая политика ЕАЭС предусматривает согласованную, но не единую политику. Поэтому возникает проблема единого подхода к реализации сельскохозяйственной политики.

Таблица 6

Уровень продовольственной независимости стран ЕАЭС,%

Продукт	Россия	Беларусь	Казахстан
Зерно	108	106	218
Сахар	86	94	6
Растительное масло	209	74	84
Мясо и мясопродукты	76	116	78
Молоко и молокопродукты	80	246	83
Картофель	98	100	99
Овощи	89	97	91
Плоды и ягоды	30	50	20
Яйца	98	130	93

В обеспечении продовольственной безопасности ЕАЭС следует выделить ряд направлений:

– снижение неоправданной конкуренции между странами на основе разработки продовольственных балансов, принятия других организационно-экономических механизмов;

– формирование общей товарной системы для продвижения сельскохозяйственной продукции, учитывая снижение совокупных издержек;

– координация экспортных операций;

– разработка единой схемы размещения и специализации производства сельскохозяйственной продукции и пищевых продуктов;

– формирование межгосударственных экономических механизмов стимулирования развития сельского хозяйства в целях увеличения внутреннего потребления и формирования экспортного потенциала;

– синхронизация нормативного и правового обеспечения стандартизации жизнеобеспечения сельского населения;

– координация и разработка планов совместных исследований в области технологии и экономики сельскохозяйственного производства.

[1] Составлено автором.

Выводы и рекомендации

1. Для обеспечения роста эффективности сельскохозяйственных территорий требуется современное понимание роли государства. Она заключается в воздействии на социально-экономические процессы, поддержке инвестиционного и инновационного курса отрасли в условиях экономической, политической, природно-ресурсной, экологической неопределённости. Имеющиеся в этой отрасли риски усиливаются международными санкциями, что актуализирует политику ускоренного импортозамещения. Эта политика должна быть непосредственно связана с ростом конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции в России, повышением её качества.

2. Социально-экономическая политика импортозамещения и рост эффективности сельских территорий содействуют обеспечению и укреплению национальной безопасности РФ; максимальной продовольственной независимости от других государств; увеличению внутреннего производства товаров; завоеванию Россией лидирующих позиций на международном торговом рынке. Политика импортозамещения к 2020 году должна обеспечить торговую независимость России, развитие внутреннего производства и товарооборота, снижение уровня инфляции, увеличение количества построенных заводов и открывшихся предприятий, подъем экономики в целом.

3. В России замена иностранных товаров на отечественные должна привести к следующим результатам:

– повышение уровня жизни в связи со снижением безработицы, появлением новых вакансий для трудоустройства ранее неработающего населения;

– прогресс в научной и образовательной сферах;

– стабилизация экономики, обеспечение продовольственной безопасности РФ;

– увеличение объема продаж российских товаров, получение прибыли за счет налоговых выплат в связи с ростом нового количества предпринимателей и организаций.

4. Целесообразно значительно увеличить объем субсидий на ускоренное импортозамещение. Для решения задачи ускоренного импортозамещения следует обеспечить увеличивающиеся необходимые затраты на развитие социально-экономического потенциала сельского хозяйства: на развитие средств производства, производственную и социальную инфраструктуру, на реконструкцию и модернизацию животноводческих помещений; на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования и др. Предприятиям, реализующим проекты по строительству животноводческих комплексов, необходимо предоставить рассрочку на срок до 15 лет; разработать дополнительные компенсирующие меры, направленные на закрепление трудовых ресурсов на селе, на развитие трудового потенциала, на развитие сельскохозяйственной науки.

5. В российском сельском хозяйстве появились сегменты, в которых можно организовать свое малое производство, в том числе при поддержке государства. Российским производителям необходимо точно знать, в течение какого срока будет действовать продовольственное эмбарго. В настоящее время реализуются только проекты с быстрой окупаемостью, поскольку с долгосрочными проектами связаны большие риски. Вероятность того, что после возвращения на рынок запрещенной импортной продукции люди будут покупать именно ее очень велика.

6. Необходимо выделять работникам и предприятиям сельского хозяйства долгосрочные кредиты по приемлемой ставке.

7. В условиях глобализации, кризисных процессов во многих странах мира, особое значение приобретает развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Необходимо совершенствование согласованной и скоординированной сельскохозяйственной политики ЕАЭС.

8. Государственная поддержка сельского хозяйства должна осуществляться с учетом региональной специфики. Региональная система поддержки становится доминирующей по направлениям и объемам финансирования. Эффективность государственной поддержки проектов и программ по импортозамещению на уровне регионов обеспечивается ее гибкостью, адресностью, большими возможностями контроля за целевым использованием бюджетных средств. Отсутствие этих предпосылок на федеральном уровне резко снижает эффективность бюджетного регулирования выделяемых средств. Региональная политика, направленная на импортозамещение в отрасли сельского хозяйства должна формироваться на основе анализа сильных и слабых сторон, возможностей и угроз продовольственной безопасности.

Список литературы и источников

1. Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».
2. Указ Президента РФ от 24 июня 2015 г. № 320 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».
3. Постановление Правительства РФ от 13 августа 2015 г. № 842 «О внесении изменений в постановления Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 и от 31 июля 2015 г. № 774».
4. Статистические материалы развития агропромышленного производства России. – М.: Российская академия наук, 2016.
5. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120.
6. Постановление Правительства РФ от 11 октября 2014 г. № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования».
7. Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2013 г. № 316 «Об организации Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года» (с изменениями и дополнениями).
8. Постановление правительства РФ от 19.12. 2014 г. № 1421 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы».

9. Мониторинг объёмов и стоимостных показателей импорта чувствительных товаров на территорию РФ во исполнение п. 6.2 Плана действий Правительства РФ, направленного на адаптацию отдельных отраслей экономики к условиям членства РФ в ВТО, утвержденного 18. 10. 2012 № 6, 23. 03. 2015 г.
10. План деятельности Министерства сельского хозяйства РФ на 2013-2018 годы. – М., 2015.
11. Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/
12. Обзор Доклада о мировом развитии 2014: Риски и возможности – управление рисками в интересах развития. Всемирный банк. – Вашингтон, 2013. – http://siteresources.worldbank.org/EXTNWDR2013/Resources/8258024-1352909193861/8936935-1356011448215/8986901-1380730352432/RUS_StandaloneOverview.pdf
13. Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы. Монография. – М.: Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства, 2015.
14. Игнатова Т.В., Рябова Т.Ф. Механизмы достижения высокого уровня национальной экономической безопасности на основе формирования цивилизованной рыночной конъюнктуры // Пищевая промышленность. 2016. – № 5. – С. 24–28.
15. Кузнецов В.В. Импортозамещение как условие повышения конкурентоспособности сельского хозяйств // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы. Монография. – М.: Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства, 2015.
16. Солдатова И.Ю. Ускоренное импортозамещение в политике продовольственной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – Ростов на Дону, 2015. – № (63).
17. Солдатова И.Ю. Эффективность использования социально-экономического потенциала для устойчивого развития сельских территорий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов на Дону, 2015. – № 2.
18. Soldatova I., Ovchinnikov V. e.a. The Management of the Agriculture of Russia While Maintaining Food Security in the Globalization // China-USA Business Review. 2011. – Vol. 10, N 9.
19. Солдатова И.Ю. Управление сельским хозяйством России с учетом новых внутренних и внешних факторов роста // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. С. 423–427.
20. Soldatova I. Investments in the Russian Agriculture under the Economic, Political Volatility // Economics World. 2015. – Vol. 3, N 1-2, February (with Kuznetsov N., Kuznetsov V.).
21. Тарасов А.Н. Отраслевые и технико-технологические проблемы импортозамещения: состояние и пути решения // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы. Монография. – М.: Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства, 2015.
22. Ушачев И.Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе России // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы. Монография. – М.: Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства, 2015.

Тепина Ю.В.
к.т.н., доцент Института сферы обслуживания и предпринимательства филиала Донского государственного технического университета – ИСОиП (ф) ДГТУ, Шахты
Козаченко П.Н.
к.х.н., доцент, зав. кафедрой «Естественные науки» ИСОиП (ф) ДГТУ

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОИЗВОДСТВА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ И ВОСТРЕБОВАННОЙ ПРОДУКЦИИ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЮФО И СКФО

Ключевые слова: *легкая промышленность, конкурентоспособность, новые материалы, импортозамещение.*

Продукция предприятий легкой промышленности направлена на удовлетворение нужд человека, поэтому задачи развития отрасли – это создание и поддержание обеспеченности уровня жизни, достижение максимально возможного потребления и разнообразия товаров. Необходимо дать потребителю возможность найти товары, которые наиболее полно отвечают его вкусу и повышению качества жизни и соответствуют основному критерию конкурентоспособности – «качество-цена»

Конечно, повышение конкурентоспособности отечественных изделий легкой промышленности требует непрерывного использования новых компонентов, поскольку не только модные тенденции и современный дизайн, но и новые потребительские свойства используемого сырья позволяют привлечь покупателя.

Можно уверенно прогнозировать экономическую целесообразность насыщения нашего рынка отечественными товарами, изготовленными с использованием экологически безопасных технологий.

Отметим, что многие технологические процессы производства изделий легкой промышленности основаны на использовании большого количества материалов и веществ, запрещенных нормами санитарного контроля из-за выделения токсичных компонентов.

На основании исследований, проводимых на предприятиях Южного и Северокавказского федеральных округов, был составлен перечень наиболее часто встречающихся вредных компонентов, выделяющихся при производстве изделий легкой промышленности, связанных с применением химических веществ. Оказалось, что наиболее серьезная экологическая проблема связана с использованием обувных клеевых композиций растворного типа – именно они являются источником наибольшего числа химически вредных компонентов. Обусловлено это тем, что сухой остаток адгезива в клеях, используемых в обувном производстве, составляет порядка 20–22%, следовательно, 78–80% приходится на долю растворителей (ацетон, этилацетат, бензин). Методы и средства рекуперации паров растворителей не разработаны и соответственно не применяются. Поэтому эти растворители, испаряясь из клеевых пленок при сушке, с помощью вытяжной вентиляции попадают в окружающую среду. Основными аналогами клеевых композиций для изделий из кожи служат клеи-растворы, частично клеи-дисперсии и клеи-расплавы на основе полиамидов и полиэфиров. Клеи-растворы содержат токсичные вещества, клеи-дисперсии не обеспечивают необходимую адгезионную прочность, клеи-расплавы на основе полиамидов и полиэфиров не токсичны, однако также имеют ряд технологических и эксплуатационных недостатков.

Для обеспечения экологической безопасности производств по изготовлению изделий легкой промышленности с применением клеевых композиций необходима реализация следующих задач:

1) предложить предприятиям клеевые композиции, удовлетворяющие требованиям экологической безопасности;

2) разработать технологический процесс с учетом свойств разработанных клеевых композиций;

3) расширить область использования клеевых композиций с учетом требуемых характеристик за счет использования нанотехнологий (для затяжки, загибки, приклеивания подошв, дублирования и т.д.);

4) разработать эффективные методы оценки свойств новых клеевых композиций.

Отметим, что современные технологии позволяют создавать материалы с новыми свойствами или существенно изменять свойства используемых материалов, в том числе и клеевых композиций, за счет использования широкого спектра модифицирующих нанодобавок. Уже имеются разработки новых материалов для верха и низа обуви, используемые при производстве детской и ортопедической обуви, обладающих повышенными комфортными свойствами, что достигается за счет использования специальных бактерицидных покрытий на основе ионов серебра и других химических элементов.

В результате проведения предварительных исследовательских работ была выявлена основа клеевой композиции, отвечающая требованиям экологической безопасности – это клеи-расплавы на основе сополимеров этилена и винилацетата (ЭВА). Данная группа клеев нашла большое применение в разных отраслях промышленности, так как обладает рядом специфических свойств и преимуществ перед другими типами клеев:

– отсутствие органических растворителей в их составе;
– безвредность для рабочих;
– простота технологии применения;
– высокая скорость склеивания;
– экономичность;
– экологическая безопасность.

В результате проводимых теоретических и экспериментальных исследований были выявлены нанодобавки, при введении которых в состав сополимера ЭВА, достигаются требуемые характеристики клеевого шва. Использование нанодобавок в различном соотношении позволяет варьировать набор требуемых характеристик, которыми должна обладать клеевая композиция на основе сополимера ЭВА, в зависимости от ее назначения (технологические операции – затяжка, загибка краев деталей, приклеивание подошв, дублирование деталей верха и т.д.).

Проведенные исследования показали перспективность использования разработанной универсальной клеевой композиции в производстве изделий из кожи. Она предназначена для склеивания различного рода материалов на всех операциях технологического процесса производства обуви, в том числе для основного склеивания (приклеивания подошв).

В исследовании нами использовались высокочувствительные методы для оценки свойств наноматериалов и клеевых композиций, имеющих в своем составе наноразмерные компоненты. К этой группе методов относятся:

– сканирующая электронная микроскопия для изучения морфологии полимеров, исследования микроструктуры клеевых соединений и поверхностей, образующихся при разрушении клеевого шва;

– ИК-спектроскопия для исследования структуры клеевой композиции до и после модифицирования, а также характера взаимодействия клеевой композиции с нанодобавками на ИК-Фурье-спектрометре;

– термические методы анализа (ДТА и ТГ) для оценки температурных областей работоспособности полимерного материала и термостабильности композиции и структурных изменений, происходящих в композициях при повышенных температурах при использовании метода дифференциально-термического анализа (ДТА). Данный метод позволяет следить за фазовыми переходами и химическими реакциями на основании измерения количества поглощенного или выделенного тепла. Термогравиметрический анализатор (дериватограф) TGA/DSC1 фирмы МЕТТЛЕР ТОЛЕДО, помимо информации об изменении массы образца (ТГА), в автоматическом режиме предоставляет информацию о тепловых процессах, идущих в образце, – сигнал дифференциальной сканирующей калориметрии (ДСК). Одновременная регистрация двух сигналов ТГА и ДСК — мощнейший инструмент для определения химического состава испытуемых образцов, а также для изучения физических, физико-химических и химических процессов (реакций), происходящих в системе. Также возможно совмещать термогравиметрический анализатор TGA/DSC1 с масс-спектрометром или ИК-Фурье-спектрометром, что позволяет получать дополнительную информацию о продуктах реакций, протекающих в клеевой композиции при ее модифицировании.

Разработка нетоксичных клеевых композиций для изделий из кожи с набором заданных свойств, за счет правильного подбора нанодобавок, гарантирующего обеспечение этих свойств, а также использование предложенной методики оценки, позволяющей спрогнозировать их правильный выбор будет способствовать организации экологически безопасных производств, не оказывающих вредного воздействия на состояние окружающей среды и здоровья человека [3].

Список литературы

1. Торосян Ю.В. Нанотехнологии как путь обеспечения экологически безопасных технологических процессов при изготовлении изделий из кожи / Ю.В. Торосян, В.Т. Прохоров, А.А. Тартанов // Кожевенно-обувная промышленность. 2010. – № 5. – С. 20–21.
2. Торосян Ю.В. Разработка экологически безопасных клеевых композиций для изделий из кожи на базе сополимеров ЭВА с использованием нанотехнологий // Кожевенно-обувная промышленность. 2011. – № 4. – С. 25–31.
3. Торосян Ю.В., Прохоров В.Т., Тартанов А.А. Разработка экологически безопасных клеевых композиций для производства обуви на базе сополимеров этилена и винилацетата // Известия вузов. Технология легкой промышленности. – СПб., 2011. – № 12.

Цветкова Н.Н.
к.э.н., в.н.с. Института востоковедения РАН

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ОПЫТ СТРАН ВОСТОКА И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Ключевые слова: *импортозамещение, модернизация, международная конкурентоспособность, производство компьютерного, телекоммуникационного оборудования, производство по контрактам, ТНК из стран Азии.*

Keywords: *import substitution, modernization, global competitiveness, computer, telecommunications equipment production, contract manufacturing, transnational corporations from Asian countries.*

В 1960-х гг. развитие импортозамещения в обрабатывающей промышленности было важным направлением национальных стратегий экономического развития многих стран Востока, а прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в эти отрасли (в зарубежной экономической литературе их называют market-oriented) были важнейшим направлением в деятельности ТНК в крупных по численности населения азиатских странах, например, в Индии. ПИИ способствовали модернизации промышленности (новое оборудование, технологии, ноу-хау). Однако важная особенность импортозамещения, которая дала себя знать в странах Азии: переход к производству ранее импортировавшихся товаров сопровождался не столь значительным сокращением импорта. Вместо готовой продукции (автомобилей, бытовой техники, продуктов питания) переходили к ввозу компонентов, материалов для их производства. Однако в любом случае в стране создавались (пусть и не в столь значительных масштабах, как на предприятиях полного производственного цикла) дополнительная добавленная стоимость, рабочие места, появлялись новые центры производства. Таким образом, важный вопрос в развитии импортозамещения – это локализация, повышение доли местных компонентов в стоимости готовой продукции. В целом в мире значительная часть компонентов электронной, автомобильной промышленности производится по субподрядам, контрактам о производстве, у многих крупных компаний есть сеть поставщиков, часто также весьма крупных. В некоторых случаях целесообразным бывает привлечение инвестиций от таких поставщиков-субподрядчиков, в других случаях – налаживание производства на отечественных предприятиях с жестким соблюдением стандартов качества.

Уже с 1970-х гг. иностранные инвестиции в производство товаров для внутреннего рынка в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии (ЮЮВВА) возрастали гораздо медленнее, чем инвестиции в трудоемкие экспортные производства, ориентированные на снижение издержек, повышение эффективности (efficiency-oriented). Препятствием для роста инвестиций в импортозамещающее производство в странах с небольшим по азиатским меркам населением (Южная Корея, Тайвань) стала узость внутреннего рынка. От импортозамещения они стали переходить к экспортной ориентации.

В Индии производство, ориентированное на внутренний рынок, играло ведущую роль. Инвестиции ТНК в импортозамещающие производства в Индии в 1970-х гг. направлялись в основном в производство относительно недорогих товаров с популярными брендами: кондитерских изделий, прохладительных напитков, моющих средств. В 1990-х гг. на основе высоких темпов экономического роста и увеличения покупательной способности не только узкой состоятельной верхушки, но более многочисленного среднего класса импортозамещение вновь стало играть важную роль в иностранных инвестициях, которые стали направляться уже в производство товаров длительного пользования, в частности автомобилей. Ориентация на производство для внутреннего рынка сохраняется в Индии и сегодня. В стратегии «Цифровая Индия» (Digital India) поставлена задача к 2020 г. понизить долю импорта на индийском рынке электроники до нуля. Цели развития в стране производства (ориентированного и на внутренний рынок, и на экспорт) с помощью привлечения прямых иностранных инвестиций ставит и стратегическая задача «Делай в Индии» (Make in India), поставленная премьером-министром Индии Нарендрой Моди в 2014 г.[1]

Можно говорить не столько об импортозамещении, сколько о развитии производств, ориентированных на внутренний рынок, а такие производства есть во всех странах. Успешно осуществленное импортозамещение вполне может стать основой для экспортной ориентации. Так, фармацевтическая промышленность Индии в 1970-х гг. производила лекарства для внутреннего рынка, сегодня индийские лекарственные препараты стали важной статьей экспорта из страны, в том числе и в Россию.

На Тайване в 1950-х гг. электротехническая промышленность создавалась в основном с целями замещения импорта и выпускала относительно простые бытовые приборы: электроплитки, вентиляторы, лампочки, батарейки, конденсаторы. Но уже с конца 1960-х гг. стала делаться ставка на экспортную ориентацию. Электронная промышленность Тайваня стала развиваться преимущественно на основе импорта технологии и притока ПИИ, прежде всего из США, Японии. В экспорте электронной и электротехнической продукции доля иностранных филиалов равнялась в

[1] http://digitalindia.gov.in/content/electronics-manufacturing; http://profit.ndtv.com/news/industries/article-fdi-up-48-since-make-in-india-campaign-launch-781489

1976 г. 83%, к 1986 г. она сократилась до 44%[1]. При этом возросла доля местных компаний, сотрудничающих с ТНК в рамках производства по контрактам (contract manufacturing) с крупнейшими западными, японскими ТНК, с использованием их технологии, материалов, сбытовых каналов.

Импортозамещение не должно, да и не может быть тотальным[2]. Так же, как и экспортная ориентация. Даже в странах с четко выраженной экспортной ориентацией экономики – в Южной Корее, на Тайване, в Малайзии – сохраняется важная роль отраслей, ориентированных на внутренний рынок. Так, пищевкусовая промышленность (включая производство прохладительных и алкогольных напитков) вместе с табачной промышленностью занимает важное место в структуре добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности большинства стран (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, 2000–2013 гг.

	Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности		Пищевкусовая и табачная промышленность		Производство текстильных изделий и одежды		Машиностроение и производство транспортного оборудования		Химическая промышленность	
	Всего, млрд. долл. (100%)		%		%		%		%	
	2000 г.	2013 г.	2000 г.	2013 г.	2000 г.	2013 г.	2000 г.	2013 г.	2000 г.	2013 г.
КНР	384,9	2941,3	14		11		14		12	
Гонконг	7,9	3,9	7	23	20	16	12	32	13	17
Германия	400,7	745,2	8	9	2	2	33	37	10	12
Индия	67,0	298,9	13	9	13	8	16	20	21	16
Япония	997,9	1073,3	11	13	3	2	34	38	10	12
Респ. Корея	146,1	370,4	8	6	8	4	41	47	10	9
Малайзия	29,0	74,9	8	12	4	2	38	28	8	12
Мексика	132,1	215,7	25	24	4	3	24	21	15	11
Россия	52,1	267,6	19	17	2	2	19	9	8	10
Сингапур	24,9	52,6	3	3	1	0	57	57	14	23
Таиланд	41,2	127,6	8		12		26		6	
США	1510,2	1966,5	13	15	3	2	30	26	12	16
Великобритания	218,1	231,2	14	19	4	2	25	27	10	13
Индонезия	45,8	205,8	18	23	17	11	20	18	11	17

Источник: http://wdi.worldbank.org/table/4.3

В России речь идет не только об импортозамещении, но и о возрождении ряда производств, ориентированных на внутренний рынок и вытесненных импортом в 1990-е гг.

В России в 1990-х гг. одновременное сочетание бесконтрольного импорта товаров и либерализации цен на все товары при замораживании зарплаты привело к тому, что на рынки хлынул дешевый импорт, а многие предприятия и даже целые отрасли не могли приобретать по возросшим ценам сырье и материалы и просто рухнули. Резко сократилось в 1990–2000 гг. производство металлорежущих станков, тракторов, автоматических линий, лекарств, медицинского оборудования (см. табл. 2)

Таблица 2

Производство ряда товаров в Российской Федерации, 1990–2003 гг.

Наименование	Ед. измерения	1990	2000	2003
Антибиотики	Т	4672	1256	367
Препараты для лечения онкологических заболеваний	млн. упаковок	31,8	5,6	5,5
Электрокардиографы	тыс. шт.	23,0	9,8	5,0
Тракторы для сельского и лесного хозяйства	тыс. шт.	214	19,2	8,1
Металлорежущие станки	тыс. шт.	74,2	8,9	5,7
Легковые автомобили	тыс. шт.	1103	969	1012
Троллейбусы	шт.	2308	498	375
Автоматические линии для машиностроения	шт.	556	11	1
Телевизоры	тыс. шт.	4717	1116	2383

Источник: Российский статистический ежегодник 2004. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004/ – С. 412, 441, 390.

В целом ряде отраслей зависимость от импорта остается весьма высокой. По данным доклада премьер-министра Д.А. Медведева, в 2013 г. доля импорта в станкостроении достигала 90%, оборудовании тяжелого машиностроения – 70%, нефтегазового оборудования – 60%, энергетического оборудования – 50%, сельскохозяйственных машин – от 50 до 90%[3].

Сегодня в отношении производства ориентированного на внутренний рынок можно выделить три группы отраслей.

[1] World Investment Report 1995 / UN. – N.Y.; Geneva, 1995. – P. 230, 255.

[2] http://www.kp.ru/daily/26362/3244355/

[3] http://www.kp.ru/daily/26362/3244355/

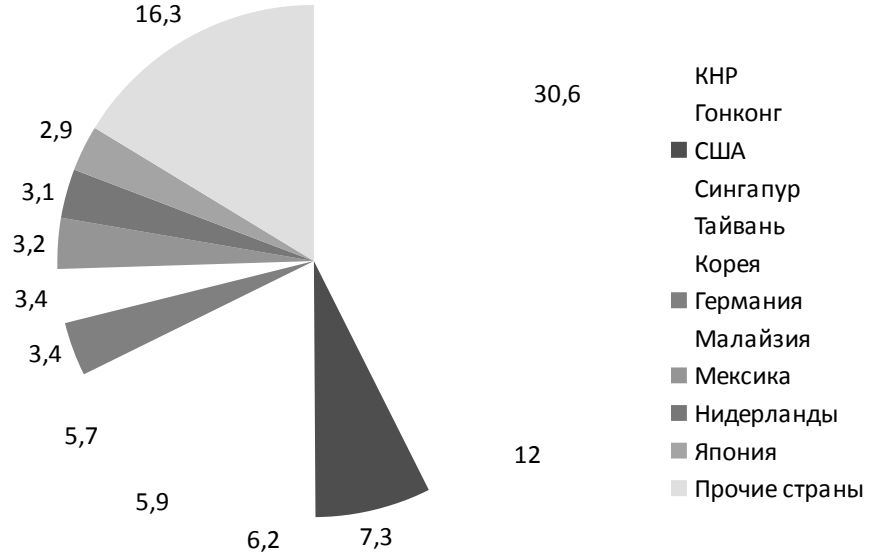
Первое – сельское хозяйство и пищевая промышленность. Их развитие связано с обеспечением продовольственной безопасности.

Второе – производство потребительских товаров низких и средних технологий.

Третья группа отраслей – высокотехнологичные отрасли.

Опыт стран Востока показывает, что модернизация может быть связана не только с обновлением уже существующих отраслей, сменой в них основного капитала, но и с развитием новых отраслей (например, производство компьютерного, телекоммуникационного оборудования). Страны Восточной и Юго-Восточной Азии успешно встроились в информационно-коммуникационную революцию, стали ведущими мировыми экспортерами компьютерного, телекоммуникационного оборудования, аудио-, видео-, оборудования, электронных компонентов («товаров ИКТ», ICT goods, эта группа выделяется в статистике ЮНКТАД).

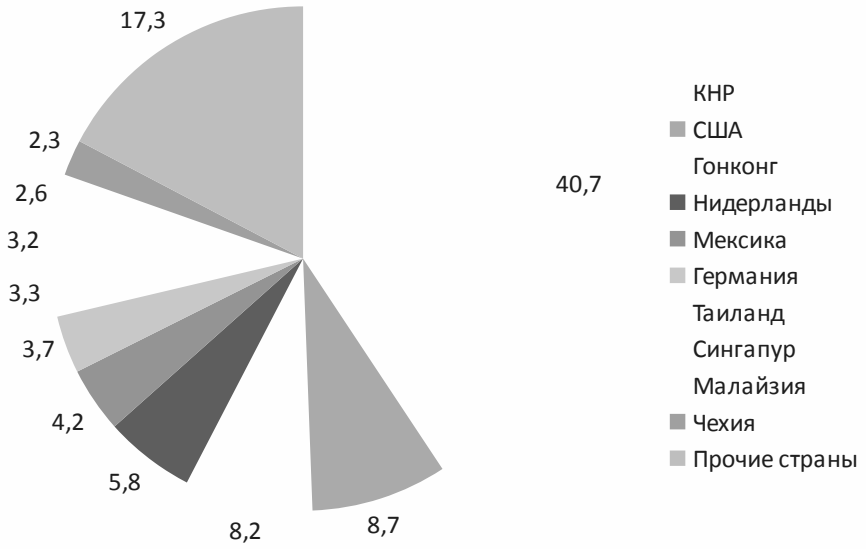
С 2000 по 2014 г. мировой экспорт товаров ИКТ возрос в 2 раза, с 1 трлн. долл. до 1,98 трлн. долл., при этом экспорт из развитых стран сократился. С 2000 по 2014 г. доля развивающихся стран Азии в мировом экспорте товаров ИКТ возросла с 39 до 69%. Доля стран Африки, переходных стран в экспорте была минимальна (0,2%).



Составлено по: *Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2014. Information Economy.* – http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850

Рисунок 1.
Ведущие экспортеры товаров ИКТ, 2014 г. (%)

В 2014 г. 83,7% мирового экспорта товаров ИКТ приходилось на одиннадцать стран: шесть стран и территорий Восточной и Юго-Восточной Азии – Китай, Гонконг (КНР), Сингапур, Тайвань, Республику Корею, Малайзию, а также пять других стран: США, Германию, Мексику, Нидерланды, Японию (которая оказалась оттесненной на 11-е место). Доля шестерки стран Восточной и Юго-Восточной Азии в мировом экспорте товаров ИКТ составляла 63,8% (см. рис. 1). Часть производств в этих странах ориентирована на внутренний рынок. Так, на продажи смартфонов на рынке КНР в 2014 г. – 400 млн. шт. – приходилась 1/3 мирового рынка.



Составлено по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013; 2000–2014. Information Economy. – http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx=15850

Рисунок 2.
Мировой экспорт компьютерного оборудования 2014 г. (%)

В мировом экспорте телекоммуникационного оборудования, который в последние несколько лет растет особенно высокими темпами, доля развивающихся стран Азии достигла в 2014 г. 69,7%, в том числе КНР – 39,6, Гонконга (КНР) – 14,2, Республики Кореи – 5,6, Вьетнама, занявшего пятое место в мире, – 4,9, Сингапура – 1,8, Тайваня – 1,7% (см. рис. 3).

Революция мобильной связи, повсеместное распространение дешевых мобильных телефонов, смартфонов, ноутбуков, удешевление компьютерной техники стали возможными благодаря колоссальному росту производства и экспорта этих товаров, прежде всего из развивающихся стран Азии.

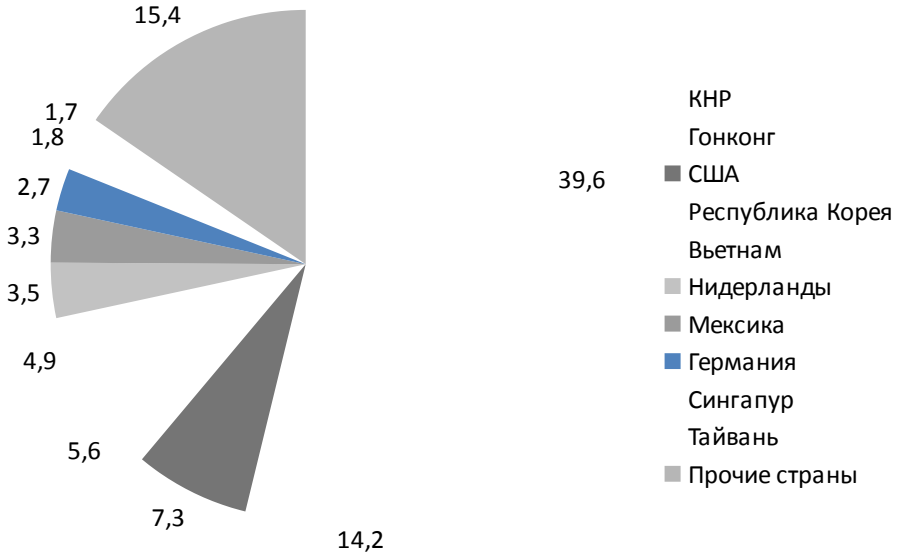


Рисунок 3.
Мировой экспорт телекоммуникационного оборудования, 2014 г. (%).
(Составлено по источникам к рис. 1)

А начиналась эта история со второй половины 1960-х гг., когда в страны Азии стали перемещаться трудоемкие, ориентированные на экспорт производства обрабатывающей промышленности (речь часто идет не о полном цикле производства, а об отдельных стадиях, например, сборке электронных устройств, производстве отдельных компонентов). Важную роль в производстве электроники в странах Азии сыграли не только прямые иностранные инвестиции (ПИИ), но и производство по контрактам (contract manufacturing). В 2010 г. на производство по контрактам приходилось около 1/2 мирового экспорта электронной продукции[1].

Сегодня в странах Востока – Южной Корее, Китае, на Тайване – сформировались «свои» ТНК по производству компьютерного, телекоммуникационного оборудования, которые заняли важные позиции на мировых рынках. На мировом рынке персональных компьютеров (куда входят настольные компьютеры, ноутбуки, рабочие станции, но не серверы и планшеты) в 2015 г. первое место занимала китайская компания «Леново»: ее продажи достигли 57,2 млн. шт., доля рынка – 20,7%. На втором, третьем, четвертом местах в 2015 г. находились американские компании «Хьюлетт-Паккард» (19,4% проданных персональных компьютеров), «Делл» (14,1%), «Эппл» (7,5%). Пятой была тайваньская компания «Эйсер» (7,1% рынка)[2]. Таким образом, на рынке персональных компьютеров среди пяти лидеров фигурировали одна китайская и одна тайваньская компания.

Общее число проданных в мире планшетов достигло в 2015 г. 206,8 млн. шт. На мировом рынке планшетов в 2015 г. доля «Эппл» составляла 24,0%, южнокорейской «Самсунг электроникс» – 16,2%, «Леново» – 5,4%, тайваньской «Асус» – 3,4%, китайской «Хуавей» – 3,1%[3]. Среди пяти лидеров мирового рынка планшетов – одна американская компания, а остальные четыре – из стран Азии.

По данным International Data Corporation (IDC), в 2015 г. в мире было продано 1,43 млрд. смартфонов, на 10,1% больше, чем в 2014 г. Первой была компания «Самсунг электроникс» (324,8 млн. шт.; доля на мировом рынке по числу проданных смартфонов 22,7%), второй – американская «Эппл» (231,5 млн. шт., 16,2% рынка). Три других места в пятерке заняли китайские компании. Третьей была «Хуавей», она в 2014-2015 гг. увеличила продажи смартфонов с 73,8 млн. шт. до 106,6 млн. шт., на 44,3%, а ее доля на рынке смартфонов возросла с 5,7 до 7,4%. Четвертой была на рынке компания «Леново», которая в 2014 г. купила американскую компанию «Моторола». Продажи смартфонов «Леново» повысились с 59,4 млн. шт. до 74,0 млн. шт., на 24,5%, а ее доля на рынке – с 4,6 до 5,2%[4]. Китайская компания «Сяоми», созданная всего несколько лет назад, занимала в 2015 г. на мировом рынке смартфонов пятое место, 90% ее продаж приходилось на китайский рынок, несмотря на значительный рост продаж в Индии и выход на рынок

[1] World Investment Report 2011. – P. 154–156.
[2] IDC Worldwide Quarterly PC Tracker, January 12, 2016. – http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS40909316
[3] http://venturebeat.com/2016/02/01/idc-tablet-shipments-decline-10-1-in-2015-leaders-apple-and-samsung-both-lose-market-share/
[4] IDC Worldwide Quarterly Mobile Phone Tracker, January 27, 2016. – https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS40980416

Бразилии. У «Сяоми» число проданных смартфонов в 2014–2015 гг. возросло с 57,7 млн. шт. до 70,8 млн. шт., на 22,8%, а доля на мировом рынке – с 4,4 до 4,9%[1].

Россия является нетто-импортером оборудования, товаров ИКТ. 45% импорта в РФ в 2015 г. составляли машины и оборудование. Если говорить об импортозамещении в электронной промышленности, то любопытно проанализировать географическую структуру импорта этой продукции в РФ. В 2014 г. общий импорт в Россию товаров ИКТ (компьютерного, телекоммуникационного оборудования, теле- и радиооборудования, электронных компонентов и т.д.) составил 22,6 млрд. долл. Основная масса импорта товаров ИКТ (73%) поступала в Россию из развивающихся стран, в том числе 56,2% – из Китая, 4 – из Вьетнама, по 2,7 – из Таиланда и Южной Кореи, по 2,2% – из Малайзии и с Тайваня. 23% импорта приходилось на развитые страны, причем значительным был импорт в Россию товаров ИКТ из Чехии, Эстонии, Польши (по 2,7%), Словакии (2,3%). Между тем эти восточноевропейские страны не имеют своих брендов компьютеров и другой электроники, производят ее в филиалах ТНК, причем нередко ТНК из стран Востока («Самсунг электроникс» или тайваньская «Фоксконн»), или по контрактам о производстве с ТНК. Такого рода сборочные производства из импортных компонентов могла бы развивать и Россия, тем более что в начале 2000-х гг. в Москве, например, была развита т. наз. «коленная сборка» компьютеров из импортных компонентов небольшими фирмами. Критичным с точки зрения инноваций можно считать импорт из постиндустриальных стран, обладающих серьезными конкурентными преимуществами в данной сфере, ведущих по НИОКР в сфере ИКТ. Однако из Японии и Франции поступало в 2014 г. по 1,3% импорта товаров ИКТ, из США и Германии – по 1,8, из Великобритании и Швеции – по 1% (см. табл. 3).

Таблица 3

Импорт товаров ИКТ в Российскую Федерацию, 2014 г. (млрд. долл.; %)

Импорт в РФ	Товары ИКТ, в т.ч.:	Компьютерное оборудование	Телекоммуникационное оборудование
Все страны, в т.ч.	22,6 млрд. долл.	6,9 млрд. долл.	8,3 млрд. долл.
	100%	100%	100%
Развивающиеся страны, в их числе (%):	73,1%	76,8%	77%
КНР	56,2	60,9	62,7
Тайвань	2,3		1,2
Южная Корея	2,7	1,4	1,2
Малайзия	2,3	1,4	2,4
Вьетнам	4,0	4,2	7,2
Таиланд	1,7	5,8	
Развитые страны, в т.ч. (%):	23,0	17,4	20,5
Чехия	2,7	7,2	
Эстония	2,7		
Франция	1,3		
Германия	1,8	1,4	1,2
Польша	2,7	1,4	
Словакия	2,3		
США	1,8	1,9	1,2
Япония	1,3		
Переходные страны	3,9	7,2	2,4

Подсчитано по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2014. – http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx

Из импорта компьютерного оборудования (6,9 млрд. долл.) в 2014 г. 76,8% было ввезено из развивающихся стран, в основном азиатских. На первом месте был Китай (60,9% импорта), на третьем – Таиланд (5,8%), на четвертом – Вьетнам (4,3%). На втором месте находилась Чехия (7,2%). На США приходилось только 1,9% экспорта компьютерного оборудования, на Германию, Польшу, а также Южную Корею, Малайзию, Тайвань – по 1,4%, на Японию – 0,4%. В импорте РФ телекоммуникационного оборудования (8,3 млрд. долл.) 77% приходилось на развивающиеся страны, в том числе 62,7% – на Китай (см. табл. 3). Второе место (7,2%) занял Вьетнам, который за короткий срок превратился в одного из ведущих мировых экспортеров телекоммуникационного оборудования, причем оно производится в основном на предприятии южнокорейской «Самсунг электроникс».

В Индии Samsung Electronics занимает первое место по сбыту смартфонов, 90% из них производится на двух индийских предприятиях компании. Компания производит и специальные микроволновые печи для выпечки лепешек, других изделий на тандури, как это принято в Индии[2]. «Самсунг» планирует развивать производство мобильников в Эфиопии. В России на сегодняшний день у «Самсунг» существуют предприятия по сборке крупногабаритной электронной техники: телевизоров, мониторов, бытовой техники: холодильников, но не телефонов и компьютеров. Возможна ли организация сборки в России мобильных телефонов, ноутбуков? Если учесть, что в последние годы быстро рос экспорт телекоммуникационного оборудования из таких стран, как Камбоджа, Маврикий, то Россия по сравнению с этими странами не отстает в наличии достаточно подготовленной рабочей силы, которая к тому же подешевела после девальвации рубля в 2 раза.

[1] IDC Worldwide Quarterly Mobile Phone Tracker, January 27, 2016. – https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS40980416

[2] http://profit.ndtv.com/news/corporates/article-tandoori-microwaves-tamil-friendly-smartphones-samsung-woos-india-751473

Итак, в России речь идет не столько об импортозамещении, сколько о возрождении производств, ориентированных на внутренний рынок и в 1990-х гг. вытесненных импортом. Импортозамещение не может быть тотальным. В современном мире ни одна страна, даже самая крупная и развитая, не может производить всю номенклатуру продукции машиностроения. Однако не должно быть догматизма ни в следовании концепции сравнительных преимуществ Дэвида Рикардо, ни в ее отрицании, ибо сравнительные преимущества не являются чем-то застывшим, их надо создавать, надо беречь, а не выбрасывать их на свалку, следуя чьим-то вердиктам. При догматичном подходе к конкурентным преимуществам Швеция и Норвегия и сегодня поставляли бы на мировой рынок необработанную древесину.

Россия и рейтинги глобальной конкурентоспособности

Говоря о возможностях импортозамещения в высокотехнологичных отраслях, следует учитывать реальные и реально возможные конкурентные преимущества РФ (а не рейтинги, нередко предвзятые). Всемирный экономический форум (ВЭФ) проделывает колоссальную работу, составляя рейтинги международной конкурентоспособности стран. По определению ВЭФ, «конкурентоспособность – это набор институтов, политик и факторов, определяющих уровень производительности экономики, который в свою очередь определяет уровень благосостояния, который страна может достичь». Для определения рейтинга используется 114 показателей, которые объединены в 12 блоков[1]. Применяются два вида показателей: объективные, цифровые оценки (например, объем ВВП, продолжительность жизни и т.д.) и оценки по опросам экспертов (по РФ порядка 300 экспертов, представителей крупного, среднего и мелкого отечественного бизнеса), которые дают показателям оценки от 1 до 7, эти оценки собирает в каждой стране выбранный научно-исследовательский центр, в РФ – Евразийский центр конкурентоспособности. В Докладе о международной конкурентоспособности 2013–2014 г. РФ получила 64-е место, в 2014–2015 г. – 53-е, в 2015–2016 г. – 45-е место. Однако и в 2013–2014 г., и в 2014–2015 г., и в 2015–2016 г. место России занижено там, где речь идет об оценочных показателях, это видно в сравнении с другими странами. Так, по наличию ученых и инженеров в 2014–2015 г. РФ получила 4,1 балла и занимала 70-е место. Кто же опережал Россию по наличию (даже не качеству) инженеров и исследователей? № 38 – Мадагаскар, № 50 – Мали, № 60 – Кот д'Ивуар, № 68 – Сенегал. По способности к инновациям Россию в 2015–2016 г. (№ 84, 3,8 балла) опережали почти все (всего 144) страны: Бенин (№ 22), Сенегал (№ 38), Таджикистан (№ 60), Руанда (№ 62) (см. табл. 4). Впрочем, в 2014–2015 г. Россию обгоняла по многим оценочным параметрам, например, таким, как развитие кластеров, Гамбия (№ 118, 3,1 балла у РФ и № 73, 3,8 балла у Гамбии), по наличию последних технологий Гамбия находилась на 73 месте (4,8 балла), а Россия – на 108-м (4,2 балла). Между тем, Гамбия – это страна, где в 2014 г. подушевой ВВП был равен 700 долл., 2/3 населения жило менее чем на 2 долл. в день, а 29% детей соответствующего возраста не учились в начальной школе[2]. Любопытно, что до 2015-2016 г. в конце доклада публиковались таблицы – списки стран по местам, занимаемым ими по разным показателям, потом их публикацию прекратили.

Таблица 4

Глобальная конкурентоспособность. 12.01. Способность к инновациям, рейтинг 2015–2016 г.

Страна	Место	Баллы
Швейцария	1	6,0
США	2	5,9
Израиль	3	5,9
Малайзия	7	5,5
Катар	12	5,3
Япония	14	5,3
Бенин	22	4,9
Индонезия	30	4,7
Шри-Ланка	36	4,5
Сенегал	38	4,4
Кения	42	4,3
Кот д'Ивуар	44	4,3
Камерун	46	4,3
Иордания	47	4,3
Таджикистан	60	4,0
Руанда	62	4,0
Турция	83	3,8
Россия	84	3,8
Мали	123	3,3

Составлено по: World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2015–2016 / WEF/ – Geneva, 2015. – P. 113, 141, 135, 147,167, 175, 209, 215, 307, 313, 321, 331, 341.

По качеству системы образования Россия в 2015-2016 г. находилась на 84-м месте, 3,5 балла (при пересчете на 5-балльную шкалу – 2,5 балла). Мы, конечно, критикуем наше образование. Но впереди РФ были такие страны, как Гамбия (№ 39; 4,3 балла), Руанда (№ 45, 4,2 балла), Кабо-Верде (№ 55, 4 балла); Таджикистан (№ 57), Сенегал (№ 63),

[1] World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2015–2016 / WEF. – Geneva, 2015. – P. 4.

[2] World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2014–2015 / WEF. – Geneva, 2014. – P. 520, 506, 453, 536; http://wdi.worldbank.org/table/1.1; http://wdi.worldbank.org/table/2.8

Эфиопия (№ 74) (см. табл. 5). При этом в Гамбии в 2012 г. получали среднее образование 57,5% детей соответствующих возрастов, в Сенегале – 41%, в Руанде – 31,8, в Эфиопии – 28,9%[1]. В рейтинг QS вошло 8 российских университетов, из стран Африки в него входят только университеты ЮАР и Египта (но не Гамбии и Руанды). В Гамбии есть два университета, созданные в 1998 и 2011 г. Впрочем, эксперты некоторых стран также оценивают свою систему образования весьма критично (но на все показатели эта критичность распространяется только у представителей российского бизнеса). Если внимательно посмотреть на краткий список, то видно, что Иордания, Кения, Гамбия, Индонезия оценивают свое образование выше, чем Израиль (4,0 балла), Таджикистан (№ 57), Лаос, Сенегал обгоняют Южную Корею, а все вместе взятые, с добавлением Эфиопии, Непала, Свазиленда, Уганды, они опережают Россию.

Таблица 5

Глобальная конкурентоспособность. 5.03 Качество системы образования рейтинг 2015–2016 г.

Страна	Место	Баллы
Малайзия	6	5,4
США	18	4,9
Иордания	32	4,4
Кения	36	4,3
Гамбия	39	4,3
Индонезия	41	4,3
Руанда	45	4,2
Кот д'Ивуар	48	4,1
Израиль	52	4,0
Кабо-Верде	55	4,0
Таджикистан	57	3,9
Лаос	62	3,8
Сенегал	63	3,8
Южная Корея	66	3,7
Эфиопия	68	3,7
Непал	69	3,7
Свазиленд	80	3,5
Уганда	81	3,5
Россия	82	3,5

Составлено по: источникам к табл. 4.

В РФ много проблем с научно-исследовательскими учреждениями (фактическая ликвидация многих отраслевых НИИ в 1990-е гг., недофинансирование и «реформа» РАН). Однако в Сенегале (40-е место), где автор читал лекции в Университете Шейх Анта Диоп, имелось около двух десятков небольших научных центров, в каждом работало в среднем по двадцать сотрудников. Тем не менее, Россия по баллам получила более низкое, чем у Сенегала, 58-е место, после Шри-Ланки, Кот д'Ивуара (см. табл. 6).

Таблица 6

Глобальная конкурентоспособность 12.02 Качество научно-исследовательских учреждений рейтинг 2015–2016 г.

Страна	Место	Баллы
Япония	7	5,9
Сингапур	12	5,6
Катар	14	5,3
Малайзия	20	5,3
Южная Корея	27	4,8
ОАЭ	30	4,8
Шри-Ланка	39	4,3
Сенегал	40	4,3
Индонезия	41	4,3
Кения	44	4,2
Таиланд	53	4,0
Кот-д'Ивуар	55	4,0
Россия	58	4,0

Составлено по источникам к табл. 4.

В 1960-е гг. одним из первых компьютеров в Индии была советская ЭВМ «Минск». В 2013 г. экспорт компьютерных услуг из Индии, составляет около 50 млрд. долл., а из России – только 2,6 млрд. Вместе с тем, сравнительные преимущества России (наличие известных на весь мир технических вузов, развитие инфраструктуры ИТ, а в условиях снижения курса рубля и более низкий уровень зарплат) делают возможным развитие такого рода ИТ-услуг в России и для внутреннего рынка, и для экспорта, причем услуг высокотехнологичных, спрос на которые увеличивается по

[1] World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2014–2015 / WEF. – Geneva, 2014. – P. 456.

сравнению со спросом на более простые трудоемкие услуги, которые в перспективе смогут выполнять роботы. Могут производиться в России и товары ИКТ.

Страны Юго-Восточной и Восточной Азии начинали со скромных проектов. Успешно встроившись в новый виток НТП (развитие электроники), они стали мировыми лидерами. Эти страны осуществляли и осуществляют импортозамещение (точнее, производство товаров для внутреннего рынка), оно не исключает ориентации на экспорт.

Россия со всеми своими уникальными разработками этот виток пропустила. Не стоит в своей стратегии погружаться в манихейство (дихотомия черного – белого, добра и зла; или мы «впереди планеты всей», или получается, что мы должны догонять по развитию образования или способности к инновациям наименее развитые африканские страны: Гамбию, Руанду, и кроме того Таджикистан).

К вопросу о конкурентоспособности и национальных конкурентных преимуществах в развитии высокотехнологичных отраслей не следует подходить догматически, и не следует слепо доверять выставленным кем-то оценкам и рейтингам. *В России можно говорить не только и не столько об импортозамещении, сколько о возрождении производства, ориентированного на внутренний рынок, об использовании реальных национальных конкурентных преимуществ.* Кроме того в современном мире конкурентные преимущества создаются, в концепции Майкла Портера ведущая роль отводится не базовым, а *приобретенным* факторам.

Сегодня перед странами стоит новый вызов, новый виток научно-технического прогресса – роботизация и автоматизация. Компании ряда стран Востока – КНР, Южной Кореи, Тайваня, Индии – активно развивают и внедряют новые технологии. Так, индийская компания сферы ИТ-услуг Tata Consultancy Services (TCS) разработала свою модель Robotic Process Automation (RPA) – роботизации и автоматизации бизнес-процессов, при этом затраты времени сокращаются на 90%, издержки – на 30%. Тайваньская «Фоксконн» («Хон Хай»), известная тем, что на ее фабриках в Китае собираются айфоны и айпады «Эппл» (производство по контракту), уже заменяет рабочих на роботов на своих заводах в КНР. На заводе «Хон Хай» в Китае производится разработанный французской «Альдебаран» и японской «Софтбанк» робот Пеппер (относительно недорогой «социальный», готовый к общению, робот, его цена – 2 тыс. долл.). Китайские компании производят дроны, беспилотные автомобили, промышленные роботы[1].

Ответы на вызовы роботизации и автоматизации ищут различные акторы: компании из развитых и развивающихся стран (импортеры и экспортеры товаров ИКТ и ИТ-услуг), государства, и работники, занятые в электронной промышленности и сфере ИТ-услуг.

Значение проблемы для России:

1) В результате развития автоматизации и искусственного интеллекта могут исчезнуть стимулы к фрагментации производств, к перемещению их в развивающиеся страны, это окажет влияние на международное разделение труда.

2) некоторые глобальные цепочки стоимости могут трансформироваться в высокоавтоматизированное производство в одной стране («сжаться»). Вопрос заключается в том, в какой стране разместится это производство.

3) Главное для России – включиться в новый виток НТП, не упустить его!

[1] См. подробнее: Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 199–216.

Шутьков А.А.
академик РАН, профессор Национального института бизнеса

РЕСУРСНО-ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *аграрная политика, ресурсы, техническая оснащенность, инновации, продовольственная безопасность, программа, импортозамещение.*

Проблема продовольственной безопасности и необходимости импортозамещения для науки не является неожиданной. За годы современной аграрной реформы коллективами ученых Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства, Всероссийского НИИ экономики, труда и управления в сельском хозяйстве, рядом других научных учреждений и автором предлагались организационно-экономические механизмы развития агропромышленного комплекса, направленные на интенсификацию. Разрабатывались предостерегающие прогнозы, которые, к сожалению, подтвердились. Ныне объемы производства сельскохозяйственной продукции (несмотря на некоторую динамику роста за последние годы) оказались на уровне более чем 40-летней давности, о чем свидетельствуют статистические данные по России за 1970-2015 годы:

– в области земледелия: посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась с 121,9 до 79,3 млн. га. (на 35%). Производство зерна уменьшилось с 107,4 до 104,8 млн. т (на 2,4%);

– в области животноводства: поголовье крупного рогатого скота снизилось с 51,6 до 19 млн. голов (в 2,7 раза), в том числе коров с 20,6 до 8,4 млн. голов (в 2.4 раза), свиней – соответственно с 33,2 до 21,5 млн. (в 1,5 раза), овец и коз с 67,0 до 24,9 млн. голов (в 2,7 раза). Производство молока уменьшилось с 45,4 до 30,8 млн. т (в 1,5 раза). На порядок ниже оказалось производство мяса, яиц и шерсти;

– в материально-технической сфере: обеспеченность сельскохозяйственных товаропроизводителей тракторами снизилась с 1227,8 до 233,6 тыс. шт. (в 5,2 раза), комбайнами зерновыми с 370,8 до 61,4 тыс. шт. (в 6 раз).

С этим связана потеря нашей страной продовольственной независимости. Парадоксально, что Россия, обладая огромными природными, земельными и водными ресурсами, крупным научным потенциалом ныне не в состоянии обеспечить население страны основными продуктами питания отечественного производства. В 2015 году несмотря на принятие в ответ на санкции Запада эмбарго по ввозу продовольственных товаров в отношении ряда стран импорт продовольствия продолжается, составляя в истекшем году около 30% к потреблению населением. За 1992–2015 годы импорт продуктов питания мяса возрос с 334 до 997 тыс. т (в 3 раза) молока и сливок сгущенных с 46 до 181 тыс. т (в 3,9 раза), картофеля с 142 до 687 тыс. т (в 4,8 раза). Значительно увеличился ввоз овощей, фруктов, семенного материала, сельскохозяйственной техники. В целом за эти годы импорт только основных продовольственных товаров возрос с 9,6 млрд. долл. США до 22,2 млрд. или в 2,3 раза.

Сегодня предприятия и объединения агропромышленного комплекса, и его основного звена – сельского хозяйства – функционируют в весьма сложной обстановке. На внешние факторы – санкции и антисанкции, кризис мировой финансовой системы – наложились внутренние – серьезные перекосы в экономических отношениях, диспропорции в развитии отраслей, высокий уровень инфляции, старение основных фондов, спад производства.

Утрата Россией продовольственной независимости вследствие просчетов в использовании ресурсного и инновационного потенциалов, ориентации в экономической политике органов власти на крупномасштабный импорт продовольственных товаров потребовала принятия Правительством антикризисных мер по импортозамещению основных видов продуктов питания. Сегодня эта проблема обострилась действиями западноевропейских стран и США в связи с событиями на Украине, проявившимися в санкциях на технику и технологии, деятельность финансовых институтов и во встречном эмбарго России на импорт ряда продовольственных товаров, в усилении конкурентной борьбы на внешнем рынке.

Анализ показывает, что за последние годы в отношении агропромышленного производства принято множество федеральных законов, программ, доктрин, стратегий и других нормативных документов. Однако большинство из них носят декларативный характер и имеют низкий уровень финансового обеспечения. Не отвечает по экономическим требованиям устойчивого развития АПК и ныне действующая Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.

На фоне незначительного роста производства сельскохозяйственной продукции в последние годы, составляющего 3–4%, необычайно высокой зависимости страны в продовольственном обеспечении населения, ныне необходим пересмотр концепции развития АПК и, прежде всего, сельского хозяйства на основе формирования качественно новой ресурсно-инновационной стратегии.

С учетом современных изменений в мировой экономики, конкурентной борьбы на рынках стратегия импортозамещения должна основываться на рациональном использовании имеющегося в стране ресурсного потенциала (зем-

ли, животных, материально-технических, финансовых, трудовых ресурсах, достижений науки и передовой практики), активизации инновационных процессов с эффективными технологическими цепочками в процессах производства, транспортировки, хранения, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции на внутренних и внешних рынках. Это вызывает необходимость смещения акцента в организации ведения агропромышленного производства от экстенсивных к интенсивным формам с решением проблем продовольственной безопасности. Суть данной стратегии – в воздействии науки и передового опыта на рациональное использование всего комплекса ресурсного потенциала.

Исследования показывают, что к наиболее важным аспектам решения проблем импортозамещения на основе формирования ресурсно-инновационной модели развития аграрного сектора экономики в современных условиях бизнеса следует отнести:

– корректировку внешнеторговых отношений, формирующих защиту отечественных товаропроизводителей через экономические инструменты регулирования;

– формирование необходимой материально-технической базы, ее модернизации на инновационной основе;

– государственную поддержку развития науки и техники, создание эффективных форм освоения инноваций;

– формирование эффективной финансово-кредитной политики и механизма экономических отношений, направленных на диверсификацию экономики;

– преодоление деградации трудовых ресурсов и территорий, формирование профессионального кадрового потенциала с рациональным его использованием при управлении.

В настоящее время наиболее острой проблемой на рынке, вызвавшей необходимость импортозамещения, является неоправданно высокая доля импорта продовольственных товаров, вызванная серьезными перекосами в нормативной базе. Создание льготных условий для импорта готовой продукции, низкие таможенные сборы для стран-экспортеров сузили для отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей внутренние возможности расширенного воспроизводства.

Импортируя продовольствие и обеспечивая им свыше одной трети объема внутреннего потребления населением продовольствия за счет разорительной продажи своих природных ресурсов, страна финансирует не отечественных, а зарубежных товаропроизводителей, способствуя тем самым захвату ими национального агропродовольственного рынка и его отдельных продуктовых сегментов, сохранению системных проблем в сельском хозяйстве. Многие годы ориентация на крупномасштабный импорт как основное средство решения продовольственной проблемы в стране наносит ущерб ее экономике и, прежде всего, базовым подотраслям сельского хозяйства, обрекая их на разрушение и деградацию. Миллиарды долларов, потраченные на закупку и обслуживание импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, – это, по существу нереализованные инвестиции в развитие национального агропромышленного комплекса, что не позволяет ему на равных конкурировать на отечественном и мировом агропродовольственных рынках (3).

В результате принятия антикризисных мер в 2015 году в стране появляются условия для наращивания собственного производства. Отечественной продукцией можно заменить до 50% импорта, но делать это нужно в максимально короткие сроки. В противном случае потребление населением страны продуктов питания может еще более сократиться, хотя оно и так уже ниже рекомендуемых медицинских норм (4).

Основным фундаментом развития агропромышленного производства является формирование материально-технического потенциала, его модернизация, предусматривающая осуществление комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, техническое перевооружение отраслей. Игнорирование данной проблемы в развитии села за годы аграрной реформы привело к деиндустриализации, технической и технологической отсталости по сравнению с развитыми странами За 1990–2015 годы парк тракторов в сельскохозяйственных организациях уменьшился с 1365,6 до 233,6 тыс. шт. (в 5,8 раза), плугов – с 538,3 до 64,1 тыс. (в 8,4 раза), сеялок – с 673,9 до 93,6 тыс. (в 7,2 раза), комбайнов зерновых – с 370,8 до 61,4 тыс. шт. (в 6 раз). Катастрофическое снижение технической оснащенности произошло в орошаемом земледелии и животноводстве (табл. 1).

Таблица 1

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях (на конец года, тыс. шт.)

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Тракторы	1365,6	746,7	480,3	310,3	233,6	17,1
Плуги тракторные	538,3	238,0	148,8	87,4	64,1	11,9
Культиваторы	602,7	260,1	175,5	119,8	93,2	15,4
Сеялки	673,9	314,8	218,9	134,0	93,6	14,0
Зерноуборочные комбайны	407,8	198,7	129,2	80,7	61,4	15,0
Кукурузоуборочные комбайны	9,6	4,4	2,2	1,1	0,8	8,3
Кормоуборочные комбайны	120,9	59,6	33,4	20,0	14,0	11,6
Картофелеуборочные комбайны	32,3	10,0	4,5	2,9	2,4	7,4
Свеклоуборочные машины	25,0	12,5	7,2	3,2	2,2	8,8
Дождевальные машины	79,4	19,2	8,6	5,4	5,9	7,4
Доильные установки	242,2	88,7	50,3	31,4	25,1	10,4

Анализ показывает, что на 50% успех сельскохозяйственного производства зависит от энерговооруженности. Надо иметь не менее трех лошадиных сил на гектар пашни, но сегодня мы имеем 1,68, т.е. в два раза меньше. Поэтому и не укладываемся в агротехнические сроки полевых работ. Колосовые зерновые надо убирать 7–8 дней, ни на день больше. А мы убираем 20 дней, целый месяц, полтора месяца и под снег посевы пускаем. То же касается и других ра-

бот. В результате нарушения оптимальных агротехнических сроков в нашей стране ежегодные потери составляют 15–20 млн. т зерна, миллионы тонн картофеля и овощей (5).

В настоящее время по обеспеченности тракторами в расчете на 100 га пашни Россия отстает от Англии в 4 раза, от Германии в 3,7 раза, от США в 2,8 раза, от Канады в 3 раза, от Белоруссии в 2,6 раза. Аналогичное положение наблюдается и в отношении других машин и оборудования.

Снижение технической оснащенности – ключевого фактора развития сельского хозяйства – привело к резкому ухудшению использования земельных угодий, нарушению сроков проведения полевых работ, снижению производительности труда. За 1990–2014 годы выведено из оборота 38,4 млн. га пашни (что сопоставимо с посевной площадью Германии, Италии и Франции вместе взятых), которая заросла бурьяном и мелколесьем. За эти годы посевная площадь сельскохозяйственных культур уменьшилась в 1,5 раза, в том числе зерновых культур – в 1,3, картофеля и овощей – в 1,4, кормовых культур – в 2,6 раза (табл. 2).

Таблица 2

Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур в России (в хозяйствах всех категорий, тыс. га.) (1)

Посевные площади	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Вся посевная площадь	117 705	84 670	75 837	75 188	79 319	67,4
Зерновые и зернобобовые культуры	63 068	45 585	43 593	43 194 46 642	73,9	
в т.ч. пшеница	24 244	23 205	25 343	26 613	26 830	110,6
Технические культуры	6111	6458	7615	10 900	12 709	207,9
в т.ч. подсолнечник	2739	4643	5568	7153	7005	255,7
Картофель и овощебахчевые	3966	3728	3109	3022	2993	75,5
в том числе картофель	3124	2834 2277	2212	2128	68,1	
Кормовые культуры	44 559	28 899	21 610	18 071	16 974	38,1

Стратегия ведения земледелия, основанная на комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, должна строиться на базе оптимизации пропорций развития растениеводства и животноводства, их интеграции, которые грубо нарушены в пореформенные годы. Во многом это связано с лоббированием крупных монополий, занимающихся экспортом зерна с целью получения сверхприбыли. Сегодня экспорт зерна (при недостаточном его выделении для животноводства) идет на фоне небывалого за всю историю спада поголовья скота и птицы. В 2015 г. по сравнению с 1990 г. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в 3 раза, свиней в 1,8, овец и коз в 2,3, птицы в 1,3 раза (табл. 3).

Таблица 3

Поголовье скота и птицы на конец года в России (в хозяйствах всех категорий, млн. голов) (1)

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Крупный рогатый скот	57,0	27,5	21,6	20,0	19,0	30,0
в т.ч. коровы	20,5	12,5	9,5	8,8	8,4	40,9
Свиньи	38,3	15,8	13,8	17,2	21,5	56,1
Овцы и козы	58,2	15,0	18,6	21,8	24,9	42,8
Птица	660,0	340,7	357,5	449,3	492,5	74,6

В 2015 году поголовье крупного рогатого скота опустилось до уровня 1923 года, свиней – до 1957 года, овец и коз – до 1935 года, что привело к резкому увеличению сезонности сельскохозяйственного труда и безработице (в настоящее время каждый третий трудоспособный сельский житель – безработный).

Вывод сельскохозяйственных угодий из оборота, обвальное сокращение поголовья скота и птицы, деиндустриализация, перекосы в экономических отношениях, снижение уровня инновационной и инвестиционной активности привели к спаду производства. За 1990-2015 годы производство зерна снизилось на 10,2%, мяса всех видов – на 39,1, молока – на 45,5, яиц – на 10,5, шерсти – на 75,3%.(табл. 4). В целом производство валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах за годы аграрной реформы составило 92,6% к уровню 1990 году, а объемы ее оказались на уровне более чем 40-летней давности.

Таблица 4

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в России (в хозяйствах всех категорий) (1)

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Зерно, млн. т.	116,7	65,5	77,8	61,0	104,8	89,8
Мясо (в живой массе), млн. т.	15,6	7,0	7,7	10,5	9,5	60,9
Молоко, млн. т.	55,7	32,3	31,1	31,8	30,9	55,5
Яйцо, млрд. шт.	47,5	34,1	37,1	40,6	42,5	89,5
Шерсть, тыс. т.	226,7	40,3	49,0	53,5	56,0	24,7
Валовая продукция в сопоставимых ценах, в % к 1990 г.	100,0	60,7	68,1	71,8	92,6	

Важным фактором интенсификации является развитие науки и техники и активизация инновационных и инвестиционных процессов. Сегодня проблема импортозамещения заключается в повышении уровня конкурентоспособности производства. Новые долговременные системные внешние вызовы, проблемы в финансово-кредитной системе, борьба на продовольственном рынке являются теми условиями, в которых в ближайшие годы будет происходить реализация сценария, связанного с обеспечением продовольственной безопасности страны. Такая ситуация для России складывается на фоне того, что в развитых странах все в большей степени формируются новые поколения технологических укладов, связанные с развитием научно-технического прогресса по многим направлениям ведения агропромышленного производства. В этих условиях решение проблемы импортозамещения должно основываться на использовании ресурсно-инновационной модели развития АПК на всех стадиях производственно-экономической цепочки в опоре на полноценную нормативную базу, достаточное финансирование, обеспечивающее интенсификацию производства. Эта модель объединяет ресурсы и инновации, раскрывая возможности тех и других, обеспечивая мультипликационный эффект.

Наиболее важным экономическим условием эффективной инновационной политики является ресурсная, техническая и технологическая обеспеченность развития научно-технического процесса. При этом стабильное и полное финансирование является основой эффективного функционирования инновационной сферы. С этим непосредственно связана деятельность научных учреждений и их экспериментальной базы (6).

Сложившийся негативный груз экономических, технических, технологических и социальных проблем в АПК требует принципиально новых подходов к активизации инновационных процессов. Нужна новая модель использования достижений науки и техники, основанная на системном подходе к рациональному использованию природного, производственного, научно-технического, экономического и кадрового потенциала. Инновационная риторика должна подкрепляться масштабными и эффективными структурными преобразованиями, основанными на укреплении материально-технической базы товаропроизводителей, ее модернизации, синергетическом взаимодействии институциональной среды, инноваций, производственной и социальной инфраструктуры.

В стране имеется достаточно высокий научный потенциал, сосредоточенный в научно-исследовательских учреждениях Федерального агентства научных организаций (ФАНО), Российской академии наук и высших учебных заведениях Министерства сельского хозяйства России. Его рациональное использование является ключевым фактором интенсификации, повышения производительности труда, конкурентоспособности производства и импортозамещения.

За последние годы в научных учреждениях создано более 300 высокоурожайных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, 295 новых и усовершенствованных технологий и другой научно-технической продукции. Несмотря на это имеющийся научный потенциал используется крайне ограниченно. В настоящее время уровень внедрения научных разработок не превышает 5–7% от имеющегося научного потенциала. В дореформенные годы он составлял 55–60%. Анализ показывает, что наиболее полное использование результатов исследований в виде новых сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, пород и линий животных и птицы, средств механизации и автоматизации, организации труда и управления сегодня обеспечивало бы увеличение производства сельскохозяйственной продукции на 25–30%.

Ныне важно не только сохранить, но и повысить уровень научных исследований с учетом использования многолетнего опыта Россельхозакадемии, Целью таких преобразований должна стать не ломка старого прогрессивного, а создание нового на базе опыта и переоценки старого в целях ускорения научно-технического прогресса. В центре внимания должен стоять не чиновник, а ученый, создающий научно-техническую продукцию. Ему необходимо создать требуемые условия для творческой работы, а также обеспечить достойную зарплату.

Следует отказаться от остаточного принципа государственного финансирования научных исследований. Нужно обеспечить реализацию положения о том, что на проведение исследований и разработок должно направляться не менее 4% от расходной части бюджета, как это принято федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Важна более эффективная поддержка научных организаций при ведении ими исследований по прорывным направлениям.

Основная роль в развитии механизма внедрения инноваций должна принадлежать Министерству сельского хозяйства РФ и его органам в регионах. Непосредственная деятельность по реализации инноваций осуществляется руководителями и специалистами, фермерами, другими участниками бизнеса. Они должны не только планировать, но и организовывать работу производственных подразделений, подбирать непосредственных исполнителей, обучать их технике, технологии и организации производства, контролировать ход выполнения инновационных мероприятий. Успешное освоение достижений научно-технического прогресса во многом зависит от того, насколько плодотворна связь ученых с руководителями и специалистами, соединяющих науку с производством.

Исследования указывают на необходимость корректировки финансово- кредитной политики, направленной на диверсификацию экономики товаропроизводителей. В настоящее время подавляющее большинство сельскохозяйственных товаропроизводителей не в состоянии вести не только расширенное, но и простое воспроизводство, что приводит к существенному спаду инвестиционной активности, снижению уровня технической оснащенности. Общая суммарная кредиторская задолженность сегодня достигла критического уровня (свыше 2 трлн. рублей), в 1,3 раза превысив денежную выручку от реализации всей продукции. Около 30% убыточных и более 50% сельскохозяйственных организаций не имело доступа к кредитам.

Непомерно высокая стоимость кредитных ресурсов, достигших 20–24% годовых сдерживает инвестиционные процессы. Расчеты показывают, что для ведения расширенного воспроизводства ставки по кредитам не должны превышать 3–5%. Надо провести реструктуризацию долгов, и в первую очередь их списание по просроченной задолженности. Это обеспечит частичную компенсацию потерь финансовых ресурсов, обусловленных рыночной стихией и спекуляциями.

Настоятельно требуется переход к экономически обоснованной государственной поддержке. Уровень субсидирования сельского хозяйства на 1 га пашни в 2015 году в России составил 10 долл. США, тогда как в странах Евросоюза – 300 долл., а в Японии – 475. Выделенные средства поддержки села из бюджета в сумме 235 млрд. рублей на 2016 год недостаточны, их объем должен быть увеличен не менее чем в 5–6 раз. Необходима корректировка ценовых отношений, механизмов закупочных и товарных интервенций, налогового стимулирования инновационного бизнеса, повышение доли страховых возмещений до 80% от собранной страховой премии.

Особое внимание должно быть уделено предотвращению деградации трудовых ресурсов и социальной сферы сельских территорий, формированию профессионального кадрового потенциала. О тревожном состоянии трудовых ресурсов в деревне свидетельствуют данные Росстата по миграции работников. Если в 1990 году в сельскохозяйственном производстве было занято 9,9 млн. человек, то в 2015 году их число уменьшилось до 6,3 млн. или на 36,4%. У работников села самая низкая номинальная заработная плата, составляющая лишь 53,6% от общероссийской. За эти годы в сельской местности исчезло 16 тысяч деревень. Здесь на порядок более высокая смертность по сравнению с городом. Деревне нужны больницы, детские сады и ясли, школы, дороги, которых крайне недостаточно. Несмотря на это ресурсное обеспечение Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на период до 2020 года» в 2015–2017 годах сокращается с 104 до 48 млрд. рублей.

Таким образом, ресурсно-инновационная модель импортозамещения должна базироваться на системном подходе и основываться на решении проблем развития агропромышленного производства и на защите отечественных товаропроизводителей от экспансии продовольственных товаров зарубежных стран. Ускоренный переход сельского хозяйства к данной парадигме с использованием эффективных экономическими инструментов, технических и технологических укладов – основа решения задач обеспечения продовольственной и национальной безопасности страны.

О потенциальных возможностях решения задач импортозамещения свидетельствует практика восстановления сельского хозяйства СССР после Великой отечественной войны, в ходе которой фашистской Германией огромная территория страны была разрушена, сожжено более 70 тысяч сел, уничтожено 2,9 тысяч МТС. Несмотря на это в Советском Союзе за 5 лет (1946-1950 годы) были восстановлены объемы производства до уровня 1940 года. Впоследствии была коренным образом переоснащена материально-техническая база, освоено 16,3 млн. га целинных и залежных земель. Среднегодовое производство продукции растениеводства и животноводства составляло 9,8% от ВВП. Страна по уровню потребления продуктов питания на душу населения вышла на 7 место в мире. За годы же аграрной реформы (1992-2015 годы) производство сельскохозяйственной продукции снизилось до уровня более чем 40-летней давности.

Согласно экспертным оценкам, преодолеть депрессивный характер состояния агропромышленного производства и обеспечить решение задач по импортозамещению невозможно без кардинального изменения аграрной политики, без перехода на ресурсно-инновационную модель развития. В этой связи необходимо:

- на первом этапе – корректировка в 2017–2018 годах ныне действующей Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции с доведением финансовой поддержки села не менее чем до 850–900 млрд. рублей.
- на втором этапе – разработка качественно новой Программы восстановления и развития агропромышленного комплекса до 2025 года на базе новой стратегии использования ресурсно-инновационного потенциала с акцентом на импортозамещение при повышении объемов финансовой поддержки до уровня стран Европейского союза.

В соответствии с методологией целевого планирования и управления Программа должна четко определять цели ресурсно-инновационной модели, задачи модернизации производства с указанием сроков выполнения мероприятий по антикризисному управлению с ускорением импортозамещения и предусматривать корректировку законодательной базы; изменение механизма экономических отношений; необходимое выделение финансовых ресурсов; устранение диспропорций в развитии отраслей. Иначе вместо действенной программы мы получим очередные риторические заявления об успехах в сельском хозяйстве и возможностях России накормить половину мирового населения.

Список литературы

1. Статистические материалы ЦСУ СССР и Росстата за 1970–2015 годы.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.
3. Алтухов А.И. Необходимость новой государственной аграрной политики в контексте продовольственной независимости страны // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации. – М.: ВИАПИ им. А.А.Никонова, 2015. – С. 13–19.
4. Долгушкин Н.К. Оптимизация размещения агропромышленного производства как один из путей решения проблемы импортозамещения //Актуальная политика России в условиях международной и региональной интеграции. – М.: ВНИИЭСХ, 2015. – Ч. 2. – С .74–75.
5. Ежевский А.А. Пора переплавить колокола // Советская Россия. – М., 2014. – 23 октября. – С. 1–2.
6. Миронова Н.Н. Особенности инновационных процессов в АПК // Вестник Национального института бизнеса. – М., 2014. – № 21. – С. 81–87.
7. Ушачев И.Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе // Импортозамещение в АПК: проблемы и перспективы. – М.: ВНИИЭСХ, 2015. – С. 14–37.
8. Шутьков А.А. Продовольственная безопасность: теория, политика и практика. – М.: НИБ. – 475 с.
9. Шутьков А.А. Новый вектор российской аграрной политики – импортозамещение // АПК: экономика, управление. – М., 2015. – № 4. – С.15.
10. Шутьков А.А., Шутьков С.А. Парадигма активизации инновационных процессов в условиях глобализации экономики // Экономика сельского хозяйства России. – М., 2016. – № 8. – С. 2–9.

Щербина Т.А.
к.э.н., доцент Финансового университета

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИИ В СФЕРЕ АППАРАТНОГО И ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ключевые слова: *экономический рост, импортозамещение, инвестиции, государственное регулирование, политика импортозамещения, аппаратное и программное обеспечение.*

Keywords: *economic growth, import substitution, investment, government regulation, a policy of import substitution, hardware and software.*

Мировой и отечественный опыт показывают, что необходимость многостороннего подхода к формированию и реализации политики импортозамещения обусловлена взаимосвязью и взаимовлиянием как различных отраслей экономики друг на друга, так и их отдельных сегментов. Говоря об отдельных сферах экономики, важно затронуть вопросы, связанные с импортозамещением в сферах аппаратного и программного обеспечения.

Продукция рынков аппаратного и программного обеспечения является взаимодополняющей: техническим компьютерным средствам необходимо соответствующее программное обеспечение, которое позволит конечному пользователю выполнить требуемую задачу. В свою очередь, программное обеспечение пользуется ресурсами аппаратного обеспечения, без которых программа будет лишь набором инструкций. На сегодняшний день компьютерная база является компонентом успешной работы любой организации, позволяя упрощать и автоматизировать множество процессов, начиная от операционных, заканчивая принятием решений. Кроме того, компьютеризация в необходимой мере способствует развитию любой отрасли, пользующейся данной возможностью автоматизации.

При современных тенденциях постоянного возрастания объема получаемой и передаваемой информации даже внутрифирменное координирование невозможно представить без использования специальных средств обмена информацией, если компания хочет занимать конкурентоспособные позиции на рынке. Для большинства отечественных компаний, относящихся к низко- и средне-технологическому производству характерна проблема узости научно-технического кругозора. Даже в случае принятия решения по внедрению новинок зачастую выбор остается за тем программным и аппаратным обеспечением, которое уже опробовано иностранными фирмами в этой отрасли. Кроме страха перед непроверенными инновациями, недостаточной полноты знаний в сфере программного и аппаратного обеспечения причиной возникающей проблемы является также и отсутствие у большинства организаций какой-либо системы мониторинга научно-технических достижений. Такая же проблема возникает и со стороны контрагентов, например, в том случае, когда банки отказываются выдавать кредиты на приобретение не апробированных инноваций. Результатом этого является предпочтение типовым, массовым и проверенным временем информационным технологиям, которые далеко не всегда способны решить возникающие современные проблемы, что обусловливает наличие спроса на отечественном рынке на аппаратное и программное обеспечение импортных производителей, являющихся пионерами на данном рынке, доказывающими на протяжении долгих лет свою высокую конкурентоспособность.

В свою очередь, российские производители аппаратного и программного обеспечения недостаточно осведомлены о новых возникающих потребностях потенциальных потребителей их продукции, и исходя из этого, предложение на данном рынке так же является ограниченным. Вся совокупность перечисленных факторов обусловливает высокую импортозависимость рынка аппаратного и программного обеспечения.

По данным НАИРИТ (Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий) доля используемого на российском рынке импортного аппаратного обеспечения составляет – 90%, а программного – 65%. В разрезе наиболее значимых отраслей российской экономики уровень зависимости от зарубежных разработчиков программной и аппаратной части составляет более 80% для торговли, связи и транспорта, более 70% для добычи полезных ископаемых, строительства, здравоохранения и финансовой отрасли[1].

Важной проблемой является так же и наличие тесного взаимодействия российских компаний, специализирующихся в области информационных технологий, с иностранными вендорами, что приводит к значительному оттоку российских финансовых средств за рубеж. Более 40% отечественного IT-рынка составляют лицензионные отчисления крупнейшим иностранным производителям программного обеспечения (Microsoft, SAP, Oracle, HewlettPackard, IBM, Cisco и др.), что в денежном выражении составляет ежегодно около 285 млрд. руб. При этом выручка перечисленных

[1] Васильев В. Импортозамещение и российский рынок ИБ // PC Week/RE («Компьютерная неделя»). – http://www.pcweek.ru/security/article/detail.php?ID=167129

выше компаний за счет закупок государственными и муниципальными организациями России составила 219 млрд. руб. за 2013 год[1].

Вопросы импортозамещения в части программного обеспечения находятся в ведении Министерства коммуникации и связи Российской Федерации. План импортозамещения утвержден Приказом Минкомсвязи РФ от 01.04.2015 №96 «Об утверждении плана импортозамещения программного обеспечения». Согласно данному Плану все программное обеспечение на российском рынке разделено на три основные группы.

К первой группе относится корпоративное программное обеспечение, по которому уже имеется задел в виде конкурентоспособных отечественных продуктов. К такому прикладному иностранному программному обеспечению можно отнести продукцию компаний SAP, Oracle и др. В качестве российской альтернативы функционируют на рынке такие компании как 1С, Abby, Kaspersky, Postgree, Linter, Прогноз, Галактика, Аскон, РусГазАвтоматика и т.д. В качестве мер государственной поддержки данной группы программного обеспечения могут выступать преференции отечественной продукции информационных технологий при осуществлении закупок за государственный счет.

Ко второй группе относится корпоративное программное обеспечение, по которому нет достаточного задела в виде конкурентоспособных отечественных продуктов. Импортозависимость по данному сегменту существенно выше и составляет от 75 до 97%. Сюда относятся клиентские, мобильные и серверные операционные системы, системы управления базами данных, «облачная» инфраструктура, а также офисное программное обеспечение. В качестве уже существующих примеров российских операционных систем можно привести такие как Роса, AltLinux, AstraLinux, Заря, Raidix, Эльбрус, Фантом. Существуют решения и для облачных технологий (Red Hat OpenStack и Suse Cloud), и для систем управления базами данных (PostgreSQL). По данному направлению необходима поддержка коллективной разработки программного обеспечения.

К третьей группе относятся сегменты рынка программного обеспечения, связанные с отраслевой спецификой. По данному направлению Министерство коммуникаций и связи РФ выделило наиболее критические направления по важнейшим отраслям экономики: промышленность, теплоэнергетический комплекс, строительство, здравоохранение, финансовый сектор и транспорт. Так, например, в промышленном программном обеспечении на данный момент преобладают продукты иностранных компаний Emerson, Siemens, Rockwell Automatiom, Schneider Electric, OSIsoft, Honeywell, заменить продукцию которых в перспективе могут российские компании «НПП Промышленная автоматизация», ООО «Икогава Электрик», ОАО «ОПК», ООО «Элна». Доля импорта в указанных отраслях составляет от 70 до 95%. К 2025 году прогнозируется ее снижение до 50% по всем направлениям.

Таким образом, учитывая наличие большого количества российских программных продуктов, способных заменить импортные аналоги, а также потенциальные возможности такого замещения в будущем, можно говорить о том, что прогноз снижения уровня импортозависимости рынка российского программного обеспечения можно назвать положительным. Однако не стоит забывать и о второй компоненте компьютерного оснащения – об аппаратном обеспечении, дело с которым обстоит намного сложнее. Использование зарубежного аппаратного обеспечения напрямую относятся к вопросу национальной безопасности, так как установить наличие в нем «закладок» (неописанных в документации возможностей) гораздо сложнее, нежели в программном обеспечении.

Вопросы, касающиеся импортозамещения в сфере аппаратного обеспечения, отнесены к ведению Министерства промышленности и торговли Российской Федерации в рамках импортозамещения в радиоэлектронной промышленности. План импортозамещения утвержден Приказом Минпромторга РФ от 31.03.2015 № 662 «Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в радиоэлектронной промышленности Российской Федерации». В данном нормативно-правовом акте произведена оценка уровня импортозависимости по технологическим направлениям (в разрезе конкретных продуктов и технологий) по состоянию на конец 2014 года и произведен прогноз уровня зависимости от импорта к 2020 году. В отношении объектов вычислительной техники доля импортной продукции на российском рынке составляет 95–100% в зависимости от продукта (исключение составляет лишь одна позиция из списка – 80% для семантических микро-серверов для дата-центров и BigData на базе процессоров 28 нм., прогноз доли импорта в 2020 году по данному направлению составляет 65%).

Главной проблемой разработки отечественного аппаратного обеспечения является создание такого технологически сложного устройства как микропроцессор. При этом определенный задел в этом направлении уже имеется. Например, 4-ядерный микропроцессор «Эльбрус-4С» с тактовой частотой 800 МГц, на основе которого функционируют компьютеры «АРМ Эльбрус-401», обслуживающие некоторые государственные предприятия. Однако компьютер – это не только микропроцессор, а также совокупность множества других комплектующих, страна производства которых так же имеет значение. Кроме того необходимо понимать, что для такого компьютера необходимо совместимое программное обеспечение. На данный момент возможно написание специализированных программ для конкретных задач, но в целом на сегодняшний день это не решает проблему импортозамещения.

Другим путем является создание открытого аппаратного обеспечения, то есть такого, которое, например, использует уже существующую процессорную архитектуру с возможностью создания на ее основе собственных чипов. Однако здесь Россия опять же сталкивается с технологическими трудностями, связанными с возможностью производства таких чипов, а именно с отсутствием специализированных заводов. Технология производства мощнейших современных процессоров требует установки 10 миллионов транзисторов в чип, в то время как российские технологии позволяют установить 100 тысяч. Таким образом, использование мощнейших процессорных архитектур, таких как OpenPower, влечет за собой необходимость осуществлять производство за рубежом. Существуют возможности ис-

[1] Басина Н. Что такое импортозамещение и каким ему быть в России // CRN/RE («ИТ-бизнес») – http://www.crn.ru/news/detail_print.php?ID=93523&print=Y

пользовать и менее мощные процессорные архитектуры, примерами которых являются Sun UltraSPARC, OpenRISC, AMBER, ERC32, LEON, VIA OpenBook, которые так же требуют определенной технологии производства, но в данном случае существует возможность использовать производственные мощности в Азии[1].

Таким образом, импортозависимость рынка программного обеспечения можно оценить как высокую, а импортозависимость рынка аппаратного обеспечения – как крайне высокую. При этом если в случае с программным обеспечением еще наблюдаются различия в степени импортозависимости по отдельным направлениям, как, например, антивирусное программное обеспечение (60% импорта на рынке) и офисное программное обеспечение (97% импорта на рынке), то уровень импортозависимости рынка аппаратного обеспечения составляет в среднем 95–100%. Сфера аппаратного и программного обеспечения относится напрямую и к возможностям текущего функционирования предприятий различных отраслей промышленности, и к возможностям инновационного и технологического развития, и к вопросам национальной безопасности. Высокий текущий уровень импортозависимости данной сферы, а также ее значения для экономики страны определяют ее как приоритетную в целях реализации государственной политики импортозамещения.

В разработке программного обеспечения, российские разработчики сталкиваются с определенными трудностями при создании узкоспециализированных программ отраслевой направленности, операционных систем, облачных сервисов, офисного программного обеспечения. Эти трудности во многом связаны с недостатком финансирования инвестиционных проектов по импортозамещению в сфере аппаратного и программного обеспечения. При этом стоит отметить, что нельзя однозначно оценить общую потребность в финансировании в данной сфере по причине отсутствия какого-либо реестра готовящихся к реализации инвестиционных проектов в данной сфере, а также высокой динамики развития отрасли информационно-коммуникационных технологий, постоянно изменяющимися параметрами спроса на продукцию отрасли и быстро возникающими новыми идеями и проектами. Безусловно, можно выделить часть проектов, имеющих первостепенную важность по отношению к остальным, однако нельзя ограничить область изучения только ими, как наиболее крупными и значимыми. В 2015 году Министерством коммуникации и связи Российской Федерации было запрошено 18 млрд. руб. на осуществление проектов по импортозамещению программного обеспечения[2]. В качестве элементов списка проектов, потенциально претендующих на финансирование, были заявлены проект корпоративной платформы от «Альт Линукс» и НТЦ ИТ Роса, средство управления облачной инфраструктурой от «Айтеко», проект облачной платформы для корпоративного, банковского, государственного секторов от «Микорд» и виртуальные офисные продукты «Мой офис» от компании «Новые Облачные Технологии». Данные проекты представляют собой лишь часть общей совокупности проектов, которые реально претендуют на реализацию.

Что касается российских производителей аппаратного обеспечения, то они имеют возможность осуществить финансирование с участием Фонда развития промышленности. Всего финансирование отрасли электроники данным фондом осуществляется на сумму 1,87 млрд. руб., при этом за все время работы фонда было подано 102 заявок на финансирование проектов в сфере электроники, из которых были реально профинансированы фондом всего лишь 7 (4 из которых относятся к сфере аппаратного обеспечения). Также было подано 14 заявок для проектов в ИТ-отрасли, из которых ни одна не была профинансирована[3].

Одним из важнейших проектов в сфере аппаратного обеспечения, финансируемого Фондом развития промышленности, является процессор Baikal-TI. Средства фонда предназначены для финансирования последней стадии подготовки к серийному производству процессоров с тактовой частотой 1,2 ГГц по технологическому процессу 28 нм. Сферой применения являются телекоммуникационные устройства и промышленная автоматика для российских и иностранных производителей электроники, ориентированных на российский рынок и рынок стран БРИКС. К 2020 году компания «Байкал Электроникс» планирует осуществить поставку процессоров в количестве около 5 млн. штук.

Для подобных проектов процентная ставка за пользование займом составляет 5% годовых, а также действуют следующие условия предоставления займа:

– срок проекта не более 6 лет (не более 7 лет для консорциумов);

– сумма займа от 50 до 300 млн. рублей (от 100 до 500 млн. рублей) для консорциумов;

– общий бюджет проекта от 100 млн. рублей (от 500 млн. рублей для консорциумов);

– софинансирование со стороны организации-заявителя (либо частных инвесторов или банков) не менее 50% (не менее 70% для консорциумов);

– софинансирование за счет собственных средств не менее 15% бюджета проекта.

Очевидно, что за счет средств фонда полностью не покрывается общая потребность в финансировании для инвестиционных проектов в сфере аппаратного обеспечения (сумма выданных займов составляет 1 595 млн. руб.), при этом по общим условиям фондом не осуществляется 100% финансирование проектов. Однако необходимо отметить, что реализация политики импортозамещения предусматривает не полное финансирование импортозамещающих производств за счет государства, а создание комфортных условий для частного бизнеса, в которых он был бы способен и заинтересован осуществлять деятельность по импортозамещению в приоритетных отраслях промышленности.

В связи с этим, государством осуществляются стимулирующие меры, позволяющие повысить интерес организаций к осуществлению инвестиций в сферу аппаратного обеспечения. Помимо предоставления займов по Постанов-

---

[1] Носов Н. Открытое аппаратное обеспечение и импортозамещение процессоров // PC Week/RE («Компьютерная неделя») – http://www.pcweek.ru/foss/article/detail.php?ID=174416

[2] Минкомсвязи попросило 18 млрд. из резервного фонда на импортозамещение программного обеспечения. – https://vc.ru/n/minsvyaz-18b

[3] Статистика заявок / Фонд развития промышленности. – http://frprf.ru/proekty-i-zayavki/statistika-zayavok/

лению Правительства Российской Федерации от 12.03.2015 г. № 214 организации имеют право на получение субсидии для возмещения части затрат по процентам за кредит, полученный в целях финансирования текущей производственной деятельности и пополнение оборотных средств. Условием предоставления такой субсидии являются требования к кредитному договору (должен быть заключен после 16 декабря 2014 года, выдан в валюте Российской Федерации, доходы организации составляют не менее 50% остатка ссудной задолженности). Размер определяется исходя из расчета 0,7 от процентной ставки за кредит, но не более 70% от ключевой ставки Центрального Банка Российской Федерации, так же за 3 месяца не может быть предоставлено более 75 млн. рублей. В настоящий момент в сфере аппаратного обеспечения пользователем такой субсидии является организация ОАО «НИИМЭ и Микрон», которая занимается научными исследованиями, разработкой, производством и реализацией интегральных микросхем, в том числе на экспорт.

В рамках государственной программы «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013 – 2025 годы» производителям в области аппаратного обеспечения предоставляется возможность получить субсидию на возмещение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры. Отбор проектов проходит на конкурсной основе среди российских организаций, общий срок реализации проекта не должен превышать 5 лет, общая стоимость проектов, связанных с вычислительной техникой не должна превышать 2,5 млрд. рублей, сумма ежегодной субсидии составляет не более 300 млн. рублей. Субсидируемые затраты должны возникнуть не ранее, чем за год до получения данной субсидии. При этом к организациям, получившим субсидию, но имеющим отклонения (в меньшую сторону) по заявленным показателям эффективности применяются штрафные санкции, зависящие от уровня выполнения показателя, удельного веса уровня заявки и объема средств федерального бюджета, уже использованных организацией в целях реализации проекта[1]. Таким образом, за счет данной субсидии организация, создающая научно-технический задел в области вычислительной техники может совокупно получить до 1,5 млрд. рублей за 5 лет.

Так же предоставляются субсидии на компенсацию части затрат по выплате процентов за пользование кредитом, полученным в российской кредитной организации. Для проектов вычислительной техники максимальная стоимость проекта составляет 2,5 млрд. руб., срок реализации – 5 лет. Срок кредита должен составлять не менее 1 года по каждому кредитному договору, получен компанией не раньше 1 января 2016 года. Целевым назначением кредита должно являться создание инфраструктуры отрасли, расходы инвестиционного характера должны быть направлены на создание новых производственных мощностей, аренду и приобретение земельного участка, строительство и реконструкцию производственных зданий и сооружений, приобретение или изготовление основных средств, а также с разработкой проектно-сметной документации.

Размер субсидии составляет 0,7 ключевой ставки Центрального Банка, если процентная ставка по кредиту больше либо равна ключевой ставке Центрального банка на последний день уплаты процентов за кредит по кредитному договору. Если процентная ставка за используемый кредит меньше, чем ключевая ставка Центрального банка, то субсидия предоставляется в размере 0,7 процентной ставки за кредит. Для кредитов, полученных в иностранной валюте, расчет субсидии осуществляется исходя из процентной ставки за кредит (так же в доле 0,7), но не может превышать величину, рассчитанную для ставки 4% годовых.

С самой возможностью финансирования проектов в сфере программного обеспечения все обстоит несколько иначе, нежели в аппаратном обеспечении. Во-первых, вопросы разработки программного обеспечения не относятся к ведению Министерства промышленности и торговли, не попадают под категорию «отрасль промышленности». Однако это вовсе не означает, что все компании, занимающиеся разработкой программного обеспечения, испытывают трудности с поиском возможностей финансирования своих инвестиционных проектов.

Одним из заслуживших признание на российском рынке методов финансирования проектов в сфере программного и аппаратного обеспечения, как проектов с повышенными рисками, является венчурное финансирование. Стоит отметить, что даже несмотря на негативное влияние нестабильности в экономике России, суммарный объем сделок на венчурном рынке вырос на 31% в 2015 году по сравнению с 2014 годом.

Конечно, необходимо уточнить, что ведущим подсектором здесь является электронная коммерция, что в рамках импортозамещения представляет собой не самый приоритетный интерес. Однако второе и третье места по числу сделок занимают облачные технологии и программное обеспечение, соответственно, т.е. направления, которые входят в число приоритетных направлений развития сферы программного обеспечения в рамках импортозамещения.

В качестве одного из ключевых инструментов построения национальной инновационной системы выступает государственный фонд ОАО «РВК», который в своем инвестиционном портфеле так же содержит проекты, касающиеся программного и аппаратного обеспечения. В целом, условия финансирования, предоставляемые проектам сферы программного обеспечения фондами, финансируемыми за счет ОАО «РВК», схожи: доля финансирования фондом от общего объема потребности составляет не более 75%, суммы финансирования разнятся в зависимости от фонда.

Стоит отметить, что помимо венчурного финансирования, организации, осуществляющие свою деятельность в сфере программного обеспечения, пользуются кредитными средствами. В связи с этим, целесообразно было бы предоставить таким компаниям субсидирование процентной ставки по примеру субсидий, предоставляемых промышленным организациям.

[1] Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2016 года №109 «Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на возмещение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоаппаратуры».

Что касается непосредственно мер государственной поддержки по разработке отечественного программного обеспечения, то здесь, в отличие от возможности помощи непосредственно с финансированием, имеется больший задел для стимулирования развития отрасли.

Важным фактором при подготовке и реализации инвестиционных проектов является предполагаемая величина расходов, которые понесет предприятие в ходе реализации данного проекта. И если речь идет о расходах по текущей деятельности, то для большинства компаний, являющихся разработчиками программного обеспечения, занимающихся Интернет-сервисами и Интернет-рекламой, до 80% всех расходов составляют расходы на заработную плату персонала. Это обусловлено тем, что основной ресурс, используемый такими компаниями для создания своих продуктов – интеллектуальный.

Таким образом, в настоящих условиях функционирования экономики и взаимодействия государства и бизнеса для компаний, работающих в сфере программного и аппаратного обеспечения, открываются следующие дополнительные возможности для финансирования инвестиционных проектов:

– займы в Фонде развития промышленности на льготных условиях (для аппаратного обеспечения);

– субсидии для возмещения части затрат по процентам за кредит, полученный в целях финансирования текущей производственной деятельности и пополнения оборотных средств (для аппаратного обеспечения);

– субсидии на возмещение части затрат по процентам за кредит (для аппаратного обеспечения);

– субсидии на возмещение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий (для аппаратного обеспечения);

– венчурное финансирование (для аппаратного и программного обеспечения).

Помимо открывающихся возможностей финансирования проектов, государственная поддержка в области аппаратного и программного обеспечения заключается в налоговых льготах (пониженная ставка для страховых взносов для разработчиков программного обеспечения) и планах гарантированных государственных закупок, что обеспечивает сбыт отечественной продукции.

Стоит отметить, что меры государственной поддержки, направленные на развитие аппаратного обеспечения, достаточно обширны и в будущем должны возыметь положительный эффект, однако, конечно, полностью не решают проблему финансирования инвестиционных проектов. Многие компании, в конечном итоге, получают возможность воспользоваться различными субсидиями, но вынуждены осуществлять поиск источников финансирования своих проектов самостоятельно. В качестве меры, позволяющей упростить поиск финансирования таких проектов, можно было бы предложить создание единой платформы с участием венчурных фондов и кредитных организаций, позволяющей компаниям, работающим в сфере аппаратного обеспечения предоставлять информацию по своим проектам и осуществлять поиск инвесторов.

В области программного обеспечения на данный момент полностью отсутствует возможность получения льготных займов в рамках реализации программы импортозамещения, поэтому разработчики программного обеспечения вынуждены самостоятельно осуществлять поиск финансирования для проектов, имея лишь возможность воспользоваться некоторыми льготами. Однако в данном направлении планируется создание Фонда развития ИТ, который будет участвовать в софинансировании части затрат 4–6 проектов по созданию общероссийского программного обеспечения (от 70 до 500 млн. руб.), а также предоставит заемное финансирование на льготных условиях еще 16–24 проектам по разработке российского программного обеспечения (от 30 до 300 млн. руб.)[1]. Создание данного фонда оказало бы существенную помощь крупным проектам по разработке российского программного обеспечения по привлечению финансирования для своих инвестиционных проектов.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены основные направления государственной политики импортозамещения, которые должны улучшить условия осуществления инвестиционной деятельности компаний сферы аппаратного и программного обеспечения:

– развитие инструментов государственной помощи, связанной с финансированием инвестиционных проектов;

– решение проблемы поиска инвестиционных ресурсов + повышение информированности рынка о продуктах;

– развитие экспортного потенциала.

Со стороны государства должен осуществляться постоянный мониторинг возникающих проблем, позволяющий корректировать основные направления реализации политики импортозамещения, что в будущем поможет раскрыть видимые на сегодняшний день перспективы и достигнуть оказания положительного влияния на состояние экономики России в целом.

Иными словами, разработка и реализация политики импортозамещения требует системного подхода и эффективного стратегического планирования, в том числе и в сферах аппаратного и программного обеспечения, что позволит использовать совокупный производственный, финансовый и управленческий потенциал всех участников при разработке и реализации политики импортозамещения в этой сфере. При этом следует заметить, что в условиях экономического спада осуществление импортозамещения в сферах аппаратного и программного обеспечения может столкнуться со сложными проблемами: дефицит инвестиционных ресурсов, ухудшение условий воспроизводства капитала, снижение доходов и инвестиций.

[1] Минкомсвязь вынесла на общественное обсуждение проект постановления Правительства о создании Фонда развития ИТ / Министерство коммуникаций и связи. – http://www.minsvyaz.ru/ru/events/34846/

Абрамов М.Д.
к.т.н., вице-президент ЭАЦ «Модернизация
Кашин В.А.
д.э.н., государственный советник налоговой службы II ранга

ВВЕДЕНИЕ ПРОГРЕССИВНОЙ ШКАЛЫ НДФЛ – ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие России, имущественное неравенство, прогрессивная шкала подоходного налога.*

Введение прогрессивной шкалы подоходного налога – одна из главных мер улучшения социально-экономической ситуации в России.

Тема – не новая, но сегодня особенно актуальная.

Расчеты Института социально-экономических проблем народонаселения РАН показывают, что если бы в нашей стране была среднеевропейская прогрессивная шкала, то ВВП России был бы на 30–50 процентов выше, чем в реальности[1].

Объяснение очень простое. Если у большинства населения нет денег, то нет покупательского спроса, и ВВП не растет. А богатые тратят в России ровно столько, сколько требуется на достойное существование, а основные средства хранят за рубежом и там же покупают недвижимость и предметы роскоши (яхты, футбольные клубы и др.). Или занимаются бизнесом, т.е. на выкачанные из России деньги развивают экономику других стран, что также не способствует росту производства и ВВП в России. Например, в 2012 году российские компании вложили в покупку иностранных предприятий более 139,1 млрд. долларов[2] или 4,24 трлн. руб. А чистый отток капитала из России, по данным Центробанка РФ, в 2014 году достиг $151 млрд.

Наличие покупательского спроса – главный фактор экономического развития. Именно прогрессивная шкала позволяет наполнять бюджет, перераспределять доходы наиболее оптимальным образом и снижать имущественное неравенство.

«Имущественное неравенство в России является самым высоким в мире, за исключением малых народов Карибского бассейна». Таково мнение независимых экспертов[3]. Но это было известно и без них. По данным 2010 года[4] «1% населения России получает около 40% всех доходов. Для сравнения: в США доля 5% наиболее богатых домохозяйств в национальном доходе составляет всего 21%. На 1% самых богатых людей в США приходится 8% национального дохода. Таким образом, в России степень неравенства в 5–10 раз выше, чем в США». Так было в 2010 году. С тех пор ситуация стала еще хуже. Сумма доходов менее 1% населения превышает сумму доходов остальных 99%. Такого нет нигде. И это может привести к социальному взрыву. При этом повод может быть любым.

Наличие прогрессивной шкалы – обязательное (хотя и не единственное) условие развития России. Такая шкала есть у всех стран ОЭСР, «Двадцатки», в странах БРИКС (кроме России) и многих других. Более того, на Гайдаровском форуме (январь, 2013) генсек Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Анхель Гурриа заявил, что ОЭСР «не готова принять РФ в свои ряды из-за плоской шкалы налогов, бедности и недофинансирования медицины». Анхель Гурриа посоветовал руководству РФ объявить фискальную войну вопиющим диспропорциям посредством введения прогрессивной шкалы. А ведь в ОЭСР Россия пытается попасть уже 16 лет.

Вопрос о целесообразности введения прогрессивной шкалы подоходного налога в России поднимается регулярно. Дело в том, что при введении в 2001 году плоской шкалы тогдашний президент Владимир Путин пообещал, что в таком виде налог просуществует десять лет[5].

Между тем, оказалось двух-трех лет оказалось достаточно, чтобы увидеть неэффективность плоской шкалы. Это подтверждено соответствующими исследованиями.

Вот, например, заключение Счетной Палаты РФ[6]: «Снижение налоговой нагрузки на фонд оплаты труда в результате введения единой пониженной ставки налога на доходы физических лиц и регрессивной шкалы отчислений от

---

[1] Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / ИСЭПН РАН. – М., 2009.

[2] http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskij_kapital_v_sisteme_globalnyh_investicionnyh_potokov_2013-11-19.htm

[3] Global Wealth Report. 2013. – http://www.ad-res.ru/clubnews/Socialnoe-rassloenie-v-Rossii-stavit-rekordi.php

[4] Прогрессивное налогообложение: «за» и «против» / Круглый стол в РИА «Новости», 15 апреля 2010 г. – http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/177034

[5] Там же.

[6] Аналитическая записка о проблемах налогового, таможенного и бюджетного законодательства РФ и предложениях по его совершенствованию // Бюллетень Счетной палаты РФ. – М., 2004. – № 8 (80).

единого социального налога не оказало существенного влияния на легализацию необлагаемых ранее налогом доходов. Так, с 2001 года по 2003 год поступления налога на доходы физических лиц в консолидированный бюджет Российской Федерации увеличились в 1,8 раза. Денежные доходы населения в этот период возросли в 1,8 раза, начисленная среднемесячная заработная плата на одного работника – в 1,9 раза». Конец цитаты.

А вот результаты исследований Всероссийского Центра уровня жизни[1]: «При введении в 2001 году одного из самых низких в мире уровней налогообложения личных доходов по ставке, независимой от их размеров, высказывались доводы об ожидаемом расширении налогооблагаемой базы за счет вытаскивания на «свет» денежных доходов состоятельных и богатых налогоплательщиков и, как следствие этого, увеличения доходов казны. Оказалось, что эти доводы не выдерживают испытания практикой. Абсолютный прирост сумм налога произошел, но не в связи с принятием единой ставки. Он обусловлен введением в этот период налогообложения доходов военных, сотрудников милиции и ряда других категорий населения. Что же касается влияния плоской шкалы на легализацию «черных» доходов, то этого не происходит. Те, кто не платил по ставке 60% в 1992 году, 35% в 1997–1998 годах, 20–30% в 1999–2000 годах, не платят со всех сумм доходов и по ставке 13%. Между тем, в других странах состоятельные граждане сполна платят и по более высоким ставкам, достигающим 70%».

Плоскую шкалу отстаивают обладатели высоких доходов и обслуживающие их эксперты.

Вот какие аргументы в защиту плоской шкалы предлагает директор Государственного научно-исследовательского финансового института (НИФИ) Владимир Назаров (в 2013 году зав. лабораторией Института экономической политики им. Гайдара)[2]:

«**Во-первых**, отказ от плоской шкалы НДФЛ в России противоречит одному из принципов государственного управления – постоянству правил игры. Нарушение многократных обещаний президента и правительства не менять ставку НДФЛ приведет к еще большему росту недоверия бизнеса к власти, оттоку иностранных инвестиций и бегству отечественного капитала за границу. Хотя решение о повышении страховых взносов в 2011 году и доминирование «силовой бюрократии» в определении правил делового оборота уже сеяли массовое недоверие к перспективам развития страны, вряд ли стоит усугублять эту ситуацию введением прогрессивного НДФЛ. Бедным не станет лучше, если уменьшится поток инвестиций: будет меньше новых производств и новых рабочих мест.

Во-вторых, прогрессивная шкала НДФЛ приведет к тому, что богатые территории станут значительно богаче (НДФЛ поступает в региональные и местные бюджеты). Вряд ли людям с невысокими доходами в Амурской области станет лучше, если бюджет Москвы получит дополнительные миллиарды. Это усилит межрегиональную политическую напряженность, для снятия которой центру, возможно, придется частично перевести НДФЛ в федеральный бюджет, что негативно скажется на развитии федерализма в России.

В-третьих, плоская шкала налогообложения снижает административные и судебные издержки (даже в развитых странах они составляют около 5% от налоговых сборов). Введение прогрессивной шкалы потребует практически 100-процентного охвата экономически активного населения обязанностью самостоятельно декларировать доходы. Вы получаете зарплату в нескольких местах? Ваши проценты по депозиту выше ¾ ставки рефинансирования ЦБ? Продали паи инвестиционного фонда? Сейчас со всех этих доходов ваши налоговые агенты удерживают 13%, беря на себя все общение с налоговиками. Введение прогрессивного НДФЛ потребует от вас самостоятельно учитывать доходы из различных источников, складывать их, оформлять налоговую декларацию и (если что не так) объяснять налоговикам, что вы не верблюд. Пока ни наши граждане, ни налоговая служба не готовы к такой бурной деятельности. Очевидно, что рост затрат общества на налоговое администрирование вряд ли поспособствует улучшению материального положения наименее обеспеченных слоев населения.

В-четвертых, введение прогрессивной ставки НДФЛ приведет к уклонению от налогов. Справедливость этого тезиса доказывается тем, что налоговая реформа 2000-х годов привела к массовому выходу из тени доходов. После снижения предельной ставки НДФЛ поступления выросли на 0,7–0,8% ВВП. Более того, введение плоской шкалы привело к увеличению прогрессивности налогообложения за счет того, что многие богатые граждане перестали уклоняться от уплаты налога. При повышении подоходного налога возможен обратный процесс: богатые люди начнут интенсивнее уклоняться от налогов, объем поступлений снизится, а основное налоговое бремя ляжет на средний класс. В результате при введении прогрессивной ставки НДФЛ налог с ростом доходов будет увеличиваться даже меньше, чем сейчас. Вряд ли бедным станет лучше от того, что богатые будут уклоняться от налогов (а они это умеют).

В-пятых, прогрессивная шкала подоходного налога вносит более сильные искажения в функционирование рыночной экономики в виде увеличения безработицы, сокращения стимулов к труду и уменьшения инвестиций, нежели плоская шкала. На это можно возразить: если плоская шкала так экономически выгодна, почему в большинстве стран действует прогрессивная шкала? Может быть, российские власти просто не умеют и не хотят учиться администрировать прогрессивный НДФЛ? Отчасти это так. Нынешнее состояние институтов, в том числе и фискальных, неуверенность граждан в целевом использовании налоговых сборов сильно отличают нашу страну от многих государств, где действует прогрессивная шкала НДФЛ, и являются объективными препятствиями для ее введения.

Преобладание прогрессивных налоговых ставок в развитых и развивающихся странах отнюдь не является приговором плоской шкале НДФЛ. Плоская шкала подоходного налога существует в Албании, Болгарии, Гернси, Гон-

---

[1] Налогообложение семейного дохода на основе потребительских бюджетов / Всероссийский центр уровня жизни. – М., 2006.

[2] Пять доводов против введения прогрессивного подоходного налога // Форбс. – М., 2011. – 9 марта. – http://www.forbes.ru/ekonomika-column/vlast/64631-5-dovodov-protiv-vvedeniya-progressivnogo-podohodnogo-naloga-v-rossii#comments

конге, Грузии, Джерси, Исландии, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, Македонии, Монголии, России, Румынии, Словакии, Украине, Чехии, Эстонии».

Особенно умиляют такие образцы для подражания как Гернси и Джерси. В приведенном ряду выпадают Гонконг и Исландия. Неужели и там плоская шкала?

В таблице 1 приведена шкала подоходного налога, принятая в Гонконге[1].

Таблица 1

Hong Kong Income Taxes, last partial update, May 2014

Income (HKD, HONG KONG DOLLAR)	%
1–40,000 (18,8 тыс. руб./мес.)	2
40,001–80,000 (от 18,8 до 37,5 тыс. руб./мес.)	7
80,001–120,000 (от 37,5 до 56,3 тыс. руб./мес.)	12
17 over 120,000 (свыше 56,3 тыс. руб./мес.)	

А вот как обстоит дело в Исландии[2].

«Понятие «доходы физического лица» включает зарплату рабочих и служащих, прибавки к зарплате, дополнительные выплаты (fringe benefits) и доход от предпринимательской деятельности. К дополнительным выплатам относятся: пенсия, оплаченный отпуск, социальный пакет, пользование служебной автомашиной, пользование служебной квартирой и др.

В Исландии различают национальный налог на доходы физических лиц (налоговая ставка – 22,75%) и муниципальный налог на доходы, налоговая ставка которого колеблется от 11,24 до 13,3% для различных муниципалитетов. Средняя ставка муниципального налога составляет 12,97% и, таким образом, общий налог на доходы физических лиц равняется 35,72%.

Доход физических лиц в размере до 95 280 исландских крон (1521 долл. США или 50 тыс. руб. при курсе $1=32,9 руб.) в месяц налогом не облагается».

И правда, в Исландии шкала – плоская. Уж не предлагает В. Назаров эту шкалу с необлагаемым месячным доходом 50 тыс. руб. для России? Вряд ли.

«Доводы» В. Назарова не выдерживают критики. Но дело не в нем. Это – общее мнение правящего либерального блока и обслуживающих его ученых.

Между тем, мы полагаем, что именно реформирование подоходного налогообложения и, в частности, введение прогрессивной шкалы НДФЛ – одна из первоочередных мер по развитию промышленного производства и выводу нашей страны из кризиса. Именно она обеспечивает покупательский спрос и справедливое распределение доходов.

Тем не менее, в обществе поддерживается идея целесообразности «плоской» шкалы и других несуразностей с помощью так называемых «экспертов». В ряде СМИ уже выработалась «надежная» схема действий: собрать неких «экспертов», предложить им что-то списанное с потолка, разбить это «что-то» в пух и прах – и заключить все это ссылкой на президента, который запретил делать «все плохое». И эта схема на самом деле очень эффективна. Это мы можем видеть и на примере «организованных дискуссий» по вопросу о введении в РФ прогрессивного подоходного налога[3]. «Эксперты» сразу бьют в цель: «погибнет средний класс», «плоская» ставка НДФЛ обеспечивает хорошую собираемость налога; при прогрессивной шкале народ замучается с составлением ежегодных налоговых деклараций; наши налоговые органы не смогут обеспечить необходимый контроль и т.д. Итог – общее мнение «экспертов»: «мировая практика не приветствует ломку эффективных систем уплаты налогов»

Теперь, об отдельных тезисах «экспертов».

«Средний класс у нас сразу погибнет!». При предлагаемом нами необлагаемом налогом доходе до 30 тыс. руб. в месяц и начальной налоговой ставке в 13% для дохода 250 тыс. руб. в месяц среднего класса изменение шкалы почти не коснется. Для дохода от 250 тыс. до 1 млн. руб. в месяц мы предлагаем ставку 30%. И только получатели доходов свыше 12 млн. рублей в год сверх этой суммы должны будут платить налог по ставке в 50%. «А они тогда все убегут за границу!» – грозятся наши «эксперты». Пусть бегут – во Францию, Англию, Германию, США, Италию и т.д. Там они будут платить налоги по ставкам в 45–50% и плюс еще огромные штрафы за малейшие упущения при декларировании всех своих «мировых доходов» и всего собственного имущества и имущества своей семьи, где бы это имущество не находилось.

И плюс к этому – еще налоги в 25–30% при любом «переписывании» своего имущества «с папы на сына» или «с племянника на тетю».

И есть еще одно мнение: богатые и так у нас платят повышенные налоги – на мощные автомобили, особняки, яхты.

И сколь это много? На самом деле, разумные богатеи давно уже решили ездить на корпоративных автомобилях, предусмотрительные – имеют особняки в Ницце или в Калифорнии, а яхты они регистрируют в странах льготного налогообложения.

[1] http://www.worldwide-tax.com/hong_kong/hong_kong_taxes.asp

[2] Международное обозрение. Налоговая система Исландии. 2009. – http://internationalcommentary.blogspot.ru/2009/02/blog-post_17.html

[3] См., например, «НДФЛ оставили в покое» в газете РГ-бизнес. – http://www.rg.ru/2015/12/15/nalog.html

Если рассчитать совокупность всех доходов жителей РФ по стандартной процедуре, принятой в налоговых органах развитых стран (сумма годовых расходов населения плюс чистый прирост его «собственности»), то оказывается, что при ставке в 13% общие сборы НДФЛ должны были быть больше примерно в 2 раза. Это – к вопросу о «хорошей собираемости» НДФЛ и об «эффективной системе уплаты налогов».

Рассмотрим пример. В 2012 году в России собрали НДФЛ в сумме 2,26 трлн. руб. и страховые социальные сборы (ССС) – 4,1 трлн. руб. НДФЛ и ССС имеют общую налогооблагаемую базу – доходы населения. Ее можно определить, зная сумму собранного НДФЛ и его эффективную ставку, которая, по данным Минфина[1], при номинале 13%, благодаря льготам и вычетам, равна 10,79%. Это соответствует доходу населения 2,26:0,1079 = 21,0 трлн. руб.

Чтобы оценить собираемость НДФЛ и ССС нужно сопоставить вышеуказанные расчетные доходы населения и его потребительские расходы. Потребительские расходы в России в 2012 г. составили 1377,2 млрд. долл.[2] Если принять курс доллара в 2012 г. 30,5 руб., получим объем потребительских расходов 1377,2×30,5 = 42 трлн. руб.

Кроме того, следует учесть доходы наших граждан, которые они потратили за рубежом. Например, Всемирная туристическая организация UNWTO опубликовала рейтинг стран по зарубежным расходам туристов. Российские туристы потратили за границей в 2012 году 43 млрд. долларов[3] или 1,3 трлн. руб.

Около 70 тысяч россиян в год ездят лечиться за границей, а примерные расходы на это составляют один миллиард долларов[4] или 30,5 млрд. руб.

На 12 млрд. долларов или на 366,0 млрд. руб., по данным главы Центробанка С. Игнатьева наши граждане в 2012 году приобрели за рубежом недвижимость[5].

Итого, наши граждане в 2012 году израсходовали внутри страны и за рубежом почти 43,7 трлн. руб., в т.ч. около 4 трлн. руб. – необлагаемые налогом пенсии (рис. 1). Таким образом, собираемость НДФЛ и ССС составила 21,0:39,7×100% = 52,0%, т.е. бюджет должен был получить в сумме 12,23 трлн. руб., а получил 6,36 трлн. руб., т.е. недополучено 5,87 трлн. руб. И это – лишь то, что удалось посчитать. В последующие годы соотношения не изменились.

Следующее – «мучения народа с декларациями».

Все, кто работает только по найму – хоть в 10 местах – от обязанности представлять декларации освобождены, поскольку за них это сейчас уже делают и будут делать их наниматели.

Далее – для тех, кто имеют другие доходы, кроме доходов по найму, но не превышающие в сумме 360 тыс. руб. в год (необлагаемый минимум дохода – 30 тыс. руб. в месяц; в других развитых стран – примерно 1 тыс. дол. в месяц) вся обязанность декларирования своих доходов заключается в том, чтобы раз в год сообщить в налоговый орган суммы отдельных доходов и их источники (в любой форме, хоть через Интернет, хоть по телефону).

Тогда, как мы видим, с учетом реального уровня доходов населения – что 95% наших налогоплательщиков вообще не придется ничего делать в плане какого-то особого декларирования (обычно «эксперты» здесь начинают стенать – а что делать трактористу из далекой деревни, который вообще никогда не видел Интернета? Отвечаем: исполнять закон, и нам его совсем не жалко, потому что, если этот «тракторист» имеет доходы от виллы в Каннах и миллионные дивиденды от десятка крупнейших компаний мира, то он должен все эти доходы заявить перед нашими налоговыми органами, и если ему самому тяжело это сделать, то пусть наймет консультантов из «Эрнст энд Янг» или КПМГ.

Но вот интересный момент: для чиновников ввели обязательное декларирование доходов и имущества – но эту процедуру благоразумно вывели из-под контроля налоговых органов. Декларировать – обязательно, но отвечать за правильность сообщенных сведений по всей строгости налогового законодательства – это лишнее. И еще у нас продолжают экспериментировать с «особым контролем» за расходами граждан, придумывают разные «спецмеры» по борьбе с коррупцией, обсуждают введение спецналога «на роскошь», и т.д.

Ну а то, что во всех развитых странах все эти вопросы давно «замкнули» на налоговые органы, для нас это, конечно, не пример. Мы пойдем другим путем. А зря!

Теперь следующее: «наши налоговые органы с этой работой не справятся». Значит, нужны другие налоговые органы. Пусть берут пример с Дании или Швеции, где налоговые органы уже более десяти лет составляют полные налоговые декларации для всех своих граждан. И делают это на таком уровне, что более 70% налогоплательщиков просто подписывают эти декларации (сейчас – уже электронным образом), не предлагая к ним никаких поправок! И если простого знакомства с этим опытом недостаточно, то давайте пригласим шведов или датчан наладить нам эту работу – в качестве руководителей нашей ФНС.

Ну и последний аргумент: «Введение повышенных ставок налога может остановить рост доходов населения». С этим можно согласиться: те представители «населения», которые получают по 1 миллиону в день, конечно, пострадают. Но они сейчас в России даже и НДС не платят: все, что им нужно, они покупают за рубежом.

Но зато 90 или даже более процентов населения увидят свои доходы выросшими! И казна от того тоже много не потеряет – поскольку все эти люди свои увеличенные доходы обязательно потратят на покупки, в цене который есть НДС со ставкой в 18%.

Заключительный удар, как всегда, наносится руками президента: «Президент сказал – (отвечая, конечно, на просьбы народа!?), что в ближайшие годы налоговую систему мы не трогаем вообще».

---

[1] Основные направления налоговой политики на 2014 год и на период 2015–2016 годы / Минфин. – М., 2013.

[2] http://www.be5.biz/makroekonomika/consumption_expenditure/consumption_expenditure_russia.html

[3] http://otchetonline.ru/art/direktoru/31623-po-900-dollarov-za-poezdku.html

[4] http://doctorpiter.ru/articles/3977/

5 http://www.rg.ru/2012/04/11/nedvigimost.html

Точка. Аргументов больше нет – если забыть о том, что именно усилиями этих «экспертов» президента убедили в том, что налоговая система у нас «очень хорошая», что налоговые ставки у нас – «низкие» (что вполне справедливо в отношении экспортеров сырья, банкиров и олигархов), что собираемость налогов у нас – выше 90%, и что мы сильно продвинулись и в мировых рейтингах (по налоговой нагрузке – даже превзошли Кипр).

И по всем этим вопросам у нас – полный консенсус. Одно только неприятное обстоятельство: в руководстве ОЭСР недавно опять подтвердили, что России не следует ждать приема в члены этой организации, пока она не введет прогрессивный подоходный налог и не примет действенные меры по снижению ужасающего разрыва в распределении доходов и богатств в российском обществе.

Но эти «санкции» нас не запугают, у наших СМИ есть свои «эксперты» и еще – «А президент все равно на нашей стороне!».

В заключительной части доклада на VI Гайдаровском форуме 14 января 2015 г. Д.А. Медведев вспоминает президента США Ф. Рузвельта как борца с «Великой депрессией». Так вот, именно Рузвельт для решения проблем ввел максимальную ставку подоходного налога 75%. И богатые члены Конгресса США это поддержали, так как поняли, что в противном случае они могут лишиться не только богатства, но и головы. Эта ставка просуществовала до 1964 года и даже в отдельные периоды повышалась до 91%. Сегодня в США максимальная ставка 39,6% с годового дохода 400 тыс. долл. – если в рублях – свыше 1,12 млн. руб. в месяц (см. табл. 2). Мы предлагаем для России максимальную ставку в размере 50% с дохода более 1 млн. руб. в месяц. Возможно, через 1–2 года этого уже будет мало и придется делать как в США в 1934 году.

В табл. 2 в качестве примера приведены некоторые параметры подоходного налогообложения и уровень коррупции в разных странах.

Таблица 2

Подоходный налог в разных странах в 2014 году[1]

Страна	Уровень коррупции. Место в рейтинге* 2014 г.	Ставки НДФЛ %%	Максимальная ставка для дохода свыше, руб./год (месяц) (по курсу на 28.06.14)
Россия	127	13	«Плоская шкала»
США	19	0–39,6	13.450.000 (1.120.833)
Великобритания	14	0–50,0	8.700.000 (725.000)
Германия	12	14–45,0	11.533.000 (961.083)
Франция	22	5,5–41,0	6.955.000 (579.583)
Нидерланды	8	5,85–52,0	2.576.000 (214.666)
Израиль	36	10–50,0	8.116.000 (676.333)
Япония	18	5–40,0	5.976.000 (498.000)
Бразилия	72	7,5–27,5	784.700 (65.392)
Индия	94	10–30,0	559.000 (46.583)
Китай	80	3–45,0	432.800 (36.067)

* См. http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info

Благодаря вычетам, граждане платят меньше. Рассмотрим в качестве примера налогообложение семьи в США с годовым доходом $85 000 (около 250 тыс. руб. в месяц)[2]: «Допустим, семья состоит из четырех человек: муж, жена (каждому до 65 лет, оба работают) и двое детей в возрасте до 6 лет. В налоговой декларации указываются совокупные доходы, которые у мужа за год составили $50 000, а у жены – $35 000. В состав расходов входят транспортные расходы до работы и обратно в размере $4000 в год, оплата детского сада на двоих детей $12 000 и оплата единовременных медицинских расходов в размере $5000.

Из общего совокупного дохода семьи ($85 000$) будут вычитаться транспортные расходы, т.к. они непосредственно связаны с деловой деятельностью, расходы на детский сад и медицинские расходы, величина которых не превышает 7,5% от общего совокупного дохода.

Согласно федеральному законодательству необлагаемый минимум составит для данной семьи $13 850. Таким образом, облагаемый годовой доход будет равняться $85 000 – $4000 – $12 000 – $5000 – $13 850 = $50 150. Поскольку налоговая ставка в этом случае равна 15%, то уплачиваемый налог не превышает $50 150×15% = $7522,5 с семьи.

Далее из этой суммы, в зависимости от штата и города, в котором проживает семья, уплачивают налоги в бюджеты города и штата, но в совокупности не превышающие федеральный налог на доходы физических лиц».

Таким образом, эффективная ставка подоходного налога для указанной семьи в США составляет $7522,5 : $85 000×100% = 8,85%. В России для этой семья эффективная ставка с учетом существующих у нас вычетов составила бы около 11%.

Естественно, одновременно с введением прогрессивной шкалы НДФЛ необходимо обеспечить эффективное администрирование этого налога.

Именно прогрессивная шкала подоходного налога и его нормальное администрирование должны стать главными инструментами борьбы с незаконным обогащением и коррупцией. Вспомните американского бандита Аль Капоне.

[1] Tax Rates Around the World 2014. – http://www.worldwide-tax.com/

[2] Терентьева С.Н. Сравнительная характеристика налогообложения физических лиц налогом на доходы в США и во Франции // Финансовый Менеджмент. 2005. – № 2. – http://www.finman.ru/articles/2005/2/3974.html

Ведь его посадили за неуплату налогов, т.к. живых свидетелей преступлений не было, а недвижимость была. Наши коррупционеры тоже деньги в землю не закапывают. Они покупают недвижимость и предметы роскоши. И не важно – на Рублевке или в Майами. Налоговый инспектор найдет повсюду. А произойдет это или нет, зависит от качества налоговой системы.

Тем более, некоторый опыт уже есть. Например, суд в Марселе арестовал недвижимость, принадлежавшую предпринимателю Борису Березовскому в городе Антиб (Франция), сообщила официальный представитель Генпрокуратуры РФ Марина Гриднева[1]. «Несмотря на то что формальным собственником этой недвижимости является французское юридическое лицо, суд принял во внимание доводы российской стороны о том, что имущество приобреталось по поручению и в интересах Березовского», – отметила Гриднева.

Появляется и внутрироссийский опыт (см. «Ведомости» от 31 октября 2014 г.): «Белгородские налоговики восстановили контроль за расходами. Они взыскивают НДФЛ со стоимости купленного имущества, если официальных доходов у человека нет. Суды позицию поддерживают».

Необходимо также ратифицировать Статью 20 «О незаконном обогащении» Конвенции ООН «О противодействии коррупции», которую Россия ратифицировала в 2006 году, но без Статьи 20. Глядишь, и коррупции станет меньше – ведь иметь доход и его не тратить практически невозможно. А тратить опасно. Сегодня, по меньшей мере, с половины официальных доходов НДФЛ и социальные взносы не платят.

Посмотрим, что получил бы российский бюджет при прогрессивной шкале, если считать доходы, опираясь лишь на представленные налоговые декларации за 2013 год.

Если с дохода свыше 10 млн. руб. в год брать НДФЛ по ставке 50% (как в Англии или Израиле, см. табл. 6), то только с декларируемых доходов бюджет получит дополнительно около 1,0 трлн. руб. (см. табл. 3).

Таблица 3

Дополнительные доходы бюджета при прогрессивной шкале НДФЛ2

Годовой доход в 2013 году согласно декларациям	Число граждан с указанным годовым доходом	Средний облагаемый доход (40% от макс. дохода) (млн. руб.)	Общий доход, млн. руб.
От 10 до 100 млн. руб.	25 380	40,0	1 015 200,0
От 100 до 500 млн. руб.	3856	200,0	441 200,0
От 500 до 1 млрд. руб..	528	400,0	211 200,0
Свыше 1 млрд. руб.	361	1400,0	505 400,0
ИТОГО	30 125 чел. (0,02% населения)		2 173 000,0
Доп. НДФЛ 1.086,5 млрд. руб.			

Но декларируют лишь то, что трудно утаить. А если ввести нормальную среднеевропейскую шкалу подоходного налога и выявлять доходы так, как это принято в развитых странах, наш бюджет получит дополнительно 2,0–3,0 трлн. руб. При этом, более половины населения будут освобождены от уплаты налогов, а повышение налоговой нагрузки коснется лишь незначительной его части.

С учетом мирового опыта и российского менталитета мы предлагаем на первом этапе подоходный налог со ставкой 13% оставить для дохода до 250 тыс. руб. в месяц. Минимальный необлагаемый налогом доход должен быть хотя бы 15 тыс. руб. в месяц, как в Китае, при том, что ВВП на душу населения в Китае в 2 раза меньше, чем в России.

В Бразилии не облагают подоходным налогом 24 тыс. руб., в странах Европы – около 30,0 тыс. руб. в месяц. Для дохода от 250 тыс. до 1 млн. руб. мы предлагаем ставку налога 30%; свыше 1 млн. руб. в месяц – 50% (как, например, в Англии, Израиле и др.; в Китае – 45%, в Швеции – 57%, в Дании – 65%; в США сейчас – 39,6% с годового дохода свыше $400 тыс., но с 1934 по 1964 год максимальная ставка была от 75% до 91%).

Благодаря необлагаемому налогом доходу в 15 тыс. руб. в месяц, снижение налоговой нагрузки почувствует большинство россиян, и лишь около 1% должны будут платить повышенный налог.

Российского среднего класса предлагаемая шкала не коснется. Месячная зарплата 250 тыс. руб. по всем меркам выше доходов среднего класса. И никто никуда не убежит – все, что можно вывести за рубеж, выводится и при сегодняшней ставке. К тому же большие зарплаты получают менеджеры госсектора, который дает более половины ВВП в России.

И делать это нужно в кратчайшие сроки, не ожидая окончательного разрушения промышленности и больших социальных проблем.

[1] Франция по требованию Генеральной прокуратуры РФ наложила арест на имущество Березовского // Первое антикоррупционное СМИ. 2014. – 26 июня. – http://pasmi.ru/archive/108018

[2] Россиян, зарабатывающих по 10 млрд. руб. в год, осталось всего десять. – http://top.rbc.ru/economics/27/09/2013/879439.shtml

Белозерова С.М.
д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН
stalina@smtp.ru

ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАЗВИТИИ НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *промышленность, стратегия, инновации, управление, интересы, мотивация, кадры, социальное регулирование, социально-экономические отношения.*

В современных условиях особое значение приобретает поиск эффективных форм влияния государства на регулирование процессов, связанных с внедрением новых технологий и трансформационными переменами в производственных процессах предприятий, а также включенностью работников в эти преобразования. Соответственно, обозначается потребность в формировании новых экономических и социальных отношений как в области производства, так и в сфере труда. Поскольку от взаимодействия работников и их заинтересованности в проведении преобразований будет зависеть успех модернизации и освоение инноваций. Для этого очень важно определить сущность содержания трудовых отношений и влияние на их формирование правовых отношений со стороны государства. Не менее важно определение условий экономической среды, отношений собственности и учета других изменений в характере производства, влияющих на интересы взаимодействующих сторон. При этом надо учитывать не только личные интересы работника, но в равной мере и интересы работающего коллектива как в сфере достижения результатов на предприятии, так и в обеспечении условий для жизнедеятельности и сохранения работоспособности всех участников производственного процесса.

Различные условия экономического, технического, социального развития страны на разных исторических этапах ее развития предопределяли характер изменений социальных процессов в сфере труда, соответственно менялся характер регулирования трудовых отношений. В широком понимании «система комплекса условий», формирующая отношение к труду, включает всю совокупность элементов (технических, экономических, эргономических, социальных, инновационных и др.), взаимно влияющих на процесс организации труда и управленческие решения.

В связи с этим, согласно теории управляющих систем, некоторые специалисты предлагают выделять «производные и функциональные подсистемы», а предприятия рассматривать как «социотехническую систему сложного рода»[1]. При этом предлагается учитывать форму собственности предприятия, поскольку в зависимости от неё будет формироваться функциональная система управления как относительно производства, так и по отношению к работнику. Если принять эту точку зрения, то целесообразно выстроить иерархию интегрированных подсистем, прямо и косвенно связанных с человеком в выпуске продукции, стимулировании труда и инноваций, безопасности условий труда, социальной защищённости и т.д. Любая подсистема предполагает взаимовыгодное сотрудничество, максимальную отдачу физических и интеллектуальных способностей в достижении результативности труда. На основе полной интегрированности межфункциональных связей формируется сложная не только социотехническая, но и многомерная социально-экономическая система, обусловленная интересами развития общества. Эта система, как и любая другая, представляя единый организм социально-экономического функционирования предприятия с занятой численностью работников, подвержена влиянию внутренних и внешних факторов экономической и даже политической среды, которые оказывают давление на взаимоотношения в производстве и поведение работников. Влияние внутренних факторов на формирование трудовых отношений обусловлено, прежде всего, наличием правовых положений в отношении статуса работника. В современных условиях положение работника определяется характером акционирования, степенью государственного участия, развитостью производственной демократии. При этом важно учитывать уровень применяемых технологий, условия и степень комфортности производственной среды, а также степень удовлетворения личных интересов работника в реализации индивидуальных ожиданий.

Влияние внешних факторов на предприятие и формирование в нем трудовых отношений проявляется через воздействие их на экономическую среду, которая формируется условиями финансовой, инвестиционной, таможенной и налоговой политики, содействующих производству конкурентной продукции. Конечно, чтобы экономическая среда ускоряла развитие экономических и социальных отношений в сфере труда, существенное значение имеет создание предпосылок в самом предприятии. При этом основная роль принадлежит государству в решении задач инвестирования и освоения новых технологий, в том числе предоставление дешёвых кредитов для оборотных средств, необходимых для обновления производства и т.д. Некоторые регионы эти проблемы решают самостоятельно (Новосибирская, Омская и др. области).

[1] См.: Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». – М.: Институт экономики РАН, 2000. – С. 277–280.

Не меньшее значение в инновационном развитии имеет проведение государственной политики по защите интересов работника в области повышения качества жизни, Создание благоприятной экономической социально-правовой среды, максимально учитывающей интересы работника и предприятия – процесс длительный и сложный. Быстрый переход от планово-административной системы к условиям реформирования сопровождался отсутствием необходимых законов; слабой разработкой многих правовых документов «рамочного» характера для правил поведения между хозяйствующими субъектами и финансовыми структурами, работниками и работодателями, а также отсутствием правил поведения в трудовых и производственных отношениях. В рыночных условиях продолжали действовать правила советской системы, что противоречило требованиям рыночных отношений.

В этом «несовершенстве» действующей системы экономической среды и правового поля переходной экономики оказался человек как исполнитель трудового процесса с его гражданскими правами, профессиональными способностями и свободой выбора. Встроенный в систему новых экономических отношений, он резко реагировал на «сбои» в деятельности предприятия, происходящие под воздействием внутренних и внешних факторов. Причём, реакция на «отклонения» от нормы сопровождалась не только протестным поведением, но и увольнениями «по собственному желанию». К числу причин, вызывающих протестное поведение, рабочие относили: «несправедливое распределение собственности», «низкую зарплату», «задержки в выплате зарплаты», «невнимание администрации к условиям труда» и другим составляющим процесса организации жизнедеятельности человека, характерным для прежнего производства[1]. Все это проявлялось в снижении мотивационного механизма, оттоке кадров, в падении производительности труда и длительной «незаполняемости» вакансий.

Анализ проблем в формировании трудовых отношений требует не только учёта влияния внешних и внутренних факторов на отношение к труду. В равной мере необходим анализ социально-экономических аспектов, связанных с функциональной деятельностью самого человека, определением условий, при которых возможна мобилизация его социальной активности. В связи с этим, определённый интерес представляет опыт формирования социальной активности на разных этапах экономического развития в прежней советской системе, когда даже в условиях разрухи и технической отсталости на ранних этапах развития страны удавалось не только преодолеть безработицу, но и преодолеть негативное отношение к труду. В отдельные периоды страна достигала высоких производственных показателей на основе энтузиазма рабочих.

С этих позиций особый интерес представляет исследование эволюции экономических и социальных отношений в сфере труда и механизмов их регулирования в отечественной промышленности с 1920 по настоящее время. При анализе процессов формирования современных социально-трудовых отношений необходимо учитывать, что они трансформируются из базисных экономических отношений прежней «советской» системы хозяйствования. В условиях реформирования экономики они оказались наиболее устойчивыми и практически не изменились даже при отмене общественной собственности. Более того, они продолжают сохранять установки и традиции, которые в течение многих десятилетий в прошлой системе господствовали на предприятиях и поддерживались государством.

Изучение исторического опыта показало, что государство на разных этапах, в сложные периоды становления и экономического развития преодолевало кризисные ситуации благодаря именно регулированию социальных процессов в трудовых отношениях. При этом наряду с мерами положительного воздействия на интересы работников, нередко использовало жесткую «принудительность» в исполнительской дисциплине. В отдельные периоды это сопровождалось увеличением продолжительности рабочего дня, ростом интенсивности труда, отменой отпусков и даже введением «трудовой повинности». И лишь достигнув намеченных рубежей в экономике, либо сталкиваясь с нарастанием необратимых социальных последствий, связанных с состоянием снижения работоспособности – государство принимало меры регулирующего характера, которые выступали в роли ограничителей и содействовали охране здоровья человека, восстановлению способности к труду.

Регуляторами социальных процессов служили своеобразные «индикаторы» – фактические отклонения от средне-нормативных показателей, сложившихся в сфере социально-трудовых отношений. Если отклонения носили массовый характер и наблюдались на большинстве промышленных предприятий, и при этом снижалась эффективность труда, то государство предпринимало корректирующие меры[2].

Вместе с тем, следует отметить, что отдельные периоды экономического подъёма характеризовались очень высокими результатами труда. Поэтому определённый интерес представляет анализ системы мер экономического и социального характера в эти периоды, которые оказывали влияние на положительную трансформацию отношения к труду.

Особенно такое влияние проявилось в первые годы после Октябрьской революции. Первые годы национализации промышленности характеризовались повышенной активностью рабочих в преобразовании предприятий. Став хозяевами заводов, рабочие, прежде всего, реализовали достигнутую победу над капитализмом путём сокращения рабочего дня. Таким образом, рабочие как бы реализовали свои надежды на новую организацию труда. Для изменения ситуации по увеличению выпуска продукции на предприятиях государство в директивном порядке вводит регулирующие меры: увеличивает рабочий день, сокращает отпуска. Возросший рост напряженности труда при увеличении границ рабочего дня и отсутствии отпусков – проявился в росте заболеваемости.

---

[1] «Метод ЦИТ» по выявлению и использованию резервов в машиностроении // ЦИТ и его методы НОТ. – М.: Экономика, 1970. – С. 187–192.

[2] Струмилин С.Г. Рационализация труда и сверхурочные работы // Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 1982. – С. 51.

В результате правительство вынуждено было принять меры и восстановить 8-часовой рабочий день. В течение 1922–1928 гг. были изданы новые законы о труде, рабочим устанавливалось право на отпуск до 13 дней[1]. При этом неявки уменьшились с 27–30 дней до 5–7 дней в год, а заболеваемость снизилась с 17 до 10 дней[2]. Более того, в этот период восстанавливаются расценки и денежные премии. Это положительно повлияло на отношение к труду. В результате производительность труда в этот период возросла почти в 2,5 раза.

Следует отметить, что в период формирования новых трудовых отношений (в 1920–1930 гг.) практиковался учет показателей, характеризующих индивидуальные условия работы и способности работника. В его индивидуальную тарифную карточку включались надбавки: за «изношенность станка», за «худое сырье», за «худое питание», за «интенсивность сдельной работы». Кроме того, в карточку рабочего вводились индивидуальные коэффициенты доплат за «квалифицированность труда», «тяжесть», «вредность», «выучку», «техническую приспособленность» работника и его дисциплинированность[3]. Для дальнейшего роста производительности труда, по предложению Председателя Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР В.В.Куйбышева вводятся поощрительные формы оплаты труда. В результате повысилась заинтересованность рабочих в увеличении норм выработок. Уже в начале 1924 году им был резко поставлен вопрос о росте заработной платы для решения задач производительности труда. Он это обосновал «как одно из важнейших средств, направленных на повышение производительности труда и заинтересованности рабочего в улучшении работы предприятий»[4].

Таким образом, было введено признание «личного интереса» и утверждался приоритет живого труда в достижении экономического восстановления страны. В трудовых отношениях повысилось значение показателей индивидуального труда с учетом квалифицированности и работоспособности. Решение этих вопросов нашло отражение в создании поощрительных вознаграждений для индивидуальных работников и систем оплаты для коллективных групп в цехах, на предприятиях и в учреждениях[5]. Следующий этап в изменении отношения к труду можно было бы связать с развитием коллективного и кооперативного труда. Мобилизация трудового энтузиазма принимала государственный характер.

Постепенно все формы собственности (коллективной и кооперативной) на практике приняли форму абсолютной государственной собственности. Абсолютизация государства проникла во все формы трудовых отношений. Это было закреплено Конституцией СССР 1936 года. Одновременно были установлены нормы в регламенте труда и нормы отпуска для разных профессий, что значительно повысило работоспособность. В условиях дальнейшего развития индустриального производства и последующего роста технической вооруженности труда произошло смещение акцента с результатов учета индивидуального труда к учету достижений высоких показателей коллективов предприятий, при этом за пределами внимания оставались индивидуальные интересы самого работника.

Вместе с тем, следует отметить, что в сложные периоды своего развития, как и в экстремальных ситуациях периода 1941–1945 гг. правительство принимало меры по изменению границ рабочего времени и повышению интенсивности труда. Более того, значительно возросли личные инициативы в повышении производительности труда и решении производственных задач. Особенно это характерно для периода 1941–1945 гг. и восстановительного периода 1945–1955 гг.[6] В этих периодах отмечается высокий рост напряженности туда, увеличивается заболеваемость, но при этом не отмечается прогулов и неявок. Постепенно условия труда нормализуются, восстанавливается предоставление отпусков.

В дальнейшем государство принимает меры к улучшению положения человека на производстве и формально многие мероприятия были как бы направлены на улучшение условий труда, но в то же время в государственных мерах приоритет принадлежал «интересам производства». Достаточно обратить внимание на условия перехода на 7-ми часовой рабочий день в 1957 году. Сокращение продолжительности рабочего дня предусматривало сохранение набранных темпов работы – «без снижения производительности труда, рассчитанной на 8-ми часовой рабочий день». Такой же переход был осуществлён и на 5-ти дневную рабочую неделю в 1967–1968 годах. Он предусматривал «сохранение заданий 6-и дневной рабочей недели и повышение достигнутой производительности труда в течение 41 часа».

Рост промышленной продукции в последующие годы фактически обеспечивался за счет сверхнормативного рабочего времени (в условиях 6-ти дневной рабочей недели с продолжительностью рабочего дня 8–9 часов). Это содействовало падению часовой выработки, росту потерь по заболеваемости и проявлялось в снижении мотивации.

Снижению мотивации содействовал и механизм стимулирования, созданный в 1964–1965 годах. К середине 70-х годов он принял гипертрофированные формы давления на интересы человека с мизерным вознаграждением за достигнутые результаты. На предприятиях разрабатывалось до 30–35 положений о стимулировании производительности труда и качества продукции[7]. Формализм в оплате привёл к формальным отношениям в труде. Участились приписки. Многие процессы в организации производства и оплате труда приняли теневой характер. Личные интересы работников всё более отдалялись от производственных и государственных интересов.

---

[1] Рыков А.И. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 27.

[2] Декрет Совнаркома от 20 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» // КПСС в резолюциях и решениях съездов. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 3. – С. 233.

[3] Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам Т. 1. – М.: Политиздат, 1964. – С. 8.

[4] Там же, с. 9.

[5] Белозерова С.М Социальные процессы в сфере труда и проблемы социальной политики. – М: ИЭ РАН, 2008. – С. 73.

[6] Пленум ЦК ВКП (б) О политике заработной платы // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – М.: Политиздат,1970. – Т. 3.

[7] ЦИТ и его методы НОТ. – М.: Экономика, 1970.

Последующие попытки государства в конце 70-х годов увязать процессы планирования с совершенствованием хозяйственного механизма и укреплением дисциплины на производстве не принесли успехов. Лишь с середины 80-х годов принимаются меры по изменению социально-экономических условий развития промышленности и интенсификации производства во взаимосвязи с совершенствованием форм управления, в том числе организации и стимулирования труда. Однако при этом возникли противоречия в реализации мер государственного регулирования. С одной стороны государство провозглашало осуществление научно-технической реконструкции народного хозяйства и преобразование материально-технической базы промышленности, предоставив предприятиям инициативу в развитии предприимчивости на основе введения хозрасчёта.

С другой стороны, в условиях планового ведения хозяйства и централизованной системы распределения, оно вынуждено было ограничивать рост заработной платы. Это нашло отражение в знаменитом Постановлении № 1115 (Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 17.09.1986 «О совершенствовании организации заработной платы и введении новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства»)[1]. Оно наиболее полно отражало интересы государства и сохраняло методы прямого административного воздействия на управление экономикой предприятий. Таким образом, при реализации прав предприятий в стимулировании труда и наращивании выпуска продукции, они были ограничены действующими принципами планомерности производства в пределах заданных показателей. Это проявлялось в «затоваривании» производств и отражалось в заработках рабочих, что непосредственно затрагивало их интересы.

В этот период особо сложные процессы обозначились в сфере труда. Выход был найден в «новом хозяйственном механизме», основанном на хозрасчете (1987 г.) В нем предусматривалось расширение прав предприятий в сбыте продукции, введение прогрессивных форм организации труда и участие работников в решении производственных задач. Такие меры повысили интерес к труду. Возросшая социальная активность рабочих вызвала к жизни развитие коллективных форм организации и оплаты труда, а также развитие демократии на производстве в виде органов самоуправления. Это проявилось в повышении мотивации рабочих к достижению высоких результатов труда. Наиболее активно новые формы производственной демократии (на первых этапах) создавались в производственных кооперативах, «дочерних» предприятиях крупных промышленных объединений. Постепенно они утратили свои качественные преимущества, превратившись в «каналы» оттока государственных средств головных предприятий и источники теневой экономики, поскольку для них не предусматривалось выделения различных фондов материально-технического снабжения из государственных ресурсов. В равной мере не существовало и свободного рынка для сбыта их продукции. Развитие нового хозяйственного механизма требовало новых экономических отношений и создания правовой среды для них.

Отмечая последнюю фазу в развитии трудовых отношений в предреформенный период (примерно со второй половины 80-х годов до середины 1992 года) следует отметить повышение социальной активности в трудовых отношениях, особенно обозначившихся в условиях коллективной организации труда. Известное распространение опыта «бригадной организации труда», «коллективного подряда», работы на «единый наряд» и других форм, прежде всего, характеризовалось возросшим коллективизмом, вовлечением работников в самоуправление, повышение самодисциплины и самоконтроля.

Именно в условиях коллективной организации труда обозначились процессы по переходу на эффективный труд. В бригадах в первую очередь избавлялись от «лишних» рабочих рук и формально занятых специалистов, в то же время поощрялись достижения индивидуального труда (на основе «бригадных» коэффициентов). Это не только повышало интерес к труду, но и проявлялось в инициативе по совмещению операций, зон обслуживания и должностных обязанностей, поскольку позволяло увеличить заработок за счёт высвобождающихся работников. Следует отметить, что в этот период (1988–1990 гг.) в промышленности увеличивается интенсивность труда, и отмечаются наибольшие темпы прироста «дневной» выработки, одновременно растут потери по заболеваемости и травматизму. Однако это не снижает мотивации к труду, поскольку растут заработки рабочих.

Дальнейшее развитие коллективизма уже простиралось за рамки бригад и распространялось на всю производственную систему. Требовалось решать проблемы обновления фондов, технологий, качественного роста рабочей силы, новых подходов к оплате труда в смежных производствах и т.д. Вместе с тем, наметившаяся демократизация отношений в виде начал самоуправления в условиях хозрасчёта, как и коллективные формы организации труда, оказалась в противоречии с традиционными методами руководства административно-командной системы. Администрация предприятий не была заинтересована в широком распространении полномочий коллектива, в том числе и в области финансовой деятельности. Административные ограничения самоуправления хозрасчётных бригад цехов подразделений в итоге привели к росту формализма, отстранённости коллективов от принятия решений.

Наиболее сильно разобщение управленческой администрации и рабочих коллективов проявилось в 1992 г., т.е. начальный период реформирования экономики: акционирования и последующей приватизации предприятий. Переход к частной (акционерной) собственности при отстранении рабочих от управления производством привел к снижению качества трудовых отношений. Возникли противоречия в присвоении результатов труда. С одной стороны на предприятиях усилились элитарно-корпоративные тенденции в присвоении прибыли. С другой стороны в рабочих коллективах, при отстранении от собственности, на почве «бартера», «недоплат» – усилилось снижение интереса к результатам труда и росту его производительности.

[1] Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС №1115 «О совершенствовании заработной платы». – Doc.ussr/usr-13494.htm

Анализ деятельности предприятий в условиях реформы показал, что в новых экономических условиях произошла глубокая деформация экономических и социальных отношений в сфере труда. Кроме того, в этот период резко сократилась социальная деятельность предприятий. Основная часть утрат была связана с ошибками в экономической политике со стороны Минфина РФ и отраслевых министерств. Другая часть связана с сокращением социальных затрат по решению администрации предприятий и «сбросом» инфраструктуры в условиях выживания.

Главная же причина заключалась в приостановке деятельности государства в области контроля использования труда на предприятиях, поскольку уход государства из сферы труда был обусловлен переходом к новым формам собственности. Он предусматривал невмешательство государства в экономическую и финансовую деятельность предприятий. Последствия такого «невмешательства» проявились в решении Минфина «Об отказе индексации оборотных средств» (февраль 1992 г.). Это решение создало трудности в производственной деятельности, ограничило выпуск продукции и снизило заработки рабочих, одновременно ухудшились взаимоотношения рабочих с администрацией предприятий.

Дальнейшее ухудшение условий в оплате и стимулировании труда, социальной защищенности работников было связано с реорганизацией финансовых фондов предприятий по решению отраслевых министерств. В апреле-мае 1992 г. отраслевые министерства приняли временное Положение о создании фонда потребления. В разосланных инструкциях «О составе средств, направляемых на потребление» предусматривалось объединение фонда оплаты труда, фонда материального поощрения и фонда социального развития. Для компенсации растущей инфляции предприятиям разрешалось вводить поправочные коэффициенты к действующей оплате труда (в размере 1,5–2 для рабочих, специалистов, руководителей).

Исследования на предприятиях показали, что в последующие годы эти коэффициенты приняли произвольный характер и предназначались для руководителей высшего звена. При создании «фонда потребления» были утрачены финансовые средства на «социальное развитие», «профессиональную подготовку кадров», «рекреационную деятельность» и другие социальные расходы. Другое ошибочное решение министерств было связано с преобразованием «фонда развития производства» в «фонд накоплений», который предназначался для расширения финансовых и валютных операций. Вместо обновления основных фондов и освоения новых технологий, предприятия предпочитали заниматься финансовыми и валютными операциями. Расширение финансовой деятельности ухудшило материальное и социальное положение работников, но увеличило получение доходов на предприятиях от «не основной деятельности». Это заставило администрацию ограничить доступ работников к информации о результатах деятельности предприятий и послужило главной причиной к упразднению различных форм участия работников в управлении производством.

Коллективные интересы работников уступили место узко индивидуальным интересам собственников предприятий. В результате не сформировались социальные отношения, соответствующие индивидуальным интересам наемного труда. Закрытость информации от трудовых коллективов о доходах предприятий позволяла использовать теневые каналы распределения, минуя интересы работников предприятий. Многолетнее отсутствие регулирования социальных отношений в области труда обернулось массовым оттоком кадров, утратой квалифицированных рабочих промышленности, снижением мотивации к труду и длительной незаполняемостью вакансий в производстве.

По мере реформирования экономики многие процессы обострились под давлением и внешних, и внутренних факторов а, главное, проявились в снижении социального положения работника и отстранении его от управления. Снижение социального статуса в условиях ограничения прав доступа к информации и низкой оценки труда не могло не проявиться в снижении качества трудовых отношений. Ущемление экономических прав, низкая зарплата, рост интенсивности труда в условиях социальной незащищённости работников на предприятиях – снизили привлекательность труда в промышленности, и это проявилось на «непритоке» молодых кадров.

Социальные процессы в сфере труда на современном этапе развития экономики характеризуются сложными процессами в использовании труда, постарением персонала, нарастанием дефицита квалифицированных кадров, длительной незаполняемостью вакансий, снижением мотивации к труду на промышленных предприятиях. В этой ситуации особенно остро обозначается необходимость регулирования экономических и социальных отношений в сфере труда, решение сложных проблем в области повышения привлекательности к занятости в промышленности. Для этого нужна система преобразований во всех действующих производствах.

В практике преобразований должна быть проведена корректировка государственной политики по формированию новых принципов взаимоотношений на производстве как на старых индустриальных предприятиях, так и на вновь создаваемых или модернизируемых. Сегодня можно вести речь о двух направлениях в практике регулирования и формирования новых взаимоотношений.

Первое направление связано с совершенствованием организации системы оплаты труда на действующих индустриальных производствах, поскольку на их долю приходится около 90% предприятий.

Второе заключается в формировании новых принципов организации и оплаты труда на предприятиях с инновационными технологиями. В современных условиях их пока около 10%. Однако с учетом задач преобразований в ближайшие годы их число значительно возрастет и это потребует радикальных перемен в сложившихся традициях социально-трудовых отношений. Принципы их формирования будут отличаться от соответствующих принципов в индустриальном производстве.

В индустриальных предприятиях должна, прежде всего, возрасти роль компенсационных надбавок за вредные и тяжелые условия труда, интенсивность, высокий износ оборудования, сверхнормативные затраты рабочего времени. На этой основе возросли процессы интенсификации труда, усилился износ рабочей силы. Поэтому величина компенсационных доплат должна основываться на возмещении стоимости затрат рабочей силы (исходя из стоимости жизни

работника), степени интенсивности труда и качества производственной среды. В этом отношении полезен опыт 20-х годов по практике «использования индивидуальных коэффициентов надбавок», в том числе: за «квалификацию», «плохие условия труда», «интенсивность работы», «износ оборудования» и т.д.

Для предприятий с новыми технологиями, на наш взгляд, должны быть иные подходы к системе формирования социальных и экономических отношений. В условиях инноваций, прежде всего, необходимо полнее учитывать изменение функций человека в содержании труда. От исполнительских функций, заданных и регламентированных в условиях индустриального производства, работник переходит к новым функциям «контроля», «регулирования» и «ответственности» в сложных технологически взаимодействующих системах предприятия. Изменение содержания труда при использовании новых технологиях требует другого уровня компенсаторных условий, значительно отличающегося от «компенсаций» индустриального производства, поскольку в новых технологиях значительно возрастают нагрузки на сердечнососудистую, нервную системы человека, а также повышаются требования к обновлению знаний. Соответственно должны проектироваться новые правила обеспечения затрат для поддержания соответствующего уровня в работоспособности и сохранении здоровья работника.

В мировой практике управления производством в последние несколько десятилетий учитывается изменение содержания труда в постиндустриальном производстве. Наряду с ростом оплаты труда и увеличением компенсационных доплат и выплат из прибыли в развитых странах применяется практика социального восстановления и компенсации свободным временем, либо введение гибких графиков работы. В этих условиях широкое распространение получила практика развития восстановительной медицины и повышения социальных расходов предприятий на повышение качества жизни работника и обновление знаний.

В оценке труда развитых стран полнее учитывается влияние работника на управление технологией и получение прибыли. Поэтому в этих странах особенно актуальной стала задача определения содержания государственной политики по «социальному регулированию». Она должна формироваться на основе законодательства, нормативных актов, федеральных и региональных программ с обоснованием путей развития новых экономических и социальных отношений, способствующих инновационным преобразованиям. Дальнейшее игнорирование интересов человека в сфере труда может негативно проявиться в реализации задач инновационного развития и создать очередную систему ошибок и просчетов в экономике страны, как это было на начальном этапе реформирования 90-х годов. Обеспечение эффективной занятости на промышленных предприятиях возможно лишь на основе конкретного анализа экономических и технических изменений в содержании труда, более полного учета функциональной нагрузки работника. Такой комплекс проблем нуждается в глубоком анализе происходящих изменений в сфере труда, разработке новых механизмов регулирования трудовых отношений, в том числе использования опыта развитых стран, освоивших новые формы «социального регулирования» при переходе к постиндустриальному производству. С этой целью необходимо использовать опыт развитых стран по регулированию социальных процессов как на старых производствах, так и в условиях модернизации, в том числе по формированию новой мотивации, повышению социальной активности в условиях развития производственной демократии, привлечению работников к управлению предприятием.

Коренным преобразованиям подлежат организация оплаты труда и системы стимулирования, в которых должны найти отражение варианты «рабочей собственности» или «участия в доходах», «прибылях» предприятий. Для ускорения освоения новых технологий и управления современной экономикой могут потребоваться меры мобилизационного характера и новые ориентиры социальной политики. Поэтому в стратегии и тактике преобразований уже на современном этапе необходима корректировка социальной политики в сфере труда, в том числе и решение комплекса задач по регулированию сложных социальных процессов в использовании труда, как на новых, так и на старых производствах. В условиях частной собственности эти проблемы в директивном порядке не решить. Необходимы рыночные и законодательные механизмы регулирования экономических, социальных и правовых отношений в сфере труда с учётом международного права.

В целом государственная политика в области трудовых отношений должна защищать человека на рабочем месте независимо от форм собственности. Гарантированность такой защиты работника позволит повысить мотивацию к труду, восстановить трудовую активность в сфере промышленного производства, а главное повысить эффективность индивидуального и коллективного труда в условиях предстоящих инновационных преобразований.

Беляков А.А.
д.э.н.
Туруев И.Б.
д.э.н., профессор

О НЕОБХОДИМЫХ СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМАХ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *российская экономика, структурные реформы, импортозамещение, жилищное строительство.*

Очевидно, что «правильные» структурные реформы, прежде всего, должны быть основаны на существенном повышении внутреннего платежеспособного потребительского и инвестиционного спроса на отечественные товары.

Повышение внутреннего спроса и увеличение объема инвестиций – условия безальтернативные. Рассчитывать, например, на увеличение *внешнего* спроса на отечественную готовую продукцию (кроме сырьевых товаров) никак нельзя. Пока мы не можем наладить даже импортозамещение зарубежной продукции, как же можно говорить об увеличении экспорта отечественных товаров, ну а без дополнительных и точно направленных инвестиций невозможно создать механизмы увеличения внутреннего спроса. Инвестиции – основа любых структурных преобразований.

Для реализации структурных реформ и освобождения экономики от сырьевой зависимости необходима концентрация имеющихся инвестиционных ресурсов в тех сферах – точках роста экономики, которые способны обеспечить максимальное приращение внутреннего платежеспособного спроса на отечественные товары.

Рост внутреннего спроса именно на отечественные товары принципиально важен. Если платежеспособный спрос будет по-прежнему обращен на импортную продукцию, то экономический эффект от продаж своих товаров получат зарубежные экономики. Российские деньги за импорт будут работать на эти экономики, увеличивая ВВП зарубежных государств. Вот, в частности, почему так важно импортозамещение.

Но одного импортозамещения не достаточно. Замещать весь импорт Россия не может. Значительная часть нашей продукции не конкурентоспособна и требует для промышленного освоения огромных капитальных вложений и новых технологий, которых у нас нет.

Необходимо резкое увеличение объемов отечественной продукции, пользующейся спросом внутри страны. Увеличение внутреннего спроса на отечественные товары и инвестиций – основное и необходимое условие структурных реформ.

Ошибочно искать пути выхода из кризиса только в импортозамещении, увеличении экспорта отечественной продукции высокой обработки, в росте иностранных инвестиций, а также в безграничной кредитной эмиссии, повышении мировых цен на нефть, снижении ключевой ставки и инфляции и т.д. Это только достаточные условия преобразований.

В импортозамещении же следует сосредоточиться пока на главном и наиболее доступном для наших условий – замещении зарубежной продукции сельского хозяйства, продовольствия. В этой сфере мы вполне конкурентоспособны и обладаем необходимыми ресурсами.

Другим важнейшим критерием «правильных реформ» является вхождение экономики в режим самопроизводства устойчивого роста, заинтересованность в преобразованиях основной массы населения и большего числа хозяйствующих субъектов различных форм собственности, включая малый бизнес. Реформы должны быть масштабными, охватывать всю экономику, все отрасли, использовать все располагаемые финансовые ресурсы.

Возможное повышение спроса на продукцию отечественного ВПК со стороны государственного бюджета всеобъемлющего экономического эффекта не создаст. То же можно сказать о различных крупных инфраструктурных проектах, финансируемых в основном за счет бюджета. Во-первых, не задействуется потенциальный большой платежеспособный потребительский спрос со стороны населения (а в сбережениях населения, включая банковские счета, находится, по оценке, свыше 23,0 трлн. руб.). Кроме того, в сфере госзаказа, включая оборонный, участвует только ограниченное число хозяйствующих субъектов, в ней практически не представлены предприятия малого бизнеса. Подобное приращение внутреннего спроса на отечественную продукцию (в данном случае – ВПК) никак нельзя назвать масштабным. Оно не создаст в экономике большого развивающего (мультипликативного) эффекта.

Как можно в наших условиях резко увеличить внутренний спрос на отечественные товары, вовлекая в эту сферу миллионы домашних хозяйств и хозяйствующих субъектов, десятки миллиардов рублей?

Ответ может быть только один: Это развитие в стране массового малоэтажного пригородного строительства на основе недорогих типовых проектов.

Строительство – отрасль, способная сама по себе дать экономике максимальный мультипликативный эффект. Оно тесно связано со всеми другими сферами национальной экономики – от машиностроения до кредитно-финансовой системы и потребительской сферы (жилищная и земельная ипотека).

Во-вторых, на жилье, а уж тем более на собственный дом с небольшим садиком-огородом, в России существует колоссальный спрос, способный при соответствующей банковской кредитной поддержке вовлечь в сферу малоэтажного строительства триллионы свободных денежных средств и накоплений.

В большинстве развитых стран мира рынок малоэтажного жилья, жилой недвижимости является базисом национальных экономик. С этого рынка начинаются мировые кризисы, им же они заканчиваются. В России этот сектор практически отсутствует. Между тем именно он составляет основу социально-экономического развития: улучшения демографии, зримых «вложений в человеческий капитал», повышения мотивации труда и роста эффективности экономики.

В третьих, в сфере жилищного строительства наша страна располагает всеми необходимыми материальными ресурсами, начиная с земельных участков и заканчивая лесом, а создаваемая в итоге продукция при минимуме капитальных вложений может быть конкурентоспособной даже по мировым меркам. Для того же чтобы создать конкурентоспособную экспортно-ориентированную экономику, работающую на внешний спрос, России нужны десятки лет и триллионы долларов. И не факт, что получится, как например, получилось у Китая, Кореи и т.д. Слишком велико отставание России от мирового технологического уровня, у населения утрачены многие трудовые навыки.

За счет массового жилищного строительства осуществится необходимое «переключение» внутреннего платежеспособного спроса с импортной высокотехнологичной продукции на отечественную, пусть не столь технологичную, но жизненно важную для населения. Строительство и продажа жилья будут двигателем экономического роста и реального импортозамещения.

На основе массовой малоэтажной жилой застройки, пользующейся большим спросом, создадутся условия для повышения сбалансированности внутреннего финансового и валютного рынков: предотвращения резкого снижения курса рубля и роста инфляции, поскольку в экономике резко увеличится товарная масса.

Малоэтажная пригородная жилая застройка должна быть комплексной. Жилая застройка должна сочетаться с развитой инфраструктурой и производственными площадками для небольших промышленных, сервисных и сельскохозяйственных предприятий (в том числе: ферм, пастбищ, теплиц и т.д.), а также социальных объектов, необходимых административных зданий.

Население пригородной малоэтажной застройки, кроме возможности трудоустройства, должно получать полный комплекс услуг – от медицинского обслуживания до услуг районной налоговой инспекции.

Такой подход дает дополнительные возможности для ускоренного развития в стране малого и среднего бизнеса, разгрузки российских крупных городов от избыточного трафика и перенаселенности.

Малоэтажное жилищное строительство при выполнении ряда дополнительных условий (например, поддержания достаточно низкого курса рубля) придаст мощный импульс развития отдельным отраслям отечественного машиностроения, подведет институциональную базу для роста числа малых и средних производств, развития промышленности стройматериалов, отраслей сельского хозяйства, лесной, мебельной промышленности, быстрого развития в стране альтернативной возобновляемой энергетики (которой сегодня в России нет).

На основе предлагаемой модели развития в России постепенно сформируется «параллельная» экономика с быстро растущим малым и средним бизнесом и комфортная для жизни людей.

При надлежащей организации и финансировании государством необходимых затрат на проведение предлагаемых структурных реформ **создание предлагаемой модели экономики займет 5–6 лет, но по истечении этого срока налоговая база экономики возрастет на 10–15% а темпы экономического роста способны достигнуть 4–5% в год.**

Никакой другой вариант структурных преобразований не даст столь значимых социально-экономических результатов. Хотя, строго говоря, правильнее говорить не о реформах, а о достижении нашей развивающейся экономикой общепринятых мировых социально-экономических стандартов.

Когда в 90-х годах из советской экономики пытались сделать подобие «рынка», то забыли вложить в него нечто важное. Решили, что рынок способен все отрегулировать все сам, а он не может. Нужна помощь государства. В результате рыночная экономика получилась в России кривой, нежизнеспособной, асоциальной. Пришло время отдать долги, иначе можем вернуться туда, откуда начали.

Для реализации предполагаемых структурных реформ необходимы определенные усилия со стороны региональных и федеральных органов государственного управления. Каждый регион страны, каждый крупной город должен разработать и представить проекты региональных генеральных планов комплексного пригородного малоэтажного строительства с учетом конкретных местных условий. Данные проекты должны быть затем сведены в единый федеральный Генеральный план, который, по сути, будет стратегическим планом структурных реформ.

Для реализации структурной реформы нужно временно отказаться от существующей отраслевой организации правительства и перейти к более четкой и хорошо управляемой организационной структуре, наделенной соответствующей иерархией. Необходимо создать единый координационный центр структурных реформ (штаб), возглавляемый одним из руководителей государства, и имеющий своих уполномоченных представителей в регионах, обладающих необходимыми полномочиями.

Одновременно нужно решать вопросы землепользования под застройку и создания с зарубежной помощью недорогих проектов индивидуального жилья, каковых должно быть не менее 5–6. Заказчики жилья должны иметь выбор. **Стоимость одного проекта индивидуального жилья не должна превышать 3–3,5 млн. руб.** Это вполне реально с учетом того, что стройматериалы и рабочая сила будут отечественными, а государство поможет с финансированием инфраструктуры. Банковский ипотечный кредит, предоставляемый застройщику уполномоченными кредитными организациями на 20–25 лет должен полностью покрывать залоговую стоимость возводимого жилья.

Целесообразно было бы также создать в переходный период специализированный кредитно-финансовый организацию банк по финансированию малоэтажного жилищного строительства или более полно использовать в этих целях существующие кредитные организации со схожими уставными задачами.

Государство должно полностью взять на себя такие вопросы как помощь в создании в регионах необходимого числа отечественных строительных компаний, предприятий по производству стройматериалов, привлечение зарубежных производителей к разработке типовых проектов недорогого индивидуального жилья, финансирование качественной транспортной и инженерной инфраструктуры в районах малоэтажной жилой застройки, помощь в необходимом оснащении производственных площадок.

Неплохой практикой стала бы закупка нашими ведущими банками за рубежом комплектного оборудования под заявки отечественных начинающих отечественных предпринимателей в рассрочку и под гарантии государства.

Принципиально важно то, что строительство индивидуального жилья изначально будет финансироваться не только из бюджета, но и самими застройщиками и кредитными организациями. Наличие массовых децентрализованных инвестиций – важнейшее преимущество предлагаемого варианта структурных реформ.

Необходимы и бюджетные средства. По нашей оценке, общие капитальные затраты государства на указанные цели способны составить за 5–8 лет свыше 12 трлн. руб.

Эти средства через 5–6 лет вернутся в бюджет в силу улучшения внешнеторгового баланса страны, ускоренного развития малого бизнеса, роста объема налогов, возникновения в экономике серьезного мультипликативного эффекта, охватывающего большинство отраслей, на продукцию которых сейчас нет спроса.

Это как раз тот случай, когда централизованные инвестиции и внешние заимствования оправданы, целесообразны. Это не просто расходы бюджета, а необходимые инвестиции в структурные реформы, в снижение инфляции, в социальную сферу, в человеческий капитал, в будущее России.

Ибрагимов-Бамматули Х.И.
к.психол.н., ведущий консультант Минэкономразвития России
hamaubammatuli@gmail.com

СУБСИДИАРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТЬЮ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РОСТА ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *принцип субсидиарности, субсидиарно-кластерная модель экономики.*
Keywords: *subsidiarity principle, subsidiary-cluster model of economy.*

1. В настоящее время в нашей стране выбор оптимального экономического курса колеблется между актуальной либеральной капиталистической моделью и мобилизационной моделью. По нашему мнению, решение проблемы устойчивого роста экономики сопряжено с новой моделью управления – моделью субсидиарного управления собственностью, реализация которой связана с кластерной, публично-общественной организацией управления собственностью.

2. В рамках данной концепции принимается, что в общественном аспекте человек имеет двойственную дополнительную природу: публично-общественную (универсальную) и индивидуально-общественную (специфическую). В соответствии с указанной моделью управление собственностью включает унифицированное, государственное управление собственностью и специфицированное, частно-общественное управление собственностью, а характер управления зависит от структуры субъекта управления.

3. Унифицированная мобилизация собственности порождает публичную собственность, которая принадлежит неопределенному кругу лиц и управляется публичной властью (государством).

Всякое управление основано на взаимодействии унификации и спецификации. Поскольку данная модель управления собственностью базируется исключительно на унифицированной, публичной собственности, спецификация управления реализуется путем диверсификации публичной собственности на основе вещных прав: права аренды, права оперативного управления, права хозяйственного ведения и т.д. Кроме того, реализуется диверсификация инвестирования при помощи различных инструментов государственного инвестирования: федеральные целевые программы (ФЦП), федеральные адресные инвестиционные программы (ФАИП), свободные экономические зоны, внебюджетные управляемые государством социальные фонды и т.д.

В целом государственное управление в рамках мобилизационной модели управления направлено на реализацию спецификации хозяйственно-экономической деятельности при условии сохранения унифицированной публичной собственности.

4. Специфицированная мобилизация собственности в отличие от унифицированной порождает индивидуально-общественную собственность, которая является дополнительной и множественной по отношению к публичной. Если публичная собственность принадлежит неопределенному кругу лиц, то индивидуально-общественная – конкретному локальному обществу. Говоря о специфицированной мобилизации собственности, мы имеем в виду, что данная собственность имеет самостоятельный характер, а не является производной от публичной собственности.

Для реализации индивидуальных прав членов локального общества требуется объединение (унификация), в частности, в рамках кооперативного управления. Однако, как показывает опыт, кооперативное управление, реализуемое от имени индивидуального общества, оказывается вытесненным местным публичным (муниципальным) управлением.

Индивидуальное общество, взятое само по себе вне кластерной организации, предстает как публичное общество меньшего масштаба. В частности, местное общество при отсутствии индивидуального общества вышестоящей административно-территориальной единицы предстает как муниципальное публичное общество. Следовательно, собственность местного общества предстает как публичная собственность, что делает невозможным автономное развитие хозяйственно-экономической деятельности местного сообщества.

Проблема неэффективности малого и среднего предпринимательства также связана с этим явлением метаморфозы общественной и публичной собственности, которое фактически остается вне правового контроля и делает неэффективным функционирование всех специфицированных форм хозяйственно-экономической деятельности: местного самоуправления и индивидуального предпринимательства.

5. Согласно излагаемой концепции, эффективное государственное управление публичной собственностью, а также самоуправление общественной собственностью локальными сообществами возможно только в их единстве в составе кластера собственности.

6. В условиях частного рынка как публичная, так и общественная собственность утрачивают свою самостоятельность, и актуальной формой собственности становится иерархический (неравновесный) кластер собственности, включающий как публичную, так и индивидуально-общественную собственность.

В вертикально интегрированной системе управления собственностью каждый частный уровень управления находится в двойственном положении: он является частно-общественным по отношению к вышестоящему уровню и публичным по отношению к нижестоящим.

В результате этого возникает иерархический кластер собственности, включающий в качестве центра наивысший уровень, а в качестве периферии множество нижних уровней управления. При этом все промежуточные уровни управления реализуют тот же процесс, но в иных территориальных и временных масштабах. В силу несоответствия масштабов объединяемых уровней управления собственностью их единство реализуется путем сверхкапитализации центра и депрессивного развития периферии.

Взаимодействие иерархических кластеров собственности различных масштабов, которые выступают то как публичная, то как общественная, и определяет циклично-кризисный (волновой) характер развития иерархически организованной рыночной экономики. Это относится как к системе государственного (административно-территориального), так и к системе вертикально интегрированного корпоративного управления.

Данная структура управления собственностью составляет основу либерально-капиталистической модели управления, сущность которого, согласно И. Валлерстайну, составляет система компромиссов между публичными правами (правами человека) и индивидуально-общественными правами (правами народов) и принцип двойных стандартов в управлении.

Как мы уже указывали, в условиях современной экономической мир-системы системы управления, основанные только на унифицированной публичной собственности, – государственное управление, а также (только на специфицированной общественной и частной собственности) местное самоуправление и малый бизнес, – не могут быть эффективными.

В условиях частного рынка актуальной формой организации субъекта автономной хозяйственной деятельности становится вертикально интегрированная корпорация, поскольку она реализует в себе иерархический кластер собственности. Несмотря на то, что вертикально интегрированным корпорациям удалось соединить государственный и частный капитал, проблема эффективности корпоративного управления в настоящее время становится все более острой.

7. В настоящее время в связи с достижением естественного предела процессов глобализации либерально-капиталистическая модель экономики исчерпала возможности для роста, чем и вызван глобальный экономический кризис. В соответствии с излагаемой концепцией актуальный этап структурного развития экономики, в том числе российской экономики, связан с переходом к модели субсидиарного управления собственностью.

Согласно излагаемой модели, причина цикличного, неустойчивого развития экономики заключается в двойственном, публично-общественном и индивидуально-общественном характере собственности. Сходство понятий имущества и собственности порой вводит в заблуждение, поскольку имущество стабильно, а право собственности всегда имеет как публичный, так и индивидуально-общественный аспекты.

Субсидиарное управление собственностью реализует принцип: унифицированное управление публичной и специфицированное управление общественной собственностью. При этом введение практики специфицированного управления актуализирует институт индивидуально-общественной собственности как собственности, принадлежащей индивидуализированным, частным обществам, локализируемым по территориальному, производственному или иному основанию, на фоне единого публичного общества.

Повышение эффективности государственного управления в рамках модели субсидиарного управления связано с реализацией кластерного публично-общественного управления собственностью и экономикой через посредство субсидиарного субъекта, а именно субъекта местного самоуправления. В настоящее время местное самоуправление практически сведено к муниципальному публичному администрированию, а в качестве субъекта местного самоуправления признается администрация муниципалитета, которая, конечно, субъектом местного самоуправления не является.

Согласно излагаемой модели субсидиарного управления, субъект местного самоуправления – это субъект, объединяющий специфицированное государственное (через управленческие округа) и специфицированное муниципальное управление (через поселенческие администрации), и в этом качестве он повышает эффективность как государственного, так и местного (муниципального) управления. Кроме того, именно актуализация специфицированного государственного и муниципального управления общественной собственностью является основным условием эффективного развития малого и среднего бизнеса и индивидуального предпринимательства.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
2. Определение и пределы принципа субсидиарности: Доклад Координационного комитета по местным и региональным органам власти (CDRL). Издание Совета Европы (русская версия), 1994. – 54 с.
3. Ибрагимов-Бамматули Х. Условия реализации операции тождество. Модель кластерного метаморфоза // Вопросы философии. – М., 2014. – № 3. – С. 169–179.
4. Ибрагимов-Бамматули Х. Субсидиарное управление собственностью как условие устойчивого роста экономики // Экономические стратегии. – М., 2016. – № 3. – С. 164–171.

Клочкова Е.Н.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Klotchkova.EN@rea.ru

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Ключевые слова: *информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, индекс конкурентоспособности.*

В условиях глобализации мировой экономики становление информационного общества имеет решающее значение для повышения конкурентоспособности экономики. Уровень развития сферы информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) определяет ее место в мировом экономическом, политическом и социальном пространствах. Информационно-коммуникационные технологии занимают ведущую роль в развитии инноваций, повышении производительности и конкурентоспособности, диверсифицируют экономику и стимулируют деловую активность, тем самым способствуя повышению уровня жизни людей. Многие эксперты склоняются к тому, что между уровнем развития информационно-коммуникационных технологий и экономическим благополучием существует тесная связь. В этой связи, актуальность данной статьи обусловлена необходимостью проведения исследования ключевых индикаторов, характеризующих уровень развития информационного общества в различных странах мира, в том числе во взаимосвязи с индексом глобальной конкурентоспособности.

Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) рассчитывается по методике Всемирного экономического форума, на основе которого осуществляется построение рейтинга стран по показателю экономической конкурентоспособности. Данный индекс разрабатывается в целях формирования государствами грамотной экономической политики, а также разработки стратегий по достижению устойчивого экономического роста.

В 2016 г. на основе этой методики было обследовано 138 стран. Лидерами по итогам обследования являются Швейцария (значение индекса – 5,8), Сингапур и Соединенные Штаты Америки (значение индекса – 5,7). В первую десятку попали также Нидерланды, Германия, Швеция, Великобритания, Япония, Гонконг и Финляндия. Россия занимает 43 позицию в рейтинге со значением индекса 4,5 (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг стран по индикаторам развития информационного общества и конкурентоспособности[1]

№ п/п	Страна	Индекс сетевой готовности	Индекс развития ИКТ	Индекс глобальной конкурентоспособности
1	Финляндия	6,04	8,36	5,4
2	Сингапур	5,97	8,08	5,7
3	Швеция	5,93	8,67	5,5
4	Нидерланды	5,79	8,53	5,6
5	Норвегия	5,70	8,49	5,4
6	Швейцария	5,62	8,56	5,8
7	Соединенные Штаты Америки	5,61	8,19	5,7
8	Гонконг	5,60	8,52	5,5
9	Великобритания	5,54	8,75	5,5
10	Южная Корея	5,54	8,93	5,0
	….			
11	Россия	4,30	6,91	4,5

Индекс глобальной конкурентоспособности включает 113 показателей, которые объединены в 12 контрольных индикаторов. В качестве индикаторов, определяющих уровень конкурентоспособности экономик, выступает уровень технологического развития и инновационный потенциал. В этой связи целесообразно оценить уровень развития информационного общества в различных странах. В качестве критериев оценки используются следующие интегральные показатели: индекс сетевой готовности к информационному обществу, индекс развития ИКТ, индекс готовности к электронному правительству.

Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) оценивает уровень развития информационно-коммуникационных технологий в мире и его влияние на государственную конкурентоспособность и благосостояние граждан. Данный индекс публикуется Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) и международной школой бизнеса

[1] https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1 – Доклад Всемирного экономического форума.

INSEAD с 2002 года в рамках специальной ежегодной серии докладов о развитии информационного общества в странах мира.

Рейтингование по уровню сетевой готовности в 2014 году охватывает 148 стран мира. По данным исследования 2014 года первое место в рейтинге заняла Финляндия со значением индекса 6,04. Далее следует Сингапур и Швеция со значениями 5,97 и 5,93 соответственно. Отметим, что за последние годы эти три страны сохраняют свое превосходство в данном рейтинге. В первую десятку стран также попали Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Соединённые Штаты, Гонконг, Великобритания и Южная Корея (рис. 1).

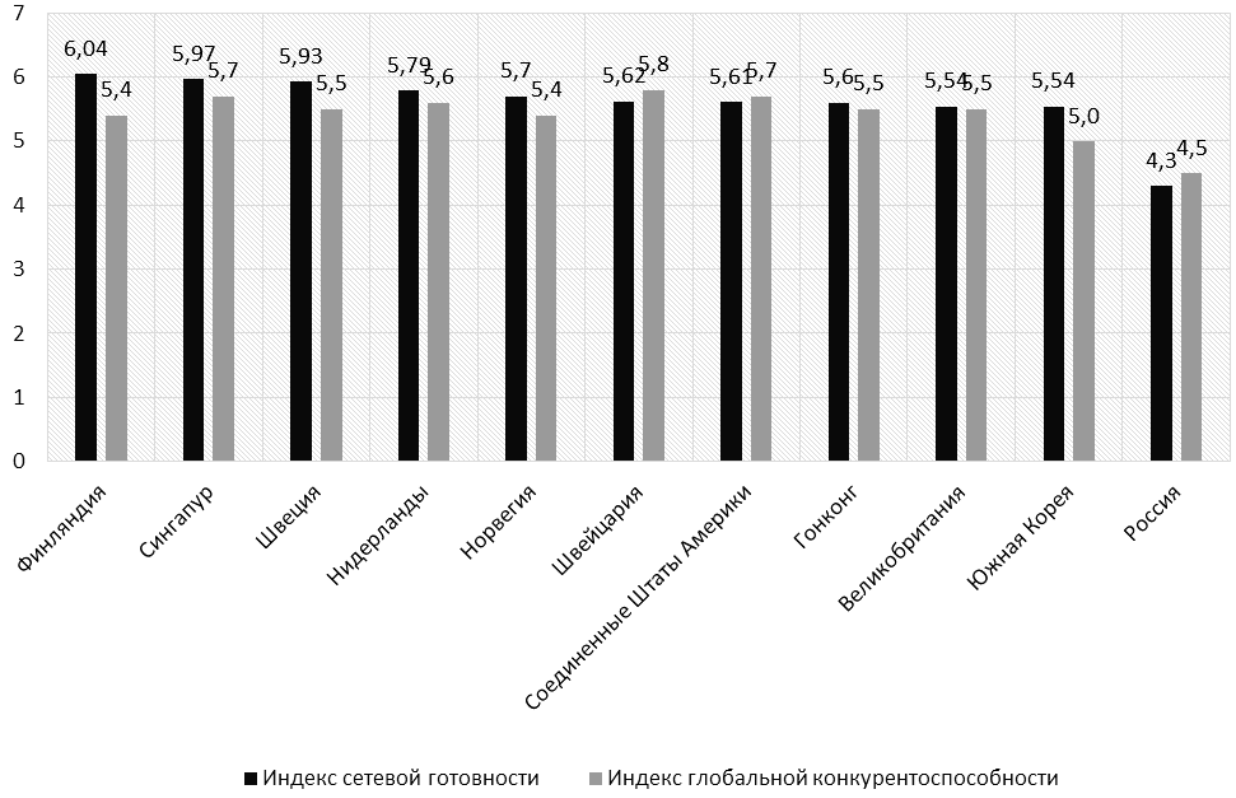


Рисунок 1.
Индекс сетевой готовности и индекс глобальной конкурентоспособности в некоторых странах мира

Значения индекса сетевой готовности в странах БРИКС существенно ниже показателей стран с развитой экономикой. По данным исследования Китай занимает 62 место (значение индекса – 4,05), Бразилия – 69 место (значение индекса – 6,98), ЮАР – – 70 место (значение индекса – 3,98), Индия – 83 (значение индекса – 3,85). Рассматриваемые государства испытывают определенные сложности в реализации собственного потенциала, связанные с некоторыми недостатками в политической и административной деятельности, что является основанием для сдерживания развития предпринимательской деятельности и сферы инноваций. Это, в свою очередь, мешает более действенному внедрению и использованию информационно-коммуникационных технологий.

Вместе с тем, некоторые страны демонстрируют положительную динамику в отношении своей позиции в рейтинге. Например, если в 2013 году Казахстан и Азербайджан занимали 43 и 56 место в рейтинге, то в 2014 году – 38 и 49 место соответственно.

В отношении России отмечается существенный рост данного показателя по сравнению с рейтингом 2010–2011 гг. Так, если в 2010–2011 годы Россия занимала 77 место в рейтинге со значением индекса 3,7, то в рейтинге 2013 года нашей стране удалось подняться на 36 позиций и занять 54 место. По данным 2014 года Россия еще более укрепила свои позиции и заняла 50 место со значением индекса 4,30. Как отмечают эксперты, к числу факторов, повлиявших на улучшение значений показателя, относится низкая стоимость доступа к инфраструктуре ИКТ, а также грамотность взрослого населения. Однако неэффективность юридической системы и слабая восприимчивость компаний и государственных структур к внедрению информационных технологий мешают России подняться в рейтинге выше.

В ходе сопоставительного анализа индекса сетевой готовности и индекса глобальной конкурентоспособности можно заметить, что из 10 первых стран в рейтинге по уровню конкурентоспособности 8 стран также входят в число лидирующей десятки по уровню сетевой готовности. Исключение составили Германия и Япония, которые занимают 12 и 16 место соответственно в рейтинге по уровню сетевой готовности.

Индекс развития ИКТ (IDI) рассчитывает Международный Союз Электросвязи (МСЭ) на основе 11 показателей, характеризующих доступ к ИКТ, использование ИКТ и наличие практических навыков использования ИКТ у населения. Тройка лидеров в 2008–2010 гг. состояла из Республики Корея, Швеции и Дании. В 2012 г. Дания уступила свое место Исландии. В 2013 г. и 2014 г. тройка лидеров осталась неизменной. По итогам 2015 года превосходство в рейтинге наблюдается у Республики Корея (значение индекса – 8,93), Германии (значение индекса – 8,88) и Исландии

(значение индекса – 8,86). Россия по Индексу развития ИКТ в 2015 году занимает 45 место. Улучшение позиции в рейтинге по сравнению в 2010 годом составляет одну позицию, однако само значение индекса возросло практически на 25% с 5,57 до 6,91. Отметим, что по субиндексу доступа к ИКТ Россия в 2015 году занимает 48 позицию в рейтинге, по субиндексу использования ИКТ – 44 позицию, по субиндексу навыков использования ИКТ – 19 позицию. Можно отметить, что именно за счет совершенствования навыков населения по использованию ИКТ России удалось подняться в рейтинге (рис. 2).

При сравнении индекса ИКТ и индекса глобальной конкурентоспособности обнаруживается, что в десятку лидеров по уровню конкурентоспособности не попали лишь три государства по уровню ИКТ (Республика Корея, Исландия, Люксембург и Норвегия).

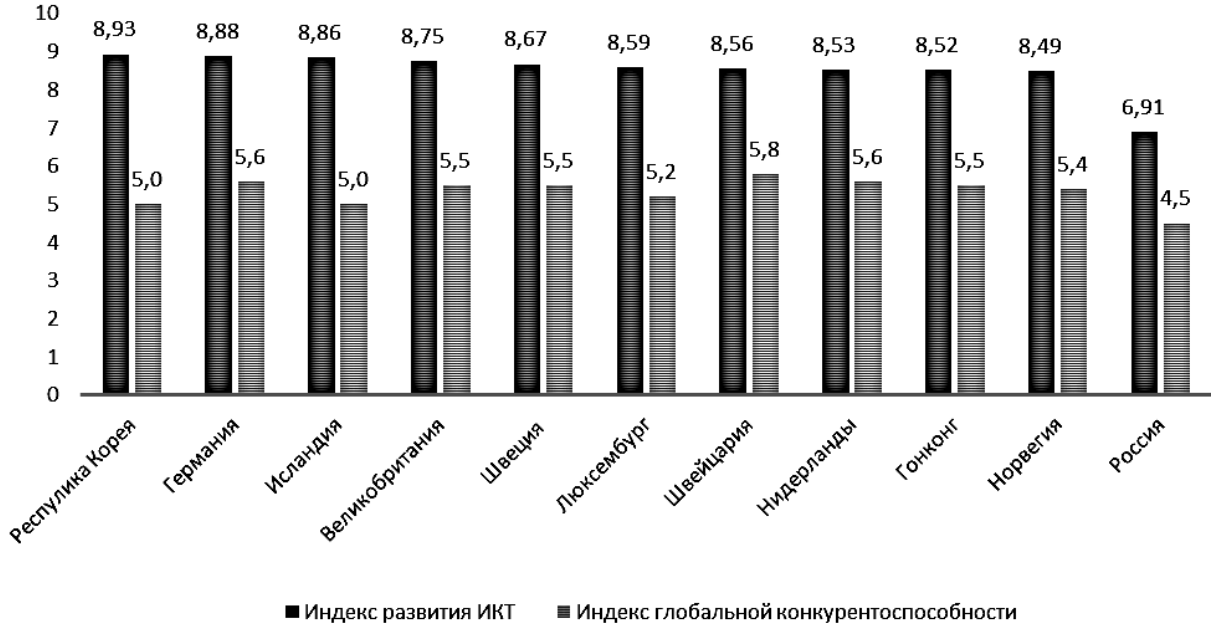


Рисунок 2.
Индекс сетевой готовности и индекс глобальной конкурентоспособности в некоторых странах мира

Индекс готовности к электронному правительству составляется Организацией Объединенных Наций (ООН). Данный индекс представляет собой комплексный показатель оценки готовности и возможности национальных государственных структур в использовании ИКТ для предоставления гражданам государственных услуг. При составлении рейтинга все страны, охваченные данным исследованием, ранжируются на основе взвешенного индекса оценок по трем основным составляющим:

- степень охвата и качество Интернет-услуг,
- уровень развития ИКТ-инфраструктуры,
- человеческий капитал.

По итогам 2010 года Россия занимала 59 место в рейтинге. Начиная с 2003 г. (начало формирования рейтинга) Россия занимала места в шестом десятке. Однако в 2012 году наблюдается колоссальный прорыв – повышение на 32 позиции. Причиной этого послужило улучшение позиций России по компонентам уровня развития электронных услуг и уровня развития инфраструктуры ИКТ. Важнейшим толчком для этого стало создание Единого Портала государственных услуг (ЕПГУ) и качество работы электронного правительства. По итогам 2014 года Россия по-прежнему занимает 27 место в рейтинге. Первенство в мире по развитию электронного правительства принадлежит Южной Корее, Австралии, Сингапуру, Франции и Нидерландам.

Одним из индикаторов при составлении рейтинга развития электронного правительства является оценка телекоммуникационной доступности. В числе показателей, характеризующих информационно-коммуникационную сферу, выделяют:

– число абонентов фиксированной (проводной) телефонной связи в расчете на 100 жителей;
– число абонентов подвижной (мобильной) телефонной связи в расчете на 100 жителей;
– долю лиц, использующих Интернет.

Среди перечисленных способов связи фиксированная телефонная связь является самым «старым» способом. По данным Международного союза электросвязи, число абонентов фиксированной телефонной связи в развитых странах в 2014 году составило 39,9 человек на 100 жителей, а в развивающихся странах – 10,0 человек на 100 жителей. Таким образом, обеспеченность этим видом связи у жителей развитых стран почти в 4 раза выше, чем у жителей развивающихся стран.

В 2014 год самый низкий уровень обеспеченности фиксированной телефонной связью в странах Африки: из 100 жителей только 1,2 человека являются абонентами проводной связи. Затем по уровню обеспеченности фиксированной связью следуют арабские государства и страны Азии и Тихоокеанского региона. В среднем из 100 жителей абонентами фиксированной связи являются 8,1 человек и 11,9 человек соответственно. Примерно четверть населения являются абонентами проводной связи в странах СНГ (23,9 чел. на 100 жителей) и Северной и Южной Америки

(26,2 чел. на 100 жителей). Лидируют по данному показателю страны Европы: абонентами являются 38,3 человек в расчете на 100 жителей.

В период с 2005 по 2014 годы наблюдается снижение числа абонентов фиксированной телефонной связи в расчете на 100 жителей как в развитых (на 15,49%), так и в развивающихся странах (на 21,25%). В среднем ежегодное снижение составляет около 1,85% в развитых странах и около 2,62% в развивающихся странах. Снижение показателя в мире в среднем составляет 2,53% каждый год в период с 2005 по 2014 годы. Наибольшее снижение числа абонентов фиксированной телефонной связи в расчете на 100 жителей наблюдается в странах Северной и Южной Америки – в среднем за рассматриваемый период оно составило 2,54% в год. В странах Азии и Тихоокеанского региона показатель в среднем ежегодно снижался на 2,66%, в Европе – на 1,91, в африканских странах – на 2,43, в арабских государствах – на 1,68%. В странах СНГ показатель числа абонентов фиксированной связи в расчете на 100 жителей незначительно возрос. Показатель 2014 года превышает показатель 2005 года на 0,42%. В среднем показатель возрастал на 1,00% каждый год. Однако в период с 2010 по 2014 годы наблюдались отрицательные темпы роста числа абонентов фиксированной связи на 100 жителей в странах СНГ. Вероятно, в странах СНГ так же, как и во всем мире, начинается процесс снижения популярности проводной связи среди населения.

Мировым лидером по числу абонентов фиксированной телефонной связи в относительном выражении уже на протяжении 15 лет является Монако. В этом государстве показатель составил 132,95 чел. в расчете на 100 жителей, т.е. на каждого жителя в среднем приходится более одного проводного телефонного устройства. В Монако развита система таксофонов, карты для которых можно приобрести в почтовых отделениях, газетных киосках, в магазинах и на заправках. С любого уличного телефона-автомата доступны не только местные, но и международные звонки.

В 2014 году Россия заняла 63 место в мире по показателю числа абонентов фиксированной связи в относительном выражении. Улучшение показателя с начала века составило 27 позиций.

Показатель абонентов проводной телефонной связи в расчете на 100 жителей в России составил 28,47 чел. в 2014 году, что на 22,75% больше, чем в 2000 году. В среднем ежегодный прирост показателя составлял 1,47% в данном периоде. Наблюдаются отрицательные цепные приросты показателя, начиная с 2009 года, поскольку жители России отдают всё большее предпочтение мобильной связи.

Среди стран СНГ Россия занимала вторую позицию по показателю числа абонентов фиксированной связи в расчете на 100 жителей с 2000 по 2008 год включительно, с 2008 года по сей день – третью позицию, уступая Беларуси и Молдове. Увеличение показателя в Беларуси с 2000 по 2014 год составляет 1,7 раз, в Молдове – 2,5 раз, в России – 1,2 раз. В 2006 году Молдова вытеснила Украину из тройки лидеров, ежегодный темп прироста показателя с 2000 по 2013 год в Молдове составляет в среднем 7,2%, а на Украине – 1,6%. Высокими темпами развивалась телефонная сеть в Грузии и Казахстане. С 2000 по 2014 год увеличение числа абонентов проводной связи в расчете на 100 жителей составило 2,4 и 2,1 раза соответственно. С 2012 года эти страны входят в пятерку лидеров среди стран СНГ по данному показателю, в настоящее время, уступая России лишь на 5,4 и 2,3% соответственно. С 2009 года на протяжении шести лет наблюдаются отрицательные цепные приросты числа абонентов фиксированной связи в расчете на 100 жителей в Армении, Киргизии, России и Украине. В этих странах начался общемировой процесс снижения числа абонентов проводной связи в расчете на 100 жителей. На протяжении последних трех лет наблюдается снижение числа абонентов фиксированной связи в расчете на 100 жителей в Грузии и на протяжении двух лет – в Казахстане.

В отличие от проводной телефонной связи мобильная телефонная связь становится всё более популярной во всем мире. Число абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей в период с 2005 по 2014 год возросло в 2,8 раз. Значение показателя в 2014 году в развитых странах возросло в 1,46 раз, а в развивающихся – в 3,97 раз по сравнению с уровнем 2005 года. Ежегодное увеличение в рассматриваемом периоде в среднем составило 4,30% в развитых странах и 16,57% в развивающихся (рис. 3).

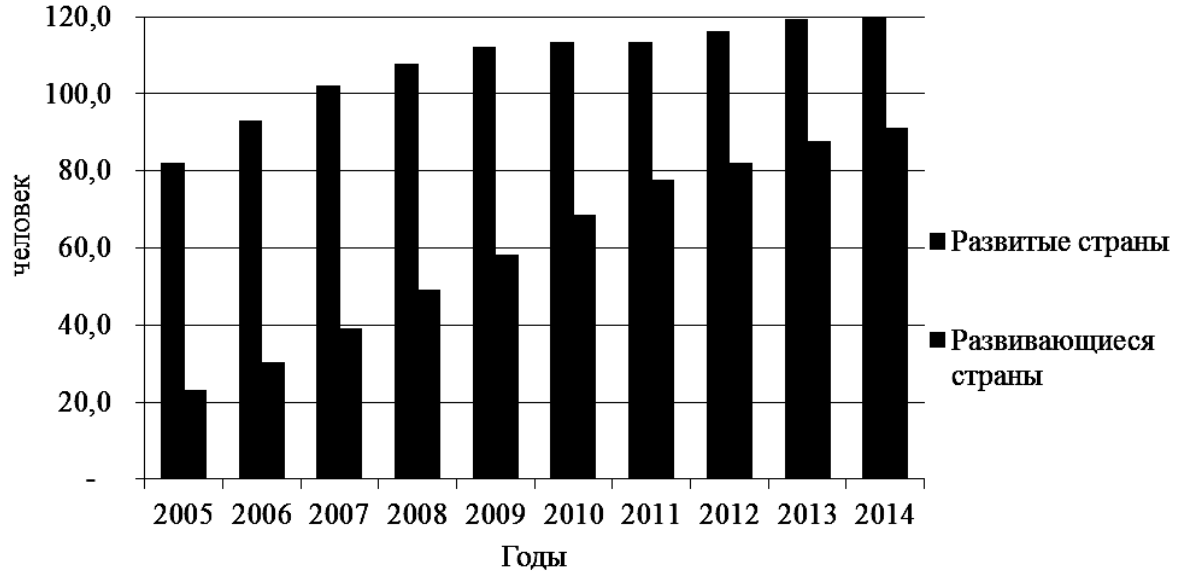


Рисунок 3.
Число абонентов мобильной телефонной связи в развитых и развивающихся странах в расчете на 100 жителей

Более быстрый рост показателя в развивающихся странах связан с тем, что там еще не произошло «насыщение рынка». Только к 2012 году развивающимся странам удалось достичь того уровня развития показателя, который наблюдался у развитых стран в 2005 году. Таким образом, отставание рынка мобильных технологий и устройств в развивающихся странах от рынка развитых стран составляет 7 лет. По состоянию на 2014 год превышение числа абонентов мобильной связи на 100 жителей в развитых странах превышает значение показателя в развивающихся странах в 1,31 раза. Кроме того, жители развитых стран предъявляют более высокие требования к качеству связи и мобильным устройствам, отдавая предпочтения многофункциональным смартфонам.

Наибольший рост числа абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей наблюдался в странах Африки: увеличение показателя в 2014 году составило 5,8 раз по сравнению с уровнем 2005 года. Ежегодный прирост показателя в среднем составил 21,45%. Высокими темпами увеличивалось число абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей в арабских государствах и странах Азии и Тихоокеанского региона. Рост показателя в 2014 году составил 4,10 и 4,01 раз по сравнению с уровнем 2005 года соответственно. Ежегодный прирост составил 16,59 и 16,70% соответственно. Примерно вдвое увеличилось число абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей в странах СНГ (2,31 раз) и Северной и Южной Америки (2,08 раз) в период с 2005 по 2014 год. Рост показателя в Европе за аналогичный период составил 1,31 раз (рис. 4).

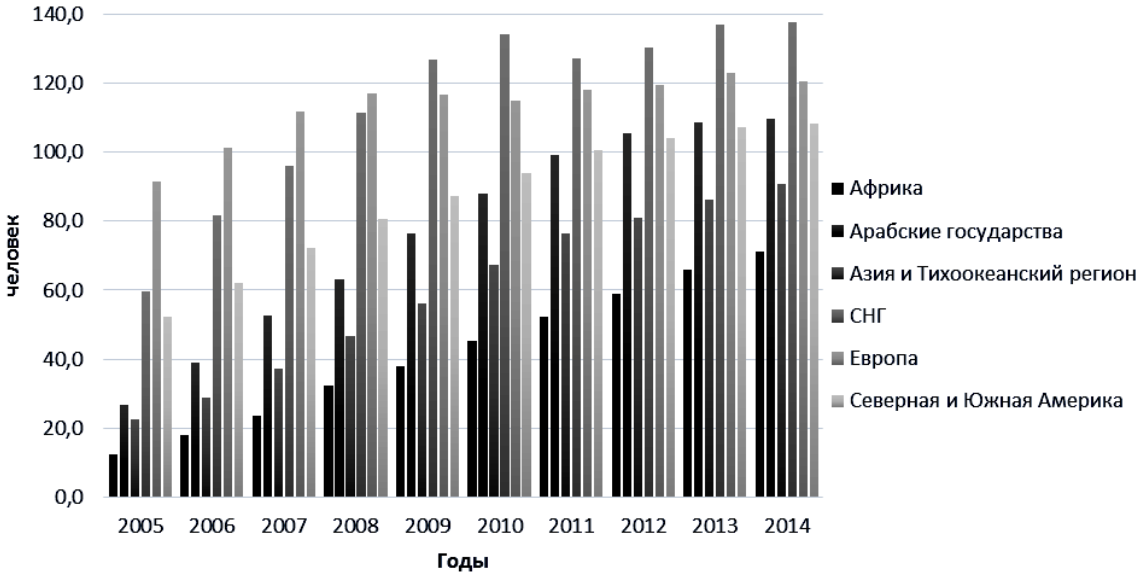


Рисунок 4.
Число абонентов мобильной телефонной связи в расчете на 100 жителей

Мировым лидером по числу абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей с 2010 года на протяжении пяти лет является Макао – автономная территория в составе Китайском Народной Республики. Макао является портовым городом и крупным финансовым центром. Экономика Макао сильно зависит от игорного бизнеса и туризма. Примерно половина населения занята в этих сферах, поэтому жители Макао используют несколько мобильных устройств одновременно. Для этого необходимо являться абонентом нескольких мобильных сетей или использовать несколько сим-карт одного оператора. По состоянию на 2014 год в среднем на 100 жителей приходится 322 абонента мобильной связи, т.е. в среднем на каждого жителя Макао зарегистрировано три сим-карты. Вторую позицию в мире по данному показателю с 2010 года занимает Гонконг в связи с особенностями экономики этого особого административного района Китая. По данным на 2014 год значение числа абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей в Гонконге составляет 233 человека.

В 2014 году число абонентов мобильной телефонной связи в расчете на 100 жителей в России составило 155 человек. Россия заняла 22 место в мире по данному показателю, поднявшись на 106 позиций с начала века. С 2007 по 2010 годы наша страна занимала более высокие позиции в рейтинге. Рекордная позиция была в 2009 году – Россия заняла 9 место. В 2008 году – 12 место, в 2010 году – 11 место. В 2009 и 2010 году Россия даже занимала вторую позицию по данному показателю в рейтинге развитых стран мира, однако позже показатель стал уменьшаться в связи с «насыщением рынка».

Россия являлась лидером среди стран СНГ по числу абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей в период с 2002 по 2010 год. В 2011 году она уступила первое место Казахстану, который удерживает лидерство в рейтинге до настоящего времени.

Снижение цепных темпов роста показателя в России наблюдается с 2010 по 2011 годы. В 2011 году впервые наблюдался отрицательный прирост, который составил 11,05%. В этот период произошло снижение выручки у трех основных российских операторов связи и снижение рентабельности сотового бизнеса в целом. Рост выручки операторов начал отставать от роста их затрат, при этом абонентский потенциал был практически исчерпан. Операторы не могли позволить себе снизить затраты, поскольку для удержания уже имеющихся клиентов им было необходимо развивать новые услуги и тарифы. Кроме того, в 2011 году на рынке не появлялись уникальные смартфоны, которые могли бы удивить пользователей новым функционалом. В связи с этим население не стремилось приобретать новые

устройства, несмотря на то, что средняя цена на смартфоны в России снизилась на 16,7% по сравнению с предыдущим годом. В период с 2013 по 2014 годы рынок выровнялся, и число абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей остается примерно на одном и том же уровне год от года.

Интернет – один из самых современных способов связи и получения информации. По данным 2014 года доля лиц, использующих Интернет, составила 40,6% в мире: в развитых странах – 79,5, в развивающихся – 32,4%. Доля лиц, являющихся пользователями Интернет, в развитых странах превышает показатель в развивающихся странах в 2,5 раза. Доля пользователей Интернет ежегодно растет. Увеличение показателя в мире в 2014 году составило 2,57 раз по сравнению с уровнем 2005 года, при этом количество пользователей в развитых странах возросло в 1,56 раз, а в развивающихся – в 4,18 раза.

Самая высокая доля пользователей Интернет в европейских странах. По данным 2014 года пользователями глобальной сети являются 74,5% населения. Более половины населения используют Интернет в странах СНГ (57,4%) и в странах Северной и Южной Америки (63,1%). Распространенность этого вида коммуникации в арабских государствах составляет 34,7%, а в Азии и Тихоокеанском регионе Интернет используют в среднем 33,8 человек из ста. В Африке Интернет используется только 18,9% жителей континента.

Наибольшее увеличение показателя с 2005 по 2014 годы наблюдалось в странах Африки – темп роста доли лиц, использующих Интернет, составил более чем 8,01 раз. Доля лиц, использующих Интернет, в странах СНГ увеличилась в 5,57 раз. Наименьшее увеличение показателя в рассматриваемом периоде наблюдается в странах Европы и Северной и Южной Америки. Доля пользователей возросла в 1,61 и 1,76 раз соответственно. Доля лиц, использующих Интернет, возросла в 3,61 раз в странах Азии и Тихоокеанского региона, а в Арабских государствах – в 4,17 раз.

В рейтинге стран мира по показателю доли пользователей Интернет Россия занимает невысокие позиции. В период с 2000 года самая лучшая позиция была в 2012 году – Россия заняла 55 место в рейтинге. В 2013 году результат ухудшился на 14 позиций (68 место). Однако уже в 2014 году Россия снова поднимается в рейтинге и занимает 52 место. Улучшение позиций России в рейтинге по данному показателю с начала века значительное: в 2000 году она занимала всего лишь 114 место.

Доля пользователей Интернет в 2014 году в России увеличилась в 35,7 раз по сравнению с показателем 2000 года. Популярность этого средства связи и получения информации среди населения растет достаточно высокими темпами – ежегодный прирост в среднем составил 27,81% в рассматриваемом периоде. Самый высокий цепной прирост показателя наблюдался в 2010 году (48,28%). Увеличение показателя связано с развитием Интернет-услуг, Wi-Fi, ростом доступности выхода в Интернет с помощью мобильных устройств, таких как смартфоны и планшетные ПК, а также снижением стоимости услуг провайдеров и мобильных операторов, появлением удобных тарифных планов и пакетов Интернет-услуг. С 2012 года Россия занимает первую позицию в рейтинге стран СНГ по доли лиц, использующих Интернет.

Таким образом, в настоящее время в мире происходят следующие процессы: число абонентов фиксированной телефонной связи в расчете на 100 жителей уменьшается, а число абонентов мобильной связи возрастает. По оценке специалистов МСЭ, в 2015 году в среднем только 14 человек из 100 будут являться абонентами фиксированной связи во всем мире, в то время как абонентами мобильной связи – в среднем более 96 человек из 100. Альтернативой проводной связи стало качественно новое средство коммуникации – мобильная связь. Темп роста числа абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей в мире составляет более 2,8 раз в 2014 году по сравнению со значением в 2005 году. Современное значение показателя является достаточно высоким как в развитых, так и в развивающихся странах, несмотря на дифференциацию в уровне их развития. Люди отдают всё большее предпочтение новым средствам коммуникации, ввиду их удобства, постоянного расширения функционала и зоны покрытия. В мире доля лиц, использующих Интернет, составляет 40,6% по данным 2014 года. Увеличение показателя за 10 лет составляет более 2,5 раз. Доля пользователей Интернет будет продолжать увеличиваться, поскольку это современное средство связи позволяет быстро обмениваться информацией с минимальными затратами.

Развитие информационно-коммуникационной активности в России тоже происходит высокими темпами. Наша страна занимает лидирующую позицию по числу абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей среди стран СНГ, а также высокие позиции в рейтинге среди развитых стран и стран мира по данному показателю. В России самая высокая доля пользователей Интернет среди стран СНГ. Однако в рейтинге стран мира у России слабые позиции по данному показателю. Ожидается, что доля пользователей Интернет в России будет увеличиваться, поскольку наблюдается устойчивая тенденция развития показателя уже на протяжении 15 лет.

Анализ показателей развития информационного общества показал, что в настоящее время происходит развитие информационных технологий и средств коммуникации, рост их доступности и популярности во всем мире. Вместе с тем, проблема «цифрового» неравенства продолжает быть актуальной. Данное явление наблюдается и в странах Латинской Америки и Африки южнее Сахары. Во многих странах остро стоит проблема неразвитости инфраструктуры ИКТ. Однако это не единственный фактор для повышения конкурентоспособности экономики стран. Необходимо четко определить механизм реализации государственной политики, направленный на создание целостной стратегии для развития инноваций и условий для бизнеса, которые в комплексе будут давать эффект во взаимосвязи с современной инфраструктурой. Одним из таких механизмов является государственная программа «Информационное общество (2011–2020)»[1], направленная на обеспечение устойчивости и конкурентоспособности экономики в целом.

[1] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)».

Список литературы

1. Индикаторы информационного общества: 2015: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 312 с.
2. Klochkova E., Sadovnikova N., Minashkin V., Darda E. Tendency Development of Information Society in conditions of Globalization // Materials of the 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts. – Sofia, 2016. – P. 701–708.
3. Леднева О.В., Клочкова Е.Н. Международная оценка эффективности развития информационного общества в России и некоторых странах мира // Информационное общество. – М., 2014. – № 2. – С. 49–58.
4. ITU. Measuring the Information Society Report 2015. – http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2015/MISR2015-w5.pdf
5. Информационно-аналитический портал Центр гуманитарных технологий. – http://gtmarket.ru/news/2014/04/24/6750

Кожевина О.В.
д.э.н., директор Научно-образовательного центра исследования эффективности и результативности управления Департамента менеджмента Финансового университета
ol.kozhevina@gmail.com

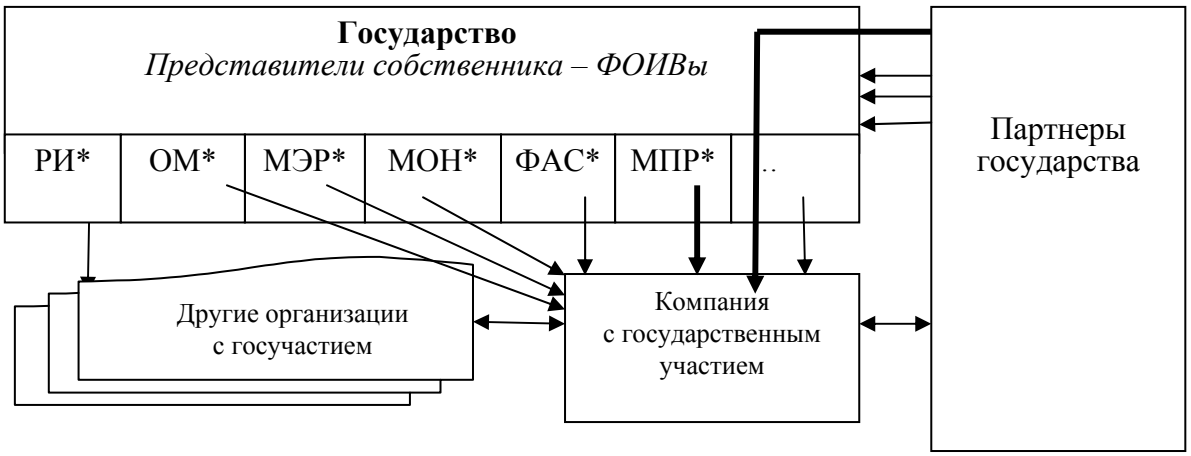
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЯМИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ[1]

Ключевые слова: *стандарты и принципы корпоративного управления, стратегическое корпоративное управление, бизнес-процессы компаний с государственным участием, определение стратегических целей, принципы ОЭСР, качество корпоративного управления.*

Keywords: *Standards and Principles of Corporate Governance, Strategic Corporate Management, business processes of companies with state participation, the definition of strategic goals, OECD Guidelines, Corporate Governance.*

Приоритетное внимание в системе корпоративного управления компаниями с госучастием к вопросам стратегического менеджмента обусловлено необходимостью реализации долгосрочных программ развитии, инновационных и инвестиционных стратегий. Стратегические документы государственно-корпоративного сектора (компаний с государственным участием, госкорпораций и госкомпаний), в отличие от коммерческого сектора, в основной массе находятся в стадии разработки. Согласно иерархии отдельных направлений деятельности компаний, стратегическое планирование и управление занимает одно из первых мест в компаниях [6].

Отметим, что взаимодействие госкомпаний с внешней средой осуществляется как самостоятельно, так и посредством государства как основного собственника (рис. 1). При этом многообразие представителей государства-собственника усложняет связи и приводит к нестабильности внутренних процессов, ориентированных на взаимодействие компании с заинтересованными сторонами [4].



1) *РИ – Росимущество – Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом
2) *ОМ – отраслевое министерство
3) *МЭР – Министерство экономического развития Российской Федерации
4) *МОН – Министерство образования и науки Российской Федерации
5) *ФАС России – Федеральная антимонопольная служба
6) *МПР – Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Рисунок 1.
Модельное представление взаимодействия компании с государственным участием с внешней средой

Задачами стратегического менеджмента компаний с госучастием, согласно Кодексу корпоративного управления [1], являются: определение стратегических целей деятельности акционерного общества, контроль реализации стратегии, выработка рекомендаций совету директоров по корректировке существующей стратегии развития; разработка приоритетных направлений деятельности общества; выработка рекомендаций по дивидендной политике; оценка эффективности деятельности общества в долгосрочной перспективе; рассмотрение финансовой модели и модели сто-

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2016 года.

имости бизнеса и его бизнес-сегментов; рассмотрение вопросов реорганизации, ликвидации общества, изменения организационной структуры, реинжиниринга бизнес-процессов общества и подконтрольных ему юридических лиц.

Применяя международные стандарты для корпоративного управления компаний с государственным участием необходимо учитывать особенности реализации их внутренних бизнес-процессов:

– многочисленность и частота коммуникаций с органами государственной власти, что обосновывает требования формализации процесса и приводит к обилию отчетности. При этом следует отметить, что количество отчетности, нацеленной на внешнего для госкомпании пользователя, слабо влияет на качество управления процессами;

– проведение реинжиниринга бизнес-процессов по отдельным функциональным направлениям по инициативе государства как основного собственника, при этом данные инициативы реализуются ФОИВ-источником с излишней детализацией без учета отраслевой специфики и лучших практик ведения бизнеса;

– наполнение системы КПЭ (ключевых показателей эффективности) показателями, слабо связанными с качеством управления бизнес-процессами. Инициативы по изменениям в бизнес-процессах компаний с государственным участием разрабатываются ФОИВ-функциональным лидером без представления о бизнес-модели в целом, ФОИВ-куратор компании не вносит дополнительной ценности в процесс межведомственного согласования таких инициатив и ограничивается технической трансляцией соответствующих указаний менеджменту компании. На процесс стратегического управления в компаниях с государственным участием рассмотренные факторы оказывают влияние следующим образом: процессы подготовки отчетности в условиях постоянного формального контроля являются определяющими для сохранения устойчивости команды топ-менеджеров; разрабатываемые стратегические документы проходят длинную цепочку внутреннего и внешнего согласования; устанавливается процессоориентированность стратегического управления при недостаточности контроля и координации [4].

В исследованиях, проведенных ранее, разработан комплекс ключевых вопросов при определении стратегических целей компаний с государственным участием (табл. 1) [2, 3, 5].

Таблица 1

Ключевые вопросы при определении стратегических целей компаний с государственным участием [3]

Общая цель компании	Ключевые вопросы	Аспекты	Значение для сотрудников	Публичные компании	Непубличные компании
1	2	3	4	5	6
Миссия	– роль и задачи компании – основной вид деятельности – место, которое занимает компания (рынок, внешняя среда, влияние, частно-государственное партнерство); – уникальность компании – причина существования – основная функция – глобальная цель компании – для кого существует компания и кто наиболее важные стейкхолдеры – потребности, которые удовлетворяет компания (ценность для потребителей и стейкхолдеров)	– главная цель – основная функция (задача) – причины существования – стейкхолдеры Миссия не привязана ко времени	– причины, по которым работают в компании, мотивация к труду – принимаются ли методы и принципы работы в компании – важность существования организации в будущем – социализация и статус – идентичность и общность взглядов – создание добавленной ценности посредством труда	– осуществление инновационной деятельности – развитие и стимулирование инновационных инициатив частных инвесторов – развитие института корпоративного управления, стандартов и принципов – обеспечение информационной открытости в режиме реального времени (Росимущество, ФОИВ, независимые директоры, профессиональные директоры) – целевое и эффективное использование бюджетных средств, в том числе в рамках государственного заказа – эффективное использование внебюджетных средств – формирование дивидендной политики – долгосрочная оценка результатов деятельности – система мониторинга планов	– механизмы зависимости уровня оплаты труда работников от объема и качества выполнения должностных обязанностей в рамках перевода работников на эффективный контракт – исполнительская дисциплина – целевое и эффективное использование бюджетных средств, в том числе в рамках государственного заказа – эффективное использование внебюджетных средств – реорганизация, приватизация (преобразование унитарных предприятий в общества с ограниченной ответственностью) – эффективное использование федерального имущества

1	2	3	4	5	6
Видение	– стратегическая цель деятельности – вектор развития компании – направление дальнейшего развития – долгосрочные цели и результаты – изменение рыночных позиций – направления перемен – планируемые результаты в стратегической перспективе – существенные факторы успеха и устойчивого развития – корпоративные ценности, корпоративный дух, этика и КСО, которые наиболее мотивируют персонал компании	– развитие – цели (результаты, эффекты) – базовые ценности (нормы) – ключевые факторы успеха – ключевые компетенции Видение сориентировано во времени и связано со стратегическими целями, показателями результативности и их целевыми значениями	– правильно ли движется компания в направлении развития – долгосрочные перспективы организации – стабильность пребывания в должности (в организации) – управление личными целями – творческая активность – стимулирование единства взглядов и действий	– критерии оценки эффективности деятельности – участие компании в проектах, конкурсах, реализации федеральных и отраслевых программ – своевременное предоставление отчетов об итогах деятельности – контроль выполнения стратегии и ДПР (долгосрочной программы развития) – капитализация и масштабирование – мультипликативный отраслевой эффект – соблюдение положений кодекса корпоративного поведения – участие в конкурсах профессионального мастерства, творческих лабораториях, экспериментальных группах – участие в программах повышения квалификации, корпоративных университетах – использование новых эффективных технологий в работе – вознаграждение за преданность компании – депремирование – внутренний корпоративный аудит (аудит эффективности)	– показатели эффективности деятельности государственных учреждений и их руководителей; – критерии оценки эффективности деятельности – организационные меры, осуществляемые по результатам оценочных процедур – контроль выполнения стратегии и ДПР – участие организации в проектах, конкурсах, реализации федеральных и ведомственных программ – своевременное предоставление отчетов об итогах деятельности – установление индивидуальных показателей эффективности деятельности непубличных государственных компаний и их руководителей – соблюдение положений Кодекса профессиональной этики – участие в методической работе и инновационной деятельности учреждения – участие в конкурсах профессионального мастерства – участие в программах повышения квалификации – использование эффективных технологий в процессе выполнения должностных обязанностей – депремирование – аудит эффективности

Следует отметить, что институциональные основы формирования механизма оценки качества корпоративного управления в целях выявления «лидеров» и «аутсайдеров» среди компаний госсектора заложены в принципах корпоративного управления ОЭСР. В 1998 году Организация Экономического Сотрудничества и Развития совместно с Всемирным банком, Международным валютным фондом и другими международными организациями инициировали глобальную программу создания универсальных стандартов и норм корпоративного управления, направленную на улучшение национальных систем корпоративного управления. В 1999 году Совет ОЭСР принял Общие принципы корпоративного управления, в которых содержатся разъяснения относительно того, какие конкретные вопросы и проблемы должны быть отрегулированы национальными стандартами корпоративного управления. Кодекс корпоративного управления ОЭСР на сегодня – наиболее полный, авторитетный и признанный международный кодекс корпоративного поведения – более 130 стран его подписали.

В 2015 году пересмотрено и дополнено «Руководство ОЭСР по корпоративному управлению на государственных предприятиях» [7]. Новые принципы ОЭСР по корпоративному управлению государственных предприятий призваны обеспечить согласованный на международном уровне ориентир, чтобы помочь правительствам оценить и улучшить алгоритмы, посредством которых они осуществляют свои функции как собственника государственных предприятий. Новая версия Рекомендаций была разработана после обобщения десятилетнего опыта его реализации, а также проведения ряда тематических и сравнительных исследований. Руководящие принципы корпоративного управления компаний с госучастием ОЭСР (версия 2015 г.) направлены на следующие аспекты: 1) Право собственности и

контроль, наличие различных режимов контроля. 2) Руководство корпоративной структурой. 3) Цели государственной политики в отношении госпредприятий. 4) Подотчетность генерального директора. 5) Субъект собственности. 6) Применимость принципов в практике корпоративного управления.

Описание новых принципов ОЭСР корпоративного управления компаний с госучастием

1. Государство осуществляет право собственности государственных предприятий в интересах широкой общественности. Следует тщательно оценивать и раскрывать цели наличия компании в государственной собственности и подвергать их анализу.

2. Государство должно выступать в качестве осознанного и активного владельца, гарантируя, что управление госкомпанией осуществляется на прозрачной и подотчетной основе с высокой степенью профессионализма и эффективности.

3. В соответствии с обоснованием государственной собственности, правовой и нормативной основой для государственных предприятий должны быть обеспечены равные условия и честная конкуренция на рынке.

4. При наличии частных инвесторов среди своих акционеров, государство и предприятия должны признавать права всех акционеров и обеспечивать справедливость по отношению к акционерам и равный доступ к корпоративной информации.

5. Политика государственной собственности должна в полном объеме признать ответственность государственных предприятий по отношению к заинтересованным сторонам.

6. Государственные предприятия должны соблюдать высокие стандарты прозрачности, раскрытия информации и аудита.

7. Органы управления госпредприятий должны иметь необходимые полномочия, компетенции для выполнения функций, стратегического руководства и контроля. Они должны действовать добросовестно и нести ответственность за свои действия [8].

В международной практике сформирован ряд «неформальных» руководств по корпоративному управлению для компаний малой/средней капитализации:

1. *Стандарты EVCA*. Рекомендации по корпоративному управлению (European Private Equity and Venture Capital Association) EVCA по корпоративному управлению устанавливают следующие принципы: законность; открытость; партнерство; стратегический взгляд; уважение к интересам заинтересованных лиц (совладельцев); транспарентность; конфиденциальность [9].

2. *National Association of Pension Funds (GB) Corporate Governance Policy and voting guidelines*. К глобальным принципам корпоративного управления NAPF относятся: обеспечение основы для создания эффективной структуры корпоративного управления, структура корпоративного управления должна защищать и содействовать осуществлению права акционеров, справедливое отношение ко всем акционерам, поощрение активного сотрудничества корпораций и стейкхолдеров, структура корпоративного управления должна обеспечивать стратегическое управление компанией и эффективный контроль [10].

3. *Quoted Companies Alliance (GB) Corporate Governance Guidelines for AIM companies*. Руководством по корпоративному управлению компаний AIM, в структуре корпоративного управления предусматриваются комитет по аудиту, комитет по вознаграждениям, комитет по назначениям. Стандарты раскрытия информации, управления рисками, взаимодействия с крупными акционерами и основными стейкхолдерами разрабатываются в соответствии с Кодексом корпоративного управления [11, 12].

4. *Рекомендации National Venture Capital Association* (NVCA). NVCA разработала рекомендации по корпоративному управлению инновационных компаний, получивших инвестиции от венчурных инвесторов. Данный стандарт рассматривается как образец корпоративного управления для членов совета директоров на ранней стадии; он сконцентрирован на описании вызовов и различных задач, возникающих перед советом директоров на разных фазах ранней стадии ее развития (seed, start-up, early growth (mezzanine), expansion, exit phases). Структура рекомендаций: а) общие рекомендации по повышению эффективности совета директоров; б) рекомендации по корпоративному управлению на разных стадиях развития компании; в) детальные рекомендации членам совета директоров в части организации корпоративного управления в компании; г) методология самооценки члена совета директоров; д) методология оценки деятельности генерального директора за прошедший год; е) методология оценки деятельности совета директоров [13].

Обеспечение качества корпоративного управления невозможно без риск-менеджмента адекватного волатильной внешней среде. Современная система управления рисками компании с государственным участием ориентирована на выполнение таких задач, как организация процесса риск-менеджмента в компании с государственным участием, включая создание специального комитета и отдельного структурного подразделения с разработкой противорисковых мероприятий, хеджирования сделок; интегрирование функции риск-менеджмента в текущую операционную деятельность компании; относительная автономность подразделений риск-менеджмента и внутреннего аудита при принятии решений, наличие механизмов их оперативного взаимодействия.

Список литературы

1. Письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления». – http://base.garant.ru/70640276/#ixzz4E6AKYyWC

2. Батаева Б.С., Кожевина О.В. Оценка эффективности и качества корпоративного управления непубличными компаниями // Вестник Финансового университета. – М., 2015. – № 6. – С. 62–72
3. Беляева И.Ю., Батаева Б.С., Кожевина О.В., Харчилава Х.П. и др. Формирование механизма агрегированной оценки качества управления непубличными российскими компаниями в интересах государства и стейкхолдеров. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М., 2015.
4. Ваганов Д.А. Особенности организации стратегического планирования в крупных компаниях с государственным участием. – М.: Росимущество, 2014.
5. Кожевина О.В., Бойко А.Н., Балунова Н.В. Институционально-экономические основы оценки качества управления в организациях государственного сектора. – М.: ИНФРА-М, 2015.
6. Практики корпоративного управления в России: определение границ национальной модели. – М.: КПМГ, 2011.
7. http://www.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-leitsatze-zu-corporate-governance-in-staatseigenen-unternehmen-ausgabe-2015_9789264251526-de
8. http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/2615061e.pdf?expires=1468182471&id=id&accname=guest&checksum=EF3554093DB6BDDA14662AFFEC6D9046
9. The European Venture Capital Market: Scaling Beyond Current Boundaries. Conducted by Professor Gerard George Dr. Eva Nathusius. European Private Equity and Venture Capital Association (EVCA). 2007.
10. http://plsa.co.uk/PolicyandResearch/DocumentLibrary/~/media/Policy/Documents/0092_Corporate_governance_policy_and_voting_guidelines_2009_0209.ashx
11. https://www.issgovernance.com/file/2014_Policies/0278_Corporate_governance_policy_and_voting_guidelines_for_smaller_companies_an_NAPF_document.pdf
12. http://www.asiangrowth.com/html/eng/pdf/report/05_annual/corporate_governance.pdf
13. http://nvca.org/resources/model-legal-documents/

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики Камского института гуманитарных и инженерных технологий,
г. Ижевск
kvp_ruk@mail.ru

ЭТНОМЕНЕДЖМЕНТ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭТНОЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *этноменеджмент, этноэкономика, национальные модели менеджмента, этнические особенности систем управления.*
Keywords: *etnomanagement, etnoeconomy, national model of management, ethnic characteristics of control systems.*

Целенаправленное изучение различных наций и народностей в рамках различных наук ведется уже достаточно давно. Наряду с особенностями исторического развития разных народностей постепенно выявляются общие законы и закономерности функционирования этносов, определяются экономические, социальные, демографические и экологические факторы их существования. Важную роль при этом играет анализ взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов, исследование национальных особенностей экономического поведения. При изучении этой проблемы выделяют несколько принципиально различных точек зрения.

В соответствии с марксистским подходом и, прежде всего, учением о базисе и надстройке, а также учитывая связь с законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил этнические процессы определяются степенью развитости производственных отношений, которые в свою очередь зависят от характера и уровня производительных сил. В учении М. Вебера просматривается прямо противоположный подход: один из важнейших элементов существования этноса – идеология (в работах М. Вебера речь идет прежде всего о протестантской этике) – в значительной степени определяет уровень развития экономики и производственных отношений. Как показывают различные исследования, истина, что называется, лежит посередине.

В частности, об этом свидетельствует анализ так называемых традиционных восточных обществ, где, как известно, психология проживающих в них народностей отличается крайним консерватизмом, вследствие чего новации ими воспринимаются с большим трудом. Кстати, даже в ортодоксальном марксизме можно выделить несколько особняком стоявшую концепцию об азиатском способе производства, в которой несмотря на характерный для этой формы марксизма экономический детерминизм по существу констатировалась определяющая роль азиатских традиций и восточной психологии в процессе влияния их на характер и уровень развития производственных отношений. Таким образом, целесообразнее, на наш взгляд, искать не первопричину в цепочке «производительные силы – производственные отношения – этнос», а изучать взаимодействие и взаимовлияние различных составляющих этой цепочки.

В частности, большое значение имеет исследование влияние национальной психологии на экономику и наоборот. Так, уже Дж.М. Кейнс отмечал, что на поведение в сфере экономики заметное влияние оказывают особенности национальной психологии. В своем основном научном труде «Общая теория занятости, процента и денег» он писал, что англичане, например, делают инвестиции в основном ради ожидаемого дохода, тогда как американцы, инвестируя капитал, руководствуются в основном ожиданиями повышения его ценности (т.е американцы проявляют повышенную склонность к спекуляции и менее тяготеют к прогнозам ожидаемого фактического дохода).

Многие исследователи выделяют также характерные для других этносов и серьезно влияющие на состояние экономики черты национальной психологии, скажем, для русских такие, как общинность, государственность и патернализм, которые в значительной мере определяют инерционную составляющую проводимых в последнее время у нас в стране рыночных реформ [1]. В свою очередь немцы – покупатели печатного материала необычайно придирчивы к его качеству, поэтому типографии там используют самую высококачественную печатающую технику. Одной из форм проявления в экономике исторических и национально-психологических особенностей японцев, во многом обусловленных конфуцианским учением как идеологической основой их жизненного уклада, как известно, являются пожизненный найм и ограничения увольнений рабочих, в связи с чем японские фирмы с большой осторожностью осуществляют прием новых кадров к себе на работу и активно автоматизируют производство. Подобных примеров взаимовлияния традиций и национальной психологии на эффективность функционирования социально-экономической системы можно привести еще очень много.

Необходимость интеграции экономики и психологии привела к тому, что уже несколько десятилетий весьма продуктивно развивается такое научное направление как экономическая психология. Однако при необходимости изучения взаимосвязи функционирования этноса и общественного воспроизводства оставаться лишь в рамках экономической психологии совершенно недостаточно, так как национальная психология – лишь один из элементов этносов, которые также еще отличаются друг от друга традициями, обычаями, идеологией, культурой и пр.

Учитывая, что этнос – понятие более широкое, чем национальная психология, целесообразно, на наш взгляд, наряду с экономической психологией развивать и такое научное направление, как этноэкономика, в рамках которого

найдут разрешение проблемы определения взаимосвязи этнических и экономических процессов и отношений, выявление этнических особенностей экономического поведения, в том числе рыночной адаптации разных наций и народностей. Иначе говоря, этноэкономика – это наука о взаимосвязи и взаимовлиянии, которое оказывают традиции, обычаи, культура, психология, идеология, религиозные воззрения различных этносов на характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений. Как видим, в данном определении по сравнению с ортодоксальным марксизмом с самого начала отвергается всеобщность и обязательность первичности экономических процессов по отношению к этническим. Как уже отмечалось, можно привести огромное число примеров, когда в роли первопричины выступают не экономические явления, а особенности этноса (учитывая возрастающее влияние этнических процессов на функционирование различных элементов, сторон и аспектов современного общества, не удивительно, что в последнее время интенсивно формируются и эффективно развиваются такие новые научные дисциплины, как этнополитика, этнопедагогика, этносоциология, этногеография, этнопсихология и ряд других «стыковых» наук [2, 3]). Этноэкономику можно также определить как науку о социально-экономических особенностях поведения разных этносов, что также не противоречит данному нами выше определению этой науки.

В специальной литературе встречаются и иные подходы к определению сущности этноэкономики как нового научного направления. Преимущественно эти подходы относятся к пониманию этноэкономики как науки о развитии национальных производств, особенно о возрождении и развитии народных промыслов, некогда процветающих, но в значительной мере во второй половине XX века по различным причинам утерянных. Причем особенно часто такой вариант понимания этноэкономики связывают с развитием сельской экономики или с дальнейшим развитием титульных наций и народностей, проживающих в республиках, которых в России в настоящее время насчитывается 22 (т.е. практически четвертая часть всех субъектов РФ), а также в национальных округах (очевидно, что оба эти направления тесно связаны между собой).

Данные подходы к пониманию этноэкономики, безусловно, имеют право на существование, однако они, на наш взгляд, не противоречат предложенному нами подходу, имеющему более общий характер (т.е., иначе говоря, эти подходы по существу являются частным случаем нашего определения этой науки). Более того, проблема возрождения народных промыслов у удмуртов – одной из титульных наций в РФ, компактно проживающих на территории Удмуртской Республики нами рассматривалась в связи с исследованием процесса импортозамещения и использования как одного из факторов реализации в стране импортозамещающей модели модернизации экономики [4]. В Удмуртии к возрождающимся народным промыслам относится льноводство, которое здесь интенсивно развивалось и в царский период развития страны (конец XIX – начало XX веков), и на первых этапах (20–30-е годы XX века) существования советской власти. В эти периоды времени Удмуртия входила в тройку регионов, являющихся крупнейшими в стране производителями льна и изделий из него. Во второй половине XX века объемы посевов льна в регионе существенно снизились. В настоящее время лен выращивается в 15 районах Удмуртии, в основном в северной ее части и площади, занятые посевом льна, в последнее время составляют около 15 тыс. га. С 2007 года реализуется республиканская программа «Развитие льняного комплекса Удмуртской Республики», мероприятия которой направлены на увеличение производства льняной продукции и повышение эффективности производства на предприятиях льняного комплекса республики. Значительную роль здесь могут сыграть районные общества потребительской кооперации, которые в свое время оказали существенное влияние в процессе культивирования льна.

Целесообразно также увеличить объемы производства и таких традиционных для удмуртов народных промыслов, как пчеловодство, лесные промыслы, отхожие промыслы (выделка рогож, циновок, кулей, крашение шерстяных, бумажных, холщевых тканей и пряжи). В других республиках России похожая ситуация – в них можно развивать другие виды полузабытых народных промыслов, нередко называемых этноэкономикой. У башкир, например, традиционными народными промыслами были коневодство и кумысоделание, которые в последнее время также интенсивно возрождаются.

В последние десятилетия в теории менеджмента интенсивно изучаются различные национальные, этнические модели менеджмента. Этот процесс реализуется в условиях столь же интенсивно развивающегося нового научного направления, называемого «этноэкономика». В связи с этим, а также учитывая, что система управления является важнейшей частью экономической системы в целом, процесс исследования различных национальных моделей менеджмента, на наш взгляд, по аналогии целесообразно назвать «этноменеджментом».

Всплеск серьезного интереса к анализу этнонациональных моделей менеджмента впервые произошел в 80-х годах XX века, когда японская экономика обогнала экономику СССР и стала второй промышленно развитой экономикой мира, уступая только США. Успех послевоенного развития экономики Японии был настолько разителен, что его окрестили «японским чудом» – по темпам роста экономика Японии существенно превосходила в тот период американскую экономику. Об этом говорят следующие факты: если в 1950 г. ВВП Японии был меньше чем ВВП США более чем в 30 раз, то уже в 1985 г. это отставание сократилось до 2 раз, что свидетельствует о гораздо более высоком уровне роста производительности труда японской экономики по сравнению с американской.

Стремительное развитие японской экономики в послевоенный период вызвало огромный интерес к модели японского менеджмента, в особенностях которой многие специалисты справедливо видели главную причину японских успехов. В итоге в 80-х годах прошлого века большое число специалистов – менеджеров признало, что в то время японская модель менеджмента была, как минимум, не хуже, чем американская модель. Этому в значительной мере способствовали научные исследования американского ученого японского происхождения Р. Оучи, посвященные особенностям японской модели менеджмента. Любая этно-национальная модель менеджмента формируется под влиянием культурных, религиозных политических, социально-экономических, географических факторов.

В общем, под моделью менеджмента обычно понимают совокупность идей и подходов, лежащих в основе системы управления организацией. Одним из самых важных факторов, повлиявшим на формирование японской модели, является религиозный фактор, а именно влияние конфуцианства и буддизма на социальную психологию и культуру японцев. Здесь смело можно утверждать, что данный фактор является одним из важнейших в процессе формирования и более общей – азиатской модели менеджмента (дело в том, что немало схожих черт и признаков в системе управления ряда азиатских стран – кроме Японии это и Южная Корея, и Тайвань, и даже в определенной степени Китай). Главной отличительной чертой японской (азиатской) модели менеджмента является коллективизм в отличие от индивидуализма, лежащего в основе американской модели системы управления [5].

Японская философия управления персоналом основывается на принципах коллективизма, всеобщего согласия, вежливости, патернализма, а также на традициях уважения к старшему. Основную причину успехов Японии в послевоенный период видят в применяемой ею модели менеджмента, ориентированной на человеческий фактор, при которой большое значение имеет этика бизнеса и когда во внимание принимают интересы не отдельного работника, а, прежде всего, интересы группы людей, интересы коллектива в целом. В связи с этим здесь на первом плане стоят принципы признания и уважения к человеку со стороны окружающих; определения места и роли каждого работника в коллективе, а также первостепенный учет социальных факторов, когда вознаграждение за труд воспринимается сквозь призму социальных потребностей.

Таким образом, в основу азиатского менеджмента заложено создание дружных и эффективно работающих коллективов на основе использования сочетания формальных факторов организации производства с неформальными. В итоге и в Японии, и в Южной Корее фирмы обеспечивают не только доход своим работникам, но и дают им возможность для саморазвития и самовыражения. Это проявляется, в частности, в функционировании «кружков качества», в которые входят рабочие, менеджеры и руководители компаний (в Японии «кружки качества» действуют с 60-х годов XX века, а результатом их функционирования является внедрение на предприятиях страны многих технологических и организационно-управленческих инноваций), в обязательном награждении за успехи в труде, в сведении перерывов в работе к минимуму, а также в практике поставок точно в срок, которая дает возможность избавиться от громоздких складских помещений и позволяет достичь высокого уровня дисциплины персонала фирмы и эффективных логистических изменений.

Одним из важнейших позитивных аспектов в использовании азиатской модели является гибкий подход к построению структуры управления, а также использование неформальных процедур контроля, в т.ч. группового контроля. Это привело к тому, что еще в 80-е годы прошлого века на фирме «Тойота» впервые в истории была использована матричная организационно-управленческая структура. Этот факт стал отправной точкой широкого распространения в мире нового типа организационно-управленческих структур – органических вместо механических, которые до этого времени являлись основными. Все чаще японский опыт управления перенимают передовые европейские компании. Так, немецкая компания «Порше», оказавшись на грани разорения, обратилась за помощью к японским специалистам. В результате за 3 года вследствие использования нововведений в сфере складской логистики исчезло несколько подсобных помещений и территория завода сократилась на 30% – все это позволило предприятию существенно снизить затраты и выйти из кризиса.

Важнейшей основой азиатской модели менеджмента является патриархальное отношение к фирме со стороны служащих как к некоей большой семье, в которой руководители фирмы, как и родители в семье, заботятся о подчиненных (детях), а последние отвечают взаимностью – все это в значительной мере объясняется огромным влиянием, которое оказывают восточная философия и религия (особенно конфуцианство и буддизм) на социальную психологию многих азиатских наций и народностей (японцев, корейцев, китайцев и т.д.) [6]. Следствием патриархальных отношений к фирме являются такие признаки японской модели, как использование метода консенсуса на совещаниях руководителей при принятии управленческих решений; наличие общей столовой для руководителей и рабочих; утренняя зарядка для сотрудников фирмы; проведение рабочего времени в форменной одежде; сравнительно медленное продвижение по службе, зависящее не столько от индивидуальных результатов, сколько от результатов эффективности работы всего коллектива, в котором данный сотрудник работает. Важнейшими признаками азиатской модели являются также неформальные отношения руководителей с подчиненными: продвижение по карьерной лестнице, основанное на старшинстве и стаже работы; оплата труда в зависимости от стажа работы и показателей работы в группе; достижение гармонии в группе и групповые достижения; долгосрочная занятость; предоставление пенсионного пособия всем членам семьи рабочего после выхода его на пенсию; практика пожизненного найма, применяемая в основном на крупных предприятиях (по оценкам, в этой системе пожизненного найма занято от 30 до 40% всех работников страны, а с конца 80-х годов прошлого века в Японии также широко применяется система повторного найма, где в основном заняты люди пенсионного возраста).

Таким образом, в связи со спецификой ряда азиатских стран, в значительной мере обусловленной своеобразным мировоззрением, пронизанным влиянием конфуцианской и буддисткой религиозно-этических концепций, в них использование западной модели системы управления хозяйственными организациями было невозможно, из-за чего и возникла необходимость формирования своей специфической модели менеджмента. К характерным чертам азиатского стиля управления можно отнести следующие: доверие партнеров друг к другу; понимание совместного вклада в развитие компании; медленная ротация кадров; широкое использование системы долгосрочных планов развития компании; стремление к повышению уровня образования персонала на основе постоянного обучения и повышения квалификации: наличие межфирменных отношений, строящихся на доверии и взаимоотношении руководителей компаний [7].

Особенности азиатской модели менеджмента проявляются, например, в способе проведения деловых переговоров, когда в отличие от американского стиля менеджмента, японские бизнесмены в целях достигнуть взаимопонимания и доверия сначала обсуждают различные вопросы, лишь постепенно приближаясь к самой сути, т.е. к решению деловых проблем. Такой подход во многом роднит способ ведения деловых переговоров японскими бизнесменами и их коллегами из арабских стран. Однако в арабских государствах на этот процесс серьезное влияние оказывает позиция ислама о второстепенном отношении к женщине как к существу неполноценному по сравнению с мужчиной (в соответствии с догматами исламской религии) [8]. В этой связи в этих странах, как правило, весьма неохотно имеют дело с бизнес-леди, особенно если последние не замужем (известны случаи, когда европейским или американским компаниям приходилось отзывать своих высококвалифицированных специалистов женского пола, работающих в исламских государствах).

Кроме японской, азиатской, исламской моделей менеджмента широко известны английская, немецкая и особенно американская модели – последняя наряду с японской также считается эталоном системы управления экономическими структурами. К важнейшим особенностям американского менеджмента относятся: индивидуальная ответственность и индивидуальный процесс принятия решений; индивидуальный контроль со стороны руководства; продвижение и оплата труда, основанные на индивидуальных результатах. Кроме этого, к признакам американской модели менеджмента также относятся быстрая и преимущественно формализованная оценка результатов труда и ускоренное продвижение по службе, использование четких процедур контроля и формализм в системе отношений между руководителем и подчиненными.

Таким образом, американская философия управления персоналом построена на традициях конкуренции и поощрения индивидуализма работников. Она, прежде всего, ориентирована на получении прибыли компании, от величины которой также зависит и личный доход работника. Для американской концепции управления экономическими системами характерны: индивидуализм, четкая постановка целей и задач, а также выбор критериев оценки, высокая оплата труда персонала, поощрение потребительских ценностей [9].

Сравнение приведенных признаков и особенностей японской и американской моделей управления свидетельствует о практически противоположных качественных характеристиках этих моделей. Особенно это справедливо в отношении таких свойств, как коллективизм, характерный для модели первого типа и индивидуализм, свойственный модели второго типа (однако, на самом деле, при более глубоком рассмотрении более правильным будет утверждение о том, что в случае японской модели речь идет об учете не только исключительно результатов деятельности коллектива в целом, но и об оценке индивидуальных показателей отдельных сотрудников, однако лишь сквозь призму учета результатов деятельности коллектива, в котором они работают, т.е. иначе говоря, в этой модели учитываются также и индивидуальные показатели, но при условии успешной работы коллектива в целом, причем показатели эффективной работы коллектива обязательно имеют приоритетное значение).

Так, групповая деятельность стала основной формой работы уже упоминавшихся выше кружков качества на промышленных предприятиях в Японии. Если в 1965 г. было зарегистрировано 3700 групп, занимающихся проблемами управления качеством, то в начале XXI века было уже около двух миллионов кружков качества. При этом следует отметить, что реализация принципов работы кружков соответствует общественным и культурным традициям японцев. Обычно выделяют следующие принципы: принцип добровольности (начинать кружковую работу следует с теми, кто в этом заинтересован), самосовершенствования (члены кружка должны проявлять желание учиться), взаимного развития (члены кружка должны расширять свой кругозор и сотрудничать с членами других кружков) и принцип всеобщего участия (цель кружка качества – полноценное участие всех рабочих в управлении качеством) [10].

В США и Европе – другие традиции. Здесь решение вопросов управления качеством, несмотря на желание использовать японский опыт остается прерогативой ученых и конструкторов. Сходство же японской и американской моделей менеджмента заключается в том, что в обоих случаях основное внимание уделяется активизации человеческого фактора, постоянным инновациям, диверсификации товаров и услуг, разукрупнению крупных предприятий и развитию малого и среднего бизнеса, умеренной децентрализации производства, разработке и реализации долговременных стратегических планов.

Как можно заметить, обе модели решают схожие задачи, однако многие специалисты считают, что именно японская модель в современных условиях наиболее конкурентоспособна. Однако по-прежнему широко используется и американская модель менеджмента. В реальной практике это проявляется в том, что в этом случае бизнесмены действуют прямолинейно. Они нередко прибегают к приказу в процессе согласования решений на переговорах, причем в этом случае в отличие от японцев, как правило, не делают долгих отступлений, а сразу переходят к сути вопроса. При ведении переговоров, главной целью которых является достижение договоренности, одним из самых важных условий является соблюдение всех законов и нормативно-правовых актов, а не выгода и согласие между партнерами. Поэтому в состав американской делегации на переговорах обязательно входит уполномоченный представитель, имеющий право на принятие решений, а также юрист. Важным отличием американской модели менеджмента от японской является также ее нацеленность на краткосрочную занятость, поэтому в этом случае у сотрудников, как правило, отсутствует преданность фирме и работе (напомним, у японцев, особенно в условиях пожизненного найма, ситуация прямо противоположная). В результате у американцев нормой является не только переход из одной фирмы в другую в среднем раз в 8–10 лет, но и существенное изменение вида деятельности и бизнеса вплоть до переезда в другой регион страны и выбора другой профессии.

Кроме американской модели существенный интерес представляет изучение особенностей английской и немецкой моделей менеджмента. Все эти модели имеют немало общих, сходных признаков, что позволяет вести речь о наличии более общей западной модели управления. В целом для этой системы менеджмента характерны следующие

признаки: единоначалие руководителя в принятии решений, разграничение деловых и личных отношений, отсутствие у сотрудников преданности работе. Особыми характеристиками немецкого менеджмента являются: высокая дисциплина, более длительный процесс внедрения новшеств и модернизации производства, а также дальновидность управленческой политики в целом. Эти особенности находят проявление в реальной хозяйственной практике следующим образом.

В Германии банковское финансирование хозяйственных процессов предпочтительнее акционерного, причем банки имеют право голосования на собраниях акционеров. Руководство компаниями осуществляется двумя структурами: правлением и наблюдательным советом, численность которого устанавливается законом и может быть изменена акционерами. Функции этих двух структур разделены, причем никто не может совмещать должности обеих структур. Членами правления могут быть только сотрудники фирмы, тогда как членами наблюдательного совета могут быть и сотрудники иных хозяйственных структур. К преимуществам еще одной модели менеджмента западного типа – английской – относятся следующие: тщательное проведение НИОКР и разработка новых наукоемких технологий, эффективное внедрение новых процессов и их дальнейшая модернизация, гибкость в использовании технологических процессов, а также стремление к постоянному сокращению издержек производства.

В России в настоящее время общепризнанной национальной модели управления нет. Это связано с рядом причин, в том числе с относительно небольшим сроком развития рыночных отношений в России; с весьма высоким уровнем криминогенности, особенно в доходных сферах хозяйственной деятельности; с наличием «откатной» формы функционирования предприятий (работают «на откатах»). Кроме этого, общеизвестно, что Россия является самой большой по площади страной мира, в которой живет более 100 наций и народов на территории более 80 субъектов РФ – в них нередко наблюдаются различия в системе законодательства региональных органов власти.

На характер управления в отечественной экономике серьезное влияние оказывают также такие факторы, как недостаточная защищенность собственности со стороны законов и нередкое их несоблюдение, патриархальное и иждивенческое отношение к государству (ожидание постоянной поддержки и помощи от государства как различными слоями бизнеса, так и населением). Значительное влияние на процесс формирования российской системы менеджмента, особенно на первых этапах перехода к рыночным отношениям (в «лихие» 90-е годы прошлого века), оказали также такие особенности функционирования отечественной экономики, как высокий уровень налогообложения (высокие налоги на деятельность физических и юридических лиц), недостаточный уровень компетентности руководителей бывших советских руководящих структур (представителей парии КПСС и комсомола) – нередко это были люди без экономического образования, использующие в своей работе старые диктаторские методы, основанные на принуждении и особенно невысокой эффективности руководства со стороны так называемых «новых русских», нередко с пренебрежением относящихся к подчиненным, главной целью которых было быстрое получение прибыли методами, законность использования которых порою была под большим вопросом. И хотя в последнее время доля руководителей нового поколения, имеющих высокий уровень знаний и образования и применяющих современные методы управления, в российской экономике постоянно увеличивается, негативные последствия неэффективного управления «новыми русскими» (применяемый ими способ управления позволял получать значительные прибыли в краткосрочном периоде, однако долгосрочное существование данной модели менеджмента всегда было под большим вопросом) сказываются до сих пор. Этот фактор наряду с нестабильностью и изменчивостью организационно-управленческой среды способствует формированию в российской экономике ориентации на преимущественное получение краткосрочной выгоды, а не на организацию эффективной долгосрочной работы [11].

В результате действия всей совокупности перечисленных выше факторов, современная система менеджмента в России является своего рода симбиозом европейского и азиатского стилей управления. В целом современная российская концепция управления весьма многообразна – она зависит от отраслевых и региональных особенностей, размеров организации, формы собственности. Например, крупные организации акционерного типа, созданные на основе государственных предприятий, сохраняют, как правило, прежние традиции, характеризуются четкой дисциплиной, коллективизмом и хозяйственностью, предусматривают повышение уровня жизни работников и сохранение социальных благ и гарантий для них в условиях рыночной инфраструктуры. Таким образом, в целом можно констатировать, что в последнее время идет поиск формирования эффективной российской модели менеджмента, соответствующей специфике и особенностям отечественной экономики. Вместе с тем до завершения этого процесса еще достаточно далеко, и пока еще российская система управления воспроизводственными отношениями носит эклектический характер, представляя из себя симбиоз, сочетание разных устоявшихся моделей управления со сравнительно устойчивыми характеристиками и признаками.

Уже упоминавшиеся выше особенности национальной психологии русских – общинность, патернализм и государственность также во многом обязаны своим появлением историческим факторам и специфике природно-географических условий обитания данного этноса. Так, очевидно, что огромные размеры территории России и экстремальные условия хозяйствования (напомним, что около 70% территории страны относится к зоне Севера) в значительной мере обусловили необходимость повышенного участия государственных органов власти в жизнедеятельности российского общества, так как необходимо было содержать огромную армию, милицию, развивать производственную и социальную инфраструктуру – а все это даже в странах с развитой рыночной экономикой, как известно, является «епархией» государственного сектора. Северные, экстремальные условия хозяйствования оказывают особенно при рыночных отношениях серьезное сдерживающее влияние на развитие экономики, что проявляется в повышенных затратах на добычу и производство единицы продукции (например, затраты на добычу тонны нефти в северных регионах страны в среднем в 3–4 раза выше, чем в относительно «комфортных» по природно-климатическим условиям районах), в более высоком минимальном прожиточном уровне и уровне потребительской корзины и т.п. Однако на Севе-

ре сосредоточены огромные запасы природных ресурсов, поэтому этот регион жизненно важен для развития экономики страны. Северная специфика России также во многом определяет необходимость осуществления здесь существенного государственного регулирования воспроизводственных процессов (кстати, в странах с развитой рыночной экономикой – например, в Канаде, в отношении производственно-хозяйственной деятельности, ведущейся в регионах зоны Севера, со стороны государственных властных структур осуществляется разнообразная протекционистская политика [12]). Вышеперечисленные, а также ряд других условий и факторов (среди которых – внешняя военная угроза, одно из лидирующих положений страны в мировой политике и пр.) и обусловили значение государственности в национально-историческом развитии русского этноса. Другая национальная черта русских – общинность также связана с особенностями исторического развития страны и, прежде всего, с многовековым существованием крестьянских общин (вспомним, с каким ожесточением со стороны общинных крестьян пробивала себе дорогу столыпинская реформа в царской России, нечто подобное можно было наблюдать со стороны колхозников в отношении новоявленных фермеров и в первые годы рыночной реформы в нашей стране), а также с длительным существованием социалистических производственных отношений. В период социализма у советских граждан целенаправленно формировалась коллективистская психология, во многом обусловленная существованием общенародной собственности, проявляющейся в двух формах – государственной и колхозно-кооперативной.

Именно общинность и патернализм (надежда на то, что государство разрешит все проблемы) являются, на наш взгляд, важнейшими инерционными социально-психологическими факторами, сдерживающими в России развитие рыночных реформ. Они же вкупе с необходимостью усиленного по сравнению со многими другими странами государственного регулирования воспроизводственных процессов в значительной степени определяют и специфику формирования российской модели развитой рыночной экономики. Кстати, другие известные национальные модели рынка – шведская, японская, канадская, американская и пр. также во многом обусловлены особенностями исторического и культурно-психологического развития соответствующего этноса. Например, японская, южнокорейская и китайская модели рыночной экономики определенно связаны с историческим прошлым этих стран Азии, особенно с такими чертами азиатского способа производства, как восточный деспотизм (беспредельная власть императора, хана, их наместников и сатрапов); практическое отсутствие частной собственности на землю, на систему водоснабжения и на инфраструктуру, которые находились в собственности государства; соединение власти с собственностью, вследствие чего правитель становился верховным собственником, а экономика превращалась в атрибут политического господства – все это безмерно усиливало центральную политическую власть; наличие многочисленной и коррумпированной касты чиновников, грабивших народ; с предпринимателями, которые в силу обстоятельств предпочитали сферу обращения – торговлю, ростовщичество, обслуживание властителей.

В процессе реформирования своей экономики и формирования развитых рыночных отношений правительственные структуры Японии, Южной Кореи и Китая не пошли по пути всеобщей либерализации хозяйственной деятельности, как это сделало правительство Е. Гайдара в России, взявшее на вооружение монетарную модель, а учли специфику азиатского способа производства. Это выразилось в том, что в этих странах на начальном этапе процесса рыночного реформирования государственные органы усиленно контролировали течение социально-экономических преобразований, более того, в них в отличие от России по-прежнему осуществляется планирование воспроизводственных процессов на макроуровне и с этим во многом связывают высокие темпы роста экономики в этих странах. Поскольку исследователи в качестве исторических центров азиатской организации общества обычно наряду с Китаем, Египтом, Междуречьем, Японией и Средней Азией называют также и Россию (Московское царство времен Ивана IV, также как и последующих правителей явно тяготело к восточным деспотиям), у нас в ходе рыночного реформирования также не стоит уповать лишь на классические монетаристские методы. Учитывая, что подобное общественное устройство обнаруживает устойчивость и удивительную жизнестойкость, а обычаи азиатского общества проступают через пласты реформ и революций, без усиленного государственного вмешательства в осуществление переходных процессов привить в российском обществе в широких масштабах свойственный развитым рыночным отношениям индивидуализм вряд ли удастся. Иначе говоря, поскольку Россия – евроазиатская страна, монетарные принципы, которые достаточно успешно были воплощены в жизнь в ряде стран Восточной и Центральной Европы у нас вряд ли могут быть эффективно реализованы (поэтому важнейшим практическим значением этноэкономики является изучение национальных особенностей социально-экономического поведения в условиях рынка, т. е. иначе говоря, изучение особенностей приспособления разных этносов к рыночным отношениям). Следует учитывать также и то, что в России этнические русские составляют 83% населения страны (правда еще 25 миллионов русских проживают за ее пределами), остальные нации и народности, проживающие на ее территории, рыночные реформы переживают по-своему, поэтому нужно учитывать территориальную специфику. Так, например, у удмуртов по сравнению с русскими в условиях сильного экономического кризиса и высокого уровня безработицы в 90-е годы прошлого века гораздо сильнее проявлялась привязанность к сельской местности, что выражалось в существенном сокращении традиционного оттока населения в города из сельской местности и даже в преобладании у удмуртов тех, кто в то время переехал на постоянное местожительство в сельскую местность. Причем основную часть рабочего времени они проводили на работах в личных подсобных хозяйствах, а не в коллективных. У русских, проживающих в Удмуртии, ситуация была прямо противоположная, т.е. иначе говоря, процесс рыночной адаптации у разных наций протекал неодинаково (учитывая актуальность проблемы выявления особенностей социально-экономического поведения разных наций и народностей страны в условиях различных общественных систем необходимо в ряде научных дисциплин – этноэкономике, национальной экономике развивать региональные разделы).

Таким образом, не только характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений оказывают влияние на процесс формирования этноса, но и особенности последнего существенно влияют на динамику

социально-экономических отношений. Например, в Швеции существует традиция сотрудничества среди прямых конкурентов в различных отраслях промышленности (особенно в сталелитейной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной). Так, шведские компании, занятые производством бумаги, сотрудничали в течение некоторого периода в установлении экспортных цен. Такое поведение объясняется особенностями социального строя и системы профессиональной подготовки (образно выражаясь, шведов учат сотрудничать, а не конкурировать). Это приводит к позитивным результатам в производственных отношениях по вертикали и во взаимоотношениях со смежными отраслями, однако существенно сдерживает развитие внутренней конкуренции, так необходимой для некоторых важных типов нововведений. В результате Швеция не преуспевает в отраслях, где требуются быстрое реагирование и частая смена продукции.

В определенном смысле сходная социально-психологическая ситуация наблюдается и в Германии. Клиенты во многих отраслях, в которых преуспевает Германия, являются консервативными и настороженно относятся к новым продуктам. Поэтому немецкие фирмы редко преуспевают в отраслях с коротким жизненным циклом товара (менее 3–5 лет) или потребностью в агрессивном маркетинге. Другой областью постоянной слабости послевоенной Германии является образование новых деловых предприятий. Здесь банкротство получает очень громкую и негативную общественную реакцию, в результате боязнь риска крайне велика, и люди не желают все ставить на новое предприятие. Здесь плохо развит и рынок рисковых капиталов. Активное нежелание идти на риск характерно и для большинства швейцарцев в связи с высоким уровнем благосостояния. В результате Швейцария испытывает недостаток необходимых для создания новых предприятий условий в связи с отсутствием рискового капитала.

Итальянцы, напротив, по складу характера любят рисковать, многие отличаются индивидуализмом и стремлением к независимости. Значительная часть итальянцев полна решимости создать свою собственную компанию. И хотя здесь по этой причине уровень банкротств весьма велик, итальянцы в отличие от немцев не делают из этого трагедии (вполне допустимым считается, если за свою жизнь владелец дважды становился банкротом). В результате в Италии очень развит малый бизнес, причем чтобы сохранить свое место на рынке, итальянские фирмы должны постоянно иметь новые модели продукции. Поэтому в Италии имеется огромное количество модификаций продукции. Например, в торговле мебелью здесь существует обилие великолепных магазинов, многие из которых специализируются исключительно на одном виде мебели: для ванных комнат, кухонь, офисов.

Другой отличительной чертой итальянской экономики является наличие между многими фирмами сильных семейных и клановых связей. Сделки с поставщиками и покупателями здесь в большей степени основываются на личных взаимоотношениях и характеризуются их долговременностью. Каналы сбыта за рубеж у многих итальянских фирм также зависят от личных связей, в связи с чем направления экспорта могут существенно изменяться со сменой приоритетов предпринимателей. Таким образом, многие итальянцы не любят работать в системе иерархического подчинения, а отдают предпочтение собственным либо связанным дружественно-родственными отношениями компаниям.

Итак, мировой опыт свидетельствует, что каждая страна преуспевает в основном в тех отраслях, которые в наибольшей степени отвечают ее исторически сложившимся условиям и национальному характеру. В Италии это модная одежда и мебель, в США – финансы и шоу-бизнес, в Швейцарии – банковское дело и фармацевтика (в Швейцарии использование трав в медицинских целях имеет давнюю традицию и хорошо гармонирует со швейцарской заботой о здоровье, поэтому в этом сегменте рынка швейцарские покупатели представляют собой хороший испытательный полигон в отношении рыночной привлекательности товара, а швейцарская компания по производству конфет с добавками лекарственных трав «Рикола» вышла на международный уровень и представляет собой хороший пример выбора такого сегмента, который использует национальные преимущества). Развитие этих базовых для данных стран отраслей и видов производств в соответствии с принципом мультипликатора служит стимулом для развития и многих других отраслей, в связи с чем народное хозяйство начинает с определенного момента функционировать как единый комплекс и экономика в целом быстро и динамично развивается (таким образом, учет национально-психологических и исторических особенностей развития стран с развитой рыночной экономикой увязывается с известной теорией экономического ядра).

В этой связи заметим, что в последнее время все больший интерес представляет исследование проблем национальной экономики (в вузах даже появились учебные курсы с таким названием), когда выявление особенностей общественного воспроизводства в той или иной стране неизбежно увязывается со спецификой географических, исторических, религиозных, культурных, психологических факторов и условий проживания соответствующего этноса (возвращаясь к анализу опыта швейцарцев в этой связи следует отметить, что поскольку Швейцария соединяет в себе несколько культур, фирмы этой страны получают уникальную возможность в области удовлетворения потребностей в продукции и поэтому неудивительно, что французская часть Швейцарии, также как и сами французы, тяготеет к потребительским товарам, тогда как немецкая часть является местом изготовления многих видов оборудования точного машиностроения и размещения компаний химического направления – производств, являющихся приоритетом национального развития у немцев). Причем, поскольку классические рыночные теории в среднем имеют дело с так называемым экономическим человеком (что в целом годится для немцев, англичан и большинства других европейских этносов), тогда как в России очень много неэкономических людей, у нас в процессе социально-экономического реформирования часто не срабатывают традиционные либеральные методы. Следует учитывать также и то, что в России живет около ста наций и народностей, поведение которых может еще сильнее отличаться от рыночных стереотипов, чем даже у русских.

Еще известный историк В.О. Ключевский в своих работах отмечал, что короткое русское лето, изменчивость погоды, трудности борьбы с суровой действительностью порождают неуверенность в себе. В среднем россиянин замкнут и осторожен, ему трудно с достоинством выдержать успех, в числе свойств нашего народа можно назвать также

выносливость, терпение и смирение. В характере русского человека просматривается преобладание эмоционального начала над рациональным, несомненный и многообразный художественный талант [13]. Возможно, из-за этого россиянина порой посещает отрешенность от всего мирского, а также увлечение религиозной мистикой и ожидание «чуда». Еще одной примечательной особенностью русских явилось сохранение азиатских корней в культуре, которая становилась все более европейской. Однако европейское влияние в основном носило общегуманитарный характер, что, скорее всего, было обусловлено общностью христианских религий. В области же политических и экономических структур азиатское наследие сохранялось. В значительной мере из-за этого производство в России топталось на низком техническом уровне, экономический рост в основном носил экстенсивный характер и стимулировался принуждением, жестокостью властей, а уровень жизни основной массы населения был весьма низок. Из-за последствий азиатского способа производства Россия позже вступила на путь индустриального развития. Подобным образом можно охарактеризовать особенности других этносов и определить степень их влияния на воспроизводственные процессы.

Как видим, приведенные особенности русского этноса не связаны только лишь с национальной психологией. Поэтому наряду с экономической психологией целесообразно появление этноэкономики – нового научного направления, в рамках которого выявляются общие законы взаимовлияния социально-экономических и этнических процессов, а также определяются национальные особенности социально-экономического поведения (в том числе и рыночной адаптации) и взаимосвязи каждого этноса с эффективностью общественного воспроизводства той страны, где этот этнос обитает (заметим, что термин «этноэкономика» может быть и не самый удачный, однако вопрос о названии научного направления носит больше филологический характер). Понятно, что этноэкономика связана тесным образом с рядом других научных дисциплин, таких как, этнография, история, экономическая психология, национальная экономика. Тем не менее, этноэкономика имеет собственный предмет исследования, отличный от предмета исследования иных научных дисциплин, в том числе и тесно связанных с ней. Поэтому этноэкономика имеет право на существование в виде отдельного научного направления, развитие которого может оказать серьезное влияние на многие теории (например, теорию стоимости, маржинализм и пр.). Вполне возможно, что имеет смысл подобным образом определить область исследования и таких научных дисциплин, как этносоциология, этноэкология, этнотехнология и пр. В качестве важнейшего и крайне актуального раздела этноэкономики при этом следует выделить тот, в рамках которого исследуются проблемы взаимосвязи этнических процессов и процессов реформирования экономики, процессов рыночной адаптации разных этносов (причем это актуально не только для России, но и для многих других постсоциалистических государств), что должно повысить эффективность трансформационных рыночных преобразований и помочь выбрать оптимальную стратегию социально-экономического развития страны и ее различных регионов. Последнее особенно важно, так как из 84 субъектов Федерации в России 22 – это республики с многонациональным населением, причем экономическое поведение разных этносов может сильно отличаться от рыночных стандартов, поэтому крайне важно в этноэкономике развивать региональные разделы.

Серьезное влияние этноэкономика наверняка окажет и на различные экономические теории, особенно на такие, как маржиналистские концепции, в частности, на теорию предельной полезности. Возникновение теории предельной полезности в значительной мере было обусловлено синтезом экономических и психологических концепций. В основных постулатах этой теории предполагается некое усредненное рыночное поведение человеческого индивидуума, однако в реальности поведение людей может существенно отличаться от усредненного. Отклонения в человеческом поведении зависят от многих факторов, в том числе от особенностей культуры, уровня образования, индивидуальных психологических особенностей и т. п. Но наряду с индивидуальными поведенческими отличиями можно выделить и особенности поведения целых этносов, отличающие их от некоего среднего.

Чтобы охарактеризовать это абстрактное среднее поведение, как правило, используют не менее абстрактное понятие «экономический человек», под которое с определенной натяжкой может быть отнесено экономическое поведение ряда классических рыночных (т. е. с вековыми рыночными традициями) наций – немцев, англичан и пр. Однако к этой группе может быть отнесена лишь небольшая часть проживающих на Земле этносов, в частности, усредненное поведение в так называемых традиционных восточных обществах очень сильно отличается от классически рыночного. Даже у русских многие исследователи отмечают наличие значительного числа неэкономических людей, что оказывает существенное влияние на характер и динамику осуществляемой у нас в стране рыночной реформы (отмечают, что психологию русских отличают общинность, патернализм и государственность).

Поскольку на усредненное экономическое поведение существенное влияние оказывают особенности идеологии, культуры, религии, психологии различных этносов имеет смысл, на наш взгляд, осуществить исследование по вопросу истинности основных положений маржиналистской концепции сквозь призму учета специфики этнического поведения в сфере экономики. Причем при проведении такого рода исследований помимо этнических особенностей следует учитывать также и другие условия и факторы. В частности, поведение как отдельного индивидуума, так и этноса в целом зависит от конкретных социально-экономических условий, таких, как фаза кризиса или подъема экономики, половозрастная структура общества (и, прежде всего, от удельного веса лиц пенсионного возраста и молодых), доли больных, в том числе с психическими отклонениями и т.п. Поэтому учет не только этно-психологических, но и социально-экономических факторов и условий может оказать серьезное влияние на истинность некоторых выводов и результатов маржиналистской теории.

Список литературы

1. Сергеева А.В. Какие мы русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 384 с.

2. Тураев В.А. Этнополитология. – М.: МГУ, 2001. – 386 с.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: МГУ, 2009. – 493 с.
4. Павлов К.В. Импортозамещающая модель модернизации российской экономики: развитие традиционных промыслов // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 1. – С. 88–97.
5. Гаджиев К.С. Геополитика. – М.: Юрайт, 2012. – 479 с.
6. Малявин В.В. Конфуций – М.: Молодая гвардия, 1992. – 335 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий).
7. Волков Г. Этнопедагогика. – Чебоксары: Альфа, 2003. – 316 с.
8. Сюкияйнен М. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
9. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М.: Наука, 1998. – 341 с.
10. Чудновская С.Н. История менеджмента. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 239 с.
11. Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера / Составитель и предисловие С.К. Иванова. – М.: Прогресс, 1994. – 464 с.
12. Павлов К.В. Региональные эколого-экономические системы. – М.: Магистр, 2009. – 351 с.
13. Мединский В.Р. Об особом пути и загадочной русской душе. – М.: ОАО «ОЛМА Медиа Групп», 2015. – 176 с. (Серия «Мифы о России»).

Солдатова И.Ю.
д.э.н., гл.н.с. ВНИИ экономики и нормативов, профессор Высшей школы бизнеса ЮФУ, Ростов-на-Дону
sold@aaanet.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *управление сельским хозяйством, конкурентоспособность, модернизация, зарубежные санкции; ускоренное импортозамещение; инвестиции и инновации.*

Keywords: *risks and opportunities, government support, foreign sanctions; accelerated import substitution; modernization; investment and innovation.*

Сельское хозяйство России несмотря на неблагоприятные внешне-экономические условия стабильно развивается. В бюджете 2016 года на поддержку сельского хозяйства выделено 237 млрд. рублей (в 2007 году эта цифра составляла 63 млрд. рублей). В конце марта 2016 года Минсельхоз утвердил перечень из 464 инвестиционных проектов по импортозамещению на общую сумму около 266 млрд. рублей. Инвестиции в основном направлены на строительство овощехранилищ, переработку плодов и ягод, молочное скотоводство и переработку, птицеводство, мясное скотоводство и свиноводство (табл. 1)[1].

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал на развитие отраслей АПК (в фактически действовавших ценах)

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Инвестиции в основной капитал на развитие сельского хозяйства*, млрд. руб.	201,8	256,9	276,2	307,1	313,8
% к предыдущему году	97,8	116,7	107,5	111,2	102,2
% к общему объему инвестиций в основной капитал на развитие экономики России	3,0	3,0	2,9	2,3	2,3
Инвестиции в основной капитал на развитие производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака, млрд. руб. (1995 г. – трлн. руб.)	176,5	186,8	201,8	233,4	244,4
% к предыдущему году	106,6	99,2	102,2	115,6	104,7
к общему объему инвестиций в основной капитал на развитие экономики России	1,9	1,7	1,6	1,7	1,8

* По видам экономической деятельности растениеводство, животноводство, растениеводство в сочетании с животноводством без субъектов малого предпринимательства.

** Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.

По данным на 15.06.2016 г. в текущем сельскохозяйственном году экспортировано зерновых культур 33 279 тыс. тонн, в том числе пшеницы – 24 111 тыс. тонн, ячменя – 4219 тыс. тонн, кукурузы – 4616 тыс. тонн, прочих культур – 333 тыс. тонн. Темпы экспорта зерна выше прошлогодних на 12% (за соответствующий период прошлого года было отгружено 29 739 тыс. тонн). По состоянию на 13 июня 2016 г. оптовые цены в Европейской части страны на муку пшеничную высшего сорта составили – 17 470 руб./т (+6,3% с начала года), муку ржаную – 13 965 руб./т (+20,2% с начала года).

На рынке мяса и мясопродуктов в январе-апреле 2016 года производство скота и птицы на убой (в живом весе) в хозяйствах всех категорий составило 4,2 млн. т и по сравнению с аналогичным периодом 2015 года увеличилось на 6,0%. Средневзвешенная цена сельскохозяйственных производителей на 17.06.2016 на говядину полутуши составила 199,53 тыс. руб./т, на свинину полутуши – 151,54 тыс. руб./т, на мясо кур тушки – 98,87 тыс. руб./т.

На рынке молока и молокопродуктов в январе-апреле 2016 года валовой надой молока в хозяйствах всех категорий составил 8,9 млн. т и увеличился относительно уровня 2015 г. на 0,8%, в том числе в сельскохозяйственных организациях – 4 896,8 тыс. т (+3,1%). Средневзвешенная цена сельскохозяйственных производителей по Российской Федерации на 17.06.2016 на молоко сырое составила 21,18 руб./кг.

На рынке сахара по состоянию на 30 мая 2016 года переработка сахара-сырца снизилась. По данным Союза сахаропроизводителей России с января 2016 г. переработано сахара-сырца 172,9 тыс. т (в 2,4 раза меньше аналогичного периода 2015 г.), выработано 169,4 тыс. т (в 1,9 раза меньше аналогичного периода 2015 г.).

[1] Статистические материалы развития агропромышленного производства России. – М: Российская академия наук, 2016. – С. 3.

Таблица 2

Удельный вес сельского хозяйства* в экономике, % к итогу

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Валовая добавленная стоимость	3,6	4,2	3,7	3,8	4,0
Численность занятого населения	9,8	9,7	9,5	9,4	9,3
Инвестиции в основной капитал	3,0	3,0	2,9	3,7	3,6
Основные фонды	3,1	2,9	2,7	2,8	2,7

* С 2005 г. – по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство».

В системе источников финансирования сельского хозяйства региональная система поддержки становится доминирующей по направлениям и объемам финансирования. Эффективность региональной политики проявляется в ее гибкости, адресности, больших возможностях контроля за целевым использованием бюджетных средств. Отсутствие этих предпосылок на федеральном уровне резко снижает эффективность бюджетного регулирования выделяемых средств.

Валовая продукция сельского хозяйства в последние годы растёт (см. табл. 3)[1].

Таблица 3

Валовая продукция сельского хозяйства

Показатели	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Хозяйства всех категорий (в действующих ценах), млрд. руб.	2587,8	3340,5	3687,0	4319,0
То же в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	88,7	95,2	105,8	103,7*
То же в % к 1990 г. (в сопоставимых ценах)	72,2	84,5	89,3	92,6*
Продукция растениеводства, в % к общему объему	46,0	49,0	53,2	51,5
То же в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	76,2	88,3	111,2	105,0*
То же в % к 1990 г. (в сопоставимых ценах)	83,0	107,5	119,5	125,5*
Продукция животноводства, в % к общему объему	54,0	51,0	46,8	48,5
То же в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	100,9	102,8	100,6	102,1*
То же в % к 1990 г. (в сопоставимых ценах)	62,9	66,1	66,4	67,8*

Импорт продуктов в результате реализации политики импортозамещения, роста конкурентоспособности отечественного производства сокращается (табл. 4)[2].

Таблица 4

Импорт основных продовольственных товаров, тыс. т

Виды продовольственных товаров	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Мясо свежее и мороженое	1614	1406	1285	1012
Мясо птицы свежее и мороженое	688	531	523	453
Рыба свежая и мороженая	791	739	775	649
Молоко и сливки сгущенные	238	163	220	194
Масло сливочное и прочие молочные жиры	134	118	135	147
Подсолнечное масло	115	17	18	8,8
Сахар-сырец	2086	520	530	666
Сахар белый	285	68	69	285
Злаки	444	974	1302	930
Мука и крупы	120	68	123	-
Макаронные изделия	59	81	94,7	105
Картофель	711	461	448	690
Томаты	717	800	853	-
Яблоки свежие	1206	1279	1352	1050
Фруктовые и овощные соки	278	264	244	237
Импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья, млрд. долл.	36,5	40,4	43,1	39,7

Таблица 5

Показатели реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014г.
Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах к предыдущему году), %	88,7	123,0	95,2	105,8	103,7
Индекс производства продукции растениеводства (в сопоставимых ценах к предыдущему году), %	76,2	146,9	88,3	111,2	105,0
Индекс производства продукции животноводства (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году	100,9	102,3	102,7	100,6	102,1

[1] Статистические материалы развития агропромышленного производства России. – М.: Российская академия наук, 2016. – С. 4.

[2] Там же, с. 11.

Индекс производства пищевых продуктов, включая напитки (в сопоставимых ценах к предыдущему году), %	104,0	104,2	104,3	101,0	103,3
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства (к предыдущему году), %**	90,9	111,6	102,7	105,1	94,5
Рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий), %	8,3	11,8	12,1	13,0	16,2
Среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве (по сельскохозяйственным организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства), руб.	11097	13030	14935	16853	19243

* Предварительные данные.

** Данные за 2009–2014 гг. приведены по полному кругу организаций по сумме кодов ОКВЭД (01.1 + 01.2 + 01.3). Оценка Минсельхоза России.

Рост цен на продовольственном рынке является существенным (табл. 6)[1]. Роль Министерства в сдерживании цен заключается в стимулировании роста сельхозпроизводства. По мере насыщения рынка российским, отечественным продовольствием, цены будут снижаться и стабилизироваться.

Таблица 6

Средние потребительские цены на продовольственные товары, руб./кг на конец года

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Говядина	197,6	234,69	248,47	244,55	272,28
Свинина	198,35	210,89	220,09	214,8	272,36
Мясо птицы, кроме куриных окорочков	105,14	103,57	117,26	107,03	136,14
Колбаса вареная	235,96	270,28	288,23	302,94	310,54
Масло сливочное	239,55	256,48	260,89	308,92	357,54
Масло подсолнечное	72,60	76,79	78,51	75,47	78,09
Молоко цельное, 1 л	31,99	32,52	33,88	38,64	43,81
Сыры сычужные твердые и мягкие	263,20	273,43	272,57	326,89	388,81
Яйца куриные, дес.	38,56	41,25	43,34	56,01	58,76
Сахар-песок	40,62	30,22	31,58	32,32	44,97
Мука пшеничная	21,45	19,76	25,19	26,83	29,46
Хлеб и хлебобулочные изделия из пшеничной муки высшего сорта	42,60	45,36	50,51	55,11	58,75
Рис шлифованный	42,14	40,65	39,80	43,51	53,03
Макаронные изделия	47,77	46,18	48,87	50,67	55,18
Картофель	28,94	14,26	16,07	23,18	26,66
Капуста свежая белокочанная	28,22	10,61	15,65	17,30	25,55
Лук репчатый	27,41	16,03	16,70	21,36	26,47
Яблоки	62,37	63,59	62,54	63,26	76,70

Выводы и рекомендации

1. Эффективность государственной поддержки сельского хозяйства РФ определяется её воздействием на экономические процессы, инвестиционное и инновационное развитие отрасли в условиях экономической, политической, природно-ресурсной, экологической неопределённости. Существующие в отрасли риски усиливаются международными санкциями. Продукция сельского хозяйства РФ вынуждена конкурировать с продукцией, произведенной в зарубежных государствах с высокой степенью бюджетной поддержки. Это обусловливает необходимость усиления государственной поддержки сельского хозяйства в нашей стране для создания равных конкурентных условий.

2. Стратегия государственной поддержки сельского хозяйства России базируется на ряде основных принципов: активной роли государства; сочетании методов и инструментов рыночного и государственного регулирования инвестиционных процессов; обоснованности приоритетных направлений развития сельского хозяйства; обоснованности инновационности развития; развитии и совершенствовании информационно-консультационной деятельности; совершенствовании конкурсной системы экспертизы и отбора инновационных проектов и программ при учете рисков экономических, политических, природно-ресурсных, внутренних и внешних факторов.

3. Методология управления в сельском хозяйстве должна сочетать институциональный и синергетический подходы; учитывать системные свойства сельскохозяйственной экономики как сложного объекта управления; базироваться на методологических принципах управления: на системной взаимосвязи, социальных приоритетах, институциональной согласованности, комплексности и непрерывности; ориентироваться на преимущественное применение моделей адаптивного управления, включать систему критериев комплексной оценки эффективности сельского хозяйства на разных уровнях управления.

4. Основу государственной поддержки сельского хозяйства России должна составлять поддержка воспроизводства системы социально-экономических отношений на селе, основанная на приоритетном использовании минимизирующих трансакционные и бюджетные издержки инструментов регулирования. Наиболее значимой формой поддержки государством сельскохозяйственного производства и обеспечивающих его условий является поддержка цен. Поддержка методами бюджетной политики может быть результативной только при условии эффективной координации

[1] Статистические материалы развития агропромышленного производства России. – М.: Российская академия наук, 2016. – С. 22.

усилий органов федерального и местного управления, наличии соответствующих механизмов контроля целевого адресного использования бюджетных средств.

5. Инструментами государственной поддержки сельского хозяйства России являются меры косвенной поддержки сельской экономики, предусмотренные рамками «зеленой» корзины Соглашения по сельскому хозяйству. Они связаны с обустройством сельских территорий и созданием условий комфортного проживания граждан на селе:

1) развитие сельской инфраструктуры: транспорта, связи, энергетического обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, спорта, медицины и т. д. Без этого трудно ожидать, что мы остановим опустынивание и деградацию сельских территорий;

2) снижение уровня коррупции;

3) развитие человеческого капитала, создание нематериальных активов, подготовка кадров. Развитие массового изобретательства и рационализаторства, поощрение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в качестве основы для модернизации сельскохозяйственного машиностроения;

4) улучшение, мелиорация земель, экологическое, ландшафтное и точное земледелие, сохранение среды обитания и биологического разнообразия и т. п.

6. Рост зарубежных санкций обусловил необходимость ускоренного импортозамещения. С одной стороны, это даёт возможность отечественным сельскохозяйственным товаропроизводителям заполнить рынок качественной продукцией, с другой стороны – эта политика высоко затратна, требует количественного и качественного увеличения производственно-экономических ресурсов. Если это произойдёт, тогда продовольственная безопасность России будет сопровождаться ростом продовольственной независимости. В дальнейшем при условии роста количества и повышения качества продукции увеличится и доля экспорта.

7. В условиях глобализации кризисных процессов особое значение приобретает развитие интеграционных процессов между государствами, входящими в Евразийский экономический союз с 2015 года. Основным принципом функционирования этого Союза становится синергия объединения в общих интересах, позволяющая одновременно обеспечить высокую динамику развития Союза в целом и каждой из входящих в него стран. Для решения проблем интегрированной продовольственной безопасности необходима разработка и реализация комплекса организационно-экономических мер. Необходимо совершенствование скоординированной сельскохозяйственной политики ЕАЭС. Часть функций экономического регулирования придется передавать межгосударственному коллективному органу управления. При этом каждая страна имеет равный голос.

8. На развитие сельского хозяйства в России оказывает воздействие ряд негативных факторов: длительная окупаемость инвестиций; накопленные последствия хронического диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию и потребляемые материально-технические ресурсы; ограниченный платежеспособный спрос в отрасли; неконтролируемый рост цен и тарифов на продукцию и услуги естественных монополий, транспортные издержки, международные санкции, нестабильность рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; отсутствие механизма страхования предпринимательских рисков сельскохозяйственного производства; острый дефицит в научном и информационном обеспечении.

Хузмиев И.К.[1]

ОБ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИИ

Ключевые слова: *энергобезопасность, энергосбережение, единая тарифная зона, возобновляемые источники энергии, эффективное использование энергоресурсов, энергетическая политика, цены на энергоресурсы.*

Целью топливно-энергетического комплекса России является создание экономических, организационных и правовых условий, надежного функционирования системы энергоснабжения для обеспечения энергетической безопасности страны, которая определяется возможностью устойчиво снабжать энергетическими ресурсами потребителей внутри страны и в странах-партнерах [1]. При этом необходимо учитывать, что энергетическая безопасность зависит как от внутренних проблем, так и от внешних геополитических вызовов.

Определение основных приоритетов энергетической политики, разработка новых структурных, технологических и технических решений, обеспечивающих устойчивое энергоснабжение России в XXI веке, являются основой ее энергетической безопасности. Отметим также, что одной из причин, снижающей энергетическую безопасность, является высокая энергоемкость ВВП, которая определяется высокой энергоемкостью промышленного производства и жилищно-коммунального хозяйства из-за использования неэффективных устаревших технологий, высокого износа инфраструктуры и систем жизнеобеспечения, фактического отсутствия реально работающих программ энергосбережения, незначительного использования нетрадиционной и возобновляемой энергетики, затратного отношения к энергоресурсам в обществе. При этом происходит необоснованный рост цен на энергоресурсы из-за системы принятия тарифов в интересах поставщиков. Так, например, стоимость электроэнергии на оптовом рынке в настоящее время около 3 центов, а на розничном колеблется от 5,5 до 10 центов, и эта цена ежегодно растет, опережая инфляцию, то же можно утверждать и в отношении цены на природный газ. В этой связи, основным направлением обеспечения электроэнергией и природным газом потребителей должны стать: пересмотр системы тарифообразования в интересах экономики в целом; энергосбережение и повышение эффективности всех производств и систем жизнеобеспечения; использование возобновляемого энергетического потенциала и нетрадиционной и малой энергетики.

При этом энергетика России должна быть ориентирована на:

- рост производства и потребления экологически чистых и возобновляемых энергоносителей, чтобы они вместе с использованием потенциала энергосбережения, стали главным источником энергии и способствовали сокращению эмиссии тепличных газов;
- повышение эффективности использования ископаемого углеводородного топлива;
- расширение использования экономических и экологических преимуществ природного газа в качестве основного топлива в среднесрочной перспективе;
- сокращение диспропорций потребления энергии различными социальными группами путем оптимизации энергетических потоков;
- модернизация угольной отрасли, ее ресурсно-технологической и перерабатывающей базы;
- повышение безопасности и надежности атомной энергетики, развитие водородной энергетики;
- массовое применение когенерационных технологий в электроэнергетике, обеспечивающих рост к.п.д. энергоустановок до 80–90%;
- Определение приоритетов в сфере энергетических инфраструктурных проектов, таких как Северный и Южный потоки, энергетические транспортные системы для экспорта энергоносителей в Китай и Азиатско-Тихоокеанский регион.

В целях укрепления энергетической безопасности России необходимо разработать и принять на уровне Правительства сбалансированную **энергетическую политику**, которая должна характеризоваться:

- Адаптацией нормативно-правовых актов и методик к рыночным преобразованиям ТЭК, созданием конкурентного энергетического рынка потребителя, а не поставщика;
- Социально направленной тарифной политикой, отказом от затратной идеологии определения тарифов, льгот и их монетизацией;

[1] Хузмиев Измаил Каурбекович – д.т.н., член-корреспондент Российской академии электротехнических наук, действительный член Международной академии педагогических наук, почетный доктор Грузинского государственного аграрного университета, почетный доктор университета св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии, заслуженный деятель науки и техники РСО-А, почетный энергетик России, почетный регулятор естественных монополий России, почетный работник науки и техники и почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник РАО «ЕЭС России», член Международного союза экономистов, эксперт Комитета по энергетике Государственной Думы РФ, почетный гражданин с. Кобан РСОА, профессор кафедры Информационные технологии в экономике Северо-Кавказского горно-металлургического института, Владикавказ. E-mail: izmailh@mail.ru

• Энергосбережением и повышением эффективности использования энергоресурсов, повсеместной установкой современных систем учета и управления энергоресурсов;

• Ликвидацией перекрестного субсидирования;

• Решением проблем ценообразования, налоговой и финансовой политики государства в ТЭК в интересах экономики в целом;

• Структурными преобразованиями в топливно-энергетическом комплексе и в топливно-энергетическом балансе, проведением геологоразведочных работ и освоением новых месторождений.

• Поддержкой экспортного потенциала ТЭК на рынках Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона;

• Реструктуризацией системы установления тарифов и ликвидацией явного и скрытого монополизма в системах электро- и газоснабжения;

• Активизацией НИР и ОКР с целью модернизации ТЭК и связанных с ним отраслей и повышения конкурентоспособности отечественных технологий и технических средств;

• Созданием региональных учебных центров для подготовки персонала, способного работать в условиях реформированной энергетики;

К сожалению, правительство иногда принимает не до конца проработанные решения в отношении энергетических проектов, которые подрывают энергетическую безопасность. Так, например, газопровод «Турецкий поток» будет строиться по дну Черного моря от кавказского побережья, но эффективней, по нашему мнению, около половины расстояния пройти по Крыму. При этом будет решена проблема газоснабжения полуострова и отпадет потребность строительства отдельного газопровода через керченский пролив, что даст экономию около 7 млрд. рублей.

Другим характерным примером является реформирование электроэнергетики. Главными целями реформирования электроэнергетики России, как заявляли её идеологи, были:

• привлечение инвестиций с целью модернизации отрасли;

• снижение темпов роста тарифов на энергию за счет разделения монополии на конкурентную и неконкурентную сферы.

• стимулирование конкуренции между поставщиками, которая будет способствовать снижению тарифов.

Однако эти цели не были достигнуты, так как процесс реформирования электроэнергетики России оказался недостаточно продуманным. Вместо конкурентных цен было получено маржинальное ценообразование с одномоментным ростом тарифов в среднем в 1,5–2 раза. Реформаторы обещали снизить тарифы в электроэнергетике и привлечь инвестиции. Ни того, ни другого не произошло. Фактически был создан монопольный рынок продавца, а не потребителя, как основа любых конкурентных рыночных отношений.

Тарифы на электроэнергию в среднем по отрасли превысили тарифы в США на 40% и более чем на 10% в ЕС. [2, 3]. Кутовой Г.П. [4] отметил: «Почему отечественный промышленный потребитель сегодня уже в 1,67 раза платит за покупную электроэнергию больше, чем аналогичный потребитель в США и в 1,3 раза больше, чем европейский предприниматель. А если учесть, что наша промышленность почти в два раза более энергоёмкая, чем у наших конкурентов, то очевидно, что отечественному промпредприятию за электричество приходится платить почти в 4 раза больше [5]. Это экономический парадокс для страны-экспортёра топливно-энергетических ресурсов. Объяснение причин этого парадокса лежит в «несовершенстве» государственной ценовой политики».

Ликвидация самой надежной и эффективной системы в мире – Единой Энергетической системы России – была проведена без поэтапного анализа проводимых реформ, как это прописано в Постановлении Правительства РФ № 526 о реформе в электроэнергетике. В 2001 году во время визита в Региональную энергетическую комиссию штата Калифорния в г. Сакраменто США автору был задан вопрос: «Зачем вы разрушаете лучшую в мире энергосистему?». Оценивая ситуацию в электроэнергетике необходимо отметить, что, например, основной причиной аварии в Хакассии был системный кризис в отрасли из-за непрофессионально проведенной реформы электроэнергетики. В этой связи необходимо провести тщательный анализ результатов преобразований в отрасли и восстановить контроль Государства в электроэнергетике, от которой зависит энергетическая безопасность страны.

В тарифном регулировании из-за отсутствия реальной конкуренции и соответствующих рыночных сигналов на ранках электроэнергии и природного газа можно отметить недостатки, которые ведут к неоправданному росту цен на услуги монополистов:

• У поставщиков энергоресурсов нет стимулов к повышению качества и эффективности работы и энергосбережению в связи с нерыночными принципами определения тарифов и монополизмом.

• Работа компаний общего пользования из-за затратного ценообразования и фактической закрытости хозяйственной деятельности ведет к завышению затрат на их услуги и неоправданным потерям.

• Естественномонопольные структуры в виде Гарантирующих поставщиков, действующие на розничных рынках электроэнергии, не заинтересованы в снижении цен на покупаемые ими ресурсы, материалы и оборудование, так как связанные с этим затраты находятся в конечной цене. Аналогично функционирует система ДПМ [3, 4]. Это приводит к ее росту и увеличению общей массы прибыли для монополистов. То же наблюдается и на рынке природного газа.

По нашему мнению, для сдерживания бесконтрольного роста цен на электроэнергию необходимо:

1. Ограничить рентабельность поставщиков электроэнергии на оптовом рынке.

2. Разрешить независимым генерирующим компаниям и потребителям заключать договора на поставку электроэнергии, минуя посредников.

3. Создать межрегиональные и региональные администрации розничного рынка электроэнергии для осуществления биржевой торговли с привлечением независимых поставщиков, в том числе и независимых генерирующих компаний, начав с пилотного проекта для отработки норм и правил конкурентного розничного рынка электроэнергии.

4. В случае если какой-нибудь из поставщиков электроэнергии на розничном рынке будет контролировать более трети рынка, вводить для него регулирование цен.

5. Уточнить правила розничного рынка с учетом запуска АРР – администрации розничного рынка, а также исключить из правил положение о том, что независимые поставщики электроэнергии в регионах обязаны поставлять ее только на оптовый рынок или продавать на розничном рынке через ГП.

6. Скорректировать правила оптового рынка таким образом, чтоб не менее 95% электроэнергии продавалась по долгосрочным прямым договорам без ограничения срока по договорным ценам с ограниченной рентабельностью, остальная электроэнергия может торговаться на рынке на сутки вперед и на балансирующем рынке на час вперед.

7. Уточнить существующие нормативные документы по регулированию розничного рынка электрической энергии с целью приведения их в соответствие с идеологией рыночных преобразований электроэнергетики России. Рассмотреть вопрос о ликвидации главной монопольной структуры на розничном рынке – Гарантирующего поставщика.

8. Ликвидировать рынок мощности в существующей форме.

9. Реформировать систему тарифообразования на услуги естественных монополий, разработав прозрачную и гласную антикоррупционную процедуру принятия решения. Не должно быть никаких коммерческих тайн для компаний общего пользования, тарифы необходимо принимать гласно, один раз в три года, с возможностью общественности контролировать, куда и зачем расходуются средства, собираемые с потребителей. Федеральная служба должна выполнять функции контроля и методического центра с правом отправлять в отставку неквалифицированных руководителей региональных подразделений, которые в обязательном порядке раз в три года должны подтверждать свою квалификацию в центральной независимой квалификационной комиссии.

Рыночной позицией является отмена всех льготных тарифов и предоставление денежной компенсации для оплаты нормированных количеств энергоносителей лицам, которым государство представляет преференции за счет жилищных субсидий. Система ступенчатых тарифов для населения, поощряющая энергосбережение может быть применена как фактор социальной защиты для лиц с низкими доходами. Возможно также применение ступенчатых энергосберегающих тарифов для промышленных организаций. Большой интерес в отношении снижения тарифов на электроэнергию и ликвидации посреднических структур представляет создание в федеральных округах **единых тарифных зон** на основе общей для округа **администрации розничного рынка** [7].

Так как энергетическая политика затрагивает интересы всех слоев общества, она должна учитывать краткосрочные и долгосрочные цели государства в политике, экономике, социальном развитии. В краткосрочном плане развития регионам во всех сферах деятельности необходимо каждодневно решать проблемы энергоснабжения. Поставки энергоресурсов в необходимом количестве и номенклатуре обеспечивают работоспособность промышленности и сельского хозяйства, коммунальных служб и инфраструктуры. Использование местной энергетической базы: гидроэнергетического потенциала малых рек, солнца, ветра, биомассы, тепла земли должно стать одним из приоритетов всех региональных властей. При решении всех проблем, связанных с энергетикой, необходимо обеспечить свободный доступ к **нормированным количествам** энергоресурсов всем потребителям с учетом рыночных реформ и социальной защиты семей с низкими доходами.

Необходимо понять, что так называемые дешевые энергоресурсы в среднесрочной перспективе наносят экономике больше вреда, чем пользы. Газовая пауза закончилась, а в обществе нет ясного понимания этого факта. Поэтому разработка новых, не противоречащих рыночным реформам нормативно-правовых актов, реформирование системы налогообложения, корректировка экономической политики в России должны способствовать повышению **энергетической безопасности**. Необходимо создать условия для модернизации ТЭК с целью обеспечения достойного уровня жизни населения с учетом социальной справедливости путем экономии всех ресурсов и сохранения окружающей среды. Энергетическая безопасность, как часть национальной безопасности, определяется способностью ТЭК страны обеспечить устойчивое энергоснабжение потребителей энергоресурсами установленного качества и по доступным ценам. Важным при этом является устойчивость самого энергетического сектора к различным внешним и внутренним кризисным и чрезвычайным воздействиям.

Потребляемая в настоящее время энергия – это в основном ископаемое углеводородное топливо, сжигаемое в различных энергетических установках для получения необходимой работы. Кроме этого, огневая энергетика ведет к загрязнению окружающей среды и эмиссии тепличных газов. Так как современная цивилизация требует все больших количеств энергии для своего развития, необходимо в ближайшей перспективе решить глобальную проблему перехода от классических энергоносителей к возобновляемым, ресурсы которых безграничны, а также решить задачу снижения воздействия энергетики на природную среду. Ежегодно на Земле для производства энергии потребляется более 10 млрд. тонн нефтяного эквивалента (т.н.э.), 90% которой производится из углеводородного сырья, из которого около 40% составляет нефть. Такое потребление ископаемого топлива ведет к недостатку ресурсов в наступившем столетии и является одной из причин глобального потепления (парниковый эффект). Необходимо принять меры, направленные на то, чтобы мировая энергосистема не оказывала значительного экологического ущерба окружающей среде и при этом обеспечила бы всеобщую потребность в энергии. Различные предложения по уменьшению выбросов тепличных газов основываются на увеличении эффективности использования всех ресурсов, энергосбережении и использовании возобновляемой энергетики. Мировое сообщество адекватно реагирует на создавшуюся ситуацию в энергообеспечении. INFORCE-EUROPE подготовило и опубликовало прогноз развития энергетики и возможных энергетических балансов до 2050 года, который предполагает что выработка энергии за счет возобновляемых источников в ЕС к 2030 году

составит 45% , а к 2050 году может достичь 100%. Глобальная смена энергетического курса возможна в ближайшее десятилетие, основой которого будет снижение энергоемкости ВВП за счет энергосбережения и повышения эффективности использования энергоресурсов, а также использование возобновляемых источников энергии. Процесс, как говорится, пошел. Можно привести несколько примеров: Так, например, уже сегодня Датская энергетическая ассоциация отметила, что в 2014 году энергопотребление в стране достигло минимума за последние 42 года и по данным Министерства климата и энергетики Дании, в настоящий момент в Дании около 43% электроэнергии обеспечивается за счет ветроэнергетики [8], а Китай предполагает сделать возобновляемую энергетику базой своей экономики [9]. В Германии 9 июня 2014 года в национальную энергосеть поступило 23,1 ГВтч энергии от фотоэлементов, что составило 50,6% суточного потребления, сообщил Институт систем солнечной энергии общества Фраунгофера (Fraunhofer ISE), а между 13:00 и 14:00 часами 6 июня со всех фотоэлементов в стране была снята мощность 24,24 гигаватта, а за всю неделю 2-8 июня – 1,26 ТВтч. [10]. По данным ITE к 2040 солнечная энергетика станет основным источником электроэнергии в мире. За последние 10 лет установленная мощность солнечных электростанций в мире увеличилась в 40 раз и превысила величину 140 ГВт, а установленная мощность ветроэлектрических станций превысила 300 ГВт. Это кардинально меняет системы производства и поставки энергии в обозримой перспективе. Однако потребуются значительные инвестиции и наличие политической воли у руководства стран мира. Можно соглашаться или нет с таким прогнозом, но ясно одно: эра углеводородов к середине столетия может завершиться. После этого природный газ и нефть перестанут пользоваться спросом на энергетическом рынке. Так, например, в Израиле принята программа перехода автотранспорта на электрический привод, с тем расчетом чтобы за несколько лет за счет развития солнечной энергетики сократить импорт нефти вдвое. Как заявил газете Financial Times президент страны Симон Перес «Через 10 лет нефть вообще не будет нам нужна». Кстати, в условиях отдельных регионов Россия может использовать подобные решения, например, для района Сочи. Поэтому этот факт необходимо учитывать при составлении прогнозов развития экономики России. На данный момент, согласно оценкам Эксон Мобил, мировые извлекаемые запасы нефти, которая может быть добыта традиционным способом, составляют 450 млрд. тонн, что сопоставимо с последней оценкой Геологической Службы США. Если же мы прибавим оцениваемые «пограничные» ресурсы, такие как тяжелая нефть и битумные сланцы, то общие объемы превысят 575 млрд. тонн. По большинству экспертных оценок имеющиеся ресурсы достаточны для удовлетворения растущего спроса на нефть до 2030 г. В течение следующих пяти лет будет использовано больше половины всей ископаемой нефти Земли, пригодной для потребления. Если бы уровень потребления нефти оставался постоянным (24 миллиарда баррелей нефти в год), то мы исчерпали бы нефть в 2040 году. Но потребление увеличивается примерно на 2% в год. Ясно, что спрос на нефть превысит предложение задолго до 2040 года. В некоторой временной точке между 2010 и 2025 годами добыча нефти достигнет своего пика, а затем неизбежно наступит спад. Это стало мощным стимулом для стран ОЭСР для разработки и реализации программ энергосбережения и перехода к альтернативной энергетике, основанной на возобновляемых источниках. К сожалению, в России эта проблематика находится вне центра внимания официальных структур. Многие специалисты указывают на исчерпаемость в обозримой перспективе основных источников нефти в России и на переход страны от экспорта нефти к ее импорту к середине 20-х годов этого столетия. Несмотря на это продолжается ничем не обоснованный рост ее добычи. Причем половина получаемого объема идет на экспорт. Объем добычи нефти в России в 2014 году составит 524,8 млн. тонн, газа – 668 млрд. м^3. Об этом сообщает ИТАР-ТАСС, экспорт нефти, по оценке МЭР РФ, в 2014 составит 230 млн. тонн [11]. Получаемые средства от экспорта нефти не используются для развития инфраструктуры и диверсификации экономики нашей страны, в том числе за счет энергосбережения и применения ВИЭ. Вместо этого средства аккумулируются в обесценивающихся валютных фондах, которые работают на экономики зарубежных стран, в частности таких развитых стран как США. С этим можно было бы согласиться, если бы крупнейшие российские компании не привлекали средства для своего развития на западных рынках в объемах, сравнимых со стабилизационным фондом, под проценты, в разы превышающие доход от его размещения. Отметим, что совокупный объем Резервного фонда на 1 января 2015 г. составил 4 трлн. 945,49 млрд. руб. ($87,91 млрд.), Фонда национального благосостояния (ФНБ) – 4 трлн. 388,09 млрд. руб. ($78 млрд.) [12]. При этом консолидированный внешний долг России по итогам 2014 года составил 599,5 млрд. долларов. Долг органов госуправления 41,5 млрд. долларов, долги бывшего СССР 1,77 млрд., ЦБ должен 10,4 млрд., банки – 171,1 млрд., организации реального сектора 374,73 млрд.

Возникает вопрос: разве международные заемные средства, вливаясь в экономику страны, не влияют на инфляционные процессы или их деньги имеют другой запах? Не лучше ли, раз страна не нуждается в дополнительных финансах, сохранить дорожающие природные ресурсы в виде природного газа и нефти в самом надежном банке – в недрах и тем самым способствовать росту конкурентоспособности России в будущем.

Как известно, развитие экономики во многом определяется наличием необходимых энергоресурсов, которых в нашей стране достаточно. При этом работу по повышению эффективности потребления энергии и ее сбережению нельзя назвать удовлетворительной. Поэтому обеспечение эффективности и экономичности режима потребления энергоносителей должно стать приоритетным. Основой энергосберегающей политики может стать следующее:

- Реализация разработанных программ энергосбережения.
- Оптимизация системы финансирования энергосбережения для активизации работ по повышению эффективности использования энергии.
- Обеспечение учета потребления энергоресурсов во всех сферах экономики.
- Установление условий применения экономических санкций и административной ответственности за нерациональное использование энергоресурсов и поощрений за повышение эффективности их использования

Энергосбережение должно превратиться в решающий фактор улучшения жизни в стране, способствовать решению экономических задач и удовлетворению спроса на энергетические ресурсы по мере ожидаемого подъема эко-

номики [13]. Цены и налоговая политика являются основной реализации энергетической стратегии. Эта политика определяет инвестиционную составляющую энергетических компаний и их доходы.

К сожалению ни население, ни бизнес-сообщество, ни власть не обращают серьезного внимания на это. По-видимому, такой подход основан на уверенности в том, что Россия имеет огромные запасы, и нет особой нужды их экономить, а также заниматься повышением эффективности использования энергоресурсов и переходом к альтернативной энергетике. К сожалению, больше всего бюджетных средств поступает в те отрасли производства энергии, которые наиболее опасны для окружающей среды и оказывают вредное воздействие на здоровье людей. Так, к примеру, производство энергии на атомных станциях финансируется в основном из бюджета. Технологии, основанные на использовании возобновляемых источниках энергии, практически не имеющие побочных пагубных эффектов, менее всего поддерживаются бюджетными средствами. Такие направления, как солнечная энергетика, использование тепла земли, энергосбережение, имеют незначительную финансовую поддержку. Существующее положение дел не может не удивлять, поскольку именно применение возобновляемых источников энергии и энергосбережение могут существенно помочь в решении современных энергетических проблем. Сказанное подтверждается многочисленными аналитическими материалами и статистикой. Российской энергетической политике для того, чтобы преодолеть зависимость от устаревших решений, нужен инновационный нестандартный подход для срочного развития экологически чистой возобновляемой энергетики в стране и энергосбережения. Энергетика должна оцениваться не только валовыми показателями роста, но и снижением энергоемкости товаров и услуг. Пока же энергетика действует в системе затратных ценностей, сжигая невосполнимые запасы первичных энергоносителей.

Как известно, основным приоритетом общества является повышение жизненного уровня народа, который во многом зависит, как указывал Генри Форд, от сокращения перетаскивания мертвых грузов, то есть бессмысленного расходования энергоресурсов, которые с каждым годом становятся все дороже. На этом должна основывается концепция энергетической безопасности и реализующая ее энергетическая политика. Учитывая высокую стоимость строительства новых генерирующих мощностей и исчерпаемость углеводородного энергетического сырья, основное внимание необходимо обратить на использование нетрадиционной альтернативной возобновляемой энергетики, повышение эффективности использования энергоресурсов и энергосбережение. Финансирование энергосберегающих мероприятий, при котором затраты компенсируются стоимостью сэкономленных энергоресурсов, сегодня является одним из наиболее целесообразных направлений развития энергетики.

Зачем идти на север и в море, когда источник энергии в наших руках! В среднесрочной перспективе повышение эффективности использования энергии и применение возобновляемых источников, а также сбережение ресурсов и энергии обеспечит высокую конкурентоспособность России и обеспечит ее энергетическую безопасность. В странах с развитой рыночной экономикой это уже давно и многократно доказанный факт, это повседневная практика деловой и общественной жизни, этому давно учат в школах и колледжах. Чего же мы ждем?

Список литературы

1. Хузмиев И.К. К вопросу об энергетической безопасности России // Труды ВЭО РФ. – М., 2012. – Т. 158. – С. 131–138.
2. Нигматулин Б.И. О причинах роста тарифов на электроэнергию // Энергия. – М., 2012. – № 1.
3. Сабирзанов А.Я. Итоги реформирования электроэнергетики России Академия энергетики. – СПб., 2014. – № 4 [60]. – С. 4–11.
4. Кутовой Г.П. О торговых отношениях в электроэнергетике и предложениях к ценовой политике. – М.: ИНП РАН, 2014. – С. 64.
5. Кутовой Г.П. По уму всѐ-таки не получилось // Российская Федерация сегодня. – М., 2011. – № 5.
6. Хузмиев И.К., Анисимов С.П., Некоторые проблемы розничного рынка электроэнергии // Экономика и финансы электроэнергетики. – М., 2008. – № 9 (сентябрь). – С. 171–176.
7. Хузмиев И.К., Анисимов А.П., Гассиева О.И. О создании единой тарифной зоны в Северо-Кавказском федеральном округе // Научные труды ВЭО (Северо-Осетинское отделение), Специальный выпуск в честь 250-летия со дня рождения Екатерины II и 230-летия присоединения Осетии к России. 2009. – С. 39–48.
8. http://www.cleandex.ru/news/2015/04/10/energopotreblenie_danii_v_2014_godu_dostiglo_42letnego_minimuma?from_dop_mat=dr_publ-1
9. http://www.cleandex.ru/articles/2015/04/20/kitai_prigotovilsya_k_otkazu_ot_uglevodorodov?utm_source=site_mail&utm_medium=email_letter
10. http://www.nanonewsnet.ru/articles/2014/novyi-rekord-germanii-506-energii-za-sutki-polucheno-ot-solnechnykh-batarei
11. http://www.dp.ru/a/2014/05/16/V_2014_godu_obem_dobichi/,http://www.oilru.com/
12. http://www.minfin.ru/ru/nationalwealthfund/
13. Хузмиев И.К., Москаленко И. В. Энергосбережение – основа развития. – Владикавказ: Мавр, 2008. – С. 238.

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Акимов А.В.
д.э.н., зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН
akimovivran@mail.ru

РАЗВИТИЕ РОБОТОТЕХНИКИ – НОВАЯ ЗАДАЧА ЕС

***Ключевые слова**: ЕС, робототехника, международная конкуренция, технические стандарты.*

Быстрое развитие робототехники в последние годы и планы ведущих производителей вывести ее использование на новую ступень, обострили международную конкуренция в этой области и вызвали необходимость регулировать область технологий, которой, по мнению многих аналитиков, принадлежит будущее. В табл. 1 представлены данные по развитию робототехники в мире.

Таблица 1

Оценка парка промышленных роботов в основных странах на конец года, число роботов

Страна/регион	2013 г.	2014 г.	2015 г.* 2018 г.**	
Америка, в том числе	**226 071**	**248 430**	**272 000**	**343 000**
Северная Америка (США, Канада, Мексика)	215 817	236 891	259 000	323 000
Бразилия	8564	9557	10 300	18 300
Прочие страны Америки	1690	1982	2500	1700
Азия и Австралия, в том числе	**689 349**	**785 028**	**914 000** **1 417 000**	
КНР	132 784	189 358	262 900	614 200
Индия	9677	11 760	14 300	27 100
Япония	304 001	295 829	297 200	291 800
Южная Корея	156 110	176 833	201 200	279 000
Тайвань	37 252	43 484	50 500	67 000
Таиланд	20 337	23 893	27 900	41 600
Прочие страны Азии и Австралия	29 188	43 871	60 000	96 300
Европа, в том числе	**392 227**	**411 062**	**433 000**	**519 000**
Чехия	8097	9543	11 000	18 200
Франция	32 301	32 233	32 300	33 700
Германия	167 579	175 768	183 700	216 800
Италия	59 078	59 823	61 200	67 000
Испания	28 091	27 983	28 700	29 500
Великобритания	15 591	16 935 18 200	23 800	
Прочие страны Европы	81 490	88 777	97 900	130 000
Африка	**3501**	**3874**	**4500**	**6500**
Все прочие государства***	21 070	32 384	40 500	41 500
Мир в целом	**1 332 218**	**1 480 778**	**1 664 000**	**2 327 000**

* оценка.
** прогноз.
*** данные, не отнесенные к определенным странам.
Источник: по данным IFR и национальных федераций робототехники. World Robotics 2015. Industrial Robots. International Federation of Robotics. – http://www.worldrobotics.org/uploads/tx_zeifr/Executive_Summary__WR_2015.pdf

По размерам парка роботов лидирует Япония. В этой стране ставка на развитие этой технологии была сделана раньше, чем в других промышленно развитых странах в немалой степени из-за отсутствия трудовой иммиграции, которая обеспечивала дешевой рабочей силой США и Европу. Вместе с КНР и Южной Кореей Япония обеспечивает лидерство Азии в распространенности робототехники в промышленности.

На втором месте в мире находится Европа (Европейский Союз), существенно опережающая Северную Америку, то есть США. Данные конкретно по США в обзоре не приводятся, но по имеющимся оценкам лидерство по странам выглядит следующим образом: Япония, КНР, США, Германия и Южная Корея. Последние две страны примерно на одном уровне.

Очевидно, что международная конкуренция в области робототехники очень остра, и европейские страны не являются лидерами в этой области. Только крупные игроки мирового уровня способны успешно выступать на рынке промышленных роботов. Германия является мировым игроком в этой области, но более мелкие страны Европы с менее развитым машиностроением имеют значительно более слабые позиции.

Крупнейшие мировые экономики в последнее время выдвинули программы развития робототехники и ее проникновения во все сферы жизни общества. Лидером выступила Япония. Там штабом по экономическому оживлению японской экономики (Headquarters for Japan's Economic Revitalization), функционирующим при премьер-министре, в 2015 г. разработан документ «Стратегия Японии в области робототехники. Видение, стратегия, план действий» (Japan's Robot Strategy – Vision, Strategy, Action Plan)[1]. Стратегия разработана до 2020 г. и по ряду аспектов до 2025 г. Главной ее целью является внедрение роботов во все сферы жизни японского общества.

Провозглашается, что Япония является супердержавой в области робототехники (Japan as a Robotics superpower), и именно это обстоятельство должно быть использовано для решения проблем страны, в частности старения населения из-за низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни. Признается, что Европа, США и Китай догоняют Японию по ряду аспектов развития и применения робототехники, и выдвигается тезис о необходимости сохранить лидерство.

Формулируется утверждение о революции в области робототехники, которая состоит в том, что существенно меняется степень автономности роботов, они становятся информационными терминалами и объединяются в сети. Применение роботов в ходе этой революции расширяется от обрабатывающей промышленности до многих аспектов повседневной жизни.

Задачи Японии в ходе революции – стать мировым центром нововведений в области робототехники (innovation hub of the world), стать мировым лидером по широте использования роботов в повседневной жизни, лидировать в сфере Интернета вещей (роботы объединяются в информационные сети через Интернет), построения роботов с искусственным интеллектом и объединением их в сети.

В США в начале 2015 г. принята Национальная инициатива по развитию робототехники (National Robot Initiative)[2]. Она проводится Национальным научным фондом с рядом других организаций, включая связанные со здравоохранением, исследованием космоса и созданием передовых технических систем для вооруженных сил (DARPA). В отличие от японской и европейской эта программа в значительно меньшей степени охватывает сферу промышленных роботов, а сосредоточена на сферах ответственности правительства: здравоохранение, космические исследования, национальная оборона.

В КНР аналогичная программа нацелена в первую очередь на повышение технического уровня и эффективности обрабатывающей промышленности. Программа должна достичь промежуточных целей к 2020 г., а полная перестройка обрабатывающей промышленности должна произойти в 2025 г.[3]

В этих условиях ЕС выдвинула инициативу по развитию роботизации ее членов – Дорожную карту ЕС Robotics 2020. Multi-Annual Roadmap For Robotics in Europe, принятую в 2015 г.[4] Это не первая инициатива такого рода. Ранее в рамках ЕС была разработана концепция развития системы smart grid в странах Европы. Это технология «умных» электрических сетей, которые могут адаптироваться под сложные режимы работы с большими колебаниями мощности и выработки электроэнергии, которые возникают при использовании в сетях ветровых генераторов и солнечных батарей[5]. Развитие такого рода электрических сетей потребовало разработки и адаптации к новым условиям не только технических систем, но и межгосударственного регулирования в этой области.

Дорожная карта призвана объединить усилия науки, промышленности и государственной власти для развития робототехники и продвижения в мире европейских достижений в этой области. Программа обновляется ежегодно. Она носит общеевропейский характер.

Стратегическая дорожная карта является в значительной степени техническим и технологическим документом, детально описывающим перспективы развития робототехники в ЕС. Первая цель Стратегической дорожной карты – дать детальное описание рынка роботов, технологий в этой области и механизмов государственно-частного партнерства в этой сфере. Вторая – показать потенциал воздействия совершенствующейся робототехники на рынок и общество.

В свою очередь проект по электросетям и по робототехнике являются частью общеевропейских проектов по науке и технике, которые проводятся Европейской комиссией, являющейся главным исполнительным органом Европейского союза.

Дорожная карта состоит из трех блоков: требования к робототехнике в различных предметных областях (Domains), системные компетенции (System Abilities) и технологии (Technologies). Выделенные предметные области – это обрабатывающая промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство, применение роботов в области гражданского управления властями разных уровней (civil domain), добывающая промышленность, строительство и услуги, транспорт и логистика, роботы для домашнего использования. Специальные разделы посвящены развитию летающих и морских роботов. В последнем случае специально рассматриваются возможности использования роботов в нефтяной и газовой промышленности для разработки внебереговых месторождений.

---

[1] http://www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0123_01b.pdf

[2] http://www.nsf.gov/pubs/2015/nsf15505/nsf15505.htm

[3] China plans to realize intelligent manufacturing by 2025. – http://english.cntv.cn/2015/05/22/VIDE1432284846519817.shtml

[4] http://sparc-robotics.eu/wp-content/uploads/2014/05/H2020-Robotics-Multi-Annual-Roadmap-ICT-2016.pdf

[5] Strategic Research Agenda for Europe's Electricity Networks of the Future. Directorate-General for Research Cooperation. Energy. EUR 22580, 2007.

К системным компетенциям отнесены адаптационные возможности роботов, конфигурация, возможности автономного принятия решений, зависимость от оператора, возможности взаимодействовать с другими роботами, манипуляционные способности, диапазон движений и возможности восприятия и анализа.

Технологии объединены в группы по признаку назначения: системы и составляющие их инструменты, улучшения взаимодействия человека и робота, мехатроника, навигация и познавательные способности. По каждому кластеру уточняются конкретные требования и характеристики.

В целом программа описывает все многообразие направлений развития робототехники в Европе. Как подчеркивается в документе, программа составлена на основе консенсуса робототехнического сообщества. Дорожная карта объединяет области применения и технологии. Таким образом, дорожная карта ЕС по роботизации имеет множество составляющих, которые можно характеризовать как технико-экономическое задание для развития роботизации в странах Европы до 2020 г.

Таким образом, механизм ЕС оказывается эффективно действующим инструментом в условиях стремительно меняющейся конкурентной среды. Ни одна европейская страна не была бы равным партнерам таким экономическим гигантом как США и Япония, которые активно развивают робототехнику. Объединенная Европа вполне успешна в этой конкурентной среде.

Одним из мощных способов подстраивания рыночных условий в обрабатывающей промышленности в пользу регулятора является создание технических стандартов. Оно было важной частью интеграционной политики ЕС на всех этапах его развития. Первоначально предусматривалось обязательного согласования всех технических аспектов и принятия законодателями национальных государств соответствующих норм[1]. Этот процесс к середине 1980-х годов забуксовал. Причиной было сопротивление отдельных стран введению общих норм, которые были невыгодны для них.

С 1985 г. Европейский Союз применяет новую систему выработки и применения технических норм. Система стала двухуровневой, включающей обязательные требования, применяемые ЕС повсеместно, и оставляющей ряд нормативов на усмотрение стран-членов. Это сразу разблокировало процедуру создания и принятия нормативов, поскольку старая система требовала очень большой работы от законодателей, а новая облегчила законодательный процесс.

В рамках ЕС проводится большая работа по стандартизации, в частности робототехники. Разработаны директивы ЕС по общей безопасности (General Product Safety Directive), по нормативам электробезопасности и стандартизации электрооборудования в ЕС (Low Voltage Directive), по требованиям к электромагнитным параметрам оборудования (Electromagnetic Compatibility Directive), по требованиям к безопасности к устройствам, обладающим свойствами, характерными для робототехники (Machinery Directive), по медицинской технике (Medical Device Directive), по безопасности игрушек (Toy Directive).

Большая работа по стандартизации и безопасности внутри ЕС позволяет создать единый европейский рынок и защититься от импорта. Помимо работы внутри ЕС европейские институты участвуют в разработке международных стандартов в соответствующих сферах, что позволяет лоббировать технические требования к изделиям, которые производятся в Европе.

Европейская интеграция, начавшаяся как объединение рынков угля и стали, сделавшая много для интеграции сельскохозяйственных рынков, переходит к решению задач для новых технических систем, и выработанные ранее механизмы взаимодействия, оказываются вполне продуктивными в новых условиях глобальной технологической конкуренции.

[1] Kerler M. How Decision-Making Procedures Create Good Governance: Technical Regulation in the European Union / Otto-Friedrich-University. – Bamberg, 2005.

Башилов А.М.[1]

ВИДЕОРОБОТИЗАЦИЯ АГРОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАСТЕНИЕВОДСТВЕ И ЖИВОТНОВОДСТВЕ

Ключевые слова: *агротехноценоз, биообъекты, роботизация, видеонаблюдение, поиск и распознавание, управление, видеоцифровые технологии, современная видеотехника.*

Keywords*: agrotehnotsenoz, biological objects, robotics, video surveillance, search and recognition, management, videodigital technologies, modern equipment.*

Введение

Агротехнологические процессы в растениеводстве и животноводстве, как правило, решают задачи обслуживания многочисленных популяций биологических объектов (животных, растений), представляющих самостоятельные особи с характерными индивидуальными свойствами. Знания персональных биофизиологических данных и поведенческих алгоритмов «уважаемых биообъектов» определяют качество и производительность агротехнологических процессов. Биологических особей много, а оператор-специалист «одинок». Нужно многое знать о них, но невозможно непрерывно находиться в зоне их содержания. Возникает сложная проблема дальнейшего совершенствования точности и эффективности реализации агротехнологических процессов. Эта проблема носит информационно-коммуникационный характер, и решение её возможно при дополнительном включении в агротехнологические процессы высокоинформативных, высокопроизводительных видеороботизированных средств поиска и наблюдения интересуемых биообъектов при их групповой свободной или регламентированной «дислокации» [1–3].

1. Обобщённая схема видеороботизированного наблюдения растений и животных в агротехноценозах

Задачу группового наблюдения биообъектов в агроценозе (стада животных или растений в посадках) в соответствии с объёмом необходимого информационного обеспечения (предоставления ценной информации и рационального управления), можно разделить на следующие варианты: 1 – с высоким задающим (априорным) и малым текущим (апостериорным) информационным обеспечением, 2 – с высоким апостериорным и малым априорным информационным обеспечением, 3 – с высоким априорным и с высоким апостериорным информационным обеспечением, 4 – с малым априорным и малым апостериорным информационным обеспечением.

Видеороботы, оснащённые цифровыми видеокамерами, в отношении содержательности и разнообразия информационного потока находятся в наиболее выгодном положении и могут соответствовать второму или третьему вариантам как наиболее совершенным, но и более сложным [4–5].

Сложность обусловлена тем, что поставленная задача не может быть решена заранее и должна решаться в процессе функционирования группы видеороботов в масштабе реального времени. Обычно она решается многократно с некоторой периодичностью. Интервал времени определяется многими факторами, такими как: быстродействие и разрешающая способность видеосенсорных устройств, динамические свойства интересующих биообъектов и помех окружающей среды, производительность вычислительных устройств.

Управление биообъектами агроценоза, в первую очередь, зависит от способа их содержания: упорядоченного (детерминированного), регламентированного (частично детерминированного), свободного (недетерминированного). Управление будет тогда эффективным, когда в любой момент по указанию управляющего можно обнаружить и идентифицировать биообъект, определить его место расположения в рабочей зоне, провести целенаправленный осмотр внешнего вида и его частей, записать персональные видеоданные в информационно-аналитическую базу, осуществить анализ и обработку видеоцифровых данных, принять решение о состоянии и поведении биообъекта, выполнить мероприятия по управлению на основе видеоданных от каждого биообъекта [6–7].

Для достижения цели управления биообъектами агроценоза, в случае детерминированной среды в рабочей зоне, каждый видеоробот может выполнять заранее определенную программу наблюдения. В случае недетерминированной, динамической среды – интересующий биообъект вначале должен быть обнаружен в группе, а потом подвергнут наблюдению.

Среди возможных стратегий управления группой видеороботов, размещённых в рабочей зоне агроценоза (фермы, теплицы), можно выделить три: централизованное (единоличное или иерархическое), децентрализованное (взаи-

[1] Башилов Алексей Михайлович – д.т.н., профессор, заведующий лабораторией автоматизации видеонаблюдения и управления технологическими процессами Всероссийского научно-исследовательского института электрификации сельского хозяйства, Москва. E-mail: bashilov@inbox.ru

мосвязанное коллективное или невзаимосвязанное роевое) и комбинированное (централизованное и децентрализованное).

Для детерминированных условий среды в рабочей зоне биообъектов наиболее приемлемым будет централизованное управления, для частично детерминированных и недетерминированных – целесообразно применить комбинированную стратегию управления [8–10].

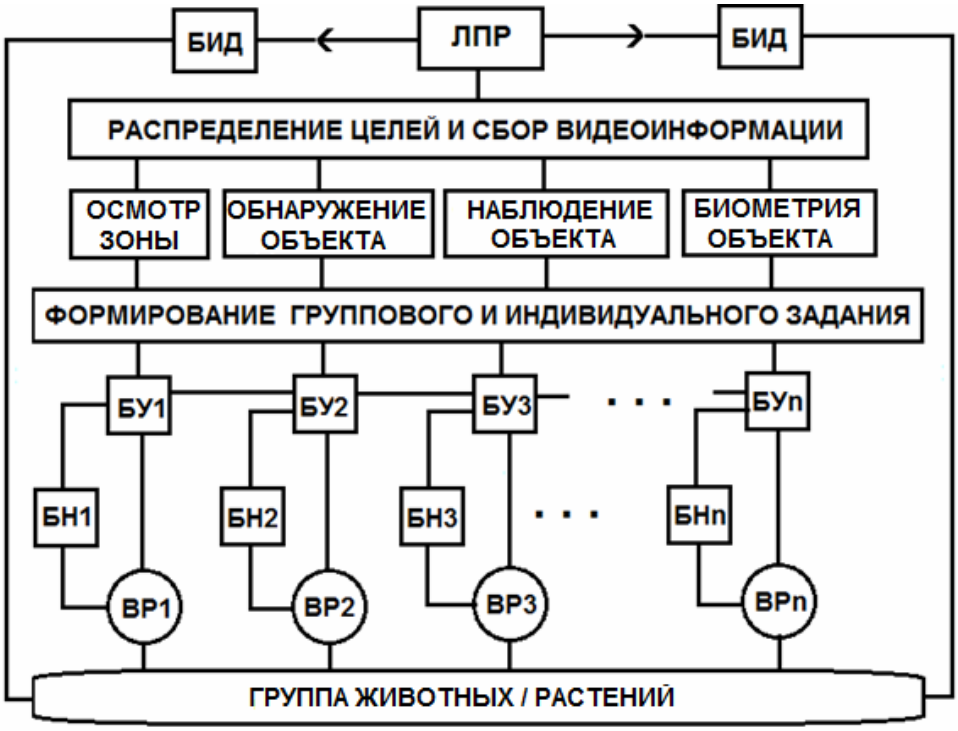


Рисунок 1.
Структурная, интерактивная и итеративная схема комбинированной стратегии группового управления видеороботами в рабочей зоне агроценоза: ЛПР – лицо принимающее решение, БИД – блок исполнения действий, БУ1…БУn – блоки управления видеороботами, БН1…БНn – блоки самонаведения видеороботов на биообъекты наблюдения, ВР1…ВРn – видеороботы

На рис. 1 приведена структурная схема реализации комбинированной стратегии группового управления видеороботами для наблюдения состояния и поведения группы биообъектов при недетерминированных условиях размещения биообъектов в рабочей зоне агроценоза, включающая принципы единоличного, иерархического, коллективного и роевого управления.

2. Основные операции видеороботизированного наблюдения растений и животных в агроценозах

Целью процесса видеонаблюдения является приобретение дополнительной (полезной и достоверной) информации об интересуемой группе биообъектов для их распознавания и структурирования в общей системе биообъектов с последующим принятием управленческих решений.

Первая задача видеороботизированного наблюдения заключается в совершении поисковым видеороботизированным средством (ВР) ряда поисковых действий в системе биообъектов агроценоза (СО) с целью установления контактного взаимодействия поискового видеороботизированного средства с биообъектами наблюдения (ОН) до момента их полного обнаружения.

Вероятность обнаружения объекта наблюдения ОН поисковым средством ВР, совершающим поисковые действия в системе биообъектов агроценоза СО в самом общем случае, можно определить по формуле:

$$P_{об} = P_{сб} \cdot P_{ус} \cdot P_{уд} \quad (1),$$

где **Р об** – вероятность обнаружения биообъекта наблюдения ОН; **Р сб** – вероятность сближения ВР с ОН; **Р ус** – вероятность установления контакта ВР с ОН; **Р уд** – вероятность удержания контакта ВР с ОН.

Вторая задача роботизированного видеонаблюдения заключается в распознавании приобретённой дополнительной (полезной и достоверной) информации об обнаруженных биообъектах для их структурирования в общей системе биообъектов агроценоза с последующим принятием управленческого решения.

Задача распознавания обнаруженного биообъекта заключается в совершении распознающим видеороботизированным средством ВР ряда распознающих действий в системе распознаваемых образов биообъектов агроценоза ОС для установления принадлежности биообъекта распознавания к заданной классификации. В последующем на основании классификации биообъектов происходит принятие решения по управлению биообъектом.

Вероятность распознавания объекта наблюдения ОН распознающей видеороботизированной системой ВР, совершающей распознающие действия в самом общем случае можно определить по формуле:

$$\mathbf{P\ рас = P\ вос \cdot P\ раз \cdot P\ кла} \quad (2),$$

где **Р рас** – вероятность распознавания; **Р вос** – вероятность восприятия ОН в ВР; **Р раз** – вероятность различения ОН в ВР; **Р кла** – вероятность классификации ОН в ВР.

На рис. 2. приведены информационно-коммуникационные направления взаимодействий основных составляющих процесса видеороботизированного наблюдения ВР интересуемых биообъектов ОН в системе агроценоза ОС.

Тогда вероятность принятия правильного управленческого решения видеороботизированной системой наблюдения, в самом общем случае, можно определить по формуле:

$$\mathbf{P\ упр = P\ об \cdot P\ рас \cdot P\ стр} \quad (3),$$

где **Р стр** – вероятность системологической структуризации биообъектов наблюдения с технологиями аграрного производства.

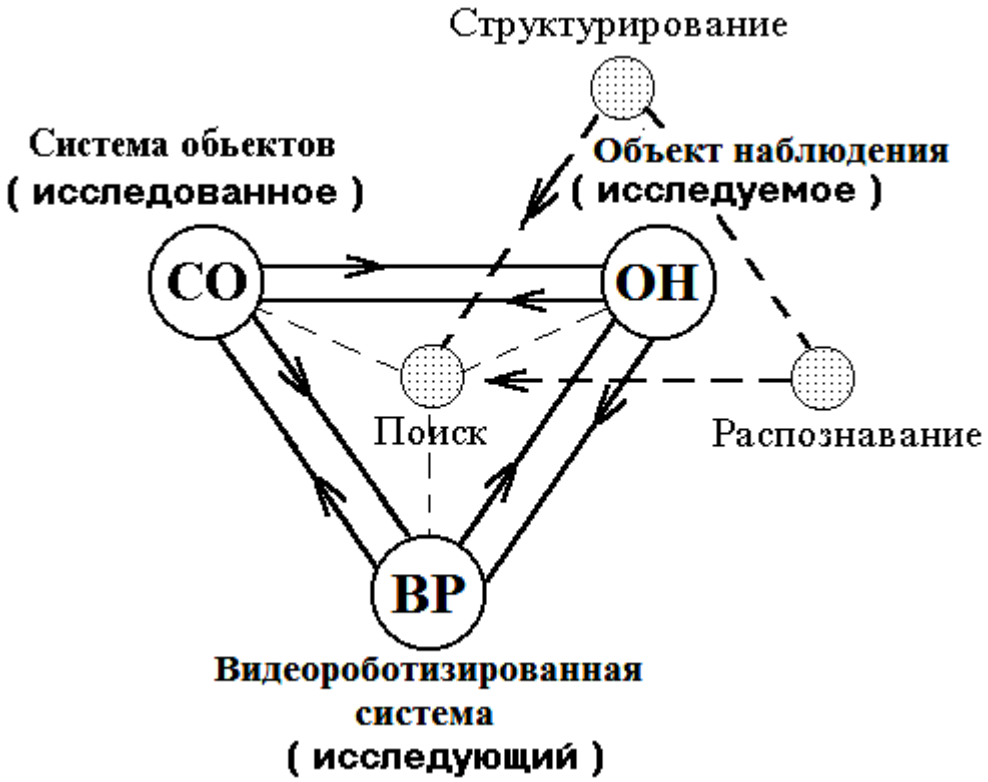


Рисунок 2.
Основные направления взаимодействий в системе трёх составляющих процесса видеороботизированного наблюдения: ВР – видеороботизированная поисково-распознающая система наблюдения; ОН – объект наблюдения; СО – система биообъектов наблюдения

3. Современное оборудование для видеороботизированного наблюдения растений и животных в агротехноценозах

Выделим из всего многообразия рынка видеоцифровой техники наиболее важное оборудование для решения задачи видеороботизации управления агротехнологическими процессами.

Адаптивные фотоаппараты и видеокамеры

Предназначены для получения высококачественных видеоцифровых изображений наблюдаемых биообъектов и передачи их по интерфейсу связи для обработки, анализа и хранения [11].

Основные адаптивные функции роботизированных видеокамер и фотоаппаратов:

– переключение с цветного на чёрно-белое восприятие;
– изменение пространственной разрешающей способности;
– изменение частоты кадровой съёмки;
– автоматическая фокусировка, настройка времени экспозиции, контраста и баланса белого эталона;
– стабилизация изображения;
– автоматическое включение и выключение процесса съёмки;
– изменение масштаба (зуммирование оптическое и электронное);
– пространственная ориентация камеры;
– адаптация к условиям окружающей среды;
– беспроводный и проводной интерфейс связи;

– детектор движения.

На рис. 3 приведены адаптивные поворотные видеоцифровые камеры.

Рисунок 3.
Адаптивные поворотные видеокамеры различного конструктивного исполнения

Телескопические манипуляторы

Могут быть использованы для автоматического сближения видеокамеры с интересующим биообъектом наблюдения при поиске его в рабочей зоне агроценоза, установления дистанционного контакта с биообъектом наблюдения и удержание необходимого контакта в течение процесса видеосъёмки [12].

Основные функциональные возможности роботизированных телескопических манипуляторов:

– регулируемая траектория движения;
– управляемая скорость движения;
– пространственная ориентация;
– задаваемый ракурс съёмки;
– программируемая степень свободы;
– способ перемещения (операторский кран, тележка, подвес, мобильное средство).

На рис. 4 для иллюстрации технических решений приведен стационарный и мобильный вариант применения телескопического манипулятора для проведения видеонаблюдения интересующих биообъектов биоценоза.

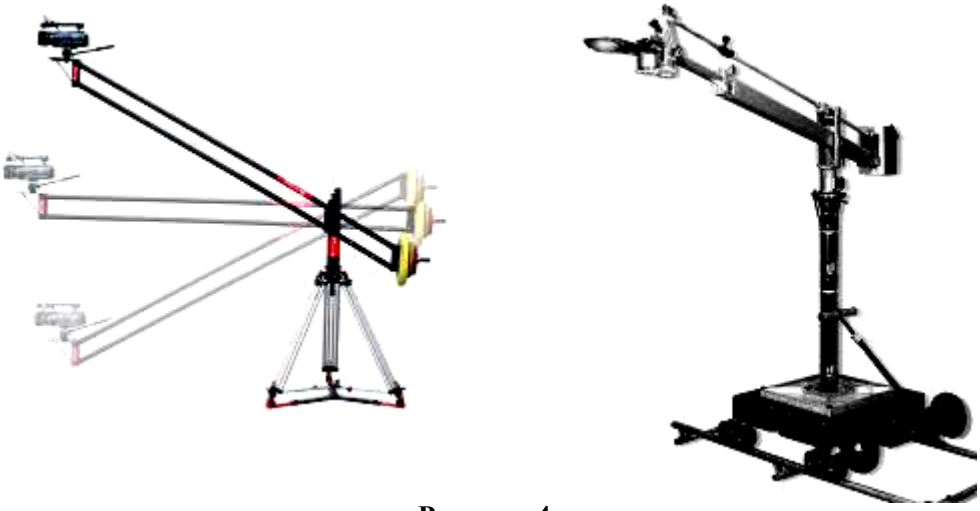


Рисунок 4.
Стационарный и мобильный телескопический манипулятор для проведения сложноорганизованной съёмки биообъектов в агроценозах

Фотокоптеры

Могут найти применение для проведения крупномасштабных сложноорганизованных съёмок рабочих территорий инспектируемых агроценозов, для обнаружения неоднородных групп биообъектов по продуктивности и депрессивности их состояния [13].

Основные технические возможности роботизированного фотокоптера для ведения фотосъёмки биообъектов, рассредоточенных в пространстве агроценоза:

– программируемая и регулируемая траектория и высота фотосъёмки;
– дистанционное управление процессом видеонаблюдения;
– картографирование территории агроценоза;
– обнаружение продукционных и депрессивных участков рабочей зоны агроценоза;
– установка дистанционного видеонаблюдения в заданной точке расположения интересующего биообъекта;

– приземление фотокоптера в заданных координатах для выборочного зондирования биообъекта, биофизического воздействия и взятия проб.

На рис. 5 показан наиболее эффективный в управлении роботизированный квадрокоптер для обследования удалённых территорий агроценоза.

Видеороботизированная система дистанционного наблюдения и оперативного управления агротехнологическими процессами, в перспективе создаст новые возможности совершенствования аграрного производства с точки зрения снижения издержек производства (потерь продуктивности и качества продукции), повышения производственной безопасности, повышения уровня автоматизации производства и обеспечения гибкости управления на многолетних циклах воспроизводства [14] .

Рисунок 4.
Роботизированный квадрофотокоптер с дистанционно управляемой видеокамерой наблюдения

Выводы

1.1. Видеороботизация – наиболее перспективный способ решения проблемы повышения точности и эффективности агротехнологических процессов за счёт всестороннего, более пристального, непрерывного и длительного наблюдения, сбора и анализа визуализированных данных о состоянии биопродукционных процессов в агроценозах.

2.2. Из возможных стратегий управления группой видеороботов, размещённых на территории агроценоза, наиболее эффективной является стратегия комбинированного управления, включающая принципы единоличного, иерархического, коллективного и роевого управления.

3.3. Современный рынок видеоцифровой техники позволяет успешно решать задачи видеороботизации управления аграрным производством и делать условия труда более привлекательными и комфортными.

Список литературы

1. Стребков Д.С., Башилов А.М., Королёв В.А. Стратегия развития точных агротехнологий на основе конвергенции наземных и спутниковых средств дистанционного наблюдения, навигации и управления // Техника и оборудование для села. 2014. – № 3 (201). – С. 2–5.
2. Башилов А.М. Решение проблемы контроля состояния здоровья животных и управления стадом в режиме реального времени с использованием технических средств компьютерного зрения / Башилов А.М., Легеза В.Н., Соловьева О.И. Международная научно-практической конференция. – Княгинино: НГИЭИ, 2015. – С. 115–118.
3. Башилов А.М., Королёв В.А. Новые системно-интегрированные и локально-дифференцированные технологии электрифицированного аграрного производства // Механизация и электрификация сельского хозяйства. 2015. – № 8. – С. 2–8.
4. Башилов А.М., Легеза В.Н. Система видеонаблюдения поведения животных при стойловом содержании // Сборник докладов 12 международной научно-технической конференции. – Углич, 2012. – Ч. 2. – С. 467–475.
5. Башилов А.М., Легеза В.Н. Круглосуточное всепогодное видеонаблюдение за поведением животных на пастбище // Сборник докладов 12 международной научно-технической конференции. – Углич, 2012. – Ч. 2. – С. 404–411.
6. Башилов А.М. Дистанционное видеонаблюдение за поведение животных в стаде / Башилов А.М., Легеза В.Н. // Техника и оборудование для села. 2011. –№ 12. – С. 24–26.
7. Башилов А.М. Оценка поведения животных на основе аудиовидеонаблюдения / Башилов А.М., Легеза В.Н. // Вестник МГАУ. 2012. – Вып. 1 (52). – С. 26–30.
8. Патент РФ № 2423042. Электронно-оптический способ регулирования технологий производства агропродукции. 2011. – БИ № 19.
9. Патент РФ № 2444177. Способ регулирования территориально распределенного многоотраслевого производства агропродукции. 2012. – БИ № 14.
10. Патент РФ № 2542109. Способ и устройство дистанционной фиксации момента появления сельскохозяйственных животных. 2015. – БИ № 5.
11. Башилов А.М. Проект управления аграрным производством на основе систем видеомониторинга // Техника и оборудование для села. 2010. – № 10. – С. 46–48.
12. Стребков Д.С., Башилов А.М., Королёв В.А. К вопросу управления мобильными агророботами // Международная научно-практическая конференция «Робототехника в сельскохозяйственных технологиях», ФГБОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный университет», 10–12 ноября 2014 г. – С. 25–29.
13. Королев В.А., Башилов А.М., Можаев К.О. Структура и алгоритмы работы летающего робота для забора и анализа грунта сельскохозяйственных угодий // Альтернативная энергетика и экология. 2015. – № 13–14 (177–178). – С. 163–168.
14. Башилов А.М. Видеонаблюдение как эффект присутствия, пристального внимания и постоянного контроля поведения животных / Башилов А.М., Легеза В.Н. // Труды 8-й Международной научно-технической конференции. Ч. 5. – М.: ГНУ ВИЭСХ, 2012. – С. 57–67.

Богдан Н.И.
д.э.н., профессор Белорусского государственного экономического университета, г. Минск

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РОСТА И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ЗАДАЧИ СТРАН ЕВРАЗЭС

Ключевые слова*: инновационная политика, капитал, основанный на знаниях, интеллектуальный капитал.*
Keywords*: innovation policy, knowledge based capital, intellectual capital.*

Современный экономический рост сохраняет противоречивый характер. Исследования показали, что инновации не всегда сопровождаются инвестициями в НИОКР, многие фирмы, которые вводят новшества, основывают их на инвестициях в более широкий спектр нематериальных активов – в интеллектуальный капитал (ИК). Политики стремятся найти новые источники роста в условиях быстро стареющего населения, наличия ограничений в природных ресурсах, осознавая, что будущее роста стран с развитой экономикой будет все больше и больше зависеть от инноваций, поднимающих производительность труда.

В данной работе термин «интеллектуальный капитал» идентичен термину «капитал, основанный на знаниях» (knowledge based capital)[1]. Капитал, основанный на знаниях (интеллектуальный капитал), состоит из различных типов активов и становится основой современных экономических систем. Эти активы создают будущие выгоды для фирм, но, в отличие от машин, оборудования, транспортных средств (физических активов), они являются нематериальными. Интеллектуальный капитал становится самой крупной формой производственного инвестирования и ключевым фактором роста стран с развитой экономикой. Принятая ОЭСР классификация элементов интеллектуального капитала включает три типа: компьютеризированная информация (программное обеспечение и базы данных); инновационная собственность (патенты, авторские права, проекты, торговые марки); и экономические компетенции (включая ценность бренда, человеческий капитал, сети людей и учреждений, организационные новшества, которые увеличивают эффективность предприятия). Таблица 1 дает характеристику капитала, основанного на знаниях (интеллектуального капитала), его воздействия на рост производства.

Исторически, бизнес-инвестирование в ИК точно не измерялось ни на макроуровне, ни на микроуровне. Когда компании осуществляют затраты на организационные изменения, такие как новые навыки и системы стимулирования, они, как правило, не учитываются как инвестиции, даже если они так же важны, как материальные затраты. Исследователи современных факторов корпоративного успеха рассматривают расходы на различные формы ИК, такие как маркетинг, большие данные, дизайн и реорганизацию бизнес-процессов в качестве важнейших инвестиций.

Таблица 1

Классификация элементов интеллектуального капитала и его возможные эффекты

Тип актива ИК	Механизмы воздействия на экономический рост для инвестора
Компьютеризированная информация	
Программное обеспечение	Улучшение эффективности процессов, оптимизация вертикальной и горизонтальной интеграции.
Базы данных	Лучшее понимание потребностей потребителей. Улучшение сегментации рынка. Оптимизация вертикальной и горизонтальной интеграции Использование информации для улучшения эффективности производства и логистики.
Инновационная собственность	
НИОКР	Новые товары и услуги. Повышение качества товаров и услуг. Новые технологии.
Разведка месторождений полезных ископаемых	Информация, для доступа к новым ресурсам – возможно по более низкой цене – для будущей эксплуатации
Авторские права и креативные активы	Креативные активы для будущего лицензирования, производства и роста производительности. Диффузия изобретений и инновационных методов.
Разработка новых продуктов в финансовой сфере	Более доступные рынки капиталов. Снижение уровня асимметричности информации и стоимости контроля.
Новые архитектурные и инженерные проекты	Улучшение качества, новые проекты, улучшенные процессы производства.

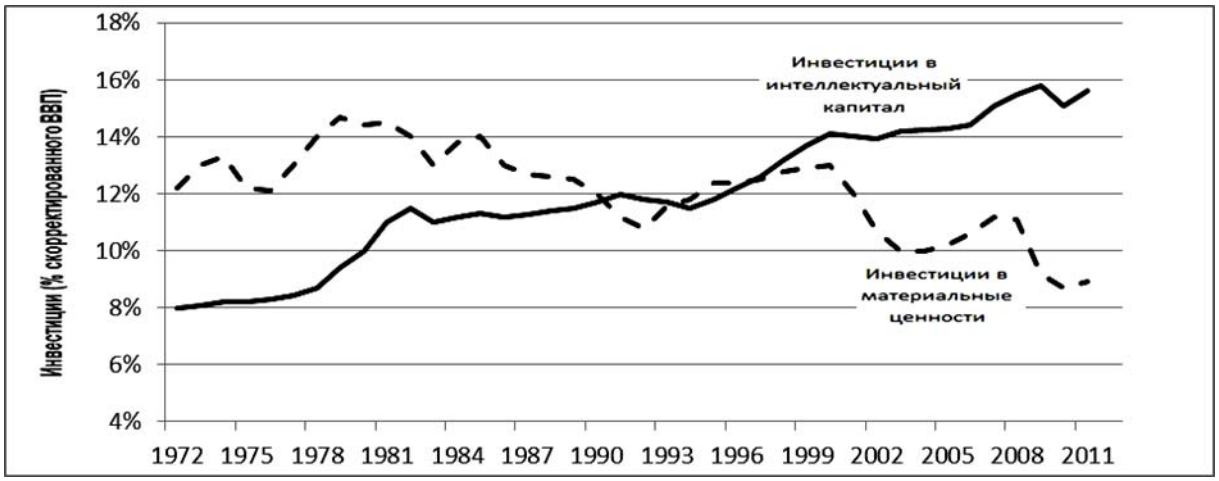
[1] Это соответствует переводу резюме документа ОЭСР «OECD (2013), Supporting Investment in Knowledge Capital, Growth and Innovation, OECD Publishing.doi: 10.1787/9789264193307-en

Экономическая компетентность	
Реклама и продвижение бренда	Повышение доверия потребителей, поддержка инноваций, ценовые премии, увеличение доли рынка и коммуникаций
Исследования рынка/ маркетинговые исследования	Лучшее понимание конкретных потребностей потребителей и возможность адаптировать продукты и услуги.
Подготовка работников	Расширение возможностей производства и уровня квалификации/ навыков работников.
Управленческое консультирование	Быстрое и более эффективное принятие решений. Улучшение бизнес-процессов.
Собственные инвестиции в организационный капитал	Внутреннее совершенствование в процессе принятия решений и бизнес-процессов.

Источник: составлено по OECD (2013), Supporting Investment in Knowledge Capital, Growth and Innovation, OECD Publishing. – http://dx.doi.org/10.1787/9789264193307-en

В соответствии с правилами бухгалтерского учета, если приобретенный промежуточный товар способствует производству дольше, чем налоговый год, стоимость товара рассматривают как инвестиции. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с экономической точки зрения различные формы ИК следует рассматривать как инвестиции. Исследование, проведенное в Великобритании, определило производительную жизнь определенных элементов ИК следующим образом: обучение для фирмы (2,7 года); программное обеспечение (3,2 года); брендинг (2,8 года); НИР (4,6 года); дизайн (4 года); улучшение бизнес-процессов (4,2 года)[1]. Недавние исследования ОЭСР показывают, что инвестиции в организационный капитал оказывают воздействие при производстве услуг, в среднем, в течение от 4 до 6 лет, в производстве продукции – от 7 до 10 лет[2]. Расходы на программное обеспечение и разведку месторождений полезных ископаемых в качестве инвестиций уже рассматриваются в системе национальных счетов. Капитализация НИОКР в системе национальных счетов должна стать обязательной с 2014 года, но ряд стран результаты НИОКР уже капитализируют, либо находятся в процессе капитализации.

Во многих развитых странах ОЭСР инвестиции в ИК заметно растут и часто опережают инвестиции в физический капитал. В Соединенных Штатах бизнес-инвестиции в ИК практически непрерывно повышаются в течение 40 лет, и составили к 2011 г. приблизительно 15% добавленной стоимости (рис. 1).



Примечание: за исключением недвижимости, здравоохранения и образования.

Источник: Corrado C.A., Hulten C.R. How do you Measure a «Technological Revolution»? // American Economic Review: Papers & Proceedings. 2010. – Vol. 100, May. – P. 99–104.

Рисунок 1.
Бизнес-инвестирование в интеллектуальный и материальный капитал, США, 1972–2011 (%ВВП)

В Дании за этот же период инвестиции в интеллектуальный капитал выросли с 12,6 до 13,0% добавленной стоимости, в то же время инвестиции в физический капитал в Дании снизилась с 17,1 до 12,0% от ВВП. Исследования также указывают, что бизнес вкладывает значительные средства в ИК. Это еще раз подчеркивает необходимость более эффективного их измерения, чтобы понять динамику современной экономики (рис 2).

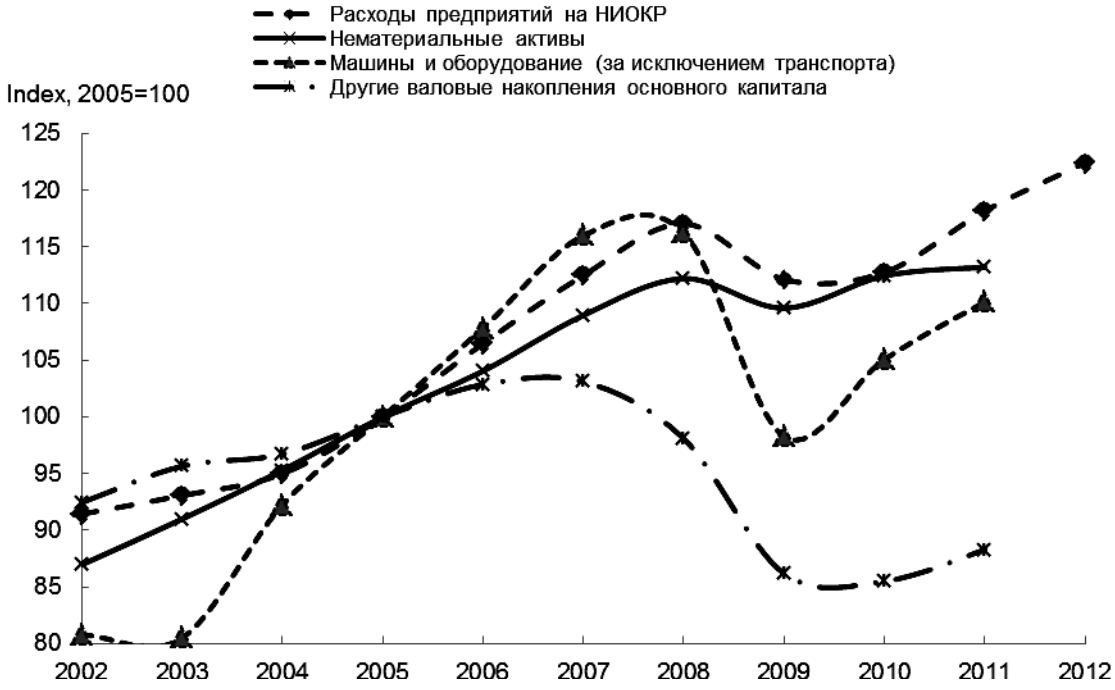
Данные рис. 2 показывают, что инвестиции в нематериальные активы были меньше подвержены кризису, а также быстрее восстановились в посткризисный период. Можно выделить ряд причин растущей интенсивности инвестиций бизнеса в ИК:

- С ростом уровня образования экономические системы стран ОЭСР накопили большой запас человеческого капитала. Запас человеческого капитала, в свою очередь, обеспечивает производство и использование ИК. Например, патенты являются средством обеспечения интеллектуальной собственности, определяют инновационное развитие и

[1] http://www.coinvest.org.uk/pub/CoInvest/COINVESTInnovationdis2010/Haskel_2010-02.pdf

[2] New Sources of Growth: Knowledge-Based Capital Key Analyses and Policy Conclusions / OECD. 2013.

являются формой реализации человеческого капитала, в то время как программное обеспечение является по существу переводом экспертных знаний человека в код.



Источник: OECD Science, Technology and Industry Outlook 2014.

Рисунок 2.
Динамика инвестиций бизнеса в странах ОЭСР

• Многие продукты становятся более наукоемкими. В автомобильной промышленности у 90% новых функций в автомобилях есть значительный компонент программного обеспечения (инновационная система старт-стоп, улучшенная система впрыскивания топлива, бортовая камера, система безопасности). Ценные коммерческие тайны теперь лежат в сфере электронного управления, которое регулирует эксплуатацию двигателей, генераторов и батарей. Гибридные автомобили и электромобили требуют огромных объемов кодирования. Главная часть затрат на развитие совершенно новых транспортных средств также связана с программным обеспечением.

• В контексте глобальной интеграции рынков устойчивое конкурентное преимущество все больше и больше основано на инновациях, которые, в свою очередь, стимулируют инвестиции в различные формы ИК. Например, под влиянием конкуренции с китайскими производителями в фирмах стран ОЭСР увеличились объемы патентования, НИР, возросло качество управления. В секторах экономики, особенно подверженных китайскому импорту, в фирмах с более низкой интенсивностью патентования количество рабочих мест упало, но в компаниях с высокой интенсивностью патентования выживаемость была выше.

• Географическая дисперсия цепочек создания стоимости, увеличенная изощренность производственных процессов во многих отраслях промышленности повысили значимость ИК, в особенности, организационного капитала (компьютеризированные системы поставок, мультинациональные союзы в области НИОКР).

• Компании вложили крупные инвестиции в новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), что потребовало и дополнительных инвестиций в различные элементы ИК, такие, например, как новые бизнес-процессы.

• ИКТ могут сделать некоторые виды инвестиций в знания более ценными, чем раньше. Например, когда потребители осуществляют покупки on-line, а не лицом к лицу, бренд и репутация становятся предельно важными.

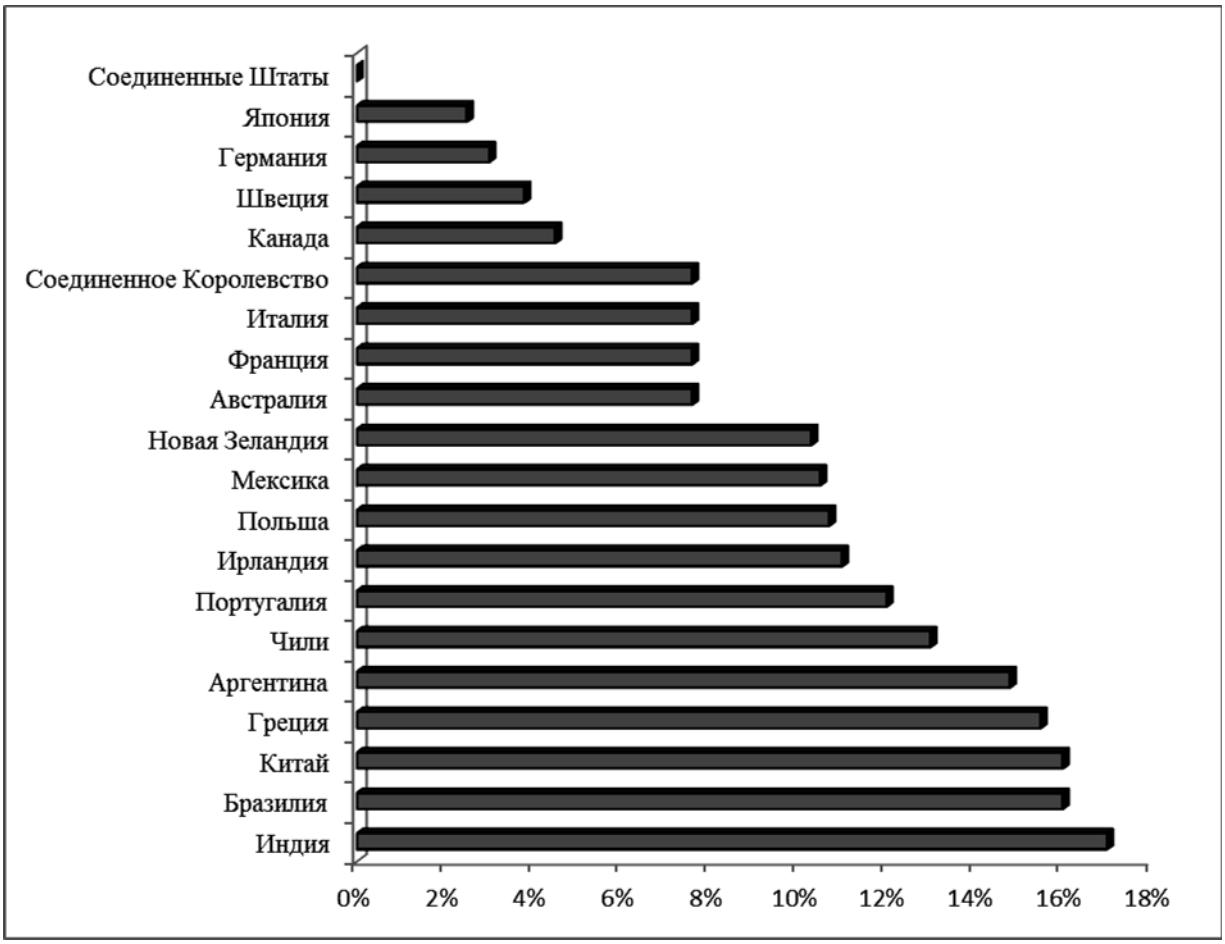
Важнейшим фактором, обеспечивающим рост инвестиций в ИК, является их влияние на рост производительности труда. Исследователи доказали[1], что между 1995 и 2007 годами 27% роста производительности труда в Соединенных Штатах обеспечено инвестициями в ИК. Оценки для EU27 свидетельствуют, что инвестиции в ИК обеспечивают от 20 до 25% роста производительности труда.

Были использованы эконометрические методы анализа, чтобы показать положительные и значимые воздействия различных форм ИК – человеческого капитала, НИР, использования анализа больших данных и совершенствование практики управления – на производительность труда. Для инвестиций в человеческий капитал повышение среднего уровня образования на один год, по оценкам, способствует увеличению общественной производительности труда, по крайней мере, на 5%.

В фирмах США, которые основывают значимые решения на аналитике больших данных, уровень производительности на 5–6% выше. Качество управления также влияет на устойчивый рост производительности труда и значительно различается в странах-членах ОЭСР (рис. 3). Эта дисперсия показывает значительные возможности для роста производительности в ряде стран. По оценке исследователей, по крайней мере, половина различий между США и Европой в росте производительности труда в период с 1995 до 2004 г. обусловлена лучшими управленческими метода-

[1] New Sources of Growth: Knowledge-Based Capital Key Analyses and Policy Conclusions / OECD. 2013.

ми. Из данных рис. 3 следует, что если управленческую практику США признать самой передовой, то потенциал роста производительности труда, например, Новой Зеландии в результате сокращения разрыва в качестве управления составляет 10%.



Источник: составлено по: OECD calculations based on management scores and estimated coefficients // Management Practices across Firms and Countries. 2012. (NBER Working Paper, N 17850).

Рисунок 3.
Потенциальный рост производительности при повышении качества управления до уровня глобальной передовой практики

ИК является движущей силой успеха в формировании и функционировании глобальных цепочек создания стоимости. Обычно, стоимость, созданная в глобальных производственно-сбытовых цепочках, неравномерно распределена между его участниками. Распределение стоимости зависит от способности участников поставлять сложные, трудные для подражания продукты или услуги. Все больше поставка таких продуктов или услуг зависит от форм капитала, основанного на знаниях, таких как бренды, НИОКР и дизайн, а также интеграции программного обеспечения с организационными структурами. Политики в странах ОЭСР и во многих странах с формирующейся экономикой ясно понимают потребность в развитии ИК, чтобы войти в сегменты цепочки с более высокой стоимостью.

Экономические компетенции, как элемент ИК, труднее всего воспроизвести. Они включают определенные навыки, методы управления, ценность бренда и организационные структуры. Эти элементы ИК не продаются, и созданы посредством внутреннего накопления в течение долгого времени. Для сравнения, такие элементы ИК, как инновационная собственность и компьютеризированная информация могут быть куплены или, в некоторых случаях, перепроектированы. Тойота, например, обеспечивает лидерство на рынке автопроизводства за счет трудно копируемого организационного капитала, что частично обусловлено процессом непрерывных инноваций – или кайдзен. Считается, что Тойота реализует приблизительно миллион новых идей в год, большинство которых подается рабочими. Другие автопроизводители считают эту систему чрезвычайно трудной для дублирования, даже при том, что у них есть финансовые ресурсы на эти цели.

Страны с формирующейся экономикой вносят все большую долю глобальных инвестиций в инновации. Бизнес-инвестирование в ИК стало приоритетом во многих странах с формирующейся экономикой, примером являются Китай, Индия, Сингапур, Таиланд. Страны ЕврАзЭС обладают определенными ресурсами для формирования капитала, основанного на знаниях. Страны сохранили научные кадры, общее число исследователей в Армении, Беларуси, Кыргызстане, Казахстане и России составляет около 482 тыс. человек. По числу исследователей в расчете на млн. населения наиболее высокие показатели у России (3100), Беларуси (1960), Армении (1300). Наукоемкость ВВП (затраты на исследования и разработки в ВВП, %) стран ЕврАзЭС остается низкой: Россия – 1,12%, Беларусь – 0,52, Казахстан – 0,18%, Армения – 0,24% ВВП. В большинстве стран она не имеет положительной динамики, что не способствует при-

влечению молодежи к научной деятельности. Комплексно инновационную активность стран может характеризовать рейтинг Глобального инновационного табло[1], в котором наиболее высокую позицию в 2016 г. занимает Россия (43), далее Армения (60), Казахстан (75), Беларусь (79), Кыргызстан (103). Снижение позиции Беларуси в рейтинге Глобального инновационного табло 2016 года по сравнению с 2015 годом (на 23 позиции) во многом связано с отсутствием ряда индикаторов, т.к. Беларусь не участвует в международной оценке конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Для многих стран проблема сопоставимости данных, полнота информационной поддержки политических решений в сфере новых направлений политики играют важную роль. Оценка инновационной деятельности в условиях формирования экономики знаний и возрастающей роли инвестиций в капитал, основанный на знаниях, приобретает особое значение. Пока статистика инноваций стран ЕвроАзЭС далека от новейших тенденций развития (табл. 2).

Таблица 2

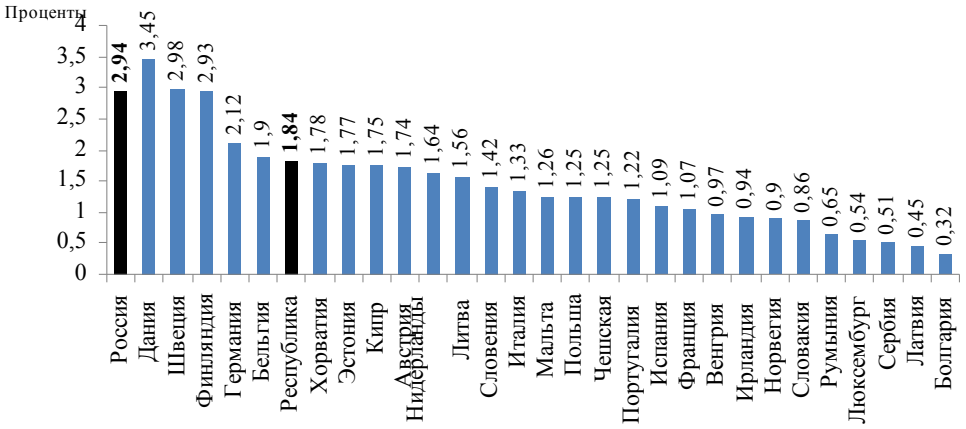
Основные показатели инновационной деятельности в странах, 2014,%

	Совокупный уровень инновационной активности	Удельный вес затрат на НИОКР в затратах на инновации	Удельный вес затрат на приобретение машин и оборудования в затратах на инновации	Удельный вес инновационных товаров, в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг	Удельный вес вновь внедренных инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг		Удельный вес экспорта в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг
					новых для рынка	новых для организации	
Россия	9,9	43,5	35,4	8,7	14,9	85,1	28,2
Беларусь	18,9	6,7	54,8	13,1	37,5	62,5	64,0
Казахстан	8,0	9,3	70,3	–	64,7	35,3	30,8
Киргизия	–	–	85,4	2,4	–	–	–

Примечание: Беларусь (2014), Казахстан, Киргизия (промышленное производство, 2013). Источник: составлено по данным Белстат и «Индикаторы инновационной деятельности 2016. – https://www.hse.ru/data/2016/04/07/1096379758/

Особенностью инновационных процессов в странах ЕврАзЭС (табл. 2) является невысокий, по сравнению со странами ЕС, уровень инновационной активности, недостаточный уровень статистической информации по инновациям, ограниченное понимание инновационных процессов, невысокий уровень новизны инновационных продуктов. Анализ показывает, что в структуре затрат на инновации преобладают затраты на машины и оборудование, что свидетельствует о том, что инновации носят «модернизационный» характер. Инвестиции в научные исследования занимают в Беларуси и Казахстане незначительную величину (7–9%) от совокупных инновационных издержек, поэтому степень новизны инноваций невысока, большая часть – это новизна для предприятия (62,5% для Беларуси и 85% для России). Экспорт инновационных товаров невелик, даже на внутреннем рынке стран ЕврАзЭС.

Отмеченные особенности не означают, что затраты на инновации невелики, интенсивность затрат на инновации в России и Беларуси сопоставима с развитыми странами (рис. 4). Например, по данным 2014 года интенсивность затрат на инновации в России была выше, чем в Германии, Бельгии, а в Беларуси выше, чем в Австрии, Нидерландах и Франции.



Источник: составлено по данным Белстат и «Индикаторы инновационной деятельности 2016». – https://www.hse.ru/data/2016/04/07/1096379758/

Рисунок 4.
Интенсивность затрат на технологические инновации, 2014 год (удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)

Следовательно, важно не только инвестировать в инновации, но и правильно распределять ресурсы. Исследование показывает, что затраты на инновации в промышленности Беларуси включают только 0,47% затрат на организационные инновации и только 0,27% – на маркетинговые, в России соответственно 0,5 и 1,1%. Когда технологиче-

[1] The Global Innovation Index 2016. – Geneva etc.: INSEAD. WIPO.

ские инновации не сопровождаются изменениями в организации производства и маркетинге, их эффективность бывает ниже ожидаемой. Сама структура инновационных затрат содержит незначительный объем затрат на переобучение и маркетинг, приобретение патентов и лицензий. Например, в России в 2015 г. в структуре затрат на инновации в промышленности доля затрат на приобретение патентов составляла 0,1%, обучение персонала – 0,2, приобретение программного обеспечения – 1, маркетинг – 0,1% совокупных затрат. В Беларуси затраты на обучение в 2014 г. составляли 0,08%, приобретение патентов – 0,3, программных средств – 0,1, маркетинг – 0,12% совокупных издержек на инновации. Таким образом, совокупные инвестиции в капитал, основанный на знаниях, невелики, в сравнении с инвестициями в физический капитал (в промышленности, например, затраты на оборудование – 47% совокупных инновационных затрат России и 66,5% – в Беларуси).

Несмотря на то, что на современном этапе развития инвестиции в ИК являются определяющими для экономического роста, международные статистические сопоставления находятся еще в начальной стадии даже для развитых стран. Измерение инвестиций в ИК изобилует предположениями, которые требуют дальнейшего тестирования и эмпирической обработки. Исследователи стран ОЭСР работали с национальными статистическими властями и международными экспертами многих стран, чтобы увеличить строгость и сопоставимость измерения. В настоящее время 34 страны – члена ОЭСР и стран, не входящих в ОЭСР, сообщили об оценках совокупных инвестиций в ИК на основе общей методологии. Координация исследований в странах ЕврАзЭС в рамках межгосударственных программ, программы расширения сотрудничества с ОЭСР, ЕС для надлежащего измерения ИК помогли бы улучшить понимание источников занятости и роста производительности в современных условиях и формировать инновационную политику на основе фактических данных.

Достижение последовательных и высококачественных оценок инвестиций для многих активов, которые составляют ИК, потребует длительных усилий в течение ряда лет. Контроль и координация усилий исследовательских групп и национальных статистических офисов во всем мире, облегчая обмен знаниями, позволяет дать экспертную оценку и избежать дублирования, содействуя ускорению этого процесса. Развитие международных стандартов для классификаций нематериальных активов компаниями значительно улучшило бы измерение ИК на макроуровне.

Более всестороннее понимание роли ИК в экономическом росте требует формирования аналитических исследований в странах ЕврАзЭС, которые в состоянии раскрыть причинные связи, определять взаимодействие элементов ИК и побочные эффекты между различными активами, основанными на знаниях. Например, взаимозависимости между организационным капиталом и инвестициями в ИКТ, между НИОКР и инвестициями в человеческий капитал частично исследованы. Однако имеются проблемы в определении «эффектов перелива», в результате чего доходность частных инвестиций в капитал, основанный на знаниях, может быть меньше ожидаемой. Инновационная политика должна проектировать более эффективные правила взаимодействия экономических агентов в новых условиях.

Существует потребность в более широкой системе мер политики, которая была бы в состоянии принять во внимание различия между производством знаний и их использованием, учитывать международные потоки интеллектуальных активов. Сотрудничество стран ЕврАзЭС, было бы целесообразно в следующих направлениях:

- использование международных стандартов по сбору данных и оценке инноваций;
- продвижение сопоставимости и последовательности в определении инвестиций в ИК между странами.
- координация налоговых стимулов для инвестиций бизнеса в интеллектуальный капитал для соразмерного увеличения инноваций.

Бондарева Н.Н.
н.с. ИНП РАН
bonna2005@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОБОТИЗАЦИИ: В МИРЕ И РОССИИ

Ключевые слова: *роботизация, робототехническая революция, гибридная среда, смешанные системы, технологический уклад, киборгизация, искусственный интеллект, лучший мировой опыт, методология, вызовы кибер-среды, рынок роботов.*

Key words: *robotization, robotics revolution, hybrid environment, mixed systems, technological shift, cyborgization, artificial intellect, best world experience, methodology, challenges of new cyber environment, robotics market.*

В последнее десятилетие в мире роботизация как тренд дает рождение новым областям информационных и роботизированных технологий. Среди них: смешанные системы – слияние искусственных и биологических умов через Интерфейс мозговой машины, технологии нано-имплантов, трансгуманные технологии, неврологическое оружие, роботизированные методы слежения взаимодействия между людьми, технологиями и требованиями задач, супер-сетка, HAARP как основная планетарная машина управления сознанием, передовые скалярные технологии, «Smart Dust», супер квантовые компьютеры, квантовое облако, трансформация среды обитания людей в кибер-среду, машинный контроль над мыслью, несанкционированное изменение сознания и воли человечества, аватары (олицетворения), генная инженерия специальных нейронов, боты как массовый «электронный разум» и интерфейс к информационной системе, бизнесу, искусственный интеллект (ИИ), интеллектуальные системы, кибер-роботизация, гибридный интеллект и др.

Роботизация развивается на стыке прорывов в фундаментальных науках и многих мультидисциплинарных знаний – нейробиологии сознания, нейротехнологий, нейроинжениринга, интерфейсов мозговых машин, машин сознания и воли и др.

Предполагается, что через 10–15 лет наступит *новейшая эра киборгизации* и *гибридизации* как следующих этапов роботизации, когда роботы научатся учиться, сами принимать решения и реагировать на изменяющиеся условия среды, человек станет частью роботизированного, а в дальнейшем – гибридного мира. Следует сегодня понять критерии новой *гибридной среды*, последующей после текущей роботизированной среды, проблемы и вызовы, с которыми столкнутся правительства, бизнес и население мира.

Очевидно, что гибридный мир активно создается в Японии, США, Южной Корее, Германии и других странах – пионерах форсированного развития технологических укладов. Именно в них, благодаря синергии естественного технологического прогресса и целевых технологий опосредованного управления ускорением интеллектуальной деятельности, досрочно родился «шестой технологический уклад» (примерно в 2010 году), вопреки прогнозу о его появлении к 2035 году. Бизнес заинтересован в получении большей прибыли за счет минимизации затрат, обеспечиваемой роботизацией. Новые социальные обязательства, образовавшиеся от эффектов роботизации (технологическая безработица и др.), бизнес как налогоплательщик перекладывает на правительства. Те, в свою очередь, стремятся через социально ответственное частно-государственное партнерство выполнить их перед гражданами, заинтересованными в потреблении трансформирующихся потребностей новой роботизированной, смешанной, гибридной среды.

Пятый и шестой технологические уклады предъявили рынку новые критерии к товарам и услугам, способным удовлетворить трансформировавшиеся потребности человечества, что потребовало научных прорывов и массовой коммерциализации технологий. Так, среди критериев для роботов – заменителей человеческого труда: способность роботов быть самообучаемыми (иметь искусственный интеллект (ИИ), автономными, иметь превосходящие человека способности, эволюционировать, существовать в формате мега-сетей роботов и людей (гибридной среде). Новый роботизированный рынок будет бурно развиваться, прогноз объема рынка ИИ к 2018 году – 37 млрд. долл., «искусственный человек» будет создан к 2045 году. Согласно статистике (2015 World Robot Statistics, IFR) к 2018 году мировые продажи промышленных роботов будут расти ежегодно на 15%, а количество ежегодных продаж вырастет до 400 тыс. роботов (1). Ежегодно рынок промышленных роботов растет на 8%. Доля ЕС в мировом рынке составляет 32%. Тем не менее, ЕС принял решение до 2020 года инвестировать 700 млн. евро в робототехнические исследования и инновации. Основной областью применения роботов в мире остается промышленность (1,6 млн. промышленных роботов, сервисных в 10 раз меньше). Прогнозируются продажи до 2018 года более 31 млн**.** роботов для домашнего и личного использования на 30 млрд. долл. США, рост числа сервисных роботов.

Под «роботизацией» К. Фрейем и М. Осборном – исследователями из Оксфордского Университета – понимается «автоматизация системы или задачи такого уровня, когда исчезает необходимость в труде человека, и он заменяется на его автоматизированную версию».

Роботы – автоматы или интеллектуальные агенты, *трансграничные сущности* и автоматизированные версии человека, созданные по принципу живого организма для осуществления производственных и других операций по заранее заложенной программе, управляются через получение информации о внешнем мире от датчиков самостоятельно/ дистанционно.

Существующие классификации роботов трех поколений (1 – с программным управлением, 2 – с наличием чувствительных устройств, 3 – интегральные роботы) не отражают всего разнообразия их видов, типов, среды и метода применения, характера выполнения технологических операций, степени специализации, веса, назначения, степеней подвижности, систем координатных перемещений, возможно, в связи с засекреченностью идей и патентной охраной.

Так, сегодня различают: промышленных (например, робот-манипулятор), сельскохозяйственных (робот для стрижки овец), транспортных (робот-доставщик), строительных, бытовых (робот-поводырь), исследовательских (робот-лаборатория), военных (дроны, роботы-саперы, роботы-санитары) и других роботов. Известно, что существует около 30 видов роботов-манипуляторов, 300 видов беспилотников-дронов, десятки андроидов, тысячи бытовых, космических и медицинских роботов, многие их которых имеют двойное назначение и находятся пока вне классификационных категорий.

Новая среда жизнедеятельности человека определяет основные требования для новых роботов – их возможность и *способность встраиваться в существующую технологическую линию* и /или *создавать собственную новую технологическую среду* (линию) для встраивания линейки следующих роботов, *критерии эффективности* роботов для каждой отрасли. Также ведутся исследования по рационализации и многофункциональности роботов двойного назначения. В итоге роботизации достигается эффективность во многих отраслях одновременно, может появиться «синергетическая эффективность», «транзитная эффективность», когда роботы из одной отрасли практически реформируют другую отрасль.

Термин «промышленность 4.0» был употреблен на Ганноверской выставке в 2011 году в отношении комплексных киберфизических систем, в которых IT-системы на всех стадиях производственной цепочки объединены в одну сеть для взаимодействия друг с другом в режиме реального времени и самонастройки. Развитие этой промышленности трансформирует всю архитектуру мировой экономики и национальных экономик.

Такие «смарт» производства будут обладать целым набором отличительных признаков: иметь виртуальную копию, которая позволит проводить симуляции технологических процессов и отслеживать эффективность работы на любом производственном этапе; самостоятельно принимать решения.

Все прорывные исследования, нацеленные на «прыжок» на следующий технологический уровень, расширяют границы познания мира, разрешают глобальные проблемы, открывают новые возможности, но, вместе с тем, они несут определенные *вызовы и угрозы* правительствам, бизнесу, безопасности, здоровью, личной жизни и свободе сознания и воли человека, включая:

– Новые цели и задачи войн между машинами (роботами) и людьми за право людей жить свободной духовной жизнью и размножаться.

– Тотальную роботизацию процессов жизни человека, которая с учетом трансформирующихся потребностей потребует нового менеджмента *взаимодействия между людьми и самими технологиями.*

– Бурный рост человеческого познавательного потенциала и потенциала саморазвития роботов (проект суперкомпьютера «Mr. Computer»).

– Создание суперинтеллектуальной системы – глобального мозга, которое произойдет после открытия новых видов энергии.

Эти и другие вызовы новой гибридной среды, т.е. среды слияния искусственных и биологических систем еще мало изучены, но уже определились их некоторые особенности. Например:

1) Получение прибыли в гибридной среде не связывается с традиционными формами бизнеса («Uber», «Facebook», «Alibaba», «Airbn»);

2) Товары и услуги роботов автоматически встраиваются в существующую технологическую линию и/или создают новую технологическую среду (линию) для встраивания линейки следующих роботов;

3) Роботы создают новые *критерии эффективности* и стандарты для каждой отрасли.

Наряду с этим, возрастают и требования к *конкурентоспособности* стран-лидеров в новой киберсреде, определяющие уровень государственной технологической безопасности в эпоху «шестого техноуклада», включая военную, социальную, политическую и экономическую стабильность, способность защитить страну в новых гибридных, бесконтактных кибервойнах.

Человек вынужденно *познает возможности своего дальнейшего существования, выживания и прогресса в этой новой кибер-среде.* Рыночный спрос на роботы изменяет динамику и структуру мировой экономики. Пользование роботами быстро нарастит критический объем знаний населения мира для «прыжка» в новый технологический уклад, а для неадаптированных к новой среде граждан будет ограничен доступ к распределению общественных благ.

Наиболее приоритетным направлением признается создание робота-андроида – полной копии человека, что пока не достижимо. Тем не менее, в этом направлении ведутся исследования, в мире сегодня реализуются 106 основных проектов по созданию андроидов (табл. 1).

Таблица 1

Основные проекты по созданию андроидов в мире.

Страна-разработчик	Количество андроид-проектов	Страна-разработчик	Количество андроид-проектов
Япония	49	Австрия	1
США	11	Испания	1
Корея	11	Австралия	1
Германия	9	Канада	1
Китай	7	Иран	1
Швеция	2	Италия	1
Россия	1	Великобритания	1
Турция	1	ОАЭ	1

Важной тенденцией современного развития робототехники является постоянное увеличение количества моделей применяемых роботов, расширение области их применения, расширение их функциональных способностей и рост выпуска роботов для практического использования на предприятиях различных отраслей промышленности.

Полагаем, что с течением времени произойдет трансформация человека, который будет вынужден мыслить и действовать как робот, чтобы потреблять услуги, оказываемые через роботов, постоянно взаимодействовать и конкурировать с роботами, причем, в основном, через основной драйвер глобальной экономики – Интернет. В будущем роботы, вероятно, будут масштабно и полноценно встроены в Интернет как интегральная часть искусственного интеллекта. Заметим, что термины для описания новой технологической реальности разнятся в разных странах, но это – одно явление: «Интернет Всего» (Internet of Everything), «Всепроникающие компьютерные системы»,«Компьютинг» (Pervasive Computing или UbiComp), «Распределенный интеллект» (Ambient Intelligence). По прогнозам «EMC Digital Study», к 2020 г. к Интернету будет подключено до 30 млрд. девайсов, 75% из них будут мобильными.

Выявлены некоторые тенденции в развитии новой гибридной среды, связанные с роботизацией:

– Революционный сдвиг в парадигме труда – переход от удешевления стоимости рабочей силы к производству без использования трудовых ресурсов («производство без человеческого труда» – потребность и приоритет будущего). В итоге глобальной роботизации прогнозируется и технологическая безработица, которая в середине XXI века может достигнуть 50% (2).

– Неизбежная милитаризация (военное применение) искусственного интеллекта и трансформация концепции человеческих войн. Новые вызовы «третьей революции» в военной сфере (после изобретения пороха и ядерного оружия) с реальной угрозой самоуничтожения человечества (3).

– Внедрение автономного оружия, в будущем – самообучающегося;

– Роботы и искусственный интеллект (наряду с нанотехнологиями) с 2016 г. становятся основными драйверами инноваций;

Искусственный интеллект будет в состоянии реализовывать государственные функции по управлению критической инфраструктурой и системами общественного порядка;

– Интеллектуальные системы смогут самообучаться;

– Возрастут масштабы и области неполезного (вредоносного) применения роботов, сформируется глобальный рынок «вредоносных» роботов.

– Развитие рынка самостоятельного производства роботов в «домашних условиях»;

– Будет стираться грань между гражданским и военным применением роботов;

– Возникнет движение анти-роботов в мире и движение против распространения автономного оружия как генератора катастроф и против роботизированных услуг как формы уничтожения личности;

– Рост рынка кибербезопасности в управлении роботами через систему «Интернет вещей» и подобные коммуникационные сети для роботов. Новые вызовы для государственных агентств по защите киберпространства своих стран в любых физических средах;

– Рост конкуренции в области самозащиты и «антихакерства» в роботах;

– Коммерческое и военное использование информационного пространства в физическом, информационном и когнитивном измерениях. Решение проблем субординации пространств и уровней разума, морали и ответственности потребует десятилетий;

– Создание «думающих систем», способных выполнять сложные задачи в динамичной среде в сотрудничестве с другими системами и человеком (4);

– Создание «умных фабрик» – производственных, научно-исследовательских и иных кибер-организмов на базе мульти-ячеек,

– *Революционный* рост рынка массово доступных КоБотов (Collaborative robot (CoBot) – роботов физического взаимодействия с людьми в совместной рабочей зоне, роботов-сотрудников (в отличие от других роботов, предназначенных для работы в автономном режиме или с ограниченным руководством, например, UR3, UR5, UR10);

– Ряд стран станут робототехническими хабами для фирм-производителей роботов.

Проведено много исследований и издан ряд прогнозов на период до 2025 года об эффектах массовой роботизации, в том числе о влиянии роботизации на занятость населения мира. Рассмотрим несколько прогнозов.

– *Прогноз Оксфордского Университета* 2013 года «Будущее занятости: насколько восприимчивы рабочие места к компьютеризации» («The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerization». Авторы – К. Фрей и

М. Осборн). Прогнозируется, что 47% американских рабочих мест полной занятости грозит опасность быть замененными автоматизацией (5).

– *Прогноз компании «Forrester Research» «Будущее рабочих мест, 2025 г. Работа бок о бок с роботами» («The Future of Jobs, 2025: Working Side-By-Side with Robots»), согласно которому* к 2025 году автоматизация только в США сократит 22,7 млн. рабочих мест или 16% от общего количества (6). Снижение количества рабочих мест в сфере услуг из-за внедрения автоматизации, будет возмещено созданием новых рабочих мест по созданию и обслуживанию самих роботов. При этом чистые потери рабочих мест составят только 9,1 миллионов или 7% работающих (7).

– По прогнозам Всемирного экономического форума (ВЭФ) «The Future of Jobs» *от 18 февраля 2016 года* роботизация производственных процессов во многих отраслях приведет к чистой потере более 5 млн. рабочих мест в крупнейших развитых и развивающихся странах к концу 2020 года, при этом в мире появятся 2 млн. новых рабочих мест.

В общей сложности на 15 крупнейших по ВВП стран приходится примерно 1,9 млрд. рабочих мест (65% от общемирового показателя). По оценкам Международной организации труда (МОТ), в настоящее время 200 млн. человек – безработные, к 2020 году потребуются 300 млн. новых мест для ликвидации текущей безработицы и компенсирования прироста населения.

– Прогнозируется (Robotic Nation , М.Брейн) замена рабочих мест на автоматизированные места и увольнение 66 тыс. пилотов – членов «Air Line Pilots Association»**.** Такие магазины США как Walmart, Kmart, Target, Home Depot, Lowe's, BJ's, Sam's Club, Toys «R» Us, Sears, J.C. Penney's, Barnes and Noble, Borders, Best Buy, Circuit City, Office Max, Staples, Office Depot, Krueger's, Winn-Dixie, Pet Depot перейдут на самообслуживание до 2020 года и уволят 10 млн. сотрудников.

Темпы роботизации на уровне компаний стремительны. Так, в 2013 году компания «Амазон» приобрела 1 тыс. роботов для обработки заказов покупателей, а в 2014 году заявила о намерении купить еще 10 тыс. роботов.

Несомненно, что автоматизация заменяет человеческий труд, однако прогнозируется, что на каждые 10 автоматизированных рабочих мест будет создаваться одно новое рабочее место в сфере программирования, дизайна, обслуживания или обучения. Это потребует оценить глубину структурных изменений на рынке профессионального образования и подготовки кадров, вовремя инвестировать в новые нужные профессии.

Также прогнозируется, что к 2019 году в США около 25% всех производственных задач будут поручены программируемым роботам, физическим роботам или роботам потребительской автоматизации и сферы самообслуживания. Будет развиваться новая отрасль – *ремонт роботов*, что повлияет и на другие сопредельные сферы – обучение, менеджмент, финансовую отчетность.

Каким образом мир готовится к управлению названными выше вызовами и проблемами?

Проведенное исследование позволяет предположить, что сегодня ни одна страна мира самостоятельно не способна возглавить роботизацию планеты. Тем не менее, такие страны как Япония, Южная Корея, Германия, США и ЕС (на которые приходится 70% мирового объема рынка роботов) могут определять направления роботизации мира. Ни Россия, ни Китай отдельно не смогут влиять на мировые тенденции развития робототехники, по крайней мере, в ближайшие 20–30 лет. Они могут только встроиться в сложившееся разделение труда на мировом рынке роботов. Полагаем, что санкции США и ЕС против РФ призваны, в том числе, затормозить скорость технологического развития России и воспрепятствовать занятию ею своей ниши на глобальном рынке роботов.

По нашему мнению, требуются масштабные исследования лучшего опыта по массовой роботизации в целях преодоления отставания робототехнической отрасли РФ. Важно изучить опыт европейского проекта «RoboEarth», призванного стандартизировать продвижение роботов в обыденную жизнь граждан ЕС, в рамках которого создается единая облачная база данных для роботов «Rapyuta» в формате «платформы как услуги» («Platform as a Service — PaaS») – формата автоматизации нового уровня.

Не менее уникален опыт Китая. В 2015 году в Китае запущена самая большая в мире интеллектуальная платформа IngDan.com (он-лайн и офф-лайн) с сервисами O2O с целью реализации 10 тыс. инновационных проектов по роботизации с помощью 10 млн. фанатов. Эта платформа служит форумом для китайской кибер-промышленности. В ближайшие десять лет китайские компании, вероятно, увеличат инвестиции в НИОКР в 25 раз – с 1,2 млрд. долл. США до 30 млрд. долл. США.

1. На основе анализа целевого подхода к роботизации в Японии – лидера роботизированного и гибридного мира – на государственном уровне, нами выявлены некоторые прогрессивные методологические подходы, часть которых целесообразно применить в РФ:

– На основе комплексного стратегического подхода разработан «Стратегический план развития роботов в Японии», согласно которому приоритетными направлениями являются:

– превращение нероботизированных устройств в роботов с помощью новейших сенсорных технологий и технологий искусственного интеллекта (это касается автомобилей, бытовой техники, мобильных телефонов и др.);

– использование роботов на производстве и в разных сферах повседневной жизни.

2. Государственно-частное партнерство стало источником инвестиций в отрасль;

3. Согласование действий между пользователями и производителями определило четкие критерии (характеристики) рынка роботизированных товаров и услуг;

4. Базы данных – сбор и обмен информацией, обмен разработками и популяризация (копирование, масштабирование) лучших проектов стали основой инновационных киберплатформ для массового привлечения профессионалов и любителей к развитию киберотрасли (мобилизация глобальных человеческих ресурсов для создания будущих производств и услуг без человеческого труда);

5. Планирование и реализация международных совместных научно-исследовательских проектов с учетом глобальных событий (например, совместная разработка Японией и США роботов для устранения последствий стихийных бедствий);

6. Составление и введение в действие международных стандартов.

В итоге реализации названного плана в Японии будет создано общество, в котором растущая революционными темпами производительность труда мультифункциональных неутомимых роботов будет создавать добавленную стоимость во всех сферах экономики – от наукоемких производств до обычного сервиса. Большая часть роботов станет многоцелевыми устройствами имеющими высокую экономическую эффективность, а массовость внедрения роботов обеспечит синергетический эффект от экономики масштабов.

Программа стратегического развития Японии выделяет 5 областей, в которых должны быть сосредоточены усилия исследователей (рис. 1):

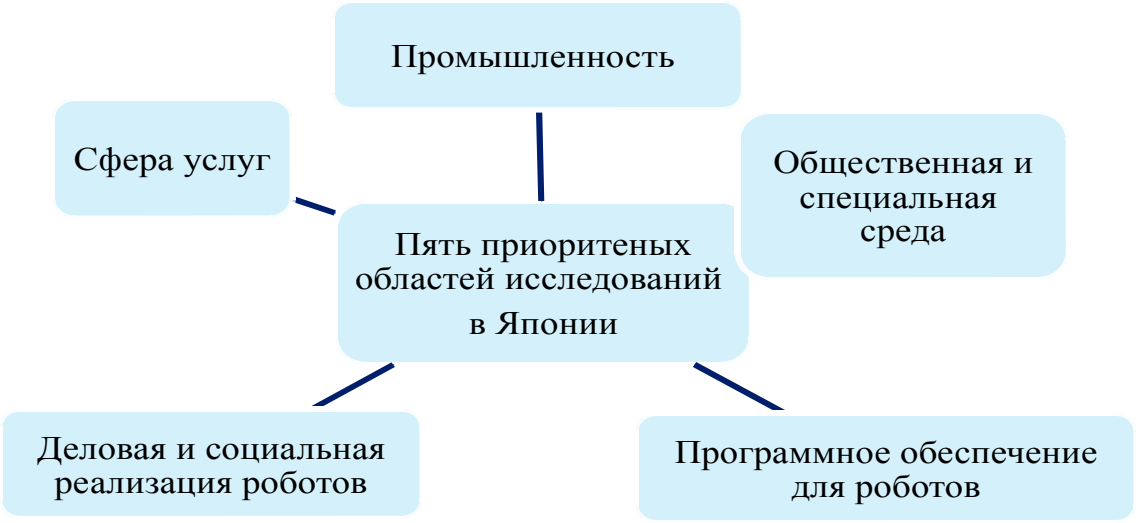


Рисунок 1.
Приоритетные области исследований в Японии в сфере роботизации

Критериями эффективности реализации Программы «Революции роботов» в Японии станут ключевые *количественные плановые показатели* 2020 года:

– Рост числа промышленных роботов в 2 раза и стоимости рынка до 120 млрд. иен;

– Рост производительности труда в обрабатывающей промышленности на 2% в год,

– Увеличение скорости роботизации процессов сборки до 25% для крупных компаний и до 10% для малого и среднего бизнеса по отношению к показателям 2015 г.;

– 20-кратное увеличение рынка сервисных роботов в непроизводственной сфере – до 1,2 трлн. иен;

– Рост производительности труда в сфере услуг в 3 раза (до 2%);

– Рост на 30% использования роботов в логистике для сбора, осмотра и проверки;

– Рост внутреннего рынка медицинских роботов до 50 млрд. иен;

–Увеличение доли больных, за которыми ухаживают роботы, с 59,8% в 2015 году до 80%;

– Рост доли роботов, используемых в процессах реабилитации с 65,1 до 80 %;

– Увеличение темпов распространения автоматизированных технологий строительства, МЧС – до 30%;

– Повышение эффективности осмотра и ремонта важной инфраструктуры и ветхого жилого фонда на 20% к 2020 г. с использованием датчиков, роботов и технологий неразрушающего тестирования;

– Введение в эксплуатацию в полевых условиях самоходных тракторов;

– Внедрение более 20 моделей новых роботов для энергосбережения и повышения производительности труда в сельскохозяйственной, лесной и рыболовной сфере.

Сотрудничество промышленности, науки и правительства для развития технологий Японии – ключ к достижению вышеназванных целей. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии проводит активную агитацию нации по внедрению роботов в жизнь, премьер-министр Сидзо Абэ призвал к робототехнической революции, поскольку Японии необходимо решить демографические проблемы: низкий уровень рождаемости и быстрое старение населения (8, 9).

В РФ активно развивается роботизации армии, медицины, автомобилестроения, авиации и др. Тем не менее, доля РФ на мировом робототехническом рынке пока мала. Возможно лидерство РФ в создании новых видов энергии для роботов.

Учитывая опыт Японии, США, ЕС, Китая и других стран, в РФ важно создать базу данных нероботизированных устройств и определить критерии и организации, способные превратить нероботизированные технологии в роботов с помощью новейших сенсорных технологий и технологий искусственного интеллекта. Этим организациям следует оказывать государственную финансовую поддержку, установив временные и качественные критерии оценки их работы.

В целом, коммерциализация роботизированных технологий должна стать приоритетом в РФ. Здесь можно использовать опыт и методические разработки NASA (США) в области расчета эффективности трансфера технологий, полученных с помощью государственных финансов. Полагаем важным использовать этот опыт и новую тенденцию глобального развития – прогрессивный переход к «университетскому капитализму» («academic capitalism») в РФ (10). Противоречия между образовательной миссией вузов и трансфером роботов можно скорректировать через оперативное внедрение курсов по роботизации во всех вузах РФ.

Полагаем, что на скорость развития роботизации влияют научно-технический потенциал страны, политические, социальные, культурные и иные факторы. Очевидно, что роботизация в будущем станет генератором многих новых трендов и научных направлений во всех областях знаний.

Список литературы и источников

1. www.ifr.com
2. http://forum.prognoz.org/viewtopic.php?id=199
3. www.cyberdefencereview.org
4. www.mil.org
5. www.oxford.org
6. www.beforeitsnews.com
7. www.rt.com
8. Отчет ЦЭМИ 2015 г. «Революционные технологии: перспективные направления развития робототехники» Программа Президиума РАН «Анализ и прогноз долгосрочных тенденций научного и технологического развития: Россия и мир».
9. www.robo-hunter.com
10. Henkel M. Academic identity and autonomy in a changing policy environment // Higher Education. 2005. – Vol.49, N 1. – P.155–176.

Докучаева Г.П.[1]

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМ В ВОЗРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Уважаемые коллеги!

Я много лет работаю в области текстильного дизайна (пошив штор и др.). Мы используем ткани для штор, для обивки мебели, тюль и др. только иностранных производителей, ввиду их высокого технологического и эстетического качества. К сожалению, наш производитель упускает возможность занять свою нишу в огромном товарообороте данной продукции. Поэтому на российском рынке с успехом работают иностранные компании. Я пыталась ознакомиться с ассортиментом нашего производителя, проводя мониторинг текстильного рынка – **посещала текстильные выставки и магазины, но российского производителя с ассортиментом и качеством продукции**, особо востребованным у дизайнеров интерьера, не увидела. Я написала письмо на сайт президента Путина В.В. с предложением обратить внимание на текстильную мануфактуру и получила ответ из Департамента легкой промышленности, в котором меня заверили, что у нас в этой области все хорошо, а постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 791 «Об установлении запрета на допуск товаров легкой промышленности, происходящих из иностранных государств, в целях осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд» выручает всю отрасль. Вероятно, имелось в виду, что не производя востребованные ткани европейского качества, торгуя в текстильном городе Иваново импортной продукцией, мы больше выигрываем, высвобождая время наших граждан от работы на производстве.

Для справки:

Я хочу напомнить, что первые учебные заведения по дизайну были открыты в Германии и России – Баухауз в Германии (1919–1933 гг.) и ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) в России Советского периода (1920–1930 гг.). К сожалению, в 30-х годах они были закрыты первыми лицами государства – Гитлером и Сталиным с формулировкой «деградирующие». Специалисты разъехались – немецкие в Англию и США (Ле Корбюзье и др.), русские – кто куда. И долго производители нашей с вами страны не пытались связать продукты своего производства с эстетическим вкусом современности и таким явлением, как мода. А в Англии и США с приходом специалистов в области архитектуры и промышленного дизайна, начались перемены и они стали всемирными лидерами, с успехом использующими предпосылки дизайнерского искусства, к которым прежде всего относятся:

– понимание того, что **эстетический вкус – не только психологическое, но и идеологическое явление;**

– естественное человеческое стремление к прекрасному, к воплощению новых и все более совершенных образов;

– экономическая выгода, являющаяся огромным мотивом для развития дизайна.

А в середине 30-х годов и правящая партия Германии во главе с вовремя одумавшимся Гитлером обратилась к теме массовой интеграции функционального дизайна и качества продукции в промышленность всех отраслей, включая военную. И появились всемирно известные бренды не только потребительского, но и военного назначения, которые до сегодняшнего дня питают экономику этой страны и являются их национальной гордостью.

И хочу добавить, что даже во время Второй мировой войны эти страны не прекращали свои работы в развитии дизайна, используя его даже при производстве военной продукции.

Сейчас в России много учебных заведений по дизайну, в том числе иностранных, например, знаменитая БРИТАНКА (Британская высшая школа дизайна), многие специалисты-дизайнеры получили свое образование заграницей у лидеров дизайна. Издаются книги наших российских дизайнеров. Поэтому стоит использовать отечественный потенциал дизайнерско-художественного опыта в производстве товаров народного потребления. Взять за основу примеры лучших мировых держав, где промышленный успех кроется в золотом промышленном стандарте – сотрудничество дизайна с промышленностью, полная интеграция дизайна в современный мир и неумолимое стремление к качеству произведенной продукции. Принятие российскими производителями этих аутентичных принципов принесет новое звучание и смысл в словосочетание СДЕЛАНО В РОССИИ.

Совершенно очевидно, что у нас большие проблемы в области текстильной промышленности, хотя руководитель соответствующего департамента считает, что все отлично. Думаю, что в его доме шторы висят из западной коллекции, как и у ВСЕХ, кто воспользовался услугами текстильного дизайнера. В данной нише ни архитекторы, ни дизайнеры интерьера не работают с российскими тканями. Может это от того, что мы своим заказчикам гарантируем высокое качество наших работ поэтому работаем с тканями с предсказуемым результатом. Большинство наших швейных объединений по пошиву одежды тоже работает только на импортных тканях. Помощник В.В. Жириновского,

[1] Докучаева Галина Павловна – независимый эксперт. Профессиональные интересы: дизайн, рисование. E-mail: amulet93@rambler.ru

чтобы проверить эту информацию, съездил в магазин «Большевичка», посмотрел там мужские костюмы и первое, что ему сказали – Это только лекала наши, а ткани все импортные…

В подтверждении наших догадок, что динамика упадка отрасли просто ужасная, директор департамента растениеводства Минсельхоза России Петр Чекмарев озвучил статистику спада объемов производства растительного волокна (льноволокно, пенька и др.), несмотря на поддержку государства, увязав это с закрытием многих текстильных фабрик.

Совершенно очевидно, что возрождение ткацкого производства подтянет и инициирует развитие нескольких отраслей:

1. **Растениеводства**. На сегодняшний день, Россия является одним из основных производителей льноволокна в мире, крупнейшим экспортером как льняного сырья, так и готовой продукции. С другой стороны, существующие в стране способы выращивания льна, его сортность (коротковолокнистый), метод сбора и переработки делают его низкокачественным и неконкурентоспособным даже по сравнению с Украиной и Белоруссией, не говоря уже о развитых странах, таких как Франция и Бельгия.

2. **Кормопроизводство**. Нехватка кормов уменьшает поголовья полутонкорунных, шубных и других пород овец , кроме того продукцию овцеводства подстерегла другая беда – закрытие ВСЕХ заводов по переработке и облагораживанию сырья. Это касается и других объектов животноводства.

3. **Оборудостроение.** Необходима замена устаревшего оборудования, которое уже не в состоянии выпускать продукцию нужного ассортимента, фактуры и качества. Наладить производство оборудования, которое не только повысит качество, но и изменит структуру выпускаемой продукции. Необходимо перейти от производства большого количества однотипной продукции к мелкосерийному выпуску, динамично изменяемому под воздействием рынка. Всеми силами уходить от сталинского девиза оставленного нам в наследие – Количество это тоже качество.

4. **Химическая промышленность.** Необходимым элементом повышения конкурентоспособности российских тканей является применение более качественных красителей, более совершенных химических соединений, применяемых при производстве текстильной продукции и растениеводстве. Сейчас эта задача решается преимущественно за счет импорта.

5. **Научно-исследовательские институты.** В области селекции (академия им. К.А. Тимирязева себе угодья вернула, так пусть поработают – создадут, например, сорт длинноволокнистого хлопка, который может быть выращен у нас в Крыму или на Северном Кавказе, Поволжье и др. областях , сорт качественного длинноволокнистого льна), НИИ оборудостроения и др.

Для справки:

Лучший в мире длинноволокнистый хлопок выращивается в районе дельты Нила, где уникальный микроклимат обеспечивает хлопку быстрый рост. Хлопок собирается работниками плантаций исключительно вручную и потому выпускается в ограниченном количестве ежегодно.

Производитель берет пример с производителей вина, позиционируя свой хлопок как «винтажный»: так, например, в 2009 году компания Luxton выпустила а в продажу ограниченное количество хлопка урожая 2005 года, доступного лишь для премиум-клиентов.

Таким образом, российская легкая промышленность стоит сейчас перед дилеммой: окончательно сдать свои позиции иностранным товарам на внутреннем рынке или начать активный поиск направлений своего развития и повышения конкурентоспособности своей продукции.

Поскольку я выросла в Стране Советов, позволю себе предложить некоторые меры, способствующие возрождению в России современной текстильной мануфактуры:

– нужно организовывать тесное сотрудничество с дизайнерами, особенно с теми, кто получил свое образование за рубежом и знает тонкости работы западных предприятий, сотрудничать с ними по вопросам спроса и предложений в области дизайна одежды, интерьера и др. На сегодняшний день дизайн и создатели промышленной продукции знакомы понаслышке. В лучшем случае промышленники ограничиваются сотрудничеством с инжиниринговыми компаниями. Великий Стив Джобс оставил 12 заповедей, одна из которых – «Люди судят о тебе по поступкам, поэтому сосредоточься на результате. Будь мерилом качества. Не все люди привыкли к окружению высочайшего качества. Напротив, их гораздо меньше, чем ты думаешь. Сообщи им об этом. Если они не узнают о качестве, они не купят товар. Удели внимание дизайну. Дизайн заключается не в образе или ощущении, но в том, как он работает – Мы создали такие прекрасные кнопки, что вам захочется их лизнуть».

В нашем случае – мы пришили российскими нитками такие красивые российские пуговки…

Для справки:

В России когда-то был научно-исследовательский институт дизайна и эргономики, ВНИИТЭ (Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики). Данное полезное заведение могло бы разрабатывать промышленный дизайн, эргономику, проводить переподготовку специалистов, делать предпроектные исследования, изучать психологический и, не побоюсь этого слова, духовный портрет потребителя, разрабатывать новейшие технологии для проектирования промышленных изделий, совершенствовать потребительские ГОСТЫ для разной продукции, эскизы тканей и т.д. Кроме того есть незатейливые способы подпитывать копилку эскизов (паттерны) тканей по опыту ведущих мировых текстильных фабрик. Например, в 2015 году мне было предложено (зная, что я немного рисую) принять участие в конкурсе на лучший дизайн ткани или обоев для фабрики Fabricut – «Паттерн для Fabricut». Департамент легкой промышленности тоже может задействовать в подобных конкурсах дизайнеров, студентов текстильных, дизайнерских и художественных учебных заведений и всех желающих.

– открыть хотя бы одну текстильную фабрику (допустим как Акционерное общество с долевым участием государства), оснастить суперсовременным оборудованием, опытным, обученным персоналом, сотрудничать с дизайнерами на всех этапах производства, ввести регулярные стажировки на западных предприятиях (если это возможно), выстроить организацию труда и сотрудничество с потребителем, делая эстетически привлекательными каталоги своей продукции и др. Эта фабрика должна взять на себя функции генератора идей по текстильному производству в целом и делиться ими с другими российскими производителями, т.е. проводить стажировки для других участников рынка. БЕСПЛАТНО!

– также предлагаю ОБЯЗАТЬ предприятия придерживаться ГОСТов, поскольку качество продукции многих предприятий заметно упало, в том числе используемых при производстве технических культур (хлопок-сырец, льноволокно и др.)

– сами ГОСТы давно пора пересмотреть и увязать с востребованными техническими характеристиками сегодняшнего потребителя. Например, усадка портьерной ткани не должна быть 5 и более процентов, что бывает из-за отсутствия финишной обработки. Например, наши замечательные шторы высотой 3 метра изначально лежат красиво «в пол», а со временем укорачиваются на 15 см. Или брюки стали на 6 см короче. По этой же причине наш российский лен (ткани) стоит «колом». Красители опять же….

– производителям дать возможность в комфортных для посетителей-специалистов выставочных условиях представлять произведенную продукцию на рынке, а также льготные торговые площади, для реализации своей продукции.

– все дотации государства производить в денежном эквиваленте, но, например, оборудованием, красителями, семенами… и т.д.

– пересмотреть тарифы на перевозку сырья и готовой продукции наших производителей и не только на это;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 791 «Об установлении запрета на допуск товаров легкой промышленности, происходящих из иностранных государств, в целях осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд» отменить как фактор снижающий мотивацию развития предприятий (если и так покупают, зачем напрягаться?)

– у российских производителей и потребителей продукции должен быть один девиз. Придумайте какой. Например, в Швеции, чью продукцию знают и ценят во всем мире, девиз – «простой, эмоциональный, светлый».

– Национальное российское брендирование должно стать делом политическим и социальным для всего общества.

А теперь о самом главном – перед сентябрьскими выборами народных избранников хорошенько подумайте – кто из претендентов может воплотить эту программу и принципы в нашу с вами жизнь, чтобы российская продукция стала светлой обыденностью и источником положительных эмоций для каждого потребителя?

Для справки:

1 марта 2016 года Forbes в 30-й раз пересчитал самых состоятельных людей на Земле. На втором месте после хорошо нам знакомого Билла Гейтса стоит испанский бизнесмен Амансио Ортега, основатель сети магазинов одежды Zara, Massimo Dutti, , Pull and Bear, Bershka, Stradivarius, Oysho, Zara Home, Tempe, Uterque и Lefties. В пору кризиса его империя остаётся на волне, предлагая недорогую, но качественную одежду, и тем самым поднимая спрос на новый уровень. За 5 последних лет Ортега увеличил личный капитал более чем в два раза, с 31 до 67 миллиардов. За последний год рост был не столь внушителен, но всё-таки, в отличие от большинства соперников в десятке Форбс, Амансио заработал 2,5 миллиарда, а не потерял. А теперь подумайте, какая сумма в виде налогов поступила в бюджет его страны…

Список литературы и источников

1. Лаврентьев, А. Н. История дизайна. – М.: Гардарики, 2007.
2. Примаков Е.М.,Выбор локомотива / Выступление на Московском экономическом форуме. 26.03.2014, Пленарная дискуссия.
3. Романов А. О состоянии легкой промышленности России / Выступление на Московском экономическом форуме. 24.03.2016.
4. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техники. Кн. 1–2. – М.: Архитектура-С, 2006.
5. Рунге В.Ф., Сеньковский В.В. Основы теории и методологии дизайна. – М., 2001.
6. http://www.stevsky.ru/
7. http://www.luxemag.ru/

Клейнхоф И.А.
д.э.н., зав. кафедрой Академии социального управления
Клейнхоф А.Э.
д.э.н. профессор Столичной финансово гуманитарной академии

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *методология, стратегия, природопользование, лесной сектор экономики, лесная рента, сценарии развития лесного сектора экономики, институциональная инфраструктура, конкурентоспособность, технологическое отставание.*

Keywords: *methodology, strategy, natural resource use, forest sector of economy, forest rental charge, forest sector development scenarios, institutional infrastructure, competitiveness, technological backwardness.*

В настоящее время имеются многочисленные стратегические разработки в сфере социально-экономического развития на уровне Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также ключевых отраслей народного хозяйства. Однако они, как правило, выполняются далеко не в полной мере. Согласно прогнозу Министерства экономического развития 2011 г., рост ВВП должен был составить 4,5% в 2012 г. и 4–5% в 2013 г. Однако по данным Росстата рост ВВП в 2013 г. составил сего лишь 1,4%. В 2013 г. промышленный сектор вырос только на 0,3%, инвестиции сократились до минус 0,3, экспорт – до минус 1,2%, значительно ухудшились рыночная капитализация и финансовый результат деятельности российских компаний.

Зимой 2014 г. началась техническая рецессия, а с июля-августа началась действительная рецессия, выразившаяся в сокращении квартальных показателей в годовом выражении, заметно сократились строительство, объем внешней торговли, импорт, стали снижаться реальные доходы населения**.** По итогам 2015 года, по оценке Росстата, ВВП снизился на 3,7% к предыдущему году [4].

Применительно к отдельным отраслям основные экономические показатели также ниже прогнозных оценок, предусмотренных стратегическими документами. Отдельные параметры социально-экономического развития лесопромышленного комплекса в 2010–2015 гг. оказались ниже целевых показателей, предусмотренных инерционным сценарием Стратегии развития лесного сектора экономики Российской Федерации на период до 2020 г. [1]. Основная причина подобных расхождений кроется в несовершенстве методологии стратегических разработок применительно к лесному сектору экономики. В этой связи прежде всего следует отметить недооценку роли институциональной инфраструктуры в обеспечении социально-экономического развития.

В этой связи следует также отметить, что применительно к сфере природопользования в процессе перехода от директивно планируемой к рыночной экономике была сформирована институциональная инфраструктура, нарушающая основные принципы рыночной экономики. Под предлогом поддержки отечественной промышленности Правительством Российской Федерации были установлены символические платежи за право пользования природными ресурсами. В результате подобного решения государство как собственник лишило себя природоресурсной ренты и во многом способствовало сырьевой направленности экономики. Вышеотмеченное обусловило торможение научно-технического прогресса и социально-экономического развития. Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц признает сохранение низких цен на природные ресурсы одной из трех принципиальных ошибок на первоначальном этапе рыночных реформ в Российской Федерации [5].

Сохранение подобной сырьевой модели выгодно крупным компаниям. Однако они не заинтересованы в инвестировании средств в развитие переработки природных ресурсов, так как символическая плата за право пользования природными ресурсами обеспечивает им достаточно высокую прибыль за счет экспорта нефти, газа, необработанных лесоматериалов и других видов сырья. Сырьевая модель экономики породила растущее неравенство между наиболее богатыми и наиболее бедной частями слоями населения.

Более подробно социально-экономические и технологические последствия сырьевой модели нами рассматриваются на примере лесного сектора экономики.

На долю России приходится примерно около четверти площади лесов и половина мировых запасов хвойной древесины. Значительные резервы крупномерной высококачественной древесины имеются лишь в России, что составляет важное ее преимущество в глобальной конкуренции на мировых рынках лесных и целлюлозно-бумажных товаров.

Вследствие низкого уровня переработки древесины на долю лесопромышленного комплекса приходится всего 1,0% от валового внутреннего продукта и 4% от экспорта страны [4].

В 2013 г. на долю России приходилось только 2,2% мирового производства бумаги и картона, 2,9% листовых древесных материалов. Доля России в мировом экспорте бумаги и картона составляет 2,4%, листовых древесных материалов – 2,5%.

Переход к рыночной экономике ознаменовался резким спадом объемов производства всех без исключения видов лесных и целлюлозно-бумажных товаров.

В начале 1990-х годов конкурентоспособность российских товаров и услуг на мировых рынках поддерживалась за счет их относительно низкой себестоимости. Однако к началу 2000-х годов этот фактор исчерпал себя. Растущее технологическое отставание отечественной промышленности обусловило удорожание продуктов переработки сырья, включая древесные ресурсы.

В 1998 г, после резкого спада в начале 1990-х, объем заготовки древесины составил лишь 42,9%, производства пиломатериалов – 24,8%, бумаги и картона – 43,3% в сравнении с 1990 г При этом темпы спада объемов инвестиций в развитие лесопромышленного комплекса в 1990–1998 оказались в два раза выше в сравнении с темпами спада объемов производств, что оказало существенное отрицательное влияние на технологическое развитие отрасли.

В 2007 г. в России только по объему производства клееной фанеры и ДВП был превзойден уровень 1990 г., тогда как в мире объемы производства бумаги и картона выросли в 1,6 раза, древесноволокнистых плит в 3,2 раза, фанеры в 1,5 раза [2]. Более того, в 2008 г. начался новый спад объемов лесозаготовок и всех основных видов производства лесных и целлюлозно-бумажных товаров.

Взаимодействие технологических и институциональных факторов привело к значительному снижению конкурентоспособности отечественных изделий из древесины как по качеству, так и по цене. Россия постепенно теряет такое важное конкурентное преимущество как наличие ресурсов высококачественной древесины, превосходящих другие страны мира. Истощение экономически доступных ресурсов высококачественной древесины в результате несовершенства институциональной инфраструктуры имеет своим следствием рост удельных текущих и капитальных затрат на всех стадиях заготовки и переработки древесины

В настоящее время отечественные лесные товары не могут конкурировать на мировых рынках с продукцией Швеции, Финляндии, США, Канады, Германии и других стран по качественным характеристикам, энергетическим и материальным затратам на производство. Ассортимент выпускаемой продукции отечественной лесной промышленности не отвечает структуре спроса на рынках развитых стран. На экологически чувствительных рынках, спрос на целлюлозу из Российской Федерации ограничен из-за высокого уровня содержания диоксинов.

В последние годы нарастает несоответствие между спросом и предложением отечественной мебели и бумаги также и на внутреннем рынке. На внутреннем рынке отечественная мебель не конкурентоспособна даже по цене с импортной мебелью аналогичного качества вследствие того, что в ее себестоимости значительную долю составляют затраты на дорогостоящие материалы, получаемые по импорту.

Взаимодействие негативных факторов и условий создает эффект снежного кома.

Новые изделия лесопромышленного комплекса зарубежных стран внедряются в России с опозданием в 20–30 лет. К ним следует отнести древесностружечные плиты средней плотности (МДФ) и с ориентированной стружкой (OSB), большеформатную, водостойкую и отделанную фанеру, пользующуюся высоким спросом на внутреннем и мировых рынках. Отечественная целлюлозно-бумажная промышленность не в состоянии производить многие разработанные в Канаде, США, Швеции, Финляндии и Германии новые виды изделий деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, такие как высококачественная бумага для художественной печати, бумага для разделительных мембран, картонно-бумажные воздуховоды, хирургические комплекты разового использования, антисептические перевязочные материалы [3].

Более половины стоимости экспорта лесных и целлюлозно-бумажных товаров занимают круглые лесоматериалы и пиломатериалы. В 2012 г. сальдо внешней торговли лесными и целлюлозно-бумажными товарами сократилось в три раза в сравнении с 2007 г. Постоянно положительным сальдо оставалось по круглым лесоматериалам и необработанным пиломатериалам.

На долю импорта приходится 41,7% суммарной стоимости потребления мебели, 29,2% бумаги и картона, 19,6 древесноволокнистых плит, 9,1% клееной фанеры. В 2009–2012 гг. стоимость импорта бумаги и картона превысила стоимость экспорта в два раза [4].

Вследствие низкого уровня переработки древесины на долю лесопромышленного комплекса приходится всего 1,0% от валового внутреннего продукта и 4% от экспорта страны. Согласно прогнозу долгосрочного социально-экономического развития на период до 2030 г., подготовленному Минэкономразвития, доля лесного комплекса России в ВВП страны оценивается в 0,7% , что значительно ниже его потенциального уровня.

В настоящее время возможности роста лесного сектора экономики ограничены действующей институциональной инфраструктурой. Принимаемые в последние годы Правительством Российской Федерации административные и экономические меры, направленные на изменение структуры экспорта лесных и целлюлозно-бумажных товаров и стимулирование роста объемов переработки лесных ресурсов могут дать ожидаемый эффект лишь при условии проведения институциональных реформ и весьма существенного роста инвестиций. По оценкам экспертов модернизация лесопромышленного комплекса требует, как минимум, десятикратного увеличения инвестиций [2].

Проведенные нами исследования показали существенную зависимость основных параметров социально-экономического развития лесного сектора экономики от институциональной инфраструктуры. Динамика основных параметров экономического, социального и экологического развития в той или иной мере детерминирована правовыми, экономическими и организационными механизмами управления лесным сектором экономики. Сохранение действующей системы управления лесным сектором экономики, как показывает долговременная динамика лесных ресур-

сов, приводит к неуклонному снижению размера устойчивого лесопользования и ухудшению его качественной структуры.

Преодоление острой нехватки инвестиций, направляемых на модернизацию лесного сектора экономики требует также проведения иных мероприятий по совершенствованию институциональной инфраструктуры и экономического механизма управления. Среди них следует выделить: упрощение бюрократических процедур; совершенствование системы кредитования; обеспечение защиты прав инвесторов; создание эффективного мотивационного механизма разработки инноваций в сфере лесного менеджмента и технологий производства.

В целях совершенствования методологии стратегических разработок применительно к лесному сектору экономики предложен метод альтернативных сценариев. Суть их заключается в том, что основные показатели социально-экономического развития определяют в зависимости от состояния основных параметров институциональной инфраструктуры.

Главная задача разработки первого (инерционного) сценария заключается в оценке социальных, экономических и экологических последствий сохранения ключевых параметров действующей системы управления лесным сектором экономики, а соответственно, и перспектив перехода его на устойчивое развитие. Второй сценарий (устойчивого развития) призван раскрыть потенциальные возможности развития лесного сектора экономики на национальном и международном уровне. Динамика основных параметров экономического, социального и экологического развития в той или иной мере детерминирована правовыми, экономическими и организационными механизмами управления лесным сектором экономики.

Объемы производства в нашей стране лесных и целлюлозно-бумажных товаров с высокой добавленной стоимостью, например, фанеры, бумаги и картона, даже снижаются. Строительство лесной инфраструктуры практически не осуществляется. Инерционный сценарий развития лесного сектора неизбежно приведет к ряду существенных экологических, социальных и экономических последствий.

Инновационный сценарий определяет институциональные и экономические предпосылки поступательного перехода к сбалансированному устойчивому развития лесного сектора экономики Российской Федерации. Переход к инновационному типу развития лесного сектора экономики требует скоординированного решения комплекса задач, таких как создание благоприятного инвестиционного климата, обеспечение гарантий прав собственности, совершенствование налоговой системы, формирование конкурентных рынков лесных ресурсов и лесных товаров, создание мотивационного механизма разработки и внедрения инноваций в сфере лесопользования и переработки лесных ресурсов.

Экономический эффект внедрения инновационного сценария будет складываться из роста размера экономически доступного устойчивого лесопользования, повышения эффективности мероприятий по воспроизводству лесных ресурсов, совершенствования структуры производства и экспорта, повышения конкурентоспособности лесных товаров, а также импортозамещения. При условии формирования развитой системы рыночных отношений, улучшения инвестиционного климата и формирования мотивационного механизма, способствующего разработке инновационных технологий, лесной доход может быть существенно увеличен.

Получение существенного эффекта зависит от государственной лесной политики и системы управления лесным сектором экономики. Действующая система управления устойчивым развитием лесного сектора экономики суживает возможности эффективного использования лесных ресурсов, а также степень влияния России на глобальную лесную политику. В перспективе следует иметь в виду обострение конкуренции на мировых рынках лесных и целлюлозно-бумажных товаров с высокой добавленной стоимостью.

При условии совершенствования структуры производства и внедрения передовой технологии переработки древесных ресурсов стоимость произведенных лесных и целлюлозно-бумажных товаров в расчете на 1 $м^3$ потребленного древесного сырья в России может быть увеличена, как минимум в 4,5 раза. В этих условиях одновременно с ростом цен на древесный запас на корню это будет сочетаться с повышением конкурентоспособности лесных товаров, а соответственно и с ростом прибыли предприятий лесопромышленного комплекса [3]. Сопоставление основных расчетных параметров инновационного и инерционного сценариев дает возможность оценить экономическую, социальную и экологическую значимость институциональных преобразований применительно к лесному сектору экономики.

Взаимосвязь и взаимозависимость основных параметров социально-экономического развития лесного сектора экономики подтверждает опыт государств Балтии, а также Восточной Европы. Детальный анализ зарубежного опыта проведен в монографии [3]. В данной статье достаточно отметить, что благодаря формированию адекватной рыночной экономике институциональной инфраструктуры в странах Балтии, Чехии и Польше проведена модернизация лесного сектора экономики, направленная на формирование конкурентных рынков лесных ресурсов и продуктов их переработки, создание эффективной государственного регулирования развития лесного сектора, обеспечение благоприятного инвестиционного климата. Здесь создана технологическая база для производства конкурентоспособных на мировых рынках изделий из древесины. В результате этого лесной доход в расчете на 1 га лесопокрытой площади в названных странах в 20–30 раз выше, чем в Российской Федерации,

Список литературы

1. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная приказом Минпромторга России и Минсельхоза России от 30.10.2008 № 248/482.
2. Бурдин Н.А. О стратегических направлениях развития лесного комплекса Российской Федерации // Лесной вестник. 2008. – № 5(62). – С. 7–12.
3. Клейнхоф И.А. Стратегическое управление сбалансированным устойчивым развитием лесного сектора экономики Российской федерации и Европейского Союза: монография. – М.: МГУЛ, 2010. – 156 с.

4. Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2015.
5. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. – М., 1999. – № 7.
6. Шевчук А.В., Джангиров Д.А., Клейнхоф И.А., Саханов В.В. Лесопромышленный комплекс России: перспективы развития и прогнозные балансы до 2020 г. – М.: СОПС, 2013.
7. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации за 2011 год / Бюллетень. – М.: ФТС России, 2012.
8. Yearbook of Forest products / FAO UN. – Rome, 2010.

Кохно П.А.
д.э.н., профессор, директор Института нечётких систем
pavelkohno@mail.ru
Кохно А.П.
к.э.н., начальник лаборатории финансового планирования и прогнозирования Института нечётких систем

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ С УЧЁТОМ СНИЖЕНИЯ ЗАТРАТ ПРОШЛОГО ТРУДА

***Ключевые слова**: технологии, оборонно-промышленный комплекс, предприятие, добавленная стоимость, производительность труда.*

Результаты проведенного ситуационного анализа вскрыли объективные предпосылки необходимости разработки обновленной стратегии развития оборонно-промышленного комплекса (ОПК), которая должна стать опережающей по своей направленности и содержать инструменты и механизмы, создающие потенциал технологического развития и, тем самым, предупреждающие дальнейший кризис в оборонных отраслях промышленности. Стратегия развития такой сложной системы как ОПК должна определять политику, охватывающую интересы не отдельного предприятия (корпорации) или отдельной оборонной отрасли либо их совокупности, а государственные интересы в области обеспечения обороноспособности и безопасности страны [1, 2, 3].

Определяющим в функционировании и развитии ОПК является его военно-ориентированное производство и бюджетное финансирование военных программ и научно-исследовательских работ. Важнейшими регуляторами ОПК становятся программное военное планирование и государственное финансирование (федеральный бюджет), способное ответить на вызовы современности. Совершенствование системы программно-целевого планирования развития ОПК в интересах повышения эффективности оснащения Вооруженных сил признано в Основах-2020 одним из важнейших приоритетных направлений государственной политики в области развития ОПК.

На современном этапе решение задачи по повышению эффективности выполнения программ в области обороны и безопасности и совершенствованию координации деятельности федеральных органов исполнительной власти по вопросам реализации документов стратегического планирования приобретает особую актуальность, что связано, в первую очередь [4, 5]:

– с началом практического перехода к новой архитектуре программно-целевого планирования на базе государственных программ Российской Федерации и программного разреза федерального бюджета, включая комплексирование широкого спектра мероприятий различной направленности по развитию отраслей промышленности в составе государственных программ;

– проводимой работой по совершенствованию действующих, разработкой и реализацией новых форм, методов и механизмов государственного регулирования, а также принятием решений правового, организационного и технологического характера, учитывающих новые реалии;

– практическим завершением организационных преобразований и созданием мощного корпоративного сектора ОПК, включающего 55 интегрированных структур (ИС), формированием на их основе центров компетенции и передачей в соответствии с возложенной компетенцией во исполнение Основ-2020 на уровень ИС ряда полномочий по реализации государственной политики по выполнению государственного оборонного заказа (ГОЗ) и федеральных целевых программ (ФЦП).

Наиболее значимая, имеющая для ОПК общесистемный характер, утвержденная Правительством Российской Федерации 5 марта 2012 года ФЦП развития ОПК на 2011–2020 годы (далее ФЦП-2020), а также ФЦП по стратегическим материалам, интегрируется в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», поскольку целью госпрограммы является повышение конкурентоспособности отечественной промышленности. Кроме того, указанная госпрограмма, помимо целого ряда ФЦП, содержит и иные меры государственной финансовой поддержки адресного характера, предоставляемые в установленном порядке (различного вида субсидии, государственные гарантии, стипендии и ряд других).

Следует также отметить, что, наряду с госпрограммой по вооружению (ГПВ) и госпрограммой «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в части развития оборонных отраслей промышленности, формируются также государственные программы Российской Федерации по развитию отдельных приоритетных отраслей ОПК (авиационная, ракетно-космическая, судостроительная, радиоэлектронная промышленность). Разработка государственных программ Российской Федерации предусматривающих новые, интегрированные цели, задачи, индикаторы, ожидаемые результаты и финансовые ресурсы, а также включающих широкий перечень программных мероприятий различных направлений и механизмов реализации по развитию отраслей промышленности, находится в стадии завершения.

Внедрение в практику новых инструментов, форм и методов государственной промышленной политики с учетом указанного институционального фактора требует выработки новых механизмов координации, в том числе на стратегическом уровне планирования, обеспечивающих комплексную реализацию взаимоувязанных мероприятий по развитию ОПК в обеспечение ГПВ и других исходных документов стратегического и программно-целевого планирования, в том числе на более раннем этапе по отношению к началу разработки ГПВ на соответствующий период. На современном этапе существенно возрастает роль определения стратегических целей и задач развития ОПК на долгосрочный период (уровень стратегического планирования).

С учетом значения стратегического этапа планирования, по нашему мнению, необходимо совершенствование законодательства в данной сфере в части определения порядка формирования и корректировки документов стратегического уровня, а также установления механизмов обязательного межуровневого взаимодействия. Необходимо обеспечить регламентацию процессов планирования и реализации мер, направленных на опережающее развитие ОПК с использованием различных инструментов, имея в виду обеспечение высокого уровня потенциальной готовности ОПК уже к моменту начала формирования ГПВ на последующий программный период.

Решение поставленной задачи подразумевает переход к более ранним срокам разработки и начала реализации соответствующих мероприятий, что, в свою очередь, требует разработки и принятия в установленном порядке целого ряда исходных документов долгосрочного прогнозного характера (в ряде случаев выходящих за горизонт программного планирования), которые являются необходимой научно-обоснованной базой для выбора в условиях современных и перспективных угроз национальной безопасности рационального пути решения стоящих задач с учетом финансово-экономических возможностей страны (прогноз развития науки и техники в области обороны и безопасности, основные направления развития вооружения, военной и специальной техники, макроэкономические показатели по расходам на оборону и ряд других).

Помимо синхронизации развития ОПК с задачами военного строительства должны быть системно определены механизмы и инструменты усиления роли ОПК и его интегрированных структур в инновационном развитии экономики в целом, увеличения инновационной бизнес-составляющей в деятельности интегрированных структур, системной координации их бизнес-стратегий с задачами государственной политики в сфере ОПК. Выход из технологического кризиса связан с обеспечением инновационного развития ОПК, формированием в ОПК опережающего научно-технического задела, осуществлением коренной технологической модернизации ОПК в целях обеспечения военно-экономической безопасности страны, повышения качества и конкурентоспособности продукции, определенных Основами-2020 среди приоритетных направлений государственной политики в области ОПК.

Здесь «развитие» понимается как приобретение нового качества, укрепляющего жизнедеятельность организаций ОПК в условиях изменяющейся среды, решение задач повышения конкурентоспособности как внешних (стратегия «глобального игрока»), так и внутренних (импортозамещение). При этом модель технологического развития предприятия раскрывает взаимосвязь его технологического и экономического развития через процесс создания добавленной стоимости. Очевидно, что единственной возможностью для предприятия максимизировать прибыль в долгосрочной перспективе будет минимизация затрат на трансформацию продукции. Минимизация затрат, в свою очередь, означает максимизацию добавленной стоимости и повышение производительности труда.

Сегодня на рынке наукоёмкой продукции представлены компании различного масштаба – как гиганты, развивающие свой бизнес сразу по нескольким направлениям и стремящиеся максимально использовать эффект масштаба для увеличения своих прибылей, так и средние/малые компании, зачастую получающие преимущества за счет активного участия в кооперационных цепочках и обладающие какими-либо инновационными решениями. Можно утверждать, что не наблюдается очевидной прямой зависимости между масштабом компании и степенью ее успешности, которая в большей степени определяется не размерами бизнеса, а обоснованным подходом к выбору потребительской ниши и соответствующей бизнес-модели, а также эффективным развитием ключевых факторов успеха.

Прибыль удается получать, как правило, либо самым крупным компаниям, либо небольшим за счет обладания «нишевыми» решениями, при этом и первые, и вторые активно взаимодействуют на взаимовыгодной основе. К примеру, большая часть малых инновационных компаний в сфере микроэлектроники возникает вокруг масштабных центров инновационного развития, что способствует интеграции имеющихся у данных компаний «нишевых» решений в глобальные и продвигать их на рынок. При этом более крупные компании, обладающие значительными ресурсами, зачастую строят свою стратегию развития на поглощении менее крупных.

Большая часть государств, добившихся успеха в развитии своего высокотехнологичного сектора, осуществляла обоснованную государственную политику развития высокотехнологичной промышленности с целью реализации определенной модели. В настоящее время большинством исследователей принято выделять четыре основные модели развития инноваций: азиатскую, скандинавскую, американскую, израильскую. Исторический опыт свидетельствует, что проблемы реформирования и повышения эффективности национальных высокотехнологичных секторов экономики решались различными странами на основе применения разных подходов. Анализ данного опыта свидетельствует, что наибольших успехов добивались государства, применявшие комплексный подход к решению данной проблемы, основанный на приоритете инновационной составляющей и формировании эффективных национальных инновационных систем (НИС), являющихся основой успешного долгосрочного развития. Национальная инновационная система представляет собой систему взаимосвязанных и взаимозависимых институтов, обеспечивающих разработку, развитие, внедрение и распространение новых технологий в рамках отдельного государства.

Во многих странах (как развитых, так и развивающихся) задачи построения эффективных национальных инновационных систем рассматриваются как приоритетные. Важно понимать, что создание подобной системы не является результатом отдельного решения (даже на самом высоком уровне), а подразумевает долгосрочную систематическую

работу в различных областях и на различных уровнях, в том числе по адаптации сформировавшейся НИС к изменяющимся задачам и условиям функционирования, в первую очередь в области инвестиционной политики. Например, прямые японские инвестиции в экономику стран юго-восточной Азии (ЮВА) более ориентированы на развитие торговли, они реализуются в форме совместных предприятий с миноритарным японским акционерным капиталом, в форме разделения продукции заключаются на долгий срок и предполагают технологический трансфер. Другими словами, они сфокусированы на макроэкономических целях и способствуют развитию принимающей экономики в целом, в отличие от политики западных транснациональных корпораций, которые при инвестировании ориентированы на получение максимальной прибыли в рамках конкретного предприятия.

В общем случае развитие технологий должно приводить к тому, что при использовании более совершенного оборудования затраты на каждую единицу продукции сокращаются. Никакая другая причина не оправдывает замену одного оборудования другим. Рационалистический путь развития технологических процессов, в котором прирост производительности совокупного труда происходит при увеличении затрат прошлого труда за счет механизации и автоматизации вспомогательных технологических процессов принципиально ограничен. Каждое последующее увеличение производительности труда требует все больших затрат капитала на единицу прироста производительности.

Другой эвристический путь технического развития технологических процессов, в котором прирост производительности совокупного труда происходит при снижении затрат прошлого труда за счет совершенствования или замены технологических процессов, принципиально не ограничен. Такое развитие связано с принципиальным изменением рабочего хода и скачкообразным изменением экономического уровня технологии, который одномоментно повышается, обеспечивая больший прирост повышения производительности при сравнимых изменениях фондовооруженности. По сути – это и есть инновационное развитие. При этом развитие, основанное на росте производительности труда и увеличении добавленной стоимости, придает развитию организации (компании) антикризисный характер, позволяя создать ей потенциал устойчивости.

Отсюда стратегический путь развития высокотехнологичных секторов экономики должен быть связан с разработкой и внедрением прорывных промышленных технологий, обеспечивающих качественное (на порядок и выше) повышение функциональных и/или экономических и эксплуатационных характеристик конкурентоспособных образцов продукции военного и гражданского предназначения, а также перспективных промышленных технологий, обеспечивающих достижение таких же показателей на определенную перспективу. Разработку и внедрение поддерживающих промышленных технологий следует рассматривать лишь как совершенствование, но не как развитие производственно-технологической базы промышленных предприятий.

Вместе с тем, ОПК является генератором и аккумулятором передовых технологий, сосредоточием интеллектуального потенциала страны, и этот потенциал должен эффективно использоваться в интересах создания и развития высокотехнологичной продукции гражданского назначения и, тем самым, способствовать повышению конкурентоспособности всей отечественной экономики. К сожалению, эта внутренне присущая ОПК «двойственность» крайне слабо учитывалась в ходе его реформирования на предыдущих этапах. В ОПК как объекте управления оба компонента – военный и гражданский – тесно взаимосвязаны. Однако на федеральном (отраслевом) уровне при реформировании ОПК каждый из его составляющих компонентов ранее рассматривался отдельно, без глубокой оценки их взаимосвязи и взаимовлияния.

Феномен двойственности обнаруживает себя наиболее сильно в категориях товарно-денежных отношений, в том числе в мотивации субъектов рынка: у покупателей – непосредственно потребительская, у продавцов – непосредственно стоимостная. Двойственными являются и рыночные цены товаров, что очень характерно для ОПК в части особенностей ценообразования на продукцию военного назначения (ПВН). С одной стороны, оборонные предприятия как субъекты рынка, действующие в рыночной среде, вправе поставлять покупателю – заказчику (Минобороны России) ПВН по рыночной цене. С другой стороны, заказчик как покупатель ограничен платежеспособным спросом (федеральным бюджетом на оборону), к тому же он еще и монопольный субъект внутреннего рынка вооружений. Двойственность ценообразования на ПВН разрешается путем регулирования цен, определяемого целым комплексом нормативных правовых актов. Двойственность также в значительной степени проявляется в глубоких структурных взаимосвязях и взаимоотношениях военного и гражданского компонентов ОПК: ведь каждый из этих компонентов реформируется и развивается в соответствии с их функциональным назначением.

Задача состоит в том, чтобы такое развитие обеспечивало не только достижение поставленных перед ними целей, но и создавало *синергию* общего функционирования ОПК как высокотехнологичного комплекса страны. Не менее важно, чтобы развитие каждого из компонентов не происходило в ущерб другому, как это произошло при масштабной конверсии военного производства в 90-е годы прошлого века. Отсюда вытекает проблема, которая связана с инновационным трансфером технологий двойного назначения и их использованием для создания конкурентоспособной наукоемкой продукции, что остается, по нашему мнению, пока узким местом не только в ОПК, но и в целом в экономике страны.

Необходимость безусловного выполнения задачи технического переоснащения Вооруженных сил в их новом облике перспективными средствами вооруженной борьбы, предусмотренными ГПВ-2020, преодоления имеющегося технологического отставания ставит на повестку дня амбициозную задачу – в кратчайшие сроки осуществить кардинальное инновационное обновление ОПК. Решение данной задачи возможно только на основе комплексного использования мер государственной поддержки, механизмов взаимодействия государства и частного бизнеса в контексте общего инновационного развития и повышения конкурентоспособности экономики страны. Решение этой задачи в настоящее время осуществляется в рамках: федеральных целевых программ со значительным государственным фи-

нансированием; программ инновационного развития организаций ОПК; инновационных и инвестиционных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнерства.

ОПК функционирует под воздействием как государственного спроса на военную продукцию и высокие технологи, в том числе и двойного назначения, так и рыночного спроса на наукоемкую гражданскую продукцию со стороны отраслей экономики, промышленных компаний и различных потребителей продукции гражданского назначения. Понятно, что достижение стратегических целей ОПК будет определяться только при высоком технологическом уровне создаваемых ВВСТ и приемлемой цене единицы военной продукции. При этом уровень военных ассигнований должен находиться в рамках установленных бюджетных расходов. Параметром, способным обеспечить взаимосвязь компонентов при их достаточно разнородных требованиях, может выступить степень (уровень) загрузки производственных мощностей при их высоком технологическом уровне.

Уровень загрузки производственных мощностей определяется для ОПК тем, что он находится в центре взаимодействия других важнейших характеристик, таких как объем инвестиций, уровень концентрации производства, стоимость единицы продукции, объем производства, рентабельность производства, темпы технологических инноваций (имея в виду – технологический уровень самих производственных мощностей, наукоемкость производства, субсидии). Стоимость единицы продукции находится под прямым воздействием уровня наукоемкости производства и объемов производства. Чем выше наукоёмкость производства, тем больше стоимость единицы продукции и, наоборот, чем выше загрузка производственных мощностей и объемы производства, тем ниже стоимость единицы продукции в соответствии с эффектом масштаба, благодаря большой доле постоянных издержек в структуре себестоимости.

На загрузку производственных мощностей оказывает непосредственное положительное воздействие концентрация оборонно-промышленного производства: чем она выше, тем выше загрузка мощностей [6]. С другой стороны, повышение концентрации производства сопровождается сокращением реальных инвестиций в военную промышленность (при возрастании финансовых инвестиций в вертикальные и горизонтальные интеграционные процессы) и соответственно высвобождением реальных ресурсов для гражданских отраслей. Именно уровень загрузки производственных мощностей как ключевой параметр ОПК служит его связующим звеном с целевыми функциями Минобороны России (военным планированием и уровнем оснащенности Вооруженных сил).

В то же время нарушение равновесия между компонентами в ОПК как в целостной системе, приводит к снижению ее устойчивого развития. Причем каждый из компонентов имеет свой ключевой показатель, который влияет как на устойчивое функционирование всей системы, так и на гармоничное взаимодействие с остальными компонентами. Так, именно низкий уровень загрузки производственных мощностей, вызванный крайне малой (практически – на уровне единичных образцов) серийностью ГОЗ являлся одной из главных причин роста стоимости единицы ПВН и ее цены, что и вызывало разногласия между предприятиями ОПК и Минобороны России.

Поэтому, как правило, экономические возможности предприятий ОПК по выпуску современных образцов продукции военного и гражданского предназначения следует оценивать по ряду показателей (10-15) (показатели и их пороговые значения отбираются экспертным путём), таким как: рентабельность продукции, износ основных фондов, фондоотдача, материалоотдача, изменение выработки на одного рабочего, балансовая прибыль к валюте баланса, балансовая прибыль к собственным средствам, текущая, срочная и абсолютная ликвидности, доля собственных средств в имуществе.

Следует также отметить, что главной коммерческой целью инвестирования в производство вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), например, с целью его диверсификации является увеличение прибыли за счёт использования рыночных шансов и установления конкурентных преимуществ на внутреннем и мировых рынках вооружений, но реальные пути получения конкурентных преимуществ, а, следовательно, и побудительные мотивы диверсификации различны. Для упрощённого измерения диверсификации используют два подхода. Первый – простое перечисление отраслей производства, в которые диверсифицировано предприятие. Этот подход может давать существенные искажения при разнообразии производств небольшого масштаба. Положительной стороной подхода является простота, быстрота вычисления. Он может использоваться для начальной оценки степени диверсификации предприятия оборонно-промышленного комплекса.

Второй подход – комбинированный, исправляющий недостатки первого, основан на «энтропийном индексе диверсификации». Энтропийный индекс связан со статистическим индексом энтропии распределения. По своей структуре они сходны, но первый определяется в явной, а второй в вероятностной форме. Энтропийный индекс диверсификации позволяет дать взвешенную оценку всех факторов, влияющих на этот процесс, а именно количества и размера деловых направлений. Имея количественные характеристики явления, можно приступить к методической разработке по нескольким направлениям. Все они сводятся, главным образом, к определению оптимального распределения капитальных ресурсов и производства разных видов продукции в общем объёме производства при диверсификации предприятия ОПК.

Разработанные модели отличаются по принципу определения такого оптимума. Кроме классических показателей, при инвестировании могут существовать и особые, например, оптимальная диверсификационная структура. Под такой структурой понимается соотношение производств разных видов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) в общем производстве всего предприятия ОПК в целом. При оптимальной диверсификационной структуре достигается максимальная стабилизация финансово-экономического положения всего предприятия оборонно-промышленного комплекса. Однако следует иметь в виду, что диверсификация имеет свои положительные и отрицательные стороны, и прежде, чем принять решение по реализации той или иной программы диверсификации предприятия ОПК, следует произвести тщательный анализ и оптимизацию такой программы.

Большинство предприятий ОПК, начинавших свою деятельность в качестве узкоспециализированных предприятий, с течением времени сталкивается с необходимостью принятия решения о диверсификации своей деятельности, а для этого нужны большие инвестиции. Стремление к диверсификации может быть вызвано: невозможностью достижения предприятием ОПК своих целей в рамках существующего бизнес-портфеля; недостаточностью для предприятием ОПК прибыли, остающейся в его распоряжении, для реализации планов по расширению текущей деятельности; соображениями престижа или возможностью получения большей прибыли, чем при простом наращивании объёмов производства ВВСТ.

Также одной из важнейших причин диверсификации является попытка снизить предпринимательские риски, распределив их между различными сферами деятельности. Выделяют два крупных направления диверсификации для предприятий ОПК. Первое из них связано с использованием при диверсификации преимуществ, которых добилось предприятие ОПК в традиционной для себя сфере (использование при диверсификации существующих технологий, возвратного сырья, каналов распределения, производственных мощностей и т.д.). Данное направление получило название «синергическая диверсификация». Второе направление, называемое «конгломератной диверсификацией», выражается в переходе предприятия оборонно-промышленного комплекса в область, не связанную с текущим его бизнесом, к новым технологиям и потребностям рынка, и направлено на получение предприятием большей прибыли и минимизацию предпринимательских рисков. Фактически, выбор варианта диверсификации для предприятия оборонно-промышленного комплекса направлен на получение наибольшей прибыли в среднесрочном и долгосрочном периоде.

В объемах финансирования федеральных целевых программ (ФЦП) от 30 до 50% составляют внебюджетные средства. Софинансирование государственных проектов за счет внебюджетных средств является важнейшим и основным направлением реализации принципа государственно-частного партнерства в ОПК. В рамках ГЧП (государственно-частное партнёрство)-сценария возникают новые возможности и мотивации по отношению к сценарию развития ОПК в рамках государственной поддержки и государственного управления. Так, государство обеспечивает концентрацию ресурсов на определенных приоритетах и проектах, оказывает содействие в упрочении отечественных производителей на рынках.

Частные собственники приносят инвестиции, технологии управления коммерческими проектами в сфере военно-технического сотрудничества и гражданского производства, а иностранные партнеры – иностранные инвестиции, современный менеджмент проектов, технологии, содействие в проникновении на зарубежные рынки. Все это реализуется с учетом обеспечения безопасности и интересов государства. При этом следует отметить, что увеличение внебюджетного финансирование не может быть осуществлено скачкообразно и требует первоначальной значительной государственной поддержки для реализации перспективных проектов, создания «прорывных» продуктов с новыми свойствами, функциями и возможностями, развития соответствующей инфраструктуры.

Безусловно, развитие данного направления требует совершенствования правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, а также механизмов льготного привлечения кредитов. Одним из механизмов использования инструментов государственно-частного партнерства, *соединения инструментов инвестирования и ценообразования* на продукцию оборонного назначения могла бы стать модель создания производственных мощностей за счет собственных и заемных средств, с последующей компенсацией указанных затрат в цене на образец ВВСТ в процессе их серийного производства. При разработке проекта концепции ФЦП-2020 были проведены соответствующие расчеты возможных вариантов финансирования работ по созданию мощностей для обеспечения серийного производства образцов ВВСТ.

В современном мире сложился баланс взаимного влияния оборонных и гражданских технологий. В ряде отраслей (телекоммуникационные системы, новые материалы) именно гражданские технологии являются движущей силой динамичного развития военной техники. В других (авиация и космическая техника) – наоборот, военные разработки дают толчок гражданским секторам. Эта ситуация требует формирования новых эффективных инструментов взаимодействия государства и бизнеса в сфере инновационного развития. Актуальной сферой взаимодействия организаций ОПК и бизнеса является создание новых предприятий по выпуску гражданской высокотехнологичной продукции с использованием технологий двойного назначения. Основой для реализации совместных с бизнесом проектов на принципах государственно-частного партнерства является формирование механизмов передачи результатов научно-технической деятельности ОПК в гражданский сектор.

Не менее важным является создание механизма обратного трансфера инновационных решений из гражданской сферы. Анализ показывает, что новые высокотехнологичные частные компании могут быть источником технологических прорывов в части внедрения разработанных ими технологий (например, ИТ-технологий). В целях информационного обеспечения такого взаимодействия необходимо создать информационный источник, включающий единый Реестр инновационных потребностей и предложений. Развитию инновационного взаимодействия будет способствовать создание инновационных кластеров в ОПК. Мировой опыт свидетельствует, что для успешной реализации кластерной политики необходимо: наличие стратегии кластерного развития (страны, ее территорий или отраслей); выделение перспективных направлений (отраслей, территорий), в которых объединение предприятий в кластеры будет способствовать получению синергетического эффекта; определение механизмов поддержки или прямого финансирования из государственного бюджета реализации кластерной политики.

Безусловно, инновационное развитие экономики базируется на знаниях и интеллекте, а осуществление государственно-частных проектов играет ключевую роль и для развития кадрового потенциала организаций ОПК [7, 8, 9]. Правительством Российской Федерации в целях реализации приоритета, предусмотренного в Основах-2020 по развитию кадрового и наращиванию интеллектуального потенциала ОПК, принят и соответствующими федеральными органами исполнительной власти реализуется целый комплекс активных мер, включающий мероприятия по подготовке,

повышению квалификации и закреплению кадров в организациях ОПК, в том числе обеспечению жильем работников, занятых в организациях оборонно-промышленного комплекса [10, 11]. Данные меры позволили замедлить тенденцию к сокращению кадрового потенциала в промышленной сфере и стабилизировать ситуацию в научной сфере оборонных отраслей промышленности.

В заключение статьи отметим три важных вывода для государственной промышленной политики инновационного развития России.

1. Следует различать промышленное развитие в узко экономическом смысле слова и экономическое развитие как форму социально-экономического развития страны. Так, в Китае разрабатывается не социально-экономическая программа развития страны, а экономико-социальная, то есть возможности экономики определяют социальные условия жизни людей.

2. Следует различать факторный подход к развитию промышленного производства (четвёртый и часть пятого технологического уклада) и системный подход к экономическому развитию страны, базирующемуся на экономике знаний (конец пятого и шестой технологический уклад). Из этого следует, что государственную промышленную политику необходимо всегда оценивать в контексте соответствия экономической системе развития страны.

3. Надо ясно понимать, что государственная промышленная политика всегда конкретна. Она должна учитывать не только специфику экономической системы развития, но и конкретные условия и этап технологического уклада, на котором находится страна и её экономика в целом.

Список литературы

1. Кохно П.А. Экономика опережающей промышленности: монография / Кохно П.А., Артемьев А.А.; отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. – Тверь: ЦНиОТ, 2016. – 343 с.
2. Кохно П.А. Экономическая стратегия предприятий оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник ОПК России. 2016. – № 4. – С. 10–26.
3. Кохно П.А., Вейко А.В. Экономический механизм развития ракетно-космической отрасли // Общество и экономика. 2016. – № 9. – С. 75–104.
4. Артемьев А.А., Кохно П.А. Территориальные кластеры инновационного опережающего развития // Вестник Тверского государственного университета, Серия «Экономика и управление». 2016. – № 3. – С. 104–113.
5. Кохно П.А. Конкурентный цикл вооружения // Военная мысль. 2016. – № 6. – С. 57–67.
6. Ситников С.Е. Оценка эффективности инвестиций в предприятия оборонно-промышленного комплекса // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. – Т. 7, № 1(25). – С. 34–40.
7. Кохно П.А. Инновационное образование: монография. В 2 т. Т. 1: Тенденции и модели. / П.А. Кохно, В.И. Ирадионов; отв. ред. д-р экон. наук, проф. П.А. Кохно. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2016. – 256 с.
8. Кохно П.А. Инновационное образование: монография. В 2 т. Том 2: Эффективность подготовки. / П.А. Кохно, В.И. Ирадионов; отв. ред. д-р экон. наук, проф. П.А. Кохно. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2016. – 272 с.
9. Кохно П.А., Косарев С.В. Методология образования для инновационного производства // Научный вестник ОПК России. 2016. – № 1. – С. 3–14.
10. Кохно П.А. Методы и инструменты экономики успеха: монография / Авторы Кохно П.А. и другие. – М.: Юр-ВАК, 2016. – 216 с.
11. Кохно П.А. Инновационное предприятие и оценка бренда // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. – № 7. – С. 49–58.

Кульков И.В.
координатор Экспертного совета Промышленного инновационного клуба Центра ЮНИДО в Российской Федерации, академический советник РИА
Герасимов В.И.
к.ф.н., зав. отделом научного сотрудничества ИНИОН РАН

О СОВМЕСТНОМ ПРОЕКТЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ЦЕНТРА ЮНИДО РФ И ДЕЛОВОГО КЛУБА ШОС «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ»

Ключевые слова: *агропромышленное производство, технологическая модернизация, комплексные инновационные проекты.*

Цели и задачи Комплексных проектов технологического развития

Целями комплексных проектов технологического развития приоритетных отраслей являются**:**

- Развитие фундаментальных исследований;
- Развитие прикладных научных исследований и разработка опытных образцов;
- Внедрение современных технологий от НИОКР до производства;
- Консолидация ресурсов науки, производства и финансов для реализации перспективных проектов;
- Обеспечение поддержки на всех этапах инновационного цикла;
- Формирование новой модели взаимодействия науки и бизнеса.

Реализация комплексных отраслевых проектов содействует решению приоритетных задач научно-технического развития реального сектора экономики России, включая развитие:

- Науки, технологии и инноваций;
- Профессиональной подготовки;
- Промышленного производства;
- Импортозамещения в отрасли;
- Экспортного потенциала отрасли;
- Среднего и малого предпринимательства.

Важность консолидации ресурсов науки и бизнеса на всех стадиях инновационного цикла и развития новых форм взаимодействия подчёркивалась в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015**:** *«Достижение этой цели потребует реализации* ***полного инновационного цикла: фундаментальные исследования – НИОКР – опытное производство – серийное производство – реализация****. Для реализации цикла необходимо добиться того, чтобы институциональная структура, обеспечивающая реализацию каждой фазы инновационного цикла, была восприимчивой к результатам, полученным на предыдущем этапе, что потребует* ***формирование новой модели взаимодействия науки и бизнеса».***

Задачи комплексного проекта технологического развития промышленного сектора требуют координации различных функций и практической деятельности российских учёных, изобретателей, предприятий и организаций и содействия государственных структурных подразделений на всех стадиях инновационного цикла, в зависимости от цели проекта:

– в разных производственных отраслях промышленного сектора, в том числе конверсионных технологий ВПК;
– в разных регионах для передачи опыта в регионы России;
– в международном межрегиональном промышленном сотрудничестве;
– на разных стадиях инновационного цикла от НИОКР до технологии и производства.

Для системного решения задачи развития промышленного комплекса, требующего участия разных структурных организаций и финансовых инструментов, необходим **комплексный подход** в отношении организационной, проектной, финансовой поддержки и формы практического сопровождения комплексного проекта и его отдельных составляющих.

Координация взаимодействия по реализации инновационного проекта содействует определению перспективных направлений, созданию новых российских технологий, формированию инициативных проектных предложений российских предприятий, обоснованию инвестиций и привлечению заинтересованных организаций и федеральных органов исполнительной власти для практического содействия реализации проектов

Взаимодействие по управлению отраслевыми комплексными проектами

Управление комплексным проектом развития отрасли (проектный менеджмент) является важным звеном успешной реализации инвестиционных проектов на всех стадиях инновационного цикла – от науки до технологии и производства, включая формирование проектов, обоснование инвестиций и сопровождение.

Для формирования и реализации комплексных отраслевых проектов технологического развития необходимо использование возможностей комплексного взаимодействия, включающего развитие инноваций на всех стадиях инновационного цикла от НИОКР до производства, создание инструментов поддержки и сопровождения, передачу технологий в регионы**,** что позволит решить неотложные задачи развития отраслей**:**

- развитие новых производств;
- расширение и модернизация действующих предприятий;
- диверсификация действующих предприятий;
- развитие импортозамещения;
- внедрение технологий нового поколения;
- развитие научного потенциала отрасли;
- развитие экспортного потенциала;
- развитие отрасли в российских регионах;
- развитие международного сотрудничества;
- привлечение МСП в развитие отрасли;
- подготовка специалистов для отрасли;
- создание структур сопровождения.

Взаимодействие на стадиях инновационного цикла комплексных проектов

В настоящее время в российской практике имеются различные формы финансовой поддержки отдельных стадий реализации производственных проектов, в основном, в формате кредитного финансирования, являющегося основным инструментом коммерческих банков и банков развития.

Комплексное развитие отрасли и отдельных проектов требует формирования комплексной поддержки (организационной, проектной и финансовой) на всех стадиях инновационных проектов**:**

Предпроектная стадия

Формирование технологических параметров проекта и состава участников проекта;
Оценка материальных активов основных средств участников для обеспечения проекта;
Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов предприятий;
Оценка материальных активов и интеллектуальной собственности участников проекта;
Определение финансовых схем реализации проекта;
Определение финансовых ресурсов выполнения предпроектных работ;
Проведение технического аудита, составление технико-экономического обоснования;
Подготовка бизнес-плана, обоснования соинвестиций и/ или кредитной заявки;
Представление обоснования выбранным финансовым инструментам.

Проектная стадия и строительство

Разработка проектной и конструкторской документации;
Разработка инфраструктурной документации, экологического обоснования;
Строительство, поставка оборудования, установка, наладка, пуск.

Производство

Сертификация производства и продукции;
Подготовка специалистов, обучение персонала;
Технологическое сопровождение освоения производства, авторский надзор;
Содействие в обеспечении сырьевыми материалами и реализации продукции;
Разработка планов развития предприятия (расширение, диверсификация);
Передача технологий в другие регионы.

Международное взаимодействие и сотрудничество при реализации комплексных проектов

Комплексный проект развития предусматривает развитие международного сотрудничества в области науки, технологий и инноваций, в том числе в формате сотрудничества межрегиональных объединений: БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН.

Рекомендации по развитию регионального международного сотрудничества отражены в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015: *«Мы заинтересованы в широком деловом сотрудни-*

честве с зарубежными партнёрами, приветствуем инвесторов, которые нацелены на долгосрочную работу на российском рынке. Предлагаю вместе с коллегами по ***Евразийскому экономическому союзу*** *начать консультации* ***с членами ШОС*** *и АСЕАН, а также с государствами, которые присоединяются к ШОС, о формировании возможного экономического партнёрства»*

Одним из региональных направлений является сотрудничество со странами Африки в рамках Декларации Саммита БРИКС 2013 в ЮАР: «БРИКС и Африка: партнёрство для развития, интеграции, индустриализации», направленных на развитие устойчивой экономики через модернизацию и диверсификацию на основе современных технологий и инноваций для приоритетных отраслей промышленности.

Сетевая Платформа передачи технологий БРИКС *(BRICS-TTN)* и Технологическая платформа БРИКС, разработанные в рамках проекта ЮНИДО / БРИКС «Партнёрство стран БРИКС в области технологий и инноваций для развития МСП», могут быть инструментом взаимодействия в сфере продвижения российских современных технологий и поставки технологического оборудования.

Следует отметить, что в рамках VIII Саммита БРИКС 15–16 октября 2016 года в Индии состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании по созданию Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС, рекомендации которого будут учтены при реализации совместного проекта Российской академии наук, Центра ЮНИДО РФ и ДК ШОС.

Центр промышленного развития

Организация проектного менеджмента и создание механизма реализации является составной задачей комплексного проекта развития отрасли и плана взаимодействия на 2016–2020.

Единичные проекты – не конечная цель Комплексного отраслевого проекта, а начальная. Они рассматриваются как демонстрационные для дальнейшей их передачи в другие регионы России и другие страны. В этом смысл комплексного проекта для развития отрасли как важного сектора экономики.

Помимо методической поддержки промышленные проекты развития требуют практической поддержки по формированию, развитию и сопровождению проектов на всех этапах реализации инновационного цикла.

Для достижений целей Комплексных отраслевых проектов и Планов взаимодействия важным является создание инструмента содействия реализации долгосрочного инвестиционного комплексного проекта.

Предложение *«создать* ***механизм сопровождения*** *наиболее значимых проектов»* было представлено в Послании Президента Федеральному собранию от 3 декабря 2015.

В данном проекте предлагается рассмотреть формат создания пилотного Центра промышленного развития, который впоследствии может быть адаптирован к другим приоритетным секторам развития экономики

Комплексными проектами предусматривается создание отраслевых Промышленных центров развития для формирования конкретных проектов, организации практического сопровождения проектов, содействия обоснованию инвестиций и привлечения ресурсов на разных стадиях инновационного цикла, включая:

- определение перспективных направлений развития ;
- проведение научно-исследовательских разработок (НИР);
- проведение опытно-конструкторских разработок (ОКР);
- регистрация изобретений, патентование, оценка интеллектуальной собственности;
- внедрение продукции интеллектуальной деятельности в реальное производство;
- создание промышленных образцов;
- определение критериев отбора, формирования и представления проектов
- формирование пилотных и демонстрационных проектных предложений;
- обоснование инвестиций для реализации инновационных проектов;
- передача технологий в регионы России и зарубежные страны

При формировании проектов помимо соинвестиций участников возможно определение потенциальных ресурсов поддержки – Российский Фонд промышленного развития, Банк развития ВЭБ, Банк МСП, Федеральная корпорация развития МСБ, Российская венчурная компания, Фонд содействия инвестициям, Фонд промышленного развития ЮНИДО, Межбанковское объединение ШОС, Банк развития БРИКС.

Возможно также определение новых инструментов поддержки реализации промышленных проектов со стороны международных участников с учётом опыта БРИКС и ШОС.

Позитивные изменения в российском агропромышленном комплексе отмечены в Послании Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015[1]: *«Ещё десять лет назад практически половину продуктов питания мы завозили из-за рубежа, критически зависели от импорта, теперь Россия – среди экспортёров. В прошлом году российский экспорт сельхозпродукции составил почти 20 миллиардов долларов. Это на четверть больше, чем выручка от продажи вооружений, или около трети доходов от экспорта газа»*.

Вместе с тем, в Послании поставлена **задача развивать отечественные технологии** для отрасли, являющейся в настоящее время уязвимой по направлениям производства, хранения, переработки сельхозпродукции, с привлечением для этой цели Российской академии наук, исследовательских институтов и научно-технического бизнеса: ***«Нам необходимы и свои технологии производства, хранения, переработки сельхозпродукции. …*** *Чрезвычайно важная задача. Мы ещё очень уязвимы по этим направлениям. Прошу подключить к решению этой задачи ведущие исследо-*

[1] http://kremlin.ru/events/president/news/50864

*вательские институты**, Российскую академию наук**, а также бизнес, который уже успешно внедряет передовые разработки».*[1]

Взаимодействие по развитию АПК в рамках Государственных программ

Государственные программы позволяют применить комплексный подход для формирования, развития и реализации проектов агропромышленного комплекса:

«Экономическое развитие и инновационная экономика», (Минэкономразвития РФ) подпрограммы до 2020: «Стимулирование инноваций», «Поддержка регионов – инновационных лидеров», «Развитие малого и среднего предпринимательства», «Создание и развитие институтов и инфраструктур, обеспечивающих запуск и работу "инновационного лифта"».

«Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», (Минсельхоз РФ), подпрограммы до 2020**:** «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие», «Реализация перспективных инновационных проектов в агропромышленном комплексе», «Развитие биотехнологии».

«Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» (Минпромторг РФ**)** Подпрограмма 2 «Сельскохозяйственное машиностроение, машиностроение для пищевой и перерабатывающей промышленности», подпрограмма ОМ 2.1**:** Стимулирование развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности.

Целью проектных предложений **Плана взаимодействия** является определение перспективных проектов, их параметров и участников.

В целях обеспечения импортозамещения в отрасли наряду с развитием новых производственных мощностей в Плане взаимодействия на 2016–2020 первостепенное внимание уделяется модернизации действующих предприятий на основе отечественного агропромышленного оборудования.

Ключевые участники комплексного проекта развития АПК:

Российская Академия Наук
Отделение сельскохозяйственных наук РАН
Сибирское отделение аграрной науки РАН
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Пущинский научный центр РАН
Центр международного промышленного сотрудничества ЮНИДО в РФ
Промышленный инновационный клуб Центра ЮНИДО РФ
Деловой клуб ШОС
ООО «Проектпищестрой»
ЗАО Научный парк МГУ.

[1] http://kremlin.ru/events/president/news/50864

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики Камского института гуманитарных и инженерных технологий, г. Ижевск

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИЙ И ИНВЕСТИЦИЙ ИНТЕНСИВНОГО И ЭКСТЕНСИВНОГО ТИПА

Ключевые слова: *инновационное развитие, НТП, инвестиции.*

В условиях развитых рыночных отношений часто говорят о необходимости повышения конкурентоспособности экономики на основе широкого внедрения инноваций, тогда как три десятилетия назад – в условиях директивно-плановой социалистической экономики на разных иерархических уровнях управления постоянно говорили о необходимости повышения социальной экономической эффективности на основе всемерной интенсификации общественного воспроизводства (в этой связи можно вспомнить последние съезды КПСС – начиная с XXV съезда, – в программах которых интенсификация общественного воспроизводства объявлялась ключевым направлением социально-экономического развития страны). Очевидно, что основой и интенсификации производства, и процесса использования инноваций являются современные направления НТП. Так может быть и в условиях рыночной экономики, и в условиях социалистической экономики говорят и говорили об одном и том же, но разными словами, используя разные термины?! Тогда правомерно задать вопрос: а стоило ли городить огород и придумывать новые термины со старым смыслом?! Или, все же, несмотря на очевидное наличие общих компонентов, между категориями «инновация» и «интенсификация» можно найти и существенные различия? Тем более что из-за использования в современных условиях новых терминов и категорий проблема необходимости интенсификации российской экономики (также как в свое время проблема необходимости интенсификации и советской экономики) никуда не делась, т.е. сама по себе проблема не исчезла.

Как показывают исследования, по-прежнему в развитии российской экономики значительную роль играют не интенсивные, а экстенсивные факторы, основанные не на их качественном совершенствовании вследствие использования современных достижений НТП, а, как известно, на простом количественном увеличении процесса вовлечения этих факторов в систему общественного воспроизводства. На наш взгляд, несмотря на очевидную общность, имеющуюся между категориями «инновация» и «интенсификация производства», между ними есть и существенные отличия, или, говоря философским языком, в них есть особенное, что оправдывает целесообразность их одновременного использования (в противном случае такое количество терминов, выражающих одну и ту же сущность, просто было бы не нужным).

Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что в последнее время инновации стали основой повышения конкурентоспособности этих стран, а также базовым элементом их общественной структуры. По оценкам, доля инновационно-информационного сектора за последние годы многократно возросла и составляет в развитых государствах 45–65%[1]. Кроме того, данный сектор стал важнейшей основой, генерирующей современное социально-экономические развитие, ключевым фактором динамики и роста экономики развитых стран. Именно наличие развитого инновационно-информационного сектора во многом определяет важнейшее отличие передовых государств от стран третьего мира. Возросшая роль инноваций в жизнедеятельности современного общества способствовала становлению неоэкономики, экономики знаний, инновационной экономики как нового направления современной экономической науки.

Мировой опыт свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народнохозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни. Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора экономики далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов – так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в инновации пока еще не дают ожидаемого результата.

В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации, в том числе наноинновации. На наш взгляд, в современных условиях этого не достаточно и кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается также выделять инвестиции и инновации

[1] Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. – Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. – 504 с.

интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет – как известно, еще совсем недавно на 1000 жителей России умерших приходилось в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным является водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т.е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т.д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, мы имеем в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели[1]. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Предложенный нами подход к пониманию процесса интенсификации, как видим, позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия.

Таким образом, если существующую функциональную зависимость между экономическим результатом (обозначим его $Э$) от использования какого-либо ресурса (обозначим P) представить в виде

$$Э = f(P),$$

то в случае экстенсивного использования ресурса его увеличение приведет к пропорциональному росту экономического результата, тогда как при интенсивном использовании ресурса его увеличение приведет к большему росту результата. Иначе говоря, если имеем два значения ресурса P_1 и P_2, причем

$$P2 = n \times P1,$$

где n – коэффициент пропорциональности,

то в случае экстенсивного использования ресурса $Э_2 = n \times Э_1$, а в случае интенсивного использования $Э_2 > (n \times Э_1)$.

Оценить, относится ли тот или иной инвестиционный ресурс к экстенсивному и интенсивному типу можно и на основе использования таких показателей, как капиталоотдача (капиталоемкость) и фондоотдача (фондоемкость), но не только с их помощью. Для этого, в частности, можно также использовать мультипликатор. В этой связи напомним, что в соответствии с макроэкономическим подходом объем национального дохода страны находится в определенной количественной зависимости от общей суммы инвестиций, и эту связь выражает особый коэффициент – мультипликатор, причем увеличение национального дохода равно приращению общей суммы инвестиций, помноженному на мультипликатор (обычно мультипликатор обозначают буквой K).

Для количественной оценки экстенсивных и интенсивных инвестиций мультипликатор следует представить в виде суммы двух слагаемых:

$$K = K_{экст} + K_{инт},$$

где $K_{экст}$ – характеризует влияние экстенсивных, а $K_{инт}$ – интенсивных инвестиций на национальный доход. Обычно в реальной хозяйственной практике используют как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции, поэтому, как правило, и $\frac{К_{экст}}{К}, и \frac{К_{инт}}{К}, и$ больше нуля, но меньше единицы (в соответствии с пониманием сущности экстенсивных и интенсивных инвестиций соотношение $K_{инт} : K_{экст}$ должно быть выше, чем соотношение доли, удельного веса интенсивных инвестиций к доле экстенсивных инвестиций, т.к. ресурсоотдача от единицы использования интенсивных инвестиций по определению выше, чем от единицы использования экстенсивных инвестиций). В маргинальных случаях, когда имеет место использование либо только экстенсивных, либо только интенсивных инвестиций (что со-

[1] Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.

ответствует классическому экстенсивному или интенсивному способам общественного воспроизводства), $\frac{К_{экст}}{К}$ либо $\frac{К_{инт}}{К}$ соответственно равны 1, тогда как второе соотношение равно 0.

Целесообразно, на наш взгляд, кроме общего показателя мультипликатора, характеризующего связь объема национального дохода с общей суммой инвестиций, выделять и так называемые частные показатели мультипликатора в соответствии с различными направлениями интенсификации общественного воспроизводства. Иначе говоря, это означает, что в общем объеме инвестиций следует выделять те, реализация которых приведет к более интенсивному использованию определенного вида ресурсов – энергетических, материальных, водных, трудовых и т.д., причем в частных показателях мультипликатора также необходимо выделять два слагаемых, т.е.

$$К_{рi} = К_{рiэкст} + К_{рiинт},$$

где $К_{рi}$ – частный мультипликатор для *i*-го вида ресурсов;

$К_{рiэкст}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих экстенсивный вариант использования *i*-го вида ресурсов;

$К_{рiинт}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих интенсивный вариант использования *i*-го вида ресурсов.

Говоря о смешанном способе воспроизводства (когда используются и экстенсивные, и интенсивные инвестиции), следует уточнять, идет ли речь о преимущественно экстенсивном (т.е. когда преобладают экстенсивные инвестиции) или же о преимущественно интенсивном (т.е. когда преобладают интенсивные инвестиции) способе воспроизводства. Таким образом, учитывая, что инвестиционные ресурсы – особый вид ресурсов, которые используются в процессе воспроизводства любого другого вида ресурсов – трудовых, капитальных, материальных, водных, энергетических, природных и т.д., для определения экстенсивных и интенсивных инвестиций наряду с показателями фондоотдачи и капиталоотдачи целесообразно использовать также показатель мультипликатора и его две составляющих[1]. Что касается инноваций, то и здесь, на наш взгляд, целесообразно учитывать те социально-экономические последствия, к которым приводит их внедрение в реальную хозяйственную практику и поэтому, подобно инвестициям, выделять инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Кроме того, целесообразно выделить несколько групп инноваций, соответствующих разным направлениям интенсификации общественного воспроизводства, подобно тому, как это было сделано с инвестициями (например, инновации, выделяемые для реализации преимущественно трудосберегающего направления интенсификации общественного производства, или материалосберегающего направления и т.д.).

Выделять разные виды и типы инноваций особенно важно в связи с тем обстоятельством, что инновации считаются формой реализации НТП, тогда как сам НТП считается важнейшим фактором интенсификации общественного воспроизводства. Поэтому получается, что инновации вроде как всегда соответствуют процессу интенсификации производства, что, однако, не соответствует действительности – на самом деле инновации могут способствовать как усилению интенсивного характера общественного воспроизводства, так и процессу экстенсификации – например, когда внедряются недостаточно новые инновации или инновации, внедрение которых не способствует экономии какого-либо ресурса. Таким образом, очевидно, что в понятиях «инновация» и «интенсификация» хотя и имеется немало общих компонентов, прежде всего обусловленных фактором НТП, все же имеются и существенные различия, что обусловливает целесообразность использования обеих этих категорий.

В этой связи целесообразно напомнить и о том, что в 70–80-е годы XX столетия в период так называемого «развитого социализма» о необходимости интенсификации общественного воспроизводства в СССР как важнейшем направлении развития советского общества и основе роста экономической эффективности говорилось на всех иерархических уровнях управления, тогда как в переходный к рыночным отношениям период об интенсификации производства практически забыли (по крайней мере, в широком аспекте) и особо не вспоминают до сих пор, хотя необходимость усиления интенсивного характера российской экономики никуда не делась. Вместо этого при рыночных отношениях рассматривается проблема инновационного развития экономики. И хотя очевидно, что эти процессы тесно связаны между собой (в основе осуществления процессов интенсификации общественного производства и инновационного развития лежит НТП), их не следует отождествлять, так как между ними есть существенные отличия, что и было нами показано при рассмотрении вопроса об инновациях интенсивного и экстенсивного типа.

Выделение инвестиций и инноваций экстенсивного и интенсивного типов важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Дело в том, что процесс интенсификации является важнейшим условием повышения конкурентоспособности национальной экономики, причем в обозримом будущем роль и значение этого процесса в связи с исчерпанием и усложнением условий добычи и эксплуатации ряда важных природных ресурсов еще более возрастут. В связи с этим внедрение инвестиций и инноваций интенсивного типа будет способствовать также повышению экономической безопасности страны.

Рассматривая различные формы и направления инвестиций с точки зрения их влияния на процесс интенсификации общественного производства в России, следует отметить, что доля интенсивных инвестиций в общей структуре иностранных инвестиций существенно меньше по сравнению с аналогичным показателем в структуре внутренних инвестиций, что, на наш взгляд, в значительной степени объясняется нежеланием Запада технологически усиливать

[1] Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. – М.: Магистр, 2009. – 458 с.

российскую экономику. Сравнивая прямые и портфельные инвестиции, можно констатировать, что в первом случае возможности реализации интенсивных инвестиций существенно выше, чем во втором.

Как известно, в зависимости от выбранной инвестиционной стратегии субъекта хозяйствования выделяют несколько различных портфелей инвестиций и, в частности, консервативный портфель, когда предполагается инвестирование в малодоходные, но стабильные объекты; доходный портфель, в соответствие с которым инвестиции осуществляются в объекты, гарантированно приносящие высокие доходы и рисковый портфель, формирование которого связано с осуществлением инвестирования в объекты, приносящие наибольший, но не гарантированный доход. Целесообразность выбора конкретного портфеля инвестиций с точки зрения максимального использования имеющихся потенциальных возможностей в отношении внедрения интенсивных инвестиций в значительной мере определяется отраслевой и региональной спецификой, однако можно констатировать, что в будущем в связи с усложнением условий осуществления общественного воспроизводства значение рискового портфеля как предпосылки роста доли интенсивных инвестиций существенно возрастет. Таким образом, можно видеть, что лишь создание системы эффективных и взаимосвязанных мер и условий хозяйствования на разных уровнях иерархии – макро-, мезо- и микроуровне позволит существенно увеличить использование в обозримом будущем в российской экономике интенсивных инноваций и инвестиций, однако наибольшее значение в этой системе все же имеет использование комплекса мер государственного регулирования развития народнохозяйственного комплекса страны.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики. Особенно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невоспроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе и для России. И это при том, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Таким образом, можно констатировать, что хотя недостаточно высокий уровень интенсификации и явился одним из наиболее существенных факторов, обусловивших необходимость радикального реформирования российской экономики, анализ показал, что при переходе к рыночным отношениям темпы интенсификации значительно снизились. Иначе говоря, результат получился прямо противоположный: в последнее время не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства и повышения темпов этого процесса, но и уровень интенсификации существенно снизился. Связано это в значительной мере с разрывом хозяйственных связей, с возросшей неопределенностью экономического пространства, с внешнеэкономическими санкциями, введенными против России и некоторыми другими причинами. Чтобы приостановить действие данной негативной тенденции и в дальнейшем избежать еще более серьезных последствий, необходимо разработать комплекс регулирующих и стимулирующих мер, реализация которых позволит повысить эффективность интенсификации в новых условиях хозяйствования. В этих мероприятиях должна быть учтена также отраслевая и региональная специфика.

Цель интенсификации производства – повышение эффективности народного хозяйства. Поэтому весьма важно рассмотреть соотношение категорий «эффективность» и «интенсификация», на которое существует несколько принципиально различающихся точек зрения. Следует различать эффективность интенсификации производства, эффективность различных направлений интенсификации (в том числе в зависимости от «объекта», где осуществляется интенсификация). Важно различать также и то, эффективна или нет интенсификация (ее направления) с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия (причем, понятно, что эффективность интенсификации будет определяться взаимодействием всех уровней и элементов экономической системы, также как и функционированием каждого элемента). В связи с этим иногда считают, что если под эффективностью понимать рост производительности общественного труда, то в этом случае процесс интенсификации производства в масштабе всего общества совпадает с эффективностью. На это можно возразить следующее. В масштабе всего общества сведение эффективности только к росту производительности общественного труда неправомерно, так как в этом случае не учитывается соответствие результатов производства структуре общественных потребностей. Важно и то, что хотя с точки зрения экономии общественно необходимого рабочего времени интенсификация общественного производства и совпадает с ростом общественной производительности труда, но существует несколько видов экономии, а значит, сводить интенсификацию общественного производства только к экономии времени нельзя.

Таким образом, одной из наиболее важных задач является определение эффективности и эффекта интенсификации производства. Исследователи, отождествляющие понятия «эффективность» и «интенсификация» считают, что раз интенсификация эффективна, то нет смысла говорить об эффективности интенсификации, так как при любом подходе любое направление интенсификации производства оказывается эффективным, и в то же время рост эффективности связывается с дальнейшим процессом интенсификации производства. Поскольку все же следует различать эти категории, действие которых не всегда бывает сонаправленным, то определение эффекта и эффективности интенсификации производства вполне целесообразно (т. к. или степень интенсификации производства на однотипных предприятиях может быть неодинаковой или, если уровень интенсификации приблизительно одинаков на таких предприятиях, но сами предприятия находятся в регионах с неодинаковой степенью трудообеспеченности, различными условиями залегания природных ресурсов и т. д., то и в том и в другом случаях эффективность интенсификации производства будет разной). Поэтому аналогично тому, как имеет смысл определять эффективность НТП, автоматизации и механизации, специализации и т. п. и рассчитывать эффект от этих мероприятий (хотя в основном эффективны и НТП, и автоматизация, и механизация), целесообразно определять эффективность и эффект интенсификации производства в целом, а также эффективность и эффект ее различных направлений.

Так, Г.Н. Сорокин считает, что интенсификация характеризуется показателями факторов ее развития и величиной эффекта, полученного за их счет, а эффективность – величиной совокупного эффекта, определяемого не только интенсивными, но и экстенсивными факторами[1]. Но фактический эффект, полученный благодаря интенсивным факторам, не всегда характеризует интенсификацию в полной мере. Это в значительной мере связано с тем, что следует различать измеримые и неизмеримые показатели экономического эффекта, так как не все составляющие экономического эффекта, в том числе и эффекта интенсификации производства, на данном этапе развития науки поддаются количественному выражению. Например, в тех случаях, когда техника удовлетворяет новые общественные потребности, для выбора наиболее эффективного варианта не всегда удается ограничиться только показателями приведенных удельных или годовых затрат. Ряд ученых считает, что совокупный народнохозяйственный эффект интенсификации производства включает в себя экономический и социальный эффект, т. е. нужно говорить о социально-экономическом эффекте интенсификации производства[2]. Он должен проявляться в повышении материального благосостояния членов общества, стирании социально-экономических различий в труде работников и т.д. Эти моменты также весьма сложно количественно учесть при определении эффекта интенсификации производства.

Таким образом, в настоящее время существует несколько принципиально различающихся точек зрения на взаимосвязь категорий «эффективность» и «интенсификация». На наш взгляд, эти категории имеют ряд общих элементов, но отождествлять их не следует (в противном случае мы получим, что два разных термина отражают одно и то же). Причем вполне правомерно определять эффективность самой интенсификации производства, так как, рассматривая этот процесс, следует отличать вопрос о достижении экономии ресурса от вопроса, насколько она эффективна, выгодна, оправдана с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия.

Экономическую эффективность интенсификации производства следует определять группой показателей, поскольку лишь несколько показателей способны достаточно объективно учесть всю сложность проблемы. Более того, поскольку различают разные направления интенсификации производства, то для оценки эффективности того или иного направления должны существовать, помимо оценивающих общую эффективность интенсификации производства, такие показатели, которые характеризуют эффективность именно этого направления. Однако следует еще раз отметить то, что лишь сочетание количественных и качественных параметров позволит определить эффективность интенсификации производства[3].

Одним из наименее изученных теоретических вопросов, связанных с интенсификацией производства, является определение ее социально-экономической эффективности[4]. Это обусловлено тем, что специалисты нередко отождествляют категории интенсификации и эффективности, что, на наш взгляд, неправомерно, так как, несмотря на определенную схожесть, эти категории не являются тождественными. Более того, можно и нужно определять эффективность самого процесса интенсификации. В этой связи заметим, что одной из наиболее типичных проблемных социально-экономических ситуаций, возникающих в различных отраслях и сферах экономики, является следующая: какой способ решения определенной производственной проблемы избрать – экстенсивный или интенсивный. Например, в социалистическую эпоху, когда на многих предприятиях ощущалась проблема дефицита рабочей силы (кстати, по ряду специальностей, в определенных отраслях дефицит рабочей силы имеет место и в условиях рыночной экономики), очень часто возникал вопрос: а что эффективнее – привлечение дополнительной рабочей силы (например, из трудоизбыточных регионов) или же внедрение трудосберегающей техники? При переходе к рынку и в условиях развитого рынка очень часто возникает другой вопрос: насколько оправдано внедрение трудосберегающей техники в условиях роста безработицы? Обобщая, можно выразиться иначе: что эффективнее – экстенсивный или интенсивный способ решения производственной задачи? Поэтому далее рассматривается методический подход к решению этой общей задачи[5].

В настоящее время проблема определения экономической эффективности интенсификации производства и ее различных направлений недостаточно разработана. Несмотря на теоретическую и методическую сложность определения эффективности и эффекта интенсификации производства, отсутствие на данном этапе развития экономической науки общепринятых показателей, достаточно полно и объективно отражающих эффективность интенсификации, все же необходимо попытаться количественно оценить ее.

Решения определенной производственной задачи – выпуска необходимой продукции – можно добиться и экстенсивным, и интенсивным путем. Поэтому экономическую эффективность интенсификации производства и ее различных направлений целесообразно определять на основе сравнения эффективности разных способов решения производственной задачи. Таким образом, в данном случае речь идет о сравнительной эффективности, когда сравниваются два возможных способа – экстенсивный и интенсивный – причем предпочтение отдается тому способу, эффект от которого оказывается большим. Это в определенной мере аналогично определению сравнительной эффективности капитальных вложений. Эффект же каждого способа будет определяться как разница между результатом и затратами.

Как известно, в специальной литературе под эффектом довольно часто понимается какой-то производственный результат, а не разница результата и затрат. Однако как уже отмечалось, существуют несколько значительно разли-

---

[1] Сорокин Г.Н. Интенсификация социалистического воспроизводства // Вопросы экономики. – М., 1985. – № 3. – С. 3–13.

[2] Баранов А.А. Интенсификация: Экономический и социальный аспект. – М.: Экономика, 1983. – 255 с.

[3] Теория инновационной экономики / Под ред. О.С. Белокрыловой. – Ростов н/Д, 2009. – 376 с.

[4] Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / Под науч. ред. В.С. Селина, В.А. Цукермана. – Апатиты: Кольский НЦ РАН, 2012. – 255 с.

[5] Павлов К.В. Импортозамещающая модель модернизации российской экономики: развитие традиционных промыслов // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 1. – С. 88–97.

чающихся между собой теоретических концепций эффективности – среди них есть и такая, в которой под эффектом понимают разницу между результатом и затратами, а под эффективностью – их отношение. Такое понимание эффекта более адекватно, на наш взгляд, отражает смысл этой категории, так как в этом случае учитывается также и тот способ, каким этот результат достигнут (ибо, если затраты превышают результат, то вряд ли вообще можно говорить о получении обществом какого-то экономического эффекта). Важно добавить при этом, что при определении эффекта от внедрения новой техники, совершенствовании организации производства, помимо результата, учитываются и затраты. Поэтому понимание эффекта как разности результата и затрат вполне оправдано, хотя такая трактовка, разумеется, вовсе не исключает в других случаях и иных возможностей толкования категории «эффект». Однако для определения экономической эффективности интенсификации производства наиболее приемлемой оказывается трактовка эффекта как разности результата и затрат.

Поскольку мы пришли к выводу, что экономическая эффективность интенсификации определяется на основе сравнения эффектов от двух возможных способов решения проблемы – экстенсивного и интенсивного, то нам необходимо первоначально определить эффект экстенсификации. Учитывая, что в общем случае под экстенсификацией понимается процесс роста выпуска продукции исключительно за счет количественного увеличения использования ресурсов (или, используя известную фразу, высказанную в «Капитале» К. Марксом – за счет расширения только «поля производства»), эффект экстенсификации целесообразно определять на основе следующей формулы:

$$Ээ = \sum_{i=1}^{n}(K_i \times V_i - З) \quad (1),$$

где $Э_э$ – эффект экстенсификации;

K_i – эффективность использования i-го ресурса;

V_i – объем использования i-го ресурса;

n – количество различных ресурсов;

$З$ – суммарные затраты на привлечение и эксплуатацию ресурсов.

В этой связи, если правая часть данного уравнения положительна, то это означает, что экстенсивный способ решения проблемы экономически эффективен. Однако,, для того, чтобы определить, какой процесс эффективнее – экстенсивный или интенсивный, необходимо также определить эффект интенсификации (об этом ниже). Следует отметить, что данная формула определения эффекта экстенсификации в каждом конкретном случае будет трансформироваться с учетом специфики производственной задачи, ибо и сами эти два способа решения проблемы в каждом отдельном случае будут весьма специфичны.

Необходимо теперь предложить метод определения экономического эффекта интенсификации производства. Интенсификация производства – комплексный процесс, включающий как свои составные части мероприятия по НТП, концентрации, специализации, совершенствованию управления и т.д. В связи с этим экономический эффект от мероприятий, направленных на дальнейшую интенсификацию производства после проведения анализа можно определять как сумму эффектов от всех мероприятий, т.е. экономический эффект интенсификации производства $Э_и$ равен

$$Э_и = \sum_{i=1}^{n} Э_i \quad (2),$$

где $Э_i$ – эффект от *i*-го мероприятия по интенсификации производства;

n – число всех мероприятий.

В основе определения экономического эффекта от каждого из этих мероприятий лежит сравнение затрат до и после их реализации. При определении эффекта от всех мероприятий по интенсификации необходимо рассматривать один и тот же временный интервал. Поскольку результаты интенсификации производства выявляются через определенный период времени, желательно, чтобы при его определении временной промежуток был не менее года. Получаемый эффект измеряется в стоимостных единицах.

Однако данный метод определения экономической эффективности интенсификации производства не в полной мере предусматривает эффект от экономии определенного ресурса в условиях ресурсодефицитности. Чтобы более точно учесть эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита данного вида ресурса необходимо к сумме $Э_и$ приплюсовать эффект от реализации тех мероприятий, при которых экономится этот вид ресурса и, наоборот, вычесть эффект от реализации мероприятий, при которых расходуется ресурс. В этой связи для учета ресурсодефицитности формула определения эффекта интенсификации трансформируется и приобретает следующий вид:

$$Э_{рИ} = \sum_{i=1}^{n} Э_i + Э_{р-} \quad (3),$$

где $Э_{ри}$ – эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях ресурсодефицитности;

$Э_{рс}$ – суммарный эффект от реализации ресурсосберегающих и ресурсорасходующих мероприятий.

Так, например, в условиях трудодефицитности эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в соответствии с изложенным подходом целесообразно определять следующим образом:

$$Э_{ти} = \sum_{i=1}^{n} Э_i + П_р \sum_{i=1}^{n} Э_{ri} \quad (4),$$

где $Э_{ти}$ – эффект трудосберегающего направления интенсификации;

$П_р$ – средняя производительность труда одного работающего;

$Э_{ri}$ – экономия численности работающих, получаемая вследствие реализации *i*-го мероприятия. При расчете эффекта трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях трудоизбыточности, наоборот, из первого слагаемого нужно вычитать второе.

Но в условиях реального дефицита трудовых ресурсов следует учитывать и то, что достигаемая вследствие этого мероприятия экономия численности $Э_г$, обусловленная высвобождением рабочей силы, позволит уменьшить величину потенциально недополученной продукции на $П_р \ Э_г$, где $П_р$ – производительность труда постоянных рабочих, рассчитанная по чистой продукции. Эту величину следует приплюсовать к рассчитанному по прежней формуле экономическому эффекту. Сумма будет характеризовать экономический эффект реализации этого мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы.

Аналогично следует поступать при определении экономического эффекта каждого мероприятия интенсификации производства. Значит, суммарный экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы как раз-таки следует определять по формуле:

$$Э_{ти} = \sum_{i=1}^{n} Э_i + П_р \sum_{i=1}^{n} Э_{ri}$$

.

Можно видеть, что может возникнуть ситуация, когда сравниваются два мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства, одно из которых имеет меньший экономический эффект, рассчитанный прежним способом, но большее число высвобожденных рабочих, и в итоге с учетом трудодефицитности экономический эффект от реализации первого мероприятия окажется большим, чем от второго. В случае трудоизбыточности эта формула также «срабатывает», но вместо суммы нужно найти разность, что будет означать меньшую эффективность трудосберегающего направления интенсификации в условиях избытка рабочей силы, чем в условиях трудодефицитности, но это справедливо лишь при прочих равных условиях.

Таким образом, экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы оказывается больше эффекта таких же мероприятий при условии сбалансированности по трудовым ресурсам на величину, равную $П_р \cdot \sum_{i=1}^{n} Э_{ri}$. Такой подход правомерен, пока эта величина не превысит потенциально-недополученную продукцию, рассчитанную по чистой продукции. Величина $П_р \cdot \sum_{i=1}^{n} Э_{ri}$ – это своего рода «плата» за трудодефицитность.

Эти формулы также показывают, что категории «эффективность» и «интенсификация» отнюдь не тождественны, более того, можно и нужно определять эффект и эффективность как экстенсивного, так и интенсивного путей достижения какого-то производственного результата и лишь на основе сравнения этих эффектов можно находить, какой путь эффективнее. Причем в отдельных случаях может оказаться, что эффективнее окажется экстенсивный путь вопреки распространенному мнению, считающему процесс экстенсификации совершенно неэффективным или, по крайней мере, всегда менее эффективным, чем процесс интенсификации. В противном случае совершенно непонятно, каким образом происходил рост эффективности советской экономики, развивающейся, как это сейчас общепризнано, преимущественно экстенсивным путем.

Таким образом, научная новизна предлагаемой нами методики оценки экономической эффективности интенсификации производства заключается в следующем: ,

в методике предлагаются общие формулы определения эффекта экстенсификации (формула 1) и эффекта интенсификации (формула 2), экономическая эффективность интенсификации производства определяется на основе сравнения эффектов экстенсивного и интенсивного способов решения какой-либо производственной задачи. В методике при определении эффективности интенсификации учитывается также различная степень обеспеченности определенным видом ресурса (формула 3).

Данная методика позволяет определять как эффективность процесса интенсификации производства в целом, так и эффективность различных направлений интенсификации (формулы 3 и 4). Например, эффект материалосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита материальных ресурсов будет определяться следующим образом:

$$Э_{ми} = \sum_{i=1}^{n} Э_i + M_o \cdot \sum_{i=1}^{n} Э_{mi} \quad (5),$$

где $Э_{ми}$ – эффект материалосберегающего направления интенсификации;

M_o – средняя материалоотдача;

$Э_{мi}$ – экономия материальных ресурсов, получаемая вследствие реализации *i*-го мероприятия (в случае не экономии, а расточительства материальных ресурсов – т.е. их использования выше средних нормативов – нужно не складывать, а вычитать рассмотренные в формуле 5 величины).

Точно так же данная методика позволяет определять эффективность интенсификации не только в условиях дефицита определенного вида ресурсов, но и в условиях их избытка – только в этом случае в формулах 3, 4 и 5 вместо

суммы будет разность. Таким образом, данная методика позволяет определять не только эффективность интенсификации на основе сравнения эффектов экстенсификации и интенсификации, но и эффективность различных направлений интенсификации производства. Более того, на основе данной методики можно определять и сравнительную эффективность между различными направлениями интенсификации, а также и между разными мероприятиями интенсификации.

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что несмотря на определенную общность, обусловленную фактором НТП, категории «инновация», «эффективность» и «интенсификация» являются разными, вполне самостоятельными категориями, каждая из которых имеет право на существование, т.к. отражает определенную сторону объективной экономической действительности. Очевидно также и то, что все эти категории связаны между собой. Объединяет их, кроме НТП и то, что несмотря на длительный временной интервал – около 30 лет, которые прошли с периода завершения существования социалистического строя до настоящего времени эффективность и уровень интенсификации российской экономики по-прежнему невысоки, что является одной из важнейших причин сохраняющегося отставания многих элементов отечественной системы НТП от передовых западных стандартов, характерных для развитых государств. В свою очередь, такая ситуация в значительной мере объясняется действием затянувшейся отечественной болезни, характерной еще для социалистического этапа развития НТП – это замедленное внедрение НИОКР в серийное, массовое производство. Пока мы не сможем сами разрубить этот гордиев узел, отставание в целом отечественной системы НТП от передовых западных образцов, на наш взгляд, будет продолжаться. Изменить же ситуацию к лучшему можно лишь на основе разработки комплекса мер и мероприятий, связанных с системой государственного регулирования развития научно-технического комплекса России на разных уровнях управленческой иерархии.

Сливицкий А.Б.
начальник сектора ФГУП «ГосНИИАС»

СИСТЕМА УРОВНЕЙ ГОТОВНОСТИ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ И ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

***Ключевые слова**: научно-технический задел, модель, технология, управление, уровень готовности технологии.*

Результаты исследований в области теории знаний и инноваций позволяют утверждать, что именно избыточность информации и её разнообразие являются необходимым условием успешного инновационного развития. Избыточность научно-технического задела (НТЗ) – это одно из основных условий, «приводящее в действие спираль знаний». То есть непременным условием успешной реализации проектов по созданию сложных технических систем (СТС), в том числе авиационной техники (АТ) является своевременное создание НТЗ – базиса для новых разработок (и производств). Во всех развитых странах мира этот процесс является предметом особой заботы государства, регулируется им и, следовательно, подвержен государственному планированию и финансированию.

Продолжительность периода от начала разработки перспективных технологий до их внедрения и реализации в виде конкретных образцов коммерческой продукции – такой как АТ – обычно составляет не менее 10 лет. Более быстрое внедрение инноваций в СТС нередко приводит к негативным последствиям [10].

Практика широкого использования «сырых» технологий и производственных процессов приводит к срыву (запаздыванию, сдвижке вправо по оси времени) сроков внедрения новой АТ, существенно увеличиваются запланированные объемы финансирования НИОКР и производственных работ, обнаруживается несоответствие параметров готовых СТС запланированным техническими заданиями на разработку. Последующие вынужденные, и часто весьма затратные, доработки деталей, узлов, отдельных компонент и систем приводят к удорожанию серийных образцов в 1,5÷2, а иногда и более раз. Увеличиваются сроки выведения продукции на рынок, что чревато закрытием «окон возможностей» и заполнением рыночных ниш продукцией конкурентов.

Главной причиной такой ситуации является несоблюдение требований по достижению заданных критериев технологической и производственной готовности на различных этапах разработки перспективных образцов СТС (АТ). То есть высокие, плохо контролируемые технические риски реализации проектов, влекут за собой риск перерасхода средств и затягивание сроков разработки, что чревато закрытием «окон возможностей» по успешному вхождению в рыночные ниши.

Приведем примеры. Исследования Счетной палаты США (GAO) указывают на нехватку производственного знания в ключевых точках принятия решения в качестве основной причины роста стоимости программ приобретения и намечают уменьшения в главных программах закупки [1]. Так, по результатам проверки GAO в 2005 году 54 крупнейших программ создания систем вооружения с общим объемом 800 млрд. долларов было отмечено решающее значение своевременного завершения научных и технологических исследований. В докладе подчеркивалось, что недостаточное внимание созданию НТЗ, обеспечению зрелости технологий и продолжение разработки технологий в процессе проведения ОКР неизбежно ведут к росту потребных ассигнований на разработку СТС и к увеличению сроков создания СТС, что в итоге приводит к росту стоимости всей программы приобретения и естественному росту стоимости отдельного образца.

Другой пример. Согласно производственной программе ОАК 2007 года, до 2013 года планировалось выпустить 236 самолётов SSJ-100. Фактические поставки авиакомпаниям начались только в 2011 году – 5 самолётов (при плане в 14). Такая задержка связана с тем, что освоение производства было более трудным, чем проектирование. SSJ-100 и проектируется, и производится «в цифре», что даёт уменьшение погрешностей в десять, а иногда и более раз. Однако таких технологий, цепочек кооперации и компетенций ни в России, ни в СССР не существовало. Не было ни потребных технологий, ни отработанной производственно-технологической базы (ПТБ).

То есть в основе экономической проблемы затягивания сроков создания новых образцов АТ и перерасхода средств на их разработку лежит проблема чисто технико-технологическая – неготовность ключевых технологий и неготовность авиационного производства к изготовлению новой АТ.

Технико-технологическая проблема низкой готовности потребных для разработки АТ технологий требует применения адекватных управленческих решений. Проблема может быть решена двумя способами: ситуационным управлением, когда пригодность различных методов управления и управленческих мероприятий определяется ситуацией – это, фактически, ручное управление[1]. И в рамках системного подхода, предполагающего построение модели проблем-

[1] Возможно самое эффективное в кризисной скоротечной ситуации решение, но существенно проигрывающее по эффективности на длительных временных интервалах долгосрочным мерам системного характера.

ной области и принятие на основе предсказательного моделирования научно обоснованных решений долговременного, а не сиюминутного, характера. По форме это управление многократно повторяющимися операциями монотонного процесса.

Современная экономика тесно связана с интерактивным инновационным процессом (ИП), то есть с непрерывными технологическими обновлениями. Технологическими обновлениями как в технике, так и на производстве. С созданием постоянно обновляемого НТЗ и ПТБ промышленности, а также с созданием совершенно новых производств.

На рис. 1 показан «срез» (стоп-кадр) ИП в авиастроении. «Срез», дискретно сдвигается в соответствии с периодом промежуточной (этапной) отчетности, образуя ИП.

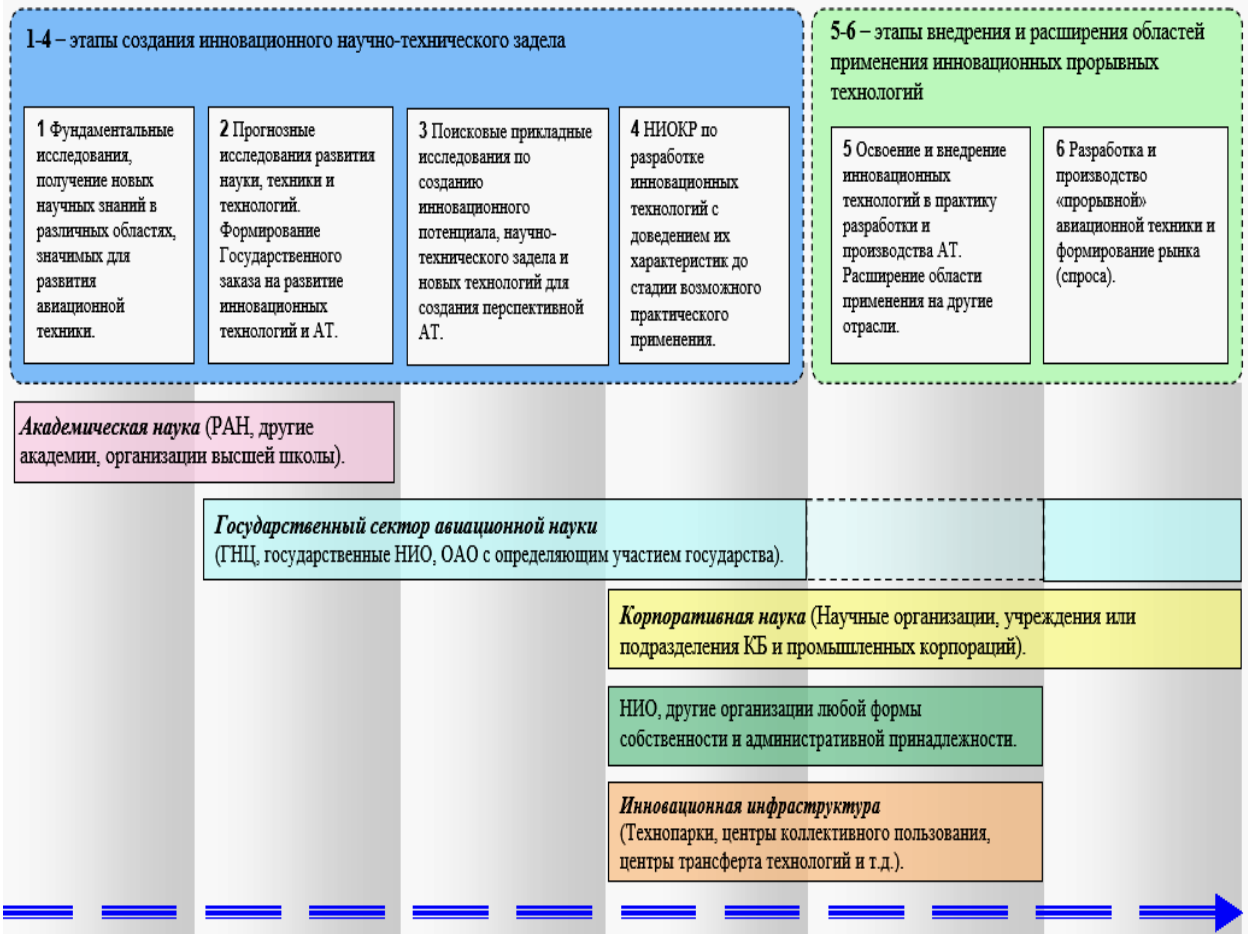


Рисунок 1.
Инновационный процесс в авиастроении

Фундаментальные и прогнозные исследования, как правило, не привязаны к конкретным образцам техники. Они ведутся преимущественно академическими и вузовскими организациями, а также НИИ, представляющими отраслевую науку. На этой стадии решаются наиболее принципиальные вопросы создания будущей АТ. Формируется заказ на развитие инновационных технологий и АТ. Получаемые РНТД позволяют рассматривать их как наиболее легко адаптируемые к условиям создания в последующем разнохарактерной (и оборонной, и гражданской) продукции.

Поисковые прикладные НИР в большей степени приближены к конкретным СТС. Здесь формируются отдельные проектные решения, свойственные данному типу АТ в целом. Разработанные на этом этапе технологии так же, как и технологии предыдущего этапа, являются значимым объектом трансфера.

НИОКР ориентированы на создание конкретного образца АТ. Получение результатов для передачи на уровне как проектных, так и конструкторских решений – предсказуемо возможно.

На этапе испытаний и подготовки серийного производства РНТД, передающиеся в гражданскую сферу, будут выступать в форме технологических процессов, а также в форме методов организации процесса испытаний и производства, что также может принести немалую пользу гражданскому сектору экономики.

На этапе эксплуатации могут выявляться определенные несовершенства на уровне отдельных узлов и агрегатов, а также пути и методы их устранения, которые можно учесть как при эксплуатации, так и при разработке гражданской продукции, включающей аналогичные узлы и агрегаты.

Непрерывные динамичные изменения технологий, появление новых знаний, изменения конъюнктуры рынков и геополитические императивы требуют непрерывного эффективного управления использованием и развитием как отдельных технологий и НТЗ в целом, так ПТБ промышленности. Подобное управление возможно только при условии создания эффективной системы управления процессом создания и развития НТЗ и ПТБ, основанной на эффективной,

адекватной объекту управления, его – ИП – модели, а также методов её построения и эффективного применения. ИП должен обладать свойствами саморегулирования.

В разное время специалистами было разработано несколько моделей ИП. Это такие модели ИП как: линейная, кибернетическая, сопряженная, нелинейная, открытых инноваций и синергетическая [5], а также спиральная модель, предложенная автором [8]. Детальный анализ этих моделей с целью синтеза новой, более адекватной реальному ИП, модели выходит за рамки настоящей работы, однако с уверенностью можно констатировать, что все перечисленные модели описывают ИП (инновационную систему) с точки зрения субъектного состава и взаимодействия субъектов. Внимания такому важнейшему элементу ИП как «технология» уделяется крайне мало. А ведь это основной, главный результат всей инновационной деятельности (ИД).

Вообще управление любым процессом – длящейся цепочкой событий по преобразованию информации – возможно только путём мониторинга его параметров, заранее определённых, контроля рассогласования их текущих значений в контрольных точках в сравнении с эталонными значениями, заранее установленными, установления дефицита управления и выработки предложений по нивелированию рассогласований. Подобный подход делает контроль над процессом дискретным, а сам процесс управляемым.

Понятие технологии весьма многогранно. Наиболее близким цели настоящей работы является следующее: «технология – надлежащим образом оформленный и готовый к практическому использованию РНТД, представленный в виде описания приемов, методов, операций и процессов производственного и иного характера, программного обеспечения, специального оборудования, предназначенный для использования в ходе разработки, производства и использования продукции».

Следует отметить, что в данном определении технологией назван уже полученный, законченный, «готовый к практическому использованию» РНТД. Однако технология в таком её совершенном качестве не рождается. Она не возникает внезапно. Она создаётся, выращивается в результате кропотливой целенаправленной работы целых коллективов исследователей (научных и производственных), проходя разные фазы некоего процесса.

Технология растёт, развивается, усложняется. Создание технологии – это именно процесс, а не единовременный, одномоментный акт. Технология эволюционирует во времени. Развивается в динамике. Имеет некий жизненный цикл (ЖЦ).

На ранних стадиях ЖЦ – своей эволюции – технология ещё очень несовершенна. Она не отработана. Нет опыта её внедрения и эксплуатации. На развитие технологии влияют множество неконтролируемых внешних и внутренних факторов (как случайных, так и детерминированных). Она – технология – не зрела и не готова ко внедрению, ведь риск неудачи, неудачного внедрения слишком велик.

По мере своего развития технология становится всё более совершенной. Всё более зрелой. Риск неудачи разработки постепенно снижается. Её основные, а со временем и второстепенные, характеристики становятся всё более устойчивыми, предсказуемыми, неизменными во времени. Технология обретает повышенную готовность ко внедрению, к системной интеграции в сложный технический продукт, в СТС.

Эволюционный пик, наивысшую степень зрелости или готовности технология достигает при её безотказном и безопасном использовании в штатной системе, для которой она разрабатывалась изначально, для которой она была адаптирована специально или в рамках адаптированной под неё – новую технологию – системе.

Таким образом, ИП заключается в создании благоприятных условий для эволюционирования технологии. А сама технология в ходе своей эволюции, своего ЖЦ характеризуется своей готовностью (или зрелостью) к штатному использованию в составе коммерческого продукта, предназначаемого рынку и принимаемого им. Вот главный смысл подхода к описанию процесса развития технологии – описание развития технологии через описание её готовности к использованию в штатной СТС. Подобное описание возможно путем установления специальных градаций, специальных уровней готовности к использованию.

Но какой должна быть эта градация, эти уровни готовности? Возникает проблема построения специальной шкалы, специальной модели, описывающей эволюцию состояния технологии во времени. В соответствии с подобной шкалой должен быть структурирован ИП создания АТ. Это должно быть реализовано путём его – процесса – разделения на этапы, отличающиеся содержанием и детализацией, но с точки зрения управления ими принципиально одинаковые.

Со времён СССР в России устоялась «конструкторская система» (см. рис. 2). Она закреплена на подзаконном уровне в инструктивной регламентной базе авиастроения – государственных и отраслевых стандартах и положениях. В Единой системе конструкторской документации и в Единой системе технологической подготовки производства, например.

Создание образцов АТ включает в себя исследования в обеспечение создания образцов АТ (НИР), разработку (модернизацию, модификацию) образцов АТ (ОКР) и их серийное производство. Процесс создания (модернизации, модификации) образцов АТ разделяется на следующие стадии и этапы.

Стадия 1 – исследования в обеспечение создания образца АТ. Стадия включает этапы: фундаментальные и поисковые исследования в обеспечение обоснования основных направлений развития АТ, принципов и путей создания образцов АТ; комплекс НИР в обеспечение создания конкретного образца АТ, его составных частей и средств, обеспечивающих их функционирование; концептуальные и обликовые исследования образца АТ, исследование возможности применения создаваемого образца АТ в интересах различных заказчиков и его экспортного потенциала; разработка аванпроекта.

Рисунок 2.
Последовательность этапов разработки АТ, принятая в России

Стадия 2 – опытно-конструкторские работы по созданию образцов АТ. Выполняется по ТТЗ, разработанному и утвержденному заказчиком. Стадия включает этапы: разработка эскизного проекта; разработка технического проекта, макета; разработка рабочей конструкторской документации; разработка технологической документации и изготовление специализированной оснастки для выпуска опытных образцов, установочной партии; изготовление опытного образца (опытной партии); наземная отработка и испытания составных частей опытного образца, требующих летной оценки; предварительные испытания; государственные (государственные совместные) испытания; корректировка и утверждение рабочей конструкторской документации для организации серийного производства образца АТ и доработка опытного образца (опытной партии) по результатам испытаний.

Стадия 3 – серийное производство образцов АТ. Стадия включает этапы: постановка на производство; серийное производство; поставка образца; снятие с серийного производства.

Стадия 4 – эксплуатация и ремонт образцов АТ. Стадия включает этапы: эксплуатация; войсковые испытания и опытная эксплуатация; модернизация серийного образца; заводской ремонт.

В свою очередь страны Запада создали и непрерывно совершенствуют свою собственную – «инновационную систему», отличную от российской (см. рис. 3).

Легко видеть разницу в подходах к разработке АТ и организации соответствующего ИП. В соответствии с российскими регламентами вначале обосновывается и принимается решение о необходимости и начале разработки образца АТ (см. рис. 2). В проект закладываются перспективные, но зачастую незрелые, непроверенные технологии и технические решения. О необходимости заблаговременного создания НТЗ и определения готовности технологий к их системной интеграции в действующих государственных стандартах[1] не упоминается. Требований к готовности технологий и уровням такой готовности не установлено.

Совместное рассмотрение двух подходов к разработке АТ показывает, что российский и американский подходы к организации этого процесса проявляют двойственность: в чём-то они похожи, а в чём-то существенно разнятся. У них разные системы отсчёта. Всё зависит от точки принятия решения о создании образца АТ.

Незрелость технологий приводит к затягиванию сроков разработки. К необходимости постоянных доработок. К выпуску бесчисленных извещений с изменениями отдельных параметров узлов, агрегатов, подсистем и систем. К росту стоимости программы создания в целом и единичного образца в частности.

У российских конкурентов вопрос выбора образца и формирования ТТЗ на него возникает на 6–7-м этапе готовности основной массы технологий, предполагаемых к использованию при создании данного образца (см. рис. 3). В то время как в российской традиции проектирования АТ, сразу выбрав разработчика, проводится короткая НИР и аванпроект, и только на этапе эскизного проекта появляется НТЗ на заведомо выбранный образец АТ (см. рис. 2).

В западном подходе решение о создании нового образца АТ утверждается так же, как и в России – на основании результатов концептуальных исследований о необходимости разработки. Однако программа создания строится на

[1] См., например, ГОСТ РВ 15.203-2001. Система разработки и постановки продукции на производство. Военная техника. Порядок выполнения опытно-конструкторских работ по созданию изделий и их составных частей. Основные положения.

иных принципах. В отличие от российской практики первичным является формирование НТЗ, то есть суммы технологий различной степени готовности.

Рисунок 3.
Система (этапность) разработки СТС (АТ), принятая в странах Запада

Программа создания в США состоит из этапов-вариантов, разрабатываемой системы: A, B, C. Образец A создаётся на основе технологий, имеющих высокий уровень готовности – 6–9. В силу первичной готовности элементов-технологий СТС создаётся достаточно быстро. 3–4 года и образец АТ выходит на уровень оперативной готовности. Данный подход реализуется как в военной, так в гражданской областях. В России образец АТ создаётся за 7–10 лет (и то – при ритмичном финансировании), то есть в 2–3 раза дольше.

Образцы B и C создаются на основе технологий, которые при начале разработки варианта A имели низкие уровни готовности (3–5) и специально «выращивались», повышая свою зрелость в рамках совершенно других исследовательских программ и за счёт совсем иных источников финансирования. Отличных от средств, выделенных на программу по созданию образцов A, B и C.

В российской практике критические технологии создаются «внутри» программы, за счёт выделенных на неё средств. В западной же традиции самостоятельно существуют как минимум две программы (два программных офиса). В первой – создают, «выращивают» технологии, непрерывно контролируя степень их готовности (зрелости). Во второй – быстро «собирают» нужный образец АТ (СТС) из готовых или полуготовых уже испытанных компонент, частей. Как из конструктора.

Если технология не готова, то её не ждут, бросая все ресурсы (вообще-то ограниченные) на её доводку, увеличивая тем самым стоимость программы создания, а экономят время и деньги, предлагая рынку продукт пусть и менее совершенный, но зато более оперативно чем конкуренты.

Поскольку схожесть подходов к разработке АТ очевидна, то целесообразно заимствовать передовой зарубежный опыт. Российская нормативная база должна быть доработана в части регламентации процесса создания НТЗ на основе методологии уровней готовности. Российская и западная системы этапов создания АТ должны быть совмещены в виде, представленном на рис. 4, а не противопоставляться, см., например, работу [2]. Иными словами, российская «конструкторская система» должна быть «наращена спереди» западной «инновационной системой», образовав единую «инновационно-конструкторскую систему» разработки АТ (СТС).

Строить шкалу оценки уровней готовности технологий (далее – УГТ) – реализуя метод формирования модели оценки уровня готовности (далее – УГ) – целесообразно, исходя из понимания того, что полная готовность технологии – это штатное использование её в коммерческом продукте. В этом состоянии технология уже прошла весь комплекс испытаний и отработок. Она продемонстрирована как самостоятельный объект, так и в составе некоторой экспериментальной, лабораторной системы. Описаны и опубликованы её свойства, принципы, заложенные в её основу, концепция построения и использования.

Принимая в расчет приведенные констатации, легко определить границы шкалы готовности или границы изменения стадий готовности: технология используется и технология полностью не готова к использованию.

Тогда последней контрольной точкой, предваряющей штатное использование технологии, будет констатация «полной готовности технологии».

Первой контрольной точкой, очевидно, будет констатация того, что «основные принципы, лежащие (закладываемые) в основе технологии, изучены и уяснены».

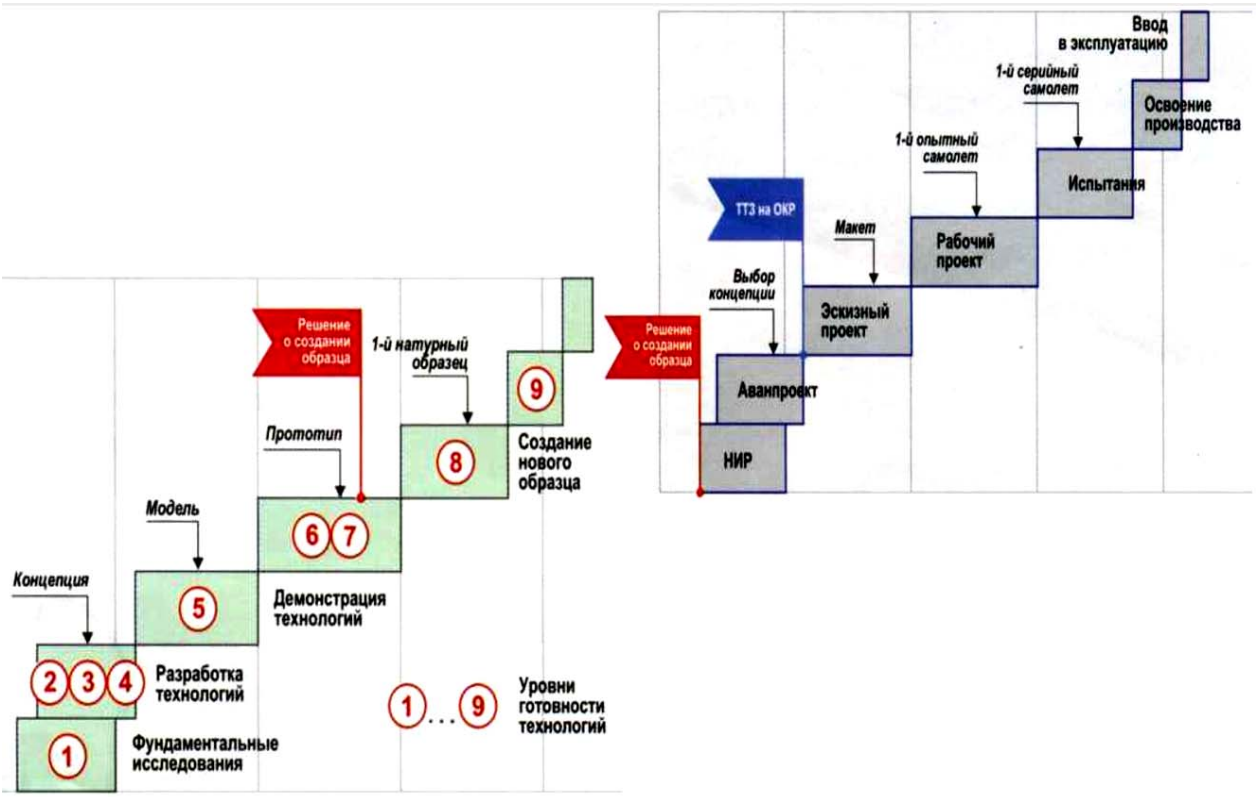


Рисунок 4.
Перспективная совмещенная система этапов создания АТ

Все промежуточные контрольные точки можно установить, используя философский принцип восхождения, формулируемый в виде: «от простого к сложному», «от теории к практике», «от абстрактного к конкретному», «от идеи к модели».

С учётом высказанных замечаний шкала точек принятия решения об успешном прохождении УГТ имеет вид [2, 4, 6, 7, 10]:

1. Основные принципы изучены и усвоены (да, нет).
2. Сформулирована технологическая концепция и ее приложение (да, нет).
3. Верифицированы концептуальные критические функции и характеристики (аналитическая и экспериментальная) (да, нет).
4. Испытаны компоненты и макет в лабораторных условиях (да, нет).
5. Испытаны компоненты и макет в натурных условиях (да, нет).
6. Проведена демонстрация модели или прототипа системы /подсистемы в натурных условиях (наземные или полетные) (да, нет).
7. Проведена демонстрация прототипа системы в требуемых реальных условиях (да, нет).
8. Реальная система выполнена и сертифицирована в испытаниях и демонстрации (на земле и в полете) (да, нет).
9. Реальная система выполнила требуемую задачу (да, нет).

Достижение каждого следующего УГ технологиями (и производством) повышает гарантию эффективности управления этим процессом и снижает риски неудачи программ создания СТС. В случае отрицательного ответа на вопрос, задаваемый в контрольной точке, следует: либо вернуться в начало этапа (уровня готовности), давшего отрицательный результат и пройти его заново, либо принять решение о возвращении на два и более уровня назад для их повторного прохождения. Осуществлять развитие для перехода на следующий УГТ, не закончив полностью работы по достижению текущего уровня, возможно, но нежелательно, так как существенно повышаются риски из-за потери системности в развитии – ухода от более глубокого освоения набора требований каждой ступени (см. рис. 5).

Метод применения (использования) модели УТГ состоит из следующих этапов (представим следующим алгоритмом действий), см. рис. 6.

Логично предложить следующие определения: «шкала уровней готовности есть система показателей, определяющих уровни готовности (зрелости) некоего продукта на различных этапах его разработки».

«Уровень готовности – это индикатор (показатель) состояния процесса разработки, позволяющий в рамках формализованной шкалы оценить степень ее готовности (зрелости) для практического использования при разработке и производстве инновационной продукции и принять решение о целесообразности продолжения работ и успешном завершении процесса разработки».

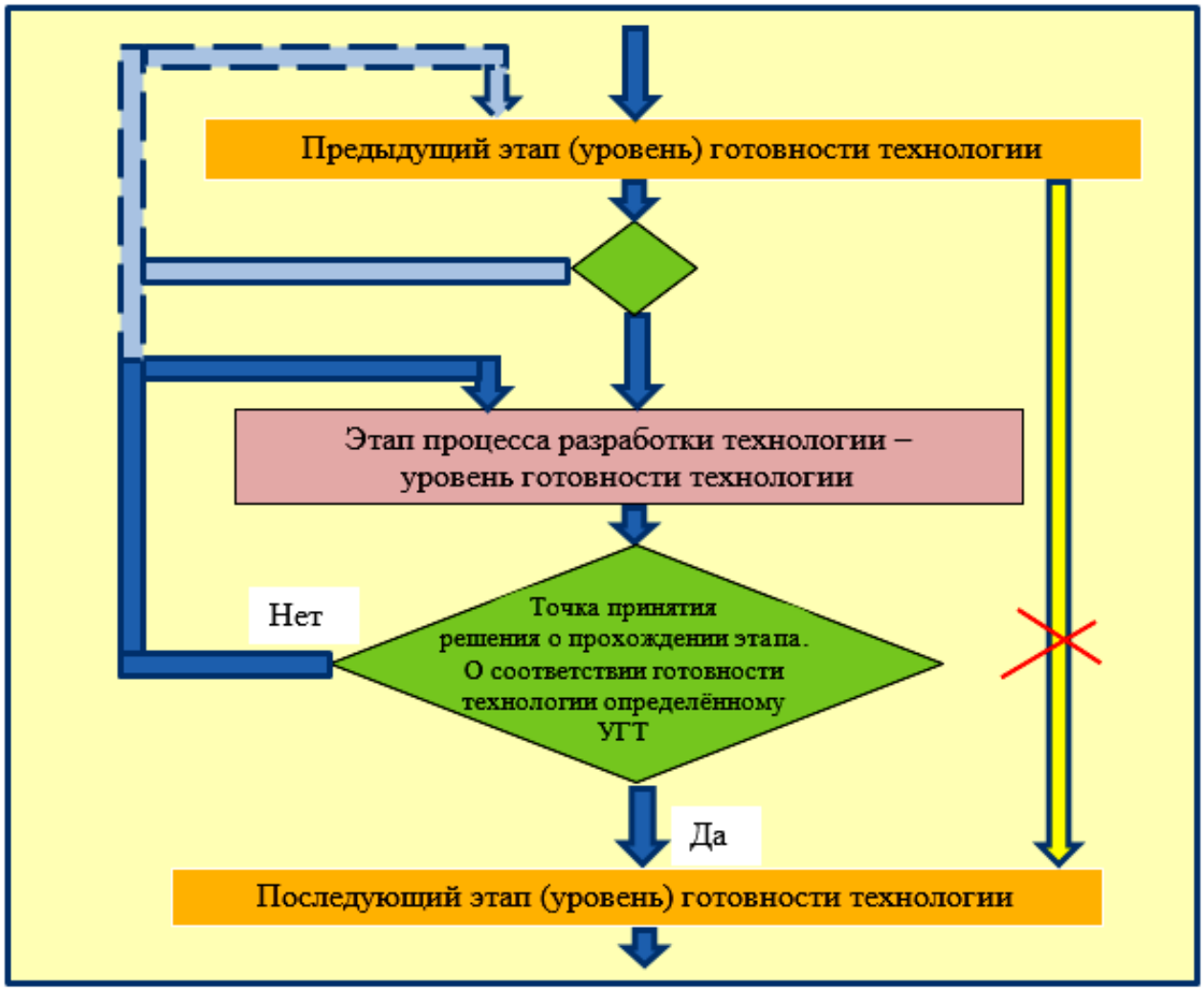


Рисунок 5.
Схема одного из этапов процесса разработки технологии и процедура принятия решения о завершении этапа

При использовании методологии УГТ формальная задача создания технологии приобретает следующий вид (формулировку): повысить уровень готовности *i*-й технологии с $УГТ^{i}_{N}$ до $УГТ^{i}_{N+1}$ за заданное время $T^{i}_{N\to N+1}$ и заданный бюджет $C^{i}_{N\to N+1}$, где $N = 1, 2, \ldots 8$, $(N+1)_{при\, N=8} = 9$.

Такая постановка задачи существенно отличается от задачи развития технологий в рамках существующей сейчас в России так называемой «конструкторской системы». В её рамках вопросы готовности технологий, готовность технологий к их системной интеграции, разработка адекватных шкал уровней готовности и разработка принципов и критериев отнесения некоторой *i*-й технологии к некоторому УГТ вообще не рассматриваются и до сих пор существуют в латентной, скрытой форме.

Модель УГТ же позволяет осуществлять управление процессом создания технологий, благодаря чёткому пониманию того, на каком УГ находится некая *i*-я технология в настоящее время, какой технический риск она имеет, возможна ли её системная интеграция (подобные оценки тоже проводятся; описаны и применяются соответствующие уровни готовности интеграции и уровни готовности системы [4, 6, 7]), какие следующие этапы она должна преодолеть. Реализация данной модели позволяет сформировать программу разработки технологий (или «дорожную карту»), позволяющую, в свою очередь, отслеживать эволюцию как одной технологии, так и их совокупности, сопоставляя текущие значения готовности технологии с заранее выбранными, эталонными значениями готовности, в определенные моменты времени. Описание соответствия научно-технических разработок УГТ приведено в [2, 4, 6, 7, 10].

Таким образом, методология УГТ позволяет осуществлять как регулирование процесса создания технологий, составляющих постоянно обновляемый НТЗ, так и регулирование процесса создания инновационного продукта, создаваемого из технологий с высоким УГ. Оценка УГТ и принятие решения о доработке технологий – это не единовременный акт, а постоянный процесс создания потребного НТЗ, структурированный, разделённый на этапы в соответствии с концепцией УГТ.

Основной целью применения концепции (методологии) УГТ является помощь управленческому персоналу в принятии решений, касающихся перехода на следующие стадии развития или использования технологии.

Преимущества данного метода ранжирования возможных состояний процесса создания технологий таковы: объективность оценки состояния разработки технологии; обеспечение общего понимания статуса (состояния) конкретной технологии и всего НТЗ; понятное управление рисками; использование для принятия решений, касающихся

финансирования технологий; использование для принятия и контроля выполнения решений, касающихся перехода технологии на следующий уровень зрелости (готовности).

К недостаткам можно отнести: увеличение отчетности, объема документации и необходимость формирования специальной базы данных или отдельной информационной системы; для самой оценки используют субъективные таблицы входящих параметров («калькуляторы»); относительно новый метод требует времени для освоения, чтобы отследить последующее воздействие на систему; необходимо внесение изменений в действующую нормативную правовую и инструктивную регламентную базу.

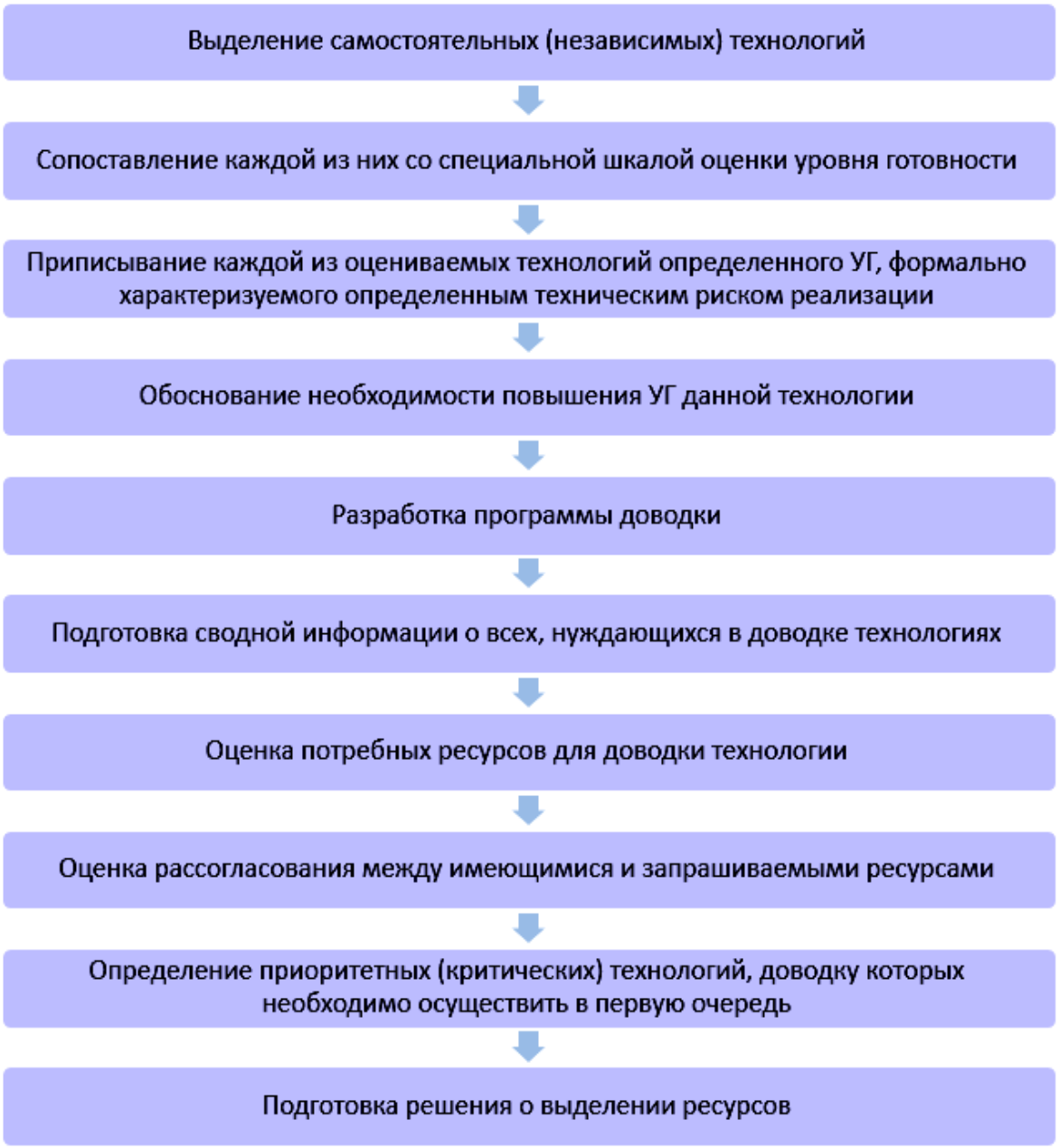


Рисунок 6.
Метод применения модели оценки УГТ (алгоритм оценочных действий)

В российской практике для определения УГТ в ИП развития НТЗ следует применять шкалу, аналогичную зарубежной. Предлагаемая к внедрению схема финансирования представлена на рис. 7.

Подобное рассмотрение отличается от похода и ИП с позиций коммерциализации (см., например, [3]), оперирующему категорией «долина смерти», например. Процесс создания технологии в соответствии с моделью УГТ тоже может быть не доведен до конца. Но технология не теряется и не отбрасывается, а поступает в информационное поле НТЗ. Она имеет строго документированную историю создания и чёткие результаты – текущий УГ. Данное обстоятельство расширяет ставший традиционным патентный поиск.

Будучи внедрённой, система оценки УГТ на всех этапах ЖЦ СТС позволит оптимизировать процесс их создания, существенно снизить риски невыполнения предъявляемых к ним требований. Ведь именно скорость внедрения новых технологий (см., в частности, [9]) сегодня начинает играть определяющую роль при создании наукоемкого продукта, так как основная конкурентная борьба между корпорациями сейчас ведется в сфере организации корпоративных разработок и трансфера в производство РНТД.

Рисунок 7.
Схема финансирования этапов разработки технологий, составляющих НТЗ, опирающаяся на методологию оценки уровня готовности технологий

Список литературы

1. Manufacturing Readiness Level (MRL) Deskbook. Version 2.0. May, 2011.
2. Алёшин Б.С. О новой концепции организации научных работ. // Новости ЦАГИ. 2010. – № 5(85).
3. Антонец В.А., Нечаева Н.В., Хомкин К.А. Шведова В.В. Инновационный бизнес: Формирование моделей коммерциализации перспективных разработок: учеб. пособие / Под ред. К.А. Хомкина. – М.: Дело; РАНХиГС, 2011.
4. Ахметова И.А., Баширова А.Г., Брутян М.М. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами: монография. Кн. 27 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.
5. Гудков А.Г., Горлачева Е.Н. Межфирменное взаимодействие высокотехнологичных предприятий / Под ред. И.Н. Омельченко. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014.
6. Клочков В.В., Николенко В.Ю. Современная организация создания авиатехники: монография. – М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2013.
7. Сливицкий А.Б. Актуальные проблемы введения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности // Межотраслевая информационная служба. 2014. – № 3.
8. Сливицкий А.Б. Инновационная деятельность как процесс распределенного сетевого создания знания // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики в XXI веке: материалы XX международной научно-практической конференции. – Алушта; Симферополь, 2015.
9. Сливицкий А.Б. Принципы и особенности технологии реализации интегрированной информационной среды в научных организациях авиационной отрасли // Сборник докладов Всероссийской научно-технической конференции «Моделирование авиационных систем», ФГУП «ГосНИИАС». Т. 1. – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2011. – С. 282–289.
10. Сливицкий А.Б. Совершенствование инструментария выбора государственных приоритетов, механизмов разработки и реализации стратегий инновационного развития // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. Ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 270–278.

КАЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Игнатова Т.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
tignatova@uriu.ranepa.ru
Мартыненко Т.В.
д.э.н., доцент Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
ectheory@uriu.ranepa.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ И КРИТЕРИЕВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Ключевые слова*: государственная собственность, концепция, цели, управление, проблемы.*
Keywords*: state property, concept, purposes, management, problems.*

В связи с тем, что государственная собственность на протяжении веков играла в России определяющую роль, целесообразно разобраться, какие изменения произошли в системе управления государственной собственностью, как повлияли на этот процесс внешние и внутренние экономические и неэкономические факторы, какие новые тенденции появились в управлении под влиянием глобализации.

На основе сопоставления различных дефиниций нами установлено, что государственная собственность – это все ресурсы (материальные и нематериальные), являющиеся общенародными, но находящиеся в собственности государства с целью сохранения и развития страны, отношения между людьми по вопросам владения, распоряжения и пользования данными ресурсами[1].

К особенностям государственной собственности как объекта управления относятся соединение в одном лице собственника, регулятора и управленца; направленность собственности на общенациональные цели; наличие двух субъектов права государственной собственности (федерация и субъекты федерации); исключительное право государства на некоторые объекты собственности (недра, водные ресурсы, ресурсы континентального шельфа, объекты культурно-исторического наследия, имущество государственной казны, объекты ядерной энергетики и др.); наличие у государства специфических инструментов управления (приватизация, реквизиция, национализация, конфискация).

Особенности государственной собственности как объекта управления предполагают и специфику управления данным объектом. Существует тесная связь между государственной собственностью и сущностью государства. В результате проведения рыночных реформ в РФ изменилось содержание самого государства. Современное российское государство приобретает черты государства-корпорации: общенациональные цели подменяются коммерческими интересами правящей элиты; общественные блага все больше превращаются в коммерческие услуги; происходит переплетение политической и экономической власти; ключевыми показателями эффективности управления государственной собственностью становятся экономические показатели прибыльности и рентабельности в ущерб социальным и духовно-нравственным показателям развития страны; усиливается монополизация ресурсов крупными корпорациями и присвоение общенародного достояния через влияние на власть. Изменилась и система управления государственной собственностью: появились две практически независимых системы (федеральная и субъектов федерации), значительная часть государственной собственности передана в государственные корпорации, в результате чего собственность перестала быть государственной, превратившись в корпоративную, происходит постоянный обмен объектами собственности между управленческими уровнями (федеральным, субъектов федерации и муниципальным), что затрудняет анализ масштабов государственной собственности.

Государственное управление принципиально отличается от управления в бизнесе, так как оно направлено на достижение не только экономической эффективности, но, прежде всего, на решение общенациональных задач, которые не всегда можно оценить в количественных показателях и формализовать. Методы, инструменты и показатели, используемые в частном секторе, могут быть использованы государственными предприятиями, работающими в коммерческом секторе, но не государственными органами власти.

Социальная ответственность и коммерческая деятельность не являются взаимоисключающими понятиями. Однако хозяйственная практика показывает, что хозяйствующие субъекты, использующие рыночный механизм, из-за провалов рынка не могут или не имеют стимулов производить блага в социально оптимальных объемах или с долж-

[1] Мартыненко Т.В. Политика управления федеральным имуществом в РФ на современном этапе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. – № 2. – С. 47–54.

ным качеством. Возникают ситуации, когда общественные блага, которые раньше производились на государственных предприятиях, недопроизводятся вследствие отсутствия стимулов предоставлять их в социально желательных (оптимальных) объемах. По нашему мнению, это приводит к снижению социальной ответственности.

В управлении государственным имуществом на современном этапе наблюдаются новые тенденции: проникновение частных интересов в систему управления государственной собственностью, что проявляется в дроблении и распылении права управления государственной собственностью между различными субъектами; передача процесса управления объектами государственного имущества на уровень субъектов РФ и муниципальный; внедрение функционально-структурного подхода в управление государственной собственностью, который способствует специализации на выполнении отдельных функций, что ведет к утрате целостности управления.

Правовая база управления государственной собственностью в современной России несовершенна и приводит к возрастанию издержек на управление государственной собственностью, необходимо максимально упростить систему законодательных актов, принимая законы только на федеральном уровне, а специфику управления в субъектах РФ регулировать с помощью подзаконных актов[1].

Налицо противоречия при разработке и реализации целей управления федеральным имуществом.

Первое противоречие заключается в том, что органы управления в лице Министерства экономического развития и Росимущества планируют увеличить поступление в федеральный бюджет доходов в виде прибыли от объектов государственной собственности (это нашло отражение в планах и программе управления федеральным имуществом). С другой стороны, идет постоянный процесс сокращения всех объектов, находящихся в государственной собственности. Невозможно сокращая количество объектов собственности, увеличивать доходы.

Второе противоречие состоит в том, что государство увязывает цели управления государственным федеральным имуществом с выполнением государственных функций органами власти Российской Федерации и предусматривает отчуждение федерального имущества, востребованного в коммерческом обороте. Как мы писали ранее, вопрос о функциях государства весьма спорный. Либеральная концепция предполагает минимальные функции государства. В связи с тем, что экспертами в государственных органах являются представители данного направления, следствием этих представлений становится минимизация государственной собственности, а это противоречит и российским традициям, и современной ситуации в мировой экономике (возрастание угроз, кризисное состояние).

Третье противоречие связано с возрастанием сложности управления, в то время как главным принципом эффективного управления является простота. В программных документах по управлению государственной собственностью намечается каждый объект государственной собственности описать по нескольким показателям, составить планы-графики, сводные ведомости, т.е. фактически регламентировать каждый шаг. Это ведет к углублению бюрократизации управления.

Также при разработке целеполагания в системе управления государственной собственностью нарушена связь трех ключевых составляющих: цель – средство – результат. На наш взгляд, нельзя конечным результатом управления считать просто уменьшение государственной собственности. Также нельзя в качестве конечной цели управления государственной собственностью признавать доход, прибыль, дивиденды, завоевание новых рынков. Это может быть целями деятельности предприятий и организаций с государственной формой собственностью, но не государства. Государство с помощью своей собственности может добиваться следующих целей: интеграция (объединение всех слоев общества и структур управления в единое целое); защита национального суверенитета и территориальной целостности страны, поддержание правопорядка, сохранение контроля над материальными, финансовыми, энергетическими и информационными ресурсами; закрепление институтов и правил общественной жизни, определение границ законного; создание эталонов и примеров для подражания для всех хозяйствующих субъектов (государственные предприятия и учреждения должны быть образцом поведения для всех хозяйствующих субъектов); сохранение и укрепление нравственности, патриотизма, семьи и национальной культуры; воспитание ответственности за результаты управления[2].

Разработанные Е.В. Балацким[3], О.С. Сухаревым[4] критерии приватизации государственной собственности можно дополнить следующими: во-первых, перечнем предприятий, не подлежащих приватизации (предприятия, которые не подлежат приватизации: атомная энергетика, производящие ядовитые и высокотоксичные вещества, предприятия, требующие больших сроков окупаемости, естественные и локальные монополии; инфраструктурные объекты), во-вторых, некоторыми критериями при рассмотрении объектов государственной собственности к приватизации (трансформационные издержки приватизации (затраты на оценку объектов собственности, оплату инвестиционным консультантам, проведение торгов, на перерегистрацию документов приватизированных предприятий); согласование с трудовым коллективом и органами власти субъекта РФ; рыночность территории и менталитет населения. Если трансакционные издержки на приватизацию высоки, то целесообразно оставить предприятия в государственной собственности). Экономические и социальные критерии отнесения предприятий к стратегическим объектам: экономические – уникальность производимой продукции и отсутствие аналогичной продукции на мировых рынках или ограниченность

---

[1] Мартыненко Т.В. Имущественная политика субъектов РФ: цели и инструменты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. – № 8 (167). – С. 89–98.

[2] Игнатова Т.В., Мартыненко Т.В. Целеориентированное управление государственной собственностью в РФ // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2012. – № 1 (50).

[3] Балацкий Е.В. Элементы экономики государственного сектора. – М.: Капитал страны, 2013.

[4] Сухарев О.С. Приватизация, национализация и экономическая реформа. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 352 с.; Сухарев О.С Теоретические и прикладные проблемы управления экономическими системами. // Проблемы теории и практики управления. – М., 2014. – № 3–4.

доступа к ним, объем начисленных федеральных налогов, доля добавленной стоимости, степень влияния на рыночные цены, суммарный объем полученных доходов; социальные – степень влияния компании на социальное благополучие страны или региона, доля средств, расходуемых предприятием или организацией на реализацию социальных проектов.

Распоряжение государственной собственностью происходит и в процессе проведения конкурсных торгов по осуществлению государственных закупок. К их условиям относятся выполнение институциональных требований, правильный, адекватный ситуации и возможностям организации выбор форм конкурсов, эффективное выполнение функций субъектов конкурсного процесса, их прав, обязанностей, ответственности и запретов, подписание контракта и следование условиям контракта.

В границах организационной функции важной составляющей конкурсных торгов является принцип координации и контроля. Данный принцип является необходимым руководством к действию, контрольным органом федерального уровня является Федеральная антимонопольная служба (ФАС). В регионах функции контроля часто возлагаются на существующие комиссии бюджетного контроля. Контроль также осуществляется в ходе конкурсных торгов заказчиком, организатором конкурса, конкурсной и котировочной комиссиями. Контроль проявляется в обжаловании участником размещения заказа соответствующих действий или бездействия заказчика в организации конкурсных торгов. Различают такие формы контроля как плановые и внеплановые. Первые проводятся один раз в шесть месяцев в отношении одного заказчика, а вторые – при поступлении жалоб от участников размещения заказов в соответствующие инстанции.

Значим также и принцип соответствия деловой репутации, обычаям делового оборота. Здесь речь идёт о следовании ориентирам на такие ценности в экономических отношениях, как честность, добропорядочность, доверие при их устойчивом проявлении в ходе заключения сделки, её обязательном документальном обосновании. Последнее составляет суть договора (контракта) между заказчиком и исполнителем. Сегодня контрактность является приоритетным принципом в бизнесе и других сферах жизнедеятельности людей. В современных условиях рынок, фирмы, некоммерческие организации имеют контрактную природу. Происходит моделирование контрактных отношений, проявляющееся в тех или иных конкурсных формах. Необходимыми свойствами контрактных отношений, которые возникают в ходе проведения конкурсных торгов, являются добровольность участников конкурсов (заключать или не заключать контракт), взаимность обязательств, свобода выбора партнёров по контракту, единый механизм принуждения его выполнения, а также полнота или неполнота содержания контракта[1].

В государственной политике с непосредственного владения объектами государственной собственности акцент сместился на государственное регулирование деятельности всех хозяйствующих субъектов, использование государственного имущества в качестве залога, передачу государственных земель для стимулирования инвестиционной деятельности, создание особых зон регионального развития и др.

Развитие таких новых тенденций в области корпоративного управления как расширение практики привлечения профессиональных директоров в органы управления компаний, внедрение среднесрочного и долгосрочного планирования обусловлено внедрением в процесс управления государственной собственностью концепции нового государственного управления (New Public Management), которая переносит в значительной степени технологии управления, зарекомендовавшие себя с хорошей стороны в управлении частными предприятиями, на государственные предприятия. Последствиями привлечения профессиональных управляющих в государственные компании будет снижение влияния государства на принятие управленческих решений. А обязательное внедрение среднесрочного и долгосрочного планирования в условиях возрастания турбулентности может привести к возрастанию издержек на управление. в качестве критериев национализации можно использовать следующие: стратегические предприятия, которые играют важную роль для обеспечения национальной безопасности, принадлежность к естественной или локальной монополии, технически опасные объекты (атомная энергетика, ядовитые и высокотоксичные вещества), нарушение законодательства о приватизации, возрастание трансакционных издержек по регулированию экономической системы.

[1] Игнатова Т.В., Кармизов А.Е. Институциональные принципы конкурса в системе управления государственной собственностью // Известия КБНЦ РАН. 2015. – № 1 (63). – С. 141–146.

Лихтин А.А.
к.э.н., и.о. зав. кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Ключевые слова: *государственное и муниципальное управление, эффективность и результативность государственного и муниципального управления, эталонный стандарт, качество государственного и муниципального управления, качество публичного управления.*

Keywords: *state and municipal management, effectiveness and efficiency of state and municipal management, reference standard, the quality of public and municipal administration, the quality of public administration.*

Вопросы повышения качества государственного управления и конкурентоспособности Российского государства на международной арене в последнее время становятся наиболее актуальными и злободневными. Во-первых, в силу внутренних причин, связанных с недостаточной эффективностью деятельности органов исполнительной власти для проведения масштабных преобразований в социально-экономической сфере и, во-вторых, в силу усилившегося давления на реальный сектор экономики в связи с введением санкций. Для решения вышеуказанных проблем было принято в том числе и Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 года № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Кроме того, для усиления ответственности руководителей в сфере экономики, в центре и на местах было принято Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2014 года № 570-р «О перечнях показателей для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (до 2018 года) и методиках определения целевых значений показателей оценки эффективности их деятельности».

По каждому из документов были определены показатели мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации и показатели мониторинга оценки эффективности руководителей органов исполнительной власти, а также соответствующие методики расчета показателей, утвержденные приказами Росстата. Таким образом, к настоящему моменту, сформирована некая базовая модель оценки эффективности деятельности органов власти и соответствующих руководителей и утверждены индикаторы оценки.

Необходимо отметить, что в Санкт-Петербурге на протяжении последних лет уже функционирует система ключевых показателей результативности глав районных администраций, которую дорабатывали и дополняли в 2015 г., так называемая система KPI.

К концу прошлого года система охватывала 8 областей ключевой ответственности руководителей и 25 показателей их результативности. В процессе доработки системы проводились рабочие встречи и совещания с экспертами профильных органов власти и районных администраций, канцелярией губернатора и были добавлены еще 4 области ключевой ответственности. Их включили в систему в 2016 году. Это поддержка субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций, энергоэффективность, информационное освещение деятельности и социальная защита населения, работа с обращениями граждан. Этот параметр включает качество обработки сообщений граждан, поступивших на портал «Наш Санкт-Петербург» и Центр обработки вызовов «004».

Комитетом государственной службы и кадровой политики проделана большая работа по совершенствованию системы оценки эффективности работы глав районных администраций. В ходе организации данного процесса необходимо было не только собрать экспертные мнения, но и обсудить со всеми участниками процесса объективность того или иного критерия. Технология работы такова: показатели по всем областям ключевой ответственности рассчитывают в профильных органах власти, а сводит результаты Комитет государственной службы и кадровой политики. Необходимо отметить, что такие целенаправленные действия со стороны властей города направлены на повышение уровня благосостояния населения региона и в целом на улучшение единого интегрального показателя качества жизни населения, определяющего социальное развитие региона и влияющего на оценку эффективности системы управления развитием региона.

Разумеется, при таком подходе к оценке эффективности и результативности работы персонала и руководителей органов исполнительной власти, необходимы и новые современные технологии и модели в обучении бакалавров и магистрантов по направлению государственное и муниципальное управление. Что сегодня и реализует Северо-Западный институт управления РАНХиГС.

В рамках трехстороннего Соглашения между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС, Администрацией Василеостровского района и Муниципальным образованием «Гавань» мы приступили к разработке количественных показателей для измерения результатов рабочих процессов выполняемых работ. В процессе такой совместной работы будут выработаны новые формы, способы и методы по совершенствованию качества государственного и муниципального управления.

Ожидаемым финальным результатом совместной работы будет выработка некоего эталонного стандарта эффективного управления районным исполнительным и муниципальным органами публичной власти.

Планируется, что система управления результатами в районном и местном органе власти, позволяющая оценить результативность и эффективность предоставления публичных услуг, будет, измеряется следующими индикаторами:

1. Орган районной исполнительной власти и местного самоуправления разрабатывает и внедряет механизм управления результатами, который касается всех его целей, услуг и функций, включая соответствующие индикаторы, и регулярно отчитывается о его исполнении и результатах;

2. Орган районной исполнительной власти и местного самоуправления обменивается опытом с другими районами и муниципальными образованиями, и использует эту информацию для улучшения собственной результативности и эффективности;

3. Орган районной исполнительной власти и местного самоуправления разрабатывает стратегический и рабочий инструмент оценки эффективности, позволяющий оценить услуги и действия в отношении населения;

4. Орган районной исполнительной власти и местного самоуправления учитывает результаты проведенной оценки с целью улучшить в будущем информирование и взаимодействие с населением.

С этой целью вопросы прохождения практики студентами факультета государственного и муниципального управления с учетом задач, определенных в Соглашении, решаются уже по новой схеме. Прохождение практики студентами в администрации района предваряет подготовка к практике до начала ее прохождения. Она включает в себя, в зависимости от сферы деятельности: ознакомление с инфраструктурой района и муниципального образования по направлению практики, изучение предметов ведения конкретного отдела, ознакомление с формами делопроизводства. Важнейшими умениями для прохождения практики становится умение печатать вслепую, умение работать качественно в основных программах Microsoft office. Предполагается, что в период прохождения практики студент становится полезным членом коллектива, где он проходит практику и приносит реальную пользу в процессе ее прохождения. Важным элементом практико-ориентированного образования становится реальная возможность прохождения студентов в процессе обучения дополнительной стажировки в органах государственной и муниципальной власти, а также в реальном секторе экономики и частных компаниях. Разумеется, график такой стажировки должен быть регулярный и по возможности достаточно продолжительный: от месяца до полугода. Раннее овладение практическими навыками, участие в реальном процессе государственного и муниципального управления позволит как можно раньше определиться и с работой в сфере в управлении, а также и с темой диплома, что в идеале должно произойти в конце первого или на втором курсе. Тогда остальное время обучение представляется целенаправленным овладением навыками и опытом профессиональной деятельности по выбранному направлению. А это, в конечном счете, и сформирует специалиста с высоким уровнем профессиональной подготовке, способным работе в команде управленцев для достижения конкретных результатов работы администрации района или муниципалитета.

В публичном управлении вопросами разработки эталонных стандартов эффективного управления в органе публичной власти активно занимаются в странах-членах Совета Европы. Основные принципы формирования эффективного управления прописаны в «Стратегии инноваций и эффективного (хорошего) управления на местном уровне», принятой на Конференции в Валенсии в 2008 году. Приоритетом данной стратегии является улучшения качества публичного управления муниципальных образований, но ее методология может быть модифицирована для региональных органов государственной власти.

Здесь мониторинг результативности органов государственной власти и местного самоуправления является одним из ключевых инструментов публичного управления. Его можно определить как «…регулярное измерение результатов и эффективности предоставления публичных услуг или целевых программ». Регулярность измерения – важнейшая часть системы управления любой деятельностью, целью которой является получение каких-либо результатов. Это особенно важно, когда основное внимание уделяется максимизации получаемых общественных благ и минимизации негативных последствий от реализации каких-либо программ или услуг.

«Результативность» деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в общем виде можно определить как предоставление в полном объеме публичных услуг в соответствии с их полномочиями, стратегическими и тактическими планами и имеющимися в их распоряжении ресурсами. «Эффективность» публичного института может быть оценена через достижение значимого социально-экономического и общественного эффекта для граждан и хозяйствующих субъектов определенного территориального образования.

«Качество публичного управления» также является важным интегральным показателем эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, характеризующим степень удовлетворенности граждан, их общественных объединений, хозяйствующих субъектов объемом, многообразием и качеством предоставляемых публичных услуг.

Таким образом, оценка эффективности деятельности органов государственной власти создает предпосылки для системного мониторинга результативности управления регионами и муниципальными образованиями и поощрения достигших наилучшего качества управления.

Анализируя общие тенденции реформирования системы государственной власти, необходимо отметить, что это стало возможным, потому что начал осуществляться переход к более децентрализованному управлению государственной сферой. Децентрализованное управление создает внутреннюю заинтересованность всех органов государственной власти и местного самоуправления в повышении эффективности и результативности работы. Ключевое место в этой системе преобразований занимают вопросы оценки эффективности деятельности органов власти, инструменты мониторинга их эффективности на региональном и местном уровнях. Необходимо отметить, что административная реформа, осуществляемая в Российской Федерации на протяжении последних лет, формирует новые подходы к оценке деятельности органов государственной власти. Сегодня стратегия развития государственного и муниципального управления, базирующаяся только на индикаторах количественного роста не представляет полноценной возможности сформировать целостное представление об изменениях качества жизни граждан нашей страны. Представляется необходимым разработать и внедрить в практику государственного и муниципального управления новые методологические подходы в выборе стратегии общественного развития на всех уровнях.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 года № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2014 года № 570-р, принятое в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2012 года № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности».
3. Елисеенко В.Ф., Головщинский К.И. Внедрение целостных систем бенчмаркинга в деятельность органов исполнительной власти // Вопросы государственного управления. – М., 2008. – № 2. – С. 117.
4. Публичные услуги и право: Научно-практическое пособие. / Под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2007. – С. 11.
5. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): Сборник. / Под ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. – М., 2007. – С. 91.
6. Хатри Г.П. Мониторинг результативности в общественном секторе. – М., 2005. – С. 27.
7. Strategy for Innovation and Good Governance at Local Level. Structures and Procedures for Awarding of the European Label. – Strasbourg, 2009.

Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор Финансового университета
NPMolchanova@fa.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *финансовая политика, финансовые ресурсы, национальная экономика, финансовая система, инвестирование, финансовый потенциал.*

Keywords: *fiscal policy, the financial resources, the national economy, the financial system, investment, financial capacity.*

Взаимосвязь финансовых отношений, финансовых ресурсов и финансового потенциала. Термин «финансы» широко распространен в экономической литературе и хозяйственной практике. Ученые научной школы Финансового университета при Правительстве РФ определяют финансы как «денежные распределительные отношения по поводу формирования и использования денежных доходов, поступлений и накоплений домохозяйств, организаций, государства (муниципальных образований)»[1].

Финансы (финансовые отношения) являются частью экономических отношений в обществе. В результате функционирования финансовых отношений, осуществления финансовых операций у государства, организаций и домашних хозяйств образуются особые денежные ресурсы, которые получили название финансовых ресурсов. В практике хозяйствования финансовые ресурсы выступают материальными носителями финансовых отношений. Финансовые ресурсы имеют несколько характерных признаков: 1) денежный характер (финансовые ресурсы существуют только в денежной форме); 2) экономический характер (к финансовым ресурсам относятся денежные средства, находящиеся в распоряжении или собственности государства, организаций и домохозяйств); 3) целевой характер (финансовые ресурсы используются на цели воспроизводства, стимулирование работающих, удовлетворение социальных потребностей)[2].

Основными источниками финансовых ресурсов коммерческих организаций, как основных субъектов хозяйствования, в условиях экономических санкций являются собственные средства и кредиты банков. Расширение перечня источников инвестирования для развития предпринимательской деятельности, внедрения инноваций, как правило, связано с заимствованиями. При этом привлечение средств на международном рынке капиталов посредством внешних заимствований доступно только для крупных компаний; для субъектов малого и среднего бизнеса компенсировать ограничения позволяет внутрироссийский рынок долговых обязательств. Однако развитие отечественного финансового рынка затруднено по ряду причин. Первая обусловлена недостатком свободных денежных средств для осуществления инвестиций; вторая – ограниченным количеством используемых финансовых инструментов. Увеличение числа участников финансового рынка и инструментов распределения финансовых ресурсов возможно в условиях диверсификации источников внешнего финансирования. Способы привлечения внешних инвестиций в мировой практике достаточно разнообразны и включают [4, с. 190]: кредиты банков; вексельные и облигационные займы; привлечение портфельных инвесторов (менее контрольного пакета); продажу бизнеса стратегическим инвесторам; эмиссию акций публичных акционерных обществ с размещением на фондовых площадках; размещение на международных финансовых рынках IPO и производных от акций финансовых инструментов (GDR, ADR).

Привлечение внебюджетных источников финансовых ресурсов, в том числе и частных инвестиций (отечественных и зарубежных), является одним из приоритетов государственной финансовой политики. Однако, несмотря на достоинства частных инвестиций, возможные объемы их практического задействования в российской экономике в настоящее время ограничены. В этой связи значимость бюджетных ресурсов в составе инвестиций в обозримой перспективе сохраняется. Изучение отечественных и зарубежных публикаций приводит к выводу о разнообразии государственных источников финансирования, которые могут использоваться в процессе создания и реализации инноваций: гранты технической помощи, прямые инвестиционные гранты, субсидирование процентной ставки по кредиту, кредитные гарантии, структурированное финансирование, гранты рискового капитала, страховые премии [5, с. 276–277; 13].

Несмотря на сложное экономическое положение, в финансировании инвестиционной деятельности сохраняется участие бюджетных средств. В этой связи на региональном уровне при финансировании инновационных проектов за

[1] Финансы: учебник /коллектив авторов / Под ред. Е.В. Маркиной. – М: КРОНУС, 2014. – С. 415.

[2] Таким образом, под финансовыми ресурсами целесообразно понимать денежные средства, которые находятся в собственности или распоряжении организаций, домохозяйств и государства и используются ими на цели расширенного воспроизводства, социальные нужды, материальное стимулирование работающих, удовлетворение других общественных потребностей.

счет средств бюджетов субъектов РФ, рекомендуется ориентироваться на следующие, наиболее значимые принципы [9, с. 234]: «максимальной экономической и социальной эффективности инвестиционных расходов бюджетных средств; четкого разграничения инвестиционных обязательств между органами исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также муниципалитетами; первоочередного финансирования вводимых в действие и переходящих объектов, а также возводимых с привлечением внебюджетных средств; выделения средств на вновь начинаемые стройки производственного назначения только после удовлетворения потребностей в финансовых средствах для строящихся объектов; направления инвестиций в первую очередь на объекты государственного сектора экономики, с включением негосударственных коммерческих организаций (при условии передачи в собственность субъекта РФ пакета (доли) акций по рыночной стоимости)».

Изучение литературных источников приводит к выводу о том, что термины «финансовые ресурсы» и «финансовый потенциал» тесно взаимосвязаны. На наш взгляд, в процессе исследования целесообразно выделять макроэкономический, региональный и микроэкономический уровни. Так, на макроэкономическом уровне финансовый потенциал можно рассматривать как совокупность располагаемых государством финансовых ресурсов, которые формируются в процессе распределения вновь созданной стоимости и могут быть использованы для решения общественно значимых экономических либо социальных задач. В состав финансового потенциала целесообразно включить, в том числе, и возможный объём средств, которые могут быть получены путем перераспределения финансовых ресурсов из одних сфер и звеньев финансовой системы в другие и их целенаправленного использования без перехода критических границ (то есть без угрозы гибели и разрушения сфер, из которых изымаются финансовые ресурсы). На региональном уровне данная формулировка применима к административно-территориальному образованию (федеральному округу РФ и субъекту РФ).

На микроэкономическом уровне под финансовым потенциалом следует понимать общую сумму денежных средств коммерческих и некоммерческих организаций (например, производственных предприятий, банков, страховых компаний, фондов и др.), которые они как субъекты хозяйствования могут мобилизовать в короткие сроки для решения неотложных финансовых проблем и инвестирования в собственное инновационно ориентированное развитие. Представление различных уровней формирования финансового потенциала, а также консолидированное рассмотрение всех его составных частей как единого целого, позволяет сделать заключение о правомерности формулирования определения термина «финансовый потенциал» и его дефинитивного закрепления.

Методологический подход к определению величины финансового потенциала лежит в основе разработки государственных прогнозов и программ социально-экономического развития на периоды различной временно́й продолжительности. Количественные параметры (объём и структура), а также динамика изменения финансового потенциала в определенной мере связаны с социально-экономическими характеристиками развития территории, но в большей степени – с возможностями регулирования социально-экономического развития посредством применения финансовых (преимущественно налоговых и бюджетных) инструментов, которые обеспечивают формирование и консолидацию финансовых ресурсов, которые находятся в ведении органов государственной власти и местного самоуправления. В настоящее время «основной задачей бюджетной политики должно быть не сокращение внутренних бюджетных расходов, что предусматривается долгосрочной правительственной политикой, а их наращивание до параметров, соответствующих потребностям современной высокотехнологичной рыночной экономики и высокому уровню социальных расходов, достигнутому развитыми странами» [2, с. 126].

Изменения, происходящие в российской экономике в последние несколько лет под влиянием внутренних и внешних факторов, оказывают разнонаправленное воздействие на составные части финансового потенциала государства, а также на его общий объем. Очевидной является необходимость исследования влияния различных факторов на состояние финансовой системы национальной экономики, от устойчивого функционирования которой зависит ресурсная наполняемость финансового потенциала на макро- и микроэкономическом уровнях.

Анализ современного состояния финансовой сферы. На протяжении всего периода формирования рыночных отношений (с начала 1990-х годов и до 2013-го года включительно) в российской экономике преобладала тенденция опережающего развития нефте- и газодобычи, наращивания объемов выпуска в ряде подотраслей и производств цветной металлургии и смежных с ними отраслей добывающей промышленности. Это происходило на фоне ослабления внимания к функционированию некоторых других, в том числе и жизненно важных сфер и видов экономической деятельности. Например, было упущено решение вопросов, связанных с развитием производства разнообразных видов сельскохозяйственной продукции, строительством и реконструкцией предприятий перерабатывающей промышленности и решением проблемы по обеспечению населения страны продовольствием за счёт внутренней ресурсной базы. В действительности, финансовый потенциал государства находился в высокой степени зависимости от объёмов производства природно-сырьевых ресурсов и их реализации не только для внутреннего потребления, но и преимущественно для продажи на внешних рынках. В сложившихся в рассматриваемый период экономических условиях определяющее значение приобрёл ценовой фактор.

В 2014–2015 годах ситуация коренным образом изменилась. Поскольку источники поступлений средств по важнейшим статьям доходов федерального бюджета оставались сравнительно мало диверсифицированными, то снижение объёмов продаж топливно-энергетических ресурсов за счёт изменения спроса на нефть и ценовой политики на мировом рынке (в совокупности с падением курса национальной валюты и рядом других обстоятельств) негативно повлияло на динамику нефтегазовых доходов. Это отрицательно сказывается на объёме финансовых ресурсов, которыми располагает вся бюджетная система и, соответственно, на финансовом потенциале национальной экономики России. В частности, сокращение объёма поступлений финансовых ресурсов, в конечном счёте, проявляется в разбалансированности доходной и расходной частей федерального бюджета. По оценке Министерства финансов РФ, в 2015 году

дефицит федерального бюджета составил 1,9% ВВП. Таким образом, макроэкономическая стабильность, определяемая соотношением возможных государственных доходов и требуемых государственных расходов, находится в зависимости от состояния финансового потенциала и подвержена разнонаправленным изменениям вследствие как позитивных, так и негативных тенденций, влияющих на экономическое положение страны.

Введенные в марте 2015 года санкции в форме определенных адресных ограничений оказали некоторое влияние на снижение инвестиционной активности и обозначили тенденции ухудшения инвестиционного климата. Но постепенное углубление противоречий стало оказывать воздействие на крупные компании с государственным участием, деятельность которых связана с нефтегазовым, оборонным и финансовым секторами, поскольку в связи с ухудшением экономических отношений с рядом зарубежных стран, был затруднён доступ к рынку капитала в Европе. Все это отрицательно сказалось на динамике темпов экономического роста, поскольку крупный бизнес был вынужден сократить проектируемые инвестиционные программы. В свою очередь, происходящие процессы обусловили более медленное развитие предпринимательства, сокращение рабочих мест, снижение совокупного спроса хозяйствующих субъектов и потребительской активности населения.

Действие санкций привело к увеличению ставки рефинансирования Банка России. Это, в свою очередь, повлияло на стоимость кредитов, предоставляемых государственными и коммерческими банками, и проявилось в снижении деловой активности в сфере инновационной деятельности. Одновременно, определенные ограничения коснулись ряда аспектов операционной деятельности банковских организаций. Однако, по мнению ряда экспертов, данные негативные проявления до настоящего времени не оказывают существенного влияния на экономику государства: согласно оценочным расчетам, прогнозируемые убытки предполагаются ориентировочно в объеме около 40 млрд. долл. США.

По поручению Президента России В.В. Путина министерства и ведомства Российской Федерации разрабатывают мероприятия по повышению эффективности своей деятельности и изыскивают возможности для сокращения государственных расходов ориентировочно до пяти процентов ежегодно. В этой связи одной из приоритетных задач является сохранение нормативных объёмов финансового обеспечения федеральных и региональных государственных программ по ключевым направлениям развития экономики и социальной сферы. Правительство Российской Федерации предусматривает гибкую политику, и в существенном уменьшении инвестиций острой необходимости не должно возникнуть. Некоторые программы, например, по развитию сельского хозяйства и связанных с ним отраслей агропромышленного комплекса, напротив, получают дополнительное финансирование. В то же время, в рамках антикризисной программы Правительства Российской Федерации предусматривается некоторое снижение бюджетных расходов на поддержание обороноспособности и государственной безопасности.

Согласно Плану действий Правительства, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития страны в 2016 году, предусматриваются неотложные мероприятия по социальной защите населения и государственной поддержке сферы занятости; регулированию экономической деятельности отдельных отраслей экономики и производств, в том числе связанных с несырьевым экспортом; снятию ограничений для применения перспективных технологий; развитию малого и среднего предпринимательства. Специальный раздел посвящен структурным мерам, направленным на обеспечение устойчивого социально-экономического развития. К ним относятся: формирование благоприятных условий для инвестиций; сокращение издержек в экономике. Уделено внимание применению инструментов поддержки малого и среднего предпринимательства, граждан и социальных институтов, отраслей экономики; обеспечению сбалансированного регионального развития[1].

Для достижения согласованности доходной и расходной частей федерального и региональных бюджетов целесообразным представляется не только применение известных и практически апробированных инструментов, но и разработка новых преференций антикризисного характера для малого и среднего бизнеса, инновационно ориентированных организаций, а также для предприятий, производящих социально значимые товары, работы и услуги (например, возможно уменьшение ставок налогов, применение льготных налоговых режимов и тарифов на продукцию естественных монополий, введение налоговых каникул и др.). При этом, безусловно, следует сохранить приоритетные направления использования финансовых ресурсов, к которым относятся социальная политика, национальная оборона, национальная экономика.

Высокую значимость для активизации предпринимательской деятельности приобретает создание региональных и муниципальных туристских кластеров. В выступлении на заседании Правительства Российской Федерации 5 января 2016 года Д.А. Медведев указал, что «потенциал развития туризма внутри страны огромен, и мы обязаны воспользоваться всеми открывающимися возможностями»[2]. В условиях новой экономической реальности формирование туристских кластеров в субъектах РФ рассматривается не только как создание условий для полноценного отдыха и рекреации граждан России и других стран, но и как весомый потенциальный источник доходов территориальных бюджетов. Наличие в ряде регионов достаточно развитой материальной базы позволяет осуществить проектирование инновационных туристских кластеров и разработку организационно-экономического механизма управления их формированием и развитием. В данном контексте объективно необходимой представляется актуализация вопросов финансового обеспечения процесса формирования и развития туристских кластеров.

Для полномасштабного выполнения всего комплекса работ, связанных с деятельностью по образованию кластеров, необходимы значительные объёмы инвестирования. В этой связи следует обратить внимание на дефицитность инвестиционных ресурсов для финансирования формирующихся кластеров. В качестве каналов поступления финан-

[1] Подробнее см.: План действий правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году. – http://rg.ru/pril/122/88/39/plan.pdf

[2] Совещание о развитии внутреннего туризма. – http://government.ru/all/21363/

совых средств исследователями рекомендуется рассматривать весь комплекс возможных источников финансовых ресурсов (как государственных, так и негосударственных, включая привлечение средств отечественных и зарубежных частных инвесторов). Представляется своевременным максимально задействовать инвестиционный потенциал программ поддержки малого и среднего предпринимательства, разрабатываемых и реализуемых в субъектах Российской Федерации, а также государственных отраслевых инвестиционных программ и программ инновационного развития государственных компаний. В целом, инвестиционную деятельность в субъектах Российской Федерации целесообразно выстраивать на основе сбалансированных инвестиционных стратегий, которые должны иметь актуальное нормативное правовое и методическое сопровождение. Активизировать процесс инвестирования кластеров можно в форме адресной поддержки, путем предоставления целевых межбюджетных субсидий. Актуальной становится необходимость консолидации и рационального использования средств в совокупности с организацией строгого контроля за их применением по целевому назначению. «Обеспечить стабильный объём ресурсов для инвестирования становится возможным на основе разработки согласованного перечня различных финансовых инструментов, которые целесообразно использовать для финансирования кластерных проектов» [8, с. 52].

Выполненный анализ приводит к мысли о том, что при изучении усложняющихся разноуровневых хозяйственных связей актуализируются вопросы развития теории бюджетного федерализма и расширения возможностей реализации её положений в практике организации государственных и муниципальных финансов. Повышается значение федерального и территориальных бюджетов в финансовом обеспечении процессов общегосударственного и регионального воспроизводства, а также в соблюдении важнейших отраслевых, территориальных и социальных пропорций национальной экономики. Однако этому препятствует ограниченная способность большинства субъектов РФ и муниципальных образований к поддержанию доходной базы региональных бюджетов. Так, из 85 субъектов РФ в 2014 году дотационными являлись 70 субъектов, в связи с чем возникает необходимость совершенствования межбюджетных отношений в направлении снижения уровня финансовой зависимости регионов от федерального центра. В частности, это возможно за счёт укрепления финансовой самостоятельности субъектов РФ и муниципальных образований; создания финансовых стимулов для увеличения поступлений доходов в региональные и местные бюджеты; повышения их прозрачности и сбалансированности.

Вместе с тем, закономерно усиливается роль внебюджетных финансовых средств в решении существующих социально-экономических проблем, несмотря на ограниченные финансовые возможности частного бизнеса. Привлечению финансовых ресурсов хозяйствующих субъектов, всемерному задействованию частных инвестиций уделяется ключевое внимание при реализации инфраструктурных проектов. Именно этим источникам инвестиций и инноваций государством отводится ведущая роль в деятельности по совершенствованию отраслевой структуры национального хозяйства и обеспечению технологического прорыва по ряду приоритетных производств. Названные проблемы актуализируются в сложных условиях динамично меняющейся рыночной конъюнктуры и объективной необходимости регулирования воспроизводственных процессов с учетом цикличного характера экономического развития.

Современный период макроэкономической нестабильности объективно порождает возникновение новых тенденций в функционировании хозяйственного комплекса страны как на федеральном, так и на региональном уровнях управления. В этой связи возрастает внимание к исследованию закономерностей и особенностей развития административно-территориальных образований и определению участия в государственном регулировании экономики региональных органов государственной власти. Одна из главных экономических функций государства – административно-правовая – состоит в создании законодательной базы функционирования национальной экономики с целью установления регламентированных взаимоотношений (результативных в своих проявлениях) между различными субъектами хозяйствования: не только производителями и поставщиками, но и потребителями продукции (товаров, работ, услуг). Причем реализация этой функции наиболее эффективна при достижении социального равенства и материального благополучия населения. В действующих законодательных актах закреплены нормативные правовые основы и изложены компетенции органов власти в сфере управления социально-экономическим развитием на федеральном и региональном уровнях.

Научные подходы к сущности и структуре финансовой политики. Построение инновационной экономики многократно усиливает роль финансовых отношений в регулировании социально-экономического развития. На конечные результаты хозяйствования возрастает влияние финансовой политики, как составной части (формы) экономической политики государства. Несмотря на имеющиеся научные разработки, содержание финансовой политики является дискуссионным вопросом, поскольку в российской практике она традиционно рассматривается как бюджетно-налоговая политика. Однако существуют и другие концептуальные построения.

Например, используя терминологию, принятую Международным валютным фондом, финансовую политику можно определить как «направление экономической политики, связанное с регулированием, надзором и контролем за финансовыми и платёжными системами, включая рынки и организации, в целях содействия финансовой стабильности, эффективности рынков и защиты активов клиентов и интересов потребителей»[1]. В свете такого подхода, предметная область финансовой политики достаточно широка и, согласно представленным аспектам, в качестве самостоятельных структурных элементов включает следующие сферы: бюджетную, налоговую, страховую, валютную и государственного долга.

В отечественной экономической литературе сложились различные взгляды по вопросам определения сущности и состава финансовой политики. Так, в коллективном труде под ред. профессора Г.Б. Поляка финансовая политика понимается как налогово-бюджетная и определяется довольно узко, но достаточно предметно, как совокупность госу-

[1] Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФРА-М, 2011. – С. 503.

дарственных мероприятий по использованию финансовых отношений для выполнения государством своих функций. Содержательно финансовая политика характеризуется как достаточно сложный объект, поскольку охватывает широкий комплекс мероприятий по трём ключевым векторам: «1) разработку общей концепции финансовой политики, определение её основных направлений, целей, главных задач; 2) создание адекватного финансового механизма; 3) управление финансовой деятельностью государства и других субъектов экономики»[1]. Следует согласиться с мнением авторов данного методологического издания в том, что в финансовой политике, как относительно самостоятельной сфере деятельности государства, «конкретизируются главные направления развития народного хозяйства, определяется общий объем финансовых ресурсов, их источники и направления использования, разрабатывается механизм регулирования и стимулирования финансовыми методами социально-экономических процессов»[2]. Поэтому деятельность по осуществлению финансовой политики и ее составных частей целесообразно осуществлять во взаимосвязи с другими формами экономической политики (особенно денежно-кредитной, ценовой, структурной, промышленной и др.).

При рассмотрении финансовой политики как проводимой исключительно государством, можно выделить два целевых направления ее практической реализации: фискальное и регулирующее. Фискальные задачи предполагают достижение сбалансированности государственных доходов и расходов. Однако поддержание состояния равновесия в условиях поиска путей увеличения доходов и сокращения расходов на практике является достаточно сложным и труднодостижимым. Необходимость регулирования экономических процессов связана с тем, что государство располагает определёнными инструментами (в данном качестве выступают налоги, различные нормы и нормативы, государственный кредит, бюджетные ассигнования и др.), которые оказывают влияние на интересы хозяйствующих субъектов. При их использовании появляются возможности для воздействия на экономический рост, занятость, уровень инфляции, динамику валютного курса; регулирования развития административно-территориальных образований, отраслей экономики и социальной сферы, а также отдельных организаций.

В ряде научных работ ведущих учёных Финансового университета при правительстве Российской Федерации финансовая политика так же позиционируется как бюджетно-налоговая, но рассматривается более комплексно, как «совокупность целенаправленных мер, разрабатываемых экономическими субъектами в области использования финансов, обеспечивающих формирование финансовой основы для реализации наиболее эффективных, отвечающих современным условиям мероприятий экономической и социальной политики государства, его отдельных территорий, а также целей и задач организаций и домохозяйств»[3]. При этом в составе общей финансовой политики выделяются следующие структурные компоненты: финансовая политика государства как совокупность целенаправленных мер в области использования государственных и муниципальных финансов; финансовая политика организации как совокупность финансовых решений субъекта хозяйствования в области использования финансов для достижения определённых целей; финансовая политика домохозяйства как совокупность финансовых решений в области не только использования, но также формирования и распределения финансовых ресурсов для достижения определённых целей домохозяйства[4].

В качестве примера можно привести характеристику направлений, по которым рекомендуется вести финансовую политику коммерческих и некоммерческих организаций: «финансовая политика по основным финансовым объектам (отдельным проектам и программам, имеющим целевое финансовое обеспечение); общая финансовая политика, направленная на организацию функционирования финансов (формирование политики расчетов; выработка критериев реализации финансовой политики; управление финансовыми потоками; банкинг; бюджетирование; анализ финансового состояния и основных финансовых показателей деятельности; долгосрочное финансовое планирование; управление капиталом; долгосрочная и краткосрочная инвестиционная политика; управление задолженностью; политика в области банковского кредитования и формирования кредитного имиджа; налоговая политика; политика в области формирования рейтингов организации; политика в области слияний и поглощений; риск-менеджмент; политика в области финансового учета; политика в области финансового контроля» [12, с. 113–114].

Из изложенного следует, что в проведении финансовой политики традиционно выделяются макроэкономический и микроэкономический уровни. На наш взгляд, в проведении государством финансовой политики и ее составных частей, целесообразно выделить федеральный и региональный уровни. Региональный уровень можно рассматривать в двух аспектах: применительно либо к федеральному округу РФ, либо к субъекту РФ. Причем в настоящее время вследствие ряда экономических и политических причин акценты в управлении региональным развитием смещаются в сторону макрорегионов окружного типа. Этот объективный процесс обусловлен возрастанием экономического потенциала и ростом общественной значимости решений, принимаемых органами государственной власти федеральных округов. Существуют рекомендации по созданию в данных административно-территориальных образованиях координационных структур с функциями по формированию общего бюджета для исполнения государственных и целевых (федеральных и региональных) программ [10, с. 77–79]. Результатом практической реализации этих предложений может стать повышение эффективности финансового регулирования территориального социально-экономического развития.

В работе профессора Я.М. Миркина финансовая политика представлена более широко, объемно и трактуется как «политика государства в области налогов, бюджета, денег, кредита, процента, валютно-финансовых отношений,

---

[1] Финансы: учебник для студентов вузов / Под ред. Г.Б. Поляка. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 537.

2 Там же, с. 538.

[3] Финансы: учебник / Коллектив авторов; под ред. Е.В. Маркиной. – М: КРОНУС, 2014. – С. 276.

[4] Там же, с. 413.

инвестиций, деятельности институциональных инвесторов (страхового сектора, пенсионной отрасли, коллективных инвестиций, альтернативных инвестиций), финансового рынка. Преследует как чисто финансовые цели (регулирование деятельности финансовой системы), так и общеэкономические (влияние через финансовую сферу на состояние и развитие производства, на темпы экономического роста, на макроэкономическую сбалансированность и устойчивость» [7, с. 189]. По нашему мнению, подобный подход позволяет чётко вычленить специфические особенности финансовой политики, обосновать ее структуру, систематизировать различные аспекты и разграничить меры финансовой и инвестиционной направленности в рамках одной фундаментальной научной категории. В результате представляется возможным чётко вычленить специфические особенности финансовой политики как фундаментальной составляющей современной экономической политики.

Выделение инвестиционной политики в структуре финансовой политики представляется принципиально важным, поскольку инвестиционные ресурсы являются составной частью финансовых ресурсов. В экономической литературе под инвестиционными ресурсами принято понимать «форму и величину капиталов, привлекаемых для реализации инвестиционной деятельности, то есть вложений в объекты реального и финансового инвестирования. К инвестиционным ресурсам относятся денежные средства, земельные участки, здания и сооружения с коммуникациями к ним, различное оборудование как установленное, так и не установленное, транспортные и плавучие средства, недра и полезные ископаемые в них, участки лесного фонда и водные ресурсы, патенты, права на промышленные образцы продукции, новые технологии её производства, торговые марки и сертификаты и т.д. Полезность, ценность и стоимость являются основными признаками включения названных выше элементов капитала и ресурсов в состав инвестиционных ресурсов; возможность и экономическая целесообразность использования этих элементов при осуществлении вложений в объекты реального и финансового инвестирования выступают основными условиями их отнесения к составу инвестиционных ресурсов (с экономической точки зрения)» 1.

Итак, анализ различных взглядов на содержание финансовой политики приводит к следующим выводам. Согласно существующей практике, в ее состав традиционно входят два структурных элемента, обладающих собственным инструментарием: налоговая политика и бюджетная политика. Однако в условиях усложнения финансовых отношений между государством и хозяйствующими субъектами, а также между самими хозяйствующими субъектами, представляется своевременным дополнить и расширить данное устоявшееся концептуальное построение. По нашему мнению, предметная область финансовой политики достаточно широка, и в качестве равноправных составных частей в нее целесообразно было бы включить следующие сферы финансовых отношений: бюджетную, налоговую, инвестиционную, страховую, валютную и государственного долга. Таким образом, в составе финансовой политики, наряду с бюджетной политикой и налоговой политикой вполне правомерно дополнительно выделить вполне самостоятельные структурные элементы (с точки зрения законодательных и методологических основ, прикладного инструментария и организационного обеспечения): инвестиционную политику, страховую политику, валютную политику и долговую политику.

Взаимосвязи между финансовой политикой и национальной финансовой системой. Вполне правомерными представляются взгляды некоторых исследователей на сложные взаимосвязи между финансовой политикой и многообразными финансовыми отношениями внутри финансовой системы. Например, А.С. Колесовым под финансовой политикой «понимается целенаправленная деятельность государства, включая разработку целей и задач, поиск денежных ресурсов и разработку путей достижения целей в лице его конкретных органов власти, опирающаяся на существующую финансовую систему с рациональным использованием финансового механизма и направленную на получение в намеченные сроки запланированных итогов такой деятельности. При этом обязательно следует учитывать внешние факторы, которые могут повлиять как на сам процесс, так и на его результаты» [6, с. 59]. Автор акцентирует внимание на стратегической миссии финансовой политики, концептуально состоящей в обеспечении улучшения финансового положения государства, под которым «понимаются совокупные возможности страны, региона или муниципалитета решать стоящие перед ними проблемы, в том числе их развития, на основе имеющихся в их распоряжении бюджетных средств, включая внебюджетные фонды, которые находятся в ведении данного уровня управления» [6, с. 59].

Разнообразен состав субъектов и объектов финансовой политики. Субъектами финансовой политики являются все экономические субъекты – государство в лице органов государственной власти и органов местного самоуправления, организации и домохозяйства, – непосредственно разрабатывающие основную концепцию финансовой политики и определяющие её основные цели и задачи в рамках каждой сферы финансовой системы. Объектами финансовой политики являются совокупность финансовых отношений и финансовых ресурсов, образующих сферы и звенья финансовой системы государства. Основываясь на данной методологической концепции можно заключить, что именно финансовая система является тем базисом, на котором выстраивается и проводится на практике научно обоснованная финансовая политика.

В экономической литературе сложилось несколько подходов к определению понятия финансовой системы государства. Согласно распространённому пониманию, финансовая система есть совокупность сфер и звеньев финансовых отношений, сгруппированных по определённым признакам. Наряду с этим, в некоторых нормативных правовых актах, литературных источниках, а также в хозяйственной практике можно встретить и другие определения финансовой системы: либо как совокупности финансовых рынков и их институтов, либо как совокупности финансовых учреждений.

В коллективном труде учёных НИУ ВШЭ под редакцией профессора Н.И. Берзона, финансовая система представлена как «совокупность рынков, институтов и инструментов, которые используются для совершения финансовых

[1] Инвестиционный менеджмент: учебник / Коллектив авторов; под ред. Н.И. Лахметкиной. – М.: КНОРУС, 2015. – С. 110–111.

операций»[1]. Думается, что данная концепция солидаризируется с работами зарубежных и некоторых отечественных исследователей по данной проблематике, и в период интенсификации международных хозяйственных связей, бурного развития финансовых рынков, усиления общемировых тенденций глобализации вполне имеет право на существование.

Профессор А.З. Дадашев и доцент Д.А. Мешкова полагают, что «централизованные и децентрализованные фонды финансовых ресурсов составляют финансовую систему общественного воспроизводства. Каждая подсистема финансовой системы имеет свои специфические цели и функции» [3, с. 49]. Данные авторы используют устоявшееся концептуальное построение финансовой системы в составе трех подсистем: общегосударственные финансы (государственные и муниципальные); финансы организаций (коммерческих и некоммерческих); финансы домашних хозяйств (личные финансы).

Развитие финансовой науки закономерно приводит к появлению новых методологических построений. Например, в фундаментальном научном труде профессора Я.М. Миркина, финансовая система представлена как «система финансовых посредников, обеспечивающих перераспределение и эффективное использование свободных финансовых ресурсов в хозяйстве на основе обращения к широкому спектру финансовых инструментов и различных рынков. Финансовая система охватывает также регулятивную, информационно-техническую, кадровую и другие инфраструктуры, обеспечивающие стабильную жизнедеятельность» [7, с. 467]. Согласно позиции названного учёного, финансовая система России трактуется достаточно широко и включает: денежную систему; валютную систему, счёт капитала; финансовые услуги; банковский сектор; финансовые рынки и отрасль ценных бумаг, институциональных инвесторов, венчурную индустрию; государственные и муниципальные финансы (бюджет, внебюджетные фонды, налоговую систему, государственный и муниципальный долг); инвестиции; процессы формирования доходности от финансовых активов; государственное регулирование финансового сектора (денежно-кредитная, валютная, процентная, налоговая, бюджетная, инвестиционная политика) во взаимодействии с макроэкономическим регулированием [7, с. 15–16]. Приведенная конструкция представляется чрезмерно развёрнутой и включает, на наш взгляд, ряд прямо не относящихся к финансовой системе, но смежных с ней элементов. Это относится, например, к денежной и кредитной системам, финансовому рынку, а также вопросам государственного регулирования посредством применения различных инструментов экономической политики, которые имеют вполне самостоятельное значение.

На наш взгляд, при исследовании содержательных основ финансовой системы, для определения её места в общественной системе государства, более глубокого понимания особенностей построении её сфер и звеньев, следует применять системный подход. Финансовая система является частью экономической системы, которая, в свою очередь, выступает фундаментальной основой общественной системы. Как полагает профессор М.А. Абрамова, в рамках экономической системы (если её рассматривать как систему «первого уровня» общественной системы), наряду с финансовой, позиционируются денежная, кредитная, платёжная, валютная системы как системы «второго уровня» экономической системы [1, с. 22–23].

Для характеристики финансовой системы можно использовать исторический, организационный и функциональный аспекты, которые дают возможность выделить основные признаки её целостности. Исторический аспект позволяет сформулировать во временно*м* разрезе определённые объективные и субъективные предпосылки её формирования и функционирования. Организационный аспект отражает состав компонентов финансовой системы и подчёркивает иерархичность, многоуровневый характер её построения. В рамках финансовой системы в качестве самостоятельных подсистем представлены бюджетная, налоговая, инвестиционная и другие подсистемы; внутри каждой из них, в свою очередь, – отдельные финансовые институты, а далее – подразделения этих организаций. Финансовая система выступает как форма организации финансовых отношений в стране (национальная финансовая система) или едином экономическом пространстве (например, проектируемая финансовая система Таможенного союза России, Казахстана и Республики Беларусь). Функциональный аспект характеризует способ существования, движения и развития финансовой системы, что непосредственно связано с деятельностью её компонентов (частей, элементов). Следует подчеркнуть, что данный вопрос в финансовой науке является дискуссионным.

В обобщённом, систематизированном виде состав и структура финансовой системы России представлены в работах ведущих учёных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Исходя из позиций функционального (содержательного) подхода, на макроэкономическом уровне финансовая система предстаёт как совокупность взаимосвязанных сфер и звеньев финансовых отношений и включает три сферы: финансы домохозяйств, финансы организаций, государственные и муниципальные финансы. В состав сферы «финансы организаций» входят звенья «финансы коммерческих организаций» и «финансы некоммерческих организаций»; в состав сферы «государственные и муниципальные финансы» – звенья «бюджеты» и «внебюджетные фонды»[2]. В каждом из звеньев, согласно определённым классификационным признакам, выделяется ряд соответствующих структурных элементов (подзвеньев).

Представляется целесообразным переосмыслить существующие концепции построения национальной финансовой системы. Думается, что в современной экономически устойчивой рыночной экономике[3] финансовая система эволюционирует, и в настоящее время выступает как сложно структурированный объект исследования. Ей имманентно присущи и функциональная, и институциональная основы. Нужны научные дискуссии и широкое обсуждение назревших методологических и организационных вопросов о месте и роли, составе и содержании финансовой системы в

[1] Финансы: учебник для бакалавров / Под общ. ред. Н.И. Берзона. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 29.

[2] Финансы: учебник / Коллектив авторов; под ред. Е.В. Маркиной. – М: КРОНУС, 2014. – С. 45.

[3] Экономическая устойчивость – интегрированное свойство, состоящее из совокупности свойств, в числе которых финансовая устойчивость, инновационная и инвестиционная активность, конкурентоспособность технологической системы и продукции и др.

экономической системе общества. Актуальной задачей является приближение финансово-экономической практики «к аналогам развитых зарубежных государств, в которых нормативная правовая регламентация финансовых отношений находится на достаточно высоком уровне, соответствует проводимым в обществе социально-экономическим и политическим преобразованиям, согласовывается с потребностями государства и населения» [11, с. 217].

Резюмируя изложенное выше, можно констатировать, что национальная финансовая система России – чрезвычайно сложное концептуальное построение, включающее целый ряд взаимозависимых, но в то же время достаточно самостоятельных и сложных по своей структуре элементов. Поэтому в условиях происходящих в мире глобальных изменений на устойчивость функционирования финансовой системы влияют различные разнонаправленные факторы. В период проведения рыночных преобразований отечественной экономики приоритетное значение для стабилизации социально-экономического положения России и входящих в её состав административно-территориальных образований (субъектов РФ) приобретает поддержание финансовой системы в сбалансированном состоянии. Следует однако подчеркнуть взаимосвязь и взаимообусловленность финансовой системы и финансовой политики. На наш взгляд, финансовая политика закономерно влияет на динамизм изменений в составе и структуре финансовой системы государства.

Выводы. В современный период, который характеризуется становлением инновационно ориентированной рыночной экономики в России, возрастает роль финансовых отношений в регулировании социально-экономического развития, усиливается влияние проводимой финансовой политики, как составной части экономической политики государства, на конечные результаты хозяйствования. Следовательно, при разработке стратегических и тактических вопросов, связанных с проведением финансовой политики, согласованной всеми участниками процесса воспроизводства, необходимо учитывать не только особенности функционирования национальной финансовой системы, её отдельных сфер и звеньев. Целесообразно ориентироваться на глобальный характер развития её взаимосвязей с финансовыми системами других государств, а также интеграционных межгосударственных объединений.

Содержание финансовой политики конкретизируется в её структурных элементах, в качестве которых выступают: выработка научно обоснованной концепции управления государственными и муниципальными финансами, финансами организаций и домохозяйств; определение основных направлений использования финансовых ресурсов как совокупности финансовых доходов, поступлений и накоплений на текущий и перспективный периоды; разработка конкретных путей реализации основных направлений использования финансов для решения поставленных целей и задач в кратко- и среднесрочной перспективе. Активная работа по применению основных положений финансовой политики возможна путём привлечения всей совокупности методов и разнообразного инструментария государственного регулирования.

Из изложенного следует, что в основе всех рыночных преобразований лежит эффективная финансовая политика. В период проявления кризисных ситуаций, усиления макроэкономической нестабильности приоритетное значение приобретают направления деятельности, связанные с формированием нового экономического курса страны, обновлением содержания государственной экономической политики и определением ключевых направлений её проведения. В качестве фундаментальной формы экономической политики правомерно рассматривать именно финансовую политику. Развитие рыночных отношений инициирует совершенствование методов и инструментов финансового регулирования предпринимательской деятельности, поиск путей для консолидации всех возможных источников финансовых ресурсов и их наиболее рационального использования в процессе общественного воспроизводства. Обязательным условием утверждения экономически устойчивой рыночной экономики становится разработка научных подходов к обеспечению сбалансированного функционирования всех сфер и звеньев финансовой системы страны и элементов финансового механизма на макроэкономическом уровне. Согласованное функционирование всех составных частей финансовой политики обеспечивает результативность хозяйствования в современной России.

Список литературы

1. Абрамова М.А. Национальная денежная система: теория, методология исследования, концепция развития в условиях модернизации современной экономики: Монография. – М.: КУРС: ИНФРА-М, 2014. – 380 с.
2. Грицюк Т.В. Государственное регулирование экономики: теория и практика. – М.: Издательство РДЛ, 2006. – 288 с.
3. Дадашев А.З., Мешкова Д.А. К вопросу о финансах и финансовой системе // Финансы. – М., 2015. – № 11. – С. 44–51.
4. Завгородняя В.В. Проблемы формирования финансовых ресурсов российскими предприятиями в условиях санкций // Аудит и финансовый анализ. 2015. – № 5. – С. 190–195.
5. Ишина И.В., Фрумина С.В. Предложения по оптимизации механизма реализации финансовой политики // Аудит и финансовый анализ. 2015. – № 1. – С. 275–279.
6. Колесов А.С. О сущности эффективности финансовой политики // Финансы. – М., 2012. – № 9. – С. 57–60.
7. Миркин Я.М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски – М.: GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2011. – 480 с.
8. Молчанов И.Н. Проблемы формирования и финансирования туристских кластеров в регионах России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. – № 1. (34). – С. 45–57.
9. Молчанова Н.П. Финансовые основы эффективной региональной инвестиционной политики // Аудит и финансовый анализ. 2014. – № 6. – С. 232–238.
10. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Федеральный округ как ведущее звено в системе государственного управления региональным развитием // Экономика. Налоги. Право. 2011. – № 6. – С. 72–80.
11. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Финансовая система в национальной экономике России: становление и развитие // Аудит и финансовый анализ. 2016. – № 1. – С. 217–225.
12. Теория и практика финансов некоммерческих организаций: коллективная монография / Марзаев А.В., Молчанова Н.П., Киселева Т.Ю., Рябова И.С., Завгородняя В.В., Молчанов И.Н. и др. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2015. – 172 с.
13. The Use of Innovative Financial Instruments for Financing EU Policies and Objectives. Implications for EU and National Budgets. 2012.

Орлов Ю.Ф.
д.ф.-м.н., профессор Нижегородского государственного технического университета
yorlov@mts-nn.ru

КОРРУПЦИЯ: ОСНОВАНИЯ, ЗАКОНЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИОДИНАМИКИ

Ключевые слова: *коррупция, социодинамика, динамические системы, дифференциальные игры, идентификация, командно-административная система.*

16/11/05 19:31:01 – краснокнижник:
«Только полный идиот может считать,
что нынешнюю власть интересует
что-то кроме денег…»
(из гостевой книги сайта газеты «Завтра»)

Человечество и отдельные страны развиваются во времени. Процессы, которые протекают во времени (время – независимая переменная), называются динамическими процессами, а системы, вовлеченные в такие процессы, – динамическими системами. В простейшем варианте математической моделью динамических систем являются задачи Коши для системы обыкновенных дифференциальных уравнений:

$$\dot{x} = F(t,x),\ x(0) = x_0 \qquad (1),$$

где x - вектор параметров системы (для данного момента времени *t* характеризует состояние системы), x_0 – вектор начальных данных.

Вектор параметров системы в качестве компонентов имеет набор разнородных величин, характеризующий состояние системы в данный момент времени. Таких параметров очень много, и чем больше параметров учитывается, тем более точной (тем ближе к реальной) считается матмодель (что, вообще говоря, не очевидно) и тем выше ее порядок. Параметры системы взаимосвязаны, и для упрощения задачи иногда их объединяют (агрегируют) и рассматривают агрегированную матмодель с меньшим числом параметров. В общем случае система дифференциальных уравнений (1) нелинейная и, возможно, жесткая. Кроме того, поскольку любым государством управляет «власть», то в правой части системы уравнений (1) должен присутствовать вектор управления u :

$$\dot{x} = F(t,x,u),\ x(0) = x_0 \qquad (2).$$

Система уравнений (2) описывает динамическую систему с управлением. Решение систем (1), (2) существует по определению – страны и народы, их населяющие, существуют во времени, и если решение систем (1), (2) отсутствует, то это означает, что построенные матмодели не адекватны.

Решения систем бывают:
– устойчивые и неустойчивые;
– гладкие и разрывные;
– единственные и неединственные.

Устойчивое, гладкое единственное решение системы (2) для данного временного отрезка отвечает так называемому периоду устойчивого развития страны.

Неустойчивые решения по части параметров при сохранении их гладкости описывают кризисные явления в социумах.

Проявление не единственности решений ассоциируется с бифуркационными явлениями. «Бифуркация» – означает раздвоение – сейчас обычно используется для обозначения различных качественных перестроек и превращений различных объектов при плавном изменении параметров, от которых они зависят.

Неустойчивое разрывное решение с проявлениями не единственности – это «катастрофа» (математический термин, или гуманитарный синоним – «революция»). Катастрофами называют скачкообразные изменения, возникающие внезапно при плавном изменении внешних условий (независимых переменных, параметров). Существуют различные типы катастроф. Простейшие из них – «складка» и «сборка». Например, катастрофой типа «сборка» описывается поведение жертвы, преследуемой хищником

Пространство управления – область на плоскости с координатами «страх» и «гнев». Состояние жертвы – степень агрессивности. Если ее мало, то жертва бежит, если много, то нападает на хищника. Это происходит, когда гнев подавляет страх. Но существует бифуркационная область пространства управления, где поверхность состояния имеет вид сборки, и одной точке на плоскости управления соответствуют три точки состояния жертвы. Как видим, жертву загоняет в режим «катастрофы» управление с двумя компонентами – «страх» и «гнев».

Совсем не обязательно, чтобы матмодели (1) конкретной страны органически были присущи катастрофические режимы развития. Соответствующим управлением *u* в матмодели (2) обеспечить выход на режим катастрофы можно почти всегда.

Рассмотрим ещё один подход к формированию матмодели страны как динамической системы. Представим себе страну как некоторую динамическую систему, функционирующую во времени и пространстве и обладающую известными характеристиками. Несколько «игроков», имея определенные доступные им ресурсы управления «движением» динамической системы и каждый свою цель (обеспечить попадание динамической системы в область с нужными игроку параметрами) стараются, противодействуя друг другу, добиться нужного результата. Стратегии игроков, для каждой из которых определен пучок движений – «траекторий» динамической системы, могут пересекаться, т.е. игроки на каких-то этапах могут вступать в «коалиции». Все вышесказанное есть фрагмент постановки задачи так называемой «теории дифференциальных игр»[1]. Матмодель (2) в этом случае будет выглядеть так

$$\dot{x} = F(t, x, u_1, u_2, ..., u_k), \; x(0) = x_0 \quad (3),$$

где $u_i, i = \overline{1,k}$ – управление *i*-го игрока с ограничениями $u_i \in Q_i, Q_i$ - некоторый компакт («ресурс управления»). Задача состоит в определении условий, при которых имеется точка равновесия в заданном классе стратегий игроков. Ключевым в дифференциальной игре является «ресурс управления», доступный игроку.

Очевидно, что в модели (3) «игроки» – это различные политические партии и влиятельные группы людей, имеющие не нулевой ресурс управления государством. Предполагается, что придя к власти партии или группы людей формируют «правительство», которое направляет движение страны по нужному им курсу («рулят»). Как правило (точнее – всегда), у пришедших к власти «скамейки запасных» хватает только на замещение должностей министров и, может быть, еще ряда чиновников высшего звена в министерствах. Но власть – это миллионы чиновников на всех ее уровнях (сейчас их называют «бюджетниками»). Так, в СССР чиновников по некоторым оценкам было 15–16 млн. В России сейчас также по некоторым оценкам 18 млн. Поэтому управляющие импульсы пришедших к власти искажаются при реализации в теле аппарата, который называется «командно-административная система». Чем больше искажения – тем хуже управляемость государства как динамической системы, тем менее эффективна с точки зрения интересов страны власть. Совсем плохо, когда командно-административная система «отвязывается», сама себе формирует управляющие импульсы такие, которые бы не противоречили «законам функционирования неконтролируемой командно-административной системы» (об этом чуть дальше).

Например, автомобиль в качестве такой системы имеет руль, тормоза и акселератор, задающий режим работы двигателя. Всем этим управляет водитель – «правительство» в составе – один человек. Если система управления барахлит, то езда на таком автомобиле опасна – не далеко до катастрофы. Но представим себе, что система «отвязалась» и сама себе отдает команды и их выполняет, ориентируясь на соображения оптимизации личного благополучия! Руль думает про себя: «На фиг я буду крутиться, что я кроме хлопот буду с этого иметь?». И перестал крутиться. Тормоза же думают: «Тормозить? Вот ещё! Колодки истираются». Акселератор посоветовался с двигателем и решил тоже не дергаться – так экономится бензин и моторесурс. В результате получается, что автомобиль без тормозов едет по прямой с выключенным двигателем. Или стоит на месте, если оно ровное. В общем, «полная стабильность».

Неадекватное поведение системы управления приводит к появлению в системе (3) сильной диссипативной составляющей. Система (3) становится «диссипативной» или «D_--системой» – это система ОДУ с непрерывной правой частью, решение которой удовлетворяет свойству единственности, бесконечной продолжимости вправо и для которой существует такое число $\rho \rangle 0$, что для любого решения $x(t, t_0, x_0)$ найдется такой момент $T(t_0, x_0) \geq t_0$, что норма $\|x(t, t_0, x_0)\|_c \langle \rho$ при всех $t \geq T(t_0, x_0)$. Другими словами, каждое решение рано или поздно погружается в фиксированный шар $\|x\| \langle \rho$. Т.о. стабильность, о которой в последние 15 лет с удовлетворением говорят чиновники, есть всего лишь свойство диссипативных систем и для этого состояния уместен другой термин – «стагнация».

Негативное влияние системы управления на страну как динамическую систему парируется «эффективной» работой системы контроля за командно-административной системой. Можно выделить три типа систем контроля.

1. **Авторитарная система контроля**. Верховная власть (император, диктатор, генсек и т.п.) держит командно-административную систему в узде, жестко подавляет любую отсебятину в системе, безжалостно «уничтожает» («увольняет») плохо работающие звенья.

2. Контроль за командно-административной системой со стороны так называемого **гражданского общества**. Под этим, в общем-то неопределенным понятием, подразумевается набор общественных структур, формирующих общественное мнение в стране. В сухом остатке это эквивалентно «засветке» чиновников плюс эффективное функционирование независимой судебной системы.

3. **Бесконтрольная – отвязанная командно-административная система**.

Важный факт: чем более отвязана командно-административная система, тем интенсивней идут в ней процессы самоорганизации, и ее уже следует вводить в состав игроков формирующих траекторию движения страны как динамической системы.

Рассмотрим в качестве примера расклад игроков, формирующих управление движением нашей страны как динамической системы в последние 25 лет. Навскидку назовем нескольких возможных игроков, ориентируясь на статьи

[1] Красовский Н.Н., Субботин А.И. Позиционные дифференциальные игры. – М.: Наука, 1974.

и выступления различных политологов и политиков нашей страны, и очертим приблизительно область параметров динамической системы, которую они считают для себя благоприятной.

1. **«Запад»** и их агенты влияния видят нашу страну как сырьевой придаток, имеющий развитую промышленность по добыче полезных ископаемых и различного сырья. Допускается промышленное производство с «грязными» технологиями. Собственное машиностроение и промышленность с наукоемкими технологиями рассматривается как конкурент и подлежит уничтожению. Лучший вариант – декомпозиция страны на несколько самостоятельных в международном отношении фрагментов.

2. Партии, **проповедующие либеральные ценности** «книжного» капитализма, пытаются реализовать движение страны в сторону «окончательной победы монетаризма». Стратегии этого игрока имеют области пересечения со стратегией первого игрока. Расхождение связано с другим видением роли либералов и возможностью создания промышленного производства относительно широкого спектра.

3. **«Коммунисты»** (не только члены КПРФ) видят страну с основным набором имперских качеств Советского Союза и развитым сектором общественных фондов потребления. По этим задачам «коммунисты» и первые два игрока имеют антагонистические цели.

4. Группа партий, которые можно назвать по схеме реализации тактических замыслов как **«коллективный поп Гапон».** Пропагандируются близкие большинству народа лозунги и совершаются действия, поддерживающие существующую власть. Вспомните лозунг «мы за бедных, мы за русских» и последующие действия этой партии. Вообще говоря, данного игрока самостоятельным, с четко определенной целью назвать нельзя. Противодействие игрока № 4 стратегиям других игроков похоже на помехи, которые каждый другой игрок формально может воспринимать как стратегию противника. Но это не значит, что можно относиться с пренебрежением к четвертому игроку. Не исключено, что ростки нового появятся именно там, и первые три игрока будут не актуальны. Просто сейчас это так.

5. «**Командно-административная система или партия власти»** не имеет четко сформулированных целей или идеологического стержня. По всем признакам нашу командно-административную систему следует отнести к типу «отвязанной», бесконтрольной. Анализ показывает, что действия игрока № 5 рефлексорны и подчиняются общим законам функционирования неконтролируемой командно-административной системы. Отсутствие идеологии («деидеологизация») и внятной стратегии развития государства дает широкие возможности другим игрокам манипулировать игроком №5 (не выходя из рамок законов функционирования системы)

Приведенный перечень далек от полноты, но главные игроки в него попали. Это «запад», «коммунисты» и «командно-административная система».

Ясно, что для победы в дифференциальной игре необходим достаточный ресурс эффективного управления. У всех на слуху термин – пресловутый «административный ресурс». Доступный ресурс управления – более широкое понятие, так как «управление» – вектор с набором составляющих. Но смысловое значение термина подмечено правильно, и оно может трактоваться как «очень большой по объему доступный ресурс управления» функционированием государства. Таким образом, имеем бесспорный факт преимущества игрока № 5 по доступным ресурсам управления над каждым из других игроков, а, может быть, и над всеми остальными вместе взятыми. Прежде чем назвать игрока № 5 безусловным лидером в дифференциальной игре, надо отметить, что существуют «эффективные системы управления», не требующие больших затрат и позволяющие добиться нужной цели. Вспомните войну США во Вьетнаме: превышение потерь в войне выше определенного порога заставило США, имеющих подавляющее преимущество над Вьетнамом, отступить. Судя по развитию ситуации в нашей стране, другие игроки пока такого эффективного канала управления не нашли (хотя влияние других игроков на действия «системы» очевидны: контрибуция «Западу» в виде необоснованного никакими разумными рамками гигантского профицита бюджета, остервенелый либерализм команды чубайсов, кудриных, грефов, патриотическая риторика отдельных высоких чиновников). Более того, если использовать постановку дифференциальной игры в форме Л.С. Понтрягина[1], когда допускается информационная дискриминация противника, то подавляющее преимущество игрока № 5 становится очевидным.

Поведением средневзвешенного отвязанного чиновника управляют низменные инстинкты, формирующие поведенческий стереотип оптимизации личного благополучия любой ценой. Вообще то все люди занимаются оптимизацией личного благополучия, но в рамках общепринятых моральных устоев. Для отвязанной командно-административной системы таких устоев нет (это один из законов ее функционирования). Но это не значит, что все чиновники «негодяи». Каждый из них может быть приятным во всех отношениях и очень положительным человеком. Но все вместе они ведут себя в соответствии с законами функционирования **неконтролируемой системы**[2].

Чтобы понять, почему система действует так, а не иначе и каковы мотивы поступков «средневзвешенного чиновника», рассмотрим **некоторые из основных законов функционирования неконтролируемой командно-административной системы.**

1). Основным законом является **«принцип максимума должностной ренты»:**

«Чиновник, предоставленный сам себе, принимает только те решения из всех возможных, которые обеспечивают ему максимальную должностную ренту».

«Должностная рента» – это материальные блага, которые чиновник может получить сверх законных зарплаты и льгот в виде взяток, всевозможных «откатов», незаконных льгот и выгод на «рынке» в силу преимуществ, которые дает владение служебной информацией. Этот принцип в близкой по смыслу формулировке озвучил в своей декабрь-

[1] Понтрягин Л.С., Мищенко Е.Ф. // Дифференциальные уравнения. 1973. – Т. 7, № 3. – С. 436–445.

[2] Орлов Ю.Ф. Математические модели социодинамики // Изв. АИН им. А.М. Прохорова. Философия науки, техники и технологий. 2008. – Т.22. – С. 230–239.

ской 2004 года пресс-конференции В.В. Путин. Принцип максимума должностной ренты – идеологический стержень поступков неконтролируемых чиновников. Примеры проявления принципа максимума можно найти в действиях наших чиновников, большинстве законов и постановлений властей. Например, чиновники заблокировали поставки сахара из Беларуси. Эту ситуацию А. Лукашенко описывает так: «…Россия потребляет 6 млн. т. сахара, …3 млн. т. закупает. Из них всего 300 тыс. т. в Беларуси… Мы продаем вам сахар, чтобы заработать деньги и заплатить вам за газ. Но вы и свекловичный сахар отказались покупать. Сказали бы честно: «Мужики, не нужен нам ваш сахар. Мы три миллиона привезем к себе из других стран за хорошие взятки». Мы-то ведь взяток дать не можем, у нас государственное предприятие. Но сахар самый качественный».

Из принципа максимума должностной ренты вытекают **следствия:**

1) Свойство аддитивности должностной ренты: «чем больше властных структур и чиновников участвуют в разработке нормативного документа, тем выше его взяткоемкость».

Данное свойство связано с тем, что каждая структура при разработке документа ищет в нем свою нишу для формирования должностной ренты.

П. «Чиновник при оптимизации личного благополучия использует асимптотическое программирование».

Это значит, что в каждый данный момент времени он принимает оптимальное для себя решение на текущий временной отрезок. Отсюда такое патологическое неприятие системой долгосрочного планирования.

2) Закон расширенного воспроизводства системы:

1. «Чиновник преимущественно принимает те законы, которые для их исполнения требуют создания новых рабочих мест для чиновников».

П. «Неконтролируемый чиновник стремится создать вокруг себя аппарат из близких ему людей».

Здесь проявляется в общем-то здоровое желание «начальника» расширить свое «дело». Естественно, лучше чтобы это были «свои» люди.

3) Закон презумпции виновности: «каждый чиновник должен иметь свою «панаму»» (иносказательный синоним слова «компромат»).

Например, большой начальник решил уйти со своего высокого поста, но его действия на этом посту можно оценивать не однозначно. В этом случае начальник должен подыскать вместо себя преемника, которому либо он безгранично доверяет, либо который имеет известную начальнику «панаму», могущую в любой момент «остановить» несанкционированные действия преемника, а еще лучше и то и другое.

Следствие этого закона:

Неконтролируемая командно-административная система осуществляет отрицательный отбор своих элементов – лучшие позиции в иерархии занимают особи, имеющие худшие морально-этические качества (из принятых в настоящее время в обществе).

4) Справедливо следующее утверждение: «неконтролируемая командно-административная система безответственна».

Достаточно вспомнить попытки привлечь у нас к ответственности чиновников высокого ранга, и чем эти попытки заканчивались. Виктор Геращенко сказал: «Обескураживает отсутствие ответственности за провалы. Чтобы ни натворили – никто ее не несет». Это утверждение находится в тесной связи с основным законом («принцип максимума должностной ренты»), так как является для последнего первопричиной.

5) Еще одно утверждение: «командно-административная система бесплодна; она может только воспроизводить сама себя».

Процессы созидания нового, создания и реализация общественно-полезных проектов недоступны «системе». Но так как по статусу «система» должна обозначать себя какими-нибудь действиями, то ее энергия, отведенная для такой деятельности, или уходит в «свисток», или замыкается в перманентных процессах реформирования и перестройки всего и вся. (Общественно-полезные проекты последних лет: перевооружение армии и связанная с ней модернизация ВПК, космодром «Восточный», Крым, могут рассматриваться как рефлексия системы на внешние угрозы и здесь интересы системы и большинства народа совпадают).

6) И, наконец, командно-административная система не следует принятым в обществе морально-этическим нормам. Она действует по своим законам функционирования. Поэтому ее с полным основанием можно назвать аморальной.

Ясно, что эти законы накладывают ограничения на компакты Q_i. Кроме этого в системе (3) появляется в экономическом блоке уравнений существенная диссипативная составляющая, порожденная т.н. «вывозом капитала» – это вывоз частного капитала, стабфонд и просто банальное воровство бюджетных средств.

Если постулировать свойства игрока № 5 такими, как описано выше, то анализ динамики нашей страны во второй половине XX века показывает неизбежность «катастрофы». «Бифуркационную» точку (точку разветвления траектории на несколько возможных) мы прошли в конце 80-х годов. Видимо, этой точкой была статья Н. Андреевой. Идейная часть КПСС проявила пассивность, и стране была навязана траектория движения к «дикому» капитализму, хотя были реальные шансы продолжить развитие по китайскому сценарию с мягкой сталинской системой контроля за командно-административной системой (в Китае чиновники, проявившие гипертрофированный хватательный рефлекс, уничтожаются безжалостно).

Сейчас большинство интеллектуалов в нашей стране, глядя на «Запад», считает идеальной системой контроля за командно-административной системой создание так называемого «гражданского общества». Но Запад формировал гражданское общество столетиями. Мы же продолжаем жить в «быстром времени» (когда большие изменения состоя-

ния страны происходят в малые отрезки времени), и вторая точка бифуркации с последующей катастрофой неизбежна (если власть не примет срочных мер, о которых чуть дальше). В этой связи следует обратить внимание на несостоятельность (не состоятельная оценка) неоднократных заявлений руководства КПРФ об «исчерпанности лимита на революции для России». Такое заявление обретает смысл, если его понимать как призыв к чиновникам «не делать глупостей».

Процессы самоорганизации в неконтролируемой командно-административной системе, видимо, идут по схемам, наработанным в идеологическом отделе ЦК КПСС и имеют две компоненты. Оргработа сводится к построению аналога КПСС, но без четко сформулированной идеологии. Успехи, достигнутые при построении партии власти (правда, только с третьего захода) связаны с относительно большой социальной базой (12% населения страны) и традиционным менталитетом русских поддерживать власть (позиция православной церкви: «любая власть от Бога»).

Идеологическая работа ввиду отсутствия у создаваемой партии идеологии как таковой (если не считать в качестве идеологического принцип, как метко определил один политик, «вылизывание задницы вышестоящего начальства») замкнулась на совершенно правильный постулат диалектического материализма – «отрицание отрицания». Сейчас названный принцип лезет изо всех щелей средств массовой информации, и общую ситуацию в информационном поле страны можно классифицировать как информационный тоталитаризм с ярко выраженными компонентами информационного терроризма. Именно эта ошибка политтехнологов власти будет причиной краха партии власти. Почему так?

Каждый человек, принимая решение по любому вопросу, ориентируется на имеющуюся у него информацию, поступающую через первую и вторую сигнальные системы. Если информация ложная, или хотя бы неточная, то принятое решение также может быть ошибочным и может принести ему вред. Постоянный поток неточной информации заставляет человека постоянно делать ошибки. Идет массированная накачка ложной информации, и возникает конфликт между 1-й и 2-й сигнальными системами человека: 1-я сигнальная система вопиет – «жить так больше нельзя»; через 2-ю же средства массовой информации пытаются убедить человека, что все хорошо и будет еще лучше. В результате в целом общество оказывается неустойчивым по части важнейших параметров состояния, имеющих как гуманитарные, так и экономические компоненты. Сейчас наша страна похожа на пирамиду, поставленную на вершину. Эта система неустойчива, и требуются большие информационные и организационные ресурсы управления для удержания ее в таком положении. Для потери устойчивости в противоборстве сигнальных систем достаточно иногда спонтанно возникших случайных факторов. Но этим обстоятельством можно воспользоваться с умыслом (как средством управления): затрачивая на порядок меньший объем ресурсов, чем тратит на стабилизацию правительство, можно опрокинуть пирамиду. Например, цветные революции используют такую схему борьбы за власть как самую экономичную, и все они пишутся по одному сценарию: затрачиваются средства (извне или изнутри – не суть важно) на контрпропаганду, проплачиваются «демонстранты» и «недовольные», поднимается волна народного протеста и далее следует переворот, который не ведет к оздоровлению общества. К счастью, или, наоборот, к несчастью, нашей стране такая участь не грозит. Расчеты показывают, что инерционные характеристики России, как динамической системы, на несколько порядков больше любой из стран СНГ (примерно пропорционально степени выше второй от численности населения), и цветной революцией страну не расшевелишь. Но когда страна созреет, выход на вторую складку катастрофы будет сопровождаться очень большим выходом протестной энергии. Можно демпфировать этот процесс, если власти в срочном порядке форс-мажора приведут в согласие 1-ю и 2-ю сигнальные системы жителей страны.

Что делать? Ответить на этот вопрос просто: необходимо поставить командно-административную систему под жесткий контроль, исключающий всякую возможность действия законов функционирования неконтролируемой системы. На вопрос – как это сделать? – ответить намного труднее. Чиновник больше всего боится света и вышестоящего начальства. Следовательно, для организации контроля над системой надо либо стать очень, очень большим начальником, либо засветить систему так, чтобы были освещены все самые укромные её уголки. Опыт использования первого пути показывает, что став очень, очень большим начальником простой смертный относительно быстро становится «человеком системы», встраивается в нее (вспомните участь большинства губернаторов так называемого «красного пояса»). Такой путь организации контроля над системой в нашей стране удался только двум гениям – Петру Первому и (через 200 лет) И.В. Сталину. Ждать следующие двести лет мы не можем. Остается один путь – в ожидании ближайшей бифуркационной точки и последующей катастрофы, когда система, скорее всего, будет уничтожена, дать свет во все ее уголки. Для этого необходимо организовать информационный прессинг всех без исключения чиновников, публикуя их биографии, деяния, связи с различными ЗАО и ООО, деятельность членов их семей, оценки специалистов принимаемых решений с анализом возможных мотивов. В этом же направлении действует принимаемая в Думе и правительстве система законов и правил о декларациях чиновников и членов их семей. Начались «посадки» зарвавшихся чиновников. Пока эти действия робкие, половинчатые.

Вернемся теперь к истории. Историю любой страны можно рассматривать как траекторию динамической системы в пространстве и времени, и с этой точки зрения на первый план всплывает эволюция системы управления движением динамической системы (т.е. командно-административной системы), так как, в конце концов, именно она определяет траекторию. Тогда, например, история нашей страны без учета гуманитарных компонент может предстать в таком виде.

Последний царский вариант командно-административной системы создал Петр Первый уничтожив остатки предыдущей: загнал в угол боярскую думу и казнил стрельцов – своеобразный царский ОМОН. Петр Первый организовал эффективный контроль, сам лично бил некоторых нерадивых чиновников, или сажал их на дыбу. Эффективность системы Петра Первого обеспечила стране рывок вперед в развитии. В дальнейшем каждый царь прикладывал руку к модернизации системы. За две сотни лет эта система умудрилась трижды подвести страну к смуте: в 1825 году,

в 1905 и в 1917 –1920 годах. Катастрофа 1917–1920 годов оказалась фатальной для царской командно-административной системы. Бездарное управление и потеря Царем контроля над системой подвели страну к режиму катастрофы. Величие Октябрьской Революции состоит, прежде всего, в том, что страна была сохранена как «империя», а величие руководства революции – в минимизации по времени переходного процесса от режима катастрофы до режима устойчивого развития (в смысле определений в исследовании[1]). (За 5 лет с 1920 по 1925 страна фактически была восстановлена и ещё через 5 лет превосходила довоенный уровень в разы, а мы сейчас кувыркаемся уже 25 лет и никак не можем выйти на уровень 1991 года!).

Четвертую смуту в 1991–20?? годах уже организовала Советская командно-административная система. Формирование Советской командно-административной системы завершилось к середине тридцатых годов. И.В. Сталин поставил ее под жесткий контроль. Получилась непревзойденная по эффективности стройная организация, превратившая Советский Союз в величайшую страну мира за очень короткий срок. Понятна патологическая ненависть «детей Арбата» к И.В.Сталину. Он заставлял их отцов работать, а нерадивых сажал. Кстати, смертных приговоров приведенных в исполнение, в то время не больше миллиона, а только в 2004 году убыль населения (за неполный год) составляет 1,7 млн. (эта информация прошла по радио Россия 21.04.2005 г., в ней же сообщалось, что численность населения страны составляет 145 млн.; в ноябре 2007 г. тот же источник сообщил о нашей численности 142 млн., т.е. за два года убыль составила 3 млн.). В 2007 г., по некоторым данным, число умерших превысило число родившихся в 2–2,1 раза. Это действие той же системы, но «отвязанной», бесконтрольной. Ну так чем же 1937 год ужасней нашей реальной действительности?

Стройную Сталинскую систему контроля начал ломать Н.С. Хрущев своим известным докладом «О преодолении культа личности…». К концу правления Л.И. Брежнева развилась и закрепилась всеобщая безответственность конкретных чиновников с одновременным ростом системы льгот для избранных. Остатки контроля над системой уничтожили М.С. Горбачев, ликвидировав относительно эффективную систему партийного контроля, и затем Б.Н. Ельцин, уничтоживший систему народного контроля за деятельностью администрации. Системе стало мало льгот и различных «пайков» социализма, а в рамках коммунистической морали – тесно. Альтернативой этих благ могли быть только либеральные ценности капитализма, который до сих пор стыдливо называют рыночной экономикой, так как у большинства населения страны на слово «капитализм» возникает устойчивая отрицательная реакция и ассоциация со словом «гримасы».

Вспомним, в Советском Союзе было около 20 млн. членов КПСС, чиновников (винтиков командно-административной системы) около 15–16 млн., причем основная, самая ответственная часть из них – обязательно члены КПСС. Таким образом, реставрацию капитализма в Советском Союзе осуществила КПСС, повесив всех «собак» на идейную часть КПСС, имея в виду членов партии, оставшихся верными идеологии марксизма-ленинизма.

Итак, если убрать шоры гуманитарного подхода, то следует констатировать, что историю любой страны можно представить как пространство состояний в позиционной дифференциальной игре нескольких игроков. В нашей стране основных игроков три: 1) Запад и его агенты влияния; 2) «коммунисты» и 3) партия власти.

Вернемся к современной истории. Рассмотрим теперь агрегированную матмодель динамики нашей страны, экстраполируя ее состояние с периода 1990–2005 гг. на период до 2020 г. (экстраполяционная модель динамики страны). Возьмем для простоты матмодель (1) без управления

$$\dot{x} = F(t,x),\ x(0) = x_0 \qquad (1),$$

где $x(t)$ - вектор из пространства состояний системы (1), $x(0)$ - значение вектора в 1990 году, t – время.

Ставится задача идентификации системы (1) по известному вектору $x(t)$ по статистическим данным за фиксированный период жизни страны и на основании полученной модели составление прогноза на ближайшее будущее. Задача состоит в определении явного вида функции *F(x,t)* по статистическим данным за фиксированный период времени. Это типичные задачи идентификации (более точно – обратные задачи[2]), которые, как правило, оказываются в классическом смысле поставленными некорректно. Решения некорректных задач становятся устойчивыми, если ввести дополнительные условия. Обратная задача поставлена условно корректно, если ее решение принадлежит некоторому подпространству, на элементах которого справедлива априорная оценка:

$$\|\varphi\|_D \le M\|f\|_D,\ \text{где } \varphi - \text{решение},\ f - \text{правая часть}, M - \text{постоянная}\ \|f\|_D < \infty.$$

Эффективны, при сохранении простоты, решения обратных эволюционных задач методом рядов Фурье и решения, основанные на полиномиальной аппроксимации[3]. В последнем случае возможны варианты: аппроксимация сглаживающими сплайнами[4], асимптотическим методом функциональных параметров[5] и линейной корреляцией в сочетании с методом наименьших квадратов[6]. В настоящем исследовании использован последний метод.

Пусть *x* – известный вектор системы (1), $\bar{x}$ – сглаженный, причем $\bar{x} \in C^1(D)$. Тогда справедливо представление

---

[1] Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты / Под редакцией В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. – М.: Academia, 2000. – 398 с.

[2] Марчук Г.И. Методы вычислительной математики. – М.: Наука, 1977. – 456 с.

[3] Ружников Г.М. Идентификация линейных нестационарных систем // Асимптотические методы в теории систем. – Иркутск, 1973. – Вып.5. – С. 175–180.

[4] Стечкин С.Б., Субботин Ю.Н. Сплайны в вычислительной математике. – М.: Наука, 1976. – 248 с.

[5] Кузнецов Н.Г., Орлов Ю.Ф., Черепенников В.Б., Шлаустас Р.Ю. Регулярные асимптотические алгоритмы в механике. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1989. – 274 с.

[6] Линник Ю.В. Методы наименьших квадратов и основы теории обработки наблюдений – М.: Наука, 1962.

$$F(t,\bar{x}) = A_t\bar{x} + \alpha(t,\bar{x}), \text{где } \|\alpha\|_D = o(\|A\|_D), A_t - \text{некоторый линейный оператор}$$

В этом случае задача сводится к построению линейного оператора A_t.

Чем больше размерность вектора $x(t)$, тем полнее модель и ближе должны быть полученные результаты к реальной действительности. Но в этом случае возникает проблема погрешности. «Обычно погрешность оказывается минимальной для наиболее длинных волн возмущений и быстро растет в направлении высоких гармоник, как правило, описывающих мелкомасштабные особенности решения»[1]. Поэтому не следует гнаться за большей, чем 4, 5 размерностью модели (1).

Процесс агрегирования модели (1) состоит в объединении некоторых «существенных» параметров в один («существенные» параметры объединяются в группы) и отказа от «несущественных» параметров. Перед тем как заняться этим, выполним анализ существующих параметров, характеризующих состояние системы. Все параметры в той или иной мере замыкаются на человека, т.к. основная задача функционирования государства как объекта – обеспечить благоприятные условия жизнедеятельности людей (народа). Тогда характеристика функционирования государства по этой части – это средняя продолжительность жизни в стране, соотношение между числом умерших и числом родившихся, процент здоровых по возрастам и т.д. Все эти параметры есть компоненты вектора, который можно назвать «здоровье нации». Вообще то все они как-то связаны, и их можно объединить в один параметр. Если рассматривается динамика страны в какой-то короткий исторический отрезок времени, то таким интегральным параметром может быть абсолютная численность населения и связанная с этим параметром величина отношения численности населения в данный момент времени $t = T$ к численности в момент $t = 0$. Это первый параметр агрегированной системы.

В качестве второго параметра возьмем «здоровье экономики» страны. Интегрально экономику страны характеризует вектор большой размерности. В СССР эти параметры планировались и исчислялись в физическом выражении, т.е. в тоннах, киловаттах, штуках, кубометрах, метрах, гектарах и т.п. Сейчас чиновники перешли к исчислению этих же показателей в рублях или «баксах». При таком исчислении легче скрыть реальное положение вещей. Таким образом, расчеты промышленных показателей в денежном выражении не корректны. Однако в виду отсутствия подробной информации и упрощения расчетов возьмем все-таки денежный критерий – размер ВВП на душу населения, отнесенного к 1990 году.

Заработанные в промышленном секторе деньги надо тратить на человека, его среду обитания и на развитие промышленности. В качестве третьего параметра возьмем траты государства на социальные нужды, т.е. вложение средств в человека. Мы живем в условиях перманентного сброса властями любого уровня своих социальных обязательств. Расходы на социальные нужды постоянно сокращаются. В то же время степень социального неравенства в России (это отношение доходов 10% самых богатых к 10% самых бедных) сейчас у нас в 2,5 раза превысила уровень начала социального деградирования и продолжает расти.

Четвертый параметр в агрегированной системе, существенно влияющий на предыдущие параметры – диссипативная составляющая – определим как «вывоз капитала» из страны. Фактически этот параметр косвенно определяет уровень коррупции в стране. Он существенно влияет на три первых. С точки зрения здравого смысла факт вывоза капитала кажется абсурдным. Уже на протяжении нескольких лет страна, официально ожидающая иностранных инвестиций в отечественное производство, вкладывает огромные средства в т.н. «стабилизационный фонд» под невыгодные проценты в экономику своих главных конкурентов, прежде всего США. Другая важная составляющая вывоза капитала – утечка мозгов. Сложнее всего учесть разворованные средства и коррупционную нагрузку на бизнес.

Итак, возьмем четыре основных параметра, о которых говорили выше, но в относительных единицах – здоровье населения, экономики и расходы на соц. нужды отнесем к этим же величинам в 1990 г, а вывоз капитала примем в 1990 г. равным нулю и в 2005 г. равным единице. По известным их значениям из статданных за период 1990–2005 гг. имеем таблично заданные функции. Далее можно либо построить четыре сплайн-функции, либо использовать разложения табличных функций в ряды Фурье. Таким образом, мы получаем возможность на некоторой сетке найти значения левой части системы (1), т.е. производные функций $x(t)$, и перейти к системе уравнений для вычисления элементов оператора A_t

$$A_t^{-1}\dot{x}_n = x_n$$

Ищутся элементы A_t, обеспечивающие на классе $W_2(0,T)$ минимум функционала

$$\Phi(x) = \int_0^T (\ddot{x})^2 dt + \sum_{k=0}^{n} p_k [x(t_k) - x_k^*]^2,$$

где p_k — весовые коэффициенты, x_k^* — параметры системы по статданным.

Следует еще учесть фоновую периодическую составляющую 12-и летнего цикла жизни на Земле. В результате получится такая правая часть в системе (1):

$$F(t,x) = \begin{bmatrix} C_{0,0}e^{x0} + C_{0,1}\sin(x_1 - x0_1)x_1 + C_{0,2}x_2\sin(x_2 - x0_2) + C_{0,3}x_3T_1; \\ C_{1,0}x_0\sin(x_0 - x0_0) + C_{1,1}\operatorname{sgn}(x_1 - x0_1)e^{x1} + C_{1,2}x_2\sin(x_2 - x0_2) + C_{1,3}(1 - x_3)T_2 - \\ 0.035x_1\cos(\frac{t\pi}{25}); \\ C_{2,0}x_0\sin(x_0 - x0_0) + C_{2\delta1}x_1\sin(x_1 - x0_1)T_3 + C_{2,2}e^{x2}\operatorname{sgn}(x_1 - x0_1)T_3 + C_{2,3}x_3 - \\ 0.015x_2(1 - \cos(\frac{t\pi}{25})); \\ C_{3,0}x_0 + C_{3,1}x_1T_4 + C_{3,2}x_2T_4 + C_{3,3}x_3; \end{bmatrix}$$

[1] Марчук Г.И. Методы вычислительной математики. – М.: Наука, 1977. – 456 с.

Здесь $C_{i,j}$ – матрица 4х4 коэффициентов аппроксимации статданных, *x0* –вектор начальных данных (три единицы и ноль), T_i – переключатели, позволяющие в нужный момент времени изменять знак «вывоза» капитала и перераспределять эти ресурсы в промышленность и на социальные нужды.

Расчеты проведены (в 2005 г.!) с помощью процедуры интегрирования методом Рунге-Кутта с фиксированным шагом (временной интервал в 30 лет был разбит на 300 частей, соответствие делений шкалы абсцисс датам: 0–1990 г, 100–2000 г., 200–2010 г., 300–2020 г.). Результаты расчетов представлены на рис.1 и 2. Первый рис. – прямая экстраполяция на будущее того, что сейчас есть. Второй показывает, что было бы, если деньги с 2006 г. не «вывозить», а вкладывать их в промышленность и в человека (т.е. на социальные нужды). Расчет двух сценариев развития страны по экстраполяционной модели, агрегированной по четырем параметрам дает такой результат:

Сценарий 1. Продолжается реализация политики правительства. 1-й параметр – здоровье Нации – численность населения монотонно уменьшается, достигая к 2020 г 60% (все отнесено к уровню 1990 г., естественно, увеличение населения страны за счёт переселенцев и появления новых областей не учитывалось). 2-й параметр – здоровье экономики (ВВП на душу населения) – рост до уровня 110% к 2010 г. и затем спад до 60% к 2020 г., причем начало спада – 2-я половина 2008 г.! (т.е. алгоритм точно зафиксировал начало кризиса) и в 2016 году стабилизации не видно (продолжаем падать). 3-й параметр – расходы на социальные нужды – падение (нелинейное) до уровня 20% к 2020 г., причём после 2013 г. падение ускорилось. 4-й параметр – «вывоз капитала» – (отнесено к уровню 2005 г.) – монотонный рост до 200% к 2020 г. (рис. 1).

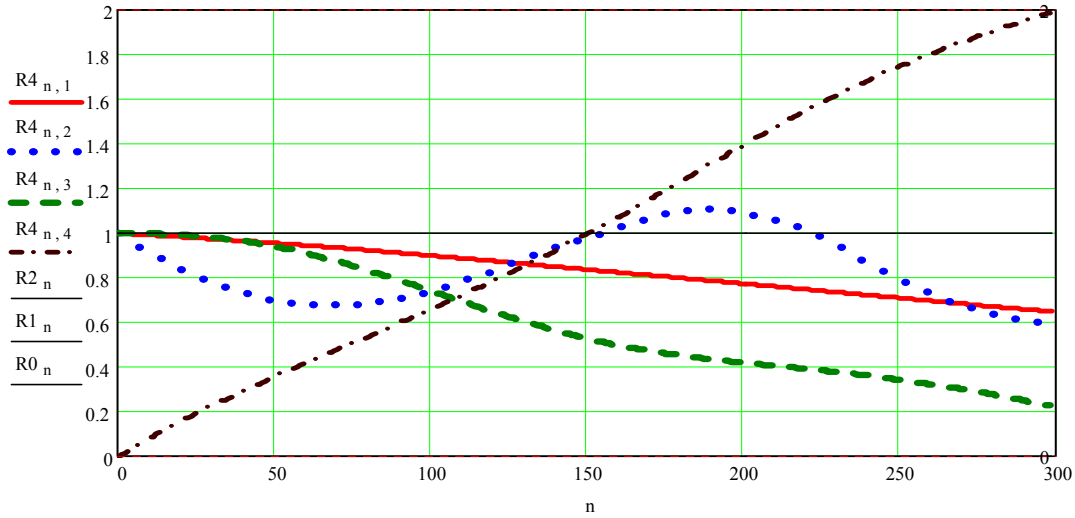


Рисунок 1.
Динамика России, сценарий 1. Здесь $R4_{n,1}$ – численность населения, ☼ – ВВП на душу населения, ☼ – расходы на социальные нужды, ☼ – вывоз капитала

Сценарий 2. С 2006 г. «вывоз капитала» меняет знак, и эти дополнительные средства в равных пропорциях вкладываются в человека (расходы на социальные нужды) и наукоемкое производство и «экономику знаний».

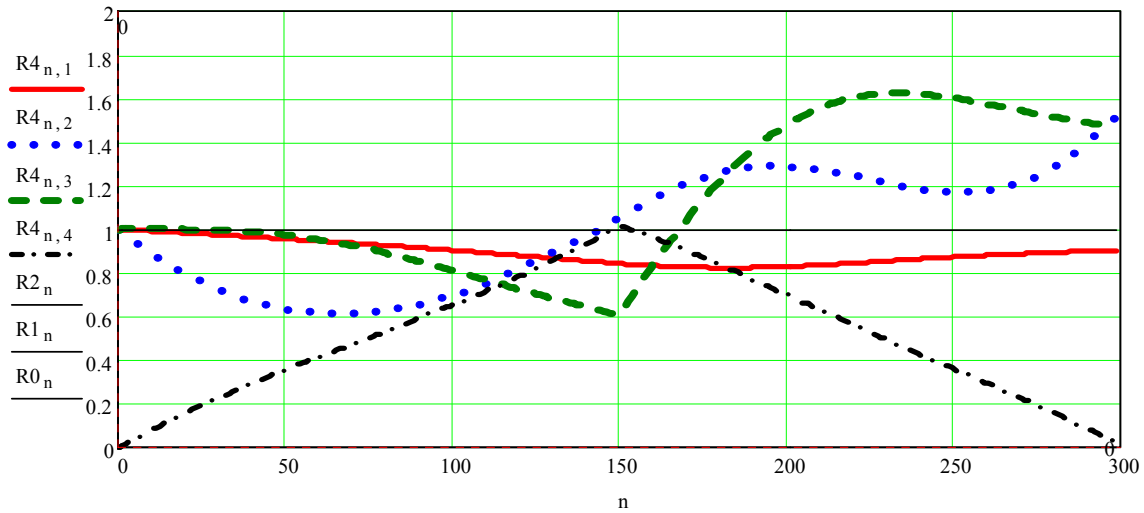


Рисунок 2.
Динамика России, сценарий 2. Условные обозначения те же

1-й параметр – достигнув уровня 80% к 2008 г. стабилизируется и медленно растет до 88% к 2020 г.. 2-й параметр – относительный ВВП достигает 130% к 2010 г., затем спад до 120% к 2015 г. (т.е. действующий кризис зафиксирован) и далее монотонный подъем (150% к 2020 г.). 3-й параметр – расходы на социальные нужды повторяют

«волну» ВВП, максимум в 2013 г. (160%), далее спад до 150% и потом подъем. 4-й параметр – вывезенные средства к 2020 г. полностью возвращаются (рис.2).

Эти оценки не учитывают «неожиданностей» бурно развивающейся экономики знаний. К сожалению, власть, закостеневшая в монетаристском либерализме, действует по законам, сформулированным выше, и надежд на какие-то проблески разума (у нее) нет.

Разумовский В.А.
д.т.н., профессор Кафедры финансов и кредита Академии труда и социальных отношений
avgust1347@km.ru; ust7413@yandex.ru

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОДДЕРЖКУ

Ключевые слова: *проект, контроль, результативность, эффективность, предпочтительность, индекс, поддержка.*

Keywords*: project, control, productivity, efficiency, preference, index, criterion, support.*

Известно, что ценностные ориентиры (ценности) являются ключевым элементом, отправной точкой в последовательности действий, связанных с разработкой и реализацией государственной политики: цели (дерево целей), проблемы, задачи, ресурсы, решения, программы, календарь[1]. Без четкого общественного понимания ценностных ориентиров «инструменты» будут обсуждаться безотносительно того, «что мы собираемся построить в итоге»[2]. В этом смысле весьма уместной представляется, например, оценка адекватности утверждения «что миссия России – защищать справедливость во всем мире»[3].

Не разъясняет ситуацию с ценностными ориентирами и целевыми установками, в рамках которых происходит социально-экономическое развитие страны, и Конституция Российской Федерации. Так в ч. 1 ст. 7 говорится, что государственная политика направлена (по сути, основная целевая установка) «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». То есть, акцент здесь делается на условиях (их количестве, качестве). В то время как методологически более правильным, на наш взгляд, представляется: достойная жизнь и свободное развитие человека – цель; условия – инструмент.

Отсюда, с одной стороны, вполне резонными являются попытки построения (на основе большого числа общепринятых в мировой практике частных показателей) количественных оценок успешности страны и качества государственного управления[4]. С другой стороны, при наличии соответствующей информации на основе методов теории распознавания образов реально идентифицировать те слои российского общества, интересы которых в первую очередь учитываются в государственной политике.

После определения ценностей другой проблемой, на которую указывают многие авторы[5], является коррупция. В частности, в упомянутой работе А. Яковлева коррупция в России характеризуется в формате «распила выделенного бюджета» (иначе, «коррупция с воровством»). Она наносит существенно больший ущерб экономике и обществу по сравнению с коррупцией путем «дележа полученной прибыли» («коррупция без воровства»). Финансовый контроль – один из основных инструментов государства, предназначенный для снижения этого ущерба.

К основополагающим принципам финансового контроля, практическая реализация которых в современной России оставляет желать лучшего[6], относятся: законность совершаемых хозяйственных сделок и финансовых операций, их прозрачность (открытость), результативность, экономность, эффективность расходования финансовых средств.

Значение финансового контроля весьма актуально в инновационной сфере, поскольку:

– «управление страны постоянно подчеркивает необходимость разработки новых, высокоэффективных образцов … и прорывных технологий»[7]. В то же время наука во всем мире остается затратным сектором экономики, с чем приходится мириться;

---

[1] Сулакшин С.С. Ценности, цели, государственное управление и успешность страны. – http://rusrand.ru/docconf/cennosti-celi-gosudarstvennoe-upravlenie-i-uspeshnost-strany

[2] Яковлев А. Почему программы либералов и Столыпинского клуба не сработают // РБК. – М., 2016. – № 98 (2354), 7 июля. – С. 7.

[3] Нарышкин рассказал о миссии России // Metro. – М., 2016. – 4 апреля. – С. 4.

[4] Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Москва, 28 ноября 2014 г. – М.: Наука и политика, 2015. – 624 с.

[5] Ср.: НАНОтомия неудач. Из выпуска от 10-06-2016 рассылки «Новая газета»; Россия возглавила рейтинг «блатного капитализма». Из выпуска от 06-05-2016 рассылки «Газета.Ru – Первая полоса»; Хачатуров А. Глобализация против оффшоров. Из выпуска от 10-05-2016 рассылки «Новая газета».

[6] Ломакин Д. Картель догнали штрафы. – www.gazeta.ru/auto/2016/03/17_a_8127665.shml; Минеева Ю. Наперсники отката. – http;//www.novayagazeta.ru/inquests/72239.html; Латынина Ю. Нанокирпич с макрочипом. – http;//www.novayagazeta. ru/columms/71399.html

[7] http://sled-samprok.ru/news-rus/soyuzmash-rossii-izlozhil-svoyu-poziciyu-po-voprosu-povysheniya-effektivnosti-niokr-v-opk.html

– «колоссальность денежных вливаний и физическая неспособность проконтролировать государством весь процесс» приводят к появлению «никчемных дорогостоящих проектов, которые оттягивают на себя нужные в других, более значимых проектах ограниченные ресурсы»[1].

Поэтому актуальными представляются попытки совершенствования механизмов ценообразования, финансирования и оценки эффективности инновационных проектов. В настоящей статье рассматриваются элементы подхода для оценки целесообразности государственной поддержки (с помощью бюджетных средств) инновационных проектов, направленных на создание конкурентоспособной продукции. Для определенности будем полагать, что это сложные наукоемкие образцы техники с высокой долей добавленной стоимости.

Заметим, что в методическом плане принципиальным отличием инновационного проекта от инвестиционного проекта является применение при анализе целесообразности его реализации двух групп показателей. Показатели первой группы, по сути, представляют собой свойства, характеристики (эксплуатационные, технические и др.) создаваемой инновационной продукции. Вторую группу составляют показатели экономической эффективности, эффективности дисконтированного денежного потока, генерируемого на периоде жизненного цикла создаваемого образца.

Для случаев, когда экономическая эффективность разработки и производства образца выступает на первый план (скажем, в оборонной сфере это не всегда так), перечень показателей второй группы совпадает с теми, которые используются в инвестиционном анализе. В интерпретации[2] этот перечень включает: чистый приведенный доход (*NPV*), индекс рентабельности (*PI*), модифицированную внутреннюю норму доходности (*MIRR*) и срок окупаемости (*PP*).

Продемонстрируем идею предлагаемого подхода на числовом примере оценки предпочтительности двух инновационных проектов (*ИП. 1*, *ИП. 2*), направленных на достижение (превышение) заданных (условных) характеристик «эталонного образца» техники, представленных в табл. 1. По сути, эта таблица содержит показатели результативности (*№ 1–5*) конкурирующих проектов (*ИП 1 – ИП 2*).

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

сравниваемые образцы	***характеристики образца***				
	№ 1 (Гец)	*№ 2 (Мбит/с)*	*№ 3 (км)*	*№ 4 (шт)*	*№ 5 (тыс. руб.)*
эталонный образец	0,43-0,72	2,46; 10,14	52	4	не более 22
ИП 1	0,43-0,72	2,46; 10,14	52	4	27,5
ИП 2	0,31-0,82	2,46	65	5	22

В табл. 2 приводятся показатели экономической эффективности проектов: *NPV* (*№ 1*), *PI* (*№ 2*), *MIRR* (*№ 3*), *PP* (*№ 4*).

Считается, что каждый из проектов укладывается в рамки выделяемых на их реализацию бюджетных средств (соблюдается принцип экономности).

Нетрудно видеть, что таблицы 1 и 2 содержат достаточно противоречивые данные. Скажем, если требуемая характеристика *№ 2* в табл. 1 по *ИП 1* достигается, а по *ИП. 2* – нет, то по характеристике *№ 5* все происходит наоборот. Подобные обстоятельства существенно осложняют реализацию принципов эффективности и прозрачности при выборе реализуемого проекта. Принцип прозрачности в данном случае заключается в том, что методика выбора наиболее предпочтительного проекта находится в открытом доступе для участвующих конкурсантов.

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ

сравниваемые образцы	***показатели***			
	№ 1 (тыс. руб.)	*№ 2 (дол. ед.)*	*№ 3 (годы)*	*№ 4 (дол. ед.)*
ИП 1	1378	1,1	3	0,24
ИП 2	1305	1,36	2	0,18

В предлагаемом подходе в основу выбора инновационного проекта положен комплексный количественный показатель – индекс предпочтительности проекта ***P***. Его конструкция варьирует в зависимости от акцента: на результативность, эффективность или на то и другое. Вместе с тем базовым элементом конструкции всегда остается метод свертки[3], который по отдельности может быть применен к каждой группе показателей. То есть, появляется возможность отдельного расчета индексов результативности и экономической эффективности.

---

[1] Черный ящик российского ВПК. – http://zakonvremeni.ru/publications/25-factological/24869-chyornyj-yashhik-rossijskogo-vpk.html

[2] Разумовский В.А. Критерии эффективности инвестиционных проектов // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. – М., 2013. – № 4. – С. 78–82.

[3] Разумовский В.А. Алгоритм сравнительной оценки конкурентоспособности // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2006. – № 2. – С. 71–75.

В соответствии с предлагаемым подходом (в нашем примере не выделяется ни одна группа показателей) расчет индекса предпочтительности начинается с формирования базы сравнения, которая строится по всем показателям, участвующим в таблицах 1 и 2, на основе их лучших значений.

При этом в табл. 1 полагается, что:

– чем больше совпадающий диапазон по показателю *№ 1*, тем лучше;

– в лучшем случае покрываются обе скорости по показателю *№ 2*;

– чем больше значение показателя *№ 3*, тем лучше;

– чем меньше значение показателей *№ 4*, 5, тем лучше.

В табл. 2:

чем больше значение показателей *№ 1*, *2*, *4*, тем лучше;

чем меньше значение показателя *№ 3*, тем лучше;

Проведем несколько формальных преобразований с перечисленными показателями.

С помощью первого преобразования сделаем их значения измеряемыми количественно. Это касается показателей *№ 1, 2* в табл. 1. Для *ИП 1* и *эталонного образца*: значение показателя *№ 1* заменим на (0,72-0,43))/(0,82-0,31) = 0,57; значение показателя *№ 2* – на 1 (достигаются оба заявленных требования). Для *ИП 2* по той же логике: значение показателя *№ 1* заменим на (0,82-0,31))/(0,82-0,31) = 1; значение показателя *№ 2* – на 0,5 (достигается одно из двух заявленных требований).

Таблица 3

ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

сравниваемые образцы	***показатели***				
	№1	*№2*	*№3*	*№4*	*№5*
эталонный образец	0,57	1	0,8	1	1
ИП 1	0,57	1	0,8	1	0,8
ИП 2	1	0,5	1	0,8	1
база сравнения	1	1	1	1	1

С помощью второго преобразования организуем одинаковой целевую направленность показателей. Для этого заменим на обратные значения показателей *№ 4*, *5* в табл. 1 и показателя *№ 3* в табл. 2.

Таблица 4

ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

сравниваемые образцы	***показатели***			
	№1	*№2*	*№3*	*№4*
ИП 1	1	0,81	0,66	1
ИП 2	0,95	1	1	0,75
база сравнения	1	1	1	1

С помощью третьего преобразования сделаем все показатели (посредством деления значения каждого показателя на его максимальное значение в столбце) измеряемыми в единой шкале (от 0 до 1).

В результате проведенных преобразований таблицы 2 и 3 превратились в таблицы 3 и 4.

Обратимся теперь к упоминавшемуся методу свертки и (на основе отклонений значений показателей от их лучших значений) рассчитаем весовые коэффициенты π_i по всей совокупности показателей из таблиц 3 и 4:

$$\pi_i > 0,\ i = 1,2,\ldots 9,\ \sum_{i=1}^{9} \pi_i = 1,$$

где π_i - весовой коэффициент *i*-о показателя;

i – номер показателя: для *i = 1-5*, совпадающий с его номером из табл. 1 (3); для *i* = 6-9 , соответствующий его номеру из табл. 2 (4) плюс «5».

Весовые коэффициенты составили:

$\pi_1 = 0,15;\ \pi_2 = 0,17;\ \pi_3 = 0,7;\ \pi_4 = 0,7;\ \pi_5 = 0,7;\ \pi_6 = 0,2;\ \pi_7 = 0,07;\ \pi_8 = 0,12;\ \pi_9 = 0,26.$

По формуле

$$P = \sum_{i=1}^{9} \pi_i z_i \quad (1),$$

где P - индекс перспективности проекта, измеряемый в долл. ед. При этом большему значению соответствует более перспективный проект;

z_i – значение *i*-о показателя из табл. 3, 4,

вычислим индексы перспективности проектов.

Для первого проекта индекс перспективности P_1 составил 0,87; для второго проекта: P_2 = 0,84. Как видим, оба инновационных проекта недалеко отстоят друг от друга: 87 и 84% от базы сравнения. Но первый проект все-таки имеет большее значение индекса предпочтительности. Его и следовало бы выбрать в качестве реализуемого с использованием государственной поддержки, если бы он не уступал по характеристикам создаваемой продукции эталонному образцу. А это по характеристике *№ 5* не так.

Поэтому обратимся к результативности *ИП 2*. Здесь ситуация для выводов не столь очевидная как в случае с *ИП 1*. Чтобы ее разъяснить по формуле (1), в которой вместо девяти показателей будут участвовать только пять (из табл. 3), рассчитаем, применяя ту же последовательность шагов, что и выше, индексы результативности для *ИП 2* и эталонного образца. Их значения соответственно: 0,79 и 0,82. Это означает, что инновационный продукт, создаваемый в результате реализации второго инновационного проекта, уступает по своим характеристикам эталонному образцу.

Таким образом, экспертиза инновационных проектов позволяет сделать вывод: государственная поддержка представленных инновационных проектов нецелесообразна.

Рассмотренный пример лишь частично иллюстрирует возможности формализованного подхода к анализу инновационных проектов, реализующих принципы государственного финансового контроля. Как отмечалось выше, он не исключает нюансы, характерные для проектов из разных сфер и отраслей экономики.

Хузмиев И.К.[1]

О СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ

Ключевые слова: *принятие решения, устойчивое развитие, исполнительная власть, регион, программа развития.*

Как известно, любая система развивается по S-образной кривой: экспоненциальное развитие, насыщение, далее спад до состояния равновесия. Капитализм развивался более 200 лет, и сегодня совершено четко просматривается его кризис. Попытка обуздать его приводит к появлению массы различных методик и нормативных документов, которые вместо решения проблемы порождают еще больший хаос, который угрожает уничтожить всю систему. Огромный объем информации, предназначенной для использования в целях стабилизации ситуации, который трудно понять и усвоить отдельному человеку, заводит ситуацию в тупик. Пример – это Евросоюз. США пока держатся за счет других членов мирового сообщества, используя монопольное право на печатание долларовых бумажных купюр. Все это требует поиска новой парадигмы развития. Это не социализм, который себя дискредитировал, это и не капитализм с его безудержной, ненасытной погоней за деньгами, зачастую с пренебрежением всех моральных принципов и религиозных установок. Это нечто новое. Решение сегодняшних проблем развития в настоящее время сводится к лечению симптомов нестабильности, а не переустройству сложной динамической социально-экономической системы, в которой проявляется дефицит всех ресурсов для сохранения устойчивого развития по существующей и принятой обществом траектории.

Нынешние руководители территорий, являясь в основном юристами, к сожалению, не понимают природу изменений, происходящих в сложных вероятностных системах. Необходимо внести коренные изменению в технологии управления во все системы жизнеобеспечения в виде электронного правительства и сетевых методов иначе нас ждут серьезные проблемы при принятии решения вплоть до потери управляемости в отдельных случаях [1, 2]. Монополизм, существующий во всех сферах экономики и политики, мотивирует коррупцию и стал главным тормозом развития. При этом признаков отказа от него сегодня практически нет. Результатом этого являются:

1. Монополизация реальной экономики и политики на всех уровнях – от центра до регионов и муниципалитетов. Это ведет к снижению эффективности во всех сферах деятельности, отсутствию реального выбора у избирателей, росту цен и инфляции, многим социальным проблемам для большинства населения страны. Следствие этого – коррупция, попрание моральных норм, бесправие большинства населения, безответственность и безнаказанность чиновничьего сословия, погоня за наживой и алчность.

2. Проедание остатков советского прошлого в промышленности, науке, недропользовании.

3. Снижение уровня науки, образования и здравоохранения (платность и взятки).

4. Ухудшение демографической ситуации, снижение рождаемости, выезд из страны креативной молодежи и специалистов.

5. Вахтовый способ разграбления ресурсов страны элитой (их семьи и дети живут и учатся за границей, а они делают деньги, зачастую неправедными путями, здесь в России).

6. Деградация окружающей среды.

7. Рост затрат на логистику во всех сферах экономики и социальной сфере. Кругом одни ничего не производящие посредники.

8. Экономика в основном сырьевая, несмотря на лозунги о модернизации и инновациях.

9. Снижение внешней и внутренней безопасности (так называемая реформа армии и милиции мало что изменила в реальной жизни). Практическое отсутствие справедливого суда и прокуратуры.

10. Неэффективное администрирование на всех уровнях власти: депутаты и чиновники в основном решают свои личные проблемы, а не проблемы граждан. Главное угодить начальству.

11. Маргинализация основной массы населения.

[1] Хузмиев Измаил Каурбекович – д.т.н., член-корреспондент Российской академии электротехнических наук, действительный член Международной академии педагогических наук, почетный доктор Грузинского государственного аграрного университета, почетный доктор университета св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии, заслуженный деятель науки и техники РСО-А, почетный энергетик России, почетный регулятор естественных монополий России, почетный работник науки и техники и почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник РАО «ЕЭС России», член Международного союза экономистов, эксперт Комитета по энергетике Государственной Думы РФ, почетный гражданин с. Кобан РСОА, профессор кафедры Информационные технологии в экономике Северо-Кавказского горно-металлургического института, Владикавказ. E-mail: izmailh@mail.ru

Проблемы развития

Для решения этих проблем необходимы системные решения, а не лечение симптомов. Отметим, что целью социальных систем, в конечном счете, является устойчивое развитие [3] для люди, жизнь и благосостояние которых определяется их ценностями и нуждами в виде следующих индикаторов (параметров):

* Здоровье.
* Уровень потребления материальных благ, услуг, пищи (сложно определяемые параметры, которые зависят от многих культурных, региональных, моральных, религиозных и других факторов)
* Безопасность (общественная, внешняя, внутренняя, личная, семьи, друзей и знакомых и т.д.), которая имеет различные аспекты, такие как защита от вторжения в личную и общественную жизнь, доступ к услугам здравоохранения.
* Доступ к образованию.
* Экология и защита окружающей среды
* Свободный доступ к информации.
* Свобода передвижения.
* Возможность самореализация.

Как ранжировать ценности и как их измерить? Они относительны и могут изменяться во времени и в пространстве для каждого человека и группы людей в процессе их решения. При этом приходится сталкиваться со следующими проблемами развития.

1. Отсутствие мотивации и в этой связи отсутствие заинтересованного, грамотного менеджмента.
2. Недостаток квалифицированных специалистов, в особенности в сфере реальной экономики.
3. Недостаток достоверной информации.
4. Сложности в получении инвестиций.

Территорию (зону) можно рассматривать как суперсистему, в которую входят многочисленные подсистемы, в которых происходит преобразование собственных и привнесенных ресурсов. Различные внешние граничные условия и детерминанты оказывают влияние на функционирование подсистем. Для принятия решений, поддерживающих устойчивое функционирование всей системы в целом, необходимо в режиме on-line производить обработку всей информации – как внешней, так и внутренней. Управляющие решения должны приниматься в интересах социально-экономического развития зоны и граждан территории. Решения принимаются как плановые в процессе проектирования, так и в процессе реализации проекта. Плановые решения являются предварительными, так как мы не имеем возможности на стадии реализации проекта учитывать все обстоятельства. Поэтому зачастую получается результат, который несет в себе элементы неопределенности и непредсказуемости. Ясно, что предварительные плановые решения принимаются перед реализацией проекта. Как правило, при этом мы имеем дело со сложными системами, задача оптимизации для которых является многокритериальной. При планировании необходим системный экологический подход и моделирование.

Этап 1. Постановка проблемы и ее анализ, формирование целевой функции.

Этап 2. Построение математической (или другой) модели, описание параметров, переменных, граничных условий, целевых функций.

Этап 3. Математический анализ моделей, разработка алгоритмов решения и программ.

Этап 4. Подготовка исходной информации (базы данных)

Этап 5. Численное решение.

Этап 6. Анализ результатов и принятие решения.

Модель социально-экономической системы сочетает в себе естественную экосистему с включением рукотворных подсистем. Ресурсные потоки различной природы между отдельными компонентами зоны и внешней средой описываются переменными состояния с постоянными и переменными параметрами (детерминантами). Человек, встроенный в систему, может рассматриваться как непрерывная вынуждающая функция [4]. Э.Б.Клаймер советует включать человека «в каждую экосистему, если она моделируется для решения прикладных задач». Модель системы должна включать в себя управляющие решения. Г.Т.Одум [5] показывает, что это сделать просто, комбинируя дифференциальные уравнения, которые описывают энергетические и материальные потоки и логические цепочки, имитирующие информационные процессы. Они предусматривают принятие решения, связанного параметрами системы и их взаимовлиянием (отрицательные и положительные обратные связи). Затем, когда проект запущен, приходится корректировать управляющие воздействия с учетом реальных параметров и граничных условий, определяемых набором индикаторов.

Администрирование

Администрирование от федерального до муниципального уровня построено в виде вертикали управления по иерархическому принципу. Такая система не ориентирована на объекты управления, хотя чиновники пытаются угодить вышестоящему начальству, вспоминая во время выборов и про избирателей. В основном чиновники-исполнители не мотивированы на решение задач общества и противятся любым изменениям, так как их немалые доходы не зависят от результатов их работы. (Примеров подобного поведения и безнаказанности полно в новейшей истории России). Они, как правило, заняты решением личных проблем и составлением докладов и благостной информации для своих руководителей. В целях получения адекватной информации в системе управления постоянно создаются парал-

лельные структуры и контролирующие органы, эффект от которых, как правило, нулевой, зато растут расходы бюджета на аппарат, и создаются новые условия для получения чиновниками дополнительной коррупционной ренты, которая по некоторым экспертным оценкам сегодня превышает треть бюджетных расходов. Система управления замыкается на себя, что ведет к снижению эффективности и компетентности. Принцип, чего прикажете, стал главным мотивом работы. Оценка деятельности осуществляется не избирателем и определяется не эффективностью и объемом выполненных работ, а отношением вышестоящего начальства, который назначил на должность. Ситуация в крупных энергетических монопольных бизнес-структурах аналогична, так как собственники и топ-менеджеры компаний ориентированы не на клиентов, а на получение незаработанной прибыли за счет роста цен, снижения качества обслуживания, Рост тарифов на энергоносители – яркое подтверждение этого тезиса.

Система может успешно работать только в условиях открытого доступа к любой информации и конкурентного рынка товаров и услуг, в том числе и госуслуг, который ориентирован на покупателя и избирателя. И никаких серых схем и посредников. Поощряться должны организации, производящие добавленную стоимость, а не посредники и финансовые структуры, которые из воздуха делают деньги, затем переводят их в реальный сектор, ввергая его в кризис. Деньги потеряли свою основную роль как информации о возможности получения реальных товаров и услуг, они превратились в средство наживы и разбалансировки экономики.

Как быть?

Система управления будет эффективней, если вознаграждение чиновника будет определяться реальными результатами, полученными в сфере его деятельности в соответствии с заданными формализованными параметрами и требованиями. Для этого необходимо, чтобы система управления была не отраслевой, а целевой, в подразделениях которой будут работать грамотные менеджеры, нанимаемые для выполнения конкретных проектов. Они будут ориентированы не на отрасль, а на цель с соответствующей материальной и моральной мотивацией. Отрасли – это инструмент достижения цели, улучшения качества жизни народа. То есть администрация территории должно быть целевой. Иерархическую систему управления нужно заменить на горизонтальную. Конкуренция между группами специалистов и отдельными управленцами приведет к повышению качества работы, сократит количество контролеров и посредников, рост количества которых в последний период приводит лишь к неразберихе и нарушению работы отдельных элементов сложных технологических систем в различных сферах экономики. Конкурс и отчет о выполненной работе должны быть открытыми для публики и общественных организаций. Для решения конкретной задачи развития в результате открытого конкурса исполнительная власть нанимает группу экспертов и специалистов, которые за предусмотренную в бюджете оплату решает проблему. Отчитываться группа должна открыто и гласно по каждому этапу. После отчета, если результаты будут признаны неудовлетворительными, группа исполнителей может быть отстранена от выполнения работ с соответствующими финансовыми и административными санкциями. На постоянной основе в штате правительства должна работать небольшая группа высокооплачиваемых экспертов и кризис-менеджеров для координации работ и решения форс-мажорных обстоятельств.

Основа новой системы управления – честные открытые выборы на основе конкуренции граждан (50% мест) и их представителей в виде политических сетевых партий (50% мест). Представительная власть – это подлинное народовластие, а не декорация. Избранный населением представительный орган по результатам выборов формирует исполнительную власть и программы развития территории в рамках имеющихся финансовых возможностей (жить по средствам), определяет систему налогообложения, утверждает законы, бюджет, контролирует исполнение программ и бюджета, назначает прокурора, главного налогового инспектора, руководителя антимонопольной службы и председателей верховной судебной власти. Глава региона с представительскими функциями, депутаты, судьи и шериф избираются населением сроком на четыре года, кроме судей, которые избираются на восемь лет с правом отзыва через процедуру референдума. Ни один гражданин не имеет права занимать выборную должность более двух выборных сроков. Выборный орган, общественные организации и отдельные граждане имеют право контроля за всеми ветвями власти и отзыва любого чиновника и депутата. Исполнители программ и контролеры должны быть разведены. Должен работать жесткий кодекс ответственности за нарушение регламентов и законов, принятых выборным органом, для всех представителей властных и административных подразделений. Должна работать четко регламентируемая материальная и моральная система поощрения и наказания по результатам работы представителей всех властей по гласным ежегодным отчетам перед избирателями, таким образом, чтобы воровать и плохо работать было невыгодно, а полезный для общества труд вознаграждался. Исполнительная власть, формируемая выборным органом, должна, как нам представляется, состоять из департаментов:

* Безопасности: общественной (правоохранительные органы), здравоохранение, экология, чрезвычайные ситуации.
* Образования.
* Культуры.
* Инфраструктуры (дороги, транспорт, системы жизнеобеспечения, поставка энергетических и материальных ресурсов потребителям, ЖКХ, логистика).

Заключение

Переход от отраслевой системы управления территории, построенной по иерархическому принципу, к целевой системе с решением задач развития территории нанятыми специалистами и экспертами исполнительной властью на

конкурентной основе для выполнения конкретных программы развития будет способствовать повышению эффективности расходования бюджетных средств, сокращению аппарата управления, повышению качества работ и снижению коррупции. Предлагаемая концепция управления может быть использована и для крупных коммерческих структур.

Список литературы

1. Хузмиев И. Концепция электронного правительства // Национальные проекты. – М., 2012. – № 1–2.
2. Коптелов А. Конец иерархии, или когда наступит эра сетевого управления? – http://pda.cnews.ru/reviews/index.shtml?2012/05/22/490092_2 12/05/22/490092
3. Хузмиев И.К., Караев Ю.И. Устойчивое развитие и информационно-управляющая система // Национальные проекты. – М., 2011. – № 7/8.
4. Clymer A.B. Next-generation models in ecology // Systems Analysis and Simulation in Ecology. Vol.2. – New York: Academic press, 1972. – P. 533–569.
5. Odum H.T. Environment Power and Society. – New York: Wiley-Interscience, 1972.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гриценко Н.Н.
д.э.н., профессор, лауреат Премии Правительства РФ в области образования, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Академии труда и социальных отношений

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *социальное правовое государство, социальное рыночное хозяйство, концепция социального государства, основные положения и принципы, механизмы реализации.*

Keywords*: social legal state, social market economy, the concept of the social state, the main provisions and principles, implementation mechanisms.*

В 1993 году в России была принята Конституция, которая в статье 7 провозгласила: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Истекшие 23 года были периодом сложного становления и развития социального государства, поиска приоритетов в осуществлении социальной и экономической политики, которые должны быть взаимоувязаны и реально обеспечивать достойную жизнь, достойный труд, достойный размер оплаты труда, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

В каждом из названных приоритетов за эти годы в той или иной мере произошли заметные положительные изменения благодаря общим усилиям граждан и их объединений, органов власти и управления, местного самоуправления при последовательно проводимой в жизнь политической воле Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Свою предвыборную программную статью: «Строительство справедливости. Социальная политика для России», опубликованную 13 февраля 2012 года, В.В. Путин начинает с фразы: «Россия – социальное государство. Мы имеем гораздо более высокий уровень социальных гарантий, чем страны с сопоставимым уровнем производительности труда и доходами на душу населения… Ни одна из социальных гарантий не была поколеблена в условиях кризиса 2008-2009 годов… Но наши граждане отнюдь не удовлетворены существующим положением, и их неудовлетворенность справедлива»[1].

После выборов Президент России В.В. Путин издал ряд Указов по выполнению предвыборных обязательств, которые реализуются.

До этого В.В. Путин, будучи Председателем Правительства России, поддержал наше предложение о разработке Концепции социального государства. Созданный вскоре на базе Академии труда и социальных отношений межведомственный творческий коллектив из числа известных ученых и специалистов приступил к этой работе[2].

Разработанный проект Концепции был обсужден на двух заседаниях круглых столов в Академии и Думе, направлен в Правительство РФ, которое поручило 12 министерствам и социальным фондам рассмотреть и дать свои замечания и предложения, которые были рассмотрены, учтены и концепция была принята на конференции.

Концепция была направлена в Госсовет РФ, опубликована в ряде изданий и в учебнике «Основы социального государства»[3].

По мнению авторов концепции, к числу основных принципов, на которых должна строиться социально-экономическая политика, относятся следующие:

- экономическая свобода человека, его право на свободный выбор любого вида деятельности в сфере наемного труда и предпринимательства, не противоречащего законодательству;

---

[1] Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – М., 2012. – 13 февраля.

[2] Авторский коллектив, сформированный по согласованию с организациями: руководитель Н.Н. Гриценко, заместители руководителя: Г.А. Николаев и А.А. Шулус, члены коллектива: В.М. Анисимов, С.В. Антуфьев, М.В. Баглай, В.Н. Бобков, В.Г. Белов, Н.А. Волгин, Ф.И. Гайнуллина, В.И. Ермакова, А.Л. Жуков, В.И. Жуков, А.К. Исаев, С.В. Калашников, Н.Н. Карнаух, В.Н. Киселев, А.М. Ковалев, Р.П. Колосова, О.И. Косенко, В.Ф. Кривошеев, В.В. Куликов, О.В. Нетеребский, К.Б. Норкин, И.И. Овчинников, В.В. Омельяновский, Г.В. Осипов, Е.В. Охотский, В.Т. Понизов, Н.М. Римашевская, В.Я. Саленко, А.З. Селезнев, А.В. Селиванов, Н.И. Сидров, В.Г. Смольков, А.И. Турчинов, Т.Л. Фролова, Л.И. Чижик, Д.Ф. Шавишвили, Ф.И. Шарков, В.М. Шепель.

[3] См. Гриценко Н.Н., Волгин Н.А., Охотский Е.В., Попов Ю.Н., Шарков Ф.И. Основы социального государства: Учебник / Под общ. ред. д.э.н., проф. Н.Н. Гриценко. – М., 2012. – С. 429–457.

• доверие к регулирующей роли рынка и, при необходимости, его регулирование с использованием экономических методов;

• развитие и экономическая эффективность социального рыночного хозяйства;

• социальная справедливость и социальная солидарность общества, которые обеспечиваются на основе развития акционерной собственности работников, а также путем налогового перераспределения доходов от богатых к бедным и большей загрузки наиболее трудоспособных членов общества для того, чтобы помочь менее трудоспособным;

• гендерное равенство мужчин и женщин;

• участие всех граждан в управлении государственными и общественными делами, участие работников в управлении производством, развитие системы социального партнерства.

Критериями оценки степени социальности социального, правового, демократического государства также являются:

1. соблюдение прав и свобод человека;

2. проведение активной и сильной социальной политики;

3. обеспечение стандартов достойной жизни для большинства граждан;

4. адресная поддержка наиболее нуждающихся слоев и групп населения, сокращение и ликвидация бедности;

5. гарантии создания благоприятных условий для реального участия граждан в выработке и социальной экспертизе решений на всех уровнях власти и управления;

6. соблюдение прав и гарантий, признающих и развивающих систему социального партнерства в качестве основного механизма достижения общественного согласия и баланса интересов работника и работодателя при регулирующей роли государства;

7. гарантии, при которых любой хозяйствующий субъект, любой собственник должен нести конкретную социальную ответственность;

8. права и гарантии, ориентированные на укрепление семьи, духовное, культурное, нравственное развитие граждан и, прежде всего, молодежи, на бережное отношение к наследию предков и преемственность поколений, сохранение самобытности национальных и исторических традиций.

На современном этапе становления социального государства в Российской Федерации устанавливаются следующие приоритеты:

В сфере демографического развития: разработка и реализация государственной демографической политики, направленной на ликвидацию тенденций депопуляции (сокращения) населения страны, снижения смертности (особенно детской и в трудоспособном возрасте) и увеличения продолжительности жизни населения.

В сфере обеспечения достойного уровня жизни: создание социально-справедливой и эффективной системы распределения вновь созданной стоимости между государством, трудом и капиталом; обеспечение роста реальной заработной платы и доходов населения и на их основе – рост качества и уровня жизни; установление государственных гарантий в сфере оплаты труда, обеспечивающих в полной мере воспроизводство рабочей силы.

В сфере систем жизнеобеспечения населения: сохранение и приумножение жилого фонда, повышение его комфортабельности; развитие коммунального хозяйства, транспорта и связи за счет бюджетного финансирования и средств населения по мере роста доходов; создание нормальных условий жизни в населенных пунктах.

В сфере социальной защиты населения: разработка и осуществление государственной программы преодоления бедности; создание эффективной системы защиты населения от социальных рисков; реформирование системы социального страхования (пенсионного, социального и медицинского), социального обеспечения, социального вспомоществования и благотворительности; осуществление социальной защиты малообеспеченных семей, а также инвалидов, пожилых и других слабо защищенных категорий граждан.

В сфере занятости: обеспечение гражданам России возможности трудиться на условиях свободно избранной, полной и продуктивной занятости; защита трудовых прав и интересов работников через систему социального партнерства.

В сфере охраны окружающей среды: обеспечение достойного качества жизни и здоровья населения при условии сохранения природных систем, поддерживание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, обеспечение экологической безопасности страны.

В сфере формирования социокультурной среды: повышение роли и качества общего, среднего и высшего образования; государственная поддержка системы образования и учреждений культуры; сохранение национальной самобытности языка и культуры народов, населяющих Российскую Федерацию.

В сфере науки: разработка и реализация стратегии управления наукой, направленной на ее развитие, создание новых технологий и их модернизацию на основе прогнозов глобального и национального развития.

Особое значение имеет:

– проведение региональной социальной политики и интегральная оценка ее эффективности на основе единства федеральной, региональной и местной социальной политики при условии упорядочения в разграничении их полномочий;

– развитие комплекса отраслей социального обслуживания и обеспечения населения (здравоохранения, медицинской, легкой и пищевой промышленности, жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания, бытового обслуживания и др.)

Неотъемлемой функцией социального государства является проведение в жизнь эффективной молодежной политики, направленной на создание стартовых условий для учебы, получения работы и жилья, предоставление государством гарантий по обеспечению занятости молодых граждан, воспитание молодежи в духе патриотизма и других

лучших традициях российского общества и на основе общечеловеческих ценностей, приобщение молодежи к подлинной культуре, развитие их гражданской и трудовой активности, создание условий для широкого вовлечения молодежи в занятия физической культурой, спортом и туризмом.

Важнейшим инструментарием при согласовании противоречивых интересов труда и капитала является социальное партнерство, которое как социальный институт и социальный процесс объективно присуще социальному государству и ведет к ограничению стихии рынка и одновременно не позволяет развиваться административно-командным методам управления.

Социальное государство предполагает сбалансированность централизации, децентрализации и самостоятельности (самоуправления) территорий и поселений России.

Необходимым условием эффективного функционирования социального государства является реализация социальной ответственности органов всех уровней власти и управления, общества, каждого гражданина.

Социальная ответственность органов власти. Государственные органы (федеральные и региональные), а также органы местного самоуправления:

– несут ответственность за реализацию разрабатываемых ими социальных программ;

– обеспечивают эффективное функционирование отраслей социальной инфраструктуры (образование, наука, здравоохранение, культура и др.);

– разрабатывают и контролируют соблюдение государственных социальных стандартов;

– обеспечивают выделение бюджетных средств, предназначенных на социальные нужды и контроль за их расходованием;

– выполняют другие функции социального характера, предусмотренные законодательством, соглашениями и договорами социальных партнеров.

Распределение социальной ответственности между различными уровнями государственной власти и местного самоуправления осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Социальная ответственность государства при ратификации международных правовых норм и соглашений в социальной сфере касается, прежде всего, системы международных правовых норм, которые признала или должна признать Российская Федерация:

1) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года;

2) Европейская социальная хартия 1961 года (в ред. 1996 г.);

3) Хартия Европейского сообщества об основных социальных правах трудящихся 1989 года;

4) Кодекс социального обеспечения 1990 года;

5) Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств 1994 года;

6) Трехсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики, принятая МОТ в 1977 году;

7) Конвенции и рекомендации МОТ.

Социальное государство должно ответственно подходить к выполнению всех ратифицированных Россией конвенций ООН, затрагивающих социальные права граждан, и принятых на себя обязательств в социальной сфере в рамках международных соглашений со странами СНГ, ЕАЭС, Союзного государства.

Социальная ответственность крупного, среднего и малого бизнеса заключается в:

– обеспечении выпуска качественной продукции и в борьбе с контрафактной, фальсифицированной продукцией, поддельными продовольственными товарами и лекарственными препаратами, наносящими ущерб здоровью граждан;

– своевременной выплате достойной заработной платы и создании условий для воспроизводства рабочей силы;

– обеспечении охраны и безопасных условий труда работников;

– поддержании уровня занятости, участии в программах переквалификации кадров при ликвидации рабочих мест;

– софинансировании систем образования, профессиональной подготовки кадров и повышения их квалификации;

– своевременном и полном отчислении страховых платежей по программам пенсионного, медицинского и социального страхования;

– адресной поддержке нуждающихся слоев населения;

– развитии и софинансировании объектов социальной сферы;

– развитии корпоративного профессионального пенсионного страхования;

– софинансировании добровольных видов страхования работающих;

– осуществлении социальной поддержки наемных работников (льготные кредиты и ссуды, семейные пособия и т.д.);

– благотворительной деятельности;

– активном участии в финансировании социальной сферы в дополнение к социальным затратам государства.

Социальная ответственность гражданина включает в себя, с одной стороны, ответственность перед обществом, с другой – перед своими близкими.

Перед обществом социальная ответственность выражается, прежде всего, в соблюдении законов и других правовых норм, а также в передаче гражданином части собственности (в виде налогов) на общественные и социальные нужды, на разные уровни государственного управления и в органы самоуправления.

Перед своими близкими, в первую очередь перед семьей, социальная ответственность гражданина выражается в посильной заботе о материальном достатке членов семьи, в создании благоприятного психологического климата в семье, в нравственном воспитании детей и солидарной ответственности поколений.

Важнейшим фактором и условием развития социального государства является его финансовое обеспечение. Социальное государство реализует свои цели только при наличии высокоэффективной социально ориентированной экономики и ответственного отношения к труду всего экономически активного населения.

Важнейшим средством для функционирования социального государства является его правовое обеспечение.

Социальное государство – это современный тип правового государства, целесообразно соединяющий начала свободы и власти в целях обеспечения благополучия личности и благоденствия общества. В социальном государстве каждому гражданину должна быть доступна вся полнота гарантированных Конституцией РФ прав и свобод, и обеспечен высокий уровень правовой защищенности всех граждан.

В числе базисных, важнейших особенностей социального государства – обеспечение участия общественных объединений, в том числе политических партий, Русской православной церкви и других традиционных конфессий, в формировании и функционировании гражданского общества. При этом важная роль по участию в управлении производством, общественной и государственной жизнью отводится профессиональным союзам Российской Федерации.

Функционирование социального государства на изложенных выше принципах обеспечивается, прежде всего, с помощью соответствующих **механизмов** социальной политики.

Социальная политика осуществляется в таких основных сферах социальных отношений, как:

– оплата и охрана труда;
– рынок труда, занятость и безработица;
– регулирование доходов и потребления товаров массового спроса;
– пенсионное обеспечение;
– социальное вспомоществование и предоставление адресной социальной помощи;
– социальное страхование;
– социальное обслуживание – обеспечение жильем, коммунальными и бытовыми услугами;
– образование и профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации;
– формирование и востребованность кадрового потенциала общества;
– наука;
– здравоохранение;
– культура;
– физическая культура, спорт и туризм;
– демография, семья, материнство, отцовство, детство и молодежь;
– экологическая безопасность, защита от природных и техногенных аварий и катастроф;
– защита социальных прав всех категорий граждан.

Проводя социальную политику, важно равномерно учитывать все поле ее охвата, не забывая ни одного из перечисленных выше направлений, выделяя на определенных этапах наиболее приоритетные.

Социальная политика на федеральном уровне, на уровне субъекта Российской Федерации и соответствующих органов управления носит в большей мере рамочный, нормативно-задающий характер (разрабатываются и принимаются соответствующие законы, указы, постановления). В реальные дела социальная политика воплощается на городском, районном, муниципальном и корпоративном уровнях (уровне организаций).

Важнейшим инструментом социальной политики социального государства является социальная защита. В целом социальная защита выступает как механизм, призванный ограждать людей от разного рода неблагоприятных для их жизнедеятельности воздействий со стороны социальной среды и смягчать последствия таковых.

В современных условиях российской действительности в социальной защите нуждаются, прежде всего, малообеспеченные, социально уязвимые и бедные слои населения.

Социальное государство присущими ему правовыми механизмами, формами и методами призвано ограничивать своекорыстные интересы тех категорий населения, которые обладают значительным превосходством над другими в богатстве и силе, и ограждать «социально слабые» категории населения от произвола «социально сильных».

Как показывает мировой опыт, наиболее эффективные системы социальной защиты граждан и социального выравнивания их доходов включают в себя налоговые перераспределения, государственные адресные выплаты и пособия, обязательное социальное страхование, пенсионное обеспечение и социальную помощь.

Важнейшими элементами механизмов социальной политики социального государства являются государственные социальные стандарты (ГСС), то есть социальные нормы и нормативы, обеспечивающие реализацию гарантированных Конституцией социальных прав граждан и выступающие одновременно ориентирами в реализации социальной и экономической политики социального государства.

В настоящее время в практической работе при формировании бюджетов различных уровней применяются социальные нормы и нормативы по широкому кругу показателей. Однако этого сегодня недостаточно.

Повышению уровня социальной защищенности человека призвана способствовать государственная социальная стандартизация по всем важнейшим направлениям социальной политики, которая предусматривает введение системы социальных норм и нормативов различного уровня, в том числе минимальных и рациональных.

Большинство этих норм и нормативов является обязательствами государства перед различными категориями и группами населения и должны им обеспечиваться за счет его финансовых ресурсов. Размеры установленных государ-

ством социальных норм и нормативов пересматриваются в зависимости от темпов инфляции и имеющихся экономических возможностей.

Государственные социальные стандарты устанавливаются в виде законодательных актов и (или) других видов нормативных правовых актов и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации.

В результате установления и применения ГСС становится возможным проведение более эффективных мероприятий по:

- удовлетворению важнейших потребностей населения в социальных услугах;
- государственной поддержке развития социальной сферы;
- выравниванию уровня социального развития на территориях субъектов Российской Федерации;
- концентрации финансовых ресурсов на приоритетных направлениях государственной социальной политики;
- планированию и организации предоставления гарантируемых социальных услуг;
- оценке и контролю за деятельностью учреждений и организаций, осуществляющих реализацию государственных социальных стандартов.

Объем публикации не позволяет подробно показать содержание каждого государственного социального стандарта, поэтому мы приведем перечень необходимых стандартов, в числе которых должны быть ГСС в области:

– оплаты труда и трудовых отношений;
– обеспечения занятости и помощи безработным;
– пенсионного обеспечения;
– обеспечения населения товарами, продуктами питания и услугами для всех социально-демографических групп населения;
– обеспечения населения жильем, коммунальными и бытовыми услугами;
– образования;
– науки;
– здравоохранения, физического развития, туризма;
– культуры;
– социальной помощи и социального обслуживания населения;
– обеспечения экологической безопасности населения;
– защиты социальных прав граждан;
– применения налогового и ценового механизмов.

Названные выше ГСС носят примерный характер, а их окончательная разработка с уточнением содержательной стороны каждого норматива и источника его финансирования должны осуществляться Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством о государственных социальных стандартах.

Базисным механизмом функционирования социального государства является его экономическая политика, уровень и состояние социального рыночного хозяйства, обеспечивающие его реальное выполнение социальных обязательств государства перед своими гражданами.

Эти обязательства определяются:

- состоянием и эффективностью государственного и частного секторов экономики;
- долей валового внутреннего продукта (ВВП), направляемой на развитие социальной сферы и удовлетворение социальных потребностей граждан;
- уровнем развития социальной инфраструктуры и материальной базы социальной сферы;
- степенью участия региональных бюджетов в решении социальных проблем.

В процессе становления социального рыночного хозяйства необходимо обеспечить:

- структурную перестройку экономки в интересах всех граждан;
- создание современных производств и высокопроизводительных рабочих мест;
- проведение эффективной кадровой политики;
- повышение экономической активности трудоспособной части общества;
- содействие общественно полезному и эффективному предпринимательству;
- создание социально-справедливой и эффективной системы распределения вновь созданной стоимости между государством, трудом и капиталом;
- усиление социальной направленности налоговой политики и контроля над инфляцией.

Необходимо создание нового и совершенствование действующего законодательства, обеспечивающего соблюдение следующих постулатов и правил:

- Выбор и установление социальных целей является высшим приоритетом деятельности органов власти и управления.
- Конкретный сценарий социально-экономического развития страны на основе альтернативных вариантов на среднесрочную и долгосрочную перспективу (5, 10, 15 лет), обеспечивающий реализацию поставленных социальных целей в минимально возможные сроки, должен подлежать обязательному демократическому обсуждению и законодательному утверждению.

Соответствующее решение должно рассматриваться и одобряться большинством субъектов Российской Федерации, проходить экспериментальную проверку и социальную экспертизу и реализоваться на практике после общественного признания их полезности для всего общества.

Функции, формы и методы (технологии) деятельности субъектов социальной политики по осуществлению выбранного (общественно приемлемого) сценария социально-экономического развития страны подлежат законодательной регламентации.

Четкое законодательное определение функциональной роли государственных органов в управлении экономикой позволит иметь общественно-согласованную концепцию и модель действий всех субъектов социальной политик по реализации принятого сценария социально-экономического развития страны.

Законодательно должны утверждаться также и все документы, принимаемые в качестве нормативной базы для макроэкономического регулирования, в том числе государственная программа стратегии социально-экономического развития страны на 5-10-15-летний период, а также генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ.

Планируемые показатели социально-экономического развития страны должны проверяться на их социальную эффективность и должны иметь обоснование социальных последствий, установленные правила и порядок проведения экспериментов и общественно-независимой экспертизы на соответствие этих проектов или решений социальным критериям, то есть повышению уровня и качества жизни большинства граждан России.

Должна быть обеспечена объективная оценка результатов социально-экономического развития страны. Это предполагает проведение систематического и объективного социального аудита о соответствии законодательно установленных и фактически достигнутых количественных и качественных показателей социального развития в целом по стране и по субъектам Федерации.

Неотъемлемым правилом должна быть и персональная ответственность органов власти и бизнес-сообществ за реализацию основных положений и принципов построения и функционирования отечественного импортонезависимого социально ориентированного рыночного хозяйства и принятых социальных программ.

Формирование социального рыночного хозяйства требует проведения взаимоувязанной активной социально-экономической политики не только на федеральном, но и территориальном (регионы, муниципальные образования) уровнях.

В числе базисных механизмов реализации и функционирования социального государства было и остается право.

Предстоит разработать и принять перечень правовых актов, необходимых для создания и успешного функционирования правового социального государства, который должен постоянно пополняться по мере поэтапного развития страны.

В качестве первоочередных правовых актов, на наш взгляд, необходимо:

- С учетом модельных законов, принятых в свое время ЕврАзЭС, принять федеральные законы «Об основах социальной политики» и «О государственных социальных стандартах».
- Предлагается повысить статус Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и ответственность сторон за выполнение мероприятий Генерального соглашения. Генеральное соглашение, как и отраслевые и территориальные соглашения, должны быть нацелены на решение определенного круга социально-экономических проблем и для их осуществления должно быть предусмотрено необходимое финансирование.
- Усилить нормы законодательства за нарушение, несоблюдение, невыполнение принятых коллективных договоров и соглашений.
- Реформировать законодательство в сфере оплаты труда. В том числе: установить минимальную заработную плату на уровне не ниже прожиточного минимум трудоспособного человека, а сам прожиточный уровень – на уровне, обеспечивающем достойную жизнь и свободное развитие человека, как это определено статьей 7 Конституции Российской Федерации.
- Совершенствовать законодательство в области социального страхования.
- Разработать и принять закон «О трудовом арбитраже».

Наряду с принятием новых законов представляется целесообразным внесение необходимых изменений и дополнений в действующее законодательство, приведение его в соответствие с положениями и принципами правового социального государства с социальной рыночной экономикой.

Одним из ключевых механизмов функционирования социального государства является **государственная кадровая политика Российской Федерации**, которая призвана обеспечить:

- разработку основных принципов и приоритетов в области профессионального развития кадрового потенциала общества;
- разработку принципов и механизмов экономического стимулирования субъектов управления по обеспечению востребованности, трудоустройства кадрового потенциала, в том числе молодежи и лиц старшего возраста и повышения их квалификации;
- формирование правовых и организационных основ по защите общества от непрофессионализма и защите интересов граждан, занятых в различных сферах общественно-полезной деятельности;
- разработку экономических механизмов распределения кадрового потенциала с целью обеспечения и сохранения единого социокультурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации.

Заключение

Социальное государство – не раз и навсегда сформировавшийся и застывший тип государства. Оно развивается и трансформируется в той же мере, в какой развиваются и трансформируются общество и экономика, сохраняя постоянную взаимосвязь между ними. Наиболее сложная задача при этом – соблюдение постоянного баланса между ры-

ночной экономикой и устранением явного социального неравенства, порождаемого ею. А основная проблема – установление границ, пределов вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь, которые определяются тем, что, с одной стороны, оно не должно стать тормозом развития экономики, а с другой – обязано правовыми мерами обеспечить каждому человеку реализацию его права на достойную жизнь. Степень участия государства в регулировании экономикой должна, на наш взгляд, быть обратно пропорциональной состоянию отрасли или сферы: чем хуже оно, тем государственного участия (правовыми, финансовыми, и другими методами) там должно быть больше, а по мере исправления положения – уменьшаться до минимума.

Граждане России в 1993 году по своей воле стали на путь строительства правового социального государства. Такую же модель и ряд других стран СНГ. Поэтому конкретный опыт дальнейшего развития в Российской Федерации правовых основ и конкретных механизмов функционирования правового социального государства с социально-рыночной экономикой возможно представит интерес и для других стран.

Для отечественной практики положения Концепции социального государства Российской Федерации могут быть использованы при разработке программ социально-экономического развития страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Реализация конституционной цели по созданию и развитию правового социального государства является не просто желаемым, предпочтительным, но и единственно возможным, безальтернативным вариантом для России. Для органов государственной власти и управления, хозяйствующих субъектов, общественных объединений концепция может быть своеобразной дорожной картой для выработки и реализации программы действий по дальнейшему строительству в России социального правового государства.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

ПРАЗДНИКИ РОССИИ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова*: праздничная культура России, память, национальная идентичность.*
Keywords*: Russian holiday culture, memory, national identity*

Национальные праздники являются значимыми факторами формирования и сохранения национальной идентичности. Включая в себя ритуальные, символические и идеологические элементы, они способствуют укоренению в общественном сознании определенных ценностей и, в итоге, укрепляют единство нации. Праздник нарушает обычный ход времени, в то же время он, как правило, воспроизводит эпизод (или эпизоды) давнего или относительно недавнего прошлого, то есть выступает своеобразным мемориалом. «Система национальных праздников образует каркас любого здорового государственного образования, дает зримое выражение государственной идеологии, вокруг них строится национальная идентичность», – справедливо утверждает Д.А. Шевлякова[1].

В числе государственных праздников России – День России и День народного единства. Эти праздники достаточно «молодые», поэтому не каждый респондент в ходе уличного интервью в состоянии ответить на вопрос об идеологическом содержании 12 июня и 4 ноября. День России связан с принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990). До 2002 г. этот праздник имел другое название – «День принятия декларации о государственном суверенитете Российской Федерации». В отличие от 12 июня, ноябрьский праздник имеет весьма давнюю традицию, что убедительно доказывает А.С. Макашова: «Осенний праздник Казанской иконы Божией матери был одним из государственных праздников допетровского времени, когда сама праздничная культура была связана прежде всего с религиозной сферой. И в послепетровское время он сохранил державный статус, олицетворенный Казанским собором на Невском проспекте Петербурга. В советское время главный революционный праздник шел вслед за осенней Казанской, а установление нового государственного исторического праздника в наши дни оказалось перекодированием того же праздничного календаря. Таким образом, традиции ноябрьских празднований, имеющие государственный характер, продолжаются непрерывно с 1648 г., но постоянно изменяются в соответствии с историческими, культурными и политическими событиями»[2].

Национально консолидирующее значение ноябрьских праздников (как настоящего времени, так и давнего и относительно недавнего прошлого) в России нашло отражение в литературе и искусстве. К событиям Смутного времени обращались в своем творчестве А.С. Пушкин (историческая драма «Борис Годунов»), М.И. Глинка (опера «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»)), Н.В. Кукольник (драма «Рука Всевышнего Отечество спасла»), А.К. Толстой (трагедия «Царь Борис» в составе драматической трилогии), А.Н. Островский (исторические пьесы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»), К.Е. Маковский (картина «Воззвание Минина к нижегородцам»), М.И. Скотти (картина «Минин и Пожарский») и др. Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади работы скульптора И.П. Мартоса выступает одним из символов военной мощи и государственности России. Не случайно трансляция Парада Победы обычно начинается с панорамного вида Красной площади, с акцентированием известного патриотического жеста Козьмы Минина, запечатленного в монументе.

Ноябрьским праздникам советского периода было посвящено большое количество произведений изобразительного искусства, скульптуры, литературы и кино. Даже дети дошкольного возраста с воодушевлением декламировали стихи С. Маршака: «День седьмого ноября – красный день календаря». В то же время люди, которые не вполне сочувствовали официальной советской идеологии или вовсе ее не принимали, тем не менее, испытывали амбивалентное состояние душевного подъема и единения со своей страной, что наглядно показано в рассказе С. Довлатова «Представление»: «Вдруг у меня болезненно сжалось горло. Впервые я был частью моей особенной, небывалой страны. Я целиком состоял из жестокости, голода, памяти, злобы… От слез я на минуту потерял зрение. Не думаю, чтобы кто-то это заметил…

А потом все стихло. Последний куплет дотянули одинокие, смущенные голоса.

– Представление окончено, – сказал Хуриев.

Опрокидывая скамейки, заключенные направились к выходу»[3].

---

[1] Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. – М.: Университетская книга, 2011. – С. 98.

[2] Макашова А.С. Традиции ноябрьских праздников в истории России: символическое содержание праздников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – СПб., 2012. – С. 131.

[3] Довлатов С. Представление // Довлатов С. Представление. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – С. 110.

Сюжет процитированного рассказа С. Довлатова – исполнение силами заключенных колонии и сотрудницы административно-хозяйственной части идеологически выверенного спектакля о В.И. Ленине – имеет гротескную основу. Но над официальными государственными праздниками иронизировал в свое время еще великий русский сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города»: «Праздников два: один весною, немедленно после таянья снегов, называется «Праздником неуклонности» и служит приготовлением к предстоящим бедствиям; другой – осенью, называется «Праздником предержащих властей» и посвящается воспоминаниям о бедствиях, уже испытанных. От будней эти праздники отличаются только усиленным упражнением в маршировке»[1].

Вернемся к официальным государственным праздникам. В реестр праздничных нерабочих дней входят также Новый год (как известно, празднование начала года 1 января было учреждено Петром Первым по европейскому образцу), День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда и День Победы. Два праздника (23 февраля и 8 марта) в коллективных представлениях дифференцированы по гендерному признаку. День защитника Отечества родственен Дню Советской армии, который отмечался в СССР, а День весны и труда, соответственно – Дню международной солидарности трудящихся. Традиции празднования 8 марта и 1 мая восходят к событиям из истории международного рабочего движения, но сведения об истории происхождения этих праздников практически отсутствуют у среднестатистического россиянина.

В России много памятных дат, часть которых близка к понятию национального праздника. 12 апреля – День космонавтики, закономерно связывается в массовом сознании с достижениями страны в освоении космического пространства. Состав памятных дат и дней воинской славы регулируется законодательно – Федеральным Законом от 13 марта 1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями).

Праздники из сферы народного календаря носят фольклорный характер. В народном календаре они преимущественно были связаны с днями солнцеворота и началом (окончанием) сельскохозяйственных работ. Наиболее популярными являются Масленица и День Ивана Купалы. Праздники народного календаря не являются специфически русскими, а отмечаются в той или иной форме и в других славянских странах. Многие фольклорные праздники под влиянием принятия христианства контаминировались с христианскими праздниками. Так, Масленица стала отмечаться перед Великим постом, что не всегда совпадает с приходом календарной весны.

В православном календаре практически каждый день недели посвящен тому или иному святому. Существуют двунадесятые праздники с постоянной датой и переходящие праздники (например, Пасха и Троица). Наиболее чтимыми праздниками у православных россиян являются Рождество Христово и Пасха. В концептосфере национальной идентичности особую ценность имеет почитание местных святых, в том числе Даниила Московского, Ефросинии Суздальской, Петра и Февронии Муромских, Серафима Саровского и др. «Региональная» принадлежность Крестителя Руси – князя Владимира, относительно недавно приобрела политическую окраску.

Некоторые памятные даты также имеют православную основу. Это, например, 25 января – День российского студенчества, или Татьянин день. День памяти Св. мученицы Татианы связан с основанием Московского университета. Светский характер этот праздник он приобрел еще в XIX в., точнее, утром проводились соответствующие религиозные службы, а вечером – неофициальная часть праздника, отмечавшегося с широким размахом и описанная в свое время В.А. Гиляровским и А.П. Чеховым.

Традиция празднования Татьянина дня была восстановлена только в начале 1990-х, когда в Московском государственном университете начал официально отмечаться Татьянин день. В 2005 г. он приобрел статус памятной даты и распространился и на другие учебные заведения. В настоящее время в МГУ имени М.В. Ломоносова Татьянин день имеет широкую программу, включающую и православный молебен, и собственно студенческий праздник, и торжественное собрание профессорско-преподавательского состава. В 2016 г. мероприятия, приуроченные к Татьяниному дню, проходили в течение двух недель и вместили в себя даже День открытых дверей для абитуриентов.

Другой православный праздник, день памяти русских святых Петра и Февронии Муромских, с 2008 г. стал отмечаться в нашей стране как День семьи, любви и верности. В противовес празднику западного происхождения, Дню Святого Валентина, отечественный праздник обрел свою символику (ромашки вместо валентинок).

В некогда «самой читающей стране» проводятся и литературные праздники. День рождения А.С. Пушкина, известный как Пушкинский праздник поэзии, в нашей стране с 2011 г. официально стал отмечаться как День русского языка (неофициально он начал отмечаться с 1996 г.). С Днем русского языка соотносится и другой культурно-исторический праздник, имеющий православную основу. Это 24 мая, день памяти святых Кирилла и Мефодия – День славянской письменности. В Болгарии этот день отмечается как официальный государственный праздник. В последние десятилетия День славянской письменности проводится как в России (концерты на Васильевском спуске и на Красной площади, научные мероприятия, выступления фольклорных коллективов и т.п.), так и в других странах славянского мира.

К числу региональных праздников относятся, с одной стороны, национальные праздники народов России (например, Сабантуй), а с другой стороны – собственно местные праздники, рассчитанные на привлечение туристов. В числе подобных праздников, например, – Праздник огурца, который проводится в Суздале и отмечается в третью субботу июля.

Феномен глобализации накладывает определенный отпечаток не только на костюм, моду и кулинарные предпочтения россиян (самыми показательными примерами является «победоносное нашествие» джинсов и продукции компании Coca-Cola), но и на состав праздников. Это прежде всего касается таких праздников, как День Святого Ва-

[1] Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. – Т.2. – М.: Правда, 1988. – С. 450.

лентина и Хэллоуин. По поводу Хэллоуина неоднократно высказывались суждения, побуждающие его запретить, на что официальная пресс-служба справедливо заметила, что Новый год по своему происхождению также связан с иностранной традицией. На наш взгляд, популярность Дня Святого Валентина и Хэллоуина обусловлена бытованием этих неофициальных праздников преимущественно в молодежной среде, которая открыта всему новому, с одной стороны, а с другой – их зрелищностью и коммерциализацией.

За пределами приведенного выше обзора остались профессиональные праздники, некоторые из которых широко известны (например, День учителя) и являются элементом профессиональной идентичности. Однако ответ на вопрос, какие же праздники в России имеют отношение к концептосфере национальной идентичности, не так прост, как кажется на первый взгляд. День России, День народного единства и День защитника Отечества относятся к российской идентичности. Праздники народов России принадлежат культурному пространству национальной идентичности народов России. Местные праздники связаны с региональной идентичностью. День Победы объединяет народы-победители в Великой Отечественной войне. День славянской письменности, равно как и Масленица, входит в сферу славянской идентичности, в то время как День русского языка, отмечающийся в день рождения А.С. Пушкина, несомненно, относится к концептосфере русской национальной идентичности (ее элементами являются также православные праздники, посвященные русским святым). Вспоминается хрестоматийно известная фраза: «Пушкин – наше всё», – в которой и содержится ответ на вопрос о «русскости» праздников России.

Лившиц В.Н.
д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИСА ФИЦ ИУ РАН
Тищенко Т.И.
к.э.н., с.н.с., ИСА ФИЦ ИУ РАН
Фролова М.П.
к.э.н., с.н.с., ИСА ФИЦ ИУ РАН

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО – ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ[1]

Ключевые слова: *социально-экономическая политика, парадигма, либерализация.*
Keywords: *socio-economic policy, paradigm, liberalization.*

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.
Н. Некрасов, «Железная дорога», 1864

Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет.
Граф А.К. Толстой[2]

2016 г. – год Огненной обезьяны и вполне понятно, что, осуществляя почти четверть века в России радикальные реформы, наши властные структуры, привыкшие обезьянничать, списывать с Запада или следовать рекомендациям западных советников, хотели бы опять воспользоваться этим методом при решении вновь возникающих или обострившихся проблем.

Сегодня, по нашему мнению, к последним можно и нужно отнести такие проблемы как чрезмерная бедность и несправедливое распределение доходов среди россиян.

Реформаторы вынуждены расписаться в своем полном бессилии в решении обретенных постсоветской Россией давно, казалось бы, забытых в нашей стране проблем чрезмерной бедности и неравномерного распределения доходов. После недолгого периода частичного улучшения в «тучные» 2000-е годы ситуации, катастрофически обвалившейся с началом реформ 90-х, сейчас вновь началось ее резкое обострение. Негативную тенденцию подтверждает официальная статистика[3], вынуждено признать ее и само реформаторское правительство[4]. Эти обстоятельства требуют корректного анализа изменившейся сущности указанных проблем и поиска новых подходов к их решению с учетом как внутрироссийских реальностей, так и общемирового контекста.

Общемировой контекст проблем бедности и неравенства

Россия, ставшая частицей глобального капиталистического мира, приобрела и все его хронические проблемы. В их ряду одной из наиболее острых и болезненных является проблема бедности, сопровождающая развитие капиталистической цивилизации на протяжении веков. Актуальной она остается и в XXI веке. По данным благотворительной организации Oxfam, «состояние 1% богатейших семейств мира сравнялось с состоянием остального человечества». Чтобы попасть в этот 1% нужно иметь в общей сложности не менее $760 000, чтобы попасть в 10% богатейших землян – от $69 000. В докладе 2014 года с беднейшей половиной населения земли сравнивалось 85 богатейших людей, в 2010 г. – 388...[5] Это означает, что в мире имеет место чудовищное расслоение жителей по уровням богатства и

[1] Частично работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты 16-06-00098 и 16-06-00229).

[2] Лейтмотив знаменитой поэмы А.К.Толстого: «История государства российского от Гостомысла до Тимашева», 1868.

[3] По данным Росстата, реальные доходы россиян в феврале 2016 г. снизились на 6,9 процента по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Средние доходы граждан страны составили чуть больше 28 тысяч рублей, увеличившись за год на 0,5 процента, а средняя зарплата – 32,9 тысячи рублей (выросла на 5,3 процента в номинальном выражении и уменьшилась на 2,6 процента в реальном). В 2015 г. число россиян с доходами ниже прожиточного минимума превысило 19 миллионов человек.

[4] Выступая на Неделе российского бизнеса в Москве вице-премьер Ольга Голодец констатировала, что число россиян, испытывающих нужду, в последнее время значительно возросло в связи с резким падением доходов. «У нас обозначается резкое падение доходов. Резкое – и по реальному уровню заработной платы, и вообще доходов» – подчеркнула она. Кроме того, по ее словам, в 2015 г. население страны потеряло свыше 200 миллиардов рублей в пенсионной накопительной системе [1].

[5] По данным Credit Suisse 77% самых богатых жителей Земли проживают в Северной Америке и Европе.

бедности и что «вместо экономики, которая работает на общее благосостояние, для будущих поколений и для планеты, мы создали экономику для 1%» [2].

Этим выводам вторит и другое выполненное под эгидой ООН исследование [3, с. 18]: «разрыв между бедными и богатыми на нашей планете достиг рекордной величины и продолжает расти. Несмотря на огромные денежные вливания, осуществленные за время декад развития, начавшихся в 1970 году, несмотря на триллионы долларов, потраченные на помощь в развитии, ситуация остается удручающей. Половина населения Земли имеет доход менее 2 долл. в день».

Раздаются призывы к богатым странам сдержать рост неравенства, и выражается оптимизм по поводу возможности для бедных стран выскочить из ловушки хронической бедности. Так в [4] отмечается, что «Отсталость не приговор. Бедность тоже. Страны могут меняться, причем довольно быстро, если есть целевая и осмысленная помощь. Картину омрачает только то, что пропасть между бедными и богатыми по-прежнему бездонна». «Бывший глава Microsoft Билл Гейтс оптимистичен: за последние полвека бедность уже значительно отступила и к 2035 г. бедных стран почти не останется».

Свой прогноз Гейтс строит на отдельных фактах, якобы опровергающих распространенную предубежденность в том, что бедные страны обречены на бедность. При этом он приводит в пример Африку. Гейтса вдохновляет, что семь из десяти быстро развивающихся экономик мира – африканские. По сравнению с 1990-ми продолжительность жизни на континенте удвоилась. С 1998 г. подушевой доход в странах к югу от Сахары вырос на две трети (с $1300 до $2200).

Но нельзя забывать, что «мир богатеет крайне неравномерно» и богатые страны тоже не стоят на месте, и совсем неочевидно, что отмеченные успехи отдельных бедных стран будут способствовать преодолению их отставания. Проблемы несправедливого неравенства и бедности, обеспечения всему населению высокого материального, социального и культурного уровня жизни носят фундаментальный характер и, по нашему мнению, в рамках социально-экономического механизма неолиберального толка не могут быть эффективно решены.

Российские особенности проблем бедности и неравенства

Особенность рассматриваемых проблем в нашей стране определяется уникальной исторической траекторией ее развития. На протяжении очень короткого периода в XX веке в стране трижды кардинально менялись фундаментальные основы жизнедеятельности, то, что раньше мы называли общественно-экономической формацией: сначала скачок из феодально-самодержавного строя в капитализм, затем тут же прыжок в социализм и потом опять назад в капитализм. И эти резкие перескоки сопровождались столь же резкой сменой и сущности проблем бедности и неравенства, и подходов к их решению.

Не имея возможности глубоко погрузиться в наше прошлое, обратимся к событиям постсоветского периода. Переход от централизованно-плановой к рыночной экономике оказался связанным со многими очень серьезными позитивными и негативными последствиями. Как подробно представляется в ряде работ [5, 6, 7 и в др.] к *позитивным последствиям,* в первую очередь, следует отнести демократизацию различных сторон общественной и экономической жизни, создание элементов рыночной инфраструктуры и развитие сферы услуг, ликвидацию товарного дефицита, расширение экономической свободы деятельности бизнеса и возможностей населения к самостоятельной и добровольной перемене мест жительства, работы и отдыха.

К более весомым *негативным последствиям* относятся, прежде всего, резкий, особенно в 90-е годы, спад производства, недопустимые устаревание и износ оборудования в экономике в целом и практически во всех отраслях и регионах и, тем самым, разрушение существовавшего мощного производственно-научного потенциала страны, интенсивный рост безработицы, снижение реального уровня жизни основной массы россиян, чрезмерная дифференциация доходов населения и рост бедности значительных его слоев, возникшие серьезные демографические проблемы, особенно россиян мужского пола, и общего старения россиян, из-за заметного сокращения рождаемости и продолжительности жизни, коммерциализация и криминализация политической, социальной и хозяйственной жизни.

Представляется, что в значительной мере все это было прямым следствием избранной реформаторами *неэффективной для страны тактики* проведения рыночных преобразований – посредством шоковой терапии, ваучерной приватизации и других мероприятий из «джентльменского набора Вашингтонского консенсуса», рекомендованного международными финансовыми организациями развивающимся странам. Однако в России итог этих усилий явно отрицательный – заметное усиление социально-экономической напряженности в стране, нарушение нормальных воспроизводственных процессов, недопустимая амортизация основных фондов, резкое сокращение производственных инвестиций и в итоге по существу глубокий и долгоиграющий системный социально-экономический кризис. Конечно, были и дополнительные отягощающие состояние экономики причины [ср. 8, 9–11 и др.], например, всякого рода мифы, иллюзии, парадоксы, на которые в своих решениях опирались властные реформаторы и т.д.[1] Влияние большинства из указанных факторов на экономику страны достаточно полно проанализировано в отечественной литературе [8, 12, 13 и др.]. Однако негативной роли сильной дифференциации доходов в рыночной экономике нам представляется уделено явно недостаточное внимание.

[1] Обоснование этих важных положений (о системном кризисе в России после 1992 года и его причинах, а также о нестационарности российской экономики в течение всего периода реформирования 1992–2015 гг.) говорилось и ранее (в том числе в некоторых наших докладах, а более подробно, опираясь на официальную информацию Росстата в монографии [8]). По указанным причинам, чтобы не повторяться и сократить текст, эта информация в текст настоящего доклада не включена.

Дифференциация доходов в России зашкалила и достигла уже социально опасных размеров (коэффициент фондов в целом по стране превысил 20,0, а в Москве он достиг 70 и даже более [14]). Справедливо подчеркивается (с.160) «что снижение избыточного неравенства позволит не только остановить депопуляцию, но и обеспечить существенно более высокие темпы экономического роста. Именно поэтому показатели неравенства и относительной бедности должны стать ключевым ориентиром согласованной экономической, социальной и демографической политики».

Реальные зарплаты в России снижаются день ото дня. По данным Росстата, они упали в прошлом году почти на 10%. Реальные доходы всего населения (включая пенсионеров) – на 4%. Средняя зарплата в России номинально потихонечку растет – сейчас она немного превышает 32 тыс. рублей, а в Москве даже 60 тыс.

В связи с этим возьмем, к примеру, сотрудников аппарата правительства. У них средняя зарплата, если верить Росстату, составила в прошлом году 231,7 тыс. рублей в месяц. Это первое место среди всех федеральных чиновников, которых в прошлом году насчитывалось почти 39,7 тыс. человек. Второе место у работников Администрации Президента -– 217,1 тыс. рублей. Третье – у аппаратчиков Счетной палаты – 188 тыс. [15, с. 1–2].

К этому можно добавить, что изучаемое нами неравенство в России имеет иерархически институциональный характер, т.е. имеют место огромные различия между доходами и богатством не только различных профессиональных групп населения, но и в пределах одной подгруппы между работниками среднего уровня и топ-менеджерами [см. табл. 1].

Таблица 1

Зарплаты компаний в 2014 году, млн. руб. [20]

	Средний доход члена правления (или топ-менеджера)	Средний доход работника группы предприятий	Разница в средних доходах
СБЕРБАНК	209	0,98	216 раз
«ГАЗПРОМ»	149	1,148	130 раз
ГРУППА ВТБ	145	1,115	130 раз
«НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ»	99	0,76	130 раз
«ИНТЕР РАО»	58	0,73	79 раз
X5 RETAIL GROUP	56	0,53	106 раз
РЖД	56	0,5	111 раз
EVRAZ	52	0,64	81 раз
НЛМК	45	0,59	76 раз

Немаловажно и мнение населения, которое согласно опросам ВЦИОМ таково [21]: «наши соотечественники по-прежнему не могут смириться с доходами «эффективных менеджеров» и при этом не верят в собственные возможности зарабатывать больше. О несправедливости распределения в обществе сегодня, как и 25 лет назад заявляет подавляющая часть населения (89%). Однако теперь россияне «разрешают» государству вмешиваться в этот вопрос. Если в 1989 году с тем, что вмешательство в распределение доходов должно сократиться до минимума, соглашались 64% респондентов, то сегодня – только 27%. Это показал недавний опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который охватил 1,6 тыс. человек в 132 населенных пунктах 46 регионов России. Сегодня 51% опрошенных считают распределение доходов в обществе абсолютно несправедливым. При этом 64% заявляют об отсутствии возможностей повышения доходов…Идею ограничить доходы богатых сегодня поддерживает значительно больше людей, чем в годы перестройки. По мнению россиян, разница в заработке должна быть не более чем в 3–4 раза – это самый популярный вариант, за который «проголосовали» 32% респондентов (в 1989 году их было лишь 12%). 18% соотечественников считают, что в стране не должно быть миллионеров…90% уверены, что власть должна гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума (в 1989 году – 84%)…».

Между тем в нашей квазикапиталистической экономике процессы идут скорее в противоположном направлении – так в одной из статей [22, с. 1] отмечается: «Несмотря на спад в экономике, в прошлом году выросло количество богатых граждан, фиксирует статистика Федеральной налоговой службы. Так количество налогоплательщиков, задекларировавших за 2014 год доход более 1 млрд. рублей, возросло на 5,8% – с 292 до 309 человек. Выросло и количество миллионеров. Так количество поданных налоговых деклараций с задекларированным доходом от 1 млн. до 10 млн. рублей выросло на 13% и составило 453 тыс. Увеличилось и количество мультимиллионеров: заработавших в прошлом году от 500 млн. до 1 млрд. рублей стало на 6,6% больше – 453 человека. «Средний» класс, который задекларировал доход от 10 млн. до 500 млн. рублей, почти не изменился: было подано 23,5 тыс. деклараций, что на 1% больше аналогичного показателя за 2013 год». Всего же «во время декларационной компании 2015 года количество деклараций увеличилось на 8% и составило 5,4 млн.».

Ранее консультационная компания New World Wealth в своем исследовании отмечала, что в России более 82 тыс. долларовых миллионеров. Большая часть столь состоятельных людей (свыше 52 тыс. человек) проживает в Москве, что тоже убедительно свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне неравенства доходов населения в нашей псевдокапиталистической стране [16, 23]. Дополнительным аргументом будет и приведенное ниже опубликованное в МК авторитетное мнение главного экономиста Института фондового рынка и управления Михаила Беляева о дифференциации уровней заработной платы наемных работников (при среднемесячной начисленной зарплате россиян около 31 тыс. рублей): «Экономика России переживает сложные времена и, прежде всего, хозяйственные невзгоды испытывают на себе, как водится, рядовые граждане. Их доходы сокращаются, а раскрутившаяся инфляция опустошает карманы наших соотечественников. А вот топ-менеджерам госкомпаний волноваться не о чем. Их кошельки не

только «не похудели», а даже пополнились, о чем свидетельствует и само название упомянутой статьи [20], содержащее информацию о том, что «Топ-менеджеры госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих».

Именно реальными теоретически объективными недостатками капитализма и производных от него теорий родственных ему «измов» по сравнению с социализмом, мне кажется, следует объяснять и приведенное в чрезвычайно интересной и с точки развития экономической теории весьма содержательной и новационной, хотя и весьма нелегко читаемой статье [24], следующее положение: «отдельные авторы по-прежнему настаивают на том, что «социал-либерализм – результат капитуляции значительной части либералов перед социализмом»».

Следует обратить внимание и на то, что в нынешней предвыборной президентской компании одно из первых мест среди кандидатов от демократической партии занял социалист Сандерс, биография которого такая [25]: «…Берни Сандерс напоминает русских революционеров – и не только из-за одноплеменного с ними происхождения, Только если те были из первого поколения местечковых «людей воздуха», то он из второго родился в семье польских евреев-эмигрантов и до сих пор не избавился от бруклинского акцента. И то сказать: интернациональные идеи приглушили в нем национальные чувства. Несколько месяцев работы в кибуце никак не повлияли на его мировоззрение, да и поехал он туда не как религиозный иудей или убежденный сионист – ни в одном глазу ни того, ни другого, но единственно чтобы глянуть на социалистическое устройство. Как не сделал из него поклонника советской системы медовый месяц, проведенный со второй женой Джейн О'Мера в Ярославле, побратиме вермонтского города Берлингтона, где Берни был трижды избран мэром и по версии престижного журнала U.S.&World Report числился одним из лучших американских мэров. В самом Вермонте у него до сих пор легендарный статус фольклорного героя – заступника простых людей и глашатая социального равенства. Вермонт несколько раз его избирал конгрессменом, а потом и сенатором – как независимого кандидата с социалистическим уклоном. В Демократическую партию он вступил только в прошлом году и то вынужденно, поневоле, нацелившись на Белый дом и продолжая придерживаться своих социалистических идей. …В демократической паре бывшая первая леди и бывший топ-дипломат Хилари Клинтон олицетворяет прошлое, тогда как социалист Берни Сандерс своими революционными слоганами взывает к будущему. Они взывают к разным частям тела, она – к разуму, он – к сердцу. Какой зов сильнее? Пока что 74-летний Берни Сандерс вернул интерес к политике у молодежи, для которой он является безусловным вожаком и кумиром. На первых конкурсах и праймериз они голосовали за него почти поголовно… Берни Сандерс на первичных выборах в Нью-Гемпшире побил все рекорды, победив Хилари Клинтон в той же возрастной категории со счетом 92 к 8. Впрочем, и «синие воротнички», работяги, трудовая Америка, независимо от возраста, в большинстве своем за Сандерса».

Конечно, вряд ли он победит в ноябре 2016 года – сомнительно, что Большой Бизнес это допустит, но все же симптоматично, что в цитадели маккартизма он вышел далеко вверх.

Кстати в этом плане интересен и вполне с социалистическим привкусом прогноз, который миру на столетний горизонт, обращаясь к внукам, дал на будущее совсем не социалист великий Дж. Кейнс в 1931 году: «В долгосрочном периоде – в течение ближайших 100 лет – человечество решит свою экономическую проблему. Я предсказываю, что при отсутствии больших войн и значительного роста населения… уровень жизни в развитых странах возрастет в 4–8 раз по сравнению с нынешним…когда накопление богатства перестанет считаться одной из основных задач общества, изменятся многие нормы морали… Мы установим истинную ценность стяжательства. Страсть к обладанию деньгами – в отличие от уважения к деньгам как средству достижения истинных удовольствий и ценностей – будет считаться постыдным заболеванием…мы сумеем вернуться к некоторым наиболее ясным и недвусмысленным принципам религии и традиционной добродетели: что алчность – грех, что давать деньги в рост – преступно, а любовь к деньгам – отвратительна» [26, с. 65–67].

Таким образом, если подвести некоторый итог вышеизложенному, то он может звучать так. С фундаментальных позиций, т.е. с точки зрения блага страны и ее населения социализм имеет весьма значительные преимущества перед капитализмом и если иметь в виду долгосрочный или даже сверхдолгосрочный горизонт, и предположить, что к нему человечество и население России пройдет цивилизационный разумно-Кейнсианского типа путь, а не апробированный под названием социализма в России в первой половине XX века авторитарно-извращенный путь и стиль жизни, то это будущее в нашей стране, да и в других развитых странах планеты, видится как постепенный переход к нормальному сильному социалистическому обществу со смешанной (планово-рыночной) эффективной экономикой в демократическом государстве, а не как всемерное усиление в экономике и социуме принципов и методов, имманентных малопривлекательному (см. выше) капиталистическому образу жизни. Т.е. не надо примерять на наше будущее платье социально голого короля**.**

Список литературы

1. В правительстве признали резкое обнищание россиян // Newsland. 2016. – 24 марта. – http://newsland.com/user/4296647978/content/v-pravitelstve-priznali-rezkoe-obnishchanie-rossiian/5131883
2. Райбман Н., Базанова Е. Мировое богатство для 1% населения // Ведомости. – М., 2016. – 20 января.
3. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Пер. с англ. / Под ред. В. Автономова с предисловием К.С. Джомо, Помощника Генерального Секретаря ООН. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015. – 384 с.
4. Махонин А. От редакции: Богатые и бедность // Ведомости. – М., 2014. – 23 января.
5. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. – М.: URSS, 2008. – 245 с.
6. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Системный анализ нестационарной экономики России (1992-2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. – М.: Поли Принт Сервис, 2010. – 452 с.
7. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012. – 416с.

8. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России. 1992–2013. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 640 с.
9. Шляпентох В. Мифология приватизации // Правила игры. Play fair. – М., 1992. – № 1. – С. 75–93.
10. Bairoch P. Mythes et paradoxes de l'histoire economique? – Paris: La Decouverte, 1999. – 290 p.
11. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003. – 304 с.
12. Львов Д.С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. – М.: Экономика, 2000. – 56 с.
13. Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. – М.: Экономика, 1998. – 286 с.
14. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. – М.: М-Студио, 2009. – 188с.
15. Смирнов К. Чиновники дорожают на глазах // МК. 2016. – № 44, 3 марта.
16. Львов Д.С. Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
17. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Учет нестационарностей при оценках инвестиций в России // Аудит и финансовый анализ. – М., 1999. – № 1. – С. 61–90.
18. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. – М.: URSS, 2008. – 245 с.
19. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Системный анализ нестационарной экономики России (1992-2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. – М.: Поли Принт Сервис, 2010. – 452 с.
20. Беляев М. «Зарплатная пропасть» России. Топ-менеджеры Госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих // МК. 2015. – № 31, 16 февраля. – С. 1.
21. Елкина М. Россияне хотят, чтобы власть вмешалась в распределение доходов. – http://izvestia.ru/news /582919#ixzz44TA4 mdM0
22. Баязитова А. ФНС: в России выросло количество миллиардеров и миллионеров. – http://izvestia.ru/news/589145#ixzz44Tk FV1LW
23. Львов Д. Вернуть народу ренту. – М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2014. – 256 с.
24. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциальный патернализм. – М., 2015. (рукопись).
25. Соловьев В. Социалист с человеческим лицом // МК. 2016. – 16 марта.
26. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков. (1931) // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 6. – С. 60–69.

Павлов Б.С.
д.филос.н., в н.с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru
Бердник Л.П.
к.соц.н., доцент ЧелГУ
soclab@econ.cgu.su

КАК ВЫЖИВАЮТ УРАЛЬСКИЕ БОМЖИ: ФРАГМЕНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА *(Мониторинг 1992–2015 гг.)*

Ключевые слова: *бедность, бездомность, граждане ТЖС, «бомж», образ жизни, выживание, социальная реабилитация, семья, сострадание, благотворительность.*

Трансформация российского общества из *«социалистического»* в *«постсоциалистическое»* сопровождалось появлением и широким распространением в социологии понятия *«трудная жизненная ситуация» (ТЖС).* В российском законодательстве к ТЖС относится ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно. Граждан, оказавшихся в такой ситуации, сокращённо называют – *«граждане ТЖС».*

К числу лиц ТЖС следует относить в первую очередь бездомных граждан РФ, которые не имеют оснований для их признания вынужденными переселенцами, а равно бездомных лиц без гражданства, которые постоянно на законных основаниях проживали и после утраты прав на жилые помещения продолжают проживать на территории РФ, а также не имеющих регистрации по месту жительства или по месту пребывания. В 90-е годы в общественном сознании «благополучных» россиян к лицам ТЖС прочно «приклеилось» определение «БОМЖ» – сокращённая аббревиатура оценки жилищной обеспеченности гражданина: «Без Определённого Места Жительства»

В течение первых 10-15 лет противоречивого и непосредственного хода реформирования экономики *(конец 80-х – 90-е годы XX века)* ослабление социальной политики государства, номенклатурно-криминальная приватизация общенародной собственности привели, с одной стороны, к резкому падению уровня и качества жизни значительной части населения страны (по разным оценкам, к бедным относятся от 45 до 80% жителей РФ), с другой – к скоропалительному и фантастическому обогащению очень узкого круга людей [1, 2].

По оценкам специалистов, уже к середине 90-х годов прошедшего столетия до 10 % населения страны можно было отнести к бомжам, беспризорникам, нищим, уличным (привокзальным) проституткам. Ко «дну», как ему и «положено» в природе, примыкало и примыкает сейчас т.н. «придонье» – (по оценкам экспертов – около 5 %) – обнищавшая часть пенсионеров, безработных и т.д., которые пытались (и пытаются в настоящее время) сохранять (пока это возможно) какой-то нравственно приемлемый социальный статус, связанный, прежде всего с постоянным местом проживания, обладанием какой-то жилой площадью. Потеря последней неминуемо влечет их на социальное дно [3, 4].

Анализ публикаций, касающихся социологической характеристики лиц без определенного места жительства, показал, что эта категория людей не является новой для российского общества на переломе XX-XXI веков (ср. исторически существовавшие в России феномены странничества, бродяжничества, нищенства) [5, 6, 7]. Аналогичная ситуация наблюдается и во всех зарубежных странах. Совпадают в основном и социальные причины, приведшие людей к статусу бездомных (безработица, семейные проблемы, длительное пребывание в местах лишения свободы).

Несмотря на существенные социально-экономические преобразования российского социума за последние 15-20 лет, *«проблема бомжей»* остаётся по-прежнему актуальной для большинства российских регионов. Результаты исследований, проведённых авторами в Институте экономики УрО РАН в период с 1990-2015 гг., позволяют говорить о региональных особенностях воспроизводства феномена бездомности граждан, их поведения и путях снижения остроты этой проблемы.

Произошло резкое расслоение по имущественному положению, уровню доходов и, соответственно, потреблению материальных и духовных благ. Причём расслоение практически полярное и очень неравномерное – на одном полюсе очень ограниченное количество богатых и преуспевающих граждан, на другом – большинство экономически активного населения. Вновь формирующийся «средний класс» ещё немногочислен и нестабилен (вспомним разрушительное воздействие на него августовского кризиса 1998 г.) [8].

Главными факторами бедности являются низкая заработная плата, особенно в бюджетных сферах и сельскохозяйственном производстве, хроническое состояние задержек по выплате заработной платы и пенсий, несвоевременная индексация уровня минимальной заработной платы, с которым соотнесена величина пособий на детей, безработица, значительное повышение цен на жилищно-коммунальные и транспортные услуги.

За последние 20-25 лет в мониторинговом режиме в целом ряде исследований социологов Института экономики УрО РАН[1] различным группам респондентов в разных регионах РФ в анкетах задавался вопрос: *«К какой категории населения по уровню жизни Вы относите себя, свою семью в настоящее время?»*. Респондентам предлагалось оценить уровень своей жизни по четырёхзвенной шкале: а) *«пока живём в полном достатке»*; б) *«имеем средний достаток»* – «Б»; в) *«живём на грани бедности»* – «В»; г) *«живём за чертой бедности»* – «Г». О сравнительно неоднозначном социально-экономическом самочувствии уральского населения в процессе экономических реформ свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Самооценка уровня жизни уральских (российских) горожан и селян % от общего числа опрошенных по каждому году, в числителе вариант ответа *«живём на грани бедности»*, в знаменателе *«живём за чертой бедности»*

Год, число опрошенных, чел.	Место опроса, категория респондентов	% / %
1989, 1500	ХМАО Нижневартовск, горожане	28 / 19
1992, 2000	Челябинская область, жители городов и сёл	48 / 7
1994, 520	ЯНАО, Надым, горожане	25 / 3
1996, 1000	Свердловская область, жители городов и сёл	42 / 8
1998, 350	Челябинская область – монородительские семьи	60 / 14
1998, 455	Челябинская область – семьи с детьми-инвалидами	59 / 6
1999, 1360	РФ – 6 регионов (Екатеринбург, Самара, Челябинск, Чита и др.) горожане	37 / 3
2000, 2000	Нижний Тагил, горожане	41 / 6
2001, 630	Краснотурьинск, горожане	31 / 4
2002, 1100	11 городов ХМАО, горожане	17 / 2
2003, 2900	РФ – 5 регионов (Екатеринбург, Самара, Челябинск, Чита и др.), молодые семьи, горожане	22 / 3
2004, 1000	Читинская область, жители городов и сёл	39 / 6
2005, 4000	Екатеринбург, 32 микрорайона, горожане	21 / 4
2007, 650	Екатеринбург, пенсионеры *	68 / 3
2008, 720	УрФО (пять субъектов РФ), молодые семьи	21 / 1
2012, 600	УрФО (пять субъектов РФ), молодые семьи	5 / 0,3
2013, 550,	25 институтов УрО РАН, научные работники	15 / 0,5
2014, 500	7 институтов УрФУ, студентки 2,4 курсов	4 / -
20016, 1200	Средний Урал, молодые инженеры	15 / 1

* Респонденты – клиенты еврейского благотворительного фонда «Центр «Хэсэд-Менора» (г. Екатеринбург) 93% – в возрасте 60 лет и старше.

Нетрудно видеть, что по степени бедности существенно выделяются из общего ряда, с одной стороны, студенты, курсанты, учащиеся, северяне жители городов на территориях «нефтяных» и «газовых» городов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, и, с другой, «семьи риска» – наиболее социально незащищённые группы – монородительские (матери-одиночки), семьи с детьми-инвалидами, пенсионеры, и, естественно, горожане, не имеющие собственного жилья, «собственной крыши над головой» [9].

Патерналистская идеология государства, довлевшая над общественным сознанием российского общества в XX в., не могла не оставить своих глубоких следов. *«Как Вы считаете, почему многие россияне, в том числе уральцы, остаются без достаточных средств существования (в семье) и вынуждены просить (ждать) помощи от кого-либо (государства, городских властей, руководителей предприятий, спонсоров и т.д.), а не обеспечивать себя, свою семью самим, своими силами?»* – мнения трёх групп респондентов по этому вопросу в трёх наших исследованиях распределились следующим образом – табл. 2.:

Таблица 2

Мнения городских жителей на Среднем Урале об основных причинах бедности россиян (% от общего числа опрошенных по каждому опросу):

Опросы	Виноваты, прежде всего:			
	сами	государство	судьба	что-то ещё
«Урал-2003» – безработные	41	45	11	3
«Урал-2010» – Студенты	71	24	9	7
«Урал-2013» – научные работники	43	41	11	10

Точная численность бездомных никому не известна, по различным экспертным оценкам она составляет от 2 до 4% населения страны, причем в эту цифру попадают только граждане, находящиеся в «острой форме бездомности», то есть, уличная бездомность. В Свердловской области статистика выявления и учета бездомных выглядит следующим образом: выявлено лиц Бомж 2008 г. – 4298 чел.; в 2009 г. – 6236 чел.; в 2010 г. – 7377 чел.; в 2011 г. – 8403 чел.; в 2012 г. – 6771 чел.; в 2013 г. – 7880 чел.[2]

[1] Научный руководитель и непосредственный участник исследований – Павлов Б.С.

[2] Категории граждан в «трудной жизненной ситуации». – http://uralsocinform.ru/v-trudnojj-zhiznennojj

Основными причинами бездомности являются следующие:

– семейные обстоятельства (смерть родственников, конфликты, раздел имущества, лишение прав на жилье и др.) – как правило, на фоне алкогольной зависимости;

– мошенничество при совершении сделок с недвижимостью;

– продажа жилья с последующей утратой средств (украдены, отданы за долги или пропиты);

Особый источник пополнения рядов бомжей связан с отсутствием жилья у лиц на момент освобождения из мест лишения свободы. Так, по данным статистики, на середину апреля 2015 г. в учреждениях ГУФСИН Свердловской области содержалось 32 364 чел. – 5750 из них находились в следственных изоляторах. В ведомстве отмечали также, что ежегодно стены исправительных учреждений покидают порядка 12 тыс. человек, срок наказания которых подошёл к концу. Добавим сюда единовременное «пополнение» в 800 амнистированных заключённых, которые планировалось амнистировать в Свердловской области ко Дню Победы – 9 мая 2015 г.[1]

Добавим к этому, что особенно остро проблема лиц категории «бомж» стоит в транзитных территориальных центрах России. Если говорить о Свердловской области, то это города Екатеринбург, Нижний Тагил, Серов, Каменск-Уральский[2].

При всей масштабности проблемы российской бездомности за последние два десятилетия, она ещё относительно «молода». Бездомные в России во многом отличаются от бездомных в странах Западной Европы. Так по данным FEANTSA (Федерация европейских национальных ассоциаций работающих с бездомными), основные характеристики бездомности в Западной Европе это – *бедность, безработица и неграмотность.* В отличие от этого в России бездомных неграмотными назвать нельзя, ибо более половины имеет среднее образование, до 20% – среднее специальное и около 8% – высшее. Это вселяет надежду на то, что при благоприятных условиях они имеют значительно больше шансов на реинтеграции в общество, чем бездомные западных стран.

Вторая особенность российских бездомных, вызывающая тревогу состоит в том, что в России идёт экстенсивное увеличение доли людей, многие годы пребывающих в статусе бездомных, что свидетельствует о хроническом характере этой социальной болезни. Так, по данным MSF с 1996 по 2003 год процент находящихся на улице менее 6 месяцев уменьшился почти в 6 раз, в то же время доля бездомных «со стажем» 6-10 лет возросла почти на 12%. [10]. На вопрос *«Вспомните, как долго Вы обитаете «на улице?»* – ***«Урал-2004»*** ответы наших уральских респондентов распределились так (% от общего числа опрошенных – 520 чел.):

Не более 2-х месяцев	15
3–6 месяцев	11
7–12 месяцев	8
1–2 года	16
3–5 лет	21
6 и более лет	29

Резюмируя данные, заметим, что «привыкание к жизни на улице» отнюдь не способствует возврату бездомного к нормальной жизни *«под крышей дома своего».*

Опираясь на результаты наших исследований, попытаемся, хотя бы в общих чертах прорисовать социологический портрет «портрет» среднестатистического уральского бомжа. Ниже представлены ряд, заданных нами в анкетах вопросов (***«Урал-2004»)*** по поводу тех или иных сторон жизни респондентов и мнение («признания») респондентов по этому поводу (% от общего числа респондентов):

«Какие проблемы являются для Вас самыми главными и требующими первоочередного решения в настоящее время?» – ***«Урал-2004»;***

Отсутствие жилья	79
Отсутствие работы	39
Отсутствие еды	30
Отсутствие документов	28
Проблемы со здоровьем	27
Отсутствие одежды	23
Отсутствие близких друзей, родственников	15
Отсутствие необходимых лекарств	14
Негативное отношение окружающих людей	11
Боязнь подвергнуться насилию, быть физически изувеченным	8

«Имели ли Вы собственное жилье?» – ***«Урал-2004»:***

Имел благоустроенную отдельную квартиру	31
Была благоустроенная коммунальная квартира	6
Имел частный дом, часть дома	11

[1] В Свердловской области ко Дню Победы амнистируют 800 заключенных. – http://slawyanka.info/archives/247281

[2] Вилачева Н. Социальная работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, и лицами, без определенного места жительства, в учреждениях социального обслуживания населения. – http://do.teleclinica.ru

Была комната в доме барачного типа (без удобств)	9
Жил у родственников	14
Жил в общежитии, предназначенном для одиночек	11
Проживал в общежитии семейного типа	5
Снимал жилье (комнату, квартиру)	4
Был в местах лишения свободы	16
Не имел собственного жилья (другой вариант)	4

«Где чаще всего Вы ночуете?» – ***«Урал-2004»:***

В домах ночного пребывания	29
У родственников или сожителей	21
У знакомых, друзей	19
На вокзалах, в подъездах, подвалах	17
В других местах	18
Постоянного места ночлега нет	29

«Человек, писал Ф.Энгельс, – единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим» [11, т. 20, с. 510]. В Российской Федерации пока отсутствуют благоприятные условия для реализации бездомными права на труд, которые предусматриваются п. 1 ст. 6 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах. В соответствии с Трудовым кодексом РФ (*ст. 64 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ*), отсутствие регистрации по месту жительства не может быть препятствием при приёме на работу. Однако бездомные вынуждены работать неофициально – на «чёрном» рынке труда, в связи с тем, что невозможно трудоустроиться без свидетельства о постановке на учёт в налоговом органе (так называемого ИНН) и свидетельства государственного пенсионного страхования, которые человек получает только *по месту жительства.*

В результате «бездомные вынуждены выполнять наиболее опасную, «грязную» и низкооплачиваемую работу. Иногда они работают только за еду и кров. Бессовестные работодатели могут не платить зарплату месяцами или не заплатить вовсе. Гарантий бездомные никаких не имеют, пожаловаться никуда не могут. В случае увольнения они не регистрируются как безработные, даже зарегистрированные в государственных ночлежках» [12].

Вновь обратимся к данным нашего опроса ***«Урал-2004»*** по схеме «вопрос-ответ»:

«Когда Вы лишились работы?» – ***«Урал-2004»:***

Менее одного месяца назад	1
1–2 месяца	2
3–6 месяцев	5
7–12 месяцев	4
1–2 года назад	11
3–5 лет назад	25
6–10 лет назад	20
Более 10 лет назад	24
Никогда не работал	7

«Если Вы не имеете постоянной работы, то почему Вам отказывают в ней? *(можно выбрать несколько вариантов*)» – ***«Урал-2004»:***

Отсутствуют паспорт, прописка	34
Имею судимость	26
Сам не стремлюсь устроиться	21
Имею инвалидность, недееспособен	19
Отсутствует трудовая книжка	16
Из-за внешнего вида	16
Из-за недостаточной квалификации, уровня образования	12
Пенсионер	12

«Если бы Вам предложили выбрать одну из перечисленных ниже работ, на какую бы Вы согласились?» – ***«Урал-2004»:***

Дворник (со служебным жильем)	33
Грузчик	8
Сортировщик овощей, фруктов на «овощебазе»	3
Уборщица	2
Разносчик газет	1,5
Мойщик машин	1,5
Рабочий на земляных работах	1,2
Дворник (без предоставления служебного жилья)	0,7
Рабочий по очистке, озеленению улиц	0,2
Никакая из перечисленных работ не подходит	44
Не ответили	4

Переобучение и связанная с ним возможность найти новую работу могут служить выходом из трудной жизненной ситуации, в которой оказались наши респонденты. *«Если Вам предложат обучение новой профессии (не по специальности), Вы согласились бы (при условии бесплатного обучения)?»* – ***«Урал-2004»*** – распределение ответов по данному вопросу оказалось следующим: переквалификацию и получение новой профессии как выход из сложившейся ситуации рассматривают 42% опрошенных (жители Екатеринбурга, средних и малых городов, Златоуста), а 58% – не готовы к переобучению (в основном вследствие возраста и инвалидности).

Обратимся вновь к классикам. «Для жизни, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – нужны прежде всего пища и питьё, жилище, одежда и ещё кое-что…» [11, т. 3, с. 26]. *Человек становится бомжом по разным причинам. Его можно упрекнуть в слабости характера, неумении противостоять ударам судьбы, сказать «Сам виноват», отвернуться, но нельзя лишать надежды на лучшую долю. Только желает ли этого он сам?* В общей массе лиц без определенного места жительства и занятий выделяется группа с низкой степенью заинтересованности в трудовой деятельности. В большинстве случаев это связано с люмпенским сознанием данной категории бомжей, которая представляет собой модель социального паразитизма. В свою очередь, заинтересованная в трудовой деятельности часть лиц-бомжей сталкивается с безусловной дискриминацией/эксплуатацией при устройстве на работу и в оплате труда, так как большинство бомжей не имеют прописки и документов, подтверждающих их личность. Это, в свою очередь, подталкивает *лиц-бомжей* к криминальному способу добычи средств существования, а, следовательно, они являются ресурсом криминальных структур [13].

«На какие средства Вы живете? Какие материальные источники имеются у Вас в настоящее время?» – ***«Урал-2004»:***

Имеют постоянный доход:	заработную плату	8
	пенсию по инвалидности	17
	пенсию по старости	16
	пособие по безработице	2
Имеют временные приработки:	оказываю услуги знакомым, родственникам (вскопать огород, убрать урожай и т.д.)	26
	собираю и сдаю стеклотару и металлолом	27
	собираю и продаю грибы, ягоды	10
	занимаюсь торговлей и перепродажей	2
	имею личное подсобное хозяйство	2
	есть личные сбережения	1
Помогают родственники		12
Прошу милостыню, попрошайничаю		14
При крайней необходимости совершаю мелкие кражи (еды, вещей)		10
Другие формы и способы получения дохода и средств к жизни		7

Экономически бездомные поддерживают себя сбором и сдачей тары, пригодной для вторичной переработки (стеклянные бутылки, алюминиевые банки, картон), реже – попрошайничеством или грабежами. Как правило, они объединены в локальные сообщества, внутри которых существует определённая иерархия и разделение труда. «Оседлые» бездомные (живущие у вокзалов, станций метро, рынков и т.п.) часто используются для выполнения разовой, как правило, грязной и низкоквалифицированной работы.

Бутылочники – занимаются сбором и продажей бутылок.

Металлисты – эти бездомные занимаются сбором металлолома и его реализацией.

«Инвалиды» – этих бездомных порой специально физически калечат, а затем они стоят на автотрассах либо в подземных переходах, обнажая свои уродства и прося подаяние.

Попрошайки – эти бездомные занимаются попрошайничеством в людных местах, обычно около станций метро и в подземных переходах [14].

Как современные исследования российского «социального дна», так и исследования вековой давности свидетельствовали о наличии особой субкультуры нищих, бездомных, для которых в большинстве своём характерны «зависимые» установки: пассивность, беспомощность, нежелание изменить ситуацию, несвобода. Эти люди всегда были бесполезны не только для других, но и неспособны на самопомощь. И российский, и зарубежный исторический опыт свидетельствуют, что именно психологические установки обитателей «социального дна» являлись той преградой, о которую разбивались и благие намерения филантропов, и репрессивные меры решительной борьбы с этим социальным злом. В качестве примеров приведём данные по ряду фрагментов повседневного образа жизни уральских бомжей – формат «вопрос-ответ»:

Где Вы приобретаете (получаете) себе верхнюю одежду (пальто, плащ, куртку, шапку) и обувь? – ***«Урал-2004»:***

Отдают ненужную одежду знакомые и родственники	38
Получаю бесплатную гуманитарную помощь	28
Нахожу на свалках, у мусорных ящиков	23
Приобретаю подержанные вещи	16
Покупаю новые вещи	11
Получаю в церкви	10
Беру в счет оплаты труда	3
Имею все необходимое, донашиваю старые запасы	21

Вспомните, что Вы покупали за последнюю неделю? – ***«Урал-2004»:***

Еду	65
Табачные изделия	48
Спиртные напитки	26
Предметы личной гигиены (мыло, зубную щетку, пасту)	12
Одежду	6
Обувь	5
Необходимые лекарства	7
Газеты, журналы	4
Практически не покупал ничего	21

Для повседневного образа жизни значительной части уральских бездомных характерны два, в целом асоциальных проявлений; употребление *алкоголя* и *воровство*. В опросе ***«Урал-2004»*** респондентам были заданы два вопроса. Первый – *«Как часто Вы употребляете спиртные напитки?»*. По трём вариантов ответов голоса 520 респондентов распределились так: употребляют алкоголь большинство респондентов (75%): *при этом – «регулярно»* – 20% и *«время от времени»* – 55%. Алкоголь играет многофункциональную роль в жизни уральских бомжей[1]. С одной стороны, он создает контекст общения для людей, находящихся в сходном положении, но не объединенных совместной деятельностью, а с другой стороны, связан с принятыми в обществе ритуалами общения и частично снимает, в момент потребления, элементы статусной неполноценности.

Ответы на второй вопрос – *«Приходилось ли Вам в сложной ситуации прибегать к кражам, воровству?»* показали, что половина опрошенных нами респондентов (51%), по их словам, не прибегали к кражам. Однако, почти треть респондентов (30 %) рассматривают кражу как один из источников выживания. Среди тех, кто совершал такие противоправные поступки, преобладают жители крупных и средних городов Свердловской области. Иногда бомжи грабят оставленные без присмотра приусадебные участки или же используют их как временное место жительства. Известны случаи, когда в сельской местности бомжи перерезáли *(«снимали»)* провода ЛЭП и силовые кабели для последующей сдачи цветных металлов в пункты приема.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал: «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество» [11, т. 21, с. 70]. *Есть ли у опрошенных лиц ТЖС дети?* На данный вопрос были получены следующие ответы более половины лиц ТЖС – бездетны. Имеют одного ребенка 28%, двух детей – 16%, а 2% являются многодетными родителями. При этом необходимо отметить, что более 60% опрошенных не общаются со своими детьми, так что родителями их можно назвать только номинально. Ниже представим два аспекта, касающиеся матримониальных отношений уральских бомжей («вопрос-ответ»):

Общаетесь ли Вы со своими детьми? Если да, то как? – ***«Урал-2004»:***

Встречаюсь с детьми дома	14
Вместе проводим праздники, дни рождения	6
Встречаемся в определенное время и гуляем по улицам	5
Дети сами приходят ко мне в гости	5
Иногда приглашают к себе на обеды, ужины	5
Другие варианты встреч	10
Не общаюсь	66

Если не общаетесь, то почему? – ***«Урал-2004»:***

Не нужен своему ребёнку	27
В другом городе	19
Живёт не знаю где	19
Нет возможности видеться	7
Стыдно	6
Сидит в МЛС	5
Жена против	4
Сдала в детский дом	2
С друг другом не знакомы	3
Лишен(а) родительских прав	2
Не приемлют образ жизни отца	2
Хочу сначала устроиться	1
Нет желания	5

[1] И не только – уральских, и не только – бомжей.

Кто виноват в том, что с Вами и многими другими, оказавшимися «на улице», случилось? – ***«Урал-2004»:***

Сами	47
Обстоятельства	44
Государство	14
Родственники	13
Правоохранительные органы	5
Местные власти	4
Приятели	4
Другие	1

Устраивает ли Вас такой образ жизни? – ***«Урал-2004»:***

Да, удовлетворён	14
Нет	68
Затрудняюсь ответить	18

Как показал опрос, вопреки распространенному мнению, что бомжей устраивает образ жизни, который они ведут, среди респондентов лишь 14% удовлетворены своим положением. Основная часть лиц ТЖС не удовлетворена своим положением и при благоприятном стечении обстоятельств попытается что-либо изменить в своей жизни. «Остаётся немногое» – реализовать это пожелание.

С момента обвального снижения уровня жизни российского населения в первой половине 90-х годов прошлого столетия, то есть с начала экономических реформ, существенно повысилось *(по самооценкам россиян)* финансово-материальное обеспечение населения. Обратимся к данным мониторинговых опросов Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ за период 1992–2014 гг. На вопрос анкеты: *«Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?» к* категориям ***«бедные»*** *– (денег хватает только на приобретение продуктов питания)* и ***«нищие»*** *– (денег не хватает даже на приобретение продуктов питания)* в опросе 1993 г. отнесли соответственно 46 и 16%, в 2003 г. – 36 и 12%, в 2010 г. – 23 и 6%, 2014 г. – 17 и 3% [15].

По данным опросов того же Центра за период 1992–2014 гг. *«дороговизна жизни»* для россиян в числе других факторов, провоцирующих тревожность респондентов, снизилась с 70% *(ноябрь 1993 г.)* до 38% *(июнь 2014 г.)*, а *«повышение цен на продукты питания»* соответственно с 40% *(июнь 2008 г.)* до 27% *(июнь 2014 г.).* В то же время, практически, «остались без изменения» такие факторы, как *«повышение тарифов на услуги ЖКХ»* (с 44% – октябрь 2003 г. до 38% – июнь 2014 г.) и *«разделение общества на богатых и бедных»* – 22%, как в ноябре 1993 г., так и через 21 год – в июне 2014 г.).

В российском обществе существенными продолжают оставаться различного рода социальные противоречия. Обратимся вновь к исследованию московских социологов – табл. 3 [15].

Таблица 3

Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия и неприязнь в современном российском обществе (альтернатива «значительны»)
(РФ, % от общего числа опрошенных по каждому году)

Субъекты потенциальной конфронтации	Годы				
	2005	2008	2010	2012	2014
«Бедными и богатыми»	72	77	71	77	72
«Низшими и высшими классами»	63	69	65	73	66
«Народом и властью»	62	57	63	72	51
«Работодателями и работниками»	44	40	50	52	47
«Начальниками и подчиненными»	37	35	46	47	45
«Людьми различных национальностей»	н.д.	44	43	53	53
«Младшим и старшим поколениями»	27	36	37	36	39
«Предпринимателями и чиновниками»	36	31	35	34	33
«Верующими различных религий»	25	26	29	32	38
«Верующими и неверующими»	13	16	23	21	26

Вполне понятно, что разрешение тех или иных противоречий должно идти не только путём экономических преобразований, но и с помощью демократических форм акцентирования остроты проблем. Вернёмся к основной проблеме нашей статьи. Выше мы уже приводили цифры о масштабах бедности. Нетрудно видеть, что к категории «нищих» в 1993 г. относил себя каждый *шестой* (16%) россиянин, в 2014 г. – каждый *тридцатый* (3%). Несомненно, «подвижка» благосостояния за два десятилетия большая, но… Давайте оценим: что означают 3% нищих в среде такого, скажем, города как Екатеринбург. Это около 30–40 тысяч взрослых горожан, а вместе с детьми – 50–60 тысяч. Представим, что они задумали провести показательную демонстрацию в центре города, «дабы коллективно попросить милостыню у городских властей» и просят санкции администрации на проведение подобной социально защитной акции. И, представим, что они «получили» эту санкцию…». В результате, правоохранительным органам города *(да, и не только города),* как говорится, *«проблем мало не покажется»…*

«Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – отмечал В.В. Путин, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [16].

Небеспредметен вопрос: меняется ли отношение россиян к феномену «городской бомж» в России по мере реализации рыночных реформ? В ряде наших исследований ***(в том числе, «Урал-1997», «Урал- 2003»*** и ***«Урал-2013»***) мы пытались выяснить, какие эмоции вызывают у респондентов представители так называемого *«социального* дна» и *«придонья»* – бомжи, нищие, попрошайки и т.д. Жалеют ли горожане «нищих и сирых»? *«Какие чувства Вы испытываете, встречая в городе людей, оказавшихся в унизительном, бедственном социальном, материальном положении?».* Респондентам предлагалось высказать своё мнение по ряду основных социальных групп горожан, составляющих это самое социальное дно. Приведём полученные данные *по двум группам*: бомжам и детям-попрошайкам – табл.4.

Таблица 4

Отношения городских жителей на Урале к лицам ТЖС (% от общего числа опрошенных по каждой социальной группе, в соответствующем опросе; в числителе – отношение респондентов к *«бомжам»;* в знаменателе – к *«детям-попрошайкам»* на улицах)

Опросы населения На Среднем Урале	Вызывают чувства:			
	жалости, сострадания	брезгливости	опасности	безразличия
«Урал- 1997»	36 / 75	39 / 13	13 / 6	12 / 6
«Урал- 2005»	24 / 69	41 / 11	16 / 9	19 / 11
«Урал- 2013»	46 / 85	30 / 5	13 / 5	11 / 5

Нетрудно заметить, что по отношению к конкретным двум категориям граждан ТЖС опрошенные нами взрослые уральцы испытывают весьма неоднозначное и взаимонеприемлемое отношение: от чувств жалости и сострадания вплоть до чувства брезгливости и опасности. Вполне понятно, что «благополучные» горожане-респонденты «ближе к сердцу» воспринимают несчастье детей, как правило, «не по своей воле» вынужденно оказавшихся в столь нестандартном и неприглядном социальном и материальном положении. Подобные сопереживания и жалость к бездомных, полуголодным «уличным детям» во многих случаях выливается в эпизодическую и незначительную благотворительную помощь в виде денежного подаяния или организации кормления типа незатейливого «А ЛЯ ФУРШЕТ» *(пакет молока – булка)* возле продуктового магазина [17].

Показательны данные представительных *(для взрослого населения РФ)* мониторинговых опросов, проведённых сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады. На вопрос анкеты *«На улицах многих городов часто можно увидеть бомжей, просящих милостыню. С каким из следующих мнений по этому поводу Вы бы скорее согласились?» –* ответы респондентов распределялись так – табл. 5 [18].

Таблица 5

Мнения о россиян об эффективных мерах и способах решения проблем бездомных (% от общего числа опрошенных по каждому году – 1600 чел)

Предлагаемые меры решения проблемы	Годы		
	1997	2002	2007
Нужно активизировать работу специальных государственных служб, отвечающих за помощь бомжам, нищим, бродягам	52	51	59
Нравственный долг каждого – оказывать посильную помощь тем, кто попал в беду, хотя бы время от времени подавая милостыню	13	11	13
Эти люди сами поставили себя в такое положение, они же сами должны из него выпутываться	16	18	13
Нужно с помощью милиции очистить города от бродяг и попрошаек	9	13	9
Меня не интересует эта проблема	4	4	3
Затруднились ответить	6	3	3

Чаще других соглашались с мнением о необходимости активизации помощи бомжам со стороны государства руководители и управленческие работники, военные и работники правоохранительных служб и в целом женщины, россияне в возрасте 40-55 лет, с высшим образованием. Мнение об оказании индивидуальной помощи в виде подачи милостыни наиболее характерно для домохозяек, пенсионеров по инвалидности и в целом женщин, россиян старше 55 лет, с образованием ниже среднего, низкими душевыми доходами. Больше всего полагающих, что бомжи сами виноваты в своём положении и должны рассчитывать только на себя, среди учащихся и студентов, предпринимателей и в целом у мужчин [18].

Можно сделать вывод, что лица бомж считают себя жертвами обстоятельств, большинство из них не поддерживает связей с родными, испытывая обиду на них и весь окружающий мир. Отношение к текущей ситуации – индифферентное, равнодушное, отсутствуют попытки изменить ситуацию. Отношение к социальной помощи – потребительски-циничное, равнодушное. Кто же призван помочь этой категории наших соотечественников?

Судьба социального партнерства в России во многом зависит от расклада сил профсоюзов и организаций предпринимателей. Вопрос в анкете формулировался следующим образом: *«Кто сегодня может наиболее эффективно*

защитить права и интересы простых горожан, связанные с поиском работы, с трудоустройством?». Респондентам из Югры ***(«Урал-2003»)*** предлагалось выбрать не более 2-3 вариантов ответов из предложенного списка.

Таблица 6

Мнения уральцев о том, кто призван и обязан помочь безработным (% от общего числа респондентов по каждой группе; посетители служб занятости – «*П*», специалисты служб занятости – «*С*» и эксперты – «*Э*»)

Реально помочь посетителям служб занятости сегодня могут:	Группы		
	П	*Э*	*С*
Я сам, моя семья	51	31	33
Работники службы занятости	39	18	42
Влиятельные знакомые, друзья	32	52 (!)	46 (!)
Родственники	14	17	21
Областная, городская и районные администрации	11	21	37
Руководители предприятия, организации, где работают (работали) объекты помощи	6	20	32
Суд	7	7	7
Люди, которых мы выбираем в органы власти	6	6	7
Профсоюзы	3,7	9	1,8
Прокуратура	2,3	3,6	9
Церковь, мечеть, синагога и т.д.	2,2	0,9	-
Молодежные и детские общественные объединения	1,3	3,6	1,8
Милиция, правоохранительные органы	0,6	-	-
Госбезопасность, ФСБ	0,8	-	-
Политические партии	0,8	0,9	-

О социальном неблагополучии, мерах и механизмов реабилитации ряда групп уральского населения, относимых к разряду *«социального дна»* и *«социального придонья»* мы писали в ряде работ прошлых лет [19, 20, 21, 22].

Гражданское общество в России – пока еще не завершенный демократический проект, развитие которого тормозится самим состоянием нынешнего российского общества – его социокультурной средой (в частности, патернализмом, традиционностью), неразвитостью социальной структуры, в которой весьма в зачаточном состоянии представлен так называемый средний класс, нищетой и материальной обездоленностью значительной части населения, социально-нравственной деградацией его жизни, характером власти (стремление к монополизации, к несменяемости, закрытости, бюрократизации и пр.).

Уместным будет вновь обратиться причинам устойчивости *«воза, который и поныне там…»*. Не секрет, что в настоящее время многие законодательные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства, проблем молодёжной политики, мягко говоря, «пробуксовывают», «не работают» на региональном и муниципальном уровнях. В связи с этим, в том же опросе ***«Урал-2014»*** экспертов просили ответить на вопрос: *«Как Вы считаете, какие основные причины подобного рассогласования, с одной стороны, «требований верхов» и неадекватной реакции на них со стороны «низов управления»?»*. Полученные нами данные – см. в табл. 7:

Таблица 7

Мнения уральских экспертов об основных причинах неэффективности российского законодательства, направленного на регулирование социальной и молодёжной политики (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Причины «пробуксовки» законодательства	Группы			
	В целом	В том числе по сферам		
		П	О	Н
Резкое социально-экономическое расслоение населения	55	52	50	64
Безразличие, незаинтересованность структур управления в эффективном решении проблем семьи и детства	53	52	46	60
Бюрократизм, коррумпированность сферы управления учреждениями семьи и детства	45	38	46	50
Низкая правовая культура и общественная активность населения	44	54	46	32
«Застойность форм и методов работы государства и общественности с «семьями риска»	42	40	48	38
Несовершенство правовой базы	38	44	44	26
Недостаток квалифицированных кадров воспитателей наставников, социальных работников	37	28	44	40
Слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т.д.)	33	36	34	30
Низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения	33	38	26	34
Социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами	33	34	34	30
Негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам	19	10	30	16

Интерпретацию полученных данных предоставляем самим заинтересованным и компетентным читателям.

Перспективная модель ресоциализации бездомных граждан свидетельствует, что этот процесс — комплексный, требующий взаимодействия учреждений МВД, здравоохранения, службы занятости, образования, культуры, спорта и физической культуры, а также общественных организаций и различных конфессиональных учреждений.

В исследовании ***«Урал-2014»*** нашим респондентам-экспертам задавался вопрос прожективно-прогностического характера, который формулировался так: «*За последние два десятилетия в России существенно «разрослись» некоторые слои населения, относимые к разряду, так называемого «социального дна» Речь идёт, прежде всего, о т.н. бомжах, беспризорных детях, молодых наркоманах, проститутках и т.д. как Вы считаете, уменьшится или увеличиться это социальное зло в г. Екатеринбурге в ближайшие 5–7 лет?»*. Вот каково мнение респондентов относительно различных групп населения города, относимых к разряду лиц ТЖС (% от общего числа опрошенных – 150 чел.): а) считают, что число *бомжей* через 5–7 лет в городе «*уменьшится»* – 14 %, *«останется таким же»* – 47%; *«увеличится»* – 39%. Для других категорий горожан соответствующее распределение прогнозных оценок составило: для *«взрослых нищих»* – 10 / 45 /45%; для *«бездомных детей»* 22 / 49 / 29%; для *«беспризорных детей»* 21 / 45 / 34%.

Несмотря на масштабность российской бездомности, сдвинуть это проблему с «мёртвой точки» мешает, прежде всего, укоренившееся негативное предвзятое отношение к бездомным вообще, которое складывается по самой заметной, самой опустившейся до мусорного бака части бездомного сообщества. Но их-то не более 5–7% – это только верхушка «айсберга». Бездомные – это часть общества и все происходящие в России экономические и политические изменения напрямую отражаются на бездомном сообществе. После амнистии 2000 г. доля бывших заключённых среди обращающихся в медпункт MSF увеличилась с 18,7 до 30,3%. В результате кризиса августа 1998 г. почти на 7% увеличилось число людей, ставших бездомными по причине потери работы. В настоящее время мы *ощущаем последствия* амнистии 2015 г.

И, последнее. Они живут рядом с нами, а мы стараемся их брезгливо не замечать. Они, как модно нынче говорить, – никто *и звать их* – никак. *Однако люди без определенного места жительства, как социальная категория населения, не могут существовать вне общества. На вопрос «Считаете ли Вы свой город постоянным местом жительства?» («Урал-2004») 74%* респондентов подчеркнули вариант *«Да»! Небезынтересен и результат ответов на другой вопрос: Планируете ли Вы переезд из Екатеринбурга (из «своего» города)?»: вариант ответов «Нет» набрал 73%.*

Аббревиатуру «БОМЖ» уже давно никто не закавычивает, никто не воспринимает её как «лицо без определённого места жительства», а пользуется ей как обыкновенным ругательством. Перекочевав из милицейских протоколов в СМИ и в современный русский язык, оно стало «клеймом» для изгоев и пугалом для обывателей. Эти четыре буквы несут в себе укоренившееся предубеждение по отношению к бездомным, ибо – это «*бродяги, попрошайки, грабители, пьяницы, воры и рассадник болезней»*. Кроме того, это уже не просто аббревиатура, это – подмена понятий, позволяющая государству уходить от ответственности за своих бездомных граждан. Логика простая: «лица без определённого места жительства» сами выбрали такую жизнь и, соответственно ***«сами во всём виноваты***». В отличие от этого, признав «законность» появления и существование бездомных граждан, государству придётся признавать и их конституционные права.

Универсальных рецептов в решении социально значимых проблем бомжей, очевидно, нет и быть не может. Но ясно одно: они должны быть под такой же защитой государства и органов социальной защиты, а значит, закона, как и остальные группы риска. Стремление государства проводить «социально-трудовую реабилитацию» исключительно авторитарными и карательными методами до крайности минимизирует возможности бездомных.

Полностью победить бездомность невозможно, но снизить ее до социально терпимого, приемлемого уровня вполне реально, нужна лишь политическая воля. Именно социальный, а не милицейский подход к бездомным должен стать основой для новой идеологии помощи и социально-трудовой адаптации этой категории населения. «Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность» [16].

Список литературы

1. Павлов Б.С. Анисимов С.А, Бердник Л.П., Вишневецкий В.Н., Заякина О.А., Зверева Г.Л., Иванова В.Ф., Мерзлякова Т.Г., Павлов Д.Б. и др. Граждане ТЖС на Среднем Урале: предпосылки, масштабы феномена, проблемы реабилитации. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2005. – 96 с.
2. Алексеенко Т.А., Иванова В.Ф., Ишутина Т.А., Козлов В.Н., Павлов Б.С., Татаркин А.И. Семейная политика в регионе: состояние и механизм реализации (на примере Челябинской области). – Екатеринбург; Челябинск: ИЭ УрО РАН, 1996. – 135 с.
3. Рубвальтер Д. Социальная динамика и формирование среднего класса // Власть. – М., 1996. – № 12. – С. 32–36.
4. Римашевская Н.М. Социальное дно // Власть. – М., 1999. – № 9. – С. 30–36.
5. Прыжов И.Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. – М.: ТЕРРА, 1997. – 240 с.
6. Романов С.А. Нищие. Роман. – М.: Эксим, 1998. – 384 с.
7. Крестовский В.В. Петербургские трущобы: Роман. В двух томах. Т. 1. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 608 с.
8. Козырева П.М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России / Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. – М.: Новый хронограф, 2013. – 328 с.
9. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. – № 7. – С. 128–138.
10. Анисимов С.А., Бердник Л.П., Павлов Б.С. Граждане ТЖС на Среднем Урале: предпосылки, масштабы феномена, проблемы реабилитации. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. – 96 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

12. Смирнов С.Н. Лица без определённого места жительства: финансовая оценка государственной политики // Человек и труд. – М., 2004. – № 3. – С. 37.
13. Курушин В.В. Система социальной адаптации лиц без определенного места жительства в условиях мегаполиса: социологический аспект. Автореф. Дисс. на соискание уч. степени к.социол.н. – М., 2004. – 22 с.
14. Проблема бездомных в России. – https://ru.wikipedia.org/wiki
15. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 52 с.
16. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию (12 декабря 2012 года) – http://www.b-port.com/news/item/93504.html
17. Павлов Б.С., Силин Я.П., Татаркин А.И. Городская власть и горожане: прямая и обратная связь. Дайджест-информация по итогам 5-ти массовых опросов населения г. Екатеринбурга: 1997 – 1998 г. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 1998. – 122 с.
18. Проблема бомжей в общественном мнении. – http://www .levada.ru/16-01-2008/problema-bomzhei-v-obshchestvennom-mnenii
19. Гартман Н.А., Павлов Б.С., . Татаркин А.И., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Заякина О.А. и др. Люмпенизация населения как следствие асоциального реформирования экономики (на примере Уральского региона). – Ч. 1. Состояние проблемы: обнищание российского общества. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2000. – 118 с.
20. Безнадзорные дети в регионе как объект социального призрения / Б.С. Павлов, Ж.П. Александрова, А.С. Анисимов, С.А. Анисимов, Л.П. Бердник, Д.Б. Павлов, Н.И. Разикова и др. – Екатеринбург: Ин-т эконом. УрО РАН, 2003. – 105 с.
21. Павлов Б.С. Детские дома в России: опыт ретроспективно-прогностического анализа (На материалах социологических исследований). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. – 450 с.
22. Павлов Б.С. Деструкции семейных отношений в зеркале социологического анализа // Социум и власть. 2013. – № 4. – С. 27–35.

Тимощук А.С.
д.филос.н., заведующий кафедрой связей с общественностью Владимирского филиала НГЛУ

РЕФОРМА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСОНАЛИЗМА

Ключевые слова: *реституция, ресторативная юстиция, медиация, персонализм, реформа УИС, неклассическое общество, неклассическая рациональность.*

Христос умер не для того, чтобы спасти людей, а для того,
чтобы научить их спасать друг друга
О. Уайльд

Любое общество нуждается в долгосрочных идеях-скрепах, определяющих его устойчивое развитие. В Древней Индии таковой была «дхарма», в Египте – «маат», в Китае – «жэнь», на арабском Востоке – «шариат». Христианские страны – основной мотор модернизации и вестернизации – долгое время осуществляли свою глобальную экспансию под знаком «гуманизма», однако сейчас этот бренд признаётся слишком узким по экологическим параметрам. Для того чтобы наша глобализированная цивилизация обладала устойчивой стратегией развития, её базовые ценности должны учитывать и природу в целом, а не только права человека. Ещё софист Протагор из Абдеры усомнился в человеке как вершине эволюции, начав своё сочинение с тезиса о его относительности: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют». Он же, по свидетельству Платона, высказывает сомнение в популярном тогда религиозном подходе к мере установления справедливости: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка». В этом смысле, концепт персонализма является наиболее рациональным и прагматичным консенсусом между гуманизмом и теизмом, поскольку, с одной стороны, он допускает передачу межпоколенческого опыта помимо Homo sapiens и, таким образом, не ограничивает возможность существования личности помимо этого вида, а, с другой, – избегает стратегии, которую мы не можем проверить относительно мира ангелов, инопланетян и иных вероятных существ.

Конечно, действующая Конституция тематизирует человека, провозглашая его права и свободы высшей ценностью, и было бы весьма непрактично распространять эти права на иных крупных млекопитающих, дельфинов или даже на всё живое, хотя проекты эко-конституции постоянно совершенствуются. Следует помнить, что «гуманизм» и «персонализм» соотносятся как вид и род: всякий гуманизм есть родовое проявление ценностного отношения к личности, вместе с тем, не всякий персонализм будет гуманизмом, поскольку первый более целостен, включая в своё поле всё мироздание, считая его проявление личностным и целесообразным, но не случайным и отчуждённым.

Категория персонализма берётся нами не в узком смысле как «экзистенциально-теистическое философское направление, признающее человеческую личность и её духовные ценности высшим смыслом земной цивилизации», а как космическая универсалия, энергийно-этический фундамент мировоззрения и поступка. При этом персонализм укоренён взаимообусловленными процессами отношения к Другому как личности, конкретизацией личностного подхода в культуре и праве, постоянной внутренней работой по самоуглублению и самоспасению.

Экологическое измерение персонализма можно сопоставить с глобальным коммунитарным трендом: африканской философией убунту (вера в покровительство вселенной, этика открытости и солидарности, уважение единства и различия мужчин, женщин, животных), индийским мировоззрением ненасилия ко всему живому (ахимса), русской соборностью (свободное единство живой веры, органическая целостность в духе).

Цель аналитического изыскания – раскрыть эволюцию пенитенциарной государственной службы в связи с концептом персонализма. Почему же данная тема является актуальной для уголовно-исполнительной системы (УИС)? Какая необходимость увязывать западные традиции с современными российскими реалиями УИС, если вполне хватает общечеловеческих и российских факторов? Приведём три аргумента в пользу своей убеждённости.

1. УИС является не только узко-профильным институтом по исправлению осуждённых. Деятельность системы непосредственно вписана в общеполитическую стратегию государства и общественных правоотношений. Это характерно можно наблюдать на примерах трёх этапов тюремного ведомства: 1) сословный характер изоляции от общества до революции, 2) ГУЛАГ как трудовой воспитательный институт, 3) гуманизация условий отбывания наказания в ФСИН. Налицо вписанность пенитенциарной политики в общую динамику развития общества и права. Поэтому вопросу эволюции пенитенциарной системой в связи с развитием общества следует уделять внимание в ведомственном образовании.

2. Все так называемые «общечеловеческие универсалии» и «традиционные ценности» на поверку оказываются социокультурными конструктами того или иного хронотопа. Если мы будем искать исконные основания отечественного общества и государства, то остановимся, пожалуй, на репе и капусте. Поскольку все сколь-либо значимые факторы развития России, будь то алфавит, христианство, огнестрельное вооружение, флот, конституция и пр., являются преобразованными заимствованиями. В этом нет ничего плохого, не будем уподобляться некоторым традиционным фундаменталистским сентенциям в филологии: «Хорошилище грядет из ристалища на позорище по гульбищу в мокроступах» (т.е. франт идет из цирка в театр по бульвару в галошах). Нет ничего зазорного в том, чтобы исследовать и критически адаптировать концепты гуманизма, персонализма, прагматизма и иные смысловые и технологические конструкции к российской уголовно-исполнительной политике.

3. Особую важность стратегия персонализма приобрела в последнее время в связи с укреплением позиций социального государства, профилирования в управленческой системе личностных смыслов и клиент ориентированности. Всё более частое обращение к термину демонстрирует общественную потребность в личностном отношении: «персональный менеджер», «персональная траектория подготовки специалиста», «персонализация образования», «персонализация операционной системы», «электрическая персонализация», «персонализация продаж», «персонализация e-mail сообщений», – таков неполный список трендов. Все они содержат разнообразие оттенков: быть личностью; относиться к Другому как цели, а не средству; иметь способность видеть индивидуальность в разных проявлениях природы и общества; организовывать подручный мир технообъектов в связи с пониманием бытия как личностной ойкумены.

Напротив, многие негативные общественные явления понимаются более широко как деперсонализация: расизм (игнорировать личностное бытие в представителе иной популяции); фашизм (не видеть личность в представителе иной нации); сексизм (исключать полное раскрытие личности в противоположном поле); рабство (отрицание или принижение самоценности члена того или иного сообщества через эксплуатацию его товарных свойств). Обезличивание может быть использовано как краткосрочная процедура, например, для шифрования данных, однако в долгосрочной перспективе наносит общественную травму.

Для УИС стратегия персонализма означает личностные императивы в административной деятельности, доминанта вневременной представленности идеального Другого в индивидуальном и общественном сознании и формирование своей поведенческой активности в связи с этим образом. При этом в процессе коммуникативной рациональности снимается противоречие между индивидом и личностью, когда субъект не стремится навязать свою непохожесть, а встраивается гармонично в общественные отношения. В этом смысле преступное поведение не может считаться особенностями индивида, а интерпретируется классически как деформация личности.

Социальное государство начинается с признания достоинства (ценности) личности и ставит своей целью создание условий, гарантирующих её свободное развитие. Несомненно, социальное государство – это коллективный социальный проект, который не может реализоваться без принятия участниками общественного договора обязательств, что в свою очередь невозможно без должной информированности и образованности индивида, а также своевременной коррекции перекосов общественного развития. В противном случае появляются отталкивающие противоречия, когда личность в тюрьме может получить от государства (общества) лучшее питание и медицинское обслуживание, нежели на свободе. Иначе говоря, развитие социально и личностно ориентированного государства должно осуществляться поэтапно без резкого опережения одних областей в контраст другим. Личностно ориентированное отбывание наказания уже было начато на советском этапе пенитенциарной политики в виде трудового перевоспитания. Сегодня необходимо не только не упускать лучшие наработки этого периода, но и адаптироваться к передовым международным стандартам в области содержания заключённых. Таким образом, личность и государство самым непосредственным образом взаимодействуют в социально-правовом институте тюрьмы[1].

Тема состояния уголовно-исполнительной системы, её долгосрочного развития и приведения в соответствие с международными стандартами активно обсуждается в научных и образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказания. Порядка 80% статей и выступлений напрямую затрагивают вопросы гуманизации пенитенциарной системы, уважения прав личности гражданина. Достаточно перечислить только направления реформирования, чтобы охватить масштабность персоналистических тем:

1) социальная адаптация и социальное сопровождение лиц, освободившихся от отбывания уголовных наказаний; совершенствование трудовой адаптации осужденных; применение инновационных подходов и технологий социальной работы с лицами, освободившимися из мест лишения свободы;

2) профилактический учет осужденных; организационно-тактическая форма противодействия пенитенциарному рецидиву; предупреждение рецидивной преступности; постпенитенциарная адаптация лиц, освобожденных условно-досрочно;

3) функционирование центров социально-психологической реабилитации осужденных и подготовки их к освобождению; организация социальной работы с осужденными в условиях воспитательного центра;

4) особое внимание к преступлениям, совершаемых в женских исправительных колониях; психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних осужденных;

5) исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества; применение уголовно-исполнительными инспекциями электронных средств надзора и контроля за осужденными; применение выездов осужденных за пределы исправительных учреждений;

[1] Овчинников С.Н. Пенитенциарная система России – институт социальной политики государства: Дис. ... канд. социол. наук. – Н. Новгород, 2006.

6) реализация поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения; совершенствование института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания; вопросы развития института освобождения от уголовной ответственности; формы декриминализации деяний;

7) организация психолого-педагогического сопровождения лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы;

8) презумпция исправления осужденного как гарантия обеспечения его прав, свобод и законных интересов;

9) реализация профессионального обучения осужденных;

10) совершенствование организации медико-санитарного обеспечения осужденных; создание надлежащих коммунально-бытовых условий исполнения наказания;

11) повышение эффективности организации питания в учреждениях, исполняющих наказания; земледелие как инструмент повышения уровня самообеспечения учреждений УИС продовольствием;

12) взаимодействие с религиозными организациями в исправлении и ресоциализации осужденных1.

Одним из аспектов персонализма в исполнении наказания является развитие реститутивной (восстановительной) юстиции, представляющей альтернативу пенологической (репрессивной) модели[2]. Восстановительная юстиция – это реализация компенсаторных отношений между пострадавшим от преступления и совершившим преступление при участии третьей стороны. Необходимость развития восстановительной юстиции продиктована тем, что в репрессивной модели плохо достигается одна из существенных целей наказания – достижение справедливости[3]. Зачастую виновное лицо не согласно с приговором, считая, что его наказали слишком сурово, а потерпевший недоумевает, как за лишение жизни можно давать 15 лет, ведь преступник лишил жизни близкого ему человека.

В условиях, когда две стороны сохраняют антагонизм и взаимную «демонизацию», государство может лишь обеспечить в нынешних условиях формальную юрисдикцию, в то время как реститутивная юстиция нацелена на медиацию отношений виновного и потерпевшего для снятия негативных психологических комплексов, сложившихся у двух сторон. Это чрезвычайно трудная задача – постараться сделать так, чтобы обе стороны поменялись местами и посмотрели на ситуацию чужими глазами, однако в тех случаях, когда они соглашаются на это, обычно происходит снятие негативных комплексов, и две стороны могут видеть всю сложность и неоднозначность противоположного мира.

П.Бурдье назвал совокупность социальных структур объективного и субъективного плана габитусом. Габитус – это система диспозиций, ментальных структур, схем поведения, оценок и ценностей, смыслов и целеполаганий. Габитус является процессуальным понятием, т.к. диспозиции находятся в постоянном ситуативном преломлении, субъективно подгоняются под частное, заставляют делать выбор в разных социальных конфигурациях. Преступник и жертва – это субъекты с разными габитусами, у каждого из них есть своя логика и своё оправдание. Функция государства – сформировать общую систему координат и напоминать всем участникам социальных интеракций об условиях игры под названием «общество».

Подразумевается, что агент габитуса обладает не только sense of one's place (чувством собственного места), но и sense of other's place (чувством места другого)[4]. С этой точки зрения, преступление есть конституирование жизненной позиции, не допускающей места другого, собственности другого, его прав и свобод. В разных юридических полях в зависимости от времени и места устанавливаются способы синхронизации габитусов и пресечения их конфликтов.

Е.В. Масловская рассматривает концепцию юридического поля П. Бурдье в качестве альтернативы системному подходу в социально-правовой теории Н. Лумана[5]. Однако социология Н. Лумана является в большей степени социологией процесса, нежели структуры. Так, Луман обращается к понятию автопоэзис, называя этим термином динамичную целостность общественных групп, устанавливаемую в процессе коммуникации. Бурдье, Луман, Хабермас отдают предпочтение подвижной диспозитивности социальной системы, в отличие от механистической модели классической социологии, с которой как раз тесно связана репрессивная модель юстиции. Репрессивную модель можно сравнить с подзаводкой отстающих часов: одни часы представляют габитус государства, другие – индивидуальный габитус преступника, который подвергается насильственной синхронизации.

Восстановительная модель учитывает самосознание преступника и её можно сравнить с удалением игрока, нарушившего правила спортивной игры. Игрок подчиняется решению судьи, принимая сложившуюся диспозицию как наиболее выигрышную для него и данного микросоциума. Известной формой консенсусного права выступают прими-

---

[1] Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: современное состояние и перспективы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 27–28 октября 2011 г.): в 2 т. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – http://www.apu.fsin.su/territory/Apu/forum2013/materialy/27102011/sbornik_t2_1.pdf; sbornik_t2_2.pdf. Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных (в свете требований концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года): сборник материалов Международной научно-практической конференции, Вологда, 24–25 ноября 2011 г.: [в 2 ч.] / Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России, Научно-исслед. ин-т ФСИН России, Российское научное пенитенциарное о-во, Международная неправительственная орг. «Международная тюремная реформа» (PRI); [отв. ред. С.В. Бабурин]. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012.

[2] DeWolf L.H. Ethical Implications for Criminal Justice // Boston Personalist Tradition in Philosophy, Social Ethics and Theology. Mercer University Press, 1986. – P. 221–237.

[3] Перминов О.Г. Функции и задачи уголовного наказания в борьбе с преступностью // Черные дыры в Российском Законодательстве. 2002. – № 4.

[4] Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000. – С. 69.

[5] Масловская Е.В. Теоретико-социологический анализ процессов трансформации Российской судебной системы: Автореф. дис. … докт. социол. наук. – Н. Новгород, 2007.

рительные комиссии на Северном Кавказе (маслаат)[1]. Эта форма разрешения противоречий восходит ещё к мединской практике пророка Мухаммеда, отличившегося примирением сторон (арабское слово «маслаат» переводится как «общее благо»). Эта форма совершенна тем, что позволяет сторонам наиболее полно восстановить психологическое, моральное и поведенческое равновесие.

11 марта 2014 г. в Институте государства и права РАН прошел научно-теоретический семинар «Роль примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов». Семинар организован сектором проблем правосудия Института совместно с Общественным центром «Судебно-правовая реформа». На семинар были вынесены несколько задач: 1) анализ возможностей примирительных практик, 2) место медиации в официальной юстиции, 3) проблемы политического посредничества. Красной нитью семинара стал вывод о необходимости усиления моральной регуляции в обществе и самодисциплины. Была озвучена амбивалентная роль государства, которое, с одной стороны, берёт на себя полномочия по восстановлению правового равновесия, а, с другой – способствует отчуждению людей от конфликтов, не компенсирует психологические травмы. В этой связи оправдан интерес к народным формам правосудия, из которых отдельные позитивные элементы могут снова стать функциональными сегодня[2].

Персонализм настолько конгруэнтен общественному развитию, что мы перестаём его замечать во множестве учений, хотя он является активным агентом марксизма, гуманизма, деятельностного подхода, трансперсональной психологии, христианства, концепция социального и человеческого капитала, учений Э. Эриксона, Э. Фромма, Ф. Фукуямы и иных мировоззренческих систем. На наш взгляд, необходимо говорить об аксиологически ориентированном общественном прогрессе, при котором высшей ценностью должна быть объявлена человеческая личность во всем многообразии ее бытия, где системообразующим фактором выступает духовный план бытия.

Позиция персонализма означает, что внутренние резервы личности поистине неисчерпаемы и только они способны послужить опорой, надеждой и действенным материалом для преодоления тех опасных, пагубных ситуаций, которые сложились в общественной и духовной жизни России.

Особенности персоналистической эволюции права и наказания в обществе содержатся в сочетании принципов свободы, ответственности, превенции и ненасилия, убеждённости в том, что лишение свободы – запоздалая и временная мера снятия общественной угрозы. Убийство, насилие, кража, терроризм – это плоды не только таких экономических факторов, как безработица, бедность и высокая плотность населения, это ещё и личностные психологические травмы, полученные в обществе. Общество вынуждено затрачивать колоссальные средства для поддержания безопасности через содержание законодательной, судебной и административных ветвей власти, однако нам всегда не хватает ресурсов для полноценного развития личности со здоровой психикой и нравственностью.

[1] Аленова О., Елсукова А., Мурадов М. Кровная месть. – http://bg.ru/society/krovnaya_mest-7782/

[2] Карнозова Л.М. Роль примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов // http://www.igpran.ru/news/3544/

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СБЕРЕЖЕНИЕ НАЦИИ

Апанасенко Г.Л.
д.м.н., профессор Национальной медицинской академии последипломного образования, Киев
apanas@ukr.net

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИИ

Ключевые слова: *термодинамическая концепция здоровья, внутриклеточное энергообразование, «индустрия здоровья», саноцентрическая стратегия здравоохранения.*

Теория. Ничто в мире не происходит без затрат энергии. Это касается и жизни как процесса (Баэур Э., 1936; Schrodinger E., 1944 и др.). И чем больше энергопотенциал биосистемы, тем она устойчивее к внешним и внутренним воздействиям. Энергообразование в живой системе – многозвеньевой процесс трансформации солнечной энергии в тепловую, механическую, электрическую и др. виды энергии. Конечное звено энергообразования и её аккумулятор – митохондрии. Эффективность их деятельности на организменном уровне проявляется в максимальных возможностях аэробного энергообразования (максимальное потребление кислорода – МПК, мл\мин\кг). Таким образом, жизнеспособность биосистемы определяется её энергопотенциалом, который может быть идентифицирован с уровнем физического здоровья и измерен. А это означает, что жизнеспособностью (здоровьем) можно управлять (сохранять, восстанавливать, укреплять).

В процессе эволюции происходит совершенствование эффективности функции митохондрий (Зотин А.И., 1982), т.е. эта функция имеет для вида Homo Sapiens эволюционно обусловленный порог, который мы назвали «безопасным» уровнем здоровья (БУЗ) и дали ему количественную характеристику (1990, 2014). Выше БУЗ не регистрируются ни эндогенные факторы риска хронических неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистых, злокачественных, эндокринных и др. – ХНИЗ), ни сами заболевания.

При воздействии негативных факторов внешней среды, нездорового образа жизни, старения и пр. происходит снижение эффективности внутриклеточного энергообразования. В соответствии с нашей термодинамической концепцией здоровья и профилактики (1990) выход эффективности внутриклеточного энергообразования за пределы БУЗ сопровождается феноменом «саморазвития» патологического процесса и является первопричиной эпидемии ХНИЗ (снижение энергопотенциала – рост энтропии – хаос функций – патология). Первая реакция организма на недостаток АТФ в клетках – повышение артериального давления (Григорян Р.Д. и др., 2015). Таким образом, борьба с эндогенными факторами риска развития ХНИЗ (артериальная гипертензия, гиперлипидемия, гипергликемия и пр.) без повышения энергопотенциала биосистемы – малоэффективна. Исследования (Myers J., 2003) подтвердили наши данные (1998) о том, что низкие показатели аэробной работоспособности – более мощный предиктор общей смертности и сердечно-сосудистой заболеваемости, чем другие факторы сердечно-сосудистого риска, такие как артериальная гипертензия, курение, гиперлипидемия и сахарный диабет. А С.Аспенес и др. (2011) в исследованиях здоровой норвежской популяции подтвердили наши данные о наличии БУЗ, показав, что каждое снижение МПК на 5 мл\мин\кг ниже БУЗ увеличивает риск развития сердечно-сосудистой патологии на 56%.

Таким образом, заболеваемость и смертность современной популяции обусловлена, главным образом, снижением уровня здоровья (энергопотенциала), а ХНИЗ – лишь следствие этого процесса.

Несмотря на всю сложность организации живого существуют три важнейших компонента живой системы (клетки) – аккумулятор энергии, система доставки доброкачественного субстрата и окислителя для его сжигания, а также система выделения отработанных продуктов жизнедеятельности. И всем этим руководит комплексный регулирующий центр, состоящий, в свою очередь, из нервной системы, системы эндокринной регуляции и иммунитета. Если все эти компоненты живого будут соответственно обеспечены, система будет существовать бесконечно долго. В этом и заключается саноцентрическая стратегия здравоохранения.

Практика. В практике здравоохранения реализована патоцентрическая стратегия здравоохранения, в центре внимания которой патологический процесс. Ожидать существенного укрепления здоровья нации при финансировании преимущественно сферы лечебно-диагностической помощи бессмысленно. Надеяться на это – всё равно, что ожидать снижения преступности при борьбе с ней в тюрьмах. При этом в практике здравоохранения структура потребления препаратов слабо коррелирует со структурой заболеваемости. А даже правильно назначенные препараты часто не оказывают ожидаемого терапевтического эффекта. Так, по данным исследований, большинство лекарственных средств оказываются эффективными лишь у 25–60% пациентов (Speer B.B. e.a., 2001). Например, согласно данным ВОЗ современные препараты не обеспечивают лечебный эффект у 75% больных артериальной гипертензией.

Хирург, спасший пациента на операционном столе, всегда герой. Но нужно понимать, что его подвиг – результат отсутствия системы сохранения здоровья.

Пути решения проблемы. Подмена понятий «здоровье» и «болезнь» на уровне государственного, отраслевого и территориального управления приводит к принятию неправильных управленческих решений: говорим о здоровье – подразумеваем болезни.

Базисной инновацией, позволяющей в течение ближайших лет обеспечить воспроизводство и формирование нового высокого качества человеческого капитала и существенным образом позитивно изменить процесс социально-экономического развития страны, является создание «индустрии здоровья» (в дополнение к существующей «индустрии болезни» – учреждений МЗ), построенной на саногенетической концепции здоровья. При вложении средств в здорового человека закономерно будет уменьшаться необходимость финансирования проблем больных людей.

В настоящее время самостоятельно без участия государства формируется индустрия здоровья в виде центров фитнес, шейпинга, СПА, велнес, оздоровительных центров и др. Но они создаются без должного научно-технологического обоснования, системного, профессионального подхода и применения технологий управления здоровьем.

Нами охарактеризована категория «индивидуальное здоровье» с использованием операциональных критериев (то есть таких, которые могут быть воспроизводимо идентифицированы) и создана модель управления здоровьем человека. Здоровье – это не эфемерное «благополучие», как утверждает ВОЗ, а способность индивида осуществлять свои биологические (выживание и репродукция) и социальные функции.

Только при совместном определении показателей здоровья и болезни и их сопоставлении можно говорить об уровне здоровья конкретного человека и имеющихся у него заболеваниях, а также определять правильную стратегию и тактику оздоровления и лечения. Оздоровление должно осуществляться постоянно, а лечение – при необходимости.

В связи с изложенным, управление жизнедеятельностью и здоровьем человека должно осуществляться путем управления энергопотенциалом биосистемы – физической активностью (совершенствование функции митохондрий), питанием (т.е. потреблением энергии, информации и вещества), оптимизацией внутренней среды организма (выведение продуктов обмена); оптимизацией условий труда, рекреацией, подготовкой к реализации репродуктивной функции; здоровой средой жизнедеятельности и др.

Человек должен быть мотивирован на здоровую, качественную и долгую жизнь и знать, что ему необходимо делать на протяжении жизни, конкретно на год и детально, на несколько месяцев. Такая персональная программа включает оздоровление дома, на рабочем месте, в центре (клубе) качества жизни и здоровья, за городом, на дачном участке, в санатории (доме отдыха, туристской гостинице, молодежном лагере и др.).

Сегодня в системе образования, а значит, и в системе государственного управления, отсутствует необходимый и достаточный уровень знаний о сохранении и укреплении здоровья и повышении качества жизни. В результате этого до сих пор не могли приниматься правильные управленческие решения на государственном уровне, направленные на реализацию стратегии повышения качества жизни и здоровья нации.

Ориентация государства на лечение больных, а не на сохранение и укрепление здоровья привела к тому, что в системе образования имеются сотни специальностей и специализаций по болезням, и нет ни одной научно-признанной специальности по здоровью.

В стране нет государственного межведомственного органа (министерства, комитета, департамента, центра, института), разрабатывающего и реализующего политику повышения качества жизни и здоровья населения и отстаивающего интересы государства и граждан, а не интересы отдельных министерств, ведомств или бизнес-сообществ.

Необходимо отметить практически полное отсутствие научных исследований, основанных на саногенетической стратегии достижения здоровья, слабость информационной политики и просвещения населения и, как следствие, его низкий уровень знаний и культуры качества жизни и здоровья.

Каждый человек должен сохранять, укреплять и отвечать за собственное здоровье, здоровье родных и близких.

Перспектива развития индустрии здоровья в виде частно-государственного партнерства позволит создать на выгодных для государства условиях инновационную отрасль. Пример фитнеса, велнеса, СПА и т.п. показывает, что люди готовы вкладывать личные деньги в своё здоровье и здоровье своих детей.

Список литературы

1. Апанасенко Г.Л. Термодинамическая концепция здоровья и профилактики // Тер. Архив. 1990. – № 12. – С. 56–58.
2. Апанасенко Г.Л., Попова Л.А. Медицинская валеология. – Киев: Здоровье, 1998. – 238 с.
3. Апанасенко Г.Л. Эпидемия хронических неинфекционных заболеваний: стратегия выживания. – Saarbrukken: Lambert Acad. Publ., 2014.
4. Бауэр Э. Теоретическая биология. – Л: ВИЭМ, 1935. – С. 206.
5. Григорян Р.Д., Лябах Е.Г. Артериальное давление: переосмысление / НАНУ. – Киев, 2015. – 458 с.
6. Зотин А.И. Биоэнергетическая направленность эволюционного процесса организмов. – Пущино, 1982. – 11 с.
7. Aspenes S.T., Nilsen T.I.L., Skaug E.A., Bertheussen G.F., Ellingsen K., Vatten L., Wislkff U. Peak Oxygen Uptake and Cardiovascular Risk Factors in 4631 Healthy Women and Men // Med. Sci. Sports Exerc. 2011. – Vol. 43, N 8. – P. 1465–1473.
8. Myers J. Cardiology patient pages. Exercise and cardiovascular health // Circulation. 2003. – Vol.107. – P. 2–5.
9. Spear B.B., Heath-Chiozzi M., Huff J. Clinical application of pharmacogenetics // Trends in Molecular Medicine. 2001. – Vol. 7. – P. 201–204.
10. Schrodinger E. What is life? The physical aspect of the living cell. Cambridge Univ. Press, 1944.

Дзуцев Х.В.,
Дибирова А.П.[1]

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ К ПРОБЛЕМЕ НАРКОМАНИИ[2]

Ключевые слова: *антинаркотическая политика, черный рынок, гуманизация уголовного законодательства, наркозависимость, морально-нравственный уровень населения, незанятость молодежи, социальное неблагополучие, наркобизнес, моральная деградация, падение авторитета старших.*

Keywords*: drug policy, the black market, humanization of the criminal law, drug addiction, the moral and ethical standards of the population, unemployment of youth, social poverty, drug trafficking, moral degradation, decline in the authority of elders.*

Вопрос о распространенности среди населения Российской Федерации вредных привычек является настолько насущным, что требует оперативного реагирования как со стороны государственных структур, так и общественных организаций.

Правительство каждого субъекта Федерации обязано реализовывать цели антинаркотической политики, то есть осуществлять общесоциальное и специальное противодействие незаконному обороту наркотиков. Благодаря активности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств подобные программы с 2004 г. функционируют уже примерно в 70 субъектах[3].

На практике же антинаркотические программы, реализуемые в большинстве субъектов Российской Федерации, не соответствуют декларируемым принципам целевого планирования, что приводит к неоправданному усложнению процедур в сфере антинаркотической политики. Низкая эффективность разработанных программ доказывается многочисленными высказываниями врачей-наркологов, педагогов спецучреждений, психологов о том, что им приходится работать в «правовом вакууме».

Изученный нами мировой и отечественный опыт в сфере борьбы с оборотом наркотических средств показывает, что государственная антинаркотическая политика большинства передовых стран мира в отношении их оборота всегда определялась особенностями наркоситуации в регионе. В основу подобных программ заложена возможность оперативно и гибко реагировать на любые изменения реальности в этой сфере без бюрократических проволочек.

Например, согласно «Закону о наркотических веществах» (ЗоНВ), принятому на всей территории ФРГ еще в 1971 г., продажа, приобретение и хранение наркотических и наркоподобных веществ преследуются в уголовном порядке. При этом возможна высшая мера наказания – лишение свободы до 15 лет. В реальности эффективность такой репрессивной политики до сих пор остается под вопросом. Запрещение распространения и употребления незаконных наркосодержащих веществ не помешало ни употреблению таковых, ни расширению черного рынка, уклоняющегося от общественного и государственного контроля. Именно поэтому разработчики законов и законодательных актов добились у правительства соответствующих земель Германии изменений в нормативно-правовых актов, направленных на гуманизацию уголовного законодательства и введение новых альтернативных форм лечения больных наркоманией, в том числе исполняющих уголовное наказание[4].

Актуальность вопроса о возможности принятия в РФ оперативных и гибких мер на местах определяется и тем, что в среде наркозависимых возросло употребление наркотиков, получаемых из лекарственных средств, которые можно приобрести в аптечных киосках. Поскольку многие из них отпускаются без рецепта, подросткам не составляет особого труда приобрести их и в домашних условиях изготовить тяжелые наркотики, которые по токсичности могут в 15 раз превышать морфин.

По мнению депутата Государственной думы России, председателя комиссии по здравоохранению и охране общественного здоровья Л.В. Стебенковой, необходимо ввести жесточайший контроль за отпуском наркотических лекарственных средств и тех, которые могут быть прекурсорами таковых, внесенных в соответствующие подконтроль-

---

[1] Дзуцев Хасан Владимирович – д.соц.н., профессор, заведующий Северо-Осетинским центром социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, зав.кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова., г. Владикавказ. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru Дибирова Аминат Паруковна – к.б.н., с.н.с. Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН. E-mail – dibirova59@mail.ru

[2] Полный вариант этой статьи опубликован на сайтах www.rkpr.inion.ru и www.rim.inion.ru

[3] Официальный сайт ФСКН России: http://www.fskn.gov.ru/

[4] Menger M.D., Vollmar B. Nichtveröffentlichung und Negativstudien. Bedeutung für die Meinungsbildung und Forschung // Deutsche medizinische Wochenschrift 2000. Vol. 125. – S. 1129–1130.

ные списки, а также внести все кодеинсодержащие препараты в список медикаментов, отпускаемых строго по рецептам[1].

В апреле-мае 2015 г. Северо-Осетинским Центром социальных исследований Института социально-политических исследований РАН было проведено мониторинговое социологическое исследование на тему: «Отношение граждан **Республики Северная Осетия – Алания** Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации к проблеме наркомании», целью которого явилось изучение наркоситуации в РСО-Алания и выявление причин распространения наркомании среди молодых граждан республики с помощью исследования системы представлений, привычек, установок жителей РСО-Алания.

В рамках социологического исследования были проведены массовый и экспертный опросы. Было опрошено 600 респондентов; 200 человек было опрошено во всех 4-х муниципальных округах г. Владикавказа (по 50 человек в каждом округе), и 400 человек – в сельских районах (в каждом районе по 50 человек)

Представленная пропорциональная выборка позволила нам сравнить ответы респондентов как в целом, так и по отдельности, во всех 4-х муниципальных округах г. Владикавказ и районах республики. В экспертном опросе приняли участие 20 человек из числа преподавателей высших учебных заведений, врачей, сотрудников наркологического диспансера при Министерстве здравоохранения РСО-А, учителей СОШ, ученых, журналистов. Для проведения исследования были разработаны анкета для массового опроса, а также опросник (guide) для эксперта.

Материалы исследования показали, что граждане подвержены вредным привычкам. Отвечая на поставленный вопрос, 45,0% жителей РСО-А ответили, что таковые имеются, большинство же ответили, что не имеют вредных привычек (55,0%). Владикавказцы больше подвержены вредным привычкам (52,0%), чем жители провинции. В этом смысле самыми дисциплинированными оказались жители Пригородного района (14,3%). Жители Дигорского и Кировского районов своими вредными привычками схожи с жителями столицы (51,6 и 48,3%). Жители других сельских районов подвержены вредным привычкам где-то на 30–40%: 38,7% их – в Алагирском районе, 41,9 – в Ардонском, 35,5 – Ирифском, 36,4 – в Моздокском, 35,5% – в Правобережном районах.

Интересно, что ответы мужчин и женщин относительно вредных привычек значительно разнятся.

Так, среди мужчин – большинство (58,1%) – носители вредных привычек. Среди женщин таковых менее трети (31,8%). При анализе данных с такой переменной как «образование» не обнаружено существенных различий между гражданами со средним и высшим образованием: носителей вредных привычек среди них 46,2 и 43,7%% соответственно. При анализе данных с такой переменной, как «возраст» заметно, что численные значения «вредные привычки» плавно растут от подростков (23,6%) до «зрелого» возраста, переживая пик в 31–45 лет (61,4%), и снижаются до группы преклонного возраста 56–65 и 65 лет и старше (по 37,5%).

Среди лиц с высоким уровнем доходов оказалось минимальное число лиц, подверженных влиянию «дурных привычек» (16,7%). Зато среди другой части обеспеченных слоев общества (с доходами выше среднего) половина подвержена вредным привычкам (56,3%). Далее никакой дифференциации между лицами с разным уровнем доходов не обнаружено. Люди со средним и низким доходом в равной степени подвержены отрицательным привычкам (45,6 и 46,2%). Наименьшее их число среди лиц с доходами ниже среднего (37,0%).

100% опрошенных **экспертов** подтвердили, что вредные привычки очень распространены среди населения республики. В 90% случаев имелись в виду употребление наркотиков и алкоголя, в 20% случаев – табакокурение. 12% экспертов констатировали, что картина в этом смысле катастрофическая, так как «чуть ли не каждый второй, если не наркоман, то алкоголик». Причиной тому, по мнению экспертов, является бесконтрольный и беспроблемный ввоз в республику наркотических средств со стороны соседних республик, в частности Ингушетии, Ставропольского и Краснодарского краев. 30% экспертов назвали также второй источник распространения наркотических средств – аптеки. Коммерческие аптеки торгуют лекарствами с содержанием анаболетиков и седативных компонентов без рецепта. Власти этот вопрос не интересует.

12% экспертов назвали причиной распространения наркомании и алкоголизма низкую культуру населения. 10% опрошенных назвали причиной распространения алкоголизма, наркомании и табакокурения среди юношества потерю тесных духовных связей в семье или сообществе между представителями старшего и молодого поколенья.

24% опрошенных экспертов посчитали, что отсутствие у молодежи ясной перспективы трудоустройства, невозможность иметь зарплату, которая бы позволила стать самостоятельным, быть независимым от родителей, толкает молодежь «в сети порока», а употребление одурманивающих средств дает им забыться и не думать о бесполезности и бесперспективности своего существования. Эксперты подметили, что это социальное зло имеет тенденцию к «омоложению». То есть уже не только юноши, но и подростки вовлекаются в этот порочный круг, а 10% опрошенных также констатировали, что не только юноши, но и девушки и молодые женщины.

Мнение экспертов по вопросу о вредных привычках хорошо ложится на канву массового опроса. Эксперты были правы, называя «около половины населения» в определении количества граждан республики, подверженных тем или иным вредным привычкам. В ответах респондентов фигурировало примерно это же число.

На поставленный вопрос подавляющее количество респондентов ответили резко отрицательно (81,8%), «скорее отрицательно» – 8,4%, «безразлично» – 7,6, «скорее положительно, чем отрицательно» – 1,4, «положительно» – 0,8%. Данное соотношение схоже с ответами жителей осетинской столицы. Так, 78,1% жителей Владикавказа также резко отрицательно относятся к наркомании. Ответов «скорее отрицательно…» было столько же, как и в ответах в целом по

[1] Стенограмма заседания комиссии по здравоохранению и охране общественного здоровья Московской городской думы «Легальный наркорынок в России» // Наркология. 2009. – № 9.

республике. «Скорее положительно…» было 2%, «положительно» – 0,4%. Среди столичных жителей практически каждый десятый (11,2%) оказалось равнодушным к этому негативному явлению.

Позиции сельчан несколько другие. Резко отрицательных ответов было в среднем столько же. Самыми категоричными оказались жители Правобережного района (93,5%), при этом уклончивых ответов «скорее отрицательно…» у них меньше всего 3,2%. 87,1% жителей Алагирского, Ирифского и Кировского районов категорически не преемлют наркоманию. Среди жителей других районов эти цифры ненамного меньше. Больше всего уклоничивых ответов «скорее отрицательно…» было дано жителями Пригородного, Ирифского и Моздокаского районов – соответственно 16,7; 12,9; 12,1%. Никто из жителей Алагирского, Ирифского, Кировского, Моздокского и Правобережнего районов не дал положительный ответ на вопрос об отношении к наркомании. 3,2% опрошенных жителей Ардонского района положительно относятся к проблеме наркомании, но ни один – «скорее положительно…». 3,3% жителей Пригородного района «скорее положительно» относятся к проблеме наркомании, но ни один – «положительно». На селе равнодушных к этому злу оказалось гораздо меньше, чем во Владикавказе. В Ирифском районе вообще не оказалось равнодушных людей. В Ардонском и Кировском – по 6,5%. В остальных районах- около 3%.

Среди женщин заметно больше противников наркомании (89,9%), чем среди мужчин (73,7%). Зато 12,0% мужчин дали уклончивый ответ «скорее отрицательно» и только 4,9% женщин. Среди женщин вообще не нашлось твердых сторонниц наркомании, среди мужчин таковых оказалось ничтожно мало – 1,6%.

В ответах лиц со средним специальным и высшим образованием также оказались различия. Так, среди лиц с высшим образованием значительно больше лиц, решительно отрицательно относящихся к наркомании (91,0%), чем среди лиц со средним образованием (75,4%). Зато последними было дано больше уклончиво-отрицательных ответов (11,1% против 4,5%). Среди лиц с высшим образованием абсолютно не нашлось сторонников наркомании. Среди лиц со средним – 1,3% положительно относятся к этому злу, 2,4% – «скорее положительно».

Анализ ответов репондентов с переменными «возраст» позволил больше узнать о мнении населения о проблеме наркомании. Представители самого старшего поколения были однозначны в своей оценке – они все решительно против этого социального зла. Представители других возрастных групп отдали отрицательному ответу не более 90% и уклончиво-отрицательному («скорее отрицательно…») не более 10 % голосов. Среди граждан 46–55 и 21–25 лет таковых нашлось более всего – 87,1 и 86,5%% соответственно и 9,7 и 9,5%%. Наиболее «терпимыми» в этом отношении оказались граждане молодого возраста 26–30 и 31–35 лет – 71,7 и 71,2%%. Они же более всех дали уклончиво-положительных ответов – 15,0 и 11,9%. Подростки и юношество 12–15 и 16–20 лет были практически единодушны и отдали решительно отрицательному ответу 80,4 и 80,6%. Но среди 16–20-летних оказалось больше сторонников уклончиво-отрицательного ответа, чем среди самых юных граждан – 8,3 и 3,6% соответственно. Среди старших и 36–45-летних вообще не было положительных ответов. Среди других возрастных групп их ничтожно мало (не более 1,8%). **Более всего безразличных к проблеме наркомании было среди подростков – 14,3%.** Молодые респонденты 26–30 и 36–35 лет также оказались равнодушными 11,7 и 11,5%% соответственно.

Анализ установок респондентов в зависимости от таких переменных, как «уровень дохода» и «род занятий» позволяет дополнить сведения об отношении общества к проблеме наркомании.

Среди отрицательных ответов в установках респондентов по уровню доходов выделяются показания группы лиц с высокими доходами – 88,9%, в этой же категории вообще не было уклончиво-отрицательных ответов. Лица с доходами выше, ниже среднего и низкими были менее категоричны (78,2%, 75,6 и 76,9%). Среди этих же категорий оказалось более всего уклончиво-отрицательных ответов (13,8%; 12,2 и 7,7% соответственно). Ни среди лиц с доходами выше среднего, ни среди лиц с низкими доходами не нашлось никого, кто бы дал положительный отзыв на этот вопрос. Среди представителей «среднего» класса доля положительных ответов ничтожно мала. Среди «высших сфер» общества она побольше – 5,6% представителей обеспеченных слоев оказались готовыми мириться с этой проблемой («скорее положительно…»).

Абсолютное большинство респондентов студенчество, служащие и неработающие более всего противников наркомании (92,8%, 85,6 и 79,4%). Все остальные группы занятости были также почти единодушны в выражении резко отрицательного отношения к наркомании (от 76,6 до 78,8%). Практически каждый десятый рабочий, служащий и неработающий Северной Осетии дал уклончиво-отрицательный ответ «скорее нет…» (10,2%, 10,3 и 9,9%). Среди студентов ссузов и служащих не оказалось ни одного положительного отзыва на вопрос об отношении к наркомании. 3,4% рабочих дали положительный ответ «скорее положительно…». Доля положительных ответов других категорий граждан ничтожна мала.

Оценки **экспертов** не совпадают с результатами массового опроса. Только 55% опрошенных экспертов на вопрос о том, как население РСО-А относится к наркомании ответили: «Отрицательно». Однако все группы населения, независимо от пола, возраста, образования, доходов и рода занятий были солидарны между собой, и до 90% отдали отрицательные ответы. 45% опрошенных экспертов ответили, что граждане к этой проблеме равнодушны. Ответов «безразлично» по данным общего опроса было в среднем 12%.

Практически все эксперты в своих ответах высказали мысль, что население все терпимее относится к проблеме наркомании только потому, что последная стало обыденностью, наркотики доступны почти всем желающим, в республике отсутствует должный контроль над оборотом наркотических средств.

В разъяснениях экспертов было высказано мнение, что положительно к этому социальному злу относится та немногочисленная часть общества, «которая зарабатывает на зависимости людей от наркотиков». Однако наибольшее количество равнодушных оказалось среди подростков 12–15 лет, которые в силу возраста не могут активно наживаться на этом зле. Беспокоит другое: равнодушие молодого поколенья к этой насущной проблеме наводит на тревожные размышления о том, что количество равнодушных к социальным порокам со временем будет все больше и больше.

В конечном итоге, такое положение в обществе сведет на нет усилия и государственных институтов, и общественных добровольных организаций в деле борьбы с этой социальной опасностью.

О степени распростаненности наркомании в собственном населенном пункте респондентами было высказано мнение, что наркомания распространена, но не больше, чем везде (63,7%).

32,7% населения РСО-А посчитали, что наркомания очень распространена, 3,6% населения думают, что такой проблемы не существует. Соотношение голосов в ответах жителей Владикавказа во многом соотносятся с данными общего опроса. 56,4% жителей столицы ответили, что наркомания распространена, но не больше, чем везде, категорических утвердительных ответов «очень распространена» было несколько больше – 38,4%, как и отрицательных ответов – 5,2%.

Мнение провинциальных респондентов несколько другое, и пределы колебаний в ответах значительнее. Так, наибольшее количество ответов «распространена, но не больше, чем везде» было среди жителей Правобережного и Кировского районов (83,9 и 90,0%), наименьшее – среди жителей Ардонского и Моздокского районов (54,8 и 53,1%).

В результатах опроса населения с в зависимости от пола, образования и возраста обнаружились существенные различия. 68,0% женщин считают, проблема наркомании распространена, но не больше, чем везде, этого же мнения придерживаются 59,0% мужчин. Они же были в большинстве в более категоричном ответе «очень распространена» – 36,5% против 29,1% ответов женшин.

При анализе переменнымх «уровень образования» не обнаружено различий во мнениях специалистов со средним и высшим образованием: 63,2 и 64,2% соответственно ответили: «распространена, но не больше, чем везде», около трети тех и других – «очень распространена». 4,4% лиц со средним специальным образованием и 2,0% с высшим ответили, что наркомания совсем не распространена.

Более информативными в этом плане оказались данные с переменными «возраст». Более всего убеждены, что наркомания в их регионе «распространена, но не больше, чем везде» лица активного возраста 36–45 и 56–65 лет – 73,1 и 75,8% соответственно, 21,2% лиц этого же возраста обозначили, что проблема очень распространена. Лица пожилого возраста считают опасность наркомании в республике более угрожающей, чем где-либо: 46,9% признали проблему очень распространенной и 40,6% считают, что распрострастранена не более, чем где-либо. Более половины опрошенных подростков 12–15 лет и лиц 31–35 лет (58,9 и 57,6%) считают, что наркомания распространена не больше, чем в других регионах. И одновременно 28,6% подростков и 40,7% лиц 31–35 лет считают, что ситуация в республике в этом смысле очень опасна. В целом около трети граждан всех возрастных групп придерживаются такого же мнения. **12,5% опрошенных подростков и лиц старше 65 посчитали, что проблема совсем не распространена.** Среди других возрастных групп доля лиц с таким мнением ничтожно мала.

Ответы респондентов, различающихся по «уровню доходов», не имеют ярко выраженных отличий между собой. Более 60,0% респондентов считают, что опасность в республике в этом смысле есть, но не более, чем в других регионах. граждане с доходом ниже среднего выразили по этому поводу наибольшее опасение (70,7%). В среднем около 60% опрошенных из обеспеченных слоев общества оценили опасность наркомании ответом «распространена, но не больше, чем везде». Около трети опрошенных лиц с доходами высокими, выше среднего и средними оценили проблему наркомании как очень серьезную (38,9%; 35,6 и 32,2%). Среди лиц с низким доходом около половины респондентов ответили «распространена, но не больше, чем везде», другая половина – «очень распространена» (по 46,2%). Эта же группа респондентов в большей степени уверена, что наркомания в осетинском обществе совсем не распространена (7,7%). Ответов граждан с доходами средними, выше- и ниже среднего на этот вопрос было ничтожно мало (4,4%; 3,4 и 1,2%), а среди представителей респондентов с высоким уровнем доходов таковых вообще не нашлось.

Данные показали, что по «роду занятий» нет серьезных колебаний в ответах. Выше 60% ответов было отдано варианту «распространена, но не больше, чем везде», при этом в большей степени придерживались этого мнения учащиеся и студенты ссузов – 71,4%, а в меньшей – школьники – 59,4%. В варианте ответа «очень распространена» также не было существенных различий: менее всего таким образом ответили учащиеся и студенты ссузов – 28,6%, более всего ответов было в группе «студенты вузов» – 36,2%; рабочие и неработающая часть населения ответили одинаково – 32,2 и 32,1%%. Каждый десятый школьник считает, что наркомания «совсем не распространена», зато среди учащихся и студентов ссузов, служащих и ИТР не нашлось никого, кто бы имел такое же мнение. Неработающая публика отдала этому варианту 5,3% своих ответов. Доля этого ответа среди представителей остальных групп ничтожно мала.

Большинство населения Северной Осетии считает, что наркомания в республике распространена не более, чем повсюду в России. Этого мнения придерживаются жители столицы и сельчане, исключая только жителей Моздокского и Ардонского районов, где более 40% респондентов признали, что проблема особенно распространена в их населенном пункте. Особая актуальность для республики этого явления была отмечена третью всех респондентов, половиной респондентов старшего поколения и предствителей малообеспеченных слоев населения. Каждый десятый школьник считает, что наркомания совсем не распространена, подобных ответов вообще не нашлось среди жителей большинства районов республики, лиц с высоким уровнем доходов, учащихся и студентов ссузов, служащих и ИТР.

Эксперты были единодушны в выражении своего мнения о тотальной опасности распространения наркомании в городах и селах республики. По меткому выражению одного из экспертов, в результате общего упадка и потери привычных морально-нравственных связей в обществе, транспортировка и распространение наркотиков переживает в настоящее время истинный «ренессанс».

Причиной такого катастрофического явления были названы:

- легкая возможность попадания в республику наркосырья из дальних (Таджикистан, Афганистан) и ближних (Ингушетия, Ставропольский и Краснодарский края) регионов;

• доступность наркотиков для продажи «на каждом углу»;

• отсутствие у молодежи определенной цели, работы, за которую можно было бы «болеть душою», вредный избыток свободного времени, которого нечем заполнить:

• равнодушие властей и надлежащих государственных органов к этой проблеме, недостаток и полное отсутствие профилактических мер в этом направлении.

20% экспертов утверждали, что «каждый второй школьник знаком непонаслышке с этим злом», то есть имел опыт употребления наркопрепаратов. На наш взгляд, это мнение слишком преувеличено, так как данные общего опроса указывают, что в ответах проблема «совсем не распространена» более всего именно школьники и подростки отдали максимум голосов. Одновременно более взрослая молодежь, работающее население и граждане из обеспеченных слоев общества совершенным отсутствием ответов на этот вопрос показали понимание ими опасности обсуждаемой проблемы.

На вопрос: «В чем причина распространения наркомании в последнее время?» населением было дано такие разнообразные ответы, что они с трудом поддаются какой-либо интерпретации.

Первой по важности причиной распространения наркомании в Северной Осетии была названа излишняя свобода, незанятость молодежи (56,8%). Вторая причина – это неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (47,4%); третья – безработица, экономические проблемы (39,2%); четвертая – влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (37,3%); пятая – плохая работа правоохранительных органов (31,9%).

47,8% жителей столицы считают, что главная причина распространения наркомании – это излишняя свобода, незанятость молодежи. Второй причиной названа «неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (47,0%); третьей – моральная деградация общества, вседозволенность и влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (по 41,4%); четвертой – безработица, экономические проблемы (28,3%); пятой – плохая работа правоохранительных органов (26,3%).

Как видно по полученным данным, в результатах опроса жителей Владикавказа, во-первых, отсутствие явных предпочтений выражено еще в большей степени, чем в данных общего опроса. Во-вторых, очередность ответов совпадает с данными общего вопроса только по первым двум позициям.

Еще более разногласий в определении мнений жителей провинции. В большей или меньшей степени сельчане все же признали главной причиной распространения наркотиков излишнюю свободу, незанятость молодежи. Жителями Правобережного района максимальное число ответов было отдано этой причине, правда, наряду с другой равнозначной причиной – неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (по 77,4%). Причине – излишняя свобода, незанятость молодежи – жителями Пригородного района было отдано почти столько же голосов (73,3%), как и жителями Моздокского и района 69,7%, Алагирского – 66,7%, Ирифского – 61,3%. Хотя у жителей Кировского района и ответ составил 66,7%, но в численном выражении он занял второе место после равноценных ответов неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие и безработица, экономические проблемы (73,3%).

Жителями Дигорского района признали две проблемы наиболее важными и равнозначными: излишняя свобода, незанятость молодежи и безработица и экономические проблемы (по 64,7%). Респонденты из Ардонского района первой причиной распространения наркомании назвали влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (51,6%).

Еще большее многообразие наблюдается при анализе **второй** по важности причины. Представители Правобережного и Алагирского районов таковой посчитали безработицу и экономические проблемы (74,2 и 56,7% соответственно); жители Пригородного района – влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (60,0%), Дигорского и Ирифского – плохую работу правоохранительных органов (41,9 и 51,6% соответственно), Моздокского – неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (54,5%). И лишь жители Ардонского и Кировского районов назвали второй причиной излишнюю свободу и незанятость молодежи (48,4 и 66,7%).

Респонденты из четырех районов **третьей** причиной назвали моральную деградацию общества, вседозволенность. Ответы респондентов Пригородного района составили 53,3%, Правобережного – 45,2, Кировского – 43,3, Дигорского – 22,6%, как и вариант неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие. Третьим по важности фактором были также названы: плохая работа правоохранительных органов: Моздокский район – 45,5%, Ардонский – 32,3%; безработица, экономические проблемы: Ирифский район – 48,4%.

Респонденты Дигорского (9,7%), Ирифского (равно «неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие») (38,7%), Кировского (23,3%), Правобережного (38,7%) районов **четвертой** причиной назвали влияние наркобизнеса, доступность наркотиков. Респондентами Ардонского (29,0%), Ирифского (38,7%) и Пригородного районов (46,7%) были названы: неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие; респондентами Алагирского (равно как и плохая работа правоохранительных органов) (30,0%) и Моздокского – моральная деградация общества, вседозволенность (39,4%).

Жителями Ардонского (22,6%), Дигорского (6,5%), Ирифского (12,9%), Кировского (равно как и влияние массовой скультуры и СМИ) пятой причиной была названа слабость профилактической работы (6,7%).

Данные общего опроса показывают, что в попытке объяснить причины распространения наркомании в Северной Осетии население не отдает предпочтение какой-либо доминирующей причине. Численные данные во многих случаях рапределяются относительно равномерно между большинством вариантов ответов. Так, по результатам общего опроса между первым и пятым по численности ответом разница только 25%. Анализ результатов опроса с переменной «место опроса» показал, что сельское население еще в большей степени, чем жители Владикавказа, не могут отдать предпочтение какой-либо основной причине. Из восьми названных причин, как минимум семь являются важными и тесно переплетающимися друг с другом.

Последовательность названных мужчинами и женщинами причин распространения наркомании сходна и между собой, и с результатами общего опроса. Численные данные разнятся незначительно. Самой важной причиной названа излишняя свобода, незанятость молодежи (мужчины 53,0%, женщины – 60,7%). Второй по важности – неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (43,8 и 51,0% соответственно). Другие названные причины в ответах и мужчин и женщин в процентном отношении разнятся незначительно. Третьей причиной мужчинами названо влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (37,3%), женщинами названа моральная деградация общества, вседозволенность (43,3%). Четвертой причиной в ответах мужчин и женщин названа безработица, экономические проблемы (36,1 и 41,7% соответственно). Моральная деградация общества, вседозволенность (34,1%) названа мужчинами пятой причиной, женщинами названы влияние наркобизнеса, доступность наркотика (37,7%).

Не обнаружилось существенной разницы в последовательности ответов и в отношении переменной «образование». Лица со средним специальным и высшим образованием назвали важнейшей причиной распространения наркотиков в наше время излишнюю свободу, незанятость молодежи (54,7 и 60,3% соответственно). Вторым по важности были признаны неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (46,3 и 49,2%). Лица со средним специальным образованием третьей причиной назвали безработицу и экономические проблемы» (40,9%), с высшим – моральную деградацию, вседозволенность (46,7%). Четвертой в ответах обеих групп было названо влияние накробизнеса, доступность наркотиков (36,1 и 38,7%). Пятой причиной в ответах лиц со средним специальным образованием была названа плохая работа правоохранительных органов (35,5%), в ответах лиц с высшим образованием – безработица, экономические проблемы (36,7%).

В определении главной причины распространения наркомании в республике представители семи возрастных групп из девяти были единодушны и назвали таковой излишнюю свободу, незанятость молодежи. Больше всего сторонников этого варианта оказалось как раз среди молодежи 16–20 лет (66,9%), 21–25 лет (63,5%), 31–35 лет (60,3%), а также среди лиц пред-и пенсионного возраста 56–65 лет (63,6%).

Подростки 12–15 лет (42,9%) и молодые люди 26–30 лет (53,3%), хотя и отдали этой версии первую позицию, однако, в численном отношении данные отличаются от следующий выбранной причины не более, чем на 6%. Люди активного возраста 36–35 и 46–55 лет определили эту причину второй по значимости (46,2 и 58,1%% соответственно) после безработицы, экономических проблем (48,1%) и неудовлетворенности жизнью, социального неблагополучия (59,7%) соответственно.

Более половины молодых граждан республики 16–20 (57,7%), 26–30 (51,7%) и 31–35 (53,4%) лет **второй** по значимости проблемой назвали неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие. Молодежь 21–25 лет (48,6%) и лица пред- и пенсионного возраста 56–65 лет (42,4%) второй по значимости причиной назвали моральную деградацию, вседозволенность. Граждане самой старшей возрастной группы 65 лет и более на это место поставили плохую работу правоохранительных органов наряду с безработицей и экономическими проблемами (по 43,8%).

В определении **третьей** по важности причины распространения наркомании в РСО-А население не было единодушным. Три возрастные группы из девяти таковой назвали неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие. Ими оказались и молодежь 21–25 лет (47,3%), и лица среднего возраста 36–45 лет (44,2%), и представители старшего поколенья – 56–65 лет (36,4%) и 65 лет и старше (34,4%). 56–65-летние определили на третье место также безработицу, экономичемкие проблемы (36,4%), а самое старшее поколение – влияние наркобизнеса, доступность наротиков (34,4%). Молодые респонденты 26–30 лет (45,0%), а также лица среднего возраста 36–45 лет (44,2%) на третье место поместили моральную деградацию общества, вседозволенность. Молодые люди 16–20 лет третьей причиной назвали не только моральную деградацию общества, вседозволенность, но и влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (по 42,3%). 12–15-летние подростки посчитали, что плохая работа правоохранительных органов в цепи причин также заслуживает третьего места (33,9%). Безработица, экономические проблемы были названы также третьей причиной лицами 46–55 лет (53,1%).

В определении четвертой причины население выразило еще большее разнообразие мнений. Так, моральную деградацию общества, вседозволенность назвали 38,7% 46–55-летних и ровно четверть представителей самого старшего поколенья. Плохая работа правоохранительных органов была названа четвертой причиной (40,4 %) 36–45-летних и (27,3 %) 56–65–летних. Молодые люди 16–20 и 26–30 лет четвертой причиной назвали безработицу, экономические проблем» (32,1% и 38,3% соответственно), а 21–25 летние – влияние наркобизнеса, доступность наротиков (40,5%). Наконец, отрицательное влияние массовой культуры и СМИ было отмечено в этом же ряду у лиц 56–65 лет 27,3%.

Пятое место молодые люди 16–20 и 21–25 лет отдали плохой работе правоохранительных органов (31,0 и 32,4% соответственно). 26,8% подростков 12–15 лет отдали пятое место причине – неудовлетворенность жизни, социальное неблагополучие, 32,8% 31–35-летних граждан – моральной деградации общества, вседозволенности. 30,0% граждан 26–30 лет пятой причиной назвали влияние наркобизнеса, доступность наркотиков, как и 32,7% граждан 36–45 лет и 37,1% граждан 46–55 лет.

Не обнаружено значительных отличий в ответах **лиц со средним и высшим образованием.** Максимальная численная разница между данными этих двух групп в определении важнейшей поричины (излишняя свобода, незанятость молодежи) не превышает 6%, в других случаях разница не более 3%. Очередность ответов, исключая позиции 3 и 5, также совпадает. Представители большинства возрастных групп были единодушны при определении первой и второй по важности причин распространения наркомании в Северной Осетии. При определении второстепенных причин большинство респондентов не могли отдать предпочтение какому-нибудь определенному ответу. В процентном же отношении разница между предыдущими и последующими ответами составляет не более, чем 4%. В подростковой и старшей возрастной группе эта разница не более 2%.

Ответы респондентов в зависимости от таких переменных, как «уровень доходов» интересны четко выраженной дифференциацией ответов респондентов в зависимости от этой переменной.

Наиболее наглядно иллюстрирует эту разницу определение **первой** по важности причины. Лица с высоким доходом назвали таковой влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (61,1%), лица с низким доходом – безработицу, экономические проблемы (84,6%). Все другие имущественные слои как в качественном, так и в численном отношении были единодушны в определении первого места – это излишняя свобода и незанятость молодежи (57,5% – лица с доходом выше среднего, 55,0% – среднего, 61,0% – ниже среднего).

Лица с высоким доходом в качестве второй причины выбрали вариант – излишняя свобода, незанятость молодежи (55,6%). Все другие имущественные слои были единогласны в определении **второй** причины – неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, при этом лица с самым низким доходом отдали ей самое большое количество голосов – 76,9%. В остальных группах это выразилось следующим образом: лица с доходами выше среднего – 48,3%, среднего – 46,3, ниже среднего – 47,6%.

Представители обеспеченной части общества были солидарны между собой в определении **третьей** причины распространения в республике наркомании – это моральная деградация общества, вседозволенность. Ответы респондентов с доходами выше среднего и средними составили 41,4 и 39,9% голосов соответственно. Граждане с высокими доходами поместили две причины на третье место – наряду с вышеназванной, еще и плохую работу правоохранительных органов (по 44,4%). Граждане с доходами ниже среднего в качестве третьей причины рассматривают безработицу, экономические проблемы (46,3%), лица с низкими – излишнюю свободу и незанятость молодежи (69,2%).

Среди граждан с высоким уровнем доходов оказались респонденты, которые тоже считают, что неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие является существенной причиной распространения наркомании в республике (38,9% – **четвертое** место). Граждане с доходами выше среднего четвертой по важности причиной посчитали безработицу, экономические проблемы (36,8%). Средние слои общества – лица с доходами средними и ниже среднего – были практически единодушны, и на четвертое место поставили влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (37,2 и 37,8% соответственно). Респонденты с самым низким уровнем доходов назвали четвертой причиной плохую работу правоохранительных органов (53,8%).

Самыми обеспеченными гражданами **пятой** причиной была названа слабость профилактической работы (27,8%). Лицами с доходами выше и ниже среднего была названа плохая работа правоохранительных органов (35,6 и 34,1% соответственно), а последними еще и моральная деградация общества, вседозволенность (также 34,1%). Граждане со средними доходами пятой причиной назвали безработицу, экономические причины (36,6%), с низкими – моральную деградацию общества, вседозволенность (30,8%).

В итоге можно говорить о разнице интересов и даже мировоззрении представителей разных слоев общества. Такая дифференциация особенно прослеживается в определении первых двух позиций. Единственное, что может объединить ответы двух противоположных социальных полюсов общества по полученным нами – это то, что первая причина отстоит от всех других со значительным отрывом. Представители различных слоев общества видят опасность распростанения наркотиков с разных сторон. Таким образом, можно сделать вывод, что серьезная опасность распространения наркомании подстерегает человека повсюду, независимо от того, беден он или богат. Последовательность второстепенных причин в ответах респондентов пяти исследуемых групп не поддается какой-либо интерпретации, так как сами причины тесно переплетаются и незначительно разнятся между собой в количественном отношении.

Оценивая причины и следствия распространения наркомании в РСО-А, мнение экспертов можно разделить на две группы. Половина из них главной бедой в этом контексте назвали легкую доступность приобретения наркотиков. Опрошенными были применены следующие выражения: «наркотики продаются на каждом углу», «в каждом аптечном киоске», в заброшенных зданиях, на строительных площадках.

К другой группе ответов можно отнести:

- отсутствие удовлетворенности от жизни (45,5%);
- отсутствие любимого занятия, цели в жизни (33,0%);
- отсутствие у всего общества единой цели, задач (12,5%);
- слабость семейных уз, падение авторитета старших в семье (12,5%);
- подверженность молодежи «стадному чувству», то есть сам попробовал наркотики, подсади и своих друзей (12,5%).

Сопоставляя оценки экспертов с данными массового опроса, можно заключить, что мнение экспертов по этому вопросу перекликается с результатами опроса граждан. Большинство экспертов посчитало, что причиной распространеия наромании в РСО-А является доступность приобретения наркотиков. Эта причина также отмечается в показаниях граждан, но занимает четвертую или пятую позицию.

Активно отмеченные респондентами причины – излишняя свобода, незанятость молодежи и неудовлетворенность жизнью – также нашли отражение в оценках экспертов.

Как показывают полученные нами данные, все респонденты продемонстрировали свое неравнодушие в деле поиска выхода республики из сложившейся в молодежной среде ситуации.

Так, более половины всех опрошенных граждан Северной Осетии в качестве первоочередной меры предлагают ужесточение мер наказания за наркопреступления (57,8%). Второй по важности мерой они видят принудительное лечение наркомании (53,4%). В-третьих, граждане предлагают расширение работы с молодежью, помощь в социализации (36,1%), в-четвертых, было предложено строительство реабилитационных центров для наркоманов (27,1%), в-пятых, предлагалось вести разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов (21,7%).

Ответы жителей Владикавказа в последовательности названных мер совпадают с данными общего опроса, в количественном отношении заметна некоторая разница. В качестве первоочередной меры жители столицы предлагают ужесточение мер наказания за наркопреступления (54,6%). Второй по важности мерой они видят принудительное лечение наркомании (54,2%). Как видно, численные значения первый и второй позиции практически не разнятся. В-третьих, горожане предлагают расширение работы с молодежью, помощь в социализации (33,9%), в-четвертых, было предложено строительство реабилитационных центров для наркоманов (27,1%), в-пятых, предлагалось вести разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов (19,1%).

В ответах сельчан обнаружено больше разногласий и между собой, и в сравнении с ответами респондентов из Владикавказа. **Первой** мерой жители пяти из восьми районов Северной Осетии предложили ужесточение мер наказания за наркопреступления. Ими оказались 75,8% жителей Моздокского, 72,4 – Кировского, 71,0 – жителей Правобережного района, 61,3 – Пригородного, 58,1 – Ардонского района, 56,7 – Ирифского, 38,7% – Дигорского районов.

Этот же вариант с высокими количественными показателями, но на **второй** позиции был назван представителями Кировского (72,4%), Правобережного (71,0%) и Алагирского (54,8%) районов. **Жители также предоставили этому варианту второе место, но с небольшим отстоянием от первого места.** Представителями четырех районов в качестве второй позиции была выбрана такая мера, как принудительное лечение наркоманов. Ими оказались жители Моздокского (51,5%), Пригородного (48,4%), Ардонского (41,9%) и Ирифского (40,0%) районов. Жители Ардонского (41,9%) и Дигорского (35,5%) районов в качестве второй позиции выбрали расширение работы с молодежью, помощь в социологии. **Третим** этот же вариант выбрали: ровно треть жителей Ирифского, около трети жителей Алагирского (32,3%), более половины жителей Кировского (51,7%) и Моздокского (48,5%) районов. Легализацию торговли легкими наркотиками посчитали одной из действенных мер для решения пробемы наркомании довольно большая часть жителей Правобережного района – 64,5%(!).

Большинство сельчан называют также очень желательным строительство реабилитационных центров (**четвертая** позиция). К таким относится ровно треть респондентов Моздокского, около четверти Ардонского (25,8%), Правобережного (29,0%), Ирифского и Алагирского районов (равно, как и легализацию торговли легкими наркотиками, 26,7 и 16,1% соответственно). Мнение о возможности легализации торговли легкими наркотиками разделили также жители Дигорского (29,0%), Кировского района (27,6%). Ровно треть жителей Кировского района отдали свои голоса в пользу разъяснительных бесед наркологов, представителей правоохранительных органов. Более трети жителей Пригородного района (38,7%) считают, что в их районе необходимо расширение сети анонимных наркологических кабинетов, центров, равно как и 12,9% жителей Алагирского (**пятое** место).

Каждый пятый респондент из Ирифского, около четверти – из Кировского (24,1) и Правобережного (25,8%), 19,4% из Ардонского района считают, что **пятой** по действенности мерой могли бы стать разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов, Жители Алагирского района считают, что эта мера равноценна и перекликается с другой – повышением доступности помощи психологов и психотерапевтов (по 12,9%). За эту же меру выделили почти четверть дигорцев (25,8%). 35,5% жителей Пригородного района считают, что действенным могло бы стать расширение работы с молодежью, помощь в социализации.

Респондентами были даны также другие ответы. Если их анализировать в порядке убывания, то шесть респондентов ответили, что «никакие меры не помогут», двое респондентов считают, что «занять молодежь чем-то более интересным и полезным», двое за «усиление работы правоохранительных органов». Далее были ответы: «бесплатное лечение, либо доступные деньги на лечение», «вклад моральных принципов в своего ребенка», «искоренить наркобизнес», «контролировать молодежь», «меры согласно п.4 ст. 228.17 КРФ – за распространение наркотиков», «не отпускать без рецепта», «никаких мер принимать не нужно, не считаю это проблемой», «проводить беседы со школьниками», «профилактические статьи в СМИ», «побольше физкультуры», «расстрелять», «трудоустроить молодежь».

Ответы граждан с учетом гендерных переменных в последовательности названных мер совпадают и между собой, и с данными общего опроса.

Первой предложенной мерой было названо ужесточение мер наказания за наркопреступления (56,6% – мужчины, 59,1% – женщины), второй – принудительное лечение наркомании (51,0% – мужчины, 55,9% – женщины). Далее, ровно треть мужчин и 38,9% женщин предлагают расширение работы с молодежью, помощь в социализации, в-четвертых, чуть более четверти мужчин (25,7%) и 28,3% женщин считают нужным делом строительство реабилитационных центров для наркоманов, в-пятых, мужчины (21,7%) и женщины (21,5%) предложили вести разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов.

Анализ установок респондентов с такими переменными, как уровень образования не показал существенных различий между мнением обеих групп. Так, представителями лиц со средним и высшим образованием предлагалось в первую очередь ужесточить меры наказания за наркопреступления (56,1 и 59,8%). Во-вторых специалисты из обеих групп предлагают принудительное лечение наркоманов (53,4 и 53,8%). Третьей мерой ими было выбрано расширение работы с молодежью, помощь в социализации (31,4 и 42,7%). Четвертой мерой было названо строительство реабилитационных центров для наркоманов (29,1 и 24,6%), пятой было предложено вести разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов (21,6 и 22,1%).

Результаты анализа установок респондентов с такой переменной, как «возраст» дает более развернутую картину о желании граждан Северной Осетии изменить к лучшему ситуацию в молодежной среде. Более половины граждан всех возрастов, исключая подростков 12–15 лет и граждан 56–65 лет, первостепенно важной посчитали такую меру, как ужесточение мер наказания за наркопреступления. Более всего за эту меру ратовали представители среднего (46–55 лет) и самого старшего поколенья – 62,9 и 62,5% соответственно. Далее таковыми оказались: 62,2% 21–25-летних, 61,1 – 16–20-летних, 59,6 – 36–45-летних, 56,7 – 26–30-летних, 53,4% 31–35-летних. 60,0% подростков и 57,6% граж-

дан пред- и пенсионного возраста (56–65 лет) в качестве первостепенной меры выбрали принудительное лечение наркоманов, и только в качестве второй – ужесточение мер наказания за наркопреступления (45,5 и 54,7% соответственно).

В качестве второй меры респонденты из большинства возрастных групп выбрали принудительное лечение наркоманов. Ими оказались: 59,7% 16–20- летних, 56,8 – 21–25-летних, 56,5 – 46–55-летних, 53,1 – граждан 65 лет и старше, 51,9 – 36–35-летних, 44,8% 31–35-летних. Молодые люди 26–30 лет также посчитали эту меру второй по действенности, равно как и расширение работы с молодежью, помощь в социализации (по 40,0%). Граждане шести из девяти возрастных групп определили расширение работы с молодежью, помощь в социализации на **третье** место. Ими оказались 41,4% граждан 31–35 лет, 40,3 – граждан 46–55 лет, 39,2 – молодых граждан 21–25 лет, 37,5 – молодых граждан 16–20 лет и столько же процентов пожилых людей 65 лет и старше, 38,5% граждан 36–45 лет. 24,2% респондентов 56–65 лет и каждый пятый подросток 12–15 лет также посчитали эту меру существенной, но определили ей четвертое и пятое места соответственно. Подростки 12–15 лет и пожилые граждане 56–65 лет в качестве третьей по важности мере предложили вести разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов (25,5 и 27,3% соответственно).

Представители большинства возрастных групп такую меру, как строительство реабилитационных центров для наркоманов посчитали четвертой по важности. Ими оказались: ровно треть молодых людей 16–20 лет, ровно четверть пожилых людей 65 лет и старше, молодые люди 21–25 лет (29,7%), подростки 12–15 лет (29,1%), граждане 46–55 (29,0%) и 26–30 лет (21,7%). Эта же мера оказалась на **пятом** месте в ответах респондентов 36–45 лет (23,1%) и 56–65 лет (21,2%).

Легализацию торговли легкими наркотиками, как **пятую** по важности меру по улучшению ситуации в республике, предлагают респонденты практически всех возрастных групп. Это молодые люди 16–20 лет (19,4%), 21–25 лет (21,6%), 26–30 лет (16,7%), представители среднего 31–35 лет (24,1%) и самого старшего поколения (21,9%); последние в равной степени с разъяснительными беседами наркологов.. За эту же меру высказывают респонденты 26–30 лет 16,7% и 46–55-лет 25,8%.

Зависимость численных данных в определении основной меры – ужесточение мер наказания за наркопреступления – от такой пременной, как уровень доходов представляет собой плавно убывающую кривую.

Обеспеченные слои общества были единолушны в видении ужесточения наказания за наркопреступления главной мерой в борьбе с распространением в обществе наркомании. Так, за эту меру высказались 61,1% лиц с высокими доходами, 58,6% с доходами выше среднего и 57,7% среднего. Показания лиц с доходами ниже среднего в процентном отношении довольно высоки (58,5%), однако мера – принудительное лечение наркоманов – оказалась немного больше (59,8%). Лица с низкими доходами в качестве превостепенной меры предложили профилактическую – расширение работы с молодежью, помощь в социализации (61,5%), а в качестве второй по важности – две ревноценные: принудительное лечение наркоманов и разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов (по 53,8%).

Граждане всех слоев общества, исключая лиц с низким доходом в качестве третьей по важности меры с примерно одинаковыми процентными данными избрали расширение работы с молодежью, помощь в социализации. За этот вариант высказались 38,9% голосов лиц с высоким доходом, 32,2 – респондентов с доходами выше среднего, 35,6 – среднего, 37,8% – ниже среднего. Беднейшие слои общества в качестве третьей по важности меры избрали ужесточение мер наказания за наркопреступления (46,2%).

Три имущественные группы из пяти выбрали строительство реабилитационных центров **четвертой** мерой для оздоровления ситуации в молодежной среде. Ими оказались: лица с высоким (27,8%), средним (29,2%) и ниже среднего доходами (28,0%). 21,8% опрошенных граждан с доходом выше среднего выбрали эту же меру пятой. Граждане с низким уровнем доходов были единственной имущественной группой, которые отдали значительное количество голосов такой мере, как повышение доступности помощи психологов, психотерапевтов (38,5%). Ведение разъяснительных бесед наркологами, представителями правоохранительных органов **четвертой** мерой выбрали 26,4% лиц с доходами выше среднего и **пятой** – 22,2% граждан с высокими доходами, 18,5% – со средними, 23,2% – ниже среднего.

Только представители бедных слоев общества в качестве пятой меры избрали легализацию торговли легкими наркотиками (23,2% – лица с доходами ниже среднего, 30,8% – с низкими).

Анализ показывает, что первоочередной мерой для улучшения ситуации в молодежной среде у представители всех групп занятости в республике видят ужесточение наказания за наркопреступления. Таковыми оказались: 64,3% учащихся и студентов ссузов (наряду с другой профилактической мерой – расширение работы с молодежью, помощь в социализации), 59,5 – рабочих, 57,1 – служащих и ИТР, 56,5 – неработающих граждан. 60,9 – студентов вузов и 52,9% школьников также солидарны с остальными группами граждан, но в количественном отношении такая мера, как принудительное лечение наркоманов получила больше голосов у студентов (63,8 и 63,2% соответственно). Данную меру как **вторую** по значимости определили четыре группы занятости: ровно половина студентов ссузов, 51,1% неработающей публики, 50,9% рабочих, 46,9% служащих и ИТР.

Расширение работы с молодежью, помощь в социализации называлось **третьей** в цепочке мер по оздоровления ситуации с наркоманией. В пользу этой меры отдали свои голоса 40,8% служащих и ИТР, 38,9 – неработающих граждан, 36,2 – студентов вузов, 35,3% рабочих. Строительство реабилитационных центров для наркоманов было третьим пунктом в ответах учащихся ссузов (42,9%) и школьников (27,9%). Студенты вузов (31,9%), неработающие граждане (29,8%), служащие и ИТР (26,5%) **четвертой** по важности мерой назвали строительство реабилитационных центров для наркоманов. 28,4% рабочего класса республики посчитали легализацию торговли легкими наркотиками и поставили также четвертой по важности. Школьники (23,5%) и учащиеся ссузов (21,4%) посчитали таковой разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов.

В определении **пятой** по важности меры граждане не были единогласны. Так, учащиеся ссузов на эту позицию определили и расширение сети анонимных наркологических кабинетов, центров, и легализацию торговли легкими наркотиками (по 14,3%). 25,2% неработающих граждан и 23,5% служащих и ИТР ратовали за разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов, 19,8% рабочих высказвлись за строительство реабилитационных центров для наркоманов.

Как видно из численных данных, около половины респондентов Северной Осетии всех возрастов, родов занятий, уровня доходов выступают за ужесточение наказания за наркопреступления. Немного менее сильной мерой для решения ситуации они видят принудительное лечение наркозависимых, что нашло отражение в ответах подростков 12–15 лет, школьников, студентов вузов. Данные показывают, что разница между первым и вторым выбранным вариантом небольшая. От 20 до 40% ответов опрошенных было в пользу профилактических мер: расширение работы с молодежью, помощь в социализации и разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов. Либеральная идея о легализации торговли легкими наркотиками, хотя и нашла отражение в ответах граждан, однако в процентном отношении доля невелика (22%) и заняла четвертую или пятую позицию.

По мнению экспертов, принявших участие в социологическом опросе, важнейшими мерами являются нижеперечисленные.

Для оздоровления ситуации в этой сфере необходимо в корне менять и федеральное, и республиканское законодательство (12,5%). Например, на местах главы республик готовы идавать указы, запрещающие выдачу того или иного препарата, но на местном уровне это сделать невозможно – запрещено.

Четверть экспертов высказали мнение, что данную проблему необходимо полнее освещать в СМИ, проговаривать на всех уровнях – и на всероссийском, и на республиканском, показывать истинные масштабы и ее опасность для нации.

Каждый пятый эксперт считает, что если бы наркотики были недоступны, это во многом бы облегчило борьбу с этим злом.

Экспертами было высказано мнение о том, что гражданам необходимо с малолетства прививать любовь и уважение к труду, развивать сферу активного отдыха молодежи, туризма. Тем более, что в республике для этого имеются прекрасные природно-климатические условия.

Были высказаны и категорические идеи: за преступления в сфере распространения наркотиков надо ввести или смертную казнь, или пожизненное заключение.

Некоторые эксперты были настроены пессимистично: «Наркомания – одна из граней нашей действительности. Нельзя пытаться ликвидировать одну грань и оставить существовать всю конструкцию».

Сопоставляя оценки экспертов с данными массового опроса, можно заключить, что экспертами были названы по большей части стратегические меры по оздоровлению ситуации в республике. Граждане же высказывались более конкретно, и большинство из них было на стороне жестких мер и в отношении к распространителям наркопрепаратов, и в отношении наркоманов.

Итак, материалы массового опроса показали, что в обществе есть понимание того, насколько серьезная проблема угрожает будущему нации, и 80% населения нетерпимы ко всем проявлениям этого порока. С другой стороны, граждане осознают, что сложившаяся в этой сфере тяжелая ситуация является одним из звеньев в цепи проблем, наблюдающихся в нашей стране уже второй десяток лет. И участники массового опроса, и эксперты осознают, что решение проблем экономического, социального характера позволили бы обществу значительно продвинуться в направлении искоренения существующего зла. Прогнозы экспертов о неуклонном вовлечении населения в сети наркозависимости неутешительны. Опрос граждан показал, что процент молодых людей, подверженных каким-либо вредным привычкам составляет не более 50%, доля подростков составляет порядка 20%. Все опрошенные были единодушны во мнении о чрезвычайной легкости приобретения наркотических средств через посредников и коммерческие аптеки. Несмотря на муссирующийся около двадцати лет в либеральных кругах вопрос о возможности легализации продажи легких наркотиков, граждане республики являются сторонниками жестких мер по искоренению этого зла, и наиболее популярными мерами считают ужесточение наказания за наркопреступления и принудительное лечение наркозависимых.

Список литературы

1. Колесова Л.С. Подростки как группа, уязвимая для наркомании и ВИЧ – инфекции // Педагогика. 2002. – № 1. – С. 11–14.
2. Федеральная целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005 – 2009 годы» – Постановление Правительства РФ от 13.09.2005. № 561.
3. ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» – СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 41.
4. Романова Л.И. Антинаркотические программы должны быть эффективными // Российский юридический журнал. 2006. – № 3. – С. 102–109.
5. Дмитриева Т.Б., Клименко Т.В. Формы государственного контроля за оборотом наркотиков (зарубежный и национальный опыт) // Наркология. 2011. – № 7. – С. 50–56.
6. Юханнсон П. Значение общественных организаций для антиалкогольной и антинаркотической политики Швеции // Наркология. 2005. – № 1. – С. 26–29.
7. Каклюгин Н.В. Опыт создания реабилитационных общин (трудовых коммун) для подростков с зависимым поведением в России и Советском Союзе в первой половине XX века // Наркология. 2012. – № 6. – С. 87–90.
8. Сафонов О.А., Дмитриева Т.Б., Клименко Т.В., Козлов А.А. Регулирование оборота и распространенность злоупотребления наркотическими средствами амфетаминового типа // Наркология. 2011. – № 8. – С. 40–46.

9. Сафонов О.А., Дмитриева Т.Б., Клименко Т.В., Козлов А.А. История потребления, рапространенность и контроль за незаконным оборотом опиатов по регионам мира // Наркология. 2011. – № 4. – С. 36–43.
10. Интервью с начальником Управления Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Республике Дагестан генерал-майором полиции А.У. Черкесовым «О наркоситуации в Дагестане» // Дагестанская правда. 2010. – № 3. – С. 1–2.
11. Пронина М.Ю., Масагутов Р.М., Искандеров Р.Р., Мухитова И.Э., Буйлова Л.В. Распространенность алкогольной и наркотической зависимости у осужденных мужчин с историей синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) // Наркология. 2012. – № 8. – С. 23–27.
12. Зиновьев С.В. Проблема «двойного диагноза» в отечественной наркологии // Наркология. 2012. – № 10. – С. 95–98.
13. Михайлов Б.П. Профилактика наркомании и незаконнолго оборота наркотиков. Монография. – М.: Издательский дом «Граница», 2003. – 360 с.
14. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В.П. Иванова на Всемирном форуме против наркотиков // Наркология. 2012. – № 7. – С. 12–14.
15. Дорогин В.Г., Фомин Ю.В. Правовое регулирование оборота наркотических средств и прсихотропных веществ в Российской Федерации. – Саратов: СЮИ МВД России, Международный институт рынка, 2004. – 183 с.
16. Menger M.D., Vollmar B. Nichtveröffentlichung und Negativstudien. Bedeutung für die Meinungsbildung und Forschung // Deutsche medizinische Wochenschrift. 2000. – Vol. 125. – S. 1129–1130.
17. Geyer D., Batra A., Beutel M., Funke W., Görlich P., Günthner A., Hutschenreuter U., Küfner H., Mann K, Möllmann C., Müller-Fahrnow W., Müller-Mohnssen M., Soyka M., Spyra K, Stetter F., Veltrup C., Wiesbeck G.A. AWMF Leilinie: Postakutbehandlung alkoholbezogener Störungen // Sucht. 2006. – Vol. 52, N 1. – S. 8–34.

Сигарева Е.П.
к.э.н., зав. сектором воспроизводства населения Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН
sigarevae@mail.ru
Пучкова Ю.М.
директор по науке Центра общественных инициатив, г. Вологда
puchkova53@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА ЖЕНЩИН РОССИИ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ БЕРЕМЕННОСТИ

Ключевые слова: *репродуктивное поведение, аборт, рождение, беременность, роды, динамика, регион, факторы, социологический опрос.*

Проблема абортов в нашей стране за последние десятилетия приобрела особую остроту и актуальность, широко обсуждается в обществе, окрашена полярностью и концептуальным радикализмом мнений, что затрудняет диалог между профессиональными сообществами и усиливает расхождение направленности усилий и мнений в обществе. В этой ситуации государство и общество нуждаются в формировании новых векторов общественной дискуссии, которые приведут к содержательному компромиссу, консенсусу радикально настроенных группировок по вопросу прерывания беременности, т.к. только в пространстве общественного диалога могут быть сформулированы конструктивные решения, которые будут приняты обществом и обоснованно лягут в основание вновь разрабатываемых мер государственной поддержки беременных, регулирования порядка прерывания беременности.

Десятилетие назад, а именно в 2007 г. произошло знаменательное медико-демографическое событие, прервавшее более чем полувековой характер «абортивной культуры» в России. После отмены запрета на аборт в 1955 г. и достижения через десятилетие (к 1964 г.) рекордного максимума числа абортов, составившего 5,6 млн. утраченных жизней, никогда до 2007 г. число рождений не превышало число прерванных беременностей. Такие значительные абсолютные показатели абортов всегда заставляли рассматривать сокращение их величины в качестве резервного источника пополнения численности населения. Особую актуальность эта идея приобретает и в условиях депопуляционного демографического этапа, и в условиях перспективы сокращения репродуктивного потенциала из-за предстоящей «демографической волны».

Статистический анализ общей и региональной динамики числа абортов и в последние годы свидетельствует о неуклонном его сокращении (рис. 1). В 2014 г. также произошел символический переход в динамике абсолютных показателей прерывания беременностей – число абортов в России стало меньше миллиона.

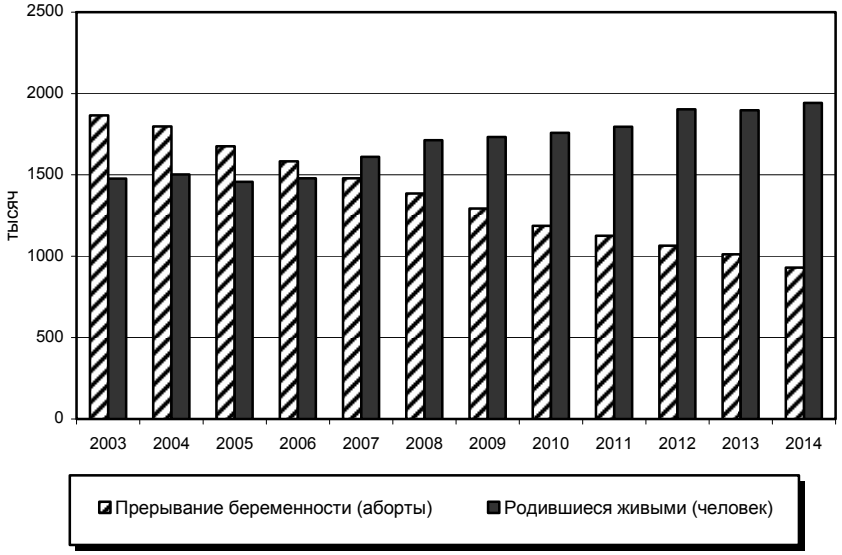


Рисунок 1.
Число прерываний беременностей и численность родившихся живыми

Относительные показатели, которые не зависят от сокращения когорты женщин в репродуктивном возрасте (15–49 лет), также демонстрируют устойчивый позитивный тренд по снижению влияния искусственного прерывания беременности на репродуктивность населения России. Среднероссийский коэффициент числа абортов на 1000 жен-

щин репродуктивного возраста к 2015 г. сократился относительно 2010 г. на 23% и составил 26% (рис. 2). Показатель числа абортов на 100 родов снизился за этот период более значительно – на 40%. И составил 48 прерываний беременности на 100 родов.

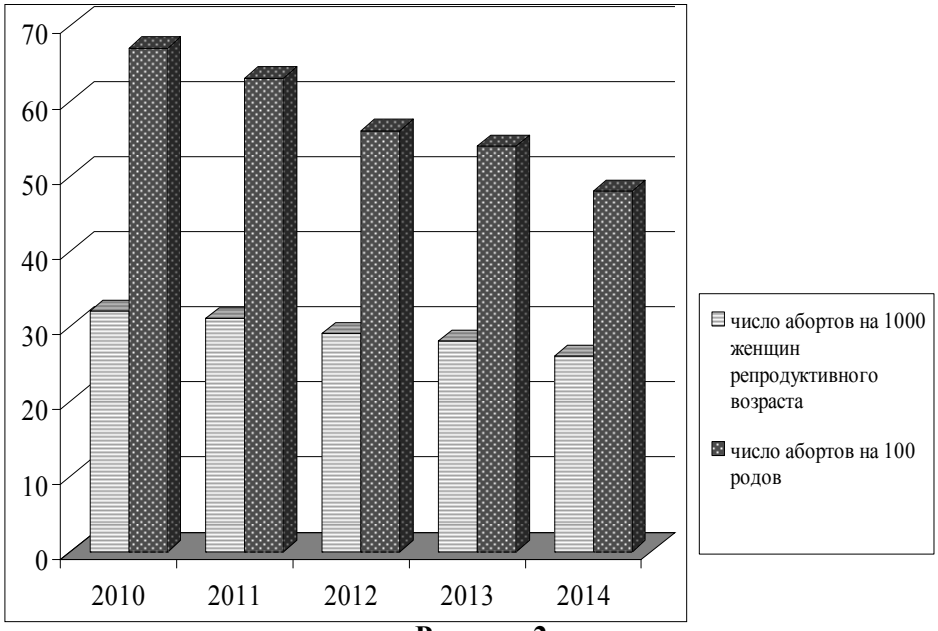


Рисунок 2.
Динамика числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста и числа абортов на 100 родов за 2010–2014 гг.

Это означает, что еще год назад одна из трех беременных женщин решалась на аборт. В 2014 г. к искусственному прерыванию беременности стали обращаться реже.

Вместе с тем, региональный анализ относительных показателей прерывания беременностей демонстрирует существенные различия между территориями Российской Федерации, что характеризует значительные резервы сужения абортивного выбора репродуктивного поведения. Так, в 2014 г. максимальные и минимальные значения показателя числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста, которые наблюдались в Республике Тыва и Республике Дагестан (соответственно) различались в 6,6 раза (табл. 1).

Таблица 1

Региональные различия показателей прерывания беременностей в 2014 г.

Показатель	Максимум	Минимум	Различие
Число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста (‰)	53	8	6,6
Число абортов на 100 родов	105	11	9,5

Почти на порядок отличается максимальный показатель числа абортов на 100 родов в Магаданской области и минимальный показатель в Чеченской Республике. Такой разрыв в региональных показателях обусловливает необходимость более детального исследования причин репродуктивного выбора. В связи с этим становится актуальным вопрос о факторах детерминирующих абортивную культуру в современных условиях.

Если рассмотреть группировку регионов по величине относительного показателя – число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста в 2014 г. (табл. 2), то станет ясно, что почти 2/3 числа территорий России ухудшают среднероссийский показатель: 53 субъекта страны имеют коэффициент выше, чем по стране в целом. Причем, самые максимальные показатели, принадлежащие Республике Тыва и Магаданской области почти в 2 раза хуже, чем в среднем по России. Напротив, регионы с наименьшими параметрами данного показателя, к которым относятся Республика Ингушетия и Республика Дагестан, продемонстрировали 3-кратное различие со среднероссийской «цифрой». Данная группировка позволяет зафиксировать положение каждого субъекта России в рейтинговой последовательности территорий страны по этому показателю и закономерно вызывает вопросы о том, какие факторы могут обусловливать значительные различия при репродуктивном выборе.

Таблица 2

Группировка регионов по показателю число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста в 2014 г. (%)

Число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста (15–49 лет)	Количество	Регионы
Свыше 50‰	2	Республика Тыва, Магаданская область
49–40‰	16	Сахалинская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия), Амурская область, Еврейская автономная область, Псковская область, Кировская область, Курганская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Хабаровский край, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, Свердловская область, Республика Бурятия

39–30%	26	Архангельская область, Архангельская область без автономного округа, Иркутская область, Красноярский край, Республика Марий Эл, Тюменская область без автономных округов, Республика Хакасия, Чукотский автономный округ, Забайкальский край, Пермский край, Новгородская область, Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Карелия, Республика Коми, Костромская область, Чувашская Республика, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Брянская область, Калининградская область, Волгоградская область, Камчатский край, Орловская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Челябинская область
29–26%	9	Владимирская область, Курская область, Томская область, Ярославская область, Приморский край, Республика Татарстан, Нижегородская область, Калужская область, Алтайский край
26%		Российская Федерация
25–20%	22	Ивановская область, Смоленская область, Республика Мордовия, Пензенская область, Саратовская область, Липецкая область, Мурманская область, г. Севастополь, Тамбовская область, Ленинградская область, Ульяновская область, Рязанская область, Ставропольский край, Самарская область, Воронежская область, Московская область, Тульская область, Краснодарский край, Астраханская область, Республика Башкортостан, Омская область, Республика Крым
19–10%	10	Республика Северная Осетия-Алания, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Ростовская область, Белгородская область, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, г. Москва
Ниже 10%	2	Республика Ингушетия, Республика Дагестан

Такие же особенности можно наблюдать и в случае анализа группировки регионов России по другому относительному показателю – число абортов на 100 родов (табл. 3).

Таблица 3

Группировка регионов по показателю числа абортов на 100 родов в 2014 г.

Число абортов на 100 родов	Количество	Регионы
Свыше 100	1	Магаданская область
99–70	11	Псковская область, Сахалинская область, Амурская область, Еврейская автономная область, Оренбургская область, Кемеровская область, Архангельская область без автономного округа, Кировская область, Новосибирская область, Хабаровский край, Архангельская область
69–60	17	Вологодская область, Курганская область, Чукотский автономный округ, Свердловская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Брянская область, Волгоградская область, Орловская область, Республика Карелия, Новгородская область, Иркутская область, Тверская область, Республика Мордовия, Владимирская область, Республика Марий Эл, Республика Хакасия
59–50	31	Курская область, Калининградская область, Пермский край, Костромская область, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Ленинградская область, Камчатский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Бурятия, Ярославская область, Чувашская Республика, Забайкальский край, Томская область, Смоленская область, Нижегородская область, Тюменская область без автономных округов, Республика Тыва, Пензенская область, Республика Алтай, Ивановская область, Тамбовская область, Тюменская область, Челябинская область, Приморский край, Саратовская область, Калужская область, Удмуртская Республика, Липецкая область, Мурманская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
48		Российская Федерация
49–40	10	Алтайский край, Воронежская область, Рязанская область, Тульская область, Ульяновская область, г. Севастополь, Республика Татарстан, Московская область, Ставропольский край, Самарская область
39–20	14	Краснодарский край, Республика Крым, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Ростовская область, Республика Башкортостан, Омская область, Астраханская область, Республика Северная Осетия-Алания, Белгородская область, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Москва, Кабардино-Балкарская Республика
Ниже 20	3	Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Чеченская Республика

Так, почти 70% территорий России (60 субъектов) имеют уровень данного показателя хуже среднероссийского. В группировке присутствует один регион – Магаданская область, где число абортов превышает число рождений. То есть, из двух беременных женщин одна обязательно выбирает аборт. Напротив, в наиболее благоприятных, с точки зрения уровня данного показателя Республике Ингушетия, Республике Дагестан и Чеченской Республике, аборт осуществляет лишь одна из, примерно, одиннадцати беременных женщин.

Общая позитивная динамика по сужению абортивного выбора беременности за последние пять лет в контексте региональных различий вызывает также необходимость детального изучения факторов, влияющих на данный выбор. Так, лишь в «меньшей половине» регионов (в 40 субъектах) наблюдалась тенденция сокращения числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста опережающая среднероссийскую динамику (табл. 4). Например, темпы снижения этого показателя в Тульской области, Камчатском крае, Республике Калмыкия, Ростовской области, Республике Дагестан, Томской области в 2014 г. были в 2 раза выше, чем в среднем по России. Вместе с тем, Республика Тыва,

которая отличается высоким уровнем показателей рождаемости в последнее время, напротив, отмечена ростом в 2014 г. показателя числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста относительно 2010 г.

Таблица 4

Группировка регионов по темпам сокращения показателя числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста за 2010–2014 гг. (%)

Снижение показателя числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста (15–49 лет)	Количество	Регионы
Свыше 50%	5	Тульская область, Камчатский край, Республика Калмыкия, Ростовская область, Республика Дагестан
От 49 до 40%	4	Томская область, Ивановская область, Республика Ингушетия, Омская область
От 39 до 30%	11	Тверская область, Белгородская область, Республика Мордовия, Пензенская область, Ненецкий автономный округ, Смоленская область, Новгородская область, Тамбовская область, Астраханская область, Республика Башкортостан, Ульяновская область
От 29 до 20%	25	Липецкая область, Ярославская область, Новосибирская область, Республика Адыгея, Ставропольский край, Удмуртская Республика, Челябинская область, Алтайский край, Республика Алтай, Костромская область, Воронежская область, Республика Карелия, Кировская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Калужская область, Архангельская область, Вологодская область, Волгоградская область, Хабаровский край, Амурская область, Архангельская область без автономного округа, Приморский край, Краснодарский край, Пермский край, Саратовская область
От 19 до 10%	30	Брянская область, Московская область, Тюменская область без автономных округов, Рязанская область, Чеченская Республика, Самарская область, Красноярский край, Еврейская автономная область, Владимирская область, Орловская область, Ленинградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Оренбургская область, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Хакасия, Республика Коми, Свердловская область, Республика Бурятия, Иркутская область, Сахалинская область, Калининградская область, Курганская область, Тюменская область, г. Санкт-Петербург, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Нижегородская область, Забайкальский край, г. Москва, Магаданская область
От 9 до 0%	9	Чувашская Республика, Мурманская область, Чукотский автономный округ, Кемеровская область, Псковская область, Республика Саха (Якутия), Курская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Карачаево-Черкесская Республика
Рост показателя от 0 до 9%	1	Республика Тыва

* В таблице отсутствуют данные по Республике Крым и г. Севастополю в связи с особенностями статистического наблюдения.

Также меньше половины регионов (39 субъектов) опережают Россию в целом по сокращению показателя числа абортов на 100 родов (табл. 5). Ряд регионов: Камчатский край, Тульская область, Ростовская область, Омская область, Ивановская область, Томская область, – имеют темпы сокращения данного показателя в 1,5–2 раза выше, чем Россия в целом. Очень медленно сокращается или почти не сокращается показатель числа абортов на 100 родов в группе регионов, куда входят Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва. И, если для Чеченской Республики и Карачаево-Черкесской Республики низкие темпы по сокращению показателя числа абортов на 100 родов можно объяснить естественными объективными обстоятельства в силу того, что они имеют и так самые низкие показатели, то в Чукотском автономном округе и Республике Тыва слабые сдвиги по сокращению данного показателя явно имеют другую природу. Они, обладая высоким уровнем показателя числа абортов на 100 родов, сочетают это еще и с низкими темпами его сокращения.

Таблица 5

Группировка регионов по темпам снижения показателя числа абортов на 100 родов за 2010–2014 гг.

Снижение показателя числа абортов на 100 родов	Количество	Регионы
Свыше 70%	4	Камчатский край, Тульская область, Ростовская область, Омская область
От 69 до 60%	2	Ивановская область, Томская область
От 59 до 50%	11	Республика Дагестан, Ульяновская область, Пензенская область, Новгородская область, Белгородская область, Республика Башкортостан, Тверская область, Республика Мордовия, Кировская область, Республика Калмыкия, Астраханская область
От 49 до 40%	21	Смоленская область, Ненецкий автономный округ, Тамбовская область, Челябинская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Новосибирская область, Калужская область, Ярославская область, Вологодская область, Республика Марий Эл, Липецкая область, Костромская область, Удмуртская Республика, Хабаровский край, Московская область, Республика Татарстан, Саратовская область, Алтайский край, Приморский край

От 39 до 30%	26	Курганская область, Республика Алтай, Сахалинская область, Республика Коми, Тюменская область без автономных округов, Воронежская область, Самарская область, Свердловская область, Республика Карелия, Рязанская область, Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская область, Ленинградская область, Волгоградская область, Красноярский край, Брянская область, Архангельская область, Архангельская область без автономного округа, Владимирская область, Пермский край, Оренбургская область, Тюменская область, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Амурская область, Чувашская Республика
От 29 до 20%	12	Еврейская автономная область, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Нижегородская область, Орловская область, Иркутская область, Магаданская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Москва, Псковская область, Забайкальский край
От 19 до 10%	5	Республика Саха (Якутия), Мурманская область, Кемеровская область, Курская область, Республика Ингушетия
От 9 до 0%	4	Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва

* В таблице отсутствуют данные по Республике Крым и г. Севастополю в связи с особенностями статистического наблюдения.

Такое разнообразие показателей абортивного поведения в регионах свидетельствуют о наличии многочисленных факторов, детерминирующих репродуктивный выбор при беременности. В свою очередь значительные различия в динамике изменении в регионах России доказывают, что существуют серьезные резервы по снижению влияния абортивного выбора при наступлении беременности на демографическое развитие страны. Для использования таких резервов необходимо детальное изучение факторов, детерминирующих такой выбор.

В области социально-демографических исследований показано, что фактический уровень рождаемости на той или иной территории и в тот или иной исторический период, а также его динамика складываются под воздействием двух основных типов факторов: факторов демографической структуры (распределения населения по полу, возрасту, семейному состоянию) и факторов репродуктивного поведения, которые проявляют себя главным образом через ту или иную степень ограничения числа рождений детей в семье с помощью контрацепции и искусственных абортов[1]. Из этого следует, что можно оказывать влияние на показатели рождаемости с целью сохранения ее уровня и даже повышения, обратившись к детальному изучению факторов, детерминирующих репродуктивное поведение, и обоснованно воздействуя на некоторые из них.

Различные аспекты репродуктивного выбора при наступлении беременности изучались исследователями различных направлений и в разных регионах: демографами, медиками, социологами, психологами. В этой связи можно следующие работы: Обоскалова Т.А., Колпащикова Г.И., Воронова С.А., Прохорова Э.А. «Медицинские и социальные аспекты прерывания беременности» (Екатеринбург)[2], Куценко О.С. «Отношение матери беременной женщины как фактор, влияющий на решение о рождении ребенка» (Санкт-Петербург)[3], Беляева М.А. «Воспитание репродуктивной культуры молодежи: культурологический аспект» (Екатеринбург),[4] Усова А.В. «Изменение ситуативной тревожности беременных женщин планирующих аборт, под воздействием клинико-психологической программы «Профилактика абортов у беременных женщин» (Новосибирск)[5], Зарипов Т.Ш., Трубин В.Б., Юлдашев В.Л. «Клинико-функциональная характеристика женщин возрастной группы 15–24 лет при искусственном прерывании первой беременности во втором триместре» (Уфа)[6], Семикина Н.А., Трошина Г.К. «Изучение мнений женщин о причинах искусственного прерывания беременности» (Саратов)[7].

Однако подобные работы в существенной степени ориентировались на региональный анализ ограниченной базы наблюдений, тогда как данная тема требует более комплексного межрегионального и массового исследования по большому кругу параметров, позволяющих выявить значимые и не значимые факторы репродуктивного выбора. Такая цель была поставлена в проекте, осуществляемом Вологодской городской общественной организацией «Центр общественных инициатив» при финансовой поддержке ООО «Лиги здоровья нации»[8]. Проект направлен на исследование факторов, детерминирующих поведение женщины в случае обращения за прерыванием беременности, на основе уни-

[1] Скрябина Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной Российской экономики. Автореферат кандидатской диссертации. – Екатеринбург, 2011.

[2] Обоскалова Т.А., Колпащикова Г.И., Воронова С.А., Прохорова Э.А. Медицинские и социальные аспекты прерывания беременности // Журнал акушерства и женских болезней. 2003. – Т. 52, вып. 2.

[3] Куценко О.С. Отношение матери беременной женщины как фактор, влияющий на решение о рождении ребенка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2010. – Вып. 136.

[4] Беляева М.А. Воспитание репродуктивной культуры молодежи: культурологический аспект // Педагогическое образование в России. 2011. – № 1.

[5] Усова А.В. Изменение ситуативной тревожности беременных женщин планирующих аборт, под воздействием клинико-психологической программы «Профилактика абортов у беременных женщин // Медицина и образование в Сибири. 2011. – № 6.

[6] Зарипов Т.Ш., Трубин В.Б., Юлдашев В.Л. Клинико-функциональная характеристика женщин возрастной группы 15–24 лет при искусственном прерывании первой беременности во втором триместре // Медицинский вестник Башкортостана. 2012.

[7] Семикина Н.А., Трошина Г.К. Изучение мнений женщин о причинах искусственного прерывания беременности // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. – Т. 3, № 12.

[8] Грант в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 1 апреля 2015 г. №79-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской организацией «Лига здоровья нации».

кальной выборки испытуемых, находящихся в ситуации реальной беременности, при участии штата профессиональных психологов организации, работающих на территории медучреждений в девяти субъектах Российской Федерации от Архангельска до Крыма: Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Костромская область, Крымский федеральный округ, Ленинградская область, Мурманская область, Псковская область, Тверская область, город Санкт-Петербург.

Особенностью этого исследования является наличие у испытуемых женщин актуальной беременности, сбор материала для анализа осуществляется в рамках индивидуального собеседования с женщиной по выявлению ее личного отношения к данной беременности по специальной стандартной процедуре профессиональным психологом. Сбор материала осуществляется профессиональными и специально подготовленными психологами. Величина выборки соответствует всем требованиям репрезентативности научного исследования. Данное исследование интересно тем, что носит междисциплинарный характер, база данных исследования может быть использована в социологии, психологии, демографии, в государственном управлении для построения своих собственных планов исследования.

Объектом исследования является репродуктивное поведение женщин, обращающихся за прерыванием беременности в медучреждения. Предметом исследования выступают социально-экономические, психологические, межличностные и внутриличностные факторы, детерминирующие отношение женщины к начавшейся беременности.

Целью исследования является обоснование государственных мер поддержки беременных женщин, обращающихся за прерыванием беременности, для формирования позитивного отношения к начавшейся беременности, ее сохранения и укрепления установки на рождение здорового ребенка в семье.

Для достижения этой цели в исследовании определены следующие задачи:

– раскрыть сущность репродуктивного поведения и отказа от рождения ребенка беременными женщинами, показать их взаимосвязь и взаимообусловленность;

– изучить объективные и субъективные причины отказа женщин от рождения ребенка в ситуации репродуктивного выбора, разработав для этого специальные инструменты – методические приемы ведения консультативного интервью с женщиной в рамках индивидуального психологического доабортного консультирования, Анкету для беременной, Семейную историю беременной;

– провести анализ влияния различных факторов, детерминирующих репродуктивный выбор женщин в ситуации перед абортом;

– определить действенные меры поддержки женщин в ситуации репродуктивного выбора для сохранения начавшейся беременности, формирования установки на рождение и воспитание ребенка, что приведет к повышению показателей рождаемости и укреплению человеческого потенциала в демографически-депрессивных регионах страны.

В выборку испытуемых вошли женщины репродуктивного возраста 15–49 лет, намеренные прервать начавшуюся беременность по своему желанию. Сбор эмпирического материала о причинах прерывания начавшейся беременности до 12 недели и факторах, детерминирующих выбор женщины в данной ситуации, осуществляется психологами в рамках психологического доабортного консультирования этих женщин на территории медучреждений, куда обращаются женщины. Единая централизованная база данных позволит выявлять и анализировать причинно-следственные связей и изучить закономерности формирования репродуктивного выбора.

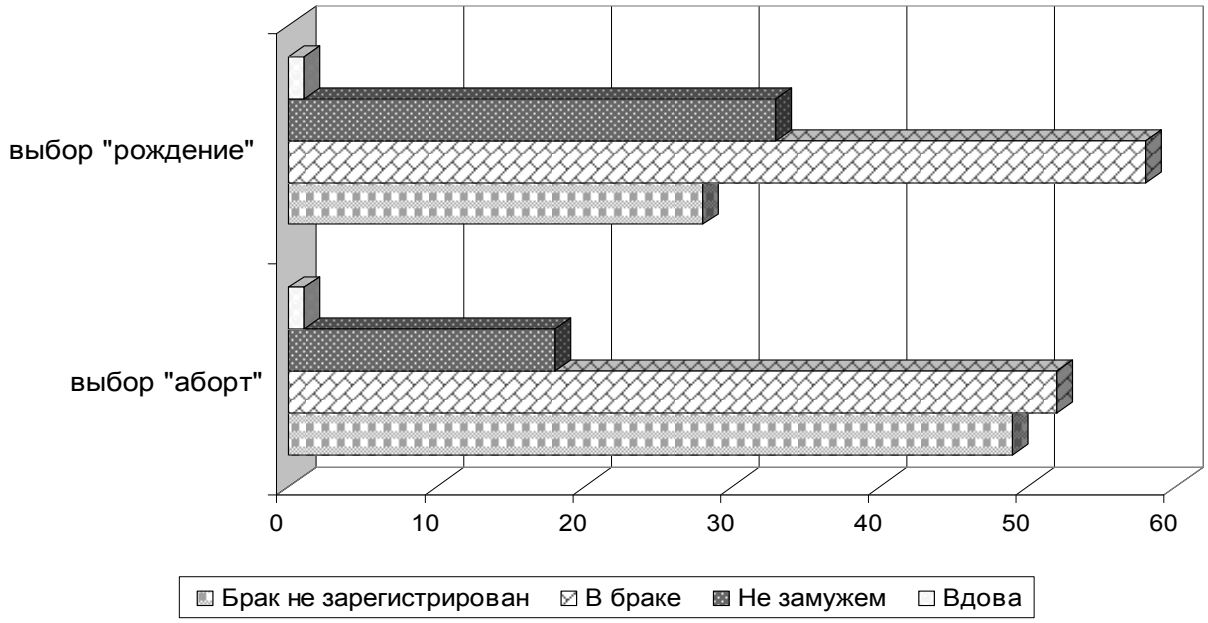


Рисунок 3.
Распределение беременных женщин по репродуктивному выбору и состоянию в браке (%)

Уже сейчас полученные пилотные результаты позволяют сделать ряд заключений. Например, из графика на рис. 3 отчетливо видно, что среди беременных женщин, выбравших аборт, существенную долю (более 40%) занимают женщины, в не зарегистрированном браке, тогда как среди тех, кто выбрал рождение ребенка, таких лишь 23%. По-

этому можно считать, что оформление брачных союзов юридически могут способствовать снижению абортивного выбора при беременности. Это косвенно подтверждает и более значимая доля женщин состоящих в браке, принимающих решение родить ребенка, по сравнению с женщинами, состоящими в браке, но выбравших аборт (48% против 43%). То, что удельный вес незамужних женщин при выборе «рождение» существенно больше (27,5%), чем незамужних женщин при выборе «аборт» (15%), предсказывает нам и в будущем проблему матерей-одиночек.

Зависимость репродуктивного выбора женщин при беременности от наличия и числа имеющихся детей иллюстрируют рис. 4 и 5.

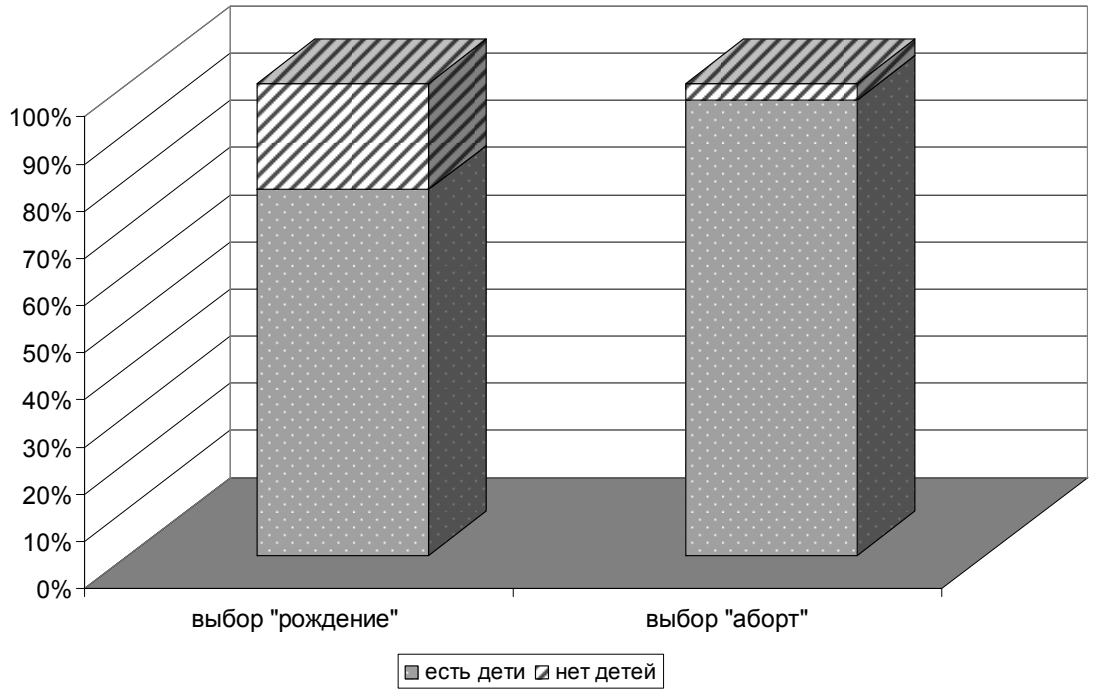


Рисунок 4.
Распределение беременных женщин по репродуктивному выбору и наличию детей (%)

Эти данные характеризуют особую роль рождения «первенца», появление которого выбирают в 7 раз чаще, чем «избавление» от него. Почти 22% беременных женщин, сделавших выбор «рождение» не имели ранее детей, тогда как в другой группе таких насчитывалось лишь 3%.

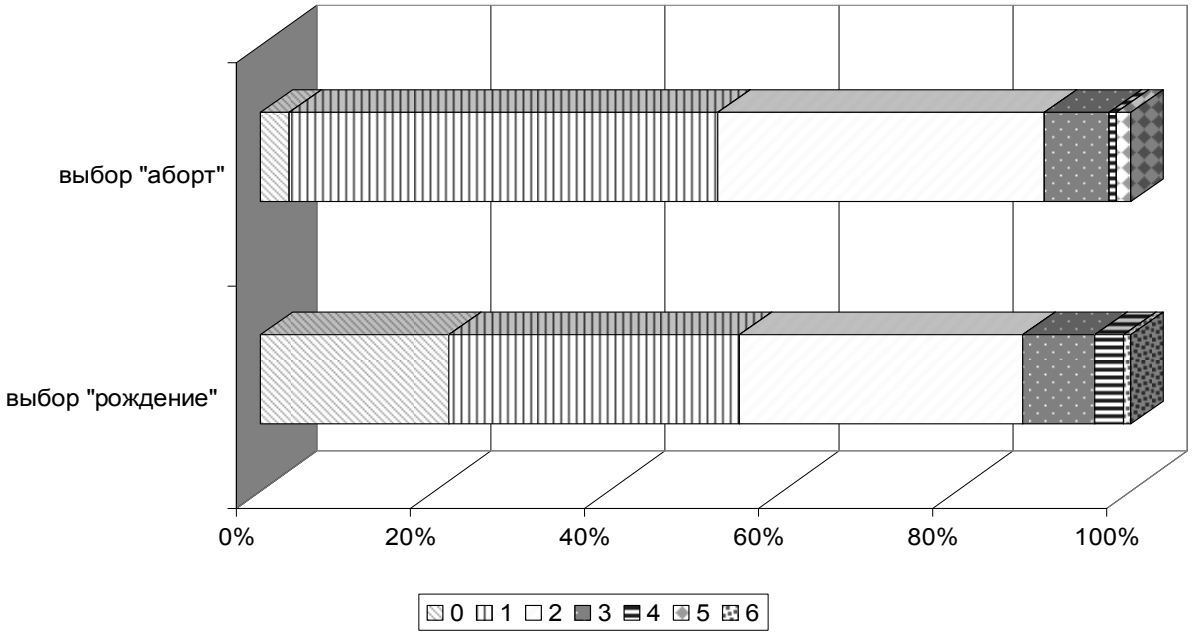


Рисунок 5.
Распределение беременных женщин по репродуктивному выбору и числу (%)

Особое значение, как показали предварительные результаты исследования, при репродуктивном выборе принадлежит отношению отца ребенка. На рис. 6 заметно, как уменьшается абортивный исход беременности в зависимости от увеличения позитивного отношения к ней будущего отца.

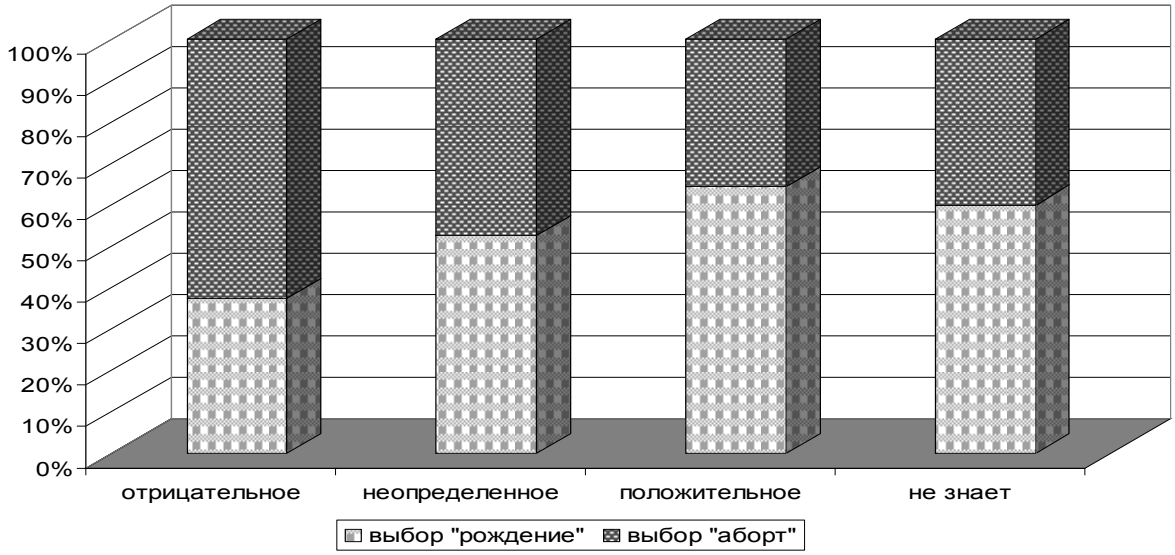


Рисунок 6.
Распределение беременных женщин по репродуктивному выбору и отношению отца ребенка (%)

Так, при отрицательном отношении мужчины к беременности аборт выбирают 63% женщин, при нейтральном отношении – уже 47, при положительном – 35%. Поэтому очень важной становится проблема ответственного отцовства, которую следует учитывать при разработке мер, направленных на профилактику абортов, и мер, ориентированных на повышение уровня рождаемости в России.

Обоснование и разработка таких мер возможна только при глубоком объективном исследовании и описании истинных, а не декларируемых и стереотипно укорененных в общественном сознании причин прерывания беременности современными женщинами. Это возможно при наличии качественного социально-психологического исследования целевой аудитории. В противном случае выработанные без объективного обоснования меры государственной поддержки могут стать малоэффективными, вызывать сопротивление со стороны общественности, может приводить к критике власти, снижению оценки населением качества государственного управления.

Сигарева Е.П.
к.э.н., зав. сектором воспроизводства населения Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН
sigarevae@mail.ru
Сивоплясова С.Ю.
к.э.н., с.н.с. Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН
svetlankamos84@rambler.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: *естественное движение, миграционное движение, рождаемость, смертность, миграционный прирост, общий прирост, мировой рейтинг, региональный рейтинг, разнообразие, демографические тренды, модель, население.*

Для объяснения специфики демографического разнообразия, наблюдаемого в Российской Федерации, необходимо дать некоторые общие представления о ее географическом положении и территориально-административном устройстве. Россия – крупнейшая в территориальном отношении страна на Евроазиатском континенте. Она занимает 1/8 часть земной суши и располагается на более чем 17 млн. квадратных километров. У нее самой большое число соседей в мире – 18. Численность населения России составляет более 146,5 млн. человек, и в мировом рейтинге она находится на 9 месте. Являясь федеративной республикой, она включает 85 субъектов, из которых 46 – области, 22 – республики, 9 – края. 4 – автономные округа, 3 – города федерального значения, 1 – автономная область. Россия обладает сложным и разнообразным в этническом отношении составом населения. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 190 национальностей. Наиболее крупные – это русские, татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы, армяне, численность которых превышает миллионную отметку, и совокупное число которых почти на 90 % определяет этническую структуру. Группа народов, в состав которых входит от 400 тыс. чел. до 1 млн. чел. составляет 15 «этнических единиц», от 100 тыс. чел. до 400 тыс. чел. – 19. Остальные народы характеризуются меньшим количественным составом. Большинство крупных национальностей преимущественно расселено в соответствующих субъектах Российской Федерации. Обладая особенностями культурного, религиозного менталитета, народы России по-разному участвуют в воспроизводственном и миграционном движении, тем самым создают пеструю демографическую картину. Эти географические, этнические, исторические и культурные особенности, а также территориально-административные параметры ее устройства, по которым осуществляется статистическое наблюдение демографических процессов, и обусловливают российскую специфику регионального разнообразия воспроизводственных и миграционных процессов.

Данный проект основывался на общенаучных и формально-логических методах познания. Основу работы составляли методы анализа и синтеза в контексте изучения мирового и регионального разнообразия естественного и миграционного движения. Статистический метод использовался для обработки и анализа данных официальной мировой и региональной статистики в контексте сопоставления показателей рождаемости, смертности и миграционного прироста в разрезе стран мира и регионов Российской Федерации. Графический метод дал возможность представить иллюстрации по результатам исследования. Работа базировалась также на исследованиях ряда ученых, затрагивающих отдельные аспекты данного проекта. Например, Архангельского В.Н., который рассмотрел современные особенности динамики рождаемости в России[1]. Различия в уровне рождаемости разных народов Российской Федерации и изменение этнического самоопределения, исследованные в работе Богоявленского Д.Д.[2], подтвердили тезис нашего проекта о влиянии этнических особенностей на региональное демографическое разнообразие. Предложенная Акъюловой Е.И. и Шашкиным С.Ю.[3] типология регионов, основанная на различии в показателях естественного прироста населения, была учтена при обобщении полученных результатов. О региональном проявлении системных особенностей,

[1] Архангельский В.Н. Региональные особенности современной динамики рождаемости в России // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года). – М.: Экономическое образование, 2015. – С .237–243.

[2] Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез. – http://www.perspektivy.info/print.php?ID=193983

[3] Акъюлова Е.И., Шашкин С.Ю. Особенности демографического развития России в переходный период. – http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2008/03/18/

которые задаются общими для страны условиями и общей для страны стратегией демографического развития, писал Ищенко А.Н.[1]

Исследованиями регионального разнообразия демографического развития стран мира занимались Дмитриев Р.В. (Индия)[2]. Сравнению особенностей социально-экономического развития экономических районов разных стран (нефтегазоносные районы России и Норвегии) была посвящена часть работы Бессоновой Т.Н.[3] Эмма Терэмэ (Амстердамский университет) провела исследование различий динамики основных демографических показателей, например, таких как рождаемость, в зависимости от места жительства и исповедуемой религии[4]. Выявлению сходства и различий демографического развития стран Балтийского моря посвящена работа П.Звиндринса[5].

Анализ внутрироссийских различий в уровнях рождаемости, смертности и миграции в контексте наиболее крупных административных образования – федеральных округов, был сделан в статье Миллера А.Е. и Миллера М.А.[6] На российские контрасты в области продолжительности жизни с подбором страны – аналога указывал Н.Н. Клюев[7]. Рейтинговое распределение стран мира по уровню смертности с определением позиции в нем в 2005 г. было представлено в работе Е. Щербаковой[8]. Использование в проекте вышеуказанных методов и результатов изыскания других ученых позволило аргументировано ответить на вопрос о масштабах демографического разнообразия регионов страны.

В нашем исследовании мы опирались на гипотезу о том, что Российская Федерация обладает таким значительным разнообразием показателей воспроизводственного и миграционного потенциалов, который по вариативности аналогичен глобальным различиям. Примененная нами методика не встречалась в других подобных исследованиях, поэтому может считаться оригинальной. Обычно при изучении демографических особенностей какой-либо страны используется подход, сравнивающий часть с целым, либо часть с частью. Например, показатели рождаемости (смертности, миграции) какой-либо страны с показателями другой страны, или странами, или общемировыми показателями. Мы же в нашем исследовании использовали метод сравнения элементов целого с элементами части. Мы сравнили рейтинги стран мира с рейтингами регионов России. Такой подход позволил представить степень и характер регионального демографического разнообразия одной страны – России, на фоне общемировой дифференциации демографических показателей.

В результате по каждому компоненту, формирующему численность населения региона – рождаемости, смертности, миграционному приросту, были построены графики (рис. 1, рис. 2, рис. 4), иллюстрирующие сравнение диапазона региональных различий с диапазоном различий в мировом масштабе. Это позволило каждому региону России «подобрать» страну мира с аналогичными параметрами в уровне рождаемости, смертности и миграционному приросту. На графике 1, характеризующим разброс по показателю общего коэффициента рождаемости, видно, что максимальное его значение в России, составляющее 23,7%, принадлежит Республике Тыва, расположенной в южной Сибири. А в мире такой же показатель свойственен тихоокеанскому государству Тувалу. Численность населения первой более чем в 28 раз превосходит численность населения второго. Далее следует Чеченская Республика, находящаяся на юге России с показателем уровня рождаемости в 23,2%, который сопоставим с уровнем рождаемости Центральноамериканской страны – Республикой Гондурас. Соотношение численности населения первой и второй республик: примерно, 1,4 млн. человек к 8,5 млн. человек.

Наименьшее значение показателя рождаемости в России свойственно Ленинградской области, находящейся в северо-западной части России – 9,1%. Это сравнимо с уровнем рождаемости в Республике Сербия, которая находится в юго-восточной части Европы. Она насчитывает более 7 млн. человек, тогда как Ленинградская область лишь 1,8 млн. человек. Республика Мордовия и Тамбовская область – регионы также с невысоким уровнем рождаемости 9,7–9,8%. По этому показателю их можно сравнить с Республикой Польша и ближневосточным государством Катар.

В целом по уровню рождаемости регионы России занимают с 62 позиции по 209 позиции мировой рейтинговой последовательности. Это, примерно 2/3 всемирного континуума уровня рождаемости в 2015 г. То есть, различия регионов России в отношении уровня рождаемости сопоставимы с мировыми различиями.

---

[1] Ищенко А.Н. Региональные особенности современного демографического развития России. – http://www.ceninauku.ru/page_18484.htm

[2] Дмитриев Р.В. Региональная демографическая политика в Индии: достигнуты ли поставленные цели? // Региональная демографическая политика: Сборник статей / Под ред. Елизарова В.В. и Джанаевой Н.Г.; Экономический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 245–271.

[3] Бессонова Т.Н. Формирование приоритетных направлений социально-экономического развития северного нефтегазодобывающего региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Диссертация. – Ханты-Мансийск, 2012.

[4] Terämä E. Regional Demographic Differences: the Effect of Laestadians // Finnish Yearbook of Population Research. 2010. – Vol. 45. – P. 123–141.

[5] Zvidrins P. Similarities and differences in demographic development in the Baltic sea region countries. – http://iussp.org/sites/default/files/event_call_for_papers/29.10.Doc_.pdf

[6] Миллер А.Е., Миллер М.А. Региональные различия демографического развития федеральных округов Российской Федерации // Вестник Омского государственного университета. Серия: Экономика/ 2010. – № 4. – С. 88–93.

[7] Клюев Н.Н. Российские контрасты. Межрегиональные различия по социально-экономическим параметрам. – http://geo.1september.ru/articles/2009/22/06

[8] Щербакова Е. По общему коэффициенту смертности Россия занимает 182-е место среди 207 стран мира. – http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0227/barom02.php

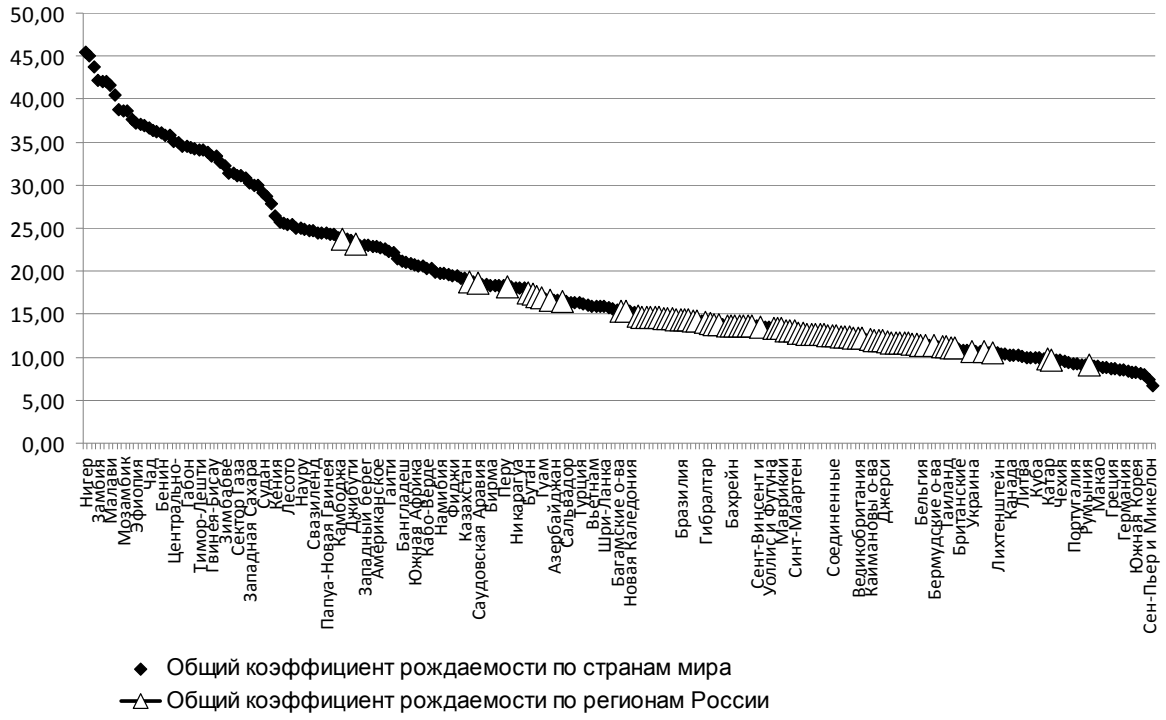


Рисунок 1.
Общие показатели рождаемости по странам мира и регионам Российской Федерации, 2015 г., (%)

Еще большее разнообразие отмечается в отношении общего коэффициента смертности (рис. 2). Первое, что следует отметить в отношении сопоставления страновых и региональных показателей смертности, это то, что в настоящий период в России присутствуют регионы, высокий уровень смертности которых не имеет аналогов в показателях по странам мира. Исходя из того, что мы использовали показатели в среднем по странам, а не по регионам каждой страны, то, в принципе, более детальный анализ мог бы найти в крупных государствах отдельные территории, с которыми можно было бы сравнить российские регионы с высокими показателями смертности. Однако в нашем проекте эта задача не ставилась. Нам было важно подчеркнуть региональную демографическую дифференциацию России в мировом контексте.

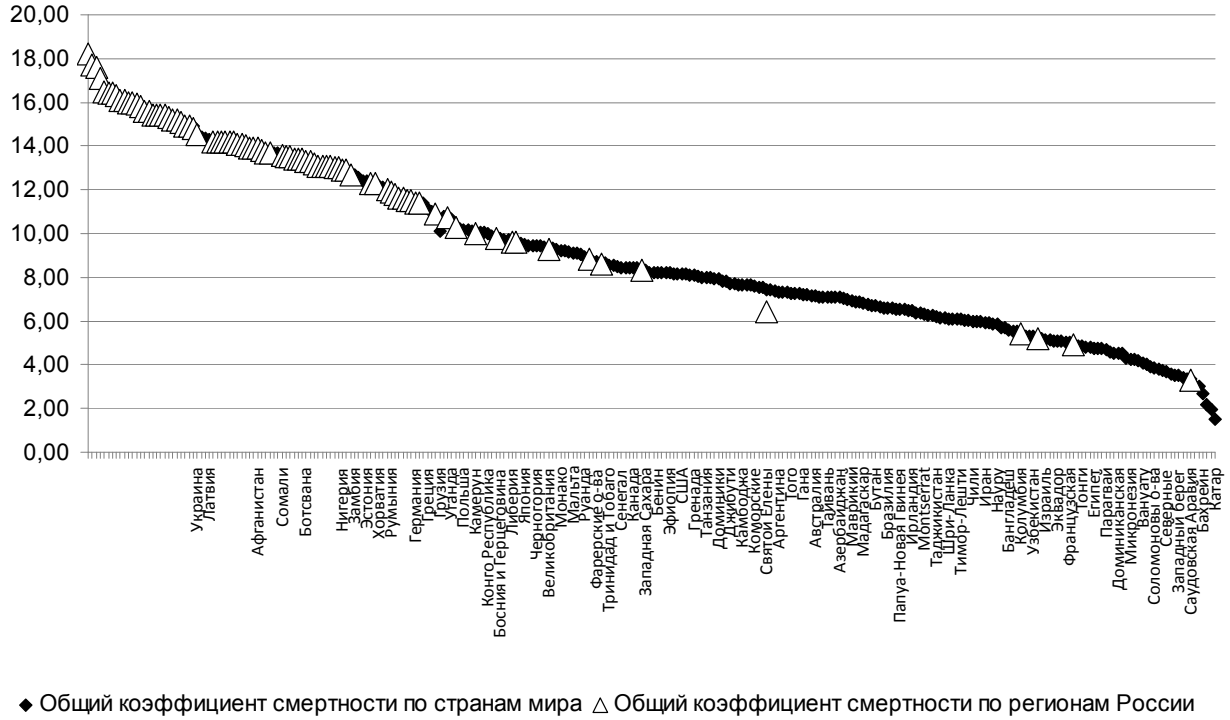


Рисунок 2.
Общие показатели смертности по странам мира и регионам Российской Федерации, 2015 г., (%)

Вместе с тем, отметим, что 26 регионов России в 2015 г., а это более 30% всех субъектов страны, характеризовались уровнем смертности, который не наблюдался ни в одной стране мира. Самые высокие показатели смертности в приведенном мировом рейтинге составляли в 2015 г. 14,9% в Королевстве Лесото, находящимся в Южной Африке и насчитывающем около 2 млн. человек. Этот уровень смертности может быть соотнесен с уровнем смертности в Воло-

годской области, который составлял в 2015 г. 14,8%. К чрезвычайно высокому уровню смертности можно отнести и показатели, принадлежащие Республике Украина и Кемеровской области, составившие в первом и во втором случае 14,5%.

Второе. Самый низкий показатель смертности характерен для Республики Ингушетия – 3,3%. Эту величину можно сопоставить с показателем смертности в Королевстве Саудовской Аравии, которое находится на 219 позиции в рейтинге уровня смертности (от большого к малому). На графике 2 видно как по сравнению с мировым рейтингом дифференцируются регионы России, но в целом они распределяются почти по всей последовательности вплоть до 219 позиции. Это соответствует 97% глобального континуума показателей смертности. То есть, многозначность по уровню смертности регионов России на 97% является отражением многозначности смертности стран всей планеты.

Таким образом, компоненты естественного прироста регионов России в пределах от 66 до 97% отражают картину мира. По остроумной оценке одного из известных демографов России Л.Л. Рыбаковского режим воспроизводства населения в России можно назвать «евро-африканским»: по-европейски – низкая рождаемость, по-африкански – высокая смертность[1].

Более детально сравнение мировых и региональных (российских) различий компонентов естественного воспроизводства представлено в табл. 3, где показано, что в масштабах мира различия между максимумом и минимумом общего коэффициента рождаемости составляет 6,8 раз, а в российских регионах различия достигают 2,6 раз.

Таблица 1

Диапазон разнообразия мировых и региональных показателей рождаемости и смертности в 2015 г.

	Мир		Россия		Мир	Россия
	Максимум (%)	Минимум (%)	Максимум (%)	Минимум (%)	Максимум/ Минимум	Максимум/ Минимум
рождаемость	45,4	6,7	23,7	9,1	6,8	2,6
смертность	14,9	1,5	18,2	3,3	9,7	5,5

Диапазон разнообразия показателей смертности для мира в целом составляет 9,7 раз, а между регионами России – 5,5 раз. Все это дает основание говорить о «неравенстве демографического потенциала» как в мировом, так и в региональном аспекте.

Что касается третьего компонента общего прироста населения регионов – миграционного сальдо, то его распределение по рейтинговой последовательности стран мира составляет 94% (рис. 4). Максимальный миграционный прирост, составляющий 14,9%, наблюдается в Московской области. Она находится на 7 позиции в мировом рейтинге. По уровню данного показателя она может сравниться, если не с Каймановыми Островами, где население составляет всего около 55 тысяч человек, то с Республикой Сингапур, в которой численность населения (более 5 млн. человек) не столь отличается от численности населения Московской области (более 7 млн. человек).

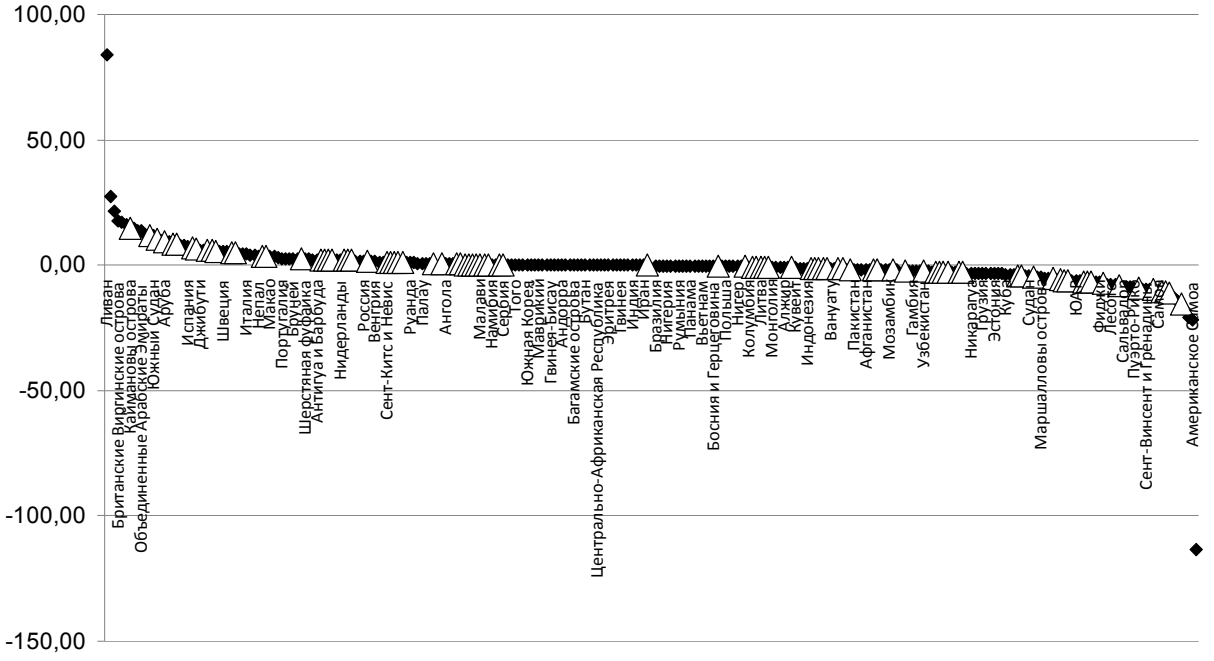


Рисунок 3.
Общие показатели миграционного сальдо по странам мира и регионам Российской Федерации, 2014 г., (%)

[1] www.rybakovskiy.ru

Наибольший миграционный отток свойственен Магаданской области, которую в 2014 г. покинули более 15 человек из каждой тысячи населения. Она занимает 218 позицию в мировой рейтинговой последовательности. Численность населения Магаданской области – относящейся к территории крайнего Севера и находящейся на северо-востоке России, составляет 146 тыс. чел. Такая же интенсивность оттока наблюдалась в малочисленном (чуть более 10 тыс. чел.) государстве в западной части Тихого океана Республике Науру.

Если же сравнивать глобальный и региональный диапазон показателей миграционного сальдо, то можно отметить следующее. Не учитывая экстремальные показатели Ливанской Республики и Сирийской Арабской Республики, в которых миграционный приток и отток составлял плюс 83,8 и минус 113,5%, соответственно, и был связан с потоком беженцев, охват этого показателя в мировом масштабе находился в пределах от плюс 27,3 до минус 21,6%. В регионах России этот показатель заключался в пределах от плюс 14,0 до минус 15,2%.

Все эти данные характеризуют присутствие в естественном и миграционном движении регионов России широкого разнообразия, которое имеет большое сходство с разнообразием мирового значения. Можно сказать, что Россия в ее региональном выражении представляет модель мира, сочетающую в себе большую часть трендов рождаемости, смертности и миграции, характерных для глобальной демографической дифференциации. Исследование такой модели, возможности влияния на современные ее аспекты позволит представлять и проектировать изменения, которые могут произойти во всем мировом пространстве. Например, российская статистика уже несколько лет осуществляет мониторинг типовой дифференциации итогов демографического развития регионов страны, которые зависят от взаимодействия факторов естественного и миграционного процессов. Комбинация этих процессов представлена в шести группах регионов России (табл. 2).

Таблица 2

Группировка регионов Российской Федерации по характеру влияния компонентов естественного и миграционного движения на общую численность населения в 2014 г.

Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось	46
в том числе за счет:	
естественной убыли и миграционного оттока населения	19
превышения естественной убыли над миграционным приростом	13
превышения миграционного оттока над естественным приростом	14
Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось	37
в том числе за счет:	
естественного и миграционного приростов	17
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	12
превышения миграционного прироста над естественной убылью	8

Такая типизация позволяет выделить наиболее проблемные группы регионов с последующим формированием мер демографической политики. В результате интегрированного воздействия компонентов естественного и миграционного движения показатель общего прироста населения в российских регионах варьируется от плюс 23,7% в Республике Ингушетия до минус 15,0% в Магаданской области. Какие именно субъекты Российской Федерации находятся в позитивном тренде общего прироста населения, а какие в негативном, демонстрирует таблица 3.

Таблица 3

Коэффициенты общего прироста населения регионов России в 2014 г.

Коэффициент общего прироста населения	Число регионов	Субъекты России
Более 10%	5	Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Тюменская область, Московская область, г. Санкт-Петербург
От 9,9 до 5,0%	12	Республика Алтай, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Краснодарский край, Республика Дагестан, Ненецкий автономный округ, г. Москва, Ленинградская область, Республика Тыва, Республика Адыгея, Калининградская область, Калужская область, Новосибирская область
От 4,9 до 1,0%	14	Республика Бурятия, Астраханская область, Республика Татарстан, Томская область, Республика Хакасия, Кабардино-Балкарская Республика, Белгородская область, Республика Саха (Якутия), Омская область, Красноярский край, Челябинская область, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Свердловская область
От 0,9 до 0%	6	Воронежская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Башкортостан, Самарская область, Пермский край, Удмуртская Республика
От – 0,1 до – 2,0%	13	Ярославская область, Чукотский автономный округ, Ростовская область, Хабаровский край, Курская область, Саратовская область, Иркутская область, Чувашская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Липецкая область, Амурская область, Республика Марий Эл, Вологодская область
От – 2,1 до – 5,0%	14	Алтайский край, Забайкальский край, Приморский край, Республика Карелия, Костромская область, Смоленская область, Кемеровская область, Нижегородская область, Пензенская область, Оренбургская область, Ульяновская область, Республика Мордовия, Волгоградская область, Рязанская область

От – 5,1 до – 10,0%	17	Кировская область, Республика Калмыкия, Тульская область, Сахалинская область, Владимирская область, Ивановская область, Новгородская область, Тамбовская область, Орловская область, Мурманская область, Архангельская область, Тверская область, Брянская область, Камчатский край, Псковская область, Курганская область, Республика Коми
Свыше – 10,1%	2	Еврейская автономная область, Магаданская область

Как видно чуть более половины российских регионов находятся в негативной области показателя общего прироста населения. Перспективы сокращения численности населении также свойственны определенной части стран мира, главным образом странам Европы, Японии, некоторым странам Карибского бассейна, Юго-восточной и Восточной Азии, которые из-за различных комбинаций естественного и миграционного движения столкнутся с утратой численности населения. Поэтому, знакомство с разнообразием демографической ситуации в регионах России, причинах их обусловливающих, репродуктивных и миграционных установках молодого поколения, а также с мерами российской демографической политики, направленной на восстановление демографического потенциала будет полезно и для мира в целом.

Кроме социально-демографической дифференциации регионов, которая во многом определяет различия в демографическом поведении населения территорий России, и, которые мы не будем рассматривать в данном проекте, на воспроизводственные и миграционные тренды влияет так называемый «демографический статус» территории. Он включает демографические параметры и структуры населения региона, которые могут способствовать или препятствовать позитивным изменениям в демографической сфере. В качестве примера можно привести показатель среднего возраста населения в регионе. Понятно, что более «молодое» населения субъекта России более активно участвует в воспроизводственных и миграционных процессах. Если мы проанализируем рейтинговое распределение субъектов России по этому показателю, то окажется, что диапазон различий субъектов в данном случае достаточно широкий. В целом средний возраст российского населения на 1.1.2015 г. составляет 39,5 лет. А разница в среднем возрасте населения самого «старого» региона и населения самого «молодого» региона варьирует в пределах 42,7 лет и 27,6 лет, то есть составляет более 15 лет. Получается, что средний возраст наиболее «старого» субъекта России, к которому относится Тульская область, в 1,5 раза выше среднего возраста населения наиболее «молодого» субъекта России, к которому принадлежит Чеченская Республика. Среди мужского населения региональные различия среднего возраста составляют 39,2 года (в Тамбовской области) и 27,6 лет (в Чеченской Республике). А среди женщин эта разница еще больше: 45,7 лет (в Тульской области) и 28,4 лет (в Чеченской Республике). Такая вариативность в показателях среднего возраста населения регионов страны и становится фактором демографических различий в воспроизводственном и миграционном движении.

Что касается сопоставления различий в среднем возрасте населения регионов России и стран мира, то заметим, что самое молодое население проживает в Республике Нигер. Средний возраст ее жителей в 2015 г. составлял 15,2 года. Наиболее пожилое население сосредоточено в Княжестве Монако, где средний возраст достигает 51,7 лет. Различие между этими странами достигает 36,5 лет, или 3,4 раза. В то же время в мировом рейтинге стран по показателю среднего возраста населения регионы России занимают от 19 до 113 позиции, что составляет почти 50% глобального континуума. Это также подчеркивает роль демографического разнообразия регионов России в мировых масштабах.

Еще один важный детерминант регионального демографического разнообразия состоит в специфике этнического расселения по территории России. Дело в том, что различные этнические группы характеризуются и различными моделями репродуктивного и миграционного поведения. Например, по данным последней переписи населения 2010 г. среднее число рожденных женщинами детей наиболее многочисленных национальностей различалось почти в 2 раза. Наименьшая детность была характерна для евреев, грузин, русских, среднее число рожденных детей на 1000 женщин которых составило 1264, 1381, 1405 соответственно. Напротив, наибольшая детность была свойственна цыганам (2406 детей на 1000 женщин), туркам (2283 детей на 1000 женщин), ингушам (2257 детей на 1000 женщин, чеченцам (2196 на 1000 женщин). Поэтому концентрация определенного этноса в каком-либо регионе страны обусловливает и его позицию в структурном разнообразии естественного движения. В связи с этим следует сказать, что, учитывая наибольший вес в этнической структуре населения России русских, который составляет более 80%, определяющую роль играет специфика размещения по регионам России именно русского населения.

Доля русского населения в регионах России, если следовать строгим статистическим расчетам, различается в 118 раз. Так, в Брянской области доля русского населения достигла в 2010 г. 94,7%, а в Республике Ингушетия не достигает и 1% (0,8%). В 72 субъектах численность русского населения превышает 50%, в том числе, в 50 субъектах России доля русского населения выше 80%, в 21 – выше 90%. На рис. 4 хорошо видно, что русское население сосредоточено в центральной части страны, а также в северо-западной и южной частях. Велико присутствие русского населения и на Урале и в восточной части страны. Напротив, национально-административные образования России характеризуются относительно меньшим вкладом русских в численность населения. Наименьший удельный вес русского населения (менее 5%) отмечен в Республике Ингушетия, Чеченской Республике и Республике Дагестан. Это обстоятельство во многом определяет роль основного этноса России – русских, в развитии воспроизводственных процессов, и своеобразие демографической дифференциации регионов.

При визуальном сравнении карты распределения русского населения и карты коэффициента естественного прироста (рис. 5 и рис. 6) заметно их зеркальное «сходство». То есть, на территории с преимущественным присутствием русского населения наблюдается меньший естественный прирост или даже убыль населения.

Процент русских по регионам РФ в 2010 году.

Рисунок 4.
Доля русского населения в регионах Российской Федерации

Рисунок 5.
Коэффициент естественного прироста населения в 2015 г. (%)[1]

Для усиления подтверждения данного тезиса можно привести график на рис. 6, где предлагается сравнить рейтинг удельного веса русского населения в регионах страны и коэффициент естественного прироста населения. На графике видно, что по мере снижения удельного веса русского населения в регионах увеличивается значение показателя коэффициента естественного прироста населения. Особенно это заметно, когда на графике представлены линии трендов.

Таким образом, в России региональное разнообразие определяется не только возможностями социально-экономического развития разных регионов, но существуют особенности демографического порядка, которые также вносят свою лепту в это разнообразие.

Исследование разнообразия отдельных компонентов воспроизводственного и миграционного движения в Российской Федерации позволило выявить ряд положений, которые свидетельствуют о высоком уровне вариации демографических характеристик в регионах страны.

1. В работе доказано принципиальное подобие мировой и региональной модели существующих различий в области рождаемости, смертности и миграционного прироста. Региональные показатели уровней рождаемости, смертности и миграционного прироста распределены в пределах подавляющей части мирового континуума. Это означает, что в своем демографическом разнообразии Россия представляет собой своеобразную модель (в случае с рождаемостью – ядро) всего мирового разнообразия естественного и миграционного движения.

2. На существующую вариацию демографических показателей оказывает влияние ряд исторических, культурных, религиозных, ментальных особенностей. Сложная территориально-административная структура России, ее геополитическое положение, различия в «демографическом статусе» регионов создают условия для проявления таких различий. Особое значение региональной дифференциации в области воспроизводства населения и миграции придает специфика расселения основного этноса страны – русского населения, режим воспроизводства которого и обусловливает величину вариативности демографических характеристик.

3. Существующая демографическая и миграционная политика в Российской Федерации реализуется пока еще недостаточное количество времени, чтобы говорить о ее кардинальном воздействии на региональную дифференциацию. Ее меры повлияли благополучно на общий фон демографического развития, о чем свидетельствуют показатели в

[1] https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=47361185

среднем по России. Но пока меры регионального уровня еще недостаточно проявили себя в трансформации реальной вариативности процессов естественного и миграционного движения. Поэтому можно ожидать, что в ближайшей перспективе Российская Федерация продолжит демонстрировать масштабное региональное разнообразие в естественном и миграционном движении.

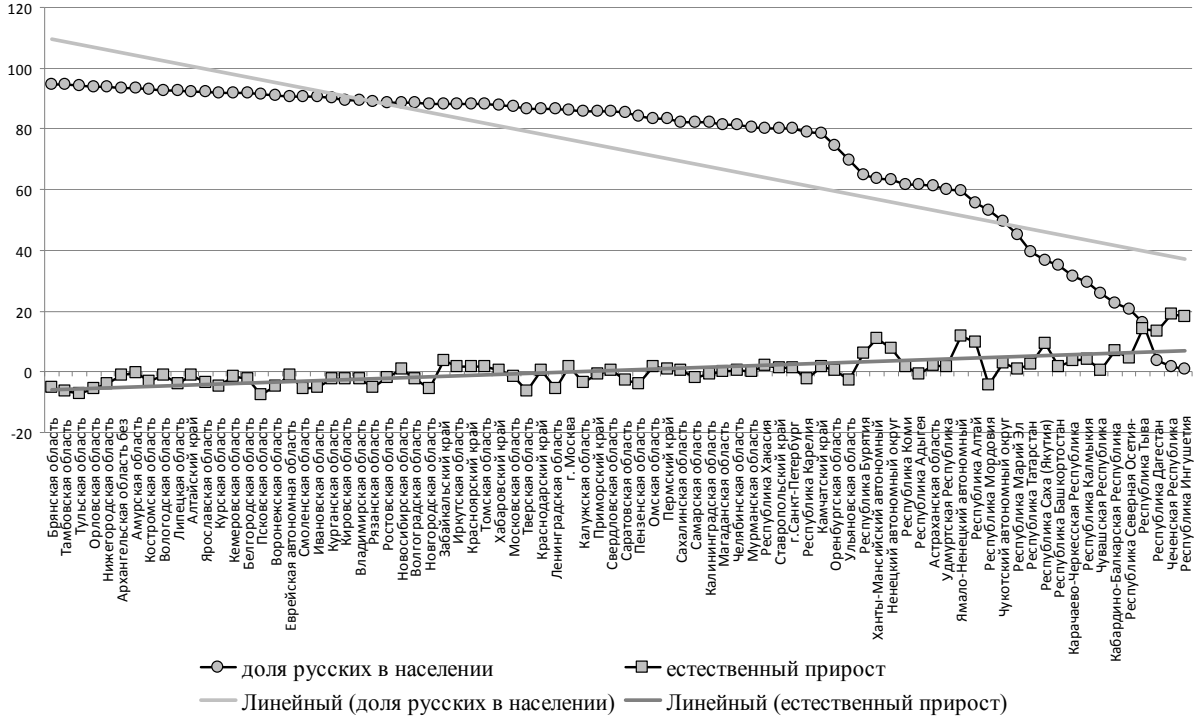


Рисунок 6.
Распределение удельного веса русского населения и коэффициента естественного прироста по регионам России (%)

МОЛОДЕЖЬ И БУДУЩАЯ РОССИЯ[1]

Аникина А.В.[2]

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ И ЗАНЯТОСТЬ НА СЕЛЕ: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова*: молодежь, проблема закрепления молодежи на селе, сельский туризм, пилотажное социологическое исследование, возрастной показатель, уровень социального благоустройства населенного пункта, направления сельского туризма, виды помощи в развитии сельского туризма, подготовка и переподготовка студентов и слушателей, российский союз сельской молодежи, спрос на услуги, предпринимательство в агропромышленном комплексе.*

Keywords: *youth, the problem of retaining young people in the village, rural tourism, a pilot questioning, age indicator, the level of social improvement of settlement, types of rural tourism, types of aid in the development of rural tourism, training and retraining of students and listeners, Russian Union of rural youth, demand for services, entrepreneurial activity in the agricultural sector.*

Современная молодежь, как социально-демографическая группа и субъект общественного воспроизводства, входит в пору деловой и социальной активности до 30-летнего возраста, стремясь попасть в поле зрения управленцев от бизнеса и властных структур, чтобы гарантировать себе интересную и перспективную работу.

Воспроизводство осуществляется в процессе смены поколений. Общество обновляется, совершенствует структуру, передает от старших поколений младшим общественные институты, опыт и культуру, систему норм и ценностей. Собственно, молодежь «является одним из главных факторов, движущих сил общественного развития»[3].

Молодое поколение обладает существенными преимуществами по сравнению с другими возрастными категориями трудоспособного населения. У молодежи самый длительный период предстоящей трудоспособности; лучшие показатели физического здоровья и выносливости; сравнительно высокий общеобразовательный уровень; большая миграционная мобильность и т.д.

Вместе с тем, молодежь обладает рядом недостатков: отсутствие достаточной квалификации после окончания учебного заведения, идеалистические требования к условиям труда и первоначальному размеру заработной платы, неуверенность в своих силах. Это снижает конкурентоспособность молодежи. В таких обстоятельствах «создание сельской молодежью своего малого агробизнеса может стать эффективным способом обеспечения ее самозанятости»[4]. Тем более что на протяжении нескольких десятков лет проблема закрепления молодого поколения на селе рассматривается как первостепенная и весьма актуальная.

Среди причин, провоцирующих молодежь покидать село, ученые называют низкую заработную плату (55%), отсутствие возможности для самореализации (31%), плохую организацию досуга (10%), слабое медицинское обслуживание (7%), плохое устройство быта (4%), трудности с поиском супруга(и) (3%) и необходимость много работать (4%)[5]. Как известно, особенностью сельского хозяйства является высокая трудоемкость и низкая доходность отраслей. Это сопровождается оттоком ресурсов в другие сферы производства. Большая часть сельскохозяйственных организаций неплатежеспособна, их материально-техническая база разрушена: сокращаются масштабы хозяйственной деятельности, уменьшается число занятых в производстве, увеличивается уровень безработицы. Формирование рынка труда осложняется демографической обстановкой, нерациональной структурой сельского населения, низким уровнем его образования, слабым развитием социальной инфраструктуры и отсутствием рынка жилья[6].

Кроме того, современную ситуацию на рынке труда в сельской местности можно оценить как трудоизбыточную. Излишнее предложение труда выражается, с одной стороны, в форме постоянно увеличивающейся безработицы, а с другой – в форме предельно низкой заработной платы работников. Негативные последствия этого для реальной модернизации аграрного производства и повышения его эффективности очевидны. Многие сельхозпредприятия пла-

---

[1] В данном разделе публикуются материалы одноименной заочной всероссийской научно-практической конференции, поступившие в редакцию до 1 ноября 2016 г.

[2] Аникина Анна Валентиновна – к.соц.н., доцент Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. Область профессиональных интересов: социология религии (религиозность населения, молодежи; межрелигиозные отношения), сельский туризм (социально-экономические проблемы, спрос и предложение, рынок услуг). E-mail: annavalentan@yandex.ru

[3] Ростовцева Т.К., Рязанцев С.В. Социально-демографические характеристики российской молодежи // Государственный советник. – М., 2015. – № 2 (10). – С. 66-74.

[4] Пахомова А.А. Проблемы сельской молодежи в агробизнесе // Российское предпринимательство. 2010. № 7–2 (163). – С. 141–144. – http://bgscience.ru/lib/6234/

[5] Романов А.А., Фролов С.А. Развитие села глазами молодежи // Социс. – М., 2014. – № 2. – С. 48–51.

[6] Воронина А.А. Тенденции развития аграрного рынка труда // Концепт. 2015. – № 8 (август). – http://e-koncept.ru/2015/15264. html

тят предельно низкую заработную плату избыточной массе работников, которая фактически заменяет им пособия по безработице. Сама заработная плата в сельском хозяйстве остается самой низкой в экономике. Разрыв в оплате труда по сравнению с промышленностью увеличился за 2000-е гг. в 3,2 раза[1].

Сейчас молодежь готова работать, но желает получать взамен достойную заработную плату и иметь условия, способствующие здоровому отдыху. В этой связи развитие предпринимательства в агропромышленном комплексе, в том числе сельского туризма, может стать инновационным способом решения проблемы закрепления молодежи на селе.

Отметим, что диверсификация хозяйственной деятельности путем развития смежных и альтернативных видов занятости и самозанятости на селе, таких, как туризм, производство сувенирной и кустарно-ремесленной продукции, национальных костюмов и продуктов питания, работа по обустройству ландшафта, уборка и утилизация бытовых, производственных отходов и т.п.[2] и сегодня весьма актуальна. К тому же рост интереса к отдыху внутри страны, в том числе в сельской местности, отмечается многими исследователями.

Так, по данным социологического опроса, проведенного в июне-августе 2013 г. ООО МИП «ИнАгроС» в Самарской области[3], более 40% городского населения готовы отправиться на отдых в сельскую местность. Подавляющее большинство респондентов отдало предпочтение летнему периоду отдыха (63%), когда большинство населения находится в отпусках. На втором месте – осень (32%) и весна (28%), на третьем – зима (15%).

Согласно социологическому опросу в Оренбургской области[4], 62% респондентов знаком агротуризм, поучаствовать в агротуре хотели бы 40%. Поездки в село как тур выходного дня – выбрали 49% опрошенных, на неделю – 42,5%. Рассчитывают получить дополнительные услуги: деревенскую баню – 23% опрошенных, конные прогулки – 22,5, участие в хозяйственной жизни сельской семьи отметили 17%. Респонденты ожидают от агротура ощущения близости с природой (28%), чистого воздуха и натуральных продуктов питания (26%), получения новых впечатлений (17%).

Как показало социологическое исследование сельских жителей Оренбуржья, у сельчан также есть желание получить дополнительный доход. Поэтому важно рассмотреть данную социально-экономическую потребность с точки зрения включения молодежи в структуру воспроизводства на селе. Тем более что среди стимулов, способствующих притоку молодых специалистов на село, ученые выделяют достойную зарплату (50%), свое жилье (30%), перспективу карьерного роста (17%), достойное медицинское обслуживание (5%), наличие развитой инфраструктуры (10%), организацию хорошего досуга (8%), свое подсобное хозяйство (9%)[5]. Сельский туризм позволяет не просто задействовать трудовой потенциал российского села, но и способствовать трудоустройству молодежи.

Проведенное нами пилотажное социологическое исследование[6] селян в Нижегородской области (N=268, из них 36,6% мужчин и 63,4% женщин) в мае-июне 2014 года выявило особенности молодежного восприятия проблем и путей развития сельского туризма.

По мнению молодого поколения, для муниципалитетов перспективными являются экологическое (23,0%), лечебно-оздоровительное (22,0%), спортивное (15,1%), фермерское (14,6%) и краеведческое (14,1%) направления.

Как показывает российская и зарубежная практика, важным фактором для развития туристической деятельности на селе является транспортная инфраструктура и приемлемый уровень социального благоустройства. Каждый третий молодой человек (27,4%) считает, что проживает в населенном пункте с низким уровнем социального благоустройства. Больше половины респондентов (57,3%) согласны, что живут в поселении со средним, а 6,5% с высоким уровнем благоустройства (табл. 1).

Таблица 1

Распределение мнений молодежи об уровне социального благоустройства населенного пункта, %

	Высокий	Средний	Низкий	Совсем социально не обустроен	Затруднились ответить
Уровень благоустройства населенного пункта	6,5	57,3	27,4	6,5	2,3

Исследование выявило, что уровень социального благоустройства населенного пункта, в силу новизны подобного бизнес-предложения, не решающий фактор в сознании молодежи. Подобная тенденция отмечается и в вопросе о видах помощи в развитии сельского туризма.

Респонденты до 30 лет считают, что актуальными видами помощи в агротуристической деятельности являются кредитование программ развития (40,0%), улучшение транспортной сети (32,8%) и стимулирование строительства в сельской местности (31,2%) (табл. 2).

---

[1] Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. 2006. – № 4. – С. 3–34.

[2] Барлыбаев А.А., Ахметов В.А., Насыров Г.М. Туризм как фактор диверсификации сельской экономики // Проблемы прогнозирования. – М., 2009. – №6. – С. 105–111.

[3] Барнаева В.А., Дударева В.В. Социологическое исследование потребностей населения Самарской области в услугах сельского туризма // Международный студенческий научный вестник. 2014. – № 3. – http://eduherald.ru/ru/article/view?id=11870

[4] Попова О.Б., Шамкаева Э.И. Перспективы территориальной организации агротуризма в Оренбургской области // Вестник ОГУ. 2014. – № 6 (167). – С. 164–168.

[5] Романов А.А., Фролов С.А. Развитие села глазами молодежи // Социс. – М., 2014. – № 2. – С. 48–51.

[6] Аникина А.В. Региональные перспективы сельского туризма // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. – № 2 (6). – С. 63–69.

Таблица 2

Мнение респондентов о видах помощи в развитии сельского туризма, %

Виды помощи в развитии сельского туризма	Возраст			
	До 30 лет	31–40 лет	41–60 лет	Старше 60 лет
Кредитование программ развития	40,0	40,5	29,7	29,6
Дотирование программ развития	8,8	14,3	22,9	22,2
Адресная поддержка инициатив	24,0	21,4	29,7	22,2
Снижение налогов	13,6	28,6	27,0	18,5
Улучшение транспортной сети	32,8	26,2	22,9	29,6
Создание и реализация программ обучения стандартам обслуживания	18,4	7,1	6,7	3,7
Стимулирование строительства в сельской местности	31,2	45,2	33,7	29,6
Лоббирование чиновниками на местах	2,4	4,7	17,5	14,8
Кооперация туристических агентств с селянами	15,2	9,5	10,8	11,1
Другое	1,6	0	5,4	0
Никакие программы не помогут	4,8	9,5	9,5	18,5

*Возможно несколько вариантов ответов, поэтому сумма больше 100.

Молодежь, только накапливающая жизненный опыт, пока пренебрегает помощью в виде лоббирования интересов чиновниками на местах и дотирования программ развития сельского туризма.

В этой возрастной группе наиболее популярным источником финансирования агротуризма считается консолидированная помощь государства и частных инвесторов (37,6%)[1]. Менее всего респонденты обращают внимание только на предпринимателей (4,0%) или только на частных инвесторов (2,4%).

Таким образом, молодежь до 30 лет может поддержать рост сельского туризма, увлекаясь идеей развития его экологического, лечебного, спортивного, фермерского и краеведческого направлений. Молодое поколение, в этом случае, сыграет роль драйвера, вовлекая в орбиту остальное население. Развитие сельского туризма должно помочь развитию регионов, привлечь население к активному участию в решении собственных финансовых проблем, содействовать трудоустройству молодежи[2].

В этой связи необходимо проведение оценки сельскохозяйственного, природного, культурного и исторического потенциалов сельских поселений в Российской Федерации. Отметим, что обучение местного населения современным технологиям приема и обслуживания туристов (проведение выездных семинаров с целью ознакомления со спецификой сельского туризма, правилам организации приема и размещения в сельских подворьях)[3], а также создание доступного информационного материала будет способствовать практике вовлечения молодого поколения в новый вид деятельности.

Включение в программу подготовки студентов сельскохозяйственных вузов учебно-методического комплекса «Сельский туризм» в современных российских социально-экономических условиях становится чрезвычайно востребованным. Знакомство студентов и слушателей с особенностями организации туризма и туристической деятельности в сельской местности; формирование у будущих специалистов системы знаний аграрного кластера туристических услуг должно стать целью курса, необходимого для роста благосостояния сельских тружеников.

Большую роль в продвижении идей развития сельского туризма может сыграть Российский союз сельской молодежи (далее – РССМ). Например, проект РССМ «Выбираем профессию!» призван популяризировать сельскохозяйственные профессии среди молодежи. Активисты проекта выезжают в сельские школы, ссузы для проведения семинаров, научно-познавательных открытых уроков, выездных экскурсий в аграрные вузы и сельскохозяйственные предприятия для встречи с успешными молодыми предпринимателями в аграрной отрасли. Эту инициативу считаем необходимым расширить, включив в программу посещение объектов сельского туризма и презентацию соответствующей экономической деятельности. Отметим, что при реализации данного проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации (№79-рп от 01.04.2015 г.).

Задействован может быть и информационный портал РССМ – «Культурно-историческое наследие села», созданный в рамках реализации всероссийского молодежного проекта по сохранению культурно-исторического наследия села и повышению информированности населения о возможностях самореализации на сельских территориях. Считаем, что он может стать эффективной платформой по популяризации идей агротуризма в молодежной среде. Кроме того, проект РССМ «Время – знать!» и ресурс трудоустройства также обладают потенциалом в продвижении обозначенной нами предпринимательской инициативы. Более того, в программах государственной поддержки малого и среднего бизнеса должны быть особо обозначены объекты сельского туризма и молодежные предпринимательские инициативы.

[1] Аникина А.В. Региональные перспективы сельского туризма // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. – № 2 (6). – С. 63–69.

[2] Скульская А.В., Широкова Т.К. Сельский туризм и народные промыслы как дополнительные источники дохода сельского населения // Научные труды ИНП РАН. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 151–165.

[3] Богомазова И.В. Сфера туризма Белгородской области: современные направления и перспективы развития // Экономика. Инновации. Управление качеством. 2012. – № 1. – С. 25–29.

Создавая бизнес-предложение на селе, необходимо подумать о формировании спроса на подобные услуги. Как показывает зарубежный опыт, ключевыми мотивами поездок за город являются природа и покой. Так, около 27% территории Германии находится в зоне одного из 104 природных парков. Они расположены главным образом в сельской местности и ставят своей целью не только сохранение естественных культурных ландшафтов на больших территориях, но и содействие развитию устойчивого туризма. Согласно данным Федерального объединения по организации отпусков на крестьянском подворье и сельскому туризму в той же Германии (BAG), спрос на такой отпуск (5,1 млн. турпоездок внутри страны) в 2010 г. составил 2,8 млн. коротких отпусков (длительностью до 4 дней) и 2,3 млн. полноценных отпускных поездок (длительностью 5 и более дней)[1].

В нашей стране спрос на сельский туризм еще только формируется. По словам советника руководителя федерального агентства по туризму Александра Ильина, «в России не менее тысячи административных районов, которые могут активно заниматься сельским туризмом». Чиновник отмечает, что «сельский туризм может приносить российским регионам более 30 млрд. рублей в год…», а «его рентабельность может составлять 15-30%»[2]. По данным опроса сельских жителей Баршкортостана[3], проявили свою готовность и желание принять на некоторое время туристов большинство (72%) опрошенных сельских семей. Готовность принять на отдых родителей с детьми выразили 39% селян, только взрослых (19%), молодежь (9%), детей (2%). Для 27% опрошенных селян контингент отдыхающих не имеет никакого значения.

Желающие оказывать агротуристские услуги готовы предложить своим будущим клиентам: проживание (76%), ночлег (65%), питание (64%), рыбную ловлю (58 %), сбор грибов, ягод, лекарственных растений (63%), участие в семейной хозяйственной деятельности (55%), экскурсии по местным достопримечательностям (46%), охоту (14%) и что-то эксклюзивное свое (6%). Наличие уникальных объектов природы (гор, водоемов, пещер и т.д.) отметили практически все респонденты. Желающие заняться агротуризмом оценивают свои услуги сравнительно недорого. Так, 6% опрошенных селян оценили стоимость суточного пребывания туриста в их доме в размере до 100 руб., 29% – до 150 руб. и треть опрошенных – не менее 150 руб.

Таким образом, потенциальный спрос на данную разновидность туризма, наличие природно-рекреационных ресурсов, условий для размещения туристов, заинтересованность и желание сельских семей организовывать агротуристские хозяйства, создают базовые условия и предпосылки для развития туризма в сельской местности. Поэтому использование благоприятного момента в социально-экономическом развитии нашей страны для вовлечения молодежи в процесс воспроизводства в сельской местности крайне перспективно.

Итак, формирование инициатив, потребностей и спроса на подобные услуги следует поддержать и использовать в целях закрепления молодежи на селе. Для этого целесообразным было бы оказание поддержки субъектам молодежного сельского предпринимательства: 1) в виде проведения мероприятий по популяризации идей сельского туризма среди молодежи с участием СМИ; 2) организации программ подготовки и переподготовки кадров в области развития предпринимательства в сельской местности; 3) предоставления грантов для молодежи на организацию объектов агротуризма; 4) стимулирование создания ассоциаций, клубов, Интернет-сообществ молодых сельских предпринимателей и молодежных проектных коллективов; 5) отбор и субсидирование профессиональной подготовки и переподготовки наиболее талантливых молодых сельских предпринимателей в сфере агротуризма.

[1] Райн Х., Шулер А. Туризм в сельской местности. – М.: КНОРУС МЕДИА, 2013. – С. 18.

[2] Возможности агротуризма Беларуси и России // Союзное вече. 2014. – № 26 (558), 19-25 июня. – http://www.souzveche.ru/upload/iblock/630/24098_1.pdf

[3] Барлыбаев А.А., Ахметов В.А., Насыров Г.М. Туризм как фактор диверсификации сельской экономики // Проблемы прогнозирования. – М., 2009. – № 6. – С. 105–111.

Бормотов И.В.
к.филос.н., доцент, заведующий кафедрой Тульского филиала Финансового университета
benaris1954@yandex.ru

ЦЕННОСТНЫЙ МИР МОЛОДЕЖИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: *ценности, молодежь, система, особенности, идеал, проблемы.*
Key words: *youth values, system, peculiarities, ideal, problems.*

Строительство новых социальных отношений всегда начинается со смены ориентации ценностных парадигм, которые кардинально меняют представления людей об обществе и о себе. Это происходит потому, что ценности представляют собой обобщенные ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия и конкретные типы поведения.

Наиболее активным субъектом ценностных изменений выступает молодежь, которая является ниспровергателем старых социальных отношений и творцом новых. Такое её двоякое положение объясняется, с одной стороны, устремленностью в будущее, а с другой стороны, ориентацией на настоящее. Эта раздвоенность ценностей российской молодежи по-особому проявляется в современном обществе.

Содержание статьи направлено на то, чтобы показать особенности ценностного мира российской молодежи в построении собственной системы ценностей, в образовательной среде и в профессиональной деятельности.

1. Определение перспективных направлений реализации ценностей молодежи в российском обществе

Реальная российская действительность еще далека от совершенства, молодые люди живут в искаженном социальном пространстве, в котором господствуют ложные идеалы и идеологические идолы. В этом качестве выступают такие негативные явления, как: конформизм, насилие, право сильного, цинизм, унижение слабого, обогащение всеми доступными и недоступными средствами. На фоне сложившейся ситуации происходит крушение старых идеалов, на которые общество в течение долгого времени ориентировало население, и отсутствие им адекватной замены. Все это приводит к разбалансированию социальной системы российского общества, для которой становятся характерными такие явления, как:

– общая нестабильность, частичная утрата традиционными ценностями своей регулирующей роли;

– отсутствие внятной государственной идеологии, плюрализм идеологических установок и норм;

– увеличение социальной поляризации, продолжающийся процесс вымывания национальных духовных традиций;

– деградация культурного сознания подрастающих поколений, распространение худших образцов зарубежной эрзацкультуры.

Все это не могло не отразиться на содержание ценностей современной российской молодежи. Преодолению этих негативных явлений, поиску новых перспектив развития общества будет способствовать наполнение ценностного мира новым содержанием.

Во-первых, преодоление имеющейся раздвоенности между внутренним миром, духовными запросами (традиций, ценностей, норм) молодежи и современной российской действительностью. Она, по образному выражению российского философа А.В. Миронова, представляет собой дихотомический ряд понятий: добра и зла, добродетели и порока, духовного и физического здоровья и гибельного удовлетворения элементарных, низменных инстинктов, поиска наслаждения и реализации потребительских интересов[1].

Во-вторых, адекватное восприятие молодыми людьми современной российской действительности возможно только в новой системе ценностных координат. Нынешнюю ситуацию в России можно определить как стадию промежуточного развития между старой системой ценностей, которая дает существенные сбои, и новой, которая еще только нарождается. Говоря словами М. Гершензона, «настает время, когда юноше на пороге жизни уже не встретить готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и все, чего он не делает»[2].

2. Актуализация проблемы построения новой системы ценностей российской молодежи

Такая постановка проблемы обусловлена взаимодействием социального бытия и социального сознания, в котором общественное сознание, с одной стороны, может опережать социальное бытие, а с другой – отставать от него. Эта двойственность общественного сознания обусловлена сложностью, вариативностью, изменчивостью социального бы-

[1] Миронов А.В. Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. – С. 51.

[2] Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991. – С. 94.

тия. Предложенная методология позволяет понять, что новая система ценностей молодежи должна отображать не только изменившуюся внешнюю социальную среду, но и внутренние процессы, которые происходят на уровне субкультуры и личности.

Во-первых, построение новой системы ценностей российской молодежи является сложной теоретической задачей, это связано с тем, что современная молодежь представляет собой многоуровневое и дифференцированное явление, которое ориентировано на различные часто противоположные ценностные ориентации. Вместе с тем есть и то общее, что объединяет разрозненные группы молодых людей. Оно проявляется в том, что в молодости человеку приходится принимать судьбоносные решения. Иными словами, этот отрезок жизненного пути посвящен самоопределению молодых людей в таких сферах общественной жизни, как выбор профессии и образовательной среды.

Во-вторых, имеются трудности методологического характера при построении системы ценностей современной российской молодежи. Социально-философский анализ ценностей основывается на том, что в качестве методологии построения системы закономерно выступает идея целостности, для понимания которой необходимы следующие условия:

– идея целостности, может быть использована в качестве принципа и методологического основания построения системы ценностей современной российской молодежи, это связанно с тем, что она наиболее адекватно отражает фундаментальное свойство системы (быть целостностью), а, следовательно, обладает способностью объединять в единое целое ценности различных молодежных групп и объединений;

– идея целостности предполагает рассмотрение взаимодействия между различными подсистемами системы ценностей современной российской молодежи, которые находятся как в единстве, так и в противоречии друг с другом. Возникает диалектическое взаимодействие, проявляющееся, с одной стороны, в качестве единства элементов системы, а с другой стороны, в качестве противоречия, выступающего источником изменения и развития системы ценностей.

В-третьих, необходимо учитывать при построении системы ценностей сложность самого объекта исследования. Это связано с тем, что современная российская молодежь представляет собой очень «пеструю» и неоднородную по составу, образу жизни, ценностным ориентациям, культурным предпочтениям социальную группу. Для нее свойственна целая палитра разнообразных оттенков, полутонов, взглядов, умонастроений, которые своеобразно проявляются в молодежной субкультуре. Если к этому добавить постоянную обновляемость социально-демографического состава российской молодежи, то можно представить всю ту сложность, которая возникает при построении системы ценностей.

3. Обоснование относительной самостоятельности ценностного мира современной российской молодежи по отношению к ценностям общества

Данная особенность проявляется в том, что ценности молодых людей обладают уникальностью, своеобразием и отличительными особенностями, среди которых можно выделить следующие: индивидуализм, ориентация на карьеру, богатство, эгоцентрические приоритеты, стремление к экономической независимости, прагматизм, доминирование материальных и витальных ценностей, получение престижного образования, жизненный успех. Однако на другой чаше весов находятся такие ценности молодежи как: одиночество, религиозный синкретизм, антипатриотизм, стремление к эмиграции, социальная апатия, правовой нигилизм.

Во-первых, разрешение данных проблем возможно на основе поиска адекватных критериев, позволяющих упорядочить ценностный мир современной российской молодежи, придать ему логическую завершенность. На их основании необходимо создать наиболее полную типологию ценностей молодежи, которая позволяла бы в наибольшей степени учитывать все многообразие ориентаций молодых людей в современном обществе. В качестве этих критериев могут быть использованы следующие основания:

Таблица 1

Типология ценностей современной российской молодежи

Основания для типологии	Ценности Молодежи
По сфере проявления	духовные; социальные; материальные ценности
По форме существования	общественные идеалы; предметные ценности; личные ценности
По функциональному назначению	цели; средства
По месту жизнедеятельности	ценности – должного; ценности – сущего
По социальному значению	положительные; отрицательные
По характеру выполняемых функций	первичные (или ценности блага); вторичные (или ценности продуктов деятельности человека); третичные (ценности средств коммуникации)
По предмету	утилитарные; эстетические; моральные; правовые; религиозные
По социокультурному типу	терминальные (или целевые); инструментальные (или средства)
По цивилизационному типу	традиционные; современные; модернистские; общечеловеческие

Во-вторых, в молодежном сознании происходит ценностный сдвиг, который характеризуется усилением субъективистских тенденций[1]. Это проявляется в самореализации, самораскрытии молодых людей. При этом их активность распространяется, главным образом, на собственную жизнь, собственные ощущения и суждения, здоровье. Все,

[1] Маркова О.Ю. Философия образования о менталитете и ценностных ориентациях современных студентов // Россия и Грузия: диалог и родство культур. – Вып. 1. / Под ред. Парцванеия В.В. – СПб., 2003. – С. 236.

что не связано с жизненным миром молодых людей, является для них незначительным и второстепенным. Такая ярко выраженная эгоистическая направленность проявляется буквально во всем – ориентациях на собственные желания, амбиции, удовольствия, комфорт, богатство, любовь. Субъективизм сверху донизу пронизывает молодежное сознание, искажая при этом ценностные рамки восприятия действительности. Для него являются характерными такие черты как односторонность и ограниченность, одномерность и нонконформизм, которые специфически отражаются в ценностях современной российской молодежи.

4. В молодежной среде продолжается процесс дальнейшей дегуманизации и деморализации ценностей

По сути, вопрос должен стоять о создание нового, адекватного социальному развитию общественного идеала, на который могла бы ориентироваться современная молодежь. Идеалы представлены в сознании молодых людей в качестве объектов человеческих устремлений в достижении еще неизвестного или непознанного. Если идеалы по своему содержанию тяготеют к всеобщности, абсолюту, предполагают должные нормы и правила поведения, то социальные и правовые регулятивы реализуются как воплощение идеалов в деятельности и тяготеют к сущему.

Идеал включает в себя все ценное, что содержится в деятельности молодых людей и стремится сохранить и приумножить это ценностное содержание. Являясь интегрирующим началом, идеал стремится к абсолютному значению и объединяет в нем разнообразные духовные и материальные ценности. По своей природе идеалы, как духовные образования, определяют направление деятельности людей, но не имеют силы для реализации их целей. Материальные ценности, наоборот, имеют силу для реализации целей, но не имеют четкой направленности. Поэтому главное предназначение идеала как средства реализации ценностей современной российской молодежи состоит в том, чтобы определить в каком направлении будет осуществляться их развитие.

Во-первых, построение идеальной системы ценностей современной российской молодежи представляет собой сложную футуристическую задачу. В современной науке известны два различных подхода к пониманию идеала: формальный и содержательный. Первый восходит к кантовскому категорическому императиву, когда выдвигается абстрактная нравственная формула ценностей. Такой идеал не может быть реализован на практике. В соответствии со вторым идеал выводится из конкретной действительности в качестве ее ценностной альтернативы. В нем мысленно снимаются или разрешаются реальные противоречия. Не случайно, что именно этот идеал представляет собой образ ценностей, более совершенных, чем те, которые в данный момент существуют в сознании молодых людей. Стремление к созданию идеальной системы ценностей современной российской молодежи отражает реальные тенденции общественного развития – своеобразные ростки будущего в настоящем.

Во-вторых, необходимо осуществить поиск взаимоприемлемых условий, в рамках которых возможно построение новых привлекательных социальных идеалов и ценностей. В качестве этих условий могут выступать:

– переход от единого и целостного мировоззренческого идеала к плюрализму ценностей. По сути, такое постмодернистское «недоверие в отношении метарассказов» характерно для большинства современных обществ;

– изменение ориентаций российского общества с либерализма на консерватизм создает предпосылки для построения новой системы ценностей, ориентирующейся на традиции патриотизма, державности, гражданственности;

– существование наряду с консервативными ценностями либеральных, альтернативных, религиозных ценностных ориентаций придает поиску социальных идеалов новое полифоничное звучание.

Таким образом, обоснование условий построения новых социальных идеалов и ценностей позволяет сделать вывод о том, что в системе ценностей современной российской молодежи представлены различные фрагменты либеральных, консервативных, традиционных и иных социальных идеалов. Возрастание роли того или иного идеала в сознании молодежи может зависеть от возрастных особенностей, местожительства, ориентаций различных молодежных групп, господствующей субкультуры, полученного образования, семейного воспитания и др.

5. Воздействие профессионально-образовательной среды на формирование ценностного мира современной российской молодежи

Основное функциональное назначение этой среды определяется тем, что в молодости человеку приходится делать сознательный выбор в области образовательных и профессиональных ориентаций. В профессиональной сфере основными ценностными предпочтениями молодежи являются работа за границей, в совместных предприятиях или инофирмах, владение собственным делом, готовность трудиться в частных фирмах, на арендных предприятиях, в выборных органах власти.

Ориентация на ту или иную профессиональную сферу определяет и «рыночный ряд» престижных специальностей у молодых людей: брокер, менеджер, экономист, бизнесмен, банкир, политик, юрист, управленец и т.д.

Для того чтобы реализовать свой профессиональный выбор, молодое поколение должно опираться на такие ценности как материальный достаток, предприимчивость, получение престижной профессии, исполнительность, ответственность, активность, надежность, квалификация и др.

Одним из основных каналов достижения успеха в профессиональной деятельности является образование[1]. Оно выполняет по отношению к молодежи социальную, профессиональную, гуманистическую и культурную функции. Следовательно, образование представляет собой социальный регулятор по подготовке поколения к общественно-ориентированной жизни. Однако на этом пути возникает целый ряд издержек, которые обусловлены тем, что бум со-

[1] Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность? – Томск, 2005. – С. 66.

временного образования в основном связан: с «бегством от армии»; стремлением получить не только хорошо оплачиваемую, но любую работу, поэтому выбирается тот вуз и специальность, куда легче всего поступить; распространением мифа о высшем образовании как о пропуске в элиту; снижением качества обучения; созданием теневой экономики образования. Сложившаяся ситуация порождает целую группу противоречий:

- между усилиями молодежи, направленными на получение образования, и результатами этих усилий в условиях кризиса образования и общества в целом;
- между социальными и профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе;
- между теоретической подготовкой выпускников и отсутствием навыков практического использования полученных знаний;
- между поиском новых вариантов, форм, целей и средств образования и необходимостью ежегодного его получения.

Все это приводит, с одной стороны, к ориентации молодых людей на такие ценности образования как: свободное развитие своих способностей, самореализации, доступ к общечеловеческой культуре, получение профессии и т.д., а с другой стороны, к неспособности современного образования качественно удовлетворить этот ценностный набор.

Во-первых, взаимодействие современного образования и ценностей молодежи может, по мнению В.В. Ильина, осуществляется на трех уровнях: гуманитарность, интегрированность, инновационность[1].

Гуманитарность: высшая ценность социального порядка – человеческое развитие, исчисляемое показателями – продолжительность жизни, грамотность (с учетом среднего количества лет обучения), паритет покупательной способности.

Интегрированность: активное заявление несбалансированных частных интересов, развитие.

Инновационность: ведущая ценность этого своеобразного постматериализма – внутренний личностный рост, человеческие качества, самовозвышение индивидуальности на базе творчества.

Как реализуются эти теоретические уровни в практике российской системы образования видно из тех данных, которые приводит В.Н. Бессонов, – «утраты в сфере образования становится все труднее и труднее компенсировать. Дошкольное образование у нас почти разрушено: количество детей, вовлеченных в дошкольное обучение, сократилось за последнее десятилетие с 85 до 45%. Низкие доходы 70% российских семей не позволяют им вкладывать свои средства в систему среднего и высшего образования. Утрачивается статус России как образовательной державы»[2].

Во-вторых, метаморфозы современного российского образования связаны, прежде всего, с переходом к рыночным отношениям, которые являются источником смены ценностных парадигм в молодежной среде. Сложившаяся ситуация не может не вызывать тревоги со стороны вузовской общественности. Это связанно с тем, что российское образование изменяется как по форме, так и по содержанию. Изменения по форме характеризуются сменой образовательного вектора «бакалавр – магистр». Модификация содержания образования может осуществляться по нескольким направлениям:

- повышение информационно-технологической и аналитической компетенции;
- выявление состояния психологической устойчивости у молодых людей;
- формирование умения разбираться в сложных хитросплетениях современного общества;
- повышение профессионализма и спроса на высококвалифицированные кадры.

Выделение формы и содержание российского образования не только в корне изменяют подходы к современной подготовке квалифицированных кадров, но и наполняют образовательные ценности молодежи новым смыслом и значением.

Проделанный автором анализ позволяет обозначить круг проблем, характерных для ценностного мира молодежи. Среди них можно выделить следующие:

– противоречивость, разбалансированность и разнонаправленность ценностных устремлений молодежи;

– фрагментация ценностного мира молодых людей, который включает в себя субъективизм, прагматизм, плюрализм;

– раздвоенность ориентаций различных групп молодежи на либерализм и консерватизм;

– актуализация проблемы построения нового, адекватного социальному развитию общественного идеала.

Обозначенные проблемы могут найти свое разрешение только в рамках построения новой системы ценностей.

---

[1] Ильин В.В. Философия: В 2 т. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – Т. 2. – С. 499–500.

[2] Бессонов В.Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий: учебное пособие. – М.: Норма, 2006. – С. 260.

Волосков И.В.
Grand Doctor of Philosophy, профессор Национального гуманитарного института социального управления

ПУТИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Ключевые слова: *студенчество, органы исполнительной власти, гражданское общество.*
Keywords: *students, executive agencies, civil society.*

Исследование системы ценностей студенчества, закономерностей их развития и путей рационализации является актуальной проблемой современной социологии образования и социологии молодежи. Актуальность данной проблемы определяется ролью студенчества в социальной структуре общества как будущей интеллигенции, ядра среднего класса. От системы ценностей студенчества во многом будут зависеть духовный мир последующих поколений, особенности социально-политических процессов. В настоящее время при обилии эмпирических данных всероссийских и региональных социологических исследований отсутствуют теоретические концепции, раскрывающие закономерности развития системы ценностей российского студенчества, проявляются риски отчуждения студенчества и государства, роста безработицы в молодежной среде, распространение асоциальных форм поведения. В современной науке признается лишь поисковый характер развития системы ценностей студенчества [3], выдвигается предположение о совмещении элементов традиционных и либеральных ценностей [5]. Данное состояние не отвечает интересам государства и общества, поскольку процесс развития системы ценностей имеет характер саморегуляции, не направляется государством и обществом. Рационализация состоит в достижения эффекта управляемости, воздействия на процесс формирования системы ценностей со стороны государства и общества.

Наиболее эффективными путями рационализации системы ценностей студенчества, как показывают результаты социологических исследований, экспертных опросов, являются следующие:

1. Повышение эффективности государственной молодежной политики за счет развития нормативно-правовой базы и совершенствования системы органов исполнительной власти. В настоящее время необходим федеральный закон о молодежи, который бы определял права молодежи и обеспечивал их защиту. При разработке федерального закона необходимо учесть юридические новации, закрепленные в законах о молодежи субъектов РФ. Наиболее перспективными являются следующие:

– долгосрочные кредиты при процентной ставке не более 5% годовых и возможности реструктуризации в случае рождения детей (республика Тува, Башкортостан, Кабардино-Балкария);

– выделение на льготной основе земельных участков для строительства и ведения сельского хозяйства (республика Тува, Башкортостан, Кабардино-Балкария);

– выделение на условиях договора социального найма жилья для молодых специалистов, занятых в социально значимых отраслях экономики (закон г. Москвы о молодежи в редакции 2009 г.)

В области совершенствования системы управления молодежной политикой необходимо создание органа, который бы координировал все направления молодежной политики. В настоящее время организацией молодежной политики занимаются разные министерства, ведомства, комитеты законодательных собраний. Созданное Федеральное агентство по молодежной политике на протяжении 2000-х годов несколько раз меняло свое подчинение, устав. Контент-анализ сайта организации показывает, что в настоящее время организация сконцентрирована на информационно-методической поддержке региональных структур, занимающихся организацией молодежной политики, проведением конкурсов на право выделения средств из федерального бюджета. Однако координационная деятельность агентства ограничена его нахождением в структуре Министерства образования и науки РФ.

2. Повышение активности институтов гражданского общества. Гражданское общество выступает как система организаций (военно-патриотических, спортивных, волонтерских, досуговых), возникающих на основе самоорганизации граждан. Для обеспечения эффективного функционирования институтов гражданского общества необходимы политические права и свободы. Но не менее убежденность граждан в том, что их активность социально полезна и способна оказать воздействия на власть [1, с. 142]. Особая роль в развитии студенчества, его социализации принадлежит коммерческим организациям гражданского общества, союзам предпринимателей. Результаты экспертного опроса, проведенного автором в 2013–2014 гг. (n=300), показывают, что вовлеченность студентов в деятельность организаций гражданского общества является удовлетворительной (45%), с низкой и крайне низкой оценкой согласились 30% экспертов, с высокой – 15%. В составе экспертов были работники образовательных учреждений и высшей школы (21%), работники социальной сферы (20%), работники органов управления (25%), сотрудники органов правопорядка (10%), предприниматели (15%). Наиболее значимыми в процессе формирования системы ценностей студенчества, по оценкам экспертов, являются оборонно-патриотические общества и клубы (35%), землячества и национальные диаспоры (29%), природоохранные общественные организации (25%), ветеранские организации (22%). В качестве причин

низкой заинтересованности студенчества в деятельности организаций гражданского общества эксперты отметили разобщенность студентов (41%), отсутствие уверенности, что участие в общественной деятельности может принести пользу (37%), отсутствие общественных организаций и политических партий, отражающих интересы студентов (37%), а также убежденность в том, что решением социальных проблем студенчества должно заниматься государство (30%). Результаты социологических исследований студентов-активистов молодежного форума «Селигер» [4] показывают, что доминируют ценности семьи, друзей, интересной работы, справедливости. Значимость карьеры и материального благополучия оказывается невысокой.

Таблица 1

Система жизненных ценностей активистов молодежных организаций, участников форума «Селигер-2014»

Ценности	Все (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)
семья	66	61	72
друзья	46	46	45
Интересная работа	42	41	44
здоровье	39	40	39
справедливость	28	29	27
карьера	24	19	29
образование	23	21	25
деньги	15	19	10
Свободное время	10	13	7

Таким образом, участие в деятельности молодежных организаций способствует формированию традиционных социальных ценностей, снижает значимость либеральных ценностей карьеры и материального благополучия.

Важная роль в процессе включения студенчества в деятельность организаций гражданского общества принадлежит студенческим организациям. К ним следует отнести студенческие научные общества, советы старост, досуговые центры. Участие в деятельности студенческого самоуправления способствует развитию личности, формированию гражданской позиции и социальной активности, развивает систему знаний и навыков по защите коллективных прав и интересов. Сравнительные исследования активистов и социально-пассивных студентов, проведенные в Уральском политехническом университете и Уральском государственном технологическом университете [3] показали, что участие студентов в деятельности тех или иных органов студенческого самоуправления влияет на развитие определенных качеств личности. У представителей профсоюзов и профбюро факультетов наиболее сформированы такие ценности, как целеустремленность, социальная активность, оптимизм, лидерство, коммуникабельность, креативность, деловитость. Отмеченные ценности, сформировавшиеся под влиянием участия в разных формах студенческого самоуправления, определяют востребованность и конкурентоспособность молодого специалиста, его социальную самореализацию и заинтересованность в нем работодателей.

Таким образом, рационализация формирования системы ценностей студенчества возможна на основе совершенствования законодательной базы молодежной политики, совершенствования системы исполнительной власти, активизации институтов гражданского общества, включая органы студенческого самоуправления. Повышение эффективности управленческого воздействия на процесс формирования системы ценностей студенчества способно преодолеть отчуждение этой социальной группы от государства и превратить ее в активного участника развития российского общества.

Список литературы

1. Гостев А.Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко. – М.: Современная гуманитарная академия, 2011. – 170с.
2. Смакотина Н.Л. Социальный потенциал молодежи. – М.: Макс-Пресс, 2009. – 260 с.
3. Пономарев А.В. Воспитательный потенциал студенческого самоуправления в подготовке конкурентоспособных специалистов / А.В. Пономарев, М.А. Бердников. – Екатеринбург, 2012. – 273 с.
4. Темницкий А.Л. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере форума «Селигер») // Социологические исследования. – М., 2010. – № 9. – С. 48–49.
5. Чупров В.И. Ценности // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. – М.: Academia, 2008. – 608 с.

Евстифеева Е.А.
д.п.н., профессор, зав. кафедрой психологии и философии, проректор по научной работе Тверского государственного технического университета (ТвГТУ)
Рассадин С.В.
старший преподаватель ТвГТУ
Филиппченкова С.И.
д.психол.н., профессор ТвГТУ
Дьяченко Я.О.
старший преподаватель ТвГТУ

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ

Ключевые слова: *личностный потенциал, молодежь, межнациональные отношения.*
Keywords: *personal potential, youth, international relations.*

Проблема современного развития межэтнических и межнациональных отношений инициируется сочетанием двух тенденций современности. Одна из тенденций – стремление любого современного государства реализовать общегосударственные интересы через единую государственную политику, в числе которых территориальная целостность и безопасность границ. Вторая – возрастание этнического фактора. В условиях глобализации, которая создаёт условия для унификации культурных различий, ярко выражено стремление этнических общностей сохранить и развить своё культурное наследие. Возрастает значение этнического фактора и на фоне международной миграции.

Межнациональные отношения — субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей, этническими общностями. Характер межэтнических отношений (дружественный, нейтральный, либо конфликтный) определяется историческим опытом, социально-политической обстановкой в стране, зависит от экономических и культурно-бытовых условий жизни, непосредственной конкретной ситуации или заинтересованности в общении. На личностном уровне он зависит от индивидуально-психологических особенностей. Межэтнические отношения проявляются в установках и ориентациях на межэтнические контакты в разных сферах взаимодействия, в национальных стереотипах, в настроении и поведении, поступках людей и конкретных этнических общностей. Межэтнические установки и ориентации формируются в процессе социализации личности. Они содержат в себе рациональные, когнитивные элементы, эмоционально-оценочные и регулятивные компоненты. Чрезвычайно важную роль в развитии межэтнических отношений играют национальные интересы, осознаваемые народом и личностью потребности в национально-государственном и этническом развитии. Для России, стоящей сегодня перед вызовом консолидации общества, актуальность исследования проблем в межэтнических отношениях обусловлена рядом факторов. Во-первых, с девяностых годов прошлого века в условиях политико-экономических реформ на территории постсоветского пространства Россия стала территорией с возрастающей переселенческой активностью: Россия является третьим мировым центром миграции. Во-вторых, проблемы замедленного демографического роста и старения населения, фиксируемые в современной России, также как проблема нехватки трудовых ресурсов для страны, решаются частичным привлечением в страну мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. В условиях активной миграции межэтнические и межнациональные отношения требуют особого внимания, поскольку они проявляются во всех сферах жизнедеятельности: в экономической, в политической, социальной, духовной.

Изучение межнациональных отношений в контексте транслируемых государством принципов национальной политики проблематизируется в условиях многонациональной страны и в ситуации наличного социально-экономического кризиса. Происходящая в последние годы девальвация политики «мультикультурализма» в европейских странах, тотальный отказ от советских практик формирования единой модели гражданской идентичности обнаруживают методологическую несостоятельность больших «дискурсов» о национальной толерантности и подталкивают исследователей к поиску моделей и практик локального воздействия на этнические установки, аттитюды и стереотипы конкретных групп людей в конкретных этноконфессиональных ситуациях. «Включенность» этнических ценностей, предрассудков и предпочитаемых норм поведения в структуру личности инициируют перевод исследовательского интереса с поля межэтнических отношений как отношений социальных групп на уровень личностных измерений этнического сознания. Формирование современного толерантного сознания, личностных качеств, установок современной толерантной культуры, социально-приемлемых компетенций и критического самосознания, социальной ответственности за свои решения и поступки становится приоритетной задачей для развития науки и образования в России. Одним из наиболее многообещающих векторов научного решения фундаментальной проблемы межнациональных отношений в перспективе гармонизации национальных (этнических) ценностей и интересов с ценностями поликультурного мира, объединяющего людей в общность более высокого уровня, видится актуализация изучения наличной констелляции

личностных и социально-ориентированных качеств молодёжи, диагностики «меры» национально-этнических установок и социогуманитарного опыта, задающей преобладающий тип социального общения. Разрабатываемый в отечественной гуманитарной науке и персонологии конструкт личностного потенциала обладает объяснительной возможностью для изучения «корзины» и динамики личностных характеристик современного человека, соизмеримости разнонаправленных социально-культурных и медиа- компетенций, направленных на поиск путей конструктивного сосуществования людей во всё более усложняющейся социальной реальности. Личностный потенциал современного молодого человека рассматривается как генерализованная (личностная, субъектная, когнитивная) возможность к самоизменению, самоуправлению в профессиональной и социальной среде. Конструкту личностного потенциала имплицитны такие взаимозависимые переменные, как развитое рефлексивное сознание, автономия, рациональность, ответственность, доверие, которые наиболее ярко демонстрируют себя в поведенческих реалиях, в ситуациях возможного/наличного межнационального диалога. Российская молодёжь – ключевой фактор в социально-экономическом пространстве современной и будущей России, ориентированной не только на формирование единого полиэтнического пространства, но и на выстраивание более глобального – евразийского – поля культуры. Её установки и личностные качества во многом зависят от наличия связи между этническими и социальными ценностями, умений конструировать гармоничную межэтническую медиацию, используя рефлексивное толерантное сознание. Наличие такой связи определяется характером и направленностью личностного потенциала молодых россиян.

Актуальность исследования личностного потенциала российской молодёжи и возможностей его рефлексивного обеспечения в современных российских образовательных практиках обусловлена блоком теоретических и практических факторов. Первый – сюжеты обоснования, удостоверения теоретического знания в виде рефлексивно-проектной модели гармоничного толерантного сознания, отвечающего современным социально-политическим требованиям с высоким уровнем сформированности установок на позитивное межэтническое и межкультурное общение, представляющей глобализирующуюся социализацию, набор умений квалифицированной медиации, личностных ресурсов, ценностных приоритетов, и релевантной оптимуму выбора принятия решений, минимизирующих риск и неопределенность. Второй блок – проблема перевода образовательного опыта управления личностным потенциалом молодёжи в проекцию нелинейных межэтнических и социально-политических ситуаций России XXI в. Агрегирование «корзины» социально-культурных и этнических компетенций российской обучающейся молодёжи, выявление приоритетности сформированных межкультурных и межнациональных ценностей с помощью эмпирических исследований в социальной практике образования является условием построения рефлексивной модели конструирования гармоничного этнического сознания, конвергирующей личностные, культурные и социально-значимые компетенции.

Ершов Б.А.[1]

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В РОССИИ

Ключевые слова: *Церковь, молодёжь, государство, благотворительность, дети, приют, общество.*
Keywords: *Church, youth, state, charity, children, shelter, society.*

В настоящее время Православная церковь оказывает существенное влияние на социальное и общественное развитие России, на обыденную жизнь её населения, в том числе и на молодое поколение.

В начале 1990 гг. начался значимый всплеск духовности в российском обществе, связанный, прежде всего, с кризисными явлениями в нашей стране, произошедшими в сфере экономики, политики и морали. Определенную роль сыграла ломка и дискредитация властвовавших в обществе коммунистических ценностей и идеалов. Приспосабливаясь к этой новой обстановке, Церковь смогла оказать действенное влияние на формирование национального сознания русского народа, проявив активность в отношении молодых людей.

Русская Церковь приобрела подлинную возможность прямо выражать свои представления о безупречной модели социально-политического устройства государства, оценивая при этом риски, связанные с вопросами войны и мира, межконфессиональных и межнациональных отношений, глобальных и экологических проблем человечества. И в этой ситуации религиозные ценности доказали свою значимость и жизнеспособность как существенные факторы в жизни современного человека[2].

Но в конце 1990-х гг. наплыв мирян в Церковь фактически прекратился, духовные ресурсы были подорваны. И религиозные учреждения, в том числе и Православная Церковь, проявляют уже регулярную и последовательную инициативность в отношении молодых людей.

На сегодняшний день Русская Церковь уделяет молодым людям особое внимание. Патриарх Кирилл не раз обращал внимание на последовательную позицию Церкви в отношении молодых людей. По его мнению, государство обязано расширить присутствие православной веры в обществе, это пойдёт на пользу всему обществу и власти, т.к. никакие духовные или атеистические воззрения не должны стать бездной между индивидом и цивилизационными парадигмами нашего государства[3].

Некоторые идеи поддержки молодёжи были реализованы уже в 1991 году, когда состоялся съезд православных мирян, на котором было образовано «Всецерковное духовное движение молодёжи». Основными целями этого движения стали: основание епархиальных центров молодежи для выработки церковных программных документов; проведение коллоквиумов по проблемам молодежной работы Церкви; образование воскресных школ для детей и учреждений духовно-реабилитационной направленности, применяющих в своей деятельности новую, но удачно проявившую себя в других странах скаутскую методику; издательская и информационная работа; развитие взаимопонимания со светскими и христианскими неполитическими молодежными учреждениями, в т.ч. и на международной арене; взаимоотношения с Комитетами по делам молодого поколения и другими общественными и государственными институтами в целях координирования федеральной политики в отношении молодёжи.

В начале 2000 гг. был организован комитет по работе с молодёжью, который активизировал деятельность Церкви в среде молодёжи и тем самым повысил церковную активность молодых людей. Кроме того, комитет способствовал созданию интерактивного пространства для православных мирян, при этом основное внимание уделялось подготовке преподавателей к работе по традиционному нравственно-духовному воспитанию юношества и детей. С этого времени каждый год проводятся съезды православной молодёжи по всей России в частности в Москве, Воронеже, Тамбове, Ставрополе.

Поддержка усилий Церкви в молодёжной среде находит отклик у государства. Президент России Владимир Путин высказался по этому поводу: «Православной Церкви в настоящее время принадлежит великая роль в деле духовного единения русских граждан, которые имеют возможность приобщаться к православной вере после долгого периода нравственной разрухи и безверия. Возрождается вековая миссия Церкви как стержневого фактора общественной стабильности и объединения граждан России, и в первую очередь молодёжи, вокруг совместных нравственных приоритетов – патриотизма, справедливости, миросозидания и благотворительности».

---

[1] Ершов Богдан Анатольевич – д.и.н., профессор кафедры истории и политологии Центрально-Черноземного государственного инженерного университета. Научные интересы: история Русской православной церкви. E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

[2] Карпухин О.И. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социс. – М., 2000. – № 3. – С. 126–128.

[3] Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви. – М.: Отдел по делам молодежи Русской Православной Церкви, 2002. – 32 с.

В современном российском государстве Русская Церковь старается сотрудничать с вузами, обществом, школами, семьей для решения важнейших задач по формированию личности человека. Церковь говорит о поддержке главных задач, утвержденных в Федеральной концепции образования, согласно которой образовательная система должна сохранять преемственность поколений, приумножать и формировать национальную культуру, воспитывать бережное отношение к культурному и историческому наследию российского государства, формировать патриотические идеи населения, уважать свободы и права людей, обладать высокой духовностью и проявлять религиозную и национальную терпимость.

Православной Церкви на сегодняшний день со стороны светской власти дана огромная свобода для ведения просветительской работы. Именно поэтому сегодня говорится о необходимости развития и укрепления просвещения в школах и вузах. По решению Синода Русской Церкви в 1991 году был образован отдел Патриархата в Москве по катехизации и духовному образованию, председателем этого отдел стал Иоанн (Экономцев). В середине 1990 гг. состоялось одно из первых совещаний ректоров высших учебных заведений, которое возглавлял на тот момент Патриарх Алексий II. Впервые были затронуты вопросы о государственном признании церковного просвещения[1].

В 2001 году были организованы «Общероссийское православное движение молодёжи» и детское учреждение «Содружество церковных следопытов». К настоящему времени местные отделы этих организаций учреждены в 35 епархиях Русской Церкви. Главными принципами работы данных учреждений является помощь детским и подростковым молодежным организациям, чему способствует координирование деятельности молодежных православных объединений России и духовно-просветительское, общественное, морально-политическое служение среди молодого поколения. С 2008 года в рамках Рождественских Международных просветительских чтений проходят некоторые мероприятия религиозной направленности среди молодёжи. В России в массовом масштабе сегодня функционируют воскресные школы и православные детские сады. Целью образования православных детских садов является нравственно-духовное просвещение ребёнка, которое реализуется путём ознакомления с христианским учением, историей Церкви и богослужебной деятельностью, когда дети участвуют в таинствах причащения, миропомазания, посещения священных мест, чтения духовной литературы, исполняя посильный труд в группе, Церкви. Формируется структура общего православного просвещения и воспитания. Патриарх Кирилл сообщил по этому поводу, что Церковь, получила возможность «открыто вести образовательную работу, и все больше уделять внимания этой области деятельности».

Православная Церковь сегодня продолжает уделять особое внимание детям, которые остались без опеки родных. Нынешняя ситуация в этой области неутешительна. Имеющиеся муниципальные организации, в которых содержатся такие дети, сталкиваются с серьезными финансовыми затруднениями и в большей степени переполнены[2]. Кроме того, им нужны квалифицированные кадры. К имеющимся проблемам добавляются сложности в общении с детьми, оставшимися без родителей. Это в частности общественное равнодушие, трудности с самоопределением, неприятие, как индивида самого себя, неспособность к осмысленному избранию своей судьбы. На этих детей ложится большая нагрузка по овладению навыками сознательной жизни, к сожалению, не всегда этими принципами приходится руководствоваться, очень часто из-за отсутствия должного внимания дети усваивают негативные ценности и образцы поведения. Поэтому увеличивается количество правонарушений и преступлений, совершенных несовершеннолетними гражданами. Проблемы беспризорности и безнадзорности детей относятся к числу острейших проблем, которые решаются крайне неспешно. В связи с этим участие Церкви в воспитании этих детей неоценимо.

В настоящее время Церковь не только оказывает помощь в воспитании детей, которые остались без родителей, но и организует специальные приюты для таких детей. Социальное положение церковных приютов определено Типовым статутом, в котором разъясняется, что приюты – это некоммерческие организации, предназначенные для временного пребывания, общественной адаптации и духовно-нравственного воспитания детей, находящихся в тяжелом положении. Приюты осуществляют свою работу в соответствии с действующими законодательными актами России, церковными обычаями. Основателями приютов являются частные лица и духовенство епархий Русской Церкви. Дети, оставшиеся без родителей, проживают в приютах независимо от их религиозной веры и веры их родителей[3].

Ключевыми целями религиозных приютов являются:

1. формирование благоприятной атмосферы для социального и коллективного развития, духовного самоопределения каждой личности;

2. содействие в религиозном просвещении и воспитании детей.

Сегодня, по существу, начинается новый период в благотворительно-милосердной работе Русской Церкви, выражающийся в элементарной заботе о ребёнке, оставшемся без родителей. Церковь прилагает все усилия в его обучении и воспитании через разветвленную систему религиозных приютов.

Примером результативной деятельности Церкви является создание приюта в Воронеже. Строительство данного приюта началось в 2008 году рядом с Никольской церковью Воронежа. Инициировал создание этого приюта настоятель Никольской церкви отец Пётр. Целью данного приюта является формирование свободного гармоничного и твор-

---

[1] Костикова М.Н. Что такое светская школа? // Православная культура в светской школе. – М.: Самшит-издат, 2003. – С. 107–112.

[2] Котельников Г.А., Лебедев С.Д. Концептуальные модели взаимодействия светской и религиозной культур // Социс. – М., 2004. – № 5. – С. 121–129.

[3] Кулакова А.В. Церковь и школа: уроки прошлого, настоящего и перспективы // Православие на рубеже тысячелетий. – Чита, 2001. – С. 138.

ческого человека, патриота и гражданина. Всё это можно сделать лишь при условии следования духовным традициям. В настоящее время в приюте проживают более 50 детей, из них 10 воспитываются в религиозных семьях[1].

Церковь не только заботится о духовном развитии человека, но и о физическом. Из наиболее существенных итогов этой деятельности можно назвать восхождение в 2001 году на Западную и Восточную вершины Эльбруса воспитанников детского приюта из Костромы. В некоторых православных приютах России зимой постоянно действуют лыжные секции. Благодаря таким секциям в 2006 году произведено восхождение на Памир.

Православная Церковь в настоящее время содействует изучению религии в высших учебных заведениях. Данные начинания Церкви поддерживает государство, что обеспечило получение предварительной договоренности по введению элективного курса «История мировых религий» в вузах России. Хотя Православная Церковь и добилась некоторого роста духовности студентов, но глубоких перемен в её деятельности в отношении молодёжи пока нет, так как эта деятельность не просто должна подкрепляться посещением Церквей, но и осознанием духовных ценностей самих молодых людей.

Церковь поэтому постоянно ведёт энергичную просветительскую деятельность. Для этого она применяет разнообразные методы: систематические наставления священнослужителей, основанные на истолковании и изложении Библии и иных церковных источников, докладов Патриарха и местных священников по случаю больших церковных праздников в храмах, что содействует социальному резонансу, сравнимому со светскими праздниками. Особенно ярки проповеди иерархов Церкви с просветительско-религиозной целью в светских организациях: в домах призрения и больницах, в воинских гарнизонах, в тюрьмах, вузах и школах[2].

Одной из ключевых установок политики Церкви в отношении молодёжи является борьба с деятельностью сект. Ищутся пути выхода из затянувшегося духовного кризиса молодежи, часть которой не только склоняется к атеистическим взглядам, но, к сожалению, вливается во множество псевдорелигиозных, человеконенавистнических сект, находящих подходящую почву для своей деятельности в нравственном и духовном обнищании общества. По данным специалистов, в разнообразные сектантские организации уже втянуто от 4 до 7 млн. человек, 80% из которых это молодые люди, в том числе около двух миллионов студентов, из них 40–50% – отчислены из вузов за неуспеваемость[3]. И это только официальные данные. Итогом вливания в секты стали психические заболевания, потеря интереса к жизненным ценностям, массовые суициды, бытовое и моральное развращение молодёжи.

Главные направления работы Церкви с молодежью в настоящее время обозначены Патриархом Кириллом в его докладе в декабре 2009 года на епархиальном форуме в Москве. Основным направлением деятельности Патриархом названа работа священнослужителей по пресечению экстремизма и антисоциального поведения в среде молодёжи. По мнению Патриарха, особое внимание следует уделять формированию объединений молодёжи и содействию молодёжной инициативы. В работе с юношеством и детьми ключевой акцент надлежит сделать на программах волонтёров с привлечением молодого поколения к общественной деятельности. Причем, работа с молодым поколением обязана охватывать не только проведение одноразовых мероприятий, но и основываться на долговременной комплексной базе.

Важно разбираться в личных качествах человека и понимать разнородность аудиторий в среде молодого поколения. Необходимо наладить специфику работы с молодыми людьми в зависимости от их уровня религиозности, жизненных приоритетов, возрастных увлечений, готовности работать в общественно значимых проектах. Для каждой молодежной группы нужно продумать собственный план действий. При выработке таких подходов Церковь советует учитывать опыт православных молодежных объединений, который систематизирует Церковная комиссия Москвы по делам с молодежью[4]. Именно она должна поддерживать приходы и благочиния, разрешать проблемы как практического, так и теоретического плана в области молодежного движения. По мнению Церкви, молодёжь надлежит вовлекать в богослужебную и общественную деятельность приходов, в приходе будет полезно организовать кружки по увлечениям, например спортом, участием в паломнических поездках.

О важности усиления и организации молодежной деятельности в Православной Церкви говорит тот факт, что государство прикладывает усилия в этом направлении, в первую очередь в отношении. целенаправленного образования молодых людей и формирования основ их духовного мировосприятия[5]. Крайне важно, чтобы посыл Церкви к молодёжи достиг молодых людей и оказал положительное влияние на их воспитание с целью предотвращения аморальных поступков. Необходимо находить особые формы общения с молодым поколением, в том числе с теми, кто не знает православных догматов, кто приходит с улицы, кого захватывают криминогенные группировки, кто поддался соблазнам и подвержен каким-либо иллюзиям в будничной жизни[6].

---

[1] Метлик И.В. Изучение религии в системе образования // Педагогика. – М., 2003. – № 7. – С. 71–78.

[2] Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // Социс. – М., 1998. – № 6. – С. 107–111.

[3] Черкасов В.А., Фомина Т.А., Хайрулин Ш.Ш. Развитие духовности школьника (аспект оптимизации светского образования). – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. университета, 1993. – 164 с.

[4] Писманик М.Г. Теология и религиоведение // Проблемы преподавания и современное состояние религиоведения в России. Материалы IV российской конференции. – М.: Рудомино, 2003. – С. 67–76.

[5] Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.

[6] Элбакян Е.С., Медведко С.В. Анализ религиозной ситуации в России // Религиоведение. 2004. – № 4. – С. 91–100.

Задонская И.А.[1]

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: *молодежь, молодежная политика, общество, государство.*
Keywords: *youth, youth policy, society and the state.*

За последние годы в российском обществе сложилось немало мифов о молодежи, с одной стороны, идеализирующих, а с другой – отрицательно оценивающих ее поведение. Однако для прогнозного видения будущих процессов, необходимо знание истинной картины, исследование увлечений и актуальных планов, ценностных ориентаций и реального поведения молодых людей с учетом всех конкретных общественных условий, в которых оно формируется.

Особенно остро проблемы молодого поколения проявляются во времена социальных перемен, смены направленности и темпов общественного развития, трансформирования государственного устройства. В этих условиях наиболее заметно проявляются изменения в характере межпоколенческих интеракций, в содержании внутрисемейных, внутригрупповых взаимоотношений, в создании норм, регулирующих ценностные ориентации, жизненные планы, поведение молодежи. По-новому встают вопросы воспитания, социализации, становления и развития молодого поколения.

Необходимость особой политики в отношении молодежи определяется спецификой ее статуса в социуме. Недостаточно понимать молодежь только в качестве будущего социума, ее нужно оценивать как органическую часть современного общества, которая возлагает на себя функцию ответственности за сохранение и развитие своей страны, за преемственность ее истории и культуры, существование старших и воспроизводство последующих поколений, и в итоге – за выживание народа как культурно-исторической общности.

Необходимо также отметить, что как входящая в общественную и трудовую жизнь данная социальная группа еще не всецело интегрирована в существующие социально-экономические, идейно-политические, семейно-бытовые процессы. Молодым людям легче воспринимать переломные эпохи, однако именно они не разрешают ей почувствовать всю силу социальных взаимодействий и ограничивают ее возможности.

Вопросы молодежных проблем в любом обществе, при любых условиях и обстоятельствах должны рассматриваться в нескольких направлениях:

- что общество может дать молодежи для ее формирования и гражданского становления;
- что сами молодые люди способны и могут дать социуму для его прогрессивного развития;
- как эффективно применять возможности молодежи в интересах ее личной самореализации и развития всего общества.

В формировании и реализации государственной молодежной политики выделяются следующие основные направления[2]:

1. Государственная поддержка молодых граждан в сфере образования, воспитания и развития.
2. Содействие и поддержка молодых граждан в области охраны их здоровья, в профилактике опасных заболеваний и формировании здорового образа жизни.
3. Содействие обеспечению экономической самостоятельности молодых граждан и реализации их трудовых прав и обязанностей.
4. Государственная поддержка молодых семей.
5. Государственная поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в их социальном обслуживании, в социальной реабилитации и адаптации.
6. Поддержка общественно значимых инициатив, общественно-политической деятельности молодежи, молодежных и детских общественных объединений.

Под государственной молодежной политикой (ГМП) подразумевается деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических, политико-правовых, социальных, организационных и других предпосылок для социализации молодых граждан, реализации их творческого, инновационного потенциала в интересах общественного прогресса.

В условиях демократизации общества, в ходе формирования молодёжной политики государственные структуры руководствуются определёнными принципами, целями и задачами. В связи с этим можно выделить ряд основополагающих принципов, которые должны стать приоритетными в формировании государственной молодёжной политики

[1] Задонская Ирина Анатольевна – к.соц.н., доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Тамбовского государственного университета. E-mail: ir-yar75@mail.ru

[2] Лупандин В.Н., Кулаженкова Н.В. Проблемы реализации государственной молодежной политики РФ на современном этапе // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. – Т. 1, № 4. – С. 86.

на ближайшие годы. Во-первых, принцип признания всей полноты прав молодёжи в политической, экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества, их соответствие международным нормам о правах человека и гарантия их реализации конституционными, федеральными и иными законами. Во-вторых, признание интересов и потребностей молодых граждан как особой общественной группы населения с учётом общенациональных интересов формирования разносторонне развитого, физически здорового молодого поколения нации. В-третьих, обеспечение социальной защищённости молодёжи, особенно при вступлении молодых людей в самостоятельную трудовую жизнь, государственное стимулирование и кредитование молодых людей в получении образования, приобретении профессиональной квалификации, первоначальной трудовой деятельности, создании бытовых условий. В-четвертых, приоритетная поддержка общественно значимых институтов молодых людей, их организаций и движений, содействие их общественной деятельности в области социального, духовного и физического развития, создание социальных условий для добровольного и свободного выбора общественно целесообразных и значимых форм деятельности. В-пятых, содействие становлению молодёжи, стремящейся утвердиться в жизни собственными усилиями, трудом, развитию самостоятельности молодых людей. В-шестых, уважение политической, экономической, организационной самостоятельности молодёжных организаций и движений, невмешательство в их внутреннюю жизнь со стороны государства, его органов, других частей политической системы, частичное или полное субсидирование общественно значимых программ в деятельности молодёжных организаций. В-седьмых, привлечение молодых граждан как непосредственно, так и через их общественные организации к формированию и реализации государственной молодёжной политики, программ, касающихся молодёжи и общества в целом[1].

Государственная молодежная политика – одно из специфических направлений деятельности законодательных и исполнительных органов власти, имеющее своей целью реализацию творческого потенциала молодежи и успешное вхождение ее в самостоятельную жизнь. Государственная молодежная политика – общее дело государства, политических партий, общественных объединений.

Объектом государственной молодежной политики являются граждане Российской Федерации (включая иностранных граждан и лиц без гражданства) в возрасте от 14 до 30 лет, молодые семьи, а также молодежные объединения. К ее субъектам относятся государственные органы и их должностные лица, молодежные объединения и ассоциации, а также сами молодые граждане.

Учитывая масштаб задач, стоящих перед страной, и объективную ограниченность ресурсов, эффективная молодежная политика, как и вся социальная политика XXI века, должна стать политикой приоритетов. Приоритетными должны стать такие направления, работа по которым обеспечит молодежи возможности для самостоятельного решения возникающих проблем. Только такой подход будет способствовать взаимоувязанному улучшению качества жизни подавляющей части молодого поколения и развитию страны в целом.

Для укрепления позитивных тенденций в молодёжной среде государственная молодёжная политика должна быть ориентирована на поддержку и содействие реализации гражданских инициатив, участие в общественно значимой и социально полезной деятельности в сочетании с необходимыми мерами социальной защиты, содействие адаптации в современных социально-экономических условиях. Не случайно вопросы формирования новой государственной молодёжной политики до 2020 г. стали предметом обсуждения первого заседания оргкомитета по проведению в России Года молодёжи, которое проводилось 19 февраля 2009 г. при участии премьер-министра В. Путина. «Молодёжь – наиболее динамичная и в то же время уязвимая часть нашего общества, – подчеркнул В. Путин. – Она способна на многое и нуждается в поддержке, поощрении, здоровой жизненной среде и надёжных социальных гарантиях»[2].

По мнению И.М. Ильинского, настало время говорить о принципиально новом открытии молодежи, главным в котором является установление точки зрения на молодежь, как минимум, как на возраст, не сводящийся к возрастным особенностям и отклонениям от нормы (незрелость, неразумность и т.п.), а напротив, как на наиболее ценный для нынешнего общества период жизни человека, в котором он более чем когда либо открыт новому, не зациклен на старом, активно стремится к самоутверждению и самореализации. Молодежь – это жизненная сила общества, сгусток энергии, нерастраченных интеллектуальных и физических сил, требующих выхода. В молодости человек наиболее способен к творческой деятельности, к формулировке эвристических подходов, максимально работоспособен[3].

Государственная молодёжная политика в Тамбовской области осуществляется в целях:

– создания правовых, социально-экономических, организационных условий для становления и развития молодёжи;

– использования инновационного потенциала молодёжи в интересах развития области и в интересах развития самой молодёжи;

– создания условий для активного включения молодёжи в социально значимую, экономическую, политическую и культурную жизнь региона.

Для осуществления поставленных целей государственной молодёжной политики в Тамбовской области реализуются следующие задачи:

1) формирование условий для развития и поддержки организационно-методического, информационного обеспечения молодежи и кадрового обеспечения молодежной политики;

2) формирование условий для своевременной социальной адаптации молодежи к современным рыночным условиям, экономической самостоятельности молодых граждан и развития их деловой активности;

---

[1] Немерюк А. О молодежной политике в современной России // Власть. – М., 2009. – № 4. – С. 104–105.

[2] Инвестиции в молодость. Путин В.В. начал Год молодёжи в России // Российская газета. – М., 2009. – № 4854, 20 февраля.

[3] Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – С. 122.

3) формирование условий для развития гражданской культуры молодых людей, выявление талантливой молодежи и сопровождение их деятельности;

4) формирование условий для социальной интеграции и саморазвития молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

5) формирование условий включения молодежи в социальную практику;

6) увеличение общественн… решения молодёжных проблем через поддержку общественных институтов молодё…ческого и студенческого самоуправления, молодёжных совещательных структур);

7) совершенств…ой молодёжной политики, в том числе законодательной базы, поддержка …молодёжных общественных организаций, добровольческих объединени…

Эффектив…тика – один из важнейших инструментов развития страны, роста благосостоян…я общественных отношений. Как показало авторское социологическое исследован… интересуют политикой. Мотивы могут быть разными, но суть всегда одна – быть в курсе политических изменений в обществе (рис. 1).

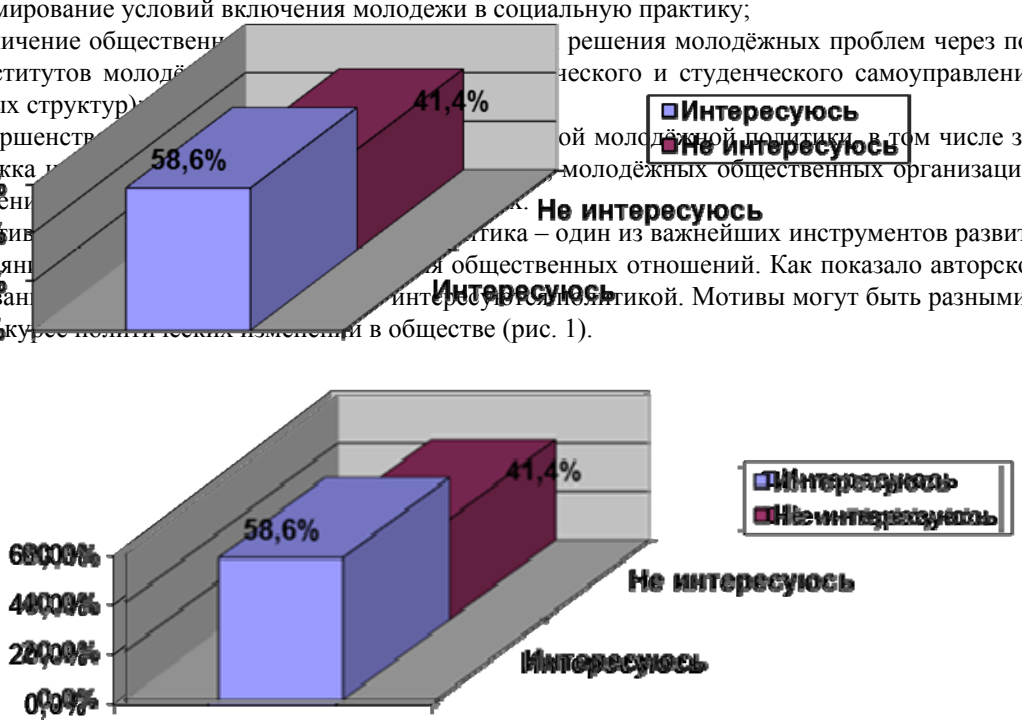


Рисунок 1.
Отношение к политике

Частично подтверждает эти данные и набор ответов на второй вопрос: «Что такое, по Вашему мнению, молодежная политика?» среди ответов безусловными лидерами стали:

– Это внутренняя политика государства по регулированию отношений молодежи и государства.

– Это работа, направленная на формирование эффективных жизненных стратегий у целого поколения.

– Это система идей, взглядов по поводу молодежи и ее роли в общественном развитии.

– Это решение проблем в молодежной среде, помощь молодежи.

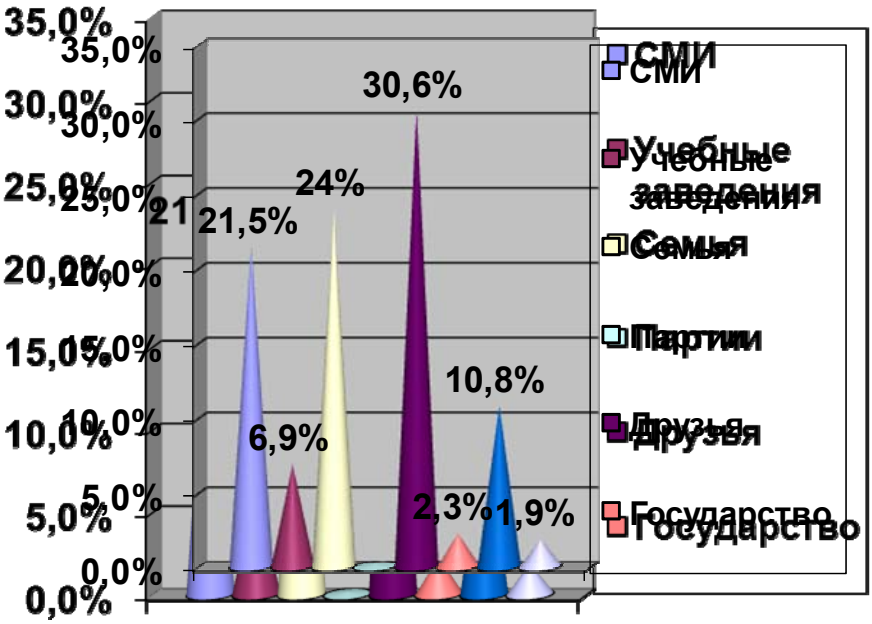


Рисунок 2.
Институты, влияющие на формирование политических взглядов и убеждений

Если мы посмотрим на рис. 2, то сможем увидеть, что друзья (30,6%) в наибольшей степени влияют на формирование политических взглядов и убеждений. Реже респонденты прислушиваются к мнению товарищей по работе,

учебе, службе; известных и уважаемых политиков; журналистов, комментаторов и ведущих телепередач. Авторитет в вопросах политики артистов, руководителей учебных заведений, предприятий, а также глав областей и других территориальных единиц готовы признать не более 2%. Каждый третий заявляет, что ему важно лишь собственное мнение – и ничье другое. Политические взгляды населения формируют не столько одна-две программы центрального телевидения, сколько местные СМИ, но главным образом, региональные лидеры. Отношение к региональной власти и региональной элите особое. В этих условиях большое значение приобретает доминирование общероссийского информационно-политического пространства с паритетными действиями на нем региональных лидеров и местной элиты, а также региональных средств массовой информации.

На вопрос об оценке собственной роли в политике были получены следующие ответы.

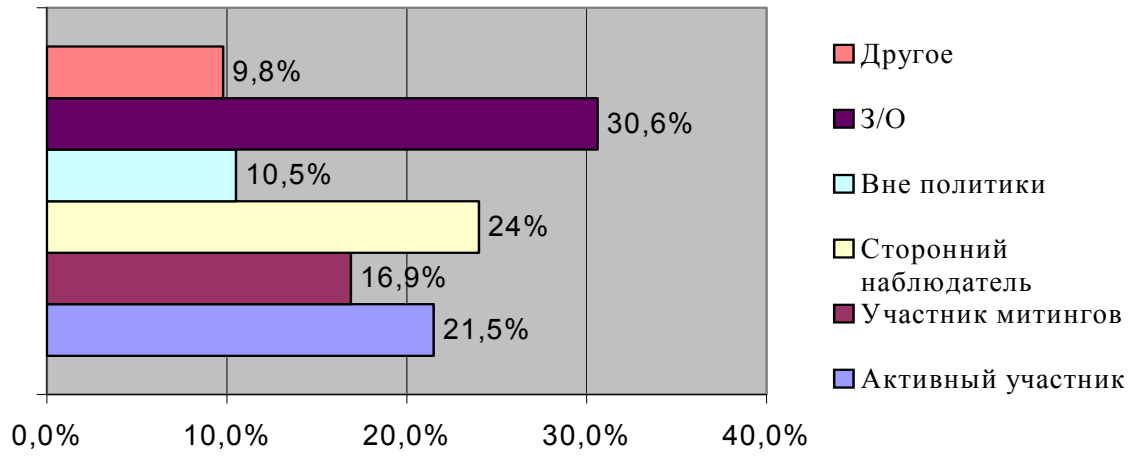


Рисунок 3.
Какова оценка собственной роли в политике

Значительная часть (21,5%) ответивших относят себя к активным участникам, они говорят: «Да мне как человеку и гражданину небезразлична судьба страны. Я активно интересуюсь политикой и участвую в политической жизни страны на одной из сторон. Политика конечно грязное дело, но ей нужно заниматься, ибо это настоящее и будущее страны». Еще больше сторонних наблюдателей (24,0%) – людей которые не принимают непосредственного участия в политической жизни, а как бы находятся в стороне. Таких традиционно немало, но все же еще меньше чем затруднившихся ответить (30,6%). Участников митингов и демонстраций набралось 16,9% – это традиционно активные пенсионеры и молодежь с активной жизненной позицией.

Молодые люди, являясь субъектом политических и социальных отношений – активной частью общества, могут повлиять на ход выполнения и решение политических программ власти. Молодежь как общественная группа по своему сознанию всегда была наиболее новаторской частью общества. И сегодня молодежь начинает осознавать важность использования политических рычагов во благо народа и развития общества. Молодежь теперь сама идет в политику, и процесс этот носит уже глобальный характер. И сегодня есть еще молодежь, готовая взять на себя ответственность и важные функции в процессе модернизации России.

Судя по ответам на вопрос «Состоите ли Вы в какой-либо партии, молодежной политической организации или движении?», можно отметить, что большинство респондентов не являются членами политических партий (64%). Но есть и такие, которые не являются, но не исключают возможности вступления (33 %). Очень малое количество (3%) от всего числа опрошенных являются членами политических партий.

Значительное большинство респондентов отдают предпочтение политической партии «Единая Россия» (73%). Таким политическим партиям как «ЛДПР» – (7%), «КПРФ» – (10%), Есть и респонденты (7%), которые никакой из перечисленных партий не отдают предпочтение.

Следующие два вопроса перекликаются: «Часто ли Вы беседуете с родными, друзьями, знакомыми о политике?» Как мы видим, абсолютное большинство все же беседует о политике (41,9%), некоторые делают это регулярно (26,5%), кто-то редко (24,1%) и лишь малая часть (7,5%) – никогда.

Больше половины опрошенных респондентов (57%) считают, что необходимо учитывать в программах политических партий интересы и проблемы молодежи для приобщения молодежи к политике. 20% считают, что для того, чтобы молодежь участвовала в политике необходимо увязать перспективу карьерного роста с членством в политической партии. Немного меньше (13%) респондентов, считают, что необходимо создавать и поддерживать молодежные политические организации при политических партиях. Меньше всего (10%) респондентов ответили, что для участия молодежи в политике необходимо ее участие стимулировать материально.

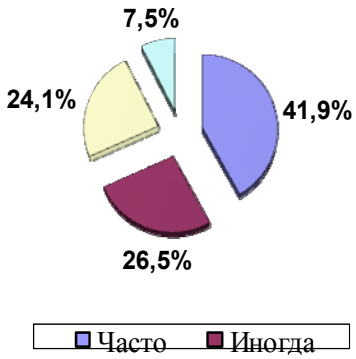


Рисунок 4.
Частота обсуждения политики с родными, друзьями, знакомыми

Мы выяснили, что молодежь готова принимать участие в политике, и именно для того, чтобы государство обратило внимание на проблемы, стоящие перед молодежью. Респонденты так же высказали мнения о влиянии молодежных политических организаций на политику государства. Они считают, что молодежные политические организации в незначительной мере могут влиять на политику, проводимую государством. Так же нужно отметить, что большинство респондентов не видят себя в роли политика, либо они далеки от политической жизни, но есть и респонденты, которые не против стать политиком, так как у них есть некоторые необходимые для этого качества, а также потому что это не плохой путь для самореализации. Проведенное нами социологическое исследование дает основание сделать вывод о том, что степень интереса молодежи к политике, участие молодежи в политике зависят от ее политической активности, от того как молодежь относится к политике, проводимой государством, от того, какое политическое устройство в государстве, от того, каким образом решаются проблемы современной молодежи. В отношении опрошенных нами респондентов нельзя сказать, что они абсолютно безразлично относятся к политике, напротив, они имеют представление о политической ситуации в стране, они обсуждают вопросы политики в кругу своих друзей, они принимают активное участие в выборах. На этом их участие в политике, как правило, заканчивается, т.к. они не участвуют в съездах партий, не являются членами молодежных политических организаций. Респонденты тем не менее считают, что молодежь должна обязательно принимать участие в политике, для того чтобы их интересы и проблемы были услышаны.

Подводя итог выше сказанному, подчеркнем, что в условиях модернизации общества и растущих требований к человеческому капиталу государственная молодежная политика должна стать инструментом развития и преобразования страны.

Кусмарцев М.Б.
к.п.н., доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, член научно-экспертного совета Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИОРИТЕТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ОПЫТ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, инновационно-технологическое развитие, Волгоградская область.*

В реализации воспитательного потенциала российского патриотизма к настоящему времени сложились, по меньшей мере, три модели: традиционная, актуальная и инновационная.

Традиционная модель основывается на потенциале феномена традиции, т.е. определённым образом сформированных способов передачи инвариантных, сложившихся посредством культурно-исторической селекции сущностных черт народного опыта защиты и созидания своей Родины. Идейной основой данной модели служит представление о незыблемости основ народной жизни, консерватизм в воспитании и социализации подрастающих поколений. Эта модель уходит корнями в русскую философию с её ярко выраженным историософским характером. Патриотизм, в этом случае, играет роль одного из главных механизмов осуществления преемственности между поколениями.

Актуальная модель сложилась в индустриальном обществе с присущим ему линейным (от прошлого через настоящее к будущему) представлением о характере общественного развития. Данная модель строится на понимании прошлого как источника ценностей и смыслов современности, дающих уроки живущим поколениям и определяющим конкретные, вполне осязаемые образы будущего. Примером тому может служить идея коммунизма для людей советской эпохи и практика военно-патриотического воспитания советской молодёжи. Идеологическая основа данной модели основывалась на представлениях теории экономического детерминизма.

Инновационная модель патриотического воспитания, сложившаяся в современной России, ориентируется на диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность традиции и инновации. Она может быть описана в рамках таких понятий как традиция – новшество – нововведение – инновация – традиция инновационности.

В данной модели патриотизм представляется как живой, развивающийся во времени, открытый к изменениям окружающей среды феномен, время изменчивости которого измеряется поколениями, а основная суть остаётся неизменна. Патриотизм – основа любой государственной стратегии, её несущая опора, скрепы которой составляют идеи, устремленные в будущее, основанием которых служат ценности и смыслы культурно-исторического развития российского общества и исторически сложившихся форм государственности. Как форма общественного сознания патриотизм утверждает некую «вертикальную» солидарность — приверженность личности стране через соответствие интересов развития личности, общества и государства.

Инновационная модель основана на представлении о том, что судьба страны жестко связана с судьбами людей, ее населяющих и, прежде всего, с судьбами молодёжи. Если происходит массовое расчеловечивание подрастающих поколений, превращение их в сообщество потребителей, то болезненный результат для здоровья страны в целом будет неизбежен, а, возможно, будет состоять как раз в отсутствии шанса на ее выздоровление.

Природа инновационной деятельности институтов социализации в патриотическом воспитании молодёжи определяется соотнесённостью, по меньшей мере, четырёх взаимосвязанных процессов:

– повышением познавательной сложности коллективного разума субъектов патриотического воспитания;

– взаимопересечением пространств образования и иных институтов социализации;

– приоритетностью потенциала саморазвития конкретной личности;

– обеспечение самовозобновляемости ресурсов институтов социализации.

Таким образом, выделяются три блока сущностно важных обстоятельств в формировании инновационной модели патриотического воспитания молодёжи.

– Сохранение исторически сложившихся сущностных свойств российского патриотизма, представленных в культурно-историческом опыте и составляющих ту питательную среду, на которой основано развитие новых поколений граждан России.

– Наличие субъектов, способных и готовых к культивации данной среды в условиях её непрерывного изменения.

– Развитие инфраструктуры, т.е. новых типов субъектов воспитательной деятельности и связей между ними, образующих целостное пространство с возможностью взаимного распоряжения ресурсами.

Именно поэтому, в качестве приоритета становления и развития инновационной модели патриотического воспитания в регионе разрабатывается теория интеграции образования и иных институтов социализации. **В чём смысл интеграции?**

Во-первых, в концентрации ресурсов. Для этого необходимо наращивание научно-исследовательского потенциала учреждений и формирование творческого климата, преодоление взаимного отторжения между теоретическими знаниями и практикой. Полученным на сегодняшний день результатом инновационной деятельности в сфере патриотического воспитания молодёжи стало возникновение на базе образовательных учреждений сети контактов и совместных проектов ученых волгоградских вузов, руководителей и специалистов учреждений культуры, молодёжной политики и представителей муниципальной и региональной власти.

Во-вторых, в формировании эффективной среды инновационного развития патриотического воспитания молодёжи, представляющей собой сеть взаимодействующих учреждений образования, культуры, молодёжной политики, общественных организаций, действующих на основе социального партнёрства. Партнёрами центров инновационного развития патриотического воспитания города-героя Волгограда являются Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве РФ, Центр военно-патриотического и гражданского воспитания города Москвы, Центр гражданско-патриотического воспитания города Новосибирска, Центр патриотического воспитания детей и молодёжи республики Карелия и др.

В-третьих, в необходимости выстраивания вертикальных связей, обеспечивающих инфраструктуру инновационной деятельности. Основными партнёрами образовательных учреждений выступают научно-инновационный центр патриотического воспитания Волгоградской государственной академии последипломного образования, научно-исследовательские лаборатории методологии и теории воспитания и технологий воспитания института изучения проблем детства, семьи и воспитания Российской академии образования.

Реализация научных представлений привела к разработке модели среды инновационного развития патриотического воспитания, представляющей собой сеть взаимодействующих учреждений образования, культуры, молодёжной политики, общественных организаций, действующих на основе социального партнёрства, а также развития инфраструктуры, т.е. новых типов субъектов воспитательной деятельности и связей между ними, образующих целостное пространство с возможностью взаимного распоряжения ресурсами.

Основы инновационной инфраструктуры патриотического воспитания были заложены в мае 2009 года присвоением Центру детского технического творчества Советского района (директор – Александр Иванович Стариков) статуса экспериментальной площадки ГОУ ДПО «Волгоградская академия повышения квалификации и переподготовки работников образования» по теме: **«Воспитание патриотизма на традициях казачества в учреждении дополнительного образования технической направленности»**.

В ходе экспериментальной работы решалась задача проектирования механизмов, путей, средств и программ патриотического воспитания детей и молодёжи в социокультурном пространстве Советского района города-героя Волгограда. Результаты инновационной деятельности позволили расширить представления о способах формирования инновационной среды Советского района путём интеграции учреждений образования (дошкольного, общего, дополнительного, высшего профессионального), культуры, молодёжной политики, общественных организаций.

В настоящее время Детско-юношеским центром Советского района (директор – Наталья Ивановна Ерёменко) в рамках инновационной деятельности, разрабатывается проект **«Детско-взрослое взаимодействие в дополнительном образовании как условие эффективности социального проектирования становления гражданина и патриота России»**, реализация которого позволит создать инновационный механизм кооперации субъектов научно-образовательного, практико-ориентированного и общественного секторов сложившейся за последние годы системы патриотического воспитания детей и молодёжи на основе принципов социального партнёрства и сетевых форм организации воспитательной деятельности.

Центр инновационного развития патриотического воспитания создан в 2013 году на базе **МОУ лицей № 4 Красноармейского района города-героя Волгограда** (директор – Сушкова Валентина Николаевна). В текущем учебном году деятельность коллектива была сосредоточена на решении таких задач, как:

– создание условий для интеграции ресурсов учреждений образования, культуры, молодёжной политики, общественных организаций в интересах духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России;

– повышение роли педагогического творчества учителей и инновационной деятельности в сфере патриотического воспитания детей и молодёжи.

В целях обеспечения высокого уровня формирования и развития инновационного опыта в ноябре 2012 года Волгоградской академии последипломного образования Российским государственным военным историко-культурным центром при Правительстве РФ был присвоен статус ресурсного центра федеральной системы патриотического воспитания. Для организации деятельности ресурсного центра были созданы опорно-базовые школы, реализующие цели повышения квалификации работников образования и специалистов в данной области.

Опорно-базовая школа МОУ СОШ № 65 Красноармейского района города-героя Волгограда (директор – Надежда Владимировна Шипилова) реализует модель **«Целостный образовательный и социокультурный комплекс патриотического воспитания муниципального района»**.

Опорно-базовая школа организует постоянную работу с руководителями методических объединений, творческих групп по овладению ими различными формами организации методической работы по патриотическому воспитанию с учителями, педагогами дополнительного образования, классными руководителями, отбору и структурированию содержания патриотического воспитания, соответствующем современным требованиям ФГОС, запросам и потребностям российского общества и государства.

Опорно-базовая школа развития этнокультурного казачьего компонента МОУ СОШ № 110 Кировского района города-героя Волгограда (директор – Арбузова Ирина Валентиновна) реализует модель **«Механизмы инновационного развития образования и воспитания поколений казачества третьего тысячелетия»**.

Деятельность опорно-базовой школы строится в направлении разработки, апробации и внедрения инновационных моделей, проектов, программ и технологий этнокультурного казачьего компонента в образование, совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров, занимающихся реализацией этнокультурного казачьего компонента в образовании, создание ресурсной базы за счёт социального партнёрства образования с иными институтами социализации.

Поиску путей повышения эффективности взаимодействия школы и социума в патриотическом воспитании посвящена деятельность инновационной площадки на базе **МОУ лицей № 9** города-героя Волгограда, (директор – Ирина Викторовна Жигульская), работающей в статусе школы-лаборатории инновационного развития. За прошедший учебный год коллективом разработана модель разновозрастного детско-взрослого сообщества **«Лицейское братство»** как ведущего субъекта организации уклада школьной жизни. В результате было получено представление о том, что педагогическое взаимодействие определяемое условиями жизни разновозрастного объединения способствует социализации, развитию и саморазвитию школьника в образовательном пространстве лицея.

Коллективом муниципального бюджетного образовательного учреждения **«Средняя школа № 3 им. А.С. Макаренко»** городского округа г. Фролово Волгоградской области (директор – Паньшенскова Ольга Михайловна) разработана и успешно реализуется программа **«Национальное самосознание гражданина России – базовый социальный эффект патриотического воспитания обучающихся»**.

Диалектика традиций и инноваций в патриотическом воспитании является предметом инновационной деятельности педагогического коллектива **МОУ СОШ № 112** (директор – Татьяна Николаевна Кандаурова), разрабатывающей проект **«Школьный музей как педагогический ресурс интеграции возможностей школы и социума в патриотическом воспитании обучающихся».** В представлениях участников инновационной деятельности школьный музей является педагогическим ресурсом патриотического воспитания детей и молодёжи при соблюдении следующих условий интеграции школы и социума: обеспечение интеграции ресурсов образования, культуры, молодёжной политики, общественных организаций в патриотическом воспитании детей и молодёжи и формирование образовательно-воспитательной среды, создающей условия для саморазвития, самосовершенствования и самореализации личности.

В 2014 году федеральным политсоветом политической партии «Казачья партия РФ» школа утверждена как основной исполнитель федерального проекта по разработке этнокультурного казачьего компонента в общем образовании. В этом направлении работает и опорно-базовое учреждение дошкольного образования МОУ детский сад № 250 (заведующий – Перекокина Ольга Анатольевна), реализующее проект: **«Становление основ мировосприятия ребенка на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей казачества».**

В конце 2014 года началась разработка проекта МБОУ СШ № 28 «Адаптивная школа» (директор – Тупикина Ольга Емельяновна) городского округа – город Волжский Волгоградской области по теме: **«Духовно-нравственные ценности и смыслы российского патриотизма как формы порождения образовательного пространства города Волжский»**. В статусе региональной инновационной площадки коллектив **МОУ СОШ № 64** Красноармейского района города-героя Волгограда (директор – Елена Александровна Бунина) разрабатывает проект: **«Интеграция духовно-нравственных ценностей Православия в смыслы патриотизма гражданина России»**. Реализация данного проекта направлена на становление инновационного опыта интеграции духовно-нравственных ценностей Православия в смыслы патриотизма гражданина России, формирование потребности обучающихся к освоению национального воспитательного идеала, базовых ценностей российского общества, разработка показателей социальной эффективности патриотического воспитания в общеобразовательной школе.

Проведённый анализ деятельности основных субъектов инновационной инфраструктуры патриотического воспитания, сложившихся на сегодняшний день в Волгоградской области, позволяет выделить следующие социальные эффекты:

– положительная динамика инновационной активности педагогов и специалистов иных институтов социализации – социальных партнёров в разработке, апробации и внедрении проектов, моделей и технологий патриотического воспитания;

– рост числа обучающихся, включённых в реальные виды патриотической деятельности;

– расширение количества дополнительных образовательных программ, обеспечивающих единство учебной, внеучебной, внешкольной и общественно-полезной деятельности обучающихся;

– расширение пространства влияния учреждений образования на социум, рост положительного отношения к патриотическому воспитанию и привлекательности ценностей патриотизма.

Современная роль патриотизма в российском обществе сродни воздуху в котором живет, развивается и действует каждый гражданин и общество в целом. Без него, как без воздуха, возможны только угасание и гибель страны. В значительной степени вопрос о патриотизме актуализируется в современной России именно в связи с ее очевидной тотальной деградацией и угасанием. Нельзя не заметить, что сегодня к патриотическим идеям в поисках конструктивной парадигмы обращаются самые различные политические силы. Использование риторики патриотизма в целях подрыва собственно патриотических оснований государственности является одной из распространенных технологических новаций геополитической борьбы. Если бы в словаре российских лидеров чаще, чем слова «нефть», «газ», «экспорт», «права и свободы» употреблялись бы слова и словосочетания, относящиеся к патриотизму, труду и защите национальных интересов России, то по принципу «мысль материальна» что-то в реальности начало бы изменяться. Именно эти изменения проявляются в комплексном решении сложившихся проблем.

Легостаева Н.И.
к.соц.н.
legostaeva.rozhdenie@gmail.com

ДЕМОНСТРАТИВНО-ПОТРЕБЛЯЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ

Ключевые слова: *демонстративное потребление, демонстративный досуг, предметы роскоши, социализирующие круги, реклама, маркетинг, идентификация, коллективный потребитель, подражание, депрофессионализация, деинтеллектуальзация.*

Keywords: *conspicuous consumption, conspicuous leisure, luxury, socializing circles, advertising, marketing, identity, collective consumer, imitation, deprofessionalization, deintellectualization.*

Современная эпоха профицита катализировала процессы потребления и актуализировала тему массового и демонстративного потребления, которые стали характеристиками современного социума. Термины «демонстративный досуг» и «демонстративное потребление» в научный мир ввел Торстейн Веблен в своей работе «Теория праздного класса» (1899 г.)[1]. Он связывал демонстративный досуг с непродуктивной тратой времени, а демонстративное потребление с тратами на товары больших денег, чем они стоят[2]. Предметы роскоши несли в себе функцию демонстрации состоятельности и статуса, которые хотели обнажить нувориши – выходцы из низшего сословия, «новые богачи», быстро разбогатевшие в период промышленных революций в Европе. Спустя два века по аналогии с европейскими процессами формирования «демонстративного класса» в период распада Советского Союза появились «новые русские» – предприниматели нового типа, стремящиеся к демонстрации своей силы, состоятельности и власти через предметы роскоши.

Чрезмерное потребление стало предметом изучения для многих западных экономистов и социологов: «товарный фетишизм» Карла Маркса (1867 г.), «потребление напоказ» Альфреда Маршалла (1890 г.), «модное потребление» Поля Нистрёма (1920 г.). Отечественные исследователи обратились к теме демонстративного потребления в последние десятилетия: «престижное потребление» Логунова А.В. (2003 г.), «потребительское образование» Цимерман Ю.А. (2007 г.), «статусное потребление» Вороновой Е.Н (2005 г.) и др. История демонстративного потребления берет свое начало с древних времен, когда одежда, обувь и украшения были атрибутами привлекательности. Затем предметы роскоши служили идентификационными маркерами для группы людей, которые в силу своего образования, трудолюбия, семейного состояния могли и хотели открыто заявлять о своей исключительности и обособленности. Интересным представляется тот факт, что постепенное развитие идеи чрезмерного потребления привело к тому, что понятие «предметы роскоши» сменилось термином «предметы расточительства», а идея демонстративного поведения в вопросах потребления и досуга богатого сословия сменилась идеей о том, что данный вид поведения характерен для бедных людей, для которых предметы расточительства становятся щитом, маскирующим их бедственное финансовое положение в обществе. Они приобретают ограниченное количество престижных символов (дорогие средства связи, марки часов, брендовая одежда и т.д.), имитируя социально-экономическую состоятельность и выстраивая вокруг себя миф успешности.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за последние два года в России наметился рост числа бедных семей и снижение доли среднего класса, представители которых могут позволить себе крупные покупки в виде мебели и автомобиля. По оценкам Росстата в ноябре 2015 г. у 36% респондентов в семье среднедушевой доход не превышал прожиточного минимума 9673 руб., а в марте 2016 г. – у 38%. По данным ВЦИОМ в ноябре 2014 г. субъективно оценивали материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое – 15% опрошенных, через год – 20%, а в марте 2016 г. – 23%. Еще более заметные изменения произошли в оценке россиянами собственных потребительских возможностей: в ноябре 2014 г. утверждали, что денег не всегда хватает даже на еду – 23%, через год – 35, а в марте 2016 г. – 42%[3]. Таким образом, при росте бедности в российском обществе понятия «предметы роскоши» и «предметы расточительства» сменяются понятием «предметы состоятельности», к которым относятся недвижимость, автомобиль, оргтехника, поездки в период отпусков, полная потребительская корзина. При росте уровня безработицы и падении уровня доходов демонстративное поведение молодых россиян характеризуется как «осторожно потребительское» и выражается в приобретении лимитированного числа «предметов состоятельности».

Современная молодежь, оказываясь в центре концентрических кругов Питера Бергера, испытывает на себе интенсивное влияние социального и государственного контроля. Внешний круг представляет собой политико-юридическую государственную систему, следующий круг состоит из морали, обычаев и нравов, другой круг контроля

[1] Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
[2] Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002.
[3] Бедность не порок? / ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2944. 2.10.2015. – http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115416

базируется на профессиональной системе, ближайшие к индивиду круги замыкаются на неформальных требованиях со стороны социального и личного окружения. Таким образом, идея Цимерман Ю.А. в работе «Демонстративное потребление в современном обществе: институциональный анализ» о том, что именно государство на сегодняшний день определяет «национально-государственную потребительскую политику»[1], отражает, насколько сильна вертикаль формирования «человека потребляющего» через все социализирующие круги. Молодые люди в современном российском обществе попадают в «социально-экономические ножницы». С одной стороны, потребительский тип поведения возведен в норму и оформлен в оболочку «потребительской жизненной стратегии», с другой стороны, молодые люди не могут позволить себе данный тип поведения в силу своей профессионально-трудовой несостоятельности и падения уровня доходов их родителей, что провоцирует развитие кризисной, ускоренной и иных видов отклоняющейся социализации.

В современной России главным инструментом формирования «человека потребляющего» является реклама, чья роль за последнее время сильно возросла в процессах социализации личности, формирования социальных и культурных ценностей, стиля жизни и норм поведения. Исследователи отмечают, что интерес к демонстративному потреблению проснулся у маркетологов, социологов и экономистов в связи с развитием брэндинга[2]. Брэнд в маркетинге является комплексом представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик у потребителей о продукте или о производителе этого продукта. Главная идея маркетинга заключается в том, чтобы убедить человека купить ненужную ему вещь за деньги, которых у него нет. Для этих целей активно используется реклама, которая служит пастухом для многих потребителей в выстраивании своих жизненных стратегий, активируя ценности комфорта и удовольствия, а также популяризируя процесс удовлетворения витальных потребностей во вкусной еде, комфортном сне, приятном отдыхе, безопасном отправлении естественных потребностей и т.д. Целевой аудиторией современной рекламы выступает «коллективный потребитель», который чувствует себя «своим» во время сопричастности к процессу массового потребления и старается не отставать от других, с которыми он себя идентифицирует через продукты потребления. Таким образом формируется идентификация индивида через потребление[3], и развивается имитация престижного потребления. У «коллективного потребителя» распространен подражательный тип поведения, который внимательно изучался большинством советских и зарубежных исследователей и носил название имитационной способности у низших и особенно у высших обезьян[4]. В научных работах Выготского Л.С. и Эльконина Д.Б. отмечается, что у человека в младенчестве также имеются врожденные имитационные способности, которые с развитием когнитивной сферы становятся произвольными[5]. Для демонстративного потребления современной молодежи характерно непроизвольное автоматическое подражание, которое выступает симптомом патологии.

Системные изменения современного российского образования в структуре, точнее, его «филиализация», а также мобильность качества в государственных образовательных и профессиональных стандартах, стартовавшая в 2003 году с подписания Болонской декларации, привели к апогею поступательно развивающегося процесса нивелирования элитарного и массового образования и депрофессионализации труда. В июле 2016 года ВЦИОМ опубликовал данные опроса об оценках молодых специалистов и работодателей уровня высшего образования в России: недостаток практических навыков у выпускников российских вузов признает большая часть молодых специалистов (56%), и абсолютное большинство работодателей (91%). Нехватку теоретической подготовки ощущает только четверть молодых специалистов (25%). Каждый второй работодатель (53%) убежден в недостатке теоретических знаний выпускников вузов. Идею лишать высшие учебные заведения государственной аккредитации за неэффективную работу поддерживает большинство граждан нашей страны (65%), эта цифра существенно выше и среди работодателей (80%) и среди молодых специалистов (74%)[6].

Данные, представленные ВЦИОМ, наглядно демонстрируют эффект Данинга-Крюгера, который заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения при завышенных представлениях о собственных способностях[7]. Данинг и Крюгер говорили о том, что эти люди склонны переоценивать собственные умения, они неспособны адекватно оценивать высокий уровень умений у других и осознавать свой непрофессионализм. После повышения профессиональной квалификации у них появляется способность осознать уровень своей прежней некомпетентности, даже если их истинная компетентность после обучения не изменилась. Такой на сегодняшний день вырисовывается эскиз профессионального портрета молодого специалиста, который, владея пассивным багажом теоретических знаний, не может применить их на практике и перевести в активные профессиональные умения. Таким образом, современные процессы деинтеллектуализации образования и депро-

---

[1] Цимерман Ю.А. Демонстративное потребление в современном обществе: институциональный анализ: Дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007.

[2] Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Монография. – Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012.

[3] Цимерман Ю.А. Демонстративное потребление в современном обществе: институциональный анализ: Дис. ... канд. социол. наук.

[4] Ладыгина-Котс Н.Н. Предпосылки человеческого мышления. – М.: Наука, 1965; Сыренский, В.И. Рефлекс цели у приматов / В.И. Сыренский, Т.Г. Кузнецова. – Л.: Наука, 1990.

[5] Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Смысл, 2005; Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971.

[6] Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать / ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3152. 13.07.2016. – http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115775

[7] Dunning D., Kerri J., Ehrlinger J., Kruger J. Why people fail to recognize their own incompetence // Current Directions in Psychological Science. 2003. – Vol. 12, N 3.

фессионализации труда в сочетании с ростом стихийно-потребительской социализации молодежи в нестабильном социально-экономическом обществе привели к тому, что среди современной российской молодежи начинают преобладать осторожные демонстративно-потребительские жизненные стратегии с доминирующим подражательным типом поведения.

Лутовинов В.И.
д.филос.н., лауреат Государственной премии, профессор РАНХиГС, помощник Председателя ДОСААФ России

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БЛИЖАЙШУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

Ключевые слова: *Россия, общество, государство, личность, граждане, патриотизм, патриотическое воспитание, ценности и интересы.*
Keywords: *Russia, society, state, person, citizenhood, patriotism, patriotic education, values, interests.*

В настоящее время перед Россией стоит стратегическая задача преобразования всех сфер жизни общества и государства на основе перехода на инновационный путь социально-экономического развития. Достижение инновационных целей развития возможно на основе решения или смягчения проблем, ставших хроническими для нашей страны: технологическое отставание в основных отраслях производства, недостаточная востребованность человеческого капитала, неэффективность функционирования органов управления, чрезмерная дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития, наличие конфликтогенных зон и др.

Глубинным социокультурным фактором, порождающим эти проблемы, является кризис идентичности, который на личностном уровне проявляется как разрыв связей человека с миром, выражающийся в слабой включенности в социальные и государственные институты, нигилизме в отношении к прошлому и отсутствии образа будущего, в неспособности адекватно осмыслить жизненные цели и самоопределяться в общественно-полезной деятельности. Такое положение стало следствием недостаточного внимания со стороны социальных институтов к освоению молодыми людьми социально значимых традиций, норм и ценностей, формированию целостной личности, отвечающей идеалам построения в России активно развивающегося гражданского общества и правового государства. Воспитательная деятельность всех институтов, участвующих в социализации молодого поколения, в настоящее время имеет очень низкую эффективность, а влияние социальной среды характеризуется значительным негативным воздействием.

Таким образом, сложилось противоречие между инициируемыми процессами и механизмами, направленными на системное и полноценное развитие российского общества, и ролью государства в определении долговременной стратегии, обеспечивающей создание и функционирование необходимых для этого условий, механизмов и технологий.

Стратегия – это совокупность официально принятых и научно-обоснованных взглядов на основные цели, средства, методы осуществления системной, последовательной и долговременной деятельности в какой-либо сфере, механизм комплексного использования и развития условий, ресурсов и технологий для решения конкретной проблемы в интересах Российской Федерации и её субъектов.

Под стратегией в сфере государственной и региональной политики обычно понимается общий, недетализированный (до уровня конкретных мероприятий) план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели. Стратегия как способ действий становится необходимой в ситуации, когда для прямого достижения основной цели недостаточно наличных ресурсов, вследствие чего проблема может быть не решена в ближайшей перспективе. Стратегия отличается по структуре, содержанию и направленности от концепций и госпрограмм. Её содержание имеет более конкретный, практико-ориентированный характер по сравнению с концепцией, но более общий по сравнению с госпрограммой. В структуре стратегии, как правило, не обязательны выделение этапов, конкретных мероприятий и жестких по формулировкам обязательств по результатам (как в госпрограмме). Но при этом в ней достаточно конкретно определяются условия, направления реализации основных задач патриотического воспитания, перспективы его развития и др.

Стратегия развития системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации до 2020 года (далее – Стратегия) – это целостное видение и целенаправленное проектирование процесса преобразований, предполагающее:

– постановку цели и задач;

– определение приоритетных направлений развития;

– выбор оптимальных средств достижения поставленных задач;

– алгоритм (определённую последовательность в выполнении задач);

– распределение ролей и функций основных субъектов и участников патриотического воспитания: региональных и местных властей, чиновников различных уровней, учёных и специалистов, государственных корпораций, частного бизнеса, политических партий и движений;

– определение основ программы наиболее значимых системных и взаимосвязанных мероприятий;

– технологию их реализации и выполнения основных задач;

– достижение желаемого результата.

Во время встречи с представителями органов исполнительной власти и общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи, проходившей 12 сентября 2012 года в г. Краснодаре, Президент РФ выделил ряд стратегических направлений патриотического воспитания: а) формирование системы ценностей у молодёжи, того нравственного фундамента, … из которого вырастает общество сознательных и ответственных граждан; б) совершенствование образовательной политики в патриотическом воспитании; в) военно-патриотическое воспитание; г) укрепление здоровья и развитие спорта.

Недооценка патриотизма, как важнейшей составляющей общественного сознания, приводит к ослаблению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. Этим и определяется приоритетность патриотического воспитания в общей системе воспитания граждан России.

Патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, при участии общественных институтов, по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга по защите интересов Родины.

Патриотическое воспитание предполагает формирование у граждан общественно-значимых ориентаций, гармоничного сочетания личных и общественных интересов, преодоление чуждых обществу процессов и явлений, разрушающих его устои и потенциал созидания.

Научной основой Стратегии являются:

– результаты исследовательской и практической работы органов государственной власти и органов власти, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, общественных организаций, общественных и консультативных советов при органах государственной власти субъекта РФ и местного самоуправления;

– накопленный опыт работы взаимодействия между основными субъектами патриотического воспитания – органами государственной власти и институтами гражданского общества;

– результаты научных, в том числе мониторинговых исследований патриотического воспитания как составляющей общественного развития, самоуправления и межсекторного взаимодействия;

– анализ результатов реализации программ, проектов, комплексных планов, интегративных форм, моделей патриотического воспитания различных категорий граждан РФ в практике деятельности конкретных государственных и социальных институтов, новых технологий, используемых некоммерческими организациями;

– результаты многолетней практики партнёрства в рамках межрегионального взаимодействия и сотрудничества с субъектами патриотического воспитания на муниципальном, региональном и федеральном уровне, особенно в информационной, образовательной и культурной сферах.

Актуальность разработки Стратегии обусловлена:

– наличием в Российском обществе необходимых предпосылок, очень значительного, невостребованного еще потенциала воспитания гражданственности, патриотизма, достойного служения Отечеству как реальной основы для создания условий коренного улучшения этой деятельности;

– необходимостью целенаправленной адаптации теоретических основ и системы воспитания применительно к новым, изменившимся условиям российского общества, важнейшим тенденциям их развития, особенностям, интересам и устремлениям различных категорий граждан, особенно молодёжи; принятием руководством страны решений о создании новых элементов системы патриотического воспитания на федеральном уровне и «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части, касающейся функции органов местного самоуправления по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации;

– необходимостью разработки и обоснования комплекса взаимосвязанных, рассчитанных на длительную перспективу мер на межрегиональном и региональном уровнях, обеспечивающих тесную взаимосвязь государственной, региональной и общественной деятельности в процессе патриотического воспитания различных его субъектов, самых различных, в том числе не связанных между собой структур и органов;

– необходимостью разработки и обоснования основных организационных и методических положений, а также форм направлений и сфер патриотического воспитания как системной, эффективно функционирующей деятельности в субъектах РФ и муниципальных образованиях;

– наделением основных субъектов системы патриотического воспитания условиями и ресурсами для эффективного использования качественно новых форм, средств, методов и технологий этой деятельности и достижения ее конечного результата.

Разработка регионального уровня Стратегии вызвана необходимостью качественного выполнения государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» за счёт планирования и осуществления этой деятельности в субъектах РФ и муниципальных образованиях на системной основе. Стратегия является базовым документом по планированию и обеспечению дальнейшего развития системы патриотического воспитания граждан России.

В основе Стратегии лежит представление о приоритете активной, творческой и созидательной жизни человека в процессе социально-экономического развития России в целом и её регионов. При этом учитывается, что патриотическое воспитание – это социально-обусловленное становление личности гражданина, патриота, духовной, нравственной и ответственной за судьбу Отечества, защитника основ бытия в национальной истории, происходящее в процессе осознанной, активной, деятельной социализации и самореализации.

Методологией Стратегии является представление о патриотизме как интегральном духовном факторе длительного действия, пронизывающим отношения личности, общества и государства. В этом отношении патриотизм выра-

жает жизнеспособность общества через обеспечение условий саморазвития каждого индивида, направленности этого саморазвития на сохранение своей самобытности общества и обеспечения его безопасности. Патриотизм проявляется как осознание населением, социальными субъектами объективного стремления общества и каждого человека к своему бытию, устойчивости и безопасности. Указ Президента РФ «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» от 20.10.2012 года подтверждает факт, что патриотизм – это разделяемая государством и обществом мировоззренческая система, направленная на консолидацию общества, на формирование его самосознания, стратегических целей и задач и способная многократно усилить энергию и интенсивность общественной жизни, повысить ее творческую направленность.

Цель патриотического воспитания – развитие в российском обществе высокой духовности и нравственности, социальной активности, гражданской ответственности, воспитание у граждан качеств, необходимых в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных основ и устойчивого развития.

Цель развития системы патриотического воспитания граждан РФ согласуется со стратегией российского общества и государства и является наиболее обобщённой задачей, определяющей: а) тактические установки программ, моделей и проектов патриотического воспитания, разрабатываемых субъектами региональной системы; б) пути удовлетворения ожиданий различных социальных групп регионального сообщества; в) соответствие с задачами государственной политики в сфере патриотического воспитания.

Реализация задач патриотического воспитания граждан Российской Федерации осуществляется через более частные задачи с учетом специфики субъектов и объектов воспитания, условий, в которых оно проводится, особенностей их решения в экономической, социальной, правовой, политической, духовной и других сферах.

Цель Стратегии развития региональной системы патриотического воспитания детей и молодёжи – формирование новых поколений победителей, доверяющих своей стране, её ценностям, истории, культуре и традициям, вовлечённых в проблемы общественного развития, способных к жизнедеятельности в изменяющемся мире, преодолению вызовов истории и современности, готовых к самореализации, саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации на благо Отечества, обеспечивающих их социальную успешность, ответственность перед семьёй, обществом и государством, занимающих активную гражданскую позицию.

Целью Стратегии является создание эффективно действующей региональной системы формирования патриота Отечества на основе объединения усилий органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, других государственных организаций, общественных объединений, координации и направления их работы на все социальные и возрастные группы населения и семью – основу общества.

В качестве задач, решение которых обеспечивает достижение данной цели, *реализация стратегии предусматривает:*

а) приоритетность патриотического воспитания в сфере политики региональных органов исполнительной власти, прежде всего в образовательно-воспитательной системе области;

б) усиление ответственности органов исполнительной власти за воспитание гражданина, патриота Отечества;

в) расширение состава субъектов патриотического воспитания, создание и совершенствование нормативно-регуляционной базы их деятельности;

г) совершенствование структурного и функционального взаимодействия органов законодательной, исполнительной и судебной власти, научных и образовательных учреждений, общественных объединений, координация их деятельности в решении задач патриотического воспитания;

д) ориентацию системы патриотического воспитания на конкретные условия жизнедеятельности различных категорий населения, их социокультурные, образовательные, возрастные и иные особенности;

е) воспитание граждан в духе готовности к защите Родины, выполнению воинского долга, активной трудовой деятельности и возрождению полноценной семейной жизни.

Таким образом, Стратегия предусматривает мобилизацию всех возможностей, прежде всего тех, которыми обладает государство, в деле социального становления и патриотического воспитания граждан.

Учитывая, что одним из важнейших с точки зрения инновационного развития сохраняющихся у России конкурентных преимуществ является человеческий капитал, Стратегия как способ концентрации и эффективного использования ресурса патриотизма в отличие от существующих концепций, моделей, проектов и программ направлена на реализацию системного подхода в патриотическом воспитании детей граждан РФ за счёт моделирования, проектирования, конструирования, внедрения и освоения пространства патриотической жизнедеятельности, особенно подрастающим поколением, в котором органически взаимосвязаны теория и практика, обучение, воспитание и социальные практики различных групп населения. Инновационная направленность Стратегии определяется миссией региональной системы патриотического воспитания.

Чтобы объединить усилия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, скоординировать и направить их работу на все социальные и возрастные группы, семью, нужна единая государственная политика в области патриотического воспитания граждан России и, соответствующая этой политике, государственная система патриотического воспитания граждан, способная консолидировать и координировать эту многоплановую работу.

Создание такой системы предполагает консолидацию деятельности всех органов исполнительной власти, научных и образовательных учреждений, общественных объединений в соответствии с Концепцией патриотического воспитания граждан Российской Федерации, программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», долгосрочными целевыми программами субъектов РФ,

Система патриотического воспитания *включает в себя* соответствующие государственные учреждения (в т.ч. органы по управлению системой), научную и нормативно-правовую базу воспитательной, образовательной и массовой просветительской деятельности, а также комплекс мероприятий по формированию патриотических чувств и сознания граждан Российской Федерации.

Система патриотического воспитания охватывает все уровни воспитательной деятельности, начиная с семьи, дошкольных и общеобразовательных учреждений, учреждений культуры, СМИ, спорта трудовых, воинских и иных коллективов, общественных объединений и заканчивая высшими органами государства. Она предполагает организацию мероприятий патриотической направленности как на федеральном и региональном уровнях, в отдельных коллективах, так и проведение индивидуально-воспитательной работы с отдельно взятой личностью.

Особое место в системе патриотического воспитания занимает *семья* как начальное звено системы. Именно в семье начинается процесс воспитания личности, формирование и развитие патриотизма, а в дальнейшем продолжается в образовательно-воспитательных, трудовых, воинских коллективах, культурно-просветительских учреждениях, в общественных объединениях.

В системе патриотического воспитания важнейшей составляющей является *массовая патриотическая работа*, организуемая и проводимая на постоянной основе государственными органами, при активном участии средств массовой информации, представителей научных и творческих союзов, ветеранских, молодежных и других общественных организаций, основных религиозных конфессий страны.

Система патриотического воспитания *призвана* обеспечить целенаправленное формирование у граждан активной позиции, способствовать всемерному включению его в решение общегосударственных задач, создавать условия для развития у граждан государственного мышления, стремления и готовности действовать в соответствии с национальными интересами России. Она должна подготовить молодежь и побудить представителей других поколений к такому характеру активной деятельности, в которой знания и жизненный опыт соединяются с позицией гражданского долга и сопричастностью с судьбой Отечества, личные интересы с общественными.

Необходимость создания и развития системы патриотического воспитания декларируется во многих нормативных документах, программах, проектах, научных и популярных публикациях, посвященных проблеме позитивно ориентированного развития и активной социализации подрастающего поколения. Однако в российском обществе до сих пор отсутствует концептуальное видение решения проблемы патриотического воспитания и стратегия осуществления этой деятельности в рамках функционирования принципиально новой системы, адаптированной применительно к изменившимся условиям.

Причина этого не только в отсутствии научных подходов, анализа многосторонней, нередко сомнительной практики патриотического воспитания, осуществляемого самыми различными субъектами, в том числе и не имеющими к нему прямого отношения, но и в резком ослаблении, минимизации управления и даже координации важнейшими звеньями и механизмами в процессе организации этой деятельности. Ещё более важным и, *пожалуй, главным негативным фактором является то, что на протяжении уже многих лет не преодолена дискредитация не только существовавшей десятилетиями практики патриотического воспитания, но и самой идеи формирования и развития личности гражданина-патриота.* По-прежнему остается преданным забвению богатейший опыт, накопленный в этой сфере, почти ничего не делается для развития новаций и создания современных технологий. Остается за гранью научного переосмысления богатейший исторический опыт зарубежных стран, накопленный в этой сфере, а создаваемые на скорую руку в образовательно-воспитательной практике новомодные и «перспективные» модели необдуманно переносятся на отечественную почву воспитания.

Региональная система патриотического воспитания во многом определяется деятельностью региональной образовательной системы, реализующей федеральные государственные образовательные стандарты, призванной осуществлять воспитание на основе национального воспитательного идеала и базовых национальных ценностей. В широком социокультурном контексте региональная система патриотического воспитания выступает как специально организованный социально-педагогический механизм целенаправленного использования закономерностей развития, воспитания, социализации личности на основе проектирования инновационных моделей.

При этом региональные (как тактические, так и стратегические) цели и задачи патриотического воспитания граждан на региональном и муниципальном уровне, при всей их значимости и приоритетности, находятся в соответствии и соподчинённости (принцип координационно-субординационного взаимодействия) целям и задачам стратегии развития системы патриотического воспитания в Российской Федерации. Этот принцип также предполагает целенаправленность и скоординированность действий всех государственных органов, участвующих в реализации Стратегии. Такая реализация предусматривает выполнение системы последовательных, взаимосвязанных между собой конкретных мероприятий как регионального, так и межрегионального и федерального уровня, организация и проведение которых возлагаются на конкретных исполнителей.

В органах, организациях, учреждениях и других субъектах патриотического воспитания в регионах, особенно в муниципальных образованиях, главной задачей является создание и обеспечение постоянного функционирования базовых объектов системы, организация и проведение на их основе многоплановой патриотической работы с различными категориями граждан с использованием всего многообразия форм и средств, в зависимости от реальных возможностей и конкретных условий.

Главный смысл всей системы заключается как раз в том, чтобы с помощью уже имеющихся и вновь создаваемых форм, средств, специальных (конкретных) методик, новых технологий обеспечить возможно больший охват граждан, особенно детей и молодежи. Управленческие звенья системы призваны создать необходимые для этого условия как на областном, так и на муниципальном уровне, используя в этих целях не только собственные возможности, но и

ресурсы соответствующих органов власти, министерств, ведомств, государственных и общественных организаций, коммерческих структур и др. Взаимосвязь и взаимодополняемость этих усилий и конкретных мер сверху донизу способны обеспечить функционирование системы в целом.

Функционирование системы основывается на принципе системно-организационного подхода, который предполагает скоординированную, целенаправленную работу всех государственных и общественных структур регионального и муниципального уровня по патриотическому воспитанию граждан. Данный принцип должен обеспечивать максимальный охват воспитательным процессом всех категорий граждан, независимо от возраста, занимаемого служебного, социального и иного положения. Он предполагает активное участие средств массовой информации, проведение постоянной работы по патриотическому воспитанию в учреждениях, на предприятиях любой формы собственности, в органах власти всех уровней, учебных заведениях, общественных институтах, семье и других социальных группах и общностях.

Патриотическое воспитание должно быть плановым, системным, постоянным и одним из приоритетных направлений на всероссийском уровне, в региональной и муниципальной политике в сфере воспитательной деятельности.

Система патриотического воспитания не может оставаться в неизменном виде. Ее изменение и развитие обусловлено как достижениями первоочередных задач системы патриотического воспитания, так и изменениями, происходящими в экономической, политической, социальной и других сферах российского общества, а также новыми вызовами современного мира.

Основные направления развития системы патриотического воспитания граждан, меры повышения эффективности её функционирования

Основные направления *определяются* особенностями переживаемого периода общественного развития, проблемами, решаемыми в процессе осуществляемых преобразований, состоянием гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания граждан, а также его целями и задачами, и призваны обеспечить их выполнение. Они *представляют собой* систему взаимосвязанных мер, реализуемых непосредственно в сфере патриотического воспитания в определенные сроки, осуществляемых соответствующими субъектами, располагающими необходимыми возможностями и ресурсами.

Комплекс системных мероприятий предусматривает охват патриотическим воспитанием основных категорий граждан, особенно молодёжи. При этом основной упор делается на участие в этой деятельности органов всех ветвей власти, особенно ключевых органов исполнительной власти, прежде всего Министерства образования и науки России, Минкультуры России, СМИ, Минобороны России и др.

Структурно направления развития системы патриотического воспитания подразделяются на две основные составляющие. **В первую из них** включены направления, призванные поднять эффективность деятельности по гражданско-патриотическому, духовно-нравственному, историко-патриотическому, культурно-патриотическому, военно-патриотическому и другим подсистемам воспитания на более высокий уровень, решить накопившиеся проблемы, создать лучшие условия для ее осуществления, новые, более оптимальные возможности для формирования личности гражданина – патриота России.

В современных условиях особое место в развитии системы патриотического воспитания занимает её ***инновационный компонент,*** представляющий собой технологию комплексного обеспечения деятельности в этой сфере основных субъектов в соответствии с определёнными целями. Особое значение в обеспечении инновационности развития системы патриотического воспитания имеет создание региональных кластеров, т.е. – организация социально-педагогического процесса от разработки методологии деятельности и логического построения содержания воспитания во взаимосвязи с новыми технологиями, которые определяют способ взаимоотношения субъектов регионального пространства между собой.

Региональная система патриотического воспитания тесно взаимосвязана с региональной образовательной системой, реализующей федеральные государственные образовательные стандарты, осуществляющей воспитание на основе национального воспитательного идеала и базовых национальных ценностей. В широком социокультурном контексте региональная система патриотического воспитания выступает как специально организованный социально-педагогический механизм целенаправленного использования закономерностей развития, воспитания и социализации личности на основе проектирования инновационных моделей.

Одним из перспективных направлений реализации сценария динамичного развития России является стимулирование и поддержка процессов активного формирования «инновационных центров развития» и воспроизводства человеческого капитала. Важнейшей формой такого центра в регионе, нацеленного на интеграцию новых идей, технологий и человеческого потенциала может стать региональный кластер патриотического воспитания детей и молодёжи – структура интеграции, упорядочения и синхронизации функционирования разобщенных субъектов образования, культуры, молодёжной политики, общественных организаций патриотической направленности и т.д.

Преимущества от реализации кластерного подхода к процессу инновационного развития региональной системы патриотического воспитания вытекают из основных интегративных свойств кластерных структур: возможности реализовать целевые принципы планирования и управления, комплексного решения задач развития муниципальных и институциональных систем патриотического воспитания с учетом их ресурсного, социального и экономического потенциала; получения синергических эффектов от координации и кооперации во взаимодействии различных учреждений и организаций.

Использование кластерного подхода при разработке стратегии инновационного развития региональной системы патриотического воспитания предполагает концептуальное обоснование проектирования, планирования и процесса реализации, а также методических рекомендаций по основным направлениям деятельности субъектов. Это необходимо, чтобы обеспечить сопоставимость и корректную интеграцию региональной стратегии патриотического воспитания с общей стратегией патриотического воспитания граждан РФ, разрабатываемой в настоящее время, определить место кластерной стратегии в развитии патриотического воспитания в контексте реализации динамичного сценария развития страны, а также роль инновационных институциональных структур в достижении приоритетных целей и решении проблем развития региона.

Вторая составляющая развития системы включает основные направления самого патриотического воспитания, среди которых выделяются: ***историческое, духовно-нравственное, культурное, социальное, научно-теоретическое, правовое, образовательное, военное, спортивно-оздоровительное, взаимодействие с регионами и координация их деятельности в воспитании детей и молодежи.*** В каждом из этих направлений представлено все многообразие как традиционных, так и инновационных форм работы по развитию духовности, нравственности, гражданственности и патриотизма в ряде регионов России.

Основное содержание деятельности, осуществляемой по этим направлениям, сфокусировано на формировании у граждан, прежде всего у подрастающего поколения исторической памяти, уважения к героической и драматической истории страны, высокой образованности, культуры, духовности, любви к России, конкретном наполнении патриотической идеи, особенно в связи с ценностями и интересами общества, государства, личности, гражданской ответственности, готовности к достойному служению Отечеству и защите в случае необходимости суверенитета, государственной целостности и национальных интересов Российской Федерации.

Малик Е.Н.[1]

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *модернизация, молодежь, молодежная организация и объединение, государственная молодежная политика, федеральное законодательство, законопроекты.*

Keywords: *modernization, youth, youth organizations and associations, state youth policy, the federal legislation, bills.*

Проект «консервативной модернизации» современной России вызывает сегодня все возрастающий интерес среди ученых, публицистов, представителей гражданских инициатив, профессиональных государственных служащих. Причина этого – в стремлении превратить Россию в передовую мировую державу, отвечающую критериям демократического развития. В условиях глобального социально-экономического кризиса эффективная модернизация страны возможна исключительно на основе сотрудничества с развивающимся гражданским обществом Российской Федерации.

Смысл новой для России модернизации «консервативного толка» видится в том, чтобы гражданское общество вышло из состояния стороннего наблюдателя по отношению к реформам. В современных условиях совершенно недостаточно, чтобы общественные круги ограничивались критикой, хотя бы и конструктивной, происходящих изменений в политике, экономике или культуре. «Прежде гражданские объединения, формализованные или неформальные, были носителями и продолжателями вековых традиций. Теперь же они должны стать одним из интеллектуальных и творчески активных центров консервативной модернизации»[2] [Вайнштейн, 2011, с. 166].

Важнейшей задачей реализации современного проекта модернизации Российской Федерации, является сохранение устойчивости политической системы с одновременным развитием демократических практик, расширением возможностей и форм политического участия граждан страны.

Глобальные тенденции убедительно показывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. Сегодня в России численность молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет примерно 33,23 миллиона человек.

Общеизвестен тот факт, что для России модернизация нередко оборачивалась «не только стремительным рывком вперед, но и тяжелыми издержками и потерями»[3]. Оценивая модернизационные практики становления политической субъектности молодежи за последние 20 лет, выделим этапы модернизации в России:

1) модернизация, осуществляемая в 1990–1995 гг., может быть названа *«модернизацией прорыва»;*

2) модернизация 1996–1999 гг. может характеризоваться как *«модернизация сознания широких масс населения»*. К концу второго модернизационного этапа молодежь сделала свой политический выбор. Социологические исследования, проведенные в России в 1999 г., показали, что молодое поколение в большинстве принимает идеи демократического общества, свободу мнений, свободу выбора собственного пути;

3) *«стабилизирующая модернизация»*, стала формироваться с начала нового века и продолжалась до 2005 г.;

4) в настоящее время, точнее с 2005 г., идет становление этапа «*консервативной модернизации»*. Главными ценностями для молодых людей являются учеба, образование, семья, дети, дом, работа и карьера. С точки зрения форм политического участия наивысший рейтинг получили выборы. Самыми низкими рейтингами отличились такие формы политического участия, как обращения, петиции, участие в забастовках и деятельности политических партий.

Аргументировано, что молодежь России как наиболее восприимчивая и мобильная часть социума поддерживала прогрессивные реформы и претворяла их в жизнь. Патриотические устремления молодежи развивали науку и промышленность, обеспечившие рост экономики и улучшение качества жизни.

Новые вызовы, связанные с изменениями на мировой арене, новые цели социально-экономического развития России требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики.

Приоритеты Российской Федерации ориентированы на укрепление воспитательной роли семьи, общества и государства. Российская молодежь все ярче демонстрирует активную позицию по развитию гражданского общества, формируются механизмы создания молодежью общественных благ. Следовательно, особое место в проекте «консервативной модернизации» будет принадлежать молодым поколениям российских граждан. Любой модернизационный проект – это длительный процесс, его конкретные плоды и результаты едва ли станут заметны в ближайшее время.

---

[1] Малик Елена Николаевна – к.полит.н., доцент кафедры политологии и государственной политики РАНХиГС, г. Орел. E-mail: malik57-elena@mail.ru

[2] Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна. 2011. – С. 166.

[3] Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия – 2050. Стратегия инновационного прорыва. – М., 2010. – С. 71–72.

Поэтому именно современная молодежь составит кадровое ядро модернизаторов, неся ответственность за содержание и итоги реформаторских начинаний.

Как уже отмечалось, прежние проекты модернизации России не обходились без участия молодых граждан. Однако характер этого участия зачастую был противоречив и носил драматический характер. Так, в 90-е годы молодежь фактически выпала из поля зрения государства, попав в сферу идейного влияния криминала, наркотизации, деструктивных неформальных движений, тоталитарных сект. Молодежь не смогла стать субъектом преобразований, а ее энергию и бескомпромиссность использовали в своих целях радикальные политические силы. Итогом было превращение молодежи из активного участника преобразований в демографический ресурс политических элит, подвергаемый воздействию манипулятивных технологий. Отсюда возникает феномен так называемых «потерянных поколений», находящий выражение в нигилизме и социально-политической апатии молодежи.

Долгое время только молодежные организации патриотической и гуманитарной направленности занимались социализацией молодежи, развивали в молодежной среде традиционные ценности российского общества. В настоящее время перед государством и институтами гражданского общества стоят острые задачи по организации эффективного включения молодежи в социальные и политические практики, созданию наиболее благоприятных условий для самоопределения и самореализации молодой личности.

Исходя из принципа субъектности молодежной политики, следует выделить два основных ее вида:

1) Первый вид – «государственная молодежная политика», где субъектом выступает государство в лице его институтов или специальных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с развитием человека (образование, культура, физическое развитие, труд, досуг и т.д.). У государства имеется возможность использовать в своей молодежной политике такие важные ресурсы как:

– общенациональная идеология – система взглядов, идей, в которых выражается отношение к существующим в обществе проблемам и противоречиям;

– система права, нормативно закрепляющая базовые параметры идеального проекта (образа) молодежной когорты, отвечающего вызовам истории и потребностям развития общества в целом.

2) Второй вид – «публичная (общественная) молодежная политика», в которой субъектом являются различные политические партии, профсоюзы, бизнес-сообщества, СМИ, молодежные объединения и инициативные группы, сами молодые граждане.

Важно отметить, что различные общественные силы могут выстраивать молодежную политику, исходя из собственных ресурсов. Молодежная политика политических партий, общественных объединений ограничена их правовыми возможностями, но имеет важное направление развития, состоящее в том, что вырабатывается некая идеальная модель (нормативный образ) молодого человека, молодежи, которую организация (корпорация) стремится представить всему обществу как эталон[1].

В связи с началом «консервативной модернизации» резко повышается социальная ответственность гражданского общества и государства за судьбу российской молодежи. Последняя должна стать активным участникам судьбоносных преобразований. Однако для этого требуется и идеологическая основа, и нормативно-правовая база, создаваемая государством. Поэтому концентрация усилий государственной власти и гражданского общества находит выражение в форме государственной молодежной политики.

Совокупность указанных факторов обусловливает необходимость консервативной модернизации государственной молодежной политики, соответствующей современным реалиям и новым вызовам времени. Стратегическим приоритетом здесь является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, неравнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям.

Собственно о государственной молодежной политике можно говорить с момента возникновения и нормативно-правовой базы, и системы органов отраслевых специализированных органов государственного управления.

В 90-е гг. XX в. в постсоветской России продолжался процесс формирования законодательства о государственной молодежной политике. Стоит отметить, что в это время делались попытки определиться с концепцией формирования законодательства Российской Федерации о государственной молодежной политике. Однако этот процесс отличался непоследовательностью и определенной сумбурностью. Органы власти так и не смогли реализовать на практике основные статьи Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (который практически утратил свое значение после распада СССР. Целью государственной молодежной политики в СССР было обозначено создание социально-экономических, организационных, правовых условий и гарантий для социального становления и наиболее полной самореализации молодых граждан в интересах всего общества. Его действие официально прекращено с 1 сентября 2013 г. в связи с принятием закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г.) и принять новый законодательный акт «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», призванный учесть произошедшие изменения в политическом и социально-экономическом устройстве нашего государства.

Данный закон должен был заложить правовые основы для становления и осуществления государственной молодежной политики в постсоветской России. По замыслу разработчиков, необходимо было на законодательном уровне выработать основные цели, основополагающие принципы и главные направления государственной молодежной политики для новой России с учетом тех преобразований, которые в ней произошли. Государственная молодежная

[1] Елисеев А.Л. Кадровое обеспечение реализации государственной молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. – № 3. – С. 80.

политика должна опираться на конституционные положения, что обеспечит ее действенность и стабильность, с одной стороны, и возможность к совершенствованию – с другой.

Для нормального функционирования государственной молодежной политики необходимо создание действенных конституционно-правовых положений по работе с молодежью и механизмов их осуществления. Важнейшим документом, призванным регулировать государственную молодежную политику должна являться Конституция РФ. Однако в самом тексте Конституции отсутствует упоминание о государственной молодежной политике, что сказывается на формировании законодательной базы в данном вопросе и вносит определенные противоречия в практику осуществления молодежной политики в условиях модернизации страны.

Сегодня в России приняты и действуют многочисленные нормативно-правовые акты, содержащие положения об обеспечении гражданских прав и соблюдении интересов молодого поколения. Вместе с тем все острее становится вопрос о необходимости принятия единого федерального закона, регулирующего основные аспекты положения молодежи в современном российском обществе.

Современная российская действительность демонстрирует тот факт, что региональный уровень правового регулирования государственной молодежной политики становится доминирующим и во многом опережает федеральный по некоторым позициям в данной области. Сегодня в российских регионах создается собственная нормативно-правовая база в сфере молодежной политики (см. табл. 1), вопросы организации работы с молодежью находят отражение в конституциях (уставах), законах и подзаконных актах субъектов РФ. Базовые законы о молодежной политике действуют в 72 субъектах Российской Федерации, но в 13 отсутствуют: (Белгородская область, Забайкальский край, Мурманская область, Республика Калмыкия, Новгородская область, Смоленская область, Чукотский автономный округ, Ульяновская область, Пермский край, Республика Крым, город федерального значения Севастополь)[1].

Таблица 1

Региональное законодательство в сфере государственной молодежной политики в Российской Федерации»

Наименование регионального закона о государственной молодежной политике	Наименование субъекта РФ
«О молодежи»	город Москва, Рязанская и Челябинская области, Республика Коми
«О молодежи и государственной молодежной политике»	Калужская и Ленинградская области, Республика Татарстан
«О молодежи и молодежной политике»	город Санкт-Петербург, Архангельская область
«О государственной молодежной политике»	Амурская, Астраханская, Волгоградская, Вологодская, Иркутская, Калининградская, Камчатская, Кировская, Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская, Московская, Оренбургская, Сахалинская, Свердловская, Тверская и Томская области, Республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия) и Тыва, Удмуртская и Чувашская республики, Краснодарский и Красноярский края, Ямало-Ненецкий автономный округ
«О молодежной политике»	Владимирская, Ивановская, Костромская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Саратовская, Тамбовская, Тюменская, Читинская, и Ярославская области, Республики Башкортостан и Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкасская республики, Приморский и Ставропольский края, Еврейская автономная область
«О государственной региональной молодежной политике»	Алтайский край
«О региональной государственной молодежной политике»	Орловская область
«Об основах молодежной политики»	Хабаровский край
«Об общих принципах осуществления государственной молодежной политики»	Кемеровская область
«Об основных направлениях государственной молодежной политики»	Брянская область
«О реализации государственной молодежной политики»	Республика Хакасия и Ханты-Мансийский автономный округ
«О государственной поддержке молодежи»	Республика Адыгея
«О государственной поддержке молодежи, молодежных и детских общественных объединений»	Ростовская область

Кроме базовых законов в субъектах РФ действуют региональные законы, регламентирующие отдельные направления государственной молодежной политики:

– государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений,

– государственная поддержка молодых семей,

– государственная поддержка талантливой молодежи,

– обеспечение гарантий молодежи в сфере труда и занятости,

– вопросы государственного содействия предпринимательской деятельности молодежи и т.д.

Комплексный анализ законодательных актов субъектов РФ в сфере государственной молодежной политики показывает, что сегодня имеется достаточно прочный правовой фундамент для ее консервативной модернизации. Вме-

[1] Аничкин Е.С., Коваленко К.Е. Законодательство субъектов Российской Федерации в области молодежной политики: состояние и пути совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. 2014. – № 2 (82). – С. 93.

сте с тем, остается актуальным вопрос системного анализа законов и подзаконных актов субъектов РФ для дальнейшей выработки общего стратегического подхода к формированию и развитию федерального и регионального законодательства в указанном направлении.

Отсутствие единого понимания и нормативного закрепления понятия «государственная молодежная политика», приводит к разнообразной его интерпретации в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации. Таким образом, значимость принятия единого федерального закона в первую очередь обусловлена тем, что сегодня в российском правовом поле нет единого подхода к формированию системы законов, в которых находили бы отражение вопросы государственной молодежной политики.

Модельным законом для регионов Центральной России может стать законопроект «Об основах государственной молодёжной политики в Российской Федерации», разработанный и внесенный **Комитетом по образованию, культуре, спорту, молодёжной политике и туризму** Орловского областного Совета народных депутатов, в частности депутатом П.А. Меркуловым, в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу. Региональный парламент – Орловский областной совет народных депутатов дал ему положительную оценку и поддержал вынесенную законодательную инициативу 4 апреля 2013 года. Далее проект федерального закона № 340548-6 «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» был рассмотрен Советом Государственной Думы 24 октября 2013 г. Концепция проекта получила поддержку в Комитетах Совета Федерации по социальной политике; по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера; по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества. Однако Правительство Российской Федерации вновь, как и в предыдущих случаях, не считает нужным поддерживать представленный законопроект.

Следует особо подчеркнуть, что данный Закон позволит чётко разграничить, определить и расширить полномочия органов власти всех уровней в данной сфере, и в первую очередь создать продуктивный формат взаимодействия государства с молодёжными общественными объединениями.

Очевидно, что в центре закона о государственной молодежной политике должен находиться сам молодой человек, особенности реализации его конституционных прав и свобод. Данная тенденция требует того, чтобы в законе просматривалась специфика реализации политических, социально-экономических и культурных прав и свобод молодых граждан, были заложены основы обеспечения их соблюдения и осуществления в РФ.

Законопроект предлагает ввести должности Уполномоченного по правам молодежи при Президенте Российской Федерации, уполномоченного по правам молодежи субъекта Российской Федерации, образуемые в соответствии с Указом Президента Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Особое внимание в указанном направлении следует уделить вопросам институционализации молодежного парламентаризма, добровольчества, социального служения молодежи, а также взаимодействию государственных и муниципальных органов управления с молодежными и детскими общественными объединениями и организациями, установлению гарантий их деятельности по вопросам их участия в реализации государственной молодежной политики.

Нельзя не отметить, что из-за отсутствия федерального закона о государственной молодежной политике возникают внутренние противоречия и проблемы, связанные с реализацией норм действующего регионального законодательства в данной сфере. Федеральный закон позволил бы сформировать целостную систему работы с молодежью и унифицировать правые акты субъектов Российской Федерации в данном области.

Так, 26 июля 2013 года Орловским областным Советом народных депутатов был принят проект закона Орловской области № 231-5 «Об основах государственной молодежной политики в Орловской области», который содержит большое количество нововведений, обусловленных современными тенденциями развития общества. Законопроект определяет основные направления работы с молодежью в Орловской области: трудоустройство, трудовое воспитание, квотирование рабочих мест для молодежи и социальная адаптация, меры социальной поддержки молодых семей, талантливой молодежи и молодежных общественных объединений, решение жилищных проблем молодежи, исследование проблем молодежи, а также участие молодежи в формировании и реализации молодежной политики. В целом законопроект приводит региональное законодательство в соответствие с федеральным и основан на многолетнем опыте работы автора данной статьи в госструктурах различного уровня, занимавшихся вопросами реализации государственной молодежной политики в самых различных условиях.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что новый федеральный закон должен закрепить формирование в России единой государственной молодежной политики, предполагающей совместные действия органов государственной власти всех уровней и структур гражданского общества по созданию условий для успешной социализации и воспитания молодого поколения.

Важным итогом закона послужит обеспечение высококачественным образованием молодых граждан, формирование общепрофессиональных и общекультурных компетенций, создание условий для их успешной адаптации к новым российским реалиям. «Вопрос встает о создании эффективной общественно-государственной системы работы с молодежью в России, основанной на партнерстве органов государственной власти, бизнес-сообществ, религиозных организаций, молодежных, детских и иных общественных объединений и др»[1].

Государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности.

[1] Мельников А.В. Молодежные общественные объединения как институт гражданского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. – № 4. – С. 62.

Главным результатом консервативной модернизации государственной молодежной политики должно стать улучшение социально-экономического положения молодежи Российской Федерации и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны.

Павлов Б.С.
д.филос.н., в н.с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru
Бердник Л.П.
к.соц.н., доцент ЧелГУ
soclab@econ.cgu.su
Разикова Н.И.
к.х.н., профессор УрФУ
natigraz@mail.ru
Павлов Д.Б.
магистрант РАНХ и ГС, юрист, АБ «Юралс Лигал»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЁЖИ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: Опыт социологического мониторинга (1989–2016 гг.)

Ключевые слова: *молодёжь, семья, социологический мониторинг, рыночные отношения, воспроизводство населения, человеческий потенциал.*

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т.п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций.

Важнейшей детерминантой всех аспектов социально-экономических отношений в период перехода и развития к рыночным отношениям является усиление региональных начал. Например, региональная молодёжная политика все больше начинает детерминироваться региональными проблемами занятости и трудоустройства населения, миграции, экологии и здоровья, безопасности и порядка, градостроительными проблемами и проблемами малого бизнеса. Каждый российский регион призван создавать свою собственную систему образования, не противоречащую общероссийской, со своими структурами, системами финансирования и управления, для выполнения конкретных социальных целей. *Регионализация становится «социальным заказом» общества.*

Понятие «регионализация» [*от латинского regionalis – местный, областной*] на макроуровне трактуется как развитие и укрепление различных связей между областями или государствами, расположенными в одном регионе, возникновение региональных объединений [1, с. 686]. Необходимость формирования собственных региональных интересов, собственной региональной политики практически во всех значимых сферах жизнедеятельности населения детерминируется в настоящее время тенденцией на усиление роли субъектов Федерации, делегируемой им Центром. В этом состоит объективная политическая предпосылка формирования региональной политики. В качестве экономической предпосылки выступает характер финансирования субъектов Федерации федеральным центром *(его недостаточность и нерегулярность),* что вынуждает регионы в первую очередь рассчитывать на собственные ресурсы.

Помимо этого, опыт последних лет показал, что надежды исключительно на внешних инвесторов инновационной деятельности в большинстве российских регионов весьма призрачны. Существует также и *информационная предпосылка*. Выяснилось, что развитию инновационной деятельности в регионе препятствуют весьма низкий уровень знаний хозяйствующих субъектов в области трансфера технологий, отсутствие квалифицированных специалистов для проведения этой работы. Наконец, неразвитость или отсутствие соответствующей инфраструктуры в регионе, выражающей его интересы в инновационной деятельности, отсутствие регионального законодательства в этой сфере также являются сдерживающими факторами региональной политики – квалифицируем её как *организационно-правовую предпосылку.*

* * *

Авторы публикации – уральские социологи. Сегодня мы знакомим читателя с некоторыми аспектами нашей социологической деятельности в городах и поселениях этого российского региона. За более чем сорокалетний период *(начиная с 70-х годов прошедшего столетия)* авторами (под непосредственным руководством и с личным участием) реализовано более 300 комплексных социологических проектов. Опрошены многие десятки тысяч россиян. Респондентами уральских социологов в разные годы были молодые рабочие и ветераны труда, школьники начальных классов и профессора вузов, подростки-девианты и блюстители правопорядка, молодые матери и бездомные бродяги, аполитичные обыватели и закоренелые политики.

Начнем с краткой исследовательской визитной карточки. О том, чем занимались и занимаются на Урале авторы этих строк в последнее десятилетие можно составить представление по краткой выборочной паспортизации некоторых наиболее значимых социологических проектов, реализованных уральскими социологами с начала XXI в.

Год проведения опроса, местность, число, статус и занятия респондентов	**Основная цель, задачи и публикации по результатам проекта**
1999-2000 гг. На шести российских территориях *(Свердловская и Челябинская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, гг. Самара и Чита*) проведён опрос 1640 взрослых родителей, воспитывающих сына или дочь-подростка в возрасте 14-17 лет. – ***«Урал-1999».***	Анализ особенностей отношений поколений «отцов и детей» на трудном этапе подросткового общения на разных географических территориях России. Выявление ценностных ориентаций родителей и детей в сфере школьного обучения, матримониального поведения – условное обозначение **»** [2, 3].
2000 г. опрос в г. Нижнем Тагиле, 2000 горожан – представителей основных дееспособных групп населения, в том числе рабочих и служащих НПК «Уралвагонзавод» и **ЕВРАЗ Нижнетагильского металлургического комбината.** ***«Урал-2000»***.	Изучение трансформации общественного мнения населения г. Нижнего Тагила в связи с планируемым строительством производства, существенно осложняющего экологическую обстановку в регионе, тт.н. ***«Стана-5000»*** [4].
2001 г. Опрос 1000 жителей Челябинской области на радиационно загрязнённых территориях ВУТРЗ[1]: Багаряка, Большого Куяша, Муслюмово, Нового Курманово, Саккулово, Татарской Караболки, Тюбука и Худайбердинского – ***«Урал-2001».***	Определялась эффективность реабилитационной политики на Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения.
2003 г. В пяти российских городах *(Екатеринбург, Надым, Нижневартовск, Челябинск, Чита*) проведён опрос 2.900 молодых супругов. В числе опрошенных 1020 чел. на момент опроса были бездетными, 1200 чел. – имели 1 ребёнка, 680 чел – двух детей – ***«Урал-2003».***	Изучались аспекты адаптационного поведения супружеских пар по мере рождения детей. Выяснялись ориентации супругов на укрепление семейных уз, профилактику ссор и супружеской неверности [5].
2004 г. В восьми городах Российского Севера *(Лангепас, Когалым, Мегион, Ханты-Мансийск, Югорск, Радужный, Покачи)* были опрошены 580 посетителей служб занятости; б) 60 работников (специалистов) городских служб занятости и в) 110 работодателей – ***«Урал-2004»***.	Изучались проблемы трудозанятости и безработицы в северных нефтяных городах России. Анализировались проблемы становления системы социального партнёрства на городских (территориальных) рынках труда.
2004 г. В ряде городов Свердловской и Челябинской областей были опрошены 520 лиц с трудной жизненной ситуацией (ТЖС) – «бомжей» – ***«Урал-2004-А»***.	Изучались проблемы социальной реабилитации этой категории горожан [6; 7].
2004 г., в 38 уральских городах по квотной выборке и «зеркальным» анкетам были опрошены 370 бизнесменов – ***«Б»*** и 360 чиновников – ***«Урал-2004-В»***.	Анализировались вопросы муниципального управления развитием малого и среднего бизнеса, затрагивались вопросы зарождения и воспроизводства феномена «коррупционности» [8].
2005 г. Опрос 1530 жителей на радиационно загрязнённых территориях в 12 населенных пунктах Челябинской области (Багаряк, Тюбук, Большой Куяш, Татарская Караболка, Муслюмово, Новое Курманово, Худайбердинский, Саккулово, Метлино, Новогорный, Русская Теча, Бродокалмак) – ***«Урал-2005»***.	Определялась эффективность реабилитационной политики на ВУТРЗ. Дополнительно были опрошены 28 экспертов – руководителей и специалистов муниципальных образований на территориях Челябинской области, подвергшихся радиационному воздействию.
2005 г. гг. Екатеринбург и Иваново был проведён опрос 500 абитуриентов, 510 курсантов и 250 экспертов четырёх военизированных вузов подведомственных МЧС России – ***«Урал-2005-А»***.	Основная задача проекта: выявление особенностей подготовки специалистов в сфере профессиональных рисков, и их дальнейшей адаптации к жизненно опасным видам трудовой деятельности [9].
2006 г. В 37 микрорайонах г. Екатеринбурга проведён опрос 4.000 взрослых жителей – представителей различных социальных групп – ***«Урал-2006»***.	Основная цель – выявление мнения горожан о целесообразности территориального размещении строительства новых служб быта в селитебных районах города-миллионника [10].
2006 г. – опрошено 1020 жителей (в возрасте 18 лет и старше) четырех населенных пунктов, расположенных на берегу реки Теча – Муслюмово, Бродокалмака, Русской Течи, Нижнепетропавловского ***«Урал-2006-А»***.	В мониторинговом режиме определялась эффективность реабилитационной политики на ВУТРЗ, роли в ней ПО «Маяк».
2007 г. В 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей опрошено четыре категории респондентов: а) учащиеся старших классов городских школ – 900 чел. и б) – сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) специалисты властных структур, преподаватели школ – 220 чел. – ***«Урал-2007»***.	Анализировались условия и возможности городской и сельской молодёжи на Урале в сбережении своего здоровья, формировании физической культуры молодых людей, их ориентации на здоровый образ жизни и здоровьесберегающие формы жизнедеятельности [11].
2008 г. в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодёжной среде – ***«Урал-2008»***.	Основная проблема проекта: выявление условий, факторов и обстоятельств расширенного воспроизводства девиантных проявлений в среде городских подростков, поиск адекватных форм профилактики и реабилитации их противоправного поведения [12].
2009 г. В ряде городов Свердловской и Тюменской областей был проведён опрос 490 подростков – воспитанников детских домов и 260 экспертов – ***«Урал-2009»***.	Анализировались актуальные социально-экономические проблемы организации общественного (внесемейного) воспитания детей и подростков.
Октябрь 2009 года проведён опрос 1000 студентов II-VI курсов дневной формы обучения Челябинского государственного университета (ЧелГУ) – ***«Урал-2009-А»***.	Основной предмет исследования – мнение студентов о качестве образования, получаемого ими в ЧелГУ.

[1] ВУТРЗ – Восточно-Уральская территория радиоактивного загрязнения.

2010 г. Опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах – ***«Урал-2010»***.	Предмет исследования − уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре [13].
2011-2012 гг. Опрос пяти категорий респондентов: а) 1000 студентов IV-V курсов 7 уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск)[1]; б) 250 преподавателей этих вузов; в) 600 молодых специалистов (выпускников вузов)[2] с предприятий реальной экономики Урала; 150 руководителей[3] этих же предприятий (подразделений); 100 – специалисты в сфере социальных наук – ***«Урал-2012»***.	Проект предполагал выявление теоретических, методических и организационно-финансовых ресурсов активизации инновационного развития системы высшего профессионального образования на Урале. Особый упор в исследовании делался на процесс воспроизводства дееспособного инженерного корпуса в реальном секторе экономики.
2013 г. По квотно-представительным выборкам были опрошены 250 подростков города-ЗАТО Лесной и 510 подростков 15 школ Кировского района г. Екатеринбурга – ***«Урал-2013»***.	Основная цель исследования – анализ процессов сбережения и развития физической культуры школьной молодежи в уральских городах с различным уровнем развития социальной инфраструктуры.
2013 г. В семи научно-исследовательских институтах УрО РАН были проведены опросы 550 научных сотрудников – представляющих группу полных, зрелых, детных уральских семей и 200 преподавателей ряда вузов Урала и Подмосковья – ***«Урал-2013-А»***.	Основная цель проекта: выявление наиболее продуктивных компонентов семейной жизнедеятельности научных сотрудников, способствующих расширенному воспроизводству интеллектуального потенциала в детях.
2014 г. По квотной выборке в семи институтах Уральского федерального университета (УрФУ) проведены опросы 500 студенток, готовящихся стать инженерами на предприятиях Урала – ***«Урал-2014»***.	Анализировались основные проблемы и особенности процесса профессиональной социализации молодых женщин Урале, их потенциальные возможности и намерения в сфере профессионального труда и репродуктивного поведения [14].
2015 г. По квотной выборке в семи институтах УрФУ проведены опросы 450 студентов, готовящихся стать инженерами на предприятиях Урала ***«Урал-2015***)..	По целям и задачам опрос являлся расширенным мониторингом проекта ***«Урал-2014»***.
2016 г. рамках *«инженерной»* проблематики в Свердловской области были реализованы два социологических проекта : – а) опрос 1200 молодых инженеров на 11 промышленных предприятиях региона (ОАО «НТМК ЕВРАЗ» (430 чел.), ОАО «СТЗ» (200 чел.), ОАО «НСММЗ» (45 чел.), АО «НПО Автоматики» (170 чел.) и др.); б) опрос 300 экспертов из ряда Институтов отраслевой и вузовской науки – ***«Урал-2016».***	Проведению исследование предпосылался ряд задач, в частности: а) выявление путей и средств повышения эффективности профессиональной социализации студенческой молодёжи на Урале; б) анализ социально-экономического самочувствия молодых инженеров в условиях промышленного производства; в) обоснование гендерного аспекта подготовки инженерных кадров и др.
2016 г. – в шести институтах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1600 студентов. Опросы проводились в рамках договоров о творческом сотрудничестве учреждений-участников проекта – ***«Урал-2016-А».***	Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей.

В завершение приведённого перечня, считаем необходимым добавить следующее:

Во-первых, все исследования выполнялись с соблюдением всех общепринятых в практической социологии условий выборки, подготовки инструментария и социологического поля, а также последующей обработкой эмпирической информации.

Во-вторых, результаты и выводы исследований, по мере их осуществления предоставлялись социологами в распоряжение соответствующих заказчиков для принятия последующих управленческих решений.

И, *в третьих,* выставив *«на общее обозрение»* паспорта ряда своих исследований, авторы надеются на возможный интерес читателей из других регионов РФ к последующему профессиональному сотрудничеству. В качестве шутливого отступления: наше приглашение напоминает народную прибаутку: *«Приходите свататься, мы не будем прятаться»…*

* * *

Представленные краткие паспорта 23-х проектов, естественно являются, хотя и существенной, но весьма малой долей в тех сотнях проектах, которые нами реализованы на Урале с 70-х годов XX в. по настоящее время. О трёх мониторинговых блоках проектов хотелось бы сказать особо.

Первый блок связан с изучением развития социальных процессов, в частности, с воспроизводством трудового потенциала в северных нефтегазовых городах и посёлках Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В период 1990-2005 гг. реализованы десятки социологических проектов [15; 16; 17;18, 19, 20].

Второй блок исследований был реализован в 1992–2011 гг. в городах и поселениях Урала, население которых пострадало в середине XX века от ряда радиационных аварий. Это, так называемая Восточно-Уральская территория радиоактивного загрязнения (ВУТРЗ). Так же как и в первом блоке – десятки опросов, книг, брошюр…[21;, 22; 23; 24; 25].

Третий блок исследований перманентно реализуется, начиная с середины 70-х годов прошедшего столетия. Его общий лейтмотив – социальное самочувствие семьи и молодёжи в условиях социально-экономических преобразова-

[1] В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

[2] Опрашивались молодые специалисты в возрасте до 30 лет, со стажем работы на данном предприятии не менее 3-х лет.

[3] На предприятиях *(производствах, подразделениях)* опрашивались руководители, в чьём непосредственном подчинении трудились опрашиваемые нами выпускники уральских вузов.

ний. Особым аспектом обозначенной проблемы выступают вопросы повышении и усложнение роли семьи в процессе воспроизводства человеческого потенциала в рамках и условиях конкретного российского региона. Эта проблематика продолжает находиться в поле зрения социологов Института экономики УрО РАН, Челябинского государственного университета и Физико-технологического института УрФУ [26;, 27; 28; 29; 30].

Остановимся на некоторых аспектах трансформации общественного сознания и поведения уральской молодёжи за последние 20–25 лет.

* * *

«Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, – писал Н.Бердяев, – биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая» [31].

По данным мониторинговых опросов Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ за период 1992–2014 гг. *«дороговизна жизни»* для россиян в числе других факторов, провоцирующих тревожность респондентов, снизилась с 70% *(ноябрь 1993 г.)* до 38% *(июнь 2014 г.)*, а *«повышение цен на продукты питания»* соответственно с 40% *(июнь 2008 г.)* до 27% *(июнь 2014 г.)*. В то же время, практически, «остались без изменения» такие факторы, как *«повышение тарифов на услуги ЖКХ»* (с 44% – октябрь 2003 г. до 38% – июнь 2014 г.) и *«разделение общества на богатых и бедных»* – 22%, как в ноябре 1993 г., так и через 21 год – в июне 2014 г.) [15].

За последние 20–25 лет в мониторинговом режиме в целом ряде исследований различным группам респондентов *(в том числе учащимся школ и студентам)* в разных регионах РФ в анкетах нами задавался вопрос: «К *какой категории населения по уровню жизни Вы относите себя, свою семью в настоящее время?»*. Респондентам предлагается оценить уровень своей жизни по четырёхзвенной шкале: а) *«пока живём в полном достатке»* – (сокращённое обозначение варианта – «А»); б) *«имеем средний достаток»* – «Б»; в) *«живём на грани бедности»* – «В»; г) *«живём за чертой бедности»* – «Г». О сравнительном постоянстве социально-экономического самочувствия уральского населения в процессе идущих экономических реформ свидетельствуют приводимые ниже данные в табл. 1.

Таблица 1

Самооценка уровня жизни уральских «взрослых» семей (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию)

Год, число респондентов	География опроса социальные группы[1]	Варианты самооценок			
		А	Б	В	Г
1989 г. 1500 чел	Нижневартовск – взрослые горожане	8	45	28	19
1992 г., 2000чел.	Челябинская обл.- жители ВУТРЗ	3	42	48	7
1994 г. 520 чел.	Надым – взрослые горожане	6	66	25	3
1996 г., 1000 чел.	Свердловская обл. – «электорат»	3	47	42	8
1998 г. 350 чел.	Челябинская обл., «монородительские семьи»	1	25	60	14
1998 г. 455 чел.	Челябинская обл. – семьи с детьми-инвалидами	2	33	59	6
1999 г. 1360 чел	***«Урал-1999»***	3	56	37	3
2000 г., 2000 чел.	***«Урал-2000»***	4	48	41	6
2001 г. 630 чел.	Краснотурьинск – взрослые горожане	2	63	31	4
2004 г., 1000 чел.	Читинская обл. – «электорат»	3	52	39	6
1998 г., 1000 чел.	Свердловская обл. – «электорат»	1,0	41	49	8
2004 г. 1100 чел.	11 городов ХМАО	8	73	17	2
2006 г. 4000 чел.	***«Урал-2006»***	13	61	21	4
2007 г. 650 чел.	Екатеринбург – пенсионеры[2]	1 чел.	29	68	3
2008 г. 490 чел.	***«Урал-2008***	16	78	6	1 чел.
2013 г. 550 чел.	***«Урал-2013-А»***	4	80	15	2 чел.

Обращает на себя внимание определённая «пестрота» социально-экономического самочувствия взрослого населения различных регионов РФ, различных социальных группах на протяжении, практически, целой четверти столетия. Существенно разнится доля «середняков и «бедняков». Несколько выделяются из общего ряда с одной стороны семьи северян, живущие на территориях «нефтяных» и «газовых» городов ХМАО и ЯНАО, с другой, – так называемые, «семьи риска», наиболее социально незащищённые группы семей: монородительские семьи (так называемые, «матери-одиночки») и семьи с детьми-инвалидами.

В необеспеченных семьях (умеренная степень бедности), как правило, удовлетворяются элементарные потребности (как физиологические, так и социальные), но остаются неудовлетворенными потребности более сложного и высокого порядка. «Необеспеченные» более или менее сытно едят (хотя рацион здесь не всегда сбалансирован и питание нельзя считать полностью здоровым), имеют возможности обновлять одежду, лечится, отдыхать. Вместе с тем этот

[1] Опросы, помеченные аббревиатурой, нами уже упомянуты выше в тексте статьи.

[2] Респонденты – клиенты еврейского Благотворительного Фонда «Центра «Хэсэд-Менора»; в возрасте 60 лет и старше – 93%.

уровень жизни не позволяет достичь образцов и стандартов жизни, считающихся в рамках данной культуры нормальными и достойными.

В принципе, социальное неравенство имеет как позитивные, так и негативные последствия для функционирования и развития общества. Исследователи феномена неравенства отмечают, что оно является условием поступательного развития общества, поскольку заставляет людей совершенствоваться, развиваться, бороться. Н.А. Бердяев, например, писал, что неравенство есть могущественное орудие развития производительных сил. Уравнение в бедности, нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил. При этом неравенство, по мнению русского философа, есть условие всякого творческого процесса, социальной инициативы, подбора элементов, «более годных для производства» [31].

Вместе с тем, существуют такие виды социального неравенства, которые ставят большинство населения на грань бедности, общей или хронической нищеты, политической и социальной бесперспективности. Это неравенство – не только результат различных видов «запаздывающей» модернизации, ошибок и методов трансформации, но и мирового разделения богатства и прибыли в рамках капитала всей планеты. В условиях стабильной социально-экономической ситуации феномен «бедности слабых» затрагивает, как правило, относительное меньшинство населения, и при этом ту её часть, которая *не играет,* как правило, решающей роли в общественной жизни. В условиях России этот феномен бедности распространяется на чуть ли не половину населения – *в нашей классификации – это по преимуществу группы «В» и «Г».* При этом она может стать серьезной социальной и политической проблемой при достижении уровня острой нищеты и массовых масштабов. В такой ситуации она превращается в реальную социальную и нравственную угрозу для общества, даже если она оказывается уделом сравнительно небольших и неактивных категорий населения.

Зададимся вопросом: насколько сопрягаются в потребительской деятельности россиян их всё расширяющиеся потребности, с одной стороны, и возможности удовлетворения последних, с другой? Попытаемся сравнить оценки жизненного уровня уральских семей, с так называемых поколенческих позиций «отцов и детей». Другими словами, *«Кто живёт богаче: отцы или дети?».*

В наших исследованиях они фиксировались, с одной стороны, в самооценках, данных родителями и, с другой, в оценках этого же показателя, представленных в оценках их взрослеющих детей. Обратимся вновь к серии наших мониторинговых опросов. Ниже представлены оценки уровня жизни уральских «взрослых» семей с позиций подростков и молодых людей – учащихся старших классов школ и студентов вузов – табл. 2.

Таблица 2

Самооценка учащимися уровня жизни родительских семей (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию)

Год, число респондентов	География опроса	Варианты самооценок			
		А	Б	В	Г
Учащиеся старших классов школ					
1998 г., 770 чел.	Надым (ЯНАО)	34	59	5	2
2005 г. 655 чел.	Краснотурьинск	39	57	3	*1чел.*
2007 г., 900 чел. – горожане	***«Урал-2007»***	46	52	2	*2чел.*
2007 г. 540 чел. – Селяне		53	45	2	*2чел.*
2013 г. 510 чел.	***«Урал- 2013»***	44	51	4	*4 чел*
2013 г. 250 чел.		53	45	2	*1 чел*
Студенты, курсанты					
2005 г., 500 чел.	***«Урал-2005»***	35	62	2	*1чел.*
2008 г., 680 чел.	***«Урал-2008»***	25	70	5	*1 чел.*
2014 г.,- 500 студенток	***«Урал-2014»***	27	69	4	-
2015 г, . 450 студентов	***«Урал-2015»***	41	58	1	-
2016 г., 1500 студентов	***«Урал-2016»***	21	54	8	1

Сравнивая данные таблиц 1 и 2, нетрудно видеть, что молодые люди, учащиеся в школах и вузах, *«живут в значительно более богатых семьях»* чем их родители. *Повышенный материально-экономический «оптимизм молодёжи»*, своеобразный диссонанс в оценке уровня жизни своих родителей *(естественно, и самого себя)* мы связываем с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, взрослеющие дети в полном объёме не включаются родителями в решение тех острых материально-финансовых проблем, с которыми ежедневно (постоянно) сталкиваются взрослые члены семьи. В силу этого, налицо фактор «потребительской некомпетентности» младших членов семьи в сфере экономической деятельности родителей [33].

Скачки 2014–2015 – отражение оценок кризисных явлений в экономике…шаманить…

Есть и *второй* момент. Подростку не всегда приятно «признаваться» окружающим, что он живёт в «бедной» семье. Более престижен в глазах товарищей вариант «проживания в обеспеченной семье», в семье «преуспевающих родителей».

И, наконец, *третий* аспект проблемы «бедности и богатства» следует отнести к разряду наиболее объективных. Он объясняется нарастающим родительским альтруизмом в пользу детей. Нетрудно заметить, что средние и старшие поколения уральцев (в нашем случае, родители взрослеющих детей) более «скромно» *(и, по нашему мнению, более адекватно)* оценивают уровень благосостояния своих семей, чем их сыновья и дочери (учащиеся школ, студенты). Традиционно, *молодёжь относят к слабозащищённой части общества.* Социалистический лозунг «ВСЁ ЛУЧШЕЕ

ДЕТЯМ!», при всём его *фактическом социальном лицемерии* призывал к смягчению социального неравенства между двумя основными потребительскими группами населения: *«работающими»* и *«неработающими»*. В состав второй группы, помимо «е*щё не работающих»* детей, школьников и студентов, входила и группа «уже не работающих» пенсионеров [34].

За последние пару десятилетий, в силу происшедшей существенной трансформации экономических и имущественных отношений «поколений отцов и детей» на уровне семейной общности, состояние *«социальной беззащитности»* молодёжи «на наших глазах» превращается в свой антипод, Речь идёт о формировании *воинствующей потребительской психологии* значительной *(если, не большей)* части молодых людей, в первую очередь, школьников и студентов. *«Кто несёт (нёс в прошлом) основные расходы на Ваше обучение и содержание (питание, одежда, хобби и др. расходы)?»* на этот вопрос в исследовании ***(«Урал-2012)*** были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в порядке очерёдности ответы студентов Уральского федерального университета (УРФУ), Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовского государственного гуманитарного университета (НГГУ) и др.):

– по преимуществу за всё платят (платили) родители	51 / 59 / 60
– часть расходов родители, часть сам респондент	37 / 26 / 25
– за учёбу и своё содержание я плачу сам (а)	9 / 11 / 15
– другой вариант	3 / 4 / -

«Ну и что в этом плохого? – Возразят многие – На то они и родители, чтобы заботиться о будущем своих детей… дать им образование… «вывести в люди». Трудно не согласиться с такой логикой. Однако, забота родителей о профессиональной социализации своих сыновей и дочерей, должна предполагать, очевидно, не только формирование чувства духовной благодарности детей своим родителям…

Студентам и молодым специалистам ***(«Урал-2012)*** предлагалось ответить на вопрос: *«Оцените, как Вы учитесь (учились) в ВУЗе, как относитесь (относились) к занятиям, Ваше прилежание и усердие в учебе»* (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – студенты «Ст» – 1000 чел.; в знаменателе – молодые специалисты «Мс» – 600 чел):

	Ст / Мс
– «на пятерки», успешно	11 / 10
– «на четверки и пятерки»	62 / 67
– «на троечки»	26 / 24
– зачастую получалось хуже троечки	1,6 / 0,5

Судя по самооценкам молодых людей, подавляющее большинство из них (более 70%) довольно усердно и успешно *(«на пятёрки и четвёрки»)* проходят (прошли) курс профессионального обучения. Лишь каждый четвёртый (около 25%) сдавал зачёты и экзамены «на троечки» и, практически, в уральских вузах (опять же, по самооценкам) не было и нет «хвостистов» – вариант – «хуже троечки» (один-два на каждую сотню опрошенных). Вряд ли нужно доказывать, что нарисованная студентами «картина» их усердия к учёбе перенасыщена розовыми тонами. Многочисленные социологические исследования, наша практика работы в двух уральских вузах показывают обратное.

Формирование той или иной компетенции как определяющей профессионально-личностного качества специалиста предполагает актуализацию мотивации студента, его активную, целеустремлённую адаптацию к учебному процессу. О трансформации мотиваций в сфере профессиональной социализации молодых людей на Урале свидетельствуют данные нашего опроса – ***«Урал-2012»***. *«В чем Вы видите основные причины практически «повального» безответственного отношения молодых людей к получению своего профессионального образования?»* – на этот вопрос нам ответили как преподаватели вузов, так и руководители предприятий, производств, подразделений. Вот их мнение по этому поводу (% от общего числа опрошенных» в числителе – преподаватели вузов – 250 чел.; в знаменателе – руководители производств – 150 чел):

– студенты особо не задумываются о своей дальнейшей трудовой деятельности	- 52 / 65
– платное обучение диктует кафедрам и преподавателям снисходительно относиться к нерадивым студентам	- 46 / 43
– у работающих студентов существенно ограничены возможности для серьёзных занятий в вузе	- 33 / 36
– молодые люди поддаются общему настроению – учиться без особого «напряга»	- 30 / 22
– низкая требовательность к студентам со стороны администрации вуза	- 28 / 30
– молодые люди не приучены к труду и трудностям	- 29 / 37
– отсутствие потребности получить серьёзные профессиональные знания	- 25 / 25
– виноваты преподаватели, которые не могут заинтересовать студентов серьёзно относиться к учёбе	- 17 / 17
– студенты надеются и после окончания вуза «сидеть на шее» родителей	- 10 / 10

«Зри в корень!» советовал небезызвестный Козьма Прутков. Отмеченные экспертами причины низкой заинтересованности студентов в качестве своего профессионального образования – это своеобразный компас в проведении модернизации системы высшего образования. И, не только на Урале! [35].

Прожективный вариант дальнейшего жизнеобеспечения нерадивых студентов «продолжать использовать» всё ту же «шею родителей» набрал всего 10%. Заметим, кстати, что в режиме «сидя на шее родителей» высшее образова-

ние на Урале получают сегодня (и получили «вчера») более 50–70% студентов. По мнению экспертов, в жизненных планах предусматривается переориентации «с родительской шеи» на «шею государства», расчёт на благотворительность успешно работающей и «хорошо платящей деньги» трудовой ассоциации, на «доброхота-работодателя. Для молодых женщин с вузовским дипломом – это, помимо всего, стремление и возможность «занять вакансию» жены в семье успешно зарабатывающего деньги – мужа-предпринимателя.

И ещё один небезынтересный факт. Для уральских студентов-«политехов» в анкете ***«Урал-2010»*** был поставлен довольно «щекотливый» вопрос: *«Как Вы думаете, что из перечисленного ниже является грехом, а что – не является?».* Респондентам предлагался список из 21 форм поведения (отношения) в молодёжной среде, относимых в общественном мнении, как правило, к разряду «асоциальных», «деструктивных», «недопустимых» и т.д. При этом, студенту, по нашей просьбе, вменялось по каждому из 21 варианту дать свою оценку: это – *«Грех»* или *«НЕ Грех»*. Вот как распределилось мнение наших респондентов. Ниже мы поместили оценки различных деяний, относимые студентами к разряду «негрешных» и, соответственно, допустимых для себя и окружающих (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – мужчины – чел., в знаменателе – женщины – чел.):

– гомосексуализм	- 35 / 62
– аборт	- 34 / 23
– проституция	- 42 / 34
– измена (жене/мужу)	- 43 / 35
– употребление легких наркотиков	- 56 / 49
– пьянство	- 62 / 55
– курение	- 78 / 76
– употребление в разговоре матерных слов	- 79 / 74
– половые отношения до вступления в брак *(для девушки)*	- 86 / 88
– половые отношения до вступления в брак *(для юноши)*	- 95 / 90
– сокрытие доходов от налоговой инспекции	- 90 / 87
– нарушение правил дорожного движения	- 93 / 87

Для заинтересованного и компетентного читателя, приведённые выше данные, наш взгляд, являют серьёзный предмет для размышлений о состоянии не только духовной культуры и морали передового, *наиболее образованного* отряда российской молодёжи – студенчества. Эти данные позволяют прокинуть прожективный мосток от ценностных ориентаций студентов к возможным «культивируемых» ими «греховным» потребностям и, далее, к поиску услуг, «помогающих» удовлетворить ту или иную потребность.

А как меняется материальное положение и экономическое поведение неженатых и незамужних детей после посещения ЗАГСа, сопровождаемое маршем Мендельсона? Обратимся к нашим опросам молодых семейных уральцев-родителей. Как оценивают уровень своей жизни молоды папы и мамы на Урале? – табл. 3.

Таблица 3

Самооценка молодыми супругами уровня жизни своих семей (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию)

Год, число Респондентов	География опроса,	Варианты самооценок			
		А	Б	В	Г
Молодые семьи					
2003 г., 2900 чел.	***«Урал-2003»***	12	63	22	3
2004 г. 890 чел.	Екатеринбург	14	66	19	1
2006 г. 290 чел.	Нижневартовск	13	79	7	1
2006 г. 600 чел.	Свердловская область	14	67	18	1
2008 г. 720 чел.	УрФО (пять субъектов РФ)	5	72	21	1
2011 г. 600 чел.	УрФО (пять субъектов РФ)	13	81	5	1
2012 г. 600 чел.	***«Урал-2012»***	13	82	5	*2 чел.*
2016 г. 1200 чел.	***«Урал-2016»***	4	61	15	1

При всех имеющихся проблемах молодых семей на Урале, нетрудно видеть, что значительная часть молодых отцов и матерей *(судя по самооценкам)* чувствуют себя экономически гораздо комфортнее, чем уральские «взрослые» семьи («семьи бабушек») – сравни табл. № 1 и № 3. Обратимся к результатам одного из опросов – ***«Урал-2003»***. Молодым супругам задавались два вопроса. Первый из них формулировался так: «Что *особенно тревожит* Вас (Вашу семью) в настоящее время? Постарайтесь выбрать не более 4–5-ти *самых острых* для Вас проблем» (вопрос «А»). Респонденту предлагался формализованный перечень проблем (*состоящий из 12 позиций*), с которыми сталкивается (в той или иной мере) большинство российских семей в своей повседневной жизни. В развитие первого ставился второй вопрос: «Какие из отмеченных выше проблем, трудностей, по Вашему мнению, могут быть *преодолены Вами* в ближайшие три-пять лет?» (вопрос «Б»). Вот некоторые выводы из полученных данных. Прежде всего, о стоящих перед молодыми семьями первоочередных экономических проблемах. Их три (% от общего числа опрошенных по каждой группе молодых семей: в числителе ответы на вопрос «А», в знаменателе – на вопрос «Б»):

Полученные нами данные позволяют выявить различия не только в соотношении актуальности тех или иных проблем для современных молодых российских семей, но и проанализировать влияние фактора детности на склады-

вающуюся палитру проблем в каждом типе молодой семьи. Обратимся вновь к некоторым показателям таблицы, приведённой выше: молодых семей (***«Урал-3»***) – табл. 4.

Таблица 4

Актуальные проблемы молодых уральских семей и ожидаемые сроки их решения (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе ответы на вопрос «А»; в знаменателе – «Б»)

Что особенно тревожит молодые семьи на Урале	Группы молодых семей с числом детей		
	нет	один	двое
Хроническая нехватка денежных доходов семьи	49 / 37	53 / 34	48 / 28
Невозможность решения жилищного вопроса	44 / 29	43 / 25	34 / 19
Сложности с работой, трудоустройством	36 / 32	32 / 29	30 / 23
Боязнь отравиться или заразиться водой, вредными веществами, облучиться радиацией	25 / 5	25 / 3,0	28 / 4,4
Боязнь быть ограбленным, обворованным	23 / 6	22 / 3,6	29 / 4,8
Плохое здоровье взрослых членов семьи	17 / 8	18 8	17 / 8
Плохое здоровье детей	3,9 / 2,4	14 / 8	16 / 10

Прежде всего, обращает на себя внимание факт практической идентичности в соотносительности актуальности проблем в молодых семьях, пока не имеющих детей, и их более «многодетных» сверстников. Нам представляется, что по большому счёту взаимосвязь остроты жизненных проблем и наличия того или иного количества детей в большинстве своём зависят не от фактора детности, а от жизнеспособности молодых супругов, их ориентации на активную жизненную позицию, умения адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям, их установки на ту или иную оптимальную модель собственной семьи и решимости бороться за реализацию этой модели. Естественно, сказанное выше не исключает многообразие и нюансы ситуаций, в которых приходится развиваться молодым семейным ячейкам, нередко попадающим в заведомо трудное экономическое положение, для выхода из которого недостаточно лишь личной инициативы, стремления, воли, старания [36].

«Пожалуйста, укажите, какие дополнительные (помимо основного заработка, пенсии, пособия) материальные источники имеются у Вас в семье? отметьте, пожалуйста, все из имеющихся» – на этот вопрос ***«Урал-2003»*** ответы 2900 молодых супругов распределились так – табл. 5.

Таблица 5

Дополнительные к зарплате источники доходов в молодых уральских семьях (% от общего числа опрошенных по каждой группе семей)

Дополнительные материально-финансовые источники дохода молодых семей на Урале (на момент опроса)	Группы молодых семей:			
	В целом	в т.ч. семьи с числом детей:		
		нет	один	двое
«Бесплатная» помощь молодой семье «извне»				
Помощь родителей, ближних родственников	42	48	43	32
Помощь друзей, знакомых	4,4	4,0	4,8	4,3
Никаких источников дохода, кроме зарплаты, пособия не имели	26	25	25	27
«Дополнительная трудовая деятельность в сфере общественного производства»				
Постоянная дополнительная работа	14	14	14	14
Разовые приработки, разовые работы	31	33	31	29
Доходы от ценных бумаг	7	5	7	12
Индивидуальная «предпринимательская» деятельность				
Личное подсобное хозяйство (сад, огород)	20	18	19	23
Собирают в лесу ягоды, грибы, травы	15	13	16	16
Шьют, вяжут, ремонтируют вещи на заказ	3,8	2,8	3,5	6
Оказывают платные услуги (уход за ребёнком, в ремонте квартир и пр.)	3,2	2,6	3,4	3,8
Реализуют «с рук» промышленные и продовольственные товары	2,3	2,2	2,0	3,1

Прежде всего, отметим, что примерно каждая четвёртая *(25–27%)* молодая семья на Урале вне зависимости от числа имеющихся детей *(подчеркнём ещё раз, на момент опроса)* живёт, как говорят, *«на одну зарплату»*. Как показало наше исследование, с ростом *«детной нагрузки»* молодых семей *(нет ребёнка – один ребёнок – два ребёнка…),* «ослабевает» материально-финансовая поддержка со стороны их родительских семей *(потенциальных и реальных бабушек и дедушек).* Бездетной молодой семье помогают 48% их старших родителей, при появлении первенца эта помощь несколько снижается (42%) и ещё больше снижается при появлении третьего – 32%. Другими словами, большая часть старшего поколения российских семей *(уже «отработавших» на демографическом фронте),* «не принимают близко к сердцу» призыв властей «увеличить деторождаемость», а именно, «поселить в молодую семью своих детей второго ребёнка-внука *(обязательно)* и третьего *(желательно)».*

«Демографы утверждают, что выбор в пользу второго ребенка, – подчёркивал Президент РФ в своём Послании Федеральному собранию – это уже потенциальный выбор в пользу третьего. Важно, чтобы семья сделала такой шаг и,

несмотря на сомнения некоторых экспертов (а я отношусь к ним с уважением), я все-таки убежден, что нормой в России должна стать семья с тремя детьми, но чтобы это было так, нужно многое сделать» [37].

На переломе XX и XXI вв. в России наряду с однодетными семьями *«вошли в моду»* одновнучатые дедушки и бабушки. И не здесь ли нужно искать сегодня существенные резервы в повышении демографической активности молодых россиян? Важно на уровне государства *«научиться» использовать* достаточно большой временной, материальный и педагогический потенциал «молодых» и полных сил, задора пенсионеров. Подчеркнём: не только «научиться использовать», но и адекватно *поощрять труд и участие* старших поколений россиян в воспроизводстве молодых поколений. Как в количественном, так и качественном измерениях. Сегодня *«бабушки»* и естественно, *«дедушки»* необходимы в первую очередь, не на сценах, катках, кортах и на «бескрайних» «Полях чудес»…, хотя, это можно и приветствовать. В заботах российских бабушек и дедушек нуждаются их родные и любимые внуки, как уже рождённые, так и «ждущие» своей чудесной возможности «появления на ЭТОТ СВЕТ».

Список литературы

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: АСТ, 2001.
2. Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Социальное окружение как фактор социализации школьной молодёжи (на примере городов и поселений Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург; Салехард: ИЭ УрО РАН, 2000. – 174 с.
3. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. – № 10. – С. 110–119.
4. Павлов Б.С., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Заякина О.А., Ишутина Т.А., Колунина Э.Г., Павлов Д.Б., Стожаров А.В., Татаркин А.И. и др. Общественная экологическая экспертиза как фактор развития промышленного производства (на материалах социологического исследования в связи со строительством «Стана-5000» на ОАО «НТМК»: препринт. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2001. – 64 с.
5. Павлов Б.С., Александрова Ж.П. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретико-методологические и методические подходы социологического анализа. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. – 434 с.
6. Павлов Б.С., Колунина Э.Г. Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. – Ч. I. Вопросы теории и практики социологического анализа. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. – 90 с.
7. Павлов Б.С., Колунина Э.Г. Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. – Ч. 2. Проблемы социального самочувствия в трудовой и потребительской деятельности. – Екатеринбург: ИЭ УРО РАН, 2004. – 68 с.
8. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.
9. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС, 2005. – 230 с.
10. Костина Н.Б., Павлов Б.С. Услуги в большом городе как стимул к деятельности и фактор интеграции // Вестник ВЭГУ. 2014. – № 1 (69). – С. 52–63.
11. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. – № 2. – С. 71–80.
12. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.
13. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Подвысоцкий А.И. Верят ли в бога Уральские студенты // Дискуссия. 2012. – № 8. – С. 104–110.
14. Павлов Б.С. Уральские студенты: к вопросу о мотивации профессионального обучения (по результатам социологических опросов) // Социология образования. 2015. – № 11. – С. 39–48.
15. Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Иванова В.Ф. и др. Подростки в северном городе. Проблемы реабилитации «трудных». – Екатеринбург-Надым: Институт экономики УрО РАН, 1997. – 472 с.
16. Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: Институт экономики УрО РАН. 1999. – 208 с.
17. Павлов Б.С., Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Стожаров А.В. Семья в Надыме: непростое десятилетие реформ. – Екатеринбург; Надым: Ин-т экономики УрО РАН. 2004. – 260 с.
18. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. – М.: Экономика, 2007. – 272 с.
19. Павлов Б.С., Александрова Ж.П. К вопросу о развитии человеческого потенциала на Уральском севере // Журнал экономической теории. 2009. – № 3. – С. 51–63.
20. Павлов Б.С. Становление социологических исследований на Ямале // Социологические исследования. – М., 2011. – № 8. – С. 57–61.
21. Павлов Б.С., Козлов В.Н., Никитин В.В. Социальная защита населения Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения: состояние и проблемы. – Челябинск, 1993. – 193 с.
22. Гартман Н.А., Козлов В.Н., Павлов Б.С., Бердник Л.П. Социальная защита детей-инвалидов в регионе (на материалах социологических исследований в Челябинской области). – Челябинск, Ин-т экономики УрО РАН, Челяб. гос. ун-т. 1998. – 204 с.
23. Павлов Б.С., Пацула А.В., Бердник Л.П. Экологическое самочувствие населения как условие развития техногенно опасных производств. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. – 94 с.
24. Павлов Б.С., Бердник Л.П., Разикова Н.И. Экология и социально-валеологическое самочувствие населения на Урале (на примере ВУРС) / Ин-т экономики УрО РАН, Уральский федерального гос. ун-т УрФУ. – Екатеринбург, Ин-т экономики УрО РАН. 2011. – 562 с.
25. Pavlov B.S. Impact of Radioactive Contamination in East-Ural Region: Socioecological Assessments // Regional Research of Russia. 2014. – Vol. 4. – P. 405–410.
26. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.
27. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.
28. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
29. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи. Учебное пособие. – Челябинск. Часть I, II. Челябинск. ИЭ УрО РАН, 1992. – 231 с.

30. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала).– Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
31. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо девятое. О социализме. – http:// www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev
32. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года. – М. ИСПИ РАН. 2014. – 52 с.
33. Павлов Б.С., Разикова Н.И. Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. – № 10. – С. 110–119.
34. Павлов Б.С. Детские дома в России: опыт ретроспективно-прогностического анализа (На материалах социологических исследований). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2010. – 450 с.
35. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А. Формирование кадрового корпуса инженеров на Урале: социологический аспект // Экономика региона. 2012. – № 2. – С. 62–75.
36. Павлов Б.С. Труд молодой матери на Урале: социально-экономический анализ // ЭКО. 2012. – № 9. – С. 139–152
37. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. – http://www.b-port.com/news/item/93504.html

Павлов Б.С.
д.филос.н., в н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru
Бондарева Л.Н.
к.э.н., доцент, зав. кафедрой Российского государственного педагогического университета, Екатеринбург
2136473@mail.ru
Сарайкин Д.А.
к.б.н. доцент Челябинского государственного педагогического университета
sarayind@cspu.ru
Павлов Д.Б.
магистрант РАНХ и ГС
Матюшенко Я.И.
магистрант Физико-технологического института УрФУ
natigraz@mail.ru

МОЛОДЫЕ СЕЛЯНЕ НА УРАЛЕ В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ГОРОД (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС АНАЛИЗА)

Ключевые слова: *молодёжь, уральское село, родительская семья, социально-культурная ассимиляция, воспроизводство населения, труд, профессиональная социализация, сельский и городской образ жизни, точка невозврата.*

Еще К. Маркс отмечал, что «в конце концов, природа и история – это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя» [1, т. 39, с. 56]. Здесь подчеркивается не только природно-экологическая обусловленность жизнедеятельности народонаселения, но и зависимость последней от многообразной социальной деятельности людей в конкретно-пространственной среде. В каждом конкретном случае социально-демографическая ситуация и доминирующие тенденции в демографическом поведении являются результатом взаимодействия общероссийских, региональных и локальных факторов. Условия для развития демографических процессов формируются не только под воздействием производственно-экономических, но и социально-психологических, социально-биологических факторов, политико-юридической надстройки и др. Вполне понятно, в совокупности факторов, влияющих на демографическое поведение, устанавливается взаимосвязанная соподчиненность.

Сужение воспроизводства населения и снижение его качественных характеристик – одна из детерминант, определяющих угрозу экономической и социально-культурной безопасности отдельного региона, страны в целом. Снижение качества человеческих ресурсов проявляется в ухудшении основных характеристик состояния здоровья регионального социума, что отчасти является следствием увеличения экономической нагрузки на трудоспособное население со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения. Доля последней увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом и Уральского экономического района в частности, роста числа инвалидов, неработающих одиноких женщин с малолетними детьми и т.д. Эти положения касаются, в первую очередь, сельской части российского социума, в нашем случае – сельского населения Урала.

В представленной статье нами использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам жизнедеятельности сельских и городских семей на Урале, их роли в подготовке детей к вступлению во взрослую жизнь. Конкретно-социологические исследования проводились авторами в 2007–2016 гг. в Институте экономики УрО РАН на базе ряда городов и сельских поселений Урала, в частности:

– 2007 г. – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур, преподаватели школ – 220 чел. – ***«Урал-2007».***

– 2008 г. – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. – ***«Урал-2008».***

– 2009 г. – опрос 680 студентов технических и гуманитарных факультетов УГТУ-УПИ. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре – ***«Урал-2009».***

– 2014 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков – Кировского района г. Екатеринбурга. Основная цель исследо-

вания – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и адаптации к городскому образу жизни – ***«Урал-2014».***

– 2016 г. в шести вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1600 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей[1] – ***«Урал-2016».***

* * *

В статье помимо собственно сельских проблем мы попытаемся сравнить некоторые аспекты демографического поведения сельских и городских семей на Урале в процесса социализации подростков молодых людей в условиях нестабильной экономики. В частности, при анализе процесса ассимиляции молодых селян к городскому образу жизни будет затронута и проблема «точки невозврата», касающейся возможности достаточно массовой ассимиляции детей горожан к сельскому образу жизни, в частности к сельскохозяйственному производительному труду.

Учёт, своевременная корректировка и использование всей совокупности факторов, формирующих человеческий потенциал страны на современном, так называемым постсоциалитическом, этапе развития российского общества приобретают всё более актуальное значение для успешной реализации рыночных преобразований как в производственной, так и социально-политической сфере жизнедеятельности народа. Необходимо выявление причинно-следственных связей, детерминирующих характер и направленность развития тех или иных социально-экономических процессов, важен поиск действенных рычагов воздействия на изменение тех или иных тенденций в их развитии.

Активизация социально-экономического развития сельских территорий относится к числу важнейших и перспективных задач экономического развития нашей страны. Известны и основные направления в решении этой задачи, обозначенные в Концепции федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» *(Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от «8» ноября 2012 г. № 2071-р).* Реализация мероприятий Программы направлена в первую очередь на достижение основных целей: улучшение социально-демографической ситуации в сельской местности, повышение престижности сельскохозяйственного труда; развитие на селе институтов гражданского общества, приближение условий жизнедеятельности на селе к городскому уровню [2].

Особенности сельского образа жизни связаны с особенностями труда и быта жителей: подчиненностью труда ритмам и циклам года; более тяжелыми, чем обычно в городе, условиями труда; малыми возможностями для трудовой мобильности жителей; большой слитностью труда и быта, непреложностью и трудоемкостью труда в домашнем и подсобном хозяйствах (так, работа на приусадебных участках, в саду, огороде занимает буквально полжизни селян – в среднем около 180 дней в году); набор занятий в свободное время довольно ограничен.

Следует учитывать, что в жизненном укладе сельских поселений сохранились элементы традиционной соседской общины. В них довольно стабильный состав жителей, слаба его социально-профессиональная и культурная дифференциация, типичны тесные родственные и соседские связи. В какой мере эта сохраняющаяся традиционность сельского образа жизни детерминируют особенности потребностей и ценностных ориентаций сельских жителей, особенности всего процесса воспроизводства всей общественной жизни сельского социума, включая, естественно, воспроизводство непосредственной жизни.

Исследования специалистов Института экономики показывают, что в 2005–2020 гг. рынок труда в УрФО за счет неродившихся в 90-х годах «не досчитает» около 920 тыс. молодых работников по сравнению с предшествующим пятнадцатилетием (1990–2004 гг.). Особо ощутимы потери потенциальных работников окажутся на региональном рынке труда Свердловской области – ориентировочно 280,4 тыс. чел., Тюменской – 150,7 тыс. чел.; Челябинской – 258,6 тыс. чел. [3].

В феврале 2012 г. В.В. Путин, характеризуя проблемы народосбережения в России, отнёс их к числу «*самых важных и острых*…. Мы должны понимать, подчёркивал он, – что демографическая ситуация всё ещё неустойчива. В среднем на одну маму у нас по-прежнему приходится меньше двух детей. Кроме того, страна уже вплотную столкнулась с демографическим эхом 1990-х годов» [4].

Действительно, в годы Великой Отечественной войны появилось на свет и выжило гораздо меньше детей. В 1939–1947 годах наблюдался глубокий демографический провал. Понятно, что у этого сокращённого поколения рождалось меньше детей в 1965-1980 годах, и ожидалось меньше внуков в 1990–2000 годах. После войны, когда мужчины вернулись с фронта, а благодаря развитию медицины удалось в несколько раз сократить младенческую смертность, Россия пережила своеобразный бэби-бум. Многочисленное поколение 1948–1958 годов должно было родить больше детей в восьмидесятые, и, соответственно, больше внуков в нулевые [5].

Весьма адекватной в отношении реального состояния дел в сфере российских демографических процессов нам представляется оценка демографа В.М. Медкова – доцента кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он правомерно считает, что несмотря на рост абсолютных чисел рождений, наблюдающийся на протяжении последних двух-трёх лет, генеральная тенденция снижения рождаемости в нашей стране не обнаруживает никаких признаков радикального изменения. Напротив, есть все основания предполагать, что в самом ближайшем времени рост числа рождений прекратится и начнётся их спад» [6].

---

[1] Опросы проводились в рамках договоров о творческом сотрудничестве Института экономики УрО РАН и учреждений-участников проекта с активным участием социологического актива Кафедры социальной безопасности ФТИ УрФУ – рук. Н.И. Разикова и А.Ю Степанова.

С другой стороны, возобновившийся в 2006 г. рост чисел рождений был более заметен в сельском населении: на 3,5 против 0,7% в городском. Подъем чисел родившихся, продолжавшийся с 2000 по 2004 гг., был связан, в первую очередь, с действием факторов демографической структуры. В эти годы вступали в брачный возраст и в возраст деторождения женщины, родившиеся в первой половине 80-х гг. прошедшего столетия, когда также наблюдался подъем чисел рождений, обусловленный как действием благоприятной возрастной структуры, так и некоторым (весьма слабым и краткосрочным, однако) эффектом мер поддержки семей с детьми, введенных в 1981 г. Действие этого фактора, как и предсказывали демографы, закончилось как раз в 2004 г., когда в репродуктивный возраст вступили поколения, родившиеся уже во второй половине 1980-х гг., т.е. во время начавшегося тогда резкого спада рождаемости. В результате окончания действия фактора благоприятной демографической структуры число рождений в 2005 г., как и ожидалось, снизилось и начал действовать другой фактор – *фактор более полной реализации потребности в двух детях,* которая пока ещё свойственна большей части населения страны. Потребность в двух детях стала реализовываться благодаря тому, что на эти годы пришелся пусть не слишком большой, но всё же заметный рост уровня жизни населения России, связанный с начавшимся экономическим подъёмом. К этому добавились ожидания, рожденные теми мерами материальной поддержки семей с детьми. К сожалению, действие этого фактора – фактора более полной реализации потребности в двух детях – не может быть продолжительным [7].

Семья была, есть и останется в будущем главным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. Каждая конкретная семья – это своеобразная живая клеточка общественного организма. Известно положение Ф. Энгельса о том, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество» [1, т. 21, с. 70]. При этом, социально-экономические болезни, которые переживает сообщество в целом, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, составляющих это сообщество. «Болеет» общество – «болеет» большинство семей.

Историки-исследователи отмечают, что русская крестьянская семья до реформ П.А. Столыпина не была самостоятельной экономической единицей – таковой являлась община. Также она не была основной воспитующей единицей. В семье ребенок получал только трудовое воспитание, а нравственное и культурное воспитание, основной этический контроль осуществляла община – мир. Только сельскому миру было под силу противостоять урбанистическим ценностям, а старообрядческие общины оказались в состоянии веками противостоять целенаправленной культурно-религиозной политике модернизирующейся державы.

Сейчас уже невозможно сказать, что сельская семья, по образному выражению отечественного социолога И.В. Бестужева-Лады, является «домашним университетом», в котором гармонично и естественно соединяются воспитание, обучение и труд [8]. Полнота бытия сельского мира в России была надорвана не только урбанизацией, индустриализацией и информатизацией. В первую очередь сельские жители не могут прийти в себя от образовавшегося морально-психологического вакуума, вызванного отсутствием конструктивных ценностей социальной жизни, способствующих единению сельской субкультуры. Им крайне тяжело привыкать к идее, что рыночная цивилизация должна быть обязательно агрессивной и жестокой

Процесс разрушения здоровой социальной среды сельского сообщества запущен с разрушения элементарной, т.е. неделимой, модели общества – семьи. Семья – это общество в миниатюре. Семейные ценности и институт семьи – основа здорового общества в целом. История болезни современной семьи началась с исчезновением семейного крестьянского хозяйства: развитие промышленности стало отчуждать родителей от собственных детей [9].

В связи с этим очевидной представляется определенная противоречивость процесса социализации в современной сельской семье, которая вытекает из противоречивости самих условий бытия российского села. Поэтому требуют глубокого социологического анализа как сохранившиеся традиционные элементы системы социализации в сельской семье, так и все более активно включающиеся в этот процесс нормы и ориентиры, свойственные ранее только урбанистическому обществу. Также необходим поиск оптимальных способов адаптации традиционных форм социализации детей в сельской семье к современной ситуации модернизации и быстрого изменения образа жизни. Это позволило бы детям, воспитывающимся в ней, с одной стороны, обрести знания, навыки и жизненные позиции, отвечающие запросам общества, а с другой стороны, открыло бы сельской семье возможность сохранить в определенной степени самобытность. Взять, хотя бы традиционную сердцевину сельских университетов – приобщение к крестьянскому труду, преемственность семейных занятий и промыслов.

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни. Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [10, с. 155].

Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного, с медицинской точки зрения, риска. На вопрос нашим респондентам – учащимся сельской местности (***«Урал-2007»***) *«Умеете ли Вы выполнять (более или менее «сносно») следующие работы?»* нами были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных в селе юношей и девушек) – табл. 1.

Таблица 1

Трудовые навыки уральских сельских подростков (% от общего числа опрошенных по каждой группе семей)

Виды работ, занятия	Юноши (село)	Виды работ, занятия	Девушки (село)
Пилить, колоть дрова	45	Варить борщи, супы	47
Косить траву	33	Стряпать пироги	40
Водить машину	33	Вышивать	39
Водить мотоцикл	29	Вязать варежки, носки	17
Стоговать сено, солому	14	Заготавливать соленья, варенья	17
Водить трактор	13	Шить платья, одежду	13
Плотничать	11	Доить корову	13
Запрягать лошадь	7	Выпекать хлеб	9

Хорошо это или плохо, что в России (в нашем случае, на Урале) 47% современных 16–17-летних сельских девушек (заметим, в недалёком будущем – жён, матерей) умеют «варить борщи, супы», 40% – «стряпать пироги», 17% – заготавливать варенья, соленья?. Да, скорее всего, хорошо для семей их родителей и для будущих их собственных семей. Но посмотрим на эти цифры с другой стороны. По самооценкам наших молодых респондентов-селянок, к 10-11-у классу 53% от общего числа опрошенных – «не научились» варить борщ, 60% – стряпать пироги и 83% не умеют заготавливать варенья, соленья. Заметим, что речь шла не о городских девушках, максимально «приближенных» к услугам общепита, а о селянах, «приближенных к земле», к натуральному хозяйствованию. «Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими [11, 12].

Как показал опрос ***«Урал-2014»,*** *«не перерабатывают» особо* в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале.. На вопрос анкеты *«Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?»* ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире

– убираю пыль пылесосом	- 67 / 64
– мою, чищу посуду	- 65 / 66
– регулярно хожу в магазин за продуктами	- 49 / 51
– делаю влажную уборку, мою полы	- 46 / 46
– готовлю еду (суп, второе блюдо)	- 32 / 32
– глажу бельё	- 27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

– поливаю овощи, цветы, ягоды	- 51 / 39
– собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	- 37 / 33
– пропалываю грядки	- 33 / 26
– копаю землю, грядки	- 27 / 23
– топлю печь (в доме, в бане)	- 21 / 17
– отвечаю за приготовление еды	- 13 / 13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

– ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	- 59 / 55
– помогаю в ремонтных работах по дому, саду	- 35 / 36
– ухаживаю за младшими братьями, сестрами	- 32 / 33
– ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	- 22 / 19
– высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	- 17 / 15
– ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	- 12 / 10

Своеобразный «сельский синдром» имеет свой антипод – «городской синдром», с менее ощутимым для человека, но социально столь же, и даже более, негативными чертами-симптомами. Прежде всего, речь идёт о *соблазнах тунеядства,* провоцируемого реальными возможностями прожить в городе *(прежде всего, в крупном городе),* месяцами и годами (в принципе даже всю жизнь) не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей. Свой «вклад» в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит

возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике [13].

Исследования показывают, что роль старшего поколения в семейной социализации в настоящее время в большей степени зависит, с одной стороны, от типа населенного пункта и наличия в нем детских дошкольных учреждений. В тех селах, где отсутствуют дошкольные учреждения, доля детей, проводящих значительное количество времени с бабушками, дедушками, значительно выше, чем в крупных селах, где есть возможность посещать детям детский сад. С другой стороны, степень участия старшего поколения зависит от характера межпоколенческих отношений, сложившихся в самой семье. Наибольшая значимость старшего поколения в социализации детей отмечалась в семьях, где родители достаточно молодого, а дети – маленького возраста и при этом в семье отмечается низкий уровень конфликтности с представителями старшего поколения.

Но в современной деревне, как показывают исследования, нередка и другая ситуация: роль бабушек, дедушек, других близких родственников в семейной социализации детей (внуков, племянников и др.) практически, малоощутима. Другими словами, можно утверждать, что трансформация самой семейной структуры и распространение нуклеарного типа сельской семьи привели к утрате значимости других представителей семейно-родственной структуры в семейной социализации потомства.

Образ жизни сельских семей в значительной степени определяется специфическими условиями проживания, сложившимися устойчивыми традициями и нормами поведения. Многие исследователи отмечают, что в сельской семье имеют место те же изменения, что присущи в настоящее время в целом семье в обществе в связи с социально-экономическими преобразованиями в последние полтора десятка лет. Однако эти изменения не столь интенсивны, что обусловлено спецификой жизнедеятельности и особенностями института сельской семьи

Исследование позволяет выделить и наиболее значимые проблемы социализации детей в современной сельской семье:

а) материальные, социально-бытовые проблемы семьи;

б) материально-технические, социально-бытовые проблемы населенного пункта;

в) недостатки социальной инфраструктуры населенного пункта;

г) неверие родителей в получение реальной помощи со стороны иных институтов социализации.

Об отношении городских и сельских подростков к условиям своего бытия в родительской семье в какой-то мере можно судить по полученным нами результатам опроса ***«Урал-2007».*** Ниже приведены тексты вопросов анкеты и ответы наших юных респондентов (% от общего числа опрошенных подростков городе – 900 чел. и в селе – 540 чел.)

1. «Оцените, пожалуйста, как Вы питаетесь в родительской семье»:

Варианты		Учащиеся	
		город	село
Моё питание в семье, как правило, можно оценить на:	отлично	58	64
	хорошо	32	30
	удовлетворительно	4,1	2,4
	неудовлетворительно	1,0	0,9
Случается по-разному: «то густо, то пусто»		2,2	1,1
Затруднились ответить		2,8	1,5

2. «Оцените: дружная ли у Вас семья»:

Уровень сплоченности семьи	Учащиеся	
	город	село
Да, очень дружная	57	60
Более-менее дружная	36	33
Не очень дружная	5	5
Совсем не дружная, каждый сам по себе	1,4	0,9
Затруднились ответить	0,3	1,1

3. «К какой категории по уровню жизни, достатку Вы относите себя естественно, семью родителей в настоящее время?»

Варианты	Учащиеся	
	город	село
Пока живём в полном достатке	45	52
Имеем средний достаток	52	45
Живем на грани бедности	1,9	1,7
Живем за чертой бедности	0,9	0,4
Затруднились ответить	0,6	0,7

Если обратиться к историческому опыту традиционной семейной педагогики патриархального типа в России, опиравшейся на беспрекословное подчинение детей взрослым членам семьи (в первую очередь, отцу и матери), то она уже во многом стала историей российской семьи. Процесс эмансипации детей «из-под власти родителей» был харак-

терен для прошедшего столетия. «Падение родительской власти над детьми, – писал в начале XX-го века П.А. Сорокин, – такова та основная черта, которой характеризуется история взаимоотношений родителей и детей». В итоге опека родителей постепенно падала, власть их все более и более ограничивалась, государство мало-помалу вторгалось в права родительской власти. С падением родительской власти, по выражению российского философа, исчез и «клей» принуждения. Связь отцов с детьми стала зависеть от воли не только первых, но и вторых. То, что раньше дети должны были терпеть, теперь они терпеть не обязаны» [14, с. 72].

Нормативные влияния предписывают младшим и старшим членам семьи определенные образцы, модели поведения, что позволяет действовать в соответствии с принятыми в данной социокультурной среде и усвоенными личностью стереотипами. В механизме воздействия нравственно-психологического климата на формирующуюся личность важное место занимает *личный пример родителей*. Особо благотворна и плодотворна в этом процессе становления маленького человеческого существа роль *матери*. «Главные условия, необходимые для нормального развития ребёнка со стороны матери, – отмечал в своё время П.Ф. Лесгафт, – чистота, сдержанность, деятельная жизнь, как в умственном, так и в физическом отношении» [15, с. 233]. В исследовании ***«Урал-2008»*** мы обратились к 230 уральским экспертам с вопросом: *«Укажите, пожалуйста, какими чертами характера, качествами должны обладать родители, чтобы их ребенок не стал «трудным»?* Прежде всего, мы просили ответить по каждому столбцу (в отношении матери и отца). Предлагалось выбрать 5–8 вариантов. Результаты ответов приводятся ниже (% от числа опрошенных экспертов – 230 чел.; в числители ответы экспертов по отношению к качествам матери, в знаменателе – отца):

Необходимые качества родителей:

– трезвенность	- 81 / 61 (!)
– хорошие, уважительные отношения друг с другом	- 81 / 83
– трудолюбие, ответственное отношение к работе	- 65 / 49
– доброта, любовь к своим детям, забота о них	- 64 / 78
– справедливость	- 62 / 55
– доброта, любовь к своим детям, умение подходить к ним	- 60 / 61
– честность, совестливость	- 45 / 46
– умение создавать в семье материальный достаток	- 45 / 16
– хозяйственность, домовитость	- 28 / 44
– высокая образованность, культура	- 28 / 37
– умение мастерить, рукодельничать	- 22 / 15
– вежливость, тактичность	- 18 / 23
– общительность	- 16 / 20
– иметь хороших друзей	- 9 / 10
– умение одеваться аккуратно, со вкусом	- 5 / 5
– щедрость	- 4 / 4
– умение вкусно готовить	- 3 / 14

Помимо фактора приоритетности желаемых личностных качеств родителей современных подростков, следует обратить внимание на, практически, идентичные «требования», высказанные экспертами, с одной стороны, к матери и, с другой – к отцу. Низкий уровень культуры, низменный характер потребностей некоторых *родителей (будь то селянин или горожанин)* при значительной материальной обеспеченности обостряют недостатки семейного воспитания, приводят к культивированию мещанства, накопительства, к игнорированию трудового воспитания подростков. В семьях, в которых источник материального благосостояния несовместим с воспитанием правильного отношения к труду (жизнь не по средствам, браконьерство и т. п.), у детей, как правило, складывается паразитическое отношение к труду, к деньгам, возникают иждивенческие настроения и потребности. Некоторые родители и не имея большого достатка, отказывая себе в необходимом, иногда стремятся подольше продлить «безмятежное детство» подростку, безотказно приобретая ему дорогие вещи, воспитывая тем самым тунеядца и иждивенца.

Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, – писал Н. Бердяев, – биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая.

И, последний аспект проблемы, на который нам бы хотелось обратить внимание читателя. Нашим юным респондентам в городе и в селе (***«Урал-1»;***) задавался вопрос *«Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас».* – нами были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе городские подростки – 800 чел.; в знаменателе – сельские – 579 чел.).

Жизненные ценности:

– хорошая семья и дети	- 87 / 88
– хорошее здоровье	- 68 / 70
– любимая работа, успешная деловая карьера	- 68 / 67
– хорошие товарищи, верные друзья	- 66 / 54
– материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	- 58 / 46

– хорошие жилищные условия	- 42 / 46
– сознание того, что приносишь пользу людям	- 23 / 25
– содержательный, интересный досуг	- 27 / 20
– порядочность, совестливость, доброе имя	- 23 / 23
– чувство безопасности от насилия, воровства	- 21 / 16

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодёжь *единого* в городе и селе *информационно-идеологического поля* создаваемого Интернетом, телевидением, радио и другими СМИ.

Семилетний лаг, прошедший между опросами ***(«Урал-2007» и «Урал-2014»),*** практически не изменил структуру ценностных ориентаций учащихся в сфере материального благосостояния, но несколько повысил претензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни *(«друзья», «досуг», «польза людям»)* – *см. ниже* (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе городские подростки ***«Урал-2007». – 800 чел.; в знаменателе –городские подростки – «Урал-2014» – 510 чел.***):

– хорошее здоровье	- 68 / 72
– любимая работа, успешная деловая карьера	- 68 / 69
– материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	- 58 / 52
– хорошие жилищные условия	- 42 / 40
– сознание, что приносишь пользу людям	- 23 / 31
– хорошие товарищи, верные друзья	- 66 / 81
– содержательный, интересный досуг	- 27 / 47

Небезынтересен и такой факт. В опросе ***«Урал-2014»*** в перечень жизненных ценностей, дополнительно была включена позиция *«Вера в Бога»*. Из 510 опрошенных молодых екатеринбуржцев, наряду с другими, эту ценность выбрали 105 респондентов (21%). Не углубляясь в анализ этого феномена, отметим, что в настоящее время религиозность, например, (например, факт причисления себя к верующим) часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат [16].

Исторически, одним из механизмов поступательного развития общества является *социально-поселенческая ассимиляция,* предполагающая *сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в различных типах поселений.* **В широком смысле под понятием «ассимиляция»** понимается процесс, в ходе которого две или более группы, ранее различавшиеся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой, создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности. С позиций социологии и этнографии *ассимиля́ция* (лат. *Assimilatio)* – уподобление одной части социума *(или целым этносом)* своих отличительных черт и замена позаимствованная у другой части *(другого этноса)*. В целом, это этнокультурный сдвиг в самосознании определённой социальной группы, ранее представлявшей иную общность в плане языка, религии или культуры.

Наиболее рельефно имеющиеся социально-поселенческие различия в России отражены в понятии *«село-город»*. Основные ассимиляционные изменения населения предопределяются, прежде всего, процессами, идущими в молодёжной части социума и проявляются в трансформации образа жизни поколений «отцов и детей». Эта трансформация может фиксироваться в изменениях структуры и характере формирующихся (сформированных) потребностей и ценностных ориентаций молодых людей по мере их взросления. Они отражаются в жизненных планах юношей и девушек, в выборе основных средств их достижения, в формах их повседневного поведения и поступках. А каковы особенности процесса социально-поселенческой ассимиляции молодёжи на Урале?

Сфера профессионального обучения, представленная в подавляющем большинстве своём вузами в крупных городах – эта та социокультурная «кузница», через духовно-нравственное «горнило» и «наковальни» которой, проходит подавляющее большинство будущих специалистов села. С дипломами в руках они *несут культуру из города в село.* С ними же идут и антиподы и изъяны городской цивилизации… Печально, но факт.

Обозначенная ситуация с социально-поселенической ассимиляцией сельской молодёжи в городах тесно сопряжена не только с решением социокультурных задач стратегического развития российского социума. Тот или иной поворот в их решении впрямую отражается на состоянии экономики, благосостоянии населения, в первую очередь на решении проблем с обеспечением продовольственной безопасности. Российскому обществу не столь отдалённой перспективы предстоит отвечать на вопросы: *«Кто и как будет обрабатывать российскую «землю-кормилицу»? «Кто и как будет выращивать скот и птицу для будущих шашлыков и гамбургеров?». «Как и чем заинтересовать (заметим, «не заставить») сельского юношу или девушку пренебречь манящими огнями города и остаться жить и работать на «малой родине своих отцов»? И, наконец, «Как и чем заинтересовать городскую молодёжь к воспроизводству привлекательных сторон сельского образа жизни»?* Привлекательных не только с позиций обеспечения «сытного стола», но и в целях сохранения своего физического и нравственного здоровья, ведения здорового образа жизни в целом. Каково состояние этой проблемы на Урале?

Известно, что город всегда притягивал к себе население деревень, хуторов, небольших городов, сел, что обусловлено, в первую очередь: а) возможностью получить «престижное» и «денежное» образование; б) более широким

выбором сфер приложения труда; в) более высоким уровнем благоустройства; г) набором коммунальных и культурных услуг; д) нежеланием заниматься тяжелым сельскохозяйственным трудом. Все это сформировало и воспроизводит основное направление миграционных потоков населения из сельских поселений – в городские, из малых городов – в большие и более крупные.

Давайте попытаемся ответить на вопрос: насколько идентичны интересы сельской *родительской семьи* и *государства* в формировании и реализации жизненных планов учащихся сельских школ? Подавляющая часть родителей стремится *«выучить» и «поселить» своих детей в городе «подальше от села»…* В свою очередь, государство *(если отбросить «красивые слова»)*, испытывая острый дефицит рабочих рук в сельскохозяйственном производстве, заинтересовано, наоборот, «закрепить» жителей села *(как самих родителей и их детей)* по месту их рождения по народной формуле: ***«Где родился, там и пригодился».*** Отсюда – возникновение и наличие «объективных» препятствий с переселением сельской молодёжи в города: ограничения с пропиской, трудности с жильём, «неподъёмные» расходы на обучение «городским профессиям».

Появление *платного высшего образования* существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников сельских *(и, не только сельских)* школ в вузы. При этом «родительские деньги» призваны решать и проблему преодоления конкурсного барьера, оплату за обучение, содержание и досужие занятия детей-студентов в городе, «вдали от родного крова». Получение диплома с городской профессией и пятилетний городской образ жизни выходцев из села *(ощущение вкуса «красивой жизни»)* ещё более актуализирует их стремление закрепиться в городе, приблизиться к тем социальным благам, которых сегодня нет *(и «неизвестно когда будут»)* на их сельской малой родине. В основе такого стремления селян лежат их, практически идентичные *(с городскими сверстниками)* материальные и, особенно, духовные потребности и интересы, о которых у нас шла речь в начале статьи.

Сегодня нередко высказывается мнение о том, что решать проблему трудовых ресурсов российского села можно, *во-первых,* за счёт привлечения трудовых мигрантов (в частности, из стран СНГ) и, *во-вторых,* за счёт использования избытка трудовых ресурсов городов.

Не останавливаясь на анализе неприемлем*ости (по твёрдому убеждению авторов)* первого варианта решения проблемы *(да, это и не входит в задачу нашей статьи),* ознакомим читателя с имеющимися у нас данными, относительно второго варианта решения проблемы. Зададимся вопросом: стоит ли уральским сёлам ждать молодые кадры специалистов из города? В нашем исследовании ***«Урал-2014»*** школьникам в двух уральских городах *два вопроса,* касающиеся их прожективного выбора характера своей дальнейшей профессиональной деятельности: Первый: «*На кого ты хотел бы учиться после школы? (Выбери не более пяти вариантов ответов)*» и второй: *«Какую профессию тебе советуют выбрать родители?».* В анкете, среди 40 профессий, из которых респондентам предлагалось выбрать «свою» были три «чисто сельские»: *ветеринар, зоотехник и агроном.* Вот сколько голосов набрали эти профессии (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

Сельские профессии	Выбрал сам	Совет родителей
Ветеринар	6,2 / 6,7	3,6 / 4,6
Зоотехник	2,1 / 2,1	1,8 / 1,8
Агроном	1,1 / 1,8	0,3 (1 чел.) / 0,0

Нетрудно видеть, что особой «непопулярностью» среди родителей и их взрослеющих детей на Урале пользуется профессия *агроном.* Несколько большую ориентацию городских школьников на такую, традиционно сельскую профессию, как «зоотехник» мы связываем, прежде всего, с востребованностью этих специалистов в городе для лечения «декоративных» домашних животных, в первую очередь, собак и кошек.

Есть и ещё один немаловажный аспект проблемы. Освоение сельской молодёжью «основ» девиантной субкультуры городских сверстников – одна из значимых составляющих процесса социально-поселенческой ассимиляции населения. В частности, небезынтересным представляются выявить нравственно-этические позиции молодых людей в сфере асоциальных проявлений и как они отражаются в социализационном процессе [17]. Как показало наше исследование ***«Урал-2009»,*** соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, «пьянство» не считают грехом 57% всех опрошенных студентов, в том числе 50% – «православные». Небезынтересны и данные ответов на этот же вопрос двух групп студентов: мужчин и женщин. *«Аборт»* считают грехом – 66% мужчин-респондентов и 78% – женщин; *«Гомосексуализм»* – соответственно – 64/41%; *«Проституция»* – 59/69%; *«Измена (жене/мужу)»* – 57/65%; *«Пьянство»* – 37/48% *и т.д.* [18].

* * *

Подведём некоторые итоги. По нашему твёрдому убеждения российское общество *(в своей большей части)* прошло так называемую ***точку невозврата*** в прожективной адаптации горожан к сельскому образу жизни с его ***традиционными формами*** производственной и внепроизводственной деятельности, в частности, в семейно-бытовой сфере. Это факт, с которым приходиться смириться.

В стратегии инновационного развития села должны быть даны чёткие ответы на вопросы: зачем и, каким образом, должна развиваться экономика сельскохозяйственного производства, сельский образ жизни в целом в настоящее время, чтобы реализовать видение, миссию и достичь желаемых целей в будущем. Инновационная стратегия как бы осуществляет видение долгосрочной перспективы, взгляд «из будущего в настоящее». Стратегия определяет «что из-

менить» и «как изменить». Ответы на эти вопросы дают возможность проектировать механизм инновационного развития села как системы.

Сущность инновационной стратегии развития села состоит в предвидении изменений не только *(и, не столько)* его товарно-производственной деятельности, выработке решений, обеспечивающих гармоническое и устойчивое развитие этого жизненно важного воспроизводственного процесса. Стратегия должна «представить» желаемую трансформацию всех сфер общественной жизни сельского социума, его взаимосвязь с городом, городским образом жизни. «Важная задача – отмечается в президентском послании Федеральному собранию *(12 декабря 2013 г.)* – повысить привлекательность сельских территорий для жизни и работы… на первый план выходит задача закрепления людей на селе, формирования современной, комфортной инфраструктуры в сельских территориях» [19].

И, последнее. Как известно, в XX-м столетии появилось и получило распространение учение о ноосфере – оболочке Земли, формируемой разумом человека, на основе биосферы (сферы жизни). В начале III тысячелетия от Р.Х. внимание исследователей, изучающих глобальные проблемы современности, возросло в связи с необходимостью поиска путей выхода из глобальных кризисов. Сохранение мира живого, тех, кого С. Есенин очень точно обозначил как наших *«меньших братьев»*, – это сегодня нравственный долг человечества, повинного в разрушительных последствиях своего воздействия на природную среду. Речь идёт о патернализме Человека над исчезающими видами животного и растительного мира [20].

Возьмём на себя смелость, по ассоциации, сравнить отношения крупных городов (в первую очередь, городов-миллионников), с одной стороны и, с другой, многочисленных мелких городов и сельских поселений как отношения «*старших»* с *«младшими братьями»* в развитии урбанистической культуры России. А итоги этих отношений не радуют. За последние десятилетия с карты РФ исчезли *(и продолжают исчезать)* десятки тысяч сёл, деревень, мелких городов. В «Красную книгу поселений» необходимо вносить ещё тысячи ранее процветавших, а ныне стагнирующих городов, рабочих посёлков, крупных поселений. Заметим, что процесс угасания одних поселений идёт, в подавляющем большинстве своём, на фоне стремительного роста и благоустройства незначительного числа крупных и крупнейших городов. Как правило, – это административные центры регионов. Примером тому может служить растущий и «хорошеющий на глазах» г. Екатеринбург на фоне большинства «худеющих» городов и сел Свердловской области [21].

Не вдаваясь подробно в обозначенную проблему *(это особое исследование)*, выскажем своё предложение относительно составления и реализации стратегических планов развития таких «успешных» городов. Наращивая свою красоту, фешенебельность, силу и инвестиционную привлекательность, они *(«старшие урбанистические братья»)* не должны забывать о глубинных корнях-источниках такого «всплеска» развития. Другими словами, речь идёт о воссоздании своеобразного института «урбанистического патернализма», т.е., заботы и *непреложной ответственности* больших городов за «социально-экономическое здоровье» и *достойное выживание* окружающих их селитебных территорий. В народе есть поговорка: «Не руби сук, на котором сидишь»…

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд.
2. Концепция федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». – http://uralferm.ru/stranica_oficialnaya_informaciya/zakony
3. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 25. – С. 2–11.
4. В.В. Путин провёл совещание по демографической политике. – http://www.demographia.ru/ articles_N/index.htm
5. Тимаков В.В. Эксперт о росте рождаемости в России. – http://newsland.com/news/detail/id/1070549
6. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. 2013. – № 12. – С. 90–94.
7. Кузьмин А.И. Демографическая ситуация на Среднем Урале: применима ли модель третьего демографического перехода к Свердловской области? Екатеринбург, УрГЭУ. – http://www//regnet.uran/ru|ej/file-or/251
8. Бестужев-Лада И. В. Мир нашего завтра. – М.: Мысль, 1986.
9. Павлов Б.С Семейное неблагополучие – базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 160 с.
10. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Мысль, 1968. 560 с.
11. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М.: Сов. Россия, 1989. – 240 с.
12. Павлов Б.С. Трансформация отношения молодёжи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. 2015. – № 3. – С. 134–135.
13. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. – № 7. – С. 128–138.
14. Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. – № 3. – С. 65–79.
15. Умом и сердцем: мысли о воспитании. – М.: Политиздат. 1980.
16. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Подвысоцкий А.И. Верят ли в бога Уральские студенты // Дискуссия. 2012. – № 8. – С. 104–110.
17. Талаллаева Г.В., Запарий В.В., Павлов Б.С., Шибин А.В. Самосохранительное поведение молодежи в социуме. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2007. – 66 с.
18. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.
19. Ежегодное послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. – http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html
20. Татаркин А.И., Павлов Б.С., Берсенёв В.Л. Академическая наука и население региона: опыт конкретного социологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. – № 36. – С. 5–12.
21. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала).– Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.

Родионова Н.В.
д.э.н., доцент, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг» Владимирского государственного университета

МЕХАНИЗМЫ РУРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЛОКАЛЬНУЮ КОНСОЛИДАЦИЮ И БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

***Ключевые слова**: продовольственная безопасность, здоровье, демография, политика рурализации, аграрная молодежная консолидация, молодежная коллективная усадьба, сеть единоличных фермерских дворов, трудовой лагерь, студенческий агроотряд.*

***Keywords:** food security, health, demography, policy ruralization, consolidation of agrarian youth, the youth collective manor, network sole of the farm yards, labor camp, student agricultural group.*

Наука «помогла человечеству перейти к городскому образу жизни и обрекла его на исчезновение в «черной дыре» города. Теперь она грозит открытием… следующих поколений компьютера и Интернета, которые без гуманизации этого процесса… покончат с человечеством в ближайшие десятилетия». [1, с. 31–32].

Продовольственная безопасность является важнейшей составляющей стратегии национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 гг. Угрозы в этой области носят глобальный характер и имеют политические, социальные, экономические и технологические корни. Они нарастают вследствие: 1) обострения политической ситуации в мире, военных конфликтов, возможных диверсий, роста численности беженцев; 2) трудностей обеспечения продуктами питания резко увеличивающегося в численности населения мира, а также безработных; 3) дешевизны продуктов питания, поставляемых из-за рубежа, и низкой рентабельности, высокой трудоемкости, непрестижности сельского труда и непривлекательности аграрного бизнеса в России. Для снижения себестоимости и увеличения срока годности продуктов питания при их изготовлении используют вредные для здоровья добавки [2]; 4) распространения выгодных, но вредных для здоровья инновационных технологий в сельском хозяйстве, использования химических пестицидов и трансгенных растений, которые приводят к изменению органического состава продуктов питания, снижению их энергетической ценности, росту заболеваемости и экологических рисков [3, с. 34-35] и др. Наряду с тем угрозы для продовольственной безопасности России усугублены принятием международных санкций и ответных мер продовольственного эмбарго в условиях несостоятельности отечественного АПК и высокой импортной зависимости. Например, доля российского производства в формировании ресурсов молока и молокопродуктов составляет около 77% при пороговом значении 90%, определенном в Доктрине национальной безопасности [4, с. 117].

Причины нарастания угроз для продовольственной безопасности кроются не только в текущих процессах и явлениях. В России эта проблема латентно вызревает уже десятки лет. Сказались перегибы сплошной коллективизации, война, индустриально ориентированная директивная экономика, черпающая ресурсы из сел. Да и в стабильные годы рыночных реформ сельская экономика не была популярной. Следствием и основным индикатором обострения данной проблемы является ухудшение состояния здоровья населения страны. Настораживает наблюдаемая в России устойчивая тенденция роста заболеваемости в последние 25 лет на фоне снижения общей численности россиян на 3,1% и роста числа нерегистрируемых заболеваний по причине недоступности услуг здравоохранения и беспечности самих граждан (таблица 1). Часто эту динамику объясняют распространением в системе здравоохранения прогрессивного диагностического оборудования.

Таблица 1

Динамика зарегистрированной заболеваемости населения России по отдельным видам болезней в периоде 1990–2014 гг., тыс. человек [5, с. 21]

Вид болезни	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Новообразования	3246,0	3735,1	4455,6	5847,0	6147,5	6236,9	6472,5
Болезни крови и кроветворных органов	469,2	872,3	1278,5	1741,5	1731,9	1715,5	1827,2
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	2930,4	3974,9	5549,9	8494,4	9184,7	9519,1	10243,6
Болезни системы кровообращения	14 626,3	15 730,2	20 088,7	32 435,8	32 552,6	32 849,6	34 002,8
Болезни органов дыхания	56 416,2	50 467,9	53 513,7	54 187,0	54 651,6	55 826,8	55 872,5
Болезни органов пищеварения	12 873,8	15 056,4	15 385,3	16 069,5	16 267,6	16 377,7	17 358,7

По оценкам [6, с. 25–27], доля населения России, оценивающего свое здоровье как неудовлетворительное, составляет 64% (для сравнения: в Финляндии – 35%, Великобритании – 27, Швеции – 22, Греции – 16%). Высокий уро-

вень заболеваемости – одна из причин провала демографии, низких уровней продуктивности труда и инновационной активности.

Поэтому на повестку дня выдвинута политика отечественного импортозамещения и реиндустриализации экономики РФ. Реализация данной политики требует грамотных судьбоносных для России решений, мудрого государственного управления, огромных инвестиций и консолидации усилий всего населения. Однако это требование трудно выполнить в современном разобщенном обществе, когда одни социальные группы ориентированы на извлечение индивидуальных выгод любой ценой, а другие зачастую живут одним днем, не задумываясь о будущем. Эгоизм, меркантильность, безответственность и инфантильность населения – корни не только продовольственной, но и других угроз.

Политика отечественного импортозамещения и реиндустриализации экономики имеет несколько направлений, среди которых рурализация экономики представляется одним из важнейших в решении проблемы продовольственной безопасности. Восстановление и развитие сельского хозяйства на развалинах колхозов и совхозов, либо усилиями фермеров-одиночек – дело безнадежное. Исследователям видятся разные пути решения этой проблемы. Например, предлагается вернуться к потребительской кооперации [3, с. 36], создать селекционно-генетические структуры по обеспечению генетическим потенциалом аграрных предприятий [4, с. 121–122], развить государственные системы сельхозконсультирования, создать агрохолдинги [7, с. 293] и др. На наш взгляд, основные источники ресурсов развития сел сосредоточены в городах. Для возрождения сел, в первую очередь, необходимы: 1) прогрессивные техника и технологии, урожайные семена, которые сделают аграрный бизнес эффективным и привлекательным для инвесторов; 2) эффективные человеческие ресурсы, привлечь которые помогут социально ориентированная рыночная идеология, современная культура, развитая инфраструктура села. При выборе решений проблемы продовольственной безопасности необходимо системно анализировать проблемные ситуации, сложившиеся в российских селах и городах.

Взаимосвязанные проблемные ситуации села и города

– *Общая характеристика состояния современного сельского хозяйства России.* Данные официальной статистики указывают на его низкую рентабельность. Так, в 2014 г. в сельском и лесном хозяйствах России удельный вес убыточных организаций в общем их числе составлял 27,6%; рентабельность проданной продукции (товаров) – впервые за годы реформ повысилась до 17,4% (в 2013 г. – 5,2%); рентабельность активов – лишь 4,9% (в 2013 г. – 1,7%); общая сумма убытка достигала 106,9 млрд. руб., просроченная суммарная задолженность по обязательствам – 46,3 млрд. руб. [8, с. 564, 565, 570, 572, 574]. Резко сократилось поголовье скота. Таких низких показателей в России еще не было (табл. 2).

Таблица 2

Динамика поголовья скота в АПК России в периоде 1915–2014 гг. (на конец года; в хозяйствах всех категорий; млн. голов) [8, с. 405]

Годы	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы	Годы	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы
1915	33,0	17,3	11,3	47,0	1990	57,0	20,5	38,3	58,2
1927	37,6	19,9	13,1	59,3	2000	27,5	12,7	15,8	15,0
1930	25,5	16,1	5,6	36,9	2005	21,6	9,5	13,8	18,6
1940	27,8	14,2	12,1	51,2	2010	20,0	8,8	17,2	21,8
1950	30,2	13,3	11,9	46,2	2011	20,1	9,0	17,3	22,9
1960	38,2	17,9	29,4	65,5	2012	19,9	8,9	18,8	24,2
1970	51,6	20,6	33,2	67,0	2013	19,6	8,7	19,1	24,3
1980	58,1	22,2	36,0	65,0	2014	19,3	8,5	19,5	24,7

По мнению исследователей [4, с. 118], «деградация отрасли молочного скотоводства ставит под сомнение решение проблемы импортозамещения и создает реальные угрозы продовольственной безопасности страны». Негативные тенденции нарастают, хотя есть и некоторые позитивные сдвиги в растениеводстве. Отсюда несложно понять причины невысокого интереса инвесторов, бизнесменов и предпринимателей к аграрной сфере экономики (табл. 3).

Таблица 3

Динамика инвестиций в основной капитал в периоде 2005–2014 гг., [9, с. 37–38]

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего в экономике России, млрд. руб.	3611,1	9152,1	11035,7	12586,1	13450,2	13557,5
в том числе: сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях, млрд. руб.	134,0	292,6	416,6	446,0	497,0	487,9
то же, в процентах к «всего»	3,7	3,2	3,8	3,5	3,7	3,6

Вследствие низкой инвестиционной и инновационной активности наблюдается истощение материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий (табл. 4).

Таблица 4

Динамика парка основных видов техники в сельскохозяйственных организациях России в периоде 2000–2014 гг. (на конец года; тысяч штук) [9, с. 65]

Вид техники	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Тракторы	746,7	480,3	310,3	292,6	276,2	259,7	247,3
Плуги	237,6	148,8	87,7	81,9	76,3	71,4	67,8
Культиваторы	260,1	175,5	119,8	114,1	108,7	102,2	97,9
Сеялки	314,9	218,9	134,0	123,6	115,4	107,5	100,7
Комбайны:							
зерноуборочные	198,7	129,2	80,7	76,6	72,3	67,9	64,6
кукурузоуборочные	4,4	2,2	1,1	0,9	0,8	0,7	0,7
льноуборочные	3,2	1,8	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4
картофелеуборочные	10,0	4,5	2,9	2,8	2,7	2,6	2,4
кормоуборочные	59,6	33,4	20,0	18,9	17,6	16,1	15,2
Свеклоуборочные машины (без ботвоуборочных)	12,5	7,2	3,2	3,1	2,8	2,5	2,4
Косилки	98,4	63,9	41,3	39,3	37,5	35,6	33,9
Пресс-подборщики	44,0	32,4	24,1	24,2	23,7	22,7	21,9
Жатки валковые	85,2	46,9	27,0	25,2	23,6	22,3	21,2
Дождевальные и поливные машины и установки	19,2	8,6	5,4	5,3	5,2	5,2	5,7
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	34,3	19,7	16,6	16,5	16,3	15,8	15,8
Машины для внесения в почву:							
твердых органических удобрений	22,0	10,9	6,5	6,1	5,6	5,2	5,1
жидких органических удобрений	12,1	5,8	3,9	3,8	3,7	3,6	3,7
Опрыскиватели и опыливатели тракторные	32,5	24,6	23,2	23,2	23,1	22,7	23,1
Доильные установки и агрегаты	88,7	50,3	31,4	30,1	28,6	27,3	26,3

Одним из решений в отношении вывода российского сельского хозяйства из кризиса является, на наш взгляд, масштабная миграция городской молодежи в села, несмотря на то, что в России численность населения, занятого в сельском и лесном хозяйствах (и охоте), выше чем в развитых странах. Так, в 2014 году она составляла 9,2% от занятого населения в экономике России [8, с. 113]. Для сравнения: в 2010 году численность занятых в сельском хозяйстве США составляла 1,6% [10, с. 399]. 2,2 млн. американцев, или 0,7% населения США, «кормят» всю страну, или 307 млн. человек! Отсюда напрашиваются вопросы: кто живет в российских селах и деревнях; почему неэффективен их труд? Наивно перекладывать решение проблемы продовольственной безопасности на плечи нынешних, оторванных от цивилизации сельчан. Жизнь и труд на селе не привлекательны даже для сельской молодежи. Происходит ее активный отток в города. Растет число оставленных жителями поселений (табл. 5, 6). Отметим, что этому во многом способствует политика укрупнения сельских поселений, проводимая с 01.01.2006 [11].

Таблица 5

Динамика численности сельского населения России, распределенного по возрастным группам, в периоде 2001–2015 гг., тыс. человек [8, с. 74]

	2001 г.	2006 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего населения	39 232	38 418	37 444	37 314	37 229	37 118	37 985
в том числе в возрасте, лет:							
0–4	2020	2094	2397	2490	2550	2573	2673
5–9	2536	2073	2106	2134	2188	2249	2348
10–14	**3600**	2429	2075	2041	2046	2053	**2129**
15–19	**2952**	3313	2173	2056	1989	1951	**1943**
20–24	**2613**	2871	2962	2728	2451	2211	**2103**

Таблица 6

Динамика числа сельских населенных пунктов России, распределенных по числу жителей, в периоде 1989–2010 гг. (по данным переписей населения) [8, с. 86]

	Число сельских населенных пунктов			Численность населения, тыс. чел.		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Сельские населенные пункты – всего	162 231	155 289	153 124	39 063	38 738	37 543
из них с числом жителей, чел.**:**						
до 6	26 234	32 997	42 387	50	58	64
6–10	13 245	14 092	13 254	105	110	103
11–25	**24 735**	**22 303**	**19 225**	**423**	**377**	**324**
26–50	**19 939**	**15 770**	**13 522**	**727**	**573**	**494**
51–100	**18 094**	**14 901**	**13 798**	**1312**	**1082**	**1006**
101–200	**17 895**	**15 833**	**14 682**	**2595**	**2302**	**2133**
201–500	**22 177**	**20 475**	**18 729**	**7116**	**6618**	**6053**
501–1000	**11 524**	**10 836**	**9720**	**8087**	**7571**	**6780**
1001–2000	**5718**	**5182**	**4737**	**7759**	**7050**	**6492**
2001–3000	**1266**	**1220**	**1217**	**3060**	**2946**	**2947**
3001–5000	803	873	979	3067	3321	3756
5001 и более	601	807	874	4762	6730	7391

В 2014 г. средний возраст занятых в сельском хозяйстве (охоте и лесном хозяйстве) составлял 44,5 лет (средний возраст занятых в экономике России – 40,4 лет) [12, с.68], и это при том, что отмеченные в статистике понижающие тенденции сглажены миграционными притоками в села беженцев и переселенцев из стран ближнего зарубежья. «Сокращение и измельчение сельской поселенческой структуры приводит к запустению сельских территорий, исчезновению продуктивных земель сельскохозяйственного назначения, что угрожает не только продовольственной, но и геологической безопасности России» [7, с. 285].

Основная причина миграции сельской молодежи в город – отсутствие работы и низкая заработная плата. В 2014 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве (охоте и лесном хозяйстве) составляла всего 17 724 руб., или 55% от средней по России [12, с. 242, 252]. Полагаем, что в такой ситуации ожидать от российских сел решения продовольственной проблемы не приходится.

Общая характеристика состояния городской молодежи с точки зрения целесообразности ее миграции в сельскую местность

Современная городская жизнь привлекает молодежь престижностью, уровнем культуры, удобствами, изобилием благ и услуг, хорошо оплачиваемой работой, общением, развлечениями. Действительно, город дает молодежи много возможностей, однако употребить их во благо удается не многим. Часто в обмен на эти возможности приходится расплачиваться серьезными проблемами.

1) *Проблема безопасности и нестабильности*. Приведем основные аргументы.

Мегаполисы и городские агломерации создают угрозу огромных потерь в случае вооруженной атаки или терроризма. Особенно тревожит, что на этих территориях сосредоточен наиболее высокий человеческий потенциал России. Так, по состоянию на 01.01.2015 численность населения Москвы и Московской области составляла 19,4 млн. человек, или 13,3% населения всей России. Из них 11,7 млн. человек в трудоспособном возрасте и 2,9 млн. – моложе трудоспособного возраста [8, с. 69-70, 76].

Из-за вредных факторов городских условий жизни (состояния экологии, некачественного питания, малоподвижного образа жизни, соблазнов, стрессов и высоких психологических нагрузок, заразных заболеваний) ухудшается состояние здоровья нынешнего населения, а значит, и будущих поколений. В 2014 г. перинатальная смертность составляла 17 тыс. детей, 33% детей родились больными и около 6% недоношенными. Еще меньше молодежи вступает во взрослую жизнь здоровыми. В 2014 г. зарегистрировано 5,7 млн. случаев заболеваний у детей в возрасте 15-17 лет [5, с. 26, 59].

Заболеваемость, девиации, а также высокая динамика городской жизни, дорогостоящие статусные блага и жилье, развитый сервис развлечений для одиноких являются сдерживающими демографическими факторами (табл. 7).

Таблица 7

Динамика браков в России по возрастам жениха и невесты в периоде 1990–2014 гг. [8, с. 96]

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего браков	1 319 928	897 327	1 066 366	1 215 066	1 316 011	1 213 598	1 225 501	1 225 985
По возрасту жениха, лет								
до 18	13 536	3703	2466	1131	1097	952	931	835
18-24	692 941	40 3851	40 4383	37 2782	380 457	327 000	300 195	273 994
По возрасту невесты, лет								
до 18	72 073	29 889	21 039	11 698	11 425	10 569	9695	9180
18-24	779 437	511 446	565 910	554 772	574 707	496 335	465 626	436 993

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. 42,3% мужчин и 34,5 женщин в возрасте от 25 до 29 лет не состояли в браке [13, с. 26]. Отсюда – процветание безотцовщины. В 2009 г. доля внебрачных детей в общем числе родившихся составляла 26,5% [13, с. 25]. Да и заключаемые браки часто оказываются не крепкими. В 2014 г. на 1226 тыс. заключенных браков приходилось 694 тыс. разводов [8, с. 96]. Такая ситуация сохраняется с 1990-х гг. Как следствие, в России самое высокое в мире число случаев прерывания беременности (табл. 8). В 2014 г. 51% всех таких случаев приходилось на возрастные группы женщин до 24 лет [5, с. 56].

Таблица 8

Динамика числа случаев прерывания беременности (абортов) в России в периоде 2005–2014 гг., тыс. [5, с. 56]

2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1675,7	1186,1	1124,9	1064,0	1012,4	930,0

Городская молодежь пребывает в агрессивной среде с высоким уровнем социопатичных заболеваний и преступлений и в первую очередь попадает в группу жертв (табл. 9).

Таблица 9

Динамика числа зарегистрированных социопатичных заболеваний и преступлений в России в периоде 1990–2014 гг., тыс. [5, с. 35, 43, 46; 8, с. 271]

Показатель	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
Численных больных активным туберкулезом	279,1	280,8	379,9	298,5	253,6	240,2	211,9	200,8
Численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях	2465,7	2406,6	2190,9	2190,7	1853,1	1865,9	1746,5	1690,0
Зарегистрировано лиц, в крови которых выявлены антитела к ВИЧ	…	…	…	328,2	503,7	564,7	665,2	742,6
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	16,3	79,9	243,6	175,2	222,6	215,2	231,5	254,7

Автоматизация и роботизация производств приводит к сокращению рабочих мест и появлению безработицы, от которой, в первую очередь, страдает молодежь. В 2014 г. на долю безработных в возрасте до 34 лет приходилось 52,7% (табл. 10);

Таблица 10

Распределение численности безработных по возрастным группам в 2014 г., в процентах к итогу [8, с. 121]

Безработные – всего	в том числе в возрасте, лет										Средний возраст безработных, лет
	до 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–72	
100	**4,2**	**20,3**	**15,8**	**12,4**	10,2	8,6	8,7	10,5	6,3	2,9	**35,8**

Не редкое явление – молодежь, «выброшенная» из социума. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. в городах было выявлено 21,9 тыс. бездомных в возрасте от 15 до 29 лет; 1,4 тыс. проживали в коллективных домохозяйствах [13, с. 152–153]. В 2009 г. было зарегистрировано 6,4 тыс. беспризорных и безнадзорных подростков в возрасте 15-17 лет [13, с. 54].

2) *Проблема разобщенности и нетерпимости*. В условиях города возможна преимущественно психофизиологическая консолидация, когда общее – место проживание, снабжение товарами и услугами, а остальное различно. Такая консолидация не решает проблемы разобщенности. Равнодушие, а порой и нетерпимость к окружающим, происходят оттого, что на относительно небольшой территории проживает большое количество людей, имеющих различные ценностные ориентации, интересы, социальный статус, переживания, трудности и др. Отсюда высок риск психофизиологических травм и материальных потерь из-за непонимания, оскорбления, обмана и др. При невысоком кредите доверия к окружающим распространенным способом защиты является отчуждение. Люди в городах замыкаются и страдают от одиночества, от которого ищут спасение в ценностной консолидации, связанной с работой, и в виртуальной коммуникации в Интернете, которые дают, отнюдь, не искомые понимание, участливость и единодушие, а лишь временное, иногда ложное утешение. Большую часть свободного времени молодежь тратит на просмотр телепередач и видеофильмов [13, с. 121–123].

Есть и другая причина разобщенности российского общества – межпоколенческий разрыв, или проблема «отцов и детей» [14, с. 294–300]. Для современной молодежи не авторитетно старшее поколение, которое оставляет ей в наследство неэффективную экономику.

Следовательно, в России проблемные ситуации состояний экономики в селах и молодежи в городах весьма удручающие, и у них есть точки соприкосновения, что дает основание сделать вывод о том, что проблемы продовольственной безопасности и молодежной консолидации в условиях нарастающих угроз можно решать системно на почве мотивации здорового образа жизни, крепких семейных отношений, полезного и физически активного сельского труда.

Пути взаимосвязанного решения проблем продовольственной безопасности и консолидации молодежи

Полагаем, что один из путей взаимосвязанного решения этих проблем состоит в аграрной консолидации молодежи, которой необходимо созреть в творчестве и закалиться в трудностях, чтобы осознать и приобщиться к высоким ценностям старших поколений. В этом предположении мы опираемся на успешный опыт Нового курса Ф. Рузвельта в период Великой депрессии экономики США. С отменой сухого закона молодых людей спрятали от соблазнов погрязшего в кризисе мира в лесных лагерях, где они на свежем воздухе, с хорошим питанием, под присмотром офицеров и инженеров занимались общественно полезным трудом: строили электростанции, мосты, дороги, проводили мелиоративные работы, сажали деревья. Рузвельт сохранил здоровье 3 млн. молодых парней, уберег их от вредных привычек и научил трудиться. Так Америке было обеспечено здоровое и нравственное будущее. Когда-то и русских мужчин называли богатырями, потому что они умели жить в природе. Доказательными аргументами служат и современные успешные практики эффективной сельской экономики как за рубежом, например, израильские кибуцы [15], так и в России, например, архангельское чудо [16]. Возможные пути повышения мотивации молодежи к сельской жизни были исследованы нами на примере села Новобусино Кольчугинского района Владимирской области, в результате этого получены обоснованные расчетами доказательства эффективной экономики села [17].

Село – это не только «сундучок», сохраняющий традиционные национальные ценности и традиции, но и «социальный инкубатор», культивирующий новые ценности будущего. Село предоставляет молодежи широкие возможности разнопланового творчества – материального, социального, духовного. Созидая маленький окружающий мир, молодой человек может пребывать в постоянном общении с Творцом и развивать собственный духовный потенциал. Если в городе он – потребитель предложенных готовых благ и услуг, обеспечивающих стандартное качество жизни, то в селе он – их созидатель, устроитель качества жизни по собственному замыслу, кузнец своего счастья. А счастье для российской молодежи является, по оценкам [18], самой желанной ценностью. Российское село щедро на пространство и природные ресурсы, необходимые для творчества новой жизни, но человек-одиночка слаб. Только консолидированному сообществу по силам освоить с пользой природные дары.

Этическим основанием консолидации социальных групп является единодушие в приоритетах разделяемых ценностей. На интересующие современную молодежь ценности указывают результаты социологического опроса студентов России, проведенного в 2011 г. в рамках проекта «Методы развития и мотивации творчества студентов и аспирантов в условиях инновационной экономики» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)», в котором интеллектуальная молодежь оценила высокую значимость ценностей: семьи (оценена в 9,4 балла из максимальных 10 баллов), собственного достоинства (9,3) справедливости (9,1), интересной работы (9,1), дружбы (9,0), любви (8,9) [19, с. 193]. Для их реализации необходима комплексная система трудовых и бытовых взаимоотношений.

Важнейшим условием консолидации социальных групп является взаимное доверие, которое происходит от уверенности в безопасности положения индивидов среди окружающих. Взаимное доверие крепнет там, где высокая совместная ответственность за качество жизнеобеспечения, единство интересов, задач, стандартов и взаимопонимание. Такое возможно в небольшой социальной группе, где все хорошо знают друг друга, например, в сельской общине, которая сообща реализует свой замысел новой жизни, свою коллективную мечту, например, обустройство коллективной усадьбы на селе. Общие ценности, образ и стиль жизни укрепляют взаимное доверие в группе и создают условия для развития молодежной солидарности – основы консолидации. Принцип солидарности в системе аграрной молодежной консолидации может сочетаться с принципами товарищества (взаимное признание равенства социальных статусов, уважение, доброжелательность, симпатия, ощущение чувства локтя) и соборности (духовное единение, как в церковной жизни, так и в мирской общности). Соборно консолидированной группе товарищей привлекательны ценности семьи, братства, дружбы, любви, справедливости, красоты природы, которые являются наиболее важными для молодежи и могут быть реализованы в условиях сельской жизни.

Однако аграрная консолидация молодежи, изнеженной городской жизнью, не произойдет сама собой. Молодежь, пожелавшую мигрировать из города в село, необходимо серьезно готовить для сельской жизни. Для этого нужна система частно-государственных механизмов, координирующих деятельность:

3) вузов, осуществляющих подготовку молодых специалистов, мотивированных жить и работать на селе;

4) машиностроительных заводов, производящих сельхозтехнику;

5) торговых и перерабатывающих предприятий, которым необходимы надежные поставщики качественной сельхозпродукции;

6) вновь создающихся и функционирующих на селе предприятий и предпринимателей, а также сельчан;

7) религиозных организаций, заинтересованных в росте приходов и умеющих развивать и поддерживать духовно-нравственное состояние сельских жителей и др.

В данной статье мы не затрагиваем серьезные проблемы формирования технологических цепочек бизнес-процессов в сельском хозяйстве, развития сельской индустрии (мини-перерабатывающих производств), инфраструктурного хозяйства села и др., решение которых невозможно без применения частно-государственных механизмов. Сначала в село должны прийти люди, умеющие и желающие там жить и работать.

Предлагаемые механизмы рурализации экономики России

На наш взгляд, для современной России целесообразны коллективные сельские поселения молодежи со схожими ценностями и интересами (в области ремесленничества, аграрного бизнеса, семейного уклада, спорта, вероисповедания, национальных традиций и др.), функционирующие на основе принципов общинного управления. Поскольку интересы и ценности молодежи разные, то необходимы дифференцированные механизмы рурализации экономики. Можно развивать аграрную молодежную консолидацию в формах:

8) сети единоличных фермерских дворов для молодежи, имеющей опыт аграрного бизнеса и/или достаточные финансовые средства; коллективной усадьбы для одиноких и малосемейных молодых людей с репутацией нравственного поведения;

9) трудового лагеря «рузвельтского» типа (с армейской дисциплиной, профессиональным обучением, оплатой труда) для молодых парней из малообеспеченных семей и лиц, находящихся в группе риска девиаций;

10) искупительно-реабилитационного лагеря (с инженерным руководством и духовным окормлением), восстанавливающего утраченное доброе имя методом добровольного безвозмездного выполнения работ на селе;

11) исправительно-воспитательные лагеря (с армейской дисциплиной, лечебной помощью и духовным окормлением) для лиц с девиантным поведением;

12) временных поселений популярных в советское время добровольческих студенческих агроотрядов;

13) трудового лагеря для школьников.

Данные формы определят социальную слоевую структуру населения сел. Между этими формами целесообразно установить взаимосвязи, обеспечивающие молодежи перспективы роста в случае успеха и подстраховку в случае неудач (переходы), по схеме: трудовой лагерь <=> коллективная усадьба <=> единоличный двор.

Важно, чтобы наряду с солидарностью и соборностью аграрная молодежная консолидация опиралась на принципы добровольности входа и выхода. В случае разочарования или неудач молодые люди могли бы вернуться в прежнюю городскую жизнь. Для повышения престижности аграрного труда и привлекательности жизни на селе целесообразно развернуть профориентационную работу, восстановить былую практику трудовых лагерей отдыха для школьников и студенческих агроотрядов, развивать интерактивный агротуризм и агропаломничество, предложить молодежи привлекательные формы полезного досуга в сельских условиях (например, праздники, ремесленничество, рукоделие, изобретательство, спорт, живопись, фотоискусство, музыка, певческие ансамбли, экзотический аквариум, ботанический сад, цветочные клумбы, зоопарк и др.), модели модной, практичной и удобной одежды, эстетичные предметы сельского быта, прогрессивную сельскую технику и т.д.

Необходимо обеспечить качественную профессиональную подготовку сельских специалистов и рабочих с условием обязательной отработки на селе после окончания обучения.

Для адаптации к условиям сельской жизни рекомендуется организовывать адаптационные лагеря (центры), в которых проводить ознакомительные и воспитательные беседы о ценностях и трудностях сельской жизни, прививать навыки сельскохозяйственного труда и быта; оказывать юридическое, профессиональное, медико-психологическое консультирование; пропагандировать успешные практики, проводить занятия на выносливость, создавать органичные коллективы для поселения в одном селе (оргнабор) и сплачивать их. Под *органичным коллективом* мы понимаем разнообразие человеческого потенциала, достаточное для обеспечения жизнеспособности в сельских условиях.

Для мотивации миграции в сельскую местность целесообразны механизмы: выделения грантов на обустройство коллективных усадеб на селе с эстетичной сельской архитектурой; ипотечного кредитования строительства деревенских домов для молодых семей на льготных условиях с учетом количества детей в семье и обустройства единоличных фермерских дворов; социального кредитования строительства инфраструктурных объектов села (дорог, магазинов, школы, детского садика, медпункта, клуба, библиотеки, сауны и др.); получения дополнительного заработка для сельчан; эффективного для сельских предприятий и предпринимателей лизинга сельхозоборудования; дотирования и субсидирования цен на готовую сельхозпродукцию с учетом ее качества взамен действующего механизма кредитования.

Важно устранить непрестижные и трудоемкие работы. Для повышения эффективности экономики села необходимы новые технологии и техника, перерабатывающие минизаводы, специальный транспорт, не причиняющий вреда здоровью и экологии; надежные торговые сети оперативного рентабельного сбыта сельхозпродукции.

Необходимо обосновывать места расположения молодежных поселений: либо на необжитых местах, т.е. развитие села с «чистого листа», либо методом вживления в организмы функционирующих сел и деревень так, чтобы не разрушить их уклада. Думается, что коллективные сельские поселения будут интересны молодежи, если для построения «деревни мечты» будет выделена экологически чистая территория сельской агломерации с живописными природными ландшафтами и богатыми ресурсами (лес, река, поля, луга). Многие привлекательные территории запущены в целину, нуждаются в экологическом оздоровлении, мелиорации, строительстве мостов и дорог, что требует приложения огромных единовременных усилий. Полагаем, что для первичного освоения сельских территорий целесообразно организовать военную агрослужбу, миссией которой наряду с защитой Родины могла бы стать идея ее оздоровления и украшения. Кроме помощи сельчанам, военная агрослужба могла бы участвовать в системе защиты сельчан и их имущества от терроризма, разбойных нападений и рэкета.

Важно не только обустроить коллективные сельские поселения, но также обеспечить их текущее покровительство со стороны государства в формах линий «прямого контакта», протекционных решений, грантовых и лизинговых поддержек, дотирования и субсидирования, интерактивного управления (например, назначением подотчетного старосты) и др.

Молодежные поселения разумно создавать вблизи монастырей и храмов, где бы молодежь находилось под пастырским присмотром и могла получать духовное окормление. Роль церкви в системе молодежной консолидации видится не в том, чтобы сделать из молодежи праведников. «Дело в том, чтобы каждое новое поколение расчищало в себе внутренние пути, ведущие к совести, и держало бы открытыми те священные ворота, за которыми она скрывается. Ибо *бессовестное поколение*, если оно придет когда-нибудь, погубит жизнь человека и его культуру на земле» (*курсив* – И. Ильин) [21, с. 182].

Выводы. Несостоятельность отечественного аграрного сектора экономики обусловила ухудшение состояния здоровья большинства населения России. Отсюда: низкие показатели рождаемости, продуктивности труда, предпринимательской и инновационной активности. Основная часть населения не думает о будущем, занята выживанием и сосредотачивает свои ресурсы на улучшении качества жизни в текущем, а не в долгосрочном периоде. Причем качество жизни понимается порой превратно, как сиюминутные удовольствия и развлечения. В низкой жизнеспособности населения и провалах демографии видится наибольшая угроза национальной безопасности.

Здоровье людей, а значит и их безопасность, во многом зависят от качества их питания и состояния экологии. Очевидно, что для укрепления продовольственной безопасности необходимо возрождать отечественное сельское хозяйство, способное производить качественную и полезную для здоровья продукцию. Для его возрождения в России, в первую очередь, необходимо обеспечить эффективную занятость в этом секторе экономики. Чтобы заинтересовать молодежь в жизни и работе на селе, необходимо учитывать ее ценности и интересы и обеспечивать условия их реализации. Целесообразно развивать сети коллективных сельских поселений молодежи со схожими ценностями и интересами слоевого типа. Для их организации нужна система дифференцированных (по ценностям и интересам) частно-

государственных механизмов. В первую очередь, следует повысить престижность аграрного труда и привлекательность жизни на селе, обеспечить качественную профессиональную подготовку сельских специалистов и рабочих; адаптировать их к условиям сельской жизни и сформировать систему трудовой, предпринимательской и инвестиционной мотивации; модернизировать аграрные технологии и технику, обеспечить надежную защиту сельских поселений, а также текущее покровительство со стороны государства и церкви.

Полагаем, что на данном пути наряду с решением проблемы продовольственной безопасности будут получены существенные эффекты в области борьбы с преступностью. «Черная» индустрия лишится основных клиентов и человеческих ресурсов.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И.В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социс. – М., 2007. – № 11. – С. 22–34.
2. Родионова Н.В. Теоретико-методические основания введения функции этической фильтрации в систему инновационного менеджмента // Менеджмент инноваций. 2012. – № 4. – С. 328–332.
3. Курочкина А.А., Харламова Т.Л., Евдокимова К.А. Возрастание требований к продовольственной безопасности страны и региона в условиях глобализации // Экономика и управление. 2012. – № 12 (86). – С. 33–36.
4. Ефимова Г.А., Осипова О.В. Производственно-генетический потенциал решения проблемы импортозамещения и реиндустриализации АПК РФ // Экономическое возрождение России. 2015. № 3 (45). – С. 117–122.
5. Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. / Пред. ред. кол. М.А. Дианов. – М.: Росстат, 2015. – 174 с.
6. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Состояние здоровья в Европе и России: общественный контекст и социальные неравенства // Социологический журнал. 2014. – Т. 20, № 4. – С. 19–43.
7. Наемный труд в сельском хозяйстве. Сельская молодежь в системе наемного труда // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2015. – С. 252–266; 280–308; Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат / Пред. ред. кол. А.Е. Суринов. – М., 2015. – 728 с.
8. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: Стат. сб. / Росстат / Пред. ред. кол. К.Э. Лайкам. – М., 2015. – 201 с.
9. U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012 – http://istmat.info/files/uploads/41192/statistical_abstracts_of_the_united_states_2012.pdf
10. Позаненко А.А. Последствия укрупнения сельских поселений: взгляд снизу // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. – № 1. – С. 168–185.
11. Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. / Росстат / Пред. ред. кол. К.Э. Лайкам. – М., 2015. – 274 с.
12. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ; Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – 166 с.
13. Родионова Н.В. Проблемы антагонизма ценностей «отцов и детей» в условиях российской модернизации // Проблемы модернизации социокультурной сферы региона: матер. междунар. науч.-практ. конф. от 19.10.12. / Под общ. ред. Е.А. Плеханова. – Владимир: РАНХиГС, 2012. – С. 294–300.
14. Брюггеман Г., Вайдингер М. Израильский кибуц – модель альтернативного социализма? // Альманах «Восток». 2004. – № 12, декабрь. – http://www.situation.ru/app/j_art_611
15. Сидельников И. Архангельское экономическое чудо. – http://www.contrtv.ru/common/1944/
16. Родионова Н.В., Фадеева Д.А. Трудовая мотивация молодежи в российском селе: на примере села Новобусино Кольчугинского района Владимирской области. – Saarbrűscken: LAP LAMBERT Academic Publishing (Германия), 2014. – 84 с.
17. Родионова Н., Горелкина С., Криворотова Т. SVP-модель системы управления по ценностям молодежи // Вестник ВлГУ: Серия экономические науки. 2014. – № 2. – [Электронный журнал]. – http://vestnik-es.vlsu.ru/index.php?id=4
18. Система потребностей, целей и ценностей студентов и аспирантов вузов России: монография / Под ред. Б.М. Генкина. – СПб.: СПбГИЭУ, 2012. – 266 с.
19. Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях: Монография / П.Д. Павленок и др., 2-е изд. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 233 с.
20. Ильин И.А. Путь духового обновления // Основы христианской культуры. – СПб.: Шпиль, 2004. – С. 64–351.

Тесленко А.Н.
д.п.н., д.соц.н., профессор Университета КАЗГЮУ, Астана
teslan@rambler.ru

САМООРГАНИЗАЦИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *самоорганизация, самоуправление, гражданское общество, студенчество, формальное / неформальное студенческое объединение, социализация молодежи, субъект/объект социализации.*

Key words: *self-organization, self-management, civil society, students, formal / informal communities, youth socialization, subject / object of socialization.*

Масштабные и глубокие трансформационные процессы на всем постсоветском пространстве в конце XX века в значительной мере связаны с исчезновением жесткой централизованной системы общественного регулирования и изменением вектора развития общественных отношений, основанных на принципах демократии и гражданского общества. Весь пафос социальной модернизации за последние 25-30 лет, был связан с благородным стремлением создать процветающее свободное общество, в котором личность располагает широкими возможностями для самореализации. И делать это предполагалось за счет снятия различных административных запретов, раскрепощения личной инициативы, расширения участия граждан в принятии наиболее важных для страны решений. Но оказалось, что даже *в самой идеологии реформ* господствовала тоталитарная установка. В глазах реформаторов население выступало лишь как объект регулирования, управления, то есть как объект воздействия, а вовсе не субъект, способный к самоорганизации; инициатива граждан не рассматривалась ими как значимая социальная сила, способная по-своему влиять на процесс модернизации общества [6].

Опыт реформирования на постсоветском пространстве показал: одной из главных предпосылок неудачи реформ является узость социальной базы их проведения, в том числе – отторжение от их реализации значительной части молодежи. Налицо – политика воинствующего патернализма, ставящая молодежь в положение, прежде всего, *объекта* воздействия, а не *субъекта* исторической деятельности, когда возможности для развития и самореализации молодежи далеки от должного. Поэтому она не может в достаточной мере раскрыть и реализовать свой творческий, инновационный потенциал. Между тем, история свидетельствует: реформы могут быть успешными лишь при активном участии в них молодых. При этом важно понимать: во-первых, молодежь по природе своей не прогрессивна и не консервативна, она – всего лишь сила, готовая к любому начинанию; во-вторых, задача науки состоит в том, «чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что общество может ожидать от молодежи (скрытый ресурс)» [7, с. 451].

Современная молодежь «оказалось в ситуации, когда она, логикой истории призвана продолжать развитие на базе унаследованных материальных и духовных ценностей, вынужденно, находясь в стадии развития, участвовать в выработке этих ценностей, зачастую самостоятельно, нередко вопреки рецидивам старого мышления» [5, с. 99]. В период перехода к взрослой, социально ответственной жизни в условиях социальных перемен молодой человек сталкивается с двумя противоречивыми тенденциями: во-первых, с возрастанием требований со стороны общества и степени его социализированности, а во-вторых – с расширением потенциального поля самоорганизации и самореализации, возможности осуществления выбора из множества альтернатив социальной интеграции.

Социальная самоорганизация – инициативный, самодеятельный способ и результат упорядочения объекта и его социальных связей, сущностными признаками которого являются непосредственная включенность субъектов в социальную практику, самодеятельное участие, инициативность (способность личности или социальной группы к актуализации самодеятельности, к ломке сложившихся стереотипов), ситуативность, спонтанность. Самоорганизация служит источником пробуждения инициативы молодых людей, поиска новых идей и методов, средств и способов деятельности. Методом проб и ошибок она помогает выявить новые формы взаимодействия, способы решения жизненных проблем, которые, которые, по мнению субъектов, адекватны изменившимся условиям существования и жизнедеятельности.

В трудах современных зарубежных и отечественных ученых в области социокультурного анализа структурных характеристик общества, процессов организации и самоорганизации в природе и обществе, гражданского общества прослеживается тенденции рассмотрения молодежного движения, формальных и неформальных объединений молодежи через призму социологического анализа феномена человеческих сообществ [1, 3, 5]. Данный анализ показывает, что различные общественно-политические системы в разное время предоставляют различные возможности для развития самоорганизующихся сообществ, например, студенчество, являющееся одним из составных элементов социальной группы молодежи [4].

Известно, что первые самоорганизующиеся и самоуправляемые сообщества в студенческой среде возникли в западноевропейских университетах как средство удовлетворения базовых и духовных потребностей в еде, одежде,

жилье, правовой защите и безопасности, в знаниях, культурном обеспечении путем объединения усилий с людьми, имеющими схожие интересы, потребности, проблемы.

Сегодня перенос на отечественную почву западноевропейского феномена студенчества закономерно повлек за собой и перенос всех атрибутов существования этого феномена. Самоорганизация стала выступать как средство апробации новых социальных технологий. Со становлением гражданского общества, основанного на самодеятельном, инициативном участии людей в общественной жизни и отделении частной жизни от политической, студенческая молодежь пытается сама решать многие проблемы жизни. Самоорганизация превратилась в дополнение к организации студенческой жизни в направлении развития от самодеятельности к институциализации. Объединенные интересы сегодня все чаще нормализируются, оформляются организационно и тогда самоорганизация уже трудно отделима от организации: она либо предшествует ей, либо сопровождает как параллельный процесс, или развертывается на ее почве. В этих условиях разумное сочетание внешнего воздействия и собственных потенций личности позволяет сформировать в ней необходимые структуры, способные к устойчивому функционированию и адаптивному обновлению на всех этапах социализации молодежи.

Студенческие объединения в казахстанских вузах возникают в ответ на необходимость удовлетворения потребностей студентов в экономической и эмоциональной поддержке друг друга. И эти мотивы объединения аналогичны мотивам объединения студентов в западноевропейских университетах в позднем средневековье. Следовательно и от современного студенчества можно ожидать способности к объединению как необходимой основы существования «эффективного» студенчества и объединению на социально-эмоциональной основе как наиболее естественном мотиве объединения, при условии освобождения от административного давления.

Но не только удовлетворение материальных и духовных потребностей студентов толкает молодых людей к самоорганизации, не менее важны два других фактора возникновения самоуправляющей деятельности, которая может возникнуть, с одной стороны, в ответ на неэффективность существующей административной системы в обеспечении благоприятных экономических, социальных, культурных и политических условий жизни студенчества, с другой стороны, как результат осознания студенчеством своих интересов и прав, а также способов их реализации. Оба случая фиксируют ситуацию, когда дальнейшее функционирование сообщества связано с необходимостью принятия им на себя прав и обязательств по организации собственной жизни посредством передачи части полномочий от центральных органов власти в руки самоуправляемых общностей.

Необходимо отметить, что гражданское общество возможно только в условиях гарантированности прав и свобод, возможности участия граждан в принятии политических решений. Сегодня очевидно, что в правовом отношении система гарантированности прав и свобод граждан страны в целом и студенческой молодежи, в частности, лишена особых противоречий [3]. Однако существует расхождение во мнениях и оценочных суждениях молодежи относительно характера соблюдения их законных прав и свобод. При этом нетрудно заметить, что большинство опрошенных респондентов в своих оценках руководствуется практической стороной проблемы. Этот факт демонстрирует существование издержек в механизмах реализации законов со стороны исполнительных органов, присутствие в сознании молодежи правового нигилизма, вызванного незнанием своих прав и возможностей.

Важным моментом в процессе самоорганизации и самоуправления в студенческой среде является возможность донести информацию о проблемной ситуации до как можно большего числа людей. В этой связи актуализируется роль «переговорных площадок», позволяющих установить коммуникацию как внутри молодежного сообщества, так и за его пределами с целью обсуждения проблемной ситуации и принятия решений о ее разрешении. В условиях информационного общества чаще всего в качестве таких действующих «переговорных площадок», как важнейшего компонента гражданского общества, выступают Интернет и другие ресурсы сетевых технологий. Именно эти «виртуальные переговорные площадки», реализуемые в форме Интернет-форумов, обеспечивают эффективную коммуникацию внутри студенческой среды и за ее пределами с целью актуализации деятельности самоуправляемых студенческих сообществ [3, с. 89].

В данном случае Интернет-форумы позволяют оптимизировать коммуникационные процессы в самоуправляемых сообществах и тем самым повысить эффективность их функционирования. Анализ контента Интернет-форумов говорит о том, что в студенческой среде существует ряд проблем и противоречий, затрагивающих базовые интересы студенчества, перечень и актуальность которых практически не меняются со временем, вызывая беспокойство от 36 до 69% респондентов, в зависимости от сферы. В этих условиях около половины опрошенных считают, что пассивность студенчества является основной причиной проблем в студенческой среде. При этом треть опрошенных положительно оценивает возможности студенческих объединений решать значительную часть студенческих проблем.

Вузовская социализация по-прежнему базируется на подгонке индивида под желательные для общества параметры, превращающей его в конформистски настроенную личность, лояльную ко всем государственным институтам, хотя необходимо *формирование социально активного и ответственного гражданина, способного творчески перерабатывать социальный опыт и не только адаптироваться к действительности, но и изменять эту действительность* [9]. Существующая система организации учебного процесса основана на установке: «Делай все, как предписано, и станешь специалистом». В таких условиях студенты не являются полноценными субъектами и несут ответственность лишь за степень готовности и исполнительности. Студенты, как правило, сами не ставят перед собой познавательных и других образовательных целей, не планируют, не прогнозируют, не контролируют свою учебную деятельность, а также ее организацию администрацией и преподавателями [8].

Список литературы

1. Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ. 1994. – 496 с.
2. Багуцкий Н.В. Студенческие сообщества как субъект гражданских отношений в современном российском контексте. / Дис … к.с.н. – Саратов: СГТУ, 2006. – 198 с.
3. 3 Багуцкий Н.В. Проблематика гражданского общества: ограничения и механизмы развития // Вестник СГТУ. 2006. – С. 197–202.
4. Гуничева Е.Г. Студенческое самоуправление как стратегический ресурс современного общества // Вестник Нижегородского ун-та. Серия: Соц. науки. 2007. – № 3(8). – С.173–179
5. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // СОЦИС. – М., 1997. – № 3. – С. 25–36.
6. Перспективы самоуправления и самоорганизации в России: Сб. науч. работ / Отв. ред. И.А. Бутенко. – М.: Московский общественный научный фонд. 2000. – 211 с.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Политиздат. 1994.
8. Столярова Э.О. Студенческое самоуправление как фактор социализации молодежи в условиях становления социального государства. Автореф. дис… к.с.н. – Усть-Каменогорск, 2010. – 21 с.
9. Тесленко А.Н. Организация и самоорганизация молодежи в процессе социализации. – Томск: Спектр, 2001. – 120 с.
10. Тесленко А.Н. Ювенология и юногогика: два подхода к исследованию молодежной проблематики. – Астана: АО «КазГЮУ», ОФ «Центр ювенологических исследований», 2015. – 174 с.

Ушамирский А.Э.[1]

К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: *молодежь, субъектность молодежи, интеграция молодежи, адаптация молодежи, молодежные ценности.*

Проблема субъектности молодежи является довольно традиционной для исследователей, специализирующихся на изучении данной социально-демографической группы[2]. Тезис о том, что она обладает данным атрибутом, является едва ли не бесспорным. Так, в энциклопедическом словаре «Социология молодежи» сказано, что субъектность молодежи – «характеристика молодежи как активной силы в воспроизводстве общества и его изменении»[3]. Однако не предпринимается попытки объяснить, насколько реальной является возможность для молодежи обрести такой статус, чем он определяется.

Исследователи в данном случае, как правило, не обращают внимания на то обстоятельство, что идея субъектности молодежи находится в противоречии с другим устоявшимся представлением – о маргинальности молодого поколения. Акцентируя внимание на данном обстоятельстве, В.Т. Лисовский подчеркивал: «Молодежь – это социально-возрастная группа, находящаяся в процессе профессионального и социального становления. В зависимости от социальных, региональных, национальных условий возрастные границы могут значительно варьировать. Условно можно принять за нижнюю границу 15–17 лет – срок окончания средней школы, а за верхнюю – 30 лет – период окончательного включения в социально-профессиональную структуру общества»[4].

Действительно, молодежь всегда транзитивна, ее социальные характеристики изменчивы, часто размыты. Но атрибут субъектности, как нам представляется, предполагает строгую фиксацию статуса его носителя. Скорее всего, более или менее отчетливое понимание возникающей антиномии, породило подход, согласно которому молодежь – это группа, постоянно *осваивающая* субъектность. Формулируя его, А.И. Ковалева и В.А. Луков, пишут, что «переходный характер молодости, на который обращают внимание все исследователи, начиная, по крайней мере, с Ж.-Ж. Руссо, может быть, во-первых, увязан с социальными обстоятельствами (освоение все большей меры социальной субъектности, движение преимущественно объектных к преимущественно стратегиям жизнеосуществления), а, во-вторых, разрешен не только на уровне принципа, но и на уровне механизмов»[5]. Субъектность, в их понимании, это способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности[6].

Органическую взаимосвязь творчества с атрибутом субъектности подчеркивают и другие специалисты: «Проявление творческого начала, выраженного в способности быть не только объектом влияния объектом влияния, но и активным субъектом воздействия на самого себя и окружающий мир, составляет основу социальной субъектности в духовной сфере», – утверждает Ю.А. Зубок[7]. Белгородские исследователи не менее определенно заключают, что целью молодежной политики «должно стать формирование социальной субъектности молодежи, т.е. способности выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности»[8]. Они также связывают субъектность с творчеством, или, по меньшей мере, с социальной активностью.

Итак, субъектность молодежи чаще всего трактуется как ее способность создавать и внедрять в практику социальные инновации. Но такая трактовка основана на недостаточно корректной интерпретации понятия «субъект». Принимая ее, мы обязаны будем исключить из числа субъектов тех, кто не участвует в производстве нового, хотя и принимает значимые для всего социума или его отдельных частей решения. Число таких субъектов социального действия

---

[1] Ушамирский Алексей Эдуардович – к.ю.н., доцент, декан юридического факультета Волжского института экономики, педагогики и права. E-mail: viepp@list.ru

[2] См., например: Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. – М., 2006. – № 6; Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010; Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. 2-е изд., с изм. и доп. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015; Запесоцкий А.С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. 2011. – № 11; Ильинский И.М. О молодежной политике российского политического центризма. – М., 1999; Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. – М., 1996; Кибанов А.Я., Ловчева, М.В., Лукьянова, Т.В. Реализация молодежной политики в Российской Федерации: Монография. – М, 2015; Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М., 1999; Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // СОЦИС. – М., 2015. – № 8; Молодежь России в начале XXI века. – М., 2007; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001.

[3] Социология молодежи. Энциклопедический словарь. – М.: Academia, 2008. – С. 500.

[4] Лисовский В. Т. О молодежи и молодежной политике: в 2 т. / Под общ. ред. А. А. Козлова. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 36.

[5] Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М., 1999. – С. 147.

[6] Там же, с. 146.

[7] Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии: моногр. – Белгород, 2007. – С. 20.

[8] Там же, с. 251.

достаточно велико. В частности, ничего нового порой не создают руководители органов власти разного уровня. Но они принимают значимые социальные решения и, согласно классическому определению (субъектность – это способность человека быть познавательным и действующим существом[1]) должны быть наделены атрибутом субъектности. Наличие его означает не более чем возможность и способность самостоятельно действовать.

Признаки субъектности в рассматриваемом контексте – суверенность и функциональность, определяющие формирование деятельного сознания. То есть сознания, опирающегося на личную инициативу, способность к выбору альтернатив. Субъект всегда – автор выбора[2].

Таким образом, социальная субъектность – это *свойство человека, группы или общества, заключающееся в их способности принимать самостоятельные решения и действовать, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов.* В таком своем это понятие целесообразно применять к молодежи, что обусловливает возникновение комплекса проблем когнитивного характера.

Во-первых, довольно очевидно, что молодежь в своем абсолютном большинстве лишь претендует (и далеко не всегда обоснованно) на субъектность. Учитывая же, что молодежь постоянно меняется, важно понять «вектор субъектности». И здесь следует учесть, что социальные изменения в современном обществе не носят линейного характера, происходят под влиянием различных аттракторов, максимально вариативны.

Поэтому несостоятельно представление о развитии молодежи как о прямом движении «от объектности к субъектности», упрощающее развитие социальных тенденций, в которых якобы невозможен возврат к прежним состояниям или отклонение от доминирующей стратегии развития. Молодежь, как и другие биологические и социальные объекты, способна самонастраиваться и самодостраиваться в ответ на внутренние и внешние изменения различной направленности, иногда удаляясь от состояния субъектности, иногда – приближаясь к нему. Здесь очень многое зависит не только от самого человека, но и от ситуации, в которой он оказался. В ряде случаев она может вынуждать целые группы молодежи адаптироваться «под других субъектов», лишь декларируя активность. В самом же деле – послушно следуя в фарватере доминирующей элиты. Следовательно, процесс обретения молодежью субъектности неустойчив, внутренне противоречив и даже конфликтен, потенциально реверсивен.

Во-вторых, нельзя не учитывать, что до настоящего времени мы не имеем ясной и теоретически обоснованной системы показателей, позволяющих оценить уровень субъектности молодежи. В самом общем виде понятно, что эти показатели должны учитывать не просто уровень активности молодых людей (в конечном итоге она может быть имитационной), но их способность реально воздействовать на социальные процессы, прежде всего, с учетом собственных интересов. Однако проследить характер такого воздействия крайне сложно, тем более что оно может иметь пролонгированный характер.

В-третьих, элементом развития молодежи является ее социальная интеграция. В. Ф. Левичева отмечает, что **социальное самоопределение** молодежи может рассматриваться, «с одной стороны, как поэтапный процесс ее включения во все сферы общественной жизни и достижения относительно равновесного состояния в социальной структуре общества, с другой – как осознание молодыми людьми своей принадлежности к определенным социальным группам с закрепленными в них социальными статусами и ролями, то есть формирование устойчивой социальной идентичности»[3]. Таким образом, процесс освоения субъектности – это и процесс «взаимодействия социальной среды и личности через осознание внутренней связи с этой средой и проявляется интеграция. Органическое включение молодежи в общественные структуры инициируется и детерминируется референтными для личности изменениями социальной среды, а также активностью самой личности, направленной на интернализацию этих изменений, и психологической готовностью на этой основе того или иного вида деятельности»[4]. Но нельзя отрицать, что, идентифицируясь с внешними социальными объектами, молодежь в значительной степени утрачивает собственную субъектность, принимая зачастую неорганичные ей, но необходимые для выживания и достижения личного успеха ценности и нормы поведения.

В-четвертых, поскольку молодежь существенно дифференцирована в субкультурном отношении, ее различные группы выбирают отличающиеся друг от друга жизненные стратегии[5]. В их числе есть стратегии наращивания субъектности, но имеются и стратегии «сознательной десубъективизации» либо путем социального исключения, свертывания жизненного пространства, либо путем утраты собственной молодежной идентичности и образцов «взрослой культуры». Исключение, – подчеркивает Ю.А. Зубок, – «представляет собой отторжение различных групп молодежи, во-первых, от средств жизнеобеспечения; … во-вторых, от политических и социальных прав… Как статусная характеристика социальное исключение символизирует положение отторгнутой, исключенной социальной группы[6].

Именно в молодежной среде довольно ярко прослеживается феномен парадоксального человека, «сочетающего в себе взаимоисключающие ориентации, которые противостоят друг другу, исключают друг друга, несовместимы между собой»[7].

---

[1] Социологическая энциклопедия. В 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – С. 611.

[2] См.: Пригожин А.И. Проблема субъекта – в центре процесса приватизации // Социологические исследования. – М., 1992. – № 4. – С. 22–32.

[3] Левичева В.Ф. Самоопределение // Социология молодежи: энцикл. сл. / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М., 2008. – С. 417.

[4] Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003. – С. 18.

[5] Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. – Белгород, 2007. – С. 5.

[6] Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования. – М., 2007. – С. 212–213.

[7] Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. – М., 2004. – № 12. – С. 4.

Отчетливо выраженная субкультурная дифференциация делает весьма проблематичной постановку вопроса о субъектности молодежи в целом. Ее различные когорты обладают неодинаковой субъектностью, а иногда и вовсе не обладают ею. Для некоторых из них типичен сознательный отказ от субъектности. Они вполне удовлетворяются статусом ведомого, порой – социального аутсайдера.

В-пятых, нельзя не учитывать, что социальная субъектность молодежи может быть как социетально ориентированной, направленной исключительно на себя, на свое близкое окружение. При этом асоциальность далеко не всегда проявляется в деструктивных формах, но может выражаться в различных вариантах социального исключения. Т.И. Морозова утверждает: «Безусловно, молодежь стала в целом более субъектной, то есть способной самостоятельно выстраивать свою жизнь, обеспечивать реализацию жизненных планов. Однако субъектность молодежи в большинстве случаев оказалась односторонней, квазисоциальной, то есть замкнутой исключительно на себя, без обращения к общественному контексту»[1].

Кроме того, имеет место и асоциальная (деструктивная) субъектность, выраженная в форме преступности, терроризма, социального неповиновения, агрессивности и других отклонений, требующая особого внимания.

Наконец, субъектность молодежи может существенно различаться в зависимости от уровня, на котором она формируется и реализуется. Молодые люди способны быть самостоятельными и активными в приватной сфере (семья, досуг), но пассивными в публичной жизни. Так, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги пишут: «Молодежь как наиболее динамично реагирующая группа на все то, что не принято считать традиционным, обнаруживает наибольшую активность в освоении новых возможностей и форм проведения свободного времени»[2]. В то же время они весьма скептически оценивают возможности молодежи в модернизации социальной структуры[3]. Очевидно, возможна и противоположная ситуация – публичная активность при инфантилизме на микроуровне.

Таким образом, мы считаем возможным рассматривать молодежь только как потенциального субъекта любого регионального сообщества в России. Встречающиеся в научной литературе однозначные утверждения о безусловной молодежной субъектности являются не более чем попыткой мифологизации молодежи, выдачи желаемого за действительное.

---

[1] Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона: дис. … докт. социол. наук. – Белгород. – 459 с.

[2] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010. – С. 190.

[3] Там же. С. 591.

Филоненко Ю.В.
к.э.н., доцент ЮФУ
Ковалев В.С.
бакалавр ЮФУ, председатель Городского молодежного штаба, г. Ростов-на-Дону

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *гражданские институты, общественные организации, молодежь, социальные нормы, междисциплинарный подход.*
Keywords: *civil institutes, public organizations, youth, social norms, cross-disciplinary approach.*

Экономическая теория и практика с середины XX в. признает важность локальных социально-экономических систем (гражданских институтов, местных сообществ) в развитии отдельных территорий и государств. В интерпретации пространственных социально-экономических явлений целесообразно учитывать роль системы жизнедеятельности местных сообществ, где наблюдаются специфические явления, процессы и закономерности социально-экономической деятельности индивидов и социальных групп. С этой точки зрения теоретические положения теории региональной экономики для объяснения условий, факторов развития местных сообществ и их вклада в социально-экономическое развитие региона могут быть дополнены исследованием социально-экономических взаимосвязей с помощью методологии институциональной теории, поведенческой экономики, социологии.

Методологический потенциал этих подходов позволяет расширить аналитические и познавательные инструменты для объяснения современных социально-экономических явлений с учетом развития гражданских институтов – самоорганизованных объединений граждан, направленных на достижение каких-либо целей и задач – общественные движения, неправительственные организации, гражданские инициативы[1], которые имеют существенное значение в социально-экономическом развитии региона. К ним относятся некоммерческие, экологические, детские, патриотические, научные и образовательные организации, краеведческие, профессиональные, культурные союзы, клубы, организации местного самоуправления, ветеранов и инвалидов, молодежные, спортивные, религиозные организации, ассоциации, благотворительные организации. Наличие такого рода институтов и их эффективная деятельность свидетельствует о значительном социальном капитале, возможностях коллективных действий, положительно влияет на качество региональных институтов и способствует эффективности социально-экономических процессов, происходящих в регионе. В экономической науке в рамках экономики государственных и общественных организаций распространенным подходом (Л. Якобсон, С. Санович и др.) является выделение «третьего сектора» как совокупности ячеек регулярного организованного сотрудничества людей, характеризующегося рядом признаков, одним из которых является наличие определённых целей, как правило, носящих альтруистический характер или заключающихся в удовлетворении потребности в самореализации участников, коллективном устройстве их частной жизни[2].

Основным видом организаций, действующих в данном секторе, являются некоммерческие организации, создаваемые в форме общественных или религиозных объединений, общин коренных малочисленных народов России, казачьих обществ, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных законом. В целях упрощения процедуры выделения некоммерческих организаций, претендующих на право получения государственной поддержки, в федеральном законодательстве было выделено понятие социально ориентированной некоммерческой организации (СОНКО), которыми признаются НКО, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества[3].

Среди них выделяются организации, занимающиеся решением социальных проблем, деятельностью в сфере образования, патриотического воспитания граждан и т.д., молодежные организации, имеющие целью создание условий, необходимых для развития у молодого поколения активной гражданской позиции, привлечение их к реализации социально-ориентированных проектов, развития у молодежи навыков и компетенций, необходимых для работы в общественной организации и дальнейшего трудоустройства.

---

[1] Халий И. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. Горшков. Вып.6. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 265–280.

[2] Якобсон Л., Санович С. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. – М., 2009. – № 4. – С. 21.

[3] Сесявин Е. Развитие механизмов государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне. – СПб: 2015. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – http://economy-lib.com

Развитие этого сектора и увеличение его роли в жизни общества дополняется вниманием государства к проблемам функционирования таких организаций и увеличением их финансирования. При этом большая часть финансирования СОНКО осуществляется на региональном уровне, а направления финансирования выбираются исходя из особенностей субъекта РФ. Так, в Ростовской области уделяют особое внимание СОНКО, занимающимся деятельностью в сфере молодежной политики, пропаганды здорового образа жизни, а также организациям, занятым в области дополнительного образования. Ростовская область нами выбрана в качестве примера региона, в котором в полной мере реализуется потенциал детских и молодежных организаций как социального института и достигнуты определенные качественные и количественные результаты мероприятий и проектов государственной программы Ростовской области «Молодежь Ростовской области» за 2015 г.:

Таблица 1

Динамика изменения ключевых показателей государственной программы «Молодежь Дона»[1]

Показатель	2014 г.	2015 г.
Число молодых людей вовлеченных в молодежную политику	7000 чел.	7500 чел.
Доля молодежи, состоящая в общественных объединениях от общей численности молодежи Ростовской области	28%	28%
Количество региональных, межрегиональных и международных конкурсных мероприятий, направленных на продвижение инициативной и талантливой молодежи	21 ед.	22 ед.
Количество молодых людей, принимающих участие в региональных, межрегиональных и международных конкурсных мероприятиях, направленных на продвижение инициативной и талантливой молодежи	16 300 чел.	16 300 чел.
Количество молодых ученых и инноваторов, награжденных именными премиями Губернатора Ростовской области	9 чел.	9 чел.
Доля молодежи, вовлеченной в добровольческое (волонтерское) движение	8%	8%
Доля молодежи, охваченной профилактическими акциями, от общего количества молодежи в Ростовской области;	30%	30%
Количество молодых людей, принимающих участие в мероприятиях, направленных на укрепление семейных ценностей, поддержку молодых семей	13000 чел.	13000 чел.
Доля молодежи, участвующей в мероприятиях по формированию толерантности, от общего количества молодежи в Ростовской области;	16%	16%
Количество молодежных общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой	11 ед.	11 ед.
Количество действующих молодежных патриотических объединений, клубов, центров	50 ед.	50 ед.
Количество молодежи, регулярно участвующей в работе клубов и общественных объединений патриотической направленности	7000 чел.	7000 чел.
Уровень освоения бюджетных средств, выделенных на реализацию государственной программы	97,9%	98,1%

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод о размере и направлениях государственного финансирования проектов для молодежи и о деятельности детских и молодежных организаций Ростовской области. Так, за период 2014–2015 гг. изменились только два показателя – число молодых людей, *вовлеченных* в политику, и количество конкурсов, направленных на продвижение талантливой молодежи, и при этом изменения незначительные. Однако, с учётом того, что финансирование программы уменьшилось с 86 млн. руб. в 2014 г. до 75,5 млн. руб. в 2015 г., по нашему мнению, представленный результат можно считать успешным, так как на фоне экономических трудностей были сохранены все достигнутые показатели, с сохранением на должном уровне качества проведения мероприятий.

При этом, по данным Минэкономразвития РФ, Ростовская область занимает высокое место среди других субъектов Российской Федерации по показателям, связанным с поддержкой социально ориентированных некоммерческих организаций. На долю Ростовской области приходится около 4,2% всех зарегистрированных в РФ некоммерческих организаций (5 место) и 4,1% всех благотворительных организаций (9 место); средняя численность добровольцев, привлекаемых НКО за год составляет более 25 тысяч человек (9 место); количество СОНКО получивших финансовую поддержку из бюджета субъекта федерации составляет 115 организаций (12 место)[2].

При этом в случае с общественными объединениями необходимо учитывать, что не только количественные показатели в отчётах органов власти могут продемонстрировать реальное положение вещей в данной области. Современные молодежные и детские общественные объединения – институты гражданского общества. Они играют важную социальную роль в условиях реализации молодежной политики в муниципалитетах и субъектах федерации, так как они предоставляют молодым людям доступ к знаниям и технологиям, которые помогают повысить свои конкурентные преимущества при трудоустройстве в любой сфере. Помимо этого СОНКО ставят перед собой значительное количество социально значимых задач, результат реализации которых затруднительно измерить количественно, либо эффект от мероприятий является долгосрочным.

По нашему мнению, одним из ключевых вопросов функционирования молодежных организаций является их деятельность как социально-экономических агентов и как важнейшего социального института, который позволяет эффективно проходить процессу социализации детей и позволит привить им моральные качества, заложить основу

[1] Составлено авторами по: Постановление Правительства Ростовской области от 24.03.2016 № 205 «Об утверждении отчёта о реализации государственной программы Ростовской области «Молодежь Ростовской области» за 2015 год». – http://www.donland.ru/documents

[2] Оценка эффективности использования субсидий из федерального бюджета. 2014 // Портал единой автоматизированной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. – http://nko.economy.gov.ru/Reports/Verify

для их будущей активности и дальнейшей профессиональной деятельности. Особенностью функционирования молодежной политики является то, что её субъектом выступает не только государство, но и различные молодежные объединения, организации, союзы, которые действуют как социальный институт, обеспечивают процессы формирования моральных установок, ценностей и ориентиров поведения. При этом, по мнению социологов, для молодежи возможность активно принимать участие в деятельности общественных объединений, становиться организаторами, разработчиками и авторами является важнейшим интересом и социальной потребностью. Социальная активность является одной из ключевых особенностей молодежи как социальной группы и первостепенным основанием деятельности молодежных общественных объединений[1]. Такие организации выступают и важным экономическим агентом – поставщиком будущих перспективных кадров, производителем широкого спектра социальных услуг для детей и молодежи.

В социологии и социологическом анализе уделяется значительное внимание социальной активности молодежи (М. Горшков, Ю. Зубок, А. Кострикин, В. Филоненко, В. Чупров, Ф. Шереги и др.) и признано, что наиболее сильным влиянием обладают ее групповые формы, которые становятся инструментом воспитания молодежи. В работах российских социологов выделяются общие черты в деятельности и долгосрочном развитии молодежных общественных организаций в современном российском обществе[2]. К таким положительным характеристикам относится то, что деятельность, осуществляемая общественными организациями, принимает вид эффективной работы с большим количеством нововведений и инновационных практик, посредством такой деятельности вырабатываются инструменты работы с учащимися школ, колледжей, вузов. Во-вторых, деятельность молодежных общественных организаций позволяет привлечь внимание общественности и государственных органов к существующим проблемам, что обеспечивает приток дополнительных материальных, финансовых и человеческих ресурсов в сферу молодежной политики и в отдельные проекты. Особое влияние при этом оказывают не только прямые инвестиции, но и труд членов объединений и привлекаемых волонтеров. Если рассмотреть описываемые организации как социальный общественный институт, то становится очевидным, что они являются мощным механизмом воспитания в подрастающем поколении гражданской позиции, патриотизма, ответственности и толерантности.

Междисциплинарный подход в анализе экономической деятельности общественных организаций обеспечивается синтезом институциональной экономики, поведенческой экономики, а также социологии и экономической социологии, что позволяет использовать потенциал их методологического аппарата и различных теоретических установок и исследовать различные аспекты поведения, исходя из различных детерминирующих факторов.

Так, следует учитывать, что функционирование организации неизбежно связано не только с внешними для нее институтами, но и внутренними правилами, технологиями или рутинами. Поведение акторов внутри организации также связано с правилами, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия внутри организации[3]. Принятие этих правил происходит в результате процессов социализации индивидуумов, непосредственно связанных со спецификой социума в целом и региона, в частности (что имеет особое значение для России как полиэтнического сообщества) с культурной и этноконфессиональной палитрой регионов. При этом значительная часть российских граждан, в том числе в регионах, являются носителями социокультурных установок и неформальных институтов, без учета которых невозможно осуществить институциональные реформы и преобразование экономико-социальных практик, отражающих повседневное поведение массовых социальных групп. В этой связи в процессе институционального проектирования необходимо учитывать, анализировать и управлять процессами социализации как процесса усвоения институционализированных норм и общепринятых ценностей (по Э. Дюркгейму и Т. Парсонсу). Потребности социальной реальности доминируют над индивидом, становясь для него одновременно источником высших ценностей. Конечная цель усилий по психосоциальной, ролевой, когнитивной, нравственной социализации воплощается в обеспечении сохранения общества посредством усвоения новыми поколениями принятых в обществе идеалов, норм, обычаев и ценностей. При этом Дюркгейм был убежден в том, что для эффективного функционирования обществу недостаточно иметь личную заинтересованность, материальный интерес граждан. Только существование коллективных норм, разделяемых каждым, может служить фундаментом общественной солидарности. Усвоение индивидом «здоровых», «функциональных» социальных норм и есть цель процесса социализации.

В этой связи особое значение имеет анализ социальных и рыночных норм и предпочтений в контексте экономической деятельности общественных организаций, исследуемые в рамках поведенческой экономики.

Действительно, неоклассическая теория рассматривает экономического человека как расчётливого и эгоистичного субъекта, который следует своей выгоде, принимает рациональные решения, учитывает все существующие обстоятельства, стремится улучшить своё благосостояние и сводит к минимуму неизбежные риски. Однако многочисленные исследования, в первую очередь представителей социологии (М. Певная, И. Корнеева, И. Мерсиянова, Л. Якобсон и др.) и поведенческой экономики (В. Автономов, Д. Ариели, А. Белянин, С. Боулз и др.) выявили, что «человек экономический» готов к высокопроизводительной работе, не получая никакого денежного вознаграждения. Волонтерство в разных странах признано значимым феноменом, вносящим ежегодный вклад в экономику, равный 400 млрд. долларов США, социологические замеры показывают, что в 2014 г. 1 млрд. человек старше 18 лет работали волонтерами в некоммерческом секторе (21%), 2,2 млрд. человек оказывали помощь незнакомым людям (48,9%). Хотя бы один раз за

[1] Иваненков С., Кострикин А. Проблемы исследования социальной активности молодежи // Credo new. 2009. – № 3. – www.credonew.ru/content/view/834/61/; Социальная активность молодёжи как условие развития современного общества: Сб. науч. трудов Всероссийских социально-педагогических чтений им. Б.И.Лившица. – Екатеринбург: Уральский пед. университет, 2010.

[2] Березутский Ю., Фирсакова И. Общественные молодежные организации в социологическом измерении: монография. – Хабаровск: ДВИ – филиал РАНХиГС, 2012. – С. 169.

[3] Вольчик В. Проблема доверия и модернизация институтов // TERRA ECONOMICUS. 2012. – Т. 10, № 2. – С. 12–18.

год работали на добровольных началах в НКО 23 млн. россиян (19%), а каждый третий (32%) оказывал безвозмездную помощь нуждающимся[1].

По нашему мнению, одной из основных причин такого поведения человека служит влияние социальных норм – правил поведения человека в обществе, которые установились благодаря общественным отношениям и сознательной человеческой деятельности. Основными признаками социальных норм являются их качество как регуляторов общественных отношений, а также их действие по отношению не к конкретной личности, а сразу ко всей общности. Классификация социальных норм позволяет идентифицировать их как по способу образования (как результат сознательной, целенаправленной деятельности, а также стихийно), так и по способу их закрепления (письменные и устные), а также в зависимости от особенностей их возникновения и реализации. Это наиболее важная классификация социальных норм: нормы морали, нормы обычаев, традиций и деловых обыкновений, корпоративные нормы, религиозные нормы, политические нормы и правовые нормы. Так, моральные нормы как часть социальных – это взгляды, представления людей о добре и зле, о хорошем и плохом, о чести, совести, долге, справедливости, и т.п. и поддерживаемые как внутренними установками личности, так и общественным мнением[2].

Все вышеперечисленные виды социальных норм имеют общие особенности: данные правила поведения являются обязательными либо для определенной общности людей, либо для общества в целом. Они действуют постоянно, при этом порядок их выполнения закреплен нормативно или в общественном либо групповом сознании. Социальные нормы устанавливают границы поведения людей, которые являются допустимыми в определенной жизненной ситуации. Социальные нормы соблюдаются, либо по внутреннему убеждению человека, либо из-за возможных санкций.

Проблему влияния социальных норм на деятельность человека изучал Д. Ариели и пришел к следующим выводам[3]:

– под влиянием не связанного с деньгами мотива люди склонны работать более эффективно, так как они перестают принимать во внимание рыночные нормы;

– если люди действуют в поле социальных норм, то они проявляют склонность к оказанию помощи, к работе в команде, в отличие от людей, действующих в рамках рыночных норм;

– включение рыночных норм в социальные нормы приводит к нарушению последних и вредит отношениям, установившимся в группе.

Таким образом, проблематика общественных организаций как институтов гражданского общества является предметом научного дискурса и экономики, и социологии, связанной также с социокультурной спецификой страны в целом и регионов, в частности. При проведении исследований экономической деятельности детских и молодежных организаций необходимо уделять особое внимание влиянию социальных норм на принципы работы и особенности деятельности таких организаций, учитывая, что общественные организации как социально-ориентированные некоммерческие организации являются производителем благ и субъектом экономических отношений, генерируя положительный социо-экономический эффект для региона.

[1] Певная М. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Н.Новгород, 2016. – https://diss.unn.ru/files/2016/615/autoref-615.pdf

[2] Автономов Ю. Моделирование морали как элемента внутренней мотивации индивидов и механизма коррекции провалов рынка. – М.: ГУ ВШЭ, 2006, Либман А. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. – М., 2013. – № 1. – С. 28–39.

[3] Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения. – М.: Иванов, Манн и Фербер, 2010. – С. 85–106.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Адилова Л.Ф.
д.полит.н., профессор РГГУ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОЦЕССУ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, формирование имиджа, массовое сознание.*

Анализ формирования внешнеполитических образов предполагает выявление существующих в массовом сознании стереотипов, которые далеко не всегда соответствуют конструируемой картине внешнего мира. Характер представлений о себе и восприятие другими может повлиять на процесс конструирования внешнего имиджа России.

Процесс индивидуализации стран определяется интерпретацией прошлого и конструированием традиций. Смысл интерпретаций прошлого в том, чтобы показать историческую преемственность, оттенить уникальность нации, ее судьбы и институтов. Интерпретация прошлого служит политическим целям – легитимации национального политического проекта мобилизации и интеграции масс.

Доминирующая интерпретация истории предполагает развитие национальной идентичности в соответствии с перспективами развития страны. Такая конгруэнтность – фактор легитимации режима.

Английское «имидж» происходит от латинского «imago», однокоренного с латинским «imitare» – имитировать. Назначение имиджа как инструмента управления – налаживание интеракций. Имидж можно рассматривать как инструмент достижения конкретной цели и концептуальный продукт, смоделированный с учётом социально-политических, национальных и культурных особенностей. В одном случае можно рассматривать имидж как набор определенных качеств, которые ассоциируются с объектом, в другом – как конструкт, способный придавать свойства и характеристики, не присущие ему, превращать эти качества в главные составляющие образа, радикально меняя его компоненты. Понятие «имидж» имеет много различных определений.

Имидж – это искусственно формируемый образ какого-либо явления. От имиджа зависит восприятие этого явления окружающими.

Имидж – это заявленная идеальная позиция, т.е. такая, которую личность или организация спланировали и намерены продвигать или продвигают.

Имидж представляет собой систему «*тотальной коммуникации*». Определение «тотальная» указывает на то, что коммуникация осуществляется во всех сферах деятельности, а не только во внешнем оформлении, зависит и учитывает непосредственные и опосредованные, реальные и предполагаемые, настоящие, прошлые и будущие факторы, способные оказать влияние на успех личности, организации, общества.

Одним из первых «теоретиков» имиджа считают Н. Макиавелли, которому было свойственно обострённое «чувство имиджа» или развитое «имиджевое» мышление. Специфика такого мышления – умение рассуждать и действовать в межличностном пространстве, прогнозируя реакции со стороны других людей и соотнося свои действия с этими реакциями. В своих лучших формах оно базируется на глубокой социальности человека и включает умение устанавливать благожелательные отношения с людьми.

Краткий психологический словарь под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского определяет имидж как стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании. Как правило, понятие имиджа относится к конкретному человеку, но может также распространяться на определенный товар, организацию, профессию и т.д.

Специалисты по социологии права трактуют эту категорию как обобщенную, эмоционально окрашенную в общественном и личном сознании форму отражения правовой действительности в виде комплекса представлений о законах и методах социально-правового воздействия. Специалист в области социологии управления и имиджелогии В.М. Шепель дает такое определение: «Имидж – индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания».

Маркетолог Ф. Котлер определяет имидж как «восприятие компании или её товаров обществом».

Специалист в области менеджмента О.С. Виханский дает общее определение имиджа: «Имидж явления – это устойчивое представление об особенностях, специфических качествах и чертах, характерных для данного явления».

А.Б. Зверинцев, специализирующийся на разработке коммуникативных технологий, под имиджем понимает «относительно устойчивое представление о каком-либо объекте». Список предложенных определений можно продолжить. Общий их недостаток в том, что они поверхностны, чрезмерно абстрактны и не вполне адекватно отражают суть явления.

Можно предложить следующее определение имиджа. *Имидж* – это некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объём эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определённому социальному поведению.

С возрастанием значения информационных компонентов в жизни общества (будущие цивилизации уже называют информационными) повышаются требования к формированию имиджа. Он становится полноценным информационным продуктом, а не просто образом, основанным лишь на эмоциональном восприятии. Работа над ним будет опираться на объективные закономерности и процессы, тем самым всё больше приближаясь к науке и удаляясь от искусства.

В третьем (последнем) издании Большой советской энциклопедии, самой авторитетной на сегодняшний день отечественной энциклопедии с точки зрения исследователя, термин «имидж» отсутствовал. Аналогичная ситуация сложилась и с Большим толковым словарем русского языка (1998) – в русской речи термин «имидж» не употребляется, хотя в словаре представлены, например, такие узко специальные термины, как «интроверт» или «сенсуализм». В начале 1990 года появилось еще одно определение имиджа как эмоционально окрашенного образа кого-либо или чего-либо, которое остается и отпечатывается в сознании масс и имеет устойчивый характер стереотипа. Интерпретация слова «имидж» в последних версиях изданий словаря иностранных слов показывает, что имидж определяется как результат процесса, который завершается созданием целостного образа через передачу тематических информационных сообщений через СМИ и другие каналы коммуникации. Результатом должен стать необходимый клиенту информационный продукт, который сформирует образ явления, ситуация, личности, структуры и т.д.

Итак, большинство проанализированных нами источников изучает понятие имидж, включая в него словосочетания «целенаправленно формируемый образ»; «мысленное представление чего-то ранее видимого конкретного или абстрактного, сильно напоминающего в представлении о другом»; «сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ»; «набор определенных качеств, которые люди ассоциируют с определенной индивидуальностью».

В имиджелогии понятие имидж получило более широкое и многосоставное содержание благодаря открытости этой науки междисциплинарному взаимодействию. Наиболее простое толкование слова – «облик». Чаще всего под ним понимают соответствие стиля поведения и манеры общения человека в определенной ситуации, таким образом, его можно понять как конгруэнтность или гармонию внешних элементов имиджа и существующей ситуации. П.Флоренский в своих работах обращает внимание на гармонию внешнего облика человека и его внутреннего содержания, имея в виду переживания, эмоции личной культуры.

Подобную мысль развивал и Г. Лебон, когда рассматривал индивидуальный эффект «свечения», естественно без употребления слова «имидж». А.А. Калюжный считает, что имидж – это продукт социальной перцепции, который возникает только в условиях нахождения этого объекта в фокусе общественного внимания, когда он может восприниматься непосредственно (лично) или через какие-то каналы связи (телекоммуникации, Интернет). Если речь идет о человеке, то в этом облике концентрируются психосоциальные, поведенческие и эмоциональные характеристики, которые складываются во внешнее представление о человеке. Источниками получения информации в данном случае является наблюдение, прямое или косвенное общение, а также формирование и передача мнения о человеке через социальное взаимодействие с его окружающими.

На современном этапе развития имиджелогии можно выделить несколько направлений в определении того, что представляет собой имидж как категория науки.

Первая группа исследователей дает широкое понимание имиджа, не указывая конкретный предмет или объект. Так, имидж определяется как облик, который создают сообщения передаваемые средствами массовой информации, каналами внутригрупповой коммуникации, личными качествами и особенностями субъекта. Главной целью здесь является привлечение к себе внимания аудитории.

Исследователи в области социологии права трактуют категорию имиджа как «обобщенную, эмоционально окрашенную в общественном и личном сознании форму отражения правовой действительности в виде комплекса представлений о законах и методах социально-правового воздействия».

К этой же группе определений относится трактовка имиджа как осознание и представление о каком-либо объекте и его специфических характеристиках. Однако дефиниции этой группы исследователей отличает абстрактность и отсутствии привязки к субъекту имиджмейкинга.

Второе направление нацелено на исследование корпоративного имиджа, основной акцент в исследованиях этого направления делается на условиях, факторах и механизмах его формирования в организациях, политических партиях и объединениях, муниципальной власти, негосударственной радиостанции, учебных заведений и др. По мнению ряда исследователей, первые исследования имиджа в российской науке были сфокусированы на лидерстве, основывались на практических знаниях, которые были получены в ходе непосредственной работы с имиджами российских политиков на выборах. В связи с этим один из подходов в дефинициях имиджа стал складываться именно из практических знаний и полученных эмпирических данных.

Внимание к имиджу актуализировалось в последние годы в связи с обострившейся проблемой выбора, вставшей перед людьми (выбора товаров и услуг, политических партий и общественных организаций, лидеров и руководителей), и конкуренцией на разнообразных рынках – потребительском, политическом и прочих. Чтобы продать товар, услугу, привлечь на свою сторону избирателя, чтобы успешно конкурировать на рынке, фирма, общественная организация, университет или банк должны создать себе соответствующий имидж. Целесообразный, адекватный имидж совершенно необходим для любого вида социальной деятельности, что подтверждает многолетняя практика. Именно

поэтому в рамках традиционных научных дисциплин – психологии, экономики, социологии, политологии – появляются специальные научно-практические отрасли: теория и практика рекламы, public relations, имиджелогия и другие, основным предметом которых становится формирование образов, в том числе и социальных образов. Оперируя преимущественно в пространстве символов, они, тем не менее, способствуют решению задач в реальной жизни. Имидж находится в ряду таких понятий, *как рейтинг, репутация, известность, популярность, престиж, авторитет* и др. В социологии, и прежде всего социологии управления имидж может рассматриваться в контексте теории социальных статусов и ролей, концепции социального действия и взаимодействия, теории конфликта. Если в рамках практической психологии, имиджелогии и других прикладных дисциплин преимущественное внимание уделяется проблемам социальной перцепции, аттракции, атрибуции, самомониторинга, управления путём произведения впечатления для создания внешне привлекательного образа объекта и разрабатываются соответствующие методы и инструментарий (позиционирование, вербализация, детализация, визуализация и т.д.), то социологию имидж интересует с несколько иных позиций.

Для социологии, и прежде всего социологии управления, важно, как имидж организации, социальной или профессиональной группы, а также имидж их программ, целей, планов, намерений влияет на качество выполнения организациями, коллективами, целевыми группами своих функций, насколько имидж воздействует на статус того или иного социального объекта, каковы социальные механизмы, которые можно задействовать, чтобы создать адекватный (не обязательно положительный) имидж.

Целесообразно разделять имидж на *корпоративный* (имидж компании, фирмы, предприятия, учреждения, политической партии, общественной организации и т.д.) и *индивидуальный* (имидж политика, бизнесмена, артиста, руководителя, лидера общественного движения и т.п.). Содержание и механизмы формирования этих имиджей будут различны, но они связаны.

И в том, и в другом случае, т.е. по отношению к организации и индивиду (личности), можно говорить об имидже *внешнем и внутреннем.* Внешний имидж организации – это её образ, представление о ней, формирующееся во внешней, окружающей её среде, в сознании «контрагентов» этой организации – клиентов, потребителей, конкурентов, органов власти, СМИ, общественности. Внешний имидж индивида складывается из различных форм вербального, визуального, этического, эстетического выражения и поведения, а субъектом являются те люди, которые вступают с ним в прямой или опосредованный контакт.

Исследователи предлагают три возможных подхода к классификации имиджа: *функциональный,* при котором выделяют разные его типы, исходя из различного функционирования; *контекстный,* при котором эти типы находятся в разных контекстах реализации; *сопоставительный,* при котором сравнивают близкие имиджи. Ф. Джевкинз, сторонник функционального подхода, предлагает следующие типы имиджа:

1. Зеркальный – имидж, свойственный нашему представлению о себе.

2. Текущий – вариант имиджа, характерный для взгляда со стороны.

3. Желаемый – тип имиджа отражает то, к чему мы стремимся.

4. Корпоративный – имидж организации в целом, а не каких-то отдельных подразделений или результатов её работы.

5. Множественный – вариант имиджа образуется при наличии ряда независимых структур вместо единой корпорации. *Контекстный* подход к имиджу означает, что он должен носить целостный, согласованный характер, учитывать условия реализации, а отдельные черты – не противоречить друг другу. Системный характер имиджа позволяет по одной видимой черте вызывать в массовом сознании сопутствующие характеристики.

Имидж политического лидера – достаточно новое понятие для российской политической науки, которое требует концептуального изучения. В целом изучение понятия имиджа политического лидера имеет большую практическую значимость, так как позволяет широко использовать весь спектр инструментов имиджирования для достижения политических целей, особенно во время предвыборных кампаний. Процесс конструирования и трансляции имиджа, его взаимосвязь с другими явлениями бытия человека, его влияние на социум нашли свое отражение в многочисленных теоретических работах философов, историков, политологов, социологов, психологов, маркетологов, политических технологов, специалистов в области «паблик рилейшнз» и политической коммуникации.

Политический имидж – это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ политического лидера. Формирование имиджа происходит как стихийно, неосознанно, так и сознательно, когда тщательно отслеживаются особенности восприятия политика, продумывается новая стратегия и тактика формирования благоприятного образа.

Для получения информации о функционировании политического имиджа в политическом процессе используются следующие *методы*:

1) метод оценки, который позволяет благодаря выделенным критериям оценивать формируемый имидж и анализировать стереотипы восприятия политиков;

2) ассоциативные методы, позволяющие выявлять неосознанные ассоциации человека с тем или иным политиком и проанализировать аффективные компоненты образов рассматриваемого деятеля;

3) метод фокус-групп, ориентированный на выявление группового мнения об имидже политика, о том, как группа воспринимает различные виды практической деятельности или продукты этой деятельности, например, материалы СМИ, рекламу, осуществление тех или иных социальных, благотворительных программ и т.д. в связи с деятельностью определенного политика.

Процесс создания имиджа базируется на основных закономерностях социальной перцепции, где ведущая роль принадлежит процессам стереотипизации и формирования первого впечатления, а также на основных закономерно-

стях информационно-коммуникативных процессов. Анализ этих закономерностей приводит к следующему выводу: ***политический имидж является лишь обобщенным, но никак не индивидуализирующим явлением***.

Список литературы

1. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – М., 1989.
2. Ватерман Г., Цингель Ф. Ваш неповторимый стиль / Пер. с нем. Т. Набатниковой. – М.: Кристина и Ко, 1997. – 125 с.
3. Вуджек Т. Как создать идею. – СПб., 1997.
4. Горчакова В.Г. Прикладная имиджелогия. Учебное пособие. – М.: Академический проспект, 2007. – 400 с.
5. Имиджелогия. Как нравиться людям. – М.: Народное просвещение, 2002. – 576 с.
6. Имиджелогия –2006. Актуальные проблемы социального имиджмейкинга. – М.: РИЦ АИ, 2006. – 358 с.
7. Кузин Ф.А. Современный имидж делового человека, бизнесмена, политика. – М.: Ось-89, 2002. – 512 с.
8. Лебон Г. Психология масс. – М., 2000. – С.75, 79.
9. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
10. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности / Отв. ред. Н.И. Козюбра. – Киев: Наукова Думка, 1985.
11. Перелыгина Е.Б. Психология имиджа. Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.
12. Спиллейн М. Создайте свой имидж. – М., 1996.
13. Стил Л. 365 имиджей на каждый день. – М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2002. – 432 с.
14. Тезаурус социологии. Тематический словарь справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2009. – С. 137.

Криштапович Л.Е.[1]

БЕЛОРУССКИЙ ПУТЬ – ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Ключевые слова: *национальная идентичность, белорусская история, православие, российско-белорусские отношения, общерусский мир.*

В настоящее время вопрос о важности белорусского национального развития ни у кого не вызывает сомнений. В формальном смысле это бесспорно. Спорное начинается тогда, когда речь заходит о содержании белорусского национального развития.

В течение всего постсоветского времени белорусскому обществу навязывается польско-шляхетский взгляд на белорусскую историю, в соответствии с которым исторический путь Беларуси никак не вписывается в логику развития Русской цивилизации, русского мира. Официальная историческая наука в Республике Беларусь в своей трактовке белорусской истории исходит из политического перенесения нынешней Конституции страны на историю белорусского народа. Логика здесь школьническая: поскольку Белоруссия является независимым государством, постольку у нее должна быть независимая история. Независимая история от кого? Разумеется, от общерусской истории, от общерусского мира. Подход ребяческий, но если ему следовать, то фальсификация белорусской истории становится неизбежной. Отсюда возникла ныне действующая концепция истории Белоруссии, по которой Великое Княжество Литовское представляет собой первую, а Речь Посполитая вторую форму белорусской государственности.

Но если официальная историография в своих писаниях пытается сохранить видимость научного приличия и объективности, то так называемые «европеизированные» историки на страницах своей «неизвестной истории» упражняются в откровенной русофобии. Эта категория псевдоисториков преподносят Великое Княжество Литовское и Речь Посполитую в качестве белорусских феноменов и белорусской демократии. Вся эта ничего общего не имеющая с исторической наукой графомания преследует одну единственную цель – навязать белорусскому обществу мнение о том, что исторически Белоруссия развивалась вне общерусской истории. И здесь цели официальной историографии и «европеизированных» фальсификаторов полностью смыкаются.

О формировании белорусского характера

Еще одно важное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание. Для правильного понимания исторического процесса на белорусских землях необходимо отказаться от ряда антиисторических химер при трактовке явлений средних веков. По какому-то недоразумению принято считать, что в отличие от монголо-татарского нашествия, которое принесло русским землям неисчислимые беды и замедлило развитие Северо-Восточной Руси, Литва и Польша якобы принесли Западной Руси демократию и процветание. Однако подобный взгляд абсолютно антиисторичен и представляет собой заурядную фальсификацию белорусской истории.

Дело в том, что в отличие от монголо-татарского ига, которое представляло собой военно-материальный гнет и не затрагивало национальной и духовно-культурной жизни Северо-Восточной Руси, польско-литовское господство в силу своей тотальности было более жестоким и тяжелым для западнорусских (белорусских) земель. Об этом красноречиво писал в 1908 году выдающийся белорусский этнограф Евдоким Романович Романов, отмечая, что белорусский народ вынес на своих плечах многовековой католическо-польский гнет, значительно более тяжелый, чем татарское иго, отстоял свою веру и народность от напора польщизны, остановив тем самым колонизацию русских земель с запада [1, с. 206, 218]. Очевиден тот бесспорный факт, что вся деятельность знаменитых западнорусских (белорусских) книгопечатников, писателей, ученых (братья Мамоничи, Лаврентий Зизаний, Стефан Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Андрей Мужиловский, Христофор Филалет, Афанасий Филиппович, Симеон Полоцкий, Георгий Конисский) проходила в борьбе против польско-иезуитской агрессии, против унии, против западной экспансии. И очевиден тот факт, что только воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII века вывело белорусский народ на прогрессивный путь исторического развития. Видный белорусский историк П.Т. Петриков констатировал: «В конце XVIII в. белорусский народ воссоединился с русским народом в едином Российском государстве. Присоединение земель Беларуси к Российской империи, включение белорусского этноса в родственный великорусский историко-культурный организм открыли новую страницу нашей истории. Закончилась борьба белорусов за выживание в условиях ВКЛ и Речи Посполитой. Начался трудный процесс возрождения исторической памяти и самосознания белорусского народа, развития его духовности и культуры, национально-государственного самоопределения» [2, с. 20].

[1] Криштапович Лев Евстафьевич – д.филос.н., профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

Фундаментальное влияние общерусской цивилизации на формирование белорусского национального характера – документально-источниковедческий факт и философско-историческая истина. Поэтому когда квазиисторики из факта большего времени нахождения территории современной Белоруссии в составе Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой пытаются вывести некую европейскость белорусов и тем самым противопоставить нас великорусскому народу, то они как несмышленые школьники просто не понимают принципиального отличия политико-государственного признака от цивилизационно-ментального. А ведь в вопросе этнической самоидентификации решающий критерий принадлежит именно цивилизационно-ментальному признаку. Еще в середине XIX века белорусский этнограф Павел Шпилевский писал: «Есть на всей Руси большой край, который называется Белоруссией. Живут там люди белорусские – родные братья людей великорусских»[3, с. 71]. В связи с этим особое значение имеет выяснение характерных признаков национального самосознания белорусского народа.

Историческим этапом, зафиксировавшим основные признаки белорусского национального самосознания, является рубеж XVI–XVII веков, когда нашим предкам была насильственно навязана церковная уния. Церковная уния 1596 года имела определенную установку – упразднить православную веру и лишить древний русский народ (так именовали себя в то время нынешние белорусы) своего этнического самосознания. В своей речи в Сенате западнорусский князь Константин Острожский прямо обвинил польского короля Сигизмунда III в насильственном насаждении унии: «На веру православную наступаешь, на права наше, ломаешь вольности наше, и наконец на сумненье наше налегаешь: чим присягу свою ломаешь, и то што-кольвек еси для меня учинил, в нивошто остатнею ласкою своею оборочаешь…»[4, с. 219].

Именно от этого времени история Белоруссии получает «по преимуществу народное направление» [5, с. 207]. Почему народное направление? Потому что защита своего образа жизни, своей веры и культуры, своего языка исходила именно из среды самого народа, то есть крестьянства и мещанства. Дело в том, что к этому времени западнорусская шляхта уже денационализировалась, то есть ополячилась и окатоличилась. Мелетий Смотрицкий в своем известном «Фриносе», или «Плаче восточной церкви» (1610) констатировал смерть знаменитых древних русских родов (Острожских, Соколинских, Вишневецких, Чарторыйских, Заславских), погибших в полонизме, латинстве и иезуитизме. Крупнейший специалист по истории Западной Руси, профессор Иван Андреевич Линниченко в статье «Малорусская культура» писал: «Лидеры народа (нынешние украинцы – Л.К.), его высшие классы, переходят повально из-за материальных выгод и удовлетворения своему честолюбию в лагерь польский, даже такие, как князья Острожские, чуть не владетельные князья, воспринимают целиком чужой язык, чужой быт, входят в ряды шляхты польской» [6, с. 358]. Такое же положение было и в Белоруссии. Историк и этнограф XIX века Адам Киркор писал: «В Белоруссии дворянское сословие состоит большею частью из туземцев, но с течением веков и политических событий усвоивших польский язык и польскую национальность»[7, с. 284].

Именно в этот период и выкристаллизовались те социально-философские принципы, которые сегодня лежат в фундаменте белорусского характера. Какие это принципы? Это принципы народности, трудового образа жизни, добродушия, братскости, союза с русским народом, миролюбия, отсутствия гонора. И это понятно, так как только такие принципы отвечали сущности такого общества, которое состояло из трудовых элементов – крестьянства и мещанства и в котором не было этнически своего высшего сословия. Такое общество по своему определению уже было обществом трудовым, народным, миролюбивым. Поэтому вполне закономерно, что история Белоруссии с этого времени приобретает характер народного направления как в своей сущности, так и в дальнейшем историческом развитии.

О фальсификации белорусской истории

Современные фальсификаторы, реанимируя комплекс антирусских взглядов польско-шляхетских идеологов на протяжении XVIII–XX веков, тем самым идут вразрез с белорусской ментальностью и белорусской историей.

Наглядный пример такой фальсификации белорусской истории являет собой спектакль Национального академического театра им. М. Горького «Пане Коханку». Режиссер (Сергей Ковальчик) и драматург (Андрей Курейчик) этого спектакля пытаются представить известного польского магната XVIII века Карла Радзивилла примером истинного белоруса, независимого и свободолюбивого, веселого и доброго, творческого и поэтичного. Кроме, как глупостью, подобные утверждения назвать нельзя.

Ибо Карл Радзивилл (Пане Коханку), известный как один из самых сумасбродных магнатов Речи Посполитой, не только не имел никакого отношения к белорусской ментальности и белорусской государственности, но был самым настоящим душителем всего белорусского. Все великолепие и богатство его Несвижского замка было основано на многовековом национальном и духовном порабощении белорусского народа. Этот исторический факт не вызывал сомнений у современников Карла Радзивилла. Вот как описывают очевидцы реальную ситуацию в Белоруссии во время господства польских магнатов. «Проезжая Белоруссию (в том числе и Несвижскую землю – Л.К.), надрывается сердце от боли и жалости. Богатая земля населена людьми, которые изнемогают от работы, а дурные паны управляют с безудержной властью крестьянами, доведенными до окончательной нищеты. Грабеж всюду бессовестный и бесстрашный» [8, с. 77]. Грабеж всюду бессовестный и бесстрашный – вот что такое Карл Радзивилл (Пане Коханку) для белорусского народа.

Но еще большей глупостью являются утверждения авторов этого спектакля, что Карл Радзивилл может служить примером государственного деятеля, отстаивавшего независимость своей страны. И это тем более актуально, заявляют эти театралы, что сегодня Белоруссия тоже ищет свой путь в мировом сообществе, стремится занять в нем достойное место в качестве независимой суверенной державы. Этим поклонникам Карла Радзивилла полезно было бы знать, что этот польский магнат отстаивал не независимость своей страны, а боролся за сохранение всевластия и про-

извола магнатов в Речи Посполитой. Что, кстати, не составляло секрета ни для кого. Еще в XVI веке видный польский мыслитель и гуманист Анджей Моджевский писал: «Не нужно предсказаний астрологов, чтобы увидеть, что спесь и крайний произвол приведут это королевство ни к чему иному, как только к гибели» [9, с. 123]. Именно спесь и сумасбродство таких деятелей, как Карл Радзивилл, и привели к краху само польское государство.

И предлагать в пример людей, разрушавших собственное государство, для сохранения белорусской независимости в сегодняшнем мире могут только такие работники культуры, горизонт которых ограничен парадными залами Несвижского замка. В этом отношении показательна вся антибелорусскость организаторов и участников международного круглого стола «Проблемы генеалогического рода Радзивиллов XVI–XXI веков», проведенного 17 сентября 2015 года в Национальном историко-культурном музее-заповеднике «Несвиж». Вдумайтесь: день 17 сентября избран белорусскими историками, архивистами, геральдистами не для того чтобы рассказать о великом дне воссоединении белорусского народа в рамках единого этноса и единого государства в сентябре 1939 года, а о генеалогии Радзивиллов – этих жесточайших угнетателей и поработителей белорусов. Большего бескультурья и отсутствия всяких исторических приличий и такта придумать было нельзя.

Или взять польских магнатов Огинских, которых недалекие журналисты и культурологи причисляют к белорусским знатным родам. Вот что писал об этом «белорусе» Г.Р. Державин, который по поручению императора Павла I инспектировал белорусские земли в голодном 1798 году. «Проезжая деревни г. Огинского, под Витебском находящиеся, зашел в избы крестьянские, и увидев, что они едят пареную траву и так тощи и бледны, как мертвые, призвал приказчика и спросил, для чего крестьяне доведены до такого жалостного состояния, что им не ссужают хлеба. Он, вместо ответа, показал мне повеление господина (Огинского – Л.К.), в котором повелевалось непременно с них собрать, вместо подвод в Ригу, всякий год посылаемых, по два рубля серебром» [10, с. 451]. Таков был бесчеловечный принцип польской шляхты: «умри белорус, но деньги на мотовство польских панов вноси без промедления». Пришлось великороссу Державину спасать белорусских крестьян. Как он пишет, «приказал сию деревню графа Огинского взять в опеку по силе данного ему именного повеления». В польских имениях нередко стояли виселицы для наказания белорусских и украинских крестьян. 28 января 1787 года князь Г.А. Потемкин вынужден был дать управителю своих имений Брожзовскому такое распоряжение: «Все находящиеся в купленном мною у князя Любомирского польском имении виселицы предписываю тотчас же сломать, не оставляя и знаку оных; жителям же объявить, чтобы они исполняли приказания господские из должного повиновения, а не из страха казни» [8, с. 79]. Несколько слов для пояснения этого приказания Григория Потемкина. Польский князь Ксаверий Любомирский был одним из богатейших магнатов на Украине. Он владел 9 городами, 179 деревнями и более 100 тысячами душ мужского пола. Ксаверий Любомирский не хотел никому и ничему подчиняться даже самому польскому королю и до такой степени опротивел самим магнатам и королю, что предан был суду, и ему угрожала банниция, то есть изгнание из страны. Тогда Ксаверий Любомирский прибегнул к покровительству Григория Потемкина, который после первого раздела Польши в 1772 году получил в свое владение белорусское Дубровно со всеми окрестными землями. В 1783 году они обменялись своими имениями. Так Потемкин стал владельцем украинской Смелы со всеми любомирскими владениями, а Любомирский господином белорусского Дубровно со всеми потемкинскими имениями. Здесь рельефно выступает все нравственное и политическое уродство польской шляхты, которая думала не о личной и государственной чести, а лишь о беспрепятственности для своего тиранства и сумасбродного поведения.

Возьмем, к примеру, жизнь польского аристократа Льва Ошторпа, который был предводителем дворянства Минской губернии. В своем имении в Дукоре он завел театр, картинную галерею, шляхта, по свидетельству очевидцев, пировала неделями, так сказать, у гостеприимного хозяина. Но за счет чего и кого просвещалась и веселилась польская шляхта? За счет нещадной эксплуатации белорусских крестьян. Когда Ошторп умер, то польский поэт-юморист Игнатий Легатович в своей язвительной эпиграмме метко подметил:

«Smierć Osztorpa w Dukorze zrobi zmiane znaczną:

Panowie pić przestaną, chłopi jeść zaczną!»[7, с. 362].

То есть, смерть Ошторпа в Дукоре произведет большую перемену: господа перестанут пить, а мужики начнут есть.

Или вот еще характерная подмена белорусской культуры польско-шляхетскими артефактами. Раньше главным спектаклем Купаловского театра была бессмертная «Павлинка». Это действительно выдающееся произведение белорусской культуры, в котором народный поэт Белоруссии Янка Купала в лице шляхтича Адольфа Быковского высмеял ни на что не способную, но очень гонорливую польскую шляхту. Сейчас же новым художественным руководителем Николаем Пинигиным главным спектаклем сделано произведение польского поэта Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», где всячески восхваляется польская шляхта и польско-шляхетская история. Разве это не показательное неуважение к великому Купале и белорусской культуре, когда на сцене главного театра страны ставится произведение польского поэта Адама Мицкевича, который пренебрежительно относился к белорусам, считая их неисторическим народом. Видимо, Николай Пинигин спутал Минск с Варшавой. И может ли таким спектаклем гордиться белорусская нация?

Даже польский этнограф Вандалин Шукевич в 1910 году признавал, что когда Белоруссия находилась в составе Польского государства, «общественный строй бывшей Речи Посполитой основывался на привилегиях одного класса», белорусский народ был низведен «до положения невольников» (рабов. – Л.К.) [1, с. 253].

Польско-шляхетское иго на Белоруссии

Следует отметить, что ни в одной из стран Европы, в том числе и в России, закон не разрешал феодалу приговаривать своих крепостных крестьян к смертной казни. И только в Речи Посполитой постановлением сейма 1573 года

польско-литовским помещикам позволялось наказывать своих крепостных «водлуг поразумення свайго», то есть в соответствии со своим разумом и желанием. Это право было юридически закреплено и в Статуте Великого Княжества Литовского 1588 года. («Будет вольно и теперь каждому пану подданного своего подлуг поразумения своего скарать»). Уже упоминавшийся польский гуманист XVI века Анджей Моджевский писал: «Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, какую дают шляхтичам законы. Шляхтичи бесчинствуют, убивают горожан и крестьян, относятся до них, как до собак» [8, с. 50]. И когда в газете «Советская Белоруссия» в статье «Критик из золотого века» (18 июня 2015 года), претендующая на белорусскость, Людмила Рублевская резонерствует о демократическом характере Литовского Статута 1588 года, заявляя, что «за убийство простолюдина шляхтича отдавали под суд»[11, с. 12], то это показательный пример как нынешние так называемые «национально-сознательные» историки, философы и журналисты фальсифицируют исторические документы с целью антиисторического отождествления польско-литовской истории с белорусской историей. Действительно, в Статуте 1588 года есть статья, которая говорит о том, что за убийство крестьянина шляхтич должен быть предан суду. Но речь здесь идет не об убийстве своего крепостного крестьянина, а об убийстве крестьянина другого шляхтича. В таком случае шляхтич должен был компенсировать нанесенный ущерб другому феодалу, то есть заплатить так называемую «головщизну». Выдающийся белорусский историк XIX века Михаил Коялович отмечал, что в Речи Посполитой «жизнь хлопа оценилась в 3 р. 25 коп. Можно было убить хлопа и заплатить 3 р. 25 к., больше ничего, т. е. жизнь хлопа ценилась так низко, как нигде не ценится жизнь негра, обращенного в рабочий скот, – так низко, что собака часто стоила дороже» [12, с. 37].

Известный исследователь истории Великого Княжества Литовского В.Т. Пашуто справедливо заключал: «Белоруссия была страной, подвластной и эксплуатируемой литовской феодальной знатью» [13, с. 322].

Фактически польско-литовская шляхта создала на территории Белоруссии систему кастового строя, где белорусские крестьяне занимали положение аналогичное индийским шудрам. Уже само расселение шляхты выстраивало стену между польским обществом и белорусскими крестьянами. Не случайно околицей или застенком называли поселение шляхты, чтобы отличить его от белорусских деревень, где жили крестьяне. «По образованию и состоянию околичная шляхта почти не отличается от крестьян, но вся она сознает себя выше крестьянина, выше хлопа. Это остаток польского мелкого шляхетства или, лучше сказать, это остаток древнего литовского (западнорусского – Л.К.) боярства...испорченного теорией польского шляхетства» [12, с. 36].

Для сравнения. При всем социокультурном расколе между «верхами» и «низами» такой кастовости, которая существовала между польской шляхтой и белорусскими крестьянами, в России все-таки не было. Разве не показательно, что великий русский писатель – А.С. Пушкин был духовно вскормлен простой русской крестьянкой – Ариной Родионовной? Или, например, шедевр сказочного искусства как в художественном, так и в гуманистическом плане русского писателя С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» был вложен в его душу обыкновенной ключницей Пелагеей? И разве не удивительно, что выдающийся государственный деятель и поэт Г.Р. Державин в своём новгородском имении учил грамоте и молитвам крестьянских ребятишек? Или, скажем, дочь крепостного крестьянина, получившего вольную от графа Шереметева, Надежда Прокофьевна Суслова стала первой русской женщиной-врачом, доктором медицины.

Можно ли себе представить, чтобы, скажем, в воспитании отпрысков Радзивиллов или Огинских принимали участие белорусские крестьянки, а сами Радзивиллы или Огинские учили белорусских детей белорусскому языку и православной вере? Даже в самом фантастическом сне такое присниться не может. Показательно, что еще после первого раздела Речи Посполитой та часть нашего народа, которая осталась под властью польских панов, в своем прошении на имя Екатерины II высказывала следующую замечательную мысль: «Когда же и для нас взойдет солнце, когда и мы будем присоединены к единоверной России, избавимся от ига Польского!» [14, с. 364].

Роль православия в белорусской истории

Современное белорусское общество в конечном итоге есть воплощение национального характера и национальных традиций народа. Так, например, сложно представить себе в Белоруссии ту или иную модификацию западной политической системы, ибо она не соответствует представлениям белоруса, не вписывается в парадигму национального самосознания. Западный человек, обустраивавший свое благополучие за счет эксплуатации колониальных народов, объективно рассматривал незападного человека как материал для удовлетворения своих жизненных потребностей. Отсюда и западная ментальность с ее принципами индивидуализма и расового превосходства над другими народами. Для белоруса такие представления абсолютно невозможны в силу принципиально другого образа жизни. Мир в представлении белоруса был его реальный «мир» (общины, братства), где все должны трудиться и жить по справедливости. Такой мир априорно не знает и не принимает разделения людей на высших и низших, ибо все люди божьи создания. Подобного рода представления и были закреплены на ментальном уровне нашего народа.

Представляется необходимым адекватно оценить роль религиозного фактора как в процессе формирования национального самосознания белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор православия был обусловлен, среди прочих факторов, ментальностью народа, однако, в свою очередь, православие закрепило и сохранило тот исторический тип самосознания белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Без всякой мистики и фантастических легенд: православие пришло именно на ту землю, где существовали ментальные предпосылки его сохранения. И именно оно, православие, скрепило и сцементировало теоретически существующее положение вещей. Рассматривая данный вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели, философы, историки и политики по недоразумению

зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда на Белой Руси вводилось униатство (XVI–XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В тот период считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось, то есть денационализировалось, то оно заставляло и своих подданных (крестьян) денационализироваться, а поэтому административно переводило православные приходы в приходы униатские путем навязывания православным мирянам униатских священнослужителей. «Загоняемый подобными насилиями в унию русский (белорусский. – Л.К.) народ не мог, конечно, искренно держаться унии. В глубине своей души он продолжал хранить старые свои верования, старые православные убеждения и искал только случая избавиться от насильно навязанной ему унии. Сами защитники латинства сознавались, что все униаты или открытые схизматики (православные – Л.К.), или подозреваются в схизме» [15, с. 161]. Поэтому, когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к белорусским крестьянам, сколько к формальному количеству униатских приходов в Белоруссии. Крестьяне как раньше, так и в XVIII веке оставались верными вере своих предков, то есть православию. Сами ватиканские деятели вынуждены были признать, что «нет никакой надежды, чтобы эти гордые и упрямые люди когда-нибудь массово перейдут в унию» [16, с. 389]. Не случайно переход из унии в православие для белорусов был осуществлен без больших затруднений, поскольку все дело свелось к формальному переводу священников из унии в православие. И об унии в народном самосознании не осталось никакого воспоминания.

О русской природе белоруса

Мысль о русской природе белоруса постоянно присутствует на страницах исторических источников. В известном смысле она даже приобретает императивную окраску, когда требуется подчеркнуть национальную особенность коренного жителя на территории современной Белоруссии. Например, в послании киевского воеводы князя Константина Острожского епископу владимирскому Ипатию Потею 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с римской церковью говорится: «...донести князю великому Московскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничижение народ тутошний Русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит» [4, с. 64–65].

И этот «народ тутошний Русский» (нынешние белорусы и украинцы) как раз противопоставляется полякам (лях) и литовцам как народам другой цивилизации, народам римским и латинским. Что же касается восточного соседа белорусов и украинцев, то он называется не столько русским народом, сколько московитами или народом московским. Имея общую веру (культуру), общий славянский язык, принадлежа к единой общерусской цивилизации, белорус и украинец видели в московите не своего духовного и национального оппонента, а один и тот же тип, объединяемый понятием Русь. Если же и возникали конфликты между русским (белорусом) и русским (московитом), то причина этой конфликтности носила не национально-психологический, а сугубо меркантильно-классовый характер. В этом плане любопытно признание папского посла в Польше Коммендоне, доносившего в 1564 году в Рим, что «все жители Киева и православное народонаселение в Литве симпатизируют московскому государю по причине веры» [17, с. 618–619]. Появление самих терминов Белая Русь, Черная Русь, Красная Русь, Украина свидетельствовало в то время не о национальной и политической характеристике, а о географической или территориальной.

Употребление различных терминов для характеристики одного и того же явления было следствием территориальной, политической и национально-религиозной специфики Великого княжества Литовского. Так, в территориальном плане нынешняя Белоруссия называлась Белой Русью; с точки зрения национально-религиозной – это уже была Русь, общерусская цивилизация, в которую входили все русские земли, невзирая на их территориальные особенности и политические границы, а в политическом отношении – Литва. Вот почему коренной житель Белоруссии мог одновременно выступать как бы в трех ипостасях: белоруса, т.е. человека, проживающего на территории Белой Руси; того же белоруса в национально-религиозном, цивилизационном аспекте называли русским человеком, представителем русского народа; а того же белоруса в смысле политического определения именовали литвином как подданного Великого княжества Литовского. Любопытно отметить, что после образования Речи Посполитой, начиная со второй половины XVII века, белоруса в России часто называли поляком на основании того, что он был подданным Польского государства.

Аналогично обстояло дело с характеристикой коренного жителя Московского государства. В территориальном плане он был жителем Великой России, т.е. великороссом. Как подданный великого князя Московского он именовался московитом, представителем народа московского; а с точки зрения национально-религиозной – это был русский человек, ничем не отличающийся от белоруса и украинца. В договорных статьях польского короля Сигизмунда III с московскими боярами 14 февраля 1610 года есть примечательный пункт, где говорится, что *«Русским Московским* (подчеркнуто мною. – *Л.К.)* в Польше и в Литве торги мають быти вольные»[4, с. 316]. Тем самым сами польские дипломаты подтверждают: кроме русских в Московском государстве, были еще русские в Речи Посполитой, т.е. белорусы и украинцы. Само появление белоруса и украинца следует рассматривать как консервацию древнего русского народа, оказавшегося в чужеземном государстве (Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая). Ошибка исследователей, которые говорят о формировании белорусской народности в составе Великого Княжества Литовского как некоем эволюционном процессе, заключается в неосознанной подмене консервации эволюцией. Консервация – это фактически застой, регресс. Эволюция – это прогресс. Только не понимая принципиального отличия консервации от эволюции, можно и вести речь о формировании белорусской народности в ВКЛ. Собственно говоря, никакого формирования белорусской народности в смысле некоего белорусского поступательного развития в Великом Княжестве Литовском не происходило, а наблюдалось явление именно консервации, то есть застоя, стагнации древнерусской на-

родности на территории нынешней Белоруссии. «Иноземное (литовское. – Л.К.) господство консервировало, замедляло развитие общественного строя Белоруссии» [13, с. 322–323]. Находясь в неблагоприятных политических условиях, древнерусская народность не смогла сохранить в чистоте своей древнерусский язык, который подвергся польско-латинскому загрязнению. В итоге возник исковерканный полонизмами и латинизмами язык, который получил название белорусского и украинского. Как признает польский этнограф Вандалин Шукевич, «народ (белорусский. – Л.К.), не имевший возможности пользоваться плодами просвещения, развиваться экономически, отстал в своем развитии и замкнулся в тесных рамках своего быта» [1 с. 253]. Нахождение древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой препятствовало выходу ее на более высокий уровень социального и культурного развития. В языковой сфере складывалась следующая ситуация: если великорусский язык на основе древнерусского языка шел по линии превращения в великий и могучий, мировой язык, то древнерусский язык на территории нынешней Белоруссии и Украины вынужден был остановиться в своем развитии и архаизироваться или, как выражались старые языковеды, археологизироваться. Эту языковую специфику уловил белорусский этнограф, подполковник Генерального штаба Российской империи Павел Бобровский, который в своих этнографических материалах о Гродненской губернии (1863), характеризуя белорусский язык, выводил его «из древнерусского языка, который из-за сложной исторической судьбы народа здесь как бы застыл, а поэтому сохранился неизменным» [1, с. 97]. Территориальные же характеристики Белой Руси и Украины с течением времени были перенесены на коренное население этих земель в качестве этнических признаков. Так возникли белорусы и украинцы, которые и сегодня в наибольшей степени сохранили историческое родство с древнерусской народностью. Белорусский фольклор и полемическая литература XVI–XVII веков тому красноречивое подтверждение. На эти исторические обстоятельства, обусловившие консервацию древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, указал академик Николай Михайлович Никольский, который писал, что «с XIV века древнерусское население, которое жило на современной территории Белоруссии, подпало под иноземное господство, сначала под власть Литовского княжества, а затем, с половины XVI века, под власть Польского королевства» [18, с. 12]. В то же время, говоря о великорусском языке, следует сказать, что это был не только сугубо великорусский язык, ограниченный исключительно великорусской территорией, но также и язык общерусский, в выработке которого принимали участие выдающиеся представители как Великой Руси, так и Белой Руси, и Малой Руси. Не случайно Михаил Ломоносов называл «Славянскую грамматику» Мелетия Смотрицкого «вратами своей учености». На это обстоятельство в своей речи «О единстве русского народа», произнесенной на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского общества 14 февраля 1907 года, справедливо указал известный русский филолог-славист Антон Семенович Будилович. В частности, он отметил, что «на этом языке (общерусском. – Л.К.) написаны не только наши древние летописи, жития святых, поучения, но и слово о полку Игореве», а также другие поэтические и прозаические произведения древней и средней эпох вплоть до Ломоносова» [6, с. 335]. Вот почему великорусский язык как общерусский язык является родным языком как для белоруса, так и для украинца.

Фальсификации «национально-сознательных» литераторов о польском восстании 1794 года

«Национально-сознательные» литераторы пролили много лицемерных слез насчет агрессивности России, «о русском империализме и его опасности». Но вот проблема: они почему-то помалкивают об агрессивности западных государств, в частности, Германии в отношении славянских стран. Исторически установлено, что главным инициатором раздела Речи Посполитой выступил прусский король Фридрих II. Напротив, Россия не была заинтересована в разделе Польши и всячески старалась сохранить Польское государство в этнических границах в качестве славянского противовеса милитаристской Пруссии и реакционной Австрийской империи. Лишь неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства (война с Турцией, поддержка Пруссии Англией) заставили царское правительство уступить домоганиям Фридриха II.

В результате раздела Речи Посполитой все этнографические польские земли были захвачены Австрией и Пруссией. Кроме того, оба немецкие государства прихватили еще по изрядному куску белорусских, украинских и литовских земель. Австрия присоединила к себе Галицию со Львовом, а Пруссия – занеманскую Литву и Подляшье с Белостоком.

Второй раздел Речи Посполитой (1793) вызвал национально-освободительное движение польского народа во главе с Тадеушем Костюшко. Восстание началось в марте 1794 года и продолжалось до ноября 1794 года.

Самая большая фальсификация русофобов о восстании 1794 года состоит в несостоятельном отождествлении интересов польской шляхты с интересами белорусского крестьянства. Рисуется совершенно ложная картина, будто бы восстание 1794 года за независимость Польши было одновременно и восстанием белорусов против России. Уже упоминавшаяся газета «Советская Белоруссия» в номере за 4 февраля 2016 года в публикациях «Памяти Тадеуша Костюшко» и «Не должно быть травы забвения», продолжая свою дальнейшую фальсификацию белорусской истории, делает Тадеуша Костюшко национальным героем не только Польши, но и Белоруссии. Даже больше. Оказывается, речь идет не о польском, а о белорусском роде Костюшко [19, с. 9]. Это – чудовищная иезуитская ложь. Чтобы убедиться в нелепости подобного утверждения, достаточно перечислить наиболее важные пункты польского восстания: Краков, Рацловицы, Поланец, Щекоцины, Великая Польша, Варшава, Мацеевице, Вильно. Перечисленные пункты, за исключением Вильно, находились на этнической территории Польши. Ни одного, даже самого маленького очага повстанцев не было в Белоруссии, хотя польская шляхта и старалась привлечь белорусское крестьянство к своей борьбе против России. Но белорусский народ остался глух к призывам польской шляхты. Иначе и быть не могло. Белорусы прекрасно понимали, что их враг – не Россия, а польский пан и латинский иезуитизм. Сами католические миссионеры,

видя провал своих проповеднических трудов в среде белорусов, в сердцах произносили: «Грубый и окаменелый в схизме (православии. – *Л.К.)* народ» [5, с. 279]. Крупнейшей политической ошибкой польского повстанческого правительства было требование восстановления Польши в границах 1772 года, т.е. включения в состав Польского государства белорусских и украинских земель. Разумеется, такая программа в корне подрывала саму идею восстановления национальной независимости. Нельзя было освободить польский народ от чужеземного гнета (пруссаков и австрийцев), не освобождая белорусов и украинцев от польского гнета. Собственно территория национально-освободительного движения свидетельствует о той непреложной истине, что, в лучшем случае, это было восстание польского народа за независимость своей родины.

Другая фальсификация русофобов заключается в том, что они рассматривают восстание 1794 года как что-то однородное и цельное в социально-классовом отношении. На самом деле все обстояло по-другому. С точки зрения социального состава восстание 1794 года характеризуется своей неоднородностью, полярностью. Если повстанческое руководство в основном смотрело назад (Польша в границах 1772 года) и тем самым объективно низводило значение национально-освободительного движения до обыкновенной войны польской шляхты с Россией и Пруссией, то народные массы (крестьяне и горожане) национально-освободительную борьбу тесно связывали с социальным освобождением от панского гнета. В польском восстании 1794 года была сильная демократическая якобинская струя, наложившая свой отпечаток на весь ход национально-освободительного движения.

Среди восставшего народа было сильно влияние варшавского «Якобинского клуба». По инициативе последнего 9 мая 1794 года варшавяне потребовали казни изменников Родины. Повстанческое руководство вынуждено было уступить требованиям народных масс. Были казнены четыре деятеля старого марионеточного правительства, сотрудничавшего с прусским и царским правительствами: великий коронный гетман Ожаровский, литовский польный гетман Забелло, епископ Юзеф Коссаковский и маршалок Анквич. Лозунг варшавян «Кара изменникам Родины» созвучен лозунгу французских якобинцев – «Роялистов на фонари». 28 июня 1794 года варшавяне устроили новый народный трибунал, повесив еще ряд изменников. Среди них были: князь Четвертиньский и виленский епископ Массальский.

Становилось очевидным, что национально-освободительное восстание перерастает в социальную революцию. Польская шляхта забеспокоилась за свою судьбу и пошла на сговор с прусским и царским правительствами. Так, брат польского короля, примас Михал Понятовский обратился к пруссакам с просьбой ускорить штурм Варшавы и даже указал наиболее уязвимые места в обороне города. Письмо было перехвачено. Гнев народа был беспределен. Варшавяне стали обвинять самого короля в национальной измене. Примас Михал Понятовский, не желая быть повешенным, покончил жизнь самоубийством. В Варшаве разыгрывался сценарий французской революции. Польские магнаты решили никоим образом не допустить подобного развития событий. Пытаясь сохранить свои сословные привилегии, они пошли на национальное предательство, сорвав тем самым план Тадеуша Костюшко создать крестьянскую повстанческую армию в 300 тыс. человек. Судьба восстания была предрешена.

После Третьего раздела Речи Посполитой царское правительство не оставляло мысли о восстановлении Польского государства. Этим объясняется лояльное отношение к польским повстанцам со стороны российской власти. Павел I практически всех поляков вернул из сибирской ссылки и возвратил им конфискованные у них имения. К слову сказать, даже Тадеуш Костюшко получил земельный подарок от Павла I. Но польские историки почему-то скрывали этот факт. Похоже, они полагали, что это может выставить Тадеуша Костюшко в невыгодном свете. Совершенно напрасно. Никто не сомневался в демократизме вождя польского восстания. Своим отказом от сотрудничества с Наполеоном Тадеуш Костюшко лишний раз подтвердил верность демократии и не питал иллюзий в отношении французской буржуазии, стремящейся использовать польские легионы в своих захватнических целях. Видимо, в душе Тадеуш Костюшко понимал, что подлинная свобода Польши невозможна в войне против России.

При Павле I польская шляхта была приравнена к русскому дворянству и русскому чиновничеству. Она получила право избирать местные органы власти: делопроизводство велось на польском языке. Фактически, власть поляков в Белоруссии стала еще сильнее, чем во времена Речи Посполитой. Подтверждение этому – судьба польского магната Адама Чарторыйского. В царствование Александра I Адам Чарторыйский был даже заместителем министра иностранных дел России. Опираясь на дружеские отношения с Александром I, умело обыгрывая польский вопрос во внешнеполитической деятельности России, Адам Чарторыйский полностью восстановил польское влияние в Белоруссии и на Украине. Это был прожженный польский аристократ, который всеми фибрами души ненавидел как русскую власть, так и белорусский народ и делал все возможное, чтобы на территории Белоруссии сохранить польское шляхетство и польский шовинизм. Особенно он усердствовал в насаждении польско-шляхетского самосознания в качестве попечителя Виленского учебного округа. Образовательная и воспитательная деятельность Виленского учебного округа распространялась на территории современной Литвы, Белоруссии и значительной части Украины (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Все преподавание велось на польском языке, все гимназии, училища, приходские школы при католических и базилианских монастырях, при костелах контролировались руководством Виленского университета. Студенты, учащиеся и школьники воспитывались в духе преданности польской истории и польской национальности. Это относится и к обществам филаретов и филоматов, которые, по мысли так называемых «белорусизаторов», занимались распространением культуры на территории Белоруссии. Но какую культуру распространяли эти любители добродетели и науки, об этом «белорусизаторы» помалкивают.

Дело в том, что тайные общества филаретов и филоматов были созданы в 1821 году в Виленском университете и ставили своей целью развивать в студентах и образованной среде того времени любовь к «польской литературе» и «преданность польской национальности» [7, с. 119]. Во главе филаретов и филоматов стояли известные польские писатели, историки, поэты, в частности, Адам Мицкевич, Ян Чечот, Франц Малевский, Томаш Зан, Антоний Одынец. Общества филаретов и филоматов являлись идеологическими рупорами русофобии и польского шовинизма на терри-

тории Белоруссии. Никакого отношения к просвещению и образованию белорусского народа филареты и филоматы не имели, они лишь прикрывали свою антирусскость мнимой заботой о культурном развитии коренного населения (белорусов).

При Павле I было полностью восстановлено значение католической церкви в духовной жизни белорусского народа. Парадоксально, но российское правительство сохранило в Белоруссии иезуитский орден, который явно действовал в антирусском духе, хотя даже поляки в 1772 году ликвидировали у себя эту антинациональную заразу. Громадные имения иезуитов были отданы на устройство народных училищ и на преподавание на польском языке. Павел I, став гроссмейстером мальтийского ордена, еще больше укрепил положение иезуитов и римско-католической церкви в Белоруссии. Он во многом поспособствовал полонизации нашего народа. Поляки оказались господствующей нацией в Белоруссии.

Необъяснимый на первый взгляд союз царского правительства с польской шляхтой и католической церковью тем не менее имел свои причины. Дело в том, что царское правительство очень настороженно относилось к деятельности православных священников в Белоруссии и на Украине. Православие, будучи в Речи Посполитой угнетенной религией, в основном выражало интересы белорусского и украинского крестьянства. После раздела Речи Посполитой белорусские крестьяне вполне обоснованно считали, что тем самым покончено не только с польским национально-религиозным игом, но и социальным. Таким образом, православие становилось знаменем борьбы белорусского народа против гнета польских помещиков. Это всегда чувствовало царское правительство и этого оно больше всего боялось. Отсюда и то правительственное покровительство польской шляхте и католическо-униатской церкви, которое приводило в недоумение православных иерархов. Отсюда всяческие задержки с решением униатского вопроса в Белоруссии. Белорусский епископ Георгий Конисский забрасывал своими прошениями Синод Русской православной церкви, но так и не мог добиться ясного ответа, почему белорусскому народу нельзя добровольно переходить из униатства в православие.

Лишь с течением времени, когда религиозный фактор все более и более утрачивал свою национальную и общесоциальную функцию и превратился в частноконфессиональное явление, борьба между белорусским крестьянством и польской шляхтой стала разворачиваться под чисто светскими и народническими лозунгами.

Таким образом, не Россия погубила Польское государство, а антирусская и латинско-иезуитская политика господствующего класса Речи Посполитой привела Польшу к гибели. Если Польша, опираясь на поддержку русского народа, сумела противостоять немецкой агрессии в 1410 году, то в результате последующей неразумной антирусской политики она стала жертвой немецкого капитала и прусского милитаризма в конце XVIII века, а затем и немецкого фашизма в 1939 году.

Исторический опыт свидетельствует, что всякая попытка правительства Польши разыграть антироссийскую карту в своей политике неизбежно приводила к самым плачевным результатам для Польского государства. Только союз русского и польского народов является основой стабильности на европейском континенте и подлинной гарантией независимости Польши.

Беречь общерусскую историю

Нужно четко понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая польскую панскую культуру в белорусское самосознание, ее апологеты делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства. Именно этим объясняются протаскивание лозунгов об исключительно европейском характере Белоруссии и игнорирование ее общерусских корней. Отказ от общерусских корней белорусского самосознания – это отказ от союза с братской Россией, а шире – от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, отказ от исторического выбора белорусского народа, смена геополитической ориентации нашей республики.

Вот почему совершенной софистикой являются попытки некоторых, так сказать, «великокняжеских» и «шляхетских» ученых и писателей зачислить в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в белорусскую историю Радзивиллов, Сапег, Огинских и так далее как видных представителей белорусских знатных родов, белорусского самосознания. Это не только насмешка над белорусской историей, но и прямое оскорбление национального достоинства нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от подобных «благодетелей» и «представителей» белорусскости. Важно отметить, что после русской революции 1917 года, пытаясь оправдать свои притязания на исконно русские земли, польская шляхта сконструировала ложный этнический аргумент. Она убеждала западную общественность, что белорусы не русские, а «белые ruteni». Но, как справедливо указывал Александр Волконский, «**rutenus** есть не что иное, как искажение слова «русин» и, следовательно, синоним слова «русский…» [6, с. 85].

Поэтому все историко-культурологические усилия квазиисториков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ вывести некую белорусскую идентичность, якобы несовместимую с русскостью, носят сугубо софистический характер. Даже больше. История ВКЛ в их изложении – это не реальная история Великого Княжества Литовского, а антирусская польско-шляхетская пропаганда, направленная на отрицание собственно белорусской истории. Вот почему следует понять, что никакого белорусского национализма в республике не существует. Мы привыкли употреблять привычные понятия, зачастую не понимая, что эти понятия используются совершенно в противоположном смысле. На самом деле под видом белорусского национализма, или так называемого литвинизма, скрывается польско-шляхетская камарилья, цель которой превратить Белоруссию в восточные кресы Польши.

Непонимание специфики формирования белорусского самосознания лежит в основе фальсификаторского тезиса о русификации белорусского народа в досоветский и советский периоды. Можно с уверенностью утверждать, что вопрос о белорусском языке не является ключевым для формирования белорусской идентичности. Данные социологических исследований показывают, что число граждан республики, считающих своим родным языком белорусский или русский, приблизительно равно. В то же время, хотя белорусами себя называют более 80% жителей страны, большинство наших соотечественников в повседневной жизни пользуются русским языком. Признавая себя белорусами, они в то же время считают своим родным языком русский. Тем самым опровергается выдумка русофобов о русификации белорусского народа, подтверждается специфика белорусской идентичности, которую нельзя подвести под шаблоны исторического словаря. Это и выражается в том, что русский язык – это не иностранный язык, а такой же родной язык для белорусов, как и белорусский. Это выражается и в том, что русский народ – это не иностранцы, как например, французы, немцы или поляки, а родной для белорусов этнос. Причем важно понять, что русский язык был родным языком для белорусов и в досоветский период. Поэтому ни о какой русификации белорусского народа не только в XX веке, но и даже в XIX веке не может быть речи.

Подтверждение этой бесспорной мысли можно видеть в языковой политике польского правительства в Западной Белоруссии в 1921–1939 годах. Так, в секретной записке полесского воеводы В. Костек-Бернацкого министру внутренних дел Польши в январе 1937 года указывается, что «не может быть и речи о том, чтобы в течение ближайших 10 лет учителем на Полесье был белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицирует местное население, вместо активной учительской деятельности для пользы Польши» [20, с. 154]. А в аналогичной секретной записке белостокского воеводы Г. Осташевского от 23 июня 1939 года говорится: «Сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь древние русские симпатии… Мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру» [20, с. 182].

Таким образом, даже идеологические и политические недруги России, говоря о том, что белорусский учитель русифицирует местное население, тем самым признают тот очевидный факт, что для нашего народа не существовало проблемы выбора между белорусским и русским языками, поскольку они для белорусов были одинаково родными языками, а белорусская культура, основывающаяся на древних русских традициях, рассматривалась как неотъемлемая часть общерусского культурного мира.

Поэтому традиционная истерика «белорусизаторов» о так называемой русификации белорусов вызвана не заботой о развитии белорусского языка, а совершенно другими соображениями. Какими? Под предлогом возрождения родного языка преследуется цель противопоставить белорусский язык русскому, зачислить русский язык в разряд иностранного наподобие английского и немецкого, т.е. лишив русский язык всякого упоминания о его родстве с белорусским языком, тем самым противопоставить белорусов и русских друг другу как совершенно разные народы, которые не имеют ничего общего между собой. «Белорусизаторы» не дураки, они понимают, что для отрицания этнического родства белорусов и русских необходимо именно отрицание русского языка как родного для белорусов. Зачем это делается? Чтобы осуществить вековую мечту всех русофобов – путем разъединения наших братских народов разрушить нашу общерусскую историю, нашу общерусскую цивилизацию с целью реализации их программы «Натиска на Восток», будь это крестовые походы немецких рыцарей, агрессивная политика против Руси и православия польской шляхты, «жизненное пространство» фашизма или современное продвижение НАТО на Восток. Все это – составляющие части одной и той же геополитической программы. Имя этой программы – русофобия. И «белорусизаторы» в этой геополитической борьбе являются обыкновенными русофобами, а не деятелями белорусской культуры.

Вся их возня вокруг возрождения белорусского языка – это имитация, пыль в глаза доверчивой публике. Ибо, изгоняя русский язык из категории родного для белорусов, «белорусизаторы» тем самым делают белорусский язык незащищенным, производят над ним операцию кастрации. В чем это будет выражаться? Сначала «белорусизаторы» переведут белорусский язык с кириллицы на латиницу, чтобы ликвидировать даже визуальное родство белорусского и русского языков, а затем этот уже наполовину кастрированный белорусский язык доведут до полной кастрации, нашпиговав его всевозможными полонизмами. Так что от белорусского языка останутся рожки да ножки. Ни для кого не секрет, что на таком белорусском языке наш народ уже не будет способен не только писать, но и разговаривать. Собственно говоря, «белорусизаторы» в своей языковой политике абсолютно не оригинальны. Они плетутся в хвосте «украинизаторов», которые еще в XIX веке тоже создавали искусственный «украинский» язык, чтобы он как можно больше отличался от русского. Для этого традиционное произношение заменялось фонетическим, были выдуманы карикатурные слова, чтобы не заимствовать готовые из русского языка, а также в этот «украинский» волапюк включили как можно больше польских, немецких и других иностранных слов.

Этой цели предназначена и программа «Восточное партнерство». Смысл программы «Восточное партнерство» заключается в том, чтобы Белоруссия и другие постсоветские члены этого проекта ориентировались на так называемые европейские ценности и, следовательно, на отказ от своей идентичности, от своей отечественной истории и замену ее историей, так сказать, евронатовской. Применительно к Белоруссии и Украине – к отказу от своей общерусской истории и замену ее историей польско-шляхетской и бандеровско-фашистской. Итальянская «Agora Vox» прямо говорит, что Евросоюз «закрывает глаза на все: на бомбардировку беззащитного населения, на ревизионистскую переоценку роли Бандеры и его соратников – кровавых убийц по всей Европе во время Второй мировой войны» [21]. А украинско-канадский центр, находящийся в Торонто, только в Луганский университет поставил 30 тысяч книг, посвященных бандеровцам и другим фашиствующим группировкам [22]. Совершенно ясно, что все эти восточные партнерства, ассоциации с Евросоюзом, евроинтеграции носят сугубо конфронтационный, империалистический характер, поскольку они направлены против России.

К сожалению, в истории наших народов все это уже было. В 1919 году английский военный министр Уинстон Черчилль разработал проект похода 14 государств против Советской России. В тот период это и была программа «восточного партнерства» для осколков Российской империи, которые по недоразумению считались независимыми государствами. Сегодняшнее «Восточное партнерство» – это лишь бледная копия с антирусского черчиллевского оригинала 1919 года.

Цель нынешнего «Восточного партнерства» остается такой же как и во времена иностранной интервенции против Советской России – крестовый поход на Москву. Под прикрытием лицемерного словоблудия о демократии, европейской безопасности, экзистенциальных европейских ценностях западная военщина и плутократия стремятся осуществить нашествие на Россию в своих геополитических интересах, ничего общего не имеющих с интересами белорусского народа. Точно так же, как под прикрытием фарисейских заклинаний о территориальной целостности Украины США и Евросоюз стремятся создать на Украине профашистское государство в качестве натовского плацдарма против России, что, разумеется, представляет огромную опасность и для Белоруссии. Именно поэтому «Восточное партнерство» является не только антироссийским, но и антибелорусским проектом.

Не следует забывать, что Польша рассматривает «Восточное партнерство» в тесной увязке с вопросами так называемого «нарушения прав поляков» в Белоруссии и продвижением интересов польской стороны и прозападных партий в нашей республике. Под эту стратегию в Польше уже подведена законодательная база. Так 23 сентября 2009 года польский сейм принял резолюцию об оккупации части территории Польши Красной Армией во время ее освободительного похода в Западную Белоруссию и Западную Украину 17 сентября 1939 года. Так что своим участием в «Восточном партнерстве» мы объективно признаем право польского правительства рассматривать Западную Белоруссию в качестве оккупированной в 1939 году польской территории. Затягивая нас в свое «Восточное партнерство», Польша таким образом набрасывает петлю на шею белорусской государственности. И никакое переформатирование «Восточного партнерства» – от обычной политики к более тесному конкретному сотрудничеству, основанному на решении экономических проблем, – не устранит угрозы превращения Белоруссии в восточные кресы Польши. Подобные аналитические эвфемизмы лишь свидетельствуют о школьническом сознании и профессиональной неподготовленности белорусского экспертного сообщества, не выработавшему в себе такого необходимого качества, как добрая воля, благодаря которому приобретается умение предвидеть, что и как надо делать, чтобы принести пользу стране. «Восточное партнерство» – это своеобразный троянский конь, который был сконструирован в польско-шовинистических кругах, чтобы затащить его в Белоруссию и взломать цивилизационную основу белорусского общества.

Недопустимо историю белорусского народа уподоблять библейской истории и искать какую-то обетованную землю за пределами своей общерусской цивилизации. Не надо идти ни на Запад, ни на Восток, надо уметь обустраивать собственную землю, надо исходить не из химерических европейских ценностей, а из собственных национальных интересов и уметь продвигать эти интересы на международной арене. Тогда будет понятно, что Союзное государство Белоруссии и России, Евразийский союз это и есть наш национальный путь развития, наша национальная идея. Тогда сами собой отпадут ученические представления о «европеизации» наших народов, о «евроинтеграции», о «болонском процессе» и тому подобных химерах.

Сегодня в реальной государственной политике на первый план выходит не программа «Восточное партнерство», а укрепление фундаментальных основ общерусской цивилизации, общерусского мира. Но что такое общерусский мир? **Общерусский мир – это культурное, историческое, ментальное единение людей, народов, наций, признающих Россию своей цивилизацией, а русский язык своим родным языком, независимо от своего этнического, национального, расового и религиозного происхождения.**

Упорное насаждение в нашем Отечестве польско-шляхетских идеалов, уже дискредитировавших себя на Белой Руси и Украине в XVI–XVIII веках, ничего хорошего белорусскому народу не сулит.

Все усилия ученых в конечном итоге будут бесплодны и бессмысленны до тех пор, пока из их поля зрения выпадают фундаментальные вопросы цивилизационной самоидентификации нашего народа. «Веками родство русских, украинцев и белорусов почиталось святыней. В его основе лежали общность происхождения, близость языков, места проживания, характера и исторических судеб» [23, с. 23]. В 1110 году ходил богомольцем в Палестину «Русьскыя земли игуменъ Даніилъ». Пришел он к королю Балдуину и поклонился ему. Подозвал его к себе «с любовью князь Балдвинъ» и спросил его: «Что хощеши, игумене рускый?» И попросил Даниил позволения поставить у гроба Господня «кандило за русскую землю». Согласился король, и в великую субботу поставил Даниил кандило. И засветилось кандило за русскую землю. Это относится и к общерусской святой Евфросиньи Полоцкой, которую так называемые «белорусизаторы» зачисляют в разряд исключительно белорусской подвижницы, хотя в то время не было еще ни белорусов, ни Белоруссии. Красноречивое тому подтверждение – жизнь этой великой общерусской святой. В 1173 году Евфросинья Полоцкая отправилась к Гробу Господню в Иерусалим, и там умерла. Мощи ее были перевезены в Киев и погребены в Киево-Печерском монастыре – главной общерусской усыпальнице.

Белорус, как и великоросс, и украинец по своей жизни является русским человеком, а Белоруссия, как Россия и Украина, составляет часть единой общерусской цивилизации. «Белорус, великоросс и украинец по своему миросозерцанию, практической жизни и культуре относится к особому культурно-историческому типу – славянской православной цивилизации» [24, с. 403].

Чтобы нас признавали в современном мире, надо, прежде всего, беречь свою общерусскую историю. Отказываться от нее или подменять ее чужой – значит отказываться от своей идентичности, значит исчезнуть как народ, как нация. Отрицать принадлежность Белоруссии к общерусскому миру – значит отрицать собственную белорусскую историю. Можно сказать, не дорожит своей русскостью лишь тот, кто отказывается от своего цивилизационного родства и от сознания личного достоинства. Фактически это означает отказ от своих гражданских прав.

Мы должны с уважением относиться к историческому выбору белорусского народа как результату многовекового формирования общерусского национального самосознания, в рамках которого вызрела и приобрела силу белорусская история и белорусская государственность.

Таким образом, рассуждения «национально-сознательных» историков, писателей, журналистов о некоей европейской (униатской) белорусской истории на практике оказывают плохую услугу белорусскому народу и белорусской государственности. Польско-панские химеры о шляхетской белорусской истории ведут к смене пространственно-временных и духовно-нравственных ориентиров нашего народа, к отрыву Белоруссии от своих общерусских корней. Только следуя общерусским путем, может плодотворно развиваться белорусская нация и белорусская государственность.

Не Уния, а Союз

Белорусская государственность сформировалась в условиях общерусского цивилизационного времени и пространства, союза с русским народом, совместного строительства Союзного государства, т.е. союзной, национальной модели развития в противоположность модели унионистской, антинациональной. Терминологически понятия «союз» и «уния» тождественны, но за этим формальным тождеством скрывается принципиально разное философско-историческое содержание. Уния Белоруссии с Польшей всегда была реакционна, антинациональна, поскольку ставила своей целью денационализацию белорусского народа. Союз Белоруссии и России всегда был прогрессивен, национален, поскольку способствовал сохранению ментальных характеристик белорусского народа, сохранял условия для национального возрождения и государственного строительства. Вот почему всякие концепции «вхождения Белоруссии в Европу», «Европейскую унию» будут вести к утрате государственной независимости Республики Беларусь, к денационализации белорусского народа, т.е. к его исчезновению.

В геополитическом контексте противоположность между союзной парадигмой и унионистской моделью развития Белоруссии выступает как противоположность между интеграцией и глобализацией. Формально интеграция и глобализация рассматриваются как тождественные процессы. Но фактически они означают принципиально противоположные варианты мирового развития. Глобализация является антиинтеграционной парадигмой, сущность которой сводится к бесплатному присвоению природных, трудовых, интеллектуальных ресурсов человечества в интересах западных корпораций и потребителей. В известной степени это признает лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 год Джозеф Стиглиц, который отмечает, что «существует большой массив фактических данных и аналитических построений, подтверждающих, что глобализация усиливает экономическую нестабильность, а экономическая нестабильность способствует ослаблению чувства защищенности и увеличению масштабов нищеты» [12, с. 80].

Объединение в рамках Европейской унии идет в русле глобализации, которая так или иначе ориентирована на закрепление привилегированного положения западных стран в системе международных отношений и создание однополюсного мира.

Строительство же Союзного государства Белоруссии и России основывается не на стратегии однополюсного глобализма, а на стратегии многополюсной интеграции, сущность которой заключается в установлении справедливых взаимоотношений между всеми государствами мирового сообщества. Интеграционная парадигма Союзного государства основывается на справедливом доступе к экономическим и финансовым возможностям для всех стран, на их взаимном интересе, радикальной демократизации международных институтов на основе общепризнанного международного принципа «одна страна – один голос».

В этнокультурной сфере противоположность между союзным и унионистским принципами общественного и государственного развития Белоруссии выступает как противоположность между национальной культурой и так называемой западной «цивилизованностью». Еще Л.Н. Толстой метко отмечал различие между подлинной культурностью и мнимой цивилизованностью. «Все то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилием, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость – фикция. Все, что может нарушить внешнее благообразие, – все голодные, больные, безобразно развращенные, все попрятаны по таким местам, где их нельзя видеть. Но то, что их не видно, не показывает того, что их нет. Напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят» [13, с. 508].

Подлинная культура базируется не на заимствованных принципах и институтах, а на национальной системе ценностей. Необходимо уважать национальные ценности и формировать чувство самоуважения. Навязывание чуждых ценностей подрывает уверенность человека в своих силах. Союзный вектор развития Белоруссии и России как раз и аккумулирует в себе национальную систему ценностей наших народов, их высокую духовность, культуру и человечность.

В сфере политики противоположность между Союзом и Унией проявляется как противоположность между народным пониманием демократии и западной трактовкой демократии, как противоположность между народовластием и олигархической формой правления.

Дело в том, что в конституционном праве США под демократией понимается «охрана прав меньшинства». В американских политических трактатах утверждается, что если «большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой» [14, с. 392]. Очевидно, что такое понимание демократии никак нельзя назвать демократическим, поскольку изначально устанавливается, что интересы большинства должны законодательно подчиняться интересам меньшинства, т.е. большинство граждан должно руководствоваться не своим общим интересом, а частным интересом, интересом меньшинства. Но ведь такое государство будет уже являться государством меньшинства, а не большинства, т.е. государством не демократическим, а олигархическим. При такой трактовке демо-

кратии повисает в воздухе сама идея правового государства, ибо такое государство не включает в свою обязанность охранять права большинства, защищать не только частные, но и общие интересы.

Западная политическая система по своей природе является не демократической, а олигархической. Таким образом, унионистский сценарий политического развития постсоветского пространства объективно ведет к установлению не демократии, а режима олигархии в постсоветских республиках.

Союзная модель развития, основывающаяся на исторических традициях наших братских народов, как раз и представляет собой демократическую модель обустройства постсоветского пространства.

Сегодня ведется много разговоров о модернизации сознания белорусов и русских. Считается, что наши народы должны осуществить модернизацию сознания, чтобы приобщиться к европейским ценностям. Аргументируют так: дескать, наши народы не инициативны, не предприимчивы, привержены патерналистской психологии, а поэтому, чтобы выйти на дорогу демократии и прогресса, надо сменить ментальные характеристики населения, сделать его по-настоящему европейским. И мы вроде бы соглашаемся с такой аргументацией. Но в том-то вся и проблема, что это абсолютно ложный подход. Ибо в основе прогресса и расширения возможностей человека, в том числе и его инициативы, предприимчивости, должно лежать чувство собственного достоинства. Человек, которому постоянно внушают, что он ленится, что у него психология иждивенца, что ему надо поменять свою ментальность, будет всегда чувствовать свою социальную и нравственную ущербность, приниженность. Думать, что такой человек будет способен к некоему инновационному, европейскому мышлению, – глубочайшее заблуждение. Поклоняться чужим пенатам – это верх пресмыкательства. В то же время сознавать долг и не исполнять его – это трусость. Отказываться от своей ментальности – значит, отказываться от самого себя, от своей идентичности.

Могут возразить. А как же быть с западными технологиями, которые мы хотим приобретать, чтобы модернизировать экономику? Здесь важно понимать, что западные технологии – это результат научно-технического развития всей современной цивилизации, а не только западного сообщества. Например, знаменитая Силиконовая долина в США. Ведь это скорее не Запад, а Восток, поскольку без индийских и китайских специалистов не было бы никакой Силиконовой долины. Аналогично обстоит дело и с другими наукоемкими технологиями. И самое главное. Как раз эти технологии Запад и не хочет предоставлять незападным странам, выдвигая на пути трансферта этих технологий всевозможные ограничения и преграды. А вот свой политический мусор (фарисейская демократия, олигархическое гражданское общество, однополые браки, гей-парады) западные правительства всеми способами, даже военной силой, стремятся навязать другим странам и народам. Очевидно, что подобные идеи и технологии ничего общего не имеют с социально-политическим прогрессом современного мира.

Необходимо понять, что только уважение к своим национальным ценностям и традициям, только чувство своего национального достоинства являются основой процветания страны. И работать на это процветание надо у себя дома, а не заглядываясь на витрины супермаркетов в западных странах. И тогда сами собой отпадут фальшивые рассуждения о модернизации сознания, о «европеизации» наших народов как якобы необходимом условии прогресса наших стран.

Важно понимать, что проблему модернизации экономики нельзя экстраполировать на сферу нравственности. Можно говорить о модернизации экономики, но нельзя вести речь о модернизации нравственности. Почему? Потому что у нравственности нет прогресса. Нравственные ценности абсолютны. Нравственность имеет дело не с сиюминутным, а с вечным. Пытаясь сменить ментальность, то есть, модернизировать систему ценностей белорусов и русских, мы тем самым лишаем их устойчивости, смысла жизни, превращаем их деятельность в дурную бесконечность, никогда не достигающую своей человечности, смысловой определенности.

Необходимо понять, что Союзное государство это и есть наша национальная идея, это и есть наш национальный путь развития, отвечающий интересам наших братских народов.

Союзное государство – это не альтернатива независимости Белоруссии и России, не ущемление их суверенитета, а наоборот, такое политическое образование, благодаря которому укрепляется независимость обоих государств, осуществляется реализация совместных национальных интересов в современном мире.

Список литературы

1. Беларусы: У 8 т. – Т. 3. – Гісторыя этналагічнага вывучэння / В.К. Бандарчык. – Мінск, 1999.
2. Гісторыя Беларусі: палемічныя матэрыялы / М.А. Багушэвіч [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка. – Мінск: Вышэйшая школа, 2015.
3. Шпилевский П. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках // Пантеон. 1853. – Т. 10. – Кн. 7.
4. Акты Западной России. – СПб., 1851. – Т. 4.
5. Коялович М. Чтения по истории Западной России. – СПб., 1884.
6. Украина – это Россия. – М.: РИСИ, 2014.
7. Живописная Россия. Репринтное воспроизведение издания 1882 года. – Минск, 1993.
8. Абецадарскі Л. У святле неабвержаных фактаў. – Мінск, 1969.
9. Польские мыслители эпохи Возрождения. – М., 1960.
10. Державин Г.Р. Сочинения. – М., 1985.
11. Рублевская Л. Критик из золотого века // Советская Белоруссия. 2015. – 18 июня.
12. Коялович М. Шаги к обретению России. – Минск, 2011.
13. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. – М., 1959.
14. Коялович М. Лекции по истории Западной России. – М., 1864.
15. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006.
16. Белоруссия в эпоху феодализма. – Минск, 1959. – Т. 1.

17. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1960. – Кн. 3.
18. Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. – Минск, 1956.
19. Иванова Л. Памяти Тадеуша Костюшко // Советская Белоруссия. 2016. – 4 февраля.
20. Польша – Беларусь (1921-1953). Сборник документов и материалов. – Минск, 2012.
21. Итальянское СМИ «Agora Vox»: Украинские нацисты на пороге Европы. – http: www. kprf. ru / international / ussr / 141905. html
22. Канада доставила в Луганск 30 тыс. книг о бандеровцах. – http: www. regnum. by / news / 1917656. html
23. Молчанов А.И. Россия, Украина и Беларусь от Н. Хрущева до «Беловежской пущи». – СПб, 2006. – Т. 1.
24. Молчанов А.И. Россия, Украина и Беларусь от Н. Хрущева до «Беловежской пущи». – СПб., 2006. – Т. 3.
25. Доклад о развитии человека за 2003 год. Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственная договоренность об избавлении человечества от нищеты. – Минск: Юнипак, 2003.
26. Толстой Л.Н. Рабство нашего времени // Л.Н. Толстой. Собр. соч. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 16.
27. Новак М. Дух демократического капитализма. – Минск: Лучи Софии, 1997.

Крюкова О.С.
д.филол.н., профессор, зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

ОБРАЗ УКРАИНЫ В РУСЛЕ ГЕРОИКИ ГРАЖДАНСКОГО РОМАНТИЗМА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Ключевые слова*: образ Украины, украинско-русские литературные связи, жанр думы, историческая поэма, образ Мазепы, гражданский романтизм.*

Keywords*: image of the Ukraine, Ukrainian-Russian literary interconnections, genre of duma, historical poem, image of Mazeppa, civil romantism.*

Бей в прошедшем настоящее, и в двойную силу облечется твое слово:
живее через то выступит прошедшее, и криком закричит настоящее.
Н.В. Гоголь

Историческое прошлое Украины весьма интересовало декабристов, которые сознательно мифологизировали историю, трактуя исторические события в духе своей идеологии. Эту особенность декабристской поэтики отмечают многие исследователи. «Рылеев в поэме «Войнаровский» обращается к фигуре, которая в истории занимала второстепенное положение, при этом сами события изображаются не так, как они происходили в действительности, – указывает И.С. Юхнова. – Поэт сознательно трансформирует историю и не скрывает от читателей, что реальные события Северной войны, отношения Петра с Мазепой складывались совсем не так, как это представлено в поэме. Однако автору важно было создать образ патриота, убежденного и бескомпромиссного борца за свободу и независимость своей Родины – Украины. Форма рассказа (монолог главного героя), место, куда был сослан Войнаровский (Сибирь), его одиночество – все это было призвано создать образ борца-мученика, который не отказывается от своих убеждений под гнетом обстоятельств» [Юхнова 2016, с. 53–54].

Образ Украины в творчестве К.Ф. Рылеева связан с такими жанровыми формами, как романтическая поэма и дума. По своему происхождению жанр думы восходит к украинскому музыкально-словесному народному творчеству XV–XVII вв. Думы исполнялись певцами-кобзарями (бандуристами) и «повествовали главным образом о борьбе украинцев против иноземных угнетателей» [ЛЭС 1987, с. 102]. Героями украинских дум были не вымышленные, а реальные исторические лица. В русском народном творчестве есть соответствие жанру думы. Это песня («песнь»). Думу и «песнь» объединяет опора на исторический сюжет. По справедливому замечанию Т.П. Буслаковой, героям дум «в авторской трактовке придаются черты, имеющие основания в действительности, они попадают в ситуации, прототипически верные, но при этом имеют особенности, обусловленные спецификой художественного замысла» [Буслакова 2006, с. 11].

«Думы» Рылеева можно назвать романтизированным прочтением русской истории. Обращаясь к этому жанру, поэт объяснил в предисловии к журнальному изданию, что «дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них» [Рылеев 1971, с. 105]. Польский источник данного жанра Рылеев усматривает в жанре польских исторических баллад, цитируя при этом О.У. Немцевича, автора упомянутых выше сочинений: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти – вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета» [Рылеев 1971, с. 105–106].

Ценным источником рылеевских «Дум» послужила «История Государства Российского» Н.М. Карамзина, кроме того, есть сведения и о других источниках, в числе которых «книги по истории П.С. Железникова, Д.Н. Бантыша-Каменского, исторические рассказы и предания И.И. Голикова, Н.И. Новикова, С.Н. Глинки и другие, а также художественные произведения на историческую тему (трагедии Сумарокова и Княжнина, повесть Карамзина «Марфа Посадница» и другие) [Базанов 1971, с. 15].

Цикл К.Ф. Рылеева включает двадцать пять завершенных и семь незавершенных дум, из них двадцать четыре думы были опубликованы в 1825 г. отдельным изданием. В Полное собрание стихотворений К.Ф. Рылеева (1971) включены следующие думы: «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Святополк», «Рогнеда», «Боян», «Мстислав Удалый», «Михаил Тверской», «Димитрий Донской», «Глинский», «Курбский», «Смерть Ермака», «Борис Годунов», «Димитрий Самозванец», «Иван Сусанин», «Богдан Хмельницкий», «Артемон Матвеев», «Петр Великий в Острогожске», «Волынский», «Наталия Долгорукова», «Державин», а также, с подзаголовком – «Думы, не

вошедшие в отдельное издание», – «Голова Волынского», «Владимир Святый», «Яков Долгорукий», «Царевич Алексей Петрович в Рожествене». В композиционном плане построение «Дум» Рылеева однотипно: краткая прозаическая историческая справка, затем поэтическая интерпретация исторического факта. Лишь в двух думах («Иван Сусанин» и «Петр Великий в Острогожске») прослеживаются отступления от этой композиционной схемы.

Древнерусской исторической тематике посвящены такие думы К.Ф. Рылеева, как «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Святополк», «Рогнеда», «Боян», «Владимир Святый», а собственно украинской – «Богдан Хмельницкий». В думе «Петр Великий в Острогожске» описана встреча Петра с Мазепой, «тогда еще невинным»; в думе «Наталия Долгорукова» действие происходит на берегу Днепра.

«Думы», что следовало из первой редакции «Предисловия» к ним, были задуманы с просветительской целью. В уста своих героев поэт вкладывал свои гражданско-патриотические идеи, но этот жанр не давал возможностей для развернутых исторических и этнографических описаний и поэтому был в какой-то мере переходным на пути к исторической поэме [Базанов 1971, с. 16].

В 1823 г., после завершения «Дум», К.Ф. Рылеев начинает работать над поэмой «Войнаровский». Эта поэма, которой предшествует эпиграф из Данте («… Nessun maggior dolore // Che ricordarsi del tempo felice // Nella miseria…» – «Нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье. Данте».) [цит. по: Рылеев 1971, с. 185], начинается с посвящения А. Бестужеву, где Рылеев провозглашает свое творческое кредо: «Я не Поэт, а Гражданин» [Рылеев 1971, с. 186]. Далее следуют своего рода исторические портреты Мазепы и Войнаровского, вступающие в противоречие с художественно-исторической концепцией автора поэмы, о чем речь пойдет ниже. «Часть первая» поэмы Рылеева начинается с описания места заключения Войнаровского – его якутской ссылки. Этот топос, как и литературное пространство любимой Войнаровским Украины, был в какой-то мере экзотичным для русского читателя, что также объяснялось особенностями художественного метода. «При всем романтическом субъективизме своего метода Рылеев стремился в «Войнаровском» дать много сведений, новых для читателя, – справедливо отмечают В.Г. Базанов и А.В. Архипова. Этнографически точные описания Якутска и сибирской природы в начале поэмы очень нравились большинству читателей. В этом проявилось свойственное романтикам увлечение экзотикой и этнографией (воспроизведение местного колорита, описание народного быта, обрядов и т.п.). Читатели даже считали описания в поэме Рылеева краткими и недостаточными» [Базанов 1971, с. 25].

После пейзажного описания якутской природы начинается собственно действие: эпизод с оленем, который предваряет встречу Войнаровского с ученым путешественником – историком Миллером. Миллер выступает и в роли образованного друга-собеседника, и в роли исповедника, выслушивая подробный рассказ Войнаровского о себе:

В беседе долгой и живой
Глаза у óбоих сверкали;
Они друг друга понимали;
И, как друзья, в глуши лесной
Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл
И поздний час и сон отрадный,
И, слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье был.

[Рылеев 1971, с. 197–198]

Вторая часть поэмы начинается с небольшого пейзажного вступления, за которой следует рассказ Войнаровского, начатый еще в первой части. Встречи Миллера с Войнаровским продолжаются. Миллер чувствует симпатию к «страдальцу», в котором видит друга и даже единомышленника:

В пустыне странник просвещенный
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял
И об Украйне незабвенной,
Как сын Украйны, он мечтал.

[Рылеев 1971, с. 218]

Но наступает суровая зима, и однажды Миллера никто не встретил у «пустынной хижины»: Войнаровский умер в своем якутском заточении. Так заканчивается поэма, далее следуют «Примечания к первой части Войнаровского» Рылеева, где приводится биография историка Миллера и объясняются некоторые реалии, непонятные для читателя (как якутские, так и украинские).

Хронологическая последовательность событий в поэме «Войнаровский» нарушена, что характерно для романтической поэмы, образцы которой были представлены в русской литературе 1820-х гг. южными поэмами А.С. Пушкина. Минувшие события излагаются изгнанником Войнаровским, который пытается дать оценку и своему прежнему поведению, и поступкам исторических лиц.

Для романтической поэмы, по мысли Рылеева, необходима не «правда факта», а «правда вымысла». Это несоответствие поэт сознательно акцентирует, помещая в текст произведения исторические разъяснения А.О. Корниловича и А.А. Бестужева. «Статьи, написанные А. Бестужевым и декабристом-историком А.Корниловичем, оснащены значительным фактическим материалом и дают объективные характеристики как Мазепы, так и Войнаровского, подчас расходящиеся с характеристиками, содержащимися в поэме, – подчеркивают В.Г. Базанов и А.В. Архипова. – История, хотя и изучалась автором «Войнаровского» и проникла в ткань поэмы гораздо сильнее, чем в думы, все-таки не слилась органически с поэзией. Исторические факты часто оставались сами по себе, поэтический вымысел сам по се-

бе» [Базанов 1971, с. 28]. Действительно, историческая оценка Мазепы и Войнаровского у, соответственно, Корниловича и Бестужева не совпадает с художественной оценкой этих исторических персонажей у Рылеева. Последние изображены у Рылеева как последовательные «борцы за свободу своей отчизны, противостоящие самовластительному тирану (Петру I)» [Базанов 1971, с. 23].

В число источников, которыми пользовался Рылеев при написании поэмы «Войнаровский», ряд исследователей включает поэму Байрона «Мазепа», исторический труд «История Малой России» Д.Бантыша-Каменского, а также личное общение Рылеева с украинским и польским дворянством [Маслов 1912, с. 279–289].

Согласно художественной логике Рылеева, в глазах Войнаровского Мазепа – национальный герой. Но эта оценка Мазепы вступает в противоречие со словами двух пленных украинцев, которых цитирует все тот же Войнаровский:

«Я из Батурина недавно, -
Один из пленных отвечал: -
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал;
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан им на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь – и брань и поношенье!»
[Рылеев 1971, с. 209]

Однако и в душу Войнаровского закрадываются сомнения в побудительных мотивах деятельности Мазепы:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон, –
Мне гетман не открыл сей тайны.
[Рылеев 1971, с. 209]

Смерть Мазепы и его похороны описаны у Рылеева опять же с отступлением от исторической правды. Во время похорон Войнаровский сталкивается с непреодолимой силой – мнением народным:

День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный и унылый,
Вождя Украйны до могилы
С дружиной шведов провожал.
Козак и швед равно рыдали;
Я шел, как тень, в кругу друзей.
О странник! Все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Свободу родины своей.
[Рылеев 1971, с. 212]

Сомнения Войнаровского продолжаются и в ссылке:

Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украйне и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что сталось с родиной моей?
Кого в Петре – врага иль друга
Она нашла в беде своей?
[Рылеев 1971, с. 213]

Таким образом, Рылеев трактует своего героя сначала как доверчивого юношу, который верил своему дяде – Мазепе, а потом невинного «страдальца» – то есть типично романтического героя. Но сама ситуация предательства Мазепы в поэме не акцентируется, на что обращали внимание многие исследователи, в том числе Патрик О'Мара (Ирландия): «Событие, которое обычно рассматривалось официальной историографией как предательство, совершенное изменником и преступником, представлено в рылеевской повести с необычной, если не сказать противоречащей установившемуся мнению точки зрения, отражавшей его собственные «гражданские» стремления. В поэме Мазепа изображен пылким украинским патриотом, чьи искусные, но не всегда разборчивые средства противопоставить Петра и Карла XII ради сохранения остатков автономии своей родной страны изображены как имеющие законные и благородные основания. Войнаровский Рылеева – это благородный юноша, ничего не ведавший о предательстве Мазепы и безоговорочно веривший в его честность. В поэме, так же как в «Думах», Рылеев не раз позволяет себе вольности в использовании исторических источников, тем самым лишний раз подтверждая, что его интерес к прошлому обусловлен тем, какую пользу содержавшиеся в них суждения могут принести для распространения идеи декабризма» [О'Мара 1989, с. 197–198].

К образу Мазепы Рылеев обращался еще до написания поэмы «Войнаровский», что было связано с замыслом исторической трагедии о Мазепе. Но трактовка образа Мазепы в драматическом произведении не совпадала с трак-

товкой этого образа в поэме «Войнаровский», что отмечают исследователи творчества Рылеева: «Наброски и планы трагедии показывают, что тема любовных страстей и мелодраматические эффекты здесь едва ли не преобладали: злодей Мазепа мстит Петру за оскорбление; Кочубей мстит Мазепе за поруганную честь дочери; Матрена Кочубеева мечется между отцом и любовником, сходит с ума, безумная пляшет вокруг эшафота, на котором казнен ее отец, наконец кончает жизнь самоубийством в бурную ночь при блеске молний и раскатах грома. Интересно и то, что Мазепа обрисован здесь как человек хитрый, беспринципный и коварный, далеко не таким, каким изображен он позднее в "Войнаровском"» [Базанов 1971, с. 33].

Незаконченная поэма Рылеева «Наливайко», по замыслу поэта, должна была художественно воспроизвести эпизоды, связанные с борьбой украинских казаков против польского господства в конце XVI века. В 1825 г. в «Полярной звезде» были опубликованы три отрывка из этой поэмы: «Киев», «Смерть чигиринского старосты», «Исповедь Наливайки». В полном собрании стихотворений Рылеева к опубликованным при жизни автора главам на основании архивных данных в поэму добавлены такие главы, как «Весна» [2], главы 3 и 4 (без названия), глава 6 – обращение к соратнику («Ты друг давно мне, Лобода…»), глава 7 (без названия), глава 9 (без названия), глава 10 – «Молитва Наливайки», глава 11 (без названия), глава 12 («Сон Жолкевского»).

Герой этой поэмы Рылеева – Северин Наливайко, который в 1594-1596 гг. возглавил восстание казаков против польских магнатов. Это восстание охватило не только украинские области, но и часть территории Белоруссии. В итоге восстание потерпело поражение, а Наливайко вместе со своим соратником Лободой был казнен в Варшаве в 1597 г.

Первая главка («Киев») имеет кольцевую композицию, открываясь и завершаясь бедственным положением Киева.

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.
[Рылеев 1971, с. 226]

Далее следует краткий поэтический экскурс в историческое прошлое Киевской Руси и недавнее прошлое. Современность, то есть конец XVI века, по мысли поэта, представляет собой жалкое зрелище:

Но Киев на степи глухой,
Дивить уже боле неспособный,
Под властью ляха роковой
Стоит, как памятник надгробный
Над угнетенною страной.
[Рылеев 1971, с. 227]

Вторая главка («Весна») построена на отрицательном параллелизме, причем с национальным оттенком. Все радуются пробуждению весенней природы, – все, кроме украинцев:

Все веселятся, все ликуют,
Весне цветущей каждый рад;
Поляк, еврей и униат
Беспечно, буйственно пируют.
Одни украинцы тоскуют,
И им не в праздник пир весны.
Что за веселье без свободы.
Что за весна – весна рабов;
Им чужды все красы природы,
В душах их вечный мрак гробов.
[Рылеев 1971, с. 227]

В третьей и четвертой главках показано душевное состояние Наливайко, а в пятой («Смерть чигиринского старосты») герой переходит к активным действиям. В шестой главке воспроизводится диалог соратников – Наливайко и Лободы. В седьмой главке Наливайко отправляется в Печерскую лавру, что подчеркивает богоугодность его помыслов. В восьмой главке («Исповедь Наливайки») изложена политическая программа героя, которая освящена временем (Страстная неделя) и местом ее декларации (лавра):

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу –
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.
Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад – Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть – рай!..
[Рылеев 1971, с. 232-233]

В архиве Рылеева сохранились также наброски поэмы о Мазепе, два отрывка из которой («Гайдамак» и «Палей») были опубликованы в начале 1825 г.

Личность Мазепы в ее романтическом ореоле интересовала, помимо Рылеева, Дж.Г. Байрона (поэма «Мазепа»), А.С. Пушкина (поэма «Полтава»), Ф.В. Булгарина (историческая повесть «Мазепа»), Е.В. Аладьина (историческая повесть «Кочубей»). По понятным причинам творчество Дж. Г. Байрона, равно как Вольтера и Виктора Гюго (стихотворение «Мазепа», 1829)[1], не является предметом данного исследования, но вне контекста байроновской поэмы невозможно рассматривать указанные выше произведения, на что, кстати, ссылаются в ряде случаев и сами авторы, в частности Ф.В. Булгарин: «Лорд Байрон и А.С. Пушкин воспользовались лучшими эпизодами из жизни Мазепы: романическою любовью в юности и в старости с занимательными и ужасными последствиями сей необузданной страсти. Я почел благоразумным не входить в совместничество со столь отличными дарованиями и не коснулся того, что уже изображено английским и русским поэтами. Я ограничился политическим характером Мазепы, представив его, если смею так выразиться, в рамках частной его жизни» [Булгарин 1994, с. 6].

В поэме Байрона «Мазепа» заглавный герой наделен типично романтическими чертами характера. В ее основе лежит мелодраматический эпизод из юности Мазепы – в то время пажа при дворе польского короля Яна Казимира. Этот эпизод старый вояка рассказывает шведскому королю Карлу XII. В начале поэмы Байрон подчеркивает в личности Мазепы черты опытного воина: герой «стар, суров и груб» (при этом используется сравнение из мира природы: «Здесь и Мазепа. Древний дуб, // Как сам он – стар, суров и груб <…>» [Байрон 1981, с. 214], причем переводчик Г. Шенгели следует за оригиналом), неприхотлив в быту, заботится в первую очередь о коне, а потом уже о своем ночлеге. Герой сожалеет о прошедшей молодости, и в поэме возникает традиционно романтический контраст юности и старости:

«Я очень был красив тогда;
Теперь за семьдесят года
Шагнули, – мне ль бояться слов?
Немного мужей и юнцов, –
Вассалов, рыцарей, – со мной
Могли поспорить красотой.
Был резв я, молод и силен,
Не то, что нынче, – не согбен,
Не изморщинен в смене лет,
Забот и войн, что стерли след
Души моей с лица; меня
Признать бы не смогла родня,
Со мною встреться и сравни
И прошлые, и эти дни.
К тому ж не старость избрала
Своей страницей гладь чела;
Не совладать покуда ей
С умом и бодростью моей, –
Иначе б в этот поздний час
Не мог бы я вести для вас
Под черным небом мой рассказ.

[Байрон 1981, с. 217]

Интерес к личности Мазепы, возникший, не без влияния поэмы Байрона, у К.Ф. Рылеева, нашел продолжение в творчестве Егора Васильевича Аладьина, который был известен как «поэт, переводчик, удачливый издатель самого долговечного альманаха пушкинской поры – «Невского альманаха» (1825–1833), а также альманахов «Букет или карманная книжка для любителей и любительниц театра» (1829) и «Подснежник» (1830)» [Старые годы 1989, с. 364]. В 1827 г. им была написана историческая повесть «Кочубей», которая послужила впоследствии сюжетной основой (в части любовной фабулы) для поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (начата в 1828 г., опубликована в 1829 г.). Как и Аладьин, Пушкин заменил имя реальной и прозаической Матрены на имя Марии, включенное в гораздо более широкий литературный и культурно-исторический контекст.

В повести Аладьина Иван Мазепа наделен чертами рокового обольстителя и коварного романтического злодея. Его предательство в любви и в дружбе изображено более детализированно и психологически не мотивированно, нежели государственная измена. Однако еще до формального предложения Мазепы и последующего похищения Марии при содействии подкупленной няни Кочубей испытывает двойственное чувство по отношению к Мазепе, и чувство это имеет патриотическую подоплеку: «Но не одна грусть семейная томила душу благородного Кочубея, не об одной дочери скорбел он: милая отчизна его, благословенная Украйна стонала под пятою алчного грабителя! Он уважал в гетмане главу Малороссии, но презирал в Мазепе жестокого, корыстолюбивого утеснителя казаков. Он любил старшую дочь свою Анну, любил доброго зятя Обидовского – и для того-то еще водил хлеб-соль с его дядей» [Аладьин 1989, с. 38].

[1] Гетману Мазепе посвящено 186 гравюр, 42 картины, 22 музыкальных произведения зарубежных и отечественных авторов, а также, помимо упомянутых, литературные произведения Ю. Словацкого, Б. Залесского, А. Шатковского, Б. Брехта, В. Сосюры и др.

В любовной линии поэмы А.С. Пушкина «Полтава» усилен мелодраматический элемент: Мария сама бежит из родительского дома; среди казаков у нее есть преданный поклонник, который спешит доставить «донос на гетмана-злодея». У Аладьина Мария кончает свои дни в монастыре, а у Пушкина она бесследно исчезает, в безумии являясь Мазепе, и этот мотив усилен в либретто оперы П.И. Чайковского «Мазепа», где Мария сходит с ума, принимает смертельно раненного Андрея (в поэме Пушкина он не назван по имени) за ребенка и поет колыбельную умирающему. Помимо любовной фабулы, между повестью Аладьина и поэмой Пушкина есть и другие сюжетные параллели, например, мотив спрятанных, якобы, Кочубеем сокровищ:

Е.В. Аладьин. «Кочубей»	**А.С. Пушкин. «Полтава»**
В сей раз Кочубей под ударами палача объявил, что в селе его Диканьке зарыты в землю четыре тысячи червонных и две тысячи талеров – плод долголетнего труда и бережливости – какая находка для корыстолюбивого Мазепы! [Аладьин 1989, с. 54]	Орлик Мы знаем, Что ты несчетно был богат; Мы знаем: не единый клад Тобой в Диканьке укрываем. Свершиться казнь твоя должна; Твое имение сполна В казну поступит войсковую – Таков закон. Я указую Тебе последний долг: открой, Где клады, скрытые тобой? [Пушкин 1981, с. 191]

Своеобразие историзма А.С. Пушкина проявляется в том, что он заходит в мир большой истории со стороны частной жизни, которой отданы первая и вторая «песни» поэмы «Полтава». В первой «песне» показана преступная, с религиозной точки зрения, любовь крестницы к крестному. Пытаясь отомстить за честь семьи, Кочубей пишет царю донос на Мазепу, где раскрывает коварные сепаратистские замыслы гетмана. Однако, по Пушкину, мотивом такого поступка Кочубея становится месть за дочь — «поступок не столько гражданина, сколько обманутого и оскорбленного друга и отца» [Юхнова 2016, с. 129]. Во второй «песне» Мария должна выбрать между Мазепой и отцом. Здесь изображены также сцены пыток Кочубея, свидания матери с дочерью и сама казнь. В третьей «песне» основным предметом изображения становится Полтавская битва. В эпилоге поэмы говорится об «огромном памятнике» царю, воздвигнутом народной молвой, т.е. в «коллективном бессознательном». Поэт выносит также приговор изменнику и предателю Мазепе, которого настигла Божья кара вкупе с церковным проклятием:

И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор;
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне
Грозя, гремит о нем собор.
[Пушкин 1981, с. 210]

И, наконец, личность Мазепы заинтересовала Ф.В. Булгарина, который в 1833 г. закончил историческую повесть «Мазепа», подчеркнув в предисловии: «Исторические события, рассказываемые от имени автора, верны, но в происшествиях не соблюдено в точности хронологического порядка, ибо цель романа, как выше сказано, есть изображение характера Мазепы, а не истории Малороссии» [Булгарин 1994, с. 6]. Эта историческая повесть Булгарина, изобилующая мелодраматическими эффектами, не пользовалась, в отличие от его романа «Иван Выжигин», популярностью у читателей.

И Аладьин, и Пушкин, и Булгарин избирают различные предметы для своего повествования. Название исторической повести Аладьина «Кочубей» переносит акцент с личности гетмана Мазепы на личность Кочубея, а заглавие поэмы Пушкина ставит во главу угла масштабное историческое событие – Полтавскую битву. Булгарин в центр повествования выносит, что подчеркнуто и заголовком, и в предисловии, именно личность Мазепы. Возможно, что скандально известный литератор Фаддей Булгарин ощущал определенное духовное родство со своим персонажем. Как известно, Булгарин участвовал в наполеоновских войнах, причем не на стороне России: «с 1811 г. в составе Польского легиона французских войск воевал в Испании, в 1812 участник похода в Россию французской армии», был даже награжден орденом Почетного легиона [Мещеряков 1992, с. 348]. Оценка душевных качеств Мазепы в повести Булгарина звучит из уст Марии: «Человек, который никому не верит, который живет ложью и коварством, всегда окружен обманом и изменой. Мазепа всех людей, от царя до раба, почитает шахматами, нужными ему только для выигрывания партии. Ему нет нужды в их уме и сердце! В его глазах все это кость, и вся разница в форме и в месте, занимаемом на шахматной доске» [Булгарин 1994, с. 165]. Любопытен образ шахматной доски в ее речи, это сравнение принадлежит не героине, а автору повести, который, в силу хронологических обстоятельств, никак не мог быть знаком с геополитикой как наукой и ее пониманием как игры на мировой шахматной доске.

Помимо романтического взгляда на личность Мазепы, в произведениях Аладьина, Пушкина и Булгарина можно проследить и отражение образа Украины. Подобно тому, как в отрывке «Ты знаешь край…» у Пушкина представлен практически весь набор романтических представлений об Италии, строки «Тиха украинская ночь…» воплощают романтический облик Украины. Пять строк у Пушкина повторяются дважды, создавая отрицательный параллелизм в каждом случае. В первом отрывке идиллия украинского пейзажа противопоставлена заточению Кочубея:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо всё кругом;
Но в замке шепот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленье,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

[Пушкин 1981, с. 189]

Во втором отрывке природа выступает своеобразным резонером: она выносит приговор Мазепе. Это еще не суд истории, но читателю становится ясно, что приговор будет обвинительным. Не случайно во втором отрывке повторяются слова, которые ассоциируются с судопроизводством («обвинительные очи», «судьи», «тюрьма»). И эти «судебные» слова в поэме Пушкина относятся к образам из мира природы, которая становится враждебной коварному и подлому герою:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Но мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна, как черная тюрьма.

[Пушкин 1981, с. 193–194]

Повтор пейзажного фрагмента усиливает романтическую антитезу между узником и гетманом. Мрачность мечтаний Мазепы намекает на муки совести в душе гетмана, но способен ли Мазепа на подобные душевные движения? У Пушкина Мазепе чудится стон узника – и гетман издает ответный крик воина, которого с Кочубеем связывают былые подвиги. Но это душевное движение оказывается лишь минутным порывом. Мазепа не намерен отменять казнь. Свидание Марии с матерью, сама казнь и бесследное исчезновение Марии завершают вторую главу пушкинской поэмы.

И у Аладьина, и у Пушкина и даже у Булгарина Мазепа идеально соответствует образу романтического злодея, выступая в роли коварного обольстителя, нарушителя религиозных запретов, изменника и предателя.

Но его предательство – не только в области человеческих взаимоотношений, это государственная измена. Любовь и дружба для Мазепы – только инструменты для воплощения его коварных замыслов. В хрестоматийно известной повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» к государственной измене приводит именно любовное чувство, и это тоже типично романтическая коллизия. И Мазепа, и Тарас Бульба воплощают разные, причем диаметрально противоположные грани национального характера. Гоголя не интересует историческая точность событий, он относит действие повести то к XV, то к XVI в., художественной задачей писателя становится воплощение национально-исторического характера.

Таким образом, героическое прошлое Украины в русской литературе XIX в. было окрашено в тона национального романтизма. Поэт-декабрист К.Ф. Рылеев весьма вольно использовал исторические факты в духе своих идеологических установок, намеренно отступая от исторической правды. Под пером русских романтиков, вдохновленных творчеством Дж.Г. Байрона, гетман-предатель превратился в рокового обольстителя и типично романтического злодея, а иногда – даже в мелодраматическую фигуру. В поэме А.С. Пушкина «Полтава» акценты смещаются в сторону историзма, заданного уже заглавием. В конце поэмы романтическому герою выносится приговор истории, и это превращает романтическую любовную трагедию в историческую трагедию, но с элементами семейной драмы. В повести Н.В. Гоголя противоречие между чувством и долгом ведет, с одной стороны, к государственной измене (Андрий), а, с другой стороны – к героизму с оттенком мученичества (Тарас Бульба). Последние слова Тараса исполнены высокого патриотического пафоса:

«– Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Чтó взяли, чортовы ляхи! Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак?

Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву… Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» [Гоголь 1951, с. 207–208].

Список литературы

1. Аладьин Е.В. Кочубей // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века / Сост. и подготовка текста А.Рогинского. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 34–61.
2. Байрон Дж.Г. Мазепа // Байрон Дж.Г. Собр. соч.: В 4 тт. – М.: Правда, 1981. – С. 212–234.
3. Базанов В.Г., Архипова А.В. Творческий путь Рылеева // Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1971. – С. 5–52.
4. Булгарин Ф.В. Мазепа // Булгарин Ф.В. Мазепа. Повести. – М.: Фирма «Кронос», 1994. – С. 5–296.
5. Буслакова Т.П. Как анализировать лиро-эпическое произведение. – М.: Высшая школа, 2006. – 143 с.
6. Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений в пяти тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. – С. 42–208.
7. Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС). – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
8. Маслов В.И. Литературная деятельность Рылеева. – Киев, 1912.
9. О'Мара П. К.Ф.Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. Пер. с англ. / вступ. Ст. и ред. В.А. Федорова. – М.: Прогресс, 1989. – 336 с.
10. Мещеряков В.П., Рейтблат А.И. Булгарин // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, НВП «Фианит», 1992. – С. 347–351.
11. Пушкин А.С. Полтава // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10-ти тт. – М.: Правда, 1981. – С. 171–213.
12. Рылеев К.Ф. Полн. собр. Стихотворений. – Л.: Ленинградский писатель, 1971. – 480 с.
13. Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века / Сост. и подготовка текста А.Рогинского. – М.: Худож. лит., 1989. – 367 с.
14. Юхнова И.С. Александр Сергеевич Пушкин // История русской литературы XIX века. В 3 т. Т. 1. литература 1800–1840-х годов: учебник для академического бакалавриата / Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С. Юхнова; под ред. Н.М. Фортунатова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – С. 78–139.
15. Юхнова И.С. Творчество декабристов // История русской литературы XIX века. В 3 т. Т. 1. литература 1800–1840-х годов: учебник для академического бакалавриата / Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С. Юхнова; под ред. Н.М. Фортунатова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – С. 50-64.

Крюкова О.С.
д.филол.н., профессор, зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

УКРАИНСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА, В.Г. КОРОЛЕНКО, А.И. КУПРИНА

Ключевые слова*: образ Украины, украинско-русские литературные связи, неоромантизм.*
Keywords*: image of the Ukraine, Ukrainian-Russian literary interconnections, new romantism.*

Многие русские писатели биографически и творчески были связаны с Украиной. В этом отношении показателен творческий путь и Н.С. Лескова, и В.Г. Короленко, и А.И. Куприна. Так, Н.С. Лесков, уроженец Орловской губернии, как писатель сформировался именно в Киеве, куда он переехал в 1849 г.

Действие повести Н.С. Лескова «Детские годы» (1875) происходит в Киеве в 1840–1850-е гг. Повесть испытала влияние литературы сентиментализма, в частности «Жития Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева. В русле сентиментализма развивался и роман воспитания, черты которого отчетливо прослеживаются в повести Лескова. «Украинские» мотивы здесь связаны прежде всего с пространственными оппозициями: «Украина – Лифляндия», «Великороссия – Малороссия», «Украина – Польша», «Киев – Москва». Герой этой повести, Меркул Праотцев, в возрасте тринадцати лет за дисциплинарный проступок в кадетском корпусе должен отправиться к родственникам и поступить на гражданскую службу. К великой радости героя, вместо малопривлекательной для него Лифляндии он переезжает в Киев. Оппозиция «Украина – Лифляндия» решается в художественном мире повести в духе традиционного романтического противопоставления севера и юга: «… вместо мызной мазанки в серой Лифляндии, я стремился к «червонной Украйне», под тень ее тополей и черешен, к ее барвинкам, к Днепру, святыням Киева, под свод пещер, где опочили Антоний, Нестор и Никола-князь, сбросивший венец и в рубище стоявший у ворот Печерской лавры…»[1] Заметим, что украинские «тополи и черешни» в восприятии романтично настроенного героя напоминают известные по произведениям русских романтиков итальянские «лимоны и оливы». В то же время Киев включается и в оппозицию «Россия – Лифляндия». Это связано со статусом Киева как культурной столицы и одного из научных центров России XIX в.

Оппозиция «Великороссия – Малороссия» представлена в повести географическим и природным разграничением, с одной стороны, и различиями в быте и образе жизни – с другой: «Мы проехали всю Орловскую губернию, встретили в Упорое у графа Гейдена первые тополи – и, налюбовавшись ими, вскоре перевалили за широкую балку, посредине которой тек маленький ручеек, служивший живым урочищем, составляющим границу Великой России с Малороссиею»[2]. Это описание – одно из дорожных впечатлений юного героя. Путь из Петербурга в Киев пролегал через Тверь, Москву, Тулу, Орел, Королевец, Батурин, «бывшую столицу Мазепы», Борзну и Нежин. Комические дорожные происшествия (пьянство извозчика, «вождение медведя», мнимый кат) соседствовали с трагическими (нелепая гибель товарища). Оппозиция «Москва – Киев» в восприятии героя предстает как противопоставление грешного Вавилона полному святости Иерусалиму, что связано со спецификой московских впечатлений. В Москву путешественники приехали с предощущением святости древней столицы, но это чувству скоро померкло ввиду пьяных похождений извозчика. А вот Киев, напротив, представляется герою средоточием святости: «В таком именно состоянии был я, когда увидел блестящий крест Киевской печерской лавры и вслед за тем передо мною открылись киевские высоты со всею чудною нагорною панорамою этого живописного города. Я с жадностию обозревал это местоположение и находил, что братья Кий, Щек и Хорев обладали гораздо более совершенным вкусом, чем основатель Москвы боярин Кучка и закладчики многих других великорусских городов. При самом первом взгляде на Киев делается понятно, почему святые отшельники нашей земли избирали именно это место для перехода с него в высшие обители. Киево-печерская вершина – это русская ступень на небо. Здесь, у подножия этих гор, изрытых древлерусскими христианскими подвижниками, всякий человек, как у подножия Сиона, становится хоть на минуту верующим; необходимость глядеть вдаль и вверх на эти уносящиеся под небо красоты будит душу – и у нее, как у отогревающегося на подъеме орла, обновляются крылья.

Сухменная философия моя развеялась под свежим ветром, которым нас охватило на днепровском пароме, и я вступил на киевский берег Днепра юношею и сыном моей родины и моей доброй матери, которую так долго не видал… »[3]

[1] Лесков Н.С. Детские годы // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. Т. 5. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957. – С. 297.
[2] Там же. – С. 312–313.
[3] Там же. – С. 333.

Таким образом, в глазах героя повести у города Киева сакральное предназначение. Этой же точки зрения, по-видимому, придерживается и мать героя, избирая для первой прогулки по городу с сыном определенный маршрут: «Когда мы с матушкой вышли для первой прогулки моей по Киеву, день был пасмурный, но очень тихий и приятный. На зданиях и на всех предметах лежал мягкий и теплый серо-желтоватый колорит. Все имело свой цвет, но, как говорят живописцы, все по колерам было точно слегка *протерто* умброю.

Мы зашли в Софийский собор, где я впервые увидел мощи и приложился к ним вместе с матерью. Тут же мы осмотрели гроб Ярослава и древние фрески, которые только тогда очищали от слоя штукатурки и реставрировали. Из Софийского собора мы прошли на террасу Андреевской церкви. Я пришел в большой восторг от легкого фасада этого грациозного храма и особенно от вида, который отсюда открывается на Подол и пологую часть заднепровья. Отсюда мы зашли в Трехсвятительскую церковь, по преданиям строенную еще до принятия Владимиром христианской веры, и потом перешли в Михайловский монастырь»[1]. Из прочих киевских локусов упоминаются также Подол и Крещатик.

Помимо пространственных оппозиций, украинские мотивы в повести Лескова «Детские годы» связаны также с образом Христи (Харитины) Альтанской, «малороссийской девушки с характером глубоким, сильным и сосредоточенным»[2]. Из ее уст звучит своеобразная характеристика «прекрасной малороссийской поэзии»: «… у нас воспевают такое «лихо», которое «смеется»[3]. Это парадоксальное замечание героини отражает характерную особенность народного мировосприятия, сопрягающего трагическое с комическим. Даже жесты этой героини бессознательно воспроизводят народную манеру поведения: «Христя вся вспыхнула и, быстро сбросив на пол работу, вскочила с места – и, став посреди комнаты, закрыла глаза, не ладонями, а пульсами рук, как это делают, плача, простонародные малороссийские девушки»[4].

На «малороссийском» материале основано действие рассказа Н.С. Лескова «Некрещеный поп» (1877), вобравшего в себя жанровые черты житейского анекдота, рождественского рассказа и тех жанров украинского народного творчества, которыми вдохновлялся Н.В. Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». В фигурах бойкой Керасивны, Дукача, «рогачевского дворянина» усматриваются черты героев вертепных комедий. Но содержание рассказа, который затрагивает соотношение формального и неформального православия, а также вопросы сектантства («штунды»), шире указанных жанровых разновидностей. Из «малороссийских» особенностей отметим фигуру праведника в миру – Охрима Поднебесного, который органично примыкает к типам праведников в других произведениях Лескова. Рассказ написан в сказовой манере, причем русская речь рассказчика из народа перемежается с воспроизведением устной речи героев. В прямой речи слова автора приводятся на русском языке, в то время как тот или иной персонаж употребляет «малороссийское наречие», например:

« – Ну, як ты выйшов на своем слове нивирный, то я же тебе зроблю лихо.

– Як лихо! як ты мени лихо зробишь? – заговорил Керасенко»[5].

Еще один «малороссийский» аккорд проявляется в обстоятельствах выбора имени для новорожденного, причем Дукач руководствуется при этом народными представлениями националистического характера, идущими вразрез с религиозными предписаниями:

« – Ну так се добре: только смотри, щобы вин нам, выпивши, не испортил хлопца, – не назвал бы его Иваном або Николою.

– Ну вот! так я ему и дам, щоб христианское дитя да Николой назвать. Хиба я не знаю, что это московське имя.

– То-то и есть: Никола самый москаль»[6].

Подобная «регионализация» святых описана также в повести Н.С. Лескова «Старинные психопаты» (противопоставление Св. Николая и «Юрко», т.е. Георгия Победоносца): «По вере же великорусские дела подлежали заботам чудотворца Николая, как покровителя России, а дела южнорусские находили себе защиту и опору в попечениях особенно расположенного малороссиянам святого Юрия или, по нынешнему произношению, св. Георгия (по народному «Юрко»)»[7].

Действие в «Печерских антиках» (1883), как и в рассказе «Владычный суд» (1877), происходит в Киеве. «Печерские антики» с подзаголовком «Отрывки из юношеских впечатлений» можно определить как цикл художественных очерков. Первое слово в заглавии указывает на широко известный киевский локус, второе – «антики», здесь употреблено в значении «чудаки», или «киевские оригиналы», как подчеркивает автор в самом начале повествования. Цикл Лескова включает 41 главу, но, в отличие, например, от «Киевских типов» Куприна (см. ниже), тому или иному персонажу может быть посвящена не одна глава, а несколько. В центре лесковского повествования – колоритные личности, которых рассказчик знал в свою бытность в Киеве. Это полковник Кесарь Степанович Берлинский, старец Малафей с «отроком» Гиезием, священник Евфимий Ботвиновский. Прочие персонажи появляются во вставных новеллах –

---

[1] Лесков Н.С. Детские годы // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. Т. 5. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957. – С. 346.

[2] Там же, с.406.

[3] Там же, с. 348.

[4] Там же, с. 411.

[5] Там же, с. 169.

[6] Там же, с. 179.

[7] Лесков Н.С. Старинные психопаты // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. Т. 7. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1958. – С. 469.

«рассказах кстати». Как и в повести «Старинные психопаты» (1885), писатель обращается к явлениям нетипичным. Так, одна из глав «Печерских антиков» посвящена «киевским богатырям», т.е. людям с исключительной физической силой. При характеристике богатырей Лесков возводит единичное явление в ранг исторического, сопрягая своих героев с легендарными персонажами великого исторического прошлого. Особенностью «Печерских антиков» является также пристальное внимание рассказчика к киевским локусам, к числу которых относятся Житомирская улица, Большая Шияновская и Малая Шияновская улицы, Крещатик, окрестности «городского берега, откуда был виден мост, соединивший Киев с черниговскою стороною Днепра»[1], многочисленные монастыри: Выдубицкий, Михайловский, монастырь Малого Николая, греческий монастырь на Подоле, также известные и менее известные церкви Киева, описанные с топографической точностью («Троицкая церковь, к которой перешел о. Евфим после смерти своего брата, находилась в Старом Киеве, против здания присутственных мест, где ныне начинается сквер со стороны Софийского собора»[2]).

Повести Н.С. Лескова «Старинные психопаты» и «Заячий ремиз» (1894) объединяет социально-критическая направленность, с одной стороны, и Малороссия как место действия – с другой. Этнографические подробности и своеобразный язык повествования («И есть у нас в Перегудах все, что красит всеми любимую страну Малороссию: есть сады, есть ставы, есть тополи, и белые хаты, и бравые паробки и чернобривы дівчата»[3].), однако, не скрывают авторскую иронию и сарказм при характеристике отталкивающих явлений действительности. Действие рассказа «Административная грация» (1893) происходит в университетском городе юга России, здесь социальная критика выражена еще более остро и касается системы доносов и жандармских мер по отношению к университетскому свободомыслию.

Следует отметить, что Лескова привлекают либо необычные, неординарные характеры («Печерские антики»), либо резко отрицательные («Некрещеный поп», «Старинные психопаты», «Административная грация», «Путимец» (1883)). В ряде случаев писатель, как и в других своих произведениях, обращается к изображению ярких женских народных характеров (судьба Катри в рассказе «Фигура» (1889)).

«Украинская» тема в творчестве Н.С. Лескова включает в себя также несколько газетных заметок о Тарасе Шевченко, написанных по конкретным поводам, в том числе по поводу состояния могилы Шевченко, которая требовала ухода вследствие большого количества посетителей.

С Украиной биографически и творчески связан также писатель и публицист В.Г. Короленко, который родился в Житомире в семье судьи (украинца по происхождению) и матери-польки. Детство будущего писателя прошло в Житомире и Ровно. Детское романтическое увлечение героическим прошлым Польши и Украины у юного Короленко сменилось интересом к «передовой русской мысли», которая стала подлинной духовной родиной – «не Польша, не Украина, не Волынь, не Великороссия, – а великая область русской мысли и русской литературы, область, где господствовали Пушкины, Лермонтовы, Белинские, Добролюбовы, Гоголи, Тургеневы, Некрасовы, Салтыковы»[4].

Жизнь и деятельность писателя связана также с Глазовом, Восточной Сибирью, Нижним Новгородом и Петербургом. Революционные события 1917 г. застали его в Полтаве, где он жил начиная с 1900 г. и умер 25 декабря 1921 г.

Многие произведения В.Г. Короленко включают украинскую тематику. Это и конкретизация места действия, и фольклорные мотивы, и обращение к историческому прошлому Украины, и бытописательство. Так, в рассказе «В дурном обществе» (известном советским школьникам по адаптированному варианту – «Дети подземелья») действие происходит в местечке Княжье-Вено, в котором угадываются черты города Ровно, где будущий писатель учился начиная с третьего класса реальной гимназии: «Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или проще, Княж-Городок. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и представляло все типические черты любого из мелких городов Юго-западного края, где, среди тихо струящейся жизни тяжелого труда и мелко-суетливого еврейского гешефта, доживают свои печальные дни жалкие останки гордого панского величия»[5]. В отце рассказчика угадываются черты отца самого писателя, но более развернуто автобиографическая тема у Короленко найдет отражение в «Истории моего современника».

Украинская тема в ее фольклорном преломлении присутствует и в рассказе «Лес шумит» с подзаголовком «Полесская легенда» (1886), и в рассказе «Судный день» (1890), однако цели обращения к устному народному творчеству в этих произведениях различны. В финале рассказа «Лес шумит» «происходят два убийства: всесильного пана, деспота и циника, и его верного холопа. Совершают убийство-месть, защищая честь женщины, бандурист Опанас, потомок казаков из Запорожской Сечи, и лесник Роман. Конфликт содержит полемику с очень популярной в России в 1880-е гг. проповедью Л.Н. Толстого, с его теорией о непротивлении злу насилием. У Короленко зло карается злом и оправдывается благородной целью – возмездием за нанесенное оскорбление»[6]. Рассказ же «Судный день», написанный под явным влиянием гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», с юмором повествует о превращении жадного

---

[1] Лесков Н.С. Старинные психопаты // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. Т. 7. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1958. – С. 180.

[2] Там же, с. 210.

[3] Лесков Н.С. Заячий ремиз // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. Т. 9. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1958. – С.510.

[4] Короленко В.Г. История моего современника // Русское богатство. 1908. – № 2. – С. 190 – В дальнейшие редакции книги этот текст не вошел.

[5] Короленко В.Г. В дурном обществе // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т.2. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 7.

[6] История русской литературы XIX века. В 3 т. Т. 3. Литература конца XIX века: учебник для академического бакалавриата / Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С. Юхнова; под ред. Н.М. Фортунатова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 250.

мельника в доброго и любящего человека под воздействием фантастических испытаний еврейского праздника «Иом-Кипур» (очищение).

В повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» действие связано с «Юго-западным краем». В семье богатого помещика родился слепой мальчик. Воспитанием Петрика активно занимался его дядя Максим, ветеран-гарибальдиец. На формирование таланта главного героя повлияла народная музыка и народное пение в исполнении барского конюха Иохима, а чуть позже мальчик познакомился и с «дворянским инструментом» – фортепиано. В сущности, это повесть о таланте и преодолении тяжелого недуга, но в сюжетных коллизиях существенную роль играют и мотивы национальной идентичности. В своеобразном соревновании за влияние на душу мальчика народной и инструментальной музыки победу сначала одерживает простая свирель, изготовленная Иохимом, однако мать смогла заинтересовать сына и другим инструментом – фортепиано, возможности которого позволяли передавать и народные мелодии. В повести Короленко происходит в какой-то мере синтез искусств. Средствами словесного искусства писатель передает особенности народных украинских исторических песен, посвящая этому специальную подглавку (XII) второй главы.

Герой другой повести В.Г.Короленко, «Без языка» (1894), – выходец из Волынской губернии Матвей Лозинский, простой крестьянин, который уехал в Америку на заработки, за лучшей долей. Конфликт культур и взаимное непонимание, от которого герой испытал немало трудностей в Америке, происходил, с одной стороны, от незнания языка и слабых языковых способностей, а с другой стороны – от особенностей характера Матвея, на что неоднократно обращали внимание исследователи: «… говорил он по-малорусски, на особом наречии с примесью польских и русских слов, но среди его предков были удальцы из Запорожья, гайдамаки, ватажники, совершавшие дерзкие набеги. Возможно, из слияния русских и украинских черт народного характера и возник взрывной темперамент Матвея Лозинского, так много неприятностей доставивший ему в Америке. Несмотря на свой громадный рост и медвежью силу, этот робкий, скромный человек привык униженно целовать руку помещику или человеку, стоящему выше его на социальной лестнице»[1].

После серии очерков и очерковых циклов, источником которых стала жизнь Нижегородского края, В.Г. Короленко обратился к повествованию автобиографического типа. Это «История моего современника», в которой писатель постоянно переходит «от своей личной судьбы к судьбе своего поколения в целом»[2]. Первые пять частей первой книги этого произведения отражают детские, отроческие и ранние юношеские впечатления автора. Действие здесь происходит в Житомире, Ровно и в «деревне дяди-капитана»[3] Гарный Луг. Автобиографически заданный хронотоп делает естественным обращение не только к национальной тематике, но и к межнациональным отношениям (вторая часть первой книги воспроизводит реакцию окружения юного героя на польское восстание).

В некоторых произведениях В.Г. Короленко национальная тематика присутствует только в виде мотивов, причем преимущественно на языковом уровне. Так, темой очерка «Ночью» является рождение ребенка – нового члена семьи, в восприятии детей и взрослых. Конкретизация места действия происходит лишь при появлении возницы – мужика Хведьки в белой свитке (выразительная этнографическая деталь). Речь Хведьки дает представление о том, что действие, как и в других произведениях писателя, происходит в Юго-западном крае:

« – Э, какой же ты, хлопчику, беспонятный. Иди-бо, иди… »[4] Отзвуки украинской речи звучат и в ругани старой няньки: «– А кыш, а кыш, – кричала она. – Ах, проклятые гультяи, куда забрались, нет на вас холеры великой!..»[5]

Следует подчеркнуть, что в творчестве Владимира Галактионовича Короленко объективно присутствуют доминанты трех национальных идентичностей: польской, украинской и русской. В данном исследовании, в связи с заявленной темой, анализируются доминанты украинской идентичности в творчестве писателя, но, подчеркиваем, этой идентичностью не исчерпывается ни личность Короленко, ни художественное своеобразие его произведений. Сам писатель, как бы предвидя возможные обвинения в национализме того или иного толка, писал в 1908 г. в письме к Х.Д. Алчевской: «Известным сторонам украинского движения я искренне сочувствую и, конечно, далек от того, чтобы всю современную украинскую литературу обвинить в ненавистническом национализме или приписывать ей огулом исторический романтизм…

Недавно в «Раде» была статья, вызванная моей «Историей моего современника». Автор говорит о каком-то «отречении от национальности» и притом еще «в сторону наименьшего сопротивления». Это значит, что автор читал «Историю» и не захотел увидеть главного: три племенных чувства парализовали друг друга и в конце концов не было ни одного. Потом пришла русская литература и взяла растущую душу себе. Чем? Великороссиянством? Какие пустяки! Нет, именно тем, что влекло в 70-е годы юные кадры и кавказской и украинской молодежи в общерусское движение: широкой демократичностью, отсутствием национализма, широкими формами свободы. «Сторона наименьшего сопротивления» для меня лично оказалась только Вяткой, Пермью, Якутской областью… Но для других, уже чистейших украинцев, как Лизогубы, Лозинские, Попки – «сторона наименьшего сопротивления» оказалась виселицей или

[1] История русской литературы XIX века. В 3 т. Т. 3. Литература конца XIX века: учебник для академического бакалавриата / Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С. Юхнова; под ред. Н.М. Фортунатова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 247.

[2] Аверин Б.В. Владимир Короленко // История русской литературы в 4-х тт. Т. 4. – Л.: Наука, 1983. – С. 173.

[3] Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 5. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 213.

[4] Короленко В.Г. Ночью // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 2. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 261.

[5] Там же, с.267.

каторгой. Дело не в том, почему некоторые *енки* пишут «по российскому». Иначе не умеют, – поэтому и отрицались…»[1]

В то же время В.Г. Короленко протестовал и против дискриминации украинского языка и украинской литературы, что очевидно из его статьи «Котляревский и Мазепа» (1916 г.), посвященной политико-лингвистическим «недоразумениям» при открытии памятника Котляревскому в Полтаве. Суть этих «недоразумений» заключалась в следующем. На открытии памятника присутствовали как «зарубежные» тогда украинцы (из Австрии, которой тогда принадлежал Львов), так и «местные» украинцы. «Зарубежным» было разрешено произносить приветствие на родном языке, а «местным» нет.

В начале очерка Короленко вспоминает о «главной» исторической достопримечательности тогдашней Полтавы, связанной с пребыванием здесь, наездами, гетмана Мазепы. Усадьба и дом не сохранились, на этом месте «стоит невзрачное двухэтажное здание, казарменного вида, окрашенное в желтую краску»[2]. Но сам «дух места», по мысли писателя, здесь многим не дает покоя. Другая достопримечательность Полтавы – памятник поэту Котляревскому, который «не имел ничего общего с Мазепой, кроме языка», – иронически замечает Короленко и раскрывает для несведущего читателя роль Котляревского в истории украинской культуры: «Он – автор «Наталки Полтавки», пользующейся широкой популярностью далеко за пределами Украины, и «Энеиды», которую часто цитируют даже люди, не знающие украинского языка и страшно коверкающие самое произношение. Котляревский был некрупный и, конечно, для своего времени вполне благонадежный чиновник, заслуги которого в скромной мере поощрялись русским правительством. Но в его сердце горела любовь к украинской «мужицкой» речи. Он первый стал писать на языке, на котором говорило население целого края, но у которого не было письменности. Он сделал этот мягкий, выразительный, сильный, богатый язык языком литературным, и украинская речь, которую считали лишь местным наречием, с его легкой руки зазвучала так громко, что звуки ее разнеслись по всей России. На ней впоследствии пел свои песни и кобзарь Шевченко»[3].

Очерк заканчивается горькой иронией: «Если бы в наше время люди были более суеверны, то, без сомнения, возникла бы легенда о том, что на мазепинском дворище, по одну сторону собора, старый изменник гетман заливается по ночам адским хохотом над своим соседом, благонамеренным русским чиновником Котляревским, сохранившим в сердце неблагонамеренно пламенную любовь к родному слову и за это оказавшимся мазепинцем и крамольником. Кстати же, дом Котляревского приютился над кручей горы по другую сторону собора. Превосходная тема для фантастической поэмы в самом «неблагонадежном роде», материал для которой старательно подобран иждивением и стараниями бюрократии»[4]. К памятным событиям исторического прошлого Украины В.Г. Короленко обращается и в статье «Полтавские празденства». Эта статья была написана по заказу венской газеты в связи с 200-летием Полтавской битвы и, помимо освещения широко известных исторических фактов, содержала злободневные параллели с современностью. Политическая направленность сделала невозможной ее публикацию в России, и статья была опубликована только в 1939 г., в год 230-летия Полтавской битвы, в газете «Советская Украина».

Обратимся к другим доминантам украинской национальной идентичности в творчестве В.Г. Короленко. Помимо языка, сюда относится отражение черт национального характера («Без языка»), описание обычаев и обрядов («История моего современника»), обращение к устному народному творчеству («Лес шумит», «Слепой музыкант», «История моего современника»), народной музыкальной культуре («Слепой музыкант», «История моего современника»), народным танцам («История моего современника»), а также внимание к народному быту и народному костюму («Лес шумит», «Слепой музыкант», «Без языка», «История моего современника»).

Народный костюм в художественном мире Короленко органичен на людях из народа. При необходимости писатель делает пояснения (подобные пояснения сопровождают и отдельные детали быта, например, использование старых колес для устройства гнезда аистов) для инонационального читателя, например: «Хохлы носят холщовые штаны вроде мешка, раздвоенного только снизу. Этот-то мешок и называется «мотнею»[5] («Лес шумит»). В детском восприятии автобиографического героя народный костюм связывался с деревенским происхождением и образом жизни простых людей: «Из всей нашей тогдашней прислуги старая нянька и Будзиньская сохраняли деревенскую одежду и голову повязывали кичками, но и у них вид уже был не деревенский. Только кучер Петро, в своем вечном кожухе и тяжелых чоботах с отвернутыми книзу голенищами, имел облик настоящего мужика»[6].

На людях привилегированных сословий народный костюм является средством акцентирования своей национальной принадлежности. Так происходит в повести «Слепой музыкант», один из персонажей которой, сосед Попельских по имению – Ставрученко, одевался в национальном стиле. Нередко акцентирование национальной идентичности выглядит ненатурально, к этой фальши особенно чувствительно детское сознание. Подобный случай произошел с автобиографическим героем «Истории моего современника», для которого новый учитель Буткевич вначале вызвал любопытство, а потом неприятие. Внешний облик Буткевича был подчеркнуто украинизирован. Через некоторое вре-

---

[1] Примечания // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 8. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 501.

[2] Короленко В.Г. Котляревский и Мазепа // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 8. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 573.

[3] Там же.

[4] Там же, с. 378.

[5] Короленко В.Г. Лес шумит // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 2. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 73.

[6] Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 5. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 75.

мя автобиографический герой осознал, что новый учитель «переигрывает»: «Может быть, этому способствовало еще одно обстоятельство. В нашей семье тон был очень простой. У отца я никогда не замечал ни одной искусственной ноты. У матери тоже. Вероятно, поэтому мы были очень чутки ко всему искусственному. Между тем вся фигура нового учителя казалась мне, пожалуй, довольно привлекательной, даже интересной, но… какой-то ненастоящей. Он одевался так, как никто не одевался ни в городе, ни в деревне. Тонкий казакин, кисет на шнурке, люлька в кармане широких шаровар, казацкие подусники – все это казалось не настоящим, не природным и не непосредственным, а «нарочным» и деланным. И говорил он не просто, как все, а точно подчеркивал: вот видите, я говорю по-украински. И мне казалось, что если, по его требованию, я стану отвечать ему тоже на украинском языке (который я знал довольно плохо), то и это выйдет не настояще, а нарочно, и потому «стыдно»[1].

В инонациональной среде традиционный народный костюм может вызвать отторжение («Без языка»). Свитка Матвея Лозинского в Америке воспринимается обывателями как наряд дикаря.

Устное народное творчество в художественном мире В.Г. Короленко представлено народной демонологией («История моего современника», «В судный день»), рассказами из разбойничьего быта («История моего современника»), народными историческими песнями («Слепой музыкант», «История моего современника»), легендами («Лес шумит»), причем в юмористическом рассказе «Судный день» причудливо соединяется славянская народная демонология в духе Н.В. Гоголя с еврейской традицией. В.Г. Короленко обращает внимание читателя на такие обряды, как народная свадьба, а также сельскохозяйственные обряды «зажинок» и «дожинок», связанные с началом и концом жатвы.

Народная музыкальная культура Украины ярко представлена в повести «Слепой музыкант», что обусловлено сюжетом. Это и народная песня, и народные музыкальные инструменты, и творчество кобзарей, которое вдохновляет главного героя. В конце пятой части «Истории моего современника» учитель словесности, приобщивший автобиографического героя к миру русской литературы, как бы вновь открывает гимназисту красоту народной песни.

По мнению автора «Истории моего современника», вновь вспыхнувшее, под влиянием народной песни, чувство национального романтизма привело к парадоксальному результату: автобиографический герой, который в отрочестве мучительно переживал конфликт трех национальных идентичностей в своей душе (о мучительных попытках национального самоопределения рассказывается в главе XIII второй части – «Кто я?»), вдруг обрел духовную родину в гуманном и свободном мире русской литературы: «Эта струя литературы того времени, этот особенный двусторонний тон ее – взяли к себе мою разноплеменную душу… Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература»[2].

К этому суждению В.Г. Короленко можно было бы еще добавить, что русская литература еще со времени путешествия Афанасия Никитина художественно отражала и неродственные, и родственные культуры и литературные традиции. Интерес к народному быту и народному творчеству разных народов и субэтносов, питавший и романтиков, и писателей реалистического направления, но романтиков в большей степени, стал не менее актуальным и на рубеже XIX–XX вв. Это в полной мере относится и к творчеству А.И. Куприна.

А.И. Куприн после окончания Александровского военного училища в 1890 г. приступил к службе в 46-м Днепровском пехотном полку, располагавшемся в Подольской губернии. В 1894 г. он вышел в отставку в чине поручика и переехал в Киев. До переезда в Петербург (1901 г.) будущий писатель много странствовал по России, сменил множество профессий, впитывая жизненные впечатления, которые впоследствии легли в основу его произведений.

Во многих ранних рассказах и очерках писателя действие происходит на Украине, вернее, на территории тогдашней Российской империи. В некоторых произведениях географическая маркированность принципиальна для авторской позиции, в других непринципиальна, но, тем не менее, образы пространства и в этих случаях связаны с доминантами национальной идентичности. Так, в рассказе «Славянская душа» место действия точно не названо, но упоминаются местные обычаи: «У нас в Подолии и на Волыни ничто человеку не сообщает такого шика, как выезд»[3]. Само название этого рассказа выявляет художественную задачу писателя: показать своеобразие национального менталитета на примере неустроенной жизни и нелепой смерти своего героя. В конце произведения частный случай возводится до широкого этнопсихологического обобщения: «Теперь, ставши почти стариком, я иногда перебираю свои пестрые воспоминания и, задерживаясь мыслью над Ясем, каждый раз думаю: какая странная душа, – верная, чистая, противоречивая, вздорная и больная, – настоящая славянская душа, жила в Ясином теле!»[4]

В рассказе «Прапорщик армейский» (1897) действие происходит в «Z-ском уезде Подольской губернии»[5]. Сюжет рассказа построен по традиционной схеме неудачного любовного романа, с одной стороны, а с другой – содержит элементы эпистолярного жанра. «Местный колорит» создается посредством характерного пейзажа с вкраплением «стаффажа»: «Что бы и кто бы ни встретился по дороге: хохол в широких белых шароварах, лениво идущий рядом с парой сивых круторогих волов, придорожная корчма, еврейская «балагула», бархатное поле, распаханное под озими, – все вызывает его пытливые вопросы и замечания, дышащие то глубоким, почти философским пониманием простой

[1] Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 5. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – С. 121–122.

[2] Там же, с. 276–277.

[3] Куприн А.И. Славянская душа // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти тт. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 1. – С. 138.

[4] Там же, с. 145.

[5] Куприн А.И. Прапорщик армейский // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти тт. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 2. – С. 107.

обыденной жизни, то резким сарказмом, то неудержимым потоком веселья…»[1] К другим местным особенностям, отраженным в этом рассказе, можно отнести выразительную портретную деталь («… у старшей, брюнетки, задорный, сочный тип малороссиянки»[2]).

В некоторых рассказах («Без заглавия», «Детский сад») в речь персонажей умеренно вкраплены украинизмы.

В 1896–1898 гг. Куприн написал серию очерков – «Киевские типы». 16 очерков посвящены различным профессиям и занятиям, часто весьма сомнительного свойства. Сфера жизненных интересов героя очерка отражена в соответствующем названии: «Студент-драгун», «Днепровский мореход», «Будущая Патти», «Лжесвидетель», «Певчий», «Пожарный», «Квартирная хозяйка», «Босяк», «Вор», «Художник», «”Стрелки”», «Заяц», «Доктор», «”Ханжушка”», «Бенефициант», «”Поставщик карточек”». Три очерка («Будущая Патти», «Певчий», «Художник») описывают характерные типы творческих натур. Это начинающая певица, певчие с разным диапазоном голоса и художник. Эти очерки, как и очерки, посвященные как людям конкретных профессий, так и людям сомнительных занятий, явно продолжают традиции «натуральной школы» в русской литературе, хотя созданы значительно позже. Собственно «киевский» колорит в этот цикл вносят названия улиц и районов города. Это Крещатик, Липки, Подол, Старый город и Печерск. Местные особенности проявляются и на языковом уровне: в социальных жаргонах, арго киевских воров и особых, «киевских» словечках. Так, очерк «Босяк» начинается с установления географически обусловленного социального статуса героя: «В Петербурге его называют «вяземским кадетом», в Москве – «золоторотцем», в Одессе – «шарлатаном», в Харькове – «раклом».

В Киеве ему имя – «босяк»[3].

Следует заметить, что тема «бывших людей» была весьма актуальна для русской литературы конца XIX – начала XX в. К ней обращались М. Горький, В. Гиляровский, С.Г. Скиталец, но в творчестве А.И. Куприна она была окрашена местным колоритом. Некоторые бытовые подробности жизни босяков в изображении А.И. Куприна были связаны со спецификой южного города: «Летом босяку живется лучше и привольней, сравнительно с зимою. Даровой ночлег всегда готов для него или в кустах по берегу Днепра, или в Царском саду, где под густой тенью вековых лип можно найти уголок, недоступный для зорких полицейских глаз.

И работа всегда найдется летом для босяка, потому что хозяева барок, пристающих к Киеву, нуждаются постоянно в рабочих руках для разгрузки товара»[4].

В 1897 г. Куприн побывал в Полесье, где некоторое время управлял имением в Ровенском уезде Волынской губернии. Полесье вдохновило писателя на создание рассказов «Лесная глушь», «Серебряный волк», «На глухарей» и повести «Олеся».

В рассказе «Лесная глушь», в котором ощущается несомненное влияние «Записок охотника» И.С. Тургенева, образы местных мужиков представляют три разных психологических типа. Это сотский Кирила, полесовщик Талимон и Александр, доведенный до крайности неверностью жены. В лесной глуши, тем не менее, разыгрываются шекспировские страсти. Дикость деревенских нравов сближает этот рассказ с пьесой Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Те же мотивы звучат и в повести «Олеся», героиня которой вынуждена вместе со своей старой бабкой спасаться бегством от жителей Переброда.

Доминанты национальной идентичности в произведениях полесского цикла имеют фольклорную и лингвистическую основу. Рассказчик в повести «Олеся», в которой воспроизведена типичная ситуация бегства от городской цивилизации к представителям другой, более естественной среды, – Иван Тимофеевич, в самом начале своего повествования заявляет о своем интересе к местному колориту: «Я поехал даже с радостью. «Полесье… глушь… лоно природы… простые нравы…первобытные натуры, – думал я, сидя в вагоне, – совсем незнакомый мне народ, со странными обычаями, своеобразным языком… и уж, наверно, какое множество поэтических легенд, преданий и песен!» Этнические особенности в рассказе «Лесная глушь» воссоздаются точным воспроизведением особенностей местного наречия и пересказом легенды о печаловском колоколе. Рассказ «Серебряный волк» построен на полесской легенде об оборотне. Нарратор в этом рассказе обращает внимание читателя на фольклорную и лингвистическую специфику повествования: «И тут он передал мне одно из старых полесских сказаний, которые переходят из века в век и бродят по деревням, племенам и народам, облекаясь порою в самую вероятную быль ближайших лет.

Повторяя теперь это предание, я не решаюсь рассказывать его на полесском говоре. Двадцать лет назад я хорошо понимал его и легко говорил на нем, а теперь предпочту язык великорусский»[5].

Таким образом, Н.С. Лесков, В.Г. Короленко и А.И. Куприн отразили в рассмотренных произведениях и следующие доминанты украинской национальной идентичности: язык, национальный характер, устное народное творчество, народный костюм, народное музыкальное искусство, народные танцы, а также особенности малороссийского бытового уклада. Обращение к «малороссийской» тематике оказало влияние на язык тех произведений, где она была актуальна. Близкородственный славянский язык органично включается в речевую ткань повествования, что в большинстве случаев не требует специальных пояснений для читателя. Н.С. Лесков, а в особенности В.Г. Короленко и

---

[1] Куприн А.И. Прапорщик армейский // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти тт. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 2. – С. 111.

[2] Там же, с. 119.

[3] Куприн А.И. Босяк // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти тт. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 1. – С. 408.

[4] Там же, с. 408–409.

[5] Куприн А.И. Серебряный волк // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти тт. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – Т. 2. – С. 493.

А.И. Куприн, часто обращаются к фольклорным жанрам. Народный костюм весьма детально описывают Лесков и Короленко. Народный костюм органичен на народных персонажах, на лицах же привилегированных сословий он в большинстве случаев выглядит не совсем уместно (в повести «Старинные психопаты» Н.С. Лескова и в «Истории моего современника» В.Г. Короленко). Особенно неуместным представляется народный костюм в инонациональной среде (в повести В.Г. Короленко «Без языка»). Тем не менее, народный «малороссийский» костюм представлен в проанализированных литературных произведениях как выразительная доминанта национальной идентичности.

В «Истории моего современника» В.Г. Короленко показано парадоксальное становление национальной идентичности, а в произведениях Н.С. Лескова отражено часто трагикомическое соперничество «великорусской» и «малорусской» идентичности («Некрещеный поп», «Старинные психопаты», «Заячий ремиз», «Путимец»).

Черты романтизированного образа Украины (Малороссии) сохраняются в упоминании «тополей и черешен» как части национального пейзажа. Эти черты объективно присутствуют в творчестве В.Г. Короленко и А.И. Куприна, ряд произведений которых можно охарактеризовать как неоромантические.

Никовская Л.И.
д.соц.н., гл.н.с. Института социологии РАН

ОСОБЕННОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ СРЕЗОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ)

Ключевые слова*: плюрализм, консолидация, гражданская идентичность модель развития.*
Key words*: pluralism, consolidation, civic identity, development model.*

Общественно-политическая трансформация российского общества в своей динамике все больше демонстрирует рост гетерогенности идейно-политического спектра состояния общественного сознания. Это подтверждают и исследования Института социологии РАН за последние годы: процессы социокультурной динамики двигаются в направлении усиления дифференциации и плюрализации сосуществующих нормативно-ценностных систем в обществе[1]. В этом отношении актуальной становится потребность в выявлении возможностей и ограничений в консолидации российского общества, исследования тех оснований, на которых оно может быть едино в отстаивании общего вектора развития.

Сегодня определенно можно выделить те идейно-смысловые доминанты, которые стали общими в выражении ожиданий для всего российского общества. Таких доминант несколько. Это, прежде всего, *справедливость, свобода, патриотизм, возврат к национальным традициям*. Но в содержательном отношении их наполнение зависит от принадлежности к двум типам социальной адаптации: *активному и инертному.* **Активный тип** характеризуется ориентацией на инициативность, предприимчивость, готовность к переменам в жизни, внутренний локус-контроль. **Инертный тип,** напротив, стремится к закреплению *статус-кво,* внешнему локус-контролю, к устойчивости и воспроизводству себя в неизменном виде. Согласно суммарным данным[2] активный тип составил 40 % населения, инертный – 37%. В смешанный тип вошли 23% респондентов[3]. Содержательное наполнение общих идейно-смысловых доминант российского общества существенно зависит от принадлежности к выделенным двум типам социальной адаптации. Так, для россиян **активного типа** *социальная справедливость достигается через обеспечение прав человека, демократию и свободу самовыражения личности, а Россия интерпретируется как держава, объединяющая разные народы.* Для представителей **инертного типа** более характерен запрос на *твердую власть, которая сможет обеспечить порядок, а также возврат к традиционным ценностям.* Но при этом следует отметить, что проблематика социальной справедливости является одной из *«осевых»* «точек сборки» современного российского социума, которая затрагивает всех без исключения российских граждан. Именно поэтому данная проблема выдвигается на первый план даже в группах, выделенных по разным типам ценностно-мировоззренческих срезов.

Логично также предположить, что основанием для единения различных в своем идейно-политическом многообразии проявлений сознания может быть признание верховенства общественных интересов над личными. Однако в оценке значимости соотношения личных и общественных интересов российское население более склоняется к тому, чтобы на первое место поставить весомость личных интересов и личного благополучия – 56%[4]. Только чуть более трети населения (36%) готовы пожертвовать своим собственным благополучием ради общественных целей. Выявленное соотношение двух разных взглядов на соотношение *«личное-общественное»* в интерпретации направленности социальной активности не изменилось за последние 5 лет. В 2009 году оно составляло 45 к 55%. Таким образом, для большинства россиян личные интересы все же имеют явный приоритет перед общественными, и данная установка устойчива во времени. Это коррелирует и с данными исследования состояния гражданского сознания, проводимого Центром по исследованию гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ[5]. Выявляя зависимость

[1] См.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумм, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2010. – 378 с.; Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Весь мир, 2015. – 336 с.

[2] Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Весь мир, 2015. – С. 132.

[3] Согласно методике, эмпирическое выделение групп происходило на основании выбора респондентами соответствующих суждений, представленных в 4-х альтернативных парах. Для конструирования группы с той или иной доминантой мировоззренческого адаптивного синдрома – активного или инертного) использовалась группировка респондентов, сделавших выбор первых или вторых суждений более, чем в 70% случаев (т.е. в трех или четырех из предложенных пар). Респонденты, которые не проявили явного преобладания активного или инертного мировоззрения, были отнесены к смешанной группе.

[4] Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Весь мир, 2015. – С. 129

[5] Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – С. 1–60.

формирования гражданского сознания от роста качества состояния социальной базы гражданского общества в современной России, исследование показало, что только 37% можно отнести к той категории людей, в деятельности которых проявляется ориентация на гражданские интересы, публичные ценности и активистский тип поведения.

Срез общественного сознания, который характеризуется доминантой публичных, общественных ценностей, свидетельствует о росте значимости гражданского сознания, которое характеризуется тем, что придает гражданину предикат субъектности во взаимно ответственном партнерстве с государством, поскольку публичная (социальная) ценность – это результат коллективного запроса граждан, закладывающих в него свои значимые предпочтения и ожидания, которые оформляются и поддерживаются в ходе публичных обсуждений в рамках демократического (делиберативного) процесса. Это понятие в последнее время вошло в публичное управление и стало определять ориентацию на значимость коллективного мнения граждан, превратившись в принципиальную альтернативу чисто экономическим критериям при управлении государством и формировании его социальной политики. Отмеченный выше подход знаменует переход к управлению на основе принципов New Value Management. И хотя государственное управление на основе подхода New Public Management все еще не теряет своей актуальности и является основой для госуправленцев во многих странах мира, общемировая тенденция создает основу для ее фундаментального и неизбежного изменения. В чем их главная суть? Общество начинает рассматриваться как определенный набор публичных (социальных) ценностей. Будучи вовлеченными в публичность, лишаясь в значительной мере личностных качеств, граждане превращаются в публичных акторов, решающих публичные задачи. Именно в процессе общественного взаимодействия, решения социальных проблем и в ходе свободной публичной дискуссии формируются публичные ценности, которые в дальнейшем начинают определять и целеориентировать общественно-публичные процессы и управление. Именно в этом процессе формируется и расширяет свое действие социальный капитал, который является важным фактором формирования социально-политической консолидации общества. Таким образом, новая публичность, встроенная в современные системы государственного управления, создает формат интегрирующих институтов социума естественным демократическим путем.

Однако современное российское общество действительно можно рассматривать как крайне индивидуалистическое в том смысле, что граждане все силы тратят на решение проблем выживания своей семьи, понимая, что «в этом жестоком мире каждый за себя и выживает сильнейший». Наибольшее развитие эта тенденция получила в нестабильные 1990-е гг. и в кризисные 2008–2010 гг. Можно говорить, что синдром «негативного фамилизма» (Ф. Фукуяма) снова воспроизводится в условиях нынешнего затяжного финансово-экономического кризиса. Необходимо отметить, что данная тенденция способствовала формированию в современном российском обществе нового типа индивидуализма, в котором высокий уровень автономии по отношению к социуму и его институтам сочетается с противопоставлением им собственных правил, норм и ценностей. По справедливому замечанию В.В. Петухова, «российский индивидуализм – это индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма»[1]. Данная ситуация не изменится в лучшую сторону, если власть на макроуровне «будет замкнута на саму себя, решать свои проблемы в ущерб общественным… Тогда и на микроуровне наиболее ярко будет проявляться адаптационный индивидуализм, не считающийся ни с чем, кроме собственной выгоды»[2].

Опасность распространения данного типа индивидуализма в обществе кроется в том, что он способствует усилению как межличностного, так и институционального недоверия. К тому же, как считает Р.Д. Патнем, «при отсутствии в обществе взаимности и структур гражданской вовлеченности вариант итальянского Юга – аморальная семейственность, клиентела, беззаконие, неэффективное управление и экономическая стагнация – представляется более вероятным исходом, чем успешная демократизация и экономический прогресс. В Палермо просматривается будущее Москвы»[3].

В таких условиях говорить о «накоплении» национального, солидаризирующего общество социального капитала, не приходится, поскольку россияне не стремятся к объединению друг с другом ради решения общих проблем. Как следствие, они постепенно утрачивают способность к коллективному сопротивлению тем силам, которые грубо нарушают их права и свободы, не учитывают, не отстаивают их интересов.

Причиной развития данной тенденции являются не только материально-экономические трудности в жизни людей, но и, что более важно, отсутствие в обществе общей консолидирующей системы ценностей. Можно сказать, что российское общество до сих пор не смогло оправиться от «травмы». По мнению П.Штомпки, «конец травмы означает формирование цельной и органичной системы ценностей: норм, правил, символов и убеждений, т.е. новой культуры, в которой будет закодирована новая традиция, предназначенная для передачи новым поколениям. Это означает новую групповую идентичность»[4].

Определенные надежды на формирование подобного рода солидаризующей культуры дал феномен «крымской весны», который вызвал всплеск патриотизма и единения нации вокруг лидера. В результате возникло некое подобие национального подъема. Весной 2014 года на фоне событий в Крыму люди поверили, что страна повернулась к русской национальной идее и заботится обо всех русских, проживающих в других странах. «Иначе говоря, что слово

---

[1] Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. – М., 2002. – № 6. – С. 63.

[2] Плискевич Н.М. Трансформация системы «власти-собственности» в России: региональный аспект. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – С. 45.

[3] Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. – N.Y., 1993. – P. 228.

[4] Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005. – С. 488–489.

«русский» – уже не пустой звук. И те, кто в это поверили, ощутили свою причастность к большой истории. Им сказали, что история делается на наших глазах и в какой-то степени нашими руками; мы становимся субъектом мировой политики, нацией, которая уважает себя, и которую будут уважать другие»[1].

Самым сильным дифференцирующим критерием, который наполняет разным смысловым содержанием ценности справедливости, патриотизма, свободы, является выделение групп по критерию позиционирования страны в мире и модели ее развития в параметрах **этатистско-державной ориентации и либеральной**[2]. В целом, распределение этих групп в современном российском обществе таково: *этатисты-державники* составили 59%, *группа либералов* – 8%, к *смешанному типу* было отнесено 33% респондентов[3]. Вполне очевидно, что содержательная интерпретация представлений о желаемом векторе развития страны в этих группах будет значительно отличаться. Общая доминанта ожиданий в отношении ценности социальной справедливости интерпретируется представителями *этатистско-державной группы* через возвращение к национальным традициям, православию, к пониманию России как державы, объединяющей разные народы, влияющей на все политические процессы в мире, а *либеральное направление* – через идеи прав человека, демократию и сближение с Западом, вхождение в общеевропейский Дом. Естественно, что в представлении либералов путь, которым идет Россия в последние 10 лет, является тупиковым (68%) и такая же их доля уверена, что за последние годы страна еще сильнее отстала от ведущих мировых держав в экономическом отношении. Как отмечается в мониторинговом исследовании, помимо того, что *этатистско-державные* ценности в представлении россиян в настоящий момент явно доминируют, они являются и достаточно устойчивыми во времени. Так, по данным 2012 г., 64% россиян демонстрировали запрос на «твердую руку», 68% считали, что при всех недостатках власть все-таки заслуживает поддержки, 65% поддерживали идею России как великой державы, влияющей на все политические процессы[4]. А в 2015 г. уже 67% считали, что «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире»; 75% полагали, что «Россия – особая цивилизация и в ней никогда не привьется западный образ жизни»; 58% были убеждены, что «России необходима «жесткая рука», которая наведет в стране порядок»; 84% считали, что «при всех недостатках нынешняя власть все же заслуживает поддержки». Для этой группы характерен также достаточно солидный оптимизм: 3/4 ее сторонников считает, что Россия идет по правильному пути, который приведет ее к положительным результатам[5]. Эти ожидания указывают на социально-консервативные предпочтения большинства россиян. По данным опроса ВЦИОМа, опубликованного в апреле 2014 г., 56% россиян были уверены, что консерватизм не только способствует сохранению традиций и общественного строя, но и помогает стране поступательно развиваться, не совершая резких рывков. Противоположной точки зрения («консерватизм препятствует общественному прогрессу») придерживалось 31% респондентов[6]. При этом максимальные доли «этатистов-державников» локализуются в социальной структуре среди групп населения старше 60 лет (73%), военнослужащих и сотрудников МВД, прокуратуры (68%) и, что интересно, предпринимателей (66%). Представляется, что именно эти группы являются ведущими в т.н. «путинском большинстве» – 63% ее представителей поддерживает его деятельность (при 3% не поддерживающих), в то время как среди либерально ориентированных групп аналогичные доли составляют 35 и 32%, соответственно.

Вполне логично предположить, что консервативные настроения в современной России пришли «на смену неудавшемуся либеральному проекту, т.е. имели в значительной степени инструментальный характер, заполнив возникший политико-идеологический вакуум. Однако в своих глубинных основаниях консерватизм – будь то в правой, или в левой версии – достаточно органичен политической культуре России. Как политическая элита, заинтересованная в сохранении своего привилегированного положения, так и широкие народные массы, чуждые всяким крайностям революционных экспериментов, в XIX веке превозносили ценности православия, самодержавия, народности как основу ценностного консенсуса российского государства и общества. Однако политические катастрофы, подобные Крымской, русско-японской, а позже – Первой мировой войне разрушали этот консенсус, снова и снова актуализируя спор о характере российской идентичности. В начале XX века консервативная идентичность российского общества не выдержала натиска левых, социалистических идей, главная притягательная сила которых заключалась в обновлении, движении вперед, радикальном изменении всей системы общественных отношений – от экономических оснований до институциональной структуры и социокультурной сферы. Монархия, православие, народная солидарность пали под натиском новых идей и новых политических процессов»[7].

В каждый переломный, кризисный момент развития российского социума эти два среза общественного сознания напрягаются и никак не могут прийти к определенного рода консенсусу, демонстрируя ценностно-мировоззрен-

---

[1] Бызов Л.Г. Национальный консенсус или общественная аномалия? Об особенностях массового сознания в «посткрымской» России // Свободная мысль. – М., 2015. – № 4. – С. 60–75 – http://www.isras.ru/publ.html?id=3691

[2] При этом следует отметить условность использования маркера либеральной ориентации. Под либералами в данном случае понимают тех россиян, которые ориентированы, прежде всего, на политические свободы, новые реформы и смену власти, союз с западными странами и антидержавность страны. Такие ориентации, возможно, не вполне отражают либеральную суть умонастроений, но для простоты и ясности интерпретации удобно использовать именно этот термин.

[3] Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / М.К. Горшков и др.: под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Весь мир, 2015. – С. 140.

[4] Там же, с. 139.

[5] Там же, с. 144.

[6] Ремчуков К. От редакции // Независимая газета. – М., 2014. – 8 апреля. – С. 3.

[7] Глухова А.В. Консервативная волна: запрос общества или выбор власти? // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей / Ин-т «Справедливый мир», Рос. Ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец]. – М.: ИД «Ключ-С», 2015. – С. 202.

ческий раскол. Показательно в этом отношении рассуждение научного руководителя ВШЭ, убежденного сторонника либерального подхода Е.Г. Ясина: «Те ценности, которые выдвигают вперёд консерваторы, как стабильность, порядок, усиление государства, бесплатные социальные услуги, великая держава с мощными вооруженными силами, – их ныне разделяют 66% опрошенных россиян, а среди консерваторов – 73% (согласно данным ВЦИОМ на 2013 г.), мало что могут сделать для модернизации страны… Другой вариант, который предлагают либералы, делает ставку на свободу, прежде всего, предпринимательства, на минимизацию роли государства, на конкуренцию, верховенство права, гражданское общество и демократию. Стоит вспомнить, что именно эти ценности лежат в основе эффективной рыночной экономики, ради которой в начале 90-х осуществлялись реформы. И они принесли значимые результаты, страна уже во многом стала другой»[1]. Как видно, налицо наличие двух альтернативных социокультурных картин мира, которые по-разному объясняют, интерпретируют и конструируют социально-политическую реальность. Они сосуществуют в российском обществе много лет, кроются в пластах его исторической памяти и имеют огромный конфликтный потенциал. В благополучные периоды развития страны культурно-ценностные противоречия находятся в «спящем» состоянии. Но как только в обществе возникают существенные проблемы, и нарастает социальное напряжение, этот раскол неминуемо актуализируется. И требуется длительное время и целенаправленная работа всего общества для сближения альтернативных позиций или снижения их деструктивного противопоставления.

Суммируя, обобщим, что нарастающий плюрализм общественного сознания выделяет устойчивые доминанты, которые позволяют принимать их в качестве объединяющих пунктов консолидации российского общества. Но эти объединительные скрепы всегда будут иметь определенные ограничения в своем наполнении, которые тесно коррелируют с размежеванием людей по типу общественного поведения и активности: «активисты и инертные», «общественники-индивидуалисты», а также по различной интерпретации позиционирования страны в мире и модели развития – «либералы и этатисты-державники». Видимо, *конвергентные* тенденции мышления и поведения, представленные в *смешанном типе*, только и могут привести к определенному компромиссу и на этой основе консолидации. Напрашивается понятие ***«консолидации в плюрализме»:*** все составляющие элементы консолидированного целого автономны по отношению к нему и к его политическим и правовым институтам. В конечном счете, каждый индивид, чтобы быть полноценным гражданином, должен быть наделен автономией. Конечно, в таком обществе должны быть развиты общественная рефлексия и система посредничества. «Скорее, следует говорить о востребованности такой политической системы, в которой консерватизм и либерализм находились бы в динамическом равновесии, не вели бы между собой борьбу на уничтожение, но вынуждены были бы искать компромиссы. Однако действующая власть этот запрос реализовать не пытается и всеми силами усложняет трансформацию системы в сторону большей репрезентативности»[2]. Не потому ли, что по характеру своему эта система авторитарна и ориентирована «на преодоление плюрализма», а не на поиск *«мягких форм» консолидации*, сохраняющих различия и раскрывающих их творческий потенциал?

Разделение представителей российского социума по выше приведенному критерию находит отражение и в формировании т.н. гражданской идентичности как важного фактора консолидации российского общества. Современное российское государство заинтересовано в выполнении гражданской идентичностью функции консолидации общества, приверженности к территориальной целостности, обеспечения лояльности стране, государству, сплоченности различных социальных групп общества. Но и само общество заинтересовано в позитивной идентичности для благоприятного социального самочувствия граждан, их солидарности и сплоченности, которые должны стать ресурсом общественного развития. Серьезное отношение со стороны российских властных структур к политике идентичности стало заметным с начала 2000-х гг. Начало было положено федеральной целевой программой «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)». Несмотря на то, что термин «идентичность» к этому времени уже укоренился в российском социогуманитарном знании, он прокладывал путь в политический лексикон почти все первое десятилетие XXI века. За это время положение дел с российской идентичностью существенно изменилось. Так, если в аналитическом докладе *«Российская идентичность в социологическом измерении»*, подготовленном в Институте социологии РАН в 2007 г., отмечалось, что «граждане современной России испытывают серьезные проблемы с коллективной идентичностью – по большому счету, их мало что объединяет: нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов»[3], то уже в аналогичном докладе в 2011 г. этот же исследовательский коллектив приходит к выводу: «Российская идентичность стала не только самой распространённой среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее высоким»[4]. Объяснение столь различным выводам относительно изменений в такой инерционной сфере, какой являются идентификационные процессы, определяется, думается, тем, что сформировался кумулятивный эффект в результате проведения политики, нацеленной на формирование идентичности российского государства. И этот кумулятивный эффект проявился к концу десятилетия. Сегодня утверждение «*мы – граждане России*» разделяется *двумя третями* населения страны. Оно стало глубоко устойчивым и воспринимается как русскими, так и представителями других национальностей (74 и 68%, со-

[1] Ясин Е.Г. О статье Бызова Л.Г. «Эволюция общественного сознания» / Выступление на «Эхо Москвы». – http://www.proza.ru/2015/06/27/654

[2] Глухова А.В. Консервативная волна: запрос общества или выбор власти? // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития: сборник статей / Ин-т «Справедливый мир», Рос. Ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец]. – М.: ИД «Ключ-С», 2015. – С. 206.

[3] Аналитический доклад «Российская идентичность в социологическом измерении». – М.: ИС РАН, 2007. – http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_8.html

[4] Аналитический доклад «Российская идентичность в социологическом измерении». – М.: ИС РАН, 2011. – http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_reforms/Glava_12.pdf

ответственно)[1]. Олимпиада в Сочи и события «Крымской весны» только более выпукло обозначили консолидационные умонастроения в обществе, социальные и этнические. Как показали последние исследования ИС РАН[2], основными консолидирующими факторами формирования гражданской идентичности выступают – общее государство (так считают 66% русских респондентов, 69% других национальности), общая территория и государственный язык (48% и 54%, соответственно) и общий символический капитал (36 и 38%, соответственно). При этом более полвины респондентов (56%), которые ощущают себя гражданами Росси, убеждены, « чтобы отстоять свои права и интересы, за них надо бороться». Однако, по мнению исследователей, гражданскую составляющую в российской идентичности еще предстоит укрепить. «Исходя из анализа факторов, идентифицирующих сейчас граждан России, очевидно, что общероссийская идентичность на данном этапе – ***гражданско-государственная.*** Такая идентичность, несомненно, солидаризирует современное российское общество: около 80% респондентов согласилось с тем, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». Важно отметить, что ощущение русских и других национальностей в этом совпали – 79 и 78%, соответственно[3]. Среди ощущающих связь с гражданами России больше тех, кто «хотел бы быть полезным государству и обществу»: 52 против 41% тех, кто такой связи не ощущает и еще меньше среди тех, кто хотел бы жить так, как самому хочется». Россияне, связывающие себя с гражданами России, в значительной степени чаще ощущают любовь, гордость и уважением к сегодняшней России (75 в сравнении с 55%, не ощущающими такую связь). Таким образом, гражданская идентичность является важным ресурсом сплоченности полиэтнического общества, вносит своей вклад в уверенность людей в движении в позитивном направлении и находит подтверждение в массовых представлениях россиян.

И все же, если вернуться к осмыслению тех последствий и значения, которое будет иметь углубление процесса формирования в стране гражданской идентичности, за которыми, несомненно, стоят процессы социально-политической модернизации и формирования гражданской нации, то «достраивание» «гражданского» начала в этом явлении потребует переоформления договорных отношений гражданской нации с государством. В «повестку дня» сегодня выходит вопрос о формировании альтернативы западному цивилизационному проекту развития, реализация которого была бы способна консолидировать подавляющее большинство российского общества. В настоящее время мы переживаем тот исторический момент, когда становится очевидным, что стратегический курс на сближение с Западом, проводившийся с большей или меньшей степенью настойчивости все постсоветские годы, необходимо, как минимум, скорректировать. Прозападная ориентация постсоветской России была обусловлена не культурно-цивилизационным родством с западной цивилизацией, а той новой геополитической ситуацией, которая сформировалась после развала Советского Союза и окончания «холодной войны». Показательным является тезис одного из идеологов реформ 1990-х годов писателя и философа И.М. Клямкина, который утверждал, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код»[4]. Этот тезис И.М. Клямкина является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в порядке критики, однако важно подчеркнуть, что в первое постсоветское десятилетие в разном терминологическом оформлении он стал одной из господствующих идеологем. Для обывателей, измученных тотальным дефицитом «поздней перестройки», западная цивилизация ассоциировалась с потребительскими ценностями, которые были быстро восприняты как новой российской элитой, так и «неэлитными» массами. Еще одно важное осмысление этого тезиса И.М. Клямкина заключается в том, что он достаточно явно обозначил, что Россия не являлась и не является частью Запада, что у нее другой «цивилизационный код». Ни Запад в широком смысле, ни Европа не воспринимали и не воспринимают Россию в качестве органической части собственного социокультурного пространства. Это выражается как в традиционном наборе стереотипов относительно России, так и в широком спектре предложений, думается, иногда искренних, по «выправлению» ситуации в России, чтобы она стала «нормальной» страной. Примечательно, что отношение элитных групп Запада к России предопределяется не столько их плохой информированностью или устойчивостью шаблонных предубеждений, поверхностно отражающих объективную реальность, сколько их осознанным отрицанием всего связанного с Россией, воспринимаемой как страной, не только чуждой им в культурном и ценностном смысле, но и проводящей политику, ущемляющую интересы Запада[5]. В таком культурно-коммуникационном контексте трудно найти возможности для действительно интегративных процессов и нынешний раскол между Россией и Западом имеет глубинное социокультурное основание.

Представляется, что все-таки современная Россия не выпадает из общего тренда общемировых процессов социально-политического развития, но явно имеет свои специфические особенности. И особое качество этой модели развития, видимо, будет состоять не в отсутствии в нем институтов демократии или жесткости (авторитарности) самого государства, а в наборе и упорядочении функций этих институтов, и прежде всего, государства. И главная из этих функций, судя по эмпирическим исследованиям[6], правильное целеполагание самого государства для оптимального

---

[1] Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. / Отв. ред. Дробижева Л.М. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 6.

[2] Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / М.К. Горшков и др.; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – М.: Весь мир, 2015. – С. 177–196.

[3] Там же, с. 184.

[4] Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. – М.: АИРО-XX, 2005. – С. 21.

[5] Вайнштейн Г.И. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом / Агентство Политических Новостей. – http://www.apn.ru/publications/print10945.htm

[6] Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества // Информационно-аналитический бюллетень. Научное издание. – М., 2013. – № 1.

стратегического развития нации, в диалоге с обществом, и забота о «вверенном» ему населении. Но эта забота означает не увеличение числа льгот и особых протекций, а создание комплекса условий для успешной самостоятельной экономической и гражданской активности большинства населения, причем такой активности, которая будет реализовываться в условиях соблюдения принципа «равенства шансов», «равенства всех перед законом» и адресной помощи социально слабым группам. Представляется, что именно этот вариант развития, обозначенный самим обществом, составит значительный «коридор возможностей» для российских элит, который позволит обеспечить реальную консолидацию российского общества и придать его развитию устойчивый характер на долгие годы.

Радзиевский В.А.[1]

УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ: АНАЛИЗИРУЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ключевые слова: *культура, Украина, нацизм, субкультура, культурология, история.*
Keywords: *culture, Ukraine, Nazism, subculture, culturology, history.*

Я непоколебимо верю, что наука и мир
восторжествуют над невежеством и войной.
Пьер Кюри

В доминирующем в советское время в общественно-политическом и историческом дискурсе господствовало представление о том, что из древнерусской народности сформировались три братских народа – русский, украинский и белорусский. В то же время в соответствии с доминирующими дореволюционными представлениями (в 2015 г. сходную точку зрения неоднократно – в Петербурге, Севастополе и т.д. – высказывал и Президент РФ В. Путин) это, по существу, один народ, единый восточнославянский суперэтнос с отдельными этнокультурными особенностями. Схожие мысли высказывал и Президент Украины П. Порошенко. Так, в интервью «Первому каналу Украинского радио» он заявил, что русские и украинцы, в принципе, являются единым народом: «Народ России и Украины – это, без сомнения, единый славянский народ, который ни в коей мере не должен был воевать друг с другом. На сегодняшний день моя задача и цель состоят в том, чтобы устранить все разногласия между братскими народами, все исправить»[2]. При этом главное не просто кровное родство, а духовное единство, ментальная консолидация.

С конца XX в. между русскими и украинцами, братскими народами (по иной версии – между двумя ответвлениями одного суперэтноса) пытаются найти исторические поводы для трений и противоречий, в т.ч. и при содействии извне. Вместо единства недруги насаждают между нами вражду. После единой духовной купели (Крещения) нам навязывают разногласия. А ведь и князь Дмитрий Донской, и воевода Дмитрий Боброк с Волыни, и многие русичи из разных частей расколотого Отечества вместе бились с Мамаем за единую Русь.

Цель статьи – в историческом и культурфилософском контекстах проанализировать ключевые истоки современных украинских реалий.

Среди деятелей культуры, изучающих историю становления украинской державы, культуры и нации, выделяются две группы наиболее известных. С одной стороны – объективные историки (П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, А. Толочко, В. Король, В. Орленко, Д. Табачник и другие), с другой, – тенденциозные (А. Дубина, А. Кур, С. Наливайко, С. Плачинда, В. Сергийчук, Л. Силенко, Ю. Шилов, М. Чмихов и иные). Их мысли и высказывания будем иметь в виду в дальнейшем.

Россия, ставшая для многих не только своих, но и чужих сынов и дочерей не мачехой, а матушкой, щедро обошлась и с малороссами-украинцами. За историю их цивилизационного бытия именно на русский период приходится наибольший культурный расцвет, изобилие, материальный и духовный прогресс Украины.

Средний уровень и длительность жизни предков современных украинцев до 1654 г. были невысокими. Кратковременный расцвет Киевской Руси омрачался хазарскими, печенежскими, половецкими и иными набегами. Междоусобные брани истощили Киевскую Русь, а татаро-монгольское иго окончательно погубило ее. На смену пришел литовский и польский гнет, отягощенный частыми татарскими и турецкими набегами. Целью крымских татар, изнурявших юг Руси, часто был не домашний скот и драгоценности (их было мало), а люди (ясыр). Новых рабов бойко продавали на невольничьих рынках ближнего Востока и северной Африки. Не у всех девушек складывалась судьба как у Анастасии Лисовской, ставшей влиятельной султаншей Роксоланой. За несколько столетий миллионы юношей и девушек умерли от непосильных трудов за сотни верст от Украины. Даже украинские гетманы часто расплачивались за помощь татар собственным народом – тысячи людей уводили южные союзники в рабство[3]. Самуил Величко в начале XVIII в. описывал увиденную им Правобережную Украину (находилась под Польшей) – Волынь и княжество Русское (тогдашнее название Галичины) до Львова, Замостья, Бродов и дальше как многие обезлюдившие города и замки, пу-

---

[1] Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики, член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия, академик Украинской технологической академии.

[2] Президент Украины Петр Порошенко: «Украина и Россия это один народ. Мы не должны воевать» // Славянские новости. 2015. – № 12 (190), 27 июня – 17 июля. – С. 3. – http://politrussia.com/news/poroshenko-rossiya-i-463/

[3] Подробнее: Радзиевский В.А. Основные резонансные субкультуры в культурном пространстве Украины: кросскультурный анализ // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств: Научный журнал. – № 4 (17), декабрь 2013, с. 117–121.

стые валы и т.д.[1] Жизнь сохранялась на Левобережной (Московской) Украине, которая долго не платила налогов в русскую казну. От благополучной и сытной жизни у малороссиян, по признанию в 1761 г. гетмана К. Разумовского, расцветало винокурение и пренебрежение к земледелию и скотоводству[2].

На Украине до 1917 года сохранялось казачье сословие, а крепостное право во времена Гетманщины учредила казачья старшина. Екатерина II только подтвердила это положение: «Каждому из поселян остаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан». Уровень жизни украинских крестьян в XIX веке превосходил уровень жизни крестьян великороссийских губерний. Ф. Булгарин (автор романа «Мазепа») ставил уютные дома малороссов в пример для других жителей империи. В Малороссии в XIX в. в сельских избах висели иконы и литографии с портретами императорской семьи. Григорий Шевченко не перерабатывал на поле и промышлял как чумак, а его сын Тарас до 13 лет – или в школе, или пасет общественный (не панский) скот. У крепостных на Украине были деньги: в Кирилловском имении помещика семьи Шевченко П. Энгельгардта по описи 1845 г. значилось 29 кабаков. Продать крестьянина без земли и разрывать семьи при Николае I запрещал закон. Помещиков контролировала государственная администрация.

Вследствие стабильности, спокойствия и относительного достатка в XVIII–XIX вв. значительно увеличивалось население. Если при Богдане Хмельницком население обезлюдившей Украины едва насчитывало 700 тысяч душ, то по переписи 1897 года малоросов в пределах империи было уже более 22,5 млн[3]. Для сравнения: население Киева XII в. составляло около 50 тысяч человек, а всей Киевской Руси – до 12 миллионов (П. Толочко). С XIII ст. по XVII ст. из-за частых нападений врагов и колониальных условий наблюдается уменьшение численности населения юга Руси и снижение его культурного потенциала. Переяславская Рада 1654 г. способствовала кардинальным переменам. Ни распад Древней Руси, ни татаро-монгольское иго, ни польское засилье не способствовали благополучию населения. До XIX в. спасение Москвой многих малороссов от истребления было для современников очевидным фактом.

К середине XIX в. мировоззренческая ситуация начала изменяться. Главой «украинской партии» тогда был П. Кулиш, закончивший пять классов гимназии в Нежине и создавший для малороссов упрощенное правописание и новые мифы. Традиционно на юге пользовались общерусским правописанием (использовали «яти», «еры», не знали апострофа и т.д.), восходящим еще к периоду Древней Руси. Позже П. Кулиш покаялся в заблуждениях молодости, начав осуждать исторические сказки (включая и свои ранние труды). Об этом свидетельствуют его трехтомная «История воссоединения Руси», «Мальована гайдамаччина», «Отпадение Малороссии от Польши». Выразилась переоценка и в стихах для украинофилов:

З того ж то ми часу Вкраїну
Вибріхувати (грубая форма слова «выдумывать – В. Р.) почали (начали – В. Р.),
І на Петра й на Катерину (речь о Петре I и Екатерине II – В. Р.)
Хулу та клевету верзли[4].

Теперь для бывшего казакофила малороссийские казаки – бандиты и убийцы, любящие выпить и ограбить. Прогрессивная сила на Украине – это Российская империя и именно Московской Руси удалось сохранить наследие Руси Киевской[5].

Уже не одно столетие (не только в Средневековье) отдельным «инквизиторам» от культуры, науки и образования мешают сторонники мира, любви, взаимопонимания, добра и гуманизма. Есть люди, кому не нужны не только Н. Гоголь и поздний П. Кулиш, но и многие другие поборники плюрализма, подлинной демократии и исторической справедливости. Любая мудрая, ответственная, последовательная и дальновидная власть защищает свою идеологию[6]. Это закономерно, ведь для некоторых оппонентов сторонников Н. Гоголя утверждения типа: «Русь – единая, а многие украинцы – это те же русские с незначительными особенностями и испорченные многолетней пропагандой», – являются страшным преступлением.

Выступая за единую, соборную и нераздельную независимую Украину, мы констатируем, что часть ее нынешней территории – завоевания XVIII-XX веков. Был ли, например, до вхождения в состав УССР украинским Львов, если в нем по переписи 1931 г. проживало 198 тысяч поляков, 45 тысяч евреев, а западных украинцев – 35 тысяч 173 человека? Есть мнение, что союзником Гитлера по логике должен рассматриваться не И. Сталин, а Великобритания, Франция и Польша, заключившие с нацистами в 1938 г. Мюнхенскую сделку и уничтожившие Чехословакию, отметим также, что пакт Молотова-Риббентропа, разграничивавший зоны интересов в Восточной Европе пошел на пользу,

---

[1] Подробнее: Бантыш-Каменский Д.Н. Исторія Малой Россіи. – М.: Тип. Семена Селивановского, 1830. – В 3 ч. Ч. 2. и Ч. 3.

[2] Ср.: Радзієвський В.О. Базові резонансні субкультури сучасної України: монографія. – К. : Видавництво «Логос», 2014. – 664 с.

[3] Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Когда на Украине было жить хорошо – 2 // Сегодня. – 22 февраля 2008.

[4] Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Прозрение хуторского философа // Сегодня. – М., 2008. – 18 января.

[5] Там же. Ср.: Радзиевский В. А. Украинская интеллигенция: культурный феномен или субкультурная реальность? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств: Научный журнал. 2014. – № 3 (20), сентябрь. – С. 10–15.

[6] См.: Милиневский Н. В Украине за год запретили 376 фильмов из России: считаем их потери // Вести. – М., 2015. – 13 августа. – С. 11; Литвинова Н. Запрещенные книги на рынке стоят 200–400 грн // Вести. – М., 2015. – 12 августа. – С. 3; Актера-стрелка Пореченкова разыскивает СБУ // Вести. – М., 2015. – 28 января. – С. 3; Ср.: Радзиевский В.А. Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: историко-этнолингвистический экскурс // Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН. Институт экономики; Редкол. Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2014. – № 2. (83). – С. 187–196.

в первую очередь, Украине[1]. Конечно, нельзя диктатору И. Сталину за присоединение к УССР западноукраинских земель посмертно давать Героя Украины, но стоит ли его демонизировать? Не забывая страшный голодомор и кровавые репрессии, отметим, что голодали не только на Украине и репрессировали не только украинцев. Преступления перед народами – это одно, а заслуги, в т.ч. и содействие (возможно и вынужденное) при объединении в единую, большую, хлебосольную, щедрую братскую Украину, – другое.

Больно и обидно, что в XXI в. может начаться обратный, дезинтеграционный, деконсолидационный процесс. Соборная, единая, великая, славная Украина может начать распадаться: «убегут» Закарпатье (ср. русинский и иные вопросы), Галичина (о ее особенности говорили Ю. Луценко, П. Толочко и др.), украинская Буковина (к западной части Украины присматриваются соседи) и другие.

Как правило, любое разделение, раскол, ссора и конфликт свидетельствуют, говоря используя православный тезаурус, не только об умножении греха и беззакония, оскудении любви (в т.ч. братолюбия), увеличении распрей и нестроений, но и являются признаками эгоизма, гордыни и самообмана. Закономерно, что вследствие разделений возникают и вполне логичные (для подобной своеобразной логики) суждения типа того, что Украину, по сути, якобы населяют три народа – галичане, новороссы и собственно украинцы[2].

Интернационализм, гостеприимство, дружелюбие и отсутствие ксенофобии не только на юго-востоке Украины ассимилировали многих. Донбасс, Екатеринославль (нынешний Днепропетровск), Елисаветград (Кировоград), Херсон, Николаев, Одесса и многие иные города и земли, именуемые в XIX веке «нашей Америкой», мыслились как города и земли славы русского (в т.ч. и малорусского) оружия, а «новороссы имели не меньшие шансы остаться субэтносом великороссов»[3], чем украинизироваться.

В своем «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даль в определении «Наречия новороссийского» утверждал, что новороссы говорят по-русски, но с некоторыми особенностями произношения, ведь влияет и «язык малорусский; но общая наклонность и желание – говорить по-московски… Если с одной стороны иноплеменцы здесь обмоскалились, то с другой, во всех даже и великорусских селениях, народ принял этот говор… Слов, принадлежащих собственно Новороссийскому краю, кажется нет»[4].

В конце XX в. на Украине возник феномен украинизированных русских. Проблема даже не в Иванах, забывших, что они русские, и не помнящих предков. В большинстве своем русские на Украине, как и украинцы в России, традиционно чувствовали себя своими, родными. Смешанные браки в СССР нивелировали национальный вопрос, что особенно было заметно на многонациональном и доброжелательном юге УССР. Ведь при «смешении кровей, которое произошло в СССР в XX веке, в каждом (или почти в каждом!) россиянине… можно обнаружить украинца, а в каждом украинце – россиянина»[5]. Потому и при почти восьми миллионах этнических русских на заре украинской независимости фактически не было создано ни русской партии, ни действенного русского движения. Множество граждан независимой Украины говорили и думали по-русски, а откалывались от Москвы по социальным («у нас сало, хлеб, богатая земля и т.д.»), а не национальным причинам.

Расколы – это часто своеобразные культурно-национальные «чернобыли». УССР создавалась из разных, часто не совсем однородных частей. Ведь, например, ханский Крым – это не великая гетманская Малороссия. Сегодня в мире истории есть много и фальсификаций, и табу. По замечанию академика НАН Украины П. Толочко, «многие из историков почему-то решили, что украинцы были всегда»[6]. Комплекс второсортности, чувство ущербности, восприятие своей неполноценности, искаженное самолюбие, гипертрофированный этноцентризм, как и стереотип «младшего брата», приводят некоторых, в том числе и представителей современных народов, к изоляционизму. Как бы из-за отказа от духовного и исторического наследия, ослабления моральных качеств и из-за недальновидности не только западным европейцам (начинается новый, тихий, ползучий процесс завоевания Европы) в будущем не повторить судьбу уже вымерших аборигенов! Во многих странах сегодня возникают проблемы внутренних субкультурных колоний, субнаций и субгетто.

Смелость, порядочность, моральность, порой воинственность и патриотизм были издавна присущи малороссам. *Почему, например, современные культурологи забывают, что смелый казак (часто бесстрашный, доблестный и победоносный) с отрезанной головой врага – популярная народная картинка Украины XVIII столетия*?[7]. Однако, гиперагрессия – явление жестокое и негативное.

Не только командующий Украинской Повстанческой Армии (сокращенно – УПА) Р. Шухевич, служа в 201-м полицейском батальоне, уничтожал белорусских партизан во время Великой Отечественной войны. Он имел предшественников и из среды запорожских казаков. Среди казаков были как бесстрашные борцы, легендарные личности, смелые воины и народные герои (Байда Вишневецкий, Иван Сирко и многие другие), так и негодяи. В «Баркулабовской летописи» запорожцы предстают как банды мародеров, нанятые польским королем для войн против соседей

---

[1] Подробнее: Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Алтарь Победы // Сегодня. – М., 2011. – 7 мая.

[2] Бузина О. Нынешнюю Украину, по сути, населяют три народа: галичане, новороссы и собственно украинцы // *Сегодня*. – М., 2010. – 27 сентября.

[3] Там же.

[4] Цит. по: Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Новороссия против Галичины. Вековая борьба // Сегодня. – М., 2007. – 13 апреля.

[5] Бузина О. Погружение в братоубийство // Сегодня. – М., 2015. – 11 февраля.

[6] Цит. по: Назаренко М. Ведущий специалист по древнему Киеву академик Петр Толочко: «Мы уже договорились до того, что Иисус Христос был щирим украинцем, гуцулом» // Бульвар Гордона. 2006. – март, № 10 (46). – С. 14, подробнее – с. 14–15.

[7] Ср.: Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Кого замучили украинцы? // Сегодня. – М., 2008. – 4 июля.

(«горше злых неприятелей, або злых татар»)[1]. В 1595 г. «герой» С. Наливайко с двумя тысячами доблестных казаков захватил Могилев, а «мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жен, детей малых побили, порубали, попоганили (т.е. изнасиловали – В.Р.), скарбов теж незличоных побрали с крамов и с домов». В 1601 г. король завербовал четыре тысячи запорожцев во главе с С. Кошкой, чтоб сразиться со шведами, но, согласно летописцу (см. «Баркулабовскую летопись»), «ничего доброго» мужественные казаки никому не сделали, а по дороге домой «взяли штурмом» Полоцк и Витебск. По свидетельству Ф. Филиповича, смелые, но агрессивные запорожцы «великую шкоду чинили, а место славное Витебск звоевали, злата-сребра множество побрали, мещан учтивых порубали»[2].

В 1603 г. четыре тысячи бесстрашных запорожцев во главе с гетманом И. Куцковичем в Баркулабовской и Шупенской волостях украли деньги, 50 кабанов, 60 пудов меда, 500 мер жита, 150 «яловиц» (то есть, коров), 500 кур и 300 возов сена, и изнасиловали даже шестилетнюю девочку. «И такое творилось постоянно!», – комментировал украинский писатель, – ведь у их современников «присутствуют образы не “святых рыцарей”, а насильников и головорезов»[3].

Гетмана П. Сагайдачного с двадцатью тысячами казаков наняла Варшава, чтобы посадить на московский престол королевича Владислава. Первой жертвой казаков стал русский город Путивль (сейчас в составе Украины). Потом в городах Ливны, Елец, Лебядин, Данков, Скопин, Ряжск и других оккупанты-запорожцы уничтожили «многих мужчин, женщин и детей до младенческого возраста»[4].

Московия в Смутное время потерпела ущерб не только от поляков, но и от южноруссов. Можно прочитать ужасную картину погромов запорожцев: «Труп лежал на трупе!.. убивали священников даже на Рязанщине. Жители выдержавшего осаду Сагайдачного крошечного городка Михайлов отмечали 27 августа 1618 года (день, когда “злой Сагайдак” снял осаду) как самый великий праздник вплоть до Октябрьской революции!»[5]. Библиотеку Ивана Грозного, согласно весьма спорным и сомнительным умозаключениям, уничтожили «до последнего листика украинские и польские оккупанты, захватившие Кремль в 1612 году»[6]. Даже если допустить такое, то не лучше было бы перевезти ее в Варшаву или в Киев? Библиотека впоследствии пригодилась бы, например, в Киево-Могилянской академии. Вскоре гетман П. Сагайдачный сообщит о желании Войска Запорожского послужить Москве, а та наделила запорожцев жалованьем. Видимо, были учтены воинственность, удаль, доблесть и смелость некоторых бесстрашных украинцев и Л. Толстым. В его рассказе «Набег» батальон русской армии, где слышался «малороссийский говор», отважно принимает участие в военных действиях на Кавказе.

Агрессивность породила на Украине и первый серьезный внутренний раскол. Он восходит к личности неординарного И. Мазепы, когда кучка заговорщиков во главе с гетманом нарушила присягу. До Мазепы были гетманы-предатели (Юрий Хмельницкий, Иван Выговский и прочие), но те измены не приводили к серьезным последствиям и нестроениям среди казацкой верхушки. Интересно, что астрологи предсказывали Карлу XII и И. Мазепе разгром России. Среди значений слова «мазепа», приводимых известным украинским ученым Б. Гринченко, были «простофиля», «глупец», «простак», «вахлак», «маска», «замазура», «неопрятный, грубоватый и простоватый человек». Дуру в народе называли «мазепською дівчиною»[7]. Б. Гринченко констатирует неприязнь и презрение к Мазепе в украинской народной молве, хотя сам был украинофилом и считал, что «Інтелігенція вся в нас змоскалена… рідну ж мову в мужичих устах вважає за “хахлацький жаргон”»[8]. Слово «жаргон» у нас часто ассоциируется с криминальной субкультурой (криминальный жаргон). Агрессивность жаргонов обусловлена ограниченностью, примитивностью, узостью применения и понимания. Но сегодня украинский язык не жаргон, не арго и не сленг, а, по утверждению украинских исследователей (С. Садовенко, Н. Ткач и др.), второй по мелодичности язык Европы и мира. Правда, Украина славится не только красотой языка, богатством черноземов, трудолюбием народа, изобилием природы, очарованием женщин и многим иным.

Многие малороссы-украинцы были патриотами и своего края, и общего Великого Отечества, они прославились на разных поприщах. Бывший гетман Д. Многогрешный, став русским воеводой, покорял чукчей. А. Каппелер отмечал, что когда Петр I начал реформировать Россию, то 60% епископов были родом из Украины. Древний Киев, именуемый матерью градов русских, Иерусалимом земли русской, новым Царьградом, Меккой славянства и иными заслуженными названиями, стал духовной метрополией большой и грозной евразийской державы.

Герой-генерал Б. Перовский начал покорение Средней Азии, другой генерал-украинец П. Котляревский – легенда кавказских войн. Запорожцы после ликвидации Сечи почти в полном составе были переведены Екатериной II на Кубань и переименованы в черноморских казаков. Из трех гвардейских пехотных полков середины XVIII ст., Измайловский был фактически сформирован выходцами из Украины. И им умело командовал малоросс К. Разумовский. Рожденный в Глухове А. Безбородко сумел стать личным секретарем Екатерины II, главой коллегии иностранных дел и канцлером Российской империи. Полтавчанин И. Паскевич командовал лучшей дивизией России – 1-й Гвардейской. У него в подчинении находился и будущий император Николай I. По плану И. Паскевича русская армия оборонялась в 1812 году под Смоленском. Его 26-я пехотная дивизия участвовала в битве под Бородино. И. Паскевич победил в вой-

---

[1] Ср.: Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Кого замучили украинцы? // Сегодня. – М., 2008. – 4 июля.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Гетман Сагайдачный. Чувардинский А. Г., Палий А. И. – К.: Науковий світ, 2002. – 225 с.

[5] Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Кого замучили украинцы? // Сегодня. – М., 2008. – 4 июля.

[6] Там же.

[7] См. подробнее на эту тему: Бузина О. Истории от Бузины: Последняя осень Мазепы // Сегодня. – М., 2008. – 5 сентября.

[8] Цитаты Б.Д. Гринченко. – http://www.PersonBio.com›view_post.php?id_info=2552

нах с Персией, Турцией, разгромил мятеж поляков в 1831 году. Украинец адмирал В. Завойко оборонял от англичан и французов Камчатку, а генерал Р. Кондратенко погиб в Порт-Артуре. Позже были красные маршалы – Р. Малиновский, К. Ворошилов, К. Москаленко, С. Тимошенко и П. Рыбалко, а генерал-лейтенант, также из Украины, Кузьма Деревянко от СССР подписал Акт о капитуляции Японии в 1945 г., который завершал II Мировую войну.

Многие выходцы с юга великой державы становились выдающимися деятелями культуры. Это писатели Н. Гоголь, М. Булгаков и М. Зощенко, певцы И. Козловский и А. Вертинский, режиссеры С. Бондарчук и А. Довженко и тысячи других подвижников общеславянского делания. Среди них, например, и почти забытый Григорий Данилевский. Он был популярнейшим романистом («Сожженная Москва», «Мирович», «Беглые в Новороссии», «На Индию при Петре I», «Черный год», «Уманьская резня» и др.), описывающим приключения украинцев в империи.

Россия всегда была гостеприимна и доброжелательна даже к выходцам из отдаленных земель. Кроме предка Пушкина, при Петре I мы знаем нанятых в Амстердаме темнокожих художника, корабельного мастера и морского офицера.

Одна из причин конфронтации во всем мире – ультранационализм. Это часто завуалированный нацизм – раковая опухоль, метастазы которой раскалывают человечество, толкая брата на брата. Евангельские максимы «блаженны миротворцы» и «да возлюбим друг друга» сегодня очень важны, в т. ч. для конструктивного и равноправного развития, творчества и сотрудничества.

Советская власть, породившая украинизацию, отказалась от дореволюционной концепции триединого русского народа, у истоков которой стоял киевлянин Феофан Прокопович, сподвижник Петра I. А ведь до монгольского нашествия Киев был столицей великой, пусть и страдающей междоусобицами, но еще не до конца разделенной и духовно единой Руси, и населяли Русь – русские. В советские времена предположили, что в XIV–XV вв. произошло их разделение на братские народы. Однако даже в XVIII–XIX ст. жители Киева или Чернигова считали себя русскими, оставаясь ими до начала XX века. При Екатерине II, Николае I и Александре II чувство общерусского единства переживалось с особой силой, и дело не только в судьбоносных войнах на юге империи, но и во всеобщей солидарности, духовной сплоченности, общем единомыслии и национальной соборности.

В XX столетии все радикально изменилось. Начиная с 20-х гг. из союзного центра поддерживали в бывшей Малороссии ту часть населения, которая идентифицировала себя как украинцы (длительные и краткосрочные украинизации, культура «шароварная» в противовес городской и т.д.). После 1991 г. культуртрегеры из Западной Украины третировали «змоскаленых» восточников, предлагая по сути «галицинизацию». Не учитывались, например, работы Д. Табачника и П. Толочко, доказывающие, что украинцы-малороссы и украинцы-галичане отличны между собой. Забывалось, что украинцы-малороссы созидали Российскую державу, давая миру тысячи выдающихся личностей, а галичане ютились на периферии польской окраины Австрии, будучи представлены преимущественно забитыми «хлопами». Да, среди галичан тоже были прогрессивные, волевые и мудрые люди, включая так называемых «москвофилов», но лишь вторая половина XX века принесла полноценную жизнь на западные земли Украины.

Среди десятков украинских деятелей XX в. особое место занял С. Бандера. Убийство в 1934 г. польского министра внутренних дел Б. Перацкого возмутило даже главу украинских националистов экс-петлюровца полковника Е. Коновальца. С. Бандеру выдали полякам[1]. После убийства П. Судоплатовым Е. Коновальца украинских националистов возглавил А. Мельник. По его просьбе Абвер взял на себя все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности в СССР. Среди завербованных был и «карьерист, фанатик и бандит» (слова полковника Абвера Э. Штольце, руководившего националистами в их борьбе с Советским Союзом[2]) С. Бандера, освобожденный немцами из польской тюрьмы. Идеология бандеровцев – «интегральный национализм» – почти копия гитлеровского национал-социализма[3].

30 июня 1941 года в захваченном немцами Львове бандеровцы провозгласили Акт независимости Украины и сформировали правительство. Это должно было быть тоталитарное образование фашистского образца. С. Бандера торопился, чтоб не делить власть с националистами «мельниковцами». Нацисты создавали марионеточные государства – «независимые» фашистские Словакию, Хорватию и, возможно, возникла б и «незалежна національ-соціалістична Україна». Но агент Бандера «вместо того, чтобы согласовать свои действия с Абвером, ударился в самоуправство»[4] и «раса господ» указала Бандере со товарищи, где их место[5].

Известный украинский писатель-юморист О. Вишня называл главного оуновца «фюрером самостійної дірки»[6]. В августе 1941 года В. Канарис поручил Э. Штольце прекратить связь с С. Бандерой и во главе националистов удерживать уравновешенного, спокойного и относительно интеллигентного А. Мельника.

Для разрыва с С. Бандерой был использован тот факт, что он в 1940 г., получив от Абвера большую сумму денег для финансирования созданного подполья, присвоил их, переведя в один из швейцарских банков. Оттуда они бы-

---

[1] См. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

[2] Подробнее: Центральный Государственный Архив Общественных Объединений Украины. – Ф. 57. – Оп. 4. – Д. 338. – Л. 280-288.

[3] Бузина О. Повторение, мать учения: Ветераны УПА пилили пленных, как бревна // Сегодня. – М., 2007. – 18 мая.

[4] Бузина О. Истории от Олеся Бузины. Степан Бандера: «Наша влада буде страшною!» // Сегодня. – М., 2007. – 19 октября.

[5] Бузина О. Истории от Олеся Бузины: Алтарь Победы // Сегодня. – М., 2011. – 7 мая.

[6] Цит по: Бузина О. Истории от Олеся Бузины. Степан Бандера: «Наша влада буде страшною!» // Сегодня. – М., 2007. – 19 октября.

ли изъяты немецкими кураторами и возвращены С. Бандере. Такой же факт имел место и с А. Мельником[1]. Абвер сформировал два украинских диверсионных батальона («Роланд» и «Нахтигаль») и активно использовал крайних националистов в войне. При отступлении В. Канарисом были даны указания о создании националистического подполья (банд) для борьбы, проведения террора, диверсий, шпионажа. Об этом свидетельствовал Э. Штольце[2]. Известным терактом бандеровцев стало нападение 29 февраля 1944 года на автомобиль освободителя Киева генерала Н. Ватутина. Разве смерть Н. Ватутина или Я. Галана, как и 15 апреля 2015 г. убийство О. Калашникова, – это не деяния, направленные далеко не только против них? Трудно оспаривать, что победа над фашизмом была «под Красным знаменем, не под украинским желто-синим»[3]. Против аргументов нужны контраргументы, а не пули.

Служба безопасности ОУН С. Бандеры часто была кровавее и страшнее НКВД, а мерами наказания было множество казней[4]. Есть якобы доказательства того, что их «принципом было – лучше расстрелять десять невиновных, чтобы наказать одного виновного», при этом было достаточно, если только «подозревает УПА. И вы в этом, по их логике, и виноваты! До такого не додумались даже в гестапо!»[5].

С. Бандера любил играть на мандолине и петь. Не вполне корректно и разумно звучат саркастические суждения, что «в лице Бандеры нация потеряла выдающегося деятеля искусств. Но хор имени Веревки еще не поздно переименовать в хор имени Бандеры. А еще лучше – объединить. Здорово бы звучало – Академический хор имени Бандеры и Веревки!»[6]. О. Бузину можно критиковать и осуждать, но даже Министерство образования Украины на исходе 2014 г. снова запретило (как уже было при Президенте В. Ющенко) слова «Великая Отечественная война».

История свидетельствует о том, что афоризм «в единстве наша сила» являлся победоносным для восточных славян со времен Куликовской битвы и до совместных побед во II Мировой войне. Вместе русские и украинцы сокрушали Карла XII и Наполеона I, громили турок и немцев, освобождая свои исконные земли. Многие годы в неразрывном единстве и взаимопонимании мудрые, трудолюбивые украинцы и русские самоотверженно приумножали мир и благосостояние, утверждая торжество справедливости, любви, равенства, добра, братства и гуманизма на планете. Приоритетом XXI в. должны стать дружба и согласие, мир и любовь, причем не только между братскими странами. Необходимы взаимопонимание, толерантность, равноправие и сотрудничество разных, – в том числе и различающихся между собой, – людей, государств и народов ради прогресса и процветания всего человечества, ради дальнейшего развития культуры и науки.

Вызывают споры и сомнения многие высказывания и положения не только О. Бузины, но очень больно, когда брат воюет с братом или когда где-то попираются принципы демократии и плюрализма[7]. Не слишком ли дорогой ценой дается иногда людям вразумление? Вспоминаются слова гениального Тараса Шевченко: «Обніміться ж, брати мої, бо лихо вам буде» («Обнимитесь же, мои братья, ибо горе вам будет»)!

Академик НАН Украины П. Толочко в работе «Нас разрывают на части!» отмечал, что каким бы испытаниям ни подвергались отношения русского и украинского народов в прошлом, в конечном итоге, их православно-цивилизационная общность и этническое родство оказывались сильнее[8]. Рецепт прекращения междоусобных распрей прост – возлюбим друг друга: русский украинца, украинец русского, русский русского, украинец украинца, соединимся в любви, братолюбии и единомыслии. Для этого есть серьезные основания и прежде всего – общность в истории, культуре, единство в православной вере и в менталитете, наличие схожести в складе ума и характера, в народном быту и в языке.

Таким образом, анализируя украинские реалии в историческом и культурфилософском дискурсах, в некоторых фактах можно найти оправдания рефлексий отдельных современных украинских сказаний и утверждений (например, походы запорожцев на Московию и Беларусь). Однако есть и альтернатива: существуют и иные веские и аргументированные факты. Среди них – в определенных конкретно-исторических условиях и в культурно-политических реалиях позитивная миссия Москвы. По существу московский протекторат смягчал татаро-турецкую и польско-литовскую экспансии, подавляя процессы колонизации и порабощения, останавливая создавшиеся предпосылки для вымирания малороссов.

Важно отметить и то, что бесстрашные, самоотверженные и талантливые выходцы с юга великой страны внесли значительный вклад в развитие общей державы и в приумножение ее благосостояния. Украинцы существенно обогатили европейскую и мировую науку, культуру и образование, но очень хочется надеяться, что еще большие достижения ждут Украину и украинцев в будущем.

---

[1] Подробнее: Центральный Государственный Архив Общественных Объединений Украины. – Ф. 57. – Оп. 4. – Д. 338. – Л. 280–288.

[2] Там же.

[3] Бузина О. Повторение, мать учения: Когда разрушили советскую Украину, ее разрушили вообще // Сегодня. – М., 2014. – 6 мая.

[4] «Повстанська розвідка діє точно й відважно...». Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення Організації українських націоналістів та Української повстанської армії. 1940–1950-ті роки / Вєдєнєєв Д., Биструхін Г. – К.: К.І.С., 2006. – 568 с.

[5] Бузина О. Повторение, мать учения: Ветераны УПА пилили пленных, как бревна // Сегодня. – М., 2007. – 18 мая.

[6] Бузина О. Истории от Олеся Бузины. Степан Бандера: «Наша влада буде страшною!» // Сегодня. – М., 2007. – 19 октября.

[7] См. подробнее: Радзієвський В. О. Нотатки з субкультури аномії : монографія. – К. : Вид-во «Логос», 2012. – 368 с.

[8] Толочко П. П. «Нас разрывают на части!» // Единая Русь. 2004. – 15 декабря. – http://edrus.org/content/view/29/47/

См. подробнее на эту тему: Радзиевский В. А. От вражды к единству // Наш современник. – М., 2015. – Июнь, № 6. – С. 226–243.

Радовель М.Р.
д.филос.н., профессор Электростальского политехнического института – филиала МАМИ

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЦЕННОСТНУЮ СФЕРУ СОЦИУМА: КОРРЕЛЯЦИОННО-КАУЗАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: *ценностная сфера, корреляция, парная корреляция, корреляционный узел, корреляционная фигура, корреляционная сеть, корреляционные и каузальные характеристики коррелятов.*

Keywords: *valuable sphere, correlation, correlative figures and networks, correlating and causal characteristics of correlators.*

Речь здесь пойдет о двух новых, перспективных на взгляд автора идеях, позволяющих усовершенствовать анализ социальной реальности и на этой основе оптимизировать воздействие на ценностный мир современных россиян. Одна из этих идей связана с продвижением от привычного корреляционного анализа связей социальной реальности к причинно-следственному (каузальному) анализу, т.е. к выявлению ряда новых количественных характеристик взаимодействующих между собой социальных факторов. Вторая идея, дополняющая первую, связана с переходом от преимущественно парных корреляций, используемых при анализе социума, к различным, более сложным фигурам связи – корреляционно-каузальным узлам, замкнутым геометрическим фигурам, наконец – к достаточно обширным сетям. Теоретико-методологический инструментарий, построенный на указанных двух идеях, открывает новые возможности влияния на процессы социальной реальности.

Традиционно используемый в социальном анализе коэффициент корреляции – далеко не единственный и не самый точный показатель реальных отношений между социальными явлениями, процессами, факторами. Дело в том, что каждый действующий в социуме фактор имеет свою собственную, индивидуальную «историю», т.е. свой период действия и влияния на другие факторы и явления, свои точки максимума и свою конфигурацию этого действия. Эти характеристики, проявляющие себя во взаимодействии различных факторов, не учитываются в обычном корреляционном анализе, но именно они имеют решающее значение для понимания социальных процессов и выработки эффективных способов воздействия на социум. И такого рода характеристики вполне выявляемы посредством использования специального инструментария, предлагаемого в данной статье.

Глубина и полнота анализа социума существенно зависит от формы, или комбинации, корреляционных связей, задействованных в данном анализе. Самая простая форма, используемая в рамках так называемого «динамического формата» исследований1, это «парная корреляция», традиционно применяемая в практике социологического анализа. Она позволяет вычислить направление и плотность связи между двумя социальными явлениями или факторами. Это могут быть такие явления, как: «материальная обеспеченность» и «социальная активность», «бедность» и «общественные настроения», «чувство свободы» и «готовность к участию в политической жизни» и т. п. Например, между такими факторами, как «наличие сбережений у населения» и «чувство свободы» корреляция $R = +0{,}57$, а между фактором «бедности» и «чувством свободы» $R = -0{,}45$[2]. В первом случае показатель корреляции положительный и достаточно высокий, а во втором – отрицательный и тоже вполне существенный, если учесть, что область значений корреляции R лежит в пределах от –1 до +1.

При этом нужно иметь в виду, что одного только корреляционного момента для понимания всей картины взаимосвязей и взаимодействий между различными факторами недостаточно. Показатели корреляции, сами по себе, еще не раскрывают так называемых «каузальных» характеристик, т.е. причинно-следственных связей между коррелирующими факторами. А между тем эти характеристики, скрытые за корреляционными показателями, весьма интересны в теоретическом отношении и полезны в практическом плане. И они тоже поддаются исчислению. Для этого используется специальный метод работы с так называемыми «динамическими рядами» – расположенными в хронологической последовательности результатами замеров определенных социальных явлений, относящимися к некоторому периоду времени. Вычисление каузальности в отношениях между факторами-коррелятами основано на учете того, как они соотносятся между собой по признаку «раньше-позднее» (предшествования и следования) и в какой мере изменение одних сопровождается изменением других.

Для выявления каузальных характеристик взаимодействующих факторов используется метод двустороннего сдвига (асинхронизации) динамических рядов относительно друг друга, что позволяет сначала «нащупать», получить

---

[1] См. об этом: Радовель М.Р. Оптимизация ценностной сферы молодежного сознания: корреляционно-сетевой подход // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. – М., 2016; Радовель М.Р. Корреляционно-каузальное описание социума: от слова к числу // Современная прикладная философия: проблемы и перспективы развития. – Ростов-на-Дону, 2016.

[2] Для расчета корреляции здесь использованы две таблицы и один график из кн: Общественное мнение – 2014. Ежегодник. – М., 2015. – С. 23; Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М., 2016. – С. 76, 83.

первичное представление о причинно-следственной (каузальной) зависимости между коррелирующими факторами, а затем более точно и полно определить каузальные характеристики каждого фактора. Метод асинхронизации динамических рядов, в частности, открывает возможность выявления ряда новых характеристик, связанных с *распределением каузальности* между факторами-коррелятами. Для примера используем две пары социальных факторов, которые уже были рассмотрены выше при определении корреляционной связи между ними (показатель R). Дополним теперь этот показатель двумя новыми, демонстрирующими степень влияния первого фактора на второй (R_1) и второго на первый (R_2). Это и будут – каузальные показатели, дополняющие традиционно используемые – корреляционные. Расчеты приводят к следующим результатам: для факторов «бедность» и «чувство свободы» – R = –0,45, R_1 = –0,4, R_2 = –0,37; для факторов «наличие сбережений» и «чувство свободы» R = +0,57, R_1 = +0,96, R_2 = +0,55.

Разумеется, нужно иметь в виду, что определение причин – это, как правило, сложная и трудоемкая проблема. Для ее решения необходимо использование ряда специальных методических приемов эмпирического и/или теоретического плана. Поэтому в приведенном случае и далее при использовании слов «причина», «каузальность», «распределение каузальности», возможно, следует иметь в виду вероятностный характер этих явлений, и под «каузальностью», например, понимать скорее «потенциал каузальности».

Следующий по сложности, после «парной корреляции», уровень анализа социальных процессов связан с понятием «корреляционно-каузальные узлы». На этой стадии производится вычисление корреляций и каузальных связей специально выделенного социально-ценностного элемента (обозначим его как «целевой объект ЦО») с целым рядом факторов, оказывающих влияние на него. В итоге могут быть получены некоторые новые показатели, полезные в прикладном плане. Вот, к примеру, полученная на основе корреляционного анализа и представленная в схеме картина вероятного влияния на целевой объект «социальная инициативность населения» трех факторов-детерминантов: «наличие сбережений», «фактор бедности», «политические возможности» (Расчеты выполнены на основании трех таблиц и одного графика из книги[1]).

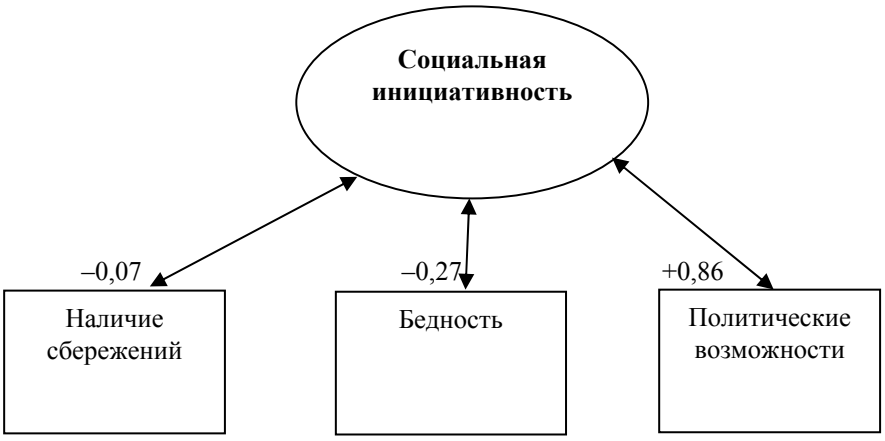


Рисунок 1.
Корреляция фактора «социальная инициативность» с тремя другими социальными факторами

Заметим, что каждый корреляционный показатель является сочетанием двух параметров – скалярного и векторного. Хотя на практике они всегда представлены неразрывно друг от друга (в приведенном выше случае, например: R_1 = –0,07, R_2 = –0,27, R_3 = +0,86), есть основание рассматривать их по отдельности: скалярная составляющая для R_2 равна 0,27, а векторная «–» (знак обратной зависимости), для R_3, соответственно: 0,86 и «+». Такое раздельное рассмотрение параметров целесообразно, поскольку они имеют разный смысл и значение в практическом приложении. Скалярный параметр означает *интенсивность*, с которой определенный фактор может влиять на целевой объект ЦО, а векторный (если учитывать сразу несколько факторов влияния на ЦО в рамках корреляционного узла) покажет меру *сбалансированности* этого влияния. По-видимому, если все факторы влияния имеют один и тот же знак, т.е. однонаправлены, это менее удачные в практическом плане условия, чем когда факторы разновекторные. В последнем случае в руках действующего лица сразу два рычага влияния на целевой объект – «плюсовой» и «минусовой», «содействующий» и «противодействующий», что намного облегчает выполнение задач регуляции.

Интересно, что сбалансированность (векторный показатель), подобно интенсивности (скалярный показатель), может быть строго количественно определена. Для этого нужно сопоставить «левый» и «правый», т.е. разновекторные, рычаги влияния. Например, в приведенном выше случае, исходя из того, что интенсивность «позитивного» потенциала влияния на целевой объект равна 0,86, а «негативного» 0,07+0,27=0,34, соотношение между ними, или векторный потенциал P_v = 0,34:0,86 = 0,39. Это вполне значимый потенциал, если учитывать, что вообще область значений P_v лежит в пределах от нуля до единицы [0…1].

Прикладное значение узловой корреляции состоит в том, что содержащиеся в ней данные полезно использовать, например, для определения сравнительной значимости факторов влияния на целевые объекты, выстраивания приоритетов в управленческой деятельности, распределения трудовых усилий и ресурсов и т.д. Но при этом следует помнить, что при всей значимости корреляционных показателей, они все же недостаточны в практическом отношении

[1] Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М., 2016. – С. 46, 67, 76, 83.

без выявления каузальной составляющей всех корреляций. Именно знание причин дает в руки действующего субъекта достаточно мощное средство воздействия на целевой объект. Поэтому перейдем, опираясь на приведенный выше пример корреляционного узла (рис. 1), к анализу каузальной (причинно-следственной) его составляющей.

Расчеты, проведенные в этом направлении, показывают, что между задействованными в анализируемом узле факторами существуют следующие каузальные отношения, в дополнение к отношениям корреляционным.

«Социальная инициативность – наличие сбережений»: R = –0,48, R_1 = –0,73, R_2 = +0,26

«Социальная инициативность – бедность»: R= –0,27, R_1 = +0,45, R_2 = –0,62

«Соц. инициативность – полит. возможности»: R= +0,86, R_1 = +0,42, R_2 = +0,21

Так, показатель корреляции для факторов «социальная инициативность» и «наличие сбережений» равен «–0,48», вместе с тем – первый из них («инициативность») выступает причиной по отношению ко второму с каузальным показателем «–0,73), а второй – с каузальным показателем «+0,26». Проще говоря, это означает, что «инициативность», хоть это может показаться странным на первый взгляд, по результатам анализа опросного материала оказывается существенно «противопоказанной» (–0,73!) наличию сбережений (такова, видимо, наша социальная реальность). С другой стороны, «наличие сбережений», благоприятно, но достаточно слабо (+0,26) влияет на социальную инициативность населения. А в целом, как результат двух разнонаправленных (–0,73 и +0,26) «каузальностей», получаем негативную корреляцию между двумя данными факторами (–0,48).

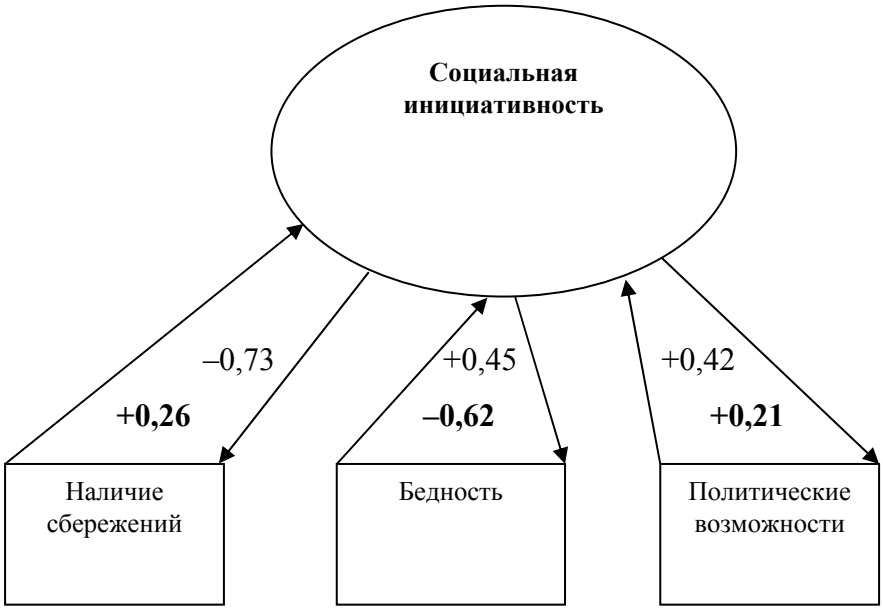


Рисунок 2.
Каузальные связи фактора «социальная инициативность» с тремя другими социально-ценностными факторами

На основе представленной в рис. 2 схемы каузальных связей нетрудно подсчитать совокупный каузальный потенциал трех инструментальных факторов. Причем сделать это тремя способами: 1) простым суммированием величин, выражающих каузальное воздействие трех факторов на целевой объект (P_{sm} = 0,26–0,62+0,21), 2) суммированием модулей этих величин (P_{md} = 0,26+0,62+0,21), 3) вычислением векторного потенциала (P_{vc} = (0,26+0,21):0,62)). Легко увидеть, что каузальные результаты заметно отличаются от соответствующих корреляционных, при этом первые являются более точным отражением влияния инструментальных факторов на целевой объект. И поэтому именно они должны быть приняты в расчет при организации практических действий. Прикладное значение каждого из трех каузальных показателей (P_{sm}, P_{md}, P_{vc}) разъяснено выше применительно к корреляционным отношениям.

Следующая по сложности конфигурация соотношения и взаимодействия социальных факторов – это «замкнутая корреляционно-каузальная фигура». На этом уровне мы имеем дело с различными n-угольниками, угловые точки которых отображают собой некоторые социальные факторы, а стороны и диагонали – разнообразные корреляционные и каузальные отношения между ними. В процессе анализа здесь вычисляется корреляционный и каузальный потенциал каждого фактора, входящего в конкретную группу, и сравнительное их значение в плане их регулируемости (1) и возможности влияния на группу в целом (2).

Приведем здесь в качестве примера такую фигуру, как *корреляционный четырехугольник.* В данном примере количественно отражена плотность связи между четырьмя факторами, которые сокращенно можно обозначить как: интерес к политике (F_1), влияние на политические процессы (F_2), наличие сбережений (F_3), готовность более активно участвовать в политике (F_4).

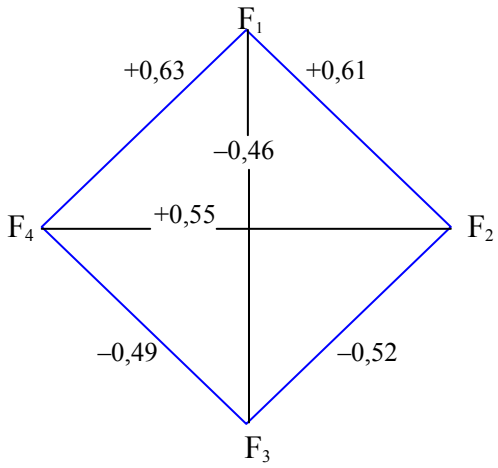


Рисунок 3.
Корреляционный четырехугольник, представляющий количественные соотношения четырех социально-ценностных факторов

Применяя подход, использованный выше по отношению к предшествующей фигуре – корреляционному узлу, вычислим сравнительные корреляционные потенциалы каждого из четырех приведенных факторов, имея в виду два аспекта – скалярный и векторный. Тогда для фактора F_1 получаем: скалярный потенциал $P_s = 0,63+0,46+0,61= 1,7$, векторный потенциал $P_v = 0,46 : (0,63 + 0,61) = 0,46 : 1,23 = 0,37$. Аналогично, для фактора F_2 имеем: $P_s = 1,68$, $P_v = 0,45$; для фактора F_3 – $P_s = 1,47$, $P_v = 0$ (поскольку все корреляции одновекторны); для фактора F_4 – $P_s = 1,67$, $P_v = 0,41$. Общая картина такова.

Таблица 1

Корреляционные потенциалы четырех факторов (интерес к политике, влияние на политические процессы, наличие сбережений, готовность более активно участвовать в политике)

№	Факторы	Скалярный потенциал Ps	Ранг фактора R1	Векторный потенциал Pv	Ранг Фактора R2	Суммарный Ранг R3
1	Интерес к политике	1,7	1	0,37	3	4/2
2	Влияние на политические процессы	1,68	2	0,45	1	3/1
3	Наличие сбережений	1,47	4	0	4	8/4
4	Готовность более активно участвовать в политике	1,67	3	0,41	2	5/3

Таким образом, на первое место (по суммарному рангу) выходит фактор «влияние на политические процессы», а на последнее в этой «четверке» – фактор «наличие сбережений». Но это – если иметь в виду только корреляционный потенциал факторов. Их места и вес при измерении каузальных потенциалов могут выглядеть совершенно иначе. Но именно каузальные показатели следует прежде всего принимать во внимание при организации деятельности, поскольку они конкретнее и, в определенном смысле, ближе к реальности.

При сравнении корреляционных и каузальных потенциалов обсуждаемых нами четырех факторов, если иметь в виду две формы – скалярную и векторную, получаем следующую картину.

Таблица 2

Корреляционные и каузальные потенциалы (P_{cr} и P_{cs}) четырех факторов F_1… F_4

№	Факторы	Pscr	Ранг R 1	Pscs	Ранг R 2	Pvccr	Ранг R 3	Pvccs	Ранг R 4
1	F1	1,7	1	1,86	1	0,37	3	0,37	2
2	F2	1,68	2	1,33	3	0,45	1	0	3–4
3	F3	1,47	4	0,69	4	0	4	0	3–4
4	F4	1,67	3	1,43	2	0,41	2	0,54	1

Как видим, корреляционные и каузальные потенциалы рассматриваемых социальных факторов, в основном, заметно различаются и в метрическом, и в ранговом отношении.

На завершающей стадии предложенного здесь метода анализа социальной реальности мы выходим на уровень «корреляционных сетей». Благодаря этому оказывается возможным представить более или менее обширные (все зависит от потребностей и желания социального заказчика) участки ценностного мира социума (или другой его области). В этом случае многочисленные «узлы» сети, т.е. конкретные ценностные элементы, так или иначе связаны со всеми другими, причем эти связи количественно выражены, что очень важно для обоснованного выстраивания стратегии социального действия. Так, в случае взаимной корреляции семи различных факторов их взаимосвязи можно представить следующим образом.

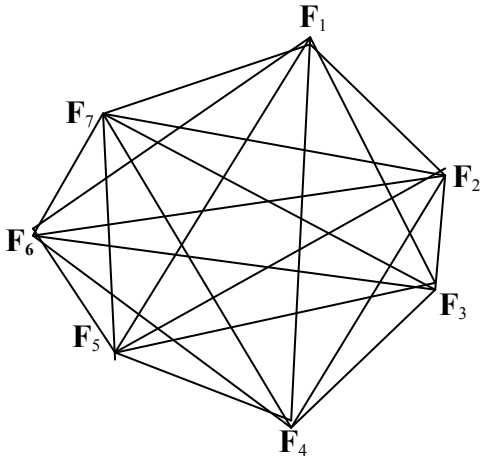


Рисунок 4.
Семифакторная корреляционная модель (фрагмент сети)

Каждый узел, или угловая точка на представленной фигуре, обозначает определенный социально-ценностный фактор: F_1 – *возможность влиять* на политическую жизнь, F_2 – *готовность более активно* участвовать в политике, F_3 – *социальная инициативность* населения , F_4 – *интерес* к политике, F_5 – *удачность/неудачность* уходящего года, F_6 – *наличие сбережений*, F_7 – *масштаб бедности*.

Корреляционные показатели по всем семи факторам представлены в следующей таблице.

Таблица 3

Показатели корреляции между семью различными социальными факторами

	1. Влияние	2. Готовность	3. Инициативн.	4. Интерес	5. Удач. год	6. Сбережение	7.Бедность
1. Влияние	-	+0,55	+0,86	+0,61	–0,71	–0,52	–0,58
2. Готовн.	+0,55	-	+0,92	+0,63	–0,84	–0,49	–0,1
3. Инициат.	+0,86	+0,92	–	+0,79	–0,57	–0,48	–0,27
4. Интерес	+0,61	+0,63	+0,79	–	–0,41	–0,49	–0,09
5. Удач. год	–0,71	–0,84	–0,57	–0,41	–	+0,38	–0,11
6. Сбережен	–0,52	–0,49	–0,48	–0,49	+0,38	–	–0,78
7. Бедность	–0,58	–0,1	–0,27	–0,09	–0,11	–0,78	–

7-факторная модель включает в себя 35 различных корреляций. Каждая из них характеризуется особым сочетанием трех признаков: 1) *интенсивность корреляции* (от –1 до +1), 2) ее *знак* («+» или «–»), 3) *распределение каузальности* (причинно-следственная связь между факторами). На основе данных, содержащихся в таблице 3, есть возможность вычислить сравнительное значение, т.е. корреляционный потенциал всех семи взаимосвязанных факторов. Причем рассчитать этот потенциал в двух аспектах – скалярном (P_s) и векторном (P_v). Нетрудно определить корреляционный потенциал для каждого из семи факторов, представленных в таблице, и сопоставить результаты между собой.

Как уже отмечалось выше (при рассмотрении корреляционного узла), рассчитанный потенциал социального фактора позволяет судить о возможностях совокупного влияния на него со стороны других факторов, т.е. о возможностях его целенаправленного регулирования. Очевидно, существенно большее значение, по сравнению с вычислением корреляционных характеристик взаимодействующих социальных факторов, имеет расчет их каузальных характеристик.

В заключительной части данной статьи рассмотрим некоторые практические (прикладные) результаты, полученные на основе использования корреляционно-каузального подхода. Эти результаты различны по своему характеру. Одни из них вполне подтверждают интуитивные ожидания и ценность их в том, что в отличие от размытых интуитивный представлений в них соотношение различных социальных факторов представлено в четкой количественной форме. Другие результаты более или менее отличаются от того, что подсказывается нашей интуицией и привычными ожиданиями, и тем самым несут в себе некоторую полезную информацию. Третьи – вообще представляются неожиданными и, на первый взгляд, неправильными, ошибочными. Но именно они наиболее интересны, заставляют задуматься, кое-что переосмыслить и, в конце концов, прийти к новым полезным результатам.

Приведем примеры результатов первого типа.

Корреляция между такими факторами, как «выполнение своих обязательств гражданами», с одной стороны, и «выполнение обязательств государством» – с другой, такова: R = +0,95. Т.е. очень высокий уровень корреляции, что вполне ожидаемо. При этом каузальная структура отношений между одним и другим фактором, скрывающаяся за приведенным показателем корреляции, тоже представляется достаточно простой и естественной. Распределение каузальности (причинности) между ними выражается следующими показателями: $R_1 = +0,47$, $R_2 = +0,42$. Иными словами, оба фактора примерно в равной степени обусловливают друг друга, но первый выступает в качестве причины по от-

ношению ко второму в несколько большей степени, чем второй по отношению к первому (0,47 по отношению к 0,42). (Для расчета показателей использованы таблицы из Ежегодника[1]).

Близки в количественном отношении к только что рассмотренному уровню корреляции также следующие пары факторов: «бедность» и «пессимизм»: $R = +0{,}91$, $R_1 = +0{,}68$, $R_2 = +0{,}33$; «возможность влияния на социум» и «социальная инициативность»: $R = +0{,}86$, $R_1 = +0{,}21$, $R_2 = +0{,}42$; «социальная инициативность» и «интерес к политике»: $R = +0{,}79$, $R_1 = +0{,}25$, $R_2 = +0{,}35$. (Для расчета использованы таблицы и график из Ежегодника[2]).

Выше были приведены примеры с положительными корреляционными и каузальными показателями. Для сравнения – несколько примеров с негативной (обратной) корреляцией. «Бедность» и «выполнение гражданами своих обязательств»: $R = –0{,}95$, $R_1 = –0{,}17$, $R_2 = +0{,}07$; «готовность более активно участвовать в политике» и «удачный уходящий год»: $R = –0{,}84$, $R_1 = –0{,}69$, $R_2 = +0{,}52$; «бедность» и «наличие сбережений»: $R = –0{,}78$, $R_1 = –0{,}05$, $R_2 = –0{,}80$. Обратим здесь внимание на «разновекторность» между корреляционными и каузальными показателями, а также внутри каузальной составляющей межфакторных отношений. Возьмем, например, такую пару факторов, как «готовность к большей активности в политике» и «удачный уходящий год». При $R = –0{,}84$ и $R_1 = –0{,}69$ мы имеем $R_2 = +0{,}52$. Как это можно понять и принять? А дело в том, что каждый социальный фактор в отношении с другими имеет индивидуальную программу «поведения». Это относится и к периоду его влияния на своего «визави», и к моменту максимума влияния, и к вектору влияния – позитивному или негативному (содействие или противодействие). Так что оба коррелята могут иногда вести себя так, что один содействует другому, а другой в ответ противодействует. Такова каузальная структура их взаимоотношений. Хотя корреляционный показатель у них в итоге один на двоих, тут как бы найден некий «компромисс».

В некоторых случаях отношения между социальными факторами, выявляемые посредством корреляционно-каузального анализа, выглядят достаточно неожиданными в силу иных причин, отличающихся от тех, что были рассмотрены только что. Возьмем такую пару, как «политические возможности» и «пессимизм». Соотношения между этими факторами таково: $R = +0{,}86$, $R_1 = +0{,}42$, $R_2 = +0{,}21$. Т.е. имеет место позитивная корреляция и позитивная взаимная каузация (взаимное содействие). Можно ли доверять таким показателям? Как можно согласиться с суждением, что чем более велики политические возможности людей, тем более эти люди пессимистичны? Но замеры свидетельствуют именно о таком положении вещей. Для того, чтобы объяснить себе эту ситуацию, нужно вникнуть в смысл понятия «политические возможности людей». Он просматривается при учете вопроса в анкете, по результатам которой и были оценены эти политические возможности. А вопрос к респондентам был следующий: «Могут ли такие люди, как Вы, влиять на принятие решений в своем регионе, городе, районе?» Если принять это во внимание, то вполне можно допустить ситуацию, когда люди, которые более активно задействованы в принятии решений по региону и т.д. – при определенных условиях (!) – оказываются более пессимистичными, чем остальное население. По-видимому, это условия, когда достаточно активные социальные акторы, которые видят и понимают больше, чем другие, осознают слабую эффективность или даже тщетность своих усилий, ограниченность возможностей оптимизации социума. Ситуация, известная со времен Экклезиаста: «знание рождает печаль».

Аналогично, получают свое рациональное объяснение и следующие, могущие показаться некорректными и нелогичными, результаты. «Социальная инициативность» и «наличие сбережений»: $R = –0{,}48$, $R_1 = –0{,}73$, $R_2 = +0{,}26$; «интерес к политике» и «наличие сбережений»: $R = –0{,}46$, $R_1 = –0{,}95$, $R_2 = +0{,}43$; «социальная инициативность» и «удачный минувший год»: $R = –0{,}57$, $R_1 = –0{,}95$, $R_2 = +0{,}52$. Обратим внимание, что в приведенных трех случаях мы имеем не только негативную корреляцию между факторами, но и разновекторные («+» и «–») отношения в каузальной составляющей. Так, для пары коррелятов «интерес к политике» и «наличие сбережений» взаимное «причинение» (каузация) оказывается: –0,95 и +0,43. Т.е., если интерес к политике у граждан отрицательно сказывается на наличии у них сбережений, то наличие сбережений, напротив, положительно влияет на их интерес к политике. Выше мы уже обсуждали возможность и «нормальность» подобных ситуаций в каузальной компоненте межфакторных отношений. Действительно, каждый фактор в отношении с другими может вести себя по собственной «программе», может быть и в согласии, и в конфронтации с другими. Так что в обсуждаемом нами случае нет ничего странного. Интерес к политике может выступать фактором, отвлекающим от стремления к накоплению сбережений, в то время как наличие достаточных сбережений, напротив, может позитивно сказываться на интересе к политике.

В заключение отметим, что валидность использованного здесь метода расчета каузальных характеристик факторов-коррелятов обосновывается несколькими различными, независимыми друг от друга способами. Мы не рассматриваем их в данном тексте, чтобы не перегружать его избыточным содержанием. При этом приведенные результаты вычислений вполне могут быть в дальнейшем скорректированы, главным образом, за счет повышения качества динамического ряда, на базе которого они произведены. Имеется в виду два момента: с одной стороны, расширение временно́го периода, охватываемого динамическим рядом, а с другой – увеличение «дробности» ряда, т.е. уменьшение временны́х интервалов между членами ряда.

[1] Общественное мнение – 2015. Ежегодник. – М., 2016. – С. 66.

[2] Там же, с. 16, 43, 57, 63, 76.

Щенникова К.Ю.
аспирант РАНХиГС

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И ЕДИНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Ключевые слова**: традиции, ценности, духовная безопасность.*

Национальные интересы России чаще всего рассматриваются с точки зрения геополитики, экономики, военной безопасности. Однако существуют национальные интересы России и с точки зрения общественных устоев и цивилизационного единства. В этом смысле фундаментальные ценности российского народа нередко идентифицируются с национальными интересами. Политическая и экономическая обстановка в мире, взаимоотношения России с другими государствами на международной арене активизировали рост интереса к традиционным ценностям в российском обществе. Актуальность вопроса не вызывает сомнения, поскольку единые скрепы для народного единства, общность ценностей и, в конечном счете, самоидентификация являются обязательным условием стабильного развития государства, что доказывает, например, та же Украина: выбор между европейской и евразийской идентичностью фактически расколол украинское общество.

Отстаивание Россией традиционных ценностей на международной арене стало одним из камней преткновения в международных отношениях между Россией и Западом. Тем не менее, именно сейчас «мы могли бы не стесняться своего русского происхождения или своих христианских корней и об этом говорить рельефнее»[1].

В России опора преимущественно на традиционные ценности началась чуть раньше введения санкций, о чем говорят, например, решения о проведении в 2014 году Года культуры, а в 2015 году – Года литературы. Фокус на культуре является определенным фактором духовной консолидации общества.

Исторически Россия представляет собой естественно сложившийся культурно-политический организм, объединяющий огромное количество народов и народностей. На протяжении всей российской истории именно духовно-нравственные ценности были прочным фундаментом Российского государства. Пренебрежение ими стало источником растущей бездуховности и гражданской пассивности, что ослабило государство и общество.

Конечно, в условиях глобализации сложно говорить о сохранении государства-нации и его традиционных ценностей. Глобализация представляет открытый, нелинейный, многоаспектный и необратимый процесс, который обнажил фундаментальное противоречие между традиционными ценностями цивилизаций и нетрадиционными ценностями глобального мира и индивидов. Глобализация постепенно внедряет так называемые «общечеловеческие ценности», которые, однако, на деле игнорируют интересы и ценности значительной части человечества, способствуя размыванию чувства единения в умах людей и повсеместному распространению культа потребления[2].

О роли традиционных ценностей в современном российском обществе часто говорит Президент России В.В. Путин: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение»[3].

Эксперты тоже все чаще говорят о духовном кризисе общества, утрате духовности, распространении западной вседозволенности и т.п. Действительно, определенную трансформацию и наличие проблемной ситуации отрицать нельзя. Это, в первую очередь, ценностная переориентация, меньшее количество самозапретов личности, самоконтроля, приоритет физиологических и материальных потребностей. Стоит заметить, что, например, А. Маслоу считал удовлетворение таких потребностей необходимой основой для последующего удовлетворения более высоких[4]. Именно эти потребности и выводятся на первый план в западных системах ценностей, что получает в виду своей простоты и доступности широкое распространение и выражается в низкопробном массовом искусстве.

В 2007 г. исследователи отмечали, что в России сложилось атомизированное общество, в котором практически отсутствуют горизонтальные связи и для которого характерны очень низкая предрасположенность к самоорганизации и готовность к солидарным действиям. Более 50% опрошенных считали, что главными являются личные интересы

[1] Цит. по: В России утвержден список духовно-нравственных ценностей. – http://www.pravmir.ru/v-rossii-utverzhden-spisok-duhovno-nravstvennyih-tsennostey/

[2] Проект документа «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд». – http://www.patriarchia.ru/db/text/4475400.html

[3] Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию. – http://www. kremlin.ru/transcripts/17118

[4] Маслоу А. Психология бытия. – М., 1997. – С. 191.

человека и только 31,2% – что во имя интересов государства и общества возможно ограничение личных интересов[1]. Выделяются три формы ценностей: «общественные идеалы, предметно воплощенные ценности, личностные ценности»[2]. В нашем случае мы говорим об общественных ценностях, необходимости их верховенства над личными побуждениями.

По-разному трактуется термин «традиция». В отечественной гуманитарной науке, например, в словарном определении А.Б. Гофмана – традиция представляет элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определённых обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени; охватывает объекты социального наследия (материальные и духовные ценности); процесс социального наследования…»[3].

Говоря о ценности, М. Вебер рассматривал её как норму, способом бытия которой является значимость – или важность – для субъекта. Т. Парсонс придал ценности методологический смысл как средству выявления и описания социальных отношений и институтов через общие для их членов ценности. В работе «Эстетика» Н. Гартман перечисляет следующие классы ценностей, начиная классификацию «снизу»: ценности блага, ценности удовольствия, жизненные ценности, нравственные ценности, эстетические ценности, познавательные ценности[4]. Последние три класса относятся к духовным ценностям; причем нет верховенства одного класса над другими.

На чем же основываются традиционные духовные ценности России? Можно выделить присущее русскому человеку стремление к высшим идеалам, надприродным смыслам, стремление к «небесному», а не к «земному» раю. Это фундаментальные характеристики российского менталитета. Беспокойство о «вечном» и определенное попустительство и пренебрежение к непосредственным условиям быта – важная черта россиянина. Иными словами, российскому человеку ближе идеальное, а не материальное. Внезапное погружение с головой в 90-е гг. во внешнее проявление западного образа жизни и его законов существенно повлияло на сознание людей.

Российскому человеку также присущи склонность к коллективизму, обусловленная условиями географического положения и историей; общинность и соборность – ощущение духовного единства. Это не самоидентификация как отдельного самодостаточного гражданина своего государства, это духовная близость народа всего государства.

Крайность коллективная обернулись крайностью индивидуалистической после 1991 года. Ф.Х. Кессиди заметил, что «отказ от того, что являлось негативным (или казалось таковым) в прошлом, оборачивалось и оборачивается в наши дни решительным разрушением чуть ли не всего прошлого, а стало быть, разрывом связи времени и поколений, прерыванием собственной истории»[5]. Соответственно, произошла трансформация общества. Однако в сфере духовности невозможны мгновенные коренные изменения. Таким образом, нельзя говорить о полной переориентации в системе ценностей россиян.

В проекте закона «О традиционных ценностях», разработанного инициативной группой в Оренбурге, эти ценности определяются как «вид базовых культурных ценностей», «устойчивых, позитивных, нематериальных этических категорий, имеющих статус общепризнанных и общепринятых в российском обществе; которые передаются из поколения в поколение как исторически сформированный сакральный социальный опыт общества, выраженный в виде целостной системы … и обладающий качествами социально-исторической универсальности и уникальности; образующие культурную идентичность и суверенитет общества, этическое ядро национального духа и характера народа, его самобытность, жизнеспособность и потенциал развития; обеспечивающие непрерывность общественной жизни, коллективную социальную сплоченность, коллективное и индивидуальное моральное совершенствование личности, единство культурно-исторической социальной памяти; являющиеся базисными и универсальными в отношении прав и свобод человека, признанных международным законодательством»[6]. Несмотря на весьма длинную формулировку, это определение в целом отражает господствующий подход к традиционным ценностям в России: это ценности, призванные не допустить разобщенности общества и сохранить единство многонациональной страны.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[7] констатируется возрождение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и консолидация общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм. Сохранение традиционных ценностей названо одним из национальных интересов на долгосрочную перспективу.

В разделе «Культура» подобные ценности названы «основой общероссийской идентичности», и к ним отнесены приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины. Уг-

---

[1] См.: Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. – М., 2007.

[2] Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие. Опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – М., 1996. – № 4. – С. 15–26.

[3] Гофман А.Б. Традиция // Большая советская энциклопедия. – М., 1969–1978 гг. – http://enc-dic.com/enc_sovet/Tradicija-89817/

[4] Гартман Н. Эстетика. – М., 1958. – С. 477.

[5] Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // Вопросы философии. – М., 2000. – № 6. – С. 88.

[6] О Проекте Закона «О традиционных ценностях». – http://www.proza.ru/2016/05/22/1183

[7] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html

розами национальной безопасности в области культуры являются размывание этих ценностей и ослабление единства многонационального народа России путем внешней культурной и информационной экспансии.

Таким образом, на официальном уровне вопрос о традиционных ценностях поднимается не только регулярно, но и концептуально, появилось понимание необходимости проведения должной воспитательной, образовательной и в целом культурной политики в стране. Так, в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года[1] уже обозначенные ценности дополнены человеколюбием, справедливостью, честью, совестью, волей, личным достоинством, верой в добро, стремлением к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством – иными словами, базовыми идеалами и ориентирами, которые поддерживаются представителями всех конфессий. **Настоятель храма Всемилостивого Спаса бывшего Скорбященского монастыря, протоиерей Александр Ильяшенко замечает, однако, что в документе отсутствует понятие «патриотизм», а некоторые другие названные ценности могут быть поняты субъективно[2], что предполагает возможность и необходимость совершенствования** Стратегии**.**

О важности традиционных ценностей российской цивилизации все чаще говорится в законодательных актах России. Одна из последних инициатив – проект «Основ государственной культурной политики РФ», в котором утверждается: «В контексте государственной культурной политики понимание традиционных для нашей страны нравственных ценностей основано на выработанных человечеством и общих для всех мировых религий норм и требований, обеспечивающих полноценную жизнь общества. Это, прежде всего, честность, правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстие, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов и позволяет раскрыть таланты, дарования и способности каждого человека»[3].

В современных условиях не только общественные институты, но и Церковь видит свой долг в том, чтобы способствовать возвращению обществу утраченных культурных ценностей, в том числе через различные формы воспитания и образования, нацеленные на становление духовной и нравственной личности и гражданина[4].

Таким образом, сложность современной ситуации осознается всеми, что также делает необходимым появление единой и понятной для всех национальной идеи. Вышеназванные ценности и идеалы носят общий – универсальный и приемлемый для всех характер и перекликаются с идеалами советского периода. Однако сейчас идет не возврат ценностей социализма, который, кстати, также призывал к справедливости, равенству, стабильности, а постепенное выстраивание приоритетности в сознании народа основных духовных ценностей вне зависимости от социально-экономической модели, поскольку именно они выступают системообразующим звеном социальной системы общества.

В современных условиях после всех произошедших перемен возвращение всем обществом к религиозности и вере невозможно. Более того, возможно, верования теперь даже больше разделяют, чем объединяют людей из-за огромного количества альтернатив[5]. Однако остался еще внутренний мир человека, который и содержит в себе характерную для россиян метафизичность, склонность к Абсолюту. Иррациональное в российском обществе может стать основой его развития и консолидации на основе традиционных ценностей, о которых столько говорится в последнее время. Необходимо возрождать любовь к искусству, содействовать его развитию как и в целом развитию сферы культуры. Наконец, необходим механизм для выработки главного критерия, используя который, личность могла бы критически воспринимать возрастающий поток информации и использовать ее во благо, отсеивая все то, что может разрушать духовные, ценностные основы личности, общества и государства.

---

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». – https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html

[2] Цит. по: В России утвержден список духовно-нравственных ценностей. – http://www.pravmir.ru/v-rossii-utverzhden-spisok-duhovno-nravstvennyih-tsennostey/

[3] Проект Основ государственной культурной политики РФ. – http://state.kremlin.ru/face/21027

[4] Проект документа «Образовательная концепция Русской Православной Церкви». – http://www.patriarchia.ru/db/text/4396010.html

[5] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2008.

НАУКА И ОБЩЕСТВО

Бородай И.С.[1]

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПТИМИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *информационно-библиотечное обеспечение, информационно-коммуникационные технологии, оцифровка фонда, интеллектуальный продукт, база данных.*

Keywords: *informative & librarian software, informative and communicate technologies, fund digitization, intellectual product, database.*

Современный этап развития общества характеризуется интенсификацией глобализационных процессов и существенным увеличением роли информационно-коммуникационных технологий. Возможность свободного распространения знаний в глобальном информационном пространстве создает предпосылки для изменения концептуальной парадигмы системы документальных коммуникаций. Один из подходов к разработке новой парадигмы основывается на феномене открытого контента, под которым понимают любые интеллектуальные продукты (текстовые документы, мультимедийные материалы, компьютерные программы), представленные в Интернете. Совокупность проектов открытого библиотечного контента образует сетевую самоорганизующуюся среду, представляющую целостную систему производства, переработки, творческого осмысления и использования банка информации, накопленной человечеством за всю его историю[2].

Открытый контент возник в развитых странах мира как движение за коллективное создание и распространение интеллектуальных продуктов (знаний, информации, идей и др.). Он существует в виртуальной среде в виде открытых проектов: энциклопедий, web-журналов, научных публикаций, библиотек и др. Информация в электронной форме относится к открытому контенту, если находится в открытом доступе и защищена одной из публичных лицензий[3]. Примером открытого контента является проект оцифровки книг – Internet Archive, создаваемый Библиотекой Конгресса США, являющийся второй по масштабу после Google Books. В рамках проекта заключены договора по оцифровке коллекций целого ряда научных библиотек мира. Библиотека Конгресса США планирует разместить Internet Archive на своем web-сайте, а также предоставить его другим членам Open Content Alliance[4].

Национальная научная сельскохозяйственная библиотека Национальной академии аграрных наук Украины (ННСХБ НААН) – ведущий научно-информационный, образовательный центр, выполняющий функции специализированной отраслевой библиотеки общегосударственного значения (Постановление Кабинета Министров Украины №1697 от 29 октября 2003 г. «Про образование ГНСХБ УААН»); национального депозитария документов по вопросам сельского и лесного хозяйства. ННСХБ НААН также является главным научно-методическим и координационным центром единой системы сельскохозяйственных библиотек Украины, реализующим государственную программу увеличения эффективности информационно-библиотечного и научного обеспечения отечественного агропромышленного производства[5].

Одной из основных задач ННСХБ НААН является изучение опыта инновационного информационно-библиотечного обслуживания ведущих стран мира, его адаптация к требованиям отечественной аграрной отрасли в условиях евроинтеграции и разработка нормативно-методической документации; оптимизация системы организации научно-консультационного и информационного обеспечения научных сотрудников и специалистов аграрной отрасли с учетом перспективных направлений научных исследований и евроинтеграционных процессов; создание на базе библиотеки национального отраслевого научно-информационного ресурса, интегрированного в международные базы сельскохозяйственной информации.

Современные информационные технологии, представленные в ННСХБ НААН, позволяют преобразовывать накопленную информацию в электронную форму и создавать новые виды информационных ресурсов. Это обеспечит, в первую очередь, сохранение информации фонда изданий, опубликованных в XIX в. по сельскохозяйственной темати-

---

[1] Бородай Ирина Сергеевна – д.и.н., профессор, зав. отделом документного обеспечения и сохранения научных фондов Национальной научной сельскохозяйственной библиотеки НААН Украины. E-mail: irinaboroday@online.ua

[2] Ісаєнко О. Комплексне інформаційне обслуговування віддалених користувачів НБУВ: концепція, регламентувальна документація / О. Ісаєнко, Н. Каліберда // Вісник Книжкової палати. 2012. – № 11. – С. 1–5.

[3] Редькина Н.С. Цифровые библиотеки: опыт США // Библиосфера. 2008. – № 1. – С. 57–63.

[4] Стрішенець Н. Бібліотека Конгресу США: основні етапи розвитку // Бібліотечний вісник. 2000. – № 5. – С. 42–47.

[5] Вергунов В.А. Державна наукова сільськогосподарська бібліотека УААН: історія і сьогодення. – К.: Аграрна наука, 2007. – 480 с. – (Іст.-бібліогр. сер. «Аграрна наука України в особах, документах, бібліографії»; кн. 20).

ке ННСХБ НААН, который является национальным достоянием и включает ценные коллекции отечественных и иностранных сельскохозяйственных книг и периодических изданий 1802–1900 гг.

Основой формирования интегрированного отраслевого информационного ресурса библиотеки является более чем двадцатимиллионный документально-информационный потенциал, сформированный фондами ННСХБ и 210 библиотечными учреждениями, среди которых 76 библиотек отраслевых научно-исследовательских учреждений и 134 образовательных заведений системы НААН и Министерства аграрной политики и продовольствия Украины. Более 1 млн экземпляров отечественных и иностранных книг, журналов и газет XIX–XXI вв. по сельскохозяйственной тематике из 59 стран на 32-х языках мира принадлежат ННСХБ.

Информационная деятельность библиотеки проводится по следующим направлениям: формирование собственных электронных информационных ресурсов, создание электронной библиотеки и архива открытого доступа; развитие онлайновых (отдаленных) форм обслуживания пользователей библиотеки; интеграция и глобализация библиотечных информационных ресурсов. Информационные ресурсы библиотеки имеют свои особенности, влияющие на процессы их формирования, обеспечения доступности; являются формой непосредственного вовлечения науки в состав производительных сил. В ННСХБ активно и планомерно формируются собственные электронные ресурсы: электронный каталог, электронная картотека статей, библиографические базы данных, полнотекстовые электронные коллекции, состоящие из оцифрованных изданий, электронные документы, полученные через службу электронной доставки, электронная научная библиотека и др.

Сегодня электронный каталог насчитывает более 400 тыс. библиографических записей. Почти весь документный контент ННСХБ представлен в электронном виде через электронный каталог «УкрАгротека», сформированный согласно приказу Президента Украины «О неотложных мероприятиях развития библиотек» от 22 марта 2000 г. № 490/2000 и защищенный соответствующим свидетельством Госдепартамента интеллектуальной собственности Украины в 2010 г. Электронный каталог формируется при использовании системы автоматизации библиотек (САБ) «Ирбис», обеспечивающей исполнение основных производственных библиотечных процессов.

Электронный каталог является методическим и практическим фундаментом для формирования электронной научной библиотеки ННСХБ, создание которой началось в 2011 г. Электронная библиотека представляет собой политематическую базу данных распределенных электронных ресурсов: оцифрованных заимствованных и собственной генерации. Электронная библиотека является интегрированной информационной системой, включающей депозитарий и активный фонд, каталог электронных ресурсов, пользовательский интерфейс, комплекс аппаратно-программных средств, обеспечивающих эффективную навигацию в ресурсах, долгосрочное сохранение и оперативный доступ к ним. С 2015 г. «УкрАгротека» включена в перечень международных научно-технических баз данных и справочных ресурсов по вопросам сельского хозяйства и смежных наук, к которым имеется свободный доступ в Интернете, гарантирующий ее эффективное использование. Помимо этого сайт библиотеки обеспечивает возможность доступа к другим электронным ресурсам, представленным в формате виртуальных выставок, информационно-аналитических, научных и библиотековедческих ресурсов.

ННСХБ НААН также обеспечивает доступ к отдельным полнотекстовым электронным базам документов аграрной тематики ведущих стран мира. На современном этапе особое внимание уделяется корпоратизации и кооперации библиотек отраслевых научно-исследовательских учреждений и образовательных заведений системы НААН и Министерства аграрной политики и продовольствия Украины в направлении формирования единого информационного пространства. Библиотекой инициировано несколько корпоративных проектов, в частности по выявлению иностранных сельскохозяйственных изданий в фондах ННСХБ и ее сети, обеспечению их доступности. Данный проект реализуется через библиографическую серию «Иностранная сельскохозяйственная книга в фондах ННСХБ НААН Украины и научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений аграрного профиля Украины», основанную в 2008 г. Участниками этого проекта являются более 20 научных сельскохозяйственных библиотек Украины. Результат первого этапа его реализации – подготовленные и изданные при поддержке дипломатических представительств зарубежных стран и международных организаций научно-вспомогательные указатели: «Польская книга в фондах ННСХБ НААН и других сельскохозяйственных библиотек Украины», «Французские сельскохозяйственные издания в фондах ННСХБ НААН и других сельскохозяйственных библиотек Украины», «Чешские сельскохозяйственные издания в фондах ННСХБ НААН и других сельскохозяйственных библиотек Украины» и др.[1] На данном этапе формируются научные библиографические указатели других иностранных сельскохозяйственных изданий, в частности румынских, итальянских, испанских, венгерских, словацких, болгарских и др.

Целью другого корпоративного проекта является создание единого электронного ресурса фонда изданий, опубликованных в XVII–XIX вв. по сельскохозяйственной тематике ННСХБ, хранящихся в библиотеках научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений аграрного профиля Украины, создание их отдельной электронной базы. Участниками данного проекта являются 42 научные библиотеки системы Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, а также НААН Украины.

Один из корпоративных проектов направлен на воспроизводство национальной сельскохозяйственной библиографии. Данное направление представлено 13 биобиблиографическими сериями, основанными на базе ННСХБ, в частности «Биобиблиография ученых-аграриев Украины», «Академики Национальной академии аграрных наук Украины», «Члены-корреспонденты Национальной академии аграрных наук Украины» и др.

[1] Вергунов В.А. Державна наукова сільськогосподарська бібліотека УААН: історія і сьогодення. – К.: Аграрна наука, 2007. – 480 с. – (Іст.-бібліогр. сер. «Аграрна наука України в особах, документах, бібліографії»; кн. 20).

Международная кооперация ННСХБ НААН с Дебреценским университетом (Венгрия), Саболч-Сатмар-Бережской региональной организацией венгерских библиотекарей, Белорусской сельскохозяйственной библиотекой предусматривает: обмен научной информацией и информационными изданиями; организацию и проведение научных и маркетинговых исследований; проведение общих конференцией, семинаров; общий поиск европейских грантов; обмен опытом; проведение общих исследований в сфере библиотечного маркетинга и оценки качества работы библиотек и библиотекарей.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что современный этап обозначился существенным увеличением роли информационно-коммуникационных технологий в жизни общества. Возможность свободного распространения знаний в глобальном информационном пространстве создает предпосылки для изменения концептуальной парадигмы системы документальных коммуникаций. Кардинальное улучшение информационного сервиса ориентируется на создание единого научно-информационного пространства. Магистральное направление решения этой проблемы – корпоративное формирование системы отраслевых и региональных научно-информационных Интернет-порталов на основе общих усилий библиотек, информационных центров, научных учреждений и учебных заведений. Значение ключевых компонентов единого научно-информационного пространства приобретают объединенные телекоммуникационными сетями научные электронные библиотеки. На базе ННСХБ НААН создан национальный отраслевой научно-информационный ресурс, интегрированный в международные базы сельскохозяйственной информации.

Водичев Е.Г.[1]

РЕФОРМЫ В НАУКЕ: НУЖЕН ЛИ НОВЫЙ БАЗОВЫЙ ЗАКОН?

Ключевые слова: *наука, закон о науке, научная деятельность, инновации, реформы в науке, научное сообщество.*
Keywords: *science, Law on Science, innovations, R&D, reforms in R&D, academic community.*

Одной из постоянно реформируемых на протяжении практического всего постсоветского периода российской истории сфер деятельности является сфера науки. Мотивация столь активного внимания со стороны властей именно к науке вполне очевидна – все разговоры о выходе на траекторию экономического роста и обретения страной места среди лидеров глобального мира, так или иначе, сводятся к тезису о необходимости отказа от исключительно сырьевой ориентации национальной экономики, о её структурной перестройке и резком повышении эффективности на основе ускорения инноваций, научно-технических и технико-технологических нововведений. Естественно, что это не представляется возможным без оптимизации институциональной основы научной деятельности, тем более что Россия унаследовала от СССР весьма развитую научную отрасль, а сам СССР по праву входил в число государств, лидирующих по ряду направлений фундаментальных и прикладных (главным образом – оборонных) исследований в мировой науке.

Действующий к настоящему времени Федеральный Закон «О науке и государственной научно-технической политике» (№ 127-ФЗ) был принят двадцать лет назад, в августе 1996 г.[2] Несомненно, что с того времени произошли существенные изменения как внутри страны, так и во внешнем контексте, значение которого для реформирования институциональной базы любой сферы деятельности также нельзя недооценивать. Об этом говорит хотя бы тот факт, что с момента принятия этого закона в него были внесены многочисленные поправки и дополнения. Список изменяющих законов впечатляющ и насчитывает почти двадцать позиций.

К тому же, в стране постоянно реформировались отдельные области приложения Закона о науке. С начала нового тысячелетия (и прихода к власти администрации В.В. Путина) ведущими направлениями реорганизации инновационного комплекса стали реформы Российской академии наук, системы высшего профессионального образования в её отношении к исследованиям и разработкам, а также формирование институциональной платформы для обеспечения инноваций и трансферта технологий.

Концепция участия государства в управлении научно-исследовательскими организациями была сформулирована еще в 2004 г. Её реализация должна была привести к приватизации ряда НИУ и общему сокращению институтов, находящихся в ведении государства как минимум на порядок уже к 2008 г., что означало одновременное сокращение общих затрат на их содержание. Реализация концепции должна была пройти под лозунгом повышения эффективности научных организаций, но встретила мощное сопротивление со стороны большей части академического сообщества, противодействовавшего насаждению бюрократической культуры управления в науке.

После долгих и мучительных коллизий, несмотря на продолжающееся сопротивление РАН давлению со стороны властей, реформа Академии наук всё же состоялась. Финальный аккорд прозвучал в сентябре 2013 г., когда Госдумой РФ был принят Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В кратчайшее время он получил одобрение Федерального собрания и тотчас был подписан президентом[3]. РАН получила статус федерального государственного бюджетного учреждения, а правительство оставило за собой все полномочия учредителя и собственника государственного имущества РАН.

Вскоре после этого при правительстве было сформировано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), в ведение которого перешёл весь имущественный комплекс Академии наук, включая научно-исследовательские институты. Отныне именно ФАНО стало главным «управляющим активами» академического комплекса и вершителем судеб институтов, поскольку от его решений зависело назначение директоров. Грантовая система финансирования научных исследований оказалась в ведении Российского научного фонда. По мнению многих экспертов, Академию наук отстранили не только от управления материальными активами и финансовыми потоками, но она потеряла и ряд важнейших рычагов влияния на направления научных исследований.

Наряду с этим, был утверждён план реструктуризации академических институтов, в результате реализации которого их количество должно существенно сократиться за счёт ликвидации «неэффективных» учреждений и объеди-

[1] Водичев Евгений Григорьевич – д.и.н. гл.н.с. Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, профессор Новосибирского государственного технического и Томского государственного национального исследовательского университетов. Область научных интересов: история и социальные проблемы науки, научно-техническая политика, регионалистика, социально-экономическая география. E-mail: VodichevEG@ipgg.sbras.ru

[2] http://monm.rk.gov.ru/rus/info.php?id=608019

[3] См. Российская газета. – http://www.rg.ru/2013/09/27/ran-site-dok.html

нения других, в том числе и разнопрофильных НИУ. Введена в действие система оценки научных организаций, также не приведшая к консенсусу в научном сообществе, изменён порядок замещения научных должностей, внесены коррективы в систему присуждения учёных степеней и званий.

Цели, которые при этом преследовались, не отличались оригинальностью. Реструктуризация, по словам представителей ФАНО, должна повысить востребованность разработок учёных для технологической модернизации экономики и реализации крупных проектов, а также запустить «принципиально новые направлений исследований, в том числе междисциплинарных или трансдисциплинарных»[1]. Пока же многие исследователи и эксперты отмечают резко возросший уровень бюрократизации в науке и на порядок увеличившиеся число «отчётных бумаг», несмотря на то, что одной из целей провозглашалась концентрация исследователей именно на научной работе и уменьшение различного рода отчётности.

Очевидно, что практически с самого начала 1990-х гг., когда некоторое время среди властей доминировал тезис «об избыточности науки в России», и вплоть до настоящего времени между представителями академического сообщества и власти сохраняются существенные разногласия в понимания содержания и формы имплементации реформ в науке. Преодолеть их пока не удаётся, о чём свидетельствует отношение к текущим реформам со стороны РАН. Немало вопросов ставят и те, кто работает в других институциональных сегментах научной деятельности.

На фоне продолжающейся организационной активности ныне дошла очередь и до реформирования базовых принципов нормативно-правового регулирования науки в целом, а также её взаимодействия с государством, промышленностью и бизнесом. Всё это воплотилось в разработке нового закона о науке. К настоящему времени в правительстве подготовлена Концепция закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации»[2], который призван заменить действующий закон «О науке и государственной научно-технической политике». В данном тексте мы коснёмся лишь наиболее существенных, по нашему мнению, проблем методологического характера, связанных с этой Концепцией, оставляя в стороне ремарки, относящиеся к её конкретным положениям.

Насколько можно понять из анализа текущей ситуации, новый закон о науке разрабатывается именно как правительственный, т. е. инициатива исходит непосредственно от органов власти и ими же фиксируются основные положения данного законопроекта. Последнее обеспечивает преемственность базовых методологических подходов, которых придерживаются ключевые разработчики нового законодательного акта. Уже это обстоятельство вряд ли может порадовать представителей научного сообщества, которые оказываются в роли пассивных реципиентов институциональных изменений, хотя могли бы рассчитывать на роль его акторов и бенефициаров. Также несложно представить, что в проекте закона вновь будут содержаться тезисы, которые с большой долей вероятности вызовут несогласие и возражения в научном сообществе.

Анализ текста Концепции это подтверждает. Даже на первый взгляд становятся очевидными некоторые проблемные точки, которые в будущем могут не улучшить, а осложнить ситуацию в научной сфере. С методологической точки зрения возражение вызывает уже само название нового закона, которое объединяет воедино разноуровневые понятия. Научно-техническую и инновационную деятельность логично рассматривать как производные от собственно научной деятельности. В науковедении последняя обычно интерпретируется как интеллектуальная деятельность, направленная на получение и применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, а также для обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы[3]. Иными словами, научная деятельность включает в себя все формы и методы работы по получению научного знания, его организации, функционированию, хранению и распространению. Таким образом, позиционировать научно-техническую и инновационную деятельность как рядоположенные с научной деятельностью в базовом законе как минимум нелогично.

Нелогично и акцентировать именно эти два связанных с наукой вида деятельности (научно-техническую и инновационную деятельность) в названии закона, оставляя «за кадром» многое другое. Например, это относится к экспертной функции науки, о которой так много и справедливо говорят в последнее время, или же к функции научно-обоснованного технологического и управленческого консалтинга. Можно привести и немало других примеров. Все эти сферы деятельности потеряны и в содержательной части нового закона.

Можно привести и еще одно возражение методологического характера. На наш взгляд, науку нельзя сводить лишь к понятию «научная деятельность», даже в самом широком её толковании. С точки зрения социологии науку следует рассматривать как особый социальный институт, который формализует, нормирует и организует все виды и формы существующей в обществе деятельности по производству научных знаний, их включению в существующий корпус науки как системы знаний, а также по их преобразованию к практическому использованию[4]. Таким образом, понятие «социального института науки» шире, чем понятие «научная деятельность». На наш взгляд, базовый закон о науке должен относиться как раз к более широкому, а не к частному понятию.

Вместе с тем, каждый из конкретных видов деятельности, которые в целом охватываются понятием «научная деятельность», имеет свою специфику. Это совершенно очевидно прослеживается на примере такого понятия, как инновационная деятельность. Дистанция между фундаментальными исследованиями и инновационной деятельностью

---

[1] http://www.rg.ru/2015/10/21/medvedev.html

[2] http://минобрнауки.рф/документы/7894/файл/7100/1.pdf

[3] http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/25592

[4] Мы имели возможность высказать свою точку зрения на этот счет более подробно в монографии Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. – Новосибирск: Гео, 2013. – С. 7–21.

весьма широка как по характеру работы, так и по формам организации и механизмам управления. В равной мере это относится и к экспертизе, и к консалтингу. Всё это говорит о том, что закон о науке должен носить рамочный характер, постулируя лишь наиболее общие принципы, относящиеся к функционированию науки как общественного института. На наш взгляд, специфические аспекты регулирования отдельных видов научной (в широком понимании) деятельности должны определяться специальными нормативными актами.

В то же время Концепция закона страдает и парадоксальной генерализацией понятий. В частности, в ней речь идёт о науке вообще, и отсутствует выделение категорий фундаментальных и прикладных исследований, каждая из которых имеет очевидную специфику. Можно предположить, что этот факт сам по себе вызовет отторжение со стороны сообщества РАН, большая часть которого занята именно фундаментальными исследованиями. Некоторым оправданием представленного в Концепции подхода является то, что в современной науке грани между этими двумя видами научной деятельности постепенно стираются, но всё равно они пока остаются ещё достаточно очевидными. К тому же, не стоит забывать и о сложившейся в российской науке традиции.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Концепция продолжает долговременный тренд в реформировании науки. Всё, что касается особенностей фундаментальных исследований, постепенно отступает на второй план. Сам дух Концепции со всей очевидностью пронизан акцентами в пользу создания наиболее благоприятных условий для коммерциализации научной деятельности и практического использования её результатов в реальном секторе экономики. Однако, как очевидно всем, непосредственно работающим в науке, прикладные исследования и разработки всегда базируются на результатах фундаментальных исследований, имеющих не столько практическую, сколько теоретическую, общегуманитарную ценность. Представляется, что сегмент фундаментальной науки, институционально представленный в России, прежде всего, совокупностью академических институтов, в Концепции явно недооценивается. Возможно, это связано с тем обстоятельством, что финансирование фундаментальных исследований – это, как правило, прерогатива государства, а государство в России постоянно стремится снизить финансовое бремя по обеспечению научных исследований, пытаясь переложить его на плечи бизнеса. Однако до сего времени такая политика не увенчалась особыми успехами.

Вышеизложенное позволяет вернуться к вопросу, поставленному в заголовке данной статьи: нужен ли в настоящее время новый закон о науке? На наш взгляд, он заслуживает утвердительного ответа. Да, такой закон необходим, потому что он должен стать основой институциональной платформы для развития всей сферы науки в изменившихся социально-экономических условиях.

Но нужен ли именно такой закон, который предписывается ключевыми методологическими положениями обнародованной Концепции? Вероятно, нет, поскольку он вряд ли способен улучшить условия для генерации, хранения, тиражирования и использования нового знания в стране по сравнению с теми, которые определяются действующим законодательным актом. В некотором смысле, проектировки закона, напротив, создадут нормативные коллизии, в них имеются существенные лакуны. К тому же, положения Концепции оставляют место для множественных толкований. Ещё раз подчеркнём, что, по нашему мнению, базовый закон о науке должен носить рамочный характер, оставляя возможности для его дополнения совокупностью специальных законодательных и нормативных актов (об инновационной деятельности, об экспертной деятельности и т.п.), которые в итоге сформируют единую институциональную базу науки.

Важно отметить и тот факт, что если Концепция новой версии закона о науке будет пролоббирована правительством без дальнейшего обсуждения и внесения в него корректив с учётом позиции научного сообщества и гражданского общества в целом, то это вряд ли приведет к гармонизации отношений академического сообщества и властей. Снизить уровень напряженности и привести к согласованию интересов можно лишь при условии совместной конструктивной работы. От этого во многом будет зависеть статус науки в российском обществе и возможность достижения тех целей, на которые и направлено законодательство о науке.

Игнатова Т.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
tignatova@uriu.ranepa.ru
Марадудина В.Ф.
к.э.н., преподаватель Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
ectheory@uriu.ranepa.ru

УЧАСТИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТАМИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: *Государственно-частное партнерство, публичное управление, управление проектами, государственный сектор, частный сектор, институты науки.*

Keywords: *Public-private partnership, public management, project management, public sector, private sector, research institutions.*

Совершенствование системы публичного управления, повышение эффективности функционирования ее составляющих – субъектов, объектов и связующих процессов между ними, – является объективным фактором, формирующим социально-экономическую стабильность страны. Важнейшей задачей модернизации публичного управления является построение системы взаимодействия государственного и частного секторов на основе партнерских отношений. Исходя из специфики данного сотрудничества, взаимоотношения партнеров в каждом случае уникальны, поскольку осуществляются в рамках отдельного проекта, успех которого взаимообусловлен согласованностью действий власти и бизнеса. В этой связи значимой научной и прикладной задачей является разработка методологии публичного управления проектами государственно-частного партнерства как одного из важнейших инструментов модернизации взаимоотношений между его участниками (государства, частного инвестора и общества как потребителя результатов ГЧП-проекта), а также формирования и поддержания сбалансированного экономического роста.

Однако реализация государственной политики развития партнерства власти и бизнеса сталкивается со множеством трудностей. Нами установлены следующие основные проблемы, препятствующие ее проведению и активизации комплементарного взаимодействия публичного и частного секторов, обеспечивающих устойчивость обновления парадигмальных основ публичного управления проектами.

В первую очередь к ним относится отсутствие четкого определения роли научного сообщества в публичном проектировании. Данную ситуацию можно рассматривать с нескольких сторон, поскольку представители науки могут быть участниками партнерства, обеспечивать кадровый потенциал или непосредственно участвовать в публичном управлении проектами. Хотя одним из векторов инновационного развития, определенных государством, является инвестирование средств в человеческий капитал и преодоление слабого взаимодействия науки с публичным и частным секторами, интегрированная экономическая система, предполагающая активное взаимодействие указанных субъектов, до конца еще не сформирована. Между тем, как показывает мировая практика, высший уровень конкурентоспособности присущ странам, большую долю внутреннего валового продукта в которых занимает продукция высоких технологий. В этой связи трансформация системы взаимовыгодных отношений представителей государства, науки и бизнеса является значимым фактором создания конкурентоспособного человеческого капитала и практического осуществления экономических изменений посредством оптимизации процесса кооперационного согласования управленческих задач.

Исследуя конкурентоспособность российской экономики, профессор М. Портер включает в перечень уникальных возможностей нашей страны улучшение инновационной политики, упрощение административных правил в части создания технологических парков и поддержку кластерного развития территорий вокруг университетов[1]. Данный подход соприкасается с точкой зрения основателя теории «тройной спирали» Г. Ицковица, суть которой заключается в том, что студенты образовательных учреждений выступают «драйверами модернизации»[2], способными генерировать новые идеи. При этом по данным ООН Россия относится к странам с высоким уровнем Индекса развития человеческого потенциала (Human Development Index)[3].

---

[1] Porter M.E. Russian Competitiveness: Where do we stand? / U.S.-Russian Investment Symposium. – Boston (Mass.), 2003. – P. 36.

[2] Литвинова А. Ученые не нашли катализатора для инновационной экономики. – http://www.rbcdaily.ru/politics/562949979256628

[3] Human Development Report 2014 / United Nations Development Programme. – New York, 2014. – 22 p. – http:// hdr.undp.org; Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index) – комбинированный показатель, характеризующий развитие человека в странах и регионах мира. Ежегодно рассчитываемый показатель отражает достижения страны в сферах образования, состояния здоровья и фактического дохода ее граждан (которые, в свою очередь состоят из индекса образования, индекса ожидаемой продолжительности жизни и индекса валового национального дохода). В 2013 г. Россия занимает 57 место в рейтинге стран, составленном исходя из индекса развития человеческого потенциала.

Министерство образования Великобритании в документе «Будущее высшего образования»[1] особо подчеркивает роль образовательных учреждений в качестве общественного лидера, их культурный и социальный вклад. В нем внимание акцентируется на том, что базирующаяся на знаниях экономика нуждается в эффективном обмене знаниями между бизнесом и образовательными учреждениями, поскольку от этого зависят конкурентоспособность и улучшение качества жизни населения страны.

«Модернизация и инновация – пустой звук без инвестиций и кадров», – подчеркивает А.Г. Аганбегян[2]. Анализируя факторы, обеспечивающие надлежащий уровень осуществления модернизационной стратегии, профессор А.Д. Артамонов выделяет следующие условия для успешного технологического прорыва: высокий уровень образованности даже работников среднего звена; качественную инфраструктуру обмена информацией и технологиями между отраслями народного хозяйства; эффективную систему внедрения научно-технических достижений в производственную сферу и серьезный внутренний спрос на высокотехнологичные товары[3].

Следовательно, развитие науки и образования в ближайшей перспективе должно проходить в соответствии с принципами инновационной экономики: разработка и использование современных технологий для производства высокотехнологичной продукции, а также становление самореализации и развитие конкурентоспособного человека, креативного работника. Повышение уровня конкурентоспособности человеческого капитала невозможно без создания системы ценностей для каждого индивида, формирование которой предполагает наличие способности к обновлению знаний и умению их применять.

С этой целью, а также для всестороннего удовлетворения образовательных потребностей граждан, общества и государства законодателем предоставлена возможность получения дополнительного профессионального образования (далее – ДПО) с помощью программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки[4].

Необходимость получения ДПО обусловлена потребностями рынка, для которого важно непрерывное развитие человеческого потенциала, обладающего возможностью обеспечить реализацию текущих и перспективных планов социально-экономического развития. Система ДПО оказывает действие на рынок труда, позволяя вовлечь в трудовой процесс все население соответствующего возраста. Создание данной системы – одно из центральных направлений государственной политики развития образовательных программ вузов.

Примером использования возможностей ДПО может служить Президентская программа повышения квалификации инженерных кадров, утвержденная указом Президента РФ 7 мая 2012 г., в соответствии с которой в течение трех лет на базе образовательных учреждений с участием исследовательских и инжиниринговых центров повысят квалификацию не менее 15 тыс. специалистов инженерно-технического профиля. При этом стажировки в России пройдут не менее 4,5 тыс. человек, за рубежом – не менее 2 тыс. На реализацию данной программы государством выделено 200 млн. руб. Софинансирование предприятий составило не менее 90% от этой суммы. Такие затраты оправдывают себя, поскольку позволяют повышать компетенции, требующиеся для технологической модернизации производства. Согласно исследованию МГТУ «Станкин» и Союза машиностроителей, более 90 предприятий стратегических отраслей промышленности и оборонно-промышленного комплекса готовы ежегодно направлять своих специалистов на повышение квалификации, а не раз в 5 лет, и софинансировать их обучение[5].

Представляется, что определение высшим руководством страны приоритетных направлений развития науки, техники и технологии скорректирует имеющуюся на данный момент тенденцию снижения количества специалистов в данных отраслях, в том числе за счет осуществления профориентационной работы самими образовательными учреждениями, повышения престижа рабочих профессий, субсидирования заработной платы начинающим трудовую деятельность выпускникам профтехучилищ, учреждений среднего и высшего профессионального образования. В контексте модернизационных преобразований умение приобретать, обновлять и применять знания является средством труда, без которого невозможно становление новой экономики.

Установление системы сотрудничества науки и бизнеса – объективная необходимость, поскольку «наши конкурентные преимущества, как и во времена СССР, заключены главным образом в науке и образовании, т. е. в отраслях, в развитии которых большая роль принадлежала государству»[6]. Однако важно учитывать, что модернизация публичного управления, составной частью которой является построение системы взаимодействия науки, власти и бизнеса, ориентирована на практический результат, а не на процесс. Поэтому в рамках всех отраслей экономики и регионов должна быть четко определена цель производимых изменений в рамках проекта, в соответствии с которой осуществляется взаимодействие между указанными субъектами и желаемый результат проекта.

Если рассматривать ее как вершину дерева целей проекта, то подцелями проекта должны быть конкретные итоги экономических преобразований каждого хозяйствующего субъекта в рамках определенного региона (отрасли).

---

[1] Clarke Ch. The future of higher education / The State for education and skills by command of her Majesty. – Norwich, 2003. – P. 36–37.

[2] Аганбегян А.Г. Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2010. – № 1. – С. 53.

[3] Артамонов А.Д. Формирование системы критериев эффективности государственного и муниципального управления: автореф. … дис. …д. экон. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 9.

[4] Данная норма закреплена ст. 26 ФЗ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (текст документа впервые опубликован в Российской газете. 1992. № 172), а также ст. 76 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, действующего вместо Закона № 3266-1 с 1 сентября 2013 г. – http://www.pravo.gov.ru

[5] Инженерные кадры пока в дефиците // Академия. 2013. – № 8. – С. 1.

[6] Черкасова Т.П., Мамонтова Ю.П. Технологический путь развития мировой экономики и возможности инновационного роста России // Социум и власть. 2011. – № 3 (31). – С. 98.

Учитывая федеративное устройство страны, целесообразно формировать подытоги в контексте каждого субъекта России, распределяя их по более мелким, локальным территориям.

Описание отдельной подцели проекта как минимум должно содержать:

- название;
- предназначение разрабатываемой продукции/конкретной цели деятельности учреждаемой организации и т.д.;
- изложение основных работ (услуг, товаров), которые будет предоставлять/изготовлять данное предприятие;
- определение целевых рынков и ниши, занимаемой новой продукцией/организацией на них;
- технико-экономическое обоснование проекта. В том числе оценку финансового положения юридических и физических лиц – участников данного проекта, а также возможность получения государственной финансовой помощи и ее предполагаемую величину;
- представление нескольких вариантов путей достижения целей проекта (реализации самой подцели);
- перечень мероприятий, необходимых для реализации проекта (скорее примерный, поскольку конкретные действия субъектов, выполняемые при непосредственном осуществлении проекта, будут зависеть как от внешних, так и от внутренних факторов. Это свидетельствует о необходимости приспособления реализуемых в рамках проекта мероприятий к конкретной экономической ситуации, отталкиваясь от действующих условий и задач, решение которых требуется в ближайшем временном периоде).

Иными словами, описание подцели охватывает наиболее существенные показатели бизнес-плана проекта, но без подробностей, дабы не дублировать его содержание. Детерминированный бизнес-план – важнейший элемент, играющий ключевую роль в формировании положительного результата относительно участия хозяйствующего субъекта в проекте. Учитывая, что реализация задач государственной социально-экономической политики предполагает осуществление масштабных инвестиций, проект (в нашем случае – подцель) должен содержать реальные и конкретные данные о технико-экономическом обосновании с аргументированием ожидаемой нормы доходности, представлять экономический интерес для предпринимательства. Совершенно очевидно, что участие коммерческого сектора в реализации проектов предполагает предоставление значительных государственных преференций, либо формирование, согласно теории Г. Марковица[1], портфеля инвестиций, оптимального по соотношению уровней доходности и риска.

Использование дерева целей, по сути, представляет собой отражение стратегии (основная цель) и тактики (подцели) публичного управления проектами. Схематичное изложение основных целей позволяет трансформировать стратегические цели модернизации в систему конкретных плановых задач, предполагаемых к выполнению в соответствующие плановые периоды. Подчеркнем, что для оптимального использования потенциала научного сообщества в системе инструментов публичного проектирования, необходимо четко определить его роль и возможности как участника данного процесса.

Так, если разработка новой продукции осуществляется частным предпринимательством, привлечение научного сообщества к реализации проекта полезно на этапах определения целевых покупателей (потребителей), технико-экономического обоснования проекта, выявления оптимальных путей достижения результата в максимально короткие сроки, разработки конкретных мероприятий по реализации проекта. Данная точка зрения подтверждена результатами опроса представителей бизнеса, согласно которому 42,7% респондентов видят роль науки в развитии теоретического и прикладного знания для инноваций, 40,5% считают, что ученые должны участвовать в разработке инноваций и последующих консультациях при их внедрении в производство. Более половины опрошенных (58,1%) отмечают большой потенциал и способность науки создавать интеллектуальные продукты для прорыва в технологиях и в теоретическом, и в прикладном плане. При этом 25,2% респондентов готовы финансировать реализуемые совместно с научным сообществом проекты[2].

В то же время к числу факторов, препятствующих взаимодействию бизнеса и науки, относят длительность разработки проекта научным сообществом. Для прагматично настроенного коммерческого сектора длительность в данном случае равносильна упущенной выгоде, поскольку основной задачей для российских бизнесменов в настоящее время является сохранение жизнеспособности и достижение оптимального уровня рентабельности. Между тем, по данным исследования PricewaterhouseCoopers исследованиями, разработками и инновациями во всем мире на равных основаниях планируют заниматься или уже занимаются 86% руководителей. Однако в России 17% российских руководителей признались, что не готовы к этому. К примеру, в Китае отсутствуют компании, не готовые к исследованиям и разработкам, а в Западной Европе и США их всего 10 и 9% соответственно. Положительным моментом является количество российских руководителей готовых отчасти и хорошо готовых к инвестированию разработок и исследований – 78% опрошенных[3].

Кроме того, для привлечения специалистов требуемой квалификации необходим систематический обмен данными между предпринимателями, образовательными учреждениями и службой занятости (одной из функциональных единиц публичного управления). Посредством этого будет производиться своеобразный заказ на работников: на основании планируемых показателей функционирования предприятий, текучести кадров бизнес предоставляет информацию образовательным учреждениям (уточняя при этом не только количество сотрудников, но и требования к ним, т. е. – к качеству трудовых ресурсов; возможно, даже в части минимально необходимых практических навыков) и службе занятости. В данном случае нужна совместная работа представителей бизнеса и науки. Ведь построение эффективной

[1] Markowitz H. Portfolio Selection // The Journal of Finance. 1952. – Vol. 7, N 1. – P. 77–91.

[2] Модернизация к 2020 году: точка зрения бизнеса. – http://www.gosbook.ru/node/8778

[3] 17-й Ежегодный опрос руководителей крупнейших компаний мира (2014). – http://www.pwc.ru/ru/ceo-survey/17th-ceo-survey.jhtmll

системы сотрудничества власти, науки и предпринимательства невозможно без изменений в сфере образования, поскольку результатом деятельности образовательных учреждений выступают специалисты, являющиеся кадровым потенциалом как для публичного, так и для коммерческого секторов.

Отсюда прямая зависимость: реализация государственной социально-экономической политики требует появления стратегических инноваторов, «перезагрузки» образовательного процесса, направленной на сочетание прикладных знаний, глубина которых должна соответствовать масштабам происходящих изменений. Таким образом, преобладающим направлением реформирования системы взаимодействия научного сообщества с публичным и коммерческим сектором является формирование требований рынка к результатам образовательного процесса.

Наряду с этим необходимо оценить потенциал российской промышленности с точки зрения реального наличия ресурсов и возможностей для их эффективного использования в целях построения новой системы публичного управления. При анализе следует учитывать последствия советской экономической системы, характерной чертой которой является доминирование крупных монополизированных структур, применение технологий массового производства, эффективность которых достигается за счет масштаба и стандартизации выпускаемой продукции. В совокупности с отсутствием реального экономического интереса к внедрению достижений научно-технического прогресса это побуждает большинство субъектов коммерческого сектора продолжать движение в сторону сырьевой экономики.

Данная ситуация нашла свое отражение в теории неоднородности ресурсов Ю.В. Яременко, в соответствии с которой выпуск продукции можно обеспечить двумя способами: меньшим по величине применением высококачественных ресурсов (осуществление технического прогресса) или большим количеством их низкокачественных заменителей (применение уже достигнутых технологий, или даже их регресс)[1].

Согласно данным опроса, 90% бизнесменов считает, что без внедрения инноваций невозможно произвести конкурентоспособную продукцию, 85% отмечают более высокую производительность труда предприятий, использующих инновационные разработки[2]. Однако заинтересованность предпринимателей во внедрении новых технологий в производственный процесс пока остается невысокой. Этому способствует и естественное желание коммерческого сектора вкладывать инвестиции в те отрасли, в которых закреплены нормы поведения субъектов и имеется хорошо отлаженная экономическая модель. Таким образом, с точки зрения бизнеса вложение дополнительных инвестиций в новые технологии производства в традиционных отраслях экономики, где уже давно проработан производственный процесс, рационально лишь при наличии дополнительного механизма получения привилегий предпринимателями, использующими новые технологии.

Инвестирование в еще неовеществленные новации (исследования, разработки) сопряжено с большими рисками, типичными для любого инвестиционного проекта (риск проектирования/научно-технический риск, риск финансирования проекта, снижения финансовой устойчивости организации, нормативно-правового обеспечения и проч.). Поэтому на сегодняшний день в стране наиболее распространены предприятия – «имитаторы», фактически занимающиеся усовершенствованием базовых элементов, что нельзя определить как инновационную деятельность. По данным анализа Высшей школы экономики, наиболее успешными в условиях посткризисной модернизации России на международном рынке являются предприятия-имитаторы, затем инноваторы (способ производства инноваций у них – использование генерации знаний, реализация новых продуктовых инноваций для международного рынка преимущественно собственными силами) и фирмы, занимающиеся технологическим заимствованием[3].

Отсутствие экономического интереса представителей коммерческого сектора к «инновационному прорыву» негативно влияет на расходы бюджета страны, поскольку в данных условиях любые преобразования нуждаются в существенной финансовой поддержке государства. Следовательно, для достижения поставленных публичным управлением целей необходимо проанализировать причины низкой инновационной активности предпринимателей, от которой прямо зависит проведение неомодернизации, а также разработать и внедрить новую мотивационную систему с учетом полученных результатов. По нашему мнению, этот вопрос должен быть глубоко исследован. К его изучению необходимо подключить не только экономистов, но и психологов, PR-менеджеров и других специалистов, способных подойти к решению данной проблемы с разных сторон. Кроме того, наличие PR-менеджеров в команде должно обеспечить не только грамотное выстраивание, но и разработку мотивационной системы для масштабного привлечения предпринимателей и общества к участию в создании полноценной системы взаимодействия в рамках публичного проектирования.

Индифферентность непосредственных производителей, представляющаяся нам одним из важнейших факторов, обусловливающих медленный темп реализации модернизационных преобразований, равнодушие сотрудников предприятий коммерческого сектора отражают отношение общества к проводимым экономическим изменениям. Безусловно, тип хозяйственного развития, основополагающий ориентир которого – качественное социально-экономическое развитие, сменит имеющийся сейчас тип хозяйствования, и фактором устойчивого развития общества станет качество человеческого капитала. Однако при прочих равных условиях безразличие наемных работников к приоритетам развития, обозначенным властью, значительно замедляет процесс установления сотрудничества публичного и частного секторов в рамках публичного управления проектами.

Представляется, что оптимальной моделью взаимоотношений между публичным и частным секторами является государственно-частное партнерство, которое можно обозначить как эффективную форму взаимодействия власти,

---

[1] Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997. – 399 с.

[2] Модернизация к 2020 году: точка зрения бизнеса. – http://www.gosbook.ru/node/8778

[3] Гохберг Л.М., Кузнецова Т.Е., Рудь В.А. Анализ инновационных режимов в российской экономике: методологические подходы и первые результаты // Форсайт. – М., 2010. – Т. 4, .№ 3. – С. 22, 24.

науки и бизнеса, позволяющую наилучшим образом использовать инвестиционные, кадровые и инновационные возможности предпринимательства в целях осуществления общественно значимых проектов, находящихся, как правило, в сфере государственных и общественных интересов.

Отсутствие институциональной среды публичного проектирования, соответствующей вызовам настоящего времени, – один из факторов, препятствующих не только переходу российской экономики с инерционного на инновационный путь развития, но и созданию полноценной системы взаимодействия власти, бизнеса и общества. Институциональная среда экономики России в настоящее время представляет собой объединение отдельных (региональных, местных) институциональных сред, различия между которыми заключаются:

- в географическом положении и диапазоне территории, специализации региона, определяющих особенности транспортных издержек, приток/отток рабочей силы (трудовая миграция), технических требований к средствам труда (например, необходимость работы станка в условиях высокой или низкой температуры), возможности привлечения к сотрудничеству инвесторов, в том числе зарубежных;
- в наличии на территории региона научно-исследовательского учреждения, база которого позволяет организовать кластер, бизнес-инкубатор, реанимировать разрушенные прежде индустриальные зоны, в том числе моногорода, и т.п.;
- в локальных институциональных средах разнотипных «с точки зрения целевой функции (ориентация на развитие или выживание, традиционный или инновационный путь развития) и норм, регулирующих поведение хозяйственных субъектов (речь идет об укорененности экономических действий хозяйствующих субъектов в разных, слабо пересекающихся социальных сетях и в хозяйственной культуре данного региона)[1].

По мнению П. Маршана и И. Самсона, обширность территории России несет скорее отрицательное значение для комплексных экономических преобразований, поскольку происходящие изменения не затрагивают всю территорию, ее часть остается в стороне от новых веяний[2]. Следовательно, для социально-экономического развития страны необходимо понимание масштаба проблем, решение которых относится к компетенции каждого актора экономических отношений, а также круга вопросов, урегулирование которых предполагает взаимодействие общества, власти, науки и бизнеса.

В процессе научной дискуссии ученых РАНХиГС было выявлено, что проекты в сфере публичного менеджмента играют роль мегапроектов – целевых программ развития регионов, отраслей и других образований, включающих в свой состав ряд моно- и мультипроектов, т.е. мегапроект может быть охарактеризован как программа проектов – комплекс проектов, объединенных общей целью. Данная точка зрения полностью поддерживается авторами.

С учетом этого необходимо сформировать институциональную систему публичного управления проектами таким образом, чтобы она полностью встраивалась в стратегию государственной экономической политики, предполагающей, наряду с прочим:

- прогресс российского общества (общественное участие в публичной политике, построение гражданского общества);
- сохранение и развитие национальной культуры, духовных ценностей, являющихся основой консолидации российского общества;
- формирование механизма устойчивого развития, обеспечивающего четкое взаимодействие участников экономических отношений, результатом которого станет встраивание каждого субъекта страны в систему публичного управления, результатом деятельности которой является социально-экономическое благополучие всех регионов.

Преодоление коммуникационных проблем – важнейший фактор обеспечения практического осуществления макроэкономической политики, формирующий в совокупности с транспарентностью действий государственного сектора предпосылки устойчивого экономического развития. На основе указанных элементов происходит комплементарное взаимодействие публичного и частного секторов: государство посредством партнерства с наукой и предпринимательством получает возможность ускорения реализации задач государственной политики, сохранив устойчивость ценностных ориентаций общества и укрепив единство социально-культурного пространства страны.

[1] Курбатова М.В. Проблемы формирования институциональной среды постиндустриальной экономики в современной России // Журнал институциональных исследований. 2010. – Т. 2, № 1. – С. 57.

[2] Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 1. – С. 12.

Камнев А.Н.
д.б.н., в.н.с. биологического факультета МГУ
dr.kamnev@mail.ru

СТРАТЕГИЯ НТР РОССИИ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГИДРОБИОЛОГИИ В РОССИИ
(Часть первая)

Ключевые слова*: гидробиология, периоды развития гидробиологии, задачи гидробиологии, гидросфера, мировой океан, вода как объект исследований, стратегия развития гидробиологии, подготовка кадров*
Keywords*: hydrobiology, periods of development of hydrobiology, tasks of hydrobiology, hydrosphere, world ocean, water as an object of research, development strategy of hydrobiology, training.*

Установить точное время возникновения гидробиологической науки и понять, с чего начинается её история, – не простая задача. Точкой отсчёта может служить и выход монографии Ронделе Гийома «Всеобщая история рыб» (1554), и дата первого описания Ант. Ван Левенгуком микроскопических гидробионтов (1674) и многие другие значимые события, рассмотренные замечательными отечественными гидробиологами С.А. Зерновым (1921), Г.Г. Винбергом (1975), К.А. Виноградовым (1977), В.А. Абакумовым (1981), И.А. Киселёвым (1987), В.Е.Заикой (2003), а также А.А. Протасовым и М.Г. Карпинским (2011).

На наш взгляд, говорить о моменте возникновения гидробиологии как самостоятельной науки и отсчёта её истории можно лишь при наличии нескольких дополняющих друг друга фактов. Первое – введение в оборот, принятие и широкое использование научной общественностью термина, в данном случае «гидробиология». Второе – появление специализированных периодических изданий, связанных с вопросами гидробиологии. Третье – наличие собственной парадигмы, методов, предметов и объектов исследования у данной науки. Четвёртое – профессиональная подготовка специалистов-гидробиологов.

Известно, что первый гидробиологический журнал «Archiv fur Hydrobiologie und Planktonkunde» был основан О. Захариасом в 1906 г., второй – «Revue der gesamten Hydrobiologie und Hydrografie» – А. Вольтереком в 1908 г. Именно в это время в научной среде стал широко использоваться термин гидробиология.

В 1913 г. в Московском сельскохозяйственном институте (бывшей Петровской, а ныне Тимирязевской сельскохозяйственной академии) на факультете рыбного хозяйства была открыта кафедра гидробиологии. Её основателем был Л.С. Берг. В 1914 г. в Московской высшей рыбохозяйственной школе С.А. Зернов начал читать курс гидробиологии. В 1921 г. в Москве им же было основано «Общество исследователей воды и её жизни». В этом же году вышел первый номер «Русского гидробиологического журнала» под редакцией А.Л. Бенинга, а в МГУ начал читать свой курс по гидробиологии В.М. Арнольди. Наконец, в 1924 г. в МГУ С.А. Зерновым была организована кафедра гидробиологии, то есть в МГУ появилось подразделение, предназначенное для научной деятельности и профессиональной подготовки гидробиологов.

Исходя из сказанного выше, вероятно, отсчёт истории отечественной гидробиологии как самостоятельной науки можно вести либо с 1913-1914 гг. (хотя представляется, что годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны не способствовали становлению гидробиологии в России), либо с 1921–1924 гг. (эти даты более реальны).

Общий анализ развития гидробиологии с момента появления первых гидробиологических работ до настоящего времени позволяет выделить четыре периода развития этой науки.

Начальный период (конец XIX – начало XX вв.). Этот период характеризовался отработкой методов, приобретением опыта проведения гидробиологических исследований на море и пресноводных водоёмах, постановкой гидробиологических задач и выработкой общей концепции гидробиологии.

Период становления гидробиологии как самостоятельной науки (начало XX в. – начало Второй мировой войны). На этом этапе выработана концепция гидробиологии, появляются серьёзные обобщающие теоретические работы. Наряду с морскими исследованиями большое внимание уделяется гидробиологическим исследованиям пресноводных водоёмов.

Период активного развития и использования основ гидробиологических знаний в экономических целях (окончание Второй мировой войны – 1980–1990 гг.). В это время вновь возрастает государственный интерес к ресурсам моря: начинается, с одной стороны, активный вылов промысловых гидробионтов, а с другой – глубокое всестороннее исследование гидросферы с использованием всевозможных технических средств, включая космические и подводные аппараты, а также легководолазное снаряжение.

Период падения интереса к гидробиологии (с 1990-х гг. по настоящее время). К сожалению, в этот период во всем мире изменился вектор интересов больших администраторов от науки, имеющих финансовые ресурсы, к комплексному развитию различных направлений в науке, в частности, к классической биологии. Приоритеты исследова-

ния целостности живых систем ушли на второй план, а основными стали исследования, связанные с использованием методов молекулярной биологии.

Уверен, что в ближайшее время, исходя из здравого смысла, сложившихся экономических условий и ухудшения экологической обстановки как в России, так и в мире, должен наступить период нового проявления интереса к классической биологии, а также гидробиологии (период возрождения гидробиологии) и более рационального использования накопленных ею знаний.

В связи с тем, что становление гидробиологии как самостоятельной науки и её развитие в России практически связано с созданием и развитием кафедры гидробиологии биологического факультета МГУ, дальнейшее развитие гидробиологической науки и кафедры следует рассматривать в едином комплексе в русле интересов отечественной науки и экономических особенностей настоящего времени.

Что такое гидробиология

Гидробиология («hydor» – вода, «bios» – жизнь, «logos» – наука) является экологической наукой, которая изучает особенности функционирования водных экосистем. Диапазон интересов данной дисциплины в равной степени включает в себя как аутоэкологические (организменные) [термин принят на III Межд. ботаническом конгрессе в 1910 г. – прим. мое: А.К.], так и демэкологические (популяционные) и синэкологические (биоценологические) [термин предложен К. Шрётером в 1902 г. и принят на III Межд. ботаническом конгрессе в 1910 г.] исследования.

Гидробиология как отдельное самостоятельное направление биологической науки сформировалась и начала активно развиваться во второй половине XIX века. Предпосылками для этого послужили три естественные причины:

1. Необходимость оценки запасов промысловых гидробионтов, которые от безудержного вылова уже к середине XIX столетия стали резко сокращаться.

2. Задача поиска чистой воды, которая возникла к этому же времени в связи с существенным загрязнением пресноводных водоёмов промышленными стоками, и её решение во многих странах мира стало приоритетным для обеспечения нормального качества жизни населения.

3. Пересмотр роли гидробионтов. К этому времени было экспериментально показано, что гидробионты, с одной стороны, участвуют в процессах самоочищения водоёмов, а с другой – являются индикаторами состояния водной среды. Таким образом, уже во второй половине XIX века появилось научное обоснование как необходимости более глубокого академического изучения биологии и экологии этих организмов, так и практического использования гидробионтов для оценки качества воды и очистки водоёмов.

На первых этапах своего развития гидробиология занималась в большей степени экофизиологией отдельных водных организмов. По мере своего развития она перешла на изучение живых систем более высоких уровней организации – популяций и экосистем. Таким образом, гидробиология стала заниматься экологией водных надорганизменных систем. Этому способствовал и тот факт, что данной проблематикой глубоко не занималась ни одна из существовавших в то время областей биологии.

На современном этапе гидробиология изучает как особенности экологической физиологии водных организмов отдельных видов, являющихся структурной единицей живых надорганизменных систем, так и особенности структуры и функционирования популяций и экосистем. Кроме того, это биологическое направление науки занимается вопросами взаимосвязи структуры и функций надорганизменных водных систем в связи с постоянно изменяющимися условиями окружающей среды.

Помимо живых систем, гидробиология изучает различные качественные характеристики среды обитания этих систем – гидросферы.

В настоящее время устоявшегося определения понятия «гидросфера» не существует. В ряде источников под гидросферой понимают поверхностные воды, находящиеся между литосферой и атмосферой. Чаще гидросфера рассматривается как прерывистая водная оболочка нашей планеты, находящаяся на поверхности земной коры и в её толще (по Михайлову и др., 2007), либо в трактовке А.С. Константинова – как жидкая оболочка Земли (Константинов, 1986). Интересно отметить, что в такой трактовке термин «гидросфера» очень созвучен с термином «Мировой океан», который ввёл в 1917 г. выдающийся русский океанограф Ю.М. Шокальский. Под «Мировым океаном» он понимал «совокупность всей непрерывной водной оболочки земного шара» (цит. по Пирожник и др., 2006). В формулировке А.Д. Добровольского «Мировым океаном называется непрерывная водная оболочка земного шара, над которой выступают элементы суши – материки и острова, которая обладает общностью солевого состава» (цит. по Пирожник и др., 2006). Таким образом, в определённом смысле, при решении отдельных задач, объём Мирового океана может рассматриваться как основная часть гидросферы.

При таком понимании гидросферы она представляет собой совокупность вод океанов, морей, водных объектов суши, т.е. рек, озёр, болот, подземных водных источников, ледников и снежных покровов. Но важно отметить, что в этом случае гидросфера не включает в себя два важных водных пула – влагу атмосферы и оводнённость живых организмов, которая достигает 60–90% веса организма. Поэтому, вероятно, наиболее правильно под термином «гидросфера» всё же понимать все природные воды Земли, участвующие в глобальном круговороте веществ. В этом случае в состав гидросферы должны входить и атмосферная влага, и оводнённость живых организмов. Именно такой подход был наиболее близок В.И. Вернадскому (Вернадский, 1934, 1960,1980).

В связи с тем, что вода, находящаяся в различных физико-химических состояниях, одновременно является и средой обитания, и условием, и ресурсом, а также основной составной частью всех живых организмов, включая гидробионтов, то, в широкой трактовке, границы гидросферы должны практически совпадать с границами биосферы.

Таким образом, современная гидробиология реально является экологической дисциплиной биосферного масштаба. Более того, при таком понимании гидросферы формируется новое отношение к гидробиологии как стратегической науке, имеющей государственное и планетарное значение, что, в свою очередь, обязывает все государства выводить её в ранг приоритетных научных дисциплин современности. Кроме того, при таком понимании гидросферы по-новому начинает звучать тема биогеохимии и её неотъемлемой связи с гидробиологией (Вернадский, 1923). Вновь появляется необходимость анализа или правильной оценки переноса и вклада живого вещества, а соответственно химических элементов, в пределах трёх геосфер: гидросферы, литосферы и атмосферы на современном этапе.

Безусловно, сегодня правильное решение задач гидробиологии возможно только при системном и комплексном подходе и обязательно совместно со специалистами других областей науки – океанологии и лимнологии, гидрологии и гидрохимии, гидрогеологии и геоморфологии, почвоведения и биогеографии, метеорологии и климатологии, гляциологии, экономической географии и др.

Научные направления, задачи и методы гидробиологии

Главной задачей гидробиологии является изучение эколого-физиологических и чисто экологических процессов, протекающих в гидросфере и её пограничных областях. Результаты этих исследований дают возможность рационально использовать ресурсы водных, прибрежно-водных и всех наземных объектов, развивать аквакультуру, организовывать службы биологического мониторинга, оценивать качество воды, а также очищать воду, в том числе биологическими методами.

Как и на более ранних этапах развития гидробиологической науки, так и сейчас, при широком биосферном понимании гидросферы, а соответственно и гидробиологии, необходимо выделять как общее, так и частные направления (разделы) гидробиологии, ставить как первоочередные, так и второстепенные задачи.

Общий раздел гидробиологии – общая гидробиология – изучает основные, наиболее общие закономерности экологических процессов, характерные для гидросферы в целом, и выявляет их взаимосвязи с процессами, протекающими в атмосфере и литосфере. Особое значение имеет установление границ распространения живого вещества гидросферы, его биомассы и участия в формировании биосферы.

Вопросы, связанные с экологией водоёмов различных типов, т.е. морей, озёр, рек, ручьёв, каналов, ледников и других водных объектов – рассматривает частная гидробиология.

Кроме того, в рамках современной гидробиологии выделяют фундаментальные и прикладные направления. Среди основных прикладных направлений можно выделить продукционную, санитарную и техническую гидробиологию.

Несмотря на то, что гидробиология постоянно развивается, появляются новые направления, её основные фундаментальные экологические направления и практические задачи пока остаются неизменными. Могут меняться лишь их приоритеты.

Основные фундаментальные экологические направления гидробиологии

1. Оценка космической роли водных и прибрежно-водных фототрофных организмов (высших растений и водорослей) в формировании (в процессе фотосинтеза) первичной продукции и поддержании газового баланса атмосферы.

2. Разработка точных представлений о водных экосистемах как о структурах, формирующих поток вещества и энергии как в гидросфере, так и в биосфере в целом.

3. Создание концепции экологической ниши, согласно которой популяция каждого вида занимает своё определённое место в экосистеме.

Основные практические задачи гидробиологии:

1. Поиск способов оптимизации оценки и добычи гидробионтов.

2. Локальное повышение продуктивности промысловых гидробионтов, выращиваемых как в естественных, так и в искусственных условиях обитания.

3. Усовершенствование старых и разработка новых методов биологической очистки воды.

4. Усовершенствование методов экологической экспертизы, оценивающих значение влияния различных факторов, в том числе антропогенных, на состояние водных экосистем.

5. Участие в разработке нормативной базы и законов, связанных с оценкой качества воды и правилами использования водных ресурсов.

Современная гидробиология использует для исследований полевые и лабораторные методы. Более важными для гидробиологии являются полевые методы исследований, которые подразделяются на стационарные и экспедиционные.

Стационарные методы характеризуются проведением длительных (многолетних) наблюдений чаще всего на специально обустраиваемых станциях.

Экспедиции подразумевают кратковременные (недели, месяцы) исследования, в ряде случаев с использованием водного транспорта.

По-прежнему основным направлением полевых исследований является оценка качественного и количественного состава гидробионтов. Для этого используются планктонные сети, батометры, драги, дночерпатели, различные физиологические (флуоресцентный анализ) и биохимические методы. Очень информативными методами являются подводные фото- и видеосъемка, в том числе с использованием легководолазного снаряжения. Так как одним из важней-

ших направлений гидробиологии является оценка функциональной (в частности, энергетической и трофической) роли различных групп гидробионтов, то в арсенал исследований включаются такие биологические методы, как микробиологические, альгологические, микологические, геоботанические и другие.

Важнейшим условием современных гидробиологических исследований является использование методов дистанционного наблюдения и оценки различных характеристик с помощью локаторов, сонаров, эхолотов, аэрокосмических средств, автономных регистрирующих систем (автоматических гидрологических постов на реках, буйковых станциях в океанах). В настоящее время при помощи «спутниковой навигации» – GPS (global positioning system) решена проблема пространственной «привязки» результатов полевых работ к конкретному месту исследований.

Неотъемлемой частью гидробиологии являются методы экспериментальных исследований, которые проводятся либо в лабораториях с использованием искусственных аквариальных систем, либо в природных условиях.

Итоговым этапом всех гидробиологических исследований является теоретическое обобщение и анализ с использованием методов математического моделирования, системного анализа, учёт данных о закономерностях гидрологического районирования, что позволяет делать определённые прогнозы.

Вода как объект исследований гидробиологии

Углублённое изучение изменений качественных и количественных характеристик воды как среды, условий, ресурса и оводнённости гидробионтов является неотъемлемым разделом современной гидробиологии.

В своё время американские физики К. Девис и Дж. Дэй (Девис, Дэй, 1964) назвали воду зеркалом науки. Перефразируя это выражение, выдающийся отечественный исследователь и популяризатор науки Владимир Фёдорович Дерпгольц писал: «…отношение к воде – зеркало учёного-естествоиспытателя». Чем серьёзнее учёный относится к воде, тем выше он как учёный стоит в ряду своих коллег. Жизнь возможна даже без кислорода (анаэробы), но невозможна без воды (Дерпгольц, 1979). В связи с тем, что вода является не только средой обитания гидробионтов, но и их основной составной частью (до 90% сырой массы), то именно гидробиолог должен понимать и уделять большое внимание исследованию этой самой удивительной и аномальной (с точки зрения человека) химической субстанции.

В течение многих тысячелетий люди считали, что именно вода обладает свойствами, необходимыми для развития жизни, а в 1832 г. была опубликована книга английского натуралиста Вильяма Вивела «Астрономия и общая физика в отношении к теологии природы», в которой автор делает вывод об уникальных свойствах воды – вещества, созданного для жизни. В первой четверти XX столетия (во время становления гидробиологии как самостоятельного направления в науке) самым важным научным трудом была признана книга профессора Гарвардского университета Лоуренса Хендерсона «Гармония окружающей среды», в которой автор, как и Вильям Вивел, приходит к тем же выводам относительно уникальных свойств воды и её значимости для жизни (цит. по Степанов, 2007).

Очень образно сказал о воде известный исследователь А. Сент-Дьердье (Сент-Дьердье, 1960): «Жизнь зародилась в воде, развивалась в воде, вода является её растворителем и средой. Она является “матрицей жизни”». «Вода стоит особняком в истории нашей планеты. Нет природного тела, которое могло бы сравниться с ней по влиянию на ход основных, самых грандиозных, геологических процессов. Нет земного вещества – минерала, горной породы, живого тела, которое её бы не заключало. Всё земное вещество… ею проникнуто и охвачено»,– это слова В.И. Вернадского (Вернадский, 1960), которыми можно завершить небольшой обзор высказываний известных учёных о воде.

Учитывая всеобъемлющую значимость воды для гидробионтов и человека (Вода. Многоликая планета, 2005), именно гидробиология как комплексная биологическая наука должна, в ряде случаев совместно со специалистами других направлений науки, а порой самостоятельно, в рамках интересов только своей дисциплины, заниматься углублённым изучением качественных характеристик воды, включая внутреннюю воду самих гидробионтов.

Эти исследования, вероятно, следует проводить по следующим основным направлениям:

1. Глубокий анализ гидрохимических и физико-химических параметров воды, включая внутреннюю воду гидробионтов.
2. Мониторинг экзометаболитов гидробионтов, в первую очередь токсичных.
3. Поиск комплекса факторов, способствующих продуцированию гидробионтами токсичных соединений.
4. Мониторинг роста и развития нетоксичных, но опасных гидробионтов (в частности, вредоносных водорослей), вызывающих массовую гибель других организмов.
5. Мониторинг (совместно с вирусологами, бактериологами, микробиологами, паразитологами и микологами) вирусной, бактериальной, микологической и паразитической форм гидробионтов в водных объектах.
6. Мониторинг появления и распространения вселенцев в водных объектах.
7. Анализ последствий влияния вселенцев на жизнь водного объекта.
8. Мониторинг загрязнения водных объектов разнообразными органическими и неорганическими химическими субстанциями.
9. Мониторинг загрязнения водных объектов радионуклидами.
10. Мониторинг термического загрязнения водных объектов.

Изучая физико-химические характеристики водной среды обитания гидробионтов, нельзя забывать о том, что изменения этой «внешней» воды отражаются на свойствах «внутренней» воды гидробионтов, которая составляет у некоторых организмов 99% их сырой массы. Соответственно это отражается и на физиологических и биохимических процессах, протекающих в организмах гидробионтов. Например, у фототрофов периодические изменения количества «внешней» воды при обсыхании или затоплении в литоральной и супралиторальной зоне, при очень сильном засолении или загрязнении водоёма отражаются на оводнённости тканей и клеток гидробионтов. В свою очередь, это обу-

словливает изменения протекания процессов ферментативных реакций, интенсивности фотосинтеза, дыхания, роста. Т.е. обеспеченность, в данном случае, первичных продуцентов – водных фототрофов (водорослей, водных и прибрежно-водных растений) водой является важнейшим условием их нормальной жизнедеятельности, а в итоге – продукционных характеристик водных фототрофных организмов и, соответственно, трофических векторов, что и должны учитывать именно гидробиологи.

Итак, вода – среда, в которой совершаются сложные биохимические и биофизические процессы, в том числе фотосинтез. Однако в фотосинтезе она является не только средой, но и важнейшей химической субстанцией ключевой стадии (фотолиза) этого биосферного процесса.

Структура воды также оказывает серьёзное влияние на физиологические процессы водных фототрофов. Изменение её физико-химических свойств меняет подвижность воды в клетке, тканях и оказывает воздействие на энергетические процессы.

Большое значение для водных фототрофов имеют высокая теплоёмкость воды, способствующая относительной стабилизации температуры организмов; высокое поверхностное натяжение, оказывающее влияние на ход адсорбционных процессов; полярность молекул воды, обусловливающая ориентацию в электрическом поле и явление гидратации.

Очень важную роль играет способность воды испаряться, что предохраняет растения, в частности прибрежно-водные, от перегрева.

Что касается гидробионтов животного происхождения, то в этом случае вода, в первую очередь, играет важную роль в температурной регуляции тела. Она участвует в процессах пищеварения и усвоения пищи, что связано с переводом питательных веществ в раствор. Вода вымывает из клеток отработанные продукты обмена веществ и выводит их во внешнюю среду. Кроме того, она входит в состав плазмы крови. Интересно отметить, что состав плазмы крови очень близок к составу морской воды, которая покрывает, как известно, 71% поверхности Земного шара.

Так как водный обмен, а соответственно метаболизм и энергетическое состояние гидробионтов находятся в прямой зависимости от условий среды, то недостаточное изучение физико-химических характеристик воды именно гидробиологами может привести к ошибочным выводам и, как следствие, неверной экстраполяции полученных данных.

Не менее важным, чем изучение физико-химических характеристик воды, аспектом гидробиологии является анализ загрязнения гидросферы различными химическими веществами (Бурдин и др., 2002).

Помимо «традиционных загрязнителей», которым уделялось и уделяется достаточное внимание, в последнее время всё большее влияние на качество воды начинают оказывать «новые ядовитые вещества», выделяемые, например, твёрдым поликарбонатным пластиком и краской с корпусов кораблей. Ещё пять лет назад считалось, что пластик и краска, которой покрыты днища кораблей, не разлагаются под действием естественных факторов. В настоящее время показано, что эти субстанции в океане все-таки разлагаются, выделяя при этом поражающий эндокринную систему Бисфенол-А. Бисфенол-А является природным эстрогеном. Повышенная концентрация Бисфенола-А в воде негативно сказывается на жизнеспособности морских обитателей, а посредством их – и человека. Канадские учёные показали, что Бисфенол-А увеличивает риски возникновения рака простаты и груди. Более того, у человека наблюдаются необратимые перестройки в мозгу. Интересно отметить, что в морской воде, окружающей более чем 20 стран Юго-Восточной Азии и Северной Америки, содержание Бисфенола-А уже сегодня составляет около 50 г/м3воды, а это уже опасно.

В настоящее время в России идёт широкое внедрение новых технологий производства (например, производства пива, йогурта, кондитерских изделий), а это требует параллельного развития и современных локальных очистных сооружений. К сожалению, эти сооружения не всегда приобретаются в комплекте с основным производственным оборудованием из-за их дороговизны, а сточные воды нового производства сбрасываются в старые, не предназначенные для этого, городские канализационные системы. В результате этого, если реально посмотреть на ситуацию в России, то следует признать, что количество промышленных поллютантов и их разнообразие в стране ежегодно возрастает. Сооружения биологической очистки с использованием активного ила (запатентованные ещё 1914 г. в Англии) на современном этапе уже не справляются с новым набором и количеством загрязнителей. Поллютанты накапливаются в осадках или проходят транзитом через очистные сооружения, загрязняя водоём, принимающий сточные воды. В результате под воздействием токсичных сточных вод промышленных предприятий биоценозы активного ила на очистных сооружениях значительно обедняются по количеству видов или даже погибают. Развивается вспухание активного ила. Аналогичные процессы могут происходить и в природных биоценозах, обеспечивающих процессы самоочищения в водоёмах-приёмниках сточных вод. Мониторинг аналогичных процессов, оценка последствий и их устранение становятся новой и важной задачей современной гидробиологии.

Кроме того, с расширением площади городов и застройкой бывших свалок, очень опасным загрязнителем водной среды в ряде регионов России становится ранее захороненный неорганический экотоксикант – ртуть (Горбунов и др., 2015). Помимо того, что даже достаточно низкие концентрации ртути, особенно её органические соединения, вызывают широкий спектр биохимических и физиологических нарушений, ртуть обладает свойствами практически абсолютной персистентности. Интересно отметить, что содержание ртути в крови жителей Санкт-Петербурга в 3–4 раза выше, чем у жителей Германии (Малов, Александрова, 2010).

Не менее опасными загрязнителями воды являются медицинские и биологические отходы, количество которых, в связи с безответственностью людей, с каждым годом становится всё больше. В этих отходах кроется опасность, обусловленная не только наличием в них всевозможных медицинских препаратов, токсических и радиоактивных веществ, но и возбудителей различных инфекционных заболеваний. Так, например, если в 1 г бытовых отходов содержание

микроорганизмов колеблется от 0,1 до 1млрд, то в медицинских отходах это число возрастает до 200–300 млрд. (Жуков, Васильев, 2009).

Представляется, что с развитием новых технологий, расширением территории городских поселений должны появиться и новые виды загрязнителей водной среды. Поэтому, как уже говорилось выше, мониторинг этих новых видов загрязнителей, оценка их влияния на окружающую среду и устранение этих последствий, должны быть в постоянном поле зрения гидробиологии.

В последнее время всё большее влияние на качество воды начинают оказывать экзометаболиты самих гидробионтов, в связи с чем возникает необходимость уделять повышенное внимание изучению как самих экзометаболитов (их биохимии, уровню токсичности, выделению, миграции и т.д.), так и их воздействия на воду. Примером таких веществ могут служить, в частности, токсичные экзометаболиты водорослей, которые в большинстве случаев синтезируются только при определённых условиях, формирующихся в водной среде, например, при изменении температуры воды, количества и качества биогенов, появлении определённой бактериальной флоры. В результате токсины выделяются в воду, в атмосферу, мигрируют по пищевым цепям и попадают в организм человека, вызывая очень серьёзные заболевания, которые могут длиться годами (Vershinin et al., 1997, 2004;Vershinin, Kamnev, 2001; Рябушко, 2003).

В группу токсичных экзометаболитов водорослей входят вещества с самой разной химической структурой и механизмом действия.

В первую очередь необходимо отметить паралитические токсины, основным химическим компонентом которых является сакситоксин – блокатор натриевых каналов. Он вызывает респираторный паралич, а в острых случаях приводит к летальному исходу. Токсины этой группы выделяются динофлагеллятами (род Alexandrium). Отдельные представители этой опасной группы уже проникли и активно размножаются в Черном и Балтийском морях (Vershinin et al. 2004).

Не менее опасными являются амнезические токсины, основой которых служит домоевая кислота и её производные, а продуцентами являются диатомовые водоросли рода Nitzschia.

Во время цветения некоторых динофлагеллят, например, Gymnodinium breve, в атмосферу выделяется бреветоктин, который является сильнейшим нейротоксином. В этом случае поражение наступает при вдыхании воздуха в прибрежной зоне.

Очень важно вести контроль за ростом и развитием динофитовых водорослей рода Dinophysis и Prorocentrum, которые даже в незначительных количествах (порядка десятка тысяч клеток в литре) являются опухолевым промотором, продуцируя окадаевую кислоту.

Для тропических районов опасным токсином является сигуатоксин, выделяемый динофлагеллятами коралловых рифов – Gambierdis custoxicus, Prorocentrum spp.

Опасными являются гепатотоксины ряда пресноводных сине-зелёных водорослей. Кроме разрушительного действия на ткани печени, эти токсины могут вызывать дерматиты.

И это лишь небольшой список экзометаболитов гидробионтов, которые должны находиться в постоянном поле зрения гидробиологов.

Не менее важным является контроль за нетоксичными морскими водорослями, но опасными для рыб и беспозвоночных. Это особенно актуально при ведении марикультуры. Например, нити диатомей Chaetoceros convolutes и C. coucavicornis забивают жабры рыб, что приводит к массовому замору в рыбных хозяйствах.

Некоторые динофлагелляты, например, Prymnesium parvum, P. patelliferum, Gymnodinium mikimotoi и др. выделяют гемолизины. У рыб повреждаются жаберный эпителий, вызывая гемолиз.

В закрытых и относительно закрытых акваториях важно вести контроль за видами, которые могут вызывать массовое цветение, а в итоге приводить к катастрофическому уменьшению содержания кислорода в воде и к заморам гидробионтов.

Необходимость контроля за вредоносными водорослями определяется также их влиянием на морскую фауну. Известно большое количество случаев массовой гибели морских млекопитающих, птиц, рыб, беспозвоночных в результате вспышек численности токсичных видов водорослей.

Важно подчеркнуть, что загрязнение водной среды экзотоксинами уже неоднократно приводило к колоссальным катастрофам на рыбоводческих фермах. Единоразовые ущербы отдельных компаний Японии, Норвегии, Канады составляли до 500 млн. $. Имеются основания предполагать вовлеченность токсичных водорослей и в экологическую катастрофу 1991 г., происшедшую на Белом море. К сожалению, в то время наши специалисты были не готовы справиться с возникшей проблемой.

В большинстве стран мира, кроме России, достаточно давно существует законодательная база по токсинам гидробионтов. Определены ПДК и ведётся постоянный контроль за содержанием этих веществ в гидробионтах. Особое внимание мониторингу токсичных видов гидробионтов уделяется в районах с развитой марикультурой.

Следующее важное направление при оценке качества гидросферы – мониторинг за вселенцами, которые, например, как моллюск Rappana или гребневик Mnemiopsis (вселенцы в Чёрное море), могут полностью изменить всю структуру экосистемы водного объекта.

В настоящее время на качество воды, помимо традиционных факторов биогенного и абиогенного происхождения, существенное влияние начинает оказывать антропогенный абиотический фактор – волновое (электромагнитное) излучение (Гапочка, 2013). Оно изменяет различные физико-химические характеристики воды, а соответственно, гидросферы в самом широком понимании этого термина. Поэтому этот фактор тоже необходимо учитывать при проведении гидробиологических исследований.

Список литературы

1. Абакумов В.А. К истории контроля качества вод по гидробиологическим показателям // Научные основы контроля качества вод по гидробиологическим показателям. – Л.: Гидрометеоиздат, 1981. – С. 46–74.
2. Богословский Б.Б. Озероведение. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 336 с.
3. Блинова Е.И., Вилкова О.Ю., Малютин Д.М., Пронина О.А. Изучение экосистем рыбохозяйственных водоёмов, сбор и обработка данных о водных биологических ресурсах, техника и технология их добычи и переработки. Вып. 3. Методы ландшафтных исследований и оценки запасов донных беспозвоночных и водорослей морской прибрежной зоны // Научно-технические и методические документы. – М.: ВНИРО, 2005. – 134 с.
4. Буданцев А.Л. Оценка современного состояния ресурсов важнейших лекарственных и пищевых растений флоры России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 87–92.
5. Бурдин К.С., Камнев А.Н., Спиридонов В.А. Научно-технические и экономические проблемы использования макроводорослей для очистки морской среды от загрязнений // Наука и промышленность России. 2002. – № 9. – С. 13–18.
6. Вернадский В.И. Живое вещество в химии моря. – Пг.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1923. – 36 с.
7. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. 1. Значение биогеохимии для изучения биосферы. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 47 с.
8. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. 1922–1932 гг. – М.; Л.: АН СССР, 1940. – 250 с.
9. Вернадский В.И. Избранные соч. Т.4, кн. 2. История природных вод. – М.: АН СССР, 1960. – 657 с.
10. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
11. Винберг Г.Г. Гидробиология // История биологии (с начала XX века до наших дней). – М.: Наука, 1975. – С. 231–248.
12. Винберг Г.Г. Взаимозависимость общегидробиологических и рыбохозяйственно-гидробиологических исследований // Сб. тр. ГосНИОРХ. 1984. – Вып. 223. – С. 3–10.
13. Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. – Киев: АН УССР, 1958. – 155 с.
14. Виноградов К.А. К истории гидробиологических исследований на Черном море за 60 лет советской власти // Гидробиол. журн. 1977. – № 5. – С. 66–77.
15. Вода. Многоликая планета / Под ред. А. Журавлева. – М.: Бук Хаус, 2005. – 296 с.
16. Возжинская В.Б., Камнев А.Н. Эколого-биологические основы культивирования и использования морских донных водорослей. – М.: Наука, 1994. – 202 с.
17. Вомперский С.Э., Ковалев А.Г., Глухова Т.В., Смагина М.В., Ерофеев А.Е. Современное торфонакопление и первичная продукция олиготрофных болот и влияние на них гидролесомелиорации // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 254–265.
18. Гапочка М.Г. Экологические аспекты взаимодействия электромагнитных полей миллиметрового диапазона с биологическими объектами» / Автореф. дис. докт. биол. наук. – М.: МГУ, 2013. – 49 с.
19. Горбунов А.В., Грановская Г.А., Ермолаев Б.В., Ильченко И.И., Фронтасьева М.В., Павлов С.С. Оценка содержания ртути в диагностических биоматериалах различных групп населения урбанизированных территорий московского региона // Экология урбанизированных территорий. 2015. – №. 2. – С. 16–24.
20. Девис К., Дэй Дж. Вода – зеркало науки. – Л.: Гидрометеоиздат, 1964. – 152 с.
21. Дерпгольц В.Ф. Мир воды. – Л.: Недра, Ленинградское отделение, 1979. – 254 с.
22. Жуков В.В., Васильев В.П. Неправительственные организации объединяют усилия // Твёрдые бытовые отходы. 2009. – Октябрь. – С. 22–23.
23. Заика В.Е. К столетию гидробиологии // Экология моря. 2003. – Вып. 63. – С. 81–83.
24. Зернов С.А. Опыт синхронической таблицы по развитию гидробиологии, ихтиологии и других ближайших наук // Русский гидробиологический журнал. 1921. – № 1. – С. 1–6.
25. Зернов С.А. Общая гидробиология. – М.- Л.: АН СССР, 1949. – 587 с.
26. Зенкевич Л.А. О задачах, объекте и методе морской биогеографии // Зоол. журн. 1947. – Т.26, № 3. – С. 201–220.
27. Зенкевич Л.А. Биология морей СССР. – М.: Наука, 1963. – 739 с.
28. Камнев А.Н. Опыт создания системы непрерывного деятельного биологического образования // Материалы совещания комиссии по биологическому образованию международного союза биологических наук (CBE – IUBS) 25–30 августа 1997. – Москва, МГУ, 1997. – С. 65–67.
29. Камнев А.Н., Камнев О.А., Панов В.И. Экологические и психолого-педагогические предпосылки деятельного экологического образования // Экосихологические исследования – 3 / Под ред. В.И. Панова. – М.: Психологический институт РАО. – СПб.: Нестор-История, 2013 – С. 245–275.
30. Камнев А.Н. Проект «Отдых и учёба с радостью»: научно-приключенческие программы «Океания», «Вождь краснокожих», «Храброе сердце», «Лес полон знаний», «Новый опыт», «Lingvocamp» как инструмент образования и воспитания детей и молодёжи // Проблемы региональной экологии. 2014. – № 6. – С. 171–174
31. Камнев А.Н. Гидробиология: вчера, сегодня, завтра. Концепция возрождения гидробиологических кафедр в России (на примере развития отдельно взятого подразделения университета) // Вопросы современной альгологии. 2015. – № 3 (10). – http://algology.ru/852
32. Кафанов А.И., Кудряшов В.А. Морская биогеография. – М.: Наука, 2000. – 176 с.
33. Киселев И.А. История планктологии // Морской и пресноводный планктон. – Л., 1987. – С. 5–25.
34. Китаев С.П. Основы лимнологии для гидробиологов и ихтиологов. – Петрозаводск: Карельск. НЦ РАН, 2007. – 395 с.
35. Козлов В.И. Аквакультура в истории народов с древнейших времён. – М.: ДФ АГТУ, 2002. – 349 с.
36. Константинов А.С. Общая гидробиология. – М.: Высшая школа, 1986. – 472 с.
37. Кузнецов О.Л., Антипин В.К., Грабовик С.И., Дьячкова Т.Ю., Токарев П.Н. Растительные ресурсы болот России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 195–201.
38. Кузьмин С.Л. Эксплуатация ресурсов земноводных в России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 138–146.
39. Малов А.М., Александрова М.Л. Ртуть всегда рядом с нами! // Твердые бытовые отходы. 2010. – Сентябрь. – С. 48–49.
40. Михайлов В.Н., Добровольский А.Д., Добролюбов С.А. Гидрология. – М.: Высшая школа, 2007. – 464 с.
41. Павлов Д.С., Стриганова Б.Р. Биологические ресурсы России и основные направления фундаментальных исследований // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 4–20.
42. Пирожник И.И., Рылюк Г.Я., Еловичева Я.К. География Мирового океана. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 316 с.
43. Протасов А.А., Карпинский М.Г. Гидробиология в датах // Морской экологический журнал. 2011. – Т. 10, № 3. – С. 86–91.

44. Рябушко Л.И. Потенциально опасные микроводоросли Азово-черноморского бассейна. – Севастополь, 2003. – 286 с.
45. Сент-Дьердье А. Биоэнергетика. – М.: Физматгиз, 1960. – 155 с.
46. Силкин В.А., Хайлов К.М. Биоэкологические механизмы управления в аквакультуре. – Л.: Наука, 1988. – 230 с.
47. Степанов А.М. Вода. Ее физические и лечебные свойства. – М.: Народная мастерская качества жизни, 2007. – 278 с.
48. Фёдоров В.Д. Кафедре гидробиологии Московского университета 90 лет: прошлое и настоящее. – М.: ООО «ПКЦ Альтекс», 2014. – 160 с.
49. Цоглин Л.Н., Пронина Н.А. Биотехнология микроводорослей – М.: Научный мир, 2012. – 184 с.
50. Шатуновский М.И., Бобырев А.Е. Современное состояние и динамика рыбных ресурсов пресных водоемов России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 121–131.
51. Шикломанов И.А. Мировые водные ресурсы в начале XXI века в условиях повышения эффективности использования пресных вод. // Водные ресурсы – проблема XXI века. 2004. – С. 135–157.
52. Vershinin A., Kamnev A. Harmful algae in Russian European coastal waters // 9th Int. Conf. on Harmful algal blooms: Proceedings. Hobart, Australia, 7–11 February 2000. – UNESCO. 2001. – P. 112–114.
53. Vershinin A., Zernova V., Kamnev A. Toxic and potential toxic algae in Russian European coastal waters // Abstr. Sixth International Phycological Congress. 9–16 August 1997. Leiden // Phycologia. 1997. – Vol. 36, N 4. – P. 70–71.
54. Vershinin A.O., Moruchkov A.A., Sukhanova I.N., Kamnev A.N. , Pan'kov S.L., Morton S.L., Ramsdell J.S. Seasonal Changes in Phytoplankton in the Area of Cape Bolshoi Utrish of the Northern Caucasian Coast in the Black Sea, 2001–2002 // Океанология. 2004. Т. 44, № 3. – P. 372–376.

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н.,
директор Института высоких статистических технологий и эконометрики МГТУ им. Н.Э. Баумана
prof-orlov@mail.ru

ЧИСЛО ЦИТИРОВАНИЙ – КЛЮЧЕВОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *наука, управление, прикладная наука, фундаментальная наука, принятие решений, экспертные оценки, прогнозирование, библиометрические базы данных, индексы цитирования, наукометрия, глобализация, научный результат, маркетинг в науке.*

Keywords: *science, management, applied science, fundamental science, the decision theory, expert estimates, forecasting, bibliometric database, citation indexes, scientometrics, globalization, scientific results, marketing in science.*

1. Введение

Наука, как и любая другая сфера человеческой деятельности, немыслима без управления [1]. Инструменты управления развиваются во времени. Принципиальное продвижение последних лет, основанное на информационно-коммуникационных технологиях "больших данных" – появление общедоступных библиометрических баз данных и индексов цитирования. Весьма важно, что администраторы высокого уровня стали их использовать для управления наукой. Для сотрудников отечественных научно-исследовательских организаций и высших учебных заведений Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) стал одной из самых популярных баз данных.

Как следствие, увеличился поток публикаций по вопросам оценки эффективности научной деятельности. По нашему мнению, науковедение как научная дисциплина находится еще в зачаточном состоянии [1]. Новым по сравнению с основополагающей книгой [2], выпущенной в 1969 г., является только появление малообоснованного индекса Хирша. К сожалению, внимание многих авторов сосредоточено на обсуждении модификаций этого вида средней величины, в то время как фундаментальные вопросы остаются в тени.

Настоящая работа стимулирована замечательной работой Е.В. Луценко «Хиршамания» [3]. Из многих актуальных проблем науковедения рассмотрим методы оценки эффективности и качества работы ученого, научной деятельности подразделения, организации, журнала. Показатели эффективности научной деятельности используются как важная составная часть при оценке вузов [4], инновационного потенциала предприятий и т.п.

Для оценки эффективности научной деятельности естественно использовать хорошо зарекомендовавшие себя в других предметных областях интеллектуальные инструменты. К таким инструментам относятся, в частности, система сбалансированных показателей [5], основанная на ключевых показателях эффективности (отсюда и название настоящей работы), а также контроллинг [6], прежде всего контроллинг научной деятельности [7–9].

Подробно разработаны и широко применяются два типа инструментов оценки эффективности научной деятельности – наукометрические показатели и экспертные оценки. Их критическому анализу с целью выбора и обоснования ключевого показателя эффективности научной деятельности и посвящена настоящая работа.

2. Наукометрические и экспертные показатели эффективности научной деятельности

Критика наукометрических показателей дана в ряде публикаций. Из них выделим специальный выпуск журнала «Управление большими системами» [10], выпущенный также отдельным изданием [11]. Наша затравочная статья [12] в этом сборнике носила характерное название «Два типа методологических ошибок при управлении научной деятельностью». В итоговой статье [13] был дан критический обзор нескольких десятков материалов указанного сборника. Дальнейшему развитию наших идей посвящены публикации [14–19]. В наших работах вслед за классической монографией [2] обсуждались возможности манипуляции наукометрическими показателями (число публикаций, число цитирований, индекс Хирша и др.). Аналогичные соображения, а также примеры реальных манипуляций достаточно широко обсуждаются в литературе (см. [20–22] и др.).

В качестве практической рекомендации предлагалось вместо наукометрических показателей опираться на применение экспертных процедур для оценки эффективности научной деятельности [23].

Необходимо уточнить ранее высказанные нами в [12–19] положения.

Во-первых, различные варианты манипулирования значениями наукометрических показателей в РФ, по нашей оценке, пока еще применяются сравнительно редко. Возможно, это связано со сравнительно небольшим сроком их использования при управлении наукой. Поскольку такой показатель, как число цитирований работ исследователя, позволяет объективно оценить его вклад в науку, то применение этого наукометрического показателя для управления

наукой оправдано. В то же время число публикаций и особенно индекс Хирша не позволяют объективно оценить эффективность научной деятельности, особенно с учетом свойств реальных библиометрических баз данных.

Во вторых, экспертные процедуры имеют ряд недостатков. В настоящей работе обсудим реальную эффективность экспертных процедур в таких областях их применения, как присвоение ученых степеней, выборы в государственные академии наук (прежде всего в РАН), назначения (в том числе путем выборов) на должности руководителей НИИ и вузов. Основные принципы экспертизы в рассматриваемых областях остаются неизменными в течение последних 70 лет. На основе анализа практики приходится констатировать недостаточную эффективность экспертных оценок в указанных областях.

Обоснование сказанному приведено ниже.

3. Фундаментальная наука и прикладная наука

В [1] показано принципиальное различие между фундаментальной наукой и прикладной наукой, влекущее столь же принципиальное различие между ключевыми показателями эффективности в этих областях деятельности. При проведении прикладных научных исследованиях основное для исполнителя – запросы, требования, предпочтения, интересы заказчика. Основной результат таких исследований – сложная техническая система, стратегический план развития фирмы и т.п. – то, что нужно заказчику. Публикации по результатам прикладных научных исследований не являются обязательными, более того, иногда не допустимы вообще из-за соображений государственной или коммерческой тайны. Фундаментальные научные исследования имеют целью получение нового знания, основной результат таких исследований – публикации в научных изданиях [2].

Конечно, нет непреодолимого барьера между фундаментальной наукой и прикладной наукой.

Специалисты прикладной науки зачастую стремятся проявить себя в фундаментальной. Прежде всего потому, что при выполнении прикладных работ попутно бывают получены научные результаты более широкого спектра применения, чем это нужно заказчику, т.е. получено новое знание, как и при фундаментальных научных исследованиях. Это знание целесообразно отразить в публикациях. Примером является доклад [24], посвященный новым научным результатам в области теории принятия решений и экспертных оценок, полученным при выполнении прикладных научно-исследовательских работ в авиации и ракетно-космической промышленности. Важным для специалистов прикладной науки является также стремление к повышению статуса, конкурентоспособности на рынке труда, шансов на получение новых выгодных заказов.

Специалисты фундаментальной науки обычно заинтересованы в том, чтобы полученное ими новое знание нашло практическое применение, т.е. они хотят сдвинуться в сторону прикладной науки. Кроме морального удовлетворения, этот сдвиг стимулирован стремлением к повышению статуса, конкурентоспособности на рынке труда, шансов на получение увеличенного финансирования.

В аспекте взаимоотношения прикладной науки и фундаментальной науки некоторым исследователям представляется перспективной более дробная классификация Организации экономического сотрудничества и развития: чистые фундаментальные исследования; ориентированные фундаментальные исследования; прикладные исследования вообще; стратегические прикладные исследования; конкретные прикладные исследования; экспериментальные разработки. Для целей настоящей работы достаточно ограничиться выделением фундаментальной науки и прикладной науки.

Ключевые показатели эффективности научной деятельности будем обсуждать применительно к фундаментальной науке.

4. Всеобщее невежество научных работников и его следствия

Перейдем к обсуждению экспертных процедур. Сначала – констатация очевидного факта, который, однако, часто игнорируется.

Основная проблема современной науки состоит во всеобщем невежестве научных работников. Это утверждение становится очевидным, если хотя бы примерно оценить объем накопленных научных результатов, а тем более – научных трудов. Каждый специалист может познакомиться не более чем с 2–5 % публикаций в своей области.

Еще в 80-х годах при наукометрическом анализе данных о Первом Всемирном конгрессе Общества математической статистики и теории вероятностей им. Бернулли [25–27] нами была дана оценка общего числа актуальных публикаций по тематике конгресса – 10^6. По конкретной области математической статистики, например, по регрессионному анализу, на порядок меньше – 10^5.

Посмотрим, на какое число публикаций ссылаются наиболее цитирующие авторы. В фундаментальном трехтомном издании [28–30] – около 2000 ссылок. Список литературы к семитомнику «Новая хронология» включает 1492 ссылки [31]. В монографии [6] – 843 ссылки. Наблюдаем разрыв на два порядка – из порядка 10^5 потенциальных источников ссылки даются примерно лишь на 10^3 источников.

Как же в реальной научной деятельности научные работники справляются со своим невежеством? Ответ хорошо известен – происходит разбиение (фрагментация) всей совокупности научных работников на группы (научные коллективы, кланы, научные школы, сообщества). Группа часто состоит из сотрудников одной организации и примкнувших к ним отдельных исследователей из других организаций. Клан обычно обзаводится инфраструктурой (журнал, периодическая конференция, диссертационный совет, научное общество и т.п.), позволяющей его членам вести долговременную научную деятельность. Внутри клана его члены обычно достаточно осведомлены о работах друг друга, в то время как научная деятельность вне клана игнорируется.

Констатируем, что ошибочным является распространенное мнение: «коллеги знают истинный уровень и истинные достижения специалиста». Внутри клана в несколько десятков или сотен лиц – возможно, знают, вне клана – как правило, нет.

Сказанное давно известно. В.В. Налимов писал о «незримых коллективах» [2]. С. Лем предсказывал распад единой науки на «науки районного масштаба», замкнувшиеся внутри отдельных регионов [33]. Предсказание С. Лема сбывается – к настоящему времени во многих региональных центрах на базе нескольких вузов и НИИ складывается «региональная наука» со всей необходимой инфраструктурой.

Конечно, нельзя не отметить наличия связей между «соседними» кланами и дружественными регионами. Действуют аналоги «матричной системы управления» [9, 34] – зачастую исследователь одновременно входит в две структуры: он работает в вузе или НИИ и является членом «незримого коллектива». В вузе или НИИ он выполняет текущую работу среди тех, у кого другие научные специальности и/или интересы, а в «незримом коллективе» общается с «близкими по духу» специалистами.

Ситуация с накоплением знаний хорошо описана В.В. Налимовым и З.Б. Бариновой: «Стремление к разложению изучаемого явления на составные части и к тщательному изучению деталей еще продолжает давать необычайные результаты, но только в новых областях знаний, скажем, в молекулярной биологии. В старых областях знаний этот подход приводит к накоплению невероятного количества частных знаний, которые остаются неиспользованными: они не попадают в монографии, не оказывают влияния на последующие работы. Это, если хотите, старость науки. Здесь, в отличие от биологических организмов, при старении затрудняется не обмен веществ, а обмен идей. Из множества частных знаний не складывается знание о большой системе» [32].

Следующее поколение исследователей входит в свою область в процессе обучения. Следовательно, то, что не вошло в учебники, почти наверняка потеряно для следующих поколений.

В настоящее время происходит принципиально важный переход от бумажных носителей информации к электронным. Резко сократившиеся тиражи – до десятков и сотен экземпляров – ведут к смене роли бумажных изданий. Вместо распространения информации их роль становится совсем другой. Они используются для поднятия престижа, подарков, при личном общении. Впрочем, при использовании схемы «книга по требованию» само понятие тиража уходит в прошлое.

С одной стороны, публикации в электронных изданиях (при открытом доступе) значительно облегчают распространение научной информации (нет необходимости обращаться в центральные библиотеки). С другой стороны, неоцифрованные публикации привлекают всё меньше внимания. Несколько огрубляя, можно сказать: то, чего нет в Интернете, почти наверняка потеряно.

Перейдем к обсуждению экспертных процедур оценки эффективности научной деятельности. Начнем с присвоения ученых степеней.

5. Необходимость изменения экспертных процедур присуждения ученых степеней

Достаточно давно обсуждается низкое качество значительного числа диссертаций, коррупция при их подготовке и защите.

Очевидно, пока есть желание обзавестись ученой степенью, будет и стремление достичь этого с минимальными трудозатратами. Например, купив готовую диссертацию. В настоящее время Интернет кишит предложениями «диссертаций на заказ». В противовес работает Диссернет, который характеризует самого себя как «вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов» [35]. Диссернет выявляет плагиат, прямое заимствование текста.

Но он не может дать защиту от «диссертаций на заказ». Нельзя, анализируя текст, установить, кто его на самом деле написал. Очевидно, для надежного выяснения авторства необходимо подробное тщательное обсуждение диссертации с ее автором. Но такого этапа в процедуре защиты нет. За традиционные 15 минут доклада нельзя глубоко вникнуть в содержание работы. К тому же по традиции «неудачные» ответы диссертанта интерпретируются в его пользу, «списываются» за счет волнения.

Можно посмотреть на ситуацию и с другой стороны – с позиций членов диссертационных советов и авторов отзывов на диссертации и авторефераты. Такая деятельность считается общественной. Доктора наук безвозмездно тратят свое время (оплата работы оппонентов – символическая). Возникает естественное желание уменьшить потерю времени, поручив составление основного содержания отзывов самим диссертантам. Как известно любому участнику процесса защиты диссертаций, подобная практика весьма распространена.

Результаты весьма трудоемкой экспертной процедуры «защита диссертации» зачастую являются сомнительными. Процедуры присуждения ученых степеней должны совершенствоваться. Ряд предложений сформулирован в [36].

6. Итоги применения экспертных процедур при формировании и работе РАН

Процедура избрания академиков и членов-корреспондентов РАН основана на применении экспертных технологий. Адекватность формирования РАН можно проверить по данным о цитируемости. РИНЦ предоставляет такую возможность. На 24.07.2016 по тематике «Экономика. Экономическая теория» из 38 членов секции по экономике РАН в первые 100 по цитируемости попали 9. По тематике «Математика» из 55 членов секции математики РАН в первые 100 по цитируемости попали 10. С одной стороны, это говорит о том, что вклад в науку ряда членов РАН велик. С другой стороны, подавляющее большинство наиболее эффективно работающих ученых не входит в РАН. Широко известные

интриги, сопровождающие выборы (см., например, воспоминания одного из наиболее выдающихся математиков XX в. Л.С. Понтрягина [37]) отталкивают многих от самого участия в выборах. Более подробный анализ проведен в [36].

Обобщая, на основе данных РИНЦ можно констатировать, что среди ведущих (по числу цитирований) отечественных ученых лишь меньшая часть включена в состав секций математики и экономики РАН. Отсюда следует, во-первых, что в настоящее время РАН не является центром научной жизни, во-вторых, что экспертные процедуры пополнения состава РАН не справились с задачей отбора наиболее продуктивных ученых.

Впрочем, вспомним, что в XIX в. наибольший вклад в российскую науку внесли Д.И. Менделеев и Н.И. Лобачевский. Ни тот, ни другой не были членами Академии, причем Д.И. Менделеев был скандально забаллотирован.

6. Итоги применения экспертных процедур при назначениях (выборах) на должности

Директор НИИ и – особенно – ректор вуза является прежде всего управленцем, хозяйственником. Его увлеченность собственными научными исследованиями скорее вредна для большинства сотрудников организации (НИИ, вуза), чем полезна, поскольку увлеченный руководитель будет оттягивать общие ресурсы на свою личную тематику. Сказанное подтверждают результаты Диссернета [38] – плагиат обнаружен в диссертациях 21% ректоров – у каждого пятого!

7. Наукометрические показатели и догмы, связанные с их использованием

Число цитирований работ исследователя – это объективная оценка его вклада в науку. Если работа процитирована – значит, она понадобилась, была использована при получении новых научных результатов. А вот число публикаций и индекс Хирша – условные показатели. Это утверждение становится очевидным, если проанализировать работу РИНЦ, технологию формирования этих показателей.

РИНЦ учитывает ссылки так, как они приведены в списках литературных источников в публикациях. Если статья конкретного автора описана разными способами – она попадает в список его трудов несколько раз. Открыв этот список, нетрудно увидеть дубликаты. Поэтому число публикаций преувеличивается. В РИНЦ есть система «внутренних публикаций» – тех, которые имеются в электронной библиотеке РИНЦ. Именно по ним рассчитывается число цитирований определенных статей и индекс Хирша. При этом игнорируются неточные библиографические описания. Как следствие, цитируемость отдельных публикаций и индекс Хирша занижаются.

Согласно сказанному ключевым показателем эффективности научной деятельности является число цитирований. А не другие наукометрические (число публикаций, индекс Хирша) или экспертные (ученые степени, звания, должности, членство в академиях) показатели.

Сильно влияет на наукометрические показатели неполнота библиометрических баз. Особенно это касается научных трудов, размещенных на бумажных носителях. Они не оцифрованы – а потому как бы не существуют.

Пожелание или требование об использовании западных индексов цитирования (SCOPUS, WOS) заставляет вспомнить слова «Что это – глупость или измена?» (известное выражение П.Н. Милюкова из его речи на заседании Государственной Думы Российской империи 1 ноября 1916 г.). Процитируем сводку от 10 февраля 2015 г. [39]: «Согласно наиболее полному каталогу периодических изданий *Ulrichsweb*, в мире сейчас издается 34 585 рецензируемых научных журналов, из них более 80% (28 134) – на английском языке... База данных *SCOPUS* отбирает для индексирования более 21 тыс. научных журналов из всего списка, из них около 21% – публикации не на английском языке, а 406 – российские. База данных *Web of Science* (WOS) подходит к отбору своих источников более избирательно и индексирует всего 8539 журналов по естественным наукам (из них 149, то есть менее 2%, – российские) и 3080 журналов по общественным наукам (из них только 3, то есть менее 0,1%, – российские). База данных РИНЦ охватывает 10 343 российских научных журнала, однако индексирует из них менее половины (4879). Но даже из этого количества в список ВАК входят всего 2269 журналов... Всего 394 российских журнала из списка ВАК (17%) индексируются в международных базах данных».

Таким образом, SCOPUS и WOS индексируют лишь весьма малую часть российских журналов. Возможно, те, кто агитирует за использование этих индексов, незнакомы с приведенными фактами. Тогда их выступления не являются квалифицированными, не соответствуют нормам научной этики, требующей исходить из проверенных фактов. Если же приведенные выше статистические данные знакомы подобному агитатору, то его действия сознательно направлены на причинение вреда отечественной науке.

«Мировая наука» – это миф. Как убедительно показал С.Н. Гринченко [40], мировая наука не является «организмом». Отечественная наука (как и отечественное народное хозяйство) является самодостаточной. Нет необходимости в тесных контактах с зарубежьем, достаточно иметь информацию о продвижениях конкурентов. Впрочем, каждому самостоятельному научному работнику хорошо известно, что исследование можно (а зачастую и наиболее целесообразно) начинать до знакомства с работами предшественников. Подробнее эта тема раскрыта в [1, 40] и статье «О строительстве науки в отдельно взятой стране» [19].

С.Н. Гринченко мировую (глобальную) науку – «орган» единой системы Человечества – сопоставляет с другими такими «органами» – «мировым производством», «мировым образованием» и др. [40]. Организации будущего управления хозяйством (т.е. будущей глобальной и региональной экономики, экономики и организации производства на предприятиях и их объединениях) посвящена функционалистско-органическая информационная экономика, опирающаяся на взгляды Аристотеля (ее называют также солидарной информационной экономикой или неформальной информационной экономикой будущего) (см. [41] и др.). В ней разрабатываются процедуры принятия согласованных

решений. Аналогичные процедуры могут быть использованы, апробированы и внедрены для решения различных задач управления наукой.

Кому выгодно, чтобы отечественные исследователи публиковали статьи в зарубежных журналах? Деятелям этих стран, кратко, Западу. Они получают информацию о наших исследованиях. В переводе – на английском языке. Хорошо подготовленную (по правилам зарубежных журналов). Бесплатно. И не только бесплатно, но и берут с наших исследователей плату за публикацию и за подготовку рукописей к печати. При этом значительно сокращая доступность отечественных результатов для отечественных ученых (см. более подробное обсуждение в [36]).

Странным является отрицательное отношение к самоцитированию отдельных авторов, публикующихся по вопросам оценки эффективности научной деятельности. Анализ предшественников может быть нужен в начале цикла исследований, когда нет собственных публикаций и, как следствие, самоцитирование невозможно. После получения новых самостоятельных результатов исследователь (или исследовательский коллектив) опережает других, и его новые работы опираются на ранее созданную им базу, а не на работы со стороны. Другими словами, для дальнейших статей «посторонних предшественников» попросту нет. А вот ссылок на собственные предыдущие работы объективно становится много. Необходимо указать связи новых результатов с ранее полученными тем же автором.

Таким образом, самоцитирование – это хорошо. Это значит, что ученый строит свою область. А отсутствие самоцитирования означает, что для автора эта статья – первая по новой для него тематике. Либо он – начинающий, либо «срывает яблоки из чужих садов». Типовая ситуация – берет чужую работу и изучает, конспектирует ее – получается собственное произведение (см. примеры в [36]). Поясним сложившуюся традицию в простых и понятных терминах: один человек построил дом, другой покрасил дверь в нем. И теперь надо ссылаться на второго из них, в лучшем случае добавляя «который развил (или улучшил) первоначальные соображения первого».

Критика научного журнала за самоцитирование выглядит особенно нелепо, поскольку противоречит естественному процессу научных исследований. Вполне естественно, что авторы, работающие по одной и той же тематике, имеют тенденцию публиковаться в одном и том же журнале и ссылаться друг на друга.

Продвижение научного результата можно сравнить с завоеванием рынка, причем рынка капиталистического типа. Маркетинг на этом рынке могут осуществлять специальные структуры, отделенные от исследователя, как это предлагается в [42].

Очевидна коммерческая основа многих популярных лозунгов и принятых под их влиянием решений. Бесспорно требование о первоначальной публикации в российских журналах результатов исследований, выполненных на деньги российских налогоплательщиков. Тот, кто делает первую публикацию за рубежом, наносит экономический ущерб нашей стране.

Науковедение, наукометрия, вопросы оценки эффективности и управления научной деятельностью требуют дальнейшего развития.

Многие положения настоящей работы близки к позиции академика РАН, генерального директора ВИАМ Е.Н. Каблова [43].

Список литературы

1. Орлов А.И. Наука как объект управления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. – № 101. – С. 1243–1273. – http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/11.pdf
2. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
3. Луценко Е.В. Хиршамания при оценке результатов научной деятельности, ее негативные последствия и попытка их преодоления с применением многокритериального подхода и теории информации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 108. – С. 1–29. – http://ej.kubagro.ru/2015/04/pdf/01.pdf
4. Луценко Е.В. Синтез и верификация многокритериальной системно-когнитивной модели университетского рейтинга Гардиан и ее применение для сопоставимой оценки эффективности российских вузов с учетом направления подготовки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 107. – С. 1–62. – http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/01.pdf
5. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. — 320 с.
6. Орлов А.И., Луценко Е.В., Лойко В.И. Перспективные математические и инструментальные методы контроллинга / Под научной ред. проф. С.Г. Фалько. Монография (научное издание). – Краснодар, КубГАУ. 2015. – 600 с. – http://elibrary.ru/item.asp?id=23209923
7. Орлов А.И. О развитии контроллинга научной деятельности // Контроллинг на малых и средних предприятиях (Прага, 25 апреля, 2014, Высшая школа финансов и управления). Сборник научных трудов IV международного конгресса по контроллингу / Под научной редакцией д.э.н., профессора Фалько С.Г. – Прага – Москва, НП «Объединение контроллеров», 2014. – С. 227–231. – http://controlling.ru/files/56.pdf
8. Мухин В.В., Орлов А.И. О контроллинге научной деятельности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. – № 100. – С. 1222–1237. – http://ej.kubagro.ru/2014/06/pdf/13.pdf
9. Мухин В.В., Орлов А.И. Совершенствование организационных структур и контроллинг персонала на предприятиях типа «Научно-исследовательский институт» ракетно-космической промышленности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 109. С. 265–296. – http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/16.pdf
10. Управление большими системами / Сборник трудов. Специальный выпуск 44. Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / [под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева]. – М.: ИПУ РАН, 2013. – 568 с. – http://ubs.mtas.ru/archive/index.php?SECTION_ID=685

11. Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: сборник статей / Под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – М.: ИПУ РАН, 2013. – 572 с.
12. Орлов А.И. Два типа методологических ошибок при управлении научной деятельностью // Управление большими системами / Сборник трудов. Специальный выпуск 44. Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / [под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева]. – М.: ИПУ РАН, 2013. – С. 32–54. – http://ubs.mtas.ru/archive/search_results_new.php?publication_id=19050
13. Орлов А.И. Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами / Сборник трудов. Специальный выпуск 44. Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / [под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева]. – М.: ИПУ РАН, 2013. – С. 538–568. – http://ubs.mtas.ru/archive/search_results_new.php?publication_id=19078
14. Орлов А.И. О некоторых методологически ошибочных методах анализа и оценки результатов научной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 528–533.
15. Орлов А.И. Примеры методологических ошибок при управлении научной деятельностью // Проблемы наукометрии: состояние и перспективы развития. Международная конференция. – М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2013. – С. 107–109.
16. Орлов А.И. Критерии выбора показателей эффективности научной деятельности // Контроллинг. 2013. – № 3(49). – С. 72–78.
17. Орлов А.И. О показателях эффективности научной деятельности // Экономический анализ: теория и практика. 2014. – № 7 (358). – С. 21–29.
18. Орлов А.И. О показателях эффективности научной деятельности // Дайджест-финансы. 2014. – № 2. – С. 50–56.
19. Орлов А.И. О строительстве науки в отдельно взятой стране // Biocosmology – neo-Aristotelism. 2014. – Vol. 4, N 3. – P. 203–223. – https://sites.google.com/site/biocosmologyneoaristotelism/home/1
20. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: Московский центр непрерывного математического образования, 2011. – 72 с.
21. Чудова Н.В. Помериться «хиршами», или о новом цивилизационном вызове // Вестник Российской академии наук. – М., 2014. – Т. 84, № 5. – С. 462–464.
22. Бугаченко А.Л. Почему Хирш плох? // Вестник Российской академии наук. – М., 2014. – Т. 84, № 5. – С. 461–461.
23. Миркин Б.Г. О понятии научного вклада и его измерителях // Управление большими системами. – М., 2013. – № 44. – С. 292–307. – http://ubs.mtas.ru/archive/search_results_new.php?publication_id=19064
24. Орлов А.И. Принятие решений и экспертные оценки в авиации и ракетно-космической промышленности // Теория активных систем: Труды международной научно-практической конференции (17–19 ноября 2014 г., Москва, Россия) / Общая редакция – В.Н. Бурков, Д.А. Новиков. – М.: ИПУ РАН, 2014. – С. 81–82. – http://www.mtas.ru/upload/library/tas2014/S2-PDF/2-10.pdf
25. Орлов А.И. Первый Всемирный конгресс Общества математической статистики и теории вероятностей им. Бернулли // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 1987. – Т. 53, № 3. – С. 90–91.
26. Орлов А.И. Всемирный Конгресс Общества им. Бернулли // Стандарты и качество. – М., 1987. – № 5. – С. 105–106.
27. Орлов А.И. Первый Всемирный конгресс Общества математической статистики и теории вероятностей им. Бернулли // Надежность и контроль качества. 1987. – № 6. – С. 54–59.
28. Кендалл М.Дж., Стьюарт А. Теория распределений. – М.: Наука, 1966. –588 с.
29. Кендалл М.Дж., Стьюарт А. Статистические выводы и связи. – М.: Наука, 1973. – 896 с.
30. Кендалл М.Дж., Стьюарт А. Многомерный статистический анализ и временные ряды. – М.: Наука, 1976. – 736 с.
31. Семитомник «Новая хронология». – http://chronologia.org/lit7a.html
32. Налимов В.В., Баринова З.Б. Этюды по истории кибернетики // Философия науки. 2000. – № 1 (7). – С. 55–78.
33. Лем С. Сумма технологии: Собр. соч. Т.13 (дополнительный). – М.: Текст, 1996. – 463 с.
34. Орлов А.И. Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 475 с.
35. Диссернет. – http://www.dissernet.org/about/
36. Орлов А.И. О ключевых показателях эффективности научной деятельности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 111. – С. 81–112. – http://ej.kubagro.ru/2015/07/pdf/06.pdf
37. Понтрягин Л.С. Жизнеописание Л.М. Понтрягина, математика, составленное им самим. Рождения 1908 г., Москва. – М.: Прима В, 1998. – 340 с.
38. Мелихова Л. Расстройство иммунной системы образования. Диссернет представляет ректоров российских вузов // Троицкий вариант – наука. 2016. – № 203. – С. 6–7 – http://trv-science.ru/2016/05/03/rasstrojstvo-immunnoj-sistemy-obrazovaniya/
39. Где публикуются рецензируемые научные статьи? // Троицкий вариант – наука. 2015. – № 172. – С. 3–3. – http://trv-science.ru/2015/02/10/gde-publikuyutsya-recenziruemye-nauchnye-stati/
40. Гринченко С.Н. Является ли мировая наука «организмом»? // Biocosmology – neo-Aristotelism. Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2014. – Vol. 4, N 1–2. – P. 115–122. – https://sites.google.com/site/biocosmologyneoaristotelism/home/1-1
41. Орлов А.И. Солидарная информационная экономика – инструмент реализации национальных интересов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 33 (222). – С. 2–10.
42. Милек О.В., Шмерлинг Д.С. О продвижении университета на международном академическом «рынке» // Управление большими системами. – М., 2013. – № 44. – С. 139–143. – http://ubs.mtas.ru/archive/search_results_new.php?publication_id=19055
43. Каблов Е.Н. Право на рейтинг. Как оценить интеллектуальный ресурс России? // Поиск. – М., 2014. – № 45–46, 14 ноября. – http://www.poisknews.ru/theme/publications/12395/#.Vc47YCAP9as.vk

Яницкий О.Н.[1]

СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ЭКОСОЦИОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА[2]

Ключевые слова: *актор, время, глобализация, дихотомия, парадигма, практика, природа, проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы, социальный метаболизм, среда, теория, человек, экосоциология, Россия.*

Keywords: *actor, time, globalization, dichotomy, paradigm, practice, nature, problem-oriented, and interdisciplinary approaches, social metabolism, environment, theory, man, eco-sociology, Russia.*

Экосоциология – интенсивно развивающаяся научная дисциплина, основными чертами которой является междисциплинарный поход, проблемно-ориентированный анализ, нелинейный характер глоболокальных процессов, растущий интерес к процессам социально-экологического метаболизма в системе «общество-природа», риск-анализ и эко-социальная интерпретация данных естественных и технических наук. Суть современной ситуации в этой перспективной отрасли знания состоит в необходимости смены ее ключевой парадигмы в соответствии с развитием глобальных процессов, информационно-коммуникационных технологий и научного знания.

В мировой экосоциологии в течение 1970–2000 гг. господствовала дихотомия «человек-природа», предложенная американскими социологами У. Каттоном и Р. Данлэпом в конце 1970-х гг. Ее формула: «Парадигма человеческой свободы» vs. «Новая экологическая парадигма» (Human Exemptionalism Paradigm vs. New Ecological Paradigm). Теоретическая суть этой «новой» парадигмы была проста: природа налагает некоторые ограничения (какие именно, не указывалось) на человеческую деятельность.

Одно из объяснений факту столь долгого господства заключается в том, что американская социология к тому времени была наиболее «ресурсно-обеспеченной» и хорошо институционализированной дисциплиной, под воздействием которой находилась как европейская, так и российская социология в течение почти трех десятилетий. Феномен доминирования существует не только в экономике или политике, но и в производстве и распространении научного знания. Что и произошло в действительности: под воздействием адептов этой парадигмы оказались организационные формы научного исследования, общественные организации, приоритеты в сфере публикаций и цитирования и т.д. Показательно, что другие подходы к проблеме «общество—природа» существовали, как например, работы П. Дикенса, Л. Милбрэса, Р. Мэрфи, а также автора данной статьи, публиковались, но до самого последнего времени не обсуждались, не цитировались и т.д.

Даже в период 1970–2000 гг. такой дихотомический подход был шагом назад по сравнению с комплексным историко-культурным подходом, развивавшимся европейской социологией (К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель, К. Бюхер, О. Шпенглер и др.). Этот подход был также шагом назад по сравнению с российскими и зарубежными комплексными социально-гуманитарными исследованиями (Луи-С.Мерсье, Ч. Диккенс, П. Сорокин, В. Крестовский, Ф. Достоевский). Я особо обращаю внимание на работу П. Сорокина «Голод как фактор…», написанную еще вначале 1920-х гг. прошлого века, которая представляла собой одну из первых попыток всестороннего, то есть экосоциального анализа взаимосвязи «человек–среда его обитания» в критических обстоятельствах гражданской войны.

Дихотомия «человек-природа» по существу отрицала комплексный, проблемно-ориентированный подход, предложенный основателями Чикагской школы человеческой экологии (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Ю. Барджесс и др.) еще в 1920-х г. В 1950-х гг. Р. Парк ввел в социологию понятие «маргинального человека» (человека на рубеже культур), столь актуальное сегодня. Становление экосоциологии города как самостоятельной социологической дисциплины – принципиальный исторический факт. Важно, что тогда «человеческая экология» возникла как ответ на конфликты и противоречия, возникшие вследствие массового притока мигрантов из Европы и России и этнонациональных конфликтов. Следование американской, европейской и, в значительной мере, российской экосоциологии принципам данной парадигмы означало также отрицание огромного пласта эмпирического и концептуального знания, накопленного русскими учеными, практиковавшими глобальный и междисциплинарный подходы. Речь идет о работах В.И. Вернадского, Д.И. Менделеева, А.Л. Чижевского, а позже – А.П. Виноградова, М.И. Будыко, А.Л. Яншина, Н.Н. Моисеева, Э.С. Кульпина, О.Н. Яницкого и многих других.

Парадоксально, но почти в течение полувека ситуация как в общетеоретической социологии, так и в экосоциологии оставалась неизменной, хотя ведущими европейскими социологами накапливался материал, отрицающий дихотомический подход (работы У. Бека, Э. Гидденса, М. Кастельса, А. Турэна и других). Дихотомия «человек—среда обитания» никак не согласовалась с новейшими исследованиями в области глобализации, рискологии, «активистской социологии», свидетельствовавшими о неадекватности данного подхода.

---

[1] Яницкий Олег Николаевич – д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института социологии РАН. Области научных интересов: глобализация, междисциплинарная методология ее исследования, метаболические процессы в обществе и городе, модели поведения индивида в глобальном мире. Электронная почта: oleg.yanitsky@yandex.ru

[2] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-000-27.

Необходимость смены парадигмы в социологии возникает в трех случаях. Первый, когда происходит смена способов общественного производства и воспроизводства самого общества. Это – критическая ситуация, требующая не просто анализа «последствий» этого качественного скачка, но и его парадигматического осмысления. Второй, это возникновение критической ситуации в самой науке, когда ее теоретический инструментарий устаревает и становится непригодным для изучения новых вызовов. Особенно если эти вызовы приходят не со стороны эволюционно развивающихся социальных процессов, а от «гибридных» биосоциотехнических явлений. В данном случае методология «главного звена» или «ключевого фактора» уже не работает. Третий случай, точнее, препятствие, это когда социология становится инструментом обслуживания политических процессов и предпочтений. Публичность социологического знания хороша там, где социологи (во взаимодействии с другими профессионалами) формируют систему ключевых представлений и понятий всего общества. Но не там, где социологическое знание используется как иллюстрация или как инструмент пропаганды.

С моей точки зрения, главным фактором, требовавшим смены парадигмы в экосоциологии, были именно изменения способа производства и воспроизводства общества, произошедшие в исторически ничтожные сроки. Эта смена обычно именуется новой технологической революцией. Эта смена произошла в развитых странах с высоким уровнем достатка, тогда как в остальном мире она вызвала неоправданные надежды на быстрый и безболезненный прыжок из разнообразия множества «традиционных» и архаичных укладов в современное, высокотехнологичное общество.

Конкретными факторами, требовавшими смены парадигмы, были следующие: глобализация, усилившая борьбу за природные и другие ресурсы; информатизация, породившая феномены «инверсии пространства» и «глобального присутствия»; последовавшие за ними процессы массовых миграций и дальнейшая «социализация природы». Произошло взаимопроникновение природных, социальных и технологических процессов, и как результат, формирование глобальной высоко интегрированной социобиотехнической системы. Геополитика как доктрина и как практическая политика вышли на первый план. Далее я постараюсь характеризовать основные свойства этой системы.

Во-первых, это – созданная человеком система, имеющая свои закономерности развития, не сводимые к «взаимодействию» общества и природы как обособленных субъектов деятельности. Говоря социологическим языком, оппозиции типа «свой–чужой», «мы–они», снимаются. По сути своего воздействия на человека и общество, социобиотехническая система становится социальным актором, субъектом социального действия. То же можно сказать и о природе: она не только изменяется, но она изменяет и нас. Все это означает, что необходимы отход от предметного принципа обучения и анализа и решительный поворот в сторону проблемно-ориентированного подхода.

Во-вторых, эта система развивается далеко не линейно. Напротив, ее динамика характеризуется прямыми и обратными ходами, «остановками» и бифуркациями. Как говорил У. Бек, «История возвращается!». Отсюда, идеология «устойчивого развития» приобретает относительный характер. Сегодня развитие социобиотехнических систем любого масштаба невозможно без перманентного нарушения (не разрушительного!) ее равновесия. Скорее, следует говорить об устойчивой динамике как об идеале. Однако в нашем случае речь скорее идет о динамике «мобилизационного» типа, как это уже не раз было на переломных моментах российской истории.

В-третьих, в основе динамики социобиотехнической системы и ее многочисленных ответвлений лежат борьба интересов и конфликт. Те социальные конфликты, которые изучали основатели Чикагской школы на примере американских городов, сегодня стали глобальными. В отличие от О. Тоффлера, назвавшего современную ситуацию «глобальной деревней», я называю ее процессом формирования «глобального города». Но этот «глобальный город» резко отличается от городов прошлых эпох. Это «город» скорее в шпенглеровском смысле, основным «потребителем» которого является «кочевник», «потребитель», то есть временный житель или столь же временный пользователь его сетями и ресурсами. «Глобальные города» высасывают из страны ее природные и интеллектуальные ресурсы. Оборотной стороной такой «экологии» являются горы мусора, которые или сжигаются, или закапываются, нанося вред как природе, так и человеку. Проблема действительной экологизации глобальной социобиотехнической системы уже более полувека находится в стадии дискуссий.

В-четвертых, в условиях глобализации-информатизации *время становится важнейшим ресурсом*. Однако существующая система принятия решений критически отстает от изменений в данной системе (см. примеры договоренностей на высшем уровне, в частности, по реализации Минских соглашений и т.п.). Если речь идет о сверхсложных системах, например, о городах, то задача еще усложняется, так как их акторы и структуры имеют разные сроки жизни, траектории и ритмы функционирования. Существующая система национальных и международных институтов не соответствует темпо-ритмам глобальной динамики. Другая сторона той же проблемы состоит в том, что чем «умнее» элементы некоторой социобиотехнической системы, тем сложнее задача их со-организации, соединения с общей динамикой целого. Наконец, в соответствии с Первой теоремой Геделя, прогнозирование динамики этого целого может иметь только вероятностный характер. Требуется совершенно новая система принятия решений, одновременно более демократичная по своей сути и «процессуальная», то есть непрерывная, по своему характеру.

В-пятых, поскольку негативные последствия производственной деятельности постепенно накапливаются в среде обитания человека, ее реакция на всякое внешнее воздействие может быть не только отложенной во времени, но и неадекватной по силе и масштабу. Вместе с тем, сама социобиотехническая система весьма уязвима для любых воздействий, начиная от флуктуаций глобального рынка и до действий террористов-одиночек. В последнем случае мы имеем дело с феноменом, именуемым «силой слабости», когда непропорционально малое возмущающее воздействие может нанести глобальный урон.

В-шестых, дихотомия «актор–среда» также становится относительной. В одних случаях среда «поглощает» внешние воздействия, но только до определенного предела, называемого ее несущей способностью (carrying capacity). Если эта способность превышена, наступает момент бифуркации, и среда превращается в силу, несущую разрушения

существующей социобиотехнической системе и принципам ее функционирования (см. пример угрозы изменения климата, когда биосфера начинает постепенно менять всю глобальную систему круговорота обмена вещества и энергии).

В-седьмых, привычная для социолога дихотомия «человек–природа» не учитывает процессов обмена между ними. Широко используемая в социологии категория «взаимодействия» (interaction) недостаточна, необходимо изучение всего спектра взаимных изменений. Как, например, односторонних процессов угнетения, поглощения и разрушения, или же – взаимной стимуляции и многоступенчатых трансформаций. Мною выделяются два вида социально-экологического метаболизма: обмен между человеком и измененной природой (так называемый химизм жизни), и собственно социальный метаболизм, то есть различные формы обмена между индивидами, группами и сообществами.

В-восьмых, сегодня направленное изменение человеком природных процессов (ливни, ураганы, засухи, создаваемые технологическими средствами) используется им в качестве оружия в современной «гибридной войне». Вместе с тем, познание законов функционирования изменяющейся биосферы, о необходимости которого Вернадский писал почти 100 лет назад, еще далеко от своего завершения.

В-девятых, вследствие неустойчивости рассматриваемой нами системы в мире сегодня нет абсолютно безопасных мест, есть только более или менее безопасные, и эти их состояния постоянно изменяются, часто непредсказуемым образом. Отсюда возникает проблема адаптации человека к этому неустойчивому, динамичному и плохо прогнозируемому миру.

В-десятых, серьезно изменяется структурно-функциональная организация первичной социобиотехнической системы индивида, то есть его микромира. Или, говоря словами Э. Гидденса, «кокона основополагающего доверия». С одной стороны, эти микроструктуры стали более закрытыми посредством разных технических средств. С другой стороны, их функциональные связи становятся все более мобильными, переменчивыми. В психологии есть понятие баланса «включения–обособления». Сегодня он серьезно изменяется. Нет более четкого разделения на рабочее и свободное время индивида. Индивид постоянно «включен» в деловые и иные сети (мобильник не выключается) и одновременно он стремится себя обезопасить, изолировать от избыточной информации. В какой-то степени сталинские времена возвращаются, когда любой член общества мог быть «вызван наверх» с неопределенными последствиями.

В-одиннадцатых, изменились суть и структура процесса социализации. Раньше первичная социализация осуществлялась постепенно, по ступеням (семья, детский сад, школа, вуз, работа). Сегодня 3–4 летний ребенок способен самостоятельно включиться в глобальный мир непосредственно, минуя названные ступени социализации и, главное без посредников. А школа – это скорее среда обучения жестким «правилам жизни», нежели инструмент воспитания и обучения. Воспитатели, перегруженные формальной отчетностью (правилами кодификации, по М. Буравому), критически отстают от тех, кого они должны учить жизни. Кроме того, и учителя, и ученики находятся в ситуации двойной неопределенности. С одной стороны, они ищут связи, которые обеспечили бы им максимальную информированность при минимальном риске (принцип «мини-макса»). С другой стороны, общество (через СМИ) предлагает всем возрастным категориям и социальным стратам населения готовые рецепты этих средств даже целых жизненных стратегий, но безо всяких гарантий. Типичная присказка рекламы: это мы вам рекомендуем, но имеются противопоказания, посоветуйтесь с врачом. Хотим мы этого или нет, для массы подростков и молодежи СМИ – главный учитель и воспитатель.

В-двенадцатых, как и любой другой способ общественного производства, информационное производство производит свой вид отходов: информационный шум. Этот шум может быть двух родов: как побочный продукт этого производства и как специально сконструированный шум, то есть дезинформация. Социобиотехническая система все более подвержена воздействию информационного шума. И дело не только в избытке производимой информации. В конкурентном мире инсайдерская информация является наиболее ценной, потому что она более достоверна. Раньше такую информацию добывали спецслужбы, сегодня же добычей инсайдерской информации занимаются все: от отдельных лиц и до глобальных социальных сообществ. И это – не конспирология, а реальность.

Весь комплекс проблем, связанных с нелинейной динамикой современной глобальной социобиотехнической системы, требует новых международных принципов и инструментов систематического мониторинга этой динамики. Это необходимо, в частности, потому, что в современных условиях изменяется смысл самого понятия «богатство». Оно сегодня состоит не только в росте материального благосостояния или в интеллектуальном развитии, но оно включает также такие понятия, как уровень безопасности и вероятность сохранения человечества как такового. Поэтому я рассматриваю экосоциологию не как еще одну социологическую дисциплину «среднего уровня», но как перспективу все более тесного взаимодействия гуманитарных, естественных и технических наук.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Анисимова А.Э.[1]
Гагельстром А.О.[2]

РОССИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА

Ключевые слова*: высшее образование, рынок труда, перспективные специальности, экономическая выгода, перспектива трудоустройства, аналитическое исследование, упущенные навыки, рейтинг вузов по трудоустройству.*

Keywords*: education for jobs, future occupations, economical benefits, employment, analytical issue, skill gap, university employment ranking.*

Современный российский рынок труда имеет малоэффективную связь с системой высшего образования, не обладающей, в свою очередь, достаточными ресурсами для регулярного обновления набора специальностей и учебных планов. Прямых механизмов вмешательства в дела университетов сегодня не существует, поскольку большинство университетов в настоящее время – автономные организации. Однако возможно оказывать влияние на институты высшего образования путем формирования спроса на образовательные услуги. Российским потребителям рынка образовательных услуг в значительной мере мешает недостаточная информированность об эффективности работы вузов. Данная работа позволяет сформировать механизм предоставления информации населению о качестве услуг московских вузов и их связях с региональным рынком труда.

В работе исследованы параметры, позволяющие оценивать связь вузов с рынком труда: стоимость обучения, уровень заработной платы, количество учебных мест, количество рабочих мест по отдельным специальностям. В качестве основных источников были использованы информационные ресурсы сайтов headhunter.ru, rabota.ru, ucheba.ru. Группой исследователей проводился и опрос работодателей.

Онлайн-объявления о работе являются специфической формой информации о работе. Как правило, специализированными сайтами пользуются работодатели, предлагающие рабочие места для сотрудников средней и высшей квалификации, легко ориентирующихся в Интернете и способных составить качественное резюме. Поскольку в этой работе мы исследуем специальности, требующие высшей квалификации, сайты по поиску работы являются подходящей базой данных для анализа.

Есть отдельные направления (например, работа в правительстве, военной отрасли), которые представлены в онлайн-объявлениях недостаточно. Это означает, что работников для этих областей чаще принимают по знакомству или по направлению. Можно сказать, что мы проводим данное исследование для тех выпускников вузов, которые будут искать работу, не обладая необходимыми знакомствами.

К сожалению, в России пока не получили широкого распространения спайдерские программы, собирающие информацию о работе с потенциальных сайтов работодателей в автоматическом режиме. Подобной программой в США является «Burning glass» [1, 2][3]. Это связано с том числе с тем, что объявления о работе на большинстве российских порталов являются платными для работодателей (исключение составляет только дочерний портал Rabota.ru – раздел Работа на Mail.ru). Однако в России уже есть порталы, собирающие значительное число объявлений о работе, в том числе за счет объединения ресурсов различных сайтов.

Федеральная служба по труду и занятости также имеет свою базу актуальных вакансий, однако более скромную, чем российские Интернет-порталы.

Профессии и специальности

Действующий в настоящее время список специальностей и направлений обучения (http://www.ucheba.ru/for-abiturients/speciality) только отчасти отвечает актуальному списку профессий, востребованных на рынке труда. Для большинства профессий в списке специальностей можно найти соответствующее наименование, однако встречаются такие виды профессиональной деятельности, которые не подкреплены действующими вузовскими программами (SEO специалист, контент-менеджер, логист, системный администратор). Для того чтобы получить рабочее место по этим направлениям, соискателям требуется получить дополнительное образование самостоятельно или пройти обучение на рабочем месте.

---

[1] Анисимова Алина Эмануиловна – с.н.с. Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: dvesti7@yandex.ru

[2] Гагельстром Алиса Олеговна – аспирант Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: alisaasila@rambler.ru

[3] В США более 200 колледжей используют онлайн-объявления о работе для того, чтобы корректировать учебные планы.

В списке специальностей и направлений обучения для высших учебных заведений есть целые направления и отрасли, найти работу по которым уже практически невозможно (например, конструирование гражданских летательных аппаратов, ввиду угасания в России отрасли самолетостроения).

Рейтинги вузов

Современная система рейтингования российских вузов настроена, в основном, на оценку научных успехов преподавателей и студентов. Применение индексов цитирования при оценке преподавателей не позволит определить качество вуза с точки зрения трудоустройства выпускников. Первые попытки создания рейтингов вузов на основе статистики трудоустройства выпускников предпринимались в последние годы газетой «Коммерсант», федеральными агентствами, ответственными за российское высшее образование. Однако такие рейтинги следовало бы выпускать чаще с учетом меняющегося спроса на отдельные специальности.

Сотрудники кадровых служб ключевых предприятий[1], предлагающих работу по наиболее «эффективным» специальностям (архитектор, системный администратор), были опрошены в рамках настоящего обследования. Им задавался следующий вопрос: Выпускников каких вузов Вы приняли на работу по специальности … за последние два года? По каждой из специальностей было опрошено не менее 30–40 предприятий. Всего ответов было получено 20. Результаты опроса представлены в табл. 1.

Таблица 1

Выпускников каких вузов ваша компания принимала на работу по специальности … за последние два года?

Специальность	Вузы по специальности, называемые работодателями	Вузы по специальности, ни разу не названные работодателями	Вузы не по специальности, называемые работодателями
Архитектор	1. Государственный университет по землеустройству (2) 2. Национальный исследовательский московский государственный строительный университет (5) 3. Российский университет дружбы народов (1) 4. Московский архитектурный институт (6) 5. Московский архитектурно-строительный институт (4)	1. Московский государственный университет геодезии и картографии 2. Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова 3. Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова 4. Институт искусства реставрации 5. Московский государственный университет леса 6. Филиал «Котельники» Международного университета природы, общества и человека «Дубна»	
Системный администратор	1. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (1) 2. Московский городской психолого-педагогический университет (1)	1. Российский новый университет 2. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет 3. Московский университет государственного управления	1. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (3) 2. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (3) 3. Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (2) 4. Московская Финансово-промышленная Академия (1) 5. Московский технический университет связи и информатики (1) 6. Московский государственный агроинженерный университет имени В. П. Горячкина (1) 7. Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова (1) 8. Московский государственный университет природообустройства (1) 9. Открытый технологический институт (1) 10. Московский институт электроники и математики (1) 11. Московский авиационный институт (2) 12. Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (1) 13. Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (1) 14. Российский государственный технологический университет им. К.Э. Циолковского (1)

[1] Список предприятий составлялся на основе объявлений, размещенных на сайте hh.ru

Как оказалось, существует значительное число вузов, готовящих специалистов по специальности, которых потом не принимают (или принимают редко) на работу. Для всех обследованных специальностей это относится к большинству вузов. Кроме того, обозначились такие виды деятельности, для выполнения которых работодатели предпочитают принимать на работу выпускников, окончивших смежные факультеты, но в более качественных вузах. Такая ситуация наблюдается для специальности «системный администратор». Выпускников Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова хозяева фирм явно предпочитают выпускникам других вузов, имеющим профильную специализацию.

Квалифицированный подбор специальности

При выборе будущей специальности следует учитывать не только будущие заработки, но и цену на образование, собственные когнитивные, организаторские, лидерские способности, количество рабочих мест на рынке труда. Для обычного выпускника школы, не имеющего специальных инструментов принятия решений в этой области, сделать правильный выбор будет крайне сложно. Для упрощения этой задачи можно воспользоваться информацией о профессиях, имеющейся в Интернете, пройти тестирование, определить свои склонности и способности. Немалую роль в информационном освещении ситуации на рынке труда играют аналитические исследования, сделанные в режиме реального времени. Мы провели собственное такое исследование путем ранжирования данных по четырем основным параметрам, определяющим качество принятия решения о будущей профессии: средний уровень заработной платы для начинающих и опытных специалистов, средняя стоимость обучения в вузе, количество факультетов по специальности в г. Москве, количество единовременных предложений на рынке труда. Информация для первой и четвертой колонки собиралась на сайте hh. Для второй и третьей колонки были использованы сведения, полученные на сайте Учеба.ру. Прочерк означает отсутствие сведений.

Таблица 2

Экономическая выгода и перспективы трудоустройства для ряда специальностей, по данным hh

Название специальности	Уровень з/п	Стоимость обучения	Кол-во факультетов в Москве	Кол-во рабочих мест		
SEO специалитет	2	–	1	1		
Авиаинженер	1	1	1	1		
Архитектор	3	1	1	2	+	+
Ветеринар	1	1	1	1		
Врач	2	3	1	3	–	+
Геолог	3	2	1	1	+	
Графический дизайнер	1	2	1	1	–	
Дизайн одежды	1	1	1	1		
Журналист	1	1	1	1		
Инженер по телекоммуникациям и связи	–	1	1	–		
Инженер по технике безопасности	1	1	1	1		
Инженер-конструктор	1	1	1	2		+
Инженер-строитель	2	1	1	1	+	
Инженер-технолог по качеству	–	1	1	–		
Инженер-электрик	1	1	1	1		
Инженер-энергетик	2	1	1	1	+	
Искусствовед	1	2	1	1	–	
Контент-менеджер	1	1	2	2		
Ландшафтный дизайнер	1	2	1	1	–	
Логист	1	1	1	2		+
Маркетолог	1	1	1	3		+
Менеджер	2	1	1	3	+	+
Менеджер гостиничного и рест. дела	2	1	1	1	+	
Менеджер по закупкам	2	1	1	3	+	+
Менеджер по инновациям	–	1	1	–		
Менеджер по персоналу	1	1	1	3		+
Менеджер по продажам	3	1	2	3	+	+
Менеджер по туризму	1	1	1	2		+
Налоговый консультант	3	–	1	1		
Нанотехнолог	–	1	1	–		
Педагог	1	1	1	1		
Переводчик	1	1	1	1		
Политтехнолог	–	3	1	–		
Программист	3	1	2	3	+	+
Психолог	1	1	1	1		
Психотепапевт	–	1	1	–		
Режиссер	1	1	1	1		
Системный администратор	1	1	1	2		+
Системный аналитик	3	1	3	1	+	–

Социолог	–	1	1	–		
Спец по гос. и муницип. управлению	–	1	2	–		
Специалист по защите информации	–	2	1	–	–	–
Стоматолог	2	3	1	1	-	
Таможенник	2	1	1	1	+	
Технолог пищевого производства	3	1	1	1	+	
Финансовый менеджер	2	3	1	1	–	
Химик-технолог	2	2	1	1		
Эколог	1	2	1	1	–	
Экономист	1	1	2	3		+
Юрист	1	1	3	3		

Собранные данные дают возможность обычному пользователю выбирать среди специальностей, в большей мере отвечающих его материальному положению. Таблица позволяет разделить специальности на дешевые, средние и дорогие (соответственно 1, 2 и 3 второй колонки). При этом с экономической точки зрения более предпочтительными будут считаться те специальности, которые имеют показатель первой колонки (уровень зарплаты) равный или выше, чем показатель во второй. Так, например, для небогатых семейств удачным будет считаться выбор следующих профессий: архитектор, инженер-строитель, инженер-энергетик, менеджер по закупкам, менеджер гостиничного и ресторанного дела, менеджер по продажам, программист, системный аналитик, таможенник и технолог пищевого производства. Из этого списка следует исключить системного аналитика, имеющего неблагоприятный прогноз по трудоустройству (значение четвертой колонки уступает значению в третьей). При этом особенно благоприятными с точки зрения трудоустройства можно считать специальности: архитектора, менеджера по закупкам, инженера-конструктора, менеджера по продажам.

Для молодых людей, представителей среднего класса (или высшей ступени низшего класса), в России выбор специальностей невелик. Даже если прогноз обещает экономическую выгоду от профессий геолога или химика-технолога, перспектив трудоустройства в этих областях экономической деятельности в настоящее время не наблюдается.

Состоятельные молодые люди, не стесненные денежными проблемами, могут выбирать специальности с наилучшим прогнозом по трудоустройству и наибольшими зарплатами. Например, специальность врача подразумевает большие затраты на обучение, средние дивиденды в будущем, но наилучшие перспективы по трудоустройству. Эта область профессиональной деятельности подразумевает на только врачебные услуги, но и медицинские продажи, обучение, производство и обслуживание медицинской техники. Следует при этом отметить, что в России сектор «дорогих специальностей» остается практически пустым, в силу неразвитости инновационного сектора экономики. Это хорошо подтверждают полученные данные.

Профессии графического дизайнера, ландшафтного дизайнера, искусствоведа, финансового менеджера, стоматолога, эколога можно порекомендовать только тем, кто не испытывает финансовых проблем и при этом имеет природную склонность к одному из вышеупомянутых занятий. Большим количеством рабочих места по этим специальностям экономика в настоящее время не располагает, успех гарантировать могут только личный талант и горячий интерес к специальности.

Навыки и компетенции, классификации

Во многих странах существует практика сбора информации о спросе на рынке труда с тем, чтобы создавать специализированные базы востребованных знаний, умений и навыков. Сбор данных осуществляется на основе опроса работодателей и анализа значительного количества резюме. Такие базы существуют в Австрии (AMS-Qualifikations-klassifikation), Германии (Kompetenzenkatalog), во Франции (ROME), США (O*NET), Швеции (Taxonomy_DB) [3] и т.д. На основе шведской базы данных был сформирован единый европейский портал «European job mobility portal». Все эти базы создаются ради того, чтобы стандартизировать наименования навыков и умений, упростить установление контакта между работодателем и подходящим работником. Огромное количество понятий в такой базе должно быть узнаваемым для массового пользователя. В базу также закладывается поиск по синонимам из обычного языка, а также технические термины, понятные профессионалам. В зависимости от концепции, национальная база востребованных навыков может дополняться социальными навыками, требованиями к предшествующему опыту, описанием личных качеств, необходимых для работы.

В отличие от образовательных программ, в которых акцент делается на знании факторов, принципов, теорий, в национальных базах компетенций «знание» воспринимается как основа компетенций и специально не классифицируется, тогда как «компетенции» могут подразделяться на личные компетенции, социальные компетенции, компетенции, связанные с умением работать руками, специфические и общие компетенции и т.д.

Авторы российского отчета «Развитие навыков для инновационного роста в России», подготовленного совместно Всемирным банком и Высшей школой экономики в 2015 г. [4], опираются на методологию классификации основных навыков и умений, разработанных Всемирным банком. Навыки и компетенции делятся на когнитивные (базовые и высокого порядка), некогнитивные (социальные/поведенческие, черты характера) и технические. Единый список навыков и умений (подробная классификация разработана только относительно когнитивных и некогнитивных навыков) позволил бы оценить, достаточно ли вузовские программы разработаны для развития наиболее востребованных навыков. Однако в России такую базу данных еще только предстоит создать.

Упущенные навыки

Упущенные навыки представляют собой список навыков и умений, востребованных работодателями, но дефицитных на рынке труда. Спрос на те или иные специальности может соответствовать количественно предложению со стороны специалистов – держателей соответствующих дипломов, однако при избытке предложения нередко случается так, что фирмы не могут удовлетворить свои потребности в профессиональной рабочей силе. Причиной тому – несоответствие навыков работников современным нуждам вследствие низкой гибкости системы подготовки кадров.

Явление это определяется в литературе как «skill gap» и является предметом постоянного мониторинга в развитых странах (Австралия, США, Великобритания и т.д.) [5]. Существует несколько способов выделения востребованных навыков, не охваченных большинством образовательных программ.

Наиболее распространенным является сопоставительный анализ количества вакансий и резюме по отдельным специальностям. В случае, если число резюме превышает число объявлений о вакансиях, но при этом вакансии не закрываются, можно предположить, что данные специальности содержат значительное количество «упущенных навыков», требуется дополнительная тренировка персонала и реформа учебного плана университетов и колледжей по этим направлениям.

Поскольку российский рынок труда охватывает ограниченное количество востребованных или экономически выгодных специальностей, в этой работе мы протестировали каждую из них (всего 23). В основе алгоритма действий были заложены следующие принципы.

На сайте hh каждое резюме по каждой специальности обрабатывается автоматически таким образом, что можно получить список 50 ключевых навыков, наиболее часто повторяемых соискателями (навыки были распределены нами по 5 децильным группам в зависимости от частоты упоминания). Каждый из этих навыков был дополнительно протестирован по базе данных вакансий. С учетом количества упоминаний в этой базе ключевые навыки были также повторно распределены по 5 группам. При таком подходе интерес представляли те ключевые навыки, которые в базе вакансий имели ранг выше, чем в базе резюме. Например, если «программирование» получало ранг 5 в обеих базах, то во внимание этот навык для данной специальности не принимался.

Таким образом для каждой из специальностей мы получили от 10 до 19 ключевых навыков, наиболее востребованных на рынке труда. Эти навыки были распределены в группы профессиональных навыков и так называемых «мягких» навыков, куда вошли психологические характеристики работников и общие навыки, востребованные в самых разных специальностях (обучение, навыки продаж, знание основных пользовательских компьютерных программ). Навыки внутри каждой группы составлялись в порядке убывания в зависимости от высоты ранга и величины разницы между рангами в двух базах.

Этот же инструмент позволяет оценить наиболее невостребованные навыки, обучению которым можно уделять меньше внимания или полностью исключать их из программы обучения.

Таблица 3

Упущенные навыки для ключевых специальностей российской экономики

Название специальности	Профессиональные, специальные навыки	«Мягкие» и когнитивные общие навыки
SEO-специалист	Внутренняя оптимизация сайта, HTML, CSS, Интернет-маркетинг, Внешняя оптимизация сайта, Поисковая оптимизация сайтов, Продвижение сайтов, Создание сайтов, Веб-аналитика	Работа в команде, Английский язык
Архитектор	Проектирование, Разработка проектной документации, Авторский надзор, Разработка концепции, Визуализация, Заключение договоров, Активные продажи, Поиск и привлечение клиентов, MS Project, Дизайн	Креативность, Английский язык, Проведение презентаций, Грамотная речь, Руководство коллективом, Обучение персонала
Инженер-строитель	Составление смет, Технический надзор, Составление договоров, Разработка проектной документации, Строительный контроль, Инженерные системы, MS Project, Нормативно-техническая документация, ArchiCad, Контроль исполнения решений, Гранд-смета	Английский язык, MS Excel
Инженер-технолог по качеству	Технология производства, Производственный контроль, Проектная документация, Разработка технических заданий, Компас-3D, Windows 7, Подбор персонала	Информационные технологии, Активные продажи, Проведение презентаций
Инженер-энергетик	Строительство, Эксплуатация, Проектная документация, Монтаж оборудования, Техническое обслуживание, Технический надзор, Ремонтные работы, 3 группа по электробезопасности, 5 группа по электробезопасности, Договорная работа, Инженерные системы, Электротехнические работы	Английский язык, MS Word, Водительское удостоверение
Инженер-конструктор	Проектирование, Производство, Solid Works, Проектная документация, Разработка технических заданий, Компас 3D, Строительство, SCAD, Unigrafics, Разработка чертежей, ГОСТ, 3D Моделирование, Управление производством, Инженерные системы, ArchiCAD, MS Project	Английский язык
Логист	Документооборот, ВЭД, 1С: Склад, Закупки, Навыки продаж, 1С: Торговля, Складской учет, Автомобильные грузоперевозки, Логистика, Логистика поставок, Заключение договоров, Закупка товаров и услуг, Логистический менеджмент	Работа с базами данных, Английский язык, Грамотная речь, Internet, Работа с оргтехникой, Руководство коллективом

Маркетолог	Интернет-маркетинг, SEO, Развитие продаж, Контекстная реклама, Google Analytics, SMM, Google AdWords, Яндекс Директ, Яндекс Метрика, Планирование рекламных кампаний, Разработка маркетинговой стратегии, Интернет-реклама, Маркетинговый анализ, Копирайтинг, CorelDraw	Подготовка презентаций, Управление командой Креативность
Менеджер по закупкам	Контроль поставок, Документооборот, Развитие продаж, Навыки продаж, Планирование продаж, Договорная работа, Составление договоров, Работа с поставщиками, Планирование закупок, Оптимизация закупок, Логистика поставок, 1С: Торговля	Грамотная речь, Английский язык, Работа с большим объемом информации, Проведение презентаций, Деловая коммуникация, Поиск информации в Интернете, Руководство коллективом
Менеджер по персоналу	Собеседование, Адаптация персонала, Оценка персонала, Массовый подбор персонала, Кадровое планирование, Делопроизводство, Документооборот, 1С: Управление персоналом, 1С: Зарплата и управление персоналом	Internet, Корпоративная культура, Работа с большим объемом информации, Поиск информации в Интернете, Обучение и развитие, Организация мероприятий, Управление командой, Внутренние коммуникации
Менеджер по продажам	B2B Продажи, Холодные звонки, Работа с дебиторской задолженностью, Развитие продаж, Работа с возражениями, Управление отношениями с клиентами	Навыки переговоров, Консультирование, Internet, Навыки презентации, Английский язык, Ориентация на результат, Грамотная речь, Работа с большим объемом информации, Руководство коллективом
Менеджер по туризму	Бронирование туров, Консультирование клиентов, Консультирование клиентов по телефону, Навыки продаж, Бронирование гостиниц, Бронирование билетов, Прямые продажи, Международный туризм, Документооборот, Делопроизводство, Управление продажами, Организация встреч, Визовая поддержка	Грамотность, Internet, Клиентоориентированность, Проведение презентаций
Менеджер по инновациям	Развитие продаж, Навыки продаж, Планирование продаж, Документооборот, B2B Продажи, Продвижение бренда, Активные продажи, Холодные продажи, Маркетинговый анализ, 1С: Предприятие	Обучение и развитие, Управление командой, Навыки презентации, Креативность, Английский язык, Грамотная речь, Ориентация на результат
Налоговый консультант	Налоговое консультирование, Налоговый учет, Налоговое законодательство, Налоговые проверки, Оптимизация налогообложения, Управленческая отчетность, Финансовый контроль, Статистическая отчетность	MS Excel, Работа в команде, Internet, Пользователь ПК
Педагог	Психология, Консультирование, Тренинги, Заключение договоров, Социальная психология, Документооборот, Психологическое консультирование, Преподаватель, Детская психология, Возрастная психология, Навыки продаж	Обучение, Английский язык, Грамотность, Проведение презентации, Internet, Работа с оргтехникой
Программист	Git, ООП, PHP, Windows 7, Бюджетирование, SQL, CSS, Java, jQuery, MS SQL, C#, 1С: Предприятие	Internet, Управление командой, Аналитические навыки
Режиссер	Телевидение, Разработка концепции, Монтаж звука, Производство рекламных роликов, Копирайтинг, Adobe Premier, Adobe After Effect, Adobe Illustrator	Грамотность, Деловое общение, Организация встреч, Английский язык, Ведение переговоров
Системный администратор	Linux, Администрирование серверов, Настройка серверов, Техническая поддержка, Windows 8, VMware, PHP, Администрирование, MySQL, Windows Os, Управление проектами, Mac Os	Английский язык, Грамотная речь
Химик-технолог	Технология производства, Производственный контроль, Документооборот, Навыки продаж	Аналитические исследования, Проведение презентаций
Технолог пищевого производства	Технология производства, Производственный контроль, Развитие продаж, Управление производством, Поиск и привлечение клиентов, Навыки продаж, Производственное планирование, Технический контроль производства, Бюджетирование	Обучение и развитие, Организация мероприятий, Управление командой, Английский язык, Проведение презентаций, Управленческие навыки
Технолог швейного производства	Технология производства, Дизайн, Контроль качества, Управление производством	Английский язык, Работа с большим объемом информации
Врач	Развитие продаж, Заключение договоров, Лечебная деятельность Медицинское оборудование, Консультирование, Навыки продаж, Прием посетителей, Управление продажами	Обучение и развитие, Грамотность, Навыки презентации, Навыки переговоров, Руководство коллективом, Проведение презентаций, Английский язык, Организация мероприятий, Internet, Ориентация на результат
Экономист	Бухгалтерский учет, Управленческая отчетность, Бюджетирование, Финансовый анализ, Первичная документация, Налоговая отчетность, Документооборот, Финансовый контроль, Финансовая отчетность, 1С: Бухгалтерия, Навыки продаж, Бухгалтерская отчетность, Банк-клиент	Работа с большим объемом информации, Английский язык, Руководство коллективом, Проведение презентаций, Работа с базами данных

Изучение «упущенных навыков» проводится в интересах работодателей, заинтересованных в быстром поиске подходящих сотрудников, а также в интересах самих работников. Полный список «упущенных навыков» по опреде-

ленной специальности, обновленный в режиме реального времени, дает возможность работнику оценить основной дефицит навыков на рынке труда с тем, чтобы попытаться его восполнить путем самообучения или краткосрочных курсов.

Анализ ключевых востребованных навыков и умений также является мощным инструментом принятия решений при выборе вуза для поступления. Однако, чтобы этот инструмент адекватно заработал, все российские вузы должны приучиться делать информацию об учебных планах единообразной, формализованной и открытой. Те учебные планы, которые вузы предлагают поступающим сегодня, не годятся для аналитической обработки и сопоставлений.

В уже упомянутом докладе [4] на основе опроса ключевых работодателей региона утверждалось, что английский язык считается важным навыком среди студентов, однако не требуется работодателями. Однако прямые утверждения российских работодателей в интервью расходятся с теми объявлениями, которые они оставляют на сайтах по поиску работы, поскольку «английский язык» – наиболее распространенный навык среди «мягких» навыков по всем 23 специальностям. Для 16 специальностей он вошел в число «упущенных навыков», в том числе для архитекторов, инженеров-строителей, логистов, менеджеров по закупкам и т.д.

Гораздо менее популярным оказался навык «креативность», острая нехватка которого ощущалась только для архитекторов, маркетологов и менеджеров по инновациям. Таким образом, вводить обучение этому навыку в программу всех российских вузов не имеет смысла.

Сравнительно новым и особенным для российского рынка труда можно считать навык «ориентация на результат», подразумевающий ответственность работника за процесс в целом. При этом работник более свободен в выборе стратегии достижения необходимого результата. Данный навык остро дефицитен среди российский врачей, менеджеров по продажам и менеджеров по инновациям.

В России оказался востребованным такой навык как «работа с большим объемом информации», требующий особых когнитивных способностей от работника, в том числе хорошей оперативной памяти. Этот навык необходим для работы менеджером по закупкам, менеджером по персоналу, менеджером по продажам, технологом швейного производства, экономистом.

При этом людям, не склонным к длительному общению, лучше не выбирать специальности менеджера по персоналу, менеджера по продажам, врача.

Сегодня многие виды работ подразумевают, кроме узко профессиональных, наличие навыков обучения персонала или продаж. Так, помимо собственно педагога, навыками передачи опыта должны владеть архитектор, менеджер по персоналу, менеджер по инновациям, технолог пищевого производства, врач. Навыки продаж оказались востребованы для 13 специальностей, в том числе для врачей, технологов, инженеров, архитекторов и логистов. Навыки продаж объединяют в том числе и умение работать с целым рядом программных продуктов: Google Analytics, Google AdWords, Яндекс Директ, Яндекс Метрика.

Экономия на обучении

Анализ ценовой политики университетов и оценка будущих перспектив по зарплате позволяют принять взвешенное решение по выбору вуза и специальности. Существуют и другие способы оптимизации процесса принятия карьерных решений. Условно можно разделить их на две группы: инструменты, позволяющие выбрать эффективный вуз, и инструменты, способствующие правильной профориентации.

В США вместе с приходом к власти администрации Б. Обамы заработал общенациональный сервис, позволяющий оценивать вузы с точки зрения их соответствия рынку труда. За основу был взят такой параметр, как количество невозвращенных кредитов за образование, рассчитанный для каждого вуза или колледжа страны. Таким образом, устанавливалась иерархия между высшими учебными заведениями в зависимости от их ориентированности на рынок труда[1]. Пользователь портала «collegerealitycheck» задает количество лет обучения, размер колледжа, свой штат, цену, которую он может заплатить за обучение и получает список колледжей, соответствующих его запросу. По каждому из колледжей он получает информацию о количестве успешно завершивших учебу абитуриентов, величине долга по окончании вуза и проценте выпускников, не сумевших вовремя осуществить платежи по кредиту (этот показатель может варьировать от 0,7 до 5%).

В России образовательные кредиты не так распространены, поэтом этот индикатор не позволит оценивать работающие вузы в точки зрения их экономической эффективности.

Ответственность за правильный выбор профессии не может полностью возлагаться на вуз. Нередко карьерный рост молодого специалиста замедляется вследствие того, что выбранная им специальность не соответствовала его природным склонностям и характерным особенностям психики. Для массового решения этой проблемы в США есть другой портал, ориентированный как на молодых людей, так и на тех, кто решил поменять специальность в зрелом возрасте (My next move[2]).

Одной из целью проекта является помощь в определении своего психотипа при выборе новой профессии. Пользователям сайта предлагается пройти тестирование, которое определяет социальные, эмоциональные, артистические, калькуляционные способности клиента. По результатам теста происходит автоматический подбор специальностей с указанием перспектив трудоустройства по каждой из них. Для каждой из подобранных специальностей можно полу-

[1] http://collegerealitycheck.com/en/

[2] Сайт «My next move» является частью проекта O*NET (Occupational information network) Министерства труда США (US Department of labour). http://www.mynextmove.org/

чить информацию о необходимых требованиях, предъявляемых к соискателю (знания, умения, способности, личные качества, технические навыки, опыт).

На российском портале hh можно получить платную услугу по тестированию вербальных и числовых способностей, а также универсальных компетенций (склонностей и черт характер соискателей). На сайте «Учеба.ру», дочернем сайте «Работа.ру», можно проходить бесплатные тесты по профориентации, выделяющие сферы интересов и мотивацию соискателя[1]. Рекомендуемые профессии не сопровождаются информацией о перспективах новых рабочих мест. Необходимо отметить, что результаты тестирования на разных сайтах могут получиться совершенно несопоставимыми, ввиду различий в используемых алгоритмах.

Различия между российскими сайтами по поиску работы

При подготовке настоящего исследования мы обрабатывали, в основном, объявления, представленные на двух крупнейших российских сайтах о работе: Работа.ру и headhunter.ru. На сайте Работа.ру было представлено меньше объявлений, для этого сайта также характерны более низкие средние зарплаты. Охват предложений о работе для второго сайта оказался более значительным. Сравнительный анализ зарплат в данной работе проводился только внутри каждого из сайтов. То есть зарплаты с первого сайта сравнивались в аналогичными зарплатами с этого же сайта. В исследовании за основу были взяты зарплаты, представленные на сайте hh.ru.

У нас есть возможность сопоставить результаты по экономической оценке специальностей и перспективам трудоустройства, полученные на основе информации этих сайтов (табл. 4).

Таблица 4

Экономически выгодные специальности, по данным сайта Работа.ру и hh.ru

Работа.ру	hh.ru
Архитектор	SEO специалист
Дизайн одежды	*Архитектор*
Инженер по ИКТ	Геолог
Инженер конструктор	*Инженер строитель*
Инженер строитель	*Инженер технолог по качеству*
Инженер технолог по качеству	*Инженер энергетик*
Инженер энергетик	Менеджер по гостиничному делу
Логист	Менеджер по закупкам
Маркетолог	*Менеджер по продажам*
Менеджер по инновациям	Налоговый консультант
Менеджер по продажам	*Программист*
Нанотехнолог	*Режиссер*
Педагог	*Системный аналитик*
Программист	Таможенник
Режиссер	Технолог пищевого производства
Системный администратор	
Системный аналитик	
Социолог	
Экономист	

Таблица 5

Перспективные специальности с точки зрения трудоустройства, Работа.ру и hh.ru

Работа.ру	hh.ru
Врач	Архитектор
Инженер-электрик	*Врач*
Менеджер по продажам	Инженер-конструктор
Специалист по защите информации	Логист
	Маркетолог
	Менеджер по закупкам
	Менеджер по персоналу
	Менеджер по продажам
	Менеджер по туризму
	Программист
	Системный администратор
	Технолог
	Экономист

Полученные данные говорят о том, что существует значительное число специальностей, относительно которых можно сделать одинаковые выводы, проанализировав оба сайта. Есть небольшие расхождения относительно более популярных специализаций по профессиям инженера и менеджера. Поскольку на hh вообще больше объявлений (на этом сайте обрабатываются и вакансии зарубежных компаний), то вполне естественно, что большее число специальностей попало здесь в список перспективных по трудоустройству.

[1] http://www.ucheba.ru/prof

Основные выводы

В настоящее время назрела острая необходимость создания в России общенациональной базы навыков для рынка труда, аналогичной тем, что существуют в отдельных европейских странах начиная с 2000-х годов. Для ее создания необходимо обработать запросы работодателей, а также доступные резюме соискателей работы в России. База данных должна быть создана для нужд обычных граждан, иметь дружественный интерфейс, содержать наименования навыков, взятые из повседневного языка, обрабатывать возможные синонимы компетенций, включать технические названия, необходимые для характеристики профессиональных компетенций работника.

Консультирование молодых людей о выборе профессий должно проводиться с использованием аналитических инструментов, позволяющих определить перспективные профессии на рынке труда с учетом финансового положения семьи, способностей молодого человека, будущих зарплат и количества рабочих мест по специальности. Вариант такого аналитического инструмента предлагается в настоящей работе.

В режиме реального времени актуально ведение анализа «упущенных навыков» для ключевых специальностей региона. Такая информация позволит соискателям лучше представить себе свои слабые стороны, а также послужит существенным стимулом для вузов, планирующих реформировать свои учебные программы.

Исправить существующую ситуацию на рынке образования, где доминируют некачественные вузы, можно лишь путем опубликования рейтингов вузов по трудоустройству. Создавать их возможно на основе опроса работодателей. Пример такого опроса предлагается в настоящем исследовании.

Список литературы

1. Burning glass. – http://burning-glass.com/
2. Carnevale A.P., Jayasundera T., Repnikov D. Understanding online job ads data: A technical report / Georgetown university, Center on education and the workforce, McCourt school of public policy. 2014. – April. – 20 p.
3. Markowitsch J., Plaimauer C. Descriptors for competence: Towards an international standard classification for skills and competences // Journal of European industrial training. 2009. – Sept. – DOI: 10.1108/0309590910993652
4. Развитие навыков для инновационного роста в России. – М.: Алекс, 2015. – 172 с.
5. Occupation outlook, 2014 / Ministry of business, innovation & employment. – New Zealand, 2014. – 111 p.

Доморацкий А.В.
начальник Управления инновационного развития Северо-Западного института управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург
domoratskiy@gmail.com

ВЫ СТАЛИ СЧАСТЛИВЫМ ОБЛАДАТЕЛЕМ ВУЗА! ЧТО ДАЛЬШЕ? К РАССУЖДЕНИЯМ О ПЕРСПЕКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ[1]

Ключевые слова: *будущее образования, форсайт образования, тренды развития образования, модель развития вуза, ключевые навыки и компетенции, путь ученика в образовании 2030 года.*

По мнению Генри Розовски, профессора и декана факультета искусств и наук Гарвардского университета, студенты, преподаватели и администраторы – это три категории людей, являющиеся владельцами университета[2]. И ключевая задача развития – формирование коллективной ответственности владельцев за жизнь и будущее их учебного заведения. Команда Управления инновационного развития СЗИУ РАНХиГС полностью согласна с данным утверждением и предлагает владельцам вузов: студентам, преподавателям и администраторам – обсудить будущее образования. Готовы?

Будущее образования: глобальная повестка

Понимание изменений, происходящих в вузах, невозможно без анализа внешней среды и тех глобальных вызовов, которые влияют на систему образования. Мы живем с вами в интересное время, мир меняется – и это факт, достаточно почитать или посмотреть новости. Вместе с миром меняется и сфера образования. Масштабные инновации в образовании происходят нечасто – за последнюю тысячу лет их было всего четыре:

- Первая – появление в X–XII вв. в Европе университетов, ориентированных на трансляцию универсума знаний (Болонья, Париж).
- Вторая – классно-урочная система, предложенная Яном Амосом Коменским в 1640-х годах и ставшая педагогической нормой для массового, прежде всего, школьного образования.
- Третья – появление в XIX веке университетов исследовательского типа по модели Вильгельма фон Гумбольдта, предназначенных для генерации научных знаний и подготовки исследователей.
- Четвертая – идея прагматичного образования и экспериментальный метод обучения, предложенный американским философом Джоном Дьюи на рубеже XIX–XX веков, который стал основой для развития проектного обучения и «активных методов» подготовки[3].

Тем более интересно наблюдать, как мир стоит на пороге новой волны инноваций, которая может серьезно изменить сложившийся «образовательный ландшафт». Одной из наиболее обсуждаемых публикаций последнего времени на эту тему стало эссе Майкла Барбера, Кейтелин Доннелли и Саад Ризви «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция»[4]. Из отечественных работ особо стоит отметить доклад «Будущее образования: глобальная повестка», подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года[5]. Рекомендуем ознакомиться с данными работами, основные выводы из которых нами представляются далее.

Ближайшее двадцатилетие будет эпохой самых радикальных перемен в образовании – возможно, с момента, когда начали создаваться национальные образовательные системы. И основным источником этих перемен будет не сама система образования, а смежные с ней отрасли – информационные технологии, медицина и финансы.

Необходимость «пересборки» глобальной архитектуры образования вызвана совокупностью следующих общих вызовов:

---

[1] Данная статья подготовлена в рамках обсуждения Программы долгосрочного развития Северо-Западного института управления РАНХиГС (СЗИУ РАНХиГС) и отражает мнение разработчиков о перспективных моделях инновационного развития высших учебных заведений социо-гуманитарного и управленческого профиля.

[2] Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

[3] Эпоха «гринфилда» в образовании. Исследование Центра образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО (SEDeC), сентябрь 2013.

[4] Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. – № 3. – С. 152–231.

[5] Будущее образования: глобальная повестка. Доклад, подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года. – edu2035.org

1. Развитие цифровых технологий меняет способы, которыми фиксируется, передается и создается знание, а также формируются навыки. Кроме этого, цифровые технологии меняют процесс оценки и фиксации достижений, процесс управления собственной образовательной траекторией, процессы в управлении учебными учреждениями и проч. Цифровые технологии позволяют индивидуализировать образование без увеличения уровня издержек на него.

2. Значительная часть новых решений для образования реализуется в виде технологических стартапов, которые высоко оцениваются инвесторами. В сфере образования стремительно возникают новые игроки, которые активно перетягивают на себя процессы подготовки, гибче и быстрее реагируют на потребности пользователей и при этом не регулируются национальными правительствами. На следующем этапе зрелые компании, которые возникнут из образовательных стартапов, могут начать покушаться на государственную образовательную повестку.

3. Экономическая динамика в промышленно развитых странах, связанная с интенсификацией конкуренции, быстрой сменой технологий и повышением экономической неопределенности, задает спрос на новые типы компетенций и новые формы подготовки. С одной стороны, растет спрос на работников, обладающих максимальной гибкостью и высокой креативностью, готовых к самостоятельному действию и командной работе, способных работать в разных культурах и с разными технологическими средами – то есть, меняются требования к базовому образованию. С другой стороны, существует спрос на высокоскоростное образование, которое готовит работников под узкий круг задач для данного рабочего места. С третьей стороны, все выше потребность в моделях сквозного обучения на протяжении всей жизни (life-long learning), позволяющих обеспечивать постоянное развитие персонала в соответствии с меняющимся кругом задач.

4. Образование все больше воспринимается как нематериальный инвестиционный актив, процесс формирования, фиксации и капитализации которого нужно сделать максимально управляемым. Уже сейчас существует ряд финансовых инструментов для инвестиций в собственное и чужое образование, и ясно, что эту сферу в ближайшие годы ждет бурное развитие.

5. Изменение ценностей в обществе предъявляет образовательной системе новый тип «человеческого капитала». С одной стороны – увеличивается доля учащихся, которые не имеют особого интереса к содержанию образовательного процесса. Главный вызов для образовательной системы – мотивировать таких людей учиться. Образованию приходится конкурировать с медиа за внимание студентов, что вынуждает делать образовательные программы более интерактивными, отсюда тренд на геймификацию образования. С другой стороны – увеличивается доля сознательных студентов, которые ищут «свой путь», понимают смысл саморазвития, готовы ставить собственные цели в этом процессе и не готовы брать «пакетные решения», предлагаемые университетами. Именно эти люди становятся главными потребителями индивидуальных образовательных траекторий, связывающих вместе области учебы, работы и личного развития[1].

Таким образом, традиционным образовательным организациям придется конкурировать не только с другими учебными учреждениями в глобальном масштабе, но и с «внесистемными» игроками, такими как образовательные стартапы и неформальное образование. Вузам необходимо оперативно меняться, включать новые формы и инструменты образования в собственную практику, чтобы сохранить конкурентное преимущество и «образовательный суверенитет».

Будущее вузов: видение и тренды

Успешные прогнозы основаны на точном понимании того, какие мощные социальные и технологические процессы (тренды) в настоящем меняют окружающий нас мир, создавая наше будущее. Рассмотрим, какие тренды определяют будущее вузов уже сегодня, и о каких изменениях мы можем говорить с большой уверенностью.

Тренд 1. Глобализация

Мировая экономика (и российская экономика как ее часть) неизбежно будет двигаться в сторону все большей интеграции и углубления региональной экономической специализации.

Тренд 2. Рост конкуренции в экономике

Наиболее успешными оказываются в первую очередь компании, умеющие создавать новые продукты или услуги, быстро перестраиваться под запросы потребителя.

Тренд 3. Автоматизация

Автоматизация – требование глобальной конкуренции, о которой мы говорили выше, и она происходит в тех случаях, когда робот или программа оказывается производительнее или эффективнее, чем выполняющий ту же работу человек.

Тренд 4. Рост требований к экологичности

Важными становятся компетенции, связанные с lean & green мышлением – экономически выгодной экологизацией или бережливым производством. Бережливое производство – это управление производственным процессом, основанное на постоянном стремлении к устранению всех видов потерь.

Тренд 5. Цифровизация

Проблема состоит в избытке разнокачественной информации, включая «информационный шум», по практически любому вопросу, в связи с чем на передний план выходит необходимость ее целенаправленной фильтрации и, как следствие, усиливается роль образования в формировании соответствующих компетенций.

[1] Будущее образования: глобальная повестка. Доклад, подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года. – edu2035.org

Тренд 6. Распространение системы ценностей сетевой культуры

Распространение сетевых практик в жизни, новых принципов взаимодействия между субъектами, основанных на предельной информационной прозрачности. Рост доли обменов, построенных на немонетарной логике.

Тренд 7. Индивидуализация образования и компетентностный подход

Осуществляется переход к персонализированной образовательной траектории, опирающейся на открытые образовательные ресурсы (МООС-платформы и проч.) и соответствующие подходы к оценке результатов обучения.

Тренд 8. Прагматизация образования

Ориентация образовательных учреждений на запросы экономики и общества, формирование образовательных программ на основе актуальных запросов работодателя, развитие практикоориентированных исследований.

Тренд 9. Образование в течение всей жизни

Быстрая смена информационного и технологического фона приводит к тому, что образование становится постоянным, сопровождая человека всю его жизнь, от рождения до смерти.

Тренд 10. Обучение команд и проектно-ориентированное образование в сообществах практики

Из-за усложнения рабочих задач ключевой единицей новой экономики является не отдельный талантливый индивид, обладающий одним набором компетенций, а команда с компетенциями из различных сфер деятельности, способная выполнять функциональные или проектные задачи, где каждый участник отвечает за свой участок работы.

Тренд 11. Геймификация образования

Любая геймифицированная практика начинает превращаться в образование, поскольку внутри игры заложены представления о желательном и нежелательном поведении (т.е. оценка и самооценка), механизмы формирования навыков и самосовершенствования. Любые сферы жизни могут быть представлены в виде «длинных игр», в которых человек растет от стартовых учебных уровней к высшим уровням мастерства. Все эти тренды, во-первых, говорят нам о тех новых навыках и компетенциях, которые понадобятся нашим выпускникам, чтобы стать востребованными профессионалами в быстроменяющемся мире. А во-вторых, предъявляют конкретные требования к организации конкурентоспособного образовательного процесса.

Все эти тренды не новы, но в докладе «Будущее образования: глобальная повестка» они впервые объединены в понятную наглядную схему, изображающую «путь ученика» в образовании 2030 года[1].

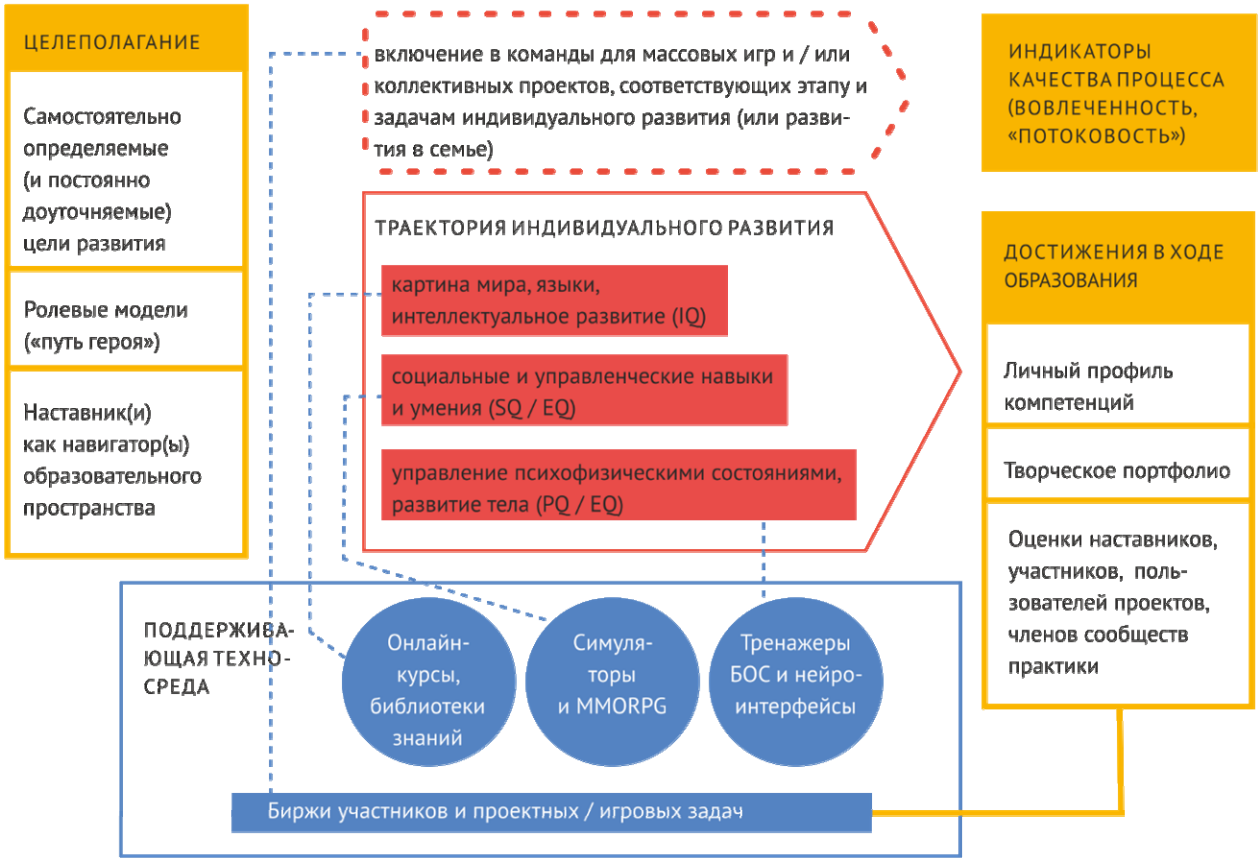


Рисунок 1.
«Путь ученика» в образовании 2030 года. Иллюстрация из доклада: «Будущее образования: глобальная повестка». – edu2035.org

Данная схема показывает необходимые составные элементы, которые образовательная организация должна предоставить обучающемуся. Помогать в целеполагании должны карты компетенций по основным направлениям подготовки вуза и «пути героев» успешных специалистов (в том числе выпускников вуза). Составлять индивидуальную

[1] Будущее образования: глобальная повестка. Доклад, подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года. – edu2035.org

траекторию развития обучающийся должен из представленных вузом онлайн курсов по всем базовым дисциплинам (интеллектуальное развитие, формирование картины мира) и активностей (проектов, симуляторов, мастер-классов, встреч с менторами и проч.), направленных на развитие социальных, управленческих и профессиональных навыков. Вся деятельность студента должна проходить в сквозной цифровой среде, поддерживающей весь процесс обучения, в том числе формирование индивидуального профиля компетенций и портфолио обучающегося. На каждом этапе обучения студента должен сопровождать тьютор или наставник.

Видение модели развития нашего вуза

На основании названных трендов, попробуем представить видение трансформации образовательного процесса в нашем вузе. Значительная часть публикаций о будущем образования описывает процесс изменения образования как борьбу двух начал: «нового» образования, поддерживаемого новыми технологиями и направленного на общественную трансформацию, и «индустриального» образования, стремящегося удержать статус-кво образовательных институтов.

Однако «начал», участвующих в этой борьбе, не два, а три, и каждое по своей природе абсолютно конструктивно:

1. Общественная консервация: образование как процесс накопления и трансляции коллективной/социальной памяти, способ удержания общественных норм и образцов.

2. Общественный прагматизм: образование как инструмент решения текущих общественных задач. Прагматизация – несомненный источник обновлений и изменений.

3. Общественный прогрессивизм: образование как «зона прорыва в будущее».

Любой реальный процесс в образовании комбинирует эти принципы. Следуя при разработке системных образовательных решений, политик или принципов только одному из них – например, тезису о том, что образование должно стать практико-ориентированным, – мы рискуем потерять сам смысл образовательного процесса как неразрывно связывающего настоящее, прошлое и будущее[1].

В связи с этим концепцией образовательного процесса в нашем вузе должна стать формула: классическое образование и актуальные компетенции. Классическое социогуманитарное образование не устареет никогда: знание истории, экономики, основ права, культуры и жизни общества – это универсальная база для любого образованного человека. Такое образование реализует принцип общественной консервации: процесса накопления и трансляции коллективной/социальной памяти, способа удержания общественных норм и образцов. Нам необходимо выделить комплекс базовых социогуманитарных дисциплин для нашего вуза, которые будут читаться абсолютно на всех направлениях подготовки по унифицированным рабочим программам. Гарантировать качество представляемой информации по базовым дисциплинам предлагается через внедрение онлайн обучения в «смешанном» формате. Это значит, что теоретическую (лекционную) часть дисциплин будут готовить в онлайн формате лучшие преподаватели вуза – таким образом мы гарантируем качество подачи информации. При этом практическая (семинарская) часть занятий останется в формате прямого очного взаимодействия преподавателей со студентами, что позволит не потерять педагогический и воспитательный моменты. На первом этапе «смешанный» формат обучения будет вводиться именно по базовым дисциплинам, а в дальнейшем – и по всем остальным.

Ответственными за реализацию принципа общественного прагматизма, рассматривающего образование как инструмент решения текущих общественных задач, должны стать руководители научно-образовательных направлений. Проводимая в нашем вузе реструктуризация системы управления образовательным процессом, позволила выделить персонально ответственных за качество образовательного процесса – руководителей образовательных программ. На наш взгляд, это именно те люди, которые должны обеспечивать практико-ориентированность образовательного процесса и актуальность получаемых обучающимися компетенций. Руководители научно-образовательных направлений, на наш взгляд, сами должны быть практикующими специалистами, имеющими непосредственное отношение к отрасли, которые могут привлекать других практиков в качестве преподавателей, обеспечивать реальные кейсы и совместные проекты, практики и стажировки в компаниях.

Снимая с себя ответственность за качество базовых социогуманитарных дисциплин, которая переходит на учебно-методическое управление, а также освобождаясь от бюрократической нагрузки, которую должны взять на себя деканаты, руководители образовательных программ должны сосредоточиться на качестве профессиональных дисциплин. Для начала нужно определиться, кого и для чего мы готовим. Это можно сделать, разработав «карты компетенций» по всем направлениям подготовки, включающие перечень профессиональных и надпрофессиональных компетенций обучающихся. Основой для «карт компетенций» должны послужить ФГОСы и профстандарты, далее они должны быть обсуждены и доработаны со студентами и сообществами практики (работодателями, HR, экспертами). «Карты компетенций» должны быть наглядно графически оформлены (в качестве примера можно привести «Атлас новых профессий»[2] или «IT – моя будущая профессия»[3]), что позволит использовать их для мотивации студентов и в

[1] Будущее образования: глобальная повестка. Доклад, подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года. – edu2035.org

[2] Атлас новых профессий. Альманах перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15–20 лет. – atlas100.ru

[3] IT – моя будущая профессия. Цель проекта – популяризация IT-образования. На сайте в доступном формате собрана и представлена информация о профессиональных и образовательных возможностях в IT-индустрии. BUDUGURU создан стать эффективным инструментом для построения дорожной карты карьеры в IT. Проект реализует общественная организация РОЦИТ при поддержке Минкомсвязи. – buduguru.org

маркетинговых целях. «Карты компетенций» могут стать основой для обсуждения качества подготовки специалистов с потенциальными работодателями, а также ориентиром для студентов в выборе индивидуальной траектории собственной подготовки. Но главное – «карты компетенций» должны стать основой для проектирования образовательных программ по соответствующим направлениям.

Что касается актуальности компетенций, то практическую часть профессиональных дисциплин на всех направлениях подготовки должны вести практикующие специалисты. По-другому добиться актуальности преподаваемого материала невозможно. При таком подходе возрастает нагрузка на административный персонал: необходимо привлекать практикующих специалистов, подстраиваться под их расписание, решать юридические вопросы. Но результат стоит подобных административных издержек. Кроме того, многие практикующие специалисты готовы преподавать на условиях «pro bono», то есть бесплатно, что компенсирует расходы. Нужно лишь собрать базу специалистов и наладить бизнес-процессы по работе с ними. Процесс сокращения количества совместителей, запущенный сейчас в институте, к сожалению, идет вразрез с данным подходом.

Определившись с тем, кого и чему мы учим, необходимо подумать о качестве образовательного процесса. Мы считаем, что качество образования зависит от двух факторов: качество информации и качество взаимодействия. И в первом и во втором случае повысить качество в нашем институте помогут информационные технологии.

Выше мы уже писали об обеспечении качества информации в образовательном процессе через внедрение онлайн обучения в «смешанном» формате. Но помимо этого, необходимо будет мотивировать преподавателей к использованию активных форм обучения в рамках очных занятий: кейсы, проекты, симуляторы, организационно-деятельностные игры и проч. Не будем забывать про «Пирамиду обучения», которая показывает, что лишь 5% освоения материала обучающимися происходит на слух и порядка 75% через практику, непосредственное применение и обучение других.

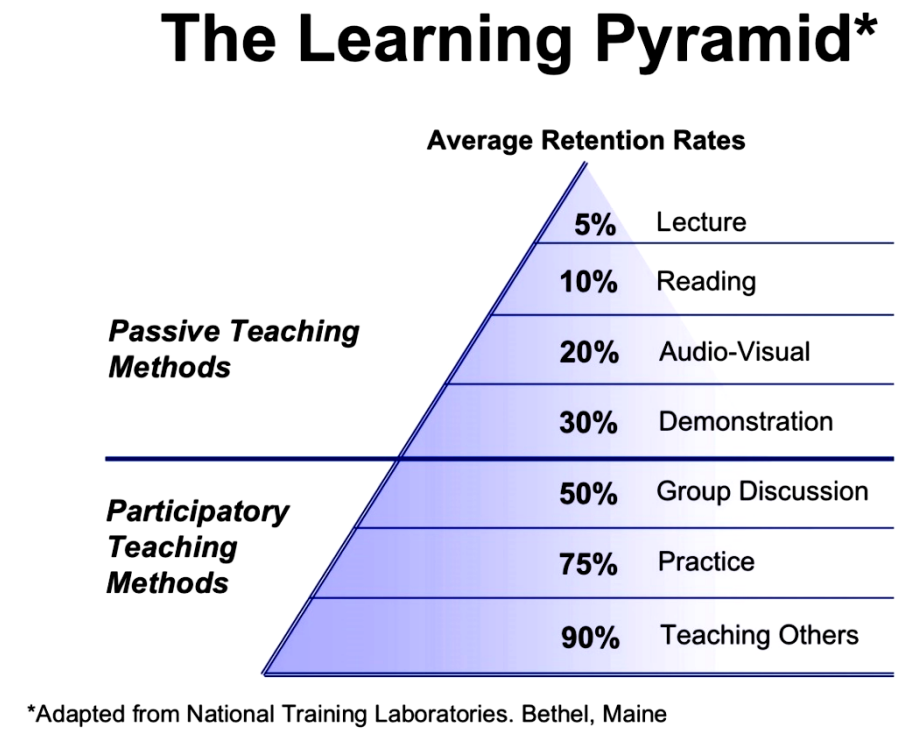


Рисунок 2.
«Пирамида Обучения». Джиан Майстер «Корпоративный университет», исследование Национального тренингового центра США

Под качеством взаимодействия мы подразумеваем взаимодействие студента с окружающей средой вуза: начиная от качества аудиторного фонда, заканчивая качеством работы административного персонала. Процесс приведения аудиторного фонда к современным стандартам (мультимедиа, мобильная мебель, Wi-Fi, дизайн) довольно долгий и дорогостоящий, но у нас в вузе разработана сбалансированная концепция оформления учебных аудиторий, которая реализуется в рамках плановых ремонтов.

В вопросе повышения качества взаимодействия студентов с персоналом вуза поможет IT. А именно формирование единой информационной среды вуза, сопровождающей студента на всех этапах обучения. Вся необходимая студенту информация, начиная с учебных материалов и заканчивая информацией о получении БСК и льготной стипендии, должна быть доступна в любое время, с любого устройства и в удобном ему виде. Процесс автоматизации управленческой и образовательной деятельности нашего вуза уже запущен. Параллельно с этим процессом необходимо наладить регулярный менеджмент, то есть смоделировать все основные процессы жизнедеятельности института, оптимизировать их и синхронизировать друг с другом. Это в значительной степени должно повлиять на уровень клиентоориентированности нашей деятельности.

Не стоит забывать и про третий принцип образовательного процесса, а именно общественный прогрессивизм: образование как «зона прорыва в будущее». Мы много писали о том, что мир кардинально меняется в связи с приходом нового технологического уклада. Наиболее точно описать современное состояние мира можно с помощью акро-

нима VUCA (читается – ВУКА)[1], который расшифровывается как: Volatility (Изменчивость), Uncertainty (Неопределенность), Complexity (Сложность) и Ambiguity (Неоднозначность). Этот термин был введен еще в 90-х годах XX века в военное дело для описания характера военных действий. Теперь этот термин применим ко всему миру, и вот что он значит. Экспоненциально ускоряющиеся изменения с рекордным уровнем изменчивости рынка, стремительный прогресс в вычислительной мощности, беспрецедентный доступ к знаниям, круглосуточные новости, моментально распространяющиеся в социальных медиа, наличие множества заинтересованных движущих сил, различия в интерпретации одних и тех же событий – все это ведет к отсутствию предсказуемости окружающего нас мира, к вероятности внезапных событий. Становится невозможным использование предыдущего опыта со стопроцентной гарантией получения результата.

И в таких условиях управленческим кадрам приходится принимать решения. В случае государственных служащих это еще более актуально, т.к. цена их ошибки часто более высока и более публична, нежели в бизнесе или некоммерческом секторе. А нам, как управленческому вузу, нужно их учить принимать данные решения.

Предсказать необходимые компетенции в быстро меняющемся мире довольно сложно. Поэтому ключевой задачей учебного заведения становится не столько передача конкретных знаний и привитие определенных навыков, сколько воспитание умения учиться на протяжении всей жизни, быстро находить, анализировать и использовать информацию. Это позволит студентам иметь широкий взгляд на мир и его развитие, а также даст инструменты для изменения окружающей реальности и для их собственной эффективности.

К счастью на VUCA вызов есть и VUCA ответ, показывающий какие навыки и компетенции нужно развивать, чтобы быть успешным специалистом в современном мире.

Итак, это Видение (Vision):

- Развитая коммуникация – необходимо постоянно доносить смысл цели, чтобы люди смогли понять, куда и зачем они идут.
- Умение фокусироваться – обеспечить ситуацию, при которой все усилия команды будут согласованы и сосредоточены на нужных сферах.

Понимание (Understanding):

- Эмпатия или эмоциональный интеллект – понимание, что происходит с людьми, каковы их надежды, ожидания, страхи и желания.
- Открытый ум – постоянное исследование новых идей, возможностей, постоянное отражение и поиск конструктивной критики.

Ясность (Clarity):

- Упрощение, визуализация и прототипирование – отбрасывание всего лишнего, чтобы иметь возможность уловить самую суть.
- Системное мышление – рассмотрение проблем с глобальной точки зрения (динамическая система, система взаимодействий и взаимозависимых частей).

Динамичность (Agility):

- Решительность, лидерство – быстрая адаптация к изменениям и уверенность в принятии решений.
- Умение делегировать, работать в команде.

Вот этим актуальным навыкам и компетенциям мы должны обучать будущих управленцев. Понятно, что обучать актуальным навыкам и компетенциям нужно современными методами, но через кого мы сможем довести их до обучающихся? Ответом на этот вопрос может быть введение института тьюторов. Представьте себе старших товарищей, наставников, менторов, сопровождающих каждую студенческую группу в течение двух первых лет их обучения в бакалавриате. Тьюторы (бакалавры старших курсов, магистры и аспиранты) должны быть сами вовлечены в соответствующее направление подготовки, чтобы совместно со студентами учиться чему-то новому. Именно тьюторы могли бы взять на себя обучение актуальным навыкам и компетенциям через современные методы во время факультативных занятий и во внеучебное время. Общую программу обучения для них необходимо разработать на основании лучших практик и передового опыта других образовательных организаций (прежде всего образовательных стартапов и «внесистемных» игроков). Обучение будет построено по сетевому принципу, то есть в начале по данной программе будут обучены сами тьюторы, затем они будут обучать уже свои группы. Гарантироваться качество образования будет через «смешанный» формат обучения и супервизию тьюторов сотрудниками вуза.

Тьюторы могли бы отвечать за привлечение и организацию занятий с практикующими специалистами. На тьюторов ложилась бы часть нагрузки по организации активных форм обучения в рамках очных занятий, в том числе организация групповой и проектной работы. Они же решали бы возможные административные и бытовые проблемы студентов. В лице тьюторов мы бы получили, с одной стороны, заказчиков внедрения инноваций в образовательный процесс, а с другой стороны, реализаторов этих инноваций.

Это лишь часть нашего видения, начало трансформации учебного процесса. Нами продвигаются две ключевые идеи: во-первых, главной фигурой в образовательной системе в новых условиях является обучающийся, потребитель услуг; во-вторых, работать «по-старому» и просто стоять на месте невозможно.

При рассмотрении будущего образования необходимы точки опоры – такими точками становятся массовые технологии и институты. Однако прогресс движется не только благодаря технологиям и институциональным предписаниям – главным источником обновления является выраженное несогласие личности со статус-кво. Будущее образования нельзя предсказать, но его можно создать – всем вместе[2].

---

[1] VUCA: с чем это едят и какая от этого польза? Н. Беннет, Дж.Дж. Лемуан // Harvard Business Review. 2014. – Март.

[2] Будущее образования: глобальная повестка. Доклад, подготовленный Агентством стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» и Сколтехом в рамках глобального форсайта образования до 2035 года. – edu2035.org

Ермаков В.Г.[1]

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова*: кризис системы образования, методологические проблемы педагогики, безопасность личности, общества и государства, педагогические аспекты безопасности.*

В статье рассмотрен вопрос о том, каким образом накопленные в педагогике и психологии огромные массивы ценных сведений и опыта можно в интересах личности, общества и государства консолидировать и использовать для сокращения увеличивающегося разрыва между масштабом актуальных образовательных задач и реальными достижениями современной системы образования. Указан способ построения нелинейных моделей управления образовательными процессами, необходимых для интеграции многочисленных педагогик на основе деятельностного подхода и для разрешения центрального противоречия между личностью и культурой.

Вопрос 1. Помогают ли проводимые реформы системы образования в адаптации личности, общества и государства к условиям быстро меняющегося мира?

Для последующего сравнения воспользуемся данными о советской самоходной 406-мм пушке СМ-54 (2А3), предназначенной для стрельбы ядерными боеприпасами, которая была создана в 1955–1957 гг. и принята на вооружение в 1960 г. Диаметр 406 мм определялся минимально возможным размером ядерного заряда, и разработчикам пушки, несмотря на все сопутствующие технические сложности, пришлось отталкиваться от этого параметра. В современном образовании эта естественная система внутренних согласований почему-то исчезла. Например, при переходе на двухступенчатую систему высшего образования объем учебных часов сократили равномерно, в результате этого в некоторых технических вузах из-за недостатка времени подготовку студентов в теме «Интегрирование» свели к обучению пользоваться готовыми пакетами программ для вычисления интегралов. При таком подходе от психологических, развивающих, формирующих функций математического образования ничего не остается.

Касается это и основных компетенций: ничего не понимающие пользователи готовых программных продуктов не могут участвовать, например, в разработке новых авиационных двигателей, для которых требуется максимально уменьшить зазоры между рабочими колесами и статором в проточных частях (при вращении ротора с частотой до 100 тыс. об/мин и в условиях температурного перепада между холодной и горячей частями, вплоть до 250°С). Как отмечает Александр Ситников[2], математическая динамическая модель современного газотурбинного двигателя состоит более чем из полумиллиона элементов и имеет более трех миллионов степеней свободы. Проектировщикам придется учитывать абсолютно все взаимосвязи, в том числе наличие гироскопических сил, изменяемую жесткость опор, демпфирование, а также скольжение роторов при работе двухвальной роторной системы. Это чрезвычайно трудоемкая работа, далеко выходящая за рамки готового знания. Даже в новостных лентах задач такого рода упоминается много, но после названных выше инноваций система образования фактически осталась в стороне от подготовки научно-технических кадров, способных решать эти задачи.

Для сравнения уместно еще раз вспомнить приведенный в статье В.И. Арнольда диалог с представителями фирмы «Боинг», которые выразили свою заинтересованность в сохранении в России математического образования, так как опасались потерять источник необходимых им специалистов[3].

Названные новации в системе высшего образования обезоружили и педагогов. В статье автора[4] показано, что опора на систему внутренних связей в том же разделе «Интегрирование», соединенная с подходящей системой текущего контроля, позволяет обеспечить качественное и быстрое изучение этого материала студентами с одновременным повышением их самооценки, развитием самодеятельности и рефлексии. Но, как и в случае с ядерными зарядами, для запуска цепной реакции таких позитивных перестроек в учебном процессе педагогу тоже нужен некоторый простор для маневра, а его уже не осталось. Излишне говорить о том, как все это скажется на экономической, научно-технической и иной безопасности страны.

Не лучше ситуация и с положением индивида. В 2014 г. в Республике Беларусь на централизованном тестировании по математике минимальную планку в 15% не преодолели более трети участников тестирования. Такое же положение дел и в Российской Федерации. По мнению некоторых авторов, включая известного журналиста Александра

[1] Ермаков Владимир Григорьевич – д.п.н., к.ф.-м.н., доцент Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. E-mail: vgermakov@gmail.com.

[2] http://svpressa.ru/economy/article/151342/

[3] Арнольд В.И. Математические эпидемии XX века. Современное формализованное образование в математике опасно для всего человечества. http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_mat_epidem.

[4] Ермаков В.Г. Вредные советы: Как новациями в системе образования заблокировать инновационное развитие страны // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 9. – Ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 363–368.

Привалова, результаты ЕГЭ 2014 года указывают на то, что российская школа не учит своих самых слабых учеников, то есть практически всех, кто находится ниже средней планки[1]. И какой выбор жизненного пути может быть у таких выпускников школ в условиях продолжающейся научно-технической революции и при отключенных системой образования «социальных лифтах»?

В ситуации, когда с тезисом о переходе системы образования на подготовку квалифицированного пользователя многие уже смирились, большое число ничему не научившихся выпускников школ может и не вызывать особого беспокойства. Можно надеяться и на то, что усиливаемая системой образования стратификация общества по образовательному признаку не приведет к опасным социальным последствиям. Но есть и факторы непреодолимой силы, с которыми считаться все-таки нужно. В первую очередь, это проблемы экологии, для решения которых от каждого человека требуется все более ответственное поведение и способность критически оценивать его в связи с изменениями в мире. Настораживающий пример дает судьба цивилизации майя, которая прекратила существование из-за «коллапса с экологической основой в чистом виде»[2]. Ему способствовали недостаточное понимание экологических угроз и недостаточная централизация власти, не позволившая изменить стиль поведения всего населения. Как отметил А. Левин, инки в схожей экологической ситуации сумели избежать катастрофы именно за счёт централизованных мер.

Несложно предъявить и другие свидетельства в пользу вывода о том, что проводимые реформы системы образования не содействуют укреплению личностной, общественной и государственной безопасности.

Вопрос 2. Сохраняется ли у системы образования потенциал развития?

Сомнения в этом подкрепляются увеличивающимся разрывом между актуальными целями и реальными достижениями системы образования, а также высказыванием Г.Уэллса о том, что «история цивилизации напоминает все ускоряющиеся гонки между образованием и катастрофой». Возможности системы образования отвечать на вызовы времени проще всего оценить на примерах, которые выглядят невероятными. Таковым является десятилетний отрезок времени, когда в 30-е годы прошлого столетия в СССР происходила ускоренная индустриализация с соответствующим построением системы массового школьного и высшего образования. Общая ситуация в начале и в конце этого короткого периода отличалась кардинально.

А.Г. Рашин в статистических очерках «Население России за 100 лет (1813–1913)» (М., 1956) на основании анализа собранной информации по отдельным губерниям отмечает, что «по “самым щедрым расчетам” число грамотных составило около 6% общей численности населения России». По данным из Интернет-источника[3], в начале 20-го столетия в 150-миллионной стране было всего 11 миллионов рабочих и служащих. При этом только официальная безработица составляла около 10%. Худших начальных условий для старта трудно представить. Тем не менее, на основании постановления ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП (б) уже в 1930 г. была открыта широкая сеть агропедагогических институтов.

Эффективность этой программы хорошо демонстрируют данные о том, что в 1932 году безработица не только исчезла, но и пришлось дополнительно привлечь почти два миллиона рабочих. К 1940 году численность рабочих и служащих возросла до 31,2 миллиона, городское население страны выросло в три раза! За две пятилетки в стране построили более 5 000 крупных объектов, среди них около трехсот таких гигантов, как Днепрогэс, Уралмаш и др. В 1939 году СССР стал четвертой страной мира, способной самостоятельно производить любую продукцию любой сложности. И если первые заводы начинали строить лопатами да тачками, то через несколько лет на стройплощадках уже рычали советские бульдозеры и экскаваторы[4]. Очевидно, эти успехи были бы невозможны без серьезных успехов в образовании.

В этом примере важно отметить высокую скорость роста числа людей, получающих образование. Этот опыт особенно ценен в свете описанного С.П. Капицей демографического перехода, переживаемого в настоящее время человечеством впервые за миллионы лет.

Удивительным является тот факт, что люди сумели почти в 100 000 превысить границу ниши в биосфере Земли, которая для крупных млекопитающих составляет всего 100 000 особей. Анализ гиперболического роста человечества, проведенный Капицей, позволил предложить кооперативный механизм развития, когда мерой развития является квадрат численности населения мира[5]. Отсюда следует, что рост определяется социальными, а не биологическими факторами. Это позволяет по-новому представить глобальную историю человечества, которая начинается с особенности появления сознания и завершается демографическим взрывом – режимом с обострением и фазовым переходом при резком изменении всего хода нашего развития. Согласно оценкам Капицы, «сжатие исторического времени (времени удвоения численности населения – В.Е.) сейчас дошло до своего предела, оно ограничено эффективной продолжительностью поколения – около сорока пяти лет»[6]. Следовательно, экстремальная ситуация, сложившаяся в 30-е годы в связи с необходимостью быстрого развития системы образования по вертикали и по горизонтали, повторяется теперь на уровне всего человечества. Это означает, что для решения новых образовательных задач цивилизационного уровня, вообще говоря, может быть достаточной некоторая модификация уже имеющегося опыта. В связи с этим вы-

[1] Российская система образования провалилась на ЕГЭ. – http://www.rifinfo.ru/news/36922

[2] Левин А. Как гибнут миры // Что нового в науке и технике. 2005. – № 12. – С. 64–73.

[3] http://www.liveinternet.ru/users/laima852/post222104749

[4] Там же.

[5] Капица С.П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. – http://spkurdyumov. narod.ru/kapitsa555.htm

[6] Капица С.П. История десяти миллиардов. – http://starwalker62as.livejournal.com/250621.html

водом возникают сопутствующие вопросы: почему этот опыт не используется сейчас и будет ли он использоваться в будущем?

Чтобы лучше сориентироваться в этих вопросах рассмотрим еще два примера из непрекращающейся педагогической практики человечества. Первый из них – это педагогическая система А.С. Макаренко, реализованная в колониях для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей. Эффективность этой системы хорошо известна. В частности, среди почти 3000 воспитанников коллективов под руководством А.С. Макаренко не было ни одного рецидива, причем исследователи судьбы этих выпускников отмечают, что «они были счастливыми людьми». Штрихи к портрету: колонисты построили и развивали высокотехнологичное производство, в 16–19 лет они уже становились мастерами и начальниками производства. Важную роль играло ядро коллектива, которое после его формирования и настройки воспитывало вновь прибывающих колонистов в автоматическом режиме, так что в колонии имени Ф.Э. Дзержинского А.С. Макаренко, на попечении которого оказалось 600 бывших правонарушителей, полностью отказался от воспитателей.

Второй пример – история разработки IQ-тестирования, порожденная благородной идеей найти способ выявления медленно обучающихся детей на ранних этапах обучения, чтобы обеспечить им специальное корректирующее обучение. Спустя сто лет гуманистические идеалы оказались отброшенными. Теперь характерной чертой начальной школы в США является комплектование классов по способностям учащихся. После разделения детей с помощью тестирования IQ на «одаренных», «нормальных» и «неспособных» большинство из них оказывается на тупиковых образовательных траекториях. Этот подход, когда судьбу детей определяют в раннем возрасте, не принимая во внимание ни условия их жизни, ни качество применявшихся к ним ранее методов обучения, укоренился и в других странах.

Если бы данные методы диагностики были абсолютно надежными, то из этого факта вытекало бы, что часть учащихся в плане обучения безнадежны. Но гораздо проще разительный контраст между рассмотренными двумя примерами объяснить тем, что они относятся к принципиально разным социальным системам. Причину, из-за которой в одной из них даже сверхсложные образовательные задачи оказались разрешимыми при помощи простых средств, а в другой даже сверхтонкие методики ведут в тупик, фактически указал В.И. Ленин: «Куда ни кинь, на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить немедленно. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства и – сделал людей рабами этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники и застопорил проведение в жизнь технические улучшения из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров»[1]. Теперь уместно говорить не о горстке миллионеров, а о нескольких сотнях семей, которые вершат судьбы мира, но суть от этого не меняется.

Из-за мощных факторов, деструктивно влияющих на систему образования, судить о наличии или отсутствии новых пластов резервов по сложившейся в мире практике образования трудно. Поэтому перейдем к анализу теоретических аспектов педагогики и образования и начнем с острого вопроса.

Вопрос 3. Нет ли в самой педагогической теории скрытых причин нарастания кризисных явлений в системе образования?

Повод для такой постановки вопроса дали слова учительницы, заявившей студентам-практикантам, что «в современной школьной математике места для доказательств нет». Удивительным здесь является тот факт, что если бы изучение ею различных математических курсов было успешным хотя бы в одном эпизоде, то этот личный опыт не позволил бы укрепиться в таком мнении. При изучении курса педагогики трудно было пройти мимо трудов Я.А. Коменского, который тайну эффективности своего метода назвал и обозначил ее как постоянное применение анализа и синтеза. В курсе психологии прививкой от названного опасного заблуждения должно было стать, например, высказывание С.Л. Рубинштейна о том, что «подлинное знание – всегда продукт собственной аналитико-систематической деятельности человека». А ведь есть еще и курс методики обучения математике. Парадоксальным образом ничего из этого бесценного опыта не защитило учителя от столь глубокой ошибки.

Анализ этой ситуации показал[2], что названные учебные курсы в немалой степени дистанцировались друг от друга, порождая прорехи в подготовке педагогов. Одной из причин этого является равномерное изложение огромных объемов накопленной информации, при котором теряются важные детали, необходимые и для осмысления имеющегося опыта, и для приложений теорий на практике, и для межпредметного взаимодействия.

Будучи признаком неблагополучия в педагогическом образовании, приведенное высказывание учителя и само по себе несет разрушительный заряд. Его величину легко оценить путем обращения к истории математики в Древней Греции – к периоду, когда зарождались математические теории, основанные на доказательствах. Простые сопоставления указывают, что тогда был найден важнейший оператор сжатия, архивирования информации, который стал существенной опорой в развитии науки, образования и цивилизации на протяжении 25 столетий[3]. Отход от этой основы чреват огромными потерями, но он продолжается и уже не только в единичных случаях. Так, ради дальнейшего «снижения нагрузки на школьников» в Республике Беларусь будут разработаны учебники, «облегченные от теории, привязанные к практике». Углубление кризиса образования не замедлит сказаться.

Наряду с отмеченными проблемами в подготовке учителя-предметника серьезные источники кризисных явлений в образовании есть и в самих предметных областях. Это видно по стремительному расслоению педагогической

[1] Ленин В.И. Цивилизованное варварство // Правда Труда. 1913. – № 6, 17 сентября.

[2] Ермаков В.Г. Методология межпредметного взаимодействия при подготовке учителя-предметника в условиях кризиса системы образования // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2013. – № 3 (78). – С. 60–66.

[3] Ермаков В.Г. История математики и современное математическое образование // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2014. – № 2 (83). – С. 67–72.

теории на множество различных педагогик, что дало основание В.В. Краевскому заявить, что этот процесс принял обвальный характер: «Прорезаются все новые сущности, плодятся, как кролики, потом разбегаются, как тараканы»[1]. Одна из причин этого явления ясна – это беспредельная многоаспектность образовательных процессов[2], которая вышла на первый план вследствие ускорения социодинамики культуры и разрывает педагогическую теорию на части. Так, в монографии[3] автором был проведен анализ более 15 проектов развивающего обучения, который показал, что несмотря на идейную близость по вопросу взаимосвязи обучения и развития эти проекты тоже оказались обособленными, отделенными друг от друга, поскольку акцентировали внимание на разных сторонах образовательного процесса и разных моделях управления ими. Представляется, что именно из-за названной многоаспектности процессов обучения, воспитания и развития и вытекающей из нее многозначности педагогических терминов предложение В.В. Краевского и других авторов объединить разбегающиеся педагогики на основании терминологического единства пока не реализовано.

Многогранность объекта исследования, огромные массивы накопленного знания требуют согласования с ограниченными возможностями отдельного человека, в связи с чем в педагогике происходят те же процессы, что и в других научных областях – расслоение как способ выделения «человекоразмерных» частей. Стремление к замкнутости этих частей тоже не случайно: оно позволяет проводить глубокое упорядочение каждой из них и формировать более строгий понятийный аппарат. Но у этих трансформаций есть и оборотная сторона. Показательны слова математика Г. Вейля: «Математическая мысль, высвобождая идею из оболочки реального мира и придавая ей самостоятельную жизнь, отказывается тем самым от проникновения в тайны природы. Но в награду за это математика меньше физики связана с течением процессов в реальном мире»[4].

Иллюстрацию к словам Вейля дает понятие метрического пространства, то есть множества с заданной на нем метрикой. Для того чтобы охватить в одном понятии все многообразие различных метрических пространств, в определении фиксируют только свойства метрики без указания способа ее задания. Благодаря этому теория метрических пространств обретает высокую внутреннюю упорядоченность, но для тех, кто изучает эту теорию впервые, это понятие в отсутствие достаточного количества примеров легко превращается в «тощую абстракцию», в пустой звук.

Для системы образования такой способ обобщений в педагогической теории более опасен, чем само по себе расслоение педагогики, так как те частности, которые плохо вписываются в теорию, в реальном образовательном процессе чаще всего имеют решающее значение. Соответственно, реформирование системы образования посредством практического приложения разрабатываемых замкнутых локализованных теорий происходит без учета того, как нововведения скажутся на образовательных процессах и их результативности. Стандарты образования, ЕГЭ, компетентностный, технологический подходы и другие новации встраиваются в систему образования как инородные импланты. В таком же замкнутом и обособленном виде они изучаются и будущими учителями, затрудняя их применение.

Общим следствием этих тенденций в развитии теории и практики образования стало безудержное распространение формального подхода к обучению, притом, что, по словам В.И. Арнольда, которые он вынес в заголовок своей статьи, «формализованное математическое образование опасно для человечества». Этот подход, закрепляющийся в статусе парадигмы, разрушительно воздействует и на прежний педагогический опыт. Например, авторы новых педагогических технологий считают классно-урочную систему «основным камнем преткновения»[5]. Но при ближайшем рассмотрении системы Я.А. Коменского оказалось[6], что выхватив из его системы только форму, они пропустили в ней самое важное, что нисколько не утратило своей ценности и поныне.

Из этих оценок ситуации вытекает, что в своей существенной части кризисные явления в системе образования все-таки рукотворны и, следовательно, несмотря на растущую в силу объективных причин остроту образовательных проблем, людям под силу очень многое исправить.

Вопрос 4. Возможна ли конструктивная и комплексная программа противодействия кризису в системе образования?

Ввиду ограничений, налагаемых узкими рамками статьи, ограничимся изложением принципиальных моментов такой программы. Во-первых, нет никакого смысла в том, чтобы в дополнение к бесчисленному количеству существующих педагогик предлагать еще одну. Важнее найти способ целенаправленной интеграции того опыта, который уже имеется. Во-вторых, обращая внимание на возросшую роль внешних факторов, одной из точек опоры для интеграции педагогик должна быть внешняя цель, в качестве которой более всего подходит актуальная задача обеспечения личностной, общественной и государственной безопасности. Парадокс состоит в том, что решение этой более сложной задачи найти легче, чем решить какую-либо узко поставленную задачу. Причина этого в том, что ради серьезной цели можно поступиться чистотой отдельных теорий и использовать все их ресурсы для общего дела в меру необходимости.

---

[1] Краевский В.В. Сколько у нас педагогик? // Педагогика. 1997. – № 4. – С. 113.

[2] Ермаков В.Г. Развивающееся образование и проблема многоаспектности образовательных процессов // Вестник экономической интеграции. 2010. – № 6. – С. 164–173.

[3] Ермаков В.Г. Развивающее образование и функции текущего контроля. В 3 ч. Ч. 2. Методологические аспекты развивающего образования. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2000. – 318 с.

[4] Вейль Г. Теория групп и квантовая механика. – М.: Наука, 1986. – С. 153.

[5] Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат [и др.]; под ред. Е.С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 113.

[6] Ермаков В.Г., Таланкина М.В. Христианская антропология, «Великая дидактика» Я.А. Коменского и методологические проблемы современного образования // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре. Сб. статей. Вып. 7. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 144–149.

В-третьих, понимая, что формализация стала главной бедой современного образования, центральное место нужно отвести именно этой проблеме. Для ее решения в учебный процесс нужно вернуть акцент на связях между фактами. Но какими бы важными ни были найденные цепи связей, постоянная смена поколений вынуждает систему образования разделять их на участки, доступные для восприятия за ограниченное время. Например, при доказательстве теорем, как правило, используют наборы вспомогательных утверждений, доказанных ранее. В свою очередь, доказанная теорема дальше применяется уже без разъяснений и используется в качестве нерасчленённой точки опоры при доказательстве других утверждений. Получаемая таким образом структура сворачиваемого материала становится похожей на фрактал – геометрическую фигуру, в которой один и тот же фрагмент повторяется при каждом уменьшении масштаба. Этот процесс порождает иерархическую структуру научного знания, влечёт за собой появление абстракций от абстракций и создаёт благоприятные условия для того, чтобы учащийся, усвоивший один из элементов этой структуры, мог сориентироваться во многих других частях изучаемого материала.

Но здесь есть и узкие места: для того чтобы опереться на предшествующий материал, учащийся должен осуществить расшифровку многократно сжатого материала, что при недостаточной подготовке проблематично. Это означает, что опоре на связи между фактами сопутствует глубокая неустойчивость образовательного процесса, и потому управление этими процессами должно содержать разветвленную систему корректирующих мероприятий[1]. В главном они просты: помочь учащемуся в движении по цепям связей в обратном направлении. Исключительным случаем является пропедевтика понятий высокого уровня абстракции, которая из-за общего недостатка учебного времени не может быть полной. Выход – в том, чтобы дозировать ее объем на основе обратных связей, то есть с учетом конкретной ситуации в конкретном классе. Пример построения корректирующей программы при локальном обращении аксиоматической теории в курсе «Топология» представлен в статье автора[2]. Этот пример наглядно показывает, что роль педагога в управлении образовательными процессами останется решающей при любом уровне технологизации обучения. Кроме того, он же дает образец построения более сложных (нелинейных) моделей управления. Такие модели принципиально важны, так как дают возможность разрешать структурные противоречия в системе управления путем разведения конфликтующих элементов во времени, определяя меру и место использования отдельных форм и методов управления и контроля, исходя из целевых задач и опираясь на весь спектр их основных направлений и функций. При таком подходе удается также обеспечить функциональную и экономическую эффективность образования[3].

Другие важные вопросы, касающиеся построения интегральной педагогики безопасности, будут рассмотрены в отдельной публикации, но они уже не выводят за рамки обозначенной схемы.

[1] Ермаков В.Г., Таланкина М.В. О методологии и методике корректирующего обучения // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сб. статей. Вып. 9. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 97–103.

[2] Ермаков В.Г. Функции и структура задач при локальном обращении аксиоматических теорий // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2012. – № 2 (72). – С. 45–52.

[3] Ермаков В.Г. Методологическая основа функциональной и экономической эффективности образования // Вестник экономической интеграции. 2010. – № 7. – С. 194–210.

Комаров А.А.[1]

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА «ТЕХНОЛОГИЯ»

Ключевые слова: *учебный предмет «Технология», совершенствование учебного процесса.*

На протяжении существования массовой общеобразовательной школы позиция предмета «Технология» или трудового обучения постоянно изменялась. В 1918 году труд рассматривался как важный элемент обучения и всестороннего развития. Однако существовало 3 точки зрения: первая заключалась в том, что необходимо включить трудовое обучение в учебный план; вторая, что обучение труду может происходить в процессе изучения основ наук; третья, что трудовое обучение должно занять центральное место в системе образования. С 1920 по 1930 годы реализовался третий подход, когда знания основ наук формировались на практических трудовых заданиях (например, при посадке овощей необходимо начертить и вычислить математические характеристики грядок, изучить состав почвы и т.д.). С 1931 года было восстановлено предметное обучения, в том числе и труду. Но в связи с низкой квалификацией учителей с 1937 по 1950 годы трудовое обучение было исключено из учебного плана и перенесено во внеурочную деятельность. Бурный технический прогресс 1950-х годов вернул проблему технологической подготовки учащихся и в 1954 году трудовое обучение возвращено в учебный план в рамках развития политехнической подготовки. В 1965 году в АПН РСФСР был создан отдел трудового обучения в комиссии по начальному образованию. До 1988 года действовала программа «Трудовое обучение», в которой нашли отражение передовые достижения педагогической науки, а также запросы предприятий и совхозов. На сегодняшний день **«Технология» –** учебный предмет общеобразовательной школы, задачами которого являются расширение и углубление политехнического образования, а также выявление, раскрытие и развитие способностей учащихся в процессе создания изделий. Важную роль «Технология» как учебный предмет играет в области межпредметных связей, создавая условия по применению знаний естественнонаучных учебных предметов, раскрывая организационно-экономические особенности промышленности в процессе проектной и творческой деятельности. Несмотря на долгий путь изменений учебного предмета «Технология» за время массовой школы, неизменным остались некоторые принципы его организации. Во-первых, политехнический характер – разнообразие сфер дизайнерско-технологической деятельности, получение как общетрудовых знаний и умений, так и специальных (профессиональных). Во-вторых, творческий характер – возможность раскрытия способностей, индивидуальности в создании материального продукта (изделий). В-третьих, отражение социально-экономического развития страны.

Направления развития учебного предмета

1. В связи с необходимостью совершенствования учебного предмета «Технология», образовательным организациям при разработке основной образовательной программы следует обратить внимание на:

– существующую возможность вариативности изучаемых разделов и тем;

– практико-ориентированную направленность учебного предмета;

– приобретение трудовых навыков с целью получения творческого или материального продукта.

2. Повышение престижа учебного предмета «Технология» невозможно без активного участия образовательных организаций в ежегодных тематических выставках, конкурсах и проектах. Кроме того, следует включить учебный предмет «Технология» в список экзаменов ГИА по выбору.

3. Образовательным организациям следует учесть возможности сетевого взаимодействия с системой дополнительного и профессионального образования с целью совершенствования технологического профиля в школах, расширения экспериментальной деятельности, привлечения профессорско-преподавательского состава колледжей и вузов для обучения школьников.

4. Для обеспечения преемственности и непрерывности дошкольного, начального общего, основного общего, среднего и высшего профессионального образования следует проанализировать элементы содержания программ подготовки по «технологии» данных уровней образования и разработать общую дизайнерско-технологическую линию, включающую единую систему целей и задач, а также возможности использования модульного обучения, в зависимости от интересов и потребностей обучающихся. При организации внеурочной деятельности школьников необходимо создать условия для проведения занятий по дизайнерско-технологической направленности.

[1] Комаров Алексей Анатольевич – учитель технологии и изобразительного искусства высшей категории, методист по технологии, магистр педагогики, Победитель конкурса «Лучшие учителя России 2015».

5. Многообразие форм дизайнерско-технологической подготовки и специализации обучающихся, определяет следующие примерные модули (элементы содержания образования), которые по-прежнему актуальны в социально-экономическом аспекте:

– эволюция техники и технологий;
– современные технологии по отраслям промышленности и производства;
– материаловедение;
– конструирование и моделирование изделий;
– проектирование, макетирование, прототипирование и создание 3d-моделей;
– технология обработки материалов и изготовление изделий (в том числе технология приготовления пищи);
– виды дизайна и техническая эстетика;
– основы дизайна, декоративно-прикладного искусства и творчества;
– агротехнологии;
– графика, черчение и средства ИКТ в оформлении конструкторской документации;
– современное технологическое оборудование и его назначение;
– проектная деятельность;
– современные профессии и способы получения профессионального образования;
– основы предпринимательства, менеджмента и маркетинга на предприятии;
– особенности производства и промышленности региона.

6. При разработке содержания регионального модуля по технологии следует учесть местные (региональные) культурные традиции, а также траектории развития промышленности и экономики, в том числе запросы от предприятий и востребованные профессии на рынке труда.

7. При разработке рекомендаций для внесения изменений в Примерную образовательную программу ООО, следует конкретизировать разделы и темы, добавить вариативные модули, раскрыть содержание практической деятельности обучающихся, изучить международный опыт в преподавании предмета «Технология» и аналогичных дисциплинах.

8. Включение в содержание Примерной программы новых модулей и анализ материально-технического оснащения кабинетов (мастерских и лабораторий) технологии школ показывает необходимость использования образовательными организациями бюджетных средств на модернизацию, обновление технологического оборудования и приобретение расходных материалов. Кроме того, следует создать условия для повышения квалификации и переподготовки учителей в соответствии с новым содержанием образования.

Таким образом, считаем, что учебный предмет «Технология» имеет огромные перспективы и потенциал в развитии личности обучающихся, поэтому не может быть заменён только одним модулем или исключён из учебного плана общеобразовательной школы.

Михайлов В.В.[1]

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ РЕФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова*: высшее образование, образовательная политика, дефекты и опасности современного образования, образовательная реформа в России, альтернативная модель образования.*

Keywords: *higher education, educational politics, defects and dangers of modern education, educational reform in Russia, alternative model of education.*

Обострение ситуации с образованием в России связано в основном с тремя факторами: глобальной тенденцией деградации образовательных систем в мире, наблюдаемой с середины 1980-х гг.[2], усилением деструктивного реформирования российского образования с 2012 г., связанного с принудительным административным навязыванием указанного деградационного мирового тренда и актуализацией ситуации «пожизненного образования», когда из-за роста темпов социальных и технологических изменений человек вынужден в течение жизни постоянно доучиваться и переучиваться во избежание имущественных и социальных потерь. Последний фактор выводит сферу образования из детско-юношеско-родительской и профессионально-педагогической проблематики, делая её жизненно актуальной и личностно значимой для всех граждан (чего последние в России, похоже, пока толком не осознали).

Ситуация life-long learning – «образования в течение всей жизни» возникла отнюдь не сегодня, как полагают некоторые[3], – постоянно повышать свою квалификацию приходилось и в прошлом, прежде всего представителям элитарных социальных групп: например, профессиональный военный, пренебрегавший подобным делом, на ближайшей войне буквально рисковал головой. Полководцы (А.В. Суворов, М.И. Кутузов) порой служили пожизненно, до преклонных лет. Сходная ситуация была у царедворцев, высших чиновников. Религии также требовали от верующих пожизненной духовной работы над собой. Сегодня из-за «ускорения социального времени» (темпов социокультурных изменений) подобные требования распространяются на более широкие массы населения. Человек, не повышающий свою квалификацию, рискует не только потерять работу, доход и социальный статус, но, что ещё хуже, стать жертвой разнообразных мошенников, навязывающих недоброкачественные товары и услуги. Самый яркий пример в России – навязывание кредитов и, как следствие, массовое «долговое рабство». В России – стране с традиционно высоким уровнем социального и природного дискомфорта и прессинга и пренебрежения «человеческим капиталом» данная проблема стоит более остро, чем в ряде других стран.

И ещё более острой проблема как «естественного», так и государственно организованного развала российского образования и науки[4] становится от того, что она упорно замалчивается в СМИ и Минобразом. Противоречие налицо: условия жизни требуют от людей резкого повышения качества своего образования для успешной адаптации к социокультурным изменениям, а его качество, по крайней мере, в курируемом Минобразом секторе, наоборот снижается. Также очевидно, что развал образования и науки – это «выстрел в будущее» страны и **основная** помеха её инновационному развитию. В качестве доказательства приводим диаграмму выезда российских ученых за рубеж из электронной книги О. Четвериковой «Враг зашел с тыла».

Современное состояние этой проблемы наглядно характеризует статья А. Ваганова из Независимой газеты[5]. Сокращение науки и ученых естественно связано с процессами сокращения и деградации образования, в первую очередь высшего.

То, что СМИ игнорируют и замалчивают проблему деградации российского (как, впрочем, и мирового) образования неудивительно. Начнем с того, что само общепринятое название данного института не точно, так как не выражает его истинных функций. Более точное название дал ему А.И. Фурсов – СМРАД – средства массовой рекламы, агитации, дезинформации[6]. Дело здесь ещё и в том, что для СМРАДа, который во многом по функциям аналогичен религиозным институтам прошлого, сами по себе традиционные религиозные и образовательные институты являются естественными конкурентами, поэтому, как отмечал С.Б. Переслегин, «прослеживается отчетливая корреляция между глубиной кризиса образования и уровнем развития телекоммуникационных систем в регионе»[7].

---

[1] Михайлов Владимир Владимирович – д.филос.н., доцент. Научные интересы: социальная философия, философская антропология, философия религии, эзотерики. E-mail: myhailovvv@mail.ru

[2] См. подробнее: Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.: АСТ, 2009. – С. 476.

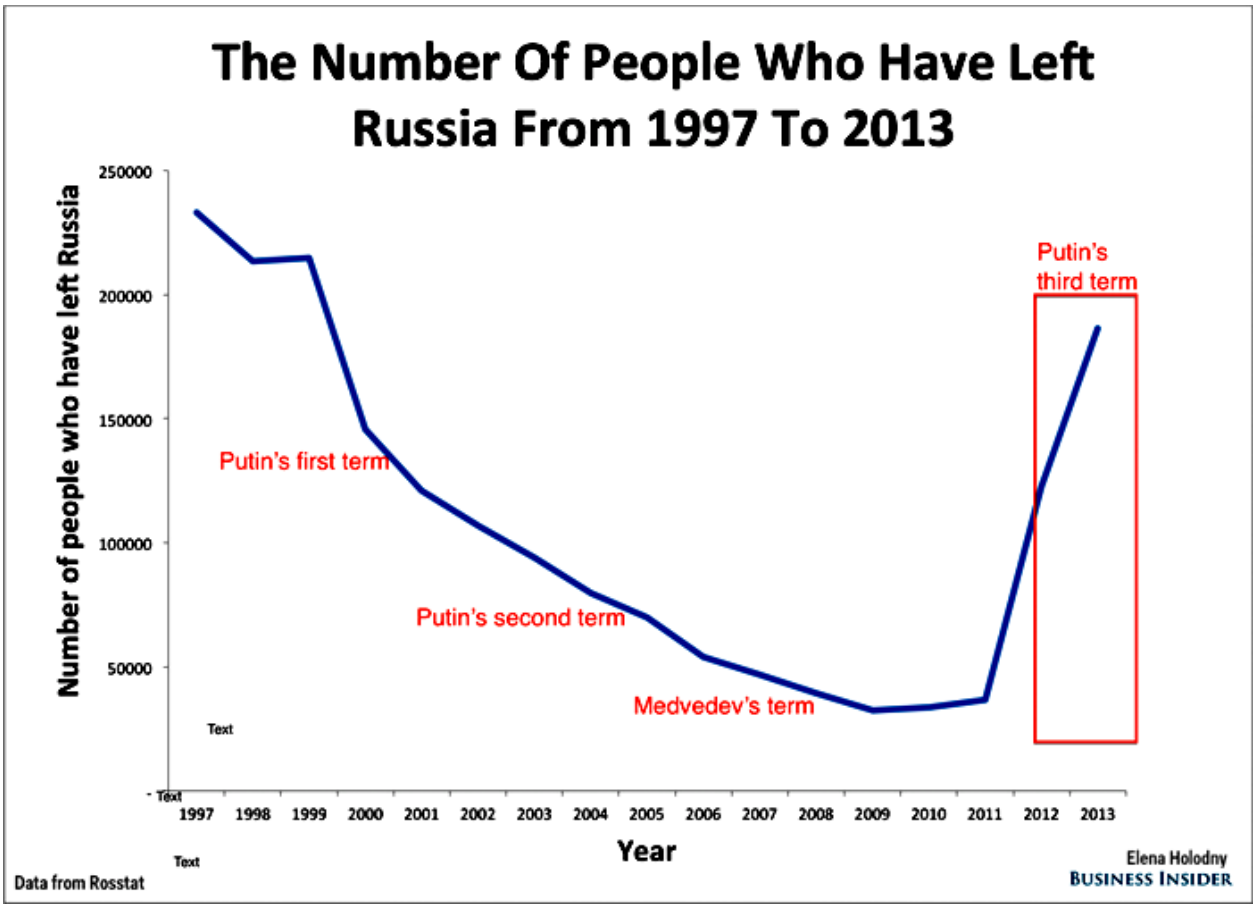
[3] Филонович С.Р. Life-Long Learning: последствия для высшей школы // Вопросы образования. 2009. – № 4. – С. 55–67.

[4] Доказательства тезиса: Четверикова О. Враг зашел с тыла. – http://ruskline.ru/analitika/2015/03/28/vrag_zashyol_s_tyla/

[5] Ваганов А. Карт-бланш. Сокращение численности ученых – процесс неизбежный. – http://www.ng.ru/science/2016-08-02/3_kartblansh.html

[6] Фурсов А.И. Вперед к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. – М.: Книжный мир, 2015. – С. 227.

[7] Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.: АСТ, 2009. – С. 481.



Замалчивание и «забалтывание» ключевых проблем российского образования происходит посредством метода смещения внимания аудитории СМРАДа с главных его проблем на второстепенные: платности/бесплатности образования, недостатка его финансирования, коммерциализации процесса обучения, плохой подготовки школьников к тестам ЕГЭ и т.п. Например, партия «Справедливая Россия» в своем издании пишет, что в её «требование к правительству «Делай или уходи!» добавлен пункт седьмой: Вернуть россиянам бесплатное и доступное образование, как в СССР!»[1]. Конечно, борьба с нынешней «реформой», а точнее с «буржуазной революцией» в образовании дело благое, но, увы, **главное в образовании – вовсе не его бесплатность и доступность, а содержание, то есть чему, зачем, кто и как там учат.** Что есть образование – безусловное благо, которое как Солнце должно бесплатно светить всем, или аналог сыра в «социальной мышеловке», призванный превратить человека в винтик социальной системы, легко управляемого биоробота? Как содержание, так и формы предоставления и подачи (методы обучения) современного образования не убеждают меня в его безусловной полезности, а собственный жизненный опыт человека, прошедшего все его ступени (детский сад, школа и отчасти вуз в СССР, вуз, аспирантура, профессиональная переподготовка и повышение квалификации в РФ, 18-летний опыт научно-педагогической работы в системе высшего образования России от аспиранта до профессора, как впрочем и базовое педагогическое образование) только подтверждают представление о его глубоком несовершенстве и ущербности. Очевидно, что система образования должна меняться, причем в первую очередь содержательно, а не формально (посредством слияния вузов, кафедр и школ с детскими садами), только как? Для ответа на данный вопрос следует определить ключевые, базовые характеристики и недостатки (дефекты) наличного образования и предложить им альтернативу. То есть, чтобы понять, что делать, надо хотя бы разобраться с базовыми характеристиками и основными процессами, происходящими в современном образовании, освободиться от мистификаций и мифов в этой сфере.

Для примера демистификации образования как метода возьмём миф о «лучшем в мире советском образовании». Здесь сразу же возникает ряд вопросов: как могла советская система образования с её марксистским догматическим идиотизмом, тотальным отрицанием духовности, атеистическим обскурантизмом, эгалитарным антиаристократизмом, агрессивным антиплюрализмом быть лучшей в мире? А если она была такой хорошей, то почему её «продукты» допустили развал СССР и крах социализма, которые рухнули как раз тогда, когда к верховной власти в стране пришло поколение Горбачева-Ельцина, то есть людей, родившихся уже после завершения гражданской войны и прочного установления советской власти и получивших с пренатального периода «лучшее в мире советское образование и воспитание»? Почему современные россияне, в том числе ученые и педагоги, «продукты» самой передовой науки и образования советского образца не могут (а часто и не хотят) оказывать эффективного сопротивления нынешней «буржуазной революции» в образовании? Крах советского строя и порождённой им системы образования и науки – главное и неопровержимое доказательство их слабости и несовершенства.

[1] Домовой. 2016. – июнь (7/94). – С. 3.

Я сам имел несчастье в конце 1980-х гг. полтора года проучиться в школе, аналогичной показанной в печально знаменитом сериале «Школа» Валерии Гай Германики. Вся атмосфера того учебного заведения передана удивительно точно, с естественной поправкой на реалии горбачевской эпохи: отсутствие Интернета, наркотиков, порнографии и некоторых прочих «прелестей» постсоветской России. Пребывать там было тяжело и противно (как и смотреть этот сериал, заново погружаясь в ту же грязь), успеваемость моя там снизилась, а на последнем звонке я просто вздохнул с облегчением, с радостью распрощавшись с этим заведением. И такую «школу» кто-то осмеливается называть «лучшей в мире»?! Самое печальное было в том, что эта школа вовсе не была ни самой худшей в Москве, ни тем более в СССР (России). Кое- где и не такое творилось. Она была именно средней, хотя и не лучшей. Но я-то там проучился полтора года, а какой ущерб подобное заведение способно нанести ребенку, проучившемуся в нем с младших классов 10–11 лет? От такой «школы» можно и на всю оставшуюся жизнь стать психоментальным инвалидом или «уродом». Отсюда вывод: **современная система образования несёт в себе угрозу и опасность как для физического, так и для психоментального здоровья и благополучия учащегося.** Данная угроза связана с одной из базовых характеристик современного образования – его информативно-программирующим характером (вместо развития и сохранения способностей). При этом инсталляция мировоззренческих и поведенческих программ в современном образовании осуществляется методами не полезными, а зачастую и вредными для здоровья. То есть современное образование не является «здравосберегающим»[1]. Получив такое образование, учащийся часто в «довесок» приобретает сколиоз, гастрит или плохое зрение. При этом сами полученные (это если они освоены и не забыты) знания зачастую оказываются мифологичными, практически бесполезными и быстроустаревающими в меняющемся мире. То есть *налицо прямое мошенничество и обман учащегося: вместо неразвитых или загубленных, но нужных для жизни способностей (хорошее здоровье тоже своего рода способность или жизненный ресурс) он получает часто бесполезное знание или информацию*. Но даже если знание усвоено и полезно, стоит ли ради его приобретения жертвовать своим здоровьем? Я в этом не уверен.

Я хочу здесь также разобраться с понятиями знания и информации, которые у нас часто смешивают и не различают. Информацией в образовании мы будем считать некие сведения, которые человек запомнил без изменения своего телесного (физического), эмоционального, ментального, духовного поведения. Соответственно появляется дихотомия: человек информированный/не информированный. Знание – это более высокий уровень информированности, это внутренне переработанная и усвоенная информация, меняющая телесное, эмоциональное, ментальное, духовное поведение человека, то есть знание, так или иначе, реализуется в практике. Поэтому *вместо привычной дихотомии знающий/не знающий получается триада не информированный, информированный, знающий*. В современном массовом сознании, да и в теории, и практике образования информированность и знание четко не различаются, путаются и смешиваются. Соответственно знания зачастую и не проверяются. Информированность считается знанием, при том, что реально это полузнание, так как не примененное на практике, не изменившее человека оно зачастую бесполезно, а возможно и вредно, как информационный мусор в компьютере, снижающий скорость его работы и емкость для загрузки полезной информации. К тому же в современном мире из-за появления Интернета, массового книгоиздания, радио, телевидения, развития новых технологий обработки и сохранения информации, а также информационной и даже знаниевой инфляции, порожденной ускорением социокультурных изменений ценность информации, особенно общедоступной, падает. Поэтому сегодня нужны специалисты и люди знающие, а не просто информированные, как это было ранее, в эпохи информационного голода и дефицита. И если массы продолжают жить в «информационном обществе», то элиты призваны жить в «обществе знания»[2].

Но мы отвлеклись. Ключевая проблема современного образования в том, что если оно не различает информированности и знания, то оно и не может эффективно давать эти знания и проверять их наличие. Доказательства этого тезиса общеизвестны: приходящий на работу молодой выпускник вуза, не имеющий в ней практического опыта, как правило, эффективно работать не может и его надо доучивать на месте от нескольких месяцев – до нескольких лет. ЕГЭ также по преимуществу проверяет не знания, а информированность и формирует только навыки быстрой работы с разнообразной информацией и память, но не способность генерировать знание. *Сдавший ЕГЭ школьник может по нашему определению вообще ничего не знать по сданным предметам*. Он подобен обывателю, преуспевшему в разгадывании кроссвордов.

Итак, очередная опасность образования – *ученик пришел за знаниями, а ушел с информацией, и это в лучшем случае*, если память неплохая. А если память от природы слабая? Тогда вообще из современной школы уйдешь ни с чем, и решить проблему в ней нельзя, так как такого предмета как развитие памяти в современном массовом образовании нет. Есть только какие-то частные платные тренинги и курсы по решению данной проблемы.

За отсутствием места мы пока не будем перечислять всех дефектов современного образования для доказательства тезиса о его опасности для учащегося (а также и для педагога). ***Выведем основные факторы потенциальной опасности современного образования: 1. Получение вредной и бесполезной информации и особенно таких же знаний, формирующих поведенческие программы, 2. Напрасная потеря временных и финансовых ресурсов, 3. Заражение «вирусными программами» и информацией из-за негативного влияния социальной среды (по типу «школы от Валерии Гай Германики»), 4. Угроза недоразвития, блокировки и утраты различных способностей, в том числе здоровья***.

---

[1] См. подробнее: Базарный В.Ф. Школа возрождения или школа вырождения. – М.: Самотека: МИД «Осознание», 2012. – 255с.

[2] Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Университеты, общество знания и парадоксы образования // Вопросы образования. 2005. – № 1. – С. 106–126.

Как решить эту проблему? На наш взгляд, для этого надо ввести на всех уровнях образования и повышения квалификации такой предмет как расширенный аналог школьного ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности), на котором давать и проверять знания о различных видах природного и социально обусловленного ущерба, который может получить человек, в том числе и от системы образования, формировать умение его выявлять и ему противодействовать. И курс этот должен быть не в старших классах школы, а с самого начала обучения ребенка. У Ф. Ницше была хорошая работа «О пользе и вреде истории для жизни». Так вот следует в каждую преподаваемую дисциплину и курс вставлять соответствующий раздел, показывающий потенциальный вред от её изучения, а не только пользу, как принято сейчас. Например, преподаватель вуза должен при повышении квалификации по идее получать три блока знаний: самозащита от прессинга и нарушения его прав администрацией вуза, самозащита от недобросовестной конкуренции коллег, самозащита от необоснованных претензий со стороны студентов. Конечно, при нынешнем руководстве Минобраза РФ рассчитывать на введение подобных курсов утопично. Однако не всё потеряно. Читатель может начать самостоятельно решать данную проблему, постепенно накапливая нужную информацию и знания по теме. Как сказал один мудрец, правильно поставленный вопрос уже содержит в себе половину ответа.

Перечислим другие, обнаруженные нами дефекты современного образования. Второй важнейший дефект современного образования (после его информативно-программирующего характера) – *деиндивидуализированность*. «Так мудрецы, обладая единым принципом, управляющим всем сущим … взвешивали силу и возможности каждого, устанавливали способности и умение, достоинство и недостатки каждого»[1]. Но *современная система образования создана явно не мудрецами и не для мудрецов*, поэтому обучению в ней не предшествует предварительное выявление талантов и способностей учащегося для оптимизации процесса его обучения. Например, целенаправленного развития обнаруженных способностей и талантов или коррекции слабостей. Вместо этого всех обучают одинаково, в лучшем случае можно выбрать лишь какой-то курс. Вместо тестирования способностей проводятся экзамены, проверяющие не способности, а степень усвоения какой-то программы. ЕГЭ по сравнению с классическим экзаменом, где учащийся мог получить от экзаменатора уникальные вопросы или задания, ещё более деиндивидуализировано. В результате такого образования многие индивидуальные таланты и способности зачастую остаются скрытыми, не развиваются, деградируют и гибнут, не используются на благо их обладателя и общества в целом. Другие способности раскрываются случайно и также толком не развиваются, так как такой задачи и курсов просто нет. Конечно, такая система наносит деиндивидуализацией огромный урон большинству учащихся, который они, к сожалению, как правило, не осознают. «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» и получили в результате горе от недоразвитого в системе образования ума вместе с неспособностью обойти пулю Дантеса или разъяренную толпу в Тегеране. И это у тех, кого считают гениями! Литературный персонаж Обломов – тоже ярчайший пример жертвы неоткорректированных правильным образованием способностей.

Следующий системный дефект образования – *псевдотрадиционализм, суть которого заключается в опоре на мифологизированное прошлое*, которое становится зыбкой основой для действий в настоящем и проектирования будущего. Мало того, что история фальсифицируется и неверно интерпретируется, отсутствует понимание изменчивости условий жизни сегодня и в будущем. Как результат – феномен полураспада знаний, составляющий сегодня от 2,5 до 7–8 лет по разным его отраслям. К концу обучения в вузе половина того, чему научили в начале, уже устарела. Проблема эта замечена[2], однако попыток разделения знаний на «стратегические» и «тактические» у нас особо не наблюдается. Оборотной стороной опоры на выдуманное прошлое является подгонка настоящего под выдуманное будущее, осуществляемая современными реформаторами образования: «…этим проектом непосредственно занимается созданная в 2006 году Московская школа управления Сколково. Достаточно зайти на её сайт, чтобы увидеть, какие программы они уже реализуют. Например, в рамках форсайт-проекта «Образование 2030» к 2020 году должны быть созданы новые профессии – энергоаудиторы, сетевые врачи, ГМО-агрономы, IT-генетики, биоэтики, сетевые юристы, дизайнер виртуальных миров, архитекторы виртуальности, дизайнер интерфейсов, IT-проповедники…»[3]. Признаться меня как-то не тянет попасть в этот оруэлловский матричный «дивный новый мир» с ГМО-агрономами и IT-проповедниками…

Четвёртый недостаток образования – *опора на чужой опыт, вместо построения собственной жизни*. Подобный вид идиотизма весьма распространен в современном мире: вместо того, чтобы выстраивать собственную интересную и счастливую жизнь очень многие часами торчат перед телевизором, переживая чужие жизни и события в кинофильмах, шоу и новостях. Такое нелепое поведение во многом формируется и системой образования, особенно литературой и историей. В последние годы она обостряется из-за культа Интернета и презентаций в обучении, дублирующего массовую привычку балдения перед телевизором, подобно тому как ЕГЭ дублирует обывательское досужее развлечение разгадывания кроссвордов. Если Обломов грезил, хотя бы используя способность воображения, то современному обывателю и этого не требуется, всё уже вообразили за него. В результате утрачивается способность к творчеству и созиданию собственной жизни и судьбы, создается новое рабство существования по чужим шаблонам. Конечно, опора на чужой, а не свой опыт, способности и знания – продукт информативно-программирующего характера образования. Ведь инсталлируемые в учащегося программы чужие. Болонская система кредито-часов вплотную

[1] Тайный канон Китая / Сост. В. Малявин. – М.: РИПОЛ классик, 2015. – С. 49.

[2] См., например, Филонович С.Р. Проблемы управления знаниями: происхождение и междисциплинарный характер // Экономические стратегии. – М., 2010. – № 5 – С. 76–80.

[3] Четверикова О. Демонтаж. Реформа образования и спецслужбы США. – http://ruskline.ru/opp/2015/noyabr/24/demontazh_reforma_obrazovaniya_i_specsluzhby_ssha

подходит к гигабайто-часам и оценке на этой основе рыночной стоимости специализированного биоробота в зависимости от объема и качества закаченной в него информации.

Пятый дефект образования – это его зачастую *имитационный характер, то есть подмена реальных знаний, умений, навыков и новых компетенций их симулякрами*. Пример с подменой знаний информацией мы уже разобрали. Но подменяются не только знания, даже сама информированность заменяется её иллюзией. В качестве примера разберём хорошо знакомую автору практику преподавания философии в российском вузе. За семестровый курс из 36 часов лекций и 18 часов семинаров (сейчас уже зачастую в 2 раза меньше) студенту предлагалось изучить всю (!) историю и теорию мировой философии. А ведь это как минимум 2,5 тысячелетняя история, сотни только крупных мыслителей и школ. Это и преподавателю сложно освоить за десятки лет работы, что уж говорить о студенте с его 18 лекциями, 9 семинарами и одним учебником… Но в итоге, не освоив чаще всего даже преподанного ему «краткого курса» и не прочитав толком учебник, студент, тем не менее, сдает экзамен (или аналогичный ЕГЭ тест), списав половину ответов с Интернета, и выходит из вуза уверенный, что если уж он философию в вузе изучал и даже сдал экзамен, то он её – знает! На самом деле, он, конечно, её не знает, особенно если он не читал самих философских текстов и не применил информацию из них на практике, он всего лишь, более-менее информирован о том, что такое философия из учебника и лекций. Но только ли с философией такая ситуация в образовании? Уверен, что нет. Скорее всего, студент на выходе большинство изученных дисциплин «знает» так же как философию и именно поэтому не может толком работать сразу по специальности без соответствующей практики, что выражается в массовом и упорном нежелании работодателей брать людей без опыта соответствующей работы. Зато такая система надежно глушит и блокирует собственные познавательные инициативы человека: зачем что-то изучать, если ты и так уже много чего изучил в школе и вузе, а значит, всё это уже знаешь? А если в школе и вузе учат плохо, кругом коррупция и атмосфера «Школы» Валерии Гай Германики – то зачем тогда учиться, всё равно ничему хорошему не научат, да и не у кого, наверное… Тем более, что всё «знание» и так легко доступно: «погуглил» и нашёл «в два клика»…

Шестой недостаток современного образования, резко обострившийся в последние годы в результате усилий реформаторов – *культ иностранных языков*. Если посмотреть по сайтам Интернета по поиску работы наиболее востребованные на рынке труда преподавательские специальности – то ими окажутся преподаватели иностранных языков. Это даже более популярная профессия, чем «дрессировщик сдачи ЕГЭ». Причем, как ни странно, требуются преподаватели любых иностранных языков, в том числе «мертвых» и экзотических, вроде тибетского, а не только английского или китайского, как можно было бы предположить. И это при том, что вроде бы у нас постоянно растёт количество переводчиков, иностранный текст легко перевести автоматически и бесплатно через Интернет и уже есть программы синхронного текстового и звукового перевода речи и письма, устанавливаемые в сотовый телефон. Удивление нарастает ещё больше, если учесть, что Россия, в общем-то, не маленькая и малонаселенная страна с бедным культурным наследием на языке которой нет ни значимой своей, ни переводной зарубежной информации. Но такой спрос на рынке труда – это явный запрос потребителей с ментальностью «дикарей», считающих любой иностранный язык «билетом в рай». Но сегодня знание английского языка на уровне языкового вуза начинают требовать уже и с аспирантов всех специальностей, оценивать по уровню владения им качество работы преподавателя… В то же время, я встречал немало талантливых студентов, которые и раньше, когда таких варварских требований не было, отказывались из-за плохого знания иностранного языка поступать в аспирантуру и вообще идти в науку. Неужели знание иностранного языка, а не талант и желание работать в своей сфере это главное для аспиранта, ученого и преподавателя? *Не являются ли такие требования к аспирантам и преподавателям ущемлением их прав на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, обучения и творчества (ст. 26 п. 2 Конституции РФ)*? Я лично считаю, что экзамены по иностранному языку в аспирантуре нужны только по специальностям и темам, где невозможно сделать качественную работу без широкого использования непереведенных на русский язык иностранных источников и литературы. А, например, по истории русской философии, особенно если тема исследования диссертанта не разработана зарубежными учёными, вполне можно обойтись и без экзаменов по иностранному языку. Снятие языковых ограничений при поступлении в аспирантуру и отборе преподавателей могло бы обеспечить приток в науку и образование талантливых людей. Преподаватель любого уровня должен знать, в первую очередь, свои предметы и курсы, а не иностранные языки.

Седьмой недостаток современного образования – *тенденция его превращения в отрасль шоу-бизнеса.* Это проявляется в культе электронных технических средств обучения и дистанционного образования. Такое образование начинает методологически дублировать СМРАД (СМИ) и Интернет, превращаясь в аналог форм обывательского досуга – просмотра телевизора и блуждания по сайтам. Однако подобное дистанционно-презентационное образование является второсортным и ущербным. Далеко не всё знание отчуждаемо от его носителя, поэтому непосредственное общение с учителем, мастером, совместная деятельность с ним всегда считалась необходимым условием подлинного научения, посвящения в профессиональные тонкости и секреты, овладения истинным профессиональным мастерством. Насмотревшись телевизора дома, учащийся идёт в школу или вуз – а там практически то же самое – презентации и видеолекции. А зачем тогда вообще туда ходить, если этих презентаций и так в Интернете полно?

Преподаватель тоже начинает оцениваться как клоун в цирке или профессиональный юморист типа М. Задорнова по степени владения юмором (это реальный вопрос из опросника для студентов МГПУ[1]), по уровню его популярности у студентов, его научная работа – по местам в научных рейтингах (прямой аналог музыкальных хит-парадов). Конечно, тот, кто читает лекции в духе Жванецкого или Задорнова получит высокие оценки у студентов, особенно если он ещё и оценок удовлетворительных и плохих никому не ставит. Только является ли такой «шоумен»

[1] Московский городской педагогический университет.

хорошим специалистом в своем деле? Что останется в итоге от него у студента, кроме хорошего настроения на лекции и экзамене? Тем более что парадокс образования состоит в том, что юный учащийся зачастую учится бездумно и только спустя годы после окончания школы и вуза может объективно оценить как качество своего обучения, так и качество собственной учебной работы. Лично я, только через несколько лет после окончания вуза понял, что самый нелюбимый тогда нами за его строгость преподаватель был на самом деле самым лучшим, потому что реально учил своим дисциплинам, в отличие от других популярных у студентов бездельников, ставивших всем «4» и «5» и заканчивавших занятия через 15 минут после их начала.

Сходная ситуация и в науке. У Ф. Ницше при жизни был очень низкий рейтинг, К. Маркс при жизни тоже был не так популярен, как в XX веке, а Д. Бруно так и вовсе посадили в тюрьму и сожгли на костре. Места в некачественно составленных рейтингах – не главный критерий научной продуктивности и гениальности. Впрочем, о несостоятельности современной наукометрии я уже писал[1].

Плодом любой конструктивной критики должны быть предложенные альтернативы. К сожалению, объем статьи позволяет обозначить их только тезисно, без подробного разбора и обоснования.

Мы предлагаем создать параллельную (или дополнительную) к существующей систему «стратегического образования», свободную от указанных выше дефектов и недостатков и ориентированную, прежде всего, не на информационное программирование личности, а на *всестороннее развитие различных способностей индивида*, конкретный набор которых должен определяться на основе его врождённых талантов и задатков, желаний, целей и профессиональной ориентации. Очевидно, что именно способности определяют содержание и потенциалы привычного нам информативного образования. Например, глухой не захочет и не сможет получить музыкального образования. Именно поэтому предлагаемое здесь образование является стратегическим. Наличная же система фактически паразитирует на способностях человека, не развивая их, что делает её антигуманной. Стратегическое образование должно быть индивидуализированным, основанным на предварительном выявлении талантов и способностей, а не на проверке степени социализированности через усвоение общепринятых в обществе представлений и правил. Траектория его также должна выстраиваться индивидуально, так как в силу уникальности индивидам требуются разные виды обучения даже для одной профессии. Следующий параметр – опора на реальную традицию своего народа и страны, вместо выдуманной истории. Идеи традиционализма в философии развивали Р. Генон, Ю. Эвола и их многочисленные последователи. В любой этнической культуре, как правило, сохраняются различные методики обучения и развития способностей, ориентированные на людей данной культуры, климата, расы, территории. Для иностранцев такие локально ориентированные методики могут быть менее эффективными. Учащийся в стратегической системе образования должен быть ориентирован на построение собственной жизни и карьеры, а не копирование и проживание чужого опыта. «Остерегайся идти по стопам великого человека – тебе придется приложить вдвое больше усилий, чтобы превзойти его»[2], – советовал Б. Грациан.

Стратегическое образование должно быть свободно от культа технических средств обучения, Интернета на основе понимания ограниченности техники и технологии[3]. Оно не выстраивается по принципам шоу-бизнеса. Учитель в этой системе должен ориентироваться не на западную традицию назойливой рекламы, погони за количеством учеников и навязывания сомнительных образовательных услуг, а на идеал восточного мастера – мудреца, которого ученики должны искать сами. Соответственно и учащийся в такой системе должен объективно смотреть на учителей и подбирать для обучения мастеров, а не популярных у толпы «шоуменов» и «юмористов». Так как стратегическое образование ориентировано не на набор информации и знания, а на развитие способностей их получения по мере необходимости, то учащийся должен занимать здесь позицию «ученого незнания» вместо имитации многознания и учености.

В завершении нашего вынужденно небольшого исследования, хочется заметить, что проблема приоритетного развития способностей в образовании вообще-то плохо осознавалась в истории и философии педагогической мысли, по крайней мере, общедоступной, как это видно, например, по монографии «Образование и гуманизация общества»[4]. Многие современные авторы также этого не понимают. С.Б. Переслегин видит решение проблем современного образования в «компактификации» знаний и ускорении их «закачки» в учащегося. О проблемах устаревания, «полураспада», неполноты и вероятной ложности этих знаний известный футуролог даже не задумывается![5] Современные реформаторы образования также не продвигаются в данном направлении, но скорее в прямо противоположном, как это хорошо видно из упомянутых работ О. Четвериковой. Тем не менее, читатель может самостоятельно продумать идею стратегического образования и реализовать её на практике, получив, таким образом, полноценное, а не половинчатое тактическое образование.

---

[1] Михайлов В.В. Несостоятельность западной наукометрии // III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии: тезисы докладов (Москва 27–29 октября 2015 г.) / Сост.: Р.Г. Резаков, В.М. Кондратьев. – М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2015. – С. 123–126.

[2] Грин Р. Законы власти. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – С. 268.

[3] См. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность. – СПб: Владимир Даль, 2002. – 560 с.

[4] Бессонов Б.Н., Бирич И.А. Образование и гуманизация общества. – М.: МГПУ, 2013. – 196 с.

[5] Переслегин С.Б. Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – С. 419.

Романович Н.А.
д.соц.н., профессор РАНХиГС (Воронежский филиал), ген. директор Института общественного мнения «Квалитас», г. Воронеж
nelly@qualitas.ru

НОВАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИНЖЕНЕРОВ В РОССИИ И ПРЕСТИЖНОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

***Ключевые слова**: инженер, престижность профессии, техническое образование, гуманитарное образование, условия для развития науки.*
***Keywords**: engineer prestige of the profession, technical education, arts education, the conditions for the development of science.*

В первой половине прошлого столетия в царской России и в СССР инженеров было чрезвычайно мало, и ценились они на вес золота. Во второй половине прошлого столетия инженеров было много, и ценились они на вес макулатуры. В первой половине текущего столетия проблема хороших инженеров стала камнем преткновения на пути к развитию новых технологий. Низкий престиж профессии инженера отражается на уровне образования школьников, поступающих в технические вузы. Менеджеров, юристов и экономистов много, но не на них сейчас возлагаются главные надежды. Как-то Владислав Сурков сказал, что теперь наша идеология – это технология, что главная фигура в модернизации нынешней экономики – это инженер.

Чтобы поток инженеров в технические вузы возрос, необходимо, чтобы эта профессия считалась престижной. Насколько сегодня престижна профессия инженера? Для выявления ответов на этот вопрос и другие вопросы, связанные с профессией инженера, в Воронеже весной 2016 года было проведено социологическое исследование (опрошено методом личного интервью 613 человек по репрезентативной для городского населения выборке).

На вопрос: ***«Как Вы считаете, на сегодняшний день профессия инженера считается престижной или непрестижной?»***, – были получены неоднозначные ответы.

Оказалось, что на сегодняшний день профессия инженера скорее непрестижна (**49%**), чем престижна (**47%**). Особенно часто подчеркивают её непрестижность люди преклонного возраста (**74%**). Видимо, шлейф пренебрежительного отношения к инженерам, которых во множестве штамповали ещё советские вузы, не изжит в памяти сегодняшних пенсионеров. Но незаметно для стариков ситуация начинает меняться. В глазах молодежи престижность инженерной профессии составляет **54%**, а в самом трудоспособном возрасте – **58%** (30–49 лет). Состоятельные люди чаще, чем бедные (58/15) соглашаются с тем, что быть инженером престижно, а значит, смогут повлиять на выбор соответствующей профессии своими детьми.

Есть мнение, что в технические вузы сегодня делается набор «по остаточному принципу», то есть принимают тех, кто не смог поступить в экономические и гуманитарные вузы. Ответы на следующий вопрос дают представление о том, насколько справедлива подобная гипотеза.

«Кто, по Вашему мнению, сегодня чаще поступает в технические вузы?»

- Чаще студенты с хорошей подготовкой и желанием получить специальность инженера – 15%.
- Чаще те, кто не смог поступить в другие, в основном гуманитарные, вузы – 14%.
- В равной степени есть и те и другие – 63%.
- Затрудняюсь ответить – 7%.

С каким уровнем подготовки сегодняшние абитуриенты идут в технические вузы? Лет пять назад был подсчитан средний балл по ЕГЭ людей, поступавших в разные вузы страны. Оказалось, что лучшие инженерные вузы (в том числе и известная Бауманка) находятся где-то в середине второй полусотни и они отстают от экономических, юридических на десяток баллов. Получается, что за профессией инженера выстраиваются в очередь те, кому не светит поступление в гуманитарные и экономические вузы. Догадывается ли об этом население?

Если и догадываются, то лишь некоторые: **14%** опрошенных полагают, что технические вузы выбирают те, кто не смог поступить в другие, более престижные. Чем старше и беднее респонденты, тем чаще они так думают. Среди самых бедных число сторонников такого мнения возрастает до **26%**.

А кто-то (**15%**), напротив, полагает, что для поступления в технический вуз необходима хорошая подготовка и твердое желание быть инженером, а не кем-то другим. Чаще так думает молодежь (**18%**). По мере повышения уровня образования число сторонников такого мнения возрастает от **9%** до **19%**. Если число сторонников этого мнения будет продолжать расти среди молодежи, то получится то, что социологи называют «самосбывающимся прогнозом», то есть для получения профессии инженера школьников действительно станут хорошо и серьезно готовить.

Но большинство горожан думают, что в технических вузах хватает и тех, и других (**63%**). И тех, кто пошел туда от безысходности, не надеясь с низкими баллами поступить в престижный вуз. И тех, кто действительно желает освоить профессию инженера.

Кроме того, воронежцам было предложено сделать прогноз на ближайшие годы: ***«Как Вы считаете, будет ли профессия инженера востребована в России в ближайшие 5–10 лет?».***

Оказалось, что подавляющее большинство воронежцев (**83%**) в той или иной степени уверены, что профессия инженера в России будет востребована в ближайшем будущем. Среди богатых людей такая уверенность возрастает до **91%**, среди бедных – снижается до **44%**. Не исключено влияние состоятельных респондентов на выбор профессии своего потомства. Возможно, в ближайшие годы мы увидим повышение конкурса в технические вузы.

Лишь **14%** горожан считают, что профессия инженера не будет востребована в ближайшей перспективе. Чаще всего это мнение бедных (**48%**) и пожилых (**19%**) людей.

Собственно, профессия инженера уже востребована сегодня, но инертное общественное мнение внутри страны ещё не вполне усвоило эту мысль, тогда как за рубежом уже вовсю используют наш интеллектуальный технический потенциал. О причинах такого использования вице-президент Соединенных Штатов Джозеф Баден обмолвился просто: «потому, что в России самые лучшие в мире инженеры»[1]. А президент Boeing в России и СНГ Сергей Кравченко обрисовал ситуацию в деталях: «Для нас Россия является партнером номер один, когда речь идет о бизнесе, связанном с использованием труда ученых, инженеров или программистов за пределами компании Boeing… Мы реализовали такое большое количество научных проектов в России исключительно потому, что нашли здесь партнеров, владеющих большим опытом, чем в США. Мы решили бы эту задачу и без России, но процесс занял бы намного больше времени… У России есть преимущество: в мире мало стран, которые знают, как строить самолеты и ракеты»[2].

Родители будущих абитуриентов играют не последнюю роль при выборе ими своей будущей профессии. Поэтому следующий вопрос был обращен непосредственно к родителям: ***«Хотели бы Вы, чтобы Ваш ребенок стал инженером?».***

- Да – 29%,
- Скорее да – 29%,
- Скорее нет – 16%,
- Нет – 17%,
- Затрудняюсь ответить – 10%.

Согласно результатам опроса, большинство воронежцев хотели бы, чтобы их дети (или внуки) приобрели профессию инженера (**58%**). В целом не желают подобной будущности своему потомству **33%** опрошенных. Среди тех, у кого есть дети до 18 лет, такое нежелание собирает в свои ряды чуть больше сторонников (**39%**). В то же время **55%** горожан с несовершеннолетними детьми вполне удовольствуются профессией инженера для своих детей. Значит, можно ожидать в ближайшие годы пополнение рядов российских инженеров.

Озаботились притоком новых кадров российские крупные корпорации, и в 2015 году был проведен Всероссийский инженерный конкурс, организованный Министерством образования и науки РФ и государственной корпорацией «Росатом» (при участии таких крупных отечественных компаний, как РОСНАНО, «Вертолёты России», РЖД, ОАК и других). «Сегодня многие отрасли хозяйства подошли к такому рубежу, что без своих инженеров, без своих разработок серьёзного движения вперёд быть не может. Очень здорово, что сегодня корпорации это не только осознают, но и занимаются конкретной подготовкой кадров», – заявила заместитель председателя Правительства РФ Ольга Голодец. А министр образования и науки Российской Федерации Дмитрий Ливанов подчеркнул, что востребованность инженерного образования среди российской молодёжи увеличивается, и подобные конкурсы дают возможность студенту, будущему инженеру, проявить свой талант.

Другой вопрос – вправе ли родители влиять на выбор профессии своего потомства? Об этом мы поинтересовались у воронежцев в ноябре 2009 года: ***«Как Вы считаете, должны ли родители влиять на выбор профессии детей?».*** Тогда мы получили ответы: «должны только советовать» – **72%**, «должны и достаточно настойчиво» – **15%**, «нет, не должны» – **13%**. Но на деле, выбирая свою профессию, только **14%** воронежцев прислушались к совету своих родителей[3].

Акценты на развитии гуманитарного или же технического образования предопределяются, прежде всего, характером эпохи. Под самим словом «образование» в разные века понимались разные вещи. Например, в Романе Джейн Остен, в начале XIX века в Англии образованность характеризуется в следующих выражениях: «А какая образованность в подобном возрасте! Она играет на фортепьяно не хуже подлинных музыкантов…. Все молодые леди образованные – они рисуют пейзажи, раскрашивают экраны и вяжут кошельки»[4]. Такое представление об образовании, безусловно, шокирует людей XXI века. И шокирует не столько потому, что перечисленные занятия сегодня не в почете, сколько потому, что под образованием тогда имелось в виду нечто совершенно другое, чем сегодня. Три века назад под образованием подразумевалась не столько сумма знаний, сколько сумма навыков. И конечно, образование женщины носило исключительно гуманитарный характер. Об этом свидетельствует вердикт мистера Дарси: «Женщина, заслуживающая названия образованной, должна быть хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам». Все перечисленные навыки существуют в качестве учебных предметов и в современной школе (разве

[1] http://expert.ru/2011/03/16/nzhener---eto-zvuchit-gordo

[2] Там же.

[3] Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу № 2009–11. – http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin

[4] Austen J. Pride and Prejudice. – Moscow: Jupitre-inter, 2009. – P. 38.

что танцы – факультативно). Все они имеют гуманитарное направление, но сегодня они не предназначены только для девочек. Все ученики – и девочки и мальчики – с той или иной степенью успешности осваивают эти предметы. Но кроме названных предметов школьники сегодня осваивают азы естественных и технических наук, которые априори относились к сфере мужских интересов. Проявляется ли в реалиях школьного обучения так называемая естественная склонность девочек к гуманитарным наукам, а мальчиков – к техническим? И вообще, какие предметы предпочитают школьники?

На эти и другие вопросы ответило социологическое исследование, проведенное Институтом общественного мнения «Квалитас» в ноябре 2013 года (опрошено 603 жителей города Воронежа, выборка репрезентативна для населения старше 18 лет по полу, возрасту и образованию)[1].

На вопрос, обращенный к жителям Воронежа: «***Во время учебы в школе к какой группе школьных предметов Вы проявляли наибольший интерес и склонность?»***, – были получены следующие ответы:

- Математические (математика, алгебра, геометрия, информатика) – 34%;
- Естественно-научные (география, биология, химия, физика, астрономия) – 15%;
- Гуманитарные (история, обществознание, основы религиозных культур и светской этики) и Филологические (русский язык, литература, иностранный язык) – 39%;
- Другие: Трудовое обучение (технология), Физкультура, Искусство в школе (пение, рисование) – 8%;
- Никакие – 1%;
- Затрудняюсь ответить – 3%.

По свидетельству опрошенных, во время учебы в школе наибольший интерес вызывали гуманитарные предметы (**39%**), на втором месте – математические (**34%**), а на третьем – естественно-научные (**15%**). Менее всего пользовались популярностью те предметы, которые способствовали развитию трудовых навыков, физического здоровья, любви к искусству (**8%**). Иными словами, труд, физкультура, пение и рисование – тренинг тела и души – это все редко встречалось в приоритетах школьников. А всего лишь несколько столетий назад девушка из благородного общества считалась хорошо образованной, если умела музицировать и рисовать. А сегодня интеллект вышел на первое место в качестве критерия образованности.

На этот вопрос отвечали и те респонденты, которые недавно окончили школу, и те респонденты, которые, будучи на пенсии, с умилением вспоминают далекие школьные годы. Но значимых различий среди них по поводу предпочтения тех или иных предметов не наблюдается. Зато есть различия между мужской и женской половиной населения. Женщины проявляли склонность к гуманитарным предметам чаще мужчин (46/29), а мужчины интересовались математическими (36/32) и естественнонаучными (18/13) дисциплинами чаще женщин. Лишь немногие опрошенные (**1%**) заявили, что не испытывали ни малейшей склонности к каким-либо предметам, мужчин среди них в два раза больше, чем женщин.

Итак, женщины действительно уже со школьной скамьи более тяготеют к гуманитарным наукам, чем мужчины. А мужчины, как правило, к техническим и естественным наукам, хотя эти приоритеты не очень ярко выражены. Количество исключений из этого «правила» более 50%. А значит, это не правило, а лишь некоторая вероятность распределения предпочтений по гендерному признаку, которая невелика, но все же существует.

Размышления респондентов о причинах предпочтения ими того или другого предмета в процессе школьного обучения выглядели следующим образом:

«Какова основная причина, по которой вы предпочитали этот школьный предмет?»

- Склонность к данной группе наук/интересный предмет – 57%;
- Профессиональные качества педагога – 26%;
- Личные качества педагога – 11%;
- Затрудняюсь ответить – 6%.

Главная причина любви к тем или иным предметам – это склонность к данной науке (**57%**). Фактически такой ответ ничего не объясняет. Нравится предмет, потому что … нравится. Нравится предмет, потому что он интересный. Но этот предмет может быть интересным для одних школьников и совершенно не интересным для других. То есть такое объяснение иррационально, оно основывается на эмоциях, в которых сам человек порой не в силах толком разобраться. Особенно часто такой ответ давали мужчины (**62%**).

А вот девушек скорее могли увлечь любовью к предмету хорошие педагоги. Если профессиональные качества педагога зажгли в сердцах **26%** школьников (в среднем по городу) любовь к соответствующему предмету, то среди женщин это число возрастает до **31%**, а среди мужчин падает до **19%**.

Кроме профессиональных знаний педагог может обладать харизматическими данными, просто может быть яркой личностью – такой, что хочется ему подражать. Ведь для детей очень естественно выбирать себе образец для подражания, желание подражать авторитетным взрослым – важный элемент социализации личности. Таких примеров оказалось не очень много, но по крайней мере каждый десятый (**11%**) опрошенный может назвать педагога, личные качества которого способствовали приобретению интереса к преподаваемому им предмету.

Можно видеть, что рефлексия респондентов по поводу причин своих предпочтений тех или иных школьных предметов, в целом не проясняет картину – почему ученики предпочитают гуманитарные предметы? А эта картина меняется из века в век. Возьмем хотя бы последнее столетие. Известно, что в дореволюционной России естественные науки уступали место гуманитарным. В советское время, напротив, предпочтение отдавалось естественным наукам

[1] Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу № 2013–11. – С. 15–18. – http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin

(физике, химии, астрономии и т.п.). А сегодня естественные науки в приоритетах населения снова ушли на задний план, а вперед шагнули гуманитарные. С чем это связано? Возможно, с политикой государства и теми условиями, которые созданы для развития науки.

Рассмотрим ответы на вопрос: ***«Как вы считаете, в какие годы в России / Советском Союзе были созданы наилучшие условия для развития науки?»***

- до 1917 года – 3%:
- 20-30-е годы 20 века – 2%;
- 40-50–е годы 20 века – 54%;
- вторая половина 80-90-е годы 20 века – 8%;
- с 2000 года по наши дни – 13%;
- затрудняюсь ответить – 14%.

Хотя только **3%** воронежцев отметили царскую Россию как удобную платформу для развития науки, историки науки пишут о достаточно высоком уровне науки в стране до 1917 года: «Российская империя в конце XIX – начале XX в. переживала период научно-технического прогресса и имела достаточно развитую сеть высших учебных заведений. Российская высшая школа в то время характеризовалась высоким образовательным уровнем. Достаточно вспомнить только двух выдающихся выпускников технических вузов, которые получили всемирную известность, работая в США – И. Сикорского и В. Зворыкина»[1].

В послереволюционной России, по мнению населения, было не до науки, поэтому реже всего респонденты (**2%**) отмечали период 20–30 гг. XX века. Но большевики понимали, что нужна индустриализация для того, чтобы преодолеть общее и технологическое отставание разоренной гражданской войной страны. Поэтому призыв В.И. Ленина на III съезде комсомола: «Учиться, учиться, и еще раз учиться!» был услышан. В учебном плане, рекомендованном Наркомпросом РСФСР в 1920–1921 учебном году, констатируется: «Заметно возрос (по сравнению со старыми учебными планами) объем учебного времени, отводимого на изучение математики и предметов природоведческого цикла»[2]. Можно отметить, что по сравнению с дореволюционным учебным планом (принятым в гимназиях), учебный план, рекомендованный советской властью, показывал, что большевики отдавали предпочтение математике и естественным наукам. В этом проявилась их вера в науку и желание развивать научное образование в школе. В этом же проявилось и их понимание того, что математическое и естественнонаучное образование в школе – фундамент развития инженерного образования в стране.

40–50-е годы XX века считают хорошим периодом для развития науки только **6%** опрошенных. Между тем Вторая мировая война поневоле явилась мощным стимулом развития военной промышленности и индустрии. Осознанная потребность в создании и производстве атомного и термоядерного оружия, развитии реактивной авиации и ракетной техники, строительстве атомного подводного флота привела советское руководство к выводу о необходимости ускоренного развития науки и военной промышленности. Реализовать эти планы можно было только при наличии ученых и специалистов очень высокого уровня. Если в довоенном этапе в научном развитии СССР был сделан акцент на формировании и росте профессионального технического образования для нужд индустриализации, то в послевоенный период акцент был поставлен на создании элитного технического образования для нужд оборонной и космической промышленности. Ученые отмечали: «Выдающимся социальным изобретением послевоенного советского периода стало создание образовательной системы физтеха (МФТИ), оставившей исторический след в развитии не только военно-промышленного комплекса, для подготовки специалистов которого она первоначально и создавалась, но и всей системы образования, науки, промышленности»[3].

Наилучшие условия для развития науки, по мнению большинства населения (**54%**), были созданы в Советском Союзе в период 60-х – первой половине 80-х годов XX века. Это был послевоенный период, когда страна-победительница, уже залечившая свои раны и вдохнувшая свободу после сталинских репрессий, совершила прорыв в освоении космоса и соревновалась с западными державами в технических и научных достижениях. Полет первого человека – Юрия Гагарина – в открытый космос навсегда останется предметом гордости нашей страны. Советские вузы стали инструментами для достижения стратегических целей советской власти – индустриализации страны. Доминирование инженерного образования являлось отличительной чертой советской высшей школы, создание технических вузов и подготовка специалистов были частью государственной политики. Техника воспринималась как главное средство решения всех проблем, к ней воспитывалось восторженное и почтительное отношение.

Однако при этом в СССР не связывали развитие науки с проблемой экономической конкурентоспособности и получения прибыли. Советские коммунисты, будучи носителями антибуржуазного мировоззрения, избрали не буржуазную мотивацию для индустриального развития России. По их мнению, строить фабрики и заводы нужно было не для личного обогащения, а для выполнения великой общественной цели — построения коммунистического общества.

Вторая половина 80-х – 90-е годы XX века прошли в стране под знаменем «перестройки», идея построения всемирного «царства» коммунизма была отвергнута, и для науки, как и для прочих сфер деятельности в стране, наступили тяжелые времена. Не случайно китайцы желают своим врагам жить в «эпоху перемен» – перемена идеологических основ Советского Союза вызвала его крах. Были разрушены традиционные методы воспроизводства научных кадров, прервалась преемственность между советской и постсоветской наукой, резко усилился отток «научных мозгов» за рубеж. Толь-

[1] Стражев В.И. Образование и наука в современном обществе – Минск: БГУ, 2004. – С. 41–42.

[2] Стражев В.И. Пять реформ советской школы // Alma mater (Вестник высшей школы). – М., 2005. – № 5. – С. 6.

[3] Смирнов Е. Станет ли Россия высокотехнологичной страной? // Alma mater (Вестник высшей школы). – М., 2003. – № 1. – С. 34.

ко **8%** воронежцев считают, что этот период был благоприятен для развития науки в стране. Возможно, они имеют в виду тот воздух свободы, который вдохнули ученые после падения диктата коммунистической идеологии. В науке, как и везде, залогом творчества является свобода. Но желанная свобода была сопряжена с безденежьем и нищетой, поставила ученых перед необходимостью учиться зарабатывать себе на жизнь.

Период с 2000 года по наши дни оценивают как хороший для развития науки **13%** воронежцев. Таким образом, по мнению населения, сегодня российская наука чувствует себя хуже, чем в 60–80-е годы (**54%**), но лучше, чем во все прочие периоды жизни страны (от **2** до **8%**). Сегодня руководители страны говорят о науке и научных исследованиях как о фундаменте инновационного развития и экономического процветания. Приходит понимание, что экономическое процветание и конкурентоспособность — не менее важные вещи, чем обороноспособность и военные технологии, поэтому жизненно важно придать новый импульс развитию науки в России. Научно-технический прогресс, который поддерживался советскими коммунистами для индустриализации страны и военного соперничества с коалицией стран Запада, сегодня вновь востребован. Но уже с целью развития наукоемкой экономики.

Итак, можно предположить, что потребность страны в наукоемкой экономике и провозглашенный курс на технические инновации вновь вызовет в учащихся подъем интереса к техническим и естественным наукам, которые сегодня отодвинуты на второй план. Правда, этому может помешать реформа школьного образования, которая предполагает выбор предмета изучения по интересам, а интерес обычно вызывают более легкие предметы, которые не требуют большого труда для их усвоения. Каждое время диктует свою моду. Мода распространяется не только на одежду, но и на характер образования. Если государство инициирует возвращение моды на техническое образование и предоставит его обладателям высокооплачиваемые рабочие места, то нас ждет новый виток увлеченности населения техническими и естественными науками, что скажется на повышении их престижности.

Аминов И.Р.[1]

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НА РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова*: регион, элита, этнос, этнополитический конфликт, социальный капитал, федерация, модернизация.*

Keywords: *region, elite, ethnos, ethno-political conflict, social capital, federation, modernization.*

Сегодня после прохождения нашей страной сложного периода дезинтеграционных процессов в 1990-х годах можно говорить о том, что система вертикализации власти дает позитивные результаты, которые обеспечивают поддержание общественной национальной безопасности Российской Федерации и являются устойчивой платформой построения «безопасного», «социального» государства [1, с. 56].

На современном этапе модернизация российского общества является одним из наиболее актуальных вопросов, так как мир быстро меняется, а наше государство отстает в плане развития производства, экономики и темпов формирования гражданского общества. Для успешной модернизации регионов необходимо искать новые подходы и обеспечить комплексный характер модернизации [2, с. 57].

Приход к власти В.В. Путина сопровождался существенными изменениями системы государственного управления, предполагающей усиление политической, административной и экономической вертикали. При новом Президенте на региональную политику перестали оказывать влияние разногласия между различными ветвями власти в федеральном центре. Федеральная бюрократия в лице президентской администрации, правительства, судебной власти и парламента выступила как единая сила в борьбе за ресурсы с региональными политическими элитами [3].

Реализация региональной политики Президента предполагала, что при сохранении достигнутых ранее договорённостей в качестве «шаблонной» основы, изменится система взаимодействия между региональными и федеральными властями.

Заключённое в рамках начавшейся в 2000 г. административно-правовой реформы негласное соглашение предполагало, что единственным актором политического процесса в стране станет федеральная политическая элита, а региональные элиты, сохранив основные экономические и политические ресурсы влияния, отказываются от роли независимых центров и утрачивают статус самостоятельных политических игроков общероссийского масштаба. Регионы получили гарантии экономической, финансовой и политической помощи со стороны федерального центра в обмен на поддержку Президента и пропрезидентских политических партий в период федеральных выборов [4].

С 2003 г. происходит усиление политического и экономического влияния федеральной власти в регионах. Основными инструментами этого влияния становятся административные, политические (поддержка лояльных центру губернаторов и политиков, а также хозяйствующих субъектов, в том числе в процессе выборов в Государственную Думу и Законодательные собрания регионов), финансово-бюджетные инструменты. Возможности влияния федеральной власти на политический процесс в регионах существенно возросли в результате перехода от всеобщих выборов губернаторов к их избранию депутатами региональных законодательных собраний по представлению Президента РФ [4].

Таким образом, пересмотр отношений «центр – регионы», начавшийся в 2000 г., показал несостоятельность притязаний региональных акторов на статус субъектов федеральной политики.

В 2008 г. действующий в то время Президент РФ Д. А. Медведев начал реализацию ряда мер, связанных с перераспределением власти между центром и регионами. Изначально реформа предполагала пересмотр финансово-бюджетных полномочий центра и регионов, изменение системы налогообложения, пересмотр правил формирования доходной части региональных бюджетов и оптимизацию взаимодействия между центром и субъектами РФ. Следствием данных мероприятий стало то, что принятие кадровых решений стало максимально «закрытым».

При этом сами регионы и их политические элиты были исключены из процесса принятия решений: реализация предложений Д.А. Медведева, которые усилили роль партий, привела к тому, что руководство субъектов федерации потеряло стимулы к сотрудничеству с полпредствами, так как последние перестали быть эффективным лоббистским механизмом в федеральном центре, а региональные отделения партий были фактически исключены из процесса выдвижения кандидатур на пост главы региона, кадровые решения принимались исключительно Президентом.

При решении кадровых вопросов принцип «консервативности» (политическая лояльность федеральной власти и способность поддерживать социальную стабильность как ключевые требования, предъявляемые к губернаторам) зачастую преобладал над принципом «инновационности» (повышение качества управления) [5].

[1] Аминов Ильдар Ринатович – к.э.н., доцент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета. E-mail: Aminov76@mail.ru

Поддержка со стороны премьер-министра В.В. Путина продолжала рассматриваться главами регионов как основной политический ресурс, который предоставлял гарантии стабильности их позиций. В этой ситуации введение конкретных критериев отбора управленческих кадров для назначения на губернаторские посты явилось логичным способом укрепления позиций Президента в системе федеративных отношений с двумя «центрами» [5].

Анализ, проведённый Институтом социально-экономических и политических исследований, показывает, что в данном изменении были заинтересованы практически все акторы политической деятельности. Интересы федерального центра, региональных политических элит и политических партий в данном вопросе совпали [3].

Решение властей о проведении осенью 2014 г. беспрецедентного количества губернаторских выборов в российских регионах можно объяснить желанием федерального центра подготовиться к выборам в Госдуму в 2016 г. и Президента в 2018 г.

Во избежание политических рисков в единый день голосования осенью 2014 г., федеральная и региональная власть изначально предприняли меры, чтобы закрыть путь к выборам наиболее сильных конкурентов. Реальных конкурентов не допускали до выборов, используя различные поводы, выборы региональных законодательных собраний проводились фактически в «ручном режиме», заранее определяя результат. Как следствие реальной конкуренции на выборах фактически не было за исключением ряда территорий [6].

Результаты выборов, прошедших осенью 2016 г., требуют отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. Аминов И.Р. О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – Уфа, 2015. – № 2 (27). – С. 56–61.
2. Аминов И.Р. Государственно-правовые проблемы модернизации российских регионов // Правовое государство: теория и практика. 2016. – Т. 1, № 43. – С. 57–60.
3. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. 2010. – http://uchebnik-besplatno.com/teoriya-politiki-uchebnik/politicheskayaregionalistika. html
4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. 2006. – http://gaman1.narod.ru/index.htm
5. Россия 2008. Отчёт о трансформации. – http:// www.energystate.ru/books/book_43.html
6. Кынев А. Выборы-2015: как вертикаль справится с кризисом – http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/

Ерохина Е.В.
д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики и организации производства МГТУ НИУ, филиал в г. Калуге
eev_bmstu@rambler.ru

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОЦЕНКА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

***Ключевые слова**: Сибирский ФО, региональный экономический рост, инновационная активность, конкурентоспособность региона, стратегические приоритеты развития.*

В последние десятилетия уделяется все больше внимания поиску новых источников регионального экономического роста путем создания современных высокоэффективных производств, способных не только обеспечивать быстро растущие потребности внутреннего спроса, но и успешно конкурировать на мировых рынках. Россия в XXI веке оказалась невосприимчивой к новым тенденциям развития глобальной экономики, многие регионы оказалась на периферии инновационных трендов. Доля РФ на мировом рынке высоких технологий не превышает 1%. По уровню развития инновационной сферы Россия значительно отстает от ведущих стран мира. По мнению Е. Ясина инновационной экономику России можно считать только тогда, когда инновационный продукт в объеме производства составит не менее 15%. По данным Росстата РФ в 2014 г. доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме произведённой в российских регионах продукции, составила 8,7% (для сравнения в 2013 г. доля была более 9%), а в Сибирском федеральном округе в 2014 г. – 3,5%. Для сравнения в наиболее развитых странах мира до 75% прироста ВВП достигается за счет использования инноваций. Это в решающей степени предопределяет низкую конкурентоспособность российской экономики[1].

Важными источниками роста отечественной экономики могут и должны являться хозяйственные комплексы регионов, так как именно в них сосредоточены основные производственные мощности и ресурсы, однако потенциал многих отечественных регионов и территорий использован в настоящее время недостаточно. Неразвитость инновационной сферы в российских макрорегионах становится угрожающей в условиях зарождения шестого технологического уклада, который характеризуется развитием био- и нанотехнологий, генной инженерии, мембранных и квантовых технологий, альтернативной энергетики, аэрокосмических и IT-технологий, а также резким снижением энергоемкости и материалоемкости производства[2].

Для обеспечения экономического роста должна быть сформирована эффективная региональная политика, основу которой составляет поддержка инновационных отраслей, развитие высокотехнологичных секторов экономики РФ (в том числе, авиационной и ракетно-космической промышленности, судостроения, радиоэлектронной промышленности, атомного энергопромышленного комплекса, энергетического машиностроения, информационно-коммуникационных технологий и др.), стимулирование модернизации этих отраслей, создание новых региональных промышленных кластеров. На развитие инноваций, высокотехнологичных секторов направлен ряд стратегий, долгосрочных федеральных государственных программ, областных целевых программ и комплексов мер, подкрепленных необходимыми инвестиционными, финансовыми и организационными ресурсами. Особая роль в реализации задач социально-экономического, инвестиционно-инновационного развития территорий отводится регионам и федеральным округам. Федеральные округа (ФО), образованные указом Президента РФ в мае 2000 г. были созданы по аналогии с военными округами и экономическими районами. В настоящее время в России существует 9 федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный, Крымский. Округа существенно отличаются друг от друга по уровню социально-экономического, инновационного, инвестиционного развития, промышленному, кадровому, природно-ресурсному потенциалу, состоянию экологической ситуации[3].

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. сказано, что дополнительным элементом координации региональной деятельности в области поддержки и стимулирования инновационной активности должны стать стратегии социально-экономического развития федеральных округов[4]. В них будет осуществ-

---

[1] Ерохина Е.В. Роль передовых производственных технологий в инновационном развитии регионов России // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 12. – С. 42–51.

[2] Угрюмова А.А., Ерохина Е.В., Савельева М. В. Региональная экономика и управление: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2016. – 445 с. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.

[3] Ерохина Е.В. О некоторых особенностях развития Сибирского федерального округа // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – Липецк, 2015. – №6 (19). – С. 147–152.

[4] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р. – http://mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf

ляться горизонтальная и вертикальная увязка по срокам и финансам инициатив имеющих межрегиональное значение, но, в то же время, не попадающих в федеральные стратегии.

Развитию Сибири уделяется внимание во многих стратегических программных документах, в посланиях Президента РФ. События последних лет убедительно свидетельствуют о возрастающей роли регионов Сибирского федерального округа (СФО) в решении социальных, инновационных, экономических и др. задач. В 2010 г. утверждена Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года, в которой определены основные направления, механизмы и инструменты достижения стратегических целей развития макрорегиона. Стратегия разработана с учетом Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, отраслевых и территориальных стратегий и концепций развития. В Стратегии понятие «Сибирь» включает в себя территории 12 субъектов РФ, входящих в состав Сибирского федерального округа, – Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Тыва и Республики Хакасия, Алтайского, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей.

Стратегической целью развития Сибири является обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гарантирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов России в мировом сообществе. Основные положения Стратегии представлены с учетом географического деления Сибири на 3 пояса развития (табл. 1)[1].

Таблица 1

Экономико-географические пояса развития Сибири

Арктический пояс развития	Северный пояс развития	Южный пояс развития
Север Красноярского края с прилегающими островами и акваториями	Средний Иртыш (север Омской области), Среднее Приобье (север Томской области), центральные районы Красноярского края (территория между реками Ангара и Нижняя Тунгуска), север Иркутской области, зона Байкало-Амурской магистрали (БАМ) в Забайкальском крае, север Республики Бурятия	Центральные и южные районы Омской и Иркутской областей, Республики Бурятия, южные районы Томской области, Забайкальского и Красноярского краев, Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская области, Республика Алтай, Республика Тыва и Республика Хакасия

Для достижения стратегических целей и приоритетов развития Сибири, повышения привлекательности ее регионов федеральные и региональные власти проводят мероприятия, направленные на **развитие и поддержание конкурентных преимуществ СФО. Так в** мае 2015 г. в Кемерово состоялось заседание Совета по вопросам кадровой политики при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском федеральном округе. Основное внимание в ходе заседания Совета было уделено вопросам обучения государственных и муниципальных служащих. В административном центре СФО – в Новосибирске на Международном форуме «Транспорт Сибири» в мае 2015 г. обсуждали перспективы развития транспорта и дорожно-строительной отрасли. Транспортная система для Сибири является важнейшей инфраструктурной отраслью. От работы транспорта зависит конкурентоспособность экономики, инвестиционная привлекательность территорий Сибири и качество жизни граждан. На площадках форума прошли дискуссии о перспективах развития в регионах Сибири авиационного, железнодорожного, автомобильного транспорта, транспортной логистики и инфраструктуры. Участниками стали около 150 компаний из пяти стран мира и 12 городов России. В то же время в Новосибирске прошло заседание коллегии Федеральной таможенной службы РФ. Участники обсудили проект Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ЕАЭС), пути совершенствования организации таможенных операций, таможенного контроля и ряд других вопросов. В июне 2015 г. в административном центре СФО вопросы технологического развития и импортозамещения обсуждали участники Международного форума «Технопром-2015». В рамках дискуссий рассмотрены лучшие практики импортозамещения технологий в оборонно-промышленном и топливно-энергетическом комплексах, ЖКХ, сфере транспорта. В то же время в Омске прошел Форум социальных инноваций регионов. Внедрение нового опыта в сферу социального обслуживания актуально для Сибири. В регионах СФО много отдаленных муниципальных образований, социальные услуги для жителей которых в некоторых случаях труднодоступны. Обсуждались вопросы развития государственно-частного партнерства и социального предпринимательства с целью улучшения качества жизни граждан и др.

Сибирский федеральный округ (СФО) располагается в центральной части России и охватывает часть Западно-Сибирской равнины, Среднесибирское плоскогорье, горы Южной Сибири и полуостров Таймыр. Территория Сибирского федерального округа простирается от берегов Северного Ледовитого океана до границ с республиками Монголия, Казахстан и Китайской Народной Республикой. На западе СФО соседствует с Уральским федеральным округом, на востоке – с Дальневосточным федеральным округом. Наряду с конкурентными преимуществами округа (географическое положение, большая территория, численность населения, богатые природные ресурсы, крупные реки, крупнейший в мире лесной фонд, второе место в стране по количеству малых инновационных предприятий и др.) Сибирский ФО не лишен и недостатков. Это, прежде всего, слабо развитая транспортная инфраструктура. По плотности железнодорожных путей и автомобильных дорог СФО занимает 7 место среди федеральных округов (28 и 34 км соответ-

[1] Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. – http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

ственно на 10 000 км^2 при среднероссийских показателях – 50 и 58 км). С 2010 г. сокращаются объемы экспортных потоков СФО со странами дальнего зарубежья. Вызывает тревогу и тот факт, что сокращается численность населения ФО. В ФО много предприятий с устаревшим оборудованием, высокий уровень износа основных производственных фондов. За период 2010–2014 гг. степень износа основных фондов выросла с 35,9 до 41,8%[1].

Экономические показатели развития регионов Сибирского ФО

Экономическое развитие округа во многом строится на добыче и переработке богатых запасов природных ресурсов, а также на тесном взаимодействии с предприятиями других регионов страны, например, с уральскими. В СФО функционируют развитые межотраслевые промышленные комплексы, осуществляющие добычу и переработку минеральных ресурсов. Значительные объемы производства достигаются в таких отраслях, как черная и цветная металлургия, электроэнергетика, топливная промышленность, лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность (табл. 2).

Таблица 2

Отрасли, имеющие наибольшую долю в ВРП регионов Сибирского ФО

Субъект РФ	Отрасли и их доля в ВРП, в %
Республика Алтай	сельское хозяйство – 20,9; государственное управление – 19,4; строительство – 12,6
Республика Бурятия	транспорт и связь – 18,6; обрабатывающие производства – 13,7; оптовая и розничная торговля – 13,1; государственное управление – 10,5
Республика Тыва государственное управление – 23,5; образование – 12,4; здравоохранение – 12,4; оптовая и розничная торговля – 11,9	
Республика Хакасия	оптовая и розничная торговля – 15,8; обрабатывающие производства – 12,5; добыча полезных ископаемых – 11,9; производство и распределение э/э, газа и воды – 10,2
Алтайский край	обрабатывающие производства – 19,6; оптовая и розничная торговля – 16,9; сельское хозяйство – 13,8; операции с недвижимым имуществом – 10,4
Забайкальский край	транспорт и связь – 23,7; оптовая и розничная торговля – 13,2; государственное управление – 11,5;
Красноярский край	обрабатывающие производства – 30,7; добыча полезных ископаемых – 15,2
Иркутская область	транспорт и связь – 17,2; добыча полезных ископаемых – 15,7; обрабатывающие производства – 13,6; оптовая и розничная торговля – 10,9
Кемеровская область	добыча полезных ископаемых – 26,9; обрабатывающие производства – 15,8; оптовая и розничная торговля – 10,9
Новосибирская область	операции с недвижимым имуществом – 18,1; оптовая и розничная торговля – 18; обрабатывающие производства – 14; транспорт и связь – 12,5
Омская область	обрабатывающие производства – 38,6; оптовая и розничная торговля – 13,4
Томская область	добыча полезных ископаемых – 31,4; операции с недвижимым имуществом – 11,1; обрабатывающие производства –10,4
СФО	обрабатывающие производства – 19,9; добыча полезных ископаемых – 13,2; оптовая и розничная торговля – 12,3; транспорт и связь – 11,3

Источник: Таблицы составлены автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

В Стратегии[2] отмечается, что основные показатели социально-экономического развития Сибири к концу 2020 года должны соответствовать среднероссийским значениям. Однако если мы посмотрим данные официальной статистики, то увидим отставание, порой весьма существенное от среднероссийских значений. Показатели социально-экономического развития регионов Сибирского ФО представлены в табл. 3, 4, 5.

Таблица 3

Показатели, характеризующие состояние рынка рабочей силы в регионах Сибирского ФО за 2010 и 2014 гг.

Субъекты СФО	Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления, чел.		Численность работников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, чел.		Численность работников в органах местного самоуправления – всего		Численность рабочей силы, тыс. чел.		Численность безработных, тыс. чел.	
	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
СФО, всего	253 271	330 998	94 473	170 189	88 553	90243	10010	9835	870	685
Республика Алтай	5894	6849	2105	3274	2231	2014	100	98	12	10
Республика Бурятия	12 994	16 350	4961	8976	3996 3593	476	456	49	38	
Республика Тыва	6327	8110	2287	4044	1983	2097	127	125	28	24

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

[2] Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. – http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

Республика Хакасия	9224	11 776	2990	5686	3177	3595	267	258	24	16
Алтайский край	31 442	41 281	11 382	20 678	11 696	11 949	1256	1153	111	83
Забайкальский край	19 304	25 690	6967	11 752	6412	7866	529	535	59	54
Красноярский край	40 779	53 999	14 525	27 499	16 417	16 599	1555	1524	97	76
Иркутская область	33 298	43 080	11 631	20 939	11 229	11 947	1263	1240	127	110
Кемеровская область	27 006	38 823	10 149	21 907	9482	9294	1416	1411	126	88
Новосибирская область	30 587	41 055	13 247	23 529	10 243	9806	1429	1431	110	74
Омская область	22 462	29 971	8749	16 530	7168	6919	1051	1052	85	70
Томская область	13 954	14 014	5480	5375	4519	4564	540	552	42	42

Источник: Таблицы составлены автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Анализ данных, представленных в табл. 3, показывает, что за период 2010–2014 гг. численность чиновников всех уровней существенно увеличилась. Так темпы роста работников государственных органов и органов местного самоуправления составили более 130% (+77 727 чел.); численность работников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти прирастала темпами, превысившими 180% (+75 716 чел). На этом фоне достаточно скромным оказался рост численности работников органов местного самоуправления – всего 102% (+1690 чел.). Интересен тот факт, что указанный рост численности чиновников произошел на фоне сокращений общей численности рабочей силы в Сибирском ФО за анализируемый период на 175 000 чел. Лидируют по росту численности чиновников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: Республика Бурятия (более 180%), Республика Хакасия (более 190%), Алтайский край (182%), Забайкальский край (169%), Красноярский край (190%), Иркутская область (более 180%), Омская область (189%). И только в Томской области численность чиновников федеральных органов исполнительной власти сократилась на 105 чел. Также за 2010–2014 гг. в СФО произошло сокращение численности безработных на 185 000 чел.

В Стратегии[1] поставлена задача, повысить привлекательность регионов Сибири для постоянного проживания. За счет модернизации социальной инфраструктуры, повышения привлекательности регионов Сибири для инвестирования, создания новых и модернизации действующих производств, в том числе высокотехнологичных и наукоемких, планируется привлечение дополнительных трудовых ресурсов, увеличение численности населения Сибири к 2030 г. на 600–800 тыс. человек (ежегодный прирост от 30 до 40 тыс. человек).

Однако по данным Росстата РФ с момента утверждения Стратегии социально-экономического развития Сибири численность населения сократилась на 60 тыс. чел., (порядка 12 000 чел. в год). Если в 2000 г. она составляла 20 333 тыс. чел., то на 1 января 2015 г. – 19 312,2 тыс. чел. (сокращение – 1020,8 тыс. чел.)[2].

Таблица 4

Показатели, характеризующие уровень жизни населения в регионах Сибирского ФО за 2010 и 2014 гг.

Субъекты СФО	Динамика реальных доходов населения (в % к предыдущему г.)		Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц; руб.)		Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб.)		Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в % от общей числ. насел.)		Средний размер назначенных пенсий (руб.)	
	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
Показатель по РФ	105,4	99,5	18 958	27 766	20 952	32 495	12,5	11,2	7594	10 889
СФО, всего	102,9	98,2	15 007	21 490	18 658	28 347	–	–	7548	10 808
Республика Алтай	115,2	109,0	13 536	17 134	22 598	17,7	20,7	6900	9810	14 236
Республика Бурятия	102,5	99,8	14 271	22 326	18 000	27 739	19,2	16,9	7093	10 158
Республика Тыва	95,3	99,5	10 160	14 083	17 530	27 507	29,6	34,7	7155	10 435
Республика Хакасия	111,4	96,3	12 806	18 385	18 358	29 085	18,4	17,5	7487	10 718
Алтайский край	104,6	106,4	11 029	18 434	12 051	19 456	23,9	17,0	7122	10 063
Забайкальский край	103,2	95,3	14 205	20 520	18 685	29 319	19,0	18,0	6929	10 024
Красноярский край	100,8	94,1	18 262	24 806	23 254	34 178	17,9	16,7	8145	11 707
Иркутская область	100,8	97,5	15 110	20 224	20 476	31 408	18,1	18,6	7799	11 243
Кемеровская область	104,8	94,7	15 341	20 193	18 028	26 809	11,0	14,1	7570	10 891
Новосибирская область	103,3	96,4	16 276	23 110	18 230	27 214	16,3	15,2	7475	10 677
Омская область	102,2	104,8	15 199	24 060	16 708	26 205	14,1	12,0	7255	10 259
Томская область	102,5	98,5	15 070	21 549	21 450	32 042	17,4	16,4	8304	11 930

Источник: Таблицы составлены автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Показатели, характеризующие уровень жизни населения в регионах Сибирского ФО заметно ниже, чем среднероссийские значения. Например, темпы роста среднедушевых денежных доходов населения за 2010–2014 гг. по РФ составили более 146%, а в Сибирском ФО – 143%. За анализируемый период рост среднедушевых денежных доходов

[1] Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. – http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

населения в месяц по РФ составил 8808 руб., а в СФО 6483 руб. Также неравномерно росли денежные доходы населения в субъектах Сибирского ФО. Наибольший рост доходов составил в Омской области (8861 руб.) и в Республике Бурятия (8055 руб.). Менее всего выросли среднедушевые денежные доходы у жителей Республики Алтай (3598 руб.) и Республики Тыва (3923 руб.).

Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума за анализируемый период существенно выросла в Республике Тыва (5,1%), Республике Алтай – на 3%, Кемеровской области (более 3%) и в Иркутской области, что отражает снижение уровня жизни населения и характеризуется как тревожная тенденция. В остальных регионах СФО наблюдается снижение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума. Так в Алтайском крае численность населения, чьи доходы несколько выросли, составила почти 7%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников и средний размер назначенных пенсий в абсолютном выражении имеет тенденцию к увеличению по всем регионам СФО.

Численность населения Сибирского ФО

По численности населения Сибирский федеральный округ занимает третье место в России среди федеральных округов – более 19 млн. человек (после Центрального и Приволжского ФО). С 2010 гг. наблюдается тенденция роста численности населения округа в целом. Однако имеются существенные различия между отдельными регионами. Самые населенные регионы Сибири: Красноярский край, в котором наблюдается рост численности населения с 2010 г. (2014 г. – 2859 млн. чел.), Новосибирская область (2747 млн. чел.) и Кемеровская область (2725 млн. чел. – отмечено снижение численности населения с 2010 г.). Самые малочисленные регионы СФО: Республика Алтай (2014 г. – 214 тыс. чел.), Республика Тыва (2014 г. – 314 тыс. чел.), Республика Хакасия (2014 г. – 536 тыс. чел.). Однако следует отметить общую тенденцию по трем названным республикам: начиная с 2005 г. в них наблюдается рост численности населения.

Из 12 регионов СФО в восьми численность населения превышает один млн. человек, а в пяти субъектах проживает более 2 млн. человек населения в каждом. За последние 10 лет сохраняется тревожная тенденция снижения численности населения в 5 субъектах СФО. С 2005 г. по настоящее время произошло сокращение численности населения в Алтайском крае на 118 тыс. человек, Забайкальском крае на 37 тыс., Красноярском крае на 10 тыс., Кемеровской области более чем на 80 тыс., Омской области на 38 тыс. Оценка населения Сибирского федерального округа по регионам представлена в табл. 5.

Таблица 5

Характеристика населения регионов Сибирского федерального округа на 2014 г.

Субъект федерации	Численность населения тыс. чел.	Изменение численности населения за год, тыс. чел.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения
Сибирский ФО	19 312	+ 20	68,85	–4
Республика Алтай	214	+ 3	67,76	1
Республика Бурятия	978	+ 4	68,54	–13
Республика Тыва	314	+ 2	61,79	–79
Республика Хакасия	536	+ 2	68,83	11
Алтайский край	2385	–6	70,01	–14
Забайкальский край	1087	–3	67,38	–62
Красноярский край	2859	+ 6	69,23	3
Иркутская область	2415	–3	66,87	–30
Кемеровская область	2725	–9	67,80	–19
Новосибирская область	2747	+ 16	70,28	50
Омская область	1978	+ 4	70,13	4
Томская область	1074	+ 4	70,67	21

Источник: Таблицы составлены автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

В целом численность населения Сибири за период с 2005 по 2015 г. сократилась на 183 тыс. чел. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в СФО одна из самых низких в РФ (2014 г. – 68,85 лет; ниже значение только в Дальневосточном ФО – 68,21 лет). Общий коэффициент интенсивности миграции (коэффициент миграционного прироста) характеризует частоту случаев перемены места жительства в совокупности населения за данный период времени и исчисляется как отношение миграционного прироста, принятого в расчетах численности населения, к среднегодовой численности населения. В Сибирском ФО данный показатель в 50% субъектов положительный и в 50% – отрицательный. Самый высокий уровень миграционного прироста по состоянию на 2014 г. отмечен в Новосибирской области (+50), а наиболее весомое отрицательное значение этого коэффициента в Республике Тыва (–79) и Забайкальском крае (–62).

Сценарий развития Сибири увязан с инновационным сценарием Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. Вместе с тем в период до 2020 г. развитие СФО по-прежнему будет связано с традиционными отраслями экономики Сибири и с расширением вовлечения в хозяйственный оборот ее природных ресурсов, но с учетом повышения доли перерабатывающей промышленности в структуре валового региональ-

ного продукта региона и инновационной направленности долгосрочного развития экономики. Достижение стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития Сибири предполагает масштабное технологическое перевооружение в экономике и социальной сфере регионов Сибири на основе использования инновационных технологий, обеспечивающих производство качественно новых для России продуктов и услуг (в том числе в образовании, медицине и здравоохранении)[1]. Рассмотрим, как изменилась структура валовой добавленной стоимости (ВДС) регионов Сибирского ФО с 2005 по 2013 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Приоритетные отрасли в структуре ВДС регионов Сибирского ФО в 2005–2013 гг. (%)

Субъект федерации	Обрабатывающие производства		Транспорт и связь		Оптовая и розничная торговля; ремонт и др. услуги		Добыча полезных ископаемых	
	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.
Сибирский ФО	27,9	19,1	13,2	11,4	12,4	12	9,4	12,5
Республика Алтай	5,5	3,6	5,3	3,6	10,9	9,6	0,9	0,8
Республика Бурятия	11,5	14,1	31,1	16,2	14,2	14,1	4,5	4,1
Республика Тыва	3,5	1,7	7,5	7,1	13,3	11,1	5,1	4,6
Республика Хакасия	20,0	13,2	13,2	9,3	13,2	13,5	7,3	11,9
Алтайский край	19,4	18,7	7,5	7,0	21,8	17,3	0,2	1,0
Забайкальский край	2,8	4,9	25,8	23,1	14,8	11,2	7,6	10,0
Красноярский край	47,1	28,1	10,5	8,2	8,2	9,1	3,9	17,2
Иркутская область	26,1	13,9	20,2	15,1	13,2	10,0	3,8	16,9
Кемеровская область	16,9	16,7	9,4	8,0	13,8	10,1	27,1	22,3
Новосибирская область	17,7	12,9	17,4	17,2	13,8	16,9	3,1	1,9
Омская область	47,8	36,3	7,7	7,9	10,8	13,3	0,5	0,8
Томская область	15,8	10,6	9,9	10,0	9,7	9,6	35,4	29,1

Источник: Таблицы составлены автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Как показывает анализ отраслевой структуры валовой добавленной стоимости ВРП в Сибирском ФО за период с 2005 по 2013 гг., наметились следующие тенденции. Во-первых, наблюдается увеличение доли первичного сектора экономики в ВДС создаваемого в СФО продукта, преимущественно за счет увеличения добычи полезных ископаемых. За анализируемый период рост составил более 3%. Существенный рост отмечен в Красноярском крае (+13,3%), Иркутской области (+13,1%), Республике Хакасия (+4,6%), Забайкальском крае (+2,5%). Во-вторых, доля приоритетных отраслей третичного сектора экономики в Сибирском ФО (оптовая и розничная торговля; ремонт и др. услуги; транспорт и связь) сократилась. Что ставит под сомнение возможность достижения стратегической цели и приоритетов социально-экономического развития Сибири, представленных в Стратегии[2]. В-третьих, за период 2005–2013 гг. наблюдалось существенное сокращение вторичного сектора (обрабатывающие производства – 8,8%), что также не добавляет оптимизма в вопросах решения стратегических задач импортозамещения. Например, в Красноярском крае доля обрабатывающих производств сократилась с 47 до 28%. В Иркутской области сокращение составило более 12%, в Новосибирской области – почти 5, в Омской области – 11,5, в Томской области – более 5%.

Таким образом, экстенсивные показатели, характеризующие отраслевую структуру добавленной стоимости ВРП в регионах Сибирского ФО, по количественным показателям не «вписываются» в тенденции развития постиндустриального общества. Председатель российского правительства Д. Медведев заявил на заседании XII Международного инвестиционного форума «Сочи-2013», что Россия должна двигаться в сторону постиндустриальной экономики, где главной целью является человек. Однако проект постиндустриализма создает целый ряд рисков и угроз устойчивому развитию. Де-факто постиндустриализм означает сворачивание отраслей реального производства как фундамента экономики. Необходимость развивать услуги связи сомнений не вызывает, ведь от нее действительно зависят перспективы инновационного развития. Но связь без наличия материальных средств связи, соответствующего промышленного производства невозможна.

Инновации – ведущий фактор экономического роста Сибири

Особое внимание в Стратегии развития Сибири уделено необходимости усиливать интеграцию отраслевых, вузовских и академических научных учреждений Сибири, содействовать становлению и развитию единой системы, обеспечивающей превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста и формирующей сектора новой экономики; модернизировать и повышать конкурентоспособность традиционных секторов экономики и социальной сферы.

Одним из обязательных условий и приоритетных направлений для развития инновационной деятельности в регионах РФ остается качество образования. Не секрет, что сегодня сохраняются проблемы по достижению надлежащего качества образования на всех уровнях – от общего, начального и среднего профессионального образования до выс-

[1] Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. – http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

[2] Там же.

шего и послевузовского профессионального образования. Согласно международным рейтингам российские вузы практически не попадают в первую сотню мировых лидеров[1].

За 25 лет, прошедших после распада СССР, число образовательных учреждений высшего профессионального образования в России существенно увеличилось, при этом качество образовательных услуг резко снизилось. В 1991 г. в РФ насчитывалось 514 государственных и муниципальных учреждений ВПО. В 2001 г. образовательных учреждений ВПО было уже 965, из них 607 государственные и муниципальные и 358 негосударственные. К 2011 г. число вузов в стране составляло 1115, из них государственные и муниципальные – 653, негосударственные – 462. С 2012 г. наблюдается тенденция к сокращению вузов. В 2015 г. их насчитывалось 950 (548 – государственных и муниципальных и 402 – частных)[2]. С 1991 по 2011 гг. число образовательных учреждений увеличилось в РФ более чем в 2 раза. Рост числа учебных заведений затронул все федеральные округа. В Сибирском ФО в 1991 г. было зарегистрировано 77 образовательных учреждений высшего профессионального образования, а в 2011 г. их стало 116 (83 государственные и муниципальные, 33 негосударственные). Число филиалов образовательных учреждений ВПО в СФО за анализируемый период также выросло. В 2005 г. действовало 197 учреждения ВПО, в 2012 г. – 180 учреждений.

Инновационное региональное развитие во многом зависит от используемых передовых производственных технологий (ППТ). На характер и динамику развития регионов оказывают существенное влияние разработанные и используемые передовые производственные технологии. Прежде всего, следует обратить внимание на определение понятия «передовые производственные технологии». Согласно толкованию Федеральной службы государственной статистики «передовые производственные технологии – технологии и технологические процессы (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемые с помощью компьютера или основанные на микроэлектронике и используемые при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг)»[3]. По нашему мнению, данное определение, представленное в указанном документе, применимо исключительно к промышленно-производственной деятельности середины XX века. Оно было актуально в период, когда производственники стремились к повсеместному внедрению компьютеров в технологические процессы, в настоящее время оно в значительной степени утратило свою актуальность, т.к. имеет слишком узкую направленность. Мы считаем, что в современных условиях ППТ – это технологии, использующие инновационные разработки, интеллектуальный потенциал управления, методы и процессы организации и управления пространственными образованиями, инструменты, с помощью которых производится конкурентоспособная инновационная продукция мирового уровня. Например, технологический процесс, которым работник управляет с помощью компьютера, производя печатные платы. Вопрос: можно ли назвать этот процесс передовым с точки зрения применяемой технологии, если в результате получается продукция, отстающая по плотности монтажа микроэлементов в сотни раз от уже существующих современных аналогов зарубежного производства?

Рассмотрим динамику численности созданных (разработанных в регионах) и используемых передовых технологий за период с 2005 по 2013 гг. в Сибирском федеральном округе (табл. 7)[4].

Таблица 7

Динамика численности созданных и используемых ППТ в регионах Сибирского ФО за 2005–2014 гг.

Субъект федерации	Число ППТ созданных (С)			Число ППТ используемых (И)			Темп роста ППТ, % 2014 к 2005 г.	
	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	С	И
Сибирский ФО	68	64	116	10276	16339	18063	170	175
Республика Алтай	–	–	–	–	27	184	–	–
Республика Бурятия	–	5	2	840	383	275	–	33
Республика Тыва	–	–	–	–	4	28	–	–
Республика Хакасия	–	–	–	263	347	298	–	113
Алтайский край	2	3	1	1581	1457	2236	50	141
Забайкальский край	11	–	–	76	1006	1310	–	172
Красноярский край	15	6	26	920	1937	2445	173	265
Иркутская область	4	10	31	1302	1031	1480	775	113
Кемеровская область	6	7	3	606	1681	2540	50	419
Новосибирская область	21	23	30	1408	2483	2790	142	198
Омская область	6	4	13	2295	4165	3016	216	131
Томская область	3	6	10	985	1818	1461	333	148

Анализ табличных данных показывает, что за рассматриваемый период с 2005 по 2014 гг. в целом по Сибирскому ФО наблюдался количественный рост числа созданных и используемых передовых производственных технологий. Однако следует обратить внимание на соотношение созданных (собственных) и привлеченных (купленных за рубежом и в др. регионах) технологий. Цифры официальной статистики показывают, что количество используемых

[1] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р. – http://mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf

[2] Ерохина Е.В. Анализ стартовых условий развития инновационной деятельности в федеральных округах и регионах России (на материалах Калужской, Брянской, Воронежской и Тульской областей) // Региональная экономика. 2014. – № 7 (334). – С. 20–27.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

[4] Таблица составлена автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

передовых технологий в сотни раз превышает число созданных, разработанных передовых технологий. Кроме того, в создании ППТ из 12 субъектов ФО участвовали только 8. По итогам 2014 г. лидерами в этом процессе остаются Иркутская (31) и Новосибирская области (30). В число лидирующих субъектов по численности *используемых* передовых производственных технологий по итогам 2014 г. вошли: Омская область (3016), Новосибирская область (2790), Кемеровская область (2540), Красноярский край (2445). В Республиках Алтай, Тыва, Хакасия и в Забайкальском крае ППТ не разрабатывались совсем. Субъекты СФО – аутсайдеры по численности *используемых* передовых производственных технологий по итогам 2014 г.: Республика Тыва – 28 ППТ, Республика Алтай – 184 ППТ, Республика Бурятия – 275 ППТ.

Рассматривая ППТ как один из индикаторов инновационного развития регионов, рассмотрим соотношение между затратами на технологические инновации, инновационной активностью организаций и объемом инновационных товаров, работ, услуг по Сибирскому ФО (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение между затратами на технологические инновации, инновационной активностью организаций и объемом инновационных товаров, работ, услуг по СФО

Субъект федерации	Затраты на технологические инновации, млн. руб.			Инновационная активность организаций, %			Объем инновационных товаров, работ, услуг, % от общего объема		
	2006 г.	2014 г.	Темп роста (%)	2006 г.	2014 г.	Темп роста (%)	2006 г.	2014 г.	Темп роста (%)
Сибирский ФО	13 494	150 314	1114	8,1	8,8	108	1,7	3,5	206
Республика Алтай	173	468	271	5,5	10,7	194	1,8	0,2	11
Республика Бурятия	593	925	156	7,5	8,5	113	6,8	10,6	156
Республика Тыва	0,0	4	-	1,8	1,8	100	0,0	0,0	–
Республика Хакасия	79	158	200	12,2	8,1	66	0,4	0,0	–
Алтайский край	1221	2654	217	9,1	11,4	125	7,2	4,3	60
Забайкальский край	293	998	341	8,5	5,3	62	0,8	7,3	912
Красноярский край	1757	84 719	4821	8,0	9,3	116	1,8	4,0	222
Иркутская область	3796	20 985	553	9,2	6,4	70	0,7	1,6	228
Кемеровская область	1845	1184	64	7,3	7,0	96	0,9	1,6	178
Новосибирская область	1047	4448	425	5,3	9,7	183	1,3	10,0	769
Омская область	875	26 930	3078	7,8	8,2	105	1,9	3,5	184
Томская область	1816	6840	377	18,4	13,7	74	1,7	3,5	206

Источник: Таблицы составлены автором по материалам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Анализ данных, представленных в табл. 8, показывает, что темпы роста затрат на инновации субъектов Сибирского федерального округа существенно превышают результаты инновационной деятельности. Так за период 2006–2014 гг. темпы роста затрат на технологические инновации по СФО более чем в 10 раз превысили темпы роста инновационной активности организаций федерального округа. В Красноярском крае темпы роста затрат на технологические инновации более чем в 41 раз превысили темпы роста инновационной активности, и составили в 2014 г. 84 719 млн. руб., что на 82 962 млн. руб. больше, чем в 2006 г. В Стратегии развития Сибири до 2020 г. сказано, что конкурентным преимуществом социально-экономического развития Томской области является высокая инновационная активность организаций. Однако за рассматриваемый период этот показатель снизился на 5%.

Развитие малого и среднего бизнеса во всем мире является флагманом прогресса инновационной экономики. Многократно доказано, что ни один из факторов экономического роста и существенного увеличения ВВП по своей значимости не может сравниться с развитием малого предпринимательства, которое, защищая и поощряя свободную конкуренцию, составляет основу не только материального благосостояния, но и национальной безопасности страны. Именно малый бизнес во всем мире становится социальным фундаментом экономики, стабильности общества и государства[1]. По оценкам экспертов в современной экономике развитых стран 50–60% ВВП приходится на долю частного бизнеса, в основном на долю малого и среднего предпринимательства. Например, в Великобритании, Германии, США, Японии доля малых и средних фирм в ВВП превышает 50%, в Италии, Франции – около 60%. В некоторых странах количество малых предприятий достигает нескольких миллионов. В Индии, например 12 млн., в Японии – 9 млн., в США – 19 млн., в Украине – 250 тыс., а России – около 2 млн.

По данным комитета по науке и инновационной политике администрации Томской области, Сибирский федеральный округ сегодня занимает второе место в стране по количеству малых инновационных предприятий (МИПов) (на первом – Центральный ФО). При сибирских университетах создано уже около 250 предприятий. И речь идет не только о томском «поясе» (один Томский политехнический университет создал 25 МИПов) или новосибирском Академгородке, но и о городах с меньшей концентрацией вузов – Кемерове, Барнауле, Омске. Причем всего за несколько лет там созданы десятки реально работающих предприятий, которые успешно реализуют конкретную инновационную продукцию.

[1] Мильнер Б.З., Орлова Т.М. Малый бизнес: проблемы организации и управления // Проблемы теории и практики управления. – М., 2013. – № 4. – С. 18.

Выводы

Повысить уровень инновационной активности организаций можно лишь путем заинтересованного сотрудничества всех субъектов региональных инновационных подсистем (кадровой, производственной, образовательной, логистической, инвестиционной и др.), посредством создания благоприятного предпринимательского климата (налогового, инвестиционного, социального и др.), повышения мотивации и доверия в среде бизнес-сообщества, создания корпоративной региональной культуры и ответственности, обмена успешным внутри и межрегиональным опытом инновационной деятельности и т.д.

Процесс формирования инновационной восприимчивости очень сложный. В свое время К.Э. Циолковский писал: «Причина неправильного отношения к открытиям и изобретениям кроется в человеческих слабостях. Система факторов, стоящих на пути реализации новшеств: инертность, косность, консерватизм, недоверие к неизвестным именам, себялюбие, узкий эгоизм, непонимание общечеловеческого и собственного блага, нежелание переучиваться, корпоративные интересы, профессиональная зависть»[1].

Именно инновационная культура способна обеспечивать восприимчивость людей к новым идеям, их готовность и способность поддерживать и реализовывать новшества во всех сферах жизни. Инновационная культура отражает ориентацию человека, закрепленную в мотивах, знаниях, умениях и навыках, а также в образах и нормах поведения. Она показывает как уровень деятельности соответствующих социальных институтов, так и степень удовлетворения людей участием в них и его результатами. Формирование инновационной культуры связано с развитием творческих способностей и реализацией креативного потенциала самого человека – ее субъекта. В то же время существует множество других факторов и условий, учет и активное использование которых может существенно способствовать эффективности инновационной деятельности[2].

Сибирский федеральный округ играет важную роль в развитии экономики страны, он является одним из крупнейших и наиболее перспективных макрорегионов РФ с точки зрения экономического роста и развития инноваций. Научный потенциал Сибири включает более 100 институтов и исследовательских центров, особые экономические зоны, академгородки, наукограды и технопарковые структуры и др. Однако при наличии значительного количества конкурентных преимуществ они до настоящего времени не были в полной мере использованы в целях социально-экономического развития макрорегиона[3].

Обладая статусом ресурсной кладовой России и всего мира, СФО показывает рост целого ряда показателей, таких как инвестиции в основной капитал, объем инновационных товаров, количество используемых передовых технологий, инновационная активность организаций и ряд других. Такую динамику с определенной долей условности можно рассматривать как положительную, однако текущего темпа роста явно недостаточно для реализации стратегического инновационного пути развития.

Существующие в регионах СФО ключевые проблемы (экономические, социальные, финансовые, экологические и др.), сравнительно низкая динамика экономического развития, высокий износ основных производственных фондов, зависимость промышленности регионов от сырьевых экспортно-ориентированных отраслей и др. влияют на инвестиционную привлекательность Сибирского федерального округа, его инновационное, социально-экономическое развитие. От качества и своевременного решения названных проблем зависят **основные макроэкономические итоги реализации Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г.,** будущее макрорегиона и всей России.

---

[1] Циолковский К.Э. Двигатели прогресса // Изобретатель и рационализатор. 1980. – № 3.

[2] Ерохина Е.В. Формирование и развитие региональных инновационных подсистем. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М.: РАНХиГС, 2014.

[3] Ерохина Е.В. О некоторых особенностях развития Сибирского федерального округа // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. – № 6 (19). – С. 147–152.

Майкова Э.Ю.
д.филос.н., профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий, проректор по учебно-воспитательной работе Тверского государственного технического университета
Симонова Е.В.
к.соц.н., доцент Тверского государственного технического университета

ПРАКТИКИ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ[1]

Ключевые слова: *местное самоуправлении, местное сообщество, консолидация, инициативное бюджетирование.*
Keywords*: local self-government, local community, consolidation, initiative budgeting.*

Процессы развития современной России и обеспечения ее национальной безопасности в контексте существующих в настоящее время экономических и геополитических условий актуализируют проблему консолидации общества, предполагающей такое его состояние, для которого характерен высокий уровень защищенности личности, общностей и государства от внутренних и внешних угроз. Проблема консолидации общества актуальна для различных уровней социальной организации, одним из которых является локальный уровень местных сообществ. Сплоченность членов таких сообществ, их ориентация на осуществление совместных конструктивных действий, высокий уровень их гражданской активности будут способствовать консолидации всего общества, обеспечат его безопасность и создадут социальную базу для его эффективного развития.

Понятие «местное сообщество» употребляется в работах исследователей применительно к организованному, обретшему социальную структуру населению, ориентированному на решение различных проблем своей жизни и сформировавшему публичную власть для осуществления процесса развития. Т.И. Макогон подчеркивает, что «местное сообщество…это…субъект активности,… способный на основе совместных ценностей… и ответственности вести местное хозяйство, повышать качество услуг, осуществлять благоустройство территории в соответствии со своими интересами, постоянно улучшая качество жизни» [1, с. 193]. Именно подобные характеристики местного сообщества могут стать основой для устойчивого развития территорий.

Однако реальные территориальные общности могут и не обладать всей совокупностью указанных характеристик. Так, многие российские исследователи отмечают низкий уровень консолидированности территориальных сообществ и недостаточную готовность населения к активному гражданскому участию. В таких условиях особое значение приобретает деятельность государственных и муниципальных органов власти, общественных организаций, направленная на стимулирование гражданской активности и повышение заинтересованности людей в осуществлении совместных действий на благо общества. Управленческие стратегии в этом случае могут быть различными. Одной из таких стратегий является использование механизма инициативного бюджетирования, получившего широкое распространение в практике зарубежных стран.

Термин «инициативное бюджетирование» подразумевает под собой совокупность различных практик, основанных на гражданской инициативе, по решению вопросов местного значения. Реализация подобных практик предполагает непосредственное участие граждан в определении объектов расходования части бюджетных средств, а также в последующем контроле за реализацией проектов [2, с. 42–43]. Одним из эффективно действующих вариантов инициативного бюджетирования стала Программа поддержки местных инициатив (ППМИ), реализуемая в ряде регионов России с 2007 года. Схема финансирования проектов ППМИ предполагает выделение средств из регионального бюджета, финансовое участие местных администраций, местного бизнеса и обязательный вклад населения, оформляемый в виде целевых добровольных пожертвований.

Следует отметить, что в Тверской области ППМИ реализуется с 2013 года. Инициатором развития этой практики здесь является Министерство финансов. Программа была встроена в систему межбюджетных отношений с муниципальными образованиями и не повлекла дополнительных расходов для областного бюджета. Средства были изысканы за счет дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и на сбалансированность местных бюджетов. Процесс был постепенным (в 2013 г. дотация составила 25%, в 2014 г. – 50, в 2015 г. – 65%) [3].

Позитивные эффекты реализации ППМИ в Тверской области были отмечены экспертами в ходе проведения эмпирического исследования с апреля по август 2015 г. с использованием метода глубинного интервьюирования (45 человек). В частности, данная Программа позволяет решать вопросы, входящие в компетенцию органов МСУ («…мы можем… какие-то работы выполнить… в первый год… ремонт Дома культуры, во второй… ремонт холодного

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. Научно-исследовательский проект № 114111140129.

водоснабжения…»). ППМИ способствует более полному и эффективному использованию ресурсов территории, активизирует местное население, вовлекает граждан в решение вопросов местного значения, снижает иждивенческие настроения («…люди начинают понимать, что, для того, чтобы отремонтировать Дом культуры, есть два пути: правильный – это собраться и поучаствовать, а неправильный – написать письмо и ждать, когда кто-нибудь придет и все сделает…»). В процессе реализации Программы происходит рост доверия граждан к местной власти, возрастает их уверенность в возможность оказывать влияние на решение проблем.

В целом, практики инициативного бюджетирования способствуют более эффективному решению проблем на местах и создают условия для формирования местных сообществ с их наиболее значимыми чертами. Происходят процессы консолидации территориального сообщества, укрепления социальных связей, идентификации граждан с культурной общностью. Поэтому, механизм инициативного бюджетирования имеет перспективы для дальнейшего развития в различных регионах России и может стать инструментом решения различных проблем, а также способствовать консолидации российского общества и обеспечению национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Макогон Т.И. Местные сообщества и гражданские инициативы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. – № 11. – С. 192–198.
2. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Практики инициативного бюджетирования в деятельности муниципальных органов власти // Власть. – М., 2015. – № 12. – С. 42–47.
3. Егоров И.И. ППМИ в Тверской области: цели, эффекты и перспективы развития // Бюджет. Финансово-экономический журнал. 2015. – № 4 (149). – http://bujet.ru/article/274474.php.

Митрофанова И.В.
д.э.н., гл.н.с. Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН; профессор кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета
mitrofanova@volsu.ru
Родионова Е.В.
ассистент Волгоградского филиала РАНХиГС
rodionovaka1985@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: НОВЫЙ ЗАКОН, НОВЫЕ ПОДХОДЫ[1]

Ключевые слова: *целеполагание, стратегия, развитие, социохозяйственный региональный комплекс, сценарии.*
Keywords: *goal-setting, strategy, development, socioeconomic regional complex, scenarios.*

Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ № 172) вступил в силу 11.07.2014 г., заложив основы новой единой системы государственного стратегического планирования (СП), охватывающей федеральный, региональный, муниципальный уровни, бюджетный процесс, что уже позволяет увязать между собой стратегии всех уровней власти, способствуя повышению эффективности процессов хозяйственной деятельности на уровне субъектов РФ.

ФЗ № 172 введена комплексность и установлены границы процессов СП: единая система понятийного аппарата; единый перечень документов; единая система периодичности; единые принципы организации и функционирования системы СП; разграничение полномочий органов власти трех уровней с учетом сложившейся в России системы разделения властей.

ФЗ № 172 введено императивное обязательство федерального органа исполнительной власти, определяемого Правительством РФ, по созданию до конца 2016 г. федерального государственного реестра документов СП, система которых на уровне региона включает документы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования (табл. 1).

Таблица 1

Система стратегического планирования в субъектах РФ

Вид деятельности	Документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне субъекта РФ
1. Целеполагание	Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ
2. Прогнозирование	Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период
3. Планирование, программирование	План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ Государственные программы субъекта РФ Схема территориального планирования субъекта РФ

Источник: составлено авторами.

1) Стратегия социально-экономического развития (ССЭР) субъекта РФ нормативно формализует общественные социально-экономические интересы посредством правовых категорий стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития (СЭР) соответствующего субъекта РФ.

2) Прогнозы СЭР региона определяют и конкретизируют определенные перспективы СЭР региона через целевые показатели одного или нескольких вариантов применительно к соответствующему плановому периоду.

3) Бюджетный прогноз региона на долгосрочный период формируется в соответствии с Бюджетным кодексом РФ.

4) Государственные программы субъекта РФ разрабатываются в соответствии с конкретными приоритетами СЭР.

5) Целью разработки схемы территориального планирования региона является обеспечение устойчивого, конкурентного и сбалансированного развития социохозяйственного комплекса региона. Она основывается на положениях

[1] Материал подготовлен в лаборатории социальных и экономических исследований Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН в рамках НИР «Проблемы демографического и социально-экономического развития южного макрорегиона» (№ гос. регистрации АААА-А16-116012610047-9).

[2] См.: О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014г. № 172-ФЗ // Российская газета. – М., 2014. Федеральный выпуск. – № 6418 (146). – http://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html

региональной ССЭР субъекта РФ, ССЭР макрорегиона (федерального округа), отраслевых документов стратегического планирования РФ. В процессе разработки схемы территориального планирования необходимо соблюдать требования Градостроительного кодекса и схем территориального планирования РФ.

Региональным властям необходимо учесть, что результатом вступления в силу ФЗ № 172 является важнейшее требование в отношении всех региональных участников СП по приведению действующего законодательства субъектов РФ в соответствие с положениями ФЗ № 172, утвержден ряд мероприятий, планируемых к выполнению в 2016–2017 гг. (ст. 74). Большинство из них должны быть обеспечены посредством механизма правового регулирования.

Наряду с разработкой в регионах в соответствии с планом подготовки документов СП, определенных в качестве обязательных ФЗ № 172, необходимо в срок до 01.01.2017 г. модернизировать действующие в регионах РФ документы СП, которые были приняты до вступления в силу данного закона, и которые считаются действительными до окончания срока действия. Причем все эти документы должны быть отражены в плане подготовки документов СП, который должен содержать сроки их разработки и одобрения[1].

В процессе проведения анализа регионального законодательства в ряде субъектов РФ практически не обнаружено положений законов, посвященных регламентации ССЭР территории. Регионы пока неактивно пользуются данным правом, закрепленным за ними ФЗ № 172, что объясняется спецификой их территориально-отраслевого развития[2].

Многими субъектами РФ приняты в 2014–2015 гг. планы подготовки документов СП, определяющие документы, подлежащие разработке и принятию, регулирующих данную деятельность на соответствующей территории. Настоятельно необходимо привести региональное законодательство в сфере СП в соответствие с федеральным. Сейчас же представляется возможным изучение лишь незначительного накопленного законодательного опыта в сфере регулирования правоотношений СП в регионах в рамках новой модели СП.

Исследование правовых форм, в которые облекаются в настоящее время принимаемые в субъектах РФ документы в сфере регламентации процессов СП, выявило два подхода: 1) принятие закона соответствующего субъекта РФ «О стратегическом планировании в конкретном субъекте РФ»; 2) издание указа, распоряжения главы соответствующего субъекта РФ «О стратегическом планировании в конкретном субъекте РФ», которым утверждается порядок осуществления СП на территории определенного субъекта РФ.

Несмотря на ряд «узких мест» в положениях ФЗ № 172, результаты анализа регионального законодательства РФ позволяют заключить, что в целях его реализации с конца 2014 г. по настоящее время в ряде регионов активизируется процесс разработки проектов и принятия законов субъектов РФ о СП, в их числе: Челябинская область, Республика Саха (Якутия), Удмуртская Республика, Мурманская область, Московская область, Республика Башкортостан, Пензенская область, Нижегородская область, Томская область, Республика Татарстан.

Если во многих субъектах РФ законы о СП находятся пока либо в стадии согласования, либо в стадии разработки, то в регионах и республиках Южного федерального округа в этом направлении ведется активная работа. Так, в Ростовской области с 01.01.2016 г. вступил в силу областной закон «О стратегическом планировании в Ростовской области» (от 20.10.2015 № 416-ЗС), где, согласно ст. 20, установлена императивная норма, обязывающая в срок до 01.01.2016 г. Правительство, иные органы исполнительной власти Ростовской области обеспечить приведение региональных нормативно-правовых актов в соответствие с областным законом. Данное требование включает в себя разработку и правовых актов по вопросам определения порядка разработки и общественного обсуждения проектов документов СП, корректировки, осуществления контроля и мониторинга реализации документов СП применительно к каждому виду документов, предусмотренному ст. 6[3].

В Волгоградской области от 31.12.2015 г. принят закон № 247-ОД «О стратегическом планировании в Волгоградской области», который устанавливает правовые основы СП в регионе, определяет полномочия органов исполнительной власти, порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере СП. Законом определяются система СП, принципы и задачи СП, участники и документы СП. Также законом устанавливается порядок проведения мониторинга документов СП в Волгоградской области, в том числе перечень документов, в которых отражаются результаты мониторинга реализации документов СП в сфере СЭР Волгоградской области. Кроме того, Администрацией Волгоградской области утверждены порядки разработки документов СП в Волгоградской области: ССЭР Волгоградской области и плана ее реализации, долгосрочного и среднесрочного прогнозов СЭР, бюджетного прогноза Волгоградской области[4].

В Краснодарском крае Законодательным Собранием принят закон № 3267-КЗ от 06.11.2015 г. «О стратегическом планировании и индикативных планах социально-экономического развития в Краснодарском крае», в котором установлены правовые основы процесса СП в Краснодарском крае; разграничены полномочия между его участниками, определены иерархия и содержание документов СП; допускается привлечение к разработке таких документов объединений профсоюзов и работодателей, общественных, научных и иных организаций; определено, что проекты

---

[1] См.: Смирнова О.О. О системе документов в регионе в реализации закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и Управление. 2015. – № 2.

[2] Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 4 (34). – С. 63−64.

[3] О стратегическом планировании в Ростовской области: Областной закон Ростовской области от 20 октября 2015 г. № 416-ЗС. – http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW186;n=64556;dst=100042

4 О стратегическом планировании в Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 31 декабря 2015 г. № 247-ОД. – http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW180;n=127843

документов СП выносятся на общественное обсуждение (его форма, порядок и сроки проведения определяются администрацией края); прописаны правила мониторинга и контроля реализации[1].

В Астраханской области новый закон не принимался, а были внесены изменения от 29.07.2015 г. в действующий закон № 53/2009-ОЗ от 03.07.2009 г. «О стратегическом планировании социально-экономического развития Астраханской области». Однако данные изменения носят скорее поверхностный характер и должны быть более обстоятельными[2].

В Республике Калмыкия Постановлением Народного Хурала (Парламента) также принят «Закон о стратегическом планировании в Республике Калмыкия» № 113-V-З от 14.04.2015 г., регулирующий некоторые, но не все вопросы осуществления СП в республике. Акцент в документе сделан на создание правовой базы для разработки, построения и функционирования комплексной системы СП СЭР Республики Калмыкия, на обеспечение прозрачности процедур разработки, рассмотрения и утверждения документов государственного СП[3].

Государственным Советом − Хасэ Республики Адыгея в целях урегулирования правоотношений в сфере СП также принят «Закон о стратегическом планировании в Республике Адыгея» от 06.08.2015 г. № 455, определяющий полномочия участников СП в Республике Адыгея, а именно: к полномочиям Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея отнесено законодательное регулирование в сфере СП. К полномочиям Главы Республики Адыгея в этой же сфере отнесено определение приоритетов социально-экономической политики, долгосрочных целей и задач СЭР региона. Полномочиями по утверждению документов СП, порядков их разработки, определение порядков осуществления мониторинга и контроля реализации документов СП, а также методического обеспечения СП наделен Кабинет Министров республики. Также в законопроекте определен перечень документов СП республики. В связи с тем, что действующая стратегия СЭР Республики Адыгея утверждена законом Республики Адыгея, в законопроекте оговорено, что норма о полномочиях Кабинета Министров Республики Адыгея по утверждению стратегии вступила в силу с 1 декабря 2016 г.[4].

Сравнительный анализ правовых аспектов ФЗ № 172, регионального законодательства в сфере регламентации правоотношений СП позволил разработать некоторые предложения, позволяющие его усовершенствовать:

1) в целях развития принципа разработки единой системы планирования, необходимо расширить полномочия органов государственной власти субъекта РФ по обеспечению согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, предусмотренные ч. 5, ст. 5, посредством их разработки не только на уровне субъектов РФ, но и на уровне муниципальных образований;

2) ФЗ № 172 остались не учтенными отраслевые документы планирования, разрабатываемые на территориях многих субъектов РФ, в т.ч. ЮФО, поэтому следует добавить в перечень документов СП, разрабатываемых на уровне субъектов РФ, отраслевые документы СП (отраслевые, межотраслевые стратегии); вполне логично, если закон будет дополнен формулировкой, согласно которой положения ССЭР субъекта РФ в части целей, задач и приоритетов развития могут быть детализированы в отраслевых, межотраслевых стратегиях, либо отраслевых, межотраслевых документах планирования субъекта РФ в соответствии с региональным законодательством;

3) необходимо дополнить ФЗ № 172 указанием конкретного срока разработки федеральных, региональных государственных программ (ч. 2, ст. 28),

4) необходимо привести в соответствие ФЗ № 172 и приказ Министерства регионального развития РФ от 27.02.2007г № 14 «Об утверждении требований к стратегии» (несмотря на то, что само МРР РФ упразднено в сентябре 2014 г.);

5) необходимо устранить неопределенность полномочий высшего исполнительного органа исполнительной власти субъекта РФ, указав, в чем конкретно заключается его участие в обеспечении реализации единой государственной политики в сфере СП (ст. 10, гл. 3);

6) важно уточнить, что именно представляет собой схема развития отраслей экономики, и какую конкретно информацию должен содержать этот документ (ст. 19, гл. 5);

7) для соблюдения принципа единства и целостности документов СП необходимо внести изменения в ст. 28, гл. 7, четко определив период, на который принимаются государственные программы РФ[5];

8) необходимо устранить противоречие, состоящее в том, что краткосрочные документы (например, ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию) в соответствии со ст. 15, гл. 4 служат основой для определения долго – и среднесрочных национальных и региональных стратегических целей и приоритетов СЭР;

9) необходимо привести в соответствие содержание ст. 11, гл. 3 с положениями гл. 11 ФЗ №127. Так, в п. 5 ст. 11, гл. 3 указано, что к документам СП, разрабатываемым на уровне муниципалитетов, относятся ССЭР, план меро-

---

[1] О стратегическом планировании и индикативных планах социально-экономического развития в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 6 ноября 2015 г. № 32. – http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW177;n=140659

[2] О стратегическом планировании социально-экономического развития в Астраханской области» (в редакции Законов Астраханской области от 11.10.2011 № 67/2011-ОЗ, от 04.09.2014 № 52/2014-ОЗ, от 03.02.2015 № 1/2015-ОЗ, от 29.07.2015 № 51/2015-ОЗ): Закон Астраханской области от 03 июля 2009 г. № 53/2009-ОЗ. – http://docs.cntd.ru/document/895214855

[3] О стратегическом планировании в Республике Калмыкия: Закон Республики Калмыкия от 14 мая 2015 г. № 113-V-З. – http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW393;n=27423

[4] О стратегическом планировании в Республике Адыгея: Закон Республики Адыгея от 6 августа 2015 г. № 455. – http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW977;n=44262

[5] См.: Костенко В.В. Правовое регулирование новой модели стратегического планирования // Региональная экономика. Юг России. 2016. – № 1 (11).

приятий по ее реализации, а также прогноз СЭР на средне- и долгосрочный периоды, бюджетный прогноз и муниципальная программа. Однако в гл. 11 упоминаются лишь первые два документа, а о содержании, порядке разработки, утверждения остальных документов ничего не сказано.

Региональные стратегии. Разработка региональных ССЭР началась в России задолго до принятия 172 ФЗ, с 2000 г., где-то по инициативе снизу, где-то − по требованию федерального центра. Пик разработки документов стратегического планирования субъектами РФ пришелся на 2007−2010 годы.

В современных условиях формирования и реализации вертикально-интегрированной структуры стратегирования в РФ с 2014 г. цели стратегии субъекта РФ должны обязательно коррелировать с целями федерального уровня, включая целеполагание по отраслевому и территориальному принципу в части территории конкретного региона. А система документов, служащих ориентирами для разработчиков при формировании содержательной части региональных стратегий, претерпела изменения (см. табл. 2).

Таблица 2

Документы, определяющие содержание региональных стратегий социально-экономического развития

2007−2013 годы	С 2014 года
1. Об утверждении требований к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ: приказ МРР РФ от 27.02. 2007 г. №14 1 2. Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 3. Концепция 2020 (Стратегия 2020) долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р) 4. Об основах стратегического планирования в РФ: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г № 536 5. Отдельные поправки в Градостроительный кодекс РФ 6. О Стратегии национальной безопасности РФ»: Указ Президента РФ от 12.05.2009 г № 537 7. Стратегии социально-экономического развития федеральных округов РФ 8. Отраслевые стратегии	1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28.06. 2014 г. № 172-ФЗ 2. Об утверждении требований к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ: приказ МРР РФ от 27.02. 2007 г. №14. 3. Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 4. Стратегия социально-экономического развития РФ до 2030 года* 5. Стратегия пространственного развития РФ* 6. Стратегия национальной безопасности РФ (утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683) 7. Отраслевые документы стратегического планирования РФ в части вызовов, перечня мер и объектов на территории региона. 8. Стратегии социально-экономического развития федеральных округов РФ

* Документы находятся в разработке. Источник: составлено авторами.

Важно, что ФЗ № 172 предусмотрена подготовка принципиально нового для России типа документа, сочетающего в себе подходы стратегического и территориального планирования, а именно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации». Этот документ должен стать «проекцией» социально-экономических приоритетов развития на субъекты РФ, проанализировать сложившуюся систему расселения, внести предложения по оптимизации аллокации ресурсов, скорректировать приоритеты, цели и задачи регионального развития2.

Что касается «Стратегии социально-экономического развития РФ до 2030 года», то рабочей группе в составе членов Правительства РФ и ученых Высшей школы экономики, принимавших участие в разработке Концепции-2020, к концу лета 2016 г. поручено разработать «эскиз стратегии» (содержательные модули, формат работы по модулям и план) и до середины октября 2016 г. внести в Правительство РФ предложения по структуре, ресурсному обеспечению и плану подготовки этого важного документа.

Еще в 2014 г. в регионах РФ началась работа по разработке ССЭР до 2030 г. В ряде из них они либо уже приобрели официальный статус, либо проекты стратегий представлены для общественного обсуждения, либо идет активная стадия их разработки. В их числе:

– *Регионы-локомотивы роста*: Ленинградская и Московская области, Республика Татарстан, Свердловская область.

– *Опорные сырьевые регионы:* Тюменская область.

– *Опорные регионы старопромышленные*: Вологодская, Томская, Ярославская (2008 г.), Самарская области.

– *Депрессивные фоновые регионы*: Чувашия, Архангельская, Саратовская, Калужская (2009 г.), Тульская, Владимирская, Новгородская области.

– *Депрессивные кризисные регионы*: Ульяновская область, Чукотский автономный округ.

В 2015−2016 гг. приступили к разработке ССЭР и субъекты ЮФО. Эта работа пока находится в начальной фазе обсуждения содержательной части региональных стратегий.

Согласно ст. 5, гл. 2 ФЗ № 172, к полномочиям региональных властей в сфере СП относится, в том числе, и установление требований к содержанию документов регионального СП.

[1] Об утверждении Требований к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ: приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 27 февраля 2007 г. № 14. – http://docs.cntd.ru/document/902343834

[2] О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации: Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870. – http://base.garant.ru/71170676/

Что касается содержания региональной стратегии, то в ст. 32, гл. 8 ФЗ № 172 оно представлено весьма агрегировано и традиционно, но обязательно должно коррелировать с документами стратегического характера федерального уровня, о которых говорилось ранее.

Такие требования к содержанию региональных ССЭР, отраженные в главном законе, оставляют, с одной стороны, широкое поле для маневра, с другой стороны, сохраняется неопределенность методологического плана: кроме Приказа МРР РФ от 27.02. 2007 г. №14 «Об утверждении требований к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ» и агрегированного описания содержательной части региональной стратегии в ФЗ № 172 нет единых утвержденных методических рекомендаций по разработке региональных ССЭР. Основные требования, предъявляемые к указанным документам, а также базовые принципы их разработки были сформулированы в результате обобщения опыта подготовки как уже утвержденных, так и дорабатываемых в настоящее время региональных ССЭР, практики проведения их обсуждений и согласований, в результате чего и сложилось представление о некой базовой (типовой) структуре (макете) данного документа. Напрашивается вывод: должна быть базовая и специальная часть.

Обобщая тот положительный опыт разработки региональных ССЭР, который уже есть, можно отметить, что *базовая содержательная* часть этого документа, помимо традиционных блоков, должна особое внимание уделить институциональным и структурным проблемам, наличию и состоянию энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры.

Исходя из новых геополитических, геоэкономических условий, трансформации мирохозяйственных связей, необходимо отразить в содержании региональной стратегии результаты анализа форм и путей воздействия процессов глобализации и регионализации (глокализации) на социоэкономический комплекс региона: в разрезе рынка труда, товаров (услуг) и капитала[1].

В специальной части региональной ССЭР могут быть отражены особенности кластеризации; политики импортозамещения, зонирования.

Уже понятно, что во многих регионах России сформировалась долгосрочная позитивная тенденция импортозамещения, однако ряд территорий, в их числе и субъекты Юга России, сталкиваются с существенными преградами на пути реализации этой политики. Важно их своевременно выявить и предложить в региональных ССЭР до 2030 г. актуальные механизмы их нивелирования.

Кроме того, в специальной части региональной ССЭР целесообразно представить хотя бы описательно крупные инвестиционные проекты (в т.ч. межрегиональные), связанные с созданием и функционированием устойчивого территориального каркаса, основу которого составят уже существующие и новые центры инноваций, кластеры, зоны (территории) опережающего развития (ТОР), ЗТР (для депрессивных МО)[2].

Например, в «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года»[3] уже был представлен перечень 20 крупных инвестиционных проектов, приоритетно запланированных к реализации в трехлетней перспективе на территории субъектов ЮФО[4].

Кроме того, в стратегии ЮФО до 2020 г. было выделено 26 региональных зон опережающего развития (ЗОР), сгруппированных в 3 макрозоны: Черноморско-Кубанскую, Азово-Донскую и Волжско-Каспийскую, каждая − со своей специализацией.

Важен выбор *базовых стратегических сценариев*. Заметно, что при разработке региональных ССЭР до 2030 года субъекты РФ стремятся уходить от использования и описания традиционных 3-х сценариев СЭР: умеренного, инерционного и инновационного.

Могут быть предложены следующие варианты базовых сценариев развития социохозяйственного комплекса региона.

Эволюционный сценарий: прямая пролонгация основных параметров социально-экономического развития региона, имевших место в ретроспективе. Понятно, что он предпочтителен, если в регионе на протяжении ряда лет сложилась устойчивая позитивная динамика развития социохозяйственного регионального комплекса по основным направлениям. В этом случае сохраняются приоритеты развития, пропорции ресурсного обеспечения принимаемых механизмов реализации.

Плюсы: отлаженность механизмов поддержки, сложившаяся система управления и снижения издержек управления, заметный эффект уже в краткосрочной перспективе.

Минусы: падающая эффективность; вытеснение частных инвестиций; стабилизация или сужение круга активных субъектов социально-экономического и инновационного развития; исчерпание ресурсного, технологического потенциала, сужение базы для долгосрочного развития.

---

[1] Потапов Л.В., Мункодугарова А.Б. Методологические подходы к совершенствовании регионального стратегического планирования // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. – Вып. 3 (11). – С. 13−15.

[2] О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03 декабря 2011 г. № 392-ФЗ (ред. от 28.12.2013). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122563/

[3] Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 05 сентября 2011 г. № 1538-р. – http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/yufo

[4] См.: Гришина И.В., Смирнова О.О. Место стратегии долгосрочного социально-экономического развития Южного федерального округа в системе стратегического планирования регионального развития России // Региональная экономика. Юг России. 2011. – № 12.

Инфраструктурно-кластерный – преимущественное развитие инфраструктурной базы региона, создание конкурентоспособных кластеров.

Плюсы: модернизация инфраструктуры, создание опорных кластеров, рост инвестиционной привлекательности; формирование «институционального» ядра, реализация отдельных прорывных направлений НТР и пр.

Минусы: некорректность выбора направлений инвестирования; замораживание вложенных средств, неэффективность использования инфраструктурного потенциала и пр.

Партнерский сценарий основан на развитии механизмов ГЧП, привлечении новых инвесторов, частного бизнеса, активизации политики импортозамещения.

Плюсы: рост числа инвестиционно активных компаний и внебюджетного софинансирования, усиление координации мероприятий стратегий, рациональность выбора направлений развития и т.д.

Минусы: «размывание» приоритетов развития, смещение целей субъектов реализации стратегии (от средне- к краткосрочным); рост издержек управления стратегий и пр.

Зональный сценарий, в рамках которого особое внимание обращено к созданию ТОР и ЗТР в регионе.

Комплексный сценарий может быть представлен как комбинация 2–3-х из них.

В марте 2015 г. вступил в силу ФЗ № 473-Ф «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ»[1], определяющий правовой режим территорий опережающего социально-экономического развития в РФ, меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях.

В отличие от существующих ОЭЗ и ЗТР, ТОРы создаются под конкретных крупных инвесторов, заключивших с уполномоченным федеральным органом предварительные соглашения, определяющие вид планируемой экономической деятельности, объем инвестиций и количество создаваемых рабочих мест. На этой части территории региона устанавливается особый правовой режим ведения предпринимательской и других видов деятельности, предусмотрены льготные налоговые условия, упрощенные административные процедуры и др.

В ТОРах разрешено вести разработку месторождений полезных ископаемых и производить подакцизные товары, что практически полностью запрещено в ОЭЗ (за исключением производства легковых автомобилей и мотоциклов) и частично – в ЗТР (запрет на производство подакцизных товаров, за исключением легковых автомобилей и мотоциклов, добычу сырой нефти, природного газа, драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней). Важно, что ТОРы образуются не только в целях развития отраслей экономики и привлечения инвестиций, но и для создания комфортных условий проживания населения.

Кроме того, ТОР создается на 70 лет, срок ее существования может быть продлен, что не предусмотрено в отношении ОЭЗ (они создаются на 49 лет) и ЗТР (12 лет). Заявку на создание ТОР может подать руководство любого субъекта РФ.

Есть временное ограничение: в первые три года (2015–2017 гг.) ТОРы могут создаваться только в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) и на территориях моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением (соответствующий перечень утверждает Правительство РФ).

На каждой территории функционирует управляющая компания, одна из задач которой − создание необходимой инфраструктуры, предоставление резидентам таможенных, юридических и других услуг. Компанию определяет правительство РФ, этот статус может получить акционерное общество (или его дочернее предприятие), 100% акций которого находятся в собственности государства. Управляющей компанией ТОРов, например, в ДФО в настоящее время является ОАО «Корпорация развития Дальнего Востока».

Для отбора территорий и рассмотрения инвестиционных проектов при правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона сформирована специальная подкомиссия. Сегодня на Дальнем Востоке созданы **девять ТОРов** за счет средств федерального бюджета (в рамках Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»)[2].

И еще одно важное замечание. Практически все регионы до сего дня, наряду с главной региональной ССЭР, разрабатывали целый ряд других стратегий: инвестиционных, инновационных и т.д. Причем ФЗ № 172 прямо не запрещает субъектам РФ разрабатывать иные документы. Однако все они обязательно должны быть отражены в ССЭО субъекта РФ, входить в ее состав взаимоувязанными блоками, а не существовать в виде разрозненных документов. Иначе уже в самое ближайшее время на федеральном уровне возникнет проблема при формировании федеральной информационной системы, поскольку регионы не смогут представить в эту систему перечень требуемых показателей СП, так как отдельные показатели определены другими документами, статус и порядок утверждения которых не всегда понятен. Региональной власти необходимо провести ревизию ранее утвержденных стратегий и программ.

Кроме того, не так давно Правительство РФ внесло в Государственную Думу РФ законопроект об изменении сроков подготовки документов стратегического планирования и переносе их с 01.01.2017 г. на 01.01.2019 г. По мнению авторов законопроекта (Министерства экономического развития РФ), это позволит обеспечить последовательность, согласованность и взаимную увязку документов и принципов СП. Двухлетний мораторий на разработку регионами своих стратегий и программ ССЭР позволит избежать хаоса и несогласованности в формируемой системе СП в условиях экономического кризиса.

---

[1] О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. – http://rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html

[2] Территории опережающего развития: 9 особых зон в ДФО. – http://tass.ru/info/2215388

Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор Финансового университета
2520641a@gmail.com

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РОССИИ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: *инвестиционная деятельность, инновационная экономика, финансовые ресурсы, системный подход, региональный уровень, государственное регулирование.*

Актуальность темы и методология исследования. Инвестиции, как составная часть финансовых ресурсов, являются одним из важнейших источников финансирования инноваций в национальной экономике. Инвестирование служит не только базой динамических изменений в социально-экономических показателях, стимулом для развития предпринимательской деятельности, но и влияет на конечные результаты – становление инновационной экономики, положение государства на мировой арене, уровень благосостояния населения. Отличительной особенностью Российского государства, включающего в свой состав 9 федеральных округов РФ и 85 субъектов РФ, выступает неоднородность инвестиционного пространства. Необходимость повышения уровня инвестиционной привлекательности является одним из ключевых факторов конкурентоспособности страны, достижения устойчивых темпов экономического роста. В новых экономических условиях исследования российских и зарубежных ученых, отражающие совершенствование методов и инструментов, способствующих формированию благоприятного инвестиционного климата, непосредственно связанные с эффективностью инвестирования, обладают весьма высокой степенью актуальности.

В нашей стране наличествует нормативная правовая база, в соответствии с которой определяются содержание инвестиционной деятельности, основные формы и методы ее государственного регулирования. Юридические основы сосредоточены в Федеральном законе РФ от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ (в ред. ФЗ от 28.12.2013 № 396-ФЗ) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» и Федеральном законе РФ от 09 июля 1999 года № 160-ФЗ (в ред. ФЗ от 28.12.2013 № 396-ФЗ) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

В отечественном праве закреплено определение инвестиционной деятельности, как вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. В экономической литературе наблюдается разнообразие подходов в работе с данной научной терминологией. Ряд исследователей являются сторонниками узкого понимания, согласно которому инвестиционная деятельность характеризуется как процесс преобразования инвестиционных ресурсов во вложения и рассматривается как собственно вложение средств, то есть инвестирование. В широком смысле инвестиционная деятельность трактуется как совокупные усилия всех участников (инвесторов, застройщиков, подрядчиков, банков, государства) не только по вложению денежных средств и других ценностей в проекты, но и по обеспечению отдачи вложений, – то есть как любой процесс, имеющий целью сохранение и увеличение стоимости денежных или других средств. Консолидируя приведенные позиции, инвестиционную деятельность можно представить как циклический процесс, связанный с трансформацией инвестиционных ресурсов в инвестиционные вложения и обеспечением отдачи от них.

Особенности федеративного устройства России и управления субъектами РФ как равноправными административно-территориальными образованиями накладывают отпечаток на организацию и практику инвестирования. Существуют различные формулировки, отражающие специфику содержания инвестиционной деятельности на региональном уровне. Согласно одной из них, инвестиционная деятельность в регионе представляет собой «совокупность организационных, финансовых, экономических и нормотворческих действий органов власти всех уровней, хозяйствующих субъектов и физических лиц по формированию инвестиционного потенциала, соответствующего предпринимательского климата, инвестиционной привлекательности и эффективному использованию инвестиционных ресурсов в актуальных проектах, обеспечивающих достижение определенных целей, в числе которых – гарантированное стабильное получение дохода в соответствующих пределах» [1, с. 164]. Думается, что такое понимание инвестирования соединяет целый ряд самостоятельных научных категорий, определения которых в различных информационных источниках имеют некоторые различия. Достоинство представленной формулировки состоит в том, что она включает несколько базовых категорий, каждая из которых характеризует существенные конечные результаты инвестирования. Применение ее на практике представляет серьезную методологическую проблему, поскольку предполагает разработку и реализацию комплекса мероприятий по каждому из входящих элементов (инвестиционному потенциалу, предпринимательскому климату, инвестиционной привлекательности и др.).

На региональном уровне управления также формируется законодательство об инвестировании. Например, в Ростовской области нормативная правовая база регулирования инвестиционной деятельности включает следующие документы: Областной закон Ростовской области от 01 октября 2004 г № 151-ЗС «Об инвестициях в Ростовской области»;

Областной закон Ростовской области от 10.05.2012 г. № 843-ЗС «О региональных налогах и некоторых вопросах налогообложения в Ростовской области»; Постановление Правительства Ростовской области от 22.03.2012 г. №218 «О порядке оказания государственной поддержки инвестиционной деятельности организаций из областного бюджета». Подобные законоположения разработаны и применяются в других субъектах РФ.

Изучение представленных документов федерального и регионального уровней позволяет заключить, что регулирование инвестиционной деятельности в России развивается по линии системного улучшения положений федеральных нормативных актов, в дополнение к которым применяется региональная правовая база, формируемая в рамках компетенции субъектов РФ. Региональное законодательство предусматривает гарантии равной защиты прав, интересов и имущества инвесторов; формирование и использование залоговых фондов; обеспечение гарантий по кредитам и инвестициям отечественным и иностранным инвесторам; предоставление льгот региональным государственным органам и другие меры, направленные на стимулирование инвестиционной активности хозяйствующих субъектов.

Анализ современного состояния и выявление существующих проблем. В соответствии с инвестиционным законодательством, создание благоприятных условий для инвесторов на практике осуществляется посредством использования следующих инструментов: системы налогообложения, совершенствование которой является необходимой предпосылкой активизации инвестиционной деятельности; механизма начисления амортизации и использования средств амортизационного фонда по целевому назначению; нормативных документов и методических положений, разрабатываемых с целью обеспечения защиты прав и интересов инвесторов; специальных налоговых режимов, установление которых направлено на стимулирование инвестиционной деятельности; сбережений населения и средств иных внебюджетных источников, использование которых способствует расширению возможностей для финансирования жилищного строительства и объектов социально-культурного назначения; инвестиционных фондов различной направленности, формирование которых создает условия для укрепления финансовой базы инвестирования.

На наш взгляд, исторически сложившееся регулирование инвестиционной деятельности в разрезе федерального и регионального уровней нуждается в определенном совершенствовании. Например, региональный уровень правомерно рассматривать применительно не только к субъекту РФ, но и к федеральному округу РФ. Это обусловлено тем, что в настоящее время вследствие ряда экономических и политических причин акценты в управлении региональным развитием закономерно смещаются в сторону макрорегионов окружного типа [2, с. 72–73]. Данный объективный процесс обусловлен совокупным экономическим потенциалом и ростом общественной значимости решений, принимаемых органами государственной власти федеральных округов РФ. Результатом является повышение роли данных административно-территориальных образований в решении насущных социально-экономических проблем .

В ряде случаев имеет место положительная практика активизации инвестиционной деятельности применительно к отдельным субъектам РФ, на территории которых реализуются общественно значимые программные мероприятия. Например, федеральным законодательством предусматривается введение значительных налоговых льгот при реализации крупных инвестиционных проектов (вплоть до полного освобождения от налога на прибыль в течение нескольких лет); используются инструменты стимулирования вложений в спортивные сооружения; применяются «точечные» государственные инвестиции при реализации отдельных инновационных программ (подпрограмм) в составе общегосударственных национальных проектов и др.

На региональном уровне экспертами выделяются специфические цели в сфере инвестирования, к которым относятся: сокращение социально-экономических различий между отдельными регионами и муниципальными образованиями, между городскими и сельскими территориями страны; комплексное производственное и инфраструктурное обустройство территорий, имеющих особое значение для защиты геополитических интересов и безопасности России; применение системного подхода к формированию инфраструктуры территорий, обеспечивающего связность пространства регионов и страны в целом и создающего предпосылки для роста экономической и социальной активности населения и бизнеса; создание производственных, социальных и иных объектов в отдельных регионах и муниципальных образованиях в сферах, отвечающих интересам страны и не являющихся привлекательными для частного бизнеса; территориальное планирование и размещение зон действия крупного бизнеса с учетом интересов и возможностей решения социальных и экономических проблем регионов и муниципальных образований [3, с. 106].

В ряде субъектов РФ накоплен богатый опыт регулирования инвестиционной деятельности. Так, в Ростовской области сложилась практика составления комплекса документов инвестиционной направленности: среднесрочных Программ социально-экономического развития, региональных государственных и целевых программ и дополняющих их ведомственных программ в сферах инновационной деятельности, занятости населения, жилищно-коммунального хозяйства, малого и среднего предпринимательства и других в совокупности с ежегодной разработкой адресных инвестиционных программ регионального уровня. Например, утвержденная постановлением Правительства Ростовской области от 04 октября 2012 года № 942 Инвестиционная программа Ростовской области на 2013 год (в редакции постановлений от 23.04.2013 № 198, от 03.07.2013 № 422, от 31.07.2013 № 478, от 26.09.2013 № 606). Она содержит перечень инвестиционных проектов и мероприятий, реализация которых (как ввод в действие ранее начатых строительством объектов, так и незавершенное производство) планируется в течение календарного года. Адресные инвестиционные программы субъектов РФ формируются ежегодно в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, действующими федеральными, а также региональными нормативными правовыми актами, в числе которых – региональные законы об инвестировании.

Рассмотрение существующей на региональном уровне практики инвестирования, с учетом особенностей программно-целевого подхода, дает основания для формулирования приоритетных государственных направлений инвестиционной деятельности в территориальном разрезе (республик, краев, областей – субъектов РФ) (рис. 1).

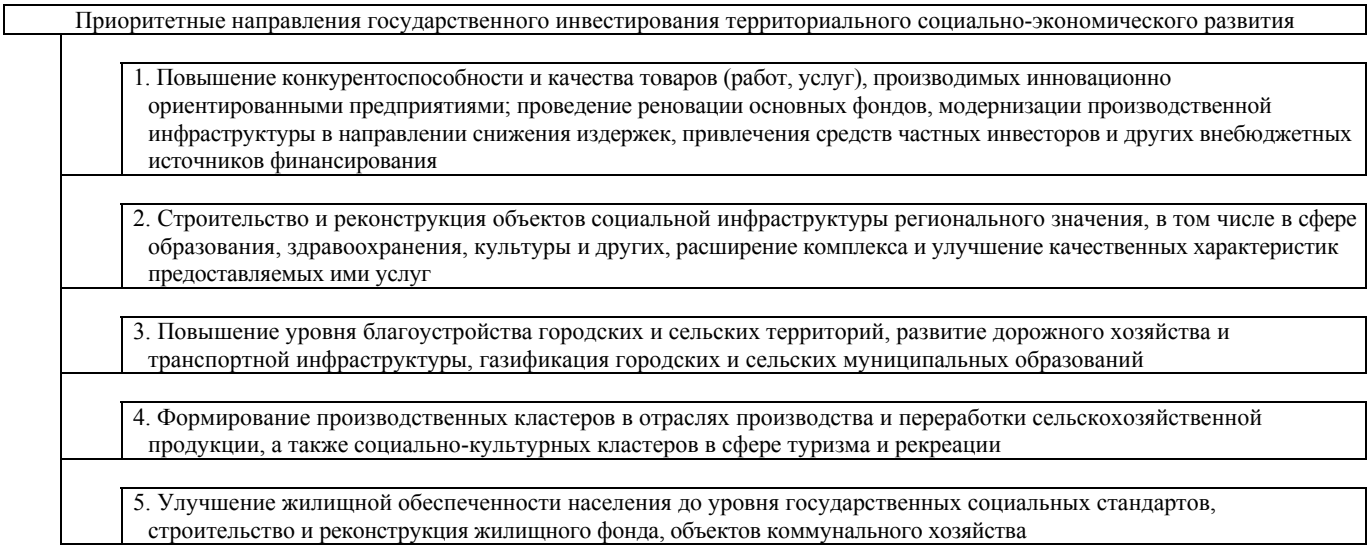


Рисунок 1.
Приоритетные направления государственного инвестирования территорий (субъектов РФ)[1]

Органам государственной власти субъектов РФ целесообразно поддерживать формирующиеся позитивные тенденции в динамике инвестиций в производственные отрасли, независимо от источников денежных средств. Данный фактор выступает весомым стимулом для расширения бюджетного финансирования социальной сферы региональной экономики. Одновременно, при использовании программно-целевого подхода могут проявляться и негативные моменты. Например, на практике в ряде случаев наблюдается формальный характер технико-экономических обоснований при выборе объектов и вариантов инвестирования; недостаточно продуман механизм отбора проектов, предназначенных для проблем, подлежащих решению посредством разработки и реализации федеральных и региональных (государственных и целевых) программ в соответствии с приоритетами пространственного социально-экономического развития.

Повышение эффективности инвестирования можно обеспечить при соблюдении определенных принципов, подтвержденных практикой реализации различных проектов и построения региональных социально-экономических и адресных инвестиционных программ. Рациональным полагается вложение финансовых средств в те сферы, где данный регион имеет реальные преимущества перед другими административно-территориальными образованиями. Необходимо активизировать инвестирование в «точки роста» – технологические возможности, позволяющие обеспечить расширенное воспроизводство в масштабах субъектов РФ. Позитивный результат может принести целенаправленное использование как административных, так и рыночных регуляторов для корректировки различных видов структуры региональной экономики (отраслевой, технологической, воспроизводственной и др.) [4, с. 565].

Капитальное строительство, как ведущая отрасль национального хозяйства, имеющая развитую материально-техническую базу, развивается с учетом размещения производительных сил, природно-ресурсного и демографического потенциала по регионам. В процессе государственного регулирования инвестиций необходимо учитывать неравномерность распределения факторов производства по территории страны. Такой подход объективно требует при обосновании размещения производственных мощностей проводить сравнительные расчеты эффективности инвестиций, вкладываемых в отдельные регионы. Субъекты РФ, в которых наблюдается более интенсивное развитие инвестиционного процесса, в ходе реализации инвестиционных проектов закономерно займут принципиально новое, более весомое положение в экономике страны.

Предложения и рекомендации. Проведенный анализ приводит к выводу о том, что в новых экономических условиях органам законодательной и исполнительной власти субъектов РФ следовало бы продумать систему мероприятий (в пределах своей компетенции) по повышению уровня доходности деятельности хозяйствующих субъектов и их инвестиционной активности. Кроме этого, сохраняют актуальность вопросы обновления региональной законодательной базы инвестирования, привлечения институтов развития (например, Внешэкономбанка), становления корпоративной социальной ответственности бизнеса (КСО). Именно на основе синергетического эффекта от улучшения деятельности по всем названным направлениям возможно было бы обеспечить позитивную динамику объемов внебюджетных средств, привлекаемых для целей развития как производственной, так и социальной сфер региональной экономики.

В качестве примера можно привести положительные результаты развития механизма КСО в России, который становится одним из важнейших инструментов решения накопившихся социальных проблем: от охраны окружающей среды до ликвидации бедности. Роль КСО велика не только в разработке и реализации благотворительных программ, создании нормальных условий жизнедеятельности населения, но и в улучшении экологической составляющей современного производства. Для дальнейшего продвижения деятельности в сфере КСО необходимы совершенствование нормативной правовой базы, развитие экономических стимулов и системы контроля со стороны государства и общества, улучшение инвестиционного климата, привлечение иностранных партнеров. Актуальными являются вопросы создания социальной

[1] Составлено автором.

отчетности и применения соответствующих стандартов, выстраивание отношений между государством и компаниями, пропаганда необходимости КСО в современной инновационно ориентированной экономике [5, с. 345].

Выстраивание сбалансированной инвестиционной деятельности в регионах России возможно на базе систематизации положений нормативных актов и упорядочении совокупности действий органов власти федерального и регионального уровней, в соответствии с целями инновационно ориентированного социально-экономического развития. Вследствие различий природно-климатических, демографических, хозяйственных и других условий каждый из регионов имеет ряд собственных характерных особенностей, влияющих на инвестиционную деятельность и ее доминанту – инвестиционную привлекательность территории. Поэтому всем потенциальным участникам, заинтересованным в инвестировании, необходимо стремиться к эффективному использованию разнообразных экономических возможностей федеральных округов и субъектов РФ, обеспечивать оптимальную интеграцию субъектов хозяйствования, рациональное разделение труда и взаимную кооперацию.

На повышение инвестиционной привлекательности влияет создание как общих, так и специфических для каждого административно-территориального образования инструментов, которые связаны с развитием системы налоговых льгот для инвесторов, направленных на стимулирование обновления основных фондов; расширением практики государственной поддержки тех субъектов инвестиционной деятельности, которые реализуют инновационно ориентированные и социально значимые проекты; активизацией работы по поддержке малого предпринимательства посредством комплекса мер, в том числе оказанием помощи в реализации целевых программ микрофинансирования; более широким применением современных форм и методов государственно-частного партнерства (ГЧП); использованием накопленного опыта финансирования инноваций для создания системы стимулов привлечения предпринимательского капитала к участию в инвестировании строящихся инфраструктурных объектов.

Приоритетное внимание в развитии ГЧП следует уделять социальной сфере и ее крупнейшим отраслям: здравоохранению, образованию, культуре. Чтобы завершить реформирование здравоохранения, органам государственной власти необходимо изыскивать новые источники финансирования, привлекая предпринимателей и негосударственный сектор. Можно выделить следующие положительные практики применения финансовых механизмов ГЧП в российском здравоохранении [6, с. 52–53]. Во-первых, создание «Центров развития» – медицинских организаций, реализующих принципиально новые технологии. Их финансирование производится с обязательным участием частного бизнеса, а цель состоит в повышении качества и доступности высокотехнологичной медицинской помощи, обеспечении потребностей медицинских учреждений в квалифицированных кадрах. Во-вторых, передача в доверительное управление неэффективных медицинских учреждений в целях выполнения государственного (муниципального) задания, улучшения качества и доступности медицинской помощи, повышения эффективности использования материально-технической базы, применения ресурсосберегающих технологий. В-третьих, строительство новых медицинских учреждений для предоставления услуг обязательного медицинского страхования и оказания вспомогательной медицинской помощи. В-четвертых, аутсорсинг отдельных профильных и непрофильных функций медицинских организаций. Целевые установки названных практик аналогичны указанным выше – задействование негосударственных средств, повышение доступности медицинской помощи, эффективное использование материально-технической базы, применение инновационных технологий.

Однако, несмотря на достоинства частных инвестиций, возможные объемы их привлечения в российской экономике в настоящее время ограничены. В этой связи значимость бюджетных ресурсов в составе инвестиций в обозримой перспективе сохраняется. Изучение отечественных и зарубежных публикаций приводит к выводу о разнообразии государственных источников финансирования, которые могут использоваться в процессе создания и реализации инноваций: гранты технической помощи, прямые инвестиционные гранты, субсидирование процентной ставки по кредиту, кредитные гарантии, структурированное финансирование, гранты рискового капитала, страховые премии [7; 8, с. 276–277].

Гранты технической помощи (technical assistance and studies grants) используются для улучшения подготовки и планирования инновационного проекта, предполагают выполнение качественного и количественного анализа, прямое консультирование и информационную поддержку.

Прямые инвестиционные гранты (direct investment grants) используются для финансирования отдельных частей проекта без участия финансовых посредников, что влияет на снижение его общей стоимости, способствует привлечению предпринимательского капитала и уменьшению экономических рисков.

Субсидирование процентной ставки по кредиту (interest rate subsidies) снижает стоимость заимствований и срок окупаемости инновационного проекта, выравнивает условия финансирования из государственных и частных источников.

Кредитные гарантии (loan guarantees), как форма государственной поддержки, используются для предоставления гарантий коммерческим банкам, участвующим в кредитовании инновационно активных организаций; их применение снижает процентные ставки по кредитам, стимулирует рост объемов финансирования без использования средств бюджетной системы и внебюджетных фондов.

Структурированное финансирование (structured finance – first loss piece) сочетает элементы облигационных займов и кредитных гарантий; характеризуется привлечением финансовых ресурсов от международных финансовых организаций и коммерческих банков; используется для инвестирования объектов с повышенным риском.

Гранты рискового капитала (risk capital grants) предназначены для проектов с высокой степенью риска и прогнозируемой высокой отдачей в будущем; применяются на слаборазвитых инновационных рынках и предусматривают большую премию за риск.

Страховые премии (insurance premia) обеспечивают начальное страховое покрытие по снижению рисков запуска инновационного проекта; применяются в странах с высокой волатильностью рынков при колебаниях валютного курса, политической нестабильности и др.

Ввиду большого количества и разнообразия проблем, требующих своего решения, можно рекомендовать при отборе строек и объектов, подлежащих финансированию за счет средств бюджетов субъектов РФ, ориентироваться на следующие, наиболее значимые принципы [9, с. 234]: максимальной экономической и социальной эффективности инвестиционных расходов бюджетных средств; четкого разграничения инвестиционных обязательств между органами исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также муниципалитетами; первоочередного финансирования вводимых в действие и переходящих объектов, а также возводимых с привлечением внебюджетных средств; выделения средств на вновь начинаемые стройки производственного назначения только после удовлетворения потребностей в финансовых средствах для строящихся объектов; направления инвестиций в первую очередь на объекты государственного сектора экономики, с включением негосударственных коммерческих организаций (при условии передачи в собственность субъекта РФ пакета (доли) акций по рыночной стоимости).

Основными источниками финансовых ресурсов хозяйствующих субъектов в условиях экономических санкций являются собственные средства и кредиты банковских организаций. Расширение перечня источников инвестирования связано с внешними заимствованиями. При этом привлечение средств на международном рынке капиталов доступно только для крупных компаний; для субъектов малого и среднего бизнеса компенсировать ограничения позволяет внутренний рынок долговых обязательств. Развитие российского финансового рынка затруднено по ряду причин. Первая обусловлена недостатком свободных денежных средств для осуществления инвестиций; вторая – ограниченным количеством используемых финансовых инструментов. Увеличение числа участников финансового рынка и инструментов распределения финансовых ресурсов возможно в условиях диверсификации источников внешнего финансирования. Способы привлечения внешних инвестиций достаточно разнообразны и включают [10, с. 190]: кредиты банков; вексельные и облигационные займы; привлечение портфельных инвесторов (менее контрольного пакета); продажа бизнеса стратегическим инвесторам; эмиссия акций публичных акционерных обществ с размещением на фондовых площадках; размещение на международных финансовых рынках IPO и производных от акций финансовых инструментов (GDR, ADR).

Выводы. Поддержка органами государственной власти инвестиционного процесса возможна в рамках комплекса следующих взаимосвязанных мероприятий.

1. Проведение систематизации нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, регламентирующих инвестиционную деятельность; обеспечение их непротиворечивости и направленности на последовательное улучшение условий инвестирования.

2. Создание равных правил предоставления льгот и поощрений для отечественных и иностранных инвесторов, развитие регулятивных мер по привлечению иностранного капитала в различные сектора отечественной экономики.

3. Активизация работы по формированию институтов финансового рынка, в том числе банковских организаций, страховых компаний, паевых инвестиционных и негосударственных пенсионных фондов в целях укрепления финансовой базы для инвестиционной деятельности.

4. Формирование условий для накопления инвестиционных ресурсов, роста рентабельности производства; расширение перечня доходных источников хозяйствующих субъектов, особенно коммерческих и некоммерческих организаций.

5. Совершенствование государственной системы гарантирования и страхования инвестиций населения в целях повышения заинтересованности инвесторов, снижения инвестиционных рисков и обеспечения прироста частного капитала в реальном секторе экономики.

6. Содействие повышению эффективности вложений бюджетных средств посредством улучшения организационно-экономического механизма; введение процедуры систематического проведения аудита субъектов финансирования инвестиционных проектов в совокупности с контролем нецелевого использования инвестиционных ресурсов.

В условиях новой экономической реальности, для которой характерны сохраняющаяся макроэкономическая нестабильность, а также необходимость преодоления негативных проявлений и последствий финансово-экономического кризиса, инвестиционная деятельность должна быть направлена на сохранение и закрепление в федеральных округах РФ и субъектах РФ позитивных тенденций формирования инновационной экономики, стимулирования предпринимательской активности, консолидации финансовых средств субъектов хозяйствования. Представленная целевая установка основана на комплексном подходе и может быть реализована путем использования разнообразных способов: совершенствования нормативной правовой базы, применения эффективных механизмов мобилизации инвестиционных ресурсов, дальнейшего развития инвестиционной инфраструктуры, повышения профессионального уровня и информированности участников инвестиционной деятельности.

Список литературы

1. Маннапов Р.Г. Организационно-экономический механизм управления регионом: формирование, функционирование, развитие: монография / Р.Г. Маннапов, Л.Г. Ахтариева. – М.: КНОРУС, 2008. – 340 с.
2. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Федеральный округ как ведущее звено в системе государственного управления региональным развитием // Экономика. Налоги. Право. 2011. – № 6. – С. 72-80.
3. Доктрина регионального развития Российской Федерации: макет-проект: монография / [Сулакшин С.С. и др.]; под общ. ред. Малчинова А.С. – М.: Научный эксперт, 2009. – 256 с.

4. Молчанова Н.П. Регулирование инвестиционной деятельности как фактор управления региональным развитием // Вестник Донского государственного технического университета. 2011. – Т. 11, № 4 (55). – С. 560–568.
5. Молчанов И.Н., Холдеев К.А. Социальная ответственность бизнеса в современной России // Аудит и финансовый анализ. 2014. – № 4. – С. 343–346.
6. Молчанов И.Н., Титова А.И. Возможности применения финансового механизма государственно-частного партнерства для развития системы здравоохранения в России в контексте современной демографической политики // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России. Материалы международной научно-практической конференции / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. – М., 2015. – С. 48–59.
7. The Use of Innovative Financial Instruments for Financing EU Policies and Objectives. Implications for EU and National Budgets, № 68, October, 2012.
8. Ишина И.В., Фрумина С.В. Предложения по оптимизации механизма реализации финансовой политики //Аудит и финансовый анализ. 2015. – № 1. – С. 275–279.
9. Молчанова Н.П. Финансовые основы эффективной региональной инвестиционной политики // Аудит и финансовый анализ. 2014. – № 6. – С. 232–238.
10. Завгородняя В.В. Проблемы формирования финансовых ресурсов российскими предприятиями в условиях санкций // Аудит и финансовый анализ. 2015. – № 5. – С. 190–195.

Ноженко Д.Ю.[1]

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: *сравнительный анализ, субъекты Российской Федерации, модели разработки и реализации государственных программ, методы оценки, эффективность, результативность.*

В течение последних десятилетий ни одна сфера нашего общества не претерпела таких глубоких преобразований как государственное управление, традиционно опирающееся на программные методы. При этом программы не являются для субъектов Российской Федерации совершенно новым инструментом реализации государственной региональной политики. В течение многих десятилетий широко использовались целевые, комплексные, отраслевые программы и т.п., которые сформировали организационную основу для последующего внедрения государственных программ.

Работа исполнительных органов государственной власти по переходу к программно-целевым методам велась с начала 1990-х годов и заметно активизировалась с началом реализации административной и бюджетной реформ, направленных в том числе и на повышение результативности, а позже – эффективности расходования бюджетных расходов. Принятие изменений в Бюджетный кодекс не только окончательно закрепило программное бюджетирование на федеральном уровне, но и создало законодательную основу для такого перехода на уровне регионов и муниципальных образований. Как следствие, с 2013–2014 гг. в большинстве субъектов Российской Федерации начался новый этап административной реформы, связанный с последовательным переходом от системы бюджета, ориентированного на результат (БОР), к государственным программам – системе обеспечения эффективности бюджетных расходов.

Проведенный подробный анализ сложившейся региональной практики показал, что к настоящему времени сформировались две модели реализации государственных программ в российских регионах.

– модель строгой привязки государственных программ к организационной структуре исполнительных органов власти в формате: одна программа – одно министерство (департамент), являющееся ответственным исполнителем. Такая модель является самой распространенной среди регионов. В этом случае направления, цели и задачи государственных программ тесно увязываются с функционалом конкретного органа исполнительной власти. В качестве примеров можно привести Свердловскую, Мурманскую, Архангельскую, Орловскую, Челябинскую области и другие регионы. При этом соисполнителей реализации государственной программы может быть несколько;

– модель, при которой на несколько государственных программ утверждается один ответственный исполнитель. Эта модель, как правило, характеризуется наличием принятым регионом большим количеством государственных программ. Характерными примерами здесь являются: Самарская область (42 программы), Курганская область (44 программа), Республика Дагестан (46 программ), Новосибирская область (38 программ) и др. На практике данная модель программного управления социально-экономическим развитием региона часто используется в сочетании с первой моделью.

В настоящее сложно сказать, какая модель является более эффективной в долгосрочном плане, так как это зависит от широкого круга объективных и субъективных факторов.

При этом, как отмечают И.П. Денисова и С.Н. Рукина, полномасштабному внедрению программно-целевого принципа препятствовало отсутствие системного подхода к созданию правовой базы[2]. Однако, по нашему мнению, во-первых, модернизации правовой и нормативной базы недостаточно для успешного перехода на программный бюджет, так как наряду с институциональными, действует широкий круг административных, политических, социальных, экономических и финансовых факторов, которые традиционно имеют разнонаправленный характер. Во-вторых, при переводе органов государственной власти на программный бюджет как важнейший элемент «новой модели управления» изначально не было уделено внимание таким важнейшим институтам как целеполагание и оценивание результатов реализации политик и программ[3].

Например, если в США и многих европейских странах актуализация, целеполагание и оценка программ в тесной взаимосвязи перманентно эволюционировали с 1960-х годов, заняв важнейшее место в современном политико-управленческом цикле[4], то в России понимание их значимости пришло только с началом реализации административ-

---

[1] Ноженко Дмитрий Юрьевич – министр экономики Свердловской области, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета

[2] Денисов И.П., Рукин С.Н. Оценка эффективности и результативности целевых программ при переходе к «программному бюджету» // Фундаментальные исследования. 2013. – № 8. – С. 400.

[3] Цыганов Д.Б. Российский управленческий цикл. Препринт. – М.: ГУ-ВШЭ. 2006. – С. 2.

[4] Беляев А.Н., Кузнецова Е.С., Смирнова М.В. и Цыганков Д.Б. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт: Препринт WP8/2005/01/ – М.: ГУ-ВШЭ. 2005.

ной реформы, и в настоящее время при всех их недостатках они стали неотъемлемым инструментом государственной политики на базе «новой модели управления»[1].

Основной целью внедрения государственных программ являлось обеспечение эффективности бюджетных расходов. Однако в настоящее время, по мнению многих исследователей, в России отсутствует единый подход к определению эффективности как основной цели перехода к государственным программам[2]. Более того, по мнению М.П. Афанасьева и Н.Н. Шаш, не только в российской, но и в зарубежной практике не создано единой методики, позволяющей построить систему оценки эффективности реализуемых бюджетных программ разного уровня[3]. При этом сложность решения данной задачи не позволяет механически заимствовать опыт, имеющейся в этой сфере других стран без учета отечественной специфики организации государственного управления и традиций[4].

М.П. Афанасьев и Н.Н. Шаш приоритетное место уделяют оценке бюджетных расходов, в которой они выделяют три основных критерия: экономичности, производительности и результативности, которые должны использоваться при обосновании стратегически важных решений в отношении государственных программ, подпрограмм, а также ведомственных и региональных программ. Кроме того, при оценке программ могут подбираться группы индикаторов, «с помощью которых можно дать количественную оценку программной деятельности министерства, ведомства в процессе реализации мероприятий»[5].

Н.А. Садовникова и Е.Н. Клочкова на основе анализа применяющихся методик оценки государственных программ предлагают подход к формированию системы индикаторов государственных программ, включающий последовательное выполнение пяти этапов: исследование отечественной и зарубежной практики; оценка полноты охвата и согласованности сведений, получаемых из различных источников; проведение существующего состава статистических показателей; анализ дополнительных сведений и индикаторов официальной статистики и обоснование предложений по показателям; разработка перечня показателей реализации проекта[6]. Подобная детальность в обосновании индикаторов не согласуется с практикой, так как они не только должны адекватно и полно отражать результаты реализации программ, но и быть максимально функциональны для использования.

И.П. Денисова и С.Н. Рукина отмечают необходимость «различать эффективность расходов на реализацию конкретных мероприятий и эффективность расходов на реализацию целевой программы». В частности, они предлагают первую задачу выполнять главным распорядителям бюджетных средств, а вторую – ответственным исполнителям[7]. На практике это реализовано в субъектах, где государственные программы привязаны к министерствам и департаментам, являющимся главными распорядителями бюджетных средств.

На наш взгляд, важно отметить тот факт, что «программное бюджетирование изменяет не только способ представления расходной части бюджета, но и поведение всех участников бюджетного процесса»[8]. Это опирается, с одной стороны, на существенное повышение самостоятельности ответственных исполнителей, с другой – на повышение их ответственности, что требует выстраивания обоснованных «цепочек» ответственности[9], связывающих по вертикали и горизонтали всех участников бюджетного процесса не только в части решаемых ими задач, но и ответственности за результаты их деятельности. В связи с этим Н.И. Селиверстова особое внимание уделяет вопросам ответственности органов исполнительной власти и непосредственно исполнителей за результаты реализации государственных программ. В частности, она отмечает, что «непродуманная система оценки и контроля госпрограмм на всех стадиях являются препятствием для формирования и реализации современных российских госпрограмм». В качестве решения этой проблемы, по ее мнению, при заимствовании западных образцов в большей степени необходимо учитывать отечественную практику, что должно «позволить наименее безболезненно и успешно переориентировать государственное управление на новый формат». В качестве практических шагов она предлагает «законодательно закрепить норму о персональной ответственности за каждым структурным элементом государственных программ; организовать обучение сотрудников …; усовершенствовать систему оценки государственных программ»[10]. При этом при адаптации используемых на федеральном уровне программных инструментов к уровню регионов значение учета их национально-культурных и социально-экономических особенностей приобретает особое значение.

---

[1] Беляев А., Цыганов Д. Оценивая эффективность реформы: новые технологии оптимизации государственной и отраслевой политики // Вестник актуальных прогнозов «Россия. Третье тысячелетие». 2004. – № 1.

[2] Бреусова А.Г. Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. – № 2. – С. 129.

[3] Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки эффективности бюджетных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. – № 3. – С. 49.

[4] Шаш Н.Н. Построение программного бюджета и оценка эффективности программ // Академия бюджета и казначейства Минфина России. Финансовый журнал. 2011. – № 2. – С. 57–60.

[5] Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки эффективности бюджетных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. – № 3. – С. 65.

[6] Садовникова Н.А., Клочкова Е.Н. Методологические подходы к оценке государственных программ // Теория и практика общественного развития. 2014. – № 7. – С. 96.

[7] Денисов И.П., Рукин С.Н. Оценка эффективности и результативности целевых программ при переходе к «программному бюджету» // Фундаментальные исследования. 2013. – № 8. – С. 401.

[8] Шаш Н.Н., Бородин А.И., Татуев А.А. Проблемы перехода на программный бюджет: новые вызовы бюджетной политики России. 2013. – С. 146.

[9] Там же, с. 147.

[10] Селиверстова Н.И. Оценка государственных программ Российской Федерации как компонента государственного стратегического управления // Ars administrandi. 2014. – N 3. – P. 19.

Эти процессы находят свое отражение и в тенденциях развития законодательства, регулирующего межбюджетные отношения. В частности, Основными направлениями бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов предполагается возврат средств субсидии из бюджета субъекта Российской Федерации в федеральный бюджет, в случае если субъектом Российской Федерации не выполнены условия предоставления субсидий или не достигнуты значения показателей результативности их использования[1].

Целью нашего исследования, основные результаты которого и представлены в данном докладе, являлось обобщение и выделение особенностей, применяющихся в различных регионах методов оценки эффективности реализации государственных программ.

В течение последних четырех лет накоплен достаточно широкий опыт оценки программ, который представляет как научный, так и практический интерес.

Большинством регионов в период 2013–2014 гг. были разработаны методики оценки эффективности государственных программ. Правовую и методическую основу этих документов составлял ряд нормативных актов, основными из которых являются постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации», содержание которого получило реализацию в приказе Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № 690 «Об утверждении методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».

Оценка программ является для большинства регионов России относительно новым инструментом реализации государственной (региональной) политики. Этим можно объяснить такое разнообразие подходов и методик решения этой задачи.

Применяющиеся методические подходы различаются по следующим параметрам:

– орган власти, утвердивший методику;
– исполнительный орган власти, ответственный за оценку программ;
– методические подходы к оценке государственных программ;
– качественные оценки государственных программ;
– применение показателей оценки степени достижения целей и задач;
– использование оценки мероприятий в составе государственных программ;
– применение оценки размеров расходов и их эффективности;
– наличие оценки финансовых источников реализации программ;
– эффективность реализации программ;
– использование оценки качества управления программами;
– учет информационной открытости программ;
– учет последствий, факторов и т.п.

Выполненный анализ методик оценки государственных программ регионального уровня, представленных на официальных сайтах исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации позволил нам выделить следующие основные подходы.

Во-первых, подход, в рамках которого оценка эффективности государственных программ опирается на расчет интегрированного показателя, отражающего эффективность реализации программ. Такой подход используется почти в 65% проанализированных субъектах. При этом более 50% из них для расчета интегрированного показателя применяют балльную оценку, а четверть – учитывают значимость (веса) конкретных критериев достижения целей или мероприятий.

Во-вторых, подход, включающий в оценку эффективности государственных программ оценку достижения отдельных целей, не сводя их общему интегрированному показателю. Такой подход применяется в 30% регионов (Вологодская, Мурманская, Нижегородская области и другие). Следует отметить, что данный подход отличается от предыдущего не только отказом от использования интегрированного показателя, но и, как следствие, разделением государственных программ по группам и построением рейтингов по степени достижения целевых показателей.

В-третьих, подход, опирающийся на прямой расчет бюджетной, социальной и экономической эффективности государственных программ, применяющийся в Республике Татарстан и Ростовской области.

Кроме того, в методиках по оценке госпрограмм Владимирской и Ивановской областей и Республике Якутия (Саха) отмечена необходимость оценки бюджетного и социального эффектов от реализации мероприятий в отчетном году.

Общим для всех подходов является используемый принцип оценки, заключающийся в соотношении фактически достигнутых целевых показателей (индикаторов) или расходов бюджета к плановым.

Качественные критерии при оценке государственных программ используются только 22% всех регионов, остальные ограничиваются количественными. Такая ситуация объясняется: во-первых, сложностью формализации качественных показателей при составлении рейтингов эффективности реализации государственных программ; во-вторых, использованием качественной оценки государственных программ в основном на стадии их разработки и согласования.

При качественной оценке учитываются:

– соответствие цели государственной программы стратегиям (13,5% всех методик): Владимирская область, Республики Ингушетия, Чувашская Республика, Республика Якутия и др.;

[1] Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. – http://www.minfin.ru/common/UPLOAD/library/2014/07/main/ONBP_2015-2017.pdf

– соответствие цели государственной программы приоритетам федерального уровня (10,8%): Владимирская область, Республики Ингушетия, Чукотский автономный округ;

– уровень проработанности показателей (индикаторов) цели (8,1%): Республики Ингушетия, Карелия и Ханты-Мансийский АО;

– оценка формулировки целей и задач (5,4%): Тверская область и Республика Ингушетия;

– степень охвата программными мероприятиями проблемного направления: определенной группы населения и (или) территории, и (или) хозяйствующих субъектов, и (или) иных проблемных областей (по приоритетности) (5,3%): Республика Ингушетия и Рязанская область.

Показатели оценки степени достижения цели и задач реализации государственных программ в различных вариантах присутствуют практически во всех методиках. Основные отличия здесь касаются учета: во-первых, степени достижения целевых показателей подпрограмм (что встречается в 42% всех регионов); во-вторых, динамики изменения целевых показателей по подпрограммам и программе в целом (10,5% всех регионов). Последний показатель характеризует общий тренд реализации государственной программы, что имеет существенное значение для выработки рекомендаций в сфере государственного регулирования, привлечения дополнительных ресурсов и т.п.

Особое место в оценке государственных программ в 53% регионов занимают мероприятия, которые являются их основой. Так, уделяется особое внимание в части оценки степени выполнения мероприятий (42% методик), а также оценки: корректности формулировок (Тверская область), степени своевременности и достаточности выполнения (Владимирская, Рязанская области, Хабаровский край, Ханты-Мансийский АО), сравнения эффективности с предыдущим периодом (Курганская область).

В 90% регионах при оценке программ анализируются расходы на их реализацию, включая: отношение фактических затрат к плановым (84% регионов); уровень эффективности реализации программ (50% регионов) как отношение степени достижения целей (мероприятий, подпрограмм и программ) к степени фактического выделения финансирования к плану, а также оценку динамики выполнения целевых показателей (Тамбовская область), экономии бюджетных средств (Тамбовская область) и качества управления финансовыми средствами (Рязанская область).

Следует отметить, что 13% регионов в методиках оценки эффективности реализации государственных программ учитывают объем привлеченных средств из федерального и местных бюджетов, внебюджетных источников, их структуру и динамику по сравнению к предшествующему периоду (Владимирская и Рязанская области, Республики Ингушетия, Якутия (Саха). Показателю привлечения дополнительных средств придается все большее внимание, что объясняется дефицитом региональных бюджетных средств.

В Республике Татарстан и Ростовской области оценка государственных программ включает расчет бюджетной, экономической и социальной эффективностей, что, однако, не исключает оценку степени достижения целей программ, подпрограмм и мероприятий. Данный подход пока не получил широкого распространения в других субъектах Федерации, хотя в методиках Республики Якутии (Саха), Владимирской и Ивановской областей содержится положение о необходимости учета бюджетного и социального эффектов от реализации мероприятий в отчетном году.

В 18% всех регионов при оценке программ учитываются показатели качества управления подпрограммами и программами (Ставропольский край, Республики Ингушетия и Карелия, Якутия (Саха), Тамбовская область и др.). В 5% регионов проводится оценка деятельности ответственных исполнителей (Республика Чувашия и Республика Коми). Где-то учитывается количество изменений, внесенных в текст программы; своевременное представление отчетности (Тамбовская область) и т.п. Главная проблема учета этих показателей состоит в сложности их включения в интегрированный показатель эффективности реализации программ и низкая степень объективности.

В Тамбовской области и Ханты-Мансийском АО наряду с представленными выше подходами делается попытка учета информационной открытости содержания государственных программ и оценки эффективности их реализации путем включения показателей:

– доступности информации о реализации государственной программы;

– обсуждения реализации государственной программы на заседаниях общественных советов;

– проведения оценки регулирующего воздействия государственной программы, затрагивающей вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Результаты оценки реализации государственных программ, опирающейся на использование интегрированных показателей в большинстве регионов, позволяют ранжировать программы по степени их эффективности. При этом, как правило, применяется трехуровневая градация. Так, например, в Ненецком АО принято разделение на программы с высоким, удовлетворительным и неудовлетворительным уровнем эффективности; в Новосибирской области – на программы эффективные; недостаточно эффективные; неэффективные; в Республике Карелия – на программы с высокой эффективностью, достаточной эффективностью и низкой эффективностью; в Калужской области – с высоким, удовлетворительным и неудовлетворительным уровнем эффективности. В Республике Бурятия выделяются пять уровней эффективности программ: высокоэффективная, эффективная, недостаточно эффективная, низкоэффективная, неэффективная.

Кроме того, в некоторых регионах программы ранжируются по динамике изменения эффективности. Так, в Забайкальском крае по результатам оценки эффективности государственной программы составляется рейтинг эффективности реализации государственных программ по следующим признакам: эффективность государственной программы снизилась по сравнению с предыдущим годом; эффективность государственной программы находится на уровне предыдущего года; эффективность государственной программы повысилась по сравнению с предыдущим годом.

В отдельных регионах, например, в Курганской области, используется смешанная градация, опирающаяся на оценку как степени эффективности программ, так и ее динамику за отчетный период. В частности, используется пять

уровней градации программ: ожидаемая эффективность достигнута; ожидаемая эффективность не достигнута; эффективность снизилась по сравнению с предыдущим годом; эффективность находится на уровне предыдущего года; эффективность повысилась по сравнению с предыдущим годом.

Таким образом, анализ методического инструментария оценки эффективности государственных программ показал, что все регионы можно условно разделить на две группы. К первой можно отнести регионы, где органы власти достаточно формально относятся к решению этой задачи и по существу копируют положения методических рекомендаций, разработанных Министерством экономики Российской Федерации. К этой группе можно отнести Волгоградскую, Калужскую и Оренбургскую области, республики Алтай и Калмыкию и др. Ко второй группе можно отнести регионы, которые наряду с традиционными методами используют оригинальные подходы, собственные показатели и критерии оценки. В первую очередь, к этой группе относятся Республика Татарстан и Ростовская область, которые при оценке государственных программ используют показатели социальной, экономической и бюджетной эффективности; Ставропольский край – показатели качества управления программами и подпрограммами; Владимирская, Тамбовская и Рязанская области, республики Ингушетия и Якутия (Саха) – показатели, характеризующие привлечение средств из федерального, местных бюджетов и внебюджетных источников.

В целом, можно отметить две основные тенденции развития подходов к оценке эффективности реализации государственных программ. К первой можно отнести формирование подходов, опирающихся преимущественно на количественные методы оценки, ко второй – сочетающих количественные и качественные методы оценки.

Следует отметить, что в большинстве регионов методики не содержат рекомендаций органам власти в случае существенного отклонения итоговых показателей реализации программ от целевых. Такая ситуация не способствует практическому использованию результатов оценки программ.

В заключении отметим, что компаративный анализ и обобщение процессов адаптации государственных программ как нового инструмента публичной политики органами власти субъектов Федерации позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, внедрение и реализация государственных программ на региональном уровне публичного управления представляет собой сложное переплетение административных, политических, экономических процессов, протекающих в регионах с различной и изменяющейся скоростью и часто в различных направлениях.

Во-вторых, процессы институционализации инструментов публичной политики в регионах, как правило, одновременно протекают в четырех основных направлениях:

– отражающее вертикальный характер отношений: заимствование норм из аналогичных, регламентирующих, методических и иных документов, а также анализ и обобщение опыта функционирования аналогичных институтов федерального уровня;

– отражающее межрегиональный характер отношений: заимствование норм из аналогичных, регламентирующих, методических и иных документов, а также анализ и обобщение практики применения функционирования аналогичных институтов, функционирующих в других регионах России;

– отражающее использование опыта других стран, что на практике в значительной степени затруднено вследствие существенно различающихся их политических, административных, экономических и социальных условий, а также национально-культурных традиций;

опирающееся на анализ и обобщение собственной практики применения соответствующих институтов, что возможно только спустя некоторый промежуток времени.

В-третьих, в отдельных случаях можно наблюдать уникальные явления, когда региональные органы власти принимали нормативные и правовые акты, дающие определение государственных программ, регламентирующие их разработку и оценку до принятия аналогичных актов федеральными органами власти. Это явление нами определено как опережающее развитие публичных институтов.

При этом по нашему мнению:

– модернизации правовой и нормативной базы недостаточно для успешного перехода на программный бюджет, так как наряду с институциональными, действует широкий круг административных, политических, социальных, экономических и финансовых факторов, которые традиционно имеют разнонаправленный характер;

– при переводе органов государственной власти на программный бюджет изначально должно быть уделено внимание таким важнейшим институтам как целеполагание и оценивание результатов реализации политик и программ;

– внедрение государственных программ непосредственно связано, с одной стороны, с повышением самостоятельности ответственных исполнителей, с другой – с повышением их ответственности, что требует выстраивания обоснованных «цепочек» ответственности, связывающих по вертикали и горизонтали всех участников бюджетного процесса не только в части решаемых ими задач, но и в ответственности за результаты их деятельности;

– необходим учет накопленного в течение десятилетий опыта применения программно-целевого подхода в региональном развитии и практики внедрения государственных программ в регионах России.

Трофимова И.Н.
д.полит.н., в.н.с. Института социологии РАН
itnmv@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: *территориальное развитие, территориальное неравенство, инновационный процесс.*
Keywords: *territorial development, territorial inequalities, innovation process.*

Необходимость модернизации российской экономики обусловила активизацию государственной политики по стимулированию развития инновационной отрасли. Одной из важных ее составляющих является взаимосвязь отраслевых и территориальных аспектов инновационного развития. Для Российской Федерации характерна глубокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития и по уровню развития человеческого капитала, являющегося ключевым фактором устойчивого инновационного развития[1], а как показывает мировая практика, инновационная деятельность концентрируется в наиболее развитых территориях. Данная тенденция обусловлена не только доступом к информационно-коммуникативной и транспортной инфраструктуре, но также эффектом лучших достижений при узкой специализации деятельности и одновременно при широких возможностях взаимодействия.

Значение территориального измерения возрастает также в связи с влиянием инновационного процесса не только на экономику, но и на само общество. Превращение знаний в главную производительную силу способствует усилению человеческого фактора во всех сферах жизни. Существенно меняется система государственных и общественных приоритетов. На первое место выдвигаются установки, связанные с укреплением здоровья населения, увеличением продолжительности активной жизни, повышением уровня образования, ростом благосостояния, улучшением социальной и институциональной среды. Все большую роль играют локализованные возможности взаимодействия в процессе производства, обмена и развития знаний[2].

Территориальное измерение инновационного процесса имеет значение также в связи с широко распространенным представлением о том, что инновации являются способом преодоления отставания в развитии отдельных регионов, нивелирования сложившихся межтерриториальных различий. Данное представление связано с ожиданием быстрого кумулятивного эффекта от инновационного процесса, локализованного в отдельных «территориях опережающего развития», «точках роста». Между тем, существует определенное противоречие между потребностями территориального и инновационного развития. Данное противоречие обусловлено, в первую очередь, расхождением между содержанием инновационного процесса и тем потенциалом, который имеется у территории для участия в нем. Инновационный процесс объективно утверждается там, где для него существуют наиболее благоприятные условия. Столичный мегаполис и провинциальная глубинка, индустриальный и аграрный регион по-разному «воспринимают» содержание и динамику инновационного процесса.

Основным программным документом, определяющим развитие инновационной сферы, является Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Стратегия), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. В свою очередь Стратегия *инновационного развития Российской Федерации* разработана на основе положений *Концепции* долгосрочного социально-экономического *развития Российской* Федерации на период *до 2020* года (Концепция – 2020), утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009). Стратегия определяет конкретные ориентиры, достижение которых должно способствовать тому, что инновационное развитие превратится в основной источник экономического роста в результате повышения производительности труда и эффективности производства во всех секторах экономики, расширения рынков и повышения конкурентоспособности продукции, создания новых отраслей, наращивания инвестиционной активности, роста доходов населения и объемов потребления.

В соответствии с указанными документами разрабатываются региональные стратегии инновационного развития или разделы по стимулированию инноваций в региональных стратегиях социально-экономического развития с учетом особенностей регионов. Предполагается, что усиление обратной связи в системе государственного управления в сфере инновационного развития поможет федеральным органам власти осуществлять меры по поддержке инноваций в соответствии с региональными потребностями.

---

[1] См.: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014; *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический* доклад. Вып. 2 / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2014.

[2] Moulaert F., Hamdouch A. New views on innovation systems: Agents, rationales, networks and spatial scales in the knowledge infrastructure // *Innovation: The European Journal of Social Sciences Research. 2006.* – Vol. 19, N 1. – P.12-13.

Важной предпосылкой инновационного развития страны является реализация инновационной политики, осуществляемой органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и муниципальными образованиями. Примером тому может быть Томская область – один из наиболее динамично развивающихся регионов страны и Сибири. Известно, что социально-экономическое развитие Сибири отстает от среднего уровня развития по Российской Федерации. Поэтому инновационная политика сибирских регионов тесно связана с решением задач по выравниванию территориального развития. Согласно «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 05.07.2010 № 1120-р), к концу 2020 г. основные показатели территорий Сибири должны соответствовать среднероссийским значениям. Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 года, утвержденная Постановлением Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580, подчеркивает значение инновационной деятельности как приоритетной составляющей в реализации модели интенсивного развития и повышения качества жизни населения региона.

При этом в Томской области наиболее сбалансированы элементы инновационного потенциала. Устойчивую динамику интегрального показателя обеспечивают наука, вузы, кадры, патенты, рентообразующие отрасли. Все это образует своеобразную экосистему инноваций, в известной степени позволяющую скорректировать недостатки государственной инновационной политики, которая в большей степени концентрируется на формировании отдельных структур со своими ведомственными и групповыми интересами, но не атмосферы созидания[1]. В регионе действуют шесть государственных университетов, два из которых имеют статус национального исследовательского университета – Томский государственный университет и Томский политехнический университет; шесть институтов Томского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук, другие образовательные и научные организации. Первый технопарк в стране также был открыт в Томской области – в 1990 г. Доля населения с высшим образованием в Томской области составила 32% в 2010 г. На сегодняшний день ожидаемая продолжительность жизни в Томской области устойчиво увеличивается и уже превысила 70 лет, в регионе наблюдается естественный прирост населения. Доля организаций, осуществлявших в 2014 г. исследования и разработки, в регионе составила 61,8%, в среднем по РФ – 42,9%[2]. По данному показателю Томская область относится к числу лидеров инновационного развития, куда входят также Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Красноярск и ряд других регионов.

Пространственно-территориальное измерение инновационного процесса предполагает различные модели поведения и форм взаимодействия между его участниками. При этом большую роль играют институциональные, исторические и социокультурные условия, в которых они действуют и взаимодействуют. С одной стороны, публичная политика и микроэкономические стратегии участников инновационного процесса могут инициировать и продвигать институциональные и социально-экономические изменения. С другой стороны, те же институциональные, исторические и социокультурные условия могут существенно ограничивать сферу и темпы инновационного процесса – вплоть до того, что инновационная политика будет способствовать не развитию инноваций, а всего лишь их имитации. Поэтому учет территориального фактора является необходимым условием эффективной инновационной политики.

Исследователи исходят из того, что этапы инновационного процесса – от изобретения (создания нового знания) до его коммерциализации (распространения) – не обязательно происходят в одном и том же месте[3]. Более того, существует множество вариантов пространственных разрывов, обусловленных наличием или отсутствием территориальных предпосылок для инноваций, что делает актуальной интерпретацию региональных моделей инновационной деятельности. Данный подход позволяет рассматривать территориальные модели инновационной деятельности как комбинацию контекстных условий и специфических способов выполнения различных фаз инновационного процесса. Это подразумевает возможность концептуализации инноваций относительно региональной специфики. Р. Капелло и К. Ленци выделяют эндогенные и экзогенные инновационные модели[4].

Эндогенные инновационные модели (*endogenous innovation pattern*) характерны для территорий, где местные условия полностью поддерживают все этапы инновационного процесса – создание знания, его трансформацию в инновации и их последующее широкое распространение. Учитывая сложную природу создания знания, эта модель предполагает тесное взаимодействие территорий в форме международных научных сетей. В свою очередь экзогенные инновационные модели различаются по характеру использования инноваций, полученных за пределами территории. Прикладные модели (*creative application pattern*) характеризуются использованием знаний, полученных за пределами территории, для развития инновационной деятельности у себя внутри. Данная модель предполагает, как минимум, наличие экономических акторов, интересующихся изобретениями и использующих их в интересах территории. Наконец, содержанием имитационной инновационной модели (*imitation innovation pattern)* является, с одной стороны, диффузия уже существующих инноваций и, с другой, адаптация к ним деятельности территориальных акторов.

Выделение эндогенной, прикладной и имитационной модели позволяет не только учесть специфику различных стадий производства инноваций, но также рассматривать инновационное неравенство территорий как важный фактор инновационного развития страны в целом. Очевидно, что условия (input) и результаты (output) инновационного про-

---

[1] Региональные технологические платформы как инструмент инновационного развития территории: монография / В.В. Куимов и др. – М.: ИНФРА-М; Красноярск: Сиб. федер. Ун-т, 2016. – С. 90.

[2] Индикаторы инновационной деятельности: 2016: Стат. сб. / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – С. 252–256.

[3] Capello R., Lenzi C. Territorial Patterns of Innovation: An Inquiry on the Knowledge Economy in European Regions. Routledge, 2013. – P. 5.

[4] Ibid., p. 9–10.

цесса в отдельных территориях существенно различаются. Невозможно привести территории с различными условиями инновационной деятельности к одинаковому результату.

Ключевым этапом инновационного процесса является создание нового знания, за которым следует его трансформация в передовые технологии и их последующее распространение. Но ценность нового знания определяется потребностями общественного развития, способностью окружающей среды оценивать и реализовывать возможности его практической пользы – от простого улучшения условий жизни до коммерциализации и извлечения финансовой прибыли. Восприимчивость, чувствительность территориального контекста к инновациям зависит от наличия в нем компонентов, включенных в инновационный процесс. Это могут быть образовательные и научные учреждения, научные сети, межсекторальные партнерства, рыночные структуры, лидеры мнений и др. Интенсивность и эффективность взаимодействия между ними прямо пропорциональна степени развития горизонтальных связей.

Инновационная деятельность имеет тенденцию концентрироваться в наиболее развитых территориях. В глобальном масштабе это проявляется в инновационном лидерстве ведущих западных стран. Кроме того, для развитых территорий характерно устойчивое доминирование в сфере инновационной деятельности. Как показывают ежегодные глобальные рейтинги, за последние годы состав группы лидеров инноваций практически не менялся. В последние пять лет первое место в рейтинге занимала Швейцария, а в группу лидеров входили также Швеция, Великобритания, Финляндия и Нидерланды. Если состав лидеров и менялся, то также за счет высокоразвитых стран. Примечательно, что даже в годы глобального финансового кризиса 2007–2008 гг. и сегодня, когда наблюдается снижение темпов развития глобальной экономики, состав группы лидеров инноваций остается практически неизменным.

Устойчивый инновационный процесс связывается с высоким уровнем развития человеческого потенциала, который является интегрированным показателем качества социально-экономического развития страны. Для высокоразвитых стран интенсивный инновационный процесс – это не только способ удержания лидерских перспектив в глобальной конкуренции, но также объективный результат предшествующего этапа социально-экономического развития. В известной степени это свидетельствует об уровне преемственности и последовательности в реализации основополагающих социальных, экономических и политических принципов организации жизнедеятельности общества. Инновации не рассматриваются как отдельная, изолированная от повседневной жизни общества сфера деятельности. Более того, инновационный процесс тесным образом связан с растущими возможностями и актуальными проблемами общества. Сегодня источники инновационного роста изобилуют в таких областях, как образование, охрана окружающей среды, энергетика, продовольствие, здравоохранение, информационные технологии, транспорт. При том что отдельные территории имеют свою динамику инновационного процесса, пример высокоразвитых стран в целом показывает, как инновации в этих областях способствуют устойчивому продвижению в решении ключевых экономических, экологических и социальных проблем.

В странах с развивающейся экономикой, в том числе Бразилии, Индии и Китае – странах группы БРИКС, куда входит и Россия, инновационная повестка сосредоточена, прежде всего, на ускоренном развитии сферы инноваций. При низком уровне социально-экономического развития значительной части территории этих стран значение приобретает концентрация инновационной деятельности на отдельных территориях – как правило, в наиболее развитых районах и мегаполисах. Так, сложилась предельная концентрация инновационной деятельности в городах на восточном побережье Китая – Пекин, Нанкин, Ухань, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Шанхай, где сосредоточены ведущие университеты. В десяти крупнейших городах Китая, в которых проживает 16% населения страны, сосредоточено 43% производства талантов и 58% технологических инноваций[1].

Новые, недавно сложившиеся инновационные системы испытывают значительные трудности в процессе утверждения своих конкурентных позиций, они в первую очередь и в большей степени подвержены влиянию негативных факторов, менее устойчивы в условиях глобальных кризисов.

Растущая важность территориального измерения инновационного роста связана также с проблемой инновационной интеграции – способности территорий с различным уровнем социально-экономического развития участвовать в инновационном процессе. Следствием территориальной концентрации инновационной деятельности является растущее инновационное неравенство регионов, выражающееся в интенсификации участия в инновационном процессе одних регионов и исключения других. Несмотря на очевидный прогресс отдельных стран в сфере инноваций, радикальным образом изменить характер участия отдельных территорий в инновационном процессе чрезвычайно сложно.

Как показывает практика, для всех стран мира, независимо от уровня их развития, характерны тенденции территориальной концентрации экономики и человеческого потенциала в регионах, обладающих конкурентными преимуществами. Заметно сгладить пространственное экономическое неравенство сложно, поскольку оно формируется под воздействием объективных рыночных факторов. В странах догоняющего развития неравенство территорий, как правило, сильнее и продолжает расти. Россия относится к странам догоняющего развития, поэтому при переходе к рыночной экономике рост территориального неравенства был объективным трендом[2]. Что касается инновационного развития, то здесь отмечается еще бóльшая степень неравенства. Инновационный процесс требует не просто своего физического размещения на территории и некоторых сопутствующих условий, но именно органичной включенности в территориальный контекст и комплексного взаимодействия многих объективных факторов, что предполагает определенное качество развития территории в целом.

---

[1] Awan A.G. Diverging trends of human capital in BRIC countries // International Journal of Asian Social Science. 2012. – N 2. – P. 2195–2219.

[2] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – С. 43.

Российская специфика заключается не только в высокой концентрации инноваций на отдельных и при этом слабо связанных между собой территориях, но также в несбалансированности факторов инновационной деятельности. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) выделяет 4 группы регионов в зависимости от уровня инновационного развития: от лидеров до аутсайдеров[1].

Прежде всего, обращает на себя внимание различие выделенных групп как по составу и количеству, так и по динамике региональных индексов. Так, только Москва и Санкт-Петербург стабильно присутствуют в группе лидеров. Группировка регионов по признакам инновационного развития более равномерная по числу регионов и смешанная по представленности федеральных округов. Здесь нет ярко выраженной территориальной концентрации богатства и бедности в отдельных регионах. Так, почти 44% регионов, отнесенных к лидерам инновационного развития, находятся в Приволжском федеральном округе, в том числе на территориях с невысоким уровнем экономического развития и качества жизни. Примечательно, что в наибольшей степени смогли повысить свой инновационный рейтинг Камчатский край, Республика Мордовия, Магаданская, Астраханская, Оренбургская области, т.е. те регионы, которые по уровню развития и освоенности находятся ближе к группе аутсайдеров[2].

Сравнение российских регионов также показало отсутствие прямой корреляции между уровнем развития человеческого потенциала и уровнем инновационного развития[3]. Регионы-лидеры инноваций далеко не всегда демонстрируют высокие показатели по уровню развития человеческого потенциала. Исключение составляют Москва, Санкт-Петербург и Татарстан. Так, Нижегородская область в рейтинге инноваций занимает 4 место, а в рейтинге индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) – только 28, Калужская область – 5 и 27, Чувашская Республика – 6 и 40, Ульяновская область – 10 и 37, Новосибирская область – 12 и 58 соответственно.

Напротив, ряд регионов с высоким ИРЧП демонстрируют низкий уровень инновационного развития. Например, Тюменская область занимает 3 место в рейтинге ИРЧП и только 19 в рейтинге РРИИ, Белгородская область – 5 и 24, Коми Республика – 6 и 34, Сахалинская область – 8 и 45 соответственно. В данном случае большую роль играет фактор сложившегося регионального разделения труда и специфика участия в нем региональных – сырьевых или аграрных – экономик. При этом максимальный и минимальный индексы ИРЧП и РРИИ уже на протяжении многих лет характеризуют одни и те же регионы – Москву и Чеченскую Республику соответственно. Однако различие между ними по ИРЧП составляет 1,2 раза, а по РРИИ – 3,7 раза. Еще большее различие имеется между максимальным (Москва) и минимальным (Чеченская Республика) показателями по уровню ВРП на душу населения – 6 раз[4].

Приведенные данные показывают, что инновационная деятельность в значительной степени обусловлена территориальным контекстом, а ее результаты – спецификой участия территории в одном из этапов инновационного процесса. Участие российских регионов в инновационном процессе отличается слабым влияниям основного фактора инновационной деятельности – человеческого капитала и, напротив, значительным влиянием сложившегося территориального неравенства.

---

[1] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад. Вып. 1 / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – С. 12.

[2] Социальный атлас российских регионов. – http://www.socpol.ru/atlas/typology/index.shtml

[3] *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации:* а*налитический* доклад. Вып. 2 / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – С. 19–20.

[4] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. – М.: Росстат, 2013. – С. 814–828.

Худякова Т.С.
старший преподаватель Уральского государственного экономического университета
khudyakova_t@mail.ru
Шеломенцев А.Г.
д.э.н., профессор, руководитель отдела исследований региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН, в.н.с. Уфимского филиала Финансового университета
chel61@mail.ru
Дорошенко С.В.
д.э.н., доцент, зав. сектором региональной предпринимательской политики Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
doroshenkos@mail.ru

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (На примере курганской области)

Ключевые слова: *программно-целевой подход, государственные программы, малое и среднее предпринимательство, Курганская область.*
Keywords: *Program-targeted approach, state programs, small and medium-sized entrepreneurship, Kurgan region.*

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года», утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации 17 ноября 2008 года № 1662-р, одним из направлений перехода к инновационному социально-ориентированному типу экономического развития России является стимулирование предпринимательской активности. В связи с этим государство должно применять эффективные меры поддержки предпринимательства, формирующие условия и стимулы для его развития. Такая поддержка актуальна в условиях финансового кризиса и санкционного давления, особенно для малого и среднего предпринимательства (МСП) как основной движущей силы экономического развития страны в целом и её регионов. В качестве механизма социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в последние годы активно применяется программно-целевой метод, согласно которому бюджетные расходы должны осуществляться в рамках разного рода программ (целевых, ведомственных, комплексных), действующих как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов. Следовательно, актуальным для изучения вопросом является программно-целевой механизм развития МСП, представленный в программных документах регионов.

В качестве региона для рассмотрения программно-целевого механизма развития МСП нами выбрана Курганская область, где по данным официальной статистики назрела необходимость улучшения положения в секторе МСП. Так, по удельному весу малых предприятий Курганская область уступает большинству регионов Уральского федерального округа (УрФО), при этом на протяжении 2012-2014 гг. данный показатель в этом регионе не увеличивается, как и показатели «среднесписочная численность работников малых предприятий» и «оборот малых предприятий». Величина валового регионального продукта (в млн. руб. и на душу населения) за последние годы в данном регионе остаётся самой низкой среди остальных регионов УрФО. Кроме того, в Зауралье наблюдается снижение показателя «среднегодовая численность занятых в экономике» и самый высокий среди остальных регионов УрФО уровень безработицы. Кроме того, Курганская область известна своей дотационностью, в связи с этим для данного региона настоятельно требуется улучшение предпринимательского климата.

Российские эксперты сходятся во мнении, что при изучении программно-целевого подхода к управлению социально-экономическим развитием необходимо исследовать разного рода программы. Авторы считают, что методическое обеспечение государственной политики в развитии МСП ещё недостаточно развито.

В ходе исследования был проведён сравнительный анализ нормативно-правовой базы в сфере МСП, которая включала в себя федеральный и региональный законы о развитии МСП, стратегию социально-экономического развития, а также государственные и целевые программы Курганской области, в результате чего были выявлены связи и отличия нормативно-правовой базы программно-целевого механизма поддержки МСП Зауралья. Все действующие программы Зауралья, в которых затронуты вопросы поддержки и развития МСП, были классифицированы по федеральным направлениям, в результате чего были уточнены приоритетные направления развития МСП Зауралья.

Рассмотрим результаты исследования. В Зауралье разработан и реализуется Закон Курганской области от 26 сентября № 389 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Курганской области», утверждённый Постановлением Правительства Курганской области от 23 сентября 2008 года № 3375. Кроме того, нормативно-правовую базу поддержки МСП в Зауралье составляют: Стратегия социально-экономического развития Курганской области до 2020 года, утверждённая Распоряжением Правительства Курганской области от 2 декабря 2008 года № 488-р; госу-

дарственная программа «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области на 2014–2020 годы», утверждённая Постановлением Правительства Курганской области от 14.10.2013 г. № 505; государственные и ведомственные программы, в которых затронуты вопросы поддержки МСП.

Законы о развитии МСП федерального уровня и Зауралья схожи в части форм поддержки субъектов МСП, среди которых представлены:

1) финансовая поддержка;

2) имущественная поддержка;

3) информационная поддержка;

4) консультационная поддержка;

5) поддержка в области подготовки и дополнительного профессионального образования работников субъектов малого и среднего предпринимательства;

6) поддержка в области инноваций и промышленного производства;

7) поддержка в области ремесленной деятельности;

8) поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность;

9) поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность;

10) иные формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, оказываемые за счет средств регионального бюджета в соответствии с государственными программами региона и иными нормативными правовыми актами.

Особенностями закона Курганской области можно считать:

– наличие отдельных статей, посвящённых: инфраструктуре поддержки субъектов МСП; информационному обеспечению развития МСП; государственным программам (подпрограммам) региона, содержащим мероприятия, направленные на развитие МСП с требованиями к содержанию таких госпрограмм;

– наличие полномочия Правительства Курганской области осуществлять региональную политику в сфере развития малого и среднего предпринимательства с учетом региональных социально-экономических, экологических, культурных и других особенностей Курганской области;

– несущественные структурные отличия от федерального закона, заключающиеся в порядке расположения и формулировке названий статей закона, а также отличия в объёме содержащейся в статьях информации.

В законе Зауралья не представлены следующие статьи федерального закона: «Нормативное правовое регулирование развития малого и среднего предпринимательства», «Основные понятия, используемые в настоящем законе», «Категории субъектов малого и среднего предпринимательства», «Статистические наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства», «Основные цели и принципы государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», «Особенности нормативно-правового регулирования развития малого и среднего предпринимательства», «Взаимодействие органов государственной власти в области развития малого и среднего предпринимательства», «Корпорация развития малого и среднего предпринимательства».

Противоречий между законом Зауралья и федеральным законом о развитии МСП не обнаружено. В ст. 4 закона Зауралья говорится о требованиях к содержанию программ, направленных на развитие МСП, реализуемых на территории Курганской области. Анализ содержания госпрограммы Зауралья «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области на 2014–2020 годы» подтвердил выполнение указанных в законе требований к содержанию программы, однако в программе не совсем чётко представлены показатели результативности деятельности уполномоченного органа в сфере развития МСП и меры по обеспечению передачи субъектам МСП результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, а также инновационных программ.

Наряду с упомянутой выше госпрограммой, в Зауралье реализуются другие госпрограммы, затрагивающие вопросы развития МСП, они перечислены ниже в таблице с учётом федеральных направлений.

Следует отметить, что в Зауралье отсутствуют затрагивающие вопросы поддержки развития МСП госпрограммы, соответствующие федеральным направлениям «Обеспечение национальной безопасности» и «Эффективное государство». Превалирующая часть госпрограмм Зауралья, затрагивающих вопросы поддержки развития МСП, относится к направлениям «Инновационное развитие и модернизация экономики» (50%) и «Новое качество жизни» (36%). Таким образом, из 43 госпрограмм Зауралья 14 госпрограмм (33%) содержат в себе меры по развитию МСП. Кроме государственных программ, в Зауралье действуют две целевые программы, затрагивающие вопросы поддержки развития МСП, они также обозначены ниже в таблице.

Далее рассмотрим связи регионального закона о развитии малого и среднего предпринимательства, Стратегии социально-экономического развития региона (далее – Стратегия) и программ Зауралья, затрагивающих вопросы поддержки развития МСП. В обозначенных нормативных правовых документах были выявлены связи по перечисленным ниже элементам сравнения:

– Цель в отношении МСП;

– Задачи в отношении МСП;

– Показатели развития МСП;

– Мероприятия (направления) развития МСП;

– Ожидаемые результаты развития МСП;

– Виды поддержки МСП;
– Отрасли МСП;
– Проблемы развития МСП.

Наибольшее количество присутствующих элементов сравнения, а следовательно, связей наблюдается у Стратегии и программ, в то время как закон, Стратегию и программы можно сравнить только по видам поддержки и отраслям МСП. Стратегия социально-экономического развития Курганской области и госпрограмма «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области» (далее – Госпрограмма) имеют больше взаимосвязей в контексте развития МСП, чем другие нормативные правовые документы региона. Рассмотрим связи Стратегии и Госпрограммы по целям, задачам, показателям и мероприятиям.

В Стратегии говорится, что *стратегической целью* развития предпринимательства в долгосрочной перспективе является формирование в области массового «среднего» класса, который в значительной степени обеспечит занятость населения и явится важным фактором обеспечения устойчивости экономического развития области. Эта цель Стратегии поддерживается целями Госпрограммы в части создания благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства, способствующих созданию новых рабочих мест, пополнению консолидированного бюджета Курганской области, роста занятости населения Курганской области, внедрения субъектами малого и среднего предпринимательства новых технологий в собственное производство, увеличения объемов производства и реализации товаров (работ, услуг) субъектами малого и среднего предпринимательства Курганской области. Таким образом, цели Стратегии и Госпрограммы в контексте развития МСП региона согласованы и гармоничны.

Анализ согласованности Стратегии и Госпрограммы по задачам развития МСП показал, что 6 из 11 задач развития МСП Стратегии находят своё отражение в задачах развития МСП Госпрограммы, остальные задачи развития МСП Стратегии поддерживаются механизмами решения поставленных задач и целевыми индикаторами развития МСП Госпрограммы. Одна стратегическая задача развития МСП («повышение средней заработной платы работников малых предприятий и ее легализация») недостаточно чётко согласована с задачами, механизмами решения поставленных задач и целевыми индикаторами развития МСП Госпрограммы.

Анализ согласованности показателей (целевых индикаторов) развития МСП, обозначенных в Стратегии и Госпрограмме позволил выявить, что для большинства показателей Стратегии, кроме показателя «доля среднего класса в Курганской области от общего числа жителей области», разработаны подобные показатели Госпрограммы, при этом количество показателей Госпрограммы превышает количество показателей Стратегии. Отсутствующими в Стратегии, но имеющимися в Госпрограмме показателями развития МСП, являются «прирост объема инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий Курганской области», «прирост объема налоговых поступлений в консолидированный бюджет Курганской области от субъектов малого и среднего предпринимательства Курганской области» и «количество субъектов малого и среднего предпринимательства Курганской области, которым оказана поддержка».

Анализ согласованности мероприятий развития МСП, обозначенных в Стратегии и Госпрограмме, показал, что для всех мероприятий механизма реализации стратегических направлений развития МСП имеются подобные мероприятия Госпрограммы, при этом Госпрограмма содержит больше мероприятий развития МСП.

Рассмотрим контексты упоминаний МСП в программах Курганской области (табл. 1).

Таблица 1

Разделы программ Курганской области, затрагивающие развитие МСП

Программы (государственные – ГП и целевые – ЦП)	Разделы программ, в которых упоминается о развитии МСП					
	Цель	Задачи	Показатели	Мероприятия	Отрасли	Ожидаемый результат
Направление «Новое качество жизни»						
1. ГП «Развитие жилищного строительства» на 2014–2018 гг.				●	●	
2. ГП «Развитие туризма» на 2014–2019 гг.				●	●	
3. ГП «Содействие занятости населения» на 2015–2017 гг.	●			●		●
4. ГП «Улучшение условий и охраны труда» на 2014–2018 гг.				●		
5. ГП «Развитие культуры Зауралья» на 2014–2020 гг.				●	●	
Направление «Инновационное развитие и модернизация экономики»						
6. ГП «О развитии малого и среднего предпринимательства» на 2014–2020 гг.	●	●	●	●	●	●
7. ГП «Развитие агропромышленного комплекса» на 2014–2020 гг.	●	●	●	●	●	●
8. ГП «Устойчивое развитие сельских территорий» на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.				●	●	
9. ГП «Природопользование и охрана окружающей среды» на 2014–2020 гг.		●		●	●	
10. ГП «Развитие науки и технологий» на период до 2020 г.		●		●	●	
11. ГП «Внедрение спутниковых навигационных технологий в интересах социально-экономического и инновационного развития Курганской области» на 2014–2020 гг.				●	●	
12. ГП, направленная на создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Курганской области на 2014–2019 гг.	●			●	●	●
13. ЦП «Охрана окружающей среды и экологическая безопасность Курганской области» на 2014–2016 гг.					●	●

Направление «Сбалансированное региональное развитие»						
14. ГП по оказанию содействия добровольному переселению в Курганскую область соотечественников, проживающих за рубежом на 2013–2020 гг.		●	●	●		●
15. ГП «Противодействие коррупции» на 2014–2018 гг.		●		●		●
16. ЦП демографического развития Курганской области до 2025 г.				●		
Итого количество программ	4	6	3	15	11	7

Из таблицы видно, что почти все перечисленные выше программы Зауралья (94%) содержат мероприятия по развитию МСП. Большинство изученных программ (69%) отмечают отрасли развития МСП в Зауралье. Значительно меньшее количество рассмотренных программ содержат ожидаемый результат (44%), задачи (38%), цель (25%) и показатели (19%) развития МСП.

По результатам проведённого анализа можно сделать вывод, что нормативные правовые документы Зауралья, направленные на развития МСП, в целом согласованы между собой по целям, задачам, мероприятиям, показателям, отраслям и видам поддержки МСП. Наибольшая согласованность по этим элементам прослеживается между Стратегией социально-экономического развития Курганской области до 2020 года и госпрограммой «О Развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области на 2014–2020 годы». Программно-целевой механизм развития МСП в Зауралье реализуется посредством госпрограмм, содержащих в себе меры, направленные на развитие МСП, количество таких госпрограмм составляет 33% от всех госпрограмм Зауралья. Из них к федеральным направлениям «Инновационное развитие и модернизация экономики» и «Новое качество жизни» относятся 50 и 36% госпрограмм соответственно. Только 2 целевые программы Зауралья затрагивают вопросы развития МСП. Для дальнейшего исследования реализации программно-целевого подхода к развитию МСП следует уделить внимание изучению влияния кросс-программных эффектов на развитие МСП Зауралья, учитывая влияние мероприятий одних программ на достижение цели и задач других программ. При этом желательно учитывать разное по степени и направленности влияние.

Список литературы

1. Каратаева Г.Е., Фесик С.В. Государственные программы как инструмент реализации бюджетной политики // Инновационное развитие экономики. 2014. – № 6(24). – С. 64–70.
2. Коломиец В.В. Адаптация бюджетной системы к переходу от целевых программ к государственным // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления развития науки и образования». 2015. – С. 397–398.
3. Никитина А.Х. Анализ эффективности реализации госпрограмм // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. – № 11(18). – С. 69–72.
4. Нурмухаметов А.В. Теория и практика государственного регулирования и поддержки развития субъектов малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. – № 3. – С. 83–89.

Хузмиев И.К.[1]

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СКФО

Ключевые слова: *устойчивое развитие горных территорий, единый кластер, приграничная торговля, «зеленая» экономика, децентрализованная энергетика, «зеленые» поселения, возобновляемые источники энергии.*

Устойчивое развитие Северного Кавказа является одной из важнейших стратегических задач социально-экономического развития России. В этой связи, в 2011 году была принята «Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа (далее СКФО)». К сожалению, она была разработана без учета предложений и мнений местных специалистов. Это стало причиной ее несоответствия реальному положению вещей на Северном Кавказе. Поэтому значимые инвестиционные проекты развиваются значительно медленнее, чем планировалось, не обеспечивая создания должного числа современных рабочих мест, консервируя, в том числе, и сложившиеся тенденции депопуляции горных территорий. Отсюда срыв сроков реализации наиболее значимых инвестпроектов, неэффективное расходование бюджетных средств, рост безработицы, низкие темпы роста экономики. В стратегии отсутствует ясное целеполагание и четкое понимание значения экономики СКФО в общехозяйственном комплексе России.

В этой связи предполагается рассматривать Северный Кавказ как единую территорию хозяйственного и социально-культурного развития с охранными природными зонами. Фактически горские народы Кавказа по традициям, менталитету, культуре мало отличаются друг от друга. Национальные и религиозные отличия в значительной степени нивелируются общей историей и совместным проживанием на протяжении столетий. Это должно быть ключевой идеей любых планов развития. Отметим при этом, что разговоры об особом менталитете горских народов и специфическом пути развития Северного Кавказа ничего объективного в себе не несут. Примером является Северная и Южная Кореи. Один и тот же народ, разделенный 65 лет тому назад, создал совершено разные государственные образования: с одной стороны диктатура и нищета, с другой демократия и процветание.

Некоторые проблемы экономического роста и пути их решения

В системе рыночных координат любые технологии должны оптимизироваться, исходя из минимизации общественно необходимых затрат и получения прибыли для получения возможностей поддерживать средства производства на уровне современных научно-технических достижений, минимизировать воздействие на окружающую среду, обеспечивать достойную зарплату работникам и личный интерес владельцам. Решение этой задачи является достаточно сложным делом, так как необходим учет большого числа параметров и переменных, граничных условий, в том числе и социально-политических, критериев оптимизации и уровня рентабельности. При этом если не удастся четко сформулировать проблемы развития и управления всеми системами жизнеобеспечения нас ждет углубление кризиса, который может привести к распаду великой страны. Либерализм в экономике и монетаризм стали главными идеями управления экономикой страны. Сегодня, результатом такой политики стало:

- Реальная экономика и политика, монополизированы. Это ведет к росту цен, к снижению эффективности всех сторон жизни общества и множеству социальных проблем для большинства населения.
- Проедание остатков советского прошлого в недропользовании, промышленности, науке, образовании.
- Резкое снижение уровня образования и здравоохранения для большинства населения из-за низкой заработной платы сотрудников неэлитных учреждений, платности и коррупционности.
- Ухудшение демографической ситуации из-за низкого уровня рождаемости у основной массы населения и выезда из страны креативной молодежи и специалистов.
- Вахтовый способ зарабатывания денег так называемой элитой: семьи на Западе, а бизнес в России.
- Деградация среды обитания.
- Рост затрат на логистику и большое количество посредников во всех сферах экономики. Цены на энергоносители и ресурсы во многих случаях обогнали соответствующие цены на Западе.
- Экономика остается сырьевой, несмотря на лозунги и призывы о модернизации и инновациях.

[1] Хузмиев Измаил Каурбекович – д.т.н., член-корреспондент Российской академии электротехнических наук, действительный член Международной академии педагогических наук, почетный доктор Грузинского государственного аграрного университета, почетный доктор университета св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии, заслуженный деятель науки и техники РСО-А, почетный энергетик России, почетный регулятор естественных монополий России, почетный работник науки и техники и почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник РАО «ЕЭС России», член Международного союза экономистов, эксперт Комитета по энергетике Государственной Думы РФ, почетный гражданин с. Кобан РСОА, профессор кафедры Информационные технологии в экономике Северо-Кавказского горно-металлургического института, Владикавказ. E-mail: izmailh@mail.ru

• Затратная экономика без мотиваций сбережения всех ресурсов, несмотря на призывы и нормативные документы о повышении эффективности и сбережению ресурсов и энергии.

• Снижение внутренней и внешней безопасности, коррупционность правоохранительной системы.

• Неработающая судебная система.

• Монополизм власти на основе каст, отсутствие реальной выборности и сменяемости.

• Неэффективное администрирование на всех уровнях. Чиновники в основном заняты решением личных, а не общественных проблем.

• Маргинализация основной массы населения, падение морали, снижение культурного уровня.

Это всё происходит на фоне, когда многие специалисты указывают на исчезновение в обозримой перспективе основных источников нефти в России и переходу страны от экспорта нефти к ее импорту к середине 20-х годов этого столетия. Несмотря на это, продолжается ничем не обоснованный рост ее добычи. Причем половина получаемого объема идет на экспорт. Получаемые средства от экспорта нефти не используются для развития инфраструктуры и диверсификации экономики нашей страны, связанной с переходом от сырьевой к инновационной. Вместо этого средства аккумулируются в обесценивающихся валютных фондах, которые работают на экономики зарубежных стран, в частности таких развитых стран как США. Только за май 2016 года РФ инвестировала в госдолг США 5,7 млрд. $, при этом правительство заявляет о дефиците бюджета и, несмотря на санкции, пытается искать внешние заимствования. Сторонники существующей схемы использования стабилизационного фонда утверждают, что его использование в экономике России приведет к инфляции, хотя они не могут объяснить, почему же инфляция в США остается на низком уровне, несмотря на огромное финансирование бюджета за счет печатного станка. С этим можно было бы согласиться, если бы государство и крупнейшие российские компании не привлекали средства для своего развития на западных рынках в объемах, сравнимых со Стабилизационным фондом, под проценты, в разы превышающие доход от его размещения. Возникает вопрос: разве международные заемные средства, вливаясь в экономику страны, не влияют на инфляционные процессы или их деньги имеют другой запах?

Не это ли является тормозом для экономического роста нашей страны?!

Если же правительство считает, что экономика России не нуждается в дополнительных финансах, значительно эффективней сохранить дорожающие природные ресурсы в виде природного газа и нефти в самом надежном банке – в недрах и тем самым способствовать росту конкурентоспособности России в будущем. И это правильно, оно и лучше, чем хранить в сомнительных не застрахованных фондах, которые могут в любое время заморозить, как это было, например, с иранскими активами.

В этой связи необходимо отказаться от вложения средств в зарубежные экономики. Было бы значительно полезней для нашей страны использовать средства для финансирования программ социально-экономического развития регионов России, в том числе и Северного Кавказа, инфраструктурных проектов, разработки и использования «умных технологий» для различных сфер жизнеобеспечения людей, децентрализованных «зеленых» возобновляемых источников энергии, массового строительства доступного жилья, ипотечного кредитования под 5–7%, что в разы больше, чем доход от американских ценных бумаг.

(*В качестве примера можно рассмотреть организацию массового строительства деревянных домов из бруса, стоимость которых в настоящее время колеблется от 10000 до 12000 руб. за квадратный метр готового дома. Это даст мультипликационный эффект. Будет решена жилищная проблема в стране, где много леса. Для этого необходимо построить во всех регионах предприятия по выпуску комплектов домов. К тому же у населения появится мотивация к освоению пустующих земель, которое потребует новых дорог, газификации, электрификации новых поселений. В эти дома потребуется поставить большое количество различного коммунально-бытового оборудования российского производства, а это развитие собственной промышленности, в том числе и легкой, рост занятости населения и т.д. Подобным путем пошли в США после второй мировой войны. Тогда было запущено производство деревянных сборных домов, которое процветает по сей день).*

При этом отметим, что миссией стратегии и программ развития СКФО должно быть эффективное использование региональных природных и энергетических ресурсов с помощью безотходных, малозатратных и малообъемных экологически чистых технологий и технических средств с целью обеспечения устойчивого развития региона. *Устойчивое развитие – это удовлетворение потребностей нынешних и будущих поколений людей на Земле* ***нормированным количеством жизнеобеспечивающих ресурсов*** *для всех категорий потребителей вне зависимости от социального положения и душевого дохода, достаточных для поддержания здорового образа жизни и работоспособности при снижении рисков деградации окружающей среды как основы поддержания экологической, социально-экономической и политической стабильности в мировом сообществе* [1]. **Территорию всего СКФО необходимо рассматривать, как единый хозяйственный комплекс, объединяющий все его субъекты единой программой социально-экономического развития.** При этом необходимо учитывать демографические особенности региона. Разные народы и этнические группы на территории Северного Кавказа размещены неравномерно. Так, в Северной Осетии средняя плотность населения составляет более 80 чел./км^2. Если же посмотреть, например, на демографическую ситуацию в горной зоне Республики Северная Осетия (Алания), которая составляет более 4000 тыс. кв. км и занимает половину территории республики, то там проживает в настоящее время постоянно около 5 тыс. человек. Сегодня горы превращаются в дачный пригород Владикавказа, хотя известно, что в прошлом их население составляло ориентировочно 150 тыс. человек. Аналогичная ситуация характерна и для других регионов Северного Кавказа.

Отметим, что отток населения происходит не только из горной зоны, но и из региона в целом, в особенности это касается квалифицированных молодых специалистов. Основные причины этого – отсутствие современных производств и низкий уровень заработной платы в особенности в науке, образовании, культуре, здравоохранении. В то же

время в регион регулярно приезжают, высококвалифицированные специалисты (например, медики), среди которых достаточное количество выходцев из северокавказских республик. А ведь если платить здесь на месте высокую заработную плату и создать необходимые жилищно-бытовые условия, эти профессионалы выберут Северный Кавказ местом постоянного жительства. И это касается профессионалов всех отраслей. Поэтому создание достойных условий для жизни и творческой работы не только приостановят отток кадров, но и обеспечит их возврат в горную зону на новой основе. Ясно, что всем процессам развития должна способствовать современная система подготовки кадров – от детского сада до послевузовской подготовки, в том числе и организация корпоративных учебных заведений, а также – с обеспечением условий для постоянного обмена учащимися и преподавателями.

Разработчики стратегии и программ социально-экономического развития Северного Кавказа должны иметь ясное целеполагание и четкое понимание значения экономики макрорегиона в общехозяйственном комплексе России. Важно при этом честно оценить все наши беды, угрозы и ресурсы и попытаться, осмыслив ситуацию, изложить наше видение решения проблем с целью создания условий для устойчивого развития и процветания общества, сосредоточив на этом энергию и политическую волю народа. При этом следует учитывать необходимость осуществления цивилизационного перехода к новой парадигме жизнеустройства в условиях истощения ресурсов, основанного на концепции устойчивого развития, предполагающей обеспечение ныне живущих и будущих поколений людей нормированным количеством необходимых ресурсов. Главной идеей стратегии должно быть ***эффективное использование всех доступных ресурсов с помощью современных «зеленых» экологически чистых технологий жизнеобеспечения населения с целью повышения жизненного уровня***. Для обеспечения реализуемости решений по социально-экономическому развитию горных территорий, для возврата людей в горы нужно стремиться к получению максимальных результатов, повышающих качество жизни населения в виде коммерческих идей и продуктов, при минимизации затрат и рисков их воздействия на окружающую среду. Нужно понимать, что человек – не покоритель природы, а ее часть, встроенная в природные циклы как элемент, который должен не разрушать и не расхищать ресурсы, данные Создателем, а пользоваться ими как товарным кредитом, который необходимо возвращать. Это нужно осознать и строить экономику в соответствии с этим принципом. Интенсивное развитие мировой экономики в последнее столетие создало колоссальную нагрузку на природную среду. Мир движется к ресурсному кризису, если существующая идеология и технологии жизнеустройства не будут пересмотрены. Нужна новая парадигма развития. Теория зеленой экономики базируется на 3 аксиомах:

- невозможно бесконечно расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;
- невозможно требовать удовлетворения бесконечно растущих потребностей в условиях ограниченности ресурсов;
- все на поверхности Земли является взаимосвязанным.

Экологическое – Зеленое решение всех проблем развития должно стать **национальным проектом**. Ясно, что устойчивое развитие в целях обеспечения населения всеми необходимыми жизнеобеспечивающими товарами и услугами в настоящее время и перспективе должно основываться на сбалансированных ресурсных решениях территориальных образований. Подобные ресурсо- и энергосбалансированные самоуправляемые образования типа **«Автономных “Зеленых” Поселений»**, объеденные в сеть, могут стать основой устойчивого развития государства [2]. «Автономные “Зеленые” Поселения» (англ. *Autonomus «Green» Settlements*) — создание нового уклада жизни, основанного на симбиозе человека и природы, переориентация человечества с техногенного пути развития на духовный, прохождение нового этапа в духовном развитии человеческого общества и цивилизации в целом. Это создает новое качество по отношению к существующему социальному устройству [3]. Основой подобных поселений является:

- Экогуманизм. Здоровый образ жизни, экологическое воспитание и образование от детсада до вуза;
- Электронное самоуправление. Информатизация, умные системы и Интернет Экономическая свобода «зеленых» поселений;
- Экологический чистый транспорт;
- Применение ресурсо- и энергосберегающих технологий, минимизирующих воздействие на окружающую среду, реализация концепции ресурсной сбалансированности;
- Применение возобновляемых источников энергии для децентрализованного обеспечения энергетическими ресурсами;
- «Зеленое» территориальное планирование и архитектура, строительство с использованием экологически чистых местных строительных материалов;
- Охрана и мониторинг окружающей среды, полная переработка бытовых и промышленных отходов и стоков;
- Обеспечение местными экологически чистыми продуктами питания;
- Отраслевая и региональная специализации; Создание научно-образовательных центров типа «кремниевая долина» для разработки и внедрения инновационных технологий шестого уклада;
- Развитие экологических систем здравоохранения и рекреации.

Таким образом, эффективная стратегия развития Северного Кавказа должна решить задачи:

– обеспечения системной надежности и безопасности экономики региона;

– создания центров развития инновационных технологий для промышленности и аграрного производства, возобновляемой энергетики, развития инфраструктуры, образования, здравоохранения и культуры;

– роста научно-технологического потенциала за счет привлечения инвестиций из различных источников и квалифицированных кадров, в том числе представителей коренного населения, с обеспечением их соответствующей заработной платой и жилищно-бытовыми условиями.

В системе рыночных координат оптимизировать любые технологии необходимо исходя из минимизации общественно необходимых затрат и получения прибыли, дающей возможность поддерживать и развивать производство на

уровне современных научно-технических достижений, минимизировать воздействие на окружающую среду, обеспечить достойную зарплату работникам и прибыль инвесторам и владельцам. Проекты должны разрабатываться с учетом мнения местных специалистов, а к их исполнению возможно также привлечение и специалистов из закавказских государств, например, предприятий по производству гидротурбин (Республика Армения).

Особое значение для развития СКФО представляет горная зона, для возрождение которой нужно начать с мало затратных мероприятий, обратив особое внимание на аграрное производство [4]. Этому будет способствовать следующее:

1. Создание аграрных кооперативов и фермерских хозяйств различной специализации для производства органических продуктов питания.

2. Создание зон для дачников, которые с советское время назывались «садами-огородами». Они должны иметь площадь шесть соток и располагаться компактно.

3. Горные земли должны закрепляться на определенный срок только под производство аграрной продукции с разрешением строить жилые помещения только для постоянного проживания. Если земля не используется по прямому назначению, она должна изыматься. Иначе все территория будет застроена загородными коттеджами состоятельных людей с высокими заборами и станет недоступна для хозяйственного использования. Нужно провести ревизию переданных в частные руки территорий, и если они не используются, они должны быть изъяты и переданы тем, кто хочет жить и работать в горах.

4. Должна быть организована финансовая поддержка специалистам различных профилей, переехавшим в горную зону на постоянное жительство, что будет способствовать возврату в горы на новом уровне. Можно построить жилье и передать его во временное пользование молодым семьям. Если они проживут в горах более десяти лет и будут там работать, жилье безвозмездно переходит им в собственность вместе с приусадебным участком площадью десять соток.

Нужно принимать амбициозные решения и реализовывать их, несмотря на то, что это требует колоссального напряжения сил от всех участников этого начинания. Лозунг «**Мы это сможем**», должен стать главным. Программа реализации всех проектов должна исходить из такого подхода и включать:

1. Строительство в демонстрационных системах децентрализованного энерго- и теплоснабжения в виде когенерационных установок на базе газопоршневых двигателей, малых ГЭС, возобновляемых источников энергии, детандер-генераторных установок и других нетрадиционных решений.

2. Создание системы АСКУЭ во всех системах снабжения потребителей энергетическими ресурсами (холодная и горячая вода, газ, теплоснабжение, электроэнергия).

3. Перевод транспорта на природный газ и электропривод с питанием от солнечных электростанций и других нетрадиционных источников.

4. Создание производства термоаккумулирующих солнечных водонагревателей для их массового использования во всех отраслях экономики, в особенности в коммунальной сфере и для экспорта.

5. Использование нетрадиционных экологически чистых инновационных методов утилизации отходов промышленности, сельского хозяйства и жилищно-коммунальной сферы.

6. Информационное обслуживание и консалтинговые услуги, бухгалтерия, секретарские услуги и др. через Интернет.

7. Открытие международного инвестиционного банка.

8. Разлив экологически чистых питьевых и лечебных вод.

9. Организация производства органических продуктов питания и их переработки.

10. Создание рекреационных и курортных зон.

11. Организация современных учебных заведений с приглашением специалистов мирового уровня.

Важнейшей отраслью экономики, которая обеспечивает развитие, является энергетика. К сожалению, больше всего бюджетных средств поступает в те отрасли производства энергии, которые наиболее опасны для окружающей среды и оказывают вредное воздействие на здоровье людей. Значительно больший народнохозяйственный эффект дают капиталовложения в децентрализованные, компактные мало затратные сетевые «зеленые» технологии жизнеобеспечения, например, создание активно-адаптивной энергетики и строительство малых децентрализованных источников энергии, вместо возведения капиталоемких экологически опасных мощных электростанций, которые имеют сомнительные перспективы окупаемости в обозримое время.

Технологии, основанные на использовании возобновляемых источниках энергии, практически не имеющих побочных пагубных эффектов, менее всего поддерживаются бюджетными средствами. Такие направления, как солнечная энергетика, использование тепла земли, энергосбережение, имеют незначительную финансовую поддержку. Существующее положение дел не может не удивлять, поскольку именно применение возобновляемых источников энергии и энергосбережение могут существенно помочь в решении современных энергетических проблем. Сказанное подтверждается многочисленными аналитическими материалами и статистикой.

Отметим, что важным источником повышения энергетической безопасности и роста благосостояния населения является энергосбережение и повышение эффективности использования энергоресурсов при затратах в среднем в 7 раз ниже, чем на строительстве новых генерирующих мощностей. При этом не следует ориентироваться на рост энерговооруженности, как на объективный индикатор развития, поскольку значительно больший народнохозяйственный эффект дают, на наш взгляд, капиталовложения в децентрализованные, компактные, малозатратные сетевые «зеленые» технологии жизнеобеспечения, например, в производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции, в создание активно-адаптивной энергетики и строительство малых децентрализованных источников энергии,

вместо возведения капиталоемких экологически опасных мощных электростанций, которые имеют сомнительные перспективы окупаемости в обозримое время. Для выравнивания условий развития всех территорий СКФО необходимо начать работу над совместными для регионов округа проектами, созданием единых сырьевой и энергетической бирж, а также единой тарифной энергозоны с автоматизированной системой регулирования тарифов в режиме реального времени.

Учитывая ситуацию в СКФО, когда практически во всех сферах экономики инновационные технологии 6 уклада нужно начинать с чистого листа, можно в регионе создать демонстрационную научно-образовательную зону типа кремниевой долины «Тагаурия» как пилотный проект инновационного развития «зеленой экономики». Необходимо не восстанавливать старую, а построить новую постиндустриальную экономику с использованием лучших достижений мировой и российской науки и техники. Это должна быть зона с технологиями и уровнем ресурсов и энергоемкости ВВП, сравнимыми с японским. Япония после второй мировой войны имела практически разрушенную экономику и полное отсутствие всех ресурсов (сегодня для функционирования экономики завозится около 90% сырья). Используя опыт и знания всего мира (они даже использовали предложения раздела «сделай сам» из советского журнала «Наука и жизнь») им удалось создать одну из самых эффективных экономик мира, и это стало японским экономическим чудом. Нужно приучить всех экономить и считать затраты, уйдя от иждивенческого подхода. Относительно небольшая территория горных зон, немногочисленное население создают условия для развития современных малообъемных инновационных производств, с высокой добавленной стоимостью, с учетом процесса перехода мировой экономики от индустриальной цивилизации к информационной цивилизации знания. Для этого необходимо:

1. Рост ВВП региона обеспечить за счет перехода к малообъемным ресурсо- и энергосберегающим технологиям 6 технологического уклада. Рост энергопотребления, по нашему мнению, в современной инновационной экономике не является объективным индикатором развития, так как он характеризует 4-й и 5-й уклады.

2. Мощным фактором решения многих проблем, в том числе и межнациональных, является создание единых производственных кластеров на территории всех субъектов СКФО или их части с разделением труда и кооперацией (общее дело) и организация на территории региона различных видов традиционных и нетрадиционных производств с единым центром координации работ, что будет способствовать сближению представителей разных северокавказских регионов. Примерами такой работы в промышленности могут стать организация малых ГЭС, электроавтомобилей, умных электрических сетей, единой логистики и т.д. Это будет способствовать консолидации специалистов различных национальностей, закреплению и приглашению кадров. Совместный бизнес и совместное производство являются мощным фактором консолидации и появления новых рабочих мест.

3. Для обеспечения эффективного функционирования современного производства необходимо решить вопросы его кадрового обеспечения, для чего уже сегодня на современном уровне надо решать проблемы науки и образования, применяя в частности современные информационно-коммуникационные технологии и сквозное образование с учётом национальных особенностей (традиций), но с нацеленностью на укрепление межнациональных отношений. Важно также всемерно содействовать развитию научно-инновационной деятельности, решению комплекса вопросов, связанных с рациональным использованием природных ресурсов с учётом современных требований в области охраны окружающей среды и др.

4. В аграрном производстве необходимо сосредоточить внимание на современных высокотехнологических производствах: например, выращивание безвирусных семян картофеля с применением генных технологий XXI века, производство экологически чистых «зеленых» продуктов питания, применение конвейерных теплиц и мостовых технологий растениеводства, получение сырья для парфюмерной и фармацевтической промышленности, козьего и овечьего молока и сыра и т.д.

5. Важным фактором развития СКФО, учитывая его приграничный статус, должно стать развитие приграничной торговли с соседними странами и создание современных систем перемещения людей и товаров через границу, их таможенное обслуживание, хранение, создание железнодорожных, автомобильных и авиационных хаббов.

6. Решение задач самоуправления и саморегулирования на основе зеленой экономики, зеленых поселений, зеленой энергетики, демократизации, с целевым, а не отраслевым управлением с элементами нейропрограммирования. То есть технологии различных систем будет решать сформулированные цели, а управление будет этому способствовать.

7. Создание ЦОД, умной логистики и инфраструктуры: дороги, электрические, газовые, водопроводные сети и т.д.

8. Обмены между субъектами региона, не формально парадные, а производственные, культурные, научные, учащимися, преподавателями, специалистами различного профиля и т.д.

9. Биржевая торговля, в том числе единая энергетическая биржа.

10. Создание единого природно-экологического северокавказского национального парка с единым пространственным дизайном и архитектурными решениями.

11. Создание единого образовательного пространства с обменом учащимися и преподавателями с современной системой воспитания и подготовки кадров от детских садов до постдокторской подготовки с организацией корпоративных учебных заведений.

12. Создание единого социально-культурного пространства с наличием специализированных зон: лечения, обучения, рекреации, специальных производств, инновационных научно-образовательных зон различной специализации типа «кремниевых долин», например, кремниевая долина «Тагаурия» им. Св. Андрея Первозванного [4]. В начале первого тысячелетия он принес благую весть на Северный Кавказ. Сегодня народам Кавказа нужна такая благая весть.

Этому будет также способствовать:

- Обеспечение системной надежности и безопасности экономики региона.

- Создание центров развития инновационных технологий для промышленного и аграрного производства, возобновляемой энергетики, развития инфраструктуры, здравоохранения, образования и культуры.
- Рост научно-технического потенциала региона за счет привлечения инвестиций из различных источников.

Заключение

Реальная сложность современной ситуации привела к потере жизненных ориентиров и породила беспорядок во многих сферах. Необходимо понять, что в стране закончилась эпоха экспоненциального развития, и нет способа плавного перехода к новому устойчивому состоянию без определенных потерь. Нет конкретных злодеев, но есть воздействие огромного количества разрозненных факторов и явлений, создавших чрезвычайно сложную, трудно понимаемую многими гражданами ситуацию, которая требует новых подходов. Принятая сегодня линия на реформирование и либерализацию экономики, по сути верная, не реализуется в полной мере, так как она увязла в трясине старых норм и представлений. Очевидно, что для новых подходов к устойчивому развитию территории необходимо творческое сочетание разнообразных структур и методов управления экономикой.

Список литературы

1. Хузмиев И.К. Концепция устойчивого развития // Национальные проекты. – М., 2012. – № 10.
2. Автономные «зеленые» поселения / Нехаев С.А., Лаговский А.И., Муравьев В.Е. – http://poselenie.ucoz.ru/publ/avtonomnye_quot_zelenye_quot_poselenija/4-1-0-315
3. Википедия.
4. Хузмиев И.К. Концепция создания инновационной зоны «кремниевая долина «Тагаурия» – зеленое решение проблем устойчивого развития горных территорий Северного Кавказа // Современные производительные силы. – М., 2012. – № 1.
5. Адиньяев Э.Д., Джериев Т.У. Пути развития сельского хозяйства горных территорий // Устойчивое развитие горных территорий. Международный журнал. – Владикавказ, 2009. – № 1.

Царьков
к.т.н., профессор НИУ ВШЭ

СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова*: стратегические цели, региональное развитие, группы держателей интересов, консенсус, консолидация общества, проектный подход.*

Keywords*: strategic objectives, regional development, groups of holders of interests, consensus, consolidation of society, the project approach.*

Постановка проблемы. В настоящее время в экспертном сообществе продолжают активно обсуждаться вопросы, связанные с конструированием будущего регионов, которое в свою очередь предполагает разработку и реализацию территориальных стратегий социально-экономического развития. К ним можно отнести интеграцию стратегий по вертикали на национальном, региональном и муниципальном уровнях; вовлеченность в процессы стратегирования различных групп стейк-холдеров с противоречивыми интересами; встраивание адаптационных механизмов к быстро меняющимся внешним условиям и др. Без их решения большинство стратегий остаются на бумаге для отчётности, или реализуются лишь частично в вариантах, не позволяющих достичь заявленных целей в полном объеме.

При всём множестве вопросов, возникающих в ходе разработки и реализации стратегий, их следуя И. Адизесу[1], можно свести в две большие группы, предполагающие решение двух серьезных проблем. Во-первых, согласование интересов властных структур, бизнеса и активных групп населения, связанных с данной территорией (*внутренняя дезинтеграция*). Во-вторых, с согласованием интересов таких же групп, но уже входящих во внешнее окружение территории (*внешняя интеграция*).

В масштабах отдельного территориального образования *внешнюю интеграцию* можно рассматривать как некоторую стратегию развития, в которой определяется, на чем необходимо сосредоточить имеющиеся ресурсы, и как следует, избегая конфликтов, интегрироваться в окружающее пространство: регион, страну, мир. *Внутренняя дезинтеграция* часто проявляется в виде конфликта интересов, и выражается в противоречивых взглядах на будущее территории. Расхождения во взглядах порождают недоразумения, или ещё хуже – деструктивные конфликты, резко снижающие эффективность территориальных систем управления.

Без решения указанных проблем устойчивое, безопасное развитие того или иного территориального образования невозможно. Однако их решение существенно затрудняют необходимость быстрой адаптации к постоянно меняющимся внешним условиям; ограниченные ресурсы; пассивность населения, весьма распространенная за пределами двух столиц.

В данной статье в рамках поставленных проблем критически рассматривается опыт построения и реализации двухуровневой стратегии развития Нижегородского региона за период 2005–2015 годов. Показывается как за счет «мягких» партисипативных технологий достигается консолидация конфликтующего сообщества вокруг единой цели в желаемом будущем, а также дается ретроспективная оценка полученных результатов.

Существующие подходы. В реальности стратегирование традиционно представляет достаточно «жесткую» технологию, процедуры которой реализуют отдельные подразделения, рабочие группы, консультативные фирмы или комитеты из высших управленцев администрации на основе нормативных документов Минрегионразвития, Минэкономики, других министерств и ведомств. После официального одобрения *руководством разработанных стратегий, программ обычно* начинается их директивная реализация. К сожалению, директивная, «жесткая» технология неизбежно влечет за собой хорошо известные недостатки: односторонний взгляд администраторов, схематизм планов, недостаток данных, трудности в достижении консенсуса по основным направлениям развития территорий и др.

Следует также учитывать, что существующий процесс разработки стратегий, регламентируемый методическими материалами бывшего Минрегионразвития, позднее Минэкономразвития, а также ФЗ № 172 от 28.06.2014, хотя и не обходит тему публичности, но фактически не предполагает включение в него компонент, связанных с духовным развитием социума, что затрудняет достижение консенсуса. Не удивительно, что на практике реализация стратегий наталкивается на серьезные трудности, вызывающие не консолидацию, а дезинтеграцию как внутри, так и вне публичного регионального пространства не только по вертикали, но и по горизонтали.

В нашем случае процесс разработки стратегий начался с 1992 г. со стратегии известной под названием «Нижегородский пролог». Это была одна из первых региональных стратегий в России после 1990 года, которая содержала *антикризисную программу, в которой предпринималась попытка во время «кризиса центральной власти «пробудить» региональное самосознание.* При приходе во власть новых губернаторов этот процесс продолжался. Так в 1995

[1] Адизес И. Секрет успеха // Экономические стратегии. – М., 2008. – № 5–6. – С. 132–133.

и 2001 годах появились новые стратегии развития, но уже не имевшие такого резонансного звучания, как первая стратегия.

Их анализ выявил, что практикуемые «жесткие» технологии обладают и другими серьезными недостатками, не позволяющими достичь заявленных целей, в том числе:

- отсутствие преемственности с предыдущими стратегиями, программами;
- приоритеты развития расставлялись лишь в реальном секторе экономики и инфраструктуре;
- отсутствовала сборка стратегических направлений как по горизонтали, так и по вертикали;
- не учитывались интересы различных групп стейк-холдеров, особенно представлявших интересы гражданского общества, что нередко вызывало конфликты;
- не опирались на интеллектуальные и духовные ресурсы развития;
- при целеполагании делали установку лишь на материальное благосостояние, оставляя в стороне духовный базис, составляющий движущую силу развития любого территориального сообщества.

Для разрешения возникающих проблем в рамках системной, холистической философии при реализации проекта «Стратегии-2015» был применён комбинаторный подход[1]. Нередко подход, основанный на такой философии, в отличие от директивного, «жесткого» подхода, называют «мягким». Следует отметить, что «мягкий» подход был выбран вполне сознательно. В то время в публичном пространстве региона наблюдалась жесткая конфронтация между законодательной и исполнительной ветвями власти. Уровень противостояния был таков, что депутаты Областного Законодательного Собрания (ОЗС) перед выборами предупредили Администрацию Президента РФ о том, что они не будут голосовать за кандидатуру действующего на тот момент губернатора Ходырева Г.М., даже в случае роспуска собрания. Каждая из ветвей власти пользовалась поддержкой стейк-холдеров, представляющих противоречивые интересы как отдельных групп гражданского общества, так и различных бизнес- структур. В период конфронтации область переместилась по ряду макроэкономических показателей с первых мест на средние и последние места в ПФО. Внутренняя дезинтеграция набирала силу. Поэтому не случайно полное название инициированного проекта звучало как: «Гражданская ассамблея. Стратегическая сборка – 2015». На гражданской ассамблее голос различных представителей гражданского общества, бизнес-структур должен был услышан.

В нашем случае проект предполагал последовательное применение технологий Поиска Будущего (ПБ) и Системной Технологии Вмешательства (СТВ). Технология ПБ рассчитана на глубокое трехдневное погружение 64–100 участников проекта в проблемы территории, в ходе которого участники осуществляли поиск новых точек роста и инициацию разработки новых проектов, с учетом быстро меняющейся внешней среды. Принципиальным моментом технологии является то, что этот поиск осуществляли сами целевые группы держателей специфических интересов (stakeholders – стейк-холдеры), которых напрямую затрагивало Будущее территории. Своевременное выявление соответствия декларируемых целей развития интересам целевых групп существенно снижает вероятность возникновения острых проблем при обеспечении поддержки стратегических решений населением, поскольку люди обычно противятся изменениям со стороны, но не собственным идеям.

В свою очередь СТВ предназначалась для реализации проектов инициированных в конкретных точках роста и включалась только после построения образа Будущего, формирования цели и выделения ключевых направлений развития.

В проекте приняли участие представители всех акторов публичного пространства. Всего 10 групп. В их состав вошли стейк-холдеры, способные активно участвовать в развитии территории и конкурентной борьбе, хорошо понимающие интересы своих и «чужих» организаций, а также интересы населения. К числу таких групп относились пять групп, представляющие интересы гражданского общества, две – властные структуры, три – предпринимательские структуры:

А. Гражданское общество:

1. Партии и общественные организации;
2. Образование, здравоохранение, физкультура и спорт (социальная сфера);
3. Конфессии
4. Культура;
5. СМИ (включая экспертов политологов, социологов и др.)

А. Бизнес:

6. Интегрированные бизнес-группы (представители крупных собственников, трансрегиональных финансово-промышленных групп);
7. Промышленники и предприниматели Нижегородской области;
8. Финансовые и экономические институты.

Б. Власть:

9. Федеральная (ПФО, правительство РФ, Госдума, Совет Федерации);
10. Региональная (законодательная, исполнительная, муниципальное самоуправление).

Такой состав групп позволил успешно осуществить вертикальную интеграцию различных стратегий. Так, в региональные стратегии естественным путем могли входить муниципальные стратегии развития, а развитие самого региона в свою очередь более легко интегрировалось в национальную стратегию развития. Важным моментом, обеспе-

[1] Царьков А.С. Комбинаторный метод в конструировании будущего территориальных образований. Дезинтеграция и интеграция: власть, бизнес, общество (русский) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – Вып. 6. – С. 580–587.

чивающим реальную интеграцию региона в Федеральное пространство, явилось участие в проекте полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе В. Кириенко и сотрудников его аппарата.

Совместная работа стейк-холдеров позволила избежать указанных выше проблем, путем формирования двух уровневой стратегии. При этом на первом уровне формировались пакеты проектов, связанные с экономическим базисом территории, а на втором – связанные с духовным и культурным развитием всего территориального сообщества. Сопряжение уровней происходило через формирование общего Будущего, глобальной цели развития и духовного кодекса. Сам процесс отработки стейк-холдерами настоящего и будущего «состояний», а также переход между ними в виде проектной дорожной карты, строился в соответствии с моделью Берхарда, см. рис. 1.

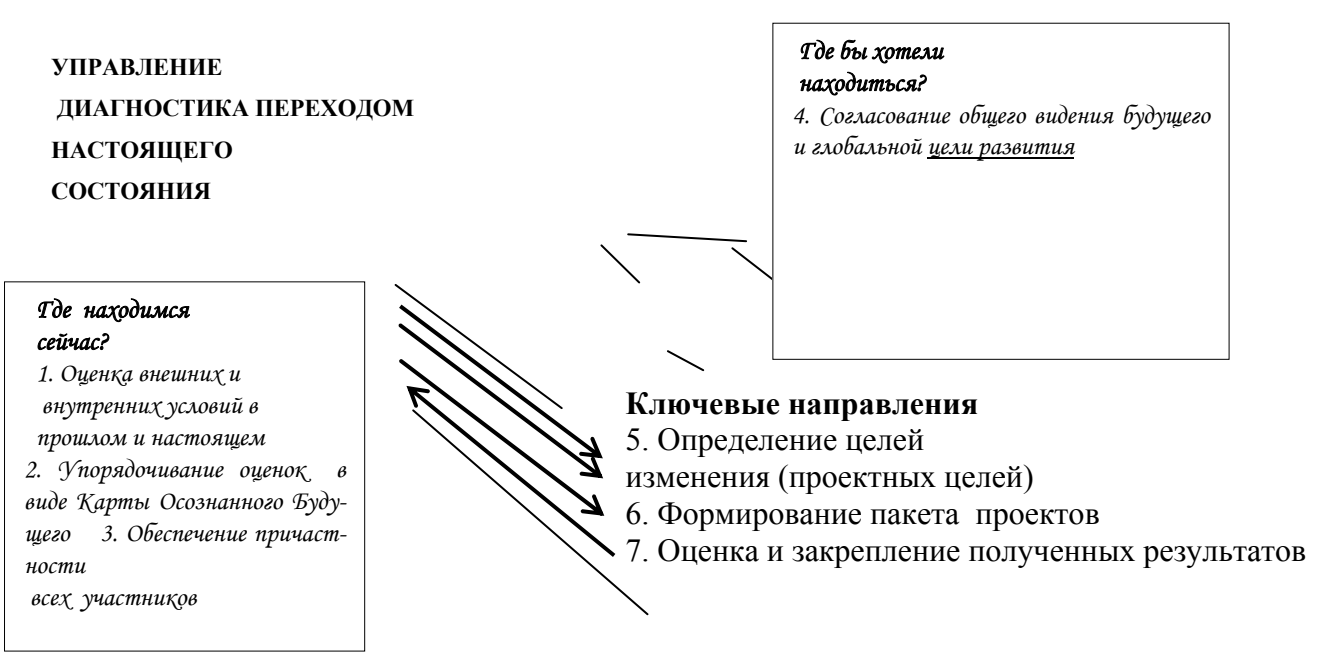


Рисунок 1.
Основные процедуры модели перехода от Настоящего к Будущему.

Результаты применения технологии. Согласно предложенной модели после аудита настоящего, стейк-холдерами был сконструирован следующий образ Будущего региона (см. табл.1).

Таблица 1

Образ Будущего Нижегородской области в 2015 году

Важнейшие события и сюжеты к 2015 году
1. Мы 10 лет в ВТО.
2. Социальная индустрия и ВПК окончательно встроены в экономическое производство.
3. Нет «серой» части экономики.
4. Электронное правительство Нижегородской области действует.
5. «Игра с правилами» трансформировалась в «игру по правилам».
6. Областью управляют люди, чей высокий статус достигнут этически приемлемым путем. Они имеют право говорить от имени общества, и их слушают.
7. «Сетевая экономика» и «сетевое управление» действуют.
8. Сформировался мегаполис «Большой Нижний Новгород», организующий новое региональное российское пространство.
9. Сформировался Волго-Вятский макрорегион.
10. За счет гибкой миграционной политики и инвестиций в человеческий капитал численность населения стабилизировалась.
11. Жизнь региона базируется на инновационных видах деятельности, таких как цифровые технологии в телекоммуникациях и СМИ, услуги on-line, CALL-центры, мультимедиа.
12. Введены высокоскоростные железнодорожные линии и поезда: время в пути до Москвы – 2-3ч., до С.-Петербурга – 7-8 ч.
13. Международный аэропорт действует в качестве межконтинентального
Экономическая ситуация в 2015
1. Валовой региональный продукт возрастет в 2-3 раза.
2. Объем инвестиций в основной капитал к 2010 г. вырастет в 4 раза по сравнению с 2005 г.
3. Доля наукоемкой продукции в структуре экономики вырастет в 2-3 раза.
4. Объем используемых инноваций увеличится в 4-5 раз.
5. Реальные доходы населения вырастут в 2,5 раза.
6. Уровень преступности снизится в 1,5 раза.

Отработка образа Будущего дала возможность сформировать на основе консенсуса глобальную цель. В качестве реальной глобальной цели стейк-холдерами была предложена следующая: создание условий запуска и поддержания саморазвивающихся бизнес-процессов, повышающих жизнеспособность и конкурентоспособность региона, по-

зволяющих сохранить и повысить уровень жизни его населения. В выработке цели одновременно принимали участие 108 человек, что позволило сделать её привлекательной для большинства жителей региона и тем самым дало возможность консолидировать вокруг неё наиболее активные слои населения.

В процессе обсуждений на ассамблее выявились двенадцать ключевых направлений, в рамках которых собственно и предлагалось проводить достижение глобальной цели. Участники отобрали стратегические направления развития Нижегородской области и отрейтинговали их путем голосования. Результаты обработки индивидуальных оценок, выставленных участниками, позволили составить обобщенный рейтинг каждого из ключевых направлений, см. рис. 2.

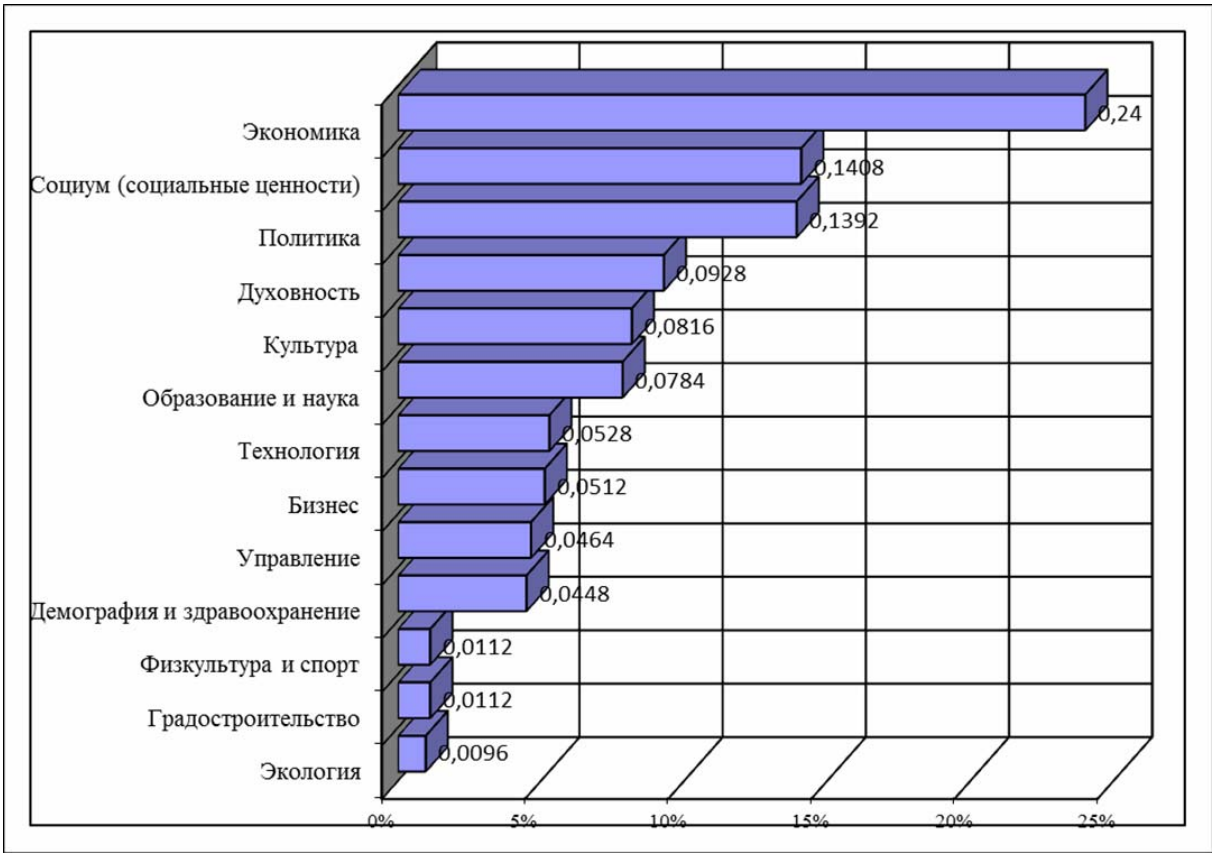


Рисунок 2.
Рейтинг ключевых направлений развития области (625 голосов).

В свою очередь, в рамках каждого из направлений участниками были предложены проектные идеи, которые прошли всестороннее обсуждение всеми группами стейк-холдеров. Одобренные проектные идеи с помощью СТВ были доведены до уровня проектного предложения в виде ТЗ и вновь заслушаны на общем собрании участников. Наибольшее количество проектных идей на первом уровне было принято к реализации в сфере экономики и градостроительства, на втором уровне – в сфере образования и науки. Более подробная информация о различных проектных идеях, предлагаемых к реализации на первом и втором уровнях, приведена в табл. 2

Таблица 2

Ключевые направления и проектные идеи. Отрейтингованные результаты.

Ключевые направления	Число отданных голосов	Проектных идей всего	Проектные идеи, нашедшие консенсус	Проектные идеи, принятые к реализации
Проекты стратегии I-го уровня (основные инвестиционные и инфраструктурные проекты)				
Экономика	150	10	3	3
Технология	33	17	14	2
Бизнес	32	5	4	2
Управление	29	5	3	1
Градостроительство	7	25	21	3
Проекты стратегии II-го уровня (инвестиции в инфраструктуру духовного и культурного наследия)				
Политика	87	19	14	–
Образование и наука	49	10	6	3
Демография и здравоохранение	28	10	2	1
Социум (социальные ценности)	88	4	2	2
Культура	51	32	22	1
Духовность	58	6	3	1
Физкультура и спорт	7	1	–	1
Экология	6	–	–	–
Итого	625	144	94	20

В качестве примеров проектов различных уровней можно привести следующие. Проекты первого уровня: «Создание Центра международной торговли»; «Создание технопарка высоких технологий», вторая очередь завода «Акрилат» (г. Дзержинск) и т.д.

Проекты второго уровня: «Благотворительный ФОНД Преподобного С. Саровского»; «Нижегородский подвиг» Минина и Пожарского и т.д.

Предложенные проекты Стратегии I и II уровня явились началом формирования проектного реестра Совета по конкурентоспособности Нижегородской области при Областном Законодательном Собрании, который отвечал за реализацию полученных результатов.

Каждый из проектов поддерживал одно из ключевых направлений и способствовал достижению глобальной цели. Однако достичь этой цели через представленные проекты без консолидации населения вокруг предложенных образцов поведения, без принятия населением данных *ценностей* как своих собственных и воспроизводства на этой основе соответствующего им типа общественных отношений едва ли возможно. А главным «мотором», который должен был запустить в обществе сознательное внедрение, явился Кодекс ценностей, принятый на ассамблее всеобщим консенсусом стейк-холдеров. Именно представители нижегородского сообщества, участвующие в создании Кодекса, были способны тогда предложить общественности новый стиль, новый образ и новые привлекательные ценности, связанные с ценностями национальными и опирающимися на исторический опыт региона.

Таблица 3

Этический кодекс Нижегородца

Нижегородец в Обществе	Нижегородец в Государстве	Нижегородец в работе
Семья – основа общества	Патриотизм	Конкурентоспособность
Уважение к старшим	Этика служения	Предприимчивость
Преемственность поколений	Служение отечеству – священный долг	Порядочность в делах
Обеспеченная старость	Свобода выбора образа жизни	Достойное вознаграждение за труд как основа благосостояния
Доброжелательность ко всем окружающим	Свобода передвижения	Профессионализм и компетентность
Честность в отношениях	Культура во всем	Работоспособность
Взаимопонимание в общении	Воля к победе	Основательность
Доверие к людям	Открытость власти	Результативность начинаний
Взаимоуважение	Готовность к сотрудничеству	Расчетливость
Духовность в помыслах и действиях	Национальные традиции и самобытность	Образованность
Ответственность за себя и окружающих	Патриотизм	
Совестливость	Этика служения	
Духовное и телесное здоровье Любовь к жизни	Служение отечеству – священный долг	
Терпимость		

Барьеры на пути реализации стратегии снимались путем применения партисипативной технологии проектного управления, а также расширением вовлеченности в процессы реализации проектов представителей различных групп стейк-холдеров и активных слоёв населения. Их преодолению также активно помогал Совет по конкурентоспособности при ОЗС. Следует отметить, что вертикальная интеграция была отработана как на региональном, так и на муниципальном уровнях в гг. Арзамас, Н.Новгород, Сокольский район и др. [1].

Ретроспективная оценка. Десятилетний период, прошедший со времени разработки двухуровневой стратегии, показал, что:

1. Самым важным результатом данного проекта оказалось *преодоление внутренней дезинтеграции* – устранение расширяющегося конфликта между двумя ветвями власти, охватившего все публичное пространство региона. Устранить конфликт позволил механизм *внешней вертикальной интеграции*, включавший в достижение консенсуса между различными стейк-холдерами как депутатов ОЗС, Госдумы от региона, так и непосредственно полномочного представителя Президента в ПФО В. Кириенко. Материалы «Гражданская ассамблея. Стратегическая сборка – 2015» были представлены в Администрацию Президента РФ. По результатам их рассмотрения в область пришёл другой губернатор В.Шанцев, который достаточно быстро погасил конфликт и консолидировал общество для достижения стратегических целей через выделенные ключевые направления развития региона.

2. В современных условиях конструирование Будущего, включающего стратегии развития на 5–10–15 лет, имеет смысл выполнять, несмотря на то, что глобальные проявления нестабильности в период 2008–2010 годов и последующий за ним период санкциональных войн, изменили построенную картину Будущего. Да, замедляется время достижения отдельных важнейших событий в Будущем региона. Да, реализуются не все сюжетные линии. Да, выполняются далеко не все основные экономические показатели. Тем не менее, как показало время, ключевые направления и глобальная цель стейк-холдерами были сформированы верно. Так, из 13 важнейших событий Образа Будущего, перечисленных в табл. 2, в 2015 году в полной мере было реализовано 7 событий (позиции 2, 4, 6, 8, 10, 11, 12), частично реализовано – 3 (позиции 1, 7, 13), и не реализовано – 3, (позиции 3, 5, 9).

Что же касается макроэкономических показателей, то здесь мы наблюдаем неоднозначную картину. С одной стороны отмечается приближение, а в ряде случаев даже превышение намеченных показателей, как это было с доходами населения. Например, доходы населения за этот период возросли с 4000 руб. до 24 503 руб. т.е. в 6,2 раза, а пла-

нировалось в 2,5 раза. ВРП в основных ценах с 2004 года по 2013 год увеличился с 241,230 млн. до 925 832 млн., т.е. увеличился в 3,8 раза, при ожидаемом в 2–3 раза. Инвестиции в основной капитал в фактически действующих ценах возросли с 64 505 млн. руб. в 2005 году до 276 819 млн. руб. в 2014 году, т.е. в 4,3 раза. Ожидалось же в 4 раза. Уровень преступности снизился с 2118 до 1435 , (в 1,5 раза)[1].

Однако с другими намеченными показателями дело обстоит хуже. Прирост населения в области по-прежнему имеет знак минус: численность за этот период сократилась с 3479 тыс. до 3281 тыс. человек Доля инвестиций в основной капитал в процентах к ВРП сократилась с 35,2 до 27,2 в 2014 году. Не столь быстро рос и объем используемых инноваций[2].

3. Наиболее устойчивыми к глобальным проявлениям нестабильности оказались результаты реализации проектов второго уровня, связанные с духовным развитием социума. Они, в отличие от точечных проектов первого уровня, носят системный некоммерческий характер, обеспечивая воздействие на всех жителей территории.

В целом их результаты слабо подвержены конъюнктурным изменениям, что позволяет стабилизировать экономику через построение и реализацию системы духовных ценностей и обеспечивает снижение напряженности в обществе в условиях кризиса. Это, в конечном счете, способствует реализации проектов первого уровня даже в условиях появления непредсказуемых событий, в виде так называемых «черных лебедей».

4. Десятилетний опыт реализации региональной и муниципальных стратегий показал также достаточную устойчивость двухуровневой проектной активности к смене региональных управленческих команд. При новом губернаторе В. Шанцеве большинство проектов первого и второго уровней продолжало выполняться и вошло в новую стратегию «Стратегия – 2020», поскольку они отражали мнение и реальные возможности основных акторов публичного пространства.

5. Предложенный проектный партисипативный подход позволяет говорить не только об интеграции региональных стратегий развития по вертикали, но и о возможной интеграции стратегий отдельных регионов на горизонтальном уровне в рамках федеральных округов при условии вовлечения в неё полномочных представителей Президента в этих округах.

[1] http://knoema.ru/atlas/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F

[2] http://www.gks.ru

Цукерман В.А.
к.т.н., зав. отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН
tsukerman@iep.kolasc.net.ru
Горячевская
н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН

ДОБЫЧА И ПЕРЕРАБОТКА МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ[1]

Ключевые слова: *полезные ископаемые, добыча, переработка, Арктика, инновационное развитие, ресурсы, государственное регулирование, стратегия.*

Keywords*: natural resources, mining, processing, Arctic, innovative development, resources, government regulation, strategy.*

В современных условиях развития мировой экономической системы большое значение имеет эффективное использование природных и, прежде всего, минерально-сырьевых ресурсов, которые потребляются в огромных масштабах, а устойчивый высокий спрос на них определяет приоритеты страны в сфере разведки, наращивания добычи и переработки новых месторождений. Конкурентоспособность Арктической зоны Российской Федерации (Арктики) связана, прежде всего, с минерально-сырьевыми ресурсами.

В Арктике добывается 100% сурьмы, апатита, флогопита, вермикулита, барита, свыше 95% металлов платиновой группы, более 90% никеля и кобальта, 60% меди, значительная часть алмазов, редких металлов, углеводородного сырья и других продуктов. Общая стоимость минерально-сырьевых ресурсов арктических недр превышает 30 трлн. долл., из них порядка 20 трлн. стоимости составляют топливно-энергетические ресурсы[2].

Использование минерально-сырьевых ресурсов наряду с другими природными запасами имеет существенный синергетический потенциал, дает новый импульс развитию экономики Арктики и России.

Развитие отраслевой структуры произведенного валового регионального продукта (ВРП) – важный фактор инновационного и социально-экономического развития арктических территорий (табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (2014 г., в текущих ценах, в процентах к итогу)[3]

	Рыболовство, рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обработка производства	Производство и распределение электро-энергии, газа и воды
Архангельская область	2,4	2,3	19,8	3,7
Ненецкий АО	0,7	74,3	0,3	1,1
Мурманская область	10,1	12,2	12,5	6,0
Ямало-Ненецкий АО	0,0	50,2	1,4	2,1
Республика Саха (Якутия)	0,1	44,5	1,6	4,0
Чукотский АО	0,6	42,9	0,2	11,7
Регионы Арктики	2,3	37,7	6,0	4,8

В целом на добычу полезных ископаемых приходится более 37% добавленной стоимости арктического макрорегиона. При этом в Ненецком АО и Ямало-Ненецком АО этот показатель превышает 50% за счет большого объема добычи углеводородного сырья. Нефтегазовая отрасль играет ведущую роль в экономике этих регионов.

Максимальное значение по разделу «Рыболовство и рыбоводство» характерно для Мурманской области. По производству и распределению электроэнергии, газа и воды лидирует Чукотский АО. К предприятиям автономного округа относятся: Билибинская АЭС (филиал АО «Концерн Росэнергоатом»), филиалы АО «Чукотэнерго», пред-

[1] Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-38-00009 «Программно-целевое управление развития Арктической зоны РФ». Санкт-Петербургский политехнический университет.

[2] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 20.02.2013

[3] Сравнение с регионами производится в определенной степени условно. Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. к Арктике полностью отнесены только следующие регионы: Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО и Чукотский АО. См.: Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/

ставленные Анадырской ТЭЦ, Эгвекинотской ГРЭС, Чаунской ТЭЦ, Северными электрическими сетями, а также Анадырская газомоторная ТЭЦ. Энергетические предприятия в полном объеме обеспечивают потребности в электрической и тепловой энергией потребителей округа и порядка 16 млн. кВт*ч ежегодно поставляется в Республику Саха (Якутия)[1].

В обрабатывающих производствах лидером является Архангельская область, где сосредоточены ведущие лесопромышленные центры России. Регион обеспечивает третью часть российских объёмов целлюлозы и картона, до 8% пиломатериалов и до 10% бумаги[2].

Достижение высокого уровня конкурентоспособности предприятий по добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов неразрывно связано с необходимостью разработки и реализации инновационных проектов, базирующихся на оптимальном сочетании собственных научно-технических ресурсов и достижений успешных стран, а также с повышением инвестиционной привлекательности предприятий[3]. В настоящее время стратегическая модернизация и индустриализация ресурсных отраслей Арктики только начинает входить в поле деятельности экономической политики государства. Исследования в области инновационного типа воспроизводства, динамики инновационной активности и ее структуры, модернизации как механизма выравнивания развития между предприятиями, отраслями, комплексами в целях содействия переходу к наиболее прогрессивным наукоемким производственным отношениям в Арктике не являются завершенными[4].

Значимость исследования уровня инновационного промышленного развития определяется, с одной стороны, возрастанием роли специфических активов арктических территорий, связанных с научно-технической деятельностью, а, с другой стороны, – качественными сдвигами, обусловленными дифференциацией знаний по использованию технологий. В перспективе инновационное развитие добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов возможно только для тех арктических регионов, которые способны не только использовать передовые технологии, но и создавать новые[5].

В условиях глобализации научно-технологического и промышленного пространства международная роль Арктики определяется ее научно-технологическим и промышленным потенциалом. Инновационный потенциал Арктики в настоящее время реализуется далеко не в полной мере. Именно от этого потенциала будет зависеть, какое место займет Арктика и Россия в мире[6].

Арктические регионы существенно различаются по уровню экономического, инновационного промышленного развития и социальному комфорту. В связи с этим необходимо решение проблем эффективного управления развитием территорий макрорегиона[7].

Индекс промышленного производства в последние годы не соответствует стратегическому развитию Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г. (рис. 1).

* данные за январь-август, в % к соответствующему периоду предыдущего года

Рисунок 1.
Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году)

По сравнению с 2012 годом показатели снижаются, хотя и в меньшей степени, чем индекс промышленного производства Российской Федерации. Исследования показали, что рост промышленного производства Арктики про-

[1] Чукотский АО. Энергетика. – http://чукотка.рф/region/branches/energetics/about_energetics/

[2] Лесопромышленный комплекс Архангельской области. – http://www.dvinaland.ru/-2m5atddc

[3] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное развитие Арктической зоны Российской Федерации: особенности и проблемы управления // Друкеровский вестник. 2016. – № 2 (10). – С. 47–58.

[4] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Об инновационно-промышленной политике минерально-сырьевого комплекса Арктической зоны Российской Федерации // Научное обозрение. 2015. – № 10–1. – С. 271–281.

[5] Цукерман В.А. Инновационное промышленное развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. – Т. 1, № 1 (44). – С. 168–175.

[6] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационный потенциал регионов российского Севера (на примере Мурманской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 15 (150). – С. 19–27.

[7] Цукерман В.А. О стратегии инновационного развития регионов Севера, связанных с освоением морских ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. – № 2 (28). – С. 69–72; Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы экономического роста // Друкеровский вестник. 2015. – № 1. – С. 128–141.

исходит в основном за счет экстенсивных факторов – увеличения объема, а не использования инновационных технологий[1]. За 8 месяцев 2016 года максимальный индекс промышленного производства продемонстрировал Ненецкий АО. Минимальное значение индекса в Чукотском АО.

Исключительное значение имеет инновационная активность организаций промышленного производства (табл. 2).

Таблица 2

Инновационная активность организаций промышленного производства, %[2]

	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Архангельская область	7,7	4,1	5,5
Ненецкий АО	16,7	7,1	2,6
Мурманская область	7,7	13,9	12,3
Ямало-Ненецкий АО	8,8	7,0	11,2
Республика Саха (Якутия)	7,0	9,4	10,6
Чукотский АО	23,5	23,5	33,3
Регионы Арктики	11,9	10,8	12,6
Российская Федерация	11,1	10,9	10,9

Инновационная активность предприятий Арктики практически не отличается от показателей по Российской Федерации, однако значительно ниже показателей зарубежных стран. Так, за 2013 год аналогичный показатель в Германии – 66,9%, Канаде – 63,5, Ирландии – 58,7, Швеции – 55,9, Финляндии – 52,6, Дании – 51,1%[3].

Снижается объем инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (табл. 3).

Таблица 3

Объем инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг[4], %

	2006 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Архангельская область	0,3	0,8	0,4	13,9	45,3	2,8
Ненецкий АО	0,1	0,0	0,0	–	–	–
Мурманская область	0,6	0,5	0,2	0,1	0,8	3,6
Ямало-Ненецкий АО	0,0	1,4	1,5	1,3		0,0
Республика Саха (Якутия)	0,4	1,1	0,4	0,3	2,9	1,6
Чукотский АО	12,0	0,6	–	1,2	1,7	0,0
Регионы Арктики	2,2	0,7	0,5	3,4	3,4	1,6
Российская Федерация	4,7	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7

Показатели объема инновационных товаров, работ, услуг предприятий Арктики в среднем в 5 раз отстают от показателей Российской Федерации, что также значительно ниже аналогичного показателя в развитых странах. Максимальное значение продемонстрировала Мурманская область, минимальное – Ямало-Ненецкий АО, что значительно уступает странам Европейского союза. Так, в Германии аналогичный показатель составляет 15,5%, Дании – 15,0, Ирландии – 9,3, Норвегии – 6,1, Финляндии – 15,3, Швеции – 8,4%.

Распределение затрат организаций промышленного производства на технологические инновации по видам инновационной деятельности не соответствует инновационному развитию предприятий (табл. 4).

Таблица 4

Распределение затрат организаций промышленного производства на технологические инновации по видам инновационной деятельности (2014 год), %

	Исследования и разработки	Приобретение машин, оборудования, программных средств	Приобретение новых технологий	Прочие затраты
Архангельская область	2,2	97,7	–	0,1
Ненецкий АО	–	100,0	–	–
Мурманская область	6,0	47,5	–	46,5
Ямало-Ненецкий АО	45,5	19,4	0,1	35,0
Республика Саха (Якутия)	4,1	50,6	–	45,3
Чукотский АО	14,5	83,7	–	1,8
Регионы Арктики	14,5	66,0	0,1	19,4
Российская Федерация	25,0	48,2	2,2	24,6

[1] Цукерман В.А. Концептуальные основы инновационного промышленного развития Севера и Арктики // Север и рынок: Формирование экономического порядка. 2012. – № 3. – С. 139–143.

[2] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/emiss/

[3] Индикаторы инновационной деятельности 2016. Стат. сб. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. – 320 с. – https://www.hse.ru/primarydata/ii2016

[4] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Можно отметить, что больше половины затрат организаций промышленного производства на технологические инновации приходится на приобретение машин и оборудования. В Финляндии до 80% затрат приходится на исследования и разработки, в Швеции – 82,9%, Дании – 91, Норвегии – 84,9%[1].

Освоение передовых производственных технологий в последние годы стагнирует (табл. 5).

Таблица 5

Число используемых передовых производственных технологий, ед.

	2006 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Архангельская область	494	1283	1396	1342	1376	1362
Ненецкий АО	23	15	18	25	8	8
Мурманская область	729	1112	1557	1154	1106	1135
Ямало-Ненецкий АО	1573	3628	3769	3920	3971	3930
Республика Саха (Якутия)	546	494	597	880	867	600
Регионы Арктики	3365	6532	7337	7321	7328	7035
Российская Федерация	168 311	203 330	191 650	191 372	193 830	204 546

Исследования показали, что промышленные предприятия Арктики не заинтересованы в создании производственных технологий, усилении творческих и хозяйственных связей с научными и конструкторскими организациями[2]. Как следствие, передовые производственные технологии предприятиями не реализуются (табл. 6).

Таблица 6

Число разработанных передовых производственных технологий, ед.

	2006 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Архангельская область	10	7	7	19	16	15
Ненецкий АО	1	–	–	1	1	1
Мурманская область	5	–	–	–	–	–
Ямало-Ненецкий АО	2	1	4	1	4	16
Республика Саха (Якутия)	–	–	1	2	2	2
Чукотский АО	–	–	–	–	–	2
Регионы Арктики	18	8	12	23	23	34
Российская Федерация	735	864	1138	1323	1429	1409

Одним из негативных факторов является значительный износ основных фондов (табл. 7).

Таблица 7

Степень износа основных фондов (на конец года), в %

	2006 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Архангельская область	41,9	36,1	38,4	38,4	42,9	45,7
Ненецкий АО	27,2	26,1	31,1	33,0	38,8	42,1
Мурманская область	41,2	42,7	42,8	37,0	39,5	38,9
Ямало-Ненецкий АО	51,9	57,0	56,9	55,2	57,4	58,5
Республика Саха (Якутия)	42,2	37,6	40,1	32,6	35,0	36,6
Чукотский АО	37,2	35,2	40,8	44,4	43,0	46,3
Регионы Арктики	40,3	39,1	41,7	40,1	42,8	44,7
Российская Федерация	44,4	45,7	46,3	45,9	46,3	47,9

Наибольший процент износа основных фондов характерен для предприятий Ямало-Ненецкого АО, наименьший – Республики Саха (Якутия).

Необходимо особое политическое и общественное внимание к проблеме инновационного экономического развития Арктики, поиска путей превращения научного потенциала в ресурс для обеспечения конкурентоспособности экономики и устойчивого роста[3]. При этом, с одной стороны, резко ограничен доступ ресурсных предприятий к тем новейшим технологиям, в которых доминируют западные страны (Европейский Союз и США). С другой – масштабно сократились возможности кредитных заимствований, что осложнило инвестиционный климат в целом. Необходима структурная перестройка и модернизация производственного комплекса Арктики. Для инновационного развития требуются не только огромные ресурсы, но и использование специфических механизмов программно-целевого управления для перехода к новой парадигме устойчивого развития, которая связана с экономической, социальной эффектив-

[1] Россия и страны мира, 2014. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594

[2] Цукерман В.А. Проблемы и перспективы инновационно-технологического развития экономики Севера // Экономика и управление. 2007. – № 6. – С. 76–78.

[3] Цукерман В.А. Актуальные проблемы инновационного развития экономики российского Севера // Пространственная экономика. 2009. – № 4. – С. 57–87.

ностью и безопасностью, становлением ключевых направлений пятого и шестого технологического уклада и обеспечением национальных интересов в рамках международного сотрудничества[1].

В решении задач обеспечения динамически устойчивого развития экономики Арктики первостепенная роль принадлежит инновационной промышленной деятельности, способной обеспечить непрерывное обновление технологической базы производства, освоение и выпуск новой конкурентоспособной продукции, эффективное проникновение на мировые рынки товаров и услуг. В связи с этим стратегическим направлением развития является активизация промышленного производства, особенно в условиях кризиса и экономических санкций[2].

Государственная стратегия развития Арктики должна быть направлена, главным образом, на модернизацию промышленного комплекса, обеспечивающего эффективное и экологически сбалансированное природопользование. Для решения этих задач необходимы научно обоснованные исследования промышленного развития, перспективные направления прикладных научных разработок и совершенствование инновационной инфраструктуры. В обозримой перспективе арктические регионы сохранят за собой сырьевую специализацию с достаточно высоким удельным весом экспорта продукции. Возможно увеличение выпуска сжиженного природного газа, а в европейской части – некоторый рост обрабатывающих производств, в частности, судостроения и судоремонта. Такая, ориентированная на реальный спрос стратегия соответствует перспективным условиям глобальной промышленной кооперации при длительном сохранении или даже росте потребностей в соответствующих видах сырья. В то же время перспективы ресурсной специализации промышленного сектора арктических регионов имеют ряд ограничений и рисков.

В основные задачи государства в сфере добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов должно входить создание и поддержание конкурентного механизма, общей инфраструктуры и благоприятного институционального климата для активизации инновационной деятельности.

На федеральном уровне принят целый ряд законов и программных документов, связанных с инновационным промышленным развитием. Однако до сих пор не принят закон «Об инновациях и инновационной деятельности».

Требуется дальнейшее совершенствование законодательства на уровне субъектов Арктики и соответствующей структуры, содействующей инновационной промышленной деятельности[3].

Следует отметить, что в связи с продлением санкций проблема импортозамещения становится основной в решении задачи обеспечения технологического суверенитета[4]. Особые проблемы связаны с импортом бурового оборудования, электрических насосов, морских платформ для добычи нефти на шельфе. Освоение минеральных ресурсов Арктики, в том числе на шельфе, должно проводиться с помощью высокотехнологичных процессов с максимальной ресурсоэффективностью. Месторождения следует осваивать с подключением отечественных субконтракторов для обустройства новых добычных платформ и площадок, а также транспортных отечественных средств для экспорта энергоносителей. В этой связи следует приветствовать реализацию проекта ПАО «Роснефть» по созданию в Мурманской области завода по производству подводной арматуры, бетонных блоков и других материалов. Создание системы транспортировки продукции является одной из технически сложных проблем, от правильного решения которой будет во многом зависеть перспективы освоения арктического шельфа[5].

Геополитическая обстановка требует ускоренного решения проблемы импортозамещения в качестве наиболее приоритетной задачи модернизации промышленных предприятий минерально-сырьевой направленности. Сложности при формировании стратегии импортозамещения на промышленных предприятиях обусловлены отсутствием четкого понимания реальных потребностей в инновационных технологиях и соответствующем оборудовании для формирования приоритетных направлений импортозамещения с учетом возможностей Арктики и России.

Следует признать, что с разработкой и реализацией инновационных проектов и импортозамещением технологий и оборудования на предприятиях минерально-сырьевого комплекса Россия серьезно запоздала. Быстрых результатов ждать не приходится. Для реализации политики импортозамещения требуется разработка рациональных путей решения проблемы, в первую очередь повышение инновационной активности предприятий.

Следует поддерживать инициативы по организации экспертного сообщества, задействованного в формировании программы государственной поддержки научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-промышленных работ по обеспечению импортозамещения инновационных технологий и соответствующего оборудо-

---

[1] Селин В.С., Цукерман В.А. Инновационное развитие России и ресурсно-сырьевой комплекс Севера // Модернизация. Инновации. Развитие. 2013. – № 4. – С. 61–67.

[2] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Основные проблемы и рекомендации по законодательному обеспечению инновационного промышленного развития регионов Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. – № 1 (22). – С. 76–80.

[3] Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / под науч. ред. д.э.н. В.С. Селина, к.т.н. В.А. Цукермана. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2012. – 255 с.; Тенденции и особенности инновационной индустриализации в северных регионах России / Коллектив авторов; под науч. ред. В.С. Селина, В.А. Цукермана. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. – 162 с. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное развитие Арктической зоны Российской Федерации: условия и проблемы управления // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. – № 3 (46). – С. 96–107.

[4] Березиков С.А., Цукерман В.А. Технологическая структура экономики и ее влияние на конкурентоспособность северных регионов России минерально-сырьевой направленности // Горный журнал. 2012. – № 9. – С. 63–66.

[5] Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути / Науч. ред. д.э.н., проф. Селин В.С., д.э.н., проф. Козьменко С.Ю. (гл. 4). – Апатиты: КНЦ РАН, 2015. – 335 с.

вания, программных средств, комплектующих и сервисных услуг для предприятий геологоразведки, добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов[1].

Реализация указанных мер является важным фактором инновационного развития предприятий по добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов Арктики, а также обеспечения экономической безопасности страны и снижения зависимости от конъюнктуры мирового рынка.

[1] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное промышленное развитие как основа экономического роста северных регионов // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014: Материалы Четвертого Всероссийского научного семинара (24-26 сентября 2014 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. – Ч. 2. – С. 274–280.

Цукерман В.А.
к.т.н., зав. отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН
tsukerman@iep.kolasc.net.ru
Козлов А.А.
н.с. Института экономических проблем Кольского НЦ РАН

СОГЛАСОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И КОРПОРАТИВНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕРВИСА В АРКТИКЕ[1]

Ключевые слова: *инновации, Арктика, промышленность, согласование, государство, корпорации, промышленный аутсорсинг, некомерческие организации, государственно-частное партнерство*

Keywords: *innovations, Arctic, industry, coordination, state, corporations, industrial outsourcing, non-profit organizations, public-private partnership.*

Промышленный сервис и связанная с ним проблематика занимает одно из главных мест в сфере развития производства товаров. Требуется создание инновационных технологий и соответствующего оборудования для производственной базы корпораций. Именно инновации являются основой технологического прогресса и адекватно влияют на сферу промышленного сервиса.

В российской Арктике создан мощный индустриальный слой, а масштабы хозяйственной деятельности значительно превосходят показатели арктических стран[2]. Между тем, в Арктике преобладает высокая доля добавленной стоимости ресурсных отраслей промышленности, которая составляет порядка 60%. Для сравнения, в Гренландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии этот показатель не превышает 15%; в арктической зоне США и Канады – менее 30%[3].

Глобализация и ужесточение общемировой конкуренции, диверсификация структуры мировой экономики и потребления энергоресурсов требуют корректировки прежних подходов к активизации инновационной промышленной деятельности в российской Арктике. Соответствовать современным требованиям может только устойчивый, инновационно активный, экономически эффективный и динамично развивающийся промышленный сектор экономики[4].

Достижение высокого уровня конкурентоспособности экономики российской Арктики неразрывно связано с необходимостью технологической модернизации предприятий, рациональной государственной инновационной промышленной политикой, базирующейся на оптимальном сочетании собственных научно-технических ресурсов и внешних факторов инновационных процессов, а также с повышением привлекательности предприятий[5]. Необходима структурная перестройка и модернизация производственного комплекса Арктики[6]. Для инновационного развития требуются не только огромные ресурсы, но и использование специфических механизмов программно-целевого управления для перехода к новой парадигме устойчивого развития, которая связана с экономической, социальной эффективностью и безопасностью, становлением ключевых направлений пятого и шестого технологического уклада и обеспечением национальных интересов в рамках международного сотрудничества[7].

В этой связи, для создания и развития промышленного сервиса в российской Арктике требуется согласования государственной и корпоративной инновационной политики. Решение вопросов повышения эффективности промышленного сервиса и инновационного развития корпораций является продолжением исследований авторов[8].

---

[1] Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00540 «Теоретические основы и механизм согласования государственной, региональной и корпоративной инновационной политики в Арктике».

[2] Цукерман В.А. Актуальные проблемы инновационного развития экономики российского Севера // Пространственная экономика. 2009. № 4. – С. 57–87.

[3] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное развитие Арктической зоны Российской Федерации: особенности и проблемы управления // Друкеровский вестник. 2016. № 2 (10). – С. 47–58.

[4] Цукерман В.А. На пути к высокотехнологическому развитию экономики Севера и Арктической зоны РФ // Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – Волгоград: Учитель, 2014. – С. 331–342.

[5] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационный потенциал регионов российского Севера (на примере Мурманской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 15 (150). – С. 19–27.

[6] Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Позиционирование регионов Севера РФ по уровню инновационного развития // Север и рынок: формирование экономического порядка, 2010. № 2 (26). – С. 85–87.

[7] Селин В.С., Цукерман В.А. Инновационное развитие России и ресурсно-сырьевой комплекс Севера // Научно-практический журнал «Модернизация. Инновации. Развитие». 2013. № 4. – С. 61–67.

[8] Цукерман В.А., Козлов А.А. Согласование государственной и корпоративной инновационной политики в сфере промышленного аутсорсинга российской Арктики // Экономика в промышленности. 2015. № 3. – С. 26–29.

Приходится констатировать, что промышленный сервис, как правило, не рассматривается государственными органами власти в числе основных направлений развития отечественной промышленности, например в государственной программе Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»[1]. Не отмечена положительная роль промышленного сервиса и в Федеральном законе Российской Федерации «О промышленной политике в Российской Федерации»[2]. Между тем, промышленный сервис должен стать объектом реального комплексного воздействия государства в качестве необходимой и масштабной составной части промышленной политики.

Несмотря на множество теоретических положений, в которых определяется роль и значение корпораций в экономике и методы их государственной поддержки, требуется дальнейшие теоретико-методологическое исследования всего комплекса факторов, определяющих прямые и обратные связи между государством и корпорациями, а также определение критериев эффективности развития корпораций с позиции социально-экономического развития государства, в том числе в сфере развития промышленного сервиса. Становятся актуальными исследования теоретических и практических подходов по совершенствованию взаимоотношений государства и корпораций на основе поиска и формирования механизмов согласования интересов.

Международный опыт позволяет утверждать, что компании промышленного сервиса могут предлагать широкий спектр товаров и услуг ресурсным корпорациям. Так в Канаде широкое распространение получили сервисные компании совместно работающие с горно-перерабатывающими корпорациями при проведении геологоразведочных работ, добычи и обогащении руды, металлургии, строительстве промышленных объектов, функционировании и рекультивации земель[3].

В российской Арктике особое значение приобретает важнейший элемент промышленного сервиса – промышленный аутсорсинг, при котором корпорация передает на контрактной основе определенные производственные функции и бизнес-процессы на обслуживание специализированным сервисным компаниям, что требует не только рыночных регулирующих механизмов, но и специального воздействия со стороны органов власти для повышения качества и объема предоставляемых услуг. Недооценка согласования интересов в развитии промышленного сервиса может привести к негативным последствиям для многих арктических корпораций, поскольку решая проблему модернизации и технологического развития они сталкиваются с целым комплексом проблем, решить которые самостоятельно сложно с учетом отсутствия квалифицированного персонала, повышенных затрат и сложных климатических условиях.

В тоже время, добыча и переработка природного сырья российской Арктики может служить катализатором для развития сервисных компаний, которые способствуют корпорациям повысить конкурентные преимущества на международных рынках[4]. Передача бизнес-процессов на аутсорсинг позволяет ресурсным корпорациям сконцентрировать усилия на существующих, требующих повышенного внимания, ключевых видах деятельности, а также реализации новых направлений инновационного бизнеса и снижает стоимость услуг, работ и товаров на 10–15%[5].

Для достижения оптимального согласования интересов государства и арктических корпораций в развитии промышленного сервиса требуется непосредственное государственное регулирование. Авторы полагают, что для развития промышленного сервиса в российской Арктике возможно применения тех же механизмов и инструментов государственного регулировании инновационной промышленной политики в Арктики, рассмотренных в ряде работ[6,7,8].

В зарубежных странах при реализации крупных проектов применяется особая модель государственного регулирования – государственно-частное партнерство (далее – ГЧП)[9]. Применительно к вопросу разработки механизма согласования государственной и корпоративной инновационной политики развития промышленного сервиса, такая модель заключается в том, что государство в соответствии со своими интересами содействует созданию и развитию промышленного сервиса, и по существу выступает в роли партнера в инновационных проектах, максимально соответствующим его требованиям. В рамках этой модели государство играет существенную роль: во-первых, через государственные или аффилированные с ним корпорации в качестве одного из главных клиентов предоставляемых услуг, во-вторых, в качестве субъекта, который устанавливает рамочные условия реализации проекта. В этом случае, такая модель взаимодействия государства и арктических корпораций позволяет использовать ресурсы частного сектора для развития сервисных компаний, повысить качество и увеличить объем предоставляемых услуг. Базисным принципом

---

[1] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”».

[2] Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

[3] Каталог канадских поставщиков оборудования и услуг для горной промышленности – членов CAMESE – URL: http://www.camese.org/ru/CAMESECompendiumru.pdf (дата обращения 05.10.2015).

[4] Цукерман В.А. Концептуальные основы инновационного промышленного развития Севера и Арктики // Север и рынок: Формирование экономического порядка. 2012. № 3. – С. 139–143.

[5] Прудникович О.О., Новиков Е.М. Эффективность аутсорсинга погрузочно-разгрузочных работ на металлургическом предприятии // Экономика в промышленности. 2010, № 2. – С. 26–27.

[6] Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Об инновационно-промышленной политике минерально-сырьевого комплекса Арктической зоны Российской Федерации // Научное обозрение. 2015. № 10. – С. 271–280.

[7] Тенденции и особенности инновационной индустриализации в северных регионах России / Коллектив авторов; под науч. ред. В.С. Селина, В.А. Цукермана. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. – 162 с.

[8] Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / под науч. ред. д.э.н. В.С. Селина, к.т.н. В.А. Цукермана. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2012. – 255 с.

[9] Jeffrey Delmon Public-Private Partnership Projects in Infrastructure/ An Essential Guide for Policy Makers. Cambridge University Press. – 2011.

по развитию промышленного сервиса на основе модели ГЧП является готовность частного сектора нести определенные риски, связанные с решением поставленной сложной задачей развития промышленности в Арктике[1].

В зарубежной практике существенную роль во взаимодействии государства и корпораций играют некоммерческие общественные организации (далее – НКО)[2]. Деятельность НКО возможно непосредственно направить на развитие промышленного сервиса в российской Арктике для обучения персонала и предпринимателей по развитию промышленного сервиса, продвижения услуг сервисных компаний в российской Арктики и в других регионах. Формы деятельности НКО для выполнения подобных функций, могут быть различными: торгово-промышленные палаты, бизнес-инкубаторы, бизнес – ассоциации и т.д. В этом плане следует отметить традиционные ежегодные Международные конференции «Горнодобывающая промышленность – взгляд в будущее», проходящие в разных городах Мурманской области с 2011 года и организаторами которых выступают Евро-Арктическая торговая палата, Северная торгово-промышленная палата, Торгово-промышленная палата РФ. В рамках этих конференций происходит обсуждение опыта, проблем и перспектив развития горной отрасли по многим направлениям. В работе конференциях принимало участие в различное время от 100 до 250 специалистов горнодобывающей, горно-перерабатывающей промышленности и промышленного сервиса, представителей науки, федеральной, региональной и муниципальной власти Российской Федерации, представителей бизнеса и государственных структур множества западных стран. В дни работы конференций проходят выставки инновационных технологий и современного горнопромышленного оборудования и технологий. В 2013 году конференция была посвящена современной технике и технологиям горнодобывающего и перерабатывающего производств, а также непосредственно состоянию и перспективам развития промышленного сервиса для горнодобывающего и горно-перерабатывающего производств. Организация и функционирование данных конференций является ярким примером согласования государственной и корпоративной инновационной политики развития промышленного сервиса в Арктике и способствовало созданию благоприятных условий для развития сервисного обслуживания крупных горнопромышленных предприятий Мурманской области.

НКО также могут способствовать созданию и внедрению инновационных проектов, налаживанию связей между наукой и производством.

Исследование зарубежного опыта сочетания интересов государства и корпораций может дать ориентиры для разработки механизма согласования государственной и корпоративной инновационной политики развития промышленного сервиса[3]. Такими ориентирами могут послужить:

– усиление взаимодействия между корпорациями, малым и средним бизнесом;

– развитие государственных высокотехнологичных производственно-сервисных комплексов;

– инфраструктурное развитие предпринимательства;

– создание специальных финансовых организаций по инвестированию в сферу промышленного сервиса.

Реализация механизма согласования интересов государственной и корпоративной инновационной политики развития промышленного сервиса позволит:

– обеспечить интенсивное развитие недостаточно сформированной отрасли промышленности;

– повысить результативность мер управления экономическими процессами в этой сфере;

– увеличить темпы экономического роста и усилить позиции конкурентоспособности промышленности Арктики.

[1] Амерханова А.Б. Современные концепции и механизмы сочетания экономических интересов государства и частного предпринимательства: Теория и мировая практика // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. № 1 – С. 4–12.

[2] Edwards, M. and Hulme, D. (2002) NGO Performance and Accountability: Introduction and Overview. In: Edwards, M. and Hulme, D., ed. 2002. The Earthscan Reader on NGO Management. UK: Earthscan Publications Ltd., Chapter 11.

[3] Иванова Л.В., Козлов А.А., Цукерман В.А. Организация промышленного сервиса на горном производстве: российский и зарубежный опыт // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2014. № 12. – С. 279–283.

Черкасов П.С.
к.э.н., вице-президент ОАО «Инград»

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ЦЕЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

***Ключевые слова**: региональная экономика, социально-экономическое развитие, региональная жилищно-строительная политика, государственное управление, качество жизни населения, человеческий капитал*
***Keywords:** regional economy, socio-economic development, regional house-construction policy, state management, quality of population life, human capital.*

В ряд первоочередных задач социально-экономического развития общества и государства жилищную проблему населения РФ выдвигают масштабы, сложность ее решения и отсутствие научной проработки. Без решения этой задачи не может быть осуществлено модернизационное развитие России как системный, научно обоснованный, последовательный, взаимосвязанный комплекс мер, охватывающий все сферы жизнедеятельности общества с целью перевода его в новое качественное состояние, соответствующее современным условиям и требованиям, предъявляемым к человеку, обществу, стране, государству и позволяющим обеспечить конкурентоспособность человеческого капитала.

Сбалансированным сочетанием человеческого и финансового капитала сегодня обеспечивается глобальная конкуренция. Но количество и качество человеческого капитала напрямую зависит от условий существования человека, его деятельности и развития, то есть от качества жизни человека[1].

Функцию дома для каждого человека выполняет жилое помещение. Это место, где живут люди, объединенные условиями существования, сохранения здоровья, общими интересами, узами семьи, определенным материальным благосостоянием, социальным положением, условиями подготовки к трудовой деятельности и восстановления после нее, условиями развития личности, достижения счастья как нравственного или социально-этического идеала.

От полноценности этой функции во многом зависит качество жизни каждого человека и его возможности при поддержке «социального государства» формировать и увеличивать человеческий капитал, который, по сути, и является производителем всех экономических процессов и процессов государственного управления. К. Маркс в своих размышлениях о «природе и сущности человека», представлял то, что мы сейчас называем «человеческим капиталом» как основу всей человеческой деятельности, человеческих и общественных отношений[2].

Вместе с тем, с жилищной средой и ее условиями напрямую связан один из трех основных субъектов экономической деятельности – домашнее хозяйство (домохозяйство), которое охватывает экономические объекты и процессы, происходящие там, где постоянно живет человек и его семья[3]. Единичные домохозяйства в РФ, образованные одиночками, отдельными или несколькими семьями, насчитывают 139 млн. человек, что составляет 94% всего населения страны. Их значение как субъектов экономической деятельности в первую очередь определяется тем, что они являются потребителями 2/3 всех товаров и услуг, производимых на коммерческих и государственных предприятиях, поставщиками ресурсов, обеспечивающими важнейшие условия производства экономических благ. Одной из самых важных для государства и экономики функций домохозяйств является пополнение доходной части государственного бюджета на всех его уровнях за счет прямых налогов и других видов обязательных платежей, косвенных бюджетных поступлений.

Состояние ресурсов экономики страны характеризует соотношение располагаемых денежных доходов домохозяйств и валового внутреннего продукта. Среднедушевой располагаемый денежный доход в странах Европейского союза составляет от 40 до 80% от среднедушевого значения ВВП. Уровни располагаемого денежного дохода более низкие по сравнению с первичными доходами и уровнем ВВП указывают на неадекватную роль государства в их перераспределении, приводящему к снижению благополучия населения, что и происходит в российском государстве. Следовательно, уровень располагаемых денежных доходов домохозяйств является приоритетным ресурсом развития всей экономики, в том числе и жилищной индустрии.

Жилье для подавляющего большинства населения России является единственным ценным имуществом, стоимость которого определяется площадью помещений, наличием коммунальных удобств и уровнем комфортности. Более 40% населения России живет в жилье, не отвечающем минимальным требованиям благоустройства и комфортности. Четверть населения не имеет собственного отдельного жилья. Износ основных фондов жилищного сектора по

[1] Ложко В.В. Современные подходы к формированию качества жизни населения и человеческого капитала в национальной и региональной экономике // Проблемы современной экономики. 2010. – № 4. – С. 257.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 89–90.

[3] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 111.

оценкам специалистов составляет от 60 до 90%. Из-за износа коммуникаций теряется около 70% тепла, 30 – воды, 18% электроэнергии[1].

В последние годы (по данным Минрегионразвития РФ) более 4,5 млн. семей было зарегистрировано в очереди на получение жилья. Около 3,2 млн. семей за последние годы (почти 7% населения страны) приняты органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Время ожидания получения жилья составляет 15–20 лет. В настоящее время не удовлетворены своими жилищными условиями (по данным социологических опросов) более 65% семей страны, а каждая четвертая семья проживает в жилье, находящемся в плохом или очень плохом состоянии[2].

Фактически улучшить свои жилищные условия при существующем уровне доходов и цен на жилье могут не более 12% населения страны, а купить недвижимость в настоящее время способны лишь около 2% граждан. Ипотечное кредитование пока еще не стало для широких слоев населения доступным механизмом приобретения жилья. По оценкам специалистов, оно может помочь в приобретении жилья только 12% населения, которое относится к наиболее обеспеченной части формирующегося среднего класса.

Жилищный фонд в Российской Федерации составляет 2,8 млрд. кв. м общей площади, в том числе в городских поселениях 2 млрд. кв. м (72% общей площади), в сельской местности более 0,8 млрд. кв. м (28% общей площади). В частной собственности находится более 82% жилищного фонда, 79% его приватизировано и перешло в частную собственность граждан. Уровень благоустройства жилищного фонда в целом по стране и в отдельных ее регионах является неприемлемым для нормальной жизни населения. В среднем по России доля комплексно благоустроенного жилья, оборудованного одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами, составляет около 60%.

Наиболее низкие уровни оборудования жилищного фонда всеми видами благоустройства существуют в Республике Алтай – 11,5%, Республике Калмыкия – 22,0, Республике Дагестан – 24,8, Республике Бурятия – 32,4, Курганской области – 36,2, Республике Тыва – 37,5, Забайкальском крае – 39,5, Новгородской области – 43,0, Архангельской области – 49,4%. В настоящее время жилищный фонд, отнесенный к ветхому и аварийному жилью, увеличился по сравнению с 2000 г. более чем в 1,5 раза. Состояние жилого фонда становится одной из ключевых социальных проблем. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, составляет по Российской Федерации порядка 22,0 кв. метров. По сравнению с 2000 г. она выросла на 15% и близка к целевому индикатору реализации Национального проекта (22,5 кв. метров), который должен был быть достигнут к 2010 году. Следует особо отметить, что рост этого показателя вызван не только объемами ввода жилья, но и значительным сокращением численности населения по сравнению с 2000 годом. Самая низкая общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, отмечается в Чеченской Республике – 6,2 кв. метра на человека, а самая высокая – в Чукотском автономном округе – 30,8 кв. метра. В странах ЕС этот показатель в несколько раз выше среднего по Российской Федерации. Так, например, во Франции он составляет 43 кв. м, а в Норвегии 74 кв. м. Строительная активность на рынке жилья характеризуется показателем отношения годового объема ввода жилья к общей площади жилищного фонда. Национальным проектом «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» к 2010 г. предусматривалось довести значение показателя в среднем по Российской Федерации до 2,5%.

Годовой объем ввода жилья в Российской Федерации составляет 2,1% от общей площади жилищного фонда. В регионах этот показатель варьировал от 0,1 до 7,0%. Наибольшее его значение – свыше 2,5% – отмечалось в Республике Татарстан, Чувашской Республике, Краснодарском крае, Белгородской, Калининградской, Калужской, Московской, Тюменской областях, Санкт-Петербурге, Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

В общем вводе жилья более 40% приходится на индивидуальное жилищное строительство. Малоэтажные жилые дома, построенные из местных строительных материалов, оказались наиболее доступными для большинства населения. По оценке экспертов, стоимость их строительства для индивидуального застройщика, как правило, на 50% ниже цены квартиры в многоквартирных домах. В некоторых регионах она еще ниже. По данным выборочного обследования домашних хозяйств, до 67% граждан, имеющих намерение улучшить жилищные условия, хотели бы купить жилье, либо обменять имеющееся, либо построить новый дом.

Основным показателем, характеризующим доступность жилья, является коэффициент доступности (соотношение средней рыночной стоимости стандартной квартиры общей площадью 54 кв. метра и среднего годового совокупного денежного дохода семьи, состоящей из 3-х человек). Его значение в программе «Жилище» было установлено равным 3,1. Еще в 2008 г. этот коэффициент составил 5,2, что свидетельствует о недоступности покупки жилья для большинства населения. По субъектам Российской Федерации коэффициент доступности жилья варьирует от 2,0 в Ямало-Ненецком автономном округе до 7,6 в республиках Марий Эл, Мордовия, Тыва, Калужской, Тверской, Нижегородской областях, Санкт-Петербурге. Наиболее важным фактором, снижающим уровень доступности жилья, является постоянный рост цен на жилье на первичном и вторичном рынке.

Динамика роста цен на жилье такова, что с 2005 года они выросли более чем в пять раз, при этом рост заработной платы запаздывает в разы. Нетрудно рассчитать возможности покупки жилья для среднестатистического россиянина. Заниженный уровень заработной платы населения таков, что если всю заработную плату (при остановленных инфляции и росте цен на жилье, что невозможно) накапливать для покупки, то купить стандартную квартиру общей

[1] Реформа ЖКХ: намерения государства минус возможности населения // Человек и труд. – М., 2005. – № 7. – С. 20–35.

[2] Информационные материалы «О ходе реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Минрегионразвития РФ. 2005.

площадью 54 кв. метра при уровне средней заработной платы 2005 г. можно лишь через 138 лет, а при уровне 2008 г. – через 174 года. Таким образом, недоступность приобретения жилья для подавляющего большинства населения очевидна.

Крайне высокими являются затраты инвесторов на строительство, обусловленные забюрократизированным и дорогостоящим процессом оформления земли под строительство и проведение коммуникаций. При этом инвестиционно-строительные компании явно не обижают себя прибылью, которая значительно выше зарубежных норм. То же происходит в связанном со строительством и покупкой жилья банковском секторе, который, игнорируя задачи социального государства, преследует лишь иррациональную цель – бесконечное накопление капитала. Это показывает, насколько реальная экономика подавлена погоней за ростом богатства (по Аристотелю – «хрематистикой») конкретных структур бизнеса и его отдельных представителей. Поэтому в ультра либеральной рыночной экономике полностью игнорируется и «закон тенденции нормы прибыли к понижению», открытый К.Марксом, в котором показано, что «постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом постепенное понижение общей нормы прибыли»[1]. Все это происходит при фактически нищенском уровне жизни большинства населения, который в разы ниже рекомендуемых европейских и международных стандартов. Отсутствие реальных возможностей у населения обеспечить свои потребности в комфортных условиях проживания препятствует полноценному и гармоничному развитию личности, формированию человеческого капитала, простому воспроизводству населения, снижает демографическую и экономическую активность населения, его качество жизни, обостряет социальную напряженность в обществе, что в итоге приводит к замедлению экономического развития страны. Масштабы и тяжесть жилищной проблемы в Российской Федерации требуют разработки и реализации научно обоснованной жилищно-строительной политики в регионах России при соответствующей координации и эффективном государственном управлении из федерального центра и в субъектах РФ.

По нашим данным и результатам современных исследований[2] становится очевидным, что действующая государственная стратегия развития жилищного строительства не позволяет решить жилищную проблему в РФ по ряду причин:

– отсутствует научно обоснованная региональная жилищно-строительная политика и соответствующая ей модель и система государственного управления;

– в стране недостаточно финансовых средств и производственных мощностей для обеспечения существующей потребности в жилье и создания необходимого (по количеству и качеству) жилого фонда;

– доля жилья, не отвечающего современным стандартам, через 25 лет будет составлять в общем фонде порядка 30%;

– показатели обеспеченности населения жильем могут увеличиться лишь на 50% (необходим рост в разы);

– сохранится отставание от европейских норм на 60–70 лет.

Наличие у людей хороших жилищных условий является залогом сохранения физического существования и нормальной жизнедеятельности человека, отражается на степени полноценности, всесторонности и гармоничности формирования его как личности, реализует хозяйственные и духовные потребности, воздействует на экономическую активность населения, социальный климат и уровень социальной напряженности в обществе, и ряд других важнейших социально-экономических характеристик уровня и качества населения страны, степени развитости ее человеческого капитала. Поэтому необходимой составляющей процесса социально-экономического развития становится эффективная региональная жилищно-строительная политика (РЖСП), обеспечивающая решение сложнейшей социально-экономической проблемы.

Мы предлагаем современную формулу региональной жилищно-строительной политики[3]. РЖСП следует понимать и формировать как системную деятельность региональных органов государственной власти и государственного управления, бизнес-сообщества и населения, представляющую собой совокупность мер и действий нормативного, планового, управленческого, научно-инновационного, институционального, инвестиционного, производственного, информационного, правоприменительного и правоохранного характера, направленных на создание оптимальной системы расселения людей на территории региона, позволяющих формировать и поддерживать необходимый уровень главного ресурса экономики региона – человеческого капитала, обеспечивающего существование, функционирование и развитие социальной инфраструктуры и территориально-производственного каркаса экономики региона как экономического базиса, главной целью которого является обеспечение достойного качества жизни населения.

Следовательно, в основу государственной политики по решению жилищной проблемы должны быть положены следующие основополагающие принципы:

– системная научная разработка всех направлений жилищно-строительной политики в регионах России;

– создание системы обоснованных мер и условий для развития жилищного строительства;

– создание современной индустриальной основы жилищного строительства;

---

[1] Маркс К. Капитал: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. – М.: Госполитиздат. – 1955. – Т. 25, ч. 1. – С. 276.

[2] Жук В.А. Региональная жилищно-строительная политика в стратегии развития крупного города. – СПб.: НПК «РОСТ», 2012. – С. 119.

[3] Черкасов П.С., Ложко В.В. Региональная жилищно-строительная политика как необходимое условие обеспечения существования человеческого капитала // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект: материалы VI Международной науч. –практ. конф., 14–16 апреля 2016 г. / Под общ. ред. проф. В.Л. Василенка. Т. 1. – СПб.:НИУ ИТМО, 2016. – С. 288.

– полноценная комплексная поддержка домашних хозяйств как важнейшего субъекта экономической деятельности и потребителя жилищно-строительной отрасли;

– создание необходимых условий, позволяющих удовлетворять потребность в жилье экономически активной части населения страны;

– оказание эффективных мер государственной поддержки категориям граждан, которые в силу объективных причин не могут решить жилищную проблему самостоятельно.

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 11

Часть 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Подписано к печати 15/XII – 2016 г. Формат 60×84/16
Усл. печ.л. 101,5 Уч.-изд.л. 93,0

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru